

[1962]

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ЖИЗНЬ ЖИВОТНЫХ“

А. Э. БРЭМА

588

СО МНОЖЕСТВОМ ПОЛИТИПАЖЕЙ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯМИ

ВЪ ДЕСЯТИ ТОМАХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ 3-го НѢМЕЦКАГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ МАГИСТРА ЗООЛОГИ К. К. СЕНТЬ-ИЛЕРА,

СЪ УЧАСТІЕМЪ ПРОФЕССОРА Д. Н. КАЙГОРОВОГА.

4860

Томъ IV.

П Т И Ц Ы.

Воробьиныя. — Дятловыя. — Колибри. — Стрижи. — Мышанки.

Цѣна за томъ 6 руб.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА“ П К^О.
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, 89.

1893.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 Сентября 1893 г.

2011136644

ПРЕДИСЛОВІЕ

КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ IV ТОМА ИЛЛЮСТРИРОВАННОЙ ЖИЗНИ ЖИВОТНЫХЪ

А. Э. Брэма.

Переводъ IV-го, V-го и VI-го томовъ новаго изданія «Иллюстрированной Жизни Животныхъ А. Брэма» представилъ гораздо больше трудностей, чѣмъ переводъ первыхъ трехъ томовъ, въ которыхъ описываются млекопитающія. Редакторъ новаго нѣмецкаго изданія, профессоръ Пехуэль-Лёше, при описаніи птицъ расположилъ матеріаль по новой системѣ Фюрбрингера, которая въ значительной степени отличается отъ общепринятой классификаціи птицъ, такъ что пришлось придумывать много новыхъ русскихъ терминовъ для обозначенія отрядовъ и семействъ. Русскихъ сочиненій по зоологіи, въ которыхъ птицы были бы расположены по выше названной классификаціи, и гдѣ рядомъ съ латинскими терминами встрѣчались бы и русскіе, пока еще нѣтъ. Хотя мы совѣтовались со многими свѣдущими людьми и по возможности старались пользоваться общепринятыми терминами, но безъ новыхъ названій обойтись было невозможно. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что нѣмецкій редакторъ новаго изданія совершенно напрасно ввелъ классификацію Фюрбрингера въ извѣстное уже публикѣ сочиненіе Брэма. Классификація эта основана на анатомическихъ признакахъ и имѣетъ большой интересъ для занимающихся научно зоологіей, но «Иллюстрированная Жизнь Животныхъ» Брэма есть по преимуществу сочиненіе популярное, назначенное для лицъ, свѣдѣнія которыхъ по зоологіи ограничиваются элементарнымъ курсомъ. Поэтому было бы гораздо цѣлесообразнѣе сохранить общепринятые группы птицъ, которыя уже болѣе или менѣе знакомы читателямъ: слѣдовало-бы помнитъ, что главная цѣль Брэма состояла въ томъ, чтобы познакомить читателей съ жизнью птицъ, а не съ ихъ классификаціей. Само собою разумѣется, что передѣлка русскаго изданія по иной, можетъ быть и болѣе удобной классификаціи, была бы дѣломъ слишкомъ труднымъ и едва-ли даже возможнымъ, такъ какъ многія общія статьи пришлось бы совсѣмъ передѣлать. Кромѣ того нужно сказать, что редакція IV-го, V-го и VI-го томовъ

нѣмецкаго подлинника не лишена и другихъ недостатковъ, напримѣръ, редакторъ почти всегда довольствуется тѣмъ, что въ статьяхъ объ общихъ признакахъ всѣхъ птицъ вообще и отдѣльныхъ отрядовъ, приводитъ одни нѣмецкія названія группъ и родовъ, безъ латинскихъ, и очень часто названія эти въ самомъ текстѣ вовсе не встрѣчаются, такъ что русскому переводчику приходится справляться въ разныхъ другихъ специальныхъ сочиненіяхъ, чтобы отыскать значеніе этихъ терминовъ. Затѣмъ классификація въ оглавленіи не всегда согласована съ системою, принятою въ текстѣ. Все это значительно затрудняло переводъ этихъ томовъ на русскій языкъ.

Считаю долгомъ отнестись съ глубою благодарностью къ профессору Дмитрію Никифоровичу **Кайгородову**, который взялъ на себя нелегкій трудъ сообщить всѣ русскія названія нашихъ отечественныхъ птицъ и вообще пересмотрѣть всю русскую терминологию семействъ, родовъ и видовъ; однако во многихъ случаяхъ новыя названія отрядовъ и семействъ мы должны взять на свою отвѣтственность. Въ послѣдующихъ томахъ мы воспользуемся и русскими названіями, помѣщенными во вновь издаваемомъ сочиненіи о птицахъ проф. Мензбира. Для французской терминологіи мы больше всего пользовались классическимъ сочиненіемъ «Règne animal» Кювье и нѣкоторыми другими новѣйшими сочиненіями.

Сентябрь
1893.

К. Сентъ-Илеръ.

Оглавление IV-го тома.

Иллюстрированной Жизни Животныхъ А. Э. Брэма.

Общій взглядъ на жизнь птицъ.....	1	
Отрядъ I: Древесныя птицы. Coracornithes.....		
Воробьиныя птицы. (Picopasseriformes).		
	Стр.	Стр.
I-е Сем. Пѣвчія птицы. Sylviidae.....	46	6-й родъ. Настоящіе дрозды. Turdus. 89
Дроздовыя. Turdinae.....	47	Деряба. T. viscivorus..... 90
1-ый родъ. Соловьи. Erithacus.....	48	Пѣвчій дроздь T. musicus..... 90
Западный соловей E. lusciniа... 48		Орѣховикъ. T. iliacus..... 90
Восточный соловей E. philomela. 48		Рябинникъ. T. pilaris..... 91
Равноголосый соловей E. hybrida. 48		Дроздь бѣлозобый. T. torquatus.. 92
Степной соловей. E. Goltzii..... 48		Дроздь альпійскій. T. alpestris.. 93
Персидскій соловей. E. Hafizii . 48		Дроздь черный. T. merula..... 93
Краснозвѣзда варакушка. E. sue-	55	Дроздь чернозобый. T. atrigularis 95
cisus.....		Дроздь ржавокрылый. T. dubius.. 95
Бѣлозвѣдая варакушка. E. su-	56	Дроздь Наумана. T. naumanni . 95
pesculus.....		Дроздь камчатскій. T. rubicollis. 95
Соловей красношейка. E. calliope. 58		Дроздь темный. T. obscurus... 95
Малиновка. E. rubeculus..... 61		Дроздь вестрый. T. varius..... 95
Домовая горихвостка. E. tithis.. 64		Дроздь сибирскій. T. sibiricus... 95
Горная горихвостка. E. cairii . 65		Дроздь странствующій. T. migra-
Садовая горихвостка. E. phoeni-	68	torius..... 95
cirus.....		Дроздь Палласа. T. pallasii . 95
2-ой родъ. Чекканки. Pratincola.....	69	Дроздь Свайнсона. T. svainsoni . 95
Чекканчикъ луговой. P. rubetra. 69		Горный дроздь. T. dauma..... 95
Чекканчикъ чернохвостый. P. ru-	70	Мягкоперый дроздь. T. mollissimus. 95
bicolor.....		Славковья. Silviinae..... 102
3-ій родъ. Каменки. Saxicola.....	72	7-ой родъ. Завирушки. Accentor... 103
Каменка бѣлохвостая. S. leucura. 72		Завирушка лѣсная. A. modularis. 103
Попугчикъ. S. oenanthe..... 74		Завирушка горная. A. montanellus 104
Каменка ушастая S. rufescens . 75		Завирушка альпійская. A. collaris. 106
Каменка черногорлая. S. stanzina. 75		8-ой родъ. Славки. Sylvia..... 108
Каменка плясунья. S. isabellina. 75		Пестрогрудка. S. nisoria..... 108
Плешанка. S. leucomela..... 75		Славка пѣвчая. S. orphaca..... 110
4-ый родъ. Олянки. Cinclus.....	77	Черноголовка. S. atricapilla . 112
Олянка. C. merula..... 78		Славка садовая. S. hortensis. . 114
Альпійская олянка. C. albicollis. 78		Мельничекъ. S. curruca..... 116
Олянка чернобрюхая. C. septen-	78	Говорунчикъ. S. rufa..... 118
trionalis.....		Очковья славка. S. conspicillata . 120
5-ый родъ. Каменные дрозды. Monti-	84	Бѣлобородая славка. S. subalpina. 122
cola.....		Длинноногая славка. S. ruppellii. 123
Каменный дроздь. M. saxatilis.. 84		Бѣлобрюхая славка. S. melanoce-
Синій дроздь. M. cyanus..... 87		phala..... 124

	Стр.		Стр.
Сардинская славка. <i>S. sarda</i>	126	3-й родъ. Крапивники. <i>Troglodytes</i>	170
Провансальская славка. <i>S. provincialis</i>	127	Крапивникъ подкоренникъ. <i>T. parvulus</i>	170
Рыжехвостая славка. <i>S. galactodes</i>	129	Полярный крапивникъ. <i>T. borealis</i>	171
Восточная славка. <i>S. familiaris</i>	129	4-ый родъ. Цистикола. <i>Cisticola</i>	174
9-ый родъ. Камышевки. <i>Acrocephalus</i>	131	Цистикола бѣгающая. <i>C. cursitans</i>	174
Дроздовидная камышевка. <i>A. arundinaceus</i>	132	5-ый родъ. Портняхи. <i>Orthotomus</i>	177
Прудовая камышевка. <i>A. streperus</i>	134	Портняха длиннохвостая. <i>O. benetii</i>	177
Болотная камышевка. <i>A. palustris</i>	135	6-ой родъ. Мягкохвостки. <i>Stipiturus</i>	179
Камышевка-пересмѣшка. <i>A. dumetorum</i>	136	Мягкохвостка австралийская. <i>S. malachurus</i>	179
Карликовая камышевка. <i>A. salicarius</i>	136	7-ой родъ. Настоящія тималии. <i>Timelia</i>	181
Береговая камышевка. <i>A. schoenobaenus</i>	138	Тималия бурая. <i>T. pileata</i>	181
Водяная камышевка. <i>A. aquaticus</i>	141	8-ой родъ. Китайскіе соловьи. <i>Liothrix</i>	182
10-ый родъ. Сверчковыя камышевки. <i>Locustella</i>	142	Желтый китайскій соловей. <i>L. luteus</i>	182
Полевой сверчокъ. <i>L. naevia</i>	142	9-ый родъ. Абиссинскіе дрозды. <i>Crateropus</i>	183
Кузнечикъ. <i>L. lanceolata</i>	142	Бѣлолицый абиссинскій дроздъ. <i>C. leucorhynchus</i>	183
Кобылочка. <i>L. certhiola</i>	142	Птица-гошка. <i>C. carolinensis</i>	185
Рѣчной сверчокъ. <i>L. fluviatilis</i>	146	10-ый родъ. Молотильщики. <i>Pomatorhinus</i>	187
Тростниковый сверчокъ. <i>L. luscinioides</i>	148	Молотильщикъ. <i>P. rufus</i>	187
11-ый родъ. Соловейчики. <i>Luscinola</i>	149	III-е Сем. Синицы. Paridae	188
Широкохвостая камышевка. <i>L. melanorhynchus</i>	149	1-ый родъ. Лѣсныя синицы. <i>Parus</i>	189
12-ый родъ. Трещинныя камышевки. <i>Bradypterus</i>	150	Большая синица. <i>P. major</i>	189
Шелковистая камышевка. <i>B. cettii</i>	150	Лазоревка. <i>P. coerulescens</i>	192
13-ый родъ. Садовыя пѣночки. <i>Hyolais</i>	151	Князекъ. <i>P. cyanus</i>	192
Пѣночка пересмѣшка. <i>H. philomela</i>	151	Московка. <i>P. ater</i>	194
Многоголосная пѣночка. <i>H. polyglotta</i>	151	Сѣрая синица. <i>P. fruticeti</i>	195
Сѣрая пѣночка. <i>H. opaca</i>	154	Болотная синица. <i>P. palustris</i>	195
Блѣдная пѣночка. <i>H. pallida</i>	154	Горная синица. <i>P. palustris alpestris</i>	196
Пѣночка бормотунка. <i>H. caligata</i>	154	Гренадерка. <i>P. cristatus</i>	197
Оливковая пѣночка. <i>H. olivatorum</i>	154	2-ой родъ. Длиннохвостыя синицы. <i>Acridula</i>	198
14-ый родъ. Настоящія пѣночки. <i>Phylloscopus</i>	155	Аполлоновка. <i>A. caudata</i>	198
Трещетка. <i>Ph. sibilator</i>	156	Розовая аполлоновка. <i>A. rosea</i>	198
Пѣночка обыкновенная. <i>Ph. trochilus</i>	156	Испанская аполлоновка. <i>A. irbij</i>	198
Пѣночка тѣньковка. <i>Ph. rufa</i>	156	Чернозобая аполлоновка. <i>A. tephronota</i>	199
Таловка. <i>Ph. tristis</i>	157	3-ий родъ. Бородатки. <i>Panurus</i>	201
Горная пѣночка. <i>Ph. bonellii</i>	157	Бородатка. <i>P. biarmicus</i>	201
Индійская пѣночка. <i>Ph. magnirostris</i>	157	4-ый родъ. Ремезы. <i>Aegithalus</i>	202
Зарничка. <i>Ph. superciliosus</i>	160	Ремезъ. <i>A. pendulinus</i>	202
15-ый родъ. Королевки. <i>Regulus</i>	162	IV-ое Сем. Древолазы. Certhiidae	205
Желтоголовый королевекъ. <i>R. cristatus</i>	162	1-ый родъ. Поползны. <i>Sittinae</i>	205
Красноголовый королевекъ. <i>R. ignicapillus</i>	163	Сѣверный поползень. <i>S. caesia</i>	206
II-ое Сем. Тималии. Timeliidae	166	Поползень-ямщикъ. <i>S. europaea</i>	207
1-ый родъ. Дрозды пересмѣшники. <i>Mimus</i>	166	Волчекъ. <i>S. sibirica</i>	207
Дроздъ пересмѣшникъ. <i>M. polyglotta</i>	166	Каменный поползень. <i>S. neumayeri</i>	211
2-ой родъ. Флажолетовыя пѣвцы. <i>Cypselorhinus</i>	170	2-ой родъ. Пищухи. <i>Certhia</i>	213
Флажолетовый пѣвецъ. <i>C. musicus</i>	170	Пищуха-сверчокъ. <i>C. familiaris</i>	213
		3-ий родъ. Стѣнолазы. <i>Tichodroma</i>	215
		Краснокрылый стѣнолазъ. <i>T. tataria</i>	215
		V-ое Сем. Сахарныя птицы. Dacnidae	221
		1-й родъ. Сан. <i>Arbelorhina</i>	221
		Санъ. <i>A. cyanea</i>	221
		2-й родъ. Питигиты. <i>Dacnis</i>	222

	Стр.		Стр.
Питиить ямайский. <i>D. flaveola</i>	222	Луговой конекъ. <i>A. pratensis</i>	270
VI-ое Сем. Нектарницы. Nectariniidae.	224	Красногрудый конекъ. <i>A. cervi-</i>	270
1-й родъ. Нектарницы. <i>Nectarinia</i>	224	<i>nus</i>	270
Нектарница блестящая. <i>N. met-</i>		Лѣсной конекъ. <i>A. trivialis</i>	272
<i>tallica</i>	225	Водяной конекъ. <i>A. spiroleta</i>	273
VII-ое Сем. Медоѣды. Melliphagidae.	227	Щеврица береговая. <i>A. obscurus</i>	273
1-й родъ. Поэ. <i>Prothemadega</i>	228	Щеврица бурая. <i>A. ludovicianus</i>	274
Новозеландская поэ. <i>P. novae see-</i>		Степной конекъ. <i>A. campestris</i>	276
<i>landiae</i>	228	Шпорцевый конекъ. <i>A. richardii</i>	278
2-й родъ. Листовки. <i>Phyllornis</i>	231	Американскіе пѣвуньи.	
Золотоглабая листовка. <i>Ph. aurig-</i>		<i>Sylvicolinae</i>	279
<i>rons</i>	231	5-ый родъ. Зеленые пѣвуньи. <i>Sylvicola</i>	279
VIII-ое Сем. Коротконогіе дрозды. Brachyrodidae.	232	Зеленый пѣвунъ. <i>S. virens</i>	279
1-й родъ. Бюль-бюли. <i>Rusponotus</i>	232	Тангары. <i>Thraupinae</i>	281
Бюль-бюль темный. <i>P. nigricans</i>	232	6-ой родъ Тангары <i>Thraupis</i>	282
Бюль-бюль сѣрый. <i>P. arsinoides</i>	232	Красная тангара. <i>Th. rubra</i>	282
IX-ое Сем. Жаворонки. Alaudidae.	234	Сѣдобная тангара. <i>Th. aestiva</i>	282
1-й родъ. Настоящіе жаворонки.		7-ой родъ. Органисты. <i>Euphonia</i>	284
<i>Alauda</i>	235	Фиолетовый органистъ. <i>E. violacea</i>	284
Полевой жаворонокъ. <i>A. arvensis</i>	236	XI-ое Сем. Настоящіе вьюрки. Fringilinae	287
Короткопалый жаворонокъ. <i>A. brachydactyla</i>	239	1-ый родъ. Воробьи. <i>Passer</i>	287
Калаандра. <i>A. calandra</i>	240	Домашній воробей. <i>P. domesticus</i>	287
Степной жаворонокъ. <i>A. bimaculata</i>	241	Итальянскій воробей. <i>P. italiae</i>	290
Бѣлокрылый жаворонокъ. <i>A. sibirica</i>	243	Испанскій воробей. <i>P. hispaniolensis</i>	293
Черный жаворонокъ. <i>A. yeltoniensis</i>	244	Красноголовый воробей. <i>P. montanus</i>	297
2-й родъ. Ушастые жаворонки. <i>Otocorys</i>	246	Каменный воробей. <i>P. petronius</i>	297
Рюмъ. <i>O. alpestris</i>	246	Общественный воробей. <i>P. socius</i>	300
3-й родъ. Хохлатые жаворонки. <i>Galerita</i>	248	2-ой родъ. Дубоносы. <i>Coccothraustes</i>	302
Хохлатый жаворонокъ. <i>G. cristata</i>	248	Обыкновенный дубоносъ. <i>C. vulgaris</i>	302
Лавровый жаворонокъ. <i>G. theclae</i>	250	3-й родъ. Зяблики. <i>Fringilla</i>	305
Лѣсной жаворонокъ. <i>G. arborea</i>	251	Обыкновенный зябликъ. <i>F. coelebs</i>	305
4-й родъ. Пустынные жаворонки. <i>Ammomanes</i>	253	Африканскій зябликъ. <i>F. spodiogenia</i>	306
Африканскій жаворонокъ. <i>A. deserti</i>	254	Сарка. <i>F. montifringilla</i>	309
Песчаный жаворонокъ. <i>A. cinctura</i>	254	Горный зябликъ. <i>F. nivalis</i>	312
5-й родъ. Длинноногіе жаворонки. <i>Alaemon</i>	255	4-ый родъ. Подорожниковые вьюрки. <i>Zonotrichia</i>	315
Дугоклювый жаворонокъ. <i>A. durontii</i>	256	Бѣлогорлый воробей. <i>Z. albicollis</i>	315
Сахарскій жаворонокъ. <i>A. desertorum</i>	256	Снѣжный вьюрокъ. <i>Z. hiemalis</i>	317
X-ое Сем. Лѣсные пѣвцы. Sylvicolidae.	257	Снигиревыя. <i>Pyrhulinae</i>	318
Трясогузки. <i>Motacillinae</i>	257	5-ый родъ. Зеленушки. <i>Chloris</i>	318
1-й родъ Трясогузки. <i>Motacilla</i>	257	Лѣсная канарейка. <i>Ch. hortensis</i>	318
Бѣлая трясогузка. <i>M. alba</i>	258	6-ой родъ. Конопляники. <i>Acanthis</i>	320
Черная трясогузка. <i>M. lugubris</i>	258	Обыкновенная коноплянка. <i>A. sarnabina</i>	320
Горная трясогузка. <i>M. melanope</i>	261	Желтоносъ. <i>A. flavirostris</i>	321
2-й родъ. Плиски. <i>Budytes</i>	263	Чечетка. <i>A. linotta</i>	323
Желтая плиска. <i>B. flavus</i>	263	Большая чечетка. <i>A. linotta holboellii</i>	324
Черноголовая плиска. <i>B. melanocephalus</i>	264	Красная чечетка. <i>A. rufescens</i>	325
Полевая плиска. <i>B. campestris</i>	264	7-ой родъ. Чижики. <i>Chrysomitris</i>	327
Сѣверная плиска. <i>B. borealis</i>	264	Обыкновенный чижики. <i>Ch. spinus</i>	327
Желтоголовая плиска. <i>B. citreolus</i>	266	Лимонный чижики. <i>Ch. citrinella</i>	329
3-й родъ. Ласточковыя плиски. <i>Enicurus</i>	267	8-ой родъ. Щеглыта. <i>Carduelis</i>	331
Менинтингъ. <i>E. leschenaultii</i>	267	Щегленокъ. <i>C. elegans</i>	331
4-ый родъ. Щеврицы или Коныки. <i>Anthus</i>	269	9-ый родъ. Желтые снгири. <i>Seginus</i>	333
		Желтозобникъ. <i>S. hortulanus</i>	333
		Снигирь-малютка. <i>S. pusillus</i>	335
		Дикая канарейка. <i>S. canarius</i>	338
		10-ый родъ. Красные снгири. <i>Pinicola</i>	342

	Стр.		Стр
Красный снигирь. <i>P. erythrinus</i> ..	342	Амаранта. <i>H. minima</i>	396
Щуръ. <i>P. enucleator</i>	344	6-ой родъ. Амадины <i>Spermestes</i>	397
11-ый родъ. Длиннохвостые снигири. <i>Uragus</i>	347	Полосатая амадина <i>S fasciata</i> ..	397
Сибирскій снигирь. <i>U. sibiricus</i> ..	347	Рисовка. <i>S. oryzivora</i>	399
12-ый родъ. Настоящие снигири. <i>Pyrhthula</i>	348	XIII-ое Сем. Трупиалы. Icteridae	401
Обыкновенный снигирь. <i>P. eurorea</i>	348	1-ый родъ. Трупиалы. <i>Icterus</i>	401
Снигирь жуланъ. <i>P. rubicilla</i>	348	Балтморскій трупиаль. <i>I. galbula</i> ..	401
Пустынный снигирь. <i>P. githaginea</i> ..	351	2-ой родъ. Желтушники. <i>Agelaius</i> ..	403
13-ый родъ. Клесты. <i>Loxia</i>	354	Рисовый желтушникъ. <i>A. oryzivorus</i>	403
Сосновикъ. <i>L. pityopsittacus</i>	355	Коровыи желтушники. <i>A. pecoris</i> ..	405
Еловикъ. <i>L. curvirostra</i>	355	Красноплечій желтушникъ. <i>A. phoeniceus</i>	407
Краснопоясной клестъ. <i>L. rubrifasciata</i>	356	3-ий родъ. Кассики. <i>Cassicus</i>	409
Бѣлоноспой клестъ. <i>L. bifasciata</i> ..	356	Шалу. <i>C. cristatus</i>	410
14-ый родъ. Кардиналы. <i>Coccyborus</i> ..	361	4-ый родъ Халкофаны. <i>Chalcophanes</i> ..	413
Красногрудый кардиналь. <i>C. ludovicianus</i>	362	Пурпуровый халкофанъ. <i>Ch. quiscalus</i>	413
Виргинскій кардиналь. <i>C. virginianus</i>	364	XIV-ое Сем. Скворцы. Sturnidae	415
Подорожники. <i>Emberizinae</i>	367	1-ый родъ. Настоящие скворцы <i>Sturnus</i>	415
15-ый родъ. Настоящие подорожники. <i>Calcarius</i>	367	Скворецъ обыкновенный. <i>St vulgaris</i>	415
Лапландскій подорожникъ. <i>C. lapponicus</i>	367	Черный скворецъ. <i>St. unicolor</i>	416
Пуночка. <i>C. nivalis</i>	369	2-ой родъ. Розовые скворцы. <i>Pastor</i> ..	420
16-ый родъ. Овсянки. <i>Emberiza</i>	371	Розовый скворецъ. <i>P. roseus</i>	420
Тростниковая овсянка. <i>E. schoeniclus</i>	371	3-ий родъ. Волоклюи <i>Vulpaga</i>	424
Снигиревидная овсянка. <i>E. palustris</i>	371	Волоклюй африканскій. <i>V. erythrorhyncha</i>	424
Малая овсянка. <i>E. pusilla</i>	373	4-ый родъ. Блестящие скворцы. <i>Lamprotornis</i>	427
Лѣсная овсянка. <i>E. rustica</i>	373	Бронзовый скворецъ <i>L. aeneus</i>	427
Просянка. <i>E. calandra</i>	375	Стальной скворецъ. <i>L. chalybeus</i> ..	428
Обыкновенная овсянка. <i>E. citrinella</i>	377	Великоклювйи скворецъ. <i>L. superbus</i>	430
Огородная овсянка. <i>E. cirrus</i>	378	Мѣднобрюхій скворецъ <i>L. chryso-gaster</i>	431
Ортоланъ. <i>E. hortulana</i>	379	Бѣлобрюхій скворецъ. <i>L. leucogaster</i>	431
Сѣроголовая овсянка. <i>E. caesia</i>	380	5-ый родъ. Мейны. <i>Eulabes</i>	432
Дурачекъ. <i>E. cia</i>	381	Шѣвчя мейна <i>E. religiosus</i>	432
Луговая овсянка. <i>E. aureola</i>	382	6-ой родъ. Ласточковые скворцы. <i>Artamus</i>	434
Черноголовая овсянка. <i>E. melanocephala</i>	383	Ласточковйи скворецъ. <i>A. fuscus</i> ..	435
Бѣлошальная овсянка. <i>E. leucoserphala</i>	384	XV-ое Сем. Иволги. Oriolidae	437
Желтобровая овсянка. <i>E. chrysorrhus</i>	384	1-ый родъ. Иволга <i>Oriolus</i>	437
Полосатая овсянка. <i>E. strilata</i>	384	Иволга обыкновенная. <i>O galbula</i> ..	437
XII-ое Сем. Ткачовыя. Ploceidae	384	2-ой родъ. Дронго. <i>Dicurus</i>	439
1-ый родъ. Ткачи. <i>Textor</i>	387	Райскій дронго. <i>D. paradiscus</i>	439
Бѣлолювйи ткачь. <i>T. albicollis</i> ..	387	Траурный дронго. <i>D. divaricatus</i> ..	440
Свѣтлый ткачь. <i>T. dinemelli</i>	387	Корольскій дронго. <i>D. ater</i>	441
2-ой родъ. Древесныи ткачи. <i>Ploceus</i>	389	Сѣрый дронго. <i>D. cinereus</i>	441
Золотистый ткачь. <i>P. galbula</i>	389	XVI-ое Сем. Райскія птицы. Paradisidae	443
Абиссинскій ткачь. <i>P. abissinicus</i> ..	390	1-ый родъ. Настоящія райскія птицы. <i>Paradisca</i>	444
3-й родъ. Огненные ткачи. <i>Euplectes</i>	393	Безногая райская птица. <i>P. apoda</i> ..	444
Огненный вьюрокъ. <i>E. franciscanus</i>	393	Малая райская птица. <i>P. minor</i>	444
4-ый родъ. Вдовушки <i>Vidua</i>	395	Красная райская птица. <i>P. sanguinea</i>	445
Райская вдовушка. <i>V. paradisca</i> ..	396	2-ой родъ. Лофорины. <i>Lophorina</i>	449
5-ый родъ. Амаращтовйи ткачи. <i>Наворуга</i>	396	Царская лофорина. <i>L. regia</i>	449
		Бланчевая лофорина. <i>L. superba</i> ..	451
		Шестиперая лофорина. <i>L. sefilata</i> ..	452
		Черная лофорина. <i>L. nigra</i>	453
		3-ий родъ. Рафскии удоуки. <i>Erimachus</i> ..	453

	Стр.		Стр.
Черноватый райскій удоць. <i>E. nigricans</i>	453	Сѣверный большой сорокопуть. <i>L. major</i>	528
Большой райскій удоць. <i>E. speciosus</i>	455	Бѣлокрылый сорокопуть. <i>L. ho-meyeri</i>	528
4-ый родъ. Плащеносцы. <i>Chlamydo-dera</i>	457	Южный большой сорокопуть. <i>L. meridionalis</i>	528
Шалашникъ шелковистый. <i>Ch. holosericea</i>	457	Малый сорокопуть. <i>L. minor</i>	531
Шалашникъ пятнистый. <i>Ch. macu-lata</i>	459	Жуланъ. <i>L. collurio</i>	534
5-ый родъ. Лопастноносы <i>Creadion</i>	461	Красноголовый сорокопуть <i>L. se-nator</i>	537
Лопастноносецъ тонкоклювый. <i>C. acutirostris</i>	461	Нубийскій сорокопуть. <i>L. nubicus</i>	538
XVII-ое Сем. Вороновыя. Corvidae ..	463	Краснохвостый сорокопуть. <i>L. phaenicurus</i>	540
1-ый родъ. Вороны. <i>Corvus</i>	464	2-ой родъ. Лѣсные сорокопуть. <i>Malacocotus</i> ..	541
Большой воронъ. <i>C. corax</i>	464	Чагра. <i>M. erythropterus</i>	541
Черная ворона. <i>C. corone</i>	471	Пурпуровый сорокопуть. <i>M. ery-throgaster</i> ..	542
Страя ворона. <i>C. cornix</i>	471	Пѣвчій сорокопуть. <i>M. aethiopicus</i> ..	542
Грачъ. <i>C. frugilegus</i>	474	3-ий родъ. Соколиныя сороко-путь. <i>Falco</i> ..	544
Бѣлогрудая ворона. <i>C. scapulatus</i> ..	478	Соколиный сорокопуть. <i>F. fron-tatus</i>	544
Грифовая ворона. <i>C. crassirostris</i> ..	480	XIX-ое Сем. Личинкоѣды. Camperpha-gidae	545
Бѣлошейная ворона. <i>C. albicollis</i> ..	481	1-ый родъ. Красныя птицы. <i>Peri-crocotus</i> ..	546
2-ой родъ. Галки. <i>Colaptes</i>	481	Красная птица. <i>P. speciosus</i> ..	546
Галка. <i>C. monedula</i>	481	XX-ое Сем. Мухоловковыя. Muscicapidae ..	547
3-ий родъ. Сороки <i>Pica</i>	485	1-ый родъ. Свиристели. <i>Bombycilla</i> ..	548
Сорока обыкновенная. <i>P. rustica</i> ..	485	Свиристель обыкновенный. <i>B. garrula</i> ..	548
4-ый родъ. Синія вороны. <i>Cyanocorax</i> ..	487	2-ой родъ. Мухоловки. <i>Muscicapa</i> ..	552
Хохлатая ворона. <i>C. chlorisops</i> ..	487	Мухоловка сѣрая. <i>M. grisola</i> ..	552
5-ый родъ. Циссы <i>Cissa</i>	489	Мухоловка пеструшка. <i>M. atrica-pilla</i> ..	554
Китайская цисса. <i>C. erythro-rhyncha</i>	489	Мухоловка бѣлошейка. <i>M. collaris</i> ..	555
6-ой родъ. Сойки. <i>Garrulus</i>	491	Ломчавчикъ. <i>M. parva</i> ..	557
Кукша. <i>G. glandarius</i>	492	3-й родъ. Бѣрохвостки. <i>Rhipidura</i> ..	559
Ронжа. <i>G. infustus</i>	496	Бѣрохвостка черпобрюхая. <i>Rh. melanogastra</i> ..	559
7-ой родъ. Синія сойки. <i>Cyanocitta</i> ..	499	XXI-ое Сем. Ласточковыя. Hirundinidae ..	561
Хохлатая сойка. <i>C. cristata</i> ..	500	1-ый родъ. К а с а т к и. <i>Hirundo</i> ..	562
Чубатая сойка. <i>C. diademata</i> ..	503	Деревенская ласточка. <i>H. rustica</i> ..	562
8-ой родъ. Голубыя сороки. <i>Cyano-rolius</i>	505	Греческая ласточка. <i>H. rufula</i> ..	568
Испанская голубая сорока. <i>C. cookii</i> ..	505	2-ой родъ. Воронки. <i>Chelidomaria</i> ..	569
9-ый родъ. Орѣховки. <i>Nucifraga</i> ..	507	Городская ласточка. <i>Ch. urbana</i> ..	569
Обыкновенная орѣховка. <i>N. caryo-catactes</i> ..	507	3-ий родъ. Земляныя ласточки. <i>Clivicola</i> ..	572
Тонкоклювая орѣховка. <i>N. mac-rognatha</i> ..	507	Горный стрижекъ. <i>C. rupestris</i> ..	572
10-ый родъ. Лѣсныя сороки. <i>Dendrocitta</i> ..	512	Береговая ласточка. <i>C. riparia</i> ..	574
Странствующая сорока. <i>D. rufa</i> ..	512	4-ый родъ. Древесныя ласточки. <i>Troglon</i> ..	576
11-ый родъ. Австральскія орѣ-ховки. <i>Brachyrhynchus</i> ..	513	Пурпуровая ласточка. <i>P. purpurea</i> ..	576
Австралийская орѣховка. <i>B. cinereus</i> ..	513	XXII-ое Сем. Шерстоспинныя. Eriodo-ridae	578
12-ый родъ. Клунци. <i>Pycnonorax</i> ..	515	1-ый родъ. Пятты. <i>Coloburiz</i> ..	578
Клунци. <i>P. graculus</i> ..	516	Пятта бенгальская. <i>C. bengalensis</i> ..	578
Альпійская галка. <i>P. alpinus</i> ..	519	2-й родъ. Муравьеловки. <i>Formyci-voza</i> ..	581
13-ый родъ. Пустынные сойки. <i>Podoces</i> ..	522	Муравьеловка огнеглазая. <i>F. do-micella</i> ..	581
Саксаульная сойка. <i>P. panderi</i> ..	522	3-ий родъ. Гиляктинны. <i>Hylactes</i> ..	583
14-ый родъ. Свистящія вороны. <i>Strepera</i> ..	524	Тюрко. <i>H. megarodius</i> ..	583
Флейтщикъ. <i>S. tibicen</i> ..	525	Птица лайка. <i>H. tarnii</i> ..	584
XVIII-ое Сем. Сорокопутьовыя. Laniidae ..	526	XXIII-ое Сем. Горшечники Anabatidae ..	584
1-ый родъ. Сорокопуть. <i>Lanius</i> ..	527	1-ый родъ. Печники. <i>Furnarius</i> ..	584
Сѣрый сорокопуть. <i>L. excubitor</i> ..	528		

	Стр.		Стр.
Печникъ рыжий. <i>F. rufus</i>	585	Бѣлоспинный дятель. <i>D. leucopontus</i>	681
2-ой родъ. Пучкогнѣзды. <i>Synallaxis</i>	588	6-ой родъ Мягкохвостые дятлы. <i>Picus</i>	684
Пучкогнѣздъ бразильскій. <i>S. frontalis</i>	588	Карликовый дятель. <i>P. minutus</i>	684
XXIV-ое Сем. Тирании. Tyrannidae	589	7-ой родъ. Вертиголовки. <i>Junc</i>	685
1-ый родъ. Пипры. <i>Pipra</i>	590	Вертиголовка. <i>J. torquilla</i>	685
Манакинъ. <i>P. manacus</i>	590	XXIX-е Сем. Перцеяды. Rhamphastidae	691
2-ой родъ. Настоящие тирании <i>Tyrannus</i>	592	1-ый родъ. Перцеяды. <i>Rhamphastos</i>	692
Тираниъ каролинскій <i>T. carolinensis</i>	592	Большой тукавъ. <i>Rh. magnirostris</i>	692
Бентеви. <i>T. sulfuratus</i>	594	Кирима. <i>Rh. erythrorhynchus</i>	693
XXV-ое Сем. Ампелидовы. Ampelidae	596	Оранжевый перцеядъ. <i>Rh. temminckii</i>	693
1-ый родъ. Косцы. <i>Phytotoma</i>	596	2-ой родъ. Арасари. <i>Pteroglossus</i>	700
Рарита. <i>Ph. rara</i>	597	Арасари. <i>P. atricollis</i>	701
2-ой родъ. Головачи <i>Cephalopterus</i>	600	XXX-е Сем. Бородачи. Caprimidae	703
Капуцинъ. <i>C. calvus</i>	600	1-ый родъ. Зеленые бородачи. <i>Megalaema</i>	704
Хохлатый головачъ. <i>C. ornatus</i>	601	Желтозобый бородачь. <i>M. flavigula</i>	704
3-ий родъ. Колокольчики. <i>Chasmogynchus</i>	602	2-ой родъ. Украшенные бородачи. <i>Trachyrhonus</i>	705
Птица колокольчикъ. <i>Ch. nudicollis</i>	602	Жемчужный бородачь. <i>T. margaritatus</i>	705
Звопяръ. <i>Ch. sarcunculatus</i>	602	XXXI-е Сем. Медоуказчики. Indicatoridae	707
Аранонга. <i>Ch. variegatus</i>	602	1-ый родъ. Медовѣдъ. <i>Indicator</i>	708
Молотобой. <i>Ch. trisarcunculatus</i>	602	Блѣдноклювый медовѣдъ. <i>I. sparmani</i>	703
4-ый родъ. Пѣтушки. <i>Rupicola</i>	606	XXXII-е Сем. Боллибри. Trochilidae	713
Каменный пѣтушокъ. <i>R. crocea</i>	606	Гномы. <i>Polytmidae</i>	716
5-ый родъ. Котлиги. <i>Ampelis</i>	609	1-ый родъ. Орлиный клювъ. <i>Eutoxeres</i>	717
Синья котлига. <i>Ampeliscinetus</i>	609	Орлиный клювъ. <i>E. aquila</i>	717
XXVI-ое Сем. Рогоклювы. Eurylaimidae	611	Отшельники. <i>Phaetorninae</i>	717
1-ый родъ. Рогоклювы. <i>Eurylaimus</i>	611	2-ой родъ. Солнечные колибри <i>Phaetornis</i>	717
Яванскій рогоклювъ. <i>E. javanicus</i>	611	Бразильскій отшельникъ. <i>Ph. superciliosus</i>	717
XXVII-ое Сем. Лироковыя птицы. Menuridae	612	Лѣсные колибри. <i>Lampornithinae</i>	718
1-ый родъ. Лирохвосты. <i>Menura</i>	613	3-ий родъ. Лѣсные колибри. <i>Lampornis</i>	718
Лирохвость. <i>M. superba</i>	613	Манго. <i>L. mango</i>	718
XXVIII-ое Сем. Дятловы. Picidae	617	Мечкрылые колибри. <i>Campepyropterae</i>	718
1-ый родъ. Зеленые дятлы. <i>Picus</i>	627	4-ый родъ. Горные колибри. <i>Oreotrochilus</i>	718
Зеленый дятель. <i>P. viridis</i>	627	Чимборасовый колибри. <i>O. chimborazo</i>	718
Сѣдоголовый дятель. <i>P. viridicarpus</i>	632	5-ый родъ. Ихонтовые колибри. <i>Toraza</i>	719
2-ой родъ. Шилоклювые дятлы <i>Colaptes</i>	637	Тоназовый колибри. <i>T. pella</i>	719
Золотистый дятель. <i>C. auratus</i>	637	Цвѣточные колибри. <i>Heliothrichinae</i>	720
Мѣдный дятель. <i>C. mexicanus</i>	641	6-ой родъ. Цвѣтковые колибри. <i>Heliothrix</i>	720
Полевой дятель. <i>C. campestris</i>	641	Ушастый колибри. <i>H. aurita</i>	721
Красноголовый дятель. <i>C. erythrocephalus</i>	643	Настоящие колибри. <i>Trochilinae</i>	722
Калифорнскій дятель. <i>C. formicivorus</i>	646	7-ой родъ. Колибри обыкновенные. <i>Trochilus</i>	722
3-ий родъ. Черные дятлы. <i>Dryocopus</i>	652	Рубиновый колибри. <i>T. colubris</i>	722
Желва. <i>D. martius</i>	652	8-ой родъ. Эльфы <i>Lophornis</i>	722
Бѣлоклювый дятель. <i>D. principalis</i>	659	Великохвостый эльфъ. <i>L. ornata</i>	722
4-ый родъ. Трехпалые дятлы. <i>Picoides</i>	662	9-ый родъ. Хвостатые эльфы. <i>Helinaetus</i>	723
Трехпалый дятель. <i>P. tridaetylus</i>	663		
5-ый родъ. Пестрые дятлы. <i>Dendrocopus</i>	665		
Большой пестрый дятель. <i>D. major</i>	686		
Мавританскій дятель. <i>D. humidicus</i>	686		
Средний пестрый дятель. <i>D. medius</i>	673		
Малый пестрый дятель. <i>D. minor</i>	676		

	Стр.		Стр.
Рогатый колибри. <i>H. cornutus</i> ...	723	XXXIII-ое Сем. Стрижи. Cypselidae ...	755
10-ый родъ. Знаменщики <i>Steganurus</i>	724	1-ый родъ. Настоящие стрижи. <i>Microtus</i>	758
Венецуйскій знаменщикъ <i>St. unterwoodii</i>	724	Бѣлобрюхій стрижъ. <i>M. melba</i> ...	758
11-ый родъ. Впдохвостые колибри. <i>Sparganura</i>	725	Вашенный стрижъ. <i>M. arus</i>	770
Сафо. <i>S. sappho</i>	725	Сѣрый стрижъ. <i>M. murinus</i>	770
12-ый родъ. Исполнскіе колибри. <i>Hypermetra</i>	726	Малый стрижъ. <i>M. parvus</i>	776
Исполнскій колибри. <i>H. gigas</i>	726	2-ой родъ. Древесные стрижи. <i>Dendrochelidon</i>	778
13-ый родъ. Мечеклювы. <i>Docimastes</i>	727	Клѣхо <i>D. longipennis</i>	778
Мечеклювъ. <i>D. ensifer</i>	727	3-ій родъ. Саланганы. <i>Collocalia</i>	780
14-ый родъ. Шлемовые колибри. <i>Oxurogon</i>	728	Салангана съѣдобная. <i>C. esculenta</i>	781
Парамскій колибри. <i>O. lindeni</i>	729	Бузани. <i>C. fuscipaga</i>	783
		XXXIV-ое Сем. Мышанки. Coliidae ...	789
		1-ый родъ. Мышанки. <i>Colinus</i>	789
		Мышанка длиннохвостая. <i>C. macrourus</i>	789

ОГЛАВЛЕНИЕ РИСУНКОВЪ.

ОТДѢЛЬНЫЕ РИСУНКИ.

	Стр.		Стр.
Синевадень, бѣлохвостая каменка и домовая горихвостка (хромолитографирован.)	72	вьюркъ, огненный ткачъ (хромолитографирован.)	384
Оляка, крапивникъ и горвая трясогузка (хромолитографирован.)	80	Балтморскій трупіаль	400
Дрозды	96	Блестящіе скворцы (хромолитографирован.)	432
Славки	112	Райскія птицы (хромолитографирован.)	448
Синицы	192	Вороны	480
Вьюрки	304	Райскія вѣрховостки (хромолитографирован.)	560
Щегленокъ, чижикъ и синигрь (хромолитографирован.)	336	Лирохвость	612
Щуръ и клесты (хромолитографирован.)	344	Черный дятель	656
Овсянки (хромолитографирован.)	368	Шлемовые колибри (хромолитографирован.)	728
Полосатка, райская вдовушка, красный		Саланганъ	784

РИСУНКИ ВЪ ТЕКСТѢ.

	Стр.		Стр.
Скелеть сѣраго понугая и черещь какаду	2	Славки рыжехвостая и пѣвчая	129
Схематическое изображеніе главныхъ вѣшнихъ частей тѣла птицы	7	Дроздовидная камышевка	133
Западный и восточный соловьи	49	Кивилочка, шелковистая камышевка и цистиколо бѣгающая	139
Краснозвѣздая варакушка и соловей красношейка	55	Сверчки: полевой, рѣчной и тростниковый	143
Малиновка и садовая горихвостка	61	Пѣночка пересмѣшка	152
Каменка и чеккаички луговой и чернохвостый	71	Зарничка и корольки красноголовый и желтоголовый	161
Каменный дроздъ	85	Пересмѣшникъ	167
Пѣвчій и бѣлозобый дрозды	92	Длиннохвостая портниха	178
Завирушки лѣсная и Альпійская	104	Австралійская мягкохвостка	179
Пестрогрудка, садовая славка и черноголовка	109	Золотолобая листовка и желтый китайскій соловей	183
Мельничекъ и говорунчикъ	117	Бѣлолицій Абиссинскій дроздъ	184
		Птица-кошка	186

	Стр.		Стр.
Длиннохвостая синица	196	Пестрая орѣховка и ронжа	497
Сѣверный поползень	207	Хохлатая сойка	501
Пищуха-сверчокъ	214	Чубатая голубая сойка	504
Стѣнолазъ краснокрытый	216	Испанская голубая сорока	506
Сай	222	Странствующая сорока	513
Пигиить Ямайскій	223	Австралийская орѣховка	515
Нектарница блестящая	226	Клушица и Альпійская галка	517
Новозеландскій Пое	229	Саксаульная сойка	522
Темный и сѣрый бюль-бюли	233	Флейтшикъ	525
Жаворонки: полевой, лѣсной и хохлатый	237	Сѣрый сорокопутъ и жуланъ	529
Каландра	241	Малый сорокопутъ	532
Жаворонки: черный, бѣлокрытый и коротконопалый	244	Красноголовый и Нубійскій сорокопуты и чагра	539
Рюмъ	246	Пѣвчій сорокопутъ	543
Африканскій и Сахарскій жаворонки	254	Соколиный сорокопутъ	545
Бѣлая трясогузка	259	Красная птица	547
Желтоголовая и желтая пилска и луговой конекъ	263	Свиристель	549
Менштингъ	268	Сѣрая мухоловка и пеструшка	553
Лѣсной конекъ	272	Бѣлошейка и лопманчикъ	556
Шеврица шпорцевая, водяная и полевая	275	Деревенская и городская ласточки	564
Зеленый пѣвунъ	280	Греческая и каменная ласточки	567
Фолетовый организъ	285	Береговая и пурпуровая ласточки	574
Воробьи: Каменный, попанскій, красно-головый и домашній	289	Питта Бенгальская	579
Общественный воробей	301	Муравьеловка огнеглазая	582
Лимонный чижъ. — Зябликъ горный. — Горная чечетка	313	Тюрко	583
Бѣлотордый воробей	315	Пучкогнѣздъ Бразильскій и печникъ рыжій	586
Желтозобикъ и синигрь-малютка	334	Мананинъ	591
Линка канарейка	339	Каролинскій тираннъ и Бентеви	593
Красный и Сибирскій синигрь	343	Рарита	597
Пустынный синигрь	352	Капуцинъ	599
Виргинскій и красногрудый кардиналъ	363	Хохлатый головачь	600
Ланландскій подорожникъ	368	Птица колокольчикъ	603
Тростниковая овсянка	372	Каменный ибушокъ	607
Огородная овсянка. — Дурачекъ	377	Синяя котинга	610
Орлянокъ и черноголовая овсянка	380	Яванскій рогоклювъ	612
Свѣтлый и бѣлоклювый ткачь	388	Зеленый дятель	627
Золотистый и абиссинскій ткачь	390	Сѣдоголовый и бѣлосинный дятель	634
Рисовка	400	Золотистый дятель	637
Рисовый желтушникъ	404	Красноголовый дятель	644
Коровій желтушникъ	406	Бѣлоклювый дятель	660
Красноплечій желтушникъ	408	Трехналый дятель	664
Шапу	411	Большой пестрый дятель. — Средній пестрый дятель. — Малый пестрый дятель	667
Халкофанъ пурпуровый	414	Карликовый дятель	683
Скворецъ обыкновенный и черный	416	Вертиголовка	685
Розовый скворецъ	421	Токо	693
Волоклюй африканскій	425	Арасари	701
Великолѣбный скворецъ	430	Желтозобый бородачь	705
Мейна	433	Жемчужный бородачь	706
Иволга	436	Медуказчикъ	710
Красная райская птица	446	Орлиный клювъ	716
Черная лофорина	452	Чимборасовый колибри	719
Черноватый райскій удожь	454	Тоназовый колибри	720
Большой райскій удожь	456	Утагый колибри	721
Шалашникъ шелковистый	457	Великолѣбный эльфъ	723
Пятнистый шалашникъ	460	Рогатый колибри	724
Лопастоносець гонкоклювый	462	Знаменчикъ Венецуэльскій	725
Бѣлогрудая ворона	479	Сафо	726
Грифовая ворона	480	Исполнскій колибри	727
Хохлатая ворона	488	Мечеклювъ	728
Китайская циска	490	Бѣлобрюхій и Башенный стрижи	759
Лукуша	493	Блахо	779
		Мышанка длиннохвостая	790

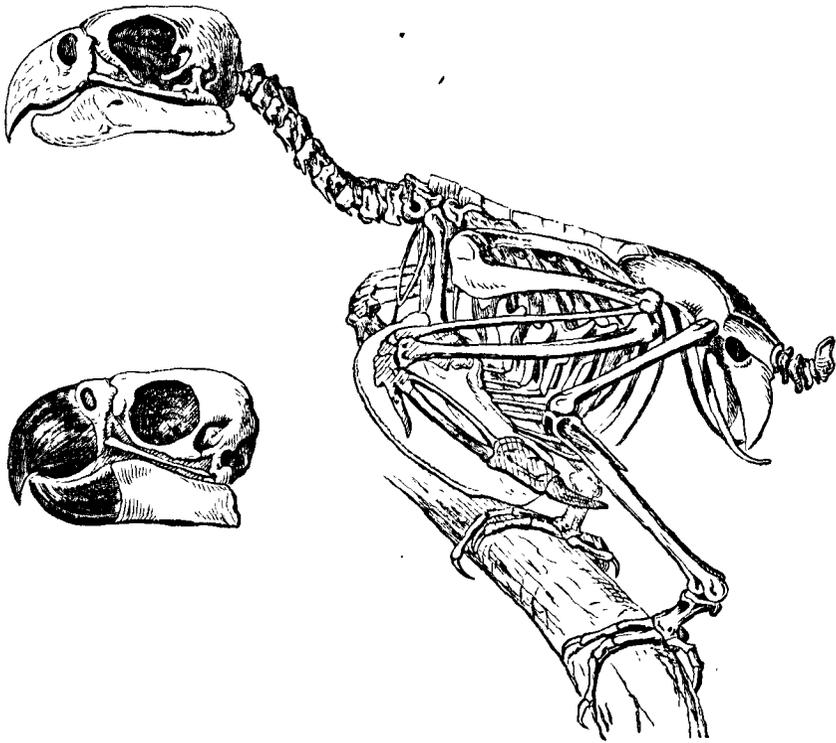
Общій взглядъ на жизнь птицъ.

«Птицу узнаютъ по перьямъ», говорятъ нѣмцы, и этимъ очень вѣрно отличаютъ птицъ отъ всѣхъ другихъ позвоночныхъ. Прочими главными признаками этого класса животнаго царства можно считать слѣдующіе: челюсти ихъ покрыты роговымъ клювомъ, переднія конечности превращены въ крылья, слѣдовательно ногъ только одна пара; всѣ кости плюсны срослись въ одну длинную кость; черепъ соединяется съ позвоночнымъ столбомъ однимъ только мышцелкомъ; нижняя челюсть прикрѣпляется къ черепу посредствомъ особой подвижной квадратной кости. Сердце состоитъ изъ двухъ предсердій и двухъ желудочковъ, легкія соединяются со многими воздушными мѣшками, расположенными въ различныхъ частяхъ тѣла и съ воздушными полостями, находящимися внутри костей; грудобрюшная перегородка неполная и тазъ почти всегда незамкнутый.

Какъ ни своеобразно строеніе птицъ, но скелетъ ихъ показываетъ большое сходство со скелетомъ пресмыкающихся, почему сіи послѣднія и считаются прародителями оперенныхъ позвоночныхъ. Летаніе составляетъ самую характерную способность птицъ, и отъ него зависятъ рѣзко выраженные особенности внѣшняго вида и внутренняго строенія этихъ животныхъ; можно съ увѣренностью сказать, что большинство признаковъ, отличающихъ птицъ отъ млекопитающихъ и пресмыкающихся, зависитъ отъ приспособленія ихъ къ летанію.

Черепъ птицъ представляетъ собою очень выпуклый сводъ, состоящій изъ тѣхъ же отдѣльныхъ костей, какъ и у млекопитающихъ, но соединительныя швы между ними замѣтны только у очень молодыхъ животныхъ, а у взрослыхъ совершенно исчезаютъ. Тонкія, но очень длинныя лицевыя кости состоятъ изъ двухъ верхнечелюстныхъ, двухъ срастающихся межчелюстныхъ костей, непарнаго сошника, квадратныхъ костей, нижней челюсти и нѣсколькихъ другихъ менѣе замѣтныхъ костей. На черепѣ птицъ бросаются въ глаза очень большія глазныя впадины и чрезвычайно тонкая, иногда даже неполная стѣнка между ними; присутствіе только одного мышцелка на затылочной кости придаетъ головѣ птицъ гораздо большую подвижность, чѣмъ у млекопитающихъ. Число шейныхъ позвонковъ колеблется между 9—24, и они отличаются также своею подвижностью; напротивъ того, спинные позвонки (отъ 6—10) и поясничные вмѣстѣ съ крестцовыми (отъ 9—20) чрезвычайно мало подвижны и часто даже между собою срастаются. Хвостовые позвонки, въ противоположность хвосту млекопитающихъ, развиты своеобразно: число ихъ бываетъ отъ 8—10, но въ большинствѣ случаевъ нѣкоторые изъ нихъ сраста-

ются, а послѣдній позвонокъ представляетъ собою сжатую съ боковъ, вертикальную пластинку, служащую для прикрѣпленія рулевыхъ перьевъ. Число реберъ соответствуетъ числу спинныхъ позвонковъ; они очень широки, плоски и состоятъ изъ двухъ вполне окостенѣвшихъ частей, позвоночной и грудной; позвоночная часть соединяется съ хребетнымъ столбомъ, а грудная съ грудною костью; между собою они образуютъ уголъ, вершина котораго направлена назадъ. На позвоночной части реберъ, кромѣ перваго и послѣдняго, существуютъ особые отростки, которые направляются назадъ и налегаютъ на сосѣднее ребро. Отростки эти служатъ для лучшаго скрѣпленія стѣнокъ грудной кѣтки и лучше всего развиты у хорошо летающихъ птицъ, у бѣгающихъ же, напротивъ, отростки эти мало развиты или ихъ совсѣмъ нѣтъ. Грудную кость можно сравнить съ большимъ щитомъ, на серединѣ

Скелетъ сѣраго попугая и черепъ какаду.

котораго торчитъ гребень. Величина щита и высота гребня обуславливаются прикрѣпленіемъ очень сильныхъ грудныхъ мускуловъ, приводящихъ въ движеніе крылья; слѣдовательно величина и форма грудной кости зависятъ отъ летательной способности птицы. У сокола, напримѣръ, мы замѣчаемъ очень высокій и толстый гребень, а у страуса его совсѣмъ нѣтъ. Иногда гребень грудной кости внутри пустой и заключаетъ въ себѣ изгибы дыхательнаго горла.

Таза птицъ отличается отъ таза млекопитающихъ главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ не замкнутъ и очень удлинненъ. Плечевой поясъ состоитъ прежде всего изъ двухъ длинныхъ, узкихъ, лежалыхъ на ребрахъ лопатокъ, которыя спереди соединяются съ толстыми коракоидными костями, и изъ настоящихъ ключицъ, сростающихся на нижнемъ концѣ и образующихъ такъ называемую дужку. Переднія конечности или крылья состоятъ изъ длинной, большею частью пустой внутри,

плечевой кости, изъ двухъ костей предплечья, приче́мъ лучевая кость хотя тоньше локтевой, но все же болѣе развита, чѣмъ у млекопитающихъ; кромѣ того мы замѣчаемъ двѣ или три кости запястья и три пальца: большой палецъ, состоящій изъ двухъ косточекъ и снабженный у нѣкоторыхъ птицъ даже когтемъ, который большею частью спрятанъ подъ перьями, затѣмъ очень большимъ двухсуставнымъ среднимъ пальцемъ и сросшимся съ нимъ односуставнымъ маленькимъ пальцемъ. Ноги состоятъ изъ бедра, голени, одной кости плюсны и пальцевъ. Малая берцовая кость очень плохо развита и имѣетъ видъ тонкой косточки, сросшейся съ большою берцовой; плюсна образуетъ длинную тонкую кость, съ нижнимъ концомъ которой сочленяются пальцы. Ихъ бываетъ чаще всего 4 : 3 обращены впередъ, 1 назадъ; но у нѣкоторыхъ задній палецъ направленъ впередъ, у другихъ онъ совсѣмъ не развитъ, у третьихъ одинъ изъ переднихъ пальцевъ, наружный или внутреннй, обращается назадъ, у нѣкоторыхъ птицъ, наконецъ, замѣтны только два развитыхъ пальца. Задній палецъ состоитъ большею частью изъ двухъ суставовъ, первый переднй—изъ трехъ, второй—изъ четырехъ, третй—изъ пяти суставовъ.

Весь скелетъ окостенѣваетъ необыкновенно быстро, и костяное вещество гораздо плотнѣе, хрупче и бѣлѣе, чѣмъ у млекопитающихъ. Но главнымъ отличительнымъ признакомъ костей птицъ слѣдуетъ считать то, что большинство изъ нихъ внутри пусты. У молодыхъ птицъ кости наполнены мягкой массою, очень богатою кровеносными сосудами, но она понемногу всасывается, и у взрослыхъ кости дѣлаются совсѣмъ пустыми и способными принимать изъ легкихъ воздухъ.

Между мускулами больше всего развиты грудные, которые двигаютъ крыльями; они достигаютъ такого объема, который не встрѣчается ни у какого другого позвоночнаго животнаго. Спинные мускулы, напротивъ того, развиты гораздо слабѣе. На ногахъ обыкновенно довольно сильные мускулы прикрѣпляются лишь къ бедру и голени, на плюснѣ они продолжаютъ въ видѣ тонкихъ сухихъ жилъ; только у немногихъ птицъ, у которыхъ плюсна оперена до самыхъ пальцевъ, на ней также замѣчаются мышцы. Хорошо развиты кромѣ того шейные и подкожные мускулы, а лицевые совсѣмъ мало развиты.

Нервная система менѣе развита, чѣмъ у млекопитающихъ. Головной мозгъ все-таки вѣситъ болѣе спинного, но гораздо проще устроенъ: оба полушарія головного мозга отдѣлены одно отъ другого, но на нихъ нѣтъ тѣхъ извилинъ, которыя столь характерны для мозга млекопитающихъ. Продолговатый мозгъ замѣчательно великъ, спинной мозгъ въ шейныхъ позвонкахъ имѣетъ вездѣ одинаковую толщину, а въ грудныхъ позвонкахъ дѣлается шире и толще, въ крестцовыхъ позвонкахъ снова утончается. Нервы распространяются по тѣлу почти такъ-же, какъ и у млекопитающихъ.

Всѣ органы внѣшнихъ чувствъ у птицъ довольно хорошо развиты; нѣкоторые изъ нихъ устроены довольно просто, но никогда не замѣчается почти полного отсутствія какого-либо внѣшняго чувства. Лучше всего развиты глаза, что замѣтно какъ по ихъ величинѣ, такъ и по внутреннему строенію. Внѣшнй видъ и величина глазъ довольно разнообразны: у дальнзоркихъ и ночныхъ птицъ они особенно велики, а у прочихъ гораздо меньше. Внутреннее строеніе глаза птицъ характеризуется костянымъ кольцомъ, которое находится въ склеротикѣ тамъ, гдѣ кончается роговая оболочка; кольцо это состоитъ изъ 12—30 тонкихъ четырехугольных пластинокъ, черепицеобразно налегающихъ другъ на друга, при чемъ величина и ширина этихъ пластинокъ бываютъ различны у разныхъ видовъ птицъ. Кромѣ того на мѣстѣ прикрѣпленія зрительнаго нерва, въ стекловидномъ тѣлѣ замѣчается особый клинообразный отростокъ, такъ называемый гребень или вѣеръ, который

покрытъ чернымъ пигментомъ и иногда достигаетъ почти до чечевицы. Костяное кольцо и гребень служатъ, вѣроятно, для того, чтобы глазъ могъ дѣлаться дальнорукимъ или близорукимъ, по желанію птицы, а во всякомъ случаѣ они способствуютъ внутренней подвижности глаза. Кромѣ двухъ развитыхъ вѣкъ, верхняго и нижняго, у птицъ существуетъ еще третья вѣка, такъ называемая мигательная перепонка, натягивающаяся на подобіе полупрозрачной занавѣски отъ внутренняго угла глаза наискось къ наружному. Радужная оболочка бываетъ различнаго цвѣта не только у разныхъ видовъ, но измѣняется даже съ возрастомъ и поломъ. У большинства птицъ она коричневаго цвѣта, но можетъ сдѣлаться красной, блѣдно-желтой и серебристо-сѣрой, а также свѣтло-сѣрой и голубой. У нѣкоторыхъ же птицъ зрачекъ бываетъ ярко-зеленый, у другихъ синева-черный. Наружнаго уха никогда не бываетъ: довольно большія ушные отверстія лежатъ по сторонамъ задней части головы и окружены у большинства птицъ лучеобразно расположенными перышками, которыя, впрочемъ, не задерживаютъ звуковыхъ волнъ. У совъ наружное ухо обозначается очень подвижной складкой кожи, которая можетъ открывать и закрывать ушное отверстіе. Барабанная перепонка находится недалеко отъ наружнаго отверстія уха; слуховой проходъ коротокъ и покрытъ тонкой кожицей, а среднее ухо довольно велико. вмѣсто трехъ слуховыхъ косточекъ млекопитающихъ у птицъ замѣчается лишь одна косточка со многими выдающимися углами; она по формѣ немножко похожа на молоточекъ, но замѣняетъ собою наковальню и стремя. Органы обонянія значительно меньше развиты, чѣмъ у млекопитающихъ: носа и большихъ носовыхъ полостей нѣтъ; ноздри расположены на верхней челюсти обыкновенно недалеко отъ основанія клюва и имѣютъ видъ круглыхъ отверстій или продолговатыхъ щелей, въ видѣ исключенія снабженныхъ иногда роговыми трубочками; отверстія ихъ покрыты гладкой кожей или окружены щетинообразными перышками. Внутри носъ раздѣляется на двѣ полости, и въ каждой изъ нихъ мы замѣчаемъ три кожистыхъ, хрящевыхъ или костяныхъ раковины, на которыхъ распространяется слизистая оболочка съ развѣтвленіями обонятельнаго нерва. Очень немногія птицы, повидимому, имѣютъ тонко развитой вкусъ, такъ какъ только у нѣкоторыхъ устройство языка позволяетъ заключать о развитіи этого чувства. У большинства птицъ языкъ очень небольшой, короткій или очень тонкій и нерѣдко покрытъ роговидной кожей; у меньшинства же птицъ языкъ довольно длинный и мясистый. Языкъ этотъ очевидно служитъ не столько для различенія вкуса, сколько для осязанія, а также для схватыванія пищи. Чувство осязанія, какъ относительно чувствительности къ температурѣ, такъ и чувство осязанія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, повидимому, хорошо развито, такъ какъ наружная кожа очень богата нервами, а для ощущиванія предметовъ служитъ часто языкъ, а иногда и клювъ, покрытый мягкой кожицей.

Органы кровообращенія и дыханія имѣютъ очень совершенное устройство. Сердце птицы очень похоже на сердце млекопитающихъ, т. е. раздѣлено полною перегородкою на двѣ половины и имѣетъ два предсердія и два желудочка, но мускулы, образующіе его, относительно еще сильнѣе. По сторонамъ сердца лежатъ легкія, а наискось отъ кончика его — печень, раздѣленная на двѣ доли. Легкія прирастаютъ къ внутренней стѣнкѣ грудной кѣтки и простираются внизъ дальше, чѣмъ у млекопитающихъ; у птицъ вообще не существуетъ рѣзкаго раздѣленія грудной полости отъ брюшной. При каждомъ вдыханіи птицы наполняютъ воздухомъ не только легкія, но многіе воздушные мѣшки и маленькія полости, расположенныя во всѣхъ частяхъ тѣла; изъ этихъ мѣшковъ воздухъ проникаетъ въ большую часть костей, которыя внутри пусты или имѣютъ на наружной сторонѣ воздушныя ячейки. Дыхательное горло состоитъ

изъ костяныхъ колечекъ, соединенныхъ кожею и имѣеть двѣ гортани, верхнюю и нижнюю. Верхняя гортань расположена подъ языкомъ, треугольной формы и не имѣеть надгортаннаго хряща; края голосовой щели покрыты мягкой мускулистой кожей, въ которой замѣчаются многочисленныя нервныя сосочки; щель эта можетъ быть вполне закрыта. Нижняя гортань расположена на концѣ дыхательнаго горла передъ раздѣленіемъ его на двѣ вѣтви и образуется расширеніемъ послѣдняго костянаго кольца. Отъ угла соединенія обоихъ бронховъ въ полость гортани вдается пластинка, такъ называемая перекладина, образующая двѣ щели, края которыхъ при выдыханіи колеблются и издають звукъ. По сторонамъ нижней гортани лежитъ отъ одной до пяти паръ мускуловъ, которые приводятъ въ движеніе стѣнки гортани съ поперечными складками. Только у немногихъ птицъ этихъ мускуловъ совсѣмъ нѣтъ, а у большинства хорошихъ пѣвуновъ ихъ пять паръ. По обѣимъ сторонамъ дыхательнаго горла расположены длинныя мускулы, начинающіеся отъ нижней гортани и продолжающіеся у нѣкоторыхъ птицъ до ушей; мускулы эти даютъ возможность при издаваніи звука удлинять и сокращать дыхательное горло. У многихъ птицъ дыхательное горло очень длинное и изогнутое; не всегда оно прямо спускается отъ рта къ легкимъ, а образуетъ иногда извилины, помѣщающіяся, какъ выше сказано, въ гребнѣ грудной кости или подъ кожей грудныхъ мускуловъ, затѣмъ поднимается снова вверхъ и оттуда уже спускается въ грудную клѣтку.

Органы пищеваренія птицъ отличаются отъ подобныхъ органовъ млекопитающихъ уже тѣмъ, что у птицъ нѣтъ зубовъ, и потому онѣ глотаютъ пищу цѣликомъ. Слюнныя железы существуютъ, но во рту пища не смачивается слюной, такъ какъ она не жуется. У многихъ птицъ пища сначала попадаетъ въ расширеніе пищевода, называемое зобомъ, гдѣ она сохраняется и отчасти размягчается; у другихъ она прямо попадаетъ въ первый желудокъ, который слѣдуетъ разсматривать какъ расширеніе нижней части пищевода. Желудокъ этотъ всегда тоньше второго и внутренняя сторона его очень богата железами; желудокъ этотъ есть у всѣхъ птицъ, но онъ особенно великъ у тѣхъ, которыя не имѣють зоба. Второй желудокъ устроенъ различнымъ образомъ: у тѣхъ птицъ, которыя питаются исключительно или по преимуществу другими животными, стѣнки его большею частью тонкія. Напротивъ того, у птицъ, питающихся растительными веществами, стѣнки второго желудка состоятъ изъ сильныхъ мускуловъ, а внутренность одѣта твердой, складчатой кожей; внутри этого желудка пища, часто смѣшанная съ пескомъ и маленькими камешками, подвергается сильному перетиранію. Въ кишечномъ каналѣ замѣчается отсутствіе толстой кишки, которая нѣсколько обозначена только у страуса. Прямая кишка на концѣ расширяется и образуетъ такъ называемую клоаку, въ которую открываются оба мочеточника, сѣмянные каналы и яйцеводъ. Селезенка относительно невелика, поджелудочная железа, напротивъ того, имѣеть значительную величину; печень грубозерниста, раздѣлена на нѣсколько долекъ и также довольно велика.

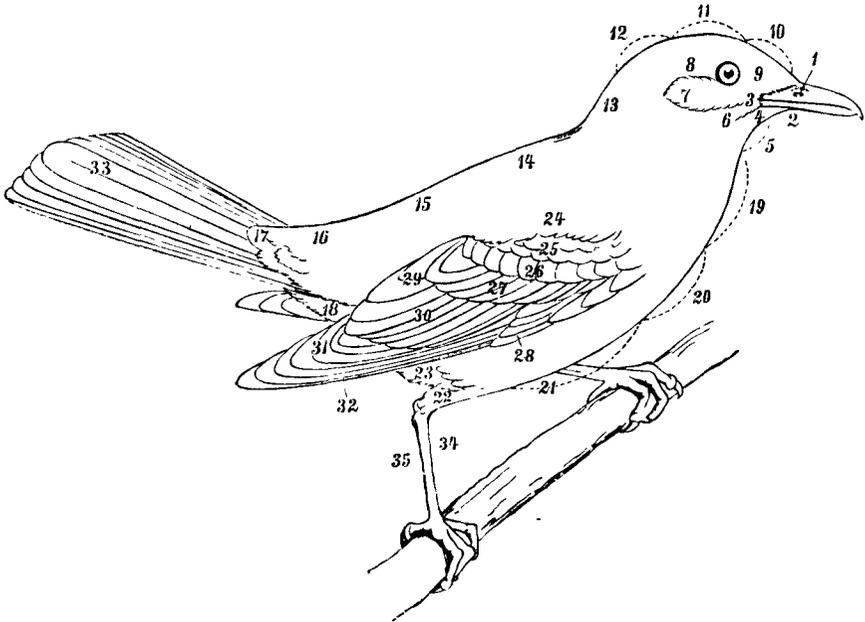
У нѣкоторыхъ птицъ замѣчается мужской дѣтородный удъ, а всѣ самцы, конечно, имѣють сѣмянные железы и каналы. Сѣмянные железы расположены въ брюшной полости надъ почками; онѣ сильно набухаютъ во время полового возбужденія, а послѣ этого значительно уменьшаются въ объемѣ и образуютъ два мало замѣтныхъ шарика. Сѣмянные каналы спускаются отъ почекъ вмѣстѣ съ мочеточниками, очень извилисты, въ концѣ расширяются и передъ входомъ въ клоаку образуютъ небольшіе пузырьки. Яичникъ имѣеть видъ виноградной кисти, развивается лишь съ лѣвой стороны, лежитъ надъ почками и заключаетъ въ себѣ множество круг-

лых пузырьковъ, такъ называемыхъ зародышныхъ яичекъ, число которыхъ колеблется между 100 и 500 штукъ. Яйцеводъ имѣетъ видъ длинной кишки съ двумя отверстиями, изъ которыхъ верхнее открывается въ брюшную полость, около нижняго края яичника, а нижнее ведетъ въ клоаку, куда попадаютъ и яйца передъ тѣмъ, какъ ихъ птица снесетъ.

Кожа птицъ въ общихъ чертахъ имѣетъ такое же устройство, какъ и у млекопитающихъ; она также состоитъ изъ трехъ слоевъ: наружной кожицы, слизистаго слоя и нижней или настоящей кожи. Первая почти вездѣ тонка и покрыта складками, только на плюснѣ и пальцахъ она дѣлается толстою, роговою и часто даже чешуйчатой, а на клювѣ превращается въ толстый роговой слой. Нижній слой кожи бываетъ разной толщины: у нѣкоторыхъ птицъ онъ тонкій, у другихъ толстый и твердый, но всегда богатъ сосудами и нервами, а подъ нимъ иногда бываетъ толстый слой жира. Перья развиваются въ особыхъ сумкахъ, которыя первоначально имѣютъ видъ сосочковъ внутренняго слоя кожи, выдающихся на верхней кожѣ въ видѣ небольшихъ возвышеній; сосочки эти очень богаты кровеносными сосудами и растутъ какъ вверхъ, такъ и внизъ, образуя въ нижнемъ слоѣ кожи углубленія будущую сумку пера. Сосочки имѣютъ на передней поверхности глубокую борозду, отъ которой въ обѣ стороны идутъ меньшія бороздки, имѣющія въ свою очередь также мелкія развѣтвленія. Внутренній слой сумки пера дѣлается постепенно роговымъ и выдвигается вверхъ, образуя зачатокъ пера. Форма пера соответствуетъ формѣ складокъ сумки: стволъ образуется изъ продольной глубокой бороздки, а опахало изъ боковыхъ. Въ концѣ роста пера бороздки срастаются краями и образуютъ роговую трубочку, мягкое содержимое которой впоследствии засыхаетъ. Изъ вышесказаннаго мы видимъ, что перья представляютъ собою накожные образования, точно такъ, какъ волосы, иглы и чешуи у млекопитающихъ; но внѣшній видъ и строеніе перьевъ бываетъ въ высшей степени разнообразно у различныхъ птицъ и измѣняется даже на разныхъ частяхъ тѣла одной и той же птицы. На перѣ различаютъ стволъ, состоящій внизу изъ рогового цилиндра, такъ называемаго очина, и четырехграннаго, наполненнаго губчатой массой стержня, у котораго на внутренней сторонѣ замѣчается глубокая продольная бороздка. Къ стержню прикрѣпляется опахало, состоящее изъ тонкихъ роговыхъ пластинокъ, называемыхъ бородками; бороздки сидятъ по обѣ стороны стержня и направлены вкось, снизу вверхъ. На краяхъ бородокъ прикрѣплены мелкіе крючечки, скрѣпляющіе вмѣстѣ бороздки. Перья раздѣляются на собственно перья и пухъ; между настоящими перьями различаютъ маховыя, рулевыя и кроющія перья, а маховыя раздѣляются на большія и малыя маховыя и прибавочныя.

Къ костямъ пясти прикрѣпляется обыкновенно 10 маховыхъ перьевъ перваго порядка, между тѣмъ какъ число маховыхъ перьевъ второго и третьяго порядка бываетъ довольно разнообразно; хвостъ состоитъ обыкновенно изъ 12 рулевыхъ перьевъ, рѣдко ихъ бываетъ меньше, а часто больше. У основанія многихъ перьевъ замѣтно небольшое побочное перо, которое большею частью очень мало развито, но у эму достигаетъ той же длины и развитія, какъ и главное перо. Кроющія перья не вездѣ сидятъ одинаково густо, а расположены въ извѣстной степени полосами, такъ что собственно большая часть кожи остается голою, а опереніе распределено по тѣлу узкими рядами, ширина и расположеніе которыхъ бываютъ различны у разныхъ видовъ птицъ. Тѣ птицы, у которыхъ кроющія перья распределены одинаково густо на всемъ тѣлѣ, къ полету неспособны. Перья, покрывающія тѣло птицъ, расположены одно надъ другимъ на подобіе черепицъ, а рулевыя и маховыя перья лежатъ вѣерообразно: кроющія перья прикрываютъ основаніе маховыхъ и руле-

выхъ и сообразно своему положенію раздѣляются на покровныя перья пяти, плеча, предплечья и хвоста. Перья, образующія пухъ, имѣютъ большею частью совсѣмъ мало развитой стержень, а длинныя бородки опахала мягче и пушистѣе, чѣмъ у другихъ перьевъ, крючечки на нихъ также мягкіе, бородки между собою не соединяются, что и придаетъ всему перу совершенно другой отпечатокъ. Цвѣтъ перьевъ въ значительной степени зависитъ отъ строенія ихъ: перья, окрашенные въ различный цвѣтъ, почти всегда имѣютъ и различное строеніе, такъ какъ цвѣтъ зависитъ не столько отъ красокъ, сколько отъ способности поверхности пера отражать тотъ или другой цвѣтъ. Довольно часто встрѣчается отсутствіе красящаго вещества, а излишнее усиленіе цвѣта — рѣже; поэтому альбиносы между птицами попадаются не очень рѣдко и замѣчены у различныхъ видовъ птицъ.

Схематическое изображеніе главныхъ внѣшнихъ частей тѣла птицы.

1—ноздри, 2—подбородокъ, 3—челюстной уголъ, 4—нижняя часть щеки, 5—горло, 6—область нижней челюсти, 7—ушная область, 8—виски, 9—уздечка, 10—лобь, 11—темя, 12—задняя часть головы, 13—затылокъ, 14—зашеекъ, 15—спина, 16—надхвостье, 17—верхнія хвостовыя кроющія перья, 18—нижнія кроющія хвостовыя перья, 19—зобъ, 20—верхняя часть груди, 21—нижняя часть груди, 22—голень, 23—брюшко, 24—плечевая область, 25—малыя кроющія перья крыла, 26—среднія кроющія перья крыла, 27—большія кроющія перья крыла, 28—прибавочное крыло, 29—маховыя перья 3-го порядка, 30—маховыя перья 2-го порядка, 31—маховыя перья 1-го порядка, 32—задній проходъ, 33—рулевыя перья, 34—передняя часть плюсны, 35—плюсна.

Для описанія и опредѣленія птицъ очень важно усвоить себѣ обычныя названія разныхъ перьевъ и другихъ внѣшнихъ частей птичьяго тѣла; изображеніе на этой страницѣ должно служить къ поясненію всѣхъ встрѣчающихся въ этой части книги техническихъ названій.

Ни у какихъ другихъ животныхъ не бываетъ такого усиленнаго обмѣна веществъ, какъ у птицъ, и кровь ихъ теплѣе, чѣмъ у всѣхъ другихъ животныхъ. Это зависитъ отъ того, что усиленное дыханіе въ значительной степени возвышаетъ ихъ жизнедѣятельность. Онѣ вдыхаютъ гораздо больше воздуха, чѣмъ млекопита-

ющія, и онъ служитъ не только для химическаго воздѣйствія на кровь въ легкихъ, но также и для того, чтобы наполнять, какъ выше сказано, воздушныя мѣшки, полости въ костяхъ и еще многія ячейки, расположенныя въ костяхъ и въ кожѣ. Вслѣдствіе этого кровь окисляется гораздо сильнѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ, а процессъ горѣнія гораздо значительнѣе и происходитъ быстрѣе, отчего зависитъ очень быстрое кровообращеніе; по изслѣдованіямъ оказалось, что артеріи у птицъ относительно толще, чѣмъ у млекопитающихъ, кровь окрашена въ болѣе яркій цвѣтъ и число кровяныхъ тѣлецъ больше, чѣмъ у прочихъ позвоночныхъ. Въ связи съ вышеуказаннымъ свойствомъ находится необыкновенная подвижность птицъ, значительная потеря вещества, а вслѣдствіе этого усиленное питаніе и пищевареніе, замѣчаемое у нихъ.

Можно предположить, что птица съѣдаетъ, относительно говоря, больше, чѣмъ всякое другое животное. Многія изъ нихъ употребляютъ на ѣду все время, пока не спятъ, а насѣкомоядныя ежедневно съѣдаютъ количество пищи, превышающее въ два или три раза вѣсъ ихъ тѣла. Тѣ птицы, которыя питаются мясомъ позвоночныхъ, требуютъ меньше пищи, именно около шестой части вѣса тѣла; почти такое же количество пищи необходимо и тѣмъ птицамъ, которыя питаются растительными веществами; однако и сихъ послѣднихъ сравнительно съ млекопитающими слѣдуетъ причислить къ сильнымъ ѣдокамъ. Пища иногда прямо проглатывается въ первый желудокъ, а иногда остается нѣкоторое время въ зобу и тамъ размягчается, во второмъ же желудкѣ она вполне растирается какъ бы между жерновами и окончательно переваривается. Нѣкоторыя птицы при ѣдѣ наполняютъ себѣ пищеводъ до самой глотки пищею, другія же набиваютъ зобъ такъ сильно, что онъ въ видѣ шишки выступаетъ на шеѣ. Хищныя птицы могутъ переваривать довольно большія кости, а у крупныхъ зерноядныхъ птицъ даже проглоченныя желѣзные вещи въ желудкѣ такъ перетираются, что совершенно измѣняютъ свою первоначальную форму. Непереваримыя вещества часто лежатъ по цѣлымъ недѣлямъ въ желудкѣ, пока не бывають выброшены черезъ кишечный каналъ; нѣкоторыя же птицы выплевываютъ непереваримыя вещества въ видѣ особыхъ округленныхъ тѣлъ, которыя называются «погадками». Для такихъ птицъ, которыя выплевываютъ погадки, необходимо принимать вмѣстѣ съ пищею непереваримыя вещества, безъ чего, повидимому, пищевареніе у нихъ совершается не вполне нормально: онѣ хвораютъ и даже околѣваютъ, когда принуждены ѣсть пищу безъ такихъ непереваримыхъ веществъ. У этихъ птицъ часто образуются на внутренней кожѣ желудка особые наросты, которые онѣ отъ времени до времени выплевываютъ вмѣсто погадокъ. Несмотря на сильный обмѣнъ веществъ, подъ кожей птицъ и около внутреннихъ органовъ при усиленномъ питаніи образуется много жира, но достаточно нѣсколько голодныхъ дней, чтобы его уничтожить. Однако птицы переносятъ голодъ дольше, чѣмъ большинство млекопитающихъ.

Произвольныя движенія птицъ быстрѣе и продолжительнѣе, чѣмъ у другихъ животныхъ, мускулы ихъ плотнѣе и крѣпче; они легче раздражаются и сокращеніе ихъ сильнѣе, чѣмъ у прочихъ позвоночныхъ. О самомъ характерномъ движеніи птицъ, именно полетѣ, сказано уже нѣсколько словъ въ первомъ томѣ этого сочиненія (стр. 9), и я прошу читателей вспомнить сказанное, чтобы лучше понять нижеслѣдующее. Всѣ другія животныя, которыя могутъ двигаться въ воздухѣ, лишь порхаютъ, а дѣйствительно летать могутъ только однѣ птицы. Движеніе это облегчается тѣмъ, что крылья ихъ состоятъ изъ перьевъ, которыя отчасти покрываютъ другъ друга на подобіе черепицъ на крышѣ, а кромѣ того образуютъ снизу вогнутую поверхность. Когда крылья приподнимаются, то между перьями образуются

щели, черезъ которыя проходитъ воздухъ; при опусканіи крыльевъ, напротивъ, опала плотно прижимаются другъ къ другу и образуютъ поверхность, которая представляетъ воздуху значительное сопротивленіе. Такимъ образомъ при каждомъ ударѣ крыльевъ птица приподнимается на воздухъ, а такъ какъ движеніе крыльевъ происходитъ не только сверху внизъ, но также и спереди назадъ, то она вмѣстѣ съ тѣмъ и подвигается впередъ. Хвостъ служитъ рулемъ; при полетѣ вверхъ онъ нѣсколько приподнимается, при спусканіи отгибается внизъ, а при поворотахъ поворачивается въ сторону. Само собою разумѣется, что хорошіе летуны могутъ двигать крыльями то медленнѣе, то скорѣе, а иногда даже вовсе не двигать ими; передній край крыльевъ можетъ быть опущенъ или приподнятъ, смотря по тому, хочетъ ли птица летѣть быстрѣе или медленнѣе, вверхъ или внизъ; положеніе крыльевъ измѣняется также, когда птица неподвижно паритъ на воздухѣ или кружится, а когда она стремительно падаетъ внизъ съ значительной вышины, то крылья совершенно или на половину складываются. Вслѣдствіе выпуклости крыльевъ птица лучше летитъ противъ вѣтра, такъ какъ онъ, дуя подъ крылья, приподнимаетъ птицу и такимъ образомъ облегчаетъ ей полетъ: попутный же вѣтеръ раздвигаетъ маховыя перья и давитъ на нихъ сверху, что, конечно, затрудняетъ движеніе. Относительная быстрота и другія свойства полета находятся въ тѣсной связи съ вышнимъ видомъ крыльевъ, а также и со строеніемъ перьевъ. Длинные, узкія, на концѣ острия крылья, состоящія изъ твердыхъ перьевъ, и короткое опереніе туловища способствуютъ быстрому полету; напротивъ того, короткія, широкія, тупыя крылья и мягкое опереніе служатъ признаками, что птица летаетъ плохо; относительно длинный и широкій хвостъ облегчаетъ крутые повороты, а большія широкія крылья даютъ возможность птицѣ паритъ на воздухѣ. Относительно полета мною уже выше сказано, что онъ быстротою превосходитъ всѣ другіе способы передвиженія животныхыхъ; что же касается продолжительности полета, то можно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи птицы не уступаютъ никакимъ другимъ животнымъ, такъ напримѣръ совершаютъ невѣроятные подвиги, перелетая въ нѣсколько дней 2, 3 тысячи километровъ, а въ нѣсколько часовъ широкое море. Перелетныя птицы путешествуютъ безъ отдыха въ теченіи цѣлаго дня; тѣ, которыя парятъ, носятся по воздуху нѣсколько часовъ сряду, и только очень неблагоприятныя обстоятельства могутъ обезсилить этихъ обитателей воздуха. Въ высшей степени замѣчательно то, что птица летаетъ одинаково легко въ различныхъ высотахъ, между тѣмъ какъ уменьшенная плотность воздуха въ верхнихъ слояхъ атмосферы требуетъ большаго напряженія силъ, чѣмъ въ нижнихъ слояхъ. Когда А. Гумбольдтъ находился близъ вершины Чимборассо, то онъ неизмѣримо высоко надъ собою увидалъ парящаго кондора, который казался лишь малозамѣтной точкой; птица, повидимому, летала тамъ точно такъ же легко, какъ и внизу. Однако, это бываетъ не всегда подтверждено опытами: голуби, пущенные на свободу воздухоплатателями на значительной вышинѣ, летали тамъ съ гораздо меньшею увѣренностью, чѣмъ въ нижнихъ слояхъ атмосферы.

Тѣ птицы, которыя особенно хорошо летаютъ, обыкновенно вовсе не могутъ ходить или ходить очень плохо; однако между ними есть и такія, которыя могутъ бѣгать съ достаточною быстротою. Способъ хоженія у птицъ очень разнообразный: нѣкоторыя изъ нихъ бѣгаютъ скорымъ шагомъ, другія мчатся рысью, третьи несутся точно въ карьеръ, инныя могутъ только прыгать, другія ходятъ тихо, большими или маленькими шагами, и наконецъ есть и такія, которыя неуклюже переваливаются съ ноги на ногу или скользятъ на своихъ широкихъ лапахъ. Отъ походки человѣка, который также ходитъ на двухъ ногахъ, движеніе птицъ всегда зна-

чительно отличается. За исключеніемъ нѣкоторыхъ плавающихъ птицъ, которыя неуклюже двигаются по землѣ, опираясь на всю ступню, большинство птицъ ходитъ на пальцахъ: тѣ изъ нихъ, у которыхъ центръ тяжести находится на серединѣ тѣла шагаютъ легко, хотя не особенно быстро, длинноногія птицы ходятъ лучше другихъ, но дѣлаютъ очень большіе шаги, коротконогія, напротивъ, бѣгаютъ плохо и больше передвигаются прыжками, а тѣ изъ нихъ, у которыхъ ноги средней величины, могутъ очень быстро бѣгать. Всѣ птицы, у которыхъ ноги прикрѣплены близко къ хвосту и туловищу стоятъ почти перпендикулярно къ землѣ, ходятъ тяжело и неловко, точно также тяжело передвигаются и тѣ, у которыхъ передняя часть тѣла тяжелѣе задней, такъ что при каждомъ шагѣ онѣ должны покачиваться со стороны на сторону. Нѣкоторые изъ наиболѣе искусныхъ летуновъ на землѣ передвигаться вовсе не могутъ, а многія прекрасно ныряющія птицы могутъ двигаться по землѣ, только скользя на ступняхъ или ползая. При очень поспѣшномъ бѣгѣ многія птицы помогаютъ себѣ крыльями.

Не мало птицъ двигаются очень легко въ водѣ, почти все время плаваютъ по ея поверхности, ищутъ себѣ въ ней пипу, а также могутъ и нырять въ глубину. Собственно говоря, всякая птица, брошенная на воду, можетъ плыть, такъ что это искусство свойственно не однѣмъ только плавающимъ птицамъ. У птицъ, которыя большую часть времени проводятъ въ водѣ, кроющія перья, особенно на нижней части тѣла, тѣснѣе прилегаютъ другъ къ другу и кромѣ того намазываются жирнымъ веществомъ, такъ что прекрасно приспособлены къ тому, чтобы задерживать воду и не давать ей смачивать кожу. Птица, плавающая на поверхности воды, безъ всякихъ усилій удерживается въ этомъ положеніи и движеніи ея ногъ служатъ только для того, чтобы подвигаться впередъ. Въ большинствѣ случаевъ для плаванія употребляются однѣ только ноги, которыя заносятся впередъ въ сложенномъ состояніи, затѣмъ расправляются и съ полной силой отодвигаются назадъ, давая этимъ тѣлу толчекъ впередъ; при тихомъ плаваніи птицы двигаются ногами по-очереди, а при быстромъ отталкиваются обѣими ногами заразъ. При поворотахъ онѣ вытягиваютъ назадъ расширенную лапу, а другою усиленно гребутъ. Съ плаваньемъ часто соединена способность нырять. Нѣкоторыя птицы плаваютъ подъ водою скоро, чѣмъ на ея поверхности, и въ этомъ отношеніи состязаются съ рыбами; другія могутъ нырять только въ томъ случаѣ, если надаютъ въ воду съ известной высоты. Оба эти движенія имѣютъ большое значеніе для образа жизни птицъ. Настоящіе нырцы, которые почти безъ всякаго усилія опускаются въ воду съ ея поверхности, могутъ считаться мастерами въ этомъ искусствѣ; тѣ же, которые могутъ нырять только бросившись съ высоты, дѣлаютъ это очень быстро, но долго подъ водою оставаться не могутъ. Первые ныряютъ легко, остаются въ водѣ довольно долго и ищутъ себѣ тамъ добычу. Вторые окунаются только силою удара и почти тотчасъ же выталкиваются водою на поверхность; они могутъ только схватить добычу, которую высмотрѣли раньше, сидя на берегу или летая надъ водою. Настоящіе нырцы имѣютъ всегда короткія крылья, а окунающіяся птицы должны имѣть длинныя, такъ какъ при ихъ движеніяхъ главную роль играетъ полетъ, а нырянье—лишь второстепенную. Только одно семейство птицъ, именно буревѣстники (*Procellariæ*) соединяютъ въ себѣ оба искусства—продолжительно нырять и быстро окунаваться въ воду. Ныряющія птицы пользуются при движеніи подъ водою ногами и хвостомъ, а нѣкоторыя изъ нихъ, наиримѣръ пингвины, кромѣ того и крыльями; окунающіяся птицы подталкиваются въ водѣ только крыльями. Глубина, до которой достигаютъ ныряющія птицы подъ водою, направленіе, скорость и продолжительность нырянья въ высшей степени различны. Гаги, по на-

блюденіямъ Гольбели, могутъ оставаться подъ водою до 7 минутъ и достигаютъ 120 м. глубины; большинство однако никогда не спускается такъ глубоко и появляется на поверхности воды, чтобы подышать, не больше какъ черезъ 3 минуты. Нѣкоторыя птицы, которыхъ не причисляютъ къ плавающимъ, могутъ однако не только плавать и нырять, но даже бѣгать по дну не очень глубокихъ водоемовъ.

Птицы способны еще къ одному роду движенія, именно къ лазанью, и нѣкоторыя дѣлаютъ это въ высшей степени искусно. При этомъ онѣ пользуются ногами, иногда помогаютъ себѣ клювомъ и хвостомъ, а въ исключительныхъ случаяхъ даже крыльями. Менѣе совершенный способъ лазанья свойственъ попугаямъ, которые схватываютъ клювомъ вышележающую вѣтку, поддерживаются такимъ образомъ, затѣмъ приподнимаютъ все туловище и схватываютъ вѣтку лапами; дятлы лазаютъ болѣе искусно, такъ какъ они двигаются по стволу дерева, придерживаясь только ногами и хвостомъ. Нѣкоторыя птицы скорѣе порхаютъ въ вышину, чѣмъ лазаютъ, такъ какъ при каждомъ прыжкѣ расправляютъ крылья, а затѣмъ, когда прицѣпляются ногами, то ихъ опять складываютъ: такимъ образомъ двигаются, напримѣръ, стѣнолазы; дятлы же поднимаются вверхъ скачками, не расправляя замѣтно крыльевъ. Почти всѣ лазающія птицы могутъ двигаться такимъ образомъ только снизу вверхъ и по верхнимъ сторонамъ вѣтвей; нѣкоторыя же, напротивъ, могутъ бѣгать по отвѣснымъ стволамъ головою внизъ; нѣкоторыя лазаютъ подъ вѣтвями, придерживаясь ногами.

Птицы отличаются отъ всѣхъ другихъ животныхъ своимъ громкимъ, чистымъ и почти всегда пріятнымъ голосомъ. Хотя между ними и встрѣчаются такія, которыя издають лишь рѣдкіе, часто непріятные и рѣзкіе звуки, но большинство имѣетъ необыкновенно гибкій и звонкій голосъ. Голосъ даетъ имъ возможность обмѣниваться чувствами и выражать ихъ посредствомъ пѣнія. Внимательное наблюденіе дѣйствительно показываетъ, что птицы могутъ выражать различныя впечатлѣнія, чувства и даже понятія особыми звуками, которымъ безъ всякаго преувеличенія можно придать значеніе словъ, такъ какъ они не только понятны для другихъ птицъ, но также и для насъ, если мы только примемъ на себя трудъ внимательно изучить этотъ языкъ. Онѣ посредствомъ своего голоса приманиваютъ или зовутъ другихъ птицъ, выражаютъ имъ свою радость и любовь, вызываютъ противниковъ на бой, призываютъ на помощь, предостерегаютъ отъ враговъ, предупреждаютъ объ опасности и вообще обмѣниваются всевозможными впечатлѣніями. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что онѣ понимаютъ не только голосъ другихъ птицъ своего вида, но многія умѣютъ заставить другихъ птицъ понять себя. Мелкія береговыя птички слушаются предостереженія крупныхъ болотныхъ птицъ; вороны предупреждаютъ объ опасности скворцовъ и другихъ опустошителей полей. Случается, что отъ голоса испуганнаго дрозда всполошатся всѣ обитатели лѣса. Особенно осторожныя птицы дѣлаются сторожами всего общества, которое очень внимательно къ нимъ прислушивается. Во время ухаживанія оба пола выражаютъ свои чувства въ высшей степени разнообразно и мило, а мать умѣетъ очень нѣжно разговаривать со своими дѣтенышами. Нѣкоторыя птицы правильно перекликаются, какъ бы отвѣчая одна другой; другія выражаютъ свои чувства пѣніемъ, не заботясь о томъ, слышитъ ли ихъ кто-нибудь или нѣтъ. Къ послѣднимъ относятся пѣвчія птицы, которыхъ можно называть любимцами влстителя вселенной — челоуѣка, такъ какъ онѣ послужили причиною особой любви его ко всему классу.

Пока дѣло касается простаго разговора, то оба пола выказываютъ почти одинаковое искусство, но настоящее пѣніе есть привиллегія мужского пола, такъ какъ самка очень рѣдко научается пропѣть нѣсколько строкъ. У всѣхъ настоящихъ пѣвцовъ муску-

лы нижней гортани развиты почти одинаково, но пѣніе ихъ однако въ высшей степени разнообразно. Каждый отдѣльный видъ издаетъ свойственные ему тоны и имѣетъ особый тембръ голоса; каждая птица по своему соединяетъ тоны въ отдѣльныя строфы, которыя отличаются большимъ или меньшимъ богатствомъ нотъ, силою и способомъ перехода одного тона въ другой; пѣніе нѣкоторыхъ птицъ ограничивается только нѣсколькими нотами, другія владѣютъ болѣе, чѣмъ одной октавой. Когда каждая строфа пѣнія рѣзко обозначается и ясно отдѣляется отъ другихъ, то пѣніе называютъ щелканьемъ: собственно же пѣніемъ называютъ, когда отдѣльные звуки хотя быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, но не образуютъ ясныхъ строфъ. Соловей и зябликъ щелкаютъ, а жаворонокъ и щегленокъ поютъ. Каждая пѣвчая птица умѣетъ, впрочемъ, разнообразить свою пѣсню, и потому-то она и дѣйствуетъ на насъ такъ сильно. Мѣстность имѣетъ также влияніе на пѣніе птицъ: въ горахъ нѣкоторые виды поютъ иначе, чѣмъ на равнинѣ, хотя подобное различіе замѣтно только для знатока. Хорошій пѣвецъ можетъ въ извѣстной мѣстности образовывать подобныхъ же ему хорошихъ учениковъ, а худой пѣвецъ портитъ пѣніе другихъ птицъ: молодыя птички перенимаютъ всѣ подробности пѣнія у старыхъ, но, къ сожалѣнію, точно такъ, какъ и дѣти, болѣе склонны воспринимать недостатки, чѣмъ хорошія качества пѣнія. Нѣкоторые виды не довольствуются своею собственною пѣснюю, но примѣшиваютъ къ ней отдѣльные тоны или строфы, свойственные другимъ птицамъ, а также иногда поражающіе ихъ посторонніе звуки или голоса; этихъ послѣднихъ птицъ мы называемъ пересмѣшниками, но совершенно неправильно, такъ какъ онѣ подражаютъ вовсе не для того, чтобы смѣяться надъ другими птицами. Настоящія пѣвчія птицы, т. е. тѣ, которыя не только имѣютъ сложные мускулы на нижней гортани, но которыя дѣйствительно поютъ, встрѣчаются во всѣхъ странахъ земного шара, но преимуществу же въ умѣренномъ поясѣ сѣвернаго полушарія.

Уже выше было сказано, что мы замѣчаемъ у птицъ хорошее развитіе всѣхъ виѣшнихъ чувствъ. Къ этому выводу можно придти, рассматривая органы чувствъ, но онъ вполне подтверждается и наблюденіемъ. Всѣ птицы видятъ и слышатъ очень хорошо, нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ тонкое обоняніе, у другихъ замѣчается нѣкоторое развитіе вкуса, а у всѣхъ мы наблюдаемъ хорошее осязаніе, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что онѣ очень чувствительны къ измѣненіямъ температуры. Сильная виѣшняя и внутренняя подвижность глазъ позволяетъ птицѣ имѣть очень обширный кругозоръ и въ предѣлахъ его рассматривать отдѣльные предметы самымъ детальнымъ образомъ. Хищныя птицы замѣчаютъ маленькихъ млекопитающихъ, а насѣкомоядныя—летающихъ или сидящихъ насѣкомыхъ на поразительно большихъ разстояніяхъ. Глазъ птицъ находится въ постоянномъ движеніи, такъ какъ фокусъ его долженъ измѣняться для рассматриванья каждаго предмета отдѣльно, въ чемъ можно убѣдиться простымъ опытомъ. Если поднести руку къ глазу какой-нибудь хищной птицы, напримѣръ королевскаго грифа (*Sarcoglyphus* пара), свѣтлая радужная оболочка котораго облегчаетъ наблюденія, то легко замѣтить, что величина зрачка измѣняется, смотря по тому, приближаешь-ли руку къ глазу или ее удаляешь. Только такимъ образомъ становится понятнымъ, что эти птицы могутъ рассмотреть многіе мелкіе предметы на землѣ, наряду на высотѣ нѣсколькихъ сотъ метровъ и въ одинаковой степени хорошо могутъ рассмотреть предметы вблизи. О прекрасномъ слухѣ птицъ мы уже можемъ составить себѣ понятіе по ихъ пѣнію, такъ какъ оно должно быть постепенно заучено отъ другихъ птицъ, но въ тонкости этого чувства мы можемъ убѣдиться и непосредственнымъ наблюденіемъ: пугливыя птицы узнаютъ объ опасности часто только по одному слуху, а домашнія птицы слышатъ издали зовъ человѣка, который ихъ кормитъ. Мож-

но съ большою вѣроятностью предположить, что ушастыя совы во время своихъ ночныхъ охотъ руководятся слухомъ настолько же, насколько и зрѣніемъ; однако опытами это не доказано. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что млекопитающія съ хорошо развитымъ слухомъ слышать все-таки лучше птицъ: по крайней мѣрѣ не существуетъ наблюдений, которыя намъ доказывали бы, что какаѣ-нибудь птица слышитъ лучше летучей мыши, кошки или степной антилопы.

Объ обоняніи птицъ существуютъ до сихъ поръ самыя разнообразныя мнѣнія, такъ какъ здѣсь затемняютъ дѣло многія предвзятыя мнѣнія, выдуманныя охотниками и другими неточными наблюдателями. Охотники вѣрятъ до сихъ поръ, что воронъ издала по запаху узнаетъ, заряжено-ли ружье или нѣтъ, и даже натуралисты полагаютъ, что грифы, руководствуясь обоняніемъ, летятъ на падалъ за нѣсколько километровъ. О томъ, что вышеприведенный рассказъ о воронѣ невѣренъ, не стоитъ и толковать, а объ обоняніи грифовъ я могу судить самъ, на основаніи своихъ опытовъ и наблюдений, и потому смѣло утверждаю, что и второе наблюдение невѣрно. Нельзя отрицать того, что до извѣстной степени обоняніе развито у всѣхъ птицъ; это доказываютъ намъ наблюденія надъ всѣми воспитываемыми нами птицами, но онѣ ни въ какомъ случаѣ не могутъ издала слышать запахъ, какъ это замѣчается у многихъ млекопитающихъ. Вкусъ птицъ также несомнѣнно слабѣе, чѣмъ у млекопитающихъ. Мы, конечно, видимъ, что онѣ предпочитаютъ одинъ сортъ пищи другому и предполагаемъ, что при этомъ онѣ руководствуются чувствомъ вкуса; но если обратить вниманіе на то, что куски пищи проглатываются птицами цѣликомъ безъ разжевыванія, то вышеприведенный выводъ оказывается болѣе чѣмъ сомнительнымъ. Языкъ у нихъ служитъ скорѣе органомъ осязанія, чѣмъ вкуса; онъ больше служитъ для ощупыванія предметовъ, чѣмъ для принятія вкусовыхъ ощущеній. У значительнаго числа птицъ осязаніе сосредоточено въ языкѣ: всѣ дятлы, колибри и ширококлювыя плавающія птицы ощупываютъ свою добычу въ закрытыхъ мѣстахъ языкомъ и отличаютъ ее посредствомъ осязанія отъ различныхъ другихъ несъѣдобныхъ веществъ. Кромѣ того птицы ощупываютъ предметы и клювомъ, что замѣчается, напримѣръ, у бекасовъ и утокъ. Ноги не имѣютъ почти никакого значенія при осязаніи. Несмотря на густое опереніе, мы замѣчаемъ у птицъ и общую чувствительность всей кожи: всѣ птицы очень тонко воспринимаютъ всякія внѣшнія впечатлѣнія: онѣ очень чувствительны къ переменамъ температуры и замѣчаютъ даже самое легкое прикосновеніе. Относительно понятливости и душевныхъ способностей птицъ я могу повторить почти все то, что мною сказано по этому поводу о млекопитающихъ; по крайней мѣрѣ я не могу указать ни одной душевной способности и ни одной черты характера, замѣчаемыхъ у млекопитающихъ, которыхъ нельзя было-бы найти и у птицъ. Всякій сколько-нибудь внимательный наблюдатель можетъ убѣдиться въ томъ, что даже маленькія и безобидныя птички приходятъ иногда въ такую ярость, что свирѣпо нападаютъ на другихъ такихъ-же безобидныхъ птичекъ и выказываютъ при этомъ страшную жестокость. Очень долго предполагали, что умственные способности птицъ развиты плохо, и всѣ ихъ дѣйствія исключительно объясняли такъ называемымъ инстинктомъ; многіе и теперь придерживаются этого мнѣнія, но это очевидно происходитъ только оттого, что эти лица сами вовсе не наблюдали птицъ и не желаютъ выискнуть въ наблюденія другихъ. При рѣшеніи подобныхъ вопросовъ не слѣдуетъ никогда забывать, что всѣ наши объясненія, касающіяся душевной жизни животныхъ, основаны лишь на предположеніяхъ; при самыхъ лучшихъ условіяхъ мы только отчасти понимаемъ душевное состояніе и характеръ животныхъ. По различнымъ его дѣйствіямъ мы судимъ о его мысляхъ и желаніяхъ, но въ вѣрности нашего сужденія мы убѣдиться не можемъ.

Многое здѣсь оказывается для насъ загадочнымъ и необъяснимымъ. Къ послѣднимъ относятся приготовленія, которыя многія птицы дѣлаютъ въ виду предстоящихъ нѣмнѣеіи жизненныхъ условій; напримѣръ: сборы къ перелету въ то время, когда недостатокъ пищи не даетъ еще себя чувствовать, нѣкоторыя отклоненія отъ обычнаго способа постройки гнѣздъ, раннее или позднее гнѣздованіе; все это въ послѣдствіи оказывается вполне цѣлесообразнымъ. Сюда-же относятся многіе факты изъ жизни птицъ, которые обыкновенно объясняются инстинктомъ, напримѣръ искусное устройство гнѣздъ, общежитіе и т. д. Для насъ, по крайней мѣрѣ, ясно, что однимъ инстинктомъ всего этого объяснить нельзя.

Птицы живутъ на всемъ земномъ шарѣ; ихъ находили вездѣ, куда только могъ проникнуть человекъ; онѣ встрѣчаются какъ на покрытыхъ льдомъ островахъ сѣвернаго и южнаго полюса, такъ и въ жаркихъ экваторіальныхъ странахъ, среди моря точно такъ, какъ и на высочайшихъ вершинахъ горъ, въ плодоносныхъ странахъ также какъ и въ пустыняхъ, въ первобытномъ лѣсу и на голыхъ скалахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ моремъ. Каждый отдѣльный поясъ имѣетъ своихъ особыхъ обитателей изъ класса птицъ. Распространеніе птицъ согласуется однако съ общими законами о распространеніи животныхъ по земному шару: въ холодныхъ поясахъ онѣ встрѣчаются хотя въ большомъ числѣ экземпляровъ, но въ ограниченномъ числѣ видовъ, а у экватора, напротивъ того, мы встрѣчаемъ большое разнообразіе видовъ и разновидностей. Вода, умѣряющая всякія крайности, имѣетъ вліяніе и на птицъ: водныхъ птицъ вообще немного, и онѣ сходны между собой, между тѣмъ какъ разнообразіе ландшафта на сушѣ отражается и на разнообразіи птичьей фауны. Не только въ каждомъ поясѣ, но и въ каждой мѣстности встрѣчаются особыя птицы, напримѣръ въ сѣверной тундрѣ, на обширныхъ океанахъ и въ песчаныхъ пустыняхъ; въ равнинахъ живутъ другія птицы, чѣмъ въ горахъ, а въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ иныя, чѣмъ въ лѣсахъ. Измѣненія въ климатѣ и орошеніи въ извѣстной мѣстности ведутъ за собою и измѣненія въ фаунѣ птицъ, ея населяющихъ. На водѣ область распространенія отдѣльныхъ видовъ обширнѣе, чѣмъ на сушѣ, гдѣ широкая рѣка, морскою проливъ, горная цѣпь могутъ сдѣлаться границами распространенія извѣстнаго вида птицъ; но границы существуютъ и на морѣ. Только очень немного птицъ живетъ безъ исключенія во всѣхъ мѣстностяхъ земнаго шара; насколько до сихъ поръ извѣстно, сюда относится лишь одна птица, живущая на сушѣ и нѣсколько болотныхъ и плавающихъ птицъ. На всемъ земномъ шарѣ живутъ, напримѣръ, болотная сова (*Strix brachyotus*), которую встрѣчали во всѣхъ частяхъ свѣта, а также камнешарка (*Strepsilas*), которая встрѣчается на берегахъ всѣхъ частей свѣта, какъ восточнаго, такъ и западнаго полушарія. Обыкновенно область распространенія простирается дальше съ востока на западъ, чѣмъ съ сѣвера на югъ: на сѣверѣ живетъ много птицъ, встрѣчающихся такъ въ Европѣ и Азіи, такъ и въ Америкѣ, почти въ одинаковомъ числѣ, между тѣмъ какъ нѣсколько сотъ километровъ по направленію къ югу уже сильно измѣняютъ птичью фауну. Область распространенія птицъ не находится въ связи съ полетомъ ихъ: очень хорошіе летуны имѣютъ иногда относительно небольшую область распространенія, а птицы, не очень хорошо летающія, могутъ жить въ гораздо большемъ районѣ. Мы увидимъ въ послѣдствіи, что правильныя странствованія птицъ, т. е. перелеты ихъ къ сѣверу и югу, также не вліяютъ на величину области распространенія отдѣльныхъ видовъ.

Согласно мнѣнію Склатера, теперь дѣлать обыкновенно земной шаръ по фаунѣ

на шесть областей. Въ первой области, палеарктической, къ которой относится вся Европа, сѣверная Африка и сѣверная Азія до 30° с. ш., живетъ, по словамъ Склатера, около 650 видовъ птицъ, изъ которыхъ характерными для этой области должны считаться: Славки (*Sylvia*), Горихвостки (*Ruticilla*), Завирушки (*Accentor*), Сорокопуть (*Lanius*), Клушицы (*Pyrhocorax*), Сойки (*Garrulus*), Стернатки (*Emberiza*), Дубоносы (*Coccothaustes*), Тетерева (*Tetrao*) и нѣкоторыя другія птицы. Слѣдовательно въ этой обширной области мы находимъ лишь немного семействъ, которыя не были бы гораздо лучше развиты въ другихъ областяхъ. Это—самая бѣдная область: въ ней одинъ видъ птицъ приходится на 1300 кв. географическихъ миль.

Эѳіопская область, обнимающая всю Африку южнѣ Сахары, острова, находящіеся на юго-востокѣ этой части свѣта, именно Мадагаскаръ, островъ Св. Маврикія и Бурбонъ, а также южную Аравію, заключаетъ въ себѣ многія ей только свойственныя семейства птицъ, напримѣръ: Колии (*Colius*), Пизангофды (*Musophraga*), Волоклюи (*Vurhaga*), а также богата и характерными видами. Здѣсь живутъ Сѣрые и Карликовые попугаи, Индикаторы (*Indicator*), большая часть Ткачей (*Tector*), Пустынный и Длинноногій жаворонки (*Ammomanes* и *Alaemon*), Шпорцевая шеврица (*Anthus richardi*), почти всѣ Блестящіе скворцы (*Lamprotonis*), Древесные удоуды (*Irrisor*), Секретарь (*Serpentarius*), Безхвостый сарычъ (*Helotarsus escaudatus*), Пѣвчіе ястребы (*Asturina*), Цесарки (*Numida*), Страусы (*Struthio*), Челноклювы (*Balaeniceps*), Тѣневныя птицы (*Scopus*), Марабу (*Leptoptilus crumenifer*) и другія.

Въ высшей степени характерна фауна Мадагаскара. Хотя этотъ островъ относится къ Эѳіопской области, но на немъ не встрѣчается ни одного характернаго для всей Африки вида птицъ, и потому есть основаніе образовать изъ этого острова особую область. Четыре семейства птицъ встрѣчаются исключительно на Мадагаскарѣ и сосѣднихъ островахъ. Кромѣ того сравнительно съ Африкой особенно многочисленны виды попугаевъ, хищныхъ дневныхъ птицъ, кукушекъ, медоѣдовъ, голубей, голенастыхъ и плавающихъ птицъ; воробьи, шурки (*Merops*) и скворцы, напротивъ того, встрѣчаются въ небольшомъ числѣ видовъ, а семейства вороновыхъ, сорокопутьевъ, дроздовъ, ласточковыхъ сорокопутьевъ (*Artamus*) мухоловокъ и абиссинскихъ дроздовъ (*Crateropus*) имѣютъ здѣсь представителей, сильно отличающихся отъ типическихъ формъ этихъ семействъ. Склатеръ считаетъ, что въ Эѳіопской области живетъ около 1250 видовъ птицъ, такъ что одинъ видъ приходится на 350 кв. географическихъ миль; на островѣ Мадагаскарѣ, по Гартлаубу, живетъ 220 видовъ птицъ, изъ которыхъ 104 исключительно свойственны этому острову.

Третья область, Индійская или Восточная, обнимаетъ собою Азію южнѣ Гималайскихъ горъ, слѣдовательно Индію, Цейлонъ, Бирму, Малайскій полуостровъ, южный Китай, Зондскіе и Филиппинскіе острова и сосѣдніе островки. Характерными для этой очень богатой птицами области являются слѣдующіе роды: Попугайчики (*Palaeornis*), Ночные шурки (*Nyctiornis*), Рогоклювы (*Eurylaemus*), Бѣлоноги (*Podargus*), Саланганы (*Collocalia*), Древесные стрижи (*Dendrochelidon*), Мути (*Hiogax*), Каменный Шрикунъ (*Pastor roseus*), Мейны (*Euabes*), Длиннохвостыя сороки (*Dendrocitta*), нѣкоторые виды орѣховокъ и дроздовъ (*Turdus obscurus, varius, dauma, mollissimus*), Красная птица (*Pericrocotus*), Портняга (*Orthotomus*), Желтоголовая плиска (*Budytes citreolus*), Ласточковая плиска (*Henicurus coronatus*), Павлины (*Pavo*), Лофофоры (*Lophophorus*), Шпорники (*Polyplectron*), Фазаны (*Phasianus*), Сатиры (*Ceratornis*), Аргусы (*Argus*), Лѣсныя перепелки (*Cryptonix cristatus*),

и многія другія. Принимая, что въ этой области живетъ 1500 видовъ птицъ, оказывается, что на одинъ видъ приходится 140 кв. географическихъ миль. слѣдовательно эта область богаче видами обѣихъ предыдущихъ.

Къ Австралійской области относится материкъ Австраліи, Новая Гвинея и прочіе Папуасскіе острова, Тасманія, Новая Зеландія и почти всѣ прочіе острова на Тихомъ океанѣ. Птичья фауна этихъ странъ относительно довольно богата и въ высшей степени своеобразна. Материку Австраліи и Тасманіи свойственны: Какаду (*Ptilinopus*), Широкохвостые попугаи (*Platycercus*), Земляные попугаи (*Pezoporus*), Гигантская кукушка (*Scythrops*), Исполинскій и Новоголландскій бѣлоноги (*Podargus humeralis* и *Novae Hollandiae*), Толстоголовые сорокопуды (*Falcunculus*), Флейщикъ (*Strepera tibicen*), Широкохвость (*Menura superba*), Шалашники (*Chlamydodera*), Австралійскія орѣховки (*Brachyrhynchus*), Эму (*Dromaeus*). Талегалы или густовыя курицы (*Cathartus*), Голубиные куры (*Leipoa*), Австралійскій гусь (*Cercorix*) и многія другія птицы. На Новой Гвинее живутъ: Лори (*Trichoglossus*), Чижиковые попугаи (*Nasiterna*), Райскія птицы (*Paradisea*), Вѣнценосные голуби (*Megapelia*) и другія. Новая Зеландія характеризуется слѣдующими птицами: Земляными какаду (*Nestor*), Ночными попугаями (*Stringops*), Лопастоносцами (*Creadion*), Кивикиви (*Apteryx*) и т. д. Острова Полинезіи, наконецъ, служатъ родиной многихъ особыхъ видовъ попугаевъ, голубей, вьюрковъ и нектариній (*Meliphagidae*). Если считать въ этой области 1000 видовъ, то одинъ видъ приходится на 180 кв. географическихъ миль.

Сѣверо-Американская область только немного богаче видами птицъ сравнительно съ палеарктической. Характерными птицами здѣсь служатъ: Сіалии (*Sialia*), нѣкоторые виды дроздовъ (*Turdus migratorius*, *naevius*, *Pallasii*, *Swainsoni*), нѣкоторые тиранны (*Tyrannus carolinensis* и *vociferans*), Дроздъ Пересмѣшникъ (*Mimus*), Полосатые вьюрки (*Zonotrichia*), Кардиналы (*Cardinalis*), Голубыя сойки (*Cyanocitta*), Индюки (*Meleagris*) и т. д. Число видовъ простирается до 660, такъ что на 560 кв. географическихъ миль приходится по одному виду.

Наконецъ Южно-Американская область по числу видовъ птицъ богаче всѣхъ другихъ и превосходитъ другія области по числу ей исключительно свойственныхъ видовъ; относительное богатство ея фауны только немногимъ меньше Индійской области. Склатеръ считаетъ, что здѣсь водится 2200 видовъ птицъ, изъ чего слѣдуетъ, что одинъ видъ приходится на 170 кв. географическихъ миль. По меньшей мѣрѣ 8 или 9 семействъ птицъ, очень богатыхъ видами, исключительно свойственны этой области: напримѣръ, семейство колибри встрѣчается почти исключительно въ Южной Америкѣ, такъ какъ изъ очень большого количества видовъ этого семейства только очень немногіе встрѣчаются въ Сѣверной Америкѣ, такъ что колибри можно по праву назвать южно-американскими птицами. Область эта особенно богата характерными родами и видами; здѣсь живутъ Арапы (*Sitaleae*), Клинохвостые (*Colinus*) и Зеленые попугаи (*Chrysotis*), Перцеяды (*Rhamphastos*), Кукушки-личинкоѣды (*Crotophaga*), Длинноногія кукушки (*Coccyzus*), Бородастики (*Buccones*), Жакамары (*Galbula*), Пилоракии (*Prionites*), Плоскоклювы (*Todi*), Гигантскіе козодои (*Nyctibius*), Гарпін (*Thrasaetus harpya*), Гвіанскій хохлатый орелъ (*Morphnus guianensis*), Вилохвостый коршунъ (*Nauclerus furcatus*), Американскій пѣвчій ястребъ (*Asturina meridionalis*), Ястребъ хохотунъ (*Herpetotheres cachinans*), Каракара (*Polyborus*), Кандоръ и другіе грифы (*Sarcogamphus*), нѣсколько видовъ тиранновъ, (*Tyranni*), Котинги (*Ampelis*), Зобатія птицы (*Gymnoderis*), Муравьеловки (*Formicivora*), Древолазы (*Anabatidae*), Печники (*Fignariidae*), Мягкохвостые дятлы (*Picumninae*), Древесные перенела (*Oryx*), Хокко (*Crex alector*), Безхвостыя куры (*Crypturidae*), Пе-

нелопы (Penelope), Нанду (Rheornithes), Саваку (Nycticorax capscrophagus) и многія другія.

Изъ вышесказаннаго видно, что въ Старомъ Свѣтѣ живетъ около 4300 видовъ птицъ, а въ Новомъ Свѣтѣ около 3000. Числа эти однако только приблизительныя и не совсѣмъ сходятся съ указаніями другихъ ученыхъ. Грэй въ 1871 году считалъ, что на всемъ земномъ шарѣ существуетъ 11164 вида птицъ. Уэллсъ въ 1876 году—10200, Склатеръ въ 1880 году—10139, но ни одинъ изъ этихъ писателей не приводитъ доказательствъ вѣрности своихъ вычисленій. Вѣроятно мы не слишкомъ ошибемся, если будемъ считать, что на земномъ шарѣ находится около 10 тысячъ видовъ птицъ.

Мѣстоительство птицъ въ высшей степени разнообразно: онѣ живутъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ которыя даютъ имъ возможность существовать. Водныя птицы отъ берега моря поднимаются иногда очень высоко въ горы, а болотныя птицы—еще выше, потому что онѣ не такъ тѣсно привязаны къ водѣ, какъ водныя. На всѣхъ частяхъ суши также находятся постоянные обитатели изъ числа птицъ; даже среди пустынь, пески которыхъ, повидимому, не могутъ дать пропитанія никакому живому существу, мы встрѣчаемъ птицъ, которыя и тамъ находятъ возможность существовать. Однако большинство птицъ, точно такъ какъ и млекопитающія, привязаны прямо или косвенно къ растительности. Только въ лѣсу птицы встрѣчаются въ большомъ количествѣ при значительномъ разнообразіи формъ. Море даетъ пропитаніе многимъ милліонамъ животныхъ разсматриваемаго класса, которыя во время насиванія яицъ собираются на отдѣльные острова, скалы и шхеры. Но какъ ни велико количество птицъ на этихъ островахъ, на сушѣ, а особенно въ лѣсу ихъ бываетъ еще больше, съ тѣмъ различіемъ, что въ послѣднемъ случаѣ въ одну мѣстѣ собрано множество различныхъ видовъ этихъ животныхъ. Чѣмъ больше мы приближаемся къ экватору, тѣмъ богаче видами дѣлается птичье населеніе извѣстной мѣстности, такъ какъ въ тропическихъ странахъ суша представляетъ собою большое разнообразіе мѣстностей и жизненныхъ условій, что и имѣетъ вліяніе на богатство фауны. Соотвѣтственно этому самое большое богатство формъ птицъ представляютъ не обширные лѣса, а такія мѣстности, гдѣ на небольшомъ пространствѣ соединены горы и долины, лѣса и степи, болота и водныя пространства. Больше всего разнообразныхъ птицъ мы встрѣчаемъ на берегахъ рѣки, текущей по густому лѣсу, на болотѣ, окруженномъ деревьями, на затопленной части лѣса, такъ какъ въ подобныхъ мѣстахъ соединяются условія, свойственныя какъ водѣ, такъ и сушѣ, и, слѣдовательно, здѣсь находится большое количество различныхъ питательныхъ веществъ, что и даетъ возможность многимъ птицамъ находить себѣ пропитаніе. Какъ всѣ остальные живыя существа, птицы собираются въ большомъ количествѣ тамъ, гдѣ онѣ находятъ обильную и легко добываемую пищу.

Птицы мастерски умѣютъ извлечь въ извѣстной мѣстности всю пользу, которую она можетъ имъ доставить. Онѣ выищутъ всѣ уголки, всѣ щели, найдутъ самыя скрытыя убожища животныхъ, которыми питаются, однимъ словомъ, вездѣ отыщутъ себѣ сѣдобное. Нѣкоторыя, напримѣръ многія зерноядныя птицы и голуби, собираютъ лишь тѣ зерна, которыя открыто лежатъ на землѣ, но другія зерноядныя умѣютъ вынимать сѣмена изъ ихъ оболочекъ, а куры выкапываютъ лапами изъ-подъ земли зерна, корни, клубни и тому подобныя вещества. Птицы, питающіяся плодами, срываютъ клювомъ ягоды и небольшіе плоды, при чемъ нѣкоторыя дѣлаютъ это на лету. Насѣкомоядныя птицы собираютъ свою добычу съ земли во всѣхъ стадіяхъ развитія насѣкомыхъ, клюютъ ихъ на вѣтвяхъ и листьяхъ, вытаскиваютъ изъ цвѣ-

товъ, щелей и другихъ скрытыхъ мѣсть, при чемъ часто должны долго поработать, чтобы добраться до добычи, которую иногда вытаскиваютъ языкомъ изъ узкихъ отверстій. Вороны отыскиваютъ себѣ добычу всѣми вышеуказанными способами и часто убиваютъ другихъ животныхъ, какъ настоящіе хищники. Изъ хищныхъ птицъ каждая добываетъ себѣ пищу по своему. Между ними есть нищія и паразиты, а также птицы, занимающіяся собираніемъ всякаго сора на улицахъ, бойняхъ и помойныхъ ямахъ; нѣкоторыя хищныя питаются только падалью, другія ѣдятъ преимущественно кости, нѣкоторыя, наконецъ, ѣдятъ падаль, но охотятся и за живыми животными. Иныя хищныя птицы питаются главнымъ образомъ крупными насѣкомыми и только изрѣдка нападаютъ на маленькое позвоночное животное, другія-же, наоборотъ, питаются исключительно сими послѣдними. Многія изъ нихъ схватываютъ только сидящихъ или бѣгущихъ животныхъ, а нѣкоторыя бросаются лишь на летящую добычу, третьи же добываютъ себѣ пищу и тѣмъ, и другимъ способами. Подобное-же разнообразіе въ способѣ добыванія пищи замѣчаемъ мы между болотными и водными птицами. Многія изъ нихъ ѣдятъ только то, что легко находятъ въ водѣ или на землѣ, другія отыскиваютъ добычу въ скрытыхъ мѣстахъ; однѣ питаются и растительной, и животной пищей, другія исключительно послѣдней; утки и похожія на нихъ птицы отыскиваютъ добычу въ жидкомъ илѣ, иныя глубоко ныряютъ за добычей; однѣ долго отыскиваютъ ее подъ водой, другія сначала высматриваютъ добычу, а затѣмъ только кидаются на нее въ воду. Нѣтъ на земномъ шарѣ ни одной страны, даже ни одной мѣстности, гдѣ-бы птицы не отыскивали себѣ пропитанія. Каждая изъ нихъ старается воспользоваться всѣми данными ей средствами, чтобы найти себѣ пищу, каждая борется за свое существованіе. Изъ вышесказаннаго ясно видно, что образъ жизни и способъ питанія птицы зависятъ главнымъ образомъ отъ строенія ея конечностей и клюва.

Дѣтскій возрастъ птицы очень коротокъ, но юношескій длится долго, хотя не всегда соответствуетъ продолжительности жизни птицы. Птица вырастаетъ очень скоро и уже нѣсколько недѣль послѣ рожденія способна двигаться и отыскивать себѣ пищу, но вполнѣ взрослой она дѣлается только по прошествіи довольно долгаго времени. Дѣтенышъ развивается, какъ мы знаемъ, въ яйцѣ, и этому способствуетъ теплота, доставляемая насиживающей маткой или обоими родителями по-очередно; впрочемъ теплота доставляется иногда солнцемъ или гнѣющими растительными веществами. Послѣ оплодотворенія одно изъ яичекъ съ развитымъ желткомъ выпячивается изъ яичника, воспринимаетъ изъ крови различныя вещества, необходимыя желтку для полнаго развитія, затѣмъ отрывается и попадаетъ въ яйцеводъ, который во время кладки яицъ выказываетъ усиленную дѣятельность, такъ какъ стѣнки его выдѣляютъ бѣлокъ. Желтокъ и бѣлокъ, посредствомъ сокращенія яйцевода, проталкиваются внизъ и попадаютъ въ нижнее его расширеніе, такъ называемую матку; здѣсь яйцо принимаетъ свою продолговатую форму, и на поверхности его появляются перепонка и известковая скорлупа. Послѣдняя бываетъ сначала мягкая и липкая, но скоро твердѣетъ, и тогда яйцо готово къ кладкѣ. Сокращеніемъ мускуловъ расширенной части яйцевода яйцо подвигается внизъ, тупымъ концомъ впередъ, выходитъ въ отверстіе яйцевода и попадаетъ въ клоаку; здѣсь оно, вѣроятно, получаетъ окраску и затѣмъ выходитъ изъ тѣла птицы черезъ задній проходъ. Величина и внѣшній видъ яйца, которые, вѣроятно, обуславливаются главнымъ образомъ строеніемъ матки, очень различныя. Величина яйца находится обыкновенно въ известномъ соответствіи съ объемомъ тѣла матери, такъ что всѣ яйца составляютъ опредѣленную часть вѣса птицы, однако тутъ часто замѣчаются неправильности: нѣкоторыя птицы

кладутъ относительно очень большія, другія, напротивъ, сравнительно очень маленькія яйца. Вышій видъ яйца въ большинствѣ случаевъ мало отличается отъ куриного, однако у нѣкоторыхъ птицъ оно дѣлается нѣсколько похожимъ на волчекъ, грушу или цилиндръ. Объ окраскѣ яицъ трудно сказать что-нибудь определенное; можно замѣтить только, что тѣ яйца, которыя высиживаются въ закрытыхъ помѣщеніяхъ большею частью бѣлыя или одноцвѣтныя, тѣ-же яйца, которыя несутся въ открытыя гнѣзда, большею частью покрыты пятнышками. Число яицъ одной кладки колеблется между однимъ и двадцатью четырьмя; чаще всего насиживаются разомъ отъ 4—6 яицъ.

Послѣ того какъ самка снесла должное количество яицъ, она начинаетъ ихъ насиживать. Птица рѣдко покидаетъ гнѣздо, сидитъ въ немъ какъ-бы въ лихорадочномъ состояніи и доставляетъ своимъ тѣломъ необходимую для развитія зародышей теплоту, при чемъ дѣйствуетъ большею частью одна самка, иногда-же поочередно съ самцомъ. Изрѣдка птицы пользуются для вывода яицъ теплотою солнца или гниющихъ растительныхъ веществъ. Дѣтеныши проклевываются немного раньше или позже, смотря по погодѣ, но продолжительность насиживания у отдѣльныхъ видовъ мало измѣняется. У различныхъ видовъ, само собой разумѣется, продолжительность насиживания очень разнообразна: страусъ высиживаетъ въ теченіи 55—60 дней, колибри отъ 10—12; у большинства птицъ время насиживания длится отъ 18—26 дней.

Для развитія зародыша въ яйцѣ необходима температура отъ 37,5° до 40° Цельсія. Теплота эта можетъ исходить не только отъ тѣла птицы, но, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ быть замѣнена и всякимъ другимъ грѣющимъ тѣломъ. Плиніи рассказываетъ, что Юлія Августа, супруга Тиверія, вывела у себя на груди птенцовъ изъ яицъ, а древніе египтяне уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ знали, что насиживающую курицу можно замѣнить искусственной равномерной теплотой. Если куриное яйцо въ теченіи 21 дня держать въ постоянной температурѣ въ 37,5° Цельсія, то при другихъ благопріятныхъ условіяхъ можно быть увѣреннымъ, что изъ него выведется цыпленокъ. Для развитія дѣтеныша необходимъ обмѣнъ веществъ, преимущественно-же доступъ воздуха: изъ яйца, которое не можетъ воспринимать кислорода воздуха, никогда не выведется дѣтенышъ.

Передъ проклевываньемъ дѣтеныши начинаютъ двигаться въ яйцѣ и крѣпкимъ колпачкомъ, который находится у него на клювѣ, давить на скорлупу, отъ чего происходятъ щели и отверстія, а затѣмъ отскакиваютъ небольшіе кусочки скорлупы, яичная перепонка лопается, птичка вытягиваетъ лапки, высовываетъ свою головку и наконецъ вылѣзаетъ изъ разбитой скорлупы.

Лишь немногія птицы достигаютъ въ яйцѣ такого развитія, какъ цыпленокъ; рѣдкія изъ нихъ могутъ нѣсколько минутъ послѣ проклевыванья уже двигаться и искать пищу при помощи матери или безъ всякой посторонней помощи. Тѣ птицы, которыя въ взросломъ возрастѣ выказываютъ наибольшую подвижность и силу, наиболѣе безпомощны въ первые дни своего появленія на свѣтъ. У выводковыхъ птицъ дѣтеныши выходятъ изъ яицъ оперенные и съ достаточно развитыми органами, у птенцовыхъ-же птицъ дѣтеныши бываютъ сначала голые и слѣпыя. Первые, т. е. дѣтеныши выводковыхъ, производятъ на насъ своимъ видомъ тотчасъ послѣ рожденія пріятное впечатлѣніе, такъ какъ они довольно развиты; дѣтеныши же птенцовыхъ птицъ въ большинствѣ случаевъ поражаютъ насъ своею непривлекательностью и даже безобразіемъ. Развитие птицъ въ гнѣздѣ до вылета ихъ продолжается различное время. Маленькія птенцовыя птицы способны летать уже черезъ три недѣли, большія, напротивъ, требуютъ для полнаго своего развитія нѣсколькихъ мѣсяцевъ, наконецъ нѣкоторыя птицы только черезъ нѣсколько лѣтъ дѣлаются вполне похожими на

своихъ родителей. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что юность птицы оканчивается не тогда, когда она начинаетъ летать, а лишь тогда, когда она получить опереніе, свойственное взрослымъ птицамъ. Многія птицы сначала получаютъ опереніе, которое вовсе не похоже на опереніе взрослыхъ, другія въ молодости похожи на самку и различія, свойственныя тому или другому полу, появляются только гораздо позже. Нѣкоторыя хищныя птицы должны прожить нѣсколько лѣтъ, пока по вѣшнему виду не сдѣлаются вполне похожими на взрослыхъ.

Измѣненіе въ опереніи происходитъ отъ стиранія перьевъ, выцвѣтанія ихъ или отъ линянія и образования новыхъ перьевъ. Стираніе перьевъ не всегда уменьшаетъ красоту птицы, иногда, напротивъ, оно увеличиваетъ ее тѣмъ, что тускло окрашенные кончики перьевъ стираются и этимъ даютъ возможность выступить наружу среднимъ, болѣе ярко окрашеннымъ частямъ перьевъ. Хотя выцвѣтаніе перьевъ и отрицается многими натуралистами, но оно несомнѣнно обуславливаетъ, не вполне еще яснымъ для насъ способомъ, измѣненія въ цвѣтѣ отдѣльныхъ частей оперенія. Многіе виды орловъ въ молодости окрашены въ однообразный темный цвѣтъ, между тѣмъ какъ у взрослыхъ хвостъ, а иногда и голова, бываютъ часто бѣлыми. Между тѣмъ рулевья перья и кроющія перья на головѣ не линяютъ, а просто выцвѣтаютъ. Сначала замѣчаютъ на широкихъ рулевыхъ перьяхъ, которыя очень удобны для продолжительныхъ наблюденій, свѣтлыя пятна, которыя все увеличиваются въ числѣ и разрастаются, дѣлаются еще свѣтлѣе, наконецъ сливаются, и перо принимаетъ другую окраску. Какія птицы измѣняютъ свое юношеское опереніе посредствомъ выцвѣтанія и у какихъ одновременно происходитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и линяніе, мы еще въ точности сказать не можемъ, но несомнѣнно, что выцвѣтаніе бываетъ причиною измѣненія въ цвѣтѣ перьевъ у нѣкоторыхъ птицъ. Линяніе происходитъ тогда, когда перья дѣлаются болѣе или менѣе негодными отъ долгаго употребленія и отъ вліянія свѣта, пыли и сырости; чаще всего это случается послѣ насиживанья, во время котораго перья сильно портятся механически, а можетъ быть и вслѣдствіе лихорадочнаго состоянія, въ которомъ птица тогда находится. Линяніе начинается на различныхъ мѣстахъ тѣла, при чемъ однако замѣчается, что соотвѣтствующія мѣста на обѣихъ частяхъ тѣла линяютъ одновременно. У многихъ птицъ линяютъ только маленькія кроющія перья на всемъ тѣлѣ, у другихъ перемѣняются вмѣстѣ съ ними какъ маховыя, такъ и рулевья перья; у нѣкоторыхъ самыя крупныя перья линяютъ только черезъ нѣсколько лѣтъ, при чемъ ежегодно вылѣзаютъ только по два пера, у иныхъ же линяніе рулевыхъ и маховыхъ перьевъ происходитъ такъ быстро, что птицы на нѣкоторое время теряютъ способность летать. Пока птица здорова, каждое линяніе придаетъ ей болѣе и болѣе красоты, такъ что яркость и великолѣпіе оперенія увеличиваются съ возрастомъ, между тѣмъ какъ у другихъ животныхъ кожный покровъ какъ бы изнашивается при приближеніи старости. Если по какимъ-либо причинамъ линяніе насильственно прерывается, та птица заболѣваетъ, такъ какъ этотъ процессъ необходимъ для ея здоровья.

Продолжительность жизни птицъ въ извѣстной степени зависитъ отъ величины, а также отъ продолжительности ихъ юношескаго возраста. Вообще можно предположить, что птицы живутъ очень долго. Канарейки, при хорошемъ уходѣ, живутъ въ неволѣ почти столько же, сколько собаки, т. е. 12, 15, 18 лѣтъ; на свободѣ же, вѣроятно, еще дольше, если смерть не произойдетъ отъ какого-нибудь несчастнаго случая; орлы жили въ неволѣ болѣе 100 лѣтъ, а попугаи переживали нѣсколько поколѣній людей. Однако болѣзни и несчастные случаи прекращаютъ жизнь птицъ такъ же часто, какъ и у млекопитающихъ; большинство птицъ погибаетъ отъ

когтей и зубовъ какого-нибудь хищника, хищныя же птицы—отъ общаго ослабленія и старческой немощи. У птицъ замѣчаютъ также повальные болѣзни, отъ которыхъ погибаютъ многія птицы одного вида, а домашнія и комнатныя птицы страдаютъ отъ нѣкоторыхъ болѣзней, которыя рѣдко поддаются лѣченію и почти всегда оканчиваются смертію. Въ лѣсу или на полѣ очень рѣдко находятъ трупы птицъ, особенно же крупныхъ, исключая, конечно, подстрѣленныхъ птицъ. О многихъ мы не знаемъ, гдѣ и какъ онѣ умираютъ. Изрѣдка море выбрасываетъ на берегъ трупъ водной птицы, подѣ деревьями иногда находятъ мертвую птицу, въ большинствѣ же случаевъ тѣла птицъ исчезаютъ, точно природа сама заботится объ ихъ погребеніи.

«Ни одно существо», говорилъ я въ другомъ сочиненіи, «не живетъ такою полною жизнью, какъ птица; никакое другое существо не умѣетъ такъ хорошо, какъ она, воспользоваться ею. Самый длинный день ей кажется недостаточно продолжительнымъ, короткая ночь для нея все-таки длинна: усиленная жизнедѣятельность птицы не позволяетъ ей провести въ снѣ половину времени своего существованія. Почти все дарованное ей время она проводитъ бодро и весело въ дѣятельности».

Всѣ птицы очень рано просыпаются отъ короткаго ночного сна. Большинство изъ нихъ уже бодры, когда утренняя заря начинаетъ золотить небосклонъ. Въ полярныхъ странахъ во время продолжительныхъ лѣтнихъ дней, онѣ почти не дѣлаютъ никакого различія между днемъ и ночью. Въ Норвегіи я слышалъ кукушку еще въ двѣнадцатомъ часу ночи, а въ первомъ часу она уже снова куковала и весь день была дѣятельна. Если среди лѣта, очень рано утромъ отправиться въ лѣсъ, то голоса птицъ уже слышны при первомъ появленіи зари, а поздно вечеромъ ихъ слышишь даже послѣ заката солнца. Для сна имъ, повидимому, достаточно очень короткаго времени ночью и кое-когда по нѣскольку минутъ днемъ. Хотя наши куры садятся на наместы еще до заката солнца, однако онѣ не спятъ и раннимъ своимъ пробужденіемъ доказываютъ, что трехъ часовъ сна имъ достаточно для отдыха послѣ продолжительной дневной дѣятельности. Почти то-же самое замѣчаемъ мы у другихъ птицъ; однѣ только крупныя хищныя птицы, особенно гриффы, поздно вылетаютъ съ мѣстъ, гдѣ онѣ провели ночь.

Птица, которой Богъ даровалъ звонкій голосъ, привѣтствуетъ начинающійся день своимъ пѣніемъ и дѣлаетъ это по крайней мѣрѣ въ то время, когда любовь возбуждаетъ ея жизнедѣятельность. Она начинаетъ искать пищу только послѣ своей утренней пѣсенки. Почти всѣ птицы утоляютъ самый сильный голодъ два раза въ день, утромъ и вечеромъ, а середину дня посвящаютъ отдыху, а также занимаются чисткой и приведеніемъ въ порядокъ своихъ перышекъ. Исключеніе изъ этого правила мы замѣчаемъ лишь у тѣхъ птицъ, добыча которыхъ зависитъ отъ счастливаго случая. Хищныя птицы ѣдятъ обыкновенно одинъ разъ въ день, а тѣ изъ нихъ, которыя питаются не живой добычей, а падалью, часто должны проводить нѣсколько дней безъ ѣды. Въ большинствѣ случаевъ птицы съѣдаютъ только то, что нашли въ теченіи дня, но нѣкоторыя, наиримѣръ сорокопуты, дятлы и поползны собираютъ запасы, которые сохраняютъ въ извѣстныхъ мѣстахъ и запасаются даже на зиму. Послѣ ѣды птицы большею частью пьютъ, а затѣмъ купаются, причѣмъ въ послѣднемъ случаѣ иногда вода замѣняется пескомъ, пылью или снѣгомъ. Птицы посвящаютъ много времени на приведеніе въ порядокъ своего оперенія; если оно сильно пострадало отъ непогоды или охоты, то онѣ занимаются имъ долгие: если же перья мало примяты, то онѣ скоро оканчиваютъ это занятіе. Послѣ купанья птичка прежде всего встряхивается, чтобы сбросить съ себя воду, затѣмъ топор-

щить перышки, чтобы они скорѣй обсохли, потомъ приглаживаетъ каждое перо и смазываетъ его жиромъ, который достаетъ клювомъ изъ железки на надхвостьѣ: она достаетъ клювомъ почти до всѣхъ мѣстъ своего тѣла, но иногда когтями соскабливаетъ жиръ съ клюва, а затѣмъ лапами достаетъ до тѣхъ мѣстъ, которыя не можетъ достать клювомъ. Нѣкоторыя части спины и боковъ она третъ заднею частью головы, а на приглаживаніе маховыхъ, рулевыхъ и другихъ большихъ перьевъ она обращаетъ особое вниманіе. Затѣмъ птица снова встряхиваетъ все опереніе, приводитъ каждое перышко въ порядокъ и успокаивается только тогда, когда тщательно исполнила это дѣло. Послѣ этой возни птица нѣкоторое время отдыхаетъ и перевариваетъ пищу, а затѣмъ снова отправляется за добычей. Если охота была счастливая, то птица вечеромъ еще успѣваетъ провести нѣкоторое время въ пріятномъ обществѣ себѣ подобныхъ на условленныхъ мѣстахъ; пѣвчія же птицы съ особеннымъ увлеченіемъ поютъ по вечерамъ. Наконецъ птица отправляется спать, при чемъ многія собираются обществами на извѣстныхъ мѣстахъ, а во время гнѣздованія невдалекѣ отъ гнѣзда, гдѣ сидитъ подруга на яйцахъ; самки же возвращаются къ своимъ дѣтенышамъ, если они настолько малы, что не могли ее сопровождать. Птицы не сразу усаживаются на вѣткѣ для сна, а передъ этимъ долго щебечутъ, шумятъ и прыгаютъ, какъ-бы совѣщаясь между собою, пока наконецъ усталость не пересилитъ ихъ любовь къ дѣятельности. Погода имѣетъ большое вліяніе на образъ жизни птицъ, а дождь и вѣтеръ часто совершенно измѣняютъ распредѣленіе ихъ дневныхъ занятій.

Весною, при оживленіи всей природы, и птицы начинаютъ жить новою жизнью. Размноженіе птицъ начинается всегда весною, слѣдовательно въ тропическихъ странахъ въ началѣ періодическихъ дождей, которое соотвѣтствуетъ нашей веснѣ, а не зимѣ. Въ отличіе отъ другихъ животныхъ, большая часть птицъ соединяются въ пары на всю жизнь и лишь немногія изъ нихъ, подобно млекопитающимъ, живутъ въ многоженствѣ или вѣрнѣе сказать въ многобрачїи, такъ какъ многоженство въ точномъ смыслѣ этого слова встрѣчается, повидимому, у однихъ страусовъ. Птички, соединившіяся въ парочку, остаются вѣрными другъ другу и всю жизнь живутъ вмѣстѣ, и только въ видѣ исключенія и очень рѣдко одна изъ нихъ измѣняетъ супружеской вѣрности. Такъ какъ между птицами больше самцовъ, чѣмъ самокъ, то, понятно, что у каждаго вида встрѣчаются холостяки и вдовцы, которые рыскаютъ повсюду, чтобы найти себѣ подругу; поэтому извинительно, что они не всегда уважаютъ семейныя узы и пытаются хоть на время отнять самку отъ ея счастливаго обладателя. Необходимымъ слѣдствіемъ подобныхъ преступныхъ дѣяній является стремленіе законнаго супруга всевозможными средствами отгнать пролазу, при чемъ часто приходится прибѣгать къ сильнымъ средствамъ: этимъ объясняются частыя драки во время спариванія. По всей вѣроятности каждый самецъ горькимъ опытомъ убѣждается въ томъ, что нельзя всегда довѣрять подругѣ, и что она, коварная, иногда любитъ разнообразіе: словомъ, ему приходится употребить всѣ силы чтобы сохранить обладаніе своею самкою. Поэтому простительна та сильная, слѣпая ревность, которая замѣчается у птицъ. Встрѣчаются, конечно, такія самки, которыя сообщна съ самцомъ налагаютъ на нахальныхъ пришлецовъ и обращаютъ ихъ въ постыдное бѣгство; большинство птицъ, однако, довольно легко дозволяютъ совратить себя съ пути добродѣтели и показываютъ, что имъ собственно пріятенъ не супругъ, а всякій кавалеръ. Въ этомъ отношеніи были сдѣланы курьезныя наблюденія. Птицы-самки, у которыхъ былъ убитъ самецъ, спаривались полчаса послѣ его смерти, а когда и второй супругъ сдѣлался жертвою своихъ враговъ, то легкомысленная самка немедленно избирала себѣ третьяго самца. Самцы, большею частью

гораздо дольше грустятъ о потерѣ своихъ подругъ, вѣроятно, впрочемъ, потому, что имъ гораздо труднѣе, чѣмъ самкамъ, найти себѣ пару.

Самцы стараются пріобрѣсти расположеніе самокъ всевозможными любезностями: нѣкоторые изъ нихъ приманиваютъ къ себѣ подругу призывными возгласами или пѣніемъ, другіе пытаются обратить на себя вниманіе прекраснаго пола странными тѣлодвиженіями, третьи, наконецъ, выказываютъ передъ самками свое искусство въ летаніи. Ухаживаніе это принимаетъ иногда очень бурный характеръ и самецъ иногда по цѣлымъ часамъ преслѣдуетъ самку, видимо сердясь на нее; но чаще самка сдастся довольно скоро своему любовнику и исполняетъ охотно то, что онъ отъ нея требуетъ. Половое возбужденіе у самокъ не менѣе сильно, чѣмъ у самцовъ и выказывается какъ въ ранней молодости, такъ и въ преклонномъ возрастѣ. Германъ Мюллеръ наблюдалъ, что 6 недѣльный кенарь (самецъ канарейки) топталъ свою мать, призывавшую снова самца, и что самка, ублюдокъ щегленка и канарейки, рожденная въ іюль, уже въ декабрѣ выказывала половое возбужденіе и была оплодотворена 12-лѣтнимъ кенаремъ. Тотъ-же внимательный и толковый наблюдатель замѣтилъ у своихъ комнатныхъ, очень ручныхъ птицъ, что половое возбужденіе является даже тогда, когда сидятъ вмѣстѣ двѣ птицы одного пола, особенно самки, которыя и безъ оплодотворенія выютъ гнѣзда, кладутъ яйца и насиживаютъ ихъ. Во время спариванія птицы хорошо различаютъ полъ другихъ птицъ и даже людей: самцы любезничаютъ съ женщинами, а самки съ мужчинами. Оба пола иногда позволяютъ себѣ самыя странныя спариванія: я самъ наблюдалъ спариваніе самки пеликана съ аистомъ *). Совокупленіе происходитъ во всѣ часы дня, чаще всего утромъ на зарѣ и вечеромъ въ сумерки; оно повторяется нѣсколько разъ и очень часто ограничивается однѣми попытками.

Уже во время своихъ любовныхъ занятій парочка ищетъ удобное мѣсто для гнѣзда, если только птицы не принадлежатъ къ тѣмъ, которыя дѣлаютъ гнѣзда сообща или возвращаются на старыя мѣста гнѣздованія. Гнѣздо построено обыкновенно въ серединѣ области жительства птицъ, но, конечно, оно расположено различнымъ образомъ. Строго говоря, птицы устраиваютъ свои гнѣзда во всевозможныхъ удобныхъ для этого мѣстахъ, высоко надъ землею, а иногда и подъ поверхностью ея, на водѣ и на сушѣ, въ лѣсахъ и на поляхъ. Хищныя птицы дѣлаютъ себѣ почти всегда гнѣзда высоко надъ землею и очень рѣдко гнѣздятся на ея поверхности. Бѣгающія птицы, въ обширномъ смыслѣ этого слова, т. е. такія, которыя чаще бѣгаютъ, чѣмъ летаютъ, напротивъ того, почти всегда гнѣздятся на землѣ, лѣсныя летающія птицы устраиваютъ гнѣзда на вѣтвяхъ и сучьяхъ деревьевъ въ искусственныхъ или ими выдолбленныхъ дуплахъ, во мхѣ на земной поверхности и т. д.; болотныя птицы—въ тростникѣ, камышѣ или травѣ на берегахъ воды, на островкахъ, кочкахъ въ болотѣ или на плавающихъ, ими-же устроенныхъ плоткахъ; нѣкоторыя морскія птицы прячутъ свое гнѣздо въ расщелинахъ скаль, въ вырытыхъ ими углубленіяхъ и подобныхъ мѣстахъ. Однимъ словомъ мѣстоположеніе гнѣздъ такъ разнообразно, что общаго объ этомъ предметѣ можно сказать только слѣдующее: или каждое гнѣздо такъ спрятано, что скрыто отъ глазъ враговъ или, если оно устроено на открытомъ мѣстѣ, то все же его нелегко замѣтитъ, или наконецъ рас-

*. Мнѣ случилось разъ видѣть въ Финляндіи, какъ черный дятель сидѣлъ на курицѣ, забредшей въ лѣсъ и ожесточенно клевалъ ее, а она прижалась къ землѣ и растопырила хвостъ, какъ для пѣтуха. Другой разъ я видѣлъ, что пѣтухъ яростно бросался на сороку, которая вертѣлась около нѣсколькихъ куръ, гулявшихъ въ отдаленной части сада. Сорока, конечно, взлетала на дерево, когда на нее кидался пѣтухъ, но при первой оказіи снова садилась на землю и прыгала между курами.
(Прим. ред.)

положено въ такомъ мѣстѣ, которое недоступно для враговъ. Принадлежность къ извѣстному отряду или семейству не даетъ права заключать, что гнѣздо птицы устроено подобно гнѣздамъ его ближайшихъ родичей, такъ какъ роды одного семейства и даже виды одного рода иногда значительно отличаются одинъ отъ другого по гнѣздованію. Люди имѣютъ довольно большое вліяніе на мѣстоположеніе гнѣзда, главнымъ образомъ тѣмъ, что они устраиваютъ новыя мѣста для гнѣздъ или уничтожаютъ тѣ мѣста, гдѣ птицы прежде гнѣздились. Всѣ ласточки, которыя обыкновенно лѣпятъ свои гнѣзда около домовъ, иногда добровольно устраиваютъ ихъ въ углубленіяхъ скаль и дуплахъ деревьевъ, что случается и въ наше время; воробей и горихвостка (*Emberiza titys*), пустельга, красный соколъ и сапсанъ (*Falco tinnunculus*, *Cenchrus peregrinus*), рыжая сибуха и сиринь воробьиный (*Strix flammea*, *passerina*) бѣлобрюхій и черный стрижи (*Cypselus melba*, *apus*) галка, розовый прикунъ, удождъ и попутчикъ (*Saxicola oenanthe*), и многія другія безъ приглашенія челоуѣка поселяются въ его жилищѣ; скворецъ и нѣкоторыя другія птицы охотно гнѣздятся въ убѣжищахъ, нарочно для этого приготовленныхъ челоуѣкомъ. Съ другой стороны челоуѣкъ, уничтожая старыя деревья и пни, а также очищая лѣсныя поляны отъ нагроможденныхъ камней, заставляеть синицъ и каменокъ устраивать свои гнѣзда въ углубленіяхъ земли.

Самымъ простымъ образомъ гнѣздованія пользуются тѣ птицы, которыя кладутъ яйца прямо на землю безъ всякаго приготовленія; затѣмъ слѣдуютъ такія, которыя вырываютъ въ землѣ небольшую ямку; другія птицы выкладываютъ эту ямку различными мягкими веществами. Подобную же постепенность замѣчаемъ мы и у тѣхъ птицъ, которыя устраиваютъ гнѣзда въ земляныхъ углубленіяхъ, а также отчасти и у тѣхъ, которыя строятъ плавучія гнѣзда, причеиъ разумѣется въ послѣднемъ случаѣ плотъ, служащій основаніемъ для гнѣзда, долженъ быть во всякомъ случаѣ устроенъ птицею. Между птицами, гнѣздящимися на деревьяхъ, почти каждая устраиваетъ гнѣздо по своему. Однѣ складываютъ кое-какъ прутья и этимъ довольствуются, другія сплетаютъ ихъ по крайней мѣрѣ, образуя плоскую платформу, третьи устраиваютъ на этой платформѣ углубленія и выкладываютъ его мелкими вѣтками, иныя еще старательнѣе устраиваютъ вогнутое гнѣздо изъ мелкихъ вѣтвей и корней и выстилаютъ внутренность его перьями и волосами; многія дѣлаютъ крышу надъ этимъ гнѣздомъ, а нѣкоторыя, вмѣсто простаго отверстія, устраиваютъ галерею въ видѣ трубы. Къ птицамъ, вьющимъ свои гнѣзда изъ прутьевъ, ближе всего стоятъ ткачи, которые сплетаютъ не только длинную траву, но и шерстистыя растительныя вещества, образуя изъ нихъ настоящія ткани или нѣчто вродѣ войлока, причеиъ птицы часто спиваютъ отдѣльные куски, найденными или ими самими ссученными нитками, почему ихъ и можно считать мастерами въ этомъ искусствѣ. Но мастерами можно считать и тѣхъ птицъ, которыя лѣпятъ свои гнѣзда изъ глины, причеиъ это вещество смачивается слюной и мнется такъ старательно, что глина приобретаетъ большую пластичность и при высыханіи сильно твердѣетъ. Впрочемъ многія птицы лѣпятъ свои гнѣзда не изъ глины, а собираютъ мелкія растительныя вещества, наприиъръ мохъ и листочки, слѣпляютъ ихъ своей слюной и образуютъ изъ этой массы стѣны гнѣзда; наконецъ нѣкоторыя лѣпятъ гнѣздо прямо изъ слюны, которая такъ твердѣетъ, что образуетъ изъ себя прочныя стѣнки. Въ большинствѣ случаевъ гнѣздо служить только для кладки яицъ и для воспитанія дѣтенышей, но нѣкоторыя птицы строятъ себѣ гнѣзда для развлечения и временнаго житья, а также для убѣжища во время зимняго холода, причеиъ для этой цѣли часто служатъ гнѣзда, выстроенныя раньше для воспитанія дѣтенышей. Къ послѣднимъ принадлежатъ многіе ткачи и шалашники, а также одна болотная пти-

ца, гигантское гнѣздо которой содержитъ въ себѣ особыя помѣщенія для кладки яицъ, а кромѣ того гостинную, столовую и еще другія комнаты; сюда же могутъ быть причислены и дятлы, которые постоянно спятъ въ дуплахъ деревьевъ, и наши домашніе воробьи, которые зимою всегда проводятъ ночь въ своихъ теплыхъ гнѣздышкахъ.

Каждый видъ птицъ употребляетъ большею частью на постройки гнѣздъ постоянно одни и тѣ же вещества, однако птицы умѣютъ примѣняться къ измѣнившимся условіямъ, причемъ замѣняютъ обычный матеріалъ для постройки гнѣзда другимъ, находящимся подъ рукой; иногда же случается, что птицы безъ всякой видимой причины дѣлаются очень разборчивыми въ этомъ отношеніи и строятъ гнѣзда совершенно своеобразно. Птицы часто пользуются для постройки гнѣздъ такими искусственными веществами, которыми очевидно не могли пользоваться предки этихъ птицъ, напимѣръ ватой, шелковыми тряпками и брошенными соломенными шляпами; они почти тотчасъ же употребляютъ въ дѣло хлопковъ отъ очень недавно разведеннаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ хлопчатника. Въ неволѣ птицы рѣдко находятъ для устройства гнѣздъ тѣ вещества, изъ которыхъ онѣ обыкновенно строятъ гнѣзда, и замѣняютъ ихъ другими, на которыя прежде не обращали вниманія.

Самка строитъ гнѣздо, а самецъ таскаетъ ей матеріалъ; такъ происходитъ въ большинствѣ случаевъ, но бываетъ и наоборотъ. У ткачей, напимѣръ, устраиваютъ гнѣздо одни самцы, а самки развѣ только немножко помогаютъ, когда приходится выстилать мягкими веществами внутренность гнѣзда. Почти у всѣхъ другихъ птицъ самецъ принимаетъ на себя покрайней мѣрѣ роль сторожа, заботящагося о безопасности самки во время ея работы, но у тѣхъ птицъ, у которыхъ существуетъ многобрачіе, самцамъ до постройки гнѣзда никакого дѣла нѣтъ. У многихъ птицъ самецъ во время постройки гнѣзда развлекаетъ свою подругу пѣснями или щебетаньемъ. Устройство гнѣзда требуетъ усиленной дѣятельности и полнаго вниманія со стороны птицы: онѣ исполняютъ эту работу по возможности безъ всякихъ перерывовъ и стараются кончить ее какъ можно скорѣе, но случается, что приходится нѣсколько разъ бросать и снова начинать ее; работа эта возбуждаетъ изобрѣтательность птицы и онѣ въ это время часто выказываютъ такую дѣятельность, къ которой въ другое время совсѣмъ неспособны. Матерьялы для постройки гнѣзда откусываются или отламываются клювомъ и ногами, собираются съ земли или поверхности воды, иногда ловятся на воздухѣ; затѣмъ птица ихъ сглаживаетъ, смягчаетъ, иногда ссучиваетъ, а потомъ несетъ къ гнѣзду, держа въ клювѣ, въ лапкахъ или положивши матерьялъ на спину; здѣсь вещества эти укладываются на мѣсто клювомъ и ногами, съ помощью самца привязываются иногда къ вѣтвямъ, а иногда расчесываются когтями и прижимаются на мѣсто грудью. Германъ Мюллеръ, долготѣнія и прекрасныя наблюденія котораго надъ гнѣздованіемъ небольшихъ птенцовыхъ птицъ послужили основаніемъ для моей статьи о постройкѣ гнѣздъ, говорить по этому поводу слѣдующее. «Беззаботныя птицы бросаютъ тотъ матерьялъ, который нуженъ для внутренняго устройства гнѣзда, съ краю прямо въ ямку и топчутъ его ногами; заботливыя же птицы бережно кладутъ его клювомъ на мѣсто и прижимаютъ своимъ тѣломъ. Затѣмъ, какъ однѣ такъ и другія, схватываютъ соломенку или вѣточку ногами, раздѣляютъ ее и съ удивительнымъ искусствомъ укладываютъ по окружности гнѣзда и затѣмъ снова прижимаютъ. Форма углубленія гнѣзда обуславливается выпуклостью груди, такъ какъ птичка кружится въ гнѣздѣ, опустивши туда грудь и почти перпендикулярно поднявши хвостъ; отвѣсныя края гнѣзда обрабатываются грудью, наконецъ самый край получаетъ свою форму отъ прижиманія нижнею частью клюва или подбородка, а также отъ быстрого опусканія и боковыхъ

движеній хвоста; подь конецъ однако край гнѣзда постоянно сглаживается нижнею частью клюва. Длинныя соломины, предназначенныя для прикрѣпленія гнѣзда къ вѣткѣ, передь употребленіемъ сплющиваются и размягчаются клювомъ, а кусочки глины, необходимыя при постройкѣ гнѣзда, передь этимъ долго разжевываются. Заботливо строящія птицы тщательно откусываютъ или отламываютъ торчащіе кончики соломинокъ какъ внутри гнѣзда, такъ и снаружи его; недостаточно высокія гнѣзда птицъ оканчивается часто уже тогда, когда положены въ немъ яйца.

Нѣкоторыя птицы устраиваютъ общественныя гнѣзда, куда самки кладутъ яйца сообща и насиживаютъ ихъ часто поочередно; другія сообща устроенное большое гнѣздо раздѣляютъ на отдѣльныя коморочки, изъ которыхъ каждая служитъ помѣщеніемъ для особаго семейства; третьи, наконецъ, строятъ свое гнѣздо въ гнѣздѣ другой птицы, прилѣпляя его обыкновенно къ нижней части и насиживаютъ яйца одновременно съ настоящимъ хозяиномъ гнѣзда.

О кладкѣ яицъ Германъ Мюллеръ сдѣлалъ также самыя точныя наблюденія и сообщилъ мнѣ ихъ для этого сочиненія. «Большинство птицъ кладется между 5—9 часами утра и очень часто въ опредѣленный часъ. Самая кладка, т. е. время съ того момента, какъ птица сядетъ на гнѣздо и до тѣхъ поръ, пока его оставитъ, продолжается обыкновенно около получаса, но оно можетъ значительно продолжиться, а можетъ быть и гораздо короче. Уже наканунѣ, особенно къ вечеру, птица показываетъ, что собирается класть усиленнымъ принятіемъ пищи, а также глотаніемъ песка и известковыхъ веществъ. Кладка облегчается сильными тѣлодвиженіями и повертываніемъ въ гнѣздѣ. Какъ только начинаются боли, птица садится въ гнѣздо. Внѣшними признаками болѣе служатъ: затрудненное дыханіе съ полуоткрытымъ клювомъ, подниманіе передней части туловища, и судорожное распусканіе и опусканіе крыльевъ. Непосредственно передь кладкою птица широко раскрываетъ клювъ, замѣтно нажимается насколько возможно сильнѣе, и яйцо выходитъ. Послѣродовыя боли короче, но очень сильны; птица послѣ кладки не тотчасъ садится въ гнѣздо, а остается стоять, приподнявшись на вытянутыхъ ногахъ, вѣроятно для того, чтобы прикосновеніемъ не раздражить еще очень чувствительную нижнюю часть живота. Только послѣ короткаго отдыха, она опускается на гнѣздо, даже прижимается къ нему и начинаетъ ликовать. Эта радость очевидно происходитъ не только въ слѣдствіе окончанія тяжкихъ страданій, но также свидѣтельствуеетъ о пробужденіи родительскаго чувства, такъ какъ радостная пѣснь часто повторяется самою во время насиживанія, когда боли давно уже забыты; если же птица кладется, но не насиживается, то она никогда не поетъ. Боли не уменьшаются въ томъ случаѣ, если яйца малы, напримѣръ недоразвиты».

Съ самаго начала кладки яицъ температура крови у птицъ повышается, начинается вышеупомянутое лихорадочное состояніе, которое у большинства птицъ выказывается также въ томъ, что на многихъ мѣстахъ начинаютъ лѣзть перья и образуются плѣши. Насиживанье производится почти исключительно одною самою; она сидитъ на яйцахъ съ вечера до слѣдующаго утра безъ перерыва, и самецъ смѣняетъ ее только на короткое время, пока она ищетъ себѣ пищи. У другихъ птицъ насиживанье распределяется болѣе равномѣрно между полами, а у немногихъ птицъ, напримѣръ у страусовъ, на яйцахъ сидитъ только самецъ. Самки допускаютъ помощь самца при насиживаніи, чтобы не дать яйцамъ остыть, но не особенно охотно позволяютъ это, что видно изъ ихъ недовѣрчивыхъ движеній, пока самецъ сидитъ на гнѣздѣ. Нѣкоторыя самки безпрестанно возвращаются къ гнѣзду, чтобы наблюдать за сидящимъ на немъ самцомъ, другія даже сталкиваютъ его съ гнѣзда, чтобы убѣдиться въ цѣлости яицъ. Большинство птицъ однако благодарны самцу за оказанную имъ

помощь и проявляютъ это очень яснымъ образомъ. Почти всѣ насиживающія птицы оставляютъ гнѣздо и снова садятся на него съ большою осторожностью. Германъ Мюллеръ объ этомъ говоритъ слѣдующее: «Онѣ осторожно приближаются къ гнѣзду, нѣсколько секундъ стоятъ на краю его, внимательно осматриваютъ яйца, вскакиваютъ съ разставленными ногами и пальцами въ углубленіе, подталкиваютъ яйца подъ себя нижнею частью клюва или подбородкомъ и затѣмъ опускаются на нихъ; послѣ этого самка подается назадъ, чтобы подвести яйца подъ перья, затѣмъ немного впередъ, встряхивается и приподнимаетъ перья по всѣмъ направленіямъ, опускаетъ крылья и хвостъ на край гнѣзда и устраиваетъ такимъ образомъ почти непроницаемую для воздуха покрывку». Плавающія птицы, которыя выходятъ изъ воды, старательно высушиваютъ свои перья передъ тѣмъ, какъ садятся на гнѣздо. При вышеупомянутомъ движеніи птицы яйца почти всегда сдвигаются съ мѣста, причѣмъ, по наблюденіямъ Германа Мюллера, они не оборачиваются кругомъ оси, а просто сталкиваются съ мѣста; птицы это дѣлаютъ, повидимому, случайно, безъ особаго намѣренія. «Самка старается пододвинуть яйца по возможности подъ перья, но о расположеніи ихъ въ гнѣздѣ особо не заботится. При оставленіи гнѣзда насиживающая птица прежде всего вытягиваетъ поочередно ноги назадъ, горбитъ спину, вертитъ шей и головой, приподнимаетъ и провѣтриваетъ крылья, затѣмъ вскакиваетъ на ноги и легкимъ прыжкомъ соскакиваетъ съ гнѣзда». Тѣ птицы, которыя выщипываютъ у себя пухъ, покрываютъ имъ яйца передъ тѣмъ, какъ удалятся съ гнѣзда; нѣкоторыя птицы покрываютъ яйца пескомъ и землей, но большинство оставляетъ ихъ безъ всякой покрывки. «Птицы не обращаютъ никакого вниманія на качество яицъ, которыя насиживаютъ; на чужихъ яйцахъ онѣ сидятъ такъ же заботливо, какъ и на своихъ, насиживаютъ даже орѣхи, пули, камешки и сидятъ даже передъ кладкой яицъ на пустомъ гнѣздѣ. Онѣ не обращаютъ также вниманія на болтуны, гнилыя яйца и такія, гдѣ зародышъ заморенъ. Яйца, выкатившіяся изъ середины гнѣзда, постоянно остаются ненасиженными, какъ будто птицы знаютъ, что заботы о нихъ не увѣнчаются успѣхомъ. Однако онѣ измѣняютъ положеніе яицъ въ углубленіи гнѣзда, такъ, чтобы ихъ удобнѣе можно было закрыть своими перьями. Птицы очень чувствительны къ измѣненіямъ температуры воздуха во время насиживания: онѣ дѣлаются скучными и сердитыми, когда становится холодно, и сильно радуются, когда наступаетъ теплая погода. Наивысшая температура у птицы наблюдается три или четыре дня послѣ выклевыванья первыхъ дѣтенышей и бываетъ очень полезна для поздно снесенныхъ яицъ».

«Развитіе дѣтенышей одной кладки происходитъ не вполне одновременно и часто случается, что изъ нѣкоторыхъ яицъ дѣтеныши выклеваются однимъ и даже нѣсколькими днями позже другихъ. Чаще всего выклевыванье дѣтенышей происходитъ рано утромъ или до полудня, но случается это и въ вечерніе часы. Родители не помогаютъ дѣтенышамъ въ стараніяхъ освободиться отъ яичной оболочки. До сихъ поръ мы еще точно не знаемъ, какъ дѣтеныши разламываютъ изнутри облегающую ихъ яичную скорлупу. Работа эта сопровождается довольно замѣтнымъ шумомъ, что легко можно слышать въ каждомъ насиженномъ куриномъ яйцѣ. Насиживающія птицы замѣчаютъ этотъ шумъ и доказываютъ это тѣмъ, что часто поглядываютъ внизъ на яйца, но онѣ ничѣмъ не помогаютъ своему потомству. При выклевываніи слышно, какъ птичка стучаетъ своимъ клювомъ о скорлупу яйца и скоро она лопається большею частью на тупомъ концѣ, гдѣ яичная перепонка отстаетъ отъ скорлупы; однако проклевыванье скорлупы происходитъ и другимъ образомъ, напримѣръ такъ, что образуются нѣсколько отверстій кругомъ яйца. Дѣтенышъ сильно топчется ножками и этимъ движеніемъ освобождается отъ скорлупы.

Тотчасъ послѣ этого родители удаляютъ скорлупу, причѣмъ или уносятъ ее далеко отъ гнѣзда, или съ особеннымъ удовольствіемъ съѣдаютъ. Дѣтеныши, прилипшіе къ скорлупѣ, рискуютъ быть выброшенными родителями вмѣстѣ съ нетронутыми остатками яйца. Тотчасъ послѣ очистки гнѣзда мать возвращается къ дѣтенышамъ и опускается на нихъ, чтобы согрѣть теплотою своего тѣла, причѣмъ зацѣпляется лапками къ сторонамъ гнѣзда, чтобы не давить нѣжныхъ дѣтенышей всею тяжестью своего тѣла и не оцарапать ихъ когтями. Въ первые 4—7 дней она покидаетъ какъ можно рѣже своихъ большею частью голыхъ дѣтенышей и слетаетъ съ гнѣзда лишь на очень короткое время; послѣ этого необходимость приносить большое количество пищи птенцамъ заставляетъ ее измѣнить свое поведеніе. Маленькія птички покрываютъ собою птенцовъ какъ днемъ, такъ и ночью, пока у нихъ не появятся перья на спинѣ. Когда дѣтеныши выростутъ, мать измѣняетъ свое положеніе въ гнѣздѣ: она не прицѣпляется больше къ краямъ гнѣзда ногами, но кладетъ ихъ на спины птенцовъ; это дѣлается однако такъ искусно, что дѣтеныши лежатъ спокойно и нисколько этимъ не тяготятся».

«Только что вылупившіеся птенцы кладутъ головы въ середину гнѣзда и часто пользуются еще не вылупившимися яйцами, какъ подушками. Когда яицъ нѣтъ, то одна головка и шея лежатъ на другой, и нижній птенецъ долженъ сильно дергать головой и шевелиться, чтобы освободиться изъ подъ тяжести и самому лечь наверхъ на другихъ птенцовъ. Молодые чижики уже на четвертый день настолько сильны, что могутъ поворотиться и положить головки на края гнѣзда. Когда имъ дѣлается душно подъ грудью матери, то они высовываютъ головки изъ подъ перьевъ ея и широко открываютъ клювы, какъ будто боятся задохнуться. Заботливыя матери конечно знаютъ, что необходимо птенцамъ и потому не измѣняютъ своего положенія, когда они сильно шевелятся. Самка чижики, за которой я наблюдалъ, высиживала снигирей, и когда птенцы уже на пятый день клали свои толстыя головы на край гнѣзда, то насѣдка безъ церемоніи сталкивала ихъ внизъ въ углубленіе, такъ какъ ей неудобно было сидѣть. Другая неопытная самка чижики, замѣтивъ открытыя пасти своихъ дѣтенышей, которые подъ ней задохались, предположила, что они голодны и клала имъ столько пищи въ ротъ, что зобы у нихъ чуть не лопались отъ переполненія. Когда дѣтеныши уже не могли вынести такого переполненія пищей, то они предпочитали задохнуться подъ матерью и прятали свои головы въ глубь гнѣзда».

«Даже самыя маленькіе птенцы зацѣпляются за гнѣздо когтями, когда замѣчаютъ, что ихъ хотятъ приподнять. То же происходитъ, когда они приподнимаютъ свое тяжелое тѣло къ краю гнѣзда для испражненія, а также, когда первый разъ начинаютъ хлопать крыльями. При слишкомъ смѣлыхъ движеніяхъ они этимъ предохраняютъ себя отъ выпаденія изъ гнѣзда. Первые попытки шевелить крыльями происходятъ при первомъ кормленіи; это хлопанье крыльевъ дѣлается все сильнѣе и сильнѣе, и дѣтеныши наконецъ исполняютъ это очень легко и граціозно, какъ не трудно это наблюдать у молодыхъ воробушковъ. Первые движенія, выражающія недовольство птенцовъ, появляются тогда, когда мать оставляетъ гнѣздо и дѣтеныши чувствуютъ холодъ: тогда все тѣло ихъ, вмѣстѣ съ крыльями, начинаетъ дрожать и эти движенія усиливаютъ, вѣроятно, кровообращеніе и возвышаютъ температуру тѣла. Маленькая канарейка въ первый разъ воспользовалась своими крыльями для поднятія изъ гнѣзда на 16-ый день жизни. Птенцы похожи на обезьянокъ тѣмъ, что очень перемчивы. Очень смѣшно видѣть, какъ всѣ дѣтеныши начинаютъ махать своими еще мало оперенными крыльями, когда одинъ изъ нихъ подалъ къ этому примѣръ. Когда птенцы учатся ходить, то сначала ступаютъ не на

пальцы, а на всю ступню, причемъ когда они торопятся, то падаютъ на грудь и крыльями помогаютъ себѣ въ ползаніи. Я не могъ съ точностью наблюдать, когда птенцы начали становиться на пальцы, такъ какъ развивающіяся въ это время перья на животѣ скрывали отъ меня ихъ ножки. У молодыхъ чижиговъ глазки начинаютъ открываться на пятый день, но только на десятый день они открываются вполне».

«Птенцы начинаютъ пищать тотчасъ послѣ того, какъ обсохнутъ по выходѣ изъ яйца. Я наблюдалъ за высиживаньемъ въ комнатѣ канареекъ, щеглятъ, чижиговъ и свирирей; изъ нихъ раньше и громче всѣхъ пищали канарейки; щеглята и чижики начали пищать позже и слабѣе, а позднѣе и слабѣе всѣхъ — свирири, какъ будто различные степени способности къ пѣнію, которая замѣчается потомъ у взрослыхъ птицъ, уже выказываются въ первые дни ихъ жизни. Звуки эти состоятъ изъ короткаго писка и вовсе не означаютъ, что птенцы голодны, а, напротивъ того, выражаютъ полное довольство, такъ какъ звуки эти сейчасъ же прекращаются, какъ только мать поднимется съ гнѣзда и холодный воздухъ коснется птенцовъ. Голосъ не развивается соответственно росту тѣла: маленькія канарейки на шестой и седьмой день пищать не громче, чѣмъ на первый, но только тогда, когда птички очень голодны или завидуютъ другъ другу. Если онѣ замѣчаютъ вблизи что-нибудь подозрительное, то мгновенно притихаютъ и прячутся въ глубь гнѣзда. У молодыхъ свирирей голосъ мѣняется на четырнадцатый день. Молодые кенари и чижики самцы уже въ гнѣздѣ выказываютъ свой полъ особаго рода чириканьемъ. Первые попытки къ пѣнію, сидя на жердочкѣ, я замѣтилъ у канареечекъ на девятнадцатый, а у чижиговъ на двадцать первый день. Канареечки начинаютъ садиться на край гнѣзда и хлопать крылышками на 11-тый или 12-тый день, а на 14-тый или 16-тый совѣмъ оставляютъ гнѣздо, однако при холодной погодѣ и ночью часто въ него возвращаются, чтобы погрѣться. Нѣкоторыя изъ нихъ уже могутъ летать на 19-тый день, а на 22-ой онѣ уже совершенно самостоятельны. Другихъ мать кормитъ еще на 30-тый день ихъ жизни, хотя онѣ начинаютъ брать сами пищу гораздо раньше. Молодые чижики во многихъ отношеніяхъ опереживаютъ канареекъ; они покидаютъ гнѣздо на 13, 14 или 15 день и очень часто уже на 19 день мать на нихъ смотритъ какъ на взрослыхъ, что выражается тѣмъ, что она ихъ клюетъ, когда птенцы къ ней приближаются».

«Въ первые дни жизни, когда маленькіе птінцы еще не кладутъ голову на край гнѣзда, отцы обыкновенно не занимаются непосредственно ихъ кормленіемъ. Это вполне вознаграждается тѣмъ, что позднѣе, когда самки снова начинаютъ нестись раньше, чѣмъ первые дѣтеныши достигнутъ самостоятельности, самцы принимаютъ на себя всѣ заботы по кормленію ихъ, а также и тѣмъ, что во все время насиживанія и въ первые дни послѣ вылупленія дѣтенышей они приносятъ своей подругѣ пищу въ изобиліи для того, чтобы она не такъ часто слетала съ гнѣзда. Дѣтенышамъ такой способъ кормленія вдвойнѣ полезенъ: они постоянно пользуются теплотою матери и получаютъ мягкую и смѣшанную со слюной пищу, которая легче переваривается. Передъ тѣмъ какъ кормитъ дѣтенышей, родители, для соблюденія опрятности, старательно чистятъ свой клювъ. Молодые птенцы вылупляются изъ яицъ со страшнымъ аппетитомъ. Какъ только они высохнутъ, то какъ бы въ забытіи поднимаютъ свои относительно большія головы и такъ сильно раздвигаютъ челюсти, что онѣ дрожатъ отъ напряженія. Каждый дѣтенышъ старается схватить кусокъ, назначенный его сосѣду, и въ этомъ отношеніи мать невнимательна, такъ какъ кормитъ преимущественно того птенца, который сильнѣе вытягиваетъ шею, и слабѣйшіе дѣтеныши получаютъ кормъ только тогда, когда самый здоровый, насытившись, опуститъ голову внизъ. Этимъ объясняется, что нѣкоторые птенцы раз-

виваются гораздо хуже другихъ. Вслѣдствие сильнаго обмѣна веществъ родителямъ не приходится обыкновенно кормить дѣтенышей насильно. Пока птенцы слѣпы, то они открываютъ клювъ при малѣйшемъ движеніи матери. Если она медлитъ ихъ накормить, то они толкаютъ ее въ грудь кончикомъ клюва. Когда изрѣдка случается, что птенецъ, вполне насытившись, крѣпко засыпаетъ и не открываетъ клюва, то мать возбуждаетъ его различнымъ образомъ: сначала она потихоньку щебечетъ, затѣмъ слабо ударяетъ птенца у основанія клюва, если и это не помогаетъ, то слегка клюетъ его по очень чувствительнымъ вѣкамъ. Наконецъ когда и эта мѣра не производитъ желаннаго дѣйствія, то мать насильно всовываетъ кончикъ клюва въ пасть птенца, чтобы открыть его. Двѣ чижевки такъ чрезмѣрно закармливали своихъ птенцовъ, что положительно этимъ ихъ мучили. Когда зобы у дѣтенышей были переполнены и они уже добровольно не принимали пищи, то матери толкали головы своихъ дѣтенышей особенно нѣжно и ласково то вправо, то влѣво, приподнимали ихъ и наконецъ раскрывали своимъ клювомъ ихъ пасти на 4 мм. и вталкивали нѣсколько кусочковъ пищи имъ въ ротъ своимъ языкомъ. Пищевая кашица, которой кормятъ вначалѣ дѣтенышей, густа и тягуча, какъ патока, но содержитъ такъ много воды, что дѣтеныши при этомъ обходятся безъ питья. Взрослая птица отрыгиваетъ изъ зоба то количество пищи, которое необходимо для трехъ, изрѣдка для пяти или для одной порціи; пища эта старательно ощупывается во-рту языкомъ, чтобы она не заключала никакихъ твердыхъ частицъ и затѣмъ кладется на небо птенца, такъ, чтобы вслѣдствіе гладкости неба и тяжести пищи она безъ особыхъ усилій проникла бы въ пищеводъ. Муравьиныя куколки (яйца) проглатываются чижиками, а можетъ быть и другими зерноядными птицами цѣликомъ и въ такомъ же видѣ и отрыгиваются. Если родители замѣчаютъ при открытіи дѣтенышами пасти, что на языкѣ, небѣ, или стѣнкахъ рта остались кусочки пищи отъ предыдущаго кормленія, то они старательно ихъ склеиваютъ, проглатываютъ и затѣмъ опять отрыгиваютъ. Если въ клювъ одного изъ птенцовъ попало слишкомъ много пищи, то часть ея берется обратно. Когда однажды чижикъ принесъ своей подругѣ цѣлый комокъ слѣпившихся муравьиныхъ куколокъ, то она не проглатывала ихъ цѣликомъ, а склеивала каждую отдѣльно, сначала внимательно осмотрѣвъ ихъ. По всей вѣроятности она боялась, чтобы между ними не было такихъ, въ которыхъ находились довольно развитыя насѣкомыя. Зерноядныя птицы старательно избѣгаютъ давать своимъ дѣтенышамъ крѣпкія части насѣкомыхъ, такъ какъ дѣтеныши ихъ не могутъ переварить этой пищи; то же самое замѣчается и у птицъ, питающихся мягкими личинками».

«Нѣкоторыя матери такъ усиленно кормятъ своихъ дѣтенышей, что приносятъ имъ даже вредъ. Чижевка отъ излишняго усердія такъ часто клевала своихъ птенцовъ въ уголь рта, что тамъ даже показалась кровь. У одного чижика-птенца зобъ былъ настолько переполненъ, что онъ довольно долго не могъ закрыть рта; у одной молодой канарейки зобъ былъ такъ набитъ, что она не могла поворачивать головы, чтобы чистить свои перышки».

«Чистота въ высшей степени необходима для молодыхъ птенцовъ и склеенныя перышки у задняго прохода представляютъ вѣрный признакъ скорой смерти иттики. Поэтому какъ родители, такъ и сами дѣтеныши въ равной степени заботятся о соблюденіи въ гнѣздѣ полной опрятности. Устройство пищепріемнаго канала, какъ насиживающей матери, такъ и дѣтенышей, очень хорошо приспособлено къ тому, чтобы не пачкать гнѣзда. Нижній конецъ кишки у взрослыхъ и у птенцовъ способенъ сильно расширяться. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ птицы испражняются очень часто, а во время насиживанья, особенно въ холодное время года,

испражненія бываютъ очень рѣдки, часто только черезъ 18 часовъ. Вслѣдствіе такого долгаго воздержанія комки кала достигаютъ иногда величины яйца. Птенцы вовсе не испражняются, пока мать закрываетъ ихъ своимъ тѣломъ. Если это продолжается слишкомъ долго, то они выказываютъ свою потребность движеніями, причемъ всегда пятятся назадъ; тогда мать приподнимается и отецъ безъ всякаго зова прилетаетъ къ гнѣзду изъ своего близкаго убѣжища, гдѣ онъ слышитъ и видитъ всякое движеніе въ гнѣздѣ. Стоя на краю гнѣзда, оба родителя самымъ внимательнымъ образомъ, опустивши головы и блестящими глазами, наблюдаютъ за пятиющимися движеніями дѣтенышей. Каждый изъ птенцовъ, цапаясь когтями по стѣнкамъ гнѣзда, приподнимаетъ свое тяжелое толстое туловище какъ можно выше, затѣмъ близко отъ края останавливается, начинаетъ вертѣть задомъ въ стороны и выбрасываетъ комокъ кала на нѣсколько миллиметровъ отъ задняго прохода. Разстояніе это кажется больше, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, такъ какъ птенцы, выпустивши послѣднюю жидкую часть кала, сейчасъ же скатываются въ углубленіе гнѣзда, какъ бы не желая прикасаться къ своимъ испражненіямъ. Такъ какъ толстая задняя часть живота птенцовъ имѣетъ изгибъ, на подобіе носа лодки, то даже въ случаѣ неопрятности они не прикасаются заднимъ проходомъ къ стѣнкамъ хорошо устроеннаго гнѣзда. Между стѣнками его и заднимъ проходомъ всегда остается достаточно мѣста, чтобы родители, наклонившись, могли съ нѣкоторымъ удобствомъ подобрать калъ дѣтенышей. Очень часто въ такихъ случаяхъ взрослыя птицы и не дожидаются выхода комка кала, а вытаскиваютъ его изъ задняго прохода своимъ клювомъ. Уже въ школѣ намъ говорили, что старыя птицы уносятъ изъ гнѣзда испражненія дѣтенышей, и я былъ очень удивленъ, когда замѣтилъ, что мои канарейки никогда этого не дѣлаютъ. Я бы до сихъ поръ сомнѣвался въ справедливости своихъ наблюденій и написалъ бы ихъ неестественнымъ условіямъ содержанія птицъ въ клеткѣ, если бы два воробья, одинъ въ комнатѣ, а другой за окномъ на свободѣ, не производили бы эту операцію совершенно такъ-же, какъ мои канарейки. Оба воробья возбуждали мое вниманіе тѣмъ, что производили отрывавшія движенія и выбрасывали изо рта вещество, въ которомъ легко было узнать калъ дѣтенышей. Это наводило меня на мысль, что птицы никогда не уносятъ далеко калъ своихъ птенцовъ, а многочисленныя наблюденія надъ комнатными птицами вполне разъяснили мнѣ этотъ процессъ. Всѣ мои комнатныя птицы просто проглатывали испражненія птенцовъ; самцы даже гонялись за самками, у которыхъ во-рту была эта странная пища, отнимали у нея комокъ, возвращались къ гнѣзду и снова кормили имъ дѣтенышей; самки дѣлали то же самое. Оказывается, такимъ образомъ что пища дѣлаетъ двойной оборотъ черезъ желудки птенцовъ. Изъ этого ясно вытекаетъ, что испражненія птенцовъ содержатъ еще много непереваренныхъ, годныхъ веществъ, что вовсе неудивительно при быстромъ процессѣ перевариванія у птицъ. Все это измѣняется, когда дѣтеныши на 6, 7 или 9 день жизни могутъ выбрасывать свои испражненія на самый край гнѣзда или за него. Подобныя испражненія родители уже не трогаютъ и самыя чистоплотныя птицы довольствуются тѣмъ, что прикрываютъ ихъ какими-нибудь волокнистыми веществами. Однако и здѣсь я замѣчалъ исключенія: уже довольно большіе чижики спихнули крыльями съ края гнѣзда во внутрь его свои испражненія; когда мать замѣтила эту неопрятность, то она собрала калъ, расклевала его, а затѣмъ проглотила. То же самое я впоследствии наблюдалъ у канарейки.

«Птенцы испражняются, какъ только мать приподнимется, обыкновенно всѣ заразъ въ одну минуту, такъ что родителямъ съ ними много хлопотъ. Впрочемъ, если въ видѣ исключенія они исполнили эту потребность въ отсутствіе родителей,

то бѣда невелика, такъ какъ комки кала птенцовъ покрыты студенистой перепонкой, которая сохраняется нѣкоторое время и уничтожается лишь въ послѣдствіи отъ дѣйствія воздуха и теплоты. Поэтому родители, при возвращеніи своемъ, имѣютъ полную возможность позаботиться о чистотѣ гнѣзда. Птенцы, точно такъ, какъ и взрослые птицы, сильно страдаютъ отъ разнаго рода паразитовъ, особенно отъ маленькихъ паучковъ, которые сильно мучатъ всѣ виды мелкихъ птицъ. Дюжины этихъ паразитовъ достаточно, чтобы не дать птицѣ покоя въ теченіи цѣлой ночи. Они присасываются главнымъ образомъ къ головѣ и крыльямъ, что очень легко замѣтить по дрожанію и встряхиванію этихъ частей тѣла. Если мученіе слишкомъ сильно, то несчастные птенцы шелкаютъ и скрипятъ клювами во время сна. Размноженіе этихъ паучковъ въ гнѣздѣ можетъ достигнуть ужасающихъ размѣровъ. Такъ какъ въ клѣткахъ птицы рѣже имѣютъ возможность освободиться отъ докучливыхъ паразитовъ купаньемъ въ водѣ или пескѣ, и насиживаютъ яйца все въ одномъ и томъ же помѣщеніи, то здѣсь онѣ страдаютъ гораздо больше отъ этихъ паучковъ, чѣмъ на свободѣ. Часто случается, что онѣ прерываютъ насиживанье и теребятъ клювомъ стѣнки и дно гнѣзда, чтобы уничтожить мучащихъ ихъ животныхъ. Если клѣтки комнатныхъ птицъ закрываютъ занавѣской, чтобы заставить ихъ тихо сидѣть, а затѣмъ снимаютъ эту занавѣску, то насиживающія птички тотчасъ же вскакиваютъ съ яицъ, раздвигаютъ яйца и начинаютъ клевать дно гнѣзда, которое, какъ самое теплое мѣсто, служить всегда главнымъ убѣжищемъ паучковъ; если клѣтку не закрываютъ занавѣской, то насиживающія птицы повторяютъ эту операцію по нѣскольку разъ въ день. Передъ тѣмъ какъ родители садятся на яйца, они становятся на край гнѣзда и, сильно нагнувшись, осматриваютъ внутренность его и тщательно склеиваютъ всѣхъ паучковъ, которые сидятъ на яйцахъ или на стѣнкахъ гнѣзда. Понятно, что птенцы съ самыхъ первыхъ дней своей жизни еще болѣе страдаютъ отъ этихъ паразитовъ, чѣмъ взрослые, и такъ какъ сами себѣ они помочь не могутъ, то требуютъ въ этомъ отношеніи особаго попеченія матери. Какъ часто мнѣ случалось, глядя на моихъ комнатныхъ птичекъ, у которыхъ были маленькіе дѣтеныши, любоваться необыкновенною заботливостью родителей о чистоплотности и вообще благосостояніи своихъ птенцовъ! Какъ только дѣтеныши послѣ вылупленія изъ яицъ высохнутъ и нѣсколько отдохнутъ отъ напряженій, сопровождающихъ процессъ вылупленія, то мать начинаетъ охоту за паучками. Она блестящими глазами осматриваетъ своихъ дѣтенышей со всѣхъ сторонъ, съ величайшею осторожностью поворачиваетъ ихъ, чтобы найти ненавистныхъ паучковъ, затѣмъ вдругъ клюнетъ, проглотитъ паразита и снова внимательно смотритъ. Птенцамъ, повидимому, подобная охота не очень нравится, такъ какъ она отнимаетъ у нихъ много теплоты; поэтому они часто дѣлаютъ неуклюжія попытки спрятаться подъ брюшко матери, но она отодвигается все дальше и дальше, до тѣхъ поръ пока птенцы за ней слѣдовать уже не могутъ и поэтому продолжаютъ зябнуть. Часто случается, что мать схватываетъ клювомъ вмѣстѣ съ паучкомъ и подрастающія перышки птенцовъ, что очень замѣтно по ихъ нетерпѣливымъ движеніямъ. Иногда эта охота за паучками длилась такъ долго, что я терялъ терпѣніе, боясь, чтобы дѣтеныши не пострадали отъ продолжительнаго охлажденія; тогда я хлопаньемъ о стѣнки клѣтки отвлекалъ вниманіе родителей и заставлялъ ихъ сѣсть на гнѣздо. Заботливая мать не довольствуется осмотромъ головъ своихъ дѣтенышей, но также изслѣдуетъ спины и бока ихъ и даже наклоняется совсѣмъ внизъ, чтобы по возможности снять паучковъ съ брюшка. Разъ случается, что чижовка перевернула своего еще голаго птенца на спину, и мнѣ самому пришлось уже положить его какъ слѣдуетъ. Чтобы облегчить моимъ комнатнымъ птичкамъ охоту за паразитами, я однажды опрыскалъ гнѣздо снаружи тинк-

турой персидской ромашки. Тогда паучки пришли въ движеніе, и самка начала за ними усиленно охотиться; сначала она склевывала всѣхъ тѣхъ, которые показывались на краю гнѣзда, затѣмъ высовывалась далеко наружу и ловила паучковъ на внѣшней сторонѣ гнѣзда, и только темнота, наступившая отъ внезапно сгустившихся тучъ, прекратила эту охоту. Вслѣдствіе почти микроскопической величины паучковъ трудно наблюдать за тѣмъ, насколько успѣшно ведется эта охота, но проглатываніе ихъ взрослой птицей очень замѣтно; при маленькихъ кускахъ процессъ глотанія гораздо легче увидать, чѣмъ при большихъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ глотаніе почти незамѣтно».

«Развитіе перышекъ у птенцовъ въ первую недѣлю ихъ жизни идетъ гораздо медленнѣе, чѣмъ впослѣдствіи. Одною изъ причинъ усиленнаго роста перьевъ слѣдуетъ считать то обстоятельство, что, начиная со второй недѣли, мать гораздо чаще слетаетъ съ гнѣзда и оставляетъ его довольно долго непокрытымъ; вслѣдствіе этого свѣтъ и воздухъ свободно проникаютъ въ гнѣздо и очевидно обуславливаютъ быстрый ростъ перьевъ; кромѣ того дѣтеныши сами начинаютъ тогда чесаться и, раздражая этимъ кожу, также помогаютъ росту перьевъ. Прелюбопытно видѣть, какъ безпомощные птенцы старательно вертятъ головками во всѣ стороны и захватываютъ клювомъ то вырастающее большое перо, то голое мѣсто между перьями. Лучшимъ доказательствомъ справедливости вышеизложеннаго предположенія о вліяніи воздуха и свѣта на развитіе перьевъ служатъ канарейки, высиженные зимой. Вслѣдствіе низкой температуры родители тогда очень старательно прикрываютъ птенцовъ, причемъ замѣчается, что дѣтеныши развиваются хорошо, но перышки у нихъ вырастаютъ медленно, такъ что на 11-ый, 12-ый и 13-ый день еще замѣчается почти полное отсутствіе развитія маховыхъ перьевъ; разъ даже случилось, что птенецъ, добровольно оставившій гнѣздо на 16-ый день, былъ такъ плохо оперенъ, что мнѣ пришлось положить его въ ящичекъ, наполненный ватой. Когда птенцы оставляютъ гнѣздо, то у нихъ, особенно на головѣ, торчитъ еще много первоначальныхъ, такъ называемыхъ щетинистыхъ перьевъ. Большинство изъ нихъ потомъ скрываются подъ кроющими перьями, а нѣкоторыя, весьма вѣроятно, вырываются родителями: крайней мѣрѣ часто замѣчаешь, что взрослые птицы внимательно смотрятъ на птенцовъ, которые уже сидятъ, опираясь на всю плюсну, затѣмъ вдругъ клюнутъ ихъ, и птенцы быстрымъ движеніемъ покажутъ, что они почувствовали сильную боль. Молодыя канарейки имѣютъ дурную привычку осенью выщипывать другъ другу перья со спины, такъ что образуются большія плѣши, а у основанія перьевъ даже показывается кровь; это однако прекращается, когда выростутъ вторыя перья. Второе опереніе вырастаетъ у маленькихъ птицъ черезъ различные промежутки времени, но болшую часть только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ».

Вышеприведенныя прекрасныя наблюденія относятся, какъ я уже сказалъ, къ чижикамъ, канарейкамъ и снгириямъ, однако слѣдуетъ предположить, что они, крайней мѣрѣ до нѣкоторой степени, могутъ быть отнесены ко всѣмъ маленькимъ птенцовымъ птицамъ, причемъ, разумѣется, встрѣчаются нѣкоторыя отклоненія. У болѣе крупныхъ птицъ развитіе дѣтенышей въ гнѣздѣ идетъ нѣсколько иначе. Молодые птенцы, конечно, также прикрываются родителями, пока это имъ необходимо, но, вслѣдствіе ихъ большого роста, теплота у нихъ не такъ скоро теряется, какъ у мелкихъ птицъ и кромѣ того многихъ изъ нихъ защищаетъ мягкій пушокъ, которымъ нѣкоторыя, напримѣръ хищныя птицы, покрыты уже при вылупленіи изъ яйца. Многія птицы, гнѣздящіяся въ земляныхъ норкахъ и пещерахъ, не могутъ удалить изъ гнѣзда испражненій своихъ птенцовъ, вслѣдствіе неприспособленности къ этому своего клюва, и потому калъ собирается въ такомъ количествѣ въ гнѣз-

дѣ, что оно превращается въ страшно вонючую яму; несмотря на это однако дѣтеныши здѣсь развиваются точно такъ-же хорошо, какъ и въ чисто содержимомъ гнѣздѣ. Другіе птенцы, напримѣръ у хищныхъ птицъ, не нуждаются для испражнения въ помощи родителей, но съ самаго начала приподнимаются къ краю гнѣзда и довольно далеко выбрасываютъ свои жидкія и какъ бы мѣшанные съ мѣломъ испражнения, отчего, конечно, край гнѣзда и ближайшая окрестность оказываются страшно испачканными и принимаютъ очень непривлекательный видъ. Кромѣ того у многихъ хищныхъ, а также у такихъ птицъ, которыя питаются рыбой, напримѣръ у цапель и баклановъ, къ испражнениямъ присоединяются остатки приносимой дѣтенышамъ добычи, которые гниютъ и производятъ страшную вонь, такъ что гнѣзда этихъ птицъ, даже самыхъ благородныхъ изъ нихъ, напримѣръ орловъ и соколовъ, оказываются чрезвычайно зловонными и грязными.

Выводковымъ птицамъ приходится гораздо менѣе заботиться о своихъ птенцахъ, которые по своему раннему развитію нѣсколько похожи на дѣтенышей жвачныхъ между млекопитающими. Высиживаніе происходитъ такъ-же старательно, какъ и у птенцовыхъ птицъ, но какъ только дѣтеныши освободятся отъ яичной скорлупы, и густой пушокъ, которымъ они покрыты, высохнетъ отъ теплоты матери, они вмѣстѣ съ нею уходятъ изъ гнѣзда и слѣдуютъ за нею почти повсюду. Птицы, живущія на сушѣ, тотчасъ же начинаютъ водить своихъ дѣтенышей по полямъ и лѣсамъ, а плавающія почти всегда немедленно ведутъ ихъ въ воду. Однако и эти птенцы самостоятельны, безъ помощи матери, не въ состояніи первое время существовать, и они требуютъ, иногда даже дольше, чѣмъ у птенцовыхъ, заботливаго материнскаго ухода. Иногда отецъ и мать, а послѣдняя въ всякомъ случаѣ, повсюду сопровождаютъ и водятъ ихъ, когда нужно собираютъ къ себѣ, согреваютъ и защищаютъ отъ многихъ угрожающихъ имъ опасностей. Всѣ выводковыя птицы, какъ это мы лучше всего можемъ видѣть на курицѣ, не только стараются доставить птенцамъ необходимую пищу, но также, когда это нужно, заботливо согреваютъ ихъ теплотой своего тѣла. Облако, скрывшее на минуту солнце, уже заставляетъ ее сзывать своихъ цыплятъ; начинающаяся гроза наполняетъ ее смертельнымъ страхомъ за свое потомство. Во время града она прикрываетъ птенцовъ своимъ тѣломъ и сидитъ неподвижно даже тогда, когда градины падаютъ такъ сильно, что могутъ ее убить. Насѣдка старательно высклевываетъ тѣ мѣста, гдѣ можно найти больше корма, и вмѣстѣ со своими голодными птенцами иногда уходитъ очень далеко, чтобы отыскать для нихъ обильную пищу. Большинство птицъ, живущихъ на сушѣ, водятъ своихъ цыплятъ такъ же, какъ наша курица; почти такъ же ведутъ себя насѣдки у плавающихъ птицъ, которыя вмѣстѣ съ птенцами рано покидаютъ гнѣздо. Самецъ лебедя и гуся заботливо присоединяются къ матери при уходѣ за дѣтенышами, а утка занимается этимъ одна. Когда маленькіе при плаваніи устанутъ, то она, приподнятая крылья, расширяетъ спину и образуетъ такимъ образомъ мѣсто, гдѣ всѣ они могутъ отдохнуть. Если маленькимъ плавающимъ птицамъ грозитъ опасность, то родители прячутъ ихъ у себя подъ крыльями и вмѣстѣ съ ними ныряютъ въ глубину, а иногда даже улетаютъ съ дѣтенышами, прицѣпившимися къ ихъ перьямъ, и такимъ образомъ спасаютъ ихъ отъ нападенія враговъ. Для защиты своихъ птенцовъ всѣ птицы выказываютъ относительно враговъ такое самопожертвованіе, которое заставляетъ ихъ вполнѣ забывать заботы о своей собственной жизни; все существо ихъ тогда измѣняется, и у самыхъ робкихъ изъ нихъ является значительное мужество, а у кажущихся глупыми является изобрѣтательность, и онѣ прибѣгаютъ къ всевозможнымъ хитростямъ, чтобы спасти своихъ дѣтенышей. Мать, а иногда и отецъ летаютъ передъ охотникомъ, какъ будто съ подстрѣленнымъ крыломъ и без-

престанно опускаясь близко къ землѣ; такимъ образомъ увлекаютъ врага все дальше и дальше отъ дѣтенышей и, подстрекая разными тѣлодвиженіями его жадность, ждутъ того времени, когда дѣтеныши спрячутся и тогда, стремглавъ, улетаютъ обратно къ нимъ, предоставивъ злему врагу бранить ихъ за коварство. Такимъ образомъ мы видимъ, что птенцы доставляютъ много заботъ родителямъ и у выводковыхъ птицъ, которыя выказываютъ своимъ дѣтенышамъ любовь въ той же степени, какъ и птенцовыя.

Заботы родителей не кончаются тогда, когда птенцы оставили гнѣздо или сдѣлались настолько сильны, что могутъ въ крайнемъ случаѣ прожить и безъ матери, умѣя, по крайней мѣрѣ, отыскивать себѣ необходимое пропитаніе. Птицы послѣ этого еще довольно долго обучаютъ своихъ дѣтенышей всѣмъ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя въ послѣдствіи имъ окажутся необходимыми. Мы видимъ, что взрослые стрижи, когда дѣтеныши ихъ уже умѣютъ летать, продѣлываютъ передъ ними всевозможныя трудныя летательныя упражненія: съ неизмѣрною быстротою летаютъ они взадъ и впередъ надъ домами городовъ, кружатся около колоколенъ, дѣлаютъ внезапные повороты на лету, то высоко поднимаются на воздухъ, то съ быстротою падающаго камня опускаются внизъ почти до самой земли и всячески удивляютъ насъ своимъ необыкновеннымъ проворствомъ. Все это дѣлается для того, чтобы поощрить молодыхъ стрижей къ подражанію и заставить ихъ упражняться въ трудномъ искусствѣ леванія, научить ихъ самостоятельно ловить насѣкомыхъ, которыхъ до сихъ поръ родители приносили имъ, а главнымъ образомъ, чтобы приготовить ихъ къ предстоящему дальнему пути. Обученіе это требуетъ довольно продолжительнаго времени у хорошихъ летуновъ, а у тѣхъ птицъ, которыя добываютъ себѣ пищу налету, опытность эта пріобрѣтается еще съ большимъ трудомъ. Молодыхъ соколовъ отецъ и мать сообща учатъ ловить добычу: одинъ изъ родителей ловитъ добычу, поднимается съ ней высоко на воздухъ и затѣмъ выпускаетъ ее такъ, чтобы она попала среди летящихъ ниже дѣтенышей. Если одинъ изъ молодыхъ соколовъ поймаетъ добычу, то она вознаграждаетъ его за выказанную ловкость, если же дѣтеныши ее упустятъ, то ее поймаетъ другой изъ родителей, который нарочно для этого летаетъ внизу; тогда онъ поднимается наверхъ и повторяетъ снова тотъ же опытъ. Подобнымъ же образомъ обучаютъ всѣ птицы своихъ дѣтенышей, показывая имъ примѣръ, и сильная любовь родителей выказывается при этомъ точно такъ же, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Обученіе это кончается только тогда, когда птенцы дѣлаются совершенно самостоятельными и волюнѣ знакомы со своимъ ремесломъ; тогда часто случается, что привязанность родителей превращается въ противоположное чувство. Тѣ самыя птицы, которыя до сихъ поръ неустанно заботились о кормленіи и обученіи своихъ птенцовъ, безжалостно прогоняютъ ихъ и съ этихъ поръ вовсе ихъ не признаютъ. Птенцы почти такъ-же нѣжно любятъ своихъ родителей, хотя въ этомъ случаѣ эгоизмъ молодыхъ существъ часто выказывается очень ясно. Большинство изъ нихъ бываетъ послушно только до тѣхъ поръ, пока это вознаграждается подачками пищи; своеволие бываетъ точно такъ-же замѣтно и между молодыми птицами, какъ и между дѣтьми, и здѣсь также приходится прибѣгать къ наказаніямъ. Однако хотя обученіе и примѣръ очевидно приносятъ большую пользу птенцамъ, все-же вполне опытными они дѣлаются только тогда, когда пробыли нѣкоторое время самостоятельными. Считаю долгомъ здѣсь еще упомянуть, что у нѣкоторыхъ птицъ дѣтеныши дѣлаются вполне самостоятельными тотчасъ послѣ выхода изъ яйца; они вовсе не требуютъ заботъ родителей, благополучно вырастаютъ и, повидимому, развиваются не хуже другихъ.

Многія птицы по окончаніи насиживанья и воспитанія своихъ птенцовъ предпринимають странствованія, которыя могутъ быть болѣе или менѣе далекими, смотря по мѣстожительству птицъ и по принадлежности ихъ къ тому или другому семейству или роду. Здѣсь слѣдуетъ различать перелетныхъ, странствующихъ и бродячихъ птицъ. Перелетомъ называемъ мы такое странствованіе, которое повторяется ежегодно въ извѣстное время и всегда по одному и тому-же направленію. Странствованіемъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, слѣдуетъ назвать перелетъ, совершаемый вслѣдствіе необходимости, но не связанный съ извѣстнымъ временемъ и не всегда въ одномъ и томъ-же направленіи; странствованія эти прекращаются, какъ только причина, побудившая птицъ къ этому перелету, болѣе не существуетъ. Бродячими называютъ тѣхъ птицъ, которыя совершаютъ короткіе перелеты на незначительное разстояніе, желая замѣнить прежнее мѣстоительство другимъ, болѣе удобнымъ, или чтобы воспользоваться пищею, въ изобиліи находимою въ извѣстномъ мѣстѣ.

Перелетъ птицъ заставляетъ осенью большинство пѣвцовъ покидать наши лѣса и снова ихъ возвращаетъ къ намъ весною, онъ-же прогоняетъ водныхъ птицъ передъ тѣмъ, какъ воды, дающія имъ пропитаніе, покроются льдомъ, и принуждаетъ нѣкоторыхъ хищниковъ слѣдовать за своей добычей. Перелеты совершаются постоянно въ южномъ направленіи; многія птицы, живущія въ восточныхъ частяхъ материковъ, направляются на юго-западъ, а живущія въ западныхъ частяхъ—на юго-востокъ; направленіе это, впрочемъ, сильно зависитъ отъ положенія ихъ родины и тѣхъ странъ, которыя служатъ имъ убѣжищемъ во время зимы. Въмѣсто дорогъ птицы, при перелетѣ, пользуются руслами рѣкъ, текущихъ по направленію ихъ пути, или удобно расположенными долинами; черезъ высокія горы онѣ пролетаютъ по горнымъ проходамъ, гдѣ часто собираются для отдохновенія. Однѣ совершаютъ перелетъ попарно, другія большими стаями; слабыя и небольшія птицы летятъ чаще всего ночью, а большія, сильныя—днемъ. Перелеты совершаются въ большинствѣ случаевъ очень спѣшно, какъ-бы подъ вліяніемъ непреодолимаго побужденія; птицы, содержимыя въ клеткахъ, начинаютъ беспокоиться, когда приходитъ время перелета, даже въ томъ случаѣ, когда онѣ взяты изъ гнѣзда и воспитаны въ неволѣ. Нѣкоторыя улетаютъ отъ насъ осенью очень рано, другія гораздо позже, но всегда въ опредѣленное время, которое подвергается лишь немногимъ измѣненіямъ. Тѣ птицы, которыя улетаютъ отъ насъ поздно, возвращаются весною раньше другихъ, а тѣ, которыя улетаютъ раньше всѣхъ, возвращаются весной довольно поздно, напримѣръ: стряжи улетаютъ уже въ послѣднихъ числахъ іюля и являются обратно лишь въ маѣ мѣсяцѣ; послѣднія перелетныя птицы отправляются въ путь изъ средней Европы въ ноябрѣ и уже снова возвращаются въ февралѣ. Зимнія становища ихъ иногда очень отдалены и обширны; мы не знаемъ, гдѣ перезимовываютъ многія птицы. Нѣкоторыя изъ нихъ останавливаются уже въ южной Европѣ, другія зимуютъ въ сѣверной Африкѣ между 37° и 24° с. ш.; многія улетаютъ далеко въ жаркій поясъ и зимою встрѣчаются на берегахъ Чермнаго моря, Индѣйскаго и Атлантическаго океановъ. Индія, Бирма, Сіамъ, южный Китай и сосѣдніе острова служатъ зимнимъ убѣжищемъ для многихъ европейскихъ птицъ. Сѣверо-американскія птицы перелетаютъ на югъ Соединенныхъ Штатовъ и въ Среднюю Америку. Подобные перелеты птицъ замѣчаемъ мы и въ южномъ полушаріи. Изъ умѣренныхъ странъ Южной Америки птицы перелетаютъ въ южную и среднюю Бразилію, изъ Южной Австраліи въ сѣверную часть этого материка, Новую Гвинею и сосѣдніе острова.

Передъ отлетомъ птицы собираются въ большія общества, остаются нѣсколько дней на одномъ мѣстѣ и сзываютъ другіхъ птицъ того-же вида, которыя летятъ мимо. Наконецъ, когда стая достигла извѣстной численности, то всѣ птицы подни-

маются и улетаютъ вмѣстѣ. Нѣкоторыя птицы осматриваютъ всѣхъ спутниковъ, чтобы убѣдиться въ ихъ способности къ перелету. Наблюдения показываютъ, что стаи держатся вмѣстѣ и на своихъ зимнихъ квартирахъ. Очень часто перелетныя птицы летятъ въ извѣстномъ порядкѣ, чаще всего онѣ выстраиваются клиномъ, вѣрнѣе въ двѣ линіи, сходящіяся подлѣ угла, такъ что образуютъ фигуру, похожую на латинское «V». Другія летятъ рядами, нныя на извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга безпорядочными стаями, которыя однако въ большинствѣ случаевъ имѣютъ округленную форму. Большинство птицъ летятъ на значительной высотѣ, но нѣкоторыя внезапно спускаются къ землѣ, летятъ нѣкоторое время близко надъ ея поверхностью, а затѣмъ снова поднимаются наверхъ. Слабыя птицы при перелетѣ причутся въ лѣсахъ и кустахъ, по крайней мѣрѣ днемъ летятъ отъ дерева къ дереву, отъ лѣса къ лѣсу. Тѣ птицы, которыя хорошо бѣгаютъ, уставши летѣть, перебѣгаютъ большія пространства по землѣ, а плавающая нѣкоторую часть пути проплываютъ по рѣкамъ и озерамъ. Встрѣчный вѣтеръ помогаетъ и ускоряетъ полетъ, а попутный замедляетъ и останавливаетъ его, такъ что птицы бывають принуждены переждать. Сильное безпокойство, которое во время перелета замѣчается у всѣхъ птицъ, прекращается только тогда, когда цѣль странствованія достигнута; но настоящая жизнь при возвращеніи на родину начинается только тогда, когда ее украситъ всеильная любовь. Тогда большія стаи, еще не раздѣлившіяся со времени перелета, распадаются на малыя семьи и пары; возобновляются старыя супружества, возникаютъ новыя, самцы начинаютъ пѣть, призывая своихъ подругъ, а счастливыя самки отыскиваютъ свои старыя гнѣзда или строятъ новыя, вспоминая свое дѣтство или прошлогоднее гнѣздованіе.

Странствованіе птицъ можетъ быть тѣмъ похоже на перелетъ, что оно иногда происходитъ въ извѣстное время и съ нѣкоторою правильностью. Къ странствующимъ птицамъ принадлежатъ многіе виды, живущіе на далекомъ сѣверѣ, которые ежегодно перелетаютъ на небольшое разстояніе, но не предпринимаютъ далекихъ странствованій въ болѣе теплыя и обильныя пищею страны. Главною причиною подобныхъ странствованій служатъ наступающій или уже наступившій, а иногда только предполагаемый недостатокъ пищи. Птицы, отыскивающія себѣ пищу на землѣ и которымъ, слѣдовательно, снѣгъ служитъ большимъ препятствіемъ къ питанію, чаще странствуютъ, чѣмъ тѣ, которыя ищутъ свою пищу на вѣтвяхъ деревьевъ. Птицы, питающіяся ягодами и сѣменами, иногда нѣсколько лѣтъ сряду не появляются въ средней Европѣ и показываются въ большомъ числѣ только тогда, когда въ извѣстномъ мѣстѣ оказывается большой урожай на любимыя ягоды и сѣмена. Трудно понять, какъ птицы узнаютъ о подобномъ урожаѣ, но наблюдения показываютъ, что онѣ всегда собираются туда, гдѣ есть для нихъ обильная пища. Въ противоположность этимъ случайнымъ странствованиямъ, горныя птицы, живущія на вершинахъ горъ, осенью довольно правильно спускаются въ долины, а весною снова возвращаются на высоты, такъ что эти странствования очень сходны съ настоящими перелетами.

Бродячія птицы встрѣчаются во всѣхъ странахъ земного шара и перелетаютъ съ мѣста на мѣсто во всѣ времена года. Самцы часто бродятъ, чтобы отыскивать самокъ, большія хищныя птицы—чтобы найти себѣ добычу; нѣкоторыя птицы, по видимому, перелетаютъ съ мѣста на мѣсто безъ всякой причины, только для удовольствія, иныя странствуютъ въ тѣсныхъ предѣлахъ, другія перелетаютъ при этомъ большія пространства. Подъ тропиками странствования эти совершаются иногда довольно правильно, въ родѣ перелетовъ.

Совершаетъ-ли птица очень дальніе перелеты или живетъ постоянно въ од-

ной странѣ, бродить-ли она безцѣльно изъ одной мѣстности въ другую или далеко летаетъ за пищу, родиной ея все-таки остается то мѣсто, гдѣ она любитъ и размножается: въ этомъ смыслѣ гнѣздо птицы можетъ быть названо ея домомъ.

Отъ млекопитающихъ человѣкъ извлекаетъ пользу, а птицы служатъ ему только для удовольствія. Первые должны служить ему и исполнять часто очень тяжелыя работы или лишаться жизни, чтобы доставить человѣку мясо, кожу, шерсть и т. д.; вторыя, т. е. птицы, пользуются въ большинствѣ случаевъ привилегированнымъ положеніемъ; онѣ ему нравятся сами по себѣ и онѣ ухаживаетъ за ними съ любовью. Все у птицъ намъ кажется пріятнымъ: граціозность ихъ внѣшности, красивый цвѣтъ перьевъ, быстрота и проворство движеній, пріятный голосъ, незлобивый нравъ, всѣ эти качества располагаютъ насъ въ ихъ пользу. Уже первые люди, о которыхъ мы можемъ собрать свѣдѣнія, дружелюбно относились къ птицамъ; дикари берутъ ихъ часто подъ свое покровительство, древніе жрецы многихъ изъ нихъ считали священными животными, поэты прежнихъ временъ и нашего времени воспѣвали и воспѣваютъ ихъ въ своихъ стихотвореніяхъ. Намъ радуетъ и привлекаетъ къ нимъ ихъ голосъ, жизнерадостное настроеніе и почти постоянное довольство своей судьбой. Мы охотно даемъ имъ гостепріимство, между тѣмъ, какъ отказываемъ въ немъ многимъ млекопитающимъ, а пресмыкающихся и гадовъ даже прогоняемъ отъ себя изъ чувства отвращенія. Мы часто держимъ у себя птицъ, не получая отъ нихъ никакой пользы; не изъ какого другого класса животного царства не выбираемъ мы себѣ такъ много друзей, живущихъ у насъ въ домѣ и даже комнатахъ, какъ именно между птицами. Это расположеніе къ птицамъ не уничтожается вполнѣ даже тогда, когда мы охотимся за ними и ловимъ ихъ сѣтями и силками. Для всѣхъ очевидно, что это наши любимцы и баловни. Жизнь ихъ имѣетъ очень большое значеніе для хозяйства природы и благосостоянія человѣка. Птицы образуютъ необходимое звено въ ряду живыхъ существъ; онѣ успѣшно возстаиваютъ равновѣсіе въ борьбѣ за существованіе другихъ классовъ животного царства и охраняютъ природу отъ вреда, который приносятъ другія животныя, главнымъ образомъ насѣкомыя, которыя-бы уничтожили всю растительность, если-бы дали имъ возможность безпрепятственно размножаться. Пользу птицъ очень трудно съ нѣкоторою точностью вычислить и оцѣнить, такъ какъ многіе вопросы, относящіеся къ этой области, еще не вполнѣ ясны, но мы можемъ смѣло предположить, что птицы приносятъ намъ болѣе пользы, чѣмъ вреда; вотъ почему ихъ слѣдуетъ беречь и о нихъ заботиться. Нынѣшніе усовершенствованные способы обработки земли и правильное лѣсное хозяйство приносятъ вредъ самымъ полезнымъ птицамъ, такъ какъ при этомъ уменьшаются или вовсе уничтожаются любимыя мѣста ихъ пребыванія и онѣ не могутъ удобно устраивать свои гнѣзда; это заставляетъ ихъ переселяться въ другія болѣе благопріятныя мѣста. Люди кое-гдѣ относятся враждебно къ птицамъ, уничтожаютъ ихъ гнѣзда, крадутъ ихъ яйца, ловятъ ихъ сѣтями, петлями и убиваютъ изъ ружей: однако вредъ, причиняемый птицамъ охотой и ловлей, очень незначителенъ сравнительно съ тѣмъ вредомъ, который мы имъ приносимъ, уничтожая постепенно лѣса и кустарники и превращая ихъ въ выгодныя для насъ нивы. Слѣдовательно, забота о нашихъ птицахъ должна выразиться главнымъ образомъ въ томъ, чтобы естественнымъ или искусственнымъ путемъ устраивать для нихъ удобныя мѣста для пребыванія и гнѣздованія: этимъ мы по крайней мѣрѣ сохранимъ нынѣ живущихъ птицъ. «Крайне необходимо», пишетъ Дикъ, «оказать непосредственную помощь птицамъ. Съ постепеннымъ развитіемъ земледѣлія все

болѣе и болѣе уничтожаются лѣса. Хлѣбопашество захватываетъ понемногу всякій кусокъ земли, годной для какой-либо обработки и безразсудно уничтожаетъ всѣ рощи, кусты и живыя изгороди. Что случится, когда постепенно будутъ уничтожены всѣ убѣжища птицъ и тѣ мѣста, которыя заключаютъ въ себѣ всѣ необходимыя условія ихъ жизни, т. е., гдѣ онѣ находятъ пищу и защиту, и гдѣ вьютъ свои гнѣзда?... Всякій землевладѣлецъ, который пожалѣетъ бѣдныхъ птицъ и пойметъ свою собственную пользу, долженъ найти средство и мѣсто для устройства рощъ и кустарниковыхъ зарослей, удобныхъ для пребыванія птицъ; для этого годятся сады и парки, участки между полями и берега канавъ и ручьевъ». Кромѣ этого Дикъ помѣстилъ въ журналъ нѣмецкаго общества покровительства птицъ въ 1876 году прекрасную статью съ подробнымъ указаніемъ, какъ слѣдуетъ разводить рощи для привлеченія птицъ. «Пусть каждый сажаетъ и покровительствуетъ всякимъ насажденіямъ», пишетъ Болле, «не нужно много терпѣнія, чтобы дожидаться благодѣтельнаго результата отъ увеличенія числа деревьевъ и кустовъ. Время идетъ быстро и удовольствіе отъ этихъ насажденій ежегодно только увеличивается и каждая весна приноситъ новое наслажденіе. Сажайте кусты и деревья, а птицы оживятъ и сохранятъ ихъ!» Слѣдовательно мы должны позаботиться объ устройствѣ такихъ мѣстъ, гдѣ птицы могли-бы удобно жить и наслаждаться. Вотъ въ какомъ смыслѣ я еще разъ выскажу то, что давно повторялъ всѣмъ разумнымъ людямъ: Берегите птицъ!

Отрядъ I.

Древесныя птицы (Coracornithes).

Согласно мнѣнію Фюрбрингера самыми высокостоящими птицами мы считаемъ древесныхъ птицъ. На основаніи тщательныхъ изслѣдованій внутренней организаціи, этотъ отрядъ раздѣляется на семь подотрядовъ: Мелкихъ воробьиныхъ птицъ (Picopasseriformes), Зубоклювыхъ или Курукуекъ (Trogonidae), Коротконогихъ или Зимородковыхъ (Alcedinidae), Плоскоклювыхъ или Тоди (Todidae), Лѣнявокъ (Bucconidae), Кукушковыхъ (Coccyges) и Ракшевыхъ (Coraciiformes). Изъ нихъ выше всѣхъ должны стоять мелкія воробьиныя птицы, которыя раздѣляются на пять семействъ: Настоящихъ Воробьиныхъ (Passeres), Ложно-пѣвчихъ или Менуровыхъ (Pseudoscines), Дятловыхъ (Picidae), Шумокрылыхъ (Macrochires) и Мышанокъ или Колій (Colii).

Къ **Воробьинымъ** (Passeres) относится до сихъ поръ болѣе половины всѣхъ птицъ. Вслѣдствіе громаднаго числа видовъ ихъ и большого разнообразія ихъ внѣшности очень трудно перечислить ихъ общіе признаки. Величина принадлежащихъ сюда птицъ колеблется гораздо болѣе значительно, чѣмъ въ другихъ отрядахъ, именно между ростомъ чернаго ворона и королька; не меньшее разнообразіе признаковъ представляетъ намъ строеніе клюва и ногъ, крыльевъ и хвоста, опереніе и окраска его. Общимъ признакомъ клюва воробьиной птицы можетъ служить лишь не очень значительная величина его и отсутствіе восковицы. На ногахъ голень оперена всегда до плюсны, передняя часть плюсны покрыта довольно большими, чаще всего семью щитками, пальцы довольно тонкіе и внутренній палецъ, который почти всегда длиннѣе второго, обращенъ назадъ. Важнымъ признакомъ слѣдуетъ считать особенно сильное развитіе нижней гортани у большинства воробьиныхъ птицъ, что выражается въ томъ, что на передней и задней части этой гортани мы замѣчаемъ отъ 2—5 паръ мускуловъ; подобная гортань однако встрѣчается не у всѣхъ воробьиныхъ.

Кроющія перья, число которыхъ никогда не бываетъ очень значительнымъ, отличаются маленькимъ пушистымъ придаткомъ у стержня, расположены всегда довольно правильными полосами, изъ которыхъ спинная и брюшная полоса имѣетъ почти одинаковое строеніе у всѣхъ сюда относящихся птицъ. Спинная полоса довольно узка, у плечъ не прерывается, а образуетъ за ними ромбическое или яйце-

видное мѣсто, затѣмъ расширяется и заключаетъ между своими вѣтвями узкое или овальное голое пространство. Отъ широкаго мѣста полосы во многихъ случаяхъ идетъ рядъ отдѣльныхъ перьевъ къ хвостовой полосѣ. Брюшная полоса дѣлится на серединѣ шеи на двѣ расходящіяся вѣтви, которыя направлены назадъ и доходятъ почти до задняго прохода. Каждая изъ вѣтвей даетъ иногда еще боковой отростокъ. На большомъ пальцѣ крыла вырастаютъ постоянно 10 или 9 маховыхъ перьевъ; въ послѣднемъ случаѣ исчезаетъ первое, которое обыкновенно гораздо короче другихъ, а иногда даже совсѣмъ маленькое. Число малыхъ маховыхъ перьевъ колеблется между 9—14, при чемъ первое число болѣе обыкновенно. Кроющія перья на предплечьѣ бывають обыкновенно короткія и закрываютъ лишь около половины маховыхъ перьевъ. На крылѣ мы замѣчаемъ одинъ рядъ большихъ кроющихъ перьевъ, къ которымъ съ одной стороны примыкають маленькія перья добавочнаго крыла, а съ другой стороны перышки, сидяція на краю плечевой складки кожи. Хвостъ состоитъ изъ 12, въ рѣдкихъ случаяхъ только изъ 10 рулевыхъ перьевъ. Между покровными перьями гѣла вовсе не бываетъ пуха или онъ очень рѣдокъ.

Строеніе черепа у воробьиныхъ бываетъ довольно различно, однако у всѣхъ, сюда относящихся птицъ мы замѣчаемъ одинаковое развитіе сошника, небныхъ отростковъ верхней челюсти и небныхъ костей. Сошникъ спереди имѣетъ выемку, сзади раздвоенъ, такъ что обнимаетъ собою отростки основной кости; небные отростки верхней челюсти очень тонки, длинны, иногда нѣсколько шире, загибаются внутрь и назадъ надъ небными костями и оканчиваются подъ сошникомъ широкими, вогнутыми въ видѣ раковинъ костями, которыхъ однако у нѣкоторыхъ семействъ нѣтъ; небныя кости, наконецъ, болѣею частью широки и сзади плоски. Характерна для всѣхъ воробьиныхъ птицъ особенная костяная трубка, которая проводитъ воздухъ изъ средняго уха въ полость нижней челюсти. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 10—14 шейныхъ, 6—8 спинныхъ, 6—13 крестцовыхъ и 6—8 хвостовыхъ позвонковъ. Гребень грудной кости на переднемъ краѣ нѣсколько выгнутъ и на верхнемъ краѣ имѣетъ вырѣзку. На переднемъ краѣ ключицъ замѣчается сильно развитой отростокъ, имѣющій форму сплюснутаго конуса. Предплечье нѣсколько длиннѣе плеча, но оно, точно такъ, какъ и малець, не бываетъ чрезмерно длиннымъ. Ноги представляютъ обычное правильное строеніе. Языкъ, роговая оболочка котораго на краю и на концѣ часто бываетъ зубчата или расщеплена, по формѣ и величинѣ соответствуетъ клюву. На пищеводѣ зоба не бываетъ, второй желудокъ мясистый, во внутренностяхъ всегда мы замѣчаемъ желчный пузырь и слѣзную кишку.

Распространеніе воробьиныхъ птицъ соответствуетъ громадному числу ихъ видовъ. Онѣ встрѣчаются на всемъ земномъ шарѣ и образуютъ значительную часть птичьей фауны всѣхъ широтъ всѣхъ высотъ, однимъ словомъ всѣхъ странъ и мѣстностей. Онѣ живутъ на каждомъ участкѣ земли и во всѣхъ климатахъ: въ ледяныхъ поляхъ сѣверныхъ странъ и высокихъ горъ точно такъ, какъ и въ жаркихъ низменностяхъ тропическихъ странъ, въ лѣсахъ и на поляхъ, въ густыхъ камышахъ болотъ, точно такъ, какъ и въ пустыняхъ съ жалкою растительностью, въ многолюдныхъ городахъ, а также и въ безлюдныхъ степяхъ. Онѣ встрѣчаются вездѣ, гдѣ только является малѣйшая возможность къ существованію: даже на пустынныхъ скалистыхъ берегахъ Ледовитаго океана онѣ находятъ себѣ пристанище и пищу. Однѣ только хищныя птицы имѣютъ почти такую-же обширную область распространенія, какъ воробьиныя, только сѣн послѣднія встрѣчаются въ гораздо болѣе многочисленныхъ видахъ и экземплярахъ, и потому гораздо замѣтнѣе. Только море ихъ отталкиваетъ: это дѣти суши. Онѣ встрѣчаются вездѣ, гдѣ только есть растительность. Въ лѣсахъ онѣ живутъ чаще,

чѣмъ въ безлѣсныхъ странахъ; подъ тропиками онѣ многочисленнѣе, чѣмъ въ умѣренномъ и холодномъ поясѣ; однако и это правило для большинства ихъ относительное. Многіе виды живутъ исключительно или почти исключительно на землѣ и большинство ихъ во всякомъ случаѣ не избѣгаетъ поверхности земли. Очень немногія изъ воробьиныхъ чуждаются близости человѣка; многія, напротивъ, напрашиваются къ нему въ захребетники, довѣрчиво посѣщая его дома и дворы, его сады и огороды. Ни одна изъ воробьиныхъ не стала-бы избѣгать сосѣдства человѣческихъ жилищъ, если-бы люди не относились къ нимъ иногда враждебно, прогоняя ихъ или уничтожая мѣста, удобныя для ихъ пребыванія.

Тѣ, которые считаютъ воробьиныхъ высокодаровитыми птицами, отдаютъ имъ только полную справедливость. Многіе зоологи, специально занимающіеся птицами, считаютъ, согласно мнѣнію Кабаниса, соловья за наиболѣе совершенную птицу, а Овенъ полагалъ, что эта честь принадлежитъ ворону. Противъ этихъ мнѣній очень мало можно возразить. Способности воробьиныхъ дѣйствительно замѣчательны и душевныя ихъ качества точно такъ же совершенны, какъ и организація тѣла. Онѣ вездѣ умѣютъ хорошо ужиться, такъ какъ необыкновенно искусны во всѣхъ тѣлесныхъ упражненіяхъ. Не всѣ воробьиныя принадлежатъ къ отличнѣйшимъ летунамъ, но нѣкоторыя изъ нихъ поспорятъ въ этомъ отношеніи со всѣми другими птицами, а большинство все-таки летаетъ лучше большинства птицъ другихъ отрядовъ. Почти всѣ передвигаются по землѣ легко и проворно, при чемъ одніе шагаютъ, другія быстро передвигаютъ ногами, а третьи прыгаютъ; сквозь густыя кусты пробираются онѣ съ проворствомъ мыши; на стволахъ, сучьяхъ и вѣтвяхъ деревьевъ онѣ лазаютъ, качаются, кувьркаются и выдѣлываютъ разные другіе фокусы. Большинство изъ нихъ однако избѣгаетъ воды, но нѣкоторыя умѣютъ и здѣсь двигаться совершенно своеобразно, бѣгая по дну не очень глубокихъ водоемовъ или пролетая черезъ пѣнныя волны водопадовъ.

Всѣ внѣшнія чувства у воробьиныхъ хорошо развиты. Выше всѣхъ стоитъ зрѣніе; слухъ и осязаніе, повидимому, также очень тонки. Присутствіе вкуса отрицать нельзя, но большого значенія онъ, вѣроятно, не имѣетъ; развитіе обонянія замѣтно только у нѣкоторыхъ, такъ что оба послѣднія чувства слѣдуетъ считать довольно слабыми. Большому головному мозгу соответствуетъ значительная понятливость, сила аффектовъ, живость характера; качества эти слѣдуетъ считать характерными для большинства воробьиныхъ. Кто ихъ знаетъ, никакъ не можетъ назвать ихъ слабоумными, такъ какъ онѣ ежедневно своими дѣйствіями намъ доказываютъ противное. Можетъ быть многіе наблюдатели невѣрно судятъ о нихъ, вслѣдствіе ихъ добродушія и довѣрчивости; но всѣ птицы этого отряда выказываютъ полное пониманіе существующихъ въ данной мѣстности условій. Онѣ научаются узнавать и оцѣнивать своихъ враговъ и избѣгать опасности; съ друзьями своими, напротивъ, онѣ входятъ въ самыя близкія сношенія и бываютъ имъ благодарны за гостепримство. Слѣдовательно онѣ измѣняютъ свое поведеніе согласно обстоятельствамъ, времени и мѣсту, смотря по тѣмъ людямъ, съ которыми имѣютъ дѣло. Ихъ страсти и особенности характера высказываются въ очень сильной формѣ; иногда онѣ любятъ общество, живутъ большею частью между собою мирно и очень нѣжны другъ къ другу, иногда же удаляются отъ себѣ подобныхъ, ссорятся между собой и дѣлаются равнодушными къ близкимъ. Въ любви онѣ выказываютъ большую горячность, поэтому въ это время ревнивы, своевольны и честолюбивы. Онѣ дерутся тогда, употребляя въ дѣло клювъ и когти, во время полета и на вѣтвяхъ деревьевъ, или выказываютъ соревнованіе въ искусствѣ пѣнія, при чемъ врагами ихъ являются тѣ птицы, съ которыми до тѣхъ поръ онѣ жили мирно и даже обнаруживали къ нимъ большую

привязанность. Аффекты выражаются у нихъ въ такой сильной формѣ, что иногда помрачаютъ умъ, такъ что онѣ совершенно теряютъ присутствіе духа и подвергаются такимъ опасностямъ, которыя стоятъ имъ жизни. Никто не можетъ отрицать только что сказаннаго, такъ какъ всякій внимательный наблюдатель знаетъ факты, доказывающіе это. Какъ часто можно видѣть, что воробей помогаетъ слабому и нуждающемуся въ помощи товарищу, какъ комнатныя птицы всевозможныхъ сортовъ выказываютъ любовь къ своимъ хозяевамъ, какъ онѣ скучаютъ и молчатъ, когда его нѣтъ, какъ радостно встрѣчаютъ, когда снова его увидятъ! Уже чудныя пѣсни этихъ птичекъ, которыя насъ такъ очаровываютъ, прекрасно доказываютъ ихъ сильное чувство. Понятливость ихъ сильно увеличивается прекрасною памятью, которая замѣчается у большинства изъ нихъ.

Понятно, что такимъ живымъ и страстнымъ животнымъ необходима почти постоянная дѣятельность. Воробьиныя птицы совершенно неспособны къ созерцательному бездѣйствію: съ ранняго утра до поздняго вечера онѣ двигаются и занимаются своими дѣлами безъ усталы, при чемъ упражняютъ всѣ свои способности. Совершенно бездѣтельными онѣ остаются лишь во время сна; въ другое время непремѣнно чѣмъ-нибудь заняты, въ крайнемъ случаѣ лишь тѣмъ, что чистятъ себѣ перышки. Значительная часть дня посвящается отыскиванью пищи и почти столько-же времени онѣ занимаются самымъ пріятнымъ для нихъ и для насъ дѣломъ — пѣніемъ, въ чемъ большинство изъ нихъ большіе мастера. Съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ можно, пожалуй, утверждать, что и нѣкоторые попугаи поютъ, но, строго говоря, это лишь довольно пріятное трещанье; всѣ-же настоящіе пѣвцы принадлежатъ къ отряду воробьиныхъ; это настоящіе знатоки высокаго искусства, которые восхищаютъ своихъ слушателей точно такъ, какъ и знаменитые пѣвцы между людьми. Настоящіе пѣвцы занимаются этимъ съ воодушевленіемъ и поютъ не только для своихъ самокъ, или для своихъ воспитателей, когда сидятъ въ клеткахъ но и для собственнаго удовольствія, при чемъ иногда пользуются своимъ пѣніемъ какъ оружіемъ, вызываютъ другъ друга къ соревновательному состязанію голосовъ и бывають при этомъ побѣдителями или побѣжденными. Кто внимательно слушалъ пѣніе соловья или дрозда и хорошо понималъ его, долженъ признать, что эти птицы должны быть преисполнены жизнерадостнаго настроенія, что онѣ должны быть страстны и воспримчивы, иначе не могли-бы дойти до такого совершенства. Пѣвчихъ птицъ часто сравниваютъ съ поэтами и хотя это сравненіе, какъ и всякое другое, имѣетъ свои слабыя стороны и подаетъ иногда поводъ къ насмѣшкамъ, но въ нѣкоторомъ смыслѣ оно правильно: поэтъ между людьми играетъ почти ту-же роль, какъ пѣвцы между птицами.

Многостороннимъ способностямъ, которыми одарены воробьиныя птицы, соответствуютъ: ихъ образъ жизни, поведеніе, питаніе, размноженіе и другія стороны ихъ дѣятельности. Въ этомъ отношеніи можно мало сказать общаго о всѣхъ воробьиныхъ, такъ какъ между ними можно встрѣтить всевозможныя качества. Ихъ образъ жизни точно такъ-же разнообразенъ, какъ ихъ внѣшность, способности и мѣстожительство, а привычки ихъ точно также весьма различны. Большинство изъ нихъ общительныя животныя и отдѣльныхъ птицъ можно встрѣтить только случайно; во время насиживания онѣ живутъ парами, а въ прочіе мѣсяцы года семьи собираются въ стаи, которыя иногда такъ возрастаютъ въ числѣ, что образуютъ несмѣтныя толпы. При этомъ собираются не только птицы одного вида, но и сходныхъ между собою видовъ онѣ живутъ вмѣстѣ по цѣлымъ мѣсяцамъ и образуютъ общество, всѣ члены котораго дѣйствуютъ согласно. Подобныя общества можно наблюдать въ нашихъ рощахъ и садахъ позднею осенью, когда воспитаніе дѣтенышей и линіяніе окончены; мы ихъ замѣчаемъ также зимой въ деревняхъ или на улицахъ городовъ, гдѣ птицы собира-

ютъ подаяніе. Стаи эти не разлучаются иногда даже при перелетѣ и на чужбинѣ. Самыя умныя птицы заботятся о благѣ всей стаи, ихъ слушаются другія птицы и подражаютъ ихъ дѣйствіямъ. У другихъ воробьиныхъ птицъ, которыя также живутъ обществами, мы замѣчаемъ другіе порядки: отдѣльные члены общества не жертвуютъ своею самостоятельностью. Они, правда, помогаютъ другъ другу въ нуждѣ и опасности; самецъ и самка выказываютъ другъ къ другу нѣжную привязанность и родители ухаживаютъ за своими чтенцами съ такою-же любовью, какъ и другія птицы; но во всемъ остальномъ каждый дѣйствуетъ согласно своимъ интересамъ. Подобное общество образуется, повидимому, вслѣдствіе пониманія пользы подобнаго сожительства для того, чтобы защищать и помогать другъ другу и для достиженія тѣхъ удовольствій, которыя доставляетъ дѣятельнымъ существамъ сообщество съ другими себѣ подобными. Нѣкоторые виды собираются даже въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ опредѣленные часы, какъ-бы для того, чтобы подѣлиться съ товарищами впечатлѣніями, собранными въ теченія дня. Нѣкоторыя воробьиныя птицы живутъ однако отшельниками, какіе иногда встрѣчаются и въ другихъ отрядахъ птицъ. Онѣ живутъ парами въ извѣстномъ участкѣ, строго его оберегаютъ отъ другихъ птицъ и прогоняютъ оттуда даже своихъ взрослыхъ дѣтенышей.

Строго говоря, всѣ воробьиныя птицы принадлежатъ къ числу хищныхъ, хотя этотъ терминъ нельзя принимать въ обычномъ его смыслѣ. Большинство изъ нихъ питаются, если не исключительно, то по преимуществу другими животными: насѣкомыми, личинками ихъ, мягкотѣлыми и червями, а крупные виды этого отряда могутъ быть названы настоящими хищниками, которые не ограничиваются ловлею мелкихъ животныхъ, но соперничаютъ въ этомъ отношеніи съ соколами и совами и при этой охотѣ выказываютъ ловкость, мужество и хитрость. Однако почти всѣ тѣ птицы этого отряда, которыя питаются другими животными, кромѣ того ѣдятъ плоды, ягоды и зерна. при чемъ птицы, питающіяся зернами, никогда не отказываются при случаѣ отъ ловли насѣкомыхъ. Такимъ образомъ вѣрнѣе всего ихъ назвать всеядными птицами, хотя немногія изъ нихъ вполнѣ заслуживаютъ это названіе, но между ними есть и такія, которыя питаются всѣмъ съѣдобнымъ и никогда не затрудняются средствами для добыванія себѣ пищи.

Смотря по тому, питаются ли птицы по преимуществу растительною или животною пищею, онѣ иногда бываютъ принуждены улетать въ болѣе теплыя страны, когда зима покрываетъ у насъ землю снѣжнымъ покровомъ; иногда же онѣ и въ холодное время года находятъ себѣ пропитаніе и тогда постоянно живутъ на одномъ мѣстѣ. Всѣ воробьиныя птицы, которыя живутъ въ теплыхъ странахъ, зимою далеко не перелетаютъ и лишь странствуютъ изъ одной мѣстности въ другую, какъ дѣлаютъ и нѣкоторыя наши сѣверныя птицы. У насъ въ умѣренномъ поясѣ лѣса и роши теряютъ осенью почти всѣхъ своихъ обитателей, потому что только немногія изъ воробьиныхъ птицъ, живущихъ въ нашихъ странахъ, могутъ прокормиться у насъ и зимою. Отъ насъ улетаютъ на зиму не только большинство насѣкомоядныхъ птицъ, но и многія зерноядныя; даже нѣкоторыя всеядныя птицы считаютъ необходимымъ переселяться въ болѣе теплыя страны, когда у насъ наступаетъ холодное время года.

Для большинства воробьиныхъ птицъ время любви наступаетъ весною, выражается ли она, какъ у насъ, въ умѣренномъ поясѣ, пробужденіемъ природы отъ долгаго зимняго сна, или усиленными дождями въ тропическихъ странахъ. Между ними встрѣчаются нѣкоторыя виды, которые мало обращаютъ вниманія на весну и высидываютъ дѣтенышей во всякое время года, занимаясь этимъ дѣломъ даже въ зимніе морозы холодныхъ странъ и въ жаркое сухое время года подъ тропи-

ками. Большинство однако признаютъ въ веснѣ самое лучшее время года и согласно этому весной занимаются важнымъ дѣломъ гнѣздованія и вывода дѣтенышей. Къ этому времени большія стаи, образовавшіяся весной, распадаются, птицы перестаютъ быть общительными животными и у нихъ является страстность, которая выражается сильнѣе, чѣмъ у большинства другихъ птицъ. Клювъ тогда открывается не только для пѣсенъ любви, а также для борьбы съ соперниками; можно сказать, что тогда птица распредѣляетъ все время между двумя занятіями — пѣніемъ и боями съ другими птицами. Самецъ тогда выказываетъ лихорадочную дѣятельность во всѣхъ своихъ поступкахъ. Онъ ѣсть поспѣшно и урывками, заливаема пѣснями, при полетѣ выдѣлываетъ различные фокусы, которыми въ другое время не занимается, и спаривается по нѣскольку разъ въ день съ самкою, выказывая при этомъ большую горячность. Тѣ, которыя живутъ парами, преслѣдуютъ другихъ себѣ подобныхъ птицъ съ большимъ ожесточеніемъ, а тѣ, которыя и весной живутъ обществами, сообща отыскиваютъ мѣсто для гнѣздованія, при чемъ здѣсь не обходится безъ ссоръ и дракъ, такъ какъ каждая пара хочетъ себѣ захватить лучшее мѣсто для гнѣзда; однако когда мѣста выбраны, гнѣзда устроены и яйца положены, тогда наступаетъ миръ и согласіе. Гнѣзда строятся воробьиными птицами весьма различнымъ образомъ; можно только сказать, что къ этому отряду принадлежатъ самые лучшіе строители, настоящіе мастера въ искусствѣ постройки гнѣздъ. Кладка состоитъ изъ 4—12, а иногда и больше, чаще всего пестрыхъ яицъ. Оба родителя насиживаютъ яйца и кормятъ общими силами птенцовъ. Часто лѣтомъ происходитъ вторая, а иногда и третья кладка.

Воробьиныхъ птицъ слѣдуетъ считать по преимуществу полезными животными. Встрѣчаются между ними, конечно, и такія, которыя приносятъ намъ болѣе вреда, чѣмъ пользы, но ихъ такъ мало, что онѣ почти теряютъ значеніе въ сравненіи съ пользою, приносимою большинствомъ другихъ птицъ этого отряда. Значительное количество видовъ воробьиныхъ въ высшей степени полезно для растительности уничтоженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, личинокъ, улитокъ и слизняковъ; кромѣ того онѣ своимъ чуднымъ пѣніемъ такъ оживляютъ наши лѣса, рощи и сады, что весна дѣлается дѣйствительно весной только при ихъ содѣйствіи. Намъ неприятно было бы лишиться этихъ пѣвцовъ даже и въ томъ случаѣ, если бы они были вредны, но именно лучшіе пѣвуны и приносятъ намъ наибольшую пользу, а вредныя птицы почти всегда и поютъ плохо. Къ послѣднимъ относятся нѣкоторыя птицы изъ семейства воронъ, также нѣкоторыя мелкіе зяблики и ткачи, которые хотя и приносятъ пользу тѣмъ, что сѣдаютъ много зеренъ сорныхъ травъ и при случаѣ ѣдятъ насѣкомыхъ, но въ извѣстное время, когда они собираются большими стаями, вредятъ зрѣющимъ хлѣбамъ и плодамъ въ садахъ. На этихъ птицъ жалуются не только наши крестьяне, но и народы другихъ частей свѣта не любятъ ихъ за тотъ вредъ, который приносятъ полямъ эти маленькія зерноядныя. Птички эти вредны главнымъ образомъ своею многочисленностью, и дѣйствительно страшно видѣть, какъ сотни и тысячи этихъ маленькихъ грабителей истребляютъ зерна для своего пропитанія и своею разборчивостью еще болѣе опустошаютъ, чѣмъ дѣйствительно поѣдаютъ. Противъ нихъ, понятно, слѣдуетъ защищаться, тѣмъ болѣе, что мясо ихъ считается лакомымъ кушаньемъ; но и ловля болѣе крупныхъ изъ воробьиныхъ, появляющихся большими стаями, какъ на примѣръ дроздовъ, которыхъ нельзя считать безусловно вредными, не можетъ быть причислена къ большимъ преступленіямъ, какъ часто думаютъ; уменьшеніе числа этихъ птицъ, если оно и замѣчается, не можетъ быть приписано ловлѣ ихъ, а зависитъ отъ другихъ причинъ. Однако можно посовѣтывать по возможности ограничить эту ловлю, такъ какъ

вообще воробьиныя птицы, за исключеніемъ немногихъ, особенно сильныхъ и ловкихъ видовъ, имѣютъ и безъ того очень многочисленныхъ враговъ.

Хотя многихъ воробьиныхъ убиваютъ для ѣды, но еще большее число ловятъ для того, чтобы держать въ клѣткахъ, какъ комнатныхъ друзей человѣка. Ни одинъ отрядъ не доставляетъ такъ много птицъ для держанія въ клѣткахъ, какъ именно этотъ. Къ нимъ принадлежатъ тѣ животныя, которыхъ можно назвать домашними въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Они помогаютъ намъ хоть отчасти обманывать себя и зимою слушать весеннее пѣніе птицъ. Слишкомъ сентиментальныя особы часто сокрушаются и жалуются на несчастную судьбу бѣдныхъ птичекъ, содержаемыхъ въ клѣткахъ, но забываютъ при этомъ, что пѣвчія птицы тоже домашнія животныя и потому должны, какъ всѣ другія, служить для пользы и удовольствія человѣку. Странно, что никто не жалѣетъ млекопитающаго, котораго воспитываютъ, чтобы откормить, а затѣмъ зарѣзать и съѣсть, между тѣмъ какъ сокрушаются о птицѣ, которую ловятъ, за которой ухаживаютъ съ особенною любовью и содержать въ клѣткахъ при возможно лучшихъ условіяхъ, чтобы заставить ихъ забыть лишеніе свободы и получить отъ нихъ въ замѣнъ удовольствіе слушать ихъ чудныя пѣсни. Я полагаю, что изъ за этихъ жалобъ не слѣдуетъ измѣнять того, что уже вошло въ обычай и лишать себя удовольствія держать въ клѣткахъ пѣвчихъ птицъ и за ними ухаживать: тѣхъ же людей, которые не понимаютъ радостей, доставляемыхъ нашими пернатыми друзьями, слѣдуетъ только глубоко сожалѣть.

О раздѣленіи этого многочисленнаго отряда существуетъ почти столько же воззрѣній, сколько и натуралистовъ, спеціально ими занимавшихся: каждый предлагаетъ свою систему, и всѣ попытки объединить эти различныя мнѣнія не привели къ желанному результату. Мы слишкомъ еще мало знаемъ воробьиныхъ птицъ, чтобы безошибочно рѣшить всѣ вопросы, касающіеся сродства родовъ между собой. Нѣкоторые считаютъ правильнымъ раздѣлить весь отрядъ на двѣ группы: **Пѣвчихъ** птицъ (*Oscines*) и **Одноголосыхъ** воробьиныхъ (*Clamatores*), смотря по тому, развиты ли въ нижней гортани голосовые мускулы или нѣтъ. Мы будемъ придерживаться этого дѣленія, но должны предупредить читателя, что вслѣдствіе богатства матерьяла должны ограничить число описываемыхъ здѣсь птицъ и довольно кратко описывать остальныхъ.

У Пѣвуновъ (*Oscines*), составляющихъ главную группу отряда воробьиныхъ, нижняя гортань развита вполне хорошо и снабжена большею частью пятью парами мускуловъ, расположенныхъ на передней и задней ея стѣнкахъ. По внѣшности ихъ можно узнать по первому изъ 10 маховыхъ перьевъ, которое довольно коротко, совсѣмъ маленькое или вовсе отсутствуетъ. Плюсна ихъ спереди покрыта большими слившимися щитками, а по бокамъ нераздѣльной гладкой кожей.

По примѣру Рейхенова между пѣвунами мы ставимъ выше всѣхъ настоящихъ **Пѣвчихъ** птицъ (*Sylviidae*). По мнѣнію этого натуралиста, это самые совершенные пѣвуны, такъ какъ всѣ части тѣла у нихъ развиты соразмѣрно. По внѣшнему виду онѣ похожи на славковъ или дроздовъ, клювъ у нихъ короткій и тонкій или умѣренно толстый, шилообразный или слегка изогнутый. Крылья развиты хорошо и остроконечныя, хвостъ незначительно длиннѣе или даже короче сложенныхъ крыльевъ; плюсна по длинѣ нѣсколько превосходитъ средній палецъ. По Рейхенову, къ этому семейству относится 370 видовъ и представители его встрѣчаются по всему земному шару, большинство же въ умѣренномъ поясѣ Старого Свѣта.

По мнѣнію того-же Рейхенова пѣвчія птицы распадаются на двѣ группы, которымъ онъ придаетъ значеніе подсемействъ. Первая изъ этихъ группъ можетъ быть названа **Дроздовыми** (*Turdinae*, *Erdsänger*, *Merles*). Плюсна ихъ спереди покрыта сплошной роговой оболочкой, а птенцы отличаются отъ взрослыхъ крапчатымъ опереніемъ. Дроздовыя живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта и къ этому подсемейству Рейхеновъ относитъ до 280 видовъ.

Дроздовыя живутъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, хотя большая часть ихъ предпочитаетъ лѣса. Характернымъ признакомъ ихъ образа жизни можно считать то, что очень многія изъ нихъ часто держатся на землѣ, безразлично, покрыта-ли она растеніями или представляетъ собою скалистую и каменистую почву, расположена-ли въ тѣни, или подъ палящими лучами солнца. Богато одаренныя во всѣхъ отношеніяхъ дроздовыя птицы приобрѣли расположеніе человѣка главнымъ образомъ своимъ пѣніемъ, которое почти всегда превосходно; при этомъ онѣ приносятъ только одну пользу и этимъ вполне заслуживаютъ ту общую любовь, съ которою всѣ люди къ нимъ относятся. Пищу ихъ составляютъ насѣкомыя, личинки ихъ, мягкотѣлыя и всякія другія мелкія земляныя и водныя животныя; а лѣтомъ и разныя ягоды. Поэтому почти всѣ тѣ изъ нихъ, которыя обитаютъ въ сѣверныхъ широтахъ, относятся къ перелетнымъ птицамъ, которыя исчезаютъ изъ нашихъ странъ раннею или позднею осенью, а весною снова возвращаются, причемъ вскорѣ послѣ прилета начинается гнѣздованіе. Гнѣзда и яйца ихъ настолько разнообразны, что едва-ли можно о нихъ сказать что-либо общее; точно также разнообразны способы воспитанія дѣтенышей.

Врагами дроздовыхъ слѣдуетъ считать всѣхъ хищныхъ животныхъ, живущихъ съ ними по сосѣдству. Къ нимъ относится и человѣкъ, который наноситъ имъ самый чувствительный вредъ, не столько тѣмъ, что ловитъ взрослыхъ и молодыхъ птицъ и держитъ ихъ въ клѣткахъ, иногда лакомится ихъ мясомъ и обираетъ у нихъ яйца, а главнымъ образомъ тѣмъ, что вытѣсняетъ ихъ изъ любимыхъ убѣжищъ. Не натуралисты и птицеловы-любители мѣшаютъ размноженію этихъ пѣвчихъ птицъ тѣмъ, что убиваютъ ихъ или ловятъ для содержанія въ неволѣ, а сельскіе хозяева и лѣсоводы ставятъ ихъ въ бѣдственное положеніе тѣмъ, что уничтожаютъ всѣ кусты и изгороди, чтобы обратить лѣсъ въ пашню или придать ему однообразный и правильный видъ. Содержаніе дроздовыхъ въ неволѣ не слѣдуетъ считать преступленіемъ, а скорѣе оправдывать, если уходъ ведется свѣдущими людьми. Именно эти птички принадлежатъ къ самымъ пріятнымъ сожителямъ, какихъ можетъ себѣ приобрести человѣкъ, обреченный на затворническую жизнь въ комнатахъ. Своевременно пойманные птенцы при хорошемъ уходѣ скоро привыкаютъ къ утратѣ свободы, сводятъ тѣсную дружбу со своимъ хозяиномъ, всячески стараются выказать ему свое расположеніе и привязанность, грустятъ, когда не видятъ его, ликуютъ, когда онъ снова появляется, однимъ словомъ, вступаютъ съ человѣкомъ дѣйствительно въ тѣсную связь. Но онѣ требуютъ заботы и терпѣнія, хотятъ быть понятыми, для чего къ нимъ слѣдуетъ приглядѣться и внимательно наблюдать за ними; поэтому тѣ, которые хотятъ продержатъ какъ можно дольше птичку въ клѣткѣ, тѣ которые рѣшаются похитить изъ лѣсу или отъ другихъ людей дрозда или соловья и приобрести его исключительно для себя одного, должны сначала пойти поучиться къ опытному птицеводу и внести въ это дѣло беззавѣтную любовь и большое терпѣніе. Безъ этихъ качествъ они не только лишаютъ лѣсного пѣвца свободы, но похитятъ у него и жизнь. Въ данномъ случаѣ погрѣшаютъ не опытные любители, а полныя невѣжды, взявшіеся не за свое дѣло.

Выше всѣхъ прочихъ дроздовыхъ стоятъ **Соловьи** (*Erithacus*, *Rotschwänze*, *Fauvettes*). Они главнымъ образомъ характеризуются ржаво-бурнымъ цвѣтомъ хвоста, а также небольшимъ, красивымъ клювомъ, относительно малъ развитыми щетинками около клюва и средней длины крыльями.

Нашъ съ незапамятныхъ временъ прославленный **Западный соловей** (*Erithacus lusciniæ*, *Lusciola lusciniæ*, *Lusciniæ vera*, *megarhynchus*, *media*, *okeni* и *peregrina*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Curruca*, *Daulias* и *Philomela lusciniæ*, *Nachtigal*, *Rossignol*.) можетъ быть описанъ въ короткихъ словахъ. Цвѣтъ перьевъ на верхней части тѣла красновато-буро-сѣрый, темнѣе лишь на темени и на спинѣ; цвѣтъ нижней части тѣла свѣтло-желтовато-сѣрый, середина груди и горло самыя свѣтлыя; внутреннія бородки маховыхъ перьевъ темно-бурныя, рулевыя-же перья ржаво-буровато-красныя. Глазъ красновато-карий, клювъ и ноги красновато-сѣробурыя. Цвѣтъ оперенія молодыхъ птицъ—красновато-сѣро-бурый съ крапинками, происходящими отъ того, что кроющія перья имѣютъ свѣтло-желтые стержни и темныя каемки. Длина его равна 17, размахъ крыльевъ 25, длина крыла—8, а хвоста—7 см. Самочка нѣсколько меньше самца.

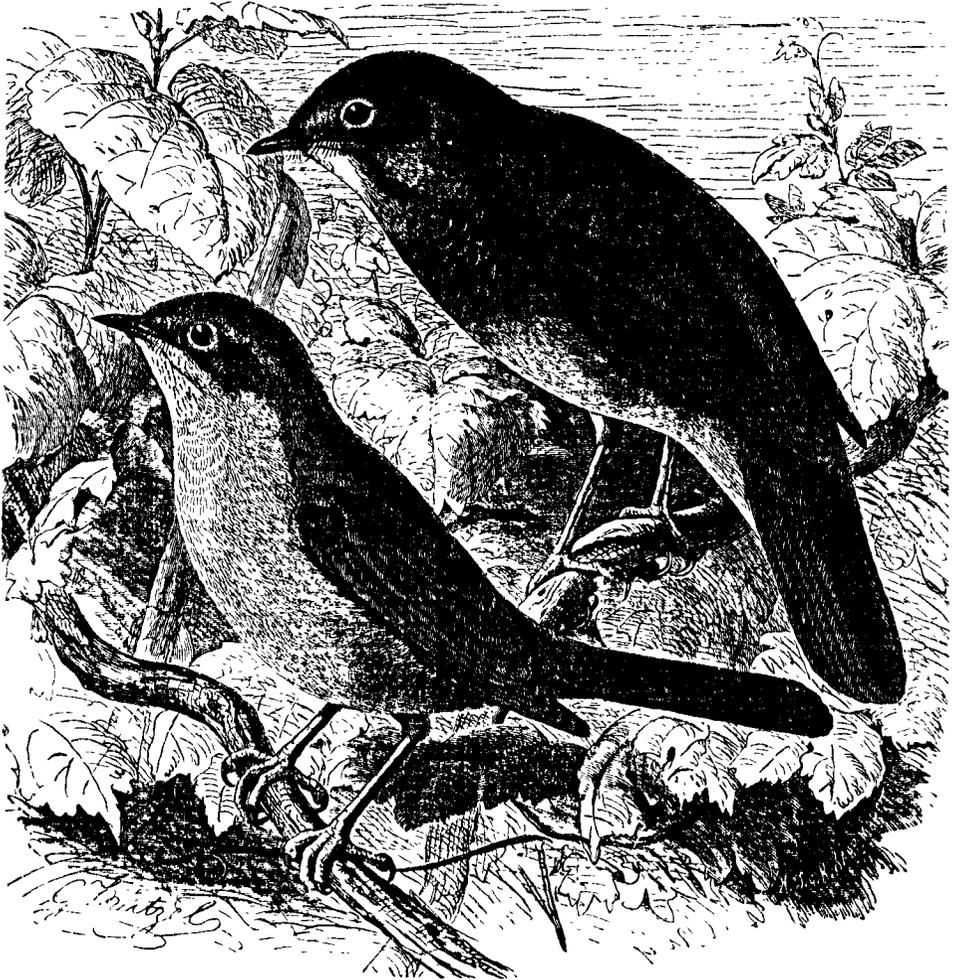
Восточный или Курскій соловей (*Erithacus philomelæ*, *Lusciola philomela*, *Lusciniæ philomela*, *major* и *eximia*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Curruca* и *Daulias philomela*, *Philomela magna*, *Sprosser*, *Rossignol*—*Philomelæ*) хотя больше, а особенно толще западнаго, но очень на него похожъ. Важными отличительными признаками считаются слѣдующіе: первыя маховыя перья гораздо короче, чѣмъ у западнаго соловья, а верхняя часть груди покрыта большими и нѣсколько туманными пятнами. Длина его 19, размахъ крыльевъ—28, длина крыла 9, а хвоста—8 см.

Кромѣ этихъ двухъ видовъ недавно стали отличать еще другихъ соловьевъ, именно: **Разноголосый соловей** (*Erithacus hybrida*, *Lusciola hybrida*, *Lusciniæ hybrida*, *Zweischaller*, *Rossignol hybride*). Птица эта такой-же величины, какъ и курскій соловей, точно также съ сильно укороченными первыми маховыми перьями; сверху она такого цвѣта, какъ восточный, а снизу, какъ западный соловей и водится въ Польшѣ. **Степной соловей** (*Erithacus Golzii*, *Lusciola Golzii*, *Lusciniæ Golzii*, *Steppen-nachtigal*, *Rossignol de Golz*.); онъ отличается отъ западнаго соловья тѣмъ, что гораздо больше его ростомъ, вторыя маховыя перья относительно короткія и верхняя часть тѣла чисто красно-бурая и на наружныхъ сторонахъ перьевъ нѣтъ темной полосы. Наконецъ **Персидскій соловей** (*Erithacus hafizii*, *Lusciola hafizii*, *Lusciniæ hafizii*, *Hafisnachtigal*, *Rossignol de Hafiz*.), который, говорятъ, отличается болѣе длиннымъ хвостомъ и болѣе блѣднымъ цвѣтомъ оперенія. Всѣ перечисленные виды образуютъ подродъ **Настоящихъ соловьевъ** (*Lusciola*).

О распространеніи западнаго и восточнаго соловьевъ, не причисляя сюда двухъ послѣднихъ, болѣе или менѣе сомнительныхъ видовъ, можно сказать слѣдующее: западный выводитъ дѣтенышей во всей западной, средней и южной Европѣ, въ Великобританіи—только въ Англии, очень рѣдко въ Швеции, напротивъ довольно обыкновененъ во всѣхъ удобныхъ для него мѣстахъ сѣверной, средней и южной Германіи, западнѣе отъ рѣки Пеены (въ Мекленбургѣ). Онъ также часто встрѣчается въ Венгріи, Славоніи, Кроаціи, Верхней и Нижней Австріи, Моравіи, Богеміи и на всѣхъ трехъ южно-европейскихъ полуостровахъ, однако, повидимому, не гнѣздится далеко на востокъ и югъ; но все-же живетъ въ южной Россіи, въ Крыму, на Кавказѣ, Малой Азійи и Палестинѣ, а на югъ отечество его не распространяется далѣе Атласскихъ горъ.

Соловей предпочитаетъ равнины, но не избѣгаетъ отчасти и гористыхъ странъ, если только тамъ встрѣчаются лиственные деревья и кусты. Въ Швейцаріи, по

Чуди, онъ не очень рѣдокъ на горахъ, высокою до 1000 м.; въ Испаніи же, по моимъ собственнымъ наблюденіямъ, онъ встрѣчается еще на 600 м. выше. Излюбленные мѣста ихъ жительства составляютъ листовые лѣса съ низкорослыми деревьями, а въ особенности мѣста, поросшія кустарникомъ, съ оврагами, гдѣ протекають рѣчки или прорыты канавы, а также берега большихъ рѣкъ и озеръ и сады, въ которыхъ есть поросшіе кустами глухіе уголки. Здѣсь живетъ одна пара около другой, каждая изъ нихъ однако имѣетъ свой опредѣленный уча-

Западный соловей. *Erithacus luscinia*. Восточный соловей. *Erithacus philomela*. ²/₃ наст. вел.

стокъ, который строго охраняется и храбро защищается отъ вторженія остальныхъ птицъ. Тамъ, гдѣ есть мѣстности, отвѣчающія ихъ требованіямъ, соловьи очень обыкновенны; впрочемъ въ сѣверной Германіи ихъ гораздо меньше, чѣмъ въ южной Европѣ. Меня здѣсь поразило то, что такое большое количество соловьевъ уживаются въ одной мѣстности или въ одномъ саду. Едва-ли будетъ преувеличеннымъ утверждать, что въ Испаніи, напримѣръ, въ удобныхъ мѣстахъ, каждая изгородь и каждый кустъ служатъ убѣжищемъ для парочки. Для человѣка, имѣющаго музыкальное ухо, останутся всегда незабвенными утреннія прогулки на Монсерра-

тѣ или вечерніе часы отдохновенія, проведенные за стѣнами Альгамбры. Тамъ слышно заразѣ до сотни соловьевъ, и пѣсни ихъ раздаются повсюду. Вся обширная зеленѣющая Сьерра Морена можетъ считаться огромнымъ соловьинымъ садкомъ, а такихъ горъ въ Испаніи очень много. Трудно постичь, какъ такой маленькій участокъ, какой здѣсь приходится на долю каждой пары, можетъ пропитать такихъ требовательныхъ птицъ вмѣстѣ съ ихъ многочисленнымъ потомствомъ. То же самое, по собственнымъ моимъ наблюдениямъ, можно сказать объ южной Венгріи, гдѣ западный соловей, повидимому, все болѣе и болѣе вытѣсняетъ восточнаго, который здѣсь прежде водился во множествѣ; ранѣе западный соловей встрѣчался только въ горахъ, а нынѣ живеть и въ долинѣ Дуная.

Область распространенія восточнаго соловья на сѣверѣ и востокѣ граничитъ съ мѣстомъ жительства западнаго. Это самый обыкновенный соловей въ Даніи и единственный, встрѣчающійся въ Скандинавіи, восточной Помераніи и во всей сѣверной и средней Россіи; онъ замѣняетъ западнаго соловья въ Польшѣ, а можетъ быть и въ Галиціи, все еще, хотя въ незначительномъ количествѣ, населяетъ среднее теченіе Дуная, на югъ отъ Вѣны и наконецъ за Ураломъ встрѣчается во всѣхъ рѣчныхъ долинахъ западной Сибири. Здѣсь онъ сохранилъ въ полной мѣрѣ всю чистоту, полноту и богатство звуковъ своей пѣсни, которая разнообразіемъ строфъ и до сихъ поръ еще восхищаетъ ухо путешественника, какъ прежде восхищала ихъ предковъ.

Зимую оба соловья улетаютъ въ среднюю и западную Африку, а восточный, кромѣ того, и въ южныя страны Азіи. По образу жизни оба соловья на столько похожи одинъ на другого, что почти можно ограничиться жизнеописаніемъ которагонибудь изъ нихъ. Такъ я и намѣренъ поступить, имѣя, впрочемъ, болѣе въ виду западнаго соловья. Тамъ, гдѣ этотъ чудный пѣвецъ пользуется нѣкоторымъ покровительствомъ человѣка, онъ селится въ непосредственной близости отъ его жилища, вовсе не выказываетъ пугливости, скорѣе-же нѣкоторую смѣлость и потому жизнь и дѣйствія его—не трудно наблюдать. По мнѣнію Наумана, неподражаемому и прекрасному описанію котораго я намѣренъ слѣдовать, нравъ соловья можетъ быть названъ строгимъ и полнымъ обдуманности. Движенія его размѣрены и исполнены достоинства, осанка благородная, и въ этомъ отношеніи онъ превосходитъ всѣхъ другихъ пѣвчихъ птицъ нашего отечества. Движенія его, повидимому, указываютъ на то, какъ хорошо онъ сознаетъ, что всѣ признаютъ за нимъ его достоинства. Отношенія его къ людямъ очень довѣрчивы: онъ охотно живеть вблизи ихъ и отличается покойнымъ и тихимъ нравомъ. Съ другими птицами живеть въ мирѣ и поэтому рѣдко можно видѣть, чтобы онъ съ кѣмъ-либо ссорился. Обыкновенно видишь, что соловей сидитъ на вѣткѣ, невысоко надъ землею, довольно прямо, приподнявши хвостъ и опустивши крылья такъ низко, что кончики ихъ расположены ниже основанія хвоста. Соловей рѣдко прыгаетъ по вѣткамъ; если-же это случается, то не иначе какъ большими скачками; по землѣ онъ скачетъ большими прыжками, вытянувши ноги и вздернувъ хвостъ, но выраженію Наумана, очень гордо, всегда въ нѣсколько пріемовъ, между которыми бывають остановки для отдыха. Если вниманіе его чѣмъ-либо привлечено, то соловей нѣсколько разъ сряду взмахиваетъ хвостомъ, повторяя это движеніе при всякомъ удобномъ случаѣ. Соловей летаетъ быстро и легко, поднимаясь и опускаясь въ воздухѣ дугами; маленькія-же разстоянія онъ перелетаетъ порхая и покачиваясь со стороны въ сторону; сразу онъ пролетаетъ только короткія разстоянія, съ куста на кустъ; днемъ никогда не носится надъ открытымъ полемъ. Въ томъ, что они могутъ летать очень быстро, можно убѣдиться, глядя, какъ ревнивыя самцы преслѣдуютъ другъ друга во время ссоръ.

Призывной голосъ соловья есть звонкое протяжное «вїидь», за которымъ слѣдуетъ хрипящее «карр». Испуганный, онъ часто, разъ за разомъ, повторяетъ свое «вїидь» и только изрѣдка выкрикиваетъ «карр». Во время гнѣва слышится неприятное «рээ», а при спокойномъ расположеніи духа глубокое, звучное «такъ». Итенцы вначалѣ кричатъ «фїидь», а позднѣе «кроэк». Несомнѣнно, что всѣ эти звуки, видоизмѣняясь, принимаютъ такіе разнообразныя, большею частью ускользающіе отъ нашего уха оттѣнки, что пріобрѣтаютъ для птицъ различное значеніе.

То щелканіе, которымъ соловей пріобрѣлъ наше особенное расположеніе, такъ благозвучно и богато тонами, что съ успѣхомъ соперничаетъ съ голосами всѣхъ птицъ, кромѣ немногихъ его родичей; по мнѣнію Наумана, оно настолько превосходно и своеобразно, настолько богато полнотой тоновъ, представляетъ собою такое пріятное разнообразіе и такую увлекательную гармонію, какой не находимъ ни у одной изъ остальныхъ птицъ. Съ невыразимою пріятностью мягкіе флейтовые звуки смѣняются громкими, жалобные—веселыми, сливающимися—съ рѣзко отдѣленными; одна строфа начинается нѣжно, постепенно усиливается и снова замираетъ, переходитъ въ тихое ріано, другая, напротивъ, состоитъ изъ отдѣльныхъ отчетливо и изящно, какъ-бы отекающихъ нотъ; такимъ образомъ грустные тоны, которые можно сравнить съ чистѣйшими звуками флейты, постепенно переходятъ въ веселый мотивъ. Паузы еще возвышаютъ чарующее дѣйствіе этой мелодіи и господствующій въ ней умѣренный темпъ даетъ возможность вполне насладиться ея красотой. Слушая соловья, дивнись то разнообразію этихъ волшебныхъ звуковъ, то ихъ полнотѣ и необычайной силѣ, при чемъ невольно приходитъ мысль: какимъ чудомъ столь маленькая птица можетъ производить такіе громкіе звуки и какъ въ ея горловыхъ мускулахъ можетъ заключаться столь большая сила? Нѣкоторыя строфы, дѣйствительно, поются такъ громко, что пронзительные звуки ихъ причиняютъ боль ушамъ, если слушать ихъ совсѣмъ близко.

У самыхъ лучшихъ соловьевъ пѣсня заключаетъ въ себѣ отъ 20 до 24 различныхъ строкъ *), у немногихъ изъ нихъ разнообразіе не такъ велико. Мѣстность имѣетъ очень сильное вліяніе на пѣніе, а такъ какъ молодые соловьи подражаютъ старымъ, живущимъ вблизи, и отъ нихъ учатся, то понятно, что въ одной мѣстности встрѣчаются почти исключительно только превосходные пѣвцы, а въ другой, напротивъ

*) Приводимъ здѣсь описаніе соловьиного щелканья Тургенева. (Общ. Собр. Сочин. Томъ X, стр. 182.

„Хорошій соловей долженъ пѣть разборчиво и не жѣшать колѣнъ, а колѣна вотъ какія бывають:

Первое: Пульканье—этакъ: пуль, пуль, пуль, пуль.

Второе: Клыкание—клы, клы, клы, какъ желна.

Третье: Дробь—выходитъ, примѣрно, какъ по землѣ дробь просыпать

Четвертое: Раскатъ—трррррр.

Пятое: Почти понять можно—плень, плень, плень.

Шестое: Лѣшева дудка, этакъ протяжно го, го, го, го, а тамъ коротко: ту!

Седьмое: Кукушкинъ перелетъ—кукушка какъ полетитъ, такимъ манеромъ кричитъ. Сильный такой, звонкій свистъ.

Восьмое: Гусачекъ: га, га, га, га.

Девятое: Юлиная стукотня: какъ юла есть втица на жаворонка похожая—или какъ вотъ органички бывають, такой круглый свистъ: фюююююю.

Десятое: Починъ—этакъ: тии-вить, нѣжно, малинковой. Это по настоящему не колѣно, а соловьи обыкновенно такъ начинаютъ. У хорошаго потнаго соловья оно еще вотъ какъ бываетъ: начнетъ—тии-вить, а тамъ—тукъ! Это отголочкой называется. Потомъ опять—тии-вить . . . тукъ! тукъ! Два раза отголочка—и въ поль-удара, этакъ лучше; въ третій разъ: тии-вить да какъ разсыплется вдругъ с . . . с . . . дробью или раскатомъ—една на ногахъ устоишь—обожжетъ!

того, только посредственные. Старые самцы всегда шелкают лучше молодых, потому что и у птиц благородное искусство это требует упражнения. Живѣ всего звучит пѣсня, когда пѣвца обуреваютъ ревность; она служитъ ему тогда оружіемъ, которымъ каждый изъ противниковъ старается наилучшимъ образомъ воспользоваться. Обыкновенно говорятъ, что соловей—пѣвецъ ночи; въ иное время это вѣрно, такъ какъ иногда они поютъ только ночью, въ другое-же время поютъ исключительно днемъ. Въ порывѣ первыхъ увлеченій, еще прежде, чѣмъ самочка начинаетъ нести яйца, чудное пѣніе раздается во всякое время ночи, позднѣе оно рѣже слышится; лѣсъ какъ-бы затихъ, кажется, будто пѣвецъ нѣсколько успокоился и возвращается къ своему привычному образу жизни.

Призывной голосъ восточнаго соловья звучитъ иначе, — не «вид-карр», а «гло-карр»; шелканье-же характеризуется болѣе значительной глубиной тоновъ: оно тише, сдержаннѣе, раздѣляется болѣе продолжительными промежутками, сильнѣе и звучнѣе, чѣмъ у западнаго, но строфы менѣе разнообразны; несмотря на это по пѣнію они стоятъ оба на совершенно равной высотѣ. Нѣкоторые любители предпочитаютъ пѣсню восточнаго соловья и совершенно справедливо прославляютъ шелканье (трели) его, какъ нѣчто неподражаемое.

По моему, нижеслѣдующими словами Греснеръ короче и вѣрнѣе всѣхъ характеризуетъ разницу между пѣсней того и другаго соловья. «На основаніи того, сколько я прислушивался къ соловьямъ, мнѣ выяснилось, что самые искусные пѣвцы между западными соловьями шелкаютъ опредѣленно раздѣльными строфами, воспроизводя ихъ не всегда въ одинаковомъ порядкѣ и въ различномъ ритмѣ, смотря по настроенію и по времени дня; между тѣмъ какъ восточный соловей свойственныя ему колѣна видоизмѣняетъ такъ, что у него едва-ли можно говорить о какой-либо послѣдовательности опредѣленныхъ тоновъ. Между тѣмъ какъ пѣніе западнаго представляетъ извѣстную мелодію, хотя съ отступленіями и вставками созвучій, шелканіе восточнаго раздается речитативомъ, въ которомъ маэстро допустилъ исполнителю большія вольности, который ими такъ воспользовался, что нерѣдко колѣно повторенное имъ нѣсколько разъ, дѣлается каждый разъ неузнаваемымъ и зависитъ отъ настроенія пѣвца и отъ чувства, съ которымъ онъ его выполняетъ; то-же самое замѣчается въ произведеніяхъ всѣхъ великихъ художниковъ. Понятно, что впечатлѣніе получается сильнѣе, если вмѣсто ожидаемыхъ знакомыхъ звуковъ и строфъ привычнаго размѣра изъ неисчерпаемаго богатства тоновъ рождаются все новыя и новыя созвучія. Поэтому я ставлю восточнаго соловья выше западнаго, такъ какъ онъ не только пѣвецъ, но и композиторъ и измѣняетъ свою пѣсню соотвѣтственно своему душевному состоянію».

Соловей питается всевозможными червяками и личинками насѣкомыхъ, на-примѣръ: мучными червями, куколками муравьевъ и другими маленькими личинками съ гладкой кожей; осенью онъ ѣстъ и ягоды. Онъ отыскиваетъ нищу на землѣ, а потому появляется тотчасъ тамъ, гдѣ земля взрыта. За летающими насѣкомыми онъ охотится очень рѣдко. Овладевъ добычею, онъ выражаетъ удовольствіе взмахиваніемъ хвоста.

Въ Германіи соловьи появляются въ послѣдней половинѣ апрѣля, немного раньше или позже, смотря по погодѣ, примѣрно въ то время, когда распускается боярышникъ. Они прилетаютъ по одиночкѣ, ночью, сначала самцы, а нѣсколько позднѣе самки. Иногда рано утромъ видишь, какъ соловей съ высоты опускается въ кусты, гдѣ онъ и остается въ теченіи цѣлаго дня; обыкновенно узнаешь объ его появленіи только по пѣнію. Каждый соловей отыскиваетъ ту часть лѣса, тотъ садъ или тѣ кусты, гдѣ онъ жилъ прежде; молодые самцы стараются селиться по бли-

зости своего родимаго гнѣзда. Щелканіе начинается тотчасъ по возвращеніи на родину; въ первыя ночи оно слышится непрерывно, вѣроятно для того, чтобы приманить подругу, которая пролетаетъ мимо въ ночной темнотѣ или съ цѣлью плѣнить еще не влюбленную самку. Парочка соединяется не безъ борьбы и заботъ, такъ какъ холостой самецъ старается увлечь подругу другого соловья. Соперники съ яростію преслѣдуютъ другъ друга, носятся въ кустахъ съ громкимъ чирканьемъ, то поднимаются выше макушекъ деревьевъ, то спускаются до земли; они сердито нападаютъ другъ на друга до тѣхъ поръ, пока бой не кончится побѣдой одного изъ бойцовъ, который остается хозяиномъ мѣстности и обладателемъ самки. Послѣ этого всю ночь, раннее утро и поздній вечеръ самецъ посвящаетъ пѣнію, а самка только слушаетъ его; въ промежуткѣ днемъ они разыскиваютъ пищу. Вскорѣ послѣ этого начинаются заботы о постройкѣ гнѣздышка для будущихъ птенцовъ.

Все вниманіе птичекъ сосредоточивается на гнѣздѣ, которое они очень торопятся окончить. Нельзя сказать, чтобы оно блистало изяществомъ исполненія. Пучекъ сухихъ жесткихъ листьевъ, чаще всего дубовыхъ, служитъ основаніемъ, сухіе стебельки и палочки, листья тростника образуютъ самое гнѣздо, которое выстилается тонкими корешками, прутиками и даже лошадиными волосами. По мнѣнію Песслера, гнѣздо восточнаго соловья отличается тѣмъ, что стѣнки его толще и обильнѣе выстланы шерстью животныхъ, чѣмъ гнѣздо западнаго соловья. Какъ тотъ, такъ и другой устраиваютъ гнѣздо или непосредственно на землѣ или очень низко надъ землею, въ углубленіяхъ, въ молодыхъ побѣгахъ свалившагося дерева, сбоку у лня, въ низкомъ тернистомъ кустарникѣ и даже въ густой травѣ, но въ этомъ правилѣ, впрочемъ, встрѣчались исключенія: Науманъ рассказываетъ, что однажды соловей свилъ гнѣздо въ кучѣ сухихъ листьевъ, бывшей въ садовомъ домикѣ; другой, по словамъ Дюбуа, устроился въ гнѣздѣ крапивника, свитомъ на вѣтвяхъ ели на высотѣ 1,5 м. надъ землею. Яички, которыя самочки кладутъ отъ 4—6, бывають у западнаго соловья 21, у восточнаго 23 м. м. длины, у перваго 15, у втораго 16 м. м. ширины, очень сходны между собой, очень нѣжны и съ гладкой скорлупой, съ матовымъ блескомъ, зеленовато-сѣро-бурыя, обыкновенно одноцвѣтныя, иногда только съ неясными темными пятнами.

Какъ только кладка яицъ кончается и начинается насиживаніе, такъ поведеніе самца совершенно измѣняется, заботы о будущихъ птенцахъ призываютъ и его къ дѣятельности; онъ долженъ по временамъ замѣнять самочку, отпуская ее по крайней мѣрѣ на нѣсколько часовъ для розысканія пищи, и одно это уже отнимаетъ у него время, которое онъ прежде всецѣло посвящалъ пѣнію. Хотя онъ еще заливаётся и щелкаетъ, услаждая слухъ своей подруги и себя на радость, но поетъ уже почти исключительно днемъ, а не ночью. Онъ зорко охраняетъ гнѣздо и строго слѣдитъ, чтобы подруга его насиживала усердно. Песслеръ какъ-то согналъ съ гнѣзда самочку; соловей тотчасъ-же прекратилъ пѣніе, бросился за бѣглянкой и привелъ ее къ гнѣзду, выражая гнѣвъ сердитымъ крикомъ и клюя свою подругу, которую заподозрилъ въ легкомысленномъ отношеніи къ исполненію материнскихъ обязанностей. Къ приближающимся врагамъ соловьи хотя чувствуютъ сильный страхъ, но выказываютъ при этомъ храбрость, съ трогательнымъ самопожертвованіемъ подвергая себя даже опасностямъ. Дѣтышей они вскармливаютъ разными червями. Быстро вырастая, птенчики покидаютъ гнѣздо «какъ только въ силахъ перепархивать съ вѣтки на вѣтку» и остаются до перваго линіянія съ родителями. Ко вторичному насиживанію они вынуждены бывають приступить только въ тѣхъ случаяхъ, если яички ихъ кѣмъ-либо похищены. Нѣжность ихъ къ птенчикамъ не уменьшается ни при какихъ обстоятельствахъ; можно взять ихъ изъ

гнѣзда, прежде чѣмъ они научатся летать, посадить ихъ въ клѣтку и повѣсить ее по близости отъ гнѣзда, родители по прежнему будутъ кормить дѣтенышей, какъ будто-бы они были въ гнѣздѣ. Очень скоро послѣ вступленія въ свѣтъ, молодые самцы начинаютъ пробовать свое горло, «сочинять», иначе говоря, пробуютъ пѣть. Эти «сочиненія» не имѣютъ ничего общаго съ щелканьемъ соловьевъ отцовъ; учителя пѣвцы молчатъ въ то время, какъ потомство ихъ начинаетъ свой первый лепетъ; всѣмъ извѣстно, что соловьиныя пѣсни умолкаютъ около Иванова дня. Настоящимъ образомъ молодые соловьи научаются пѣть только слѣдующей весной. Въ началѣ—пѣніе ихъ тихое и робкое, и только пробуждающаяся любовь открываетъ имъ входъ въ храмъ дивнаго искусства и дѣлаетъ ихъ такими-же великими художниками.

Въ іюлѣ соловьи линяютъ; послѣ линянія парочки и семьи разлетаются; въ сентябрѣ и старые и малые пускаются въ путь, соединяясь для этого опять семьями, иногда-же составляются цѣлыя общества. Они перелетаютъ быстро и большія разстоянія, и въ чужихъ краяхъ живутъ очень скромно. Единичные экземпляры я встрѣчалъ въ восточномъ Суданѣ.

У соловьевъ, а особенно у дѣтенышей ихъ не мало преслѣдователей и враговъ, и благоразумные люди исполняютъ только свой долгъ относительно этихъ благородныхъ пѣвцовъ, устраивая имъ такія мѣстожительства, гдѣ они чувствуютъ себя въ безопасности. Ленць совѣтуетъ въ большихъ садахъ насаживать густыя изгороди, напримѣръ изъ кустовъ крыжовника, и оставлять на мѣстѣ всѣ сухія листья, опадающіе осенью. Подобныя мѣста ими сильно разыскиваются, такъ какъ отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ. Густой тернистый кустарникъ защищаетъ ихъ, сухіе-же листья служатъ убѣжищемъ для червей и насѣкомыхъ и, шурша подъ ногами приближающагося врага, предупреждаютъ объ опасности. Многіе знатоки считаютъ чернаго дрозда посредственнымъ или непосредственнымъ врагомъ какъ соловья, такъ и другихъ пѣвуновъ, такъ какъ стоитъ дрозду появиться въ саду или въ паркѣ, какъ пѣвуны исчезаютъ. Впрочемъ, мнѣніе это много разъ оспаривалось, и Либе доказалъ, по крайней мѣрѣ въ Тюрингіи, что соловьи покинули нѣкоторыя мѣстности много лѣтъ ранѣе, чѣмъ появились дрозды въ качествѣ обитателей садовъ и парковъ. Появленіе одной птицы никакъ нельзя принимать за причину исчезновенія другой, тѣмъ болѣе, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они мирно уживаются по сосѣдству другъ съ другомъ. Еще болѣе, чѣмъ отъ четвероногихъ хищниковъ и пернатыхъ враговъ, соловья слѣдуетъ охранять отъ безтолковыхъ людей и особенно отъ торговцевъ по ремеслу, и стараться, гдѣ и какъ возможно, пренятствовать имъ наносить вредъ птицамъ. Какъ ни умны несравненные пѣвцы, но они все-же не умѣютъ избѣгать западней, петель и сѣтей; ихъ можно поймать даже самыми простыми ловушками.

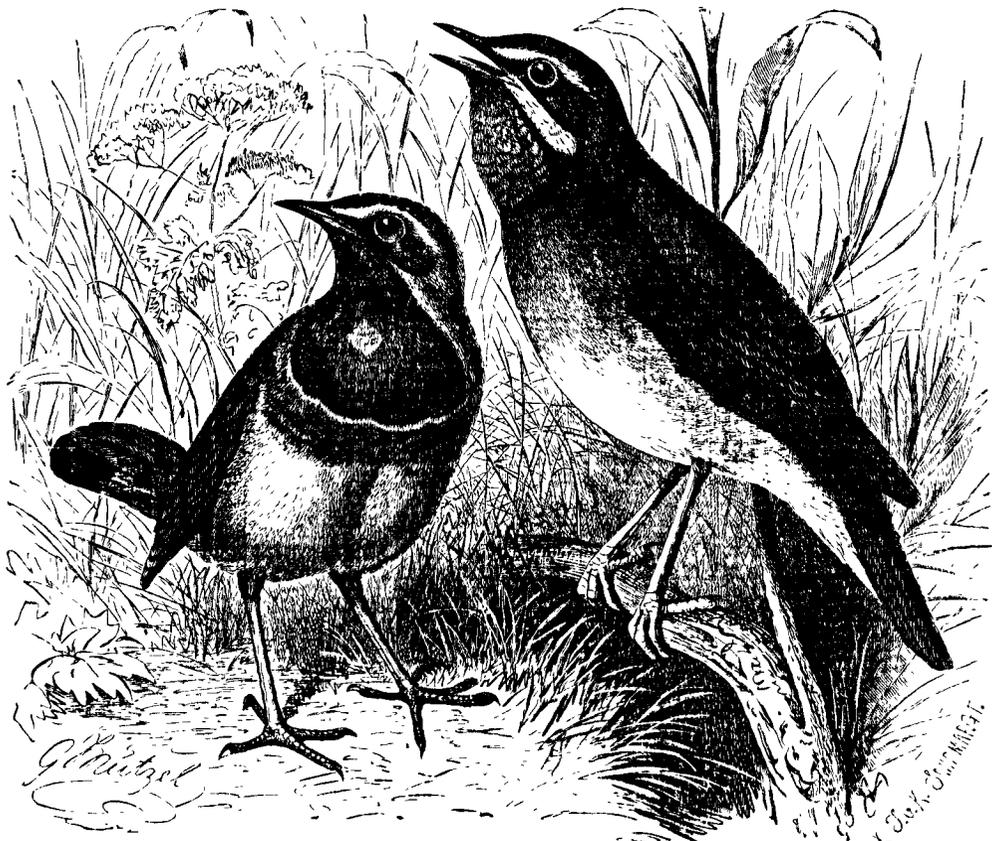
Взрослые соловьи, пойманные во время спариванія, не переносятъ неволи и околѣваютъ даже при самомъ лучшемъ уходѣ; молодые, лишеныя свободы раньше поры первыхъ увлеченій, привыкаютъ къ неволѣ только при самомъ заботливомъ уходѣ. Тому, кто можетъ слушать щелканье соловья черезъ окошко въ своемъ саду, не надо держать такового въ клѣткѣ; напротивъ, тотъ, кому приходится работать въ тѣсной комнатѣ, тотъ, кому нѣтъ времени или силъ слушать чуднаго пѣвца на волѣ подъ открытымъ небомъ и тотъ, кто чувствуетъ въ себѣ должную любовь къ нему, тотъ, безъ сомнѣнія, можетъ предаться этому любительству и наслаждаться результатами своего умѣлаго ухода.

* * *

Ближайшими родичами соловьевъ слѣдуетъ считать **Варанушенъ** (*Cyanecula, Blauehlchen. Gorge-bleue.*). Туловище у нихъ стройное, клювъ вытянутый, передъ

ноздрями немного сжать, поэтому высокъ; кончикъ имѣеть видъ шила. Ноги у варакушекъ длинныя и тонкія, крылья короткія и довольно округлены, третье и четвертое маховыя перья одинаковой длины; хвостъ средней величины, опереніе мягкое и цвѣтъ его различень, смотря по полу и возрасту.

У самцовъ варакушекъ верхняя сторона тѣла землисто-бураго цвѣта, нижняя часть грязно-бѣлая, по бокамъ съ сѣровато-бурымъ налетомъ, горло великолѣпнаго лазурево-синяго цвѣта, иногда со звѣздой (пятномъ) другаго цвѣта; подъ горломъ проходитъ черная полоса, отдѣленная отъ синяго узкою свѣтлою каемкою. Надъ глазами проходятъ бровныя бѣловатыя полосы, которыя соединяются между собою

Краснозвѣзда варакушка. *Erithacus sueticus*. и Соловей красношейка. *Erithacus calliope*.
2/3 наст. вел.

на лбу; уздечка у нихъ темная, крылья сѣровато-бурыя; рулевыя перья, за исключеніемъ среднихъ, которыя равномерно черно-бурыя, отъ основанія до середины ярко-ржаво-красныя, а на концѣ темно-бурыя. Глаза также темно-коричневыя, клювъ черный, плюсна спереди зеленоватая, сзади желтовато-сѣрая. У самки всѣ цвѣта блѣднѣе и грудной щитокъ мало замѣтенъ. Птенцы на верхней части тѣла имѣють круглыя ржаво-желтыя пятнышки на темномъ опереніи а на нижней имѣють длинныя штрихи; горло у нихъ бѣловатое. Длина взрослой птицы около 15 см., размахъ крыльевъ—22 см., длина крыла—7 см., а хвоста—6 см.

Виды варакушекъ отличаются главнымъ образомъ по цвѣту горла. Напримеръ **Краснозвѣзда** или **Шведская варакушка** (*Erithacus sueticus*, *Cyanecula suetica*,

orientalis, succioides, coerulecula, dichrosterна и cyanea, Motacilla suecica и coerulecula, Sylvia suecica, cyanea и coerulicula, Calliope succioides, Saxicola, Ficedula. Curruca, Phenicura, Pandicilla, Rutilicilla и Lusciola suecica. Tundra—Blaukehlchen. Gorge-bleue orientale) имѣть на синемъ горловомъ щиткѣ коричнево-красное пятно, а **Бѣлозвѣдая варакушна** (*Erithacus cyaneculus*, *Cyanecula leucocyana*, *obscura* и *wolfii*, *Weissssternblaukehlchen*. Gorge-bleue de Suède) на томъ-же мѣстѣ бѣлое пятно, которое, впрочемъ, исчезаетъ у очень старыхъ экземпляровъ. Бѣлозвѣдая варакушка больше и толще краснозвѣдой. Самки, конечно, какъ выше сказано, блѣднѣе по оперенію, но часто трудно ихъ различить, такъ какъ старыя самки дѣлаются похожими на самцовъ. По образу жизни и привычкамъ оба вида въ главныхъ чертахъ сходны между собою.

Варакушки лѣтомъ живутъ на сѣверѣ Старого Свѣта, а зимою улетаютъ въ южную Азію и сѣверную Африку. Краснозвѣдая варакушка въ Германіи гнѣздъ не вѣтъ, а гнѣздится въ большомъ числѣ въ Скандинавіи, сѣверной Финляндіи, сѣверной Россіи и Сибири. Бѣлозвѣдая, напротивъ, встрѣчается болѣе на югѣ и западѣ; сколько извѣстно она въ вышеназванныхъ странахъ не замѣчена, а живетъ во всей сѣверной Германіи, особенно въ Помераніи, Бранденбургѣ, Саксоніи, Ангальтскихъ герцогствахъ, Брауншвейгѣ, Мекленбургѣ и Ганноверѣ, а также въ Голландіи. Оба вида посѣщаютъ во время своихъ странствованій всю Германію, а также южную Европу, сѣверную и среднюю Африку; а краснозвѣдая варакушка, при перелетѣ изъ своей очень обширной области распространенія, также и среднюю и южную Азію, причемъ доказано, что эта послѣдняя птица перелетаетъ черезъ горы въ 5000 т. надъ поверхностью моря, чтобы зимою найти убѣжище въ Индіи и другихъ южно-азиатскихъ странахъ. Въ Германіи варакушки появляются въ началѣ апрѣля, рѣдко раньше, а часто лишь въ половинѣ этого мѣсяца, а въ сентябрѣ улетаютъ въ теплыя страны. Въ средней Европѣ онѣ поселяются на берегахъ рѣкъ, ручьевъ и озеръ, заросшихъ кустами, высокой травой и тростникомъ, а на сѣверѣ птицы эти живутъ въ тундрахъ. Зимніе мѣсяцы онѣ проводятъ на лугахъ, покрытыхъ высокой травой, не очень мокрыхъ болотахъ и подобныхъ мѣстахъ. Онѣ не распространяютъ своихъ странствованій такъ далеко, какъ другія пѣвчія птицы, а зимуютъ уже въ нижнемъ и среднемъ Египтѣ, въ среднемъ Китаѣ или сѣверной Индіи, однако иногда залетаютъ въ южныя равнины Индіи и въ мѣстности около верхняго теченія Пила. Во время своихъ странствованій онѣ держатся извѣстныхъ путей, напримѣръ рѣчныхъ долинъ, и отдыхаютъ всегда въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Весною самцы прилетаютъ отдѣльно, нѣсколько раньше самокъ, а осенью оба пола и всѣ возрасты улетаютъ разомъ, цѣлымъ обществомъ. Весною птицы постоянно при перелетѣ держатся на берегахъ рѣкъ и ручьевъ; осенью-же не придерживаются этихъ естественныхъ путей, а перелетаютъ прямикомъ, отдыхая на поляхъ, гдѣ хлѣбъ еще не увезенъ, а одиночные экземпляры встрѣчаются даже въ пустыняхъ.

Для лѣтняго мѣстопробыванія варакушки всегда выбираютъ сырые берега рѣкъ, густо обросшіе кустами. Поэтому бѣлозвѣдая варакушка въ Германіи избѣгаетъ гористыхъ мѣсть, а краснозвѣдая, напротивъ, не дѣлаетъ различія между равнинами и горами, а въ Скандинавіи даже предпочитаетъ широкіе фіельды, гдѣ озера или по крайней мѣрѣ лужи встрѣчаются на каждомъ шагу и соединены между собою безчисленными ручейками, берега которыхъ поросли кустами. Подобныя мѣстности составляютъ рай для варакушекъ и на нихъ должны быть похожи мѣста въ Германіи, гдѣ охотно селится бѣлозвѣдая варакушка и гдѣ она устраиваетъ себѣ гнѣздо.

Варакушки, какъ та, такъ и другая, очень милыя птички, которыя кажутся привлекательными для всякаго наблюдателя. Насъ привлекаетъ не только красивая наружность этихъ птичекъ, но еще болѣе ихъ нравы, привычки и образъ жизни. Какъ у большинства пѣвчихъ птицъ, мы замѣчаемъ у варакушки самое счастливое сочетаніе прекрасной наружности съ хорошими внутренними качествами. Больше всего проворства она выказываетъ на землѣ: это настоящая наземная пѣвчая птица. Она двигается по почвѣ не шагами, а прыжками, но они такъ быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ, что отдѣльныхъ скачковъ не замѣчаешь и двигающуюся по землѣ варакушку скорѣе можно принять за бѣгающую, чѣмъ за прыгающую птицу. При этомъ ей совершенно безразлично, лежитъ-ли ей путь по сухому или по вязкому грунту, черезъ открытыя поляны или черезъ самую густую кустарникъ и траву, такъ какъ вездѣ она умѣетъ пролѣзть. На вѣтвяхъ она только перепархиваетъ съ мѣста на мѣсто и спокойно сидитъ тамъ, гдѣ пріютилась. Прыгающая по землѣ варакушка производитъ очень пріятное впечатлѣніе: она держится высоко на ногахъ, хвостикъ приподнять, такъ что вся ея фигурка выражаетъ самоувѣренность, даже смѣлость. Полетъ у нея проворный, но не слишкомъ быстрый; летаетъ она большими или меньшими дугами, но никогда не продолжительно. Обыкновенно эта птичка подымается только на одинъ или два метра отъ земли и спускается на первый встрѣтившійся кустъ, чтобы продолжать свой путь по почвѣ. По развитію внѣшнихъ чувствъ и душевныхъ качествъ варакушка стоитъ на одномъ уровнѣ съ соловьемъ. Она очень помятлива и скоро замѣчаетъ хорошія и дурныя намѣренія существъ, съ которыми она встрѣчается. Обыкновенно она довольно смѣла и довѣрчива къ человѣку, но скоро дѣлается пугливой и очень осторожной, если замѣчаетъ, что за нею гоняются. Когда ее не беспокоятъ, то она выказываетъ необыкновенно жизнерадостное настроеніе и большую веселость; пока она находитъ свое ежедневное пропитаніе, то постоянно бываетъ въ хорошемъ расположеніи духа, подвижна, весела, а весною готова всегда пѣть. Съ другими птицами она миролюбива, а себѣ подобныхъ любить дразнить; подобныя игры часто превращаются въ серьезныя драки, особенно, если въ дѣло вмѣшается любовь и ревность. Тогда можетъ случиться, что два самца вступаютъ въ поединокъ и ведутъ его съ большимъ ожесточеніемъ, иногда даже до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ противниковъ не ляжетъ на мѣстѣ. Двѣ варакушки, посаженныя вмѣстѣ въ комнату или клетку, часто начинаютъ ссориться и дерутся до тѣхъ поръ, пока одна не околѣетъ.

Призывный звукъ варакушки состоитъ изъ громкаго «так-такъ», какъ и у многихъ другихъ пѣвчихъ птицъ; тихое «фид-фидъ» выражаетъ нѣжность, а неподражаемое ворчаніе—гнѣвъ. Пѣніе, по согласнымъ между собой наблюденіямъ моего отца, Наумана, Песслера и другихъ, различно у обоихъ видовъ. Бѣлозвѣзда варакушка поетъ лучше и прилежитѣе, а краснозвѣзда быстрѣе. Щелканіе послѣдней, по словамъ Наумана, очень характерно раздѣлено на нѣсколько короткихъ строкъ, между которыми находятся небольшія паузы. Нѣкоторыя изъ этихъ строкъ состоятъ изъ громкихъ свистящихъ, нѣжныхъ и очень пріятныхъ звуковъ, которые однако много теряютъ потому, что часто повторяются. Характерно въ этомъ пѣніи тихое, лишь вблизи слышное, воркованіе между громкими тонами, такъ что кажется, будто птица поетъ двойнымъ голосомъ. Почти всѣ самцы присоединяютъ къ своему натуральному пѣнію тоны и даже отдѣльныя строфы другихъ птицъ и даже крики не пѣвчихъ животныхъ: Науманъ слышалъ, на примѣръ, у бѣлозвѣздой варакушки «бис-витъ» ласточки, «пик-пер-викъ» перепела, призывной голосъ яблника и воробья, отрывки изъ пѣсеней соловья, славокъ и другихъ пѣвчихъ птицъ, крикъ цапли и кваканье лягушки. Доказательствомъ того, что и въ другихъ странахъ за-

мѣтили у варакушекъ эту способность передразнивать, служить то, что лапландцы называютъ краснозвѣзду варакушку «стоязычнымъ пѣвцомъ». Для пѣнія самецъ усаживается большею частью на высокомъ кустѣ, но поетъ иногда и на землѣ, даже во время бѣга; онъ поетъ какъ рано утромъ, такъ и поздно вечеромъ. Свой призывной голосъ онъ сопровождаетъ каждый разъ подергиваніемъ хвоста, а во время пѣнія не такъ часто имъ машетъ, по крайней мѣрѣ не сопровождаетъ каждую строфу этимъ движеніемъ. Пища состоитъ изъ различныхъ червей и насѣкомыхъ, которыхъ можно найти въ сырыхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ варакушки; осенью онѣ ѣдятъ и ягоды. Въ тундрахъ краснозвѣдая варакушка питается лѣтомъ почти исключительно комарами и ихъ личинками.

Гнѣздо устраивается всегда близъ воды, большею частью на берегахъ канавъ или ручьевъ, по словамъ Гинца, всегда на той сторонѣ, которая освѣщается утреннимъ или полуденнымъ солнцемъ. Гнѣздо расположено на самой землѣ или невысоко надъ нею, иногда въ ямкѣ подъ какимъ-нибудь прикрытіемъ между корнями или кустами; оно довольно хорошо свито, относительно довольно значительной величины и сверху открыто. Основаніе его дѣлается изъ сухихъ листьевъ ивы и прутиковъ, а внутри оно отдѣлано соломинками и тонкими стебельками; въ сѣверныхъ странахъ къ этому матеріалу примѣшиваются волоса и перья. Въ серединѣ мая въ этомъ гнѣздѣ находятъ отъ 6—7 свѣтло-синевато-зеленыхъ яичекъ съ красно-вато-бурыми крапинками, буроватымъ налетомъ на тупомъ концѣ и очень нѣжной скорлупой; длиною они въ 20 m.m., а шириною 16 m.m. Насиживаніе продолжается около двухъ недѣль, причемъ на яичахъ сидятъ попеременно и самецъ и самка; птенцы, которыхъ родители кормятъ разными червяками и мелкими насѣкомыми, оставляютъ гнѣздо еще ранѣе, чѣмъ могутъ летать, и сначала бѣгаютъ по землѣ съ проворствомъ мышей. При благоприятной погодѣ родители вѣроятнo приступаютъ лѣтомъ ко второй кладкѣ.

Условія мѣстности, гдѣ живутъ варакушки, и проворство ихъ спасаютъ этихъ птичекъ отъ многихъ враговъ, которые опасны другимъ пѣвчимъ. Насиживающія взрослыя птицы, еще чаще яйца и безпомощные птенцы дѣлаются зачастую жертвами рыскающей повсюду лисы, другихъ мелкихъ хищниковъ и крысъ; а отъ другихъ враговъ, какъ взрослыя такъ и молодыя, мало страдаютъ. Необыкновенное проворство этой птички значительно затрудняетъ охоту съ ружьемъ и она при этомъ очень ловко пользуется умѣніемъ прятаться. Какъ только она замѣчаетъ опасность, то съ необыкновенною хитростью прячется въ столь густые кусты или изгороди, что охотникъ никакъ не можетъ увидѣть ее. Но варакушка не въ состояніи противустоять истребленію при видѣ жирнаго мучного червяка и потому легко попадается въ самыя простыя западни.

Плѣнные варакушки очень хорошо живутъ въ клѣткахъ: при хорошемъ уходѣ онѣ скоро дѣлаются въ высшей степени ручными, хотя вначалѣ дикі и пугливы; тогда онѣ очень прилежно поютъ, но требуютъ внимательныхъ заботъ о себѣ.

* * *

Ближайшій подродъ **Соловьевъ-Красношеекъ** (Calliоре) состоитъ изъ двухъ азійскихъ видовъ, имѣющихъ клювъ средней величины, сильныя ноги съ довольно длинными плюснами, пальцами и крыльями средней величины; въ крыльяхъ первое маховое перо очень укорочено; хвостъ у нихъ короткій, на концѣ немного закругленный, крайнія рулевья перья на концахъ острия, а оба среднихъ хвостовыхъ пера имѣютъ округленные концы; опереніе гладкое, плотно прилегающее.

Изъ этихъ двухъ видовъ болѣе значенія имѣетъ для насъ **Соловей-Красно-**

шейка (*Erithacus calliope*, *Calliope kamtschatkensis* и *lothami*, *Motacilla*, *Turdus*, *Assessor* и *Lusciola calliope*. *Calliope*), такъ какъ онъ нѣсколько разъ былъ замѣченъ въ Европѣ и вѣроятно живетъ лѣтомъ въ Европейской Россіи на западъ отъ Уральскаго хребта и на Кавказѣ. Опереніе у него на верхней сторонѣ оливково-бурое, голова и лобъ болѣе темные, нижняя сторона тѣла грязно-бѣлаго цвѣта, бока сѣровато-сѣрые, а середина груди бѣлая; надъ глазами проходитъ шелковисто-бѣлая бровь; уздечка подъ глазами черная, горло великолѣпнаго рубинового краснаго цвѣта, который снизу ограниченъ черной полосой, переходящей внизу въ сѣровато-бурый или пепельно-сѣрый цвѣтъ. У самки всѣ цвѣта тусклѣе и красное пятно на горлѣ лишь лишь обозначено, а птенцы похожи на мать. Длина птицы 16 см., длина крыла 8 см., а хвоста 6 см.

Соловей-красношейка живетъ въ сѣверной Азіи на опушкахъ лѣсовъ, тамъ, гдѣ между деревьями много кустовъ, а также въ ивовыхъ поросляхъ на берегахъ рѣкъ и въ кустарникахъ на сырой почвѣ. Нѣкоторые изъ нихъ вѣроятно чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, встрѣчаются и по сю сторону Уральскаго хребта, а въ западной Сибири, гдѣ мы ихъ напрасно искали, они все-таки, вѣроятно, гнѣздятся въ удобныхъ мѣстахъ. Главное-же мѣстожителство этой птицы находится на востокѣ отъ Оби, и только начиная отъ Енисея эта красивая птичка встрѣчается часто. Во время своихъ перелетовъ весною и осенью нѣкоторые экземпляры пролетаютъ и черезъ Европу: напримѣръ, во Франціи убили двухъ изъ нихъ, которые несомнѣнно пролетѣли туда черезъ Германію. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ красношейка гнѣздится, она появляется во второй половинѣ мая, а въ видѣ исключенія и раньше. По словамъ Китлица, она остается на сѣверѣ до октября, хотя нѣкоторые начинаютъ свое странствованіе уже въ концѣ августа. Пролетѣвъ черезъ Монголію, южный Китай и Японію, она проводитъ зиму въ Индіи, гдѣ, по указаніямъ Жердона, она появляется въ ноябрѣ. Свинхое, который наблюдалъ ее около Пекина какъ очень обыкновенную птицу, полагаетъ, что она можетъ перезимовать и въ Китаѣ, однако точно такъ, какъ Китлицъ въ Камчаткѣ, позднѣе октября ее тамъ не замѣчалъ.

По своему образу жизни соловей-красношейка, по словамъ натуралистовъ, наблюдавшихъ его живымъ, напоминаетъ какъ варакушекъ, такъ и камышевокъ; Радде и Китлицъ сравниваютъ его съ первыми, а Свинхое со вторыми. Онъ отыскиваетъ себѣ пищу на землѣ, какъ кажется, главнымъ образомъ въ сумерки, днемъ же прячется и по возможности не выходитъ изъ своего убѣжища. По бѣгу онъ очень похожъ на варакушку и точно такъ-же проворенъ, а въ высокой осоцѣ бѣгаетъ еще лучше, такъ же ловко, какъ камышевки. Жердонъ говоритъ, что онъ пугливъ, необщителенъ и молчаливъ; Радде и Миддендорфъ также считаютъ его пугливымъ, но съ присутствіемъ двухъ другихъ качествъ не согласны. Во время перелета они собираются обществами и самцы летятъ ранѣе самокъ, а весною этотъ соловей щелкаетъ какъ днемъ такъ и ночью, сидя между жидкою листвою березы, а еще охотнѣе въ густомъ ивнякѣ. Пѣніе его очень хвалятъ; по словамъ Китлица, оно очень звучно, но состоитъ изъ не очень ясной мелодіи, перемѣшанной съ чириканьемъ. Красношейку нельзя сравнить съ европейскимъ соловьемъ, но все же онъ одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ восточной Сибири. «У этого соловья», говоритъ Радде, «незамѣтно вначалѣ трескучаго вступленія и слѣдующаго затѣмъ низкаго свиста: пѣніе это похоже на тихую жалобу, нѣжно звучащую въ ушахъ. Онъ начинаетъ какъ соловей, повторяя три или четыре раза слогъ «дью», затѣмъ слѣдуетъ длинная трель, нѣсколько похожая на пѣсню жаворонка. Трещанье иногда незамѣтно, и постоянно очень слабое». Во время насиживанія яицъ самецъ поетъ

очень много и почти всегда ночью. «Какъ только солнце сядетъ», пишетъ Дыбовскій, «птицы эти начинаютъ пѣть; сначала участіе въ пѣніи принимаютъ лишь немногія, но мало по малу присоединяются новые пѣвцы, и уже въ вечернія сумерки люди, которымъ приходится ночевать въ долинахъ, обитаемыхъ этими соловьями, со всѣхъ сторонъ окружены голосистыми пѣвцами, которыхъ слышно даже въ непосредственной близи отъ шатровъ. При свѣтломъ небѣ пѣніе раздается до самаго утра, но при дождливой погодѣ соловьи эти поютъ рѣдко, а въ пасмурные дни они поютъ только отъ времени до времени».

По наблюденіямъ Китлица, поющій самецъ обыкновенно сидитъ на верхушкѣ невысокой березы или ольхи; онъ раздуваетъ зобъ, какъ нашъ соловей, нѣсколько распускаетъ крылья, какъ варакушка, и приподнимаетъ хвостъ подъ прямымъ угломъ вверхъ, не распуская однако его и не двигая имъ. Самки обыкновенно прячутся во время пѣнія самца въ низкомъ кустарникѣ и лишь иногда на нѣсколько мгновеній показываются на открытыхъ мѣстахъ.

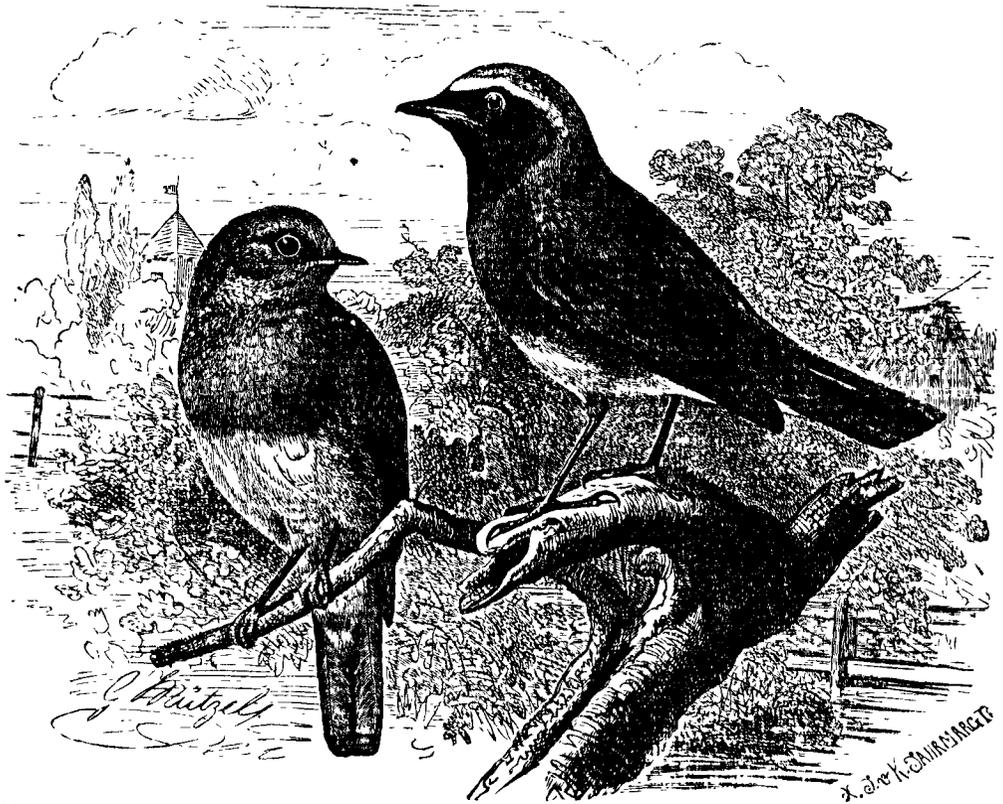
Около рѣки Верхней Таймыри Миддендорфъ нашелъ нѣсколько гнѣздъ соловья-красношейки. Они находились всегда на землѣ, большею частью между стволами приземистыхъ ивъ, около самой рѣки и постоянно въ такихъ мѣстахъ, которыя весною заливаются водою и бываютъ покрыты наноснымъ пескомъ и беспорядочно навороченнымъ валежникомъ, принесеннымъ рѣкою. Гнѣздо принадлежитъ къ числу очень искусно устроенныхъ, такъ какъ оно не только покрыто крышкою, но снабжено и горизонтально лежащею входною трубкою. Дыбовскій говоритъ, что гнѣздо это похоже на шалашикъ съ боковымъ отверстіемъ и, что оно снаружи состоитъ изъ сухихъ болотныхъ травъ, а внутри изъ тонкихъ соломинокъ, но все это свито очень неплотно и потому гнѣздо сохранить трудно; оно при переносѣ теряетъ свою форму. Кладка состоитъ изъ 5 яицъ, имѣющихъ отъ 19—21 м.м. длины и 15—16 м.м. толщины; по формѣ и величинѣ яйца очень различны: нѣкоторыя изъ нихъ длинныя, другія короткія и толстыя, синевато-зеленаго цвѣта, слабо блестящи и покрыты рѣдкими, мало замѣтными кирпично-красными пятнами, которыя нѣсколько гуще расположены на тупомъ концѣ. По наблюденіямъ Миддендорфа, птицы эти еще сидятъ на яйцахъ въ концѣ іюня. Если приблизиться, то самка, не взлетая, соскакиваетъ съ гнѣзда и, прокрадываясь въ согнутомъ положеніи, прячется въ ближайшей кучѣ валежника и не сейчасъ возвращается къ гнѣзду, хотя до этого времени усердно сидѣла на яйцахъ. Въ концѣ августа птенцы, убитые Китлицомъ, еще были въ юношескомъ опереніи.

Въ Китаѣ соловей-красношейка, котораго тамъ называютъ **Хунгъ-по** (красногрудка) или **Чинъ-по** (златогрудка), есть любимая птица всѣхъ людей, держащихъ птицъ въ клѣткахъ. Она также легко попадаетъ въ западни, какъ варакушка и потому ловится безъ труда; во время перелета, т. е. въ маѣ и сентябрѣ, ее можно найти въ большомъ количествѣ на птичьемъ рынкѣ въ Пекинѣ. Ее держатъ не въ клѣткахъ, а, какъ обыкновенно въ сѣверномъ Китаѣ, привязанной за шею на ниточкѣ, которую прикрѣпляютъ къ вѣткѣ дерева. Отъ Радде мы узнаемъ, что въ неволѣ эти соловьи поютъ до сентября.

Передъ птицеловомъ соловей-красношейка очень остороженъ. Радде могъ лишь въ сумерки подкрасться къ нѣсколькимъ самцамъ, жившимъ въ кустарникѣ; днемъ они къ себѣ близко не подпускали. «Если я приближался къ кустамъ слѣва», говоритъ этотъ натуралистъ, «то соловьи шмыгали черезъ мелкія отверстія на правую сторону и обратно». Такъ-же поступаютъ, какъ намъ извѣстно, и варакушки.

Подродъ **Реполовъ** (*Erithacus*) отличается слѣдующими признаками: клювъ похожъ на клювъ дроздовъ, верхній край его нѣсколько выгнуть, имѣть на концѣ замѣтный крючекъ, а передъ нимъ край образуетъ небольшую вырѣзку; ноги средней величины и тонки, крылья короткія и довольно слабыя, четвертое и пятое маховыя перья длиннѣ другихъ, хвостъ средней величины, состоитъ изъ заостренныхъ перьевъ и на концѣ имѣть небольшую вырѣзку. Оба пола имѣютъ одинаковое опереніе, довольно мягкое и неплотное; въ юности на опереніи замѣчаются пятнышки. Самая извѣстная представительница этого рода, вездѣ встрѣчающаяся,

Малиновка, Ольшанка, Реполовъ, Зарянка (*Erithacus rubecula*, *Motacilla Sylvia*, *Curruca*, *Ficedula*, *Erythaca*, *Lusciola* и *Rhondella rubecula*, *Dandalus ru-*

Малиновка. *Erithacus rubecula* и Садовая горихвостка. *Erithacus phoenicurus*. Наст. вел.

becula, *pinetorum foliorum*, и *septentrionalis*, *Rubecula sylvestris*, *familiaris*, *pinetorum* и *septentrionalis*. Rotkehlchen. Rouge—gorge). Верхняя часть туловища темно-оливково-сѣрая, брюшко сѣроватое, лобъ, горло и верхняя часть груди желтовато-красныя. Самочка немного блѣднѣ самца, птенцы имѣютъ на верхней части тѣла по оливково-сѣрому фону ржаво-желтыя пятна у основанія перьевъ, а на нижней сторонѣ тѣла по матово-ржавому фону сѣрыя пятна у основанія перьевъ, которыя кромѣ того имѣютъ сѣрыя каемки по краямъ. Глаза у этой птички большіе коричневаго цвѣта, клювъ черновато-бурый, ноги красновато-роговаго цвѣта. Длина птицы 15 см., размахъ крыльевъ 22 см., длина крыла 7 см., а хвоста 6 см.

Малиновка водится, кажется, только въ одной Европѣ, по крайней мѣрѣ она не залетаетъ далеко за границы этой части свѣта. Область гнѣздованія ея

простирается отъ 67° с. ш. до Малой Азии и отъ Атлантическаго океана до рѣки Оби. Во время своихъ перелетовъ она посѣщаетъ сѣверную Африку, Сирію, Палестину и Персію; большинство-же малиновокъ улетаютъ отъ насъ на зиму въ южную Европу, а нѣкоторыя даже остаются въ Германіи. Изъ южной Англій малиновки на зиму совсѣмъ не улетаютъ или улетаютъ только немногія. Въ Германіи она вездѣ очень обыкновенна: ее можно встрѣтить въ каждомъ лѣсу, гдѣ подъ большими деревьями растутъ кусты; во время своихъ странствованій за пищу она посѣщаетъ всевозможные кустарники и изгороди; живетъ она и на горахъ и въ равнинахъ, на поляхъ и въ садахъ и часто селится вблизи человѣческихъ жилищъ.

Это пріятная птичка, которая постоянно выказываетъ свой живой и веселый нравъ. Прыгая по землѣ, она держится очень прямо, нѣсколько опустивъ крылышки и держитъ хвостъ горизонтально; на вѣткахъ сидитъ болѣе согнувшись. Она очень быстро прыгаетъ по землѣ, но болѣею частью съ перерывами; точно также она двигается по горизонтальнымъ сучьямъ, а съ вѣтки на вѣтку перелетаетъ. Малиновка летаетъ очень хорошо, хотя и не вполне правильно; при небольшомъ разстояніи она то паритъ, то подскакиваетъ на воздухъ, а когда ей приходится пролетать большія пространства, то полетъ ея образуетъ извилистую линію, состоящую изъ большихъ и малыхъ дугъ. Ловко пробирается она при полетѣ черезъ самый густой кустарникъ и вообще выказываетъ большое проворство. Она очень охотно садится на видномъ мѣстѣ на концѣ вѣтки или даже на землѣ, но очень рѣдко, а днемъ почти никогда не летаетъ высоко на открытыхъ мѣстахъ, такъ какъ всегда сильно заботится о своей безопасности, хотя на видъ кажется очень смѣлою. Человѣка она едва-ли боится, но знаетъ хорошо своихъ враговъ и при появленіи ихъ выказываетъ боязнь или опасеніе. Относительно слабыхъ созданий и другихъ малиновокъ она выказываетъ очень милый задоръ, не прочь подразнить другихъ птицъ и даже серьезно съ ними подраться, почему рѣдко встрѣчается обществами и не отличается мирнымъ характеромъ. Съ другой стороны однако наблюдали за нею и хорошія черты и узнали, что она выказываетъ состраданіе и сочувствуетъ несчастнымъ. Она иногда воспитываетъ осиротѣвшихъ птенцовъ другихъ пѣвчихъ птицъ, которые не могутъ еще пропитать сами себя, и помогаетъ другимъ больнымъ реполовамъ.

Два реполова самца, которыхъ на моей родинѣ держали въ одной клѣткѣ, постоянно ссорились между собой, осаривали другъ у друга каждый кусокъ пищи, сильно клевались и гонялись одинъ за другимъ въ своемъ тѣсномъ помѣщеніи, повидимому, съ большимъ ожесточеніемъ. Случилось, что одинъ изъ нихъ сломалъ себѣ ногу и съ тѣхъ поръ всѣ споры прекратились. Здоровая птица совершенно забыла свою злобу, выказывала большое состраданіе къ больной. приносила ей пищу и вообще относилась къ ней очень заботливо. Сломанная нога зажила, и больной самецъ опять выздоровѣлъ, но ссоры между нимъ и его благодѣтелемъ навсегда прекратились. Другой реполовъ самецъ, рассказываетъ Снель, былъ пойманъ около своего гнѣзда и вмѣстѣ съ дѣтенышами принесенъ въ комнату, гдѣ онъ продолжалъ какъ ни въ чемъ не бывало заботиться о нихъ, кормить и согрѣвалъ ихъ и успѣшно выростилъ. Около недѣли послѣ вылета этихъ птенцовъ, птицеловъ принесъ другое гнѣздо съ молодыми малиновками и помѣстилъ его въ клѣтку стараго самца. Тотъ сталъ ихъ внимательно разсматривать и какъ только птенцы начали пищать отъ голоду, онъ поспѣшилъ къ чашечкѣ съ муравьиными куколками, забралъ въ ротъ побольше корма и сталъ кормить и вторыхъ дѣтенышей, какъ будто это были его собственные. Пауманъ наблюдалъ почти то-же

при выращиваніи молодой коноплянки: вѣчно голодный птенецъ пицаль безостановочно и этимъ возбудилъ состраданіе свободно летающей по комнатѣ малиновки, которая влетѣла въ его клѣтку и стала слушать жалобный пискъ молодой коноплянки. «Затѣмъ малиновка полетѣла къ столу, набрала въ клювъ хлѣбныхъ крошекъ и ими набила ротъ голодающаго итенца; это продолжалось до тѣхъ поръ, пока коноплянка не выросла». Малиновка и на свободѣ заключаетъ иногда тѣсную дружбу съ другими птицами. «Въ одной роцѣ около Кетена», рассказываетъ Песслеръ, «случилось удивительное происшествіе: малиновка положила яйца въ гнѣздо свитое королькомъ. Каждая изъ птицъ положила туда по шести яичекъ, насиживала ихъ по-очереди и онѣ выростили сообща двѣнадцать птенцовъ». Малиновка имѣетъ еще и другія хорошія свойства: это одинъ изъ нашихъ любимѣйшихъ пѣвцовъ. Ея пѣсня состоитъ изъ многихъ перемежающихся строфъ, изъ которыхъ однѣ похожи на звукъ флейты, а другія представляютъ трель, что придаетъ пѣнію нѣкоторую торжественность. Пѣсенка эта точно такъ-же пріятна въ комнатѣ, какъ и въ лѣсу, и потому малиновку часто держатъ въ клѣткѣ. Она скоро привыкаетъ къ неволѣ, перестаетъ быть пугливой и дѣлается очень довѣрчивою къ людямъ. Черезъ нѣсколько времени она очень привязывается къ своему воспитателю и при свиданіи привѣтствуетъ его своимъ милымъ щебетаньемъ, причѣмъ нахохливается и дѣлаетъ различныя другія движенія, выказывающія ея радость. При хорошемъ уходѣ она выдерживаетъ неволю въ теченіи многихъ лѣтъ и, повидимому, совершенно свыкается съ жизнью въ клѣткѣ. Случалось, что малиновки, которыя провели зиму въ комнатѣ и весной были снова выпущены на свободу, поздно осенью возвращались къ своимъ прежнимъ хозяевамъ, какъ-бы прося снова ихъ пріютить на зиму; нѣкоторыя птички этого вида были пріучены улетать и снова прилетать въ клѣтку. Очень часто малиновки размножались въ неволѣ.

Въ средней Германіи малиновка появляется уже въ серединѣ марта, если погода мало-мальски сносная; однако ей приходится еще много страдать отъ холода и голода до наступленія настоящей весны. Онѣ летаютъ ночью очень высоко и по одиночкѣ, при этомъ громко щебечутъ, а съ восходомъ солнца опускаются въ лѣса, кусты и сады, чтобы тамъ покормиться и отдохнуть. Какъ только онѣ прилетятъ на мѣсто своего лѣтняго мѣстопребыванія, то оглашаютъ лѣса своимъ громкимъ щебетаньемъ, которое звучитъ какъ рѣзкое «шник-ер—и—кик», которое повторяется нѣсколько разъ и иногда звучитъ въ видѣ трели; при наступленіи теплой весенней погоды начинается настоящее пѣніе. Если идти по направленію этого пѣнія, то можно увидѣть на концѣ одной изъ высокихъ вѣтвей большого дерева сидящаго самца; онъ сидитъ прямо, гордо приподнявъ голову, съ нѣсколько опущенными крыльями и раздутымъ зобомъ, точно онъ исполняетъ важнѣйшую работу своей жизни. Онъ поетъ съ утренней зари до наступленія ночи, какъ весной, такъ и осенью. Малиновки очень ревностно защищаютъ обитаемый ими участокъ и не терпятъ въ немъ другой пары малиновокъ, но участокъ одной пары граничитъ съ мѣстомъ обитанія другой. Гнѣздо находится почти всегда въ серединѣ участка; оно устраивается на землѣ или близъ поверхности ея, въ ямкахъ, гнилыхъ пняхъ, между корнями, во мху, густой травѣ, даже въ пустыхъ норкахъ нѣкоторыхъ млекопитающихъ. Слинкомъ большое помѣщеніе малиновка наполняетъ сухими листьями и внѣшнія стѣнки гнѣзда дѣлаетъ изъ мха, сухихъ вѣтвей и листьевъ, а иногда изъ одного мха; внутренность гнѣзда устилается тонкими корешками и соломинками, волосами, шерстью и перьями. Если ямка, въ которой устроено гнѣздо, не представляетъ защиты отъ дождя, то надъ нимъ устраивается крышечка и входное отверстіе дѣлается сбоку. Въ концѣ апрѣля или въ началѣ

мая можно увидѣть въ гнѣздѣ отъ 5—7 яичекъ, имѣющихъ 20 мм. длины и 15 мм. ширины; скорлупка на нихъ очень тонкая, желтовато-бѣлаго цвѣта и покрыта многочисленными, мелкими, темными ржаво-желтыми пятнышками. Самецъ и самка сидятъ на гнѣздѣ по-очереди и дѣтеныши вылупляются черезъ 14 дней; родители ихъ усердно выкармливаютъ, такъ что птенцы скоро вырастаютъ и послѣ вылета ихъ изъ гнѣзда еще дней восемь остаются при родителяхъ, которые научаютъ ихъ летать и кормиться. Затѣмъ птенцы предоставляются собственной судьбѣ а родители, если погода позволяетъ, приступаютъ къ новой кладкѣ. Если приблизиться къ гнѣзду или къ только что вылетѣвшимъ изъ него птенцамъ, то родители испуганно летаютъ туда и сюда и нѣсколько разъ сряду издаютъ свой предостерегающій звукъ «зии, зии»; птенцы, которые до тѣхъ поръ громко щебетали, при этомъ звукѣ мгновенно умолкаютъ и чаще всего пролѣзаютъ, а не летятъ на верхніи вѣтви дерева или куста.

Сначала дѣтеныши выкармливаются различными маленькими червячками, а позднѣе получаютъ ту-же пищу, какую употребляютъ и взрослые; она состоитъ изъ всякихъ насѣкомыхъ въ различныхъ стадіяхъ ихъ развитія, пауковъ, улитокъ, дождевыхъ червей и прочее. Осенью какъ молодья, такъ и старья ѣдятъ лѣсныя и садовыя ягоды всякаго рода. Въ неволѣ малиновка пріучается ко всякой пищѣ, которою питается человѣкъ.

По окончаніи воспитанія дѣтенышей, въ іюлѣ или августѣ, малиновки линяютъ, а когда выростутъ новыя перья, то птицы начинаютъ собираться къ отлету. «Если во время перелета приблизиться къ мѣсту ихъ сборища въ лѣсу», пишетъ Науманъ, «то на всякомъ кустикѣ слышатся ихъ голоса, которые сначала раздаются близко отъ земли, затѣмъ все выше и выше, и наконецъ на верхушкахъ деревьевъ. Здѣсь все смолкаетъ и, какъ только солнце совѣмъ сядетъ, въ этомъ мѣстѣ въ лѣсу ничего не слышно, а щебетанье малиновокъ раздается только съ высоты на воздухѣ. У малиновокъ легко замѣтить, что онѣ осенью летятъ къ западу, гдѣ солнце сѣло, а весной, наоборотъ, къ мѣсту восхожденія солнца». Послѣ этого оживляются тѣ мѣста, гдѣ эти птички проводятъ зиму. Тамъ, гдѣ лѣтомъ напрасно-бы стали искать малиновокъ, зимою онѣ виднѣются въ каждомъ кустѣ; онѣ живутъ тогда во всѣхъ садахъ и изгородахъ высокихъ горъ средней и южной Испаніи. Каждая птичка завоевала себѣ здѣсь извѣстный участокъ и умѣетъ его защищать, но онѣ селятся здѣсь скромнѣе, чѣмъ на родинѣ: каждая довольствуется только однимъ кустикомъ и все общество образуетъ какъ-бы одну семью. Сначала зимніе гости совершенно молчаливы, но какъ только взойдетъ солнце, то у нихъ снова пробуждается веселое настроеніе: онѣ поютъ, дразнятъ и перекрикиваютъ другъ друга. Вначалѣ онѣ издаютъ скорѣе щебетаніе, чѣмъ настоящее пѣніе, но съ каждымъ днемъ у нихъ является болѣе смѣлости и онѣ начинаютъ громко пѣть еще до наступленія весны въ ихъ отечествѣ. Эти громкія пѣсни указываютъ на скорый перелетъ обратно на родину.

* *

Краснохвостики (*Ruticilla Rötlinge*. *Rubiettes*) отличаются стройнымъ туловищемъ, шиловиднымъ клювомъ, верхняя челюсть котораго оканчивается маленькимъ крючкомъ, но безъ вырѣзки, длинными тонкими ножками съ большой плюсной, довольно длинными крыльями, у которыхъ третье маховое перо длиннѣе другихъ. Хвостъ у нихъ средней длины и назади срѣзанъ прямо, опереніе мягкое и представляетъ различную окраску, смотря по полу и возрасту. Онѣ водятся въ Старомъ Свѣтѣ и большое количество видовъ встрѣчается въ Азій.

Домовая горихвостка, (*Erithacus titis*, *Ruticilla titis*, *titys*, *tithys*, *tites*, *tothys*, *atra*,

Sylvia tithys и *tites*, *Motacilla gibraltariensis*, *atrata* и *erythrorus*, *Saxicola tithys*, *Lusciola tithys* и *tithis*, *Phoenicura tithys*. Hausrötling. Rouge—queue.) черного цвѣта; голова, спина и нижняя часть груди болѣе или менѣе сѣрыя, брюшко бѣловатое, на крыльяхъ замѣтны бѣлыя пятна; рулевая и перья надхвостья желтовато ржаво-красныя, кромѣ двухъ среднихъ рулевыхъ, которыя темно-бурого цвѣта. У самокъ и однолѣтнихъ самоцовъ основной цвѣтъ оперенія темно-сѣрый; у птенцовъ на сѣромъ фонѣ замѣтны черныя волнистыя полосы. Длина тѣла 16 см., размахъ крыльевъ 26 см. длина крыла 9 см., длина хвоста 7 см. Какъ особый видъ отличаютъ **Горную горихвостку** (*Erithacus cairii*. Gebirgsrotschwanz. Rouge-queue des montagnes), которая водится на высокоихъ частяхъ Альповъ и Карпатовъ и, можетъ быть, встрѣчается и на нѣмецкихъ горахъ; у ней оба пола по оперенію похожи на самку обыкновенной горихвостки, но оно имѣетъ болѣе сѣрый оттѣнокъ. Два экземпляра этого вида, установленнаго лишь въ 1848 году, и свѣдѣнія о которомъ еще очень недостаточны, были пойманы около Офенбаха на Майнѣ.

Область распространенія домовая горихвостка простирается на всю среднюю и южную Европу, а также на Малую Азію и Персію. Въ южной части Европы она живетъ въ теченіи цѣлаго года, изъ сѣверныхъ же странъ она зимой улетаетъ въ южную Европу, Сирію, Палестину и сѣверную Африку. Первоначально горихвостка была горною птицею и гнѣздилась на скалахъ, но теперь въ Германіи сдѣлалась домовою птицею и пріучилась устраивать свои гнѣзда въ зданіяхъ, не дѣлая различія между многочелюдными городами и отдѣльными фермами. Тамъ, гдѣ она встрѣчается, ее легче всего можно видѣть на вновь строящихся зданіяхъ, не какъ постоянного обитателя, но какъ доврчиваго гостя, который вовсе не боится рабочихъ и беззаботно ловить свою добычу на только что выстроенныхъ стѣнахъ. Маршалъ, различающій между птицами такихъ, которыя слѣдуютъ за культурою, и другихъ, которыя избѣгаютъ ея, выражается объ этой птичкѣ слѣдующимъ образомъ. «Она, собственно говоря, также слѣдуетъ за культурою, но не ищетъ вновь распаханыхъ полей, а отыскиваетъ каменные дома, церкви, дворцы, башни и крѣпости; она точно такъ, какъ стрижи и ласточки, кажется, думаетъ, что зданія эти—скалы, число которыхъ какимъ-то чудомъ все болѣе и болѣе увеличивается въ Европѣ и собственно назначены для ея мѣстожительства, но тамъ случайно живутъ и люди со злыми дѣтьми, которыя иногда разоряютъ ея гнѣзда, и еще болѣе злыми кошками. Родиной этой веселой птички слѣдуетъ считать западную и среднюю Швейцарію; она, по словамъ Чуди, здѣсь встрѣчается, начиная отъ равнинъ, гдѣ живетъ соловей, до границъ вѣчнаго снѣга и даже далѣе, гдѣ водится альпійская завирушка. Около Ліона она встрѣчается исключительно въ горахъ и спускается на равнины только въ самые сильные холода. Отъ Альповъ она распространилась на югъ, впрочемъ встрѣчается рѣдко на островѣ Сардиніи, около Флоренціи чаще, въ окрестностяхъ Неаполя появляется только зимою, а въ Сициліи, на вершинѣ Этны живетъ цѣлый годъ, какъ на родныхъ Альпахъ. На западъ отъ Альповъ и ихъ отроговъ птичка эта встрѣчается рѣдко; въ Провансѣ никогда не гнѣздится, въ Испанскихъ горахъ появляется лишь по одиночкѣ; въ Мурціи она показывается только тогда, когда ея ближайшій родичъ—садовая горихвостка—оттуда улетаетъ. Въ Португаліи она очень рѣдка, на Канарскихъ и Балеарскихъ островахъ, а также въ Алжирѣ—ея вовсе нѣтъ, хотя во всѣхъ этихъ странахъ садовая горихвостка гнѣздится. Вообще замѣчательно, что эти обѣ птички какъ будто не могутъ ужиться другъ съ другомъ: у насъ въ средней Европѣ садовая горихвостка дѣлается рѣдкою тамъ, гдѣ часто встрѣчается домовая. На Балканскомъ полуостровѣ домовая горихвостка встрѣчается рѣдко: въ Истріи она понадается только зимою,

въ Болгаріи Финшъ ее видѣлъ только одинъ разъ; на островѣ Накоосѣ ее совсѣмъ нѣтъ, а на Цикладскихъ островахъ ее можно видѣть только въ холодное время года. Въ Крыму Гебель ее встрѣчалъ нѣсколько разъ, между прочимъ на развалинахъ Малахова кургана, гдѣ меланхолическая пѣсенка ея была очень кстати». Въ Германію эта птичка переселилась многими путями. Геснеръ получилъ ее уже три столѣтія тому назадъ изъ Страсбурга, а въ Вестфалии она сдѣлалась обыкновенною птицею, по мнѣнію Ландуа, только въ самое послѣднее время; въ Ольденбургскомъ княжествѣ она появилась только въ 1820 году и теперь стала обыкновенна даже на островѣ Сильтъ, между тѣмъ какъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ тамъ еще очень рѣдко гнѣздилась. Около того-же времени ее нѣсколько разъ замѣчали и даже убивали и въ южной Швеціи. Въ Англіи, насколько извѣстно, по мнѣнію Макъ-Джиллвэ, первый экземпляръ былъ убитъ 1829 году около Лондона, а въ слѣдующемъ году еще два экземпляра около Бристолья и Брайтона; однако еще въ началѣ пятидесятихъ годовъ птица эта, по указаніямъ Мудюса, въ Англію залетала только случайно. «На востокъ Германіи», говоритъ Маршалъ, «домовая горихвостка гнѣздится въ сѣверной Венгріи. Въ 1869 году ее часто видѣли около Вѣны; въ 1870 году она, слѣдуя, вѣроятно, внизъ по теченію Эльбы, дѣлается все болѣе и болѣе обыкновенной въ Богеміи, а еще за 30 лѣтъ она уже нерѣдко гнѣздилась около города Шверина. По теченію Одера въ 1880 году, около Нейштата въ Верхней Силезіи, домовая горихвостка встрѣчается рѣже садовой; въ 1857 году ее часто видали около Штеттина, хотя въ томъ-же году около Кеслина она еще не попадалась, а 8 лѣтъ спустя была еще большою рѣдкостью въ Помераніи. Въ началѣ семидесятихъ годовъ о ней пишутъ, что въ Курляндіи около Либаны ее (кажется) разъ видали; это тѣмъ болѣе странно, что въ тѣхъ-же годахъ на нее указываютъ какъ на обыкновенную птицу въ Петербургѣ, куда она проникла вверхъ по теченію Днѣпра и внизъ по теченію Западной Двины; за 35 лѣтъ передъ тѣмъ около Петербурга домовой горихвостки вовсе не было».

Въ средней Германіи домовыя горихвостки появляются въ послѣдней трети марта мѣсяца, въ южной Германіи нѣсколько ранѣе. Перелетъ ихъ совершается ночью, самцы прилетаютъ раньше, а самки нѣсколькими днями позже. Тотчасъ по прибытіи на родину птица поселяется на томъ-же зданіи, подъ той-же крышкою, которая служила ей любимымъ убѣжищемъ и въ прошломъ году, и съ тѣхъ поръ начинается ея подвижная и дѣятельная лѣтняя жизнь. Какъ всѣ вообще краснохвостки домовая горихвостка очень веселая, безпокойная, подвижная и дѣятельная птичка, которая съ ранняго утра до поздняго вечера бодрствуетъ и находится въ постоянномъ движеніи. Раннимъ весеннимъ утромъ пѣсенка ея слышится одною изъ первыхъ и простые нагѣвы ея звучатъ еще вечеромъ, когда наступили уже сумерки. По своимъ движеніямъ она очень похожа на каменокъ (*Saxicola*). Она очень проворна и ловка, прыгаетъ и летаетъ съ большою легкостью, наклоняется и машетъ хвостикомъ при всякомъ случаѣ и даже безъ всякаго особаго повода. Она сидитъ на вѣткѣ вытянувшись, смѣло глядя впередъ; прыгаетъ она большими скачками, но, прыгая назадъ, часто останавливается. Ея полетъ, по словамъ Наумана, порывистъ и имѣетъ видъ скачковъ, а, пролетая большія разстоянія, она образуетъ въ воздухѣ неправильно изогнутую линію, состоящую изъ маленькихъ и большихъ дугъ, то поднимающихся, то опускающихся. Она прекрасно умѣетъ кувыркатся на воздухѣ и круто поворачиваться; быстро падаетъ она съ высоты внизъ и, трепеща крыльями, поспѣшно поднимается снова наверхъ. Она летаетъ такъ искусно, что можетъ, какъ мухоловки, ловить добычу на лету и часто догоняетъ и проглатываетъ на воздухѣ летающихъ насѣкомыхъ. Вѣтніи чувства у ней развиты прекрасно и

понятливость очень значительна. Это умная и находчивая птичка, которая умѣетъ хорошо оцѣнивать опасность отъ своихъ враговъ; она даже недоувѣрчива къ своимъ друзьямъ, а также человѣку, у котораго она живетъ въ гостяхъ, обыкновенно не очень довѣряетъ и держится отъ него на довольно большомъ разстояніи, большею частью на крышахъ домовъ. Здѣсь чувствуетъ она себя въ безопасности и, повидимому, не обращаетъ вниманія на движеніе, происходящее на улицахъ и дворахъ. Не любя большого общества, парочки живутъ въ одиночествѣ, въ извѣстномъ районѣ, и въ немъ не терпятъ другой пары подобныхъ себѣ птицъ, часто задираютъ другихъ птичекъ, которыя живутъ вблизи, и ссорятся съ ними. Призывной звукъ ея довольно пріятенъ, но пѣніе не очень благозвучное и отличается часто прерывающимъ его трещаньемъ. Призывной звукъ звучитъ какъ «фит-тэк-тэк» и въ испугѣ или при опасности быстро повторяется много разъ подъ рядъ. Пѣсня имѣетъ двѣ или три строфы и состоитъ изъ свистящихъ, трескучихъ и даже каркающихъ звуковъ, въ которыхъ мало пріятности. Но она умѣетъ подражать и пѣнію другихъ птицъ. Екель слыхалъ, какъ она подражала голосу многихъ славокъ и синицъ, призывному звуку хохлатой синицы, овсянки и чирика и даже трещанью скворцовъ; подражаніе это выходило довольно удачно. Отецъ мой замѣчалъ то-же самое. Однако среди перенятыхъ звуковъ домовая горихвостка всегда вставляетъ свойственное ей трещаніе.

Домовая горихвостка питается почти исключительно насѣкомыми, преимущественно мухами и бабочками. На землю она садится рѣдко и только иногда въ спокойныхъ усадьбахъ довольно долго остается на заборахъ, чтобы ловить низко летающихъ насѣкомыхъ или клевать спѣлыя ягоды въ саду. Она никогда не роется клювомъ, чтобы отыскать спрятанную добычу и ловить только сидящихъ на видномъ мѣстѣ и летающихъ насѣкомыхъ. Она охотно ѣстъ бабочекъ, которыми пренебрегаютъ другія птицы, и приноситъ большую пользу истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ.

Размноженіе происходитъ въ маѣ. Самцы въ это время и даже раньше бѣгаютъ очень возбужденны, преслѣдуютъ самокъ, какъ совершенно вѣрно описываетъ Карлъ Мюллеръ, по дворамъ, садамъ и улицамъ, трещатъ и поютъ попеременно. Самецъ иногда съ высокой крыши стремглавъ летитъ внизъ и положительно расплывается на какомъ-нибудь кирпичѣ у ногъ самки, причемъ распускаетъ крылья, прижимаетъ внизъ разставленный вѣромъ хвостъ, жалобно проситъ милости у самки и радостно вскрикиваетъ, а по временамъ клювомъ трогаетъ клювъ подруги. Самка также очень возбуждена и яростно преслѣдуетъ другихъ самокъ, которыя приближаются къ избранному самцу или къ завоеванному мѣсту гнѣздованія. Въ горахъ домовыя горихвостки гнѣздятся въ отверстіяхъ и щеляхъ скалъ; въ равнинахъ-же устраиваютъ свои гнѣзда почти исключительно на зданіяхъ, то въ углубленіяхъ стѣнъ съ большимъ или меньшимъ отверстіемъ, то на выдающихся концахъ балокъ, подъ стрехами и въ другихъ мѣстахъ, которыя представляютъ нѣкоторую защиту отъ дурной погоды. Изрѣдка случается, что она устраиваетъ гнѣздо въ дулѣ дерева. Тамъ, гдѣ въ горахъ отдѣльныя скалы бываютъ окружены приземистыми соснами и елями, домовая горихвостка можетъ сдѣлаться лѣснымъ жителемъ и устраивать гнѣздо на землѣ подъ кустами и камнями, а тамъ, гдѣ она не находитъ подходящихъ мѣстъ для своего гнѣзда, то забываетъ всякій страхъ и гнѣздится даже въ комнатахъ, напримѣръ за печкой, которая рѣдко топится или въ сѣняхъ около ящика для писемъ. Если гнѣздо устраивается въ углубленіи, то оно просто принимаетъ форму его, но когда оно устраивается на открытомъ мѣстѣ на балкѣ, то вѣтся болѣе искусно. Птицы сначала складываютъ большую кучу ко-

реневъ, вѣтокъ и соломинокъ, которыя лежатъ не въ очень большомъ порядкѣ, но углубленіе гнѣзда отдѣляется тщательно и мягко выстилается большимъ количествомъ волосъ и перьевъ. Кладка состоитъ изъ 5—7 хорошенькихъ, блестящихъ, прозрачно-бѣлыхъ яичекъ съ очень тонкой скорлупой и имѣющихъ 19 м.м. длины и 14 м.м. ширины. Оба родителя насиживаютъ яички, оба выкармливаютъ птенцовъ и вообще принимаютъ участіе въ ихъ воспитаніи. При опасности они выказываютъ поразительное мужество и стараются всякими средствами отвлечь вниманіе врага отъ нѣжно любимыхъ дѣтенышей. Птенцы оставляютъ гнѣздо большею частью слишкомъ рано и потому дѣлаются легкой добычей разныхъ хищниковъ, но черезъ нѣсколько дней приобрѣтаютъ уже довольно значительную ловкость и самостоятельность. Какъ только родители убѣдятся, что птенцы могутъ жить безъ ихъ помощи, то они приступаютъ ко второй, а иногда даже и къ третьей кладкѣ. Иногда случается, что нѣкоторыя домовыя горихвостки во время гнѣздованія заводятъ странныя знакомства, переходящія иной разъ въ тѣсную дружбу. «Въ моемъ дровяномъ сараѣ», рассказываетъ Песслеръ, «домовая горихвостка воспользовалась для своего гнѣзда прошлогоднимъ гнѣздомъ ласточки. Когда настоящіе хозяева вернулись изъ своего зимняго путешествія и нашли свое гнѣздо занятымъ, то выстроили себѣ другое, рядомъ со старымъ. Пока ласточки еще дѣлили свое гнѣздо, домовая горихвостка начала уже насиживать и часто случалось, что хлопотливыя ласточки прикрывали домовую горихвостку своимъ хвостомъ и хлопали имъ-же ее по головѣ, но птичка этимъ не смущалась. Позднѣе стали насиживать и ласточки, и обѣ матери очень мирно сидѣли рядомъ, исполняя свои обязанности. Когда самецъ ласточки посѣщалъ свою подругу и развлекалъ ее разказами о безоблачномъ синемъ небѣ и словенныхъ имъ жирныхъ комарахъ, то, повидимому, обращался также и къ сосѣдкѣ. Когда домовая горихвостка высидѣла птенцовъ, то ласточка терпѣливо сносила прикосновеніе самца домовой горихвостки, который приносилъ дѣтенышамъ кормъ. Когда птенцы выросли, то домовая горихвостка устроила новое гнѣздо въ экипажномъ сараѣ, на томъ-же дворѣ и, представьте мое удивленіе!... ласточки послѣдовали за ними, исправили находившееся по близости старое гнѣздо, и обѣ парочки снова зажили въ близкомъ сосѣдствѣ и добромъ согласіи».

Второй видъ, встрѣчающійся въ Германіи, въ Россіи называется **Садовой Горихвосткой, Лысушкой, Краснохвосткой, Калуферкой** (*Erithacus phoenicurus*, *Ruticilla phoenicurus*, *phoenicura*, *arborea*, *hortensis* и *pectoralis*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Lusciola phoenicurus*, *Ficedula phoenicura* и *ruticilla*, *Phoenicura ruticilla* и *murraria*, *Gartenrotschwanz*, *Rubiéte des jardins*). Она вполнѣ заслуживаетъ свое названіе, такъ какъ живетъ почти исключительно на деревьяхъ, какъ въ лѣсу, такъ и въ садахъ. У старыхъ самцовъ лобъ, стороны головы и горло черныя, остальные верхнія части пепельно сѣрая; грудь, бока и хвостъ ярко ржаво-краснаго цвѣта; передняя часть головы и середина нижней стороны туловища — бѣлыя. Самка сверху темно-сѣраго цвѣта, снизу — сѣраго; темная окраска горла иногда у нея только едва замѣтна. У птенцовъ верхняя часть туловища сѣрая, съ ржаво-желтыми и бурными пятнышками, а сѣрая перья нижней стороны съ ржаво-желтою каймою. Глаза бурые, клювъ и ноги черные. Длина достигаетъ 14, размахъ крыльевъ 23, длина крыла 8, а хвоста 6 см.

Садовая горихвостка встрѣчается на болѣе обширномъ пространствѣ, чѣмъ домовая; она водится во всѣхъ странахъ Европы, предпочитаетъ въ нихъ лиственные лѣса на равнинахъ, но не избѣгаетъ также и гористыхъ мѣстностей и потому водворяется въ каждой хоть сколько-нибудь подходящей для нея мѣстности. На востокѣ область ея распространения доходитъ до Персіи и Туркменіи, гдѣ ее на-

блюдалъ Вальтеръ, а именно эта птица показывается здѣсь на Аму-Дарьѣ въ половинѣ марта и въ апрѣлѣ; далѣе на востокѣ ее замѣщаютъ другіе близкіе виды. Въ Германіи она появляется съ апрѣля мѣсяца, въ сентябрѣ снова отлетаетъ и странствуетъ по теплымъ странамъ до внутренней Африки и также до Индіи.

По образу жизни, нраву и по обычаямъ своимъ садовая горихвостка во многомъ напоминаетъ домовую, съ тою только разницею, что она держится преимущественно на деревьяхъ. Пѣніе ея лучше, благозвучнѣе и разнообразнѣе, чѣмъ у ея родича, тоны двухъ или трехъ строфъ, изъ которыхъ оно состоитъ, нѣжны, похожи на звуки флейты, правда немного меланхоличны, тѣмъ не менѣе въ общемъ въ высшей степени пріятны. Она охотно подражаетъ также пѣнію другихъ птицъ. Питается садовая горихвостка тѣмъ-же самымъ, чѣмъ и домовая, только, соотвѣтственно своему мѣстопребыванію, собираетъ добычу больше съ листьевъ и съ земли, чѣмъ ея родичъ. Гнѣздо строится обыкновенно въ пустыхъ деревьяхъ и только въ видѣ исключенія въ расщелинахъ стѣнъ или скалъ, но почти всегда въ отверстіяхъ и, по возможности, въ такихъ, которыя имѣютъ узкій входъ; однако одно такое гнѣздо было найдено Вальтеромъ на землѣ, прислоненное къ толстому стволу сосны, и даже въ такой мѣстности, гдѣ не было недостатка въ дуплахъ. Гнѣздо построено нерадиво изъ беспорядочно набросанныхъ сухихъ корешковъ, и стебельковъ, а внутри мягко выложено перьями. Во второй половинѣ мая въ немъ находятъ 5—8 яицъ, величиною въ 18 м.м., а толщиною въ 13 м.м., съ гладкою скорлупою прекраснаго голубовато-зеленаго цвѣта. Второй выводокъ бываетъ въ іюлѣ; но всякій разъ парочка выбираетъ новое дупло для устройства втораго гнѣзда, а въ слѣдующее за тѣмъ лѣто снова возвращается къ прежнему гнѣзду.

Садовую горихвостку чаще домовой держатъ въ клѣткахъ, гдѣ она поетъ довольно прилежно и въ продолженіи почти круглаго года, но вслѣдствіе однообразія своего вѣчно повторяющагося призывнаго звука «уйтъ, уйтъ, такъ, такъ!» она скоро надоедаетъ. При всемъ томъ она приобрѣла себѣ среди любителей птицъ горячихъ друзей, которые охотно забываютъ ея докучливые призывные звуки, благодаря граціи ея движеній, красотѣ окраски и опрятному содержанію перьевъ.

* * *

Чекнанками (*Pratincola*) называютъ маленькихъ, пестрыхъ, нѣсколько неуклюже сложенныхъ птичекъ съ относительно короткимъ и толстымъ, круглымъ клювомъ, съ крыльями средней длины, въ которыхъ третье маховое перо длиннѣе другихъ и по длинѣ почти равняется четвертому, съ короткимъ узкоперымъ хвостомъ и высокими ножками, съ тонкими плюснами.

Чекнанчикъ луговой, Суранчикъ, Каменщикъ (*Pratincola rubetra*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Saxicola*, *Oenanthe* и *Fruticola rubetra*. *Braunkehlchen*. *Traquet-tarier*) самый обыкновенный видъ этого рода, часто встрѣчающійся въ Германіи. Верхняя сторона его тѣла черно-бурая съ пятнами вслѣдствіе широкихъ ржаво-сѣрыхъ краевъ кроющихъ перьевъ: нижняя сторона ржаво-желтовато-бѣлая; на подбородкѣ, по сторонамъ передней части шеи, надъ глазами и по срединѣ крыльевъ окраска перьевъ бѣлая. У самки всѣ цвѣта менѣе ясны, брови желтоватыя, и свѣтлыя пятна на крыльяхъ не такъ замѣтны. У птенцовъ по ржавой, перемѣшанной съ сѣро-черною окраскою верхней стороны тѣла проходятъ долевые полосы, а на блѣдно-красной нижней сторонѣ пестрѣютъ ржаво-желтыя пятна и сѣро-черные кончики перьевъ. Глаза темно-бурые, клювъ и ноги черныя. Длина птицы 14 см.; размахъ крыльевъ 21, длина крыла 9, а хвоста 5 см.

Чекканчикъ чернохвостый (*Pratincola rubicola, indica u saturator, Motacilla, Sylvia* и *Oenanthe rubicola, Saxicola rubicola, indica* и *hemprichii*. Schwarzkehlchen. Traquet rubicole) нѣсколько больше предыдущаго вида и красивѣе окрашенъ. Верхняя сторона и горло у него черныя, нижнія части тѣла ржаво-красныя, надхвостье и задняя часть брюшка, такъ-же какъ пятна на крыльяхъ и по сторонамъ шеи, чисто-бѣлыя. Самка сверху и на горлѣ имѣеть сѣровато-черную окраску, на нижней сторонѣ—ржаво-желтую; каждое перо верхней стороны съ ржаво-желтыми краями.

Чекканчикъ луговой часто встрѣчается во всѣхъ равнинахъ Германіи и соседнихъ странъ, доходя на сѣверѣ до 67 градуса; кромѣ того онъ попадаетъ въ сѣверной и южной Европѣ, также въ западной Азіи, а зимою перелетаетъ въ Африку и Индію. Въ Германіи онъ появляется въ концѣ апрѣля и держится здѣсь самое большее до конца сентября: въ Испаніи, напротивъ, его можно видѣть въ продолженіи цѣлаго года, и даже въ Великобританіи онъ не отлетаетъ на зиму.

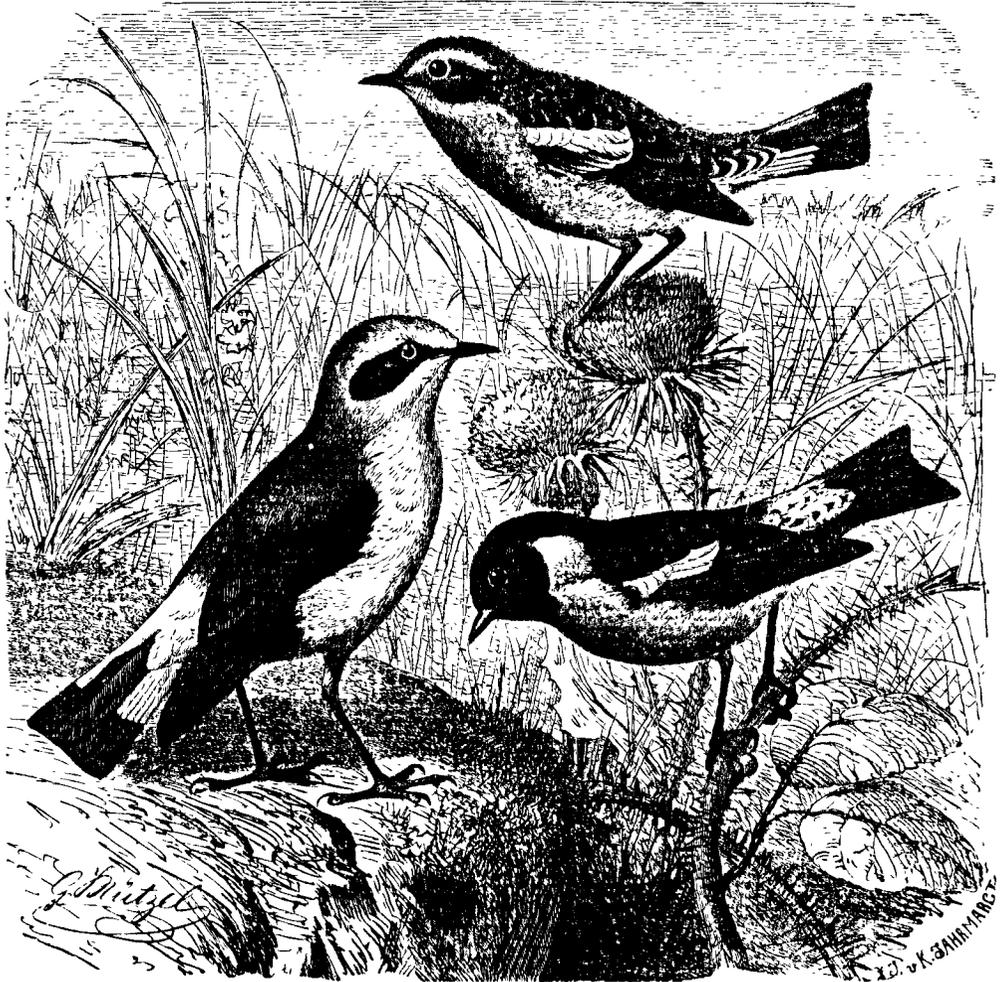
Чекканчикъ чернохвостый въ общемъ рѣже встрѣчается въ Германіи, чѣмъ его родичъ, и то болѣе въ западной части страны; кромѣ того онъ водится во всѣхъ умѣренныхъ странахъ Европы и Азіи, на сѣверѣ до широты южной Швеціи, а зимую отлетаетъ на югъ, до внутренней Африки и Индіи.

Любимымъ мѣстопребываніемъ чекканчиковъ служатъ луга, перерѣзанные ручьями или вообще по соседству съ водою, граничащіе съ открытыми полями или лѣсомъ, и поросшіе отдѣльными низкими кустарниками. Чекканчики избѣгаютъ пустырей и держатся исключительно въ обработанныхъ мѣстностяхъ. Чѣмъ плодороднѣе край, тѣмъ чаще они тамъ встрѣчаются. Во время размноженія они держатся на лугахъ, затѣмъ переправляются на поля и всего охотнѣе разсѣваются по картофельнымъ полямъ и огородамъ. Тамъ, гдѣ они встрѣчаются, ихъ нельзя не замѣтить, потому что они всегда избираютъ для отдохновенія возвышенные пункты, съ которыхъ и высматриваютъ себѣ добычу.

Надо сознаться, что чекканчики гораздо скучнѣе другихъ видовъ этого семейства, хотя они и принадлежатъ къ наиболѣе рѣзвымъ, подвижнымъ, безпокойнымъ и вертлявымъ птицамъ Германіи. По землѣ они прыгаютъ быстрыми скачками, останавливаются на каждомъ возвышеніи, быстро наклоняются впередъ и дергаютъ внизъ хвостомъ. При полетѣ они описываютъ короткую дугу низко надъ землею, но также очень ловко умѣютъ поворачиваться и съ увѣренностью схватывать летящихъ насѣкомыхъ всякаго рода. Цѣлый день они проводятъ въ дѣятельности: сидя на верхушкѣ низкаго куста или деревца, они озираются во всѣ стороны, затѣмъ стремительно бросаются внизъ, на землю, схватываютъ высмотрѣнную добычу и возвращаются на прежнее мѣсто или отлетаютъ на другой какой-нибудь возвышенный пунктъ. Ихъ нельзя назвать вполнѣ общительными, но все-таки они уживчивѣе другихъ видовъ своего семейства, охотно, повидимому, сходятся со своими родичами и даже съ другими чуждыми имъ птицами и рѣдко ссорятся. Ихъ призывные звуки выражаются щелкающимъ «тца», къ которому присоединяется обыкновенный слогъ «текъ», такъ что въ общемъ звучитъ «тца текъ, или тьлудекъ». Прекрасное пѣніе состоитъ изъ разнообразныхъ короткихъ строевъ звучнаго и чистаго тона; онѣ повторяются въ различномъ порядкѣ и къ нимъ, смотря по мѣстности, прилетаютъ голоса другихъ птицъ, напимѣръ отрывочные мотивы изъ пѣсенъ зеленушки, щегленка, конолянки, зяблика, садовой славки, и др. Чекканчики луговые поютъ усердно до начала іюля, начинаютъ пѣть очень рано, рѣдко молчатъ въ продолженіи дня и ихъ можно слышать до поздней ночи.

Пища чекканчиковъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, преимущественно изъ жуковъ, ма-

ленькихъ кузнечиковъ, гусеницъ, муравьевъ, мухъ, комаровъ и др., которыхъ они выискиваютъ на землѣ или ловятъ на лету. Гнѣздо обыкновенно находится на лу-гу въ травѣ, большею частью въ небольшомъ углубленіи, иногда подь маленькимъ кустомъ и всегда тщательно скрыто, такъ что его весьма трудно найти. «Даже ко-сари», говоритъ Науманъ, «находятъ его рѣже во время косебы, чѣмъ когда сгре-баютъ сѣно граблями; я знаю даже случаи, когда и при сгребаніи оно оставалось не открытымъ, и птицы, несмотря на то, что вся трава была скошена, счастливо вы-

Каменка. *Saxicola oenanthe*. Чекканчикъ луговой. *Pratincola rubetra* и Чекканчикъ черно-хвостый. *Pratincola rubicola*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

ращивали своихъ птенцовъ. Гнѣздо состоитъ изъ неплотно сплетенныхъ сухихъ корешковъ, стеблей, былинковъ и листочковъ травы, перемѣшанныхъ болѣе или менѣе съ зеленымъ мхомъ; внутренность его выстлана подобнымъ-же, но болѣе мягкимъ ма-терьяломъ и сверху прикрыта отдѣльными конскими волосами, которыми и завер-шается постройка гнѣзда». Кладка состоитъ изъ 5—7 очень толстыхъ яицъ, 19 м.м. длиною 14 м.м. толщиною, съ гладкою блестящею скорлупою, имѣющею свѣтло-го-лубовато-зеленый цвѣтъ; иногда на тупомъ концѣ яйца испещрены мелкими желто-

красными крапинками. Въ концѣ мая или въ началѣ іюня кладка совершенно заканчивается и въ теченіи 13—14 дней яйца насиживаются одною самкою. Оба родителя вдвоемъ кормятъ птенцовъ, въ высшей степени любятъ ихъ и пускаютъ въ ходъ всевозможную хитрость, чтобы отвратить отъ нихъ врага. «Пока наблюдающій ихъ человѣкъ находится по близости», говоритъ Науманъ, «они не идутъ въ гнѣздо, когда тамъ лежатъ яйца, не указываютъ даже на присутствіе гнѣзда пугливымъ крикомъ или движеніями. При вылупившихся уже птенцахъ бываетъ, конечно, другое, но все-же и тутъ птицы не рѣшаются, очертя голову, рисковать своею безопасностью». Обыкновенно, когда нѣтъ никакой помѣхи, пара выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ.

Масса враговъ, именно всѣ маленькія хищныя животныя, крысы и мыши угрожаютъ птенцамъ, а наши маленькіе кречеты также и взрослымъ чекканчикамъ. Человѣкъ нигдѣ систематически не преслѣдуетъ ихъ, а скорѣе оказываетъ имъ покровительство. Въ Швейцаріи распространено даже народное повѣрье, что на тѣхъ Альпахъ, гдѣ убьютъ чекканчика чернохвостаго, коровы съ того времени будутъ давать красное молоко. Въ неволѣ, хотя-бы имъ и позволяли безпрепятственно летать по комнатѣ, они скучаютъ и держатся смирно.

* * *

Камени (*Saxicola. Steinschmätzer. Motteux.*), составляющія типическія формы всего подсемейства, представляютъ собою довольно стройныхъ птичекъ съ шиловиднымъ, суживающимся къ ноздрямъ клювомъ, который у корня шире своей высоты, къ концу немного изогнутъ, у расщепя чуть замѣтно загнутъ внутрь, а на верхнемъ краю имѣетъ ребро; ноги высокія съ тонкою плюсною и средней длины пальцами; въ туповатыхъ крыльяхъ третье и четвертое маховыя перья длиннѣе другихъ; хвостъ короткій, довольно широкій и сзади прямо усѣченный; перья довольно густыя и пушистыя и при всемъ своемъ различіи все-же почти одинаковой окраски.

Первое мѣсто между европейскими видами принадлежитъ **Камени бѣлохвостой** (*Saxicola leucura* и *cachinnans, Turdus leucurus, Oenanthe, Vitiflora* и *Dromolaea leucura, Trauersteinschmätzer. Motteux rieur*), одной изъ крупнѣйшихъ птицъ этого рода. Длина ея достигаетъ 20 см., размахъ крыльевъ 31 см., длина крыла 10 см., а хвоста 7 см. Окраска перьевъ, за исключеніемъ ослѣпительно-бѣлаго конца хвоста и его верхнихъ и нижнихъ покровныхъ перьевъ, ровнаго, совершенно чернаго цвѣта съ слабымъ блескомъ; маховыя перья у корня свѣтлаго пепельно-сѣраго цвѣта, а къ концамъ чернаго. Бѣлая полоса на концѣ хвоста занимаетъ $\frac{2}{3}$ общей длины обоихъ среднихъ перьевъ, а на остальныхъ суживается до 8 м.м. Самка походитъ на самца; однако темныя части оперенія у нея не чисто, а буровато-черныя. Молодые птенцы походятъ на своихъ родителей, а именно: самецъ походить на отца, а самка — на мать, только опереніе ихъ не столь яркое.

Тотъ, кто не преступалъ за предѣлы Германіи, можетъ съ трудомъ составить себѣ представленіе объ испанскихъ горахъ. Онѣ прекрасны, великолѣпны въ своемъ родѣ, но не имѣютъ ничего общаго съ природою сѣвера. Ихъ рѣдко оживляетъ зеленый лѣсъ, на нихъ никогда не увидишь свѣжей лужайки; одинъ небесный сводъ раскидываетъ надъ ними свой цвѣтной плащъ, одна только даль окутываетъ ихъ своими туманами, одни только камни украшаютъ ихъ. Если выйти за предѣлы плодородной зеленой равнины, по которой струится серебристый ручей, разливаясь на сотни запрудъ и обращая такимъ образомъ плодородный край въ цвѣтущую

ЛИТ ШТАДЛЕРЪ И ПАТТНЮЪ С.П.Е

СИНЕВАТЕНЬ, БЪЛОХВОСТАЯ КАМЕНКА, ДОМОВАЯ ГОРИХВОСТКА.

1

«вегу», и углубиться въ горы, то сразу очутишься въ пустынь. Можетъ случиться, правда, что попадешь въ «кампо», гдѣ правильными рядами растутъ вѣковые масличныя деревья; но они не въ состояніи разсѣять впечатлѣнія пустыни, навѣянаго окружающею мѣстностью. Да эти рощи, притомъ, скоро останутся позади; нога ступаетъ по твердой, кремнистой почвѣ, сквозь которую только кое-гдѣ изрѣдка дерзаетъ пробиться тощее растеньице. Передъ глазами—горы во всей своей дикой красѣ. Оторванные, прибитыя сюда водою глыбы камней покрываютъ ихъ подошвы и выходы долинъ. Между ними виднѣются сочные, зеленые кусты олеандровъ и низкіе кустарники. На склонахъ горъ растутъ розмаринъ и масса чертополоха, которые образуютъ здѣсь цѣлый лѣсъ. Случается, что надъ горою пронесется коршунъ, можетъ быть также орелъ; но кромѣ нихъ встрѣтится развѣ синій дроздъ, горихвостка, ласточка или каменный воробей; все остальное кажется вымершимъ. Но вдругъ раздается чистая пѣсенка, которая заставляетъ устремить взоръ на опредѣленное мѣсто: это самецъ бѣлохвостой каменки напѣваетъ свою веселую пѣсенку!

Красивенькая птичка распространена въ большей части Испаніи, но кромѣ того встрѣчается въ южной Франціи, въ южной Италиі, въ Греціи и сѣверо-западной Африкѣ. Вездѣ, гдѣ она водится, она живетъ на горахъ, начиная съ подошвы до 2500 м. высоты. Возможно, что среди лѣта она поднимается еще выше и только зимою спускается въ ложбины, гдѣ я и встрѣчалъ ее въ горахъ южной Испаніи. Любимое ея мѣстопребываніе составляютъ дикія разорванныя скалы. Чѣмъ мрачнѣе утесъ, тѣмъ чаще можно тамъ встрѣтить каменку, хотя она не избѣгаетъ и свѣтлыхъ известковыхъ скалъ.

Это—умная, живая и осторожная птица, которая можетъ оживить наиболѣе пустынные горы. Движенія самца въ высшей степени забавны; онъ буквально танцуетъ на камнѣ или въ припрыжку взбирается вверхъ по скалистой стѣнѣ, распускаетъ хвостъ и крылья, киваетъ головой, повертывается и оборачивается во всѣ стороны, съ пѣснейю взвизгиваетъ на вершину и оттуда, распустивъ крылья и хвостъ, тихо спускается въ ложбину, чтобы пропѣть здѣсь послѣднія строфы своей пѣсни по близости самки, высмотрѣнной съ высоты. Если въ горахъ попадется деревцо или кустъ кактуса, каменка охотно отдыхаетъ на немъ отъ своихъ пѣсней и танцевъ; иначе мѣстомъ своего отдохновенія она избираетъ выдающіеся карнизы скалъ или большой камень. Каменка безъ всякаго страха прилетаетъ съ горныхъ высотъ къ стѣнамъ лежащаго въ горахъ города или взбирается на хижины, пріютившіяся на самой вершинѣ горы.

У своего гнѣзда каменка ведетъ себя въ высшей степени мило. Къ постройкѣ его она приступаетъ довольно поздно, около половины или даже конца апрѣля, а можетъ быть даже въ началѣ мая. Въ подходящемъ для гнѣзда мѣстѣ не бываетъ недостатка, такъ какъ въ стѣнахъ высокихъ отвѣсныхъ скалъ всегда можно найти углубленіе, еще не занятое каменнымъ воробьемъ. Гнѣздо, предназначенное для многочисленнаго потомства, большое и состоитъ изъ плотно перевитыхъ между собою стебельковъ травы и корешковъ: внутри оно старательно выстлано козьими волосами. Кладка состоитъ обыкновенно изъ 4—5 яицъ величиною 23 м. м. и 17 м. м. въ поперечномъ разрѣзѣ; скорлупа ихъ свѣтлаго голубовато-зеленаго цвѣта съ фіолетовыми и красновато-бурыми крапинами. Иногда кладка бываетъ и въ 6—7 яицъ. Такое гнѣздо я нашелъ въ началѣ іюля 1857 г. въ Сьерра-де-лосъ-Анхесъ, близъ Мурціи. Оно лежало словно на карнизѣ, въ довольно просторномъ углубленіи, которое образовалось отъ вывѣтриванія и отпаденія камней скалы; углубленіе это было сверху прикрыто выдающимся камнемъ. Выборъ мѣста былъ очень цѣлесообразенъ, такъ какъ въ такую глушь, очевидно, рѣдко заходитъ человекъ

только птица не рассчитала, что до углубленія этого очень легко было добраться. Я нашла въ гнѣздѣ пять еще голыхъ птенцовъ, относительно которыхъ мнѣ недолго пришлось обрѣтаться въ неизвѣстности: я не окончилъ еще какъ слѣдуетъ осмотръ гнѣзда, какъ прилетѣли родители, принесшіе кормъ для своихъ птенчиковъ. Еще никогда, даже изъ удачнѣйшихъ засадъ, мнѣ не приходилось видѣть эту прелестную птицу такъ близко отъ себя, какъ теперь. Родители, обыкновенно такіе робкіе, на этотъ разъ забыли всякую осторожность. Съ одной стороны, не болѣе какъ въ пятнадцати шагахъ отъ меня, сѣла самка, съ другой, почти на такомъ-же разстояніи — самецъ. Первая пугливо перепархивала съ одного выступа на другой; самецъ-же оставался на своемъ мѣстѣ; но все его вниманіе было обращено на меня: онъ то пѣлъ, какъ-бы убѣждая меня оставить ихъ домъ, то танцевалъ, прыгаль туда и сюда, кивалъ головою, снова принимался пѣть и танцевать. Сцена была въ самомъ дѣлѣ трогательная: тамъ мать, которая становилась все озабоченнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшительнѣе; тутъ отецъ, незнавшій съ перенугу, что ему дѣлать, чтобы удалить опаснаго врага! Впослѣдствіи мнѣ удалось снова наблюдать этихъ обоихъ родителей, при первомъ вылетѣ счастливо выросшеннаго выводка. Отецъ и мать порхали съ камня на камень, со скалы на скалу, впереди своихъ рѣзвыхъ птенцовъ. Маленькіе короткохвостые дѣтеныши чувствовали себя въ окружающей мѣстности совсѣмъ какъ дома. Но вотъ одинъ изъ родителей издаетъ крикъ предостереженія, и въ одно мгновеніе вся толпа исчезаетъ въ щеляхъ между и подъ глыбами камней. Черезъ нѣсколько минутъ новый зовъ родителей собираетъ ихъ опять на верхушкѣ или выступѣ камня: врагъ, подмѣченный зоркимъ родительскимъ глазомъ, ушелъ или спрятался, и теперь не представляется больше никакой опасности. Дѣло весело идетъ впередъ. Тутъ подвернется жучекъ, тамъ червячекъ. Отецъ и мать носятся по воздуху, преслѣдуя жужжащую муху или порхающую бабочку и рѣдко выпускаютъ намѣченную добычу. За этой охотой тщательно слѣдитъ вся семья, и какъ только родители возвращаются съ добычей, каждый изъ птенцовъ спѣшитъ впередъ, чтобы выпросить себѣ пойманное насѣкомое. Тутъ-то поднимается бѣготня, толкотня, пискотня и клянчанье. Даже тупымъ крылышкамъ приходится поработать. Такъ, такъ! черненькій самецъ, вѣчный пострѣлъ, и тутъ поспѣлъ первымъ! Но вотъ изъ-за камня снова высовывается голова непріятели, кажущаяся для рѣзвой семьи головою страшной Медузы! Одинъ крикъ отца — и всѣ птенцы моментально скрываются изъ виду.

Такимъ образомъ юное общество остается подъ вѣрною защитою родителей до времени линіянія. Послѣ этого семья разсѣвается, такъ какъ каждый членъ ея обзаводится уже собственною подругою. Смѣна перьевъ происходитъ въ іюль, августѣ и сентябрѣ; въ концѣ октября или въ началѣ ноября молодыя птички, соединившись уже парами, отдѣляются отъ семьи, хотя все еще охотно остаются въ обществѣ другихъ паръ. Въ январѣ начинается первая проба пѣнія; въ февралѣ пѣснь уже льется широкою волною, поразительно напоминая собою пѣсню синяго дрозда, только она не столь громка, звучна и обыкновенно заканчивается своеобразнымъ трещаніемъ, чѣмъ близко напоминаетъ нашу домовую горихвостку.

Попутчикъ, Каменка, Чекнанъ-попутчикъ (*Saxicola oenanthe, rostrata, oenanthoides* и *leucorhoea*, *Motacilla oenanthe, leucorhoea* и *vitiflora*, *Silvia oenanthe, Vitiflora oenanthe, grisea, cinerea, major, septentrionalis* и *oenanthoides*. *Steinschätzer, Motteux oenanthe*). Эта птица съ верхней стороны свѣтло-пепельно-сѣрая; надхвостые и нижняя сторона, за исключеніемъ ржаво-желтоватой груди, бѣлыя; лобъ и полоска, идущая отъ лба надъ глазомъ, бѣлые; пятно, образующее уздечку, крылья

и оба среднихъ хвостовыхъ пера—черныя; остальные перья у основанія бѣлыя, а на концахъ черныя. Глаза бурые, клювъ и ноги черныя. Осенью, послѣ линянія, окраска верхней стороны переходитъ въ ржавую, а нижней—въ ржаво-желтоватую. У самокъ преобладаетъ красновато-пепельно-сѣрый цвѣтъ; лобъ и полоска надъ глазами грязно-бѣлые, уздечка матово-черная, нижнія части свѣтло-буровато-ржавыя; дымчато-черныя перья крыльевъ имѣютъ свѣтло-желтоватыя каемки. Длина птицы достигаетъ 16 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. Самка на нѣсколько миллиметровъ короче и уже.

Легче перечислить, въ какихъ сѣверныхъ странахъ Старога и Новаго Свѣта нѣтъ попутчика, нежели назвать всѣ тѣ области, гдѣ онъ водится. Онъ гнѣздится всюду, начиная отъ Пиренеевъ и Парнаса до Лапландіи, даже до самой Исландіи, а также во всѣхъ странахъ Азіи, которыя лежатъ приблизительно подъ тою-же широтою; въ Америкѣ-же онъ, повидимому, ограничивается крайнимъ сѣверомъ, такъ какъ южнѣ Нью-Йорка его не наблюдали. Во время зимнихъ странствованій ему случается залетать южнѣ Средней Африки: я встрѣчалъ его въ Суданѣ; другіе натуралисты—въ западной Африкѣ. То же самое можно сказать и относительно Азіи: въ Индіи, по Жердону, это довольно рѣдкій зимній гость, залетающій изъ сѣверныхъ областей.

Слѣдующихъ два близко родственныхъ вида, встрѣчающихся также и въ Германіи, замѣняютъ его въ юго-западной Европѣ.

Ушастая каменка (*Saxicola rufescens*, *aufita*, *albicollis* и *amphileuca*, *Sylvia* и *Vitiflora rufescens*. *Ohrensteinschmätzer*. *Motteux oreillard*) на нѣсколько миллиметровъ меньше попутчика; верхняя ея сторона бѣловато-сѣрая, нижняя—сѣро-красновато-бѣлая; узкая полоска, идущая отъ края клюва къ глазамъ и заканчивающаяся продолговатымъ пятномъ на щекахъ, крылья, среднія перья хвоста съ обѣихъ сторонъ и кончики остальныхъ перьевъ—черныя. Самка окрашена темнѣе и болѣе въ ржаво-красный цвѣтъ.

Черногорлая каменка (*Saxicola sturazina* и *eurymelana*, *Motacilla*, *Sylvia* и *Oenanthe sturazina*, *Vitiflora sturazina* и *rufa*. *Gilbsteinschmätzer*. *Motteux sturazain*) еще меньше по величинѣ. Верхняя сторона тѣла, грудь и брюшко ржаво-бѣлаго цвѣта; горло и крылья черныя; покровныя перья съ ржавою каймой. У птенцовъ обонихъ видовъ голова, задняя часть шеи и спинка сѣро-желтоватыя; каждое перышко имѣетъ бѣлую черту на стержнѣ и сѣрую каемку на кончикѣ; нижняя сторона грязновато-бѣлая, грудь сѣроватая съ чуть замѣтными сѣро-бурыми каемками кончиковъ перьевъ; маховыя и рулевыя перья тускло-черныя, покровныя перья съ ржаво-сѣроватыми каемками.

Въ юго-восточной Европѣ живетъ, кромѣ того, близко родственная нѣмецкому виду **Каменка плясунья** (*Saxicola isabellina*. *Wüstensteinschmätzer*. *Motteux sauteur*) нѣсколько большая по величинѣ, окрашенная сверху ржаво-блѣдно-бурымъ съ болѣе яркимъ надхвостьемъ, а снизу ржаво-блѣдно-буро-желтымъ. По временамъ въ восточную Европу залетаетъ также изъ Азіи **Плешанна** (*Saxicola leucomela*. *Nonnensteinschmätzer*. *Motteux leucomèle*), у которой голова, передняя и задняя часть шеи, верхняя сторона тѣла и оба среднихъ рулевыхъ пера черныя, а остальные части—бѣлыя.

Каменистыя и скалистыя мѣстности служатъ любимымъ мѣстопребываніемъ всѣхъ поименованныхъ каменокъ. Въ воздѣланныхъ краяхъ онѣ встрѣчаются рѣдко и постоянно держатся тамъ, гдѣ между полями разбросаны глыбы скалъ, возвыша-

ются каменные стѣны или свалены кучи камней. Въ каменистой Швеціи, въ южной Германіи и въ Швейцаріи каменка весьма обыкновенна; на Скандинавскомъ полуостровѣ ее можно считать за послѣдняго представителя животнаго царства, встрѣчающагося на далекомъ сѣверѣ. Я встрѣчалъ тамъ эту птицу рѣшительно всюду, куда ни заѣзжалъ, какъ въ Лалландіи, такъ и на глетчерахъ Гальдгѣшпига, на Фуркѣ въ Швейцаріи и на Гросглокнерѣ въ Тироли. Въ Швейцарскихъ Альпахъ онѣ поднимаются выше пояса произростанія лѣсовъ. Подобнымъ-же образомъ живутъ и остальные виды. Это—жители самыхъ пустынныхъ мѣстностей и даже настоящей пустыни; ихъ встрѣчаютъ среди раскаленныхъ песковъ, гдѣ, повидимому, изсякла всякая жизнь.

Наша каменка, описаніемъ которой я и ограничусь, въ высшей степени подвижная, рѣзвая, проворная, безпокойная, вертлявая, необщительная и осторожная птица, которую можно назвать даже пугливою. Она любитъ жить уединенно и не сходитъ ни съ какою другою птицею. Только во время перелета или еще скорѣе во время зимовки она соединяется съ другими видами своего рода или семейства, но и то никогда не вступаетъ съ ними въ дружбу. Случается, что двѣ пары поселяются и строятъ гнѣзда по сосѣдству, но тогда между ними происходятъ нескончаемыя ссоры и драки. Кто привыкъ наблюдать, долженъ скоро замѣтить эту птицу. Она избираетъ для отдохновенія высочайшіе пункты въ своемъ мѣстожителствѣ, но ни на одну минуту не остается въ покоѣ, а постоянно суетится. На скалѣ она сидитъ выпрямившись, и все-таки не смиренно; она поминутно киваетъ хвостомъ внизъ и кланяется, особенно, если замѣтитъ что-нибудь необыкновенное. За такіе безцѣльные поклоны испанцы прозвали эту птицу «дьячкомъ» и дѣйствительно всѣ каменки оправдываютъ это названіе. По землѣ каменка двигается быстрыми короткими прыжками и при томъ такъ проворно, что, по словамъ Наумана, какъ-бы катится. Но и на самомъ быстромъ бѣгу она тотчасъ остановится, если на дорогѣ попадется камень, вспорхнетъ на него, нѣсколько разъ поклонится, сидя на верхушкѣ его и затѣмъ снова продолжаетъ свой путь.

Полетъ каменки въ высшей степени замѣчательнъ; она летаетъ надъ самой землей; даже когда сидитъ на какой-нибудь значительной высотѣ, то прежде спустится внизъ и затѣмъ уже летитъ; она быстро машетъ крыльями и несется надъ землею какъ будто по прямой линіи, но на самомъ дѣлѣ описывая короткую дугу, до новой остановки, которая обыкновенно отстоитъ отъ первой на довольно большомъ разстояніи; на вершину своего мѣста отдохновенія она буквально карабкается, потому-что подлетаетъ къ подошвѣ, а потомъ уже взлетаетъ на верхъ. Науманъ вѣрно говоритъ, что летящая каменка, бѣлое надхвостье которой выдается рѣзче всего, напоминаетъ собою несомое вѣтромъ гусиное перо. Только въ пору любви каменка измѣняетъ свой полетъ. Тогда она поднимается по косому направленію на 6—10 м. въ высоту, при этомъ все время поетъ, затѣмъ спускается опять по косому направленію, съ высоко приподнятыми крыльями, и оканчиваетъ свою пѣсню, сбѣгнувъ на землю. Слегка свистящій призывной звукъ каменки «гѣув гѣув», оканчивается, особенно когда птица находится въ возбужденномъ состояніи, прищелкивающимъ звукомъ «такъ». Своеобразное и не особенно пріятное пѣніе состоитъ большею частью изъ немногихъ строфъ, въ которыхъ призывные звуки преимущественно перемеживаются съ каркающими. Однако и среди каменокъ попадаются отдѣльные экземпляры, которые могутъ назваться хорошими пѣвцами; ктому-же недостатокъ таланта онѣ пополняютъ большимъ усердіемъ и поютъ съ небольшими перерывами съ ранняго утра до поздняго вечера, а часто даже среди глубокой ночи.

Пища каменки состоитъ изъ маленькихъ жуковъ, бабочекъ, мухъ, комаровъ

и ихъ личинокъ. Съ высоты мѣста своего отдохновенія она озираетъ всю окрестность, и ея зоркій глазокъ подмѣтитъ каждое живое существо, движущееся на землѣ или въ воздухѣ. За ползающими насѣкомыми она охотится бѣгомъ, летающихъ же преслѣдуетъ высоко въ воздухѣ, подобно горихвосткѣ.

Гнѣздо устраивается обыкновенно въ трещинѣ скалы или въ ямкѣ между камнями, рѣже въ кучѣ дровъ, подъ старыми стволами, въ земляныхъ углубленіяхъ, подъ нависшими скалами или даже въ дуплахъ деревьевъ; оно всегда хорошо скрыто отъ стороннихъ глазъ и обыкновенно защищено сверху. Во многихъ мѣстностяхъ Германіи каменка страдаетъ отсутствіемъ удобныхъ мѣстъ для постройки гнѣзда и вынуждена, если не предпочтетъ странствовать, довольствоваться всякимъ углубленіемъ, въ которомъ можетъ пріютить свое гнѣздо. Это послѣднее представляетъ собою беспорядочную, плохую постройку съ толстыми стѣнками, сплетенную изъ тонкихъ корешковъ, былинковъ и листочковъ травы, и мягко выстланную изнутри животною или растительною шерстью, волосами и перьями. Кладка состоитъ изъ 5—7 выпуклыхъ яицъ 21 м. м. длиною и 15 м. м. въ поперечномъ разрѣзѣ, съ тонкою свѣтло-голубоватою или зеленовато-бѣлою скорлупою; только въ видѣ исключенія попадаются яйца съ блѣдными желто-красными крапинками. Высиживаніемъ яицъ занимается почти всегда одна самка, но воспитанію птенцовъ съ одинаковымъ рвеніемъ посвящаютъ себя оба родителя. Они относятся къ своимъ птенцамъ съ большою заботливостію. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ буквально исполняетъ обязанности караульнаго: онъ постоянно стоитъ на стражѣ невдалекѣ отъ гнѣзда и налетаетъ на приближающагося врага съ пугливымъ крикомъ. Самка, при большой опасности, прибѣгаетъ къ притворству. Обыкновенно пара выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ, а именно въ маѣ. Вылетѣвшіе изъ гнѣзда птенцы до времени зимняго отлета остаются при родителяхъ и вмѣстѣ съ ними совершаютъ свое путешествіе. Они отлетаютъ въ концѣ сентября, а въ мартѣ снова возвращаются.

Пойманная взрослою каменка привыкаетъ къ клѣткѣ, но юные птенчики, взятые прямо изъ гнѣзда, относятся легко къ утратѣ свободы; однако только свѣдующіе наблюдатели находятъ ихъ пріятными.

* *
* *
* *

Туловище **Оляпокъ** (*Cinclus. Wasserschnäzler. Cincles*) вслѣдствіе густого оперенія кажется толстымъ, но на самомъ дѣлѣ оно очень стройное; клювъ относительно слабый, прямой, на верхушкѣ выгнутъ немного кверху, а на концѣ—книзу, съ боковъ сплюснутъ и спереди заостренъ; ноздри замыкаются кожистыми крышечками; ноги высокія, но сильныя, съ длинными пальцами, вооруженными кривыми, крѣпкими, узкими, снизу обоюдо-острыми когтями. Крылья необыкновенно короткія, сильно закругленныя и почти одинаковы какъ въ ширину, такъ и въ длину; третье маховое перо самое длинное, четвертое почти такой-же длины, а первое очень короткое; хвостъ такой короткій, что его можно считать неразвитымъ. Опереніе, какъ уже сказано, очень густое и мягкое и, какъ у водяныхъ птицъ, состоитъ изъ пуховыхъ перьевъ и пуху.

Внутреннее строеніе оляпокъ носитъ на себѣ всѣ существенныя признаки другихъ пѣвчихъ птицъ, въ особенности хорошо развиты голосовыя мускулы. Кости-же, за исключеніемъ нѣкоторыхъ черепныхъ, не наполняются воздухомъ. Языкъ узкій, на концѣ съ надрѣзомъ и съ короткими щетинками, а съ боковъ съ тонкими зазубринами. Пищеводъ очень узкій; первый желудокъ удлинень въ видѣ кишки, настоящій желудокъ малъ и довольно мускулистъ. Особеннымъ развитіемъ отличаются надхвостныя железы, выдѣляющія необходимый для смазыванія перьевъ жиръ, а такъ

же носовыя железы, которыя у остальных пѣвчихъ птицъ почти не замѣтны по своей малой величинѣ.

Оляпки населяютъ Старый и Новый Свѣтъ, преимущественно сѣверные края, но встрѣчаются также и въ южныхъ горахъ, напримѣръ на Андахъ. По образу жизни немногіе извѣстныя до сихъ виды вполне сходны между собою, такъ что достаточно описать жизнь европейскаго вида, чтобы имѣть понятіе о жизни всѣхъ другихъ птицъ этого семейства.

Оляпка, Водяной дроздь, Водяной скворецъ, Водяной воробей, Ручейка. (*Cinclus merula, aquaticus* и *medius*, *Turdus cinclus* и *gularis*, *Sturnus*, *Aquatilis* и *Hydrobata cinclus*. *Wasserschmätzer*. *Merle d'eau*) имѣетъ 20 см. въ длину и 30 см. въ размахѣ крыльевъ; длина крыла 9 см., длина хвоста 6 см. Голова, затылокъ и задняя часть шеи чало-бурая, перья остальной верхней части аспидно-сѣрыя съ черными каемками; горло, зобъ и шея молочно-бѣлыя; нижняя часть груди и брюшко темно-бурая; верхняя часть груди красно-бурая. Самка во всемъ походить на самца, только меньше его ростомъ. У птенцовъ свѣтлыя аспидно-сѣрыя перья верхней стороны имѣютъ темныя каемки, а грязно-молочно-бѣлыя перья нижней стороны съ болѣе темными каемками и полосками.

Велье отдѣлилъ отъ предыдущаго вида **Альпійскую Оляпку**—(*Cinclus albicollis, rufiventris, rufipectoralis* и *rupestris*, *Hydrobata albicollis*. *Weissbauchwasserschmätzer*. *Cinle alpestre*), а отецъ мой—**Оляпку чернобрюхую** (*Cinclus septentrionalis, melanogaster* и *peregrinus*, *Sturnus cinclus*. *Schwarzbauchwasserschmätzer*. *Cinle à ventre noir*). Первая изъ нихъ водится на Швейцарскихъ Альпахъ, въ южно-европейскихъ горахъ и въ Ливанѣ; верхняя часть ея тѣла свѣтлѣе, чѣмъ у нашей оляпки, а каемки перьевъ болѣе ясныя; нижняя же сторона ярко-красная, а по сторонамъ—бурая. Оляпка чернобрюхая, живущая въ Скандинавіи и Малой Азіи, но залетающая также въ Германію и Англию, имѣетъ голову и шею темнѣе, чѣмъ у нашей оляпки, нижнюю-же сторону, особенно середину брюшка чисто-черную. Ученые не мало препирались о различіи и сходствѣ этихъ трехъ видовъ.

Наша оляпка населяетъ всѣ гористыя мѣстности средней Европы, изобилующія водою. Вальтеръ не разъ наблюдалъ оляпку также въ Закаспійскомъ краѣ «около чистыхъ ключевыхъ источниковъ Атрека, по дорогѣ къ Сѣверному Хорассану, въ мѣстечкѣ Кошанъ» и, по всей вѣроятности, это та самая, которую Гульдъ считаетъ за отдѣльную разновидность—*cashmiriensis*. Въ соответственныхъ мѣстностяхъ оляпка, если не составляетъ очень частое явленіе, то во всякомъ случаѣ вполне заурядное. Ея любимыми мѣстами являются чистые, съ тѣнистыми берегами ручьи, которыми такъ изобилуютъ высокія и среднія горы Европы. Слѣдуя по горамъ, оляпки добиваются до источниковъ рѣчекъ, даже еслибы они выходили изъ глетчеровъ, и тѣ-же самыя рѣчки приводятъ ихъ въ равнины, которыхъ онѣ вообще болѣе или менѣе избѣгаютъ. Въ такихъ мѣстахъ оляпку не придется искать напрасно, развѣ только въ томъ случаѣ, если вода горнаго источника отравлена или болѣе или менѣе загрязнена близостью фабрики. Птица эта упорно держится на развѣ выбранномъ мѣстѣ и не оставляетъ его даже въ самыя суровыя зимы. Она живетъ, какъ сообщилъ мнѣ кронпринцъ эрцгерцогъ Рудольфъ, въ высокихъ Альпахъ, лѣтомъ почти исключительно у маленькихъ горныхъ ручейковъ, а съ наступленіемъ осени, слѣдуя по теченію ручья, спускается въ глубокія долины, къ обильнымъ водою рѣкамъ. Въ холмистыхъ мѣстностяхъ она выбираетъ части рѣкъ и ручьевъ, не замерзающихъ зимою, потому что главною областью ея охоты бываетъ не берегъ, а самая вода; вслѣдствіе этого она предпочитаетъ между всѣми другими бы-

стрые горные потоки, водопады и ключи, такъ какъ тамъ съ одной стороны теплота, а съ другой быстрое теченіе мѣшаютъ замерзанію. Чѣмъ шумнѣе потокъ, чѣмъ больше онъ образуетъ пороговъ, чѣмъ грознѣе онъ реветъ и шумитъ, тѣмъ скорѣе привлекаетъ онъ къ себѣ оляпку. Но еще больше, чѣмъ самый водопадъ и образующійся подъ нимъ водоворотъ, она любитъ рубежъ встрѣчающагося здѣсь обыкновенно спокойнаго пространства воды, потому что водоворотъ загоняетъ сюда немало добычи. Каждая пара отводитъ себѣ во владѣніе по крайней мѣрѣ два километра ручья, шныряетъ въ этихъ предѣлахъ изъ угла въ уголь и никогда не покидаетъ потока. Гдѣ кончаются владѣнія одной пары, тамъ сейчасъ-же начинается участокъ другой, такъ что подобный горный ручей сплошь бываетъ населенъ оляпками, съ самаго своего истока, до мѣста впаденія въ рѣку или озеро.

Оляпка принадлежитъ не только къ замѣчательнымъ, но также и къ наиболее привлекательнымъ птицамъ. Она обладаетъ совершенно своеобразными свойствами. Съ проворствомъ и ловкостью трясогузки бѣгаетъ она по камнямъ, торчащимъ изъ воды, на подобіе ея или пигалицы трясетъ хвостомъ и заднюю часть тѣла, прыгаетъ съ камней въ воду, погружается все глубже и глубже до половины верхней части груди, затѣмъ до глазъ, а потомъ еще глубже, пока вода совсѣмъ не покроетъ ее; очутившись на днѣ русла, она бодро идетъ по дну, будто по ровной землѣ, въ продолженіи 15—20 секундъ, подъ волнами или, зимою, подъ ледянымъ покровомъ, по теченію или противъ него. Она бросается въ самый грозный водоворотъ, въ самый бѣшеный водопадъ, ходитъ тамъ въ бродъ или плаваетъ, пользуясь своими коротенькими крыльями какъ веслами и такъ сказать, летаетъ подъ водою, перерѣзывая крыльями отвѣсно падающую массу воды. Никакая другая птица не двигается такъ свободно въ водѣ, какъ оляпка. Она не всегда погружается въ воду постепенно, но очень часто прямо съ высоты бросается въ глубину, скорѣе какъ лягушка, нежели какъ зимородокъ. Полетъ ея напоминаетъ зимородка, но еще болѣе, можетъ быть, нашего крапивника. Вспугнутая оляпка летитъ, быстро взмахивая крыльями, постоянно на одной и той-же высотѣ надъ водою, слѣдуя за всѣми извилинами ручья. Птица мгновенно останавливается, какъ только высмотритъ на лету новое безопасное мѣсто отдохновенія; но нерѣдко случается также, что, привлеченная какой-нибудь добычею, она прямо бросается въ воду. Когда она замѣчаетъ, что ее преслѣдуютъ, то способна пролетать разстоянія въ 400—500 шаговъ; обыкновенно-же она перепархиваетъ съ камня на камень. Когда преслѣдованіе становится серьезнымъ и птичка видитъ себя въ опасности, она покидаетъ близость воды, около которой до тѣхъ поръ скрывалась, и взвивается круто на воздухъ, поднимаясь выше верхушекъ прибрежныхъ деревьевъ, а иногда летитъ еще выше. При такихъ обстоятельствахъ бываетъ, что она бросаетъ свое обычное направление, удаляется отъ русла ручья и летитъ впередъ, описывая большія дуги, или возвращается къ своему прежнему мѣсту отдохновенія. Въ спокойномъ состояніи случается, по наблюдениямъ Гомейера, что оляпка останавливается на-лету, чуть-чуть покачиваясь держится на одномъ мѣстѣ и вдругъ, сложивъ крылья, стремительно бросается въ воду, гдѣ и исчезаетъ.

Мы положительно можемъ утверждать, что изъ внѣшнихъ чувствъ зрѣніе и слухъ стоятъ у оляпки на высокой ступени развитія, да и другія чувства не слабы. Душевные способности также отличаются замѣчательнымъ развитіемъ. Оляпка умна, осторожна, хитра и если не пуглива, то во всякомъ случаѣ вездѣ и всегда зорко присматривается ко всему, что происходитъ вокругъ нея. Она хорошо знаетъ своихъ друзей и еще, можетъ быть, лучше—своихъ враговъ. Отъ челоука, забредшаго въ ея мирное убѣжище, она тотчасъ улетаеъ; противъ всевозможныхъ хищ-

ныхъ птицъ она принимаетъ не меньшія мѣры предосторожности. Но эта-же самая птица, которая всюду отличается своею пугливостью, какъ въ горахъ Сіерра-Невады или подъ глетчерами Швейцарскихъ Альпъ, такъ въ горныхъ ручьяхъ Лапландіи, способна привыкать къ людямъ и становится вообще довѣрчивой, какъ только убѣдится, что ей не угрожаетъ никакой опасности. Оляпка бываетъ частымъ гостемъ на мельницахъ и на мельника и его работниковъ смотритъ какъ на своихъ друзей: нерѣдко также она селится и въ деревняхъ, гдѣ чувствуетъ себя вполне безопасно. Такъ, напримѣръ, Гомейеръ наблюдалъ оляпку въ Баденъ-Баденѣ, въ центрѣ самаго города, по близости оживленныхъ гостинницъ; она на глазахъ многочисленныхъ посѣтителей водъ упражнялась въ своемъ искусствѣ нырянія, потому что по опыту была увѣрена въ своей безопасности.

Подобно многимъ другимъ воднымъ птицамъ оляпка не любитъ общества себѣ подобныхъ. Только во время сидѣнія на яйцахъ между птицами разнаго пола можно наблюдать тѣсную дружбу; семья держится вмѣстѣ только до тѣхъ поръ, пока птенцы нуждаются въ родительскихъ заботахъ; во всѣ остальные части года каждая оляпка живетъ болѣе или менѣе для себя, хотя супруги иногда и сходятся между собою. Если какой-нибудь сосѣдъ случайно забредетъ во владѣніе другой пары, то поднимается жаркая битва, и законный владѣлецъ беспощадно выгоняетъ незваннаго гостя. Даже собственныхъ дѣтенышей они изгоняютъ, какъ только тѣ дѣлаются самостоятельными, и положительно непонятно, какимъ образомъ этимъ послѣднимъ удастся приобрести себѣ собственное отечество. Чужихъ птицъ оляпка не выгоняетъ, однако относится къ нимъ, повидимому, не столько дружелюбно, сколько равнодушно. Всего чаще она допускаетъ въ свои владѣнія трясогузокъ и зимородковъ.

Голосъ оляпки, слышный обыкновенно и постоянно въ то время, когда эту птицу гоняютъ съ мѣста, выражается звуками «церръ» или «цербъ»; пѣніе самца представляетъ собою тихую, въ высшей степени пріятную трескотню, состоящую изъ нѣжныхъ мурлыкающихъ и щелкающихъ звуковъ; оно напоминаетъ отчасти пѣніе варакушки, отчасти щелканье каменки, а Снелль очень удачно сравнилъ его съ легкимъ журчаніемъ пробѣгающаго по камнямъ ручейка. Особенно усердно оляпка поетъ въ ясныя весенніе дни и преимущественно въ утренніе часы, но ее не смущаютъ и холода: она поетъ до тѣхъ поръ, пока небо ясно. «Очень странное испытывается впечатлѣніе», говоритъ Шинцъ, «когда въ январѣ, въ то время, какъ вся природа скована суровыми морозами, слышится пѣніе этой птички, сидящей гдѣ-нибудь на ледяной глыбѣ, на колу или на камнѣ». Я-же со своей стороны прибавлю, что для натуралиста, встрѣтившаго эту птичку зимою, представляется чарующее зрѣлище, когда этотъ бодрый пѣвецъ, окончивъ свою пѣсню, храбро и весело бросается въ ледяныя волны, купается въ нихъ и бѣгаетъ или плаваетъ тамъ, какъ будто для него не существуетъ ни зимы, ни мороза. «Оляпку» пишетъ Гиртаннеръ, «слѣдуетъ считать птицею, которая особенно охотно поетъ, такъ какъ рѣшительно всѣ свои дѣйствія она сопровождаетъ веселымъ пѣніемъ. Она поетъ и во время купанья, и во время ѣды: съ пѣсней-же набрасывается она на дерзкаго сосѣда, нарушающаго законъ о пограничныхъ владѣніяхъ; съ пѣсней прихорашиваетъ свои перышки, и даже пѣснейю оканчиваетъ свою веселую жизнь. Но пѣснь эта не всегда бываетъ одинакова: звуки ея соотвѣтствуютъ тому настроенію, которымъ она вызвана. Рѣзкіе вызывающіе призывные звуки боевой пѣсни довольно ясно выражаютъ собою возбужденное состояніе духа только что передъ этимъ миролюбиво настроеннаго пѣвца. Весело и оживленно летается пѣсенка, когда птичка поетъ просто изъ любви къ искусству, сидя на одной ножкѣ на излюб-

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И РАТНИЦЪ С. П. Б.

ОЛЯПКА, КРАПИВНИКЪ И ГОРНАЯ ТРЯСОГУЗКА.

ленною мѣстечкѣ, съ приподнятой спинкой и спущенными крылышками; эта-же самая пѣсня звучитъ пустой болтовней въ то время, когда пѣвунья чиститъ свои перышки; а послѣдняя предсмертная пѣсня захватываетъ за душу своею унылою, тоскливою мелодіею, постепенно замирающею вмѣстѣ съ прекращающимися силами и прерывающимся дыханіемъ пѣвца».

Пища оляпки состоитъ преимущественно изъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ. Мой отецъ нашелъ въ желудкахъ изслѣдованныхъ имъ оляпокъ комаровъ, водяныхъ насѣкомыхъ, поденокъ и различныхъ жуковъ, а также частицы растений, проглоченныя, по всей вѣроятности, случайно, и крошки дресвы, которую многія птицы глотаютъ для пищеваренія. Глогеръ первый открылъ, что оляпка ѣстъ также зимою маленькихъ мягкотѣлыхъ и молодыхъ рыбокъ, вслѣдствіе чего мясо ея получаетъ запахъ воровани. Впослѣдствіи я узналъ, что школьники одного мѣстечка, сосѣдняго съ моею родною деревнею, ради потѣхи, кормили въ гнѣздѣ птенцовъ оляпки маленькими рыбками, которыхъ они сами-же съ трудомъ ловили, и къ своей великой радости убѣдились, что птенцы чувствовали себя при такомъ питаніи вполне хорошо. Полное разъясненіе по этому поводу даетъ намъ Гиртаннеръ. «Весьма неясныя и противорѣчащія данныя относительно питанія оляпки на свободѣ», пишетъ онъ, «давно уже возбудили во мнѣ желаніе выяснить этотъ пунктъ посредствомъ обстоятельнаго изслѣдованія. Однако несмотря на стократныя наблюденія образа жизни этой птички на свободѣ, я все-таки былъ не въ состояніи дать опредѣленный отвѣтъ, особенно относительно питанія этой птицы рыбами. Я не разъ имѣлъ случай наблюдать, какъ она ловила шныряющихъ въ водѣ насѣкомыхъ, порхая съ развернутыми крыльями по руслу мелководнаго ручья, какъ выкапывала изъ земли комки водяного мха и при этомъ чувствовала себя прекрасно, какъ она не пренебрегала лягушками и икрою; но чтобы она ловила рыбу—этого я никогда не видалъ, хотя, правда, случалось наблюдать, какъ она гонялась за ними. Для того, чтобы выяснить этотъ послѣдній вопросъ, мнѣ оставалось одно—наблюдать эту птицу въ домашнемъ состояніи. Въ новыи гедъ я получилъ двухъ старыхъ оляпокъ, которыхъ я принялъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы мнѣ ежедневно доставляли также необходимое количество маленькихъ рыбокъ. Птицы были принесены мнѣ вмѣстѣ съ рыбами, и рыболовство оляпокъ было такимъ образомъ уличено. Многократныя наблюденія показали, что оляпка набрасывалась на каждую рыбку, которую замѣчала въ водѣ, схватывала добычу въ нѣсколько прыжковъ и толчковъ, съ возможною поспѣшностью сначала выбрасывала ее на берегъ и затѣмъ уже подходила къ ней для ближайшаго осмотра. Если рыба казалась ей слишкомъ крупною, то она просто оставляла ее лежать на берегу на произволь судьбы, сама-же снова ныряла и вытаскивала другую. Если-же она приходилась ей по размерамъ рта, то птица схватывала ее поперекъ середины туловища, сильно ударяла ее направо и на лѣво о камень, пока та не разламывалась на кусочки, и проглатывала ихъ по-одному, а затѣмъ съ поразительною быстротою возобновляла свои маневры. Такимъ образомъ я высчиталъ, что каждая птичка ежедневно потребляла отъ 20-ти до 30-ти рыбокъ въ палецъ длиною. По съ наступленіемъ весенняго времени мои плѣнницы перешли на соловьиный кормъ и совершенно избѣгали рыбной пищи. Одинъ знакомый мнѣ мельникъ, мельница котораго находилась въ центрѣ владѣній одной пары оляпокъ, наблюдалъ, что, при сильномъ морозѣ онѣ охотно ѣли застывшій жиръ, которымъ смазывались втулки мельничныхъ колесъ, и смѣло клевали его на глазахъ самого мельника».

Гомейеръ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ обыденную жизнь оляпки. Пока вода въ горномъ ручьѣ прозрачна и чиста, оляпка ведетъ обыкновенный образъ

жизни. Лишь только забрезжитъ на востокѣ первый лучъ утренней зари, оляпка уже на ногахъ и находится въ непрерывной дѣятельности до самыхъ сумерекъ. По-утру она усердно поетъ и не менѣе старательно охотится. Бываютъ иногда драки и ссоры съ назойливымъ сосѣдомъ, но это отвлекаетъ отъ обыденныхъ занятій на нѣсколько минутъ, такъ какъ схватка скоро прекращается, а пролаза обращается въ бѣгство. Въ полдень, когда солнце начнетъ сильно припекать, оляпка забирается въ свои любимыя укромныя мѣстечки, между камнями, или въ отверстія между корнями на берегу, иногда также подъ нависшіе выступы берега и сидитъ здѣсь, подремывая, по цѣлымъ часамъ, обративъ свою бѣлую грудь къ водѣ; но и въ это время она не упускаетъ случая поймать что-нибудь съѣдобное, подвернувшееся подъ руку. Къ вечеру она опять прибодряется и энергично принимается за рыбную ловлю, охоту, нырянье и веселыя пѣсни. Съ наступленіемъ ночи каждая изъ нихъ отправляется къ мѣсту своего ночлега, устроенному въ углубленіи, которое всегда можно найти по кучамъ помета, накопившимся въ немъ. Въ теченіи всего дня оляпка постоянно бодрѣ, рѣзва, оживленна и дѣятельна и все время сохраняетъ свое свѣтлое расположеніе духа. Обстоятельства совершенно мѣняются, когда идутъ продолжительные дожди и вода въ ручьѣ, передъ тѣмъ столь чистомъ, начинаетъ мутиться. Тогда ей становится трудно доставать необходимое количество пищи и она должна для этого прибѣгать къ особеннымъ хитростямъ. Она покидаетъ излюбленныя мѣста среди журчащаго ручья и отправляется въ тѣ прибрежные уголки, гдѣ высокая трава свѣшивается надъ водою, или гдѣ плаваютъ на поверхности ручья водяныя растенія. Тутъ она начинаетъ усердно охотиться, шныряя между этими растеніями подобно уткѣ, а, гдѣ вода глубока, тамъ плаваетъ и при этомъ выворачиваетъ своимъ клювомъ каждый стебелекъ, каждый листокъ или вѣточку, чтобы обобрать всѣхъ водяныхъ животныхъ, притаившихся на оборотной сторонѣ. Если дождливая погода устанавливается на долго, то оляпкѣ приходится выдерживать тяжелую нужду, и такія лишенія повергаютъ птицу въ мрачное настроеніе. Тогда прекращается всякое пѣніе, всякое бесполезное движеніе. Въ крайней необходимости она посѣщаетъ тихія прибрежныя бухты, которыхъ обыкновенно избѣгаетъ, и сосредоточиваетъ здѣсь свою охоту. Но какъ только вода просвѣтляется и на небѣ снова показывается солнышко, хорошее расположеніе духа быстро восстанавливается въ оляпкѣ, и она снова дѣлается такою-же жизнерадостною, какою была прежде.

Уже за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ отецъ мой сдѣлалъ подробныя наблюденія надъ размноженіемъ оляпки, а впоследствии дополнилъ эти сообщенія. «Оляпка», говоритъ онъ, «выводитъ птенцовъ обыкновенно разъ въ годъ, въ апрѣлѣ, и только въ видѣ исключенія—два раза. Въ началѣ этого мѣсяца она начинаетъ строить гнѣздо, а двѣ недѣли спустя кладетъ яйца. Гнѣздо находится всегда около воды, преимущественно тамъ, гдѣ надъ нею нависаютъ скалы, или гдѣ ольховый стволъ или запруды образуютъ удобныя углубленія; но его можно также найти подъ мостами, плотами, въ стѣнахъ мельницы, подъ большими кричными молотами и въ тому подобныхъ мѣстахъ, даже между лопатками мельничныхъ колесъ, которыя долгое время стояли въ бездѣйствіи. Самое пріятное для оляпки, когда она можетъ расположить свое гнѣздо такъ, чтобы передъ нимъ вода падала съ высоты. Тогда оляпка совершенно обезпечена отъ нападеній кошекъ, куницъ, хорьковъ и ласокъ и доступна развѣ только крысамъ. Къ одному такому гнѣзду, которое я замѣтилъ подъ колесомъ мельницы, я могъ проникнуть не иначе, какъ послѣ того, когда мельникъ, изъ любезности ко мнѣ, выпустилъ всю воду. Наружная часть гнѣзда состоитъ изъ прутьевъ, стебельковъ, корешковъ, листочковъ травы и соломинокъ, а часто также изъ водяного и земляного мха, а внутри оно выстлано листьями.

Оно сложено довольно рыхло, но имѣетъ толстыя стѣнки съ углубленіемъ, внутри глубже, чѣмъ полушаріе, и снабжено всегда узкимъ входомъ, который обыкновенно образуется тѣмъ, что то углубленіе, гдѣ находится гнѣздо, наполняется почти совершенно. Но если отверстіе гнѣзда слишкомъ велико, то оляпка, подобно крапивнику, устраиваетъ надъ нимъ крышку и отдѣльный узкій входъ. Тогда гнѣздо состоитъ большею частью изъ мха. Когда оно устраивается въ лопаткѣ мельничнаго колеса, то наполняетъ почти все углубленіе, и оляпка съ большимъ искусствомъ примаскиваетъ его къ той изъ лопатокъ, которая открывается снизу и притомъ такъ, чтобы оно не могло выпасть; тогда оно имѣетъ иногда 60 см. въ длину. Кладка гнѣзда состоитъ изъ 4—6 яицъ, которыя имѣютъ 22—26 м.м. въ длину и 18—19 м.м. въ толщину. Форма и величина ихъ довольно различны; скорлупа тонкая и гладкая блестяще-бѣлаго цвѣта съ ясно-обозначенными порами. Самка сидитъ на яйцахъ такъ старательно, что ее можно снять съ нихъ или съ птенчиковъ прямо руками; но выводитъ она обыкновенно только двухъ, рѣдко трехъ птенцовъ. Многія яйца у этой птицы подвергаются гніенію, по всей вѣроятности потому, что гнѣздо часто совершенно влажное. Если не тревожить старыхъ птицъ въ гнѣздѣ, онѣ утрачиваютъ свою робость и становятся довѣрчивыми, такъ что перестаютъ пугаться человѣка. Особенно пріятно видѣть ихъ, когда онѣ, направляясь къ своему выводку, перелетаютъ черезъ водопадъ». Для пополненія вышеприведеннаго я упомяну еще, что оляпка иногда располагаетъ свое гнѣздо на совершенно открытомъ мѣстѣ: на гладкомъ камнѣ, на самомъ краю ручья, но такъ какъ оно, по цвѣту, совершенно соотвѣтствуетъ окружающимъ предметамъ, то его трудно замѣтить, и потому птенцы въ немъ такъ-же обезпечены отъ нападеній, какъ и въ скрытомъ мѣстѣ. Чузи, которому мы обязаны этимъ сообщеніемъ, рассказываетъ, что вспугнутые имъ изъ подобнаго гнѣзда птенцы, тотчасъ бросились въ воду, нырнули и ловко поплыли подъ водою до ближайшаго углубленія въ берегу, гдѣ и притаились. Птенцы, пойманные Чузи и снова пущенные имъ въ воду, тотчасъ нырнули и, вытянувъ впередъ шеи, поплыли, подталкиваясь ногами, при чемъ полувывросшія крылышки служили имъ веслами; птенцы такъ быстро подвигались впередъ, что въ 5—6 толчковъ уже достигли своего убѣжища.

Врагами оляпокъ являются рыскающія по ночамъ хищныя животныя, которыя не стѣсняются прыгать въ воду, когда дѣло идетъ о лакомой добычѣ. Выводки часто дѣлаются жертвами кошекъ, но старыя оляпки рѣдко попадаютъ имъ въ когти. Хищныя птицы благоразумно оставляютъ оляпокъ въ покоѣ, потому что онѣ по опыту знаютъ, что при первомъ ихъ появленіи тѣ тотчасъ ныряютъ въ глубину. Нѣкоторые рыбопромышленники (въ особенности разводители форелей) внесли также нашу оляпку въ списокъ тѣхъ птицъ, истребленіе которыхъ является необходимымъ, а наблюденія Гиртаннера только еще способствуютъ тому, чтобы кажущимся образомъ оправдывать преслѣдованіе этой птицы. На самомъ-же дѣлѣ вредъ, доставляемый оляпками дѣлу разведенія рыбъ, настолько ничтоженъ, что о немъ не стоило-бы и говорить. «Слѣдуетъ-ли истреблять оляпокъ?»—задаетъ вопросъ Гиртаннеръ. «Нѣтъ! ихъ слѣдуетъ щадить, потому-что во-первыхъ оляпка пользуется рыбною пищею только въ теченіи короткаго времени года и притомъ еще тогда лишь, когда ей даютъ маленькихъ рыбокъ; на свободѣ-же ловля рыбъ для нея представляется слишкомъ труднымъ дѣломъ. Во вторыхъ въ остальное время года она истребляетъ множество водяныхъ и земляныхъ насѣкомыхъ». Кромѣ того, прибавлю я отъ себя, эта птица служитъ украшеніемъ водъ, и въ наше всеразрушающее время слѣдуетъ настоятельно совѣтовать сохранять ее. По счастью охота и ловля оляпокъ не всякому доступна. Первая требуетъ опытныхъ стрѣлковъ, а ловля удается лишь

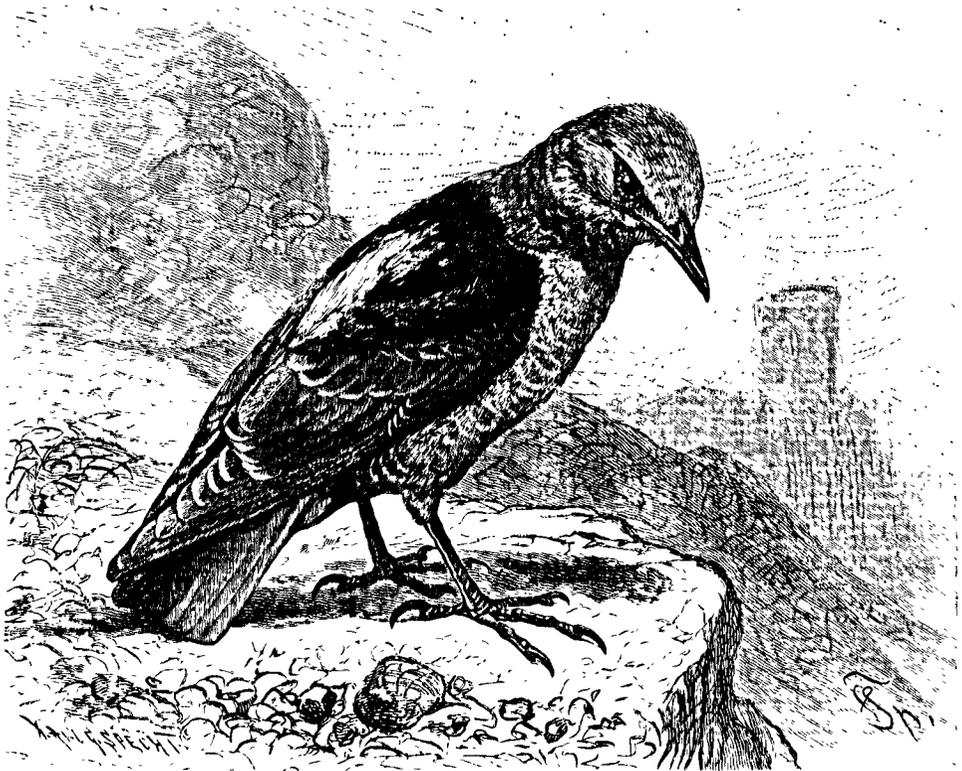
тогда, когда силки разставлены подъ мостомъ, въ которые птица и попадаетъ при перелетѣ. Существуетъ особенный способъ ловли, который описываетъ Гомейеръ. «Одинъ любительъ птицъ въ Фохтландѣ умѣетъ съ достаточною увѣренностью овладѣвать оляпками. Онъ поджидаетъ птицу подъ вечеръ, когда она направляется къ мѣсту своего ночлега, т. е. къ отверстию или углубленію въ крутомъ берегу; ловецъ выжидаетъ совершенной темноты и тогда начинаетъ свою охоту. Идя въ бродъ по ручью, онъ прокрадывается вдоль берега, держа въ рукѣ потайной фонарь, свѣтъ отъ котораго можетъ по произволу закрываться и открываться. Онъ внезапно освѣщаетъ фонаремъ упомянутое отверстие и такъ ослѣпляетъ птицу, что та тутъ-же отдается ему въ руки. Благодаря этому способу, я получилъ единственную оляпку, какую когда-либо видѣлъ въ клѣткѣ. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось приучить къ неволѣ хорошенькую птицу. Она проявляла крайнюю дикость и строптивость, забивалась въ самый дальний и темный уголь клѣтки и упорно отказывалась отъ всякой пищи. Откармливаніе муравьиными яйцами и мучными червями осталось безъ всякаго успѣха, и на шестой день моя оляпка обратилась въ трупъ. Смерть ея была трогательна и напоминала сказаніе о лебединой пѣснѣ. Я взялъ ее въ руки, чтобы накормить въ послѣдній разъ, но тутъ прозвучала ея нѣжная пѣсенка и птица скончалась». Гирганнеръ достигъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ Гомейеръ; ему удалось вскормить взятую птенчикомъ изъ гнѣзда оляпку и приучить къ корму даже старую. Я получилъ отъ него нѣсколько паръ, которыхъ и воспитывалъ довольно продолжительное время; я могу только сказать, что немногія птицы нашего отечества доставляли мнѣ столько удовольствія, какъ оляпки.

* *
*

Каменные дрозды (*Monticola*. *Steindrosseln*. *Petrocinclae*) принадлежатъ къ крупнѣйшимъ видамъ подсемейства и поэтому относятся обыкновенно къ дроздамъ. Туловище ихъ стройное, клювъ шиловидный, сильный, но вытянутый; у лба онъ нѣсколько расширенъ и слегка выгнуть и концомъ верхней челюсти изгибается внизъ къ нижней челюсти; ноги средней высоты, сильныя, съ длинными пальцами и большими, замѣчательно выгнутыми когтями; крылья относительно длинныя, третье маховое перо въ нихъ самое длинное; хвостъ довольно короткій, усѣченный сзади почти прямо; опереніе пестрое или красивое одноцвѣтное.

Каменный дроздъ (*Monticola saxatilis*, *Turdus*, *Sylvia*, *Petrocincla* и *Petrocinchla saxatilis*, *Saxicola montana*, *Petrocossyphus saxatilis*, *polyglottus* и *goureyi*. *Steinrötel*. *Petrocinclae des roches*) походить нѣкоторымъ образомъ на садовую горихвостку, но гораздо крупнѣе ея. Опереніе на головѣ, передней части шеи, на затылкѣ и надхвостѣ красиваго голубовато-сѣраго цвѣта, на спинѣ бѣло-голубого или бѣлаго, на всей нижней части туловища—великолѣннаго ярко-ржаво-краснаго; малыя маховыя перья темныя пепельно-сѣрыя или аспидно-черныя, маховыя перья черно-бурыя, на концахъ свѣтлѣе; большія покровныя перья на концахъ съ ржаво-желтовато-бѣлою каемкою; рулевыя перья имѣютъ одинаковую окраску съ нижнею частью тѣла, за исключеніемъ двухъ среднихъ изъ нихъ, которыя окрашены въ ровный матовый темно-сѣрый цвѣтъ. Осенью, послѣ главнаго линянія, всѣ маленькія перышки имѣютъ свѣтлую каемку. У самокъ верхняя часть туловища по матово-бурому фону испещрена свѣтлыми пятнами; передняя часть шеи бѣлая, нижняя сторона туловища блѣдная ржаво-красная; перья окаймлены здѣсь темнѣе. Птенцы пятнистые. Глаза красно-бурые, клювъ матово-черный, ноги красновато-сѣрыя. Длина птицы 23 см., размахъ крыльевъ 37 см., длина крыла 13 см., хвоста 7 см.

Каменный дроздъ живетъ около Средиземнаго моря и потому встрѣчается во всѣхъ высокихъ горныхъ странахъ южной Европы. На сѣверѣ онъ попадается только отдѣльными экземплярами; но его довольно регулярно можно встрѣтить въ Штири, Каринтіи, верхней Австріи, Тиролѣ, Моравіи и по Рейну, Майну и Мозелю; въ видѣ исключенія онъ попадается въ Богеміи, въ Лаузицкихъ горахъ, а съ 1849 года его видали и на Гарцѣ; на востокъ область его распространенія доходить до южной Сибири. Въ Славоніи, Кроаціи, Далмаціи, Турціи и Греціи каменный дроздъ распространенъ во всѣхъ подходящихъ для него мѣстностяхъ; въ Италіи, Крымѣ, Малой Азіи и Сирии считается обыкновенною птицею, но въ Испаніи онъ встрѣчается только на высокихъ горахъ. При своихъ перелетахъ онъ пе-

Каменный дроздъ. *Monticola saxatilis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ребываетъ въ большей части сѣверной Африки; я встрѣчалъ его даже въ лѣсахъ Голубого Нила. На родинѣ онъ появляется вмѣстѣ съ садовой горихвосткой часто уже въ половинѣ марта, самое позднее въ апрѣлѣ и остается здѣсь до конца сентября или начала октября. Мѣстопробываніемъ своимъ онъ избираетъ преимущественно виноградники или обширныя каменныя долины съ нѣсколькими старыми деревьями.

Образомъ жизни и поведеніемъ своимъ каменный дроздъ походитъ на нашихъ горихвостокъ, съ которыми онъ вообще имѣетъ большое сходство. Онъ такой-же осторожный, умный, оживленный и ловкій, такъ-же не любитъ долго оставаться на одномъ и томъ-же мѣстѣ, цѣлый день снуетъ взадъ и впередъ по своему участку и нѣсколько дольше держится только на излюбленныхъ мѣстахъ. По землѣ онъ бѣгаетъ съ ловкостью каменки, подобно ей или горихвосткѣ постоянно киваетъ голо-

вою, танцуетъ по скаламъ и большимъ камнямъ. Полетъ его легокъ и красивъ; онъ летаетъ немного дугообразно, передъ тѣмъ какъ сѣсть, вертится и кружится, но всегда стремительно держится прямого направленія; въ немъ есть достаточно ловкости и проворства, чтобы схватывать на лету разныхъ насѣкомыхъ. Его призывной голосъ состоитъ изъ шелкающаго «так такъ», напоминая такимъ образомъ голосъ черного дрозда и каменки. Испугъ или тревога выражаются легкимъ повторнымъ «уйт уйт», и походитъ на такой-же крикъ горихвостки. Пѣніе его превосходно: оно разнообразно, громко и звучно, но при всемъ этомъ нѣжно и пріятно и отличается тою особенностью, что въ немъ, смотря по условію мѣстности и вдохновенію пѣвца, встрѣчаются цѣлыя строфы и колѣна изъ пѣсенъ другихъ птицъ, напримеръ: соловья, черного дрозда, пѣвчаго дрозда, славки, полевого и степного жаворонковъ, перепела, малиновки, зяблика, иволги, куропатки и даже пѣтушиное кукареку.

Пища каменнаго дрозда состоитъ изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, осенью также изъ ягодъ и плодовъ. Жуковъ онъ ловитъ большею частью на землѣ; летающихъ насѣкомыхъ, подобно горихвосткѣ, онъ схватываетъ на-лету и преслѣдуетъ ихъ иногда на большомъ разстояніи.

Вскорѣ по возвращеніи на родину каменные дрозды спариваются и начинаютъ строить гнѣздо. Самецъ поетъ въ это время, сидя на возвышенномъ выступѣ скалы, и усерднѣе, чѣмъ когда-либо; при этомъ онъ танцуетъ, по наблюденіямъ Гомейера, «держась прямо, распустивъ и волоча по землѣ крылья и хвостъ, взъерошивъ перья на спинѣ, закинувъ голову назадъ, широко раскрывъ клювъ и, зачастую, прищуривъ глаза»; наконецъ онъ поднимается, вспархиваетъ, паритъ на воздухъ, взвиваясь въ высоту, подобно жаворонку, и поетъ при этомъ еще громче и старательнѣе; затѣмъ онъ возвращается на прежнее мѣсто. Гнѣздо строится по возможности въ самыхъ глухихъ мѣстахъ, въ щеляхъ недоступныхъ скалъ и стѣнъ, изрѣдка близъ земли, въ кучѣ камней, подъ корнями деревьевъ или даже въ густомъ кустарникѣ. Наружная часть гнѣзда состоитъ изъ легко и беспорядочно переплетенныхъ между собою тонкихъ кореньевъ и вѣтокъ вереска или другихъ кустарниковыхъ растений, мелкихъ прутиковъ или соломинокъ, листочковъ травы и древеснаго мха. Внутренность гнѣзда, представляющая правильно округленную чашку, мягко выстлана тѣмъ-же самымъ матерьяломъ, только болѣе старательно подобраннымъ. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ среднимъ числомъ 28 м. м. длиною и 19 м. м. толщиною, съ нѣжною одноцвѣтною голубовато-зеленою скорлупою; они очень похожи на яйца нашей садовой горихвостки. Въ насиживаніи яицъ, а равнымъ образомъ и въ воспитаніи птенцовъ принимаютъ участіе оба пола. При опасности самецъ издаетъ крикъ предостереженія, своеобразно звучащій, какъ «фритшикшакшак фритшикшакшак» и каждый свой звукъ сопровождаетъ поклонами и подергиваніемъ хвоста. Любители часто берутъ птенцовъ изъ гнѣзда и воспитываютъ на одномъ кормѣ съ соловьями или дроздами, или-же, пословами Тальски, поручаютъ ихъ воспитаніе горихвосткѣ, въ случаѣ нужды даже трясогузкѣ, которая гнѣздится по близости человѣческаго жилья, и оставляютъ ихъ въ чужомъ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока они не будутъ въ состояніи летать. Когда съ ними много занимаютъ, то они становятся чрезвычайно доверчивыми и доказываютъ свою привязанность къ человѣку тѣмъ, что тотчасъ-же начинаютъ шѣть, какъ только онъ къ нимъ подходитъ. «У меня у самаго были, и я видѣлъ у другихъ, многихъ каменныхъ дроздовъ», замѣчаетъ графъ Гурси, «которые во всякое время дня и ночи, когда ихъ хозяинъ приходилъ домой, встрѣчали его свистомъ и умолкали только тогда, когда тотъ гасилъ огонь. Въ такихъ случаяхъ они постоянно повторяютъ пару строфъ изъ зау-

ченной пѣсни и никогда не поютъ своей природной, какъ будто потому, что хотятъ говорить съ человѣкомъ тѣмъ языкомъ, которому онъ самъ научилъ ихъ, думая этимъ быть болѣе понятными для него. Если-же въ комнатѣ никого нѣтъ, тогда птица поетъ свою собственную пѣсню, а не заученную». При заботливомъ уходѣ каменные дрозды принимаются за размноженіе даже въ клѣткахъ или воспитываютъ птенцовъ другихъ птицъ и здѣсь-то главнымъ образомъ проявляютъ свои чудныя разнообразныя качества, благодаря которымъ они сдѣлались лучшими комнатными птицами, доставляемыми Европою.

Синій дроздъ или Синеватень (*Monticola cyaneus* и *cyanea*, *Turdus cyaneus* и *solitarius*, *Sylva solitaria*, *Petrocincla cyanea* и *longirostris*, *Petrocosyphus cyaneus*. *Blaudrossel*. *Petrocincla bleu*) немного больше каменнаго дрозда: его длина достигаетъ 23—25 см., размахъ крыльевъ 37 см., длина крыла 12 см., а хвоста—9 см. Опереніе самца ровнаго аспидно-синяго цвѣта; матово-черныя маховыя и рулевыя перья съ синими каемками. У самокъ преобладаетъ сине-сѣрый цвѣтъ; на горлѣ свѣтлыя ржаво-буроватыя пятнышки и каждое пятнышко окаймлено черно-бурымъ; остальные части нижней стороны испещрены темно-бурыми серповидными пятнами и отдѣльныя перья имѣютъ буровато-бѣлые края, маховыя и рулевыя перья темно-бурыя. Птенцы походятъ на самку и отличаются только свѣтло-буроватыми крапинками на верхней сторонѣ тѣла. Послѣ линянія и у самцовъ всѣ перья имѣютъ каемку, но края ихъ скоро стираются и тогда опереніе достигаетъ своей полной красы. Глаза бурые, клювъ и ноги черныя.

Родиною синеватней служить вся южная Европа, сѣверная Африка и большая часть Средней Азии до средняго Алтая, а на западѣ до Гиммалайскихъ горъ. Въ южныхъ частяхъ Австро-Венгрии, а именно: въ Далмаціи, Истріи, Кроаціи и южномъ Тироли, здѣсь преимущественно у истоковъ Этца и около Гардскаго озера они, по словамъ Чузи, встрѣчаются часто; въ Семиградіи и въ Крайніи они рѣже выводятъ птенцовъ, а въ Каринтіи встрѣчаются только какъ пролетныя птицы. Отъ Тальски я узналъ, что синеватень, въ видѣ исключенія, выводитъ птенцовъ вмѣстѣ съ каменнымъ дроздомъ на Котушѣ, большой известковой скалѣ въ 500 м. высокою, по близости Штрамберга въ сѣверо-восточной Моравіи. Въ Германіи его наблюдали только въ Баварскихъ Альпахъ, въ качествѣ пролетной птицы. Но въ Греціи, Италіи, южной Франціи и Испаніи онъ встрѣчается часто, также какъ и въ Палестинѣ, Египтѣ до Абиссиніи и въ горахъ Атласа. Зимой онъ постоянно появляется въ Индіи, хотя ихъ нельзя, собственно говоря, считать перелетными птицами, потому что уже въ южной Европѣ ихъ изъ года въ годъ можно встрѣчать на одномъ и томъ-же мѣстѣ, съ тою лишь разницею, что зимою они держатся на склонахъ, обращенныхъ къ югу.

По своему образу жизни и поведенію синеватень очень походитъ на каменнаго дрозда, но все-же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ него. Онъ больше этого послѣдняго любитъ уединеніе, стѣны скалъ и тѣсныя горныя ущелья, гдѣ не растутъ деревья, и особенно узкія рѣчныя долины. Онъ регулярно посѣщаетъ населенныя мѣста, гдѣ держится на башняхъ, кровельныхъ конькахъ и высокихъ стѣнахъ, а въ Египтѣ на развалинахъ храмовъ. Тѣмъ не менѣе нѣмецкое названіе «пустынникъ» (*Einsiedler*) дано ему вполнѣ основательно. Онъ живетъ постоянно только для себя, никогда не дружится съ человѣкомъ, строго сохраняя свою самостоятельность даже тогда, когда живетъ въ селеніяхъ, и никогда не сходится съ себѣ подобными такъ тѣсно, какъ другія птицы. Только во время размноженія пара держится неразлучно, а затѣмъ недолгое время и вся семья вмѣстѣ;

уже къ осени члены семьи расходятся и каждый идетъ отдѣльно своею дорогою. Все-же я замѣчу, что зимою въ Египтѣ мнѣ иногда случалось видѣть маленькія общества этихъ обыкновенно столь необщительныхъ птицъ. «Эта птица, называющаяся «*Cyanus*», пишетъ нашъ старій другъ Геснеръ, «отъ природы своей ненавидитъ человѣка, поэтому избѣгаетъ всякихъ сборищъ и даже тѣхъ пустынныхъ мѣстъ, гдѣ живутъ люди; зато она любитъ уединенныя мѣстности и высокія вершины горъ. Эиръ и другіе острова, какъ населенные людьми, она ненавидитъ, Сцирумъ-же, напротивъ, любитъ такъ же, какъ и другія подобныя ему пустынные и безплодныя мѣста». Впрочемъ, у синеватня есть и свои хорошія стороны. Это чрезвычайно рѣзвая, живая, подвижная птица и поетъ она очень прилежно. Хотя въ этомъ послѣднемъ онъ и уступаетъ каменному дрозду, тѣмъ не менѣе его пѣніе все-таки можетъ быть названо отличнымъ, тѣмъ болѣе, что оно раздается почти круглый годъ. По своимъ движеніямъ синеватень также походитъ болѣе на каменку, чѣмъ на дрозда, съ которымъ его можно сравнить только при самомъ бѣгломъ обзорѣ. Онъ можетъ быть еще проворнѣе каменокъ, не только на бѣгу, но и на лету. Никакая другая извѣстная мнѣ птица этого семейства не летаетъ такъ долго и такъ далеко заразъ, какъ синеватень; зачастую онъ перелетаетъ безъ отдыха пространства въ километръ разстоянія, съ одной вершины горы на другую, причемъ ни разу не опустится на землю. Самый полетъ его напоминаетъ нашихъ наиболѣе проворныхъ дроздовъ; только синеватень болѣе паритъ въ воздухѣ, чѣмъ эти послѣдніе, особенно передъ тѣмъ, какъ собирается садиться, и потомъ во время пѣнія онъ поднимается на воздухъ, чего не дѣлаютъ дрозды. Въ пѣніи синеватня соединяются звуки пѣсенъ различныхъ птицъ; такъ, напримѣръ, отъ каменнаго дрозда заимствованы сливающіеся горловые звуки, только они у него звучнѣе и сильнѣе, отъ пѣвчаго дрозда—громкій соловьиный свистъ, а также много строфъ отъ чернаго дрозда. Однако голосъ каменнаго дрозда болѣе гибокъ, нѣженъ и пріятенъ, пѣніе его разнообразиѣе и не такое рѣзкое, какъ у синеватня, почему сей послѣдній болѣе подходитъ для комнаты, чѣмъ его другіе родичи. Синеватень повторяетъ обыкновенно одну и ту-же строфу по 2—3 и даже по 5—10 разъ; вслѣдствіе этого его пѣніе кажется намъ менѣе разнообразнымъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ. По временамъ онъ издаетъ такіе тихіе щебечущіе звуки, какіе свойственны самымъ маленькимъ птичкамъ. Синеватень особенно охотно и много поетъ въ сумерки, иногда также при свѣтѣ свѣчей; я звалъ такого, который какъ только зажигали огни и начинали оживленно разговаривать, тотчасъ-же принимался напѣвать свою тихую, пріятную пѣсенку. У синеватня также есть свои излюбленныя пріѣтственныя строфы, которыми онъ встрѣчаетъ пришедшаго знакомаго; но онъ имѣетъ обыкновеніе повторять ихъ по 6—20-ти разъ подъ рядъ, чѣмъ можетъ страшно надоѣсть. Это было извѣстно уже старику Геснеру: «Синеватень поетъ очень разнообразно, правильно и пріятно, ктому-же онъ замѣчательно переимчивъ и такъ хорошо воспринимаетъ разные звуки, что потомъ совершенно ясно воспроизводитъ ихъ своимъ голосомъ. Такъ, напримѣръ, просыпаясь среди темной ночи, онъ поетъ совершенно отчетливо, какъ будто желаетъ этимъ усердно и честно исполнить свою обязанность». Призывной звукъ состоитъ изъ обычнаго «так, такъ»; испугъ онъ выражаетъ такими-же звуками «уйт, уйт», какъ каменный дроздъ.

Любовныя ухаживанія синеватня напоминаютъ танцы каменнаго дрозда; но, по словамъ Гомейера, самецъ принимаетъ горизонтальное положеніе, надувается и потому кажется гораздо больше, почти «шарообразнымъ», пригибаетъ голову книзу и, время отъ времени, потрихиваетъ своимъ высоко поднятымъ, сложеннымъ хвостомъ, какъ это дѣлаютъ черные дрозды. Гнѣздо устраивается въ трещинахъ

скаль, на колокольняхъ, въ разрушенныхъ замкахъ и въ другихъ высокихъ зданіяхъ; оно довольно велико, но построено безыскусственно; внѣшняя его часть состоитъ изъ травы и толстыхъ и тонкихъ стебельковъ; плоская внутренность его выложена перевитыми корешками. Въ началѣ мая въ гнѣздѣ появляются 4—6 толстыхъ, блестящихъ яицъ, иногда одинаковаго зеленовато-голубого цвѣта, иногда съ свѣтло-фіолетовыми крапинками на нижнемъ и красноватыми или красно-бурыми на верхнемъ концѣ; величина ихъ въ долевомъ разрѣзѣ 28 м. м., а въ поперечномъ— 19 м. м.

Ирби имѣлъ прекрасный случай наблюдать синеватня во время его сидѣнія на яйцахъ, благодаря тому, что пара этихъ птицъ свила гнѣздо какъ разъ въ отверстіи стѣны его конюшни на Гибралтарѣ. Изъ 5 яицъ 20 іюня вылупились птенцы и тогда оба родителя стали усердно хлопотать объ ихъ воспитаніи. Чтобы имѣть возможность подсматривать за ихъ дѣйствіями, наблюдатель, пробивъ въ стѣнѣ изнутри дыру, пристроилъ во внутренности конюшни маленькую клѣтку, перенесъ туда птенцовъ и прикрылъ клѣтку до 'самага отверстія въ стѣнѣ плотною тканью. Такимъ образомъ черезъ дыру въ стѣнѣ онъ могъ видѣть всю жизнь птицъ. Оба родителя одинаково усердствовали надъ кормленіемъ дѣтенышей и приблизительно черезъ каждыя 5 минутъ приносили имъ пищу, которая состояла исключительно изъ многоножекъ, а иногда также изъ большихъ пауковъ и крупныхъ мухъ. Голову съ ядовитымъ жаломъ они постоянно откусывали, а приготовленное для ѣды наѣдомое предварительно убивали. Двое изъ птенцовъ умерли въ клѣткѣ, потому что родители не могли удобно попадать къ нимъ; остальные были успѣшно выращены и вполне искусно вскормлены.

Старога синеватня воспитать очень трудно; потому для клѣтки берутъ большую часть молодыхъ птенцовъ, прямо изъ гнѣзда. При надлежащемъ уходѣ, они, подобно каменному дрозду, живутъ цѣлые годы, но сильно привыкаютъ къ какому-нибудь опредѣленному мѣсту и трудно переносятъ какую-бы то ни было перемѣну. «Когда въ Валеттѣ былъ открытъ новый рынокъ», рассказываетъ Врайтъ, «многіе торговцы перенесли клѣтки со своими синеватнями изъ старыхъ лавокъ въ новыя. Но птицы, одна за другой, стали тамъ чахнуть, и черезъ нѣсколько недѣль ни одной изъ нихъ больше не осталось въ живыхъ». Въ Италіи, на Мальтѣ и въ Греціи синеватней любятъ держать въ клѣткахъ, какъ комнатныхъ птицъ. Изъ Греціи ихъ массою вывозятъ въ Турцію; на Мальтѣ хорошіе пѣвцы цѣнятся такъ высоко, что за самца платятъ 40—60 марокъ. Одна богатая мальтіянка считала себя счастливою, по словамъ Врайта, когда ей удалось приобрести особенно хорошаго синеватня за 150 марокъ, «и то прежній владѣлецъ разстался съ птицею не безъ труда. Всѣ мальтіяцы держатся обыкновенія завѣшивать клѣтку, въ которой живутъ синеватни, краснымъ платкомъ, вѣря, что это спасаетъ птицу «отъ дурного глаза».

Отъ хищныхъ животныхъ синеватень страдаетъ мало; старыхъ птицъ предохраняетъ отъ преслѣдованія ихъ осторожность, а птенцовъ—прекрасный выборъ мѣста для гнѣзда. Впрочемъ, кречеты ихъ иногда ловятъ, что мнѣ самому случилось видѣть.

* * *

Настоящіе дрозды (*Turdus Drosseln. Merles*) составляютъ богатое видами, распространенное по всему свѣту семейство; его члены отличаются замѣчательнымъ сходствомъ между собою по внѣшнему виду и образу жизни; они всѣ принадлежатъ къ крупнымъ пѣвчимъ птицамъ и имѣютъ болѣе или менѣе вытянутое туловище. Клювъ у нихъ средней длины, почти прямой, вдоль верхушки верхней челюсти слегка выгнутый, а на концѣ съ незначительной зарубкой; ноги средней

высоты и стройныя, крылья не особенно длинны, но относительно остры, третье и четвертое маховыя перья длиннѣе другихъ; хвостъ рѣдко когда длиннѣе средней величины и обыкновенно срѣзанъ прямо или немного округленъ по сторонамъ; опереніе нѣжное и мягкое, но бородки перьевъ не особенно длинныя, окраска его весьма различна. У большинства видовъ оба пола имѣютъ одинаковую окраску, но нерѣдко бываетъ и противоположное. У птенцовъ опереніе пятнистое. По видамъ, присущимъ нашему отечеству, мы знакомимся съ нравами и обычаями почти всѣхъ настоящихъ дроздовъ.

Изъ дроздовъ, выводящихъ птенцовъ въ Германіи, самый крупный по величинѣ—**Деряба, Можжевеловый и Большой дроздъ, Большой и Сѣрый Рябинникъ**, (*Turdus viscivorus, major* и *arboreus, Sylvia, Merula* и *Ixocossyphus viscivorus. Misteldrossel, Grive—Draine*). Длина его достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 44 см., длина крыла 14 см., а хвоста 11 см. Опереніе верхней части туловища темно-сѣраго цвѣта и безъ пятенъ, по сторонамъ головы—свѣтло-ржаво-желтое съ тонкими темными пятнами на стержняхъ перьевъ, которыя образуютъ полосы, идущія отъ угловъ рта и похожія на усы; нижняя часть туловища ржаво-желтовато-бѣлая, на зобѣ треугольное черно-бурое пятно, на груди—такое-же яйцеобразное или почковидное. Маховыя, большія кроющія перья крыльевъ и рулевыя перья черно-сѣрыя со свѣтлыми сѣро-желтыми каемками. Глаза бурые, клювъ темный, ноги свѣтлаго рогового цвѣта. Самка отличается отъ самца только меньшею величиною. У птенцовъ на опереніи нижней части туловища видны желтыя продолговатыя и черныя остrokонечныя пятна, а покровныя перья крыльевъ имѣютъ желтую каемку.

Область распространенія дерябы охватываетъ всѣ страны Европы отъ крайняго сѣвера до крайняго юга; онъ держится во всякихъ большихъ лѣсахъ, но преимущественно въ чернолѣсѣ. Изъ сѣверныхъ областей онъ перелетаетъ въ южныя и западныя и проникаетъ даже въ сѣверо-западную Африку.

Пѣвчій дроздъ или Чистый дроздъ (*Turdus musicus, minor* и *philomelos, Sylvia* и *Merula musica. Iliacus musicus. Singdrossel. Grive*) отчасти похожъ на предыдущаго, только значительно меньше по величинѣ. Длина его достигаетъ 22 см., размахъ крыльевъ 34 см., длина крыла 11 см., длина хвоста 8 см. Опереніе сверху маслянисто-сѣрое, снизу желтовато-бѣлое съ треугольными или яйцеобразными бурными пятнами, которыя, впрочемъ, на животѣ выступаютъ не такъ ярко, какъ у дерябы. Кромѣ того у дерябы большія кроющія перья крыльевъ блѣдныя ржаво-желтыя, а у пѣвчаго—бѣлыя, а малыя кроющія перья крыла испещрены грязными ржаво-желтыми остrokонечными пятнами. Полы различаются только по величинѣ; у птенцовъ на опереніи верхней стороны разбѣяны желтоватыя продолговатыя и бурныя остrokонечныя пятна.

Пѣвчій дроздъ живетъ въ большей части Европы и въ сѣверной и средней Азіи, зимою часто залетаетъ въ сѣверо-западную, а иногда и въ сѣверо-восточную Африку. Въ Германіи онъ выводитъ птенцовъ во всѣхъ большихъ лѣсахъ.

Орѣховикъ, Бѣлобровикъ, Малый дроздъ (*Turdus iliacus, betularum, vinetorum* и *gracilis, Sylvia iliaca. Iliacus ilias* и *minor. Rotdrossel. Grive—Mauvis*) имѣетъ опереніе сверху оливково-землисто-бурого цвѣта, снизу бѣловатое, по сторонамъ груди ярко-ржаво-красное, на шеѣ желтоватое, всюду съ темно-бурными, треугольными круглыми, и продолговатыми пятнами. Самка блѣднѣе самца. У птенцовъ зеле-

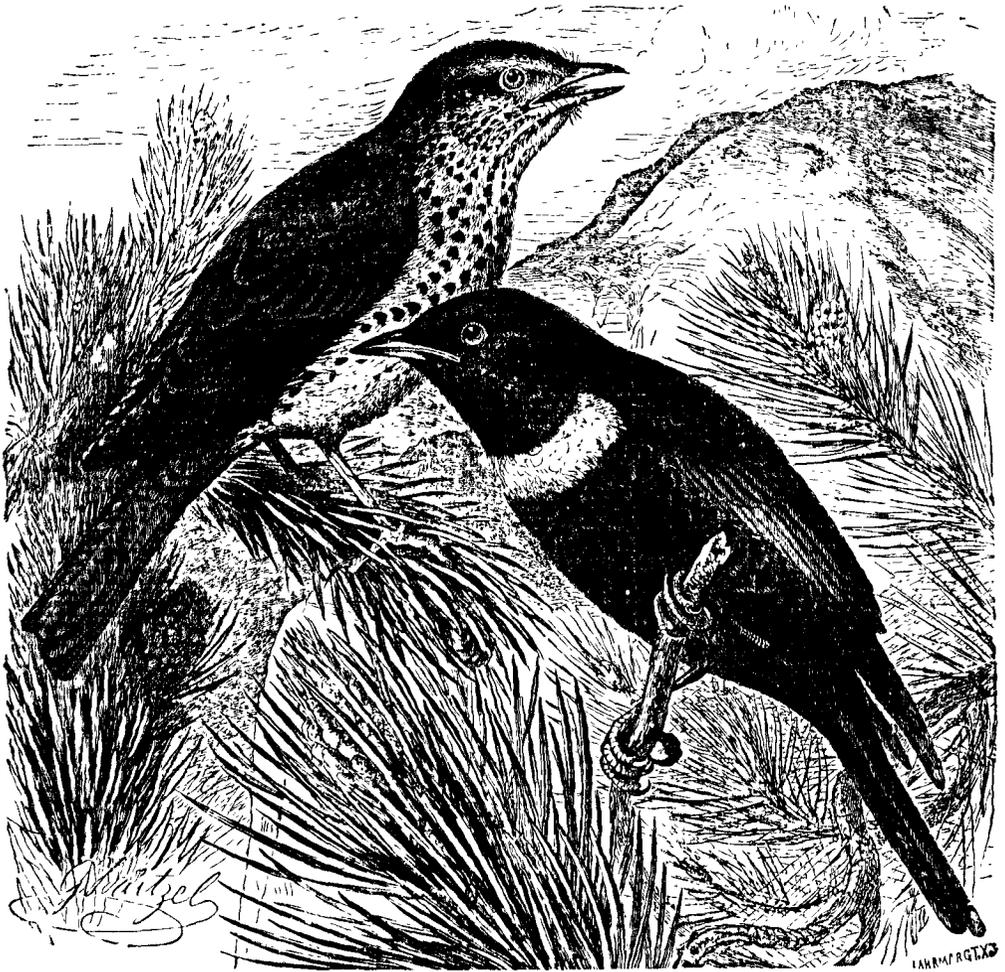
новато-бурая верхняя часть туловища покрыта желтыми пятнами, а большія кроющія перья крыла ржаво-красныя. Глаза кофейно-коричневаго цвѣта, клювъ черный, у основанія нижней челюсти желто-роговаго цвѣта, ноги красноватыя. Орѣховикъ имѣетъ въ длину 22 см., размахъ крыльевъ 35 см., длина крыла 11 см., а хвоста 8 см.

Онъ выводитъ птенцовъ обыкновенно на крайнемъ сѣверѣ Европы, а также въ сѣверныхъ и восточныхъ областяхъ Азіи и въ сѣверо-западной Гиммалайскаго хребта, но случается, въ видѣ исключенія, что онъ вѣетъ гнѣзда и въ южныхъ странахъ. Онъ появляется въ Германіи обыкновенно вмѣстѣ съ рябинникомъ и странствуетъ до предѣловъ сѣверной Африки, хотя въ большинствѣ случаевъ проводитъ зиму на югѣ Европы.

Рябинникъ, Малый Рябинникъ, Сизоголовый дроздъ (*Turdus pilaris, subpilaris, juniperorum* и *fuscolateralis*, *Sylvia*, *Merula*, *Arceuthornis* и *Planesticus pilaris*. *Wacholderdrossel*, *Krametsvogel*. Grive—Litorne) имѣетъ пеструю окраску. Голова, задняя часть шеи и надхвостье пепельно-сѣрыя; зашеекъ и плечи грязно-каштаново-бурые, маховыя перья и хвостовыя—черныя: кроющія перья крыльевъ снаружи и на концахъ пепельно-сѣрыя, оба крайнихъ рулевыхъ пера съ бѣлою каемкою; горло и передняя часть шеи темныя ржаво-желтыя съ черными продолговатыми пятнами; бурья перья по сторонамъ груди окаймлены бѣлымъ, остальная нижняя часть туловища бѣлая. Глаза бурые, клювъ желтый, ноги темно-бурыя. Самка немного блѣднѣе самца. Длина птицы 26 см., размахъ крыльевъ 43 см., длина крыла 14 см., а хвоста 10 см.

Рябинникъ долженъ считаться коренною птицею сѣвера Европы и Азіи, гдѣ выводитъ птенцовъ преимущественно въ березовыхъ лѣсахъ; но уже нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ онъ сталъ вить гнѣзда также и въ Германіи, гдѣ его можно видѣть во всѣхъ лѣсахъ и даже садахъ. Зиму онъ часто проводитъ на родинѣ, а если отлетаетъ, то не дальше сѣвера Африки, Палестины и Кашмира. «Двухъ птицъ, которыя залетаютъ къ намъ изъ сѣверо-востока», пишетъ Маршалъ, «я считаю за виды, жившіе въ Германіи въ ледниковый періодъ—орѣховаго дрозда и рябинника; оба встрѣчаются по всему сѣверу Европы и Азіи, рябинникъ—въ видѣ птицы, сохранившейся отъ древнѣйшихъ временъ, также въ продолженіи всего года въ кантонѣ Шафгаузенъ, въ горахъ Гларуса и въ лѣсахъ высочайшихъ и наиболѣе скалистыхъ горъ Аппенцела. Въ 1784 г. онъ, такъ-же какъ и орѣховый дроздъ, былъ извѣстенъ за птицу, выводящую птенцовъ въ сплошныхъ болотистыхъ лѣсахъ восточной и западной Пруссіи, и, по всей вѣроятности, тоже залетаетъ сюда на зиму; въ 1854 г. его видѣли вьющимъ гнѣздо въ Помераніи и Берлинѣ, а въ 1850 г.—въ Лузаціи. Съ 1852 года удостовѣрились въ его присутствіи въ Тюрингіи, въ 1848 г. его встрѣчали на востокѣ этой области, близъ Шмольна, пять лѣтъ спустя близъ Цейленрода на югѣ, и съ тѣхъ поръ онъ не только развелся по всему этому краю, но проникъ еще дальше на югъ до Гунценгаузена въ средней Франконіи. Но есть основаніе думать, что птица распространяетъ свое мѣстопробываніе еще далѣе на юго-востокъ, можетъ быть до Карпатовъ, по крайней мѣрѣ въ 1855 г. ее наблюдали въ низменныхъ долинахъ Эльбы близъ Пардубица, въ 1871 г. близъ Брандиса и Кюнигсгреда и въ томъ-же году—по рѣкѣ Млдавѣ и въ Богемскомъ лѣсу. Въ послѣдней мѣстности рябинникъ отлично могъ остаться отъ прежняго времени и здѣсь-же выводитъ птенцовъ. Причины подобнаго передвиженія птицы съ сѣверо-востока къ юго-западу, а также съ горъ—въ долины, какое уже въ продолженіи 80-ти лѣтъ наблюдается за рябинникомъ, до сихъ поръ еще не выяснены. Трудно пред-

положить, чтобы тѣ жизненные условия, которыя представляетъ въ настоящее время средняя Германія, болѣе подходили для птицы, чѣмъ прежнія, существовавшія столѣтъ тому назадъ. Во времена Бехштейна птица не выводила еще птенцовъ въ Тюрингii, гдѣ теперь она очень обыкновенна. Весьма возможно, что въ самомъ бытѣ птицы произошла перемѣна, что она стала лучше примѣняться къ новому положенію и устраиваться въ немъ». Сославшись на ту перемѣну, которая въ относительно короткое время произошла въ бытѣ чернаго дрозда, Маршалъ продолжаетъ:

Пѣвчій дроздь. *Turdus musicus* и Бѣлозобый дроздь. *Turdus torquatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

«Такъ изо дня въ день совершаются перемѣны въ животномъ мірѣ, окружающемъ насъ, но по большей части онѣ такъ незначительны, что ускользаютъ отъ нашего вниманія. Только по прошествіи извѣстнаго промежутка времени сумма этихъ ничтожныхъ въ отдѣльности перемѣнъ обнаруживается въ видѣ крупнаго итога, такъ что изслѣдователи позднѣйшихъ поколѣній, пересматривая прежнія сочиненія, всегда могутъ придти къ тому заключенію, что прежнія наблюденія были и неполны, и ложны».

На высокихъ горахъ живетъ Бѣлозобый дроздь (*Turdus torquatus*, *Merula*

torquata, montana, collaris, maculata и *vociferans*, *Sylvia torquata*, *Copsichus torquatus*. Ringdrossel. Merle à plastron). Длина его достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 42 см., длина крыла 14 см., а хвоста 11 см. Опереніе самца, за исключеніемъ широкаго бѣлаго нагрудника въ видѣ полумѣсяца, испещрено по матово-черному фону свѣтлыми полулунными пятнами, которыя образуются краями перьевъ. Маховыя и кроющія перья крыла съ сѣроватымъ налетомъ и буровато-сѣрою каемкою; хвостовыя перья одноцвѣтныя матово-черныя, какъ сажа, оба крайнія изъ нихъ украшены тонкою, узенькою бѣло-сѣрою каемочкой. Опереніе самки болѣе темное, сѣрое, вслѣдствіе широкой каймы у перьевъ; нагрудникъ тоже едва замѣтенъ и не бѣлый, а грязновато сѣрый. Птенцы по оперенію напоминаютъ рябинника, только ихъ перья темнѣе, какъ будто закоптѣлыя. Верхняя сторона туловища темно-бурая, съ болѣе свѣтлыми краями и отчасти бѣловато-ржаво-желтыми пятнами по стволамъ перьевъ; горло и зобъ свѣтлые ржаво-желтые, съ боковъ темнѣе и съ пятнами, идущими по долевои линіи; грудь по ржавому фону усыяна круглыми пятнами, остальная-же нижняя часть туловища по свѣтлому сѣро-желтому фону—полулунными пятнами. Глаза бурые, клювъ черный, нижняя челюсть у основанія рыжая, ноги черно-бурыя.

Бѣлозобый дроздъ—исключительно горная птица и потому чаще всего встрѣчается на европейскихъ высокихъ горахъ, рѣже—въ горахъ средней высоты. Въ Скандинавіи онъ такъ-же обыкновененъ, какъ и въ Швейцаріи; нерѣдкое явленіе составляетъ онъ также въ Баварскихъ Альпахъ, въ Вогезахъ, на Шварцвальдѣ и въ Исполиновыхъ горахъ; въ Австрійскихъ и Трансильванскихъ Альпахъ, въ Карпатахъ, на Кавказѣ и Уральскихъ горахъ равнымъ образомъ въ Пиренеяхъ и въ Сьерра-Невадѣ—онъ всюду выводитъ птенцовъ.

При перелетѣ онъ пересѣкаетъ всѣ страны Европы, лежація къ югу отъ Скандинавіи, и простираетъ свои странствованія до Атласскихъ горъ.

На Исполиновыхъ горахъ, Альпахъ и Карпатахъ, и можетъ быть также на горахъ Фельдбергъ и Альткѳнигъ въ Нассау наблюдали родича бѣлозобаго дрозда, какъ лѣтнюю птицу, которую мой отецъ отдѣлялъ въ особый видъ и назвалъ **Альпійскимъ дроздомъ** (*Turdus alpestris*. Alpenamsel. Merle des Alpes).

Черный дроздъ (*Turdus merula*, *Sylvia merula*, *Merula vulgaris, pinetorum, truncorum, alticeps, major* и *carniolica*. Amsel. Merle commun) отличается отъ своихъ родичей, хотя и не особенно рѣзко, своими сравнительно короткими, тупыми крыльями, въ которыхъ 3,4 и 5 маховыя перья почти одинаковой длины и длиннѣе другихъ, а также своимъ относительно длиннымъ, на концѣ немного закругленнымъ хвостомъ. Опереніе стараго самца равномернo черное; глаза бурые, края вѣкъ ярко-желтые, клювъ оранжевый, ноги темно-бурыя. У старыхъ самокъ верхняя часть туловища матово-чернаго цвѣта, нижняя—по черно-сѣрому фону испещрена по краямъ свѣтло-сѣрыми пятнами; горло и верхняя часть груди съ бѣловатыми и ржавыми пятнами, разсѣянными по одноцвѣтному фону. Опереніе птенцовъ пестритъ на верхней части по черно-бурому фону ржаво-желтыми пятнами по стволамъ перьевъ, а на нижней—по ржавому фону—буроватыми поперечными пятнами. Длина птицы 15 см., размахъ крыльевъ 35 см., длина крыла 11 см., а хвоста 12 см.

Черный дроздъ живетъ въ Европѣ, во всѣхъ подходящихъ для него мѣстахъ, начиная отъ 66° сѣв. шир.; кромѣ того онъ водится въ западной Азіи, сѣверо-западной Африкѣ, на Мадейрѣ, на Канарскихъ и Азорскихъ островахъ. Въ южномъ Каспійскомъ побережьѣ, въ Мазандеранѣ, черный дроздъ, по словамъ Вальтера,

считается самою обыкновенною птицею; далѣе на востокъ онъ повсемѣстно выводитъ птенцовъ, держась теченія рѣкъ, и въ садахъ горныхъ деревень. Только отдѣльные экземпляры, выросшіе на крайнемъ сѣверѣ, предпринимаютъ зимою путешествія на югъ, но и тѣ перекочевываютъ на зиму не дальше юга Швеции; въ Германіи-же они не отлетаютъ на зиму, а обыкновенно отлично перезимовываютъ тамъ-же, особенно самцы. Черный дроздъ предпочитаетъ сырые лѣса и въ особенности большія рощи съ густымъ подлѣскомъ. Однако въ образѣ жизни и привычкахъ чернаго дрозда въ теченіи послѣднихъ 50—60 лѣтъ, т. е. почти на нашихъ глазахъ, произошла замѣчательная переменъна. То, что говорить объ этой птицѣ Бехштейнъ въ концѣ прошлаго столѣтія, могъ почти безъ измѣненія сказать и Глогеръ еще въ началѣ тридцатыхъ годовъ: это очень робкая, замкнутая, уединенно живущая лѣсная птица, которая безъ нужды никогда не вылетаетъ на открытое мѣсто; даже во время перелета она весьма неохотно проникаетъ въ свѣтлыя прогалины и почти никогда не садится на открыто стоящее дерево, а если и садится, то на очень высокое. Тѣ черные дрозды, которые остались лѣсными птицами, и до сихъ поръ прекрасно подходятъ подъ эту характеристику; но въ настоящее время постоянно возрастаетъ численность тѣхъ дроздовъ, которые, населяя преимущественно западную Германію, проникли въ парки и сады населенныхъ мѣстностей, гдѣ совершенно уже освоились, и такимъ образомъ изъ угрюмыхъ отшельниковъ превратились въ общительныхъ друзей человѣка.

До конца 1879 года, когда окончился въ Вюрцбургѣ надѣлавшій столько шума споръ о пользѣ и вредѣ черныхъ дроздовъ, много было говорено за и противъ этихъ птицъ, такъ удивительно измѣнившихъ свой образъ жизни за послѣднее время. Въ томъ, что они, при случаѣ, портятъ и теребятъ нѣжныя, особенно ползучія растенія, можетъ удостовѣрить каждый садоводъ; но есть простое средство защитить растеніе отъ дроздовъ, огородивъ его легко сплетенной проволоочной сѣткой. По нѣкоторымъ наблюденіямъ Русса и по многочисленнымъ свидѣтельствамъ Вальдамуса, не подлежитъ сомнѣнію, «что эта птица, остающаяся зимовать въ городахъ, вслѣдствіе своей привычки питаться какъ сырымъ, такъ и варенымъ мясомъ, бываетъ способна къ тому, чтобы удовлетворять свою страсть къ мясу пожираніемъ молодыхъ, еще голыхъ птенцовъ пѣвчихъ птицъ». Но подобное расхищеніе гнѣздъ можетъ ложиться обвиненіемъ только на нѣкоторыхъ выродковъ, а вовсе не на весь дроздовый родъ. Точно также не доказано, что черные дрозды, гдѣ они многочисленны, вытѣсняють мелкихъ пѣвчихъ птицъ. Тамъ, гдѣ является недостатокъ въ кормѣ, возможная вещь, конечно, что сильнѣйшіе питаются на счетъ слабѣйшихъ, и этимъ косвеннымъ образомъ вліяютъ на благосостояніе этихъ послѣднихъ; но отсутствіе мелкихъ пѣвчихъ пташекъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ можетъ происходить и отъ другихъ причинъ, отчасти намъ еще неизвѣстныхъ. Мы зашли-бы слишкомъ далеко, если-бы стали взводить такую вину на черныхъ дроздовъ только потому, что они остаются на мѣстѣ и размножаются, или на основаніи единичныхъ случаевъ уличенія злодѣевъ на мѣстѣ преступленія. Притомъ-же многочисленныя наблюденія показываютъ намъ, какъ прекрасно размножаются повсюду черные дрозды совместно съ мелкими пѣвчими птицами. Что, напримѣръ, водвореніе дроздовъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тюрингена ни мало не вытѣснило оттуда соловьевъ, это доказано изслѣдованіями Либе, и для подтвержденія этого факта можно указать, что въ Хильдесгеймѣ, по словамъ Михельсона, цѣлые десятки лѣтъ мирно уживались другъ съ другомъ черные дрозды и соловьи. Въ Іенѣ, гдѣ нѣтъ, конечно, никакихъ соловьевъ, въ садахъ, порученныхъ наблюденію Пехуаль-Леше и его соудей, въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ значительно размножились не только черные дроз-

ды, но также и мелкія пѣвчія птицы, и именно съ тѣхъ поръ, какъ, кромѣ другихъ предохранительныхъ мѣръ, позаботились о томъ, чтобы уменьшить хищничество прежде столь многочисленныхъ одичалыхъ кошекъ.

Черные дрозды. въ бытѣ которыхъ въ столь короткое время произошли такія бросающіяся въ глаза перемѣны, и въ настоящее время еще мѣняютъ свои привычки; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльные или даже многіе экземпляры ихъ сохраняютъ еще свои дурныя свойства. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли основаніе обвинять весь родъ этихъ симпатичныхъ пѣвчихъ птицъ, любящихъ насъ и довѣряющихъ намъ. Поэтому, по Альтуму, вслѣдствіе пользы, приносимой дроздами вообще, не исключая и черныхъ дроздовъ, ихъ слѣдуетъ цѣнить выше, чѣмъ всѣхъ остальныхъ птицъ.

Кромѣ названныхъ видовъ, которые можно считать чисто германскими, въ Европѣ появляются не только сибирскіе и сѣверо-американскіе, но также индѣйскіе и японскіе дрозды. Изъ Сибири къ намъ залетаютъ: **Чернозобый дроздъ** (*Turdus atrigularis*), **Ржавокрылый** (*T. dubius*), **Дроздъ Наумана** (*T. naumanni*), **Камчатскій** (*T. ruficollis*), **Темный** (*T. obscurus*), **Пестрый** (*T. varius*), и **Сибирскій** (*T. sibiricus*). Изъ сѣверо-американскихъ видовъ:—**Странствующій дроздъ** (*T. migratorius*), **Дроздъ Палласа** (*T. pallasi*) и **Свайнсона** (*T. swainsoni*). Изъ южной Азіи залетаютъ: **Горный дроздъ** (*T. dauma*) и наконецъ **Мягкоперый** (*T. mollissimus*). Болѣе подробное описаніе этихъ видовъ заставило-бы меня выдти изъ намѣченныхъ рамокъ.

Дрозды—птицы всемірныя; они живутъ въ разныхъ странахъ и подъ различными условіями, но преимущественно всегда и вездѣ въ лѣсу. Менѣе разборчивые, чѣмъ мелкія пѣвчія птицы, они селятся вездѣ, не только въ роскошныхъ лѣсахъ плодородныхъ долинъ или первобытныхъ лѣсахъ тропическихъ странъ, но также и въ сѣверныхъ лѣсахъ или въ топкихъ кустарникахъ степей; они находятъ себѣ пристанище, вполне удовлетворяющее ихъ требованіямъ, даже за предѣлами произростація лѣсовъ, непосредственно подъ глетчерами и между ними. Однако лишь немногіе виды остаются изъ году въ годъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ; большинство изъ нихъ проявляютъ страсть къ перелетамъ въ той степени, какъ немногія другія птицы. Тѣ дрозды, которые появляются у насъ въ видѣ рѣдкихъ гостей, пролетаютъ почти половину окружности земного шара. Они прилетаютъ изъ дальняго востока Сибири, изъ Камчатки, перелетаютъ даже Берингово море и попадаютъ въ Европу, перерѣзавъ всю Азію. «О нѣкоторыхъ изъ нихъ», говоритъ Науманъ, «можно подумать, что они перебравшись къ намъ парочками или нѣсколькими экземплярами, а затѣмъ испугались слишкомъ дальняго возвратнаго путешествія. Когда наступившее время года возбудило въ нихъ стремленіе къ размноженію, они вывели птенцовъ и воспитали ихъ на чужбинѣ. Приходится только удивляться, когда представивъ себѣ то необозримое пространство, которое пролетѣли они и притомъ въ такое короткое время; вѣдь на пути своемъ они неизбежно должны были колесить, а не летѣть стремительно по одному направленію, такъ какъ встрѣчались и препятствія, ктому-же требовалось время отдыха и присканія себѣ необходимой пищи». Какая собственно причина побуждаетъ дроздовъ совершать подобныя путешествія, трудно сказать навѣрное. Во всякомъ случаѣ приходится согласиться съ Науманомъ, что общительность, свойственная почти всѣмъ дроздамъ, и снискиваніе пропитанія заставляютъ ихъ отклоняться отъ обыкновеннаго пути независимо отъ дурной погоды, неблагоприятнаго вѣтра, бури и тому подобныхъ препятствій, которыя раздѣляютъ общества и загоняютъ отдѣльныхъ членовъ его въ чужеземную даль.

Всѣ дрозды очень даровиты, подвижны, ловки, умны; они одарены тонкими чувствами, большимъ искусствомъ лѣтъ, всегда рѣзвы, беспокойны и любятъ общество, хотя ихъ нельзя назвать миролюбивыми-существами. Они обладаютъ массою хорошихъ качествъ, но также и такими, которыя мы привыкли считать дурными. Съ ранняго утра до поздняго вечера ихъ видишь въ постоянномъ движеніи; только полуденный жаръ нѣкоторымъ образомъ ослабляетъ ихъ дѣятельность. Движеніями своими они во многомъ напоминаютъ другихъ пѣвчихъ птицъ. По землѣ они проворно прыгаютъ большими прыжками; если замѣтятъ что-нибудь особенное, то, подобно маленькимъ пѣвчимъ птицамъ, спѣшаютъ къ этому мѣсту, поднявъ хвостъ вверху, а крылья опустивъ книзу. По вѣтвямъ они прыгаютъ проворно и ловко, черезъ большія-же разстоянія перепархиваютъ съ помощью крыльевъ. Полетъ дроздовъ превосходный. При испугѣ большинство видовъ принимается довольно неуклюже порхать около земли или отъ одного куста къ другому, если таковыя тутъ есть; но эти-же птицы, поднявшись въ высоту, несутся по воздуху съ необыкновенною быстротою. Изъ германскихъ видовъ всего лучше летаютъ пѣвчіе дрозды, орѣховые и бѣлозобые; всего хуже, вслѣдствіе ихъ короткихъ крыльевъ,—дерябы и черныя дрозды. У дерябы полетъ кажется тяжеловатымъ и косымъ, но и онъ способенъ быстро перелетать большія разстоянія, тогда какъ черныя дрозды несутся надъ самой землей, летить съ продолжительными перерывами и слабо машетъ крыльями, но при этомъ крайне быстро производитъ крутые повороты.

Органы чувствъ развиты у дроздовъ равномерно. Они замѣчаютъ на далекомъ разстояніи самое крохотное насѣкомое и, несясь высоко въ воздухъ, отлично различаютъ всѣ предметы, лежащіе низко подъ ними. Слухъ у нихъ тоже очень острый; они не только прекрасно слышатъ, но и различаютъ звуки, что можно видѣть изъ ихъ пѣнія; развитіе своего вкуса они доказываютъ любовью къ лакомствамъ. Относительно остальныхъ чувствъ мы не можемъ составить никакого мнѣнія. Въ умственныхъ способностяхъ дроздовъ никто изъ знающихъ ихъ не станетъ сомнѣваться. Они не только умны, но даже хитры, не только пугливы, но и расчетливо осторожны; они смѣлы и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчивы, очень скоро понимаютъ и судятъ довольно вѣрно; для обезпеченія своей безопасности они умѣютъ пользоваться всякими средствами. Въ лѣсу они исполняютъ обязанности сторожей, которыми руководятся не только ихъ-же собратья, но и другія птицы и даже млекопитающія. Все сколько-нибудь замѣчательное, необыкновенное, новое привлекаетъ ихъ вниманіе. Они съ явнымъ любопытствомъ приближаются къ поразившему ихъ предмету, чтобы лучше разглядѣть его, но и тогда не отдаются легкомысленно на произволъ судьбы, а держатся въ благоразумномъ отдаленіи. Тѣ дрозды, которые выросли въ глухихъ безлюдныхъ лѣсахъ сѣвера, легко даются въ обманъ: ихъ можно завлечь на приманку или въ ловушку, посадивъ туда ихъ товарищей. Впрочемъ, опытъ скоро научаетъ ихъ уму-разуму и тѣ, которые были разъ обмануты, вторично такимъ-же способомъ не попадутъ въ просакъ. Жизнь въ обществѣ составляетъ, повидимому, потребность большинства дроздовъ. Однако, какъ уже замѣчено выше, ихъ вовсе нельзя назвать миролюбивыми, такъ какъ они поминутно заводятъ ссоры, но, какъ говорится, они просто не могутъ обходиться другъ безъ друга и рѣдко когда одинъ дроздъ не пойдетъ на призывной звукъ другого. Они сходятся не только съ членами своего вида, но и со всѣми дроздами вообще; бываетъ, что они даже по долгу живутъ вмѣстѣ, совместно путешествуютъ, совместно-же проводятъ зиму на чужбинѣ. Въ нуждѣ они смѣшиваются также съ другими птицами, но никогда не заводятъ съ ними особенно тѣсной дружбы; вслѣдствіе этого крики предостереженія, которыми они иногда останавливаютъ подобныхъ товарищей, вовсе нельзя считать за проя-

Д Р О З Д Ы .

1) Деряба. 2) Бѣлобровый. 3) Пѣвчій. 4) Рябишникъ. 5) Черный.

влєніє дружеской прїязни Человѣку они никогда не довѣряютъ вполнѣ, но отлично умѣютъ различать опасныхъ людей отъ неопасныхъ. Захваченные насильственнымъ образомъ въ неволю, вначалѣ они держатся крайне дико, но вскорѣ привыкаютъ къ тому, кто относится къ нимъ дружелюбно, и привязываются къ нему какъ къ близкому другу.

По голосу и пѣнію всѣ дрозды болѣе или менѣе похожи другъ на друга, однако это-же служитъ и различіемъ между ними. Призывной голосъ дерябы звучитъ какъ «шнерр» и весьма походитъ на тотъ звукъ, который производятъ, проводя палочкой по зубамъ гребенки. Въ возбужденномъ состояніи къ этому «шнерр» прибавляется вставочное «ра та та». Въ испугѣ слышится неподдающееся описанію карканье, которое издаютъ большинство дроздовъ при такихъ-же обстоятельствахъ. Призывной голосъ пѣвчихъ дроздовъ состоитъ изъ сипло-свистащаго, чуть слышнаго «цып», къ которому часто прибавляется слогъ «такъ» или «тэкъ». При особенномъ возбужденіи раздается болѣе протяжный призывъ, звучащій какъ «штикс, штикс, штикс». Призывной голосъ рябинника состоитъ изъ быстрого и рѣзкаго «чак, чак, чакъ», къ которому присоединяется громкое «гри, гри», когда онъ зоветъ къ себѣ другихъ дроздовъ. Призывной голосъ орѣховаго дрозда звучитъ высокимъ «ци», за которымъ слѣдуетъ низкое «гакъ»; въ испугѣ онъ издаетъ трещащее «шерр» или «черр». Бѣлозобый дроздъ приманиваетъ звуками «тэк, тэк, тэк», между которыми прорывается низкій звукъ «такъ», но и онъ трещитъ подобно другимъ родичамъ. Наконецъ черный дроздъ призываетъ къ себѣ трелью «сри» и «трэнк»; при видѣ чего-нибудь подозрительнаго онъ издаетъ звучное и пронзительное «дикс дикс», а когда надо спастись бѣгствомъ, за этимъ крикомъ слѣдуетъ торопливое «гри гих гих». Всѣ эти звуки, которые, само собою разумѣется, могли быть выражены нами только приблизительно, при различныхъ обстоятельствахъ значительно мѣняются. Но они совершенно понятны для всѣхъ дроздовъ, такъ какъ одинъ видъ отвѣчаетъ на призывной голосъ другихъ; что-же касается крика предостереженія, то ему повинуются рѣшительно всѣ.

Дрозды могутъ считаться наилучшими пѣвунами среди всѣхъ пѣвчихъ птицъ, и первенство между ними въ этомъ отношеніи принадлежитъ нашему пѣвчему дрозду; почти одинаково хорошо поетъ черный дроздъ: за нимъ слѣдуютъ деряба и рябинникъ. Норвежець съ гордостью называетъ пѣвчаго дрозда «сѣвернымъ соловьемъ», а поэтъ Велькеръ за его прекрасныя пѣсни — «лѣснымъ соловьемъ». Пѣніе его разнообразно, звучно и мелодично. Съ нѣжными, какъ звукъ флейты, переливами перемѣшиваются, правда, чирикающіе, негромкіе и не совсѣмъ прїятные тоны; но это не портитъ прелести общаго впечатлѣнія. Черный дроздъ въ пѣніи почти не уступаетъ пѣвчему; у него есть много строфъ замѣчательной красоты, только его пѣсня не такая веселая, какъ у его даровитаго родича, а скорѣе торжественная и даже печальная. Пѣсня дерябы состоитъ всего изъ 5—6 строфъ, не особенно разнообразныхъ, но зато полнозвучныхъ, вслѣдствіе чего это пѣніе также можетъ считаться отличнымъ. То-же самое можно сказать про пѣніе орѣховаго и бѣлозобаго дроздовъ. «Пѣніе дроздовъ, которому, конечно, недостаетъ роскошныхъ переливовъ соловья», говоритъ Чуди, «звучитъ веселымъ хоромъ на тысячу ладовъ по всѣмъ лѣсамъ и вноситъ невыразимо радостную жизнь въ строгую тишину горныхъ ландшафтовъ». Замѣчательно поведеніе дрозда во время пѣнія: его пѣніе стоитъ, повидимому, въ разладѣ съ его привычками. Многія птицы сопровождаютъ свои пѣсни оживленными движеніями; дрозды-же во время пѣнія сидятъ совершенно смиренно, и самая пѣсня ихъ льется спокойно и торжественно,

как церковное пѣніе. Каждая отдѣльная строфа вполне закончена, каждый звук округленъ; притомъ пѣніе дрозда болѣе приспособлено къ лѣсу, чѣмъ къ комнатѣ. Черный дроздъ, который водится у насъ, начинаетъ пѣть уже въ февралѣ, когда въ лѣсу лежить еще снѣгъ; находящійся въ это время на чужбинѣ пѣвчій дроздъ вспоминаетъ о своей родинѣ и привѣтствуетъ ее также пѣсней. Какъ у большинства хорошихъ пѣвцовъ, самцы стараются другъ друга перещеголять въ пѣніи. Стоитъ только одному дрозду начать свою пѣсню, какъ другой, слышавъ его, тотчасъ-же снѣшить присоединиться къ нему. Поэтому одинъ, такъ сказать, учится у другого; талантливые пѣвцы образуютъ прекрасныхъ учениковъ, плохіе — губятъ цѣлое поколѣніе. Особенно легко перенимаетъ черный дроздъ отъ другихъ своихъ собратьевъ, даже отъ чужестранныхъ птицъ, и становится иногда настоящей пересмѣшкой. Кажется, какъ будто каждый дроздъ въ пѣніи своемъ проявляетъ нѣкоторое тщеславіе, потому-что обыкновенно онъ прячется отъ постороннихъ глазъ, а какъ только начинаетъ пѣть, то непременно выставляется на показъ; при этомъ онъ всегда выбираетъ высокую вершину дерева и оттуда разливаетъ по всему лѣсу свои чудные звуки.

Пища дроздовъ состоитъ изъ насекомыхъ, слизней и червей, а осенью и зимою также изъ ягодъ. Всѣ дрозды собираютъ себѣ пищу большею частью съ земли и потому ежедневно проводятъ здѣсь по нѣскольку часовъ. Изъ лѣсу они слетаются на луга и поля, на берега рѣкъ и ручьевъ и на другія мѣста, обѣщающія имъ добычу. Здѣсь они подбираютъ прямо съ земли или роются клювомъ въ опавшей листьѣ, чтобы раздобыть себѣ їду. На пролетающихъ мимо насекомыхъ они мало обращаютъ вниманія, хотя нѣкоторые дрозды, при случаѣ, не безъ ловкости охотятся на нихъ. Большинству видовъ чрезвычайно нравятся ягоды, причемъ вкусы ихъ разнятся: одни дрозды любятъ одинъ сортъ ягодъ, другіе — другой. Такъ, наиримѣръ, деряба не безосновательно носить свое нѣмецкое названіе (*Misteldrossel*), такъ какъ онъ до крайности падохъ до омелы (*Mistelbeere*), повсюду ищетъ ея и ожесточенно ссорится изъ за нея съ другими дроздами. Уже древніе утверждали, что омела разводится благодаря дроздамъ, и надо признать, что это мнѣніе имѣетъ достаточно основаній. Бѣлозобый дроздъ тотчасъ-же послѣ вывода птенцовъ пускается со своимъ семействомъ на выискиваніе черничника и ѣсть такое множество черники, что мясо его становится синимъ, кости — красными, а опереніе пятнистымъ. Что рябинникъ тоже вполне заслуженно носить свое прозвище, объ этомъ нечего и говорить: онъ и зимою усердно выискиваетъ рябину и такъ много поѣдаетъ оставшейся на ней ягоды, что мясо его пріобрѣтаетъ совершенно своеобразный вкусъ. Кромѣ того всѣ дрозды ѣдятъ: землянику, малину, ежевику, красную смородину, красную и черную бузину, бруснику, черемуху, крушину, рябину, вишни, виноградъ, и т. п.

Вскорѣ послѣ своего прибытія на родину дрозды принимаются за устройство гнѣздъ; впрочемъ у тѣхъ, которые живутъ на сѣверѣ, время размноженія во всякомъ случаѣ наступаетъ не раньше начала іюня. Многіе виды, именно рябинники и бѣлозобые дрозды сохраняютъ свою общительность и во время сидѣнія на яйцахъ, тогда какъ другіе въ періодъ размноженія уединяются и ревниво охраняютъ отвоеванный себѣ участокъ. Расположеніе гнѣздъ бываетъ различно, смотря по виду и по мѣстопребыванію нашихъ птицъ; постройка-же гнѣзда въ существенномъ у всѣхъ одинакова. Деряба начинаетъ вить гнѣздо уже въ мартѣ, обыкновенно на какомъ-нибудь хвойномъ деревѣ и большею частью на высотѣ 10—15 м. надъ землею. Гнѣздо состоитъ изъ тонкихъ, сухихъ прутиковъ, стебельковъ, лишаевъ, древеснаго и землянаго мха, на комкахъ котораго виситъ еще приставшая земля,

изъ нѣжныхъ корешковъ и тонкихъ вѣточекъ, и т. п.; внутренность гнѣзда ровно и чисто выстлана сухими листочками травы, стебельками и метелками травы. Кладка заключается въ себѣ 4—5 относительно маленькихъ яицъ 30-ти м.м. длиною и 22 м.м. толщиною съ гладкою скорлупою, окрашенною въ блѣдно-зеленый цвѣтъ, по фону котораго разсыпаны фіолетово-сѣрыя крапины. Въ благопріятные годы парочка выводитъ птенцовъ два раза въ теченіи лѣта. Гнѣздо пѣвчаго дрозда помѣщается обыкновенно ниже, большею частію на низкихъ деревьяхъ или на кустахъ; наружныя его стѣнки состоятъ изъ такого-же матерьяла, какъ и гнѣздо дробы, только стѣнки тоньше и изящнѣе; внутренняя выстилка плотно и аккуратно выложена гнилой древесиной, которую дроздъ предварительно хорошо пережевываетъ, склеиваетъ слюною и перемѣшиваетъ посредствомъ клюва. Въ началѣ апрѣля въ гнѣздѣ находится 4—6 яицъ 27 м.м. длиною, 18 м.м. толщиною, съ гладкою блестящею скорлупою зеленовато-голубоватаго цвѣта съ мелкими крапинами или съ пятнами чернаго или черно-бураго цвѣта. Въ началѣ лѣта можно найти второй выводокъ. Рябинники, какъ уже выше было замѣчено, въ продолженіи почти уже столѣтія вьютъ гнѣзда также и въ Германіи; мѣстомъ для своихъ гнѣздъ они избираютъ березовые лѣса. Здѣсь почти на каждомъ стволѣ можно видѣть гнѣзда рябинниковъ. На нѣкоторыхъ деревьяхъ, какъ я самъ наблюдалъ, ихъ бываетъ отъ 5 до 10 штукъ; но изъ нихъ занято въ большинствѣ случаевъ только одно; изъ этого ясно, что та или другая часть лѣса изъ году въ годъ служитъ одной и той-же парѣ мѣстомъ для вывода птенцовъ. Въ то время какъ рябинники несутъ яйца или выводятъ птенцовъ, въ такомъ лѣсу господствуетъ повсюду большое оживленіе: онъ наполненъ пѣніемъ или пугливыми криками дроздовъ, потому что число паръ, несущихъ яйца, доходитъ до сотни. Гнѣзда рябинниковъ строятся рѣдко ниже 2-хъ м. надъ землею, обыкновенно по близости верхушки низкихъ, кустообразныхъ березъ. Каждая парочка владѣетъ собственнымъ участкомъ, но размѣры его такъ незначительны, что, можно сказать, каждое подходящее дерево служитъ центромъ такого участка. Гнѣздо имѣетъ форму довольно большой чашки, которая сплетена изъ прутиковъ, грубыхъ стебельковъ и травинокъ, а внутри выстлана нѣжною травкою; оно стоитъ на подставкѣ, состоящей изъ довольно толстаго слоя земли: 5—6 яицъ, составляющія кладку, имѣютъ въ длину 26 м.м., а въ толщину 20 м.м.; скорлупа ихъ иногда тускло, иногда ярко-зеленаго цвѣта съ большими расплывшимися пятнами или мелкими отчетливыми крапинками красно-бураго цвѣта; на толстомъ концѣ яйца эти крапины обыкновенно гуще, чѣмъ на остромъ, и расположены иногда въ видѣ вѣночка. Мы замѣтили, что дрозды-рябинники, выводящіе птенцовъ въ Германіи, также держатся небольшими обществами.

Орѣховый дроздъ выводитъ птенцовъ приблизительно въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, гдѣ и рябинникъ, только онъ видимо отдаетъ предпочтеніе болотистымъ лѣсамъ. Его также видѣли въ Германіи въ качествѣ птицы, выводящей тамъ птенцовъ, хотя и не такъ часто, какъ рябинника. Гнѣзда орѣховыхъ дроздовъ строятся низко надъ землею, походятъ на гнѣзда пѣвчихъ дроздовъ и, подобно тѣмъ, выложены внутри смазкою изъ пережеванной древесины, земли и глины. Яйца ихъ похожи на яйца пѣвчихъ дроздовъ, только они нѣсколько меньше.

Бѣлозобый дроздъ вьетъ гнѣздо тамъ, гдѣ живетъ лѣтомъ, въ средней Европѣ только на высокихъ горахъ, не ниже 1000 м. надъ уровнемъ моря, въ Скандинавіи во всѣхъ удобныхъ мѣстахъ, начиная съ морского берега до высоты 1500 м. Въ Исполиновыхъ горахъ или въ Швейцаріи онъ выбираетъ мѣстомъ для гнѣздованія плохенькую роцицу, которую нельзя даже назвать лѣсомъ, или мѣста, гдѣ отлогости покрыты приземистыми деревьями. Мы съ Глогеромъ находили гнѣзда

бѣлозобыхъ дроздовъ въ Исполиновыхъ горахъ на высотѣ почти 1500 м. на изуродованныхъ соснахъ и согнутыхъ деревьяхъ не выше 3-хъ м., обыкновенно на 1—2 м. надъ землею, при томъ какъ вблизи человѣческихъ построекъ, такъ и вдали отъ жилья. Каждая парочка занимаетъ здѣсь маленький участокъ и живетъ въ дружбѣ со своими сосѣдями. Гнѣзда бѣлозобыхъ дроздовъ какъ будто приклеены между лишаями, растущими на вѣтвяхъ, сухіе прутики которыхъ частью также вплетаются въ гнѣздо. Основаніе его состоитъ изъ грубыхъ стеблей растений, тонкихъ прутиковъ, травинокъ, сухихъ стебельковъ и зеленого мха; весь этотъ матерьялъ плотно связанъ между собою посредствомъ подмѣси иловатой земли и коровьяго помета, такъ что образуетъ очень крѣпкую постройку; внутренность ея густо устлана тонкими травинками и стебельками. Кладка, вполне оканчивающаяся въ маѣ, состоитъ изъ 4-хъ, самое большее изъ 5-ти яицъ, которыя столь-же походятъ на яйца черныхъ дроздовъ, какъ и на яйца рябинника, и по блѣдно-зеленому фону усыяны множествомъ мелкихъ крапинокъ, пятенъ и черточекъ фіолетово-сѣраго или ржаво-бураго цвѣта. Въ средней Европѣ старыя пары выводятъ птенцовъ два раза въ годъ. Въ Скандинавіи этого, по всей вѣроятности, не случается; по крайней мѣрѣ я уже въ юнѣ находилъ тамъ старыхъ птицъ въ такомъ изношенномъ опереніи и настолько уже вылинявшихъ, что на вторичный выводокъ трудно было считать.

Наконецъ черный дроздъ, который не покидаетъ мѣстности, гдѣ живетъ, вьетъ гнѣзда въ чашахъ, всего охотнѣе на молодыхъ хвойныхъ деревьяхъ и всегда низко надъ землею, иногда даже на самой землѣ. Гнѣзда, смотря по мѣстности, бываютъ различныя. Если оно строится въ дуплѣ дерева съ большимъ отверстіемъ, какъ это часто случается, то состоитъ изъ сплетенія земляного мха и сухихъ стеблей; если-же оно вьется снаружи на деревѣ, то его внѣшняя сторона состоитъ изъ переплетенныхъ между собою тонкихъ корешковъ, стебельковъ и травы, а внутренность выстилается слоемъ жирной, влажной земли, которая тщательно сглаживается, но всегда остается сырою. При очень благоприятной погодѣ уже въ половинѣ марта, обыкновенно-же въ концѣ этого мѣсяца, въ гнѣздѣ можно найти 4—6 относительно крупныхъ яицъ съ свѣтлою голубовато-зеленою скорлупою, почти сплошь усыянную ярко-коричневыми или ржавыми пятнышками, черточками и крапинками. Вторая кладка завершается въ началѣ мая. Одинъ достовѣрный наблюдатель сообщилъ мнѣ, что случаются года, когда пара черныхъ дроздовъ выводитъ птенцовъ даже три раза. При насиживаніи яицъ самка смѣняется самцомъ только въ полуденное время; оба родителя окружаютъ свое потомство одинаковою нѣжностью и пугливо суетятся, если замѣтятъ приближеніе къ гнѣзду непріятели. Черные дрозды, живущіе въ городахъ, повидимому, гораздо меньше проявляютъ заботу о своемъ гнѣздѣ. Однажды Гааке нашелъ гнѣздо чернаго дрозда позади птичника Франкфуртскаго зоологическаго сада, задняя стѣна котораго почти непосредственно прилегала къ тротуару оживленной улицы; оно было устроено въ углу, образовавшемся между стѣною птичника, стоящею тамъ большою кѣткою и поставленною на ней другою, меньшею кѣткою.

Про рябинника говорятъ, что онъ старается прогнать приближающагося врага, выбрасывая на него свой пометъ. Смѣю увѣрить, что я лично ничего не знаю о такомъ способѣ защиты, хотя мнѣ не разъ приходилось быть загаженнымъ пометомъ не одной сотни птицъ, которыя съ крикомъ летали взадъ и впередъ надъ своими гнѣздами, вспугнутыя моимъ появленіемъ. Напротивъ того, нерѣдко бываетъ, что дрозды буквально нападаютъ на приблизившихся непріятелей,—бросаются на нихъ и летаютъ надъ самыми ихъ головами, стараясь этимъ запугать ихъ. Если

храбрость не вывозить, то они обращаются къ хитрости, притворяются больными и хромыми и начинают, повидимому, съ великимъ усиліемъ порхать и прыгать по землѣ; такимъ способомъ они заманиваютъ неопытнаго врага все дальше и дальше отъ гнѣзда, и, когда, повидимому, цѣль достигнута, сами торжествующе вспархиваютъ и стремительно улетаютъ обратно къ своимъ птенцамъ. Послѣ 14—16-ти дневнаго усерднаго насиживания, изъ яицъ вылупляются птенчики; въ продолженіи трехъ недѣль родители кормятъ ихъ насѣкомыми и окружаютъ всевозможными заботами; затѣмъ птенцы сами становятся способными летать. Спустя нѣсколько недѣль послѣ вылета у нихъ начинается линяніе и къ наступленію зимняго отлета они уже облечены въ новое опереніе.

За исключеніемъ черныхъ дроздовъ всѣ наши дрозды осенью покидаютъ свою родину и перекочевываютъ въ южныя края. Для видовъ крайняго сѣвера уже Германія можетъ служить мѣстомъ зимовки; но громадныя стаи птицъ тянутся обыкновенно въ южную Европу. Здѣсь, во время зимнихъ мѣсяцевъ всюду кишатъ дрозды. На солнечныхъ склонахъ высокихъ горъ южной Испаніи располагаются на зимовку бѣлозобые дрозды, соединившись въ болѣе или менѣе многочисленныя стаи; въ лѣсахъ, рощахъ и виноградникахъ тысячами снуютъ пѣвчіе и орѣховые дрозды. Дерябы встрѣчаются здѣсь рѣже, да и тѣхъ, которыя попадаются, слѣдуетъ считать за временно остановившихся во время пролета; рябинникъ принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ зимнимъ гостямъ Иберійскаго полуострова. То-же самое можно сказать относительно южной Испаніи и Греціи; слѣдуетъ только отмѣтить, что здѣсь и бѣлозобый дроздъ встрѣчается крайне рѣдко. Всѣ дрозды совершаютъ свои зимнія странствованія многочисленными обществами, иногда громадныя стаями, въ которыя собираются уже на сѣверѣ, и летятъ необыкновенно высоко, по всей вѣроятности выше 2000 м. «Осенью 1852 г.», рассказываетъ Гадамеръ, «я услышалъ въ лѣсу внезапно раздавшійся надо мною страшный шумъ, который былъ соединенъ съ рѣзкимъ воемъ. Этотъ шумъ ужасно перепугалъ меня: я подумалъ, не падаетъ ли на меня какой-нибудь метеоръ. Вскорѣ, впрочемъ, загадка разрѣшилась: я очутился подъ стаей, состоящей изъ болѣе чѣмъ десяти тысячъ орѣховыхъ дроздовъ, которые внезапно спустились съ громадной высоты и разсѣлись на окружающія меня деревья. Низверженіе ихъ произошло съ такою стремительностью, что я могъ разглядѣть птицъ только тогда, когда онѣ сѣли на деревья». Совершенно то-же самое Гатке ежегодно наблюдалъ на Гельголандѣ. Во время путешествія такія стаи разбиваются на отдѣльныя небольшія группы, но между ними поддерживается нѣкоторая связь, такъ что, при случаѣ, онѣ разсаживаются на нѣсколько квадратныхъ километрахъ и каждый большой кустъ имѣетъ своего жителя.

«Inter aves turdus, si quis me iudice certet,
Inter quadrupedes gloria prima lepus» *)

говорить уже римскій писатель Марціалъ, восхваляя превосходное мясо дроздовъ. Другіе натуралисты прежнихъ временъ увѣряютъ, что этою птицею можно съ успѣхомъ пользоваться какъ лѣкарственнымъ средствомъ противъ нѣкоторыхъ болѣзней, и потому съ точностью описываютъ способъ ея приготовления. Можно предположить, что дрозды уже съ давняго времени истреблялись въ такомъ-же количествѣ, какъ теперь, хотя тогда, можетъ-быть, не вѣдали еще примѣненія тѣхъ птицеловныхъ токовъ и волосяныхъ силковъ, которые вошли въ употребленіе въ

*) Если-бы я былъ судьей, то право первенства присудилъ-бы между птицами — дрозду, а между четвероногими — зайцу.

позднѣйшее время. Впрочемъ, теперь въ Германіи оба способа ловли мало по малу оставляются; въ Италіи, Испаніи и Греціи, напротивъ, дроздовъ истребляетъ всякій, и трудно даже опредѣлить, какое количество этихъ птицъ уничтожается тамъ.

Для неволи пригодны все виды дроздовъ; впрочемъ ихъ звучное громкое пѣніе слишкомъ оглушительно для тѣсной комнаты, а ихъ необыкновенная прожорливость имѣетъ весьма непріятныя послѣдствія, которыя нельзя устранить даже при самомъ строгомъ соблюденіи опрятности. Зато въ большомъ помѣщеніи, устроенномъ на свободѣ, дрозды могутъ доставлять одно лишь удовольствіе. Ихъ рѣзвость и подвижность скоро приобретаютъ имъ общія симпатіи, а безподобное пѣніе тѣмъ пріятнѣе, что оно улаживаетъ любителей уже въ первые, холодные мѣсяцы года, когда все другія птицы еще безмолвствуютъ.

Второе подсемейство пѣвчихъ птицъ заключаетъ въ себѣ **Славковыхъ** (Sylviinae. Grasmücken. Sylviidés)—маленькихъ птицъ, съ вытянутымъ туловищемъ, отличающихся стройнымъ, тонкимъ, шиловиднымъ клювомъ, имѣющимъ изогнутую форму, начиная отъ верхушки до слегка зазубренного кончика. Ноги славковыхъ короткія или средней длины съ плюснами, снабженными спереди раздѣльными щитками; крылья средней длины, и большею частью закругленные; большихъ маховыхъ перьевъ въ нихъ бываетъ всегда 10; хвостъ у всехъ разный, то короткій, то длинный; опереніе шелковистое.

Это подсемейство насчитываетъ болѣе 100 видовъ пѣвчихъ птицъ. Онѣ распространены во всехъ частяхъ Восточнаго полушарія, но въ Америкѣ ихъ нѣтъ. Славковыя населяютъ все области и все пояса высоты и широты, встрѣчаются рѣшительно во всехъ странахъ, гдѣ есть растительность. Мѣстопребываніемъ имъ служатъ какъ лѣса, такъ и отдѣльные кустарники, какъ высокія дубравы, такъ равно и тростники; онѣ оживляютъ такимъ образомъ самыя разнообразныя мѣстности и притомъ это оживленіе, благодаря ихъ искусному пѣнію и живости, можетъ назваться въ высшей степени пріятнымъ. Рѣзвыя и дѣятельныя, подвижныя и беспокойныя, онѣ съ неподражаемою ловкостью шныряютъ по самымъ густымъ чащамъ разнообразной растительности. Онѣ хозяйничаютъ съ одинаковою расторопностью, какъ на вѣтвяхъ большого дерева, такъ и въ чащѣ перепутавшагося между собою кустарника и густого тростника; онѣ бѣгаютъ такъ же хорошо, какъ порхаютъ, и летаютъ если не отлично, то все-таки довольно сносно, а нѣкоторые виды даже вполне удовлетворительно. Большинство славковыхъ считается превосходнѣйшими пѣвцами; нѣкоторыхъ можно назвать настоящими мастерами этого искусства. Ихъ умственныя способности также стоятъ на высокой степени развитія. Чувства, повидимому, развиты довольно равномерно, а въ понятливости ихъ не станеть сомнѣваться никто изъ знающихъ славокъ. Онѣ умны, отлично умѣютъ примѣняться къ обстоятельствамъ, различаютъ друзей отъ враговъ, выказываютъ довѣріе, гдѣ можно, и робость, когда узнаютъ о преслѣдованіи, проявляютъ хитрость и довѣрчивость, прямоту, вкрадчивость, а равно и недоувѣріе; съ другими птицами живутъ, пока это возможно, въ хорошихъ отношеніяхъ, а съ себѣ равными—въ дружбѣ, до тѣхъ поръ, пока въ дѣло не замѣшается любовь. Въ семейной жизни выказываютъ себя какъ вѣрные супруги и преданные родители, способные самымъ трогательнымъ образомъ жертвовать всемъ ради своего потомства; однимъ словомъ эти птицы соединяютъ въ себѣ самыя многостороннія и прекрасныя качества.

Все виды славковыхъ, живущіе у насъ на сѣверѣ, принадлежатъ къ перелет-

нымъ птицамъ, большая часть ихъ появляется на родинѣ съ наступленіемъ весны. Каждая пара тотчасъ-же принимается отдѣлять границы своихъ будущихъ владѣній, какъ бы малы или велики они не были, отъ другихъ владѣній, и только въ крайнемъ случаѣ допускаетъ внутри своихъ границъ постороннее вторженіе. Вслѣдъ за выборомъ мѣста начинается постройка гнѣзда, которое у разныхъ видовъ имѣетъ различное устройство. Оба родителя попеременно занимаются насѣживаніемъ 4—6, самое большее 8-ми яицъ, составляющихъ кладку, и оба проявляютъ въ этомъ дѣлѣ одинаковое рвеніе. Птенцы вскармливаются исключительно насѣкомыми, которые составляютъ также главную пищу и старыхъ птицъ, хотя осенью эти послѣднія не пренебрегаютъ разными ягодами и плодами. Ощутительнаго вреда не приносятъ ни одна изъ славковыхъ; польза-же отъ нихъ несомнѣнна, хотя съ перваго раза она и кажется незамѣтною. Поэтому всѣ славковыя заслуживаютъ нашего покровительства и любви; эту послѣднюю онѣ по счастью легко пріобрѣтаютъ у стараго и малаго, благодаря своему замѣчательному дару пѣнія. Всѣ онѣ отлично подходятъ къ содержанію въ клѣткахъ и какъ комнатныя пѣвчія птицы занимаютъ въ настоящее время у любителей высокое, одно изъ первенствующихъ мѣстъ.

* *
*

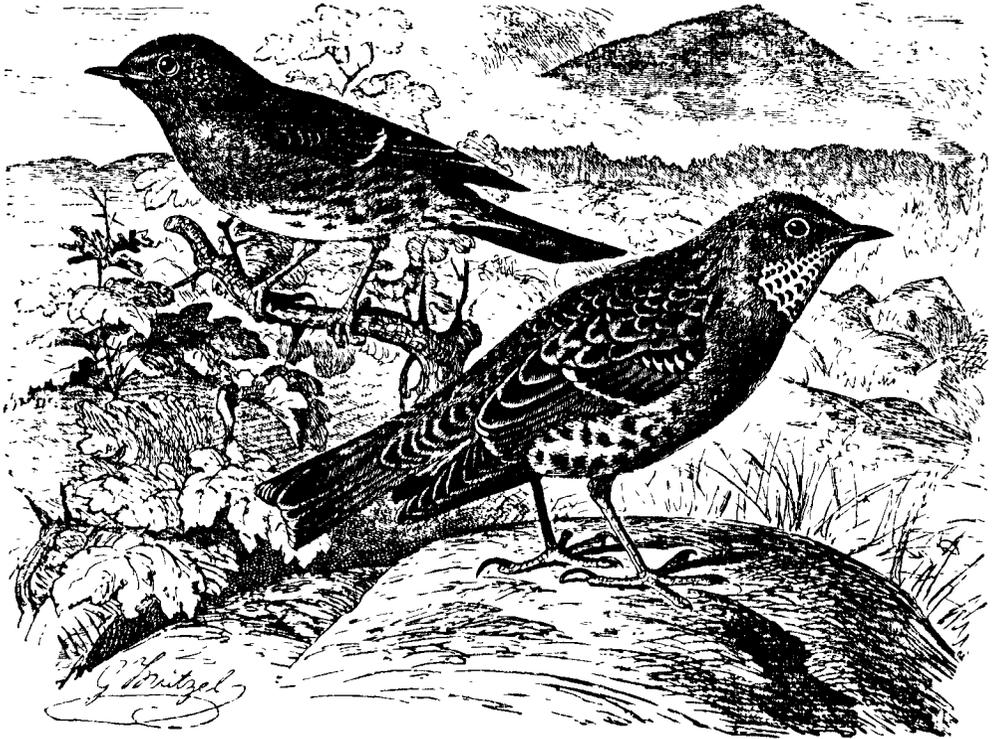
Отличительные признаки **Завирушекъ** (*Accentor. Flüevögel. Accenteurs*) слѣдующіе: сильное туловище, конически-шилообразный, прямой, средней длины клювъ, острый конецъ котораго сильно вытянутъ, а щелевидныя ноздри прикрыты сверху кожей; средней высоты довольно сильныя ноги съ короткими, но крѣпкими пальцами, снабженными сильно изогнутыми когтями; средней длины или довольно длинныя крылья, въ которыхъ третье или четвертое маховое перо самое большое: короткій, соразмѣрно широкій хвостъ и, наконецъ, пышное опереніе. Полы мало отличаются одинъ отъ другого; птенцы-же отъ старыхъ птицъ—довольно замѣтно.

Въ этомъ немногочисленномъ родѣ насчитываютъ всего дюжину видовъ. Область распространенія ихъ ограничивается Европою и умѣренной полосой Азіи. Европѣ принадлежитъ всего два вида. Большинство завирушекъ живутъ на горахъ и держатся преимущественно на землѣ, гдѣ прыгаютъ болѣе или менѣе быстро, въ страннo изогнутомъ положеніи, летаютъ почти всегда низко надъ землею и выскрываютъ себѣ пищу на землѣ или на низкихъ кустахъ; эта пища состоитъ изъ насѣкомыхъ, ягодъ и мелкихъ сѣмянъ. Съ наступленіемъ зимы нѣкоторыя изъ завирушекъ покидаютъ сѣверъ и переселяются въ южныя края; другія только перебираются съ высотъ въ болѣе низкія области или на южныя склоны горъ. Къ размноженію онѣ приступаютъ раннею весною, строятъ довольно искусное гнѣздо и кладутъ 3—6 зеленоватыхъ яицъ.

Завирушка лѣсная (*Accentor modularis* и *pinetorum, Motacilla, Sylvia, Prunella* и *Tharraleus modularis, Curruca sepiaria. Waldflüevogel. Mouchet*) имѣетъ стройное туловище, слабый клювъ, не очень большія крылья, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длинное, и довольно длинный хвостъ. Опереніе на головѣ, шеѣ, горлѣ и зобѣ пепельно-сѣрое, на подбородкѣ сѣровато-бѣлое; по верхней части головы пробѣгаютъ неясныя бурья долевья полоски; около ушей—буроватое пятно, съ болѣе свѣтлыми полосками; на груди и брюшкѣ опереніе бѣловатое, по сторонамъ туловища—буроватое съ темными долевыми полосками; нижнія кроющія перья хвоста бурья, причѣмъ каждое перо имѣетъ бѣловатую каемку. Маховыя и рулевыя перья бурочерныя, рулевыя нѣсколько тусклѣе маховыхъ, и снаружи имѣютъ ржаво-бурюю

каемку. Глаза свѣтло-каріе; клювъ бурый; ноги красноватя. У птенцовъ верхняя сторона туловища по ржаво-желтому фону испещрена черно-бурыми пятнами, а нижняя сторона по ржаво-желтоватому, въ серединѣ бѣловатому фону—сѣро-черными. Длина птицы 15 см., размахъ крыльевъ 21,4 см., длина крыла 7,1 см., хвоста 6 см.

Въ восточной Сибири мѣсто лѣсной завирушки заступаетъ **Завирушна горная** (*Accentor montanellus*, *Motacilla*, *Sylvia* и *Prunella montanella*, *Spermolegus montanellus*. *Bergflüevogel*. *Accenteur d'orient*)—птица почти такой-же величины, какъ ея только-что описанный родичъ. Верхняя часть головы и широкая полоса на уз-

Завирушка лѣсная. *Accentor modularis* и Альпійская завирушка. *Accentor collaris*.

¹/₂ наст. вел.

дечкѣ, простирающаяся до самыхъ ушей,—черно-бурая, широкая полоса, идущая по височной области до глазъ, и нижняя часть туловища свѣтлая ржаво-желтая; середина брюшка и нижнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе; по бокамъ проходятъ красно-бурыя долевья полоски; брюшко и грудь, вслѣдствіе темныхъ корней перьевъ, немного пятнисты; затылокъ, кроющія перья передней части спины и плечи красно-бурые съ темными пятнами по стволамъ перьевъ и неясными, свѣтлыми каемками по сторонамъ; стороны шеи пепельно-сѣрыя; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста чало-бурая; маховыя и ихъ покровныя перья буро-черныя съ неясными красно-бурыми наружными каемками; малыя маховыя перья и большія верхнія кроющія перья крыла на концахъ бѣлыя, съ двумя поперечными полосами надъ крыльями; хвостовыя перья землисто-бурыя съ блѣдными наружными каемками, три крайнихъ пера, кромѣ того, съ узенькими чалыми кончиками. Глаза

бурые; клювъ черно-бурый; ноги буровато-красныя. Самка отличается болѣе тусклою окраскою.

Лѣсная завирушка выводитъ птенцовъ во всей Европѣ, начиная съ 64° сѣверной широты до самыхъ Пиренеевъ, Альповъ и Балкановъ; она встрѣчается также и сѣвернѣе, а зимою правильно появляется на югѣ Европы, залетаетъ даже въ сѣверную Африку и восточную Азію. Въ средней Германіи она появляется въ мартѣ, нѣкоторое время проводитъ въ изгородяхъ и кустарникахъ, а затѣмъ отправляется въ свое главное мѣстожителство, въ лѣсъ, отдавая притомъ преимущество хвойнымъ лѣсамъ передъ листовными и горамъ—передъ равнинами.

«Всѣмъ своимъ существомъ», говоритъ мой отецъ, «лѣсная завирушка такъ рѣзко отличается отъ другихъ птицъ, что знатокъ сразу узнаетъ ее по ея движеніямъ. Она съ большою ловкостью прыгаетъ не только въ густомъ кустарникѣ, но также и по землѣ, проскальзываетъ во всѣ закоулки, продирается сквозь высокую жесткую траву, роется въ опавшей листьѣ и во всемъ этомъ проявляетъ замѣчательное проворство. По землѣ она прыгаетъ съ быстротою бѣгущей мыши. Туловище свое она держитъ самымъ разнообразнымъ способомъ; обыкновенное его положеніе — горизонтальное съ приподнятымъ хвостомъ и согнутыми плюснами; но часто она приподнимаетъ переднюю часть тѣла, шею вытягиваетъ, а хвостъ опускаетъ. Если ее вспугнуть съ земли, она вспархиваетъ на вѣтку, осматривается во всѣ стороны и покидаетъ мѣстность только тогда, когда убѣдится, что опасность близка. Полетъ завирушки быстрый; она проворно машетъ крыльями и летитъ по довольно прямому направленію. Когда она перелетаетъ съ одного куста на другой, то держится обыкновенно низко надъ землею, но когда совершенно улетаетъ съ мѣста, то взвивается высоко на воздухъ и удаляется. Какъ старательно прячется она, когда отыскиваетъ себѣ пищу, такъ охотно выставляется на-показъ, когда поетъ. Ее можно видѣть тогда сидящею на верхушкѣ сосны, впрочемъ рѣдко когда выше 20 ш. надъ землею, или на отдѣлившейся отъ другихъ вѣтви; особенно она любитъ сидѣть на самыхъ верхнихъ вѣтвяхъ. Пѣніе ея состоитъ изъ немногихъ звуковъ, перепутанныхъ между собою и не особенно пріятныхъ». Призывной голосъ звучитъ какъ «ди дуи діи» или «ери ери»; испугъ выражается звукомъ «дидю»; во время полета она зоветъ звукомъ «бибибиль». Пѣсня ея состоитъ преимущественно изъ звуковъ «дидидѣиде». Всѣ завирушки поютъ на одинъ ладъ, хотя, впрочемъ, маленькое различіе все-таки есть. Лѣсная завирушка рѣдко приманиваетъ въ сидячемъ положеніи; всего чаще она издаетъ эти звуки, когда паритъ въ воздухѣ, какъ будто желаетъ ими сманить товарищей на совмѣстное путешествіе. Иногда приманивающая къ себѣ птичка находится такъ высоко въ воздухѣ, что человѣческой глазъ не въ состояніи различить ее. При приближеніи опасности она стремительно бросается съ верхушки дерева почти въ отвѣсномъ направленіи прямо въ кустарникъ и тамъ совершенно скрывается изъ виду. Но она вовсе не изъ робкихъ; напротивъ, ее скорѣе можно назвать довърчивой и ручной, потому что она близко подпускаетъ къ себѣ всякаго наблюдателя». Лѣтомъ лѣсная завирушка питается преимущественно насѣкомыми, особенно маленькими жучками и ихъ личинками; при перелетѣ-же ѣстъ исключительно мелкія сѣмена, а для пищеваренія глотаетъ иногда кусочки дровы.

Въ концѣ апрѣля лѣсная завирушка приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда. Самецъ въ это время поетъ неумолкая, ожесточенно ссорится съ соперниками, а впоследствии помогаетъ самкѣ въ постройкѣ искуснаго гнѣзда. Оно помещается обыкновенно въ густыхъ вѣтвяхъ, чаще всего въ низкихъ соснахъ, приблизительно на высотѣ одного метра надъ землею. «Основаніе гнѣзда закладывается изъ нѣсколькихъ

сухих вѣтвей, само-же оно состоитъ исключительно изъ тонкихъ, зеленыхъ стебельковъ мха, которыми иногда выстилается и внутренность гнѣзда, способствуя такимъ образомъ его красотѣ. Обыкновенно-же внутренняя его выстилка состоитъ изъ красноватыхъ стебельковъ, поддерживающихъ спорангіи мха, отчего оно выглядитъ какъ-бы выстланнымъ волосами бѣличьяго мѣха. Между стебельками мха часто попадаются древесные лишай, отдѣльные стебельки вереска, а самое ложе внутри гнѣзда выстилается иногда тонкими, сухими листочками травы, овечьей шерстью и перышками. Въ маѣ бываетъ первая кладка, а въ іюль вторая. Первая состоитъ изъ 4—6 голубовато-зеленыхъ яицъ, а вторая—обыкновенно изъ 4-хъ. Яйца имѣютъ 20 м.м. въ длину и 14 м.м. въ толщину. Они насиживаются въ продолженіи 13—14 дней, по всей вѣроятности обоими родителями, которые съ такою-же любовью занимаются этимъ дѣломъ, съ какою относятся и къ выводку. Во время опасности самка пускаетъ въ ходъ притворство, какъ и всѣ славковья». Послѣ перваго вывода, въ іюль бываетъ второй.

Лѣсная завирушка скоро привыкаетъ къ неволѣ и быстро становится ручною. Такая довѣрчивость привязываетъ къ ней человѣка, несмотря на ея неважное пѣніе.

Высоко въ альпійскомъ поясѣ снѣжныхъ горъ южной Испаніи я, къ моему великому удовольствію, впервые встрѣтилъ одинъ видъ этого семейства, до сихъ поръ извѣстный мнѣ только по описаніямъ, **Альпійскую завирушку** (*Accentor collaris, alpinus, major* и *subalpinus, Motacilla alpina, Sturnus moritanus* и *collaris. Alpenfluevogel. Pegot.*), которая живетъ на всѣхъ высокихъ горахъ Европы. То быстро скользитъ по разбросаннымъ обломкамъ скалъ, то скрываясь въ душистыхъ кустахъ розмарина и тиміана, то взлетая на какую-нибудь громадную глыбу, она распѣвала здѣсь свою тихую, благозвучную пѣсенку, не смотря на шумъ бури и на вьюгу, которыя такъ часто свирѣствуютъ въ горахъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Даже при такихъ условіяхъ она была оживлена, бодра и рѣзва, вовсе не робка, а скорѣе довѣрлива, проворна въ своихъ движеніяхъ, однимъ словомъ производила на наблюдателя очень пріятное впечатлѣніе. Мы встрѣчали ее по-одиночнo или маленькими обществами до самыхъ снѣговыхъ полей, но еще въ большемъ количествѣ на солнечныхъ склонахъ этихъ величественныхъ горъ. Иногда она спускается въ низкія долины, но настоящимъ ея мѣстожителемъ служатъ, повидимому, вершины, и тѣ птицы, которыя за день порхали, разсыпавшись внизу, къ вечеру всѣ собирались снова на вершинахъ горъ. Онѣ разсаживались на ночлегъ отдѣльными стаями на крутыхъ скалахъ съ отверстиями и расщелинами, или въ кустахъ и въ травѣ, гдѣ, кромѣ нихъ, гнѣздились также альпійскіе вороны и горные голуби. Раннимъ утромъ стая покидала мѣсто своего ночлега, раздѣлялась на группы, и каждая птичка принималась за свое дѣло. Впослѣдствіи мнѣ часто приходилось встрѣчать симпатичную птичку, какъ на Альпахъ, такъ и на Исполиновыхъ горахъ, кромѣ того также на Баварскихъ Альпахъ, единственное мѣсто въ Германіи, гдѣ эта птица выводитъ птенцовъ.

Альпійская завирушка имѣетъ сходство съ жаворонкомъ. Клювъ у нея относительно сильный, сверху и снизу немного согнутый, заостренный и сильно вдавленный съ боковъ, спереди узкій, а у корня болѣе широкій, чѣмъ высокій; ноги плотныя, съ толстыми пальцами, снабженными сильно изогнутыми, но тупыми когтями; крылья длинныя и третье маховое перо въ нихъ самое длинное; хвостъ короткій, въ серединѣ съ замѣтною выемкой, опереніе густое. Верхнія части туловища сѣро-бурыя; затылокъ и стороны шеи болѣе опредѣленнаго сѣраго цвѣта; кроющіи перья передней части спины и плечи испещрены широкими темно-бурыми пятнами, расположенными по стволамъ перьевъ; на подбородкѣ и горлѣ перья бѣлыя съ чер-

ными краями; остальные нижнія части буровато-сѣрыя, по сторонамъ ржаво-красныя, при чемъ всѣ перья украшены по краямъ неясными бѣловатыми каемками; нижнія кроющія перья хвоста буро-черныя, съ широкими бѣлыми пятнами на концахъ; маховыя и ихъ покровныя перья буро-черныя съ наружными ржаво-буроватыми каемками и съ бѣлыми кончиками; самыя большія верхнія покровныя перья хвоста на концахъ то-же бѣлыя; рулевые перья черно буря, съ наружными блѣдно-бурими каемками, и съ ржаво-бѣловатыми кончиками внутреннихъ бородокъ. Глаза свѣтло-бурые; клювъ у корня желтый, на концѣ черный; ноги буроватыя. Длина птицы 18 см., размахъ крыльевъ 30 см., длина крыла 10 см., а хвоста 7 см.

Всѣ высокія горы южной и средней Европы служатъ приютомъ для этихъ завирушекъ. На Альпахъ онѣ встрѣчаются очень часто, на Исполиновыхъ горахъ— хотя и рѣже, но во всякомъ случаѣ и тамъ онѣ не составляютъ исключительнаго явленія. Въ Швейцаріи онѣ, повидимому, населяютъ всѣ горныя хребты, по крайней мѣрѣ Гиртаннеръ встрѣчалъ ихъ тамъ повсюду, гдѣ условія жизни удовлетворяли ихъ требованіямъ. На Исполиновыхъ горахъ мѣстопребываніе ихъ ограничивается немногими мѣстами, преимущественно вершинами и высокими утесами, гдѣ ихъ можно встрѣчать, по крайней мѣрѣ лѣтомъ, приблизительно во всякое время на одномъ и томъ-же мѣстѣ, такъ какъ онѣ, повидимому, совершенно удовлетворяются самымъ маленькимъ участкомъ. Въ Швейцаріи онѣ, по Гиртаннеру, встрѣчаются небольшими группами, которыми держатся вблизи пастушьихъ хижинъ и скотныхъ хлѣбовъ, по крайней мѣрѣ въ то время, когда наверху, въ горахъ, лежитъ снѣгъ и свирѣпствуетъ непогода. Завирушка никогда не поднимается такъ высоко, какъ горный зябликъ; всего больше она любитъ держаться на каменныхъ склонахъ, прилегающихъ къ утесамъ и не лишенныхъ растительности. Гнѣздо альпійской завирушки помѣщается обыкновенно подъ навѣсомъ скалы, въ мѣстѣ, защищенномъ отъ непогоды. Во время пѣнія самецъ садится на избранномъ мѣстечкѣ, гдѣ-нибудь на выступѣ скалы или на отдѣльно стоящемъ высокоомъ камнѣ. Пѣніе этой птички не особенно пріятное, но зато и не надоедливое; оно вполне соответствуетъ нѣжному, кроткуму нраву самого пѣвца.

Когда альпійскія завирушки не чувствуютъ надъ собою зоркаго глаза наблюдателя или, по крайней мѣрѣ, сознаютъ себя въ полной безопасности, онѣ непрерывно прыгаютъ цѣлыми стаями надъ и между покрытыми мхомъ скалами, при чемъ постоянно издаютъ веселые призывные звуки и постепенно двигаются впередъ. Клювомъ своимъ онѣ, между тѣмъ, схватываютъ то насѣкомое, то какое-нибудь сѣмячко, то червячка или ягоду, потому что имъ почти все по нутру, что не слишкомъ твердо и тяжело. Пока имъ представляется возможность оставаться на высокихъ горахъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока земля не будетъ покрыта густымъ слоемъ снѣга, онѣ не покидаютъ мѣстности, но какъ только снѣжные сугробы наложатъ свой холодный покровъ на почву, служащую имъ источникомъ питанія, онѣ, весьма естественно, спускаются въ долины. Зимой онѣ залетаютъ даже въ горныя деревни, проникаютъ по лошадинымъ слѣдамъ вмѣстѣ съ каменнымъ ворономъ и горнымъ зябликомъ въ деревенскія улицы или даже появляются среди самыхъ жилищъ мирныхъ альпійскихъ жителей.

Въ благопріятное лѣто альпійская завирушка выводитъ птенцовъ два раза, такъ какъ въ гнѣздѣ ея находятъ яйца раннею весною, а затѣмъ въ концѣ іюля. Гнѣздо устраивается въ расщелинахъ и щеляхъ, подъ обломками скалъ или въ густыхъ кустахъ альпійскаго рододендрона, всегда въ такомъ мѣстѣ, гдѣ оно прикрито и защищено со всѣхъ сторонъ. Оно состоитъ изъ мха и стеблей травы, а внутри тщательно выстлано нѣжнѣйшимъ мхомъ или шерстью, иногда лошадиными или ко-

ровыми волосами. 4—6 длинноватыхъ, голубовато-зеленыхъ яицъ съ гладкою скорлупою составляютъ кладку; они отличаются отъ яицъ лѣсной завирушки только своею величиною: въ долевомъ разрѣзѣ они имѣютъ 34 м.м., а въ поперечномъ 17 м.м.

Альпійская завирушка легко свыкается съ неволюею, скоро становится чрезвычайно ручною и при соответствующемъ уходѣ выживаетъ цѣлые годы въ клѣткѣ, услаждая своимъ пріятнымъ, нѣжнымъ пѣніемъ и неутомимостью, съ которою она напѣваетъ свою незатѣливую пѣсенку.

* * *

Между всѣми родами подсемейства самыми извѣстными являются собственно **Славки** (*Sylvia. Grasmücken. Fauvettes*). Ихъ отличительные признаки слѣдующіе: стройное сложеніе, конусо-шилоподобный клювъ, у корня довольно сильный, на верхушкѣ немного выгнутый, съ загнутымъ кончикомъ и съ небольшою вырѣзкою передъ нимъ; сильныя, довольно короткія ноги; средней длины, слегка закругленные крылья, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья—самыя длинныя; короткій или средней длины хвостъ, состоящій постоянно изъ 12 перьевъ, и наконецъ роскошное шелковистое, хотя не особенно яркое опереніе.

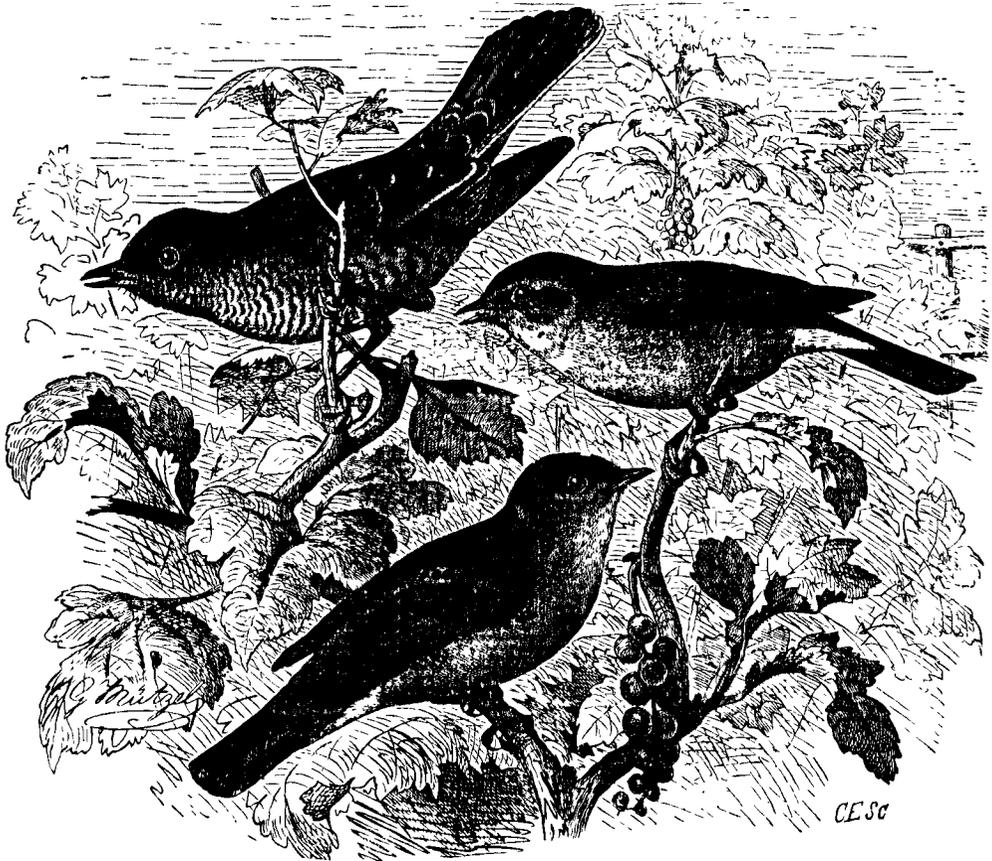
Славки, включающія въ себѣ 23 вида, населяютъ всю восточную половину земного шара; но всего больше ихъ въ сѣверныхъ областяхъ Старога Свѣта. Мѣсто-пробываніемъ имъ служатъ лиственные и хвойныя лѣса, кустарники и сады. Онѣ живутъ какъ на высотахъ, такъ и въ долинахъ, соединяютъ въ себѣ почти всѣ дарованія своего семейства; поютъ прекрасно; питаются насѣкомыми, пауками, плодами и ягодами; свое искусное гнѣздо строятъ всегда низко въ кустарникахъ.

Самый крупный изъ европейскихъ видовъ этого рода есть **Пестрогрудна, Подорѣшникъ, Пересѣшникъ, Ястребиная славна, Кустарникъ** (*Sylvia nisoria, Curruca* и *Philacantha nisoria, Adophoneus nisorius, undatus* и *undulatus, Nisoria undata* и *undulata, Sperbergrasmücke. Fauvette rayée*). Длина ея достигаетъ 18 см., размахъ крыльевъ 29 см., длина крыла 9 см., хвоста 8 см. Верхняя часть туловища имѣетъ оливково-буро-сѣрое опереніе, верхняя часть головы немного темнѣе; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста съ узкими бѣлыми концами и черноватой внутренней каемкой; на лбу и бровяхъ перья украшены наружными, узкими бѣловатыми кончиками; уздечка—сѣрая; нижняя сторона туловища—бѣлая; на головѣ и остальныхъ частяхъ тѣла, на подбородкѣ и горлѣ перья имѣютъ узкіе темные края; большія кроющія перья крыла и нижнія кроющія перья хвоста съ темными клиновидными пятнами. Маховыя и рулевыя перья темно-бурья, снаружи съ узкою желтовато-бѣлою, а внутри съ широкою бѣловатою каемками; концы малыхъ маховыхъ и ихъ покровныхъ перьевъ, такъ-же какъ и большей части верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла—съ бѣловатыми каемками; самыя крайнія три рулевыхъ пера внутри на концахъ съ широкими бѣлыми пятнами. Глаза—лимонно-желтоватаго цвѣта; клювъ—буро-рогового, съ нижней стороны—желто-рогового; ноги—свѣтло-желтыя. Самка отличается болѣе тусклою окраскою.

Начиная съ южной Швеціи, пестрогрудка встрѣчается во всей средней и южной Европѣ, за исключеніемъ Великобританіи, а также въ западной Азіи и на сѣверѣ Китая, а зимою залетаетъ и во внутрь Африки. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, особенно тамъ, гдѣ много рощъ и густыхъ кустарниковъ, растущихъ по берегамъ большихъ рѣкъ, пестрогрудка встрѣчается очень часто; въ другихъ мѣстахъ ея вовсе нѣтъ или она принадлежитъ къ исключительнымъ явленіямъ. Она появляется въ средней Европѣ въ послѣднихъ числахъ апрѣля, боль-

шею-же частью, впрочемъ, въ началѣ мая и остается на родинѣ самое большее до августа. Своимъ лѣтнимъ мѣстопробываніемъ она избираетъ низкіе кустарники, преимущественно чащи, но, если эти кустарники разростутся до высоты большихъ деревьевъ, она оставляетъ ихъ и перебирается въ другіе, состоящіе изъ молодыхъ зарослей. На высокія деревья пестрогрудка садится только во время своего перелета.

По землѣ она движется довольно неуклюже, поэтому рѣдко спускается на нее; летаетъ, напротивъ, отлично, хотя и неохотно, а порхаетъ съ вѣтви на вѣтвь съ поразительной быстротой. Ея призывной голосъ звучитъ шелкающимъ «чек»,

Пестрогрудка. *Sylvia nisoria*. Садовая славка. *Sylvia hortensis* и Черноголовка. *Sylvia atricapilla*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

крикъ предостереженія картавымъ «ерр». Пѣніе пестрогрудки находится въ зависимости отъ мѣстности и самой птицы и состоитъ изъ соединенія пѣнія садовой славки и полевой; въ общемъ оно благозвучно и разнообразно; но все-же пестрогрудку нельзя сравнить по пѣнію съ черноголовкой, водящейся на горахъ, а также она уступаетъ и нашей садовой славкѣ, хотя въ этомъ и очень походитъ на нее. Въ пѣснѣ ея часто встрѣчаются свистъ иволги, та или другая строфа изъ пѣсни зяблика, такъ называемый отбой черноголовки и другіе звуки, свойственные живущимъ по сосѣдству пѣвчимъ птицамъ: только своеобразное трещаніе или барабанная трель, которую пестрогрудка вводитъ иногда въ свою пѣсенку, производятъ неприятное впечатлѣніе на ухо. Подобно большинству своихъ родичей, пестро-

грудка также принадлежит къ усерднѣйшимъ пѣвцамъ и потому можетъ считаться цѣннымъ сокровищемъ для лѣса.

Тотчасъ послѣ своего прилета весною каждая парочка выбираетъ себѣ участокъ и прогоняетъ оттуда всѣхъ другихъ птицъ, которыя вздумали-бы проникнуть въ него. «Если какая-нибудь другая птица», говоритъ Науманъ, «вторгается во владѣннє пестрогрудки, то самецъ успокаивается только тогда, когда жестокими ударами клюва ему удастся прогнать непрошеннаго гостя, причемъ оба дерутся очень ожесточенно. Въ то время, какъ самка порхаетъ въ чащѣ низкаго кустарника, строитъ гнѣздо или сидитъ на яйцахъ, самецъ безпокойно носится надъ нею по болѣе высокимъ деревьямъ, поетъ, кричитъ и наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ его владѣннє не ворвался какой-нибудь соперникъ. Лишь только такой дерзновенный покажется, онъ бросается преслѣдовать его и не оставляетъ до тѣхъ поръ, пока тотъ совершенно не исчезнетъ». Гнѣздо пестрогрудка строитъ въ чащѣ или на высокой естественной зеленой изгороди, большею частью въ хорошо скрытомъ мѣстѣ, на высотѣ одного метра и болѣе надъ землею. По постройкѣ своей оно ничѣмъ не отличается отъ общаго типа. Въ концѣ мая или въ началѣ юня въ немъ находятъ 4—6 продолговатыхъ яицъ, 20-ти м. м. длиною и 14 м. м. толщиною, съ нѣжною, не особенно блестящею скорлупою, которая обыкновенно по сѣро-бѣлому фону испещрена свѣтлыми пепельно-сѣрыми и блѣдно-оливково-бурыми пятнышками. Родители держатся около своего гнѣзда съ большою осторожностью и какъ только замѣтятъ кого-нибудь по близости, немедленно удаляются. Самка, въ случаѣ необходимости, прибѣгаетъ даже къ извѣстной хитрости, притворяясь хромою и больною. Если-же приблизиться къ гнѣзду, пока оно еще не окончено постройкою, то пара немедленно оставляетъ его и приступаетъ къ постройкѣ новаго; случается, что онѣ жертвуютъ даже несенными яйцами, если замѣтятъ, что къ нимъ прикасалась человѣческая рука. Птенцы уже съ появленіемъ своимъ на свѣтъ проявляютъ какъ-бы врожденную способность пробираться сквозь густые кустарники; они очень скоро приобретаютъ самостоятельность и удаляются изъ гнѣзда еще прежде, чѣмъ научатся хорошо летать. При нормальныхъ условіяхъ пара выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ; такъ какъ короткій срокъ ея пребыванія на родинѣ не даетъ времени для втораго вывода птенцовъ.

Пища пестрогрудки состоитъ, какъ и всѣхъ вообще славокъ, изъ насѣкомыхъ, живущихъ на листьяхъ и цвѣтахъ, особенно изъ гусеницъ и личинокъ, изъ большей части вредныхъ бабочекъ и жуковъ, пауковъ и разныхъ червяковъ; осенью-же преимущественно изъ всевозможныхъ ягодъ; лѣтомъ она ѣстъ также вишни.

При соответствующемъ уходѣ пестрогрудка уживается въ клѣткѣ такъ-же легко, какъ и ея остальные европейскіе родичи; она такая-же нетребовательная, какъ и тѣ, поетъ довольно прилежно и скоро становится ручною.

Второй по величинѣ европейскій видъ славокъ—**Славна пѣвчая** (*Sylvia orphea*, *orphea*, *grisea*, *crassirostris* и *caniceps*, *Curruca orphea*, *musica*, *helenae* и *jerdoni*, *Philomela orphea*, *Meistersänger*. *Fauvette Orphée*). Длина самца 17 см., самки—16 см., размахъ крыльевъ 25 см., длина крыла 8 см., а хвоста—7 см. Опереніе на верхнихъ частяхъ тѣла пепельно-сѣрое, съ буроватымъ отливомъ на спинкѣ; темя и затылокъ буроватые или тускло-черные; нижняя сторона туловища бѣлая; стороны груди свѣтло-ржавыя; маховыя и рулевыя перья матово-черно-бурыя; узкая наружная бородка крайнихъ рулевыхъ перьевъ бѣлая; широкая внутренняя бородка имѣетъ на концѣ бѣлое клиновидное пятно такого-же цвѣта, а второе—бѣлое остроконечное пятно. Глаза свѣтло-желтые, верхняя часть клюва черная, ниж-

няя — синеваго-черная; ноги красновато сѣрыя; голое кольцо вокругъ глазъ сине-сѣрое. Самка имѣетъ болѣе блѣдное опереніе, чѣмъ самецъ, въ особенности у нея свѣтлѣе темя.

Пѣвчая славка принадлежитъ югу Европы; родина ея начинается въ сѣверныхъ береговыхъ областяхъ Средиземнаго Моря, близъ Истріи или южной Швейцаріи. Въ Испаніи, тамъ, гдѣ произрастаетъ пивія со своею зонтикообразною верхушкою, гдѣ массою растутъ сладкій стручечникъ, фиговыя и масличныя деревья, можно почти всегда встрѣтить пѣвчую славку. При такихъ-же условіяхъ она попадаетъ въ Греціи и преимущественно въ Турціи, въ Италіи, въ южной Франціи и въ южной Россіи, но повсюду только какъ лѣтній гость, который появляется въ концѣ марта или началѣ апрѣля, а въ сентябрѣ снова улетаетъ; въ Испаніи-же пѣвчая славка появляется въ концѣ апрѣля, иногда даже въ началѣ мая и держится не долѣе августа. Родиною этой птички можно также считать западную Азію, Малую Азію, Персію и Туркестанъ; въ горныхъ областяхъ до 2000 м. высоты она еще выводитъ птенцовъ. Въ Германію и Англію она также неоднократно залетала. Ея зимнее странствованіе простирается до средней Африки и Индіи; я убивалъ эту птицу въ лѣсахъ около Голубого Нила. Жердонъ наблюдалъ ее, какъ частаго зимняго гостя, во всей южной Индіи.

Въ отличіе отъ другихъ слявокъ, пѣвчая славка предпочитаетъ высокія деревья; въ низкоствольномъ лѣсу мнѣ никогда не приходилось ее наблюдать. На равнинахъ она попадаетъ чаще, чѣмъ на горахъ, потому что роскошная, воздѣланная почва, съ правильнымъ орошеніемъ скорѣе можетъ доставить ей все необходимое. Она также очень охотно поселяется въ сосновыхъ лѣсахъ. Въ такихъ мѣстностяхъ повсюду раздается ея пѣніе и, идя осторожно по направленію этихъ звуковъ, можно выслѣдить парочку, пріютившуюся на вершинѣ высокаго дерева. Пѣвчая славка также весьма недоверчива и осторожна, неохотно подпускаетъ къ себѣ для наблюденій, при появленіи человѣка скрывается въ самыя густыя вѣтви деревьевъ и такъ хорошо прячется тамъ, что въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ее нельзя тамъ найти.

Пѣвчая славка вполне заслуживаетъ свое названіе. Нѣкоторые пытались, правда, умалить ея пѣвческое достоинство; но не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она даже среди своего семейства занимаетъ видное мѣсто. Ея пѣсня напоминаетъ въ нѣкоторой степени пѣніе чернаго дрозда, только она не такая громкая и поется не такъ заносчиво. Гомейеръ, который долгое время держалъ въ клеткѣ пѣвчую славку, говоритъ, что она поетъ лучше всѣхъ другихъ слявокъ. «Пѣніе ея въ высшей степени своеобразно. Въ общемъ оно, конечно, подходитъ къ пѣнію слявокъ, но спокойною передачею мелодично переливающихся строфъ оно скорѣе напоминаетъ пѣніе пересмѣшника; впрочемъ, несмотря на свойственную всѣмъ слявкамъ округленность строфъ, въ ея пѣніи попадаются и стрывочныя щелкающіе звуки садовой слявки. Въ особенности полнотою звуковъ и вообще способомъ передачи ихъ пѣвчая славка напоминаетъ садовую славку; но ея пѣніе громче, разнообразнѣе и величественнѣе. Звуки эти то горловые, то причмокивающіе, то щелкающіе или вдругъ вырываются съ такою силою и полнотою, что просто приходится удивляться, тогда какъ садовая славка постоянно придерживается строгаго однообразія и никогда не выходитъ за предѣлы своихъ спокойныхъ горловыхъ и картавыхъ звуковъ. При этомъ отдѣльные звуки и строфы пѣсни пѣвчей слявки отчеканиваются такъ отчетливо, что ихъ, не торомясь, можно записать во время самаго пѣнія. Крикъ предостереженія звучитъ щелкающимъ «іетт шерр» и «труій рарара»; страхъ выражается быстро повторяющимися одинъ за другимъ слогами «вик, вик». Нѣкоторыя пѣвчія слявки заимствуютъ также звуки изъ пѣсенъ многихъ другихъ птицъ.

Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, плодовъ и ягодъ, водящихся на ихъ родинѣ.

Выводъ птенцовъ начинается въ срединѣ мая и продолжается до половины іюля, послѣ чего наступаетъ линяніе. Въ періодъ любви самцы становятся въ высшей степени задорными, а если еще при этомъ возбудится ревность, то преслѣдованіе становится безпощаднымъ. Гнѣздо помѣщается высоко на верхушкѣ дерева и вовсе не запрятывается, какъ у другихъ славокъ, а, напротивъ, располагается довольно открыто между кончиками вѣтвей. Постройкою своею оно отличается отъ гнѣзда всѣхъ другихъ родичей тѣмъ, что стѣнки его толще и плотнѣе. Внутренность нѣкоторыхъ гнѣздъ выложена полосками лыка отъ виноградныхъ лозъ. Тинеманъ упоминаетъ объ одномъ гнѣздѣ, внутренность котораго была выслана рыбьею чешуей. Кладка состоитъ изъ 5-ти яицъ съ тонкою мелкопористою и блестящею скорлупою, которая покрыта по бѣлому или зеленовато-бѣлому фону на тупомъ концѣ фіолетово-сѣрыми, а на остромъ желто-бурыми пятнами; послѣднихъ, впрочемъ, иногда вовсе не бываетъ. По словамъ Крюпера, самка, повидимому, одна занимается насиживаніемъ яицъ; самецъ въ это время сидитъ не гдѣ-нибудь по близости, а на значительномъ разстояніи отъ гнѣзда и здѣсь напѣваетъ свои любовныя пѣсни. Птенцы нѣкоторое время послѣ вылета остаются подъ присмотромъ обоихъ родителей; но какъ только наступаетъ линяніе, семья распадается.

* * *

«Птица, которая принадлежитъ къ лучшимъ пѣвцамъ Канарскихъ острововъ, называемая тамъ **Капріоте**, совершенно неизвѣстна въ Европѣ. Она такъ любитъ свободу, что ее никогда нельзя приручить. Я наслаждался ея нѣжнымъ мелодичнымъ пѣніемъ въ одномъ саду близъ Оратавы, но никакъ не могъ настолько приблизиться къ ней, чтобы опредѣлить къ какому роду она принадлежитъ». Такъ говоритъ А. фонъ Гумбольдъ, и послѣ посѣщенія великимъ натуралистомъ этихъ острововъ прошли многіе годы, прежде чѣмъ выяснилось, о какой птицѣ онъ говоритъ. Теперь намъ извѣстно, что прославленный капріоте, котораго канарійцы съ гордостью называютъ своимъ соловьемъ, есть ничто иное какъ **Черноголовка**, **Черноголовникъ**, **Черношляпка**, (*Sylvia atricapilla, nigricapilla, ruficapilla, rubricapilla, pileata* и *naumanni, Motacilla, Curruca, Philomela* и *Epilais atricapilla, Monachus atricapillus. Mönchsgrasmücke. Fauvette à tête noire*)—одинъ изъ наиболѣе даровитыхъ, миловидныхъ и прославленныхъ пѣвцовъ нашихъ лѣсовъ и садовъ. Опереніе верхней стороны туловища черноголовки сѣро-черное; нижняя сторона свѣтло-сѣрая; горло бѣловато-сѣрое; темя у старыхъ самцовъ густого чернаго цвѣта, у самокъ-же и молодыхъ самцовъ красно-бурое. Глаза каріе; клювъ черный; ноги свинцово-сѣрыя. Длина птицы 15 см., размахъ крыльевъ 21 см., длина крыла 6,5 см., а хвоста 6 см. Самка совершенно такихъ-же размѣровъ, какъ и самецъ.

Черноголовка водится во всей Европѣ, на сѣверѣ, начиная съ самой Лалландіи, а также и въ западной Азіи, на островахъ: Мадейрѣ, Канарскихъ и Азорскихъ. Въ Греціи и въ Испаніи она появляется только во время пролета, часто даже перезимовываетъ здѣсь, но иногда распространяетъ свое зимнее странствованіе до средней Африки. Въ среднюю Европу она возвращается къ половинѣ апрѣля, избираетъ своимъ мѣстожительствомъ лѣса, сады и кустарники, а въ сентябрѣ уже снова покидаетъ родину. Пасколько намъ извѣстно, нѣтъ ни одной мѣстности въ Германіи, гдѣ-бы не водилась черноголовка, но за то въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ въ восточной Тюрингіи, она за послѣднее время стала гораздо малочисленнѣе, чѣмъ прежде.

«Черноголовка», говоритъ мой отецъ, давнѣйшее первое обстоятельное описаніе

СЛАВКИ.

- 1) Провенсальская. 2—3) Славка Рюппеля. 4) Сардинская. 5) Очковая. 6) Ылбрюхал.
7) Ылбородка.

образа жизни этой птицы, «чрезвычайно рѣзвая, ловкая и осторожная птица. Она находится въ постоянномъ движеніи, непрерывно и съ замѣчательною ловкостью порхаетъ въ чащѣ густого кустарника; туловище свое держитъ при этомъ горизонтально, а ноги немного подогнутыми; перья ея всегда гладко прилегаютъ къ тѣлу, отчего и птичка имѣетъ постоянно нарядный, красивый видъ. На землю она спускается рѣдко. Если къ ней приблизиться, когда она сидитъ на открытомъ мѣстѣ, то она немедленно скрывается въ чащѣ вѣтвей или спасается бѣгствомъ. Она умѣетъ продѣлывать это такъ ловко, что за старой птицей долго проходитъ безъ успѣха проходить съ ружьемъ. Птенцы даже еще осенью не такъ осторожны. Полетъ черноголовки быстрый, почти прямой съ сильными движеніями крыльевъ, но въ общемъ не продолжительный. Только при очень упорномъ преслѣдованіи она взвивается высоко въ воздухъ и совсемъ покидаетъ мѣсто. Во время вывода птенцовъ она владѣетъ довольно обширнымъ участкомъ, но иногда не ограничивается имъ. Въ холодную и дождливую погоду мнѣ не разъ приходилось встрѣчать нашу лѣсную черноголовку въ садахъ, по близости домовъ. Ея призывной голосъ состоитъ изъ пріятнаго «так так так»; за нимъ слѣдуетъ чрезвычайно нѣжный звукъ, который нельзя передать слогами. Это «такъ» имѣетъ такое поразительное сходство съ призывными звуками соловья и пересмѣшки, что только знатокъ можетъ отличить одно отъ другого. Мѣняя тоны, черноголовка выражаетъ своимъ «такъ» различныя душевныя настроенія; вотъ почему этотъ звукъ слышится чаще у старыхъ птицъ, когда онѣ водятъ за собою молодое потомство. Пѣніе самца превосходно; оно вполне основательно сравнивается съ пѣніемъ соловья. Впрочемъ мнѣнія любителей расходятся: одни ставятъ его выше пѣнія садовыхъ славокъ, другіе ниже. Чистота, сила и сходство звуковъ съ издаваемыми флейтою, вполне искупаютъ краткость строфъ. Это прекрасное пѣніе, которымъ, впрочемъ, не всѣ самцы владѣютъ въ одинаковой степени, начинается къ восходу солнца и раздается почти цѣлый день». Относительно пищи черноголовка отличается отъ другихъ славокъ, къ сожалѣнію, тѣмъ, что она ѣстъ преимущественно плоды и ягоды, которыми кормитъ также и своихъ птенцовъ.

Эта славка выводитъ птенцовъ два раза въ годъ: первый разъ въ маѣ, второй—въ іюлѣ. Гнѣздо помѣщается постоянно въ густомъ кустарникѣ, тамъ, гдѣ преобладаетъ хвойный лѣсъ, чаще всего въ густомъ соснякѣ, а если въ лиственномъ лѣсу, то преимущественно въ кустахъ терновника. Строится оно относительно хорошо, хотя ничѣмъ особеннымъ не отличается отъ гнѣздъ другихъ славокъ. Кладка состоитъ изъ 4—6 продолговато-круглыхъ яицъ 18 м.м. длиною и 14 м.м. толщиною съ гладкою, блестящею скорлупою мясного цвѣта, усѣянною темными и бурокрасными пятнышками, черточками и крапинками. Насиживаніемъ занимаются оба пола; оба родителя одинаково любятъ свое потомство и, въ случаѣ опасности, постулаютъ какъ и другіе ихъ родичи. Если по какой-либо несчастной случайности мать лишится жизни, то воспитаніемъ птенцовъ занимается исключительно самецъ.

Благодаря превосходному пѣнію, черноголовку чаще всѣхъ остальныхъ славокъ держать въ клѣткахъ. Самыми лучшими пѣвцами считаются тѣ, которые водятся въ нагорныхъ сосновыхъ лѣсахъ; впрочемъ выросшіе въ лиственномъ лѣсу также большіе мастера этого искусства. «Черноголовка», совершенно справедливо говорить графъ Гурей, «лучшій пѣвецъ въ мірѣ и, по моему мнѣнію, какъ комнатная пѣвчая птица, она заслуживаетъ первенствующее мѣсто передъ всякимъ соловьемъ. Ея продолжительное, съ длинными переливами пѣніе разнообразнѣе, нѣжнѣе и кому-же не такое рѣзкое, какъ у обоихъ соловьиныхъ видовъ, къ отдѣльнымъ такъ

тамъ котораго черноголовка прибавляетъ много собственныхъ звуковъ. Многія изъ нихъ поютъ въ продолженіи почти цѣлаго года, другія 8—9 мѣсяцевъ. Воспитанныя въ неволѣ никуда не годятся, хотя иногда и онѣ выучиваются насвистывать пѣсенку. Одна такая птичка въ совершенствѣ научилась подражать трубѣ почтальона». Всѣ черноголовки, даже дикія, очень скоро приручаются и до такой степени привязываются къ своему хозяину, что еще издали привѣтствуютъ его пѣніемъ и не перестаютъ пѣть даже тогда, когда онъ переноситъ клѣтку съ мѣста на мѣсто. «Жители главнаго города Канарійскихъ острововъ, рассказываетъ Болле, «до сихъ поръ вспоминаютъ капріоте одной старой монахини, которая, поднося своему еще юному птенчику кормъ, каждый разъ приговаривала: «*Mi nino chiceritito*» (мой милый дѣточка); птичка безъ всякаго труда запомнила эти слова и сама стала громко и звучно повторять ихъ. Народъ былъ внѣ себя отъ удивленія, что пѣвчая птица вдругъ стала говорящею. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ птичка служила гордостью всего населенія и владѣлицѣ предлагали за птицу довольно крупную сумму; но она не рѣшилась разлучиться со своею любимицей, въ которой сосредоточилась вся радость, все счастье ея жизни. Но чего не были въ состояніи сдѣлать блестящія предложенія, то совершила зависть, не дремлющая даже среди кроткихъ, добродушныхъ нравовъ канарійцевъ: птичка была отравлена рукою невѣдомаго завистника. Однако слава пережила жертву, и о замѣчательной птицѣ долго еще будутъ говорить въ Пальмѣ».

Садовая славка, Смородинка, Садовый кузнечикъ, Травничекъ, Большой кустарникъ, Тамъна, (*Sylvia hortensis, aedonia* и *salicaria, Motacilla, Curruca, Epilais* и *Adornis hortensis, Motacilla salicaria, Curruca grisea* и *brachyrhynchos. Gartengrasmtücke. Fauvette des jardins.*) поетъ почти такъ-же хорошо, какъ пѣвчая и черноголовая славки. Длина этой птицы 16 см., размахъ крыльевъ 25 см., длина крыла 8 см., а хвоста 6 см. Самка значительно меньше, но окраска у обоихъ совершенно одинакова. На верхней сторонѣ тѣла опереніе оливково-сѣрое, на нижней—свѣтло-сѣрое, на горлѣ и брюшкѣ бѣловатое; маховыя перья и хвостъ оливково-бурые, снаружи съ узкими желтовато-сѣрыми каемками; маховыя перья съ внутренней стороны имѣютъ болѣе широкую желтовато-буроватую каемку. Около глаза замѣчается очень узкое колечко изъ перышекъ бѣлаго цвѣта, самый глазъ свѣтлый сѣро-бурый; клювъ и ноги грязнаго свинцово-сѣраго цвѣта.

Родиною смородинки слѣдуетъ считать среднюю Европу. На сѣверъ она распространяется до 69° с. ш.; къ югу численность ихъ быстро уменьшается; на востокъ она не перелетаетъ за Уралъ. Въ южной Франціи и Италіи она встрѣчается довольно часто; въ Испаніи и Португаліи тоже выводитъ птенцовъ; въ Греціи и Малой Азіи она встрѣчается только во время пролета, который распространяетъ до Западной Африки. Въ средней Европѣ она появляется самое раннее въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, а въ сентябрѣ уже снова покидаетъ насъ. Эта славка живетъ также въ лѣсу, какъ въ листовномъ, такъ и въ хвойномъ, но главнымъ образомъ, сообразно своему названію, держится въ садахъ: нѣтъ ни одного разросшагося сада, въ особености ни одного фруктоваго, куда-бы не проникла эта птичка. Она проводитъ свою жизнь какъ въ низкихъ кустарникахъ, такъ и въ верхушкахъ средней высоты деревьевъ, но, когда собирается пѣть, то садится обыкновенно на нѣкоторой высотѣ.

«Это», говоритъ Науманъ, «одинокая, безобидная птичка, отличающаяся спокойнымъ, хотя и дѣятельнымъ образомъ жизни; при этомъ она не мѣшаетъ ни одной изъ живущихъ по сосѣдству птицъ и не становится съ ними во враждебныя отношенія; даже къ людямъ она проявляетъ нѣкоторое довѣріе, потому что держитъ

ся хотя и осторожно, но не робко и зачастую невозмутимо занимается своимъ дѣломъ на вѣтвяхъ фруктовыхъ деревьевъ въ то время, какъ внизу, около нея, копошатся и работаютъ люди. Смородинка прыгаетъ по вѣтвямъ, подобно другимъ славкамъ, въ согнутомъ положеніи, легко и скоро; по землѣ-же какъ и тѣ, движется тяжело и неохотно. Такъ какъ она больше держится на деревьяхъ, чѣмъ на кустарникахъ, то ее чаще другихъ видовъ можно видѣть перелетающею черезъ большія пространства съ дерева на дерево, при этомъ она летитъ прямо какъ стрѣла, тогда какъ при дальнихъ перелетахъ описываетъ обыкновенно кривыя линіи». Ея призывной голосъ звучитъ щелкающимъ «тэк тэк», крикъ предостереженія—картавое «рар»; страхъ у нея выражается неподдающимся описанію кваканьемъ, а благодушное настроеніе—нѣжнымъ, слышимымъ только по близости, «бывзвэву». Пѣніе смородинки принадлежитъ къ лучшимъ, какое только раздается въ нашихъ лѣсахъ и садахъ. «Какъ только весной», продолжаетъ Науманъ, «къ намъ прилетаетъ самецъ смородинки, тотчасъ-же начинается разливать его прекрасная, громкая, чистая и нѣжная, какъ звукъ флейты, и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразная пѣсня; изъ густой зелени почти безъ перерыва льется длинная мелодія, нагѣваемая умѣреннымъ темпомъ съ ранняго утра до солнечнаго заката, и такъ влѣдъ до самаго Иванова дня. Только въ то время, когда самецъ занятъ насиживаніемъ яицъ, онъ не поетъ въ полуденные часы; въ прочее время онъ распѣваетъ почти безъ перерыва, до тѣхъ поръ, пока выведутся птенцы: тогда заботы о семьѣ сами собою заставляютъ часто прерывать пѣніе. Во время пѣнія онъ только раннимъ утромъ, пока еще не разсѣялись сумерки, сидитъ смирно гдѣ-нибудь на изгороди или на верхушкѣ дерева; обыкновенно же онъ больше въ движеніи, распѣваетъ, перепархивая съ вѣтки на вѣтку, и при этомъ подбираетъ нищу. Въ пѣніи смородинки слышится самая длинная мелодія изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ славковыхъ пѣсень; оно походитъ на пѣніе черноголовки, а еще болѣе пестрогрудки, съ которымъ по одинаковымъ флейтовымъ звукамъ оно было-бы совершенно однохарактерно, если-бы въ немъ не проскальзывали менѣе мелодичныя и довольно рѣзкія нотки». По моимъ наблюденіямъ, пѣніе смородинки стоитъ въ существенной зависимости отъ мѣстности и личной способности птицы. Изъ всѣхъ смородинокъ, которыхъ я имѣлъ случай наблюдать, всего лучше поютъ живущія въ восточной Тюрингіи. Пестрогрудку, которая-бы могла сравниться по пѣнію со смородинкой, я никогда не слышалъ, но за то эту послѣднюю, соперничавшую съ черноголовкой—очень часто. Одна смородинка, жившая въ нашемъ саду въ продолженіи десяти лѣтъ и которая трогательнымъ образомъ пропѣла моему отцу надгробную пѣсню, была замѣчательнѣйшей пѣвуньей, какую я когда-либо слышалъ; она оставила послѣ себя потомство, которое каждое лѣто услаждало мой слухъ своими чудными пѣсенками, хотя онѣ и значительно уступали въ этомъ пѣнію родительницы.

Относительно нищи смородинка похожа больше всего на черноголовку.

Гнѣздо помѣщается то низко, то высоко надъ землей, иногда въ низкомъ кусточкѣ, порою на маленькомъ деревцѣ, а въ крайнемъ случаѣ, какъ узналъ Гомейеръ, сообщенія котораго не подлежатъ сомнѣнію, даже въ земляныхъ норкахъ съ узкимъ входомъ. Изъ всѣхъ славковыхъ гнѣздъ оно самое простое по устройству; особенно дно иногда бываетъ такое тонкое, что приходится удивляться, какъ оно не проваливается подъ тяжестью яицъ. Само оно такъ безпечно прилаживается между тонкими вѣточками, что, какъ увѣряетъ Науманъ, едва выдерживаетъ сотрясенія при частыхъ вылетахъ и вспархиваніяхъ птицы и не разъ сносилося вѣтромъ.

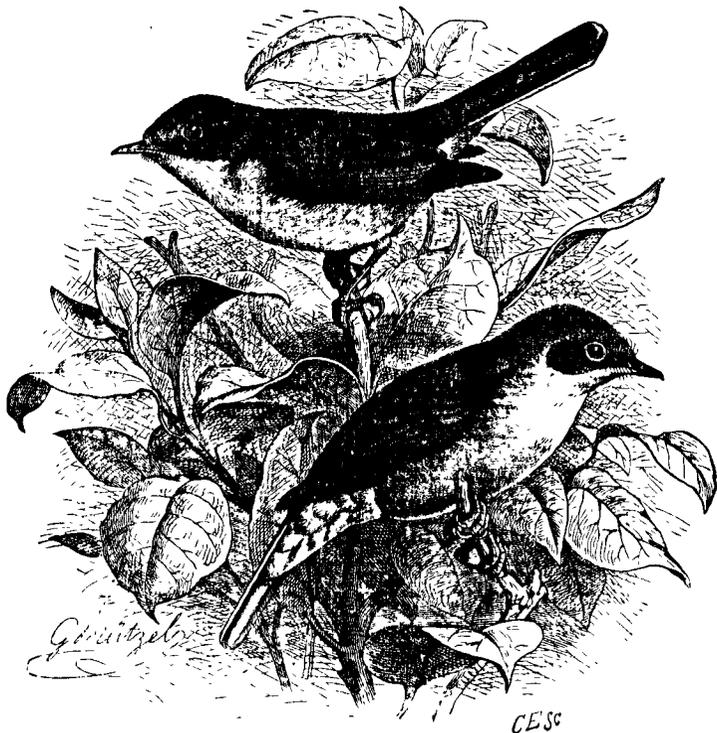
«Въ выборѣ мѣста смородинки такъ непостоянны, что начинаютъ строиться разомъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ, бросая недоконченныя гнѣзда, и наконецъ выстраиваютъ его въ такомъ мѣстѣ, которое, по нашимъ человѣческимъ понятіямъ, кажется совсѣмъ для этого неподходящимъ. Въ данныхъ случаяхъ не всегда осторожность руководитъ ими; правда, что, если онѣ увидятъ человѣка подлѣ того мѣста, гдѣ строить гнѣздо, то немедленно оставляютъ свою постройку; однако я видѣлъ массу недостроенныхъ гнѣздъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ долгое время не ступала ни одна человѣческая нога. Всѣ гнѣзда большею частью состояли изъ дюжины-другой сложенныхъ на-крестъ стебельковъ, и такихъ гнѣздъ было цѣлое множество на весьма небольшомъ пространствѣ, гдѣ я наконецъ нашелъ законченное гнѣздо, наполненное яйцами». Кладка заканчивается въ концѣ мая. 5—6 яицъ, составляющія ее, имѣютъ 17 м.м. въ длину и 14 м.м. въ толщину, и въ высшей степени разнообразную по цвѣту и рисунку скорлупу; чаще всего онѣ тускло-красновато-бѣлаго цвѣта съ малиново-бурыми и пепельно-сѣрыми пятнышками и разводами. Насиживаніемъ занимаются оба пола; самецъ, впрочемъ, только въ полуденные часы. Черезъ 14 дней вылупляются птенцы, а еще черезъ 14 дней они становятся настолько уже развитыми, что сейчасъ же оставляютъ гнѣздо, какъ только запримѣтятъ приближающагося врага. Во всякомъ случаѣ, летать они въ это время еще не умѣютъ, но порхаютъ и пробираются въ кустахъ съ такою быстротою, что моментально скрываются изъ глазъ наблюдателя. Въ виду угрожающей опасности родители поступаютъ такъ-же, какъ и другія птицы этого семейства, проявляя всего болѣе тревоги въ то время, когда птенцы съ дѣтскимъ рвеніемъ стараются спастись сами. При нормальныхъ условіяхъ пара выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ.

Вслѣдствіе ихъ прекраснаго пѣнія, смородинокъ часто держатъ въ клѣткахъ и онѣ такъ-же скоро привыкаютъ къ нимъ, какъ и другіе виды этого рода; онѣ легко становятся ручными, поютъ весьма прилежно и могутъ, при хорошемъ уходѣ, выживать въ неволѣ 10—15 лѣтъ.

Всѣмъ извѣстный **Мельничекъ, Славка-пересмѣшка, Завирушка, Хвостатый Кузнечикъ**, (*Sylvia curruca* и *garrula*, *Motacilla curruca* и *garrula*, *Curruca garrula*, *superciliaris* и *septentrionalis*. *Klappergrasmücke*. *Fauvette babillarde*) по окраскѣ похожъ на садовую славку, только онъ значительно меньше: длина всего 14 см., размахъ крыльевъ самое большее 21 см.; длина крыла 6,5 см., а хвоста 5,8 см. Опереніе на верхней части головы пенельно-сѣрое, на спинкѣ буровато-сѣрое, на уздечкѣ сѣро-черноватое, на нижней сторонѣ туловища бѣлое, съ желто-красноватымъ отливомъ по сторонамъ груди; оливково-бурая перья крыльевъ и хвоста имѣютъ снаружи узкія чало-бурыя каемки; первыя изъ нихъ и съ внутренней стороны окаймлены бѣловатымъ; самыя крайнія перья хвоста снаружи бѣлыя; ихъ конечная половина также и съ внутренней стороны бѣлая. Глаза каріе, клювъ темно-сѣрый, ноги сине-сѣрыя.

Область распространенія мельничка обнимаетъ всю умѣренную полосу Европы и Азіи, сѣверъ до самой Лапландіи, востокъ до Китая, югъ до Греціи; при перелетѣ-же эти птицы достигаютъ средней Африки и Индіи. Въ средней Европѣ онѣ появляются въ началѣ мая, а въ сентябрѣ уже снова покидаютъ насъ. Во время своего краткосрочнаго лѣтняго пребыванія на родинѣ, мельничекъ поселяется преимущественно въ садахъ, кустарникахъ и изгородахъ, по близости селеній, а также отдѣльныхъ дворовъ, даже среди большихъ городовъ; въ лѣсу онъ также иногда встрѣчается, хотя держится здѣсь большею частью на опушкѣхъ и въ прогалинахъ. «Это», по описанію Паумана, «необыкновенно рѣзвая, пріятная птичка,

которая никогда не остается долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ, постоянно находится въ движеніи, охотно заигрываетъ съ другими птичками, гоняется за себѣ подобными, при этомъ нисколько не стѣсняется присутствіемъ человѣка и безбоязненно занимается своимъ дѣломъ на его глазахъ. Только въ суровую или дождливую погоду она иногда взъерошиваетъ свои перышки; въ прочее-же время всегда выглядитъ гладенькою и стройною, проворно прыгаетъ и порхаетъ съ вѣтки на вѣтку и быстро исчезаетъ изъ глазъ преслѣдующаго ее наблюдателя. Но насколько легко и проворно пробирается она черезъ густой кустарникъ, настолько-же тяжело движется по землѣ, поэтому она избѣгаетъ спускаться на нее. Полетъ ея легокъ и быстръ, когда приходится перелетать большія пространства, въ другое-же

Мельничекъ. *Sylvia curruca* и Говорунчикъ. *Sylvia rufa*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

время онъ нервнѣйшій и порхающій. Призывные звуки у нея щелкающіе или чмокающіе, а крикъ ужаса—квакающій. Пѣніе, которымъ прилежно занимается самецъ, «состоитъ изъ длиннаго ріано, изъ разныхъ смѣняющихся одинъ другого чирикающихъ и слегка свистящихъ звуковъ, сквозь которые вдругъ прорывается рѣзкій крикъ, завершающійся конечнымъ короткимъ forte». Особенность пѣнія, отличающая мельничка отъ другихъ славокъ, заключается въ звенящей или трещащей трели.

Пища его въ существенномъ ничѣмъ не разнится отъ пищи его родичей.

Гнѣздо устраивается въ густомъ кустарникѣ, низко надъ землею, въ лѣсу, преимущественно въ кустахъ терновника и боярышника, на поляхъ—въ колючей изгороди, въ садахъ главнымъ образомъ въ кустахъ крыжовника; оно строится очень легко и лежитъ просто на вѣткахъ, не прикрѣпляясь къ нимъ; а въ остальномъ походитъ на гнѣзда другихъ славокъ. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, 16 м.м. дли-

ною, 12 м.м. толщиной, съ нѣжною скорлупою чисто-бѣлаго или голубовато-зеленаго цвѣта съ пепельно или фіолетово-сѣрыми и желто-бурыми пятнышками и крапинками на толстомъ концѣ. Оба родителя, попеременно, принимаютъ участіе въ насиживаніи яицъ, въ продолженіи 13-ти дней; потомство свое они любятъ такъ-же нѣжно, какъ и другія славки, въ случаѣ опасности прибѣгаютъ къ такимъ-же хитрымъ уловкамъ, какъ и прочія и, кромѣ того, преслѣдуютъ приближающагося врага пугливыми криками. Въ общемъ мельнички, въ періодъ размноженія, крайне недовѣрчивы, часто покидаютъ начатыя постройки гнѣзда, если узнаютъ, что туда заглядывалъ человѣческій глазъ, и оставляютъ даже кладку, если замѣтятъ, что яйца трогала чья-нибудь рука. Впрочемъ когда они убѣдятся въ доброжелательствѣ посторонняго посѣтителя, то мало-помалу утрачиваютъ свое недвѣріе и, если осторожно приблизиться къ гнѣзду, то можно даже наблюдать ихъ во время насиживанія. Птенцовъ своихъ они никогда не бросаютъ на произволь судьбы; случается, что кукушки имъ подсовываютъ своихъ птенчиковъ, за которыми они ухаживаютъ съ такимъ-же самоотверженіемъ, какъ и за своими собственными.

Подобно другимъ славкамъ, мельнички легко попадаютъ въ западни, поэтому ихъ часто ловятъ и держатъ въ клѣткахъ, гдѣ они скоро привыкаютъ ко всякому корму и выживаютъ долгое время. При хорошемъ уходѣ они дѣлаются вполне ручными и этимъ приобретаютъ общую любовь.

Послѣдній, несущійся въ средней Европѣ видъ славковыхъ, есть **Говорунчикъ**, **Полевая и Сѣрая славка**, **Болотная завируха**, **Обыкновенный и Сѣрый Кузнечикъ** (*Sylvia rufa*, *cinerea*, *fruticeti* и *affinis*, *Motacilla rufa* и *fruticeti*; *Ficedula curruca* и *cinerea*, *Curruca sylvia*, *cinerea*, *fruticeti*, *cineracea* и *caniceps*, *Dorngrasmücke*, *Fauvette grisette*). Эта птица выводитъ птенцовъ въ Германіи и отличается своею стройностью. Длина ея 15 см., размахъ крыльевъ 22 см., длина крыла и хвоста по 7 см. Опереніе верхней части тѣла красновато-землисто-бурое; верхняя часть головы, зашеекъ и ушная область—буро-сѣрая; уздечка, височная область и стороны шеи—ярко-сѣрая; подбородокъ, горло и нижняя часть щеки бѣлыя; остальныя нижнія части туловища нѣжно-красновато-мясного цвѣта, по сторонамъ—ржаво-буроватаго; маховыя перья оливково-бурыя, снаружи съ узкими ржаво-бурыми каемками; малыя маховыя и ихъ покровныя перья съ широкими ржаво-бурыми каемками, хвостовыя перья темно-бурыя; оба крайнихъ снаружи съ бѣлыми каемками, концы ихъ съ внутренней стороны съ бѣло-сѣрыми каемками; вторыя перья снаружи до самыхъ краевъ съ бѣлыми каемками. Радужная оболочка глазъ бурая, клювъ буровато-рогового цвѣта, съ нижней стороны желтовато-рогового; ноги желтыя. У самокъ верхняя часть головы и зашеекъ землисто-чалаго цвѣта, нижнія части бѣлыя, а бурыя наружныя каемки малыхъ маховыхъ перьевъ уже и блѣднѣе.

Говорунчикъ распространяется на сѣверъ дальше всѣхъ своихъ родичей, такъ какъ его можно встрѣтить еще на сѣверѣ Скандинавіи; на востокъ область его распространенія доходитъ до западной Азіи. Вальтеръ видѣлъ его выводящимъ птенцовъ еще въ Закаспійской области; зимнія странствованія его простираются до средней Африки; въ это время его можно встрѣтить также на Канарскихъ островахъ. У насъ онъ предпочитаетъ селиться въ низкихъ терновыхъ кустахъ; въ Испаніи онъ живетъ, вмѣстѣ съ другими мелкими видами семейства, въ особыхъ низкоствольныхъ лѣсахъ, о которыхъ я еще поговорю ниже. Настоящаго лѣса онъ всюду избѣгаетъ; въ садахъ онъ тоже не селится, хотя отдѣльныя высокія деревья въ нихъ ему очень нравятся; здѣсь на нижнихъ вѣтвяхъ ихъ верхушекъ онъ любитъ распѣвать, или въ пору любви, когда носится по воздуху, онъ

садится на нихъ для отдыха. Во время полета онъ посѣщаетъ засѣянные поля, въ Германіи — ржанія и пшеничныя, на югѣ Европы — майсовыя. У насъ онъ появляется рѣдко въ концѣ апрѣля, чаще въ началѣ мая, тотчасъ-же располагается въ своемъ участкѣ и остается въ немъ до августа; послѣ этого начинается отлетъ. Онъ покидаетъ насъ въ сентябрѣ, наипозднѣе — къ октябрѣ.

«Говорунчикъ», говоритъ мой отецъ, «въ высшей степени живая, проворная и ловкая птица; она ни одной минуты не остается въ покоѣ, неустанно прыгаетъ по кустамъ и, благодаря своему стройному тѣлу, съ необычайною ловкостью пролѣзаетъ сквозь чашу, на пути все изслѣдуетъ и часто по-долгу скрывается совсѣмъ изъ виду. Но потомъ снова выскочить изъ чащи, посидитъ на кончикѣ выдающейся вѣтки, посмотреть кругомъ и опять спрячется. Такъ продолжается безъ перерыва цѣлый день. Полетъ ея быстрый съ сильными взмахами крыльевъ, но летаетъ она обыкновенно низко надъ землею и притомъ лишь короткія разстоянія. Ея призывной голосъ звучитъ «гэт, гэт, шее, шее» и выражаетъ различныя состоянія довольства. Пѣніе самца хотя и разнообразное, но не особенно звучное; оно состоитъ изъ многихъ отрывочныхъ звуковъ, но значительно уступаетъ въ пріятности и красотѣ большинству другихъ пѣвчихъ птицъ. Впрочемъ, оно все-же способствуетъ оживленію мѣстности и вноситъ нѣкоторое разнообразіе въ флейтоподобное пѣніе садовой славки, пѣночки и другихъ птичекъ». Науманъ называетъ пѣніе говорунчика пріятнымъ и говоритъ, что его несправедливо считаютъ короткимъ; это кажущаяся короткость пѣсни происходитъ оттого, что издали слышны только рѣзко свистящія флейтовыя, звучныя заключительныя строфы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ оно состоитъ изъ длиннаго начальнаго piano, которое заканчивается короткимъ заключительнымъ forte. «Piano состоитъ изъ множества попеременныхъ свистящихъ и чирикающихъ звуковъ, которые быстро слѣдуютъ одинъ за другимъ и издаются тихо; заключительное-же forte поется полнымъ голосомъ красивыми флейтоподобными звуками». «Говорунчикъ», продолжаетъ мой отецъ, «поетъ свою пѣсню не только сидя или прыгая, но даже и во время полета. Съ пѣсней онъ садится на верхушку куста, вспархиваетъ, взвивается на 15—30 м. въ высоту и оттуда, ни минуты не переставая пѣть, бросается внизъ, или порхая по косому направленію, или подтянувъ крылья, почти совершенно отвѣсно». Это именно даетъ свѣдущему наблюдателю возможность издали узнать его. По отношенію людей онъ держится вообще осторожно. У насъ онъ хотя и не можетъ назваться робкимъ, но все-таки довольно осторожнымъ. Какъ только онъ замѣтитъ, что его преслѣдуютъ, тотчасъ-же старательно прячется въ густомъ кустарникѣ или высокой травѣ, такъ что зачастую его долго проищешь совершенно напрасно: онъ старается ускользнуть сквозь кустарникъ. Въ Испаніи я нашелъ этихъ птичекъ такими робкими, что напрасно гонялся за ними въ продолженіи цѣлой недѣли. Эта птичка въ высшей степени пріятна своею веселостью. «Я не помню», говоритъ Науманъ, «чтобы когда-нибудь видѣлъ ее на свободѣ грустною; она постоянно проявляетъ свою игривость по отношенію живущихъ съ нею по сосѣдству птичекъ, гоняясь за ними и заигрывая съ ними; и иногда она вступаетъ съ ними даже въ драку, но при этомъ никогда не предается безпечно свободѣ, а благоразумно держится всегда въ возможной близости кустарниковъ». Такимъ-же образомъ ведетъ она себя и на югѣ, и во время странствованій, въ чемъ я убѣдился личными наблюденіями. Она всюду одинакова, вездѣ въ равной степени внимательна, недоувѣрлива и хитра.

Вскорѣ по прибытіи на родину говорунчикъ начинаетъ приготовляться къ выводу птенцовъ. Онъ строитъ гнѣздо въ густыхъ кустахъ, въ тростникѣ и высокой травѣ, рѣдко когда выше 1 м. надъ землею, а зачастую такъ низко, что дно гнѣзда

касается земли. Оно, по обыкновенію, состоитъ изъ стебельковъ, а въ тонкія стѣнки его часто вилетается овечья шерсть; во внутренней выстилкѣ преобладаютъ кончики травяныхъ стебельковъ. Кладка завершается уже во второй половинѣ апрѣля; она состоитъ изъ 4—6 яицъ крайне разнообразныхъ по своей величинѣ, внѣшнему виду и окраскѣ; приблизительно они бываютъ величиною въ 17 м. м., а толщиною въ 13 м. м.; скорлупа имѣетъ цвѣтъ слоновой кости, желтый, сѣрый или зеленовато-желто-сѣрый, а также зеленовато-бѣлый или голубовато-бѣлый; по этому фону болѣе или менѣе ясно разбѣяны пепельно-сѣрые, аспидно-сѣрые, оливково-бурые или желто-зеленые крапинки, пятнышки и разводы. Родители ведутъ себя у гнѣзда такимъ-же образомъ, какъ и другія славки. Второй выводъ птенцовъ происходитъ непосредственно вслѣдъ за первымъ.

Въ клѣткахъ говорунчиковъ держатъ рѣже, чѣмъ ихъ родичей. Пѣніе ихъ не каждому нравится, хотя оно вовсе не заслуживаетъ презрѣнія со стороны воспитателя, а потому эта птица достойна лучшей оцѣнки, чѣмъ какою она пользовалась до сихъ поръ.

Очковая славка (*Sylvia conspicillata* и *icterops*, *Curruca* и *Stoparola conspicillata*. Brillengrasmücke. Babillarde à lunettes) есть прикрашенная копія въ маленькомъ видѣ говорунчика. Ея длина 12,7 см., размахъ крыльевъ 17,5 см., длина крыла 5,6 см. и длина хвоста 5,2 см. Голова у нея темная, ушная область свѣтло-пепельно-сѣрая, уздечка черная, верхняя сторона свѣтло-бурая съ ржаво-красноватымъ налетомъ, надхвостье ржаво-красновато-сѣрое, горло, какъ и нижнія кроющія перья хвоста, бѣлыя, остальная нижняя сторона нѣжнаго красновато-мясного цвѣта, который на брюшкѣ переходитъ въ болѣе свѣтлый. Маховыя перья сѣрые, малыя маховыя перья и верхнія кроющія перья крыла имѣютъ снаружи широкія ржаво-красныя каемки; у крайнихъ хвостовыхъ перьевъ наружныя бородки до самаго корня бѣлыя, внутреннія же до середины испещрены множествомъ клиновидныхъ пятенъ, которыя на остальныхъ рулевыхъ перьяхъ становятся все меньше и короче. Глаза окружены бѣлымъ кольцомъ; они свѣтло-красновато-бурые; клювъ у корня красновато-мясного цвѣта, на концѣ—чернаго; ноги желтовато-мясного или красновато-сѣраго цвѣта. Птенцы отличаются отъ старыхъ главнымъ образомъ чисто сѣрою грудью, т. е. безъ красноватаго отлива. Отъ говорунчика, разновидностью котораго нѣкоторые натуралисты считаютъ очковую славку, эта послѣдняя отличается, кромѣ своей меньшей величины и болѣе красивой окраски, еще тѣмъ, что у нея не третье, а четвертое маховое перо самое длинное.

Очковую славку слѣдуетъ считать коренною птицею южно-европейскихъ странъ, омываемыхъ Средиземнымъ моремъ. Она населяетъ южную Францію, Испанію, Португалію, сѣверо-западную Африку, Палестину до Персіи, Малую Азію, Грецію и южную Италію, а также острова Зеленаго Мыса, и вездѣ—какъ въ Испаніи и Греціи, такъ и на островахъ Сардиніи и Мальтѣ держится по склонамъ горъ, поросшимъ низкимъ кустарникомъ, преимущественно розмариномъ или чертополохомъ. Здѣсь она, повидимому, осѣдлая птица или отлетающая только на зиму. Графъ фонъ деръ Мюле встрѣчалъ ее въ Греціи зимою маленькими обществами; мой братъ тоже въ это время наблюдалъ ее въ садахъ, пограничныхъ съ плоскою возвышенностью Мурціи. Врайтъ называетъ ее единственною осѣдлою птицею острова Мальты. Кара удостовѣряетъ, что она не покидаетъ Сардиніи, тогда какъ Сальвадори полагаетъ, что только отдѣльные экземпляры перезимовываютъ на этомъ островѣ и прибавляетъ къ этому, что съ наступленіемъ апрѣля множество очковыхъ славокъ появляется въ окрестностяхъ Каглиари. Первые, которыхъ я

наблюдать, поселились на пустынномъ утесѣ, только мѣстами засаженномъ виноградомъ; послѣ мы не разъ находили ихъ маленькими группами въ кустахъ чертополоха. Гансманъ встрѣчалъ ихъ въ Сардиніи въ кустарниковыхъ заросляхъ по близости морского берега, но не въ горахъ.

Я со своей стороны рѣдко имѣлъ случай наблюдать это миловидное созданіе. Первые, которыхъ я замѣтилъ, мнѣ не показались пугливыми, скорѣе даже довѣрчивыми. Онѣ не забивались въ чашу, подобно своимъ родичамъ, напротивъ, охотно держались на-виду, особенно самцы, которые часто садились на высокія верхушки кустовъ и распѣвали оттуда. Совершенно иначе вела себя эта-же самая птичка осенью, по окончаніи линяніи: тогда она забивалась въ самую чашу кустовъ розмарина и чертополоха, проскальзывала, подобно говорунчику, съ одного куста на другой и отлично умѣла дѣлаться невидимой. Вспугнутая, она ловко и быстро улетала съ одной горы на другую, совершая свой полетъ на значительной высотѣ отъ земли; только мнѣ показалось, что подобное поведение птички вовсе не стояло въ зависимости отъ появленія человѣка, а было скорѣе слѣдствіемъ ея живого, подвижного характера. Вraithъ сообщаетъ, что на Мальтѣ очковая славка, при маломальски благоприятной погодѣ начинаетъ пѣть уже въ январѣ, а весною она старательно распѣваетъ свою пріятную пѣсню, для чего почти всегда садится на какую-нибудь вершину или на край вѣтки, или-же на выдающійся выступъ большого камня.

«Очковая славка», говоритъ Гансманъ, «по своимъ нравамъ имѣетъ большое сходство съ говорунчикомъ. Менѣе пугливая, чѣмъ другія птицы, она, распѣвая, часто садится на верхушку тернового или цистоваго куста, оттуда, словно ракета, взвивается на воздухъ, чтобы снова затѣмъ, прежде еще, чѣмъ окончить послѣднюю строфу своей пѣсни, сѣсть на какую-нибудь ближнюю вѣтку. Пѣніе ея также имѣетъ много общаго съ пѣніемъ говорунчика, только оно болѣе хриплое. Продолжительнаго и звучнаго чириканья, которое часто, особенно раннею весною, слышится у говорунчика, въ пѣніи очковой совсѣмъ нѣтъ; она усвоила отъ своей сѣверной родственницы только короткій призывъ, который растягиваетъ, прибавляя къ нему произвольные слоги. Точно также въ призывномъ голосѣ нѣтъ щелкающихъ звуковъ говорунчика, а только одни грубые, сдавленные, свойственные почти всѣмъ славкамъ». Мой братъ опровергаетъ показанія Гансмана и говоритъ, что пѣніе очковой славки также начинается продолжительными тихими, но въ высшей степени пріятными звуками.

Время вывода птенцовъ наступаетъ очень рано, по всей вѣроятности уже въ февралѣ, и продолжается до іюня, потому-что Вraithъ находилъ птенцовъ, начиная съ марта и до іюня, что заставляетъ его предполагать, что пара выводитъ птенцовъ два раза въ году. «Гнѣздо», замѣчаетъ Гансманъ, «которое я находилъ готовымъ, хотя и безъ яицъ, уже въ концѣ апрѣля представляетъ изъ себя довольно глубокую чашку съ тонкими стѣнками, какъ у всѣхъ прочихъ славокъ. Въ наружныхъ стѣнкахъ вилетены прядки овечьей шерсти, какъ это бываетъ въ гнѣздахъ смородинки. Птички оказывались настолько чувствительными, что оставляли гнѣздо даже тогда, когда я, только отогнувъ вѣтви, заглядывалъ въ него». Яйца имѣютъ въ длину 17 м.м., а въ толщину 11 м.м. и по блѣдно-сѣро-зеленовато-му фону испещрены крошечными буроватыми крапинками.

* *
*

Приблизительно тѣ-же самыя страны, которыя названы выше, точнѣе говоря: Истрія, Далмація и Греція, вся Италія, южная Франція, Испанія, Португалія, Ка-

нарскіе острова и Атласкія горы, но главнымъ образомъ всё южныя прибрежныя страны, омываемыя Средиземнымъ и Чернымъ морями, на востокъ до Закавказья служатъ родиною, а средняя и западная Африка только временнымъ зимнимъ мѣстопребываніемъ прелестной птички—**Бѣлобородой славки** (*Sylvia subalpina*, *passerina*, *leucopogon*, *mystacea* и *bonellii*, *Curruca*, *subalpina*, *passerina*, *leucopogon* и *a. bostriata*, *Alsaecus* и *Erythroleuca leucopogon*. *Bartgrasmücke*. *Fauvette passerinette*). Верхняя сторона туловища этой красивой птички имѣетъ красивое пепельно-сѣрое опереніе, нижняя-же—сѣровато-бѣлое; яркое ржаво-буро-красное горло отдѣляется отъ темной окраски верхнихъ частей тонкою бѣлою полосой, которая идетъ отъ корня клюва къ плечамъ; глаза окружены красноватымъ вѣнчикомъ; перышки около ушей буроватыя; маховыя и хвостовыя перья темно-бурыя; у крайнихъ рулевыхъ перьевъ наружныя бородки три четверти своей длины бѣлыя, внутреннія-же испещрены свѣтлыми клиновидными пятнышками, остальные перья съ бѣлыми каемками. Самка и птенцы имѣютъ болѣе простое опереніе, нѣсколько похожее на опереніе пестрогрудки, и главнымъ образомъ оно отличается отсутствіемъ буро-краснаго пятна на горлѣ. Глаза красновато-сѣрые; вѣки блѣднаго кирпично-краснаго цвѣта; клювъ матово-черно-рогового, кончикъ нижней части его—матово-красновато-рогового; ноги красновато-сѣраго цвѣта. Длина птицы 12,5—13 см., размахъ крыльевъ 18, длина крыла 5,7 а хвоста 5,4 см. Самка на нѣсколько миллиметровъ тоньше самца.

Всѣ средней высоты и низкія горы сѣверной Испаніи покрыты чуднымъ лѣсомъ, который туземцы называютъ низкоствольнымъ или кустарниковымъ: это карликовый лѣсъ въ полномъ значеніи этого слова. Онъ весь состоитъ изъ роскошныхъ видовъ вереска, цисты, вѣчно зеленыхъ дубковъ и вязовъ, которые составляютъ почти непроходимую чащу. Нѣкоторые отдѣльныя деревца выдѣляются своимъ ростомъ надъ этимъ смѣшаннымъ лѣсомъ и потому кажутся чуть не великанами, но это только оттого, что общимъ уровнемъ служатъ карликовыя деревья. Вотъ этотъ-то лѣсъ, преобладающій также въ остальной южной Европѣ и въ сѣверо-западной Африкѣ, и служитъ настоящей родиной маленькой бѣлобородой славки. Это поистинѣ великолѣпная птичка. Болѣе довѣрчивая, чѣмъ всѣ прочія славки, она позволяетъ наблюдать себя въ возможной близости и, не обращая никакого вниманія на подкрадывающагося къ ней человѣка, распѣваетъ свою веселую пѣсенку. До тѣхъ поръ, пока ее не преслѣдуютъ, она, очевидно, считаетъ этого повсемѣстно заклятаго врага всѣхъ животныхъ за самое неопасное существо. По своимъ привычкамъ она имѣетъ много общаго съ пестрогрудкою, а еще больше съ бѣлобрюхою славкою, живущею въ такихъ-же мѣстахъ. Она вполне освоилась съ чащами кустарниковъ, но движется тамъ больше на самыхъ кустахъ, чѣмъ подъ ними. Въ удобныхъ мѣстахъ парочка селится подлѣ парочки, и здѣсь почти на каждой верхушкѣ куста можно видѣть сидящаго самца, который или обозрѣваетъ окрестность или просто поетъ. Если ничѣмъ не пугать птичку, то она безпечно остается на виду, рѣзко прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, ловкимъ, хотя и непродолжительнымъ полетомъ перелетаетъ съ одного куста на другой, подбираетъ гдѣ придется маленькихъ гусеницъ или жуковъ, ловко схватываетъ на-лету насекомое и взлетаетъ иногда на самыя высокія деревья своего участка или съ пѣсней взвивается на воздухъ, на высоту 6—10 м. надъ лѣсомъ, и оттуда по косому направленію снова спускается внизъ. При упорномъ преслѣдованіи она забирается въ чащу и тамъ, съ поразительной ловкостью, порхаетъ съ вѣтки на вѣтку, оставаясь совершенно невидимой для преслѣдователя. Оттуда раздается только крикъ предостереженія, протяжное тихое «цёрр», выдающій ее присутствіе и показывающій, съ какою быстротою она

носятся по чащѣ. Ея призывной голосъ состоитъ изъ благозвучнаго «цээ» или «тек тек»; пѣніе ея—очень мелодичная пѣсенка, которая, къ сожалѣнію, звучитъ очень тихо. За длиною, перемежающеюся, отчасти спутанною печальною мелодіею слѣдуетъ громкая заключительная строфа, которая болѣе напоминаетъ пѣніе нашей смородинки, нежели говорунчика.

Гнѣздо строится въ густомъ кустарникѣ, низко надъ землею и, по нашимъ наблюденіямъ, только въ концѣ мая, хотя очень можетъ быть, что видѣнное нами было уже вторымъ гнѣздомъ парочки. Оно отличается отъ гнѣздъ другихъ славокъ своею красивою постройкою и относительно плотною выстилкою. Кладка состоитъ обыкновенно изъ 4—5 яицъ почти 16 м.м. длиною и 13 м.м. толщиною; они испещрены по грязно-бѣлому фону оливково-бурыми или оливково-зелеными пятнышками и крапинами, которыя иногда на толстомъ концѣ сливаются въ видѣ вѣночка. Оба родителя держатся около гнѣзда крайне боязливо, и самка, для предохраненія своего потомства отъ опасности, изопряется въ искусствѣ притворства, свойственномъ всему ихъ семейству.

На сѣверѣ Испаніи бѣлобородая славка появляется, повидимому, въ качествѣ перелетной птицы. Мы встрѣчали ее въ апрѣлѣ мѣсяцѣ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ она прежде не попадалась, а въ серединѣ сентября видѣли маленькія общества этихъ птичекъ, очевидно собравшихся въ путешествіе. По наблюденіямъ Линдермейера и Крюгера, въ Греціи она появляется въ концѣ марта, сначала устраивается въ высохшихъ руслахъ горныхъ источниковъ, а затѣмъ поднимается выше въ горы, чтобы тамъ вывести птенцовъ. По Сальвадори, бѣлобородая славка покидаетъ Сардинію осенью, по крайней мѣрѣ этотъ натуралистъ не видѣлъ ее тамъ зимою. Тѣ бѣлобородыя славки, которыхъ наблюдали въ Египтѣ, очевидно залетѣли туда изъ юго-восточной Европы; я, по крайней мѣрѣ, никогда не встрѣчалъ ее тамъ лѣтомъ. Мой братъ ясно говоритъ, что онъ слышалъ ея пѣніе зимою въ окрестности Мурціи, и это можетъ служить доказательствомъ, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя остаются зимовать если не совсѣмъ на томъ мѣстѣ, гдѣ выводили птенцовъ, то во всякомъ случаѣ тутъ-же, на родинѣ.

* * *

На юго-востокѣ Европы къ названнѣмъ славкамъ присоединяется еще одна маленькая, **Длинноногая славка** или **Славка Рюппеля** (*Sylvia rüppellii*, capistrata и melandiros, *Curruca* и *Corytholaea rüppellii*. Stelzengrasmücke. Fauvette de Rüppel). Общая ея окраска такъ напоминаетъ нашу обыкновенную трясогузку, что обѣихъ можно описать одними и тѣми-же словами. Голова, уздечка, подбородокъ и горло до груди черныя, верхняя часть тѣла темно-сѣрая, полоска, идущая отъ нижней части подбородка до нижней части ушей, и нижнія части туловища бѣлыя, послѣднія съ красноватымъ налетомъ, на мягкихъ частяхъ сѣроватыя; маховыя перья и малыя кроющія перья крыла буровато-черныя, послѣднія съ бѣлою каемкою; среднія рулевыя перья черныя, крайнія совершенно бѣлыя; вторыя, третья и четвертыя съ каждой стороны на концахъ и на внутреннихъ бородкахъ болѣе или менѣе бѣлыя. Самка меньше и съ болѣе блѣднымъ опереніемъ. Глаза свѣтло-бурые; клювъ рогового цвѣта; ноги красноватыя. Длина самца 13 см., размахъ крыльевъ 21, длина крыла 7, хвоста 6,5 см.

Родиною длинноногой славки служатъ Греція, Малая Азія, Сирія, Палестина; во время пролета она посѣщаетъ Аравію, Египетъ и Пубію. Объ ея образѣ жизни нѣтъ еще подробныхъ свѣдѣній; только фонъ Гейглингъ и Крюперъ даютъ о ней свѣдѣнія, да и то довольно скудныя. Намъ извѣстно, что эта птичка—житель пороснихъ кустарникомъ долинъ стѣнныхъ областей и острововъ со скудною

растительностью. Въ Греціи она считается рѣдкостью; въ Палестинѣ, Малой Азіи и на островахъ Краснаго моря она встрѣчается чаще, а въ окрестностяхъ Смирны это—самый распространенный видъ славковыхъ. На Іоническихъ островахъ, по Крюперу, она появляется въ концѣ марта, начинаетъ нестись уже въ половинѣ апрѣля, а въ августѣ снова покидаетъ страну. Во время пролета она встрѣчается, какъ и я самъ узналъ, большею частью въ низкомъ кустарникѣ и въ тростникѣ, гдѣ старательно выискиваетъ насѣкомыхъ. На родинѣ, тотчасъ послѣ прибытія, ее можно замѣтить на всѣхъ горныхъ склонахъ, возвышенностяхъ и даже горахъ, поросшихъ соотвѣтствующею растительностью. Но видѣть удается только самца, такъ какъ самка ведетъ очень скрытую жизнь. Самцы распѣваютъ свою пѣсню на верхушкѣ куста, ловко шмыгаютъ въ зеленой чащѣ или перелетаютъ на верхушку другого куста, чтобы тамъ повторить свою пѣсню. Въ пору любви они поютъ очень усердно, потанцовавъ на мѣстѣ, взвиваются на воздухъ и тамъ парятъ съ развернутыми крыльями и распущеннымъ въ видѣ вѣера хвостомъ. По пѣнію славку Рюппеля легко отличить отъ всѣхъ другихъ тамъ живущихъ птицъ, но какъ, —объ этомъ вышеупомянутые авторы ничего не говорятъ. 7-го апрѣля Крюперъ нашелъ на разстояніи почти 15 см. надъ землею гнѣздо этой птички, состоявшее изъ тонкихъ сухихъ травинокъ и ничѣмъ не выстланное внутри; въ немъ находилось 5 мраморныхъ яичекъ, похожихъ на яйца говорунчика. Въ концѣ мая птичка снесла еще три. Одно изъ нихъ, которое Крюперъ послалъ Дрессеру, было 19 м.м. длиною, 15 м.м. толщиною и по зеленовато-бѣлому фону испещрено крошечными сѣро-бурыми, сливающимися крапинками.

* * *

Въ то время, какъ всѣ до сихъ поръ перечисленные славки имѣютъ такое сходство между собою, что всякое подраздѣленіе рода оказывается излишнимъ, другія, напротивъ, представляютъ нѣкоторые отклоняющіеся отъ общихъ признаки, такъ какъ въ очень короткихъ и сильно округленныхъ крыльяхъ третье, четвертое и пятое маховыя перья у нихъ одинаковой длины и самыя длинныя; длинный хвостъ съ ясно-ступенчатыми рулевыми перьями, а бородки кроющихъ перьевъ какъ бы расчесаны и имѣютъ волосатое строеніе. На этомъ незначительномъ различіи Личъ оноваль особый родъ.

Наиболѣе извѣстнымъ видомъ группы, который мы отмѣтимъ какъ особый подродъ, является **Бѣлобрюхая славка** (*Sylvia melanocephala, ruscicola, ochrogenion* и *baumani*, *Melizophilus melanocephala* и *nigricapillus*, *Motacilla melanocephala* и *leucogastra*, *Currusa melanocephala*, *momus* и *luctuosa*, *Pyroptalma melanocephala*, *Dumeticola melanocephala*. Samtköpfchen. Babillarde à cape de velours). Длина ея 14 см. размахъ крыльевъ 18, длина крыла 5,5, а хвоста 6 см. Опереніе на верхней сторонѣ сѣровато-черное, на нижней—бѣлое съ красноватымъ налетомъ, на головѣ бархатисто-черное, на горлѣ чисто-бѣлое; маховыя и хвостовыя перья черныя, три крайнихъ рулевыхъ пера съ каждой стороны и наружныя бородки маховыхъ — бѣлыя. Глаза буро-желтые; голыя, сильно выдающіяся вѣки кирпично-красныя; клювъ сѣровато-синій; ноги красновато-сѣрыя.

Начиная съ южной Франціи и южной Италиі, бѣлобрюхая славка распространена по всей южной Европѣ, сѣверной Африкѣ и восточной Азіи, и полагается также на самыхъ маленькихъ островахъ, если тамъ есть хоть нѣсколько густыхъ кустарниковъ. Въ низкоствольныхъ лѣсахъ и во всѣхъ садахъ Греціи, Италиі и Испаніи она составляетъ обыкновенное явленіе. Она не странствуетъ зимою, но, подобно прочимъ своимъ родичамъ, изъ году въ годъ остается на родинѣ. Я самъ въ продолженіи цѣлаго года, изо дня въ день наблюдалъ эту птичку, но все-таки, въ

описаніи ея предпочту держаться наблюденій Гансмана, такъ какъ всякая характеристика уступила-бы тому прекрасному описанію, которое далъ этотъ натуралистъ. Только въ одномъ отношеніи я не могу согласиться съ Гансманомъ. Онъ весьма справедливо утверждаетъ, что бѣлобрюхая славка имѣетъ свое мѣстопробываніе въ однихъ мѣстностяхъ съ очковою славкою, а иногда также и съ сардинскою, и кромѣ того встрѣчается въ такихъ мѣстахъ, куда эти два вида никогда не залетаютъ; но онъ высказываетъ сомнѣніе относительно сообщенія графа фонъ деръ Мюле, что эта славка въ особенности любитъ селиться въ кустахъ фигового кактуса, гдѣ и строить свои гнѣзда. Я-же долженъ согласиться съ фонъ деръ Мюле, такъ какъ мои личныя наблюденія показали, что бѣлобрюхая славка имѣетъ явную привычку селиться въ этихъ кактусовыхъ кустахъ, которые также избираетъ себѣ и для зимовки.

«Если приблизиться къ мѣсту, гдѣ скрывается гнѣздо или птенцы бѣлобрюхой славки, то можно слышать оттуда ея звонкій крикъ предостереженія «тррет тррет трретт», который въ сильномъ гнѣвѣ или величайшемъ страхѣ она такъ быстро повторяетъ одинъ за другимъ, что слышится одна слитная трескотня. При этомъ птица нахлываетъ свои головныя перья, которыя, сначала очень короткія, къ затылку удлиняются, а голое кольцо вокругъ глазъ становится огненно-краснаго цвѣта. Призывной голосъ звучитъ менѣе рѣзкимъ «трек трек трек»; этимъ-же звукомъ начинается обыкновенно пѣніе — разнообразная, довольно длинная пѣсенка, состоящая изъ трещащихъ и свистящихъ звуковъ, которая заканчивается искусными, звонкими строфами. Чаще всего она распѣваетъ свою пѣсню, перелетая съ мѣста на мѣсто, или, подобно очковой славкѣ, поднимаясь на воздухъ и снова опускаясь на вѣтку». Я прибавлю къ этому, что поющій самецъ почти всегда, или по крайней мѣрѣ очень охотно, садится на высокое мѣсто, поднимаетъ во время пѣнія хвостъ, нахлываетъ шейныя перья и дѣлаетъ граціозныя поклоны. Самка далеко не такая рѣзвая и смѣшная птица, какъ самецъ, и ее очень рѣдко случается видѣть. Съ птенцами она обращается такъ-же заботливо, какъ и отецъ, только участіе ея проявляется не съ такою шумною храбростью, какая замѣчается у самца. Вообще самецъ большой проныра: онъ вездѣ суетъ свой носъ, ему все надо знать и вездѣ распорядиться. Лишь только онъ еще издали замѣтитъ хищную птицу, какъ поднимаетъ неистовый шумъ, выпархивая на видную вѣточку; если раздастся пугливый крикъ другой птицы, опасасейся за дѣлство своего выводка, онъ уже тамъ и энергично помогаетъ въ выпроваживаніи неприятели. Случающіяся съ нимъ при этомъ всякія неприятности, ни мало не останавливаютъ другихъ отъ подобныхъ-же поступковъ.

«Гнѣзда бѣлобрюхой славки, которыя я находилъ, помѣщались то въ низкихъ, густыхъ кустахъ кратегуса или лициума, то на наружныхъ вѣтвяхъ ежевики, конечно вполнѣ защищенные отъ неприятелискихъ взоровъ нависшею верхушкою куста. Эта птица въ первый разъ несется, по всей вѣроятности, довольно рано, потому-что я уже въ началѣ апрѣля находилъ летающихъ птенцовъ. Въ августѣ я еще разъ нашелъ гнѣздо, наполненное только что снесенными яйцами. Ихъ обыкновенно 4—5 штукъ; они 21 м.м. длиною и 15 м.м. толщиною и по грязновато-бѣлому или оливково-сѣро-зеленоватому фону испещрены мельчайшими темными крапинами, въ родѣ яицъ сойки обыкновенной. Кромѣ того попадаются яйца съ голубоватыми крапинками или съ вѣточкомъ изъ оливково-бурыхъ пятнышекъ на толстомъ концѣ. Самое гнѣздо имѣетъ болѣе толстыя стѣнки, чѣмъ у другихъ членовъ этого семейства, напоминая отчасти гнѣздо черноголовки, только оно гораздо меньше и красивѣе свито. По окончаніи гнѣздованія старые и птенцы еще долгое время держатся вмѣстѣ. Намъ случалось наблюдать такія семьи даже въ зимніе мѣсяцы.

Въ Сицили, Сардини, Корсикѣ, Мальтѣ, на Балеарскихъ островахъ, въ Португаліи, Греціи и сосѣднихъ островахъ живетъ второй видъ группы — **Сардинская славка** (*Sylvia sarda*, *Melizophilus sardus*, *Curruca*, *Pugophthalma* и *Dumeticola sarda*. *Sardengrasmücke*. *Pitchou sarde*). Длина ея приблизительно 13 см., длина крыла 5,5, длина хвоста 6 см. Опереніе на верхней части тѣла черновато-пепельно-сѣрое съ легкимъ ржавымъ налетомъ, на нижней — матово-ржаво-буроватое, на горлѣ бѣловатое, на брюшкѣ грязно-бѣлое; маховыя и рулевыя перья черно-бурья съ ржаво-буроватыми каемками; самая крайняя пара рулевыхъ перьевъ снаружи съ узкими ржаво-бѣловатыми каемками. Глаза орѣхово-бурые, голый край вѣкъ желто-тѣлеснаго цвѣта; клювъ черный, у основанія нижней челюсти желтоватый; ноги свѣтлаго рогового цвѣта. Самка отличается отъ самца болѣе свѣтлою окраскою.

«Эта славка», говоритъ Сальвадори, «по всей вѣроятности самая обыкновенная изъ всѣхъ живущихъ въ Сардиніи птицъ. Она обитаетъ какъ въ горахъ, такъ и на равнинахъ, но всегда лишь тамъ, гдѣ произрастаетъ верескъ и цисты (*Cistus*). Особенно ея много на холмахъ, покрытыхъ этою растительностью». То-же самое, по Гомейеру, можно отнести и къ Балеарскимъ островамъ, но это тѣмъ удивительнѣе, что въ Испаніи эта птица вовсе не встрѣчается или очень рѣдко. Въ своемъ кустарниковомъ лѣсу она движется скорѣе на подобіе мыши, чѣмъ птицы. «Она составляетъ одинъ кустъ», говоритъ Гомейеръ, «чтобы, торопливо вспархивая и прыгивая надъ самой землей, добраться до другого, скрывается въ немъ, потомъ снова выпархиваетъ изъ него, летитъ на камень или на скалу, бѣгаетъ по ней или вокругъ нея, снова скрывается въ кустѣ, бѣжитъ по землѣ къ ближайшему убѣжищу, — и все это продѣлываетъ съ замѣчательною ловкостью, которою превосходить даже нашего крапивника. Что касается ея умѣнья проскальзывать сквозь чащу, то въ этомъ она имѣетъ сходство съ бѣлобрюхой славкой, только она еще проворнѣе и живѣе ея. По землѣ она бѣгаетъ съ гордой осанкой трясогузки или съ проворствомъ варакушки, приподнявъ при этомъ хвостъ почти перпендикулярно. Очень забавно выглядитъ птичка, когда она въ такомъ положеніи стоитъ на камнѣ и оттуда обзрѣваетъ окрестность». Такимъ-же образомъ описываетъ сардинскую славку и Гансманъ. «Неутомимая въ своихъ движеніяхъ, эта птица перебѣгаетъ отъ одного цистоваго куста къ другому, вытаскивая на-ходу насѣкомыхъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ или преслѣдуя пролетающихъ мимо мелкихъ бабочекъ, и время отъ времени распѣвая свою звонкую пѣсенку, которая имѣетъ много общаго съ чириканьемъ молодого самца канарейки, но все-же отличается отъ него тѣмъ, что, подобно пѣнію реполова, оканчивается въ минорномъ тонѣ. Хотя пѣсня сардинской славки очень негромкая, но все-же ее можно слышать довольно издалека, особенно отдѣльные ея звонкіе звуки, которые удивительно походятъ на звонъ маленькаго колокольчика. Призывной голосъ совершенно такой-же, какъ у сорокопута-жулана, только онъ значительно тише. Когда онъ издается громче и быстрѣе, то становится крикомъ предостереженія. Сардинская славка поетъ въ сумерки долѣе всѣхъ другихъ птицъ; она замолкаетъ послѣдняя, уже послѣ того, какъ начнутъ раздаваться выкрикиванія первыхъ карликовыхъ филиновъ. Въ это время пѣніе ея, впрочемъ, ограничивается громкими вскрикиваніями, прерываемыми длинными, неправильными паузами — очевидное слѣдствіе безпокойнаго состоянія этой птички, у которой при наступающей ночи не тотчасъ смыкаются вѣки.

«Словить сардинскую славку въ ея густо поросшемъ мѣстожительствѣ — довольно трудно. Какъ только она замѣтитъ, что ее преслѣдуютъ, тотчасъ-же прячется между цистовыми вѣтвями и проводитъ нѣкоторое время низко надъ землею.

Это для нея тѣмъ удобнѣе, что верхушки растеній, сплетаясь своими вѣтвями, образуютъ широкій сводъ; внизу-же, гдѣ пространство между стволами не заросши мхомъ или травой, ей предоставляется достаточно мѣста для свободнаго движенія. Иногда она выскальзываетъ на верхнія вѣтки, гдѣ и сидитъ, ловко прикрываясь листочками, такъ что видна только, самое большее, часть хвоста или какой-нибудь другой краешекъ, вся-же птица никогда. Если притаится, то птичка, распѣвая, выпорхнетъ изъ чащи и садеть на верхушку ближайшаго куста, гдѣ, быстро взведя курокъ, можно подстрѣлить ее. Каждое неосторожное движеніе поведетъ только къ тому, что птичка съ короткимъ «тэк» снова исчезнетъ въ зелени. Подстрѣленная въ крыло, она поспѣшно бѣжитъ по землѣ и нужно дѣйствовать крайне расторопно, чтобы во время успѣть схватить ее.

«Гнѣздо свое она больше всего любить вить въ густомъ терновникѣ или въ миртовыхъ кустахъ, такъ какъ цистовые кажутся ей слишкомъ рѣдкими. Оно состоитъ изъ сухихъ стебельковъ и выстлано внутри отдѣльными конскими волосами, а мѣстами также перьями; оно относительно глубоко, но построено не особенно прочно, съ тонкими стѣнками, на подобіе гнѣзда смородинки, съ которою вообще всѣ кустарниковые пѣвуны имѣютъ сходство по постройкѣ гнѣздъ. 4—5 яицъ составляющія кладку, покрыты, по зеленовато-грязновато-бѣлому фону, оливково-зелеными разводами, которые мѣстами переходятъ въ пятна, или настоящими пятнышками, впадающими въ пепельно-голубоватый цвѣтъ, черными крапинками и иногда черными черточками. Птенцы совершенно походятъ на своихъ родителей, только у молодыхъ самцовъ не такъ ясенъ темный налетъ на теменіи и на уздечкѣ и край вѣкъ у нихъ имѣетъ лишь незначительный красный налетъ. Въ образѣ жизни птенцы, даже только что начинающіе летать, проявляютъ тѣ-же самыя нравы, что и старыя птицы и ихъ довольно трудно достать изъ гнѣзда, такъ какъ они съ чрезвычайною ловкостью проскальзываютъ между цистовыми вѣтвями и тамъ исчезаютъ.

«Сардинская славка въ Сардиніи осѣдлая птица, даже зимою она не покидаетъ разъ выбраннаго мѣстожительства. Такъ какъ она начинаетъ вить гнѣздо съ начала апрѣля, то, по всей вѣроятности, за лѣто три раза выводитъ птенцовъ».

* * *

Основываясь на предыдущемъ описаніи, я тотчасъ-же понялъ, что **Провансальская славка** (*Sylvia provincialis*, *undata*, *ferruginea* и *dartfordiensis*, *Melophilus provincialis* и *dartfordiensis*, *Motacilla provincialis* и *undata*, *Ficedula ulicicola*, *Curruea*, *Thamnodus* и *Malurus provincialis*. *Schlüpfgrasmücke*. *Pitchou provençal*), которую я часто наблюдалъ въ Испаніи, должна разсматриваться какъ ближайшій родичъ сардинской славки. Опереніе на верхней части ея тѣла темно-пепельно-сѣрое, на нижней цвѣта краснаго вина, на горлѣ съ желтовато-бѣлыми разводами; маховыя и рулевыя перья буровато-сѣрыя; четыре крайнихъ рулевыхъ пера съ каждой стороны на концахъ съ бѣлыми каемками. Глаза свѣтлые красно-бурные, кольцо вокругъ глазъ кирпичнаго цвѣта; клювъ черный, у корня нижней челюсти—красноватый; ноги красновато-сѣрыя. Длина птицы 13 см., размахъ крыльевъ 16, длина крыла 5, а хвоста 6 см.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что эта славка—жительница не только западной Франціи, остальной южной Европы или Малой Азіи и сѣверной Африки, но также и южной Великобританіи. Здѣсь она водворяется на пустынныхъ выгонахъ, поросшихъ дикимъ терномъ: въ Испаніи, напротивъ, поселяется въ низкихъ сосновыхъ заросляхъ, въ великолѣпныхъ рощахъ и цистовыхъ кустахъ, покрывающихъ сѣверные склоны Каталонскихъ горъ, въ пустынныхъ степяхъ Валенціи,

чуть зеленѣющихъ скудными кустарниками, въ стѣняхъ Кастиліи, въ дубовыхъ лѣсахъ, низкихъ кустарникахъ, однимъ словомъ, всюду, гдѣ есть какой-нибудь лѣсокъ или роща. Едва только вступишь въ этотъ первобытный лѣсъ, служащій жилищемъ маленькимъ пѣвцамъ, какъ услышишь ихъ простую, но пріятную пѣсенку, которая, по словамъ Гансмана, до самообмана похожа на пѣсню сардинской славки, и, если повезетъ, то увидишь на краю вѣтки и самую красногрудую птичку. Сидя на вѣткѣ, она вертится во всѣ стороны, играетъ со своимъ хвостомъ, который она, то подниметъ, то опуститъ, топорщитъ горло и тѣмъ временемъ поетъ. При приближеніи охотника она быстро проскальзываетъ въ чащу, гдѣ ее не отыщетъ самый зоркій глазъ. Но это продолжается недолго; она снова постоянно появляется то на верхушкѣ сосны, то на высочайшей вѣткѣ куста, съ минуту озирается кругомъ, стремительно летитъ внизъ и снуетъ и бѣгаетъ по землѣ словно мышь. Если чаща не особенно густа, то птичку можно замѣтить въ ней, но не больше, какъ въ видѣ мелькающей тѣни, потому-что глазъ улавливаетъ только какой-то быстро движущійся предметъ. Выстрѣлъ или какой-нибудь другой шумъ тотчасъ-же вызываетъ ее на верхушку куста, гдѣ она появляется только для того, чтобы разслѣдовать въ чемъ дѣло, и въ ту-же минуту снова скрыться. По своимъ привычкамъ она часто напоминаетъ мнѣ нашу лѣсную завирушку, только она гораздо проворнѣе и подвижнѣе ея.

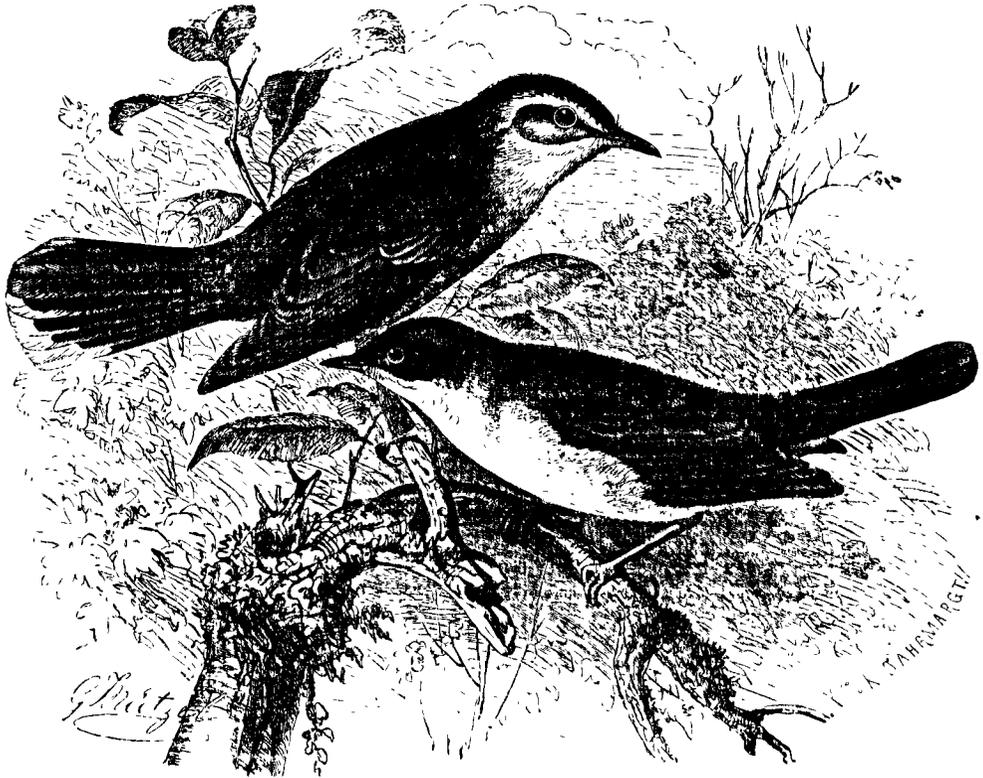
Особенно мила бываетъ провансальская славка, когда она наблюдаетъ за своимъ семействомъ. Приготовленія къ размноженію начинаются у нея уже въ первые мѣсяцы года, такъ какъ за лѣто она успѣваетъ три раза вывести потомство, производя каждый разъ 4—5 птенцовъ. Какъ только птенчики становятся мало-мальски способными летать, они покидаютъ гнѣздо, надѣясь на свои собственные ноги, уже съ ранняго дѣтства способныя къ самостоятельному движенію. Маленькимъ безпомощнымъ существамъ, конечно, еще не подъ силу взлетать на воздухъ, поэтому они придерживаются земли, гдѣ бѣгаютъ съ проворствомъ мышей. Однако родители, повидимому, въ большомъ страхѣ за безопасность своихъ птенцовъ здѣсь внизу и потому очень озабочены. То мать, то отецъ попеременно взлетаютъ наверхъ и оттуда раздается непрерывный крикъ предостереженія и призывной голосъ самца, на обязанности котораго лежитъ трудная задача держать всю семью вмѣстѣ. Когда птенцы подрастутъ, то они вслѣдъ за родителями летаютъ на высокія мѣста; очень интересно наблюдать ихъ въ это время: на верхушкѣ куста сначала появляется самецъ, за нимъ, другъ за другомъ, всѣ птенчики, а по первому его крику предостереженія все общество сразу бросается въ чащу. Можно уловить только послѣднее перебѣганье и шмыганье и предостерегающее «церр церр»; затѣмъ все утихаетъ, до тѣхъ поръ, пока самецъ снова не покажется наверху.

Гнѣздо провансальской славки совершенно такое-же, какъ у другихъ ея родичей. Яйца 18 м. м. длиною, 14 м. м. толщиною и по зеленовато-бѣлому фону покрыты свѣтлыми или темными бурыми пятнышками.

* * *

За перечисленными славками слѣдуютъ **Кустарниковыя славки** (*Aedon. Necker-sänger. Galactodes*). Девять видовъ, живущіе въ южной Европѣ, Малой Азіи, Палестинѣ и Африкѣ, представляютъ собою маленькихъ слявокъ съ вытянутымъ туловищемъ, относительно сильнымъ клювомъ, замѣтно выгнутымъ на высокой верхушкѣ, умѣренно высокими плюснами, довольно короткими крыльями, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья равны между собою и самыя длинныя, съ длиннымъ, широкимъ, сильно скругленнымъ хвостомъ и съ шелковистымъ опереніемъ. Полы между собою не различаются: птенцы вполне походятъ на взрослыхъ.

Рыжехвостая славка (*Sylvia galactodes* и *rubiginosa*, *Aedon galactodes*, *minor*, *rubiginosa*, *pallens* и *meridionalis*. *Turdus rubiginosus*, *Agrobates*, *Erythropteria*, *Salicaria* и *Calamoherpe galactodes*. *Baumnachtigall*. *Galactode rubigineuse*) на верхней сторонѣ тѣла имѣеть ржаво-красно-сѣрое опереніе, на темені—темное, на затылкѣ болѣе сѣроватое, на нижней сторонѣ сѣро-желтоватое или грязно-бѣлое съ красноватымъ отливомъ по сторонамъ шеи и ржаво-желтымъ въ пахахъ, щеки бѣло-буроватыя; брови, заходящія далеко внизъ — бѣлыя; маховыя перья, кроющія перья крыла и верхнія малыя маховыя перья—бурыя, первыя изъ нихъ съ узкими свѣтло-буроватыми, а послѣднія съ широкими ржаво-желтыми каемками; рулевыя перья, за исключеніемъ нѣкоторыхъ болѣе свѣтлыхъ, чуднаго ржаво-краснаго

Рыжехвостая славка. *Sylvia galactodes* и Славка пѣвчая *Sylvia orphaea*, $\frac{1}{2}$ наст. вел.

цвѣта, съ бѣлыми концами и передъ ними съ круглыми черно-бурыми пятнами. Глаза темно-бурые; клювъ и ноги красноватые. Птенцы походятъ на взрослыхъ. Самка и самецъ совершенно одинаковой величины: длина ихъ 18 см., размахъ крыльевъ 27, длина крыла 8, и хвоста 7 см.

Рыжехвостая славка живетъ въ Испаніи и сѣверо-западной Африкѣ: отсюда она иногда залетаетъ въ Италію, Германію и Великобританію. Въ Греціи, Малой Азіи и Египтѣ ее замѣняетъ ближайшій ея родичъ—**Восточная славка** (*Sylvia familiaris*, *Aedon familiaris* и *bruchii*, *Erythropteria*, *Salicaria* и *Calamoherpe familiaris*. *Galactode familiale*), которая отличается замѣтно меньшею величиною, ржаво-сѣрымъ опереніемъ верхней стороны и верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла, болѣе яркимъ ржаво-краснымъ нахвостьемъ и бурными внутренними бородами обѣихъ среднихъ перьевъ хвоста.

Какъ та, такъ и другая населяютъ преимущественно тѣ сухія, орошаемыя только дождями южныя мѣстности, которыя скудно поросли низкими кустарниками; но онѣ не избѣгаютъ, впрочемъ, и обработанныхъ мѣстностей вблизи человѣческихъ поселеній. Подобныя условія мѣстожительствѣ встрѣчаются, какъ въ Испаніи, такъ и въ Греціи, въ Египтѣ въ Самхарѣ и вообще во внутреннихъ африканскихъ степяхъ. Въ Испаніи и Греціи она больше всего предпочитаетъ селиться въ виноградникахъ и на масличныхъ деревьяхъ; въ Малой Азіи онѣ живутъ въ усѣянныхъ рощами склонахъ горъ на высотѣ 2000 м.; въ сѣверо-восточной Африкѣ одинъ родственникъ имъ видъ живетъ въ сухихъ садахъ, въ мимозовыхъ рощахъ, въ хлопчатниковыхъ поляхъ, въ тростникахъ или между хижинами въ деревняхъ, если только здѣсь есть густые кустарники. Въ большихъ первобытныхъ лѣсахъ я никогда не встрѣчалъ ни одной рыжехвостой славки, зато въ рѣдкихъ степныхъ лѣсахъ она очень обыкновенна; она видимо избѣгаетъ лѣсовъ на высокихъ горахъ, но на менѣе высокихъ встрѣчается.

Въ средней Африкѣ рыжехвостыя славки осѣдлыя птицы, а въ сѣверной Африкѣ и южной Европѣ—перелетныя. Въ Греціи и Испаніи онѣ появляются въ срединѣ или въ концѣ апрѣля, въ Египтѣ немного раньше, а покидаютъ страну въ концѣ сентября. Сначала прилетаютъ самцы, нѣсколькими днями позже самки. Во время полета эту рѣзвую птичку можно видѣть повсемѣстно, а въ другое время ее надо искать на ея излюбленныхъ мѣстахъ. Здѣсь она бросается въ глаза каждому, кто способенъ видѣть: въ Испаніи «Розардо» (красенькая) или «Альцарабо» (трясогузка) такъ-же извѣстна, какъ у насъ реполовъ. Рыжехвостая славка вполне оправдываетъ свое латинское названіе *Agrobates* (акробатъ), такъ какъ она дѣйствительно очень любитъ взбираться на высокіе предметы. Самыя верхнія вѣтки куста, колъ, поддерживающій виноградную лозу, верхушка дерева или телеграфный столбъ служатъ ей излюбленными вышками для сидѣнья. Она сидитъ здѣсь вытянувъ хвостъ, опустивъ крылья и подогнувъ ноги, но все-таки довольно прямо; отсюда она раскрываетъ свою пѣню, отсюда-же высматриваетъ добычу. Едва она замѣтитъ какого-нибудь червячка, насѣкомое, или что-нибудь подобное, какъ тотчасъ-же бросается на землю, нагибается, машетъ хвостомъ и распускаетъ его, показывая его во всей красѣ, поспѣшно гоняется по землѣ за добычею, ловитъ жертву, съ пріятностью издаетъ при этомъ свой призывной звукъ «так такъ» и возвращается на свое прежнее мѣсто отдохновенія. Все эти дѣйствія совершаются такъ правильно, что охотникъ безошибочно можетъ подстрѣлить ее, если притаится по близости той вышки, гдѣ она сидитъ, и заставитъ сподручнаго ее вспугнуть. Она выискиваетъ себѣ пищу преимущественно на землѣ и поэтому высматриваетъ всеголыя мѣста, приходитъ также на совершенно свободныя пространства, часто даже прямо на дороги и улицы. «Своимъ немного робкимъ, но все-же оживленнымъ нравомъ, которымъ она въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ дрозда», говоритъ Гейглингъ, «эта птичка доставляетъ большое удовольствіе каждому наблюдателю. Она безпечно и часто перепаркиваетъ съ вѣтки на вѣтку, до самыхъ верхнихъ вѣтвей верхушки, постоянно двигая хвостомъ, развертывая и расширяя его; то вдругъ поспѣшно побѣжитъ по голой землѣ, то шмыгнетъ въ кустъ или въ сухую траву, то погонится за червячкомъ или гусеницею. Но вотъ она испускаетъ крикъ ужаса, похожій на дроздовый, и быстро исчезаетъ въ кустахъ». Она умна и осторожна, даже пуглива, гдѣ того требуютъ обстоятельства, и въ тоже самое время доврчива, когда это возможно, непостоянна, жива и въ высшей степени подвижна. Въ Испаніи она вездѣ выказываетъ себя какъ пугливое созданіе; въ средней Африкѣ черныхъ туземцевъ она подпускаетъ къ себѣ совсѣмъ близко, отъ чуждыхъ же ей европейцевъ заботливо прячется. Къ другимъ птицамъ она от-

носятся дружелюбно, съ себѣ-же подобными часто заводитъ ссоры. Двое самцовъ ожесточенно преслѣдуютъ другъ друга, кружатся вмѣстѣ высоко въ воздухѣ, снова бросаются внизъ и стремительно гоняются другъ за другомъ между кустами, выказывая при этомъ удивительную ловкость и щеголяя своимъ роскошнымъ хвостомъ, который то развертываетъ, то снова свертываетъ. Часто эта охота имѣетъ характеръ веселой игры, простого поддразниванья, ареною для которыхъ служитъ воздушная сфера.

Въ одномъ только отношеніи онѣ стоятъ гораздо-ниже соловья, съ которыми нѣмцы ихъ сравниваютъ: ихъ пѣніе не выдерживаетъ никакого сравненія съ соловьинымъ. Графъ фонъ деръ Мюле называетъ его «однообразнымъ» и сравниваетъ съ пѣсней славки. Я вполне согласенъ съ нимъ, но замѣчу только, что, несмотря на свою простоту, оно постоянно поражало меня. Можетъ быть потому, что рыжехвостая славка живетъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ соловьевъ, а также и потому еще, что она прилежаніемъ старается наверстать отсутствіе таланта, которое не позволяетъ ей выдерживать сравненіе съ ея высокодаровитымъ собратомъ, только во всякомъ случаѣ эта птичка принадлежитъ къ наиболѣе любимымъ и цѣннымъ пѣвцамъ. Она поетъ, сидя на своей вышкѣ, бѣгая по землѣ, даже летая, почти непрерывно, и отдѣльные звуки ея пѣсни достаточно благозвучны, чтобы остановить вниманіе слушателя.

Время размноженія наступаетъ во второй трети мая. Большое, но некрасивое гнѣздо строится на сучковатыхъ деревьяхъ, между крѣпкими сучьями или въ густомъ кустарникѣ, изъ прутьевъ, мха, листочковъ травы или мягкихъ стеблей; внутренность его выстлана волосами, шерстью, хлопкомъ и перьями. Тристрамъ полагаетъ, что рыжехвостая славка «начинаетъ свою кладку только тогда, когда найдетъ кусочекъ змѣиной кожи, которымъ и завершаетъ постройку гнѣзда». Дѣйствительно, большая часть гнѣздъ этой птицы, содержатъ въ себѣ кусочекъ змѣиной шкуры. 4—5 яицъ, составляющія кладку, бываютъ весьма различны по величинѣ, формѣ и окраскѣ; приблизительно они 22 м. м. въ длину и 15 м. м. въ толщину, и по мутно-бѣлому или голубовато-сѣрому фону усеяны неясными темными пятнами и, кромѣ того, бурными крапинами. Относительно воспитанія птенцовъ у меня нѣтъ свѣдѣній; я могу только сказать, что въ началѣ сентября, когда большая часть старыхъ уже находилась въ полномъ линяннн, мы встрѣчали летающихъ птенцовъ.

Тристрамъ говоритъ, что яйца и птенцы рыжехвостой славки «дѣлаются постоянно добычею пресмыкающихся», вслѣдствіе чего эти животныя считаются злѣйшими врагами рыжехвостой славки; но достовѣрно-ли это свѣдѣніе, мы сказать не можемъ. Навѣрно ихъ не щадятъ и все вообще хищники изъ числа млекопитающихъ и птицъ, точно такъ, какъ и всѣхъ другихъ птенцовъ мелкихъ птичекъ. Человѣкъ только въ Испаннн выступаетъ въ качествѣ преслѣдователя этого милаго созданія: испанцы охотятся за этою, какъ и за всеми другими птицами, ради ихъ вкуснаго мяса, которое употребляется въ пищу.

* *

Родъ **Камышевокъ** (*Acrocephalus. Rohrsänger. Rousserolles*), раздѣляющійся на множество видовъ, населяетъ сѣверныя области Стараго Свѣта, кромѣ того, также индѣйскую, эоіонскую и австралійскую области. Отличительные признаки камышевокъ слѣдующіе: стройное туловище, вытянутая плосколобая голова, относительно сильный, тонкій, конусовидный или шиловидный клювъ, сильныя ноги съ высокими плюснами, толстыми пальцами и большими сильно изогнутыми когтями;

*

короткія и округленныя крылья, въ которыхъ второе или второе и третье маховыя перья самыя длинныя; средней длины, закругленный, ступенчатый, или клиновидный хвостъ и, наконецъ, гладкое, нѣсколько жесткое опереніе зеленого или сѣро-желтоватаго цвѣта, подходящаго къ цвѣту камыша и тростника.

Образъ жизни и привычки этихъ разнообразныхъ птичекъ вполне соотвѣтствуютъ ихъ мѣстожительству. Это въ полномъ смыслѣ слова тростниковыя пѣвцы; камышевки живутъ постоянно на землѣ и обладаютъ всѣми качествами, присущими такому образу жизни. Одаренныя большими способностями во всѣхъ отношеніяхъ, онѣ также отличаются и своимъ пѣніемъ: пѣсни ихъ очень пріятны, но вполне отвѣчаютъ обстановкѣ, т.е. это настоящія болотныя и водныя пѣсни. Пищу онѣ добываютъ съ земли, надъ самой водой, а также съ растеній, въ чащѣ которыхъ живутъ; свое искусное гнѣздо онѣ строятъ тоже здѣсь.

* * *

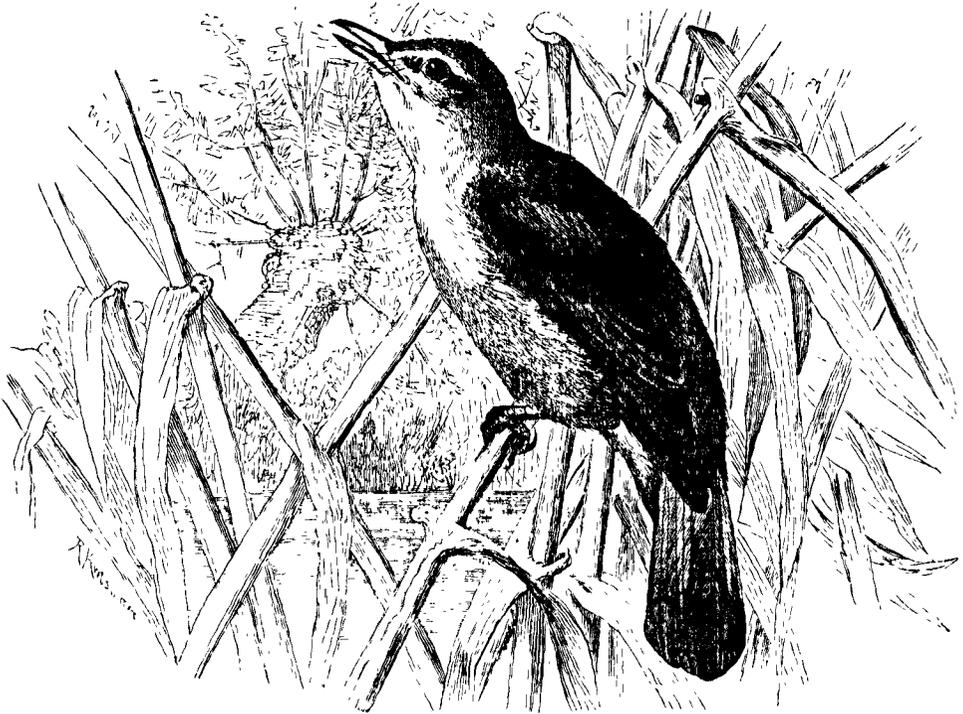
Самый крупный и извѣстный видъ изъ рода камышевокъ это—**Дроздовидная камышевка или Тростяной дроздъ** (*Acrocephalus arundinaceus, turdoides, turdides* и *lacustris, Turdus arundinaceus* и *junco, Salicaria turdoides* и *turdina, Calamoherpe turdina, Calamodyta arundinacea, Muscipeta lacustris, Sylvia* и *Arundinaceus turdoides. Drosselrohrsänger. Rousserole des roseaux*). Длина ея 21 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9, а хвоста 8,5 см. Опереніе на верхней сторонѣ темно-бурое, на нижней—ржаво-желтовато-бѣлое, на горлѣ и по срединѣ груди свѣтлѣе; темно-бурыя маховыя перья внутри ржаво-чалыя; рулевыя перья на концахъ съ неясными желтовато-бѣлыми каемками. Глаза темно-бурые; клювъ темнаго буро-рогового цвѣта, нижняя его сторона—желто-рогового; ноги буровато-рогового цвѣта.

За исключеніемъ Великобританіи дроздовидная камышевка живетъ, начиная съ южной Швеціи, во всѣхъ равнинахъ умѣренной и южной Европы, а также западной Азіи; зимою-же посѣщаетъ большую часть Африки, провикая до самой Капландіи. Она никогда не отделяется отъ тростниковъ, даже во время зимнихъ странствованій, держится всегда около воды, перелетая отъ одного воднаго бассейна къ другому. На родинѣ она появляется самое раннее въ концѣ апрѣля и остается самое большее до конца сентября.

Тотчасъ послѣ ея прибытія, весною, съ ранняго утра до поздняго вечера, а въ первое время даже и ночью, непрерывно раздается громкое, разносящееся на далекое пространство пѣніе самца, состоящее изъ полныхъ, сильныхъ звуковъ, соединяющихся въ разнообразныя, постоянно смѣняющія одна другую строфы. По этому пѣнію тотчасъ можно замѣтить, что камышевка особенное свое вниманіе обращаетъ на лягушку, такъ какъ оно столько-же напоминаетъ кваканье лягушки, какъ и пѣсню какой-нибудь другой птицы. Нѣжныя флейтоподобныя звуки чужды этому пѣвцу: вся его пѣсня ничто иное, какъ одна трескотня или одно кваканье. «Дорре дорре дорре, карре карре карре, керр керр керр, кей кей кей кей, карре карре карре, китт»—самыя главныя и существенныя части этой пѣсни. И все-же она можетъ нравиться. Есть что-то пріятное въ этихъ звукахъ, что-то веселое въ самой манерѣ, съ какою они издаются. Такъ какъ тамъ, гдѣ звучитъ эта пѣсня, нельзя разчитывать на пѣніе какой-нибудь другой птички и приходится довольствоваться лишь голосами водныхъ птицъ, гоготаніемъ гусей и утокъ, крикомъ цапель и трескотней красныхъ куропатокъ, то, конечно, требованія предъявляются самыя скромныя и оцѣнка дѣлается весьма снисходительною. Я долженъ признаться, что пѣніе дроздовидной камышевки всегда привлекало меня. Оно не могло, конечно, привести меня въ во-

сторгъ, но всегда забавляло. Самецъ относится серьезно къ своему пѣнію; онъ ломается такъ, какъ будто хочетъ состязаться въ этомъ искусствѣ съ соловьемъ. Сидя на своемъ гибкомъ стеблѣ, онъ гордо выпрямляется, опускаетъ крылья, распускаетъ хвостъ, надуваетъ горло и поднимаетъ вверхъ клювъ; онъ то нахохливаетъ, то снова разглаживаетъ свои теменные перья, а также и другія, такъ что выгладить гораздо больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, а въ это время весело гремитъ въ воздухѣ его кваканье.

Дроздовидная камышевка приступаетъ къ размноженію, подобно другимъ своимъ родичамъ, тогда, когда молодые отпрыски камыша достигнутъ извѣстной высоты, т. е. не раньше конца мая, большею-же частью въ серединѣ іюня; въ это время она любитъ держаться обществами, хотя-бы мѣстомъ вывода былъ весьма неболь-

Дроздовидная камышевка. *Acrocephalus arundinaceus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

шой прудъ. Гнѣздо устраивается вообще въ тростникѣ со стороны воды и не въ чащѣ, а, напротивъ, иногда совсѣмъ на виду, почти всегда надъ водою, между четырьмя, иногда пятью и изрѣдка шестью стебельками тростника, которые влетаются въ стѣнки гнѣзда или просверливаютъ его насквозь; обыкновенно оно находится на такой высотѣ, до которой вода не поднимается даже во время сильнаго половодья, но рѣдко когда на разстояніи цѣлаго метра надъ поверхностью воды. Нѣкоторые изслѣдователи наблюдали, что въ ихъ окрестностяхъ дроздовидныя камышевки въ иные года, повидимому, безъ всякой побудительной причины вили свои гнѣзда выше обыкновеннаго, что вызывало ихъ недоумѣніе; но вотъ прошло значительное время послѣ того, какъ гнѣздо совершенно было окончено своею постройкою, и недоумѣніе разрѣшилось: наступили продолжительные дожди, которые подняли воду въ прудахъ или рѣкахъ гораздо выше обыкновеннаго уровня. Такимъ образомъ изумительная предусмотрительность камышевокъ спасала ихъ гнѣзда отъ затопленія, ко-

торому они навѣрняка подверглись-бы, если-бы были выстроены на обычной высотѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ и не всегда вынужденная необходимостью, дроздовидная камышевка вьетъ гнѣздо не въ тростникѣ, а въ кустарникѣ или въ высокомъ ситникѣ; равнымъ образомъ она легко можетъ привыкать къ различнымъ положеніямъ, такъ, на примѣръ, способна равнодушно относиться къ грохоту желѣзнодорожнаго поѣзда, проходящаго по близости ея мѣстожительства. Самое гнѣздо гораздо больше въ вышину, нежели въ ширину; оно строится съ толстыми стѣнками и края углубленія загнуты внутрь. Стѣнки состоятъ изъ сухихъ листочковъ травы и стебельковъ; болѣе тонкіе изъ нихъ идутъ на внутреннюю выстилку, куда подмѣшиваются еще нѣкоторые корешки. Смотри по мѣстожительству, матерьялъ для постройки иногда употребляется различный; въ составъ его входятъ: волокна крапивы, листочки плакуна (*Lythrum salicaria*), пухъ отъ разныхъ сѣмянъ, даже гусеничная паутина, бумажныя и шерстяныя нити; во внутреннюю выстилку подмѣшиваются сухія метелки злаковъ, соцветія розмарина, лошадиные волоса и тому подобныя вещества. Кладка, состоящая обыкновенно изъ 4—5 яицъ, рѣдко когда оканчивается раньше половины іюня; яйца 22 м.м. длиною и 15 м.м. толщиною, голубоватаго или сѣро-зеленовато-бѣлаго цвѣта съ очень темными оливково-бурыми, пепельно и аспидно-сѣрыми пятнышками, крапинами и черточками, равномерно разбѣянными по всей скорлупѣ. Они насиживаются очень усердно въ продолженіи 14—15 дней. Когда какое-нибудь обстоятельство нарушить мирное существованіе парочки, оба родителя приближаются къ гнѣзду на нѣсколько шаговъ, то прячутся, то попеременно появляются передъ нимъ и съ жалобными криками летаютъ вокругъ; они до такой степени чувствительны къ подобнымъ тревогамъ, что, если не всегда, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ, бросаютъ еще не совсемъ насиженные яйца, если гнѣздо нѣсколько разъ осмотритъ человекъ. Птенцы выкармливаются насѣкомыми, пользуются нѣжною любовью и уходомъ со стороны родителей, которые старательно охраняютъ ихъ отъ всякой опасности и не оставляютъ еще долго послѣ того, какъ они начнутъ вылетать. Это тѣмъ болѣе необходимо, что птенцы выходятъ изъ гнѣзда прежде, чѣмъ научатся хорошо летать и, по крайней мѣрѣ, первые дни передвигаются большею частью посредствомъ лазанья. Къ концу іюля они становятся самостоятельными и начинаютъ уже подумывать о зимнемъ отлетѣ.

Плѣнныя дроздовидныя камышевки весьма пріятныя, но не очень живучія комнатныя птицы; привыкнувъ къ домашнему корму, онѣ держатся хорошо, забавляютъ своею необыкновенною ловкостью и подвижностью, своими искуснымъ лазаньемъ, усерднымъ пѣніемъ и могутъ со временемъ сдѣлаться очень ручными. Для ловли дроздовидныхъ камышевокъ въ тростникѣ ставятъ палки въ метръ вышиною съ поперечными перекладинами, на которыхъ прикрѣпляютъ петли.

* *

Уменьшенною копию дроздовидной камышевки можетъ служить **Прудовая камышевка** (*Acrocephalus streperus* и *arundinaceus*, *Sylvia arundinacea*, *strepera*, *affinis*, *boeticula*, *baeticata*, *horticola* и *isabellina*, *Calamoherpe arundinacea*, *obscuricapilla*, *rufescens*, *arbustorum* и *pinetorum*. *Calamodyta strepera*, *boeticula* и *rufescens*, *Salicaria arundinacea* и *rufescens*, *Cettia boeticula*, *Motacilla*, *Curruca* и *Muscipeta arundinacea*. *Teichrohrsänger*. *Rousserole effarvate*). Ея длина 14 см., размахъ крыльевъ 20, длина крыла—6,5, а хвоста 5,8 см. Верхняя часть туловища и наружныя каемки оливково-бурыхъ маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ—оливково-ржаво-бурыя; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста ярче; нижняя часть ржаво-желтовато-бѣлая; подбородокъ и горло свѣтлѣе, ясно впадающіе въ бѣлый цвѣтъ;

полоски на уздечкѣ, спинка, стороны шеи и туловища вмѣстѣ съ нижними кроющими перьями крыльевъ и хвоста—яркія ржаво-желтыя. Кольцо вокругъ глазъ темно-бурое, клювъ буро-рогового цвѣта, у корня оранжево-красный, нижняя его часть желто-рогового цвѣта; ноги буровато-рогового цвѣта.

Начиная съ южной Швеціи и Бѣлаго моря, прудовая камышевка распространена по всей Европѣ и западной Азіи; въ области Атласскихъ горъ она еще выводитъ птенцовъ, зимою-же странствуетъ по всей Африкѣ, до самыхъ предгорій мыса Доброй Надежды. Въ Германіи она населяетъ тѣ-же самыя области, что и ея болѣе крупный родичъ, только она больше распространена, чѣмъ дроздовидная камышевка, все дальше и дальше расширяетъ границы своего мѣстожителства и замѣтно превосходитъ численностью своего родича. Послѣ своего зимняго странствованія она появляется на родинѣ въ половинѣ апрѣля и тихонько тянется къ сѣверу, такъ что ее еще въ концѣ мая, даже въ іюнѣ, можно встрѣтить въ пролетномъ состояніи. Она также живетъ постоянно по близости воды, обыкновенно въ тростникѣ, но все-же чаще дроздовидной камышевки селится въ сосѣдствѣ кустарниковъ, посѣщаетъ какъ ихъ, такъ даже и деревья. Характеромъ своимъ и качествами прудовая камышевка напоминаетъ дроздовидную, даже пѣсня ея почти такая-же, какъ у той, только поется она въ болѣе высокомъ тонѣ. Призывной ея звукъ—чмокающее «чэд-ше»; гнѣвъ или тревога выражаются каркающимъ «шарр». Пѣніе ея, всего больше раздающееся въ іюнѣ, когда птичка поетъ почти непрерывно съ ранняго утра до поздняго вечера, можетъ быть выражено слогами: «тири тири тири, тир тир тир, цек цек цек, церр церр, тири тири, дшерк дшерк дшерк, хейд хейд, хид, третт третт третт». Гнѣздо обыкновенно строится, такъ-же какъ и ея болѣе крупнымъ собратомъ, въ тростникѣ, своею формою походитъ на гнѣздо дроздовидной камышевки и на постройку его употребляется почти тотъ-же самый матерьялъ; только стѣнки его нѣсколько тоньше и внутри оно чаще всего выстилается растительною шерстью, также зеленымъ мхомъ или гусеничною паутиною. Въ половинѣ іюня прудовая камышевка кладетъ 3—5 яицъ, которыя имѣютъ приблизительно 19 м.м. въ долевымъ разрѣзѣ и 14 м.м. въ поперечномъ. Они зеленовато или сѣровато-бѣлаго цвѣта и болѣе или менѣе плотно усеяны оливково-сѣрыми или оливково-бурыми, также пепельно-сѣрыми пятнышками. Оба родителя съ большимъ рвеніемъ и усердіемъ попеременно занимаются насиживаніемъ яицъ, на что употребляется 13—14 дней, и сообща выкармливаютъ своихъ птенцовъ. Эти послѣдніе оставляютъ гнѣздо, когда совершенно покроются перьями, ведутъ себя совершенно такъ-же, какъ взрослые, въ концѣ іюля или въ августѣ начинаютъ летать вмѣстѣ со старшими, и пускаются затѣмъ въ зимнее путешествіе.

* *
*

По внѣшности съ прудовою камышевкою имѣетъ поразительное сходство **Болотная камышевка** (*Acrocephalus palustris*, *Sylvia palustris*, *nigrifrons* и *fruticola*, *Calamoherpe palustris*, *pratensis* и *fruticola*, *Curruca fusca*, *Calamodyta* и *Salicaria palustris*, *Sumpfrohrsänger*, *Rousserolle verderolle*), которая, впрочемъ, по образу жизни рѣзко разнится отъ нея. Она немного больше своего только что описаннаго родича и скорѣе всего можетъ быть узнана по своимъ болѣе длиннымъ крыльямъ. Длина ея тоже 14 см., размахъ-же крыльевъ самое меньшее 21, длина крыла 6,7, а хвоста 6 см. Относительно окраски между тою и другою существуетъ одна только разница, которая заключается въ томъ, что верхняя сторона туловища у болотной камышевки оливково-зелено-сѣрая, а не ржаво-буроватая, и надхвостье всегда одинаковой окраски съ верхнею частью. Другое различіе заключается въ клювѣ,

который чуть-чуть короче и сильнѣе, а у расщепя немного выгнуть, и въ лапахъ, которыя у нея на 4 м.м. короче, чѣмъ у ея родича.

Область распространенія болотной камышевки простирается не такъ далеко на сѣверъ, а зимнія странствованія не такъ далеко на югъ, какъ у прудовой; но она начинаетъ показываться въ такихъ областяхъ, гдѣ ее прежде не замѣчалось. Съ тѣхъ поръ, какъ, напримѣръ, Либс четверть вѣка тому назадъ открылъ первую парочку ихъ близъ Геры, эти прелестныя пѣвцы годъ отъ году значительно размножились въ той мѣстности, а въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ они показали въ прирѣчныхъ долинахъ въ окрестности Лейпцига.

На сѣверо-востокѣ Россіи и въ различныхъ мѣстностяхъ Азіи до Индіи, Непала и Ассамы ее замѣняетъ **Камышевка-пересмѣшка**, или **Малиновка садовая** (*Acrocephalus dumetorum* и *montanus*, *Sylvia montana*, *Salicaria arundinacea*, *Podemahrsänger*, *Rousserolle orientale*), которую въ Индіи называютъ **Подема**. Она отличается отъ предыдущей болѣе темною оливково-чало-бурою окраскою верхней стороны, немного болѣе длиннымъ клювомъ и инымъ строеніемъ крыльевъ.

Другой видъ, стоящій къ нему довольно близко, **Карликовая камышевка** (*Acrocephalus salicarius*, *Motacilla salicaria*, *Sylvia caligata* и *scita*, *Lusciola caligata*, *Calamoherpe scita*, *Zwergrohrsänger*, *Rousserolle des saules*) населяетъ восточную Европу и Сибирь до сѣвернаго Китая, а однажды была поймана также на Гельголандѣ. Длина этой мало извѣстной птицы, но прекраснаго пѣвца—12, 4 см., длина крыла 6,5, длина хвоста 5,3 см. Опереніе на верхней сторонѣ желтовато-ржаво-сѣрое, на темени немного темнѣе; надхвостье немного свѣтлѣе, нижняя сторона, равно какъ и яркая свѣтлая полоса надъ глазами—ржаво-желтовато-бѣлая; подбородокъ и горло бѣловатые, стороны шеи бурый; бока туловища ржаво-желтоватые; маховыя перья сѣро-бурый, снаружи съ ржаво-желтоватыми каемками; хвостовыя перья ржаво-бурый, на концахъ съ узкими свѣтло-ржаво-бурыми крайчиками.

Какъ самостоятельный видъ болотная камышевка отличается не только вышеописанными внѣшними признаками, но также и по мѣсту своего пребыванія и по чудесному пѣнію. Въ отличіе отъ предыдущихъ видовъ подсемейства, она тотчасъ же по прибытіи своемъ на родину, которое происходитъ въ началѣ мая, расселится по низкимъ, болотистымъ кустарникамъ, по берегамъ рѣкъ, ручьевъ, канавъ, озеръ и прудовъ, по близости которыхъ растутъ тростникъ и другія водяныя растенія или жгучая крапива, и тянутся луга, пастбища или хлѣбныя поля. Въ такихъ кустарникахъ она проводитъ четыре лѣтнихъ мѣсяца, не проявляя особеннаго тяготѣнія къ камышамъ. Мѣстожительствомъ ей служатъ луга, поросшіе различными ползучими и вьющимися растеніями и высокими травами. Отсюда она часто залетаетъ на деревья и въ сосѣднія поля, именно въ такія, которыя засѣяны коноплей и полевою рѣпой, и только въ крайнемъ случаѣ въ тростникъ или камышъ и то лишь тогда, когда тотъ растетъ рядомъ съ ея кустарникомъ. Въ высшей степени общительная, какъ и большинство камышевокъ, болотная камышевка охотно селится въ непосредственномъ сосѣдствѣ другихъ птицъ своего вида, такъ что, по Альгуму, на пространствѣ въ 400 шаговъ можно найти 7—8 гнѣздъ.

Пауманъ описываетъ ее какъ очень милую, веселую, непостоянную птичку, проворную во всѣхъ движеніяхъ, въ прыганьи, въ проскальзываніи чрезъ кустарники и густые кусты, также и въ полетѣ, равнымъ образомъ смѣлую и неутомимую въ спорахъ съ собою подобными, и сходится во мнѣніи съ другими наблюдателями, что ея нравы и обычаи представляютъ изъ себя смѣшеніе нравовъ садовыхъ пѣвчихъ птицъ и другихъ камышевокъ. «Въ умѣньѣ лазать и цѣпляться», гово-

рить онъ, «она такъ-же ловка, какъ эти послѣднія, въ полетѣ-же еще ловче ихъ. Часто бросается она, перерѣзывая воздухъ по косому направленію, съ вѣтки болѣе высокаго дерева на низкій кустъ, или взлетаетъ снизу на воздухъ, или свободно пролетаетъ довольно большое разстояніе отъ дерева къ дереву, отъ одного куста къ другому, случается, что летаетъ безъ боязни и надъ самою землею, но охотнѣе и храбрѣе въ неизмѣримой выси». Болотная камышевка ни минуты не посидитъ смирно, постоянно прыгаетъ туда и сюда, нерѣдко лазаютъ на самыя высокія верхушки кустовъ и проскальзываетъ въ самую густую чащу. По отношенію человека она держится осторожно, мгновенно замолкаетъ при его приближеніи даже тогда, когда передъ тѣмъ распѣвала во все горло, долгое время молчитъ и, тѣмъ временемъ, прокрадывается въ чащу, пробираясь съ такою ловкостью, что, несмотря на всѣ старанія, ее невозможно разглядѣть.

Ея пѣніе походитъ на пѣніе большинства садовыхъ пѣвчихъ птицъ; оно въ высшей степени пріятное и нѣжное, хотя въ то-же самое время звучное и сильное. Несмотря на это, по немъ тотчасъ-же можно признать камышевку, такъ какъ въ немъ постоянно прилетаются звуки: «терр церр цирр тири тирр». За этою существенною частью пѣсни слѣдуетъ цѣлое множество, болѣе дюжины, голосовъ и строфъ изъ пѣсенъ другихъ птицъ. «Витіевато и нестро слѣдуютъ одинъ за другимъ отрывки пѣсенъ и призывныхъ звуковъ пѣвчаго дрозда, садовой славки, обыкновенной ласточки, перепела, трясогузки, синицы, домашняго и полевого воробья, зяблика и щеленка, полевого жаворонка, черноголовки, поползня, а иногда между ними вдругъ прорывается кваканье лягушки. Но всѣ эти голоса у нея не скомканы беспорядочно въ одну безтолковую кучу, а издаются совершенно своеобразно. Они какъ бы отлиты изъ одного металла; ея серебряное горлышко всѣхъ ихъ облагораживаетъ. Она поетъ свою пѣсню бѣгло, не размышляя, безъ паузы, поглощенная въ это-же самое время другими занятіями: лазаньемъ, проскальзываніемъ сквозь чащу, ловлей насѣкомыхъ, преслѣдованіемъ соперника. Я не знаю лучшаго мастера этого дѣла среди всѣхъ пѣвчихъ птицъ Германіи. Конечно ея пѣсни не въ состояніи господствовать и простираться надъ всею окрестностью, какъ пѣсни полевого жаворонка, конечно она уступаетъ пѣснѣ соловья, который недосыгаемъ въ своемъ искусствѣ, однако такого мастерского подражанія въ связи съ соотвѣтственной интонаціей и съ красивою звучною силою, не достигаетъ ни одна другая пѣвчая птица. Въ безлунные вечера она начинаетъ пѣть, какъ только замолкнутъ дневные пѣвцы; между 10—11 часами наступаетъ перерывъ и затѣмъ она распѣваетъ уже какъ ночной пѣвецъ. Однако ночью строфы ея пѣсни слѣдуютъ не такъ быстро одна за другою, онѣ не такъ продолжительны и поются не съ такимъ жаромъ, какъ утромъ. Въ продолженіи дня она умолкаетъ только около полудня». Одинъ изъ лучшихъ пѣвцовъ, котораго Либс слышалъ близъ Геры, вводилъ въ свою пѣсню звуки и строфы не менѣе девятнадцати другихъ птицъ.

Гнѣздо устраивается внутри избраннаго мѣстожительства, но все-же не всегда въ густой чащѣ, даже болѣею частью на крайнихъ вѣтвяхъ, зачастую на маленькомъ кустикѣ, стоящемъ отдѣльно на дорогѣ, и никогда надъ водою, хотя во всякомъ случаѣ низко надъ землею. Постройкою своею оно походитъ на гнѣздо другихъ камышевокъ и такимъ-же способомъ подвѣшивается между прямо стоящими древесными отпрысками или стволами растеній, рѣже—на одной вѣткѣ. Наружныя стѣнки гнѣзда и очень толстое донышко его состоятъ изъ сухихъ листьевъ и стебельковъ тонкихъ травъ, метелокъ злаковъ, волокна крапивы и различной паутины; весь этотъ матеріалъ хорошо перевивается и перемѣшивается между собою; внутренняя выстилка состоитъ изъ тонкихъ стебельковъ и лошадиныхъ волосъ. 4—5,

самое большее 6 яицъ, 18-ти м.м. длиною и 14 м.м. толщиною, имѣютъ нѣжную, гладкую скорлупу, по сѣро-голубоватому или голубовато-бѣлому фону которой скудно, неправильно и разнообразно разсыяны крупныя, иногда немного слившіяся между собою, пепельно-сѣрыя, оливково или темно-бурыя пятнышки, а также черно-бурыя крапинки или черточки. Выводъ птенцовъ происходитъ такъ-же, какъ это описано у прудовой камышевки, съ тою, можетъ быть, только разницею, что птенцы болотной камышевки раньше покидаютъ гнѣздо, и сначала двигаются только ползая и скользя по кустамъ. Ихъ, какъ и старыхъ, преслѣдуютъ различные враги, а также и человекъ становится опаснымъ, когда разрушаетъ гнѣздо.

Плѣнные болотныя камышевки легко привыкаютъ къ клѣткамъ и своимъ несравненнымъ пѣніемъ восхищаютъ cadaго любителя, который отъ нихъ получаетъ больше удовольствія, чѣмъ отъ скучныхъ, мелкихъ воробьиныхъ южныхъ странъ. у которыхъ только изрѣдка можно замѣтить новое движеніе или еще неизвѣстное чириканье.

* *
*

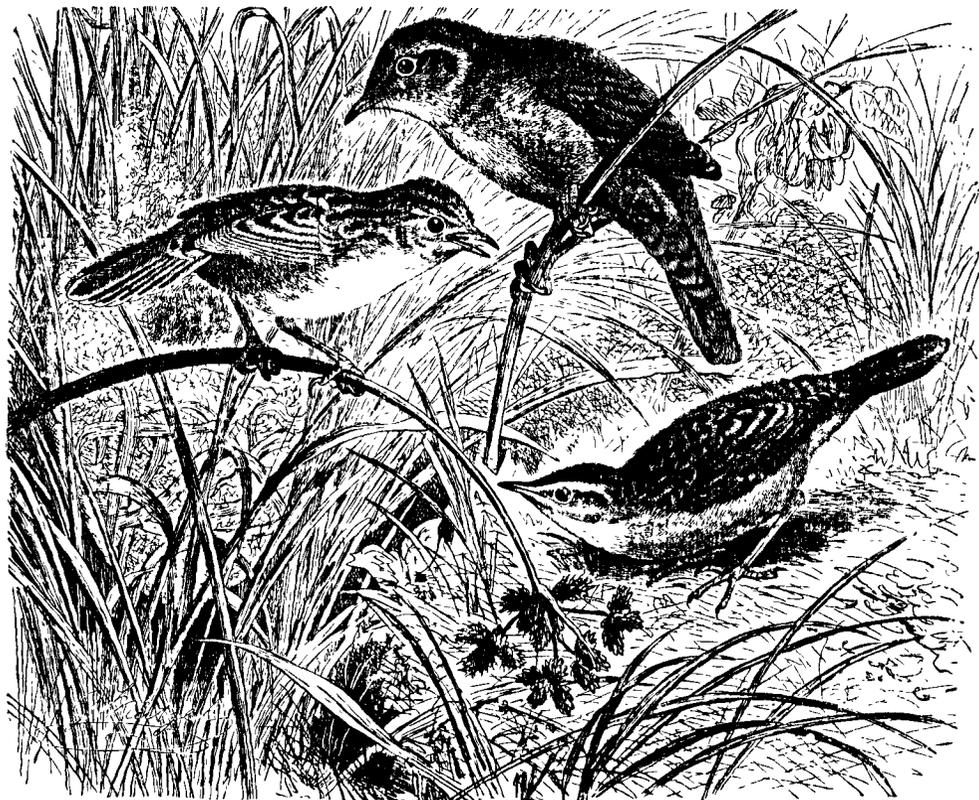
Большое распространеніе въ Германіи, а также въ другихъ мѣстностяхъ имѣетъ также **Береговая камышевка, Кизилловка или Трескунчикъ** (*Acrocephalus schoenobaenus* и *phragmitis*, *Sylvia schoenobaenus* и *phragmitis*, *Motacilla schoenobaenus*, *Calamodius schoenobaenus* и *phragmitis*, *Muscipeta*, *Calamodyta*, *Salicaria* и *Caricicola phragmitis*. *Uferschilfsänger*. *Phragmyte des joncs*). Длина ея 14 см., размахъ крыльевъ 20, длина крыла 6,3, а хвоста 5 см. Верхняя сторона туловища и узкія наружныя каемки темно-бурыхъ маховыхъ перьевъ, кроющія перья крыла и рулевыя перья чало-буроватыя, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста ржаво-буроватыя, по спинѣ и плечамъ пробѣгаютъ неясныя темныя продольныя полосы; темя и верхняя часть головы по черно-бурому фону украшены желтовато-бурою, съ темными черточками долевою полосою; брови широкія; уздечка испещрена пробѣгающими между глазъ узкими черточками; стороны головы и нижнія части нѣжно-ржаво-желтаго цвѣта; горло, брюшко и нижнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе, болѣе бѣловатыя. Кольцо вокругъ глазъ свѣтло-бурое; клювъ съ верхней стороны черный, съ нижней, какъ и ноги, сѣрый.

Начиная съ 68° сѣверной широты кизилловка распространена по всей Европѣ и приблизительно съ той-же широты также по западной Сибири и западной Азіи.

Наша кизилловка живетъ преимущественно въ болотахъ или на берегахъ водъ; всего больше она любитъ мѣста, поросшія высокою осокою, ситникомъ и другими узколиственными болотными растеніями; селится также на поляхъ, въ низменныхъ мѣстахъ, между которыми проходятъ поросшія тростникомъ канавы, однимъ словомъ—въ болотистыхъ мѣстахъ, а не въ камышахъ. Поросшіе тростникомъ пруды, кустарники или въ Африкѣ пустынные равнины, покрытыя хальфою, она посѣщаетъ только во время своихъ зимнихъ странствованій. Въ средней Европѣ она появляется въ послѣдней трети апрѣля, а въ октябрѣ снова улетаетъ; отдѣльные экземпляры попадаютъ впрочемъ еще въ ноябрѣ. Зиму она проводитъ въ средней Африкѣ, но до сихъ поръ еще неизвѣстно, какъ далеко она проникаетъ во внутрь ея. Нѣкоторые заблудившіеся экземпляры случалось наблюдать даже въ открытомъ морѣ; такъ, Бурмейстеръ поймалъ одну кизилловку, залетѣвшую на корабль не далеко отъ Буэна-Висты.

Въ умѣнѣхъ проскальзывать сквозь чащу кизилловка превосходитъ всѣ до сихъ поръ названныя виды—и въ этомъ совершенно походить на сверчковыхъ камышевокъ (*Locustella*). Съ проворствомъ мыши она снуетъ въ чащѣ или по землѣ; менѣе ловкости проявляетъ она въ полетѣ, такъ какъ она то трепещетъ крыльями, то порхая, то

буквально прыгая, извивается змѣвидной линіей, рѣдко перелетаетъ большія разстоянія, а больше стремительно бросается въ тростникъ по прямой линіи. Последнее настолько обезпечиваетъ ей сознаніе полнѣйшей безопасности, что она почти утрачиваетъ всякую робость, не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на приближающагося человѣка, въ десяти шагахъ отъ него совершенно спокойно лазаетъ по верхушкѣ куста и оттуда беззаботно распѣваетъ свою пѣсню; если-же по какой-нибудь причинѣ нырнетъ въ чашу куста, то черезъ минуту снова неожиданно появляется на крайней вѣткѣ. Ея призывной голосъ выражается щелкающими звуками, неудовольствіе — картавымъ «шарр», испугъ—пронзительнымъ кваканьемъ. Пѣніе ея очень пріятное съ продол-

Кизиловка. *Acrocephalus schoenobaenus*, Шелковистая камышевка. *Bradypterus cettii* и Цистикола бѣгающая. *Cisticola cursitans*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

жительною флейтоподобною, громкою трелью, которая часто повторяется; оно хотя и походить на пѣніе другихъ камышевокъ, но также напоминаетъ пѣсню трясогузки или обыкновенной ласточки. Разнообразіе ея пѣсни такъ велико, что ее можно сравнить съ пѣніемъ нѣкоторыхъ славокъ.

Кизиловка держится обыкновенно по возможности скрытно; въ періодъ размноженія, впрочемъ, она появляется на верхушкахъ высокихъ растений или на крайнихъ вѣтвяхъ, чтобы отсюда распѣвать или высматривать соперника, пѣсня котораго возбудитъ ея ревность. Иногда побудительною причиною является простое любопытство. Если случится, что легавая собака, ищущая въ тростникѣ, подойдетъ къ ней слишкомъ близко, то она взбирается на самый верхъ ситниковаго или тростниковаго стебля, оглядывается тамъ и затѣмъ снова съ быстротою молнии

скрывается въ чащѣ. Вспугнутая чѣмъ-нибудь, она взлетаетъ на воздухъ; но на родинѣ она никогда не летаетъ далеко и высоко, а постоянно при полетахъ держится низко надъ землею или водою. Кизилровка вѣчно въ движеніи и только когда поетъ, то сидитъ спокойно на одномъ мѣстѣ, причемъ избираетъ для этого какой-нибудь опредѣленный стебелекъ или вѣточку, къ которымъ любитъ часто возвращаться. Если другая птица вздумаетъ сѣсть на это самое мѣсто, то кизилровка ожесточенно прогоняетъ ее. Когда самка сидитъ на яйцахъ, самецъ усердно поетъ во всѣ часы дня, всего больше на разсвѣтѣ, а также и въ свѣтлыя ночи, пріятнымъ образомъ оживляя мѣстность, въ которой въ эту пору не слышно обыкновенно ни единого звука, никакого пѣнія. Чѣмъ усерднѣе онъ становится, тѣмъ замѣтнѣе мѣняется его поведеніе. Когда онъ находится въ сильномъ возбужденіи, то дѣлаетъ такія движенія, что непривычный наблюдатель едва-ли признаетъ въ немъ камышевку: въ хорошую погоду въ полдень онъ часто взлетаетъ, медленно взмахивая крыльями, съ мѣста своего сидѣнья по косому направленію на воздухъ и оттуда, высоко поднявъ крылья, такъ что кончики ихъ соприкасаются другъ съ другомъ, снова медленно спускается внизъ, или-же стремглавъ бросается прямо сверху, распѣвая при этомъ во все горло и надувшись словно шаръ.

Пища кизилровки состоитъ приблизительно изъ тѣхъ-же насѣкомыхъ, которыми питаются и другія камышевки; кромѣ того она ѣстъ также ягоды. Гнѣздо устраивается въ различныхъ мѣстахъ, но обыкновенно въ малодоступныхъ, въ осокѣ и довольно низко въ болотѣ, однако зачастую и въ совершенно сухихъ мѣстностяхъ на разстояніи 100—200 шаговъ отъ воды, даже на песчаномъ грунтѣ, если онъ поросши кустарникомъ и травкою; иногда оно располагается на самой землѣ, чаще же въ низкихъ маленькихъ поросляхъ ивы, въ крапивѣ и въ тому подобнымъ твердымъ стеблямъ. Постройка гнѣзда начинается на второй недѣлѣ мая и состоитъ изъ сухихъ травъ, оставшихся колосьевъ, стебельковъ, тонкихъ корешковъ, свѣжей зелени, мха и т. п.; внутри же выстлано и набито лошадиными волосами и другимъ мягкимъ матерьяломъ. Въ началѣ іюня въ гнѣздѣ находятъ 5—6 яицъ, съ одного конца сильно округленныхъ, а съ другого замѣтно заостренныхъ; они 17-ти м.м. длиною и 12-ти м.м. толщиною и по грязновато или сѣровато-бѣлому фону покрыты тусклыми, неясными пятнами и крапинами буровато-сѣраго цвѣта, или разрисованы подѣ мраморъ. Оба родителя съ большимъ самоотверженіемъ занимаются въ водомъ птенцовъ по способу нашихъ тростниковыхъ камышевокъ; въ это время онѣ становятся еще болѣе отважными; когда кормятъ птенцовъ, то безопасно летаютъ вокругъ стоящаго подлѣ самаго гнѣзда наблюдателя, держа въ клювѣ бабочку или стрекозу, и только въ первые дни насиживанія способны бросить гнѣздо, если имъ помѣшаютъ. Если съ осторожностью приближаться къ сидящей на яйцахъ самкѣ, то можно подойти къ самому гнѣзду прежде, чѣмъ птичка вспорхнетъ. При птенцахъ она держитъ себя большею частью крайне пугливо. Самецъ же, по Шауману, «напротивъ, непрерывно распѣваетъ свою пѣсню и продѣлываетъ въ воздухѣ разныя фиглярства даже въ то время, когда гнѣзду грозитъ опасность, даже и тогда, когда оно вмѣстѣ съ самкою погибаетъ на его глазахъ». Зато, когда итенцы уже вылупились, то онъ робко перелетаетъ только съ одного стебля на другой, тутъ-же около гнѣзда, издаетъ только отдѣльныя строфы своей пѣсни, безпрестанно вставляя между ними предостерегающее «ерр». Птенцы покидаютъ гнѣздо только тогда, когда совершенно научатся летать, хотя въ первое время вовсе не употребляютъ въ дѣло своихъ крыльевъ, а снуютъ какъ мыши сквозь чашу водяныхъ растений.

Плѣняныя кизилровки считаются за рѣдкость не потому, чтобы ихъ трудно

было содержать, а потому, что ихъ трудно ловить. Пойманныя-же скоро свываются со своимъ новымъ положеніемъ и не такъ изнѣжены и прихотливы, какъ другіе члены ихъ семейства. Ихъ очень цѣнятъ за постоянную рѣзвость, ловкость, граціозныя движенія и пріятное пѣніе.

Ближайшимъ родичемъ только что описанной камышевки считается **Водяная камышевка** (*Acrocephalus aquaticus* и *salicarius*, *Sylvia aquatica*, *salicaria*, *striata*, *paludicola* и *cariceti*, *Motacilla aquatica*, *Salicaria aquatica* и *cariceti*, *Muscipeta salicaria*, *Calamodus aquaticus* и *salicarius*, *Caricicola aquatica* и *cariceti*, *Calamodyta aquatica*. *Binsenrohrsänger*. *Phragmyte aquatique*.). Длина ея 13,3 см., размахъ крыльевъ—19 см., длина крыла—5 8 см., а хвоста 4,7 см. Общая окраска такая-же, какъ у кизилочки, съ тою только разницею, что спина и плечи украшены болѣе отчетливыми темными продольными черточками; по бурой верхней части головы проходить ясная, желтовато-бурая средняя полоса безъ черточекъ; нижнія части болѣе яркаго ржаво желтаго цвѣта, а зобъ и бока покрыты очень тоненькими темными продольными черточками.

Областью гнѣздованія этой птицы служатъ средняя и южная Европа, западная Азія и сѣверо-западная Африка, включая сюда Канарскіе острова. Въ Германіи она попадается гораздо рѣже кизилочки, но большою частью въ сообществѣ съ нею, въ соответствующихъ мѣстахъ всей сѣверо-германской равнины, напримѣръ по берегамъ Шпрее и въ Брауншвейгѣ. Мѣстожительствомъ ея служатъ обширныя, отчасти болотистыя, перерѣзанные канавами луга съ отдѣльно стоящими кустиками, болота и топи. Появляется она и отлетаетъ одновременно съ кизилочкою, на которую очень похожа своими привычками и образомъ жизни. Она живетъ такъ-же скрытно, съ такою-же ловкостью проскальзываетъ сквозь чащу, бѣгаетъ, лазаетъ, летаетъ, такъ-же отвѣсно бросается съ воздушной выси внизъ, послѣ своихъ непродолжительныхъ полетовъ. Въ своемъ тростниковомъ лѣсу она испускаетъ иногда такой-же призывной звукъ, какъ кизилочка, и нѣсколько отличается отъ нея только пѣніемъ, но и то это различіе очень трудно опредѣлить словами. По Пэсслеру, въ концѣ мая находятъ 5—6 яицъ, положенныхъ въ низкомъ гнѣздѣ, которое устраивается въ осокахъ, въ травѣ, за какой-нибудь кучей или на краю канавы близъ воды, привѣшенное къ стеблямъ растеній. Оно замѣтно меньше гнѣзда кизилочки, но строится изъ такого-же матерьяла, а выстилается иногда нѣжными, черно-бурыми корешками, но большею частью метелками камыша и стеблями, между которыми попадаются и лошадиные волосы. Яйца немного меньше, свѣтлѣе, глаже и болѣе блестящи, чѣмъ у кизилочки. Часто испещрены бурыми волосатыми черточками или узорами, но до того блѣдными, что яйцо выглядитъ одноцвѣтнымъ. Самецъ мало помогаетъ самкѣ въ насиживаніи яицъ, зато съ тѣмъ большимъ усердіемъ предается этому дѣлу самка; она сидитъ такъ крѣпко, что подпускаетъ къ себѣ непріятеля довольно близко и поступаетъ при этомъ такимъ-же образомъ, какъ кизилочка. Насиживаніе продолжается 13 дней, а 3 недѣли спустя выросшіе птенцы уже вылетаютъ изъ гнѣзда. Семья, впрочемъ, нѣкоторое время продолжаетъ держаться вмѣстѣ, составляя тѣсный союзъ; затѣмъ, мало-по малу, начинаютъ отлетать, а въ началѣ августа совсѣмъ уже отправляются въ зимнее странствованіе. Пасторъ Больсманъ, по словамъ Альтума, встрѣчалъ въ окрестностяхъ Мюнстера много лѣтъ подъ рядъ, аккуратно 9 августа, и только въ видѣ исключенія 8 или 10-го этого-же мѣсяца, всегда на одномъ и томъ-же мѣстѣ стаи отлетающихъ водяныхъ камышевокъ.

Сверчковые камышевки (*Locustella. Heuschreckenschilfsänger. Locustelles.*) настолько отличаются своимъ строеніемъ и образомъ жизни отъ другихъ членовъ своего семейства, что могутъ быть выдѣлены въ особый родъ. Туловище ихъ стройное, клювъ широкій, на концѣ шиловидный, ноги довольно высокія и длиннопалыя; крылья короткія и округленныя, второе и третье маховыя перья въ нихъ самыя длинныя; хвостъ средней длины, широкій и притупленный; его нижнія кроющія перья очень длинныя. Остальное опереніе мягкое и тонкое; окраска его тускло-буровато-зеленая съ болѣе темнымъ пятнистымъ узоромъ на спинѣ и на верхней части груди.

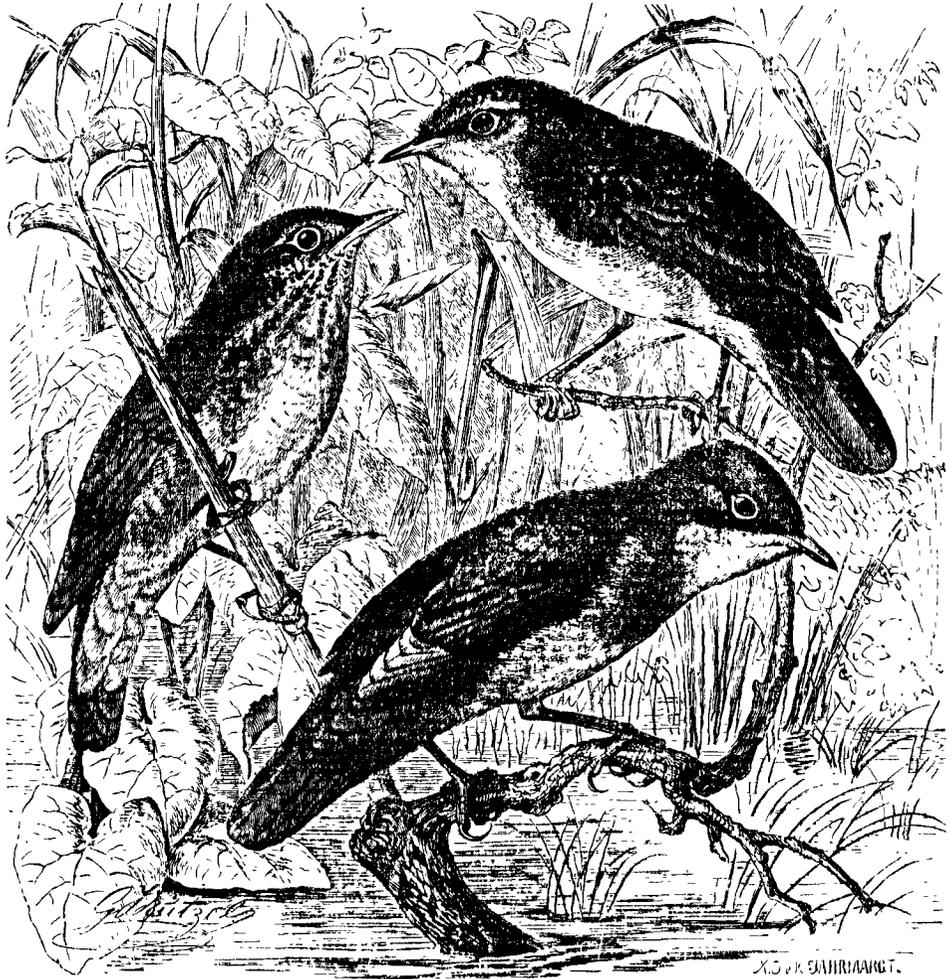
Прототиномъ этого рода можетъ считаться **Полевой сверчокъ, Камышевка кобылочка, Камышевка прятливая, Червякъ, Пестрая варанушка** (*Locustella naevia* и *gayi*, *Acrocephalus locustella*, *Sylvia*, *Salicaria* и *Threnetria locustella*, *Muscipeta locustella* и *olivacea*, *Calamoherpe locustella* и *tenuirostris*. *Feldschwirl. Locustelle ordinaire*). Ея длина 13,5 см., размахъ крыльевъ 19, длина крыла 6,3, а хвоста 4,8 см. Опереніе на верхней сторонѣ оливково-бурое, на головѣ съ маленькими круглыми, а на передней части спины и плечахъ съ широкими стрѣльчатыми буро-черными пятнышками. Нижняя сторона блѣдно-ржаво-желтая; подбородокъ, горло, нижняя часть груди и середина брюшка свѣтлѣе, почти бѣловатыя; зобъ украшенъ тонкими, темными долевыми черточками, а нижнія кроющія перья хвоста — широкими неясными долевыми пятнами. Маховыя перья черновато-бурыя съ узкими оливково-сѣрыми каемками по краямъ, которыя сзади становятся шире; рулевыя перья темныя зеленовато-буро-сѣрыя, съ болѣе свѣтлыми каемками и поперечными полосками. Глаза сѣро-бурые, клювъ рогового цвѣта, ноги свѣтло-красноватыя. Въ осеннемъ опереніи нижняя сторона желтѣе; у птенцовъ грудь пятнистая.

Въ средней Сибири, а также на югѣ Россіи полевого сверчка замѣняетъ **Кузнечикъ** (*Locustella lanceolata* и *minuta*, *Acrocephalus lanceolatus*, *Sylvia*, *Cisticola* и *Calamodyta lanceolata*. *Striemenschwirl. Petite locustelle*). Онъ очень похожъ на предыдущаго и отличается только своею замѣтно меньшею величиною, нѣжно ржаво-желтоватою окраскою нижней стороны и болѣе яркими и крупными пятнами на подбородкѣ и горлѣ.

На Гельголандѣ была однажды поймана **Кобылочка** (*Locustella certhiolla* и *rubescens*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Turdus* и *Acrocephalus certhiola*. *Streifenschwirl. Bouscarle certhiole*), живущая обыкновенно на востокѣ Средней Азии. Ея длина 16 см., длина крыла 7,5, хвоста 6 см. Опереніе верхней стороны оливково-сѣро-бурое съ широкими темными долевыми черточками, которыя на верхней части головы составляютъ шесть неправильныхъ долевыхъ рядовъ, а на спинѣ — восемь. Нижняя сторона ржаво-желтоватая, горло и середина брюшка бѣловатыя; нижнія кроющія перья хвоста чало-ржаво-бурыя съ бѣловатыми краями, надъ глазами проходитъ узкая бѣловатая полоса. Маховыя и хвостовыя перья темно-бурыя; маховыя снаружи съ узкими желтовато-бурыми каемками; хвостовыя — съ семью темными поперечными полосами и съ широкими свѣтлыми кончиками.

Начиная отъ Швеціи или Россіи полевой сверчокъ распространяется по всей средней Европѣ; во время полета онъ появляется на югѣ Европы или въ сѣверо-восточной Африкѣ. Онъ живетъ на равнинахъ, но встрѣчается не повсюду; только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его можно встрѣчать часто, въ другихъ-же, особенно въ горахъ, его совсѣмъ нѣтъ. Въ Германіи онъ появляется въ концѣ апрѣля и пребываетъ здѣсь до конца сентября; мѣстожителемъ своимъ онъ избираетъ какъ

большія болота, такъ и маленькіе луга, поросшіе ивнякомъ, равнымъ образомъ лѣса и поля. Въ иныхъ мѣстностяхъ онъ держится болѣе по близости воды, въ другихъ на совершенно сухой почвѣ, тутъ предпочитаетъ осоку, тамъ—низкій, густой кустарниковый лѣсъ и терновые кусты. Однимъ словомъ для него подходитъ всякая мѣстность, лишь-бы она представляла ему множество уголковъ, гдѣ-бы онъ могъ укрываться. При перелетѣ онъ проводитъ день тамъ, гдѣ почва покрыта низкими растениями.

Полевой сверчокъ. *Locustella naevia*, Рѣчной сверчокъ. *Locustella fluviatilis*, и Тростниковый сверчокъ. *Locustella luscinioides*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

«Сжатое туловище, удивительная быстрота въ бѣгѣ и пятнистое опереніе» говоритъ графъ Водзицкій, «характеризуетъ полевого сверчка, какъ замѣстителя коростелей въ семействѣ пѣвчихъ птицъ. Кто имѣлъ случай наблюдать эту птицу у гнѣзда, какъ старательно шмыгаетъ она по влажной почвѣ, переходя маленькія лужицы и схватывая на ходу попавшіяся ей въ водѣ насекомыя, съ тѣмъ, чтобы отнести ихъ птенцамъ, а потомъ снова бѣжать за добычей, какъ она прыгаетъ на стебли, почирикаетъ тамъ раза два и снова пускается на поиски, кто видѣлъ ее,

наконецъ, во время пѣнія, съ вытянутой шей и раздутымъ горломъ, тотъ, конечно, подумалъ о коростелѣ». Съ этимъ описаніемъ образа жизни полевого сверчка согласны всѣ наблюдатели. «Трудно найти», замѣчаетъ Науманъ, «другую болѣе беспокойную и живущую притомъ такъ скрытно птичку, какъ эта. Ея привычки представляютъ изъ себя смѣсь характера камышевки, крапивника и шеврицы. Она непрерывно лазаетъ по густому кустарнику и болотнымъ растеніямъ, низко надъ землею или прямо по землѣ и проводитъ здѣсь свою жизнь почти совершенно скрыто отъ постороннихъ глазъ. Только внезапное нападеніе можетъ испугнуть ее изъ ея скрытаго убѣжища, но и тогда она не летитъ далеко по воздуху, а только низко надъ самой землей. Это необыкновенно рѣзвая, живая птичка, но при этомъ крайне трусливая и хитрая. По землѣ она бѣгаетъ шажками, съ легкостью и граціей шеврицы; когда-же ее преслѣдуютъ, то она убѣгаетъ съ быстротою настоящей мыши. При угрожающей опасности, она съ такою стремительностью проскальзываетъ въ чащу куста, что въ одну минуту исчезаетъ съ глазъ. При ходьбѣ она держитъ свое туловище горизонтально, и при этомъ немного вытягиваетъ шею; бѣгаетъ она толчками, шевеля въ это время не только хвостомъ, но и всею заднею частью туловища. Когда она пролѣзаетъ сквозь сучья, то низко сгибаетъ грудь. Замѣтивъ что-нибудь выдающееся, подергиваетъ крыльями и хвостомъ; при сильномъ испугѣ она сѣпшится, широко распустивъ хвостъ и шевеля отвисшими крыльями. Въ спокойномъ состояніи, особенно въ то время, когда взбирается по отвѣснымъ вѣткамъ и стволамъ растеній, она снова становится настоящею камышевкою». Полетомъ своимъ она тоже походитъ на этихъ родичей, рѣдко поднимается на значительную высоту, летаетъ больше по прямой линіи, повидимому неувѣренно и неправильно, и такъ-же стремительно, какъ камышевка, бросается прямо съ высоты, по отвѣсной линіи въ густой кустарникъ. Несмотря на то эта, на первый взглядъ неспособная къ полету, птичка перерѣзываетъ иногда пространства въ нѣсколько тысячъ шаговъ, «переваливаясь», по словамъ Гансмана, «съ одной стороны на другую, подобно пловцу, гребущему одной рукой. Полетъ ея въ такихъ случаяхъ походитъ на полетъ говорунчика, только онъ болѣе скорый, и маховыя перья, при каждомъ взмахѣ, почти касаются хвоста».

Полевой сверчокъ и его родичи отличаются своеобразнымъ пѣніемъ, и этимъ даромъ они надѣлены больше, чѣмъ другими. Оно состоитъ, собственно говоря, изъ единственной, однообразной, продолжительной, шипящей трели, похожей на стрекотанье, которое издають большія стрекозы своими крыльями. Опредѣлить эти звуки слогами довольно трудно, но все-таки они походятъ приблизительно на «сиррррр» или «сирррлрлрл». «Мнѣ показалось очень страннымъ», говоритъ Науманъ, «что это слабое стрекотаніе, которое вблизи кажется совсѣмъ негромкимъ, разносится такъ далеко. Чуткое ухо можетъ совершенно ясно слышать его въ тихій вечеръ на разстояніи 1000 шаговъ. Я старался прислушиваться къ пѣнію этой птицы во всѣ часы дня и ночи, для чего цѣлыя ночи проводилъ въ лѣсу, и могу удостовѣрить, что это замѣчательное пѣніе постоянно производило на меня въ высшей степени странное впечатлѣніе, такъ что, выйдя изъ лѣсу и оставивъ его далеко за собою, въ моихъ ушахъ долго послѣ того продолжало стоять это своеобразное стрекотанье. Мнѣ казалось, что оно исходитъ изъ каждой шелестящей вѣтки, изъ каждаго дуновенія вѣтерка. Обыкновенно этотъ замѣчательный пѣвецъ продолжаетъ свою трель, не переводя духа, въ теченіи цѣлой минуты; но когда поетъ усердно, то зачастую безъ перерыва тянетъ трель 2½ минуты, какъ я это отмѣтилъ по своимъ часамъ. Послѣ короткаго перерыва, всего въ нѣсколько секундъ, онъ снова начинаетъ стрекотать, и такимъ образомъ продолжаетъ тянуть эту однообразную му-

зыку цѣлые часы. У гнѣзда своего сверчокъ рѣдко стрекочетъ днемъ и, если это случится, то продолжается недолго. Онъ начинаетъ пѣть обыкновенно только послѣ заката солнца и поетъ тѣмъ усерднѣе, чѣмъ время ближе подвигается къ полуночи, затѣмъ съ часъ отдыхаетъ и снова начинаетъ пѣть, и поетъ, такъ-же усердно, какъ раньше, до самаго восхода солнца. Когда самка сидитъ на яйцахъ, самецъ вовсе не поетъ днемъ, а только въ тихую глубокую полночь или рано утромъ, когда только начинаетъ заниматься заря. Пока полевой сверчокъ не избралъ еще прочнаго мѣстожительства, онъ поетъ, пробираясь сквозь вѣтки, такъ что заканчивается свою трель часто за 50 шаговъ отъ того мѣста, гдѣ началъ; у гнѣзда-же, напротивъ, онъ зачастую по цѣлымъ часамъ сидитъ на одномъ мѣстѣ или самое большее, что лазааетъ по стеблю снизу вверхъ и обратно или взадъ и впередъ по вѣткѣ». Это пѣніе, которое я, по странной случайности, никогда до сихъ поръ не слышалъ, выдаетъ пѣвца передъ каждымъ внимательнымъ наблюдателемъ. Въ тѣ часы, когда онъ поетъ всего усерднѣе, не слышно еще никакой стрекозы, и потому стоитъ только пойти по слѣдамъ этихъ своеобразныхъ звуковъ, чтобы выслѣдить птичку. «При ея скрытномъ образѣ жизни», говоритъ Гансманъ, «мы можемъ выслѣдить ея присутствіе только по голосу. Самка, которая проводитъ свою жизнь на землѣ, скрытая въ высокой травѣ, почти недоступна для наблюдений, если только какой-нибудь счастливый случай не выдастъ ее; самецъ-же когда поетъ, всегда выходитъ на-показъ, такъ что рано или поздно его можно все-таки увидѣть». По долготнмъ наблюдениямъ Гансмана, сверчокъ-самецъ, если его ничто не беспокоитъ, способенъ во время пѣнія по цѣлымъ часамъ сидѣть неподвижно на одномъ и томъ-же мѣстѣ съ отвѣсно опущеннымъ хвостомъ, съ приподнятымъ прямо кверху клювомъ, съ дрожащею нижнею частью клюва и раздутымъ горломъ. «Чудный пѣвецъ вполне самостоятельно распоряжается силою своего звука. Если приблизиться къ поющему самцу, сидящему на уединенномъ кустикѣ, онъ мгновенно умолкаетъ. Стоитъ только переждать 5—10 минутъ, притаившись на мѣстѣ, какъ онъ снова уже начинаетъ свою стрекотню, только она исходитъ какъ-будто по совершенно другому направленію или издается такъ тихо, подъ сурдинку, что можно совершенно ошибочно приписать это удаленію поющей птички. Иногда сверчокъ упорно молчитъ нѣсколько дней, даже недѣль, но потомъ снова раздается его своеобразная трель, сначала только въ поддень или вечеромъ, но всего чаще все-же въ ночное время. Онъ молчитъ при солнечномъ восходѣ и стрекочетъ во время дождя и сильныхъ грозъ. Этотъ безталанный пѣвецъ капризенъ, какъ знаменитый прославленный оперный теноръ!»

Ница полевого сверчка та-же самая, что и другихъ его родичей; она мѣняется только по условіямъ мѣстности, въ которой живетъ птица.

Гнѣздо его больше походитъ на гнѣздо славки, чѣмъ другихъ, болѣе родственныхъ ему птицъ. Оно располагается исключительно на землѣ, все равно на сухомъ-ли грунтѣ, или въ такой топи, что сырость просачивается подъ самыя яйца; иногда оно устраивается подъ маленькимъ кустикомъ, чаще-же прямо въ травѣ по близости куста или деревца, тщательно скрытое между сухими, поблекшими листочками травы. Простая, плоская постройка состоитъ исключительно изъ сухихъ листочковъ травы; главное различіе ея съ гнѣздомъ смородинки состоитъ въ томъ, что сверчокъ употребляетъ какъ на наружныя стѣнки, такъ и на внутреннюю выстилку болѣе широкіе листья. Въ видѣ исключенія на подстилку идетъ также мохъ. Кладка состоитъ изъ 5—7 не совсѣмъ правильныхъ яицъ 17 м.м. длиною и 13 м.м. толщиною, съ нѣжною, не особенно блестящею скорлупою, по желто-матовому или буровато-красноватому фону которой пестрятъ тускляя лилово-синія пятнышки и

синевато-красноватая крапинки, расположенныя болѣе или менѣе правильнымъ вѣнчикомъ какъ по толстому, такъ и по острому концу. Послѣ 14-ти дневнаго насыживанія вылупляются птенцы, которые быстро вырастаютъ; они покидаютъ гнѣздо, по крайней мѣрѣ во время тревоги, еще прежде, чѣмъ научатся летать и тогда снуютъ, на подобіе мыши, по чащѣ сосѣдняго куста. Гансманъ утверждаетъ, что обыкновенно сверчокъ выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ; Бальдамусъ и Пэсслеръ, напротивъ, доказываютъ, что первая кладка бываетъ въ срединѣ мая, а вторая въ половинѣ или въ концѣ іюля. За справедливость послѣдняго показанія говоритъ то обстоятельство, что около этого времени можно еще слышать пѣніе самца. Въ первой половинѣ августа и старый и малый покидаютъ свое мѣстожительство, держатся еще нѣкоторое время по близости густо поросшихъ болотъ и затѣмъ постепенно отправляются въ зимнее странствованіе.

* * *

На юго-востокѣ Европы, въ западной Азіи и восточной Африкѣ живетъ, рѣдкій въ Германіи, **Рѣчной сверчокъ**, **Рѣчная камышевка**, **Полусоловей**, **Саранча**. (*Locustella fluviatilis* и *strepitans*, *Sylvia*, *Acrocephalus*, *Salicaria*, *Luscinopsis* и *Threnetria fluviatilis*. Flussrohrsänger. Bouscarle fluviatile). Длина ея 14,7 см., размахъ крыльевъ 23,5, длина крыла—7,3 а хвоста 6,2 см. Верхняя сторона туловища и наружныя бородки оливково-бурыхъ маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ блѣдно оливково-бурая; нижнія части свѣтлѣе; горло и середина брюшка почти бѣлыя, широкія конечныя каемки ржаво-буроватыхъ нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста тускло-бѣлыя; по горлу и головѣ проходятъ неясныя оливково-буроватая долевая полоски. Кольцо вокругъ глазъ бурое; верхняя часть клюва буро-рогового цвѣта, нижняя, какъ и ноги, желтовато-рогового.

По всей вѣроятности рѣчной сверчокъ встрѣчается въ Германіи чаще, чѣмъ до сихъ поръ считали, такъ какъ его легко смѣшать съ его родичами. Достоверно же его наблюдали по Эльбѣ, Одеру и Мемелю, а Либѣ также по Гольчу, притоку Эльстера. Чаще встрѣчается онъ по среднему и нижнему теченію Дуная, въ Галиціи, Польшѣ и по всей Россіи. Описаніемъ жизни этой птички на свободѣ мы обязаны сообщеніямъ графа Водзицкаго и Шауера, которые наблюдали ее въ Галиціи. Здѣсь она населяетъ также низкія мѣстности, подобно своимъ родичамъ, ивнякъ, растущій на лугахъ по опушкѣ сосновыхъ лѣсовъ, ольховыя рощи, окруженныя лугами и пастбищами, итому подобныя мѣстности: но всего чаще встрѣчается въ букowychъ рощахъ, произрастающихъ на горахъ средней высоты, гдѣ съ большими деревьями и старыми подгнившими пнями чередуются роскошныя кустарники, поросшіе высокими травами, зонтичными растеніями, ежевикой и малиною. На родинѣ рѣчной сверчокъ появляется въ половинѣ мая, когда зелень настолько уже распустилась, что можетъ служить птичкѣ скрывать убѣжищемъ; но онъ не сразу по прибытіи избираетъ себѣ мѣсто для гнѣзда, а нѣкоторое время бродитъ еще по мѣстамъ, гдѣ обыкновенно трудно расчитывать найти его, а именно по маленькимъ садикамъ и ягоднымъ огородамъ, даже по сухимъ плетнямъ, свитымъ изъ прутьевъ. Однако и въ такихъ открытыхъ мѣстахъ онъ ловко умѣетъ прятаться, такъ какъ вся жизнь его полна таинственности и скрытности. Даже у гнѣзда, расположеннаго, примѣрно, на лугу, гдѣ стоятъ отдѣльные кусты ивы, самца можно увидѣть только тогда, когда онъ считаетъ себя въ полной безопасности, и то онъ предусмотрительно держится опредѣленныхъ вѣтвей, своего излюбленнаго мѣстечка для пѣнія, къ которымъ постоянно возвращается. Въ остальное-же время рѣчной сверчокъ проводитъ свою жизнь очень скрытно, летаетъ только въ крайнемъ случаѣ и на короткія разстоянія, напоминая своими однородными трепещущими взмахами крыльевъ большую бабочку, напримѣръ сфинкса;

при полетѣ онъ держится постоянно прямой линіи, передъ глазами имѣеть только опредѣленную цѣль и ничѣмъ постороннимъ не смущается. Когда его что-либо испугнетъ, онъ ищетъ спасенія въ бѣгствѣ; если приблизиться къ нему въ то время, когда онъ, по обыкновенію, сидитъ на выступающей сухой вѣткѣ ивы, то онъ стремительно падаетъ внизъ, словно смертельно подстрѣленный, не шевеля ни единымъ крыломъ, и зарывается въ травѣ, во мгновеніе ока отыскавъ самое густое, запутанное мѣсто, откуда его уже никакими средствами, даже натравивъ на него собаку, нельзя принудить вылетѣть. Единственно во время пѣнія онъ отчасти забываетъ присущую ему осторожность и, при случаѣ, даетъ наблюдателю возможность подсмотреть его жизнь.

При пѣніи рѣчной сверчокъ ведетъ себя такъ-же, какъ его родичи, лазаетъ по выступающимъ вѣткамъ или поднимаетъ наверхъ голову, такъ что клювъ имѣеть почти отвѣсное направленіе, широко раскрываетъ его, время отъ времени нахохливаетъ горловыя перышки и своеобразнымъ движеніемъ языка выдѣлываетъ свою трель. Она состоитъ изъ двухъ, одинъ за другимъ слѣдующихъ звуковъ, изъ которыхъ одинъ ниже и сильнѣе, другой выше и слабѣе; по мнѣнію Шауера они производятся равнымъ образомъ какъ при вдыханіи, такъ и при выдыханіи воздуха. Сравнительно съ трелью полевого сверчка она сильнѣе и громче, не такая шипящая, болѣе отчетливая; вслушиваясь въ нее, кажется, какъ будто птичка разъ 50—60 повторяетъ безъ перерыва слогъ «церр». Она замѣтно короче трели полевого сверчка, медлительнѣе и еще болѣе походить на стрекотанье зеленого кузнечика. По временамъ ее прерываетъ картавый призывной звукъ; вообще пѣніе рѣчного сверчка въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ начальную строфу пѣсни овсянки. Во время пѣнія рѣчной сверчокъ поворачиваетъ голову болѣе или менѣе быстрыми движеніями то направо, то налево и этимъ достигаетъ того, что его трель звучитъ то сильнѣе, то слабѣе. Передвигаясь съ мѣста на мѣсто, онъ никогда не поетъ; если ему хочется перемѣнить мѣсто или хотя-бы только сдѣлать одинъ прыжокъ, онъ прерываетъ свою трель. Чувствуя себя въ безопасности, и въ хорошую погоду, рѣчной сверчокъ сидитъ постоянно на выдающейся сухой вѣткѣ куста, рѣже на нижнихъ или среднихъ сучьяхъ и никогда на верхушкѣ дерева. Въ тревожномъ состояніи онъ прячется въ глубину куста и оттуда, невидимый, издаетъ свою трель, прерываемую короткими паузами, но послѣ каждой такой строфы, во время паузы, выскакиваетъ обыкновенно на верхніе сучья, и продѣлываетъ это до тѣхъ поръ, пока не успокоится настолько, чтобы снова занять свое любимое мѣстечко. Когда онъ сознаетъ себя здѣсь въ совершенной безопасности, то поетъ отъ всего сердца, полною грудью. Его одинаково можно слышать поющимъ и въ дурную погоду, въ дождь, даже при сильномъ вѣтрѣ; но тогда онъ сидитъ, забившись низко подъ кустомъ, и наружу уже не показывается. Къ трели онъ прибавляетъ также, подобно своимъ родичамъ, своеобразные звуки, похожіе на тѣ, которые происходятъ при полосканьи горла, воркотню и клокотанье, особенно, если онъ чѣмъ нибудь встревоженъ. Но часто случается, что пѣніе его не идетъ на ладъ: въ горлѣ у него хрипитъ, клокочетъ, онъ вдругъ останавливается и совсѣмъ умолкаетъ или издаетъ только отдѣльныя трели. Самка, заслышавъ пѣніе самца, каждый разъ откликается звукомъ «чик чикъ», который означаетъ хорошее состояніе духа, тогда какъ страхъ выражается у нея звукомъ «кр кр».

Гнѣздо рѣчного сверчка строится всегда на землѣ, но въ очень разнообразныхъ мѣстностяхъ, то въ кустахъ, то въ комкахъ травы, между корнями дерева, и т. д.; постройка его тоже очень неправильная: она представляетъ собою то безпорядочное сплетеніе грубыхъ листьевъ тростника, высланное внутри мхомъ и

тонкими корешками, то довольно тщательное сооружение, красиво убранное внутри; иногда гнездо свито из мелких, тонких травинок и мха и снаружи окружено большою кучею того-же самого матерьяла, из которого сдѣланы стѣнки, притомъ такъ рыхло, что гнездо можно вынуть изъ этой ограды. Въ половинѣ мая, но чаще въ концѣ этого мѣсяца, самка начинаетъ кладку своихъ 4—5 яицъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и высиживание птенцовъ. Яйца имѣютъ въ долевымъ разрѣзѣ 24, а въ поперечномъ 18 м.м., по формѣ своей разнообразны, и по бѣлому, чуть блестящему фону покрыты крайне мелкими грязновато-желтыми и бурыми крапинами, которыя сливаются на толстомъ концѣ въ неясный вѣнчикъ. Самка съ большою любовью предается своему занятію; графъ Водзицкій имѣлъ случай наблюдать однажды, какъ послѣ трехъ промаховъ, сдѣланныхъ имъ по птичкѣ она все-таки, несмотря на испугъ, вернулась бѣгомъ къ гнезду и продолжала насиживание птенцовъ. При всемъ томъ эти птички довольно чувствительны къ опасности, потому-что при малѣйшемъ шумѣ можно слышать, какъ самецъ вмѣстѣ съ самкой выкрикиваетъ свое предостерегающее «кр кр чикъ», которое тогда только умолкаетъ когда оба вполне убѣдятся, что опасность миновала. Птенцы покидаютъ гнездо, когда едва еще покрыты перьями, а хвостовыя перья только показываютъ росточки; тѣмъ не менѣе они уже ловко, подобно мышатамъ, сплуживаютъ въ травѣ, однообразно покрикиваютъ свое «ципи ципп», не умолкая даже тогда, когда родители крикомъ предостереженія хотятъ заставить ихъ молчать и, конечно, этимъ часто выдавали-бы себя, еслибъ звуки эти не были такъ обманчивы для уха даже самаго опытнаго наблюдателя, походя на стрекотаніе кузнечиковъ.

Третій видъ этой замѣчательной группы есть **Тростниковый сверчокъ** (*Locustella luscinioides*, *Sylvia*, *Salicaria*, *Acrocephalus*, *Cettia* и *Lusciniopsis luscinioides*, *Lusciniola*, *Pseudolusciniola* и *Lusciniopsis savii*. *Nachtigallrohrsänger*. *Bouscarle luscinoide*.). Его длина 14 см., размахъ крыльевъ—21, длина крыла 6,7, а хвоста—5,9 см. Верхняя сторона туловища оливково-ржаво-бурая, маховыя и рулевыя перья немного темнѣе, нижняя сторона и узкія брови гораздо свѣтлѣе оливково-ржаво-красноватая; подбородокъ, середина брюшка и конечныя каемки нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста ржаво-бѣловатая; на нижней части горла замѣчается нѣсколько неясныхъ ржаво-бурыхъ долевыхъ пятнышекъ. Кольцо вокругъ глазъ темно-бурое; верхняя часть клюва буро-черная, нижняя—желтоватая; восковица мясного цвѣта.

Принадлежитъ преимущественно югу Европы, тростниковый сверчокъ живетъ также въ Галиціи, по Дунаю, въ нижней Россіи, въ Голландіи, а также въ западной Азій и сѣверной Африкѣ; но повсюду его появленіе ограничивается отдѣльными областями; къ тому-же въ нѣкоторые года онъ встрѣчается, по крайней мѣрѣ въ Галиціи, крайне рѣдко, въ другіе, напротивъ, необыкновенно часто. Это, по Водзицкому, настоящая камышевка, которая никогда не оставляетъ камышей, но, подобно своимъ родичамъ, находится вѣчно въ движеніи и постоянно сплуживаетъ то по землѣ, то въ тростникѣ. Никогда нельзя видѣть его спокойно сидящимъ на мѣстѣ. Весною онъ забавляется даже летаньемъ, вспархивая поднимается на воздухъ и оттуда, на подобіе славки или щеврицы, только не распѣвая, снова бросается въ тростникъ со сложенными крыльями. Будучи болѣе доврчивымъ и любопытнымъ, чѣмъ рѣчной сверчокъ, онъ, слышавъ шумъ, вспархиваетъ съ земли и садится на камышъ, чтобы удивленно взглянуть на собаку или охотника. Отличительнымъ свойствомъ ихъ характера является необыкновенная любовь къ дракамъ: во время размноженія они преслѣдуютъ самку или соперника почти подъ самыми ногами наблюдателя, нужды нѣтъ, будутъ-ли въ нихъ стрѣлять или нѣтъ, такъ какъ они стрекочутъ даже во время опасности. Пѣніе ихъ еще труднѣе поддается описанію, чѣмъ

пѣніе ихъ родичей, тѣмъ болѣе, что въ шумѣ колеблющагося камыша оно плохо различается, такъ какъ этотъ видъ сверчковъ изъ всѣхъ трехъ остальныхъ обла- даетъ хотя и наиболѣе пріятнымъ, но зато и самымъ слабымъ голосомъ, который совершенно тернется на вѣкоторомъ разстояніи, оставляя впечатлѣніе простого шу- ма въ ушахъ. «Кто слышалъ», говоритъ графъ Водзицкій, «на тучныхъ болотахъ шумъ отъ быстро вздувающихся на поверхности воды пузырей, тотъ можетъ соста- вить себѣ ясное понятіе о пѣніи тростниковаго сверчка. Звуки его голоса иногда выше, иногда ниже, безъ преобладающаго у другихъ картаваго «рр», звучащія ско- рѣе быстро повторяющимися слогами «гл гл гл гл гл». «Во время пѣнія птица си- дитъ безразлично высоко или низко, въ видѣ исключенія также совершенно покой- но, склонивъ на бокъ голову, вытянувъ шею и сильно раздувъ зобъ. Во время раз- множенія самецъ поетъ прилежно цѣлый день до самаго солнечнаго заката, а, по наблюденіямъ Шауера, оживленъ также въ продолженіи всей ночи. Его пѣніе такъ- же обманчиво, какъ и пѣніе остальныхъ сверчковъ.

Для постройки гнѣзда, надъ которою работаютъ оба супруга, они съ трудомъ притаскиваютъ необходимый матерьялъ. Сначала они это дѣлаютъ сообща, потомъ раздѣляютъ работу: самецъ таскаетъ матерьялъ, а самка принимаетъ его изъ клю- ва и употребляетъ въ дѣло. Самецъ работаетъ весело и усердно, причемъ его одно- тонное «кр кр» раздаётся почти безъ перерыва. Для гнѣзда избирается соотвѣт- ствующее мѣстечко въ старомъ высокомъ камышѣ или, въ видѣ исключенія, въ гу- стой высокой травѣ; оно располагается большею частью на согнутомъ стеблѣ тро- стника иногда на 15, но также и на 60, даже на 90 см. надъ водою. Гнѣздо со- стоитъ только изъ широкихъ листьевъ тростника, но оно такъ старательно свито и тщательно сглажено внутри, что яйца буквально катаются по дну гнѣзда. Каждый несвѣдущій наблюдатель приметъ его скорѣе за гнѣздо маленькой водяной курочки, чѣмъ за гнѣздо сверчка, до такой степени оно походитъ на него, съ тою только разницею, что гнѣздо сверчка—меньше. Большая часть гнѣздъ, видѣнныхъ Водзицкимъ, были острой формы, вверху шире, а внизу конусообразны, 10 см. высоты, 9 см. шири- ны и 6—9 глубины. Кладка состоитъ изъ 5, рѣже изъ 4 яицъ и завершается или въ концѣ мая, или въ началѣ іюня; форма и окраска яицъ необыкновенно варьи- руетъ; въ долевымъ разрѣзѣ они имѣютъ 21—25 m.m., а въ поперечномъ 15—19 m.m. Ихъ бѣлая или известково-бѣлая скорлупа то сплошь усѣяна на толстомъ кон- цѣ крайне мелкими крапинками желтаго и буро-черно-фіолетоваго цвѣта, то лишь скудно обрызгана такими-же, только болѣе крупными крапинами, и тогда они очень походятъ на яйца пересѣшки; другія-же напоминаютъ яйца цеврицы и степного жаворонка. Оба супруга попеременно занимаются насиживаніемъ яицъ и притомъ съ такимъ усердіемъ, что ихъ отлично можно наблюдать въ это время; если ихъ вспугнуть, то оба, безъ размышленія, тотчасъ-же снова возвращаются, то прямо при- летая, то перепрыгивая съ сучка на сучекъ. Когда птенцы подростутъ, вся семья покидаетъ камышъ, переселяется въ тростникъ или въ высокую траву и остается здѣсь до поздняго сентября, проводя жизнь на влажной почвѣ.

* * *

На югѣ Европы и въ юго-западной Азіи обыкновенныхъ и сверчковыхъ ка- мышевокъ замѣняютъ **Кустарные пѣвцы** или **Соловейчики** (*Luscinola*). Изъ нихъ уже въ южной Венгріи и въ сѣверной Франціи встрѣчается, а въ Италіи обыкно- венна **Широкохвостая Камышевна** (*Luscinola melanopogon*, *Sylvia melanopogon* и *melanopogon*, *Calamodyta*, *Salicaria*, *Cettia*, *Acrocephalus* и *Amnicola melanopogon*. *Tamariskensänger*. *Phragmyte à moustaches noires*). Спинка ея красновато-бурая,

по нижней части шеи и по плечамъ проходятъ темныя неясныя полосы вдоль стволовъ перьевъ, а на самой верхушкѣ темно-бурой головки среднія перышки имѣютъ болѣе свѣтлыя боковыя каемки; отъ ноздрей къ вискамъ идетъ ржаво-желтая широкая полоса, а вдоль уздечки черно-бурая; подъ глазами перья темно-коричневые, на подбородкѣ и горлѣ — бѣлыя, такъ-же какъ и нижнія покрывныя перья. Остальныя нижнія части ржаво-желтыя съ болѣе темнымъ оттѣнкомъ по бокамъ. Маховыя перья и хвостъ темно-бурые съ узкими блѣдно-ржавыми каймами, которыя, на заднихъ малыхъ маховыхъ перьяхъ дѣлаются шире и переходятъ въ красновато-коричневый цвѣтъ.

Для дополненія сообщенныхъ нами свѣдѣній помѣщаемъ здѣсь еще **Шелковистую камышевку** (*Bradypterus cettii*, *Sylvia cettii*, *sericea* и *platyura*, *Cettia sericea*, *attinsoniana* и *cettii*, *Calamodyta cettii* и *sericea*, *Acrocephalus*, *Calamoherpe*, *Potamodus* и *Salicaria cettii*. *Seidenrohrsänger*. *Bouscarle cetti*). Она отличается короткимъ, узкимъ клювомъ, сильно округленными крыльями, на которыхъ особенно длинны третье и четвертое маховыя перья; нижнія кроющія перья хвоста очень длинны и широки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ отличительныхъ признаковъ она считается представителемъ особаго рода: **Трясиныхъ камышевокъ** (*Bradypterus*. *Bruchrohrsänger*). Спина красновато-бурая, надхвостье и верхъ хвоста немного болѣе яркаго цвѣта, рулевые перья и края темно-бурыхъ маховыхъ перьевъ — темнѣе; брови блѣднѣе, кольцо вокругъ глазъ бѣлѣе, брюшко и большія кроющія перья крыльевъ — бѣлыя, голова и шея по бокамъ сѣрые, бока и нижнія перья хвоста красновато-коричневые, самыя же длинныя изъ нихъ имѣютъ бѣловатые концы. Глаза темно-каріе; клювъ ржаво-коричневый въ концѣ, а у основанія рогового цвѣта, ноги ржаво-желтыя. Длина тѣла около 13 см., длина крыла 6 см., а хвоста 6, 5 см. Самка замѣтно меньше самца; чрезвычайно мягкое опереніе дѣтенышей не такого ярко-краснаго цвѣта, какъ у старыхъ самцовъ, и кольцо вокругъ глазъ едва замѣтно.

Шелковистая камышевка населяетъ южную Европу отъ Испаніи до восточной границы этой части свѣта и принадлежитъ тамъ къ зимующимъ птицамъ; въ Туркменіи-же она является, какъ сообщаетъ Вальтеръ, только перелетной птицей. Она любитъ селиться вблизи стоячихъ, а еще болѣе текущихъ водъ, какъ напр. ручьевъ, ровъ и канавъ, наполненныхъ водою, по краямъ которыхъ растетъ камышъ, ежевика и другіе кустарники. Здѣсь живетъ она очень скрытно. По словамъ Гомейера, это очень живая, суетливая птичка, которую рѣдко удается увидѣть постороннему зрителю; но присутствіе свое среди кустовъ она выдаетъ своимъ громкимъ переливчатымъ пѣніемъ. По пространству въ нѣсколько сотъ шаговъ въ діаметрѣ, которое можно считать обыкновеннымъ полемъ дѣятельности этой камышевки, носится она безостановочно цѣлый день, поражая своимъ необычнымъ проворствомъ. Пѣніе ея раздается то справа, то слѣва наблюдателя, который сначала совсѣмъ не можетъ объяснить себѣ эту странность, такъ какъ незамѣтный для его глаза перелетъ птицы съ одной стороны на другую, кажется ему просто невозможнымъ. Однако, ближе присмотрѣвшись, онъ замѣчаетъ, что птица не только весьма быстро проскальзываетъ сквозь листву, но и пролетаетъ довольно большія пространства у самой земли, которая обыкновенно въ этихъ мѣстахъ покрыта мелкимъ кустарникомъ. Она чрезвычайно осторожно избѣгаетъ всякой опасности; поэтому ее еще труднѣе подстрѣлить, чѣмъ разсмотрѣть. Какъ призывной голосъ, такъ и пѣніе шелковистой камышевки такъ характерны, что услышавъ ихъ разъ, никогда не смѣшаешь съ пѣніемъ другихъ птицъ. Въ призывномъ голосѣ ея

слышатся звуки: «чек, чек, чек»; пѣніе-же до того похоже на начальное шелканье соловьиной пѣсни, что могло бы ввести въ заблужденіе, если бы, къ сожалѣнію, не ограничивалось этой одной строфой. Гансманъ передаетъ это пѣніе звуками: «цик-цивик-цивойд», а графъ фонъ деръ Мюле «чифут-чифут-чифут»; но такъ какъ именно этимъ словомъ турки бранятъ евреевъ, то греческіе пастухи возненавидѣли шелковистую камышевку, вообразивъ себѣ, что эта птица нарочно дразнитъ ихъ, называя жидами.

Гнѣздо свое шелковистая камышевка вьетъ довольно низко, въ самой непроницаемой чащѣ кустовъ; оно имѣетъ форму глубокой чашки и сплетено изъ полусгнившихъ растений, стеблей и листьевъ, выложено внутри мягкой травой и козьими волосами, или овечьей шерстью и хлопчатой бумагой. Въ концѣ апрѣля самка кладетъ отъ 4—5 равномѣрно красноватыхъ яичекъ въ 20 м.м. длины и 15 м.м. толщины; за первой кладкой слѣдуетъ обыкновенно въ теченіи лѣта вторая. О воспитаніи птенцовъ я нигдѣ не нашелъ никакихъ свѣдѣній; у Крюпера однако упоминается, что холодныя зимы производятъ среди этихъ птицъ большія опустошенія.

* * *

Садовая пѣночка (*Hypolais. Gartensänger. Pouillots*) распространены по всей сѣверной области Стараго Свѣта, а также по Индійской и Эіопской областямъ. Это сравнительно крупныя славки съ большимъ, крѣпкимъ, широкимъ, на расщепѣ острымъ, однако лишь очень немного втянутымъ клювомъ, сильными ногами, довольно длинными крыльями, въ которыхъ третье или четвертое маховое перо длиннѣе остальныхъ, и довольно длиннымъ или совсѣмъ короткимъ хвостомъ, который только немного вырѣзанъ посрединѣ.

Пѣночка-пересмѣшка, Пѣночка садовая, лѣсная, таловая, желтогривая, длинная, Лѣсная малиновка, Волчонъ, Дерябна (*Hypolais philomela, icterina hortensis, vulgaris* и *salicaria, Motacilla* и *Ficedula hipolais, Sylvia hypolais, hipolais icterina, obscura* и *xanthogastra, Salicaria vulgaris. Gartensänger. Grand Pouillot*) имѣетъ спину сѣрооливковаго цвѣта, уздечку и брюшко блѣдно-сѣрно-желтыя; голова около ушей, бока тѣла и шея блѣдно-сѣрые; маховыя перья оливково-бурыя, крайнее рулевое перо зеленоватое, а съ внутренней стороны окаймлено грязно-бѣлымъ цвѣтомъ; перья хвоста свѣтлѣе, чѣмъ маховыя и снаружи окаймлены бѣлымъ. Глаза темно-бурые, клювъ сѣро-бурый, основаніе нижней половины челюсти красновато-желтое, ноги свѣтло-голубыя. Длина достигаетъ 14, 5, размахъ крыльевъ — 25, длина крыла 9, а хвоста 5, 3 см.

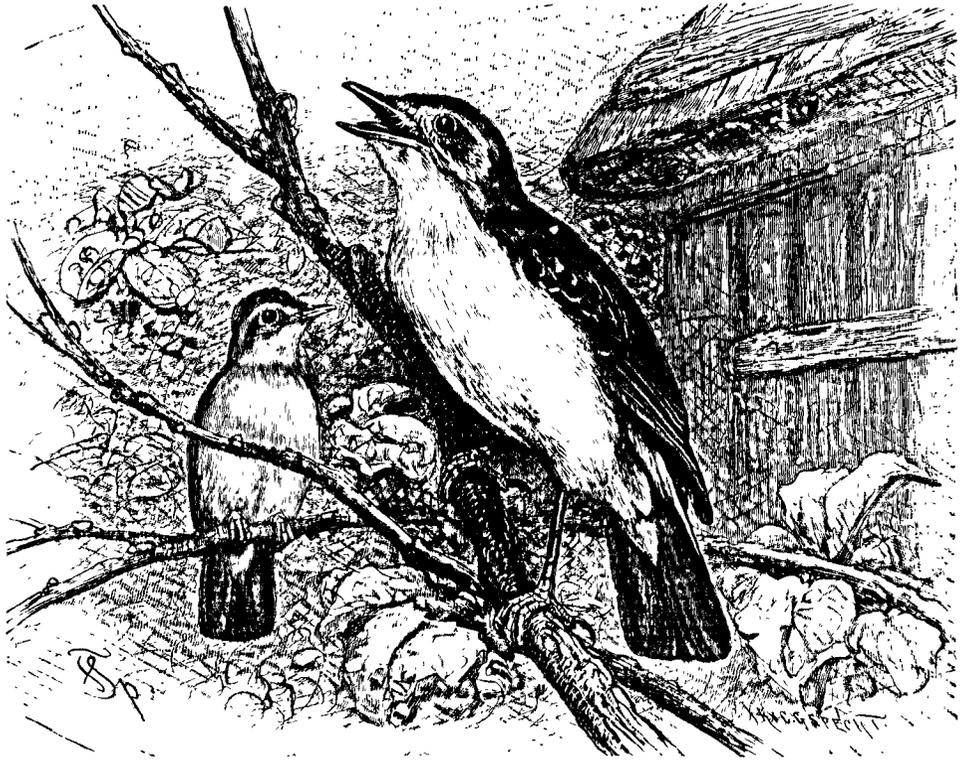
Отечествомъ садовой пѣночки слѣдуетъ считать среднюю Европу; отсюда она распространяется къ сѣверу до Скандинавіи; на югѣ же она замѣнена другими родичами. Въ Великобританіи она болѣе не встрѣчается; въ Испаніи намъ ее не случалось видѣть; въ Греціи появляется она только во время перелета.

На югѣ Европы отъ Португаліи до Далмаціи, также какъ и въ сѣверо-западной Африкѣ садовая пѣночка замѣнена **Многоголосной пѣночкой** (*Hypolais polyglotta, Sylvia* и *Ficedula polyglotta. Sprachmeister. Lusciniolle*), которая немного меньше ростомъ и ярче окрашена, кромѣ того отличается еще отъ садовой пѣночки тѣмъ, что третье, а иногда и четвертое маховое перо у нея длиннѣе всѣхъ прочихъ. Длина ея достигаетъ 13, 7, размахъ крыльевъ 20, длина крыла 6, 8, длина хвоста 5, 5 см.

Изъ всѣхъ представителей этой семьи пѣночка-пересмѣшка самая нѣжная и прихотливая. Она появляется въ Германіи только тогда, когда всѣ деревья уже

покрылись зеленью, никакъ не раньше конца апрѣля и остается тамъ никакъ не дольше конца августа. Зиму проводить она въ Африкѣ. Она любитъ вить гнѣзда въ непосредственной близости человѣческаго жилья и даже часто предпочитаетъ обыкновенные и фруктовые сады—лѣсу; впрочемъ, живетъ иногда и на опушкахъ лиственныхъ лѣсовъ, въ хвойныхъ-же лѣсахъ и на высокихъ горахъ ее никогда не встрѣчаютъ. Чаще всего селится она въ садахъ, окруженныхъ живой изгородью, среди которыхъ бузина, дернъ, бирючина и другіе кустарники срослись густыми и не очень низкими группами, или въ фруктовыхъ садахъ, обнесенныхъ шпалерникомъ.

Она тщательно выбираетъ себѣ мѣстожительство, но, устроившись въ немъ

Пѣночка пересмѣшка *Нуроліа рѣлошела*. 2/3 наст. вел.

окончательно, упорно держится его и пока жива каждое лѣто возвращается къ однажды выбранному ею мѣсту. Мы видѣли одну пѣночку, которую, вслѣдствіе ея плохого пѣнія, прозвали «зайкою», втеченіи семи лѣтъ въ томъ-же самомъ саду. Цѣлый день птичка перепархиваетъ съ одного мѣста на другое, пока забота о сидящей на яйцахъ самкѣ или птенцахъ не прикуетъ ее къ одному мѣсту. Обыкновенно перепрыгиваетъ она съ вѣтки на вѣтку, скрытая густой листвою, такъ что легко можетъ случиться, что наблюдатель въ теченіи нѣсколькихъ минутъ тщетно ловить ее глазами, хотя пѣніе ея слышится все время. Извѣстныя деревья, обыкновенно самыя густыя и высокія въ саду, становятся ея любимымъ мѣстопробываніемъ; она посѣщаетъ ихъ ежедневно по нѣскольку разъ и по долгу остается на нихъ. Сидя, она держится прямо; замѣтивъ что-нибудь необыкновенное, она находитъ, при прыганьи наклоняется впередъ, причемъ вытягиваетъ шею. Полетъ

ея быстрый и ловкій, такъ что она въ воздухѣ можетъ совершать самыя смѣлыя повороты и эволюціи. Пѣночка почти никогда не спускается на землю. Только во время пѣнія она сидитъ по долгу на одномъ мѣстѣ, а то она постоянно въ движеніи. Въ призывномъ голосѣ ея слышится нѣжное: «тэк, тэк», къ которому присоединяется благозвучное «терютъ», служащее выраженіемъ страсти, ревности, гнѣва или страха при грозящей опасности. Пѣніе ея не всякому нравится, такъ что мнѣнія о немъ очень различны; кромѣ того, не всѣ пѣночки поютъ одинаково. Одна, повидимому, только отличный пересмѣшникъ, такъ какъ присоединяетъ къ своему пѣнію голоса окружающихъ ее птицъ; въ голосѣ другой слышится лишь нѣсколько пріятныхъ тоновъ, остальные-же всѣ болѣе или менѣе неблагозвучны. Съ своей стороны я могу сказать, что очень люблю голосъ пѣночки и совершенно мирюсь съ отрывочными, рѣзкими звуками, прерывающими ея чудное, плавное пѣніе. Самецъ поетъ съ утренней зари почти до полудня и вечеромъ до солнечнаго заката и, конечно, лучше и сильнѣе всего въ то время, когда самка сидитъ на яйцахъ или когда онъ вызываетъ соперника на бой. Почти невозможно прервать его пѣніе: даже пролетѣвшая мимо дробь не заставляетъ его замолчать; напротивъ, онъ тогда еще болѣе громкимъ пѣніемъ какъ будто хочетъ, какъ говорить Науманъ, «возвѣстить всему свѣту о неудавшемся покушеніи на его жизнь и осмѣять неловкаго стрѣлка». Два самца, живущіе по сосѣдству, не только соперничаютъ другъ передъ другомъ въ пѣніи, но часто и дерутся между собою. «Ни одинъ самецъ того-же вида», говоритъ Науманъ, «не смѣетъ показаться по близости, иначе его встрѣчаютъ и преслѣдуютъ сердитыми ударами клюва и немедленно изгоняютъ изъ чужихъ владѣній. Однако нахаль большею частью не такъ-то скоро уступаетъ мѣсто противнику и тогда происходятъ сильныя драки, такъ что часто можно видѣть, какъ пара такихъ драчуновъ, сбѣпившись вмѣстѣ, падаютъ на землю, послѣ чего обыкновенно испуганно отлетаютъ другъ отъ друга и слѣзая вернуться во свояси. И другія птицы, живущія по сосѣдству, часто гоняются и дерутся съ ними».

Главную пищу пѣночки-пересмѣшки составляютъ жучки и другія маленькія крылатая насѣкомыя, которыхъ она подбираетъ съ листьевъ или вылавливаетъ въ воздухѣ Поэтому часто можно видѣть, какъ пѣночка перепархиваетъ съ вѣтки на вѣтку около верхушекъ деревьевъ или даже быстро вылетаетъ изъ защищающей ее листвы. Когда созреютъ вишни, пѣночка часто садится на обремененныя плодами деревья и лакомится мякотью сладкихъ ягодъ; землянику она тоже не обходить своимъ вниманіемъ: но большого вреда пѣночка все-таки не наноситъ ни той ни другой ягодѣ.

Обыкновенно пѣночка-пересмѣшка кладется только разъ въ годъ, а именно въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Гнѣздо вьетъ она постоянно среди самыхъ густыхъ кустарниковъ своихъ владѣній, преимущественно на бузинѣ, орѣшникѣ, дернѣ, крушинѣ и весьма рѣдко на кустахъ съ шипами; оно бываетъ всегда достаточно защищено отъ глазъ листьями, хотя не совершенно скрыто ими. Гнѣздо это имѣетъ красивую кошелеобразную форму, снаружи весьма искусно и прочно сплетено изъ сухой травы, листьевъ пырея, лыка, хлопка, шерсти, бересты, гусеничныхъ паутинокъ, бумаги и другихъ веществъ, соединенныхъ вмѣстѣ вродѣ войлока, а внутри выложено нѣсколькими перышками, нѣжной травой и конскимъ волосомъ. Лицъ обыкновенно бываетъ отъ четырехъ до шести; они имѣютъ продолговатую форму, длиной въ 17, а толщиной въ 13 м. м. и окрашены въ розовый или розово-желто-сѣрый цвѣтъ, по которому проходятъ черныя или черно-бурыя жилки. Самецъ и самка попеременно насиживаютъ птенцовъ, которые вылупляются уже на 13-й день и выкармливаются родителями разными мелкими насѣкомыми.

Пѣночка-пересмѣшка считается одной изъ самыхъ слабыхъ и недолговѣчныхъ комнатныхъ птицъ; она требуетъ самаго заботливаго ухода и самой изысканной пищи и все-таки, къ великому горю всѣхъ любителей, она рѣдко долго выживаетъ въ клѣткѣ; однако, бывали примѣры, что онѣ нѣсколько лѣтъ жили въ неволѣ, усердно пѣли и безъ вреда для себя линяли. Прирученная пѣночка служить лучшимъ украшеніемъ птичника.

Въ Германіи не преслѣдуютъ эту веселую и полезную птичку, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ даже прямо охраняютъ ее, что значительно способствовало ея размноженію. Домашнія кошки могутъ быть очень опасны ихъ выводкамъ; взрослыхъ-же птицъ отлично спасаетъ отъ всѣхъ преслѣдованій обыкновенныхъ враговъ ихъ умѣнье скрываться среди листвы, хотя и это свойство не всегда избавляетъ ихъ отъ сѣтей и ловушекъ челоуѣка.

Я помню, что въ первый разъ услышалъ пѣніе до той поры мнѣ еще незнакомой пѣночки-пересмѣшки въ благоухающемъ цвѣтами саду Валенціи. Пѣніе это поразило меня новыми, незнакомыми мнѣ еще звуками. Я по немъ могъ, конечно, опредѣлить, къ какому роду принадлежитъ пѣвунья, но видъ казался мнѣ незнакомымъ. Однако такъ какъ наше вниманіе уже было возбуждено, то мнѣ и моимъ спутникамъ нетрудно было отыскать заинтересовавшаго насъ пѣвца и видѣ городскихъ стѣнъ Валенціи; такъ что мы векорѣ узнали и удостовѣрились, что эта птичка распространена по всему юго-востоку Испаніи, и тамъ, гдѣ однажды появляется, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ всѣ остальные ея родичи.

Птичка эта была **Сѣрая пѣночка** (*Hypolais opaca, cinerescens, fuscescens* и *arigonis, Phylloperosteus opaca, Chloropeta pallida. Grauspötter. Pouillot gris*) съ верхней стороны оливково-бурого, съ нижней грязно-бѣлаго цвѣта; уздечка и узкое кольцо вокругъ глазъ—грязно-бѣлыя; головка около ушей, шея и бока блѣдно-бурья, нижнія покровныя перья на крыльяхъ и хвостѣ желтовато-бѣлыя; маховыя перья и хвостъ коричневые, съ узкими свѣтло-коричневыми бортами; кромѣ того на хвостѣ съ обѣихъ сторонъ по три пера съ узкой бѣловатой каймой. Радужная оболочка глазъ темно-бурая, верхняя часть клюва сѣровато-рогового цвѣта, нижняя желтовато-сѣраго цвѣта; ноги сѣро-свинцовыя. Длина ея достигаетъ 15, размахъ крыльевъ 20, длина крыла 6,5, а хвоста 3 см.

Въ Греціи пѣночекъ-пересмѣшекъ замѣняютъ два родственныхъ имъ вида: **Пѣночка блѣдная** (*Hypolais pallida, elaeica, megarhyncha* и *verdoti, Sylvia pallida, Salicaria elaeica, Acrocephalus pallidus, Ficedula ambigua, Blasspötter, Pouillot blafard.*), которая значительно меньше пѣночки-пересмѣшки, но одинаково съ ней окрашена; отличается-же отъ нея гораздо болѣе узкимъ клювомъ и вѣроятно совершенно однородна съ **Пѣночкой Бормотушной** (*Hypolais caligata* и *gamma, Ramaspötter, Pouillot gamma*). Второй видъ: **Пѣночка Оливковая** (*Hypolais olivetorum, Sylvia, Salicaria* и *Ficedula olivetorum. Olivenspötter. Pouillot des oliviers*) значительно больше и темнѣе предыдущей; верхняя часть тѣла оливково-буровато-сѣрая; бѣловатая нижняя часть тѣла имѣетъ вообще блѣдно-рыжеватый, а на шеѣ и бокахъ блѣдно-бурый оттѣнокъ; нижнія покровныя перья крыльевъ окаймлены свѣтло-бурой каемкой, а маховыя перья съ наружной и внутренней стороны желтовато-бѣлою каемкою.

Сѣрая пѣночка, повидимому, избѣгаетъ горъ и вообще гористыхъ мѣстностей и избираетъ исключительно богатые лѣсами равнины. Любимымъ ея мѣстопробываніемъ служатъ такъ называемыя «хуерты» (*huerta*), эти чисторайскія плодородныя поляны Испаніи, правильно орошаемыя еще въ наше время при помощи гид-

равлическихъ приборовъ, устроенныхъ маврами. Здѣсь въ фруктовыхъ садахъ и цвѣтникахъ, расположенныхъ внутри этого огромнаго парка, рядомъ съ гулянями городскихъ и деревенскихъ жителей или надъ ними, и даже въ виноградникахъ и масличныхъ насажденіяхъ, граничащихъ съ этими долинами, сѣрая пѣночка такъ обыкновенна, что намъ однажды удалось подстрѣлить разомъ 12 пѣвчихъ самцовъ на двадцати, стоящихъ группой, серебристыхъ тополяхъ.

Насколько сѣрая пѣночка походитъ на нашу пѣночку-пересмѣшку поведеніемъ и выборомъ мѣстожительства, настолько и отличается отъ нея своимъ добродушіемъ въ сношеніяхъ съ другими видами и своимъ пѣніемъ. Я никогда не видалъ, чтобы два самца изъ ревности преслѣдовали другъ друга, а, напротивъ, наблюдалъ, что двѣ парочки частенько живутъ на одномъ деревѣ; я даже разъ нашелъ два гнѣзда съ яйцами на одномъ и томъ-же деревѣ, такъ что о враждебности между двумя парами не можетъ быть и рѣчи; эта терпимость особенно бросается въ глаза тому, кто знакомъ съ сварливостью другихъ видовъ этого семейства. Пѣніе тоже отличаетъ сѣрыхъ пѣночекъ отъ всѣхъ ея сородичей. Призывной голосъ, издаваемый обоими полами, есть общее многимъ пѣвчимъ птицамъ «так-так». Пѣніе хотя не непріятное, но очень однообразное: оно напоминаетъ пѣніе нѣкоторыхъ камышевокъ и нисколько не свидѣтельствуетъ о подражательной способности, присущей нашей пересмѣшкѣ. Всѣми своими движеніями и всѣми главными качествами сѣрая пѣночка совершенно схожа съ пѣночкой-пересмѣшкой, только ее можно назвать менѣе подвижной и рѣзвой птичкой. Она такъ привыкла къ близости человѣка, что безъ малѣйшаго страха позволяетъ наблюдать себя на очень близкомъ разстояніи и устраивается очень удобно въ самыхъ маленькихъ садахъ, среди построекъ большихъ городовъ. Ея довѣрчивость къ людямъ доходитъ до того, что она вѣтъ гнѣзда на аллеяхъ самыхъ многочисленныхъ гуляній, даже если они до самой полуночи бывають ярко освѣщены фонарями.

Время размноженія начинается у сѣрой пѣночки только въ началѣ іюня и продолжается до конца іюля. Парочка выбираетъ всегда для гнѣзда высокое дерево съ густой верхушкой, а на немъ особенно богатое листвою мѣсто. Здѣсь-то, всегда довольно высоко отъ земли, она вѣтъ, или лучше сказать привѣшиваетъ свое гнѣздо между двумя отвѣсно-поднимающимися или спускающимися вѣтками, которыя совершенно вплетаются въ него, такъ что оно напоминаетъ гнѣздо камышевки. Стѣнки очень плотны, но сдѣланы изъ различныхъ матерьяловъ. Нѣкоторыя гнѣзда сплетены изъ болѣе или менѣе тонкихъ стебельковъ травы и едва выложены внутри пушкомъ репейника; другія состоятъ почти исключительно изъ этого послѣдняго матерьяла, или изъ хлопка, или изъ кусочковъ коры различныхъ породъ деревьевъ. Углубленіе гнѣзда имѣетъ 5 см. въ поперечникѣ и 4 см. глубины. Кладка состоитъ изъ 3—4 овальныхъ яицъ, которыя по блѣдно-сѣрому или блѣдно-красному фону испещрены неправильными т. е. большими или маленькими точками и черточками темно-бурого, почти чернаго цвѣта. Оба родителя сидятъ попеременно на яйцахъ, оба выкармливають дѣтенышей и нѣжно любятъ имъ. Кладется-ли сѣрая пѣночка еще разъ въ теченіи лѣта или выводитъ только одинъ разъ, я навѣрно не знаю; могу только сказать, что мы, наблюдая въ концѣ іюля за первыми оперившимися птенцами, замѣтили въ то-же время, что старики еще не линяли. Весьма вѣроятно, что сѣрая пѣночка гоститъ въ Испаніи только лѣтомъ; однако я ничего не могу сообщить опредѣленнаго о времени ея прилета и отлета.

Ближайшими родичами пѣночекъ-пересмѣшекъ считаемъ мы **Настоящихъ пѣночекъ** (*Phylloscopus*, *Laubsänger*. *Phyllopeuste*). Это небольшіе виды подсемейства со

слабымъ, у основанія нѣсколько расширеннымъ, въ остальныхъ частяхъ шилообразнымъ клювомъ, который спереди сплюснутъ; ноги средней длины и слабы, пальцы коротки, крылья, на которыхъ третье и четвертое маховыя перья длиннѣе другихъ, довольно длинныя; хвостъ тоже не коротокъ и срѣзанъ прямо или имѣетъ небольшую выемку по срединѣ; опереніе пушистое и окрашено одинаково у обоихъ половъ.

Въ Германіи живутъ четыре вида пѣночекъ, образъ жизни которыхъ въ главныхъ чертахъ такъ схожъ между собою, что мы будемъ ихъ разсматривать всѣхъ вмѣстѣ.

Трещетка, Пѣночка лѣсная, Берцовка, Лѣсной кузнечикъ. (*Phylloscopus sibilator*, *Phyllopneuste sibilatrix* и *sylvicola*, *Sylvia sibilatrix*, *flaveola* и *sylvicola*, *Motacilla* и *Ficedula sibilatrix*; *Waldlaubsänger*. *Pouillot sifleur*.) представляетъ самый красивый и большой видъ пѣночекъ. Длина ея 13,7, размахъ крыльевъ 22,5, длина крыла 7,7, а хвоста 5,6 см. Верхнія части свѣтло-оливковаго цвѣта, брови, доходящія до самыхъ висковъ, стороны головы, подбородокъ и горло, зобъ и нижнія кроющія перья хвоста блѣдно-желтыя; остальные нижнія части тѣла бѣлыя; бока полиняло-оливковаго цвѣта; маховыя и рулевыя перья оливково-бурыя, но по краямъ окаймлены сверху узкой зеленой, а снизу широкой бѣловатой полоской. Кончики перьевъ хвоста болѣе свѣтлые; маховыя перья снаружи тоже окаймлены желто-зеленымъ цвѣтомъ. Кольцо около глазъ темно-коричневое; верхняя половинка клюва коричневая, нижняя красно-бурая; ноги бурныя, а края щитковъ на нихъ желтоватые.

Область распространенія ея охватываетъ, начиная со Швеціи, всю среднюю Европу и западную Азію; зимой-же птица эта посѣщаетъ сѣверную Африку до Абиссиніи.

Самый обыкновенный и всюду почти въ Германіи распространенный видъ этого рода есть **Пѣночка обыкновенная** (*Phylloscopus trochilus*, *Phyllopneuste trochilus*, *Motacilla trochilus* и *fitis*, *Sylvia trochilus*, *flaviventris*, *tamaricis*, *angusticauda* и *eversmanni*, *Ficedula trochilus* и *fitis*; *Fitislaubsänger*. *Pouillot fitis*). Длина ея 12,1, размахъ крыльевъ 18,5, длина крыла 6,2, а хвоста 5 см. Верхняя часть оливково-бурая, переходящая надъ хвостомъ въ зеленый цвѣтъ; нижняя сторона блѣдно-желтая, горло и зобъ болѣе яркаго оттѣнка; голова около ушей, шея и бока тѣла оливково-желто-бурые; нижняя часть груди и брюшко бѣлыя съ узкими блѣдно-желтыми каймами на перышкахъ; брови свѣтло-желтыя, уздечка коричневая. Маховыя перья и хвостъ оливково-бурыя, снаружи окаймлены зелено-бурымъ цвѣтомъ, первыя, кромѣ того, имѣютъ съ внутренней стороны широкую бѣлую полоску. Глаза темно-бурые, клювъ черно-бурый, основаніе нижней челюсти желтое, ноги желто-бурыя.

Начиная съ среднихъ частей Швеціи и Шотландіи обыкновенная пѣночка распространена по всей Европѣ и большей части Азіи и встрѣчается зимой также въ Индіи, какъ и во всей Африкѣ.

Пѣночка теньковка, Кузнечикъ тюналка, Малая пѣночка (*Phylloscopus rufus*, *Phyllopneuste rufa*, *Curruca rufa*, *abietina*, *nemorosa*, *brevirostris*, *sylvestris* и *collybita*, *Ficedula rufa*, *Motacilla acredula*; *Weidenlaubsänger*. *Pouillot veloce*) появляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи еще чаще, чѣмъ пѣночка обыкновенная. Длина ея достигаетъ 11, размахъ крыльевъ около 18, длина крыла 6, а хвоста 4, 6 см. Верхнія части ярко-оливково-зеленовато-бурого цвѣта; голова, бока шеи и туловища оливково-желто-бурые, горло и зобъ блѣднѣе; на нихъ нѣкоторыя перья

съ боковъ какъ бы полиняли и окаймлены желтымъ; нижняя часть груди и брюшко бѣлыя, узкая надглазная черта блѣдно-желтая, неясная черта на уздечкѣ коричневая; нижнія покрывныя перья крыльевъ желтыя, маховыя и рулевыя перья оливково-бурыя съ узкими зеленовато-бурыми каймами; первыя кромѣ того имѣютъ съ внутренней стороны широкія бѣлыя каймы. Глаза темно-бурые, клювъ вообще темно-рогового цвѣта, но у основанія нижней половинки желтоватый, ноги сѣровато-бурыя.

Теньковка тоже проникаетъ до сѣверной Швеціи, западной Азіи, а зимой долетаетъ до средней Африки.

На сѣверѣ Европы, а въ особенности въ сѣверной части Урала мѣсто теньковки занимаетъ **Таловка, Пѣночка печальная** (*Phylloscopus tristis*, *Phylloperneuste tristis* и *fulvescens*, *Abornis tristis*. Trauerlaubsänger. Pouillot triste), которая отличается отъ предыдущей тѣмъ, что у нея верхняя часть оливково-бурая, а брови, стороны головы и тѣла, горло и зобъ блѣдно-ржаво-красныя.

Наконецъ **Горная пѣночка** (*Phylloscopus bonellii*; *Phylloperneuste bonellii* и *montana*, *Sylvia bonellii*, *mattereri*, *albicans* и *prasinopyga*, *Ficedu'a bonellii*. Berglaubsänger. Pouillot bonnelli), которая такой же величины, какъ обыкновенная; верхняя сторона темно-оливково-бурая съ легкимъ зеленовато-желтымъ налетомъ, надхвостье ярко-оливково-желтое, бровь и уздечка бѣловатая; позади глазъ идетъ болѣе короткая темная полоска, голова около ушей блѣдно-ржаво-бурая, брюшко бѣлое, съ легкимъ блѣдно-рыжеватымъ оттѣнкомъ, нижнія покрывныя перья крыльевъ желтыя; маховыя и рулевыя перья оливково-бурыя, снаружи окаймлены зеленымъ, а съ внутренней стороны бѣловатымъ цвѣтомъ; малыя маховыя перья окаймлены широкими оливково-желтыми каемками; верхнія коричневыя покрывныя перья крыльевъ имѣютъ оливково-зеленыя каймы. Глаза темно-бурые, клювъ темно-рогового цвѣта, но у основанія и на расщепѣ онъ желтѣе; ноги коричневыя.

Отечествомъ этого вида пѣночекъ нужно считать западную Азію и сѣверную Африку. Зимой она посѣщаетъ южную Нубію и Сенегаль.

Кромѣ вышеупомянутыхъ видовъ замѣченъ натуралистами на островѣ Гельголандѣ еще одинъ азиатскій видъ этого рода птицъ, **Индѣйская пѣночка** (*Phylloscopus magnirostris* и *javanicus*, *Phylloperneuste magnirostris*, *indica*, *javanica*, *borealis*, *sylvicultrix* и *kenicotti*; *Sylvia flavescens*. Wanderlaubvogel. Pouillot indien), у которой опереніе съ верхней стороны темно оливково-зеленое, брови, щеки и ушная область желтовато-бѣлыя; послѣдняя съ едва замѣтными болѣе темными черточками; нижняя сторона бѣлая, съ слабымъ желтымъ налетомъ. Бока шеи и тѣла блѣдно-коричнево-сѣрые; нижнія покрывныя перья крыльевъ желтовато-бѣлыя; темно-коричневыя маховыя и рулевыя перья окаймлены сверху узкими оливково-зелеными бортами; кромѣ того первыя съ внутренней стороны имѣютъ широкія бѣлыя каймы. Верхнія малыя маховыя перья оканчиваются внизу блѣдно-зелеными каймами, отчего происходятъ едва замѣтныя глазки.

Изъ пѣночекъ, живущихъ въ средней Европѣ, прежде всѣхъ, а именно уже въ серединѣ марта появляется пѣночка теньковка, позднѣе, около конца марта, — обыкновенная пѣночка и наконецъ, въ половинѣ апрѣля, — трещетка; послѣдняя остается въ лѣсахъ Германіи только до августа; обыкновенная же пѣночка улетаетъ не ранѣе конца сентября, а теньковка только въ октябрѣ; горную пѣночку можно встрѣтить только въ горахъ, почему среди Германскихъ владѣній она живетъ

только въ Швабіи и Баваріи; появляется она еще позже своихъ родичей и улетаетъ уже въ августъ. Трещетка живетъ въ Германіи почти въ каждой провинціи, но не во всякой мѣстности; такъ какъ она вьетъ гнѣзда только на буковыхъ деревьяхъ, то ее можно встрѣтить только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ растутъ эти деревья; поэтому въ буковыхъ рощахъ онѣ появляются цѣлыми стаями, въ тѣхъ-же хвойныхъ лѣсахъ, гдѣ это дерево встрѣчается только изрѣдка, трещетка появляется рѣже, но при случаяхъ она довольствуется и одиноко стоящимъ букомъ. Только на югѣ Венгріи встрѣтилъ я эту птицу въ ивовыхъ и тополевыхъ рощахъ, но она, вѣроятно, только залетѣла туда по дорогѣ къ чуднымъ лѣсамъ Фрускагора и имѣнія Бели, куда ее особенно привлекаютъ буковыя рощи; ради этого дерева она подымается на горы до высоты лѣсной полосы; да и вообще она, должно быть, предпочитаетъ горы—долинамъ. Обыкновенная пѣночка не ограничиваетъ своего мѣстопребыванія какой-нибудь отдѣльной мѣстностью, а, буквально, встрѣчается вездѣ, гдѣ можетъ найти пристанище и пропитаніе; однако предпочитаетъ смѣшанные лѣса, гдѣ растетъ много мелкаго кустарника. Подобнымъ же образомъ распространяется и теньковка, только она предпочитаетъ ивовыя рощи, такъ что она съ полнымъ правомъ называется въ Германіи ивовой пѣночкой (*Weidenlaubsänger*). Во многихъ мѣстностяхъ оба вида мирно живутъ рядомъ; въ одномъ мѣстѣ преобладаетъ одинъ видъ, въ другомъ — другой. Горная пѣночка наконецъ выбираетъ преимущественно для своего мѣстожителства южные и западные склоны горъ, покрытые лиственницей и густою порослью, на которыхъ тамъ и сямъ встрѣчаются прогалины, однако не избѣгаетъ и лиственныхъ лѣсовъ, поросшихъ кустарникомъ и густой травой. Любимымъ мѣстомъ отдохновенія трещетки служатъ нижнія вѣтки буковъ, теньковая пѣночка предпочитаетъ верхушки деревьевъ, обыкновенная пѣночка, по видимому, не дѣлаетъ никакой разницы между высокими и низкими вѣтками. Каждая парочка строго ограничиваетъ свои владѣнія, не допускаетъ вторженія въ нихъ другой птицы того же вида, дразнить и преслѣдуетъ всякую другую птицу, слишкомъ близко подлетѣвшую къ гнѣзду; такимъ образомъ свойственная пѣночкамъ неутомная подвижность и простое, но довольно пріятное ихъ пѣніе очень способствуютъ оживленію населенныхъ ими лѣсовъ.

Науманъ совершенно справедливо говоритъ, что всѣ движенія и поступки пѣночекъ свидѣтельствуютъ о постоянно веселомъ ихъ расположеніи духа. Имъ чрезвычайно трудно усидѣть на одномъ мѣстѣ даже самое короткое время. Подобно славкамъ, онѣ почти постоянно въ движеніи: то ловко проскальзываютъ между вѣтвями деревьевъ, то, подлетѣвъ къ кончику вѣтки, порхая около нея на воздухѣ, склеиваютъ съ нея насѣкомое, то съ пѣніемъ стремятся къ другому дереву. Даже сидя на мѣстѣ, онѣ все время подергиваютъ хвостомъ. Полетъ ихъ неровный и неувѣренный и происходитъ, какъ Науманъ выражается, «прыжками»; даже пролетая большія пространства, онѣ описываютъ въ воздухѣ неправильныя, дугообразныя линіи. Трещетка не напрасно носитъ свое названіе, такъ какъ преобладающій звукъ въ ея пѣніи ничто иное, какъ продолжительное трещаніе, которое можно передать звуками: «зи зи зи зи зи ррррр-р-р». При началѣ первой строфы, которая, по видимому, стоитъ птицѣ не малыхъ усилий, она слетаетъ съ своего мѣста, послѣ чего, вздрагивая и махая крыльями, направляется къ другому сучку, но всегда съ такимъ расчетомъ, чтобъ успѣть до него долетѣть съ окончаніемъ строфы, и уже на мѣстѣ испускаетъ два или три раза чрезвычайно благозвучный звукъ: «хюйд, хюйд, хюйд, хюйд, хюйд», но расплывающіеся въ воздухѣ, плавные, то громкіе, то мягкіе звуки ея пѣсни придаютъ ей, по словамъ моего отца, такую своеобразную и невы-

разимо чарующую прелесть, что они нравятся больше щелканія многихъ другихъ птицъ. Пѣсенка теньковки начинается слогами: «трип, трип, трип, хеть», за которыми слѣдуютъ болѣе громкіе: «деллр, диллр, деллр, диллр»; наконецъ пѣніе горной пѣночки передается, по словамъ Ландбека, звуками: «зе-е-е-е, тр-р-р-е-е, да, да, да, уит уит». Всѣ виды поютъ особенно усердно во время кладки и высиживанья яицъ, причѣмъ сильно надуваютъ горло, приподнимаютъ перышки на головѣ, опускаютъ внизъ крылья, а можетъ быть и вздрагиваютъ ими; начинаютъ онѣ пѣть съ ранняго утра и кончаютъ только послѣ захода солнца.

Всѣ виды пѣночекъ строятъ болѣе или менѣе искусно гнѣзда, похожія на печурки и расположенныя на самой землѣ или во всякомъ случаѣ очень низко надъ землей. Трещетки обыкновенныя и горныя пѣночки, а также и большая часть теньковокъ вьютъ гнѣзда всегда на самой почвѣ; но случается, что теньковка гнѣздится въ кустахъ, на вышинѣ 0,5—1 м., преимущественно на можжевельникѣ. Трещетка выбираетъ для гнѣзда нижнюю часть стараго пня, основаніе древеснаго ствола, обросшаго верескомъ, черникой, брусникой, мхомъ и травой; здѣсь сооружаетъ она изъ жесткой травы, тонкихъ щепокъ, мха, сосновой коры, стружекъ и тому подобныхъ веществъ наружную постройку, имѣющую 13 см. въ діаметрѣ; заканчиваетъ она ее сводомъ, въ которомъ продѣлываетъ отверстіе въ 4 см. Внутренность гнѣзда выстилается очень чисто болѣе мягкой травой. Обыкновенная же пѣночка и теньковая сооружаютъ постройку изъ травы, листьевъ и стеблей, обкладываютъ ее мхомъ и листьями, внутренность же выстилаютъ перьями рябчика; наконецъ горная пѣночка, которой гнѣздо, повидимому, больше гнѣздъ ея родичей, строятъ ихъ снаружи изъ кореньевъ, травы, сухихъ вѣточекъ, внутренность же выстилаетъ болѣе нѣжными матеріалами, а иногда и волосомъ. Самка, какъ наблюдалъ мой отецъ надъ обыкновенной пѣночкой, начинаетъ свою постройку съ того, что дѣлаетъ въ землѣ углубленіе, въ которомъ должно стоять гнѣздо, для чего выдергиваетъ съ того мѣста часто съ большимъ усиліемъ стебельки и мохъ, и до тѣхъ поръ колотитъ его клювомъ, пока не получится полукруглое углубленіе въ почвѣ. Только теперь начинаетъ она ператаскивать и распредѣлять матеріалъ, нужный для постройки гнѣзда, и трудится съ такимъ прилежаніемъ и усердіемъ, что оканчиваетъ работу въ нѣсколько дней, хотя употребляетъ на нее только утренніе часы. Во время работы она тщательно скрываетъ мѣсто своей постройки, для чего далеко летаетъ за нужнымъ ей мхомъ и травой. Потомъ взлетаетъ съ собраннымъ матеріаломъ на высокія деревья, а затѣмъ уже спускается къ своему гнѣзду.

Трещетка кладется только разъ въ годъ, а именно въ концѣ мая или началѣ іюня. Обыкновенная пѣночка раньше: уже въ первую половину марта; теньковая пѣночка около того же времени. Что касается до горной пѣночки, то она, согласно климатическимъ условіямъ своего мѣстожительства, кладется только въ половинѣ іюня. Кладка состоитъ: у трещетки изъ 5—6, у обыкновенной изъ 5—7, у теньковой 5—8, наконецъ у горной изъ 4—5 яицъ, которыя всѣ безъ исключенія имѣютъ отъ 15 до 17 м.м. длины и отъ 11—13 м.м. толщины. Формою они бываютъ различны, но у всѣхъ скорлупа гладкая, тонкая, блестящая и покрыта разноцвѣтными пятнами. Яйца пѣночки-трещетки по бѣлому фону покрыты красновато-коричневыми или матово-пепельно-голубыми пятнами, которыя неравномѣрно распредѣлены по всей поверхности или особенно сгущены около толстаго конца; яйца обыкновенной пѣночки по млечно-бѣлому фону покрыты ярко-красными или ярко-кирпично-красными пятнами, въ перемежку съ свѣтло-бурыми и красновато-голубыми. У теньковой пѣночки по чисто-бѣлому фону замѣчаются красно-бурая и буро-красныя, темно-бурая и пепельно-сѣрыя пятна, и наконецъ яйца горной пѣ-

ночки, по бѣлому фону покрыты голубоватыми и коричневыми пятнами, которыя то ровно распредѣлены по всему яйцу, то сосредоточиваются у толстаго конца. гдѣ иногда сливаются съ точками и черточками тѣхъ же цвѣтовъ. Самецъ и самка высиживаютъ поочередно; но самецъ сидитъ только въ полдень и не такъ усердно, какъ самка, которую можно почти схватить руками или даже раздавить, раньше чѣмъ она улетитъ; да и тогда летаетъ она у самой земли, почти касаясь ее грудью. Когда же въ гнѣздѣ уже завелись птенцы, самка прибѣгаетъ для спасенія ихъ ко всевозможнымъ хитростямъ и уловкамъ, сопровождая ихъ жалобнымъ крикомъ. Птенцы вылупляются обыкновенно на тринадцатый день; почти черезъ столько же дней они уже оперились и въ скоромъ времени становятся совершенно самостоятельными. Тогда обыкновенная пѣночка и теньковая принимаются за вторую кладку.

Къ обыкновеннымъ четвероногимъ и пернатымъ врагамъ маленькихъ птицъ присоединяются спеціальныя враги пѣночекъ, въ видѣ мышей, землероекъ, а можетъ быть и змѣй и ящерицъ. Человѣкъ преслѣдуетъ этихъ веселыхъ и миловидныхъ птичекъ только въ Италіи, южной Франціи и Испаніи, чтобъ употребить ихъ въ пищу. Пѣночекъ рѣдко держатъ въ клѣткахъ, хотя онѣ легко уживаются въ неволѣ, правда, не при всякихъ обстоятельствахъ и только при внимательномъ уходѣ, но во всякомъ случаѣ, онѣ легко привыкаютъ къ предлагаемой пищѣ, становятся скоро ручными и ласковыми и съ избыткомъ вознаграждаютъ за положенныя на нихъ труды и заботы.

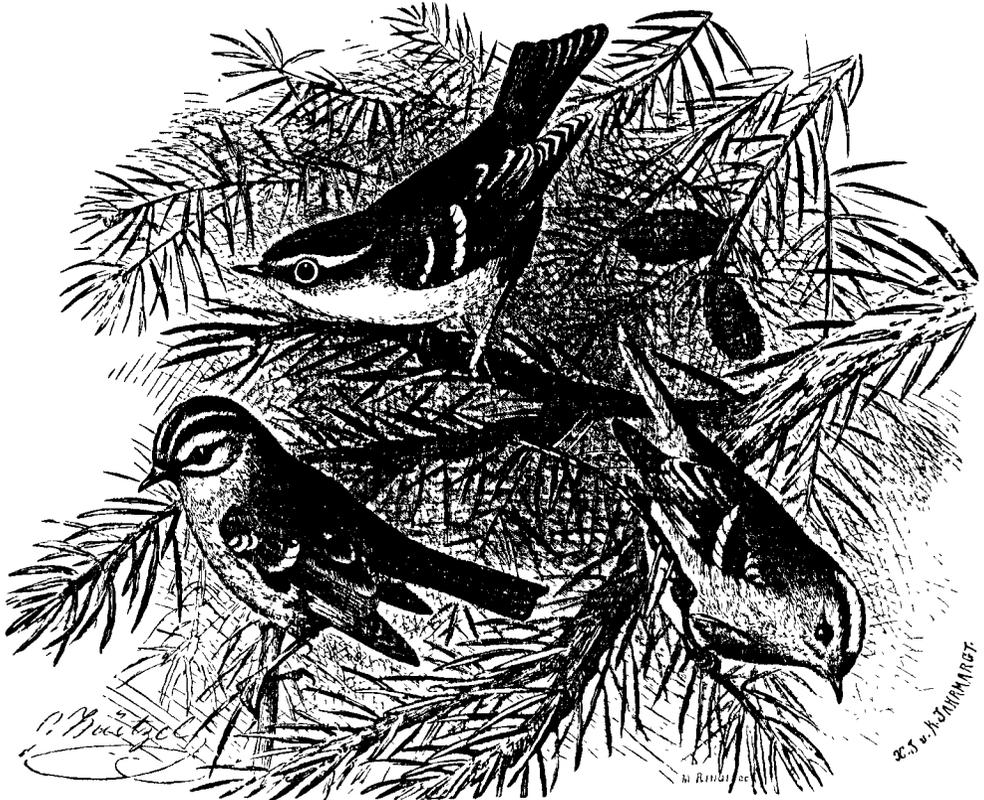
* *

Незамѣтно пролетаетъ по Германіи еще одна пѣночка, которая изъ своей родины, восточной Азіи, предпринимаетъ путешествіе въ нѣсколько тысячъ километровъ, чтобъ найти себѣ въ западной Африкѣ пристанище на зиму. Это **Зарнична** или **Корольковая пѣночка** (*Phylloscopus superciliosus* и *modesta*, *Phyllopneuste superciliosa* и *modesta*, *Motacilla superciliosa*, *Regulus modestus*, *proregulus* и *mornatus*, *Reguloides superciliosus*, *modestus* и *proregulus*, *Sylvia proregulus* и *bifasciata*, *Phyllobasileus superciliosus*, *Goldhähnchenlaubsänger*, *Roitelet modeste*). Верхняя часть тѣла матово-оловково-зеленаго цвѣта; довольно широкая блѣдно-желтая полоса, окаймленная сверху и снизу матово-чернымъ, проходитъ отъ ноздрей надъ глазами до затылка; другая, менѣе ясная полоса, свѣтлѣе окружающихъ ея перьевъ, проходитъ по темени. Вся часть тѣла отъ зоба до бедеръ нѣжно-желто-зеленаго цвѣта; остальная нижняя часть съ бѣловато-желтымъ налетомъ; маховыя и рулевыя перья черно-бурыя, съ узкой оливково-зеленой каемкой; первыя, кромѣ того, съ внутренней стороны окаймлены бѣлымъ. Малыя маховыя и самыя большія верхнія покровныя перья крыльевъ внизу окаймлены блѣдно-желтымъ и украшены двумя свѣтлыми поперечными полосками. Глаза желто-каріе, клювъ весь темно-роговаго цвѣта, но съ нижней стороны около основанія оранжеваго, ноги свѣтло-красно-бурыя. Длина 9—10, размахъ крыльевъ 16, длина крыла 5,2, а хвоста 3,9, см.

Область размноженія этой хорошенькой птички еще до сихъ поръ не опредѣлена въ точности: мы знаемъ только, что она живетъ въ Туркестанѣ, въ Восточной Сибири, начиная отъ Байкальскаго озера; она любитъ гнѣздиться на высотахъ отъ 1000 до 2500 м. надъ уровнемъ моря и ежегодно зимой перелетаетъ въ южную Индію. Почти такъ-же правильно, но въ гораздо меньшемъ количествѣ, путешествуетъ она по западному пути, черезъ сѣверную и западную Европу. Изъ устнаго сообщенія Гатке, мы узнаемъ, что она почти ежегодно появляется на маленькомъ островѣ Гельголандѣ, а предположеніе этого хорошаго наблюдателя, будто зарничка ежегодно перелетаетъ черезъ Германію, кажется, вполне доказано несом-

нѣнными фактами. Дѣйствительно, эту пѣночку видѣли въ различныхъ частяхъ Европы; напримѣръ, нѣсколько разъ въ окрестностяхъ Берлина и въ Ангальтѣ; кромѣ того, въ Англии, Голланди, около Вѣны, Милана и даже въ Палестинѣ. Объ ихъ образѣ жизни нѣтъ еще до сихъ поръ положительныхъ свѣдѣній, несмотря на доставленные намъ длинные отчеты англійскихъ знатоковъ птицъ.

Гатке, серьезныя наблюденія котораго, къ сожалѣнью, дошли до насъ только въ отрывкахъ, утверждаетъ, что жизнь и поведеніе зарнички совершенно почти сходны съ образомъ жизни и привычками остальныхъ пѣночекъ. Радде замѣчаетъ, что эта птица появляется на юго-востокѣ Сибири въ серединѣ мая и пребываетъ

Зарничка. *Phylloscopus superciliosus*. Королекъ красноголовый. *Regulus ignicapillus*. Королекъ желтоголовый. *R. cristatus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

тамъ до конца сентября; во время своего осенняго перелета она по долгу остается на одномъ и томъ-же мѣстѣ или, по крайней мѣрѣ, путешествуетъ очень медленно, такъ что ее можно наблюдать въ теченіи цѣлыхъ мѣсяцевъ въ кустахъ и въ на берегахъ рѣкъ. Свинхое сообщаетъ, что въ Китаѣ ее рѣдко можно видѣть въ сообществѣ съ другими птицами, что она очень жива и почти ни минуты не сидитъ на одномъ мѣстѣ, и что она свое присутствіе выдаетъ протяжнымъ призывнымъ звукомъ: «сви-ит». Самыя обстоятельныя свѣдѣнія даетъ намъ въ нѣсколькихъ словахъ Дыбовскій. По его наблюденіямъ, зарнички въ Восточной Сибири встрѣчаются рѣже, чѣмъ прочіе виды этого семейства; онѣ появляются тамъ въ первой половинѣ іюня и вьютъ гнѣзда на высотѣ горъ, около лѣсной границы, а иногда выше ея, въ мѣстахъ, обросшихъ низкорослыми альпійскими рододендрами. Здѣсь

остаются онѣ до половины сентября. Гнѣздо находится обыкновенно по срединѣ куста рододендра, густо обросшаго мхомъ и травой; оно выстроено весьма искусно, покрыто полукруглой крышккой изъ сухихъ травъ и имѣетъ видъ хижины съ боковымъ отверстіемъ. Наружныя стѣнки состоятъ изъ сухой травы; внутри-же гнѣздо выстлано оленью шерстью. Гнѣздо можно найти только тогда, когда родители кормятъ своихъ птенцовъ.

Дыбовскій нашелъ однажды въ августѣ гнѣздо съ шестью птенцами, которые тотчасъ-же выскочили на мохъ, какъ только Дыбовскій намѣревался схватить ихъ рукою, хотя не были еще вполне оперены. Этотъ-же наблюдатель видѣлъ въ концѣ августа гнѣздо съ совершенно оперившимися уже птенцами, но яицъ ему видѣть не удалось. Въ Кашмирѣ, а именно на возвышенности въ 1500—2000 м., эти птицы такъ многочисленны, что каждая парочка можетъ считать своимъ владѣніемъ только пространство въ нѣсколько метровъ въ поперечникѣ. Самцы очень подвижны и поминутно испускаютъ свой громкій призывной звукъ, который едва-ли можно назвать пѣніемъ. Въ послѣднихъ числахъ мая и въ первыхъ числахъ іюня Брукъ нашелъ нѣсколько гнѣздъ съ 4—5 свѣжими или едва насиженными яйцами. Послѣднія имѣютъ въ долеомъ разрѣзѣ 14 м. м., въ поперечномъ 11 м. м.; основной ихъ цвѣтъ—чисто-бѣлый; рисунокъ состоитъ изъ темно-красныхъ или ярко-пурпурово-коричневыхъ пятенъ и точекъ, которыя по большей части распределены по всему яйцу, но на толстомъ концѣ его сливаются кольцеобразно.

* * *

Нѣсколько разъ перемѣщенные натуралистами изъ одного семейства въ другое **Корольки** (*Regulus. Goldhähnchen. Roitelets*) нашли, можно надѣяться, свое настоящее мѣсто въ подсемействѣ пѣночекъ. Отличительными признаками ихъ служатъ прямой, тонкій, острый какъ иголка, у основанія нѣсколько расширяющійся клювъ съ высокимъ хребтомъ; верхняя челюсть клюва имѣетъ небольшую выемку около слегка загнутаго кончика. Ноги стройныя и высокія, пальцы на нихъ не очень длинны и вооружены изогнутыми когтями; крылья широкія, короткія и сильно закругленныя, четвертое и пятое маховыя перья на нихъ длиннѣе прочихъ; хвостъ средней величины и нѣсколько вырѣзанный по срединѣ, а густое опереніе состоитъ изъ длинныхъ перьевъ съ широкими бородками. Торчащія въ видѣ гребешка перышки закрываютъ ноздри; нѣсколько черныхъ щетинокъ расположено у челюстнаго угла. Маховыя и рулевыя перья очень слабы и гибки, перья темени удлиненны и отличаются яркими красками. Птицы эти распространены по Европѣ, Азій и Сѣверной Америкѣ. Мой отецъ первый различилъ два вида живущихъ въ Европѣ корольковъ.

Королекъ желтоголовый, Гвоздикъ, Желтоволосый королекъ (*Regulus cristatus, flavicapilus, crocosephalus и vulgaris, chotacilla и Sylvia regulus. Wintergoldhähnchen. Roitelet à huppe jaune*). Верхняя часть тѣла оливково-зеленая, виски и стороны шеи блѣдно-оливково-бурые; края темени и полоса надъ глазами свѣтлѣе, уздечка и кольцо около глазъ бѣлыя; перья на верхушкѣ головы желтыя, удлиненныя перья темени яркооранжевыя, окаймляющая ихъ полоска черная, нижняя часть тѣла ржаво-желтовато-бѣлая, бока рыжеватобурые; рулевыя и маховыя перья оливково-бурыя съ узкой свѣтло-зеленой каемкой; малыя маховыя перья съ внутренней стороны окаймлены бѣлымъ, а наружныя бородки за бѣловато-желтымъ основаніемъ украшены поперечной черной полосой; заднія маховыя перья имѣютъ, кромѣ того, на концѣ бѣлыя пятна; покровныя перья передней части крыла и переднія покровныя перья зад-

ней части крыла украшены желтовато-бѣлымъ бортомъ, вслѣдствіе чего образуются двѣ поперечныя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ черного цвѣта, ноги буроватыя. Самка отличается отъ самца тѣмъ, что середина темени у нея желтая, а не оранжевая. Длина птицы доходитъ до 9,6 см., размахъ крыльевъ 15,4, длина крыла 4,8, а хвоста 3,8 см.

Желтоголовый королекъ распространенъ по всей Европѣ до самаго крайняго сѣвера и по всей Азіи до приамурскихъ странъ. Во всѣхъ хвойныхъ, а въ особенности въ сосновыхъ лѣсахъ Германіи, онъ тоже можетъ считаться обыкновенной гнѣздящейся здѣсь птицей; лѣтомъ живетъ на высокихъ горахъ южной Европы, а во время осенняго перелета посѣщаетъ и тамошнія равнины; съ весной-же опять исчезаетъ.

Королекъ красноголовый или красноволосый (*Regulus ignicapillus, pyrocephalus и mystaceus. Sommergoldhähnchen. Roitelet à huppe rouge*), съ верхней стороны оливково-зеленаго цвѣта, стороны шеи оранжево-желтаго цвѣта, лобъ красновато-бурый; узкая поперечная полоса, огибающая передъ головы, и широкая продольная надъ бровью—черныя, широкое пятно между теменемъ и затылкомъ—темно-оранжеваго цвѣта; черта, пересѣкающая глазъ, и кольцо около него—темно-сѣрыя; узкая бѣлая черточка подъ глазами ограничена снизу темной полоской; ушная область оливково-зеленая. Нижняя сторона туловища сѣровато-бѣлая, подбородокъ и горло блѣдно-красновато-коричневые; зеленовато-коричневые маховыя и рулевые перья снаружи окаймлены узкой желтовато-зеленой полоской, у первыхъ съ внутренней стороны широкая бѣлая кайма; малыя маховыя перья снаружи, за свѣтлымъ основаніемъ, украшены широкой поперечной черной полосой, а покровныя перья малыхъ маховыхъ и самыя длинныя изъ другихъ покровныхъ перьевъ на концахъ бѣлыя; вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуются двѣ неясныя, свѣтлыя поперечныя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги коричневатыя; у самки темя желтовато-оранжевое.

Кромѣ Германіи эта красивая птичка встрѣчается во Франціи, Италіи, Греціи и Испаніи, гдѣ она считается зимнимъ гостемъ.

Оба вида имѣютъ большое сходство между собою по своему поведенію и образу жизни. Они часто живутъ въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, питаются тѣми же веществами и гнѣзда вьютъ одинаково. Первое подробное описаніе какъ наружности, такъ и ихъ образа жизни сдѣлано моимъ отцомъ; на этомъ описаніи будетъ основанъ мой разсказъ, такъ какъ въ позднѣйшихъ описаніяхъ не встрѣчается никакихъ существенныхъ измѣненій или поясненій.

Въ Германіи желтоголовый королекъ осѣдая или кочевая птица. Часто живетъ она, въ теченіи цѣлаго года на маленькомъ пространствѣ въ одну—или въ пол-квадратной мили величиной; однако въ октябрѣ появляется съ сѣвера множество птицъ этого вида, которыя наполняютъ сады, хвойныя и лиственные лѣса, а иногда и мѣстности, покрытыя кустарникомъ; онѣ частью зимуютъ, частью улетаютъ на югъ, чтобы вновь появиться въ мартѣ и апрѣлѣ и посѣтить тѣ-же мѣстности, гдѣ ихъ видѣли осенью. Красноголовый королекъ, напротивъ, никогда не остается въ Германіи зимою, но улетаетъ въ теплые края и возвращается въ послѣднихъ числахъ марта или первыхъ числахъ апрѣля, остается же онъ въ Германіи до конца сентября или начала октября. Первое время по своемъ появленіи онъ кочуетъ по изгородямъ и кустамъ, но скорѣ сѣлится въ хвойныя лѣса, гдѣ и селится въ одиночку на словыхъ деревьяхъ. Многіе изъ нихъ улетаютъ на сѣверъ, другіе остаются въ Германіи. Они путешествуютъ ночью, а днемъ отыскиваютъ себѣ пищу. Лѣтомъ жи-

вуть они почти всегда на высоких деревьях и редко спускаются в чащу или невысокой редкой лѣсѣ; въ сентябрѣ они кочуютъ. Оба вида корольковъ держатся преимущественно хвойныхъ лѣсовъ, гнѣздятся почти всегда на деревьяхъ, случается однако, что они селятся въ кустахъ и даже на самой землѣ. Желтоголовый королькъ живетъ преимущественно на соснахъ, красноголовый — на еляхъ; оба вида предпочитаютъ небольшія рощи обширнымъ лѣсамъ. Пристрастіе ихъ къ хвойнымъ лѣсамъ», замѣчаетъ Науманъ, «поразительно. Если поздней осенью или зимою стая такихъ птицъ залетитъ въ какой-нибудь садъ, гдѣ находится хоть одна ель или сосна, то они всѣ на нее забіраются и остаются въ такомъ саду дольше, чѣмъ въ другихъ, придерживаясь преимущественно хвойныхъ деревьевъ. Впрочемъ, при своихъ перелетахъ они спускаются и въ чисто-лиственные рощи». Остановки и перекочевки осенью и зимою зависятъ отъ обстоятельствъ. Когда зимой погода хороша, ясна и не очень холодна, то они садятся на верхушки хвойныхъ деревьевъ: въ случаѣ же бури, дождя и вѣтра или сильнаго холода они спускаются въ кустарники или даже на землю. Зимою держатся они всегда тѣхъ частей лѣса, которыя освѣщены солнцемъ.

Корольки отличаются необыкновенною подвижностью. Красноголовый королькъ безостановочно прыгаетъ съ одной вѣтки на другую и останавливается только на самое короткое время. Иногда онъ подвѣшивается къ вѣткамъ снизу, подобно синицѣ, долгое время держится въ воздухѣ, порхая на одномъ мѣстѣ, чтобы схватить, подобно пѣночкамъ, насѣкомое съ конца вѣтки; легко и безшумно перелетаетъ онъ съ одной вѣтки на другую. За исключеніемъ періода размноженія, его почти никогда нельзя встрѣтить въ одиночку, во всегда въ сообществѣ своихъ родичей и другихъ птицъ. Намъ случалось встрѣчать этихъ птицъ въ обществѣ синицъ, москвокки и гренадерки, рѣже въ обществѣ древолазовъ, пищухъ, лазоревокъ и болотныхъ синицъ.

Призывной звукъ этой птицы есть слабое «зи-зи» или «цит» и испускается обоими полами въ сидячемъ положеніи. Пѣніе всегда начинается звуками: «зи-зи», которые обыкновенно замѣняются двумя нотами неравной высоты; послѣ чего слѣдуетъ всегда одинаковое окончаніе. Старыя птицы поютъ весною и лѣтомъ, молодыя въ августѣ, сентябрѣ и октябрѣ, даже во время періода линянія. Въ теплые зимніе вечера желтоголовые корольки поютъ превосходно, а въ пору размноженія—необыкновенно усердно и громко; зато во время насиживанія птенцовъ ихъ совершенно не слышно. Въ осенніе мѣсяцы, именно съ сентября до конца ноября они ведутъ себя иногда чрезвычайно странно. Одинъ изъ нихъ начинаетъ кричать, «зи-зи», причемъ вертится на одномъ мѣстѣ и трепещетъ крыльями. На этотъ зовъ слетаются къ нему еще отъ 2—6 птицъ, которыя дѣлаютъ то-же самое, гоняются другъ за другомъ и вообще, кажется, усердно заняты этой странной игрой. При этомъ они приподнимаютъ головныя перья, такъ-же, какъ при спариваніи, когда самецъ преслѣдуетъ самочку, до тѣхъ поръ, пока она не поддастся ему. Если два самца гоняются за одной самкой, то происходятъ сильныя драки. Красноголовый королькъ гораздо проворнѣе и безпокойнѣе своего родича и менѣе общителенъ. Въ то время, какъ желтоголовыхъ корольковъ, исключая періода размноженія, всегда можно видѣть въ сообществѣ другихъ птицъ или стаями, красноголовые всегда живутъ одиноко или парами. Осенью ихъ постоянно можно встрѣтить парами; если убить одну птицу изъ пары, то другая выказываетъ сильное горе, кричитъ безостановочно и долго не рѣшается улетѣть. Призывной голосъ красноглагого королька тоже совершенно другой, чѣмъ у его родича: звуки «зи, зи, зи» гораздо сильнѣе и тонъ ихъ совершенно иной, такъ что по одному призывному крику можно уже раз-

личить оба вида, хотя нѣтъ возможности такъ хорошо объяснить эту разницу не знатоку, чтобъ онъ могъ совсѣмъ вѣрно понять ее. Иное дѣло пѣніе. У желтоголового королька пѣсня состоитъ изъ двухъ нотъ и въ концѣ слышится заключительная строфа; у красноголового звуки «зи» тянутся непрерывно, въ одномъ тонѣ и не имѣютъ заключительной строфы, такъ что вся пѣсня гораздо короче, проще и собственно ничто иное, какъ быстро другъ за другомъ испускаемое: «зи, зи, зи»; у самоцвъ иногда слышатся звуки, напоминающіе пѣніе хохлатой синицы. Весною и лѣтомъ красноголовый королькъ поетъ часто, даже на перелетѣ, осенью-же почти никогда, отличаясь и этимъ признакомъ отъ желтоголового. Вообще пѣніе обоихъ видовъ такъ различно, что при тихой погодѣ легко можно, даже издали, отличить одинъ видъ отъ другого.

При спариваніи самецъ красноголового королька такъ хохлится, что приподнятыя перья на его головкѣ образуютъ великолѣпную ярко-красную корону; при этомъ онъ безпрестанно кричитъ и, приподнявъ нѣсколько крылья и хвостъ, прыгаетъ въ самыхъ странныхъ позахъ вокругъ самки, которая ведетъ себя почти такъ же и дразнить его до тѣхъ поръ, пока произойдетъ спариваніе.

Оба вида корольковъ выводятъ птенцовъ два раза въ годъ: въ маѣ и въ іюлѣ. Гнѣзда совершенно одинаковыя у обоихъ видовъ; они шаровидны, имѣютъ очень толстыя стѣнки, вслѣдствіе чего при наружномъ объемѣ въ 9—11 см. имѣютъ внутри только 6 см. въ поперечникѣ, и около 4 см. глубины. Устроены эти гнѣзда на концахъ длинныхъ сучьевъ еловыхъ и сосновыхъ деревьевъ, тамъ, гдѣ густыя вѣтки и иглы могутъ совершенно скрыть ихъ, или на свѣшивающихся вѣткахъ, которыя отчасти, или совершенно покрыты слоемъ матеріаловъ, идущихъ въ основаніе гнѣзда, такъ что дно гнѣзда образовано самою вѣтвью. Самка, которую при собираніи матеріаловъ, иногда сопровождаетъ самецъ, работаетъ почти всегда одна, такъ какъ самецъ ей не помогаетъ; поэтому она употребляетъ на свою работу отъ 12—20 дней. Прежде всего она весьма искусно, отчасти на лету, обвертываетъ различными матеріалами вѣтки и наполняетъ промежутки, и тогда только принимается за выдѣлываніе стѣнокъ. Первый, самый прочный слой состоитъ изъ сосновыхъ лишпаевъ и древеснаго мха, къ которымъ иногда примѣшаны земляной мохъ и оленья шерсть; но особую прочность придаетъ этому слою гусеничная паутина, которою обернуты вѣтки, поддерживающія гнѣздо. Внутри оно выстлано птичьими перьями, бородаки которыхъ обращены во внутрь; по краямъ-же они такъ выступаютъ, что отчасти прикрываютъ отверстіе. У двухъ гнѣздъ красноголового королька, найденныхъ моимъ отцемъ, изъ наружной стѣнки торчали оленьи и бѣличьи шерстинки. Подстилка состояла, по большей части, изъ шерсти косули, которая въ одномъ гнѣздѣ была набросана поверхъ немногихъ перышекъ; наверху же были одни перья, такъ искусно вплетенныя въ загнутые края гнѣзда, что почти совсѣмъ закрывали узкое отверстіе. Первая кладка состоитъ изъ 8—10, вторая изъ 6—9 очень маленькихъ яицъ, длиною въ 13 м.м. и толщиною въ 10 м.м. Они покрыты по бѣловато-сѣрому или блѣдно-красному фону сѣрыми точками или жилками, которыя обыкновенно расположены гуще на толстомъ концѣ. Яйца эти такъ хрупки, что съ ними нужно обращаться съ величайшею осторожностью, чтобъ не раздавить ихъ. Птенцы выкармливаются обоими родителями съ большимъ трудомъ, такъ какъ они могутъ питаться только самыми маленькими насѣкомыми и личинками; они сидятъ очень тѣсно въ гнѣздѣ и чтобы размѣститься должны мало-по-малу расширить свое гнѣздо. Семейство корольковъ недолго держится вмѣстѣ, такъ какъ старики или отдѣляются отъ птенцовъ первой кладки для второго высиживанія, или послѣ второй кладки соединяются съ другими семьями въ стаи.

Различные насѣкомыя и личинки, такъ-же какъ и мелкія сѣмена, составляютъ пищу корольковъ. Лѣтомъ они питаются маленькими жучками и гусеницами, зимою почти исключительно яйцами насѣкомыхъ и личинками; собираютъ они свой кормъ на вѣтвяхъ, между иглами или листвою, при чемъ держатся, трепеща крыльями, иногда долго на воздухѣ передъ замѣченной добычей или гоняются за улетающими насѣкомыми.

Корольковъ можно рѣдко увидать въ неволѣ, потому что ихъ очень трудно пріучить къ комнатной пищѣ; кромѣ того они такъ нѣжны, что иногда умираютъ тотчасъ по поимкѣ. Но, привыкнувъ однажды къ комнатѣ, они, конечно, при хорошемъ уходѣ, могутъ долго жить въ клѣткѣ и становятся тогда самыми пріятными комнатными птицами. Если имъ дать свободно летать по комнатѣ, они приносятъ не менѣе пользы ловлею мухъ, чѣмъ въ лѣсу, поѣдая вредныхъ насѣкомыхъ.

За пѣночками слѣдуетъ, не совсѣмъ еще ясно разграниченное семейство **Тималий** (Timeliidae. Timalien). Это пѣвчія воробьиныя птицы по большей части съ короткими и круглыми крыльями, относительно длиннымъ первымъ маховымъ перомъ и мягкимъ и, особенно на надхвостьѣ, длиннымъ опереніемъ.

* *

Изъ птицъ этого семейства мы прежде всего отдѣлимъ подсемейство **Дроздовъ пересмѣшниковъ** (Miminae. Scheindrossel. Moqueurs) съ знаменитымъ **Пересмѣшникомъ** (Mimus) polyglotta, Turdus и Orpheus polyglotta. Spottdrossel. Moqueur) во главѣ. Опереніе верхней части тѣла сѣровато-бурое, у уздечки и по сторонамъ головы нѣсколько темнѣе, нижняя часть тѣла блекло-бурая, подбородокъ и брюшко—свѣтлѣе, почти бѣлые; маховыя и рулевыя перья, такъ-же какъ и покровныя перья крыльевъ, темно-бурыя; первыя снаружи имѣютъ узкую блѣдно-сѣрую каемку; маховыя перья, отъ пятого до восьмого, съ внутренней стороны, покровныя большихъ маховыхъ перьевъ и концы малыхъ, такъ-же, какъ и концы большихъ покровныхъ перьевъ—бѣлыя; изъ послѣднихъ только крайнее совершенно бѣлое съ обѣихъ сторонъ, второе только съ внутренней стороны бородки; у третьяго только кончикъ бѣлый, остальные-же имѣютъ только болѣе свѣтлые, какъ-бы блеклые кончики. Самка немногимъ менѣе самца и отличается отъ него тѣмъ, что бѣлый цвѣтъ ея маховыхъ перьевъ не такъ замѣтенъ. Глаза блѣдно-желтые, клювъ черно-бурый, ноги темно-бурыя. Длина достигаетъ 25, размахъ крыльевъ 35, длина крыла 11, хвоста 13 см.

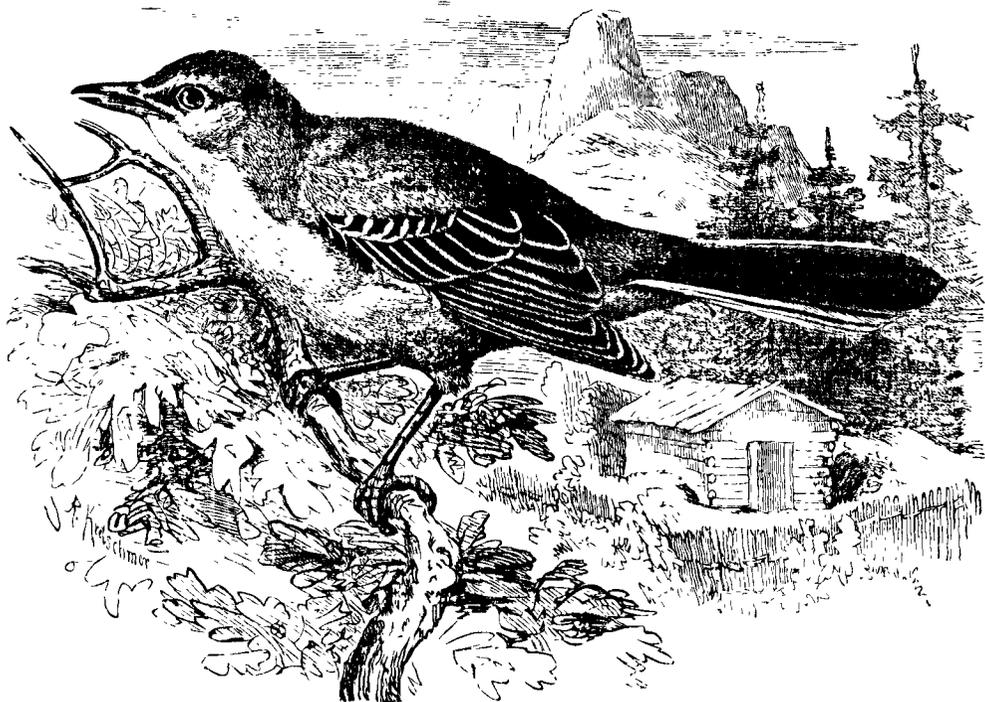
Отечествомъ пересмѣшника можно считать Соединенные Штаты, отъ 40° къ югу до Мексики; но на югѣ онъ встрѣчается чаще, чѣмъ на сѣверѣ. Отсюда перелетаетъ онъ постоянно осенью въ болѣе южныя широты. Однако въ Луизианѣ живетъ онъ уже осѣдло, если не на одномъ и томъ-же мѣстѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ той-же странѣ.

Пересмѣшникъ живетъ на всевозможныхъ кустахъ, въ густыхъ лѣсахъ, плантаціяхъ и садахъ; безъ страха вьетъ онъ гнѣзда близъ человѣка, пользуясь его покровительствомъ, и, въ особенности зимою, держится постоянно въ непосредственной близи человѣческихъ жилищъ. Любимымъ его мѣстопребываніемъ служатъ песчаныя равнины на берегу рѣкъ или моря, поросшія низкими деревьями или кустами. Въ глубинѣ лѣсовъ онъ встрѣчается рѣже, и то развѣ во время нерелета.

Въ движеніяхъ своихъ пересмѣшникъ походитъ на дроздовъ, но напоминаетъ и пѣночекъ. Онъ прыгаетъ по землѣ подобно дроздамъ, но при этомъ часто распускаетъ хвостъ, и также быстро складываетъ его. Летаетъ онъ небольшими дугами, при-

чемъ опять то распускаетъ, то складываетъ хвостъ. Во время своихъ путешествій онъ пролетаетъ большія пространства, но не летитъ безостановочно, на подобіе нашихъ дроздовъ, а всегда перелетаетъ съ одного дерева къ другому. Одюбонъ увѣряетъ, что эта птица, столь доврчивая къ человѣку на родинѣ, на чужбинѣ, въ первое время, очень осторожна и пуглива, и становится смѣле, только пробывъ нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ.

Не природное его пѣніе, а его подражательная способность доставила пересмѣшнику ту громкую извѣстность, которою онъ пользуется и которая воодушевила восторженныя описанія американскихъ наблюдателей. Вильсонъ и Одюбонъ единогласно увѣряютъ, что пересмѣшника можно считать царемъ всѣхъ пѣвчихъ птицъ и что между послѣдними нѣтъ ни одной, которая бы равнялась ему по обширности

Пересмѣшникъ. *Mimus polyglotta*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

и разнообразію голоса. «Въ этомъ пѣніи», говоритъ Одюбонъ, «слышатся не звуки флейты или другого музыкальнаго инструмента, а своеобразные, естественные и чудные звуки. Полнота звука, разнообразіе интонацій и переливовъ, обширность голоса и блескъ исполненія—просто неподражаемы! Вѣроятно нѣтъ ни одной птицы, обладающей такими музыкальными способностями, какими одарила природа этого царя пѣвцовъ. Многие европейцы утверждаютъ, что пѣснь соловья, по своей красотѣ, равняется пѣнію пересмѣшника; я часто слыхалъ обоихъ и на волѣ и въ клеткѣ, и не могу не сознаться, что отдѣльные звуки пѣсни соловья такъ-же прекрасны, какъ и у пересмѣшника; но я никогда не позволю себѣ даже сравнить пѣснь соловья вообще съ вполне законченнымъ исполненіемъ пересмѣшника». Вильсонъ не заходитъ такъ далеко, а европейскіе знатоки птичьяго пѣнія совершенно другого мнѣнія. «Огромной извѣстности пересмѣшника», говоритъ Гергардтъ», больше

всего способствовало его умѣнье подражать чужимъ голосамъ. Такъ какъ въ Новомъ Свѣтѣ чрезвычайно мало хорошихъ пѣвцовъ среди птицъ, то даже посредственное пѣніе кажется прекраснымъ и превозносится до небесъ. Во всякомъ случаѣ похвалы Одюбона сильно преувеличены: европейскій знатокъ птичьяго пѣнія не воскуриль-бы пересмѣшнику такого ойміама». Впрочемъ Гергардъ вполне подтверждаетъ всѣ отзывы американскихъ наблюдателей объ удивительной способности этой птицы къ подражанію. «29 іюня», рассказываетъ онъ, «я замѣтилъ въ своемъ сосѣдствѣ пѣвшаго самца. Призывной голосъ и пѣснь американскаго крапивника составляли, какъ обыкновенно, почти четвертую часть пѣсни пересмѣшника. Онъ началъ въ тонъ вышеупомянутой птицы, перешелъ къ призывному голосу пурпуровой ласточки, и вдругъ крикнулъ соколомъ: потомъ слетѣлъ съ сухой вѣтки, на которой сидѣлъ до того времени, и на лету уже сталъ подражать призыву двуцвѣтной синицы и странствующаго дрозда. Послѣ того, приподнявъ хвостъ и опустивъ крылья, сталъ бѣгать по изгороди и пѣть при этомъ, какъ мухоловка, горная трясогузка и тангара; къ этому примѣшивался зовъ поползня. Затѣмъ взлетѣлъ на кустъ ежевики, сорвалъ съ него ягоды двѣ и закричалъ какъ золотистый дятель и виргинская перепелка; увидавъ кошку, кравшуюся около ствола дерева, пересмѣшникъ съ громкимъ крикомъ бросился ей вслѣдъ и, обративши ее въ бѣгство, опять взлетѣлъ на прежній сухой сукъ и снова принялся за свое пѣніе». По словамъ Вильсона голосъ пересмѣшника звучный, сильный и поддается всевозможнымъ измѣненіямъ и переливамъ. «Ему доступны всѣ звуки, отъ высокихъ и мягкихъ тоновъ пѣсни пѣвчаго дрозда, до дикаго крика коршуна. Пересмѣшникъ точно передаетъ темпъ и интонацію того пѣвца, пѣнію котораго подражаетъ, но превосходить его обыкновенно прелестью и силою выраженія. Въ лѣсахъ его родины ни одна птица не можетъ соперничать съ нимъ. Пѣніе его разнообразно, почти до безконечности. Оно состоитъ изъ короткихъ тактовъ отъ 2—6 тоновъ, которые льются одинъ за другимъ съ необычайной силой и быстротой, и иногда раздаются безостановочно въ теченіи цѣлаго часа. Часто слушателю кажется, что поетъ цѣлый хоръ птицъ; такимъ образомъ одинъ пѣвецъ вводитъ въ заблужденіе не только охотника, но и другихъ птицъ». Пѣніе измѣняется, смотря по мѣстности. Въ лѣсу подражаетъ онъ пѣнію лѣсныхъ птицъ, вблизи человѣческаго жилья онъ вылетаетъ въ свою пѣснь всѣ тѣ звуки, которые слышатся ему на дворѣ. Такимъ образомъ передается съ возможной точностью не только пѣніе пѣтуха, кудаханье куръ, гоготанье гусей, криканье утокъ, мяуканье кошки, лай собаки и хрюканье свиньи, но и скрипъ двери, визгъ флюгера и пилы, хлопанье мельничныхъ колесъ и всякіе другіе звуки. Иногда пересмѣшникъ подымаетъ страшный переполохъ среди домашнихъ животныхъ: такъ, на примѣръ, онъ свиститъ въ уши спящей собаки совершенно такъ, какъ это дѣлаетъ ея хозяинъ, и тѣмъ заставляетъ ее вскакивать на ноги и бѣжать безъ оглядки къ своему господину; приводитъ въ отчаяніе насѣдку, подражая писку испуганнаго цыпленка; пугаетъ робкую домашнюю птицу, подражая крику коршуна, и вводитъ въ заблужденіе влюбленнаго кота, воспроизводя, до неподражаемой вѣрности, нѣжный призывъ кошки. Въ неволѣ пересмѣшники не теряютъ своихъ талантовъ; напротивъ, усваиваютъ себѣ еще многіе другіе звуки и шумы, которые иногда самымъ забавнымъ образомъ присоединяютъ къ благозвучнымъ нотамъ своего собственнаго голоса.

Я выросилъ и слышалъ на своемъ вѣку многихъ пересмѣшниковъ и все-таки нахожу, что ни одинъ изъ нихъ не могъ даже сравниться въ пѣніи съ нашими соловьями; однако нѣкоторые знатоки увѣряли меня, что дѣйствительно бываютъ самцы, пѣніе которыхъ достигаетъ неподражаемаго совершенства.

Пересмѣшникъ, смотря по мѣстности, гдѣ онъ живетъ, выводитъ птенцовъ раньше или позднѣе въ году. На югѣ Соединенныхъ Штатовъ онъ уже въ апрѣлѣ начинаетъ вить гнѣздо, въ сѣверныхъ-же частяхъ своего отечества только въ концѣ мая. Здѣсь онъ успѣваетъ вывести птенцовъ только два раза, тамъ, по словамъ Одюбона, три раза въ теченіи лѣта. Самецъ старается пріобрѣсти расположеніе самки не однѣми пѣснями, но и всевозможными пріятными тѣлодвиженіями: онъ распускаетъ хвостъ, опускаетъ крылья, гордо прохаживается такимъ образомъ по землѣ или по вѣткѣ, порхаетъ подобно мотыльку вокругъ своей подруги, танцуетъ въ воздухѣ и вообще старается на всѣ лады выразить свои горячія чувства. Гнѣздо вьетъ онъ на верхушкахъ густыхъ деревьевъ или въ кустахъ, иногда вблизи жилищъ, иногда въ колючихъ изгородахъ, вокругъ полей, вдали отъ населенныхъ мѣстностей. Основаніемъ гнѣзду служатъ сухія вѣтки; тонкіе сухіе стебельки, травинки; растительный пухъ и шерсть также вплетаются въ стѣнки, а внутренность выложена довольно толстымъ слоемъ тонкихъ согнутыхъ корешковъ. Первая кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, вторая не болѣе какъ изъ пяти, а третья почти всегда изъ трехъ яицъ. Яйца бывають длиною въ 26 m.m., толщиною въ 20 m.m., почти круглы и покрыты по свѣтло-зеленому фону темно-коричневыми пятнышками и точками. Самка, повидимому, одна сидитъ на яйцахъ и выводитъ птенцовъ на 14-ый день. Птенцы первыхъ двухъ кладокъ вырастають очень быстро, птенцы-же третьяго выводка достигаютъ полного роста только поздней осенью. Во время насиживания самка и самецъ одинаково нѣжно заботятся объ яйцахъ и, если самка замѣтитъ, что до одного изъ нихъ дотронулись или переложили его на другое мѣсто, то начинаетъ жалобно кричать и испуганно зоветъ самца. Американцы увѣряють, что послѣ такого происшествія парочка покидаетъ свою кладку, но Одюбонъ, напротивъ того, утверждаетъ, что она удваиваетъ свои заботы и любовь и, наученная горькимъ опытомъ, почти не покидаетъ ни на минуту гнѣзда.

Пища пересмѣшника измѣняется по временамъ года: лѣтомъ онъ большею частью питается насѣкомыми. Осенью и старъ и младъ лакомятся различными ягодами. Въ противоположность прочимъ дроздамъ, пересмѣшникъ преслѣдуетъ летающихъ высоко въ воздухѣ бабочекъ, жуковъ, комаровъ и мухъ или собираетъ ихъ съ листьевъ деревьевъ. Въ неволѣ онъ скоро привыкаетъ къ обыкновенной пищѣ нашихъ дроздовъ, но гораздо прихотливѣе послѣднихъ и требуетъ прежде всего мучныхъ червей и муравьиныхъ яицъ. При хорошемъ уходѣ и обращеніи онъ дѣлается ручнымъ и ласковымъ. По словамъ американскихъ наблюдателей пересмѣшниковъ даже можно пріучить летать на волѣ и добровольно возвращаться въ клѣтку. Нѣкоторые изъ выращенныхъ мною пересмѣшниковъ плодились въ неволѣ.

Всѣ хищники Америки преслѣдуютъ взрослыхъ пересмѣшниковъ, но ихъ попомству особенно страшны змѣи. Американцы такъ полюбили эту птицу, что никогда не убивають ее изъ за мяса, а, напротивъ, всѣми силами охраняють ее отъ прочихъ враговъ. Но зато этихъ общихъ любимцевъ часто ловятъ взрослыми, или еще птенцами вынимають изъ гнѣздъ.

Крапивниковыя (Troglodytinae. Buschschlүpfer. Troglodyttes) напоминають какъ своимъ внѣшнимъ видомъ и нравомъ, такъ и образомъ жизни водяныхъ оляпокъ: крапивники занимають то-же мѣсто въ лѣсахъ и на поляхъ, какъ оляпки около воды.

Крапивниковыя очень маленькія, плотно сложенные птички съ короткими крыльями и хвостомъ и очень однообразнымъ опереніемъ. Клювъ у нихъ короткій или средней длины, слабый, шиловидный, сжатый съ боковъ и загнутый по хребту

ноги не очень высокія, довольно слабыя, пальцы на нихъ короткіе; крылья короткія, закругленные и выгнутыя, четвертое и пятое маховыя перья на нихъ самыя длинныя; хвостъ очень короткій, клинообразный или по крайней мѣрѣ закругленный сзади. Основной цвѣтъ оперенія красновато-бурый; рисунокъ по немъ образуетъ поперечныя черныя черточки и полосы.

Родиной крапивниковъ слѣдуетъ считать Америку, и только немногіе виды живутъ въ Европѣ и Азій. Они живутъ преимущественно въ мѣстностяхъ, изобилующихъ кустарниками, богатыхъ водою и гдѣ есть имъ возможность хорошо спрятаться. На горахъ поднимаются они до лѣсной полосы, а къ сѣверу встрѣчаются еще въ предѣлахъ холоднаго пояса. Они собственно вовсе неприхотливы, такъ какъ вездѣ находятъ себѣ мѣстечко, удовлетворяющее ихъ потребностямъ. Поэтому они вьютъ гнѣзда среди лѣсовъ и въ садахъ около деревень и городовъ или на берегу рѣкъ и на крутыхъ горныхъ откосахъ. Боязливо избѣгаютъ они только открытыхъ мѣстъ. Всѣ виды крапивниковъ живыя, подвижныя, неутомимыя и чрезвычайно веселыя птички. Летаютъ они плохо, почему и не предпринимаютъ большихъ путешествій, но прыгаютъ необыкновенно быстро и проявляютъ при проскальзываніи чрезъ спутанные кустарники или отверстія гораздо больше ловкости, чѣмъ другія воробьиныя птицы. Насколько намъ извѣстно, всѣ виды отличаются болѣе или менѣе красивымъ голосомъ. Нѣкоторые изъ нихъ принадлежатъ къ лучшимъ пѣвунамъ своей родины; одинъ видъ, **Флажолетовый пѣвецъ** (*Cypsothippus musicus*. Flageolettvogel. Flageolet) считается даже лучшей пѣвчей птицей тропическихъ странъ Америки. Его пѣніе сравниваютъ со звономъ маленькихъ стеклянныхъ колокольчиковъ, настроенныхъ различно, но съ самымъ вѣрнымъ соблюденіемъ интерваловъ и соединенныхъ въ правильную гамму; звуки эти медленно и тихо льются съ верхушекъ деревьевъ. Слушатель такъ очарованъ, что онъ даже не считаетъ возможнымъ, чтобы птица производила столь благозвучные и вмѣстѣ нѣжныя, ласкающіе слухъ и какъ-бы неземные звуки. Всѣ способности, которыми одарены эти птички, еще болѣе возвышаются ихъ образомъ жизни. Крапивники не чуждаются человѣка и безбоязненно селятся вблизи его жилищъ, проникаютъ даже въ дома и вездѣ пользуются любовью, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже покровительствомъ человѣка. Такъ, на примѣръ, для южно-американскаго крапивника вывѣшиваютъ иногда подъ крышей домовъ пустыя стеклянныя банки, которыми немедленно завладѣваетъ эта птица. Она понимаетъ дружескія чувства людей и становится до такой степени ручною, что, по словамъ Шомбургка, «безбоязненно влетаетъ въ комнату черезъ открытое окно и, сидя на подоконникѣ, поетъ хозяевамъ свою прелестную пѣсенку». Правда, что другихъ крапивниковъ не балуютъ подобной предупредительностью, но вездѣ радуются ихъ присутствію и никогда, по крайней мѣрѣ, не уничтожаютъ ихъ. Можно положительно утверждать, что видъ этихъ прелестныхъ созданий имѣетъ для человѣка неотразимую привлекательность, чѣмъ я и объясняю себѣ тѣ многочисленныя и граціозныя сказанія, которыми поэзія различныхъ народовъ украсила ихъ жизнеописаніе.

И долженъ отказать себѣ въ удовольствіи описать какъ слѣдуетъ всѣ многочисленные виды крапивниковыхъ и ограничиться описаніемъ одного только вида.

* * *

Крапивникъ, Подкоренникъ, Лазутчикъ, Королекъ, Орѣшекъ, (*Troglodytes parvulus*, *vulgaris*, *europaeus*, *fumigatus*, *regulus*, *punctatus*, *domesticus*, *sylvestris* и *tenuirostris*, *Motacilla* и *Sylvia troglodytes*, *Anorthura communis* и *troglodytes*. Zaunkönig. Troglodytte d'Europe) можетъ служить достойнымъ представителемъ своего се-

мейства. Длина его 10, размахъ крыльевъ 16 см., длина крыла 4,5 см., а хвоста 3,5 см. Опереніе его по ржаво-бурому или ржаво-сѣрому фону покрыто темно-коричневыми волнообразными линиями; коричневая полоска идетъ отъ уздечки черезъ глаза, узкая ржаво-буровато-бѣлая полоска проходитъ надъ глазами. Среднія покровныя перья крыла украшены на концахъ продолговатыми бѣлыми пятнами съ черной оторочкой внизу; внутреннія бородки маховыхъ перьевъ темно-буровато-сѣрыя, а наружныя покрыты то рыжевато-желтыми, то черными полосками или пятнами; рулевые перья красновато-бурыя, съ боковъ свѣтлѣе и съ явственными волнообразными темно-бурыми поперечными полосками. Глаза каріе, клювъ и ноги красновато-сѣрые. У самки всѣ оттѣнки свѣтлѣе. Молодые покрыты съ верхней стороны меньшимъ, а съ нижней большимъ числомъ пятенъ, но въ общемъ ихъ все же меньше, чѣмъ у стариковъ.

Крапивникъ встрѣчается не только во всей Европѣ отъ сѣвера Скандинавіи и Россіи до самой оконечности Испаніи и Греціи, но и въ сѣверо-восточной и Средней Азіи. На Ферерскихъ островахъ живетъ, вѣроятно, видъ, нѣсколько отличающійся отъ прочихъ и замѣчательный своей значительной величиною **Полярный крапивникъ** (*Troglodytes borealis*). Въ средней Германіи появляется, повидимому, еще одна разновидность крапивника, опереніе которой испещрено небольшими точками; отецъ мой назвалъ эту разновидность въ честь Наумана, *Troglodytes Naumanii*.

Въ Германіи нѣтъ ни одной страны, ни одного села, въ которомъ не водился бы крапивникъ, а въ нѣкоторыхъ удобныхъ мѣстностяхъ онъ встрѣчается даже въ очень большомъ количествѣ. Онъ живетъ во всякой мѣстности, но предпочитаетъ долины, окаймленныя кустарниками, по которымъ течетъ ручеекъ. Подобно другимъ своимъ родичамъ, онъ залетаетъ въ деревни и даже въ городскіе сады и вьетъ гнѣзда въ непосредственной близости человѣческихъ жилищъ, если только тамъ есть густые кустарники, живыя изгороди или по крайней мѣрѣ большія кучи хвороста. Онъ рѣдко садится на высокія деревья; скорѣе всего можно видѣть, какъ онъ почти у самой земли проскальзываетъ среди густого кустарника, изслѣдуетъ всѣ уголки и углубленія, прыгаетъ по самой землѣ или перелетаетъ съ куста на кустъ. Отъ времени до времени онъ однако появляется гдѣ-нибудь на верхушкѣ дерева и, повидимому, пребываетъ тамъ съ явнымъ самодовольствіемъ. «Крапивникъ», говоритъ Науманъ, «превосходитъ почти всѣхъ нѣмецкихъ птицъ своей веселостью, беззаботностью, смѣлостью, а также искусствомъ и быстротой, съ которой онъ пробирается сквозь самый запутанный кустарникъ. Но смѣлость эта совершенно особаго рода; она исчезаетъ въ виду малѣйшей опасности и превращается въ безграничный страхъ, но также скоро опять возвращается. Веселое расположеніе духа рѣдко его покидаетъ. Онъ такъ смѣло и быстро прыгаетъ туда и сюда, какъ будто не терпитъ ни въ чемъ нужды; веселость не покидаетъ его даже зимою, если погода не слишкомъ скверная, и солнышко хоть изрѣдка показывается изъ за тучъ. Въ то время, какъ воробьи, самыя постоянныя наши осѣдлыя птички, недовольные сильнымъ морозомъ, нахваливаются и печальнымъ своимъ видомъ выказываютъ свое неудовольствіе и уныніе, крапивникъ все еще веселъ и поетъ свою пѣсенку, какъ будто на дворѣ весна». Правъ его въ высшей степени привлекательный. Онъ, сгорбившись, скачетъ по землѣ, такъ что его можно принять за мышенка, проскальзываетъ съ удивительной ловкостью и быстротой сквозь щели и дырки, которыя были-бы недоступны другимъ птицамъ, безъ усталости перепрыгиваетъ съ изгороди на изгородь, съ куста на кустъ и съ кучи хвороста на другую, изслѣдуетъ всѣ уголки и только развѣ на минуту остановится, да и то въ такой позѣ, которая показываетъ нѣкоторое нахальство: грудь опущена, а короткій хвостикъ вздернутъ кверху. Если вниманіе его

возбуждено чѣмъ-нибудь необыкновеннымъ, онъ выражаетъ свое волненіе быстрыми поклонами, причѣмъ его хвостикъ приподнять выше обыкновеннаго. Чувствуя себя въ безопасности, онъ безпрестанно поетъ или, по крайней мѣрѣ, испускаетъ свой призывной крикъ; только во время линянья онъ тише обыкновеннаго. Какъ только пѣснь окончена, начинается опять шмыганіе и изслѣдованіе окрестностей.

Летаетъ крапивникъ только въ случаѣ крайней необходимости. Обыкновенно онъ порхаетъ, вздергивая крыльями надъ самой землею по прямой линіи; перелетая большія разстоянія, онъ описываетъ въ воздухѣ извилистую линію, состоящую изъ небольшихъ дугъ. Легко замѣтить, какъ ему трудно летать, если начать его преслѣдовать въ открытомъ полѣ. Быстро бѣгущій челоюкъ можетъ, по словамъ Наумана, такъ его утомить, что онъ самъ дается ему въ руки. Крапивникъ, впрочемъ, такъ хорошо сознаетъ слабость своего полета, что никогда добровольно не покидаетъ спасительныхъ кустовъ, и даже въ тѣхъ случаяхъ, когда захваченъ непріателемъ недалеко отъ гнѣзда, скорѣе рѣшается проскользнуть въ какое-нибудь отверстіе, чѣмъ пуститься въ опасный перелетъ по воздуху. Въ его голосѣ чаще всего слышатся звуки: «церри или церц», которымъ онъ придаетъ различныя интонаціи; сторожевой призывъ его, котораго слушаются многія птицы, состоитъ изъ тѣхъ-же, только болѣе протяжныхъ звуковъ, или быстро одинъ за другимъ произнесенныхъ: «цек, цек, цек». Превосходное, чрезвычайно пріятное пѣніе состоитъ изъ многихъ громкихъ мѣняющихся тоновъ, которые посерединѣ прерываются довольно продолжительной, благозвучной трелью; подъ конецъ эта-же трель повторяется, но гораздо тише, а появляется часто опять въ самый конецъ пѣсни, которую какъ-бы и заканчиваетъ ею. Звуки такъ сильны и полны, что удивляешься какимъ образомъ такая маленькая птичка можетъ издавать ихъ. Зимой это пѣніе необыкновенно сильно дѣйствуетъ на расположеніе духа челоюка. Вся природа тиха и безжизненна, деревья голы, земля погребена подъ снѣгомъ и льдомъ, всѣ другія птицы безмолвны и печальны, и только онъ одинъ, почти самый маленький изъ нихъ, всегда веселый и довольный, напѣваетъ свою вѣчную пѣсенку, въ которой какъ-бы слышится: «вернется-же когда-нибудь весна!» Каждому, даже самому жалкому и сухому филистеру, который не хочетъ понять возможности поэтического взгляда на природу, приходятъ тогда на умъ только радостныя мысли. Тотъ, у кого при зимней пѣснѣ крапивника не разыграется радостно сердце въ груди—жалкій челоюкъ, нечувствительный къ прекрасному.

Крапивникъ питается насѣкомыми во всѣхъ періодахъ ихъ развитія, паучками и другими мелкими животными, а осенью разными ягодами. Лѣтомъ стоить его очень обилень, такъ какъ онъ умѣетъ найти себѣ пищу даже тамъ, гдѣ другія птицы тщетно ищутъ ея. Зимой и ему вѣроятно приходится терпѣть иногда нужду. Говорятъ, что онъ въ Исландіи очень непріятенъ крестьянамъ тѣмъ, что пробирается въ дымовыя трубы и лакомится копченымъ мясомъ, но этотъ рассказъ Олафсона требуетъ еще серьезнаго подтвержденія. Не подлежитъ сомнѣнію, что крапивникъ зимой влетаетъ въ дома, но это случается не ради мяса, а ради сонныхъ мухъ, которыхъ тамъ можно найти въ изобиліи. Открывъ однажды лазейку, черезъ которую онъ можетъ проникнуть во внутренность зданія, онъ пользуется ею постоянно, такъ какъ обладаетъ замѣчательной памятью мѣстности и всегда умѣетъ найти свою дорогу.

Гнѣздо строится согласно мѣстнымъ условіямъ и потому бываетъ весьма разнообразно по формѣ и матеріалу. Даже самое мѣсто, гдѣ оно строится, очень разнообразно. Находили гнѣзда крапивника довольно высоко на деревьяхъ и на самой землѣ, въ углубленіяхъ почвы и въ дуплахъ деревьевъ, въ отверстіяхъ ка-

менныхъ стѣнъ и въ расщелинахъ скалъ, въ хижинахъ угольщикова и подъ крышами домовъ, въ тернистыхъ кустарникахъ или подъ корнями деревьевъ, въ кучахъ дровъ и въ галлереяхъ рудниковъ, но всегда мѣсто для нихъ выбрано весьма тщательно, особенно, когда дѣло идетъ о первомъ весеннемъ гнѣздѣ, которое строится еще въ то время, когда земля не успѣла покрыться своей богатой лѣтней растительностью. Нѣкоторыя гнѣзда состоятъ изъ зеленого, другія изъ пожелтѣвшаго мха, который такъ плотно сваленъ, что отдѣльныя волокна кажутся склеенными между собою. Форма гнѣзда шарообразная и внутри его ведетъ аккуратно сдѣланное отверстіе. Нѣкоторыя гнѣзда походятъ на спутанную кучку листьевъ и выложены внутри перьями; нѣкоторыя-же ничто иное, какъ починенныя старыя гнѣзда. Какъ-бы то ни было, но гнѣздо крапивника всегда приспособлено къ мѣстнымъ условіямъ и, согласно съ этимъ, выбранъ и нужный для постройки матеріалъ, такъ что иногда очень трудно розыскать это гнѣздо, несмотря на огромную его величину относительно роста птички. Достоинно вниманія, что крапивникъ выказываетъ иногда рѣшительное предпочтеніе къ какимъ-нибудь извѣстнымъ мѣстностямъ. Такъ, Тринтгаммеръ рассказываетъ, что жившій въ горахъ крапивникъ постоянно путешествовалъ съ угольщиками, т. е. всегда забирался въ ихъ жилища и вилъ тамъ свое гнѣздо, несмотря на то, что хижина часто стояла на совершенно другомъ мѣстѣ, чѣмъ въ прошломъ году. Угольщики прекрасно знали эту птичку: они были увѣрены, что прилетаетъ все тотъ-же крапивникъ. Нужно тоже замѣтить, что крапивникъ иногда вьетъ гнѣзда для ночлега, а не для высидиванья, но они гораздо меньше другихъ гнѣздъ, сооружены большею частью только изъ мха и выложены внутри перьями.

Беникъ однажды слѣдилъ за крапивникомъ съ апрѣля до самаго августа и сообщаетъ намъ результатъ своихъ наблюденій въ очень точныхъ, но сжатыхъ выраженіяхъ: самецъ четыре раза успѣлъ свить себѣ гнѣздо, пока ему удалось добыть себѣ подругу. Несчастье преслѣдовало его и тогда, когда онъ, наконецъ, достигъ желанной цѣли: три раза парочка вила себѣ гнѣздо и все-же ей не удалось положить яицъ, и когда наконецъ самка, испуганная такими несчастными случаями, покинула супруга, можетъ быть съ цѣлью приобрѣсти себѣ другого, покинутый самецъ трудился опять нѣсколько недѣль надъ постройкой еще двухъ жилищъ, которыми, впрочемъ, не воспользовался. Эти холостыя постройки самца, по моему мнѣнію, находятся въ зависимости отъ другой особенности характера крапивника. Многими наблюденіями Огильби, на примѣръ, установлено, что крапивникъ очень охотно проводитъ ночи въ своихъ старыхъ гнѣздахъ и не только въ одиночествѣ или парами, но даже цѣлыми семьями. Тотъ-же самый фактъ, по словамъ Пэслера, удостовѣренъ однимъ крестьяниномъ въ Ангальтѣ, который какъ-то въ зимній вечеръ отправился въ хлѣвъ, чтобы поймать воробья въ одномъ изъ находившихся тамъ ласточкиныхъ гнѣздъ. Но вмѣсто одного воробья онъ захватилъ цѣлую горсть птичекъ; между ними онъ, къ своему изумленію, замѣтилъ пять крапивниковъ, которые, съ наступленіемъ ночи, воспользовались гнѣздомъ для ночлега; совершенно то же самое наблюдалъ Шахтъ. Обыкновенно крапивникъ выводитъ птенцовъ два раза въ годъ; въ апрѣлѣ и въ іюлѣ. Кладка состоитъ изъ 6—8 относительно большихъ, круглыхъ яицъ, покрытыхъ по чисто-бѣлому или желтоватому фону маленькими красновато-бурыми или ярко-красными точками, которыя у толстаго конца образуютъ вѣнокъ. Оба родителя сидятъ на яйцахъ поочередно въ теченіи 13 дней; они вмѣстѣ-же выкармливаютъ и воспитываютъ своихъ птенцовъ. Птенцы долгое время сидятъ въ гнѣздѣ и, даже вылетѣвши изъ него, долго еще держатся вмѣстѣ и посѣщаютъ вѣроятно каждую ночь свою колыбель для сна.

Крапивника ловятъ случайно въ сѣти, западни или посредствомъ сучьевъ, намазанныхъ клеемъ; однако они не скоро привыкаютъ къ неволѣ. Но зато если его удастся приручить, то хозяинъ его не нарадуется на это, даже въ неволѣ, привлечательное созданіе. Крапивникъ, котораго воспитывалъ графъ Гурси, начиналъ пѣть уже въ ноябрѣ и кончалъ только въ самомъ концѣ лѣта, съ наступленіемъ лянннн. Птички, которыхъ я самъ воспитывалъ, рѣшительно приводили меня въ восторгъ. Мы далеко не знаемъ всѣхъ тѣхъ опасностей, которымъ подвергаются крапивники на волѣ, ни всѣхъ ихъ враговъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ очень много, такъ какъ иначе птичекъ этихъ было-бы гораздо больше, чѣмъ мы видимъ ихъ въ дѣйствительности.

Швейки (Cisticolinae. Grasschlüpfen. Cisticoles) напоминаютъ камышевокъ. Подъ именемъ швейекъ мы соединимъ въ одну группу пѣвчихъ птицъ, живущихъ только въ Старомъ Свѣтѣ и Австраліи, и особенно многочисленныхъ въ жаркомъ поясѣ. Отличительными признаками ихъ служатъ: довольно длинный, съ боковъ сжатый, на концѣ слегка загнутый клювъ, сравнительно очень сильныя ноги и короткія, округленныя крылья; хвостъ, большею частью ступенчатый, бываетъ различной длины; опереніе, за малыми исключеніями, одноцвѣтное, хотя встрѣчаются и великолѣпно окрашенные виды.

Относительно мѣстожителнства швейки почти во всемъ сходятся съ камышевками, но, кажется, еще больше этихъ послѣднихъ любятъ жить среди низкихъ терновниковъ, камышей и высокой травы; онѣ соединяютъ въ себѣ ловкость кустарныхъ и болотныхъ пѣвучевъ; одинаково искусно лазаютъ, бѣгаютъ и проскальзываютъ сквозь кустарники; но всѣ летаютъ плохо и неуверенно. Воодушевляемая любовью, онѣ иногда поднимаются надъ верхушками своихъ кустовъ, чтобъ огласить воздухъ своимъ простенькимъ пѣніемъ, но опять быстро скрываются въ чашу, находящуюся подъ ними. Здѣсь, большею частью у самой земли, находятся ихъ искусныя, въ извѣстномъ смыслѣ неподражаемая гнѣзда, скрытыя между двумя сшитыми между собою листьями. Здѣсь воспитываютъ онѣ своихъ птенцовъ, здѣсь находятъ себѣ пишу и здѣсь-же проводятъ онѣ большую часть своей жизни.

* * *

Короткій, тонкій, слегка загнутый клювъ, ноги съ длинными ступнями и пальцами, короткія, округленныя крылья, у которыхъ четвертое маховое перо самое длинное, и слегка округленный, короткий хвостъ составляютъ отличительные признаки **Цистиколь** (Cisticola), представителемъ которыхъ служитъ **Цистикола бѣгающая** (Cisticola cursitans, schoenicola, arquata, terrestris, europaea, tintinnabulans, manipurensis и ayresii, Sylvia cisticola, Prinia cursitans, cisticola и subhimalachana, Sacicaria cisticola и brunniceps, Calamanthella tintinabulum Cistensänger. Cisticole ordinaire). Опереніе верхней части тѣла, исключая буроватого затылка и ржаво-бурого надхвостья, покрыто желто-бурыми и темно-бурыми пятнами; середина перьевъ черно-бурая, края ржаво-желто-бурые; но головѣ идутъ три черныя и три свѣтло-желтыя долевыя полосы; горло и брюшко чисто-бѣлыя, грудь, бока и нижнія покровныя перья хвоста ржаво-красныя, маховыя перья темно-сѣрыя, съ ржаво-желтой каймой; среднія хвостовыя перья ржаво-бурыя, остальныя сѣро-бурыя съ бѣлой оторочкой, надъ которой замѣчается черноватое, сердцевидное пятно. Глазъ буровато-свѣтло-сѣрый, клювъ рогового цвѣта, ноги красноватыя. Молодыя птицы отличаются отъ старыхъ только болѣе свѣтлымъ опе-

рениемъ верхней части тѣла. Длина 11 см., размахъ крыльевъ 16, длина крыла 5, а хвоста 4 см. Самка немногимъ меньше.

Цистикола водится въ южной и средней Испаніи, южной Италиі, Сардиніи, Греціи, сѣверной Африкѣ, Средней, восточной и южной Азіи. Всюду, гдѣ встрѣчаются эти птицы, онѣ очень многочисленны, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже очень обыкновенны. Это осѣдая птица, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ родилась и гдѣ впоследствии вьеть гнѣздо. Въ Испаніи она живетъ на всѣхъ низменностяхъ, мало-мальски удовлетворяющихъ ея многочисленнымъ потребностямъ: на окруженныхъ высокими камышемъ плотинахъ рисовыхъ полей, въ тростникахъ, на маисовыхъ поляхъ, конопляникахъ и другихъ подобныхъ мѣстностяхъ. Въ Сардиніи она гнѣздится, по словамъ Гансмана, у берега моря, тамъ, гдѣ берегъ низокъ, болотистъ и поросъ только травой и въ особенности колючимъ ситникомъ, однако посѣщаетъ тамъ и хлѣбныя поля и даже вьеть на нихъ гнѣзда. На Балеарскихъ островахъ Гомейеръ наблюдалъ за цистиколой тоже на хлѣбныхъ поляхъ, и не только въ долинахъ, но и на горахъ, гдѣ только встрѣчалось сыроватое мѣстечко, чѣмъ подтверждается предположеніе Гансмана, что «едва замѣтный ручеекъ и полоса луга въ аръ (25 кв. сажень) величиной удовлетворяютъ всѣмъ ея потребностямъ». Въ сѣверной Африкѣ, гдѣ ее можно встрѣтить съ береговъ Средиземнаго моря до самой Абиссиніи, даже на высотѣ 2000 м., она селится не только въ поляхъ и тростникахъ, но также на акаціяхъ и финиковыхъ кустахъ; въ сѣверо-восточной-же Африкѣ преимущественно на лугахъ. Въ Индіи она живетъ во всякой мѣстности, гдѣ растетъ трава, зерновой хлѣбъ или рисъ.

Мнѣ всегда казалось очень страннымъ, что испанскіе орнитологи не обратили вниманія на цистиколу, такъ какъ, по видимому, она всѣми силами старается обратить на себя вниманіе наблюдателя. Въ особенности во время насиживанія самецъ становится очень замѣтнымъ: короткими взмахами своихъ крылышекъ подымается онъ на высоту съ громкимъ крикомъ: «цит, цит, цит»; послѣ этого онъ обыкновенно долго летаетъ, безостановочно крича и описывая въ воздухѣ короткія дуги; такимъ образомъ кружится онъ и порхаетъ въ теченіи нѣсколькихъ минутъ вокругъ человѣка, приблизившагося къ нему. Въ травѣ цистикола бѣгаетъ необыкновенно скоро, такъ что ее можно принять за мышъ; подстрѣленные старыя птицы такъ хорошо умѣютъ спрятаться, что ихъ невозможно отыскать. Гансманъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что цистикола имѣетъ что то схожее съ крапивникомъ, глубоко заползаетъ въ траву и камышъ и такъ упорно держится своей засады, что только, сильно толкнувъ ногой камышъ, можно заставить ее выбраться изъ него. Въ противоположность камышевкамъ, съ которыми она въ запуски лазаешь вверхъ и внизъ по стебелькамъ тростника, цистикола движется только по небольшому пространству, и даже, спугнутая изъ своего убѣжища, никогда не отлетаетъ далѣе, какъ на нѣсколько метровъ. Вышеупомянутый крикъ, который въ Мурціи доставилъ цистиколѣ названіе «Тинтинъ», а въ Алжирѣ названіе—«Пинпинъ» есть пѣснь самца; кромѣ этихъ звуковъ слышится еще иногда слабый, короткій свистъ, выражающій испугъ, и тихое чириканье, служащее выраженіемъ нѣжности. Въ минуты гнѣва самецъ испускаетъ мягкое «вюит» или болѣе короткое «вит вит», особенно если ссорится съ другими самцами своего вида.

Всевозможные маленькіе жучки, двукрылыя, гусеницы, улитки и тому подобныя маленькія животныя составляютъ пищу цистиколы. Она собираетъ ихъ по большей части съ листьевъ травы или хлѣбныхъ растений, нѣкоторыхъ же находитъ прямо на землѣ.

Гнѣздо, которое намъ удалось видѣть нѣсколько разъ, было впервые вѣрно

описано Сави. «Замѣчательныя способъ», говоритъ этотъ наблюдатель, «посредствомъ котораго птичка соединяетъ листья, окружающіе гнѣздо, и придаетъ его стѣнкамъ необыкновенную прочность. Вдоль края каждаго листочка она продѣлываетъ рядъ маленькихъ отверстій, которыя потомъ соединяетъ посредствомъ одной или нѣсколькихъ нитокъ. Эти нитки сдѣланы изъ паутины или растительнаго пуха разной толщины и не очень длинны, такъ какъ онѣ не обходятъ болѣе двухъ разъ отъ одного листочка къ другому. Кое гдѣ онѣ рассучены, а въ иныхъ мѣстахъ раздѣлены на два или три пучка. Внутренность гнѣзда выложена преимущественно растительнымъ пухомъ и немногія волокна паутины, которыя попадаютъ въ ней, служатъ, очевидно, только для соединенія прочихъ матеріаловъ. Наружныя и внутреннія стѣнки на бокахъ и на верхней части гнѣзда непосредственно касаются одна другой; въ нижней-же части между ними находится еще болѣе или менѣе толстый слой жесткихъ листочковъ и цвѣточныхъ лепестковъ, который утолщаетъ стѣнки нижней части гнѣзда, куда кладутся яйца. Въ верхней трети стѣны продѣлывается круглое входное отверстіе. Вся постройка имѣетъ видъ продолговатаго или яйце-виднаго кошелька, всегда расположена посреди кустиковъ травы, осоки или камыша, на высотѣ 15 см. надъ землею, и пришита къ поддерживающимъ ея листьямъ; другіе листья, подвернутые подъ гнѣздо, играютъ роль пружинъ. Такимъ образомъ эти, сами по себѣ, тонкіе стебли и листья даютъ гнѣзду достаточную прочность, чтобы сопротивляться самымъ сильнымъ бурямъ». Всѣ, найденныя нами гнѣзда, соотвѣтствовали предшествующему описанію. Но Гейглинъ познакомился въ Египтѣ съ гнѣздами другого вида, устроенными среди финиковыхъ и терновыхъ кустовъ. Гнѣзда эти были расположены между прилистниками и листьями, окружены и оплетены шипами, листьями и травой; постройка ихъ не очень плотная и они выложены внутри шерстью, волосами и перьями.

До сихъ поръ думали, что строителемъ гнѣзда является самка, но, благодаря наблюденіямъ Тристрама, подтвержденныхъ Жердономъ, мы узнали, что самецъ беретъ на себя большую часть работы. Какъ только главное дѣло сдѣлано и дно гнѣзда готово, самка начинаетъ нестись и, когда кладка кончена, садится на яйца. Пока она сидитъ, самецъ цѣлыми днями старательно выводитъ стѣнки и зашиваетъ листья. «Мнѣ посчастливилось», говоритъ Тристрамъ, «открыть только что начатое гнѣздо цистиколы; ежедневно я проходилъ мимо него и такимъ образомъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца наблюдалъ за птицами. Когда положено было первое яйцо, вся постройка еще была совершенно прозрачна и войлокообразныя стѣнки едва достигали 2 см. вышины; въ теченіи всего періода высиживания самецъ продолжалъ постройку гнѣзда, такъ что ко времени вылупленія птенцовъ оно было уже въ три раза выше и достаточно прочно». Яйца бываютъ, повидимому, очень различныхъ цвѣтовъ и рисунковъ. Въ Испаніи мы однажды нашли гнѣздо съ пятью яйцами чисто голубого цвѣта; другіе наблюдатели видѣли яйца нѣжно-розовато-бѣлыя, со множествомъ бурыхъ крапинокъ и пятенъ. Случается, что яйца имѣютъ по голубовато-зеленому фону, часто или рѣдко расположенныя, большія или малыя, кирпичевыя или кирпичныя, черновато-бурныя или черныя пятна и точки. Встрѣчались наконецъ яйца, у которыхъ по бѣловато-зеленому фону были расположены или грязно-красныя или красно-бурныя, отчасти полинялыя пятна, или по чисто-бѣлому—ярко-красныя. Въ Индіи, по словамъ Уайтса, яйца бываютъ бѣлыя или нѣжно-зеленоватыя съ ярко-пурпурными пятнами. Оба родителя нѣжно любятъ своихъ дѣтенышей. Самецъ, при приближеніи человѣка, пренебрегая всякою опасностью, кружится съ жалобнымъ крикомъ около нарушителя ихъ покоя въ продолженіи цѣлой четверти часа. Когда, наконецъ, птенцы благополучно вылетѣли изъ гнѣзда, то семья представляетъ

чрезвычайно привлекательное зрѣлище. Все общество взапуски прыгаетъ, шмыгаетъ и бѣгаетъ по травѣ и злакамъ, или порхаетъ надъ ними, а когда случится, что одинъ изъ родителей поймаетъ насѣкомое, то вся дѣтвора, высоко приподнявъ свои хвостики, съ уморительною поспѣшностью набрасывается на кормильца, такъ какъ каждый хочетъ быть первымъ. При приближеніи малѣйшей опасности мать съ дѣтенышами исчезаетъ, между тѣмъ какъ самецъ тотчасъ поднимается на воздухъ, гдѣ начинаетъ описывать свои обычные круги. По наблюденіямъ Сави, цистикола выводитъ птенцовъ три раза въ годъ; первый разъ въ апрѣлѣ, второй въ іюнѣ, третій разъ въ августѣ. Мы находили гнѣзда въ маѣ, іюнѣ и іюлѣ, послѣ чего начиналось линянье и съ нимъ наступалъ конецъ періоду размноженія.

Мы употребляли не мало усилій для поймки цистиколы живою. Соловьиные силки оказались недѣйствительными, а петли, которыми мы тщательно окружали входное отверстіе гнѣзда, были удаляемы искусной птичкой безъ всякаго для себя вреда.

* * *

Портники (*Orthotomus. Schneidervogel. Orthotome.*) отличаются вытянутымъ туловищемъ; клювъ длинный, слабый, прямой, у основанія широкій, къ концу заостренный: ноги сильныя, высокія, но пальцы на нихъ короткія; крылья короткія, слабыя, сильно закругленныя, пятое или шестое маховое перо длиннѣе другихъ; хвостъ, состоящій изъ узкихъ, короткихъ перьевъ, сильно закругленъ или ступенчатъ. Опереніе гладкое, только около клюва замѣтно нѣсколько щетинокъ. Цвѣтъ перьевъ довольно яркій, верхняя часть тѣла обыкновенно зеленая, темя же, по большей части, ржаво-краснаго цвѣта.

Портника длиннохвостая (*Orthotomus bennetii, lingoo, sphenurus, sutorius, ruficapillus, longicaudus, Sylvia ruficapilla, и guzurata, Malurus lungicaudus, Sutoria agilis. Schneidervogel. Orthotome couturière*) на верхней части тѣла желтовато-оливково-зеленаго цвѣта, темя ржаво-красное, затылокъ сѣровато-краснаго цвѣта, брюшко бѣлое, бока блѣдно-сѣрые; маховыя перья оливково-бурыя съ сѣро-бурой каймой, рулевыя перья коричневыя, съ сѣрымъ налетомъ, самыя крайнія на концѣ бѣлыя. У самцовъ оба среднихъ пера хвоста удлиняются въ сравненіи съ прочими; у самки хвостъ просто закругленъ. Длина равняется 7 см., а у самки 13 см., длина крыла 5, а хвоста у самца 9, а у самки 5 см.

Портники встрѣчаются во всѣхъ мѣстностяхъ, не лишенныхъ деревьевъ, начиная съ самаго Гиммалая, на высотѣ 1300 м. надъ уровнемъ моря, до южной оконечности Индійскаго полуострова, на Цейлонѣ и въ Бирмѣ; въ этой послѣдней онѣ водятся, по словамъ Дависона, только въ сѣверной половинѣ; по свидѣтельству же Уайтса и дальше, въ Сіамѣ и въ южномъ Китаѣ. Она населяетъ цвѣточныя и фруктовые сады, живыя изгороди, тростники и лѣса, въ которыхъ деревья не очень высоки; живетъ она парами, иногда небольшими семьями, безостановочно прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку, испуская поминутно свой громкій призывной крикъ, въ которомъ слышится звукъ «туви» или «претти претти». Она очень доврчива и охотно держится вблизи домовъ, но становится осторожной, когда видитъ, что за ней наблюдаютъ, и пугливой, когда ее преслѣдуютъ.

Пища состоитъ изъ различныхъ насѣкомыхъ, но преимущественно изъ муравьевъ, цикадъ, гусеницъ, и т. д. которыхъ она снимаетъ съ коры деревьевъ или съ листьевъ, а иногда и съ земли. При прыганьи или во время ѣды она имѣетъ обыкновеніе приподнимать хвостъ и нахлываться.

Гнѣзда, найденныя Хуттономъ, были очень изящны и состояли изъ хлопка,

травяниковаго пуха и обрывковъ шерстинокъ; всё эти матеріалы были плотно со-
тканы вмѣстѣ; гнѣзда внутри выложены конскимъ волосомъ и привѣшаны между
двумя листьями къ вѣткѣ амальфы. Листья были сначала сложены другъ на друга
во всю длину, а въ этомъ положеніи съ узкаго конца до половины сшиты крѣп-
кой ниткой, ссученной самой птицей изъ хлопчатой бумаги, такъ что входное от-
верстіе, въ верхней части гнѣзда, между черешками листьевъ, оставалось свобод-
нымъ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ они соединялись съ вѣткой. Другое гнѣздо ви-

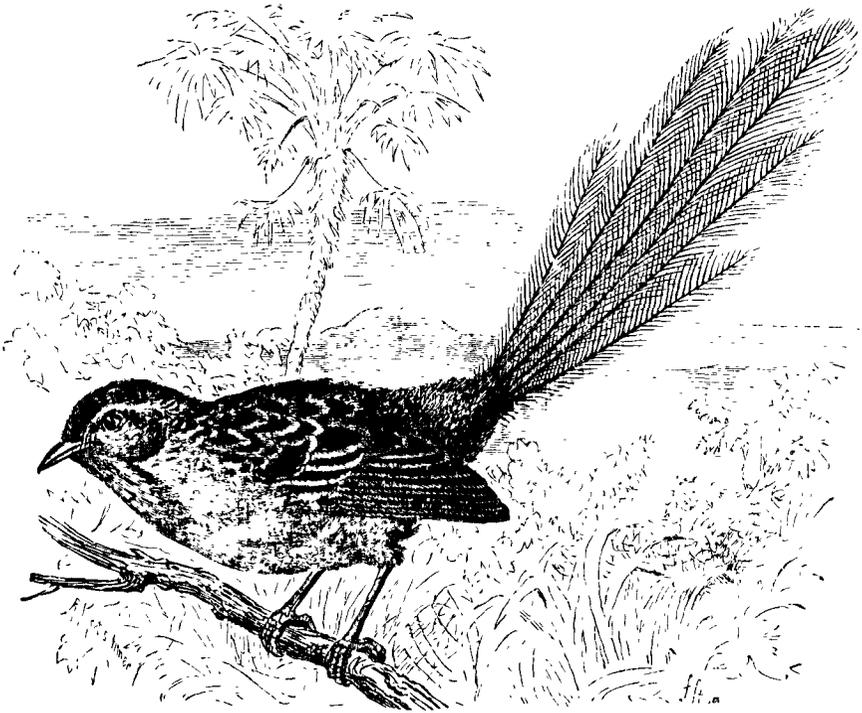
Длиннохвостая портниха *Orthotomus bennettii*. 2^я наст. нел.

сѣло на кончикѣ вѣтки, около 60 см. надъ землею и было свито изъ тѣхъ-же ма-
теріаловъ, какъ и первое. Листья были кое-гдѣ сшиты толстыми нитками, свитыми
самой птицей, и тонкими ниточками, очевидно гдѣ-нибудь ею подобранными. Всё
остальные гнѣзда, осмотрѣнные Хуттономъ, походили на вышеописанныя; они бы-
ли сооружены изъ хлопка и овечьей шерсти, лошадиного волоса и волоконъ раз-
ныхъ растений, имѣли видъ мѣшка и помѣщались между двумя, сшитыми между
собою листьями. Никольсонъ, который въ садахъ, богато орошаемыхъ водою, на-
ходилъ во всякое время года гнѣзда портнихи, думаетъ, что она предпочитаетъ
листья бринчала (*Solanum esculentum*) или одного вида тыквъ (*Cucurbita octangu-*

laris). Съ помощью клюва и ногъ птица соединяетъ края листьевъ, прокалываетъ ихъ своимъ клювомъ, въ которомъ держитъ нитку собственной работы или гдѣ-нибудь ею найденную; когда листья приняли надлежащее положеніе, она принимается за внутреннюю часть гнѣзда. Кладка состоитъ изъ 3—4 яицъ, которыя по бѣлому (а по словамъ Уайтса красноватому и зеленовато-голубому) фону покрыты, особенно у тонкаго конца, красно-бурыми пятнами. По мнѣнію Уайтса періодъ размноженія продолжается отъ мая до августа.

* * *

Мягкохвостка Австралійская (*Stipiturus malachurus*, *Muscicapa malachura*, *Malurus malachurus* и *palustris*. Emuschlöpfer. Malachure) служитъ представителемъ

Австралійская мягкохвостка. *Stipiturus malachurus*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

особаго рода птицъ того-же наименованія, отличается своеобразнымъ строеніемъ хвоста, состоящаго только изъ шести рулевыхъ перьевъ съ расщепленными бородами, которыя у самца чрезвычайно развиты. Верхняя часть тѣла коричневая, съ черными долевыми полосами; верхушка головы ржаво-красная, горло блѣдно-сѣрое, остальная нижняя сторона ярко-красная; маховыя перья темно-бурыя съ красно-бурой каймой; рулевыя перья темно-бурыя; глаза красновато-бурые, клювъ и ноги коричневые. У самки по теменю проходятъ темныя полоски, а горловая область красная, а не сѣрая. Длина 17 см., длина крыла 6, а хвоста 9 см.

Жизнь этой птицы, хорошо извѣстной всѣмъ жителямъ Австраліи, довольно обстоятельно описана Гульдомъ и Рамзаемъ. Мягкохвостка австралійская живетъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ южной Австраліи, отъ Моретонскаго залива на восточномъ берегу до Лебяжьей рѣки на западномъ берегу, такъ-же какъ и въ Тасманіи. Всюду, гдѣ она водится, ее можно встрѣтить въ большомъ количествѣ. Она живетъ обыкновенно

парами или небольшими семьями, всегда у самой земли, среди густыхъ пучковъ травы, въ которую такъ хорошо умѣетъ запрягаться, что ее рѣдко можно увидѣть. Ея короткія, круглыя крылья совсѣмъ не приспособлены для летанья, а когда трава мокра отъ росы и дождя, то она и вовсе не можетъ употребить ихъ въ дѣло. Поэтому она почти никогда не летаетъ, а возлагаетъ всю надежду на быстроту своихъ ногъ. Чрезвычайно проворная и подвижная, прыткая и ловкая во всѣхъ движеніяхъ, она также быстро носится по землѣ, какъ и порхаетъ и прыгаетъ между стебельковъ травы; необыкновенная легкость, съ какой она извивается и поворачивается на бѣгу, дѣлаютъ тщетнымъ почти всякое преслѣдованіе. Когда наконецъ погоня уже слишкомъ близка, она мгновенно исчезаетъ, благодаря своему умѣнью прятаться. Летаетъ портниха только въ случаѣ крайней необходимости: если попробовать ее спугнуть, она немного пролетитъ надъ самыми верхушками травъ и потомъ вдругъ бросается съ высоты внизъ. Иногда она садится на верхушку стебелька, чтобы оттуда обозрѣть свое мѣстожительство. Сидя спокойно, она поднимаетъ хвостъ кверху, а при случаѣ даже загибаетъ его на спину впередъ, но при скоромъ бѣгѣ она держитъ его горизонтально. Въ пору любви самецъ издаетъ короткое, но пріятное щебетанье; призывной звукъ его—тихое чириканье.

Рамзай однажды въ концѣ сентября нашелъ совершенно случайно гнѣздо мягкохвостки, послѣ долгихъ и тщательныхъ наблюдений за этой, весьма обыкновенной въ той мѣстности, птичкой. Оно было чрезвычайно искусно спрятано въ кустики травы и имѣло яйцевидную форму; входное отверстіе было такъ велико, а углубленіе такъ незначительно, что яйца, при сильномъ движеніи, должны были неминуемо изъ него выкатиться. Оно состояло снаружи изъ корешковъ, внутри изъ тонкихъ стеблей и обложено было слоемъ мха; свито было оно рѣдко, даже непрочное; лежація въ немъ три яичка были густо покрыты по чисто-бѣлому фону мелкими ярко-красными точками, которыя особенно сгущались къ толстому концу. Самка сидѣла очень усердно и, спугнутая съ мѣста, тотчасъ возвращалась къ нему опять.

Тималии въ тѣсномъ смыслѣ слова (*Timeliinae*. *Timalien*) отличаются плотнымъ тѣлосложеніемъ, сравнительно толстымъ, сдавленнымъ съ боковъ клювомъ, верхняя часть котораго нѣсколько загнута, и короткими круглыми крыльями, въ которыхъ маховыя перья отъ пятого до восьмого, или отъ четвертаго до седьмого—длиннѣе другихъ; хвостъ средней длины, болѣе или менѣе округленъ, рулевыя перья широкія; опереніе большею частью темное и рыхлое.

Различные виды этого подсемейства населяютъ южную Азію, Новую Гвинею, Африку и Америку и особенно многочисленны въ Индіи.

Они во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ дроздовъ, а въ другихъ сорокопутовъ, соекъ и пѣночекъ; населяютъ они по большей части кустарники и молодыя поросли высокоствольныхъ лѣсовъ, а также и тростниковыя чащи; они очень общественны, хотя не собираются слишкомъ большими стаями, чрезвычайно подвижны и почти всѣ очень голосисты. Встрѣчаются между ними и хорошіе пѣвцы, но большая часть ихъ отличается болѣе умѣньемъ проскальзывать среди самыхъ густыхъ кустовъ, чѣмъ голосомъ. Летаютъ они не особенно хорошо, такъ что только немногіе виды поднимаются до верхушекъ высокихъ деревьевъ. Пища состоитъ изъ маленькихъ позвоночныхъ животныхъ, насѣкомыхъ, улитокъ, червей и т. п., но также изъ плодовъ и въ особенности ягодъ, которыми изобилуютъ лѣса ихъ родины.

Представителемъ подсемейства можно считать родъ **Тималій** или **Дроздовъ горюновъ** (*Timelia. Schwazdrozseln*). Отличительные признаки ихъ слѣдующіе: толстый, на верхушкѣ согнутый, а съ боковъ сильно сжатый клювъ, сильныя ноги съ длинными задними пальцами и крѣпкими когтями, короткія крылья, на которыхъ пятое и шестое маховыя перья самыя длинныя, не очень длинный округленный внизу хвостъ и очень замѣтныя щетинки вокругъ основанія клюва.

Тималія бурая (*Timelia pileata, Napolis pileata. Rotköpfchentimalia. Timalia à carap rouge*). Темя ярко-красновато-бураго цвѣта, остальная верхняя часть тѣла буровато-сѣрая, крылья и хвостъ нѣсколько темнѣе, уздечка черная, полоска надъ нею и щеки бѣлыя, нижняя часть тѣла блѣдно-коричневая, шея и грудь съ боковъ сѣрыя; на зобу идутъ черныя тонкія черточки, глаза мутно-красныя, клювъ черный, ноги цвѣта сырого мяса. Общая длина 18 см., длина крыла 6,2, а хвоста 7,2 см.

Гарсфильдъ открылъ бурую тималію на Явѣ; позднѣйшіе наблюдатели находили ее и на Индійскомъ полуостровѣ. Здѣсь, по словамъ Уайтса, она распространена по равнинамъ и холмамъ, вдоль всего Гиммалайскаго хребта, начиная отъ Непала, дальше на востокъ, также по большей части Бенгаліи и отсюда на востокъ и югъ черезъ Бирму до средняго Теннасерима. На Малайскомъ полуостровѣ ее никто не видалъ. Гарсфильдъ даетъ намъ короткое жизнеописаніе этой птицы, и обращаетъ особое вниманіе на то, что пѣніе самца состоитъ только изъ пяти нотъ: до, ре, ми, фа, соль, которыя чрезвычайно правильно повторяются въ короткихъ промежуткахъ. Бернштейнъ сообщаетъ болѣе подробныя свѣдѣнія: «Бурая тималія» говоритъ онъ, «живетъ парами въ чащѣ густого кустарника, окружающаго лѣса или растущаго на мѣстахъ прежнихъ лѣсовъ, и предпочитаетъ холмистыя мѣстности равнинъ. Въ этихъ чащѣ птица почти не показывается, почему и легко совсѣмъ не замѣтить ее. Только рано утромъ можно довольно часто видѣть, какъ она, сидя на выдающейся изъ за кустовъ вѣткѣ, сушить и приводить въ порядокъ свои мокрыя отъ росы перышки. Самецъ любитъ тоже, въ то время, какъ самка сидитъ на яйцахъ, на такой-же отдѣльной вѣткѣ распѣвать свою простую пѣсенку. При этомъ онъ небрежно опускаетъ крылья и мало заботится объ окружающемъ. Въ возбужденномъ-же состояніи, или когда замѣтитъ подозрительный предметъ, птица топорщитъ перья на темени и мало-по-малу, какъ-бы толчками, распускаетъ свой хвостъ. Призывной голосъ ея нѣсколько напоминаетъ голосъ нашего полевого воробья.

«Гнѣздо находятъ въ самомъ густомъ кустарникѣ не высоко надъ землей, обыкновенно близъ того мѣста, гдѣ чаще всего видѣли покоящаго самца. Оно напоминаетъ внѣшнимъ своимъ видомъ гнѣздо камышевки, почти такъ-же глубоко, но отличается отъ него непрочностью постройки. Обыкновенно оно сверху открыто, но иногда верхъ его бываетъ наискось срезанъ, а отверстіе находится сбоку.

«Всѣ найденныя мною гнѣзда состояли единственно изъ листьевъ алангъ-аланга, съ той только разницей, что листья, образующіе внутреннюю подстилку, были гораздо нѣжнѣе и лучше сплетены между собою, чѣмъ тѣ, которые употреблялись для его наружныхъ стѣнокъ. Вообще гнѣздо свито неплотно и непрочное, такъ что, при неосторожномъ прикосновеніи, легко распадается или, по крайней мѣрѣ, теряетъ свою форму. Каждое гнѣздо содержитъ въ себѣ два, рѣдко три яйца, которыя по бѣлому, матовому фону покрыты многочисленными, болѣе или менѣе яркими красно-бурыми пятнами и точками, особенно частыми и большими у тупого конца, гдѣ иногда сливаются въ видъ вѣнка. Среди этихъ красновато-бурыхъ пятенъ попадаются, осо-

бенно около тупого конца, пепельно-сѣрыя пятна, только они рѣже и глубже первыхъ, т. е. болѣе углубляются въ скорлупу, почему и не такъ замѣтны».

* * *

На Гиммалайскихъ горахъ и примыкающихъ къ нимъ съ востока горныхъ хребтахъ живутъ нѣкоторые виды своеобразныхъ птицъ, которыхъ зовутъ **Солнечными птицами** или **Китайскими соловьями** (*Liothrix. Sonnenvögel*). Клювъ у нихъ короткій, на хребтѣ слегка загнутый, у основанія онъ широкъ, къ концу нѣсколько сжать, съ боковъ расщепленъ; верхняя челюсть клюва слегка загибается надъ нижней; ноги не очень высокія, крылья, на которыхъ пятое и шестое маховыя перья особенно удлиняются, сръзаны тупо; хвостъ средней длины и слегка раздвоенъ; опереніе гладко прилегающее и пестрое.

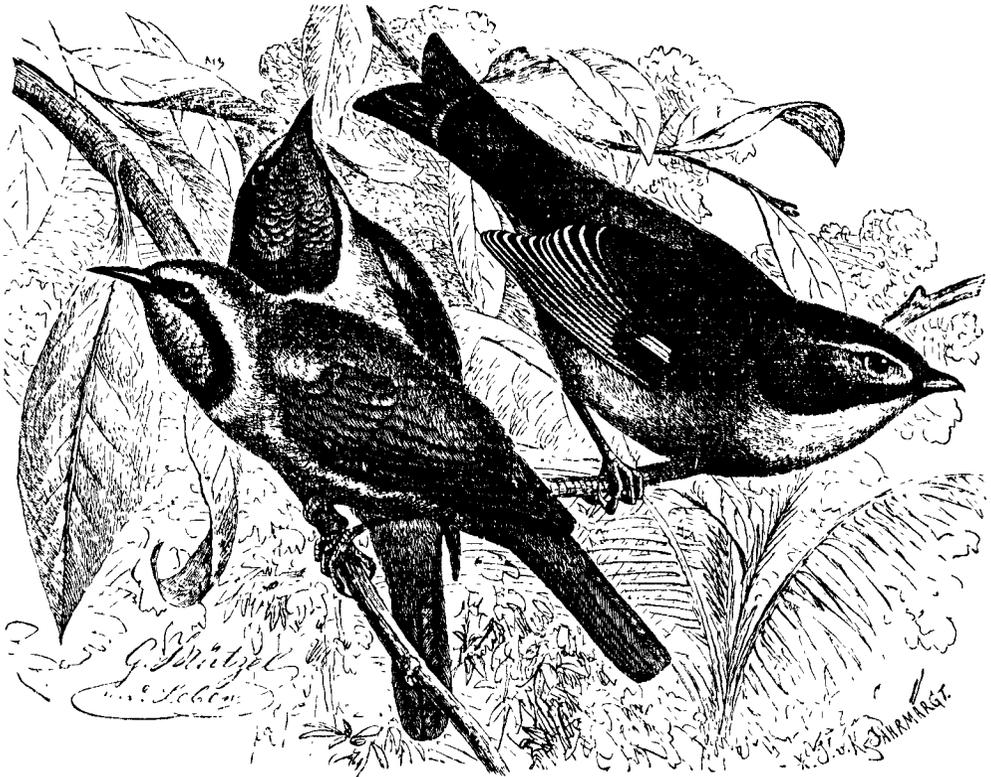
Такъ какъ мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній о жизни китайскихъ соловьевъ на волѣ, то я ограничусь описаніемъ только самаго извѣстнаго вида этого рода.

Желтый китайскій соловей (*Liothrix luteus, Sylvia lutea, Tanagra sinensis, Parus furcatus, Bahila calipuga. Pekingnachtigall. Leiothrix bigarré*). Верхняя часть тѣла оливково-сѣро-бурая, съ зеленовато-желтымъ отливомъ на темени; свѣтло-сѣрая ушная область ограничена снизу у челюстнаго угла темно-сѣрой полосой; уздечка блѣдно-желтая, горло блѣдно-оранжевое, зобъ темно-оранжеваго цвѣта, грудь и середина брюшка желтовато-бѣлыя, бока сѣровато-бурые; маховыя перья черныя, наружныя бородки ихъ ярко-оранжевыя, а у основанія перья эти имѣютъ черную кайму; малыя маховыя перья у корня, а переднія изъ нихъ и на концѣ снаружи окаймлены ярко-оранжевой полоской; заднія малыя маховыя перья снаружи ржаво-бурыя; бурыя рулевыя перья по краямъ и на концѣ, а оба среднихъ только на концѣ, но зато шире, окаймлены чернымъ цвѣтомъ; самыя длинныя кроющія перья хвоста красно-бурыя съ тускло-бѣлой, къ серединѣ болѣе темной каймой. Глаза каріе; ярко-красный клювъ у основанія черный; ноги желтаго цвѣта. Длина 16 см., длина крыла 7,5, а хвоста 7, см.

Эта красивая, изящная и привлекательная птица населяетъ горную полосу Гиммалаевъ, возвышающуюся надъ уровнемъ моря на 1500—3000 м., и примыкающія къ ней въ восточномъ направленіи горы до юго-запада и юга Китая. Здѣсь служатъ ей убѣжищемъ густо растущій кустарникъ и бамбукъ, образующіе болѣе или менѣе непроходимыя чащи. Бодрыя и подвижныя, но большею частью недовѣрчивыя птицы обыкновенно скрываются въ чащѣ, откуда, цѣлыми семействами, летаютъ по своимъ владѣніямъ для добыванія пищи. Онѣ питаются различными насѣкомыми, во всѣхъ періодахъ ихъ развитія, а также и плодами, почками и цвѣтами. Арманъ Давидъ, одинъ изъ немногихъ наблюдателей, доставившихъ намъ свѣдѣнія о жизни на свободѣ китайскаго соловья, сравниваетъ пѣніе самца съ чуднымъ голосомъ нашего соловья. Я не согласенъ съ этимъ, но долженъ однако сказать, что съ удовольствіемъ слушалъ жившихъ въ клеткѣ птицъ этого вида; пѣніе ихъ имѣетъ всегда веселый оттѣнокъ и очень приятно для слуха, хотя собственно состоитъ только изъ частаго повторенія и слиянія слоговъ: «дѣ-ди-дидеда-дидели», къ которому иногда присоединяется еще нѣжное: «вириви». Общій обоимъ поламъ призывной голосъ есть довольно громкое трещаніе или скрипѣніе. Но веселость и подвижность этихъ птицъ еще привлекательнѣе ея, хоть и хорошенькой, но простенькой пѣсенки. Хотя онѣ въ этомъ отношеніи замѣтно отстаютъ отъ синицъ, но превосходятъ большую часть пѣвчихъ птицъ и очень забавляютъ своей привычкой кувиркаться какъ во время полета, такъ и сидя на вѣткѣ. Жердонъ сообщаетъ, что онѣ охотно живутъ груп-

нами въ 5—6 штукъ, но очень пугливы и искусно умѣютъ скрыться отъ наблюдательныхъ глазъ.

Гнѣздо состоитъ изъ стеблей, листьевъ, корешковъ, мха, волоконъ растений и т. п. веществъ; кладка обыкновенно—изъ трехъ голубовато-бѣлыхъ яицъ съ рѣдкими пурпуровыми или розовыми крапинками или пятнами. Въ Индіи и Китаѣ желтаго китайскаго соловья охотно держатъ въ клѣткѣ ради его красоты, подвижности, спокойнаго нрава, непритязательности и долговѣчности. Последнее время ихъ въ возрастающемъ количествѣ стали привозить живыми и въ Европу. При надлежащемъ уходѣ они въ неволѣ скоро становятся очень ручными, усердно

Золотолобая листовка. *Phyllornis aurifrons*. Желтый китайскій соловей. *Liothrix luteus*.
 $\frac{1}{2}$ наст. вел.

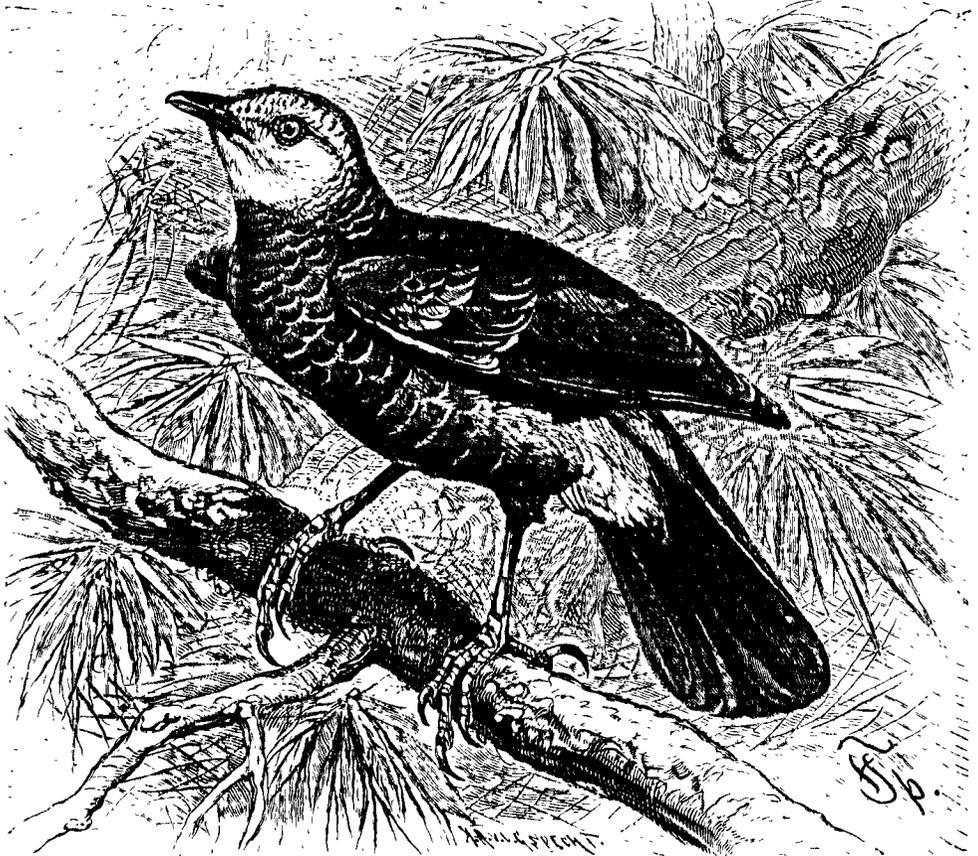
поютъ, плодятся, легко переносятъ линянье и соединяютъ такимъ образомъ почти всѣ качества превосходныхъ комнатныхъ пѣвчихъ птицъ.

* *
*

Абиссиніе дрозды (*Crateropus Droslinge*, *Crateropes*), живущіе въ Африкѣ и юго-западной Азіи, отличаются толстымъ и короткимъ туловищемъ, крѣпкимъ и длиннымъ, съ боковъ сжатымъ, а въ концѣ загнутымъ клювомъ; средней длины ноги сильны, крѣпкіе пальцы снабжены кривыми острыми когтями; на короткихъ крыльяхъ четвертое маховое перо длиннѣе другихъ. Хвостъ довольно длинный, но съ боковъ укороченъ, перья на немъ широкия; опереніе густое, но жесткое.

Бѣлолицый абиссинскій дроздъ (*Crateropus leucopygius* и *limbatus*, *Ixos leuco-*

pygius. Drossling. Craterope d'Abyssinie) Верхняя часть тела темно-коричневая; малыя перья и хвостъ еще темнѣе; на нижней части тела перья нѣсколько свѣтлѣе и оканчиваются узкой бѣлой каймой; голова до затылка и до середины горла, надхвостье, задъ и нижнія покровныя перья хвоста бѣлыя; внутренняя кайма всѣхъ маховыхъ перьевъ и нижнія покровныя перья крыльевъ ржаво-красныя; глаза темно-красныя; клювъ черный, ноги сѣрыя. Длина тела 26 см., размахъ крыльевъ 36 см., длина крыла 12, а хвоста 11 см. Самка нѣсколько меньше самца. У дѣтенышей темя голубовато-сѣрое, а перья на спинѣ окаймлены болѣе свѣтлыми полосками.

Бѣлолицый Абиссинскій дроздь. *Crateropus leucopygius*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Бѣлолицый дроздь живетъ въ лѣсахъ Абиссиніи, поросшихъ густымъ кустарникомъ, а близкій ему родичъ въ лѣсахъ южнаго Судана; послѣдній предпочитаетъ равнины, между тѣмъ какъ первый — житель гористой полосы между 1000 и 2600 м. высоты надъ уровнемъ моря. По образу жизни оба вида весьма схожи между собою. Они умѣютъ обратить на себя вниманіе и оживить лѣсъ своимъ присутствіемъ. Едва ли можно найти гдѣ-либо птицъ красивѣе этихъ дроздовъ. Эти странныя созданія никогда не живутъ по одиночкѣ; они обыкновенно держатся стаями въ 8—12 штукъ вмѣстѣ. Всѣ члены маленькаго общества движутся, летаютъ и ѣдятъ въ одно и то же время и одинаковымъ образомъ: они всѣ вмѣстѣ покидаютъ свой кустъ и летятъ, тѣсно сомкнувшись, къ другому кусту; здѣсь они раздѣляются, начинаютъ проскальзывать и пробираться сквозь листву по всѣмъ направленіямъ, потомъ собираются

на другомъ концѣ, громко кричатъ и несутся дальше. Имъ нравится только самый густой кустарникъ; на высокія деревья они садятся только мимоходомъ.

Постоянное изслѣдованіе самыхъ сокровенныхъ мѣстъ въ лѣсу даетъ имъ возможность узнавать множество интересныхъ вещей, которыя опять служатъ поводомъ къ новому крику. Стоитъ одному дрозду начать, чтобы другіе тотчасъ принялись ему весело вторить, а тотъ, который раньше кончилъ, начинаетъ опять сначала. Не знаешь, сердиться или радоваться, глядя на эту птицу? Охотниковъ, по крайней мѣрѣ, она очень сердитъ, вспугивая сосѣднюю дичь. Но при этомъ онѣ такъ забавны, такъ веселы и оригинальны, что невольно миришься съ ихъ недостатками. Крикъ ихъ неблагозвученъ и не особенно разнообразенъ, но его трудно описать словами. Я напрасно старался съ карандашемъ въ рукахъ изобразить его слогами въ записной книжкѣ. Ближе всѣхъ подходятъ къ нему слѣдующіе звуки: «гарегара, гарэ-гюгэк; гара-гара, гарэ-гарэ; гагак», (глухо, но громко), «тара, таар, тарут». Произносятся эти звуки быстро одинъ за другимъ и повторяются иногда отъ 6 до 8 разъ сряду. Если-бы каждая птица кричала отдѣльно, то не было-бы такъ трудно разобрать настоящей ихъ голосъ, но вся стая кричитъ заразъ, причемъ одна птица старается перекричать другую.

Абиссинскій дроздъ летаетъ плохо, почему никогда ни поднимается на значительную высоту. Даже въ случаѣ опасности онъ не рѣшается пролетать значительныя разстоянія, а всегда ищетъ убѣжища въ кустарникѣ. Во время полета они сильно и быстро машутъ крыльями, широко распуская ихъ и въ особенности хвостъ, и парятъ такимъ образомъ по воздуху довольно долго. Въ ихъ желудкѣ я находилъ остатки насѣкомыхъ, но также и почки, листья и цвѣты.

О размноженіи ихъ я ничего сказать не могу

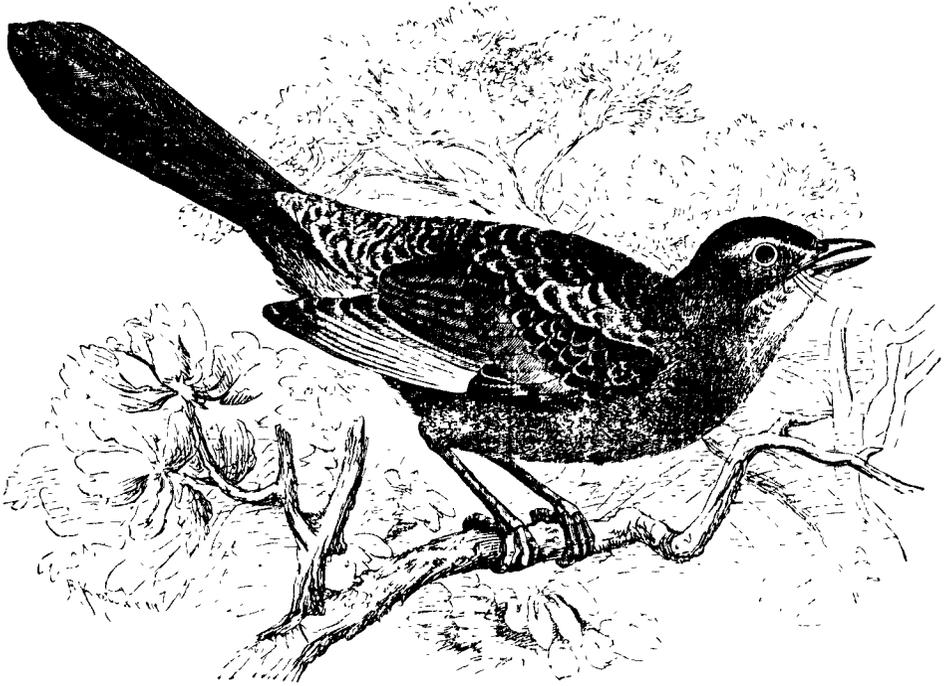
* *
* *
* *

Другой видъ этого подсемейства есть **Птица кошка** (*Crateropus carolinensis* *Galeoscoptes*, *Muscicapa*, *Turdus*, *Orpheus* и *Mimus carolinensis*, *Katzenvogel*, *Craterope de la Caroline*), которая какъ-то залетала на Гельголандъ и потому считается нѣмецкой птицей. Отличительные признаки ея слѣдующіе: слабый, болѣе, высокій, чѣмъ широкій клювъ, который съ половины нѣсколько изогнутъ, а на самомъ кончикѣ значительно загнутъ книзу; средней длины ноги съ короткими пальцами, покрытыя спереди поперечными щитками, которыя сливаются вмѣстѣ. Крылья короткія и закругленныя, четвертое и пятое маховыя перья въ нихъ длиннѣе другихъ, и наконецъ хвостъ довольно длинный, состоящій изъ перьевъ равной между собою ширины, къ концу они постепенно расширяются и закругляются подъ тупымъ угломъ. Длина птицы-кошки равняется 22 см., размахъ крыльевъ 30, длина крыла 9, а хвоста 10 см. Опереніе по большей части аспидно-сѣрое, но середина брюшка нѣсколько свѣтлѣе, на темени и затылкѣ черное; нижнія покровныя перья хвоста темно-красовато-каштановыя; маховыя перья черно-коричневыя, внутри окаймлены бѣловатымъ цвѣтомъ; перья хвоста черныя, но оба крайнихъ оканчиваются узкой сѣрой каймой. Рескъ глаза коричневый, клювъ черный, ноги темно-коричневыя.

Птица-кошка населяетъ всѣ сѣверныя Соединенныя Штаты отъ озера Винипегъ до самой Флориды, и посѣщаетъ зимою среднюю Америку, Вестъ-Индію и Багамскіе острова. Съ самаго февраля она предпринимаетъ свой обратный путь и появляется въ это время во Флоридѣ, Георгіи и Каролинѣ; не торопясь летитъ дальше и появляется къ апрѣлю въ Виргиніи и Пенсильваніи; наконецъ между

первымъ и десятымъ маемъ прибываетъ въ Новую Англiю, гдѣ и поселяется на лѣто среди кустарниковъ и плодовыхъ садовъ.

Образомъ жизни и нравомъ птица-кошка напоминаетъ пересмѣшника; она такъ же жива, безпокойна, любопытна и драчлива; только въ пѣніи она значительно уступаетъ пересмѣшнику, хотя нужно сказать, что пѣніе нѣкоторыхъ самцовъ достигаетъ довольно большого богатства переливовъ. Особенно замѣчательна ея подражательная способность, которая, какъ говорятъ, чрезвычайно забавна; вслѣдствіе этой способности и пѣніе ея измѣняется смотря по мѣстности и по пѣвцамъ, населяющимъ ее. Въ то время, напримѣръ, какъ одна птица этого вида передаетъ намъ цѣлыя строфы изъ пѣсни лучшихъ пѣвчихъ птицъ, другая довольствуется точной передачей свиста куропатки, клохтанья насѣдки и писка цыплятъ, или случайно

Птица кошка. *Crateropus carolinensis*. $\frac{3}{16}$ наст. вел.

услышанныхъ ею, крикливыхъ, скрипучихъ и хриплыхъ звуковъ, къ которымъ прилетаетъ строфы своего собственнаго голоса; изъ всего этого образуется странное пѣніе, не всегда, правда, одобряемое знатоками, но всегда забавное и увеселяющее слушателя. Мѣстное свое названіе она получила отъ туземцевъ вѣроятно потому, что иногда подражаетъ мяуканію кошки.

Смотря по времени наступленія лѣта въ разныхъ мѣстностяхъ, птица-кошка начинаетъ вить свое гнѣздо раньше или позже. Для этого она выбираетъ самую густоту лѣсной чащи или скрытый кустарникъ и строитъ здѣсь на высотѣ отъ 2—3 м. надъ землею свое грубое гнѣздо, состоящее изъ тонкихъ вѣтокъ, сѣна, сухихъ листьевъ, кусочковъ коры и змѣиной кожи, бумаги и тряпокъ; внутри оно выложено тонкими корешками; въ это гнѣздо кладетъ она отъ 4—5 блестящихъ темно-смагдово-зеленыхъ яицъ, 24 м.м. длины и 17 м.м. толщины, и высиживаетъ ихъ съ величайшею заботливостью. Самка и самецъ сидятъ на яйцахъ попеременно. Съ тѣмъ-же единодушiемъ посвящаютъ себя оба родителя заботѣ о корм-

леніи и воспитаніи своихъ птенцовъ, выказываютъ, въ виду врага, большое мужество: смѣло нападаютъ на опасныхъ хищныхъ животныхъ, даже иногда на человѣка, причѣмъ жалобно кричатъ, пищатъ и почти всегда обращаютъ въ бѣгство разрушителя своего спокойствія. За первой кладкой слѣдуетъ вторая, а въ благопріятные годы и третья.

Такъ какъ птица-кошка питается тѣми-жи веществами, какъ и пересмѣшники, то ее легко содержать въ неволѣ; взятая прямо изъ гнѣзда очень маленькой, она становится, если уходъ хорошъ, чрезвычайно ласковой и ручной комнатной птицей, привлекающей всѣхъ красотой своихъ движеній и прелестью нрава.

* * *

Молотильщикъ (*Pomatorhinus rufus*, *Harporhynchus*, *Turdus* и *Mimus rufus*. Drescher. *Moqueur roux*.) служитъ представителемъ особаго рода и отличается загнутымъ клювомъ безъ зазубринъ, имѣющимъ длину головы или еще больше. Ноги сильныя, плюсна почти равняется по длинѣ среднему пальцу; крылья короткія, сильно закругленныя, четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя; хвостъ узкій, длинный и сильно ступенчатый. Длина равняется 27 см., размахъ крыльевъ 32 см., длина крыла 11, а хвоста 13 см. Вся верхняя часть тѣла, крылья и хвостъ ярко-ржаво-краснаго цвѣта, уздечка и брови, стороны головы и шея такъ-же, какъ и нижнія части тѣла, ржаво-желтовато-бѣлыя; на головѣ груди и бокахъ видны треугольныя пятна коричневаго цвѣта, зависяція отъ цвѣта стержня, на внутренней сторонѣ маховыхъ перьевъ видны темно-коричнево-ржавыя каймы. Малыя маховыя перья и большія верхнія покровныя перья крыльевъ имѣютъ на концахъ бѣлую кайму, надъ которой вкось проходитъ еще темная кайма; крайнія рулевыя перья на концахъ блѣдно-ржаво-желтаго цвѣта. Раекъ глаза сѣро-желтаго цвѣта, клювъ темно-бурый, нижняя часть свѣтло-коричневая, ноги желто-бурыя.

Начиная съ береговъ Атлантическаго океана до Скалистыхъ горъ и отъ Американскихъ англійскихъ владѣній до Техаса — вездѣ встрѣчается молотильщикъ, который тоже залетаетъ и на Гельголандъ; но не вездѣ водится онъ въ одинаковомъ количествѣ; напротивъ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ очень много этихъ птицъ, а въ другихъ онъ совсѣмъ почти никому неизвѣстенъ. Въ Новой Англій и на сѣверѣ своей области распространенія молотильщикъ появляется въ маѣ, остается цѣлое лѣто и улетаетъ въ сентябрѣ, чтобы перезимовать на югѣ или даже въ Виргиніи. На родинѣ каждая парочка строго ограничиваетъ свои владѣнія и ревниво защищаетъ ихъ отъ вторженія сосѣдей, хотя въ случаѣ общей опасности зоветъ ихъ на помощь. Призывъ этотъ всегда бываетъ слышанъ и сосѣди общими силами принимаютъ за изгнаніе врага. Нельзя не замѣтить эту птицу въ той мѣстности, гдѣ она водится, такъ какъ она обладаетъ всею живостью и подвижностью своихъ близкихъ родичей. Летаеть она плохо, почему держится преимущественно на землѣ, гдѣ отыскиваетъ себѣ пищу, переворачивая упавшіе листья и перерывая всѣ норки; для отдыха же или въ случаѣ опасности прячется въ ближайшіе кусты. Молотильщика можно узнать издали по своеобразнымъ движеніямъ крыльевъ и хвоста; такъ, на примѣръ, онъ то подымаетъ и опускаетъ, то раскрываетъ и складываетъ свой хвостъ. Американцы высоко цѣнятъ его пѣніе, которое дѣйствительно очень громкое, благозвучное и разнообразное, но, по моему, оно не можетъ все-таки соперничать съ пѣніемъ нашихъ дроздовъ, а тѣмъ болѣе съ пѣніемъ пересмѣшника. Подражать-же чужому голосу молотильщикъ не рѣшается.

Въ Южныхъ Штатахъ эта птица кладется въ первый разъ уже въ мартѣ, въ

Пенсильваніи не раньше мая, въ Новой Англии только въ концѣ этого мѣсяца. Гнѣздо расположено на такомъ-же мѣстѣ и почти на той-же высотѣ, какъ у птицы-кошки; оно очень велико и грубо построено, но внутри выложено довольно заботливо. Кладка состоитъ обыкновенно изъ 4, иногда изъ 5, рѣдко изъ 6 яицъ, 27 м.м. длины и 21 м.м. ширины; яйца эти по бѣлому или свѣтло-зеленому фону покрыты маленькими, красновато-бурыми пятнами, которыя къ толстому концу становятся гуще и образуютъ кольцо. Оба родителя попеременно сидятъ на яйцахъ, оба посвящаютъ себя воспитанію выдупившихся птенцовъ и вообще оба защищаютъ свое гнѣздо, какъ это дѣлаетъ птица-кошка. Одинъ изъ родителей, преимущественно самецъ, бываетъ постоянно на сторожѣ, чтобъ какъ-нибудь не пропустить врага; но когда дѣло идетъ о серьезной опасности, оба родителя соединяютъ всѣ свои силы для лучшаго устраненія ея и прибѣгаютъ тогда къ самымъ трогательнымъ звукамъ, выражающимъ жалобу, просьбу, мольбу и угрозу, чѣмъ такъ умѣютъ разжалобить даже самаго грубаго человѣка, что онъ не рѣшается причинить вредъ ихъ потомству. Дѣтеныши оставляютъ гнѣздо еще не вполне оперившимися и подъ заботливой охраной родителей скрываются, до достиженія возмужалости, среди густыхъ кустовъ. Вынутые молодыми изъ гнѣзда и вскормленные заботливой рукой, они становятся такъ ручны, что нѣтъ надобности запираить ихъ въ клетку, такъ какъ они никогда не пользуются данной имъ свободой, чтобъ улетѣть отъ хозяина и даже часто сопровождаютъ его на прогулкахъ по полю и саду.

Синицы. (Paridae. Meisen. Mésanges) составляютъ довольно строго ограниченное семейство. Клювъ у нихъ конусообразный, прямой и короткій, на концѣ закругленный, по бокамъ сплюснутый съ острыми краями; ноги крѣпкія и толстыя, пальцы средней величины и сильны; когти относительно длинны и сильно изогнуты; крылья, въ которыхъ четвертое и пятое маховыя перья длиннѣе другихъ, коротки и закруглены; хвостъ въ большинствѣ случаевъ коротокъ и прямо обрѣзанъ или только слегка вырѣзанъ, иногда же длиненъ и сильно ступенчатъ; опереніе густое, мягкое и яркой окраски.

Это семейство распространено по всему сѣверу земного шара, но встрѣчается также и въ предѣлахъ Восточной, Эфиопской и Австралійской областей. Нѣкоторые изъ принадлежащихъ сюда видовъ причисляются къ перелетнымъ, другіе къ осѣдлымъ или кочующимъ птицамъ, которыя въ извѣстное время странствуютъ большими стаями, но никогда не предпринимаютъ очень большихъ путешествій и живутъ всегда въ очень ограниченномъ округѣ. Лѣсъ—обыкновенное мѣсто ихъ жительства и охоты, потому что почти всѣ виды живутъ исключительно на деревьяхъ и кустахъ и только немногіе предпочитаютъ тростникъ кустарникамъ. Они соединяются не только съ подобными себѣ, но и съ другими видами ихъ семейства, при случаѣ даже съ другими птицами, въ обществѣ которыхъ онѣ могутъ оставаться цѣлыми днями и недѣлями.

Образъ жизни ихъ очень интересенъ. Онѣ принадлежатъ къ самымъ веселымъ и подвижнымъ птицамъ, какія только извѣстны людямъ. Цѣлый день онѣ не знаютъ ни минуты покоя и постоянно заняты дѣломъ. Онѣ перелетаютъ съ дерева на дерево и безостановочно лазаютъ по вѣткамъ, потому что вся ихъ жизнь въ сущности есть ничто иное, какъ непрерывная охота. Онѣ очень разносторонне одарены. На землѣ онѣ конечно очень неловки и потому никогда не остаются на ней долго, а скорѣе стараются взобраться опять на свои вѣтки. Здѣсь онѣ прыгаютъ туда и сюда, ловко свѣшиваются внизъ, умѣютъ въ самыхъ разнообразныхъ поло-

женіяхъ не только удержаться, но даже и работать; лазаютъ очень хорошо и выказываютъ себя необыкновенно искусными въ пролѣзаніи черезъ густо сплетенныя вѣтви. Полетъ ихъ шумный, дугообразный и на видъ очень напряженный; большинство видовъ рѣдко летаетъ далеко, обыкновенно только съ дерева на дерево. Ихъ голосъ—пискливое щебетанье, которое нѣсколько напоминаетъ пискъ мышей и звучитъ непрерывно, повидимому, безъ всякихъ побужденій.

Нѣкоторыя синицы поѣдаютъ, вмѣстѣ съ насѣкомыми, и сѣмена, большинство же придерживается исключительно только животной пищи и охотится предпочтительно за мелкими видами, и всего болѣе за личинками и яичками. Именно это и составляетъ причину пользы синицъ для процвѣтанія нашихъ садовыхъ деревьевъ. Синицы, вслѣдствіе своей крайней подвижности, нуждаются въ относительно очень большомъ количествѣ пищи. Онѣ самыя лучшія истребительницы насѣкомыхъ, живущія у насъ. Немногія другія птицы обладаютъ такимъ искусствомъ основательнѣйшимъ образомъ обыскать извѣстный районъ и найти самыхъ запрятаныхъ насѣкомыхъ. Отъ такихъ подвижныхъ и неутомимыхъ, ловкихъ и чуткихъ существъ, какъ онѣ, мало что можетъ скрыться. Онѣ лучшія охранительницы лѣса, потому что всегда остаются въ опредѣленномъ округѣ и во всякое время года бываютъ вѣрны своему призванію. Польза, которую онѣ приносятъ—неисчислима. Я думаю, что можно безъ преувеличенія сказать, что одна синица въ продолженіи своей жизни уничтожаетъ среднимъ числомъ ежедневно до тысячи насѣкомыхъ. Между этими послѣдними есть вѣроятно такія, которыя не приносятъ никакого вреда нашимъ деревьямъ; но большинство яичекъ, которыя выбираютъ и истребляютъ синицы, принадлежатъ къ такимъ насѣкомымъ, дѣятельность которыхъ очень вредна. Поэтому всякій разумный человѣкъ долженъ всѣми силами стараться не только оберегать столь полезныхъ птицъ, но даже и заботиться о нихъ, устраивать имъ жилища въ лѣсахъ, оставляя старыя пустыя деревья или вѣшая ящички для вывода птенцовъ. Наибольшее зло, отъ котораго страдаютъ нѣмецкія синицы, это недостатокъ жилищъ. Зло это, если не будутъ противъ него приняты мѣры, можетъ все возрасти и окажется болѣе вреднымъ для всѣхъ этихъ полезныхъ птицъ, чѣмъ всѣ ихъ враги, вмѣстѣ взятые, включая и человѣка. Къ счастью для лѣса, онѣ сильно размножаются, потому что кладутъ обыкновенно яйца два раза въ годъ и каждый разъ отъ 7—12 яицъ. Многочисленное ихъ потомство уже на слѣдующую весну становится способнымъ къ размноженію. Многія синицы очень занимательны въ клѣткахъ. Онѣ скоро привыкаютъ къ неволѣ, но рѣдко совсѣмъ приручаются. Ихъ нельзя запирать съ другими птицами, потому что онѣ нападаютъ и на болѣе крупныхъ птицъ, вѣлиаются имъ въ спину, убиваютъ ихъ ударами клюва, разламываютъ черепъ и съѣдаютъ мозгъ своихъ жертвъ съ такою-же жадностью, какъ хищная птица пожираетъ свою жертву.

Лѣсная синица (*Parus. Waldmeisen*) отличаются крѣпкимъ конусообразнымъ, сжатымъ съ боковъ клювомъ, который спереди заостренъ, но не слишкомъ тонокъ, крѣпкими ногами съ большими толстыми когтями, короткими и широкими крыльями, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя, довольно длиннымъ, слабо округленнымъ или слегка вырѣзаннымъ хвостомъ и густымъ, блестящимъ, часто великолѣпно окрашеннымъ и пестрымъ опереніемъ. Полы почти не отличаются другъ отъ друга; дѣтеныши похожи на мать.

Самый извѣстный видъ этого семейства есть **Большая синица, Кузнечикъ, Обыкновенная и Простая синица, Желтый Слѣпухъ, Зинька, Зиньзиверъ** (*Parus major*,

fringilago, robustus, cyanotos и intercedens. Kohlmeise. Charbonnière), которая встрѣчается вездѣ и считается самымъ большимъ видомъ всего семейства и въ особенности лѣсныхъ синицъ. Верхняя часть тѣла оливково-зеленая, нижняя блѣдно-желтая; верхъ головы, горло, и книзу суживающаяся полоска, проходящая по всей нижней части тѣла—черные; такого же цвѣта и другая дугообразная полоса, идущая отъ зоба къ задней части головы; маховыя и рулевныя перья сѣровато-голубыя; бока головы и полоса надъ крыльями бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный; ноги свинцово-сѣраго цвѣта. У самки краска блѣднѣе и грудная полоска короче. У молодыхъ птицъ краски еще блѣднѣе. Длина тѣла 16 см., размахъ крыльевъ 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см.

Начиная съ 65 градуса сѣверной широты, большая синица встрѣчается во всѣхъ странахъ Европы, но не вездѣ въ одинаковомъ количествѣ; въ южныхъ странахъ она то тамъ, то сямъ появляется только зимою; она водится тоже и въ сѣверо-западной Африкѣ и на Канарскихъ островахъ, а, по словамъ Вальтера, и на Сѣверѣ Персіи; но совершенно отсутствуетъ въ Закаспійской области. Въ Германіи эти синицы показываются вездѣ и во всякое время года, но особенно многочисленны весной и осенью, когда родившіеся на сѣверѣ птенцы уже выросли и пролетаютъ черезъ Германію по пути въ теплыя страны; однако-же въ послѣднее время большихъ синицъ появляется уже гораздо меньше, чѣмъ въ прежніе годы, такъ какъ ни одинъ видъ птицъ этого семейства не уменьшается такимъ замѣтнымъ образомъ, какъ большая синица. Пока еще ее можно встрѣтить во всякомъ лѣсу или большомъ саду, но съ каждымъ годомъ ей все труднѣе найти себѣ пристанище, почему она и избѣгаетъ, по неволѣ, близость человѣческихъ жилищъ, гдѣ прежде селилась такъ-же часто, какъ и въ лѣсу. Въ концѣ сентября она начинаетъ свои путешествія, а въ началѣ октября уже всѣ синицы собираются въ стаи для отлета. Около этого времени, преимущественно въ пасмурные дни, можно видѣть цѣлыя стаи удаляющихся отъ насъ большихъ синицъ, подъ предводительствомъ пестраго дятла; онѣ летятъ большею частью по извѣстному направленію, въ сообществѣ другихъ синицъ, древолазовъ и королекъ. Въ мартѣ путешественники возвращаются, а въ апрѣлѣ уже раздѣляются на пары.

Обыкновенная или большая синица соединяетъ въ себѣ почти всѣ качества птицъ своего семейства. Она такая же живая и веселая, неспокойная и неутомимая, любопытная, дѣятельная, мужественная и драчливая птица, какъ и всѣ остальные синицы. «Очень рѣдко можно видѣть» говоритъ Науманъ, «чтобы обыкновенная синица нѣсколько минутъ спокойно сидѣла на одномъ мѣстѣ или была-бы въ дурномъ расположеніи духа. Всегда веселая и бодрая, она безостановочно скачетъ и лазаетъ по вѣткамъ деревьевъ, кустовъ, живыхъ изгородей и заборовъ, прицѣпляется то тамъ, то сямъ къ стволамъ деревьевъ или качается, внизъ головой, на тонкомъ концѣ гибкой вѣтки, проползаетъ сквозъ пустой стволъ или быстро проскальзываетъ сквозъ щели и дыры. Все это продѣлываетъ она во всевозможныхъ положеніяхъ, съ различными ужимками и, съ доходящей до смѣшного живостью и быстротой. Однако несмотря на свое чрезвычайное любопытство, на тотъ интересъ, съ которымъ она осматриваетъ все встрѣтившееся на дорогѣ, изслѣдуетъ и выстукиваетъ, синица эта никогда не дѣйствуетъ необдуманно; напротивъ того, во всѣхъ ея дѣйствіяхъ выказывается высокая степень обдуманности. Она не только осторожно умѣетъ избѣгать всякое преслѣдованіе, но искусно обходитъ то мѣсто, гдѣ съ ней случилась непріятность, хотя она по своей натурѣ вовсе не робка. У нея, такъ сказать, по глазамъ видно, что она лукавая, шаловливая птица: у нея чрезвычайно хитрый взглядъ».

Насколько возможно, обыкновенная синица держится почти всегда на вѣтвяхъ деревьевъ; она весьма рѣдко спускается на землю, а также неохотно пролетаетъ большія пространства, такъ какъ полеть ея, хотя лучше, чѣмъ у другихъ синицъ, но все-же довольно тяжелый и неуклюжій. Ея голосъ обыкновенное «цитт» или «зитт», къ которому, въ минуты опасности, присоединяется «терррр»; въ случаѣ испуга этимъ звукамъ предшествуетъ еще: «пик, пик»; нѣжныя чувства выражаются слогами: «вюди, вюди». Пѣніе простое, но не непріятное.

«Звуки ея пѣнія», говоритъ Науманъ, «звучатъ какъ колокольчики, вродѣ: «стити сицциди» или «зитиди зитиди». Нѣмецкіе крестьяне переводятъ эти звуки словами: «Sitz ich hoch, so flick den Pelz» *). Несмотря на свою общительность, синица выказываетъ большую неуживчивость и даже злость по отношенію къ болѣе слабымъ, чѣмъ она, созданьямъ. Чрезвычайно трусливая въ минуты опасности, она ведетъ себя, какъ безумная, при видѣ хищной птицы, и страшно пугается, когда услышитъ громкій звукъ или увидитъ подброшенную къ ней-нибудь вверхъ лягушку, воображая, что это летитъ соколъ; сама же яростно бросается на каждую слабѣйшую птичку и убиваетъ ее, если только можетъ. На слабымъ и больныхъ птицъ, даже своего вида, синицы нападаютъ немилосердно и преслѣдуютъ, пока тѣ не испустятъ духъ. Синица бросается даже на большихъ птицъ; подкрадывается къ нимъ сзади, какъ замѣтилъ это еще Бехштейнъ, впускаетъ свои острые когти въ грудь или спину и долбитъ своимъ крѣпкимъ клювомъ голову несчастной жертвы, пока не обнажится мозгъ, который служитъ ей лучшимъ лакомствомъ. Всѣ эти дурныя качества усиливаются, повидимому, въ неволѣ, однако очень замѣтны и у птицъ, живущихъ на волѣ, такъ что испанское ея имя «Guerrero» т. е. воинъ или забіяка, отлично подобрано.

Главную пищу большой синицы составляютъ насѣкомыя, ихъ яйца и личинки; мясо же, сѣмена и плоды служатъ ей лакомствомъ. Она, повидимому, ненасытна, такъ какъ ѣсть съ утра до ночи и когда уже не въ состояніи съѣсть насѣкомое, то по крайней мѣрѣ убиваетъ его. Она сумѣетъ овладѣть даже самой скрытой добычей; когда она не можетъ тотчасъ получить желаемого, синица, на манеръ дятловъ стучитъ клювомъ вокругъ намѣченного ею мѣста, пока кусокъ коры не отсколитъ и тѣмъ откроется ей доступъ къ скрывавшемуся насѣкомому. Въ крайнемъ случаѣ она прибѣгаетъ къ хитрости; такимъ образомъ она умѣетъ зимою добыть себѣ пчелъ изъ ульевъ. «Она подходитъ», описываетъ Ленцъ, «къ летнымъ отверстиямъ, стучится въ нихъ клювомъ, какъ стучатся обыкновенно въ дверь. Внутри улья подымается жужжаніе и вскорѣ одна или нѣсколько обитательницъ его выступаютъ наружу, чтобъ прогнать своими уколами нарушителя спокойствія. Но этотъ послѣдній тотчасъ схватываетъ отважнаго защитника крѣпости, летитъ съ нимъ на сучокъ и, придерживая ногами, распарываетъ животь клювомъ и съ величайшею жадностью съѣдаетъ его внутренности, а жесткую оболочку бросаетъ, послѣ чего снова отправляется за добычею. Между тѣмъ пчелы, испуганныя холодомъ, уже успѣли удалиться во внутренность улья. Но синица снова стучится, снова выступаетъ защитникъ, котораго опять похищаютъ и съѣдаютъ, и дѣло продолжается такимъ образомъ со дня на день, съ утра до поздней ночи». Когда зимою свѣжуютъ свинью, синица уже тутъ-какъ-тутъ, и старается урвать возможно большій кусокъ мяса. Всякую пищу она предварительно рветъ на мелкіе куски, придерживая, подобно воронамъ, свою добычу ногами; она раздробляетъ ее своимъ клювомъ и съѣдаетъ ма-

*. Если я сижу высоко, то чини шубу (т е готовься къ холоду).

ленькими кусочками. При этомъ она ужасно суетится и дѣятельность ея представляетъ весьма привлекательное зрѣлище. Если пищи у нея уже слишкомъ много, она припрятываетъ часть ея про черный день.

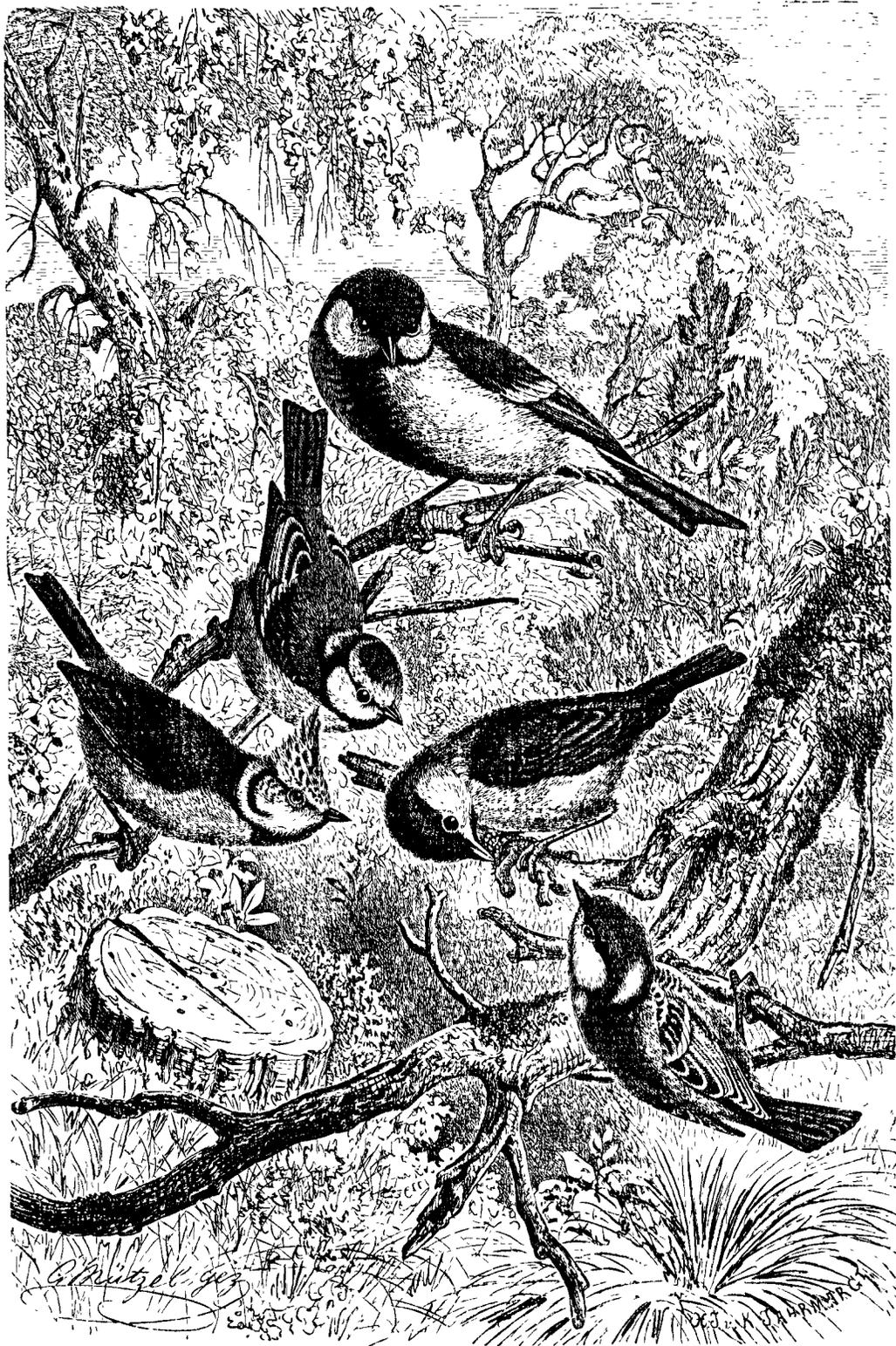
Большая синица строить гнѣзда или у самой земли или высоко на верхушкѣ дерева, но всегда у какого-нибудь углубленія. Она предпочитаетъ дупла деревьевъ, но не пренебрегаетъ и отверстіями въ стѣнахъ и заброшенными бѣличьими, сорочьими и вороньими гнѣздами, такъ какъ, вслѣдствіе недостатка помѣщеній, она пользуется всякимъ удобнымъ мѣстомъ для устройства своего гнѣзда. Постройка сама весьма не искусна. Сухіе стебли, корешки и немного мха образуютъ основаніе гнѣзда; волосы, шерсть, щетина и перья—его стѣнки и обивку. Кладка состоитъ изъ 8—14 очень хрупкихъ яицъ, которыя при 18 м.м. длины и 13 м.м. толщины покрыты по блестящему бѣлому фону тонкими и толстыми точками. Оба супруга сидятъ попеременно и оба самоотверженно выкармливаютъ свое многочисленное потомство, водятъ его съ собою долгое время послѣ оперенія и заботливо обучаютъ всѣмъ тонкостямъ ремесла. Въ хорошее лѣто большая синица кладется два раза.

Поймать синицъ нетрудно, вслѣдствіе ихъ врожденнаго любопытства: конечно, однажды попавшюся въ сѣть синицу не такъ-то легко провести во второй разъ. Къ комнатѣ онѣ привыкаютъ немедленно; по крайней мѣрѣ, ведутъ себя, какъ будто всегда тутъ жили, пользуются всякимъ удобнымъ мѣстомъ для сидѣнья, перерываютъ и изслѣдуютъ всѣ вещи, ловятъ мухъ и ѣдятъ безъ лишннихъ церемоній всякую предложенную имъ пищу; но совсѣмъ ручными онѣ становятся не такъ скоро, а должны, прежде чѣмъ довѣриться челоуѣку, убѣдиться въ добрыхъ его намѣреніяхъ. Ихъ живость, бодрость и веселость духа радуютъ всякаго, но онѣ сильно недоѣдаютъ тѣмъ, что безпрестанно дотрогиваются до всякой домашней утвари, изслѣдуютъ всякій уголь, всякій ящикъ въ шкапахъ, пачкаютъ вездѣ и отличаются страшною драчливостью и кровожадностью.

Лазоревка, Синій слѣпухъ, Синяя синица (*Parus coeruleus*, *coeruleus* и *coerulescens*, *Cyanistis coeruleus*. *Vlaume'se*. *Mésange à tête bleue*) на верхней части тѣла голубовато-зеленая; голова, крылья и хвостъ голубыя; брюшко желтое. Бѣлая полоса, идущая отъ лба къ затылку, ограничиваетъ темное темя; узкая темно-синяя уздечка отдѣляетъ темя отъ бѣлыхъ щекъ и голубоватый ошейникъ ограничиваетъ щеки снизу. Маховыя перья аспидно-черныя, заднія небесно-голубого цвѣта на наружной бородкѣ и бѣлыя на концѣ, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуются полоски; рулевыя перья сѣровато-голубыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, а на расщеплахъ грязно-бѣлый; ноги—свинцово-сѣрыя. Самка не такъ красива, какъ самецъ; молодыя птицы отличаются болѣе блѣдными красками. Длина достигаетъ 11,8 см., размахъ крыльевъ 19,6 см., длина крыла 9, а хвоста 5,5 см.

Область распространенія лазоревки обнимаетъ всю Европу, гдѣ только сохранились лѣса, Малую Азію, Персію и западную Сибирь; здѣсь, какъ и въ средней и восточной Россіи, къ ней присоединяется синица еще крупнѣе и красивѣе, именно **Князекъ** (*Parus cyanus*, *elegans*, *saebiensis* и *knjasiensk*, *Cyanistes cyanus*. *Lazurmeise*. *Mésange bleue*), у которой голова и нижняя часть тѣла бѣлыя, верхняя часть тѣла свѣтло-голубая, а лазоревато-голубыя крылья украшены бѣлой поперечной полосой и бѣлыми концами маховыхъ перьевъ.

Для жительства своего лазоревка выбираетъ преимущественно лиственные лѣса, древесныя заросли и фруктовые сады; въ хвойныхъ лѣсахъ она попадаетъ рѣдко, особенно лѣтомъ; въ лиственныхъ-же водится въ большомъ количествѣ.

СИНИЦЫ.

1) Большая синица. 2) Лазорка. 3) Гренадерка. 4) Болотная синица. 5) Московка.

5

Весною онѣ живутъ парами, лѣтомъ семействами, осенью стаями, которыя сообща предпринимаютъ болѣе или менѣе далекія путешествія. При этомъ, по словамъ Наумана, онѣ пролетаютъ черезъ лѣса, сады и рощи, даже если изъ за того приходится дѣлать большіе повороты къ югу или западу. Тутъ - то легко видѣть, по ихъ постояннымъ остановкамъ на пути, какъ неохотно перелетаютъ онѣ большія пространства по открытому мѣсту. Долго прыгаетъ безпокойное общество съ громкимъ крикомъ, взадъ и впередъ по вѣтвямъ послѣдняго дерева. Наконецъ нѣсколько птицъ поднимаются въ воздухъ, какъ-бы съ намѣреніемъ продолжать свое путешествіе, но видя, что другія не рѣшаются послѣдовать ихъ зову, возвращаются назадъ; другія повторяютъ ту-же пробу, пока наконецъ дѣйствительно всѣ поднимаются съ мѣста, и тогда даже отсталыя спѣшатъ присоединиться къ остальному обществу. Чтобы ихъ подразнить, стоитъ испустить сильный рѣзкій крикъ и подбросить при этомъ вверхъ шляпу или что-нибудь другое, или даже бросить въ нихъ камнемъ. Въ то-же мгновеніе онѣ съ высоты падаютъ обратно на только что оставленное дерево или кусты и та-же игра начинается сначала. Это поведеніе объясняется безграничнымъ страхомъ синицъ передъ хищными птицами. По этой-же причинѣ онѣ страшно пугаются всякаго пролетѣвшаго голубя и каждой другой большой птицы, которыхъ принимаютъ въ страхъ за ястреба; онѣ очень хорошо знаютъ, что вслѣдствіе своего плохого полета, легко могутъ сдѣлаться добычей хищника. Когда имъ все-таки приходится летѣть по открытому мѣсту, то онѣ такъ высоко поднимаются на воздухъ, что ихъ почти не видно, а только слышится сверху ихъ призывной крикъ». Тѣ-же лазоревки, которыя предпринимаютъ правильные перелеты, долетаютъ до юга Европы, а именно до Испаніи, гдѣ встрѣчаются онѣ вездѣ, даже въ продолженіи зимы, но возвращаются въ мартѣ въ сѣверныя страны. Многія совершаютъ только перелеты взадъ и впередъ по ограниченному пространству, другія удаляются отъ своего мѣстожительства только настолько это необходимо для добыванія своей насущной пищи, такъ что ихъ ежедневно можно встрѣтить на небольшомъ пространствѣ. Эти послѣднія соединяются часто съ пищухами и большими синицами (рѣдко съ другими видами синицъ), съ которыми совершаютъ свои ежедневные перелеты и дѣлать горести и радости».

По своему образу жизни и поведенію лазоревка напоминаетъ обыкновенную синицу, только въ маломъ видѣ. Она такъ-же дѣятельна, ловка, искусна, весела, смѣла, почти такъ-же любопытна, такъ-же зла, задорна и свирѣпа, какъ послѣдняя. «Будь у нея побольше силы», говоритъ Науманъ, «она вѣрно-бы вступила въ драку съ большими птицами, такъ какъ въ гнѣвѣ она наноситъ сильныя удары клювомъ, клюетъ своего противника немилосердно и имѣетъ тогда, наохливъ свои перья, весьма озлобленный видъ».

Вслѣдствіе своей боязни передъ хищными птицами, лазоревка очень осторожна, и тотчасъ при появленіи какого-нибудь врага испускаетъ свой сторожевой крикъ, который весьма понятенъ для всѣхъ мелкихъ пташекъ, и призываетъ ихъ къ осторожности. Ея обыкновенный голосъ, шипящее «ситъ» всѣхъ синицъ, слышится поминутно, прерываемое иногда звуками: «ци тере тэ тэ» и «цити тэ тэ тэ», при чемъ совершенно невозможно понять, что она этимъ выражаетъ. Въ страхъ она кричитъ: «ци стере тете», во время перелета издаетъ жалобное «тэ, тэ тэ»; но настоящей ея призывной голосъ, которымъ она зоветъ другихъ птицъ, звонкій свистъ вродѣ: «тчи-тчи», звучное или глухое: «ци ци, цир» или «ци, ги ги». Пѣніе весьма незначительное и состоитъ изъ тѣхъ-же часто повторяющихся звуковъ. Пища та-же, что у большинства синицъ, только лазоревка не любитъ никакихъ сѣмянъ, а питается преимущественно насѣкомыми.

Гнѣзда строятся большею частью въ дуплѣ, рѣже въ отверстіи стѣны, въ старомъ сороочьемъ и бѣльчьемъ гнѣздѣ, почти всегда довольно высоко надъ землею, но дупло раньше углубляется птицею. Для пріобрѣтенія удобныхъ углубленій, которыя очень цѣнять и другія птицы, лазоревка борется упорно и храбро, такъ что почти всегда завоевываетъ себѣ мѣстожителство, вполне соответствующее ея вкусу. Собственно гнѣздо, величина котораго соответствуетъ величинѣ дупла, состоитъ только большею частью изъ немногихъ перьевъ и волосъ. Кладка состоитъ изъ 8—10 маленькихъ хрупкихъ яицъ, 15 мм. длины, 11 мм. толщины, покрытыхъ по чисто-бѣлому фону ржаво-красными крапинками. Въ началѣ періода размноженія самецъ старается странными тѣлодвиженіями пріобрѣсти расположеніе самки. «Безъ устали проскакиваетъ онъ между вѣтокъ дерева», говоритъ Науманъ, «качаясь на самыхъ тонкихъ концахъ ихъ, заигрываетъ со своей подругой, наконецъ перепархиваетъ съ высоты одного дерева къ другому, часто отстоящему отъ перваго на 40 шаговъ; при этомъ онъ почти не шевелитъ распростертыми крыльями, но такъ взъерошиваетъ всѣ свои перья на тѣлѣ, что кажется гораздо больше и толще, чѣмъ въ дѣйствительности и становится почти неузнаваемъ. Его слабыя крылья не позволяютъ ему держаться долго въ воздухѣ на высотѣ, поэтому онъ поминутно опускается книзу. Подобное пареніе вовсе не свойственно синицамъ, почему и обращаетъ на себя общее вниманіе. Самецъ и самка поочередно сидятъ на яйцахъ и сообща выкармливаютъ своихъ дѣтенышей. Первый выводокъ оставляетъ гнѣздо въ серединѣ мая, второй въ концѣ юля или въ началѣ августа.

Враги у лазоревки тѣ-же, какъ и у обыкновенной синицы.

У Московки, которую также зовутъ Малой и Черной синицей, Маховушной и Чернымъ слѣпухомъ (*Parus ater, carbonarius, abietum, pinetorum* и *britannicus*, *Poesile atra*. *Tannenmeise. Petite charbonnière*) голова и шея до затылка, подбородокъ и горло черныя, щеки, бока шеи и широкая пососа на задней части шеи бѣлыя, остальные части тѣла и наружныя каймы темно-коричневыхъ маховыхъ и рулевыхъ перьевъ—пепельно-сѣрыя, самыя большія и среднія покровныя перья крыльевъ украшены на концахъ двумя рядами бѣлыхъ пятенъ; нижняя часть тѣла грязно-бѣлая, бока коричневатыя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 11 см., размахъ крыльевъ 18 см., длина крыла 6, а хвоста 5 см.

Живущая въ Великобританіи малая синица, которую Дрессеръ возводитъ въ отдѣльный видъ, (*Parus britannicus*), отличается отъ московки единственно тѣмъ, что верхняя часть тѣла у нея не сѣрая, а оливково-зеленая.

Московка водится во всѣхъ странахъ Европы, начиная съ крайняго сѣвера, также въ Азіи, отъ Ливана до Амура, и даже въ Японіи. Въ Германіи она появляется еще во всѣхъ удобныхъ ей мѣстностяхъ, но не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ прежде, такъ какъ и ей теперь становится трудно найти мѣсто для устройства своего гнѣзда. Ея обычное мѣстожителство сосновый лѣсъ; «но въ немъ», какъ замѣчаетъ очень вѣрно Либс, «лѣсничіе не оставляютъ ни одной дуплистой сосны или ели и заботятся о томъ, чтобы ни одно большое дерево не служило жилищемъ дятламъ или синицамъ. Вслѣдствіе этого сократилось и время пребыванія у насъ московки: не много позже большой синицы, а именно въ серединѣ октября начинается она уже свое странствованіе. При этомъ она преимущественно пролетаетъ по хвойнымъ лѣсамъ, но посѣщаетъ тоже и лиственные лѣса и огороженные фруктовые сады, можетъ быть ради сообщества другихъ птицъ, къ которымъ она любитъ примыкать. Вообще нужно замѣтить, что московки, хохлатыя синицы, (рѣже большая) оба вида королекъ, древолазы и пищухи всегда избира-

ютъ себя въ предводители пестраго дятла и несутся за нимъ пестрой, но не тѣсной стаей. Въ мартѣ онѣ возвращаются парами и опять отыскиваютъ свое прежнее гнѣздо. Многіе никогда не оставляютъ его, или вылетаютъ развѣ только на нѣсколько часовъ, чтобъ на солнечной сторонѣ горъ набрать себя пищи.

Своимъ образомъ жизни и поведеніемъ, нравами и привычками московка мало отличается отъ остальныхъ видовъ своего рода. Она весьма смѣла, неугомонна, проворна, ловка и общительна, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ-же задорна и сварлива, какъ любая птица того-же семейства; но она не такъ шаловлива, какъ большая синица. Въ своихъ движеніяхъ она ничѣмъ не отличается отъ другихъ синиць; голосъ ея—тихое «сит» или «ситэтэ» тоже похожъ на голосъ этихъ птицъ, но призывной звукъ—громкое «свити» или «свитити» и пѣніе, среди котораго слышится звучное: «сиси сиси» и «ситю тютюди», довольно пріятны. Пища ея только тѣмъ отличается отъ пищи прочихъ синиць, что она питается яйцами, личинками и гусеницами только гѣхъ насѣкомыхъ, которыя свойственны хвойнымъ лѣсамъ, точно такъ-же, какъ она ѣстъ только сѣмена хвойныхъ деревьевъ.

Гнѣздо всегда располагается въ какомъ-нибудь углубленіи, а въ настоящее время даже часто въ мышиныхъ норахъ, которыми прежде московки пользовались только въ крайнемъ случаѣ. При лучшихъ условіяхъ она гнѣздится въ старой дуплистой ивѣ, трещинѣ скалы или въ старомъ гнѣздѣ дятла, не захваченномъ другой птицей. Внѣшнія стѣнки гнѣзда состоятъ изъ зеленаго мха, внутреннюю подстилку составляютъ волоса, рѣдко перья. Кладка состоитъ изъ 6—8 маленькихъ, остроконечныхъ, крупныхъ яицъ, около 15 м.м. длины и 12 м.м. толщины, покрытыхъ по чисто-бѣлому фону ржаво-красными пятнами; къ концу апрѣля первая кладка окончена. Самка и самецъ насиживаютъ попеременно въ продолженіи 14-ти дней, сообща заботятся о выкармливаніи и воспитаніи своихъ птенцовъ, выводятъ ихъ въ лѣсъ, послѣ чего приступаютъ ко второй кладкѣ.

Хотя кобчики, соколы, куницы, ласки, бѣлки и лѣсные мыши часто захватываютъ московку и причиняютъ вредъ ея выводкамъ, но все-таки всѣ названные хищники не такъ опасны, какъ человѣкъ, самый страшный врагъ этой въ высшей степени полезной птицы. Однако вымиранію этого вида способствуетъ еще гораздо больше, чѣмъ ловушки и западни человѣка, недостатокъ въ удобныхъ мѣстахъ для устройства гнѣзда. Московка болѣе всякой другой птицы нуждается въ заботахъ лѣсничихъ, и не столько въ защитѣ отъ птицелововъ, жестокость которыхъ отчасти преувеличиваютъ, сколько въ предоставленіи имъ нѣсколькихъ старыхъ дуплистыхъ деревьевъ, для постройки своихъ гнѣздъ. Только этими средствами, но никакъ не вывѣшиваніемъ искусственныхъ гнѣздъ и садковъ и другихъ изобрѣтеній птицеводовъ, можно предупредить вымираніе этого вида синиць.

* *
* *

Въ средней Европѣ живетъ **Сѣрая синица** (*Parus fruticeti*, Sumpfsmeise. Mé-sange palustre). Длина ея достигаетъ 12 см., размахъ крыльевъ 21 см., длина крыла 6, а хвоста 5 см. Верхъ головы и затылокъ черные, подбородокъ и горло сѣровато-черные, верхняя часть тѣла землисто-бурая, голова и шея съ боковъ, такъ-же какъ и нижнія части тѣла, грязно-бѣлыя, а иногда блѣдно-коричневая; маховыя и рулевыя перья темно-землистаго цвѣта, съ узкой сѣро-бурой каймой. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя.

На сѣверѣ Скандинавіи и Россіи она замѣняется появляющейся иногда въ восточной Пруссіи **Болотной синицей**, которую у насъ въ Россіи также зовутъ

*

Пухлякомъ, Чайкой, Чаечкой и Сѣрымъ слѣпухомъ (*Parus palustris*. Nordische Sumpfmeise), а въ Альпахъ **Альпійской** или **Горной синицей**, **Горнымъ пухлякомъ** (*Parus palustris alpestris*. Bergmeise. Mésange des Alpes).

Для насъ совершенно достаточно будетъ ограничиться краткимъ описаніемъ жизни нѣмецкаго вида болотной синицы. Оправдывая свое названіе, она любитъ преимущественно низкія, сырыя мѣстности, предпочитаетъ лиственные лѣса хвойнымъ, держится и тамъ постоянно на низменностяхъ, близъ воды, но довольствуется иногда берегами ручьевъ или прудовъ или недалеко отъ такихъ водъ расположенными садами, не обращая вниманія на то, растутъ-ли въ нихъ высокія деревья или только кустарники. Гнѣздо свое она вьетъ на ивѣ, между тѣмъ какъ альпійская синица предпочитаетъ хвойные лѣса, а сѣрый слѣпухъ, кажется, одинаково селится какъ на ивовыхъ, такъ и на хвойныхъ деревьяхъ. Болотная синица является то осѣдлой, то бродячей птицей, смотря по мѣстности, климату и другимъ обстоятельствамъ. Многія болотныя синицы никогда не оставляютъ своего мѣсторожденія, другія послѣшно пролетаютъ цѣлыми семьями большія пространства, находя себѣ ночной пріютъ по дорогѣ въ дуплахъ. Странствованіе ихъ начинается въ октябрѣ и кончается въ мартѣ; остальные мѣсяцы въ году онѣ проводятъ на мѣстѣ высиживания яицъ.

Я думаю, что болотную синицу могу по всей справедливости назвать самой проворной и веселой изъ птицъ своего вида. Чрезвычайно живая, бѣзпокойная и ловкая, всегда одинаково веселая какъ въ жару, такъ и въ холодъ, при обильной или скудной пищѣ, забавная, задорная, смѣлая и мужественная, она умѣетъ привлечь на себя вниманіе и расположеніе всякаго наблюдателя. Съ утра до вечера находится она въ постоянномъ движеніи: прыгаетъ и скачетъ, лазаетъ, летаетъ, работаетъ, кричитъ или поетъ, пока солнце не сѣло; успокаивается она только ночью. Движеніями своими она напоминаетъ лазоревку, разговорный голосъ ея тихое, нѣсколько шипящее «сит», призывной звукъ нѣжное «цїээ»; слабое волненіе выражается рѣзкимъ звукомъ «спитээ-спитидэ»; страхъ—звучнымъ «спитт»; въ ея короткомъ тихомъ, переливчатомъ пѣніи выдаются слоги «гитци гитци лидэдэ». Вообще-же болотная синица ни пищей, ни образомъ жизни совѣмъ почти не отличается отъ прочихъ синицъ.

Гнѣздо всегда располагается въ впадинѣ, съ возможно тѣснымъ отверстіемъ, преимущественно въ дуплѣ старой ивы, но часто въ мышинной норѣ; въ первомъ случаѣ оно помѣщается въ выдолбленномъ самой птицей, чисто и изящно отдѣланномъ углубленіи, снабженномъ узкимъ отверстіемъ; наружныя стѣнки гнѣзда, смотря по величинѣ помѣщенія, плотно или рыхло, но всегда искусно выдѣланы изъ мха, травы, шерсти и т. д.; внутри оно выстлано тѣми же матеріалами, рѣже волосомъ или перьями. Въ маѣ окончена первая кладка, состоящая изъ 8—12 хрупкихъ, кругловатыхъ яицъ, около 16 м.м. длины и 12 м.м. толщины, покрытыхъ по зеленовато-бѣлому фону ржаво-красными точками и кружками различной величины и густоты. Оба родителя попеременно сидятъ на яйцахъ въ продолженіи 13—14 дней; выкармливаютъ вылупившихся птенцовъ около трехъ недѣль, учатъ ихъ еще нѣкоторое время, а потомъ въ іюлѣ уже приступаютъ къ новой кладкѣ, въ которой насчитывается не болѣе восьми яицъ. Многіе выводки уничтожаются мышами, ласками, конками и другими врагами, взрослые птицы тоже много отъ нихъ терпятъ влѣдствіе этого, а еще больше отъ недостатка удобнаго помѣщенія, отъ котораго страдаютъ нынче и болотныя синицы, прибыль ихъ едва покрываетъ убыль, несмотря на быстрое размноженіе этой птички.

Болотныхъ синицъ также легко воспитывать въ неволѣ, какъ и прочихъ

птицъ этого семейства; живость и веселость дѣлаетъ ихъ еще привлекательнѣе ихъ родичей.

Хохлатая синица, Гренадерка (*Parus cristatus, mitratus* и *rufescens*, *Lophophanes cristatus*. Naubenmeise. *Mésange huppée*) съ верхней стороны красновато-буро-сѣрая или блѣдно-мышиннаго цвѣта, съ нижней стороны сѣровато-бѣлая; удлиняющіяся спереди назадъ узкія перья хохла, стволы которыхъ загибаются впередъ—черныя съ бѣлой каймой; щеки бѣлыя; уздечная полоска, проходящая поперекъ глазъ и загибающаяся серповидно назадъ, а потомъ опять напередъ, другая, такая же широкая черта, отдѣленная отъ первой бѣлой полосой и проходящая отъ темени къ горлу, самое горло и идущая отъ него къ затылку полоска—черныя; маховыя и рулевыя перья темно-сѣро-бурыя съ узкой, болѣе свѣтлой каемкой. Глаза каріе, клювъ черный, у расщепленъ свѣтлѣе; ноги грязно-свѣтло-голубыя. Длина достигаетъ 13 см., размахъ крыльевъ 21 см, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см. Птенцы отличаются отъ взрослыхъ меньшимъ хохломъ и не такимъ яснымъ головнымъ узоромъ.

Насколько намъ извѣстно, область распространенія хохлатой синицы ограничивается одной Европой. Она водится здѣсь во всѣхъ странахъ, на сѣверѣ чаще, чѣмъ на югѣ: въ Испаніи и Греціи она принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, а попадаетъ на востокъ до самаго Кавказа. Въ хвойныхъ лѣсахъ Германіи она живетъ всюду, а въ чисто-лиственныхъ насажденіяхъ совершенно отсутствуетъ. Она кромѣ того осѣдлая птица, которая строго придерживается избраннаго мѣстожителства и покидаетъ его только временно осенью и зимою. «Во время своихъ путешествій», говоритъ Науманъ, «она боязливо и поспѣшно пролетаетъ сквозь лиственные лѣса и сады, встрѣчающіеся между двумя хвойными лѣсами и успокоивается только въ этихъ послѣднихъ. Еще больше спѣшатъ онѣ, когда имъ приходится пролетать по открытому полю или безлѣснымъ мѣстностямъ; чаще всего опускается все общество въ небольшой, одиноко стоящій хвойный лѣсокъ, остается въ немъ на цѣлую зиму и облетаетъ его ежедневно, вдоль и поперекъ; весной-же перекочевываетъ опять въ большой лѣсъ, гдѣ и устраивается для вывода птенцовъ». Въ хвойныхъ лѣсахъ ее можно видѣть вездѣ, какъ среди высокихъ деревьевъ, такъ и среди жердняка и чащи, а иногда у самой земли. Зимую она соединяется часто съ москвожками и короляками, древолазами и пищухами въ большія общества, которыя, уже описаннымъ нами образомъ, кочуютъ подъ предводительствомъ пестраго дятла.

Веселость, подвижность, ловкость въ лазаньѣ, дерзость, мужество и страсть къ дракамъ и ссорамъ, отличающія всѣхъ синицъ, свойственны тоже и этому виду. Разговорный голосъ гренадерки есть шипящее «ситт», и протяжное «тэ тэ», призывной звукъ звонкое «цик гюррр», или «глюррр»; пѣніе незначительно. Во время пѣнія самецъ принимаетъ всевозможныя позы, вертится и поворачивается во всѣ стороны, приподнимаетъ и опускаетъ свой хохоль и вообще старается различными тѣлодвиженіями понравиться самкѣ.

Гнѣздо устраивается обыкновенно въ дуплахъ съ узкимъ входнымъ отверстіемъ, высоко или низко, смотря по удобству, и въ пустыхъ стволахъ или бревнахъ, нерѣдко въ брошенныхъ гнѣздахъ хищныхъ птицъ, галокъ, воронъ, сорокъ или бѣлокъ, въ кучахъ хвороста и другихъ подобныхъ мѣстахъ. Въ крайнемъ случаѣ, парочка выдалбливаетъ себѣ углубленіе для гнѣзда и не отдыхаетъ до тѣхъ поръ, пока оно не достигнетъ полметра глубины. Короткій мохъ и лишай служатъ матеріаломъ для наружныхъ стѣнокъ, коровій и оленій волосъ, шерсть и растительный пухъ образуютъ внутреннюю подстилку—собственно гнѣздо. Кладка состоитъ изъ 8—10 яицъ, около 16 м.м. длины и 12 м.м. толщины, покрытыхъ по снѣжно-бѣ-

лону фону ржаво-красными точками; оба родителя попеременно сидят на яйцахъ. Птенцы вылупляются на тринадцатый день и родители выкармливают ихъ маленькими гусеницами; послѣ вылета изъ гнѣздъ они еще нѣкоторое время остаются подъ руководствомъ родителей, но скоро становятся самостоятельными и тогда старыя птицы принимаются за вторую кладку.

Хохлатая синица, какъ и московка, можетъ считаться величайшей благодѣтельницей хвойныхъ лѣсовъ, такъ какъ она питается преимущественно яйцами и личинками вредныхъ насѣкомыхъ и положительно пренебрегаетъ всякими сѣменами. Съ ранняго утра до поздняго вечера видишь ее занятою отыскиваньемъ себѣ пищи, и опытомъ теперь уже дознано, что она преимущественно отыскиваетъ яйца вредныхъ бабочекъ. Только зимою принуждена она иногда питаться сѣменами; но пока она можетъ добыть себѣ насѣкомыхъ, она пренебрегаетъ всякой другой пищей. Вѣроятно по этой то причинѣ она и привыкаетъ къ неволѣ труднѣе всѣхъ другихъ видовъ. Но разъ привыкнувъ къ пищѣ, она становится одной изъ самыхъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ.

Тѣ же враги, которые страшны другимъ видамъ синицъ, угрожаютъ и гренадеркѣ, но такъ какъ она не терпитъ недостатка въ помѣщеніи, въ такой же степени, какъ ея родичи, то незамѣтно, чтобъ размноженіе этого вида приостановилось въ послѣдніе годы.

* * *

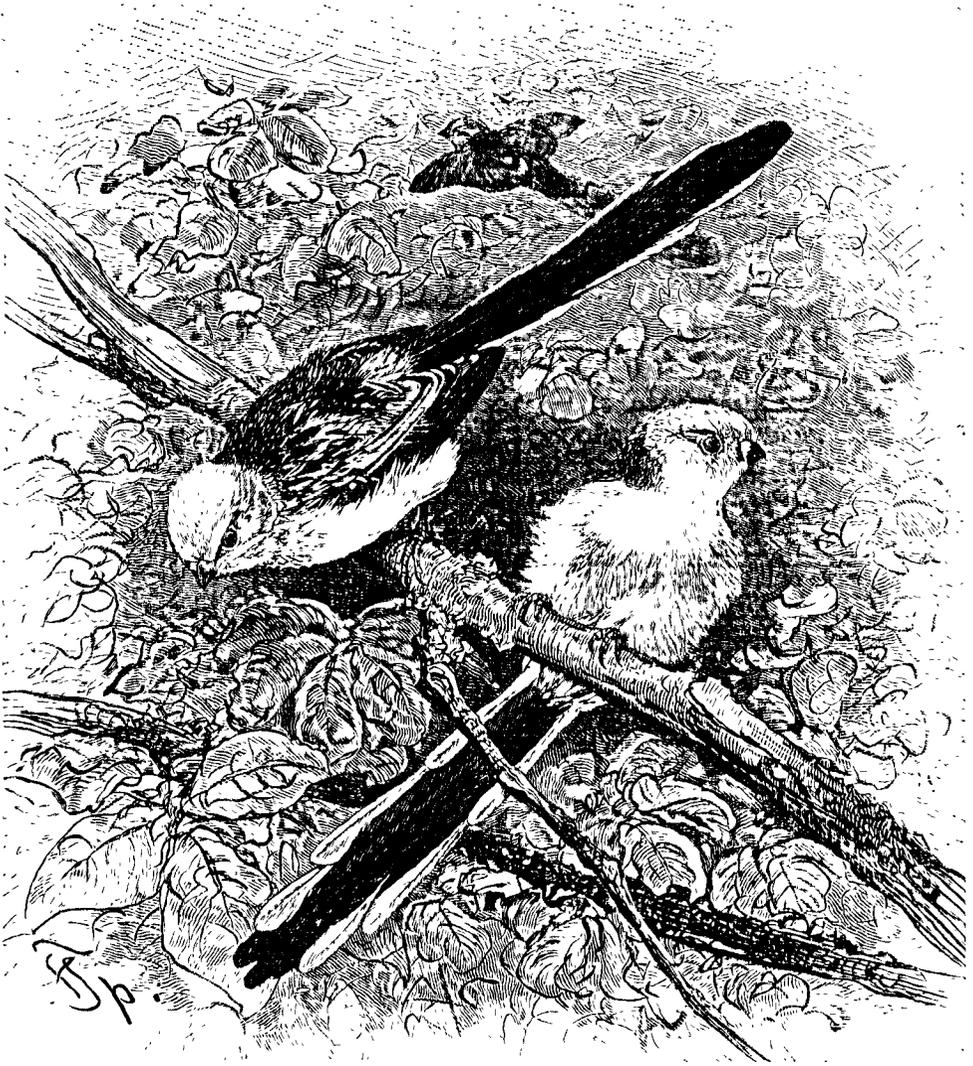
Отличительные признаки **Длиннохвостыхъ синицъ** (*Acredula. Schwanzmeisen. Mésanges à longue queue*) слѣдующіе: плотное тѣло, очень короткій, сильно изогнутый, остроконечный къ концу клювъ, слабыя ноги, очень длинный, сильно ступенчатый и вырѣзанный посерединѣ хвостъ и средней длины крылья, на которыхъ четвертое и пятое маховыя перья длиннѣе другихъ. Оба пола очень схожи между собою по цвѣту; молодые нѣсколько отличаются отъ родителей.

Длиннохвостая синица, Павлинчикъ, Фазанчикъ, Аполлоновна, Аполловникъ, Длиннохвостый слѣпухъ, Чумичка (*Acredula caudata, Parus и Orites caudatus, Paroides caudatus и longicaudatus, Mecistura caudata, longicaudata и pinetorum. Schwanzmeise. Mésange à longue queue*) на верхней части головы и на брюшкѣ бѣлая съ нѣжно-розовато-коричневымъ отливомъ въ пахахъ, верхняя часть тѣла черная, на плечахъ нѣжно-розовато-красно-бурая; заднія малыя маховыя перья широко окаймлены снаружи бѣлымъ цвѣтомъ, оба крайнихъ рулевыхъ пера снаружи и въ концѣ бѣлыя. Самка отличается отъ самца широкой черной полосой, идущей отъ края глаза къ затылку и ограничивающей снизу бѣлую головку. Птенцы по сторонамъ головы, на спинѣ и крыльяхъ матово-черные, на темени и нижней части тѣла бѣловатые. Глаза темно-каріе, а голое кольцо около глазъ у старыхъ птицъ ярко-красное, у молодыхъ ярко-желтое; клювъ черный такъ же, какъ и ноги. Длина достигаетъ 14,6 см., размахъ крыльевъ 18,3 см., длина крыла 6,2, а хвоста 8,7 см.

Въ настоящее время длиннохвостыхъ синицъ насчитываютъ четыре вида, которыхъ разсматриваютъ отдѣльно, хотя они почти ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга.

Розовая аполлоновна (*Acredula rosea, Parus roseus, Mecistura rosea. Rosenmeise. Mésange rose*) появляется въ средней Германіи вмѣстѣ съ длиннохвостой синицей, а на востокѣ замѣняетъ ее. Говорятъ, что оба пола совершенно одинаково окрашены и что у самца видны слабые признаки поперечной шейной полоски; бѣлый цвѣтъ на извѣстныхъ мѣстахъ не такъ чистъ, а розовый оттѣнокъ гораздо ярче, чѣмъ у самки. **Испанская аполлоновна** (*Acredula irbii. Hesperidenmeise. Mésange*

espagnole), живущая въ Испаніи, еще болѣе розовая, чѣмъ предыдущая, но спина у нея сѣрая, какъ у Чернозобой аполлоновки (*Acredula tephronota*, Parus и *Orites tephronotus*. Graumantelmeise. Mésange à manteau gris), живущей въ окрестностяхъ Константинополя и въ Малой Азійи и отличающейся только чернымъ пятномъ на горлѣ. Но пока точными наблюденіями не будетъ установлена самостоятельность этихъ мнимыхъ видовъ, мы имѣемъ полное право разсматривать всѣхъ ихъ вмѣстѣ.

Длиннохвостая синица. *Acredula caudata*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

Длиннохвостая синица не спускается очень на югъ; въ Греціи и въ Испаніи она принадлежитъ уже къ рѣдкимъ птицамъ, но попадаетъ еще въ Малой Азійи. По словамъ Крюпера, она еще вьетъ гнѣзда въ лѣсахъ Румеліи и Акарнаніи; по собственнымъ-же моимъ наблюденіямъ, она только случайно появляется въ Испаніи. На сѣверѣ она, напротивъ того, очень распространена и встрѣчается также въ средней Азійи. Въ Германію прилетаетъ она весной и осенью съ извѣстной правиль-

ностью. Многія семьи даже зимуютъ въ Германіи. Кажется, что длиннохвостая синица предпочитаетъ листовныя лѣса хвойнымъ, но еще болѣе любитъ селиться въ фруктовыхъ садахъ или поляхъ, покрытыхъ мелкимъ лѣсомъ.

Она рѣзва, подвижна, жива и дѣятельна, но еще болѣе весела и кротка, и не такъ задорна и драчлива, какъ другіе виды этого семейства. Ея разговорный голосъ шипящее «сит», ея призывной звукъ свистящее «ти ти», сторожевой—рѣзкое «цирири» и «терр»; пѣніе тихое и пріятное, хотя не особенно замѣчательное. Пища ея состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ и преимущественно изъ мелкихъ видовъ ихъ.

Гнѣздо длиннохвостой синицы походитъ на гнѣздо ремеза, но отличается отъ него тѣмъ, что не виситъ свободно, но всегда чѣмъ-нибудь подперто снизу. Формой своей оно напоминаетъ большое яйцо, въ которомъ сбоку сдѣлано входное отверстіе. Вышина гнѣзда достигаетъ около 24 см., при 10 см. ширины; зеленый древесный мохъ, скрѣпленный паутиною гусеницъ и покрытый лишаями, берестю и настоящею паутиною, образуетъ его наружныя стѣнки; множество перьевъ, шерсти и волоса составляютъ внутреннюю выстилку. Во всякомъ случаѣ парочка длиннохвостыхъ синицъ всегда беретъ мохъ и лишай съ того-же дерева, на которомъ устроено гнѣздо, и располагаетъ эти матеріалы точно такъ-же, какъ они сидятъ на древесной корѣ. Вслѣдствіе этого гнѣздо пріобрѣтаетъ удивительное сходство съ окружающею его мѣстностью и становится незамѣтнымъ даже самому опытному глазу. Такъ какъ довольно трудно собирать нужные для гнѣзда матеріалы, то парочка, принужденная вить второе гнѣздо, пользуется уже прежде собраннымъ матеріаломъ для его сооруженія. Постройка гнѣзда продолжается отъ двухъ до трехъ недѣль, хотя оба супруга одинаково усердно работаютъ, при чемъ самецъ исполняетъ роль помощника или подручнаго. Въ половинѣ или въ концѣ апрѣля окончена первая кладка; она очень многочисленна, такъ какъ длиннохвостая синица кладетъ иногда отъ 9—12, иногда даже отъ 15—17 яицъ. Они малы, только 14 м. м. длины и 10 м. м. толщины, чрезвычайно хрупки и покрыты болѣе или менѣе густо по бѣлому фону блѣдно-рыжевато-красными точками. Нѣкоторыя самки кладутъ только бѣлыя яйца. Послѣ тринадцатидневнаго насиживанья для обоихъ родителей начинается усиленная работа, такъ какъ что-нибудь да значитъ выкормить такое многочисленное семейство. Гнѣздо уже замѣтно тѣсно для сидящей на яйцахъ птицы, итенцамъ-же становится скоро совѣмъ невозможно размѣститься въ немъ. Поэтому каждый птенецъ старается его расширить для пріобрѣтенія себѣ удобнаго мѣстечка, вслѣдствіе чего войлочная ткань гнѣзда мало по малу растягивается, а мѣстами прорывается. Если образуются дырки гнѣзда, то все гнѣздо принимаетъ очень странный видъ, такъ какъ итенцы, выростая, почти всѣ просовываютъ черезъ нихъ свои длинные, неудобные хвосты. Позднѣе они пользуются этими отверстіями для другихъ цѣлей, такъ что матери не приходится больше заботиться о чистотѣ гнѣзда.

Изъ всѣхъ синицъ длиннохвостая ручиѣтъ скорѣе всѣхъ, и вообще по своему нраву принадлежитъ къ самымъ пріятнымъ комнатнымъ птицамъ. Парочка супруговъ, которыхъ держать въ одной клѣткѣ, всегда снятъ, тѣсно прижавшись другъ другу, обыкновенно такъ, что одна птичка прикрываетъ другую на половину крыломъ. Онѣ тогда принимаютъ видъ перистаго шара, что особенно потѣшно, когда длинные хвосты ихъ торчатъ въ разныя стороны. Часто то одна, то другая птичка кувьркается подъ жердочку, на которой сидитъ ея подруга. Самецъ и самка чрезвычайно нѣжны между собою, что еще болѣе увеличиваетъ интересъ къ нимъ воспитателя.

Бородатки (*Panurus. Rohrmeisen. Moustaches*) отличаются своимъ вытянутымъ и наверху изогнутымъ во всю длину клювомъ, который у расщепленъ нѣсколько сжать и изогнуть, въ концѣ немного загнуть, а снизу почти прямой; ноги сильныя, съ длинными пальцами, вооруженными длинными, сильно изогнутыми когтями; крылья средней величины, четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя; хвостъ длинный и съ боковъ сильно ступенчатъ. Самки отличаются отъ самцовъ и птенцы отъ родителей какъ цвѣтомъ, такъ и узоромъ.

Бородатка, Усатая Синица (*Panurus biarmicus* и *barbatus, Parus biarmicus, russicus, Calamophilus biarmicus, barbatus* и *sibiricus, Mystacinus biarmicus, russicus, arundinaceus* и *dentatus, Aegithalus* и *Paroides biarmicus. Bartmeise. Moustache*) на верхней части головы и на затылкѣ красиваго пепельнаго цвѣта, остальная верхняя часть туловища до среднихъ рулевыхъ перьевъ включительно чистаго свѣтло-красновато-коричневаго цвѣта; верхнія покровныя перья хвоста и бока груди блѣдно-розоватаго цвѣта; нижняя часть тѣла по срединѣ чисто-бѣлая. Начинаясь у уздечки, по щекамъ спускаются удлиненные перья въ видѣ усовъ или бороды; они черны такъ-же, какъ и покровныя перья; черновато-коричневые, большія маховыя перья и ихъ покровныя перья снаружи серебристо-бѣлыя, малыя маховыя болѣе яркаго цвѣта, чѣмъ верхняя часть тѣла; заднія малыя маховыя перья черныя, съ наружными коричневыми и внутренними ржаво-желтыми краями; самое крайнее рулевое перо бѣлое, внутри у корня черное; второе и третье съ каждой стороны хвоста бѣлыя только на концахъ. У самки цвѣта блѣднѣе, чѣмъ у самца; спина по свѣтлому фону покрыта темными крапинами, усы только обозначены и не чернаго, а бѣлаго цвѣта; нижнія кроющія перья хвоста не черныя, а блѣдно-ржаво-желтыя. Птенцы на спинѣ совсѣмъ темнаго, почти чернаго цвѣта. Глаза оранжево-бураго цвѣта, клювъ красиваго желтаго цвѣта; ноги черныя. Длина достигаетъ 16 см., размахъ крыльевъ 19 см., длина хвоста 8 см.

Юго-западъ Европы, а также Голландія, Великобританія, южная Венгрія, Италия, Греція, Испанія и большая часть Средней Азій—служатъ родиной бородатки; живеть-же она въ камышевыхъ заросляхъ. Въ Голландіи и Великобританіи она съ каждымъ годомъ появляется рѣже, потому что постоянно увеличивающееся заселеніе страны все болѣе ограничиваетъ мѣста, годныя для постройки гнѣздъ. Изъ Германіи, гдѣ прежде она часто вила гнѣзда, она тоже понемногу была вытѣснена, вслѣдствіе хозяйственнаго примѣненія камыша; теперь же она попадаетъ тамъ какъ рѣдкая перелетная птица. Нижне-Дунайскія низменности, южная Россія, южная Сибирь и Туркестанъ чаще всего въ настоящее время даютъ пріютъ бородаткѣ. Своими привычками она связана съ тростниковой чащей и оставляетъ ее только въ крайнемъ случаѣ; живеть она парами или маленькими семействами, причась отъ людей. Она лонка, проворна, жива, безпокойна, весела и отважна, какъ и всѣ прочіе виды синицъ; лазаетъ по стводамъ камыша, какъ камышевка, летаетъ легко и порывисто. Призывной ея звукъ: «цит цит», а пѣніе весьма незначительное: это просто тихое чириканье съ нѣсколькими трескучими отрывистыми нотами. Въ остальномъ ея образъ жизни сходенъ съ образомъ жизни другихъ синицъ; однако ихъ подкупающая красота и необыкновенная нѣжность супруговъ дѣлаетъ ихъ привлекательнѣе большей части ихъ родичей. Пища ихъ состоитъ лѣтомъ изъ насѣкомыхъ, а зимою изъ всевозможныхъ сѣмянъ, большею частью изъ сѣмянъ тростника, камыша и осокни.

Смотря по климату своего мѣстожительства и преобладающаго тамъ состоянія погоды, время размноженія бородатки наступаетъ въ началѣ или въ концѣ апрѣля.

Гнѣздо строить она почти у самой земли, въ камышѣ и пучкахъ травы, большею частью такъ, что отдѣльные стебли послѣдней вплетаются въ наружную стѣнку, состоящую изъ сухихъ метелокъ нѣкоторыхъ породъ тростника и камыша. Этимъ она напоминаетъ гнѣздо камышевки, отъ котораго значительно отличается, впрочемъ, чистотой отдѣлки. Кладка состоитъ изъ 4—6, рѣдко 7 яицъ, имѣющихъ въ продольномъ разрѣзѣ 18 м.м., а въ поперечномъ 13 м.м.; они покрыты по чисто-бѣлому или розоватому фону довольно рѣдкими красными черточками и точками. Самецъ и самка попеременно сидятъ на яйцахъ. Обыкновенно за первой кладкой слѣдуетъ въ июнѣ или июль вторая. По окончаніи ея старья и молодья птицы соединяются въ большія стаи и бродятъ вмѣстѣ по тростникамъ, а иногда предпринимаютъ путешествія и въ южныя страны.

Бородатку часто держатъ въ клѣткахъ, ради ея красоты и пріятнаго нрава. Нѣкоторыя изъ нихъ умираютъ, вѣроятно съ тоски по своимъ товарищамъ, и смерть одной птички ведетъ большею частью за собой и смерть ея подруги. Взаимная нѣжность супруговъ обнаруживается при всякомъ удобномъ случаѣ и самымъ привлекательнымъ образомъ, въ особенности въ періодъ размноженія, который повергаетъ самца въ такое любовное опьянѣніе, что онъ разыгрываетъ настоящую любовную сцену: закрываетъ глаза, опускаетъ голову, распускаетъ хвостъ; затѣмъ приподнимается на ногахъ и издаетъ какой то странный свистящій звукъ, на который приходитъ самка, чтобъ ласкать своего супруга. При заботливомъ уходѣ эти красивыя созданія выживаютъ нѣсколько лѣтъ въ неволѣ.

* * *

У **Ремеза** (*Aegithalus. Beutelmeise. Remiz*) клювъ совершенно шилообразный, чуть замѣтно загнутый на кончикахъ обѣихъ половинокъ; ноги отличаются необыкновенно сильными пальцами, крылья короткія и тупыя, четвертое и пятое перья въ нихъ длиннѣе другихъ, хвостъ средней длины, мало вырѣзанный; опереніе съ длинными бородками и слабое. Самцы нѣсколько больше самокъ и красивѣе окрашены; птенцы отличаются отъ обоихъ родителей цвѣтомъ и узоромъ оперенія.

Ремезъ (*Aegithalus pendulinus. Parus pendulinus, polonicus и narbonensis, Paroides pendulinus, Pendulinus polonicus, medius и macrourus. Beutelmeise. Remiz*) самый маленькій видъ этого семейства. Его длина достигаетъ только 12,2 см., размахъ крыльевъ 18 см., длина крыла 5,6, а хвоста 5,5 см. Лобъ, уздечка и пято подъ глазами черныя; верхъ головы, за исключеніемъ бѣловатой передней части, затылокъ и зашеекъ грязно-сѣрые; верхъ спины и плечи коричнево-желто-красныя; надхвостье, верхнія покровныя перья хвоста и крыльевъ ржаво-бурыя; подбородокъ и горло чисто-бѣлыя, остальная нижняя часть туловища рыжеватобѣлаго цвѣта; маховыя и рулевыя перья коричневаточерныя съ желтоватобѣлой каймой; малыя маховыя перья каштановокрасноватобураго цвѣта. Глаза каріе, клювъ болѣе или менѣе черный, у краевъ бѣлый; ноги черныя или черноватосѣрыя. У самки цвѣта имѣютъ болѣе грязный оттѣнокъ, а лобъ и стороны головы менѣе черны. У птенцовъ нѣтъ черной полоски у уздечки; верхняя часть туловища у нихъ ржавосѣрая, а нижняя ржавожелтосѣрая.

Востокъ нашей части свѣта: Польша, Россія, Галиція, южная Венгрія, среднее теченіе Дуная, Турція, Греція и Малая Азія служатъ родиной этой хорошенькой птички. Въ Германіи она принадлежитъ къ рѣдкимъ явленіямъ, хотя и тамъ ее встрѣчали нѣсколько разъ или, по крайней мѣрѣ, находили ея гнѣзда послѣ отлета. Селится она преимущественно въ болотахъ и подобныхъ имъ мѣстностяхъ, но

останавливается и даже живетъ иногда въ чашахъ, на не очень старыхъ ивовыхъ и тополевыхъ деревьяхъ. Нужно-ли считать ремеза перелетной или только кочующей птицей, еще до сихъ поръ не рѣшено. Достоверно только, что онъ каждый годъ, довольно правильно (а именно въ мартѣ) появляется на своей родинѣ, а въ сентябрѣ или октябрѣ большая часть ихъ покидаетъ ее. Относительно его странствованій надо замѣтить, что онъ во время ихъ появляется въ мѣстностяхъ, лежащихъ собственно внѣ области его распространенія, такъ на примѣръ, съ извѣстной правильностью, на нѣкоторыхъ озерахъ сѣверной и восточной Германіи.

По своей живости, ловкости и смѣлости ремезъ можетъ считаться достойнымъ представителемъ своего семейства. Всѣ его движенія и призывной крикъ очень схожи съ движеніями и голосомъ прочихъ синицъ. Онъ ловко лазаетъ по вѣтвямъ и даже по тростнику вверхъ и внизъ, а также старается по возможности спрятаться въ чащѣ. Но его громкое, звонкое «цитт» раздается почти безъ перерыва. При своей подвижности ремезъ почти постоянно чѣмъ-нибудь занятъ и появляется то въ одномъ, то въ другомъ концѣ обитаемой имъ мѣстности. Полетъ его послѣдній, ловкій, но своеобразно порывистый. Онъ по возможности избѣгаетъ пролетать по такимъ пространствамъ, гдѣ ему негдѣ укрыться. Всевозможныя насѣкомыя, живущія въ тростникѣ, ихъ яйца и личинки составляютъ его пищу. Зимой онъ довольствуется зернами тростника и другихъ болотныхъ растений.

Особенно замѣчательнъ способъ размноженія этихъ синицъ. Ремезъ принадлежитъ къ самымъ искуснымъ строителямъ. Его гнѣздо, образцовое произведеніе искусства, прикрѣпляется только верхнею частью и виситъ такимъ образомъ, какъ гнѣздо ткачей, совершенно свободно, въ большинствѣ случаевъ надъ водою. Только одинъ разъ, а именно во время охотничьей поѣздки, предпринятой мною въ качествѣ гостя эрцгерцога Рудольфа Австрійскаго, весною 1878 г., посчастливилось мнѣ наблюдать ремеза въ гнѣздѣ, и потому я принужденъ говорить словами Бальдамуса, который далъ намъ самое лучшее описаніе способа гнѣздованія этой птицы. «Въ продолженіи 7-ми недѣль», говоритъ этотъ превосходный наблюдатель, «я почти ежедневно наблюдалъ за этимъ маленькимъ искуснымъ строителемъ во время постройки имъ гнѣзда и насиживанья яицъ; я видѣлъ и держалъ въ рукахъ до 30 гнѣздъ. Если вообще наблюденіе за искусными строителями весьма привлекательно, то наблюденіе за ремезомъ пріобрѣтаетъ двойную прелесть отъ того, что онъ, благодаря своей безпечности, нисколько не затрудняетъ приближенія людей къ своей постройкѣ. Я наблюдалъ весь ходъ работы, осматривалъ и бралъ въ руки гнѣзда въ различныхъ степеняхъ ихъ отдѣлки. Я нашелъ гнѣздо, висѣвшее на самомъ концѣ вѣтки преобладающей въ тѣхъ мѣстахъ болотной ветлы. Хотя вода и камышъ всегда находятся по близости (первая, по крайней мѣрѣ, во время закладки гнѣзда) но все же не всѣ гнѣзда находятся непосредственно надъ водою и ни одно не находилось настолько въ чащѣ тростника, чтобы послѣдній могъ совершенно скрыть его отъ глазъ. Напротивъ того, расположенныя на незначительной высотѣ отъ земли, гнѣзда эти находились постоянно за предѣлами тростниковой чащи около или надъ открытою водою, такъ что замѣтить ихъ было легко. Они висѣли на высотѣ 4—5 м. надъ землею, только два изъ нихъ находились на 2—3 м. и нѣсколько на высотѣ 6—10 м.; одно даже висѣло около вершины высокаго бука. Оба супруга строятъ съ одинаковымъ усердіемъ и едва можно повѣрить, что такая замысловатая постройка бываетъ окончена въ теченіи 14 дней. Хотя и здѣсь встрѣчаются болѣе поверхностныя и болѣе аккуратныя, болѣе или менѣе искусныя строители, сравнительная неаккуратность постройки гнѣзда преимущественно обуславливается позднимъ временемъ года, когда (что случается довольно часто) первыя гнѣзда бываютъ

разорены вслѣдствіе несчастныхъ случаевъ и въ особенности отъ нападеній необыкновенно многочисленныхъ и дерзкихъ сорокъ. Въ этихъ случаяхъ даже яйца кладутся въ наполовину оконченныя гнѣзда и постройка продолжается до самаго времени насиживания. Я нашелъ два такихъ гнѣзда, наполненныхъ яйцами и похожихъ по формѣ на корзины. Что касается до времени постройки гнѣздъ, то у ремеза оно не связано съ ростомъ тростника, какъ у другихъ птицъ, гнѣздящихся тамъ, такъ какъ онъ начинаетъ свою постройку уже въ апрѣлѣ; но многія гнѣзда были также найдены уже въ іюнѣ и въ іюлѣ.

«Что касается хода работы, то ремезъ наматываетъ почти всегда ссушенную шерсть, рѣже волосы козы, волка или собаки, или волокна луба и конопли вокругъ тоненькой, свѣсившейся внизъ вѣточки; расходящейся на нѣсколько отдѣльныхъ сучковъ, большею частью на нѣсколько сантиметровъ ниже верхней точки своего прикрѣпленія. Между этимъ развѣтвленіемъ вѣточекъ къ нимъ прислоняются боковые стѣнки, которыя и получаютъ въ нихъ точку опоры. Затѣмъ ремезъ продолжаетъ свое тканье до тѣхъ поръ, пока свѣшивающіяся съ вѣточекъ боковые стѣнки не стянутся вмѣстѣ, образуя плоское дно. Тогда гнѣздо пріобрѣтаетъ форму корзиночки съ плоскими краями; раньше думали, что подобныя гнѣзда устраиваются самцами только для забавы. Употребляемый для дальнѣйшей постройки матеріалъ состоитъ изъ тополеваго или ивоваго пуха, съ вплетенными въ него нитями лыка, шерсти и волоса; сѣмянной пухъ скатывается при помощи слюны и склеивается вмѣстѣ. Тогда гнѣзда имѣютъ форму корзиночки съ толстымъ округленнымъ дномъ. Послѣ того начинается устройство одного боковаго отверстія, которое все закрывается за исключеніемъ маленькой круглой дырочки. Въ то же время выводится и другая сторона, начиная снизу. Одно изъ круглыхъ отверстій снабжается трубою, длиною отъ 2—8 см., тогда какъ другое остается открытымъ и только по краямъ сглаживается и заплетается. Вслѣдъ за тѣмъ одно изъ отверстій закрывается, однако я видѣлъ гнѣздо съ двойною трубою. Наконецъ дно внутри гнѣзда густо выкладывается мягкимъ разрыхленнымъ ивовымъ пухомъ и постройка можетъ считаться уже вполне оконченною. Гнѣздо имѣетъ тогда видъ круглаго шара или мѣшка отъ 15—20 см. вышины и отъ 10—12 см. ширины, къ которому прикрѣпленъ, подобно горлышку бутылки, то изогнутый книзу и прикрѣпленный къ гнѣзду, то отвѣсно стоящій входъ. Такое гнѣздо невозможно смѣшать съ гнѣздомъ другой птицы; поэтому мы и знаемъ навѣрное, что ремезъ много разъ гнѣздился въ Германіи».

Очень понятно, что такая искусная постройка вездѣ возбуждала въ высшей степени любопытство людей. Монголы, на примѣръ, какъ намъ сообщаетъ Радде, приписываютъ этимъ гнѣздамъ особую цѣлительную силу: «чтобы вылѣчить отъ перемежающейся лихорадки даютъ вдыхать дымъ обуглившагося кусочка ихъ; размяченное въ теплой водѣ гнѣздо ремеза употребляется для лѣченія отъ ревматизма, причемъ его прикладываютъ къ больному мѣсту. Кромѣ того монголы думаютъ, что гнѣздо съ двумя отверстиями показываетъ, что супруги живутъ не въ ладахъ между собою, и, наоборотъ, когда въ гнѣздѣ, какъ обыкновенно, только одно отверстие, то самецъ, сидя у входа этого отверстія, сторожитъ семью во время насиживания яицъ».

Бальдамусъ сообщаетъ, что никогда не находилъ болѣе 7-ми яицъ и болѣе 7-ми птенцовъ въ одномъ гнѣздѣ. Скорлупа яицъ, имѣющихъ въ длину около 16 м.м. и въ толщину 11 м.м., чрезвычайно нѣжна и тонка, не имѣетъ блеска и мелкозерниста; цвѣтомъ яйца бѣлоснѣжныя и пока содержимое изъ нихъ еще не удалено, кажутся блѣдно-розовыми. Оба супруга, по словамъ одного венгерскаго наблюдателя, сидятъ попеременно и оба вмѣстѣ выкармливаютъ своихъ птенцовъ, главнымъ обра-

зомъ мягкими гусеницами и летающими насѣкомыми, принадлежащими къ роду комаровъ.

«У меня жило», говоритъ Бальдамусъ, «долгое время до четырнадцати птенцовъ, которыхъ я кормилъ творогомъ, примѣшивая къ нему протертые яичные желтки. Они очень скоро привыкали къ пищѣ, дѣлались довѣрчивыми и ручными, были постоянно голодны и тотчасъ вылетали изъ гнѣзда ко мнѣ на встрѣчу, какъ только я, послѣ короткаго отсутствія, опять входилъ въ комнату. Несмотря на самый заботливый уходъ, нѣкоторые изъ нихъ у меня умерли; но все-таки не подлежитъ сомнѣнiю, что есть полная возможность выкормить въ неволѣ этихъ хорошенькихъ птичекъ». Справедливость словъ Бальдамуса подтверждается другими наблюденiями, но все же ремезы принадлежать къ числу самыхъ неживучихъ комнатныхъ птицъ.

Къ синицамъ примыкають **Древолазы** (Certhiidae. Baumläufer), отличающіеся длинными пальцами, вооруженными большими когтями. Мы различаемъ два семейства.

Подсемейство **Поползней** (Sittinae. Spechtmeisen или Kleiber. Sittelles) состоитъ приблизительно изъ 30-ти видовъ и характеризуется слѣдующими признаками: клювъ средней длины, конусообразный и острый, хребетъ его слегка выгнуть, ноги съ короткими плюснами и длинными пальцами, вооруженными большими, острыми, сильно загнутыми когтями; крылья широкія и тупыя; третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя; хвостъ короткій и широкій; опереніе обильное и мягкое. По анатомическому строенію поползни представляютъ большое сходство съ другими пѣвчими птицами. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 12 шейныхъ, 8-ми грудныхъ и 7-ми хвостовыхъ позвонковъ. Даже въ скелетѣ обнаруживается сильное развитіе заднихъ конечностей. Воздушныя полости имѣють лишь черепъ и плечевыя кости. Языкъ длинень, но не червеобразень, широкъ, низокъ, наверху съ бороздами, впереди тупой, расщепленный на много волоконцевъ. Онъ достигаетъ въ своемъ обыкновенномъ положеніи до половины длины клюва, но можетъ вытягиваться и за кончикъ клюва. Первый желудокъ коротокъ, а второй очень мускулистъ.

Поползней, насколько до сихъ поръ извѣстно, не существуетъ въ средней и южной Африкѣ и Южной Америкѣ. Они населяють преимущественно, хотя не исключительно, лѣса и лазають по деревьямъ вверхъ и внизъ или бѣгають взадъ и впередъ по самымъ крутымъ каменнымъ стѣнамъ. Поползней, пожалуй безъ преувеличенія, называютъ самыми совершенными изъ лазающихъ птицъ, ибо въ этой способности они не только не уступаютъ дятламъ, но въ одномъ отношеніи даже превосходятъ ихъ: они обладаютъ труднымъ искусствомъ лазать сверху внизъ по перпендикулярной плоскости, чего, кромѣ нихъ, ни одна другая птица не можетъ.

«Я особенно потому удивлялся его искусству лазать» говоритъ мой отецъ «что по устройству его ногъ и хвоста этого видѣть нельзя. Строеніе дятла можетъ служить типомъ для лазающихъ птицъ. Его ноги короткя и сильныя съ парными пальцами, вооруженными сильно загнутыми когтями, его клиновидный изъ твердыхъ упругихъ перьевъ хвостъ, его, болѣею частью, стройное низкое туловище — все даетъ ему возможность съ огромною быстротою и увѣренностью карабкаться по деревьямъ. Все его строеніе до такой степени само говоритъ о своемъ назначеніи, что, кажется, нельзя ничего въ немъ измѣнить безъ того, чтобы не затруднить свободу лазанія. У поползней-же мы видимъ совсѣмъ другое. Его ноги длиннѣе и три пальца направлены впередъ; его тѣло коротко, а хвостъ состоитъ изъ такихъ

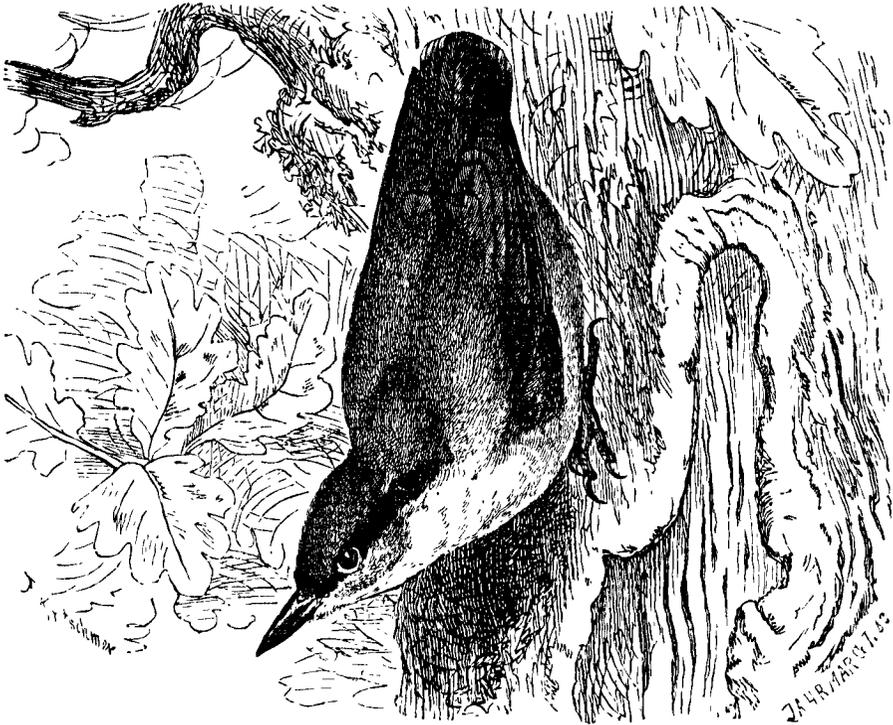
слабыхъ и гибкихъ перьевъ, что при лазаніи никакъ не можетъ служить опорой. И все-таки поползень лазаеъ такъ же ловко, какъ и дятель и не только вверхъ по деревьямъ, но и внизъ; часто виситъ онъ съ опущенной головой на вѣткѣ такъ крѣпко, что можетъ въ этомъ положеніи раскусить буковый или лѣсной орѣхъ. Причина такой ловкости состоитъ въ устройствѣ пальцевъ и когтей. Именно пальцы гораздо длиннѣе, чѣмъ у дятла и покрываютъ такимъ образомъ гораздо большую поверхность. Разстояніе между кончиками когтей средняго и задняго пальца при растопыренныхъ пальцахъ почти равняется длинѣ тѣла. Пальцы вооружены дугообразно изогнутыми когтями, острыми какъ иголки, а на нижней поверхности ихъ находятся подушечки. Вслѣдствіе такого устройства ногъ онѣ могутъ захватывать относительно большую поверхность, которая, естественно, представляетъ большее число шероховатостей и потому больше точекъ опоры. Бородавки на подошвѣ очевидно также способствуютъ болѣе прочному прикрѣпленію, а соединеніе основаній пальцевъ удерживаетъ послѣдніе отъ излишняго ихъ расхожденія и такимъ образомъ увеличиваетъ ихъ силу. Подобное различіе въ устройствѣ органовъ пригодныхъ для лазанья, обуславливаетъ то обстоятельство, что и способъ лазанія у поползней совершенно иной, чѣмъ у дятловъ.

«Дятлы при лазаніи по стволу опираются сильно на хвостъ и держатъ грудь далеко отъ ствола дерева; поползни-же, напротивъ того, полагаются лишь на свои ноги, и грудь ихъ отстоитъ отъ ствола почти на такое-же разстояніе, какъ и хвостъ. Способность лазать внизъ по дереву и висѣть съ головой, опущенной внизъ, объясняется также организаціей его ногъ. При этомъ задній палецъ большимъ когтемъ зацѣпляется очень ловко далеко на верху, а передніе пальцы въ это время упираются внизу и не даютъ такимъ образомъ тѣлу опрокинуться. У дятла, правда, сзади два пальца, но они раздѣлены и большой направленъ болѣе въ бокъ, чѣмъ прямо назадъ; при этомъ его передніе пальцы короче, чѣмъ у поползня. Если бы дятель захотѣлъ висѣть на стволѣ головою внизъ, то у него не было-бы верхней точки опоры, какъ у поползня, у котораго задній палецъ, направленный прямо назадъ, снабженъ большимъ когтемъ; передніе-же пальцы оказались-бы слишкомъ короткими для того, чтобы птица могла, безъ большого усилія, удержаться въ этомъ положеніи, и, конечно, не была-бы въ состояніи двигаться. Хвостъ-же, служащій обыкновенно для него столь важной опорой, въ данномъ случаѣ могъ-бы только помѣшать ему. Ясно, что птица, которая способна съ одинаковою ловкостью лазать, какъ вверхъ, такъ и внизъ по деревьямъ, не можетъ быть иначе сложена, чѣмъ поползень. Особенности устройства его ногъ дѣлаютъ возможнымъ для него еще третье движеніе: именно легкое прыганіе по вѣткамъ и по землѣ».

Насколько до сихъ поръ извѣстно, всѣ роды этого подсемейства—перелетныя птицы, которыя, кромѣ времени насидиванія, перекочевываютъ на небольшомъ пространствѣ; въ общемъ-же изъ года въ годъ держатся одного и того-же мѣста. Ихъ навѣрное можно встрѣтить вездѣ, гдѣ только высокія старыя деревья или каменные стѣны доставляютъ имъ достаточную пищу; они поднимаются даже высоко въ горы. Ихъ пища состоитъ изъ насѣкомыхъ или изъ растительныхъ веществъ, именно сѣмянъ, которыя они собираютъ на деревьяхъ, на скалахъ и на землѣ. Они гнѣздятся въ расщелинахъ скалъ и въ дуплахъ деревьевъ; входъ въ гнѣздо почти постоянно обмазанъ глиной или иломъ. Кладутъ они отъ 6 до 9 свѣтлыхъ съ красными точками яицъ.

Самый распространенный у насъ видъ, — *Сѣверный поползень* (*Sitta caesia*, *affinis*, *advena*, *coerulescens*, *pinetorum* и *foliorum*. Kleiber, *Sitelle ordinaire*) съ верхней сторо-

ны свинцово-сѣрый, снизу ржаво-желтаго цвѣта; черезъ глаза по бокамъ головы тянется черная полоска и доходить до шеи; подбородокъ и горло бѣлые; боковыя, паховыя и нижнія кроющія перья хвоста каштаново-коричневыя; маховыя перья коричневаточерно-сѣрыя съ свѣтлою каймою, у переднихъ также бѣлыя основанія; среднія хвостовыя перья пепельно-сѣро-синія, а остальные густо-черныя съ пепельно-синимъ ажурнымъ рисункомъ. У первыхъ на наружной бородкѣ передъ сѣрымъ концомъ имѣется бѣловатое пространство, а на внутренней бородкѣ большое четырехугольное бѣлое пятно. Глаза орѣхово-карие, клювъ черный, рогового цвѣта, снизу свинцово-сѣрый. Ноги желтовато-рогового цвѣта. Длина птицы около 16 см., размахъ крыльевъ 26, длина крыла 8, а хвоста 4 см. Самка отличается болѣе узкой по-

Сѣверный поползень. *Sitta caesia*. $\frac{5}{8}$ наст. вел.

доской, проходящей черезъ глазъ, болѣе свѣтлой нижней частью тѣла и меньшей величиной.

Прежде предполагали, что Европу населяетъ только одинъ видъ этого рода, котораго признаки тѣ-же, что и вышеуказаннаго семейства; въ настоящее же время отличаютъ почти всегда, какъ особый видъ, **Поползень-ямщика** (*Sitta europaea*. Nordkleiber. Sittelle d'Europe), живущаго въ Скандинавіи и сѣверной Россіи. Онъ больше ростомъ, сверху сине-зеленый, снизу грязно-бѣлый, на бедрахъ ржаво-красный; нижнія кроющія перья хвоста также окаймлены ржаво-краснымъ. Другой, очень похожій видъ, но значительно меньшаго роста, **Волчекъ** (*Sitta sibirica*, Seidenkleiber, Sittelle de Sibérie), живетъ въ восточной Россіи и Сибири до Японіи.

Нашего поползня вѣтъ на сѣверѣ Европы, но его можно найти повсюду отъ Ютландіи до южной Европы. Онъ нигдѣ не живетъ большими обществами, но болѣею частью попарно или малыми семьями, или, наконецъ, вмѣстѣ съ другими

птицами. Онъ предпочитаетъ другимъ мѣстамъ смѣшанные высокоствольные лѣса, въ которыхъ однако есть и кустарники. Онъ не боится людей и его часто можно встрѣтить въ городѣ около воротъ или въ тѣнистыхъ аллеяхъ въ такомъ-же количествѣ, какъ и въ лѣсу. Лѣтомъ иногда одиноко стоящій дубъ можетъ привлечь его къ себѣ на нѣсколько часовъ и доставить ему все необходимое для жизни. Осенью и имъ овладѣваетъ страсть къ перекочевыванію, и его экскурсіи за добычею дѣлаются болѣе отдаленными. Онъ никогда не покидаетъ деревьевъ и лишь въ случаѣ крайней нужды рѣшается перелетѣть пространство, лишенное ихъ.

Поползень своею бодростью и неприхотливостью сильно выигрываетъ передъ многими другими птицами. «Онъ то прыгаетъ вверхъ по дереву», говоритъ мой отецъ, «то внизъ, то вокругъ его, то бѣгаетъ по вѣткамъ или виситъ на нихъ, то деретъ кусокъ коры, то долбитъ дерево, то летаетъ; все это дѣлаетъ онъ безъ перерыва и иногда только передохнетъ, чтобы подать голосъ».

При лазаньи онъ прижимается къ стволу и почти всегда втягиваетъ шею и поджимаетъ ноги; его длинныя мягкія перья лежатъ такъ рыхло другъ на другѣ, что онъ кажется толстымъ и неуклюжимъ. Нравъ его, впрочемъ, не соответствуетъ этому внѣшнему виду, какъ мы только что видѣли. Его полетъ легокъ, но не очень быстръ; онъ очень расширяетъ крылья и сильно ими машетъ, нерѣдко порхая. Обыкновенно онъ не дѣлаетъ небольшихъ перелетовъ и это происходитъ не потому, что онъ не въ состояніи сдѣлать это, а потому, что, перебираясь съ одного дерева на другое, онъ не долженъ пролетать большихъ разстояній. Что полетъ ему не въ тягость, видно изъ того, что онъ очень часто летаетъ вокругъ верхушки дерева или отъ одной горы къ другой безъ всякой видимой надобности. Ему часто приходится пролетать безъ отдыха пространства въ одинъ километръ. Иногда онъ долго лазаетъ по деревьямъ и увидѣть его тогда трудно, иногда-же онъ бываетъ такъ довѣрчивъ, что вертится въ нѣсколькихъ шагахъ отъ человѣка. Онъ всегда веселъ и рѣзвъ, а если иногда и выглядитъ унылымъ, то въ слѣдующее же мгновеніе доказываетъ, что это только намъ такъ казалось; на самомъ дѣлѣ скучнымъ онъ бываетъ только когда боленъ. Онъ производитъ впечатлѣніе бодрой, подвижной и въ то же время хитрой и лукавой птицы.

«Отличительная черта его нрава», продолжаетъ мой отецъ, «это любовь къ обществу, но не себѣ подобныхъ, а другихъ птицъ, именно синицъ и пищухъ. Болѣе 2, 3 или 4 поползней, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда вся семья была въ сборѣ, я никогда не встрѣчалъ вмѣстѣ. Такъ какъ имъ приходится съ трудомъ отыскивать себѣ пищу, то они разбѣяны обыкновенно по одиночкѣ и являются предводителями яблниковъ, хохлатыхъ синицъ, московокъ, а иногда и болотныхъ синицъ, пищухъ и корольковъ. Иногда къ этому обществу присоединяется и одинокій пестрый дятель и долгое время живетъ съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ». «Кто изъ этихъ разнообразныхъ членовъ общества—настоящій вождь», прибавляетъ Науманъ, «или кто изъ нихъ даетъ первый поводъ къ такому соединенію—цельзя опредѣлить. Одни члены общества слушаются призывного голоса другихъ, и они живутъ вмѣстѣ, пока пробудится влеченіе къ перелету и не разрознитъ общества. Подобныя товарищества очень обыкновенны въ нашихъ лѣсахъ и тотъ, кто изучилъ призывной голосъ нашего поползня, можетъ легко отыскать ихъ и лично наблюдать. Собственно прочной внутренней связи въ этомъ обществѣ нѣтъ, но все-таки здѣсь замѣчается нѣкоторое общеніе, потому что тѣ-же птицы въ продолженіи цѣлаго дня встрѣчаются вмѣстѣ въ разныхъ мѣстахъ, почти въ томъ-же количествѣ и составѣ».

Его призывной голосъ—свистящій, ясный «тю тю тю»; обыкновенный-же

звукъ, который онъ издаетъ и которымъ онъ ничего собственно не выражаетъ, — короткое и недалеко слышное. но все-же рѣзкое «сит». Кроме того иногда слышны тоны, звучащіе, какъ «цирр твит твит твит». Ихъ крикъ во время спариванія состоитъ изъ очень красивыхъ громкихъ, свистящихъ звуковъ, слышныхъ на далекомъ разстояніи. Въ этомъ зовѣ слышатся преимущественно звуки «тю тю»; къ нимъ присоединяются еще «кью кью, тиррр». Самецъ обыкновенно сидитъ на верхушкѣ дерева, вертится на право и на лѣво и выкрикиваетъ «тю»; самка ближе держится къ стволу и отвѣчаетъ «твѣт». Затѣмъ оба вмѣстѣ летаютъ играя, гоняются другъ за другомъ, порхаютъ вокругъ верхушки дерева, прыгаютъ на вѣткахъ и при этомъ обнаруживаютъ все свое искусство и всегда громко зовутъ другъ друга. Въ это время одна такая милая парочка въ состояніи оживить довольно большой участокъ лѣса.

Поползень ѣстъ насѣкомыхъ, пауковъ, сѣмена и ягоды и глотаетъ также крупный песокъ, способствующій пищеваренію. Насѣкомыхъ онъ собираетъ на вѣтвяхъ, отыскиваетъ во мху или въ трещинахъ коры или ловить ихъ въ воздухѣ, стремительно бросаясь съ дерева, если насѣкомое пролетаетъ мимо. Его клювъ не приспособленъ къ долбленію дерева, какъ у дятла; хотя онъ и можетъ отщеплять довольно большіе куски дерева, однако онъ дѣлаетъ лишь небольшія углубленія. Во время своей охоты за насѣкомыми онъ нерѣдко приближается къ жилищамъ строеніямъ, лазаетъ по нимъ и появляется даже въ комнатахъ. «Онъ ѣстъ», говоритъ мой отецъ, «также охотно насѣкомыхъ, какъ и сѣмена, именно плоды краснаго бука и липы, и сѣмена клена, сосны и ели, а также желуди, ячмень и овесъ. Пока шишки хвойныхъ деревьевъ совсѣмъ закрыты, поползень сѣмянъ достать не можетъ, но лишь только чешуйки немного отстанутъ, онъ вытаскиваетъ зерна и сѣдаетъ ихъ. Сѣмена ели, которыя другія птицы рѣдко ѣдятъ, онъ, повидимому, очень любитъ. Когда у насихъ елей созрѣваютъ сѣмена, то ихъ вершины дѣлаются любимымъ мѣстопребываніемъ поползня. Выпавшія древесныя сѣмена поползни собираютъ съ земли; изъ ячменя и овса вынимаютъ зерна, желуди-же, передъ тѣмъ какъ проглотить, раздробляютъ. Овесъ и ячмень они, кажется, не долюбиваютъ и ѣдятъ ихъ лишь въ случаѣ нужды, такъ какъ эту пищу я находилъ у нихъ очень рѣдко въ желудкѣ. Орѣшки краснаго бука и сѣмена липы они ѣдятъ очень охотно и дѣлаютъ даже запасы изъ нихъ на время безкормицы. «Я часто наблюдалъ поползней на отягощенныхъ орѣхами вѣтвяхъ краснаго бука. По двое, по трое они держатся около богатаго орѣхами бука, летаютъ поочередно туда, отламываютъ клювомъ орѣшки, затѣмъ относятъ ихъ на близъ стоящее дерево; здѣсь у нихъ приспособлена щель для укрѣпленія орѣха; они кладутъ его туда и, держа передними пальцами, раскалываютъ и сѣдаютъ зерно. Затѣмъ они сбрасываютъ скорлупу, приносятъ себѣ новый орѣхъ и поступаютъ съ нимъ такимъ-же образомъ. Это продолжается часто цѣлыми часами и даже днями. Поползень во время этихъ разнообразныхъ движеній, т. е. перелетовъ то туда, то обратно, отрыванія и раскалыванія орѣховъ, представляетъ собой довольно пріятное зрѣлище. Съ лѣсными орѣхами и съ липовыми и кленовыми сѣменами онъ обращается такимъ-же образомъ. Своимъ тонкимъ обоняніемъ поползень всегда такъ вѣрно опредѣляетъ—положь или пусть орѣхъ, что почти никогда не раскалываетъ свища. Раскалываніе лѣсного орѣха стоитъ ему нѣкотораго труда; съ сѣменами-же липы, клена и краснаго бука справляется онъ очень легко. Онъ имѣетъ очень странный видъ, когда уноситъ орѣхъ: держитъ его клювомъ, который для этого ему приходится довольно сильно раскрывать. По наблюденію Наумана онъ собираетъ зимой упавшія на землю косточки вишенъ и, чтобы добраться до ядрышка, раскалываетъ ихъ вышеуказаннымъ способомъ. Иногда онъ вмѣстѣ съ синицами ищетъ въ садахъ сѣмянъ подсолнечника, полбы или конопли; послѣд-

нія, какъ кажется, онъ особенно любить. По Снеллю, онъ ѣсть также и ядовитыя ягоды переступня (*Brionia*); поэтому-то мальчики обвиняютъ вѣтвями этого растенія скворешницы, чтобы съ помощью далеко замѣтныхъ красныхъ ягодъ привлечь поползня. Затѣмъ Гайдень наблюдалъ, что зимою онъ часто подбираетъ съ земли гусеницъ буковыхъ мухъ (*Cecidomya fagi*). Очень замѣтные наросты, гдѣ живутъ эти личинки, имѣютъ видъ конуса и находятся часто въ огромномъ количествѣ на верхней сторонѣ листьевъ бука; осенью-же деревенѣютъ и опадаютъ съ листьевъ. Поползень и синицы усердно собираютъ ихъ подъ деревьями, затѣмъ пробиваютъ въ острой части дырку и добываютъ находящуюся въ ней личинку. Просверленная дырочка при этомъ обыкновенно такъ мала, что червяка едва-ли возможно достать клювомъ и всего вѣроятнѣе, что поползень вытаскиваетъ его языкомъ. Гайдень находитъ страннымъ, что птица пробиваетъ наростъ не въ той части, гдѣ личинка закрыта лишь тонкою какъ бумага паутиною, а твердый древесный конецъ. «Кладовыми для запаса», продолжаетъ мой отецъ «поползнямъ, смотря по обстоятельствамъ, служатъ то трещина въ деревѣ, то какая-нибудь другая щель, а то даже и расщелины между черепицами на крышахъ домовъ. Онъ не складываетъ всѣхъ орѣховъ въ одно мѣсто, но распредѣляетъ ихъ по одному въ разныхъ мѣстахъ, безъ сомнѣнія, для того, чтобы случайно не погибло все его богатство сразу. Однажды въ здѣшней мѣстности поползню служила складочнымъ мѣстомъ для его орѣховъ соломенная крыша крестьянской избы. Гаакъ замѣтилъ, что въ неволѣ поползень втискиваетъ въ песокъ своей клѣтки сѣмена конопли.

Гнѣздо свое поползень строить всегда въ углубленіяхъ, обыкновенно въ дуплахъ деревьевъ и, въ видѣ исключенія, въ трещинахъ скалъ или стѣнъ. Эта умная птица очень охотно пользуется дуплами, выдолбленными дятлами, которые могутъ быть названы мастерами въ этомъ искусствѣ. Поползень не любитъ однако, чтобы входное отверстіе его жилища было больше, чѣмъ ему нужно; чтобы этому помочь, онъ прибѣгаетъ къ чрезвычайно остроумному средству. Онъ замазываетъ отверстіе до того, что остается лишь маленькая дырочка, черезъ которую онъ одинъ можетъ свободно пролѣзть. «Замазываетъ онъ» говоритъ мой отецъ далѣе, «или глиною или липкою землею, которая, какъ въ гнѣздахъ ласточки, смачивается, связывается и слѣпляется его тягучею слюною. Для этого онъ беретъ кусочекъ глины въ клювъ, и смачиваетъ его со всѣхъ сторонъ слюною и прилѣпляетъ, куда ему нужно; такимъ образомъ работа подвигается у него очень быстро. Кажется, что видишь передъ собой маленькаго каменщика, который, чтобъ закрыть входъ въ свое жилище, приноситъ и укрѣпляетъ камень за камнемъ. Эта глиняная стѣна имѣетъ два и болѣе сантиметра въ толщину и, когда высохнетъ, становится такой крѣпкой, что ее рукой, безъ долота, не разлوميшь.

«Входное отверстіе, которое обыкновенно помѣщается въ серединѣ стѣнки, кругло и такъ мало, что поползень едва въ него пролѣзаетъ. Если гнѣздо устроено такимъ образомъ, то оно обезпечено отъ нападенія; только дятель, прежній хозяинъ дупла, иногда разрушаетъ стѣну.

«Въ 1819 году я наблюдалъ, какъ эта маленькая птица приспособила для себя гнѣздо чернаго дятла. Но едва поползень его устроилъ, какъ явилась пара дятловъ, чтобы сдѣлать себѣ жилище для новаго поколѣнія. Самка приблизилась къ дуплу, взглянула съ удивленіемъ на глиняную стѣну, и въ нѣсколько ударовъ разрушила ее. До тѣхъ поръ, пока поползень не замажетъ отверстія въ гнѣздѣ, ему часто приходится воевать со многими птицами и нерѣдко имъ уступать. Такъ, однажды видѣлъ я, какъ пара поползней усердно строила свое гнѣздышко; но не успѣли они еще совершенно окончить входа, какъ явилась пара скворцовъ и прогнала сла-

бенькихъ птичекъ.» Окончаніе постройки возбуждаетъ у обоихъ супруговъ большую радость. «Самецъ», говоритъ Пэслеръ, «садится вблизи избраннаго дупла и, торжествуя, распѣваетъ свою свадебную пѣсню, а самка въ это время весело выпрыгиваетъ въ гнѣздышко и выпрыгиваетъ изъ него. Кажется, что они не только радуются отъ души, но и чувствуютъ себя совершенно обезпеченными». Тралле однажды изслѣдовалъ гнѣздо и, чтобы убѣдиться, пусто-ли оно, сталъ стучать по стволу. Птица высунулась на половину изъ отверстія гнѣзда, съ любопытствомъ смотрѣла нѣкоторое время на нарушителя ея покоя и затѣмъ, вполнѣ увѣренная въ своей безопасности, спряталась назадъ. Это повторилось нѣсколько разъ и только тогда, когда Тралле сталъ влѣзть на дерево, она вылетѣла. «Гнѣздо», заключаетъ мой отецъ «въ зависимости отъ величины занятаго имъ дупла, имѣетъ большій или меньшій объемъ и выслано весьма сухимъ и мелкимъ матеріаломъ. Поползни собираютъ кусочки листьевъ бука и дуба и крайне тонкіе кусочки коры хвойныхъ деревьевъ; все это такъ рыхло лежитъ другъ на другѣ, что трудно понять, какимъ образомъ, при постоянномъ влетаніи и вылетаніи птицы, яички не сваливаются съ этой кучки шелухи. Можно думать, что они зарываются подъ грудю этихъ тонкихъ листьевъ и скорлупокъ. Въ послѣднихъ числахъ апрѣля или первыхъ числахъ мая, находимъ мы на этой скверной подстилкѣ 6—9 яичекъ 19 м. м. длины 14 м. м. толщины. Они окрашены по известково, или молочно-бѣлому фону очень мелкими свѣтло или темно-красными пятнами, которыя то рѣзко обрисованы, то точно стерты. Они очень похожи на яйца синицы. Самка сидитъ на яйцахъ одна и насиживаетъ 13—14 дней. Птенцовъ оба родителя кормятъ насѣкомыми, именно гусеницами; они вырастаютъ быстро, но сидятъ до тѣхъ поръ въ гнѣздѣ, пока не въ состояніи хорошо летать. Послѣ вылета они держатся еще около родителей, которые ихъ кормятъ, учатъ и предохраняютъ отъ опасностей. Послѣ линянія они начинаютъ самостоятельную жизнь.

Поползень входитъ, не задумываясь, въ ловушки для синицъ, если въ нихъ для приманки положенъ овесъ или конопля, ловится въ силки, на птичій клей и въ западни; случайно его можно поймать даже въ комнатѣ, куда онъ попадаетъ по неосторожности. Однако онъ легко переноситъ неволю и скоро принимается за кормъ. Онъ не прихотливъ и даже въ клѣткѣ сохраняетъ свой пріятный нравъ и съ другими птицами уживается превосходно. Онъ мало обращаетъ вниманія на несходящихся съ нимъ птицъ, но очень друженъ съ тѣми, общества которыхъ онъ искалъ и на свободѣ. Такимъ образомъ онъ соединяетъ въ себѣ всѣ хорошія качества комнатной птицы и скоро пріобрѣтаетъ расположеніе любителя. Только постоянное безпокойство и ненасытное стремленіе къ работѣ могутъ сдѣлать его непріятнымъ.

За свой оригинальный образъ жизни **Каменный поползень** (*Sitta neumayeri*, *syriaca*, *rupestris*, *saxatilis* и *rufescens*, Felsenkleiber. Torchepot) заслуживаетъ короткаго описанія, рядомъ съ нашимъ видомъ Верхняя сторона его пепельно-сѣрая съ коричневымъ отливомъ. Черная черта уздечки тянется до нижней части шеи. Нижняя сторона у него не чисто-бѣлаго цвѣта: брюшко, такъ-же какъ и нижнія кроющія перья хвоста, ржаво-краснаго. Въ остальномъ-же онъ вполнѣ сходенъ съ нашимъ поползнемъ, котораго однако нѣсколько превосходитъ ростомъ.

Благодаря Эренбергу, графу фонъ деръ Мюле, Линдермайеру и Крюперу, мы въ настоящее время кое-что знаемъ о жизни каменнаго поползня. Эренбергъ открылъ его въ Сиріи, Михаэллесъ нашелъ его въ высокихъ горахъ между Босніей и Далмаціей, остальные-же изслѣдователи наблюдали его часто въ Греціи.

Когда орнитологъ, путешествуя по сквернымъ дорогамъ этихъ странъ, по цѣлымъ часамъ не видитъ и не слышитъ ни одной птицы и задумается надъ этой бѣдностью пернатого царства, то иногда звучный смѣхъ внезапно прерываетъ его мечтанія. Этотъ смѣхъ раздается съ какой-нибудь каменной стѣны или скалы; послѣ повторенія его, взоръ невольно устремляется въ ту сторону, откуда слышится шумъ, и находитъ тамъ виновника шума—поползня. Если ухо наблюдателя привыкло различать птичьи голоса, то онъ сейчасъ-же, безъ сомнѣнія, замѣтитъ, что птица, слышанная и видѣнная имъ, не нашъ обыкновенный поползень, а другой видъ. Нѣтъ сомнѣнія, что образъ его жизни сходенъ съ образомъ жизни его родственниковъ, но онъ живетъ почти исключительно на скалахъ и особенно охотно на стѣлахъ старыхъ венеціанскихъ укрѣпленій, въ амбразурахъ которыхъ онъ то и дѣло постоянно суетъ. Онъ необыкновенно ловокъ и лазаетъ съ одинаковою увѣренностью, какъ по горизонтальнымъ каменнымъ карнизамъ, такъ и по вертикальнымъ стѣнамъ, безразлично головой вверхъ или внизъ, точно поддерживаемый магнитомъ. Подлетѣвъ къ скалѣ, онъ охотно уцѣпляется головою внизъ; по скаламъ и стѣнамъ прыгаетъ онъ скачками. Онъ пощипаетъ также и деревья, но крайне рѣдко; въ большихъ-же лѣсахъ, гдѣ нѣтъ каменныхъ стѣнъ, его совсѣмъ нельзя найти. Его крикъ—звучный пронзительный хохотъ, въ родѣ «хиде хати, ти ти ти». Въ пищу онъ употребляетъ то же, что и нашъ поползень. Съ послѣднимъ каменный поползень имѣетъ много общаго: онъ также живъ, безпокоенъ и любопытенъ, почему и попадаетъ очень легко во всякія ловушки; дѣлается скоро ручнымъ и беретъ сейчасъ-же брошенный ему кормъ. Но онъ всегда держится на днѣ клѣтки и мало пользуется жердочками и кольцами, предназначенными для прыганія и лазанія.

Гнѣздо его прикрѣпляется обыкновенно къ шероховатой скалѣ подъ природной крышей, образуемой ея выступами, по увѣренію графа фонъ деръ Мюле, всегда, на восточной или южной сторонѣ, но никогда на западной. Снаружи оно очень велико, искусно построено изъ глины, со входомъ, длиною въ 3—5 см. Внутренность его выстлана шерстью козь, быковъ, собакъ и шакаловъ, а сваруши покрыто надкрыльями различныхъ жуковъ. Нерѣдко эта птица пользуется нѣскольکو похожимъ на его гнѣздомъ греческой ласточки Крюперъ указываетъ на удивительную любовь этой птицы къ постройкамъ. Однажды онъ нашелъ природное углубленіе въ стѣнѣ, приспособленное поползнемъ для своего гнѣзда, причемъ спереди оно было замуравлено и снабжено искусно сдѣланнымъ изъ навоза и надкрыльевъ жуковъ входнымъ корридормъ въ 6 см. длины. Онъ отломалъ этотъ входъ и взялъ его для коллекціи. Спустя три недѣли онъ замѣтилъ, что отверстія уже не было, т. е. оно совершенно было замуравлено. Чтобы узнать цѣль этой работы, онъ сломалъ, по желанію своихъ спутниковъ, земляную стѣнку, но гнѣздо нашелъ пустымъ и изъ этого заключилъ, что лишь страсть къ строенію заставила птицу произвести эту работу. Когда онъ однажды заложилъ входъ въ гнѣздо травой и проломалъ на другомъ мѣстѣ большую дыру, то при слѣдующемъ посѣщеніи нашелъ гнѣздо починеннымъ. Нѣсколько попорченный входъ былъ исправленъ, а дыра въ боковой стѣнкѣ задѣлана. Въ другомъ гнѣздѣ каменный поползень не замазалъ проломанную дыру, а счелъ за болѣе цѣлесообразное пристроить на этомъ мѣстѣ другой входъ, длиною въ дюймъ, такъ что гнѣздо имѣло два входа. Кладутъ они яйца въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, въ количествѣ 8—9 яичекъ, окрашенныхъ по бѣлому фону красными пятнами. Самка такъ усердно сидитъ на яйцахъ, что ее очень легко можно схватить въ гнѣздѣ.

Пищухи, (*Certhiinae*. *Zaunläufer*. *Grimpereaux*)—маленькія, вытянутыя въ длину птички съ болѣе или менѣе согнутымъ граненымъ, остроконечнымъ клювомъ. Ноги слабы, а длинные пальцы вооружены большими крючковатыми, острыми когтями. Тупыя крылья состоятъ изъ довольно мягкихъ перьевъ, четвертое маховое перо самое длинное; хвостъ довольно длинный, узкій и клинообразный, на концѣ раздвоенъ и состоитъ изъ двѣнадцати одинаково сильныхъ и упругихъ перьевъ. Опереніе длинное и мягкое; на верхней сторонѣ цвѣта коры дерева, на нижней-же бѣловатое. Языкъ роговой, съ острыми краями, длинный и узкій; спереди онъ не много размочаленъ, сзади покрытъ зубцами и далеко изо рта выдвигаться не можетъ. Голосовыя мышцы очень слабо развиты. По мнѣнію большинства орнитологовъ въ этомъ подсемействѣ не насчитываютъ болѣе 18 извѣстныхъ видовъ. Онѣ распространены, какъ на сѣверномъ полушаріи, такъ и въ Индіи и Австраліи. Всѣ виды живутъ въ лѣсахъ, гдѣ и проводятъ всю свою жизнь. Пищухи, какъ дятлы, лазаютъ по стволамъ деревьевъ, а также вертикально по вѣткамъ, но никогда не спускаются, какъ поползни, головою внизъ. Большинство изъ нихъ живетъ уединенно и тихо. Онѣ отыскиваютъ себѣ пропитаніе и стараются быть незамѣтными. Обыкновенно онѣ встрѣчаются парами и только послѣ вылета молодыхъ—цѣлой семьей. Однѣ изъ нихъ присоединяются иногда къ различнымъ другимъ видамъ птичекъ и странствуютъ вмѣстѣ съ ними довольно долго по лѣсу; другія, повидимому, избѣгаютъ всякаго общества. Насѣкомыя, ихъ яички, личинки и куколки, пауки и подобныя животныя составляютъ ихъ пищу. Онѣ проглатываютъ иногда случайно и сѣмена. Слабый клювъ пищухъ позволяетъ имъ лишь обшаривать щели и трещины, но не долбить. Почти всѣ виды кладутъ яйца въ дуплахъ деревьевъ и строятъ здѣсь довольно большія гнѣзда.

* * *

Нашъ Пищуха-сверчокъ, Поползень, Ползунчикъ (*Certhia familiaris*, *brachydactyla*, *longicauda*, *fasciata*, *scandula*, *americana*, *costae*, *nattereri* и *turneri*. *Baumläufer*. *Grimpereau d'Europe*) съ верхней стороны темно-сѣрый съ бѣловатыми крапинками, а съ нижней бѣлый. Уздечка буровато-сѣрая, полоса, проходящая надъ глазами,—бѣлая, надхвостье коричнево-сѣрое съ желто-ржавымъ отгѣнкомъ; маховыя перья темно-коричнево-сѣрыя; за исключеніемъ самыхъ переднихъ, они имѣютъ бѣлое кружевное пятно и свѣтло-желтую полоску посрединѣ. Хвостовыя перья коричнево-сѣрыя, снаружи окаймлены свѣтло-желтой каемкой. Глаза темно-каріе; верхняя часть клюва черная, нижняя красновато-рогового цвѣта; ноги красновато-сѣрыя. Опереніе пушистое, похоее на волосъ, и мягкое какъ шелкъ. Длина 18 см., длина крыла 6, 1 см., а хвоста 5, 5 см.

Область распространенія пищухи-сверчка обнимаетъ всю Европу, Сибирь и Сѣверную Америку, гдѣ есть лѣса, а также сѣверо-западную Африку, Малую Азію, Палестину и, можетъ быть, также сѣверную Персію. Во время размноженія, какъ и другія перелетныя птицы, онъ держится въ очень маленькой области, но затѣмъ часто перекочевываетъ въ обществѣ синицъ, корольковъ, поползней и дятловъ, однако никогда не предпринимаетъ длинныхъ путешествій. Подобно всѣмъ лазающимъ птицамъ, онъ всегда въ работѣ и потому всегда въ движеніи. Хлопотливо и ловко лазаютъ онъ по деревьямъ, то по прямой линіи, то винтообразно, осматриваетъ при этомъ всякую трещину и щель въ корѣ, всовываетъ свой тонкій клювъ между мхомъ и подъ лишай и такимъ образомъ понемногу вездѣ отыскиваетъ себѣ пищу. Ползаетъ онъ толчками, но крайне легко и способенъ вбѣжать вверхъ по

нижней сторонѣ вѣтки. На землю онъ спускается крайне рѣдко и, если это случается, то прыгаетъ здѣсь очень неловко. Полетъ его неровенъ, но довольно быстръ; однако онъ перелетаетъ большія пространства неохотно, но предпочитаетъ короткіе перелеты отъ вершины одного дерева къ нижней части ствола другаго. При этомъ онъ бросается, стремглавъ, сверху внизъ, нѣкоторое время быстро летитъ надъ землей, затѣмъ немного поднимается и, спустя мгновение, какъ всегда прилипаетъ къ дереву. Его обыкновенный крикъ тихое «сит», очень похожее на звукъ, который издаютъ синицы и крапивники. Призывной голосъ нѣсколько сильнѣе и звучитъ какъ «зри»; выраженіе удовольствія состоитъ изъ «сит, зри» и короткаго рѣзкаго «ци». Въ хорошую весеннюю погоду самецъ испускаетъ по-очереди всѣ эти звуки скучно и монотонно. Пѣсней собственно это назвать нельзя. Че-

Пищуха-сверчокъ. *Certhia familiaris*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

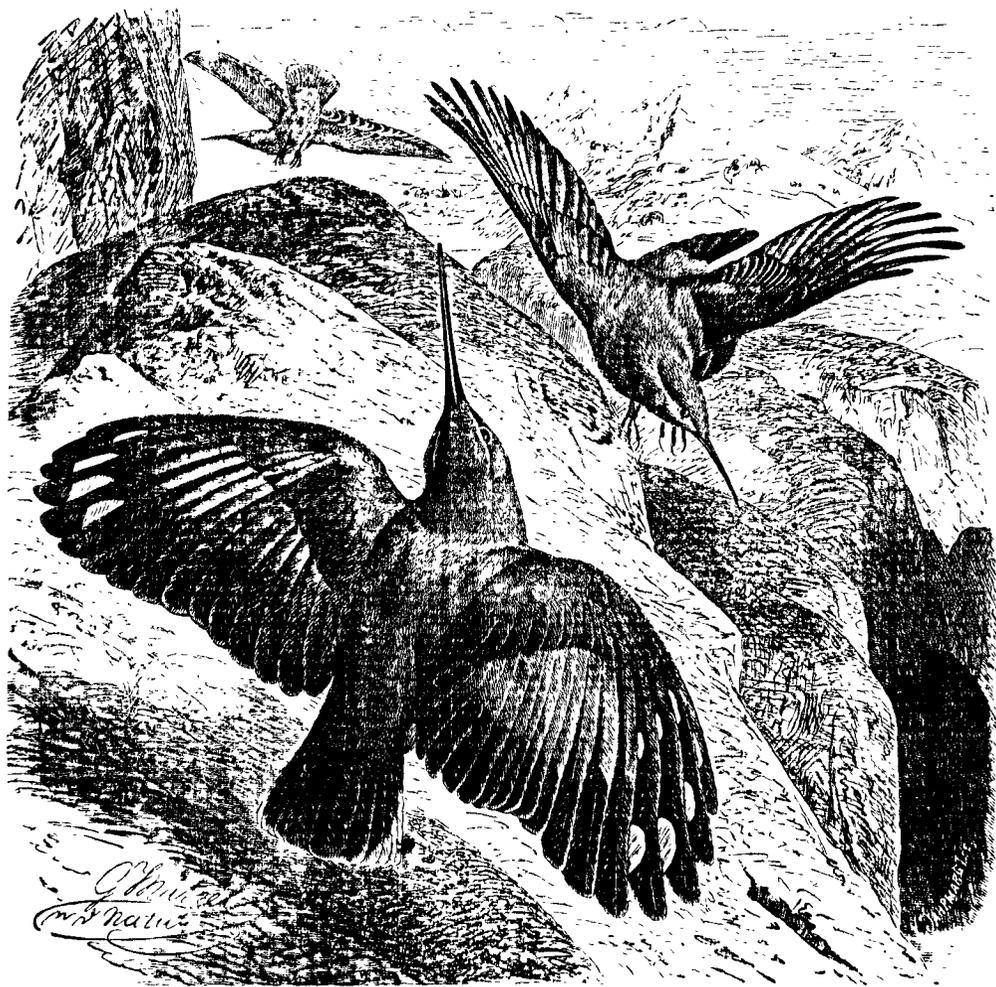
ловка онъ совсѣмъ не боится. Онъ безъ страха залетаетъ въ садъ, лазаетъ по стѣнамъ строеній, такъ же какъ и по стволамъ деревьевъ, и довольно часто гнѣздится въ подходящихъ трещинахъ и въ балкахъ домовъ. Однако онъ скоро замѣчаетъ, расположенъ-ли къ нему человекъ или нѣтъ. Тамъ, гдѣ онъ увѣренъ въ безопасности, онъ подпускаетъ отъявленнаго врага животныхъ на растояніе лишь нѣсколькихъ шаговъ, въ другихъ мѣстахъ старается не привлекать его вниманія и ползаетъ, по возможности, на скрытой отъ наблюдателя сторонѣ дерева. Пока погода тому благоприятствуетъ, онъ обнаруживаетъ всѣмъ своимъ существомъ искреннюю веселость. Зато при сырой холодной погодѣ или зимой, во время морозовъ, ясно видно, что онъ чувствуетъ себя плохо. Быть можетъ, что его всего болѣе беспокоитъ неизбѣжное въ подобную погоду загрязненіе его оперенія, ибо и онъ тщательно заботится о своей чистоплотности до тѣхъ поръ, пока это возможно. Ночью онъ отдыхаетъ въ дуплахъ деревьевъ.

Гнѣздо его находится въ дуплѣ, трещинѣ или щели. Не всегда пищуха-сверчокъ кладетъ яйца въ дуплахъ, но часто также и въ пригодныхъ для того щеляхъ, подъ крышами домовъ, между досками, которыя въ горахъ защищаютъ стѣны строеній, а также въ кучѣ дровъ, между деревомъ и отставшей корою, и т. д. Самое гнѣздо, въ зависимости отъ занимаемаго имъ мѣста, то велико, то мало. Оно состоитъ изъ тонкихъ сухихъ вѣтвей, прутьевъ, стебельковъ, листьевъ травы, древесной коры, соломы и тому подобнаго. Матерьялы эти переплетены паутиной, гусеницъ и настоящей паутиною. Внутри гнѣздо выложено лыкомъ, паклею и огромнымъ количествомъ перьевъ различной величины. Углубленіе гнѣзда собственно не очень глубоко, но ямка всегда кругла и тщательно отдѣлана, такъ что гнѣздо все-таки можно считать сдѣланнымъ очень искусно. Они кладутъ отъ 8—9 яицъ, длиною около 16 м.м., толщиною-же около 12 м.м. Яички окрашены по бѣлому фону мелкими красными точками и поразительно похожи на яички маленькихъ синицъ. Оба пола насиживаютъ и оба выкармливаютъ съ необыкновеннымъ усердіемъ свой многочисленный выводокъ. Молодые долго остаются въ гнѣздѣ, но, если имъ помѣшаютъ, они, не умѣя еще летать, оставляютъ его и, лазая, пытаются тогда спастись. Они тогда такъ искусно и съ такой поразительною быстротою скрываются прямо на глазахъ наблюдателя, что трудно ихъ потомъ отыскать. Послѣ вылета, родители еще долгое время руководятъ молодыми и тогда вся семья представляетъ для наблюдателя чрезвычайно пріятное зрѣлище. «Это», какъ говоритъ Науманъ, «очень веселый народецъ; озабоченные и хлопотливые родители, окруженные многочисленнымъ потомствомъ, располагаются на одномъ большомъ деревѣ или на нѣсколькихъ рядомъ стоящихъ, суютъ то одному, то другому найденное насѣкомое, а иногда и молодые ревностно помогаютъ отыскивать новыхъ насѣкомыхъ. Разнообразные крики старыхъ, особенно, когда они завидятъ врага, ихъ боязливое поведеніе при этомъ, забавная поспѣшность во всѣхъ движеніяхъ представляютъ для наблюдателя очень пріятное зрѣлище». Ползунчики выводятъ птенцовъ два раза въ теченіи лѣта; первый разъ въ мартѣ или въ началѣ апрѣля, второй въ іюнѣ. Во второй разъ они кладутъ меньшее число яицъ и часто только 3—2. Для неволи ползунчикъ мало пригоденъ. Опытный птицеловъ легко можетъ поймать его. Для этого достаточно обмазать нѣсколько свинныхъ щетинокъ птичьимъ клеемъ и прикрѣпить къ излюбленнымъ ими деревьямъ. Объ охотѣ за ползунчикомъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ только натуралистъ можетъ считать себя вправѣ убить эту приносящую исключительно пользу милую птичку.

* * *

Большинство орнитологовъ причисляютъ къ пищухамъ одну изъ самыхъ замѣчательныхъ птицъ земного шара — нашего **Краснокрылаго Стѣнолаза** (*Tichodroma muraria*, *phoenicoptera*, *macrorhynchos*, *media*, *brachyrhynchos*, *europaea*, *nipalensis* и *subhimalayana*, *Certhia muraria*. *Mauerläufer*. *Echelette*). Этотъ видъ характеризуется скорѣе сжатымъ, чѣмъ вытянутымъ тѣломъ, короткой шеєю и большой головой; его длинный, тонкій, почти круглый клювъ у корня граненый, на концѣ заостренъ. Пальцы на ногахъ тонки и вооружены очень большими, сильно загнутыми тонкими и острыми когтями; крылья средней длины, широки, коротки и округлены; изъ маховыхъ перьевъ первыя очень коротки, а четвертое или пятое самое длинное. Короткій хвостъ состоитъ изъ мягкихъ, широкихъ, на концѣ округленныхъ перьевъ. Рычлое, пушистое, мягкое какъ шелкъ опереніе, окрашено въ пріятный, отчасти яркій цвѣтъ, который измѣняется по временамъ года. Языкъ напоминаетъ въ об-

щемъ языкъ дятла; онъ такъ длиненъ, что доходить до конца клюва. остръ, какъ игла, однако весьма мало подвиженъ и покрытъ множествомъ щетинистыхъ крючковъ. Основная окраска оперенія пепельно-сѣрая. Горло лѣтомъ черное, зимою бѣлое; маховыя и рулевыя перья — черныя; первыя отъ 3-го до 15-го у основанія до половины ярко-красныя, такъ-же какъ и малыя кроющія перья и узкая кайма на наружной бородкѣ большихъ кроющихъ перьевъ крыла. Рулевыя перья на концѣ окай-

Стѣнолазь красокрылый. *Tichodroma muraria*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

млены бѣлымъ. Внутреннія бородки маховыхъ перьевъ отъ 2-го до 5-го украшены однимъ или двумя бѣлыми, а у остальныхъ — желтыми пятнами, которыя ближе къ туловищу дѣлаются блѣднѣе и, наконецъ, совершенно исчезаютъ; число ихъ не всегда бываетъ одинаково. Глаза коричневыя, клювъ и ноги черныя. Длина его около 16 см., размахъ крыльевъ 27 см., длина крыла 9, а хвоста 6 см.

Стѣнолазь живетъ на всѣхъ высокихъ горахъ средней и южной Европы, западной и Средней Азии, къ востоку до сѣвернаго Китая и понадается, говорятъ, и въ Абиссиніи. Онъ нерѣдокъ также въ нашихъ Альпахъ и въ меньшемъ количе-

ствѣ встрѣчается онъ и на Карпатахъ и Пиренеяхъ. Съ Альповъ залетаетъ онъ иногда въ Германію, съ Карпатовъ—въ Венгрію; такъ, напримѣръ, по наблюденію эрцгерцога Рудольфа, онъ встрѣчается маленькими обществами даже на стѣнахъ замка въ Офенѣ.

Объ его образѣ жизни до послѣдняго времени имѣлись лишь скудныя свѣдѣнія. Геснеръ былъ первымъ изъ натуралистовъ, упомянувшимъ о немъ. Позднѣе, кое что сообщили намъ Штейнмюллеръ, Шпрюнгли, Шинцъ и Чуди. Но лишь въ 1864 г., благодаря Гиртаннеру, мы узнали подробно образъ жизни этихъ птицъ. Я поэтому не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ передать слова этого прекраснаго наблюдателя, причѣмъ обращаю особенное вниманіе на то, что кромѣ двухъ опубликованныхъ сочиненій, имѣю настоящее сокровище, именно многочисленныя письма названнаго изслѣдователя.

«Если путешественникъ по Швейцарскимъ Альпамъ, взбираясь на вершины горъ, переступить границы высокаго горнаго лѣса и будетъ подыматься далѣе по дикой горной пустынѣ, то услышитъ, особенно въ извѣстныхъ мѣстностяхъ Альповъ, перѣдко далеко съ вышины горы, тонкій протяжный свистъ. Онъ болѣе всего напоминаетъ извѣстную пѣсенку нашей овсянки и состоитъ изъ довольно громкихъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ нотъ одинаковой высоты и оканчивается, нѣсколькими тонами выше, длиннымъ заключительнымъ звукомъ; онъ можетъ быть переданъ приблизительно такъ: «дю дю дю, дюій». Путникъ, пораженный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и обрадованный тѣмъ, что среди нѣмыхъ скалъ онъ внезапно снова услышалъ голосъ другого существа, взглядываетъ вверхъ на голую скалу и обыкновенно, послѣ довольно продолжительнаго исканія, замѣчаетъ между камнями маленькую птичку, лазающую съ полураскрытыми красными крыльями, безъ всякаго напряженія по отвѣсной, мѣстами даже по нависшей скалѣ. Это стѣнолазъ—живая альпійская роза, который странствуетъ по своей родной скалѣ и безъ страха глядитъ внизъ на запыхавшагося пѣшехода, съ немалымъ трудомъ добравшагося до ея высокаго мѣстожителства. Если путникъ не очень торопится, онъ охотно садится на покрытый мхомъ камень, чтобы полюбоваться на это чудесное созданіе. Но ему приходится долго и упорно смотрѣть вверхъ, до боли въ шеѣ, прежде, чѣмъ онъ различитъ эту удивительную игру цвѣтовъ и эти порхающія движенія, которыя способны скорѣе напомнить бабочку, чѣмъ птицу. Самъ стѣнолазъ кажется ему сновидѣніемъ, и у него является сильное желаніе рассмотреть это чудное созданіе вблизи. Если наблюдатель имѣетъ при себѣ хорошее охотничье ружье и имъ руководитъ не низкая страсть къ уничтоженію, а любознательность изслѣдователя, то пусть онъ сниметъ свое ружье съ плеча, старательно прицѣлится въ то время, когда птица находится въ нерѣшительности, куда направиться. Онъ, конечно, не долженъ тогда бояться небольшого града камней, который тотчасъ послѣ выстрѣла броситъ въ него горный духъ, разсерженный нахальнымъ преслѣдованіемъ его любимца, онъ не долженъ также пугаться, если тотъ-же духъ задумаетъ ему на зло вытащить изъ подъ отставленной ноги камешекъ, какъ разъ когда охотникъ смотритъ на мушку ружья; это часто случается въ горахъ и чаще всего тогда, когда хочется овладѣть этимъ питомцемъ Альповъ. Если охотнику посчастливится, то онъ послѣ выстрѣла увидитъ, какъ несчастная птичка, подстрѣленная, летитъ внизъ и, если расщелина въ скалѣ, сжалившись, не скроетъ трупа и не погребетъ его, то эта очаровательная птица у него въ рукахъ.

«Легче, конечно, поймать ее, когда она зимою спускается въ болѣе низкія мѣстности. Какъ всѣ альпійскія птицы, стѣнолазъ перелетная птица. Въ солнечныя дни поднимается онъ въ горы до 3000 м. высоты. Его встрѣ-

чали иногда даже на ледникахъ, на обломкѣ скалы, занятаго охотою за насѣкомыми. Ниже альпійскаго пояса лѣтомъ онъ спускается только изрѣдка, хотя иногда его можно видѣть и здѣсь. Когда-же дни становятся короче, а ночи длиннѣе и холоднѣе, когда солнце въ теченіи короткаго дня не въ состояніи помѣшать медленному непостоянному нарастанію ледяной коры, то этому обитателю Альповъ не остается ничего болѣе, какъ постепенно спускаться въ болѣе низкія, теплыя и защищенные полосы, такъ какъ даже не очень толстая ледяная кора является для его слабаго клюва непоборимымъ препятствіемъ для добыванія пищи. Такъ, зимою 1863—1864 года, которая отличалась продолжительными и сильными холодами, спустился онъ до С. Галлена. Часто видѣлъ я его въ скалахъ, состоящихъ изъ крупныхъ пудинговъ (нагельфлю), въ ущеліи около Штейнаха, непосредственно близъ города, а также и на колокольняхъ и старыхъ каменныхъ стѣнахъ, часто даже низко надъ землею, и могъ иногда разсматривать его на такомъ близкомъ разстояніи, что одного изъ нихъ, который беззаботно и весело лазалъ по скалѣ, я пожалуй могъ-бы достать рукою. Если-же снова наступаетъ нѣсколько солнечныхъ дней, то онъ тотчасъ спѣшитъ въ болѣе высокія мѣстности, и лишь снова возвращающіеся холода гонять его обратно въ долину».

«Стѣнолазъ взбирается охотно лишь по совершенно голымъ скаламъ и чѣмъ болѣе дика и лишена растительности горная мѣстность, тѣмъ вѣрнѣе его можно тамъ найти. Широкія, покрытая травой пространства по склонамъ горъ онъ посѣщаетъ лишь для отысканія насѣкомыхъ и другой своей пищи; въ противномъ случаѣ онъ спѣшитъ перелетѣть ихъ и старается возможно скоро достигнуть голога камня. По стволамъ деревьевъ онъ никогда не лазаетъ; я также никогда не видѣлъ, чтобы онъ садился на кустарники или на вѣтки, торчащія на скалахъ. Онъ живетъ лишь въ воздухѣ и на крутыхъ скалахъ, и даже не любитъ спускаться на землю. Живущихъ на землѣ насѣкомыхъ онъ пытается, по возможности, поймать на скалѣ; если-же, несмотря на всѣ старанія, онъ не достигаетъ такимъ образомъ цѣли, то быстро подлетаетъ, садится на мгновеніе, схватываетъ добычу, а минуту спустя уже опять цѣпляется за скалу, отыскивая удобное мѣсто для поглощенія своей добычи. Маленькихъ жуковъ, которые представляются мертвыми и скатываются по камнямъ въ надеждѣ упасть на недосягаемое мѣсто, также науковъ, старающихся въ торопяхъ скрыться, перекидывая съ камня на камень свою спасительную паутину, стѣнолазъ ловить безъ труда въ воздухѣ.

«Голову держитъ онъ при лазаніи всегда прямо кверху и выглядит тогда почти такимъ-же короткошеимъ, какъ поползень. По нависшимъ стѣнамъ онъ ее загибаетъ даже назадъ, чтобы не попортить свой нѣжный клювъ о выдающіеся камни. Онъ движется вверхъ по самымъ крутымъ скаламъ и высочайшимъ башнямъ съ поразительною быстротою, то обыкновенными прыжками, то порывистыми скачками, изъ которыхъ каждый сопровождается, для облегченія, ударомъ крыльевъ, а часто, при большой поспѣшности и напряженіи, короткимъ горловымъ звукомъ. При этомъ онъ никогда не опирается на кончики маховыхъ перьевъ, какъ часто утверждаютъ: для этого они слишкомъ мягки и слабы. Если наблюдать его издалека, то это въ самомъ дѣлѣ можетъ такъ показаться; вблизи же видишь, что онъ пользуется своими крыльями совершенно иначе. Низко опустивъ локтевой суставъ, онъ держитъ маховыя перья назадъ и вверхъ отъ тѣла, которое находится въ вертикальномъ положеніи и параллельно скалѣ; поэтому крылья расположены на извѣстномъ разстояніи отъ скалы и, благодаря этому, онъ можетъ ударами крыльевъ сжимать находящійся подъ ними столбъ воздуха и этимъ помогать себѣ при передвиженіи. Такой способъ употребленія крыльевъ находится въ тѣсной связи съ

ихъ сильно тупой формой; заостренныя крылья не могли-бы представить достаточной опоры. Впрочемъ, стѣнолазъ поднимаетъ крылья лишь настолько, насколько это необходимо, чтобы захватить достаточно воздуха, такъ что отдѣльныя маховыя перья должны хорошо покрывать другъ друга. Свой короткій хвостъ, которымъ онъ ни въ какомъ случаѣ не пользуется, онъ держитъ возможно дальше отъ скалы, чтобы его не попортить. При лазаніи онъ обнаруживаетъ такую силу и ловкость, что смѣло можно предположить, что нигдѣ на горахъ не найдется плоскости, которая была-бы для него слишкомъ гладкой и крутой. Пойманный, онъ взлѣзаетъ легко вверхъ по обоямъ комнаты. Но чѣмъ круче и глаже плоскость, на которую приходится ему карабкаться, тѣмъ скорѣе онъ долженъ двигаться, такъ какъ на совершенно гладкихъ плоскостяхъ даже онъ можетъ удержаться лишь на нѣсколько мгновений. Взобравшись наверхъ или вообще достигши желанной высоты, онъ виситъ на скалѣ, какъ бабочка, съ сильно растопыренными крыльями, такъ что бѣлыя пятна отчетливо видны на нихъ и, качаясь, поворачиваетъ голову то влѣво, то вправо и оглядывается, при этомъ, черезъ плечо то мѣсто внизу на скалѣ горы, на которое онъ собирается перелетѣть. Въ этомъ положеніи, въ которомъ живущій на волѣ стѣнолазъ чаще всего даетъ возможность спокойно наблюдать себя, онъ кажется дѣйствительно отдыхающимъ на кончикахъ своихъ маховыхъ перьевъ. Отпихнувшись внезапно сильнымъ толчкомъ отъ скалы, онъ легко переворачивается въ воздухѣ, а иногда для препровожденія времени кувыркается и летитъ затѣмъ къ избранному мѣсту, которое лежитъ иногда лишь на нѣсколько метровъ ниже, а иногда довольно далеко. Онъ летитъ то какъ бабочка, то неправильными взмахами, то съ совершенно распростертыми крыльями или какъ хищная птица, бросается иногда стремглавъ внизъ съ опущенной головой и поджатыми крыльями. Въ слѣдующій моментъ онъ уже снова держится за скалу съ поднятою вверхъ головою и поэтому этотъ полетъ внизъ происходитъ часто по красивой, внизу круто загнутой дугѣ. Въ сторону онъ двигается большею частью короткими перелетами, хотя иногда и бѣгаетъ съ сильно согнутыми пяточными сочлененіями вдоль по узкому карнизу, но этого онъ не любитъ и скоро улетаетъ. «Онъ вообще прекрасно летаетъ, въ горизонтальномъ направленіи можетъ быть хуже, чѣмъ въ вертикальномъ, какъ собственно ему и необходимо. Въ этомъ направленіи онъ летаетъ по истинѣ превосходно; нѣтъ ничего красивѣе, какъ видѣть пару этихъ птицъ, носящихся на солнцѣ надъ темными пропастями.

«Ночной отдыхъ стѣнолазъ находитъ въ защищенныхъ трещинахъ скалы или стѣны. Въ горахъ, на опредѣленныхъ скалахъ, которыя мнѣ были извѣстны какъ его любимыя мѣста, и на которыхъ онъ попадался часто и днемъ, онъ появлялся лишь тогда, когда другія альпійскія птицы уже давно проснулись. Я былъ, поэтому, прежде того мнѣнія, что на эти скалы онъ прилетаетъ уже изъ другихъ альпійскихъ мѣстностей, вечеромъ-же опять улетаетъ туда на ночлегъ, какъ это дѣлаютъ очень многія альпійскія птицы. Теперь для меня нѣтъ сомнѣній, что онъ просто долго спитъ.

«На это онъ дѣйствительно имѣетъ право и основаніе: во первыхъ долженъ-же онъ утомиться своимъ постояннымъ, въ продолженіи дня очень напряженнымъ движеніемъ, а во вторыхъ болѣе долгое шатаніе позднимъ вечеромъ не приносило-бы пользы, въ виду того, что мѣсто нахождения его пищи, т. е. глубокіе овраги, уже рано покрываются густою тѣнью. Кромѣ того даже лѣтомъ, въ теченіи ночи, температура падаетъ очень низко, горы покрываются тогда инеемъ и утромъ съ нихъ безпрестанно капаетъ. Какая-же польза была-бы нашему стѣнолазу на разсвѣтѣ при недостаточномъ освѣщеніи шарить кругомъ по скаламъ? Онъ только замараль-бы

и замочилъ свои крылья и они не были-бы тогда въ состояніи служить подмогою ногамъ при лазаньѣ. Несмотря на свои сильные когти, онъ все-же не могъ-бы уцѣпиться за мокрые камни. Что эти движенія его утомляютъ, видно по той позѣ, въ какой онъ находится въ своей опочивальнѣ. Онъ лежитъ въ глубокой щели, въ которую скрывается, на брюшкѣ, какъ насѣдка, безъ сомнѣнія, для того, чтобы дать отдохнуть мышцамъ, служащимъ при летаніи и лазаніи.

Рѣдко можно видѣть стѣнолаза парами внѣ времени размноженія. Онъ большею частью лазаетъ одинъ по пустыннымъ скаламъ, распѣваетъ при этомъ свою короткую, незатѣйливую, но пріятную пѣсенку. Къ своимъ родичамъ онъ относится или равнодушно или, преслѣдуя ихъ, пытается выгнать изъ своихъ владѣній. Съ птицами другого рода онъ не приходитъ въ соприкосновеніе, а если это и случается, то онъ избѣгаетъ ихъ. Пища его состоитъ изъ пауковъ и насѣкомыхъ, живущихъ на обитаемыхъ имъ высотахъ; однако виды ихъ довольно немногочисленны, и стѣнолазу поэтому не приходится быть очень разборчивымъ. Своимъ тонкимъ клювомъ, какъ тончайшими щипцами, схватываетъ онъ съ увѣренностью даже самыхъ мелкихъ насѣкомыхъ. Языкъ служитъ ему слѣдующимъ образомъ: быстро выдвигая его впередъ, прокалываетъ онъ схваченныхъ и лежащихъ въ клювѣ насѣкомыхъ, ихъ личинокъ и куколокъ и, притянувъ затѣмъ его назадъ, складываетъ добычу въ заднюю часть рта. Большихъ насѣкомыхъ, какъ напримѣръ гусеницъ, схватываетъ онъ сперва, какъ онѣ ему попадаютъ въ клювъ, затѣмъ вертитъ и трясетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онѣ не улягутся поперекъ кончика клюва. Схвативъ ихъ такимъ образомъ, онъ ударяетъ ими вправо и влѣво о камни и, двигая впередъ и назадъ головой, вбрасываетъ наконецъ въ глотку гусеницу по ея длинѣ; при этомъ онъ никогда не забываетъ тщательно вытереть свой клювъ о камень. Насѣкомыхъ, покрытыхъ твердымъ панциремъ, напримѣръ жуковъ, онъ уже потому не можетъ прокалывать, что его тонкій языкъ, упираясь въ твердый панцирь жука, слишкомъ сильно-бы гнулся въ клювѣ, по необходимости, довольно сильно открытомъ; при закрытомъ со всѣхъ сторонъ клювѣ этого случиться не можетъ. Хотя птица и не въ состояніи своимъ тонкимъ клювомъ продолбить толстый ледъ и камень, тѣмъ не менѣе сильный и звучный стукъ, производимый ею о стѣнки клѣтки, доказываетъ ясно, что она можетъ отдирать примерзшихъ къ камню насѣкомыхъ, куколокъ и т. д., и достать скрывающуюся въ землѣ живую добычу, всовывая за ней въ землю клювъ, или удалить другія незначительныя препятствія. Зимой онъ принужденъ довольствоваться яичками, куколками или впавшими въ оцѣпенѣніе насѣкомыми. И тогда онъ также, безъ сомнѣнія, цѣлый день занятъ труднымъ дѣломъ добыванія пищи; въ остальное-же время, какъ извѣстно, солнце, появляясь хотя на короткое время, пробуждаетъ множество заснувшихъ насѣкомыхъ. Время насиживанія приходится на май и іюнь. «Гнѣздо у него большое, круглое, низкое, плоское и поразительно легкой постройки изъ тонкаго мха, пуха различныхъ растений, тонкихъ волоконъ корней, большихъ клочковъ овечьей шерсти, кусочковъ ткани, волосъ и т. п.; лежитъ оно на днѣ углубленія скалы. Яицъ кладутъ они 4; длина ихъ приблизительно 15 м. м., при 11 м. м. толщины. Они окрашены по бѣлому полю коричнево-черными, рѣзко очерченными точками, которыхъ больше всего на тупомъ концѣ яйца.

Послѣ несказанныхъ трудовъ и терпѣливаго ожиданія Гиртаннеру удалось приучить пойманныхъ старыми стѣнолазовъ къ неволѣ и клѣточному корму, а потомъ даже выращивались и птенцы. Надъ ними-то онъ и сдѣлалъ часть своихъ превосходныхъ наблюдений, только что мною приведенныхъ. Благодаря добротѣ друга моего, я также имѣлъ возможность ухаживать за этими рѣдкими пти-

цами. Въ клѣткѣ онѣ также прелестны, какъ и на свободѣ, но, къ сожалѣнію, очень хилы, хотя на свободѣ и кажутся смѣлыми и здоровыми. Самыми опасными врагами живущаго на свободѣ стѣнолаза, какъ говоритъ Гиртайнеръ, являются виды маленькихъ соколовъ, особенно-же перепелятникъ, который распространяетъ свои хищническія нападенія и на самыя высоко-лежащія части горъ. Онѣ часто ловить взрослыхъ, а нерѣдко разоряетъ и цѣлое гнѣздо. Однако-же стѣнолазу иногда удается, благодаря его искусному полету, скрыться даже отъ этого ловкаго хищника. Это мнѣ однажды пришлось видѣть самому. Истребъ напрасно старался напасть на стѣнолаза, перелетавшаго большую пропасть. Чѣмъ смѣлѣе нападалъ преслѣдователь, тѣмъ больше искусства развивалъ преслѣдуемый. Несмотря на то, что послѣдній былъ видимо сильно занятъ атаками перепелятника, онѣ тѣмъ не менѣе постоянно ловко избѣгалъ ихъ и постепенно старался добраться до противоположной стѣны, гдѣ очевидно его ждало спасеніе. Едва онѣ приблизился къ ней, какъ уже не заботился о самозащитѣ, а полетѣлъ въ прямомъ направленіи какъ стрѣла на каменную стѣну, достигъ ее невредимо и тотчасъ-же исчезъ въ трещинѣ. Перепелятникъ также сейчасъ-же прекратилъ бесполезную охоту и улетѣлъ съ сердитымъ крикомъ.

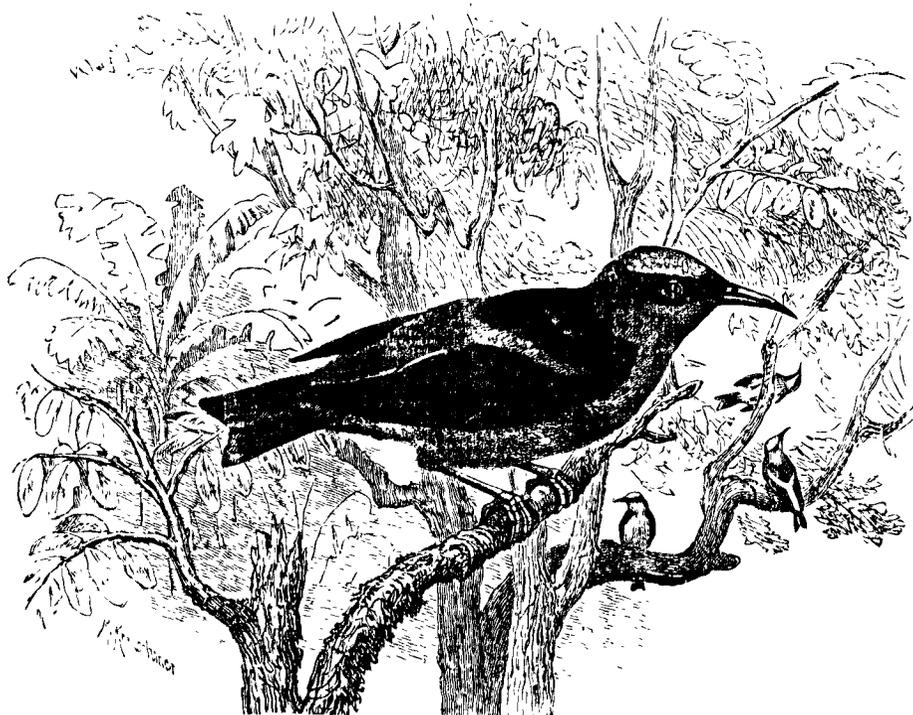
О вредѣ стѣнолаза, питающагося лишь насѣкомыми, не можетъ быть и рѣчи: однако и польза его очень невелика, принимая во вниманіе тѣ мѣста, гдѣ стѣнолазъ собираетъ свою добычу. Но зато, какъ одно изъ большихъ украшеній нашихъ Альповъ, онѣ высоко цѣнится всѣми любителями путешествій въ горахъ. Если съ пустынныхъ высотъ прозвучитъ его короткая пѣсня, то путникъ весело привѣтствуетъ близость прекраснаго существа и взоръ его съ удовольствіемъ отдыхаетъ на этой живою альпійской розѣ, оживляющей величественную, но вѣчно лежащую въ оцѣпенѣніи окрестность.

Сахарныя птицы (Dacnidae. Zukervogel) представляютъ собою маленькихъ красныхъ обитателей Южно Американской, Восточной и Австралійской областей. Ихъ насчитываютъ около 100 видовъ. Онѣ отличаются особеннымъ строеніемъ своего языка. Онѣ длиненъ, раздвоенъ и на концѣ волокнистъ, но не можетъ далеко выдвигаться. Отъ другихъ медососовъ сахарныя птицы отличаются тѣмъ, что имѣютъ 9 большихъ маховыхъ перьевъ. Всѣ сахарныя птицы веселыя, живыя, премилыя созданія, по своему праву и образу жизни очень похожія на нашихъ пѣвчихъ птицъ. Онѣ держатся большею частью на высокихъ вѣтвяхъ лѣсныхъ деревьевъ, летаютъ здѣсь съ вѣтки на вѣтку и вѣщуются, какъ синицы, на стебляхъ, преслѣдуютъ насѣкомыхъ, ѣдятъ плоды и сосутъ сладкій сокъ изъ цвѣтовъ. Въ ихъ желудкахъ находили больше плодовъ, чѣмъ насѣкомыхъ, особенно красныя сѣмяна и ягоды. Когда плоды зрѣютъ, онѣ приближаются къ жилищамъ людей и являются въ сады такъ-же, какъ у насъ зяблики и пѣвчія птицы. Въ прочее время онѣ живутъ какъ въ густыхъ лѣсахъ, такъ и въ менѣе густомъ кустарникѣ.

Сай (*Arbelorhina cyanea*, *Certhia cyanea*, *cyanogastra* и *armillata*, *Caereba cyanea*. Sai. Grimpereau de Cayenne) является представителемъ особаго рода (*Arbelorhina*), отличающагося саблевидно согнутымъ клювомъ, по длинѣ равнымъ головѣ птицы. Сай великолѣпнаго блестяще-голубого цвѣта; темя отлиываетъ сине-зеленымъ; спина, крылья и хвостъ, какъ и полоса, проходящая черезъ глаза, — черныя; маховыя перья окаймлены желтымъ. Глаза сѣровато-каріе, клювъ черный и ноги ярко-

оранжево-красныя. У самки верхняя сторона зеленая, какъ у чижа, снизу блѣдно-зеленая; шея бѣловатая. Длина его достигаетъ 12 см., длина крыла 6, а хвоста 3 см.

Онъ распространенъ въ большей части Южной Америки отъ восточной Бразиліи до Кайены и попадаетъ также на островъ Кубѣ. «Изъ всѣхъ мѣстъ, мною посѣщенныхъ», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «онъ нигдѣ не попадался такъ часто, какъ въ провинціи Эспирито-Санто и тамъ въ лѣсахъ, по берегу моря, мои охотники убили огромное количество этихъ чудныхъ птицъ. Во время размноженія находили мы ихъ парами, а внѣ его онѣ собирались въ небольшія стаи по 6—8 штукъ и весело летали по верхушкамъ деревьевъ. Въ ихъ желудкахъ находили больше всего остатки плодовъ, а также и насѣкомыхъ. Громкаго звука и хорошаго пѣнія мы

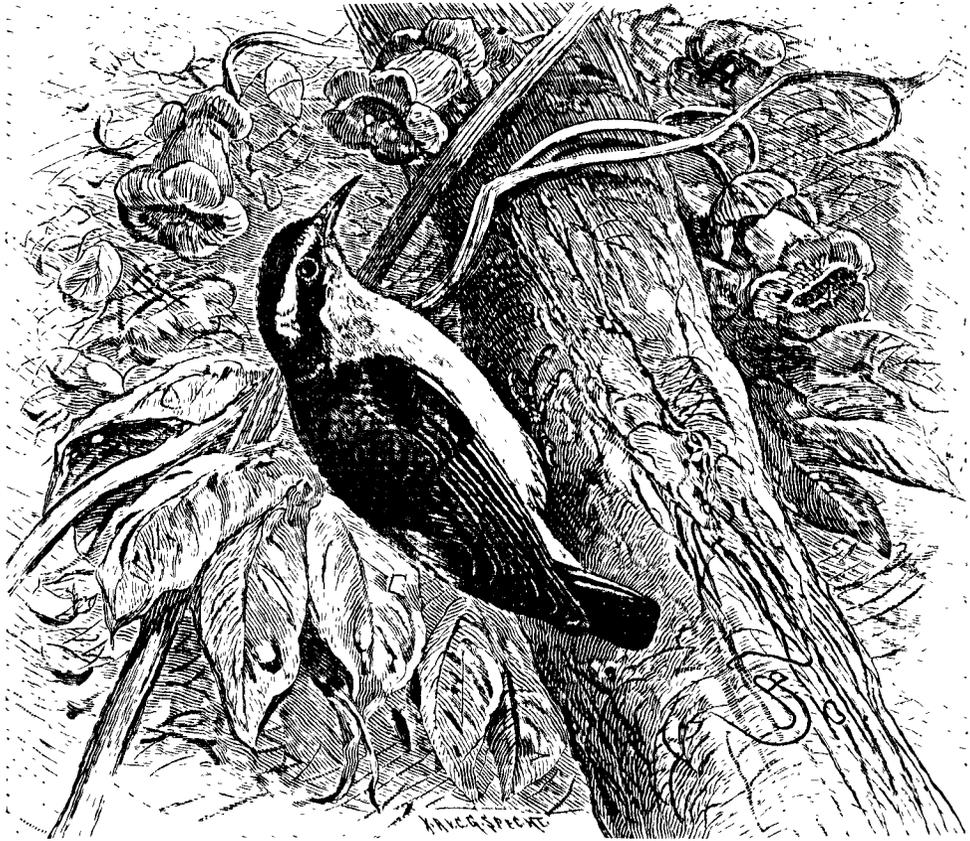
Сай. *Arbelorhina cyanea*. $\frac{3}{4}$ наст. велич.

отъ нихъ не слышали: онѣ, говорятъ, издають лишь довольно тихое чириканье. Ихъ призывной голосъ есть часто и быстро повторяемый короткій звукъ. Онѣ вродѣ нашихъ синицъ весело порхаютъ и прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку, постоянно въ движеніи, и долго на одномъ и томъ-же мѣстѣ не держатся. Онѣ очень часто соединяются съ другими маленькими птицами, напримѣръ, съ тангарами. Когда созрѣютъ сочные плоды, онѣ усердно ихъ поѣдаютъ. «Шомбургкъ въ главныхъ чертахъ подтверждаетъ эти указанія принца, ничего не дополняя, упоминаетъ лишь въ описаніи своего путешествія, что родственникъ видъ послѣднихъ убивается дикарями, дѣлающими изъ ихъ блестящихъ перьевъ себѣ украшенія. Пойманныя попадаютъ иногда въ Европу и содержатся въ клеткахъ, но онѣ не долговѣчны и требуютъ тщательнаго ухода, чтобы вынести нѣсколько лѣтъ неволи.

Питпить ямайскій (*Dacnis flaveola*, *Certhia*, *Certhiola* и *Saereba flaveola*, cur-

gusa, jamaicensis. Pit-pit) представитель рода того-же названия, отличается короткимъ, острымъ, слегка согнутымъ клювомъ. Онъ сверху черный, горло черновато-сѣрое а нижняя часть и надхвостье красиво-желтыя; полоса надъ глазами, передніе края большихъ маховыхъ перьевъ, конецъ хвоста и самыя крайнія хвостовыя перья — бѣлыя. Глаза сѣровато-каріе, клювъ черный. ноги бурья. Самка сверху черновато-оливковаго цвѣта, снизу буровато-желтаго, въ остальномъ окрашена, какъ самецъ. Длина его около 10 см., длина крыла 5,6, а хвоста 2,5 см.

Питпитъ живетъ на островѣ Ямаикѣ. Согласно словамъ Гюссэ, которому

Питпитъ Ямаикій. *Dacnis flavicola*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

мы обязаны лучшимъ описаніемъ жизни его, онъ встрѣчается здѣсь нерѣдко въ обществѣ колибри и посѣщаетъ тѣ-же цвѣты и съ тою-же цѣлью, какъ и колибри. Но онъ не паритъ передъ цвѣтами, а садится на дерево и, прыгая съ вѣтки на вѣтку, старательно изслѣдуетъ внутренность цвѣтка, причемъ поворачиваетъ свое тѣло и иногда вѣшается спиною книзу, чтобъ имѣть возможность своимъ загнутымъ клювомъ и кистью своего языка хорошенько разыскать небольшихъ насѣкомыхъ во всѣхъ частяхъ цвѣтка. Онъ очень доверчиво появляется на цвѣтущихъ кустахъ плантацій и садовъ Ямайки.

«Большая моринга, покрытая весь годъ цвѣтами, имѣетъ, кажется, для него, какъ и для колибри, особенную притягательную силу. Какъ разъ теперь, въ то время какъ я пишу, пара этихъ милыхъ созданій изслѣдуетъ передъ моими окнами

стоящую морингу въ то время, какъ на другомъ мѣстѣ маленькій колибри порхаетъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, а къ нимъ присоединяется прекрасная Уранія. У описываемой нами птицы слышится часто во время работъ нѣжный свистъ».

Гнѣздо помѣщается обыкновенно въ низкихъ кустахъ, вблизи гнѣздъ ось, которыя висятъ на вѣтвяхъ. Говорятъ, что и родственныя птицы имѣютъ склонность къ этому сосѣдству. Они, безъ сомнѣнн, считаютъ себя въ большой безопасности и болѣе защищенными вблизи этихъ насѣкомыхъ, которыхъ всѣ боятся. Время насиванія падаетъ на мѣсяцы май, июнь и июль. Четвертаго мая я видѣлъ питпита, несущаго шелковистую шерсть для гнѣзда. Его гнѣздо, вѣроятно, было еще недостроено и основаніе указывало, что оно будетъ покрыто сводомъ; оно состояло только изъ мягкой шерсти. Позже я видѣлъ и нѣсколько оконченныхъ гнѣздъ. Они имѣли форму шара; входное отверстіе было сбоку и снизу. Очень толстыя стѣнки состояли изъ сѣна, смѣшаннаго съ шелковистымъ хлопкомъ асклеиадеи. Въ другомъ гнѣздѣ я нашелъ два личка, раскрашенныхъ по зеленовато-бѣлому фону частыми красными пятнами.

Къ Старому Свѣту принадлежатъ **Нектарницы** (Nectarinidae. Nonigsauger. Sucriers). Это маленькія, красиво сложенные птицы, щеголюющія своимъ роскошно окрашеннымъ опереніемъ и, благодаря ему, напоминающія собою колибри. Онѣ однако рѣзко отличаются отъ послѣднихъ своими короткими крыльями, ногами съ длинными плюснами, а также и образомъ жизни. Отличительные признаки ихъ: довольно короткое туловище, длинный, слегка согнутый, тонкій и остроконечный клювъ, довольно длинныя, со стройными пальцами, ноги, средней длины крылья съ десятью большими маховыми перьями. Хвостъ на концѣ прямо обрѣзанъ или округленъ, клинообразенъ и два среднихъ пера его бывають иногда сильно удлинены. Языкъ длиненъ, трубчатъ, глубоко расщепленъ и далеко вытягивается. Окраска оперенія измѣняется не только въ зависимости отъ пола, но и отъ времени года. Семейство это, состоящее приблизительно изъ 120 видовъ, распространено по Африкѣ, Азіи, Новой Гвинее и по сѣверной Австраліи. Особенно богата видами первая изъ названныхъ частей свѣта. Тамъ, гдѣ онѣ водятся, онѣ всегда многочисленны и являютья роскошнымъ украшеніемъ лѣсовъ, кустовъ и садовъ. Ихъ образъ жизни и нравъ крайне привлекательны, ибо онѣ принадлежатъ къ самымъ способнымъ и милымъ воробьинымъ птицамъ. Ихъ находятъ постоянно парами и лишь вскорѣ послѣ насиванія небольшими обществами, скоро однако разбивающимися на отдѣльныя пары. Послѣ этого каждая пара выбираетъ себѣ отдѣльный, довольно большой районъ и тщательно оберегаетъ его отъ другихъ птицъ того-же вида, хотя родственныхъ птицъ другаго вида терпятъ. Въ этомъ районѣ нектарницы дѣлаютья очень замѣтными. Онѣ появляются постоянно на опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ дерево въ цвѣту, прилетаютъ въ сады и снуютъ безъ страха вблизи человѣка непосредственно передъ домомъ. Когда въ сѣверо-восточной Африкѣ цвѣтетъ фиговый кактусъ, то онъ является сборнымъ мѣстомъ всѣхъ видовъ ихъ, живущихъ въ этой мѣстности. То-же бываетъ и въ лѣсахъ на стоящей отдѣльно отъ другихъ деревьевъ цвѣтущей мимозѣ и вообще на всякомъ деревѣ, цвѣты котораго привлекають насѣкомыхъ. Въ пору любви самцы чванятся своей красотой, принимаютъ странныя позы, дѣлають своеобразныя тѣлдвиженія и при этомъ очень мило поють. Гнѣздо построено искусно и по большей части привѣшено къ тонкимъ вѣткамъ. Самки кладуть много яицъ чисто-бѣлаго цвѣта.

Къ тѣмъ видамъ, которые окрашены живо, но безъ металлическаго блеска или съ

весьма малымъ блескомъ этого рода, и имѣютъ клинообразный хвостъ съ удлинненными средними перьями, принадлежитъ **Нектарница блестящая** (*Nectarinia metallica*, *Cinnipis* и *Hedydipna metallica*, Erzhopigsäuger. Guit-guit). Родъ, къ которому принадлежитъ этотъ видъ, отличается прямымъ, слегка согнутымъ, длиною почти равнымъ головѣ, клювомъ относительно короткими крыльями, въ которыхъ маховыя перья отъ 2-го до 5-го одинаковы и длиннѣе другихъ. Хвостъ клинообразный и оба его среднихъ пера значительно длиннѣе другихъ. У самца голова, шея, спина и малыя кроющія перья бронзо-зеленаго цвѣта, съ нижней стороны онъ ярко-желтый. Полоса на груди и надхвостье блестяще-фіолетоваго цвѣта; маховыя и хвостовыя перья черно-синія. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Самка свѣтло-коричневато-оливковая и съ нижней стороны сѣро-желтая. Молодые похожи на мать, но еще блѣднѣе. Длина птицы около 15-ти см., длина крыла 5,5, длина среднихъ хвостовыхъ перьевъ 9, а остальныхъ 4,5 см. Блестящая нектарница—первая птица въ тропическихъ странахъ, которую путешественники встрѣчаютъ, вступая съ сѣвера во внутрь Африки. Хотя въ началѣ она и понадается лишь по-одиночкѣ, но все-же распространена далѣе тѣхъ границъ, которыхъ строго держатся другія тропическія птицы на ея родинѣ. Ее встрѣчаешь какъ только перейдешь тропикъ. Пѣть ея въ средней Нубіи, потому-что тамъ природа такъ бѣдна, что ей кормиться нечѣмъ, такъ какъ каменные массы береговъ Нила не даютъ пропитанія даже нетребовательной мимозѣ. За то тамъ, гдѣ послѣдняя показывается снова, нектарницы навѣрно на лицо.

Ихъ видишь также постоянно парами, на благопріятныхъ мѣстахъ во всякомъ случаѣ очень часто. Здѣсь каждой парѣ приходится довольствоваться малымъ и ограничиваться немногими цвѣтущими деревьями, а въ иное время даже лишь одною группою фиговыхъ кактусовъ. Какъ птица, любящая яркое солнце, она утромъ и вечеромъ спокойна и тиха. Когда-же настаетъ горячій полдень и палящія лучи находящагося на зенитѣ солнца заставляютъ другихъ птицъ скрываться въ прохладныхъ тѣнистыхъ мѣстахъ и онѣ всѣ покоятся,—тогда нектарницѣ всего веселѣе. Самецъ перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, отыскивая пищу, съ крикомъ и пѣніемъ, вмѣстѣ со своею вѣрною подругою. Другихъ птицъ нектарница мало боится и человѣку дозволяетъ близко подходить къ ней и наблюдать ее. Если найдешь мимозу въ полномъ цвѣту и встанешь подъ нее, то рѣдко приходится долго ждать появленія этой птицы.

Быстрымъ порхающимъ полетомъ является самецъ, садится между шипами въ вѣтвяхъ, внимательно оглядывается на свою самку, нѣжно кричитъ ей на встрѣчу «чай, чэхи, чэ, чи» и начинаетъ торопливо изслѣдовать цвѣты. При этомъ онъ держится прямо, приглаживаетъ опереніе, такъ что выглядитъ очень стройнымъ, и летаетъ отъ одного цвѣтка къ другому, ударя въ каждые 3 или 4 раза своимъ клювомъ, чтобы вытащить спрятанныхъ въ нихъ насѣкомыхъ. Но не только одни маленькія насѣкомыя составляютъ пищу нектарницы. Она между дѣломъ схватываетъ муху и даже гоняется за жужжащимъ насѣкомымъ по воздуху. Изслѣдовавъ цвѣтокъ, она весело вскрикиваетъ и летитъ немного далѣе къ другому, причѣмъ самка всюду вѣрно слѣдуетъ за самцомъ. Оба супруга одной пары въ высшей степени нѣжны другъ съ другомъ, и самецъ осыпаетъ свою самку всякаго рода любезностями. Кромѣ очень нѣжнаго призывнаго крика, самецъ поетъ также красивую пѣсенку. Пѣніе начинается съ «та, тай, тайти» и затѣмъ продолжается, вродѣ пѣнія нѣкоторыхъ камышевокъ, довольно запутанно и смѣшивается съ мурлыкающими и трескучими звуками. Пѣвецъ при этомъ поднимаетъ перья на головѣ, опускаетъ крылья и немного ихъ расширяетъ, поднимаетъ хвостъ такъ, что онъ стоитъ почти вертикально, вертится и поворачивается во всѣ стороны и сверкаетъ въ лучахъ солнца своимъ опереніемъ.

Онъ чванится, какъ павлинь, прелестью цвѣтовъ своего оперенія и старается показать въ лучшемъ свѣтѣ каждую часть своего роскошнаго одѣянія. Самка возбужденно и весело подражаетъ, насколько возможно, каждому его движению. Но насколько велика нѣжность этихъ птицъ, настолько велика и ревность самца. Онъ не терпитъ другого самца въ своемъ участкѣ и нападаетъ на каждого ворвавшася туда; онъ преслѣдуетъ его гнѣвно въ воздухъ, даже между самыми страшными шипами и до тѣхъ поръ не успокаивается, пока не изгонитъ врага изъ границъ своего участка.

Нектарница блестящая *Nectarina metallica*. 2/3 наст. вел.

Время насидиванія измѣняется въ зависимости отъ мѣстности или вѣрнѣе отъ того, когда наступаетъ въ данной странѣ весна, или другое время года. Въ южной Нуби и въ Самхарѣ постройка гнѣзда начинается тотчасъ по окончаніи линянія, въ мартѣ и апрѣлѣ; собственно въ Суданѣ находилъ я, напротивъ того, гнѣзда въ исходѣ лѣта, послѣ начала времени дождей.

Довольно трудно отличить эти гнѣзда отъ гнѣздъ родственныхъ птицъ. Онѣ висятъ на крайнихъ вѣтвяхъ деревьевъ, именно мимозъ, рѣдко высоко надъ землею, а иногда такъ низко, что ихъ можно достать рукою, иногда-же, напротивъ, высоко, почти у вершины. Форма гнѣзда яйцевидная, то продолговатѣе, то круглѣе, а иногда цилиндрическая, округленная наверху и внизу. Входное отверстіе въ верхней части и помѣщается сбоку. Хлопокъ образуетъ главный матерьялъ для постройки. Изъ него

свалены стѣнки. Внутри гнѣздо выложено волосами, паутиною, а также волокнами цвѣтовъ. Птицы очень любятъ вѣшать его такъ, чтобы входъ былъ закрытъ листьями. Строятъ его оба пола вмѣстѣ въ высшей степени усердно и употребляютъ по крайней мѣрѣ двѣ недѣли для окончанія этой постройки. Онѣ кладутъ 3—4 продолговатыхъ яицъ, длиною около 21 м.м. и толщиною около 12 м.м.; они окрашены въ бѣлый, слегка красноватый цвѣтъ и по этому фону покрыты нѣсколькими темно-сѣрыми и буро-фіолетовыми брызгами. Яйца, какъ мнѣ кажется, насиживаются одною самкою. Я не имѣлъ возможности собрать наблюденій о воспитаніи птенцовъ. Станнымъ кажется, что эти нектарницы, какъ иногда и другія родственныя имъ птицы, начинаютъ постройку гнѣзда, не одѣвшись еще въ свой свадебный нарядъ. Можно подумать, что онѣ строятъ себѣ гнѣздо лишь для развлечения, не думая еще о размноженіи. Но къ этому я долженъ замѣтить, что анатомическое изслѣдованіе доказываетъ, что онѣ все-таки находятся въ періодъ полового возбужденія. Я не могу указать на враговъ блестящей нектарницы и другихъ родственныхъ видовъ. Я никогда не видѣлъ, чтобы какая нибудь хищная птица нападала на нихъ. Проворство этихъ крошекъ и шишъ мимозъ, между которыми онѣ постоянно двигаются, защищаютъ ихъ отъ нападѣнія ястребовъ и соколовъ. Зато ихъ гнѣзда, безъ сомнѣнія, грабятъ обезьяны точно такъ, какъ и гнѣзда другихъ птицъ.

Большая и наиболѣе замѣтная часть растительнаго царства Австраліи, такъ приблизительно говоритъ Гульдъ, состоитъ изъ камедныхъ деревьевъ и банксій, доставляющихъ удобное убѣжище многимъ большимъ семействамъ птицъ, на примѣръ, попугаямъ и **Кистозычнымъ**. Образъ жизни этихъ птицъ такъ тѣсно связанъ съ названными деревьями, что однихъ безъ другихъ нельзя себѣ и представить. Кистозычныя птицы поѣдаютъ насѣкомыхъ, пыльцу и медъ изъ цвѣтовъ этихъ растеній, которыя содержатъ большое богатство этого корма, и достаютъ эту пищу при помощи своего длиннаго, на концѣ кистевиднаго и удивительно приспособленнаго къ этой цѣли языка. Лишь немногія спускаются съ деревьевъ и ищутъ на землѣ жуковъ и другихъ насѣкомыхъ; большая-же часть видовъ живутъ исключительно то на тѣхъ, то на другихъ деревьяхъ. Всѣ **Медоѣды** (*Meliphagidae*, *Honigfresser*), за исключеніемъ одного вида, живутъ въ Австраліи; ихъ насчитываютъ около 200 видовъ. Отличительныя признаки ихъ слѣдующіе: довольно длинный, тонкій, слегка согнутый и на концѣ округленный клювъ, верхняя челюсть котораго немного длиннѣе нижней; ноги средней длины и довольно толстыя съ большимъ заднимъ пальцемъ; крылья средней длины и на концѣ округлены; въ нихъ обыкновенно четвертое маховое перо самое длинное. Хвостъ болѣе или менѣе длиненъ и по большей части тоже на концѣ округленъ. Ноздри скрыты подъ хрящеватыми крышками. Глотка очень узкая. Языкъ спереди на кончикѣ покрытъ щетиновидными волокнами, такъ что онъ похожъ на щетку. Желудокъ малъ и со слабыми мускулами. Опереніе различно: то болѣе пушистое, то гладкое, иногда сильно удлинненное, особенно около шеи и ушей; у нѣкоторыхъ птицъ оно очень пестро, у другихъ довольно одноцвѣтно и мало измѣняется въ зависимости отъ пола. По своему нраву и образу жизни всѣ кистозычныя выказываютъ большое сходство между собою. Онѣ почти безъ исключенія очень живыя, беспокойныя и болтливыя птицы; онѣ принимаютъ на вѣтвяхъ самыя разнообразныя положенія, въ зависимости отъ своихъ занятій. Въ лазаньи онѣ очень ловки, хотя лазаютъ не по способу дятловъ, но какъ наши синицы. Онѣ ловко прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку, быстро бѣгаютъ по стеблямъ и часто висятъ на нихъ головою внизъ, чтобы въ этомъ положеніи изслѣ-

довать снизу свѣшивающіеся цвѣты. Ихъ полетъ волнистый, но у большинства не особенно продолжительный, между тѣмъ какъ нѣкоторые виды оказываются превосходными летунами и какъ бы для своего удовольствія пиныряютъ по воздуху. Голосъ у нихъ сильный: инныя прекрасно поютъ, другія, по крайней мѣрѣ, громко чирикаютъ. Только немногіе виды любятъ общество; большинство живетъ парами, но вблизи другихъ паръ. Говорятъ, что нѣкоторые виды очень мужественны и драчливы и смѣло бросаются на воронъ, соколовъ и вообще большихъ птицъ, отъ которыхъ не ожидаютъ ничего хорошаго. Людей онѣ боятся очень мало; многія являются, напротивъ, совсѣмъ близко около человѣческихъ жилищъ и строятъ даже безъ страха свои гнѣзда среди городовъ и на самыхъ оживленныхъ, открытыхъ мѣстахъ, если здѣсь растутъ ихъ любимыя деревья. Гнѣзда строятся различно. Число яицъ незначительно. Съ неволею примираются, кажется, лишь немногіе виды, однако ихъ можно держать въ клѣткахъ. Отдѣльные экземпляры этихъ птицъ привозились и въ Европу.

* * *

«Отличающимся по своему голосу обитателемъ романтическихъ пустынь Новой Зеландіи», говоритъ Рошела, «является **Новозеландскій Поэ** или **Туи**. Не слишкомъ много говорятъ объ этой чудной птицѣ, если утверждаютъ, что во всѣхъ лѣсахъ Европы нѣтъ пѣвца, могущаго съ нимъ помѣриться. Постоянная звучность и нѣжная пріятность его пѣнія кажутся мнѣ дѣйствительно несравненными. Какъ я ни люблю пѣніе европейскаго соловья, но нахожу, что оно далеко уступаетъ пѣнію этой птицы, и я сознаюся, что никогда въ жизни не имѣлъ представленія о такомъ очаровательномъ и чудно поющемъ существѣ». Путешественники, которые потомъ упоминаютъ объ этой птицѣ, правда, не воздаютъ ей такой восторженной похвалы, но всѣ, безъ исключенія, отзываются о ней, какъ о лучшемъ пѣвцѣ Океаніи, и я считаю себя въ правѣ разсматривать его, какъ представителя его семейства.

Новозеландскій Поэ или **Туи** (*Prothemadera novae-seelandiae, circinata* и *concinata*. *Lamprotornis novae-seelandiae*, *Merops novae-seelandiae* и *concinatus*, *Meliphaga novae-seelandiae* и *concinata*, *Sturnus crispicollis*, *Certhia concinnata*, *Philemon concinnatus*. Poe. Tui) отличается сильнымъ и наверху и внизу слегка согнутымъ клювомъ, сильными длинными ногами, умѣренно длинными крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ четвертое — самое длинное. Хвостъ средней длины и округленъ на концѣ. По бокамъ шеи находятся два, расщипанные какъ волосы, хохолка, шаровидно свернутые, а на верхней части ея длинныя, узкія, волосообразныя перья. Въ опереніи преобладаетъ блестяще-стальной цвѣтъ. Малыя кроющія перья крыльевъ, концы самыхъ длинныхъ малыхъ маховыхъ перьевъ, верхнія перья на плечахъ, надхвостье и нижняя часть груди имѣютъ сине-стальной отливъ. Остальныя перья на плечахъ, задняя часть спины, брюшко и бедра темно-коричневая съ бронзовымъ отливомъ. Большія верхнія кроющія перья крыльевъ, стволы удлинненныхъ шейныхъ перьевъ и оба шейныхъ хохолка бѣлые; маховыя и хвостовыя перья черныя и снаружи отсвѣчиваютъ темно-зеленымъ. Глаза темно-каріе. Клювъ и ноги черныя. Молодые отличаются отъ одинаково окрашенныхъ взрослыхъ аспидно-коричнево-черною окраскою и широкою, по формѣ похожей на полумѣсяцъ, грязновато-бѣлою полоскою на горлѣ. Длина поэ достигаетъ 30 см., длина крыла 14, а хвоста 12 см.

Хотя поэ часто привозили въ Сидней, и онъ нерѣдко попадалъ живымъ въ Европу, даже въ Германию, однако лишь въ послѣднее время получили мы свѣдѣнія объ его жизни на свободѣ и самыя подробныя и вѣрныя отъ Буллера. «Первые

поселенцы называли новозеландскаго поэ», говоритъ названный изслѣдователь, «птицею-пасторомъ», вѣроятно изъ за двухъ бѣлыхъ хохолковъ на шеѣ, напоминающихъ собою бѣлые язычки воротничка рясы евангелическаго пастора. Впрочемъ и другіе, издавшіе Поэ въ лѣсахъ его родины, находятъ это названіе мѣткимъ, потому что когда онъ поетъ, то поворачивается направо и налево, совершенно какъ пасторъ на каедрѣ. Онъ сидитъ, какъ замѣчаетъ Тимпсонъ, важно на вѣткѣ, качаетъ головою и поворачиваетъ ее то въ одну, то въ другую сторону, какъ будто хочетъ говорить то одному, то другому; вдругъ онъ приподнимается и тогда возвышаетъ съ такою силою свой голосъ, точно ему приходится будить спящихъ. Несмотря

Новозеландскій Поэ. *Prothemadera novae seelandiae*. $\frac{3}{10}$ наст. вел.

на свою постоянную живость и неутомимость, онъ остается во время пѣнія всегда на одномъ мѣстѣ. Раннимъ утромъ поетъ онъ продолжительнѣе всего и тогда раздается по лѣсамъ Новой Зеландіи гулъ отъ пѣсенъ всѣхъ поющихъ птицъ этого вида, соревнующихся между собою. Въ призывномъ голосѣ слышится особенно громкое и звучное «туи туи». Его обыкновенная пѣсенка состоитъ изъ пяти тоновъ, которымъ предшествуетъ отдѣльный тонъ; кромѣ того всегда слышенъ какой-то особенный звукъ, похожій на кашель или смѣхъ, и большое количество другихъ вставныхъ звуковъ, такъ что новозеландскій поэ имѣетъ полное право считаться настоящей пѣвчей птицей. Полетъ его быстръ и красивъ, со множествомъ всякихъ поворотовъ и крюковъ, хотя немного шуменъ. «Ни одна птица лѣсовъ Новой Зеландіи», говоритъ Лейардъ, «не привлекаетъ настолько вниманіе чужестранца,

как именно поё. Эта шумная птица всегда въ движеніи: она то перелетаетъ съ дерева на дерево, то носится, точно на парусахъ, большими кругами надъ лѣсомъ. Этой забавой она бываетъ занята вечеромъ и раньше я былъ склоненъ думать, что она старается отыскать глазами себѣ пищу, но затѣмъ нашель, что это дѣлается лишь для забавы и удовольствія. Часто видишь, какъ онѣ въ числѣ 8—10 летаютъ, то дѣлая круги въ воздухѣ, вращаясь и кувыркаясь, то спускаясь со значительной высоты съ распростертыми крыльями и хвостомъ, то дѣлая разные другіе фокусы, пока внезапно всѣ на призывной голосъ не спустятся въ чащу лѣса и не скроются изъ глазъ». Буллеръ подтверждаетъ эти сообщенія и продолжаетъ далѣе. «Часто видишь, какъ поё высоко на воздухѣ внезапно подбираетъ крылья и держится на воздухѣ и паритъ только съ помощью быстрыхъ ударовъ распущеннаго хвоста, а иногда медленно скользитъ внизъ и затѣмъ бросается быстро впередъ съ полураскрытыми крыльями, а затѣмъ снова поднимается въ вышину». Словомъ птица дѣлаетъ въ воздухѣ всевозможные кунштюки. Пищею новозеландскому поё служатъ насѣкомыя, различные плоды и ягоды, а также медъ съ извѣстныхъ цвѣтовъ. Языкъ его, какъ и у всѣхъ медоѣдовъ, снабженъ тонкою кистью, которую можно видѣть лишь тогда, когда птица больна или издохла. Когда въ октябрѣ или ноябрѣ мѣсяцѣ кухай (*Sophora grandiflora*) сброситъ свои листья и одѣнется въ чудный покровъ изъ желтыхъ цвѣтовъ, тогда это дерево является самымъ любимымъ мѣстомъ для поё. Когда же въ декабрѣ и январѣ стоитъ въ цвѣту новозеландскій ленъ (*Phormium tenax*), то птицы эти покидаютъ лѣса и посѣщаютъ поля, засѣянные этимъ растеніемъ, питааясь медомъ его цвѣтовъ. Этимъ удобнымъ случаемъ пользуются туземцы для ловли поё въ силки и потомъ поѣдаютъ его, какъ лакомый кусочекъ. Когда созрѣваютъ ягоды, птица отъ нихъ сильно жирѣетъ, что, вѣроятно, служитъ причиною повѣрія, что будто онѣ распарываютъ себѣ клювомъ грудь, чтобы избавиться отъ жира. Гнѣздо поё находится обыкновенно въ развилинѣ, между двумя вѣтвями густолиственного куста, лишь на нѣсколько метровъ надъ землею и рѣдко на верху дерева. Оно довольно велико и построено изъ сухихъ прутьиковъ и зеленого мха. Внутренность красиво сплетена изъ разныхъ былиннокъ и выложена черными волосовидными побѣгами древеснаго папоротника. 3—4 яйца различной формы и величины образуютъ кладку; они имѣютъ около 27 м.м. длины и 18 м.м. толщины и нѣсколько похожи на грушу. Они бѣлыя, слегка розоватыя и разрисованы округленными красными пятнами.

Благодаря своей необыкновенной способности къ подражанію, поё сдѣлался любимцемъ какъ туземцевъ, такъ и колонистовъ. Хотя онѣ и считается недолговѣчнымъ, тѣмъ не менѣе выдерживаетъ, какъ доказаль опытъ, до десяти лѣтъ неволи. Привыкнувъ къ корму въ клѣткѣ или комнатѣ, онѣ быстро и скоро выучиваются говорить нѣсколько словъ, насвистывать ари, подражать лаю собаки, крику попугая, кудахтанью курицы, и т. д. Маори цѣнятъ эту способность къ подражанію очень высоко и тратятъ не мало времени, чтобы выучить поё. Они передаютъ много разказовъ, ясно доказывающихъ блестящія способности этой птицы. Буллеръ былъ однажды немало пораженъ. «Однажды», такъ разказываетъ онѣ, «бесѣдовалъ я въ ратушѣ Ромгитикая въ обществѣ туземцевъ о предметѣ, имѣющемъ весьма важное значеніе, и высказывалъ свой взглядъ со всею серьезностью и со всѣмъ бывшемъ въ моемъ распоряженіи краснорѣчіемъ. Можно себѣ представить мое удивленіе, когда, непосредственно послѣ того, какъ я кончилъ, и раньше, чѣмъ старый начальникъ, къ которому я больше всего обращался, мнѣ отвѣтилъ, поё, висѣвшій въ клѣткѣ, надъ нашими головами, яснымъ голосомъ и съ совершенно вѣрнымъ удареніемъ крикнулъ: «Тито» т. е. «невѣрно!» «Другъ», возразилъ

мнѣ старый начальникъ Непія Таратао, когда немного улеглась всеобщая веселость, «твои доводы дѣйствитель но хороши, но моего «мокая», очень умную птицу, ты не убѣдилъ».

Новозеландцы, кажется, издавна охотно держатъ поѣ въ клѣткахъ. Они приносили его Рошела въ маленькихъ плетеныхъ клѣткахъ и предлагали продать, и по настоящее время много ихъ попадаетъ такимъ путемъ въ руки европейцевъ. Пойманные—въ высшей степени занимательны; они легко дѣлаются ручными и быстро дружатся съ ухаживающими за ними. Кромѣ ихъ прекраснаго пѣнія они обладаютъ въ высшей степени способностью къ подражанію и въ этомъ превосходятъ не только сорокъ и воронъ, но даже дрозда-пересмѣшника. Они выучиваются повторять съ большою точностью слова и вообще всякій звукъ, который услышатъ, и соединяютъ такимъ образомъ въ себѣ все, что имѣетъ цѣну въ глазахъ друга животныхъ, именно: красоту, пріятный нравъ, пѣніе и способность скоро дѣлаться ручнымъ.

* * *

Листовки (*Phyllornis Laubvögel*, *Pgylorne*) должны считаться нѣсколько отличными представителями этого семейства. Онѣ характеризуются умѣренно длиннымъ, болѣе или менѣ согнутымъ клювомъ, съ килевиднымъ хребтомъ и выемкою около конца верхней челюсти. Ноги имѣютъ короткія плюсны и маленькіе пальцы. Крылья умѣренной длины и въ нихъ третье и четвертое маховыя перья образуютъ выдающійся конецъ. Хвостъ довольно длиненъ и прямо обрѣзанъ на концѣ. Опереніе мягкое, преимущественно травянисто-зеленаго цвѣта. Языкъ ихъ размочаленъ по краямъ и на концѣ имѣетъ кисти, какъ у другихъ медоѣдовъ.

Всѣ извѣстные виды, числомъ около десяти, живутъ въ Восточной области, за исключеніемъ Филиппинскихъ острововъ, и по образу жизни совершенно схожи между собою.

Наиболѣе знакомымъ видомъ слѣдуетъ считать **Золотолобую листовку** (*Phyllornis aurifrons*, *Phyllornis hodgsoni*, *Turdus malabaricus*, *Chloropsis aurifrons* и *malabaricus*, *Merops hurryba*, *Golbstirn'laubvogel*, *Hurryba*). Верхняя и нижняя стороны туловища окрашены зеленымъ цвѣтомъ; наружныя бородки перьевъ чернокоричневыя; передняя часть головы и темя темно-оранжевыя; полоска на лбу и уздечка черныя. Подбородокъ, горло, область угла рта ультрамарино-синяго цвѣта. Полоса, проходящая подъ глазами, окаймляющая, начинаясь отсюда, зобъ, и проходящая широкимъ щитомъ по нижней части горла—черная; полоса подъ нею—оранжевая. Малыя кроющія перья на прибавочномъ крылѣ блестяще-бирюзовоголубыя. Глаза каріе. Клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. У самки зобъ и шея зеленыя, какъ и нижняя сторона тѣла. Длина достигаетъ 18 см., длина крыла 9,5, а хвоста 7 см. Эта хорошенькая птица принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ видамъ семейства, живущимъ въ Индіи. Она распространяется отъ Гиммалая черезъ восточныя области Бенгаліи, черезъ Ассамъ и, по словамъ Балля, черезъ Бирму на востокъ до Камбоджа.

Какъ и ея родичи она живетъ во всякаго рода лѣсахъ, преимущественно въ джунгляхъ, расположенныхъ на высотѣ до 1500 м. Онѣ держатся обыкновенно по одиночкѣ, или парочками, а послѣ времени высиживанія небольшими семейками располагаются на выдающихся сучьяхъ деревьевъ и подбираютъ съ листьевъ насекомыхъ или хватаютъ послѣднихъ на лету. Держится она прямо, за гладкостью оперенія особенно не наблюдаетъ, сама же она бодря, подвижна и почти постоянно дѣятельна. Она большими скачками перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, легко и искусно

летааетъ и отъ времени до времени прелестно поетъ; ея пѣніе, похожее на шелканіе, раздѣляется на нѣсколько строкъ: оно громко, звонко, разнообразно и въ высшей степени благозвучно; она подражаетъ также крику другихъ птицъ. Языкомъ она пользуется почти такимъ же образомъ, какъ и дятель: высовываетъ его безъ всякой очевидной цѣли, ощупываетъ имъ что-либо, наконецъ съ его помощью, какъ бы лакая, пьетъ.

Ея гнѣздо, имѣющее форму глубокой чашки, устраивается недалеко отъ кончиковъ сучьевъ между двумя вѣтками; оно довольно хорошо свито изъ травы, хотя и нѣсколько непрочно, и выложено внутри волосами; кладка состоитъ изъ 2—4 бѣлыхъ яицъ, покрытыхъ частыми пятнами цурпуроваго и вино-краснаго цвѣта. Уайтсъ въ сильной степени удивилъ насъ, сообщивъ недавно, что гнѣздо этой птицы вовсе еще не открыто.

Всѣ листовки, слѣдовательно и описанный видъ, часто содержатся въ неволѣ въ Индіи и привозятся даже въ Европу. Большую часть моихъ наблюденій надъ жизнью этой птицы, которая я могъ сообщить, я произвелъ надъ одной плѣнной золотолобой листовкой.

Въ высшей степени характерными птицами Индійской и Эфіопской областей являются **Коротконогіе дрозды** или **Бюль-бюли** (*Brachypodidae*. *Kurzfußdrosseln*. *Bul-bu's.*), образующіе семейство, состоящее изъ немногихъ родовъ, но въ которомъ насчитываютъ приблизительно до 150 видовъ. Величина ихъ приблизительно равна величинѣ небольшого дрозда. Клювъ тонкій, но однако не слабый; у основанія онъ широкій и плоскій, къ концу высокъ и сдавленъ съ боковъ, сверху слегка изогнуть, кончикъ имѣетъ форму короткаго крючка. Крылья довольно длинныя; между маховыми перьями самымъ длиннымъ можетъ быть какъ третье, такъ и четвертое и пятое. Хвостъ средней величины, сильно закругленный; опереніе мягкое и густое.

* * *

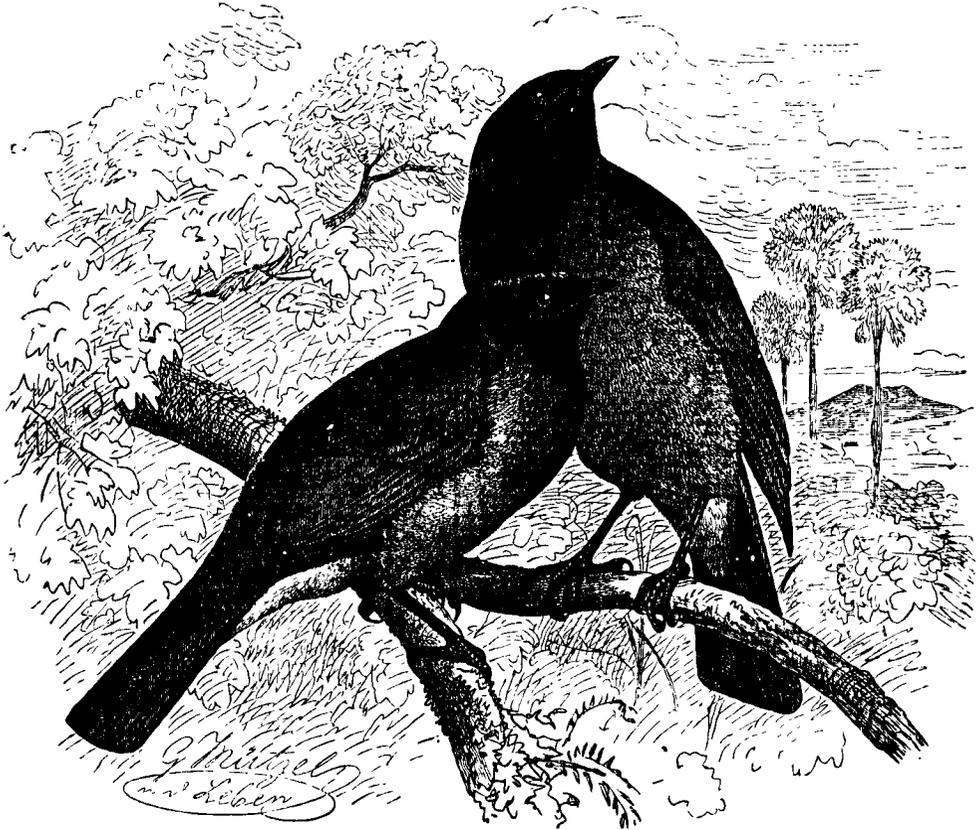
Благодаря Крюперу мы узнали, что одинъ видъ этого семейства—**Бюль-бюль темный** (*Pycnonotus nigricans*, *xanthopygos*, *xanthopygius*, и *valombrosae*, *Ixus xanthopygos*, *xanthopygius*, *vaillantii* и *valombrosae*. *Gelbsteissbül-bül*. *Bul-bul sombre*), часто встрѣчающійся въ Сиріи, Палестинѣ и Аравіи и обитающій также на Кипрѣ и Родосѣ, довольно постоянно встрѣчается и въ Европѣ, а именно на Цикладскихъ островахъ. Голова у него черная, вся спина землисто-бураго, а зобъ темно-бураго цвѣта; окраска нижней части тѣла бѣлая съ неясными сѣроватыми пятнами; нижнія покровныя перья хвоста ярко-желтыя; маховыя и хвостовыя перья коричневыя, цвѣта умбры, причемъ внѣшняя сторона маховыхъ по краямъ нѣсколько свѣтлѣе. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Длина тѣла достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 30 см., длина крыла 9, хвоста 8 см.

Второй видъ того-же рода—**Бюль-бюль сѣрый** (*Pycnonotus arsinoë* и *barbatus* *Turdus arsinoë*, *Ixus arsinoë* и *plebejus*. *Graubülbül*. *Bulbul gris*), — живущій на берегахъ Нила, меньше темнаго и отличается отъ него буроватою окраской нижнихъ покровныхъ перьевъ хвоста.

Во время моихъ путешествій по Африкѣ и Аравіи я видѣлъ оба вида на волю, но при этомъ тщательно наблюдалъ лишь одного сѣраго бюль-бюля; позднѣе у меня одновременно содержались въ клеткѣ оба вида, при чемъ я убѣдился, что они во всѣхъ отношеніяхъ похожи другъ на друга. Поэтому достаточно, если я при дальнѣйшемъ описаніи ограничусь вторымъ видомъ.

Бюль-бюль сѣрый былъ открытъ Эренбергомъ въ Файюмѣ, а затѣмъ въ свою

очередь, нашель его тамъ и я; но въ этой относительно сѣверной полосѣ его слѣдуетъ причислить къ весьма рѣдкимъ явленіямъ. Въ значительномъ количествѣ онъ встрѣчается начиная съ 25° сѣв. широты. Уже въ сѣверной Нубіи онъ встрѣчается въ каждой мимозовой рошѣ; въ восточномъ Суданѣ онъ принадлежитъ къ обыкновеннѣйшимъ птицамъ страны и здѣсь, повидимому, ему нравится каждое мѣстечко, какъ густыя дѣвственные лѣса, такъ и сады, какъ степныя мимозы, такъ и низкіе кустарники высокихъ горъ. Однако онъ любитъ, чтобы дерево или кустарникъ, которые онъ избралъ для своего мѣстопробыванія, были покрыты густой листвою, и поэтому въ окрестностяхъ Нила предпочитаетъ сикоморы всѣмъ остальнымъ деревьямъ

Темный и сѣрый бюль-бюль. *Cycnonotus nigricans* и *Cycnonotus arsinoides*. 1/2 наст. велич.

Человѣкъ, привыкшій слѣдить за голосами птицъ, весьма скоро долженъ обратитъ вниманіе на сѣраго бюль-бюля. — Это прелестное, бодрое и живое существо, которое поселяется въ непосредственной близости человѣка и безъ боязни порхаётъ надъ хижинами туземцевъ или около ихъ. Пѣсня, приковывающая вниманіе прежде всѣхъ остальныхъ, принадлежитъ ему, такъ какъ эта птица причисляется къ лучшимъ пѣвцамъ сѣверной Африки; изъ тѣхъ немногихъ тропическихъ птицъ, которыя дѣйствительно могутъ соперничать съ нашими пѣвцами, ни одна не можетъ съ нимъ сравниться. Его пѣніе громко, благозвучно и довольно разнообразно; оно во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ собою пѣніе нашихъ дроздовъ, но имѣетъ какой-то особый отпечатокъ, который трудно передать словами. Его призывной голосъ звучитъ вродѣ «гюб-га-гюб» и, повидимому, одинаковъ у обоихъ половъ. Сѣрый бюль-бюль

двигается среди вѣтвей съ необыкновеннымъ искусствомъ и проворствомъ, да и на землѣ онъ прыгаетъ довольно ловко; только полетомъ своимъ онъ похвастаться не можетъ, такъ какъ онъ летаетъ припархивая и неуверенно. Съ ранняго утра и до поздняго вечера эта птица находится въ непрерывной дѣятельности, постоянно полна жизни, неутомима и, о чемъ свидѣлствуетъ ея звонкое пѣніе,—постоянно весела. Во время минутнаго отдыха буюль-буюль гордо выпрямляется и при этомъ приподнимаетъ по временамъ удлиненныя на подобіе хохолка перья затылка, внимательно осматривается и тотчасъ же снова начинаетъ прыгать, изслѣдуя по сторонамъ цвѣтки и листья, такъ какъ въ тѣхъ и другихъ онъ находитъ большую часть своей пищи. Когда цвѣтутъ мимозы, онъ преимущественно находится на послѣднихъ и питается тогда почти исключительно жучками, скрывающимися во внутренности маленькихъ желтыхъ цвѣточковъ этихъ растений. Онъ вытаскиваетъ жучковъ, скрытыхъ даже въ самой глубинѣ, и иногда, вслѣдствіе этой работы, передняя часть его головы отъ цвѣтенія, покрывающаго лопестки, становится сѣрно-желтаго цвѣта, что сообщаетъ ему очень странный видъ. Кромѣ жучковъ онъ собираетъ также гусеницъ и на далекое разстояніе гоняется за пролетающими бабочками. Во время созрѣванія плодовъ онъ ѣстъ ягоды и другіе плоды, вслѣдствіе чего можетъ быть очень вреднымъ въ садахъ.

Сѣрый буюль-буюль, смотря по времени года, встрѣчается парочками, или большими семействами. Парочки живутъ дружно, да и въ семействахъ сохраняются родственныя отношенія. Даже время насиживанія, повидимому, не разстраиваетъ ихъ единодушія, потому что нерѣдко встрѣчаешь парочки, живущія вмѣстѣ, если и не на одномъ деревѣ, то по крайней мѣрѣ въ одномъ и томъ же лѣсномъ участкѣ или одномъ и томъ же саду. Родители выводятъ птенцовъ раньше или поздиѣе, въ зависимости отъ мѣстоположенія своей родины. Въ сѣверныхъ широтахъ время насиживанія совпадаетъ съ нашими весенними мѣсяцами, въ Суданѣ—съ первыми недѣлями дождливаго времени. Гнѣздо они устраиваютъ въ густыхъ кустарникахъ; оно просто, тонко и даже съ отверстиями, но тѣмъ не менѣе свито искусно. Снаружи оно состоитъ изъ тонкихъ корешковъ, стебельковъ и другаго подобнаго матеріала, переплетеннаго паутиной, внутри гладко и красиво выложено волокнами дуба. Ихъ красновато-бѣлыя, относительно маленькія яйца, достигающія приблизительно 22 м.м. въ длину и 16 м.м. въ толщину, повсюду покрыты темно-бурыми и синеваато-сѣрыми пятнами, которыя около кончика образуютъ родъ вѣнчика. Относительно насиживанія ими яицъ я не могъ собрать больше свѣдѣній.

Въ Индіи буюль-буюлей часто приручаютъ и высоко цѣнятъ, не ради ихъ пѣнія, но ради ихъ склонности къ дракамъ. На Цейлонѣ ихъ бои служатъ обыкновеннымъ развлеченіемъ туземцевъ. Съ этой цѣлью молодыхъ самцовъ, лишь только ихъ можно отличить отъ самокъ, вынимаютъ изъ гнѣзда, привязываютъ на веревочку и научаютъ во всякое время возвращаться на руку хозяина. Когда они выдрессированы, бойцовъ сводятъ. Даже и въ это время ихъ держатъ на привязи, чтобы ихъ можно было во время разнять, потому что воинственныя птицы дерутся съ такимъ мужествомъ и увлеченіемъ, что одна изъ нихъ умертвила бы другаго, если бы онѣ были предоставлены самимъ себѣ. Буюль-буюлей мы получаемъ какъ изъ Индіи, такъ и изъ Сиріи и Египта; они все въ большемъ и большемъ числѣ попадаютъ въ клѣтки нашихъ любителей и, благодаря своей миловидной осанкѣ, веселому пѣнію, быстрому ручнѣнію, умѣренности и выносливости, заслуживаютъ всеобщаго расположенія.

Жаворонки (Alaudidae. Lärchen. Alouettes)—это сильно сложенные птицы от-

ряда воробьиныхъ; голова у нихъ большая, клювъ короткій или средней длины и различной толщины, ноги довольно короткія, пальцы средней длины; изъ нихъ задній часто бываетъ снабженъ шпоровиднымъ когтемъ; крылья длинныя и очень широкія; хвостъ не особенно длинный или даже короткій, на концѣ прямо обрубленъ. Опереніе землястаго цвѣта, сильно различается по возрастамъ и почти не отличается у обоихъ половъ. Внутреннее строеніе въ общемъ похоже на строеніе другихъ воробьиныхъ птицъ. Кости скелета довольно толстыя, большею частію пустыя и наполнены воздухомъ. Мускулы гортани сильно развиты; желудокъ мясистый и слѣдовательно мускулистый; зоба нѣтъ.

Хотя жаворонки, которыхъ насчитываютъ до 110 видовъ, встрѣчаются во всѣхъ странахъ свѣта, но они водятся все-таки главнымъ образомъ въ Старомъ Свѣтѣ, потому что сѣверная и южная области Новаго Свѣта и Австралія имѣютъ лишь по одному виду ихъ. Ихъ мѣстопребываніемъ служатъ открытыя мѣстности какъ обработанныя, такъ и нераспаханныя поля, какъ пустыни, такъ и степи. Благодаря ихъ пѣнію, нѣкоторыя азіатскія степи, отличающіяся зачастую весьма большимъ однообразіемъ, пріобрѣтаютъ оживленный и веселый видъ. Парочки одного вида живутъ въ непосредственной близости между собою и весной ихъ совмѣстное пѣніе во всякое время дня увеселяетъ ухо путешественника. Нѣкоторыхъ изъ нихъ постоянно замѣчаешь летающими въ поднебесіи, можетъ быть вслѣдствіе того, что прѣхавшій экипажъ или проскакавшій всадникъ вспугнулъ ихъ и побудилъ къ этому кратковременному полету и пѣнію. Всѣ жаворонки, живущіе на сѣверѣ, принадлежатъ къ перелетнымъ или по крайней мѣрѣ къ кочующимъ птицамъ; живущіе на югѣ—къ осѣдлымъ или бродячимъ. Они очень далеко не улетаютъ, и пребываніе ихъ на чужбинѣ постоянно длится короткое время. Они принадлежатъ къ первымъ птицамъ, прилетающимъ къ намъ весной, и остаются у насъ до глубокой осени.

Между воробьиными птицами, они лучшіе ходоки, хотя и полетъ ихъ замѣчательнень своимъ разнообразіемъ. Слѣща, они летятъ весьма быстро, описывая въ воздухѣ большія дуги; во время же пѣнія, напротивъ, они, вспархивая, сразу поднимаются кверху, или взвиваются къ небу, описывая большую спираль; оттуда они опускаются сначала медленно, а затѣмъ вдругъ, совершенно сложивъ крылья, какъ камень падаютъ на землю. Ихъ органы внѣшнихъ чувствъ развиты, повидимому, хорошо, понятливость же, напротивъ того, слаба. Они рѣзвы, въ рѣдкихъ случаяхъ сидятъ неподвижно, большею частью постоянно находятся въ движеніи, и, повидимому, неутомимы. Съ другими птицами своего вида, пока не наступило время любви, они живутъ мирно, во время же спариванія, напротивъ, въ постоянной враждѣ. Съ чужими птицами они имѣютъ мало общенія, хотя нѣкоторые виды иногда присоединяются къ стаямъ подорожниковъ и зябликовъ; болѣе сильныхъ животныхъ они очень боятся, людей же не боятся только въ томъ случаѣ, если, благодаря продолжительной пощадѣ со стороны послѣднихъ, пріобрѣтаютъ полную увѣренность въ своей безопасности. Большинство жаворонковъ хорошіе, а нѣкоторые изъ нихъ замѣчательные пѣвцы. Пѣсня, которую они поютъ, не богата строфами, но чрезвычайно разнообразна. Небольшое число звуковъ, составляющихъ ихъ пѣніе, соединяются между собой на сотни ладовъ, образуя каждый разъ нѣчто новое. Всѣ виды обладаютъ способностью подражать пѣнію другихъ птицъ; степные жаворонки поютъ пѣсни въ сущности сходныя между собой, потому что каждый изъ нихъ перенимаетъ и учится у другаго.

Пища ихъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и растительныхъ веществъ. Лѣтомъ они питаются жучками, маленькими бабочками, кузнечиками, пауками и личинками. Осенью и зимой они ѣдятъ хлѣбныя зерна и растительныя сѣмена, весной—насѣ-

комыхъ и молодыхъ растеніи, главнымъ образомъ хлѣбные побѣги. Зерна они глотаютъ съ шелухой и поэтому проглатываютъ постоянно песокъ и небольшіе камешки, которые способствуютъ размельченію пищи. Пьютъ они росу, сохранившуюся на листьяхъ, но долгое время могутъ обходиться и совершенно безъ воды; они также не купаются въ ней, но барахтаются въ пескѣ.

Плохенькое, но постоянно свитое изъ одноцвѣтныхъ съ почвою стебельковъ и листьевъ и поэтому превосходно скрытое гнѣздо жаворонковъ находится всегда въ углубленіи, выкопанномъ ими въ землѣ; первая кладка состоитъ изъ 4—6, вторая 3—5 яицъ.

Всевозможные хищники—млекопитающія, птицы и пресмыкающіяся, а также и человекъ являются врагами жаворонковъ; но они размножаются до того быстро, что потери, претерпѣваемые ими, въ своемъ составѣ легко восполняются; ихъ численность постоянно увеличивается даже при процвѣтаніи земледѣлія.

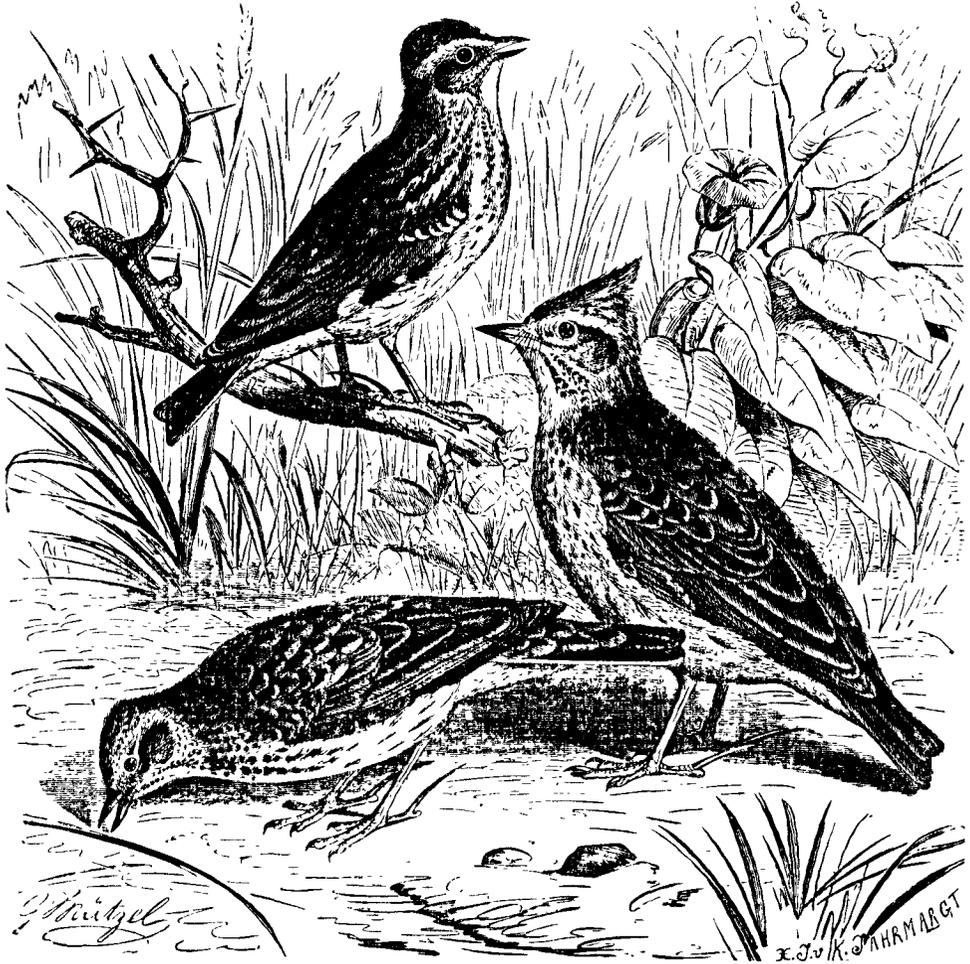
* * *

Полевой жаворонкъ, Вырей, Вѣщевременникъ. (*Alauda arvensis, vulgaris, segetum, agrestis, italica, callipeta, montana, cantarella, triborhynchus, dulcivox, crassirostris, bugiensis, albigularis, tenuirostris, minor, pekinensis* и *intermedia*. Feldlerche. *Alouette des champs*) отличается относительно стройнымъ тѣлосложениемъ, слегка конусовиднымъ довольно короткимъ клювомъ, острыми, средней длины крыльями, у которыхъ третье маховое перо самое длинное, выемчатымъ на концѣ средней длины хвостомъ и тонкими ногами съ довольно короткими пальцами. Длина его достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 32 см., длина крыла 10, хвоста 7 см. Перья верхней части тѣла землисто-бурого цвѣта, окаймленные на бокахъ блѣдно-бурой полоской и испещренные пятнами болѣе темно-бурого цвѣта; уздечка, брови и подбородокъ буровато-бѣлаго, нижняя часть щекъ и ушная область ржаво-бурого цвѣта съ темными полосками; горло, голова, верхняя часть груди и бока такой же окраски, только съ болѣе широкими полосками. Остальные нижнія части тѣла рыжевато-бѣлыя; маховыя перья черно-бурыя, при чемъ первое маховое перо съ бѣлой, остальные съ узкой ржаво-бурого цвѣта вѣшной каймой, которая у заднихъ малыхъ маховыхъ перьевъ и ихъ покровныхъ перьевъ расширяется и на концѣ также образуетъ ржаво-бурую кайму; благодаря послѣднему получаютъ двѣ поперечныя, болѣе свѣтлой окраски, полоски; заднія малыя и большія переднія маховыя перья на концѣ бѣлаго цвѣта; нижнія покровныя перья крыльевъ черно-бурыя. Рулевыя перья буровато-черныя, окаймленные съ вѣшной стороны блѣдно-бурымъ, самыя же крайнія перья—бѣлыя съ широкой черной внутренней каймой, которая на второмъ перѣ съ обѣихъ сторонъ доходитъ до ствола. Глаза темно-каріе, клювъ буровато-рогового цвѣта, ноги желто-буроватыя.

Вся Европа, отъ сѣверной Норвегіи и Россіи, и средняя Азія, отъ южной лѣсной границы на южныхъ горахъ, до горъ, окаймляющихъ степи на сѣверѣ, служатъ родиной жаворонковъ, которые въ зимнее время перекочевываютъ до сѣверной Африки и южной Индіи. Въ Туркменіи Вальтеръ наблюдалъ ихъ во время перекочевыванія только въ февралѣ и мартѣ.

Для насъ полевой жаворонкъ имѣетъ значеніе какъ предвѣстникъ весны, потому что онъ появляется еще во время таянія снѣга, въ Германіи иногда уже въ началѣ февраля; къ концу этого мѣсяца они уже большею частью занимаютъ свои мѣста, живутъ на нихъ въ продолженіи всего лѣта и только поздней осенью приступаютъ къ своему зимнему путешествію и перелетаютъ на югъ Европы и ужъ никакъ не дальше сѣверной Африки. Это птица непостоянная: она въ рѣдкихъ

случаяхъ остается по долгу на одномъ и томъ-же мѣстѣ, а безпрестанно перебѣгаетъ и перелетаетъ съ мѣста на мѣсто, спорится и дерется съ другими жаворонками и между прочимъ поетъ и издаетъ свой призывной звукъ. Ходить полевой жаворонкъ хорошо, при тихой походкѣ нагибаясь на каждомъ шагу впередъ, во время бѣга скоро, почти какъ куликъ; летаетъ прекрасно, но весьма различно, смотря по той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ. Во время быстрого полета онъ подвигается впередъ большими дугами, то складывая крылья, то снова быстро трепеща ими;

Полевой жаворонкъ. *Alauda arvensis* Лѣсной жаворонкъ. *Galerita arborea*. Хохлатый жаворонкъ. *Galerita cristata*. ², наст. вел.

наконецъ во время пѣнія его полетъ, какъ всѣмъ извѣстно, отличается медленностью, онъ часто какъ-бы паритъ и равномерными ударами крыльевъ поднимается все выше и выше. На землѣ онъ любитъ, чтобы вокругъ него былъ просторъ и поэтому часто становится на земляныя кочки, небольшіе бугорки или камни, иногда садится на верхушки куста, дерева или столба и настойчиво придерживается этихъ излюбленныхъ мѣстъ. Его призывной крикъ заключается въ довольно пріятномъ звукѣ «геррр» или «геррел», къ которому присоединяется чисто свистящее «трит» или «тип». Около гнѣзда слышится звонкое «титри», гнѣвъ выражаетъ онъ трескучимъ

звучомъ «шерререрр». Всѣмъ извѣстная пѣснь жаворонка, радующая сердце и оживляющая поля и луга долинъ и холмистыхъ мѣстностей и даже не особенно топкія болота, начинается непосредственно вслѣдъ за ихъ прилетомъ и продолжается во все время насиванія. Неумомѣ всякой другой птицы онъ, неумолкая, поетъ съ самаго ранняго утра и до вечернихъ сумерекъ, то и дѣло взлетаетъ при этомъ на воздухъ большими спиралями, очень часто махая крыльями, медленно поднимается все выше и выше и нерѣдко скрывается изъ виду. Затѣмъ онъ медленно возвращается къ первоначальному мѣсту, все ниже и ниже опускается и, вдругъ сложивъ крылья, какъ камень падаетъ внизъ и, распустивъ ихъ почти надъ самой землей, опускается опять по близости своего гнѣзда. Ихъ пѣсня состоитъ, хотя изъ немногихъ звонкихъ, чистыхъ и сильныхъ звуковъ, но зато изъ безчисленнаго числа варіацій, то звенящихъ и рассыпающихся трелями, то звучащихъ тонкимъ свистомъ. Варіаціи эти различными пѣвцами исполняются весьма разнообразно, а нѣкоторые артисты обогащаютъ ихъ еще нѣкоторыми частями, заимствованными у другихъ. Щебечутъ даже самки, а молодые самцы, всего нѣсколько недѣль тому назадъ покинувшіе гнѣздо, тоже уже начинаютъ испытывать свои голосовыя силы. Жаворонки, вынутые изъ гнѣзда въ молодости, часто выучиваются въ точности перенимать пѣніе другихъ птицъ. Гаакъ зналъ одного, который поразительно вѣрно переразвивалъ щелканіе зяблика въ сосѣднемъ саду.

Съ другими жаворонками—полевой жаворонокъ живетъ въ мирѣ только во время перелета и на зимнихъ квартирахъ. Пока самецъ одной парочки увлеченъ любовью, онъ дерется со всякимъ другимъ самцомъ, который попадаетъ ему на глаза, и часто весьма упорно. Оба бойца хватаютъ и треплютъ другъ друга; но весьма нерѣдко въ драку вмѣшивается еще третій самецъ и тогда они, сѣпившись втроемъ, кружась, падаютъ съ высоты на землю. Здѣсь драка прекращается, но въ слѣдующее затѣмъ мгновеніе возобновляется снова. Иногда два соперника нападаютъ другъ на друга на землѣ и принимаютъ при этомъ позы, сходныя съ позами дерущихся пѣтуховъ. Драки происходятъ съ большимъ ожесточеніемъ, хотя, конечно, безъ существеннаго вреда для кого-либо изъ сражающихся. Побѣжденный принужденъ улетѣть, побѣдитель-же съ веселымъ крикомъ возвращается къ своей самкѣ, которая, по словамъ Наумана, весьма нерѣдко принимаетъ участіе въ потасовкахъ самцовъ. Вслѣдствіе этихъ ссоръ, мѣсто гнѣздованія жаворонка занимаетъ большее пространство, чѣмъ нужно; у насъ, на пространствѣ квадратнаго гектометра едва-ли насчитаешь болѣе двухъ парочекъ, тогда какъ въ степяхъ на такомъ-же пространствѣ живетъ втрое больше парочекъ, хотя и постоянно различныхъ видовъ; самцы этихъ парочекъ хотя и ссорятся, но относительно все-таки мирно живутъ другъ около друга.

Гнѣзда часто находишь уже въ началѣ марта; свиваютъ ихъ они обыкновенно на хлѣбныхъ поляхъ, на лугахъ, но иногда также и въ болотистыхъ мѣстностяхъ на возвышенныхъ буграхъ, поросшихъ травой или осокой и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ водой. Небольшое углубленіе, въ которомъ помѣщается гнѣздо, въ случаѣ нужды выкапываютъ оба жаворонка сами или по крайней мѣрѣ они углубляютъ и округляютъ его; затѣмъ самка, при помощи самца, свиваетъ въ немъ изъ старыхъ соломинокъ, травы, нѣжныхъ корешковъ и стебельковъ незатѣйливое гнѣздо и иногда еще выкладываетъ его внутренность конскими волосами. Кладка состоитъ изъ 5—6 желтовато-зеленыхъ или красновато-бѣлыхъ яицъ, достигающихъ 22 м. м. въ длину и 15 м. м. въ ширину и покрытыхъ множествомъ сѣровато-бурыхъ или сѣрыхъ пятенъ, образующихъ весьма различные узоры. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ по очереди и насиваютъ ихъ въ теченіи 15 дней. Когда птенцы на-

учатся бѣгать, то покидаютъ гнѣздо. Когда они дѣлаются самостоятельными, родители приступаютъ ко второй, а въ теплое лѣто и къ третьей кладкѣ.

Кромѣ всѣхъ маленькихъ четвероногихъ хищниковъ, начиная съ домашней кошки или лисицы и кончая лаской, землеройкой и полевой мышью, птенцовъ жаворонковъ истребляютъ также ястребы, вороны, дрохвы и анеты; настоящіе соколы, голубятники и кобчики опасны и старымъ жаворонкамъ. Какъ ведутъ себя жаворонки при видѣ голубятника, самаго страшнаго своего врага, я сообщу въ другомъ мѣстѣ; особеннаго вниманія заслуживаетъ фактъ, что человекъ, даже промышленнои жаворонковой охотой, является далеко не такимъ истребителемъ ихъ, какъ вышеприведенные природные враги ихъ. Процвѣтающее земледѣліе не уменьшаетъ численности полевыхъ жаворонковъ, а, напротивъ, способствуетъ ихъ размноженію. Въ Новой Зеландіи жаворонки были акклиматизированы и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ очень размножились. Между тѣмъ они, говорятъ, отчасти измѣнили тамъ свой образъ жизни: землевладѣльцы обвиняютъ ихъ въ сильномъ истребленіи хлѣбныхъ всходовъ, при чемъ замѣчается, что пѣвіе ихъ ухудшилось настолько, насколько увеличился ихъ вредъ. Этихъ птицъ акклиматизировали также въ Америкѣ: первая неудачная попытка была сдѣлана лѣтъ 30 тому назадъ въ штатѣ Делаваръ, вторая, увѣнчавшаяся небольшимъ успѣхомъ, была сдѣлана лѣтъ 20 тому назадъ близъ Нью-Йорка; въ Нью Джерсей-же, гдѣ, по словамъ Перлинга, Исаакъ Энгландъ въ 1881 г. выпустилъ разомъ 42 парочки, попытка эта увѣнчалась большимъ успѣхомъ. Кромѣ того, по словамъ Дрессера и Шарпе, нашъ полевой жаворонокъ наблюдался и въ Гренландіи и на Бермудскихъ островахъ.

У **Короткопалаго жаворонка** (*Alauda brachydactyla*, *calandrella*, *arenaria testacea*, *dukhanensis* и *kollyi*, *Calandritis brachydactyla*, *kollyi* и *macroptera*, *Melanocorypha brachydactyla*, *itala*, *arenaria*, *macroptera* и *obsoleta*, *Phileremos brachydactyla*, *moreatica* и *kollyi*, *Calandrella brachydactyla*, *immaculata* и *hermonensis*. *Stummellerche*. *Alouette des sables*) верхнія части тѣла блѣднаго глинисто-бурого цвѣта, покрытыя темными стержневыми пятнами, уздечка и полосы на вискахъ бѣловатыя, при чемъ послѣдняя снизу ограничена темной каймой, ушная область и нижняя часть щеки блѣдно-ржаваго цвѣта и испещрены темными полосками; нижнія части тѣла до темнаго пятна, находящагося на обѣихъ сторонахъ шеи, — бѣлыя; съ боковъ окраска блѣдно-ржаваго цвѣта; маховыя перья черно-бурія, съ вѣшними расширяющимися сзади каймами блѣднаго коричневатого-ржаваго цвѣта; покровныя перья малыхъ маховыхъ съ бѣловатыми, покровныя перья верхней части крыльевъ съ блѣдными ржаво-коричневыми кончиками. Хвостовыя перья черно-коричневая, окаймленная снаружи блѣдно-ржавой полосой, оба крайнихъ пера бѣловато-ржавыя, внутренняя сторона самыхъ крайнихъ перьевъ на концѣ бѣлая. Глаза темно-буріе, клювъ желтовато-рогового цвѣта, на концѣ нѣсколько темнѣе; ноги желтовато-роговыя. У самки пятно на шеѣ меньше. Многіе жаворонки, считаемыя представителями отдѣльныхъ видовъ, (*Alauda pispoletta*, *A. minor* и др.), должны быть, вѣроятно, причислены къ вышеописанному виду.

Всѣ равнины южной Европы и средней Азіи, а также сѣверо-западная Африка служатъ мѣстожителемъ огромнаго количества короткопалыхъ жаворонковъ. Они предпочитаютъ самыя пустынные мѣстности, хотя не избѣгаютъ и полей. Пустынные пространства южной Европы и азіатскія степи — ихъ настоящая родина. Здѣсь ихъ опереніе до того обманчиво подходитъ подъ цвѣтъ почвы, что они не нуждаются въ хлѣбныхъ растеніяхъ, чтобъ тамъ спрятаться. Они на большомъ разстояніи могутъ сдѣлаться совершенно незамѣтными, попросту прижавшись къ

землѣ. Въ сѣверной Испаніи съ наступленіемъ весны эти жаворонки поселяются огромными стаями, которыя быстро разбиваются на парочки; каждая изъ нихъ избираетъ для себя небольшой округъ и проводитъ тутъ все лѣто.

Нравъ и движенія этого жаворонка такъ характерны, что его трудно не узнать. Во время полета онъ описываетъ въ воздухѣ неравнобѣрные дуги, взлетая кверху по кривой линіи; желая возвратиться на землю, онъ, стремглавъ, падаетъ внизъ. Онъ поетъ во время полета, хотя нерѣдко также и сидя. «Его пѣніе», какъ совершенно вѣрно выразился Гомейеръ, «состоитъ изъ отрывковъ и не представляетъ собой ничего цѣлаго. Сперва слышатся протяжные звуки, а за ними быстро слѣдующіе другъ за другомъ возгласы, не подходящіе на пѣніе ни по благозвучію, ни по кадансу. Начальные протяжные флейто-подобные звуки слишкомъ рѣзки, заключительные-же звуки беззвучны и немзыкальны. При этомъ нѣкоторыя колѣна повторяются отъ 10 до 20 разъ, или только съ измѣненіемъ заключительныхъ строкъ, доводя слушателя до раздраженія своимъ однообразіемъ и напоминая скучное пѣніе нѣкоторыхъ плохо поющихъ хохлатыхъ жаворонковъ. Однако несмотря на это и этотъ жаворонокъ обладаетъ большимъ искусствомъ въ подражаніи голосамъ другихъ птицъ».

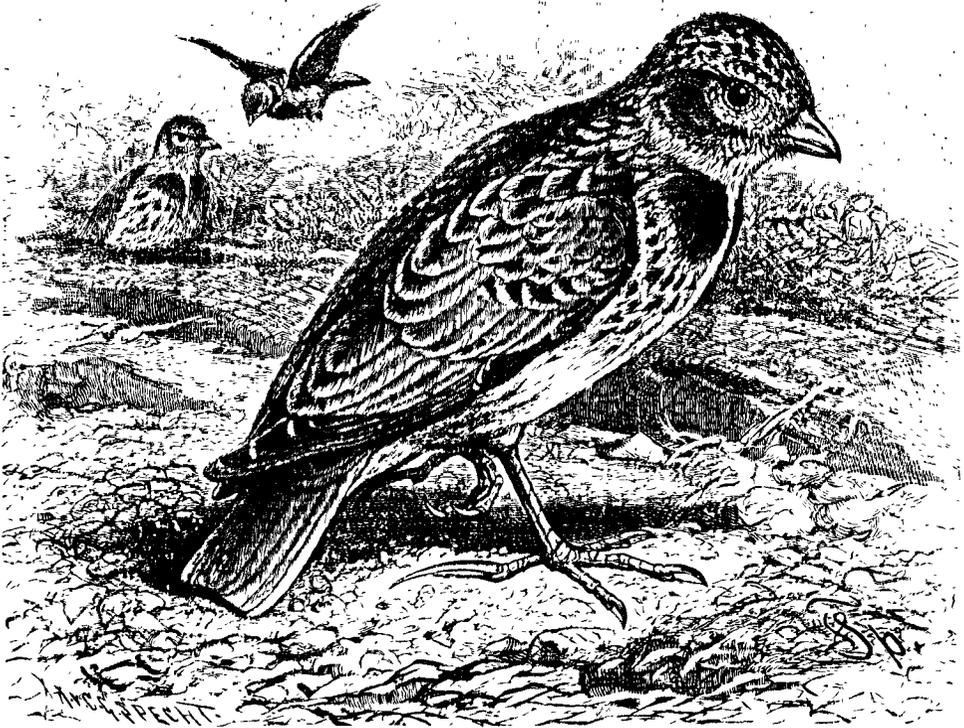
Хорошо скрытое гнѣздо незатѣйливаго устройства; кладка состоитъ изъ 3—5 свѣтло-желтыхъ или сѣрыхъ яицъ, достигающихъ 20 m.m. въ длину и 16 m.m. въ толщину и испещренныхъ блѣдными красновато-бурыми, но очень ясными пятнами; окраска ихъ, впрочемъ, подвержена значительнымъ измѣненіямъ.

Въ началѣ сентября короткопалые жаворонки собираются въ стаи, которыя вскорѣ затѣмъ сбиваются въ большія толпы и переправляются на югъ. Въ лѣсистыхъ равнинахъ внутренней Африки они появляются огромными массами, которыя, на разстояніи получаса ходьбы, въ буквальномъ смыслѣ слова покрываютъ землю или образуютъ цѣлыя тучи, если ихъ испугнуть. То-же самое случается, по словамъ Жердона, въ Индіи, куда короткопалые жаворонки, перелетающіе сюда изъ Средней Азии, постоянно прибываютъ въ октябрѣ и ноябрѣ и остаются до апрѣля. Этотъ наблюдатель увѣряетъ, что онъ двумя выстрѣлами изъ своего ружья убилъ двѣнадцать дюжинъ этихъ жаворонковъ, и, что касается меня, то мнѣ, видѣвшему въ средней Африкѣ стаи этихъ птицъ, это сообщеніе вовсе не кажется невѣроятнымъ. Въ Испаніи этихъ птичекъ тоже убиваютъ и ловятъ сотнями и тысячами. Несмотря на это, ихъ сильное размноженіе быстро сглаживаетъ эти потери.

Каландра (*Alauda calandra* и *collaris*, *Melanocorypha calandra*, *albigularis*, *subcalandra* и *semitorquata*. *Calanderle.che.* *Alouette calandre*) считается превосходнымъ и поэтому высоко цѣнимымъ пѣвцомъ южной Европы; она отличается сильнымъ сутуловатымъ туловищемъ, необыкновенно большимъ и толстымъ клювомъ, длинными, сильными ногами съ относительно длинными пальцами, вооруженными сзади очень большимъ ногтемъ. Крылья большія и длинныя, выступъ которыхъ образованъ вторымъ и третьимъ маховымъ перомъ. Хвостъ прямой, короткій, съ едва замѣтной выемкой. Длина тѣла достигаетъ 21, размахъ крыльевъ 44, длина крыла 13, а хвоста 7 см. Перья верхнихъ частей тѣла блѣдно-бурыя, снаружи снабжены блѣдно-желтой каймой, стволъ пера неяснаго темнаго цвѣта, уздечка и неясная полоса около глазъ, подбородокъ, горло, голова и грудь нѣжнаго ржаво-желтаго цвѣта; грудь кромѣ того украшена тонкими темными полосками; остальныя нижнія части тѣла бѣлыя, съ боковъ окраска блѣдно-желто-бураго цвѣта; ушная область и неясная полоса на подбородкѣ буроватая, два большихъ пятна, находящихся по обѣимъ сторонамъ шеи и иногда почти касающихся другъ друга —

черныя; большія маховыя перья—черно-бурыя, малыя маховыя — землисто-бураго цвѣта, при чемъ первыя снаружы имѣютъ узкую — послѣднія широкую блѣдно-желтую кайму; заднія большія и малыя маховыя перья имѣютъ каемки и на концахъ. Рулевыя перья черно-бурыя, окаймленныя снаружы широкой блѣдной полосой; крайнія перья и кончики второй и третьей пары бѣлыя съ желтовато-краснымъ оттѣнкомъ. Радужная оболочка темно-бурая; верхняя половина клюва рогового-бураго, нижняя рогового-желтаго цвѣта; ноги красноватыя.

Родиной каландры считается южная Европа, въ особенности берега Средиземнаго моря:—Истрія, Далмація, Греція, южная Италия и Испанія, а также сѣ-

Каландра. *Alauda calandra*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

веро-западная Африка и степи Туркестана; изъ этихъ областей онѣ перекочевываютъ иногда въ сѣверо-восточную Африку и только изрѣдка въ страны, лежащія по верхнему теченію Нила; здѣсь, а также въ Палестинѣ, Персіи, всей Средней Азии и сѣверозападныхъ провинціяхъ Индіи ее замѣняетъ весьма сходная съ нею птица, можетъ быть даже того-же вида, **Степной жаворонокъ** (*Alauda bimaculata*, *Melanocorypha bimaculata*, *torquata*, *alboterminata* и *rufescens*. Ha'sband'erche. Alouette des steppes). Этотъ видъ отличается отъ каландры нѣсколько меньшимъ ростомъ, болѣе ясными продольными полосами на верхнихъ частяхъ тѣла и, кромѣ того, отсутствіемъ желтой окраски на концахъ маховыхъ перьевъ и ржаво-бѣлыми кончиками на обѣихъ среднихъ рулевыхъ перьяхъ. Охотиѣе всего они живутъ на сухихъ безводныхъ поляхъ или на обширныхъ выгонахъ, въ Азии-же въ степяхъ, въ сообществѣ по крайней мѣрѣ пяти другихъ видовъ, которыхъ они значи-

тельно превосходить какъ по количеству экземпляровъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ.

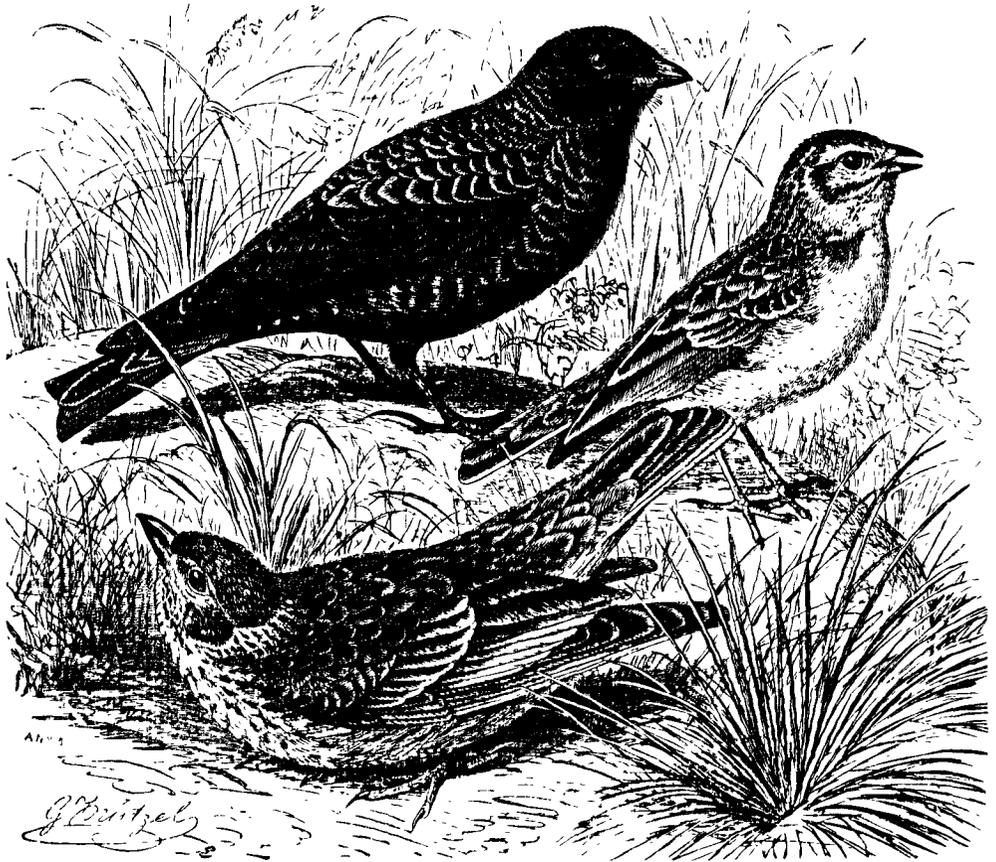
По своему образу жизни, каландры въ сущности не отличаются отъ нашихъ полевыхъ жаворонковъ. Онѣ также въ періодъ размноженія живутъ парочками въ опредѣленномъ районѣ, изъ котораго ревностно изгоняютъ прочихъ представителей своего вида; по окончаніи же размноженія онѣ сбиваются въ стаи, которыя иногда достигаютъ весьма значительныхъ размѣровъ: въ лѣсистыхъ равнинахъ у верховья Голубаго Нила я встрѣтилъ однажды подобную стаю, численность которой, вѣроятно, превышала 1000 штукъ. Характернымъ отличіемъ ихъ отъ нашихъ и всѣхъ прочихъ извѣстныхъ мнѣ жаворонковъ служить ихъ походка, во время которой онѣ держатся чрезвычайно прямо, и хотя нѣсколько медленные, но необыкновенно сильные взмахи очень широкихъ крыльевъ. Если кромѣ того принять во вниманіе, что крылья ихъ окаймлены снизу свѣтлой полосой, то все это сообщаетъ ихъ полету до того характерный отпечатокъ, что ихъ трудно смѣшать съ другими птицами. Онѣ замѣчательны также своимъ превосходнымъ пѣніемъ. Всякій, услышавшій первый разъ ихъ пѣніе, въ изумленіи останавливается, чтобы съ восторгомъ внимать ему. Ихъ пѣсня прежде всего отличается отъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ пѣсенъ жаворонковъ разнообразіемъ, а также большой полнотой и силой. Въ степяхъ онѣ въ своей пѣснѣ соединяютъ, перемѣшиваютъ и переиначиваютъ пѣсни всѣхъ живущихъ тамъ жаворонковъ, и передаютъ ихъ снова въ облагороженномъ видѣ. Благодаря этому, а также ихъ могучему голосу, ихъ пѣніе преобладаетъ надъ прекраснымъ пѣніемъ другихъ жаворонковъ, которое здѣсь весною непрерывно льется изъ поднебесья на землю. Но не всѣ каландры достигаютъ полнаго совершенства, такъ какъ не всѣ принаравливаютъ свои неистощимыя голосовыя средства къ пѣнію, пріятному для человѣческаго уха; однако нѣкоторыя изъ нихъ прямо таки несравненные мастера въ своемъ дѣлѣ, которыхъ нужно слышать и притомъ на волѣ, чтобы достойно оцѣнить ихъ. «Насколько каландра превосходитъ всѣхъ остальныхъ представителей своего семейства величиной», говоритъ Цетти, «настолько же она превосходитъ всѣхъ своимъ пѣніемъ. Она можетъ въ этомъ поспорить съ любой птицей. Ея обыкновенный голосъ мнѣ кажется не особенно пріятнымъ щебетаньемъ, но, благодаря способности къ подражанію, она воспринимаетъ все, что ей приходится слышать, а ея артистическое горло воспроизводитъ все въ улучшенномъ видѣ. Она представляетъ собою эхо всѣхъ птицъ; достаточно вмѣсто всѣхъ другихъ птицъ послушать ее. Она одинаково подражаетъ какъ крику хищныхъ птицъ, такъ и мотивамъ пѣвчихъ, и, паря въ воздухѣ, разсыпается тысячами переплетающихся между собой строфъ, трелей и пѣсенъ. Она выучиваетъ все, что ей сыграешь; для флажолета нельзя найти ученицу лучше ея. Она нисколько не кичится своими способностями, но поетъ съ утра до вечера. Достаточно одного жаворонка этого вида, висащаго у окна, чтобы оживить всю окрестность. Онъ составляетъ радость и гордость ремесленника, имъ восторгаются всѣ прохожіе». Всѣ остальные наблюдатели согласны съ этой похвалой. «Ихъ призывной крикъ», пишетъ графъ Гурси моему отцу, «за исключеніемъ одного низкаго звука, весьма похожъ на призывной звукъ хохлатаго жаворонка. Ихъ пѣніе превосходно и, по своему необыкновенному разнообразію, дѣйствительно поразительно. Подражательная способность этихъ жаворонковъ основывается на рѣдкомъ дарованіи произвольно измѣнять свой голосъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ они имѣютъ возможность испускать то высокіе, пронзительные, то звонкіе и низкіе звуки, приводящіе въ изумленіе слушателя. За призывнымъ крикомъ, повтореннымъ нѣсколько разъ, обыкновенно слѣдуютъ нѣсколько строфъ изъ пѣсни восточнаго соловья, потомъ протяжный чрезвычайно низкій крикъ чернаго

дрозда, въ которомъ они главнымъ образомъ очень красиво выдѣлываютъ звукъ «такк.. такк..» Затѣмъ слѣдуютъ отдѣльныя строфы, а иногда даже вся пѣсня обыкновенной ласточки, пѣвчаго дрозда, щегленка, синицы, перепела, зеленого вьюрка, коноплянки, полевого и хохлатого жаворонковъ, зяблика и воробья, веселый крикъ дятла, пронзительный крикъ цапли, и все это воспроизводится съ вѣрными отгѣнками. Они щелкаютъ какъ челоуѣкъ и испускаютъ различные другіе звуки, которые навѣрное тоже переняты ими у другихъ, совершенно незнакомыхъ мнѣ пѣвцовъ; они подражаютъ всему до того поразительно, что знатокъ тотчасъ-же долженъ узнать пѣніе каждой птицы. Когда я получилъ такого жаворонка, онъ не былъ еще знакомъ съ пѣніемъ юлы и крикомъ синицы; въ короткое время онъ до того усвоилъ себѣ звуки обѣихъ птицъ, что сталъ имъ превосходно подражать. Иногда они отличаются весьма странной манерой пѣть; кажется, будто они, безъ малѣйшаго напряженія гортани, испускаютъ звуки однимъ кльвомъ. Жаль только, что ихъ пѣніе слишкомъ громко для комнаты, такъ что въ закрытомъ помѣщеніи его нельзя долго выносить. Благодаря слишкомъ большой силѣ этого пѣнія, я наконецъ принужденъ былъ отдать моихъ плѣнниковъ. Торговецъ въ свою очередь продалъ ихъ, но ни одинъ любитель не былъ въ состояніи переносить ихъ громкіе звуки въ комнатѣ».

Ихъ гнѣздо представляетъ собой незатѣйливую постройку изъ сухихъ стебельковъ и тонкихъ кореньевъ, постоянно скрытую въ укромномъ мѣстечкѣ за земляными кочками, небольшими кустиками или въ хлѣбѣ, но всегда устроенную въ маленькомъ углубленіи. Кладка состоитъ изъ 3—5 круглыхъ съ сильно-выдающеюся серединой яицъ 24 м. длины и 18 м. толщины, блестяще бѣлая, или желтовато-бѣлая скорлупа которыхъ покрыта частыми желто-бурыми и сѣрыми пятнами и точками, которыя около толстаго конца часто сливаются въ видѣ вѣнчика. Чтобы поймать этого пѣвца, чрезвычайно любимаго также въ Испаніи здѣсь выходятъ на ловлю ночью на подходящія поляны; нѣкоторые ловцы несутъ пастушьи колокольчики, другіе потайные фонари, остальные—ручныя сѣтки. Жаворонки ослѣпляются свѣтомъ фонарей, но, слыша звукъ колокольчиковъ, поддаются обману, воображая, что къ нимъ приближается стадо рогатаго скота или барановъ. Прижавшись къ землѣ, они спокойно ожидаютъ приближенія ловцовъ, которые покрываютъ ихъ сѣтями, или даже попросту берутъ руками. Мой братъ однажды присутствовалъ при подобной охотѣ.

Въ степяхъ восточной Европы и сѣверной Азіи, на ряду съ этимъ жаворонкомъ, встрѣчается болѣе крупный видъ, именно **Бѣлокрылый жаворонъ** (*Alauda sibirica* и *leucoptera*, *Melanocorypha*, *Phileremos* и *Calandrella sibirica*. *Spiegellerche*. *Alouette de Sibirie*), который иногда залеталъ даже и въ Германію. Верхнія части тѣла этого жаворонка, малыя маховыя перья и покровныя перья темно-бурыя, окаймленныя снаружи блѣдно-бурой полосой; верхняя часть головы, ушная область, добавочное крыло, большія маховыя перья и покровныя перья хвоста и крыльевъ коричневато-красныя; уздечка, неясныя глазныя полосы, щеки, нижнія части тѣла, нижнія кроющія перья крыльевъ и кончики малыхъ маховыхъ перьевъ — бѣлыя; нижнія части щекъ и область зоба, покрытая блѣдно-ржавымъ налетомъ, испещрены неясными темными точками; коричневато-красная окраска обѣихъ сторонъ груди, принимающая около живота буроватый отгѣнокъ, покрыта полосками; малыя маховыя перья — черно-бурыя, снаружи блѣдно-бурыя, на концѣ бѣлыя, рулевые перья — черныя, съ блѣдною каймой, самыя крайнія изъ нихъ совершенно бѣлыя, вторыя только снаружи. Глаза каріе, клювъ желтовато-сѣрый, нѣсколько темнѣе на концѣ; ноги красновато-бурыя.

Въ азиатскихъ степяхъ вмѣстѣ съ каландрой живетъ также приблизительно одинаковой съ нею величины Татарскій или Черный жаворонокъ, Черный степной скворецъ, (*Alauda yeltoniensis*, *tatarica*, *mutabilis* и *nigra*, *Melanocorypha yeltoniensis*, *tatarica* и *nigra*, *Saxilauda tatarica*. Mohrenlerche. *Alouette de Tartarie*), который тоже иногда залеталъ въ западную Европу. Его осеннее оперение совершенно черное; нижнія шейныя перья, плечи, заднія малыя маховыя и хвостовыя перья окаймлены на концѣ ясной, перья же обѣихъ сторонъ груди—неясной полосой блѣдно-желтаго цвѣта. Къ веснѣ эти каймы стираются, и птица дѣлается почти совершенно черной. Глаза темно-голубые. клювъ роговаго сѣраго,

Черный жаворонокъ. *Alauda yeltoniensis*. Бѣлокрылый жаворонокъ. *Al. sibirica*. Короткопалый жаворонокъ. *Al. brachyactyla*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

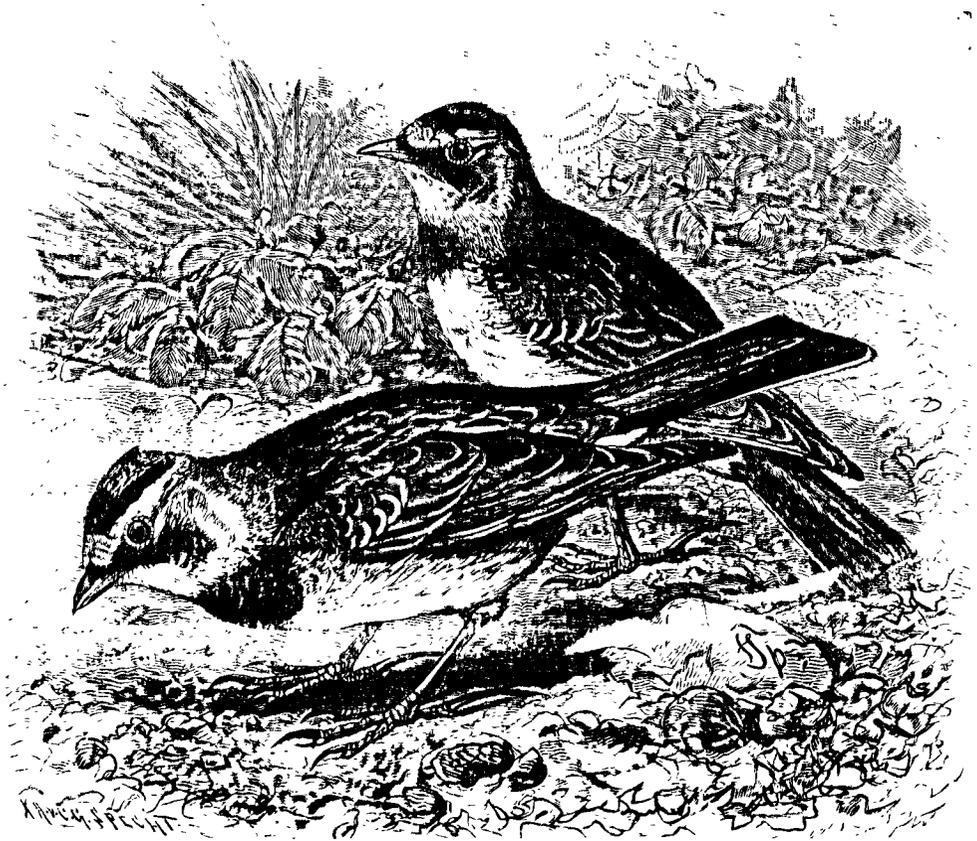
ноги чернаго цвѣта. У самки верхнія части тѣла блѣдно-буроватыя съ темными полосками, нижнія части блѣдно-бѣлыя съ черноватыми полосками, сливающимися по сторонамъ въ большое пятно, стороны живота—буроватыя и покрыты черными полосками, маховыя и хвостовыя перья черно-бурья, окаймленные снаружи черно-бурой полосой, первыя маховыя и хвостовыя перья снаружи по обѣимъ сторонамъ бѣлыя. Длина тѣла достигаетъ 30, крыла 14, хвоста 8 см.

Всѣ солончаковыя степи Средней Азии изъ году въ годъ служатъ мѣстопривлеченіемъ множеству этихъ жаворонокъ, такъ какъ они, повидимому, не перекочевываютъ на большія разстоянія, но въ крайнемъ случаѣ зимою отыскиваютъ себѣ мѣста, на которыхъ не долго залеживается снѣгъ. Эверманъ видѣлъ ихъ зимой

въ огромныхъ стаяхъ; также и Радде встрѣчалъ ихъ въ весьма большомъ количествѣ. Во время нашего путешествія въ степяхъ Сибири и мы ихъ встрѣчали довольно часто, такъ что я изъ собственныхъ наблюденій могъ составить себѣ представленіе, хотя и не совсѣмъ полное, объ ихъ лѣтнемъ образѣ жизни. Они ни въ какомъ случаѣ не живутъ исключительно на черноземной почвѣ, какъ это слѣдовало-бы ожидать, но селятся въ весьма разнообразныхъ мѣстностяхъ, хотя опять-таки далеко не вездѣ. По моему мнѣнію ихъ можно считать одними изъ прелестнѣйшихъ, если не самыми привлекательными птицами, населяющими степь. Тамъ, гдѣ жаворонки встрѣчаются, они живутъ парочками, довольно далеко другъ отъ друга; большія черныя птицы, уже издали замѣтныя на свѣтлой почвѣ, украшаютъ ландшафтъ какъ на землѣ, такъ и во время полета. Они бѣгаютъ и летаютъ низко, такъ-же, какъ и другіе жаворонки, т. е. двигаются быстро мелкими шагами и поспѣшно летятъ со многими изгибами, часто ударяя крыльями; высокій же полетъ ихъ чрезвычайно своеобразенъ. Хотя они въ общемъ и походятъ болѣе всего на каландру, но тѣмъ не менѣе, опускаясь съ высоты на землю, постоянно отличаются какимъ-то совершенно особеннымъ, только имъ свойственнымъ порханіемъ. Особенно бросаются въ глаза во время паренія широкія крылья; вслѣдствіе этого ихъ при всякихъ обстоятельствахъ можно узнать по полету. Но еще болѣе поражаетъ ихъ полетъ тѣмъ, что они, достигнувъ высоты, опускаютъ крылья въ косвенномъ направленіи и, не двигая ими, въ теченіи нѣсколькихъ секундъ скользятъ по воздуху, затѣмъ снова поднимаются и отдѣльными рѣдкими взмахами крыльевъ держатся на одномъ мѣстѣ; этимъ они не только напоминаютъ собой большую летучую мышь, но положительно на нее походятъ. Прежде чѣмъ опуститься на землю, они летятъ сперва горизонтально, затѣмъ по немногу спускаются и наконецъ падаютъ на землю не по вертикальному направленію, подобно камню, но подъ острымъ угломъ, причемъ охотнѣе опускаются на какое-либо возвышенное мѣсто, на верхушку куста, или даже на телеграфный столбъ. Путешественниковъ, ѣдущихъ верхомъ или въ экипажѣ, они не боятся и сторонятся отъ приближающагося экипажа лишь на столько, чтобы ихъ не раздавили; при этомъ, пока по нимъ не стрѣляли, они въ рѣдкихъ случаяхъ отлетаютъ далеко. Во время лѣтнія татарскій жаворонки только въ исключительныхъ случаяхъ поднимаются на значительную высоту. Его лѣтніе болѣе всего напоминало мнѣ лѣтніе каландры; я однако остался въ недоумѣніи, слышалъ-ли я ихъ собственное, или перенятое лѣтніе. Гнѣзда мы найти не могли, но уже 4-го мая видѣли летающихъ птенцовъ, откуда можно было заключить, что они приступаютъ къ размноженію ранней весной. Гнѣздо, представляющее собой весьма незатѣйливую постройку, по словамъ Палласа, даже на высохшей, едва покрытой растеніями почвѣ, скрыто такъ прекрасно, что отыскать его весьма трудно. Кладка состоитъ изъ 4 голубоватыхъ яицъ, покрытыхъ на тупомъ концѣ сѣрыми, а на остромъ сѣровато-бурыми пятнами; въ длину они достигаютъ 28 m.m., въ діаметрѣ 18 m.m.

Во время насиживанія черныя жаворонки питаются преимущественно различными насѣкомыми; вслѣдствіи почти исключительной пищи имъ и ихъ птенцамъ служатъ сѣмена солончаковыхъ растеній. Около осени они, обыкновенно въ сообществѣ каландръ, покидаютъ области, въ которыхъ вывели птенцовъ, для перелета на югъ; переселяются они не далеко, и остаются зимовать уже въ степяхъ южной Россіи по нижнему теченію Днѣпра и Дона, часто также близъ Одессы. Нѣкоторые изъ нихъ иростираютъ свои путешествія дальше и при случаѣ появляются въ западной Европѣ, но въ Германіи всегда они считаются большою рѣдкостью. Полученныя мною изъ южной Россіи лѣтныя птицы этого вида по своему нраву походили на каландръ.

Однимъ изъ прелестнѣйшихъ видовъ всего семейства долженъ считаться **Снѣжный, Рогатый или Альпійскій жаворонокъ, Рюмъ** (*Otocorys alpestris, cornuta, chrysoleama, occidentalis, Philereus alpestris, cornutus, rufescens* и *striatus, Alauda alpestris, flava, rufa, minor, cornuta, nivalis, glacialis* и *chrysoleama, Eremophila alpestris, Alpenlerche, Alouette des Alpes*), представитель вида **Ушастыхъ жаворонокъ** (*Otocorys*). Вышеназванный видъ отличается слѣдующими признаками: средней длины, прямой, довольно слабый клювъ, сильныя ноги съ пальцами средней длины, изъ боковъ задній снабженъ короткимъ, слегка изогнутымъ когтемъ, длинныя крылья, у которыхъ второе, третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя и почти одинаковой ве-

Рюмъ. *Otocorys alpestris*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

личины, наконецъ чрезвычайно густое опереніе, замѣчательное своей пестротой и тѣмъ, что около ушей находятся два пучка перьевъ. Длина птицы достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 32, длина крыла 11, хвоста 7 см. Лобъ, брови, подбородокъ и горло блѣдно-желтые, поперечная полоса на затылкѣ, оканчивающаяся около висковъ двумя выступающими остріями, уздечка и ушная область, а также широкій щитокъ надъ зобомъ, имѣющій форму полумѣсяца—черные; темя, зашеекъ и покровныя перья крыльевъ нѣжнаго красноватаго цвѣта, остальные верхнія части тѣла землисто-бурого цвѣта и испещрены темными полосками; нижнія части бѣлыя, съ боковъ окраска красноватая, бедра покрыты темными продольными полосками, маховыя перья бурья, снаружи нѣсколько блѣднѣе, при чемъ первое съ обѣихъ сто-

ронъ окаймлено бѣлой полоской; покровныя перья малыхъ маховыхъ перьевъ и большія покровныя перья крыльевъ на концѣ имѣютъ такую же кайму. Хвостовыя перья—черныя, кромѣ обоихъ среднихъ черно-бурыхъ, снабженныхъ блѣдно-бурой каймой; оба крайнихъ рулевыхъ пера съ наружной стороны бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ голубовато-сѣрый; ноги рогового-бурого цвѣта. У самки желтизна на лицѣ и горлѣ нѣсколько блѣднѣе, черной поперечной полосы на головѣ нѣтъ, черныя пятна на щекахъ и зобѣ меньше и, вслѣдствіе болѣе свѣтлыхъ кончиковъ перьевъ, нѣсколько блѣднѣе, грудь ея также покрыта блѣдными полосками.

Рюмъ носить названіе альпійскаго не по Швейцарскимъ, а по сѣвернымъ Альпамъ. Это житель тундръ, который въ настоящее время гнѣздится въ этомъ краѣ повсюду; поѣтому онъ себя одинаково хорошо чувствуетъ, какъ въ Старомъ, такъ и въ Новомъ Свѣтѣ. Благодаря же Вальтеру намъ извѣстно, что единичные экземпляры лѣтомъ встрѣчаются даже въ Закавказьѣ и на восточной сторонѣ Каспійскаго моря у Красноводска. «Такимъ образомъ», пишетъ Вальтеръ, «эта птица живетъ здѣсь въ мѣстностяхъ, лежащихъ болѣе чѣмъ на 20 м. ниже уровня моря». Птенцы, способные летать и уже скучившіеся въ стаи, встрѣчались здѣсь въ концѣ мая. Рюмъ въ прежнія времена принадлежалъ къ рѣдкостямъ и въ сѣверо-западной Европѣ; но въ послѣднее пятидесятилѣтіе онъ распространился все болѣе и болѣе и въ настоящее время въ сѣверной Скандинавіи представляетъ собой обыкновенное явленіе. По моимъ наблюденіямъ, въ Финмаркенѣ или Норвежской Лапландіи онъ ни въ какомъ случаѣ не живетъ на высокихъ горахъ, но, начиная съ морского берега до, самое большее, 150 м. высоты; однако онъ встрѣчается здѣсь только на каменистой почвѣ, какъ въ безлюднѣйшихъ пустошахъ, такъ и въ непосредственной близости жилищъ. На разстояніи нѣсколькихъ шаговъ за домомъ купца и натуралиста Нордвигъ я нашелъ гнѣздящуюся парочку, которая въ серединѣ іюля уже вторично вывела птенцовъ. Этотъ свѣдущій любитель птицъ сообщилъ мнѣ, что снѣжный жаворонокъ еще во время его юношескихъ лѣтъ принадлежалъ здѣсь къ рѣдкимъ явленіямъ, затѣмъ мало по малу сюда переселился и въ настоящее время повсюду является обыкновенной лѣтней птицей. Въ концѣ октября онъ покидаетъ тундры Лапландіи, въ серединѣ сентября—тѣ области сѣверной Сибири, гдѣ гнѣздится; сюда, въ Сибирь, онъ возвращается почти всегда въ началѣ мая, а въ Лапландію въ серединѣ апрѣля. Къ концу этого мѣсяца парочки, живущія въ Финмаркенѣ, уже свиваютъ гнѣзда и обыкновенно имѣютъ яйца. Во время ихъ зимнихъ перелетовъ они въ настоящее время постоянно посѣщаютъ Германію, главнымъ образомъ берега Балтійскаго моря и, повидимому, это случается чаще прежняго съ тѣхъ поръ, какъ они поселились въ Финмаркенѣ. По словамъ Шиллинга младшаго, въ новѣйшее время на Рюгенѣ и сосѣднихъ островахъ, главнымъ образомъ на Гидденсее, ихъ можно видѣть каждую зиму; по увѣреніямъ свѣдущихъ людей, они ежегодно перекочевываютъ черезъ восточную и западную Пруссію. Гатке также наблюдалъ ихъ часто на Гельголандѣ въ стадахъ, численность которыхъ простиралась отъ 60, 80—100 штукъ. Подобныя стаи несомнѣнно должны ежегодно перекочевывать черезъ южную Скандинавію, несмотря на то, что ихъ наблюдаютъ тамъ въ небольшомъ количествѣ, да и въ средней Германіи они, вѣроятно, гораздо многочисленнѣе, чѣмъ это думаютъ, но, должно быть, они совершаютъ свой перелетъ въ горахъ, вслѣдствіе чего скрываются отъ наблюденій. На берегахъ Оби, весьма благоприятной осенью 1876 г., 20 сентября мы встрѣтили многочисленныя перелетныя стаи, которыя на каменистомъ берегу и въ деревьяхъ отыскивали себѣ пищу. Какъ далеко они зимой улетаютъ на югъ или юго-западъ, еще неизвѣстно. Радде въ это время встрѣчалъ ихъ въ возвышенныхъ степяхъ Херсон-

ской губерніи и въ Бессарабіи; Бартелеми-Лапомерэ упоминаетъ, что они встрѣчались въ Провансѣ, графъ Сальвадори говоритъ, что они попадались нѣсколько разъ въ Италіи.

По своему образу жизни и привычкамъ снѣжный жаворонокъ до того похожъ на полевого, что я между ними не могъ найти существенной разницы. Только я никогда не замѣчалъ, чтобы онъ во время лѣтня поднимался на воздухъ; свою простенькую пѣсню онъ поетъ гораздо чаще сидя на камнѣ, или на сучкѣ дерева; по словамъ же Коллета и онъ поднимается на воздухъ, причѣмъ поетъ совершенно иначе, чѣмъ сидя. Пища ихъ состоитъ изъ растительныхъ веществъ, особенно сѣмянъ, также насѣкомыхъ,—главнымъ образомъ комаровъ и ихъ личинокъ, которыми изобилуютъ всѣ тундры, и которыми они вскармливаютъ и птенцовъ. Ихъ довольно искусно свитое гнѣздо устраивается въ углубленіи почвы, но внутри весьма чисто выложено тонкими стебельками и даже растительнымъ пухомъ и нѣжной шелухой сѣмянъ. Кладка состоитъ изъ 4—5 желтоватыхъ яицъ, около 22 м.м. длины и 17 м.м. толщины, покрытыхъ необыкновенно тонкими болѣе темнаго цвѣта полосками, которыя на толстомъ концѣ часто образуютъ какъ бы вѣнчики. Нѣкоторыя яйца бываютъ также покрыты аспидно-сѣрыми пятнами или темно-бурыми волосатыми линиями. Отыскать гнѣздо чрезвычайно трудно, такъ какъ въ тундрѣ существуютъ прекрасно скрытыя мѣста. Насиживаетъ ли яйца одна самка, или оба пола поочередно, я не знаю; но во всякомъ случаѣ мнѣ извѣстно, что снѣжные жаворонки не любятъ, когда ихъ гнѣзда трогаютъ и часто вслѣдствіе этого покидаютъ гнѣздо и яйца.

Лѣтніе рюмы въ тѣсныхъ клѣткахъ хорошо уживаются, но еще милѣе они, если посажены въ общую клѣтку съ другими птицами; они не только живутъ въ полнѣйшемъ согласіи съ другими птицами, но имъ, повидимому, даже правится ихъ сообщество; неволю они переносятъ въ теченіи многихъ лѣтъ.

Хохлатый жаворонокъ, Вьюнъ, Сосѣдка, Подсусѣдка, Подсмѣтющка, Хохлатка, (*Galerita cristata*, *abyssinica* и *boysii*, *Alauda cristata*, *undata*, *matutina*, *senegalensis*, *galerita*. *Lulula cristata*, *Heterops cristatus*, *Certhilauda boysii*. *Haubenlerche*. *Alouette hurpée*) является представителемъ одноимяннаго съ нимъ рода. Отличительными признаками его служатъ: сутуловатое тѣлосложеніе, сильный клювъ, средней длины ноги, задній палецъ которыхъ снабженъ почти прямымъ когтемъ, большія, широкія и тупыя крылья, очень рыхлое опереніе и хохолокъ на головѣ. Что касается окраски, то про нее трудно сказать что-либо опредѣленное, такъ какъ хохлатые жаворонки бываютъ весьма различны по оперенію и мы до сихъ поръ не знаемъ, слѣдуетъ ли ихъ, на основаніи отступленій, считать представителями особыхъ видовъ, или мы имѣемъ дѣло съ разновидностями. У жаворонокъ этого вида, живущихъ въ Германіи, верхняя часть тѣла красновато-глинисто-бурого цвѣта, перья хохолка того-же цвѣта, но съ черными полосками, уздечка и неясная глазная полоса — свѣтлаго блѣдно-желтаго цвѣта, щеки глинисто-буроватыя, нижнія части блѣдно-желтоватаго цвѣта. Эта окраска на груди и бокахъ принимаетъ красноватый оттѣнокъ, грудь и зобъ покрыты широкими, неясными, темными пятнами, нижнія покровныя перья хвоста покрыты такими же, но только еще болѣе неясными пятнами; маховыя перья темно бурія, снаружи и на концѣ окаймлены узкой, съ внутренней стороны широкой ржаваго цвѣта полосой, крайнія малыя перья и покровныя перья крыльевъ снаружи и на концѣ окаймлены широкой глинисто-бурой полосой, черно-бурія хвостовыя перья снаружи и на концѣ—узкой свѣтлой полосой; оба крайнихъ пера на всей наружной части опухла красноватс-

ржаваго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ рогового-буроваго цвѣта, основаніе нижней половины клюва и ноги рогового желтоватаго цвѣта. Длина тѣла достигаетъ 18 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 9,5, а хвоста 6,5 см.

Хохлатые жаворонки, кромѣ крайняго сѣвера, населяютъ почти всю Европу, часть Азіи и значительную часть Африки, на югѣ они попадаются въ большемъ количествѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и въ Испаніи и сѣверной Африкѣ принадлежатъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ. Но также и въ Германіи они изъ году въ годъ распространяются все дальше и дальше, слѣдуя по хребтамъ горъ, и понемногу начинаютъ гнѣздиться тамъ, гдѣ ихъ прежде не было. «Необыкновенный интересъ», пишетъ Маршалъ, «представляетъ собой водвореніе хохлатыхъ жаворонковъ въ средней Европѣ; они весьма распространены, осѣдлыя птицы, начиная съ подножья китайскихъ и монгольскихъ горъ, въ Туркестанѣ (гдѣ встрѣчается самостоятельная мѣстная разновидность *Galerita magna*), Персіи, Закаспійскихъ областяхъ, до южной Россіи; въ западной Сибири ихъ нѣтъ и восточной границей ихъ распространенія здѣсь является, вѣроятно, рѣка Уралъ, а можетъ быть и Волга. Изъ своей юговосточной родины они проникли въ Европу тремя или четырьмя путями, но можетъ быть они явились въ Европу уже нѣсколько тысячелѣтій тому назадъ путемъ, лежащимъ къ югу отъ Альповъ, начинающимся отъ Малой Азіи и Болгаріи и обнимающимъ бассейнъ Средиземнаго моря до Атлантическаго океана. Здѣсь они образовали цѣлый рядъ разновидностей, отличающихся какъ между собой, такъ и отъ жаворонковъ, обитающихъ по другую сторону Альповъ, окраской, величиной и, что всего удивительнѣе, пѣніемъ и другими особенностями образа жизни. Напримѣръ, въ Португаліи, гдѣ они весьма многочисленны, они, по словамъ Рейя, охотно садятся на деревья, чего у насъ никогда не дѣлаютъ. Вѣроятно экземпляры, встрѣчающіеся въ южной Штирии и тѣ немногіе, которые попадаютъ въ Швейцаріи, ведутъ свой родъ отъ этихъ пришельцевъ; въ послѣдней они, по словамъ Чуди, свойственны болѣе теплымъ мѣстностямъ; въ горныхъ же долинахъ Граубиндена они встрѣчаются только отдѣльными экземплярами.

«Второй путь, избранный этими птицами для водворенія на западъ, представляютъ такъ сказать Желѣзные ворота; но этимъ путемъ они не особенно далеко проникли вверхъ по Дунаю: въ 1864 г. они не были еще у Арнсдорфа около Вѣны. Спустя 6 лѣтъ они стали тамъ попадаться чаще, а въ 1879 стали часто встрѣчаться въ окрестностяхъ Вѣны.

«Третій путь можно было-бы назвать сѣверогерманскимъ; онъ тянется вдоль Одера (можетъ быть вдоль Вислы тянется четвертый путь). заворачиваетъ затѣмъ на западъ и наконецъ продолжается вдоль берега Балтійскаго и Нѣмецкаго морей. Около Петербурга хохлатыхъ жаворонковъ еще нѣтъ; въ Швеціи и Англии они пока только рѣдкіе, случайные гости; въ Шлезвигѣ они встрѣчаются только зимой, но зато въ большомъ количествѣ, хотя уже съ 1850 г. стали размножаться въ Гольштиніи, а съ 1856 г. отдѣльные экземпляры ихъ стали попадаться на островѣ Сильтъ. Съ 1820 г. они встрѣчаются въ Ольденбургѣ, сначала чрезвычайно рѣдко, но уже съ 1853 г. стали очень многочисленны. Съ 1840 г. эти птицы размножались въ Пригницѣ, а 7 лѣтъ спустя стали размножаться въ Вестфалии, близъ Зеппенраде. Въ концѣ прошлаго столѣтія они во всей Тюрингіи были лишь зимними гостями, да и теперь они въ южной Тюрингіи въ суровыя зимы рѣдкое явленіе, тогда какъ на сѣверо-западѣ у Шлотхейма, близъ Мюльгаузена, они водились въ большомъ количествѣ уже въ 1854 г. У Нейвида они гнѣздились уже въ 1841 г., а въ 1878 г. распространились до Саарбрюккена.

«Хохлатые жаворонки болѣе степенныя животныя, чѣмъ другія птицы, проник-

нувшія въ Германію съ юго-востока, и наблюденіе, будто-бы они преимущественно придерживаются широкихъ шоссе и дорогъ, идущихъ съ востока на западъ, и гнѣзятся по близости ихъ, вполне справедливо, такъ какъ эти дороги отличаются такимъ-же пустыннымъ характеромъ, какъ и монгольскія и китайскія стени. Эти иноземныя, прыгающія вдоль проѣзжихъ дорогъ птицы, своимъ страннымъ голосомъ и головнымъ опереніемъ обратили на себя вниманіе народа: такъ, въ Тюрингіи простые люди вѣрятъ, что хохлатые жаворонки проникли туда въ 1813 г. во время войны за освобожденіе, вслѣдъ за русскими войсками; нѣчто въ этомъ родѣ разсказывается также про таракановъ (такъ называемыхъ пруссаковъ).

«Къ югу отъ линіи, проведенной отъ Меца до окрестностей Лейпцига, эти птицы въ Германіи, повидимому, не гнѣзятся: по крайней мѣрѣ ихъ нѣтъ въ Вестервальдѣ, у Бармфельда въ долинѣ Верры и у Нейбурга въ Швабіи; въ Баваріи у Клингенбада, а также въ сѣверной и западной Швейцаріи до Женевы, онѣ показывается только зимой». На югѣ Европы хохлатые жаворонки встрѣчаются какъ въ деревняхъ и около нихъ, такъ и въ пустынныхъ, безплодныхъ равнинахъ или въ горахъ; въ Германіи они предпочитаютъ близость человѣка, зимой переселяются въ деревни и города и дѣлаются попрошайками передъ сараями и кухнями.

На югѣ Испаніи его замѣняетъ **Лавровый жаворонокъ** (*Galerita theclae*. *Log-beerlerche*. *Alouette des lauriers*), отличающійся болѣе короткимъ клювомъ, болѣе длиннымъ хохолкомъ, узкими рѣзко выдѣляющимися темными полосками на груди, нижними частями щекъ, покрытыми темными пятнами, и крайними хвостовыми перьями, внутреннія опахала которыхъ на концѣ ржаво-красноватаго цвѣта.

Кромѣ времени размноженія, хохлатки тихія птицы, замѣтныя только по тому, что встрѣчаются повсюду. Во всѣхъ-же другихъ отношеніяхъ это птица въ высшей степени непритязательная. Отъ полевого жаворонка хохлатый отличается немного сутуловатымъ строеніемъ тѣла и остроконечнымъ хохолкомъ, который онъ постоянно носитъ приподнятымъ. Во время покоя, бѣга, а также во время полета онъ очень похожъ на своихъ прочихъ родичей. Его голосъ состоитъ изъ тихихъ звуковъ, похожихъ на «хойд-хойд», за которыми обыкновенно слѣдуютъ звонкіе, пріятные звуки «кви кви». Пѣніе его отличается разнообразіемъ и имѣетъ свои преимущества, хотя его нельзя сравнить ни съ пѣніемъ полевого, ни, тѣмъ болѣе, съ пѣніемъ лѣсного жаворонка. Гомейеръ особенно хвалитъ пѣніе лаврового жаворонка и говоритъ: «ему не только свойственна грусть, выражаемая пѣсней лѣсного жаворонка, но именно этою особенностью онъ значительно превосходитъ вышеупомянутаго милаго пѣвца. Голосъ его тоже совершенно другой, чѣмъ у нѣмецкаго хохлатаго жаворонка: онъ также мягокъ, жалобенъ и серебристъ, какъ и у лѣсного жаворонка, но только еще болѣе грустный. Самая манера пѣть находится въ тѣсной связи съ звукомъ голоса: я не знаю ничего лучшаго, чѣмъ выразительное пѣніе этого жаворонка, тогда какъ въ сравненіи съ нимъ манера и звукъ голоса нашего хохлатаго жаворонка, часто похожій на крикъ, мнѣ нерѣдко становился противнымъ. Когда я услыхалъ это пѣніе, то ни въ какомъ случаѣ не могъ принять его за пѣніе хохлатаго жаворонка».

Пицца хохлатаго жаворонка различна. Осенью, зимой и весной онъ довольствуется различными сѣменами, но весной срываетъ также нѣжныя кончики травъ и другихъ растений.

Гнѣздо свивается на поляхъ, сухихъ лугахъ, въ виноградникахъ, садахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, нерѣдко чрезвычайно близко отъ жилыхъ помѣщеній,

въ многолюдныхъ публичныхъ скверахъ и даже близъ станцій желѣзныхъ дорогъ, но оно всегда скрыто и отыскать его трудно. По строенію, оно мало отличается отъ гнѣздъ прочихъ жаворонковъ. Кладка состоитъ изъ 4—6, въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ изъ 3 яйца, достигающихъ въ продольномъ діаметрѣ 22, въ поперечномъ 15 м. м. и покрытыхъ на желтомъ или красновато-бѣломъ фонѣ множествомъ маленькихъ пепельно-сѣрыхъ и желто-бурыхъ точекъ и пятенъ.

Либе наблюдалъ надъ одной парочкой хохлатыхъ жаворонковъ, бывшей на его попеченіи, и собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія, неожиданнымъ образомъ открывшія исторію размноженія этихъ, а можетъ быть и всѣхъ остальныхъ жаворонковъ. Самка насиживаетъ яйца одна, но, если погода не слишкомъ холодна, то она днемъ сидитъ на яйцахъ недолго, а покидаетъ ихъ приблизительно каждыя полчаса, чтобы почиститься и поискать себѣ пищи, такъ какъ самецъ ее не кормитъ. Черезъ 13 дней вылупляются птенцы и несмотря на то, что они лишь скудно покрыты пухомъ, сквозь который повсюду просвѣчиваетъ фіолетово-черноватая кожаца, мать ихъ все-таки мало балуетъ и грѣетъ. Только ночью или въ суровую погоду самка по-долгу сидитъ на гнѣздѣ. Самецъ принимаетъ участіе только въ кормленіи; онъ собираетъ насѣкомыхъ, разжевываетъ ихъ клювомъ и приноситъ самкѣ, чтобы та кормила птенцовъ. Черезъ 6 дней птенцы убѣгаютъ изъ гнѣзда и уже въ него болѣе не возвращаются. Ихъ походка сперва состоитъ изъ безпомощныхъ скачковъ и только на 12-й день они начинаютъ бѣгать, какъ ихъ родители. Ночью они прячутся въ какомъ-нибудь углубленіи почвы; но здѣсь они не согрѣваются самкой, а самецъ прикрываетъ ихъ стебельками и сухими листьями. И въ это время самецъ рѣдко кормитъ ихъ самъ, а довольствуется тѣмъ, что доставляетъ самкѣ извѣстную пищу для птенцовъ. Но онъ принимаетъ участіе въ кормленіи въ другомъ отношеніи. Именно, если самка прилетаетъ съ полнымъ клювомъ и тщетно ищетъ молодыхъ, онъ скликаетъ ихъ громкимъ голосомъ, на который они отвѣчаютъ, хотя и тихо, но довольно ясно для того, чтобы самка могла ихъ услышать. На 14-тый день послѣ выхода изъ гнѣзда птенцы испытываютъ свои крылья, а на 16-тый день они уже въ состояніи перелетать значительныя разстоянія. Когда они дѣлаются самостоятельными, родители приступаютъ ко второй, а затѣмъ къ третьей кладкѣ.

На долю хохлатыхъ жаворонковъ вышелъ болѣе счастливый жребій въ томъ отношеніи, что они не въ такомъ количествѣ ловятся для кухни, да и вообще мало преслѣдуются. Ихъ врагами являются тѣ-же самые хищники, которые преслѣдуютъ и другихъ птицъ, живущихъ на сушѣ. Въ клѣткахъ ихъ содержатъ рѣдко.

Хорошенькій **Лѣсной жаворонокъ** или **Юла** (*Galerita arborea, nemorosa* и *musica, Alauda arborea, nemorosa, cristatella* и *anthrostris, Lullula* и *Chorys arborea, Heidelerche, Cujelier*) самый маленький видъ этого семейства, водящійся въ Германіи. Длина тѣла достигаетъ 15,3—15,8, размахъ крыльевъ въ среднемъ 29 см., длина крыла 9, хвоста 5,4 см. Верхняя часть тѣла и крылья блѣднаго ржаво-бураго цвѣта, перья надхвостья болѣе сѣро бурья; верхняя часть головы, нижнія шейныя перья и плечи покрыты широкими черно-бурыми пятнами; ржаво-бѣловатая нижнія части тѣла, принимающія съ боковъ буроватый оттѣнокъ, на зобѣ и на груди покрыты узкими, ясными, на сторонахъ живота неясными пятнами; горловая перья украшены темными точками; уздечка и полоса на вискѣ ржаво-бѣловатая, маховыя перья черно-бурая, при чемъ большія снабжены узкой, блѣдно-ржавой, малыя болѣе широкой ржаво-красноватой внѣшней каѣмой; покровныя перья большихъ маховыхъ перьевъ на внѣшней сторонѣ около ржаво-бѣловатыхъ кончиковъ испещрены темно-бурыми пятнами; оба среднихъ хвостовыхъ пера бу-

раго цвѣта и окаймлены широкой ржаво-бурой полосой, остальные— черныя съ бѣлыми кончиками; эти кончики на крайнемъ перѣ принимаютъ блѣдно-буроватый оттѣнокъ и дѣлаются шире. Глаза темно-каріе, клювъ рогового-бурого цвѣта, снизу красный, ноги болѣе свѣтлаго рогового-бурого цвѣта.

Прелестныя птицы эти живутъ во всей Европѣ, начиная отъ среднихъ провинцій Швеціи, и въ западной Азіи, но мѣстожителство ихъ болѣе ограничено, чѣмъ мѣстопробыванія прочихъ жаворонковъ, такъ какъ онѣ водятся только въ дикихъ пустошахъ и лѣсистыхъ мѣстностяхъ. Вальтеръ наблюдалъ ихъ въ Туркменіи въ срединѣ марта во время перелета, послѣ чего видѣлъ тамъ лишь нѣсколько гнѣздящихся парочекъ. «Несравненно въ большемъ количествѣ», пишетъ Вальтеръ, «лѣсные жаворонки гнѣзятся на Копеть-дагѣ, гдѣ я ихъ находилъ въ концѣ мая 1887 года на плоскихъ возвышенностяхъ Гульули и Себиль въ рѣдкихъ рощахъ можжевельника.

«Лѣсныхъ жаворонковъ было бы напрасно искать на плодородныхъ поляхъ обширныхъ равнинъ», говоритъ мой отецъ, «и въ роскошныхъ листовенныхъ или высокоствольныхъ хвойныхъ лѣсахъ. Мѣстопробываніемъ имъ служатъ пустоши, скудные сѣнокосы и высокія плоскогорія, на которыхъ другія птицы рѣдко живутъ. Послѣ насиживанія они переселяются со своими птенцами на скошенные луга, а во время перелета посѣщаютъ паровыя поля и жнивья негористыхъ мѣстностей, такъ какъ свои странствованія они должны совершать небольшими однодневными перелетами, нуждаясь во времени для отыскиванія своей скудной пищи, состоящей изъ маленькихъ жуковъ и мелкихъ сѣмянъ. Какъ только растаетъ на горахъ снѣгъ, они въ послѣдней половинѣ февраля возвращаются изъ своихъ странствованій, оканчивающихся обыкновенно въ южной Европѣ, но простирающихся также до Африки, обратно въ Германію и поселяются здѣсь на прежнихъ мѣстахъ. Я нѣсколько разъ видѣлъ ихъ въ мартѣ, весело поющими утромъ надъ нашими покрытыми снѣгомъ горами, и постоянно замѣчалъ, что снѣгъ въ этомъ случаѣ къ полудню таялъ.

«По своему нраву лѣсной жаворонокъ— прелестное существо, съ быстрыми и ловкими движеніями, довѣрчивый и почти ручной тамъ, гдѣ его щадятъ, и пугливый и осторожный тамъ, гдѣ его преслѣдуютъ или гдѣ онъ боится преслѣдованія. Онъ быстро бѣгаетъ маленькими шажками съ слегка выпяченною грудью и приподнятымъ хохолкомъ, при чемъ выглядитъ чрезвычайно красиво. Если вблизи появляется ястребъ или соколъ, то онъ плотно ложится на землю, и при этомъ такъ искусно пользуется небольшими углубленіями, что его чрезвычайно трудно увидѣть и онъ обыкновенно избѣгаетъ угрожающей опасности. Онъ однако не садится, подобно своимъ родичамъ, почти исключительно на землю, но отдыхаетъ также на верхушкахъ деревьевъ и выдающихся сучкахъ, вслѣдствіе чего и можно его назвать древеснымъ жаворонкомъ. Весной они живутъ парочками; но такъ какъ самцы превосходятъ своей численностью самокъ, то не бываетъ недостатка въ горячихъ схваткахъ, въ которыхъ навязчивые соперники обыкновенно обращаются въ бѣгство. При ухаживаніи самцы проявляютъ всю свою любезность: они бѣгаютъ близко около своихъ самокъ, приподнимаютъ немного расширившійся хвостъ, взъерошиваютъ хохолокъ и премола кланяются, желая выразить своимъ подругамъ свою преданность и нѣжность.

«Ихъ хорошенькое гнѣздо находятъ нѣсколько ранѣе или нѣсколько позже, смотря по весенней погодѣ, иногда уже въ концѣ марта, подъ сосной, можжевеловымъ кустомъ, или въ травѣ; свито оно въ вырытомъ, не прикрытомъ вѣтвями углубленіи земли изъ нѣжныхъ, сухихъ травяныхъ стебельковъ и листиковъ; оно

имѣетъ форму большого шарового сегмента и внутри выложено очень гладко и акуратно. Кладка состоитъ изъ 4—5, въ рѣдкихъ случаяхъ изъ 3 яицъ, достигающихъ 20 м.м длины и 15 толщины; они бѣловатаго цвѣта и покрыты частыми сѣрыми и свѣтло-бурыми точками и пятнышками: они съ величайшимъ самопожертвованіемъ насиживаются одной самкой, которую снабжаетъ пищей самецъ. Родители остаются при птенцахъ перваго выводка лишь короткое время, такъ какъ скоро приготавливаются ко второй кладкѣ. Послѣ послѣдней они соединяются со всѣмъ потомствомъ въ небольшія общества или въ стаи, состоящія изъ двухъ или нѣсколькихъ семействъ, и готовятся къ отлету. Покидаютъ они насъ въ концѣ октября или въ началѣ ноября.

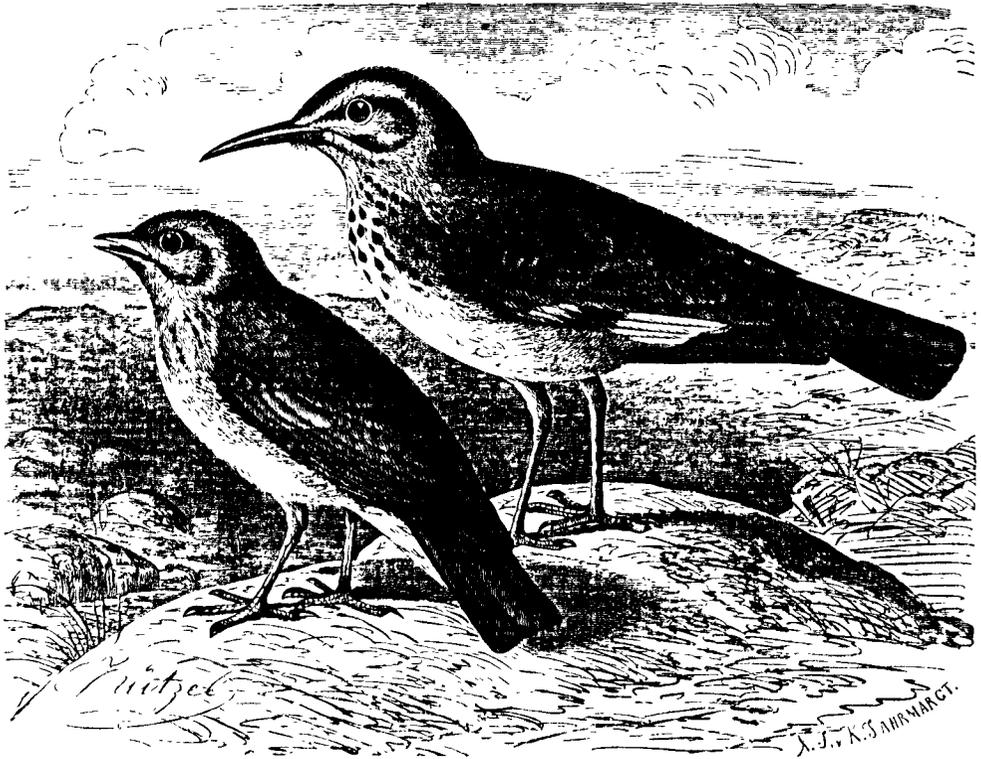
«Но самое прекрасное въ лѣсномъ жаворонкѣ—его превосходное пѣніе. Во время путешествія пѣшкомъ находишься иногда въ такой пустынной мѣстности, въ которой можетъ быть даже видъ вдаль не можетъ вознаградить собою безотрадную картину скудной растительности. Повидимому здѣсь вымерла всякая жизнь. Но вотъ поднимается на воздухъ прелестный лѣсной жаворонокъ; сперва слышится его нѣжное призывное «дуллу», затѣмъ онъ поднимается въ вышину и, громко распѣвая и выдѣлывая трели, въ теченіи получаса парить подъ облаками, или садится на дерево, чтобы на немъ закончить свою милую пѣсенку. Но еще лучше звучитъ это пѣніе ночью. Когда мнѣ тихой полуночью приходилось проходить по невзрачной мѣстности, обитаемой этими жаворонками, и, внимая раздающемуся вдали крику совы, мурлыканію козодоя или жужжанію пролетѣвшаго вблизи жука, особенно сильно ощущать свое одиночество въ этой пустынной мѣстности, я каждый разъ бывалъ чрезвычайно радъ, когда поднимался лѣсной жаворонокъ и начиналъ выдѣлывать свои прекрасныя трели. Я останавливался и долго внималъ этимъ, какъ бы съ неба льющимъ звукамъ, а затѣмъ, ободренный, продолжалъ свой путь. Я прекрасно знаю, что лѣсной жаворонокъ начиналъ пѣть, побуждаемый къ тому внутреннимъ инстинктомъ и желая своимъ пѣніемъ развлечь и порадовать самку; тѣмъ не менѣе мнѣ казалось, что онъ поднялся для того, чтобы оказать вниманіе мнѣ—ихъ старинному другу и усладить мое одиночество».

Въ отношеніи пѣнія лѣсной жаворонокъ не можетъ равняться съ соловьемъ, но тѣмъ не менѣе онъ часто замѣняетъ послѣдняго. Соловиная пѣснь льется только въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ, лѣсной же жаворонокъ поетъ, начиная съ марта и до августа, а послѣ линянна еще въ послѣдней половинѣ сентября и въ первой октября; кромѣ того онъ поетъ въ бѣдныхъ, пустынныхъ мѣстностяхъ и въ горахъ, гдѣ вообще живетъ весьма немного хорошихъ пѣвцовъ; тамъ же, гдѣ живутъ эти птицы, едва ли найдешь и одного. Онъ любимецъ всѣхъ горныхъ жителей, гордость любителей птицъ и радость ремесленника, въ теченіи цѣлой недѣли заключеннаго въ комнатѣ и неимѣющаго возможность покинуть ее; онъ вполне заслуживаетъ оказываемую ему вездѣ любовь и всеобщую извѣстность. Къ сожалѣнію птицы эти не увеличиваются въ числѣ, какъ полевые и хохлатые жаворонки; напротивъ того, ихъ численность скорѣе уменьшается и притомъ безъ всякой видимой причины.

* *
*

Въ пустынѣ также существуютъ особаго вида жаворонки, окраска которыхъ совершенно подходитъ подъ цвѣтъ песка. **Пустынные жаворонки** (*Ammomanes. Sanderlachen. Alouettes des sables*) отличаются толстымъ клювомъ, средней величины короткими пальцами, изъ которыхъ задній вооруженъ короткимъ прямымъ когтемъ, длинными, острыми крыльями, относительно большимъ, посрединѣ въ большей или меньшей степени выемчатымъ хвостомъ и окраской песочнаго или свѣтло-желтаго цвѣта.

Африканскій жаворонокъ (*Ammomanes deserti* и *isabellina*, *Alauda deserti* и *isabellina*, *Melanocorypha deserti*, *isabellina*, *arabs*, *galeritata*, *lusitanica*, *Calandrella deserti*, *Mirafra deserti* и *phoenicuroides*. *Wüstenlerche*. *Alouette africaine*) сверху сѣровато-бурого цвѣта надхвостье ржаво-красноватое, снизу окраска блѣдно желтовато-бѣлаго цвѣта; ушная область, зобъ, бока, нижнія покровныя перья хвоста и крыльевъ нѣжнаго блѣдно-желто-красноватаго цвѣта; зобъ покрытъ неясными темными полосками; маховыя и хвостовыя перья оливково-буроватыя, при чемъ первыя снаружи ржаво-красновато-коричневаго, оба крайнихъ хвостовыхъ пера, снаружи до самыхъ кончиковъ, блѣдно-желтоватаго цвѣта. Глаза каріе, клювъ рогового-буроватаго цвѣта, ноги темно-бурыя. Въ длину онъ достигаетъ 16 см., размахъ крыльевъ 23 см., длина крыла 9,5. а хвоста 6,5 см.

Африканскій жаворонокъ. *Ammomanes deserti*. Сахарскій жаворонокъ. *Alaemon desertorum*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Область распространенія африканскаго жаворонка обнимаетъ большую часть сѣверной и сѣверовосточной Африки, западную Азію и среднюю Индію; они иногда, хотя и очень рѣдко, залетаютъ въ южную Европу. Эргардъ причисляетъ ихъ однако къ лѣтнимъ птицамъ Цикладскихъ острововъ

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сѣверной Африки и на островахъ Зеленаго Мыса его замѣняетъ сродный ему **Песчаный жаворонокъ** (*Ammomanes sinctura*, *pallida*, *elegans*, *regulus*, и *arenicolor*, *Melanocorypha sinctura*, *Alauda arenicolor* и *elegans*. *Sandlerche*. *Alouette des sables*) экземпляръ котораго былъ какъ-то убитъ на Мальтѣ; онъ нѣсколько меньше предыдущаго, сверху красновато-коричневаго, снизу

блѣдно-желтовато-бѣлаго цвѣта и легко узнаваемъ по блѣдно-буроватымъ кончикамъ красновато-бурыхъ маховыхъ перьевъ и по черно-бурымъ пятнамъ, покрывающимъ кончики хвостовыхъ перьевъ, одноцвѣтныхъ съ маховыми.

Оба вида, въ особенности африканскаго жаворонка, я встрѣчалъ во время моего пребыванія въ Африкѣ по всему Египту и Нубіи въ пустыняхъ; послѣдніе попадались мнѣ даже въ обширныхъ пространствахъ, покрытыхъ одними кремнистыми гальками. Онъ избѣгаетъ обработанныхъ мѣстъ и встрѣчается только тамъ, гдѣ сухой песокъ уничтожилъ всякій слѣдъ живительной силы влаги. Въ песокъ онъ скрывается отъ взоровъ враговъ, въ немъ-же находитъ свою пищу; онъ всецѣло и исключительно принадлежитъ пустынѣ. Голосъ его начинается уже въ Верхнемъ Египтѣ, какъ только переступишь черезъ послѣднюю дамбу, запищающую запруженныя плодоносныя воды отъ песочныхъ заносовъ; птица эта встрѣчается среди величественныхъ памятниковъ минувшаго земли фараоновъ, она хозяйничаетъ въ священныя храмахъ, точно древній, оставшійся въ живыхъ, заколдованный жрецъ Изиды, она-же является настоящею домашнею птицею въ палаткахъ темнокожихъ номадовъ. Это милостивыя, но тихія и серьезныя птички. Вѣгаютъ онѣ чрезвычайно быстро, летаютъ ловко и проворно, хотя немного припархивая. Ихъ обыкновенный призывной крикъ до того грустный, что подъ этимъ впечатлѣніемъ почти совершенно забываешь о свойственномъ ему благозвучіи. Тамъ, гдѣ водятся эти жаворонки, они встрѣчаются въ большомъ количествѣ; живутъ они обыкновенно парочками, въ мирѣ съ прочими представителями своего вида и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ держатся стаями. Нѣсколько сотъ квадратныхъ метровъ песчаной почвы съ двумя-тремя камнями, и нѣсколькими пучками убогой осоки — для нихъ достаточно, и напрасно задаешь себѣ вопросъ, какимъ образомъ подобная мѣстность, кажущаяся человѣческому взору совершенно мертвой, можетъ быть родиной этихъ птицъ и доставлять имъ пропитаніе. И тѣмъ не менѣе это такъ, потому что каждая парочка очень привязана къ разъ избранному мѣстопробыванію. Если нѣсколько дней подъ рядъ посѣщать такое мѣсто, то почти всегда застанешь ихъ не только на томъ-же мѣстѣ, но даже на томъ-же самомъ камнѣ.

Африканскіе жаворонки приступаютъ къ размноженію въ первые мѣсяцы года. Ихъ гнѣздо или превосходно скрыто въ углубленіи подъ какимъ-нибудь свѣшивающимся камнемъ, или спрятано въ травѣ; оно свито довольно красиво и содержитъ весной 3—4 яйца, достигающихъ 22 м.м. длины и 16 толщины, покрытыхъ по желтоватому фону, въ особенности около толстаго конца, бурными и красными пятнами. Самецъ выражаетъ свою любовь тихимъ, приятнымъ, хотя и довольно простенькимъ пѣніемъ, въ которомъ чаще всего повторяются упомянутыя грустныя призывныя ноты. Послѣ пѣнія онъ обходитъ самку со слегка оттопыренными крыльями, затѣмъ оба вмѣстѣ обыкновенно взлетаютъ на самый возвышенный пунктъ своихъ владѣній, какъ напримѣръ на камень, и самецъ снова начинаетъ пѣть.

Африканскіе жаворонки не боятся людей. Мнѣ доставляло истинное удовольствіе подходить къ нимъ на близкое разстояніе, и я съ восторгомъ смотрѣлъ, какъ они съ полнымъ довѣріемъ входили въ палатку пастуха-кочевника, временно остановившагося около колодца. Арабамъ и въ голову не приходитъ принимать враждебныя мѣры противъ этихъ довѣрчивыхъ птицъ, да и европейцы вскорѣ до того привязываются къ нимъ, что ни за что не хочется ихъ убивать.

* * *

Длинноногіе жаворонки (*Alaemon. Stelzenlerchen*) существенно отличаются отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ до сихъ поръ видовъ. Отличительными признаками ихъ

служать: стройное тѣлосложеніе, длинный, относительно тонкій и въ большей или меньшей степени изогнутый клювъ, ноги съ длинными плюснами и съ средней длины пальцами, изъ которыхъ задній снабженъ довольно короткимъ, слегка изогнутымъ когтемъ, весьма длинныя и широкія крылья, среди маховыхъ перьевъ которыхъ самыя длинныя третье, четвертое и пятое, не особенно или довольно длинный хвостъ и наконецъ густое и гладкое опереніе.

Переходной ступенью отъ этихъ жаворонковъ къ полевымъ, можно считать **Дугоклюваго жаворонка** (*Alaemon dupontii*, *Alauda dupontii* и *ferruginea*, *Certhilauda dupontii*. *Bogenschnabellerche*. *Alouette de Dupont*). Онъ приблизительно такой же величины, какъ хохлатый жаворонокъ и имѣетъ относительно короткій клювъ; живетъ онъ въ Сахарѣ, но случайно попадался также и въ южной Франціи. Перья верхнихъ частей тѣла землисто-бурого цвѣта, окаймлены снаружи блѣдной ржаво-бѣловатой полосой и покрыты темными черточками; уздечка, неясная глазная полоса, обѣ стороны головы и шея, а также нижнія части тѣла бѣловатаго цвѣта, горло, зобъ и обѣ стороны шеи покрыты бурными, книзу болѣе широкими черточками; маховыя и хвостовыя перья—черно-бурныя, первыя окаймлены по краямъ блѣдной ржаво-бѣловатой полосой, покровныя же перья хвоста снабжены такой полосой и на концахъ; оба среднихъ хвостовыхъ пера окаймлены широкой ржаво-буроватой полосой, крайнія хвостовыя перья—бѣлыя съ широкой бурой каймой; вторыя хвостовыя перья съ обѣихъ сторонъ отличаются бѣлой окраской только на краяхъ бороздки.

Сахарскій жаворонокъ (*Alaemon desertorum* и *jesseri*, *Alauda desertorum* и *bifasciata*, *Certhilauda desertorum*, *bifasciata*, *meridionalis*, *doriae* и *salvini*. *Wüstenläuferlerche*. *Alouette du desert*) сверху блѣднаго красновато-желтаго цвѣта; окраска заднихъ малыхъ маховыхъ перьевъ красновато-коричневая; уздечка, глазная полоса, обѣ стороны головы и нижнія части тѣла—бѣлыя; зобъ нѣжнаго блѣдно-желтаго цвѣта и покрытъ темными полосками; большія маховыя перья—черныя, причеиъ заднія съ бѣлыми кончиками, а переднія, начиная съ третьяго—бѣлаго цвѣта у основанія; покровныя перья малыхъ маховыхъ — на концѣ бѣлыя; бѣлыя малыя маховыя перья образуютъ широкую поперечную полосу, хвостовыя перья черно-бурого цвѣта и окаймлены по краямъ и на концѣ блѣдной красновато-желтой полосой; крайнія рулевыя перья снаружи совершенно бѣлыя; окраска обѣихъ среднихъ перьевъ красновато-коричневаго цвѣта, принимающаго вдоль ствѣловъ бурый оттѣнокъ. Длина ихъ тѣла достигаетъ 22, крыльевъ 12, хвоста 9 см.

Область распространенія сахарскихъ жаворонковъ, которыхъ нѣсколько разъ случалось убивать и въ южной Европѣ, обнимаетъ всю сѣверно-восточную Африку и западную Азію, Палестину, Персію и Синдъ. Во всѣхъ пустыняхъ сѣверо-восточной Африки они встрѣчаются довольно часто; въ травянистыхъ же степяхъ я ихъ никогда не замѣчалъ. Въ особенно большомъ количествѣ я ихъ наблюдалъ между Каиромъ и Суэцомъ. Я ихъ никогда не встрѣчалъ стаями, но обыкновенно или парочками, или, въ крайнемъ случаѣ, небольшими семейками изъ 4—6 штукъ. Парочки живутъ близко одна около другой и, повидимому, сосѣди весьма часто и миролюбиво посѣщаютъ другъ друга.

По своему поведенію сахарскіе жаворонки являются какъ-бы соединительнымъ звеномъ между своими, болѣе близкими родичами и бѣгунками (*Cinorogus*). Бѣгаютъ они въ припрыжку и необыкновенно быстро, почти какъ пустынные бѣговныя птицы, такъ что ихъ бѣгъ скорѣе похожъ на походку бѣгунка, чѣмъ на жаворонковый;

летаютъ они легко, часто парятъ, но еще чаще летятъ совершенно прямо; поднимаются они на воздухъ не медленно, подобно прочимъ жаворонкамъ, но возносятся въ вышину частыми взмахами крыльевъ и весьма быстро. Достигнувъ высоты, они нѣсколько мгновений парятъ на одномъ мѣстѣ, а затѣмъ, вдругъ сложивъ крылья, падаютъ обратно на землю или даже на кустикъ, съ котораго сейчасъ прыгаютъ на землю и поспѣшно бѣгутъ дальше. При случаѣ они повторяютъ эту забаву нѣсколько разъ подъ рядъ съ короткими промежутками. Мнѣ кажется, что подобныя воздушныя фокусы исполняются одними самцами, и являются какъ-бы игрой, затѣваской для того, чтобы порадовать самку. Парочки живутъ необыкновенно дружно; они постоянно бѣгаютъ рядомъ и поднимаются на воздухъ почти одновременно. Повидимому желаніе одного — для другого законъ. Человѣка сахарскіе жаворонки не боятся нисколько; къ населеннымъ станціоннымъ домамъ желѣзной дороги между Каиромъ и Суэцомъ они приближаются съ довѣрчивостью хохлатыхъ жаворонковъ: я нѣсколько разъ встрѣчалъ ихъ во внутренности обширныхъ дворовъ этихъ построекъ. Они близко подпускаютъ къ себѣ охотника, но въ случаѣ преслѣдованія вскорѣ дѣлаются необыкновенно пугливыми. Ихъ обыкновенный голосъ состоитъ изъ грустнаго, жалобнаго свиста, пѣніе же заключается собственно только въ повтореніи нотъ призывнаго крика, къ которому присоединяется трель. Тачановскій слышалъ однажды три послѣдовательныя ноты гаммы, проиѣтыя чистымъ, сильнымъ голосомъ; онѣ были повторены три раза и заключены трелью. Относительно ихъ размноженія мнѣ лично не пришлось сдѣлать наблюденій. Тристрамъ описываетъ яйца, но умалчиваетъ о гнѣздѣ. Продольный діаметръ яйца достигаетъ 25, поперечный — 18 м.м.; они похожи отчасти на яйца нѣкоторыхъ видовъ сорокопутовъ. Могу еще замѣтить, что эти птицы, такъ-же какъ и прочія, свойственныя пустынѣ, повидимому совершенно могутъ обходиться безъ воды, такъ какъ ихъ часто встрѣчаешь на разстояніи многихъ километровъ отъ нея, въ сильно выгорѣвшихъ мѣстностяхъ самыхъ дикихъ пустынь.

Въ желудкѣ убитаго мною сахарскаго жаворонка я нашелъ только насѣкомыхъ; несмотря однако на это, я не могу утверждать, чтобы эти птицы пренебрегали съменами.

У птицъ, принадлежащихъ къ семейству **Лѣсныхъ пѣвцовъ** (Sylvicolidae), отсутствуетъ первое маховое перо. Они подраздѣляются на нѣсколько подсемействъ.

Трасогузны (Motacillinae. Stelzen. Nochequeenes) отличаются необыкновенно стройнымъ тѣлосложеніемъ, тонкимъ, прямымъ шилообразнымъ клювомъ, имѣющимъ ребро на расщепѣ, и небольшимъ углубленіемъ передъ самымъ кончикомъ верхней челюсти клюва; крылья средней длины, третье маховое перо самое длинное, малыя же маховыя едва короче большихъ; хвостъ у нихъ длинный, состоящій изъ узкихъ перьевъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ на концѣ раздвоенъ; ноги довольно длинныя, стройныя, имѣютъ длинные пальцы съ большими когтями, изъ которыхъ задній принимаетъ иногда видъ шпорца. Опереніе пестрое, до нѣкоторой степени различное у того и другаго пола.

* * *

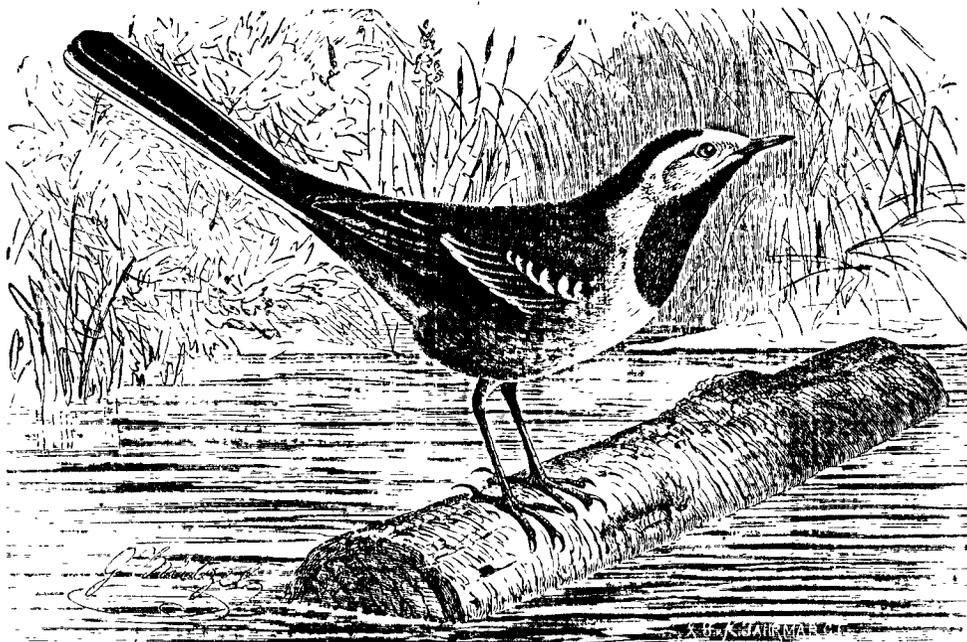
Болѣе дюжины существующихъ видовъ **Трасогузона** въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова (Motacilla. Stelzen. Lavandières) принадлежатъ исключительно Старому Свѣту и распространяются здѣсь во всѣхъ поясахъ и широтахъ и на всякой высотѣ надъ

уровнем моря. Ихъ мѣстопробываніемъ служатъ мѣстности, изобилующія водой. Нѣкоторые виды удаляются отъ воды только во время перелета, другіе же, хотя, отыскивая пищу, и встрѣчаются на сухихъ мѣстахъ, но всегда снова возвращаются къ водѣ. Сѣверные виды—перелетныя птицы; южныя принадлежатъ къ кочующимъ, наконецъ нѣкоторые единичные виды—къ осѣдлымъ птицамъ. На сѣверѣ онѣ появляются рано въ началѣ года и остаются здѣсь до поздней осени, хотя иногда отсюда переселяются также далеко на югъ. Ихъ движенія граціозны и милостивы. Ходятъ онѣ обыкновенно шагами осторожно, кивая при каждомъ шагѣ головою; свой длинный хвостъ онѣ держатъ или въ горизонтальномъ положеніи или слегка приподнятымъ, но постоянно то приподнимаютъ, то опускаютъ его, оправдывая этимъ данное имъ прозвище. Полетъ у нихъ дугообразный, т. е. онѣ то опускаются, то поднимаются; это происходитъ вслѣдствіе того, что онѣ поочередно то быстро двигаютъ крыльями, то складываютъ ихъ. Голосъ ихъ не особенно благозвученъ, пѣніе протенькое, хотя не безъ пріятности. Пища состоитъ изъ всевозможныхъ насѣкомыхъ или ихъ личинокъ, а также изъ низшихъ водяныхъ животныхъ. Гнѣздо представляетъ собой плохую постройку изъ прутиковъ, корешковъ, травянистыхъ стебельковъ, соломинокъ, мха, сухихъ листьевъ и пр.; внутри оно выложено шерстью и другимъ подобнымъ мелкимъ матеріаломъ и свивается въ норахъ или углубленіяхъ, но всегда по близости воды; яичная скорлупа нѣжна и покрыта на свѣтломъ или сѣроватомъ фонѣ мелкими пятнами.

Большинство трясогузокъ своей милостивостью и доверчивостью располагаютъ къ себѣ самыхъ черствыхъ сердца; поэтому среди людей онѣ едва-ли имѣютъ враговъ, но зато ихъ преслѣдуютъ множество хищныхъ животныхъ; кромѣ того онѣ подвержены различнымъ опасностямъ вслѣдствіе своего мѣстопробыванія; тѣмъ не менѣе онѣ значительно увеличиваются численностью, такъ что потери, претерпѣваемые ими въ своемъ составѣ, легко восполняются. Въ клѣткахъ ихъ содержатъ рѣдко; того же, кто дѣлаетъ ихъ своими сожителями, онѣ своей милостивостью и доверчивостью совершенно очаровываютъ.

Представителемъ всего вида является въ извѣстномъ смыслѣ **Бѣлая трясогузка, Бѣлая долгохвостая синичка, Синичка, Плиска, Плистовка, Желтая плиска**, (*Motacilla alba, cinerea, cervicalis, septentrionalis, brachyrhynchos, fasciata, gularis* и *dukhnensis. Bachstelze. Lavandière blanche*). Верхнія части ея тѣла—сѣрыя, затылокъ и зашеекъ бархатисто-чернаго цвѣта; горло, зобъ и верхняя часть груди—черные; лобъ, уздечка, нижнія части щекъ, обѣ стороны шеи и нижнія части тѣла—бѣлыя; маховыя перья—черноватая со свѣтло-сѣрой каймой и, вслѣдствіе бѣлыхъ кончиковъ покровныхъ перьевъ, снабжены двумя свѣтлыми полосками; среднія рулевыя перья чернаго, остальные бѣлаго цвѣта. Самка похожа на самца, только черное пятно на ея шеѣ обыкновенно нѣсколько меньше. Осеннее опереніе того и другаго пола отличается отъ весенняго главнымъ образомъ бѣлой окраской горла, подковообразно окруженнаго черной полосой. Птенцы сверху грязнаго пепельно-сѣраго цвѣта, а нижнія части ихъ, исключая темной горловой полосы—сѣрыя или грязновато-бѣлыя. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги—черные. Въ длину она достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 28 см., длина крыла равна 8, 5, хвоста 9, 8 см. Въ Великобританіи, на ряду съ бѣлой, живетъ **Трясогузка черная**, (*Motacilla lugubris, yarellii* и *algira. Trauerstelze. Lavandière triste*), которую считаютъ или самостоятельнымъ видомъ или разновидностью. Она отличается только тѣмъ, что въ ея весеннемъ опереніи нижнія шейныя перья, надхвостье и плечи также чернаго цвѣта. Мы считаемъ ее лишь разновидностью. Трясогузка эта населяетъ всю Европу, также

Исландію, западную и среднюю Азію и Гренландію; зимою она проникаетъ даже внутрь Африки, хотя отдѣльные экземпляры зимуютъ уже въ южной Европѣ и даже въ Германіи. Въ Германіи онѣ появляются уже въ началѣ марта, а при благоприятной погодѣ зачастую уже въ концѣ февраля; покидаютъ онѣ насъ лишь въ октябрѣ, а иногда и позднѣе. Онѣ избѣгаютъ высокоствольныхъ лѣсовъ и горъ за лѣсной границей, въ общемъ же селятся буквально всюду; онѣ скиваются съ человекомъ, охотно селятся вблизи его жилищъ, при обработываніи почвы увеличиваются численностью, приспособляются ко всякимъ обстоятельствамъ и поэтому очень обыкновенны даже въ большихъ городахъ. Подвижныя, беспокойныя и въ высшей степени бодрыя—онѣ непрерывно дѣятельны съ самаго утра и до поздняго вечера. Только во время пѣнія онѣ дѣйствительно сидятъ неподвижно на одномъ и томъ же мѣстѣ, выпрямившись и опустивъ хвостикъ; вообще же онѣ постоянно

Бѣлая трясогузка. *Motacilla alba*. $\frac{2}{5}$ наст. вел.

бѣгаютъ взадъ и впередъ; если же сидятъ на мѣстѣ, то двигаютъ по крайней мѣрѣ хвостикомъ. Ходятъ онѣ шагами, довольно скоро и ловко, при чемъ туловище и хвостъ вытягиваютъ горизонтально, а шею нѣсколько втягиваютъ; летаютъ легко и быстро, то поднимаясь, то опускаясь по длиннымъ дугообразнымъ линіямъ, которыя въ совокупности составляютъ змѣвидную линію. Летятъ онѣ большей частью низко надъ водой или землей на небольшія разстоянія, но часто также сразу пролетаютъ большое разстояніе и, желая сѣсть, внезапно опускаются внизъ и лишь надъ самой землей расширяютъ хвостъ, чтобы нѣсколько ослабить силу паденія. Ихъ призывной голосъ заключается въ нѣжномъ «цивии», иногда же въ болѣе протяжномъ «цизис» или «циувис»; свою нѣжность онѣ выражаютъ тихимъ звукомъ, похожимъ на «квирири»; пѣніе, исполняемое ими во время покоя, бѣга или полета и весьма часто повторяемое, хотя и довольно просто, но не лишено пріятности. Онѣ любятъ общество себѣ подобныхъ, но непрочъ также подразнить своихъ товарищей, играя погоняться другъ за дружкой и даже иногда и серьезно подражаться.

По отношенію къ другимъ птицамъ онѣ выказываютъ мало расположенія, скорѣе относятся къ нимъ непріязненно: часто ссорятся съ подорожниками, зябликами и жаворонками и нападаютъ даже на хищныхъ птицъ. «Когда трясогузки замѣчаютъ хищника», говоритъ мой отецъ, «онѣ долго преслѣдуютъ его съ страшнымъ крикомъ, чѣмъ предостерегаютъ всѣхъ остальныхъ птицъ объ угрожающей опасности и нерѣдко заставляютъ такимъ образомъ какого нибудь ястреба отказаться отъ своей охоты. Въ такихъ случаяхъ я нерѣдко удивлялся ихъ храбрости и ловкости и вполне убѣжденъ, что развѣ только самые быстрые сокола могутъ съ ними что либо подѣлать. Обративъ цѣлымъ роемъ въ бѣгство какого либо хищника, онѣ испускаютъ громкіе радостные крики, послѣ которыхъ снова разсѣиваются во всѣ стороны. Онѣ враждебно относятся также къ филину; съ сильнымъ крикомъ выются вокругъ него, но вскорѣ разлетаются, такъ какъ филинъ сидитъ упорно на мѣстѣ». Бѣлая трясогузка находитъ себѣ на берегахъ въ тинѣ, на камняхъ, въ навозныхъ ямахъ, на крышахъ домовъ и въ прочихъ мѣстахъ всевозможныхъ насѣкомыхъ и ихъ личинокъ и куколокъ; она съ быстротой молніи бросается на намѣченную добычу и схватываетъ ее съ непогрѣшимой увѣренностью. Она слѣдуетъ по пятамъ пахаря и подбираетъ за нимъ вырытыхъ насѣкомыхъ; она постоянно водится при стадахъ рогатаго скота, около барановъ же часто проводитъ цѣлые дни. «Если она бѣгаетъ около ручья, или вообще гдѣ либо на землѣ, то постоянно озирается во всѣ стороны. Если пролетаетъ какое нибудь насѣкомое, она тотчасъ же поднимается на воздухъ, преслѣдуетъ его и почти всегда схватываетъ».

Вскорѣ послѣ прилета весной каждая парочка избираетъ себѣ отдѣльное владѣніе, при чемъ дѣло никогда не обходится безъ ссоръ и драки съ прочими представителями своего вида, потому что каждый холостой самецъ старается отбить у другаго его самку. Оба соперника съ страшнымъ крикомъ носятся другъ за другомъ, опускаются иногда на землю и, принявъ воинственные позы, злобно бросаются другъ на друга, точно ожесточенные лѣтухи. Одинъ изъ бойцовъ долженъ уступить, и побѣдитель, вновь завоевавшій самку, старается проявить свою радость. Съ необыкновенной граціей и миловидностью онъ обходитъ самку, распускаетъ поочередно то хвостъ, то крылья и своеобразно трепещетъ послѣдними. За этой любовной сценой постоянно слѣдуетъ снариваніе. Гнѣздо свивается во всевозможныхъ мѣстахъ: въ разбѣлинахъ скалъ, стѣнныхъ щеляхъ, въ углубленіяхъ почвы, подъ корнями деревьевъ, на стропилахъ, чердакахъ, въ полѣнницахъ дровъ, въ кучахъ хвороста, дуплахъ, на верхушкахъ ивъ и даже въ лодкахъ и пр. Основаніе гнѣзда состоитъ изъ толстыхъ корешковъ, хворостинокъ, травянистыхъ стебельковъ, сухихъ листьевъ, изъ мха, кусочковъ дерева, соломы и пр.; верхняя часть гнѣзда состоитъ изъ нѣжныхъ стебельковъ, длинныхъ листьевъ и тонкихъ корешковъ; подстилкой же служатъ комочки шерсти, лошадиные и телячьи волосы, различныя растительныя волокна, сосновые лишай и прочій подобный мягкій матеріалъ. Первая кладка состоитъ изъ 6—8, вторая изъ 4—6 яицъ; яйца, достигающія 19 м.м. въ длину и 15 въ толщину, на сѣромъ или синевато-бѣломъ фонѣ покрыты частыми, но мелкими темными или свѣтлыми пепельно-сѣрыми, ясными или неясными пятнами и черточками. Самка насиживаетъ одна; но въ воспитаніи птенцовъ принимаютъ участіе оба родителя; они никогда ихъ не покидаютъ и даже разбѣзжаютъ по дорогамъ вмѣстѣ съ экипажами, въ которыхъ свито ихъ гнѣздо. Первая кладка бываетъ вполне окончена въ апрѣлѣ, вторая въ іюнѣ. Птенцы быстро развиваются и родители ихъ затѣмъ покидаютъ; однако птенцы перваго выводка впоследствии соединяются съ родителями и птенцами втораго выводка въ общество, которое живетъ вмѣстѣ въ болѣе или менѣе тѣсной связи между собою до самаго отлета.

Осенью онѣ каждый вечеръ улетаютъ на поросшіе камышами пруды и здѣсь среди ласточекъ и скворцовъ выскиваютъ себѣ мѣстечки для ночлега. Впослѣдствіи всѣ семейства, населяющія извѣстную мѣстность, соединяются въ болѣе или менѣе многочисленныя стаи, численность которыхъ на берегахъ рѣкъ иногда простирается до тысячи штукъ. Эти соединенныя такимъ образомъ полчища всѣ вмѣстѣ приступаютъ къ переселенію; днемъ онѣ перебираются съ одного выгона или недавно вспаханнаго поля на другіе, постоянно придерживаясь при этомъ избраннаго направленія, когда же наступаетъ ночь, онѣ поднимаются и при громкихъ крикахъ уносятся въ юго западномъ направленіи.

Еще милѣе и граціознѣе бѣлой, **Горная трясогузка** (*Motacilla melanope, sulfurea, boarula, Calobates sulfurea. Gebirgstelze. Lavandière grise*); это дѣйствительно прелестная птичка. У самца весной верхняя часть пепельно-сѣраго, нижняя сѣрно-желтаго цвѣта, горло чернаго цвѣта, который отъ сѣраго цвѣта верхней части отдѣляется бѣлой полосой; другая полоса такого же цвѣта находится надъ глазами и наконецъ двѣ едва замѣтныя свѣтло-сѣрыя полосы проходятъ на крыльяхъ. Осенью окраска становится тусклѣе, а горловые перья принимаютъ бѣловатый цвѣтъ. Очень старыя самки похожи на самцовъ; только черный цвѣтъ ихъ горла не такъ чистъ и желтизна нижнихъ частей тусклѣе; у молодыхъ самокъ на горлѣ имѣется только бѣлое или черно-сѣрое пятно. Птенцы сверху грязнаго пепельно-сѣраго, снизу желто-сѣраго цвѣта; горло ихъ сѣровато-бѣлаго цвѣта и окружено черно-сѣрыми точками. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги рогового цвѣта. Въ длину онѣ достигаютъ 21,8, размахъ крыльевъ 25,5 см., длина крыла равна 8,5, а хвоста 10,5 см.

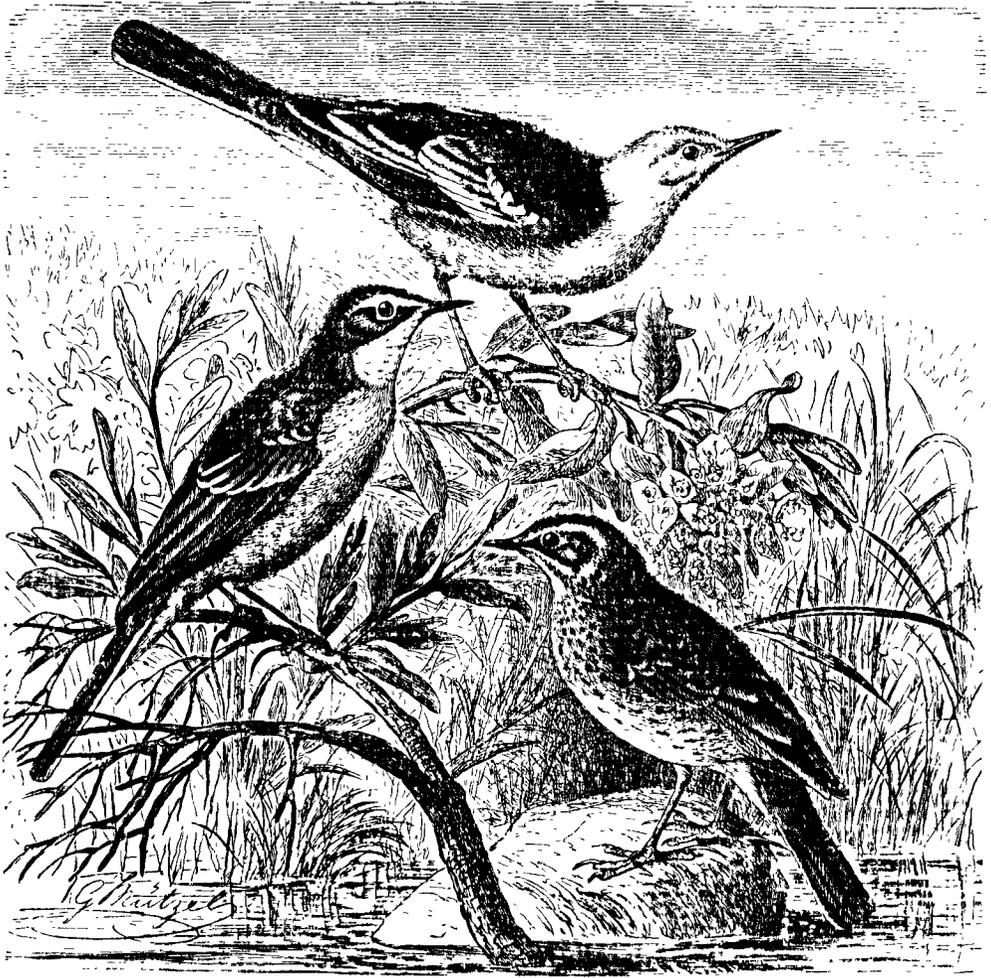
Область распространенія горной трясогузки обнимаетъ всю Европу, начиная съ южной Швеціи, большую часть Азіи и нѣкоторые горные хребты сѣверной, восточной и западной Африки, въ особенности Атласскія горы и гористыя мѣстности Абиссиніи и западнаго берега. Въ сѣверной Европѣ онѣ считаются рѣдкостью; къ югу отъ средней Германіи онѣ встрѣчаются въ горахъ почти всюду, попадаютъ уже въ предгоріяхъ около всякаго чистаго ключа, а отдѣльныя экземпляры встрѣчаются даже у ручьевъ равнинъ; въ болѣе высокихъ горахъ онѣ начинаютъ попадаться лишь на югѣ. На Канарскихъ островахъ онѣ представляютъ собою обыкновенное явленіе. «Около лужъ, въ которыя, подъ влияніемъ лѣтняго жара, превратились ручьи долинъ», пишетъ Болле, «по мелкому песку поспѣшно бѣгаетъ парочка этихъ трясогузокъ. Мы снова узнаемъ ихъ, этихъ милостивыхъ сосѣдокъ форелей. Съ ними мы познакомились впервые, когда были еще мальчиками и бродили въ горахъ Гарца и Силезіи. Тогда онѣ порхали съ одного мшистаго камня на другой, и въ быстротечныхъ водахъ, надъ которыми онѣ носились, отражались ели. Тутъ же ели замѣняются отражающимися въ водѣ пальмами. Здѣсь на островахъ онѣ въ большомъ количествѣ водятся конечно также около ручьевъ, но ни въ какомъ случаѣ не нуждаются постоянно въ этой живительной влагѣ: достаточно обыкновенной цистерны или искусственнаго пруда для того, чтобы заставить ихъ держаться вблизи того дома или сада, гдѣ онѣ поселились. Онѣ любятъ селиться даже близъ почти всегда закрытыхъ водохранилищъ, безспорно привлеченныя туда распространенной въ воздухѣ прохладой и обиліемъ крылатыхъ насѣкомыхъ. Поэтому онѣ также нисколько не избѣгаютъ близости людей; напротивъ, ни одну птицу не видишь здѣсь на крышахъ деревень чаще горной трясогузки». Жердонъ говоритъ, что онѣ зимой гостятъ въ Индіи: появляются тамъ приблизительно въ концѣ сентября, и остаются въ странѣ до первой недѣли мая; въ особенности же часто встрѣчаются на сѣверѣ полуострова.

Едва-ли можно встрѣтить птицу милѣе прелестной, граціозной горной трясогузки. Она ходитъ точно барышня, подобравшая свое платьице, вдоль берега, или заходитъ въ неглубокихъ мѣстахъ въ воду, тщательно остерегаясь запачкать какую-либо часть своего тѣла, и раскачивается на ходу словно танцовщица. «Она бѣгаетъ», говоритъ мой отецъ, «съ страшной быстротой не только вдоль береговъ, но также въ мелкихъ мѣстахъ въ водѣ, если послѣдняя не покрываетъ ей пятокъ, въ шлюзахъ, на крышахъ и на сырыхъ лугахъ; при этомъ она держитъ туловище и хвостъ въ горизонтальномъ положеніи; послѣдній, впрочемъ, нерѣдко немного приподнимаетъ кверху, чтобы тщательно предохранить его отъ сырости. Если же она сидитъ на деревѣ, мостикѣ, камнѣ или на какомъ либо другомъ возвышенномъ пунктѣ, то высоко приподнимаетъ туловище и въ косомъ направленіи свѣпываетъ хвостъ. Полетъ ея довольно быстръ и легокъ; летаетъ она уступами, описывая въ воздухѣ дуги и часто непрерывно пролетаетъ довольно большое разстояніе. Я помню случай, когда она разъ въ теченіи получаса летѣла вдоль одного ручья, ни разу не опустившись на землю. Особенно часто она летаетъ такимъ образомъ зимой, такъ какъ въ суровое время года она принуждена разыскивать пищу на большѣмъ пространствѣ. Въ теплое время года, если ее вспугнуть, она рѣдко улетаетъ далеко. Она очень довѣрчива, гнѣздится по близости домовъ или даже въ стѣнахъ ихъ и человѣка, не обращающаго на нее вниманія, близко пропускаетъ мимо себя, не улетаая прочь. Если же она замѣчаетъ, что ее преслѣдуютъ, то дѣлается до того пугливой, что, не подкравшись сзади, ни въ какомъ случаѣ нельзя подойти къ ней на выстрѣлъ. Призывной голосъ, который она издаетъ во время полета и лишь изрѣдка сидя, весьма похожъ на крикъ бѣлой трясогузки, такъ что для взаимнаго сравненія обоихъ видовъ нужно быть въ точности знакомымъ съ ними. Онъ похожъ приблизительно на «циви», но въ точности его передать буквами невозможно». Горная трясогузка насиживаетъ яйца также ранней весной, первый разъ уже въ маѣ, второй, самое позднее, — въ іюль. Во время спариванія самецъ садится на высокой или низкой сучекъ, на плетень, камень и пр. и издаетъ похожій на трель звукъ, весьма напоминающій собой «терррли»; особенно часто слышится онъ раннимъ утромъ. Если онъ взлетаетъ, то, потрепетавъ крыльями, вскорѣ опять садится на свое мѣсто. У него существуютъ опредѣленные мѣста, деревья, дома и плетни, на которыхъ онъ въ мартѣ и въ началѣ апрѣля сидитъ каждое утро и испускаетъ свои простенькіе звуки. Весной, хотя и рѣдко, бываетъ слышно довольно пріятное пѣніе, похожее немного на пѣніе бѣлой трясогузки, но только нѣсколько красивѣе. Гнѣздо свивается въ отверстіяхъ скалъ, стѣнъ, въ земляныхъ углубленіяхъ, подъ нависшими берегами, въ мельничныхъ канавахъ, между корнями и пр., постоянно по близости воды; величина его зависитъ отъ величины того мѣста, въ которомъ оно свивается, и соотвѣтственно этому бываетъ то больше, то меньше. Свивается оно иногда довольно плотно, иногда нѣсколько рыхло и вообще построено бываетъ иногда хорошо, иногда плохо. Внѣшняя часть постройки состоитъ изъ корешковъ, хворостинокъ, сухихъ листьевъ, зеленыхъ мховъ и пр.; внутренняя часть постройки состоитъ изъ того же матерьяла, только болѣе тщательно выбраннаго; углубленіе гнѣзда выложено нѣжными корешками, щетинами, конскими волосами и шерстью. Яицъ бываетъ отъ 4—6 штукъ; въ длину они достигаютъ 18, въ толщину 13 м.м.; на грязновато-сѣромъ или синевато-бѣломъ фонѣ они покрыты желтыми или пепельно-сѣрыми пятнами, черточками и волнистыми жилками. Самка насиживаетъ одна, хотя въ видѣ исключенія бываетъ, что ее смѣняетъ самецъ. Материнская любовь самки до того велика, что она позволяетъ схватить себя руками. Птенцы обильно снабжаются пищей обоими родителями, которые ихъ очень любятъ и руководятъ ими еще нѣкоторое время послѣ того, какъ они покинутъ гнѣздо.

Плѣнные горныя трясогузки красотой и миловидностью превосходятъ всѣхъ своихъ родичей; онѣ замѣчательно украшаютъ большія клѣтки и при болѣе или менѣе соответствующемъ уходѣ прекрасно переносятъ неволю.

* * *

Желтая Трясогузка или плиска (*Budytes flavus*, *pygmaeus*, *dubius*, *fulviventris*,

Желтоголовая плиска *Budytes citreolus*. Желтая плиска. *Budytes flavus*. Луговой конекъ. *Anthus pratensis*. $\frac{1}{2}$ наст. велнч.

schisticeps, *melanotis* и *fasciatus*, *Motacilla flava*, *verna*, *chrysogastra*, *flaveola*, *neglecta*, *viridis*, *bistrigata* и *melanotis*. Schafstelze. Bergeronette du printemps), благодаря короткому хвосту и шпоровидному когтю задняго пальца считается представительницей особаго рода Плисокъ (*Budytes*). Средняя длина ея 17 см., размахъ крыльевъ 25, длина крыла 8, а хвоста 7 см. Верхняя часть головы, уздечка, ушная область, затылокъ и задняя часть шеи, за исключеніемъ узкой бѣлой полосы, которая тянется надъ глазами и доходить до висковъ, — непельнаго цвѣта; остальные верхнія части оливково-зеленаго. Верхніи хвостовыя перья темнѣе, обѣ стороны

головы и шеи, а также и всё остальныя нижнія части, за исключеніемъ бѣловатаго подбородка, сѣрно-желтыя. Маховыя перья черно-бурыя, снаружи узкія, послѣднія малыя маховыя перья шире окаймлены бѣловатою полоской; самыя большія верхнія покрывныя перья имѣютъ на концѣ такую-же кайму, такъ что образуется свѣтлая поперечная полоска. Рулевыя перья черныя, два крайнихъ бѣлаго цвѣта, верхняя половина внутренняго опахала съ черной каймой. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя. У самки верхняя часть и обѣ стороны головы коричневатого-оливковаго цвѣта, надхвостныя перья совершенно зеленыя, перья нижней части блѣдно-желтыя: обѣ стороны зоба обозначены нѣсколькими неясными, темными пятнами, брови нѣсколько шире, но менѣе ясны и ржаво-бурого цвѣта. У птенцовъ перья верхней части тѣла темно-буро-сѣраго цвѣта, на концѣ грязновато-желто-сѣраго, перья подбородка и горла грязно-бѣлыя, на остальныхъ нижнихъ частяхъ тѣла онѣ грязно-ржаватаго цвѣта, перья зоба покрыты темно-коричневыми пятнами; отъ угловъ рта тянется книзу рядъ пятенъ.

Рядомъ съ желтой плиской существуютъ различныя постоянныя формы этого рода, на которыя нѣкоторые натуралисты смотрятъ какъ на виды, другіе-же какъ на разновидность. Рейхеновъ считаетъ **Черноголовую плиску**, **Полевою плиску** и **Сѣверную плиску** за самостоятельныя виды. У первой (*Budytes melanoscephalus*. Карпенстелзе. Bergeronette à cæpe noire), которая гнѣздится въ юго-восточной Европѣ и Туркестанѣ, темя, обѣ стороны головы и задняя часть шеи темнаго черно-бархатнаго цвѣта. У полевой плиски (*Budytes campestris*. Feldstelze. Bergeronette champêtre), которая высиживаетъ яйца въ Великобританіи, въ западной Франціи и юго-восточной Россіи, темя и обѣ стороны головы желтаго цвѣта, подобно нижнимъ частямъ тѣла. О черноголовой плискѣ Вальтеръ сообщаетъ изъ Туркменіи: «Видъ этотъ, хотя верѣдко и высиживаетъ яйца въ удобныхъ мѣстахъ, однако въ громадномъ количествѣ появляется въ этой странѣ пролетомъ и весною кочуетъ здѣсь повсемѣстно. До 9-го апрѣля 1886 года наблюдали лишь эту желтую плиску; первые одиночныя, раньше другихъ прилетѣвшіе экземпляры были убиты уже 13 марта, а также въ 1887 году нѣсколько штукъ показались въ Мервѣ 15-го марта. Большія стаи только 8—10 апрѣля 1886 года достигли тростниковъ Артыка. Безчисленныя стаи пролетали на подобіе тучъ отъ 19-го до 24-го апрѣля 1887 года около Тахтабазара, держа путь все время по направленію къ долинѣ Мургаба; пролетъ ихъ, при постепенномъ уменьшеніи массъ, продолжался въ этой мѣстности до 5-го и 6-го мая; и въ этотъ день, около Кушки все еще проносились—и притомъ съ невѣроятною быстротою—стаи въ 40—100 экземпляровъ. Мѣста насиванія находятся, между прочимъ, въ обширныхъ заросляхъ тростника и рогозы (*Typha*) у дельты рѣки Тедженъ, теряющейся въ пескахъ». Сѣверная плиска (*Budytes borealis*. Nordische Schafstelze. Bergeronette boreale) населяетъ сѣверную Скандинавію и сѣверную Россію. Если не признавать вышеупомянутыя формы за отдѣльныя виды, то намъ придется принять, что желтая плиска гнѣздится въ Европѣ, въ Средней Азійи и сѣверо-восточной Америкѣ, а южная Азія, средняя и южная Африка служатъ ей зимнимъ мѣстопробываніемъ.

На всемъ сѣверѣ желтыя плиски перелетныя птицы, которыя прилетаютъ гораздо позднѣе настоящихъ трясогузокъ, самое раннее въ началѣ, большею-же частью въ концѣ апрѣля и даже въ первыхъ числахъ мая, а въ августѣ, самое позднее въ сентябрѣ, предпринимаютъ свои зимнія путешествія. Во время перелета ихъ можно встрѣтить также въ такихъ странахъ, гдѣ онѣ не высиживаютъ яицъ, такъ какъ ихъ привлекаетъ и иногда задерживаетъ въ теченіи цѣлаго дня всякое болѣе или менѣе много-

численное стадо скота. Помимо тундръ, гдѣ живутъ сотни тысячъ этихъ любителей болотъ, мѣстами вывода дѣтенышей являются сырыя мѣстности или временно затопленные низменности. «Тамъ, гдѣ желтыя плиски высиживаютъ яйца», говоритъ Науманъ, «лѣтомъ не найдешь ни одного посѣва рапса или суръницы, ни одного сколько нибудь значительнаго пространства, засѣяннаго горохомъ, бобами или викою, ни одного клевернаго поля, ни одного открыто лежащаго, жирнаго луга и ни одного безлѣснаго, густо поросшаго травой болотнаго пространства, гдѣ-бы не жило по крайней мѣрѣ нѣсколько экземпляровъ этихъ птицъ. Въ нѣкоторыхъ топяхъ ихъ живетъ невѣроятное множество. Въ низменныхъ мѣстахъ гдѣ, кромѣ роскошнѣйшихъ хлѣбовъ и сочныхъ полевыхъ злаковъ, онѣ находятъ еще и воду, болота, тростники и луга, гдѣ также пасется и скоть, онѣ имѣютъ все, что только могутъ пожелать и потому встрѣчаются тамъ крайне часто».

По движеніямъ своимъ онѣ болѣе походятъ на бѣлую, чѣмъ на горную трясогузку. Онѣ отлично бѣгаютъ, но особенно ловко летаютъ. Когда онѣ хотятъ перелетѣть небольшія пространства, то почти кажется, что онѣ скачутъ, тогда какъ во время своихъ большихъ перелетовъ онѣ несутся съ необыкновенной быстротой. Нерѣдко онѣ, порхая или трепеща крыльями, довольно долгое время держатся въ воздухѣ надъ однимъ и тѣмъ-же мѣстомъ, и часто, сложивъ крылья, почти въ вертикальномъ направленіи падаютъ на землю съ довольно значительной высоты. Призывной голосъ ихъ—свистящій звукъ, похожій на «біюб» или «билиб», иногда онъ однако раздается тихо и похожъ на «зиб зиб»; для предостереженія служитъ рѣзкое «зри», во время спариванія издается протяжное «цирръ». Пѣніе ихъ похоже на пѣніе бѣлой трясогузки, но оно еще однообразнѣе.

Насколько онѣ обыкновенно общительны, настолько оказываются задорными на мѣстахъ насиживанія. Здѣсь онѣ затѣваютъ ссоры почти со всѣми маленькими птицами, которыхъ замѣтятъ. «Какъ только», говоритъ Науманъ, «какой нибудь чужой приблизится къ ихъ владѣніямъ, онѣ тотчасъ-же начинаютъ обнаруживать враждебныя отношенія къ нему. Въ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ много валежника, поведение ихъ часто обращало мое вниманіе на болѣе рѣдкихъ мелкихъ птичекъ. Такъ напримѣръ, онѣ преслѣдовали камышевку, больше всего кизилку, и притомъ съ такой энергіей, что много разъ мѣшали мнѣ охотиться за ними. Какъ только такая птица вылетала изъ осоки, на нее тотчасъ-же бѣшено нападали нѣсколько плисокъ, клевали ее и не давали ей садиться по близости. Впослѣдствіи онѣ привыкали другъ къ другу и мирно гнѣздились въ близкомъ сосѣдствѣ».

Гнѣздо расположено на землѣ, между травой, хлѣбными или болотными растеніями, большею частью въ небольшомъ углубленіи, а иногда также подъ корнями. Тонкіе корни, стебельки, листья, сухіе листья травъ и зеленый мохъ образуютъ рыхлую безыскусственную ткань; соломинки, клочки пуха чертополоха, шерсти, нѣсколько лошадиныхъ волосъ и перьявъ составляютъ внутреннюю выстилку гнѣзда. 4—6 яицъ, имѣющихъ тонкую скорлупку, составляютъ кладку; яйца эти длиною въ среднемъ въ 18 м.м., толщиною въ 13 м.м.; на грязно-бѣломъ или желтоватомъ, красноватомъ или сѣроватомъ фонѣ онѣ покрыты сѣрыми или сѣровато-коричневыми, а также ржавыми и фіолетовыми крапинками, штрихами и расплывшимися пятнами. Самецъ страстно добивается расположенія своей подруги, при чемъ онъ, надувшись и взъерошивъ перья, и широко распутивъ опущенный хвостъ, дрожа порхаетъ передъ ней. Каждая парочка вьетъ гнѣздо только одинъ разъ въ годъ, а именно въ концѣ мая или въ началѣ іюня. Самка сидитъ на яйцахъ одна и выводитъ дѣтей въ 13 дней. Родители такъ боятся за своихъ птенцовъ, что своимъ боязливымъ крикомъ и необыкновенной смѣлостью

сами указываютъ человѣку гнѣздо. Итенцы сначала ловко прячутся въ травѣ, но скоро начинаютъ летать такъ же хорошо какъ и старики. Послѣ этого всѣ птицы до отлета бродятъ тамъ и сямъ; затѣмъ въ одинъ прекрасный осенній день взрослые и молодые предпринимаетъ зимнее путешествіе. Съ этихъ поръ желтую плиску можно видѣть и слышать всюду, даже въ горахъ, если онѣ туда привлечены стадами скота. Путешествіе, повидимому, совершается очень скоро. По моимъ наблюденіямъ желтая плиска появляется и въ Африкѣ въ то самое время, которое мы въ Германіи привыкли считать временемъ ихъ отлета, и я ихъ еще часто встрѣчалъ здѣсь въ началѣ мая, почти въ тѣхъ-же числахъ, въ которыхъ я ихъ въ послѣдствіи встрѣчалъ въ Норвегіи. Многія изъ нихъ зимуютъ уже въ Египтѣ, но большинство улетаетъ въ самый центръ Африки. Здѣсь въ зимніе мѣсяцы видишь этихъ прелестныхъ птичекъ спящихъ около каждаго стада рогатаго скота, овецъ или козъ, даже около каждаго верблюда, каждой лошади, каждаго лошака или осла, а пастбища иногда кишатъ ими. Онѣ съ пасущимся скотомъ отправляются въ степь и возвращаются обратно на водопой; тамъ, гдѣ онѣ не могутъ бѣжать рядомъ со своими четвероногими друзьями, онѣ летятъ, и бѣгутъ на перегонку съ ними, если это дозволяетъ почва. Одинъ изъ самцовъ подчасъ быстро взлетаетъ на первый ближайшій кустъ и поетъ свою незатѣйливую пѣсенку; послѣ этого онъ снова торопливо догоняетъ остальную стаю, которая, подобно рою пчель, окружаетъ стадо.

Съ сѣверо-востока Европы неоднократно залетала въ западную Европу, а также и въ Германію, одна изъ самыхъ красивыхъ, если не самая красивая плиска, **Желтоголовая плиска** или **Трясогузна** (*Budytes citreolus*, *Motacilla citreola*, *citricola* и *augescapilla*. Sporenstetze. Bergeronette jaunâtre). Она крупнѣе желтой плиски и имѣетъ въ длину 18 см; длина крыла 9, а хвоста 8 см. Голова и вся нижняя сторона, за исключеніемъ бѣлыхъ, нижнихъ кроющихъ перьевъ хвоста, яркаго лимонно-желтаго цвѣта, шея и передняя часть спины чернаго цвѣта, который переходитъ постепенно въ аспидно-сѣрый на остальной верхней части; верхнія кроющія перья хвоста черно-бурыя съ слабымъ желтовато-зеленымъ оттѣнкомъ на спинѣ; маховыя перья темнаго, сѣровато-буряго цвѣта, снаружи онѣ имѣютъ узкую бѣловатую кайму, а малыя маховыя покровныя перья и самыя большія верхнія кроющія перья имѣютъ широкую кайму того-же цвѣта, перья снаружи, вторыя на концѣ, отчего образуется замѣтное бѣлое пятно на крыльяхъ; восемь среднихъ хвостовыхъ перьевъ черно-буряго цвѣта, оба крайнихъ—бѣлыя съ широкой черной каймой на внутреннемъ краѣ. Глаза у нея темно-каріе, клювъ черный, ноги черно-бурыя. Самка отличается болѣе свѣтлымъ желтымъ оттѣнкомъ нижней части, зеленоватымъ затылкомъ и пепельнымъ цвѣтомъ верхней части тѣла.

Желтоголовая плиска—дичка тундры; она живетъ исключительно въ самомъ сѣверо-восточномъ углу Европы, въ области нижняго теченія Печоры. Отсюда она распространяется по всей сѣверной Азіи на всемъ протяженіи тундры; зиму она проводитъ въ южныхъ степныхъ областяхъ Азіи, преимущественно въ Индіи и Китаѣ. Во второй половинѣ апрѣля, она, вмѣстѣ съ желтыми плисками, появляется на мѣстахъ гнѣздованія и остается здѣсь до конца августа. Въ восточной Азіи, она, говорятъ, странствуетъ большими стаями; въ западной Сибири мы встрѣчали лишь маленькія стаи, совершавшія свое путешествіе, а потомъ на тундрѣ нижняго теченія Оби—множество парочекъ, сидѣвшихъ на яйцахъ. Онѣ живутъ на совершенно опредѣленныхъ мѣстахъ тундры, именно на растущихъ на болотистой, илистой почвѣ и сросшихся до непроницаемости чащахъ пушистыхъ вербъ, между которыми протекають каналы или расположены озера, а также на мѣстахъ, густо поросшихъ зеле-

нѣющими травами. Здѣсь всегда можно найти эту красивую птицу, тогда какъ часто можно цѣлыми днями путешествовать по тундрѣ, не встрѣчая ни одной парочки. Желтоголовая плиска, какъ по формѣ и окраскѣ, такъ и по нраву и образу жизни, составляетъ переходъ отъ горной къ желтой плискѣ, но стоитъ ближе къ послѣдней, чѣмъ къ первой. Она бѣгаетъ на подобіе желтой плиски, и полетомъ своимъ болѣе похожа на эту несомнѣнно ближайшую родственницу, чѣмъ на горную плиску, такъ какъ дуги, которыя она описываетъ на лету, довольно отлоги. Она охотно садится на самые высокіе сучья кустовъ, а отсюда самецъ поетъ свою короткую пѣсенку, которая хотя и напоминаетъ простенькую пѣсенку желтой плиски, но все-таки отличается опредѣленными, болѣе рѣзкими звуками и всѣмъ построениемъ строфы; но я не въ состояніи выразить этого словами. Она и миролюбивымъ нравомъ своимъ является близкой родственницей желтой плиски. Въ удобныхъ мѣстахъ одна парочка живетъ непосредственно около другой, во всякомъ случаѣ настолько близко около сосѣдней, что покоющій самецъ долженъ слышать каждый звукъ другого; я также никогда не видалъ, чтобы двѣ такія птицы ссорились между собой. Какъ мы узнали отъ Дыбовскаго, а впоследствии отъ Зеебома, гнѣздо хорошо скрыто подъ пучками прошлогодней травы или низкими кустарничкомъ, иногда во мху торфяной почвы, во всякомъ случаѣ тщательно скрыто отъ глазъ быстро вырастающей во время насживания травой. Стебли мха, перемѣшанные съ сухими травинками, образуютъ наружныя стѣнки этой плотной, правильной постройки; стебельки спорангій мха, перья и оленьи волоса составляютъ внутренность ея. Такъ какъ тундра освобождается отъ снѣга не раньше первыхъ чиселъ іюня, то самка только еще въ это время кладетъ свои 5 или 6 яицъ, длиною въ 19 или 20, толщиною въ 14 м. м., которыя на палевомъ фонѣ покрыты маленькими, ржаво-желтыми очень блѣдными и неясными пятнышками, и очень старательно, по очереди съ самцомъ, насживаетъ ихъ. Когда одинъ изъ супруговъ сидитъ на яйцахъ, другой стоитъ на сторожѣ и извѣщаетъ объ опасности. По этому знаку птица убѣгаетъ изъ гнѣзда и, летая вдвоемъ, онѣ стараются отвлечь вниманіе врага. Если опасность миновала благополучно, то онѣ снова, хотя не тотчасъ и все еще съ большою осторожностью, возвращаются въ гнѣздо, чтобы отнюдь не выдать его. Поэтому естественныи испытателю чрезвычайно трудно отыскать мѣсто насживания и это удается ему лишь при небольшомъ дождѣ, во время котораго самка неохотно покидаетъ яйца и тогда вылетаетъ почти изъ подъ ногъ приближающагося врага.

Около конца іюля молодые уже выходятъ изъ гнѣзда, въ началѣ августа взрослые линяютъ, а вслѣдъ за этимъ, самое позднее въ послѣднихъ числахъ этого мѣсяца, онѣ покидаютъ свое отечество.

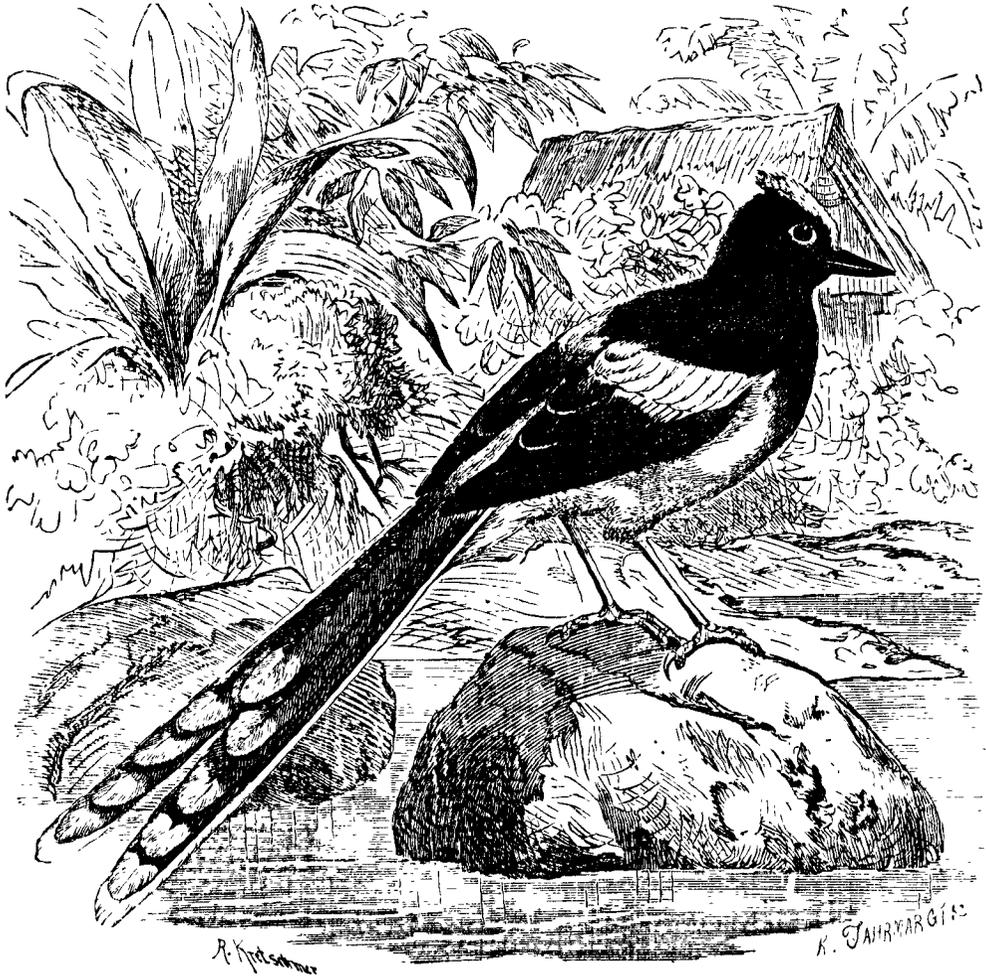
* *

Ласточковыя плиски (*Epicurus. Schwalbenstelzen*) представляютъ собою крупныя южно-азіатскіе виды этого семейства, отличительными признами которыхъ служатъ: относительно длинный, на хребтѣ прямой клювъ, сильныя высокія ноги, короткія крылья, у которыхъ маховыя перья отъ четвертаго до шестого превосходятъ по длинѣ остальные, а малыя маховыя перья не удлинены, а также длинный, очень глубоко вырѣзанный виллообразный хвостъ.

Благодаря изслѣдованіямъ Бернштейна, мы познакомились съ образомъ жизни одного изъ замѣчательныхъ видовъ этого рода. У **Менинтинга** малайцевъ (*Epicurus leschenaulti* и *coronatus*, *Motacilla speciosa*. Meninting) верхняя часть тѣла и крылья, передняя часть шеи и грудь темнаго черно-бархатнаго цвѣта, темя, на которомъ перья удлинены въ видѣ хохолка, корни малыя маховыя и ихъ покровныхъ

перьевъ, образующихъ на спинѣ широкую поперечную полосу полудунной формы, а также спина и брюшко—бѣлаго цвѣта; маховыя перья черноватаго, хвостовыя перья, за исключеніемъ обоихъ бѣлыхъ боковыхъ, черного цвѣта съ широкимъ бѣлымъ кончикомъ. Клювъ черный, ноги желтыя. Длина достигаетъ отъ 26—28 см.

«Эта птица», говоритъ Бернштейнъ, «живущая исключительно въ горахъ острова Явы, богатыхъ источниками и ручьями, а также и въ предгорьяхъ ихъ, не принадлежитъ къ числу рѣдкихъ птицъ; настоящая родина ея обнимаетъ собою поясъ въ

Менидингъ. *Epicurus leschenaulti*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

500—1200 м. высоты. Здѣсь ее можно встрѣтить почти около каждаго ручья. Отъ воды она никогда не удаляется на далекое разстояніе, но нерѣдко, слѣдуя вверхъ по теченію ручьевъ, забѣгаетъ въ первобытныя лѣса, такъ что приходится удивляться, когда видишь ее въ мѣстностяхъ, въ которыхъ никогда бы не ожидалъ встрѣтить. Одинъ разъ, но затѣмъ уже никогда болѣе, я встрѣтилъ ее около ручья на Пангеранго, на высотѣ въ 3000 м.

«По своей любви къ водѣ эта птица похожа на горную илisku, тогда какъ окраска ея оперенія напоминаетъ европейцу на островѣ Явѣ трясогузку его родины. На бѣгу она держитъ хвостъ горизонтально, но въ возбужденномъ состояніи,

или при видѣ какого нибудь подозрительнаго предмета, бѣлыя перья у нея на теменѣ приподнимаются и она поднимаетъ и опускаетъ хвостъ своеобразнымъ образомъ. Въ то время, когда она поднимаетъ его быстрымъ вздергиваньемъ, хвостовыя перья остаются сложенными, но какъ только птица подняла хвостъ, она вѣрообразно распускаетъ и опять тихо опускаетъ его, послѣ чего сейчасъ же вздергиваетъ его снова. Призывной голосъ ея звучитъ какъ голосъ трясогузки «цивитт, цивитт». Напротивъ того, въ минуту страха и опасности, или также въ порывѣ восторга она издаетъ грубый звукъ, похожій на «рээт». Это — милая безобидная птица, которая позволяетъ человѣку подойти къ ней часто на нѣсколько шаговъ, а потомъ или поспѣшно убѣгаетъ на нѣкоторое разстояніе впередъ по прямому направленію, или улетаетъ недалеко, причѣмъ полетъ ея напоминаетъ полетъ трясогузки. Пища ея состоитъ изъ насѣкомыхъ и червей, которыхъ она, бѣгая по берегу ручьевъ, ищетъ между камнями, растеніями и т. п., и которыхъ иногда преслѣдуетъ въ самой водѣ.

«Гнѣздо всегда безъ исключенія устраивается на землѣ, или въ непосредственной близи отъ воды, или въ небольшомъ отдаленіи отъ нея, но найти его нелегко, даже тогда, когда птица сама указываетъ на близость его. Для закладки его птица по возможности пользуется естественнымъ углубленіемъ, и потому его находятъ или въ разсѣлинѣ, между мхомъ, за пучками травы или за камнемъ, подъ свалившимся деревомъ, и всегда хорошо спрятаннымъ. Если птица найдетъ такое естественное углубленіе въ землѣ, то первымъ долгомъ сначала наполняетъ его сухимъ мхомъ настолько, что вслѣдствіе этого образуется полушаровидное углубленіе, дно котораго она и выстилаетъ затѣмъ сухими листьями. Для этого она преимущественно употребляетъ такіе, которые до того сгнили отъ сырости, что остался лишь мягкій остовъ жилокъ. Такіе сухіе листья мягки и гибки, и вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ удобную, цѣлесообразную подстилку для яицъ. Послѣднія, которыхъ я никогда не находилъ болѣе двухъ въ одномъ гнѣздѣ, имѣютъ продолговатую форму, круто закруглены на тупомъ концѣ и остро суживаются на противоположномъ. Основная окраска ихъ грязноватая, матово-бѣлая съ желтоватымъ или зеленоватымъ оттѣнкомъ; рисунокъ состоитъ изъ многочисленныхъ маленькихъ, свѣтло-бурыхъ пятенъ, переходящихъ то болѣе въ желтый, то болѣе въ красный цвѣтъ, края которыхъ не рѣзко ограничены отъ основного цвѣта, но постепенно переходятъ въ него, такъ что выглядятъ какъ бы выцвѣтшими или стертymi. Около тупого конца они образуютъ кружокъ. Старые очень заботятся о своихъ птенцахъ и выдаютъ ихъ присутствіе человѣку, издавая очень протяжный, нѣжно свистящій звукъ «вюуд», къ которому присоединяется еще поспѣшно испускаемое «кэ», если человѣкъ подошелъ очень близко къ гнѣзду».

* * *

Коньки или Шеврицы (*Anthus. Pieper. Farlouses*) должны быть разсматриваемы какъ переходныя формы отъ славковыхъ птицъ къ жаворонкамъ; прежде онѣ причислялись къ послѣднимъ. Признаками ихъ служатъ: стройное тѣло, прямой, узкій у корня, шилообразный клювъ съ загнутыми краями и неглубокимъ надрѣзомъ передъ кончикомъ верхней челюсти клюва, которая образуетъ незначительный крючокъ. Ноги у нихъ высокія со слабыми пальцами, но снабжены большими когтями, изъ которыхъ одинъ, задній, удлинненъ въ видѣ шпоры, какъ у жаворонковъ; крылья средней длины; третье и четвертое маховое перо ихъ образуютъ конецъ крыла, а перья на плечевой кости достигаютъ значительной длины. Хвостъ средней длины, опереніе гладко прилегаетъ къ тѣлу и имѣетъ землистый или травяной цвѣтъ, почти не зависящій отъ различія пола и возраста и немного мѣняющійся, смотря по времени года.

Родъ этотъ, въ которомъ насчитываютъ около 50 видовъ, распространенъ по всему земному шару. Всѣ коньки большую часть своей жизни проводятъ на землѣ и только по временамъ садятся на деревья. Это—подвижныя, веселыя, проворныя птицы, бѣгающія быстрыми шагами, причемъ слегка потряхиваютъ хвостомъ; когда имъ приходится пролетать болѣе значительныя пространства, онѣ летятъ хорошо, быстро, легко и описываютъ дуги во время полета; если же онѣ поднимаются къверху чтобы пѣть, то порхаютъ и парятъ въ воздухѣ. Призывной голосъ ихъ пискливъ, пѣніе просто, но приятно; онѣ питаются насѣкомыми, главнымъ образомъ жуками, мошками, мухами, комарами, улитками, древесными вшами, также пауками, червями и маленькими водяными животными и даже мелкими сѣменами, причемъ собираютъ ихъ всегда на землѣ и только въ видѣ исключенія гоняются на лету за пролетающей мимо добычей. Гнѣзда строятся на землѣ главнымъ образомъ изъ сухихъ травинокъ и травяныхъ корней, слабо соединенныхъ другими растительными веществами, а внутренность гнѣзда выкладывается шерстью и волосами. У яицъ на темномъ фонѣ выступаетъ нѣжный, неясный рисунокъ, состоящій изъ точекъ, пятенъ и штриховъ. Насиживаетъ яйца, повидимому, одна самка, но оба пола чрезвычайно любятъ своихъ птенцовъ. Большинство вьютъ гнѣзда нѣсколько разъ въ годъ.

Луговой конекъ, Щеврица луговая, Болотный жаворонокъ (*Anthus pratensis*, *sepiarius* и *tristis*, *Alauda pratensis* и *sepiaria*. *Leimoniptera pratensis*. *Wiesenpieper*. *Farlouse commune*) представляетъ собою самый извѣстный видъ этого рода. Перья верхней стороны буро-оливкового цвѣта съ легкимъ оливково-зеленоватымъ оттѣнкомъ и покрыты рисункомъ, состоящимъ изъ темно-бурыхъ, неясныхъ пятенъ, происходящихъ отъ различнаго цвѣта стержня и опахала. Перья надхвостья имѣютъ болѣе живую окраску и болѣе одноцвѣтны; надъ глазами, по щекамъ и нижнимъ частямъ тянется полоса нѣжнаго ржаво-желтого цвѣта; на бокахъ цвѣтъ нѣсколько темнѣе, причемъ какъ здѣсь, такъ и на зобу и на груди перья украшены широкими черно-бурыми стержневыми штрихами; черта подъ глазами и полоска, доходящая отъ рта до плечъ—черного цвѣта; маховыя и хвостовыя перья темно-оливково-буро-оливкового цвѣта, съ оливковой желто-буроватой наружной каймой; концы малыхъ маховыхъ перьевъ и самыхъ большихъ покровныхъ перьевъ по краямъ болѣе свѣтлаго цвѣта, вслѣдствіе чего образуются двѣ неясныя поперечныя полоски на крыльяхъ; самыя крайнія хвостовыя перья снаружи бѣлаго, на концахъ грязно-бѣлаго цвѣта; на внутренней сторонѣ нижней половины они бѣлыя; второе перо съ каждой стороны имѣетъ эту окраску исключительно на концѣ внутренней бородки. Глаза темно-каріе, верхняя часть бедра буро-рогового, нижняя—свѣтло-буро-го, ноги буроватого цвѣта. Длина достигаетъ 15, размахъ крыльевъ 24, длина ихъ 7, а хвоста 6 см.

На дальнемъ сѣверѣ Европы и Азіи, отъ Лапландіи до Камчатки, затѣмъ далѣе также до Гиммалайскихъ горъ, а также въ сѣверной Африкѣ лугового конька замѣняетъ стоящій близко къ нему, родственныя съ нимъ и одинаковыя съ нимъ по величинѣ, **Красногрудый конекъ** (*Anthus cervinus*, *rosaceus*, *rufogularis*, *japonicus*, *ruficollis*, *rufosuperciliaris*, *montanellus*, *termophilus* и *cecilia*, *Motacilla cervina*. *Rotkelchenpieper*. *Farlouse rouge-gorge*), отличающійся отъ перваго тѣмъ, что надглазная черта, обѣ стороны головы и шеи, подбородокъ, горло и зобъ у нея окрашены въ одинъ и тотъ же яркій желтовато-мясной цвѣтъ, что темныя стержневыя пятна на брюшкѣ и на бокахъ бедеръ меньше, а обѣ поперечныя полоски на крыльяхъ свѣтлѣе и яснѣе видны.

Красногрудый конекъ гнѣздится по всей сѣверной половинѣ Европы, а также въ большей части сѣверной Азии, а во время зимы его наблюдали въ южной Европѣ, юго-западной Азии и сѣверной Африкѣ. У насъ онъ появляется когда начинается таять снѣгъ, обыкновенно уже къ началу марта, самое позднее въ срединѣ апрѣля и остается до ноября, даже до декабря. Онъ путешествуетъ большими стаями, нерѣдко вмѣстѣ съ полевыми жаворонками, и совершаетъ переходы какъ днемъ, такъ и ночью. Будучи на половину болотной птицей, онъ, какъ на родинѣ, такъ и въ мѣстахъ своего зимняго пребыванія, населяетъ богатая водой страны, охотнѣе всего сырыя, болотистыя мѣстности; только когда онъ находится въ дорогѣ, его можно видѣть отъ времени до времени и въ сухихъ мѣстахъ. Тундра, въ его глазахъ, кажется раемъ.

Это въ высшей степени живая птица: она въ продолженіи цѣлаго дня находится въ движеніи, необыкновенно проворно бѣгаетъ, прячась какъ можно лучше въ травѣ и камышахъ, ловкимъ полетомъ поднимается на воздухъ, издаетъ свой призывной голосъ и затѣмъ быстро летитъ въ прямомъ направленіи къ подобному же мѣсту, но рѣдко садится на вѣтви деревьевъ и никогда на нихъ долго не остается. Птица эта летаетъ порывисто, или подпрыгиваетъ на лету; кажется, что она утомляется во время полета, но этого никогда не бываетъ. Призывной звукъ, хрипкое, тонкое «иест», часто быстро повторяется нѣсколько разъ подъ рядъ и звучитъ тогда какъ чириканье; выраженіе нѣжности звучитъ тихо на подобіе «двнтт» или «церитт». Пѣніе состоитъ изъ различныхъ связныхъ колѣнъ, основными звуками которыхъ служатъ «внттге, внттге, внттге внтт цик цик юк юк» и тррррр, соединенные между собой, но съ нѣсколько различными удареніями. Самецъ, какъ всѣ коньки, поетъ почти исключительно на лету, причемъ, порхая въ косомъ направленіи, взвивается съ земли или съ верхушки низкаго кустарника кверху, поднимается довольно высоко на воздухъ, паря или порхая держится здѣсь нѣсколько мгновеній, и затѣмъ, высоко поднявъ крылья, спускается съ пѣніемъ, или, сложивъ крылья, быстро падаетъ внизъ. Пѣсня его слышится съ утра до вечера и съ половины апрѣля приблизительно до іюля почти безъ перерывовъ.

По отношенію къ птицамъ одной съ нимъ породы луговой конекъ держитъ себя въ высшей степени общительно и дружелюбно; съ другими, живущими рядомъ съ нимъ птицами, какъ то: желтыми плисками, камышевыми, тростниковыми овсянками и т. п., онъ ссорится очень охотно. Во время насиживанія яицъ каждая парочка упорно держится своего мѣста, и иногда у двухъ живущихъ по сосѣдству самцовъ дѣло, можетъ быть, и доходитъ до драки и ссоры; однако въ общемъ наша птица даже въ это время любитъ согласное общеніе. Гнѣздо помѣщается на землѣ между осокой, пыреемъ или травой, большею частью въ небольшомъ углубленіи, и всегда спрятано такъ, что его трудно найти. Масса сухихъ стеблей, корешковъ и соломинокъ, между которыми иногда бываетъ ватканое небольшое количество зеленого мха, образуютъ наружныя стѣнки его; глубокое, искусно устроенное углубленіе выложено тонкими соломинками и конскимъ волосомъ. Кладку образуютъ 5—6 яицъ, длиною въ 18 ш., толщиною въ 14 м.м.; они покрыты по сѣровато-бѣлому или грязно-красноватому фону сплошнымъ частымъ рисункомъ, состоящимъ изъ сѣро-бурыхъ или желто-бурыхъ точекъ, пятнышекъ или полосокъ; насиживаются они 13 дней. Молодые покидаютъ гнѣздо еще прежде, чѣмъ научатся хорошенько летать, но умѣютъ такъ мастерски прятаться между низкими растеніями, что тѣмъ не менѣе защищены отъ большинства враговъ своихъ. При приближеніи одного изъ нихъ старые обнаруживаютъ сильный страхъ и, ни на что не обращая вниманія, подвергаются всякой опасности. Если все идетъ хорошо, то

первый выводокъ вылетаетъ изъ гнѣзда въ началѣ мая, второй въ концѣ юля; однако еще до самаго августа можно найти птенцовъ, только что покинувшихъ гнѣздо.

Въ большой клеткѣ луговой конекъ содержится очень хорошо, становится очень ручнымъ и довольно ревностно поетъ. Не слѣдуетъ, однако, позволять ему бѣгать по комнатамъ, такъ какъ къ ногамъ его скоро пристають волосы, нитки или грязь и причиняютъ ему опасныя болѣзни.

Лѣсной конекъ, Щеврица древесная или Лѣсная, Лѣсной жаворонокъ (*Anthus trivialis* и *arboreus*, *Alauda trivialis*, *Motacilla spipola*, *Pipastes* и *Dendronanthes arboreus*. Вауприер. Вестфигес) очень похожъ на лугового конька, однако нѣсколько больше его; клювъ у него крѣпче, плюсна сильнѣе и коготь задняго пальца

Лѣсной конекъ. *Anthus trivialis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

короче и болѣе изогнуть. Верхнія части покрыты по желто-буро-сѣрому или грязно-масляно-зеленому фону продольными полосами болѣе темныхъ пятенъ, спина и надхвостье почти одноцвѣтны, глазная полоска, глотка, обѣ стороны груди, бедра и нижнія кроющія перья хвоста блѣднаго, ржаво-желтаго цвѣта; зобъ, верхняя часть груди и бока покрыты продольными рядами черныхъ пятенъ, полоски на крыльяхъ и кайма малыхъ маховыхъ перьевъ болѣе свѣтлаго цвѣта, чѣмъ у лугового конька. Глаза каріе, клювъ рогового чернаго цвѣта, ноги красноватаго рогового цвѣта. Длина достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 29, длина крыла 8,5, а хвоста 6,5 см.

Лѣсистыя мѣстности Европы и Сибири служатъ лѣсному коньку лѣтнимъ убѣжищемъ, а степные лѣса Африки, и склоны Гиммалайскихъ горъ—зимнимъ мѣстопребываніемъ. Пространства, бѣдныя лѣсомъ, онъ посѣщаетъ только во время своего перелета. Лѣсныя полянки, свѣжія порубки, мало поросшія мѣста въ лѣсу и просѣлки служатъ ему мѣстомъ гнѣздованія, даже и такія мѣста, которыя ежегодно

наводняются. Въ средней Германіи онъ встрѣчается часто и число ихъ изъ года въ годъ значительно увеличивается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ ущербъ полевому жаворонку. По нраву своему онъ во многомъ напоминаетъ своихъ родичей, однако не такъ часто держится на землѣ, какъ луговой конекъ; во время опасности лѣсной конекъ спасается всегда скорѣе на деревья, а также бѣгаетъ по вѣтвямъ, чего луговой не дѣлаетъ никогда. Будучи менѣе общительнымъ, чѣмъ луговой конекъ, онъ живетъ большею частью уединенно и только осенью собирается семействами, выказываетъ мало привязанности къ обществу, а весною становится прямо таки необщительнымъ. Призывной голосъ его трудно передать словами; онъ приблизительно напоминаетъ собой звукъ: «зрит»; выраженіе нѣжности заключается въ тихомъ «зіб зіб зіб». Пѣніе его лучше пѣнія всѣхъ другихъ щеврицъ, сильное и пріятное; оно имѣетъ сходство съ пѣніемъ канарейки и отличается полнотою и чистотою звука, и разнообразіемъ мелодіи. Оно состоитъ изъ трелеобразныхъ, громко свистящихъ, быстро слѣдующихъ другъ за другомъ колѣнъ, образующихъ прелестное цѣлое и оканчивающихся обыкновенно нѣжно замирающимъ «ція ціа ціа». Самецъ поетъ очень прилежно, для чего предварительно садится на выдающийся сучекъ, или на верхушку какого нибудь дерева, затѣмъ, порхая, поднимается въ косомъ направленіи на воздухъ и, прежде чѣмъ кончить свою пѣсню, тихо опускается на прежнее мѣсто, или на верхушку сосѣдняго дерева, и здѣсь издаетъ послѣдніе звуки. Гнѣздо, которое всегда хорошо спрятано на землѣ, въ небольшомъ углубленіи подъ кустомъ, или глубоко въ травѣ и верескѣ, построено плохо и только внутри выстлано съ нѣкоторою тщательностью. 4—5 яицъ, представляющихъ многочисленныя измѣненія въ формѣ, окраскѣ и рисункѣ, длиною въ 20 м.м., толщиною въ 15 м.м., покрыты по красноватому, сѣроватому или синевато-бѣлому фону болѣе темными точками, штрихами, черточками, жилками и мраморными пятнами. Самка съ большимъ усердіемъ сидитъ на яйцахъ; родители нѣжно любятъ своихъ дѣтенышей, которые также покидаютъ гнѣздо, не будучи еще въ состояніи летать.

Лѣсные коньки въ плѣну содержатся легко, становятся необыкновенно ручными и доставляютъ наслажденіе какъ миловидностью своихъ движеній, такъ и прекраснымъ пѣніемъ; а поютъ онѣ, если взять ихъ изъ гнѣзда молодыми, такъ-же хорошо, какъ и на волѣ.

* * *

Щеврица водяная или **Водяной конекъ**, (*Anthus spipoletta*, *aquaticus*, *montanus*, *nigriceps*, *orientalis*, *contellii* и *blakistoni*, *Alauda spipoletta* и *testacea*. *Wasserpieper*. *Farlouse aquatique*) на верхней сторонѣ темнаго оливково-сѣраго цвѣта и покрыта продольными рядами неясныхъ черно-сѣрыхъ пятенъ; нижняя сторона ея грязно или сѣробѣлаго цвѣта, съ блѣдно-краснымъ отгѣнкомъ; обѣ стороны груди покрыты темными оливково-бурыми пятнами; позади глазъ проходитъ свѣтло-сѣрая полоса; по крыльямъ тянутся двѣ свѣтло-сѣрыя полоски; оба крайнихъ пера черно-бураго хвоста съ наружной, а на концѣ также и съ внутренней стороны — бѣлаго цвѣта; окраска эта у слѣдующей пары ограничивается однимъ стержневымъ пятномъ на кончикѣ. Глаза темно-каріе, клювъ чернаго рогового цвѣта, кончикъ нижней челюсти клюва желтоватый, ноги темно-бурыя. Длина достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 30, длина крыла 9, а хвоста 7 см.

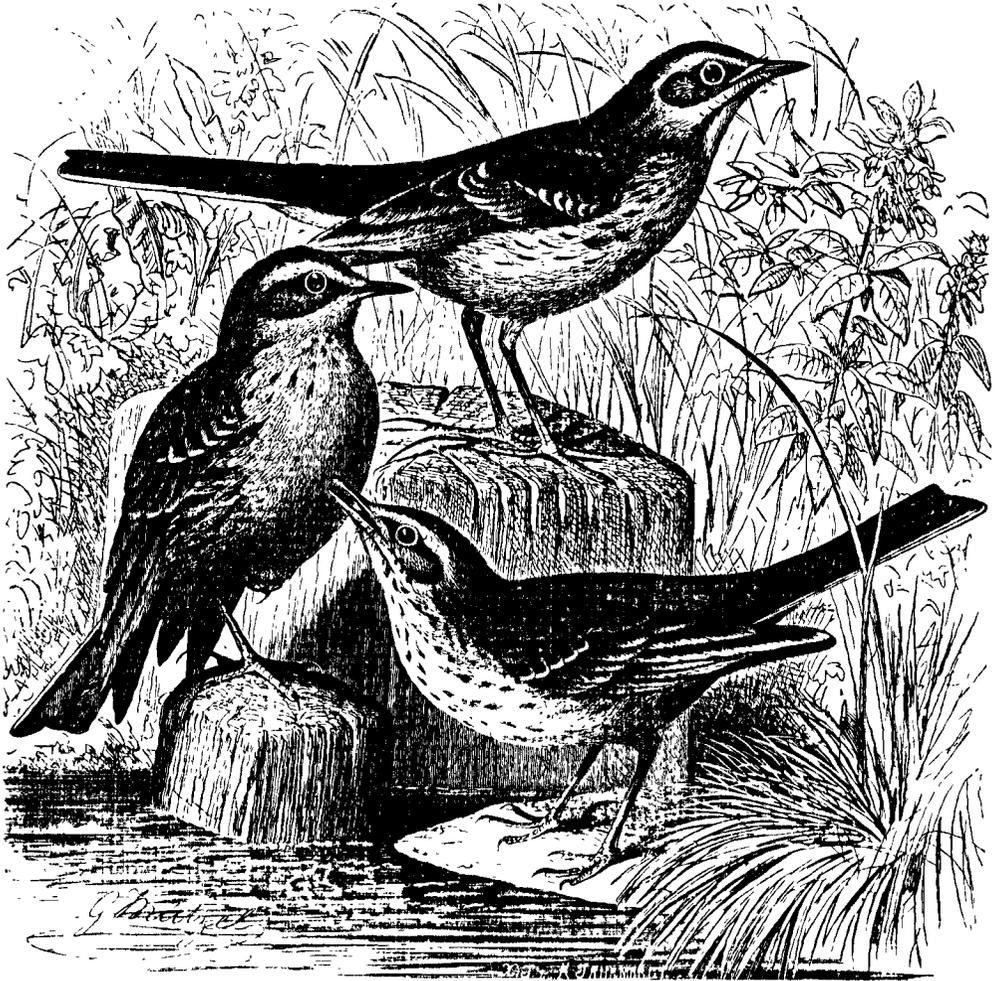
Область распространенія водяной щеврицы тянется по средней и южной Европѣ, западной и восточной Азіи, до Китая; зимой она перелетаетъ въ Малую Азію, Палестину и сѣверную Африку. Въ Скандинавіи, Даніи и Великобританіи ее замѣняетъ **Щеврица береговая** (*Anthus obscurus*, *rupestris*, *littoralis*, *petrosus* и *immutabilis*, *Alauda obscura* и *petrosa*, *Spipola obscura*. *Strandpieper*. *Farlouse des berges*),

отличающаяся немного болѣе темной окраскою съ легкимъ зеленовато-оливково-бурнымъ отбѣнкомъ верхней стороны, менѣе живою красной окраской брюшка и буроватыми тусклыми пятнами на концѣ крайнихъ хвостовыхъ перьевъ. Въ сѣверной Америкѣ ее замѣщаетъ попадающаяся также на Гельголандѣ **Бурая щеврица** (*Anthus ludovicianus*, *pennsylvanicus*, *pipiens*, *rubens* и *reinhardtii*. *Alauda ludoviciana*, *pennsylvanica*, *rubra* и *rufa*. *Braunpieper*. *Falrouse brune*), которую можно узнать по темной оливково-бурой окраскѣ верхней стороны тѣла и покрытой многочисленными пятнами нижней сторонѣ, а также по бѣлымъ почти до самаго корня хвостовымъ перьямъ.

Въ то время, какъ другіе виды щевриць неосомѣнно предпочитаютъ равнины, и только иногда населяютъ гористыя мѣстности, береговая щеврица живетъ исключительно въ горахъ. Она населяетъ въ значительномъ количествѣ поясъ приземистыхъ хвойныхъ деревьевъ на Альпахъ, Карпатскихъ горахъ, Шварцвальдѣ, Гарцѣ и Исполиновыхъ горахъ и только во время перелета опускается въ равнины. Въ Швейцаріи она принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ альпійскимъ птицамъ; Исполиновыя горы она населяетъ тысячами. Здѣсь она появляется уже въ началѣ таянія снѣговъ, сначала вблизи пастушскихъ хижинъ и мало-по-малу передвигается дальше къверху, такъ что во второй половинѣ апрѣля прибываетъ къ мѣстамъ своего гнѣздованія. Въ Швейцаріи почти то же самое. «Весною», говоритъ Чуди, «водяная щеврица уже въ апрѣлѣ отыскиваетъ въ Альпахъ проталины и больше не покидаетъ ихъ. Лѣтомъ, когда на высотахъ становится черезчуръ бурно, онѣ стаями собираются въ болѣе защищенныхъ мѣстностяхъ; осенью онѣ переселяются въ болота, озера и рѣчки равнинъ или въ навозныя кучи селъ. Меньшинство тамъ и зимуетъ, большая же часть небольшими стаями улетаетъ въ Италію. Остальныя держатся въ мелкихъ проточныхъ ручьяхъ, въ канавахъ луговъ и виноградниковъ и ночуютъ въ сухой листвѣ дубовыхъ кустарниковъ. При возрастающей стужѣ онѣ улетаютъ въ глубь заснѣженныхъ рисомъ мѣстностей и въ поемныя луга».

Отдѣльные экземпляры во время своихъ перелетовъ отправляются дальше на югъ до Греціи, Испаніи и даже до Египта. «Водяная щеврица», говоритъ Глогеръ, котораго описаніе жизни этой птицы я, судя по своимъ собственнымъ наблюденіямъ, долженъ признать за самое лучшее, «живетъ высоко на суровыхъ вершинахъ горъ, гдѣ уже прекращаются древесныя лѣса и растутъ почти лишь одни приземистыя сосны, а часто еще выше. Здѣсь она встрѣчается безусловно повсюду, гдѣ имѣется хоть какая-нибудь возможность къ произрастанію низкихъ деревьевъ, и поднимается къверху по направленію къ снѣговой линіи до тѣхъ поръ, пока эти деревья не исчезнутъ совершенно; въ Швейцаріи она даже поднимается далеко за эти предѣлы на скалы, совершенно лишенныя растительности, и богатая водою Альпы, гдѣ изъ подъ глетчеровъ и изъ тающихъ снѣжныхъ массъ вытекаютъ холодныя ручьи. Впрочемъ она живетъ здѣсь какъ на самыхъ сухихъ, голыхъ горныхъ вершинахъ, такъ и въ болотистыхъ, перерѣзываемыхъ безчисленными ручьями лѣсахъ приземистыхъ сосенъ, равнымъ образомъ какъ на высочайшихъ, покрытыхъ клочками земли скалахъ и каменныхъ, высотой съ башню, стѣнахъ, такъ и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ почти совершенно нѣтъ камня, но нѣтъ недостатка въ кустарникѣ карликовой сосны, далѣе, какъ на самыхъ крутыхъ склонахъ долинъ и въ глубочайшихъ пропастяхъ, такъ и на совершенно плоскихъ мѣстахъ горныхъ луговъ, но охотнѣе всего конечно тамъ, гдѣ находятъ все эти мѣстныя условія вмѣстѣ». Здѣсь она собираетъ на землѣ свою пищу, состоящую изъ различныхъ насѣкомыхъ, червей и мелкихъ водорослей. «Во время періода размноженія она сидитъ очень охотно на уродливыхъ сосенкахъ и основныхъ кустарникахъ; во всякое другое время это случается съ ней рѣдко; менѣе охотно она сидитъ на обломкахъ скалъ и на утесахъ. Каждая уже

уѣвшаяся щеврица немедленно уступаетъ свое мѣсто другой, приближеніе которой она видитъ: это, конечно, необыкновенная черта миролюбія. Вскорѣ послѣ высидыванія яицъ онѣ сотнями собираются на горныхъ лугахъ, но не тѣснятся другъ около друга. Такія общества тогда, преимущественно утромъ, водятъ своихъ птенцовъ къ ручьямъ, а въ жаркіе, солнечные дни во время палящаго полуденнаго зноя на самыя голыя вершины. До наступленія суроваго времени года щеврицъ можно видѣть отдѣльными экземплярами; но всегда онѣ остаются необыкновенно

Шеврица шпорцевая. *Anthus richardi*, Шеврица водяная. *A. spiolella*, Шеврица полевая. *A. campestris*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

пугливыми. За то, когда онѣ съ птенцами, то, повидимому изъ любви къ нимъ, совершенно оставляютъ свою обычную робость: онѣ очень озабоченно летаютъ и прыгаютъ вокругъ своего врага, сколько силъ есть кричатъ «спиб спиб», а въ сильномъ испугѣ, «гелик гликъ», притомъ высоко поднимаютъ и опускаютъ свой хвостъ и сердито ерошатъ свои перья. Въ обыкновенное время онѣ кричатъ «цгици цгици». Пѣня ея, которая слышится до конца іюля, очень пріятна, хотя уступаетъ пѣнѣ лѣснаго конька. Одно изъ колѣнъ ея похоже на чириканье нѣкоторыхъ

видовъ сверчковъ. Пѣсьнъ ея раздается съ постепенно ускоряющимся и подь конецъ въ весьма скоромъ темпѣ; она начинается ея, быстро поднимаясь на воздухъ, нѣкоторое время продолжаетъ ея, спокойно паря въ воздухъ и быстро, вкось опускаясь на землю съ неподвижно распростертыми крыльями, и кончаетъ ея лишь усѣвшись на верхушкѣ куста, на обломкѣ камня, на скалѣ или на землѣ. Щеврица очень рѣдко поетъ сидя; это бываетъ только тогда, когда пасмурныя облака покрываютъ весь горизонтъ густымъ туманомъ. Во время первыхъ послѣобѣденныхъ часовъ ни одна изъ нихъ не издаетъ ни одного звука.

«Гнѣздо свое она свиваетъ въ гораздо болѣе открытыхъ мѣстахъ, чѣмъ въ остальныхъ щеврицы. Оно находится въ широкихъ расщелинахъ скалъ, между камнями, подь высокими кустомъ, подь большими, старыми корнями и сучьями приземистыхъ сосенъ и другимъ, старымъ, тернистымъ кустарникомъ, такъ что надъ гнѣздомъ образуется естественный покровъ противъ снѣга и дождя. Яицъ бываетъ 4—7, длиною въ 23, толщиною въ 16 m.m.; они покрыты на голубоватомъ или грязно-бѣломъ фонѣ темно-коричневыми, сѣро-бурыми, черно-бурыми и сѣрыми. болѣею частью сплошными узорами—какъ у всѣхъ щеврицъ; они отчасти также похожи на яйца нѣкоторыхъ домашнихъ воробьевъ». На не очень высокихъ горахъ парочка, при благоприятной погодѣ, несетъ два раза, а именно въ началѣ мая и въ концѣ юня; на очень высокихъ горахъ только одинъ разъ, а именно въ серединѣ мая. На Альпахъ, по словамъ Чуди, щеврицы, выводящія птенцовъ, часто сильно страдаютъ отъ суровой весны. «Часто бываетъ, что нѣсколько лѣтъ подь рядъ поздно выпавшій снѣгъ покрываетъ гнѣздышко съ яйцами, прогоняетъ сидящую на яицахъ самку, нерѣдко убиваетъ и засыпаетъ ее или принуждаетъ ея свить себѣ впослѣдствіи новое гнѣздо. Птенцы, неспособные летать, нерѣдко умираютъ отъ снѣга и мороза».

* * *

Степной конекъ или Полевая щеврица (*Anthus campestris*, *rufus* и *rufescens* *Alauda campestris* и *mosellana*, *Agrodroma campestris*. *Brachpieper*. *Rousseline*) сверху свѣтлаго желтовато-сѣраго цвѣта и покрыта неясными, темными, рѣдкими пятнами, снизу окраска мутного желтовато-бѣлаго цвѣта, зобъ покрытъ нѣсколькими темными черточками; надъ глазами тянется свѣтло-желтоватая полоса; на крыльяхъ проходить двѣ желтовато-бѣлыя полосы. У птенцовъ окраска верхней части тѣла темнѣе, каждое перо окаймлено желтоватой полоской, нижнія-же части, околозоба испещрены множествомъ пятенъ. Въ длину она достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 28 см., длина крыла 8,3, а хвоста 6,6 см.

Область распространенія полевой щеврицы, за исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ тундръ и Великобританіи, обнимаетъ всю Европу, среднюю и южную Азію и сѣверную Африку, включая сюда и Канарскіе острова. Сухія, каменистыя и пустынные мѣстности она предпочитаетъ всѣмъ другимъ, вслѣдствіе чего на югѣ Европы встрѣчается въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ на сѣверѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ Германіи она встрѣчается довольно часто, въ другихъ-же областяхъ представляетъ собою лишь весьма рѣдкое явленіе; въ плодородныхъ полосахъ ее совсѣмъ нѣтъ. Къ сѣверу она распространяется лишь до южной Швеціи, но зато тѣмъ дальше проникаетъ на югъ. «Чѣмъ ровнѣе, пустыннѣе и жарче почва», вполне справедливо замѣчаетъ Болле, «тѣмъ она многочисленнѣе. На Канарскихъ островахъ она принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ; ея призывные голоса слышатся тамъ до пресыщенія». Въ Испаніи, Италиі и Греціи она, также какъ и въ Германіи, водится лишь въ извѣстныхъ мѣстностяхъ. Возвращаясь обратно изъ своихъ зимнихъ жилищъ, она въ южной Европѣ появляется нѣсколько

раньше, чѣмъ въ Германіи; въ послѣдней она является около середины апрѣля и собирается въ обратный путь уже въ августѣ; южную Европу она покидаетъ недѣли на двѣ поздне. Приблизительно въ маѣ прибываютъ отсталыя щеврицы, въ сентябрѣ-же исчезаютъ послѣднія изъ нихъ. Передъ отлетомъ онѣ собираются обществами и стаями и, при хорошей погодѣ днемъ, а при вѣтренной — ночью, приступаютъ къ отлету.

Своими движеніями полевая щеврица очень напоминаетъ какъ жаворонковъ, такъ и трясогузокъ. Во время бѣга она держится почти въ горизонтальномъ положеніи и, часто потряхивая хвостикомъ, бѣжитъ по землѣ, стараясь быть прикрытой; отъ времени до времени она появляется на возвышенномъ пунктѣ, отдыхаетъ въ теченіи нѣсколькихъ секундъ, затѣмъ, слегка выпрямившись, осматривается по сторонамъ и снова продолжаетъ свой бѣгъ; летитъ она по круто изогнутой змѣвидной линіи, попеременно быстро дѣйствуя крыльями; передъ тѣмъ, какъ опуститься на землю, она обыкновенно нѣкоторое время паритъ, но случается также, что, сложивъ крылья, почти вертикально падаетъ съ высоты на землю.

У насъ эти щеврицы постоянно необыкновенно пугливы, на югѣ-же въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напротивъ, менѣе робки, хотя однако при всякихъ обстоятельствахъ осторожны. Въ отношеніи голосовыхъ средствъ онѣ уступаютъ прочимъ щеврицамъ. Ихъ призывной голосъ напоминаетъ собой: «дилем» или «длемм», звуки нѣжности, а также существенныя составныя части ихъ необыкновенно простого пѣнія, издали напоминающаго звуки жаворонковъ — похожи на «критлин цирлуи», а также на «цѣур». Пища ихъ состоитъ изъ всевозможныхъ мелкихъ животныхъ и вѣроятно также изъ мелкихъ сѣмянъ.

Во время насиживания каждая парочка владѣетъ довольно большимъ райономъ и ревностно охраняетъ его. Въ это время самецъ очень охотно появляется на открытыхъ мѣстахъ, садится на камни, на уступы скалъ, на стѣны, песчаные холмы и пр., или-же на кусты и даже на нижніе сучки деревьевъ; затѣмъ поднимается въ косомъ направленіи на воздухъ и, порхая и качаясь на высотѣ 30—50 м., начинаетъ неплавно летать взадъ и впередъ, весьма часто испуская свое «цирлуи, цирлуи». Гнѣздо представляетъ собой довольно большую постройку, внѣшняя часть которой состоитъ изъ мха, пырейныхъ корней и сухихъ листьевъ; внутри оно выложено травяными стебельками, корешками и даже, иногда, нѣсколькими волосками; свивается оно на сѣнокосахъ, въ травѣ, верескѣ, на лугахъ, въ земляныхъ углубленіяхъ и пр., и при этомъ его, какъ вообще всякое гнѣздо щевриць, необыкновенно трудно бываетъ найти. Хозяйка гнѣзда зорко заботится о томъ, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ его; такъ, на примѣръ, они никогда не появляются вблизи гнѣзда какъ только замѣтятъ, что за ними слѣдятъ. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, достигающихъ приблизительно 22 м.м. длины и 15 толщины и покрытыхъ на мутномъ бѣломъ фонѣ массою матовыхъ красновато-бурыхъ точекъ, черточекъ и маленькихъ пятенъ, обыкновенно болѣе скученныхъ на тупомъ концѣ. Самка насиживаетъ одна, самецъ-же въ это время забавляетъ ее различными воздушными фокусами и прилежнымъ пѣніемъ. Если медленно приближаться къ гнѣзду, то сидящая на яйцахъ самка, прежде чѣмъ подняться на воздухъ, сперва убѣгаетъ на порядочное разстояніе; но, впрочемъ, иногда ее можно также застать врасплохъ и въ этомъ случаѣ она взлетаетъ лишь тогда, когда стоишь уже непосредственно около гнѣзда. Родители выражаютъ сильный страхъ, если яйцамъ угрожаетъ опасность и лишь въ случаѣ похищенія послѣднихъ приступаютъ ко второй кладкѣ. Если-же все обстоитъ благополучно, то въ концѣ мая находишь яйца, а въ іюль — способныхъ летать птенцовъ.

Переправляясь искать зиму пріюта въ сѣверозападной Африкѣ, черезъ сѣверную Германію пролетаетъ сродная полевымъ щеврицамъ **Щеврица шпорцевая**, **Шпорцевый конекъ** (*Anthusrichardi, longipes, macronyx, Corydalla richardi* и *infuscata*, Sporenpieper, Farlouse à éperon). Она самая крупная изъ всѣхъ, встрѣчающихся въ Германіи щевриць, отъ полевой-же легко отличается чрезвычайно длиннымъ, почти прямымъ когтемъ на заднемъ пальцѣ ноги. Длина ея тѣла достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 31, длина крыла 10, а хвоста 8 см. Верхнія части тѣла темно-бурыя; всѣ перья окаймлены ржаво-желто-буроватыми каймами, достигающими наибольшей ширины на нижнихъ шейныхъ и малыхъ маховыхъ перьяхъ, только надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста одноцвѣтной ржаво-желто-буроватой окраски; уздечка, широкая черта около глазъ и на вискахъ ржаво-желтовато-бѣлаго цвѣта; ушная область и полоса на подбородкѣ, начинающаяся отъ угла рта и спускающаяся внизъ,—покрыты бурными пятнами; зобъ и обѣ стороны шеи покрыты темными пятнами, стороны бедеръ—нѣсколькими отдѣльными узкими темными черточками. Маховыя перья темнаго оливково-бурого цвѣта, при чемъ большія снаружи окаймлены очень узкой, малыя—широкой ржаво-желто-коричневатой полосой. Также окрашены и покровныя перья малыхъ маховыхъ перьевъ, которыя на концахъ, также какъ и самыя большія верхнія кроющія перья крыльевъ, имѣютъ бѣлые края; вслѣдствіе этого на крыльяхъ образуются двѣ свѣтлыя поперечныя полосы. Хвостовыя перья темнаго оливково-бурого цвѣта и снабжены снаружи узкой блѣдно-ржавой каймой; внутренняя бородка крайняго пера около основанія мутнаго темнаго цвѣта, второе перо также окрашено на концѣ. Глаза темно-бурые, верхняя половина клюва рогового-бурого, ноги тѣлеснаго цвѣта. Итенцы отличаются болѣе рѣзко выдающимися свѣтлыми каймами перьевъ на верхней части тѣла и болѣе рельефными пятнами на зобѣ.

Родина шпорцевыхъ коньковъ—степныя мѣстности восточной Азіи, включая сюда сѣверную часть Китая. Отсюда эти птицы каждую зиму переправляются на югъ и появляются въ южномъ Китаѣ и во всей Индіи, главнымъ-же образомъ въ нижней Бенгаліи, гдѣ въ чрезвычайно большомъ количествѣ встрѣчаются во время нашихъ холодныхъ мѣсяцевъ; тамъ ловятъ очень многихъ изъ нихъ и продаютъ на рынкѣ въ Калькуттѣ подъ именемъ ортолановъ. Эти-же птицы переселяются также въ западномъ направленіи, и, можетъ быть, ежегодно посѣщаютъ при этомъ всѣ острова Нѣмецкаго моря, принадлежащія къ Германіи, также Давію, южную Шведію, Великобританію, Голландію, западную Францію, Испанію, Португалію и сѣверо-восточную Африку; говорятъ даже, будто онѣ поселились въ Голландіи и стали здѣсь гнѣздиться въ дюнахъ. Благодаря тщательному наблюденію Гэтке надъ небольшимъ островомъ Гельголандомъ, этимъ, часто посѣщаемымъ пріютомъ, лежачимъ на пути перелетныхъ птицъ, мы узнали, что странствованія этихъ коньковъ совершаются гораздо правильнѣе, чѣмъ это до сихъ поръ предполагалось, что, вѣроятно, ежегодно большая или меньшая часть этихъ, рѣдко замѣчаемымъ въ упомянутыхъ государствахъ Европы, птицъ придерживается во время перелета одного и того-же пути. Изъ этого слѣдуетъ, что показанія о гнѣздящихся въ Голландіи шпорцевыхъ конькахъ безусловно ошибочны. По всей вѣроятности въ Голландіи и Бельгіи убивали молодыхъ въ ихъ юношескомъ опереніи; молодые-же, по несравненнымъ наблюденіямъ Гэтке, постоянно летаютъ раньше старыхъ, и въ нѣсколько дней пролетаютъ огромное разстояніе между восточной Азіей и западной Европой.

Въ отношеніи образа жизни, шпорцевые коньки, повидимому, мало отличаются отъ своихъ германскихъ родичей. По наблюденіямъ Дыбовскаго они по-

появляются въ Восточной Сибири въ началѣ мая или нѣсколько позднѣе, населяютъ обширныя луговыя пространства степей и одинаково охотно селятся какъ на плоскихъ возвышенностяхъ, достигающихъ 1500 м. высоты, такъ и на болѣе низменныхъ мѣстностяхъ и, вообще тамъ, гдѣ они водятся, встрѣчаются въ значительномъ количествѣ, такъ что считаются самыми обыкновенными птицами. Гнѣздо большею частью свивается въ углубленіи, вытопанномъ въ мягкой почвѣ пасущимся скотомъ, и содержитъ въ первой половинѣ іюня 4—6 очень блестящихъ яицъ 23-хъ м. м. длиною и 17 м. м. толщиною; яйца, имѣющія отдаленное сходство съ яйцами трясогузки, на блѣдномъ розовато-красномъ или блѣдно-оливковомъ фонѣ испещрены массою небольшихъ, различной формы и длины и разнообразно сгруппированныхъ и перекрещивающихся между собой черточекъ. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ усердно охраняетъ ее въ нѣкоторомъ отдаленіи и извѣщаетъ объ опасности, послѣ чего самка сперва убѣгаетъ, а затѣмъ взлетаетъ на воздухъ и, улетая вмѣстѣ съ самцомъ, старается отвлечь врага своимъ неблагозвучнымъ крикомъ. Проводивъ его на извѣстное разстояніе, оба внезапно возвращаются обратно; самка опускается на землю и возвращается по ней къ своему гнѣзду, вслѣдствіе чего послѣднее и не легко отыскать. Отъ зоркаго глаза кукушки оно, конечно, не можетъ укрыться, такъ какъ именно въ немъ весьма часто находятъ яйца и птенцовъ этихъ птичьихъ паразитовъ. Во второй половинѣ іюля парочки вторично выводятъ птенцовъ, а затѣмъ и старыя и малыя приступаютъ къ отлету.

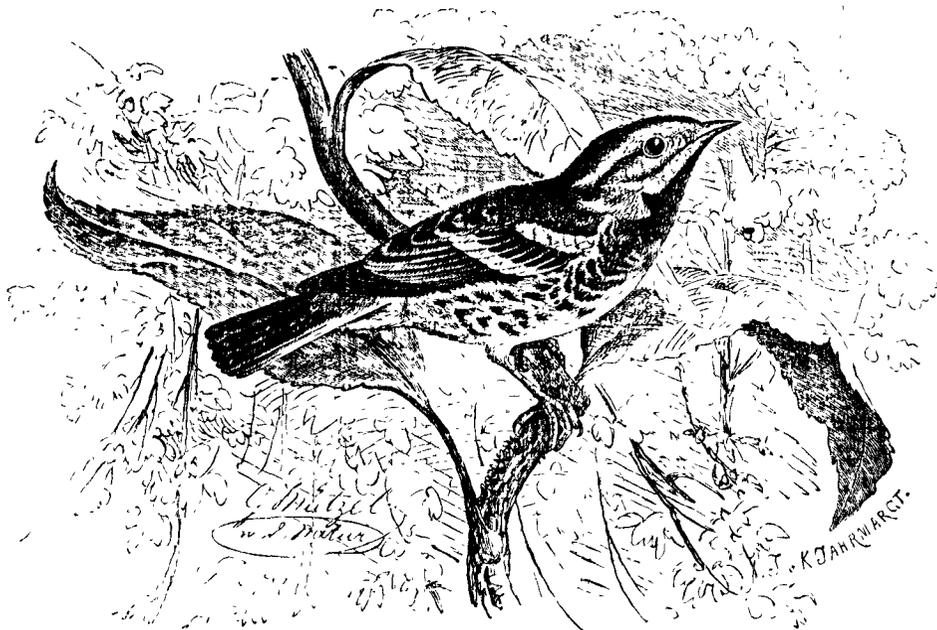
Ради одного вида, встрѣчающагося на Гельголандѣ, упомянемъ также о подсемействѣ **Американскихъ пѣвуновъ** (*Sylvicolinae*. *Waldsänger*. *Sylvicoles*). Всѣ виды этого подсемейства достигаютъ лишь незначительной величины. Ихъ клювъ постоянно имѣетъ видъ весьма стройнаго, слегка сдавленнаго съ боковъ конуса и изрѣдка бываетъ на концѣ немного изогнутъ; верхняя и нижняя половинки клюва совершенно прямыя и безъ зазубринъ, въ крайнемъ случаѣ верхняя бываетъ иногда снабжена небольшою зазубриной около кончика. Яйцевидныя ноздри расположены сбоку, средней длины ноги снабжены сильными пальцами и вооружены крѣпкими когтями; крылья имѣютъ девять большихъ маховыхъ перьевъ и достигаютъ, самое большее, средней длины. Хвостъ различной длины, почти всегда прямо обрубленъ и лишь изрѣдка закругленъ; опереніе мягкое и нестрое.

Американскіе пѣвуны, которыхъ насчитываютъ до 120 видовъ, живутъ въ Америкѣ; они распространены по всему сѣверу этой части свѣта и населяютъ также и среднюю Америку, но, впрочемъ, не далеко проникаютъ за тропики. При всемъ томъ численность видовъ, населяющихъ южныя и сѣверныя области Новаго Свѣта, приблизительно одинакова. Ихъ образъ жизни въ существенныхъ чертахъ соответствуетъ образу жизни нашихъ пѣвчихъ птицъ.

* * *

Изъ этого подсемейства на Гельголандѣ наблюдали **Зеленаго пѣвуна** (*Sylvicola virens*, *Dendroica*, *Motacilla*, *Sylvia*, *Rhimanphus* и *Mniotilta virens*. *Grünwaldsänger*. *Sylvicole verte*). Его клювъ, имѣющій форму заостреннаго конуса, сверху примъ и круто изогнутъ на концѣ; ноги съ длинными плюснами, короткими широкими пальцами, которые снабжены сильно изогнутыми когтями. Крылья длинныя, заостренныя, среди большихъ маховыхъ перьевъ—второе самое длинное; хвостъ слегка закругленъ. Верхняя часть тѣла, черта поперекъ глазъ и ушная область оливково-желто-зеленаго цвѣта, который на лбу принимаетъ болѣе желтый оттѣнокъ;

широкія полосы на уздечкѣ, около глазъ и на подбородкѣ книзу отъ угла рта, а также обѣ стороны шеи—ярко-желтаго цвѣта; подбородокъ, горло и зобъ образуютъ широкій черный щитъ; остальные нижнія части тѣла бѣлыя, съ легкимъ желтоватымъ оттѣнкомъ, бока украшены широкими черными продольными полосами, брюшко и задняя часть—желтая, маховыя и хвостовыя перья черно-бурыя и по краямъ имѣютъ свинцовыя каемки, которыя на малыхъ маховыхъ нѣсколько расширяются; малыя маховыя перья и большія кроющія перья крыльевъ на концѣ бѣлыя, вслѣдствіе чего образуются двѣ широкія, бѣлыя поперечныя полосы; оба крайнихъ хвостовыхъ пера—бѣлыя съ черно-бурой наружной бородкой у основанія и внутренней у кончиковъ. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги рогового бурога цвѣта. У самокъ и молодыхъ самцовъ перья на подбородкѣ и горлѣ окаймлены бѣлой полоской, вслѣдствіе чего черная окраска болѣе или менѣе ступеневывается. Длина ихъ тѣла равна 13, длина крыла 7, а хвоста 6 см.

Зеленый пѣвуна. *Sylvicola virens*. 2/3 наст. вел.

Лишь излѣдованія, произведенныя въ новѣйшемъ времени, доставили нѣкоторыя свѣдѣнія относительно области распространенія и образа жизни зеленого пѣвуна. Эти красивыя птички населяютъ большую часть восточныхъ Соединенныхъ Штатовъ, а зимой переселяются къ югу до средней Америки и Вестъ-Индіи. Ихъ мѣстожительство соотвѣтствуетъ приблизительно мѣстожительству нашихъ славокъ или пѣночекъ. Они, какъ и нѣкоторые виды первыхъ и большая часть видовъ послѣднихъ, возвращаясь изъ своего зимняго мѣстопребыванія, преимущественно водворяются на вершинахъ болѣе высокихъ деревьевъ, и населяютъ какъ пустынные лѣса, такъ и сады или плантаціи въ непосредственной близости жилыхъ построекъ. Въ свои мѣста гнѣздованія они прибываютъ поздно, едва-ли раньше половины мая; но зато довольно долго остаются въ странѣ и съ наступленіемъ осени, по крайней мѣрѣ на сѣверѣ обитаемыхъ ими мѣстностей, предпринимая болѣе или менѣе далекія странствованія. Во время этихъ странствованій, а именно 19 октября 1858 г., экземпляръ этого вида былъ убитъ на Гельголандѣ. Во время перелета они присо-

единяется къ другимъ представителямъ своего вида или къ своимъ родичамъ; въ мѣстахъ-же гнѣздованія, напротивъ, живутъ парочками и изъ ревности прогоняють отъ себя всѣхъ своихъ собратій. Своимъ нравомъ и поведеніемъ они походятъ на нашихъ славокъ. Непокойные и подвижные, они искусно прыгаютъ и снуютъ среди вѣтвей; подобно синицамъ, они лазають и выдѣлываютъ разныя гимнастическія упражненія, подобно славкамъ преслѣдуютъ пролетающихъ мимо насѣкомыхъ. При всемъ этомъ они еще находятъ время превосходно пропѣть свою коротенькую пѣсенку. Американскіе натуралисты указываютъ на нихъ, какъ на хорошихъ пѣвцовъ и упоминають, что ихъ можно слышать во всякое время дня въ продолженіи всего лѣта. Пища ихъ состоитъ изъ всякаго рода насѣкомыхъ и ихъ личинокъ, а осенью также изъ различныхъ ягодъ.

Гнѣздо, которое Нуталль изслѣдовалъ 8 іюня, было свито на виду въ низкомъ, уродливомъ кустѣ можжевельника изъ нѣжнаго лыка этого куста и другихъ растительныхъ волоконъ; выложено оно было мягкими перьями. Обыкновенно-же гнѣзда постоянно свиваются только на высокихъ деревьяхъ и притомъ большею частью изъ другого матерьяла. Нѣкоторыя гнѣзда, изслѣдованныя Велхомъ, находились на высокихъ деревьяхъ небольшого лѣса и отличались небольшою величиною и плотной крѣпкой постройкой; внѣшняя часть состояла изъ тонкихъ полосокъ лыка, изъ частей листьевъ и стебельковъ растеній, прекрасно переплетенныхъ между собой и перевитыхъ нѣсколькими тонкими травинками; внутренность гнѣзда обыкновенно была тепло и мягко выложена шелковистымъ хлопкомъ. Кладка состоитъ изъ четырехъ яицъ, продольный діаметръ которыхъ достигаетъ приблизительно 20, а поперечный—14 m.m.; они на бѣломъ или красновато-бѣломъ фонѣ довольно равномерно покрыты буроватыми и багрово-бурыми пятнами и крапинами, обыкновенно нѣсколько болѣе сгущенными на тупомъ концѣ. Когда Нуталль приближался къ найденному имъ гнѣзду, то сидѣвшая на яйцахъ самка оставалась неподвижно въ одномъ и томъ же положеніи, такъ что ее можно было бы принять за птенца, но затѣмъ она вдругъ бросилась на землю и исчезла въ кустахъ. Самецъ не находился по близости гнѣзда, но порхалъ въ лѣсу на разстояніи около четверти англійской мили отъ послѣдняго, при чемъ слышалось его простенькое, протяжное и немного грустное пѣніе, главныя строфы котораго Нуталль изображаетъ звукомъ «ди-диритиде».

Тангары (*Thaupaiaea. Tangara.*)—птицы ростомъ съ нашего воробья, но бывають также и больше; клювъ у нихъ весьма различной формы, но постоянно конусообразный и слегка изогнутый; ноги съ короткими плюснами и стройными пальцами и наконецъ средней длины крылья и хвостъ. Опереніе довольно грубое, пестрое и яркой окраски; преобладающими цвѣтами являются синій, зеленый и красный въ перемежку съ чернымъ и бѣлымъ; этой окраской, впрочемъ, отличаются постоянно только одни самцы, тогда какъ у самокъ опереніе болѣе матовое и невзрачное.

Кромѣ четырехъ видовъ тангаръ, населяющихъ сѣверъ, всѣ остальные, приблизительно до 300 видовъ, живутъ въ Южной Америкѣ и причисляются поэтому къ птицамъ, характеризующимъ южныя области Новаго Свѣта. Живутъ онѣ преимущественно въ лѣсахъ, нѣкоторые виды на высочайшихъ деревьяхъ, другіе въ низкихъ кустарникахъ. Въ непосредственной близости человека онѣ селятся рѣдко, но зато часто стаями опускаются на плантаціи и въ этомъ случаѣ становятся вредными. Въ дремучемъ лѣсу онѣ восхищаютъ натуралистовъ, такъ какъ уже издали бросаются въ глаза своимъ яркимъ опереніемъ и служатъ высокимъ деревьямъ прево-

сходнымъ украшеніемъ. Но зато роскошь ихъ окраски—единственное, что дѣлаетъ ихъ привлекательными, такъ какъ въ другихъ отношеніяхъ онѣ тихія и скучныя существа. Дара пѣнія у нихъ почти нѣтъ; онѣ, самое большее, въ состояніи издать нѣсколько, почти безсвязныхъ звуковъ. Лишь нѣкоторые виды, говорятъ, обладаютъ способностью пѣть.

Пища у нихъ различная; главную же, повидимому, составляютъ ягоды или небольшіе, мягкіе и сочныя, сахаристые и мучнистые плоды. Многія ѣдятъ между прочимъ и насѣкомыхъ, а нѣкоторые виды питаются исключительно сухими сѣменами. Лишь немногіе виды содержатся въ неволѣ, но ни одинъ изъ нихъ не въ состояніи снискать себѣ любовь человѣка.

* * *

Какъ представителей этого подсемейства назовемъ прежде всего два вида тангаръ (*Thraupis*) въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

Красная тангара (*Thraupis rubra*, *Pyrranga rubra* и *erythromelas*, *Tanagra rubra*, *Phoenicosoma* и *Phoenisoma rubra*, *Scharlachtangara* *Tangara rouge*)—это чаще всего встрѣчающійся, наиболѣе распространенный и поэтому наиболѣе извѣстный видъ этого подсемейства. Длина ихъ тѣла достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 27, длина крыла 10, а хвоста 7 см. Брачное опереніе самца ярко-краснаго цвѣта, за исключеніемъ черныхъ крыльевъ, черныхъ маховыхъ перьевъ, окаймленныхъ съ внутренней стороны бѣлой полоской, рулевыхъ и бедренныхъ перьевъ, а также бѣлыхъ среднихъ и нижнихъ кроющихъ перьевъ крыльевъ. Вскорѣ послѣ времени насиживания птенцовъ самцы сбрасываютъ свое великолѣпное опереніе и являются въ простенькомъ опереніи самокъ, которыя сверху свѣтло-зеленаго, а снизу желтовато-зеленаго цвѣта. Линяніе начинается уже въ августѣ, и, благодаря ему, у самцовъ сперва появляется красное, пятнистое переходное опереніе.

Сѣдобная тангара (*Thraupis aestiva*, *Pyrranga aestiva*, *mississippiensis*, *Tanagra aestiva* и *variegata*, *Muscicapa rubra*, *Phoenisoma* и *Phoenicosoma aestiva*. *Sommerrotvogel*. *Tangara orange*) нѣсколько больше своего родича. Въ длину она достигаетъ 19, размахъ крыльевъ 29 см., длина крыла равна 11, хвоста 8 см. Снизу опереніе яркаго, сверху болѣе тусклаго багрово-красно-розоваго цвѣта; бурья маховыя и рулевыя перья имѣютъ розовато-красныя внѣшнія и буровато-бѣлыя внутреннія каемки. Самка оливково-зеленаго цвѣта, который на головѣ и шеѣ принимаетъ буроватый оттѣнокъ; нижняя часть тѣла желтой окраски, принимающей вдоль середины груди и живота красноватый оттѣнокъ. Очень старыя самки отличаются иногда опереніемъ, похожимъ на опереніе самцовъ; знатоки птицъ называютъ ихъ обыкновенно «пѣтухонерыми». Самцы этихъ тангаръ послѣ времени насиживания своимъ опереніемъ тоже становятся похожими на самокъ; молодые же самцы ходятъ на мать.

Въ отношеніи образа жизни обѣ тангары похожи одна на другую. Онѣ населяютъ огромныя лѣса Сѣверной Америки, обильныя деревьями различныхъ видовъ, и живутъ въ нихъ тихо и уединенно, большей частью парочками. Обыкновенно видишь ихъ сидящими высоко на вершинахъ деревьевъ. «Когда мы весной», рассказываетъ принцъ фонъ Видъ, «плыли внизъ по Миссури и въ маѣ достигли огромныхъ дремучихъ лѣсовъ въ области нижняго теченія рѣки, то бродили въ этихъ высокихъ дикихъ и густыхъ лѣсахъ, состоящихъ изъ различныхъ породъ деревьевъ; въ нихъ царилъ таинственная тишина и раздавались незнакомые голоса птицъ. Среди многочисленныхъ птицъ мы здѣсь часто замѣчали на верхушкахъ высочайшихъ деревьевъ красныхъ тангаръ, которыя, блестя на солнцѣ, роскошно

выдѣлялись на синемъ фонѣ неба; мы были восхищены этимъ зрѣлищемъ». Тангары нерѣдко приближаются къ жилищамъ плантаторовъ и залетаютъ даже въ сады; но являются онѣ обыкновенно непрошенными гостями, поѣдающими ягоды, плоды и вѣроятно также коробочки льна. Онѣ нигдѣ не встрѣчаются въ большомъ количествѣ, но замѣтны всюду: съѣдобная тангара—явленіе, знакомое во всей Америкѣ. Ихъ называютъ лѣтними тангарами (Sommerrotvogel) вслѣдствіе того, что ихъ пребываніе въ Соединенныхъ Штатахъ длится всего лишь около 4 мѣсяцевъ. Появляются онѣ въ маѣ и оставляютъ страну въ серединѣ сентября. «Послѣ этого времени», говоритъ Одюбонъ, «трудно найти хотя бы одну парочку». Красныя тангары появляется нѣсколько раньше, уже въ апрѣлѣ, и покидаютъ страну позже. Съѣдобныя тангары перелетаютъ днемъ, красныя тангары—ночью; летятъ онѣ высоко надъ лѣсами, причеиъ какъ тѣ, такъ и другія часто издаютъ свой призывной крикъ,—два простыхъ слога, по мнѣнію Вильсона похожіе на «чип, чуррр», по мнѣнію Одюбона на «чики, чуки чукъ». Даже во время перелета онѣ, повидимому, не соединяются обществами, но продолжаютъ и во время странствованія вести одинокую жизнь. Красныя тангары, по сообщеніямъ принца фонъ Видъ, довольно многочисленны и въ Бразиліи, впрочемъ, можетъ быть, только въ зимніе мѣсяцы, которые онѣ проводятъ подъ теплымъ небомъ юга.

Образъ жизни этихъ птицъ, вѣроятно, чрезвычайно однообразенъ, такъ какъ ни одинъ изъ упомянутыхъ натуралистовъ не могъ сообщить о немъ какихъ-либо подробностей. Они упоминаютъ о красотѣ ихъ оперенія, о прелестномъ зрѣлищѣ, которое представляютъ эти птицы, извиняютъ бѣдность ихъ пѣнія и, въ крайнемъ случаѣ, находятъ, какъ напримѣръ Вильсонъ, что онѣ скромныя, ведущія уединенную жизнь и миролюбивыя птицы. «Когда онѣ, обыкновенно среди верхнихъ вѣтвей, летятъ въ лѣсу, сообщаетъ Одюбонъ, «то какъ будто скользятъ». На землю онѣ опускаются рѣдко; среди вѣтвей двигаются мало и, лишь въ исключительныхъ случаяхъ, выказываютъ нѣкоторую оживленность, приподнимаясь, хлопая крыльями и испуская при этомъ свои простые звуки. Нѣсколько чаще видишь, какъ онѣ, ради пролетающаго мимо насѣкомаго, поднимаются съ дерева, преслѣдуютъ и по возможности схватываютъ послѣднее на лету, такъ какъ ихъ пища, какъ и пища большинства ихъ родичей, почти исключительно состоитъ изъ насѣкомыхъ. Вильсонъ нашелъ ихъ желудокъ наполненнымъ остатками пчелъ.

Гнѣздо представляетъ собой плохую постройку и свивается на нижнихъ сучьяхъ дерева, обыкновенно въ развѣтвленіи сука. Тангары, повидимому, не особенно стараются скрыть его. Принцъ фонъ Видъ увѣряетъ, будто одна самка, которую онъ засталъ сидящей на яйцахъ «преспокойно продолжала сидѣть» и дала возможность этому натуралисту совершенно близко производить свои наблюденія. Часто можно видѣть гнѣзда, свитыя на вѣтвяхъ надъ проѣзжими дорогами, въ лѣсахъ—же они свиваются обыкновенно на деревьяхъ, окружающихъ открытое мѣсто. Вѣшняя часть гнѣзда состоитъ изъ сухихъ стебельковъ и корешковъ, болѣе нѣжные травы служатъ для отдѣлки его. Оно до того слабо прикрѣплено къ вѣтвямъ, что его можно стянуть съ дерева. Кладка состоитъ изъ 3 или 4, самое большее изъ 5 яицъ, достигающихъ въ среднемъ 23 м.м. длины и 16 толщины; они свѣтло-синей или темной зеленовато-синей окраски; у красныхъ тангаръ кромѣ того покрыты красновато-синими или свѣтло-багровыми пятнами и обыкновенно въ маѣ снесены въ полномъ числѣ. Оба пола насиживаютъ въ теченіи 12 дней и также вмѣстѣ вскармливаютъ птенцовъ, главнымъ образомъ насѣкомыми. Въ началѣ іюня появляются первые, покинувшіе гнѣзда, птенцы, въ сообществѣ своихъ родителей, съ которыми и живутъ вмѣстѣ до наступленія отлета.

Вильсонъ рассказываетъ интересный фактъ относительно родительской любви этихъ птицъ. «Однажды я поймалъ молодую красную тангару, лишь нѣсколько дней тому назадъ покинувшую свое гнѣздо. Я унесъ ее на разстояніе около полумили, затѣмъ посадилъ въ клѣтку и повѣсилъ послѣднюю недалеко отъ гнѣзда иволги, въ которомъ, я зналъ, находились птенцы, въ надеждѣ, что эти птицы станутъ заботиться о сиротѣ. Но, несмотря на жалобный крикъ бѣдной птички, на нее не обращалось никакого вниманія. Изъ моихъ рукъ она пищи не принимала, и я хотѣлъ отнести ее обратно на то мѣсто, откуда принесъ. Подъ вечеръ я замѣтилъ красную тангару, несомнѣнно отца или мать, которая летала около клѣтки и старалась проникнуть внутрь. Когда она поняла, что это невысказимо, то улетѣла, но вскорѣ вернулась обратно, неся въ клювъ кормъ. Это повторялось до захода солнца, а затѣмъ она усѣлась на одномъ изъ высокыхъ суковъ этого дерева. Съ наступленіемъ дня она снова принялась за ту-же работу, какъ и день передъ тѣмъ, и продолжала ее до вечера, несмотря на всѣ помѣхи со стороны. На 3 и 4 день она казалась въ высшей степени озабоченной освобожденіемъ птенца, и криками, выражающими страхъ и нѣжность, побуждала его прилетѣть къ ней. Для натуралиста это было слишкомъ трогательно: плѣнникъ былъ освобожденъ, подлетѣлъ къ своей родительницѣ и послѣдняя съ громкими криками блаженства увлекла его за собой въ лѣсъ».

Въ плѣну этихъ тангаръ можно кормить зернами и плодами. Но онѣ ни въ какомъ случаѣ не доставляютъ удовольствія своему обладателю: онѣ слишкомъ тихи и неподвижны и пѣніе ихъ слишкомъ плохое для того, чтобы побудить человѣка избрать ихъ себѣ въ сожители.

* * *

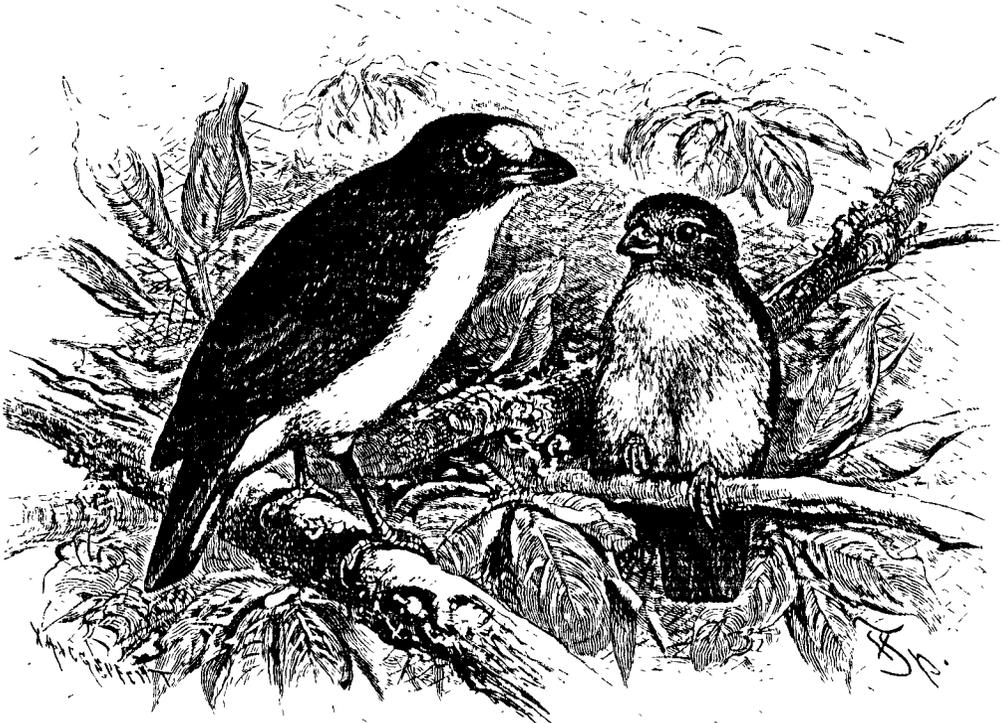
Второй родъ подсемейства составляютъ **Органисты** (*Euphonia. Organiste*). Это небольшія, толстоголовые птицы съ толстымъ клювомъ, который около кончика верхней челюсти имѣетъ мелкія зазубрины и кромѣ того отличается тѣмъ, что у основанія широкъ и въ тоже время высокъ, спереди болѣе сжатъ съ боковъ и наконецъ края его не вывернуты наружу, а подогнуты внутрь. Крылья короткія, узкоперыя и мало выдаются надъ основаніемъ хвоста, три первыхъ маховыхъ пера равной длины. Хвостъ очень малъ и притомъ въ одинаковой степени коротокъ и узокъ. Каждое перо въ отдѣльности закруглено. Окраска оперенія у обоихъ половъ различная. У самца на спинѣ преобладаетъ синеватый цвѣтъ или зеленый, у самки постоянно оливково-зеленый цвѣтъ; на брюшной сторонѣ окраска желтого или блѣдно-желтого цвѣта и обыкновенно ярче окраски верхней части тѣла. При вскрытіи этихъ птицъ была замѣчена необыкновенная особенность. У нихъ нѣтъ настоящаго желудка, но на пищеводѣ имѣется веретенообразное расширеніе, на подобіе зоба.

По словамъ Бурмейстера органисты живутъ уединенно въ густыхъ лѣсахъ и питаются мелкими многосѣмянными ягодами; у нихъ пріятный, чрезвычайно благозвучный голосъ, «съ настоящими октавными переходами», который можно слышать очень часто; гнѣздятся они въ густыхъ кустарникахъ и кладутъ чрезвычайно длинныя, блѣдно-красноватые яйца, покрытыя на тупомъ концѣ красно-бурыми пятнами.

Достаточно, если я опишу одинъ только видъ этого подсемейства, именно **Фиолетоваго органиста** (*Euphonia violacea, Tanagra и Phonasca violacea, Guttarama, Euphone violacée*), часто встрѣчающагося въ Бразиліи и Гвіанѣ. Длина ихъ тѣла равна 10, размахъ крыльевъ 18, длина крыла 6, хвоста 4 см. У самца лобъ и вся нижняя часть тѣла желтого личнаго цвѣта, верхняя часть, начиная со лба, фиолетоваго стального цвѣта, который на кроющихъ перьяхъ крыльевъ и на краяхъ маховыхъ перьевъ, окаймленныхъ съ внутренней стороны бѣлой полоской, принимаютъ

зеленоватый металлическій оттънокъ; хвостовыя перья сверху стального сине-зеленаго цвѣта, снизу черныя; внутреннія бородки обоихъ крайнихъ перьевъ, также какъ и стволы послѣднихъ, бѣлыя. Самка тусклаго оливково-зеленаго, снизу желто-сѣраго цвѣта; маховыя и хвостовыя перья сѣро-бурыя. Птенцы походятъ на мать. Переходное опереніе самцовъ сверху стального сиваго цвѣта, а снизу покрыто желтыми пятнами.

Относительно ихъ образа жизни свѣдѣнія весьма незначительны, несмотря на то, что этихъ птицъ часто содержатъ въ клѣткахъ. Фиолетовые органисты чрезвычайно милостивыя, живыя, подвижныя существа, которыя ловко прыгаютъ на верхушкахъ деревьевъ, быстро летаютъ и часто подаютъ свой короткій, благозвучный, призывной голосъ. Пища ихъ состоитъ изъ различныхъ плодовъ; особенно

Фиолетовый органистъ. *Euphonia violacea*. Наст. вел.

много истребляютъ они померанцевъ, банановъ и, на сколько я могъ узнать изъ наблюденій надъ пѣвными органистами, каждая изъ этихъ птицъ сѣдаетъ по крайней мѣрѣ вдвое, если не втрое больше собственнаго вѣса, и, такъ какъ эти крошечныя обжоры иногда появляются въ такомъ количествѣ, что буквально покрываютъ нѣкоторыя фруктовыя деревья, то въ состояніи причинить плантаціямъ существенный вредъ. Поэтому, какъ ни радуютъ они взоръ натуралиста своею подвижностью и ловкостью, ихъ нигдѣ не любятъ и по возможности даже преслѣдуютъ. Отъ прочихъ тангаръ органисты отличаются не только своей подвижностью, но также своимъ красивымъ пѣніемъ, которое главнымъ образомъ заключается въ цѣломъ рядѣ отрывистыхъ и другихъ связывающихъ ихъ мурлыкающихъ и трескучихъ звуковъ. Поютъ они довольно тихо, но добросовѣстно, и очень пріятно дѣйствуютъ на слуховой органъ.

Гнѣзда органистовъ, относительно размноженія которыхъ можно было бы

привести нѣкоторыя излѣдованія, сравнительно съ величиной самихъ птицъ очень обширны, имѣютъ форму чашки и свиты изъ сухой травы, тонкихъ вѣтокъ и клочковъ хлопка, внутри же выложены тонкими соломинками. Кладка состоитъ изъ 3—5 яицъ съ весьма тонкой скорлупой красиваго красновато-желтаго цвѣта и усѣянной пятнами чрезвычайно нѣжнаго красно-бураго цвѣта, большей частью сгруппированными на подобіе вѣнка.

Плѣнные органисты у насъ рѣдко содержатся въ клѣткахъ; за ними необходимъ тщательный уходъ и они долго не выживаютъ уже потому, что у насъ не имѣется любимыхъ ими плодовъ.

Семейство **Вьюрковъ** (Fringillidae. Finken. Passereaux), включаетъ въ себѣ около 600 видовъ и, за исключеніемъ одной Австраліи, распространено по всѣмъ частямъ свѣта. У воробьиныхъ птицъ, причисляемыхъ къ этому семейству, клювъ конусообразный, различной толщины, у основанія окруженный болѣе или менѣе яснымъ наростомъ; верхняя часть его часто бываетъ нѣсколько длиннѣе нижней и слегка загнута надъ нею, а также въ исключительныхъ случаяхъ перекрещивается съ послѣдней; края клюва до самыхъ угловъ рта загнуты внутрь. Ноги умѣренной длины, большею частью съ довольно короткими пальцами и обыкновенно вооружены слабыми когтями; плюсна сзади покрыта сплошнымъ роговымъ щиткомъ; на большомъ пальцѣ крыла находится девять маховыхъ перьевъ; длина крыльевъ, впрочемъ, бываетъ различна; хвостъ всегда коротокъ и достигаетъ, самое большее, средней длины. Опереніе, за немногими исключеніями, плотно прилегаетъ къ тѣлу и, соотвѣтственно полу и возрасту, представляетъ большею частью значительное различіе въ окраскѣ, но иногда подобнаго различія не замѣчается.

Въ предѣлахъ указанныхъ границъ вьюрки населяютъ пояса всѣхъ широтъ и долготъ, всѣ мѣстности отъ берега моря до высочайшихъ горныхъ вершинъ, на уединенныхъ островахъ живутъ въ неменьшемъ количествѣ, чѣмъ въ густо населенныхъ городахъ, встрѣчаются какъ въ пустыняхъ, такъ и въ лѣсахъ, какъ на голыхъ скалахъ, такъ и въ мѣстностяхъ, покрытыхъ растительностью. Многіе сѣверные виды перелетны; населяющія-же южныя части умѣреннаго пояса и тропики всѣ безъ исключенія живутъ осѣдно; однако многія изъ тѣхъ, которыя лѣтомъ находятъ себѣ кормъ и гнѣздятся на ледяныхъ поляхъ, не покидаютъ ихъ, какъ бы ни была зима холодна. Перелетные виды появляются съ началомъ таянія снѣговъ и покидаютъ свою родину лишь тогда, когда тамъ наступаетъ зима.

Всѣ вьюрки принадлежатъ къ числу самыхъ умныхъ и способныхъ воробьиныхъ птицъ, хотя нѣкоторыхъ изъ нихъ народъ и считаетъ, совершенно несправедливо, глупыми. Они бѣгаютъ, или, вѣрнѣе, прыгаютъ очень ловко, хорошо летаютъ и большею частью пріятно поютъ; нѣкоторые изъ нихъ считаются даже прекрасными пѣвцами. Чувства у нихъ развиты очень хорошо, а по умственнымъ способностямъ они по меньшей мѣрѣ не уступаютъ большинству остальныхъ воробьиныхъ птицъ, при томъ умѣютъ извлекать для себя пользу, примѣняясь къ самымъ различнымъ мѣстностямъ. Большинство изъ нихъ ведутъ общественный образъ жизни; многіе, однако, живутъ между собой въ мирѣ только осенью и зимою, тогда какъ въ мѣстахъ гнѣздованія ожесточенная борьба у нихъ не прекращается. Причиной послѣдней, однако, служить всегда одна лишь ревность, такъ какъ изъ за ницы они хотя иногда и ссорятся, но не въ такой степени. Пища ихъ состоитъ изъ сѣмянъ самыхъ различныхъ растений, а среди лѣта изъ насѣкомыхъ, которыя преимущественно и служатъ кормомъ для птенцовъ; въ этомъ кормѣ рѣдко бываетъ недостатокъ, а если и бываетъ, то всѣ птицы отъ этого терпятъ одинаково. Почти

всѣ виды вьютъ изъ различныхъ растительныхъ и животныхъ веществъ искусно устроенныя, толстостѣнные и мягко выстланныя гнѣзда. Они высидываютъ яйца два, а нѣкоторые даже три раза въ годъ и кладутъ за разъ 5—8 яицъ, покрытыхъ по свѣтлому фону болѣе темными пятнышками и черточками. Такимъ образомъ они воспитываютъ многочисленное потомство и пополняютъ этимъ большія потери, причиняемыя имъ различными хищниками. Человѣкъ также иногда относится къ нимъ враждебно, желая защитить отъ нихъ свои посѣвы; въ общемъ же ихъ терпятъ охотно, и дѣйствительно, вредятъ они лишь въ исключительныхъ случаяхъ и притомъ—временно, зато приносятъ значительную пользу и доставляютъ удовольствіе своимъ живымъ нравомъ и пріятнымъ пѣніемъ. Благодаря невзыскательности и легкой приручаемости ихъ они больше всѣхъ птицъ этого отряда пригодны для содержанія въ клѣткахъ. Уже изстари они являются сожителями человѣка, а нѣкоторыхъ изъ нихъ, кое-гдѣ по крайней мѣрѣ, цѣнятъ больше, чѣмъ соловья, чествуютъ и всячески балуютъ. Одинъ видъ—всѣмъ извѣстная канарейка,—сдѣлался даже настоящей домашней птицей въ качествѣ каковой покорилъ весь свѣтъ, оживляя своимъ пріятнымъ пѣніемъ какъ самую уединенную хижину на впервые вспаханной землѣ, такъ и комнату рабочаго на чердакѣ. Въ Германіи множество вьюрковъ дѣлаются друзьями дома и членами семейства, заставляя людей забывать свою бѣдность, и оживляющимъ, свѣжимъ звукомъ своего пѣнія, раздающагося въ мастерской, развлекаютъ уставшаго отъ работъ человѣка. Говорить еще больше о значеніи вьюрковъ было-бы излишнимъ, такъ какъ какую бы пользу они ни приносили, поѣдая сѣмена сорныхъ травъ и насѣкомыхъ, а также своимъ вкуснымъ мясомъ, какъ-бы они ни радовали любителя природы своимъ звонкимъ пѣніемъ въ полѣ и въ лѣсу,—они не могутъ стяжать себѣ большей славы, чѣмъ та, которую приобрѣли они уже въ клѣткѣ, доставляя человѣку многія отрадныя мгновенія.

Первое подсемейство вьюрковъ образуютъ **Настоящіе вьюрки** (*Fringillinae*), отличающіеся клювомъ, у основанія лишеннымъ щетинокъ и имѣющимъ прямые, или слабо согнутые края.

* *

Воробьи (*Passer*. Sperling. Moineau)—вьюрки съ толстымъ короткимъ туловищемъ, крѣпкимъ, нѣсколько вышуклымъ клювомъ средней величины; ноги у нихъ сильныя, вооруженныя короткими, слабыми когтями; крылья тупыя; 2—4 маховыхъ перьевъ образуютъ конецъ крыла; хвостъ короткій, или, самое большее, средней длины съ едва замѣтнымъ вырѣзомъ на концѣ; опереніе густое.

Изъ видовъ этого рода намъ больше всѣхъ другихъ знакомъ **Домашній воробей** (*Passer domesticus, indicus и tingitanus, Fringilla domestica, Pyrgita domestica, pagorum, rustica, valida, minor, brachyrhynchos, intercedens, sahirina, pectoralis, castanea, castanotos и melanorhyncha. Haussperling. Moineau commun*). Передняя часть головы и середина темени буровато-сѣраго цвѣта, перья съ неясными, красно-бурными краями на концѣ; отъ глазъ по вискамъ и обѣимъ сторонамъ шеи до затылка тянется каштаново-бурая полоса; такого-же цвѣта и самый затылокъ; нижнія шейныя перья и плечи болѣе свѣтлаго цвѣта и покрыты широкими черными продольными полосами, нижнія шейныя перья украшены коричнево-красною наружною каймой; буровато-сѣрыя перья надхвостья и кроющія перья хвоста съ красноватыми кончиками; маленькое пятно у задняго глазнаго края, нижнія части щекъ, ушная область и верхнія части шеи бѣлаго цвѣта; уздечка,

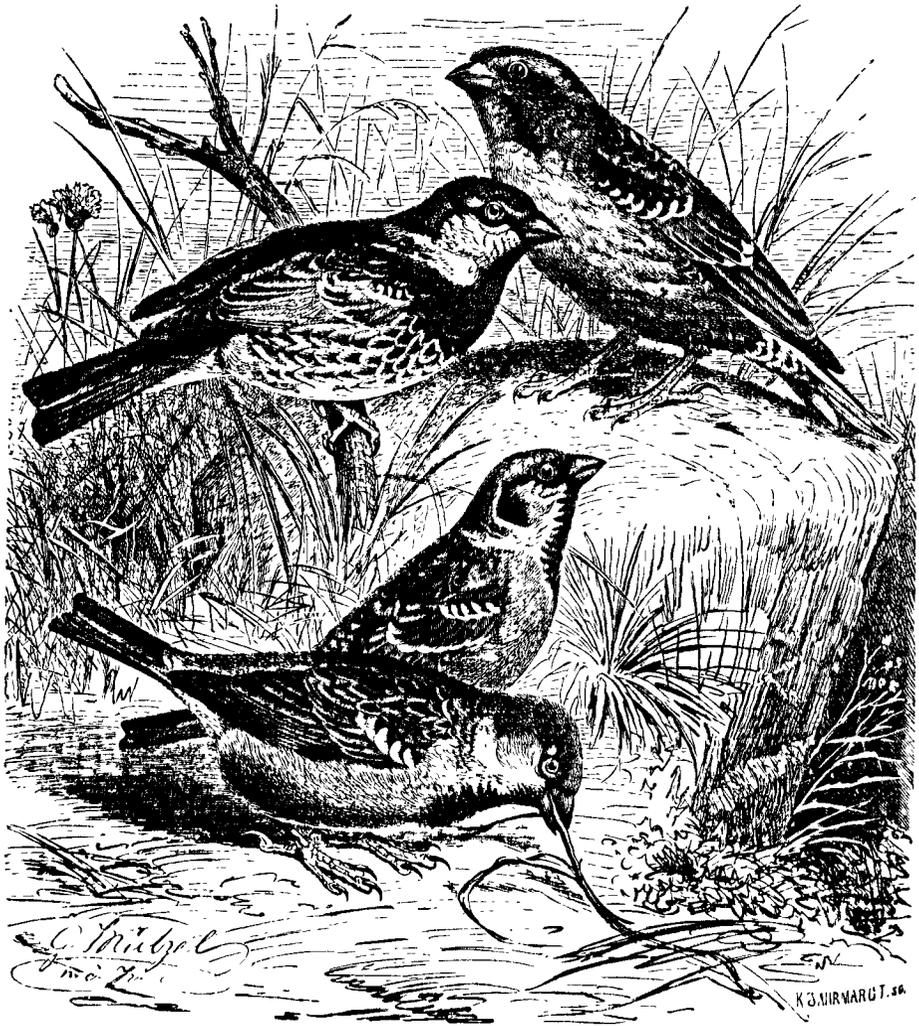
окружность глазъ и углы рта, а также большое щитообразное пятно, покрывающее подбородокъ, горло и голову, черного цвѣта; остальные нижнія части бѣлыя, съ боковъ—пепельно-сѣроватаго цвѣта; маховыя перья черно-бурыя, съ ржаво-бурыми наружными каймами и неясными болѣе свѣтлыми внутренними краями; кроющія перья малыхъ маховыхъ перьевъ буро-черного цвѣта, съ широкими коричневыми наружными каймами; верхнія кроющія перья крыльевъ каштаново-бураго цвѣта, причѣмъ тѣ изъ нихъ, которыя принадлежатъ самому длинному ряду, у корня черного, а на концѣ бѣлаго цвѣта, вслѣдствіе чего образуется поперечная полоса на крыльяхъ; наконецъ, перья хвоста темно-бурыя. Глаза каріе; клювъ черный, зимою же свѣтло-сѣрый и на концѣ темнаго цвѣта; ноги желто-буроватыя. У самки верхняя сторона ржаваго, блѣдно-бураго цвѣта; нижнія шейныя перья покрыты черными продольными полосами; отъ краевъ глазъ тянется внизъ по вискамъ полоса ржаво-желтовато-бѣлаго цвѣта; нижнія части щекъ, обѣ стороны шеи и нижняя сторона сѣро-буроватыя; подбородокъ, грудь, середина брюшка и окружность задняго прохода свѣтлѣе, болѣе грязно-бѣлаго цвѣта; нижнія кроющія перья хвоста блѣднаго, ржаво-буроватаго цвѣта; кроющія перья маховыхъ перьевъ имѣютъ блѣдныя ржаво-бурыя наружныя каймы, а тѣ изъ нихъ, которыя образуютъ полоску на крыльяхъ,—грязно-бѣлые кончики. Клювъ рогового-буроватаго цвѣта. Птенцы похожи на самку. Длина достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 25, длина крыла 7, 5, хвоста 3, 7 см.

На домашняго воробья Маршалъ указываетъ намъ также какъ на птицу, «слѣдующую за культурою». «Самая популярная дикая птица Германіи», пишетъ этотъ наблюдатель, «представляетъ собою сравнительно недавнее приобрѣтеніе нашего отечества. Домашній воробей принадлежитъ хлѣбопашеству почти въ такой же степени, какъ и хомякъ: въ Сибири онъ появился еще только въ прошломъ столѣтіи, послѣ того, какъ русскіе стали тамъ сѣять злаки; въ Норвегіи онъ вмѣстѣ съ посѣвами полевыхъ растеній доходитъ до 66 градуса, во многихъ мѣстахъ Архангельской губерніи еще не встрѣчается; только въ этомъ столѣтіи онъ началъ появляться въ нѣкоторыхъ деревьяхъ Тюрингенскаго лѣса, но не во всѣхъ еще ведетъ осѣдлую жизнь; тоже самое происходитъ и на Гебридскихъ островахъ. Въ 1864 году онъ достигъ еще не всѣхъ высоко лежащихъ мѣстностей Шварцвальда, однако онъ пытается слѣдовать за человѣкомъ повсюду. Совершенно справедливы слова остроумнаго Макъ-Джилливрея: «Городокъ безъ воробьевъ производитъ столь же печальное впечатлѣніе, какъ бездѣтная семья, и большое количество воробьевъ въ какой нибудь мѣстности есть доказательство ея благосостоянія, такъ какъ гдѣ остается мало крохъ, тамъ мало и нищихъ».

«По ту сторону Альповъ живутъ нѣсколько разновидностей домашняго воробья, отличающихся какъ отъ первоначальнаго типа, такъ и между собою; различіе это, впрочемъ, заключается только въ большей яркости известнаго рода цвѣтовъ окраски оперенія (самцовъ, но не самокъ), въ нѣкоторыхъ не существенныхъ отклоненіяхъ въ строеніи тѣла и отчасти въ нѣсколько видоизмѣненномъ образѣ жизни. Двѣ самыя главныя разновидности, а именно испанскаго и итальянскаго воробья, ученые, разумѣется, успѣли преобразовать въ особыя виды, распространеніе которыхъ представляетъ довольно интересныя данныя.

«Испанскій воробей живетъ, начиная отъ Сиріи, по всему южному берегу Средиземнаго моря, въ Египтѣ и по всей сѣверной Африкѣ, переходитъ отсюда въ Испанію, Сицилію и Сардинію, но не встрѣчается въ Италиі. Изъ этого страннаго факта съ нѣкоторой долей вѣроятности можно вывести слѣдующее заключеніе: хлѣбныя растенія, весьма вѣроятно, происходятъ изъ западной части Средней Азіи, откуда, можетъ

быть, ведетъ свое начало и первоначальный типъ домашняго воробья. Хлѣбопашество, идя вмѣстѣ съ человѣкомъ, или слѣдуя за нимъ, распространялось на западъ: сначала въ древнѣйшихъ культурныхъ странахъ сѣверной Африки, а отсюда—вѣроятно съ финикійцами—на Иберійскій полуостровъ, а также въ Сицилію и Сардинію. По этому старѣйшему пути ввоза хлѣба проникъ уже въ древнѣйшія времена воробей, который, попавъ въ новыя условія жизни и будучи отрѣзанъ отъ первоначальнаго

Каменный воробей. *Passer petronius*. Испанскій воробей. *Passer hispaniolensis*. Красногоровый воробей. *Passer montanus*. Домашній воробей. *Passer domesticus*. ¹/₂ наст. вел.

типа, преобразовался въ «испанскаго воробья». Гораздо позже, слѣдуя за греко-италійскими народами, хлѣбопашество появилось на восточномъ и среднемъ полуостровахъ южной Европы, а вмѣстѣ съ нимъ появился и «италійскій воробей», который распространился также по Малой Азии, Сициліи и Провансу и въ послѣднихъ двухъ странахъ встрѣтился съ испанскимъ воробьемъ. Въ теченіи столѣтій онъ, правда, также нѣсколько удалился отъ первоначальнаго типа, однако далеко не въ

такой степени, какъ это случилось съ его родичемъ на юго-западѣ въ теченіи гораздо большаго промежутка времени. Третій путь на западъ воробей нашелъ гораздо позже вмѣстѣ съ занимавшимися земледѣлемъ народами, заселившими Европу къ сѣверу отъ Альповъ: онъ появился послѣ всѣхъ и еще совершенно похожъ на первоначальный типъ, такъ что послѣдній въ настоящее время населяетъ, помимо южной Индіи и Цейлона, куда вѣроятно былъ завезенъ людьми, и Явы, Новой Зеландіи и Сѣверной Америки, куда навѣрное попалъ вмѣстѣ съ европейцами, все громадное пространство, простирающееся отъ сѣверной Индіи черезъ всю Азію и заальпійскую Европу, гдѣ только воздѣлываются хлѣба».

Упомянутый выше **Итальянскій воробей** (*Passer italiae, cisalpinus, Fringilla italiae, cisalpina, Pyrgita italica, cisalpina. Italienischer Sperling. Moineau cisalpin*) по величинѣ и общей окраскѣ похожъ на нашего воробья и отличается отъ него одноцвѣтной красной окраской темени и затылка, чернымъ, украшеннымъ болѣе широкою сѣватою каймой щитомъ на зобу, узкой бѣлой полоской надъ уздечкой и сѣвато-бурымъ цвѣтомъ перьевъ надхвостья и верхнихъ кроющихъ перьевъ хвоста.

Характерною чертою воробья слѣдуетъ считать то, что вездѣ, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, онъ живетъ въ самомъ тѣсномъ общеніи съ человѣкомъ. Онъ населяетъ какъ шумныя и многолюдныя столицы, такъ и уединенныя деревни, если только онъ окруженъ хлѣбными полями, отсутствуетъ лишь въ нѣкоторыхъ лѣсныхъ деревняхъ и слѣдуетъ за стремящимся впередъ переселенцемъ черезъ всѣ страны Азіи, которыхъ никогда не населялъ прежде; корабли завозятъ его на острова, гдѣ его раньше не знали и онъ остается жить на развалинахъ разоренныхъ мѣстностей живымъ свидѣтелемъ минувшихъ счастливыхъ дней. Будучи осѣдлой птицей въ полномъ смыслѣ этого слова, онъ почти не улетаетъ за черту того города, или за границу полей той мѣстности, въ которой родился, но немедленно заселяетъ вновь основанную деревню или домъ и предпринимаетъ иногда путешествія для осмотра мѣстностей, лежащихъ за предѣлами области его распространенія. Такъ напримѣръ, на Барангерфіордѣ почти каждый годъ появляются воробьиныя парочки, пролетаютъ по этой мѣстности, посѣщаютъ всѣ жилища и безслѣдно исчезаютъ снова, находя страну негостепримною. Будучи птицами въ высшей степени общежительными, воробьи разбиваются на пары только въ пору высидиванія яицъ, но и тогда не отдѣляются отъ остального общества. Часто одна парочка выводитъ птенцовъ рядомъ съ другой, и самцы, какъ бы ревнивы они ни были въ другое время, всегда ищутъ общества себѣ подобныхъ, даже когда самка ихъ сидитъ на яйцахъ. Птенцы, вылетѣвшіе изъ гнѣзда, тотчасъ же собираются съ другими въ стайки, которыя скоро разрастаются въ большія стаи. По окончаніи птенцовой поры взрослые также снова примыкаютъ къ этимъ стаямъ и живутъ съ ними тогда одною жизнью. Пока есть хлѣбъ или вообще зелень на поляхъ, стаи ежедневно одинъ или нѣсколько разъ вылетаютъ изъ деревни въ поле искать корма, но послѣ каждой такой прогулки снова возвращаются въ деревню. Здѣсь они отдыхаютъ послѣ обѣда, расположившись въ густыхъ вершинахъ деревьевъ, или, еще охотнѣе, на плетняхъ, и здѣсь же вечеромъ, громко чирикаая, шумя и ссорясь, собираются или на покрытыхъ густой листвою деревьяхъ, или, въ болѣе позднее время, въ амбарахъ, сараяхъ и другихъ строеніяхъ, которые и служатъ имъ мѣстомъ для ночлега. Зимой они устраиваютъ себѣ настоящія постели, а именно мягкія и теплыя гнѣзда, въ которыя прячутся, чтобы защититься отъ холода. Нѣкоторые изъ нихъ для той же

цѣли избирають себѣ мѣстомъ: почлега домовыя трубы, совершенно не заботясь о томъ, что отъ дыма опереніе ихъ покрывается сажею и копоютъ.

Насколько воробей нѣкоторымъ съ перваго взгляда можетъ показаться глуповатымъ; настолько на самомъ дѣлѣ онъ богато одаренъ. Онъ скачетъ нѣсколько тяжело, но все же достаточно быстро, летаетъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, быстро махая крыльями, и, пролетая большія разстоянія, описываетъ на лету слегка дугообразныя линіи; иногда же онъ летитъ по прямому направленію; прежде чѣмъ опуститься на что-нибудь, онъ паритъ немного въ воздухѣ и, хотя очень любитъ возвышенныя жилища, однако неохотно поднимается высоко на воздухъ; несмотря на свою кажущуюся неловкость, онъ всегда отлично умѣетъ вывернуться. Будучи очень понятливымъ, онъ мало по малу настолько ознакомляется съ человѣкомъ и его привычками, что возбуждаетъ удивленіе каждаго и способенъ развеселить болѣе тонкаго наблюдателя. Вездѣ и при всякихъ условіяхъ онъ въ поведеніи своемъ самымъ точнымъ образомъ соображается съ нравомъ своего хозяина и потому въ городѣ держитъ себя совершенно иначе, чѣмъ въ деревнѣ; онъ довѣрчивъ и даже назойливъ тамъ, гдѣ его шадятъ, чрезвычайно остороженъ и пугливъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ему приходилось терпѣть преслѣдованія, и всегда хитеръ. Отъ его остраго взора не скроется ничего, что могло бы принести ему пользу или повредить; опытность его увеличивается изъ году въ годъ, такъ что благодаря ей между старыми и молодыми воробьями можно замѣтить такое же различіе, какъ между мудрецами и глупцами. Подобно тому, какъ съ человѣкомъ онъ вступаетъ въ болѣе или менѣе дружественныя отношенія, онъ такъ же держится и съ другими существами: относится довѣрчиво или недовѣрчиво къ собакамъ, очень надѣбаетъ лошадямъ, предупреждаетъ себѣ подобныхъ и другихъ птицъ о присутствіи кошки, крадетъ у куръ зерна изъ подъ клюва, не обращая вниманія на ихъ угрожающія движенія, и ѣсть съ различнаго рода животными изъ одной чашки, если только тѣ ему позволяютъ это. Несмотря на свою общительность; онъ все-таки постоянно находится въ ссорѣ съ другими воробьями и, когда имъ овладѣваетъ любовь, достигающая у него величайшей страстности, то онъ дерется со своими соперниками съ такимъ ожесточеніемъ, что кажется, будто происходитъ бой на жизнь и на смерть, хотя на полѣ битвы остается, самое большее, нѣсколько перьевъ. Только въ одномъ отношеніи эта привлекательная птица не можетъ плѣнить собой. Дѣло въ томъ, что воробей — почти ни минуты не молчитъ, а поетъ скверно. Призывной голосъ его «шилл, шелл, пип» можетъ сильно надѣбать, а когда ихъ соберется многочисленное общество, то издаваемое ими сообще «телл телл зилл дѣлл диб шик» становится прямо-таки невыносимымъ *). Воробей издаетъ еще, правда, нѣжный звукъ «дюрр» и «ди», которымъ желаетъ выразить самкъ свои нѣжныя чувства, но тѣмъ не менѣе пѣніе его, въ которомъ эти звуки рядомъ съ вышеупомянутыми составляютъ главную часть, не можетъ намъ нравиться, а сильно трескучій звукъ опасенія «терр», или крикъ, издаваемый имъ отъ страха во время внезапнаго приближенія какой-нибудь опасности, «телл терер телл телл телл» прямо таки рѣжетъ ухо. Тѣмъ не менѣе воробей кричитъ, шумитъ и поетъ, какъ будто бы былъ одаренъ голосомъ соловья, а птенцы начинаютъ чиркать уже въ гнѣздѣ.

Такъ какъ воробей, благодаря своей близости къ человѣку, значительно улучшилъ свою первоначальную судьбу и обезпечилъ себѣ пропитаніе, то уже рано въ году онъ начинаетъ вить себѣ гнѣздо и въ теченіи лѣта выводитъ птенцовъ покрай-

*) Въ Россіи говорятъ, что воробей, когда веселъ, кричитъ: «живъ, живъ!», а когда ему плохо, то: «чуть живъ, чуть живъ!»

ней мѣрь три, если не четыре раза. Будучи въ высшей степени страстнымъ, или, какъ говоритъ старый Геснеръ, «въ высшей степени нецѣломудреннымъ», самецъ обнаруживаетъ свое желаніе усерднымъ чириканьемъ; самка же выказываетъ свою готовность, принимая различныя странныя позы, трепеща крыльями и издавая необыкновенно нѣжное «ди ди ди». Затѣмъ слѣдуетъ спариваніе, или по крайней мѣрь попытка къ нему, послѣ чего спустя короткое время начинаются новыя любовныя предложенія, которыя снова удовлетворяются. Гнѣздо, смотря по мѣстности, устраивается большею частью въ подходящихъ углубленіяхъ въ зданіяхъ, а также въ дуплахъ деревьевъ, въ гнѣздахъ ласточекъ, около гнѣздъ аиста и наконецъ въ вѣтвяхъ низкаго кустарника или высокихъ деревьевъ. Смотри по мѣсту, оно бываетъ построено различно, но всегда свито неряшливо, такъ что его можно назвать только кучей соломы, сѣна, пакли, щетины, шерсти, волоса, бумажныхъ лоскутковъ и т. п., беспорядочно сложенныхъ въ одно мѣсто; внутренность его, напротивъ, выложена всегда толстымъ и густымъ слоемъ перьевъ. Если оно расположено прямо на деревѣ, то бываетъ прикрыто сверху, если же оно помѣщается въ углубленіи, то иногда имѣетъ, а иногда и не имѣетъ покрышки. При сколько-нибудь благопріятной погодѣ можно уже въ мартѣ найти полную кладку, состоящую изъ 5—6, а въ исключительныхъ случаяхъ даже изъ 7—8 нѣжныхъ, покрытыхъ гладкою скорлупою яичекъ, длиною въ 23 м.м., толщиною въ 16 м.м.; по окраскѣ и рисунку они мало походятъ одно на другое, но большею частью покрыты бурыми и пепельно-сѣрыми пятнышками, крапинками и точками по буровато-синеватому, или красноватобѣлому полю. Оба родителя сидятъ на яйцахъ попеременно, высидиваютъ птенцовъ въ 13—14 дней и вскармливаютъ ихъ сначала нѣжными насѣкомыми, затѣмъ какъ этими послѣдними, такъ и разбухшими въ зобу зернами и, наконецъ, главнымъ образомъ сѣменами хлѣбныхъ и другихъ растений, а также, вѣроятно, плодами; они руководятъ ими еще нѣсколько дней послѣ того какъ тѣ вылетятъ изъ гнѣзда, чтобы приготовить ихъ къ жизни, затѣмъ покидаютъ ихъ и уже черезъ 8 дней послѣ того, какъ птенцы оставили гнѣздо, приступаютъ ко второй кладкѣ. Если одного изъ родителей убьютъ, то другой еще болѣе напрягаетъ свои силы, чтобы прокормить голодныхъ малютокъ; если который-нибудь изъ птенцовъ почему-либо не можетъ покинуть гнѣздо вмѣстѣ съ братьями, то родители кормятъ его до тѣхъ поръ, пока онъ не въ состояніи воспользоваться своей свободой.

Относительно пользы, приносимой воробьемъ, и причиняемаго имъ вреда господствуютъ весьма различныя воззрѣнія; но въ послѣднее время все болѣе и болѣе приходятъ къ тому убѣжденію, что этотъ, живущій на счетъ человѣка захребетникъ не заслуживаетъ защиты. На улицахъ городовъ и деревень онъ, конечно, не причиняетъ вреда, такъ какъ здѣсь существенною частью его корма являются всякаго рода отбросы; зато въ большихъ имѣніяхъ, зерновыхъ амбарахъ, на хлѣбныхъ поляхъ и въ садахъ онъ можетъ причинить весьма чувствительный вредъ, поѣдая зерновой кормъ у домашней птицы, грабя и загрязняя зерновые склады и, наконецъ, склевывая въ садахъ почки на плодовыхъ деревьяхъ, а впоследствии поѣдая и самые плоды. Поэтому въ садахъ и виноградникахъ онъ положительно не терпимъ. Впрочемъ, самый чувствительный вредъ, причиняемый имъ и на который Гомейеръ справедливо обращаетъ преимущественное вниманіе, заключается въ томъ, что онъ вытѣсняетъ самыхъ полезнѣйшихъ птицъ, главнымъ образомъ скворцовъ и синицъ, и отбиваетъ у пѣвчихъ птицъ охоту посѣщать тѣ сады, которыми завладѣлъ онъ. Можно-ли въ дѣйствительности оцѣнить вредъ, приносимый каждой воробьиной четой съ ихъ птенцами, въ 2—3 марки, какъ то дѣлаетъ Гомейеръ, еще нельзя считать доказаннымъ; но, благодаря изслѣдованіямъ этого достойнаго

естествоиспытателя, приходится все-таки такъ или иначе придти къ тому заключенію, что воробей не заслуживаетъ снисхожденія, которое и я прежде испрашивалъ для него. Въ Сѣверной Америкѣ, куда онъ былъ перевезенъ въ 1864 году и гдѣ его встрѣтили съ радостью, гдѣ ему строили въ паркахъ домики для гнѣздъ и всячески ухаживали за нимъ, въ немъ уже давно разочаровались. Благодаря благопріятнымъ условіямъ, въ которыя онъ попалъ, онъ необыкновенно сильно размножился, распространеніе его достигло громадныхъ размѣровъ, и сельскіе хозяева убѣдились въ томъ, что на него слѣдуетъ смотрѣть какъ на бичъ страны. Уже 25 лѣтъ спустя послѣ того, какъ онъ былъ ввезенъ, его вредъ былъ доказанъ официально, и нѣсколько тысячъ лицъ стали высказывать о немъ одно только дурное и ничего хорошаго, объявивъ его просто на просто вреднымъ для общества бродягой. Осужденіе это, конечно, не избавило американцевъ отъ бича страны, но зато теперь появилась о немъ книга, изданная въ 1889 году Вальтеромъ Барраусъ, въ которой собраны всѣ свѣдѣнія о жизни воробья въ Сѣверной Америкѣ.

Для клѣтки воробей не пригоденъ, хотя и можетъ сдѣлаться очень ручнымъ. Служанка одного изъ моихъ друзей въ Краинѣ съ гордостью показывала мнѣ своего питомца и любимца—воробья, которому она не только позволяла летать на свободѣ, улетать и прилетать обратно, но разрѣшала даже отдыхать и спать у нея на груди подъ платкомъ. Листъ также рассказываетъ про воробья, который въ продолженіи 8½ лѣтъ жилъ совершенно ручнымъ любимцемъ въ одномъ семействѣ. Этотъ натуралистъ отнялъ молоденькую птичку въ Вѣнѣ у толпы уличныхъ мальчишекъ, заботливо ухаживалъ за нею и скоро приучилъ ее къ себѣ и своимъ домашнимъ. Воробей, оказавшійся самкою, совершенно не думалъ о бѣгствѣ, любилъ быть вблизи людей, отвѣчалъ на зовъ, гдѣ-бы ни находился въ это время, громкимъ «ррррр» и, вообще, до того былъ расположенъ къ своимъ хозяевамъ, что, когда тѣ бывали долгое время въ отсутствіи, то онъ всегда становился печальнымъ и начиналъ тосковать.

Роведеръ сообщаетъ, что учителю Мюккенгейму въ Зегебергѣ удалось даже совершенно приручить одного воробья-самку на полной свободѣ. Онъ тотчасъ прилеталъ на кличку «Пиперь» изъ окрестностей школьнаго дома, садился на скамейку возлѣ своего хозяина, а также къ нему на колѣни и на руку. Такъ же довѣрчиво относился онъ и къ остальнымъ членамъ семейства, свободно прилеталъ и улеталъ изъ дома, а разъ даже привелъ съ собою своихъ только что вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ и преспокойно кормилъ одного изъ нихъ на рукѣ дочери Мюккенгейма.

Нѣкоторые натуралисты рассматриваютъ уже вышеупомянутаго **Испанскаго воробья** (*Passer hispaniolensis*, *salicarius*, *salicicola*, *Fringilla hispaniolensis*, *Pyrigita hispaniolensis*, *hispanica*, *salicaria*, *arcuata*, *aegyptiaca*, *orientalis*. Halsbandsperling. Moineau d'Espagne), какъ самостоятельную разновидность нашего домашняго воробья; но онъ настолько существенно отличается отъ послѣдняго не только окраской, но также и образомъ жизни, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ представляетъ собою совершенно самостоятельный видъ. Длина его достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 25, длина крыла 7,5, а хвоста 6 см. Темя, виски и затылокъ каштаново-красно-бурого цвѣта; уздечка и узкая полоска подъ глазами, нижнія шейныя перья и плечи черныя; перья послѣднихъ украшены широкими, но большую часть прикрытыми ржаво-желтоватыми каймами; перья надхвостья чернаго цвѣта, съ блѣдными краями; узкая полоса, идущая отъ ноздрей до бровей, нижнія части щекъ, ушная область и верхняя часть шеи — бѣлаго цвѣта; подбородокъ, горло и зобъ, за исключеніемъ нижнихъ сторонъ шеи, черныя; перья на этомъ мѣстѣ укра-

шены узкими, сѣроватыми каймами на концѣ, такъ что имѣютъ видъ разсыпаннаго ожерелья изъ чернаго жемчуга; остальные нижнія части тѣла, а также нижнія кроющія перья крыльевъ свѣтлаго желтовато-бѣлаго цвѣта и украшены съ боковъ широкими черными стержневыми полосками; маховыя перья темно бурья, съ узкими наружными каймами свѣтлаго ржаво-бурого цвѣта, у малыхъ маховыхъ перьевъ эти каймы шире; верхнія кроющія перья крыльевъ яркаго красно-бурого цвѣта, самыя большія изъ нихъ у корня чернаго, въ остальныхъ частяхъ бѣлаго цвѣта, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуется блестящая поперечная полоса; перья хвоста темно-бурья, съ узкими свѣтлыми наружными каймами. Глаза землисто-бурого цвѣта; клювъ черно-рогового, зимою-же свѣтло-рогового цвѣта; ноги буроватыя. Самка испанскаго воробья похожа на самку домашняго воробья, но значительно свѣтлѣе ея, на нижней сторонѣ желтовато-бѣлаго цвѣта; на горлѣ у нея неясное черновато-сѣрое пятно, а на груди и бокахъ неясныя, узкія, темныя, продольныя полосы.

Испанскій воробей—не домашній воробей, а настоящій полевой, населяющій преимущественно, а въ Испаніи и сѣверной Африкѣ—исключительно, мѣстности, богатая водой, и потому только случайно встрѣчающійся вблизи человѣческихъ жилищъ. Онъ, правда, не избѣгаетъ послѣднихъ, но также и не ищетъ ихъ, какъ это обыкновенно всегда дѣлаетъ домашній воробей. Именно въ Испаніи и Египтѣ, гдѣ домашній воробей попадаетъ такъ-же часто, какъ и въ нашихъ странахъ, представляется возможность наблюдать и сравнить между собою совершенно различное поведеніе обоихъ видовъ. Домашній воробей и тамъ является вѣчнымъ захребетникомъ человѣка; испанскій-же воробей не обращаетъ на него и его жизнь никакого вниманія. Долины рѣкъ, каналы и болотистыя поля, которыхъ требуетъ культура риса, особенно хорошо отвѣчаютъ его потребностямъ, и здѣсь онъ живетъ необыкновенно многочисленными стаями. Въ Испаніи я встрѣчалъ его въ очень большомъ количествѣ въ долинѣ рѣки Тахо, но всегда лишь въ непосредственной близости рѣки; въ Египтѣ, на дельтѣ и низменности Фаюма, я видѣлъ его чаще всякой другой птицы. Тѣ-же самыя наблюденія были сдѣланы Сави, Болле, Гансманомъ, графомъ фонъ деръ Мюле и Гомейеромъ въ Сардиніи, на Канарскихъ островахъ, въ Греціи и Атласскихъ горахъ. Но мы знаемъ, что испанскій воробей ради финиковой пальмы въ состояніи измѣнить богатымъ водою низменностямъ и сдѣлаться настоящей домашней птицей. Такъ какъ для устройства своихъ жилищъ онъ предпочитаетъ вершины пальмъ всѣмъ другимъ деревьямъ, то, по словамъ Болле, именно эти деревья первыя ознакомили его съ сосѣдствомъ человѣка. Относительно Египта я вполне могу подтвердить это указаніе. Тамъ испанскій воробей также держится на пальмахъ и въ окрестностяхъ деревень, тогда какъ рѣшительно избѣгаетъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ не растутъ пальмы. Но я долженъ при этомъ, замѣтить что въ Египтѣ испанскому воробью однѣхъ пальмъ, повидимому, недостаточно: такъ, въ Верхнемъ Египтѣ и Нубіи, гдѣ лѣса финиковыхъ пальмъ тянутся на далекое пространство, эта птица совершенно отсутствуетъ.

«На Канарскихъ островахъ», продолжаетъ Болле, «нѣтъ почти ни одной пальмы, на которой въ промежуткахъ между нижними стеблями листьевъ не гнѣздились бы воробьиныя парочки и съ которыхъ уже издали не раздавался-бы ихъ громкій крикъ. Гдѣ имѣются пальмовыя рощи, тамъ эти птицы живутъ стаями въ невѣроятномъ количествѣ. Такъ какъ взбираться на высокіе, подобно мачтамъ поднимающіеся вверхъ стволы пальмъ очень трудно и дѣло это требуетъ довольно много терпѣнія и ловкости, то воробьи доставляютъ такимъ образомъ своему потомству полнѣйшую безопасность; это и является причиной ихъ значительнаго размноженія. Сидяція на лѣ-

цахъ парочки безстрашно смотрять на сокола, садящагося близко отъ нихъ на стебли листьевъ; ихъ чириканье и щебетанье смѣшивается съ рѣзкимъ шумомъ вѣтра, ударяющаго другъ о друга кожистыя, жесткія, пальмовыя листья. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, подверженныхъ болѣе сильнымъ воздушнымъ теченіямъ, нѣрѣдко, на примѣръ, въ плодородной долинѣ Канаріи, природа разводитъ вокругъ ихъ гнѣздъ всякіе сады, прелестныя и своеобразныя тѣхъ, которыми когда-то владѣла Семирамида. Дѣло въ томъ, что вѣтеръ мало по малу заполняетъ отдѣльныя мѣста между листьями пальмъ пылью и землю, черезъ нихъ просачивается дождевая вода, и въ скоромъ времени тамъ, на большой высотѣ начинаютъ разцвѣтать и зеленѣть красныя цинераріи, тонколистныя папортники съ золотисто-бурымъ корневищемъ, древовидныя иммортели и масса другихъ растений. Такіе случаи, однако, рѣдки и повторяются только въ мѣстностяхъ, пользующихся особенно благоприятнымъ положеніемъ. Значительное большинство довольствуется болѣе прозаическимъ жильемъ: я даже два раза имѣлъ случай наблюдать, какъ птицы измѣняли своему любимому дереву ради презрѣнной наживы, или, выражаясь мягче, ради насущнаго хлѣба. Большая и богато обработанная гаціенда Маспамолась, расположенная на самомъ югѣ Канаріи, лишена пальмъ, но зато обладаетъ обширными хлѣбными полями и большими токами, на которыхъ богатый урожай пшеницы вытаптывается ногами воловъ, лошадей и муловъ. Такого рода токи служатъ мѣстомъ сборища многихъ зерноядныхъ птицъ, которыя массами прилетаютъ туда искать оставшіяся въ истоптанной соломѣ зерна. Обиліе пищи привлекло сюда и воробьевъ, и теперь они высиживаютъ яйца, размѣстившись цѣлыми обществами въ вершинахъ апельсинныхъ деревьевъ, растущихъ въ саду, какъ то довольно часто дѣлаютъ наши домашніе воробьи въ густо переплетшихся между собою вѣтвяхъ деревьевъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ также въ отдѣльныхъ углубленіяхъ каменныхъ стѣнъ, иногда и не особенно высокихъ. Въ другомъ мѣстѣ Болле видѣлъ испанскихъ воробьевъ, сотнями поселившихся подъ крышею одной церкви.

Описать привычки испанскаго воробья, впрочемъ, не особенно легко, такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи очень похожъ на домашняго. Однако я долженъ согласиться съ Гомейеромъ, который говоритъ, что полетъ этихъ птицъ быстрѣ полета нашего воробья и, что всего важнѣе, что испанскіе воробьи во время полета держатся плотно сомкнутой стаей, чего не дѣлаютъ другіе воробьи. Въ Египтѣ, поднимаясь надъ рисовыми полями, они образуютъ цѣлыя тучи. Птицы эти летятъ такъ близко одна къ другой, что однимъ выстрѣломъ можно убить массу ихъ. Я самъ добылъ изъ одной стаи двойнымъ выстрѣломъ 56 штукъ, ранилъ, можетъ быть, еще нѣсколькими дюжинами больше. Голосомъ испанскій воробей также отличается отъ своего домашнего родича, но я не въ состояніи выразить словами эту разницу. Гомейеръ, обладающій въ этомъ отношеніи несомнѣнно болѣе тонкимъ слухомъ, чѣмъ я, говоритъ, что голосъ испанскаго воробья сильнѣе, чище и можетъ быть также разнообразнѣе всѣмъ извѣстнаго чириканья домашняго воробья, но что ему недостаетъ нѣкоторыхъ звуковъ, свойственныхъ послѣднему. «Большого различія въ голосѣ», говоритъ онъ, «у всѣхъ воробьевъ вообще ожидать нельзя по понятнымъ причинамъ; но я думаю, что буду въ состояніи отличить по голосу эту птицу отъ домашняго воробья вѣрнѣе, чѣмъ многихъ другихъ, близко стоящихъ къ нему въюрокъ, какъ на примѣръ, здѣшнихъ клестовъ, которые тѣмъ не менѣе разсматриваются какъ безспорно самостоятельныя виды. Я могу вѣрно судить объ этой разницѣ потому, что держу въ одной клеткѣ двухъ испанскихъ воробьевъ изъ Алжира, одного домашняго и одного красноглазого воробья». По своей понятливости испанскій воробей, вѣроятно, стоитъ довольно близко къ своему

родичу. Я замѣтилъ, что испанскій воробей постоянно пугливѣе и боязливѣе домашняго воробья, вѣроятно лишь благодаря тому, что послѣдній ближе знакомъ съ человѣкомъ.

На Канарскихъ островахъ и въ Египтѣ время высидиванія яицъ начинается для испанскаго воробья въ февралѣ и, самое позднее, въ началѣ марта. На египетской дельтѣ во время указанныхъ мѣсяцевъ вершины всѣхъ пальмъ были покрыты многими дюжинами расположенныхъ другъ около друга гнѣздъ, и всѣ отверстія въ стволахъ этихъ деревьевъ были также заселены сидящими на яйцахъ воробьями. Подобно своимъ родичамъ и онъ также для устройства своего гнѣзда охотно пользуется основаніемъ гнѣзда большой хищной птицы. Гнѣздо его не отличается отъ гнѣзда нашего домашняго воробья: это—такая-же небрежная и безпорядочная постройка, какую обыкновенно наваливаетъ домашній воробей. Яйца до такой степени похожи на яйца нашего красноглазого воробья, что тѣ, которыя я привезъ съ собой, могли-бы быть приняты за яйца красноглазого воробья даже самыми лучшими знатоками. Въ маѣ первый выводокъ уже достигаетъ самостоятельности, послѣ чего взрослые приступаютъ ко второй кладкѣ, а затѣмъ можетъ быть еще и къ третьей.

Испанскій воробей не пользуется ничѣмъ расположеніемъ, и человѣкъ не безъ причины составилъ себѣ о немъ нелестное мнѣніе. На рисовыхъ поляхъ Египта онъ причиняетъ, благодаря своей удивительной многочисленности, значительный вредъ; въ болѣе бѣдной Палестинѣ, гдѣ онъ также встрѣчается въ необыкновенно большомъ количествѣ, онъ навлекъ на себя самую ожесточенную вражду; въ увеселительныхъ садахъ и тѣнистыхъ аллеяхъ Канарій его приходится серьезно преслѣдовать. Испанскіе воробьи, поведеніе которыхъ въ неволѣ мало отличается отъ поведенія домашняго воробья, содержатся въ клѣткахъ лишь особенными любителями птицъ.

* * *

Въ средней и сѣверной Европѣ, во всей Средней Азій, а также въ сѣверной Африкѣ, рядомъ съ домашнимъ воробьемъ, живетъ другой видъ этого рода **Красноглазый, Полевой или Лѣсной воробей** (*Passer montanus, campestris, montaninus, arboreus, Fringilla montana, campestris, Pyrgita montana, campestris, septentrionalis*. Feldsperling. Friquet ordinaire). Длина его достигаетъ 14, размахъ крыльевъ 20,5, длина крыла 6,5, а хвоста 5,5 см. Верхняя часть головы, виски и затылокъ матоваго красно бурого цвѣта; уздечка, черта подъ глазами, пятно въ задней ушной области, подобное-же пятно около угла рта и широкое пятно вродѣ нагрудника на подбородкѣ и горлѣ—черныя; нижнія части щекъ и верхнія части шеи бѣлыя; нижнія части тѣла буровато-бѣлыя, свѣтлѣе по серединѣ, свѣтло-буроватыя по бокамъ; нижнія кроющія перья хвоста такого-же цвѣта, съ бѣловатой каймой по краямъ; задняя часть шеи, нижнія шейныя перья и плечи покрыты широкими, черными, продольными полосами по ржаво-красному полю; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста свѣтлаго ржаво-бурого цвѣта; маховыя перья черно-бурыя, съ узкими наружными каймами, которыя у малыхъ маховыхъ перьевъ шире и имѣютъ нѣсколько болѣе яркую свѣтло-ржавую окраску; у кроющихъ перьевъ малыхъ маховыхъ перьевъ наружное опахало почти цѣликомъ ржаво-краснаго, а кончикъ бѣловатаго цвѣта; кроющія перья крыльевъ темно-красно-бурыя, самая большія изъ нихъ у корня чернаго, а на концѣ бѣлаго цвѣта, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуется поперечная полоска; хвостовыя перья бурыя съ узкими наружными свѣтлыми каймами. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги красноватаго роговаго цвѣта. У самки черное ушное пятно немного меньше.

Красноголовый воробей въ средней Европѣ встрѣчается повсемѣстно въ большомъ количествѣ, въ юго-западной Европѣ попадаетъ очень рѣдко, весьма обыкновененъ во всей Средней Азии и живетъ даже еще на Малаккскомъ полуостровѣ и на островѣ Явѣ; онъ распространенъ до самаго полярнаго круга, а въ нижнемъ теченіи Оби, въ Китаѣ, Японіи, на островѣ Формозѣ и въ Индіи замѣняетъ домашняго воробья. Въ отличіе отъ нашего воробья онъ въ нашемъ отечествѣ, а также въ западной Сибири отдаетъ предпочтеніе открытому полю и листовному лѣсу. Къ жилищамъ челоуѣка онъ приближается зимою; лѣтомъ-же, напротивъ, держится въ такихъ мѣстахъ, гдѣ луга смѣняются полями и старыя, дуплистыя деревья доставляютъ ему удобныя мѣста для витья гнѣздъ. Здѣсь во время вывода птенцовъ онъ живетъ парочками, но обыкновенно собирается въ общества. Послѣднія кочуютъ взадъ и впередъ по странѣ, на ограниченномъ пространствѣ, присоединяются къ обществамъ овсянокъ, жаворонковъ, зябликовъ, коноплянокъ и другихъ птицъ, посѣщаютъ поля, а если зима становится суровою, то и двory земледѣльца и съ началомъ весны разбиваются на парочки.

По нраву своему красноголовый воробей очень похожъ на своего родича, но, за недостаткомъ близкаго общенія съ челоуѣкомъ и за неимѣніемъ случая усовершенствовать свои способности, не такъ понятливъ, какъ тотъ. Опереніе его плотно прилегаетъ къ тѣлу; онъ смѣлъ, довольно ловокъ и почти всегда находится въ движенія. Полетъ его легче, походка на землѣ болѣе ловкая, призывной звукъ короче и звучнѣе, чѣмъ у его родича, но тѣмъ не менѣе представляетъ собою настоящее воробьиное чириканье.

Съ осени до весны пищею красноголовому воробью служатъ зерна и сѣмена, а лѣтомъ гусеницы, травяныя вши и другія насѣкомыя. Онъ иногда приноситъ вредъ на поляхъ пшеницы и проса; но зато не трогаетъ плодовъ и молодыхъ садовыхъ растений. Птенцовъ своихъ онъ выкармливаетъ насѣкомыми и незрѣлыми хлѣбными зернами.

Высиживаніе яицъ начинается въ апрѣлѣ и продолжается до августа, такъ какъ и красноголовый воробей выводитъ птенцовъ 2—3 раза въ годъ. Гнѣздо по устройству похоже на гнѣздо домашняго воробья и расположено всегда въ углубленіяхъ, преимущественно въ дуплахъ деревьевъ, рѣже въ ямкахъ на полѣ, или на удобныхъ мѣстахъ въ строеніяхъ, а въ Венгріи часто помѣщается также въ основаніи гнѣздъ большихъ хищныхъ птицъ, напримѣръ орловъ. Кладка состоитъ изъ 5—7 яицъ, которыя очень похожи на яйца домашняго воробья, но нѣсколько меньше ихъ по величинѣ, длиною среднимъ числомъ въ 19 м.м., а толщиною въ 14 м.м. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ попеременно и высиживаютъ ихъ въ 13—14 дней. Красноголовый воробей нерѣдко скрещивается со своимъ сородичемъ и производитъ съ нимъ потомство, которое, какъ полагаютъ, въ свою очередь способно плодиться. Въ гнѣздѣ эти ублюдки опереніемъ своимъ походятъ на молодыхъ домашнихъ воробьевъ, но отличаются отъ нихъ болѣе темной головой и черно-сѣрымъ пятномъ на горлѣ. При такихъ смѣшеніяхъ самцомъ обыкновенно бываетъ красноголовый, а самкою домашній воробей.

Этого воробья ловятъ часто во множествѣ въ сѣти, но онъ легко попадаетъ также на птицій клей, въ петли, волосяныя силки и въ другаго рода ловушки. Враги у него тѣ же, что и у домашняго воробья.

Каменный воробей (*Passer petronius, stultus, sylvestris, bononiensis, Petronia stulta, rupestris, saxorum, brachyrhynchos, macrorhynchos, brevirostris. Pringilla petronia, stulta, bononiensis, Pyrgita petronia, rupestris, Coccothraustes petronia.*

Steinsperling. Pierrot), на верхней сторонѣ свѣтлаго землисто-бурого цвѣта; отъ поздрей надъ глазами до самаго затылка тянется темно-бурая полоса, по которой на серединѣ головы проходитъ свѣтло-бурая черта, приобрѣтающая по направленію къ затылку свѣтло-желто-буроватый цвѣтъ; свѣтлая блѣдно-сѣрая полоса на уздечкѣ, начинающаяся позади и надъ глазами, спускается по вискамъ внизъ и граничитъ здѣсь съ полосой темно-бурого цвѣта; нижнія шейныя перья темно-бурого цвѣта и покрыты полосами, состоящими изъ широкихъ, буровато-бѣлыхъ продольныхъ пятенъ; верхнія кроющія перья хвоста на концѣ блѣдно-бѣлыя, на нижнихъ частяхъ щекъ и обѣихъ сторонахъ шеи они одноцвѣтныя, землисто-буроватыя, на нижней сторонѣ они желтовато-бѣлаго цвѣта, съ свѣтло-бурой каймой, вслѣдствіе чего на зобу, груди и, главнымъ образомъ, на нижней части боковъ образуются бурья продольныя полосы. На серединѣ горла находится продолговато-круглое поперечное пятно свѣтло-желтаго цвѣта; нижнія кроющія перья хвоста бурья, съ широкими желтовато-бѣлыми концами; маховыя перья темно-бурого цвѣта и имѣютъ снаружи и на концѣ буроватыя каймы, которыя расширяются на первыхъ большихъ маховыхъ перьяхъ и приобрѣтаютъ буроватый цвѣтъ; послѣднія малыя маховыя перья украшены также большимъ блѣдно-бѣлымъ остроконечнымъ пятномъ; кроющія перья крыла темно-бурого цвѣта, съ узкой бѣлой наружной каймой; изъ ряда кроющихъ перьевъ, окрашенныхъ въ одинаковый цвѣтъ, большая часть снабжена бѣлой каймой на концѣ, вслѣдствіе чего на крыльяхъ образуется поперечная полоска; у всѣхъ маховыхъ перьевъ край внутренняго опахала свѣтло-буроватаго цвѣта. Хвостовыя перья темно-бурья, у корня болѣе свѣтлаго цвѣта и на концѣ внутренняго опахала украшены большимъ бѣлымъ пятномъ: изъ нихъ самыя крайнія съ каждой стороны имѣютъ снаружи блѣдно-бѣлыя, остальные же перья узкія, желтовато-оливковаго цвѣта каемки. Глаза темно-каріе, клювъ масляно-желтый, верхняя половина его темнѣе; ноги красновато-рогового цвѣта. Самка, окрашенная въ общемъ одинаково съ самцомъ, отличается отъ него болѣе мелкими горловыми пятнами. Длина достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9, а хвоста 5,6 см.

Область распространенія каменнаго воробья обнимаетъ собою среднюю и южную Европу, включая сюда островъ Мадейру, сѣверо-западную Африку съ Канарскими островами, юго-западную и западную Азію, восточную Сибирь и Афганистанъ. Въ Германіи, куда онъ, говоря словами Маршала, «какъ почитатель каменныхъ построекъ, начинаетъ переселяться съ юга», и гдѣ онъ далеко не принадлежитъ къ числу часто встрѣчающихся птицъ, его находятъ по одиночкѣ въ скалистыхъ странахъ, или обитателемъ старыхъ, развалившихся строеній, главнымъ образомъ рыцарскихъ замковъ; такъ, онъ попадаетъ въ Лобедабургъ, расположенномъ среди скаль окрестностей города Гены, живеть также уже лѣтъ 30 около города Готы, далѣе встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Гарца, по Мозелю и Рейну. Начиная съ южной Франціи, онъ встрѣчается чаще, а въ Испаніи, Алжирѣ, на Канарскихъ островахъ, въ южной Италіи, Греціи, Далмаціи, Черногоріи, Палестинѣ и Малой Азіи считается одною изъ самыхъ обыкновенныхъ туземныхъ птицъ. Въ этихъ странахъ онъ населяетъ всѣ подходящія ему мѣста, села и города также какъ и самыя уединенныя скалистыя долины, и даже, подобно родичамъ своимъ, образуетъ колоніи. Въ Испаніи я постоянно встрѣчалъ его на каждой крутой скаль горъ средней высоты, а также во всякомъ старомъ замкѣ. Въ Канаріи, какъ сообщаетъ намъ Болле, башни и очень высокія строенія, находящіяся въ городахъ, служатъ ему любимымъ мѣстопребываніемъ. Такимъ образомъ онъ нисколько не избѣгаетъ человѣка, но во всякомъ случаѣ сохраняетъ свою свободу. На улицы городовъ и дере-

вень онъ опускается лишь очень рѣдко, и постоянно летаетъ на поля, чтобы искать тамъ пищу. Онъ всегда пугливъ и остороженъ. Даже тамъ, гдѣ ему мало приходится встрѣчаться съ человѣкомъ, онъ все-таки держится въ сторонѣ.

Движеніями своими каменный воробей существенно отличается отъ своихъ родичей. Онъ летаетъ быстро, учащенно хлопая при этомъ крыльями, прежде чѣмъ сѣсть паритъ съ широко распростертыми крыльями и напоминаетъ гораздо болѣе клеста, чѣмъ воробья. По землѣ онъ скачетъ довольно ловко; когда сидитъ, то принимаетъ вызывающій видъ и часто подергиваетъ хвостомъ. Призывной крикъ его заключается въ шелкающемъ, трехсложномъ «гіюиб», въ которомъ удареніе падаетъ на послѣдніе слоги; звукъ, предупреждающій объ опасности, «еррр», похожъ на воробьиный, но его сразу можно узнать; пѣніе состоитъ изъ простого, часто прерывающагося чирканья и трещанія и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ пѣсню снгирия, однако звучитъ не особенно пріятно.

Время размноженія совпадаетъ съ послѣдними весенними и первыми лѣтними мѣсяцами. Въ Испаніи оно начинается, вѣроятно, уже въ апрѣль, но я нахожу большую часть гнѣздъ только начиная съ мая до іюля мѣсяца. Въ Германіи трудно производить наблюденія надъ высиживаніемъ ими яицъ, въ южной Европѣ это, конечно, легче. Здѣсь каменный воробей гнѣздится въ отверстіяхъ крутыхъ скалъ, въ расщелинахъ каменныхъ стѣнъ, подъ кирпичными крышами башенъ и высокихъ зданій, и притомъ обыкновенно многочисленными обществами. Однако и тамъ, гдѣ онъ живетъ въ большомъ количествѣ, добраться до его гнѣзда бываетъ все-таки не особенно легко, такъ какъ мѣсто для него выбирается во всякомъ случаѣ съ величайшей предусмотрительностью, а югъ со своими какъ-бы разорванными горными ущельями доставляетъ ему такъ много удобныхъ мѣстъ, что умная птица никогда не бываетъ въ затрудненіи относительно выбора. Гнѣздо, которое впервые описалъ мой отецъ, похоже на другія воробьиныя гнѣзда, состоитъ изъ толстыхъ соломинокъ, древесной коры, суконныхъ и полотняныхъ тряпокъ, неряшливо сложенныхъ въ кучу, и выстлано внутри перьями, волосами, клочками шерсти, паутиной гусеницъ, растительными волокнами и тому подобными веществами. Кладка состоитъ изъ 5—6 яицъ; они больше обыкновенныхъ воробьиныхъ яицъ, длиною въ 21 м.м., толщиною въ 15 м.м. и покрыты по сѣрму, или грязно-бѣлому полю пепельно—и темно-сѣрыми или аспиднаго цвѣта пятнами и штрихами, которые на тушомъ концѣ расположены большею частью гуще, чѣмъ на остромъ. Еще съ точностью не установлено, оба-ли родителя принимаютъ участіе въ высиживаніи яицъ, но достоверно извѣстно, что они добросовѣстно дѣлятъ между собой заботы о воспитаніи своихъ дѣтенышей. Покинувшіе гнѣздо птенцы соединяются вмѣстѣ съ значительными стадами себѣ подобныхъ и скитаются затѣмъ безпѣльно по полямъ до самой осени, въ то время, какъ родители приступаютъ ко второй, а можетъ быть и третьей кладкѣ. Лишь по окончаніи птенцовой поры и они также собираются въ болѣе значительныя общества.

Относительно пищи каменнаго воробья, весьма вѣроятно, можно сказать тоже самое, что говорилось о птицѣ другихъ воробьевъ. Въ лѣтнее время каменные воробьи питаются преимущественно насѣкомыми, зимою — сѣменами, ягодами и тому подобнымъ. На большихъ дорогахъ они, подобно красноголовымъ и домашнимъ воробьямъ, роются въ навозѣ, отыскивая зерна.

Добывать каменныхъ воробьевъ живыми безъ особеннаго труда можно только въ странахъ, гдѣ они попадаются въ большомъ количествѣ. Въ Испаніи ихъ доставляютъ на рынокъ сотнями. Тамъ ловятъ ихъ сѣтями, приманивая на чучела или на деревьяхъ, на жердочки, покрытыя птичьимъ клеемъ. Охота съ ружьемъ во вся-

комъ случаѣ сопряжена съ затрудненіями, такъ какъ умная птица очень скоро замѣчаетъ, что ее преслѣдуютъ, и врожденная ей пугливость увеличивается тогда до крайнихъ предѣловъ. Какъ на особенность этой птицы, отецъ мой справедливо указываетъ, на то, что каменный воробей пугливѣе всего на мѣстѣ своего ночного отдыха. Чтобы овладѣть имъ, нужно стать въ засаду и не давать промаха. То-же самое можно сказать и про Испанію, гдѣ мы часто напрасно старались перехитрить умную птицу, и, несмотря на весь навыкъ къ охотѣ на подобнаго рода дичь, большею частью должны были возвращаться съ пустыми руками.

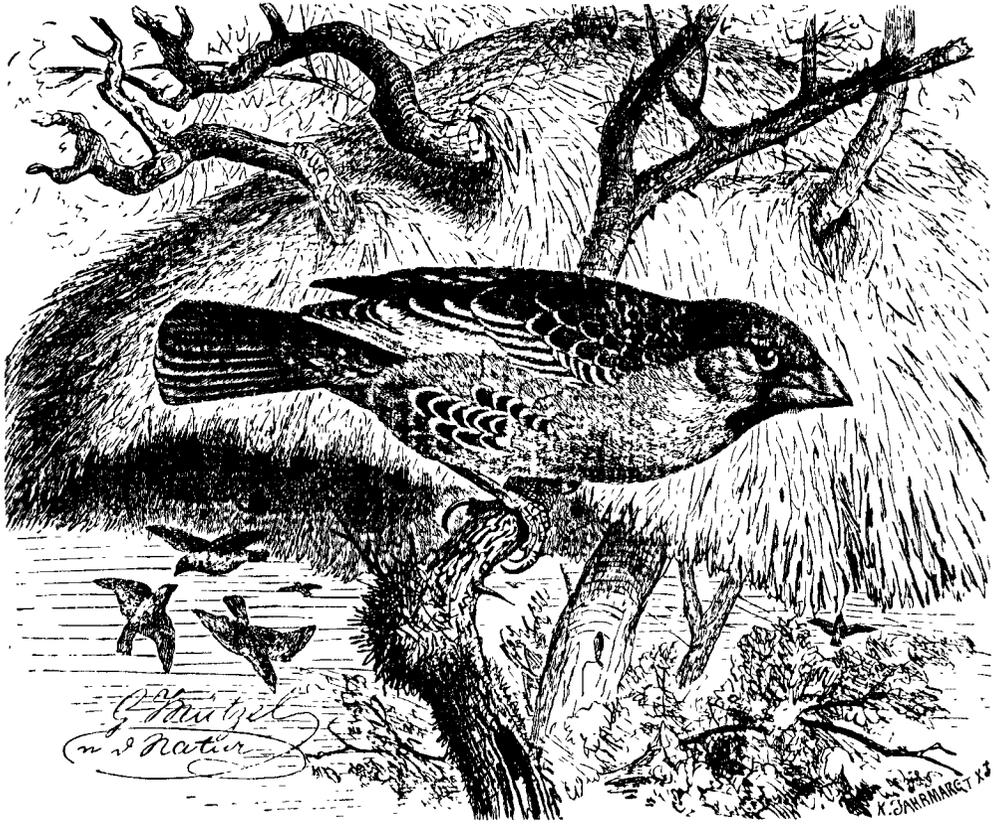
Въ неволѣ каменный воробей причиняетъ мало хлопотъ, напротивъ доставляетъ много удовольствія. Онъ скоро становится доврчивымъ, прекрасно ладитъ съ другими птицами, радуется своимъ милымъ поведеніемъ и при надлежащемъ уходѣ даже приступаетъ къ размноженію.

Общественнаго воробья (*Passer socius*, *Philetaerus socius*, *P. lepidus*, *Loxia socia*, *Euplectes lepidus*. Siedelsperling. Moineau social) слѣдуетъ считать также воробьемъ, а не ткачемъ, какъ это дѣлается обыкновенно. Клювъ у него продолговато-конусовидный, сплюсненъ съ боковъ, слегка согнутъ на гребнѣ и съ округленной вырѣзкой на верхнемъ краѣ; ноги сильныя, съ короткой плюсной, длинными пальцами и покрыты толстыми чешуйками; крылья довольно длинныя и острыя, второе маховое перо ихъ самое длинное; хвостъ широкій, короткий и прямо срѣзанный. Перья верхней части головы бураго цвѣта, на остальной верхней части нѣсколько темнѣе, съ узкими свѣтло-бурыми каймами; на затылкѣ и обѣихъ сторонахъ шеи они еще темнѣе и имѣютъ каймы замѣтно болѣе свѣтлаго цвѣта; уздечка, область около угловъ рта, подбородокъ и горло чернѣе, обѣ стороны зоба и остальные нижнія части свѣтло-буроватыя; нѣсколько перьевъ на бокахъ бедеръ чернаго цвѣта, съ свѣтло-бурыми каймами; маховыя и рулевыя перья, кроющія перья крыльевъ, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста темно-бураго цвѣта, первыя—съ наружными, вторыя—съ круговыми желтовато-бурыми каймами. Глаза темно-бурые, клювъ и ноги—блѣдно-бурые. Длина достигаетъ 13, длина крыла 8, а хвоста 5 см.

Родиной общественнаго воробья слѣдуетъ считать среднюю Африку, а страну Великая Нама—центральнымъ пунктомъ области его распространенія. Уже старѣйшіе путешественники упоминаютъ объ этой птицѣ. «Въ странѣ Нама», говоритъ Паттерсонъ въ описаніи своего путешествія, появившемся въ концѣ прошлаго столѣтія, «есть лѣса мимозъ, доставляющихъ много камеди, и вѣтви которыхъ составляютъ самую любимую пищу жираффъ. Ихъ развѣсистые сучья и плоскій стволъ доставляютъ одному виду собирающихся стаями птицъ убѣжище отъ нападенія змѣй, которыя иначе могли бы уничтожить ихъ яйца. Въ высшей степени замѣчательныя способности, которымъ они пользуются для постройки своихъ гнѣздъ: 800—1000 штукъ такихъ гнѣздъ расположены подъ общою крышей, которая походить на крытый соломою домъ, покрываетъ собою большой сугъ съ его вѣтвями и виситъ надъ гнѣздами, расположенными подъ нею на подобіе клубковъ, такъ что ни змѣй, ни какое-нибудь другое хищное животное добраться до нихъ не могутъ. Своимъ прилежаніемъ и искусствомъ они напоминаютъ пчель. Весь день они заняты тѣмъ, что собираютъ траву, изъ которой состоитъ главнѣйшая часть ихъ постройки, и которую они употребляютъ для исправленія и пополненія ея. Число гнѣздъ они, безъ сомнѣнія, увеличиваютъ съ каждымъ годомъ, такъ что деревья сгибаются подъ тяжестью такихъ воздушныхъ городовъ. Подъ крышей этой постройки можно замѣтить множество входовъ, изъ которыхъ каждый ведетъ въ уллицу, по сторонамъ которой расположены гнѣзда, на разстояніи около 5 см. другъ отъ друга. Питаются

общественные воробьи, вѣроятно, сѣменами травъ, изъ которыхъ строятъ свое гнѣздо».

Это описаніе, въ общемъ вѣрное, было пополнено Смитомъ. «Въ образѣ жизни этихъ птицъ» говоритъ онъ, «замѣчательно то, что онѣ сообща строятъ свои гнѣзда подъ одной кровлей. Найдя мѣсто для гнѣздъ и приступивъ къ постройкѣ ихъ, онѣ всѣ вмѣстѣ начинаютъ строить общую для всѣхъ крышу. Каждая парочка строить и покрываетъ крышей свое собственное гнѣздо, но строятъ ихъ непосредственно одно около другаго, и, когда всѣ они готовы, то вся постройка имѣетъ видъ одного общаго гнѣзда, съ одною крышей наверху и безчисленнымъ количествомъ круг-

Общественный воробей. *Passer socius*. $\frac{3}{4}$ наст. велич.

лыхъ отверстій на нижней сторонѣ. Вторично тѣ же гнѣзда для высиживанія яицъ не употребляются, но для этого къ старымъ гнѣздамъ подвѣшиваются снизу новыя, такъ что крыша и старыя гнѣзда образуютъ собою покрывку для новыхъ. Такимъ образомъ масса эта изъ года въ годъ увеличивается въ объемъ и вѣсъ, пока наконецъ не сдѣлается настолько тяжелою, что ломаетъ сукъ, на которомъ виситъ, и падаетъ».

Такого рода колоній встрѣчаются обыкновенно на большихъ высокихъ деревьяхъ; тамъ же, гдѣ послѣднія не встрѣчаются, общественные воробьи пользуются также древовидными алоэ. Кладка состоитъ изъ 3—4 голубовато-бѣлыхъ яицъ, покрытыхъ на толстомъ концѣ мелкими бурными пятнами. Одна-ли самка насиживаетъ яйца или ей помогаетъ въ этомъ также и самецъ, пока еще неизвѣ-

стно. Птенцы выкармливаются насѣкомыми. По мнѣнію Айреса гнѣзда служатъ также мѣстомъ ночлега.

Живыми общественныхъ воробьевъ привозятъ къ намъ; къ сожалѣнію, очень рѣдко; относительно ихъ поведенія въ неволѣ мнѣ неизвѣстно никакихъ данныхъ.

* * *

Дубоносъ обыкновенный, Сурань, Дюжань, Красава (*Coccothraustes vulgaris, deformis, atrigularis, europaeus, fagorum, cerasorum, planiceps, flaviceps, minor, Loxia, Fringilla coccothraustes. Kernbeisser. Gros bec*), съ родичами своими образуетъ весьма характерный родъ **Дубоносовъ** (*Coccothraustes*), получившій отъ него свое имя. Отличительными признаками его служатъ: очень сильное, плотное тѣлосложение, необыкновенно большой, толстый кубаревидный клювъ, края котораго слегка согнуты, остры, внутрь не вдавлены и снабжены небольшой вырѣзкой передъ кончикомъ своей верхней части; ноздри маленькія, кругловатыя, расположены у основанія клюва и покрыты щетинками, перышками и волосками. Ноги короткія, но сильныя и крѣпкія, вооружены острыми когтями средней величины; крылья сравнительно широкія, третье маховое перо образуетъ ихъ кончикъ, а заднее передъ тупымъ концомъ своимъ имѣетъ зубчатый край на наружномъ и вырѣзъ на внутреннемъ опахалѣ. Хвостъ очень короткій, съ яснымъ вырѣзомъ по срединѣ; опереніе густое и мягкое. Длина достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 31, длина крыла 10, а хвоста 6 см. Лобъ и передняя часть темени буро-желтаго цвѣта, задняя часть темени и обѣ стороны головы желто-бурога; узкая полоса на лбу, уздечка и горло чернаго цвѣта; затылокъ и задняя часть шеи пепельно-сѣрые; зашеекъ шоколаднаго, спина свѣтлаго каштаново-бурога цвѣта; зобъ и грудь грязновато-сѣро-красныя; брюшко бѣловато-сѣрое, окружность задняго прохода и нижнія кроющія перья хвоста чисто-бѣлаго цвѣта; маховыя перья, за исключеніемъ обоихъ послѣднихъ, окрашенныхъ въ буровато-черный цвѣтъ, имѣютъ синюю, отливающую металлическимъ блескомъ окраску и изнутри украшены у основанія; малыя маховыя перья снабжены сѣрыми каймами; маленькія кроющія перья верхней части крыльевъ темнаго, шоколадно-бурога цвѣта, среднія бѣлыя, самыя большія переднія чернаго, самыя заднія красиваго желто-бурога цвѣта, среднія хвостовыя перья у корня чернаго, съ наружной стороны верхней половины желто-бурога, на концѣ бѣлаго цвѣта; остальные хвостовыя перья у основанія чернаго, на внутренней сторонѣ верхней половины бѣлаго цвѣта, оба крайнихъ пера снаружи чернаго цвѣта и всѣ они имѣютъ бѣлыя каймы на концѣ. Глаза сѣро-красныя; клювъ весной синяго, а осенью рогового желтаго цвѣта; ноги темнаго цвѣта. У самки темя свѣтлаго желтовато-сѣраго цвѣта, нижняя сторона окрашена въ сѣрый, а верхнія части крыльевъ большею частью въ желтоватый цвѣтъ. Въ молодости у этихъ птицъ горло и уздечка темнаго буро-сѣраго цвѣта, зобъ и шея свѣтло-желтаго; темя, щеки и затылокъ темнаго ржаво-желтаго цвѣта, обѣ стороны шеи и зобъ глиняно-желтаго цвѣта, перья снабжены по краямъ сѣровато-желтыми каймами, и окрашены на нижней части шеи въ матовый буро-желтый, на горлѣ—въ свѣтло-желтый, на верхней части шеи—въ сѣро-желтоватый цвѣтъ, на остальной нижней части они грязно-бѣлаго цвѣта, переходящаго на бокахъ въ ржавый, и всѣ они покрыты рисункомъ, состоящимъ изъ темно-бурыхъ поперечныхъ пятенъ полудунной формы.

Родиною дубоноса слѣдуетъ считать умѣренныя страны Европы и Азіи. Сѣверная граница области его распространенія проходитъ по Швеціи, а также по западнымъ и южнымъ губерніямъ Европейской Россіи. Въ Германіи онъ пона-

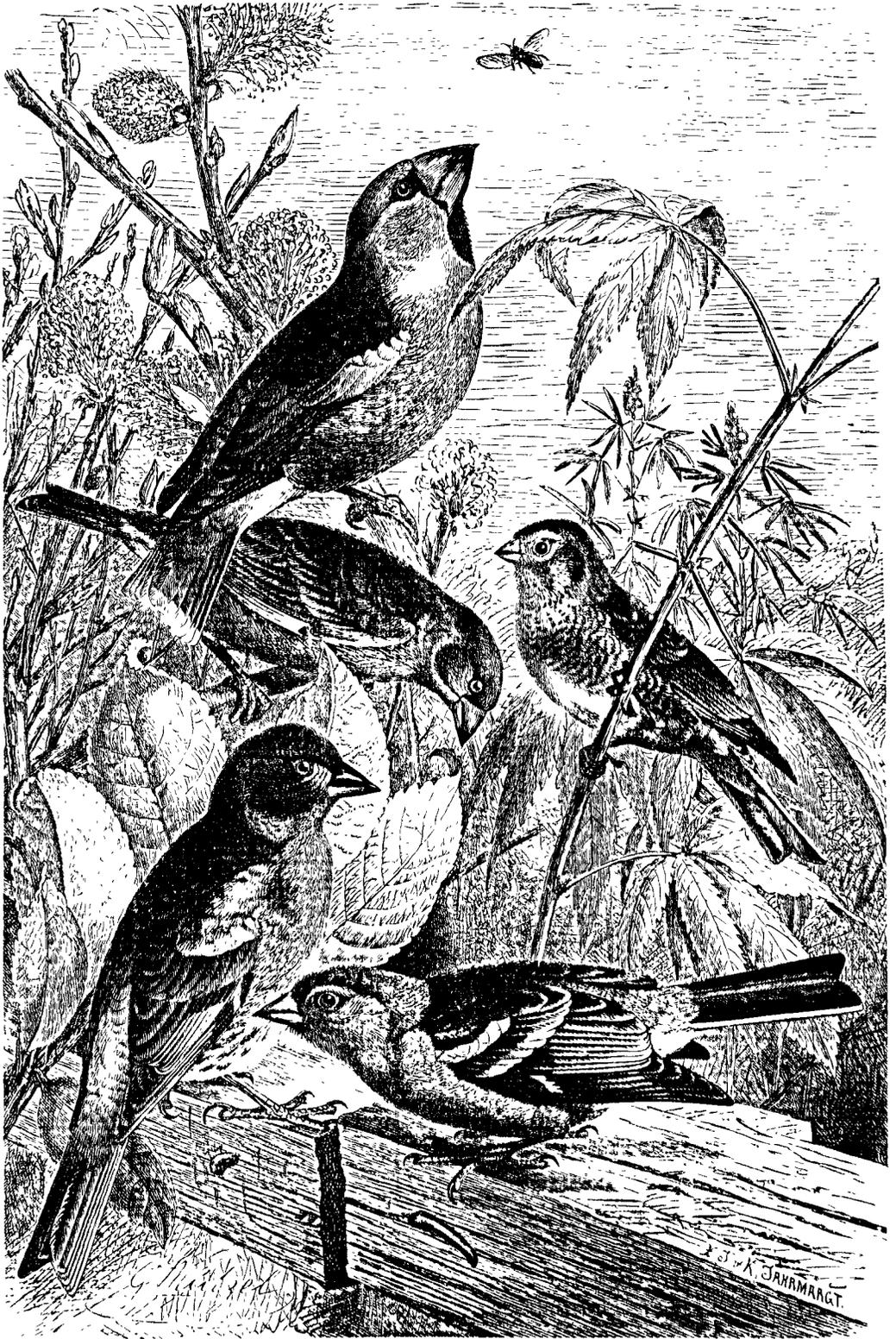
дается часто также зимою, однако, вѣроятно, только въ качествѣ гостя, прилетѣвшаго изъ сѣверной Европы, тогда какъ птицы, выводящія птенцовъ въ Германіи, всегда на зиму улетаютъ. Въ южной Европѣ онъ появляется лишь во время перелета. Такъ онъ пролетаетъ черезъ Испанію и достигаетъ сѣверо-западной Африки. Въ Сибири онъ встрѣчается лѣтомъ отъ истоковъ Амура до европейской границы. Въ Германіи онъ попадаетъ въ однихъ мѣстахъ часто, въ другихъ — рѣже, но извѣстенъ всюду, такъ какъ во время своихъ перелетовъ показывается вездѣ и бросается въ глаза каждому. Для своего лѣтняго мѣстопробыванія онъ выбираетъ холмистыя мѣстности съ лиственнымъ лѣсомъ и высокими деревьями, на которыхъ онъ проводитъ весь день, а также и ночь, если только не отправляется грабить какой-нибудь сосѣдній вишневый садъ, или не роется въ землѣ близъ лежащаго поля. Въ южной Россіи, по словамъ Радде, онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ птицъ, которыя со временемъ осваиваются съ такими степными мѣстностями, гдѣ мало по малу насаждаются деревья и кустарники. По окончаніи птенцовой поры онъ скитается по странѣ со своими птенцами, при чемъ забирается во фруктовые сады и огороды. Къ концу октября или въ ноябрѣ онъ начинаетъ свое странствованіе на югъ, въ мартѣ возвращается снова обратнo; одиночные экземпляры однако прилетаютъ и гораздо позже: такъ, я наблюдалъ ихъ 1-го мая около Мадрида во время перелета.

Дубоносъ — нѣсколько неуклюжая и лѣнивая птица, что можно предположить, судя по его тѣлосложенію. Онъ имѣетъ обыкновеніе долго сидѣть на одномъ и томъ-же мѣстѣ, мало шевелится и только послѣ нѣкотораго раздумья рѣшается спорхнуть съ вѣтки, очень неохотно летитъ на далекое разстояніе и настойчиво возвращается къ тому-же мѣсту, съ котораго его согнали. Въ вѣтвяхъ деревьевъ онъ движется довольно проворно, по землѣ, наоборотъ, неловко, благодаря тяжелому туловищу и короткимъ ногамъ. Летаетъ онъ также тяжело и шумно, часто махая крыльями, описываетъ во время полета небольшія дугообразныя линіи и паритъ только передъ тѣмъ, какъ сѣсть, тѣмъ не менѣе на лету онъ двигается быстро. Умственные способности его не соответствуютъ этимъ его качествамъ. Это — очень осторожная и хитрая птица, которая скоро научается различать своихъ враговъ и съ осмотрительностью заботится о своей безопасности. «При приближеніи человѣка», говоритъ мой отецъ, «онъ неохотно улетаетъ съ мѣста, но во время ѣды настолько находится на сторожѣ, что немедленно замѣчаетъ всякую опасность и старается избѣгнуть ея, причесавъ въ густой листвѣ или обращаясь въ бѣгство, если спрятаться негдѣ. Онъ отлично понимаетъ, когда укроется достаточно хорошо, такъ какъ въ этомъ случаѣ очень долго остается на одномъ мѣстѣ, что случается очень рѣдко съ нимъ, если онъ сидитъ открыто. Если деревья покрыты листвою, то можно долго слушать, какъ онъ щелкаетъ клювомъ, прежде чѣмъ удастся замѣтить его. Онъ прячется такъ хорошо, что иногда я заставлялъ его перелетать на другія деревья, бросая въ него камнями, такъ какъ никоимъ образомъ не могъ его высмотрѣть. Если его вспугнуть, онъ почти всегда садится на вершины деревьевъ, чтобы имѣть возможность издали замѣтить грозящую ему опасность. Кромѣ хитрости онъ отличается также большою смѣлостью. Въ юности моей я какъ-то въ продолженіи цѣлыхъ восьми дней слѣдилъ за однимъ дубоносомъ, который въ садахъ моего отца поѣдалъ сѣмена капусты передъ самыми окнами нашего дома, прежде чѣмъ мнѣ удалось убить его: до того пуглива и умна была эта птица. Ружье онъ зналъ, повидимому, очень хорошо». Если общество дубоносовъ расположилось на вишневыхъ деревьяхъ, то обмануть его, конечно, легче, хотя и въ этомъ случаѣ старше все еще соблюдаютъ осторожность, производятъ возможно меньше шума и поднимаютъ крикъ только тогда, когда улегаютъ. На

чужбинѣ дубоносъ такъ же пугливъ, какъ и на родинѣ: къ испанцамъ и арабамъ онъ относится такъ же недоувѣрчиво, какъ и къ своимъ землякамъ въ Германіи.

Охотнѣе всего дубоносъ ѣсть окруженныя твердою скорлупой сѣмена деревьевъ различныхъ породъ. «Косточки вишенъ и орѣшки краснаго и бѣлаго бука», рассказываетъ отецъ мой, «онъ предпочитаетъ, повидимому, всѣмъ другимъ. Откусивъ вишню, онъ освобождаетъ косточку ея отъ мякоти, которую отбрасываетъ, разгрызаетъ ее, бросаетъ деревенистую оболочку и проглатываетъ самое ядрышко. Все это происходитъ въ продолженіи полуминуты, или, самое большее, одной минуты, и притомъ съ такою силой, что можно слышать за 30 шаговъ, какъ дубоносъ щелкаетъ косточки. Онъ поступаетъ съ сѣменами бука подобнымъ же образомъ. Освобожденныя отъ шелухи зерна сейчасъ же черезъ пищеводъ переходятъ въ желудокъ и только тогда, когда послѣдній совершенно полонъ, ими наполняется также и зобъ. Когда деревья освободятся отъ сѣмянъ, служащихъ пищей дубоносу, онъ отыскиваетъ ихъ на землѣ: поэтому поздно осенью и зимою можно часто видѣть его прыгающимъ по землѣ. Кромѣ того онъ охотно ѣсть также хлѣбныя и другія зерна, вслѣдствіе чего лѣтомъ часто посѣщаетъ поля и огороды, гдѣ причиняетъ большой вредъ посѣвамъ. Трудно повѣрить, сколько грядъ капусты, гороха и бобовъ можетъ испортить одна такая птица». Зимой онъ прилежно посѣщаетъ рябиновыя деревья, гдѣ также ѣсть только сѣмена, а не всю ягоду. Кромѣ того онъ ѣсть древесныя почки, а лѣтомъ очень часто и насѣкомыхъ, главнымъ образомъ жуковъ и ихъ гусеницъ. «Нерѣдко случается,» сообщаетъ Науманъ, «что онъ ловить майскихъ жуковъ на лету и затѣмъ, сидя на верхушкѣ дерева съѣдаетъ ихъ по кусочкамъ, оторвавъ предварительно крылья и ноги. Я видѣлъ, какъ онъ улеталъ на свѣже вспаханныя поля, шаговъ на сто отъ кустарника, подбиралъ тамъ насѣкомыхъ и приносилъ ихъ своимъ птенцамъ.»

«Смотря по тому, благопріятна погода, или неблагопріятна, дубоносъ вѣтъ гнѣзда одинъ или два раза въ году: въ маѣ и въ началѣ іюля. Каждая парочка выбираетъ себѣ для гнѣздованія обширное мѣсто, въ которомъ не допускаетъ присутствія другихъ парочекъ того же вида. Самецъ вслѣдствіе этого постоянно находится на сторожѣ, сидя на верхушкѣ дерева, и перемѣняетъ мѣсто, перелетая съ одного высокаго дерева на другое; при этомъ онъ чирикаетъ, поетъ и выказываетъ необыкновенное безпокойство.» Гнѣздо заключается въ трескучихъ и рѣзкихъ звукахъ, очень похожихъ на призывной голосъ—«ци», или «цик», которые самецъ издаетъ по цѣлымъ часамъ, сопровождая ихъ различными поворотами и движеніями тѣла. Гнѣздо снабжено не особенно толстыми стѣнками, но тѣмъ не менѣе построено очень хорошо и довольно объемисто, вслѣдствіе чего его можно легко узнать; оно расположено на высокихъ или низкихъ, слабыхъ или тонкихъ вѣтвяхъ, но обыкновенно бываетъ хорошо спрятано. Первый слой подстилки его состоитъ изъ сухихъ хворостинокъ, крѣпкихъ травяныхъ стебельковъ, корешковъ и т. п., второй—изъ крупнаго или мелкаго древеснаго мха и лишаяевъ, а внутренность гнѣзда выложена корневыми волокнами, свиной щетиной, конскимъ волосомъ, овечьей шерстью и тому подобными веществами. Яйца, числомъ отъ 3-хъ до 5-ти, достигаютъ 24 м.м. въ длину, 17 м.м. въ толщину, довольно круглы и покрыты по грязному, или зеленоватому и желтоватому пенельно-сѣрому фону рисункомъ, состоящимъ изъ ясныхъ и неясныхъ бурыхъ, черно-бурыхъ, темныхъ пенельно-сѣрыхъ, свѣтло- и масляно-бурыхъ пятенъ, черточекъ и жилокъ, расположенныхъ гуще вокругъ тупого конца. Самка сидитъ на яйцахъ весь день, за исключеніемъ полуденныхъ часовъ, во время которыхъ ее смѣняетъ самецъ. Оба родителя кормятъ своихъ птенцовъ, очень любятъ ихъ, ухаживаютъ за ними, стерегутъ и подкармлива-

В Ъ Ю Р К И.

1) Дубонось. 2) Зелепушка. 3) Коноплянка. 4) Зяблиць. 5) Вьюрокъ.

ютъ ихъ еще долгое время послѣ того, какъ тѣ уже вылетѣли изъ гнѣзда, такъ какъ проходятъ недѣли, прежде чѣмъ они сами бывають въ состояніи разгрызть твердыя вишневья косточки.

Дубоносъ навлекаетъ на себя сильную ненависть садовника, такъ какъ причиняетъ очень немаловажный вредъ вишневымъ садамъ. «Одно семейство этихъ птицъ», говоритъ Науманъ, «быстро справляется съ деревомъ, полнымъ спѣлыхъ вишенъ. Побывавъ хоть разъ въ какомъ нибудь вишневомъ саду, они непремѣнно стануть возвращаться туда снова, пока тамъ еще будутъ вишни, и никакой шумъ, никакія трещетки, хлопанье бичемъ и свистки не въ состояніи совершенно удержатъ ихъ отъ этого: они привыкають ко всякимъ, поставленнымъ для нихъ пугаламъ. Единственное средство прогнать ихъ, это—стрѣлять по нимъ изъ ружья, причеь не слѣдуетъ употреблять холостыхъ зарядовъ, иначе они привыкають и къ этому. Больше всего подвергаются ихъ нападеніямъ обыкновенныя кислыя вишни. Въ огородахъ они часто причиняють большой вредъ посѣвамъ и зеленымъ стручкамъ на грядкахъ гороха. Они обгладывають ягоды на рябинахъ и творять всякія другія безчинства. Вредъ, причиняемый ими, былъ бы гораздо менѣе значителенъ, еслибы они только не были такими ненасытными обжорами и не имѣли бы привычки до тѣхъ поръ посѣщать отдѣльныя деревья, гряды и поля, пока совершенно не оберутъ на нихъ всѣхъ плодовъ или сѣмянъ.» Неудивительно поэтому, что человекъ всѣми силами старается обороняться отъ этихъ непрошенныхъ гостей и пользуется для истребленія ихъ петлями, прутьями, покрытыми птичьимъ клеемъ, сѣтями, ловушками, волосяными силками, ружьями и другимъ оружіемъ.

Въ плѣну дубоносъ скоро свыкается съ окружающей его обстановкой, довольствуется всякой пищей, легко ручиѣтъ, но всегда бываетъ опасенъ, такъ какъ, будучи озлобленъ, онъ сильно кусаетъ все, что попадаетъ ему подъ клювъ. Отецъ мой видѣлъ ручного дубоноса, жившаго у одного Іенскаго студента; пользуясь вышеупомянутой привычкой его, друзья нашего любителя птицъ часто напивали его пьянымъ. Это удавалось имъ очень легко. Веселые собесѣдники наполняли пивомъ стволъ пера, обрѣзанный снизу, и подносили его дубоносу. Какъ только тотъ схватывалъ открытый конецъ ствола, они поднимали послѣдній вверхъ, такъ что пиво лилось дубоносу въ глотку. Достаточно было нѣсколько разъ повторить этотъ приемъ, и толстоголовый малый былъ до того пьянъ, что, прыгая по комнатѣ, шатался.

Отличительными признаками **Зябликовъ** (*Fringilla. Edelfinken. Pinsons*) служатъ: стройное тѣлосложеніе, средней величины клювъ правильной конической формы, верхняя часть котораго немного опускается по направленію къ кончику, а края нѣсколько подвернуты, ноги съ короткой плюсной и слабыми пальцами, вооруженными тонкими, узкими, но острыми когтями, относительно длинныя крылья, у которыхъ второе, третье и четвертое маховыя перья образуютъ конецъ крыла, и средней величины хвостъ съ легкимъ вырѣзомъ посерединѣ.

* * *

У **Обыкновеннаго Зяблика** (*Fringilla coelebs, nobilis, hortensis, sylvestris, Passer spiza, Struthus coelebs. Edelfink. Pinson ordinaire*) лобъ совершенно черный, темя и шея синяго шифернаго цвѣта, нижнія шейныя перья красновато-бурыя; зашеекъ и нахвостье свѣтло-зеленаго цвѣта; уздечка и кольца около глазъ, щеки, горло и зобъ свѣтлаго, ржаво-бурого цвѣта, который на зобу и обѣихъ сторонахъ груди принимаетъ мясо-красный, на срединѣ груди красновато-бѣлый, на

животъ и на нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста бѣлый оттѣнокъ; большія маховыя перья черныя, за исключеніемъ трехъ первыхъ, они у корня бѣлыя; послѣднія малыя маховыя перья имѣютъ узкія свѣтло-желтыя каймы и буро-желтые края снаружи; самыя маленькія покровныя перья темно-синія, большія—чернаго цвѣта, съ широкими бѣлыми концами, вслѣдствіе чего на крылѣ образуются двѣ полосы, широкая и узкая; нижняя сторона маховыхъ перьевъ блестяще-сѣраго цвѣта съ серебристо-бѣлой каймой внутри; нижнія кроющія перья крыла бѣлыя, съ черными чешуйками на краю крыла; среднія хвостовыя перья темнаго шифернаго сѣраго цвѣта съ желтыми каймами; остальные—черныя; оба крайнихъ пера изнутри покрыты большими бѣлыми клинообразными пятнами, которыя на самомъ крайнемъ занимаютъ также большую часть наружной бородки; всѣ рулевыя перья, за исключеніемъ бѣлыхъ крайнихъ, съ нижней стороны чернаго цвѣта. Глаза свѣтло-каріе, клювъ—весною синяго, осенью и зимой красновато-бѣлаго цвѣта, ноги грязнаго тѣльнаго цвѣта. У самки окраска головы и затылка зеленовато-сѣрая; брови, уздечка, подбородокъ и горло буровато-бѣлыя; остальные верхнія части оливковаго сѣро-бураго, нижнія части свѣтло-сѣраго цвѣта. Длина тѣла птицы достигаетъ 16,5, размахъ крыльевъ 27,8, длина крыла 8,8, а хвоста 7,5 см.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ, обыкновенный зябликъ во всей Европѣ представляетъ собой обычное явленіе, на югѣ, впрочемъ, въ лѣтнее время встрѣчается только въ горахъ. Кромѣ того онъ населяетъ нѣкоторыя части Азіи и зимой отдѣльными экземплярами появляется въ сѣверной Африкѣ.

Въ окрестностяхъ Атласскихъ горъ его замѣняетъ весьма сходный съ нимъ, только бѣльшей величины **Африканскій Зябликъ** (*Fringilla spodiogenia, spodiogenys, africana. Maurenfink. Pinson d'Afrique*) экземпляръ котораго, говорятъ, былъ убитъ однажды и въ южной Франціи. У этого вида голова, глазная и плечевая области синевато-пепельно-сѣрыя, верхнія части тѣла оливково-зеленаго, нижнія блѣдно-краснаго цвѣта; съ боковъ окраска сѣровая; большія маховыя перья черныя и снаружи въ корневой половинѣ имѣютъ узкія, въ верхней половинѣ немного бѣлье широкія бѣлыя каймы; съ внутренней стороны они окаймлены широкою свѣтло-сѣрой полосой; переднія малыя маховыя перья бѣлыя лишь у основанія, заднія почти совсѣмъ бѣлыя; малыя кроющія перья крыльевъ бѣлыя; большія бѣлаго цвѣта съ черной полосой посрединѣ; остальные части въ существенныхъ чертахъ имѣютъ такую же окраску, какъ и у обыкновеннаго зяблика.

Въ Германіи существуетъ немного мѣстностей, въ которыхъ обыкновенный зябликъ не встрѣчался бы въ значительномъ количествѣ. Онъ населяетъ какъ хвойныя, такъ и лиственные лѣса, какъ обширныя лѣсныя пространства, такъ и кустарники, селится въ рощахъ и сѣнныхъ лѣсахъ или въ садахъ и избѣгаетъ только болотистыхъ или сырыхъ мѣстностей. Парочки живутъ близко одна около другой, но каждая изъ нихъ ревниво охраняетъ избранный районъ и изгоняетъ оттуда всякаго посторонняго пришельца своего вида. Лишь по окончаніи птенцовой поры отдѣльныя парочки собираются въ многочисленныя стайки, соединяются съ нѣкоторыми другими видами вьюрковъ и овсянокъ, постепенно разрастаются въ огромныя стаи и затѣмъ сообща странствуютъ по краю. Въ началѣ сентября птицы, готовящіяся къ перелету, собираются въ очень большія стаи; въ октябрѣ такія стаи уже образовались, а къ концу мѣсяца постепенно исчезаютъ изъ нашихъ странъ, за исключеніемъ немногихъ самцовъ, остающихся зимовать на родинѣ. Зимую они живутъ въ южной Европѣ и сѣверо-западной Африкѣ, населяютъ горы и долины. поля

и сады, кустарники и плетни, замѣтны повсюду, вездѣ многочисленны, но зато и встрѣчаются вездѣ обществами—признакъ того, что они живутъ здѣсь не на родинѣ, но являются лишь зимними гостями. Когда на югѣ наступаетъ весна, они снова возвращаются на родину. Въ это время еще долго въ южныхъ странахъ слышится звонкое пѣніе самцовъ, но вскорѣ тамъ, гдѣ прежде они встрѣчались сотнями тысячъ, наступаетъ тишина, становится пустынно и уже къ марту мѣсяцу зимніе гости исчезаютъ. Зяблики совершаютъ свои странствованія разрозненными стаями, по крайней мѣрѣ на возвратномъ пути въ Германію: сперва отдѣльно летятъ самцы, самки же возвращаются на полъ-мѣсяца позже. Рѣдко случается, чтобы оба пола постоянно жили вмѣстѣ и, слѣдовательно, чтобы вмѣстѣ совершали путешествія. При хорошей погодѣ въ Германіи первые самцы появляются уже въ концѣ февраля; главная масса появляется въ Германіи въ мартѣ, остальные же самцы возвращаются лишь въ апрѣлѣ.

Каждый самецъ снова отыскиваетъ старое пристанище и съ нетерпѣніемъ поджидаетъ самку. Когда послѣдняя прилетитъ, оба супруга сейчасъ приступаютъ къ приготовленіямъ для постройки гнѣзда. Колыбель для первыхъ птенцовъ бываетъ обыкновенно готова еще раньше, чѣмъ деревья покроются листвою. Обѣ птицы снуютъ среди верхушекъ деревьевъ, прилежно разыскивая матерьялъ для постройки; самка относится къ дѣлу чрезвычайно ревностно, самецъ же отличается быстрыми, страннаго рода движеніями и пренебрегаетъ осторожностью, обыкновенно свойственной зябликамъ, какъ бы ласково человѣкъ ни обращался съ ними. Первая болѣе всего заботится о гнѣздѣ, послѣдній почти исключительно занять своей любовью и едва ли меньше своею ревностю. Наконецъ они находятъ удобнѣйшее мѣсто для помѣщенія гнѣзда: вилообразную вѣтвь въ верхушкѣ дерева, старый сукъ, который скоро покроется густой листвою, обрубленную верхушку ивы, или даже, хотя рѣдко, соломенную крышу какого нибудь дома. Самое гнѣздо, искусно построенное, имѣетъ почти шарообразную форму, обрѣзанную сверху. Его толстыя наружныя стѣнки состоятъ изъ зеленого мха, нѣжныхъ корешковъ и травинокъ и покрыты снаружи листьями того же дерева, на которомъ оно расположено; послѣдніе переилетены между собою паутиной насѣкомыхъ, вслѣдствіе чего наружныя стѣнки становятся поразительно похожими на наростъ сучка. Внутренность гнѣзда имѣетъ форму глубокой чашки и весьма мягко выложена волосами, перьями, растительнымъ пухомъ и шерстью. Пока продолжается постройка гнѣзда и насиживаніе самкою птенцовъ, самецъ почти безъ перерыва поетъ въ продолженіи цѣлаго дня, и каждый находящійся вблизи другой самецъ вторитъ пѣнію своего сосѣда съ необыкновеннымъ рвеніемъ; оба соперника въ пѣніи горячатъ другъ друга и наконецъ среди вѣтвей начинается бѣшеная погоня, продолжающаяся до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ нихъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, не схватитъ другаго за шиворотъ и, не будучи болѣе въ силахъ летѣть, кружась, падаетъ вмѣстѣ съ нимъ на землю. Во время такихъ побойщъ ожесточенныя птицы нерѣдко не замѣчаютъ никакихъ опасностей и рискуютъ даже жизнью. По окончаніи драки клювами и когтями пѣніе начинается снова, становится все болѣе громкимъ и страстнымъ, а затѣмъ оба вновь бросаются другъ на друга, и начинается ожесточенный бой. Такимъ образомъ время насиживанія для обыкновеннаго зяблика представляетъ собой ничто иное, какъ время непрерывной драки. Самка кладетъ 5—6 небольшихъ яицъ, достигающихъ 18 м. длины и 14 м. м. толщины, нѣжная скорлупа которыхъ на зеленовато-синемъ фонѣ обыкновенно бываетъ покрыта блѣдными красновато-бурыми слегка волнистыми чернобурными и бурными точками различной величины; по формѣ и узору яйца бываютъ весьма различны. Время насиживанія длится 14 дней; главнымъ образомъ высиживаетъ

самка, самецъ же замѣняетъ ее въ то время, когда послѣдняя должна покинуть гнѣздо для отыскиванія себѣ пищи. Птенцы вскармливаются обоими родителями исключительно насѣкомыми и послѣ вылета изъ гнѣзда нѣкоторое время все еще нуждаются въ родительскомъ попеченіи, но вскорѣ научаются добывать себѣ пищу сами. Безпомощные птенцы испускаютъ странный, звонкій чирикающій крикъ; болѣе взрослые дѣтеныши издаютъ призывной звукъ стариковъ. Послѣдніе приступаютъ ко второй кладкѣ спустя лишь нѣскольکو дней по окончаніи воспитанія птенцовъ. Оба родителя необыкновенно любятъ своихъ птенцовъ. Они жалобно кричатъ, когда къ ихъ гнѣзду приближается врагъ и выражаютъ свой страхъ самыми энергичными движеніями. Науманъ увѣряетъ, будто бы самецъ болѣе заботится о яйцахъ, а самка о птенцахъ. При всей своей привязанности и нѣжности къ птенцамъ, обыкновенные зяблики въ извѣстномъ отношеніи довольно существенно отличаются отъ прочихъ вьюрковъ. Если птенцовъ коноплянки вынуть изъ гнѣзда и посадить въ клѣтку, можно быть увѣреннымъ, что и это не послужитъ родителямъ помѣхой продолжать кормленіе своихъ дѣтенышей; обыкновенные-же зяблики, напротивъ, при такихъ же обстоятельствахъ даютъ имъ умереть съ голода. «Въ этомъ», говоритъ Науманъ, «горькимъ опытомъ убѣдился не одинъ любитель зябликовъ, желавшій при помощи взрослыхъ птицъ избавиться отъ труда собственноручнаго вскармливанія птенцовъ. Въ этомъ случаѣ заботы о собственной безопасности и недовѣріе, повидимому, пересиливаютъ родительскую любовь». Но и среди зябликовъ, по словамъ того же натуралиста, случаются похвальные исключенія.

Зябликъ—бодрая, живая, ловкая, проворная и умная, но также вспыльчивая и задорная птица. Онъ находится въ движеніи почти въ продолженіи всего дня и бываетъ нѣсколько спокойнѣе лишь во время сильнѣйшаго полуденнаго жара. Сидя на вѣтвяхъ, онъ держится прямо, на землѣ въ болѣе горизонтальномъ положеніи: по землѣ онъ то скачетъ, то бѣгаетъ, на сучьяхъ охотно подвигается бочкомъ; большія пространства онъ пролетаетъ на значительной, маленькія на небольшой высотѣ; во время полета онъ быстро и красиво описываетъ плоскія волнообразныя линіи и, прежде чѣмъ сѣсть, паритъ нѣкоторое время, распутивъ крылья. Его призывной голосъ, всѣмъ знакомое «пинк» или «финк», отличается весьма различными оттѣнками, вслѣдствіе чего пріобрѣтаетъ различное значеніе. Во время полета чаще звука «пинк» слышится подавленный, короткій звукъ «гюп гюп»; обь опасности онъ извѣщаетъ шипящимъ звукомъ «зии», на который обращаютъ вниманіе и другія птицы; во время спариванія онъ трещитъ какъ сверчокъ; въ пасмурную погоду издаетъ скрипящій звукъ, который мальчики въ Тюрингенѣ переводятъ словомъ «Regen (дождь)». Пѣніе состоитъ изъ одного или двухъ правильныхъ, отдѣльныхъ, очень разнообразныхъ колѣнъ, повторяющихся другъ за другомъ очень часто и съ большою настойчивостью; любители въ точности различаютъ эти колѣна и даютъ имъ особенныя названія. Основательное знакомство съ этимъ пѣніемъ обратилось въ цѣлую науку, которая, впрочемъ, требуетъ своихъ собственныхъ жрецовъ и навсегда останется темною для человѣка, непосвященнаго въ ея тайны. Есть извѣстныя мѣстности въ горахъ, гдѣ вышеозначенному диллетанству предаются съ большимъ рвеніемъ, нежели всякому другому. Особенной извѣстностью пользуются любители зябликовъ въ Тюрингенѣ, Гарцѣ и въ Верхней Австріи за свое удивительное знакомство съ вышеупомянутыми пѣснями. Въ то время, какъ непривычное ухо находить въ нихъ только незначительное различіе, эти люди съ несомнѣнной увѣренностью различаютъ до 20 и болѣе разнообразныхъ колѣнъ, названія которыхъ вызываютъ улыбку у несвѣдущихъ, но тѣмъ не менѣе очень удачно выбраны и отчасти представляютъ собою картинное изображеніе самыхъ колѣнъ. Въ прежнес

время хорошо поющіе зяблики цѣнились чрезвычайно высоко и за нихъ платили почти баснословныя цѣны; въ наше время страсть эта почти прекратилась.

Обыкновенный зябликъ причиняетъ мало-мальски значительный вредъ развѣ только въ паркахъ и огородахъ, сѣдая здѣсь со свѣже-посѣянныхъ грядокъ лежащія на поверхности сѣмена. Хотя кромѣ того его обвиняютъ и въ томъ, что онъ приноситъ ощутительный вредъ лѣсамъ, поѣдая выпавшія сѣмена буковыхъ и хвойныхъ деревьевъ, но никто, вѣроятно, самъ не вѣритъ въ справедливость этого обвиненія. Онъ ѣстъ сѣмена различныхъ растений, главнымъ образомъ сорныхъ травъ, своихъ-же птенцовъ кормитъ, а во время гнѣздованія и самъ питается исключительно насѣкомыми, главнымъ образомъ такими, которыя вредятъ нашимъ полезнымъ деревьямъ. Такимъ образомъ приписываемый ему вредъ въ худшемъ случаѣ уравновѣшивается приносимой имъ пользой. Его слѣдовало-бы холить и беречь, но никакъ не преслѣдовать безпощадно, какъ это, къ сожалѣнію, все еще дѣлается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Любители, ловящіе зябликовъ для своихъ клѣтокъ, не уменьшаютъ ихъ численности; ловцы же, цѣлыми тысячами истребляющіе ихъ на токахъ, наносятъ существенный ущербъ размноженію этихъ миловидныхъ птичекъ.

* * *

Ближайшій родственникъ нашего зяблика, попадающійся въ Германіи, — это **Настоящій Вьюрокъ** или **Сарка**, (*Fringilla montifringi la, lulensis, flammea, septentrionalis, media, Struthus montifringilla. Bergfink. Pinson des montagnes*). Длина его достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 26, длина крыла 9, а хвоста 6,6 см. Голова, затылокъ и нижнія шейныя перья, щеки и обѣ стороны шеи совершенно черныя съ голубовато-блестящимъ отливомъ; надхвостныя перья въ срединѣ чисто бѣлыя, по бокамъ черныя; горло и грудь съ желтоватымъ оттѣнкомъ; уздечка, подбородокъ и обѣ стороны брюшка желтовато-бѣлыя, послѣднія покрыты черными пятнами; нижнія кроющія перья хвоста ржаво-желтаго, маховыя перья черно-бураго цвѣта; послѣднія, за исключеніемъ четырехъ переднихъ, снаружи окаймлены узкими, желто-бѣлыми полосами, въ корневой части имѣютъ бѣлое пятно; малыя маховыя перья желтовато-ржаваго цвѣта; малыя кроющія перья крыльевъ нѣсколько свѣтлѣе; среднія — черныя съ желтовато-бѣлыми кончиками; большія кроющія перья — черной окраски съ рѣзко выдѣляющимися желтовато-красными бортами и кончиками. Хвостовыя перья въ конечной половинѣ бѣлаго цвѣта съ желтоватою каймой и клинообразными пятнами на внутренней сторонѣ. Глаза темно-каріе, клювъ свѣтлаго синеваго-сѣраго цвѣта; осенью онъ принимаетъ желтый цвѣтъ воска съ чернымъ оттѣнкомъ на кончикѣ; ноги красно-бурыя. У самки голова и затылокъ зеленовато-сѣрые, верхнія части оливково-сѣро-бурыя, нижнія части свѣтло-сѣрыя. Послѣ линянія яркіе цвѣта прикрываются желтовато-бурыми краями перьевъ.

Область распространенія настоящихъ вьюрковъ простирается по крайнему сѣверу Старога Свѣта, начиная съ 59° широты по направленію къ полюсу, пока встрѣчаются деревья. Отсюда онъ зимой пролетаетъ всю Европу до Испаніи и Греціи, и Азію до Гималайскихъ горъ и во время этихъ путешествій чрезвычайно часто залетаетъ къ намъ. Онъ уже въ августѣ собирается въ стаи, въ послѣдующіе мѣсяцы пребываетъ въ южныхъ мѣстностяхъ своей родины и затѣмъ постепенно подвигается на югъ. У насъ онъ является въ концѣ сентября; въ Испаніи — спустя нѣсколько дней, хотя не въ такомъ количествѣ и не съ такой правильностью, какъ у насъ. Направленіе ихъ путешествія опредѣляется сплошными лѣсами и хребтами горъ, если только не измѣняется въ нѣкоторой степени, благодаря стаямъ другихъ вьюрковъ, къ которымъ они охотно присоединяются. Въ Германіи настоящій

вьюрокъ въ лѣсахъ и поляхъ встрѣчается постоянно среди обыкновенныхъ зябликовъ, коноплянокъ, овсянокъ, полевыхъ воробьевъ и зеленушекъ. Группа деревьевъ или отдѣльное высокое дерево въ полѣ служить мѣстомъ, сборища, близъ лежащей лѣсъ—ночнымъ убѣжищемъ этихъ стай. Отсюда они улетаютъ въ поля отыскивать пищу. Глубокіе снѣжные заносы, покрывающіе ихъ кормовыя мѣста, принуждаютъ ихъ перебираться изъ одной мѣстности въ другую. Ихъ перелетъ совершается неправильно и обусловливается различными случайностями.

Настоящій вьюрокъ имѣетъ много сходства съ обыкновеннымъ зябликомъ. И онъ въ отдѣльности задорная, вспыльчивая, сварливая и завистливая птица, хотя въ общемъ, повидимому, чрезвычайно общительная. Стаи этихъ птицъ живутъ мирно и не ссорятся, отдѣльные же экземпляры, все время проводятъ въ дракахъ. Своими движеніями настоящій вьюрокъ очень напоминаетъ обыкновеннаго зяблика, въ пѣніи же ему сильно уступаетъ. Его призывной голосъ состоитъ изъ отрывистаго звука «ек, ек» или протяжнаго «квэк», за которымъ иногда слѣдуетъ крикливое «шрюиг». Пѣніе состоитъ изъ неблагозвучнаго, неправильнаго и беспорядочнаго чириканья, представляющаго, собственно говоря, ничто иное, какъ произвольное сочетаніе различныхъ звуковъ.

Какъ всѣ сѣверныя перелетныя птицы, онъ сначала доврчивъ и смѣлъ, но, благодаря преслѣдованіямъ, скоро становится осторожнѣе и нерѣдко чрезвычайно пугливъ.

На родинѣ настоящій вьюрокъ населяетъ хвойныя лѣса, притомъ такіе, въ которыхъ встрѣчаются березы или даже березовыя лѣса, но ни въ какомъ случаѣ не встрѣчается въ такомъ количествѣ, какъ обыкновенныя зяблики при одинаковыхъ условіяхъ; напротивъ того, они часто до такой степени разъединяются, что ихъ долго приходится разыскивать. Каждая парочка отдѣляетъ себѣ мѣсто гнѣздованія, самцы же и въ птенцовую пору отъ времени до времени миролюбиво посѣщаютъ другъ друга. Въ нѣкоторыхъ лѣсахъ, по моимъ наблюденіямъ, они были чрезвычайно доврчивы, въ другихъ необыкновенно пугливы. Въ общемъ же они ведутъ себя во всѣхъ отношеніяхъ такъ-же, какъ у насъ въ зимнее время. Даже во время спариванія они не бываютъ особенно привлекательны. Гнѣздо ихъ похоже на гнѣздо обыкновеннаго зяблика, только стѣнки его всегда толще; снаружи оно обложено не только мхомъ, но очень часто и берестой; внутренность его выложена тонкой шерстью и нѣсколькими перьями; послѣднія обыкновенно вдѣлываются въ верхній край гнѣзда, которое, вслѣдствіе этого, иногда бываетъ на половину закрыто. Яицъ бываетъ отъ 5 до 8 штукъ, отъ 17—25 м.м. длиною и отъ 13—14 м.м. толщиною; они отличаются отъ яицъ родичей болѣе зеленоватою окраской фона.

Маслянистыя сѣмена различныхъ растений, а лѣтомъ кромѣ того и насѣкомыя служатъ пищею и этому виду вьюрковъ.

На вьюрковъ у насъ охотятся главнымъ образомъ ради ихъ вкуснаго, хотя немного и горькаго мяса, на вьюрковыхъ точкахъ ихъ часто ловятъ въ огромномъ количествѣ. При ихъ неопытности они становятся легкой добычей различныхъ другихъ ловушекъ. Греснеръ описываетъ своеобразный способъ охоты и при этомъ поясняетъ, почему жители города Бергцаберна во всемъ Пфальцѣ извѣстны подъ именемъ «Вондѣг». Подъ этимъ именемъ на народномъ нарѣчій извѣстенъ также настоящій вьюрокъ, на котораго жители Бергцаберна въ извѣстное время ревностно охотятся; это случается именно тогда, когда въ прекрасныхъ буковыхъ лѣсахъ, окружающихъ этотъ городокъ, бываетъ урожай на буковые орѣшки, которые цѣлыми массами привлекаютъ туда сѣверныхъ гостей. «Подобный случай», пишетъ Греснеръ, «въ среднемъ бываетъ разъ въ 2—5 лѣтъ и, уже съ незапамятныхъ временъ, становится

для жителей этого городка настоящимъ событіемъ. Когда, съ наступленіемъ зимней непогоды, предвидится нашествіе этихъ птицъ, то ревностные и опытные развѣдчики искаживаютъ эти лѣса вдоль и поперекъ. Если они возвращаются въ городъ съ радостными криками: «Они здѣсь!» то каждый знаетъ, что прибыли предвѣстники нашихъ зябликовъ. Весь городъ приходитъ въ волненіе, ни о чемъ больше не говорятъ, какъ объ этой дичи, и каждый, кому позволяютъ обстоятельства, снаряжается на охоту. Последняя для всѣхъ участвующихъ въ ней совершенно безопасна, такъ какъ оружіемъ служитъ сарбаканъ около 3 м. длины, изъ котораго бросаютъ или, вѣрнѣе, выдуваютъ глиняные шарики, предварительно основательно округленные и отшлифованные.

«Опытный охотникъ, разумѣется, сочтетъ подобную охоту скорѣе за дѣтскую забаву, нежели за занятіе, достойное серьезныхъ, положительныхъ людей; тѣмъ не менѣе въ ней участвуютъ не только различные чиновники, купцы, мѣщане, ремесленники и поденщики, но даже опытные охотники. Она чрезвычайно интересна и сильно возбуждаетъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ богата самыми комическими приключеніями. Такъ какъ участвовать въ этой охотѣ можетъ каждый, то среди участвующихъ встрѣчаются также мальчики отъ 15—16 лѣтъ. Съ наступленіемъ сумерекъ всѣ охотники группами отправляются въ путь. Почти изъ всѣхъ домовъ длинной улицы ведущей къ лѣсу, къ нимъ присоединяются ихъ сотоварищи; достигнувъ окраины города, все общество представляетъ собой длинную цѣпь, въ которой масса захваченныхъ фонарей напоминаетъ собой блуждающіе огоньки. Еслибы человѣку, непосвященному въ тайны подобной охотничьей процессіи, случилось ее встрѣтить, онъ былъ бы способенъ принять это фантастическое, подозрительное общество за кого угодно, но только не за участниковъ въ охотѣ. Нѣкоторые охотники, весьма странно и комично одѣтые, для защиты отъ ночного холода надѣваютъ на спину особаго рода корзинки, другіе несутъ на плечахъ порядочныхъ размѣровъ сковороды, а сбоку сумки; большинство же несетъ длинныя, высокоприподнятыя палки, точно копья, торчащія надъ головами толпы. Это и есть настоящіе охотники съ ихъ сарбаканами, остальные же — прислужники, несущіе съ собой вино, провизію и освѣтительный матеріалъ. Для полнаго снаряженія охотниковъ прежде всего необходима соответствующая масса смолистаго дерева, расщепленнаго на мелкія лучины; послѣднія съ избыткомъ пропитаны скипидаромъ, вслѣдствіе чего горятъ очень ярко и потому служатъ отчасти факелами, отчасти освѣтительнымъ матеріаломъ для сковородъ.

«Охотничья процессія безмолвно спѣшитъ черезъ лѣсъ къ тѣмъ мѣстамъ, которыя изобиловали буковыми орѣшками и днемъ усердно посѣщались вьюрками. Ночь эти птицы обыкновенно проводятъ, сидя на горизонтальныхъ сучьяхъ отдѣльныхъ, близко стоящихъ другъ около друга елокъ, чаще всего на незначительной высотѣ, и притомъ сидятъ всегда такъ близко, что касаются одинъ другаго. Затѣмъ все общество охотниковъ разбивается на отдѣльныя группы. Съ помощью фонарей зажигаются факелы; несущіе ихъ слуги по всѣмъ направленіямъ освѣщаютъ лѣсъ и, выслѣдивъ ночное убѣжище цѣлаго общества птицъ, извѣстными знаками извѣщаютъ о томъ прочимъ участникамъ охоты; послѣдніе сбѣгаютъ, разводятъ на сковородахъ огонь и помѣщаютъ ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ освѣщали сонныхъ птицъ съ задней стороны. Ходячіе факелы и постепенно вспыхивающее тамъ и сямъ на сковородахъ пламя въ темномъ еловомъ лѣсу производятъ на новичка неподдающееся описанію впечатлѣніе, особенно при сверкающемъ снѣгѣ. Неизбѣжный въ это время трескъ нѣкоторыхъ сухихъ сучьевъ, происходящій отъ шаговъ участвующихъ, нисколько не смущаетъ птицъ.

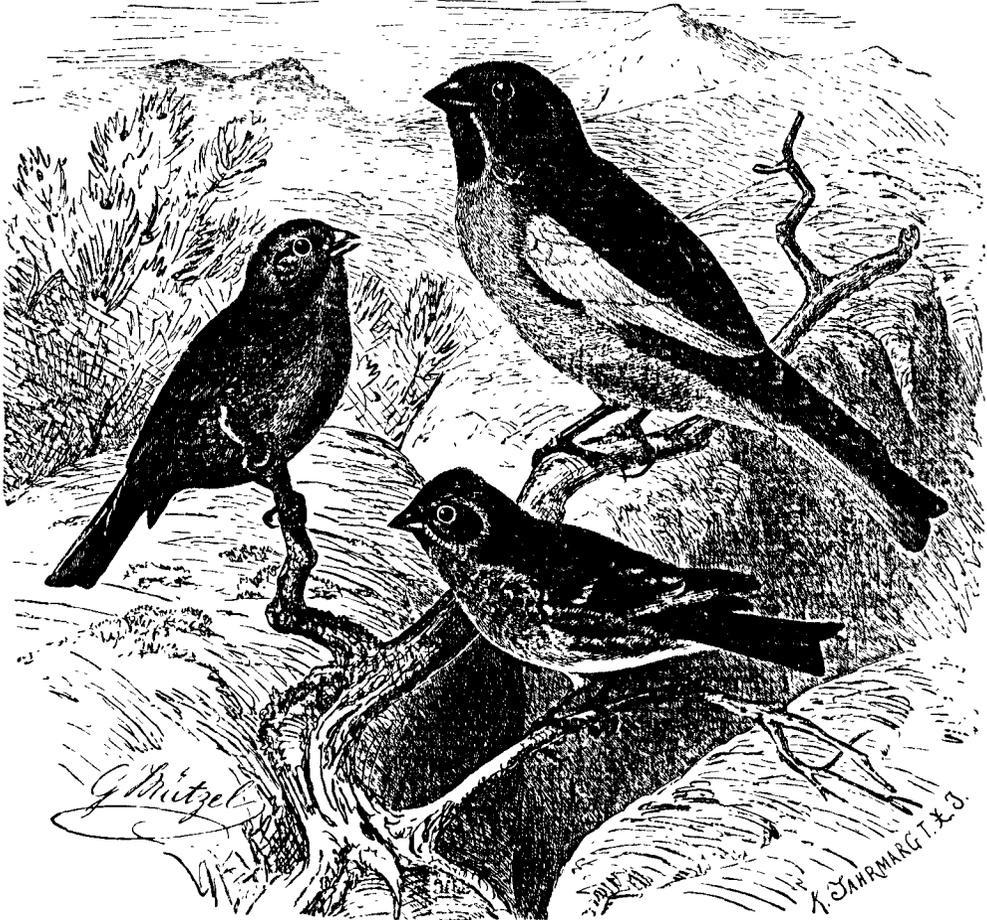
«Ихъ ночныя убѣжища освѣщаются такимъ образомъ какъ бы луннымъ свѣтомъ, что даетъ возможность цѣлиться. Обыкновенно подь одно дерево становятся 2—3 стрѣлковъ, изъ которыхъ каждый избираетъ цѣлый сучекъ, занятый птицами, и обходить ихъ такимъ образомъ, чтобы онѣ были обращены къ нему хвостами. Цѣлятся въ спину, и птица лишь въ томъ случаѣ падаетъ на землю безъ всякаго звука, если глиняный шарикъ съ извѣстной силой поражаетъ ее именно въ это мѣсто. Ея мѣсто тотчасъ занимаютъ сосѣди, чтобы для защиты отъ холода снова сомкнуть свой строй. Въ своемъ полусонномъ состояннн онѣ вѣроятнн воображаютъ, что сосѣдь улетѣлъ. Если стрѣлокъ стрѣляетъ мѣтко и сильно, то ему нерѣдко удается, при большой осторожности, перестрѣлять съ одного сука всю длинную вереницу птицъ, состоящую изъ нѣсколькихъ дюжинъ, ни на шагъ не сойдя съ своего мѣста. Убитыхъ птицъ собираютъ лишь тогда, когда нижнн сучья дерева совершенно обстрѣлены. Достаточно, чтобы одна не убитая на повалъ птица издала болѣзненный крикъ или «пискъ», и весь рой, сотнями и тысячами покрывающнй могучую ель, тотчасъ улетаетъ, а неловкнй стрѣлокъ остается не при чемъ.

«Хотя ни одна вѣтка не колыхнется, тѣмъ не менѣе кажется, будто бы въ безмолвномъ до сихъ поръ лѣсуразразился сильный ураганъ; въ воздухѣ проносится сильный шумъ и свистъ, точно злые духи тьмы вырвались на свободу, чтобы предостеречь посторонннхъ людей, осмѣлившихся обезпokoить ихъ владѣнн: этотъ адскнй шумъ производятъ потревоженныя въ своемъ снѣ птицы, которыя, чирикая отъ страха, цѣлыми массами въ беспорядкѣ носятся по воздуху. Въ эту ночь охоту уже приходится прекратить и всѣ приготовления и пережитыя безпokoйства были напрасны. Горе тому охотнику, который, благодаря одному неудачному выстрѣлу, сдѣлался виновникомъ отлета птицъ. Его товарищи осыпаютъ его цѣлымъ потокомъ упрековъ и чествуютъ всѣми эпитетами, свойственными мѣстному охотничьему лексикону. Кроме того ему приходится переносить еще насмѣшки прочнхъ охотниковъ, которые на болѣе отдаленныхъ мѣстахъ успѣли заручиться богатой добычей.

«Вьюрки отличаются горьковатымъ вкусомъ, сходнымъ со вкусомъ мяса обыкновенныхъ дроздовъ; только мясо ихъ нѣжнѣе и вкуснѣе; они гораздо жирнѣе и поэтому представляютъ собой изысканное, лакомое блюдо. Въ годъ, обильннй добычей, цѣна за дюжину этихъ птицъ падаетъ до 60 пфенниговъ».

На самыхъ вершинахъ Альпнйскихъ горъ Стараго Свѣта отъ Пиренеевъ до самой Сибири, лѣтомъ всегда выше пояса лѣса обитаетъ родственннй нашему обыкновенному зяблику — **Горннй зябликъ** (*Fringilla nivalis*, *saxatilis*, *Montifringilla nivalis*, *glacialis*, *Plectrophanes fringilloides*, *Emberiza*, *Chionospina*, *Orites*, *Geospiza*, *Leucosticte nivalis*. Schneefink. Pinson des neiges). Онъ отличается отъ вышеописанныхъ видовъ длиннымъ, крючковатымъ, шпоровиднымъ когтемъ задняго пальца, длинными крыльями и одинаковымъ опереннемъ обоихъ половъ. Длина птицы приблизительно равна 20, размахъ крыльевъ 36, длина крыла 11, хвоста 8 см. Темя, щеки, задняя часть шеи и обѣ стороны ея свѣтлаго, пепельно-сѣраго цвѣта; нижння шейныя перья кофейнаго цвѣта и окаймлены болѣе свѣтлой полоской; перья надхвостья посредннѣ черныя, съ бѣловатымъ или буроватымъ волнистымъ рисункомъ, съ боковъ бѣлыя; горло и зобъ черные, обѣ стороны груди и пахи свѣтлаго желтовато-пепельно-сѣраго цвѣта; подбородокъ, грудь и середина брюшка грязновато-бѣлые; перья бедра свѣтло-сѣрыя; окружность задняго прохода и нижння кроющня перья хвоста бѣлаго цвѣта; послѣдння покрыты на концахъ маленькими темно-бурыми пятнами. Первыя семь большихъ маховыхъ перьевъ чернаго цвѣта, при чемъ снаружи и на концахъ украшены буроватыми бѣлыми каймами; восьмое маховое перо у основанн и съ на-

ружной стороны чернаго цвѣта, въ остальныхъ частяхъ оно такъ-же бѣлоснѣжно, какъ и прочія маховыя перья, за исключеніемъ послѣдняго, которое кофейнаго цвѣта; края крыльевъ, малыя, среднія, и почти всѣ большія покровныя перья ихъ, а также заднія и малыя маховыя перья темно-бурыя съ свѣтло-бурыми каймами. Среднія хвостовыя перья черныя, съ наружной бѣлой каймой; всѣ остальные бѣлоснѣжнаго цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ шиферно-чернаго, осенью и зимой воскового желтаго цвѣта, но постоянно съ чернымъ кончикомъ; ноги черныя.

Лимонный чижъ. *Chrysomitris citronella*. Зябликъ горный. *Fringilla nivalis*. Горная чечетка. *Acanthis rufescens*. $\frac{1}{2}$ наст. велич.

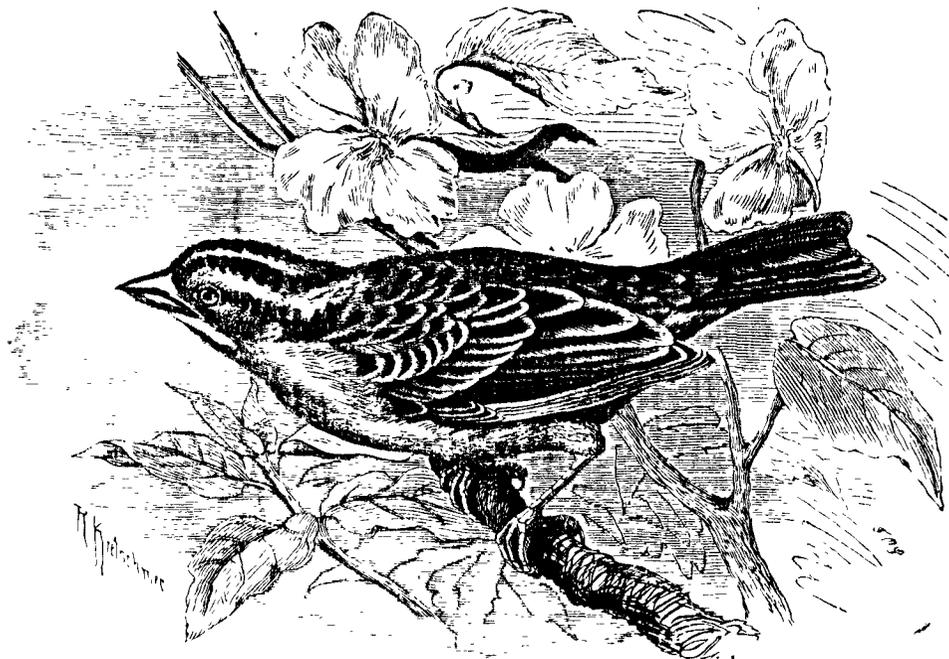
Послѣ линянія осенью всѣ темныя цвѣта до нѣкоторой степени прикрываются болѣе свѣтлыми каймами перьевъ.

Мѣстопробываніемъ горныхъ зябликовъ служатъ Альпы, Карпаты, Кавказъ, Персидскія возвышенности и Гиммалайскія горы. По мнѣнію Штелкера они почти такъ-же присущи высокому горному поясу, какъ и бѣлая Альпійская куропатка. Только большіе снѣжные заносы и сильный холодъ могутъ заставить ихъ спуститься въ долины. Ранней зимой это случается гораздо рѣже, нежели поздней, потому что пока имѣются еще кормовыя запасы, снѣгъ и морозъ нисколько не беспокоятъ эту привыкшую къ холоду птицу. «Альпійскія завирушки спускаются въ долины еще раньше горнаго зяблика», говоритъ Гиртаннеръ; «я помню только

одного горного яблика, который былъ убитъ въ С-тъ Галленѣ. Только крайняя нужда можетъ заставить ихъ спуститься въ долину. Остаются-ли они въ своихъ районахъ даже во время самой суровой зимы, когда на вершинахъ горъ наступаетъ царство снѣга, льда и суровыхъ вѣтровъ, и когда даже стѣнолазъ и завирушка, бородачатый ягвятикъ и бѣлая куропатка покидаютъ свою родину на этихъ высочайшихъ вершинахъ,—я не знаю; но не могу себѣ представить, чтобы это было такъ, потому что невозможно опредѣлить, чѣмъ бы они могли питаться въ это время на горахъ». Даже во время самой суровой зимы они едва-ли покидаютъ горы, и случаи, когда они дѣйствительно залетали въ Германію, должно причислить къ числу самыхъ рѣдкихъ. Во время лѣта горный ябликъ живетъ только въ самомъ высокомъ поясѣ Альповъ подѣ самой снѣговой линіей; во время высыживания яйца держится парочками, послѣ того обществами и стаями, чаще всего по краямъ каменистыхъ отлогостей, по которымъ онъ быстро прыгаетъ по скаламъ; иногда вмѣстѣ со своими сотоварищами поднимается на воздухъ и при тихомъ крикѣ, «юп юп» пролетаетъ нѣкоторое разстояніе, но скоро снова опускается на землю и продолжаетъ такъ-же усердно, какъ и прежде отыскивать себѣ пищу. Въ страхѣ онъ жалобно чирикаетъ, а объ опасности извѣщаетъ трескучимъ звукомъ «гре». Пѣніе его, которое на волѣ слышится лишь въ пору спариванія и состоитъ изъ тѣхъ-же звуковъ, изъ пѣсенъ всѣхъ ябликовъ знатоками считается самымъ плохимъ, оно отрывисто, грубо и звучитъ непріятно. Своими движениями онъ скорѣе напоминаетъ подорожника и жаворонка, чѣмъ обыкновеннаго яблика, и также какъ тѣ летаетъ легко и плавно; если его вспугнуть, то онъ обыкновенно поднимается на значительную высоту, но часто, описавъ въ воздухѣ довольно большой кругъ, возвращается почти на то-же самое мѣсто. Человѣкъ онъ не боится, и если онъ при его появленіи улетаетъ, то это случается вѣроятно всего чаще оттого, что его пугаетъ непривычное явленіе. На горныхъ дорогахъ онъ зимой постоянно прилетаетъ къ сторожевымъ будкамъ и гостинницамъ и тамъ, гдѣ увѣренъ въ своей безопасности, безъ боязни влетаетъ въ дома и улетаетъ изъ нихъ; но преслѣдованія и его скорѣе научаютъ быть осторожнѣе. Уже въ апрѣлѣ, большею-же частью въ началѣ мая горный ябликъ приступаетъ къ размноженію. Онъ охотнѣе всего гнѣздится въ щеляхъ крутыхъ, отвѣсныхъ скалистыхъ стѣнъ, иногда также въ трещинахъ скалъ или подѣ крышею отдѣльныхъ построекъ, не обращая вниманія на то, обитаемы онѣ или нѣтъ. Гнѣздо его, представляющее плотную крупную постройку, сооружается изъ тонкихъ стебельковъ и тщательно выстилается шерстью, конскимъ волосомъ, перьями бѣлой куропатки и тому подобными веществами. Яйца, которая своей величиной превосходятъ яйца обыкновеннаго яблика, бѣлоснѣжнаго цвѣта. Оба родителя сообща вскармливаютъ своихъ дѣтенышей, главнымъ образомъ личинками, пауками и червячками. Если они насиживали яйца въ долинѣ, то они какъ можно скорѣе уводятъ вылетѣвшихъ птенцовъ въ область вѣчныхъ снѣжныхъ полей. Здѣсь, какъ и во время зимы, пищу ихъ составляютъ различныя сѣмена, и, повидимому, они и въ голодное время года не терпятъ недостатка. Въ горныхъ гостинницахъ ихъ всегда кормятъ и потому они часто стаями собираются вокругъ этихъ гостепримныхъ домовъ.

Пойманные яблики очень скоро привыкаютъ къ клѣткѣ, довольствуются всякой подходящей пищей и своимъ спокойнымъ и миролюбивымъ нравомъ, своей общительностью и кротостью приобретаютъ расположеніе каждаго человѣка.

Въ Америкѣ мы находимъ до 70-ти видовъ вьюрковъ, отличающихся пестрымъ оперениемъ, напоминающимъ собою оперение подорожниковъ; клювъ у нихъ стройный, конусовидный, съ прямымъ кончикомъ и слегка изогнутымъ хребтомъ; ноги съ высокими плюснами и длинными пальцами, вооруженными большими когтями, изъ коихъ задній имѣетъ видъ шпорцы; крылья средней длины, отличающіяся чрезвычайно длинными маховыми перьями; хвостъ различной длины; ихъ называютъ **Подорожниковыми вьюрками** (*Zonotrichia*. Ammerfinken. *Zonotriches*). Они много времени проводятъ на землѣ и своими движеніями здѣсь совершенно напоминаютъ подорожниковъ. Нѣкоторые виды—лѣсные птицы, которыя избѣгаютъ открытых луговъ; другіе живутъ по берегамъ рѣкъ въ мѣстностяхъ, обильныхъ водой,

Бѣлогорлый воробей. *Zonotrichia albicollis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

иные—на поляхъ и лугахъ, нѣкоторые даже у моря, и наконецъ, отдѣльные виды въ Новомъ Свѣтѣ замѣняютъ нашихъ воробьевъ.

Сѣверная Америка оживляется присутствіемъ **Бѣлогорлаго воробья** (*Zonotrichia albicollis pennsylvanica*, *Fringilla albicollis* и *pennsylvanica*, *Passer pennsylvanicus*, *Weisshalssperling*. Moineau de Pennsylvanie). Посреди чернаго темени и затылка его тянется узкая бѣловатая линія; кромѣ нея имѣется другая широкая, бурая полоса, ограниченная на удечкѣ желтой, а внизу за глазами черной полоской. Щеки и ушная область пепельнаго цвѣта; подбородокъ и горло бѣлые и отграничены снизу неясной, узкой, темной полосой. Нижнія части, за исключеніемъ буровато-сѣраго зоба и ржаво-буроватыхъ боковъ, бѣлыя; послѣдніе покрыты темными продольными черточками; верхнія части и кроющія перья крыльевъ ржаво-бурья, нижнія шейныя и малыя маховыя перья покрыты черными стержневыми пятнами и снаружи снабжены желтоватыми каймами. Подхвостныя перья ржаво-бурья; маховыя и рулевыя перья оливково-бурого цвѣта съ узкими блѣдно-ржавыми каймами; заднія малыя маховыя перья и малыя кроющія украшены снаружи широкими ржаво-бурими

каймами. Глаза орѣховаго цвѣта; верхняя часть клюва рогового-бураго, нижняя свѣтло-синяго, ноги тѣлеснаго цвѣта. Окраска самокъ болѣе тусклая. У птенцовъ и самоцовъ во время зимняго оперенія брови, а также полоса, проходящая вдоль головы, блѣдно-ржавой окраски; бѣлизна же горла менѣе рѣзко отграничена. Длина тѣла птицы достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 23, длина крыльевъ 8, хвоста 8 см.

Птица эта распространяется по всѣмъ восточнымъ штатамъ Сѣверной Америки, но на сѣверѣ является лишь перелетной птицей, на югѣ-же живетъ только зимой. «Этотъ прелестный въюркъ», говоритъ Одюбонъ, «въ Луизианнѣ и во всѣхъ остальныхъ южныхъ штатахъ бываетъ только гостемъ, такъ какъ остается здѣсь лишь короткое время. Онъ появляется въ началѣ сентября и снова исчезаетъ въ мартѣ. Въ среднихъ штатахъ онъ остается нѣсколько долѣе. Всѣ плетни и заборы, окружающіе поля, кустарники и другія подходящія мѣстечки вдругъ видишь покрытыми обществами этихъ птицъ, въ числѣ отъ 30—50 штукъ, которыя всѣ живутъ между собой въ большой дружбѣ. Съ плетней онѣ слетаютъ на землю и здѣсь прыгаютъ, отыскивая себѣ сѣмена травъ. При первомъ звукѣ, извѣщающемъ объ опасности, вся стая снова улетаетъ на плетень и здѣсь скрывается въ самой густой чащѣ. Нѣсколько минутъ спустя они, одинъ за другимъ, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, появляются на макушкахъ деревьевъ, и здѣсь начинаютъ пѣть свою коротенькую, но чрезвычайно пріятную пѣсенку. Въ звукахъ слышится какая-то нѣга, которая не поддается описанію. Я могу только сказать, что не разъ съ восторгомъ внимала этому пѣнію. Тотчасъ послѣ пѣнія всѣ снова слетаютъ на землю. Это продолжается цѣлый день. Съ разсвѣтомъ эти зяблики испускаютъ болѣе рѣзкіе и пронзительные звуки, которые можно было бы передать слогомъ «твитъ»; этотъ-же звукъ мнѣ случалось слышать и ночью, являясь какъ бы окликомъ: «все обстоитъ благополучно». Въ теплые дни такая стая улетаетъ и въ лѣса и тамъ отыскиваетъ себѣ нищу на лозахъ дикаго винограда, подбираетъ ягоды, оставшіяся послѣ зимы, или чтонибудь другое; но никогда они не удаляются совершенно отъ своей любимой чащи. Съ наступленіемъ весны птицы покидаютъ югъ, чтобы переселиться на сѣверъ». Гнѣздо всегда находится на землѣ, въ весьма разнообразныхъ мѣстахъ: то подъ небольшимъ кустомъ, то въ болотистой чащѣ, то у подножія стараго дерева, иногда также въ углубленіи среди корней; оно очень большихъ размѣровъ, глубоко и обширно внутри и свивается изъ мха и грубыхъ травъ, внутри выложено болѣе нѣжными стебельками, волосами, а также нѣсколькими перьями и растительными волокнами. Оно содержитъ 4—7 яицъ, 22 м.м. длины и 15 м.м. толщины, покрытыхъ повсюду въ большей или меньшей степени на зеленовато-бѣломъ фонѣ частыми рыжевато-красными и ржаво-бурыми пятнами. Въ іюнѣ мѣсяцѣ, во время размноженія, самецъ необыкновенно оживленъ и весьма прилежно напѣваетъ единственную строфу своей пѣсенки, состоящую изъ 12 различныхъ звуковъ, которые народъ часто передаетъ различными веселыми сочетаніями словъ; пѣсня поется безъ всякихъ варіацій, такъ что въ концѣ концовъ производитъ впечатлѣніе монотонности.

Кое гдѣ бѣлогорлаго зяблика убиваютъ и ловятъ ради его вкуснаго мяса или чтобы посадить въ клѣтку. Сидя въ ней, онъ доставляетъ пѣніемъ тѣмъ большее удовольствіе, что въ весеннее время, по свойственной ему на родинѣ привычкѣ, обыкновенно поетъ также и ночью.

* * *

Упомянемъ здѣсь также о другомъ представителѣ этого семейства, о **Снѣжномъ въюркѣ**, (*Zonotrichia hiemalis*, *Iunco hiemalis*, *Fringilla hiemalis*, *hudsonia*

nivalis, *Niphaea*, *Emberiza*, *S tuthus hyemalis* или *hiemalis*. *Winterammerfink*, *Passereau boreal*) котораго, говорятъ, разъ видѣли въ Исландіи. Длина его достигаетъ 15, размахъ крыльевъ 22, длина крыла 8, хвоста 7, 5 см. Голова и верхнія части тѣла темнаго, шиферно-сѣраго цвѣта; нижнія части, начиная отъ груди, бѣлыя; маховыя перья и покровныя перья ихъ темно-бурыя, съ неясными буроватыми каймами снаружи; перья хвоста буро-черныя, оба крайнихъ бѣлаго цвѣта, третье съ каждой стороны украшено продолговатымъ бѣлымъ стержневымъ пятномъ. Глаза темно-бурыя; клювъ красновато-бѣлаго рогового, а ноги тѣлеснаго цвѣта.

Родиною снѣжнаго вьюрка служатъ сѣверные Соединенные Штаты до арктическаго пояса включительно. Онъ принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ видамъ своего семейства и часто встрѣчается въ большей части сѣверной Америки, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время. «Я исходилъ страну отъ сѣверной части Мэна до Георгіи» говоритъ Вильсонъ, «и прошелъ около 1800 (англійскихъ) миль, но не помню ни одного дня и даже ни одной мили пути, въ теченіи которыхъ я не видѣлъ бы стаи этихъ птицъ, иногда изъ многихъ тысячъ штукъ; всѣ другіе путешественники, съ которыми я говорилъ, подтвердили мнѣ то же самое: они тоже всюду находили этихъ птицъ». Снѣжный вьюрокъ житель горъ и сѣвера; онъ появляется въ Соединенныхъ Штатахъ въ концѣ октября и снова покидаетъ ихъ къ концу апрѣля. Въ одно прекрасное утро ихъ вдругъ во множествѣ видишь тамъ, гдѣ за день до того не было видно ни одного. Сначала онъ держится маленькими стаями по 20—30 штукъ и кочуетъ по опушкамъ лѣсовъ, рощамъ и изгородамъ, позднѣе онъ собирается въ болѣе многочисленныя стаи, апередъ бурей образуетъ массы, состоящія изъ нѣсколькихъ тысячъ птицъ. Пока земля еще не покрыта снѣгомъ, онъ питается сѣменами травъ, ягодами и насѣкомыми, нерѣдко вмѣстѣ съ тетеревами, дикими индѣйками, а также бѣлками, которыя отыскиваютъ ту же пищу. Но когда выпадетъ снѣгъ и покроетъ мѣста кормежки бѣлымъ покровомъ, онъ появляется на дворахъ крестьянъ, по дорогамъ, а подъ конецъ и на улицахъ городовъ, довѣрчиво отдается подъ покровительство человѣка и ежедневно становится жертвой жестокаго обмана: птицъ этихъ ловятъ сотнями, хотя добросердечные люди иногда и кормятъ ихъ и оказываютъ имъ свое покровительство. Они довѣрчиво пропускаютъ близко мимо себя пѣшехода и всадника и взлетаетъ развѣ тогда, когда боятся, что прохожій можетъ ихъ раздавить. Съ началомъ весны они покидаютъ города и деревни, чтобы улѣтѣть въ свои милыя горы или на родной сѣверъ.

Къ другимъ птицамъ того же семейства снѣжный вьюрокъ присоединяется рѣдко. Развѣ только въ деревняхъ онъ во время перелета соединяется съ такъ называемымъ пѣвчимъ вьюркомъ и другими родичами; но и въ этомъ случаѣ онъ все же держится отдѣльно отъ прочихъ. Ночь онъ проводитъ, сидя на деревѣ, или же, подобно другимъ вьюркамъ, въ естественномъ, или имъ самимъ устроенномъ углубленіи въ скирдѣ. Одюбонъ увѣряетъ, что между отдѣльными птицами этого вида отношенія нѣсколько холодны, и что ни одна изъ нихъ не потернитъ слишкомъ большой фамиллярности. Маленькіе клювы тотчасъ раскрываются, крылья растопыряются, если къ нимъ приблизится чужой; ихъ глаза сверкаютъ и онѣ издають угрожающій крикъ, чтобы вразумить нарушителя ихъ покоя. По своимъ движеніямъ снѣжный вьюрокъ похожъ на нашего воробья. Онъ легко скачетъ по землѣ, летаетъ быстро и въ битвахъ съ себѣ подобными, вызванныхъ ревностью, обнаруживаетъ большую човкость.

Скоро послѣ прибытія на свою настоящую родину снѣжный вьюрокъ приступаетъ къ размноженію. Самцы вступаютъ въ жаркія драки, летаютъ взадъ и впередъ, гоняясь другъ за другомъ, причемъ сильно распускаютъ крылья и хвостъ и

дѣлаются при этомъ гораздо красивѣе. Въ то же время они доставляютъ удовольствіе своимъ простымъ, но приятнымъ пѣніемъ, главную часть котораго составляетъ нѣсколько полныхъ продолжительныхъ тоновъ; Гергардтъ называетъ его щебетаніемъ, похожимъ на щебетаніе молодыхъ канареекъ. Пары отыскиваютъ себѣ затѣмъ удобное мѣсто для гнѣзда, охотнѣе всего на горномъ обрывѣ, густо поросшемъ кустарникомъ, и строятъ себѣ здѣсь, всегда на землѣ, изъ кусочковъ коры и травинокъ гнѣздо, которое выстилается внутри нѣжнымъ мхомъ, лошадиными и другими волосами. Яицъ бываетъ почти всегда четыре; они длиною около 30 мм., толщиною 16 мм. и густо разрисованы на желтовато-бѣломъ фонѣ мелкими красно-бурыми пятнами. Я не нахожу никакого указанія относительно участія самца въ насиживаніи; однако упоминается, что оба родителя долгое время водятъ вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ, заботливо охраняютъ ихъ и въ случаѣ опасности предостерегаютъ своеобразнымъ звукомъ.

Пойманные сѣбжные вьюрки попадаютъ иногда къ намъ въ клѣтки, но никому особенно не нравятся.

Отъ настоящихъ вьюрковъ **Снигиревыя** (Pyrrhulinae) отличаются тѣмъ, что клювъ ихъ окруженъ при основаніи щетинками и обыкновенно очень коротокъ и высокъ.

Зеленушка, Чинаровка, Лѣсная канарейка, Распѣвъ, Дубоносна, Зеленая дубоносна. (*Chloris hortensis, pinetorum, flavigaster, aurantiiventris, Ligurinus chloris, chloroticus, aurantiiventris, Chlorospiza chloris, chlorotica, Passer, Loxia, Fringilla, Serinus, Coccothraustes chloris. Grünfink. Verdier*) отличается плотнымъ тѣлосложеніемъ, коротко-коническимъ клювомъ съ острыми, рѣжущими, вогнутыми краями, короткопалыми ногами, крыльями средней длины, верхушка которыхъ составлена концами трехъ первыхъ маховыхъ перьевъ, и довольно короткимъ хвостомъ съ неглубокой выемкой по срединѣ. Длина птицы достигаетъ 12,5, размахъ крыльевъ 26, длина крыла 8,3, хвоста 6 см. Преобладающій цвѣтъ оливково-желто-зеленый; край лба, брови, задняя часть щекъ, подбородокъ и верхняя часть горла ярче и болѣе желтаго цвѣта; область ушей, затылокъ, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и нижняя часть боковъ съ пепельно-сѣрымъ оттѣнкомъ; нижняя часть груди, брюхо, нижнія кроющія перья хвоста и край крыла яркаго лимонно-желтаго цвѣта; перья, окружающія заднепроходное отверстіе—бѣлыя; большія маховыя перья чернаго цвѣта съ узкими сѣрыми каймами на концахъ, шесть первыхъ снаружи до одной трети отъ конца яркаго лимонно-желтаго цвѣта; малыя маховыя и ихъ кроющія перья чернаго цвѣта, снаружи пепельно-сѣраго; остальные верхнія кроющія перья крыла оливково-желто-зеленыя; всѣ маховыя внутри у основанія съ бѣлыми краями; рулевыя перья, за исключеніемъ обоихъ среднихъ, отъ корня до половины лимонно-желтыя, на остальномъ протяженіи черныя. Глаза темно-бурые; клювъ и ноги красновато-сѣрые. Самка окрашена менѣе ярко, на спинѣ съ буро-сѣрымъ оттѣнкомъ, на срединѣ нижней части груди и брюха бѣлаго цвѣта; малыя маховыя и ихъ кроющія перья имѣютъ снаружи красновато-бурыя каймы. Молодые птицы сверху оливково-желто-бурыя съ неясными болѣе темными полосками; стороны головы, надхвостье и вся нижняя сторона блѣдно-желтоватаго цвѣта съ узкими ржаво-буроватыми продольными черточками.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ Европы зеленушка встрѣчается въ этой части свѣта вездѣ и распространена также по сѣверо-западной Африкѣ и Малой Азій до Кавказа. Она очень обыкновенна въ южной Европѣ, именно въ

Испани, но вовсе нерѣдка и у насъ. Она охотнѣе всего населяетъ плодородныя мѣстности, гдѣ роши чередуются съ полями, лугами и садами, во множествѣ находится во всѣхъ низменностяхъ, орошаемыхъ рѣками, держится въ непосредственной близости жилыхъ построекъ, но избѣгаетъ лѣсовъ. У насъ она, въ зависимости отъ условій, является перелетной птицей, въ южной Европѣ—живетъ осѣдло. Тѣ, которыя зимуютъ у насъ, вѣроятно, родомъ съ сѣвера.

Только во время кочевокъ зеленушка соединяется съ родственными птицами въ многочисленныя стаи, какъ на примѣръ съ обыкновенными зябликами, горными вьюрками, полевыми воробьями, овсянками, коноплянками и другими. Обыкновенно же она живетъ парами или семействами. Она выбираетъ себѣ для житья маленькую рошу или садъ, отыскиваетъ въ немъ для сна дерева, густо покрытое листьями, и отсюда летаетъ за пищей. Въ теченіи дня ее главнымъ образомъ видятъ на землѣ, гдѣ она собираетъ сѣмена всякаго рода. Въ случаѣ опасности она спасается на ближайшее дерево и прячется въ его листьѣ. Насколько она съ перваго раза кажется неуклюжей, настолько же въ дѣйствительности бодра и быстра. Сидя, она держитъ обыкновенно тѣло въ горизонтальномъ положеніи и находитъ, но часто она такъ приподнимаетъ туловище и такъ гладко прижимаетъ перья къ тѣлу, что ее едва можно узнать. По землѣ зеленушка движется довольно ловко скачками и летаетъ порядочно, по дугообразной линіи, такъ какъ она то сильно расширяетъ крылья, то плотно складываетъ ихъ; передъ тѣмъ, какъ сѣсть, она всегда паритъ. Безъ нужды она неохотно улетаетъ далеко, хотя и можетъ дѣлать перелеты на значительныя разстоянія. Взлетая, обыкновенно издаетъ свой призывной крикъ, короткое «чик» или «чек», которое иногда повторяется нѣсколько разъ сряду. Нѣжныя звуки выражаются необыкновенно мягкимъ, но тѣмъ не менѣе далеко слышимымъ «цвиу» или «швуш». Этотъ звукъ употребляется и для предостереженія, но въ такомъ случаѣ сопровождается обыкновенно мягкимъ и чистымъ свистомъ. Тамъ, гдѣ зеленушка чувствуетъ себя въ безопасности, она очень мало пуглива, но въ обществѣ другихъ часто очень осторожна. «При приближеніи человѣка», говоритъ мой отецъ, «взлетаютъ всегда тѣ, которыя сидятъ на землѣ ближе всего, увлекая за собою остальныхъ и вскорѣ снова опускаются. Такимъ образомъ стаю этихъ птицъ приходится преслѣдовать нѣкоторое время, прежде чѣмъ можно сдѣлать въ нее вѣрный выстрѣлъ». Собственно довѣрчивой зеленушка не бываетъ никогда; такъ, она никогда не залетаетъ на дворы даже въ случаѣ самой сильной нужды.

Пищу зеленушки составляютъ сѣмена различныхъ растений, даже ядовитыя, но прежде всего маслянистыя сѣмена рѣпы, полевой горчицы, конопли и т. п. Она собираетъ ихъ, подобно обыкновенному зяблику, съ земли, и только тогда, когда глубокой снѣгъ покроетъ землю, она пытается также выклеивать ихъ изъ стручковъ, или принимается за рябину и можжевельныя ягоды и раскусываетъ буковые орѣхи, чтобы вышелушить зерна. Въ странахъ, гдѣ разводять коноплю, зеленушка можетъ быть иногда очень вредной; кромѣ того она вредитъ иногда огородамъ, но зато, подбирая и поѣдая сѣмяна сорныхъ травъ, приноситъ, можетъ быть, больше пользы, чѣмъ вреда.

Зеленушка высиживаетъ обыкновенно два раза въ лѣто, а въ хорошее лѣто и три раза. Уже передъ спариваніемъ самецъ повторяетъ свою простую пѣсню и иногда летитъ при этомъ, не переставая пѣть, наклонно вверхъ, при чемъ поднимаетъ крылья такъ высоко, что концы ихъ почти касаются другъ друга; онъ качается взадъ и впередъ, описываетъ одинъ или нѣсколько круговъ и затѣмъ порхающимъ движеніемъ медленно опускается къ тому дереву, съ котораго поднялся. Соперни-

ковъ онъ прогоняетъ послѣ упорныхъ битвъ. Гнѣздо устраивается на деревьяхъ или въ высокой изгороди въ крѣпкой развилкѣ или у самаго ствола и, смотря по обстоятельствамъ, дѣлается изъ очень различныхъ веществъ. Сухіе прутики и корешки, соломенки и корни травы составляютъ основаніе гнѣзда, за которымъ обыкновенно слѣдуетъ слой болѣе нѣжныхъ веществъ того же рода, смѣшанныхъ съ зеленымъ сухимъ мхомъ или лишаями. Для выстилки внутренности гнѣзда служатъ крайне нѣжные корешки и соломинки, между которыми лежатъ волосы лошадей, оленей и косуль, а иногда и маленькіе клочки шерсти животныхъ. Постройка по красотѣ сильно уступаетъ гнѣзду обыкновеннаго зяблика; по формѣ своей гнѣздо представляетъ нѣсколько углубленный полушаръ, построенный очень крѣпко и гладко, но все же довольно хорошо. Въ концѣ апрѣля находятъ первую кладку, въ юнѣ вторую, а если происходитъ еще одно высиживаніе, то въ началѣ августа третью. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ длиною въ 20 м.м., толщиною въ 15 м.м., которыя очень круглы, покрыты тонкой и гладкой скорлупою и на голубовато-бѣломъ или серебристомъ фонѣ, особенно на тупомъ концѣ, усѣяны блѣдно-красными, ясными или расплывчатыми пятнышками и точечками. Самка высиживаетъ одна, на гнѣздѣ сидитъ очень усердно, причѣмъ ее кормитъ самецъ, и высиживаетъ птенцовъ приблизительно 14 дней. Оба родителя принимаютъ участіе въ выкармливаніи потомства и кормятъ птенцовъ сначала вышелушенными и размягченными въ зобу сѣменами, позднѣе же болѣе твердыми питательными веществами того-же рода. Уже по прошествіи немногихъ дней послѣ вылета птенцы оставляются на произволь судьбы, долгое время кочуютъ вмѣстѣ съ другими птицами того-же вида, а также и съ родственными молодыми вѣюрками и затѣмъ снова присоединяются къ родителямъ, которые въ этотъ промежутокъ времени были заняты выводомъ второго или третьяго поколѣнія.

Наши мелкіе хищники, а также бѣлки, соны, вороны, сороки, сойки и сорокопуты разрушаютъ много гнѣздъ этихъ птицъ, ловятъ также и старыхъ, если могутъ овладѣть ими. Тѣмъ не менѣе число зеленушекъ у насъ скорѣе возрастаетъ, чѣмъ убываетъ.

* *
*

Коноплянки (*Acanthis. Hänfling. Linotte*), распространеніе которыхъ ограничивается сѣверными странами, тоже считаются представителями особаго рода; отличительные признаки ихъ слѣдующіе: правильно-коническій, круглый, короткій, рѣзко заостренный клювъ, довольно длинныя, узкія, остроконечныя крылья и виллообразно вырѣзанный на концѣ, остроконечный хвостъ.

У нашей Обыкновенной Коноплянки, Рѣполова, Рѣпела (*Acanthis cannabina, Cannabina linota, major, minor, pinetorum, arbustorum, Linaria cannabina, linota, Fringilla cannabina, linota, argentatoremensis, Linota cannabina, Passer cannabina, rapaverina. Rothänfling. Grande linotte*) лобъ и область глазъ буро-желтовато-бѣлаго цвѣта, темя ярко-малиноваго краснаго, задняя часть сторонъ головы и горло пепельно-сѣраго съ красновато-желтыми черточками; задняя часть спины и плечи коричнево-бурыя, каждое перо здѣсь съ болѣе темнымъ стержнемъ и болѣе свѣтлой каемкой; спина свѣтло-бурая, надхвостье грязно-бѣлое; горло и зобъ буровато-бѣлые, разрисованные темно-сѣрыми черточками и продолговатыми пятнами; середина груди, брюхо и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя; бока груди яркаго карминно-краснаго цвѣта, паха свѣтло-коричневаго; черныя большія маховыя перья снаружи и на внутренней сторонѣ бѣлоснѣжныя, на концѣ свѣтло-буроватыя; черно-бурыя маховыя перья съ болѣе свѣтлыми и широкими свѣтло-коричневыми каймами; коричнево-бурыя плечи и верхнія кроющія перья крыла на концѣ съ ржаво-желтоватыми каймами;

хвостовыя перья черныя, за исключеніемъ обоихъ среднихъ снабжены свѣтло-бурыми каймами, а на обѣихъ сторонахъ съ ярко-бѣлыми краями; верхнія кроющія перья хвоста черныя съ бѣлыми каймами; нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя. Глаза темно-бурые, клювъ свинцово-сѣрый, у основанія темнѣе; ноги красновато-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 13, размахъ крыльевъ 23, длина крыла 7,3, а хвоста 5,5 см.

Обыкновенная коноплянка населяетъ всю Европу, Малую Азію и Сирію и во время перелета появляется въ сѣверозападной Африкѣ, но рѣдко въ Египтѣ. Въ Германіи она всюду встрѣчается часто, всего обыкновеннѣе, можетъ быть, въ холмистыхъ мѣстностяхъ. Высокихъ горъ и обширныхъ лѣсовъ она избѣгаетъ.

На крайнемъ сѣверѣ Европы ее замѣняетъ **Желтоносъ** (*Acanthis flavirostris, montium, Cannabina flavirostris, montium, media, microrhynchos, Fringilla flavirostris, montium, Linaria flavirostris, montium, Linota flavirostris, montium. Berghänfling, Linotte à bec jaune*). Верхняя часть головы, плечи и спина его буровато-желтыя, испещренныя черно-бурыми полосками; затылокъ и стороны шеи нѣсколько свѣтлѣе; перья надхвостья грязно-пурпурово-красныя, брови и область подъ глазами, ограниченная буроватой уздечкой, темно-красныя съ желтоватымъ отливомъ; щеки сзади съ буроватыми пятнами, перья на горлѣ темно-ржаво-желтыя; стороны зоба и груди свѣтлѣе съ черными продольными пятнами; середина груди и брюхо—отъ желтовато-бѣлаго добѣлаго цвѣта; бедра ржаво-желтоватыя, маховыя перья снаружи красно-бурыя, четыре переднихъ съ узкими буровато-бѣлыми, слѣдующія съ широкими бѣло-снѣжными каемками, всѣ украшены широкими бѣлыми каймами на концѣ; верхнія кроющія перья крыла темно-бурыя съ ржаво-желтовато-бурыми краями, а самыя большія также съ ржаво-желтовато-бѣлыми каемками на концѣ. Рулевыя перья буровато-черныя, среднія украшены свѣтло-бурыми, остальные снаружи бѣлыми каймами. Глаза каріе, клювъ свѣтлаго воскового желтаго цвѣта, весною лимонно-желтаго, ноги рогового сѣраго цвѣта. У самки нѣтъ краснаго цвѣта на надхвостьѣ. Длина достигаетъ 13, размахъ крыльевъ 22, 5, длина крыла 7, 3, хвоста 6, 5 см.

Изъ нашихъ вьюрковъ коноплянка принадлежитъ къ самымъ миловиднымъ и привлекательнымъ птицамъ, не говоря ужъ объ ея пѣніи, которое дѣлаетъ ее одною изъ самыхъ любимыхъ комнатныхъ птицъ. «Обыкновенная коноплянка», говоритъ мой отецъ, который очень подробно описалъ ее, «является общительной, доброй, проворной и довольно пугливой птицей, которая въ періода размноженія всегда держится вмѣстѣ маленькими или большими стаями; даже во время размноженія я видалъ ихъ по нѣскольку вмѣстѣ. Осенью, обыкновенно уже въ августѣ, коноплянки собираются въ большія стаи, такъ что я видѣлъ до 100 и болѣе въ одной стаѣ. Зимой онѣ смѣшиваются съ зеленушками, а также съ зябликами и горными вьюрками, полевыми воробьями и овсянками. Весною онѣ раздѣляются послѣ спариванія, но парочки часто мирно гнѣздятся рядомъ. Замѣчательно, на какія далекія разстоянія эта птица летаетъ туда и сюда даже во время размноженія. Въ моемъ саду весною и раннимъ лѣтомъ поетъ почти каждое утро обыкновенная коноплянка, гнѣздо которой находится на разстояніи четверти часа отсюда. Пока самка не сидитъ на яйцахъ или съ птенцами, она летаетъ вмѣстѣ съ самцомъ. Поэтому ихъ въ это время всегда видишь вмѣстѣ. Я часто съ изумленіемъ могъ наблюдать, какъ горячо любятъ другъ друга супруги; если я убивалъ изъ пары самца или самку, то оставшаяся въ живыхъ долго летала вокругъ, издавая боязливый зовъ, и не хотѣла покинуть этого мѣста безъ вѣрнаго сожителя. Такъ же нѣжно любятъ онѣ свои яйца и птенцовъ; около нихъ коноплянокъ очень легко поймать. Полетъ этихъ птичекъ легкій, до-

вольно быстрый, порывистый и парящій, особенно если птица хочетъ съѣсть; онъ часто образуетъ круговыя линіи. Часто во время полета коноплянка приближается къ землѣ, такъ что кажется, будто она хочетъ опуститься; но она нерѣдко снова поднимается и перелетаетъ на большое разстояніе. По землѣ она прыгаетъ довольно ловко. Если она поетъ на деревѣ, то сидитъ обыкновенно на самой вершинѣ или на отдѣльно торчащей вѣтви; такъ поступаетъ она и на кустахъ, особенно еловыхъ или сосновыхъ; вообще она охотно сидитъ на верхушкѣ, даже если и не поетъ».

Мой отецъ предполагаетъ, что зовъ и пѣніе коноплянки вполне извѣстны, и потому прибавляетъ только, что коноплянка поетъ, сидя и на лету, начиная съ марта и до августа, и что птенцы усердно поютъ тотчасъ послѣ осенняго линія и въ хорошіе зимніе дни въ ноябрѣ и декабрѣ. Къ этому я долженъ кое-что прибавить. Зовъ коноплянки—короткое рѣзкое «гэк» или «гэккер», которое часто быстро издается по нѣсколько разъ сряду. Къ нему часто прибавляется благозвучное «лю», особенно если птицы замѣчаютъ что нибудь подозрительное. Пѣніе, одно изъ лучшихъ у вьюрковъ, начинается обыкновенно упомянутымъ «гэк-гэк»; но къ этимъ звукамъ примѣшиваются флейтовыя, звучныя ноты, которыя птица издаетъ подобно первымъ съ большимъ разнообразіемъ и увлеченіемъ. Самцы, пойманные молодыми, легко научаются подражать пѣнію другихъ птицъ или насвистывать пѣсенки, но къ сожалѣнію усваиваютъ и непріятные звуки и становятся въ такомъ случаѣ невыносимо плохими пѣвцами. Мой отецъ упоминаетъ объ одной коноплянкѣ, которая вполне научилась подражать пѣнію зяблика и чижа; Науманъ рассказываетъ о такихъ, которыя передавали пѣніе щегленка, жаворонка и даже соловья.

Уже въ апрѣлѣ коноплянка приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда и въ теченіи лѣта гнѣздится по крайней мѣрѣ два, обыкновенно же три раза. Гнѣздо устраивается охотнѣе всегда въ опушкахъ лѣсовъ или группкахъ деревьевъ на поляхъ, а также и въ отдѣльныхъ кустахъ, по большей части низко надъ землею; оно состоитъ снаружи изъ прутьевъ, корешковъ и стеблей травы, вереска и т. п.; матеріалы эти по направленію внутрь выбираются все болѣе и болѣе тонкіе и образуютъ какъ-бы второй слой; внутренность гнѣзда выстилается преимущественно шерстью животныхъ и волокнами растеній, особенно же лошадиными волосами. Кладка заключается 4—5 яицъ длиною въ 17 м.м. толщиною въ 13 м.м., которыя на бѣло-голубоватымъ фонѣ разрисованы отдѣльными блѣдно-красными, темно-красными и коричнево-бурыми точками и черточками. Они высиживаются одною самкою въ теченіи 13—14 дней, но птенцы, именно птенцы послѣдней кладки, выкармливаются обоими родителями сообща различными сѣменами, предварительно размягченными въ зобу. Въ то время, какъ самка сидитъ на гнѣздѣ, часто прилетаетъ самецъ и очень усердно поетъ, сидя на ближайшемъ деревѣ. Въ противоположность зябликамъ, коноплянки и въ періодъ размноженія мирно живутъ вмѣстѣ. Самцы нѣсколькихъ самокъ, высиживающихъ по близости другъ отъ друга, нерѣдко вылетаютъ сообща и, не ссорясь, поютъ всѣ вмѣстѣ около гнѣздъ.

Объ одной парочкѣ, которая ухаживала за птенцами на глазахъ моего отца, онъ рассказываетъ слѣдующее: «Я открылъ гнѣздо, когда птенцы покрывались еще иглообразными зачатками перьевъ и могъ часто и точно наблюдать за поведеніемъ старыхъ птицъ и птенцовъ. Послѣдніе спокойно сидѣли въ гнѣздѣ и, пока у нихъ еще не было перьевъ, подавали голосъ лишь тогда, когда старыя птицы прилетали къ нимъ или кормили ихъ. Когда они покрылись перьями, они держались совершенно спокойно, даже во время корма. Довольно скоро они оперились и стали способны къ лѣтанію. Однажды, когда опереніе ихъ совершенно окрѣпло, они стали дѣлать порхающія движенія крыльями и продолжали эти опыты до самаго вечера; на слѣдующее

утро, и именно при наступленіи дня, всё они оказались уже вылетѣвшими. Они держались теперь по близости гнѣзда, прячась въ густо-покрытыхъ листьями деревьяхъ, и находились то тутъ, то тамъ, пока не удалились вмѣстѣ со старыми. Эти послѣднія доставляли мнѣ чрезвычайно много удовольствія; онѣ были такъ ручны, что продолжали кормить птенцовъ, когда я сидѣлъ въ бесѣдкѣ, и даже если тамъ разговаривали нѣсколько человекъ. Коноплянки всегда кормили птенцовъ съ промежутками въ 12—16 минутъ, всегда прилетали вмѣстѣ, садились на яблоню, выдававшуюся надъ бесѣдкой, издавали очень тихій зовъ и слетали къ гнѣзду. Онѣ всегда приближались къ нему съ одной стороны и давали что-нибудь каждому птенцу, такъ что никогда который-нибудь изъ нихъ не оказывался обдѣленнымъ. Сначала кормилъ всегда самецъ и когда онъ оканчивалъ, подлетала самка; самецъ ждалъ, пока она опорожнитъ зобъ и затѣмъ оба улетали вмѣстѣ, причемъ обыкновенно издавали свой зовъ. Только разъ самка прилетѣла одна и только разъ она кормила птенцовъ прежде самца. Прежде чѣмъ оставить гнѣздо самка убирала пометъ птенцовъ, но не обрасывала его внизъ, а проглатывала и выплевывала далеко отъ гнѣзда. Самецъ не принималъ участія въ этой чисткѣ; только разъ я видѣлъ, что и онъ подбиралъ пометъ птенцовъ. Когда птенцы вылетѣли, родители всегда держались по близости ихъ и еще долгое время водили ихъ».

Парочка коноплянокъ лишь крайне рѣдко оставляетъ свои яйца и никогда не покидаетъ птенцовъ; напротивъ, родители не перестаютъ выкармливать ихъ и тогда, когда гнѣздо вмѣстѣ съ птенцами будетъ заключено въ клѣтку. Это дѣлаютъ часто для того, чтобы избавить себя отъ труда самому выкармливать птенцовъ, и, насколько я знаю, не было ни одного случая, чтобы это удержало взрослыхъ коноплянокъ отъ исполненія родительскихъ обязанностей. Можно съ помощью птенцовъ постепенно заманить родителей отъ ихъ мѣста жительства, понемногу удаляя клѣтку, въ которой заперты птенцы, отъ мѣста насиживанія, и приближая ее хотя бы къ своему жилищу. Однако этотъ способъ выкармливанія птенцовъ имѣетъ одинъ недостатокъ: птенцы остаются дикими и боязливыми, между тѣмъ какъ тѣ, которыхъ выростишь самъ, скоро становятся чрезвычайно ручными.

Коноплянка питается почти исключительно сѣменами, но тѣмъ не менѣе ее нигдѣ не считаютъ очень вредной, если только не преувеличивать значенія нападений коноплянокъ на сѣмена рѣпы, капусты, салата и другихъ полезныхъ растений нашихъ садовъ, въ которыхъ дѣйствительно онѣ иногда бываютъ виноваты. Главную массу пищи навѣрно доставляютъ коноплянкѣ сорныя травы. Она ѣстъ сѣмена подорожника, одуванчика, всѣхъ сортовъ капусты, мака, конопли и полевой рѣпы и особенно сѣмена травъ.

Коноплянка справедливо считается одною изъ самыхъ любимыхъ комнатныхъ птицъ. Она невзыскательна, какъ немногія другія птицы, часто крѣпко привязывается къ своему воспитателю, который выростилъ ее, и прилежно и усердно поетъ почти весь годъ. Въ комнатѣ настоящаго любителя рѣдко нѣтъ коноплянки.

Чечетка, Чечеть (*Acanthis linaria*, *Linaria rubra*, *vulgaris*, *alorum*, *agrorum*, *betularum*, *robusta*, *canigularis*, *dubia*, *assimilis*, *leuconotos*, *septentrionalis*, *flavivros-tris*, *pusilla*, *Aegiothus linarius*, *fuscescens*, *Fringilla*, *Passer*, *Spinus*, *Cannabina*, *Linota linaria*, *Leinfink*, *Petite linotte*) представляетъ часто являющійся къ намъ сѣверный видъ этого рода. Край лба и щетинистыя перышки поздрей ея темно-буро-сѣрые; уздечка и продолговато-круглое пятно на подбородкѣ и верхней части горла буро-черныя; лобъ и темя ярко-темно-красныя, перья на этихъ мѣстахъ у корня сѣро-черныя; затылокъ и остальныя верхнія части матово-ржаво-

бурия съ темно-бурыми продольными полосками; перья надхвостья блѣдно кармино-красныя, по бокамъ съ чало-бѣлыми каймами и желтовато-бурыми стержнями; верхнія кроющія перья хвоста темно-бурия, по бокамъ съ грязно-бѣлыми каймами; щеки и область ушей ржаво-бурия съ болѣе темными черточками; передняя часть щекъ, горло, зобъ и бока груди кармино-красныя; перья середины горла съ узкими бѣловатыми каемками; остальныя нижнія части бѣлыя; бока блѣдно-ржаво-буроватые съ широкими расплывающимся темными продольными полосками; маховыя перья темнаго бурога цвѣта, снаружи съ узкими бурыми каймами; послѣднія малыя маховыя съ болѣе широкими и свѣтлыми каймами; кроющія перья малыхъ маховыхъ и кроющія перья самаго большаго ряда на концѣ съ широкими ржаво-бѣлыми краями, благодаря чему на крылѣ замѣчается двѣ свѣтлыхъ полоски; хвостовыя перья темнаго бурога цвѣта, снаружи съ узкими ржаво-бѣловатыми, внутри съ широкими бѣлыми каймами. Глаза темно-бурые, верхняя половинка клюва роговаго голубога цвѣта, нижняя половинка желтая; ноги сѣровато-бурия. Самка и молодыя птицы обнаруживаютъ лишь слабыя слѣды кармино-краснаго цвѣта на груди и надхвостьѣ; зобъ и грудь кажутся поэтому ржаво-буроватыми и разрисованы темными стержневыми пятнышками; красное головное пятно меньше и тусклѣе. Длина птицы достигаетъ 13, размахъ крыльевъ 22, длина крыла 7, хвоста 6 см. Еще одну сомнительную разновидность этого вида представляетъ такъ называемая **Большая чечетка** (*Acanthis linaria holboelli*. Grosser Birkenzeisig. Linotte de Holboell).

Область распространения чечетки обнимаетъ холодный поясъ Старога и Новога Свѣта до границы произростанія лѣсовъ. Отсюда чечетка ежегодно перекочевываетъ въ болѣе южныя страны и иногда появляется при этомъ въ безчисленномъ множествѣ и въ Германіи.

Въ Альпахъ ее замѣняетъ **Горная или Красная чечетка** (*Acanthis rufescens*, *Linaria rufescens*, *minor*, *Aegiothus*, *Linacanthus*, *Linota rufescens*. Bergleinfink. Linotte rouge). У нея задняя часть головы, стороны шеи, спина, надхвостье и бока на желтовато-ржаво-буромъ фонѣ украшены темно-бурыми продольными пятнами; уздечка и пятно на горлѣ черно-бурия; лобъ и передняя часть темени темно-кармино-красныя; зобъ, верхняя часть груди и надхвостье блѣдно-розово-красныя, вслѣдствіе бѣлыхъ краевъ перьевъ со слабыми сѣроватыми волнистыми линиями; остальныя нижнія части бѣловатыя съ розово-краснымъ отливомъ; нижнія кроющія перья хвоста съ черноватыми продольными пятнами; крылья и хвостовыя перья черновато-бурия, снаружи съ узкими грязно-бѣлыми каймами; послѣднія малыя маховыя, плечевыя и большія кроющія перья крыла—съ широкими краями кирпичнаго цвѣта, благодаря чему на крылѣ ясно замѣтны двѣ полоски. Глаза темно-бурые; клювъ желтоватый, на концѣ и по краямъ темный; ноги черныя. Длина птицы достигаетъ 11,5, самое большее 12 см.

О томъ, что этотъ видъ постоянно встрѣчается на Альпахъ, стало впервые извѣстно благодаря Ф. фонъ Чузи изъ Шмидгоффена; область размноженія его обнимаетъ съ одной стороны Шотландію, съ другой восточныя, особенно Зальцбургскіе Альпы, гдѣ онъ, какъ напримѣръ у Тамсвега въ Лунгау, нерѣдко гнѣздится.

Только постраниствовавъ по громаднымъ березовымъ лѣсамъ крайняго сѣвера или по крайней мѣрѣ увидавъ ихъ, можно понять, почему наша чечетка, описаніемъ образа жизни которой я могу ограничиться, не каждую зиму появляется у насъ въ одинаковомъ количествѣ. Лишь въ томъ случаѣ, если на сѣверѣ не уродились березовыя сѣмена и чечетка испытываетъ недостатокъ въ пищѣ, она становится вынужденной перекочевать въ болѣе южныя страны. Какъ ни многочисленны тѣ

массы чечетокъ, которыя встрѣчаются иногда у насъ, несравненно большее количество ихъ изъ года въ годъ остается на родинѣ; требованія, которыя чечетка ставитъ по отношенію къ жизни, на сѣверѣ гораздо лучше выполняются, чѣмъ у насъ. Сотни и тысячи квадратныхъ километровъ покрыты березовыми лѣсами и нужно особенно неблагоприятное лѣто, чтобы эти лѣса не могли доставить своимъ обитателямъ достаточнаго количества пищи.

Чечетка въ такой же степени связана съ этими лѣсами, какъ клесты съ хвойнымъ лѣсомъ. Въ нихъ она находитъ зимою сѣмена, а въ лѣтніе мѣсяцы, когда выводитъ птенцовъ, въ огромномъ количествѣ насѣкомыхъ, именно комаровъ. Я рѣдко встрѣчалъ ее въ сѣверозападной Сибири, напротивъ въ Скандинавіи къ сѣверу отъ Тромзе очень часто и именно маленькими семействами съ птенцами, можетъ быть вылетѣвшими изъ гнѣздъ лишь за нѣсколько дней до того, которыхъ родители усердно кормили насѣкомыми. Но наблюдать ихъ было нелегко, и я не могъ добыть изъ гнѣзда птенцовъ, которыхъ такъ страстно желалъ достать мой отецъ: лѣса были до такой степени наполнены комарами, что охота на этихъ безобидныхъ птицъ сопровождалась затрудненіями и мученіями, о которыхъ у насъ на родинѣ нельзя составить никакого понятія. Именно тамъ, гдѣ я находилъ чечетокъ, каждое дерево и каждый кустъ были окружены тучами комаровъ, и человекъ, отважившійся войти въ эти тучи, мгновенно подвергался нападенію сотенъ тысячъ мучителей и испытывалъ такія страданія, что какъ можно скорѣе оставлялъ всякія охотничьи попытки. Но для меня стало яснымъ, что эта птица въ теченіи лѣта съ необыкновенной легкостью добываетъ пищу и что должно казаться страннымъ, почему и зимою она не можетъ добыть достаточно пищи, чтобы прожить. Комары лѣтомъ для старыхъ и молодыхъ, березовыя сѣмена зимою,—вотъ все, что нужно для благоденствія нашей птички.

Только что указанныя обстоятельства объясняютъ, почему мы еще крайне мало знаемъ о жизни чечетки лѣтомъ. Вскорѣ по прибытіи на мѣста вывода птенцовъ, эти птицы, вообще столь общительныя, раздѣляются попарно, чтобы приступить къ постройкѣ гнѣздъ. Въ средней Скандинавіи чечетка выбираетъ для гнѣздованія высоко расположенныя горныя лѣса, на сѣверѣ она селится какъ на возвышенностяхъ, такъ и на низменностяхъ, при условіи преобладанія въ нихъ березы. Гнѣздо находится по большей части низко надъ землею на одной изъ березъ, которыя здѣсь похожи на кустарники; по способу постройки оно болѣе всего приближается къ гнѣздунашей коноплянки, имѣетъ форму чашки и состоитъ изъ тонкихъ вѣточекъ, составляющихъ основаніе гнѣзда, соломинъ, мха, лишаяевъ и волосъ, составляющихъ его стѣнки, и наконецъ перьевъ, являющихся внутренней выстилкой. 3—5, самое большее 6 яицъ длиною около 17 мм., толщиною 14 мм., которыя едва ли можно найти ранѣе середины іюня, испещрены на свѣтло-зеленомъ фонѣ тусклыми красными и свѣтло-бурыми пятнами и точками. Самецъ, по словамъ Коллетта, очень усердно поетъ, въ птенцовую пору по большей части на лету, чередуясь съ самкой, сидитъ на яйцахъ, и вѣроятно вмѣстѣ съ нею приноситъ птенцамъ, въ качествѣ единственной пищи, различныхъ насѣкомыхъ. Достойно упоминанія еще то, что эта птица и въ періодъ размноженія обнаруживаетъ свойственное ей непостоянство, именно въ нѣкоторые годы она встрѣчается въ необычайно большомъ числѣ, и въ такомъ случаѣ обыкновенно обществами, въ извѣстныхъ мѣстахъ гнѣздованія, а въ другихъ мѣстахъ попадается лишь въ маломъ числѣ и поодиночкѣ.

Насколько размноженіе у другихъ видовъ чечетокъ отличается отъ вышеописаннаго, это предстоитъ изслѣдовать позднѣйшимъ наблюдателямъ. Люббертъ, который ви-

дѣлъ чечетокъ въ Глатцскихъ и Исполиновыхъ горахъ лѣтомъ и добылъ яйца одной пары, вѣроятно ошибся и смѣшалъ обыкновенную чечетку съ красной. Ее мы вполне можемъ причислить къ птицамъ, выводящимъ птенцовъ въ Германіи, съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ, что Юхеръ находилъ ея гнѣзда въ Зальцбургскихъ Альпахъ.

На равнинахъ и въ холмистыхъ мѣстностяхъ Германіи чечетка появляется въ качествѣ зимняго гостя въ началѣ ноября, иногда въ очень большомъ количествѣ и не всегда въ такіе годы, которые и у насъ отличаются суровой зимой. Она соединяется обыкновенно съ чижами и кочуетъ затѣмъ вмѣстѣ съ ними по странѣ, придерживаясь горъ и избирая для ночлега высокія густыя колючія изгороди. Вагнеръ увѣряетъ, что видѣлъ, какъ изъ одной стаи чечетокъ многія къ вечеру бросались головою внизъ въ снѣгъ, чтобы провести тамъ ночь, и вытащилъ при этомъ нѣсколькихъ изъ ихъ ночного убѣжища. Во время пребыванія на чужбинѣ чечетка хотя и кормится преимущественно березовыми и ольховыми сѣменами, но ѣстъ вообще всякія другія мелкія маслянистыя сѣмена, которыя собираетъ на сжатыхъ поляхъ. Особенно въ первыя недѣли своего пребыванія у насъ она выказываетъ себя птицей, еще не познавшей коварство человѣка, появляется безъ страха въ деревняхъ и отыскиваетъ себѣ кормъ въ непосредственной близости человѣка и даже на людскую суету нисколько не обращаетъ вниманія. Только частое преслѣдованіе дѣлаетъ ее осторожной; но дѣйствительно боязливой она не становится никогда. Въ іюль 1885 г. нѣкоторое число чечетокъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ, показалось около Хидензее. На основаніи этого слѣдуетъ, можетъ быть, принять, что эти птицы въ рѣдкихъ случаяхъ высиживаютъ птенцовъ и у насъ.

Чечетка настолько-же безобидное, насколько безпокойное, ловкое и бодрое существо. Болѣе искусная въ лазаніи, чѣмъ всѣ ея родичи, она соперничаетъ не только съ клестомъ, но даже съ подвижными синицами. Березы, тонкія вѣтви которыхъ покрыты толною этихъ милыхъ птицъ, доставляютъ великолѣпное зрѣлище. Все общество привѣшивается и лазаютъ здѣсь вверхъ и внизъ въ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ и ревностно вышелушиваетъ себѣ пищу изъ сережекъ съ сѣменами. На землѣ эта птица также ловко прыгаетъ. Полетъ ея быстрый, волнистый, передъ тѣмъ какъ садиться—парящій. Перелетая безлѣсныя пространства, стая охотно летитъ на довольно значительной высотѣ; напротивъ, въ мѣстностяхъ, богатыхъ деревьями, она рѣдко поднимается выше, чѣмъ это необходимо. Зовъ чечетки—повторяемое «четчекъ», которое всѣ чечетки издають при взлетѣ; къ нему часто прибавляется нѣжное «манн». Пѣніе состоитъ существенно изъ этихъ обоихъ звуковъ, которые связываются безпорядочнымъ щебетаніемъ и заканчиваются трелью

Чечетка выказываетъ себя по истинѣ милой какъ по отношенію къ другимъ птицамъ того-же вида, такъ и къ родичамъ. Разъ собравшаяся стая болѣе не раздѣляется и боязливо зоветъ каждаго изъ своихъ членовъ, который хотя немного удалится. Чечетка обнаруживаетъ также привязанность къ чижамъ, а, за недостаткомъ этихъ подходящихъ товарищей, смѣшивается съ коноплянками и полевыми воробьями. Со всѣми этими птицами она живетъ въ глубочайшемъ мирѣ; ссоры и драки ей вообще неизвѣстны.

Въ клѣткѣ эта хорошенькая птичка безъ стѣсненія принимается за пищу, въ самое короткое время становится необыкновенно ручною, довольствуется простыми кормомъ, радуется своей подвижностью и искусствомъ въ лазаніи, привязывается къ другимъ мелкимъ птицамъ и ласкаетъ ихъ самымъ различнымъ образомъ. Общительность обыкновенно губитъ ее, дѣлая ее жертвой птицелова; поймавъ одну, можно легко овладѣть другими, которыхъ она приманитъ. Первую обыкновенно ловятъ въ Тюрингенѣ съ помощью длиннаго, гибкаго прута или бича, къ

концу котораго привѣшена палочка, намазанная клеємъ. Этой палочкой стегаютъ по птичкамъ и онѣ къ ней прилипаютъ крылышками. Это называется «titschen», а въ Ангальтѣ—«kikeln». Въ сѣти зябликовъ чечетокъ ловятъ во множествѣ, нерѣдко даже и тѣхъ, которыя счастливо ускользнули при опусканіи сѣти, но изъ любви къ пойманнмъ товарищамъ снова прилетаютъ и запутываются. Въ нѣкоторыхъ странахъ чечетокъ, къ сожалѣнію, все еще ловятъ для кухни.

* * *

Чижики (*Chrysomitris. Zeisig. Serin*) отличаются длиннымъ, тонкозаостреннымъ, сверху слегка выпуклымъ клювомъ, пальцами, снабженными короткими когтями, и относительно длинными крыльями.

У нашего **Обыкновеннаго Чижики** (*Chrysomitris spinus, Fringilla spinus, fasciata, Spinus viridis, alnorum, medius, betularum, obscurus, Acanthis, Emberriza, Linaria, Serinus, Carduelis spinus, Zeisig. Serin*) вся верхняя сторона головы и затылокъ, также подбородокъ и верхняя часть горла черныя; задняя и верхняя часть спины и плечи желто-зеленыя съ темными продольными черточками; брови, передняя часть щекъ, горло, стороны шеи, зобъ и верхняя часть груди прекраснаго оливково-желтаго цвѣта; нижняя часть груди, бока и брюхо почти бѣлыя. Нижнія кроющія перья хвоста желтыя съ черными черточками, какъ на сторонахъ бедеръ; перья надхвостья оливково-желтыя; верхнія кроющія перья хвоста зеленыя; маховыя буровато-черныя, начиная съ четвертаго на наружной сторонѣ основной части желтаго цвѣта, на остальномъ протяженіи съ узкими желто-зелеными каймами; послѣднія малыя маховыя перья снаружи съ широкими зелено-желтыми, на концѣ съ бѣловатыми каймами; кроющія перья крыла оливково-зеленыя, кроющія малыя маховыя оливково-желтыя, но у основанія черныя, благодаря чему замѣтна черная поперечная полоска. Хвостовыя перья желтыя, на концѣ черныя, оба среднихъ пера буро-черныя, снаружи съ зелеными каймами. Глаза темно-каріе, клювъ мясного, на концѣ черноватаго цвѣта; ноги бурныя. У самки перья верхней части головы и верхней стороны зеленовато-бурныя, перья нижней стороны грязно-бѣлыя съ темными стержневыми пятнами, а эти послѣднія съ черноватыми стержневыми черточками; крылья и хвостъ замѣтно блѣднѣе, чѣмъ у самца; верхнія кроющія перья крыла на концѣ бѣловатыя, благодаря чему на крыльяхъ проходятъ двѣ свѣтлыхъ поперечныхъ полоски. Длина птицы достигаетъ 12, размахъ крыльевъ 22, длина крыла 5,5, хвоста 4,5 см.

Область распространенія чижики обнимаетъ всю Европу и Азію, насколько онѣ покрыты лѣсомъ, на сѣверъ до широты средней Норвегіи. Въ Германіи онѣ является бродячей птицей, которая вѣднѣ періода размноженія кочуетъ на далекія разстоянія по странѣ, но лишь рѣдко оставляетъ наше отечество; въ сѣверныхъ—онѣ перелетная птица и при этомъ часть чижииковъ попадаетъ къ намъ, чтобы поселиться здѣсь на зиму. Лѣтомъ чижиикъ живетъ въ хвойныхъ лѣсахъ гористыхъ мѣстностей, здѣсь выводитъ птенцовъ и отсюда предпринимаетъ свои странствованія. Въ нѣкоторыя зимы онѣ тысячами появляется въ деревняхъ или въ непосредственной близости ихъ; въ другія зимы едва можно увидѣть здѣсь отдѣльные экземпляры. Безлѣсныхъ странъ онѣ избѣгаетъ и почти постоянно держится въ верхнихъ вѣтвяхъ верхушекъ деревьевъ.

«Чижиикъ», какъ говоритъ Науманъ; «всегда бодръ, проворенъ и отваженъ, всегда держитъ свое опереніе въ порядкѣ, хотя по большей части не приглаживаетъ его къ тѣлу, движется быстро туда и сюда, часто поворачиваетъ и вертитъ хвостомъ,

превосходно прыгаетъ, летаетъ и лазаетъ, можетъ привѣшиваться внизъ головою къ концамъ качающихся вѣтвей, необыкновенно быстро прыгать вверхъ и внизъ по тонкимъ, вертикальнымъ прутьямъ и во всемъ этомъ мало уступаетъ синицамъ. Его посадка на вѣтвяхъ крайне различна и нигдѣ онъ не остается долго въ покоѣ, если не занятъ ѣдой. По землѣ онъ прыгаетъ легко и быстро, хотя и старается по возможности избѣгать этого». Полетъ его волнистый, быстрый и легкій; чижики не боятся поэтому перелетать большія разстоянія и поднимается на значительную высоту. Зовъ его звучитъ, какъ «треттет» или какъ «теттертеттет» и «ди ди» или «ди ди леи». Послѣдними звуками самецъ обыкновенно начинаетъ и свою пѣсню, не особенно изысканное, но все-же приятное щебетаніе, къ которому въ видѣ заключенія прибавляется длинное «дидидлидидеидэ». Онъ безобиденъ и довѣрчивъ, общителенъ, боязливъ и миролюбивъ и до известной степени легкомысленъ, по крайней мѣрѣ скоро перестаетъ горевать о потерѣ свободы. Его вполне можно рекомендовать въ качествѣ комнатной птицы. Крайне понятливый, онъ скоро научается различнымъ забавнымъ штукамъ, не обнаруживаетъ какой-либо особенной требовательности по отношенію къ пищѣ, уживается со всѣми другими птицами, въ обществѣ которыхъ долженъ жить, беззавѣтно привязывается къ своему хозяину, пріучается свободно вылетать и прилетать обратно, прислушивается къ зову, повинуется ему, и при заботливомъ уходѣ не менѣе легко размножается, чѣмъ любая другая птица, лишенная свободы.

Пищу чижики составляютъ различнаго рода сѣмена, главнымъ образомъ сѣмена деревьевъ, молодыя почки и листья, а въ періодъ размноженія—насъкомья. Птенцы выкармливаются исключительно послѣдними, особенно мелкими гусеницами, глями и т. п. и скоро послѣ вылета изъ гнѣзда родители уводятъ ихъ въ сады и огороды, которые обыкновенно богаче насъкомьями, чѣмъ болѣе глухіе лѣса.

«Чижики», говоритъ мой отецъ, который впервые обнаружилъ подробныя наблюденія надъ ихъ размноженіемъ, «спариваются въ апрѣлѣ. Въ это время самецъ очень громко поетъ и порхаетъ въ воздухѣ. Эта маленькая птица кажется тогда большою, очень сильно хлопаетъ крылышками, распускаетъ хвостъ, и кругами и дугами порхаетъ на значительной высотѣ. Это происходитъ часто далеко отъ гнѣзда, иногда въ садахъ; тѣ, которые не могутъ добыть самокъ, продолжаютъ это до самаго лѣта. Самка держится при этомъ совершенно спокойно, но сидитъ гдѣ-нибудь по близости самца, послѣ-же цѣлуетъ съ нимъ клювомъ и носится вмѣстѣ съ нимъ. Обыкновенно встрѣчаешь вмѣстѣ нѣсколько паръ, которыя мирно рядышкомъ собираютъ сѣмена. Если самка чувствуетъ приступы страсти, она присѣдаетъ на вѣткѣ или на землѣ, трепещетъ крылышками и издаетъ «шепчущій» звукъ, который похожъ на голосъ молодого крапивника, но звучитъ слабѣе. Скоро послѣ совокупленія начинается постройка гнѣзда, послѣ того какъ самка отыщетъ для этого удобное мѣсто. И дѣйствительно, нужно изумляться сообразительности, съ которой чижики выбираютъ мѣсто для гнѣзда! Послѣднія я видѣлъ въ болышинствѣ случаевъ на елихъ и одно только на соснѣ; всѣ они находились далеко отъ ствола, нѣкоторые почти на концѣ вѣтвей, и были такъ скрыты, что въ существованіи повѣрья, будто бы гнѣздо чижики невидимо, нѣтъ ничего удивительнаго. Одно изъ нихъ было такъ прикрѣплено къ еловой вѣтви, покрытой лишаями, что его можно было замѣтить лишь сверху по углубленію, да и то оно было закрыто вышне лежащей вѣтвью; снизу и съ боковъ его, благодаря лишаямъ, вовсе нельзя было замѣтить. Тѣ, которыя были построены близко отъ концовъ вѣтвей, находились въ такихъ густыхъ вѣтвяхъ, что человекъ, лѣзшій за гнѣздомъ по моему порученію, которому я совершенно точно указалъ вѣтвь, не видѣлъ гнѣзда на разстояніи 60 см. Онъ уже хотѣлъ слѣзть съ

дерева, но я ему посоветовалъ раздвинуть вѣтви; тутъ только онъ различилъ гнѣздо среди хвои. Поэтому возможно, что кто-нибудь видитъ, какъ пара чижиговъ строить гнѣздо, но, влѣзши на дерево, никакъ не можетъ замѣтить его, откуда и произошла сказка о томъ, что чижики кладутъ себѣ въ гнѣздо камешекъ-невидимку. Притомъ же гнѣздо чижики находится на высотѣ 10—25 м. и почти всегда отстоитъ далеко отъ ствола, почему замѣтить его и добраться до него можно лишь съ трудомъ. Поэтому въ известномъ смыслѣ слова нельзя отрицать, что это гнѣздо дѣйствительно невидимо, такъ какъ тотъ, кто не видѣлъ, какъ чижики строили гнѣздо или кормили птенцовъ, никогда не найдетъ его.

«Постройка гнѣзда идетъ быстро. У двухъ паръ, которыхъ я наблюдалъ, самецъ принималъ участіе въ постройкѣ гнѣзда и такъ какъ оба супруга летали вмѣстѣ, то обыкновенно каждый ждалъ своей очереди, пока другой оставитъ гнѣздо. Оба отламывали для основанія гнѣзда сухія вѣтки и обрывали мохъ внизу на стволахъ деревьевъ; они таскали матерьялъ полными клювами. Странно было смотрѣть, какъ, они приготавливали для гнѣзда клочекъ овечьей шерсти: они расщипывали шерсть, наступивъ на нее одной ногой, до тѣхъ поръ, пока не разрыхляли ее совсѣмъ. Я видѣлъ, что они очень прилежно строили почти все время до полудня, а также и послѣ полудня. У другихъ паръ, которыя я имѣлъ случай наблюдать, гнѣздо строила одна самка, а самецъ постоянно леталъ около нея. Во время постройки гнѣзда чижики вовсе не пугливы и позволяютъ наблюдать за ними и вблизи; тѣмъ не менѣе они часто оставляютъ начатое гнѣздо и начинаютъ работать надъ новымъ. Я видѣлъ одну парочку этихъ птицъ, которая строила гнѣздо высоко на ели; два дня спустя я снова пришелъ на то же мѣсто и не безъ удивленія увидѣлъ, что та же самая самка работала надъ гнѣздомъ, расположеннымъ гораздо ниже на той же ели. Эта своеобразная привычка чижиговъ весьма затрудняетъ полученіе гнѣзда съ яйцами. Въ юнѣ 1819 года я нашелъ три гнѣзда этой птицы, но всѣ три были покинуты, точно такъ же, какъ еще одно, найденное помощникомъ лѣсничаго. Что чижики очень любятъ воду, это обнаруживается и при выборѣ мѣста для гнѣзда. Всѣ три гнѣзда, которыя я нашелъ въ юнѣ 1819 г., находились по близости воды: два около большой лужи, одно — около пруда; еще одно находилось недалеко отъ лѣсного ручья. Время кладки различно. Разъ уже въ началѣ мая мы видѣли оперившихся птенцовъ; большую часть ихъ встрѣчаешь однако въ началѣ юля, такъ что время кладки падаетъ на первые дни юня».

Гнѣзда нѣсколько отличаются другъ отъ друга; вообще-же они состоятъ снаружи изъ сухихъ прутиковъ, затѣмъ изъ древеснаго мха и еловыхъ лишайевъ, овечьей шерсти и т. п.; эти вещества соединены между собою паутиной гусеницы и изнутри плотно выстланы корешками, растительнымъ пухомъ, лишаями, стебельками мха, листочками травы и перьями. Стѣнки его очень толсты, а углубленіе довольно глубоко. Лицъ бываетъ отъ 5 до 6; они различны по формѣ, величинѣ и цвѣту, обыкновенно около 16 м.м. длиною и 13 м.м. толщиною и на блѣдо-голубоватомъ или блѣдномъ зеленовато-голубомъ фонѣ разрисованы болѣе или менѣе явственными точками, пятнами и жилками. Самка высидываетъ одна; въ это время самецъ кормитъ ее изъ зоба. Высидываніе продолжается 13 дней. Въ воспитаніи птенцовъ принимаютъ участіе оба родителя.

Чижики страдаютъ отъ многихъ враговъ; его безобидность и общительность часто дѣлаютъ его жертвой людей и хищныхъ животныхъ.

Лимонный чижикиъ, Лимонка (*Chrysomitris citrinella*, *Citrinella alpina*, *brumalis*, *serinus*, *Fringilla*, *Spizus*, *Cannabina*, *Chlorospiza citrinella*. Zitronzeisig. Venturon)

является вѣроятно соединительнымъ звеномъ между зеленушкой и чижиномъ. Онъ отличается отъ чирика вѣскольکو болѣе короткимъ и толстымъ клювомъ. Лобъ, передняя часть головы, область вокругъ глаза, подбородокъ и горло прекраснаго желто-зеленаго цвѣта; нижнія части болѣе яркаго желтаго; задняя часть головы, затылокъ, задняя часть шеи, область уха и бока шеи сѣраго; верхняя часть спины и плечи по тусклому оливково-зеленому фону разрисованы неясными, темными стержневыми черточками; перья надхвостья прекраснаго лимонно-желтаго цвѣта; верхнія кроющія перья крыла и хвоста оливково-зеленыя; бока нижней части тѣла зеленовато-сѣрые; нижнія кроющія перья хвоста блѣдно-желтыя; маховыя перья черно-бурыя, снаружи съ узкой зеленой, на концѣ съ желтовато-сѣрой каймой; послѣднія малыя маховыя перья снаружи съ желто-зеленой каймой, на концѣ съ сѣрыми пятнами; кроющія перья малыхъ маховыхъ желто-зеленыя, но основанія ихъ черныя, такъ что на крылѣ образуется узкая темная полоска. Хвостовыя перья черныя, снаружи съ узкой зеленоватой, внутри, подобно маховымъ, съ бѣлой каймой. Глаза темно-карие; клювъ буровато-мясного, ноги желто-бурого цвѣта. Самка менѣе ростомъ, и цвѣта у ней не такъ ярки и болѣе сѣраго оттѣнка. Длина птицы достигаетъ 12, размахъ крыльевъ 23, длина крыла 8, хвоста 5,5 см.

Лимонный чирикъ птица горная, населяющая западныя Альпы и Малую Азію, а въ Германіи постоянно живущая въ Шварцвальдѣ, но въ большомъ числѣ попадаетъ лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. По Тиролю и Швейцаріи онъ, повидимому, распространился изъ Италіи, гдѣ встрѣчается чаще всего, и въ баденскомъ Шварцвальдѣ лишь поселился только въ недавнее время; въ восточныхъ Альпахъ онъ еще совершенно отсутствуетъ. Въ швейцарскихъ Альпахъ онъ населяетъ лишь возвышенныя лѣса, въ баденскомъ Шварцвальдѣ—горныя хребты, именно опушки лѣсовъ или пастбища, но избѣгаетъ отдѣльно стоящихъ горныхъ вершинъ, а равно и глубь лѣсовъ. Какъ ни охотно онъ подымается высоко на горы, но въ Швейцаріи непогода скоро оттѣняетъ его въ болѣе низко лежащія мѣстности и онъ остается тамъ до тѣхъ поръ, пока высокія долины и склоны не освободятся отъ снѣга и не будутъ въ состояніи прокормить его. Въ Шварцвальдѣ онъ тоже оставляетъ зимой свое мѣстожительство и спускается въ освѣщаемыя солнцемъ ущелья низкихъ долинъ, но поступаетъ такъ лишь при дѣйствительно дурной погодѣ и уже въ началѣ мая снова перелетаетъ на тѣ мѣста, гдѣ высиживаетъ птенцовъ, даже и тогда, когда земля тамъ еще покрыта снѣгомъ. На зиму съ Альповъ онъ, вѣроятно, улетаетъ, въ Шварцвальдѣ, повидимому, является скорѣе бродячей птицей. Всѣ изслѣдователи, имѣвшіе возможность дѣлать тщательныя наблюденія надъ лимоннымъ чижиномъ, описываютъ его какъ бодрую и живую птицу, всегда подвижную и непрерывно поющую или издающую свой призывной голосъ. Въ дурную погоду его почти не слышно, но въ солнечныя и безвѣтренныя дни, по словамъ Шютта, онъ часто издаетъ свой жалобный призывной голосъ «гюре гюре битт битт» и, благодаря этому, его очень легко замѣтить; вообще же онъ довольно пугливъ и потому его трудно наблюдать. Пѣніе этого чирика по Гомейеру, состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ одна напоминаетъ пѣсню желтозобика, другая щегленка, а третья представляетъ приблизительно среднее между ними. «Щегленокъ поетъ и трещитъ, желтозобикъ щепчетъ и чирикаетъ, лимонный чирикъ поетъ и звенитъ. Звукъ перваго чистый, громкій и твердый, звукъ втораго рѣзкій, звукъ послѣдняго полный, мягкій и звучный. Призывныя звуки «дитаэ дитаэ вит» или «дитаэаэтэтт» мягки и негромки; зовъ «цїуб» чистъ, какъ звукъ колокольчика, и чрезвычайно благозвученъ. Лимонный чирикъ отличается такимъ образомъ своеобразнымъ звенящимъ пѣніемъ, въ которомъ строфы щегленка и желтозобика перемѣшиваются между собою и переходятъ другъ въ друга; од-

нако онъ принадлежитъ не къ лучшимъ пѣвцамъ рода въюрковъ, а къ второстепеннымъ».

Смотря по положенію области, въ которой лимонный чижикиъ выводитъ птенцовъ, пара принимается за постройку гнѣзда въ апрѣлѣ и самое позднее въ маѣ. Гнѣздо вѣтается на деревьяхъ, то высоко, то низко; въ Шварцвальдѣ, по Шютту, всегда на еляхъ около 6 м. вышиною, около ствола или около вершины въ самыхъ густыхъ вѣтвяхъ. Гнѣздо состоитъ изъ корешковъ, волокнистыхъ лишавей и растительныхъ волоконъ и выстлано растительнымъ пухомъ и перьями. 4 или 5 яицъ похожи на яйца щегленка, но меньше и съ болѣе вѣжной скорлупой, въ длину они около 15 м.м., толщиною 12 м.м. и на свѣтло-зеленомъ фонѣ довольно равномерно покрыты фіолетово-буро-красноватыми и черно-бурыми точками, которыя къ толстому концу часто располагаются вѣнчикомъ. Птенцы выкармливаются обоими родителями, зовуть ихъ протяжнымъ «ци-бе ци-бе», долго сидятъ въ гнѣздѣ, но, подобно молодымъ крапивникамъ, слетаютъ съ него, если его тронуть, и ищутъ спасенія во мхѣ и кустахъ черники. Къ осени они и ихъ родители соединяются съ другими и составляютъ стаи въ 40—50 штукъ, которыя собираютъ сѣмена по большей части въ молодыхъ лѣсахъ на землѣ и которыхъ не легко прогнать изъ мѣстъ, обѣщающихъ имъ пищу. Такъ, въ Швейцаріи очень большая стая, состоявшая болѣе чѣмъ изъ 100 штукъ, постоянно держалась въ теченіи зимы около вокзала города Хура и питалась въ это время сѣменами лебеды. Лѣтомъ эта птица любитъ сѣмена одуванчика, безразлично—зрѣлыя и незрѣлыя и добываетъ ихъ, привѣсиваясь, подобно щегленку, къ цвѣтку, или подбираетъ съ земли другія сѣмена, очень охотно также ѣстъ почки и мягкіе кончики листьевъ.

Прокормленіе лимоннаго чижикиа въ клѣткѣ представляетъ мало затрудненій; тѣмъ не менѣе въ неволѣ онъ чувствуетъ себя плохо и потому въ качествѣ компанной птицы уступаетъ первенство какъ чижику, такъ и щегленку.

* *
* *

Общеизвѣстный **Щегленокъ, Щеголь** (*Carduelis elegans, auratus, germanicus, septentrionalis, Fringilla carduelis, ochracea, Passer, Spinus, Acanthis carduelis. Stieglitz. Chardonneret*), представитель бѣднаго видами рода того-же имени (*Carduelis*), водящагося въ Старомъ Свѣтѣ, отличается коническимъ, очень вытянутымъ и остроконечнымъ, вѣсколько загнутымъ внизъ клювомъ, немного вогнутымъ по краямъ челюстей; короткими, плотными длиннопальными ногами съ мало согнутыми, но острыми когтями; острыми крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ длиннѣе всего 5 первычъ; средней длины хвостомъ съ слабой выемкой и рыхлымъ опереніемъ. Опереніе очень нестрое. Узкая полоска вокругъ клюва, уздечка, середина темени и задняя часть головы чернаго цвѣта; лобъ, задняя часть щекъ и горло яркаго кармино-краснаго; виски и щеки бѣлаго; затылокъ, плечи и спина желтовато-бурого; зобъ и бока груди свѣтлаго красновато-бурого; часть горла, надхвостье и нижнія части—бѣлаго цвѣта; маховыя перья чернаго цвѣта, основная треть ихъ, за исключеніемъ перваго снаружи — ярко-желтаго цвѣта и украшены передъ концомъ бѣловатымъ щиткомъ, который къ заду постепенно увеличивается: снизу маховыя перья темно-сѣрыя съ серебристо-бѣлыми краями; мелкія верхнія кроющія перья крыла чернаго цвѣта; среднія и большія—свѣтло-желтаго; рулевыя перья чернаго цвѣта, наружныя также внутри съ продолговатымъ бѣлымъ пятномъ, остальные на концѣ украшены бѣлымъ щиткомъ. Глаза орѣхово-бурые, клювъ красновато-бѣлый, на концѣ черный; ноги голубовато-мясного цвѣта. Оба пола такъ сходны между собою, что ихъ можно смѣшивать, и только очень опытный глазъ от-

личаетъ самца отъ самки по нѣсколько большей величинѣ, большей распространенности краснаго цвѣта на лицѣ и головѣ, а также по болѣе темному черному цвѣту на болѣе чисто-бѣломъ. У птенцовъ на головѣ недостаетъ краснаго и чернаго цвѣта; верхняя сторона тѣла у нихъ покрыта по буроватому фону темными пятнами; нижняя сторона ихъ на бѣломъ фонѣ покрыта пятнами бурога цвѣта. Длина птицы достигаетъ 13, размахъ крыльевъ 22, длина крыла 7, хвоста 5 см. Иногда встрѣчаются бѣлогорлые экземпляры.

Начиная съ средней Швеціи, щегленокъ водится во всей Европѣ, а также на Мадерѣ, Канарскихъ островахъ, въ сѣверозападной Африкѣ и большей части Азіи, отъ Сиріи до Сибири. На Кубѣ онъ одичалъ, и съ успѣхомъ акклиматизировался въ Новой Зеландіи. Въ предѣлахъ области его распространенія онъ встрѣчается, повидимому, вездѣ, и по мѣрѣ расширенія культуры овощей увеличивается въ числѣ, хорошо примѣняется къ различнымъ условіямъ жизни, но отнюдь не вездѣ встрѣчается одинаково часто. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онъ рѣдокъ, въ другихъ его можно видѣть многочисленными стаями. Болле встрѣтилъ щегла на Канарскихъ островахъ; янаходилъ его въ Андалузіи и Кастили большими стаями; другіе наблюдатели во множествѣ видѣли его въ Греціи. Въ Германіи онъ собирается въ стаи въ началѣ осени и затѣмъ кочуетъ по странѣ иногда обществами, состоящими изъ нѣсколькихъ сотенъ штукъ. Эти массы обыкновенно разбиваются къ зимѣ на болѣе мелкія стаи, которыя затѣмъ цѣлыми днями живутъ вмѣстѣ. Мѣстами размноженія щегленка должно считать такія мѣстности, въ которыхъ преобладаетъ лиственный лѣсъ или гдѣ жители занимаются огородничествомъ. Щегленокъ не лѣсная птица въ строгомъ смыслѣ слова, такъ какъ селится въ садахъ или паркахъ, на улицахъ, на выгонахъ или лугахъ и тому подобныхъ мѣстахъ; здѣсь онъ обыкновенно выводитъ птенцовъ еще охотнѣе, чѣмъ въ кустахъ и обширныхъ лѣсахъ.

Щегленокъ крайне привлекателенъ, ловокъ во всѣхъ движеніяхъ, непосѣдливъ, проворенъ, уменъ и хитеръ; у него ловкая и красивая посадка и онъ производитъ впечатлѣніе, что сознаетъ свою красоту. Въ качествѣ настоящей древесной птицы онъ лишь неохотно спускается на землю и движется здѣсь довольно неловко; зато лазаешь не хуже синицы, ловко привѣшивается, какъ чижики, снизу къ самымъ тонкимъ вѣтвямъ и цѣлыя минуты работаетъ въ такомъ положеніи. Полетъ его легокъ и быстръ, волнообразенъ, какъ у большинства вьюрковъ, и становится парящимъ только тогда, когда птица хочетъ опуститься. Для отдыха онъ предпочитаетъ высочайшія верхушки деревьевъ и кустовъ, но никогда не держится долго на одномъ мѣстѣ, такъ какъ его непосѣдливый нравъ постоянно проявляется. По отношенію къ человѣку онъ всегда выказываетъ осторожность, но бываетъ пугливымъ лишь въ томъ случаѣ, если подвергался уже преслѣдованіямъ. Съ другими птицами онъ уживается, однако обнаруживаетъ по отношенію къ нимъ извѣстную шаловливость и любитъ ихъ дразнить. Его призывной крикъ лучше всего передается его нѣмецкимъ названіемъ (Stieglitz); это просто звукоподражаніе слогамъ «штиглит», «пиккельнит» и «пиккельник, ки клейа», которое онъ издаетъ и сидя, и на лету. Тихое «май» онъ употребляетъ въ качествѣ предостереженія; грубое «рарарара» выражаетъ непріятное возбужденіе. Крикъ птенцовъ — «циф литци ци» и т. п. Хотя лѣсная самца и уступаетъ по звучности и полнотѣ отдѣльныхъ звуковъ пѣснѣ коноплянки, но все-же онъ поетъ громко и пріятно, съ большимъ разнообразіемъ и такъ весело, что любители высоко цѣнятъ щегленка, въ частности именно ради его пѣнія. Въ неволѣ онъ поетъ почти круглый годъ; на свободѣ онъ молчитъ только въ періодъ линія и при очень дурной погодѣ.

Пища его состоитъ изъ различнаго рода сѣмянъ, преимущественно же бере-

зовыхъ и ольховыхъ, а не менѣ того и изъ сѣмянъ различныхъ видовъ чертополоха; поэтому тамъ, гдѣ есть чертополохъ и репейникъ, можно съ увѣренностью рассчитывать встрѣтить щегленка. «Ничего нѣтъ красивѣе», говоритъ Болле, «картины стаи щеглятъ, качающихся на засыхающихъ уже стебляхъ чертополоха и выщипывающихъ сѣмена изъ бѣлой части цвѣточныхъ корзинокъ. Растенія будто вторично украсились цвѣтами, еще болѣе великолѣпно-окрашенными чѣмъ первые». Птица появляется на кустахъ чертополоха, ловко привѣшивается къ одной изъ головокъ и принимается усердно работать своимъ длиннымъ, остроконечнымъ клювомъ, чтобы захватить скрытыя сѣмена. Лѣтомъ щегленокъ ѣсть между прочимъ и насѣкомыхъ, ими онъ выкармливаетъ и птенцовъ. Такимъ образомъ онъ приноситъ пользу во всякое время года, какъ уменьшеніемъ количества сорной травы, такъ и истребленіемъ насѣкомыхъ. Строгіе судьи его поступковъ обвиняютъ его, правда, въ томъ, что онъ, легкомысленно работая надъ головками чертополоха, помогаетъ распространенію сѣмянъ его, но забываютъ при этомъ, что вѣтеръ и безъ щегленка служить настоящей причиной такого распространения сорной травы; поэтому они рѣшительно несправедливы къ этой изящной птицѣ.

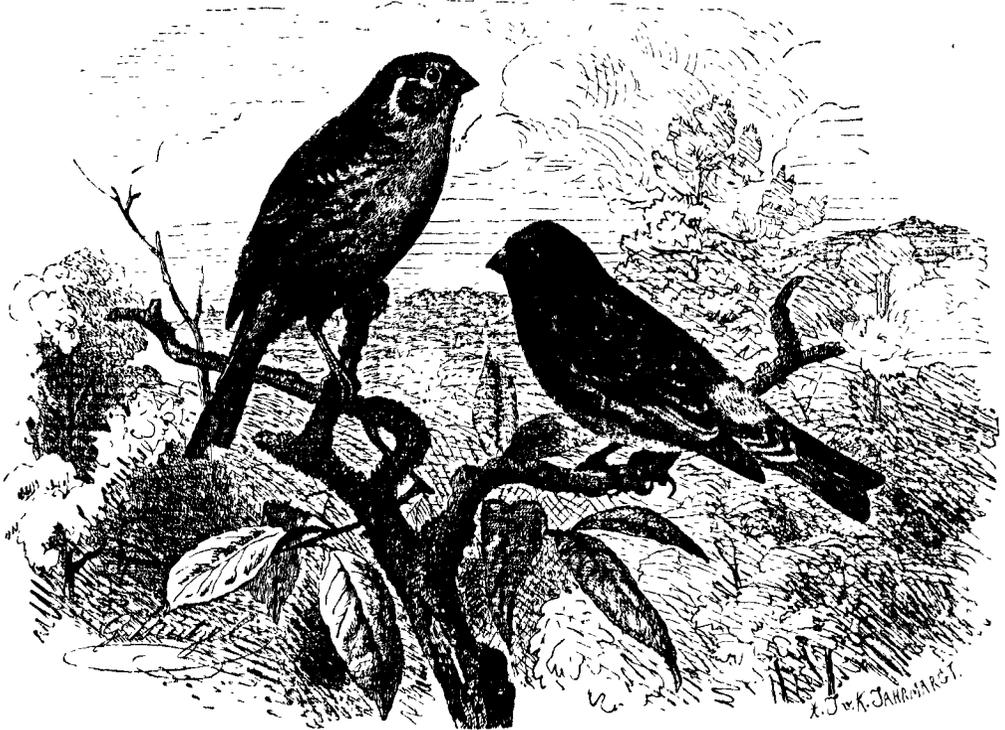
Гнѣздо его, — прочная, плотно сплетенная, искусная постройка; оно вѣется въ рѣдкихъ листовенныхъ лѣсахъ или на огородахъ, часто въ садахъ и въ непосредственной близости домовъ, обыкновенно на высотѣ 6—8 м. надъ землею, чаще всего въ развилинѣ вѣтви на верхушкѣ дерева, и такъ хорошо скрыто, что снизу его можно увидѣть только тогда, когда съ деревьевъ опадутъ листья. Зеленые древесные лишайи и земляной мохъ, тонкіе корешки, сухія соломинки, нити и перья, переплетенные пражей насѣкомыхъ, образуютъ наружную стѣнку гнѣзда, а слои пуха изъ головокъ чертополоха, которые удерживаются въ своемъ положеніи тонкимъ слоємъ конскихъ волосъ и свиныхъ щетинъ — его внутреннюю выстилку. Строитель гнѣзда — самка; самецъ усердно увеселяетъ ее при этомъ пѣніемъ, но лишь рѣдко принимаетъ активное участіе въ постройкѣ гнѣзда. Кладка состоитъ изъ 4—5 яицъ съ нѣжной и тонкой скорлупой, въ среднемъ 16 м. м. длиною и 12 м. м. толщиною; по бѣлому или голубовато-зеленоватому фону они усыяны рѣдкими фіолетовосѣрыми точками, которыя однако на тупомъ концѣ образуютъ вѣнчикъ. Рѣдко удается найти яйца щегленка раньше мая и вѣроятно пары выводятъ птенцовъ только одинъ разъ въ теченіи лѣта. Самка высиживаетъ одна въ продолженіи 13—14 дней. Птенцы, пока малы, выкармливаются мелкими личинками насѣкомыхъ, подросшіе — насѣкомыми и сѣменами; родители долго еще водятъ съ собою вылетѣвшихъ птенцовъ. Какъ коноплянка, такъ и щегленокъ выкармливаютъ своихъ птенцовъ, если посадить ихъ въ клѣтку до вылета изъ гнѣзда.

* * *

Клювъ **Желтыхъ снигирей** (*Serinus*) малъ, толстъ, съ тупымъ кончикомъ, сверху мало вышукль, втянутъ на дугообразныхъ краяхъ челюстей, передъ концомъ имѣетъ легкую вырѣзку; ноги съ довольно короткой плюсною и не особенно длинными пальцами, вооруженными маленькими, плоско согнутыми, но заостренными когтями; крылья умѣренной длины и остроконечны, второе и третье маховыя перья его длиннѣе прочихъ; хвостъ средней длины, съ довольно глубокой выемкой на концѣ.

Представителемъ этого рода является водящійся въ Германіи — **Желтозобикъ** (*Serinus hortulanus, flavescens, brumalis, orientalis, meridionalis, islandicus, occidentalis, Fringilla serinus, islandica, Pyrrhulla, Dryospiza serinus. Girlitz. Serin vert.*). Длина его достигаетъ 12,5 см., размахъ крыльевъ 21, длина крыла 6,7, хвоста 5 см.

Преобладающий цвет оперения прекрасный зеленый; задняя часть головы, спина и плечи—зеленовато-желтые и разрисованы неясными черноватыми продольными пятнышками; лоб, полоска через глаза и кольцо на затылке, надхвостье и нижняя часть бледно-золотисто-желтого цвета, который к брюху становится светлее, а на нижних кроющих перьях хвоста переходит в белый; грудь и бока брюшка разрисованы большими черными продольными пятнами; большие маховые перья черно-бурые, снаружи с узкими зеленовато-желтыми, а на концах с беловатыми каймами; малые маховые перья с такими-же, но более широкими каймами и краями; перья плеч с очень широкими зеленовато-белыми каймами и краями; маленькие верхние кроющие перья крыла чижиково-зеленые, большие с беловатыми каймами, на концах же украшены широкой беловато-желтой каймой, благодаря

Желтозобикъ. *Serinus hortulanus* и Синигирь-малютка. *Serinus pusillus*. 1/2 наст. вел.

чему на крыльях образуется светлая поперечная полоска; маховые перья буро-черные, внутри с беловатыми, снаружи с зеленовато-желтыми каймами. Глаза светло-бурые; клюв рогового-сѣраго цвета, снизу красновато-сѣрый; ноги желтовато-мясного цвета. Самка ростомъ меньше и въ опереніи ея преобладающимъ цветомъ является зеленовато-желтый, почти всюду украшенный продольными пятнами. Птенцы похожи на самку, но отличаются очень блѣднымъ, почти беловатымъ основнымъ цветомъ.

Первоначально водившійся въ южной Европѣ и Малой Азіи, желтозобикъ постепенно распространился на сѣверъ, продолжаетъ это и теперь и, проникая все дальѣе и дальѣе, селится въ такихъ областяхъ, гдѣ его совершенно не было за нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ. «Этотъ прелестный вѣжорокъ», говоритъ Маршалъ, «встрѣчается во всей южной Европѣ, обыкновененъ какъ въ Сициліи, такъ и въ Португаліи и должно быть уже довольно давно распространился въ юго-

западной Германіи; уже въ 1818 г. онъ, уклонившись отъ Рейна и держась Майна, былъ не рѣдокъ вокругъ Франкфурта на Майнѣ, но лишь спустя 17 лѣтъ онъ появился около Ганау, а въ 1883 г. достигъ Вюрцбурга. Въ окрестностяхъ Нейвида онъ гнѣзвился уже въ 1854 году, хотя, по Малербу, онъ, вѣроятно слѣдуя вверхъ вдоль Мозеля, уже въ тридцатыхъ годахъ поселился въ Лотарингіи.

«На юго-востокъ эта птица часто встрѣчается въ Венгріи, вверхъ по Дунаю, обыкновенна около Вѣны (1879) и по этой дорогѣ проникла прямо до Баваріи. Въ 1850 г. желтозобикъ появился. слѣдуя пути Дунай—Молдава—Эльба при Бензенѣ на Молдавѣ; пять лѣтъ спустя на 25 килом. дальше при Будвейсѣ, причемъ, по мнѣнію мѣстныхъ жителей, онъ все болѣе распространяется вмѣстѣ съ разведеніемъ рапса. Слѣдуя вдоль Эльбы, онъ въ 1870 г. часто показывался при Шандау въ Саксонской Швейцаріи, рѣже на разстояніи часа пути далѣе внизъ по теченію въ урочищѣ Візла, хотя уже за 18 лѣтъ до того въ Лессницѣ около Дрездена наблюдали гнѣздящуюся парочку, а, по Либе, желтозобикъ уже въ 1859 г. сдѣлалъ неудачную попытку поселиться въ долинѣ Эльстера. Въ 1871 г. это удалось одной парочкѣ, за которою на слѣдующій годъ послѣдовала другая, а въ 1873 г. уже семь паръ было найдено при Герфѣ. Перелетѣвъ отъ Дуная къ Одеру этотъ выюрокъ проникъ въ Верхнюю Силезію, въ 1866 г. сталъ довольно многочисленъ при Бреславлѣ, гдѣ онъ за 20 лѣтъ до того былъ совершенно неизвѣстенъ; уже въ 1850 г., хотя рѣдкими отдѣльными экземплярами, показался въ Лаузитцѣ, но изъ года въ годъ становится тамъ все обыкновеннѣе и населяетъ отсюда сосѣднія мѣстности Саксоніи; такъ, въ 1867 г. онъ появился въ Максдорфѣ, а въ концѣ семидесятыхъ годовъ онъ достигъ Франкфурта на Одерѣ и Берлина».

На Таврѣ къ нему присоединяется распространенный, отъ Тавра и Кавказа, по Персіи и Туркестану до Ладака, встрѣчающійся и въ юго-восточной Европѣ **Снигирь-малютка** (*Serinus pusillus, aurifrons, Passer pusillus, Fringilla pusilla, rubrifrons, Emberiza aurifrons, auriceps, Oraegithus pusillus, Pyrrhula, Metoponia pusilla. Goldstirngirlitz. Petit bouvreuil*). Длина его около 11, длина крыла 7, длина хвоста 5 см. Опереніе на передней части головы темно-оранжево-красное, на остальной части головы и шеѣ, а также на верхней части груди тусклое буровато-черное; такое-же на спинѣ, бокахъ груди и брюха, но каждое перо съ широкимъ свѣтло-желтымъ краемъ; надхвостье оранжево-желтое, брюхо желтое, пахи съ черными продольными черточками; большія маховыя перья буровато-сѣрыя, снаружи съ узкими лимонно-желтыми каймами; перья плечъ черно-бурыя съ широкими желтовато-бѣлыми каймами и съ бѣловатымъ краемъ на концѣ; верхнія кроющія перья крыла золотисто-буроватая; большія на концѣ съ бѣлыми каймами, благодаря чему на крылѣ образуется полоска. Хвостовыя перья черно-бурыя, снаружи съ лимонно-желтыми каймами и, подобно болѣе темнымъ верхнимъ кроющимъ перьямъ хвоста, съ бѣлыми краями; нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя. Радужная оболочка глаза бурая, клювъ черный, ноги черно-бурыя. У менѣе ярко-окрашенной самки нѣтъ черныхъ перьевъ на головѣ.

Въ Германіи желтозобикъ является перелетной птицей, которая правильно появляется весной, именно въ послѣдніе дни марта или въ первыхъ числахъ апрѣля, и остается до поздней осени. Во всей южной Европѣ зимой онъ кочуетъ съ одного мѣста на другое, не предпринимая однако настоящаго перелета. Здѣсь онъ всюду встрѣчается чаще, чѣмъ въ Германіи, населяетъ каждую мѣстность и встрѣчается даже на довольно высокихъ горныхъ вершинахъ. Болѣе всего

нравятся ему сады, по близости которыхъ есть огороды; поэтому его очень часто встрѣчаютъ въ Германіи въ однихъ мѣстахъ, между тѣмъ какъ въ другихъ, даже близко лежащихъ, онъ не попадается.

Желтозобикъ — хорошенькая, живая и привлекательная птица, всегда бодрая и въ хорошемъ расположеніи духа, общительная и миролюбивая, пока не наступитъ время любви, когда птички разъединяются на парочки и между самцами происходятъ ссоры. Первыми прибываютъ къ намъ всегда самцы; самки слѣдуютъ за ними позднѣе. Благодаря своему пѣнію и безпокойной дѣятельности, самцы тотчасъ становятся замѣтны; они садятся на высочайшія вершины деревьевъ, опускаютъ крылышки, поднимаютъ нѣсколько хвостъ, постоянно поворачиваются во все стороны и заливаются пѣніемъ. Въ случаѣ холодной, вѣтренной и дождливой весны дѣло совершенно измѣняется. «Тогда птичка», говоритъ Гомейеръ, «дѣлается совсѣмъ иною. Она держится низко, чтобы найти защиту отъ непогоды, и только изрѣдка тихо и боязливо издаетъ свой зовъ изъ куста, или въ поискахъ за кормомъ прыгаетъ по землѣ, отыскивая пищу около куста лебеды, не производя шума и не выказывая, вслѣдствіе дурного расположенія духа, большого оживленія. Такимъ образомъ при продолжительной неблагоприятной погодѣ можетъ случиться, что несмотря на большое количество прилетѣвшихъ желтозобиковъ, ихъ видишь мало, но стоитъ только выглянуть солнцу, и они во множествѣ започуютъ на всѣхъ деревьяхъ». Чѣмъ болѣе приближается время спариванія, тѣмъ ревностнѣе поетъ самецъ свою пѣсенку и тѣмъ болѣе странны становятся его жесты. Не довольствуясь тѣмъ, что нѣжными звуками проситъ о любви, желтозобикъ ложится, какъ кукушка, на вѣтвь, поднимаетъ перья на горлѣ, какъ токуюшій глухарь, сильно расширяетъ хвостъ, вертится, поднимается на воздухъ, порхаетъ, носясь подобно летучей мыши вокругъ дерева, бросается то въ одну, то въ другую сторону и затѣмъ возвращается на то мѣсто, на которомъ сидѣлъ, чтобы продолжать пѣніе. Другіе самцы, находящіеся по близости, возбуждаютъ въ пѣвцѣ ревность. Онъ вдругъ обрываетъ пѣніе и, разсерженный, бросается на противника; послѣдній обращается въ бѣгство и быстро улетаетъ, послѣ чего птицы долгое время яростно гоняются другъ за другомъ съвозъ покрытыя листьями верхушки деревьевъ или надъ самой землею, причемъ непрерывно выражаютъ свой гнѣвъ рѣзкимъ «си си си». Только послѣ долгихъ битвъ, когда самка уже сидитъ на яйцахъ, кончаются эти ссоры и драки. Пѣніе желтозобика Гофманъ удачно сравниваетъ съ пѣніемъ альпійской завирушки, которое впрочемъ нѣжнѣе. Отличною пѣсней желтозобика назвать нельзя: она слишкомъ однообразна и заключаетъ слишкомъ много чирикающихъ звуковъ; однако я долженъ признаться, что она мнѣ всегда нравилась. Мѣстное тирольское названіе этой птицы «хирнгриттерль» до нѣкоторой степени представляетъ подражаніе этой пѣсни.

Гнѣздо желтозобика маленькая искусная постройка, болѣе всего похожая на гнѣздо нашего зяблика, строится изъ различнаго матерьяла; иногда оно построено изъ тонкихъ корешковъ, иногда изъ различныхъ соломинокъ, и внутри крайне нѣжно и мягко выложено волосами и перьями. Оно помѣщается то выше, то ниже, но всегда по возможности спрятано въ густыхъ вѣтвяхъ куста или дерева. Но Гофману, желтозобикъ оказываетъ совершенно особое предпочтеніе грушевому дереву и, гдѣ только возможно, устраиваетъ свое гнѣздо на немъ, однако гнѣздится и на яблоняхъ, вишняхъ или другихъ лиственныхъ деревьяхъ, а по новѣйшимъ наблюденіямъ не менѣе того и на хвойныхъ; вообще въ этомъ отношеніи онъ оказывается неразборчивымъ. Въ Испаніи онъ предпочитаетъ лимонныя и апельсинныя деревья всѣмъ другимъ, но вовсе не держится исключительно ихъ. Кладка состоитъ изъ 4—5 маленькихъ притупленныхъ яицъ, длиною въ 16 мм., шири-

ЩЕГЛЕНОКЪ, ЧИЖИКЪ и СНИГИРЬ.

7

4

ною въ 12 мм., которыя на грязно-бѣломъ или зеленоватомъ фонѣ всюду, но на тупомъ концѣ сильнѣе, чѣмъ на остромъ, покрыты матово-бурыми, красными, красно-сѣрыми, пурпурово-черными точками, пятнами и разводами. Въ Испаніи я постоянно находилъ свѣже снесенныя яйца съ апрѣля до іюля; въ Германіи время размноженія наступаетъ въ серединѣ апрѣля. Весьма вѣроятно, что парочка размножается по крайней мѣрѣ два раза въ годъ. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ кормитъ ее изъ зоба. «Если она голодна», говоритъ Гофманъ: «то она зоветъ самца и именно такимъ-же звукомъ, какой самецъ издаетъ во время своихъ любовныхъ битвъ, только нѣсколько болѣе тихимъ». Высиживаетъ она очень усердно и спокойно продолжаетъ сидѣть, хотя-бы подъ ея гнѣздомъ цѣлый день продолжались полевые или садовые работы. Черезъ 13 дней приблизительно выдупляются птенцы. Пока они сидятъ въ гнѣздѣ, они требуютъ пища тихимъ «цикцик» или «ситт ситт». Къ концу роста они становятся очень безпокойными и часто вылетаютъ прежде, чѣмъ слѣдовало. Родители усердно кормятъ ихъ еще нѣкоторое время, даже если ихъ запереть въ клѣтку и повѣсить ее по близости отъ того мѣста, гдѣ находится гнѣздо. По окончаніи птенцовой поры отдѣльныя пары вмѣстѣ со своими птенцами присоединяются къ вылетѣвшимъ раньше и, собравшись въ стаи, соединяются съ щеглятами, коноплянками, полевыми воробьями и другими представителями того-же семейства, однако въ тѣсную дружбу не вступаютъ съ ними, всегда сохраняя извѣстную самостоятельность. Затѣмъ эти стаи кочуютъ по странѣ и отыскиваютъ сообща свою пищу, состоящую почти исключительно изъ мелкихъ сѣмянъ и побѣговъ растеній, однако не принося тѣмъ вреда человѣку.

За исключеніемъ мелкихъ хищниковъ у насъ желтозобикъ не подвергается ничѣмъ нападеніямъ, да еще развѣ на него охотятся нѣкоторые любители; напротивъ, въ Испаніи его тысячами ловятъ для ѣды на такъ называемыхъ «воробьиныхъ деревьяхъ». Траву эспарто покрываютъ птичьимъ клеемъ, осыпаютъ массами травинокъ одиноко стояція на поляхъ деревья, которыя служатъ мѣстами отдыха для стай вьюрковъ, и подучаютъ часто изумительные результаты: изъ многочисленныхъ стай вьюрковъ, которые опускаются на такое дерево, иногда едва четвертая часть спасается отъ предательскихъ прутиковъ. Не только желтозобикъ, но и другіе вьюрки и даже хищныя птицы становятся жертвой такого лова. Въ клѣткѣ наша птичка очень пріятна, но выживаетъ не такъ хорошо, какъ можно было бы ожидать.

* * *

«Прошло три столѣтія», говоритъ Болле, «съ тѣхъ поръ, какъ канарейка, благодаря прирученію, была вывезена за границы своей настоящей родины и стала обитательницей всего свѣта. Цивилизованный человѣкъ наложилъ на нее свою руку, вывезъ, развелъ, связалъ ея судьбу со своей собственной и, благодаря попеченіямъ и уходу, многочисленными слѣдующими одно за другимъ поколѣніями, вызвалъ такія существенныя измѣненія этой породы, что теперь мы вмѣстѣ съ Линнеемъ и Бриссономъ почти склонны ошибочно считать золотисто-желтую птичку за прообразъ этого вида и почти забыли дикую зеленую коренную форму этого вида, которая неизмѣнно осталась тѣмъ же, чѣмъ была съ самаго начала. Подробное знакомство въ ручной канарейкой, точное и обстоятельное изученіе ея нравовъ и особенностей въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что дикая канарейка живетъ далеко отъ насъ, были, кажется, главными причинами незначительности нашихъ свѣдѣній объ этой послѣдней».

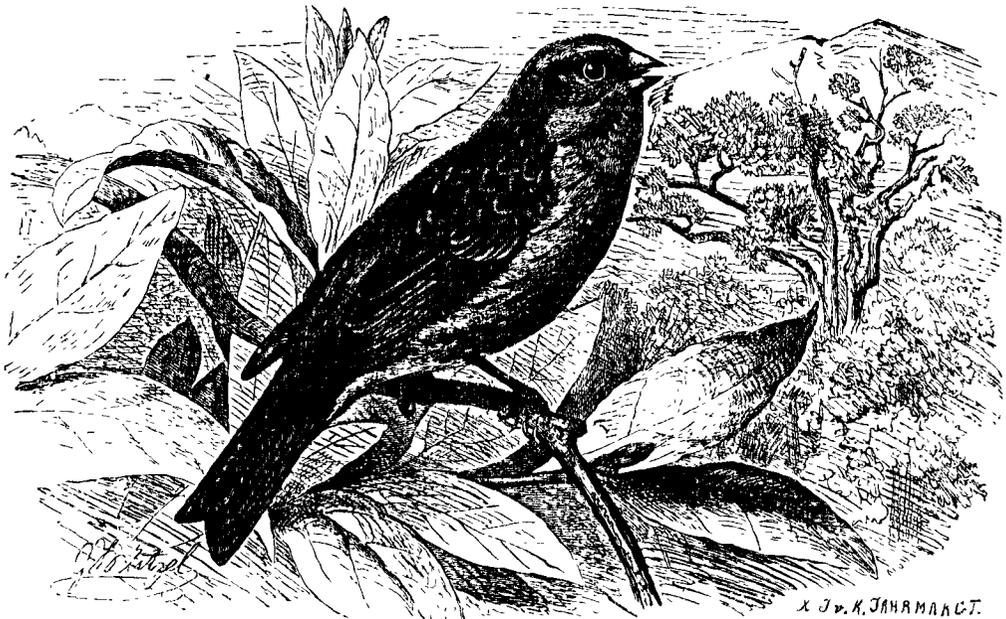
Болле первый далъ намъ описаніе жизни канарейки на свободѣ. Всѣ естественныя испытатели до него, за исключеніемъ только А. фонъ Гумбольдта, сообщаютъ намъ

мало или, если и сообщают что нибудь, то истина и вымысел такъ перемѣшаны у нихъ, что трудно отдѣлать одно отъ другого. Только Болле, слова котораго я привожу ниже въ извлеченіи, даетъ намъ настолько же вѣрное, насколько и ясное описаніе этой интересной птицы. Этотъ изслѣдователь нашелъ ее на пяти лѣсистыхъ островахъ Канарской группы; Гранъ-Канарія, Тенерифа, Гомера, Пальма и Ферро, но полагаетъ, что она могла встрѣчаться раньше также на нѣсколькихъ другихъ островахъ, нынѣ безлѣсныхъ, точно такъ же, какъ водится на Мадерѣ и островахъ Зеленаго Мыса. На названныхъ островахъ канарейка живетъ всюду, гдѣ густо растутъ деревья чередуются съ кустарниками, преимущественно вдоль окаймленныхъ роскошной зеленью руслъ тѣхъ водоемовъ, которые въ дождливое время представляютъ ручьи, а въ сухое время пересыхаютъ; не менѣе часто она встрѣчается въ садахъ вокругъ жилищъ человѣка. Распространеніе ея простирается отъ берега моря до высоты болѣе 1500 м. на горахъ. Тамъ, гдѣ существуютъ условія для ея благоденствія, она обыкновенна всюду, часто встрѣчается въ виноградникахъ на этихъ островахъ, нерѣдко также въ сосновыхъ лѣсахъ, покрывающихъ горные склоны; она, повидимому, избѣгаетъ только глубины тѣнистаго высокаго лѣса, опушки котораго она еще населяетъ.

Дикая канарейка (*Serinus canarius*, *Fringilla*, *Crithagra canaria*. Wilder Canarienvogel. Serin des Canaries), которую и на родинѣ испанцы и португальцы называютъ «canario», замѣтно меньше той, которую въ Европѣ держатъ ручной. Длина ея достигаетъ 12—13, длина крыла 7,2, хвоста 6 см. У стараго самца спина желто-зеленая съ черноватыми стержневыми черточками и очень широкими, свѣтло-пепельно-сѣрыми краями перьевъ, окраска которыхъ почти становится преобладающей; надхвостье желто-зеленое, но верхнія кроющія перья хвоста зеленые съ пепельно-сѣрыми краями; голова и затылокъ желто-зеленые съ узкими сѣрыми краями; лобъ и широкая полоска, пересекающая глазъ и кругообразно протягивающаяся къ затылку, зеленовато-золотисто-желтые, такого-же цвѣта горло и верхняя часть груди; бока шеи пепельно-сѣрые. Цвѣтъ груди къзади становится свѣтлѣе и желтоватѣе; брюхо и перья надхвостья бѣловатыя; плечи прекраснаго зеленаго цвѣта съ матово-черными и блѣдно-зеленоватыми полосками; черноватая маховая перья съ узкими зеленоватыми, черно-сѣрыя хвостовыя перья съ бѣловатыми каймами. Глаза темно-бурые; клювъ и ноги буровато-мясного цвѣта. У самки верхняя сторона буро-сѣрая съ широкими черными стержневыми черточками; перья затылка и верхней части головы такого же цвѣта, но при основаніи свѣтло-зеленыя; перья лба зеленныя; уздечка сѣрая, щеки частью зелено-желтыя, частью пепельно-голубовато-сѣрыя; перья плечъ и мелкія верхнія кроющія перья крыла свѣтлаго желто-зеленаго цвѣта; большія кроющія перья крыла, какъ и маховыя перья, темнаго цвѣта съ зеленоватыми каймами; грудь и горло зеленовато-золотисто-желтыя, но, благодаря бѣло-сѣрымъ краямъ перьевъ, менѣе красивы, чѣмъ у взрослога самца; нижняя часть груди и брюхо бѣлыя; бока тѣла буроватые съ болѣе темными стержневыми черточками. Оперевіе итенцовъ въ гнѣздѣ буроватое, на груди съ охрово-желтымъ оттѣнкомъ, на щекахъ и на горлѣ очень блѣднаго лимонно-желтаго цвѣта.

Пища дикихъ канареекъ состоитъ по большей части, если не исключительно, изъ растительныхъ веществъ, мелкихъ сѣмянъ, нѣжной зелени и сочныхъ плодовъ, въ особенности винныхъ ягодъ. «Вода составляетъ для канареекъ безусловную потребность. Онѣ часто летаютъ на водоной, болѣею частью обществами, любятъ купаться, причѣмъ очень сильно мочатъ свои перья. Эта привычка свойственна какъ дикимъ канарейкамъ, такъ и ручнымъ.

«Спариваніе и постройка гнѣзда происходятъ въ мартѣ, большею частью лишь во второй половинѣ его. По нашимъ наблюденіямъ, птица никогда не строитъ гнѣзда ниже 2-хъ м. надъ землею, часто-же на гораздо болѣе значительной высотѣ. Особенное предпочтеніе канарейка, повидимому, питаетъ къ молодымъ, еще тонкимъ деревцамъ и изъ нихъ особенно охотно выбираетъ вѣчно зеленыя или очень рано покрывающіяся листьями. Грушевое или гранатное дерево очень часто выбираются для гнѣзда вслѣдствіе ихъ обильныхъ, но рѣдкихъ вѣтвей, рѣже померанцевое дерево, вслѣдствіе его всегда темной верхушки, фиговое-же, какъ, увѣряютъ, никогда. Гнѣздо всегда очень скрыто; однако его легко отыскать, особенно въ садахъ, благодаря тому, что старыя птицы постоянно летаютъ въ него и обратно и самая область гнѣздованія не велика. Мы нашли первое гнѣздо, которое намъ пришлось видѣть, въ послѣднихъ числахъ марта 1856 г. среди заглохшаго сада

Дикая канарейка. *Serinus canarius*. ²/₃ наст. вел.

виллы Ортава, на буквомъ деревѣ, вышиною около 4 м., которое поднималось надъ миртовой изгородью. Гнѣздо лежало, покоясь на сучкахъ только дномъ, въ развилкѣ нѣсколькихъ вѣтвей, внизу было широко, вверху очень узко и чрезвычайно изящно округлено; было чисто и правильно построено исключительно изъ бѣлоснѣжнаго растительнаго пуха и протканъ лишь немногими сухими соломинками. Первое яйцо было положено 30 марта, затѣмъ ежедневно прибавлялось по одному, пока все число не достигло 5, что и составляетъ, повидимому, обыкновенное число яицъ кладки, хотя мы въ другихъ случаяхъ находили лишь 3—4 яйца, но никогда не встрѣчали болѣе 5 яицъ въ одномъ гнѣздѣ. Яйца блѣдно-зеленоватыя, цвѣта морской воды, и усыны красновато-бурыми пятнами, рѣдко почти или совсѣмъ одноцвѣтны. Они совершенно похожи на яйца ручной канарейки. Точно также прирученіе не оказываетъ никакихъ вліяній на продолжительность высидыванія у дикой канарейки: оно длится также около 13 дней. Птенцы остаются въ гнѣздѣ, пока не оперятся совершенно; послѣ вылета оба родителя, и въ особенности отецъ,

кормят ихъ еще нѣкоторое время изъ зоба самымъ заботливымъ образомъ. Въ теченіи лѣта бываетъ обыкновенно четыре кладки, иногда же только три».

Всѣ гнѣзда, которыя наблюдали Болле, были одинаково спрятно свиты изъ растительнаго пуха; въ нѣкоторыхъ между блестящимъ растительнымъ пухомъ иногда попадался стебелекъ травы или кусочекъ коры. «Въ то время, какъ самка высидиваетъ яйца, самецъ сидитъ по близости ея, всего охотнѣе на деревѣ, еще не покрытомъ листьями, въ началѣ весны охотно на акаціи, платанѣ или настоящемъ каштанѣ, тѣхъ породахъ деревьевъ, почки которыхъ вскрываются лишь поздно, или-же усаживается на сухихъ верхушкахъ вѣтвей. какія нерѣдко встрѣчаются на вершинахъ померанцовыхъ деревьевъ, обыкновенныхъ въ садахъ и около человѣческихъ жилищъ. На такихъ мѣстахъ онъ поетъ охотнѣе всего и долѣе всего».

«О достоинствахъ пѣнія дикой канарейки много говорилось. Нѣкоторые слишкомъ высоко цѣнили и прославляли его, другіе произносили надъ нимъ слишкомъ строгій приговоръ. Мы не удалимся отъ истины, если выскажемъ мнѣніе, что дикія канарейки поютъ такъ, какъ въ Европѣ ручныя. Пѣніе послѣднихъ вовсе не есть результатъ искусственнаго обученія; въ общемъ оно осталось такимъ, какимъ было первоначально. Воспитаніе измѣнило, правда, отдѣльныя части пѣсни и привело къ болѣе блестящему развитію ихъ, другія-же части его сохранили первоначальный характеръ въ большей свѣжести и чистотѣ, не общій характеръ пѣнія обѣихъ канареекъ и теперь еще совершенно одинаковъ и доказываетъ, что въ то время, какъ извѣстные народы могутъ утратить свой природный говоръ, птицы свой языкъ сохраняютъ въ цѣлости при всѣхъ измѣненіяхъ внѣшнихъ условій. Таковъ безпристрастный приговоръ природы. Слышавъ канарейку на волѣ, пристрастные наблюдатели увлекаются прелестью ландшафта, необычайнымъ очарованіемъ окружающей природы. То что мы слышимъ, прекрасно; но оно становится еще прекраснѣе и звучнѣе благодаря тому, что раздается не въ пыльной комнатѣ, а подѣ открытымъ небомъ, тамъ, гдѣ розы и жасминъ обвиваются вокругъ кипарисовъ и исчезающія въ пространствѣ звуковыя волны теряютъ ту рѣзкость, которая можетъ не нравиться намъ, когда мы слушаемъ пѣніе ручной птицы по большей части на очень близкомъ разстояніи. Однако люди не довольствуются тѣмъ, что воспринимаютъ то, что доносится до слуха; не замѣчая того, они воспринимаютъ и то, что создается ихъ воображеніемъ, и такимъ образомъ являются приговоры, въ которыхъ потомъ другіе разочаровываются. Какъ всѣ коноплянки и соловьи или всѣ ручныя канарейки являются пѣвцами не одинаковаго достоинства, такъ и отъ пѣнія всѣхъ дикихъ канареекъ нельзя требовать одинаковыхъ достоинствъ: между ними есть какъ лучшіе пѣвцы, такъ и худшіе. Наше рѣшительное мнѣніе таково: такъ называемыхъ соловьиныхъ трелей, хватающихъ за душу глубокихъ грудныхъ тоновъ мы никогда не слышали въ лучшемъ исполненіи, чѣмъ у дикихъ канареекъ и нѣкоторыхъ ручныхъ на Канарскихъ островахъ, которыя учились у первыхъ. Никогда не забудемъ мы въ этомъ отношеніи пѣніе одного великолѣпнаго ярко-желтаго кенаря въ Грань-Канарія, котораго намъ подарилъ одинъ другъ и который жилъ у насъ нѣкоторое время. Больше всего должно остерегаться судить о пѣніи свободной канарейки по пѣнію, — часто очень плохому — тѣхъ, которыя были пойманы очень молодыми и выросли въ клѣткѣ, не имѣя хорошаго учителя.

«Полетъ канарейки похожъ на полетъ коноплянки. Онъ нѣсколько волнообразенъ и совершается по большей части на умѣренной высотѣ съ дерева на дерево, при чемъ если птицы летятъ кучей, онѣ не тѣсняются другъ къ другу, а каждая держится на небольшомъ разстояніи отъ сосѣда и издаетъ при этомъ отры-

вистый, часто повторяемый призывной звукъ. Стаи, въ которыя онѣ соединяются внѣ времени спариванія, многочисленны, но въ теченіи большей части года раздѣляются на меньшія общества, которыя отыскиваютъ пищу на удобныхъ мѣстахъ и очень часто долгое время остаются на землѣ, но передъ закатомъ солнца охотно собираются опять вмѣстѣ и отыскиваютъ мѣсто для общаго ночлега.

«Ловля этихъ маленькихъ птичекъ очень легка, особенно молодыя канарейки идутъ почти во всякую ловушку, лишь-бы около нея была птица того-же вида для приманки—еще одно доказательство общительности этого вида. Я видѣлъ на Канаріи, какъ ихъ ловили даже по одиночкѣ въ силки, въ которыхъ для приманки были выставлены коноплянки и щеглята. Обыкновенно для ловли ихъ употребляютъ на Канарскихъ островахъ западную, которая состоитъ изъ двухъ боковыхъ отдѣленій, собственно ловушекъ съ подножками, которыя можно настораживать, раздѣленныхъ находящейся между ними клѣткой съ приманной птицей. Ловля эта производится въ мѣстностяхъ, богатыхъ деревьями, гдѣ есть по близости вода, и успѣшнѣе всего въ ранніе утренніе часы. Какъ мы знаемъ по опыту, ловля эта необыкновенно привлекательна, такъ какъ даетъ возможность спрятавшемуся въ кустарникѣ ловцу наблюдать канареекъ очень близко и, оставаясь невидимымъ, любоваться ихъ граціозными движеніями и изучать ихъ нравы. Мы видѣли, какъ такимъ образомъ въ теченіи немногихъ часовъ ловилось 16—20 штукъ одна за другой; большая часть ихъ были однако невылинявшіе птенцы. Если-бы на островахъ были порядочно устроенныя точки для ловли птицъ, чего въ дѣйствительности нѣтъ, то этотъ промыселъ естественно давалъ-бы гораздо большій доходъ.

«Мы въ достаточномъ количествѣ наблюдали дикихъ канареекъ въ неволѣ и иногда имѣли ихъ по дюжинѣ или по полторы дюжины сразу. Въ Санта-Круцѣ цѣна молодыхъ птицъ, уже вылетѣвшихъ изъ гнѣзда, если покупать нѣсколько сразу, равняется обыкновенно 25 пфеннигамъ за штуку. За только что пойманныхъ старыхъ самцовъ платятъ по 1 маркѣ. На Канаріи, хотя тамъ вообще замѣчается большая дешевизна, цѣны гораздо выше, что достаточно доказываетъ уже большую рѣдкость тамъ канареекъ. Это безпокойныя птицы, которыя только по прошествіи долгаго времени оставляютъ свою прирожденную дикость и легко портятъ свое опереніе, особенно если ихъ запереть въ узкія клѣтки по нѣскольку вмѣстѣ. Канарейки очень любятъ цѣловаться другъ съ другомъ клювами. Молодыхъ самцовъ скоро можно узнать по продолжительному громкому щebetанію. Едва-ли существуетъ болѣе нѣжная птичка изъ зерноядныхъ птицъ. Большая часть канареекъ погибаетъ въ судорогахъ, второй или третій припадокъ которыхъ обыкновенно оканчивается смертью. Дикіе самцы очень легко спариваются съ ручными самками и становятся крайне вѣрными, любящими супругами, которые не перестаютъ самымъ нѣжнымъ образомъ кормить свою подругу, и даже ночь по большей части проводятъ, сидя на ея гнѣздѣ. Они вступаютъ въ драку со всякой другой птицей, которая приближается къ нимъ слишкомъ близко; одинъ старый самецъ, которому вдвое болѣе крупная зеленушка перекусила въ дракѣ ногу, даже въ этомъ жалкомъ состояніи громкимъ нѣніемъ не переставалъ вызывать на бой своего врага и, только быстро удаливъ изъ общей клѣтки, его удалось спасти. Помѣси обѣихъ породъ называются на Тенерифѣ *Verdegais* и цѣнятся особенно высоко. Мы видѣли птенцовъ отъ ярко-желтой матери, которые отличались замѣчательной красотой и совершенно необыкновеннымъ рисункомъ. Они были на верхней сторонѣ темно-зеленаго, а снизу, начиная отъ горла, чистаго золотисто-желтаго цвѣта. Эти птицы считались чѣмъ-то необыкновеннымъ и рѣдкимъ. Въ питомникахъ, которые устраиваются на Канарскихъ островахъ для ручныхъ и дикихъ канареекъ, слѣдуютъ основному правилу

присоединять къ каждому дикому самцу, вслѣдствіе его большой производительности, по двѣ самки».

Я оставляю безъ описанія жизнь вполнѣ обратившейся въ домашнюю птицу канарейки и чувствую себя въ правѣ сдѣлать это совершенно спокойно, такъ какъ о канарейкахъ, ихъ разведеніи и торговлѣ ими написано уже такъ много, что я не рѣшаюсь докучать читателей повтореніемъ этихъ общецвѣстныхъ свѣдѣній.

* * *

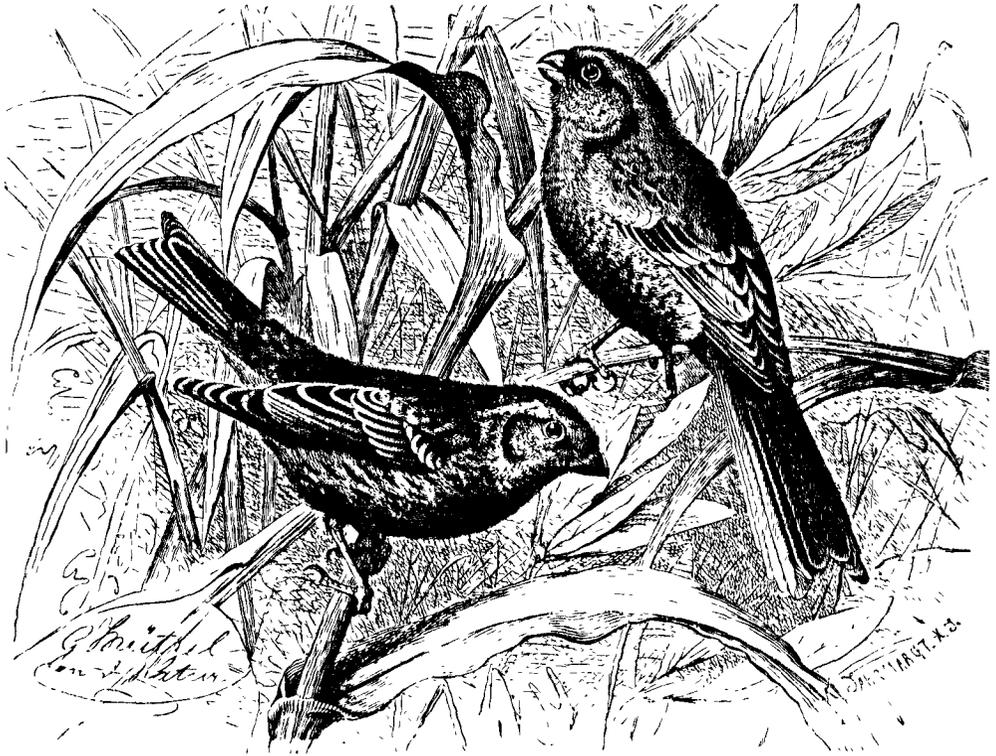
Немногочисленные виды **Красныхъ снигирей** (*Pinicola*) отличаются относительно слабымъ, но все еще замѣтно вздутымъ по верхнему хребту и выпуклымъ съ боковъ клювомъ, втянутымъ вдоль дугообразныхъ краевъ челюстей; кончикъ клюва выдается за нижнюю половинку, которая также согнута; ноги сильныя, съ пальцами средней длины, вооруженными сильно согнутыми, острыми, сжатыми съ боковъ когтями; крылья умѣренной длины, кончикъ ихъ образуется тремя первыми маховыми перьями, которыя по длинѣ приблизительно равны между собою; хвостъ средней длины со слабой вырѣзкой; опереніе самца великолѣпнаго пурпурово-краснаго цвѣта.

Красный снигирь, Чечевичникъ, Чечевица, Красный воробей, Тути индусовъ (*Pinicola erythrinus*, *Carpodacus erythrinus*, *Pyrrhula erythrina*, *Fringilla erythrina*, *incerta*, *Loxia cardinalis*, *rosea*, *erythraea*, *Coccothraustes erythrina*, *rosea*, *Linnaria erythrina*, *Erythrothorax erythrina*, *rubrifrons*, *ruber*, *Erythrospiza erythrina*, *rosea*, *Chlorospiza incerta*, *Haemorrhous roseus*, *Pyrrhulina rosacolor*, *roseata*, *Propasser sordidus*. *Karmingimpel*. *Bouvreuil rose*), отличается преобладающимъ кармино-краснымъ цвѣтомъ; задняя часть шеи и спины его буровато-сѣрая, съ болѣе темными пятнами, имѣющими кармино-красный налетъ; брюхо, бедра и нижнія кроющія перья хвоста грязно-бѣлыя; темно-бурья маховыя перья снаружи имѣютъ ржаво-желтовато-бѣлыя каймы; плечевыя перья съ свѣтло-буроватыми краями и кармино-краснымъ налетомъ: рулевыя перья сѣро-бурья и нѣсколько свѣтлѣе; верхнія кроющія перья хвоста съ кармино-красными каемками. У самки вмѣсто кармино-краснаго цвѣта преобладаетъ блѣдно-сѣро-бурый и рисунокъ состоитъ изъ болѣе темныхъ продольныхъ пятенъ. Глаза каріе; клювъ свѣтло рогового, ноги темно-рогового цвѣта. Длина птицы достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 26, длина крыла 8, хвоста 6 см.

Въ Европѣ красный снигирь постоянно встрѣчается только на востокѣ, особенно въ Галиціи, Польшѣ, Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ средней и южной Россіи, а кромѣ того, въ Средней Азій, отъ Урала до Камчатки. Отсюда онъ правильно перелетаетъ на югъ, черезъ Китай до Индіи и черезъ Туркестанъ до Персіи, появляется также не слишкомъ рѣдко въ восточной Германіи, выводитъ птенцовъ въ Силезіи и Шлезвигѣ и не разъ наблюдался въ средней, западной и южной Германіи, Голландіи, Бельгіи, Франціи, Англии и Италіи. На мѣстахъ вывода птенцовъ онъ появляется около середины мая, самое раннее въ концѣ апрѣля, и снова оставляетъ ихъ въ сентябрѣ. Для жительства онъ предпочтительно выбираетъ густыя кустарники по близости воды, а также поросшія кустами и тростникомъ болотистыя мѣста, но не ограничивается низменностями, а встрѣчается также въ холмистой странѣ и даже на горахъ до высоты болѣе 2000 м. Онъ нигдѣ не бываетъ многочисленъ, наблюдается повсюду по одиночкѣ и никогда не образуетъ лѣтомъ многочисленныхъ стай.

Тотчасъ по прилетѣ снигиря можно слышать его необыкновенно привлекатель-

ное, разнообразное и звучное пѣніе, которое хотя и напоминаетъ пѣніе щегленка, коноплянки и канарейки, но все-же настолько своеобразно, что его нельзя смѣшать съ пѣніемъ какого-либо другого вьюрка. Это пѣніе настолько-же разнообразно, насколько и благозвучно, настолько-же мягко, насколько привлекательно и вообще принадлежитъ къ числу лучшихъ, какія могутъ раздаваться изъ горлышка вьюрковъ. Въ Камчаткѣ, какъ сообщаетъ намъ Китлицъ, эту пѣсню остроумно передаютъ русскими словами «чевичу видѣль». «Чевича» называется самый крупный видъ тамошнихъ лососей, самая цѣнная изъ всѣхъ рыбъ этой страны, а потому и самая лучшая пища жителей; она появляется въ Камчаткѣ приблизительно одновременно съ описываемой

Красный свирирь. *Pinicola erythrinus* и Сибирскій свирирь. *Uragus sibiricus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

птицей. Такимъ образомъ пѣсня красного свириря какъ будто возвѣщаетъ появленіе лосося, и потому въ этой странѣ, гдѣ жители питаются главнымъ образомъ рыбой, свирирь является не только вѣстникомъ весны, но и сопровождающей ее обильной ловли рыбы». Дѣйствительно въ строфахъ пѣсни часто слышатся звуки, похожіе на вынеупомянутыя русскія слова съ особымъ удареніемъ *). Во время пѣнія самецъ обыкновенно свободно усаживается на верхушкѣ куста, въ которомъ, или по близости котораго находится гнѣздо, нахохливаетъ перья на темени и груди, какъ-бы желая выказать все великолѣпіе своего оперенія, затѣмъ исчезаетъ внутрь куста и издаетъ тамъ еще нѣсколько бормочущихъ строфъ, но скоро снова показывается

*) Въ Европейской Россіи пѣніе красного свириря передается словомъ «чевича».

Прим. ред.

и начинается пѣніе. Движенія его напоминаютъ движенія коноплянки, на которую онъ похожъ и своей неугомонностью.

Пища его состоитъ изъ всякаго рода сѣмянъ, которыя онъ собираетъ какъ съ высокихъ растений, такъ и съ земли, а также изъ листовыхъ почекъ и нѣжныхъ побѣговъ. Между прочимъ онъ ѣстъ, по крайней мѣрѣ въ клѣткѣ, муравьиныя куколки и другую животную пищу. На зимовкѣ онъ питается сѣменами бамбука и камыша, держится поэтому почти исключительно тамъ, гдѣ растутъ эти растенія, и въ Индіи даже носитъ названіе «камышевый воробей». Здѣсь, какъ и на родинѣ, онъ летаетъ также на поля, но нигдѣ не приноситъ значительнаго вреда.

Гнѣздо, которое устраивается краснымъ свириремъ обыкновенно на кустѣ терновника и вообще на густыхъ и колючихъ кустахъ не выше 2 м. надъ землею, похоже, по словамъ Тачановскаго, на гнѣздо говорунчика, состоитъ изъ тонкихъ, гибкихъ соломинокъ, стебельковъ и корешковъ и выложено внутри еще болѣе нѣжными веществами того-же рода, цвѣточными метелками и отдѣльными волосами, и въ общемъ строится очень неплотно и рыхло. Кладка, которая обыкновенно достигаетъ полнаго числа въ послѣднихъ числахъ мая, состоитъ изъ 5, рѣже изъ 6 яицъ, съ очень нѣжною скорлупою, въ среднемъ 20 м. м. длиною и 15 м. м. толщиною; по великолѣпному голубовато-зеленому фону они покрыты рѣдкими, частыми лишь къ тупому концу, буро-желтыми, черно-бурыми или красноватыми пятнами и черточками. Въ то время, какъ самка сидитъ на яйцахъ, самецъ поетъ такъ-же усердно, какъ прежде, но часто довольно далеко отъ гнѣзда, къ которому онъ однако часто возвращается. Въ случаѣ опасности онъ предостерегаетъ самку звукомъ, который похожъ на предостерегающій крикъ канарейки и свойственъ обоимъ поламъ. Когда птенцы оперяются, пѣсня самца замолкаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ измѣняется и его поведеніе. Старыя и молодыя птицы дѣлаются пугливыми и осторожными; онѣ избѣгаютъ человѣка и безмолвно перелетаютъ съ мѣста на мѣсто въ густомъ кустарникѣ, пока не наступаетъ время отлета, во время котораго одна семья за другой незамѣтно оставляютъ родину.

Въ неволѣ красныя свирири крайне пріятныя птицы, но цвѣтъ ихъ перьевъ такъ непроченъ, какъ ни у какаго другого выюрка, отличающагося такою-же красотою красокъ. Птицы теряютъ уже блескъ и яркость цвѣта, если ихъ трогать рукою и при ближайшемъ линяннѣ получаютъ плохо окрашенную одежду, притомъ онѣ рѣдко выживаютъ въ клѣткѣ нѣсколько лѣтъ.

У *Щура* (*Pinicola enucleator, rubra, americana, Loxia enucleator, flamingo, psittacea, Corythus enucleator, canadensis, angustirostris, splendens, minor, Eucleator angustirostris, minor, Fringilla, Strobilophaga, Pyrrhula, Coccothraustes enucleator, Nakengimpel, Durbec*) тѣло толстое, клювъ со всѣхъ сторонъ выпуклый, верхняя половинка клюва загнута большимъ крючкомъ надъ нижней и имѣетъ нѣсколько извилистые края; ноги относительно коротки, но толсты, пальцы сильныя, когти большіе; крылья, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ верхушку образуютъ второе и третье, достигаютъ трети хвоста. Хвостъ довольно длиненъ и снабженъ вырѣзкой по срединѣ; опереніе отличается густотою и своеобразной красотою цвѣтовъ. У старыхъ самцовъ преобладающій цвѣтъ — красивый смородино-красный, у самокъ и годовалыхъ самцовъ цвѣтъ имѣетъ болѣе желтоватый оттѣнокъ; горло окрашено свѣтлѣе, а крылья украшены двумя бѣлыми поперечными полосками. Отдѣльныя перья при основаніи пепельно-сѣрыя; вдоль стержня черноватая, на концѣ смородино-красная или же красно-желтая и испещрена мѣстами по срединѣ болѣе темными пятнами; напротивъ, по краямъ они обыкновенно имѣютъ болѣе свѣт-

ЛИТ ШТАДЕРЪ И ПАТННОТЪ С. П. Б.

ЩУРЪ И КЛЕСТЫ.

8

8

лую кайму; благодаря чему происходит волнистый рисунокъ; маховыя и рулевыя перья черноватая съ болѣе свѣтлыми краями. Глаза темно-каріе, клювъ грязно-бурый, на концѣ черноватый, нижняя половинка клюва свѣтлѣе верхней; ноги сѣро-бурыя. Длина птицы достигаетъ 22, размахъ крыльевъ 35, длина крыла 12, хвоста 8 см.

Родиной этой красивой птицы должно считать всѣ страны, лежація далеко на сѣверѣ. Насколько извѣстно, щуръ нигдѣ не встрѣчается въ большомъ числѣ, напротивъ лѣтомъ онъ живетъ парами или по одиночкѣ въ обширной области и собирается въ стаи только осенью. Соединившіяся въ это время стаи кочуютъ въ теченіи всей зимы по сѣвернымъ лѣсамъ, приближаются къ одиноко лежащимъ фермамъ, а съ наступленіемъ весны снова возвращаются на мѣста своего гнѣздованія. Отдѣльные щуры появляются въ качествѣ перелетныхъ птицъ, если и не ежегодно, то почти въ каждую суровую зиму въ сѣверовосточной Германіи, а также въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, въ сѣверной Россіи и соотвѣтственныхъ мѣстностяхъ сѣверной Азіи и Америки; напротивъ, многочисленныя стаи этихъ птицъ рѣдко доходятъ до насъ; только при особенныхъ обстоятельствахъ, именно, если значительное выпаденіе снѣга вынуждаетъ ихъ переселяться въ болѣе южныя страны, случается, что стаи соединяются между собою и такимъ образомъ собираются большія массы птицъ. Въ 1790, 1795, 1798 и 1803 г.г. щуры появились въ такомъ большомъ числѣ на побережьи Балтійскаго моря, что около одной Риги можно было каждую недѣлю ловить около 1000 паръ; въ 1821, 1822, 1832, 1844 и 1878 они появились въ безчисленномъ множествѣ въ Пруссіи; въ 1845, 1856, 1863, 1870 и 1871 они встрѣчались здѣсь, а также въ Помераніи, въ менѣе значительномъ числѣ. Далѣе на сѣверъ ихъ каждую зиму наблюдаютъ въ такихъ странахъ, въ которыхъ они не живутъ лѣтомъ; напротивъ, въ средней и южной Германіи они точно такъ же, какъ въ Голландіи, Бельгіи, Франціи и Англии, принадлежатъ къ самымъ рѣдкимъ птицамъ.

Этимъ вынужденнымъ переселеніемъ въ страны, лежація къ югу отъ ихъ родины, мы обязаны большею частью нашихъ знаній о привычкахъ этихъ птицъ. Стаи, прилетающія къ намъ, выказываютъ себя общительными птицами, держатся днемъ цѣлыми обществами, вмѣстѣ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, вмѣстѣ отправляются отыскивать пищу, а также и мѣсто для ночлега. И на чужбинѣ они предпочитаютъ держаться въ привычныхъ имъ хвойныхъ лѣсахъ; особенно охотно отыскиваютъ они, повидимому, тѣ лѣса, въ которыхъ подлѣсокъ состоитъ изъ можжевельника. Въ лиственныхъ лѣсахъ они встрѣчаются гораздо рѣже, безлѣсныя равнины они перелетаютъ какъ можно быстрѣе. Въ началѣ на чужбинѣ они выказываютъ себя безобидными, довѣрчивыми птицами, которыя еще не испытали коварства челоѣка. Они продолжаютъ спокойно сидѣть, если наблюдатель или охотникъ приближается къ дереву, на которомъ они собрались, неразумно и смѣло смотря стрѣлку въ дуло ружья и, какъ будто озадаченные, предоставляютъ охотнику ловить ихъ или убивать выстрѣлами одного за другимъ, не думая о бѣгствѣ. Нѣкоторымъ щурамъ, занятымъ ѣдою, съ успѣхомъ надѣвали на голову петли, прикрѣпленныя къ длиннымъ налкамъ; вообще оказалось, что для ловли ихъ можно примѣнять самыя грубыя приспособленія. Всѣ, кто имѣлъ случай наблюдать ихъ на свободѣ, рассказываютъ о трогательной привязанности щуровъ къ своимъ товарищамъ. Такъ, на токъ для ловли птицъ однажды поймали сразу трехъ щуровъ изъ стайки, состоявшей изъ четырехъ птицъ, и къ немалому удивленію замѣтили, что оставшіеся на свободѣ добровольно подползъ также подъ сѣть, какъ бы съ намѣреніемъ раздѣлить съ другими ихъ участь. Однако было бы ошибочно смотрѣть на такое поведеніе шу-

ровъ, какъ на доказательство ихъ ограниченности; опытъ научаетъ и ихъ уму-разуму и дѣлаетъ ихъ такими же недвѣрчивыми, боязливыми и осторожными, какими они обыкновенно бываютъ по словамъ Коллетта на мѣстахъ своего гнѣздованія.

По своему поведенію щуръ сильно напоминаетъ клеста. Онъ выказываетъ себя настоящей древесной птицей, которая чувствуетъ себя вполне дома на вѣтвяхъ и, напротивъ, чужою на землѣ. Въ верхушкахъ деревьевъ онъ очень искусно лазаетъ съ вѣтви на вѣтвь и легко перепрыгиваетъ черезъ довольно широкіе промежутки; по воздуху онъ летаетъ довольно быстро, описывая, подобно большинству вьюрковъ, широкія волнообразныя линіи и паря лишь на короткомъ разстояніи передъ тѣмъ, какъ сѣсть; по землѣ же, если спускается на нее, онъ движется неуклюжими прыжками. Призывной звукъ его похожъ на звукъ флейты и пріятенъ; онъ сходенъ съ зовомъ снигири. Пѣніе, которое раздается въ теченіи всей зимы, очень разнообразно и, благодаря мягкимъ, чистымъ флейтовымъ тонамъ, въ высшей степени привлекательно. Въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ рѣдко можно составить себѣ правильное представленіе о звонкой пѣснѣ щура; птица поетъ тогда тихо и отрывисто; весною же когда въ щурѣ пробуждается любовь, онъ поетъ съ большимъ жаромъ, громко и долго, такъ что можетъ доставить удовольствіе и тому, кто знакомъ съ пѣніемъ искуснѣйшихъ пернатыхъ пѣвцовъ. Въ свѣтлыя, какъ день, лѣтнія ночи своей родины онъ поетъ особенно усердно и потому въ Норвегіи его называютъ «ночнымъ стражемъ». Нравъ у него тихій и миролюбивый; супруги выказываютъ другъ другу сильную преданность и нѣжность.

На свободѣ щуръ питается сѣменами хвойныхъ деревьевъ, которыя онъ или вытаскиваетъ между открытыми чешуйками шишекъ, или подбираетъ съ вѣтвей и съ земли; кромѣ того онъ охотно ѣстъ различныя другія сѣмена и ягоды, и считаетъ лакомствомъ древесныя почки и зелень вообще. Въ лѣтніе мѣсяцы, можетъ быть, онъ питается, между прочимъ и насѣкомыми, особенно чрезвычайно многочисленными на его родинѣ комарами, и выкармливаетъ ими своихъ птенцовъ; однако на этотъ счетъ не существуетъ точныхъ наблюденій.

О размноженіи щура мы имѣемъ до настоящаго времени лишь скудныя данныя, такъ какъ онъ обыкновенно не встрѣчается лѣтомъ южнѣ Вермеланда и Дадларне на Скандинавскомъ полуостровѣ. Однако въ видѣ исключенія онъ однажды гнѣздился уже въ средней Германіи и къ счастью въ непосредственной близости жилища нашего Наумана, отецъ котораго могъ дать первое описаніе гнѣзда. Оно находилось въ негустомъ кустѣ бирючины на отдѣльномъ сучкѣ, приблизительно на высотѣ 1,5 м. надъ землею, и расположено было такъ открыто, что его можно было замѣтить уже издали. Свито оно было довольно не плотно, и построено едва-ли лучше или плотнѣе гнѣзда славки. Сухіе стебли растений и соломины составляли наружныя стѣнки; внутреннее углубленіе было выложено отдѣльными лошадиными волосами. Кладка состояла изъ 4 яицъ. Науманъ описываетъ и эти послѣднія, но, какъ мы узнали позднѣе, не совсемъ вѣрно. Они имѣютъ около 25 м. м. длины и 20 м. м. толщины, по цвѣту и рисунку похожи на яйца снигири; основной цвѣтъ ихъ прекрасный блѣдно-голубой, на тупомъ концѣ замѣтны неясные разводы красно-бурого цвѣта и отдѣльныя каптаново-бурья пятна. Судя по наблюденіямъ Уоллея, гнѣздо щура въ Лалландіи находится постоянно на низкихъ еляхъ, приблизительно въ 4 м. надъ землею. Длиныя, тонкія гибкія вѣтви образуютъ иногда крайне рыхло сплетенный наружный слой гнѣзда; болѣе тонкіе корни, древесныя лишайи и можетъ быть также соломины составляютъ внутреннюю выстилку, которая иногда лишь неплотно связана съ наружнымъ слоемъ. Кладка состоитъ нормально изъ 4 яицъ. По наблюде-

нiю Наумана на яйцахъ сидитъ только самка; самецъ между тѣмъ развлекаетъ ее своими прекрасными пѣснями.

Пойманные шурь въ нѣсколько часовъ привыкають къ клѣткѣ, безъ затрудненiя принимаются за соотвѣтствующiй кормъ, скоро становятся настолько-же ручными, какъ какой-либо изъ снигирей, но рѣдко выживаютъ долго въ клѣткѣ и при первомъ линянiи безвозвратно утрачиваютъ свой великолѣпный цвѣтъ.

* *
*

Недавно отъ красныхъ снигирей отдѣлили особый видъ, который также водится въ Азiи, именно **Сибирскаго снигиря**. (*Uragus sibiricus*, *Loxia sibirica*, *Pyrrhula sibirica*, *caudata*, *longicaudata*, *Carpodacus sibiricus*, Meisengimpel. Bouvreuril de Siberie) и составили для него даже особый родъ **Длиннохвостыхъ снигирей** (*Uragus*). Клювъ у него относительно слабый и верхняя челюсть лишь немного загнута надъ нижнею. Ноги тонкiя, крылья тупыя, четвертое маховое перо образуетъ у нихъ кончикъ; хвостъ, напротивъ того, длинный и ступенчатый, назади съ вырѣзкой; оперенiе мягкое и шелковистое. Взрослый самецъ окрашенъ въ великолѣпный розовый цвѣтъ, съ серебристо-сѣрымъ налетомъ; на лбу проходитъ ярко-розовая полоса; спина темнѣе, такъ какъ здѣсь яснѣе выступаютъ темныя стержневые пятна перьевъ, которыя оставляютъ кругомъ пера только широкую розовую кайму; надхвостье яркаго кармино-краснаго цвѣта; голова и горло бѣловатыя, атласистыя, особенно послѣ линянiя, которое придаетъ оперенiю птицы болѣе свѣтлый оттѣнокъ, потому что тогда всѣ перья имѣють бѣлыя каемки, которыя въ послѣдствiи стираются. Каждое отдѣльное перо у основанiя темно-сѣрое, затѣмъ кармино-красное и на концѣ имѣетъ свѣтлую каемку. У покровныхъ перьевъ верхней части тѣла и на плечахъ наружная часть опахала и кончикъ бѣлые или по крайней мѣрѣ съ бѣлыми каемками; три наружныхъ рулевыхъ пера также бѣлыя, но имѣють темныя стержни и темную каемку у стержневаго края внутренней части опахала; каемка эта дѣлается шире на среднихъ рулевыхъ перьяхъ, которыя сохраняютъ лишь бѣлый бортъ по краямъ. Самка свѣтло-оливковаго и сѣро-зеленаго цвѣта. Длина птицы—18 см., длина крыла—8, хвоста 9 см.

Сибирскiй снигирь живетъ въ болотистыхъ, поросшихъ тростникомъ мѣстностяхъ восточной Азiи, именно въ Восточной Сибири, въ Восточномъ Туркестанѣ и въ восточномъ Китаѣ и Манчжурiи, но иногда, говорятъ, залетаетъ въ южную Европу, даже въ Венгрiю. Радде встрѣчалъ его въ теченiи всего года въ мѣстностяхъ по среднему теченiю Амура. Позднею осенью пары собираются въ стайки отъ 10 до 30 штукъ и кочуютъ по окрестностямъ, издавая однообразные свистящiе звуки. «Около Иркутска стаи эти появляются въ большомъ числѣ только въ концѣ сентября. Птицеловы ловятъ ихъ тамъ вмѣстѣ съ синицами, клестами, обыкновенными снигирями и альпiйскими дроздами; но сибирскiй снигирь только короткое время держится въ клѣткахъ и при этомъ почти совершенно теряетъ свойственную ему живость. До ноября они встрѣчаются чаще всего при пролетѣ. Позднѣе отдѣльныя пары остаются тамъ на зиму и живутъ вмѣстѣ со снигирями на густо поросшихъ кустарникомъ берегахъ ручьевъ, а также около скирдъ хлѣба, которыя часто устраиваются на засѣянныхъ прогалинахъ лѣсовъ недалеко отъ деревень. На рѣкѣ Ононѣ сибирскiй снигирь появляется въ сентябрѣ вмѣстѣ со свиристелемъ и живетъ больше на островахъ. Въ горахъ Малаго Хингана я видѣлъ большiя стаи этихъ снигирей только въ концѣ сентября. Они были, какъ всегда, очень рѣзвы. Никогда они не летаютъ вмѣстѣ, а постоянно по одиночкѣ и при этомъ все время издаютъ призывной звукъ. Полетъ происходитъ очень отлогими дугами, причѣмъ

крылья нѣсколько шумять». Птица эта очень часто встрѣчается въ Дауріи. По словамъ Дыбовскаго, которому мы обязаны наиболѣе подробными свѣдѣніями объ образѣ жизни сибирскаго снигирия, онъ тамъ живетъ лѣтомъ на южныхъ склонахъ горъ и только позднею весною переселяется въ низменность, именно въ густыя рощи, окаймляющія берега рѣкъ, ручьевъ и ключей въ степи.

Сибирскій снигирь начинаетъ постройку гнѣзда въ первой половинѣ іюня. Гнѣздо помѣщается на карликовыхъ березахъ, рѣже на ветлахъ и лиственницахъ; оно находится всегда на 1,5—2 м. надъ землею и по возможности близко къ стволу, свито такъ искусно, какъ это возможно только птицѣ съ толстымъ клювомъ и похоже на гнѣздо пѣночки-пересмѣшки. Оно свито изъ высохшихъ на солнцѣ травинокъ, переплетенныхъ волокнами крапивы, ветлы и другихъ растений, а внутри чисто и аккуратно выложено тонкой травой, волосами лошадей, косуль и зайцевъ, а иногда и перьями. Кладка состоитъ изъ 4-хъ, рѣже изъ 3-хъ или 5 яицекъ, которыя похожи на яйца краснаго снигирия и очень красивы: они имѣютъ 19 м.м. длины, 14 м.м. толщины и по голубовато-зеленому фону усѣяны рѣдкими, а у тупаго конца частыми бурыми пятнышками и штрихами. Во время постройки гнѣзда самецъ поетъ тихо, но очень приятно. При приближеніи человѣка, онъ предостерегаетъ самку свистомъ и тогда она тотчасъ покидаетъ гнѣздо и улетаетъ. Если оставаться довольно долго около гнѣзда, то самка черезъ нѣсколько времени возвращается, но все таки остается пугливой. Если кукушка заглянетъ въ гнѣздо сибирскаго снигирия, то онъ его самъ разрушаетъ и матерьяломъ пользуется для постройки новаго; если-же яйца или птенцы отъ чего-либо погибнутъ, то парочка тотчасъ-же покидаетъ мѣсто гнѣздованія.

Обыкновенный снигирь, Снѣгирь, Жуланъ, Краснозобчикъ. (*Pyrrhula europaea, vulgaris, rufa, peregrina, germanica* и *pileata, Fringilla pyrrhula. Gimpel. Dompfaff. Bouvreuil ordinaire*) отличается тѣмъ, что верхняя часть головы и горло, крылья и хвостъ блестящаго чисто чернаго цвѣта, спина пепельно-сѣрая, надхвостье и нижняя часть брюха бѣлыя, вся остальная нижняя сторона яркаго свѣтло-краснаго цвѣта. Самку легко отличить по пепельно-сѣрой окраскѣ нижней стороны и вообще менѣе яркимъ цвѣтамъ. У молодыхъ нѣтъ чернаго пятна на верхней части головы. Крылья всегда украшены двумя сѣровато-бѣлыми полосками, пробѣгающими въ области сочлененія кисти. Въ качествѣ уклоненій отъ нормальной окраски встрѣчаются бѣлые или черные и пестрые снигири. Длина птицы достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 28, длина крыла 9, хвоста 6 см.

Снигирь населяетъ всю Европу, за исключеніемъ востока и сѣвера, но живетъ на югѣ нашей части свѣта лишь въ качествѣ зимняго гостя. На востокъ и сѣверъ Европы, а также во всей Средней Азии его замѣняетъ **Снигирь-жуланъ** (*Pyrrhula rubicilla, major, co cinea, Loxia pyrrhula. Grossgimpel. Grand bouvreuil*), который хотя и отличается лишь болѣе значительной величиною, но отличіе это настолько постоянно, что различеніе обоихъ видовъ, впервые указанное моимъ отцемъ, слѣдуетъ считать правильнымъ. Жуланъ выводитъ птенцовъ еще въ Пруссіи и Помераніи, но не въ западной Германіи и появляется здѣсь лишь во время перелета; обыкновенный снигирь, напротивъ, въ Помераніи уже не встрѣчается. Оба вида, къ различенію которыхъ я не буду болѣе возвращаться въ дальнѣйшемъ изложеніи, строго свойственны лѣсу и навѣрно не оставляютъ его, пока находятъ въ немъ пищу. Только когда зима выгонитъ снигирия изъ его мѣстожительства, онъ появляется обшествомъ на огородахъ и въ садахъ деревень или въ полевыхъ кустарникахъ, чтобы отыскивать здѣсь тѣ немногія ягоды и зерна, которыя ему еще оставили другіе

представители того же семейства. Въ началѣ перекочевокъ видишь часто только самцовъ, позднѣе и самцовъ и самокъ, въ перемежку. Пока особенныя побудительныя причины не принуждаютъ его къ болѣе значительнымъ переселеніямъ, онъ остается въ отечествѣ; при извѣстныхъ обстоятельствахъ перекочевки его простираются до южной Испаніи и Греціи. Онъ совершаетъ перелетъ большею частью днемъ и по возможности перелетаетъ отъ одного лѣса къ другому.

«У нѣмцевъ слово «снигирь» (Gimpel), говоритъ мой отецъ, «общезвѣстно въ качествѣ браннаго слова для обозначенія ограниченнаго человѣка, что заставляетъ предположить о глупости этой птицы. Нельзя отрицать, что она существо безобидное, вовсе неспособное избѣгать преслѣдованій человѣка: стрѣлять и ловить снигиря легко. Однако глупость этой птицы далеко не такъ велика, какъ глупость клеста: хотя послѣ выстрѣла, которымъ убить одинъ изъ снигирей, остальное общество иногда и садится на то же дерево или около него, но все же я не знаю случая, чтобы нераненый снигирь продолжалъ сидѣть на мѣстѣ послѣ выстрѣла, что подчасъ случается съ клестами. Если бы снигирь былъ дѣйствительно такъ глупъ, какъ думаютъ, то какъ могъ бы онъ научиться такъ хорошо насвистывать шѣсни? Выдающуюся черту составляетъ въ немъ любовь къ своимъ собратьямъ. Если убиваютъ одного изъ снигирей, то остальные долгое время издають жалобные крики и съ трудомъ рѣшаются оставить то мѣсто, гдѣ погибъ ихъ товарищъ; они непременно хотятъ взять его съ собою. Это особенно замѣтно, если общество мало. Такая сильная привязанность меня часто трогала. Однажды я застрѣлилъ одного изъ двухъ самцовъ снигирей, сидѣвшихъ на изгороди, другой улетѣлъ и удалился на столько, что я потерялъ его изъ виду, возвратился и сѣлъ на тотъ самый кустъ, въ которомъ онъ потерялъ своего товарища. Подобныхъ примѣровъ я могъ бы привести нѣсколько.

«На сколько не ловка прыгающая походка снигиря на землѣ, на столько ловокъ онъ на деревьяхъ. Онъ сидитъ, то держа тѣло горизонтально и подогнувъ ноги, то приподнявшись и сильно вытянувъ ноги; часто онъ привѣшивается къ вѣтви снизу. Свои рыхлыя и длинныя перья онъ рѣдко вполнѣ прижимаетъ къ тѣлу и потому обыкновенно кажется гораздо больше, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. На лету, передъ тѣмъ, какъ улетѣть, тотчасъ послѣ того, какъ сядетъ и при клеваніи сѣмянъ и зеренъ, онъ выглядитъ стройнымъ и красивымъ; въ клѣткѣ онъ почти всегда нѣсколько свѣшивается перья. Вѣликолѣпнее зрѣлище представляетъ дерево, покрытое насѣвшими снигирями. Лѣтомъ красный цвѣтъ самцовъ красиво выступаетъ на зелени листьевъ, зимою — на бѣломъ фонѣ инея и снѣга. Снигири, повидимому, совершенно нечувствительны къ холоду: въ самыя суровыя зимы они очень бодры, если только не терпятъ недостатка въ пищѣ. Ихъ необыкновенно густое опереніе служить имъ достаточною защитою. Оно оказываетъ большое вліяніе и на полетъ; онъ легокъ, но медленъ, волнообразенъ и имѣетъ нѣкоторое сходство съ полетомъ зяблика. Какъ и этотъ послѣдній, снигирь очень замѣтно раздвигаетъ и сжимаетъ маховыя перья. Передъ тѣмъ, какъ сѣсть, снигири часто парятъ, но иногда бросаются внезапно внизъ, сильно подтянувъ назадъ крылья. Зовъ, издаваемый обоими полами, жалобное «іюг» или «люи». доставилъ этой птицѣ въ Тюрингенѣ названіе «Lübich». Этотъ звукъ снигирь издаетъ чаще всего на лету, собираясь улетѣть, или собираясь сѣсть и, смотря по различному выраженію, звукъ этотъ служитъ то призывнымъ, то предостерегающимъ, то жалобнымъ. Другіе снигири каждый разъ его понимаютъ правильно. Изъ этого видно, что эти птицы очень тонко различаютъ звуки, такъ какъ малѣйшія измѣненія въ призывномъ звукѣ, которыя часто едва замѣтны для человѣка, ими понимаются всегда правильно. Пѣніе самца не представляетъ ничего особеннаго; оно отличается нѣсколькими трескучими звуками и съ трудомъ поддается

описанію. На свободѣ оно раздается до и во время періода размноженія, а въ неволѣ почти круглый годъ».

Пищу снигиря составляютъ сѣмена деревьевъ и травъ; между прочимъ онъ поѣдаетъ зерна нѣкоторыхъ ягодъ, а лѣтомъ много насѣкомыхъ. Сосновыя и еловые сѣмена онъ не можетъ хорошо доставать изъ шишекъ и поэтому обыкновенно подбираетъ ихъ съ земли. Зерна ягодъ онъ съ большою ловкостью отдѣляетъ отъ мякоти, которую отбрасываетъ, какъ несъѣдобную. Зимой присутствіе снигирей легко узнать по тому, что земля подъ деревьями, на которыхъ есть ягоды, какъ бы усѣяна мякотью ихъ. Однако птица принимается за такую пищу лишь въ случаѣ нужды и всегда предпочитаетъ ей сѣмена. Для облегченія пищеваренія снигирь проглатываетъ также и песчинки. Онъ можетъ быть вреденъ откусываніемъ почекъ плодовыхъ деревьевъ; но такъ какъ онъ нигдѣ не встрѣчается въ значительномъ количествѣ, то причиняемый имъ вредъ едва-ли можетъ заслуживать вниманія, кромѣ развѣ такого случая, когда стая прилетитъ въ маленькій садъ и долго проживетъ здѣсь безъ помѣхи.

Въ гористыхъ странахъ, гдѣ большія пространства покрыты лѣсомъ съ укромными, мало посѣщаемыми чащами, снигирь гнѣздится изъ года въ годъ. Въ видѣ исключенія онъ поселяется также въ паркахъ и большихъ садахъ. Такъ, одна пара ежегодно выводила птенцовъ въ плющѣ, обвивавшемъ домикъ садовника одного парка въ Ангальтѣ; другихъ находили въ лѣсахъ по долинамъ рѣкъ. Гнѣзда строятся на деревьяхъ, обыкновенно на незначительной высотѣ надъ землею или въ развилинѣ вѣтвей высокаго куста, или на боковой вѣточкѣ у самаго ствола; они состоятъ снаружи изъ сухихъ сосновыхъ, еловыхъ и березовыхъ прутиковъ, за которыми слѣдуетъ второй слой изъ нѣжныхъ корневыхъ вѣтей и волокнистыхъ лишаяевъ, и высланы внутри оленьими и лошадиными волосами или только нѣжными листочками травы и тонкими частями лишаяевъ. Иногда къ внутренней стѣнкѣ примѣшиваются лошадиные волосы и овечья шерсть. Въ маѣ находятъ 4—5 относительно маленькихъ толстыхъ яицъ съ гладкой скорлупою, длиною около 21 м.м., толщиною 15 м.м., которыя на блѣдно-зеленоватомъ или зеленовато-голубоватомъ фонѣ покрыты матово-фіолетовыми или черными пятнами и красно-бурыми точками, черточками и разводами. Самка высиживаетъ яйца въ теченіи двухъ недѣль и, пока она сидитъ на гнѣздѣ, ее кормитъ самецъ. Оба родителя участвуютъ въ воспитаніи птенцовъ, которыхъ они горячо любятъ и защищаютъ съ опасностью жизни. Птенцы получаютъ сначала насѣкомыхъ, позднѣе молодые побѣги растений и различныя сѣмена, размоченныя въ зобу, и наконецъ главнымъ образомъ эти послѣднія. Родители и послѣ вылета птенцовъ еще долгое время водятъ ихъ и лишь въ томъ случаѣ предоставляютъ ихъ самимъ себѣ относительно скоро, если приступаютъ ко второй кладкѣ.

Въ гористыхъ странахъ молодыхъ снигирей берутъ изъ гнѣзда, когда еще они не оперились, чтобы воспитывать и обучать ихъ. Чѣмъ раньше можно начать обученіе, тѣмъ успѣшнѣе результаты. Въ Тюрингенскомъ лѣсу ежегодно воспитываютъ сотни молодыхъ снигирей и затѣмъ отвозятъ черезъ посредство особыхъ торговцевъ птицами въ Берлинъ, Варшаву, Петербургъ, Амстердамъ, Лондонъ, Вѣну, даже въ Америку. Обученіе начинается съ перваго дня неволи, и главное искусство заключается въ томъ, чтобы самъ учитель по возможности чисто и всегда равномерно выполнялъ ту пѣсню, которой хотятъ научить снигиря. Пробовали обучать съ помощію шарманки, но добились немногаго. Даже флейта не можетъ дать такихъ результатовъ, какъ искусный свистъ челоуѣка. Нѣкоторые снигири безъ особеннаго труда заучиваютъ 2—3 мелодіи, между тѣмъ какъ другіе навсегда остаются пло-

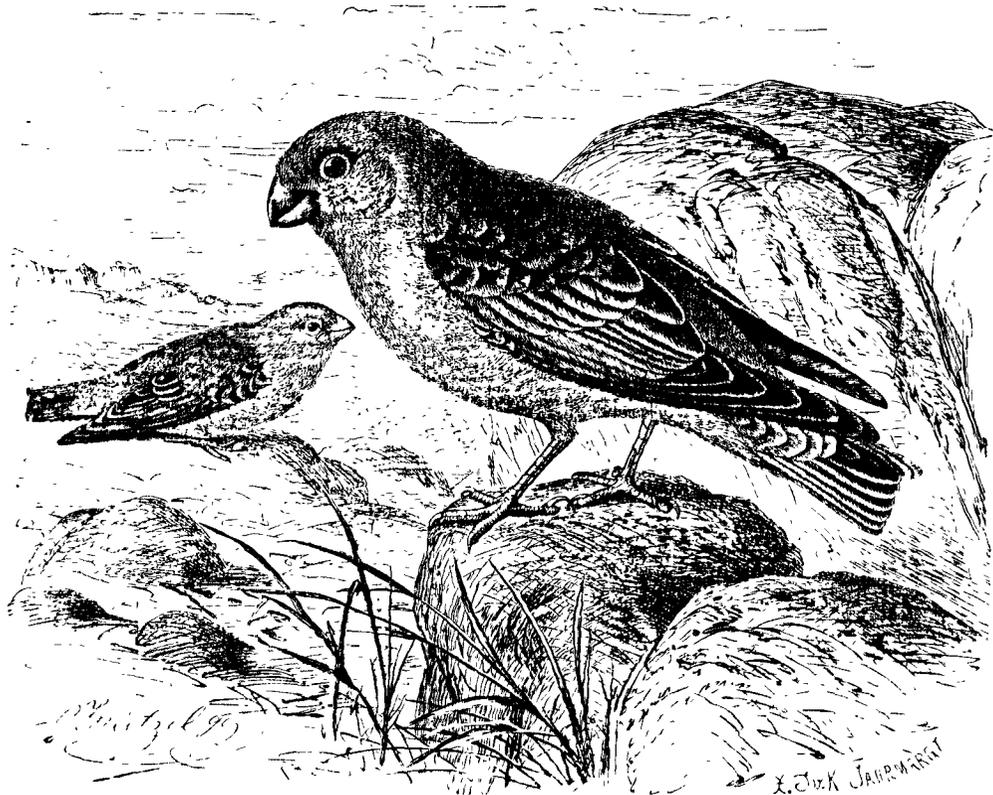
хими пѣвцами; нѣкоторые сохраняютъ выученное на всю жизнь, другіе забываютъ выученное, а именно во время линія. Самки тоже заучиваютъ пѣсни, но никогда, даже приблизительно, не могутъ сравниться съ самцами. Изъ послѣднихъ нѣкоторые становятся настоящими виртуозами. «Я слыхалъ», говоритъ мой отецъ: «какъ коноплянки и черные дрозды недурно насвистывали ту или другую пѣсню; но ни одна изъ птицъ Германіи не можетъ сравниться со снигиремъ по чистотѣ, мягкости и полнотѣ звука. Невѣроятно, до какихъ результатовъ можно довести его обученіе. Онъ часто заучиваетъ мотивы двухъ пѣсенъ и выполняетъ ихъ такъ пѣвуче, что нельзя наслушаться». Помимо дара подражанія, снигирь отличается отъ всѣхъ другихъ вьюрковъ легкой приручимостью, безграничной привязанностью и несравненной преданностью своему хозяину; онъ вступаетъ съ нимъ въ тѣсную дружбу, радуется его присутствію и печалится, если его нѣтъ, даже умираетъ отъ чрезмерной радости или горя, которыя доставляетъ ему хозяинъ. Безъ особеннаго труда его можно приучить вылетать изъ клѣтки и возвращаться въ нее обратно. Въ клѣткахъ снигири легко размножаются. Итакъ эти птицы соединяютъ въ себѣ множество превосходныхъ качествъ.

* * *

Пустынный снигирь (*Pyrhula githaginea*, *pyraudaei*, *Bucanetes githagineus*, *Erythropsiza githaginea*, *Fringilla githaginea*, *thebaica*, *Carpodacus crassirostris*, *pyraudaei*, *Serinus githagineus*. *Wüstengimpel*. *Bouvreuil du désert*) имѣетъ великолѣпно окрашенное опереніе, какъ бы смѣшанное изъ атласно-сѣраго и розово-краснаго. Съ возрастомъ красный цвѣтъ занимаетъ большее протяженіе и становится ярче; красивѣе всего птица весной, когда опереніе достигаетъ высшей степени яркости, такъ что по красотѣ далеко оставляетъ позади себя блестящій пурпуръ украшающаго наши полевья куколя, отъ котораго эта птица получила свое латинское названіе. Къ осени оно замѣтно блѣднѣетъ и тогда болѣе сходно съ опереніемъ самки, главный цвѣтъ которой яркій желто-красный. Можно замѣтить различныя степени яркости окраски: нѣкоторые самцы точно выкунаны въ крови, другіе песчано-сѣраго цвѣта. Красное красящее вещество не ограничивается опереніемъ, а распространяется и на верхній слой кожи тѣла, такъ что ошпаннѣтый пустынный снигирь оказывается дѣйствительнымъ маленькимъ «краснокожимъ». Темя и затылокъ даже въ брачномъ нарядѣ чистаго пепельно-сѣраго цвѣта съ шелковистымъ блескомъ; плечи и спина болѣе или менѣе буровато-пепельно-сѣрыя съ красноватымъ налетомъ; болѣе крупныя кроющія перья крыльевъ блѣдно-буроватыя съ широкимъ розово-краснымъ краемъ; маховыя и рулевыя перья темно-бурово-сѣрыя, на наружномъ опахалѣ съ кармино-красной, на внутреннемъ съ блѣловатой каймой, на концѣ съ свѣтлымъ краемъ. У самки вся верхняя сторона тѣла буровато-сѣрая, нижняя сторона болѣе свѣтлая сѣрая, съ красноватымъ налетомъ, брюхо грязно-бѣлое. Длина птицы достигаетъ 13, размахъ крыльевъ 22, длина крыла 9, хвоста 5 см.

Тотъ, кто хочетъ познакомиться съ мѣстомъ жительства этого снигирия, долженъ отправиться въ пустыню, такъ какъ ей, въ широкомъ смыслѣ этого понятія, принадлежитъ эта птица. Болѣе нашелъ ее, какъ обыкновенную гнѣздящуюся птицу на Канарскихъ островахъ и преимущественно на Лансароте, Фуэртавентура и Гранъ-Канарію. Я встрѣчалъ ее не менѣе часто въ большей части Верхняго Египта и въ Пубіи до самыхъ степей, гдѣ она постепенно исчезаетъ; но я находилъ ее отдѣльными экземплярами и въ пустынной Аравіи; кромѣ того, она распространена по Персіи и Синду. Со своей родины пустынный снигирь каждую зиму посѣщаетъ въ качествѣ гостя островъ Мальту, залетаетъ также на греческіе

острова, въ Провансъ и Тоскану. Мѣстность, которую онъ предпочитаетъ, должна прежде всего быть лишенной деревьевъ и освѣщаться жгучимъ солнцемъ. «Пугливая птица», говоритъ Болле, который описалъ и пустыннаго снигиря подробнѣе, чѣмъ кто либо до него, «хочетъ, чтобы ея глазъ могъ свободно блуждать по равнинѣ или холмистой мѣстности. Онъ предпочитаетъ сухія и каменныя мѣста, гдѣ поднимающаяся въ изолуенной зной струя воздуха рѣшетъ надъ обожженными камнями. Рѣдкая трава, выросшая между каменьями, высохшая и пожелтѣвшая за лѣто, разбросанный тамъ и сямъ низкій кустарникъ — этого уже достаточно, чтобы пустынный снигирь чувствовалъ себя хорошо на этомъ мѣстѣ. Такимъ обра-

Пустынный снигирь. *Pyrrhula githaginea*. $\frac{5}{16}$ наст. вел.

зомъ пустынный снигирь скорѣе можетъ считаться птицей, предпочитающей мелкіе камни скаламъ; это толстоклювая птица съ нравами каменки. Пустынные снигири живутъ всегда семействами или маленькими стайками, если ихъ не разлучаютъ заботы, связанныя съ размноженіемъ. Рѣзвая птичка прыгаетъ съ камня на камень или скользитъ по воздуху, но большей части низко надъ землею. Взглядъ рѣдко можетъ долго слѣдить за нею, такъ какъ красновато-сѣрое опереніе старыхъ птицъ очень незамѣтно сливается съ такимъ-же цвѣтомъ камней и еще болѣе съ цвѣтомъ лишенныхъ листьевъ стволовъ и вѣтвей молодая, а песчано-желтый цвѣтъ молодыхъ — съ цвѣтомъ песка, туфа или извести. Мы скоро потеряли-бы его слѣдъ, если-бы его голосъ, одна изъ величайшихъ особенностей этой птицы, не служилъ намъ проводникомъ, при отысканіи его. Слушайте! Раздается звукъ, похожій на звукъ маленькой трубы: онъ растянуть и какъ-бы дрожить въ воздухѣ и если нашъ слухъ тонокъ

и мы слышали хорошо; то передъ этимъ страннымъ звукомъ или тотчасъ послѣ него мы уловимъ нѣсколько тихихъ, серебристыхъ нотъ, которыя чисто, какъ колокольчикъ, звучатъ въ тишинѣ пустыни. Иногда-же слышатся странные низкіе звуки, похожіе на кваканіе канарской лягушки, но менѣе грубые, которые, быстро повторяясь, слѣдуютъ другъ за другомъ; а имъ отвѣчаютъ почти такіе-же, но болѣе слабыя звуки, похожіе на звуки, издаваемые чревошчателемъ, которые какъ будто бы доносятся издали. Въ высшей степени трудно передавать буквами звуки пѣнія птицъ; по отношенію къ пустынному снигирю это было-бы особенно затруднительно. Это голосъ совершенно своеобразный, какъ-бы принадлежащій другому міру; чтобы составить себѣ о немъ правильное понятіе, его надо слышать. Никто не станетъ ожидать настоящей пѣсни отъ птицы подобныхъ мѣстностей. Упомянутые странные звуки, къ которымъ снигирь прибавляетъ часто еще рядъ каркающихъ и трескучихъ, замѣняютъ у него пѣніе. Они до такой степени соотвѣтствуютъ по своей странности необыкновенной обстановкѣ, что ихъ всегда слушаешь съ удовольствіемъ и когда они смолкнутъ, прислушиваешься, не раздадутся ли они снова. Тамъ, гдѣ почва состоитъ только изъ сыпучаго песка, этотъ снигирь исчезаетъ. Онъ не созданъ для того, чтобы бѣгать по песку, какъ франколинъ или бѣгунчикъ. Онъ, по-видимому, не особенно ищетъ также крутыхъ скалистыхъ горъ, но тѣмъ болѣе любитъ тѣ бесплодные, черные потоки лавы, полные зіяющихъ, какъ на глетчерахъ, трещинъ и расщелинъ, на которыхъ едва-ли зеленѣетъ хоть одна былинка: такія мѣста, по-видимому, привлекаютъ пустынныхъ снигирей тѣми надежными убѣжищами, которыя они представляютъ въ своихъ нѣдрахъ. Никогда не случается видѣть, чтобы пустынный снигирь садился на дерево или кустъ. Въ болѣе населенныхъ странахъ эти птицы довольно пугливы; но тамъ, гдѣ ихъ окружаетъ одиночество и тишина пустыни, онѣ еще очень довѣрчивы, особенно молодыя, и часто случается неожиданно замѣтить ихъ, сидящими по близости на камнѣ, съ котораго онѣ смотрятъ въ лицо путешественнику своими веселыми черными глазами».

То же самое наблюдается и въ странахъ, лежащихъ на Пилѣ. Здѣсь пустынный снигирь оживаетъ выше Сіута скалистые берега Нила, часто въ изумительномъ множествѣ. Тамъ, гдѣ пустыня доходитъ до долины рѣки, можно быть увѣреннымъ, что встрѣтишь его. Въ сѣверной и средней Нубіи онъ, подобно нашимъ вьюркамъ, спускается на поля или кочуетъ по нимъ и среди горъ стаями по 50—60 штукъ. Чѣмъ скалы болѣе дики и покрыты расщелинами, тѣмъ вѣрнѣе можно найти его. Въ настоящей пустынѣ онъ тоже попадается, но почти исключительно по близости колодезѣвъ. Здѣсь онъ по большей части самая обыкновенная птица и населяетъ эту бѣдную область вмѣстѣ съ маленькими пустынными жаворонками и пустынными стернатками.

Въ неволѣ пустынные снигири, которыхъ держалъ Болле, были тихи, миролюбивы, уживчивы и привлекательны. Они постоянно звали другъ друга и отвѣчали на зовъ то красивыми и чистыми, но короткими, то длинными, дребезжащими трубными звуками, то чистыми и тихими звуками, похожими на звонъ серебрянаго колокольчика, то щebetаньемъ, похожимъ на щebetаніе овсянки. На квакающій звукъ «кэ кэ кэ», который они повторяютъ чаще всего, отвѣчаетъ обыкновенно гораздо болѣе низкій, тихій и короткий. Эти то грубые, то каркающіе, то звучащіе какъ флейта, но всегда очень выразительные звуки обозначаютъ своими различіями всякое измѣненіе въ расположеніи духа птицы. Изрѣдка случается слышать, хотя и несвязную, но продолжительную болтовню, какъ у маленькихъ попугаевъ; пустынные снигири кудахтаютъ такъ же, какъ курочки «кекек, кекек» по 3—4 раза сряду. Громкое «шак шак» служитъ выраженіемъ изумленія или недо-

вѣрія при видѣ непривычныхъ предметовъ. Громче всего трубятъ самцы (у самки этого звука вообще нѣтъ) весною. При этомъ они совершенно забрасываютъ голову назадъ и направляютъ прямо вверхъ широко открытый клювъ. Болѣе тихіе звуки издаются съ закрытымъ клювомъ. Во время пѣнія, а также въ періодъ спариванія, они производятъ самыя забавныя движенія. Они пляшутъ одинъ около другаго и усердно гоняются другъ за другомъ, если находятся въ возбужденномъ состояніи. Преслѣдуя самку, самцы нерѣдко вертикально поднимаютъ тѣло и широко разставляютъ крылья, принимая видъ орла на гербахъ. Они какъ будто-бы собираются заключить предметъ своей нѣжности въ распростертыя объятія.

Пища этой птицы состоитъ на свободѣ почти исключительно изъ различныхъ сѣмянъ, можетъ быть также изъ зеленыхъ листьевъ и почекъ; насѣкомыми она, повидимому, пренебрегаетъ. Вода составляетъ для нея потребность. «Какъ-бы ни былъ источникъ бѣденъ водою, мутенъ и тепловатъ, онъ долженъ все-же находиться на такомъ разстояніи, чтобы птица могла достигать его, по крайней мѣрѣ, разъ въ день, хотя-бы ей и приходилось пролетать для этого цѣлыя мили». Пустынный снигирь показывается утромъ и послѣ полудня обществами на водоѣ, пьетъ много и длинными глотками, а затѣмъ купается на мелкомъ мѣстѣ.

Въ мартѣ начинается періодъ размноженія. Самцы одѣваются въ свой великолѣпный нарядъ и отдѣляются отъ стаи вмѣстѣ съ избранной самкой, однако не прерываютъ связи со всѣмъ обществомъ. Можно видѣть, какъ различныя парочки сидятъ вмѣстѣ на скалахъ, покрытыхъ трещинами; громче и чаще обыкновеннаго раздаются длинные трубные звуки самца и онъ, какъ жаворонокъ, ходитъ вокругъ самки. Хотя около Нила я и видѣлъ, какъ пары носили строительные матеріалы, однако найти гнѣзда мнѣ не удалось. Болле тоже говоритъ, что какъ онъ ни всматривался, ища гнѣзда, онъ не могъ его найти, но отъ козыихъ пастуховъ онъ слышалъ, что пустынные снигири гнѣздятся въ трещинахъ лавы или на землѣ подъ большими нависшими камнями. Тристрамъ сообщаетъ, что гнѣздо состоитъ изъ тонкихъ корешковъ и гибкихъ травинокъ. 3—4 яйца длиною около 18 м.м., толщиною 12 м.м. на блѣдно-зеленомъ фонѣ цвѣта морской воды разрисованы красно-бурыми точечками и пятнами, которыя на остромъ концѣ очень рѣдки, разбросаны также и на остальной поверхности, но къ тупому концу обыкновенно образуютъ вѣнчикъ изъ тонкихъ разводовъ, зигзагообразныхъ линий и большихъ свѣтло-красно-бурыхъ пятенъ съ неясными краями.

Пойманные пустынные снигири представляютъ рѣдкое явленіе въ нашихъ клѣткахъ, такъ какъ на родинѣ ихъ не преслѣдуютъ. Поведеніе ихъ крайне привлекательно; ихъ невзыскательность такъ-же замѣчательна, какъ и ихъ легкая приручаемость. Питомцы Болле не разъ приступали къ размноженію и выводили здоровыхъ птенцовъ.

* * *

Послѣдній родъ подсемейства заключаетъ въ себѣ **Клестовъ** (*Loxia. Kreuzschnäbel. Becs croisés*) нѣсколько неуклюжихъ вьюрковъ плотнаго сложения съ большой головою. Клювъ ихъ очень сильный, толстый, сжатый съ боковъ, съ выемками на краяхъ челюстей; верхняя челюсть закруглена по острому хребту, вытянута въ длинный кончикъ и слабо загнута крючкообразно внизъ; нижняя, болѣе сильная, чѣмъ верхняя, загнута такою же дугою вверхъ и перекрещивается съ нею то съ правой, то съ лѣвой стороны. Короткія толстыя ноги снабжены длинными и сильными пальцами и вооружены крѣпкими, дугообразно-загнутыми, остроконечными когтями съ двойнымъ рѣжущимъ краемъ; крылья довольно длинныя и узкія, первое маховое перо крыла удлинено болѣе другихъ; кисть отличается узкими и

продолговато-закругленными, предплечіе болѣе широкими и довольно прямо усѣченными маховыми перьями. Хвостъ короткій и ясно раздвоенный. Покровныя перья густыя, мягкія, замѣчательно рѣзко различающіяся, смотря по возрасту и полу птицы.

Самый большой и притомъ самый сильный видъ этого рода — **Сосновикъ, Шлепунъ или Брикунъ.** (*Loxia pityopsittacus*, *Crucirostra pityopsittacus*, *subpityopsittacus*, *pseudopityopsittacus*, *brachyrhynchos*, *intercedens*, *Kiefernkreuzschnabel*, *Bec croisé des pins*). Длина его достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 30, длина крыла 11, хвоста 7 см. Клювъ замѣчательно сильный, толстый и высокій, согнутъ сверху и снизу въ видѣ почти полнаго полукруга и лишь немного перекрещенъ. Голова, горло, зобъ, грудь и брюхо болѣе или менѣе яркаго краснаго цвѣта, впереди отъ свѣтлаго суриково-краснаго до смородинно-краснаго; щеки сѣроватыя, горло съ пепельно сѣрымъ налетомъ. Перья спины сѣровато-красныя, у корня сѣрыя, а на концѣ съ красной каймою; перья надхвостья болѣе яркаго краснаго цвѣта, чѣмъ остальные мелкія перья; перья нижней части брюха свѣтло-пепельно-красныя или бѣловатыя съ сѣро-красноватымъ налетомъ; большія и малыя маховыя, кроющія рулевыя перья сѣро-черныя съ красно-сѣрыми каймами; нижнія кроющія перья хвоста бѣло-сѣрыя съ болѣе темными черточками и красноватымъ налетомъ. У самки перья темени и спины яснаго сѣраго цвѣта, первыя съ зелено-желтымъ, вторыя съ сѣро-зеленымъ краемъ; уздечка и передняя часть щекъ свѣтло-сѣрыя, задняя часть щекъ темно-сѣрая; затылокъ и задняя часть шеи сѣро-зелено-желтыя; свѣтло-сѣрыя нижнія части тѣла, за исключеніемъ горла, груди и середины брюха, украшены широкими зелено-желтыми краями перьевъ; маховыя и рулевыя перья сѣровато-черныя съ зеленоватыми каймами, снизу яснаго сѣраго цвѣта; сѣро-черныя нижнія кроющія перья хвоста на концѣ бѣлыя. У молодой птицы голова, затылокъ и задняя часть шеи сѣровато-черныя съ бѣловато-сѣрыми черточками, уздечка и щеки яснаго сѣраго цвѣта, перья спины черновато-сѣрыя съ зелено-сѣрыми каймами, перья надхвостья зелено-желтыя съ темными продольными черточками, перья нижнихъ частей тѣла бѣловато-сѣрыя съ болѣе свѣтлыми и болѣе темными сѣрыми продольными полосками; маховыя и хвостовыя перья съ сѣро-зеленоватыми или свѣтло-сѣрыми каемками, верхнія кроющія перья крыльевъ на концѣ свѣтло-сѣрыя, благодаря чему на крылѣ образуется двѣ узкихъ полоски.

Еловинъ, Кликунъ, Тринунъ, Мелкій, Чистый клестъ (*Loxia curvirostra*, *europaea*, *balearica*, *albiventris*, *Crucirostra curvirostra*, *europaea*, *abietina*, *media*, *montana*, *pinetorum*, *paradoxa*, *macrorhynchos*, *longirostris*, *balearica*, *Fichtenkreuzschnabel*, *Bec croisé ordinaire*) меньше предыдущаго, клювъ его болѣе вытянутъ въ длину и менѣе загнутъ, перекрещивающіеся концы его длиннѣе и уже, чѣмъ у сосновика. Длина равняется 17, размахъ крыльевъ 28, длина крыла 9, а хвоста 6 см. Голова, затылокъ и нижняя сторона тѣла такъ-же окрашены, какъ у сосновика; щеки сзади яснаго сѣро-бураго цвѣта, перья нижней части брюха бѣловато-сѣрыя, маховыя и рулевыя перья вмѣстѣ съ верхними кроющими ихъ сѣровато-черныя съ красновато-сѣрыми каймами, нижнія кроющія перья хвоста черновато-сѣрыя съ бѣлыми съ красноватымъ налетомъ концами. У самки верхняя сторона сѣраго, нижняя свѣтло-сѣраго цвѣта, каждое перо съ желто-зеленымъ краемъ, надхвостье зеленовато-желтое. Опереніе молодыхъ сверху черновато-сѣрое съ зеленоватыми краями, снизу бѣловатое съ болѣе или менѣе явственнымъ зеленоватымъ отливомъ и снабжено черно-сѣрыми продольными пятнами.

Краснопоясный клестъ (*Loxia rubrifasciata*, *Crucirostra rubrifasciata*. *Rotbindenkreuzschnabel*. *Bec croisé à bandes rouges*), котораго длина равняется 17,5, а размахъ крыльевъ 30 см., отличается отъ еловика неяснымъ сѣрымъ кольцомъ на затылкѣ, черно-бурыми плечами, усѣянными красными крапинками, и двумя широкими розово-красными, у самки сѣрыми, у молодой птицы желто-сѣрыми полосками на крыльяхъ, образованными кончиками верхнихъ кроющихъ перьевъ.

Наконецъ **Бѣлопоясной клестъ**, **Чиркунъ**, **Бѣлокрылый**, **Лиственничный клестъ** (*Loxia bifasciata*, *taenioptera*, *Crucirostra bifasciata*, *trifasciata*, *orientalis*. *Weissbindenkreuzschnabel*. *Bec croisé à bandes blanches*) меньше, чѣмъ всѣ вышеназванные. Длина его достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 27, длина крыла 9, хвоста 6 см. Преобладающій цвѣтъ оперенія великолѣпный смородинно-красный, который на затылкѣ и на срединѣ нижней стороны переходитъ въ сѣрый. Бѣлыя на концѣ большія и малыя верхнія кроющія перья крыла образуютъ на крылѣ двѣ широкія полосы; кроющія перья крыла тоже съ бѣлыми кончиками. Самки и птенцы похожи на самокъ и птенцовъ еловика, однако тоже имѣютъ двѣ бѣлыя полосы на крыльяхъ.

Клесты принадлежатъ къ тѣмъ представителямъ класса, которыхъ мой отецъ удачно называлъ «птицами-цыганами». Подобно этому замѣчательному народу, они внезапно появляются въ извѣстной мѣстности, остаются здѣсь долгое время, съ перваго дня чувствуютъ себя какъ дома, здѣсь даже размножаются и исчезаютъ такъ-же внезапно, какъ появляются. Ихъ переселенія стоятъ въ извѣстномъ соотвѣтствіи съ обиліемъ сѣмянъ въ хвойныхъ лѣсахъ, причемъ нельзя однако установить опредѣленнаго правила. Вслѣдствіе этого ихъ можетъ не быть цѣлые годы въ нашемъ краснолѣсьи и затѣмъ они снова во множествѣ поселяются въ немъ. Только мѣстопробываніе ихъ въ данное время можетъ быть опредѣленно, отечество-же ихъ безпредѣльно. Всѣ названные виды выводятъ птенцовъ въ сѣверной Европѣ, но также и во всей сѣверной Азій, гдѣ она покрыта лѣсами, и очень вѣроятно, что послѣднюю часть свѣта должно считать ихъ первоначальной родиной. Если въ сплошныхъ лѣсахъ хорошо уродились еловые и сосновые сѣмена, то въ нихъ уже слышится хорошо извѣстное всѣмъ ловцамъ «гѣп гѣп гип гип» или «цок цок» этихъ птицъ, а въ благопріятномъ случаѣ можно слышать и очень пріятное для многихъ пѣніе самца. Тогда всѣмъ становится извѣстнымъ, что клесты появились и въ ближайшемъ лѣсу. Если лѣсъ изобилуетъ кормомъ, то они приступаютъ къ размноженію, въ противномъ случаѣ они нѣкоторое время кочуютъ и селятся въ другомъ, болѣе удобномъ мѣстѣ. Они скоро отыскиваютъ самыя удобныя мѣста для болѣе продолжительнаго пребыванія, которыя и служатъ мѣстами вечернихъ сборищъ для кочующихъ днемъ туда и сюда стай, а равно отчасти и настоящимъ мѣстожителемъ.

Всѣ клесты птицы общественныя, которыя хотя и раздѣляются на пары въ періодъ размноженія, но не прерываютъ связи съ другими; это древесныя птицы, которыя только въ случаѣ нужды спускаются на землю, чтобы напиться или воспользоваться нѣсколькими упавшими шишками. Они лазаютъ очень искусно, причемъ, подобно попугаймъ, придерживаются и помогаютъ себѣ клювомъ, вѣшаютъ внизъ или вверхъ головою, хватаясь ногою или клювомъ за вѣтви или шишки, и безъ затрудненія остаются по нѣсколько минутъ сряду въ этомъ, повидимому столь неудобномъ, положеніи. Они летаютъ быстро и относительно легко, хотя на большое разстояніе летать неохотно; на лету поочередно то сильно

расширяютъ крылья, то вдругъ притягиваютъ ихъ къ тѣлу, благодаря чему полетъ ихъ становится волнообразнымъ. Въ пору ухаживанія за самками они поднимаются къверху, весело порхая надъ вершинами лѣса, держатся, трепеща крыльями, на одномъ мѣстѣ, поютъ и затѣмъ медленно опускаются, плавно слетая къ своему обычному мѣсту сидѣнія. Днемъ, за исключеніемъ развѣ полуденныхъ часовъ, они почти всегда въ дѣятельности. Весною, лѣтомъ и осенью они уже до разсвѣта кочуютъ по лѣсу изъ одной роши въ другую или съ одной горы на другую; напротивъ, зимою, особенно въ сильный холодъ, они остаются на мѣстѣ ночлега долѣе, рѣдко начинаютъ летать до восхода солнца, однако поютъ уже рано утромъ, около 10 часовъ утра находятъ въ полной дѣятельности, принимаются за ѣду, поютъ между ѣдой, послѣ двухъ часовъ пополудни становятся тише, но продолжаютъ ѣсть до 4 часовъ пополудни и затѣмъ уже отправляются на покой. На водопой они отправляются къ полудню, лѣтомъ уже къ 10 или 11 часамъ утра. Они мало или вовсе не обращаютъ вниманія на другихъ животныхъ лѣса, а также и человѣка, которому они, а въ особенности въ первые дни послѣ своего появленія, достаточно ясно показываютъ, что не научились еще видѣть въ немъ врага. Это привело нѣкоторыхъ къ ошибочному мнѣнію, будто-бы клесты очень глупыя птицы; мнѣніе это подтверждали наблюденіями, которыя во всякомъ случаѣ доказываютъ слишкомъ большую безобидность этихъ птицъ. Но если познакомиться съ клестами точнѣе, то можно скоро убѣдиться, что и они становятся умнѣе подѣ влияніемъ опыта и что вообще они вовсе не такъ глупы, какъ кажутся. Ловля клестовъ и охота за ними представляютъ мало трудностей, такъ какъ общительность этихъ птицъ такъ велика, что онѣ часто ради нея неосмотрительно рискуютъ своей свободой. Однако это менѣе говорить въ пользу недостатка понятливости, чѣмъ въ пользу хорошаго нрава этихъ по истинѣ добродушныхъ птицъ. Самецъ, самку котораго только что убили, иногда продолжаетъ сидѣть озадаченный и печальный на той самой вѣтви, съ которой упала послѣ выстрѣла его подруга, или, ища ее, возвращается не одинъ разъ на мѣсто печальнаго происшествія. Но, если ему нѣсколько разъ придется убѣдиться въ коварствѣ человѣка, то онъ становится очень пугливымъ. Въ неволѣ всѣ клесты скоро становятся вполне ручными. Они скоро забываютъ о потерѣ свободы, пріучаются считать хозяина своимъ господиномъ и повелителемъ, оставляютъ всякій страхъ передъ нимъ, позднее позволяютъ трогать себя, носить на рукахъ по комнатамъ и наконецъ выражаютъ нѣкоторыми движеніями свою горячую любовь къ нему. Эти милыя качества въ неволѣ сильно расположили къ клестамъ всѣхъ, кто знаетъ ихъ, а жители горъ иногда очень дорожатъ ими.

Призывной голосъ сѣсновика, издаваемый какъ самцомъ такъ и самкой, состоитъ изъ вышеупомянутаго «геп-геп», или «гип-гип» и «цок-цок». «Геп» птицы издаютъ на лету и сидя», говоритъ мой отецъ, которому мы обязаны самымъ подробнымъ и лучшимъ описаніемъ клестовъ, «и этотъ звукъ служить какъ для того, чтобы дать знать, что пора улетѣть, такъ и зовомъ и откликомъ другимъ клестамъ; поэтому то это «геп» и звучитъ очень громко. «Гип-гип» выражаетъ нѣжность: этимъ звукомъ самецъ и самка зовутъ другъ друга, сидя; онъ такъ тихъ, что надо находиться близко отъ дерева, чтобы услышать его. Часто, слыша этотъ звукъ, думаешь, что птица находится далеко, но, всматриваясь внимательно, замѣчаешь ее надъ собою. «Цок» издаютъ обыкновенно сидящія птицы, приглашая пролетающихъ мимо подлетѣть и сѣсть; однако иногда приходится слышать, какъ клесты издаютъ этотъ звукъ и на лету. Звукъ этотъ громкій и полный и долженъ быть главнымъ крикомъ птицы, которая назначена для приманиванія клестовъ къ западнямъ. Крикъ молодыхъ птицъ представляетъ много сходства съ крикомъ молодыхъ конюшнянокъ, но вскорѣ онѣ

начинают издавать «геи», «гип» и «цок» старых. Зовъ еловика, который онъ издаетъ на лету, но также и сидя, есть «гип-гип», болѣе высокое и слабое, чѣмъ у сосновика. Этимъ «гип» подается сигналъ ко взлету, дѣлается предостереженіе и удерживается вмѣстѣ стая. Если они сидятъ и одинъ изъ нихъ станетъ громко кричать «гип», то всѣ остальные настораживаются и улетаютъ обыкновенно за крикнувшимъ. Но если они ѣдятъ и мимо пролетаетъ нѣсколько другихъ, которые издають этотъ зовъ, то занятые ѣдою обыкновенно не оставляютъ своей работы и лишь изрѣдка, приглашая сѣсть, кричатъ имъ, «цок-цок». И это «цок», звучащее выше и чище, чѣмъ у сосновика, собственно и служитъ зовомъ. Если одинъ изъ еловиковъ удалился, а другой еще сидитъ, то послѣдній кричитъ безпрестанно «цок», чтобы побудить перваго возвратиться. Если одна изъ этихъ птицъ сидитъ на верхушкѣ дерева и хочетъ заставить опуститься цѣлую стаю, то она очень громко кричитъ это «цок». На лету еловики рѣдко издають этотъ призывной звукъ. Сидя, они издають еще одинъ очень тихій крикъ, который звучитъ почти какъ пискъ маленькихъ цыплятъ подъ курицей. Этотъ крикъ очень сходенъ съ соотвѣтственнымъ звукомъ сосновика. Молодые еловики кричатъ почти такъ же, какъ молодые сосновики, но издають также пискъ, какъ старыя». Пѣніе самца многимъ чрезвычайно нравится. Обыкновенно сосновикъ поетъ лучше еловика, но пѣсни обоихъ похожи одна на другую. Она состоитъ изъ громкой строфы, за которой слѣдуетъ нѣсколько щебечущихъ, слабыхъ и недалеко слышныхъ тоновъ. На свободѣ они поютъ громче всего, если погода хорошая, ясная, тихая и не слишкомъ холодная: въ вѣтренные и бурные дни они почти совершенно молчатъ. Во время пѣнія они почти всегда выбираютъ самыя верхушки и лишь въ теченіи любовнаго періода щебечутъ и болтаютъ и на лету. Самки иногда тоже поютъ, но тише и пѣсня ихъ болѣе смутана. Въ клѣткѣ клесты поютъ почти весь годъ, за исключеніемъ развѣ времени линянія.

Пища клестовъ состоитъ преимущественно изъ сѣмянъ лѣсныхъ деревьевъ. Для добыванія этой пищи имъ необходимъ ихъ крѣпкій перекрещенный клювъ. Нужна большая сила и ловкость для того, чтобы открывать шишки сосенъ и елей, и добраться до хорошо скрытыхъ сѣмянъ; этими обоими качествами въ высокой степени обладаетъ клювъ клеста. Клестъ подлетаетъ, привѣсивается къ шишкѣ внизъ головою, или кладетъ шишку на вѣтвь и садится на нее, или откусываетъ ее, переноситъ на вѣтвь и крѣпко держитъ сильными, длинными и острыми когтями. «Очень красивое зрѣлище», продолжаетъ мой отецъ, «представляетъ еловикъ, когда эта маленькая птица переноситъ съ одного дерева на другое еловую шишку средней величины. Обыкновенно онъ схватываетъ ее клювомъ такъ, что ея конецъ направленъ прямо впередъ, и съ незначительнымъ усиленіемъ летитъ за 10 и даже 20 шаговъ на сосѣднее дерево, чтобы тамъ ее вскрыть; дѣло въ томъ, что не на всѣхъ деревьяхъ онъ находитъ такія вѣтви, на которыхъ можетъ удобно открывать шишки. Это раскрываніе шишекъ производится слѣдующимъ образомъ: кончикомъ верхней половины клюва клестъ разрываетъ по срединѣ, если шишка крѣпко виситъ или лежитъ, широкія чешуйки шишки, всовываетъ подъ нихъ нѣсколько открытый клювъ и выднимаетъ сѣмя боковымъ движеніемъ головы. Телерь онъ можетъ легко втолкнуть сѣмя въ клювъ, гдѣ оно освобождается отъ летучки и кожицы и проглатывается. Очень большія шишки клестъ не раскрываетъ. Клювъ, согнутый надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ половинки его перекрещиваются, имѣетъ въ высшей степени важное значеніе для него и для другихъ представителей того же рода при раскрываніи шишекъ; такой клювъ надо лишь немного открыть, чтобы придать ему чрезвычайно большую ширину, такъ что чешуйку очень легко отогнуть съ помощію бокового движенія головы. Раскрываніе шишекъ производитъ трескъ, хотя и незначи-

тельный, но все же достаточно громкій, чтобы его можно было слышать подъ деревомъ. Еловикъ рѣдко выѣдаетъ откушенные шишки на-чисто, какъ дѣлаютъ другіе представители этого рода съ сосновыми шишками, а часто сбрасываетъ ихъ внизъ совершенно нераскрытыми или открытыми на половину или на треть. Они поступаютъ такимъ образомъ даже съ шишками, полными сѣмянъ; дѣлаютъ это не только молодая птица, какъ думаетъ Бехштейнъ, но и старая; поэтому земля подъ тѣми деревьями, на которыхъ нѣкоторое время были заняты ѣдой нѣсколько клестовъ, иногда бываетъ покрыта или по крайней мѣрѣ усыяна шишками. Улетая, они бросаютъ всѣ свои шишки. Если на деревьяхъ лишь немного шишекъ или онѣ выѣдены, то клесты отыскиваютъ опавшія и раскрываютъ ихъ такимъ-же образомъ, какъ и висящія на деревьяхъ».

Еловикъ рѣдко принимается за сосновыя шишки, которыя гораздо труднѣе раскрывать; онъ не обладаетъ достаточной силой для этой работы. Напротивъ, сосновикъ безъ труда открываетъ и ихъ, такъ какъ онъ можетъ поднять сразу всѣ чешуйки, лежащія подъ тою, подъ которую онъ засунулъ свой клювъ. Оба вида взламываютъ чешуйки шишекъ всегда верхней половинкой клюва и прижимаютъ нижнюю къ шишкѣ; благодаря этому тѣ клесты, у которыхъ клювъ загнутъ направо, всегда обращаютъ его кверху правой стороною, а тѣ, у которыхъ онъ загнутъ налѣво, — лѣвою. Въ 2—3 минуты птица справляется съ шишкой, бросаетъ ее, приноситъ себѣ другую и раскрываетъ эту. Она продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока не наполнитъ свой зобъ. По лежащимъ на землѣ шишкамъ можно узнать, что въ лѣсу есть клесты. Если имъ не мѣшать, то они по цѣлымъ часамъ сидятъ на одномъ и томъ же деревѣ и по цѣлымъ недѣлямъ не оставляютъ ту мѣстность, куда разъ забрались. Пока они находятъ хвойныя сѣмена, они едва ли принимаются за другую пищу, но въ случаѣ нужды ѣдятъ сѣмена клена, граба и бука, а также маслянистыя сѣмена; между прочимъ они во всякое время очень охотно ѣдятъ и насѣкомыхъ, именно тлей, которыхъ собираютъ и въ садахъ и на огородахъ лѣсныхъ деревень.

Необходимымъ слѣдствіемъ работы на смолистыхъ вѣтвяхъ и шишкахъ является то, что клесты часто невозможно пачкаются. Они такъ же чистоплотны, какъ и большинство другихъ птицъ, и заботливо чистятся послѣ каждой ѣды, чтобы освободиться отъ приставшихъ частицъ смолы, цѣлыя минуты точатъ клювъ о вѣтви, но не всегда могутъ держать опереніе въ такомъ порядкѣ какъ бы желали, и часто случается, что перья ихъ покрываются толстымъ слоемъ смолы. Мясо клестовъ, которые долгое время ѣли исключительно сѣмена хвойныхъ деревьевъ, такъ пропитывается смолою, что послѣ смерти долго не подвергается гніенію. «Мясо», говоритъ мой отецъ: «получаетъ, правда, особый противный запахъ, но собственно не загниваетъ. Надо только оберегать его отъ мясныхъ мухъ; если онѣ доберутся до мяса, то кладутъ въ него лички и выходящія изъ нихъ личинки грызутъ и поѣдаютъ его. Я нѣсколько разъ дѣлалъ опыты въ этомъ направленіи и всегда получалъ одинъ и тотъ же результатъ; передо мною лежитъ клестъ, убитый лѣтомъ въ самую жару и все же сохранившій всѣ перья; я видѣлъ также мумію, которой было 20 лѣтъ». Что именно принятая внутрь смола служитъ причиной этого страннаго явленія, вытекаетъ изъ другихъ наблюденій: если клестъ питался нѣкоторое время насѣкомыми, то его тѣло такъ же быстро подвергается гніенію, какъ и у другихъ маленькихъ птичекъ.

Общество клестовъ всегда служитъ большимъ украшеніемъ лѣсныхъ деревьевъ, но всего красивѣе оно зимою, когда толстый слой снѣга покрываетъ вѣтви. Красныя птички рѣзко выдѣляются тогда на тусклой зелени хвои и бѣломъ снѣгу и превращаютъ всю вершину въ рождественскую елку, красивѣе которой нельзя ничего придум-

мать. Къ привлекательному цвѣту ихъ оперенія присоединяется ихъ бодрая, веселая жизнь, ихъ тихая, но непрерывная дѣятельность, проворное лазаніе вверхъ и внизъ, ихъ чириканье и пѣніе, способныя очаровать кого угодно.

Извѣстно, что клесты гнѣздятся во всѣ мѣсяцы года, какъ въ серединѣ лѣта, такъ и въ студеную зиму, когда деревья и кусты покрыты снѣгомъ и всѣ остальные лѣсныя птицы почти совершенно безмолвны. Въ пору витья гнѣздъ, стая раздѣляется на отдѣльныя пары. Каждый самецъ, выбравшій себѣ самку, садится на самую верхушку высочайшаго дерева, усердно поетъ, издаетъ продолжительный призывной звукъ и безпрестанно поворачивается, чтобы показать себя самкѣ во всей красѣ. Если эта послѣдняя не приближается, то онъ перелетаетъ на другое дерево и снова поетъ и зоветъ; если же недоступная подруга приближается, то онъ тотчасъ же спѣшитъ за нею и, играя, гоняетъ ее съ вѣтви на вѣтвь. При этомъ ухаживаніи сосновикъ обыкновенно выполняетъ еще особыя воздушныя игры, поднимается, трепеща крыльями, порхаётъ и поетъ, но, какъ и еловикъ, всегда возвращается на то же дерево. Гнѣздо находится то на далеко выступающей вѣтви и притомъ въ развилкѣ или на толстой вѣткѣ около ствола, то около верхушки, то далеко отъ нея, однако всегда занимаетъ такое положеніе, что передъ гнѣздомъ или надъ нимъ проходятъ вѣтви, которыми оно защищено отъ падающаго снѣга и въ то же время по возможности скрыто. Это искусная постройка. наружныя стѣнки которой сдѣланы изъ сухихъ еловыхъ прутиковъ, вереска, сухихъ стебельковъ травы, а главнымъ образомъ изъ еловыхъ лишаяевъ, древеснаго и земляного мха, и выложенная внутри отдѣльными перьями, стебельками травы и хвоей. Стѣнки толщиной приблизительно въ 3 см. и превосходно сотканы; углубленіе относительно глубоко. «Я имѣлъ возможность», говоритъ мой отецъ, «наблюдать одну самку во время постройки гнѣзда. Сначала она обламывала сухіе прутики и относила ихъ на мѣсто постройки, затѣмъ бѣгала по вѣтвямъ сосѣднихъ деревьевъ, отыскивая волокнистые лишайи и каждый разъ набирала ихъ полный клювъ, относила въ гнѣздо и приводила въ надлежащій порядокъ. Когда постройка гнѣзда была закончена въ чернѣ, она подолгу оставалась въ немъ и приводила все въ порядокъ, надавливая грудью и постоянно поворачиваясь. Почти всѣ матеріалы для гнѣзда она брала съ одного сосѣдняго дерева и была такъ прилежна, что строила даже послѣ полудня и въ 2—3 минуты успѣвала принести и обработать весь принесенный строительный матеріалъ. Самецъ оставался постоянно около нея, спаривался съ ней каждый день или на вѣтвяхъ, или на гнѣздѣ, кормилъ ее, когда она начала высиживать или покрайней мѣрѣ согрѣвать первое яйцо (какъ только первое яйцо было положено, она не оставляла болѣе гнѣзда) постоянно шѣлъ по близости нея и, казалось, хотѣлъ вознаградить ее такимъ образомъ за труды по постройкѣ и высиживанію, которыхъ не могъ раздѣлять съ нею».

Кладка состоитъ изъ 3—4 относительно маленькихъ яицъ, длиною не болѣе 28 м.м., толщиной 22 м.м., которыя на сѣровато или голубовато-бѣломъ фонѣ усажены неясными пятнами и черточками кроваво-краснаго, кроваво-буроватаго или черно-буратаго цвѣта. Иногда эти пятнышки образуютъ вѣнчикъ на тупомъ концѣ, иногда они распределены по всему яйцу; но, несмотря на всѣ эти измѣненія, яйцо клеста всегда можно узнать. Заботливая мать горячо предается насиживанію, между тѣмъ какъ самецъ съ своей стороны охотно беретъ на себя выпадающую на его долю заботу кормить самку. Птенцы, которыхъ родители очень любятъ, получаютъ съ перваго дня жизни въ пищу еловыя и сосновыя сѣмена, сначала размяченныя и полупереваренныя въ зобѣ взрослыхъ, потомъ болѣе твердыя; они быстро растутъ и скоро становятся очень проворными и бодрыми, но долыше чѣмъ всѣ дру-

гя воробьиныя птицы требуютъ особаго попеченія родителей, такъ какъ клювъ ихъ перекрещивается лишь послѣ вылета и они поэтому до тѣхъ поръ не въ состоянїи открывать еловыхъ и сосновыхъ шишекъ. Поэтому еще долго послѣ вылета они осаждаютъ работающихъ родителей, кричатъ, не переставая, какъ неблаговоспитанныя дѣти, поспѣшно летятъ за родителями, если эти послѣдніе оставляютъ дерево, или издаютъ долгій и боязливый зовъ, пока тѣ не возвратятся. Понемногу старики приучаютъ ихъ къ работѣ. Сначала родители предлагаютъ имъ полуоткрытыя шишки, чтобы они упражнялись въ открыванїи чешуй, потомъ они получаютъ откушенные шишки цѣлыми. Даже тогда, когда они уже могутъ ѣсть одни, родители нѣкоторое время водятъ ихъ и только внослѣдствїи предоставляютъ самимъ себѣ.

Охота за клестами и ловля ихъ не представляютъ никакихъ трудностей. Только что прилетѣвшіе къ намъ позволяютъ охотнику подойти близко и часто продолжаютъ на томъ-же деревѣ сидѣть даже тогда, когда нѣсколько товарищей сбиты съ него выстрѣлами. Ловля еще легче, чѣмъ охота, лишь только удастся перехитрить первую птицу. Въ Тюрингенѣ берутъ высокія жерди, кустообразно одѣваютъ ихъ снаружи еловыми вѣтвями и укрѣпляютъ на нихъ прутья, намазанные клеемъ. Жерди выставляютъ на открытыхъ полянкахъ въ лѣсу до разсвѣта и прикрѣпляютъ къ нимъ внизу клѣтку съ приманной птицей. Всѣ прилетающіе клесты по крайней мѣрѣ приближаются къ жерди, чтобы посмотрѣть на кричащаго и зовущаго товарища. Многіе садятся также на кустъ и притомъ обыкновенно на одинъ изъ клеевыхъ прутьевъ.

Можно вполне утверждать, что польза, приносимая клестами, съ избыткомъ уравниваетъ тотъ незначительный вредъ, который они могутъ намъ причинять. Оставляя въ сторонѣ то удовольствіе, которое они доставляютъ каждому любителю, или ту красоту, которую они придаютъ зимою хвойному лѣсу, они рѣшительно полезны тѣмъ, что въ урожайные годы облегчаютъ чрезмѣрно обремененныя верхушки деревьевъ, обкусывая еловые шишки, и тѣмъ сохраняютъ деревья. Недавно пытались также представить ихъ вредными, по крайней мѣрѣ вредными для лѣса, но при этомъ имѣли въ виду конечно лишь скудные лѣса Бранденбурга и другихъ бѣдныхъ округовъ Германїи, но не могучіе лѣса среднегерманскихъ горъ. Здѣсь они находятъ, когда появляются, такой чрезмѣрно богатый кормъ, что ни одинъ лѣсничій не поставитъ имъ въ вину и не пожалѣетъ тѣхъ шишекъ, которыя они откусываютъ.

Вьюрки съ крючковатымъ клювомъ, короткими крыльями и длиннымъ хвостомъ носятъ названіе **Кардиналовъ** (*Coccothraupinae*, *Kernknäcker*, *Cardinals*). Клювъ у нихъ обыкновенно очень крѣпкій, толстый, вышуклоконическій; кончикъ верхней половинки его крючкообразно загнутъ надъ кончикомъ нижней и снабженъ выемкой позади крючка; край клюва болѣе или менѣе вогнутый. Ноги сильныя съ высокой плюсной и длинными пальцами. Первое маховое перо всегда значительно укорочено, третье и четвертое обыкновенно длиннѣе всѣхъ. Длинный хвостъ по большей части обыкновенно закругленъ, рѣже усѣченъ или снабженъ вырѣзкой. Опереніе обильное, мягкое, безъ металлическаго блеска, часто одноцвѣтное сѣрое или зеленовато-оливково-сѣрое, рѣже красно-желтое или черное и еще рѣже представляющее ярко окрашенныя мѣста.

Большая часть видовъ этого подсемейства живетъ въ Южной Америкѣ; въ Сѣверной Америкѣ встрѣчаются относительно немногіе. По характеру кардиналы имѣютъ много общаго съ нашими дубоносами, но также и нѣкоторое сходство съ снигирями, населяютъ болѣе кустарники и опушки, чѣмъ настоящій перво-

бытнѣйшій лѣсъ и ѣдятъ твердыя сѣмена, ягоды и насѣкомыхъ. Большинство ихъ— безголосыя созданія, отъ которыхъ можно слышать развѣ короткіе призывные звуки; другіе, напротивъ, славятся своими пѣснями и потому представляютъ высокоцѣнныя комнатныя птицѣ.

* * *

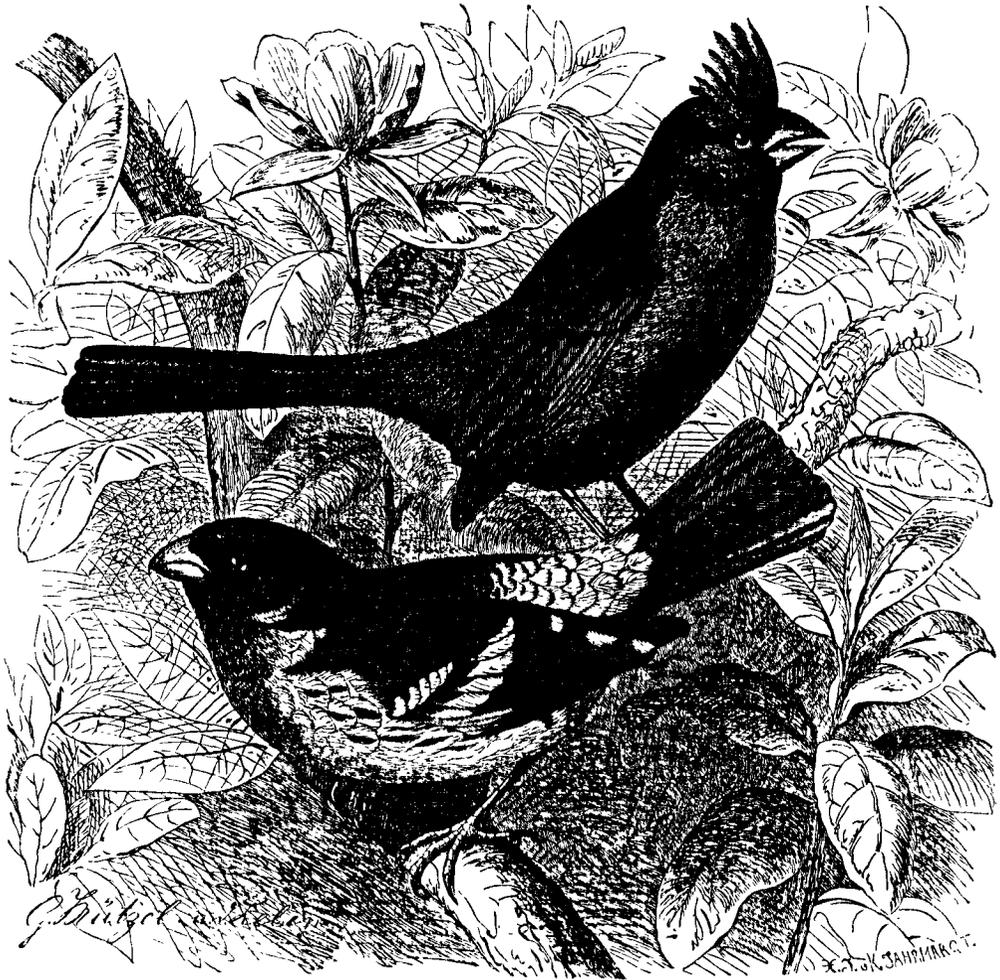
«Однажды въ августѣ», рассказываетъ Одюбонъ: «когда я съ трудомъ плелся вдоль берега рѣки Могаукъ, меня застигла ночь. Я былъ мало знакомъ съ этой частью страны и рѣшилъ поэтому переночевать тамъ, гдѣ находился. Вечеръ былъ прекрасный и теплый, звѣзды отражались въ рѣкѣ; издали доносилось журчаніе водопада. Я скоро развелъ подъ скалою маленькій огонь и улегся, вытянувшись, около него. Наслаждаясь отдыхомъ, съ закрытыми глазами, я далъ волю своимъ мыслямъ и скоро перенесся въ міръ грезъ. Вдругъ въ душу мою проникла вечерняя пѣснь птицы, такая полнозвучная, громкая, благодаря ночной тишинѣ, что сонъ, уже спускавшійся на мои вѣки, снова слетѣлъ съ нихъ. Никогда благозвучіе тоновъ не доставляло мнѣ столько удовольствія. Эти звуки заставляли трепетать мое сердце и доставляли мнѣ высокое наслажденіе. Я готовъ былъ думать, что даже сова заслушивалась ихъ: она молчала эту ночь. Долго еще послѣ того, какъ прозвучали эти тоны, я восхищался ими и въ этомъ состояніи заснулъ».

Птица, о которой съ такимъ одушевленіемъ говоритъ поэтъ-естествоиспытатель—**Красногрудый кардиналъ** (*Coccyzus ludovicianus*, *Coccythraustes*, *Hedymeles ludovicianus*, *rubricollis*, *Loxia ludoviciana*, *rosea*, *obscura*, *Fringilla*, *Guiraca*, *Goniaphaea ludoviciana*, *Rosenbrustknacker*, *Cardinal rouge*) представитель рода настоящихъ **Кардиналовъ** (*Coccyzorus*), главнѣйшимъ признакомъ котораго должно считать большею частью закругленный хвостъ. Длина его достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 28, длина крыла 9, длина хвоста 7 см. Верхняя сторона тѣла, крылья, хвостъ, подбородокъ и верхняя часть горла черныя; остальная нижняя часть, за исключеніемъ широкаго ярко-краснаго щитка на зобѣ, который вытягивается угломъ до середины груди, бѣлая; брюхо и бока бедеръ разрисованы отдѣльными черными черточками; большія маховыя перья на половинѣ, ближайшей къ основанію, на обоихъ пластинкахъ опахала, малыя маховыя перья, ихъ кроющія перья и самыя большія верхнія кроющія перья крыла—на концѣ бѣлаго цвѣта; плечи и нижнія кроющія перья крыла ярко-красныя; наружныя хвостовыя перья на внутренней половинѣ, ближайшей къ концу, бѣлыя. Глаза орѣхово-бурые, клювъ блѣдно-желтый, ноги сѣровато-бурыя. У самки верхнія части землисто-бураго цвѣта, съ рисункомъ изъ болѣе темныхъ стержневыхъ черточекъ; голова и грудь желтоватобурая, разрисованная болѣе темными продольными черточками; продольная полоска на темени, широкая бровная полоска и уздечка бѣлаго цвѣта; стороны головы, маховыя и рулевыя перья бурыя; малыя маховыя, ихъ кроющія и самыя крупныя верхнія кроющія перья на концѣ бѣлыя; нижнія кроющія перья крыла оранжеваго цвѣта.

Область распространенія красногрудаго кардинала обнимаетъ восточную часть Соединенныхъ Штатовъ на сѣверо-западъ до Саскачевана, на западъ до Небраски, а область перелетовъ также среднюю Америку до Новой Гренады. Въ предѣлахъ указанныхъ странъ птица эта встрѣчается однако неправильно и всегда лишь по одиночкѣ. Она обыкновенна въ южной Индіанѣ, въ сѣверномъ Иллинойсѣ и въ западной части штата Iowa; въ Массачусетсѣ ихъ численность, повидимому, постепенно увеличивается.

«Я часто наблюдалъ», продолжаетъ Одюбонъ, «эту великолѣпную птицу въ нижнихъ частяхъ Луизианы, Кентукки и около Цинцинати въ мартѣ, когда она

направлялась къ востоку. Она летѣла въ это время на значительной высотѣ и садилась лишь иногда на верхушки высочайшихъ деревьевъ въ лѣсу, какъ бы желая немного отдохнуть. Я прослѣдилъ ея перелеты въ Пенсильваніи, Нью-Йоркѣ и другихъ восточныхъ штатахъ, черезъ британскія провинціи Новый Брауншвейгъ и Новую Шотландію до Ньюфаундленда, гдѣ она обыкновенна и выводитъ птенцовъ; но я никогда не видалъ ее въ Лабрадорѣ, а также у береговъ Георгіи или Ка-

Виргинскій кардиналъ. *Coccothorus virginianus*. Красногрудый кардиналъ. *Coccothorus ludovicianus*. ^{3/8} наст. вѣл.

ролины, хотя она встрѣчается здѣсь въ горахъ. Вдоль береговъ рѣки Шуилкиллъ въ 20 или 30 англійскихъ миляхъ отъ Филадельфіи я встрѣчалъ красногрудыхъ кардиналовъ въ большомъ числѣ въ концѣ мая, а также въ большихъ еловыхъ лѣсахъ того же штата, еще чаще въ штатѣ Нью-Йоркѣ и преимущественно вдоль великолѣпной рѣки, о которой я упомянулъ выше, или у озеръ Онтарио и Эри. Полетъ этого кардинала сильный, прямой, но граціозный. Во время перелета онъ летитъ высоко надъ лѣсами и издаетъ отъ времени до времени звучный тонъ, между тѣмъ какъ опустившись, обыкновенно молчитъ. Опускается онъ къ закату солнца и выбираетъ всегда самую высокую верхушку дерева, на которой сидитъ, приподнявъ тѣло и

оставаясь неподвижнымъ все время, пока остается здѣсь. Спустя нѣсколько минутъ онъ обыкновенно спускается въ чашу, гдѣ и проводитъ ночь». Пища этихъ птицъ состоитъ изъ сѣмянъ, травъ и ягодъ, весною также изъ почекъ и нѣжныхъ цвѣтовъ. Между прочимъ онѣ охотятся и за насѣкомыми, нерѣдко на-лету.

Гнѣздо красногрудаго кардинала Одюбонъ находилъ съ конца мая до іюля въ самыхъ верхнихъ развилинахъ вѣтвей низкихъ кустовъ или болѣе высокихъ деревьевъ; охотнѣе всего онъ строитъ гнѣздо на тѣхъ деревьяхъ, которыя стоятъ надъ водою. Оно состоитъ изъ сухихъ вѣтокъ съ вплетенными между ними листьями и кусками коры дикаго винограда и выложено изнутри нѣжными корешками и лошадиными волосами. Кладка состоитъ изъ 4—5 яицъ приблизительно 26 м.м. длиною и 18 м.м. толщиною съ голубовато-зеленымъ фономъ и красновато-бурыми и сѣро-голубыми пятнами, распределенными по всему яйцу и образующими вѣнчикъ около тупого конца. На яйцахъ сидятъ и самецъ и самка, высиживание птенцовъ бываетъ, повидимому, только разъ въ годъ. Птенцы выкармливаются сначала насѣкомыми, позднѣе различными сѣменами, разбухшими въ зобу. Только на третій годъ они одѣваются въ опереніе взрослыхъ.

У американцевъ красногрудый кардиналь считается однимъ изъ лучшихъ и неотомимѣйшихъ пѣвцовъ. Пѣсня его богата мотивами и крайне благозвучна, отдѣльные тоны полнозвучны и чисты. Въ хорошую погоду онъ поетъ ночью, «издавая», какъ говорить Нутталль, «всѣ различные тоны соловья, то щечеча громко, ясно и полнозвучно, то жалобно и затѣмъ снова живо, то наконецъ нѣжно, мягко и отчетливо». Упомянутый авторъ полагаетъ, что красногрудаго кардинала не превосходитъ никакая другая американская пѣвчая птица, за исключеніемъ одного только пересмѣшника, но конечно заходитъ въ этомъ случаѣ слишкомъ далеко. Характеръ пѣсни жалобный, какъ бы выражающій печаль, и такая пѣсня можетъ въ концѣ концовъ навѣять отчаяніе. Тѣмъ не менѣе красногрудый кардиналь принадлежитъ къ числу хорошихъ пѣвцовъ и притомъ къ самымъ выносливымъ комнатнымъ птицамъ.

Хорошо извѣстный и въ Европѣ **Виргинскій кардиналь** (*Coccyzus virginianus*, *Cardinalis virginianus*, *Loxia*, *Fringilla*, *Coccythraustes*, *Pytilus cardinalis*. Rotvogel. Cardinal de Virginie) достигаетъ 20 см. длины; размахъ крыльевъ — 26, длина крыла 7, хвоста 8 см. Преобладающій цвѣтъ оперенія ярко-алый; верхняя часть спины, плечи и надхвостье болѣе тусклые; перья снабжены на концѣ узкими и неясными желтовато-сѣрыми каймами; уздечка, узкое колечко вокругъ глаза, подбородокъ и верхняя часть горла чернаго цвѣта; маховыя перья темно-красныя, конечная треть ихъ бурая; послѣднія малыя маховыя перья снаружи съ сѣровато-бурыми каймами; хвостовыя перья темно-красныя, снизу блестящія. Глаза красно-бурые, клювъ красный, нижняя половинка клюва при основаніи черная; ноги бурья. У самки передняя часть головы и верхняя сторона рыжевато-бурая, нижнія части желто-бурая, ярче всего на головѣ, груди и брюхѣ; хохолъ, наружная бородка маховыхъ перьевъ, кроющія перья и хвостъ тусклаго ало-краснаго цвѣта; подбородокъ и горло сѣро-черноватые.

Область распространенія этой птицы обнимаетъ южные Соединенные Штаты, Мексику и Калифорнію. Въ теплыя зимы виргинскій кардиналь остается изъ года въ годъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, при болѣе суровой погодѣ онъ перекочевываетъ. Благодаря своему великолѣпному оперенію, онъ уже издали бросается въ глаза и по истинѣ составляетъ украшеніе лѣса. По словамъ принца фонъ-Вида, онъ охотно держится днемъ въ густо переплетенныхъ вѣтвяхъ вьющихся растеній и

отсюда предпринимает перелеты на сосѣднія поля и сады, поэтому его встрѣчаютъ какъ по близости городовъ, такъ и въ самомъ глубокомъ и уединенномъ лѣсу. «Его можно видѣть», говоритъ Одюбонъ, «на нашихъ поляхъ, въ аллеяхъ и садахъ, а довольно часто и внутри нашихъ южныхъ городовъ и деревень: рѣдко случается даже прийти въ садъ и не замѣтить хотя одной изъ этихъ красныхъ птицъ. Но гдѣ-бы онъ ни былъ, его всюду встрѣчаютъ съ удовольствіемъ, онъ любимецъ каждаго: такъ блестяще его опереніе, такъ звучно его пѣніе». Въ теченіи лѣта онъ живетъ парами, осенью и зимою—маленькими стайками. Въ сильную стужу онъ, если остается въ странѣ, нерѣдко является во дворъ крестьянина и подбираетъ сѣмена передъ амбарами вмѣстѣ съ воробьями, голубями, подорожниками, лапландскими подорожниками и другими птицами, проникаетъ въ открытые хлѣва и чердаки или ищетъ пищи на изгородяхъ садовъ и полей. Своимъ толстымъ клювомъ онъ умѣетъ искусно размельчать твердыя зерна маиса, шелушить овесъ и раздроблять пшеницу; въ сосѣдномъ стогѣ сѣна или на деревѣ съ густыми вѣтвями онъ находитъ удобный ночлегъ и такимъ образомъ онъ довольно легко выдерживаетъ зиму. Безпокойный и непостоянный, онъ лишь минутку держится на мѣстѣ, которое ему нравится, вообще-же прыгаетъ и летаетъ туда и сюда, причемъ движется довольно ловко по землѣ и очень проворно въ вѣтвяхъ. Полетъ его сильный, быстрый, порывистый и очень шумный; но онъ неохотно дѣлаетъ большіе перелеты. Полетъ сопровождается, какъ и всѣ остальные движенія, поочереднымъ расширеніемъ и складываніемъ крыльевъ, подергиваніемъ и помахиваніемъ хвостомъ. Во время перекочевокъ онъ отчасти странствуетъ по землѣ, скачетъ и прыгаетъ отъ куста къ кусту и перелетаетъ отъ лѣса къ лѣсу.

Въ періодъ спариванія самцы яростно бросаются на каждаго пришельца, который появится въ ихъ владѣніяхъ, съ рѣзкимъ крикомъ гонятся за нимъ съ куста на кустъ, горячо дерутся съ нимъ въ воздухъ и успокаиваются только тогда, когда соперникъ оставитъ ихъ владѣнія. Самка и самецъ сильно привязаны другъ къ другу. «Когда я», говоритъ Одюбонъ, однажды вечеромъ въ февралѣ «поймалъ въ ловушку самца изъ одной пары, то на слѣдующее утро самка оказалась сидящей около самого плѣнника, а позднѣе и сама попалась въ ловушку». Мѣстомъ для гнѣзда служитъ кустъ или дерево около крестьянскаго двора, на полѣ, у опушки лѣса или въ чащѣ. Нерѣдко гнѣздо находятъ въ непосредственной близости крестьянскаго дома и часто лишь на разстояніи немногихъ метровъ отъ гнѣзда пересмѣшника. Оно состоитъ изъ сухихъ листьевъ и вѣтвей, именно изъ колючихъ прутьевъ, которые соединены посредствомъ соломы и побѣговъ винограда; внутри оно выложено нѣжными травинками. Кладку составляютъ 4—6 яицъ грязно-бѣлаго цвѣта, густо разрисованныхъ оливково-бурыми пятнами. Они сходны по цвѣту съ яйцами жаворонка каландры или съ яйцами нашего обыкновеннаго домашняго воробья, но сильно варьируютъ между собой. Гергардтъ увѣряетъ, что почти никогда не случается найти гнѣздо, въ которомъ всѣ яйца были-бы одинаковаго цвѣта. Въ болѣе сѣверныхъ штатахъ пара рѣдко выводитъ птенцовъ болѣе одного раза, въ болѣе южныхъ—иногда по три раза въ годъ. Родители водятъ птенцовъ лишь въ теченіи немногихъ дней, а затѣмъ оставляютъ ихъ на произволъ судьбы.

Различныя зерна, сѣмена хлѣбныхъ растений и травъ, ягоды и, конечно, также насѣкомыя составляютъ пищу виргинскаго кардинала. Весною онъ ѣстъ цвѣты сахарнаго клена, лѣтомъ бузинныя ягоды, между прочимъ охотится за жуками, бабочками, кузнечиками, гусеницами и т. п. По Вильсону, маисъ составляетъ его главную пищу, кромѣ того онъ очень любитъ вишни, яблоки и ягоды изъ за ихъ зернышекъ.

Американскіе изслѣдователи довольно единогласно прославляютъ пѣніе виргинскаго кардинала, мы же не находимъ, чтобы оно могло сильно нравиться. «Тоны кардинала», говоритъ Вильсонъ: «совершенно похожи на тоны соловья. Его часто называютъ «виргинскимъ соловьемъ», и онъ заслуживаетъ свое названіе по чистотѣ и разнообразію тоновъ, которые такъ-же разнообразны, какъ и полнозвучны». Въ томъ же смыслѣ высказывается и Одюбонъ. «Пѣніе сначала громко и чисто и напоминаетъ прекраснѣйшіе флажолетные тоны; но затѣмъ постепенно становится все тише и тише, пока не замретъ совершенно. Въ пору любви пѣніе этого великолѣпнаго пѣвца выполняется очень громко. Онъ сознаетъ свою силу, выпячиваетъ грудь, расширяетъ свой розовый хвостъ, ударяетъ крыльями и поворачивается поочередно направо и налево, какъ будто-бы чувствуя потребность выразить свой собственный восторгъ надъ чудными звуками своего голоса. Снова и снова повторяются эти мотивы; птица замолкаетъ лишь для того, чтобы перевести духъ. Ее слышишь задолго до того, когда солнце позолотитъ востокъ, и до того времени, когда пламенное свѣтило шлетъ внизъ почти отвѣсныя лучи, побуждая всѣхъ птицъ къ временному покою. Но лишь только природа нѣсколько оживится, пѣвецъ снова начинаетъ свое пѣніе и будить эхо во всѣхъ окрестностяхъ, какъ будто бы онъ никогда не напрягалъ своей груди, и предается отдыху, лишь тогда, когда вечерняя тѣнь распространится вокругъ него. Ежедневно кардиналъ сокращаетъ своимъ пѣніемъ скучное дѣло сидящей на яйцахъ самки; а отъ времени до времени и эта послѣдняя вторитъ ему со скромностью, свойственной ей полу. Немногіе изъ насъ откажутъ воздать дань удивленія этому привлекательному пѣвцу. Какъ радостно бываетъ услышать вдругъ хорошо знакомые звуки этой любимой птицы въ то время, когда при облачномъ небѣ темнота покрываетъ лѣсъ, какъ будто ночь уже наступила! Какъ часто наслаждался я этимъ удовольствіемъ и какъ часто хотѣлось бы еще разъ насладиться имъ»!

Я охотно готовъ признать, что пѣніе взрослога, хорошаго кардинала принадлежитъ къ числу лучшихъ, какія можно слышать отъ зерноядной птицы, и отличается настолько-же чистотою и полнотою тоновъ, какъ и разнообразіемъ стрוף, но не могу умолчать, что та-же самая птица можетъ стать въ высшей степени неяркой тѣмъ, что постоянно примѣшиваетъ къ своему пѣнію рѣзкій призывной звукъ «цитт», который до нѣкоторой степени напоминаетъ зовъ дрозда. Какъ пѣвецъ на свободѣ въ лѣсу «виргинскій соловей» можетъ заслуживать всякія похвалы, но въ качествѣ комнатной птицы онъ все же занимаетъ лишь второстепенное мѣсто, хотя и размножается въ клѣткѣ не очень рѣдко.

Куда-ли можно сомнѣваться, что кардинала можно было бы развести и въ Германіи, если бы только эта птица, такъ бросающаяся въ глаза своимъ цвѣтомъ, могла достаточно скоро научиться узнавать угрожающія ей опасности и избѣгать ихъ. Въ этомъ отношеніи очень поучителенъ опытъ, произведенный Обществомъ Любителей Природы въ Грейцѣ, о которомъ рассказываетъ Бейеръ. Весною 1887 г. было высажено въ Грейцѣ десять паръ кардиналовъ; они поселились какъ въ садахъ съ высокими деревьями, такъ и въ княжескомъ паркѣ и обнаруживали довѣрчивость. Число ихъ однако быстро уменьшалось, такъ что ко второму высиживанію оставалось лишь немного паръ; около шести штукъ птицъ перенесли однако зиму, хотя она и была очень сурова. Послѣднихъ видѣли еще въ апрѣлѣ. «Но куда дѣвались эти птицы», пишетъ Бейеръ: «никто не знаетъ. Самое вѣроятное, что ихъ истребили хищники и кошки; это не было бы удивительнымъ, такъ какъ, благодаря своей великолѣпно окрашенной одеждѣ, они становятся замѣтными для хищниковъ уже издали. Объ опасности эти птицы, казалось, вовсе не

имѣли надлежащаго понятія, такъ какъ, отыскивая пищу, онѣ совершенно беззаботно появлялись на улицахъ вмѣстѣ съ воробьями и всегда взлетали послѣдними. Поэтому если опытъ надъ кардиналами и не удался у насъ, то все же твердо установлено, что этотъ видъ можетъ жить въ Германіи, и я былъ бы радъ, если бы кто нибудь сдѣлалъ въ другомъ мѣстѣ попытку ввести у насъ эту прекрасную птицу, которая однако далеко не можетъ соперничать въ пѣніи съ нашимъ соловьемъ».

Четвертое и послѣднее подсемейство вьюрковъ составляютъ **Подорожники** (*Emberizinae*. Ammerg. Bruants) очень однородная группа, обнимающая около 55 видовъ. Подорожники — воробьиныя птицы съ толстымъ тѣломъ, относительно маленькимъ, коротко-коническимъ и остроконечнымъ, толстымъ при основаніи, сжатымъ спереди съ боковъ, болѣе сжатымъ сверху, чѣмъ снизу клювомъ, сильно вогнутымъ по краямъ, угловато и круто согнутымъ внизъ у угловъ рта, съ костянымъ бугоркомъ на небѣ верхней челюсти, которому соответствуетъ углубленіе на нижней челюсти; съ короткими длиннопальными ногами, между когтями которыхъ особенно выдается коготь задняго пальца, часто вытянутый въ видѣ шпоры; съ крыльями средней величины, въ которыхъ второе и третье маховое перо обыкновенно длиннѣе всѣхъ; съ довольно длиннымъ, нѣсколько широкоперымъ, на концѣ слабо вырѣзаннымъ хвостомъ и съ рыхлымъ опереніемъ, которое по большей части различно соответственнo полу и возрасту.

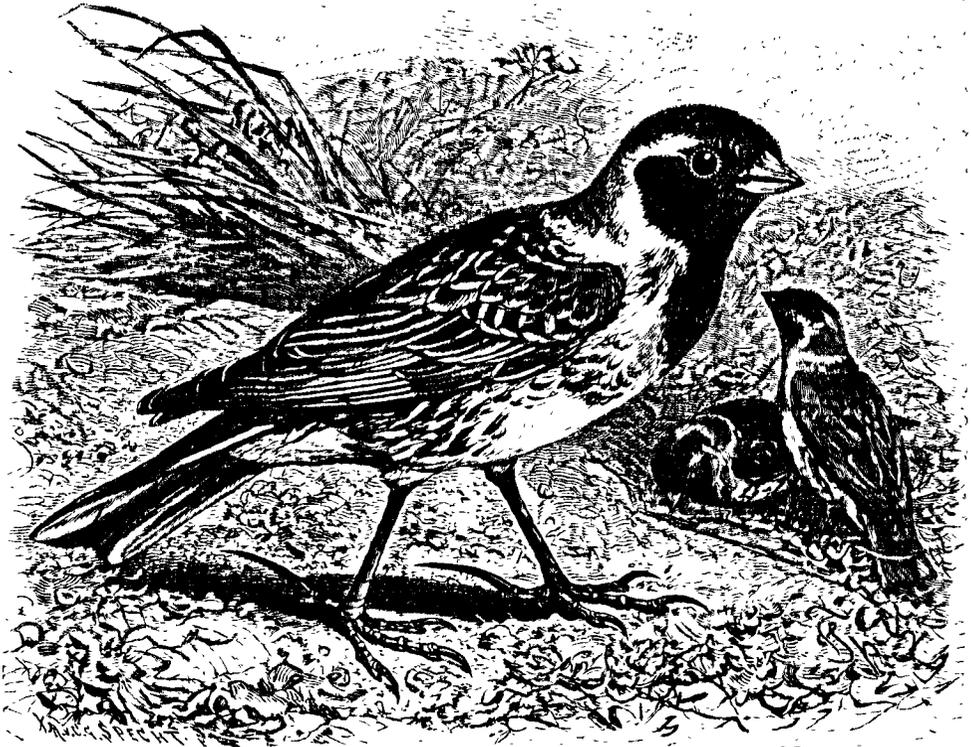
Главная масса подорожниковъ принадлежитъ сѣверному полушарію: они живутъ по большей части въ низкомъ кустарникѣ или тростникѣ, не принадлежатъ къ числу самыхъ подвижныхъ и одаренныхъ вьюрковъ, но вовсе не лишены привлекательности въ характерѣ, очень общительны и миролюбивы, питаются въ теченіи лѣта преимущественно насѣкомыми, осенью и зимою мучнистыми сѣменами, которыя они отыскиваютъ, какъ и насѣкомыхъ, на землѣ, строятъ свое всегда простое гнѣздо на землѣ въ маленькомъ углубленіи или по крайней мѣрѣ низко надъ землею и кладутъ 4—6 темныхъ, крапчатыхъ и нестрыхъ яицъ, которыя насиживаются обоими родителями. Изъ за вкусаго, осенью очень жирнаго мяса, нѣкоторые виды подорожниковъ уже съ давнихъ поръ подвергаются ревностному преслѣдованію, между тѣмъ какъ другихъ люди не беспокоятъ, такъ какъ и въ клеткахъ держатъ ихъ лишь въ видѣ исключенія.

* * *

Высшими представителями этого подсемейства можно, быть можетъ, считать собственно **Подорожниковъ** (*Calcarius*. Sporenammer. Bruant). Признаки ихъ: маленький клювъ съ малозамѣтнымъ небнымъ бугоркомъ, сильныя ноги, устроенныя для ходьбы, задній палецъ которыхъ имѣетъ шпору, равную по длинѣ самому пальцу, остроконечныя крылья, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ длиннѣе всего оба первыхъ, короткій хвостъ съ вырѣзкой на концѣ и густое опереніе.

Лапландскій подорожникъ (*Calcarius lapponicus*, *Plectrophanes lapponica*, *calcarata*, *Fringilla lapponica*, *calcarata*, *Emberiza calcarata*, *Passerina*, *Centrophanes lapponica*. Sporenammer. Bruant de Laponie) имѣетъ голову, подбородокъ и горло чернаго цвѣта; широкая глазная и височная полоса ржаво-бѣловатая, затылокъ и задняя часть шеи образуютъ коричнево-красное поле, остальныя верхнія части ржаво-бурого цвѣта и разрисованы черными стержневыми пятнами; стороны шеи и нижнія части тѣла бѣлыя, послѣднія по бокамъ украшены черными стержневыми

полосками, которыя по бокамъ груди сливаются въ одно большое пятно; маховыя перья буровато-черныя съ узкими чало-бурыми, заднія малыя маховыя и кроющія съ широкими ржаво-бурими наружными каемками; верхнія кроющія съ блѣдной каймой на концѣ; кайма на самыхъ большихъ изъ нихъ шире и свѣтлѣе и образуетъ поперечную полоску; наконецъ хвостовыя перья черныя съ блѣдной каймою; оба крайнихъ снаружи у корня и съ внутренней стороны на концѣ по большей части бѣлыя, вторыя перья снаружи имѣютъ на внутренней сторонѣ бѣлое пятно на концѣ. Глаза темно-бурые, клювъ соломенно-желтый, на концѣ черный, на спинкѣ голубовато-черный; ноги голубовато-сѣрыя. У самки верхняя сторона ржаво-буроватая съ темными стержневыми черточками, каждое перо съ темнымъ стержнемъ, затылокъ

Лапландскій подорожникъ. *Calcarius lapponicus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

ржаво-красноватый, полоска на вискахъ ржаво-желтая, нижняя сторона ржаво-сѣрая и украшена неясными темными стержневыми пятнами, область уха съ темно-буроватыми черточками; есть также неясная полоска около угловъ рта. Длина птицы достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 27, длина крыла 9, хвоста 6 см.

Лапландскій подорожникъ—дича тундры; область его распространенія простирается поэтому по сѣверной части Старого и Нового Свѣта. Отсюда онъ зимою перекочевываетъ на необходимое разстоянiе на югъ, появляется уже въ Германiи лишь въ видѣ исключенiя, далѣе на югъ залетаетъ развѣ заблудившись, и лишь только возможно, возвращается обратно на свою суровую родину. Здѣсь онъ всюду крайне обыкновененъ, и почти не дѣлаетъ различiя между низменностью и возвышенностью, если только карликовая береза образуетъ на поверхности земли плотный покровъ, который подорожникъ очень любитъ.

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТТИНОТЪ, С. П. В.

1,2) Луговья овсянки, 3) Просянка, 4,5) Овсянки, 6) Овсянка карликъ, 7,8) Зимній подорожникъ.

По своему поведенію онъ является промежуточнымъ звеномъ между жаворонками и подорожниками. Сидя, все равно—отдыхаетъ ли онъ на камнѣ или на колеблющейся вѣткѣ, онъ похожъ на подорожника; бѣгая и летая, онъ кажется и жаворонкомъ, и подорожникомъ. Онъ проворно бѣгаетъ, шагая, а не прыгая, легко и ловко летаетъ и, подобно жаворонкамъ, часто долго вьется во время пѣнія. Его унылый призывной звукъ, соответствующій его бесплодной родинѣ, можно передать приблизительно слогами «тью тьюэб». Самка издаетъ такой же зовъ, какъ самецъ, но нѣсколько ниже. Предостерегающій крикъ—«террр эррр», похожее на голосъ воробья. Очень простая, но пріятная пѣсня состоитъ изъ единственной строфы, въ которой часто повторяется призывной крикъ. Насколько я могъ узнать, лапландскій подорожникъ поетъ лишь на лету, но очень прилежно. Науманъ не безъ основанія сравниваетъ это пѣніе съ плохимъ пѣніемъ полевого жаворонка.

По наблюденіямъ Шрадера лапландскій подорожникъ появляется въ Лапландіи лишь къ серединѣ апрѣля и тотчасъ приступаетъ къ кладкѣ. Гнѣздо, которое встрѣчается въ болотныхъ мѣстахъ между корнями карликовой березы на холмикѣ, гдѣ оно хорошо скрыто въ растеніяхъ, образующихъ густые кусты, и въ тому подобнымъ мѣстахъ,—состоитъ снаружи изъ грубыхъ и изъ нѣжныхъ соломинокъ, а внутри выстлано мягкими перьями бѣлаго тетерева. Въ серединѣ іюня находятъ полную кладку, 5—6 яицъ, длиною 20 мм., толщиною 15 мм., которыя на сѣроватомъ, желтоватомъ или свѣтло-буроватомъ фонѣ болѣе или менѣе разрисованы болѣе темными, соответствующими основному цвѣту черточками и точками. Рисунокъ можетъ и не быть, чѣмъ однако не измѣняется общій характеръ яйца. Только что вылетѣвшихъ птенцовъ я находилъ уже въ серединѣ іюля. Въ это время тѣ лапландскіе подорожники, которыхъ я наблюдалъ, жили обыкновенно парами, но уже также и маленькими стайками, можетъ быть состоявшими изъ такихъ птицъ, которыя уже вывели птенцовъ. Они нигдѣ не были боязливы, но становились таковыми, испытавъ преслѣдованіе, и даже въ самой пустынной тундрѣ къ нимъ было трудно подойти послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ. Правильно понимая опасность со стороны охотника, они поднимались уже прежде, чѣмъ къ нимъ подходили на разстояніе выстрѣла, взлетали высоко на воздухъ и улетали широкимъ дугообразнымъ полетомъ.

Пища ихъ состоитъ въ пору вывода птенцовъ исключительно изъ насѣкомыхъ и именно главнымъ образомъ изъ комаровъ; послѣдніе находились въ зобу и желудкѣ всѣхъ убитыхъ мною лапландскихъ подорожниковъ. Напротивъ, зимою и этотъ подорожникъ питается сѣмевами. Такъ какъ поздней осенью лапландскій подорожникъ охотно присоединяется къ жаворонкамъ, то его часто ловятъ вмѣстѣ съ ними и иногда во множествѣ, какъ въ Китаѣ, гдѣ иногда его массами приносятъ на рынки.

Родственная лапландскому подорожнику **Пуночка, Зимній подорожникъ, Биронъ, Снѣгурка, Морской голубокъ** (*Calcarius nivalis*, *Plectrophanes nivalis*, *hiemalis*, *borealis*, *Emberiza nivalis*, *borealis*, *notata*, *mustelina*, *montana*, *glacialis*, *Passerina nivalis*, *borealis*. Schneeammer. Bruant des neiges) лѣтомъ бѣло-снѣжнаго цвѣта, но верхняя часть спины, плечи, большія маховыя перья и четыре среднихъ хвостовыхъ перьевъ, кромѣ узкой бѣлой каемки на концѣ перьевъ верхней части спины и плечъ и бѣлаго основанія большихъ маховыхъ, — чернаго цвѣта; зимою же верхняя и задняя часть головы и область уха ржаво-коричнево-бурого, плечи и верхняя часть спины чернаго цвѣта, каждое перо на концѣ сѣкоричнево-бурой каймою, поперекъ зоба и на бокахъ ржаво-желтоватая окраска; крайнія хвостовыя перья украшены снаружи черными пятнами на концѣ. Самки зимою окрашены еще болѣе яркимъ коричнево-буроватымъ цвѣтомъ, чѣмъ самцы, верхнія кроющія перья крыла ржаво-бурыя съ бѣлыми каем-

ками на концѣ, а черныя пятна на концѣ хвостовыхъ перьевъ расширены. Глаза темно-каріе, клювъ лѣтомъ черный, зимой оранжево-желтый; ноги черныя.

Приблизительно тѣ же страны, въ которыхъ живетъ лапландскій подорожникъ, составляютъ родину и пуночки. Область распространенія ея обширнѣе; область, въ которой она выводитъ птенцовъ, напрогивъ, ограниченнѣе, чѣмъ у лапландскаго подорожника. Она населяетъ возвышенную тундру на сѣверѣ на всемъ протяженіи, гдѣ только она свободна отъ снѣга, хотя-бы на нѣсколько недѣль, но всегда въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ вѣчнымъ снѣгомъ. Въ Исландіи она самая обыкновенная сухопутная птица, на Шпицбергенѣ, на Новой Землѣ и въ Сѣверной Гренландіи, насколько извѣстно, она еще выводитъ птенцовъ. Я наблюдалъ ее лѣтомъ въ Скандинавіи лишь на высочайшихъ горахъ Доврефельда и въ сѣверной Лапландіи непосредственно около снѣжной линіи, но лишь въ очень немногочисленныхъ экземплярахъ, а въ низменной тундрѣ самоѣдскаго полуострова и вовсе не наблюдалъ ее. Ея зимнія странствованія доводятъ ее до южной Германіи, иногда еще дальше на югъ, въ Азіи—до южной Сибири и средняго Китая, въ Америкѣ—до среднихъ Соединенныхъ Штатовъ. Она живетъ на склонахъ горъ и скалъ. Здѣсь проводитъ она короткое лѣто, здѣсь спаривается и выводитъ птенцовъ. Гнѣздо устраивается всегда въ расщелинахъ скалъ или подъ большими камнями; оно состоитъ снаружи изъ стебельковъ травы, мха и земляныхъ лишайевъ и выстлано внутри перьями и пухомъ; входъ по возможности не болѣе того, какой нуженъ, чтобы родители могли удобно входить и выходить. Кладка состоитъ изъ 5—6 яицъ длиною въ среднемъ 22 m.m., толщиною 16 m.m., которыя представляютъ различныя варіаціи, но обыкновенно разрисованы на голубовато-бѣломъ фонѣ темно-ржаво-бурыми пятнами, точками и полосками, которыя къ толстому концу сгущаются въ видѣ вѣнчика. Уже въ концѣ апрѣля самецъ издаетъ, сидя на верхушкѣ камня, свое короткое, но чисто звучащее и приятное пѣніе. Скоро послѣ вывода птенцовъ пары соединяются вмѣстѣ со своими птенцами въ большія стаи, которыя еще нѣкоторое время остаются на родитѣ, но затѣмъ приступаютъ къ зимнему путешествію. На мѣстѣ вывода птенцовъ пуночки питаются почти исключительно насѣкомыми, особенно комарами, въ теченіи же зимы онѣ принуждены довольствоваться сѣменами.

Немногія другія птицы путешествуютъ такими громадными стаями, какъ пуночки. Германію онѣ тоже посѣщаютъ почти каждую зиму, но лишь рѣдко такими массами, какъ крайній сѣверъ. Въ Россіи ихъ называютъ иногда «снѣжными хлопьями, или снѣгурками» и это выраженіе характерно для нихъ; въ самомъ дѣлѣ онѣ, какъ хлопья снѣга, крутятся, падаютъ съ неба и покрываютъ улицы и поля. Иногда онѣ появляются также массами на судахъ, чтобы послѣ полета отдохнуть здѣсь нѣсколько мгновеній. «17-го мая», говоритъ Мальмгренъ: «на такелажъ нашего судна опустилась стая пуночекъ, которыя казались сильно утомленными. Онѣ дали себѣ однако немного времени для отдыха и снова начали свой трудный путь, при сильномъ противномъ вѣтрѣ, прямо на Шпицбергенъ». Подобныя наблюденія сдѣлали и другіе путешественники и именно Гольбѣль. Изъ этихъ данныхъ достаточно выясняется, что эти птицы не боятся большого перелета, даже черезъ море.

Пуночки по своему поведенію настолько-же похожи на жаворонковъ, какъ и на подорожниковъ. Онѣ бѣгаютъ, какъ жаворонки, летаютъ легко и ловко, мало порхая и описывая большія дугообразныя линіи, во время перелета—на значительной высотѣ, а въ другое время—охотно надъ самой землею. Компанія такихъ птичекъ въ поискахъ за пищей, «катится по землѣ», какъ очень характерно выражается Науманъ, причѣмъ только часть ихъ опускается, а заднія перелетаютъ черезъ

переднихъ. Это безпокойныя, подвижныя птицы, которыя и въ самую суровую стужу не теряютъ своей бодрости и даже, терпя рѣшительную нужду, продолжаютъ казаться веселыми. Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ онѣ остаются долгое время на одномъ мѣстѣ и, напротивъ, охотно кочуютъ по извѣстной области. Если выпадаетъ глубокой снѣгъ, онѣ отыскиваютъ дороги и являются даже въ городахъ; однако пока онѣ находятъ еще на поляхъ пищу, онѣ избираютъ ихъ въ качествѣ своего зимняго мѣстопребыванія и бродятъ здѣсь цѣлый день описаннымъ образомъ. Зовъ ихъ чисто свистящее «фит» и звенящее «цирр»; пѣніе самца представляетъ щебетаніе, которое въ нѣкоторыхъ частяхъ похоже на пѣніе полевого жаворонка, но отличается громкими пронзительными строфами. На мѣстахъ вывода птенцовъ онѣ поютъ, сидя на снѣгу или еще охотнѣе на камняхъ.

Пойманныя рѣдко выживаютъ долго въ клѣткѣ.

* *
* *

Отличительными признаками рода **Овсянокъ** или **Настоящихъ стернатовъ** (*Emberiza*) служитъ клювъ различной длины и толщины, отличающійся неравномѣрностью челюстей и всегда явственнымъ небнымъ бугоркомъ; ноги слабыя, задній палецъ ихъ вооруженъ короткимъ, сильно согнутымъ когтемъ; крылья средней длины, въ которыхъ второе или третье маховое перо образуетъ кончикъ; хвостъ довольно длинный, выемчатый.

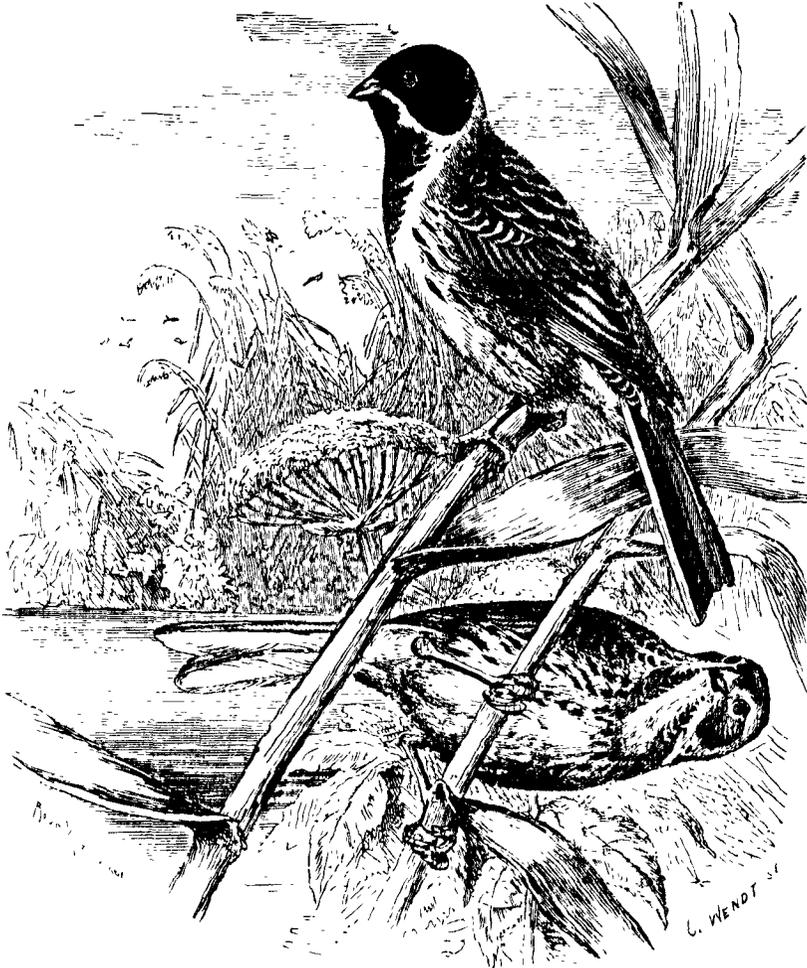
У нашей **Тростниковой овсянки**, **Болотнаго воробья**, **Камышника**, **Тростниковаго Подорожника** (*Emberiza schoeniclus. arundinacea, durazzi, Cynchramus schoeniclus, stagnatilis, septentrionalis, Hortulanus arundinaceus, Schoenicola arundinacea, Rohrammer. Bruant des roseaux*) голова, подбородокъ и горло внизъ до середины зоба чернаго цвѣта, полоска у угловъ рта вродѣ усовъ, полоска на затылкѣ, окружающая шею, и нижнія части, за исключеніемъ сѣрыхъ съ темными продольными черточками боковъ, — бѣлаго цвѣта; верхняя часть спины и плечи цвѣта, переходящаго отъ сѣраго въ черно-бурый, и красиво разрисованы ржаво-бурыми боковыми каемками; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста сѣро-бурыя; маховыя перья буровато-черныя, снаружи съ ржаво-бурой каймою, которая расширяется на малыхъ маховыхъ и верхнихъ кроющихъ перьяхъ; верхнія кроющія перья крыла ржаво-красныя, самыя большія у корня черныя, благодаря чему образуется темная поперечная полоска; рулевыя перья черныя, оба среднихъ съ ржаво-краснымъ краемъ, оба наружныхъ съ каждой стороны бѣлыя на конечной половинѣ внутренняго опахала, а самыя наружныя и на наружномъ опахалѣ. Глаза темно-каріе, клювъ темно-бурый, ноги буроватыя. У самки голова красно-бурая съ черными продольными черточками, полоска черезъ глазъ ржаво-буроватая, подбородокъ и широкая полоска у угловъ рта — красновато-бѣлаго цвѣта и заключаютъ неясное черное пятно на горлѣ съ ржаво-бурой каймою, наконецъ задняя часть шеи, зобъ и бока ржаво-буроватые съ темными продольными черточками. Длина птицы достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 23, длина крыла 7,5, хвоста 5,5 см.

Область распространенія обнимаетъ всю Европу и западную Азію.

Въ южной Европѣ ея мѣсто занимаетъ **Снигиревидная овсянка**. (*Emberiza palustris, pyrrhuloides, caspia, intermedia, Cynchramus, Schoenicola pyrrhuloides. Gimpelammer. Bruant des marais*), которая отличается болѣе крѣпкимъ толстымъ вздутымъ клювомъ, равномерно согнутымъ по гребню.

Въ предѣлахъ своей обширной области распространенія тростниковая овсянка не встрѣчается лишь на горахъ. Она держится однако исключительно тамъ, гдѣ болотистыя мѣста поросли высокими водяными растеніями, тростникомъ, камышемъ, ситникомъ, кустами ивы и тому подобными болотными растеніями, а слѣдовательно другими словами у прудовъ, рѣкъ, береговъ озеръ, на болотахъ и мокрыхъ лугахъ. Здѣсь-же она и выводитъ птенцовъ.

Гнѣздо тростниковой овсянки очень хорошо скрыто и устраивается на землѣ

Тростниковая овсянка. *Emberiza schoeniclus*. $\frac{1}{3}$ вост. вел.

на маленькихъ островахъ и другихъ мѣстахъ, свободныхъ отъ воды между корнями и травой; строится оно неряшливо, обыкновенно изъ различныхъ соломинокъ и побѣговъ, стеблей и сухихъ листьевъ травы и выстилается внутри отдѣльными лошадиными волосами или тростниковымъ или ивовымъ пухомъ. Два раза въ лѣто, въ маѣ и въ началѣ іюля, находятъ 4—6 красивыхъ, очень различнаго вида яицъ, въ среднемъ 19 м.м. длиною и 14 м.м. толщиною; они разрисованы на сѣро-бѣломъ фонѣ, впадающемъ въ буроватый или красноватый, болѣе рѣзкими или неясными пятнами, точками и жилками отъ пепельно-сѣраго до черно-бураго цвѣта. Высиживающая самка сидитъ на яйцахъ такъ усердно, что ее почти можно поймать

рукою; если приблизиться къ гнѣзду, то самецъ тотчасъ боязливо подлетаетъ и жалобно кричитъ. Птенцы выкармливаются и воспитываются, какъ обыкновенно.

Болотный воробей, бодрая, хорошенькая птица; она болѣе проворна и ловка, чѣмъ ея родичи и искусно лазаетъ вверхъ и внизъ по тростнику, умѣетъ держаться, сидя на самыхъ тонкихъ вѣткахъ и соломинахъ, быстро скачетъ по землѣ, быстро и легко, хотя и порывисто летаетъ, высоко поднимается, взлетая вверхъ, и вдругъ бросается внизъ, а часто красивыми дугами толчется надъ тростниками. Призывной голосъ тростниковой овсянки ясное «ци», растянутое нѣсколько болѣе обыкновеннаго; пѣніе, какъ очень вѣрно выражается Науманъ, «заикающееся», такъ какъ «эта овсянка выдавливаетъ изъ себя отдѣльные звуки». Зато она поетъ очень прилежно и это рвеніе примиряетъ слушателя съ ея пѣніемъ.

Въ теченіи лѣта тростниковая овсянка питается также почти исключительно насѣкомыми, которыя живутъ въ камышѣ, на водѣ и въ водѣ; осенью и зимою пищу ея составляютъ сѣмена камыша, тростника, ситника, осоки и другихъ болотныхъ растений. Скоро послѣ вывода птенцовъ эти овсянки собираются въ маленькія стаи, посѣщаютъ иногда поля, поднимаются на стебли проса и хлѣбовъ и выщипываютъ зерна изъ метелокъ. Съ наступленіемъ суровой погоды онѣ оставляютъ сѣверныя области и ищутъ пріюта на зиму въ лѣсахъ камыша или на поросшихъ высокими травами и чертополохомъ равнинахъ южной Европы. Я часто находилъ эту овсянку въ качествѣ зимней гостыи по берегамъ Тахо, а еще раньше въ болотахъ нижняго Египта. Въ Греціи и Алжирѣ она также зимуетъ; при озерѣ Альбуфера около Валенсіи она живетъ изъ года въ годъ. Отдѣльные экземпляры зимуютъ въ южной Германіи.

Въ Европѣ и всей сѣверной Азіи живетъ **Овсянка карлижъ**, **Малая овсянка** (*Emberiza pusilla, sordida, Ocyris oinops, Euspiza pusilla, Synchronamus pusillus, Zwergammer, Petit bruant*). Длина ея достигаетъ 15, длина хвоста 6,5 см. Верхняя часть головы, уздечка и стороны головы ярко коричнево-красно-бураго цвѣта; двѣ широкихъ продольныхъ полосы отъ ноздрей до затылка, болѣе широкая полоса, начинающаяся позади глаза, которая соединяется съ полоской, окаймляющей сзади область уха—чернаго цвѣта; напротивъ, поперечная полоска по бокамъ шеи ржаво-красноватаго цвѣта; верхнія части тѣла бурья, нижнія бѣловатыя; первыя на нижнихъ шейныхъ перьяхъ и на плечахъ, а послѣднія на бокахъ разрисованы широкими бурочерными стержневыми пятнами, окаймленными красно-бурнымъ бортомъ; зобъ и грудь съ частыми черными стержневыми черточками; крылья и хвостовыя перья темно-бурья, снаружи желтовато-бурья; заднія малыя маховыя и ихъ кроющія перья снаружи съ болѣе широкими ржаво-бурими полями, самыя большія кроющія перья крыла на концѣ съ ржаво-бурими каймами и образуютъ поперечную полоску; на крайнихъ хвостовыхъ перьяхъ все наружное опахала и конецъ внутренняго бѣлаго цвѣта, между тѣмъ какъ вторыя перья имѣютъ съ каждой стороны лишь по бѣлому внутреннему пятну. Глаза темно-каріе, клювъ темно-бурый, ноги буроватыя. У самки окраска менѣе яркая, темя украшено блѣдной средней и двумя темными боковыми полосками, уздечка и глазная полоска свѣтлаго ржаво-чалаго цвѣта; опереніе, окружающее уши, ржаво-красное.

Малой стернаткѣ близко родственна **Лѣсная овсянка** (*Emberiza rustica, borealis, provincialis, lesbia, Hypocenter, Synchronamus rusticus, Waldammer, Bruant provençal*). У нея верхняя часть и бока головы черныя, широкая черточка на вискахъ, подбородокъ и горло бѣлые, верхнія части, широкая поперечная полоса черезъ го-

лову и нижнія части боковъ темно-красно-бурыя, остальная нижняя сторона и нижнія кроющія перья крыла бѣлыя; перья верхней части спины и плечъ украшены широкими черными стержневными пятнами, красно-бурыя перья боковъ съ бѣлыми краями, темно-бурыя маховыя съ желтовато-бурыми наружными каемками, буро-черныя малыя маховыя и самыя большія верхнія кроющія перья съ бурыми наружными каемками и съ бѣлымъ пятномъ на концѣ; пятна эти образуютъ двѣ поперечныхъ бѣлыхъ полосы; мелкія верхнія кроющія перья красно-бурыя; хвостовыя—черныя, оба среднихъ съ бурымъ краемъ, оба крайнихъ на внутренней сторонѣ имѣютъ по продольному бѣлому пятну, самыя крайнія снаружи бѣлыя почти до конца. Глаза каріе, клювъ красновато-бурый, на хребтѣ темнѣе; ноги рогового-желтаго цвѣта. У самки передняя и верхняя часть головы ржаво-бурыя съ темными стержнями перьевъ, полоска на вискахъ ржаво-желтая, подбородокъ и горло ржаво-бѣловатые, затылокъ и поперечная полоска на головѣ ржаво-красныя, каждое перо на концѣ съ ржаво-желтоватой каймою, бока съ красно-бурыми продольными пятнами. Длина птицы достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 27, длина крыла 8,4, хвоста 6,8 см.

Область распространенія лѣсной овсянки почти совпадаетъ съ областью распространенія родственной ей овсянки карлика, но простирается далѣе на западъ и тянется такимъ образомъ отъ Камчатки до Лапландіи. Обѣ птицы посѣщаютъ зимою болѣе южныя области, но между тѣмъ какъ первая регулярно доходитъ до южнаго Китая и средней Индіи, послѣдняя никогда не удалется настолько отъ своей родины. Точно такъ же, какъ обѣ перекочевываютъ по направленію къ югу, онѣ переселяются и на югозападъ, залетаютъ при этомъ въ Германію и, неизвѣстныя и незамѣченныя, гораздо чаще пролетаютъ здѣсь, чѣмъ думаемъ мы на основаніи существующихъ до настоящаго времени наблюденій.

Объ образѣ жизни и поведеніи обоихъ близко между собой родственныхъ видовъ можно сказать немного. Оба населяютъ лѣса своей сѣверной родины, особенно ивовыя заросли по берегамъ и на островахъ большихъ сѣверныхъ рѣкъ; однако появляются здѣсь лишь для того, чтобы вывести птенцовъ и, какъ скоро потомство вырощено, такъ-же постепенно, какъ появились, перекочевываютъ оттуда. Радде указываетъ, что лѣсная овсянка въ Восточной Сибири раньше всѣхъ родичей пролетаетъ юго-восточную часть Сибири, появляется уже 26 марта у Тарай-нора, но послѣ перекочевки черезъ безплодную степи птицы эти находятся въ такомъ изнеможеніи, что ихъ можно ловить руками, затѣмъ онѣ отправляются далѣе, чтобы въ концѣ апрѣля или въ маѣ достигнуть своей родины. То же самое можно сказать и объ овсянкѣ-карликѣ. О лѣтней жизни ея я могу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія на основаніи собственныхъ наблюденій. Благодаря сходству цвѣта этой маленькой птицы съ цвѣтомъ почвы и ея скрытому образу жизни, ее легко незамѣтить: ее видишь собственно лишь тогда, когда самецъ взлетаетъ на верхушку дерева, чтобы пропѣть съ нея свою очень короткую, жалкую пѣсенку—собственно же три или четыре звука. Какъ скоро снѣгъ въ лѣсахъ растаялъ, не раньше середины іюня, пара приступаетъ къ размноженію. Гнѣздо, присутствіе котораго выдалъ мнѣ самецъ, притворявшійся хромымъ, я нашла послѣ продолжительныхъ поисковъ 11-го іюля. Оно находилось на землѣ, скрытое въ старой, сухой травѣ, было соответственно величинѣ птицы мало и плоско, едва наполняло маленькую, неглубокую выемку и состояло исключительно изъ нѣжныхъ, тонкихъ, хорошо сотканыхъ травинокъ, безъ всякой выстилки. Взрослыя птицы обнаруживали необыкновенный страхъ и притворялись, какъ обыкновенно; побуждаемая предостерегавшимъ ее самцомъ, самка оставила наконецъ гнѣздо, уходя отъ него, сначала долгое время прыгала въ травѣ, незамѣченная мною, и показала

затѣмъ на большомъ разстояніи. Оба родителя держались, пока я искалъ, въ непосредственной близости гнѣзда, приближались ко мнѣ на три шага и безпрестанно издавали при этомъ свой зовъ рѣзкое, но слабое «цип цип цип». Я оставилъ, конечно, птенцовъ въ покоѣ и поступилъ-бы, вѣроятно, такимъ-же образомъ и съ яйцами, еслибы нашелъ ихъ. Бальдамусъ, который получилъ яйца отъ Миддендорфа, замѣчаетъ, что они очень различной формы, длиною 17—20 м.м., толщиною 14 м.м. и разрисованы на желтоватомъ фонѣ, преимущественно вокругъ толстаго конца, фіолетово-бурыми точками, черточками и неясными пятнами; они болѣе всего похожи на яйца садовой овсянки и отличаются отъ нихъ, какъ и отъ яицъ всѣхъ остальныхъ овсянокъ своей незначительной величиною. Зобомъ нашелъ въ юнѣ на Нижней Печорѣ нѣсколько гнѣздъ съ подобными яйцами.

Изъ остальныхъ германскихъ видовъ этого рода мы назовемъ прежде всего толстотѣлюю **Просянку**, которую называютъ также **Овинникомъ** и просто **Овсянкой**. (*Emberiza calandra, miliaria, Miliaria septentrionalis, germanica, peregrina, Cynchramus, Spinus miliarius, Cryptophaga miliaria. Grauummer. Proyer*). Длина ея достигаетъ 19, размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9, хвоста 7 см. Верхнія части, за исключеніемъ одноцвѣтныхъ перьевъ надхвостья и кроющихъ хвоста, наземлисто-буроватомъ фонѣ разрисованы темными стержневыми черточками, которыя образуютъ неясныя полосы, идущія внизъ отъ нижней половинки клюва, и на серединѣ зоба сливаются въ болѣе крупное темное пятно, а на брюхѣ отсутствуют; уздечка и неясная полоска на вискахъ желтовато-бѣлаго цвѣта; область щекъ и ушей на буроватомъ фонѣ снабжена темными продольными черточками и ограничена снизу желтовато-бѣлой полоской тоже съ темными черточками. Маховыя и хвостовыя перья темно-бурья, снаружи съ сѣровато-желтыми каймами на концѣ; малыя маховыя и самыя большія верхнія кроющія перья крыла образуютъ двѣ поперечныя свѣтлыя полосы. Глаза темно-каріе, клювъ рогового-желтаго цвѣта, ноги блѣдно-желтыя.

Начиная съ южной Норвегіи просянка встрѣчается во всей Европѣ, а также въ западной Азіи всюду на соответствующихъ мѣстахъ, являясь осѣдлой, или по крайней мѣрѣ кочующей птицей. Во время перелета отдѣльные экземпляры или стаи достигаютъ сѣверной Африки; въ это время она нрѣдка въ Египтѣ и обыкновенна на Канарскихъ островахъ. Ея лѣтнее мѣстопробываніе составляютъ обширныя, плодородныя равнины, засѣяныя хлѣбами; держится она охотнѣе всего въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ поле чередуются съ лугомъ и есть отдѣльно стоящія деревья и кусты. Въ большихъ лѣсахъ ее можно видѣть также мало, какъ и на горахъ. Въ сѣверной Германіи она нрѣдка; въ средней Германіи она все болѣе и болѣе распространяется, постепенно переселяясь въ нее; въ богатыхъ, покрытыхъ хлѣбами равнинахъ Австро-Венгріи она если и не самая обыкновенная изъ всѣхъ птицъ, то все-же самая обыкновенная изъ овсянокъ. «Одинаково слѣдуя за культурой и въ особенности за разведеніемъ хлѣбовъ и клевера», такъ описываетъ Маршалъ переселеніе этой птицы въ новыя мѣстности, «проникають съ востока на западъ меланхолическія просянки и вкусныя ортоланы, но такъ какъ они, повидимому, ведутъ борьбу за существованіе менѣе удачно и не въ такой высокой степени могутъ сближаться съ человѣкомъ, однимъ словомъ не такъ нахальны, какъ воробей, то и не достигли еще такого распространенія, какъ онъ. Обѣ птицы водворились въ средней Европѣ повидимому сначала въ сѣверной низменности, при томъ просянка не такъ далеко на сѣверѣ, какъ ортоланъ, и лишь позднѣе переселились въ болѣе южную горную страну. Въ южной Россіи и западной Азіи обѣ овсянки обыкновенны здѣсь и находится, вѣроятно, мѣсто ихъ происхожденія. Въ Вестготландѣ въ 1851 г. са-

довая овсянка была еще рѣдка, между тѣмъ какъ просянки еще вовсе не было; 6 лѣтъ спустя послѣдняя все еще не показывалась, хотя ортоланъ сталъ тамъ обыкновенной птицей, выводящей птенцовъ, но оба вида за нѣсколько лѣтъ до того были вовсе нерѣдки въ лежащей лишь немного южнѣ провинціи Шоненъ. Въ 1837 г. просянка встрѣчается въ большомъ числѣ въ Великобританіи, между тѣмъ какъ ортоланъ еще не выводитъ тамъ птенцовъ; то же самое наблюдалось спустя 20 лѣтъ на Сильѣ.

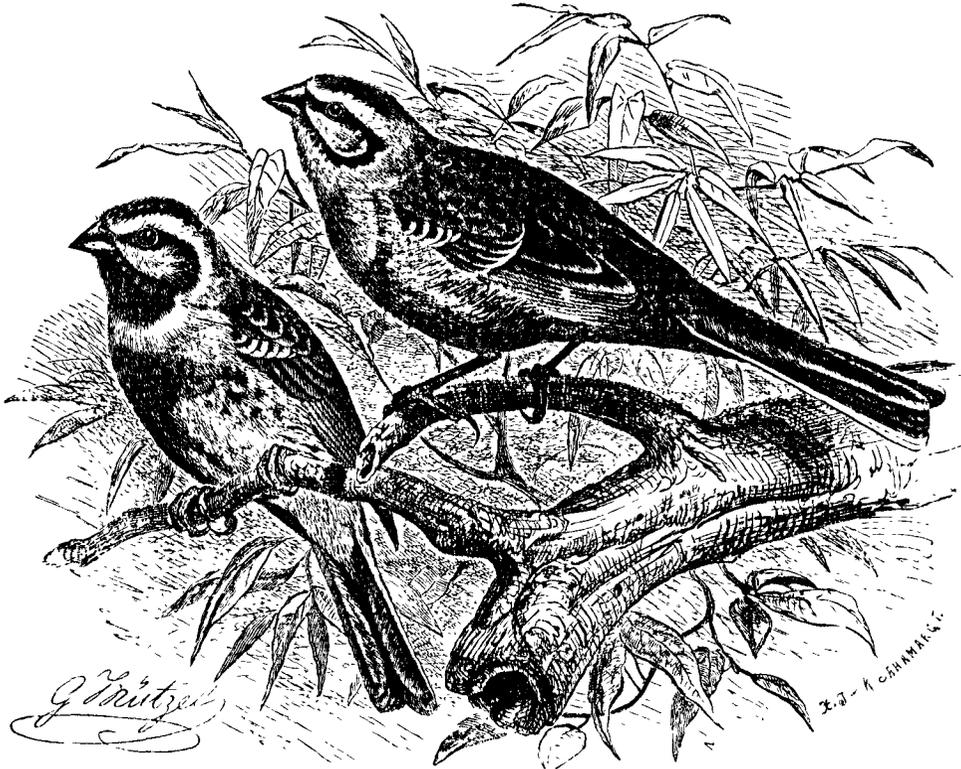
«Во время Бехштейна, къ концу прошлаго столѣтія ни одна просянка не гнѣздилась еще въ Тюрингіи, но онѣ гнѣздились уже около Берлина; въ 1840 г. она впервые выводила птенцовъ въ сѣверовосточной Тюрингіи въ долину Заалы при Наумбургѣ; достигши въ 1855 г. окрестностей Смелъна, она въ 1856 г. проникла отсюда на югозападъ уже до Геры; въ долину Мюнстера она поселилась съ начала семидесятыхъ годовъ, со времени исчезновенія насыпей, служившихъ изгородами, и увеличивается здѣсь въ числѣ съ каждымъ лѣтомъ; лишь съ 1879 г. появляется она при Фельдромѣ въ Тевтобургскомъ лѣсу, хотя уже 25 лѣтъ раньше она выводила птенцовъ при Нейвидѣ на Рейнѣ. Въ Богеміи она распространяется, вѣроятно, по другому пути, именно изъ Венгріи вверхъ по Дунаю; отсюда въ сторону она проникла по долинамъ рѣкъ до Эльбы, и уже 16 лѣтъ тому назадъ (въ 1870 г.) стала обыкновенна, а съ 1879 она появляется около Вѣны въ большемъ количествѣ, чѣмъ домовою и полевой воробей. 30 лѣтъ тому назадъ (въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ) она еще не выводила птенцовъ въ Швабіи и въ сѣверной Швейцаріи».

Плотное, сильное тѣло, короткія крылья и слабыя ноги заставляютъ предполагать, что просянка существо неповоротливое. Она, сгорбившись, медленно скачетъ по землѣ, подергиваетъ при этомъ хвостомъ и съ напряженіемъ летаетъ дугобразными линіями, шума крыльями, но все же довольно быстро и умѣетъ дѣлать различныя ловкія повороты, которыхъ отъ нея нельзя бы и ожидать. Ея зовъ, который часто повторяется при взлетѣ и обыкновенно издается ею и на лету, есть рѣзкое «цикк», предостерегающій крикъ—протяжное «зи», звукъ, выражающій нѣжность—болѣе тихое «тикк»; пѣніе ни громко, ни пріятно и дѣйствительно похоже на шумъ, производимый находящейся въ дѣйствіи машиной для вязанія чулковъ, такъ какъ за часто повторяемымъ «тикк тикк» слѣдуетъ неподражаемое дребезжанье, которымъ странное пѣніе и заканчивается. Во время пѣнія просянка принимаетъ различныя положенія и старается по возможности помочъ жестию недостатку голоса. Она не обнаруживаетъ пріятныхъ качествъ, напротивъ—это скучная птица, которая ктому же своею задорностью докучаетъ болѣе миролюбивымъ родичамъ.

Гнѣздо строится въ апрѣлѣ въ маленькомъ углубленіи въ травѣ или между другими закрывающими его растеніями, всегда низко надъ землею. Старья соломины, листочки травы и травинки составляютъ его стѣнки; внутреннее углубленіе выстлано волосами или очень тонкими травинками. Кладку составляютъ 4—6 яицъ, длиною около 14 мм., толщиною 18 мм.; они имѣютъ тонкую матовую скорлупу и на блѣдно-сѣроватомъ или грязно-желтоватомъ фонѣ, и именно гуще всего на тупомъ концѣ, разрисованы красно-голубовато-сѣрыми точками, пятнышками и черточками. Птенцы выкармливаются насѣкомыми и становятся способными къ летанію въ концѣ мая. Какъ скоро они стали самостоятельными, родители приступаютъ ко второй кладкѣ; когда и второе поколѣніе счастливо выращено, то всѣ соединяются въ стаи и начинаютъ свое переселеніе.

Ради вкуснаго мяса за просянкой охотятся съ ружьемъ или ловятъ съ помощью сѣтей, а также особыми точками. Для содержанія въ клѣткѣ ее не ловятъ.

Обыкновеннѣе, но едва ли болѣе распространена настоящая Овсянка (*Emberiza citrinella, sylvestris, septentrionalis*. Goldammer. Bruant jaune). Длина достигаетъ 17 см., размахъ крыльевъ 27, длина крыла 8,5, хвоста 7 см. Голова, шея и нижнія части ея прекраснаго ярко-желтаго цвѣта; лобъ, полоска, идущая отъ лба черезъ глазъ до затылка, вторая полоска, идущая отъ задняго края глаза до висковъ и задняя часть шеи оливково-сѣро-зеленаго цвѣта съ рѣдкими темными продольными черточками; голова и бока головы красновато-бураго цвѣта, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста нѣсколько темнѣе; верхняя часть спины и плечи блѣдно ржаво-бурыя; бока разрисованы внизу темно-бурыми стержневыми черточками, окаймленными коричнево-бурымъ цвѣтомъ, а сверху широкими черными

Огородная овсянка. *Emberiza citrinella*. Дурачекъ. *Emberiza caesia*. $\frac{1}{8}$ наст. вел.

стержневыми полосками; маховыя перья черно-бурыя, большія маховыя украшены узкими блѣдно-желтыми наружными каемками, малыя маховыя и ихъ кроющія перья широкими блѣдно ржаво-бурыми наружными, а самыя большія верхнія кроющія перья крыла кромѣ того ржаво-бурыми каемками на концахъ, образующими поперечную полоску. Хвостовыя перья черно-бурыя, снаружи съ узкой болѣе свѣтлой каймою, оба крайнихъ снабжены на внутренней сторонѣ широкими бѣлыми пятнами на концѣ. Глаза темно-бурые, клювъ темно-синій, по расщепу свѣтлѣе, ноги красновато-желтыя. У самки всѣ цвѣта блѣднѣе, пятно на темени, брови, подбородокъ и горло ярко-желтаго цвѣта; зобъ и грудь окрашены блѣднымъ ржаво-бурымъ цвѣтомъ.

Родину овсянки составляютъ сѣверная и средняя Европа, а также большая часть Азии, именно Сибирь. Въ Германіи она живетъ во всѣхъ провинціяхъ, поднимается также на горы до границы лѣсовъ и тамъ, гдѣ между полями, лугами и огородами стоятъ низкіе кусты, ее можно встрѣтить навѣрно.

На югъ къ ней присоединяется, а мѣстами замѣняетъ ее водящаяся во всей южной Европѣ, но не сплошь, а съ перерывами, и встрѣчающаяся также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ Швейцаріи, Франціи, Бельгіи, Англии и юго-западной Германіи **Огородная овсянка** (*Emberiza cirrus, eleathorax. Zaunammer. Vauant commun*), которая по характеру, голосу и пѣнію крайне похожа на обыкновенную овсянку. Длина ея достигаетъ 15,8, размахъ крыльевъ 24, длина крыла 7,5, хвоста 7 см. Голова ея съ черными черточками на темени, задняя часть шеи, стороны ея и широкая поперечная полоса черезъ зобъ сѣро-зеленаго цвѣта; брови и полоса подъ глазомъ, раздѣленные черной уздечкой, а также широкое полулунное пятно между горломъ и зобомъ желтаго цвѣта; подбородокъ, верхняя часть горла и отходящая отъ послѣдней полоска, простирающаяся назадъ далѣе области уха, чернаго цвѣта; нижнія части свѣтло-желтыя, по бокамъ коричнево-красныя; брюхо и бока бедеръ украшены темными стержневыми черточками; нижнія шейныя перья и плечи коричнево-красныя; перья на концѣ съ сѣрыми каймами и темными стержнями; надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста зеленовато-бурыя; маховыя темно-бурыя, снаружи съ узкими сѣро-желтыми каймами, кроющія перья малыхъ маховыхъ и заднія малыя маховыя снаружи съ широкими коричнево-бурыми каймами; верхнія кроющія перья крыла зеленовато-бурыя, самыя большія на концѣ съ ржаво-желтыми краями, благодаря чему образуется поперечная полоска. Хвостовыя перья темно-бурыя, снаружи съ блѣдно-желтыми каймами, оба крайнихъ украшены широкими бѣлыми продольными пятнами, на самомъ крайнемъ перѣ пятно это занимаетъ почти все наружное опахало. Глаза темно-каріе, клювъ сверху черный, снизу свѣтло-буроватый, ноги свѣтло-красноватыя. У самки нѣтъ чернаго цвѣта на горлѣ и обѣихъ желтыхъ полосокъ на головѣ; перья нижнихъ частей желтоватыя съ темными стержнями, коричнево-красное пятно на бокахъ груди блѣднѣе.

Въ теченіи всего лѣта нашу всѣмъ извѣстную овсянку встрѣчаютъ парами или ея птенцовъ маленькими обществами. Съ наступленіемъ весны старыя птицы приступаютъ къ кладкѣ. Часто уже въ мартѣ находятъ гнѣздо, которое построено изъ грубыхъ, на половину гнилыхъ стеблей растений, стебельковъ травы и сухихъ листьевъ, внутри выстлано травинками и лошадиными волосами, расположено въ низкомъ кустарникѣ, по большей части близко отъ земли, между стволами или въ густыхъ вѣтвяхъ и самое позднее въ концѣ апрѣля оно заключаетъ первую кладку. Она состоитъ изъ 4—5 яицъ, длиною 21 m.m., толщиною 15 m.m., съ тонкой скорлупою, которыя на мутно-бѣломъ или красноватомъ фонѣ разрисованы и исчерчены болѣе темными пестрыми пятнами и жилками; оба родителя насиживаютъ ихъ поочередно и оба сообща посвящаютъ себя заботамъ о потомствѣ. Въ благопріятные годы овсянка выводитъ птенцовъ два, нерѣдко три раза. Пока продолжается птенцовая нора, самецъ очень бодръ, поетъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера свою простую пѣсню, состоящую изъ 5—6 почти одинаковыхъ звуковъ и нѣсколько вытянутого заключительнаго звука, октавой выше; пѣсню эту народъ переводитъ словами: «S'is, s'is, noch viel zu früh» («еще слишкомъ рано») или «Wenn ich'ne Sichel hätt', wollt'ich mit schnitt» («если-бы у меня былъ серпъ, я хотѣлъ-бы жать») или наконецъ, какъ говоритъ Мозень, «Wie, wie hab'ich dich lieb» («какъ, какъ я тебя люблю»). Во время пѣнія пѣвецъ усаживается на открытомъ кончикѣ вѣтви и очень близко подпускаетъ людей, позволяя такимъ образомъ легко наблюдать себя.

По окончаніи птенцовой поры молодыя и старыя птицы собираются въ стаи, которыя скоро становятся очень многочисленными и кочуютъ по довольно маленькой области, соединяются также съ жаворонками и въюрами, даже съ дроз-

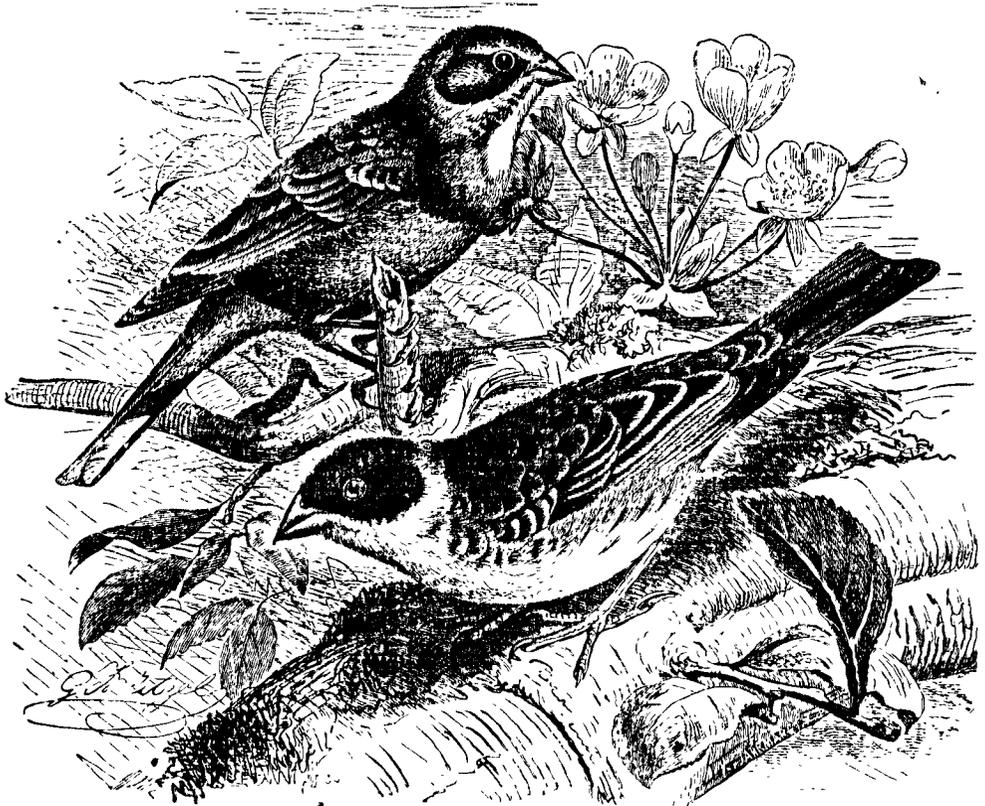
дами-рябинниками. Въ суровыя зимы эта птица бываетъ принуждена выпрашивать себѣ пищу у людей и является массамаи въ качествѣ часто съ удовольствіемъ встрѣчаемаго или по крайней мѣрѣ терпимаго гостя на дворъ сельскаго жителя, но въ ближайшую весну возвращается обратно на свое мѣстожительство. Мѣстами ее ловятъ особыми точками; однако въ хищныхъ животныхъ она имѣетъ гораздо болѣе опасныхъ враговъ, чѣмъ въ человѣкѣ.

Большей извѣстностью, чѣмъ овсянка, пользуется **Ортоланъ, Садовая овсянка, Садовый подорожникъ.** (*Emberiza hortulana, chlorocephala, badensis, antiquorum, pinguescens, delicata, malbeyensis, buchani, tunstalli, Euspiza, Glycispina hortulana. Gartenammer. Ortolan.*) Длина его достигаетъ 16, размахъ крыльевъ 26, длина крыла 8, хвоста 7 см. Голова, шея и зобъ его блѣдно-сѣро-зеленоватаго цвѣта, узкое кольцо вокругъ глазъ, подбородокъ и горло, а также полоска, идущая внизъ отъ нижней половинки клюва, которая ограничена снизу узкой болѣе темной полоской («усами»), желтоватаго остальныя нижнія части коричнево-ржаво-краснаго цвѣта, нижнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе, верхнія части блѣдно-ржаво-бурыя, нижнія шейныя перья и плечи разрисованы широкими темными стержневыми черточками, маховыя—темно-бурыя и, за исключеніемъ перваго, имѣющаго бѣлую каемку, съ узкими блѣдно-бурыми наружными каемками; самыя заднія малыя маховыя и ихъ кроющія перья съ широкими ржаво-бурыми наружными каемками, верхнія кроющія перья крыла украшены также ржаво-бурыми каемками на концахъ, образующими поперечную полоску; хвостовыя перья темно-бурыя, снаружи съ желто-сѣрыми каемками, у обоихъ крайнихъ перьевъ конечная половина внутри бѣлая, а у самыхъ крайнихъ такого-же цвѣта и середина наружнаго опахала. Глаза каріе, клювъ и ноги красновато-рогового цвѣта. У самки голова и задняя часть шеи буровато-сѣраго цвѣта, горло и зобъ ржаво-красноватаго; всѣ эти части разрисованы тонкими черными стержневыми черточками; подбородокъ, горло и полоска подъ бурыми щеками, которая снизу ограничивается узкой полоской «усовъ», ржаво-красновато-желтаго цвѣта.

Ортоланъ также распространенъ по большей части Европы, но встрѣчается всегда лишь мѣстами, а во многихъ мѣстностяхъ его вовсе нѣтъ или онъ крайне рѣдокъ. Въ Германіи онъ постоянно населяетъ мѣстности по нижней Эльбѣ, Бранденбургъ и Лаузитцъ, Силезію, Вестфалію и земли по Рейну. Онъ часто встрѣчается въ южной Норвегіи и Швеціи, обыкновененъ въ южной Европѣ, кромѣ того онъ выводитъ птенцовъ въ Голландіи, Англій, Франціи, Россіи, въ Средней Азіи до Алатау, въ горахъ Малой Азіи и Палестины. Зимой онъ перекочевываетъ до западной и восточной Африки, предпочитаетъ горы и поднимается на нихъ до пояса высоты въ 3000 м. «Ортоланъ», говоритъ Маршалъ, «былъ уже въ 1835 г. обыкновенною птицею около Берлина, Потсдама и Шарлоттенбурга, однако его нѣтъ еще въ Ангальтѣ, но уже 12 лѣтъ спустя онъ нѣредокъ около Цербста; въ 1885 г. мы узнаемъ, что онъ изъ года въ годъ увеличивается въ числѣ въ Олденбургѣ. Около Франкфурта на Майнѣ и Майнца его нѣтъ еще въ 1853 г., однако нѣсколько парочекъ поселились тогда уже въ Оденвальдѣ; въ это же время онъ уже обыкновененъ въ Лаузитцѣ, но лишь спустя 4—6 лѣтъ появляется въ Богеміи. Южнѣе его, повидимому, еще вовсе нѣтъ, по крайней мѣрѣ въ Швейцаріи и Швабіи его не было еще 30 лѣтъ тому назадъ, а около Вѣны и въ 1879 г. слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что ортоланъ иногда встрѣчается въ извѣстной мѣстности одиночными экземплярами и выводитъ птенцовъ, а затѣмъ снова исчезаетъ на нѣсколько лѣтъ. Этотъ фактъ говоритъ въ пользу того, что эта птица въ нашей фаунѣ еще новичекъ и не вполне еще у насъ утвердилась. Въ южной Европѣ ор-

толаны и просянки гораздо многочисленнѣе и обыкновеннѣе и распространены до береговъ Атлантическаго океана, а слѣдовательно и поселились тамъ, вѣроятно, раньше. Отъ этихъ южныхъ переселенцевъ происходятъ, вѣроятно, кромѣ многочисленныхъ экземпляровъ въ Провансѣ, тѣ, которые выводятъ птенцовъ около Женевы, въ Южномъ Тиролѣ и въ Южной Штиріи».

Въ юго-восточной Европѣ, особенно въ Греціи, а также Малой Азіи, Палестинѣ, Западной Азіи и сѣверной Африкѣ къ ортолану присоединяется **Сѣроголовая овсянка** (*Emberiza caesia*, *rufibarba*, *rufigularis*, *Fringilla*, *Glycispina caesia*. Rostammer. Bruant à tête grise), которую убивали также въ южной Германіи и на

Ортоланъ. *Emberiza hortulana* и Черноголовая овсянка. *Emberiza melanoccephala*. $\frac{5}{8}$ наст. вел.

Гельголандѣ. Она отличается отъ ортолана, ближайшаго ея родича, сѣрой головою и сѣрой поперечной полоской на зобѣ, блѣдно-коричнево-краснымъ горломъ, темно-коричнево-красной нижней стороною, болѣе мелкими бѣлыми конечными пятнами на наружныхъ хвостовыхъ перьяхъ и кораллово-краснымъ клювомъ.

По образу жизни и поведенію ортоланъ мало отличается отъ другихъ видовъ того-же семейства. Онъ населяетъ приблизительно такія же мѣстности, какъ просянка, ведетъ себя очень похоже на нее, но поетъ нѣсколько лучше, хотя совершенно сходнымъ образомъ. Зовъ его звучитъ какъ «гиф герр», вѣжность выражается тихимъ «ги» или едва слышимымъ «пикк», знакъ недовольства—громкими «герк». Гнѣздо и яйца похожи на вышеописанныя. Первое устраивается также близко

отъ земли, обыкновенно въ самыхъ густыхъ вѣтвяхъ низкихъ деревьевъ; яйца числомъ 4—6, длиною 19 м.м., толщиною 15 м.м., покрыты на свѣтло или блѣло-красноватомъ фонѣ черно-голубоватыми пятнами и линіями.

Уже римляне умѣли цѣнить по достоинству вкусное, нѣжное мясо ортолана и откармливали ихъ въ особо устроенныхъ для этого клѣткахъ, которыя ночью освѣщались лампами. Тотъ же способъ употребляется, говорятъ, еще и теперь въ Италіи, южной Франціи и особенно на греческихъ островахъ. Тамъ ортолановъ ловятъ массами, убиваютъ ихъ, когда они дѣлаются достаточно жирны, варятъ въ горячей водѣ и укладываютъ по 200 и 400 штукъ съ уксуомъ и пряностями въ маленькіе боченки, которые затѣмъ и разсылаются. Гастрономы охотно платятъ высокія цѣны за приготовленныхъ такимъ образомъ ортолановъ.

Одинъ изъ красивѣйшихъ видовъ своего подсемейства—**Дурачекъ, Черноголовый подорожникъ** (*Emberiza cia, lotharingica, canigularis, barbata, meridionalis, ratensis, hordei, Citrinella cia, meridionalis, Euspiza, Buscarla, Hylaespiza cia, Zippammer, Bruant fou*). Длина его достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 24, длина крыла 7,5, длина хвоста 7,6 см. Голова и задняя часть шеи его пепельно-сѣраго цвѣта, бока головы, горло и зобъ нѣсколько свѣтлѣе, широкая полоса черезъ глазъ, щеки и подбородокъ блѣловато-сѣрые, двѣ полоски, обхватывающія сверху и снизу брови, изъ которыхъ одна отъ ноздри доходитъ до затылка, другая черезъ уздечку до висковъ, а также третья, которая тянется внизъ отъ угла рта и соединяется съ двумя первыми на концѣ узкой поперечной полоской, чернаго цвѣта; нижнія шейныя перья и плечи ржаво-красно-бурыя; всѣ перья съ темными стержнями. Надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и нижнія части буровато-красныя, на серединѣ брюха свѣтлѣе; маховыя перья черно-бурыя, снаружи съ узкими ржаво-бурыми каймами; заднія малыя маховыя и ихъ кроющія перья снаружи и на концѣ съ болѣе широкими ржаво-бурыми каймами; верхнія кроющія перья крыла темно-сѣрыя, самый большой рядъ ихъ чернаго, на концѣ блѣдно-бурого цвѣта, благодаря чему образуется поперечная полоска; хвостовыя перья, за исключеніемъ обоихъ среднихъ, темно-бурыя, оба крайнихъ въ конечной половинѣ внутри блѣлыя, наружное опахало самыхъ наружныхъ тоже блѣлаго цвѣта. Глаза темно-каріе, верхняя половинка клюва черно,—нижняя свѣтло-бурая; ноги свѣтлаго рогового цвѣта. У самки, которая въ общемъ окрашена блѣднѣе, черныя продольныя полоски на головѣ менѣе явственны, верхняя часть головы бурая съ темными продольными черточками, средняя полоска сѣрая, полоска черезъ глаза блѣдно-бурая и сѣрый цвѣтъ горла и головы разрисованъ неясными темными крапинками.

Въ Германіи дурачекъ, который однако все далѣе распространяется на сѣверъ, населяетъ главнымъ образомъ страны по Рейну, именно по среднему Рейну, а также юго-восточный Баденъ, встрѣчаясь въ послѣднемъ болѣе на возвышенныхъ горныхъ долинахъ; на Рейнѣ-же онъ живетъ въ виноградникахъ на правомъ берегу; довольно рѣдко встрѣчается онъ и въ Австріи. Напротивъ, онъ обыкновененъ въ южной Европѣ, именно въ Испаніи, Италіи и Греціи, а кромѣ того въ западной Азіи. Отсюда онъ при передѣлахъ пересѣкаетъ большую часть Азіи до Гиммалайскихъ горъ, въ западной части которыхъ встрѣчается регулярно. Это—горная птица, которая, судя по моимъ наблюденіямъ, произведеннымъ въ Испаніи, избѣгаетъ равнинъ. Склоны, съ возможно болѣе раздробленными горными породами, составляютъ любимое мѣстопробываніе его. Здѣсь онъ бродитъ между камнями и глыбами подобно другимъ подорожникамъ. На деревья и кусты онъ садится рѣдко. Въ остальномъ по поведенію и движеніямъ, полету и голосу это

настоящая овсянка. Крикъ его, часто повторяемое «ципп ципп ципп» и «цей», соответствует нѣмецкому названію этой птицы (Zippammer). Пѣніе похоже на пѣніе овсянки, но короче и чаще; Бехштейнъ очень хорошо передалъ его звуками «ципицицирр».

Около Рейна, гдѣ эта птица въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ нерѣдко гнѣздится, находили гнѣзда въ щеляхъ и углубленіяхъ изгородей виноградниковъ. 3—4 яйца, составляющихъ кладку, длиною 21 м.м., толщиною 16 м.м.; на бѣловато-сѣромъ фонѣ они какъ-бы оплетены сѣровато-черными, а между ними также нѣсколькими сѣрыми нитями, часто образующими поясъ по срединѣ яйца; но эти нити не коротко оборваны и потому эти яйца можно легко отличить отъ яицъ овсянки, которые часто разрисованы сходнымъ образомъ. Дурачки, вѣроятно, тоже выводятъ птенцовъ дважды въ годъ; въ Испаніи однако мы не замѣчали ихъ птенцовъ ранѣе іюля. Въ половинѣ августа началось уже линяніе. Около Рейна птица эта появляется въ началѣ апрѣля и остается тамъ до ноября. Въ Испаніи мы находили ее зимою очень большими стаями чрезвычайно часто на всѣхъ солнечныхъ склонахъ Сіерра-Невады.

Не менѣе красивой птицей является **Луговая овсянка, Луговой подорожникъ и воробей, Дубровникъ.** (*Emberiza aureola, sibirica, dolichonia, pinetorum, selysii, Euspiza, Nypocenter, Passerina aureola. Weidenammer. Bruant des saules*). Она принадлежитъ сѣверной Азіи, но населяетъ также въ большомъ числѣ сѣверовосточную Европу и не слишкомъ рѣдко залетаетъ отсюда въ западную Европу, между тѣмъ какъ главная масса этихъ птицъ направляетъ свое зимнее путешествіе въ южный Китай, Кохинхину, Ассамъ, Бирму и западную часть Гиммалайскихъ горъ. Длина этой птицы достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 28, длина крыла 8,8, хвоста 4,5 см. Верхнія части, поперечная полоса подъ желтымъ горломъ и бока зоба темнаго ржаво-бурого цвѣта; нижнія шейныя перья и перья плечъ съ неясными стержневыми пятнами и узкими бѣловатыми наружными каемками; уздечка, стороны головы и подбородокъ черные, нижнія части желтыя и по бокамъ украшены красно-бурыми стержневыми черточками; нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя, маховыя темно-бурыя съ чалобурыми, заднія малыя маховыя съ широкими ржаво-бурыми каемками снаружи, красно-бурыя кроющія перья большихъ маховыхъ окаймлены на концахъ широкими грязно-бѣлыми краями, образующими поперечную полоску; большое мѣсто на верхнихъ и нижнихъ кроющихъ перьяхъ крыла бѣлаго цвѣта, наружныя хвостовыя перья бѣлыя, внутри у корня и на концѣ темныя, вторыя украшены на внутренней сторонѣ бѣлой продольной полоской, остальныя окрашены такъ же, какъ большія маховыя. Глаза красновато-бурые, клювъ желтоватый, нижняя половинка его красноватая; ноги буровато-рогового цвѣта. У самки верхнія части тѣла ржаво-буроватыя съ темными стержнями перьевъ; перья надхвостья красно-бурыя, полоска, проходящая по срединѣ головы, бровь и полоска, проходящая по нижней части щекъ, а также нижнія части тѣла желтоватыя, на бокахъ нѣсколько темнѣе и здѣсь тоже разрисованы стержневыми черточками.

Во всей средней Сибири, и притомъ какъ на низменностяхъ, такъ и на горахъ, до 2000 м. высоты, луговая овсянка принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ видамъ этого подсемейства. Не менѣе многочисленна она въ восточной Европѣ, именно на среднемъ и южномъ Уралѣ, распространяясь отсюда до Двины и юго-западной части Онежскаго озера. Замѣчательно, что во время своего путешествія мы нашли ее лишь на немногихъ мѣстахъ и именно на одномъ казенномъ Алтайскомъ заводѣ. Мѣстности, богатыя водою, хорошо заросшія кустами ивы, служатъ

ея любимымъ мѣстопробываніемъ; второе мѣсто занимаютъ березовыя рощи, но въ хвойныхъ лѣсахъ она не живетъ никогда. Возвращаясь изъ зимняго путешествія, она также только поздно весною достигаетъ мѣста, гдѣ выводитъ птенцовъ, рѣдко раньше первыхъ чиселъ мая, кочуетъ здѣсь совершенно какъ овсянка, издаетъ подобно этой послѣдней общій столь многимъ видамъ зовъ, рѣзкое «цицип», но поетъ, сидя на высокихъ концахъ вѣтвей, лучше, чѣмъ большая часть другихъ овсянокъ, такъ какъ ея прѣстая пѣсня отличается тремя короткими, рѣзко отличающимися другъ отъ друга флейтовыми звуками.

Гнѣзда, которыя Генке нашелъ на островахъ Сѣверной Двины къ сѣверу отъ Архангельска 16 іюня, помѣщались около земли или невысоко надъ нею и были скрыты въ травѣ, низкомъ кустарникѣ или въ кустахъ; они были построены изъ сухихъ стебельковъ травы, листьевъ и корешковъ и выложены тонкими корешками, молчалками, нѣжными листочками травы, иногда также волосами и перьями. 5—6 яицъ, продольный діаметръ которыхъ равенъ 23, а поперечный 17 m.m., украшены на зеленоватомъ или буровато-сѣро-бѣломъ фонѣ мелкими и крупными, частью сливающимися между собою неясными пятнами зеленоватаго или буровато-сѣраго цвѣта и какъ-бы выжженнымъ рисункомъ изъ точекъ, неправильныхъ пятенъ, черточекъ и полосокъ бурога и чернаго цвѣта.

По окончаніи птенцовой поры старыя и молодыя птицы собираются въ многочисленныя стаи и постепенно приступаютъ къ перелету. Пользуясь этимъ случаемъ ихъ часто ловятъ въ очень большомъ числѣ въ окрестностяхъ Москвы и именно эти-то экземпляры и попадаютъ живыми въ наши клѣтки.

Въ юговосточной Европѣ, начиная съ Истріи, именно въ Далмаціи и Греціи, на многихъ островахъ Адриатическаго моря, въ Малой Азіи и въ большей части юго-западной Азіи до сѣверныхъ и западныхъ провинцій Индіи, а особенно въ Персіи, живетъ **Черноголовая овсянка** (*Emberiza melanocephala*, *granativora*, *simillima*, *Euspiza melanocephala*, *Fringilla crocea*, *Xanthornus caucasicus*, *Passerina*, *Granativora melanocephala*, Карпенammer. Bruant à tête noire), отличающаяся отъ другихъ овсянокъ сильнымъ, остроконическимъ клювомъ съ почти одинаковыми челюстями и маленькимъ, продолговатымъ бугоркомъ на небѣ, стройными ногами, длинными крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ первое самое длинное, и умѣренно длиннымъ, на концѣ прямымъ хвостомъ. Длина ея равна 18,5, размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9,8, хвоста 8 см. Голова чернаго цвѣта, верхняя сторона тѣла яркаго красно-бурога и украшена узкими и неясными сѣроватыми каемками на концахъ перьевъ; вся нижняя сторона тѣла ярко-желтаго; темно-бурыя маховыя и рулевыя перья имѣютъ блѣдно-бурыя наружныя каемки, которыя расширяются на заднихъ малыхъ маховыхъ и кроющихъ перьяхъ; мелкія бурья кроющія перья имѣютъ на концахъ желтовато-сѣрыя каемки, буроватыя большія кроющія перья крыла имѣютъ бѣлыя каемки на концахъ, образующія поперечную полосу. Глаза темно-каріе, клювъ роговаго голубого цвѣта, ноги буровато-желтыя. У самки нѣтъ чернаго пятна на головѣ; верхняя сторона сѣровато-ржаво-красная, горло бѣлое, остальная нижняя сторона бѣловато-ржаваго цвѣта.

Въ концѣ апрѣля черноголовая овсянка появляется въ Греціи, возвращаясь изъ зимняго мѣстопробыванія, и немного позднѣе и въ Истріи. Въ одно прекрасное утро въ Греціи всѣ изгороди у морскаго берега оказываются совершенно покрытыми прилетѣвшими въ прошедшую ночь черноголовыми овсянками, которыхъ тщетно стали бы искать за день до того. Затѣмъ эти птицы немедленно отправляются въ тѣ мѣста, гдѣ выводитъ птенцовъ, каковыми являются виноградники рав-

нинъ или еще невоздѣланные холмы, поросшіе шалфеемъ и терновникомъ, строятъ гнѣзда, высиживаютъ, воспитываютъ птенцовъ и снова оставляютъ родину въ концѣ іюля или въ августѣ, чтобы переселиться туда, гдѣ проводить зиму. Перелетъ этой птицы направляется однако не на юго-западъ, а на юго-востокъ. Вѣроятно, она переселилась изъ Персіи, главнаго пункта ея распространенія, и лишь позднѣе достигла Малой Азіи и Балканскаго полуострова. Черезъ Персію, гдѣ она все еще всюду обыкновенна до высоты почти 3000 м., она перекочевываетъ на свои мѣста жительства. Черезъ нѣсколько недѣль послѣ отлета ея изъ Европы она появляется въ Деканѣ и сѣверныхъ провинціяхъ Индостана; тамъ черноголовыя овсянки собираются въ громадныя стаи, производятъ жестокія опустошенія на поляхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ, и только въ мартѣ снова оставляетъ страну.

По своему поведенію черноголовая овсянка не отличается существенно отъ другихъ овсянокъ; однако графъ фонъ-деръ Мюле утверждаетъ, что она очень глупа и вовсе не боязлива и что часто испытываетъ искушеніе убить поющаго самца просто палкой. Въ пору любви самецъ садится открыто на верхушкѣ куста или дерева и постоянно издаетъ свою простую пѣсню, похожую на звуки флейты, напротивъ, самка по возможности прячется. Гнѣздо находится около земли на колючемъ кустарникѣ или внутри его, обыкновенно очень скрыто, построено небрежно, неаккуратно сложено изъ сухихъ стеблей и листьевъ, выстлано внутри тонкими корешками, волокнами листьевъ и лошадиными волосами и заключаетъ въ первой половинѣ мая 5—7 яицъ, длиною въ 24 мм., толщиною въ 18 м.м., которыя на блѣдно-голубовато-зеленомъ фонѣ разрисованы болѣе ясными или расплывчатыми пепельно-сѣрыми, зеленоватыми или красновато-сѣрыми пятнами. Въ Персіи по окончаніи птенцовой поры многія тысячи черноголовыхъ овсянокъ собираются вмѣстѣ, кочуютъ съ мѣста на мѣсто, внушая болѣе страхъ за носѣвы, чѣмъ саранча, и уже задолго до своего отлета начинаютъ грабить поля.

Кромѣ вышеописанныхъ овсянокъ еще нѣсколько видовъ этого рода посѣщали Германію или по крайней мѣрѣ Европу. Эти виды слѣдующіе; живущая въ Восточной Сибири **Бѣлошапочная овсянка** (*Emberiza leucoserphala, ruithornis, albida, boreopartii*. Fichtenhammer. Bruant des pins), которая больше, чѣмъ обыкновенная овсянка имѣетъ черно-сѣрую голову и бѣлую плѣшь; остальное тѣло ея, за исключеніемъ бѣлой уздечки, яркаго красно-бурого цвѣта; шея сзади сѣрая, спереди бѣлая; нижнія части тѣла бѣлыя съ темными стержневыми черточками и сѣровато-желтыми каемками на перьяхъ верхней стороны. Также восточно-сибирскій видъ **Желтобровая овсянка** (*Emberiza chrysophrys, chlorophrys, Citrinella chrysophrys*. Goldbrauenhammer. Bruant à sourcils jaunes), которая меньше обыкновенной овсянки и характеризуется черной головой, бѣловатой срединной и двумя золотисто-желтыми бровными полосками, ржаво-бурой верхней стороною, украшенной широкими, а на бѣломъ горлѣ болѣе узкими черными стержневыми пятнами, бѣлыми, по бокамъ буроватыми нижними частями съ бурыми стержневыми черточками. Наконецъ живущая въ пустынѣ **Полосатая овсянка** (*Emberiza striolata, Fringilla, Fringillaria, Polymitra striolata*. Streifenhammer. Bruant strié), преобладающее коричнево-красно-бурое опереніе которой переходитъ на головѣ въ пепельно-сѣрое и представляетъ здѣсь сверху шесть параллельныхъ продольныхъ полосокъ, состоящихъ изъ темныхъ стержневыхъ черточекъ.

Характерное явленіе Эоіонской области представляетъ семейство **Ткачей** (*Ploucidae*), которые кромѣ Африки встрѣчаются также въ южной Азіи и Австраліи. Въ

ЛИТ ШТАДНЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. П. Б.

1) Полосатка, 2) Райская вдовушка (самка), 3) Самецъ, 4) Кровяно-красный вьюрокъ,
—5) Огненный ткачъ.

10

это семейство соединяють до 300 видовъ очень различныхъ пѣвчихъ птицъ и считаютъ общимъ признакомъ ихъ строеніе крыльевъ, въ которомъ всегда десять большихъ маховыхъ перьевъ.

Гнѣзда ткачей служатъ великолѣпнымъ украшеніемъ нѣкоторыхъ деревьевъ средней Африки и южной Азіи. Эти пернатые представители строительнаго искусства предпочитаютъ всѣмъ остальнымъ такія деревья, которыя растутъ около воды, и птицы иногда совершенно покрываютъ ихъ своими гнѣздами. Поселенія ткачей могутъ поэтому считаться даже выдающимся отличительнымъ признакомъ средней Африки, Индіи и острововъ Индійскаго архипелага. Для этихъ своеобразныхъ архитекторовъ характерно то, что они всегда гнѣздятся большими обществами. Одно гнѣздо ткача на деревѣ—явленіе рѣдкое; обыкновенно ихъ находятъ 20, 30, даже 100 и болѣе. Необыкновенная прочность этихъ искусно построенныхъ гнѣздъ позволяетъ имъ цѣлыя годы выдерживать вѣтеръ и непогоду и потому можетъ случиться, что на томъ же деревѣ, которое занято поселеніемъ этихъ птицъ, висятъ еще гнѣзда трехъ или четырехъ предшествовавшихъ лѣтъ. Такое украшеніе въ предѣлахъ области распространенія самыхъ искусныхъ ткачей можно замѣчать всюду, какъ въ горахъ, такъ и на равнинѣ, какъ въ уединенномъ лѣсу, такъ и непосредственно надъ домомъ поселенца.

Образъ жизни нѣкоторыхъ видовъ ткачей въ Нижней Гвинее описываетъ Пехуэль Леше. «Изъ ткачей гнѣздятся въ селахъ и факторіяхъ, или около нихъ на малочисленныхъ пальмахъ, а еще охотнѣе на отдѣльно стоящихъ хлопчатникахъ, *Plouceus nigerimus* и *P. cinctus*. Въ густой листьѣ послѣднихъ остаются отчасти скрытыми не только сотни, но даже тысячи гнѣздъ, столь же прочно какъ и искусно сплетенныхъ въ видѣ кошелевковъ. На масляныхъ пальмахъ, которыя искусные строители обыкновенно совершенно лишаютъ ихъ перистыхъ листьевъ, гнѣзда эти тѣмъ болѣе бросаются въ глаза. Такъ какъ туземцы и не думаютъ преслѣдовать эти безпокойныя стаи, то птицы вовсе не заботятся о близости человѣка. Онѣ настолько же безобидны, какъ дѣятельны и трудолюбивы; ссорясь изъ за лучшихъ мѣстъ, при высиживаніи птенцовъ, во время ѣды или дѣлая попытки пѣть, онѣ производятъ хотя и большой, но безобидный шумъ. Для тканья онѣ приносятъ себѣ гибкій и прочный матеріалъ, охотнѣе всего съ ближайшихъ масляныхъ пальмъ, но сначала избираютъ обыкновенно одну опредѣленную пальму, которой при этомъ приходится плохо. Онѣ дѣйствуютъ при этомъ совершенно цѣлесообразно: порхая, схватываютъ клювомъ край перистаго листочка тамъ, гдѣ онѣ сидятъ на черешкѣ, и отдѣляютъ отъ него узкую ленточку по всей длинѣ; такимъ же образомъ онѣ добываютъ вторую, третью и т. д., пока отъ листочка не останется одна только тонкая срединная жилка. Затѣмъ онѣ принимаютъ за другой ближайшій листочекъ, потомъ за слѣдующіе и наконецъ, когда на одномъ гигантскомъ опахалѣ не осталось болѣе ни слѣда зелени, онѣ общипываютъ сосѣдній. Если этой работой занято очень много птицъ, она производится на нѣсколькихъ листьяхъ одновременно. Прилежно, безъ отдыха вьются маленькіе строители вокругъ вершины: безъ конца прилетаютъ и улетають, унося съ собою длинныя развѣвующіяся ленточки; на человѣка, который смотритъ снизу на это необыкновенное опустошеніе, они не обращаютъ вниманія. Проходитъ лишь короткое время—и вся вершина гордой пальмы исчезла; то, что отъ нея осталось, похоже на прутья метлы. Затѣмъ производится нападеніе на вторую и третью, и иногда подвергается такому разграбленію дюжина пальмъ прежде, чѣмъ городъ гнѣздъ оконченъ».

Настоящіе ткачи (*Plouceinae*) самые крупные представители семейства, получившаго отъ нихъ свое названіе, и являются его типическими представителями. Они по

большей части имѣютъ вытянутое тѣло и отличаются кромѣ того относительно длиннымъ и тонкимъ, хотя все еще крѣпкимъ коническимъ клювомъ, ногами съ высокой плюсной и длинными пальцами, вооруженными крѣпкими, сильно согнутыми когтями, длинными, но тупыми крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ четвертое обыкновенно длиннѣе всѣхъ, и короткимъ, слегка закругленнымъ хвостомъ. Поэтому ихъ едва-ли можно смѣшать съ другими представителями того-же семейства. Желтый или красновато-желтый и черный—являются преобладающими цвѣтами ихъ оперенія; но встрѣчаются также ткачи преобладающаго черного, красного, воробьиного сѣраго и бѣлаго цвѣта. Голова или лицо окрашена обыкновенно темнѣе; спина по большей части зеленоватая или красновато-желтая, нижняя сторона чисто-желтая, свѣтло или темно-красная.

Всѣ ткачи встрѣчаются очень часто и отличаются общежительностью, которая не нарушается даже въ періодъ размноженія. По окончаніи птенцовой поры они соединяются въ стаи, которыя очень часто возрастаютъ до многихъ тысячъ, и нападенія ихъ на поляхъ подчасъ могутъ быть по истинѣ опустошительными. Долгое время кочуютъ они съ мѣста на мѣсто въ странѣ, линяютъ и въ заключеніе возвращаются къ тому-же дереву, которое служило колыбелью имъ или ихъ птенцамъ, или по крайней мѣрѣ въ мѣста, близкія къ нему. Здѣсь въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ царствуетъ очень усиленная дѣятельность. Постройка гнѣздъ требуетъ много времени, а птицы такъ усердны и такъ любятъ строить, что часто разрываютъ почти совершенно готовое гнѣздо и строятъ новое. Всѣ гнѣзда безъ исключенія построены искусно и сотканы то изъ растительныхъ волоконъ, то изъ гибкихъ травинокъ, которыя птицы дѣлаютъ особенно гибкими, увлажняя ихъ слюною. Вѣроятно всѣ ткачи выводятъ птенцовъ нѣсколько разъ въ годъ, и этимъ можно объяснить, почему даже въ мало различающихся мѣстностяхъ одной страны находятъ свѣжія гнѣзда и яйца въ различные мѣсяцы года. Въ такихъ гнѣздахъ птенцы хорошо укрыты. На гибкихъ вѣтвяхъ не можетъ удержаться ни одна изъ мартышекъ, которыя такъ любятъ грабить гнѣзда, и никакое другое хищное млекопитающее; если оно приближается съ хищническими цѣлями, то падаетъ на землю или въ воду. У нѣкоторыхъ видовъ, какъ напримѣръ у ткача-магали, гнѣздо еще иначе защищено отъ нападеній, такъ какъ родители, строя гнѣздо, вплетаютъ въ него шипы, иглами наружу. Внутри гнѣзда и старые и молодые ткачи находятся въ безопасности отъ всякаго обычнаго для нихъ врага.

Жители восточной Африки равнодушно смотрятъ и на эти произведенія искусства птицъ; но другіе народы хорошо наблюдали ихъ, хотя эти наблюденія отчасти приняли сказочную форму. Такъ, въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ находили комки глины, и народъ тотчасъ сумѣлъ объяснить себѣ это, говоря, что ткачъ прилѣпляетъ ночью къ этой глинѣ свѣтящихся жуковъ, чтобы освѣщать свое гнѣздо. По словамъ Бернштейна, прочность постройки ткача-бая послужила основой для малайскаго сказанія, будто-бы тотъ, кому удастся разнять одно изъ такихъ гнѣздъ, не сломавши ни одной изъ составляющихъ его соломинъ, найдетъ внутри его золотой шаръ.

Сѣмена различнаго рода, именно зерна злаковъ и другихъ растеній, а также сѣмена тростника составляютъ любимую пищу ткачей. Кромѣ того они очень ревностно охотятся за насѣкомыми и именно ими выкармливаютъ свое относительно многочисленное потомство. Набѣги на поля они предпринимаютъ главнымъ образомъ по окончаніи птенцовой поры, когда они образуютъ большія стаи. Въ это время они принуждаютъ человѣка, особенно обитателя бѣдныхъ мѣстностей, для котораго съ хлѣбнымъ полемъ связано все, къ серьезной защитѣ. Кромѣ человека они имѣютъ много опасныхъ враговъ въ соколахъ и ястребахъ своей родины.

Въ Европу привозятъ довольно часто нѣсколько видовъ ткачей, но почти исключительно западно-африканскихъ, такъ какъ послѣднія птицы болѣе живучи и легко переносятъ неудобства, лишения и мученія пересылки, отлично выживаютъ въ клѣткѣ при сколько-нибудь соответственномъ уходѣ и, если имъ дадутъ возможность примѣнять свое искусство, скоро начинаютъ ткать, и въ обществѣ себѣ подобныхъ легко приступаютъ къ размноженію. Поэтому изъ всѣхъ птицъ того-же семейства ихъ можно особенно рекомендовать для содержанія въ клѣткѣ. Пѣніе ихъ конечно неважное, но зато они доставляютъ истинное наслажденіе хозяину, чрезвычайно прилежно занимаясь тканьемъ своихъ искусныхъ гнѣздъ.

* * *

Ткачи (*Textor*, *Viehweber*, *Tisserands*) отличаются значительной величиною, крѣпкимъ, коническимъ, сжатымъ съ боковъ, вздутымъ при основаніи клювомъ съ извилистыми краями, очень сильными ногами и кругловатыми крыльями, изъ маховыхъ перьевъ которыхъ четвертое или пятое длиннѣе всѣхъ.

Въ Восточномъ Суданѣ я познакомился съ **Бѣлоклювымъ ткачемъ** (*Textor albirostris*, *Alecto*, *Dertroides*, *Alecto*, *Alectornis albirostris*, *Alektoweber*, *Tisserand alecto*). Длина его достигаетъ 25, размахъ крыльевъ 36, длина крыла 12, хвоста 9 см. Опереніе одноцвѣтное, матово-блестящее черное, но мелкія перья у корня бѣлыя и этотъ цвѣтъ мѣстами обнаруживается, маховыя перья отъ второго до пятого снаружи съ узкой бѣловатой каемкой по срединѣ, глаза каріе, клювъ рогового желтаго цвѣта, по расщепу и на концѣ голубоватаго; ноги грязно-сѣрыя.

Второй видъ этого рода **Свѣтлый ткачъ** (*Textor dinemelli*, *Alecto dinemelli*, *Dinemellia leucosephala*, *Viehweber*, *Tisserand à tête blanche*) замѣтно меньше, длиною лишь 20 см. Голова и нижнія части его бѣлаго цвѣта, нижнія шейныя перья, маховыя перья и хвостъ шоколадно-бураго цвѣта, всѣ перья съ болѣе свѣтлыми каемками; маленькое пятно на сгибѣ крыла, надхвостье и кроющія перья хвоста ярко-краснаго цвѣта; наконецъ уздечка чернаго. Клювъ нечистаго черно-голубого цвѣта, ноги темно-голубыя.

Бѣлоклювый ткачъ населяетъ всю среднюю Африку, свѣтлый ткачъ внутреннюю Африку и Абиссинію. Перваго замѣняютъ въ южной и восточной Африкѣ близкіе ему родичи, **Буйволоный** и **Средній ткачи**, о которыхъ я долженъ упомянуть потому, что послѣдующее описаніе образа жизни относится отчасти и къ нимъ.

Свѣтлые ткачи принадлежатъ къ наиболѣе бросающимся въ глаза представителямъ семейства. Имъ не чужды нравы и привычки ихъ родичей, но они тѣмъ не менѣе во многихъ отношеніяхъ напоминаютъ дроздовъ; это ткачи, но ихъ гнѣзда болѣе похожи на гнѣзда нашихъ сорокъ, чѣмъ на тѣ изящныя постройки, которыя возводятъ ихъ родичи. Всѣ виды живутъ преимущественно на пастбищахъ, гдѣ пасется скотъ, охотнѣе всего по близости стадъ, по большей части въ обществѣ блестящихъ скворцовъ и волоклюевъ. О буйволовомъ ткачѣ Смитъ говоритъ слѣдующее: «Мы встрѣтили эту птицу только когда перешли на сѣверъ за 25 градусъ южной широты; какъ увѣряютъ туземцы, она рѣдко встрѣчается далѣе на югъ, по той простой причинѣ, что буйволы тамъ рѣже. Мы встрѣчали этихъ птицъ всегда въ обществѣ буйволовъ, на сплнѣ которыхъ онѣ сидѣли и между которыми летали. Онѣ прыгали по этимъ животнымъ, какъ волоклюи и заботились лишь о своей пищѣ, состоявшей преимущественно изъ клещей, сидѣвшихъ

на буйволахъ. Въ этомъ достаточно убѣдило насъ вскрытіе желудковъ этихъ ткачей. На землю ткачи спускались за тѣмъ, чтобы обыскать пометъ буйволовъ. Кромѣ той услуги, которую они оказываютъ послѣднимъ, обирая упомянутыхъ паразитовъ, они приносятъ своимъ друзьямъ пользу еще и тѣмъ, что предупреждаютъ ихъ, если покажется что-нибудь подозрительное. Тогда всѣ буйволы поднимаютъ головы и убѣгаютъ. Буйволовые ткачи посѣщаютъ только буйволовъ и эти послѣдніе не имѣютъ другихъ сторожей, между тѣмъ какъ волоклюи живутъ около носороговъ.

Свѣтлый ткачь. *Textor dinemelli* и Бѣлоклювый ткачь. *Textor albirostris* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Бѣлоклюваго ткача на буйволахъ я правда не наблюдалъ, но не сомнѣваюсь, что и онъ оказываетъ подчасъ такіа-же услуги стадамъ скота въ Восточномъ Суданѣ. Онъ, впрочемъ, не принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ этой страны. Я находилъ его лишь къ югу отъ 16 градуса сѣверной широты и притомъ нечасто. Гдѣ онъ водится, онъ живетъ колоніями; по одиночкѣ видѣть его не случается. Стаи этихъ ткачей не такъ многочисленны, какъ у благородныхъ ткачей, но все-же довольно велики, въ чемъ можно лучше всего убѣдиться по числу гнѣздъ поселенія. Я насчитывалъ на отдѣльныхъ деревьяхъ по 3, 6, 13 и 18 гнѣздъ.

Однако нужно довольно большое дерево, чтобы поддерживать такое количество этих странных построекъ. Дѣло въ томъ, что каждое гнѣздо сравнительно съ величиною птицы представляетъ громадную постройку, по крайней мѣрѣ въ 1 м. въ диаметрѣ. Оно состоитъ изъ прутьевъ и вѣтвей, особенно изъ вѣтвей мимозы, которая ткачи пускаютъ въ дѣло, несмотря на ихъ шипы. Эти вѣтви птица кладетъ и сплетаетъ въ развилинахъ сучковъ, но такъ неправильно и беспорядочно, что сквозь стѣны гнѣзда можно заглянуть почти въ самую внутренность его. Снаружи гнѣздо похоже на скребницу. Внутри его ведетъ входъ, сначала настолько широкій, что въ него можно удобно всунуть кулакъ, но затѣмъ болѣе и болѣе суживающійся и переходящій наконецъ въ ходъ, который какъ разъ соответствуетъ величинѣ птицы. Внутренняя часть гнѣзда наполнена тонкими корешками и травою. Гейглингъ указываетъ, что гнѣзда бывають иногда еще гораздо больше, именно могутъ достигать 2—3 м. въ длину и 1—1,5 м. въ ширину и высоту. Въ такой кучѣ устроены въ такомъ случаѣ 3—8 гнѣздъ; каждое изъ нихъ выстлано, какъ было описано, тонкой травою и перьями и заключаетъ 3—4 яйца, длиною въ 26 м.м., толщиною въ 20 м.м. съ очень тонкой скорлупою, разрисованныхъ на бѣловатомъ фонѣ большими и меньшими, сѣрыми и печеночно-бурыми точками и пятнами. Такое дерево, покрытое гнѣздами, бываетъ въ извѣстныя времена года населено крайне шумнымъ обществомъ. По близости Харгума я наблюдалъ, что черный ткачъ высиживалъ въ началѣ дождливаго времени года, слѣдовательно въ концѣ августа. Въ Самхарѣ онъ гнѣздится въ апрѣлѣ. Я не знаю, производятъ-ли ткачи и въ остальное время года такъ много шума, какъ въ пору размноженія. О поселеніяхъ, съ которыми я познакомился, можно было знать уже издали, по крику птицъ. Голосъ ихъ очень громокъ и разнообразенъ. Въ нѣсколько минутъ, которыя я пробылъ подъ деревомъ, я записалъ слѣдующіе звуки: одинъ изъ самцовъ началъ: «ти ти терр терр церр цэ», другой отвѣчалъ: «гаи гаи цэ», третій издалъ «гуик гуик гук гук гэ». Другіе кричали: «гю гю гю гюгэ», причѣмъ нѣкоторые изъ всѣхъ силъ надсаживались. Точно въ роѣ пчелъ одни прилетали, другіе отлетали и казалось, что всѣ вылетѣвшіе птенцы собрались на деревѣ, такъ какъ значительное множество птицъ не соответствовало немногочисленнымъ гнѣздамъ.

Бѣлоклювый ткачъ мастерски лазаеетъ, быстро и ловко бѣгаетъ и легко летаетъ, часто плавнымъ полетомъ, но довольно медленно и замѣчательно высоко поднимая крылья. Правъ его миролюбивый, склонность къ обществу не меньше, чѣмъ у его родичей. Въ клѣткѣ онъ уживается со всѣми птицами, которыя не задѣваютъ его, отлично выживаетъ при простой пищѣ, а при надлежащемъ уходѣ приступаетъ къ размноженію.

* * *

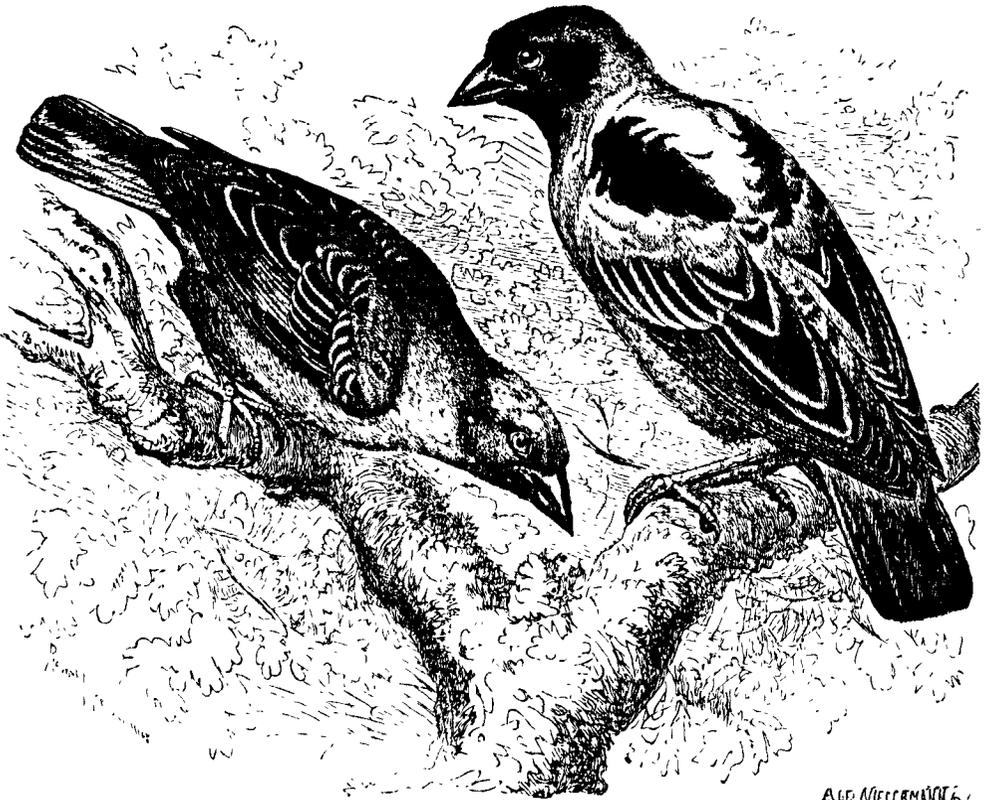
Два вида рода **Древесныхъ ткачей** (*Ploceus*), которыхъ я много разъ наблюдалъ въ сѣверо-восточной Африкѣ и позднѣе въ клѣткахъ, ближе познакомить насъ съ этими замѣчательными птицами.

Золотистый ткачъ (*Ploceus galbula*, *Hyphantornis*, *Textor galbula*. *Pirolweber*. *Tisserand doré*) принадлежитъ къ меньшимъ видамъ рода; длина его равна около 13, длина крыла 7, хвоста 4,5 см. Лобъ до передняго края глазъ, уздечка, стороны головы и подбородокъ его каштаново-красно-бураго цвѣта, верхняя часть головы, шея и нижняя сторона желтаго, верхнія части оливково-желтаго, на надхвостыи болѣе яркаго, маховыя и ихъ кроющія перья оливково-бураго, снаружи оливково-желтаго, внутри съ широкими сѣрно-желтыми краями; самыя большія верхнія кроющія перья крыла на концѣ желтыя и образуютъ поперечную полоску на крылѣ, хвостовыя перья буровато-оливково-желтыя, снаружи и на концѣ съ оливково-желтыми

каемками. Глаза красные, клювь черный, ноги мясного-краснаго цвѣта. У самки оливково-зеленовато-сѣрая верхняя сторона разрисована на верхней части спины и на плечахъ темными стержневыми пятнами; полоска черезъ глаза, стороны головы и нижняя части блѣдно-желтаго цвѣта, переходящаго на брюхѣ въ бѣловатый.

Золотистый ткачъ водится въ Абиссиніи отъ берега Краснаго моря до высокихъ горъ, а также во всемъ Восточномъ Суданѣ, на удобныхъ мѣстахъ въ большомъ числѣ.

Абиссинскій ткачъ (*Ploceus abyssinicus*, *larvatus*, *flavoviridis*, *Hyphantornis*

А. С. Миссина

Золотистый ткачъ. *Ploceus galbula* и Абиссинскій ткачъ. *Ploceus abyssinicus* ³/₅ наст. вел.

abyssinica, *larvata*, *flavoviridis*, *Loxia abyssinica*, *Textor flavoviridis*. *Larvenwebervogel*, *Tisserand d'Abyssinie*) замѣтно больше золотистаго ткача. Длина его достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 28, длина крыла 9, хвоста 5,3 см. Передняя часть головы и горло его чернаго цвѣта, переходящаго на задней части головы въ красно-бурый; затылокъ, задняя часть шеи и нижняя сторона ярко-желтыя, два пятна на плечахъ черныя, темно-оливково-бурья маховья перья снаружи съ узкими оливково-желтыми, внутри съ широкими сѣрно-желтыми каймами; малыя маховья и плечевыя перья съ ярко-желтыми краями; блѣдно-оливково-желто-буроватая рулевая перья изнутри съ широкими желтыми каймами. Глаза кармино-красныя, клювь черный, ноги красновато-роговаго-цвѣта. Въ зимней одеждѣ самецъ похожъ на самку, у которой верхняя сторона на оливково-зеленомъ фонѣ разрисована темными стержневыми пятнами; брови, стороны головы и нижняя части его желтаго цвѣта, и, подобно ей, онъ имѣетъ

поперечную полоску на крыльяхъ, образованную желтыми краями самыхъ большихъ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла.

Древесные ткачи соединяютъ въ себѣ до извѣстной степени качества различныхъ вьюрковъ. Это выражается во всемъ ихъ характерѣ. Только неизмѣнная при всякихъ обстоятельствахъ общительность составляетъ ихъ особенность. По утрамъ и по вечерамъ они появляются стаями на извѣстныхъ деревьяхъ, въ пору размноженія понятно на тѣхъ, на которыхъ находятся гнѣзда. Самцы сидятъ на верхушкахъ высочайшихъ вѣтвей и поютъ. Пѣніе однако не прекрасное, но въ высшей степени пріятное. Самецъ при этомъ мурлыкаетъ, шелкаетъ, щебечетъ и свиститъ въ перемежку, такъ что въ пѣніи его положительно нельзя разобраться. Самки садятся рядомъ съ самцами и слушаютъ ихъ пѣсни съ большимъ вниманіемъ. Общество проводитъ время такимъ образомъ, пока не пройдетъ часа два послѣ восхода солнца; затѣмъ оно отправляется за пищей. Въ полуденные часы различныя стаи собираются вмѣстѣ, иногда тысячами, въ кустахъ вокругъ прудовъ или въ такихъ кустахъ, которые растутъ на мелкомъ мѣстѣ въ рѣкѣ, кричатъ и шумятъ здѣсь, какъ наши воробьи и вдругъ все сразу бросаются къ водѣ, дѣлаютъ глотокъ и какъ можно быстрее спѣшатъ обратно въ кусты. Они имѣютъ достаточныя основанія для этого поспѣшнаго питья, такъ какъ главные враги ихъ, ястреба и мелкіе соколы, подкарауливаютъ ихъ съ деревьевъ и съ быстротою стрѣлы бросаются въ стаю ихъ, какъ только они оставляютъ безопасный кустарникъ. Обыкновенно стая ткачей остается цѣлые часы на одномъ мѣстѣ и въ теченіи этого времени она слетаетъ къ водѣ быть можетъ, 10 или 20 разъ. Послѣ полудня птицы снова отправляются на поиски за кормомъ, а вечеромъ стая собирается на томъ-же деревѣ, какъ утромъ, чтобы пѣть ту же пѣсню. Ливніе, которое въ Восточномъ Суданѣ происходитъ въ іюль и августѣ, соединяетъ еще большія стаи чѣмъ обыкновенно, и эти стаи долгое время кочуютъ вмѣстѣ.

Въ первобытныхъ лѣсахъ по Голубому Нилу первыя гнѣзда были устроены въ началѣ дождливаго времени и уже въ августѣ я находилъ яйца. Напротивъ, въ странѣ Богосовъ древесные ткачи выводили птенцовъ въ мартѣ и апрѣлѣ. Большинство видовъ кладутся по крайней мѣрѣ два раза въ годъ, всегда весною. При постройкѣ гнѣзда всегда дѣлается сначала остовъ изъ длинныхъ травинокъ, который и прикрѣпляется къ самому концу длинныхъ и гибкихъ вѣтвей. По немъ ясно можно различить уже форму гнѣзда; однако оно еще повсюду прозрачно. Затѣмъ постройка ведется дальше, причѣмъ съ особенной тщательностью утолщаются стѣнки гнѣзда. Первыя травинки протягиваются сверху внизъ, чтобы получить такимъ образомъ по возможности непроницаемую для воды крышу, потомъ травинки продѣваются черезъ остовъ и въ поперечномъ направленіи. Съ одной стороны, обыкновенно южной, остается открытымъ круглое входное отверстіе. Гнѣздо по формѣ похоже теперь на тупой конусъ, поставленный на полушаръ. Однако оно еще не закончено; теперь къ нему придѣлывается прежде всего входная трубка. Она прикрѣпляется къ входному отверстію, проходитъ внизъ по всей стѣнкѣ и плотно связывается съ нею. На нижнемъ концѣ ея находится входное отверстіе. Въ заключеніе окончательно выстраивается внутренняя часть гнѣзда и выстилается подстилкой изъ крайне тонкихъ травинокъ. Если самцу, единственному строителю гнѣзда, покажется, что одна вѣтвь недостаточно прочна, то онъ соединяетъ сначала двѣ вѣтви мостикомъ, который затѣмъ и служитъ мѣстомъ прикрѣпленія качающейся колыбели. Какъ скоро сдѣланъ остовъ, работа идетъ впередъ очень быстро, какъ ни трудно птицѣ подконецъ свовывать новыя травинки между сплетенными ранѣе. Когда постройка гнѣзда закончена, самка влетаетъ и вылетаетъ, чтобы ис-

править внутри гнѣзда, что покажется нужнымъ. Непосредственно вслѣдъ затѣмъ, иногда уже раньше, чѣмъ гнѣздо окончено, она начинаетъ класть яйца. Самецъ продолжаетъ усердно строить даже тогда, когда самка уже насиживаетъ яйца. Пока работаетъ, онъ находится въ величайшемъ возбужденіи, принимаетъ самыя странныя положенія, трепещетъ крыльями и поетъ безъ конца. Когда гнѣздо наконецъ сдѣлано, онъ принимается за другое, разрушаетъ подчасъ и его, чтобы изъ строительныхъ матеріаловъ построить третье, причемъ ни первое, ни второе не идетъ въ дѣло.

Кладка состоитъ изъ 3—5 яицъ, длиною въ 20—25 м.м. и толщиною въ 13—16 м.м., покрытыхъ на зеленомъ фонѣ бурыми пятнами. Въ нѣкоторыхъ гнѣздахъ, совершенно похожихъ на описанныя, я находилъ однако яйца, которые хотя и были по величинѣ равны только что описаннымъ, но вмѣсто зеленого имѣли основной цвѣтъ бѣлый. Гейглингъ тоже указываетъ, что яйца древесныхъ ткачей бываютъ бѣлаго, красноватаго и зеленого цвѣта. Самка высидываетъ одна и беретъ на себя также всѣ родительскія заботы. Птенцы выдупляются послѣ 14-дневнаго насиживания; три недѣли спустя они вылетаютъ, но сначала возвращаются подъ руководствомъ матери обратно въ гнѣздо, пока наконецъ не станутъ самостоятельными. Отецъ не заботится о нихъ.

Красивое зрѣлище представляютъ древесныя ткачи у гнѣзда. Дѣятельность ихъ, когда самки сидятъ на яйцахъ, а еще болѣе, когда вырастаютъ птенцы, необыкновенно велика. Почти каждую минуту самка подлетаетъ, привѣшивается снизу къ гнѣзду и всовываетъ головку во входное отверстіе, чтобы кормить голодныхъ птенцовъ. А такъ какъ гнѣзда висятъ близко одно около другого, и много птицъ прилетаетъ и отлетаетъ, то все дерево дѣйствительно бываетъ похоже на пчелиный улей.

Ткачи прекрасно переносятъ неволю и регулярно выводятъ птенцовъ, если ихъ перевести цѣлой колоніей въ одно общее помѣщеніе и снабдить соответствующимъ матеріаломъ для постройки гнѣздъ. Объ ихъ жизни, размноженіи и уходѣ за ними я уже писалъ въ моей книгѣ «О пойманныхъ птицахъ» (*Gefangene Vögel. Vrehm*).

Ткачиковыя вьюрки (*Spermestinae. Weberfinken*) свойственны всей области распространенія семейства. Это маленькія птички съ короткимъ толстымъ или тонкимъ коническимъ клювомъ безъ крючка на концѣ, слабыми ногами и средней величины крыльями, обыкновенно съ плохо развитымъ первымъ маховымъ перомъ. Въ ступенчатомъ хвостѣ ихъ среднія перья иногда нѣсколько длиннѣе остальныхъ. Тѣло покрыто плотно прилегающимъ опереніемъ, разнообразнымъ смотря по возрасту и полу.

Принадлежащія къ этому подсемейству виды на своей родинѣ населяютъ рѣдкія рощи, камыши и мѣста, покрытыя высокою травой или даже почти лишенныя растительности. Своей общезитательностью, веселостью и рѣзвостью они оживляютъ намѣченныя ими мѣстности, такъ какъ, за исключеніемъ времени вывода птенцовъ, ткачиковыя вьюрки очень подвижны. Въ поискахъ за пропитаніемъ они забираются далеко въ глубь страны и попадаютъ тогда всюду, гдѣ земля доставляетъ имъ даже скудное насущное пропитаніе. Этотъ недостатокъ продовольствія самцы стараются вознаградить своимъ усердіемъ въ пѣніи; но большинство поетъ очень плохо и почти не въ состояніи достигнуть искусства ихъ счастливыхъ соперниковъ, вьюрковъ. Что же касается до рѣзвости, то ткачиковыя вьюрки не уступаютъ ни одному изъ сочленовъ семейства. Они хорошо летаютъ, нѣкоторые виды съ быстротою стрѣ-

лы, сильно шумя при этомъ крыльями. Несмотря на слабо развитыя ножки, они ловко скачутъ по землѣ и лазаютъ вверхъ и внизъ по стеблямъ травы и камыша. Время вывода птенцовъ у нихъ совпадаетъ съ началомъ весны на ихъ родинѣ, но длится дольше. Большая часть видовъ сидитъ еще на яйцахъ, когда жаркое лѣто уже освободило землю отъ зимнихъ бѣдствій. Съ наступленіемъ лѣта кончатся ихъ заботы: къ этому времени посѣваетъ ихъ кормъ, который главнымъ образомъ состоитъ изъ сѣмянъ всякаго рода злаковъ и тростниковыхъ растений. Несмотря на ихъ красивое опереніе и веселый нравъ, ткачиковыхъ вьюрковъ нигдѣ не любить. Они позволяютъ себѣ нападать на посѣвній зерновой хлѣбъ и ставятъ поселянъ въ необходимость гнать ихъ съ полей, куда они налетаютъ тысячами. Кромѣ человѣка, отъ котораго они терпятъ беспощадное гоненіе, ихъ преслѣдуютъ всевозможные хищники ихъ родины, начиная съ благородныхъ соколовъ и кончая виверрами, хищными сумчатыми и даже змѣями и большими ящерицами. Для извѣстныхъ породъ соколовъ они служатъ обыденной пищей.

Съ давнихъ поръ ткачковые вьюрки привозятся живыми на наши рынки подъ именемъ «Бенгалистовъ». Едва-ли найдется теперь хоть одно судно, приходящее съ западныхъ береговъ Африки или изъ Австраліи, которое не имѣло бы на своей палубѣ значительнаго числа экземпляровъ этихъ птичекъ. При самомъ простомъ уходѣ они годами выживаютъ въ клѣткахъ и несутся, если представится возможность, не стѣсняясь малыми размѣрами помѣщенія. Поэтому они въ высшей степени интересны для начинающаго любителя комнатныхъ птицъ, для котораго каждое проявленіе ихъ жизни еще ново и привлекательно. Впрочемъ въ этомъ отношеніи ихъ нельзя сравнить съ вьюрками. Они настолько отстали въ сравненіи съ соловьями, дроздами и другими подобными имъ комнатными птицами, что опытный птицеводъ невольно улыбнется, когда услышитъ прославленіе ихъ достоинствъ.

* * *

Когда вызрѣваетъ въ Южной Нубіи зеленая дурра, покрывающая каждый плодородный клочекъ Нильскаго берега, можно быть свидѣтелемъ чуднаго зрѣлища. Скромное чирикающее пѣніе невольно направляетъ ваше вниманіе на опредѣленный уголокъ поля, и тамъ на высокомъ початкѣ, словно мерцающій яркій язычекъ пламени, вы увидите прекрасную птичку, которая ни на минуту не остается въ покоѣ. Это и есть тотъ пѣвецъ, чья пѣсенка остановила ваше вниманіе. Простое пѣніе находитъ скоро откликъ у другихъ птичекъ. То тутъ, то тамъ раздаются отзывные голоса и разносятся по всему полю. Десятки, быть можетъ сотни ярко-красныхъ птичекъ появляются на верхушкахъ стеблей и служатъ чуднымъ нарядомъ для однообразной зелени хлѣбнаго поля. Каждый пѣвецъ стремится наверхъ какъ бы для того, чтобы стовсюду показать красоту своего убора. Онъ взмахиваетъ крылышками, топорщитъ перышки, непосѣдливо вертится на мѣстѣ и положительно красуется въ яркихъ лучахъ солнца. Столь же внезапно, какъ появился, онъ вдругъ исчезаетъ, но съ тѣмъ, чтобы черезъ нѣсколько минутъ снова появиться наверху. Еще теперь въ моей памяти жива эта чудная картина то исчезающихъ, то вновь появляющихся огненныхъ язычковъ, сверкающихъ на темно-зеленомъ морѣ стеблей.

Птичка, о которой идетъ рѣчь, носитъ названіе **Огненнаго ткача** или **Вьюрка** (*Euplectes franciscanus, ignicolor, Pyromelana franciscana, Loxia franciscana, Fringilla ignicolor, Ploceus franciscanus, ignicolor, Feuerweber, Tisserand ignicolor*) Какъ и его сородичи, онъ въ особенности характеренъ своимъ опереніемъ. Въ брачномъ нарядѣ это опереніе отличается мягкостью и бархатистостью и, кромѣ крыльевъ и

рулевыхъ перьевъ, окрашено въ черный и огненно-красный цвѣтъ. Остальными признаками являются: довольно крѣпкій, но не короткій, съ дугообразной спинкой клювъ, края котораго подогнуты внутрь и къ концу. Спинка его остроугольно примыкаетъ ко лбу. Ножки длинныя съ тонкими пальцами, вооруженными сильными коготками. Крылья доходятъ до половины хвоста, ихъ первое маховое перо необыкновенно узко и коротко, четыре слѣдующихъ одинаковой между собой длины. Хвостъ короткій и мало округленный. До періода спариванія и самцы, и самки, и молодые имѣютъ одно общее опереніе, похожее на опереніе воробья. Ко времени кладки яицъ опереніе самцовъ сильно измѣняется. Перемѣна эта распространяется не только на окраску перьевъ, но и на ихъ качество. Перья становятся не только мягки и бархатисты, но около хвоста расщепляются, дѣлаются пушистыми и достигаютъ значительной длины. Только маховыя и самыя рулевыя сохраняютъ свой обыкновенный видъ. Въ брачную пору верхняя часть головы, щеки, грудка и брюшко самцовъ—бархатисто-чернаго цвѣта; всѣ остальные части тѣла ярко-красныя, цвѣта киновари, за исключеніемъ только крыльевъ—темно-бурыхъ съ рисункомъ болѣе свѣтлаго бураго-же оттѣнка. Послѣднее происходитъ оттого, что края перьевъ окрашены свѣтлѣе, чѣмъ ихъ средняя часть. Кроющія перья хвоста при этомъ нарядѣ достигаютъ такой значительной длины, что они покрываютъ собой рулевыя перья. Зрачекъ у огненнаго ткача бурый, клювъ черный, ноги буро-желтаго цвѣта. У самки окраска въ верхней части сходна съ воробьиной, снизу же блѣдно-желтоватобурая, всего свѣтлѣе на горлѣ и брюшкѣ. Надъ глазами идетъ желтая полоска. И клювъ, и ноги простого рогового цвѣта. Длина тѣла 12, размахъ крыльевъ 19, длина крыла 6, хвоста 4 см.

Огненные вьюрки заселяютъ богатая водой поля, покрытыя дуррой, по всей средней Нубіи до отдаленныхъ уголковъ Центральной Африки. Воздѣланныя мѣстности они всегда предпочитаютъ мѣстамъ ненаселеннымъ и только въ случаѣ нужды живутъ въ камышевыхъ заросляхъ. Поле, засѣянное дуррой—ихъ рай, откуда ихъ очень трудно выгнать. Здѣсь они ведутъ образъ жизни скорѣе камышевки, чѣмъ вьюрка. Подобно ей, они ловко лазаютъ вверхъ и внизъ по стеблямъ, проворно шмыгаютъ по землѣ между камышей и въ случаѣ опасности, также какъ и она, прячутся въ чашу стеблей. Только тогда они начинаютъ вести кочевую жизнь, подобно другимъ вьюркамъ, когда уборка полей лишаетъ ихъ того убѣжища, гдѣ они провели страдное время ухода за яйцами.

Нельзя утверждать, чтобы огненный ткачъ образовалъ настоящія колоніи, но все-таки слѣдуетъ признать, что онъ любитъ общежитіе. Хотя въ порывѣ соревнованія самцы стараются перешеголять друга друга пѣніемъ, токуя на кончикахъ дурры, какъ настоящіе влюбленные глухари, но они рѣдко или даже никогда не доводятъ дѣло до ссоръ. Ихъ соревнованіе совершенно безобиднаго свойства; они стараются доставить другъ другу скорѣе большое удовольствіе, нежели непріятность. Гнѣзда огненныхъ вьюрковъ вьются также очень нескучно, но далеко не такъ прочно, какъ гнѣзда остальныхъ ткачиковыхъ вьюрковъ. Они строятъ ихъ изъ травянистыхъ стеблей и не подвѣшиваютъ, а вьютъ между стеблями дурры или просто среди высокой травы въ небольшихъ кустарникахъ, покрытыхъ или окруженныхъ высокой растительностью. Форма и величина гнѣздъ бываетъ очень разнообразна: одни изъ нихъ скорѣе круглы, другія сильно вытянуты. Длинную ось ихъ можно считать около 18—20 см. при поперечникѣ въ 10—12 см. Сквозяція стѣнки ихъ устроены на подобіе сѣтки и такъ, что сквозь нихъ можно видѣть небесно-голубыя яички, которыхъ бываетъ отъ 3 до 6. Я думаю, что самка одна насиживаетъ яйца, но не могу говорить объ этомъ съ увѣренностью; точно также мнѣ неизвѣстна продолжительность

насиживания яицъ. Могу сказать только то, что молодые вылетаютъ изъ гнѣздъ до жатвы дурры, и что тотчасъ послѣ этого и старыя, и малыя сбиваются въ большія стаи и становятся тогда пагубой страны. Бѣдные нубійцы, принужденные дорожить каждымъ вздѣланнымъ и засѣяннымъ клочкомъ плодороднаго ила, ставятя въ необходимость ограждать свои поля отъ губительныхъ нападений этихъ птичекъ, бывшихъ доселѣ лучшимъ украшеніемъ ихъ полей. Маленькіе грабители не дозволяютъ стражѣ ни на минуту забывать своихъ обязанностей.

Огненные въюрки нерѣдко живыми появляются на нашихъ рынкахъ, но очень часто проходятъ незамѣченными: ихъ чудное опереніе бываетъ на нихъ только три мѣсяца въ году. Въ клѣткахъ ихъ можно съ успѣхомъ держать на самомъ обыкновенномъ кормѣ. При извѣстномъ уходѣ они способны и размножаться.

Вдовушки (*Vidua*, *Witwen*, *Veuves*). Родина вдовушекъ—Африка, и область распространенія ихъ въ этой части свѣта весьма обширна, но онѣ имѣютъ своихъ особыхъ представителей одинаково на югѣ, западѣ и сѣверѣ. Изъ всѣхъ ткачиковыхъ онѣ наиболѣе напоминаютъ подорожниковъ. Въ пору высиживания онѣ живутъ парочками. Послѣ этой поры онѣ смѣняютъ свое опереніе и соединяются въ большія стаи. вмѣстѣ съ одеждой самцы мѣняютъ свой образъ жизни. Длинный тяжелый хвостъ самца, когда онъ щеголяетъ въ брачномъ нарядѣ, ставитъ его въ необходимость собразовать свои движенія съ этимъ уборомъ. Сидя, онъ держитъ перья хвоста свободно опущенными, при ходьбѣ же долженъ нести ихъ высоко поднятыми и всегда особеннымъ образомъ, чего не дѣлаетъ въ другое время. Тотъ же длинный хвостъ оказываетъ вліяніе и на ихъ полетъ, препятствуя быстрымъ движеніямъ, свойственнымъ этимъ птичкамъ въ другое время. Съ замѣтнымъ усиліемъ тащатъ они свой хвостъ во время полета, который замедляется, благодаря все этому же украшенію, при болѣе или менѣе сильныхъ порывахъ вѣтра. Послѣ линіянія движенія ихъ становятся столь же легки и проворны какъ и другихъ ткачиковыхъ. Благодаря порывистымъ взмахамъ своихъ крыльевъ при полетѣ, они описываютъ волнообразную линію. По образу жизни большая часть видовъ представляютъ собою въюрковъ, ищущихъ свое насущное пропитаніе на землѣ. Подобно другимъ родственнымъ видамъ, здѣсь ихъ видишь занятыми подбораніемъ упавшихъ сѣмянъ, составляющихъ ихъ главную пищу. По пути они ловятъ и насѣкомыхъ. Въ продолженіи періода спариванія, когда длинный хвостъ служитъ самцамъ помѣхой, они держатся на деревьяхъ и тамъ выискиваютъ себѣ кормъ. «Вдовушки» пишетъ Пехуэль-Леше изъ западной Африки «въ пору высиживания часто посѣщаютъ деревни и дворы. Здѣсь на открытыхъ мѣстахъ невзрачная самочка поклевываетъ на землѣ, а украшенный мягкими длинными хвостовыми перьями самецъ хвастливо порхаетъ вокругъ, удивляя наблюдателя изяществомъ и граціей своихъ воздушныхъ движеній. Вообще эти птички относятся довѣрчиво къ человѣческому жилью. Подобно ихъ собратьямъ, хорошо извѣстнымъ и въ Европѣ и содержащимся въ клѣткахъ, ихъ привѣтствуютъ какъ дорогихъ гостей, радуясь ихъ появленію и всякій разъ восхищаясь изяществомъ ихъ наряда. Если хотятъ устроить имъ великій праздникъ, стоитъ только разбить нѣсколько принесенныхъ изъ степи термитовыхъ построекъ. Онѣ успѣшно слетаются со всѣхъ сторонъ и устраиваютъ себѣ настоящее пиршество. Въ пестрой толпѣ веселаго общества то и дѣло мелкаютъ даже рѣдкіе виды этихъ птицъ». Время кладки яицъ у вдовушекъ совпадаетъ съ наступленіемъ весны на ихъ родинѣ вскорѣ послѣ того, какъ самцы одѣнутся въ свой чудный брачный нарядъ. Въ Суданѣ онѣ несутся въ концѣ августа, а въ Абиссинскихъ горахъ въ наши весенніе мѣсяцы.

Оперение самца **Райской вдовушки** (*Vidua paradisea*, *Sphaenura*, *verreauxii*, *Emberiza paradisea*, *Fringilla africana*, *macrura*, *paradisea*, *Steganura paradisea*, *sphaenura*, *Paradieswitwe*, *Veuve de paradis*) черного цвѣта. Окружность шеи, ея бока и зобъ окрашены въ оранжево-красный цвѣтъ; остальные части блѣдно-ржаво-темныя. Маховыя перья темно-бурыя съ свѣтло-бурыми каймами. Длина всей птички безъ длинныхъ перьевъ хвоста достигаетъ 15 съ ними 30 см., размахъ крыльевъ 25, длина крыла 8, длина боковыхъ хвостовыхъ перьевъ 6 см.

Райскія вдовушки живутъ въ средней Африкѣ и предпочитаютъ селиться въ рѣдкихъ степныхъ рощахъ. Несмотря на полную безопасность со стороны преслѣдованія человѣка, онѣ неохотно приближаются къ поселеніямъ. Онѣ встрѣчаются повсюду въ древесныхъ заросляхъ средней Африки. Въ птенцовую пору онѣ живутъ парочками, въ другое же время или небольшими обществами, или порядочными стайками. Свой брачный нарядъ самцы носятъ около 4-хъ мѣсяцевъ, которые приходятся на періодъ дождей. Смѣна пера совершается быстро; особенно скоро вырастаютъ длинныя хвостовыя перья. Въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ перья изнашиваются и выпадаютъ съ наступленіемъ жары. Пѣніе самцовъ, особенно старательное въ пору любви, весьма просто, хотя и не лишено нѣкоторой пріятности. Въ противоположность другимъ родственнымъ видамъ райскія вдовушки живутъ между собой въ мирѣ даже и въ брачную пору.

Пойманныя птички уживаются хорошо, выживаютъ нѣсколько лѣтъ и очень неприхотливы. Однако въ неволѣ онѣ не размножаются или это случается лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ.

* *
*

Изъ тонноклювыхъ ткачиковыхъ вьюрковъ я дамъ коротенькое описаніе еще одного вида—**Амаранта** (*Habropuga minima*, *Lagonosticta minima*, *ignita*, *Fringilla minima*, *senegala*, *Estrela minima*, *senegala*, *Pytelia minima*, *Amarant*, *Amaranthe*). Родъ **Амарантовыхъ ткачей** (*Habropuga*), къ которому принадлежитъ эта птичка, заключаетъ въ себѣ маленькихъ представителей изъ семейства ткачиковыхъ вьюрковъ. Амарантъ—вино-пурпуроваго цвѣта съ рыжеватыми плечами и вижними шейными перьями. Каждое перо на концѣ окаймлено пурпуромъ. Бока груди испещрены бѣлыми крапинками; нижнія кроющія перья хвоста блѣдно-бурыя; маховыя и хвостовыя перья бурыя и оторочены пурпуромъ. Самочки почти сплошь рыжевато-бурыя, только надхвостье ихъ окрашено въ красно-пурпуровый цвѣтъ и грудь въ бѣлыхъ крапинкахъ. Глаза темно-каріе, клювъ красный съ темными кантами по хребту и краямъ. Ножки красноватыя. Длина тѣла птицы достигаетъ 10, размахъ крыльевъ 12, длина крыла 4,5, хвоста 3,5 см.

Амаранты распространены по всей средней Африкѣ отъ западныхъ до восточныхъ береговъ ея и отъ 22 градуса сѣверной широты до 25 градуса южной. По мнѣнію Гартмана, посѣтившаго нѣсколько лѣтъ спустя послѣ меня верхнія области Нила, амарантъ занимаетъ тамъ такое-же положеніе, какъ у насъ домашній воробей. И дѣйствительно, его слѣдуетъ причислить къ числу домовыхъ птицъ. Въ извѣстное время вы встрѣтите его на всѣхъ почти изгородахъ южно-нубійскихъ и восточно суданскихъ деревень, даже возлѣ одиноко стоящихъ въ лѣсу хижины. Онъ является одной изъ первыхъ птицъ, бросающихся въ глаза, когда вступаешь въ Египетъ со стороны Судана. Обыкновенно амарантовъ видишь вблизи деревень, гдѣ они часто соединяются въ безчисленныя стаи со своими родичами. Однако они живутъ и вдали отъ человѣка въ уединенныхъ степяхъ и, хотя рѣдко, попадаютъ въ горы на высотѣ до 1500 м.

Амарантъ привлекаетъ къ себѣ не однимъ только наряднымъ опереніемъ, но и своей миловидностью и пріятнымъ нравомъ. Въ немъ легко вы встрѣтите вѣрнаго друга. Все время, пока солнце находится на небосклонѣ, птички въ непрерывномъ движеніи и только въ полдень ищутъ защиты отъ палящихъ лучей въ тѣнистой листьѣ вѣчнозеленыхъ деревьевъ. Остальное время они непрерывно порхаютъ съ вѣтки на вѣтку или хлопотливо скачутъ по сучьямъ, по крышамъ или прямо по землѣ. Едва-ли кто-нибудь изъ родичей превосходитъ амаранта въ быстротѣ движеній крыльевъ, неутомимостью-же—рѣшительно никто: это его характерное свойство. Въ послѣднихъ жаркихъ мѣсяцахъ онъ ливяетъ и съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дождей, около начала сентября, уже помышляетъ о потомствѣ. До сихъ поръ онъ жилъ въ стайкахъ, которые теперь разбиваются на парочки. Пернатая чета довѣрчиво прилетаетъ въ деревню и здѣсь высматриваетъ себѣ подходящій уголокъ гдѣ-нибудь подъ крышей остроконечной соломенной хижины или четырехугольной мазанки туземца. Сюда, въ какую-нибудь впадину или другое болѣе удобное ложе птички натаскиваютъ груды сухихъ стеблей. Въ ней онѣ тщательно округляютъ ямку, хотя въ самой постройкѣ относятся весьма небрежно. Въ случаѣ необходимости амаранты вьютъ свои гнѣзда на деревьяхъ и даже почти у самой земли. Такъ, въ январѣ, бродя однажды по рощамъ Верхняго Бѣлаго Нила, я замѣтилъ самку, беспокойной летавшую надъ самой землѣй. Заподозривъ близость гнѣзда, я началъ искать и нашелъ его на самой землѣ. Оно было свито въ кустѣ не совсѣмъ стоптанной сухой травы и въ совершенствѣ было скрыто въ окружающей обстановкѣ. Въ немъ лежало отъ 3 до 7 бѣлыхъ кругловатыхъ и гладкихъ яичекъ около 14 м.м. длины и 11 м.м. ширины. Отсюда прямой выводъ, что амаранты несутся нѣсколько разъ въ году, что вполне сходится съ наблюденіями, сдѣланными надъ пойманными экземплярами этихъ птичекъ. Въ это время самецъ относится къ самкѣ особенно заботливо, весьма недружелюбно встрѣчаетъ соперниковъ и высиживаетъ яйца попеременно съ самкой. Черезъ 13 дней изъ яйца вылупляются птенцы, которыхъ родители кормятъ наѣкомыми и размягченными въ зобу сѣменами.

За красивое опереніе и симпатичный нравъ амарантовъ пробовали акклиматизировать въ Кайеннѣ, однако, сколько извѣстно, въ этомъ случаѣ не было достигнуто благоприятныхъ результатовъ.

* * *

Наиболѣе извѣстная изъ **Амадинъ** (*Spermestes*)—**Полосатая амадина** (*Spermestes fasciata*, *Amadina fasciata*, *detruncata*, *Loxia fasciata*, *jugularis*, *Fringilla detruncata*, *Sporothlastes fasciatus*, *Bandvogel*, *Cou-coupe*). Клювъ ея очень сильный, длина его немного болѣе ширины и высоты. Верхняя половина клюва у основанія хребта плоская; между нею и лбомъ замѣчается нѣкоторая вогнутость. Нижняя половина очень широкая. Крылья средней величины, второе и третье маховыя перья самыя длинныя и почти равной длины. Хвостъ короткій и округленный. Общая длина этой милويدной птички равняется 12,5, размахъ крыльевъ 21, длина крыла 6,3, хвоста 4 см. Основной цвѣтъ самцовъ пріятнаго блѣдно-бураго цвѣта, на спинѣ темнѣе, снизу свѣтлѣе. Каждое перо съ волнистымъ чернымъ рисункомъ или, какъ напри- мѣръ перья верхней части груди, оторочено черной каймой; отдѣльныя перья груди и боковъ имѣютъ рисунокъ, похожій на букву V. На концѣ верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла большое красноватое пятно съ сѣрымъ оттѣнкомъ, особенно выдѣляющееся благодаря черному полудлунному рисунку. Маховыя перья бурья съ блѣдно-оторочкой; хвостовыя перья матово-черныя, снизу сѣроватѣе; наружное опахало крайнихъ перьевъ бѣлое; остальные перья украшены красивыми пятнами бѣлаго же

цвѣта, за исключеніемъ двухъ среднихъ, которыя сплошь черныя. Самецъ отличается отъ самки болѣе яркими цвѣтами и широкимъ галстучкомъ роскошнаго кармино-краснаго цвѣта, который тянется отъ одного глаза къ другому поперекъ бѣлаго подбородка и бѣлаго горла. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги блѣдно-бурыя.

Въ продолженіи многихъ вѣковъ полосатую амадину считали жительницей западной Африки, однако область ея распространенія далеко не ограничивается однѣми западными областями этой части свѣта, но тянется вплоть до ея восточнаго берега. Начиная съ 16 градуса, она всюду встрѣчается въ рѣдкихъ степныхъ лѣсахъ Нильскихъ областей. Собственно пустыню она избѣгаетъ, однако живетъ на границѣ пояса дождей, и гдѣ она встрѣчается, тамъ очень обыкновенна. Въ дѣтственныхъ лѣсахъ ея или совсѣмъ нѣтъ или она посѣщаетъ ихъ на очень короткое время. Эти лѣса лишены тѣхъ богатыхъ сѣменами травъ и другихъ низкихъ растений, на которыхъ и подъ которыми амадина находитъ себѣ кормъ. Питается ли она плодами, я сказать не могу; въ восточной Африкѣ этого, можетъ быть, не бываетъ: ей пришлось бы долго искать, такъ какъ кромѣ мелкихъ плодовъ Христова терновника, тамъ ничего нѣтъ. Однако пойманныя амадины охотно ѣдятъ плоды и тому подобное, изъ чего мы можемъ заключить, что при случаѣ онѣ не пренебрегаютъ и этимъ лакомымъ блюдомъ. Зерна и именно сѣмена травянистыхъ растений составляютъ ихъ главную пищу.

Въ сѣверной Африкѣ полосатая амадина встрѣчается обыкновенно стайками отъ 10 до 40 штукъ. Я никогда не встрѣчалъ ихъ парочками, хотя, впрочемъ, не имѣлъ случая наблюдать ихъ въ ихъ брачную пору. Стайка этихъ амадинъ часто соединяется съ другими родственными имъ формами и очень возможно, что нестрое общество долгое время путешествуетъ по странѣ сообща. Одна изъ такихъ стай безбоязненно приближается къ деревенскимъ хижинамъ. Передъ полднемъ ихъ видишь, занятыми усерднымъ отысканіемъ корма, скачущими всюду по землѣ, но никогда не лазающими по низкой травѣ. Стоить только имъ помѣшать, все общество поднимается и летитъ на ближайшія деревья. Тамъ онѣ чистятъ и приглаживаютъ свои перышки, а самцы начинаютъ пѣть. Когда все успокоится, онѣ снова возвращаются на землю. При приближеніи пернатого хищника вся стая, сбившись плотной кучей, стрѣлой летитъ въ какой-нибудь густой колючій кустъ или дерево, обѣщающее имъ полную безопасность. Въ полуденные часы все общество спокойно полудремлетъ, разсѣвшись на вѣткахъ какого-нибудь тѣнистаго дерева. Послѣ полудня онѣ снова летятъ за кормомъ.

Гнѣзда полосатой амадины я не знаю; но мнѣ извѣстно, что кладка яицъ по крайней мѣрѣ въ восточной Африкѣ, приходится на сентябрь и октябрь, время, соответствующее нашимъ весеннимъ мѣсяцамъ. Въ неволѣ эти птички свиваютъ болѣе или менѣе хорошо устроенное гнѣздо изъ положеннаго къ нимъ строительнаго матерьяла, кладутъ отъ 6 до 9 бѣлыхъ яицекъ и насиживаютъ поочередно. Черезъ 13 дней онѣ выводятъ дѣтей и кормятъ ихъ сообща. Послѣднія скоро приобрѣтаютъ опереніе своихъ родителей.

Въ странахъ сѣвернаго Нила нестрыхъ амадинъ не преслѣдуетъ никто, наоборотъ въ западной Африкѣ всѣ ловятъ ихъ для продажи торговцамъ птицъ прибрежныхъ городовъ. Черезъ посредство этихъ продавцовъ мы и получаемъ ежегодно тысячи этихъ птичекъ, тѣмъ болѣе, что онѣ отлично переносятъ всѣ трудности пути. При самомъ простомъ уходѣ парочки регулярно размножаются. Вначалѣ онѣ плѣняютъ васъ красотой своего оперенія и миловидностью своихъ движеній, но со временемъ онѣ прискучиваютъ, какъ и всѣ ихъ родичи.

Самая известная изъ азиатскихъ амадинъ—**Рисовка** (*Spermestes oryzivora*, *Oryzornis oryzivora*. Reissvogel. Manger de riz). Родъ рисовокъ легко узнается по слѣдующимъ признакамъ: верхняя часть ихъ тѣла прекраснаго сѣраго цвѣта; голова черная и бородавчатая; нижняя часть тѣла блѣдно-винно-красная; хвостъ черный съ такими-же верхними кроющими и бѣлыми нижними кроющими перьями; клювъ красный, на концѣ блѣднѣе. Глаза каріе, вѣки красныя; клювъ яркаго розово-краснаго цвѣта на концѣ и у краевъ жемчужно-бѣлый. Ноги красноватыя. Великою она почти со щегла. Родиной этихъ птичекъ считаютъ Малакку и Зондскіе острова. Однако истинное мѣстороженіе рисовки—Ява, такъ по крайней мѣрѣ увѣряютъ Бернштейнъ и Розенбергъ. Послѣдній изъ этихъ авторовъ говоритъ слѣдующее: «первоначальное мѣстороженіе этой птицы не здѣсь (на Суматрѣ). Стаи, которыя мы видимъ въ настоящее время (1878) живущими вблизи Паданга, происходятъ отъ различныхъ паръ, вывезенныхъ изъ Явы и выпущенныхъ на свободу у Паданга. Даже въ новѣйшихъ сочиненіяхъ мы читаемъ, что птица эта на своей родинѣ носитъ названіе «падда», благодаря своему любимому мѣстопробыванію въ рисовыхъ поляхъ, а рисъ на туземномъ языкѣ зовется паддой. Это вѣрно, что рисовка встрѣчается главнымъ образомъ въ рисовыхъ поляхъ, но рисъ вовсе не называется «падда», а «пади», птица-же ни въ какомъ случаѣ не «падда», а «Гладникъ». Ея истинная родина—исключительно Ява». Тамъ она обыкновенна, по крайней мѣрѣ въ мѣстностяхъ, обработанныхъ человекомъ».

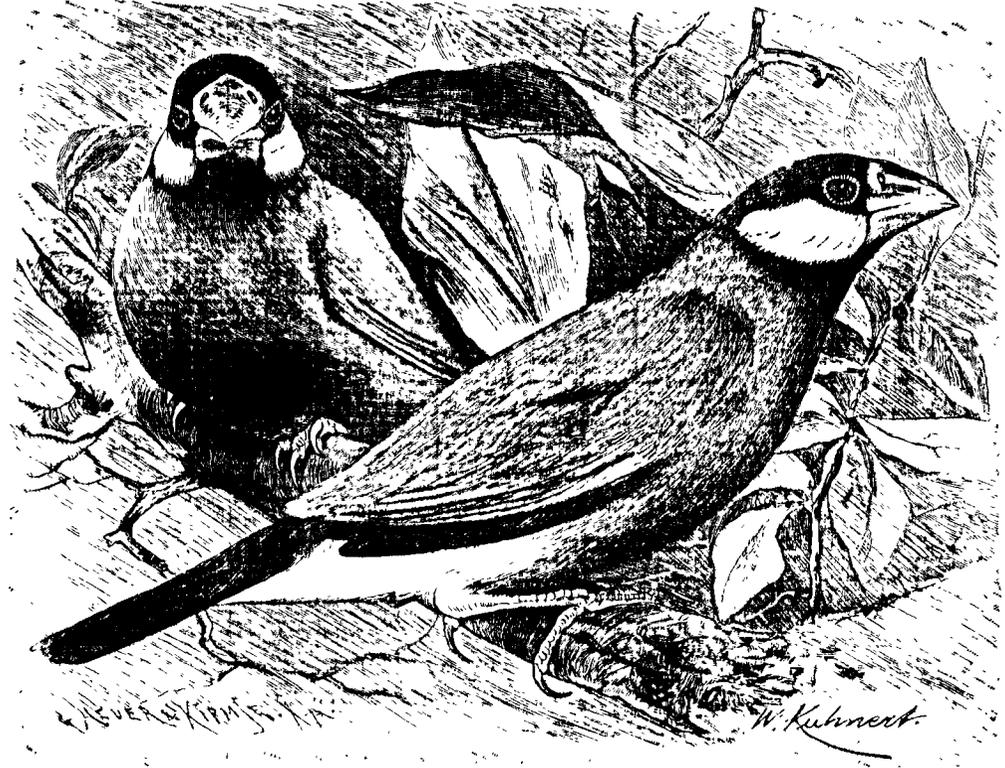
«Подобно нашему европейскому полевому воробью», пишетъ Бернштейнъ, «рисовка живетъ исключительно въ культурныхъ мѣстностяхъ и представляетъ собой тамъ одно изъ самыхъ обычныхъ явленій. Въ продолженіи того времени, когда рисовыя поля покрыты водой, т. е. въ періодъ отъ ноября до марта и апрѣли, когда всходитъ посѣянный рисъ и приближается жатва, рисовки держатся парами или небольшими семейками въ садахъ, въ поселковыхъ рощахъ и кустарникахъ. Здѣсь онѣ кормятся разнообразными сѣменами, различными мелкими плодами и даже насекомыми и червями; по крайней мѣрѣ и частенько видѣлъ ихъ ищущими кормъ по проселочнымъ дорожкамъ и т. п. Тамъ онѣ едва ли могли найти что-либо другое; кромѣ того въ ихъ желудкахъ я находилъ остатки, повидимому, той-же животной пищи. Но едва только рисовыя посѣвы начнутъ желтѣть и обсыхать послѣ спада воды, рисовки переселяются туда, часто большими стаями, и нерѣдко приносятъ настолько существенный вредъ, что туземцы прибѣгаютъ ко всевозможнымъ способамъ для ихъ изгнанія.

«Въ странахъ, которыя въ особенности страдаютъ отъ этихъ пернатыхъ воровъ, для этой цѣли поступаютъ такъ; по срединѣ поля строится одна или, если поле велико, нѣсколько маленькихъ сторожекъ, помѣщающихся на четырехъ высокихъ бамбуковыхъ кольяхъ. Отъ этихъ сторожекъ по всѣмъ направленіямъ идутъ многочисленныя веревочки къ тонкимъ бамбуковымъ палочкамъ, укрѣпленнымъ на опредѣленномъ разстояніи другъ отъ друга по всему полю. Къ веревочкамъ подвѣшиваются большіе сухіе листья, нестрия тряпки, чучелки, деревянные гремушки и т. п. Стоитъ только туземцу, засѣвшему въ сторожкѣ, какъ наукъ среди своей паутины, дернуть за веревочки, какъ въ то-же мгновеніе зашумятъ сухіе листья, заболтаются подвѣшенныя чучелки, загремятъ гремушки и непрошенныя гости съ испугомъ летятъ прочь. Но и послѣ жатвы вплоть до наступленія періода дождей, т. е. почти до ноября, рисовки находятъ богатый столъ на сжатыхъ поляхъ риса. На жнивѣ не только остается множество колосевъ, но между стеблями ихъ въ невѣроятнo короткій срокъ вырастаютъ разныя сорныя травы, быстро созрѣвающія сѣмена которыхъ составляютъ пріятную пищу рисовокъ. Въ это время

онѣ особенно въ тѣлѣ, довольно жирны и представляютъ, въ особенности молодыя, лакомое блюдо, изъ за чего ихъ усердно преслѣдуютъ.

Пойманными ихъ держатъ только продавцы, которые и приносятъ ихъ на прибывающіе корабли для продажи. Дѣти находятъ большое удовольствіе мучить ихъ, привязавъ за нитку и пуская летать на улицахъ».

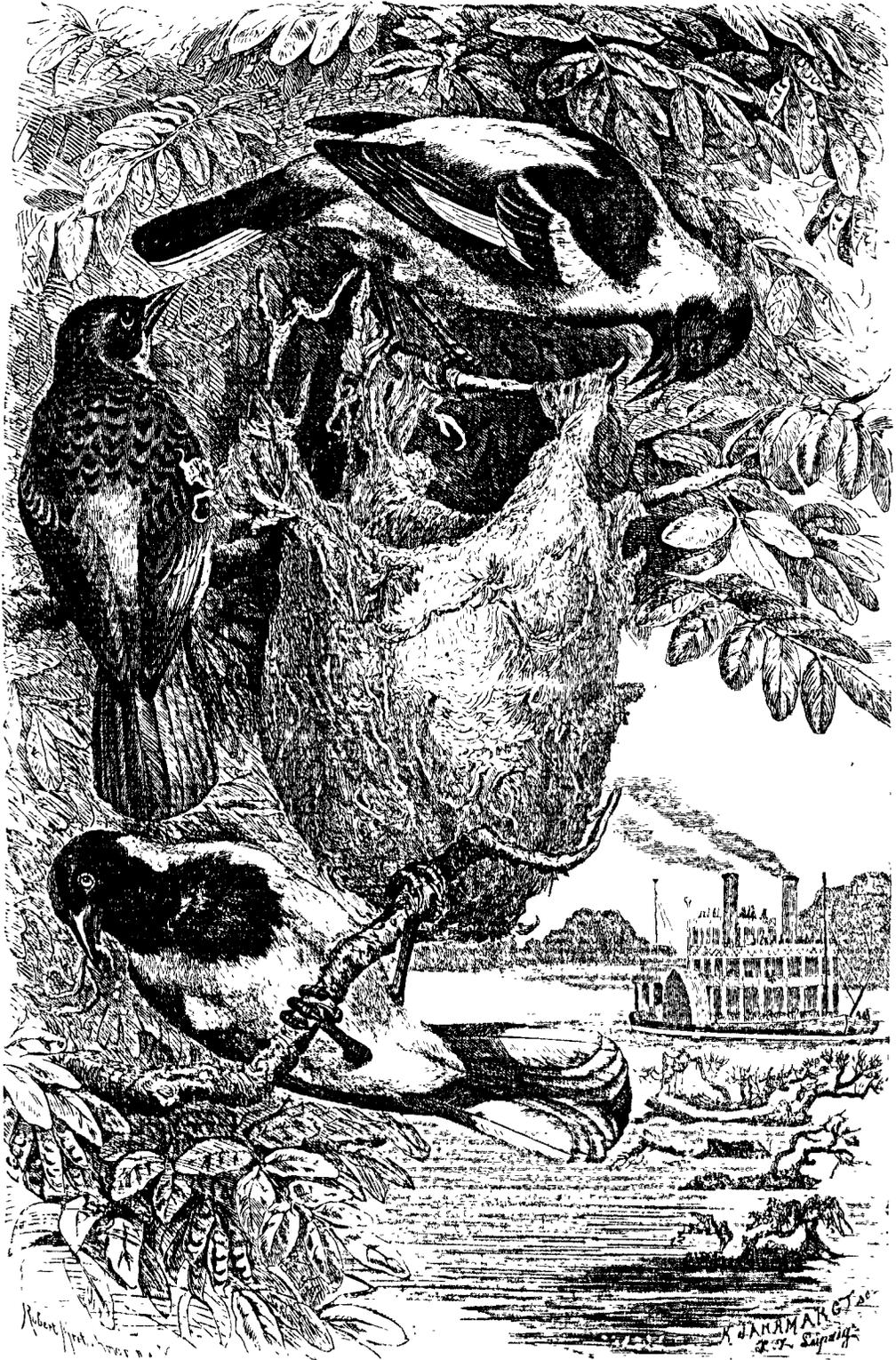
Вернителнѣ находятъ гнѣзда рисовокъ то на вершинахъ деревьевъ, то между паразитныхъ растений, покрывающихъ стволы аренговыхъ пальмъ. Въ зависимости отъ мѣстонахожденія, гнѣзда бываютъ различной величины и формы. Построенныя на деревьяхъ, большею частью большихъ размѣровъ и почти правильной формы полушара; напротивъ, тѣ, которыя строятся въ чужеродныхъ растеніяхъ у

Рисовка. *Spermestes oryzivora*. 1/2 наст. вел.

основанія стволу аренгъ (*Arenga*), меньше и не имѣютъ такой опредѣленной формы. И тѣ и другія вьются исключительно изъ стеблей различныхъ травъ, настолько не крѣпко сплетенныхъ, что все гнѣздо не имѣетъ особенной прочности. Кладка состоитъ изъ 6—8 блестящихъ бѣлыхъ яицъ.

Въ Занзибарѣ рисовка завезена и тамъ акклиматизировалась. Въ Японіи, гдѣ она водится съ давнихъ поръ, выведена чисто бѣлая культурная порода, которая въ недавнее время стала регулярно появляться на нашихъ птичьихъ рынкахъ. Маленькія японскія рисовки не представляютъ собой альбиносовъ, но породу, выведенную только съ большимъ и долгимъ трудомъ. Онѣ имѣютъ темные глаза и иногда отдѣльныя темныя перья. Не рѣдки и совершенно пѣгіе экземпляры. По моимъ наблюденіямъ пойманныя рисовки не могутъ быть отнесены къ числу милонидныхъ птичекъ ихъ рода. Онѣ приручаются рѣдко и не вполне, и нелегко раз-

БАЛТИМОРСКІЙ ТРУШАЛЬ.

11

множаются въ нашихъ краяхъ. Ихъ пѣніе очень непріятно и едва-ли можетъ быть названо пѣніемъ. Итакъ въ ихъ пользу говорить только ихъ красивое опереніе.

Семейство **Трупиаловъ** (Icteridae. Starlinge. Troupials) заключаетъ въ себѣ птицъ различной величины, начиная съ величины вороны и кончая размѣрами зяблика. Удлиненная форма тѣла не мѣшаетъ имъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ сильно сложенными. Клювъ ихъ конусовидный и длинный; плюсны сильныя; крылья и хвостъ средней величины; опереніе довольно мягкое, блестящее съ преобладающими чернымъ, желтымъ и краснымъ цвѣтами. Вытянутый, довольно округленный клювъ ихъ у основанія толстъ и на концѣ безъ крючка и безъ выемки; его спинка примыкаетъ къ лобнымъ перьямъ на подобіе носка у кувшина; у основанія его нѣтъ шерстистыхъ перышекъ. Плюсна длиннѣе средняго пальца и покрыта спереди щетинками. Пальцы вооружены сильными, кривыми и острыми когтями. Четвертое маховое перо длиннѣе всѣхъ. Хвостъ округленный или даже зубчатый и до половины покрывается маховыми перьями, когда птица находится въ спокойномъ состояніи. У нѣкоторыхъ трупиаловъ перья на головѣ удлинняются въ хохолокъ, у другихъ совершенно отсутствуютъ на щекахъ.

Трупиалы, которыхъ насчитываютъ около 150 видовъ, живутъ исключительно въ Америкѣ. Болѣе четырехъ-пятыхъ всего числа приходится на южную и центральную ея части, однако сѣверная область ихъ распространенія доходитъ до полярнаго круга. Всѣ виды этихъ птицъ общежительны, проворны, подвижны и хорошо поютъ. Они населяютъ рощи, кормятся мелкими позвоночными, насекомыми, моллюсками, плодами и сѣменами. Въ однихъ случаяхъ эти птицы бываютъ очень полезны, въ другихъ—возбуждаютъ къ себѣ ненависть. Ихъ гнѣзда, которыя часто не только не уступаютъ въ изяществѣ, но даже превосходятъ таковыя ткачиковъ, подвѣшиваются на деревьяхъ колоніями; птицы одного изъ видовъ сами не выютъ гнѣздъ и не выводятъ дѣтей, большую часть ввѣряя свои яйца чужимъ заботамъ.

* * *

Самымъ извѣстнымъ изъ сѣверо-американскихъ видовъ этого семейства нужно считать **Балтиморскаго трупиала** (*Icterus galbula*, *baltimore*, *baltimorensis*, *Oriolus*, *uphantes*, *Nyphantes*, *Psarocolius baltimore*. *Baltimorevogel*. *Troupial de Baltimore*) Съ него мы и начнемъ. Онъ принадлежитъ къ богатому видами роду **Трупиаловъ** (*Icterus*). Признаки этого рода слѣдующіе: продолговатый, остроконечный, округлый на спинкѣ клювъ, примыкающій къ оперенію лба на подобіе носика кувшина и характерный въ нижней части высокимъ ротовымъ угломъ; довольно сильныя, длиннопалыя ноги, вооруженныя длинными сильно согнутыми когтями; довольно длинныя крылья, второе маховое перо которыхъ образуетъ остріе крыла; длинный округленный хвостъ, укорачивающійся ступенчато съ боковъ, и, наконецъ, мягкое опереніе преимущественно желтаго цвѣта. Голова, шея, подбородокъ и горло темно-черныя, такого-же цвѣта и нижнія шейныя перья, плечи, крылья и оба среднихъ пера хвоста. Верхнія кроющія перья крыльевъ, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста и остальныя части—огненно-оранжевыя. Большія маховыя перья съ широкими у начала и узкими у конца крыла бѣлыми каймами. Большія кроющія перья крыльевъ, въ конечной половинѣ бѣлаго цвѣта, образуютъ широкую перевязь. Рулевыя перья, кромѣ двухъ упомянутыхъ среднихъ, оранжевыя, у корня съ широкимъ чернымъ перехватомъ. Глаза каріе, клювъ черновато-свинцово-сѣрый, свѣтлѣе къ краямъ, ноги также свинцово-сѣраго цвѣта. Длина этихъ трупиаловъ достигаетъ 20, размахъ крыльевъ 30, длина крыла 9, хвоста 8 см. У самокъ верхняя часть тѣла олив-

ково буровато-сѣрая, нижнія шейныя перья неясно исчерчены продольными, болѣе темными черточками, нижняя часть тѣла оранжево-желтая, верхнія кроющія перья крыльев и большинство остальныхъ кроющихъ на концѣ бѣлыя. Такимъ образомъ на крыльяхъ получаются двѣ поперечныхъ полосы. Всѣ остальные части у самокъ блѣднѣе и тусклѣе, чѣмъ у самцовъ.

Область гнѣздованія балтиморскихъ трупіаловъ обнимаетъ собой восточные штаты Америки отъ Канады до западныхъ возвышенностей. Отсюда зимою они долетаютъ до Вестъ-Индіи и средней Америки. По Одиобону, въ извѣстныхъ мѣстностяхъ они очень обыкновенны, въ другихъ попадаютъ пролетомъ. Они предпочитаютъ холмистыя мѣста. Это чисто лѣтнія птицы, парами появляющіяся въ странѣ съ наступленіемъ весны. Векорѣ послѣ этого они приступаютъ къ кладкѣ яицъ. Ихъ гнѣзда устраиваются различно, смотря по теплomu или холодному климату обитаемой ими страны, но всегда подвѣшиваются къ тонкой вѣтви и вьются очень искусно. Въ южныхъ штатахъ они свиваются изъ такъ называемаго «испанскаго мха», притомъ такъ рыхло построены, что воздухъ легко можетъ циркулировать по всѣмъ направленіямъ; внутри не кладется никакого согревающего вещества и даже самое гнѣздо строится съ сѣверной стороны дерева. Въ сѣверныхъ штатахъ наоборотъ: гнѣздо подвѣшивается къ вѣтвямъ, на которыя падаютъ солнечныя лучи, и снабжено нѣжной и теплой подстилкой. Птица, вьющая гнѣздо, слетаетъ на землю, отыскиваетъ нужный матеріалъ, прикрѣпляетъ его однимъ концомъ къ вѣткѣ и съ большимъ искусствомъ все это сплетаетъ вмѣстѣ. Въ это время балтиморскій трупіаль довольно несносенъ. Женщины, когда хотятъ бѣлить свою пряжу, должны особенно слѣдить за ней, такъ какъ птицы утаскиваютъ въ гнѣздо всѣ пряжки, до которыхъ только доберутся. Въ ихъ гнѣздахъ часто находили цѣлыя мотки витокъ и клубки шелку.

Окончивъ постройку гнѣзда, самка кладетъ отъ 4 до 6 яицекъ около 25 мм. длины и 16 мм. толщины. Блѣдно-сѣрый цвѣтъ ихъ испещренъ болѣе темными пятнышками, точками и штрихами. Черезъ четырнадцать дней всиживанія вылупляются итенцы, а черезъ 3 недѣли послѣ этого они уже летаютъ. Каждая пара въ продолженіи лѣта выводитъ еще одинъ разъ, по крайней мѣрѣ въ южныхъ штатахъ. Не умѣя еще летать, молодые часто цѣпляются за наружную часть гнѣзда, вискакиваютъ и прячутся въ него подобно молодымъ дятламъ. Научившись же летать, они почти 14 дней все еще неразлучно слѣдуютъ за родителями, которые ихъ въ это время водятъ и кормятъ. Лишь только поспѣютъ тутовыя ягоды и фиги, они появляются на этихъ деревьяхъ, подобно тому, какъ ранѣе ихъ видѣли на вишняхъ и другихъ плодовыхъ деревьяхъ. Тутъ они могутъ причинить довольно серьезныя опустошенія. Весною же они питаются почти исключительно насѣкомыми, доставая ихъ съ вѣтокъ и листьевъ или, преслѣдуя съ большимъ проворствомъ, ловятъ ихъ на лету. Отлетъ ихъ начинается очень рано. Днемъ они быстро и съ громкимъ крикомъ летятъ болѣею частью по-одиночкѣ. Только съ заходомъ солнца они спускаются на опредѣленные деревья, торопливо ищутъ чего-нибудь поѣсть, вьсятся, позавтракаютъ и снова въ путь.

Движенія этихъ трупіаловъ красивы и правильны. Полетъ прямой и ровный. Походка довольно ловкая. Но особенное совершенство они выказываютъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, гдѣ они лазаютъ не хуже синицъ.

За свою красоту балтиморскіе трупіалы содержатся въ клеткахъ. Хотя ихъ пѣніе просто, но весьма приятно, благодаря полнотѣ, силѣ и благозвучію трехъ или четырехъ, самое большее 8 или 10 нотъ, составляющихъ его.

Къ роду **Желтушниковъ** (*Agelaius*. Nordenvogel. Carouges) принадлежать самыя маленькія виды семейства. Ихъ клювъ прямой на вершинкѣ, края его у угловъ рта подогнуты. Задній палець вооруженъ шпоровиднымъ когтемъ. Опереніе молодыхъ сходно съ опереніемъ подорожниковъ и сильно отличается отъ оперенія стариковъ рисункомъ и цвѣтомъ.

Какъ самая многочисленная и самая ненавистная птица Сѣверной Америки, первымъ заслуживаетъ быть поставленнымъ—**Рисовый желтушникъ** (*Agelaius oryzivorus*, *Dolichonyx oryzivorus*, *agrripennis*, *Psarocolius caudatus*, *Emberiza*, *Passerina oryzivora*, *Icterus*, *Emberizoides agrripennis*. Paperling. Carouge oryzivore). тѣмъ болѣе, что онъ представляетъ изъ себя нечто среднее между вьюркомъ и скворцомъ. Дѣйствительно сомнѣвается, къ которому изъ этихъ двухъ семействъ слѣдуетъ его причислить, и это сомнѣніе не такъ легко разрѣшается даже и тогда, когда видишь передъ собою живую птицу.

Подродъ **Рисовыхъ желтушниковъ** (*Dolichonyx*), къ которому онъ принадлежитъ, имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: средней длины, сильный конусовидный и сжатый съ боковъ клювъ; верхняя часть его уже нижней, края челюстей подогнуты, какъ у подорожниковъ. довольно длинныя и сильныя ноги, плотное тѣло, большая голова; средней величины крылья, второе маховое перо ихъ самое длинное; среднихъ размѣровъ хвостъ, каждое отдѣльное перо его на обѣихъ бороздкахъ заострено; плотно прилегающее и блестящее опереніе. Величина рисовыхъ желтушниковъ достигаетъ 18, размахъ крыльевъ 29, длина крыла 9, а хвоста 6 см. Въ брачную пору верхняя и передняя части головы, вся нижняя сторона и хвостъ самцовъ черныя. Затылокъ буровато-желтый. Верхняя часть спины черная, но на каждомъ перѣ желтая кайма. Плечевая область и надхвостье бѣлыя съ желтымъ отливомъ. Маховыя и кроющія перья крыльевъ черныя, но всѣ съ желтыми каймами. Глаза бурые. Верхняя половина клюва темно-бурая, нижняя половина буровато-сѣрая. Ноги свѣтло-голубыя. Самка нѣсколько меньшей величины. Верхняя часть ея свѣтло-желто-бурая съ болѣе темными продольными полосками на перьяхъ. Нижняя часть блѣдно-сѣро-желтая съ такими же полосками на бокахъ. Область уздечки бурая. Надглазная полоска желтая. Маховыя и рулевыя перья значительно свѣтлѣе, чѣмъ у самцовъ. На это опереніе самецъ походить своимъ зимнимъ покровомъ, въ общемъ сходно съ нимъ и опереніе молодыхъ, но у нихъ всѣ краски блѣднѣе и сѣрѣе.

Рисовые желтушники въ Сѣверной Америкѣ бывають только лѣтомъ; прилеты и отлеты ихъ очень регулярны. Во время своего перелета на югъ они останавливаются въ средней Америкѣ, именно въ Вестъ-Индіи, и можетъ быть и въ сѣверныхъ областяхъ Южной Америки; только до Бразиліи они, конечно, не проникають. Въ штатъ Нью-Йоркъ они прилетаютъ въ началѣ мая большими или маленькими стаями. Вскорѣ эти стаи увеличиваются вновь прибывающими и черезъ очень короткое время вся страна наполняется ими въ полномъ смыслѣ этого слова. По словамъ Одюбона невозможно найти ни одного поля, которое не было бы населено ими. Для посторонняго зрителя наблюденія надъ рисовыми желтушниками, столь ненавистными всѣмъ поселянамъ, могутъ доставить удовольствіе. Склонность къ общественности этихъ птичекъ не пропадаетъ даже въ штенцовую пору: одна чета живетъ и высиживаетъ яйца вблизи другой. Гнѣздо вьется или надъ землей или вплотную съ ней и строится не очень заботливо, но всегда въ травѣ или между стеблями злаковъ и, само собою разумѣется, является центральнымъ пунктомъ обитанія одной пары. Въ то время, какъ самки находятся въ заботахъ о своемъ будущемъ потомствѣ, самцы заборно и ревниво шмыгаютъ въ лѣсу стеблей. То тотъ, то другой съ пѣніемъ поднимается наверхъ и причудливо рѣшетъ въ воздухѣ. Пѣніе одного возбуждаетъ дру-

гих и вскорѣ цѣлая масса птичекъ поднимается навѣрхъ и тамъ другъ у друга перенимають чистыя и пріятныя трели пѣнія. Сѣвероамериканцы справедливо про-славляютъ пѣніе этой птички; оно удовлетворитъ самое прихотливое ухо любителя птицъ. Звуки пѣнія полны разнообразія и издаются птичками очень быстро съ удивительными варіаціями и такъ старательно, что вамъ чудится сразу пѣніе подюжины пѣвцовъ, тогда какъ поетъ всего одинъ.

Рисовый желтушникъ. *Agelaius oryzivorus*. $\frac{1}{2}$ н. в.

не имѣють опредѣленнаго мѣста и носятся всюду по странѣ. Начинаются опустошенія. Птицы летаютъ съ поля на поле, садятся на нихъ огромными стаями и ѣдятъ еще молочные зерна злаковъ столь-же охотно, какъ и поспѣвшія. Пападая на поля огромными стаями, они приносятъ земледѣльцамъ поистинѣ громаднй вредъ. Противъ нихъ пускаются въ ходъ всевозможныя средства; тысячи и сотни тысячъ убиваются, но все напрасно; несмотря на это, опустошенія не прекращаются. Въ лучшемъ исходѣ, если ихъ сгонять съ поля, они перелетятъ на другое. Окончивъ свое губительное дѣло на сѣверѣ, они нападаютъ на плантаціи юга. Цѣлую недѣлю носятся повсюду, днемъ сидя на поляхъ, ночью улетающа спать въ камыши. Затѣмъ перелетаютъ дальше постепенно на югъ.

нѣ съ разными нотами фортепьяно, то высокими, то низкими, взятыми быстро одна за другой, безъ особеннаго порядка. Но въ общемъ эта пунтица гармонична. Самецъ очень часто поетъ и сидя, и тогда онъ трепещетъ своими крылышками, подобно нашему скворцу. Въ своихъ движеніяхъ рисовые желтушники выказываютъ много проворства. Ихъ походку по землѣ скорѣ можно назвать шаганьемъ, нежели прыганьемъ. Ихъ полетъ легокъ и изященъ; прибавьте къ этому мастерское умѣнье лазать внизъ и вверхъ въ лѣсу стеблей, въ чемъ они поспорятъ съ камышевкой.

Въ послѣдніе дни мая въ гнѣздѣ вы найдете отъ 4 до 6 яичекъ около 22 м.м. длины и 16 толщины; ихъ буро-желтый или синеватый фонъ испещренъ черно-бурыми пятнышками и завитками. Каждая пара, если не похитятъ ея первую кладку, несетъ только разъ въ году. Молодые кормятся главнымъ образомъ насѣкомыми, быстро вырастаютъ, оставляють гнѣздо и соединяются въ многочисленныя стаи съ другими птицами ихъ вида. Начиная съ этого времени, рисовые желтушники выказываютъ себя съ дурной стороны. Ихъ милое пѣніе кончается, изящный нарядъ самцовъ уже смѣнился; парочки болѣе

Посаженные въ клѣтку рисовые желтушники безъ дальнихъ размышленій приступаютъ къ ѣдѣ и вскорѣ становятся такими-же веселыми и добродушными созданиями, какъ и на свободѣ; лазаютъ, вертятся и заливаются пѣніемъ. Однако они выживаютъ нѣсколько лѣтъ только тогда, когда ихъ пицей не балуютъ.

* * *

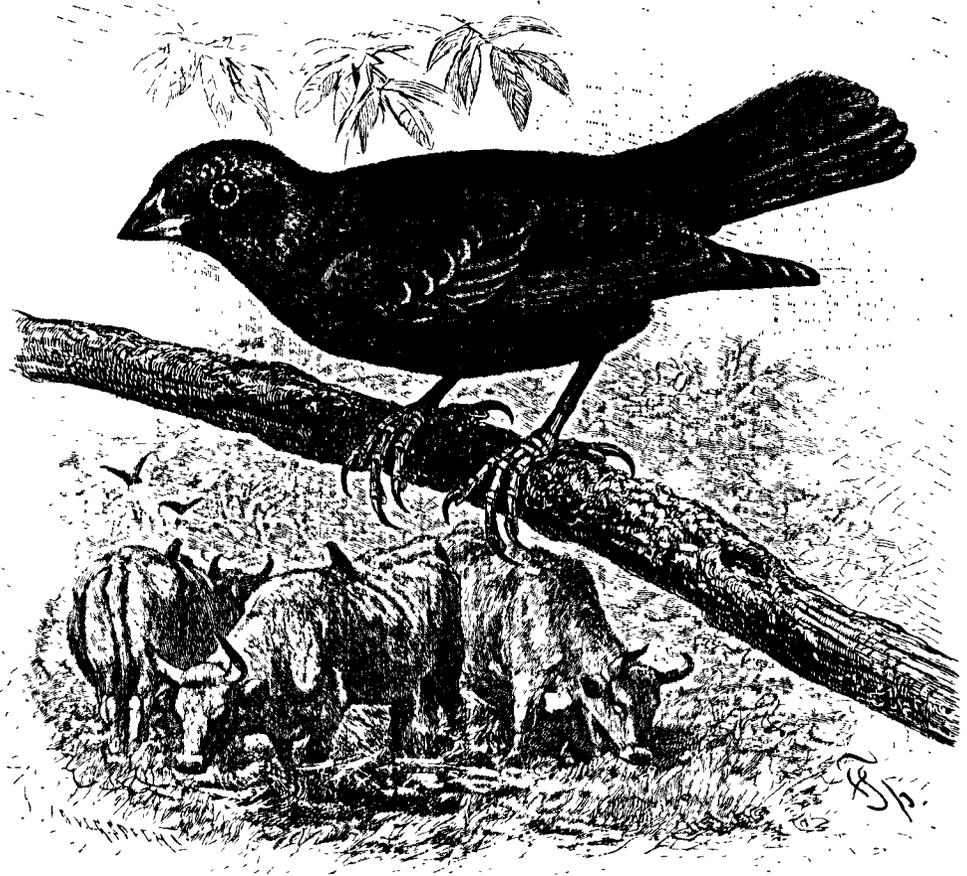
Слѣдующіе признаки характеризуютъ другой подродъ — **Коровихъ желтушниковъ** (*Molothrus. Kuhstärlinge*): клювъ толстый, конусовидный, короткий, но очень острый, на вершинкѣ почти прямой и съ сильно подогнутыми краями; ноги нѣжныя, тонкопалыя, вооруженныя мало согнутыми когтями; крылья довольно длинныя и остроконечныя, три первыхъ пера ихъ совершенно равны между собой; хвостъ средней величины, ровно срѣзанный, каждое перо его слегка расширяется у конца; опереніе мягкое.

Самый извѣстный видъ этой группы есть прославленный или общеизвѣстный **Коровій** или **Черно-фіолетозый желтушникъ** (*Agelaius pecoris. Mo'lothrus, Emberiza, Fringilla, Molobrus, Icterus, Psarocoluis pecoris. Kuhvogel. Carouge brunet*). Голова и шея его угольно-черныя; все остальное опереніе буровато-черное, голубоватое на груди, съ зеленымъ и голубымъ отливомъ на спинѣ; глазной ободокъ темно-бурый; клювъ и ноги буровато-черныя. Длина достигаетъ 19, размахъ крыльевъ 30, длина крыла 11, длина хвоста 8 см. Самка немного меньше самца и почти равномерно угольно-бурого цвѣта, снизу нѣсколько свѣтлѣе, чѣмъ сверху.

Коровьи желтушники также распространены по большей части Сѣверной Америки и очень обыкновенны, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ. Также точно они преимущественно обитаютъ въ болотистыхъ мѣстностяхъ, однако столь-же охотно живутъ на пастбищахъ среди пасущагося скота и табуновъ лошадей. Время сна они проводятъ въ кустарникахъ или камышахъ по берегамъ рѣкъ. На сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ они появляются въ концѣ марта или началѣ апрѣля небольшими стайками. Къ концу сентября они вновь покидаютъ страну, обыкновенно въ сообществѣ съ другими птицами. Ихъ пища въ сущности такая-же, какъ и ихъ сородичей. Они походятъ на нашихъ скворцовъ тѣмъ, что, какъ и они, часто выклеиваютъ на спинахъ скота засѣвшихъ тамъ паразитовъ.

Все это упоминалось при описаніи предыдущихъ формъ и едва-ли пришлось бы говорить о нихъ отдѣльно, если-бы коровьи желтушники не имѣли другихъ отличительныхъ чертъ. Они и всѣ остальные ихъ ближайшіе родичи не высидиваютъ дѣтенышей сами, но предоставляютъ это чужимъ заботамъ. Подобно нашимъ кукушкамъ, они не живутъ парами, а въ многобрачїи. Въ птенцовую пору ихъ видишь, какъ и раньше, такими-же обществами съ безразличнымъ составомъ; въ одной стайкѣ преобладаютъ самки, въ другой больше самцовъ. «Если одна изъ самокъ», говоритъ Поттеръ, «отдѣлится отъ стаи, ея исчезновеніе почти или совсѣмъ не замѣчается. Ни одинъ нѣжный другъ не сопровождаетъ ее и не тоскуетъ по ея отсутствію, ни одинъ задушевный или любящій голосъ не привѣтствуетъ ея возвращенія. Дѣйствительно подобное отсутствіе нѣжности или взаимной привязанности у коровихъ желтушниковъ доходитъ до высшей степени; полная независимость должна выражаться правиломъ: всякій дѣлаетъ, что ему угодно. Если наблюдать за этими птицами въ пору кладки яицъ, можно увидѣть, какъ самка, покинувъ своихъ товарищій, начинаетъ безпокойно летать кругомъ и, въ заключеніе, садится въ укромное мѣсто, откуда она можетъ высматривать, что дѣлаютъ другія птицы. Въ такомъ состояніи она проводитъ довольно долгое время. Однажды я увидѣлъ самку, занятую такими по-

исками. Во что-бы то ни стало я рѣшилъ узнать, чѣмъ это кончится и, сѣвъ на лошадь, тихо поѣхалъ за ней. На время я терялъ ее изъ виду, но вскорѣ опять находилъ ее. Она влетала въ каждый густой кустъ, тщательно осматривала всѣ мѣста, гдѣ имѣютъ обыкновеніе вить гнѣзда маленькія птички, и, наконецъ, стрѣлой полетѣла въ одинъ густой кустарникъ изъ ольхи и терновника. Пробывъ тамъ минутъ 5—6, она вернулась обратно въ поле къ своимъ товарищамъ. Въ чащѣ кустарника я нашелъ гнѣздо **Желтянки** (*Geothlypis trichas*) и въ немъ яйцо коровьяго желтушника рядомъ съ другимъ яичкомъ законной хозяйки гнѣзда. По-

Коровій желтушникъ. *Agelaius pectoris*. $\frac{1}{2}$ наст. вел

летѣвъ сначала вдоль одной стороны поляны, самка коровьяго желтушника вдругъ шмыгнула въ рѣдкую листву маленькаго кедра и нѣсколько разъ возвращалась изъ него обратно, пока не рѣшилась, наконецъ, оставить это мѣсто. Постѣ нѣкоторыхъ поисковъ я нашелъ самку подорожника, сидѣвшую на гнѣздѣ: въ него самка коровьяго желтушника воровски снесла-бы яйцо, если-бы птичка насѣдка была въ отсутствіи. Мнѣ кажется довольно возможнымъ, что воровская птица врывается силой въ гнѣзда нѣкоторыхъ птицъ и сгоняетъ ихъ съ ихъ законнаго мѣста. Въ случаѣ нужды она прибѣгаетъ къ хитрости тамъ, гдѣ ничего не можетъ достигнуть силой. Я еще былъ по близости отъ даннаго мѣста, когда вернулась вышеупомянутая самка желтянки. Она стрѣлой влетѣла въ гнѣздо, столь-же быстро вылетѣла обратно,

исчезла и, нѣсколько минутъ спустя, вернулась въ сопровожденіи самца. Полчаса она спокойно и оживленно чирикали, какъ будто бесѣдуя о нанесенной имъ обидѣ».

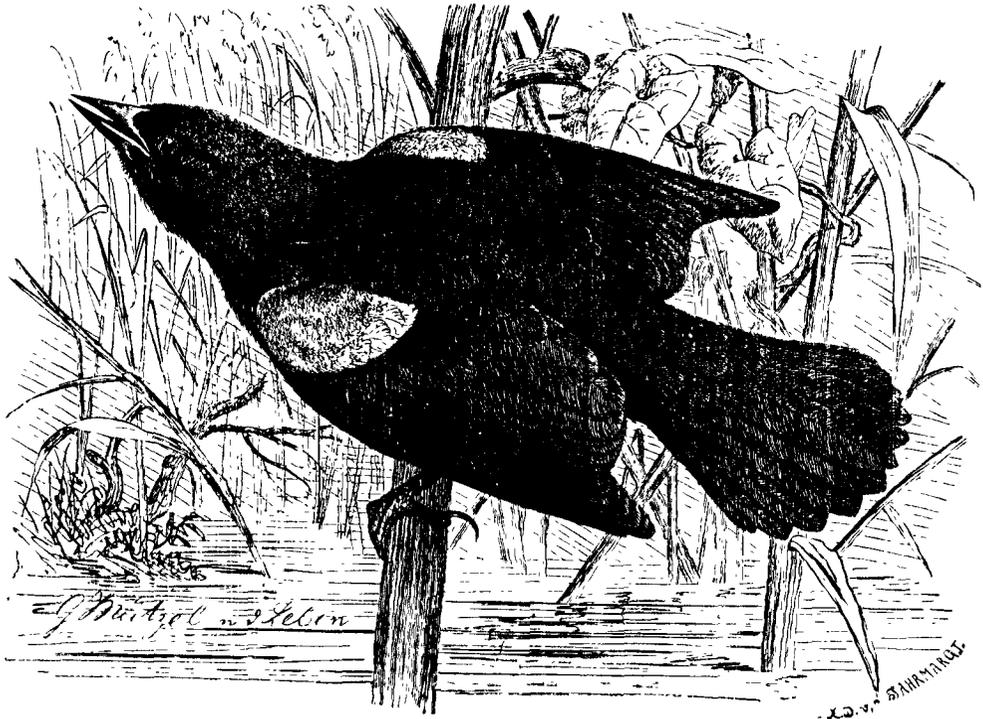
Какъ у кукушки, яйцо коровьяго желтушника меньше, чѣмъ можно было бы предположить, судя по величинѣ птицы. Въ длину оно почти 25 м.м., въ толщину 16; основной цвѣтъ его блѣдно-сѣрый, темнѣе къ толстому концу, испещренъ бурыми пятнышками и короткими штрихами. По Одюбону въ одно гнѣздо самка коровьяго желтушника никогда болѣе одного яйца не кладетъ, но безъ сомнѣнія кладетъ нѣсколько въ продолженіи всего періода кладки. Приблизительно послѣ 14-дневнаго высиживанія вылупляется птенецъ и съ этого момента и случайные воспитатели и навязанный воспитанникъ ведутъ себя совершенно такъ, какъ это будетъ ниже сказано при описаніи кукушки.

Вильсонъ рассказываетъ слѣдующую премилую исторію. «Въ іюнѣ мѣсяцѣ я вынулъ молодого коровьяго желтушника изъ гнѣзда его случайныхъ родителей и посадилъ его въ одну клѣтку съ кардиналомъ. Послѣдній нѣсколько минутъ съ живымъ любопытствомъ осматривалъ вновь прибывшаго, пока тотъ жалостно не началъ просить корму. Съ этого момента кардиналъ принялъ птенца подъ свое покровительство и началъ кормить его съ рвеніемъ и нѣжностью любящей матери. Найдя, что сверчокъ, котораго онъ притащилъ своему питомцу, былъ слишкомъ великъ и не могъ быть имъ проглоченъ, онъ разорвалъ его на маленькіе кусочки, для размягченія пожевалъ ихъ немного въ клювъ и клалъ по одному въ ротъ птенцу съ возможной бережностью и нѣжностью. Онъ частенько осматривалъ и по нѣскольку минутъ обыскивалъ его со всѣхъ сторонъ и удалялъ грязные комочки, которые замѣчалъ на перьяхъ своего любимца. Онъ ласками приглашалъ и побуждалъ его къ ѣдѣ и старался всякимъ способомъ приучить къ самостоятельности. Въ настоящую минуту, когда я пишу эти строки, молодому желтушнику 6 мѣсяцевъ; онъ вполне оперился и платитъ своему наставнику за его любящее попеченіе о немъ постояннымъ повтореніемъ своего пѣнія. Послѣднее во всякомъ случаѣ обворожительно, хотя нельзя умолчать и объ его странности. Пѣвецъ распускаетъ свои крылья, надуваетъ свое тѣло до внѣшняго вида шара, поднимаетъ каждое перо какъ индѣйскій пѣтухъ и издаетъ какъ будто съ большимъ напряженіемъ нѣсколько глубокихъ и неровныхъ нотъ; при этомъ каждый разъ съ большой важностью прохаживается передъ кардиналомъ. Послѣдній дѣлаетъ видъ, что слушаетъ его внимательно, хотя и самъ онъ отличный пѣвецъ и, конечно, можетъ находить удовольствіе въ этихъ бурливыхъ гортанныхъ звукахъ только потому, что его сердцу пріятно такое выраженіе любви и благодарности».

Почти столь же обыкновененъ, какъ коровій желтушникъ другой видъ—**Красноплечій желтушникъ** (*Agelaius phoeniceus*. *Sturnus praedatorius*. *Oriolus*, *Icterus*, *Psarocolius*, *Xanthornis phoeniceus*. *Rotflügel*. *Carouge commandeur*). Его клювъ длинный, конусовидно вытянутъ, очень острый и слегка сжатъ. Туловище сильное. Крылья средней величины съ болѣе длинными вторымъ и третьимъ маховыми перьями. Хвостъ довольно длинный и закругленный. Опереніе мягкое и блестящее. Въ брачную пору самцы красноплечихъ желтушниковъ густого чернаго цвѣта съ роскошными пурпурно-красными плечами. Большія бородки кроющихъ перьевъ крыла коричнево-желто-бурого цвѣта. Глаза каріе. Клювъ и ноги голубовато-черные. Длина тѣла 22, размахъ крыльевъ 35, длина крыла 12, длина хвоста 8 см. У самки верхняя часть черновато-бурая, нижняя сѣровато-бурая, каждое перо этихъ частей болѣе или менѣе оторочено желтовато-сѣрою каймою; горло и щеки покрыты продольно-темными штрихами по блѣдно-сѣрому фону.

Красноплечіе желтушники также распространены по всей Сѣверной Америкѣ, и тамъ, гдѣ они встрѣчаются, многочисленны. На сѣверѣ Соединенныхъ Штатовъ они—регулярно гнѣздящія птицы, на югѣ же только зимніе гости, временно появляющіеся массами. Описаніе Одюбона даетъ такую превосходную картину ихъ образа жизни, что совершенно достаточно, если я приведу здѣсь изъ него самое существенное.

Съ наступленіемъ весны красноплечіе желтушники покидаютъ южные штаты, гдѣ они провели холодное время года, и летятъ большими или маленькими стаями на сѣверъ. Самцы съ пѣніемъ летятъ впереди, какъ будто своимъ пѣніемъ они убѣждаютъ самокъ слѣдовать за ними. Зимніе гости по пути нерѣдко засиживаются на невысокихъ деревьяхъ. Здѣсь они распускаютъ вѣеромъ свой хвостъ, то-

Красноплечій желтушникъ. *Agelaius phoeniceus*. 5, 8 наст. веллч.

порщатъ перышки, и вы можете услышать ихъ частые звонкіе голоса, именно раннимъ утромъ, передъ ихъ отлетомъ съ того мѣста, гдѣ они провели ночь, такъ какъ они летятъ только днемъ. Лишь только прилетятъ самки, начинаются заботы о потомствѣ. Нѣсколько самцовъ летаютъ за одной самкой, пока она не выберетъ одного по своему вкусу. Оба тотчасъ приступаютъ къ постройкѣ гнѣзда. Счастливая чета отделяется отъ стаи и ищетъ себѣ для гнѣзда подходящее мѣстечко гдѣ-нибудь на краю уединеннаго пруда или болотистаго луга. Выбирается какой-нибудь низенькій кустъ, густая камышевая или травянистая заросль, натаскивается сюда куча сухого камыша, устраивается въ ней ямка для гнѣзда и выкладывается внутри нѣжной травой или конскимъ волосомъ. Сюда кладутся отъ 4 до 6 весьма оригинальныхъ яичекъ около 25 м.м. длины и 18 м.м. толщины. На водно-голубомъ фонѣ ихъ накраплены отдѣльныя большія, черныя и черно-бурыя пятнышки. «Съ этого момента», говоритъ Одюбонъ, «можно наблюдать всю преданность и отвагу,

которыя царятъ въ сердцѣ самца. Онъ заботливо стережетъ свою подругу, сидящую на яйцахъ. Каждый непрошенный гость, приближающійся къ гнѣзду, встрѣчается громкимъ призывомъ, въ которомъ слышатся и страхъ и досада, и весьма нерѣдко птичка пронесется почти около самаго человѣка, когда онъ сознательно или нечаянно нарушить ея спокойствіе. Иногда она садится на вѣтку надъ гнѣздомъ и испускаетъ такой жалостный крикъ, что только безчувственный рѣшится потревожить парочку».

Вылетѣвшіе изъ гнѣзда птенцы соединяются съ тысячами другихъ птицъ ихъ вида и кочуютъ уже самостоятельно, въ то время какъ ихъ родители готовятся ко второй кладкѣ. Первые выводки вылетаютъ изъ гнѣзда въ началѣ юня; вторые— въ первыхъ числахъ августа; къ этому времени начинаютъ поспѣвать хлѣба въ среднихъ штатахъ и сбившіеся въ стаи желтушники безчисленными массами нападаютъ на поля, вынуждая серьезное противодѣйствіе этому со стороны заботливыхъ земледѣльцевъ. Но и самыя большія старанія человѣка бываютъ обыкновенно безплодны: масса птицъ подавляетъ все усилія. Но лишь только хлѣба окончательно созрѣютъ, красноплечіе желтушники оставляютъ поля и собираются на лугахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ, а также и въ камышахъ. соединяются вмѣстѣ съ дроздами, рисовыми желтушниками и другими подобными родственными видами и образуютъ вмѣстѣ съ ними стаи, затмѣвающія свѣтъ. Но преслѣдованія не кончаются, и трудно себѣ представить, какія убиваются массы этихъ птицъ. Одюбонъ увѣряетъ какъ слышанное имъ, что однимъ выстрѣломъ бываетъ убито болѣе, чѣмъ 50 штукъ и рассказываетъ, что онъ лично убилъ нѣсколько сотенъ въ одно послѣ-обѣденное время. И все-таки массы птицъ не убываютъ въ числѣ. Подобно нашимъ скворцамъ, съ наступленіемъ ночи красноплечіе желтушники густыми стадами садятся на ночевку въ камыши, чтобы здѣсь найти защиту отъ ихъ вѣчно грознаго гонителя.

Благодаря своей красотѣ, красноплечіе желтушники часто держатся въ клѣткахъ. Они непритязательны, поютъ прилежно, постоянно бодры и дѣятельны, всегда веселы и миролюбивы, по крайней мѣрѣ между равносильными. Они самымъ милымъ образомъ уживаются въ общей клѣткѣ, и пріятны какъ для глаза, такъ и для уха. Въ неволѣ они не размножаются, изъ чего слѣдуетъ, что мы до сихъ поръ еще не приложили всѣхъ заботъ для ихъ нормальной жизни.

* * *

Близко къ желтушникамъ стоятъ **Кассики** (*Cassicus. Stimvögel. Cassiques*). Эти самыя крупныя изъ всего семейства, птицы также стройно сложены, снабжены длиннымъ, коническимъ клювомъ, сильными, длиннопальными ногами съ острыми когтями и довольно длинными заостренными крыльями. Длинный хвостъ ихъ съ широкими перьями обыкновенно ступенчато округленъ. Опереніе плотное, гладкое, блестящее, съ преобладающимъ черноватымъ цвѣтомъ съ желтыми и красными пятнами.

Кассики, отчасти замѣщающіе въ Америкѣ нашихъ воронъ, являются красивыми, живыми и подвижными созданіями, имѣющими много общаго съ желтушниками по своему образу жизни, хотя и живутъ въ лѣсахъ и всегда на деревьяхъ. Ко времени созрѣванія хлѣбовъ или плодовъ они безбоязненно приближаются къ поселеніямъ и плантаціямъ и становятся иногда очень докучливыми. Въ лѣсу они ловятъ насѣкомыхъ, а крупные виды—и мелкихъ позвоночныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они питаются плодами и сѣменами.

Ихъ пѣніе не такое благозвучное, какъ у желтушниковъ, но ни въ коемъ случаѣ не лишено пріятности и въ особенности отличается своей чрезвычайной гибкостью.

По Шомбургку нѣкоторые виды называются у европейцевъ въ Гвіанѣ «пересмѣнниками». Они подражаютъ не только всѣмъ поющимъ и кричащимъ птицамъ, но даже и крикамъ млекопитающихъ. «Трудно найти», говоритъ Шомбургкъ, «болѣе безпокойнаго и шумливаго пѣвца, какъ кассикъ. Стоитъ только замолчать окружающимъ животнымъ, и онъ запѣваетъ свою собственную, очень пріятную пѣсню. Прокричитъ-ли вдругъ глухо перцеядъ, и кассикъ въ тотъ же моментъ подражаетъ ему: раздадутся-ли голоса различныхъ дятловъ, и кассикъ превращается по голосу самъ въ дятла; заблеять-ли овцы, и въ отвѣтъ имъ слышится такое же блеяніе. Если замолкнутъ на мгновение чужіе голоса, онъ снова начинаетъ свою особенную пѣсню, пока она опять не прервется крикомъ индюка или криканіемъ утокъ. Въ ту же минуту онъ закричитъ какъ индюкъ и закрякаетъ по утиному. Всѣ эти подражательные звуки птица сопровождаетъ такими удивительными движеніями и поворотами головы, шеи и всего тѣла, что я часто не могъ удержать искренняго смѣха, глядя на эту словоохотливую и вмѣстѣ съ тѣмъ комическую птицу».

«Не менѣе оригинальна и постройка кассиковыхъ гнѣздъ. Они устраиваютъ общее гнѣздовье и подвѣшиваютъ свои мѣшковидныя, довольно искусныя гнѣзда къ одному дереву и нерѣдко въ братскомъ сообществѣ съ родственными видами, которые по окончаніи птенцовой поры улетаютъ прочь, не заботясь о своихъ сожителяхъ по гнѣздовью. Гнѣзда кассиковъ похожи на большія отвисшія дробовницы, употреблявшіяся въ прежнее время, но построены настолько воздушно, что легко можно различить сквозь нихъ свѣтлую гузку сидящей на яйцахъ птицы. Постройка такихъ гнѣздъ требуетъ много времени, труда и искусства. Нѣкоторые виды строятъ ихъ только изъ нитевидныхъ полосокъ и волоконъ, которыя они отдираютъ отъ пальмовыхъ листьевъ».

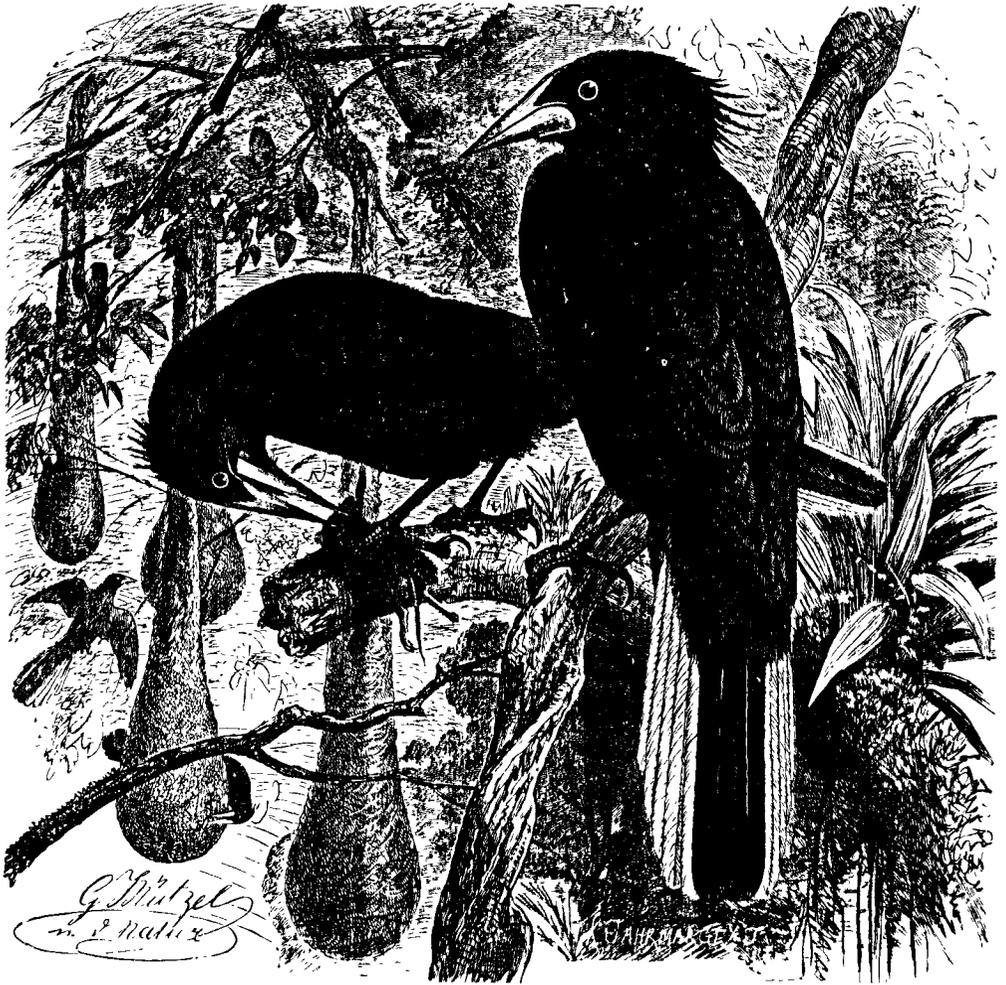
«Какъ только», говоритъ Шомбургкъ, «птица сидеть на листѣ, она захватываетъ клювомъ его наружную оболочку, отдираетъ ее на нѣсколько сантиметровъ и слетаетъ какъ то особенно въ сторону, чтобы оторвать волокно, длиной отъ 3 до 4 м.» Другіе виды употребляютъ на постройку стебли травы и дѣлаютъ ихъ гибкими, вѣроятно съ помощью своей слюны. По словамъ принца Вида, всѣ виды не выводятъ болѣе двухъ птенцовъ.

Кромѣ человѣка у свободно живущихъ кассиковъ на ихъ родинѣ могутъ быть врагами только самыя сильныя соколы. Какъ-бы хорошо ни было защищено гнѣздовье, птенцы часто бываютъ жертвами наводненій. «Большія стаи», рассказываетъ Шомбургкъ, «съ нугливымъ крикомъ носились около ихъ мѣшковидныхъ гнѣздъ, изъ которыхъ многія уже касались прибывающей воды или были уже затоплены. Въ то время, какъ однѣ пары спокойно и тревожно летали здѣсь, ища свои гнѣзда, свои яйца, своихъ птенцовъ, другія, до которыхъ вода еще не достигла, спокойно сидѣли на яйцахъ, кормили птенцовъ или таскали матерьялъ для начатаго гнѣзда, не замѣчая жалобныхъ криковъ своихъ товарищей. Жизнь ихъ гнѣздовья была точный снимокъ жизни большихъ городовъ. Какъ тамъ, птицы мирно строились другъ возлѣ друга, и какъ тамъ никто не печаловался о чужомъ горѣ».

Достойный представитель рода кассиковъ—**Хохлатый нассинъ** или **Шапу** (*Cassicus cristatus*. *Ostinops cristata*. *Xanthornus maximus*. *Oriolus*. *Psarocolius cristatus*. *Haubenstärting*. *Cassique*. *Chapu*). Длина его достигаетъ 40—45 см., размахъ крыльевъ 61—65, длина крыла 20—21 и длина хвоста 18—19 см. Его опереніе блестяще черное, начиная отъ головы съ хохловидными перышками посреди темени и до пяти наружныхъ парныхъ хвостовыхъ перьевъ лимонно-желтаго цвѣта. Подхвостье, нижнія и верхнія кроющія перья хвоста ярко каштаново-бурыя. Нижнія шейныя

перья и плечевыя на концѣ по краю съ буроватыми полосками, снизу темнѣе, чѣмъ сверху. Самка значительно меньше самца.

Шапу, жизнь котораго такъ прекрасно описалъ принцъ Видъ, распространенъ, кромѣ западныхъ областей южной Бразиліи, по всей Южной Америкѣ, къ сѣверу до Гватемалы. Онъ живетъ только въ лѣсахъ и только въ томъ случаѣ приближается къ плантаціямъ и человѣческому жилью, когда они расположены у самаго лѣса.

Шапу. *Cassicus cristatus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

Въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ онъ не встрѣчается, въ лѣсахъ-же многочисленъ. Образомъ жизни онъ нѣсколько похожъ на нашу сойку. Онъ живетъ общественно, права живого, всегда въ движеніи, перелетаетъ съ одного дерева на другое, подвѣшивается къ вѣткамъ своими сильными когтями, сорветъ иногда какой-нибудь плодъ, улетаетъ съ нимъ прочь, чтобы съѣсть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, и все это продѣлываетъ съ несмолкаемымъ и неугомоннымъ крикомъ. Его пища состоитъ изъ мелкихъ насѣкомыхъ и ягодъ; однако, когда созрѣютъ плоды, то апельсины, бананы и плоды папан (*Carica papaya*) составляютъ его лакомыя кушанья. Для плантацій онъ можетъ быть очень вреденъ.

Даже въ птенцовую пору хохлатыхъ кассиковъ всегда встрѣтишь въ сообществѣ съ другими птицами ихъ вида; часто на небольшомъ пространствѣ они собираются въ 30, 40 и болѣе паръ. Ихъ оригинальныя мѣшковидныя гнѣзда тогда подвѣшены близко другъ къ другу на всѣхъ вѣтвяхъ одного или нѣсколькихъ высокихъ или вѣтвистыхъ дѣвственныхъ деревьевъ. «Я нашелъ однажды», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «въ одной романтической, тѣнистой долинкѣ, защищенной со всѣхъ сторонъ лѣсистыми горами, въ высшей степени многочисленную колонию этихъ птицъ. Онѣ настолько оживляли лѣсъ, что рѣшительно нельзя было на чемъ-нибудь сосредоточиться. По всему лѣсу раздавались ихъ особенно оживленные въ это время голоса».

«Обыкновенно шапу издають одинъ короткій, грубый, довольно хриплый призывной крикъ; впрочемъ они издають и другіе измѣнчивые звуки: одинъ громкій какой-то странный горловой свистъ, протяжный и довольно пріятный, обыкновенно рѣдко повторяющійся, но иногда усиливающійся на полуоктаву. Другіе разнохарактерные звуки, присоединяющіеся къ вышепомянутымъ, въ общемъ образуютъ пріятную, хотя и странную мелодію въ особенности тогда, когда одновременно поютъ нѣсколько птицъ».

«Шапу прикрѣпляетъ свое интересное гнѣздо то на очень высокихъ, то на средней высотѣ деревьяхъ. Оно имѣетъ форму мѣшка 13—17 см. шириной, узкое, длинное, округленное снизу, часто длиною отъ 1 до 1,5 м. и наверху прочно прикрѣпляется къ какой-нибудь довольно тонкой вѣткѣ почти въ палецъ толщиной; въ немъ находится довольно продолговатое, совершенно незащищенное отверстие для входа. Форма и гибкая, похожая на рыхлый войлокъ, масса этого гнѣзда дѣлають его легко доступнымъ произволу вѣтра: даже при слабомъ вѣтеркѣ оно дѣлается его игрушкой. Птица искусно свиваетъ и селетается это мѣшковидное гнѣздо изъ волоконъ тиландзіи (*Tillandsia*) и другихъ волоконцевъ и притомъ такъ крѣпко, что его съ трудомъ можно разорвать. Внизу на днѣ этого глубокаго мѣшечка подстилкой птенцамъ служатъ мохъ, сухіе листья и лубъ; на нихъ кладутся 1 или 2 яичка. Они продолговатой формы; по бѣловатому фону ихъ идутъ блѣдно-фіолетово-красныя мраморныя прожилки и неправильно разбросаны темныя черно-фіолетовыя штрихи и точки. Обыкновенно въ такихъ гнѣздахъ я находилъ только одного птенца, но за нормальное число яицъ нужно принимать все-таки два. Было бы неправильно считать, подобно Азара, нормальнымъ числомъ три. Молодые издають громкій и хриплый крикъ и своимъ первымъ опереніемъ уже походятъ на стариковъ, такъ какъ у нихъ тотчасъ же вырастають желтыя хвостовыя перья. Часто находятъ два гнѣзда, свитыя вплотную, т. е. одно гнѣздо слегка разгораживается по серединѣ и пріобрѣтаетъ новое мѣшковидное боковое отдѣленіе, составляющее отдѣльное жилище. На одномъ деревѣ находятъ 30—40 и болѣе гнѣздъ. Птицы предпочитаютъ прикрѣплять ихъ къ крѣпкимъ сухимъ вѣткамъ. Въ ноябрѣ я нашелъ гнѣзда, изъ которыхъ одни были еще пусты, тогда какъ въ другихъ лежали яйца и птенцы. Такое увѣшанное гнѣздами дерево, на которомъ во всѣхъ направленіяхъ снуютъ эти работающія, большія, красивыя птицы, представляетъ весьма привлекательное зрѣлище для орнитолога и охотника. Весьма крупный, сравнительно съ самкой, и красивый самецъ распускаетъ свой роскошный хвостъ, разправляетъ, словно лебедь, свои крылья, загибаетъ книзу свою голову, раздувая зобъ, и испускаетъ свой странный горловой крикъ, похожій на звуки флейты. Когда птица слетаетъ своимъ легкимъ, быстрымъ полетомъ, она производитъ своими крыльями шумъ, слышимый даже внизу. Можно наблюдать этихъ птицъ часами, если ихъ не пугать».

«Когда пройдет птенцовая пора, кассики стаями летаютъ на плодовые деревья и тогда мы многихъ изъ нихъ убивали на гениповыхъ (*Gardenia genipa*) и другихъ деревьяхъ. Особенно часто я видѣлъ это на рѣкахъ Белмонте и Ильеосъ, гдѣ они особенно многочисленны и обыкновенны. Ихъ мясо довольно съѣдобно, хотя часто бываетъ грубо и жестко: мы никогда не замѣчали въ немъ особеннаго запаха, какъ утверждаютъ нѣкоторые писатели. Ботокуды убиваютъ шапу стрѣлами, частью для ѣды, частью ради ихъ желтыхъ перьевъ, которыя имъ чрезвычайно нравятся. Они дѣлаютъ изъ нихъ, при помощи воска, вѣрь и прикрѣпляютъ его себѣ на лбу».

Пойманные хохлатые кассики выживаютъ много лѣтъ, ведутъ себя въ клеткахъ весело и оживленно и гнѣздятся, если ихъ держать колоніями. Вышепомянутые изслѣдователи, которые трактовали объ особенномъ запахѣ, пожалуй не ошиблись, такъ какъ наши кассики пахнутъ иногда такъ сильно, что ихъ почти нельзя держать въ комнатѣ.

* * *

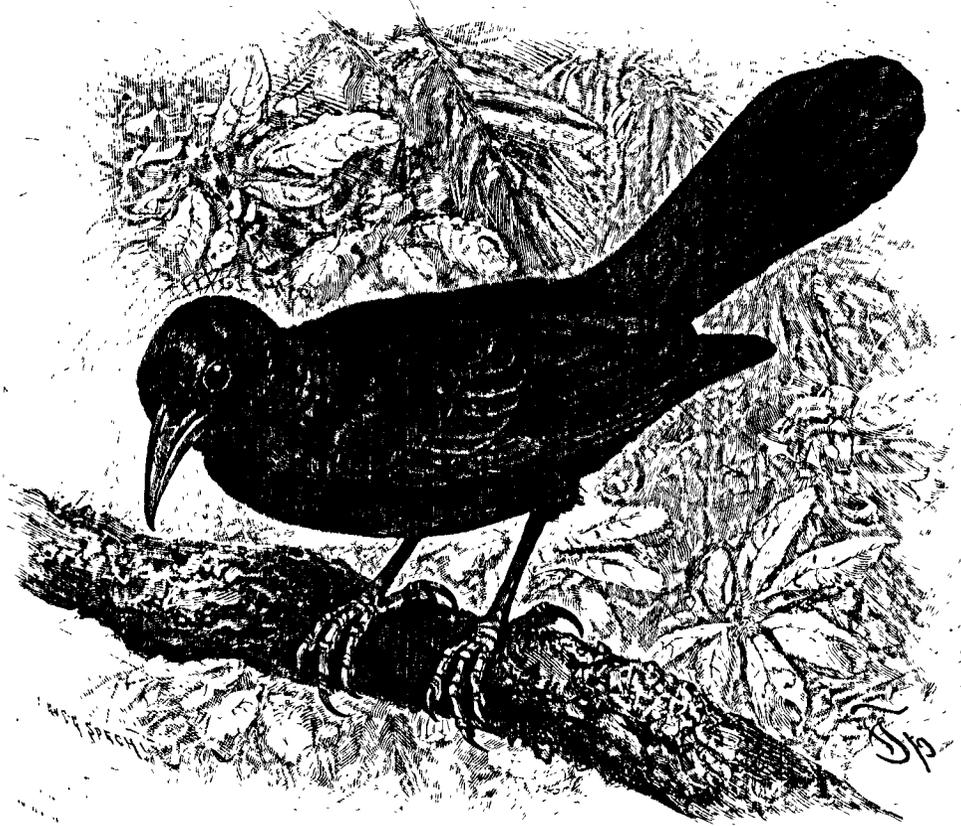
Родъ **Халкофановъ** (*Chalcophanes*. *Schwarzvögel*), обнимаетъ нѣсколько болѣе 20 видовъ. Ихъ конусовидный клювъ, длинный и прямой на хребтѣ, слегка согнуть съ яснымъ крючкомъ на концѣ; углы рта не такъ спущены, какъ у другихъ родственныхъ ему видовъ; часть клюва, вдающаяся въ лобъ, коротка. Ноги, относительно говоря, тонки, съ высокой плюсной и длинными тонкими пальцами, вооруженными острыми мало согнутыми когтями. Крылья средней величины, третье маховое ихъ самое длинное. Хвостъ сильно закругленъ. Опереніе однообразное— черное съ металлическимъ отливомъ.

Для образца опишемъ образъ жизни **Пурпуроваго халкофана** (*Chalcophanes quiscalus*. *Gracula quiscalis*. *Oriolus ludovicianus*, *hudsonius*, *Sturnus quiescalus*. *Quiesca'a niteus*, *purpurea*. *Quiscalus purpureus*, *versicolor*. *Purpurschwarzvogel*. *Chalcophane purpure*). Длина его достигаетъ 31, размахъ крыльевъ 40, длина крыла 14, хвоста 12 см. Голова, шея и нижняя часть тѣла черныя, гляцевитыя съ пурпурово-фіолетовымъ или мѣдно-бурымъ отливомъ, нижнія части украшены блѣдно-зелеными пятнами, а всѣ перья верхней части спины и плечъ выдѣляются на матово-темно-зеленомъ фонѣ, благодаря поперечнымъ штрихамъ, отливающимъ радужными цвѣтами. Надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста бронзоваго цвѣта, наиболѣе длинныя—пурпурово-фіолетовыя. Внѣшнія опахала маховыхъ и хвостовыхъ перьевъ съ стальнымъ фіолетово-голубымъ отливомъ. Глаза сѣро-желтаго цвѣта. Какъ клювъ, такъ и ноги черныя.

Пурпуровый халкофанъ распространенъ по восточной части Соединенныхъ Штатовъ, къ сѣверу до Новой Шотландіи, къ западу до Алеганскихъ горъ. Онъ живетъ исключительно въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Во всѣ времена года онъ ведетъ жизнь общественную, часто сбивается въ большія стаи и разгуливаетъ по солончаковымъ низинамъ и тинистымъ берегамъ своей родины. Его главную пищу составляютъ мелкіе краббы и червяки. Само собою разумѣется онъ столь-же мало пренебрегаетъ насѣкомыми, какъ и другіе его сородичи, а ко времени поспѣванія плодовъ и злаковъ появляется и на плантаціяхъ. Рисовымъ полямъ онъ долженъ причинять чувствительный вредъ.

Въ началѣ февраля самцы уже одѣты въ свое брачное опереніе и спарились. Въ это время ихъ видишь сидящими по-одиночкѣ на высокихъ деревьяхъ въ полномъ блескѣ ихъ наряда. Они нѣкоторымъ образомъ гордятся своей красотой и далеко сверкаютъ въ лучахъ солнца. Они очень ревнивы относительно другихъ

птицъ своего вида, но только до той поры, пока не спарятся. Лишь только они разбились на пары, кончаются всѣ ссоры и наступаетъ полный миръ и согласіе. Они избираютъ теперь удобное мѣстечко для устройства гнѣзда гдѣ-нибудь на побережьи или на берегу большихъ рѣкъ или даже просто на болотѣ. Гнѣздо ихъ въ существенныхъ чертахъ сходно съ гнѣздами другихъ трупіаловъ. Самка кладетъ отъ 4 до 5 яицекъ, которыя имѣютъ въ длину 31 м.м., въ ширину 23 и покрыты бурыми и черными точками, неправильно разбросанными по сѣровато-бѣлому фону. Въ воспитаніи птенцовъ принимаютъ участіе оба родителя и кормятъ

Халкофанъ пурпуровый. *Chalcorhynchus purpurascens*. 4/5 наст. вел.

ихъ всякой всячиной. Они не стыдятся даже грабить гнѣзда другихъ птицъ и таскать на кормъ ихъ яйца и птенцовъ. Зато съ своей стороны они также, говорятъ, имѣютъ своихъ враговъ. «Когда пурпуровый халкофанъ», рассказываетъ Одюбонъ, «гнѣздуетъ въ высокихъ камышахъ открытыхъ заводяхъ и озерахъ Луизианы и Флориды, крикъ птенцовъ часто привлекаетъ вниманіе аллигатора, который, предчувствуя лакомый кусочекъ, тихонько подплываетъ къ нимъ и внезапно ударяетъ хвостомъ по соответствующему пучку стеблей съ цѣлю выбросить изъ гнѣзда осторожныхъ юнцовъ. Вылавшіе изъ гнѣзда птенцы въ то же мгновеніе проглатываются. Однако аллигатору рѣдко удается повторить свои нападенія болѣе одного или двухъ разъ, такъ какъ взрослые дѣлаются скоро очень осторожными и во время предупреждаютъ своихъ птенцовъ». Я долженъ однако замѣтить, что сильно сомнѣваюсь въ правдоподобности этого разказа.

Пурпуровый халкофанъ—весьма проворная птица. Онъ съ легкостью лазаетъ внизъ и вверхъ по камышу и ходить по землѣ съ изяществомъ скворца и совершенствомъ вороны. При полетѣ онъ описываетъ длинныя волнообразныя линіи. Голосъ его не заслуживаетъ похвалы; призывной крикъ выражается крикливымъ «криккрикри», пѣснь любви—простымъ «тирири» и т. д., настойчиво и съ большимъ самодовольствіемъ повторяемъ имъ съ какой-нибудь высокой вѣтки. Осенью и зимой пурпуровые халкофаны часто соединяются съ родственными имъ птицами и даже иногда съ неродственными—вродѣ маленькихъ цапель и тому подобныхъ. Хищныхъ птицъ они преслѣдуютъ съ такимъ-же рвеніемъ и злобою, какъ и наши вороны.

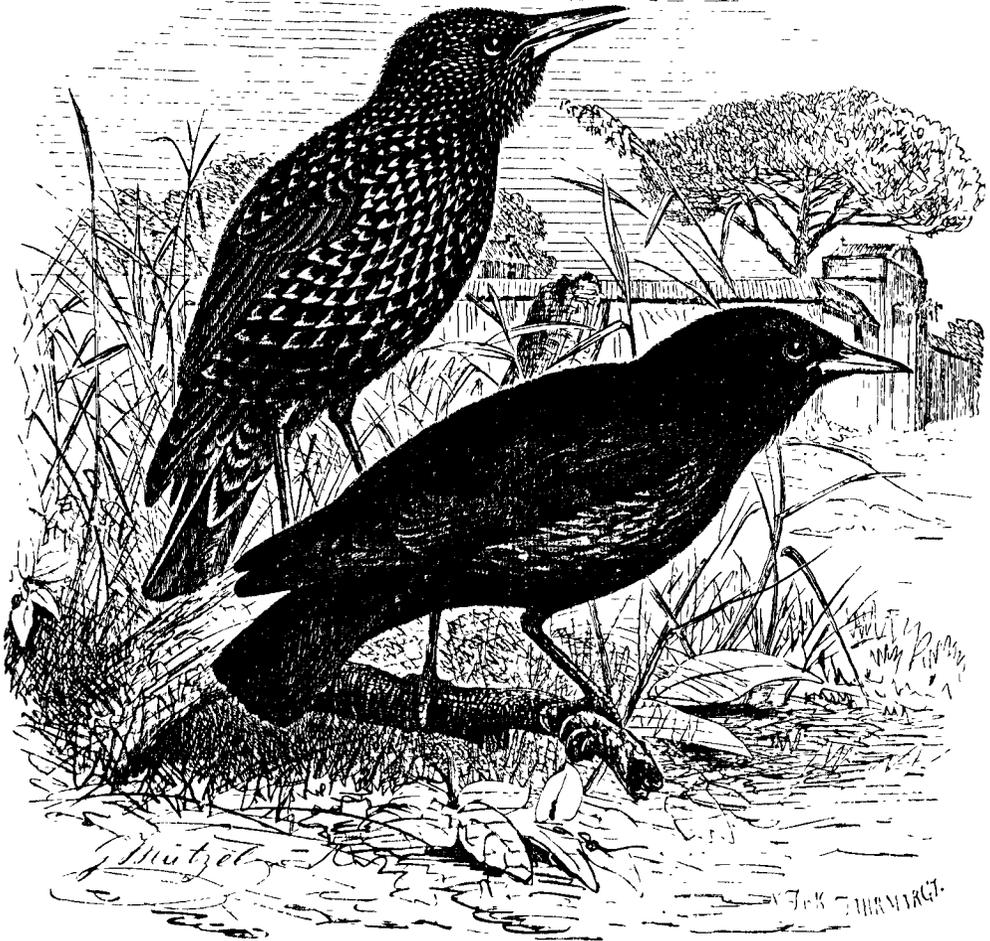
Скворцы (Sturnidae. Stare. Etourneaux) представляютъ собой птицъ средней величины, плотно сложенныхъ, съ короткимъ хвостомъ и довольно длинными крыльями. Клювъ ихъ равенъ длинѣ головы, прямой, длинный, равномерно суживающійся къ концу. Ноги средней высоты, довольно сильныя, покрытыя широкими щитками. Опереніе довольно пышное, но твердое, и весьма разнообразныхъ окрасокъ.

Скворцы являются тѣмъ-же для Старога Свѣта, что трупіалы для Америки. Это въ высшей степени замѣчательная группа птицъ, обнимающая собой почти 150 видовъ и встрѣчающаяся во всѣхъ частяхъ восточнаго полушарія. Какъ нѣкоторыя весьма общественныя птицы, они не собираются обществами въ какое-нибудь опредѣленное время, но живутъ даже въ пору гнѣздованія большими или маленькими стаями, дѣлающими сообща всякую работу. Они ходятъ шагая, слегка пошатывающейся походкой, но быстро и хорошо; летаютъ легко, скоро и шумно, быстро взмахивая крыльями; въ чащѣ вѣтвей и по камышамъ двигаются также съ большимъ умѣніемъ. Всѣ виды являются живыми, безпокойными, постоянно чѣмъ-нибудь занятыми птицами, отдыхающими только на короткое время съ тѣмъ, чтобы потомъ снова приступить къ какому-нибудь дѣлу. Ихъ лица состоитъ изъ насѣкомыхъ, червей и слизняковъ; на ряду съ этимъ они ѣдятъ плоды и другія части растеній, однако вреда они никогда не приносятъ. Свои гнѣзда весьма неправильной постройки они устраиваютъ въ дуплахъ деревьевъ, впадинахъ скалъ и стѣнъ. Число яицъ одной кладки колеблется между 4 и 7. Всѣ виды легко переносятъ неволю и выживаютъ долго; нѣкоторые изъ нихъ бываютъ самыми забавными птицами изъ всѣхъ, которыхъ вообще держать въ клѣткахъ.

* * *

Нашъ всѣмъ хорошо извѣстный **Скворецъ обыкновенный**, **Шпанъ** (Sturnus vulgaris, varius, domesticus, silvestris, niteus, septentrionalis, tenuirostris. Star. Etourneau commun) имѣетъ разную окраску и рисунокъ, смотря по возрасту и времени года. Весною опереніе стараго самца черное съ зеленымъ или пурпуровымъ отливомъ. На маховыхъ перьяхъ и хвостѣ эта окраска является болѣе свѣтлой, съ широкимъ сѣрымъ сбодкомъ. Отдѣльныя перья спины имѣютъ на концѣ сѣро-желтыя пятнышки. Глаза бурые; клювъ черный; ноги красно-бурья. Послѣ окончательнаго линянія опереніе принимаетъ совершенно другой видъ. Кончики всѣхъ перьевъ затылка, верхней части спины и груди становятся бѣловатыми, отчего все опереніе становится въ крапинкахъ. Клювъ принимаетъ болѣе темную окраску. Самка похожа на самца, но въ весеннемъ опереніи пестрѣе его. Молодые темно-буро-сѣраго цвѣта, всего свѣтлѣе въ лицевой области; клювъ ихъ сѣро-черный, ноги буровато-сѣрыя. Длина скворцовъ достигаетъ 22 см., размахъ крыльевъ 37, длина крыла 10, хвоста 7 см. Самки меньше самцовъ.

Въ южной Европѣ водится очень близкій ему видъ, **Черный или Одноцвѣтный скворецъ** (*Sturnus unicolor, indicus, splendens, nitens*. Schwarzstar. Etourneau unicolore). Этотъ видъ отличается какъ формой головныхъ, грудныхъ и затылочныхъ перьевъ, которые бываютъ длинны и узки, такъ и рисункомъ одежды: матово-аспидное, съ слабымъ металлическимъ отливомъ опереніе почти совершенно лишено крапивокъ. Молодые схожи съ птенцами другихъ скворцовъ своимъ юношескимъ опереніемъ, но оно всегда темно-буроватое. По указаніямъ южно-европей-

Скворецъ обыкновенный. *Sturnus vulgaris* и Черный скворецъ. *Sturnus unicolor*.
 $\frac{1}{2}$ наст. вел

скихъ изслѣдователей, черный скворецъ нѣсколько больше нашего. Я вымѣрилъ только одну самку, и это измѣреніе не подтвердило показанія вышепомянутыхъ изслѣдователей. Длина ея равна 22, размахъ крыльевъ 38, длина крыла 12,6, длина хвоста 6,5 см. Цвѣтъ глазъ, клюва и ногъ тотъ-же, что у нашего скворца.

Одноцвѣтный скворецъ водится въ Испаніи, въ южной Итали, на Украинѣ, на Кавказѣ и въ большомъ районѣ Азіи, въ Гиммалаяхъ, отъ Кашмира до Непала и въ сѣверномъ Пенджабѣ; зимой случайно онъ проникаетъ въ глубь страны и доходитъ до Синда. Его жизнь, насколько теперь это извѣстно, въ существенномъ

согласуется съ жизнью нашего нѣмецкаго скворца. Въ Гиммалайскихъ горахъ онъ спаривается, по Уайтсу, въ апрѣлѣ и маѣ и выбираетъ для гнѣзда дупла ивъ и другихъ деревьевъ.

Начиная отъ Исландіи и Ферерскихъ острововъ обыкновенный скворецъ встрѣчается почти во всѣхъ частяхъ Европы, по крайней мѣрѣ временно; точно также и въ извѣстныхъ областяхъ Средней Азіи, такъ какъ Радде и Вальтеръ встрѣтили его гнѣздящимъ на Тедженѣ и Мургабѣ: въ концѣ марта они нашли высиженные яйца. Уайтсъ тоже говоритъ, что нашъ скворецъ проводитъ лѣто въ Туркестанѣ, гдѣ онъ выводитъ дѣтенышей въ маѣ и юнѣ, въ то время какъ, въ Афганистанѣ вѣроятно, а въ Кашмирѣ и Пенджабѣ навѣрное, онъ наблюдается только какъ случайный зимній гость. Въ Европѣ онъ отнюдь не вездѣ осѣдлая птица. Такъ, онъ появляется во всѣхъ южныхъ провинціяхъ Испаніи, а также въ южной Италиі и Греціи только въ зимніе мѣсяцы, однако въ Пиренеяхъ и въ южныхъ Альпахъ онъ все еще гнѣздящая птица. Онъ предпочитаетъ ровныя мѣстности и ихъ луговые заросли, но останавливается и въ деревьяхъ, которые онъ посѣщаетъ только пролетомъ, если ему выставить на дорогѣ соотвѣтственную скворещницу. Ленцъ развелъ скворцовъ въ Тюрингенскомъ лѣсу и въ продолженіи немногихъ лѣтъ онъ доставилъ полямъ многія тысячи этихъ полезныхъ птицъ. Изъ нашихъ прилетныхъ птицъ скворцы прилетаютъ раньше всѣхъ и остаются до самой глубокой осени. Ихъ странствованія распространяются самое большее до сѣверной Африки; въ Алжирѣ и Египтѣ они являются регулярно каждую зиму. Главная масса ихъ зимуетъ уже въ южной Европѣ и проводитъ это время повсюду вмѣстѣ съ различными другими птицами, въ особенности съ воронами и дроздами. Лишь только родина, по ихъ соображеніямъ, снова можетъ дать имъ пропитаніе, они отлетаютъ, и мы видимъ ихъ у насъ регулярно уже съ наступленіемъ оттепели. Въ новѣйшее время въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ скворцы начинаютъ перезимовывать, не улетаю на югъ и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ доставляетъ имъ возможность пережить тяжелое время зимы.

По всей вѣроятности нѣтъ птицы живѣе, веселѣе и бодрѣе скворца. Когда онъ прилетаетъ къ намъ, погода бываетъ еще очень пасмурна: съ неба падаютъ еще хлопья снѣга, пропитаніе скудно, и родина встрѣчаетъ его очень недружелюбно. Несмотря на это, въ первые дни онъ поетъ всего веселѣе радуется всѣхъ своей пѣсней, сидя обыкновенно гдѣ-нибудь очень высоко, гдѣ онъ со всѣхъ сторонъ доступенъ непогодѣ. Съ спокойствіемъ и бодростью мудреца относится онъ ко всѣмъ событіямъ и какъ теперь, такъ и всегда не теряетъ своего вѣчно хорошаго расположенія духа. Кто знаетъ его, тотъ долженъ полюбить его, а кто еще не узналъ, тотъ долженъ дѣлать все, чтобы привязать его къ себѣ. Онъ служитъ лучшимъ другомъ человѣку и тысячу разъ съумѣетъ отплатить за оказанное расположеніе.

Тотчасъ по весеннемъ прилетѣ самцы появляются на возвышенныхъ мѣстахъ села или города, на колокольняхъ или вершинахъ старыхъ деревьевъ и поютъ, весело помахая крыльями и хвостомъ. Пѣніе ихъ неважное и скорѣе можетъ быть названо болтовней, чѣмъ пѣніемъ; въ немъ слышатся нѣсколько неприятныхъ, хриплыхъ нотъ, но поется оно съ такимъ одушевленіемъ и веселіемъ, что его слушаешь очень охотно. Интересъ къ ихъ пѣнію усиливается еще благодаря ихъ извѣстной способности подражать. Чуткое ухо скворца ловитъ всѣ звуки; онъ изучаетъ ихъ съ рвеніемъ и повторяетъ ихъ самымъ веселымъ образомъ, будетъ ли это переливчатый свистъ иволги, пронзительный крикъ сойки, громкій голосъ сарыча, кудахтавье куръ или шумъ мельницы, скрипъ двери или флюгера, шелканье перепела, переливы жаворонка, наконецъ всѣ колѣва пѣнія камышевокъ, дроздовъ, вараку-

шекъ, щебетаніе ласточекъ и т. п. Насколько вѣрно подражаетъ скворецъ даже свисту человѣка, мы узнаемъ отъ Дика. «Одинъ изъ моихъ скворцовъ далъ поводъ одному очень курьезному случаю. Болѣя однажды горломъ, я началъ звать своихъ садовниковъ свистомъ. Случилось нѣсколько разъ такъ, что люди поспѣшно прибѣгали ко мнѣ, когда я ихъ совѣмъ не звалъ или вообще выходило такъ, что ни я, ни они никакъ не могли понять, чего держаться. Въ концѣ концовъ оказалось, что гнѣздовавшій по близости дома скворецъ перенялъ мой свистъ и частенько подражалъ ему съ точностью и одинаковой силой». Скворецъ начинаетъ пѣть раннимъ утромъ, днемъ на время замолкаетъ и вечеромъ снова начинаетъ болѣе продолжительное пѣніе.

Въ началѣ марта наступаетъ пора любви. Самецъ расточаетъ въ это время всю свою любезность, чтобы не потерять самку, носится за ней всюду, съ громкимъ крикомъ гоняется за ней и наконецъ достигаетъ ее на землѣ. Помѣщеніе для гнѣзда занимается не всегда безъ боя; въ немъ устраивается временное ложе. Въ лиственныхъ лѣсахъ скворецъ выбираетъ для этого всякого рода дупла; за неимѣніемъ этого природнаго ложа для гнѣзда, онъ селится въ строеніяхъ; всего же чаще онъ устраиваетъ свое гнѣздо въ устроенныхъ человѣкомъ скворешницахъ. Последнія могутъ быть выдолбленными кусками дерева отъ 50 до 60 см. высоты и 20 см. въ поперечникѣ, заколоченными сверху и снизу дощечками и снабженными отверстіемъ подъ крышей 5 см. въ діаметрѣ; или же онѣ могутъ состоять изъ ящика той же формы, сколоченнаго изъ дощечекъ, подвѣшеннаго къ дереву или прикрѣпленнаго къ шести или фронтому дома. Ложемъ безпорядочно устроеннаго гнѣзда служатъ солома и стебли травы, внутренняя же выстилка состоитъ изъ перьевъ гусей, куръ и другихъ большихъ птицъ; въ случаѣ нужды скворецъ довольствуется соломой и сѣномъ, а въ лѣсу разнаго сорта мхомъ. Въ концѣ апрѣля въ гнѣздо положена первая кладка: отъ 5 до 6 продолговатыхъ 28 мм. длины, 20 мм. ширины яичекъ, слегка шероховатыхъ, но красивыхъ и глянцевитыхъ, свѣтло-голубогоцвѣта. Насиживаетъ ихъ одна самка. Лишь только птенцы вылупятся изъ яицъ, оба родителя бываютъ такъ заняты ихъ кормленіемъ, что отцу остается мало времени для пѣнія; однако ему удается улучшить часочекъ. Поэтому и въ это время вечеромъ можно видѣть почтенныхъ отцовъ семействъ, собравшихся попѣть.

При заботахъ родителей молодымъ достаточно 3-хъ, 4-хъ недѣль, чтобы стать самостоятельными. Они соединяются тогда съ другими выводками и уже теперь образуютъ довольно значительныя стаи, носящіяся безцѣльно по всей странѣ. Старики же въ это время приступаютъ къ выводу новаго потомства и, когда онъ наконецъ закончится благополучно, они присоединяются вмѣстѣ съ новымъ поколѣніемъ къ старымъ выводкамъ. Начиная съ этого времени, скворцы уже болѣе не ночуютъ на гнѣздовьяхъ, но проводятъ ночь или въ лѣсахъ, или въ прибрежныхъ камышахъ. «На нѣсколько миль», совершенно справедливо замѣчаетъ Ленцъ, «они разлетаются по этимъ мѣстамъ и къ вечеру партіями собираются со всѣхъ сторонъ. Если въ концѣ августа тростникъ и рогоза по рѣкамъ, прудамъ и озерамъ выростутъ и достаточно окрѣпнуть, они собираются на этихъ мѣстахъ днемъ, растянувшись на нѣсколько миль, вечеромъ соединяясь тысячами и даже десятками тысячъ. Роемъ носятся они вокругъ, то скучиваясь, то рѣдѣя подобно облаку, опускаются то на луга, то въ камыши и съ наступающей ночью съ чириканіемъ, щебетаніемъ, свистомъ, пѣніемъ, пискомъ, путаясь и ссорясь, отправляются на покой. Каждый выбираетъ и отвоевываетъ себѣ мѣстечко на стеблѣ, приклоняющемся подъ тяжестью его полнолѣсной особы. Сломится стебель, обре-

мененный тяжестью, съ шумомъ взлетаетъ скворецъ и отыскиваетъ себѣ новое мѣстечко. Случится переполохъ отъ выстрѣла или чего-нибудь подобнаго, и вся армія скворцовъ съ шумомъ и гамомъ поднимается къ небу и носится нѣкоторое время вокругъ. Наступаетъ конецъ сентября,—стаи скворцовъ не оставляютъ своей веселой общественной жизни; но старыя пары возвращаются къ своимъ гнѣздамъ, поютъ здѣсь утромъ и вечеромъ, какъ будто-бы впереди не было никакой зимы, однако улетаютъ изъ Германіи вмѣстѣ съ молодежью на югъ съ первыми заморозками и первымъ снѣгомъ на поляхъ. Если погода благоприятствуетъ, они остаются до послѣдней недѣли октября или начала ноября; послѣ этого отлетъ скворцовъ болѣе не замедляется». На зимнихъ стоянкахъ они живутъ какъ у себя дома. Въ Толедо я слышалъ ихъ пѣніе, раздававшееся съ башенокъ собора, а въ Египтѣ они пѣли, сидя на спинахъ буйволовъ.

Хотя скворцы приносятъ иногда значительный вредъ виноградникамъ и замѣтно вредятъ вишневымъ садамъ и огородамъ, а также и камышевымъ зарослямъ, благодаря поломаннымъ стеблямъ, когда они налетаютъ массами, но все-таки они приносятъ такъ много пользы, что ихъ нужно считать не иначе какъ лучшими друзьями сельскихъ хозяевъ. «Ни у какой птицы», говоритъ Ленцъ, «не бываетъ такъ удобно наблюдать приносимую ею пользу, какъ у скворца. Лишь только вылупятся первые птенцы, родители начинаютъ приносить кормъ передъ полднемъ регулярно каждыя 3 минуты, послѣ полудня каждыя 5 минутъ, что составляетъ въ продолженіи 7 часовъ до полдня 140 штукъ жирныхъ улитокъ (или вмѣсто нихъ столько же саранчей, гусеницъ и т. п.), послѣ полудня 84 штуки. На двухъ стариковъ въ часъ приходится, по моему расчету, по меньшей мѣрѣ 10 улитокъ въ часъ, что составляетъ 140 штукъ въ 14 часовъ; въ суммѣ, слѣдовательно, на каждую семью ежедневно приходится 364 взрослыхъ улитокъ. Когда птенцы вылетятъ изъ гнѣзда, они истребляютъ еще больше этихъ улитокъ. Наступаетъ вторая кладка и когда и эти птенцы становятся на взлетѣ, они составятъ семью въ 12 штукъ, каждый членъ которой истребляетъ 5 улитокъ въ часъ, а вся семья съѣдаетъ ежедневно 840 улитокъ. У меня въ домѣ на вышкѣ и подъ карнизами, а также на близъ стоящихъ деревьяхъ устроены 42 скворешницы. Если онѣ всѣ заняты и считать на каждую скворешницу ежегодно семью отъ 12 птицъ, то выходитъ, что я одинъ изъ моего жилища ежегодно поставлю на поля стаю изъ 504 скворцовъ, которая ежедневно уничтожитъ и съѣстъ цѣлую армію изъ 35,280 большихъ, толстыхъ и жирныхъ улитокъ». Я не буду ни подтверждать, ни опровергать этого исчисленія, но скажу только, что я вполне соглашаюсь съ мнѣніемъ Ленца. Владѣлецъ виноградника, конечно, въ правѣ прогонять безъ пощады и сожалѣнія насѣвшихъ между его виноградными лозами скворцовъ. Не менѣе правъ будетъ садоводъ, разгоняя ихъ, когда видѣть въ опасности свои рѣдкія растенія, служація украшеніемъ или приносяція доходъ. Что же касается до сельскаго хозяина, то онъ навѣрное поступитъ разсудительно, если приласкаетъ и приголубитъ этихъ птицъ и выстроитъ имъ жилища соотвѣтственно плану, приведенному выше, такъ какъ нѣтъ такой другой полезной птицы, которую онъ могъ-бы такъ легко поселить возлѣ себя и развести въ желаемомъ количествѣ, какъ тотъ скворецъ, который, къ счастью, все болѣе и болѣе познается нами и пріобрѣтаетъ нашу любовь.

Нѣтъ ничего забавнѣе, какъ смотрѣть на скворца, отыскивающего себѣ пищу. Старательно бѣгаетъ онъ по землѣ, безъ усталости устремляется то туда, то сюда, внимательно осматриваетъ каждое углубленіе, каждую трещинку, каждый кустикъ. При этомъ онъ употребляетъ свой клювъ съ такой ловкостью и такъ разносторонне, что съ истинной радостью смотришь на этого артиста, съумѣващаго сдѣлать

такое разнохарактерное употребленіе изъ такого простаго орудія. И дѣлать наблюденія надъ пойманвыми скворцами, жившими въ одной общей клеткѣ, поль которой былъ выложенъ дерномъ. Можно было видѣть, какъ они тщательно обыскивали со всѣхъ сторонъ кустики травы, вставляя клювъ между плотно-скупенныхъ стеблей, и затѣмъ раскрывая его сколько возможно, чтобы образовать пространство для чувствительнаго языка, который и продѣлываетъ свои эволюціи. Чего глазъ не увидѣть, то оцупаетъ язычекъ, что не найдется сегодня,—попадетъ завтра на обѣдъ.

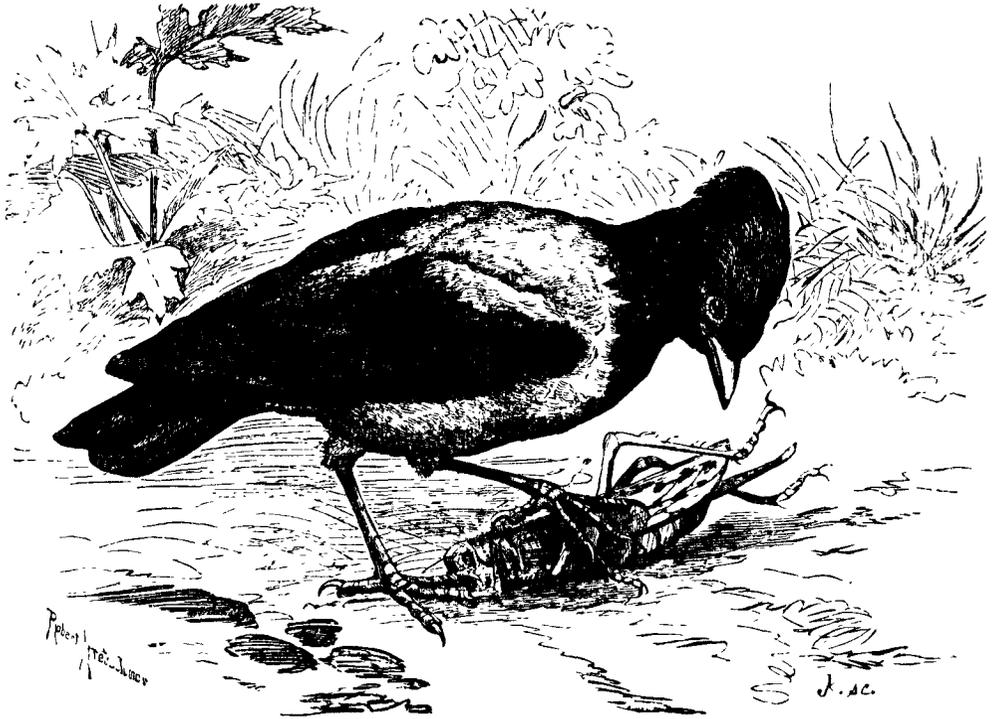
Опасными врагами скворцовъ являются наши большія соколиныя породы, въ особенности ястреба и перелетяники, также вороны, сороки и сойки, кромѣ того куницы, ласки, бѣлки и совы. Первые опасны для взрослыхъ или летающихъ, послѣднія же для беспомощныхъ птенцовъ, которыхъ они вытаскиваютъ изъ гнѣздъ, несмотря на храбрую защиту родителей. Однако сильное размноженіе скворцовъ вскорѣ уравниваетъ всѣ понесенныя потери, а ихъ умъ спасаетъ ихъ отъ опасностей. Такъ, напримѣръ, ища кормъ въ полянѣ, они держатся въ обществѣ воронъ и галокъ, во всякое время пользуются такимъ образомъ осторожностью послѣднихъ и улетаютъ при приближеніи хищника, именно хищной птицы, въ то время, какъ храбрыя вороны нападаютъ на него. Отъ преслѣдованій человѣка скворцовъ ограждаетъ ихъ милосердіе и еще болѣе ихъ невкусное и мало-сѣдбное мясо. Въ клеткахъ скворцовъ держать рѣже, чѣмъ они того заслуживаютъ. Они неприхотливы, какъ немногія другія птицы, очень умны, въ высшей степени понятливы, веселы, живы, склонны къ игрѣ и задору, приучаются насвистывать пѣсни, повторять слова и очень привязываются къ своему воспитателю. Выживаютъ они въ клеткахъ время, почти равное возрасту человѣка, и соединяютъ въ себѣ столько превосходныхъ свойствъ, какъ никакія комнатныя птицы подобнаго рода.

* * *

Ближайшій родичъ только что описаннаго скворца, живущій въ Европѣ—**Розовый скворецъ, каменный шринунъ**, (*Pastor roseus, peganus. Sturnus roseus, asiaticus. Turdus roseus, Seleucis. Psaroides, Acridotheres, Pecuarius, Thremmophilus, Nomadites roseus. Merula, Boscis, Gracula rosea. Rosenstar. Martin rosé*). Его голова съ длиннымъ вислицмъ хохолкомъ на затылкѣ, шея спереди до груди, спина до начала шеи—черныя съ темнымъ фіолетовымъ отливомъ. Крылья, хвостъ, верхнія и нижнія кроющія перья хвоста вмѣстѣ съ нижней частью бедра черныя, съ сталью-зеленымъ отливомъ. Все остальное опереніе розовое. Клювъ розово-красный, задняя половинка сильно свѣщивается внизъ. Ноги розовато-бурыя. У самки всѣ цвѣта болѣе матовые, а розовыя части замѣнены грязно-буровато-бѣлыми; нижнія кроющія перья съ широкими бѣловатыми каймами. Молодые сѣровато-блѣдно-ржаваго цвѣта, свѣтлѣе съ нижней стороны, съ бѣловатыми подбородкомъ, горломъ и брюшкомъ; ихъ маховыя и кроющія перья темно-бурыя съ ржаво-бурыми ободками снаружи; клювъ желтовато-бурый, темный къ концу. Длина розоваго скворца достигаетъ 21—23 см., размахъ крыльевъ 39—42, длина крыла 12, длина хвоста 7 см.

Розовый скворецъ принадлежитъ къ числу кочующихъ птицъ, такъ какъ въ извѣстныхъ областяхъ онъ иные годы появляется массами, въ другихъ же, наоборотъ, совершенно отсутствуетъ, хотя, казалось-бы, въ сущности условія и тутъ и тамъ были одинаковыя. Центромъ его области распространенія мы считаемъ внутреннія-азиатскія степи; отсюда кругъ его правильнаго распространенія идетъ въ одну сторону до южной Россіи и придунайскихъ низменностей, въ другую—до Малой Азіи, Сиріи и, наконецъ, на востокъ до Монголіи и Китая. Покидая свои мѣста гнѣздованія, розовый скворецъ появляется регулярно въ Индіи и каждый разъ однимъ и тѣмъ же путемъ

изъ Мессопотаміи черезъ Персію. Въ Индіи, по словамъ Уайтса, онъ обыкновененъ, за исключеніемъ времени отъ середины мая до начала іюля, распространенъ къ востоку до Бенгаліи и достигаетъ до Цейлона; онъ, говорятъ, даже встрѣчается на Андаманскихъ островахъ. Онъ посѣщаетъ, хотя и не ежегодно, и Грецію, и Италію, Африку же, напротивъ, чрезвычайно рѣдко. Теперь однако опредѣлилось, что онъ иногда, а именно обыкновенно лѣтомъ, во время гнѣздованія далеко переходитъ границу своего распространенія и разлетается не только по направленію пролѣтныхъ путей, но радіально въ разныя стороны. Благодаря этому онъ появляется въ различныхъ частяхъ Италиі и Греціи, вообще на всемъ Балканскомъ полуостровѣ, въ Придунайской низменности и въ Венгріи—равно и въ остальныхъ

Розовый скворецъ. *Pastor roseus*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

провинціяхъ Австрійской имперіи; точно также въ Германіи, Швеціи, Франціи, Голландіи, Бельгіи, Давіи, Великобританіи и даже на Ферерскихъ островахъ. Штелькеръ далъ себѣ трудъ сопоставить временное пребываніе розоваго скворца въ Швейцаріи и Германіи, слѣдствіемъ чего вышло, что нашъ кочевникъ въ теченіи столѣтій, отъ 1774 до 1875 года появился въ опредѣленной массѣ 16 разъ въ Швеціи и 37 разъ въ Германіи. Одна въ особенности многочисленная стая пролетѣла въ 1875 году поль-Европы, облетѣла почти всѣ провинціи Австріи, а также большинство областей и провинцій Германіи, хотя наблюдалась здѣсь не повсемѣстно, появилась, наконецъ, въ большомъ количествѣ въ Италиі, главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Вероны, основалась тамъ, вывела итенцовъ,—и снова безслѣдно исчезла. Тамъ, гдѣ розовый скворецъ появляется регулярно, какъ напримѣръ въ южной Россіи, въ Малой Азій и Сиріи, онъ прилетаетъ со своей зимовки въ первой половинѣ мая, остается для гнѣздованія только до начала августа, улетаетъ и постепенно

возвращается на зимнія мѣста. Ихъ онъ достигаетъ въ концѣ сентября или въ октябрѣ и обыкновенно остается тамъ до марта.

Такъ какъ я повторилъ свои наблюденія надъ розовымъ скворцомъ во время моего путешествія въ Сибирь и Туркестанъ—въ степяхъ этой послѣдней области я видѣлъ его въ большомъ количествѣ на нѣкоторыхъ мѣстахъ—то я и могъ говорить объ его возвращеніи на родину на основаніи моихъ собственныхъ наблюденій. Кто наблюдаетъ этого скворца, тотъ навѣрное найдетъ его милымъ созданіемъ, такъ какъ онъ всегда полонъ жизни и всѣмъ своимъ существомъ и въ каждомъ движеніи представляетъ олицетворенную миловидность. Поведеніемъ своимъ онъ, безъ сомнѣнія, напоминаетъ во многихъ отношеніяхъ нашего обыкновеннаго скворца, однако имѣетъ отъ него существенныя отличія. Подобно ему онъ бѣгаетъ кивающей походкой, всюду заглядывая, все обыскивая, точно также, какъ и нашъ домовый и садовый другъ, пробѣжавъ немного, взлетаетъ и удаляется отъ стайки своихъ сотоварищей, занятыхъ отыскиваніемъ корма; затѣмъ снова присоединяется къ нимъ—и всѣмъ этимъ придаетъ оживленіе всей бѣгающей по землѣ стаѣ. Полетъ розовыхъ скворцовъ похожъ на полетъ нашихъ обыкновенныхъ скворцовъ, только они не летаютъ такой плотной массой, какъ наши, почему и полетъ ихъ не такой шумный. Еще болѣе, чѣмъ своими движеніями, они отличаются вообще своимъ характеромъ. Они гораздо спокойнѣе нашихъ скворцовъ, облетаютъ ежедневно очень большое пространство, нѣсколько разъ въ теченіи дня появляются на одномъ и томъ же мѣстѣ, остаются всегда очень недолго, обыскиваютъ площадь упомянутымъ образомъ, поднимаются и летятъ дальше, чтобы повторить то же, быть можетъ не раньше, какъ на нѣсколько километровъ отъ прежняго мѣста. Отъ времени до времени, особенно послѣ полудня, вся стая съ четверть часа и долѣе носится высоко въ воздухѣ, ловя насѣкомыхъ подобно щуркамъ. Затѣмъ они снова опускаются на землю и ищутъ кормъ такъ усердно, какъ будто тамъ наверху они ровно ничего не нашли.

На лету ихъ красивое опереніе замѣтно очень мало. Розовый скворецъ, особенно выдѣляющийся, когда онъ на землѣ, кажется блѣднымъ, когда онъ летитъ, и цвѣтъ его можно скорѣе назвать грязнымъ блѣдно-бѣлымъ, нежели розово-краснымъ. Къ вечеру нѣсколько стай, по всей вѣроятности соединяются въ одну, такъ какъ и видны тогда сбившимися въ кучу изъ многихъ сотенъ птицъ то летающихъ около опредѣленныхъ мѣстъ, то настолько скучившихся на возвышенныхъ пунктахъ степи, а болѣе на скалистыхъ хребтахъ, что одинъ нашъ выстрѣлъ давалъ намъ не менѣе, чѣмъ 25 штукъ заразъ. Немного спусти они въ степяхъ летятъ спать на заросли ивъ, которыми они должны довольствоваться за неимѣніемъ высокихъ деревьевъ. На такія мѣста отдыха они несутся со всѣхъ сторонъ съ заходомъ солнца одновременно съ пустельгами и кобчиками.

Въ то время, какъ сокола еще долгое время играютъ, летая надъ верхушками деревьевъ, прилетающіе розовые скворцы не медля исчезаютъ въ зелени ивъ. Никакого крика, какъ наши скворцы, никакой продолжительной болтовни не издаютъ они; садясь на отдыхъ такъ же тихо и безшумно, какъ они прилетѣли, они устраиваются на покой, какъ будто они тотчасъ же слились съ тысячами уже сѣвшихъ и успокоившихся птицъ. Въ этой молчаливости я нахожу значительное отличіе ихъ отъ столь родственныхъ имъ обыкновенныхъ скворцовъ; точно также слѣдуетъ особенно отмѣтить ихъ безшумное движеніе крыльями, которое находится въ полномъ соотвѣтствіи съ этой молчаливостью. Этому же соотвѣтствуетъ и то обстоятельство, что они только изрѣдка издаютъ тихій призывной крикъ «сюит» или «хурби» и въ пѣніи своемъ далеко не такъ старательны, какъ наши обыкновенные скворцы. Ихъ пѣніе, которое я слышалъ отъ птицъ, воспитывавшихся у меня въ клѣткѣ, есть ничто иное, какъ до-

вольно сильная болтовня, въ которой самымъ явственнымъ звукомъ является все тотъ же призывной крикъ, всѣ же остальные являются скрипящими и крикливыми. Въ общемъ все пѣніе звучитъ почти такъ: «еч-реч-рич-риц-шэр-цирр-циви-ширр-кирр» и т. д., гдѣ «рич» и «шир» звучатъ чаще всего. Нордманъ, который могъ наблюдать розоваго скворца въ южной Россіи, не сомнѣвъ неправъ, сравнивая пѣніе этого скворца всего лучше съ пискомъ нѣсколькихъ запертыхъ въ тѣсномъ пространствѣ, ссорящихся и дерущихся крысъ.

Пищу розовыхъ скворцовъ составляютъ всякаго рода насѣкомыя, въ особенности большая саранча и жуки, кромѣ того ягоды и плоды. Какъ истребитель по истинѣ страшной перелетной саранчи, онъ приноситъ такую пользу, что татары и армяне по сіе время устраиваютъ особыя процессіи при его появленіи, такъ какъ въ немъ они видятъ предвѣстника двигающейся влѣдъ саранчи. По мнѣнію турокъ розовый скворецъ убиваетъ 99 саранчей передъ тѣмъ, какъ съѣстъ одну, что въ дѣйствительности ничего другого не означаетъ, какъ то, что онъ больше уничтожаетъ, чѣмъ съѣдаетъ. Пока онъ слѣдовательно приноситъ пользу, но лишь только подрастутъ молодыя, эти скворцы опустошительно набрасываются на огороды и въ особенности на туковыя плантаціи и виноградники. Вотъ почему въ Смирѣ въ маѣ ихъ зовутъ «священными» а въ іюлѣ «дьявольскими птицами». На зимовкахъ они ведутъ себя совершенно какъ же, какъ и на родинѣ. Какъ здѣсь, такъ и тамъ онъ разыскиваетъ стада и служить имъ службу, выклеывая докучливыхъ паразитовъ на животныхъ, зато онъ часто наноситъ такія серьезные опустошенія въ рисовыхъ поляхъ Индіи, что вынуждаетъ и противъ себя выставить охранительную стражу.

При выборѣ мѣста для гнѣздованія самымъ необходимымъ условіемъ является присутствіе воды; поэтому въ степи розовые скворцы встрѣчаются исключительно вблизи рѣчекъ и озеръ. По обыкновенію они кучами налетаютъ на мѣсто, предназначенное для гнѣздовья, большую частью огромными стаями; тысячи и тысячи слетаются къ одному мѣсту и скоро для гнѣздъ не хватаетъ подходящаго мѣста, подобно тому, какъ во время прилета на ночевку. Помѣщеніемъ для гнѣзда служатъ природныя впадины, всякаго рода расщелины и трещины ущелій или стѣнъ и также, хотя гораздо рѣже, дупла деревьевъ. Такъ какъ всѣ подходящія мѣста скоро бываютъ заняты, то опоздавшіе скворцы устраиваются въ полѣнницахъ дровъ, на камняхъ или въ хворостѣ, пряча куда-нибудь свое гнѣздо или просто устраивая его сверху, какъ въ мѣстахъ защищенныхъ, такъ и вполне открытыхъ. Одно гнѣздо лежитъ вплотную съ другимъ и въ одно изъ нихъ не устраивается сколько-нибудь заботливо. Такъ какъ кромѣ того хищныя звѣрки, часто посягающіе такія гнѣздовья, въ поискахъ за яйцами и птенцами, еще больше разворошатъ эту безпорядочную кучу, то такое гнѣздовье выглядитъ безпорядочнѣе, чѣмъ какое бы то ни было жилище другихъ птицъ.

Изъ тѣхъ сотенъ тысячъ розовыхъ скворцовъ, которые наводнили собой въ 1875 году весь югъ и западъ Европы, Батта сдѣлалъ прекрасныя наблюденія надъ тѣми, которые гнѣздовали въ Вильфраншѣ. Ему мы обязаны живымъ описаніемъ поведенія этихъ птицъ на гнѣздовѣ. 3 іюня прилетѣли 12—14,000 этихъ чуждыхъ намъ птицъ и тотчасъ заняли для гнѣздъ всѣ крѣпостныя стѣны, повывнавъ гнѣздовавшихъ въ нихъ скворцовъ, ласточекъ, воробьевъ и голубей. Тѣ, которымъ не хватило мѣста, поселились на крышахъ соседнихъ домовъ, вытѣснивъ и оттуда обычныхъ пернатыхъ жителей. На нѣкоторыхъ же домахъ одновременно и мирно гнѣздовали рядомъ другъ съ другомъ какъ обыкновенные скворцы, такъ и приплытые розовые скворцы. Тѣ, которые остались въ крѣпости, тотчасъ же принялись за очищеніе всѣхъ отверстій и щелей въ стѣнахъ, удаляя всякія препятствія въ видѣ каменковъ, иногда довольно тяжелыхъ, черепковъ, стружекъ, соломы, костей и прочихъ подобныхъ

остатковъ, натасканныхъ и принесенныхъ сюда птицами. Затѣмъ они устроили себѣ гнѣзда изъ хворостинокъ, соломы, сѣна, травы и пр. 17 июня была кончена кладка, состоящая изъ 5—6 яичекъ зеленовато-бѣлаго цвѣта почти 28 м.м. длины и 22 м.м. толщины. Въ срединѣ іюля уже летали птенцы. Въ продолженіи времени высиживания самцы были необыкновенно оживленны, шѣли, чирикали съ самаго ранняго утра и безпрестанно улетали и прилетали. То нахохливаясь, то вновь опускаемая хохолокъ, они раздраженно воевали и дрались между собой, усердно нанося другъ другу удары клювомъ. Къ самкамъ, не покидавшимъ своихъ гнѣздъ, они выказывали самое теплое расположеніе, кормили ихъ съ большой заботливостью и всячески ихъ защищали. Къ вечеру почти все самцы покидали гнѣзда и улетали почевать на высокія деревья въ окрестностяхъ Кустоцца и Санта Лючіа деи Монти въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Вилльфранша. Кормомъ щедро снабжали птенцовъ оба родителя, большею частью принося сверчковъ. Особенно интересно было смотрѣть, какъ стайки изъ 10, 20 до 40 розовыхъ скворцовъ въ безпорядкѣ летѣли для этого на ближайшія и дальнія поля и все вмѣстѣ съ добычей возвращались обратно. 12 іюля съ ранняго утра начался ихъ общій отлетъ и къ вечеру возвратились только нѣкоторые старики. 13 іюля послѣ полудня скворцовъ видѣли въ большомъ количествѣ въ садахъ укрѣпленія на фруктовыхъ деревьяхъ, а 14 іюля наступилъ ихъ общій окончательный отлетъ.

Ловля этой птицы массама была запрещена закономъ, несмотря на это образовался настоящій торгъ на пойманныхъ розовыхъ скворцовъ, и каждая штука продавалась сначала за 2—5, позднѣе за 12—18 лирь. Нѣкоторые жители Вилльфранша считали весьма полезной охоту на розовыхъ скворцовъ и утверждали, что онѣ больше приносятъ вреда плодовымъ деревьямъ, нежели пользы, уничтожая саранчу. Съ этимъ взглядомъ несогласнались землевладѣльцы Вилльфранша, а также онѣ противорѣчили наблюденіямъ Бэтты; послѣдній долженъ былъ замѣтить, что вредъ, причиняемый иногда розовымъ скворцомъ вишнямъ, ничто въ сравненіи съ пользой, приносимой имъ истребленіемъ саранчи. Четыре пятахъ пойманныхъ розовыхъ скворцовъ умерло, несмотря на легкость, съ которой они, казалось, переносили неволю; въ особенности массама умирали молодые скворцы.

Бэтта замѣчаетъ, что розовый скворецъ такъ-же скоро приручается въ клеткѣ, какъ и обыкновенный скворецъ и проявляетъ столько-же веселости и подвижности. Я не могу съ этимъ согласиться и считаю розоваго скворца, на основаніи моихъ изслѣдованій надъ пойманными экземплярами, одной изъ довольно скучныхъ птицъ. Особенно жаль, что красивое опереніе его, несмотря на самый заботливый уходъ, вскорѣ блѣднѣетъ до тусклаго блѣдно-краснаго цвѣта.

* * *

Волоклюи (*Burhaga*. Madenhacker. *Pique boeufs*) отличаются отъ всехъ остальныхъ скворцовъ въ особенности строеніемъ ихъ клюва и ногъ и существенно—своимъ образомъ жизни. Они плотно сложены; клювъ ихъ сильный, у основанія широкій и округленный, по вершинѣ слегка согнутъ, загнутъ у конца и верхняя половина его встрѣчается съ нижней подъ тупымъ угломъ. Ноги съ короткой плюсовой, но плотныя, съ длинными пальцами, вооруженными сильно согнутыми, острыми, сдавленными съ боковъ когтями. Крылья длинныя, конецъ ихъ образуется третьимъ маховымъ перомъ. Хвостъ широкій и клинообразно заостренъ, подобно хвосту дятла. Опереніе рыхлое и какъ-бы расчесанное. Кожа очень толстая.

Наиболѣе извѣстенъ изъ двухъ видовъ этого рода—**Волоклюя африканскій**

(*Vuphaga erythrorhyncha*, habessinica, africanoides. *Tanagra erythrorhyncha*. Madenhacker. Pique-boeuf d'Afrique). Сверху онъ оливково-бурого цвѣта, по бокамъ головы, на подбородкѣ и горлѣ свѣтлѣе, снизу свѣтло-блѣдно-ржаво-желтого цвѣта. Маховыя и нижнія кроющія перья крыльевъ темно-бурыя. Радужная оболочка и голыя глазной ободокъ золотисто-желтые. Клювъ свѣтло-красный. Ноги бурыя. Длина достигаетъ 21 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 11, длина хвоста 9 см.

Волоклюй африканскій. *Vuphaga erythrorhyncha*. $\frac{1}{2}$ наст. вел

Область распространенія африканскаго волоклюя обнимаетъ всю среднюю Африку. То тамъ, то здѣсь онъ живетъ въ сообществѣ съ своимъ сородичемъ. Я часто встрѣчалъ его въ Богосѣ и могу сообщить объ его образѣ жизни на основаніи собственныхъ наблюденій.

Африканскаго волоклюя встрѣчаютъ маленькими стайками изъ 6—8 штукъ, почти исключительно по близости большихъ млекопитающихъ, безъ которыхъ

онъ, повидимому, совсѣмъ не можетъ жить. Они слѣдуютъ за стадами пасущихся коровъ или верблюдовъ или сидятъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ, обыкновенно на какомъ-нибудь одномъ животномъ. Изъ сообщеній нѣкоторыхъ южно-африканскихъ путешественниковъ мы узнаемъ, что точно такую-же услугу, какъ и стаднымъ животнымъ, они оказываютъ слонамъ и носорогамъ. По Левальяну они садятся и на антилопъ, слѣдовательно, по всей вѣроятности, вообще на всѣхъ большихъ млекопитающихъ. Они посвящаютъ свою дѣятельность именно тѣмъ животнымъ, на которыхъ встрѣчаются пораненія, привлекающія мухъ. Поэтому абиссинцы ненавидятъ волоклюевъ, думая, что они своимъ клеваніемъ только растравляютъ и не даютъ заживать натертымъ мѣстамъ. На самомъ дѣлѣ ихъ просто привлекаютъ налившіеся кровью клещи и личинки различныхъ слѣней и оводовъ, которыя скрываются подъ кожей животного. Последнихъ волоклюи ловко вытаскиваютъ изъ ихъ ячеекъ, первыхъ-же склеиваютъ со всѣхъ частей тѣла. Разумныя животныя, которыя знаютъ волоклюевъ еще съ молоду, далеко не выказываютъ неудовольствія по поводу такого поведенія птицъ; наоборотъ, они скорѣе относятся къ нимъ съ истиннымъ дружелюбіемъ и позволяютъ имъ дѣлать свое дѣло сколько угодно, не отмахиваясь отъ нихъ даже хвостомъ. Напротивъ, тѣ животныя, которыя не знаютъ еще волоклюевъ, носятъ какъ бѣшенныя, когда почувствуютъ на себѣ посѣщеніе птицъ, прилетѣвшихъ съ лучшими намѣреніями. Такъ, Андерсонъ рассказываетъ, какъ въ южной Африкѣ однажды утромъ его упряжные быки начали выдѣлывать самые уморительныя прыжки и пришли въ дикое смятеніе, когда ихъ посѣтила стайка африканскихъ волоклюевъ. Тяжело пораненныя лошади, въ особенности тѣ, у которыхъ стерта спина, а также ослы и верблюды, раны которыхъ начинаютъ заживать точно также стараются освободиться отъ волоклюевъ и согнать ихъ большою частью, конечно, безуспѣшно, быстрыми скачками, подергиваніемъ кожей, ударами хвоста и валяясь по землѣ. Въ этомъ случаѣ они, пожалуй, на самомъ дѣлѣ могутъ быть замучены волоклюями и, можетъ быть, приостановятъ заживленіе своихъ ранъ.

Курьезное зрѣлище представляетъ собой лошадь или верблюдъ, покрытые волоклюями. Эренбергъ совершенно правъ, говоря, что эти птицы лазаютъ по животному, какъ дятлы по деревьямъ. Волоклюей умудряется достать всякое мѣсто на тѣлѣ животного. Онъ подвѣшивается подъ брюхомъ между ногами, лазаютъ по нему то головой вверхъ, то внизъ, прицѣпляется даже къ половымъ частямъ, садится на спину, на нозь, короче—досконально обыскиваетъ все тѣло. Мухъ и оводовъ онъ ловко снимаетъ прямо съ кожи, засѣвшихъ въ ней личинокъ вытаскиваетъ изъ подъ нея. Однако, чтобы онъ ни дѣлалъ, животныя остаются спокойными, такъ какъ они знаютъ, что временная боль отъ клеванія птицы поведетъ лишь къ ихъ пользѣ.

Съ своей стороны волоклюей довѣряетъ только животнымъ, по отношенію-же человѣка онъ держитъ себя очень осторожно. При приближеніи его, въ особенности незнакомаго, вся компанія, насѣвшая на животное, быстро вскарабкивается на хребетъ спины, усаживается и внимательно наблюдаетъ за приближающимся. Всѣ, которыхъ-я видѣлъ, не подпускали меня ближе 40 шаговъ. Обыкновенно они слетаютъ гораздо раньше, взвиваются сначала кверху, отлетаютъ легкимъ полетомъ, широко распустивъ крылья, часто на небольшое разстояніе и возвращаются назадъ, описавъ въ воздухѣ большую дугу. Если они чуютъ опасность, они уже не опускаются вторично на животное, но садятся всегда на какое-нибудь возвышенное мѣсто, большою частью на высокую каменную глыбу. Я никогда не видѣлъ ихъ сидящими на деревьяхъ. Несомнѣнно, что дико живущія животныя постепенно приучаются обращать вниманіе на предостереженіе волоклюевъ.

Относительно размноженія и гнѣздованія ихъ я ничего уздать не могъ, и вообще образъ жизни этихъ странныхъ птицъ еще требуетъ дальнѣйшихъ наблюденій.

* * *

Самое красивое опереніе изъ всего семейства, носить родъ **Блестящихъ скворцовъ** (*Lamprotonis*, *Glanzstare*, *Merles bronzés*). Это плотно сложенные птицы съ сильнымъ, согнутымъ по хребту и сжатымъ съ боковъ клювомъ средней величины. Ноги ихъ снабжены довольно длинными пальцами и высокой плюсной. Крылья умѣренной длины. Хвостъ бываетъ различной величины. Опереніе роскошное и блестящее.

Блестящіе скворцы живутъ въ Африкѣ и населяютъ самыя разнообразныя мѣстности. Это весьма общественныя птицы, подвижного, живого, смѣлаго и неутомимаго характера. Питаются онѣ одинаково какъ растительной, такъ и животной пищей; ходятъ быстро, скорѣе шагаютъ, чѣмъ скачутъ; летаютъ легко, если что стащутъ, то проворно; ноютъ съ усердіемъ, но скверно; гнѣздуютъ въ какихъ-либо впадинахъ или беспорядочно складываютъ куполообразныя гнѣзда; кладутъ отъ 2 до 6 пятнистыхъ яицекъ.

Самый извѣстный видъ—**Бронзовый скворецъ** (*Lamprotonis*, *aeneus*, *aenea*, *Longicauda*, *Turdus aeneus*, *caudatus*, *Merula viridis*, *longicauda*, *Corvus aureoviridis*, *Juida*, *Urauges aeneus*, *Erzglanzstar*, *Merle bronzé à longue queue*). Длина его достигаетъ 50 см., крыла 19, длина хвоста 30 см. Голова, подбородокъ и верхняя часть горла—съ золотымъ отблескомъ. Верхняя часть тѣла и маховыя перья темно-зеленаго металлическаго цвѣта. Верхнія кроющія перья крыльевъ усѣяны маленькими бархатисто-черными пятнышками. Середина горла, надхвостье, верхнія кроющія перья хвоста, нижняя часть тѣла и рулевые перья, снабженныя болѣе или менѣе выделяющимися болѣе темными перевязями,—все это темно пурпурово-фіолетоваго цвѣта. Перья средины брюшка съ мѣдно-краснымъ играющимъ отливомъ. Всѣ помянутыя послѣдними части, да и вообще все опереніе съ прекраснымъ отливомъ. Глаза свѣтло-желтые. Клювъ и ноги черныя.

Родина бронзовыхъ скворцовъ обнимаетъ западную, среднюю, восточную и южную Африку. Левальянъ говорить, что они живутъ большими стаями, держатся на деревьяхъ, но спускаются и на землю въ поискахъ за червяками и насѣкомыми, что они двигаются на землѣ какъ сороки, такъ же какъ тѣ безпрестанно кричатъ, но болѣе про нихъ ничего не знаетъ. Я также мало записалъ о нихъ въ мою записную книжку, полагая, что они давно уже извѣстны. Сколько мнѣ помнится, мы встрѣчали ихъ только въ дѣвственныхъ лѣсахъ, самое большее если маленькими стайками и никогда большими стаями, какъ передаетъ Левальянъ. Парочки или стайки живутъ большей частью на землѣ и двигаются совершенно такъ, какъ наши сороки; сходство ихъ съ сороками болѣе всего выражается тѣмъ, что они, какъ и тѣ, держатъ свой роскошный хвостъ кверху. Красивыя птицы очень недовѣрчиво относятся ко всякому чуждому имъ явленію и пугливы даже и тамъ, гдѣ онѣ могли узнать человека только съ хорошихъ его сторонъ. Однако онѣ иногда приближаются и къ поселеньямъ. Я помню видѣлъ ихъ иногда вплотъ около послѣднихъ соломенныхъ хиженокъ одиноко стоявшаго въ лѣсу селеньца. Основываясь на многолѣтнихъ наблюденіяхъ надъ пойманными бронзовыми скворцами, я могу сказать, что въ существенныхъ чертахъ они ведутъ себя совершенно такъ, какъ и короткохвостые виды, о которыхъ я буду говорить ниже. Движенія бронзовыхъ скворцовъ легки и красивы, также до нѣкоторой степени вялы, но отнюдь не безсильны. Длинный

хвостъ носится ими вышеуказаннымъ образомъ, когда птица прыгаетъ по землѣ, но свѣшивается отвѣсно, когда птица, сидя на вѣткѣ, предается покою. Крикъ ихъ грубый и пронзительный и притомъ такой оригинальный, что его трудно смѣшнать съ какимъ-либо другимъ извѣстнымъ намъ крикомъ. Пѣніе, которое надобно вамъ все время, за исключеніемъ времени линянія, ничто иное, какъ неясное повтореніе и измѣненіе обыкновеннаго громкаго или пронзительнаго крика или карканіе, трещаніе, вищаніе безъ конца. Стрекочущая сорока можетъ дать нѣкоторое представленіе о крикѣ бронзоваго скворца, но ея голосъ отличается большимъ разнообразіемъ. Въ лѣсу или издали можно принять несклиное пѣніе бронзоваго скворца за громкій свистъ, а трещаніе и карканье, изъ котораго оно состоитъ, настолько смягчаются и измѣняются, что о немъ начинаешь судить болѣе снисходительно.

Кто не ищетъ одной услады для слуха, тотъ совершенно забудетъ недостатокъ мелодичности въ пѣснѣ бронзоваго скворца, очарованный его живостью, веселостью, подвижностью, сознаніемъ своего достоинства и роскошью его издали сверкающаго оперенія.

Хотя во время моего пребыванія въ Африкѣ я никогда не находилъ гнѣзда бронзоваго скворца, но думаю, что я все-таки не ошибаюсь, считая и принимая этого скворца за птицу, гнѣздящуюся въ земляныхъ норкахъ, и по моему открытію гнѣзда, о которыхъ говорятъ Верро и Гейглинъ, построены были птицей только по необходимости. Въ Африкѣ время кладки яицъ приходится на августъ и, какъ и въ другихъ областяхъ распространенія этой птицы, въ пору дождей, приносящую съ собою странъ весну. Занятые заботами о будущемъ потомствѣ, бронзовые скворцы оживленнѣе, чѣмъ когда-либо, шумятъ, кричатъ, свистятъ и трещатъ съ ранняго утра до поздняго вечера, успокаиваясь на короткое время въ полуденные часы. Самцы затѣваютъ тогда ссоры и драки какъ со своими родичами, такъ и съ другими птицами. Можетъ быть самецъ помогаетъ самкѣ высидывать яйца и вѣроятно съ нею вмѣстѣ выкармливаютъ птенцовъ. Вылетѣвшіе изъ гнѣзда молодые, какъ передаетъ Гейглинъ, сидятъ вилотную на какой-нибудь вѣткѣ, въ то время какъ ихъ родители летаютъ съ сучка на сучекъ или прыгаютъ по землѣ, отыскивая кормъ, или просто дерутся съ подобными имъ или другими птицами.

Птица бронзовыхъ скворцовъ состоитъ изъ насѣкомыхъ, сѣмянъ и разнаго рода плодовъ. Первыхъ они ищутъ на землѣ, ловятъ на лету и даже собираютъ на падаля, послѣдніе они промышляютъ и клюютъ, гдѣ только возможно.

Благодаря легкости, съ которой выкармливаются пойманные бронзовые скворцы, мы вѣрнѣе получаемъ ихъ живыми. При хорошемъ уходѣ они выживаютъ въ клеткахъ многіе годы и хорошо плодятся.

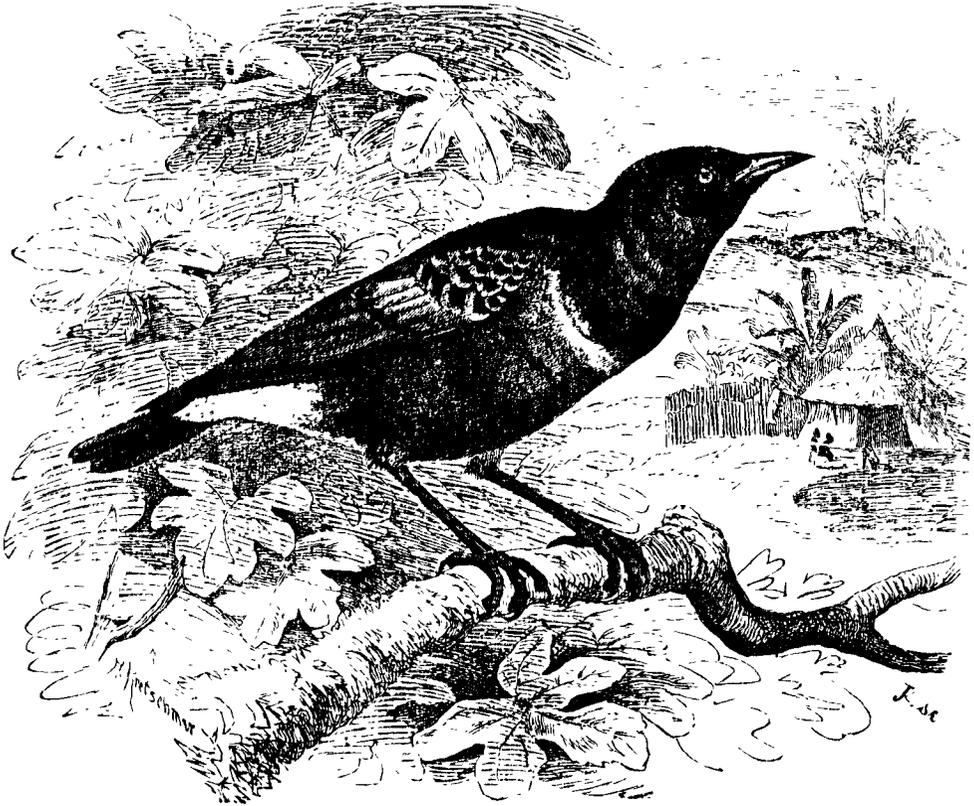
Въ сѣверной Африкѣ довольно часто встрѣчается видъ — **Стальной скворецъ** (*Lamprotornis chalybeus, abyssinicus, cyaniventris, Lamprocolius chalybeus, Juida chalybea, Stahlglanzstar, Merle bronze vert*). Длина его достигаетъ 27, размахъ крыльевъ 46, длина крыла 14, длина хвоста 9 см. Опереніе густого темно-зеленаго стальнаго цвѣта, за исключеніемъ слабо выдѣляющагося пятнышка около уха и нижнихъ малыхъ кроющихъ перьевъ предплечья. Каждое малое кроющее перо и большая часть верхнихъ кроющихъ перьевъ крыла украшены на концѣ кругловатымъ бархатисто-чернымъ пятнышкомъ. Окраска отличается чуднымъ глянецомъ и блескомъ; трудно выразить однимъ словомъ всѣ переливы ея оттѣнковъ при различномъ освѣщеніи. Между самцами и самками не замѣчается никакого различія, но молодые имѣютъ металлически-зеленую окраску только на верхней части тѣла, нижнія же части буровато-сѣрыя, почти безъ блеска.

Стальной скворецъ живетъ какъ въ густыхъ лѣсахъ рѣчныхъ долинъ, такъ и въ болѣе рѣдкихъ степныхъ или горныхъ рощахъ всей сѣверной Африки, попадается и въ Сенегамбїи. Въ горныхъ странахъ Абиссинїи онъ забирается, по Гейглину, до 3000 м. высоты. Обыкновенно стальные скворцы живутъ парочками; только повыводѣ дѣтенышей они образуютъ небольшія стайки, которыя шмыгаютъ какъ въ чащѣ кустарниковъ, такъ и по разсыпаннымъ въ долинѣ обломкамъ скаль. Подобно всѣмъ родичамъ по семейству, стальные скворцы живого и веселаго характера, большею частью держатся на землѣ и въ низенькихъ кустарникахъ, но къ вечеру и на высокихъ деревьяхъ. Привычный глазъ узнаетъ ихъ на всякомъ разстоянїи по ихъ своеобразному полету. Онъ вполне соответствуетъ бархатистымъ крыльямъ птицы, такъ же мягокъ, какъ и они, довольно легокъ, но не быстрый, а скорѣе вялый. Эти скворцы бѣгаютъ очень быстро, неутомимо, и скорѣе прыжками, чѣмъ шагами. О всѣхъ остальныхъ качествахъ нельзя сказать ничего хорошаго. Пѣніе едва можетъ быть названо таковымъ, такъ какъ оно предтавляетъ собой ничто иное, какъ безпрерывное повторенїе неблагозвучнаго, пискливаго призывнаго крика въ перемежку съ трещанїемъ и крихтѣнїемъ. При всемъ томъ птица этой легко прощаешь все неблагозвучїе ея пѣснї, которую она поетъ съ необыкновенной настойчивостью. Все существо стального скворца вполне гармонируетъ съ его роскошнымъ оперенїемъ. Онъ представляется обыкновенно передъ вами умнымъ, живымъ, полнымъ сознанїа собственнаго достоинства и даже отчасти кокетливымъ. Онъ старательно держитъ себя въ чистотѣ, не смѣшивается съ другими птицами, даже неохотно со своими родичами, постоянно находится въ непрерывной дѣятельности, исключая только полуденныхъ часовъ, и во всякое время старается выставить на видъ свои качества и достоинства. Всѣмъ этимъ онъ располагаетъ васъ, если даже не принимать во вниманїе роскоши его оперенїа; послѣднїя же настолько замѣчательна, что каждый разъ вновь поражаетъ васъ. Когда вы идете въ тѣни лѣса, нѣсколько разъ случается, что передъ вашими глазами вдругъ сверкнетъ яркій блескъ, подобно солнечному лучу, отраженному отъ металлической или стеклянной зеркальной поверхности. Этотъ блескъ въ дѣйствительности есть ничто иное, какъ отраженїе солнечныхъ лучей отъ оперенїа скворца, такъ какъ, найди его, можно убѣдиться, какъ при благопрїятномъ освѣщенїи онъ при каждомъ движенїи своемъ отражаетъ солнечные лучи. Тотчасъ послѣ смерти птицы, оперенїе теряетъ большую часть своей красоты; оно бываетъ въ полномъ блескѣ только во время жизни птицы.

По Гейглину, время вывода итенцовъ бываетъ въ юлѣ и длится до сентября. Мѣстомъ для гнѣздованїа выбираютъ обыкновенно боабабы, разные виды колючаго дерна и акаціи. Часто отъ 6 до 8 гнѣздъ помѣщаются на одномъ и томъ же деревѣ и, смотря по обстоятельствамъ, отъ 3 до 10 м. надъ уровнемъ земли. Крупные, жесткіе и почервившіе сучки, безпорядочно сложенные въ кучу, образуютъ объемистую наружную постройку, а трава, перья, шерсть и т. п. служатъ опрятной подстилкой глубокаго гнѣзда. 3 яйца, почти 26 мм. длинной, покрыты одиночными, голубовато-сѣрыми и фіолетово-бурыми точками и пятнышками по свѣтлому или темному буро-желтому фону. На основанїи долготѣтныхъ наблюденїй надъ пойманными стальными скворцами, я долженъ замѣтить, что вышеприведенное описанїе не совсѣмъ полно. Можетъ быть стальной скворецъ и строитъ открытыя гнѣзда въ случаѣ нужды, но большею частью гнѣздится, подобно другимъ собратьямъ по роду, въ дуплахъ деревьевъ, внутренность которыхъ онъ обкладываетъ вышеописаннымъ образомъ. Яйца, повидимому, высиживаютъ обоими родителями, какъ и итенцы выкармливаются и самкой и самцомъ сообща. Молодые вылетаютъ изъ гнѣзда въ оперенїи, почти лишенномъ блеска, но въ продолженїи нѣсколькихъ недѣль приобретъ-

таютъ полную роскошь и весь блескъ оперенія взрослыхъ, что происходитъ не черезъ диваніе, а непосредственнымъ измѣненіемъ цвѣта перьевъ.

Въ литературныхъ произведеніяхъ пѣвцовъ и поэтовъ Абиссиніи, стальной скворецъ играть опредѣленную роль, такъ какъ ему приписываютъ изобрѣтеніе пѣнія, принимая во вниманіе больше его усердіе, нежели благозвучіе пѣсеніи. Несмотря на это, въ сѣверо-восточной Африкѣ никто не держитъ въ клеткѣ стальныхъ скворцовъ. И къ намъ они попадаютъ рѣже, чѣмъ родственные имъ виды. Однако я нѣсколько разъ держалъ этихъ скворцовъ и нашелъ, что они очень мало отличаются отъ вышеописанныхъ бронзовыхъ скворцовъ. Какъ и тѣ, они превосходно вы-

Великолѣпный скворецъ. *Lamprotornis superbus*, ♂, наст. вел.

живаютъ при хорошемъ уходѣ, а также и размножаются, если обставить ихъ вполне благоприятными условіями для жизни. Я неоднократно выращивалъ птенцовъ, хотя правда и не стального скворца, но все-таки его родичей.

Великолѣпный скворецъ (*Lamprotornis superbus*. *Juida superba*. *Lamprocolius*, *Notaukes superbus*. *Prachtglanzstar*. *Lamprotorne superbe*). Длина его достигаетъ 21 см., размахъ крыльевъ около 37; длина крыла 11,6, длина хвоста 6,5 см. Верхняя часть головы и затылокъ черные, съ слабымъ золотистымъ отливомъ. Верхняя часть тѣла, горло, передняя часть шеи и зобъ сине-зеленныя, остальные нижнія части прекраснаго коричневаго цвѣта, отдѣленные длиннымъ и тонкимъ бѣлымъ перехватомъ отъ верхней грудки. Нижнія части крыльевъ и кроющія перья хвоста обыкновенно укра-

шены круглыми бархатистыми пятнами, образующими двѣ поперечныя полоски. Глаза бѣлые, клювъ и ноги черныя.

Область распространенія этой прекрасной птицы, насколько извѣстно, ограничивается восточной Африкой отъ 8 градуса сѣверной широты до 7 градуса южной. Надъ образомъ жизни ея нѣтъ подходящихъ наблюдений, но изъ всего извѣстнаго о ней можно заключить, что она въ существенныхъ чертахъ сходна съ другимъ болѣе сѣвернымъ родичемъ, **Мѣднобрюхимъ скворцомъ** (*Lamprotornis chrysogaster*. *Erzbauchglanzstar*. *Lamprotorne à ventre bronzé*). Оба вида представляютъ изъ себя пастушьихъ птицъ, которыя всегда, когда возможно, сопутствуютъ стадамъ рогатаго скота и овецъ или по меньшей мѣрѣ, держатся тамъ, гдѣ стада паслись. Стая этихъ птицъ, по моимъ наблюдениямъ, облетаетъ въ продолженіи дня довольно большое пространство, то собираваясь на различныхъ деревьяхъ, то вновь летая въ разсыпную. Въ ранніе утренніе или вечерніе часы вся стая садится на одно изъ болѣе высокихъ деревьевъ, и самцы, по примѣру скворцовъ, начинаютъ пѣть свою утреннюю или вечернюю пѣсню. Въ полдень эти птицы прячутся и сидятъ спокойно въ вѣтвяхъ деревьевъ, въ остальное же время дня онѣ безъ усталости летаютъ съ мѣста на мѣсто. Походка ихъ напоминаетъ походку дрозда, съ которымъ онѣ сходны еще и тѣмъ, что въ случаѣ преслѣдованія отлетаютъ всегда на недалекое разстояніе, прячутся въ кусты, поджидаютъ своего преслѣдователя и снова повторяютъ то же, если онъ приближается. Все время, пока онѣ ищутъ корма, все общество ни на минуту не пребываетъ въ покоѣ. Всякій шумитъ и кричитъ непрерывно другому и даже на лету всѣ до одного изъ летящей стаи несутся съ громкимъ, не особенно приятнымъ крикомъ. Ихъ оживленный нравъ скоро обнаруживаетъ ихъ присутствіе; однако они умѣютъ очень ловко и осторожно избѣгать охотниковъ и становятся очень пугливы, если замѣтятъ преслѣдованіе. Пища обоихъ вышеописанныхъ видовъ въ сущности та же, что и другихъ птицъ ихъ рода, но оба эти вида отличаются тѣмъ, что предпочитаютъ преслѣдуютъ различныхъ насѣкомыхъ, въ особенности привлекаемыхъ стадами. Относительно размноженія великолѣпныхъ скворцовъ мы также не имѣемъ свѣдѣній; напротивъ, гнѣзда мѣднобрюхихъ скворцовъ были найдены Гейглиномъ въ стѣнахъ и, по его описанію, были устроены такъ же, какъ гнѣзда стальныхъ скворцовъ. Въ сентябрѣ или октябрѣ находятъ въ нихъ 3 или 4 яичка почти 25 мм. длиной и 18 мм. шириной. Основной нѣжный тонъ ихъ зеленовато-голубого цвѣта или зеленого цвѣта мѣдинокъ, покрытъ буровато-сѣрыми, фіолетово-бурыми и ржаво-бурыми пятнами, гуще къ тупому концу.

Другой видъ, **Бѣлобрюхій скворецъ** (*Lamprotornis leucogaster*. *Pholidauges*, *Turdus*, *Juida*, *Cinnyricinclus*, *Grandala leucogaster*. *Schuppenglanzstar*. *Lamprotorne à ventre blanc*), отличается слѣдующими признаками: тонкіи, немного согнутый и сжатый къ концу клювъ, довольно слабыя, но длиннопальныя ноги, пропорціонально короткія крылья, средней величины хвостъ и чешуйчатое опереніе. Вся верхняя часть и горло до груди—пурпурово-синія съ удивительно-красивымъ фіолетовымъ отливомъ, напротивъ, грудь и брюхо бѣлыя, маховыя перья черновато-бурыя и обрамлены снаружи фіолетовыми каймами. Всѣ темныя мѣста оперенія при извѣстномъ освѣщеніи отливаютъ металлическимъ мѣднымъ блескомъ. Радужная оболочка яркаго бурого цвѣта. Клювъ и ноги черныя. Молодые на верхней части тѣла имѣютъ свѣтло или темно-бурыя поперечныя полоски, нижняя же сторона ихъ по красновато-бѣлому фону покрыта бурыми нитрихами. Длина самцовъ достигаетъ 19 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 11, длина хвоста 7 см.

Бѣлобрюхій скворецъ распространенъ по всей средней Африкѣ и части за-

падной Аравии, живет преимущественно в гористых местностях и встречается в Абиссинии на высоте 2500 м. и кое-где быть может еще выше. Я узнал о нем только во второе мое африканское путешествие и встретил его в редких лесах, покрывающих отроги и подошву сѣверо-восточнаго нагорья Абиссинии. Эта чрезвычайно изящная птица живет здѣсь многочисленными семействами однако въ глубоких долинахъ и на высотахъ, однако отъ горъ она повидимому далеко не отдѣляется. Это совершенно древесная птица, рѣдко спускающаяся на землю, гдѣ она пребываетъ очень недолго. Въ постѣ-полуденные часы, подобно нашимъ скворцамъ, эти птицы собираются на излюбленныхъ деревьяхъ, но онѣ не поютъ здѣсь, и вообще ихъ нужно назвать довольно тихими птицами: часто проходить нѣсколько минутъ и отъ нихъ не слышишь ни одного звука. Семьи состоятъ изъ 6—20 штукъ.

Даже въ Абиссинии, столь богатой красиво оперенными птицами, бѣлобрюхія скворцы выдѣляются роскошью своего оперенія. Въ особенности, когда они летятъ, солнечные лучи изумительно играютъ на чудной синевѣ ихъ спинокъ. На лету съ перваго раза нельзя опредѣлить настоящей окраски этихъ птицъ. Верхняя часть тѣла кажется мѣдно-красной съ слабымъ фіолетовымъ оттѣнкомъ, а не голубой, какъ оно есть на самомъ дѣлѣ. Только иногда, и то на минуту, замѣчаешь, что это простой обманъ зрѣнія; но и тогда этотъ голубой цвѣтъ кажется обусловленнымъ особенностью освѣщенія и является какъ бы не нормальнымъ. Невольно удивишься, когда возьмешь въ руки убитую птицу: она является тогда совершенно иной, чѣмъ прежде.

Полетъ бѣлобрюхаго скворца легокъ и красивъ, ктому-же чрезвычайно быстръ и ловокъ, походка прыгающая, какъ у дроздовъ, да и вообще онъ часто напоминаетъ мнѣ нашего бѣлобровика. Но онъ больше держится на вершинахъ, чѣмъ по низамъ и, спугнутый, летитъ всегда къ высокимъ деревьямъ, а не въ кустарники, какъ дрозды. Повидимому онъ предпочитаетъ растущія вблизи воды деревья всѣмъ остальнымъ. Выбравъ разъ какую-нибудь мѣстность, онъ держится ея очень крѣпко: въ Мевза, наиримѣрь, въ каждую охоту мы видѣли ихъ постоянно на однихъ и тѣхъ же деревьяхъ надъ водой. Ко времени нашего пребыванія молодые успѣли уже вылупить, а старики одѣты въ брачный нарядъ, однако, несмотря на всѣ старанія, я не нашелъ ни одного гнѣзда и не могъ узнать ничего опредѣленнаго относительно размноженія этихъ птицъ. Впрочемъ Гейглингъ сообщаетъ, что онъ наблюдалъ въ іюлѣ молодыхъ поддетковъ. О гнѣздахъ ему, кажется, тоже ничего неизвѣстно.

Въ неволѣ бѣлобрюхихъ скворцовъ я также не видѣлъ.

* * *

Мейны (*Eulabes. Atzeln. Mainates*) характерны по слѣдующимъ признакамъ. Тѣлосложеніе очень плотное. Клювъ почти равный по длинѣ головѣ, толстый, высокій, съ нижней половиной четырехугольной въ разрѣзѣ и верхней округленной, по вершинкѣ сильно согнутой. Ноги сильныя и довольно короткія. Крылья округленныя, концы ихъ образованы четвертымъ маховымъ перомъ. Хвостъ короткій, округленный. Опереніе мягкое, шелковисто-блестящее. Голова украшена болѣе или менѣе широкими мѣстами, покрытыми голой кожей и кожистыми лопастями. Типомъ можетъ служить **Пѣвчая мейна** (*Eulabes religiosus, musicus, indicus. Gracula religiosa, musica, minor. Pastor musicus. Hügelatzel. Petit Mainate*). Ея длина достигаетъ 26 см., размахъ крыльевъ 50, длина крыла 15, длина хвоста 7. Опереніе густого чернаго цвѣта; края перьевъ головы и шеи темно-фіоле-

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ЛАТТИНОУЪ С. П. Б.

БЛЕСТЯЩІЕ СКВОРЦЫ.

1) Бѣлобрюхій скворецъ, 2) Стальной, 3) Мѣднобрюхій.

12

12

товые, остального же оперенія отливаются металлическимъ зеленымъ цвѣтомъ. Основанія малыхъ маховыхъ перьевъ бѣлыя и образуютъ на крыльяхъ ясную перевязь. Позади каждаго глаза начинается ярко-желтый кожистый наростъ, тянется надъ ухомъ, утолщается въ этомъ мѣстѣ и узкой полоской прикрѣпляется къ темени. Другое пятно, такое же голое и такъ же окрашенное въ желтый цвѣтъ, находится подъ глазомъ. Клювъ оранжевый, ноги желтыя, глаза темно-каріе.

Мейны живутъ въ гористыхъ, заросшихъ лѣсомъ, областяхъ южной Индіи и Цейлона. Онѣ очень многочисленны въ Гатскихъ горахъ и на другихъ высотахъ до 1000 м. надъ уровнемъ моря, но не распредѣляются по мѣстности равномерно,

Мейна. *Eulabes religiosus*. $\frac{3}{4}$ наст. велич.

такъ какъ въ извѣстныхъ мѣстахъ онѣ появляются совершенно регулярно, тогда какъ въ другихъ совершенно отсутствуютъ. Онѣ встрѣчаются обыкновенно небольшими стаями изъ 5 или 6 штукъ, во время же холодовъ попадаются и многочисленныя стаи, которыя всегда предпочитаютъ ночевать цѣлыми обществами въ бамбуковыхъ чащахъ по берегамъ горныхъ рѣкъ.

На свободѣ онѣ питаются исключительно плодами и ягодами и поэтому посѣщаютъ все мѣста съ соответствующимъ кормомъ, не всегда къ удовольствію ихъ владѣльцевъ. Мейны очень живыя, умныя и подвижныя птицы, ближе всего напоминающія своимъ поведеніемъ и характеромъ нашего скворца. Пѣніе ихъ богато звуками, полное перемѣнъ и располагающее къ себѣ, хотя и заключаетъ въ себѣ нѣсколько неприятныхъ звуковъ. Онѣ въ высшей степени обладаютъ искусствомъ звукоподражанія, поэтому ихъ часто приручаютъ, и если птица исполняетъ

что-нибудь необыкновенное, за нее уже в Индии или на Яве платят от 200 до 300 марокъ. Онѣ быстро привыкаютъ къ своему хозяину, свободно летаютъ по всему дому или наружу, большую часть своей пищи отыскиваютъ сами, дружатся съ домашними животными и восхищаютъ всякаго своимъ веселымъ характеромъ, своею понятливостью и переимчивостью. Любители уверяютъ, что послѣднимъ качествомъ онѣ превосходятъ всѣхъ попугаевъ. Онѣ выучиваются не только точно перенимать тонъ человеческого голоса, но заучиваютъ, подобно говорливому попугаю, цѣлыя фразы, научаются насвистывать пѣсни, даже пѣть ихъ, не обладая при этомъ ни однимъ неприятнымъ качествомъ попугая. Не всѣ мейны однако обнаруживаютъ подобные таланты. Я зналъ нѣкоторыхъ, которыя дѣйствительно прекрасно и безъ усталости говорили, относительно же большинства другихъ могъ только убѣдиться, что онѣ сначала кричатъ или издаютъ раздражающіе ухо звуки, позднѣе же, наоборотъ, въ такой же мѣрѣ безмолвны и лѣнны, ѣдятъ не переставая, наѣдаются и превращаются тогда положительно въ какую-то массу и, наконецъ, окончательно жирѣютъ. При всемъ томъ онѣ недружелюбно и задорно относились къ другимъ птицамъ, обижали своихъ товарищей по неволѣ, безобразно пачкали клетку и истощали личное терпѣніе самаго усерднаго и заботливаго любителя.

* *
* *
* *

Въ Австраліи, Индіи и на Зондскихъ островахъ живутъ чрезвычайно своеобразно сложенные птицы, которыхъ принимаютъ за среднія формы между скворцами, сорокопугами и ласточками, почему и назвали этотъ родъ **Ласточковыми скворцами** или **сорокопугами**. (*Artamus. Schwalbenstar. Pies—griches hirondelles*). Отличительными признаками ихъ будутъ слѣдующіе: сильное тѣло; короткій, почти конусовидный клювъ, широкій у основанія, округленный на вершинкѣ и съ боковъ, немного согнутый и слегка срезанный у конца. Ноги съ короткой плюсной и короткими пальцами, сильныя и вооружены хорошо развитыми, согнутыми и острыми когтями. Крылья длинныя, второе маховое образуетъ ихъ остріе. Хвостъ короткій или средней величины, ровный или слегка вырѣзанный. Опереніе довольно плотное и темной окраски.

Ласточковые скворцы въ числѣ почти 20 видовъ, предпочитаютъ лѣсистыя области до 1000 м. и болѣе высоты, а въ нихъ держатся на извѣстныхъ излюбленныхъ деревьяхъ. Такъ, нижеописанный видъ встрѣчается главнымъ образомъ тамъ, гдѣ растутъ пальмировыя пальмы, почему и получилъ отъ туземцевъ названіе пальмировой ласточки. Одинъ видъ, живущій на Явѣ, выбираетъ такія мѣстности, гдѣ обширныя, покрытыя низкою травой луга или поля идутъ въ перемежку съ рощами и садами или по крайней мѣрѣ на нихъ попадаются одинокія деревья, необходимое условіе для пріятной жизни этихъ птицъ. Деревья служатъ какъ мѣстомъ сборища, такъ и мѣстомъ отдыха, поэтому являются также и центромъ охотничьей области. Бернштейнъ сообщаетъ, что яванскій видъ легко наблюдать на его излюбленныхъ деревьяхъ, съ которыхъ его трудно согнать, и что птицы въ случаѣ преслѣдованія настойчиво и упорно возвращаются на нихъ. По окончаніи итенцовой поры вся семья обыкновенно располагается на одномъ деревѣ и, если убить одну изъ птицъ, остальные почти въ ту же минуту улетаютъ прочь и куда-нибудь опускаются на короткое время. Однако всегда онѣ вскорѣ возвращаются обратно, и можно убить еще вторую и даже третью птицу изъ той же группы. Когда итенцовая пора закончится вполне, въ наиболѣе подходящихъ мѣстахъ собираются довольно многочисленныя стаи тогда ихъ излюбленное дерево представляетъ собой очень интересное зрѣлище. Въ стаѣ господствуетъ полная свобода. Каж-

дая отдѣльная птица является, повидимому, совершенно независимой отъ другихъ, каждая дѣлаетъ то, что согласно съ ея желаніемъ. Тотъ или другой скворецъ покидаетъ вѣтку, гдѣ онъ сидѣлъ между своими братьями, вплотную прижавшись другъ къ другу, скачетъ вверхъ и внизъ, поймаетъ какое-нибудь насѣкомое и возвращается обратно на старое мѣсто. Стая состоитъ не всегда изъ сочленовъ одного и того же вида, такъ какъ ласточкины сорокопуты часто соединяются съ другими птицами, а именно съ своими братьями по семейству или съ ласточками. Даже различные виды одного семейства мирно гнѣздуютъ на одномъ и томъ же деревѣ.

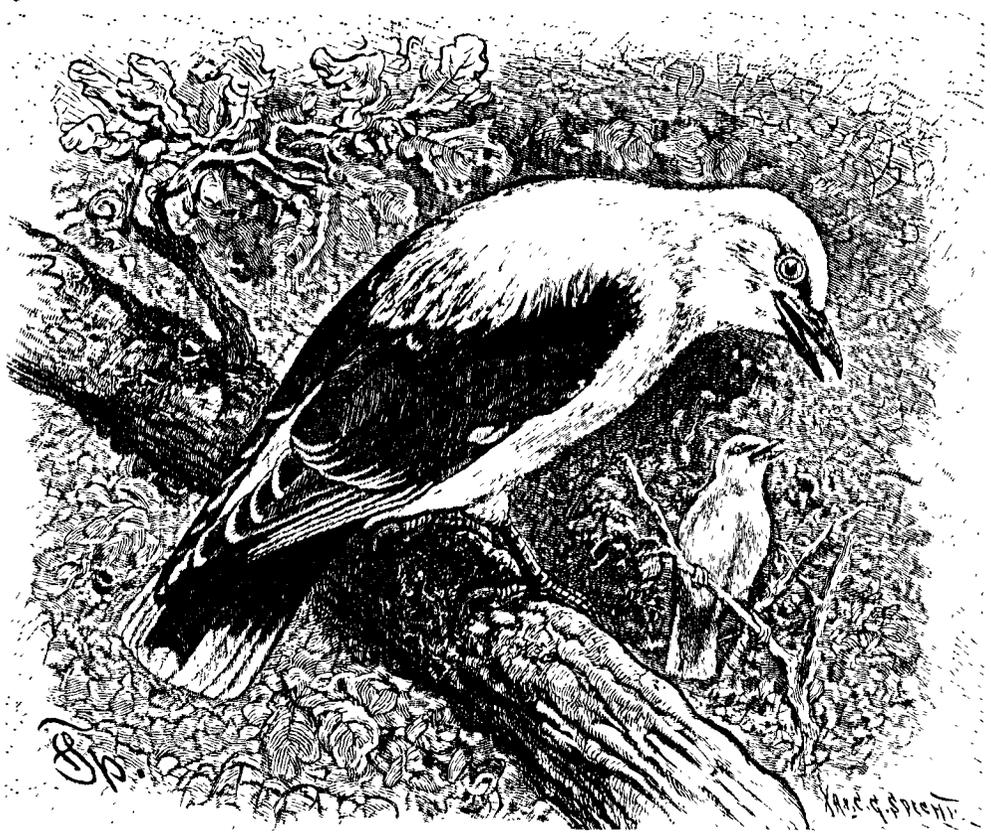
Слѣдующіе признаки характерны для **Ласточковаго скворца** (*Artamus fuscus*, *Ocypterus rufiventer*, *leucorhynchus*. Schwalbenwürger. Pie grièche hirondelle) Голова, подбородокъ, горло и надхвостье пепельно-буро-сѣрыя, мантия и плечи темнѣе, уздечка черная, брюшко матово-розовато-бурое. Аспидно-черныя маховыя перья снаружи аспидно-сѣрыя. Аспидно-черныя рулевыя окаймлены на концѣ бѣлымъ. Глаза бурые, клювъ свинцово-голубой, на концѣ черный; ноги свинцово-голубыя. Длина достигаетъ 17, размахъ крыльевъ 38, длина крыла 13, длина хвоста 5 см.

Эта птица болѣе или менѣе обыкновенна въ различныхъ областяхъ Британской Индіи и распространена до Бирмы, Сіама и Китая, доходитъ и до Цейлона, но, по словамъ Уайтса, ея нѣтъ на Андаманскихъ и Никобарскихъ островахъ. На Гиммалаяхъ она встрѣчается лѣтомъ на высотѣ до 1600 м.

Съ наиболее выгодной стороны ласточковый скворецъ показываетъ себя на полетѣ. Онъ рѣдко спускается на землю и своимъ неуклюжимъ поведеніемъ доказываетъ, что тутъ онъ не въ своей сферѣ. Его полетъ Бернштейнъ сравнилъ съ полетомъ хищной птицы, такъ какъ ласточковый сорокопутъ летитъ, широко распустивъ крылья и почти не ударяя ими, а управляетъ своими движеніями лишь простыми опусканіемъ и подниманіемъ то одного, то другого крыла. Однако движенія его сравнительно медленны и не имѣютъ ничего общаго съ стремительной быстротой маленькихъ благородныхъ соколовъ или ласточекъ. Жердонъ, напротивъ, говоритъ, что полетъ описаннаго вида красивъ, подобенъ полету ласточки, что быстрые удары крыльевъ смѣняются плавнымъ полетомъ съ раскластанными крыльями, что птица очень часто описываетъ круги, а, преслѣдуя насѣкомыхъ, стремительно и прямо несетъ на нихъ. Когда хорошая погода примааниваетъ насѣкомыхъ въ высшіе слои воздуха, ласточковые скворцы кружатся и чрезвычайно красиво и изищно скользятъ въ воздухѣ. Въ такихъ случаяхъ стая этихъ птицъ часто долго летаетъ высоко надъ землею и тогда чрезвычайно напоминаетъ ласточекъ. Также впечатлѣніе производятъ они, когда носятся низко надъ поверхностью воды и то тутъ, то тамъ ловятъ на поверхности воды насѣкомыхъ. Они отдохнутъ минутку на подходящей вѣтви прибрежнаго куста и снова продолжаютъ охоту. Они собираются здѣсь въ такомъ количествѣ, что вода, по словамъ Гульда, темнѣетъ отъ отраженія массы птицъ. Раздающійся голосъ ихъ также похожъ на призывной крикъ ласточекъ, но онъ нѣсколько грубѣе и монотоннѣе его. Собственно пѣнія у ласточковыхъ скворцовъ нѣтъ. Австралійскій видъ этихъ птицъ имѣетъ очень замѣчательное обыкновеніе подвѣшиваться кучей, подобно рою пчелъ. Правда, самъ Гульдъ этого не наблюдалъ, но передаетъ это со словъ Жильберта и другихъ. Нѣсколько сорокопутовъ подвѣшиваются къ нижней части какой-нибудь твердой вѣтви, другіе плотно прицѣпляются къ нимъ и такимъ образомъ случается, что птицы иногда навѣшиваются другъ къ другу такой массой, которая по объему равняется доброму четверику.

Бернштейнъ сообщаетъ, что, по его наблюденіямъ, яванскій видъ устраиваетъ свои гнѣзда между паразитными растеніями, покрывающими пальмовыя стволы или

же помѣщаются въ углахъ у основанія листьевъ тѣхъ же пальмъ. Гнѣзда строятся изъ грубо и беспорядочно сложенныхъ сухихъ и толстыхъ стеблей, корневыхъ волосковъ, листьевъ, волоконъ и мха, почему и имѣютъ растрепанный и развороченный наружный видъ. Наоборотъ, внутренность образуетъ правильное, полушаровидное углубленіе, красиво выложенное мягкой подстилкой, именно гибкими волоконцами аремговой пальмы и нѣжными стебельками. Гнѣздо индійскаго вида, по Жердону, кромѣ того густо выстлано перьями, но, съ чѣмъ соглашается и Уайтсъ, построено также беспорядочно и устраивается или въ дуплѣ или на крѣпкой горизонтальной

Иволга. *Oriolus galbula*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

вѣткѣ или на верхушкѣ высокаго ния. Время вывода птенцовъ продолжается отъ марта до юля; кладка состоитъ обыкновенно изъ трехъ яицъ съ ржаво-бурымъ рисункомъ по бѣлому фону. Садится ли на яйца самецъ, сказать съ увѣренностью нельзя, но молодыхъ старики выкармливаютъ сообща и пекутся о нихъ и кормятъ еще долгое время послѣ ихъ вылета изъ гнѣзда. Въ это время можно видѣть молодежь, вплотную усѣвшуюся на какомъ-нибудь сучкѣ, тогда какъ старики, охотясь, нымаютъ по деревьямъ и съ добычей немедленно возвращаются къ молодымъ. Пасколько извѣстно, молодые выкармливаются исключительно насѣкомыми, они же преимущественно составляютъ и пищу стариковъ. Пойманные ласточковые скворцы легко приручаются, превосходно выживаютъ въ клеткахъ, почему и привозятся въ достаточномъ количествѣ въ Европу живыми.

Иволга, Дикая кошка (*Oriolus galbula, aureus, garrulus. Coracias oriolus. Pirol. Lorient*) принадлежит къ семейству **Иволговъ** (*Oriolidae. Kurzfusstare. Lorient*), состоящемъ изъ 75 видовъ, распространенныхъ въ восточномъ полушаріи и въ особенности подъ тропиками. Характерные признаки этого семейства будутъ слѣдующіе: клювъ сильный, почти коническій, согнутый по слегка округленной съ боковъ вершинкѣ; кончикъ его верхней половинки немного длиннѣе нижней, почти такой-же высокой. Ноги имѣютъ короткую плюсну. Крылья довольно остры, третье маховое перо обыкновенно бываетъ длиннѣе остальныхъ. Хвостъ средней величины, ровно срезанный. Опереніе плотно, большею частью очень красивое, разнообразное, смотря по полу и возрасту. Наша иволга, представитель богатаго видами рода (*Oriolus*) того же имени, окрашена въ красивый ярко-оранжевый или желтый гуммигутовый цвѣтъ. Уздечка, плечи и кроющія перья крыльевъ у ней черныя. Маховыя перья черныя и снабжены узкими и длинными бѣлыми каймами, заднія малыя маховыя оторочены узкими каймами желтоватаго цвѣта, большія кроющія перья на концѣ желтыя, хвостовыя перья черныя и оканчиваются желтой полосой, которая на двухъ среднихъ суживается до ширины рубчика. Самки, птенцы и однолѣтніе самцы сверху желтовато-зеленыя, снизу сѣровато-бѣлыя, перья ихъ съ черными стержнями, на брюхѣ чисто-бѣлыя, на бедрахъ и нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста ярко-желтыя. Маховыя перья черновато-оливковыя и снабжены блѣдными бѣловатыми каймами; перья хвоста желтовато-оливково-зеленыя, на концѣ, изнутри украшены желтыми пятнами. Глаза кармино-красныя. Клювъ грязно-красный, у самокъ и молодыхъ черновато-сѣрый. Ноги свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 25 см., размахъ крыльевъ 45, длина крыла 14, а хвоста 9.

Иволгѣ въ Германіи дали подходящее названіе **Троицной птицы** (*Pfingstvogel*), такъ какъ она впервые появляется тамъ въ первой половинѣ мая. Это нашъ лѣтній гость, который только короткое время пребываетъ на родинѣ и уже въ августѣ улетаетъ отсюда. Это показаніе одинаково для всей Европы, за исключеніемъ дальняго сѣвера и даже большей части западной Азіи; эти мѣстности и слѣдуетъ разсматривать какъ отечество иволги; однако Вальтеръ говоритъ, что она попадаетъ и въ Туркменіи, хотя, вѣроятно, тамъ не гнѣздуется. Во время зимняго перелета она встрѣчается по всей Африкѣ, включая Мадагаскаръ. Своимъ мѣстопробываніемъ она избираетъ лиственные лѣса, въ особенности въ равнинахъ. Дубъ и береза—деревья, на которыхъ она держится, и рощи, состоящія изъ нихъ, являются поэтому ея излюбленными мѣстами. Одного дуба среди другихъ деревьевъ достаточно, чтобы иволга поселилась, а одной кучкѣ дубовъ въ паркѣ достаточно, чтобы не бояться преслѣдованій человѣка. Послѣ березы и дуба она больше всего любитъ черныи и серебристыи тополь, вязъ и ясень. Точно также она попадаетъ и въ хвойныхъ лѣсахъ, особенно въ сосновыхъ, но это только въ томъ случаѣ, если по близости нѣтъ дуба или березы. На высокихъ горахъ она не встрѣчается.

Иволга одинаково напоминаетъ какъ дроздовъ, такъ и мухоловокъ, иногда и сивоворонокъ, однако отъ всѣхъ ихъ имѣетъ извѣстныя отличія. «Это», говоритъ Науманъ, «пугливая, дикая и непостоянная птица, которая, живя часто по близости человѣка, все-таки старается ускользнуть отъ его взора. Она скачетъ и прыгаетъ всегда въ самыхъ густолиственныхъ деревьяхъ, рѣдко остается долго на одномъ и томъ же деревѣ и еще рѣже на томъ же сучкѣ, безпокойно летая то туда, то сюда. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ она посѣщаетъ низкіе кустарники и еще того рѣже спускается на землю. Если это случится, она остается ровно столько времени, сколько нужно для того, чтобы поймать насѣкомое или что-нибудь въ этомъ родѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ она дѣлаетъ нѣсколько неуклюжихъ, тяже-

ловатых прыжковъ, такъ какъ она никогда не ходитъ шагая. Иволга—очень смѣлая и драчливая птица. Она постоянно дерется и гонится за другими иволгами и даже ссорится съ другими птицами, словомъ, никогда не бываетъ въ бездѣйствіи и въ особенности въ пору размноженія. Полетъ ея съ виду тяжеловатый, шумящій, но довольно быстрый и похожъ на полетъ скворца, когда иволга, перелетая большое пространство, описываетъ большія, ровныя дуги или мелкія змѣвидныя линіи; небольшой пространства она пролетаетъ по прямой линіи то плавно, то перепархивая. Она летаетъ охотно, далеко и много, и часто можно видѣть, какъ одна цѣлые четверть часа гонится и неустанно преслѣдуетъ другую».

Призывной крикъ ея выражается звонкимъ «йекк, йекк» или грубымъ «крэк», страхъ—неприятнымъ хриплымъ «квэрр» или «эрр», нѣжность—простымъ «бюлоу». Голосъ самца, который мы рассматриваемъ какъ пѣніе—полнозвученъ, громокъ и необыкновенно благозвученъ. Латинское и нѣмецкое названія этой птицы являются названіями звукоподражательными. По Науману, крикъ иволги передается звукомъ «дитлео» или «гидадитлео»; будучи мальчиками, мы перекладывали его на «пирипириол». Крестьяне же сѣверной Германіи передаютъ его фразой «Pflingsten Bier hol'n; aussaufen, mehr hol'n», или «hest du gesopen, so betahl och».*) Велѣдствіе смысла этихъ поговорокъ, крестьяне, повидимому, питаютъ особое расположеніе къ этой птицѣ. Въ Тюрингенѣ такихъ поговорокъ не знаютъ, несмотря на это иволга повсюду приятный и дорогой гость. Она принадлежитъ къ числу прилежнѣйшихъ пѣвцовъ нашего лѣса. Уже передъ восходомъ солнца слышится ея пѣніе и длится съ небольшими перерывами вплоть до полудня; на закатѣ она снова поетъ. Даже въ пасмурные дни она поетъ громко и весело, чего не дѣлаютъ другія птицы. Одна пара иволговъ способна оживить цѣлую рощу.

Немного спустя послѣ своего прилета, иволга приступаетъ къ устройству своего искуснаго гнѣзда, которое она привѣшиваетъ между развилинами какой-нибудь длинной вѣтви. Гнѣздо вѣется изъ полувывсохшихъ травянистыхъ листьевъ, стеблей и усиковъ, изъ крапивныхъ волоконцевъ, изъ пеньки, шерсти, бересты, мха, паутины, коконовъ гусеницъ и тому подобнаго матерьяла. Строится же оно на подобіе глубокой чаши и набивается внутри мягкими метелками травы или шерстью и перьями. Для своего гнѣзда иволга обыкновенно выбираетъ высокія деревья, хотя можетъ случиться, что устроитъ свое гнѣздо сравнительно низко: на высотѣ человеческого роста. Пехуэль Лёше видѣлъ такое низко подвѣщенное гнѣздо въ одномъ лѣсничествѣ Ангальтскаго герцогства. Оно находилось въ палисадникѣ, шагахъ въ 15 отъ дверей дома. Обѣ птицы не были нисколько пугливы, проходящій мимо человекъ ничуть не смущалъ ихъ, а слишкомъ любопытныхъ онѣ старались даже отогнать отъ гнѣзда крикомъ и мнимыми нападеніями. Эта парочка три года подъ рядъ прилетала всякій разъ на то же мѣсто. Сначала при помощи слюны къ сучку приклеиваются длинныя нити и нѣсколько разъ обматываются вокругъ него, пока не получается остовъ всей постройки, остальной же матерьялъ ткется и вылетается потомъ. Постройка гнѣзда ведется сообща и самцомъ, и самкой, и только внутренняя выстилка устраивается, повидимому, одной самкой. Въ началѣ юня самки кладутъ отъ 4 до 5 гладкихъ и глянцевиныхъ яичекъ, которыя и принимаются усердно высидывать. Свѣтло-бѣлый фонъ такихъ яичекъ покрытъ пепельно-сѣрыми и красновато-черно-бурыми точками и пятнышками. Въ это время птицъ трудно отогнать отъ ихъ жилища, такъ какъ и самецъ, и самка необыкновенно привязаны къ своему гнѣзду. «Я поѣщаль», говоритъ Пэсслеръ, «одно гнѣздо ежедневно, отгонялъ самку

*) Принеси Троицна пива, вицей и еще принеси. Коль наполнил, то и заплати.

отъ него и пригибалъ вѣтку книзу, чтобы удобнѣе разсматривать его внутренность. Тогда самка испускала протяжный, пронзительный крикъ, настоящій боевой крикъ, слетала съ ближайшаго дерева прямо на меня, пронеслась у самой моей головы и садилась на другое дерево позади меня. Прилеталъ самецъ: тотъ же крикъ и та же попытка прогнать меня! Оба были одинаково смѣлы, оба охраняли свое гнѣздо и свои яйца.» Въ полуденные часы самецъ смѣняется сидящую на яйцахъ самку и она, въ полномъ смыслѣ, носится по окрестности, чтобы, насколько возможно скорѣе, позаботиться о своей пищѣ. Черезъ 14, 15 дней вылупляются птенцы и съ той же поры начинаютъ требовать корма, своеобразнымъ пискомъ «іудди, іудди». Они быстро вырастаютъ, линяютъ еще въ гнѣздѣ и вылетаютъ изъ него такимъ образомъ уже не въ юношескомъ опереніи. Если разорить у парочки иволгъ ея гнѣздо, пока въ немъ лежатъ еще яйца, она устраиваетъ гнѣздо вторично, но если у нея похитятъ птенцовъ, птицы не выводятъ ихъ вторично.

Пищу иволгъ составляютъ различнаго рода насѣкомыя, но преимущественно гусеницы, бабочки и червяки, а иногда и спѣлыя вишни и ягоды. Иволги ѣдятъ много и поэтому могутъ быть очень вредными для плодовыхъ деревьевъ. Но польза, которую онѣ оказываютъ во всемъ остальномъ, превышаетъ наносимый ими вредъ опустошеніемъ въ садахъ. Онѣ заслуживаютъ скорѣе покровительства, нежели преслѣдованія, которое онѣ, къ сожалѣнію, испытываютъ уже благодаря красотѣ ихъ оперенія.

Пойманныя иволги выживаютъ въ клѣткахъ нѣсколько лѣтъ только при лучшемъ уходѣ за ними; онѣ съ трудомъ линяютъ и уже не приобретаютъ такого красиваго оперенія. Благодаря этому въ клѣткахъ ихъ держатъ только опытные любители птицъ. Науманъ—отецъ предпочиталъ иволгъ всѣмъ другимъ комнатнымъ птицамъ и дѣлалъ ихъ своими друзьями, такъ что нѣкоторые изъ нихъ брали кормъ изъ его рукъ и даже изо рта, а если онѣ дѣлалъ что-нибудь не по ихъ вкусу, то онѣ теребили его въ отместку за волосы.

* * *

Въ Африкѣ, южной Азій и Австраліи распространенъ родъ **Дронго** (*Dicrurus*. *Würgerschnäpper*. *Choucaris*), содержащій около 32 видовъ, изъ которыхъ я опишу только одинъ наиболѣе выдающійся.

Райсній дронго (*Dicrurus paradiseus*, *platurus*, *retifer*, *raangoonensis*, *grandis*, *malabaricus*, *malayensis*, *malabaroides*, *formosus*, *singularis*. *Cuculus paradiseus*. *Lanius malabaricus*. *Edolius paradiseus*, *malabaricus*, *malabaroides*, *raagoonensis*, *grandis*, *crystalellus*, *dentirostris*, *crissae*, *brachyphorus*, *formosus*, *affinis*. *Chibia malabroides*. *Dissemurus paradiseus*, *malabaricus*, *grandis*, *brachyphorus*, *formosus*, *setifer*, *affinis*. *Flaggendrongo*. *Choucaris de paradis*), характеризуется слѣдующими признаками: клювъ средней величины, сильный, очень широкій у основанія, выемчатый у спинки, которая слегка согнута и напоминаетъ киль лодки. Ноги съ короткой плюсной и средней величины пальцами, вооруженными сильно согнутыми, острыми когтями. Крылья длинныя, пятое и шестое маховыя перья образуютъ ихъ конецъ. Опереніе жесткое, блестящее; у угловъ рта перья замѣнены жесткими щетинками. Видъ этотъ отличается отъ другихъ видовъ только хохолкомъ на передней части головы и длиннымъ вилообразнымъ хвостомъ, крайнія два пера котораго состоятъ изъ голаго стержня съ овальнымъ опахаломъ на концѣ. Богатое опереніе этого дронго сплошь черное, отливающее стальнымъ синимъ цвѣтомъ. Глаза бурые. Клювъ и ноги черныя. Длина достигаетъ 36 см., вмѣстѣ же съ хвостовыми перьями 60, длина крыла 17, хвоста 19 и 44 см.

Райскіе дронго принадлежатъ къ числу самыхъ замѣчательныхъ птицъ ихъ родины. Они встрѣчаются повсюду на извѣстныхъ мѣстахъ, начиная отъ береговъ моря до 1500 м. высоты; одни живутъ въ открытыхъ мѣстностяхъ, другіе среди лѣсовъ, многіе виды очень обыкновенны, другіе попадаются рѣже. Въ Индіи, по словамъ Жердона, куда бы вы ни пошли, всюду встрѣтите эту птицу. Ихъ увидишь сидящими и посматривающими вокругъ и на сухихъ кончикахъ вѣтвей высокаго дерева, и на крышѣ дома, и на телеграфномъ столбѣ, въ низкихъ кустарникахъ, на плетняхъ, стѣнахъ и муравейникахъ. Нерѣдко какую-нибудь изъ этихъ птицъ встрѣтишь вѣрнымъ спутникомъ стадныхъ животныхъ, на спины которыхъ онѣ такъ же смѣло садятся, какъ и на свои обыденные сторожевые пункты. Большинство изъ нихъ цѣлый день находится въ дѣятельности; нѣкоторые, подобно нашимъ башеннымъ стригамъ, охотятся еще долго послѣ заката солнца, а во время полнудня всю ночь на пролетъ, если и не особенно дѣятельны, то все-таки бодрствуютъ и веселы, такъ какъ все это время слышится оживленное чирканіе, несомнѣнно принадлежащее имъ. По словамъ Левальяна, одни виды на закатѣ собираются на опредѣленные деревья и тамъ общица занимаются охотой; у другихъ видовъ этого, повидимому, не случается, по крайней мѣрѣ я не помню, чтобы когда-нибудь видѣлъ сѣверо-африканскихъ **Траурныхъ дронго** (*Dicurus divaricatus*. Trauerdrongo. Choucari triste), собиравшимися въ большомъ количествѣ. Впрочемъ, я охотно вѣрю, что эти птицы при случаѣ могутъ собираться обществами; это именно можетъ случиться тогда, когда что-нибудь обѣщаетъ имъ обильную добычу. Въ птенцовую пору каждая парочка, повидимому, живетъ сама по себѣ и упорно отстаиваетъ разъ избранную ею мѣстность отъ другихъ птицъ ихъ вида. Вышеназванный райскій дронго, котораго я наблюдалъ, произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Среди средне-африканскихъ птицъ они мнѣ казались наиболѣе скучными. Парочки обыкновенно спокойно сидѣли на концахъ сучьевъ, высматривая добычу. Онѣ слетали за пролетающимъ мимо насѣкомымъ, спѣшили за намѣченной добычей легкимъ, хотя нѣсколько вялымъ полетомъ и преслѣдовали ее, повидимому, безъ успѣха, а въ случаѣ удачи или возвращались обратно на тотъ же сучекъ или, пролетая извѣстное пространство, опускались на такой же сучекъ другого дерева. При видѣ охотника онѣ глупо и добродушно посматривали на ружье, совершенно не помышляя о бѣгствѣ. Въ виду единогласныхъ сообщеній другихъ наблюдателей, противорѣчащихъ моимъ наблюдениямъ, я долженъ предположить, что или я имѣлъ дѣло съ весьма мало типичнымъ видомъ, или мои наблюдения были не особенно удачны. Левальянъ, Жердонъ, Жильбертъ, Блайтъ и другіе изслѣдователи характеризуютъ дронго какъ птицъ, не только одаренныхъ вѣдшими достоинствами, но и душевными качествами. Полетъ ихъ, нѣчто среднее между полетомъ мухоловки и ласточекъ, не очень быстръ, описываетъ волнообразныя ливніи и заключается въ болѣе продолжительномъ плавномъ движеніи послѣ нѣсколькихъ взмаховъ крыльями. Однако, встревоженный чѣмъ-нибудь, дронго летитъ такъ быстро, что превосходить быстротой почти всякаго врага. На землю эти птицы спускаются только тогда, когда онѣ могутъ достать тамъ какую-нибудь добычу, однако настоящимъ образомъ ходить онѣ не умѣютъ. Пьютъ или купаются онѣ на лету. Въ вѣтвяхъ онѣ выказываютъ не больше ловкости, какъ и другія птицы, ведущія приблизительно подобный же образъ жизни. Онѣ выбираютъ легко доступный сучекъ, садятся на него и стараются сохранить равновѣсіе; другихъ движеній онѣ не умѣютъ дѣлать.

Изъ органовъ чувствъ дронго, безъ сомнѣнія, на первомъ мѣстѣ нужно поставить ихъ большіе, постоянно оживленные глаза. Дронго еще издалека видитъ ле-

тящее насѣкомое, и его глаза, какъ можно заключить изъ предыдущаго, не измѣняютъ ему и въ сумеркахъ. Что слухъ этой птицы не менѣе развитъ, подтверждается ея мастерскимъ пѣніемъ и способностью подражать, наблюдавшейся, по крайней мѣрѣ, у нѣкоторыхъ видовъ. Обычный голосъ дронго есть громкій, неприятный, хриплый свистъ или своеобразное стрекотаніе, которое трудно передать словами, но которое, услышавъ разъ, всегда узнаешь впослѣдствіи. Крикъ райскаго дронго Вальтеръ Эллиотъ старался передать слогами «чирунг, чирунг». Когда приближается брачная пора, самцы почти всѣхъ видовъ дронго поютъ въ высшей степени приятно. Жердонъ говоритъ, что многіе люди находятъ однообразнымъ и неприятнымъ пѣніе **Королевскаго дронго** (*Dicurus ater*. Königskrähe. Choucarî noir) одного изъ самыхъ извѣстныхъ индѣйскихъ видовъ этого семейства, и называютъ его поэтому въ насмѣшку соловьемъ; самъ же Жердонъ, напротивъ того, утверждаетъ, что онъ всегда слушалъ охотно именно этого дронго, провозвѣстника наступающаго дня, голосъ котораго и Уайтсъ называетъ очень приятнымъ. Левальянъ сравниваетъ пѣніе одного африканскаго вида дронго съ пѣніемъ дрозда; Бернштейнъ причисляетъ одинъ видъ, живущій на Явѣ—**Сѣраго дронго** (*Dicurus cinereus*. Graudrongo. Choucarî gris) къ числу лучшихъ пѣвцовъ этого острова; Гейглинъ признаетъ за траурнымъ дронго мастерское умѣніе пѣть и находить, что въ его пѣніи заключается много варіацій, хотя оно скорѣе заслуживаетъ быть названнымъ бормотаніемъ и шопотомъ. Наконецъ, одинъ изъ воспитывавшихся у меня райскихъ дронго столь же удивлялъ меня силою, богатствомъ и полнозвучіемъ своего пѣнія, какъ и своей способностью перенимать голоса птицъ и насвистанныя пѣсенки.

Кромѣ этого дронго обладаютъ и другими хорошими качествами. Они не только болтливы, но и оживленны, дѣятельны и при случаѣ очень смѣлы. Королевскій дронго замѣчательнъ своимъ обыкновеніемъ нападать и преслѣдовать всѣхъ воронъ и даже всѣхъ соколовъ, которые пролетаютъ надъ обитаемой имъ мѣстностью. Особенно въ птенцовую пору, отъ мая до іюня, когда самки сидятъ на яйцахъ, самцы выказываютъ величайшую бдительность, а днемъ и удивительную смѣлость. «Едва только къ дереву, гдѣ находится гнѣздо, приблизится ворона или ястребъ», рассказываетъ Жердонъ, «маленькій и смѣлый дронго съ необычайной рѣшимостью несется на хищника и далеко преслѣдуетъ его. Во всякомъ случаѣ и никогда не видѣлъ, чтобы онъ садился на спину сокола и колотилъ его нѣсколько мгновеній своимъ клювомъ и когтями, какъ то, по его словамъ, наблюдалъ Филиппсъ, но я, правда, могу подтвердить, что дронго дѣлаетъ видъ, какъ будто онъ въ дѣйствительности хочетъ сѣсть на сокола. Обыкновенно нѣсколько дронго присоединяются къ первому, чтобы прогнать врага общими усиліями». Блайтъ наблюдалъ, какъ одинъ дронго бросился на пальмовую бѣлку, а Гюрней замѣчалъ, что дронго безумно бросается и на крупныхъ хищныхъ птицъ. Дерзость дронго достигаетъ наибольшей степени, когда кто-нибудь изъ нихъ замѣтитъ сову или какую-нибудь другую крупную птицу, безпомощную съ виду. Въ такихъ случаяхъ дерзкій пигмей взвизгиваетъ быстро кверху и нѣсколько разъ стремительно кидается внизъ, испуская громкіе и хриплые крики и попеременно то распуская, то складывая свой хвостъ. Весьма понятно, что дронго проявляютъ свои боевыя наклонности и между собой: Жердонъ наблюдалъ иногда битки 4 или 5 этихъ птицъ на землѣ въ самой ожесточенной дракѣ, сцѣпившимися положительно въ клубокъ.

Всѣ дронго питаются исключительно насѣкомыми, преслѣдуя преимущественно пчелъ и родственныхъ имъ насѣкомыхъ. Крупные виды дронго ѣдятъ также саранчу, кузнечиковъ, стрекозъ, бабочекъ и тому подобное; но самую лакомую добычу ихъ составляютъ, повидимому, все-таки жалиціа насѣкомыя. На мысѣ Доброй Надежды ихъ

за это называют пчелодами, и, по увѣренію Левальяна, они вполне заслуживаютъ это названіе. «Обыкновенно», рассказываетъ онъ, «дронго охотится за этими трудолюбивыми насѣкомыми по вечерамъ передъ закатомъ и по утрамъ до восхода солнца. Для этой цѣли обитатели одной рощи собираются на какое-нибудь одиноко стоящее дерево, преимущественно на засохшее или покрытое высохшими сучками. Здѣсь они поджидаютъ перваго вылета пчелъ или ихъ возвращенія, когда онѣ, отягощенные добычей, прилетаютъ обратно въ свои лѣсные ульи. Можно себя представить то оживленное и полное шума зрѣлище, которое представляетъ собой такое дерево: около 30 птицъ безпрерывно летаютъ вокругъ дерева, прибѣгая ко всевозможнымъ изворотамъ и уловкамъ, которыхъ требуетъ ловля пчелъ, старающихся улетѣть отъ своихъ хорошо извѣстныхъ имъ враговъ. Нѣкоторыя птицы, не поймавъ своей добычи, стремятся за другой пчелой и продѣлываютъ иногда, одна за другою, 5 или 6 красивыхъ зигзаговъ, то вправо, то влѣво, то вверхъ, то внизъ, пока не достигнутъ свою добычу или не устанутъ отъ напряженія. Почти каждое движеніе сопровождается оживленнымъ крикомъ, и вся эта охотничья братія кричитъ одновременно на разные лады. Подъ самымъ деревомъ находятъ многочисленные остатки этого пира—однѣхъ пчелъ съ откушенной половинкой, другихъ еще живыхъ, но съ оторванными крыльями, и тому подобное. Только съ наступленіемъ того времени, когда вылетаютъ на добычу хищныя ночныя птицы, дронго прекращаютъ свою работу».

Во время этихъ охотъ, дронго проявляютъ много понятливости. Левальянъ увѣряетъ, что они точно замѣчаютъ время, когда пчелы массами возвращаются къ себѣ домой; Гюрней наблюдалъ, что всякій пожаръ въ степи издали привлекаетъ ихъ. Они знаютъ, что губительный огонь, уничтожающій травянистый покровъ, выгоняетъ также изъ него всѣхъ насѣкомыхъ; поэтому птицы держатся впереди горящей линіи и, благодаря своей смѣлости, пользуются богатой добычей. Безстрашно шмыгаютъ онѣ передъ пламенемъ сквозь самыя густыя крубы дыма и преслѣдуютъ разъ намѣченное насѣкомое, иногда на метръ отъ пламени. Филлипсъ наблюдалъ одну оригинальную хитрость дронго. Маленькая, насѣкомоядная птичка преслѣдовала большую саранчу, за которой уже дважды гонялся королевскій дронго. Вдругъ этотъ послѣдній испустилъ хорошо извѣстный всѣмъ птицамъ предостерегательный крикъ, который дронго обыкновенно подаютъ при появленіи хищной птицы. Безъ сомнѣнія онъ сдѣлалъ это для того, чтобы напугать другого преслѣдователя насѣкомаго, и хитрость его удалась, такъ какъ птичка улетѣла прочь и нѣсколько мгновеній спустя саранча была уже въ желудкѣ дронго.

Птенцовая пора, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ дронго, приходится на различное время года. Гнѣзда они строятъ довольно высоко надъ землей и подвѣшиваютъ ихъ всегда, подобно гнѣзду иволги, между развилинами сучка. Обыкновенно они помѣщаются открыто, почему дѣлаются доступными вѣтру и непогодѣ. Строятся гнѣзда небрежно, плетутся изъ маленькихъ вѣточекъ и корневыхъ волосковъ, часто внутренность ихъ ничѣмъ не бываетъ выложена, въ болѣе же счастливыхъ случаяхъ выстилкой служатъ нѣсколько волосковъ. Кладка состоитъ изъ 3—4, иногда 5 яичекъ, бѣлый или красновато-бѣлый фонъ которыхъ покрытъ свѣтло или темно-красными и бурыми точками. Въ птенцовую пору самецъ стремительно бросается даже на человека, если онъ приблизится къ его гнѣзду.

Всѣ живущіе въ Индіи дронго являются любимыми комнатными птицами туземцевъ. Они легко привыкаютъ къ неволѣ и къ самому простому корму, дѣлаются ручными и послушными, поютъ прилежно и весьма занимательно, благодаря своей способности перенимать различные голоса птицъ, даже самое лучшее пѣніе ихъ. У насъ въ клѣткахъ держатъ ихъ рѣже, чѣмъ они того заслуживаютъ.

Лишь въ послѣдніе годы мы имѣемъ обстоятельныя свѣдѣнія о чрезвычайно красивыхъ птицахъ Новой Гвиней и прилежащихъ къ ней острововъ, которыя уже нѣсколько столѣтій привозились къ намъ частью въ видѣ изуродованныхъ шкурокъ и подавали поводъ къ своеобразнымъ сказаніямъ. Ихъ уже давно назвали **Райскими птицами** и теперь еще такъ зовутъ, потому что существовало повѣріе, что онѣ происходятъ непосредственно изъ рая и ведутъ своеобразный образъ жизни. Онѣ привозились къ намъ безъ ногъ, и, не обращая вниманія на то, что это изуродованіе могло быть совершенно туземцами, полагали, что птицы отъ природы не имѣютъ ногъ. Ихъ невиданное опереніе и роскошные цвѣта давали широкой просторъ всякой фантазіи, и въ концѣ концовъ люди стали вѣрить самымъ невѣроятнымъ баснямъ. «Можно себѣ представить», говоритъ Пеннигъ, «съ какимъ удивленіемъ жители европейскаго материка, еще мало знакомые съ тропическими странами, могли принять первыя свѣдѣнія объ этихъ удивительныхъ птицахъ, привезенныя Пигафеттой, спутникомъ и преемникомъ Магеллана, возвратившимся въ 1522 г. въ Севилью. Невольно разчувствуешься, читая, какъ нѣкоторые усердные, но ограниченные въ своихъ средствахъ естествоиспытатели XVI-го столѣтія считали величайшимъ событіемъ ихъ жизни, удовлетвореніемъ давно затаеннаго желанія, когда наконецъ могли увидѣть изуродованную шкурку райской птицы. Извинительно, если въ то время слагались различныя басни, которымъ долгое время придавали вѣру. На этихъ птицъ смотрѣли какъ на веселыхъ силфировъ, родиной которыхъ было одно безконечное воздушное море, которые совершали все свои отправленія летая и отдыхали лишь на нѣсколько мгновеній, повиснувъ на суку на своихъ длинныхъ нитевидныхъ хвостовыхъ перьяхъ. Подобно высшимъ существамъ, онѣ не имѣли потребности касаться земли и питались эфирной пищей и утренней росой. Признаніе неглицией отсутствіе ногъ у этой чудной птицы даже самимъ Пигафеттой ни къ чему не послужило. Маркгревъ, Клузіусъ и другіе изслѣдователи того времени тщетно доказывали, что это вздоръ: народъ держался попрежнему своего предубѣжденнаго взгляда».

Прошли столѣтія, прежде чѣмъ намъ стала извѣстна жизнь райскихъ птицъ. Различные путешественники сообщали болѣе или менѣе важныя данныя относительно жизни этихъ птицъ, но едва-ли одинъ изъ нихъ былъ вполне свободенъ отъ господствовавшихъ предразсудковъ. Только Лессонъ, который во время своего кругосвѣтнаго плаванія пробылъ 13 дней въ Новой Гвинее, сообщилъ о райскихъ птицахъ на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Постѣ него лишь въ послѣднее время Беннетъ, Валласъ и Розенбергъ дали достовѣрныя свѣдѣнія о жизни этихъ сказочныхъ птицъ на свободѣ и въ неволѣ.

Райскія птицы (Paradiseidae. Paradiesvögel. Oiseaux de paradis), родственныя нашимъ воронамъ, по величинѣ бываютъ отъ роста сойки до роста жаворонка, но по красотѣ дѣйствительно великолѣпны. Клювъ ихъ различной величины, прямой или согнутый и у основанія не имѣетъ щетинокъ, какъ то мы видимъ у воронъ, такъ что ноздри остаются совершенно открытыми. Плюсна длиннѣ клюва. Ноги сильныя съ большими пальцами, вооруженными крѣпкими, острыми, сильно согнутыми когтями. Крылья средней величины и сильно округлены, шестое и седьмое маховыя перья ихъ длиннѣ остальныхъ. Хвостъ прямой и состоитъ изъ 12 перьевъ умѣренной длины, причемъ характеренъ удлинненными перьями, напоминающими проволоку, или-же очень длинный, простой и тогда сильно ступенчатый. У многихъ видовъ паховыя перья необыкновеннымъ образомъ удлиннены и шелковисты. Самки и птенцы всегда окрашены проще, чѣмъ самцы.

Райскія птицы, которыхъ извѣстно около 50 видовъ, живутъ въ Австраліи и

только одинъ видъ встрѣчается на Мадагаскарѣ. Уже нѣсколько столѣтій, какъ папуасы ведутъ торговлю не только шкурками райскихъ, но и другихъ птицъ и въ особенности голландцы занимались этимъ обмѣномъ. Способъ и сущность обычнаго приготовленія такихъ шкурокъ туземцами описывается Розенбергомъ такъ: «Папуасы убиваютъ самцовъ, а иногда и самокъ стрѣлами, дѣлаютъ на ихъ спинѣ и брюхѣ поперечные разрѣзы и сдираютъ съ нихъ кожу, которая у этихъ птицъ особенно толста. Затѣмъ они отрѣзаютъ ноги вмѣстѣ съ задней частью брюшной кожи, вырываютъ большія маховыя перья и натягиваютъ обработанную такимъ образомъ шкурку на круглую палочку, настолько, что она высовывается на нѣсколько сантиметровъ изъ клюва; послѣдній привязывается къ деревянкѣ шнуркомъ. Послѣ этого они посыпаютъ шкурки древеснымъ пепломъ и вѣшаютъ ихъ внутри хижины надъ очагомъ, чтобы высушить ихъ и предохранить отъ насѣкомыхъ. Шкурка тогда готова. Туземцы Мизули и ноги, и маховыя перья оставляютъ при шкуркѣ; аруэзы также замѣтили, что неизуродованныя шкурки предпочитаютя и дороже оплачиваются, чѣмъ обезображенныя, и постепенно отстали отъ своего стараго способа, такъ что теперъ и съ острововъ Ару поступаютъ въ продажу хорошия шкурки. Райскія птицы покупаются главнымъ образомъ купцами изъ Магассара, Терната и восточнаго Церама, которые и привозятъ ихъ къ себѣ на родину или въ Сингапурь, откуда шкурки вывозятся уже въ Европу и Китай. По словамъ этихъ торговцевъ, наиболѣе красивыя шкурки приходятъ съ сѣверныхъ береговъ Новой Гвинеи и изъ странъ, лежащихъ въ глубинѣ залива Гильвинкъ. Тидорскій султанъ, ленный владѣлецъ части Новой Гвинеи, состоящей подъ нидерландскимъ протекторатомъ, ежегодно получаетъ оттуда въ видѣ дани неопредѣленное количество шкурокъ, цѣнность которыхъ на мѣстѣ простирается отъ 25 центовъ до 1 голландскаго гульдена.

По Рейхену все райскія птицы распадаются на три подсемейства, изъ которыхъ первое заключаетъ въ себѣ **Настоящихъ райскихъ птицъ** (*Paradiseinae*) Самый извѣстный изъ принадлежащихъ сюда видовъ будетъ тотъ, который Линней для увѣковѣченія старыхъ сказаній назвалъ **Безногой райской птицей** (*Paradisea aroda*, major. *Fusslose Paradiesvogel*. *Oiseau de paradis apode*), которую на островахъ Ару называютъ **Фанеамъ**. Эта птица почти такого же размѣра, какъ и наша галка. Длина ея достигаетъ почти 45 см., длина ея крыла 24, хвоста 18 см. Верхъ головы, виски, задняя часть и верхнiе бока шеи—темно-желтыя. Лобъ, стороны головы, область уха, подбородокъ и горло яркаго золотисто-зеленаго цвѣта; уздечка зеленовато-черная. Остальныя части, крылья и хвостъ коричнево-бураго цвѣта, доходящаго въ головной области до черно-бураго оттѣнка. Длинныя перья хохолка и боковыя—груди ярко-оранжеваго цвѣта, переходящаго у разсученныхъ окончанiй въ блѣдно-палевый. Короткiя жесткiя перья середины пучковъ темно-каштаново-бураго цвѣта. Глаза сѣрно-желтые. Клювъ зеленовато-сѣро-голубой. Ноги мясо-красныя. Самки лишены всѣхъ удлиненныхъ перьевъ и окраска ихъ тусклѣе: на верхней сторонѣ желтовато-сѣрая, на горлѣ сѣровато-фиолетовая, на брюхѣ блѣдно-желтая.

До сихъ поръ безногую райскую птицу находили только на островахъ Ару.

Малая райская птица (*Paradisea minor*, *paruana*, *bartletti*. *Paruaparadiesvogel*. *Petit paradis*), носящая въ Дорѣ названiе **Мамбефуръ**, а въ другихъ мѣстахъ—**Тсианнаръ** и **Вумби**,—значительно меньше безногой райской птицы. Ея длина достигаетъ только 38 см., длина крыла 19 и хвоста 16 см. Верхняя часть спины

и плечи, а равно и двѣ поперечныя полосы на верхнихъ кроющихъ перьяхъ крыльевъ—оливково-желтыя. Горло и зобъ, какъ и вся нижняя сторона, темно-каштаново-бурая. Перья пучковъ у основанія ярко-оранжевыя, на конечной половинѣ блѣды. Всѣ остальные части окрашены такъ же, какъ и у безногой райской птицы. Птенцы, только что оставившія гнѣздо, по описанію Розенберга, одноцвѣтныи бурый, сверху темнѣе, въ нижней части свѣтлѣе. Хвостовыя перья его всѣ одинаковой длины, оба среднихъ съ узкими бородками. Съ первымъ же динаніемъ голова и затылокъ принимаютъ блѣдно-желтую окраску, а лобъ и горло покрываются извѣстными металлически-зелеными перышками. Оба среднихъ хвостовыхъ пера въ то же время вырастаютъ на нѣсколько центиметровъ; наконецъ съ третьей смѣной пера эти послѣднія удлинняются въ голые стволы, примѣрно 40 см. длиной, а надъ бедрами разрастаются красивыя перистыя космы, вырастающія съ возрастомъ еще длиннѣе.

По Розенбергу, малая райская птица во множествѣ живетъ въ сѣверномъ полуостровѣ Новой Гвиней, какъ и на островахъ Мизуль и Юби; восточнѣе она, по видимому, попадаетъ рѣже.

Красная райская птица (*Paradisea sanguinea, rubra, Uranornis rubra. Rotparadiesvogel. Paradis rouge*), **Сэбумъ** туземцевъ, ростомъ еще меньше. Длина ея всего 33 см., длина ея крыла 17, хвоста 14 см. Она отличается отъ обѣихъ вышеупомянутыхъ птицъ золотисто-зеленымъ, приподнятымъ перистымъ хохолкомъ на задней части головы. Спина ея блѣдно-сѣро-желтоватая; окраска эта распространяется и по нижней части въ видѣ полосы на груди. Горло смарагдоваго зеленого цвѣта. Грудь и крылья красно-бурыя. Перья около основанія клюва и маленькое пятнышко позади глаза бархатисто-черныя. Боковыя космы перьевъ чуднаго краснаго цвѣта, на концѣ снабжены завитками. Длинныя хвостовыя перья, загибающіяся кнаружи, имѣютъ широкіе стволы. Глаза свѣтло-желтые. Клювъ и ноги пепельно-сѣро-голубые. У самокъ передняя часть головы и зобъ бархатисто-бурые, верхняя сторона гѣла и брюшко красно-бурыя. Шея и грудь свѣтло-красныя.

До сихъ поръ этотъ видъ былъ найденъ только на островахъ Вайгю и Батанта, и приготовленіемъ шкурокъ этихъ птицъ, по видимому, занимаются только жители поселенія Бесси, на южномъ берегу острова.

По своему образу жизни и поведенію всѣ три вышеприведенные вида имѣютъ много сходства между собой. Это живыя, веселыя, умныя, но кокетливыя птицы, которыя вполне сознаютъ свою красоту и опасность, которой онѣ, благодаря ей, подвергаются. Всѣ путешественники, наблюдавшіе этихъ птицъ на ихъ родинѣ, рассказываютъ о нихъ съ восхищеніемъ. Когда Лессонъ впервые увидѣлъ прелестную надъ нимъ птицу, онъ былъ такъ пораженъ ея красотой, что только слѣдилъ за ней глазами и не могъ рѣшиться выстрѣлить въ нее. Составленное имъ описаніе жизни этихъ птицъ подтверждено и дополнено Розенбергомъ. «Райскія птицы принадлежатъ къ числу бродячихъ птицъ; онѣ то прилетаютъ къ берегамъ, то вновь улетаютъ въ глубь страны, соображаясь съ поспѣваніемъ древесныхъ плодовъ. Во времени моего пребыванія въ Дорэ какъ разъ поспѣли плоды одной лаврицы, росшей неподалеку отъ поселенія острова. Сильными взмахами крыльевъ птицы, большею частью самки и молодые самцы, прилетали къ дереву и были настолько смѣлы, что возвращались обратно даже послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ въ нихъ. Въ другое время райскія птицы, въ особенности старыя самцы, очень пугливы и съ трудомъ подпускаютъ на выстрѣлъ. Голосъ ихъ сильный, но слышенъ на далекое разстояніе. Лучшее всего его можно передать односложными «вук, вук, вук», вслѣдъ за которыми часто слѣдуетъ кричащій

звукъ». Лессонъ говоритъ, что крикъ «войко» издается для призыва самокъ, сидящихъ и кудахтающихъ на низкихъ деревьяхъ. Утромъ или вечеромъ, рѣдко днемъ, эти крики раздаются по всему лѣсу.

«Голосъ красной райской птицы», замѣчаетъ Валласъ, «похожъ на голоса другихъ райскихъ птицъ, но онъ не такой крикливый. Его такъ часто слышишь

Красная райская птица. *Paradisaea rubra* $\frac{1}{2}$,
паст. велич.

въ лѣсахъ, что приводитъ къ предположенію о многочисленности этихъ птицъ. Несмотря на это, ее очень трудно уловить, благодаря ей живости и безпрерывной подвижности. Я часто видѣлъ старыхъ самокъ, сидѣвшихъ на низкихъ деревьяхъ или кустарникахъ на высотѣ нѣсколькихъ метровъ».

«Они прыгали въ вѣтвяхъ по почти горизонтальнымъ стволамъ, какъ будто охотятся за насекомыми, которые, какъ я предполагаю, составляютъ ихъ единственную пищу, пока еще не поѣли ихъ излюбленные плоды—индѣйскія фиги. При этомъ они испускаютъ тихій хлохтающій звукъ, весьма непохожій на ихъ обыкновенный крикливый призывной крикъ, который они, повидимому, издаютъ только сидя на верхушкахъ деревьевъ».

Въ безпрерывномъ движеніи райскія птицы перелетаютъ съ дерева на дерево, никогда не заживаются долго на одной вѣтвѣ и при малѣйшемъ шумѣ

прячутся въ самую густую листву верхушекъ деревьевъ. Уже передъ восходомъ солнца онѣ бодро и хлопотливо ищутъ свой кормъ, состоящій изъ плодовъ и насѣкомыхъ. Къ вечеру онѣ собираются на ночевку компаніями на вершину какого-нибудь высокаго дерева.

Время спариванія зависитъ отъ вѣтра муссона. На восточномъ и сѣверномъ берегахъ Новой Гвиней оно приходится на май, на западномъ же берегу и на Мизулѣ—на ноябрь. Около этого времени самцы собираются небольшими стайками, отъ 10 до 20 штукъ, которыя туземцы называютъ танцевальными обществами, слетаются обыкновенно на высокія лѣсныя деревья съ распростертыми вѣтвями и рѣдкой листвою, оживленно перелетаютъ съ вѣтки на вѣтку, вытягиваютъ шею, поднимаютъ и хлопаютъ крыльями, вертятъ хвостомъ то въ ту, то въ другую сторону, распускаютъ и складываютъ боковыя космы перьевъ и издаютъ при этомъ странный квакающій звукъ, на который прилетаютъ самки. Гнѣздо и яйца райскихъ птицъ еще неизвѣстны. Валласъ узналъ отъ туземцевъ, что безногая райская птица строитъ свое гнѣздо на муравьиныхъ кучахъ или на торчащей вѣтви какого-нибудь очень высокаго дерева и кладетъ всего одно только яйцо, по крайней мѣрѣ не выводитъ больше одного птенца. Тѣ-же туземцы, несмотря на крупное вознагражденіе, обѣщанное однимъ голландскимъ чиновникомъ, не могли добыть ни одного яйца и вообще никогда его не видали. Впрочемъ, судя по письменному сообщенію Розенберга, эти птицы не строятъ открыто лежащихъ гнѣздъ, но гнѣздятся въ дулистыхъ сучьяхъ высочайшихъ деревьевъ лѣса, почти недоступныхъ даже для самыхъ искусныхъ лазальщиковъ.

«Чтобы добыть райскую птицу», продолжаетъ Розенбергъ, «новогвинейскіе дикари поступаютъ слѣдующимъ образомъ: въ охотничій сезонъ, который приходится на середину сухой поры года, они высѣживаютъ сначала тѣ деревья, на которыхъ птицы проводятъ ночь и которыя по большей части являются самыми высокими въ лѣсу. Въ ихъ сучьяхъ они устраиваютъ изъ листьевъ и вѣтвей небольшой шалашиъ. Приблизительно часъ спустя послѣ заката солнца, опытный стрѣлокъ, запасшись лукомъ и стрѣлами, влѣзаетъ на дерево, прячется въ шалашиъ и ждетъ, соблюдая строжайшую тишину, прибытія птицъ. Когда онѣ прилетятъ, онъ ловко убиваетъ ихъ одну за другой, а одинъ изъ его товарищей, спрятавшійся подъ деревомъ, подбираетъ убитыхъ птицъ. Если охотникъ стрѣляетъ остроконечными стрѣлами, птицы падаютъ мертвыми и, наоборотъ, попадаютъ живыми въ руки стрѣлка, если онъ употребляетъ въ дѣло стрѣлы, снабженныя многими треугольными концами, въ которыхъ отъ силы выстрѣла ущемляется тѣло птицы». По Лессону, туземцы ловятъ также этихъ птицъ клеемъ хлѣбнаго дерева, а по сообщенію Валласа, красная райская птица ловится только петлями, которыя протягиваются въ вѣтвяхъ хлѣбнаго дерева такъ, чтобы птица должна была попасть въ нихъ ногой, когда она собирается сорвать плодъ. Другой конецъ петли спускается на землю, чтобы безъ особеннаго труда можно было достать птицу съ дерева.

«Можно предположить», говоритъ Валласъ, «что вераневныя, добытыя живыми птицы, попадутъ къ изслѣдователю въ лучшемъ состояніи, нежели тѣ, которыя убиты выстрѣломъ, но это совершенно не такъ на самомъ дѣлѣ. Я никогда не имѣлъ столько неприятностей съ другими райскими птицами, какъ съ красной райской птицей. Сначала мнѣ принесли ее живою, но у птицы, завязанной въ какой-то мѣшокъ, всѣ ея чудныя перья оказывались перематыми и переломанными самымъ ужаснымъ образомъ. Я вразумилъ людей, что они могутъ привязать пойманную птицу за ноги къ палкѣ и такъ принести ее ко мнѣ; результатомъ этого было то, что я получалъ птицъ совсѣмъ переначканными. Связанныхъ птицъ они просто бросали на полъ хижины,

и бѣдныя птицы ужасно пачкались въ пеплѣ, смолѣ и тому подобномъ. Тщетно я просилъ туземцевъ приносить мнѣ птицъ тотчасъ послѣ поимки, тщетно убѣждалъ немедленно убивать птицъ, подвѣшивать къ палкѣ и приносить такъ ко мнѣ: изъ лѣности они не дѣлали ни того, ни другого. У меня въ услуженіи было 4 или 5 человекъ, которымъ я впередъ заплатилъ за извѣстное число добытыхъ птицъ. Они раздѣлились и разбрелись по лѣсу на дѣлюю милу въ окружности, чтобы отыскать хорошее мѣсто для ловли. Если они ловили одну птицу, имъ было очень невыгодно тотчасъ-же принести ее ко мнѣ; они предпочитали таскать ее, стараясь какъ можно дольше сохранить ее живой, и часто, послѣ недѣльной или 10 дневной отлучки, они приходили ко мнѣ съ одной убитой, обыкновенно протухшей райской птицей, съ другой убитой, еще свѣжей, и третьей живой, которая была поймана послѣднею. Всѣ мои усилія измѣнить этотъ способъ охоты были совершенно тщетными. Къ счастью, опереніе райскихъ птицъ настолько твердое, что и испорченные экземпляры были еще пригодны».

«Считаю должнымъ увѣрить, что я прилагалъ всѣ старанія, чтобы сохранить живыми тѣхъ птицъ, которыя попадали таковыми въ мои руки. Собственными руками я выстроилъ имъ клѣтку, въ которой онѣ могли свободно двигаться, и давалъ имъ всевозможный кормъ, который могъ только достать; я не могъ только получить всегда въ достаточной доброкачественности тѣ обычные плоды, которые росли на высокихъ деревьяхъ. Пойманныя птицы, правда, ѣли вскорѣ съ большимъ апетитомъ рисъ и саранчу, и я питалъ уже счастливую надежду, но на второй или третій день у нихъ начинались спазмы и птицы падали мертвыми со своихъ насѣстовъ. Одну за другой я получалъ 7 или 8 птицъ, повидному, въ полномъ здравіи. Послѣдствія были всегда одни и тѣ-же. Молодой птицы, которую, я, можетъ быть, могъ-бы легче выкормить, къ сожалѣнію, я добыть не могъ».

Позднѣе Валласъ былъ счастливѣе. Онъ былъ первый, привезшій въ Европу двухъ живыхъ райскихъ птицъ. На Амбонѣ, Магассарѣ, въ Батавіи, Сингапурѣ и Манилѣ малую райскую птицу уже не разъ держали въ клѣткахъ. Одна, немного лѣтъ тому назадъ привезенная на Амбоину, райская птица, улетѣла изъ клѣтки; что съ ней стало—неизвѣстно. Одиъ китайскій купецъ въ Амбонѣ предлагалъ Лессону пару райскихъ птицъ, которыя уже полгода жили въ клѣткѣ и кормились варенымъ рисомъ. Но почтенный коммерсантъ просилъ 500 франковъ за штуку, а изслѣдователь не могъ въ то время добыть этой суммы. По словамъ Розенберга, штатгальтера Нидерландской Индіи, Слоотъ-ванъ-дэръ Беель заплатилъ за двухъ взрослыхъ самцовъ 150 голландскихъ гульденовъ. Этихъ птицъ Розенбергъ лично привезъ изъ Магассара на Яву. Валласъ нашелъ обѣихъ привезенныхъ имъ вылинявшихъ малыхъ райскихъ птицъ въ Сингапурѣ и приобрѣлъ ихъ за 2000 марокъ. Беннетъ видѣлъ одну пойманную малую райскую птицу въ Китаѣ, которая выжила въ клѣткѣ 9 лѣтъ. Даже въ Берлинѣ нѣкоторые безногія и малыя райскія птицы жили нѣсколько лѣтъ и были здоровы.

Образъ жизни этихъ птицъ въ неволѣ такъ прекрасно изложенъ Беннетомъ, что я лучше всего сдѣлаю, если приведу все сообщаемое имъ. Движенія райской птицы легки, игривы и привлекательны. Когда посѣтитель подходитъ къ клѣткѣ, птица лукаво и вызывающе поглядываетъ вокругъ и движется танцуя, такъ какъ она положительно кокетлива и видимо хочетъ вызвать удивленіе. Она не терпитъ ни малѣйшаго загрязненія своихъ перьевъ, дважды въ день купается и часто направляетъ свои крылья и хвостъ, чтобы осмотрѣть свой чудный нарядъ. Можетъ быть она слетаетъ на землю такъ рѣдко изъ одного желанія побережь свой нарядъ. Въ особенности утромъ она распускаетъ въ полной пышности свой уборъ;

РАЙСКІЯ ПТИЦЫ.

- 1) Безногая (*Paradisea apoda*), 2) Шестиперый лофоринь (*Parotia sexpennis*),
3) Царскій лофоринь (*Cicinnurus regius*).

она занята въ это время приведеніемъ въ порядокъ своего оперенія. Изыщныя перья боковъ расправляются и вѣжно пропускаются между половинками клюва, короткія крылья расправляются насколько можно шире и отряхиваются. Затѣмъ она поднимаетъ надъ спиной роскошныя длинныя, словно пухъ покачивающіеся въ воздухѣ, перья, и точно также распускаетъ ихъ. Все это длится нѣкоторое время. Вслѣдъ за тѣмъ птица начинаетъ дѣлать быстрыя движенія, поворачиваясь, прыгая то вверхъ, то внизъ. Въ это время во всемъ ея поведеніи несомнѣнно выражается ея тщеславіе и восторгъ передъ собственной красотой. Она безпрестанно осматриваетъ себя сверху до низу и выражаетъ свое полное удовлетвореніе громкимъ голосомъ, который въ сущности является простымъ карканьемъ. Каждый разъ, показавъ и похваставшись своей красотой, она считаетъ необходимымъ снова заняться приведеніемъ въ порядокъ своего оперенія. Это занятіе ей никогда не надоѣдаетъ, и она то и дѣло снова охорашивается, подобно кокетливой дѣвицѣ. Одинъ только предстоящій обѣдъ заставляеть ее забыть свою кокетливость. Солнечные лучи, повидимому, ей очень непріятны, и она старается, насколько можетъ, избѣгать ихъ.

Одинъ китаецъ срисовалъ питомицу Беннета. Когда передъ ней стали держать картину, она тотчасъ-же узнала ее, быстро подскочила и привѣтствовала мнимаго товарища каркающимъ крикомъ. Но картину она ощутила съ осторожностью и вслѣдъ за тѣмъ прыгнула обратно на свою жердочку и быстро щелкнула нѣсколько разъ своимъ клювомъ. Повидимому, это былъ знакъ привѣтствія. Послѣ этого опыта къ ней поднесли зеркало. Поведеніе ея было почти то же, что и раньше. Она очень внимательно смотрѣла на свое опереніе и не двигалась съ мѣста, все время пока занималась этимъ осмотромъ. Когда зеркало переставили съ верхней жердочки на нижнюю, она тотчасъ-же послѣдовала за нимъ. Но когда зеркало поставили на землю, она не захотѣла спуститься туда-же. Впрочемъ она, повидимому, очень дружелюбно осматривала свое изображеніе и только выказывала удивленіе, что всѣ ея движенія точно перенимались зеркаломъ. Лишь только его убрали прочь, она прыгнула на свою жердочку и казалась такой равнодушной, какъ будто нѣсколько секундъ до этого не случилось ничего достопримѣчательнаго.

Голосъ райскихъ птицъ, хотя и напоминаетъ карканье вороны, но онъ гораздо разнообразнѣе его. Отдѣльные звуки издаются ими съ извѣстной быстротой и учащенно повторяются. Иногда ихъ крикъ почти напоминаетъ тьяканье; отдѣльные звуки издаются гораздо выше, чѣмъ раньше и при этомъ такъ громко, что они, повидимому, не соответствуютъ величинѣ птицы. Если пробовать выражать ихъ крикъ слогами, то болѣе слабыя звуки можно передать, чѣмъ-то вроде «ги, го, гей, гау», а наиболѣе сильныя «гок, гок, гок, гок». Ихъ пища въ неволѣ состоитъ изъ варенаго риса, смѣшаннаго съ круглыми яйцами и растительными веществами, а равно и изъ живыхъ кузнечиковъ. Мертвыхъ насекомыхъ она не ѣсть. Она очень искусно умѣетъ ловить живую добычу такого рода, кладетъ ее вслѣдъ за этимъ на свою жердочку, отрываетъ у ней голову и длинныя ноги, крѣпко держитъ въ своихъ когтяхъ и затѣмъ съѣдаетъ. Райская птица отнюдь не прожорлива и ѣсть свой кормъ спокойно и съ разстановкой, одно рисовое зернышко за другимъ. Даже и для ѣды она не соскакиваетъ на землю, а спускается на нее только тогда, когда хочетъ выгунаться.

Линька райскихъ птицъ длится цѣлыхъ 4 мѣсяца, отъ мая до августа.

Къ **Лофоринамъ** (*Lophorina*. *Bürstenvögel*. *Manucodes*) принадлежитъ **Царская лофорина**. (*Lophorina regia*. *Cicinnurus regius, rex, spinturnix*. *Paradisea regia*. Кю-

nigsparadiesvogel. Manucode), **Бюрангъ-Райа** малайцевъ, **Гоби** аруэзовъ. Она значительно меньше предыдущихъ райскихъ птицъ; величиной она почти съ маленькаго дрозда, длина всей птицы 18 см., длина крыла ея 9, хвоста 6.

Отъ предыдущихъ райскихъ птицъ лофорины отличаются тонкимъ клювомъ, болѣе короткими наховыми перьями и тѣмъ, что два среднихъ хвостовыхъ пера спирально согнуты, лишены бороздокъ и только кое-гдѣ имѣютъ кругловатая опахальца. Верхняя часть тѣла, за исключеніемъ маленькаго четырехугольнаго чернаго пятнышка наверху глазного ободка, подбородокъ и горло — пышнаго, блестящаго вишнево-краснаго цвѣта. Верхняя часть головы, верхнія кроющія перья хвоста свѣтлѣе. Нижняя часть тѣла бѣлая, за исключеніемъ поперечной полосы, идущей по zobу, темнаго, смарагдово-зеленаго цвѣта, ограниченной сверху узкой ржаво-красной каемкой. Выдающіеся на бокахъ зоба пучки перьевъ дымчато-бурые, а ихъ широкіе и срѣзанные края густого и блестящаго золотисто-зеленаго цвѣта. Маховыя перья коричнево-красныя; хвостовыя—оливково-бурыя, снаружи оторочены ржавой каймой. Наружныя опахала обоихъ среднихъ рулевыхъ перьевъ спирально закручены и яркаго золотисто-зеленаго цвѣта. Глазной ободокъ бурый; клювъ желтаго роговаго цвѣта; ноги свѣтло-голубыя. Самки сверху красно-бурыя, снизу ржаво-желтыя и поперечно исчерчены бурыми полосками.

По Розенбергу, царская лофорина—самая распространенная изъ всѣхъ лофоринъ. Она встрѣчается на всемъ полуостровѣ, образованномъ сѣверной частью Новой Гвинеи, а также на Мизулѣ, Саловати и островахъ Ару. Ея видишь часто вблизи морского берега на низкихъ деревьяхъ. Она очень мила, постоянно въ движеніи и, подобно другимъ птицамъ, любитъ показывать свою красоту. Будучи возбуждена, она выдвигаетъ впередъ и расширяетъ вѣерообразно свой грудной золотисто-зеленый воротничекъ. Часто раздающійся голосъ ея имѣетъ нѣкоторое сходство съ мяуканьемъ молодого котенка и можетъ быть переданъ приблизительно тихо протянутымъ слогомъ «кою». Валласъ передаетъ приблизительно то-же самое, но прибавляетъ, что на лету лофорина громко чирикаетъ и, несмотря на свои небольшіе размѣры, ѣстъ крупныя плоды.

Царская лофорина и есть та самая «манукодата», о которой столько необыкновеннаго сообщилъ старикъ Гесснеръ, передавая слова Кардамуса. Вообще его описаніе райскихъ птицъ настолько характеризуетъ взгляды того времени, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи хоть кое-что привести оттуда. «На Моллукскихъ островахъ, лежащихъ подъ экваторомъ, собираютъ мертвыхъ птицъ, упавшихъ на землю или въ воду, которыя и зовутся на ихъ языкѣ «манукодата». Этыхъ птицъ никогда нельзя видѣть живыми, такъ какъ онѣ лишены ногъ, хотя Аристотель не допускалъ, чтобы нашлись какія-нибудь безногія птицы. Что эти птицы лишены ногъ, какъ я это видѣлъ три раза, объясняется тѣмъ, что онѣ постоянно летаютъ въ далекой выси. На спинѣ самца есть ямка, куда самка (какъ подсказываетъ здравый смыслъ) кладетъ свое яйцо. Съ своей стороны самка тоже имѣетъ ямку на брюшкѣ; такимъ образомъ, между этими обѣими ямками родителей и высиживается яйцо. Съ хвоста самца спускается нить въ три ладони длиной, чернаго цвѣта; форма ея средняя между кругловатой и четырехугольной; она ни толста, ни нѣжна и напоминаетъ скорѣе всего драгву сапожниковъ. Этой то нитью самка, говорятъ, плотно привязывается къ самцу, пока она сидитъ на яйцахъ. Ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что эти птицы всегда остаются на воздухѣ, такъ какъ, расластавъ свои крылья и хвостъ, онѣ, несомнѣнно, будутъ безъ труда поддерживаться воздухомъ. Постоянное измѣненіе полета не дастъ имъ уставать. Онѣ не употребляютъ, какъ я предполагаю, никакой другой пищи, кромѣ небесной росы, которая составляетъ одновременно ихъ пищу и питье; поэтому-то природа и предназначила ихъ для воздушной жизни. Но едва-

ли вѣроятно, чтобы эти птицы довольствовались и питались однимъ чистымъ воздухомъ: для этого онѣ слишкомъ нѣжны. Едва-ли возможно также, чтобы онѣ ѣли какихъ-либо животныхъ, такъ какъ птицы эти не живутъ и не выводятъ птенцовъ тамъ, гдѣ водятся животныя. Ихъ не находятъ также и въ желудкахъ этихъ птицъ, какъ то мы, наоборотъ, встрѣчаемъ, наиримѣрь, у ласточекъ. Да онѣ и не нуждаются въ насѣкомыхъ, такъ какъ онѣ умираютъ только отъ старости, но не отъ испареній земли, которыя на нихъ могли бы дѣйствовать, если бы онѣ на землю спускались. Испаренія же часто бываютъ вредны. Поэтому то во всякомъ случаѣ очень вѣроятно, что эти птицы питаются ночной росой. Туземцы втыкаютъ хвостъ или крыло такой птицы на свои шлемы, думая, что тотъ, кто имѣетъ такой уборъ, не можетъ быть раненъ, что понятно вслѣдствіе вышеизложеннаго. Эту истинную и достойную исторію подтверждаютъ всѣ новѣйшіе ученые, за исключеніемъ Антониуса Пигафетты, который совершенно ложно и несправедливо говоритъ, что эти птицы обладаютъ длиннымъ клювомъ и ногами, длиною въ ладонь; я имѣлъ и видѣлъ эту птицу дважды и также нахожу, что это ложно. Короли Мармины, на Моллукскихъ островахъ, познавшіе нѣсколько лѣтъ тому назадъ безсмертіе души, начали вѣрить въ это, единственно на томъ основаніи, что они увидѣли этихъ красивыхъ птицъ никогда не садившихся ни на землю, ни на другіе предметы и падавшихъ иногда мертвыми на землю съ далекой выси. И, когда пріѣхавшіе по торговымъ дѣламъ магометане увѣрили королей, что птицы эти рождаются въ раю, обители умершихъ душъ, короли приняли магометанство, такъ какъ купцы говорили про этотъ рай много великаго и хорошаго. Птицъ этихъ они называютъ манукодата, т. е. «божья птичка», которую они считаютъ настолько достойной и священной, что короли не сомнѣваются въ своихъ побѣдахъ, когда они, согласно своимъ правиламъ и обычаю, украшенные этими птицами, становятся въ передніе ряды».

Епанчевая лофорина (*Lophorina superba, atra, Paradisea superba, atra, fuscata, Epimachus ater. Krageparadiesvogel. Manucode superbe*) характеризуется слѣдующими признаками: клювъ сравнительно короткій, сильный. На шеѣ мы замѣчаемъ два перистыхъ воротника, приподнимающихся, широкихъ, щитовидныхъ и состоящихъ изъ перьевъ, имѣющихъ форму конца стрѣлы; изъ нихъ одинъ выступаетъ позади и состоитъ изъ широкихъ перьевъ, другой же начинается на верхней части груди и составленъ изъ тонкихъ, длинныхъ и жесткихъ перьевъ. Длина самцовъ достигаетъ почти 23 см., длина ихъ крыла 12, хвоста 10 см.

Опереніе бархатисто-черное, слабо пурпурово-бурое; воротники плаща отличаются бронзовымъ оттѣнкомъ; грудные воротники роскошнаго металлически-зеленаго цвѣта съ мѣдно-золотистымъ отливомъ на концахъ перьевъ. Перья около носа и на уздечкѣ, поднимающіяся въ видѣ гребня, лишены блеска. Блестящія перья верхней части головы, затылка и нижней части шеи—стального синяго цвѣта съ пурпуровой перевязью передъ концомъ. Верхнія кроющія перья крыльевъ отливаютъ сильнѣе, чѣмъ перья спины. Маховыя и рулевыя перья стального синяго цвѣта. Лицевыя перья съ густымъ мѣдно-бронзовымъ оттѣнкомъ. Перья нижней части тѣла отливаются пурпурово-чернымъ. У самокъ верхняя сторона темная, на головѣ и затылкѣ черно-бурая, нижняя же часть покрыта грязнымъ волнистымъ желтовато-бѣло-бурымъ цвѣтомъ.

Эта роскошная птичка живетъ, по письменному сообщенію Розенберга, въ горахъ Новой Гвиней и притомъ въ высшихъ поясахъ, на высотѣ по меньшей мѣрѣ 2000 м. Мой коллега много лѣтъ тщетно пытался получить шкурки этой птицы, и только въ свое послѣднее путешествіе ему повезло добыть ихъ.

Черная лофорина. *Lophorina nigra*. $\frac{2}{5}$ н. в.

Между ними находились неизвѣстныя дотолѣ самки и птенцы этой птицы. Несмотря на всѣ разспросы, было совершенно невозможно узнать хоть что-нибудь о характерѣ и образѣ жизни этихъ лофоринъ.

Третій видъ того же рода—**Шестиперая лофорина** (*Lophorina sefilata*, *Parotia sefilata*, *sexpennis*, *sexsetacea*, *aurea*, *Paradisea sefilata*, *sexpennis*, *sexsetacea*, *aurea*, *penicillata*, *Strahlenparadiesvogel*, *Manucode sefilet*). Клювь короткій, слегка сжатый. Украшение состоитъ: изъ шести отходящихъ съ обѣихъ сторонъ головы, около 15 см. длины перьевъ, лишенныхъ бородакъ, и только на концѣ снабженныхъ маленькими совершенно круглыми концевыми опахальцами; кромѣ того изъ грудного воротничка, похожаго на воротникъ спячковой лофорины, но менѣ развитого, и,

наконецъ, изъ очень густыхъ и длинныхъ пучковъ бѣлыхъ перьевъ, отходящихъ обыкновенно отъ боковъ груди. Преобладающая окраска оперенія черная, блестящая, сверкающая и изумительная, смотря по освѣщенію. Горло и грудь отливаютъ зеле-

нымъ и годубымъ. Широкий завороченный впередъ воротникъ задней части головы имѣетъ великолѣпный металлическій отблескъ, который трудно описать словами. На передней части головы блеститъ атласное бѣлое пятно. Грудные пучки, будучи расправленными, окутываютъ чудную птичку нѣжнымъ бѣлымъ облакомъ. Самка похожа на самку епанчевой лофорины, только у нея два маленькихъ пучка перьевъ надъ ушами. Длина этой лофорины достигаетъ почти 30 см., длина крыла ея 15, а хвоста 13.

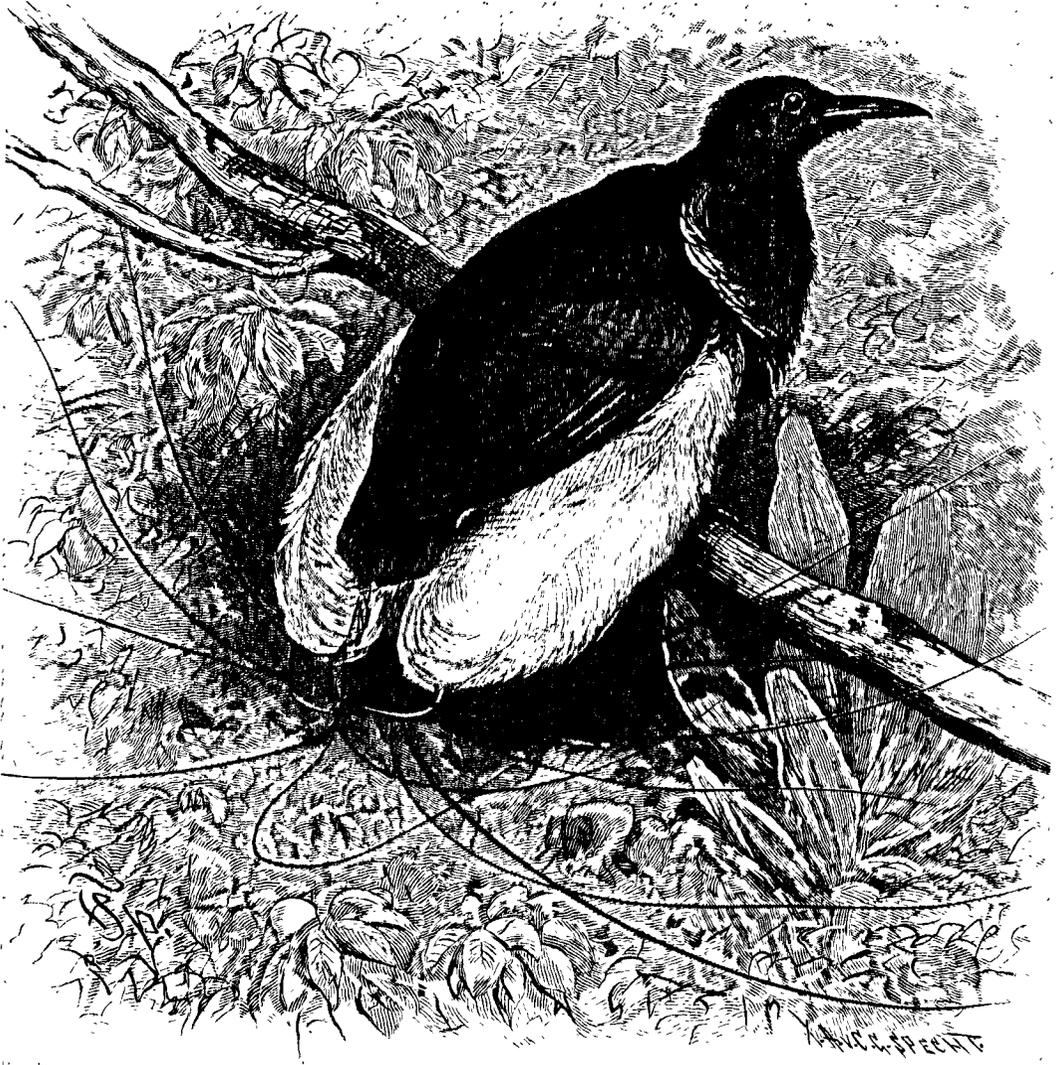
Родина и мѣстопробываніе этой столь же роскошной птицы тѣ-же, что и епанчевыхъ лофоринъ, и тамъ, гдѣ она встрѣчается, она должна быть очень многочисленна, такъ какъ туземцы массаи обдѣлываютъ на украшенія ихъ головныя шкурки съ блестящими, находящимися тамъ перьями. Несмотря на это, объ ихъ образѣ жизни нѣтъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній.

Лессонъ и другіе изслѣдователи считаютъ положительно невозможнымъ передать словами весь блескъ оперенія послѣдней представительницы этого рода—**Черной лофорины** или **Райской сороки** (*Lophorina nigra, gularis, Paradisea nigra, gularis. Paradiseaster. Paradis noir*). Опереніе ея, которое, въ зависимость отъ падающаго свѣта, отливаеъ самыми яркими и изумительными цвѣтами, въ верхней части пурпурово-черное съ чуднымъ металлическимъ блескомъ. Темныя перья гіацинтово-красныя съ смарагдово-золотистыми кончиками. Нижняя часть тѣла малахитово-зеленаго цвѣта. Отъ угла глазъ отходитъ гіацинтово-красная полоска, оканчивающаяся полукругомъ подъ горломъ. Клювъ и ноги черныя. Длина этой птицы достигаетъ почти 70 см., длина ея крыла 22, хвоста 45. Объ образѣ жизни черныхъ лофоринъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Розенбергъ также могъ достать только высушенныя шкурки. По сообщеннымъ ему свѣдѣніямъ, эта удивительная птица живетъ исключительно въ Новой Гвинее и притомъ въ горныхъ лѣсахъ, до сихъ поръ еще недоступныхъ европейцамъ.

* *
*

Одинъ изъ великолѣпнѣйшихъ видовъ, ставшій нѣсколько извѣстнымъ только послѣ изслѣдованій Розенберга и принадлежащій къ роду **Эпимаховъ** или **Райскихъ удоновъ** (*Epimachus, Paradisehopfe, Epimaques*), есть видъ — **Черноватый райскій удоодъ** (*Epimachus nigricans, Seleucides niger, alba, resplendens, ignota. Paradisea nigricans, nigra, alba, violacea, vaillantii. Epimachus albus. Falcinellus resplendens. Nematophora alba. Fadenhopf. Epimaque à douze filets*), родъ котораго характеризуется тонкимъ, саблевидно согнутымъ клювомъ. Длина этой удивительной птицы достигаетъ 32 см., длина ея крыла 16, длина хвоста 8 см. Бархатистыя перья головы, шеи и груди—черныя, отливающія темно-зеленымъ и пурпурово-фіолетовымъ цвѣтами. Удлиненныя перья боковъ груди окрашены такъ же, вплоть до блестящей и отливающей смарагдово-зеленымъ цвѣтомъ каемки. Длинные, разсученныя боковыя перья великолѣпнаго золотисто-желтаго цвѣта, но вся эта окраска блѣднѣетъ и превращается въ грязно-бѣлый цвѣтъ, если шкурка хоть на короткое время подверглась дѣйствію свѣта и дыма. Крылья и хвостъ фіолетовыя, чудно сверкающія, и кажутся при извѣстномъ освѣщеніи полосатыми. Самыми изумительными, безъ сомнѣнія, являются длинныя боковыя перья. Самые длинныя изъ нихъ ниспадають еще ниже хвоста, а послѣднія изъ нижнихъ видоизмѣняются въ длинныя оголенные нити не толще конского волоса. Начало такихъ видоизмѣненныхъ перьевъ золотисто-желтое и переходитъ дальше въ бурюю окраску. Глаза пурпурово-красныя, клювъ черный, ноги мясо-желтыя. У самокъ верхняя часть головы, низъ шеи и верхъ спины—черныя. Бархатистыя перья головы сверкають свѣтло-пурпуровымъ цвѣтомъ. Нижняя часть спины,

крылья и хвостъ ржаво-бурая. Большая маховая перья изнутри черныя. Вся нижняя часть тѣла покрыта волнистыми черными поперечными штрихами по сѣро-бѣлому или яркому грязно-желто-буроватому фону. Птенцы совершенно сходны съ самками. Съ возрастомъ сначала дѣлается сѣрой шея; затѣмъ съ первой линькой одновременно появляются желтая окраска брюшка и боковые пучки перьевъ, но длин-

Черноватый райскій удождь. *Erimachus nigricans* $\frac{1}{3}$ наст. вел.

ные выступающіе стволы или космы направлены еще не кнаружи, но совершенно назадъ. Только при третьемъ линяннн помянутые стволы выкручиваются кнаружи.

«Хотя на Магассарѣ и Тернатѣ», говоритъ Розенбергъ, «ежегодно и привозится довольно большое количество изуродованныхъ ликурокъ этихъ птицъ, ни одна коллекція въ Европѣ или вообще гдѣ-нибудь не можетъ похвастаться ни однимъ неповрежденнымъ экземпляромъ этихъ ликурокъ. Поэтому всѣ имѣющіяся до сихъ поръ описанія и изображенія ихъ неполны и невѣрны. Во время моего пребыванія на Сала-

вати въ августѣ 1860 года мнѣ посчастливилось добыть полдюжины этихъ вѣ всякаго сравненія красивыхъ птицъ. Онѣ живутъ небольшими стайками или семьями, оказываются сильными летунами и, отыскивая пищу, издають рѣзкій крикъ: «шэк, шэк». Исключительной родиной этихъ птицъ являются восточный и западный берега Новой Гвиней и островъ Салавати. Тамъ онѣ совсѣмъ не рѣдки и живутъ предпочтительно въ гористыхъ мѣстностяхъ. Вблизи Калвалы, маленькой недавно основанной на западномъ берегу острова прибрежной деревушкѣ, въ августѣ я видѣлъ въ высокому лѣсу, неподалеку отъ берега, семью этихъ птицъ, состоящую изъ 10 штукъ. Шесть изъ нихъ попали въ мои руки, остальные два дня спустя болѣе уже не показывались: частые выстрѣлы и сильный дувшій съ моря вѣтеръ отогнали ихъ обратно въ горы. Въ желудкахъ убитыхъ птицъ я нашелъ плоды въ перемежку съ остатками насѣкомыхъ. Въ брачную пору птица поднимаетъ кольцеобразно свой грудной воротничекъ, направляетъ его впередъ и въ видѣ роскошнаго вѣера распускаетъ свои удлиненные боковыя перья».

По Валласу, черноватые райскіе удоды посѣщаютъ цвѣтуція деревья, напримѣръ саговую пальму и пизангъ, чтобы высасывать сокъ изъ ихъ цвѣтовъ. Они рѣдко остаются секунду на одномъ и томъ же деревѣ, быстро и скоро лазаютъ между цвѣтами, превосходно пользуясь для этой цѣли своими большими ногами и затѣмъ чрезвычайно быстро перелетаютъ на другое дерево. Ихъ громкій, слышимый издали и похожій на слогъ «ка» крикъ издается ими разъ пять, быстро одинъ за другимъ, и болѣею частью при отлетѣ. До брачной поры самцы живутъ отшельниками; позднѣе ихъ можно встрѣтить, подобно ихъ родичамъ, вмѣстѣ съ другими птицами ихъ вида на извѣстныхъ сборныхъ мѣстахъ. Въ желудкахъ всѣхъ убитыхъ райскихъ удодовъ не было ничего, кромѣ бурога сока, вѣроятно цвѣтковаго меда. Впрочемъ, одна пойманная птица этого вида, какъ то видѣлъ Валласъ, съ аппетитомъ ѣла таракановъ и дыни.

Гнѣздо и яйца этихъ птицъ пока еще не найдены. Охота и ловля этихъ птицъ въ существенныхъ чертахъ ведется такимъ же способомъ, какъ и райскихъ птицъ.

* * *

Большой райскій удождь (*Epimachus speciosus, magnus, maximus, superbus, Urua speciosa, magna, fusca, striata, Promerops striatus, superbus, Falcinellus magnificus, superbus, Cinnamolegus papuensis, Kragenhopf, Epimaque superbe*) имѣетъ клювъ длинный, согнутый по вершинкѣ, угловатый; ноги сильныя, крылья умѣренно длинныя, хвостъ длинно-ступенчатый. Пучки перьевъ имѣются только по бокамъ грудки. Длина птицы достигаетъ 65 см., длина ея крыла 17, хвоста 42. Голова покрыта маленькими кругловатыми чешуйчатыми-перышками бронзово-зеленаго цвѣта, но отливающими синимъ и золотисто-зеленымъ. Длинныя разсученныя перья задней части шеи—бархатистыя и черныя. Спина окрашена такъ же, но измѣненіе цвѣта происходитъ отъ неправильно разбросанныхъ, продолговатыхъ, лопатовидныхъ перышекъ съ густыми бородками, отливающими зелено-буроватымъ оттѣнкомъ. Нижняя часть тѣла черно-фіолетовая. Большія украшающія перья боковъ груди, которыя въ спокойномъ состояніи небрежно лежатъ на крыльяхъ, отливають великолѣпнымъ блескомъ. Клювъ и ноги черныя. У самокъ верхняя часть головы и затылокъ коричневаго цвѣта, остальные части окрашены какъ у самцовъ, но всѣ цвѣта матовѣе.

Въ европейскихъ коллекціяхъ нѣтъ ни одного полнаго чучела этой чудной птицы. Палауасы приготовляютъ ихъ такимъ же образомъ, какъ пикурки райскихъ птицъ и приносятъ ихъ для обмѣна обыкновенно такими изуродованными, что при-

Большой райский удо́дь. *Erimachus speciosus*.
 $\frac{2}{5}$ наст. вел.

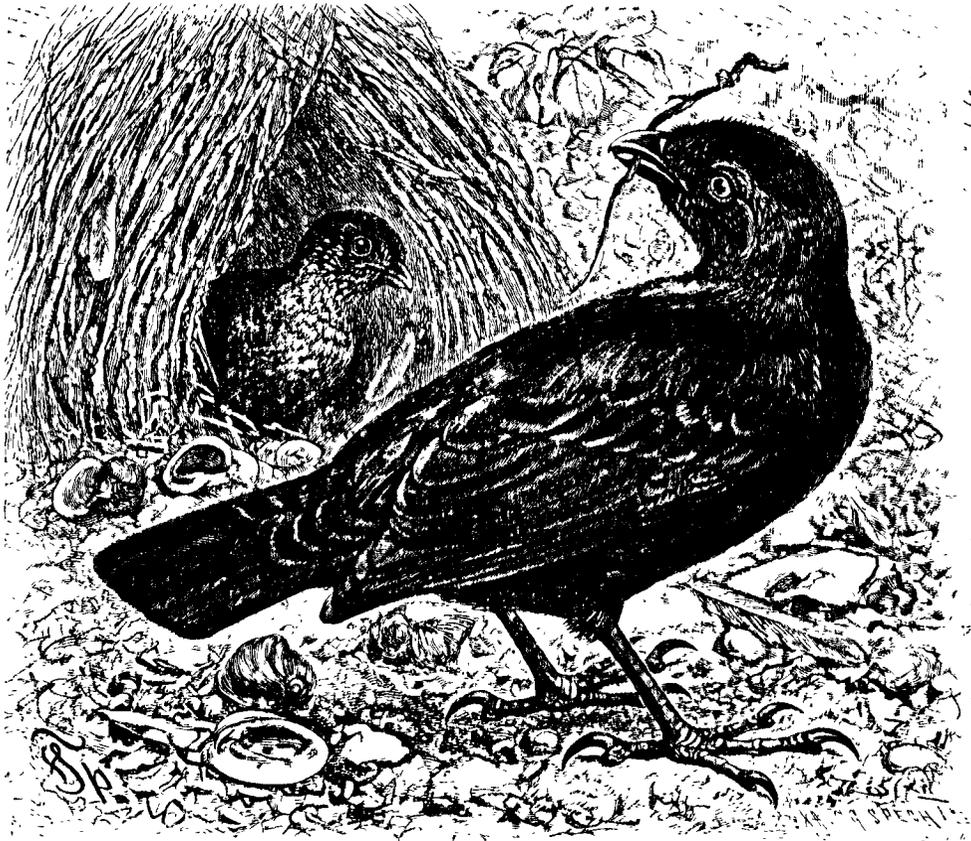
ходится за́мѣнять даже крылья. По Розенбергу, большіе э́пимахи распространены по всей сѣверной Новой Гвинее, но отсутствуют на близъ лежащихъ островахъ. Валласъ узналъ, что они живутъ преимущественно въ горахъ и въ тѣхъ же высокихъ поясахъ, какъ и шестиперыя дофорины, но иногда, впрочемъ, попадаются и въ холмистыхъ мѣстностяхъ вблизи берега острова. «Много разъ», говоритъ онъ, «туземцы увѣрили меня, что эта птица устраиваетъ гнѣздо въ трещинахъ земли или подъ скалами, но выбираетъ всегда помѣщеніе съ двумя отверстіями, такъ что оно имѣетъ и входъ, и выходъ. Мы бы не считали это вѣроятнымъ, если не принять во вниманіе трудность возникновенія этого слуха, если бы онъ былъ не вѣренъ. Точно также всѣ путешественники знаютъ, что рассказы туземцевъ о привычкахъ птицъ почти всегда оказываются достовѣрными, какими бы странными они ни показались вначалѣ».

Быть можетъ будетъ правильнымъ помѣстить сюда одну маленькую австра-

лийскую грушну птицъ, которыхъ раньше причисляли къ иволгамъ или выдѣляли въ особое семейство. **Плещеносцы** (*Chlamydorinae*. Laubenvögel. Chocards), о которыхъ я говорю, въ числѣ около десяти видовъ, живущихъ только въ Австрали, достигаютъ приблизительно размѣровъ нашихъ галокъ и характеризуются толстымъ, слабо крючковатымъ клювомъ, не очень высокими, сильными ногами, довольно длинными крыльями и средней величины, ровно усѣченнымъ или неглубоко вырѣзаннымъ хвостомъ.

* *
*

Самый извѣстный изъ всего подсемейства видъ есть—**Шалашникъ шелкови-**

Шалашникъ шелковистый. *Chlamydochlamys holosericea*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

стый (*Chlamydochlamys holosericea*. *Ptilonorhynchus holosericus*, *macleyii*. *Kitta holosericea*, *Corvus squamulosus*. *Pyrrhocorax violaceus*. *Seidenlaubenvogel*. *Chocard violet*). Тѣло его сжатое; клювъ сильный, верхняя половинка его довольно сильно округлена, согнута надъ нижней половинкой въ видѣ небольшого крючка и передъ концомъ снабжена двумя неглубокими выемками; нижняя челюсть слегка согнута. Ноги довольно высокія, тонкія и коротконопыя. Крылья длинны и остры, четвертое маховое перо ихъ длиннѣе остальныхъ. Хвостъ средней величины и неглубоко вырѣзанный. Блистящее атласное опереніе взрослыхъ самцовъ—синеvато-чернаго цвѣта. Большія и малыя маховыя, кроющія перья крыльевъ и рулевыя перья бархатисто-черныя, на концахъ синія. Глаза свѣтло-голубые, кромѣ узкаго краснаго ободка, ко-

торый окружает зрачекъ. Клювъ свѣтло-буроватаго рогового цвѣта, на концѣ желтый. Ноги красноватая. Самка сверху зеленая, крылья и хвостъ ея темно-желто-бурыя; нижняя часть тѣла желтовато-зеленая, каждое перо здѣсь у конца имѣетъ дунообразное темно-бурое пятнышко, отчего получается чешуйчатый рисунокъ. Птенцы сходны съ самками. Длина этихъ птицъ достигаетъ почти 36 см., длина крыла 18, хвоста 12.

Объ образѣ жизни шелковистыхъ шалашниковъ довольно полно сообщаетъ Гульдъ. Родина этихъ птицъ большая часть австралійскаго материка. Любимымъ мѣстопробываніемъ ихъ служатъ роскошныя, густолиственные, тернистыя кустарники, напоминающіе парки, одинаково какъ въ прибрежныхъ, такъ и расположенныхъ внутри страны мѣстностяхъ. Они живутъ охладно на избранныхъ ими мѣстахъ, хотя и прыгаютъ въ небольшомъ районѣ, можетъ быть для болѣе обильнаго добыванія пищи. Съ наступленіемъ австралійской весны ихъ встрѣчаютъ парочками, осенью небольшими стайками, и тогда часто по теченіямъ рѣкъ, въ особенности тамъ, гдѣ прибрежныя кустарники свѣшиваются до поверхности воды. Пища этихъ шалашниковъ состоитъ преимущественно изъ зеренъ и плодовъ, но при этомъ они ѣдятъ и насекомыхъ. Во время ѣды они настолько смѣлы, что позволяютъ удобно наблюдать за собою; въ другое время они—боязливы и осторожны. Взрослыя самцы сидятъ на какой-нибудь вершинкѣ дерева и, если появится что-либо подозрительное, немедленно предупреждаютъ своихъ собратьевъ, занятыхъ чѣмъ-нибудь на землѣ или въ вѣтвяхъ, звонкимъ призывнымъ крикомъ, за которымъ, при возбужденіи, слѣдуетъ грубый, неприятный, горловой звукъ. Въ стайкѣ всегда видны мало цвѣтныхъ самцовъ, изъ чего слѣдуетъ, что они получаютъ свой полный нарядъ гораздо позже.

Самое замѣчательное въ образѣ жизни шалашниковъ, это то, что они устраиваютъ для своего удовольствія постройки, напоминающія шалаша, въ которыхъ они весело проводятъ время. Гульдъ, познакомившись впервые съ этой постройкой въ музеѣ въ Сидней, куда она была привезена однимъ изъ путешественниковъ, рѣшилъ изучить обстоятельно весь процессъ ея созиданія и наблюдалъ въ продолженіи долгаго времени за работой этихъ птицъ. «Исследуя кедровыя кустарники въ Ливерпульскомъ округѣ», такъ передаетъ онъ, «я находилъ много такихъ бѣсѣдокъ или мѣстъ увеселенія птицъ. Онѣ обыкновенно были построены подъ свѣсившихся вѣтвей дерева, въ уединенныхъ уголкахъ лѣса, и почти всегда помѣщались на землѣ. Здѣсь, изъ густо ситетенныхъ прутьевъ, устраивается основаніе постройки, а по бокамъ изъ болѣе нѣжныхъ, гибкихъ прутьевъ и вѣточекъ выводится самый шалашъ. Строительный матерьялъ принаравливается такимъ образомъ, что всѣ острія и развѣтвленія вѣтвей приходятся наверху. Съ каждой стороны оставляется свободный проходъ. Особенно красивыя постройки эти дѣлаются потому, что онѣ всячески украшаются яркими предметами. Здѣсь вы найдете пестрыя хвостовыя перья различныхъ попугаевъ, ракушки, полевыхъ улитокъ, камешки, выбѣлѣвшія кости и т. п. Перья вставляются между вѣтвей, камни и ракушки положены у входа. Всѣ туземцы знаютъ страсть этихъ птицъ уносить блестящіе предметы и поэтому ищутъ свои потерянные вещи всегда вблизи такихъ бѣсѣдокъ. Я нашелъ у входа одинъ изящно выдѣланный камешекъ въ 4 см. длиной среди множества тряпокъ изъ синей бумажной матеріи, которыхъ птицы натаскали можетъ быть изъ отдаленной колоніи. Величина такихъ бѣсѣдокъ бываетъ весьма различна».

Еще окончательно не выяснено, для какой цѣли шелковистые шалашники устраиваютъ подобныя постройки. Собственно гнѣздъ онѣ, очевидно, не предста-

вляють и являются только мѣстомъ увеселенія для обоихъ половъ, которые, рѣзвясь и играя, бѣгають вокругъ бесѣдки и черезъ нее.

Повидимому онѣ служатъ въ брачную и итенцовую пору мѣстомъ свиданій и можетъ быть употребляются для этого нѣсколько лѣтъ подь рядъ. Коксенъ говоритъ, что онѣ видѣль, какъ птица, именно самка, снова устроила бесѣдку, которую онъ разрушилъ. «Старый бунимень *)» рассказываетъ, что птицы устраиваютъ свое гнѣздо въ густомъ чайномъ или другомъ какомъ-нибудь кустѣ, обыкновенно въ ямкѣ неподалеку отъ ихъ бесѣдки; но, повидимому, яйца этихъ шалашниковъ и посейчасъ еще неизвѣстны. «Если убить стараго самца, самка тотчасъ же находитъ другого товарища: я убилъ передъ одной бесѣдкой въ очень короткое время трехъ самцовъ одного за другимъ».

Даже и въ неволѣ птицы строятъ свои бесѣдки. Штранге, любитель птицъ въ Сидней, пишетъ Гульдѣ: «Въ настоящее время въ моемъ птичникѣ находится пара шелковистыхъ шалашниковъ, и я надѣялся, что они дадутъ потомство, такъ какъ послѣдніе два мѣсяца они весьма хлопотали надъ устройствомъ бесѣдки. Устройствомъ ея заняты оба, но главный строитель все-таки самецъ. Иногда онъ гоняетъ самку по всему птичнику, затѣмъ отправляется къ бесѣдкѣ, схватываетъ клювомъ какое-нибудь яркое перо или большой листъ, издаетъ какой-то странный звукъ, нахохливаетъ все перья и бѣгаетъ вокругъ бесѣдки, куда, наконецъ, входитъ самка. Тогда самецъ приходитъ въ такое возбужденіе, что глаза его положительно хотятъ выскочить изъ головы. Не переставая, онъ поднимаетъ то одно, то другое крыло, то и дѣло ударяетъ клювомъ по землѣ, издавая при этомъ легкій свистъ,—пока, наконецъ, самка ласково не подойдетъ къ нему, послѣ чего игра кончается». Въ послѣдніе годы мы иногда имѣли живые экземпляры этихъ птицъ, но до сихъ поръ еще не имѣемъ свѣдѣній объ ихъ размноженіи.

Пятнистый шалашникъ (*Chlamydodera maculata*, *Chlamydera maculata*, *Calodera maculata*. Kragenvogel. Chocard maculé) достигаетъ 28 см. длины; его крыло равно 16 см., хвостъ 12 см. Перья верхней части головы и область горла—красиваго бурога цвѣта и окружены узкой черной линіей; перья верхушки головы на концѣ серебристо-сѣрыя. Весь верхъ птицы, крылья и хвостъ темнаго бурогоцвѣта, на концѣ каждого пера круглое буро-желтое пятнышко. Большія маховыя перья изнутри оторочены бѣлымъ. Перья хвоста съ буровато-желтыми кончиками. Нижняя часть тѣла сѣровато-бѣлая. Воковыя перья слабо очерчены свѣтло-бурыми зигзаговыми поперечными линіями. На затылкѣ красивый воротничекъ изъ удлиненныхъ перико-красныхъ перьевъ образуетъ родъ вѣера. Глаза темно-бурые, клювъ и ноги бурые. Взрослыя птицы мало различаются между собой; итенцы характеризуются отсутствіемъ вѣера.

Пятнистые шалашники живутъ исключительно во внутренней Австраліи, гдѣ во множествѣ населяютъ низкіе кустарники по краямъ равнинъ; но они такъ пугливы, что путешественникамъ обыкновенно не удается ихъ видѣть. Наблюдателямъ они выдаютъ себя своимъ хриплымъ, неприятно-ворчливымъ призывнымъ звукомъ, который они издаютъ, когда, встревоженные чѣмъ-нибудь, бываютъ вынуждены обратиться въ бѣгство. При этомъ они взбираются на самыя высокія вѣтви верхушекъ отдѣльно стоящихъ кустарниковъ и отсюда обозрѣваютъ окрестность, чтобы выбрать себѣ наиболѣе подходящее мѣсто, куда и направляютъ свой полетъ. Всего вѣрнѣе ихъ можно подстрѣлить на водооѣ, особенно во время засухи,

*) Псевдонимъ одного писателя.

когда имъ не представляется никакого выбора. Гульдъ, дѣлавшій здѣсь стойку, могъ убѣдиться, что пятнистые шалашники, несмотря на всю свою осторожность, подъ вліяніемъ томившей ихъ жажды, быстро слетались къ водѣ, не обращая вниманія не только на людей, но даже на громадную черную змѣю, которая тоже подкарауливала добычу у воды. Впослѣдствіи Гульдъ находилъ также ихъ шалашни. Они устраиваются въ такихъ-же мѣстахъ, какъ и гнѣзда предыдущаго вида, но

Пятнистый шалашникъ. *Chlamidodera maculata*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

еще искусѣе, изящѣе, длинѣе и съ болѣе крутыми сводами; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ 1 м. въ длину; наружныя ихъ стѣнки состоятъ изъ хвороста, красиво перевитаго длинными стебельками травы; внутренняя ихъ отдѣлка также чрезвычайно красивая и разнообразная. Здѣсь попадаются двусторчатія раковины, черепа, кости мелкихъ млекопитающихъ, и тому подобное. Для скрѣпленія травы и вѣтвей употребляются камни, которые укладываются очень живописно. Они располагаются по обѣимъ сторонамъ входа такимъ образомъ, что между ними

образуются тропинки, а передъ обоими входами громоздятся цѣлыя кучи разныхъ украшеній. Передъ нѣкоторыми шалашами, у входовъ случалось находить чуть не полчетверика костей, раковинъ и тому подобныхъ предметовъ. Постройками этими, по всей вѣроятности, пользовались въ продолженіи многихъ лѣтъ. По отдаленности этихъ шалашей отъ рѣкъ, изъ которыхъ могли быть добыты раковины, изслѣдователь можетъ заключить, что птицы, при случаѣ, притаскиваютъ эти украшения изъ-за нѣсколькихъ миль. При выборѣ матерьяла онѣ выказываютъ извѣстный вкусъ, такъ какъ выбираютъ только такія раковины, которыя хорошо выбѣлились или прямо бѣлыя, или-же цвѣтныя. Гульдъ убѣдился, что многимъ пятнистымъ шалашникамъ шалаша эти служатъ мѣстомъ свиданія; сидя, однажды, на сторожѣ передъ такою постройкою, ему удалось подстрѣлить въ короткое время, одного за другимъ, двухъ самцовъ, которые выбѣжали изъ одного и того-же входа.

Коксень нашелъ въ декабрѣ гнѣздо съ тремя птенцами. По вѣншему своему виду оно походило на гнѣзда обыкновенныхъ европейскихъ дроздовъ, имѣло форму глубокой чашки, было построено изъ сухихъ прутьевъ, внутри легко выставлено перьями и тонкой травой, и расположено на небольшихъ вѣтвяхъ акаціи надъ лужей.

Къ семейству райскихъ птицъ причисляютъ также **Лопастоносца тонкоклюваго** (*Creadion acutirostris*, *Heteralocha acutirostris* и *gouldii*, *Neomorpha acutirostris*, *crassirostris* и *gouldii*. Popflappenvogel. *Creadion*). Вместе съ другими родственными ему видами онъ образуетъ подсемейство **Голощенихъ** (*Glaucorinae*) и имѣетъ общія съ ними, болѣе или менѣе развитыя, пестрыя, кожистыя лопасти у основанія клюва. Лопастоносецъ тонкоклювый отличается отъ своихъ ближайшихъ родичей и всѣхъ извѣстныхъ птицъ главнымъ образомъ тѣмъ, что клювъ самки существенно развится отъ клюва самца. У этого послѣдняго онъ длиною съ голову, на верхушкѣ почти прямой, въ ширину плоско скругленъ, у основанія высокій, по сторонамъ сильно сжатъ, въ общемъ—равномѣрно утончающійся къ концу. У самки-же, напротивъ, онъ по крайней мѣрѣ вдвое длиннѣе, чѣмъ у самца, сильно суженъ и вытянутъ въ сильно изогнутой кверху кончикъ; при этомъ верхняя часть клюва длиннѣе нижней, такъ что свѣшивается надъ нею. Всѣ-же прочіе отличительные признаки такіе-же, какъ у другихъ видовъ этого семейства. Длиннопалая лапа съ высокою плюсною снабжена чрезвычайно большими, сильно выгнутыми когтями; крылья длинныя, но округленныя, такъ какъ 5—7 маховыя перья выступаютъ передъ прочими; хвостъ средней длины, широкій, отлого скругленный. Кроющія перья густыя, съ небольшимъ блескомъ. Самецъ достигаетъ въ длину около 48 см., самка—50; длина крыльевъ какъ у того, такъ и у другой около 20 см.; длина клюва у самца 4, а у самки 9,6 см. Опереніе, за исключеніемъ широкихъ бѣлыхъ краевъ и рулевыхъ перьевъ, одноцвѣтное черное, съ слабымъ зеленоватымъ отливомъ; глаза темно-бурые; клювъ бѣлый, цвѣта слоновой кости, у корня черновато-сѣрый; большія угловатыя лопасти у рта оранжеваго цвѣта; ноги темныя, сине-сѣрыя. Птенцы отличаются отъ взрослыхъ птицъ только красноватымъ налетомъ на концѣ хвоста и бѣлыми каемками на нижнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста. Маори называютъ эту птицу **Гуйя**.

Несмотря на все вниманіе, которое удѣляли этой птицѣ, очень извѣстной туземцамъ Новой Зеландіи, всѣ европейскіе орнитологи, свѣдѣнія о жизни на свободѣ лопастоносца еще крайне скудны. Ограничивая свое мѣстопробываніе немногими мѣстностями Новой Зеландіи, да и тамъ становясь годъ отъ году все болѣе и болѣе рѣдкою птицею, лопастоносецъ даетъ изслѣдователямъ весьма мало

случаевъ для тщательныхъ наблюдений. Онъ живетъ больше на землѣ, чѣмъ на вѣтвяхъ, двигается необыкновенно быстро большими прыжками, при малѣйшемъ шумѣ или приближеніи челоуѣка съ возможною поспѣшностью убѣгаетъ въ густые кусты или въ лѣсъ и скрывается здѣсь обыкновенно отъ всякихъ преслѣдованій. Этимъ вполнѣ объясняется недостатокъ свѣдѣній о жизни на свободѣ лопастоносца, а равнымъ образомъ и то, что всѣ собранныя до сихъ поръ наблюденыя, дѣлались исключительно надъ плѣнными птицами.

Лопастоносецъ тонкоклювый. *Creadion acutirostris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

Наконецъ эти птицы были живыми доставлены въ Лондонъ но, насколько мнѣ извѣстно, никакихъ свѣдѣній объ ихъ образѣ жизни не обнаружено, такъ что, при описаніи этой птицы мнѣ приходится ограничиться сообщеніями Буллера, который въ продолженіи нѣсколькихъ дней ухаживалъ за ними. Замѣчательна въ нихъ та легкость, съ какою эти, столь нугливыя на свободѣ, птицы привыкаютъ къ неволѣ. Черезъ нѣсколько дней послѣ поимки, онѣ едѣлались уже совершенно ручными и, повидимому, мало сокрушались объ утраченной свободѣ. Уже на слѣдующее утро, послѣ того, какъ ихъ получилъ Буллеръ, онѣ съ жадностью набросились на

ѣду и на воду, держались бойко, развязно и даже стали играть другъ съ другомъ. Движенія ихъ какъ на землѣ, такъ и на вѣтвяхъ, были граціозны и привлекательны; особенно красиво выглядѣли онѣ, когда вѣрообразно распускали свои хвосты и, нѣжно, ласково щебеча, миловались своими бѣлыми, какъ слоновою костью, клювами. Этими послѣдними онѣ все выскивали, выкапывали и выдалбливали. Найдя, что обои ихъ комнаты не слишкомъ крѣпко держатся на стѣнахъ, онѣ стали отдираить одну полосу за другою и въ короткое время оголили всѣ стѣны.

Но всего замѣчательнѣе казались Буллеру тѣ приемы, которыми лопастноносцы помогали другъ другу при добываніи пищи. Такъ какъ въ желудкѣ убитаго экземпляра нашли различныхъ земляныхъ червей, личинокъ майскихъ жуковъ, а также сѣмена и ягоды, то Буллеру пришла мысль положить въ ихъ комнату прогнившій чурбанъ, въ которомъ гнѣдилась масса большихъ, жирныхъ личинокъ насѣкомаго, называемаго «хуху». Чурбанъ тотчасъ-же обратилъ на себя вниманіе птицъ; онѣ попробовали клювомъ мягкое дерево и дѣятельно принялись долбить гнилой чурбанъ до тѣхъ поръ, пока не добрались до скрывавшихся въ немъ личинокъ или куколокъ вышеуказанныхъ насѣкомыхъ. Особенною дѣятельностью отличался при этомъ самецъ, такъ какъ онъ долбилъ по способу дятловъ, тогда какъ самка разсѣдывала своимъ длиннымъ, гибкимъ клювомъ и утилизировала всѣ тѣ мѣстечки, которыя, по твердости дерева, были недоступны для самца. Буллеръ видѣлъ, какъ самцу, напрасно потрудившемуся надъ тѣмъ, чтобы вытащить изъ пустого мѣста личинку, приходилось не разъ уступать мѣсто самкѣ, которая легко присваивала себѣ добычу, добровольно уступленную ей самцомъ. Вначалѣ оба питались только личинками хуху, но съ теченіемъ времени они привыкли и къ другому корму, такъ что впоследствии съ такою-же охотою ѣли картофель, рисъ и сырое, разрѣзанное на мелкіе кусочки, мясо. Они часто подходили къ чашкѣ съ водою, но всегда лишь для того, чтобы напиться, а не купаться. Ихъ обычный призывной голосъ состоялъ изъ нѣжнаго, яснаго свиста, который сначала они испускали протяжно, а затѣмъ прерывающимися звуками; иногда онъ звучалъ высокими нотами, иногда очень нѣжными, или-же переходилъ въ тихое карканье, а порою до самообмана походилъ на плачь маленькихъ дѣтей.

Относительно размноженія, Буллеръ могъ привести только сообщенія туземцевъ, изъ которыхъ мы узнаемъ, что эта птица вьетъ гнѣзда въ дуплистыхъ деревьяхъ и кладетъ мало яицъ.

Главную причину рѣдкости лопастноносцевъ и постоянно прогрессирующей убыли ихъ слѣдуетъ искать въ томъ, что туземцы, употребляющіе перья этой птицы въ качествѣ головного украшенія, вслѣдствіе стараются ловить ихъ, гдѣ и когда только возможно. По всей вѣроятности, ново-зеландскіе изслѣдователи не безъосновательно высказываютъ свои опасенія, что вслѣдствіе такого пристрастія маори къ перьямъ лопастноносца эта, въ высшей степени замѣчательная птица, рано или поздно, раздѣлитъ участь другихъ пернатыхъ родичей своего отечества, т. е. со временемъ будетъ совсѣмъ истреблена.

Ближе всего къ райскимъ птицамъ стоятъ **Вороновыя** (Corvidae). Это крупныя, плотно сложенныя птицы съ относительно большимъ и толстымъ клювомъ, верхняя челюсть котораго слегка согнута на хребтѣ; около согнутаго внизъ кончика замѣчается иногда небольшая выемка. У основанія клюва сидятъ нѣсколько щетинокъ, прикрывающихъ ноздри. Ноги у нихъ большія и сильныя, крылья не очень длинныя и чаще всего округленныя. Хвостъ бываетъ различной длины; на концѣ онъ прямо обрѣзанъ или ступенчатый. Опереніе густое, одноцвѣтное или пестрое.

Воровья, которыхъ насчитываютъ до 160 видовъ, живутъ во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ широтахъ и высотахъ на горахъ. Къ экватору число видовъ значительно увеличивается, но и въ умѣренномъ поясѣ ихъ довольно много и только въ холодномъ—число видовъ ихъ ограничено. Большинство ихъ живутъ осѣдно на одномъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ въ известной области, но тамъ охотно кочуютъ съ мѣста на мѣсто. Нѣкоторые виды перелетны, а нѣкоторые съ высокихъ горъ зимою спускаются въ долины.

За исключеніемъ благозвучнаго пѣнія вороновья соединяютъ въ себѣ всѣ качества, свойственныя другимъ воробиннымъ. Онѣ хорошо ходятъ по землѣ, а летаютъ легко, долго и довольно быстро; внѣшнія чувства у нихъ развиты равномерно хорошо, а обоняніе особенно хорошее; по понятливости онѣ не уступаютъ никакой другой птицѣ этого отряда, а можетъ быть и никакой птицѣ вообще. Благодаря своимъ дарованіямъ, имъ живется на свѣтѣ легко, онѣ умѣютъ пользоваться всѣмъ, что имъ нужно и потому вездѣ играютъ довольно важную роль. Это всеядныя птицы въ полномъ смыслѣ этого слова и потому могутъ быть очень вредными, но также и полезными. Ихъ большія, иногда покрытыя сверху гнѣзда расположены открыто на деревьяхъ, скалахъ и углубленіяхъ ихъ; кладка отличается большимъ числомъ нестрыхъ яицъ, которыя высидиваютъ съ большимъ вниманіемъ и любовью, такъ что вороновья принадлежатъ къ числу птицъ, которыя лучше всего воспитываютъ своихъ птенцовъ.

Вороны (*Corvinae*. Raben. Corbeaux) въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, отличаются слѣдующими признаками: сильный черный клювъ, большой, но относительно короткій, болѣе или менѣ согнутый, у основанія прикрытый жесткими щетинистыми волосами; сильные черныя ноги; крылья средней длины: сложенные, они достигаютъ почти конца хвоста; хвостъ различной длины, прямо обрѣзанный, закругленный или ступенчатый; опереніе довольно богатое, болѣе или менѣ блестящее; въ немъ преобладаетъ черный цвѣтъ.

* *
*

Большой воронъ (*Corvus corax, major, maximus, clericus, carnivorus, leucophaeus, leucomelas, sylvestris, littoralis, peregrinus, montanus, vociferus, lugubris, tibetanus* и *feroensis, Corax nobilis* и *maximus. Kolkraben. Corbeau*), которому слѣдуетъ отнести первое мѣсто между нѣмецкими воронами, представляетъ ворона въ настоящемъ смыслѣ слова; многія другія его названія—ничто иное, какъ неимѣющія значенія прозвища. Въмѣстѣ съ описываемыми ниже родичами большой воронъ образуетъ родъ **Черныхъ воронъ** (*Corvus*). Тѣло ворона вытянуто; крылья велики, длинны и остроконечны, потому что третье маховое перо превосходитъ всѣ остальные своей длиной; хвостъ средней длины, ступенчатый съ боковъ; опереніе плотное и блестящее. Окраска большого ворона равномерно черная; только глаза каріе; у молодыхъ особей голубовато-черные, а у гнѣздарей свѣтло-сѣрые. Длина ворона равняется 64—66 см., размахъ крыльевъ 125 см., длина крыла 41 см., а хвоста 24 см.

Повидимому изъ всѣхъ воронъ наиболѣе широко распространены большой воронъ, вообще представляющій во всѣхъ отношеніяхъ первообразъ и прототипъ всего семейства. Онъ живетъ по всей Европѣ, отъ Нордкапа до мыса Тарифа и отъ предгорій мыса Финистерре до Урала; онъ встрѣчается въ большей части Азии, на востокъ до Японіи, а съ сѣвера на югъ—отъ Ледовитаго океана до Гималайскихъ горъ, Пенджаба и Синда; онъ распространены также въ Сѣверной Америкѣ, къ югу до Мексики.

Какъ сообщаетъ Вальтеръ, въ Туркменіи воронъ достигаетъ гораздо большей величины, чѣмъ у насъ; а, по словамъ Уайтса, въ Гиммалаяхъ, на высотѣ свыше 3000 м., встрѣчаются необычайно крупныя вороны, образующіе особую породу, отличающуюся отъ гораздо менѣ крупныхъ и тускло окрашенныхъ вороновъ, обитающихъ въ Пенджабѣ, и т. п. Въ сѣверныхъ мѣстностяхъ Сибири, Скандинавіи, также на островахъ Ферерскихъ и въ Исландіи довольно часто встрѣчаются вороны съ бѣлыми пятнами. По Фаберу, ихъ находили только на Ферерскихъ островахъ, но не въ Исландіи; однако Прейеръ наблюдалъ ихъ именно тамъ. Послѣдній естествоиспытатель оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ, слѣдуетъ-ли считать этихъ вороновъ съ бѣлыми пятнами особымъ видомъ, названнымъ Темминкомъ *Corvus leucorhaeus*, или только разновидностью, или даже просто отдѣльными особями, покрывшимися бѣлыми пятнами вслѣдствіе своей чрезвычайной старости.

Въ Германіи эта красивая, гордая птица часто встрѣчается лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ; въ другихъ она уже истреблена; тамъ-же, гдѣ это еще не случилось, воронъ по возможности избѣгаетъ человѣка. Ради этого воронъ живетъ исключительно въ горахъ, въ густыхъ высокихъ лѣсахъ, на скалистыхъ берегахъ моря и вообще выбираетъ убѣжища, гдѣ бы его возможно менѣ беспокоили. Ближе же къ восточной границѣ Европы воронъ живетъ въ наилучшихъ отношеніяхъ съ человѣкомъ. Въ Россіи и Сибири онъ такъ мало его боится, что не только летаетъ съ галками и сѣрыми воронами по дорогамъ, но появляется въ селахъ и городахъ, гдѣ также гнѣздуетъ на колокольняхъ, какъ въ Германіи галка. Поэтому, и въ настоящее время въ этихъ мѣстахъ воронъ долженъ быть названъ обыкновенной птицей. Онъ также часто встрѣчается въ Испаніи, Греціи и Скандинавіи. Воронъ рѣдко собирается въ большія стаи; поэтому слѣдуетъ считать исключеніями стаи изъ 6—20 вороновъ, наблюдавшіяся въ Туркменіи Вальтеромъ, а тѣмъ болѣе стаи изъ 50 штукъ, какія я видѣлъ въ Сьерра Невада. Пара вороновъ всегда превосходно выбираетъ мѣстность для своего постоянного жительства, захватывая обширный округъ, отличающійся разнообразіемъ своихъ произведеній. Больше всего воронъ любитъ мѣстности, гдѣ чередуются лѣса, поля, дуга и воды, такъ какъ здѣсь онъ въ изобиліи находитъ пищу.

Мой отецъ, еще за два поколѣнія до насъ описавшій ворона лучше, чѣмъ кто-либо, говоритъ о немъ такъ: «Большой воронъ обыкновенно живетъ по-парно, также и зимой. Гнѣздящія по соседству съ моимъ жилищемъ пары часто летаютъ зимой черезъ наши долины и опускаются на высочайшія деревья. Если слышишь одного ворона, стоитъ только взглянуть кругомъ—и другой недалеко. Если одна пара во время полета встрѣчаетъ другую, то обѣ соединяются и нѣкоторое время парятъ вмѣстѣ. Въ одиночку летаетъ, шатаясь безъ толку всюду, только неспарившаяся молодка, потому что большой воронъ принадлежитъ къ птицамъ, которыя, однажды спарившись, остаются всю жизнь вѣрны другъ другу. Полетъ ворона очень красивъ; при быстромъ полетѣ онъ несется почти по прямой линіи, сильно ударя крыльями; но часто воронъ также долго паритъ, описывая прекраснѣйшіе круги, причемъ крылья и хвостъ его сильно расширены. Всякому ясно видно, что летанье не стоитъ ворону ни малѣйшихъ усилій, и что онъ часто предпринимаетъ далекія путешествія исключительно ради удовольствія. Во время подобныхъ путешествій воронъ въ горахъ часто приближается къ землѣ, но черезъ долины обыкновенно перелетаетъ на значительной высотѣ. При своихъ прогулкахъ онъ часто бросается, стремглавъ, на нѣсколько метровъ внизъ, особенно если по немъ стрѣляли, такъ что незнакомый съ этой продѣлкой ворона стрѣлокъ можетъ подумать, что воронъ раненъ и скоро упадетъ. Зимой воронъ проводитъ большую часть дня летая. Полетъ его болѣе похожъ на полетъ хищной птицы, чѣмъ на полетъ другихъ вороновъ, и такъ характеръ, что опытные

люди въ состояніи отличать ворона отъ родственныхъ видовъ на какомъ угодно разстояніи».

«По землѣ воронъ ходитъ съ смѣшною, словно напускною, важною, при этомъ держитъ тѣло спереди нѣсколько выше, чѣмъ сзади, киваетъ головой и при каждомъ шагѣ двигаетъ тѣломъ туда и сюда. Сидя на вѣткѣ, воронъ держитъ тѣло то горизонтально, то очень прямо. Перья на немъ лежатъ почти всегда такъ гладко, что воронъ кажется словно вылитымъ; только при возбужденіи взъерошиваются перья на головѣ и всей шеѣ. Крылья воронъ держитъ обыкновенно нѣсколько свѣсивъ. Какъ въ этомъ отношеніи онъ не имѣетъ ничего общаго съ своими родичами, точно также не имѣетъ онъ и ничего общаго относительно извѣстной любви, питаемой взаимно другими видами воронъ. Черныя вороны живутъ въ величайшей дружбѣ съ сѣрыми воронами и сороками, галки примѣшиваются къ грачамъ, и ни одинъ видъ не причиняетъ другому ни малѣйшей обиды. Большой же воронъ ненавидимъ своими родичами, ведущими съ нимъ вѣчную войну. И видаль, какъ черныя вороны очень сильно нападали на большого ворона. Когда воронъ хочетъ вмѣшаться въ стаю черныхъ воронъ, поднимается такой гвалтъ, словно среди нихъ появился ястребъ или сарычъ. Дружное нападеніе принуждаетъ удалиться нежеланнаго товарища». Здѣсь должно, впрочемъ, замѣтить, что бываютъ и исключенія. Такъ, Пехуэль-Леше наблюдалъ въ Ангальтѣ одинокаго ворона, долго и совершенно безъ всякихъ приставаній летавшаго вмѣстѣ съ большой стаей воронъ, посѣщавшаго съ ними поля и ночевавшаго на тѣхъ же самыхъ деревьяхъ, пока не былъ застрѣленъ однимъ ревностнымъ преслѣдователемъ.

«Воронъ и тѣмъ отличается отъ другихъ родственниковъ видовъ, что осторожностью превосходитъ ихъ всѣхъ. Невѣроятно, до чего предусмотрительна эта птица. Воронъ только тогда садится, когда тщательно облетитъ всю окружающую мѣстность и ни зрѣніе, ни обоняніе не откроютъ ему ничего опаснаго. Если человѣкъ приближается къ его гнѣзду съ яйцами, воронъ тотчасъ бросаетъ насилуваніе; къ итенцамъ своимъ, какъ ни велика его любовь къ нимъ, воронъ въ подобномъ случаѣ возвращается лишь съ величайшей осторожностью. Ненависть ворона къ филину необычайно велика, но осторожность его еще больше; отчего эту строгую птицу крайне трудно убить даже изъ вороньяго шалаша *). Звуки, издаваемые и самцомъ, и самкой, обыкновенно похожи на «корк-корк-кольк-кольк» или на «раб-раб-раб», откуда происходитъ его нѣмецкое названіе. Эти звуки издаются на всѣ лады и такъ перемѣшиваются между собой, что получается нѣкоторое разнообразіе. При ближайшемъ наблюденіи становится понятно, что древніе прорицатели умѣли различать великое множество звуковъ, могущихъ быть издаваемыми ворономъ. Особенно поразителенъ родъ болтовни, производимой сидящимъ самцомъ во время спариванія. По разнообразію она значительно превосходитъ болтовню сороки».

Пожалуй, нѣтъ ни одной птицы, которая въ такой же степени, какъ воронъ, могла быть названа всеядной. Можно утверждать, что онъ не брезгаетъ буквально ничѣмъ съѣдобнымъ, совершая при этомъ подвиги, невѣроятныя для его роста и силы. Ему нравятся плоды, зерна и всякія другія растительныя вещества; но

*) Для истребленія хищныхъ птицъ и разныхъ видовъ воронъ въ Германіи (и у насъ въ благоустроенныхъ охотахъ, напр., въ Петергофскомъ уѣздѣ въ Великокняжеской охотѣ и ми. др.) широко примѣняется охота изъ засады съ филиномъ. Охотникъ прячется въ шалашъ (или просто въ кустъ), а впереди на чистомъ мѣстѣ сажаетъ на привязи филина (или ставитъ его тучело). Всякая мимолетающая хищная птица считаетъ своимъ долгомъ задать филину тренку и подлетаетъ къ нему, а въ это время охотникъ стрѣляетъ ее. Примѣч. переводчика.

воронъ также и настоящая хищная птица. Онъ истребляетъ не только насѣкомыхъ, улитокъ, червей и мелкихъ позвоночныхъ, но смѣло нападаетъ на млекопитающихъ и птицъ, превосходящихъ его по величинѣ; онъ безсовѣстѣйшимъ образомъ грабитъ гнѣзда, и не у однихъ незащитныхъ птицъ, но и у сильныхъ чаекъ, отлично умѣющихъ защищать себя и свои гнѣзда. Отъ мыши до зайца и отъ самой маленькой птички до тетерки, ни одно животное не можетъ считать себя въ безопасности отъ ворона. Въ немъ соединяются дерзость и хитрость, сила и ловкость, дѣлая его опаснѣйшимъ разбойникомъ. Въ Испаніи отъ него терпятъ домашнія куры, въ Норвегіи молодые гуси, утки и вся остальная домашняя птица. Въ Исландіи и въ Гренландіи воронъ охотится за бѣлыми куропатками; въ Германіи за фазанами, куропатками и зайцами; на берегахъ моря онъ подбираетъ все то, что ему выкинуть волны; въ сѣверныхъ странахъ воронъ ссорится съ собаками изъ-за всякаго рода отбросовъ передъ жилищами; въ степяхъ Азіи является онъ неизбѣжнымъ мучителемъ израненныхъ верблюдовъ. Въ Исландіи воронъ тиранитъ покрытыхъ волдырями лошадей: и верблюдамъ, и лошадямъ онъ садится на спину и сильными ударами клюва отдираетъ отъ краевъ ранъ облюбованные имъ куски мяса; только начавъ кататься по землѣ, мучимое животное можетъ согнать его. «Большой воронъ», какъ сообщаетъ Олафссонъ, «зимой ищетъ себѣ пищу на дворахъ, среди кошекъ и собакъ; въ теплое время года онъ отправляется на берегъ моря за рыбой; весной убиваетъ ударами клюва и пожираетъ новорожденныхъ ягнятъ, сгоняетъ съ гнѣздъ гагъ, выливаетъ ихъ яйца и закапываетъ по одиночкѣ въ землю тѣ, которыя не въ состояніи съѣсть. Вороны маленькими стаями слѣдуютъ за орломъ; нападать на него, положимъ, не рѣшаются, но пытаются выхватывать остатки его добычи. Отыскавъ гдѣ-нибудь больныхъ или мертвыхъ старыхъ вороновъ, или выпавшихъ изъ гнѣздъ молодыхъ, воронъ пожираетъ ихъ. Зимой къ каждому дому присоединяется компанія изъ 2—10 вороновъ, недопускающая никого болѣе въ свою среду».

Для безпристрастнаго наблюдателя забавно видѣть, какъ воронъ обдѣлываетъ свои дѣла. По словамъ Чудн, онъ слѣдитъ за швейцарскими охотниками, чтобы овладѣть ранеными сернами. По единогласному свидѣтельству Фабера и Гольбелля, воронъ разбиваетъ раковины съ твердой скорлупой, поднимая ихъ высоко на воздухъ и бросая оттуда на твердый камень или скалу. По наблюденіямъ Гомейера, воронъ умѣетъ ловко схватывать рака-отшельника и вытаскивать его изъ его жилища—раковины; если это не удастся сразу, потому что ракъ успѣлъ съѣзжиться, воронъ до тѣхъ поръ колотитъ раковиной обо что-попало, пока изъ нея не покажется отшельникъ. Воронъ успѣшно нападаетъ на большихъ животныхъ, выказывая безиримѣрную хитрость и смысленность, но также и большое мужество. На зайцевъ, на примѣръ, онъ нападаетъ при всякихъ обстоятельствахъ, а не только на больныхъ или раненыхъ, какъ думалъ мой отецъ. Графъ Водзицкій собралъ наблюденія, устраняющія всякія сомнѣнія, какія еще могли существовать на этотъ счетъ. «Среди птицъ воронъ играетъ ту же роль, что лисица среди млекопитающихъ», говоритъ выше названный естествоиспытатель. «Онъ обнаруживаетъ высокую степень хитрости, терпѣнія и предусмотрительности. Смотри по надобности, воронъ охотится или въ одиночку, или беретъ себѣ помощниковъ; онъ также знаетъ всѣхъ хищныхъ птицъ и слѣдитъ за тѣми, которыя могутъ случайно доставить ему пищу. Часто закапываетъ онъ, какъ лисица, остатки ѣды, чтобы въ случаѣ нужды не голодать. Наѣвшись до-сыта, воронъ сзываетъ къ остаткамъ пиршества своихъ товарищей. Онъ сзываетъ товарищей и тогда, когда они нужны ему для охоты, которой онъ занимается со страстью.

«Въ декабрѣ 1847 года при глубокомъ снѣгѣ я пошелъ съ однимъ товарищемъ на охоту на зайцевъ. Хотя мы стрѣляли уже нѣсколько разъ, въ одномъ изъ ущелій противоположной горы мы замѣтили двухъ вороновъ. Одинъ спокойно сидѣлъ на краю ущелья и смотрѣлъ внизъ; другой, сидѣвшій нѣсколько ниже, совалъ клювомъ впередъ и проворно отскакивалъ назадъ. Это онъ продѣлывалъ нѣсколько разъ. Оба были такъ заняты своимъ дѣломъ, что, повидимому, не замѣтили нашего приближенія. Только когда мы подошли къ нимъ на нѣсколько шаговъ, разбойники снялись и снова сѣли въ нѣсколькихъ стахъ шаговъ, повидимому въ надеждѣ, что и мы пройдемъ мимо, не дѣлая имъ вреда, какъ раньше проходили крестьяне. На мѣстѣ же, гдѣ мы наблюдали вороновъ, сидѣлъ въ снѣговой стѣнѣ, закопавшись почти на 60 см., большой старый заяцъ. Чтобы вынудить его вскочить, одинъ воронъ нападалъ на него спереди, а другой клювомъ и когтями прокопалъ сверху въ снѣгу дыру, очевидно съ намѣреніемъ вспугнуть зайца сверху. Но косою былъ настолько уменъ, что оставался сидѣть, отгоняя вороновъ ворчаніемъ и фырканьемъ. Въ 1850 году я увидалъ разъ въ полѣ двухъ вороновъ, чѣмъ-то занятыхъ въ одномъ углубленіи. Когда я дошелъ туда, тамъ оказался заяцъ въ предсмертныхъ судорогахъ, съ окровавленной головой. Я прошелъ по его слѣду около 20 шаговъ и нашелъ его лежку, съ ясными признаками, что его выгнали вороны. Недалеко же пробѣжалъ бѣдняга! Въ декабрѣ 1851 года я замѣтилъ трехъ вороновъ, двухъ на землѣ и третьяго на воздухѣ. Вскочилъ заяцъ и побѣжалъ изо всей мочи. Всѣ три ворона съ громкимъ крикомъ погнались за нимъ и били его, падая почти до земли, подобно хищнымъ птицамъ. Заяцъ сѣлъ разъ, потомъ снова побѣжалъ, снова сѣлъ и, наконецъ, припалъ къ землѣ. Тотчасъ одинъ воронъ бросился на него, запустилъ ему въ спину когти и началъ долбить голову. Другой воронъ скоро подоспѣлъ на помощь товарищу, а третій изловчился, чтобы распороть добычѣ брюхо. Хотя я быстро вскочилъ изъ саней и побѣжалъ къ зайцу какъ только могъ скоро, онъ достался мнѣ въ руки лишь съ слабыми признаками жизни. Въ декабрѣ 1855 года я снова наткнулся на вороновъ, занимавшихся въ данную минуту обгладываніемъ заячьяго скелета. Пройдя около 200 шаговъ по слѣду зайца, я нашелъ его лежку. Она была очень замѣчательно устроена на 65 см. подъ снѣгомъ: одинъ поденѣжный ходъ, около 2,5 м. длиной, очень чисто утоптаный, велъ къ самой лежкѣ, а другой, подобный же ходъ выводилъ съ противоположной стороны наружу. Слѣды ворона ясно указали мнѣ, что одинъ изъ разбойниковъ рѣшился войти въ поденѣжный ходъ, чтобы выгнать зайца на другихъ вороновъ. Вороны, подобно гончимъ, часто идутъ пѣшкомъ шаговъ 15—20 по слѣду зайца, зашугиваютъ его карканьемъ и ударами клюва и доводятъ до того, что бѣдняга припадаетъ къ землѣ, а подъ конецъ совсемъ ошалѣваетъ и тогда становится ихъ легкой добычей».

Не менѣе смѣло дѣйствуетъ большой воронъ, какъ грабитель гнѣздъ: Водзицкій видѣлъ, какъ воронъ разъ унесъ даже яйцо у пары орловъ. На сѣверѣ воронъ является отвратительнѣйшимъ грабителемъ гнѣздъ, какого только можно себѣ представить. Въ Норвегіи я влѣзъ на одинъ утесъ, гдѣ сидѣла семья молодыхъ вороновъ, которыхъ еще кормили родители. Тамъ на единственномъ уступѣ я нашелъ около 60 выдѣнныхъ яицъ гаги, чаекъ и гагаръ, вмѣстѣ съ лапками куръ, крыльями утокъ, шкурками пеструшекъ, пустыми ракушками, остатками молодыхъ чаекъ, куликовъ, ржанокъ и т. п. Четыре птенца неумолчно кричали о пищѣ, и старики постоянно носили новую добычу на бойню. Неудивительно, что какъ только показывались вороны, всѣ окрестныя чайки яростно нападали на нихъ и изо всѣхъ силъ дрались съ ними; неудивительно, что и жители соседняго поселенія въ высшей степени ненавидѣли ихъ.

Воронъ составляетъ обыкновенное явленіе на всякаго рода падали, и многія мѣста въ Библии, упоминаяція о немъ, могутъ быть легко подтверждены. «Утверждаютъ», продолжаетъ мой отецъ, «что воронъ за многія мили чуетъ падалъ. Какъ ни мало сомнѣваюсь я въ его тонкомъ обоняніи, мнѣ кажется невѣроятнымъ это настойчивое утвержденіе, опровергаемое уже самымъ поведеніемъ ворона. При ближайшемъ наблюденіи легко замѣтить, что странствованія ворона отличаются нѣкоторой неопредѣленностью. Онъ почти ежедневно облетаетъ большое пространство въ различныхъ направленіяхъ, въ надеждѣ что-либо высмотрѣть. Отсюда ясно видно, что воронъ долженъ быть близко къ падали, чтобы найти ее, или, по крайней мѣрѣ, долженъ попасть въ струю воздуха, идущаго отъ падали. Если бы воронъ могъ чують падалъ за мили, онъ издали летѣлъ бы къ ней на-прямикъ. Передъ тѣмъ, чтобы сѣсть, воронъ непременно всякій разъ сначала облетитъ кругомъ избранное мѣсто, а это указываетъ, что онъ можетъ чують разные предметы лишь въ извѣстномъ направленіи и врядъ ли за нѣсколько миль». Всякій, знающій вороновъ, подтвердитъ эти слова, хотя защищаемое моимъ отцомъ воззрѣніе и отрицается Науманомъ. Послѣдній естествоиспытатель ставитъ вопросъ: садится ли воронъ и на человѣческіе трупы, какъ это столь часто утверждается? По моему мнѣнію, надо безусловно отвѣтить: Да!—ворону навѣрно совершенно все равно, находится ли передъ нимъ трупъ человѣка или падалъ какого угодно млекопитающаго.

Не подлежитъ, къ сожалѣнію, ни малѣйшему сомнѣнію, что воронъ очень вреденъ своимъ хищничествомъ и не долженъ быть терпимъ. Положимъ, и онъ приноситъ пользу, подобно остальнымъ чернымъ воронамъ; но вредъ, имъ причиняемый, перевѣшиваетъ всю пользу, приносимую имъ полямъ и садамъ. Поэтому весьма странно, что эта птица любима и почитаема нѣкоторыми народностями. Именно, арабы высоко уважаютъ его, почти какъ божество, считая его безсмертнымъ. «Когда я однажды хотѣлъ убить ворона пулей», пишетъ Лябюссэ, «одинъ арабъ остановилъ меня утвержденіемъ, что ворона ранить невозможно, такъ какъ онъ святой. Я промахнулся, къ большому удовольствію араба, который оживленно насмѣхался надо мной, еще крѣпче вѣруя, чѣмъ прежде». Исландцы и гренландцы также, повидимому, не враждебно настроены къ этому отчаянному разбойнику. «Большой воронъ», говоритъ Фаберъ, «такъ довѣрчивъ, что садится отдыхать на дома и на спины пасущихся лошадей». Въ Гренландіи, по сообщенію Гольбелли, воронъ заглядываетъ даже въ дома, гдѣ также воруетъ, какъ и всюду. Пастухи Канарскихъ острововъ, напротивъ того, называютъ ворона подлѣйшей птицей, какава только есть, и утверждаютъ, что онъ зачастую выклевываетъ глаза молодымъ козамъ и ягнятамъ, чтобы легче затѣмъ убивать и пожирать ихъ. Поэтому пастухи какъ только могутъ истребляютъ ворона и его гнѣздо.

Изъ всѣхъ германскихъ птицъ, исключая развѣ клеста, воронъ раньше всѣхъ приступаетъ къ размноженію: спаривается большею частью уже въ началѣ января, въ февралѣ строитъ гнѣздо и несетъ яйца въ первыхъ числахъ марта. Гнѣздо ворона большое, по меньшей мѣрѣ 40, чаще 60 см. въ діаметрѣ, и вполонину этого вышиной; оно устраивается на утесѣ или, въ Германіи, на вершинѣ высокаго дерева, на которое трудно или совсѣмъ нельзя влѣзть. Нижняя часть гнѣзда складывается изъ толстаго хвороста, средняя изъ болѣе тонкаго, внутренность тепло выстилается полосками коры, древесными лишаями, травой, овечьей шерстью и т. п. Воронъ охотно пользуется старымъ гнѣздомъ, причеиъ лишь немного его совершенствуетъ. При постройкѣ гнѣзда, воронъ, какъ и всегда, выказываетъ свои умъ и осторожность. Онъ весьма осмотрительно приближается со строительными матерьялами и бросаетъ гнѣздо, если часто замѣчаетъ вблизи его человѣка или если

его потревожатъ передъ кладкой яицъ. Въ другихъ же случаяхъ воронъ такъ аккуратно изъ года въ годъ возвращается къ своему старому гнѣзду, что одинъ ганноверскій лѣсничій вынулъ одного за другимъ изъ того же самаго гнѣзда 44-хъ птенцовъ ворона. Воронъ кладетъ 5—6 довольно большихъ яицъ, почти 54 м.м. длинной и 34 м.м. въ поперечникѣ, усѣянныхъ бурными и сѣрыми пятнами по зеленоватому полю. По наблюдениямъ моего отца, насиживаетъ только самка, по даннымъ же Наумана,—и самка, и самецъ, по-очередно. Птенцы кормятся обоими родителями, обильно доставляющими имъ земляныхъ червей, насѣкомыхъ, мышей, молодыхъ птицъ, яйца и куски падали. Но голодъ птенцовъ, повидимому, ненасытенъ, и они постоянно кричатъ о пищѣ, даже получая обильнѣйшій кормъ. Оба родителя чрезвычайно любятъ своихъ птенцовъ и никогда не оставляютъ гнѣзда, если птенцы уже вылупились. Конечно, ихъ можно отогнать, но и тогда они всегда остаются вблизи гнѣзда, выказывая свое безпокойство о возлюбленныхъ дѣтенышахъ всякаго рода жалобными звуками и суетливымъ перелетаніемъ съ мѣста на мѣсто. Неоднократно наблюдалось, что старые вороны при продолжительномъ подкарауливаніи ихъ гнѣзда снабжали птенцовъ пищей, бросая ее въ гнѣздо сверху. Если у пары вороновъ отобрать яйца, то происходитъ вторичная кладка, но если взять птенцовъ, то въ томъ же году вороны ихъ больше уже не выводятъ. При благоприятныхъ условіяхъ молодые вороны покидаютъ гнѣздо въ концѣ мая или началѣ іюня, но въ большинствѣ случаевъ еще долгое время возвращаются въ гнѣздо каждый вечеръ и затѣмъ цѣлыя недѣли держатся вблизи его. Родители водятъ потомъ молодежь на луга и поля, продолжая кормить ихъ тамъ, и одновременно обучаютъ всѣмъ снарочкамъ и хитростямъ своего ремесла. Только къ осени воронята становятся самостоятельными.

Вынутые изъ гнѣзда воронята послѣ короткаго воспитанія становятся необыкновенно ручными; даже пойманные старые вороны свыкаются съ измѣнившейся обстановкою. При общеніи съ человѣкомъ умъ ворона изощряется въ изумительной степени. Его можно дрессировать, какъ собаку и натравливать на животныхъ и людей: онъ выдѣлываетъ самыя смѣшныя и веселыя штуки, постоянно придумывая что-нибудь новое, и съ годами становится чѣмъ старѣе, тѣмъ умнѣе, но далеко не всегда пріятнѣе для человѣка. Ворона легко приучитъ вылетать изъ дома и возвращаться; но онъ постоянно, и очень скоро, оказывается недостойнымъ большой свободы—воруетъ и прячетъ краденое, убиваетъ молодыхъ домашнихъ животныхъ, куръ и гусей, кусаетъ за ноги босыхъ людей, а иногда становится даже опаснымъ, такъ какъ обращаетъ свои шалости на дѣтей. Съ собаками воронъ часто ведетъ величайшую дружбу, ищетъ имъ блохъ и оказываетъ разныя другія услуги. Онъ также привыкаетъ къ лошадямъ и рогатому скоту и снискиваетъ ихъ пріязнь. Воронъ отлично выучивается говорить, правильно выговариваетъ слова и разумно примѣняетъ ихъ; лаетъ какъ собака, смѣется какъ человѣкъ, воркуетъ какъ домашній голубь и т. п. Если бы я вздумалъ снова пересказать здѣсь всѣ исторіи о ручныхъ воронахъ, извѣстныя мнѣ, это завело бы насъ слишкомъ далеко; поэтому будетъ достаточно сказать, что воронъ часто выказываетъ понятливость, почти равную человѣческой, и умѣетъ столько же радовать своего владѣльца, сколько сердить постороннихъ. Кто не признаетъ у животныхъ ума, пусть подольше наблюдаетъ ворона.

* * *

Два другихъ вида того же рода (черныхъ вороновъ), постоянно встрѣчающіеся въ Германіи, такъ похожи другъ на друга по величинѣ, что оципанныхъ ихъ очень

трудно различать. Они также нерѣдко скрепляются между собою и потому издавна составляютъ яблоко раздора для орнитологовъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ рѣшительно высказываютъ взглядъ, что обѣ птицы должны быть разсматриваемы лишь какъ мѣстныя разновидности одного и того же вида; такому предположенію соответствуетъ и географическое распространеніе этихъ воронъ. **Ворона черная** (*Corvus corone, subcorone, pseudocorone, hiemalis* и *assimilis*. *Corone corone*. *Rabenkrähe*. *Corneille*)—чернаго цвѣта, съ фіолетовымъ или пурпуровымъ отливомъ; радужная оболочка глаза бураго цвѣта; у молодыхъ воронъ опереніе матово-черное, а глаза сѣрые. У **Сѣрой вороны** (*Corvus cornix, cinereus, subcornix* и *tenuirostris*, *Corone cornix*. *Nebelkrähe*. *Corneille mantelée*), напротивъ того, только голова, передняя часть шеи, крылья и хвостъ черные, остальное же опереніе свѣтло-пепельно-сѣрое, или, у молодыхъ, грязно-пепельно-сѣрое. Длина и той, и другой равняется 47—50, размахъ крыльевъ 100—104, длина крыльевъ 30, длина хвоста 20 см. Сѣрая ворона распространена шире своей родственницы; мы встрѣчаемъ ее не только въ Скандинавіи, отъ Нордкапа до Фальстербо, въ большей части Россіи и въ сѣверной Германіи, но и въ Галиціи, Венгріи, Штирії, Южной Италіи, Греціи и во всемъ Египтѣ (отъ моря до границъ Нубіи), также во всей Средней Азіи, отъ Урала до Япоіи, и черезъ Туркестанъ, Персію, Афганистанъ, до сѣверо-западной Индіи включительно. Во всей этой огромной области распространенія удалось различить по цвѣту оперенія и разграничить около трехъ разновидностей сѣрой вороны. Черная же ворона, напротивъ того, живетъ въ Германіи, къ западу отъ р. Эльбы, во Франціи, а также и въ значительной части Азіи, обыкновенно тамъ, гдѣ не встрѣчается сѣрая ворона. Одна, такимъ образомъ, замѣняетъ другую, однако нисколько не сообразуясь съ различіями климатическихъ условій. Но во всякомъ случаѣ имѣются также и мѣстности, гдѣ раіоны распространенія обоихъ видовъ захватываютъ другъ друга; тамъ, дѣйствительно, часто случается, что обѣ, столь близко родственныя птицы спариваются одна съ другою. Однако это спариваніе никоимъ образомъ не доказываетъ, что обѣ вороны принадлежатъ къ одному виду. Если бы дѣйствительно онѣ представляли одинъ видъ, то было бы непонятно, почему тамъ, гдѣ встрѣчается исключительно одна ворона, ни разу не могла появиться и другая. По своему образу жизни, черная и сѣрая вороны дѣйствительно не различаются, по крайней мѣрѣ замѣтнымъ для насъ образомъ. Обѣ представляютъ осѣдыхъ, или, самое большее, кочующихъ птицъ. Онѣ держатся по-парно и, соединившись въ большое общество, населяютъ большую или меньшую область, изъ которой рѣдко удаляются. Исключеніемъ являются только короткія перекочевки на югъ воронъ, живущихъ на сѣверѣ, во время сильныхъ зимнихъ холодовъ. Напротивъ того, въ южныхъ странахъ онѣ рѣдко затѣваютъ даже небольшія экскурсіи. Роіи на поляхъ представляютъ любимѣйшія убѣжища воронъ; но онѣ не избѣгаютъ и большихъ лѣсовъ и поселяются всюду, гдѣ чувствуютъ себя въ безопасности, даже въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, напримѣръ въ садахъ.

Вороны въ высшей степени общительны, богато одарены тѣлесно и духовно и такимъ образомъ имѣютъ возможность играть очень значительную роль въ хозяйствѣ природы. Онѣ хорошо ходятъ шагая, немного качаясь, положимъ, но безъ всякаго напряженія; летаютъ легко и продолжительно, хотя и менѣе ловко, чѣмъ болѣе крупныя вороны; обладаютъ острыми чувствами, именно зрѣніемъ, слухомъ и обонаніемъ, и по умственнымъ способностямъ немногимъ уступаютъ большому ворону, или даже равняются ему. Въ маломъ видѣ онѣ продѣлываютъ почти то же, что воронъ производитъ въ большемъ. Но такъ какъ вороны въ большинствѣ случаевъ опасны только мелкимъ животнымъ, то польза, приносимая ими, по всей

вѣроятности, перевѣшиваетъ причиняемый ими вредъ. Слѣдуетъ признать рѣшительнѣйшимъ образомъ, что вороны принадлежать къ важнѣйшимъ птицамъ нашего отечества; не будь ихъ—вредныя позвоночныя и насѣкомыя, всюду очень распространенныя въ настоящее время, въ неслыханной степени увеличились бы въ числѣ. Конечно, и вороны грабятъ птичьи гнѣзда и нападаютъ на больныхъ зайцевъ и куропатокъ; также могутъ устроить много безчинствъ въ садахъ и во дворахъ и, наконецъ, приносятъ порой чувствительный вредъ зрѣющимъ хлѣбамъ, особенно ячменю. Но если даже вороны въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ неприятымъ образомъ обкрадываютъ и грабятъ насъ, что это значитъ въ сравненіи съ пользою, приносимою человѣку ихъ дѣятельностью въ теченіи всего остального года? Бѣдный крестьянинъ, чьи ячменные поля онѣ грабятъ самымъ дерзкимъ и замѣтнымъ образомъ, вправѣ смотрѣтъ неблагоклонно на почти безпрепятственное увеличеніе числа воронъ и даже сокращать его; охотникъ тоже не упуститъ случая отъ времени до времени разрядить по нимъ свое ружье; но сельскій хозяинъ и лѣсничій должны бы падать ихъ. Ошибочно думать, что человѣкъ въ состояніи замѣнить чѣмъ-нибудь дѣятельность воронъ. Поэтому достойно сожалѣнія, когда, напримѣръ, кладется отрава для мышей, причѣмъ мышей истребляется едва ли больше, чѣмъ воронъ, которыя съ своей стороны усерднѣйшимъ и успѣшнѣйшимъ образомъ борятся съ этой прожорливой ратью. Поэтому можно рѣшительно сказать, что смертью одной вороны причиняется больше вреда полевому и лѣсному хозяйству, чѣмъ дѣятельностью десяти живущихъ воронъ. Прежде всего нужно остерегаться обобщать единичныя наблюденія. Точно также, какъ скворецъ—полезнѣйшая изъ всѣхъ нѣмецкихъ птицъ—не можетъ быть терпимъ въ виноградникахъ, и вороны, вообще полезныя, въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ отдѣльныхъ мѣстахъ, даже въ цѣлыхъ округахъ, причиняютъ замѣтный и иногда чувствительный вредъ. Бываетъ, что отдѣльная ворона обращается въ разбойника, или даже отъ нея происходятъ цѣлое поколѣніе таковыхъ; но все-таки будетъ ошибкой заставлять расплачиваться за злодѣйство отдѣльныхъ особей всѣхъ вообще воронъ.

Ежедневная жизнь воронъ приблизительно такова: онѣ начинаютъ летать передъ разсвѣтомъ и если еще не подвергались преслѣдованію, то передъ отправленіемъ на кормежку собираются на какомъ-нибудь опредѣленномъ зданіи или большомъ деревѣ. Отсюда онѣ разлетаются по полямъ. До полудня вороны дѣятельно заняты розыскиваніемъ пищи. Онѣ ходятъ по полямъ и лугамъ, слѣдуютъ за нахаремъ, подбирая обнажаемыхъ имъ личинокъ хруща, караулятъ мышинныя норы, высматриваютъ птичьи гнѣзда, обыскиваютъ берега ручьевъ и рѣкъ, шарятъ по садамъ,—короче, толкаются повсюду. При этомъ онѣ иногда соединяются съ другими родичами и нѣкоторое время занимаютъ своими дѣлами сообща. Если случится что-нибудь особенное, навѣрное вороны первыя замѣтятъ это и укажутъ другимъ животнымъ. Хищная птица встрѣчается громкими криками и такъ ревностно преслѣдуется, что часто удаляется, ничего не сдѣлавъ. Снѣзь совершенно правъ, выставляя я такое поведеніе воронъ, какъ приносимую ими пользу; не подожгите ни какому сомнѣнію, что разбойническая дѣятельность вредныхъ хищныхъ птицъ значительно стѣсняется воронами, все равно, нападаютъ ли онѣ прямо на хищника, или только выдаютъ его присутствіе человѣку и животнымъ. Къ полудню вороны слетаются къ густому дереву и прячутся въ его листву, чтобы соснуть послѣ обѣда. Послѣ полудня вороны вторично отправляются на кормежку, а къ вечеру собираются въ большомъ количествѣ, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, по видимому съ цѣлью взаимно обмѣняться впечатлѣніями дня. Потомъ онѣ отправляются на ночлегъ—извѣстную часть лѣса, гдѣ собираются всѣ вороны обширнаго

раіона. Сюда прибываютъ онѣ съ величайшей осторожностью, обыкновенно лишь послѣ нѣсколькихъ разъ повторенной высылки развѣдчиковъ. Вороны прилетаютъ послѣ наступленія темноты, молча летятъ до мѣста и такъ тихо садятся, что ничего не слышно, кромѣ шороха крыльевъ. Подкарауливанье дѣлаетъ ихъ, въ высшей степени осторожными. Онѣ скоро выучиваются отличать охотника отъ неопасныхъ для нихъ людей и обыкновенно довѣряютъ лишь тому, въ чьей благонамѣренности совершенно убѣдились. Въ февралѣ и мартѣ отдѣльныя пары сближаются еще тѣснѣе, чѣмъ прежде, любезно болтаютъ вмѣстѣ, и самецъ усердно ухаживаетъ за самкой, своеобразно расширяя крылья и производя различныя кокетливыя движенія. Въ концѣ марта или началѣ апрѣля вороны строятъ гнѣздо. Онѣ устраиваютъ его на высокомъ деревѣ или чинятъ прошлогоднее. Гнѣздо похоже на гнѣздо большого ворона, но значительно менѣе, самое большее 60 см. въ ширину и только 4 см. въ глубину. На основаніе изъ жесткихъ вѣтвей кладутся полосы коры, пучки травы, корни пырея и разные другіе корни, очень часто связанные слоемъ гнистой земли; внутренность гнѣзда выстилается шерстью, телячьимъ волосомъ, свиной щетиной, кусочками коры, травяными стебельками, мохомъ, тряпками и т. п. Въ первой половинѣ апрѣля самка кладетъ 3—5, чрезвычайно рѣдко 6 яицъ, 44 мм. длиной и 29 мм. въ поперечникѣ; яйца разрисованы по сине-зеленоватому фону точками и пятнами оливковаго цвѣта, темно-зелеными, темно-пепельно-сѣрыми и черноватыми. Насиживаетъ одна самка, но самецъ отлучается отъ нея лишь когда ему необходимо слетать за пищей для себя и своей подруги. Оба родителя съ величайшей любовью ухаживаютъ за птенцами, кормятъ ихъ и мужественно защищаютъ отъ опасности. Сѣрыя и черныя вороны спариваются между собой безъ всякой крайней необходимости; по крайней мѣрѣ нельзя допустить, чтобы тамъ, гдѣ такъ много воронъ, самка могла быть поставлена въ необходимость выбрать себѣ самца изъ другаго вида, или на оборотъ. Науманъ наблюдалъ, какъ черный самецъ, самку котораго онъ убилъ, спарился съ самкой—сѣрой вороной и вывелъ съ нею птенцовъ, найдя такимъ образомъ совершенно излишнимъ искать себѣ самку одного съ собой вида. Происходящіе отъ подобнаго скрещиванія ублюдки ходятъ иногда на отца, иногда на мать, или по своей окраскѣ занимаютъ почти середину между ними, хотя и не вполне, потому что совершенно невозможно передать безконечное множество различій окраски, представляемыхъ ублюдками. Рѣдко также случается, что два ублюдка спариваются между собой и производятъ птенцовъ, которые, какъ говорятъ, всегда снова возвращаются къ одному изъ главныхъ видовъ, т. е. получаютъ окраску или черной, или сѣрой вороны. На этомъ, главнымъ образомъ, и основано возрѣніе нѣкоторыхъ естествоиспытателей, что оба вида воронъ надо считать за одинъ. Мнѣ кажется, подобный взглядъ сомнителенъ уже въ самомъ своемъ основаніи, такъ какъ свѣдѣнія наши объ ублюдкахъ никоимъ образомъ не могутъ считаться достаточными, и потому мы совсѣмъ не можемъ сказать, сохраняется-ли окраска ублюдковъ въ слѣдующихъ поколѣніяхъ, или нѣтъ.

Оба вида воронъ можно безъ всякихъ хлопотъ много лѣтъ содержать въ неволѣ; онѣ приручаются и выучиваются говорить, если только у учителя хватитъ терпѣнія. Но все-таки онѣ едва-ли годятся въ комнатныя или домашнія птицы. Изъ комнатъ приходится ихъ изгонять изъ за ихъ неопытности или, правильнѣе, распространяемаго ими запаха, даже когда ихъ владѣлецъ изо всѣхъ силъ старается держать въ чистотѣ клетку. Воронъ также нельзя пускать свободно бѣгать по двору и въ саду, потому что онѣ, подобно ворону, творятъ всякія безчинства. Страсть таскать блестящія вещи раздѣляютъ онѣ со своими слабѣйшими родственниками, страсть къ грабежу и убійству—съ большимъ ворономъ. Вороны, также какъ онъ, нападаютъ

на маленьких позвоночныхъ, даже на щенятъ и котятъ, но главнымъ образомъ на домашнюю птицу, убиваютъ ее или по крайней мѣрѣ колотятъ. Эти бродяги скоро отыскиваютъ гнѣзда куръ и голубей и грабятъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти.

Опасными врагами воронъ является лисица, лѣсная кунница, кречетъ, ястребъ и филинъ. Кромѣ того онѣ страдаютъ отъ различныхъ паразитовъ, гнѣздящихся въ ихъ опереніи. Филинъ, по всей вѣроятности, навлекъ на себя необыкновенную ненависть воронъ своими ночными нападеніями на этихъ беззащитныхъ въ это время птицъ; во всякомъ случаѣ достоверно извѣстно, что онъ необычайный любитель вороньяго мяса. За его ночныя злодѣйства вороны расплачиваются днемъ по мѣрѣ силъ и возможности. Кромѣ филина, любой совѣ стоитъ показаться днемъ—во всей окрестности поднимается страшный переполохъ; всѣ вороны посѣбно слетаются и съ безиримѣрной яростью колотятъ этого любителя мрака. Точно также, какъ филина, вороны задираютъ и всѣхъ прочихъ хищниковъ, отъ мщенія которыхъ ихъ моментально спасаютъ ловкость въ летаніи или ихъ многочисленность. Что касается человѣка, то въ настоящее время вороны менѣе страдаютъ отъ него непосредственно, чѣмъ косвеннымъ образомъ. Кое-гдѣ ихъ регулярно истребляютъ изъ вороньихъ шалашей, разоряютъ и уничтожаютъ ихъ гнѣзда, яйца и птенцовъ; но гораздо больше вреда, чѣмъ все это, приноситъ имъ разсыпаніе отравленныхъ зеренъ на поляхъ, страдающихъ отъ мышей *). Въ годъ, особенно обильные мышами, трупы воронъ валяются на поляхъ дюжинами и сотнями, и въ это время легко можно констатировать замѣтное уменьшеніе ихъ числа. Но благодаря своей долговѣчности и плодовитости, вороны всегда вскорѣ пополняютъ такую убыль, и, такимъ образомъ, также излишне принимать мѣры къ ихъ охраненію, какъ неразумно проповѣдывать ихъ истребленіе.

Грачъ (*Corvus frugilegus, agricola, agrorum, granorum* и *advena, Frugilegus segetum, Colaeus* и *Trypanocorax frugilegus. Saatkrähe. Fieux*), четвертый изъ нашихъ видовъ воронъ, оказывается еще полезнѣе, чѣмъ черная и сѣрая вороны. Онъ отличается отъ своихъ родственниковъ слѣдующими признаками: тѣлосложеніе болѣе стройное; клювъ очень вытянутый; хвостъ сильно закругленный; опереніе плотное, великолѣпно блестящее; передняя часть головы въ зрѣломъ возрастѣ голая, причемъ это является исключительно слѣдствіемъ землекопныхъ работъ. Длина грача 47—50, размахъ крыльевъ около 100, длина крыла 35, длина хвоста 19 см. Опереніе старой птицы однообразно сине-фіолетово-чернаго цвѣта; у молодыхъ оно тускло-черное. Молодые грачи отличаются отъ старыхъ также своею оперенною переднею частью головы.

Область распространенія грача болѣе ограничена, чѣмъ у черной и сѣрой вороны. Онъ живетъ въ большей части европейской равнины и въ южной Сибири. Въ Туркестанѣ, Афганистанѣ, западной части Гималайскаго хребта и Пенджабѣ онъ появляется только зимой, по свидѣтельству Уайтса. Кромѣ того, по словамъ Вальтера, грачъ проводитъ зиму также въ равнинахъ Туркменіи; здѣсь, по Ясевичу, онъ избираетъ для своихъ ночлеговъ, вмѣстѣ съ другими родственными видами воронъ, нѣкоторые высокія тростниковыя заросли. На этихъ ночлегахъ грачей часто, говорятъ, подстерегаютъ шакалы. Въ Европѣ грачи составляютъ рѣдкость уже въ Швеціи; а въ южной Европѣ они показываются только во время зимнихъ

*) У насъ въ Россіи разсыпаніе отравленныхъ зеренъ нигдѣ, кажется, не практикуется, но вороны часто отравляются стрихнинными палочками, раскладываемыми зимой для лисицъ.

перелетовъ. Въ отличіе отъ родственныхъ видовъ, разсмотрѣнныхъ выше, грачи правильно совершаютъ перелеты безчисленными стаями, достигая сѣверной Африки. Въ Испаніи я видалъ ихъ въ теченіи всей зимы, съ конца октября до начала марта; они попадались часто и всегда большими стаями. Я также постоянно наблюдалъ ихъ въ тѣ-же мѣсяцы въ Египтѣ. Любимѣйшимъ мѣстопребываніемъ этой птицы являются воздѣланныя поля, на которыхъ попадаются рощи. Въ горахъ грачи совсѣмъ не встрѣчаются въ качествѣ гнѣздящей птицы. Небольшой высокоствольный лѣсъ обыкновенно избирается мѣстомъ гнѣздовья и сборнымъ пунктомъ опредѣленнаго, иногда очень значительнаго, числа грачей; отсюда они распредѣляются по окрестнымъ полямъ.

По образу жизни грачъ имѣетъ много общаго съ его уже описанными родичами, но гораздо боязливѣе и безвреднѣе ихъ. Походка его такъ же хороша, полетъ легче, понятливость не менѣе замѣтна и душевныя способности развиты столько же, какъ и у остальныхъ воронъ. Но грачъ еще гораздо общительнѣе своихъ родичей. Такъ, грачи охотно присоединяются къ галкамъ и скворцамъ, вообще къ птицамъ, которыя такъ же слабы, какъ они, или еще слабѣе; между тѣмъ какъ они избѣгаютъ уже черныхъ и сѣрыхъ воронъ, а большого ворона такъ боятся, что тотчасъ бросаютъ свое старое гнѣздовье (откуда ихъ едва можетъ изгнать человѣкъ), если тамъ поселяется воронъ. Однако въ Сибири я видалъ, какъ на одной и той-же падали одновременно угощались грачи, вороны, галки и сѣрые вороны. Голосъ грача—низкое, рѣзкое «кра» или «кром»; на полетѣ, впрочемъ, часто слышно высокое «гирр» или «квер» и также нерѣдко «як, як» галки. Грачъ легко подражаетъ различнымъ звукамъ; онъ даже до известной степени выучивается пѣть, но, напротивъ того, почти вовсе не выучивается говорить. Когда наблюдаешь грачей безъ предвзятыхъ взглядовъ, научаешься уважать ихъ. Грачи порой могутъ быть очень неприятны: прочно поселившись гдѣ-либо, они выказываютъ упорное противодѣйствіе всѣмъ усліямъ человѣка изгнать ихъ отсюда; во время гнѣздованья отвратительнѣйшимъ образомъ пачкаютъ дорожки въ садахъ и почти оглушаютъ слуховые нервы своимъ вѣчнымъ гамомъ въ рощахъ вблизи человѣческихъ жилищъ; грачи могутъ также отличнѣйшимъ образомъ умертвить маленькаго зайченка или заколотить молодую куропатку; затѣмъ, они сердятъ земледѣльца, подбирая на поляхъ хлѣбныя зерна, и садовника, воруя зрѣющіе плоды. Но зато грачи въ тысячу разъ вознаграждаютъ за всякій вредъ, причиняемый ими. Грачъ—наилучшій истребитель майскихъ жуковъ, ихъ личинокъ и голыхъ слизняковъ и отличнѣйшій охотникъ за мышами. При ловлѣ майскихъ жуковъ, по наблюденіямъ Наумана, грачъ систематично принимается за дѣло. Одни грачи взлетаютъ на дерево, на вѣтвяхъ и молодыхъ листьяхъ котораго во множествѣ сидятъ майскіе жуки; отъ стрихиванія, при опусканіи птицъ на концы вѣтвей, жуки сыплются внизъ, а удержавшіеся склеиваются грачами; подъ деревомъ-же осыпавшихся жуковъ подбираютъ другіе грачи. Такъ обрабатывается каждое дерево по порядку, причемъ уничтожается неисчислимое количество этихъ вредныхъ жуковъ. Грачи являются также очень опасными врагами многихъ вредныхъ хлѣбамъ жуковъ. Они подбираютъ ихъ личинки, также личинки майскихъ жуковъ и земляныхъ червей или на свѣже вспаханныхъ поляхъ и идя за плугомъ, или вытаскиваютъ ихъ изъ земли своимъ клювомъ. Тонкое обоняніе грачей, повидимому, безошибочно указываетъ имъ присутствіе подобныхъ личинокъ и они тогда до тѣхъ поръковыряютъ въ землѣ, пока не доберутся до своей добычи. Также усердно, какъ за насѣкомыми, охотится грачи и за мышами. «И помню года», говоритъ Науманъ, «когда хлѣбнымъ всходамъ и зрѣющимъ хлѣбамъ угрожала гибель отъ ужасающаго множества

полевыхъ мышей. На ржаныхъ и пшеничныхъ поляхъ часто можно было видѣть цѣлыя полосы, частью обѣденныя, частью изрытыя мышами. Но хищныя птицы и разные виды воронъ вскорѣ совершенно освобождали землю отъ этой язвы, при содѣйствіи неблагоприятной для мышей погоды. Въ тѣ года у всѣхъ воронъ, убитыхъ мною, зобы были туго набиты мышами. Часто я находилъ 6—7 въ одной птицѣ. Если взвѣсить эту пользу, то, мнѣ кажется, станешь невольно лучше относиться къ ненавистнымъ грачамъ и даже полюбишь ихъ».

Казалось-бы, эта истина, высказанная еще 60 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время должна быть наконецъ признана заинтересованными въ дѣлѣ людьми, именно нашими крупными помѣщиками; но, къ сожалѣнію, этого нѣтъ. Еще и теперь незамѣнимый благодѣтель полей, грачъ, безсовѣстѣйшимъ образомъ преслѣдуется этими помѣщиками. Въ Англии убѣдились, что въ мѣстностяхъ, гдѣ грачи были совершенно уничтожены, много лѣтъ подрядъ повторялись неурожаи; тогда люди сдѣлались умнѣе и стали падать эту птицу. Но наши крупные и мелкіе сельскіе хозяева, вѣроятно, ничего не знаютъ объ этомъ или не желаютъ ничего знать. Ежегодная «стрѣльба воронъ» *), справляемая, какъ праздникъ, представляетъ далеко не лестное свидѣтельство о степени образованія нѣмецкихъ помѣщиковъ **). Когда приближается время насиживания, тысячи грачей собираются на очень маленькомъ участкѣ, преимущественно въ роши среди полей. Одна пара поселяется рядомъ съ другой. На каждомъ деревѣ устраивается 15—20 гнѣздъ, вообще столько, сколько можно умѣститъ. Каждая пара ссорится съ сосѣдней изъ-за строительныхъ материаловъ, и всѣ воруютъ другъ у друга не только ихъ, но утаскиваютъ даже цѣлыя гнѣзда. Вблизи мѣстожительства грачей раздается непрерывное карканье и гвалтъ, и черное облако грачей затемняетъ воздухъ.

Наконецъ, наступаетъ нѣкоторый покой: каждая самка снесла и насиживаетъ свои 4—5 яицъ; они въ среднемъ 38 м.м. длиной, 27 м.м. въ поперечникѣ, блѣдно-зеленыя, испещренныя пепельно-сѣрыми и темно-коричневыми пятнами. Но скоро вылупляются птенцы и гамъ удваивается или утраивается—птенцы желаютъ кушать и умѣютъ очень понятно выражать свои чувства всевозможными неприятными звуками. Въ это время буквально невозможно стоять вблизи подобнаго поселенія грачей. Гвалтъ затихаетъ только ночью; но онъ начинается какъ разъ передъ разсвѣтомъ и непрерывно продолжается весь день и долго спустя послѣ захода солнца. Кто вздумаетъ посѣтить подобное поселеніе грачей, тотъ будетъ точасть-же такъ-же измаранъ ихъ известковымъ пометомъ, какъ почва вокругъ него, на которую странно взглянуть: сверху надетъ непрерывный дождь помета. Къ этимъ неприятнымъ свойствамъ надо прибавить еще упоминавшееся выше упрямство грачей. Ихъ не такъ-то легко прогнать. Можно отбирать ихъ яйца и птенцовъ, можно стрѣлять ихъ сколько душѣ угодно—все это ни къ чему не ведетъ,—они снова возвращаются. Съ удовольствіемъ вспоминаю я усилія Лейпцигской городской думы избавиться отъ грачей, поселившихся на высокихъ тополяхъ тамошняго гулянья. Сначала пустили въ дѣло стрѣлковъ и воору-

*) Krähenschiesen. Когда молодые грачи подростутъ и вылѣзутъ изъ гнѣздъ, предпринимается генеральная бойня грачей: хозяинъ имѣнія съзываетъ гостей и отправляется съ ними на гнѣздовье грачей стрѣлять ихъ, причемъ за день набиваются сотни. Отчеты о такихъ бойняхъ ежегодно печатаются въ *Der Weidmann* и друг. охотничьихъ журналахъ. Примѣч. переводч.

**) Одинъ нѣмецкій охотникъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ опубликовалъ въ *Der Weidmann*, что за годъ онъ изстрѣлялъ на грачей нѣсколько фунтовъ пороку и пудовъ дрови и перебилъ ихъ что-то невѣроятно много. Очевидно, охотникъ считалъ это очень похвальнымъ, если вздумалъ оповѣщать всему свѣту. Примѣч. переводч.

женную силу—ничто не дѣйствуетъ. Тогда, повидимому съ отчаянія, прибѣгли къ послѣднему средству: развернули кроваво-красное революціонное знамя. Буквально такъ: красные флаги весело трепетали по вѣтру рядомъ и подъ гнѣздами грачей, на страхъ и ужасъ всѣхъ мирныхъ гражданъ. Но грачи не побоялись и подозрительнаго краснаго цвѣта. Только когда принялись упорно и постоянно разорять ихъ гнѣзда, грачи бросили наконецъ это мѣсто *). Конечно, многіе проступки грачей далеко не способствуютъ тому, чтобы неразсудительные люди могли ихъ любить. Но кто оцѣнить ихъ пользу, тотъ охотно оставитъ ихъ въ покоѣ, по крайней мѣрѣ хоть въ полевыхъ рощахъ, удаленныхъ отъ жилья.

Какъ ни велика масса грачей, населяющая ихъ гнѣздовья, но ее нельзя и сравнивать съ массами, въ которыя грачи иногда собираются во время зимнихъ перелетовъ. Тысячи присоединяются къ тысячамъ, и это полчище все растетъ и растетъ по мѣрѣ продолжительности перелета. Стаи грачей усиливаются не только другими грачами, но и галками. «Холодной весной 1818 года», рассказываетъ мой отецъ: «видѣлъ я разъ стаю грачей на опушкѣ одного лѣса. Она покрыла всѣ деревья на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ километровъ и значительную часть полей и луговъ. Къ вечеру вся стая поднялась и буквально затемнила воздухъ въ наиболѣе густыхъ своихъ мѣстахъ. Деревьевъ сосѣдняго сосноваго лѣса едва хватило, чтобы пріютить на ночь безчисленныхъ птицъ».

Во время перелетовъ грачи выказываютъ все свое умѣнье летать. Черезъ горы стая обыкновенно летитъ низко, а черезъ долины часто на большой высотѣ. Вдругъ одному грачу вздумается спуститься на 30—100 м., и онъ дѣлаетъ это не медленно и спокойно, а внезапно, со свистомъ, словно безжизненное тѣло падаетъ съ большой высоты на землю. За первымъ грачемъ тотчасъ слѣдуетъ много другихъ, иногда вся стая, и тогда воздухъ наполняется далеко слышнымъ шумомъ. Внизу, долетѣвъ почти до земли, грачи задерживаются и снова покойно летятъ дальше, затѣмъ постепенно снова поднимаются все выше и выше и не болѣе какъ черезъ четверть часа летятъ въ высочайшихъ воздушныхъ слояхъ, являясь глазу въ видѣ маленькихъ точекъ.

На югѣ Европы и въ сѣверной Африкѣ рѣдко попадаютъ такія большія стаи грачей, какъ у насъ. Постепенно собиравшееся громадное полчище снова постепенно дѣлится на отдѣльныя стаи; а эти послѣднія стараются какъ можно лучше эксплуатировать различныя мѣстности. Но грачамъ часто приходится очень круто на чужбинѣ, именно въ Африкѣ. Плодородная долина Нила, повидимому, оказывается тѣсна для нихъ—въ ней не хватаетъ мѣста и пищи для всѣхъ прилетающихъ грачей. Тогда они отправляются искать корма въ сосѣднія пустыни, не находятъ его и сотнями гибнутъ отъ голода. Моисеевы источники въблизи Суэца окружены пальмами, и зимніе черные гости избираютъ ихъ для ночлега. Здѣсь однажды я нашелъ почву, буквально покрытую мертвыми грачами,—нѣсколько сотъ труповъ ихъ лежало другъ возлѣ друга. Всѣ они издохли отъ голода.

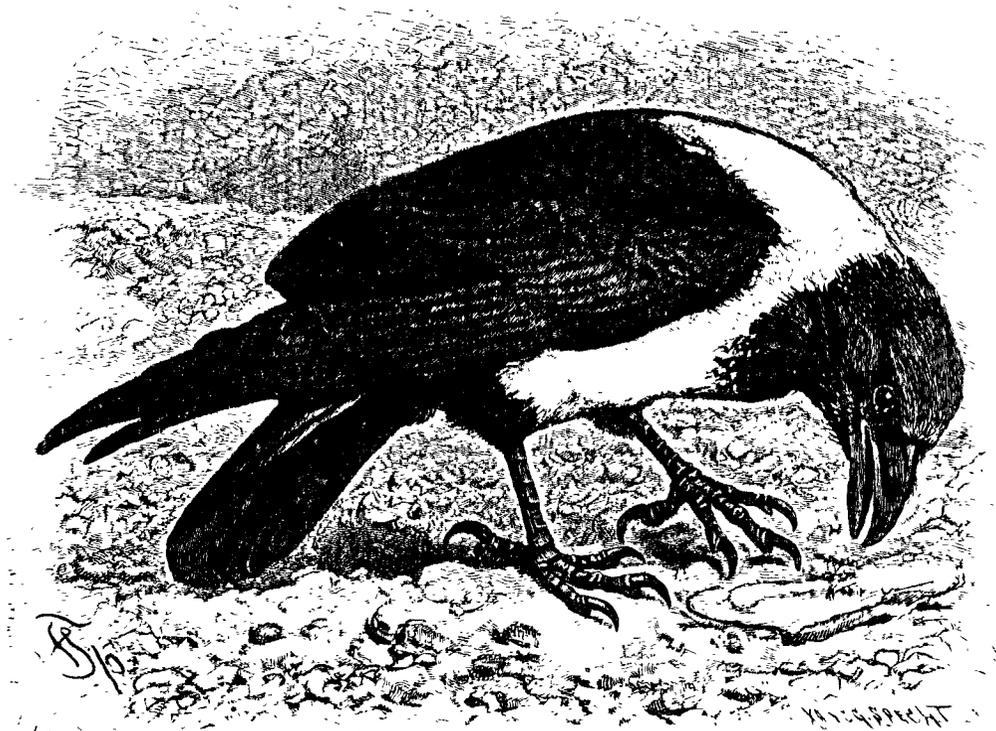
У грачей тѣ-же враги, что и у родственныхъ имъ видовъ. Въ неволѣ грачи менѣе интересны и привлекательны, чѣмъ воронъ и галка, и потому ихъ рѣже держатъ въ клеткахъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ молодые вороны всѣхъ видовъ

*) Въ англійскомъ журналѣ *The Field* описывался слѣдующій способъ избавляться отъ грачей, много разъ испытанный съ полнымъ успѣхомъ: грачамъ даютъ спокойно снести яйца и хорошенько насидѣть ихъ; потомъ собираются люди съ ружьями, поднимаютъ палбу и прогоняютъ грачей съ гнѣздъ; палба поддерживается до вечера, не позволяя птицамъ возвратиться; вечеромъ грачи возвращаются, но за это время яйца уже пропали. Если такую операцію повторить нѣсколько разъ, грачи навсегда бросаютъ свое гнѣздовье. Прим. переводч.

охотно употребляются въ пищу бѣднѣйшимъ населеніемъ; они вообще представляютъ далеко не дурное кушанье. Мясо старыхъ птицъ, конечно, никуда не годится, но все-таки и его ѣдятъ въ нѣкоторыхъ бѣдныхъ частяхъ (Германіи), и даже кое-гдѣ оно играетъ весьма важную роль въ хозяйствѣ жителей. Недавно въ охотничьемъ журналѣ «Der Weidmann» Е. Доберлейтъ подробно описалъ ловлю и потребление воронъ на Куришгафской косѣ. Нашему очевидцу сначала показалась совершенно невѣроятной ловля воронъ массаами въ сѣти, чтобы солить ихъ на зиму; но онъ могъ лично убѣдиться въ совершенной справедливости этого. «Я долженъ замѣтить здѣсь въ видѣ поясненія», пишетъ Доберлейтъ, «что ловля грачей во время перелета ведется мѣстными жителями, какъ промыселъ, или скорѣй они вынуждены къ этому. Бѣдные рыбаки Куришгафской косы часто живутъ по многу дней и недѣль безъ сообщенія съ материкомъ, какъ это было, напримѣръ, въ прошлую зиму. Несмотря на огромныя усилія, имъ приходится очень мало или почти совсѣмъ не ловить рыбы въ Гаффъ, такъ какъ страшные снѣжные заносы и необыкновенная толщина льда сами по себѣ не допускаютъ рыбной ловли. Поэтому рыбакамъ приходится изыскивать другіе источники продовольствія, чтобы кое-какъ просуществовать зимой. Въ прежнія времена въ числѣ приношенія отъ прихожанъ пастору относилось и опредѣленное число воронъ, какъ увѣрялъ меня одинъ тамошній пасторъ. Для ловли грачей по всей косѣ устроены такъ называемыя вороньи шалашы изъ еловыхъ вѣтвей. Во время моей охотничьей поѣздки отъ Кранца до Розиттена я насчиталъ ихъ 245 штукъ. Передъ шалашами раскладываются довольно большія сѣти, устланныя для приманки мелкой рыбой; кромѣ того употребляются сѣти съ приманкой изъ живыхъ воронъ, привязанныхъ на веревочкахъ къ столбамъ. Сѣти сверху присыпаются мелкимъ пескомъ, чтобы сдѣлать ихъ невидимыми. Такъ какъ грачи летятъ вдоль косы тысячами тысячъ изъ Швеціи, Норвегіи и особенно изъ Россіи, то удается безъ особыхъ хлопотъ ловить ихъ массаами. Когда мы послѣ короткаго странствованія прибыли на мѣсто ловли, сѣти уже были поставлены, приколы укрѣплены въ песокъ и приманка разбросана. Мы скрылись въ своихъ шалашахъ; прошло очень мало времени, какъ раздался крикъ передовыхъ грачей, влетѣвшихъ въ сѣть и бросившихся на приманку. За ними слѣдовали все новые и новые. Когда сѣть достаточно наполнилась, ловець дернулъ шнуръ—и нѣсколько дюжины черныхъ птицъ оказалось пойманными. Тогда человекъ быстро бросился вонъ изъ шалаша и началъ безжалостно разбивать птицамъ черепа. Это надо дѣлать какъ можно скорѣе, потому что илѣянники поднимаютъ отчаянный гвалтъ, на который слетаются сотни ихъ братіи, чтобы отомстить за нихъ или по крайности проштъ имъ отходную. Ловцы такъ проворно уобраютъ убитыхъ грачей и снова настораживаютъ сѣти, что и не замѣтишь, какъ та-же исторія начинается снова; проворство ловцовъ тѣмъ удивительнѣе, что въ сыпучемъ песку чрезвычайно трудно быстро дѣйствовать. Ловля продолжается весь день; вечеромъ являются носильщики и уносятъ добычу домой. Тамъ грачей шпарятъ въ кипятокъ, ощипываютъ, потрошатъ, солятъ и складываютъ въ бочки про черный день. Такъ образуется зимній запасъ продовольствія жителей этихъ негостеприимныхъ песчаныхъ дюнъ».

Бѣлогрудая ворона (*Corvus scapulatus*, *scapularis*, *dauricus*, *curvirostris*, *leuconotus*, *phaeocephalus* и *madagascariensis*, *Corax* и *Pterocorax scapulatus*. Schi'd-raben. Geai mantelé). Въ Африкѣ къ югу отъ 18° сѣв. широты мы прежде всего встрѣчаемъ одну очень замѣчательную по своему оперенію ворону, маленькую и со слабымъ клювомъ, распространенную по всей Африкѣ и на Мадагаскарѣ. Это вышеозначенная — бѣлогрудая ворона. Она блестяще-чернаго цвѣта, но на груди.

брюхъ и нижней части затылка имѣть широкую ослѣнительно-бѣлую полосу. Темныя перья сверкаютъ, свѣтлыя—блестятъ какъ атласъ. Глаза свѣтло-каріе. Клювъ и ноги черныя. Длина тѣла 45—50, длина крыла 35, длина хвоста 16 см. Область распространенія бѣлогрудой вороны простирается отъ уровня моря до 4000 м. высоты. Она часто попадается, если и не представляетъ самую обыкновенную птицу, во всемъ Суданѣ и въ низменностяхъ Абиссиніи. Въ равнинахъ она встрѣчается всюду, напротивъ того въ горахъ во многихъ мѣстахъ ея совсѣмъ нѣтъ. Я встрѣчалъ бѣлогрудую ворону обыкновенно парами; иногда, впрочемъ, нѣсколько паръ соединяются въ маленькую стайку, которая однако никогда не остается долго въ сборѣ. Большими стаями я ее не замѣчалъ. Гартманъ говорить, что

Бѣлогрудая ворона *Corvus scapularis* $\frac{1}{3}$ наст. вел

эта птица напомнила ему сороку не только своимъ опереніемъ, но и своимъ веселымъ нравомъ. Съ своей стороны мнѣ кажется, что она болѣе походитъ на нашего большого ворона, чѣмъ на всѣхъ остальныхъ родичей. Полетъ бѣлогрудой вороны легокъ, ловокъ, очень быстръ и похожъ на пареніе хищныхъ птицъ; при этомъ птица великолѣпно выглядитъ: острые маховыя перья и округленный хвостъ придаютъ ей нѣчто почти соколиное, а бѣлое пятно на груди сверкаетъ издали. Походка бѣлогрудой вороны серьезна и полна достоинства, но при этомъ легка и быстра. Голосъ ея—нѣжное «курр». Во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ часто встрѣчается бѣлогрудая ворона, она живетъ въ дружбѣ съ людьми. Я нашелъ ее пушную только во многихъ частяхъ Самхары, но и здѣсь ея недовѣрчивость вызывалась скорѣе непривычнымъ видомъ европейцевъ, чѣмъ боязнью челоуѣка вообще. Но на привалахъ каравана она перестаетъ бояться и европейцевъ. Въ пограничныхъ

поселеніяхъ Самхары бѣлогрудая ворона является обычнымъ гостемъ. Въ селеніи Эдь я видѣлъ ее сидящею на гребняхъ крышъ соломенныхъ хижинъ, какъ сѣрыхъ воронъ и грачей на нашихъ постройкахъ.

Бѣлогрудая ворона строитъ свое гнѣздо на одинокихъ деревьяхъ въ степи или въ рѣдкомъ лѣсу, и въ первые мѣсяцы періода дождей кладетъ 3—4 яйца. Я не видалъ яицъ, но получилъ подробное описаніе ихъ. Повидному, они во всѣхъ отношеніяхъ походятъ на яйца другихъ воронъ. Родители выказываютъ необыкновенную нѣжность къ своимъ птенцамъ и храбро нападаютъ на приближающихся людей, бросаясь на нихъ сверху, подобно соколу. Какъ во всемъ Восточномъ Суданѣ, такъ и въ Абиссиніи, бѣлогрудая ворона не преслѣдуется человекомъ или, если хотите, на нее не обращаютъ вниманія. Ее не считаютъ соб-

Грифовая ворона. *Corvus crassirostris*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ственно нечистой птицей, но никто не думаетъ добывать ее и пользоваться ея мясомъ. Въ неволѣ она ведетъ себя совершенно такъ-же, какъ большой воронъ.

Другимъ достойнымъ африканскимъ представителемъ рода черныхъ воронъ является **Грифовая ворона** (*Corvus crassirostris*, *Corvultur* и *Archicorax crassirostris*. Erzgrabe. Geai à gros bec). Важнѣйшіе отличительные признаки ея слѣдующіе: клювъ огромной величины—длина его превосходитъ длину головы; онъ необыкновенно толстъ, сверху и снизу сильно согнутъ, съ боковъ вдавленъ; у основанія онъ снабженъ широкими плоскими бороздками; щетинъ у основанія клюва нѣтъ. Крылья длинныя; четвертое и пятое маховыя перья длиннѣе прочихъ. Хвостъ сильно ступенчатый. Грифовая ворона достигаетъ длины 70 см.; длина крыльевъ 47, длина хвоста 24 см. На бокахъ шеи опереніе угольно-черное съ темно-пурпуровымъ отливомъ. Остальное опереніе сине-чернаго цвѣта. Маленькія покровныя перья прибавочнаго крыла темно-каштановаго цвѣта, смѣшаннаго съ чернымъ.

В О Р О Н Ы .

1) Гапка. 2) Грачь. 3) Сѣрая ворона. 4) Сорока. 5) Воронъ.

14

Заднюю часть головы и затылок покрываетъ бѣлое грушевидное пятно. Глаза каштановые; ноги черныя; клювъ черный. конецъ его бѣлый.

Гейглинъ обстоятельно описываетъ жизнь этой гигантской вороны. Она живетъ въ горахъ сѣверо-восточной Африки, въ Абиссиніи и въ гористыхъ частяхъ Самали. Къ западу она, по всей вѣроятности, распространена глубоко во внутрь Африки, но осѣдой является лишь въ мѣстностяхъ, не ниже 1200 m. надъ уровнемъ моря и до снѣговой линіи кверху. Она живетъ на плоскогоріяхъ, преимущественно вблизи загоновъ для скота, держится по-парно или маленькими стайками и нисколько не боится человѣка. Подобно своимъ родичамъ, она много бѣгаетъ по землѣ и летаетъ надъ пастбищами, полями и селеніями; рѣдко садится на деревья, а чаще отдыхаетъ на отдѣльно стоящихъ скалахъ или на кровляхъ жилищъ, зоркимъ глазомъ наблюдая окрестности. Нерѣдко также слышится ея грубый крикъ, похожій на крикъ ворона, или ея относительно слабый трещащій призывной голосъ.

Будучи общительна и уживчива, какъ большинство остальныхъ воронъ, грифовая ворона живетъ въ доброй дружбѣ съ питающимися падалью птицами, но не позволяетъ имъ отгонять себя отъ падали. Въ случаѣ нужды она питается жуками и другими насекомыми, по всей вѣроятности и всевозможными плодами, но главная ея пища состоитъ изъ мясныхъ отбросовъ и костей. Ради нихъ она посѣщаетъ селенія, слѣдуетъ за стадами и за войсками. Во время похода англичанъ противъ племени Галла, въ которомъ Гейглинъ участвовалъ на половину по принужденію, грифовая ворона постоянно слѣдовала за войсками вмѣстѣ съ разными грифами и еще однимъ видомъ воронъ. Путешественнику нерѣдко случалось видѣть ее сидящею на человѣческихъ трупахъ, которымъ она сначала выклевывала глаза и затѣмъ раздирала тѣло. Хотя нашъ очевидецъ никогда не наблюдалъ, чтобы грифовая ворона нападала на живыхъ животныхъ, но онъ нисколько не сомнѣвается въ этомъ. Вѣроятно, въ данномъ отношеніи, какъ и вообще по своей разбойничьей дѣятельности, грифовая ворона походитъ на свою южно-африканскую родственницу, — бѣлошейную ворону, поведение которой описалъ Левальянъ.

Бѣлошейная ворона (*Corvus albicollis*. Geiergäbe. Corbivau). Хотя эта ворона также питается преимущественно падалью, но нападаетъ и на живыхъ тварей, именно на овецъ и молодыхъ газелей, выклевываешь имъ глаза и языкъ, затѣмъ убиваетъ и пожираетъ ихъ. Кромѣ того она усердно слѣдуетъ за стадами буйволовъ, рогатаго скота и лошадей, даже за слономъ и носорогомъ, которые тоже доставляютъ ей пищу. Если бы у бѣлошейной вороны имѣлась необходимая сила, она могла бы быть опасна и этимъ гигантамъ; покуда же она должна довольствоваться,ковыряя клювомъ въ ранахъ этихъ животныхъ, причиняемыхъ клещами и разными личинками. Эти мучители млекопитающихъ до того одолаживаютъ иныхъ слоновъ и носороговъ, что они охотно позволяютъ воронѣ долбить себя спину, даже когда при этомъ течетъ кровь, потому что ворона не довольствуется насекомыми, но выѣдаетъ и гноящіяся раны. Гейглинъ нашелъ въ мартѣ гнѣздо бѣлошейной вороны на одномъ недоступномъ утесѣ надъ водопадомъ, совершенно заросшемъ вьющимися растеніями, скрывававшими выстроенное среди нихъ гнѣздо.

* *
*

Галка (*Colaeus monedula*, *Corvus monedula*, *collaris* и *spermolegus*, *Monedula turrium*, *arborea*, *septentrionalis* и *spermolegus*, *Lycus monedula* и *collaris*. Dohle. (houcas) является карликомъ среди нашихъ нѣмецкихъ воронъ и представитель-

ницей особаго рода (*Colaeus*), отличающагося своимъ короткимъ и сильнымъ, но мало согнутымъ клювомъ. Длина галки 33, размахъ крыльевъ 65, длина крыла 22, длина хвоста 13 см. Опереніе на лбу и темени темно-черное, на задней части головы и затылкѣ пепельно-сѣрое, на остальномъ тѣлѣ сверху синевато-черное, а на нижней части тѣла аспиднаго цвѣта или черновато-сѣрое; вокругъ глаза серебристо-бѣлое кольцо; клювъ и ноги черныя. У молодыхъ галокъ цвѣтъ оперенія болѣе грязный, а глаза сѣрые. Прейеръ утверждаетъ, что часто замѣчалъ среди большихъ стай галокъ, особенно въ Рейнскомъ Пфальцѣ, отдѣльныхъ особей, испещренныхъ по всему тѣлу бѣлыми пятнами, и считаетъ эти бѣлыя пятна признакомъ глубокой старости. Но вообще бѣлыя или блѣдно-сѣрыя галки не особенно рѣдки.

Галка, подобно другимъ воронамъ, встрѣчается не только въ большей части Европы, но и во многихъ земляхъ Азии, распространяясь къ сѣверу по крайней мѣрѣ до границы хлѣбопашества. Галка является гнѣздящей птицей также въ гористыхъ частяхъ Туркменіи и до западной части Гиммалайскаго хребта. Зимой она появляется въ большомъ количествѣ въ Пенджабѣ. На югѣ Европы галка рѣже, чѣмъ въ Германіи; но нигдѣ не встрѣчается она столь часто, какъ въ Россіи и Сибири. Въ Германіи она встрѣчается далеко не вездѣ, но лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, причемъ нельзя найти законное объясненіе этому явленію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водится галка, она обыкновенно поселяется въ старыхъ городскихъ башняхъ или другихъ высокихъ строеніяхъ, стѣны которыхъ представляютъ удобныя мѣста для устройства гнѣздъ. Кромѣ того галка встрѣчается въ лиственныхъ лѣсахъ, именно на поляхъ, въ рощахъ съ дуплистыми деревьями. Въ Россіи и Сибири галка во множествѣ живетъ во всѣхъ селеніяхъ и является живописнымъ украшеніемъ деревянныхъ избъ; она гнѣздуетъ подъ черепичными крышами, за отворенными ставнями оконъ, на колокольняхъ и вообще всюду, гдѣ найдеть углубленіе или дыру, способную вмѣстить ее гнѣздо.

Въ Испаніи немногія видѣнныя нами стаи галокъ попадались при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ. Несмотря на то, что многочисленныя и во всѣхъ отношеніяхъ удобныя церкви этой страны представляли прекрасныя жилища для галокъ, мы никогда ихъ не видали въ городахъ и селахъ, а исключительно въ безплодныхъ, почти ненаселенныхъ частяхъ, такъ называемыхъ «кампо», или участковъ страны, не подвергнутыхъ орошенію. Здѣсь стаи ихъ ютились въ круто обрывающихся стѣвахъ вымытыхъ водою ущелій. Жившій неподалеку крестьянинъ рассказалъ намъ, что немного лѣтъ тому назадъ одна пара галокъ явилась около его жилья и поселилась въ этихъ ущельяхъ. Выведенные сю итенцы остались при старикахъ и на слѣдующій годъ вывели итенцовъ вмѣстѣ съ ними. Стая возрастала изъ года въ годъ, пока не достигла угрожающей величины;—теперь вблизи жилья этого крестьянина нѣтъ ни одного плода, котораго не трогали бы непрошенныя гости. Во всей вселенной нѣтъ ни одной твари столь голодной и прожорливой, какъ галка. Ей все годится и ничто не застраховано отъ нея, даже колючіе плоды фиговаго кактуса, которые она умѣетъ ловко вытаскивать изъ ихъ иглистой оболочки.

Галка веселая, живая, ловкая и умная птица. Она умѣетъ сохранять свое веселое расположеніе духа при всевозможныхъ обстоятельствахъ и дѣйствительно оживляетъ мѣстность, гдѣ водится. Будучи необыкновенно общительной, она соединяется въ большія стаи не только съ другими особями того-же вида, но примѣшивается также къ стаямъ другихъ воронъ, именно къ грачамъ, предпринимаемъ даже съ ними зимніе перелеты и въ угоду имъ летитъ возможно медлен-

нѣе; сама же галка очень ловка въ полетѣ, и относительно послѣдняго болѣе походить на голубя, чѣмъ на ворону. Ей такъ легко летать, что она очень часто развлекается всевозможными смѣлыми упражненіями въ воздухѣ, поднимается и опускается безъ всякой цѣли и надобности и выдѣлываетъ разнообразныя забавныя штуки. Она такъ-же умна, какъ воронъ, но выказываетъ лишь его пріятныя качества. Ея призывной крикъ—вполнѣ благозвучное «йек» или «дъек»; въ другихъ случаяхъ она кричитъ «крэ» или «кріе». Ея «йек, йек» въ высшей степени похоже на призывной крикъ грача, что можетъ также служить причиной дружбы этихъ птицъ. Въ періодъ любви галка прेमилло болтаетъ. Голосъ ея вообще гибокъ и богатъ модуляціями, чѣмъ объясняется, что она, безъ особеннаго труда, выучивается выговаривать человѣческія слова или подражать другимъ звукамъ, напр. пѣнію пѣтуха. Относительно пищи галка ближе всего стоитъ къ грачу. Главную массу ея пищи несомнѣнно составляютъ всевозможныя насѣкомыя, улитки и черви. Насѣкомыхъ подбираетъ она на лугахъ и поляхъ или на спянахъ болѣе крупныхъ домашнихъ животныхъ. Она слѣдуетъ за сахаремъ, доврчиво шагая за плугомъ. На дорогахъ шаритъ она въ навозѣ и передъ домами въ отбросахъ. Галка умѣетъ ловко ловить мышей и молодыхъ птицъ, а яйца принадлежатъ къ ея любимѣйшимъ кушаньямъ. Не менѣе охотно ѣстъ она растительныя вещества, именно: хлѣбныя зерна, концы листьевъ хлѣбныхъ злаковъ, клѣбны, проростающія и спѣющія овощи, плоды, ягоды и т. д. Поэтому въ садахъ и фруктовыхъ насажденіяхъ галка можетъ приносить, если и не особенно чувствительный, то все-таки замѣтный вредъ. Въ Россіи и Сибири она также ѣстъ зерна на скирдахъ и гумнахъ; но мнѣ кажется сомнительнымъ, въ правѣ-ли мы поэтому причислять ее къ преимущественно вреднымъ птицамъ; я, напротивъ, готовъ считать, что польза, приносимая ею полямъ, по крайней мѣрѣ равняется приносимому ею вреду, если не превосходить его. Поздно осенью галки улетаютъ отъ насъ вмѣстѣ съ грачами и въ одно время съ ними снова появляются на родинѣ; но много ихъ также зимуетъ въ Германіи, особенно въ приморскихъ городахъ. Точно также въ Россіи и Сибири далеко не все галки улетаютъ на зиму, какъ-бы сурова она ни была.

Во время своихъ зимнихъ перелетовъ галки достигаютъ сѣверо-западной Африки, сѣверо-западной Азіи и Индіи. Въ Египтѣ ни я, ни Гейгливъ никогда ихъ не наблюдали, хотя Рюшель будто-бы часто находилъ ихъ тамъ; напротивъ того, онѣ встрѣчаются вдоль Атласкаго хребта и составляютъ постоянныхъ зимнихъ гостей въ Испаніи, южной Италиі, Греціи, Малой Азіи, Кавказѣ и Каммирѣ; во всѣхъ этихъ мѣстахъ онѣ даже часто гнѣздуютъ. Какъ только весна какъ слѣдуетъ вступить въ свои права, все пары галокъ снова являются на свои привычныя гнѣздовья и теперь здѣсь подымается кипучая жизнь. Нѣкоторыя галки гнѣздуютъ вмѣстѣ съ грачами, но большая часть на зданіяхъ. Поэтому происходитъ много соръ изъ-за удобнаго мѣста для устройства гнѣзда, и каждая галка всячески старается перехитрить другихъ. Лишь величайшая бдительность ограждаетъ одну пару отъ воровства другой; при малѣйшей оплошности мѣсто для постройки гнѣзда можетъ быть захвачено, а гнѣздо разворовано. Самое гнѣздо устраивается различно, смотря по мѣсту, но обыкновенно представляетъ плохую постройку изъ соломы и прутьевъ. Внутренность выстилается сѣномъ, волосомъ и перьями. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, около 35 м.м. длиною и 25 м.м. въ поперечникѣ, испещренныхъ черно-бурыми крапинками по блѣдному зеленовато-голубому полю. Птенцы получаютъ въ изобиліи насѣкомыхъ и червей. Родители въ высшей степени нѣжно любятъ ихъ и въ случаѣ нужды защищаютъ самымъ храбрымъ об-

разомъ. «Стоить показаться», говоритъ Науманъ, «совѣ, коршуну, сарычу—какъ всѣ галки съ ужаснымъ крикомъ бросаются на врага и преслѣдуютъ его на протяжении многихъ верстъ. Когда птенцы нѣсколько подростутъ, они, подобно молодымъ воронамъ, вылѣзаютъ изъ гнѣздъ и садятся передъ щелями, въ которыхъ вывелись, но вечеромъ снова возвращаются въ гнѣзда, пока наконецъ почувствуютъ себя достаточно сильными, чтобы сопровождать стариковъ на поля». Несмотря на значительную плодовитость галокъ, стаи ихъ только въ нѣкоторыхъ городахъ чувствительно возрастаютъ въ числѣ; въ другихъ-же этого не бываетъ или по крайней мѣрѣ незамѣтно; причина подобнаго явленія неизвѣстна. «Куда дѣваются многочисленные птенцы»? спрашиваетъ Либс. «Кречеты и филины въ настоящее время стали слишкомъ большою рѣдкостью въ средней Германіи, чтобы могли приносить существенный вредъ, а климатическія невзгоды, разумѣется, ничего не значатъ для выносливыхъ и умныхъ всеядныхъ птицъ, живущихъ въ селеніяхъ. Человѣкъ у насъ ихъ не трогаетъ, да и во время перелетовъ мало ихъ обижаютъ; а прочіе враги—кошка, куница, хорекъ и ястребъ—одинаково не могутъ причинить такой убыли въ наличномъ числѣ галокъ, чтобы этимъ можно было объяснить ихъ незначительный приростъ.»

Изъ всѣхъ воронъ галку чаще всего держатъ въ неволѣ. Ея веселый нравъ, ея ловкость и смысленность, ея привязанность къ хозяину, ея безвредность, наконецъ перемчивость—все это пріобрѣтаетъ ей друзей. Воспитанныя молодыми, галки безъ труда привыкаютъ вылетать изъ дому и возвращаться. Онѣ скоро привязываются къ дому своего хозяина и даже осенью не бросаютъ его; а если предпринимаютъ вмѣстѣ съ другими галками зимній перелетъ, то на слѣдующую весну нерѣдко возвращаются къ нему обратно. Въ Германіи распространено повѣріе, что при приближеніи холеры галки покидаютъ тѣ города, въ которыхъ вскорѣ должна появиться эта грозная болѣзнь. Положимъ правда, что галки, повидимому, временно куда-то переселяются, но онѣ не уклоняются отъ холеры, а просто переселяются въ поля ко времени созрѣванія плодовъ.

* *
*

Длиннохвостыя вороны образуютъ родъ **Сорокъ** (*Pica*). Признаки ихъ слѣдующіе: клювъ въ общемъ устроенъ какъ у воронъ, но сверху сильнѣе согнутъ; ноги съ длинной плюсной; крылья короткія и округленныя, пятое маховое перо образуетъ конецъ крыла; хвостъ длиннѣе тѣла, сильно ступенчатый; опереніе густое.

Сорока обыкновенная (*Pica rustica, caudata, vulgaris, melanoleuca, albiventris, europaea, germanica, septentrionalis, hiemalis, megaloptera, media, varia, sericea, bottanensis, butanensis, tibetana, japonica, chinensis* и *bactriana*, *Corvus pica* и *rusticus*, *Garrulus picus*, *Cleptes pica* и *hudsonicus*. Elster. Pie), достигаетъ длины 45—48 см.; размахъ крыльевъ 55—58, причемъ надо считать 26 см. на хвостъ и по 18 см. на крыло. Голова, шея, спина, горло, зобъ и верхняя часть груди—блестяще темно-черныя, на головѣ и спинѣ—съ зеленымъ отливомъ; плечи и болѣе или менѣе явственная, часто лишь едва обозначенная, поперечная полоса на спинѣ и нижней части тѣла—бѣлаго цвѣта; маховыя перья—синія, наружный ихъ край зеленый, покровныя перья большихъ маховыхъ перьевъ тоже зеленныя, изнутри маховыя перья по большей части бѣлыя и только на концѣ темныя; рулевые перья темно-зеленныя, на концѣ черныя, повсюду съ металлическимъ, часто мѣднымъ отливомъ. Глаза каріе; клювъ и ноги черныя. У молодыхъ опереніе такое-же, но тусклое и лишенное блеска. Нѣкоторыя равновидности, въ томъ числѣ нѣкоторыя встрѣча-

ющіяся постоянно, выставляются за особые виды; однако ихъ нельзя точно отличить. Область распространенія сороки охватываетъ Европу и Азію отъ сѣверной границы лѣсовъ до Персіи и Кашмира. Въ Туркменіи она гнѣздуетъ въ равнинахъ, согласно Вальтеру, въ Кашмирѣ-же, по словамъ Уайтса, на высотахъ отъ 1500 до 2500 м.ш.. Сорока осѣдло живетъ также въ Белуджистанѣ, въ окрестностяхъ Келата, но сколько извѣстно до сихъ поръ, она не встрѣчается въ Гиммалаяхъ восточнѣе Кашмира. Въ верхней Бирмѣ зимою ее наблюдали въ окрестностяхъ Бамо. Въ большей части странъ и областей сорока весьма обыкновенна, въ другихъ-же ее почти совершенно нѣтъ; такъ, ее совсѣмъ не видно во многихъ провинціяхъ Испаніи, между тѣмъ, какъ въ другихъ она обыкновенна. Сорока по большей части избѣгаетъ высокихъ горъ, безлѣсныхъ равнинъ и обширныхъ лѣсовъ. Любимѣйшими ея мѣстопробываніями являются полевые рощи, опушки лѣсовъ и сады. Она охотно поселяется по сосѣдству съ человѣкомъ и тамъ, гдѣ ее не трогаютъ, становится необыкновенно доверчивой или, правильнѣе, назойливой. Въ Скандинавіи, гдѣ сороку до нѣкоторой степени считаютъ священной мѣстной птицей, она поселяется не въ садахъ, но въ самыхъ дворахъ и строитъ гнѣздо подъ крышами, на выступахъ, устроенныхъ нарочно для нея. Тамъ, гдѣ она водится, сорока представляетъ въ полнѣйшемъ смыслѣ слова осѣдлую птицу. Она живетъ на небольшомъ участкѣ и никогда его не покидаетъ. Если ее истребить на земляхъ, принадлежащихъ одному селенію, то проходитъ долгое время, прежде чѣмъ она снова постепенно распространится тамъ изъ-за границъ района. Только зимою сорока совершаетъ болѣе далекіе перелеты, но все-таки весьма незначительные. Хотя по образу жизни и поведенію сорока во многомъ напоминаетъ воронъ, она во многихъ отношеніяхъ существенно отличается отъ своихъ родичей. Она ходитъ шагая, почти какъ воронъ, но иначе держитъ тѣло—поднимаетъ длинный хвостъ и покачиваетъ имъ, какъ дроздъ или малиновка. Ея тяжелый полетъ, требующій частыхъ взмаховъ крыльевъ, совершенно отличается отъ полета собственно воронъ и уже при относительно сильномъ вѣтрѣ становится невѣрнымъ и медленнымъ. Воронъ цѣлыми часами летаетъ для своего удовольствія,—сорока употребляетъ крылья только по нуждѣ. Она никогда не перелетаетъ безъ надобности даже съ дерева на дерево или съ куста на кустъ.

Ея внѣшнія чувства, повидимому, такъ-же остры, какъ у воронъ, а по уму она имъ нисколько не уступаетъ. Она точно различаетъ опасныхъ и неопасныхъ ей людей и животныхъ. По отношенію къ первымъ сорока всегда на сторожѣ, относительно-же вторыхъ дерзка, а при случаѣ и жестока. Будучи общительной, какъ всѣ птицы ея семейства, сорока охотно присоединяется къ воронамъ и воронамъ. Также любитъ летать съ орѣховками, но охотнѣе всего соединяется съ другими сороками въ большія или меньшія стаи, которыя охотятся сообща и вообще тѣснѣйшимъ образомъ взаимно раздѣляютъ горе и радость. Обыкновенно сороки держатся семействами; ихъ голосъ—рѣзкое «шак» или «крак», часто также соединяемое и тогда звучащее какъ «шакэрак». Эти звуки служатъ и призывнымъ, и тревожнымъ криками, издаются различно, смотря по значенію. Весной, до и во время спариванія, сорока цѣлыми часами болтаетъ или стрекочетъ, издавая множество подобныхъ, но различныхъ между собой звуковъ; поэтому пословица о болтливой сорокѣ имѣетъ все-таки вполне разумное основаніе.

Питается сорока насѣкомыми, червями, улитками, всевозможными мелкими позвоночными, плодами, ягодами, полевыми хлѣбами и зернами. Весной она становится очень вредною, потому что безжалостно разоряетъ гнѣзда всѣхъ слабѣйшихъ птицъ и можетъ буквально опустошить самый богато населенный садъ. Сорока также очень вредна

птичьимъ дворамъ, фазанятникамъ и для пернатой дичи. Она ловить даже старыхъ птицъ, захватывая ихъ совершенно врасплохъ, по словамъ Наумана, потому что она постоянно держится въ ихъ обществѣ, приучаетъ не бояться себя и, такимъ образомъ, обманываетъ на счетъ ихъ безопасности. Точно также сорока часто охотится за мышами и ловить и пожираетъ много вредныхъ насѣкомыхъ, улитокъ и разныхъ безполезныхъ червей; но все-таки сорока всюду является столь разбойнической птицей, что несомнѣнно должна быть причислена къ вреднымъ животнымъ.

Норвежцы утверждаютъ, что сорока въ ночь на Рождество Христово приноситъ первую вѣтвь для своего гнѣзда; въ Германіи это дѣлается обыкновенно не раньше конца февраля. Гнѣздо строится у насъ на вершинахъ высокихъ деревьевъ, а въ низкихъ кустахъ лишь тамъ, гдѣ сорока чувствуетъ себя вполне безопасной. Основаніе гнѣзда дѣлается изъ жесткихъ вѣтвей и колючекъ, на это кладется толстый слой глины и только затѣмъ выдѣлывается собственно гнѣздо, очень тщательно сплетенное изъ тонкихъ кореньевъ и волосъ. Все гнѣздо сверху покрывается кучей колючекъ и сухихъ вѣтвей, при чемъ оставляется сбоку выходъ; эта покрывка хотя прозрачна, но совершенно предохраняетъ насиживающихъ птицъ отъ возможныхъ нападений хищныхъ птицъ. Сорока кладетъ 7—8 яицъ, въ среднемъ 33 м.м. длиной, 23 м.м. въ поперечникъ, усѣянныхъ бурными пятнами по зеленому полю. Послѣ насиживания втеченіи трехъ недѣль вылупляются птенцы. Оба родители обильно кормятъ ихъ насѣкомыми, земляными червями, улитками и мелкими позвоночными. Родители необычайно любятъ свою дѣтвора и никогда не бросаютъ ее. Намъ случалось видѣть, какъ сорока, по которой мы стрѣляли, продолжала насиживать съ дробью въ тѣлѣ. Темногія птицы приближаются къ своимъ гнѣздамъ съ большою осторожностью, чѣмъ сорока, употребляющая всевозможныя хитрости, чтобы не обнаружить гнѣзда. Въ Испаніи сорока часто должна исполнять обязанность пріемной матери, какъ въ Египтѣ сѣрая ворона: мѣстный видъ кукушки кладетъ свои яйца въ ея гнѣздо и сорока съ той-же любовью воспитываетъ пріемыша, какъ и собственныхъ птенцовъ. Если птенцовъ сороки уносятъ или только угрожаютъ имъ, старики поднимаютъ отчаянный крикъ и нерѣдко забываютъ свойственную имъ осторожность. Вокругъ убитого птенца собираются всѣ сороки изъ всего округа, сзываемыя жалобными криками родителей. Сороки, взятые изъ гнѣзда молодыми, необыкновенно ручнѣютъ. Онѣ легко выкармливаются мясомъ, хлѣбомъ, творогомъ, свѣжимъ сыромъ. Онѣ привыкаютъ вылетать и прилетать, выучиваются фокусамъ, паясничать пѣсни и выговаривать нѣкоторыя слова и тогда доставляютъ много удовольствія. Но также онѣ доставляютъ немало неприятностей своею страстью воровать блестящія вещи. Человѣкъ, оберегающій мелкихъ птичекъ, рано или поздно становится отъявленнымъ врагомъ сороки и безопасно изгоняетъ ее изъ охраняемой имъ мѣстности. Также и суевѣрія вооружаютъ человѣка противъ сороки: по мнѣнію суевѣрныхъ людей, убитая въ мартѣ и повѣшанная на дверь конюшни сорока удаляетъ отъ скота мухъ и болѣзни. Сорока, убитая между Рождествомъ и Крещеніемъ, сожженная и истолченная въ порошокъ, есть, говорятъ, вѣрное средство отъ падучей болѣзни. Либе, изъ превосходнаго сочиненія котораго «Гнѣздящія птицы Тюрингіи» я заимствую эти данныя, полагаетъ, что послѣдній предразсудокъ существовалъ содѣйствовать уменьшенію числа сорокъ, прежде изобиловавшихъ въ Тюрингіи—такъ много ихъ было убито, сожжено и истолчено для полученія порошка, излечивающаго падучую болѣзнь, такъ называемаго «Diakonissienpulver». Хитрость сороки, впрочемъ, доставляетъ немало хлопотъ даже самому искусному охотнику,

требуя отъ него много смысленности *). Кромѣ человѣка опасными врагами этой хитрой и смѣлой птицы являются лишь болѣе сильныя хищныя птицы. Больше всего достается ей отъ ястреба тетеревятника, отъ нападенія котораго спасаетъ ее лишь густой кустарникъ. Пойманная ястребомъ сорока, по наблюденіямъ Наумана, жалобно кричитъ и пыгается защищаться, жестоко кусаясь; но что пошло въ когти ястребу, тому не жить.

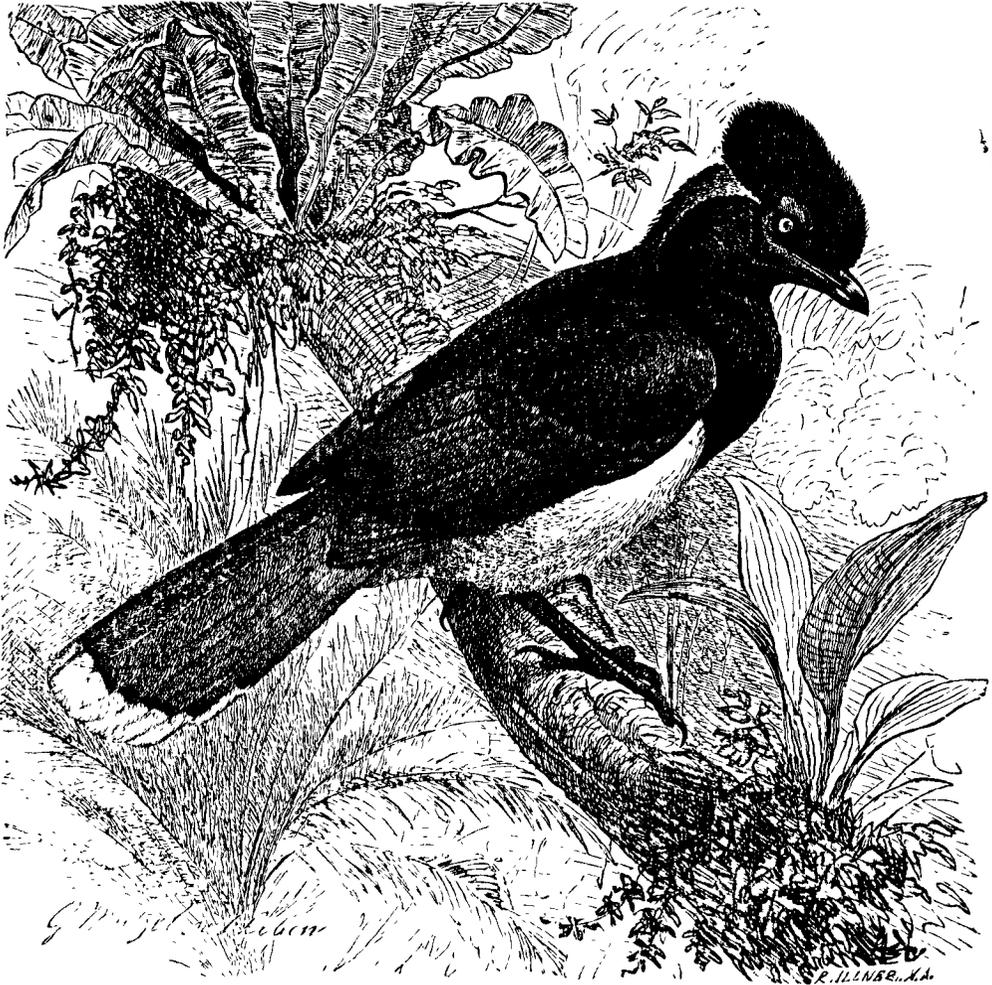
* * *

Представителями средне и южно-американскихъ воронъ являются **Синія вороны** (Cyanocorax). Клювъ ихъ по длинѣ почти равенъ головѣ или немного короче, сильный и прямой, въ передней половинѣ немного сплюснутый, на верхнемъ гребнѣ слегка выпуклый, у основанія прикрытый щетиной; ноги довольно сильныя, съ длинной плюсной; крылья короткія, конецъ ихъ образуется 5-мъ и 6-мъ маховыми перьями; хвостъ довольно длинный, постепенно округленный. **Хохлатая ворона** (Cyanocorax chrisops и pileatus, Pica chrisops и pileata, Corvus и Cyanopus pileatus, Uraleuca pileata, Karpenblaurabe, Pie hurpée), представляетъ распространеннѣйшій видъ рода. Длина ея достигаетъ 35—37 см., размахъ крыльевъ 45 см., длина крыла 15 см., а хвоста 17 см. Лобъ, уздечка и верхняя часть головы, бока шеи, горла и передняя часть шеи внизъ до груди — угольно-чернаго цвѣта. Затылокъ, спина и перья крыла и хвоста, поскольку послѣднія не прикрыты маховыми перьями, ультрамаринавога цвѣта, а у основанія чернаго. Нижняя часть груди до гузки, большія кроющія перья крыла и конецъ хвоста — желтовато-бѣлыя. Подъ и надъ глазами находятся широкія полулунныя пятна небесно-голубого цвѣта. Такое-же пятно имѣется у основанія нижней челюсти. Первые пятна часто имѣютъ серебристую кайму. Глаза желтые. Клювъ и ноги — черныя.

Область распространенія охватываетъ всю болѣе теплую часть Южной Америки, простираясь на югъ до Парагвая. Здѣсь эта птица была превосходно описана Гудзономъ. Хохлатая ворона, называемая испанцами **Урана** (сорока), обладаетъ короткими крыльями, длиннымъ хвостомъ, плотнымъ опереніемъ и ногами, отлично приспособленными для лазанья; все это показываетъ, что она отнюдь не является природной жительницей пампасовъ, но вѣроятно постепенно распространилась здѣсь изъ своихъ родныхъ лѣсовъ. И дѣйствительно, она встрѣчается въ пампасахъ только тамъ, гдѣ есть деревья. Зимой хохлатая ворона является самой несчастной птицей въ пампасахъ, потому что, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ страдаетъ отъ холода. Каждый вечеръ стая изъ 10—20 штукъ садится на толстыя вѣтки защищеннаго отъ вѣтра дерева. Птицы сняты, такъ тѣсно уѣвшися одна подлѣ другой, что образуютъ одну сплошную массу. Нередко нныя буквально усаживаются на спинѣ другихъ, образуя живую пирамиду. Несмотря на это для многихъ изъ нихъ холодъ оказывается роковымъ; — нередко находятъ замерзшихъ или отморозенныхъ хохлатыхъ воронъ подъ мѣстомъ ихъ ночевки. Если утро хорошо, онѣ собираются на высококъ, освѣщаемомъ солнцемъ деревѣ, усаживаются здѣсь на вѣтки съ восточной стороны, расширяютъ крылья и съ удовольствіемъ потягиваются подъ солнечными лучами; въ этомъ положеніи онѣ остаются неподвижно часъ или два, пока кровь снова согрѣется и опереніе обсохнетъ отъ росы.

*) Въ англ. журналѣ The Field рекомендовалось слѣдующее средство истребить сорокъ: весной въ пустыя птичьи гнѣзда, оставшіяся отъ прошлаго года или нарочно укрѣпленныя на деревьяхъ, кладутся яйца, отравленныя стрихниномъ. Въ каждомъ яйцѣ прокалывается дырочка, черезъ которую впускается немного стрихнина, и дырочка заклеивается. Яйца берутся голубинныя или вообще подобныя имъ. Огравившихся сорокъ необходимо подбирать, чтобы онѣ не попались свиньямъ.

Также в теченіи дня птицы эти часто грѣются на солнцѣ и вечеромъ ловятъ его послѣдніе лучи на западной сторонѣ деревьевъ. Только ихъ плодливость и избытокъ въ пищѣ даютъ имъ возможность удерживать свое мѣсто среди птицъ пампасовъ. Въ противномъ случаѣ онѣ навѣрно были-бы истреблены холодомъ—ихъ единственнымъ врагомъ. Съ началомъ теплой весенней погоды урака является совсѣмъ другой, чѣмъ раньше. Онѣ становятся оживленными, крикливыми и веселыми.

Хохлатая ворона. *Cyanocorax chrisops*. $\frac{3}{5}$ наст. вел.

Вся стая непрерывно перелетаетъ съ мѣста на мѣсто. Каждая птица безцѣльно летаетъ вокругъ своихъ товарищей, и всѣ онѣ постоянно жалобно кричатъ. По временамъ иная изъ нихъ издаетъ свое пѣніе: рядъ продолжительныхъ свистящихъ звуковъ, изъ которыхъ первые издаются сильно и громко, а остальные все глуше и глуше, пока все пѣніе сразу обрывается во внутреннемъ глубокомъ придыханіи или ворчаніи, похожемъ на храпѣніе человѣка. Если кто-нибудь приближается къ стаѣ, то птицы кричатъ такъ невыносимо громко, пронзительно и упорно, что потревожившій ихъ, будь онъ человѣкъ или животное, обыкновенно радъ поскорѣе

убраться отъ этихъ крикуновъ. Впрочемъ, во время насиживанія слышится также нѣжная и пріятная болтовня, издаваемая, по всей вѣроятности, самцомъ. Стаи въ это время снова раздѣляются на пары, и хохлатыя вороны становятся крайне недобѣрчивыми. Гнѣздо ихъ устраивается на высокомъ колючемъ деревѣ; оно строится изъ очень толстыхъ вѣтвей, но по большей части такъ жидко и небрежно, что черезъ него видны насквозь яйца, а иногда онѣ даже проваливаются. Гораздо рѣже встрѣчаются гнѣзда лучшей постройки, высланные внутри перьями и сухими или зелеными листьями. Кладка состоитъ изъ 6—7 очень большихъ относительно птицы яицъ; очень часто ихъ бываетъ даже больше. Однажды Гудзонъ нашелъ 14 яицъ въ одномъ гнѣздѣ и, такъ какъ онъ наблюдалъ птицъ съ начала постройки гнѣзда, то могъ достоверно засвидѣтельствовать, что яйца снесены одной парой. Основной цвѣтъ яицъ прекрасно небесно-голубой; но яйца покрыты густо нанесенной бѣлой, нѣжной известковой массой, которую вначалѣ легко стереть или смыть. Непривлекательность птенцовъ хохлатыхъ вороновъ вошла въ пословицу и по пещански «птенцомъ Ураки» называютъ человѣка, лишеннаго всякаго благообразія. Кромѣ своего безобразія, птенцы хохлатой вороны отличаются своей неопрятностью, такъ что гнѣздо, гдѣ ихъ 6—8 штукъ, столько-же мало пріятно для глазъ, какъ и для обонянія. Напротивъ того, крикъ птенцовъ производитъ веселое впечатлѣніе, такъ какъ основные звуки его напоминаютъ пронзительный смѣхъ женщины. Гнѣздо, устроенное въ непосредственномъ сосѣдствѣ Гудзона, дало возможность наблюдать образъ жизни старыхъ птицъ. Когда старики приносили пищу, птенцы подымали такой отчаянный и дикій крикъ, что ихъ нельзя было слушать безъ смѣха. Взятые изъ гнѣзда молодыми, хохлатыя вороны при нѣкоторомъ стараніи становятся необыкновенно ручными и ведутъ себя въ неволѣ почти такъ-же, какъ наши галки и сороки, но выказываютъ то преимущество, что живутъ въ мирѣ съ себѣ подобными. На свободѣ онѣ ѣдятъ преимущественно насѣкомыхъ, но также пожираютъ всевозможныхъ мелкихъ млекопитающихъ, птицъ и пресмыкающихся.

Въ неволѣ ихъ кормятъ всеѣмъ тѣмъ, что ѣдятъ люди. Благодаря ихъ безобидности, онѣ теперь очень часто попадаютъ въ наши кѣтки.

* *
*

Циссы (*Cissa*)—птицы красиваго тѣлосложенія съ ярко окрашеннымъ опереніемъ. Клювъ ихъ по длинѣ равенъ головѣ, довольно толстъ, отъ основанія загнутъ, съ крючкомъ на концѣ. Ноги длинныя, толстыя, съ не очень большими, но сильными пальцами, снабженными большими острыми когтями. На округленныхъ крыльяхъ четвертое и пятое маховыя перья—самыя длинныя. Хвостъ или очень длинный и ступенчатый, или короткій и на концѣ закругленный.

Китайская цисса (*Cissa erythrorhyncha* и *sinensis*, *Urocissa erythrorhyncha*, *sinensis* и *brevivexilla*, *Corvus erythrorhynchus*, *Coracias melanocephalus*, *Psilorrhynchus*, *sinensis*, *Calocitta erythrorhyncha* и *sinensis*, *Schweifkitta*, *Pie chinoise*) можетъ считаться однимъ изъ красивѣйшихъ видовъ своего рода. Общая ея длина 53 см., крылья имѣютъ 19, а хвостъ 42 см. въ длину. Голова, шея и грудь чисто чернаго цвѣта, за исключеніемъ бѣлой долевои полосы, идущей по верхней части головы и по спинѣ, и постепенно переходящей въ синій цвѣтъ; спина и плечи свѣтлаго кобальтово-синяго цвѣта; верхніе кроющія перья хвоста такого-же цвѣта, только на концахъ съ широкими черными краями. Нижняя сторона, начиная съ груди, бѣловатая, съ красновато-пепельнымъ отливомъ; крылья блестящія кобальтово-синія, но внутреннія бороздки маховыхъ перьевъ черныя; всѣ перья имѣютъ бѣлые кончики; рулевые перья синія; среднія изъ нихъ съ бѣлыми

концами; остальные перья бѣлыя и черныя. Глаза красно-бураго цвѣта; клювъ

Китайская цисса. *Cissa erythrorhyncha*. $\frac{1}{2}$, п. в.

кораллово-красный; ноги—блѣдно-краснаго цвѣта.

Китайская цисса водится въ западной части Гиммалайскихъ горъ, а на востокъ ее замѣняетъ другой, родственной ей видъ. По наблюденьямъ Свинхое, она часто встрѣчается въ Китаѣ, именно въ лѣсахъ, окружающихъ Гонгъ-конгъ. Она живетъ здѣсь въ кустарникахъ, но держится болышею частью на землѣ, гдѣ и добываетъ главнымъ образомъ свою пищу. Это весьма умное, внимательное существо, которое часто предостерегаетъ другихъ птицъ и служитъ большою помѣхою для охоты хищныхъ животныхъ: случается, что иногда цисса цѣлыя мили слѣдуетъ за леопардомъ и мѣшаетъ его охотѣ. По Свинхое, ея полетъ походитъ на полетъ нашей сороки; онъ совершенно прямой и сопровождается постоянными взмахами крыльевъ, причемъ хвостъ держится горизонтально. При сидѣнн на вѣткѣ цисса выпрямляется и часто машетъ хвостомъ. Призывной голосъ и крикъ предостереженія выражаются у нея рѣзкими звуками «пинк пинк пинк», къ которымъ присоединяется громкое гоготаніе. Когда раздается это гоготанье, все птицы стаи на-

чинають быстро перелетать съ дерева на дерево и успокаиваются только тогда, когда издали снова послышится созывающій ихъ крикъ «пинк пинк». По Давиду, пицца китайской циссы состоитъ изъ насѣкомыхъ и плодовъ. Любовь къ постѣднымъ перѣдко заводитъ ее въ окрестности сель, но все-же она не рѣшается проникать въ самыя села, какъ это дѣлаетъ при подобныхъ-же обстоятельствахъ наша сорока.

Гнѣздо свое китайская цисса строитъ на деревьяхъ, иногда очень низко надъ землею, а иногда на значительной высотѣ. Оно представляетъ собою довольно рыхло сплетенную постройку, состоящую изъ прутьевъ и высланную внутри корневыми мочками. Число яицъ одной кладки достигаетъ 3—5; окраска ихъ матово-зеленовато-сѣрая, съ крупными бурыми пятнами, которыя на широкомъ концѣ сливаются въ вѣнчикъ.

Въ Китаѣ эту птицу держатъ иногда въ неволѣ и кормятъ тогда сырýmъ мясомъ, мелкими птичками или птенцами, насѣкомыми и тому подобнымъ. Оттуда привозятъ иногда живыми и въ Европу экземпляры этой красивой птицы.

Сойковыя (Garrulinae) отличаются отъ другихъ вороновыхъ короткимъ и тупымъ клювомъ, на верхней сторонѣ котораго иногда имѣется небольшая зазубрина, слабыми ногами, очень короткими, сильно закругленными крыльями, относительно длиннымъ, чуть-замѣтно ступенчатымъ хвостомъ и роскошнымъ, мягкимъ, перьямъ опереніемъ.

Всѣ, принадлежащія сюда птицы живутъ гораздо больше на деревьяхъ и меньше на землѣ, чѣмъ настоящія вороновыя. Онѣ рѣдко соединяются въ многочисленныя стаи, но часто группируются въ небольшія семьи и впродолженіи цѣлаго дня шмыгаютъ по лѣсу, перелетая съ дерева на дерево. Полетъ ихъ, вслѣдствіе короткихъ маховыхъ перьевъ, менѣе увѣренный, чѣмъ у вороновыхъ; сойковыя не въ состояніи подниматься на значительную высоту и потому безцѣльное лѣтаніе по воздуху не можетъ доставить имъ такого удовольствія, какъ вороновымъ. Равнымъ образомъ и на землѣ онѣ держатся весьма неловко, такъ какъ походка ихъ представляетъ собою какую-то жалкую припрыжку. Главнымъ мѣстомъ ихъ дѣятельности служатъ вѣтви деревьевъ; тамъ онѣ движутся съ большею или меньшею ловкостью. По развитію органовъ чувствъ онѣ стоятъ не ниже вороновыхъ: зрѣніе, слухъ и обоняніе у нихъ развиты также довольно хорошо, зато въ отношеніи умственныхъ способностей только немногія изъ нихъ достигаютъ той высоты, на которой стоятъ всѣ вообще вороновыя. Сойковыя тоже умны, но скорѣе хитры, нежели разсудительны, и вообще у нихъ проявляются болѣе низменные качества. По характеру своему онѣ представляютъ болѣе сходство съ сорокопутамъ: онѣ такія же свирѣпыя и хищныя, хотя не обладаютъ ни мужествомъ сорокопутовъ, ни смѣлостью вороновыхъ. Пищу свою онѣ извлекаютъ какъ изъ растительнаго, такъ и изъ животнаго царства. Порою онѣ питаются исключительно всевозможными плодами, тогда какъ въ другое время года безжалостно расхищаютъ чужія гнѣзда и яйца. На основаніи этого, онѣ, по справедливости, принадлежатъ къ нелюбимымъ птицамъ, хотя съ другой стороны нельзя не признать, что и у нихъ есть нѣкоторыя хорошія качества, какъ напимѣръ, способность подражать различнымъ голосамъ, которыя могутъ располагать къ нимъ человека. Относительно постройки гнѣзда сойковыя существенно отличаются отъ вороновыхъ. Онѣ высиживаютъ яйца не обществами, а по-одиночн и гнѣзда ихъ гораздо меньше и иначе устроены, чѣмъ у настоящихъ вороновыхъ. Кладка состоитъ изъ 5—7 яицъ.

Всѣ сойковыя способны къ прирученію, если ихъ взять изъ гнѣзда птенцами. Многія приучаются вылетать изъ клѣтки и снова влетать въ нее, другія научаются болтать отдѣльные слова или насвистывать пѣсенку. Имъ также присуща страсть таскать и прятать разные блестящіе предметы, что, вмѣстѣ съ ихъ неуживчивымъ и хищническимъ характеромъ, дѣлаетъ ихъ весьма неприятными для содержанія въ клѣткахъ.

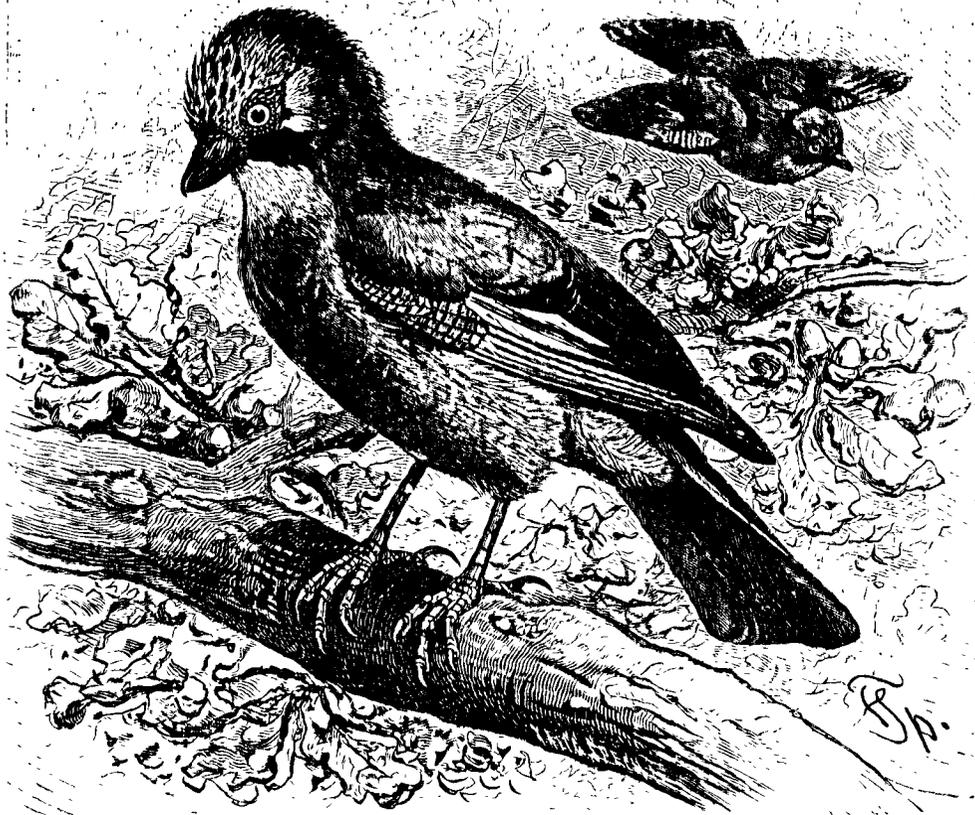
* *
* *
* *

Наша **Кукша, Дикая и Лѣсная сорона, Дикая кошка** (*Garrulus glandarius* и *pictus*, *Glandarius germanicus*, *septentrionalis*, *robustus*, *taeniurus* и *leucocephalus*, *Corvus* и *Lanius glandarius*. *Näher. Geai commun*) представитель рода **Соень** (*Garrulus*. *Holzäher. Geais*) имѣетъ слѣдующіе отличительные признаки: сильный, тупой, на верхушкѣ немного выгнутый, короткій, чуть-чуть крючковатый клювъ, умѣренно высокія ноги съ пальцами средней длины, снабженными сильно изогнутыми, острыми когтями; короткія, сильно округленныя крылья, въ которыхъ пятое и шестое маховыя перья самыя длинныя; умѣренно длинный, отлого округленный хвостъ и роскошное, мягкое, шелковистое опереніе, которое къ головѣ состоитъ изъ узкихъ перьевъ и удлиняется въ видѣ хохолка. Преобладающая окраска его чудная красно-сѣрая, на верхней сторонѣ болѣе темная, чѣмъ на нижней; перья хохолка бѣлыя, посрединѣ съ ланцетовидными черными пятнами, ограниченными голубоватою каемкою; уздечка желтовато-бѣлая съ болѣе темными долевыми полосками; горло бѣлое; надхвостье и гузка бѣлыя; широкая и длинная полоса съ каждой стороны нижней части щекъ бархатисто-чернаго цвѣта, такъ-же какъ и малыя маховыя перья; большія маховыя перья черно-бурыя, снаружки съ сѣро-бѣлыми каемками. Малыя маховыя перья въ первой своей половинѣ, начиная отъ корня, бѣлыя, у самаго корня съ синими чешуйками, въ конечной своей половинѣ бархатисто-черныя; верхнія кроющія перья крыла внутри черныя, снаружки голубыя съ бѣлыми и темно-синими поперечными полосками, вслѣдствіе чего получается великолѣпный рисунокъ; хвостовыя перья черныя, въ первой своей половинѣ съ болѣе или менѣе ясными синими поперечными полосками. Глаза перлового цвѣта; клювъ черный; ноги буровато-красно-мясного цвѣта. Длина птицы 34 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 17, хвоста 15 см.

За исключеніемъ сѣверныхъ частей Европы кукша водится во всѣхъ лѣсахъ этой страны свѣта. Въ восточныхъ, юго-восточныхъ и юго-западныхъ пограничныхъ мѣстностяхъ ее заступають близко родственные ей виды, которые нѣкоторыми натуралистами разсматриваются только какъ разновидности; но мы не будемъ останавливаться на этомъ вопросѣ, потому-что научнымъ образомъ доказано, что въ Европѣ встрѣчается только одинъ видъ ихъ, да и то лишь тотъ, самостоятельность котораго болше всего оспаривается. Къ тому-же, насколько известно, всѣ сойки ведутъ одинъ и тотъ-же образъ жизни и для нашихъ цѣлей будетъ вполне достаточно, если я ограничусь описаніемъ нашей кукши.

Въ средней Европѣ она встрѣчается рѣшительно всюду, какъ въ дремучихъ лѣсахъ, такъ и въ рощахъ, какъ въ хвойныхъ, такъ и въ лиственныхъ лѣсахъ. Весною она держится парами, тогда какъ въ остальное время года—семьями и группами, и постоянно снуетъ взадъ и впередъ по извѣстному, ограниченному пространству. Тѣ мѣстности, гдѣ нѣтъ дубовъ, она иногда покидаетъ на недѣлю, даже на мѣсяцъ; въ общемъ-же, впрочемъ, она по цѣлымъ годамъ остается вѣрна разъ избранному мѣстожителю. Кукша—безпокойная, живая, лукавая, даже въ высшей степени хитрая птица; поступками своими она доставляетъ много удовольствія человѣку, но также зачастую можетъ причинить и досаду. Для соб-

ственнаго развлеченія она принимаетъ самыя разнообразныя положенія, а также неподобно умѣетъ подражать разнымъ голосамъ. На деревьяхъ она проявляетъ большую ловкость, на землѣ движется тоже довольно проворно, но въ полетѣ плоха и потому не рѣшается перелетать большія разстоянія. Пока только есть возможность, она держится на деревьяхъ, и при полетѣ черезъ открытыя мѣстности, ползаетъ каждымъ деревомъ, чтобы спрятаться тамъ. Она находится въ вѣчномъ страхѣ передъ хищными птицами, которыя только въ лѣсу не могутъ добраться до

Кукша. *Garrulus glandarius*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

нея, а во время далекихъ продолжительныхъ перелетовъ тотчасъ-же схватываютъ. Науманъ совершенно справедливо приписываетъ ей страху и ту особенность, что эта обыкновенно столь общительная птица никогда не совершаетъ перелета черезъ открытыя поля стаями, а постоянно по-одиночно, при чемъ одна отъ другой держится на большомъ разстояніи.

Въ высшей степени забавна дѣйствительно замѣчательная способность кукши перенимать голоса другихъ птицъ; эта способность несомнѣнно дѣлаетъ ее даровитѣйшею и забавнѣйшею изъ всѣхъ пересмѣшекъ. Ея обыкновенный крикъ состоитъ изъ пронзительнаго, непріятнаго «рѣтш» или «рѣ», который при испугѣ переходитъ въ столь-же неблагозвучное «кѣ» или «крѣ». Иногда она издастъ ко-

иначе «міау», а также нерѣдко произноситъ, хотя нѣсколько и таинственно, но все-же довольно отчетливо, слово «маргольфъ». Кромѣ этихъ природныхъ звуковъ она заимствуетъ рѣшительно всѣ звуки, которые слышитъ въ своемъ округѣ. Мяукающій призывъ сарыча она передаетъ до такой степени вѣрно и такъ постоянно, что невольно остаешься подл сомнѣніемъ—подражательный-ли это звукъ или ея собственный. За первое предположеніе говорятъ другія наблюденія. Извѣстно также, что иногда она издаетъ звуки, похожіе на визгъ пилы. Шауманъ слышалъ какъ одна кукушка удивительно вѣрно подражала ржанію жеребенка; другія съ успѣхомъ воспроизводили пѣніе домашняго пѣтуха и кудахтанье куриць. Различныя, всюду заимствованныя звуки она соединяетъ, при случаѣ, въ своеобразное пѣніе, болѣе или менѣе благозвучное. «Однажды осенью», рассказываетъ Розенгеймъ, «измученный на охотѣ, я присѣлъ въ лѣсу подъ высокой березой и предался своимъ размышленіямъ о событіяхъ дня. Думы мои неожиданно были прерваны довольно яснымъ щебетаніемъ птицы. Такою поздною осенью и еще пѣніе въ почти уже оголенномъ лѣсу!—подумалъ я. Но кто и гдѣ этотъ поздній пѣвецъ? Я осматривалъ всѣ ближайшія деревья, но никого не увидалъ, а между тѣмъ звуки раздавались все яснѣе и яснѣе. Ихъ поразительное сходство съ пѣніемъ дрозда, навело меня на мысль, что это должно быть онъ. Но искорѣ, однако, послышались другіе, болѣе стрывистые и менѣе громкіе звуки; казалось, что гдѣ-нибудь по соседству со мною составилъ невидимый хоръ. Я совершенно ясно различалъ, напримѣръ, долбящіе звуки дятла, а также стрекотаніе сороки, или вдругъ разносились по-очередно голоса сороконута, дрозда, скворца и даже сивоворонки, однимъ словомъ, все хорошо знакомые мнѣ звуки. Наконецъ на значительной высотѣ я замѣтилъ кукушку. Она-то и упражнялась въ этомъ звукоподражаніи».

Къ сожалѣнію, кукушка обладаетъ другими свойствами, которыя лишаютъ ее расположенія человека. Это—всеядное животное въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова и ужаснѣйшій разоритель гнѣздъ, какой только попадаетъ въ нашихъ лѣсахъ. Начиная съ мыши и итенчика до самаго маленькаго насѣкомаго, ни одно живое существо не обезпечено отъ ея нападенія, а также она не пренебрегаетъ яйцами, плодами, ягодами и т. п. Осенью по цѣлымъ недѣлямъ пища ея состоитъ исключительно изъ желудей, буковыхъ и другихъ орѣховъ. Желудя она размягчаетъ въ зобу, затѣмъ отгрыгаетъ и разгрызаетъ; орѣхи-же раскалываетъ, хотя не безъ труда, своимъ крѣпкимъ клювомъ. Расхищеніемъ желудей она приноситъ нѣкоторую пользу, такъ какъ способствуетъ распространенію дубовъ. Во всемъ остальномъ она не только не полезна, но даже вредна.

Ленцъ считаетъ ее за главнаго истребителя гадюки и даетъ подробное описаніе, какъ она, схвативъ молодыхъ гадюкъ, при случаѣ разбиваетъ имъ головы и затѣмъ съѣдаетъ ихъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ она осиливаетъ даже взрослыхъ змѣй, причѣмъ удачно избѣгаетъ дѣйствія ихъ ядовитыхъ зубовъ, когда ударами своего клюва разбиваетъ голову гадюки съ такою увѣренностью, что та тотчасъ-же теряетъ сознаніе и черезъ нѣсколько минутъ умираетъ отъ быстро слѣдующихъ одинъ за другимъ ударовъ. Вслѣдствіе этихъ геройскихъ подвиговъ нашъ натуралистъ ставитъ кукушку такъ высоко, что даже воспѣваетъ ее въ прекрасномъ стихотвореніи. Но, къ сожалѣнію, ея хищная дѣятельность распространяется не только на однихъ ядовитыхъ змѣй, но также и на многихъ въ высшей степени полезныхъ маленькихъ пернатыхъ. Ея хищничество опасно какъ старымъ, такъ и малымъ. Братъ Шаумана засталъ однажды кукушку за душеніемъ самки пѣвчаго дрозда, матери многочисленнаго семейства, которая, повидимому, пожертвовала собою изъ любви къ дѣтямъ; впоследствии тотъ-же наблюдатель былъ свидѣ-

телемъ, какъ кукша съ ловкостью настоящаго хищника охотилась за молодыми куроатками. Тринтгаммеръ и Гомейеръ въ такой-же степени осуждаютъ кукшу, насколько Ленцъ превозноситъ ее. «Чѣмъ занимается этотъ страстующій рыцарь», вопрошаетъ первый, «этотъ хитрый проныра, этотъ нарядный представитель мошеннической шайки въ продолженіи всего періода размноженія птицъ? Онъ шныряетъ съ дерева на дерево, съ куста, на кустъ, продалбливаетъ гнѣзда, высасываетъ яйца, проглатываетъ голыхъ птенцовъ втѣстѣ съ кожей и пухомъ, преслѣдуетъ и растерзываетъ вылетѣвшихъ изъ гнѣзда птенцовъ, которые по своей неопытности безпреступственно позволяютъ приблизиться къ себѣ. Перепелятникъ и три вида сорокопутовъ нашего лѣса, хотя и могутъ считаться очень вредными птицами, но все вмѣстѣ они не въ состояніи нанести столько зла другимъ пернатымъ лѣса, какъ одна кукша. Она въ девять разъ превосходитъ въ хищничествѣ сорокопута и, какъ истый воинъ, украшена султаномъ и аксельбантами. Гдѣ водворится этотъ грабитель, тамъ нечего и думать о выводѣ молодыхъ птенцовъ. Мои обвиненія вовсе не преувеличены; для доказательства наглости этой птицы можно привести здѣсь разительный примѣръ.

«Впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, къ тому времени, какъ птицы начинали высиживать яйца, въ мой садъ почти каждое утро стала залетать кукша; она рылась тамъ такъ-же, какъ и въ сосѣднихъ садахъ, во всѣхъ деревьяхъ и кустахъ, и тотчасъ разрушала найденныя гнѣзда. На одномъ изъ деревьевъ моего сада давно уже свилъ себѣ гнѣздо зябликъ, а въ кустѣ крыжовника—славка-пересмѣшка; но ни тотъ, ни другая не могли сохранить ни одного выводка и въ заключеніе совсѣмъ улетѣли изъ сада. Наконецъ хищникъ, о нежелательномъ появленіи котораго мнѣ всякій разъ испуганными движеніями давали знать все пернатые жители моего сада, выкинулъотмѣнную штуку. Онъ сталъ преслѣдовать молодыхъ горихвостокъ и уничтожилъ ихъ одну за другой, такъ что въ короткое время въ саду не осталось ни малѣйшаго слѣда пребыванія этихъ милонидныхъ птичекъ. Въ другой разъ онъ вытащилъ изъ отверстія стѣны сосѣдняго дома воробья, который едва начиналъ летать, и преспокойно принялся пожирать его на ближайшемъ деревѣ; при видѣ этого злодѣянія цѣлая стая старыхъ птицъ подняла неистовый гвалтъ и даже смѣло бросилась клевать разбойника. Но тотъ такъ-же мало обращалъ на нихъ вниманія, какъ на мои крики и маханіе шляпою; съѣвъ свою жертву, онъ еще закусилъ нѣсколькими сорванными вишнями и съ насмѣшливыми криками убрался во-свои. Если лѣснымъ хозяевамъ желательно, чтобы маленькія птички уничтожали вредныхъ гусеницъ, чего не въ состояніи сдѣлать человѣческія руки, то они должны близко принимать къ сердцу сохраненіе потомства этихъ птичекъ отъ покушеній ихъ заклятаго врага—кровожадной кукши, которую въ такихъ мѣстностяхъ необходимо обуздывать и держать въ извѣстныхъ предѣлахъ».

Несмотря на то, что присутствіе кукши въ лѣсу доставило мнѣ удовольствіе, я долженъ вполне согласиться съ такимъ взглядомъ Тринтгаммера; къ тому-же долженъ прибавить, что та главная польза, которую можно поставить въ заслугу этой птицѣ, гораздо успѣшнѣе приносится сарычемъ, такъ какъ тотъ совсѣмъ почти не трогаетъ маленькихъ полезныхъ птичекъ.

Время размноженія кукши совпадаетъ съ первыми весенними мѣсяцами. Въ мартѣ пара начинаетъ постройку гнѣзда, а въ началѣ апрѣля завершается уже кладка. Гнѣздо рѣдко устраивается высоко надъ землею; оно находится или на верхушкѣ низкаго дерева или на болѣе высокомъ, то подлѣ самаго ствола, то на крайнихъ вѣтвяхъ. Оно не особенно велико, внизу состоитъ изъ нѣжныхъ, тонкихъ прутьевъ, затѣмъ изъ вереска или сухихъ стеблей, а внутри очень красиво

выслано тонкими корешками. 5—9 яицъ, составляющихъ кладку, имѣютъ 30 м.м. въ длину, 23 м.м. въ толщину и по грязно-желто-бѣлому или бѣло-зеленоватому фону повсюду испещрены сѣро-бурыми крапинками и точками, которыя на тупомъ концѣ обыкновенно сливаются въ вѣячикъ. Послѣ 16-ти дневнаго высиживания вылупляются птенцы, которые сначала вскармливаются гусеницами и личинками, жуками и другими насѣкомыми, червями и т. п., а впослѣдствіи преимущественно маленькими птенчиками. При естественныхъ условіяхъ пара высиживаетъ только разъ въ годъ.

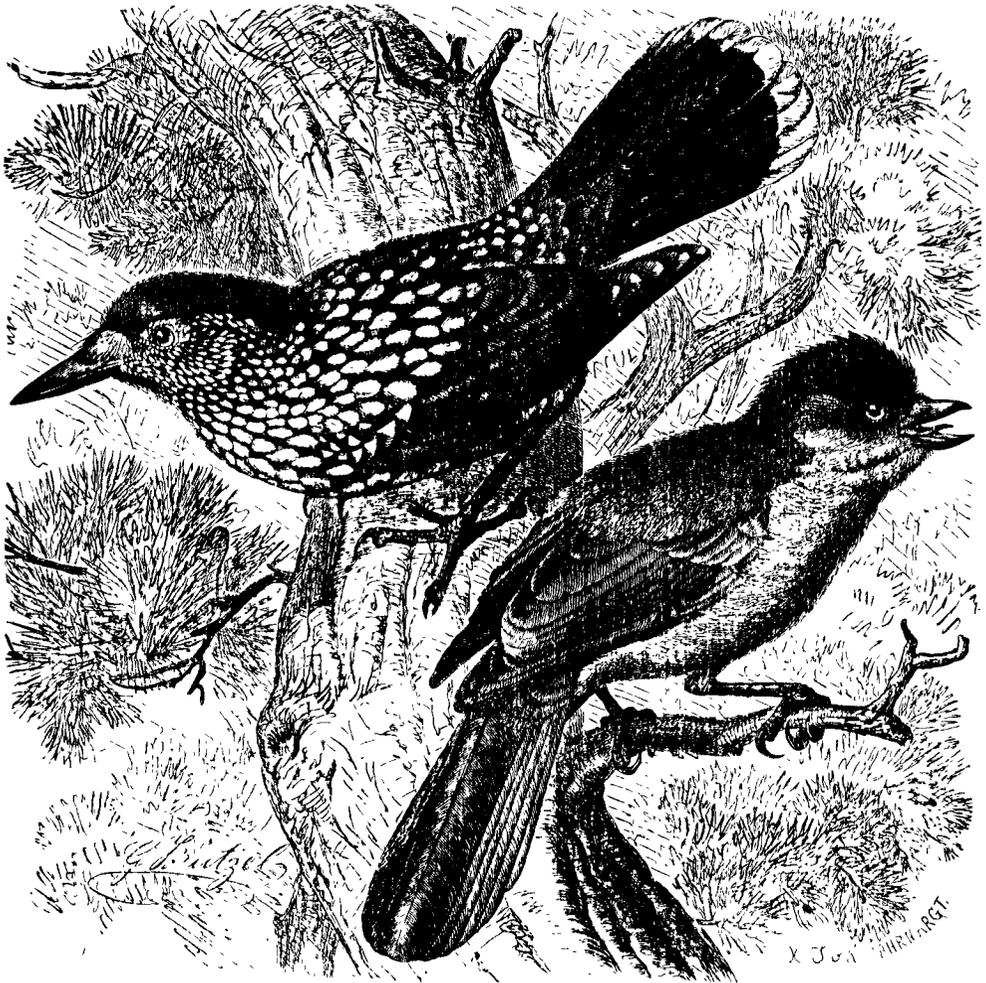
Злѣйшимъ врагомъ кукши является ястребъ, а затѣмъ перепелятникъ. Первый легко овладѣваетъ ею, второй-же—послѣ продолжительной борьбы. Намъ часто доставляли перепелятника и кукшу, которые въ подобной борьбѣ впились другъ въ друга когтями и въ такомъ видѣ падали на землю, гдѣ ихъ и ловили. При перелетѣ къ отдѣльно стоящимъ дубамъ кукша дѣлалась добычею сапсана. По ночамъ на нее нападаетъ филинъ, а, можетъ быть, также и сѣрая сова; гнѣзда ихъ наконецъ разоряются куницами. Другихъ опасныхъ враговъ это вооруженное общество, повидимому, не имѣетъ; поэтому размноженіе кукши происходитъ въ угрожающей степени. Закаленная противъ вліянія непогоды, неразборчивая въ пищѣ, умная, сообразительная и хитрая, эта птица умѣетъ избѣгать всякія опасности. Четвероногихъ преслѣдователей она замѣчаетъ обыкновенно прежде, чѣмъ тѣ ея, и своимъ продолжительнымъ преслѣдованіемъ и ужаснымъ крикомъ часто мѣшаетъ ихъ охотѣ. По отношенію человѣка она проявляетъ большую осторожность и, если хоть разъ была запугана, становится необыкновенно робкою; вмѣстѣ съ тѣмъ она часто насмѣхается надъ охотниками и раздражаетъ ихъ, разгоняя своимъ крикомъ другихъ животныхъ. Такимъ образомъ, къ сожалѣнію, существуютъ всѣ благоприятныя условія для ея постояннаго размноженія. Поймка ея является дѣломъ случая. Иногда ее приманиваютъ ягодами въ птицеловные токи и въ волосяныя силки, гдѣ она и поступаетъ живьемъ во власть человѣка. Большинство-же кукши, находящіяся въ неволѣ, вынута изъ гнѣзда птенцами. Пойманныя старыми, эти птицы не могутъ доставить большого удовольствія, такъ какъ онѣ рѣдко приручаются. Зато, добытыя молодыми, онѣ доставляютъ своему хозяину много радостей: при случаѣ онѣ выучиваются болтать отдѣльныя слова и насвистывать коротенькія пѣсенки. Совершенно излишне упоминать о томъ, что онѣ нетерпимы въ одной клеткѣ съ другими птицами, такъ какъ онѣ никогда не отрываются отъ своихъ хищныхъ наклонностей.

* * *

На сѣверныхъ и восточныхъ границахъ области распространенія нашей кукши начинается мѣстожительство **Ронни** или **Островной сойки** (*Garrulus infaustus*, *Perisoreus infaustus*, *Pica infausta*, *Corvus infaustus*, *russicus*, *sibiricus*, *Lanius infaustus*. Unglückshäher. Geai du nord). Отъ предыдущаго вида она отличается прежде всего очень тонкимъ клювомъ, который на верхушкѣ у конца прямой, передъ этимъ немного изогнутой внизъ, а вдоль краевъ выгнутый довольно замѣтно, у конца же чуть-чуть зазубренный; кромѣ того отличительными признаками служатъ: ноги съ короткою плюскою, нѣсколько ступенчатый хвостъ и очень мягкое лучистое опереніе, которое на головѣ не удлиняется въ хохолокъ. Окраска его на верхней части головы и затылкѣ черная какъ сажа, на спинѣ и плечахъ темно-свинцово-сѣрая, на задней части спины и на надхвостьѣ рыжая, на подбородкѣ, горлѣ и груди чуть-чуть зеленовато-сѣрая, на брюшкѣ и гузкѣ—красноватая; перья, покрывающія ноздри, грязно-желто-бурого цвѣта; маховыя перья внутри черныя, какъ сажа, снаружи буровато-сѣрыя, у корня большею частью

красноватая; большія кроющія перья крыла болѣе или менѣе совершенно ярко красно-бурья; малыя покрывныя перья буровато-сѣрыя; рулевыя перья ярко рыжія, за исключеніемъ обоихъ среднихъ, которыя свинцово-сѣраго цвѣта; обѣ пары перьевъ, слѣдующихъ за средними, имѣють свинцово-сѣрые кончики. Глаза темно-бурые; клювъ и ноги черныя. Длина птицы 31 см.; размахъ крыльевъ 47, длина крыльевъ, какъ и хвоста, 14 см.

Область распространенія ронжи простирается отъ Финмаркена до острова Са-

Пестрая орѣховка. *Nucifraga caryocatactes*. Ронжа. *Garrulus infaustus*. $\frac{1}{3}$ наст. велич.

халина и отъ сѣверныхъ границъ произростанія лѣсовъ до 60° шп.; въ Сибири же еще южнѣе. Отсюда она спускается по временамъ въ болѣе умѣренныя страны и въ такихъ случаяхъ встрѣчается иногда также въ Германіи. Въ районѣ своего мѣстожителства это довольно обыкновенная птица, хотя она и не такъ заурядна, какъ наша кукушка. Въ лѣсахъ, покрывающихъ оба берега нижняго теченія Оби, она составляетъ далеко перѣдкое явленіе, такъ какъ намъ во время нашего кратковременнаго пребыванія въ той области случалось много разъ встрѣчать ее тамъ. Пребываніемъ своимъ она избираетъ, повидимому, мѣстности, гдѣ деревья растутъ

на влажной почвѣ, и покрыты кромѣ того волокнистыми лишаями. Здѣсь ее можно замѣтить развѣ только по крику. Въ лѣсу она снуетъ парами или маленькими обществами, проворно обыскиваетъ деревья и летитъ дальше.

По своимъ привычкамъ и образу жизни ронжа въ высшей степени приятная птица; но она болѣе походитъ на сойку, чѣмъ на нашу кукушу, отъ которой совершенно отличается своимъ полетомъ; она летаетъ необыкновенно легко и тихо, словно скользя по воздуху, причемъ красныя хвостовыя и маховыя перья выказываются во всемъ блесгѣ. Дальнихъ перелетовъ ронжа также не можетъ принимать и летаетъ, насколько я могъ наблюдать, постоянно только съ одного дерева на другое или самое большее черезъ просѣку въ лѣсу до ближайшей чащи. По вѣтвямъ она прыгаетъ очень быстро и ловко, сопровождая каждый прыжокъ участіемъ крыльевъ, причемъ или лазаетъ большими скачками, или буквально скользитъ вдоль вѣтки; съ меньшей ловкостью цѣпляется она также за долевые сучья дерева, хотя большую частью виситъ въ косомъ направленіи, по способу дятла, и такимъ образомъ высматриваетъ себѣ что-нибудь. На землѣ я ее видѣлъ всего одинъ разъ, когда онѣ собрались небольшимъ обществомъ на опушкѣ лѣса у крутого берега рѣки. И здѣсь онѣ держались прицѣпившись почти въ отвѣсномъ положеніи къ берегу, поработали немного клювомъ и снова улетѣли на ближайшее дерево. Ея призывной голосъ выражается звучнымъ «гюб гюб»; громкіе, пронзительные звуки я слышалъ только отъ раненыхъ ронжъ, но никогда не слышалъ отъ нихъ жалобныхъ криковъ, которые бы оправдывали нѣмецкое названіе этой птицы (Unglückshäher).

Самецъ и самка, равно какъ и птицы одной группы, связаны между собою вѣрною дружбою. Первый самецъ, котораго я подстрѣлилъ послѣ того, какъ промахнулся по самкѣ, уналъ съ дерева съ подбитыми крыльями и, когда я хотѣлъ взять его, поднялъ довольно громкій крикъ, звучащій какъ «грэе герэе». Къ нему тотчасъ же, съ безпрерывнымъ крикомъ, поспѣшила самка и усѣлась на ближайшемъ ко мнѣ деревѣ, но когда я поднялъ съ земли ея кричавшаго друга, то она приблизилась ко мнѣ на разстояніи 2-хъ м., стала продолжительно звать и такъ упорно держалась вблизи своего несчастнаго товарища, что я, наконецъ, снова долженъ былъ положить его на землю, чтобы, отодвинувшись, взять правильное разстояніе для выстрѣла; иначе самку разорвало-бы на мелкія части. Когда одинъ изъ членовъ вышеупомянутаго общества былъ убитъ, всѣ прочіе тотчасъ поспѣшили на мѣсто, чтобы узнать объ участи, постигшей ихъ товарища, и покинули мѣсто катастрофы только тогда, когда раздался второй выстрѣлъ.

Отъ другихъ наблюдателей, которые имѣли гораздо больше случаевъ изучать ронжу, чѣмъ я, во время нашего короткаго путешествія по западной Сибири, мы узнаемъ немного болѣе подробныя данныя о жизни этой птицы; но всѣ согласны въ томъ, что ронжа всюду характеризуется себя, какъ доврчивая и любопытная птица. Нильсонъ утверждаетъ, что она до того смѣла, что садится иногда на шалки дровосѣкамъ; Шрадеръ рассказываетъ, что ронжа живетъ на короткой ногѣ съ сѣверными оленями и зачастую провожаетъ стада ихъ на пастбища, причемъ отлично умѣетъ отличать безопасныхъ ей пастуховъ отъ охотниковъ. Подробнѣе всего сообщаютъ Уоллей о размноженіи ронжи и объ ея жизни въ неволѣ, а Зоммерфельдъ, Колле и Зундигтремъ—объ ея пищѣ.

Относительно пищи ронжа оказывается настоящею сойкою, потому что она такая-же всеядная птица въ полномъ значеніи этого слова. Осенью и зимою пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ ягодъ и сѣмянъ, преимущественно хвойныхъ деревьевъ. Всѣ убитые нами экземпляры имѣли въ желудкахъ своихъ исклю-

чительно ягоды и остатки насѣкомыхъ. Зимую, когда глубокіе снѣга совершенно покрываютъ кусты ягодъ, ронжа находитъ себѣ убѣжище на хвойныхъ деревьяхъ. Она лазаетъ по вѣтвямъ какъ синица, разбиваетъ шишки хвойныхъ деревьевъ о крѣпкій сукъ и вытаскиваетъ оттуда сѣмена. Передъ наступленіемъ зимы она устраиваетъ кладовыя, въ которыхъ складываетъ значительные запасы зеренъ; но ей часто приходится терять отъ пазойливости бѣлокъ, мышей или дятловъ и синицъ, которыя разворовываютъ ея запасы. Въ періодъ размноженія маленькихъ пернатыхъ она становится такимъ-же свирѣпымъ разорителемъ гнѣздъ, какъ кукуца, пожираетъ также взрослыхъ мелкихъ птишекъ и маленькихъ млекопитающихъ, которыхъ можетъ одолѣть, ѣсть вывѣщенное для выленія оленье мясо или пойманныхъ въ петли куропатокъ, не брезгаетъ даже и падалью.

Нордвн сообщилъ мнѣ, что ронжа, нерѣдко встрѣчающаяся въ Варангеръ-Фіордѣ, уже въ мартѣ приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда, и птенцовъ выводитъ наипозднѣе въ апрѣлѣ. Гнѣздо, которое онъ мнѣ далъ, представляло собою довольно большую постройку, наружная часть которой состояла изъ прутьевъ, травы, мха и сухихъ лишайевъ, а внутренняя была необыкновенно плотно выстлана волосами и въ особенности перьями бѣлой куропатки, составлявшими мягкую и теплую постельку. Всѣ тѣ гнѣзда, которыя были собраны егерями Уоллея, находились на соснахъ, подлѣ самыхъ стволовъ, большею частью такъ низко, что они могли доставать ихъ рукою прямо съ земли. 3—5 яицъ, составляющія обычную кладку гнѣзда ронжи, имѣютъ 31 м.м. въ длину, 21 м.м. въ толщину и по грязновато-бѣлому или блѣдно-зеленовато-бѣлому фону испещрены красновато-сѣрыми и болѣе или менѣе темными бурыми пятнышками различной величины. Оба родителя проявляютъ къ своему выводку нѣжную любовь, стараются держаться въ гнѣздѣ какъ можно тише, чтобы не обнаружить присутствія птенцовъ, а въ случаѣ опасности пускаютъ въ ходъ хитрость, чтобы обмануть врага и отвлечь его отъ гнѣзда; прыгаютъ, напримѣръ, на землю и бьются на ней, какъ будто у нихъ отнялись крылья, чтобы показать охотнику, что они легко могутъ сдѣлаться его добычей, а когда имъ удастся отвести его такимъ образомъ въ сторону, мгновенно поднимаются и улетаютъ, чтобы, сдѣлавши большой кругъ, вернуться къ своимъ птенцамъ. Егеря Уоллея находили въ половинѣ мая, въ большей части гнѣздъ болѣе или менѣе выросшихъ птенцовъ. Одинъ выводокъ они посадили въ клетку, предоставивъ родителямъ вскормить его, но птенцы были освобождены изъ неволи, какъ только умнымъ птицамъ удалось открыть дверцу клетки.

Послѣ долгихъ трудовъ Уоллею удалось, наконецъ, получить живыми пять штукъ ронжъ и счастливо перевезти ихъ въ Лондонъ. Ловить ихъ въ силки никоимъ образомъ не удается; содержаніе въ клеткѣ представляетъ еще болѣе трудностей. Болѣе живыхъ и хитрыхъ птицъ, по мнѣнію Уоллея, нельзя себѣ представить. Поэтому-то пойманные экземпляры всюду возбуждали удивленіе. Громкія и разнообразныя выкрикиванія ронжъ раздраживали мальчугановъ и подстрекали ихъ къ подражанію звуковъ сойки, а тѣ въ свою очередь откликались на ихъ крики. Сосѣди и служители относились къ нимъ терпѣливо, потому-что ихъ также занимали эти птицы. Къ сожалѣнію, онѣ жили недолго.

* * *

Сѣверной половинѣ Америки принадлежатъ **Синія сойки** (*Cyanocitta. Blauiäher*). Туловище у нихъ стройное, клювъ короткій, сильный, чуть-чуть загнутый и острый; крылья короткія, и въ нихъ четвертое и пятое маховыя перья длиннѣе

прочих; хвост длинный и сильно округленный; оперение мягкое, нѣжное и блестящее; на головѣ перья удлинены въ видѣ хохолка.

Самый извѣстный видъ этого небогатаго видами рода есть **Хохлатая сойка** (*Cyanocitta cristata*, *Pica cristata*, *Corvus*, *Garrulus*, *Cyanurus*, *Cyanocorax* и *Cyanogarrulus cristatus*, Schopfhäher, Geai huppé). Оперение верхней стороны въ общемъ блестяще-синяго цвѣта; хвостовыя перья украшены тонкими темными полосками, а перья крыльевъ—отдѣльными черными пятнышками на концахъ; концы малыхъ маховыхъ перьевъ и большихъ кроющихъ перьевъ крыла, боковыя хвостовыя перья, а также нижняя сторона, начиная отъ груди,—бѣлые или сѣро-бѣлые. Боковыя стороны головы блѣдно-голубыя; кольцообразная полоса, идущая отъ затылка, мимо глазъ, въ верхней части шеи, и узкая лобная полоска, продолжающаяся до глазъ въ видѣ уздечки, — густого чернаго цвѣта. Глаза сѣро-бурые; клювъ и ноги черно-бурые. Длина птицы достигаетъ 28 см., размахъ крыльевъ 41, длина крыльевъ 14, а хвоста 13 см.

Всѣ натуралисты согласны въ томъ, что хохлатая сойка, Blue Jay, какъ называютъ ее американцы, составляетъ красоту сѣверо-американскихъ лѣсовъ. Тѣмъ не менѣе птица эта имѣетъ мало друзей. Она повсюду извѣстна и вездѣ довольно обыкновенна; въ большинствѣ мѣстностей она живетъ осѣдло и только въ сѣверныхъ штатахъ появляется въ видѣ перелетной птицы. Образъ жизни ея болѣе или менѣе тотъ-же самый, что и у нашей кукушки. Она предпочитаетъ густые, средней высоты лѣса, хотя не избѣгаетъ и высокоствольныхъ, при случаѣ залетаетъ въ фруктовые сады, безпрестанно порхаетъ съ мѣста на мѣсто, ко всему внимательно присматривается и прислушивается, предостерегаетъ другихъ птицъ и даже млекопитающихъ своимъ громкимъ крикомъ, подражаетъ различнымъ голосамъ, хищничаетъ сообразно своей величинѣ на большихъ пространствахъ, короче сказать—является во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ представителемъ своего европейскаго родича.

Американскіе естествоиспытатели даютъ обстоятельныя свѣдѣнія объ образѣ жизни хохлатой сойки и, между прочимъ, рассказываютъ о ней забавныя исторіи. Вильсонъ называетъ ее трубачемъ пернатыхъ, потому-что, замѣтивъ что-нибудь опасное, она начинаетъ кричать во все горло, чѣмъ предостерегаетъ всѣхъ другихъ птицъ. По Гергардту, ея крикъ звучитъ какъ «титуллиту» и «гек гек»; обыкновенный ея зовъ—звучное «кэ». Гергардтъ упоминаетъ, что она до самообмана подражаетъ голосу краснохвостаго сарыча, а Одобояъ говоритъ о такомъ-же подражаніи крикамъ перепелятника, что всѣхъ маленькихъ птицъ приводитъ въ страшный испугъ; далѣе—что если ей удастся открыть присутствие лисицы, енота и другого какого-либо хищника, то она докладываетъ объ этомъ присутствіи всему пернатому царству своего округа, созываетъ всѣхъ соекъ и воронъ и тѣмъ приводитъ въ ярость хищное животное. Совъ она мучаетъ до того, что тѣ, елико возможно, спѣшаютъ спастись бѣгствомъ. Зато и сама она очень прожорливая и вредная хищная птица: она безошадно разоряетъ всѣ гнѣзда, какія только можетъ найти, пожираетъ яйца и птенцовъ, даже нападаетъ на раненыхъ птицъ значительной величины и довольно сильныхъ млекопитающихъ. Птица ея состоитъ изъ всевозможныхъ мелкихъ млекопитающихъ и птицъ, всякихъ насекомыхъ, сѣмянъ и т. п.

По словамъ Одобоя, это въ высшей степени хитрая, лукавая и коварная птица; ктому-же она болѣе властолюбива, чѣмъ храбра, притѣняетъ слабыхъ, боится сильныхъ и избѣгаетъ даже равныхъ себѣ по силѣ. Вслѣдствіе этого, боль-

шая часть птиц ненавидит хохлатую сойку и страшно боится ее, когда она подступает къ ихъ гнѣздамъ. Дрозды и другія подобныя имъ птицы, прогоняютъ ее, какъ только замѣтятъ ея приближеніе; но она пользуется ихъ отсутствіемъ, подкрадывается къ гнѣздамъ и вынимаетъ яйца или пожираетъ птенцовъ. «Я видѣлъ», говоритъ Одюбонъ, «какъ одна хохлатая сойка въ продолженіи цѣлаго дня перелетала отъ одного гнѣзда къ другому и притомъ съ такою аккуратностью,

Хохлатая сойка. *Cyanocitta cristata*. 3/5 наст. вел.

съ какою докторъ посѣщаетъ своихъ больныхъ. Это дѣлалось, однако, съ единственною цѣлью—выпивать яйца. Она совершала также нападенія на молодыхъ цыплятъ, но была во время прогнана насѣдкою». Осенью хохлатыя сойки цѣлыми стаями появляются на кленовыхъ, дубовыхъ и другихъ деревьяхъ, имѣющихъ плоды, наѣдаются тамъ до отвалу и, кромѣ того, цѣлую массу зеренъ или желудей складываютъ еще гдѣ-нибудь въ опредѣленномъ мѣстѣ съ намѣреніемъ полакомиться ими зимою. Этимъ онѣ способствуютъ, правда, обѣмненію лѣсовъ, но эта польза не можетъ быть цѣннима высоко.

Смотри по мѣстности, хохлатая сойка выводитъ птенцовъ одинъ или два раза въ годъ. Гнѣздо свое она строитъ изъ вѣтвей и другаго твердаго матеріала,

а внутри выстилает вѣжными кореньями. Глѣдка состоитъ изъ 4—5 яицъ 30 мм. длиною и 22 мм. толщиною, съ оливково-бурою скорлупою, испещренною темными пятнышками. Пока самка сидитъ на яйцахъ, самецъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы не выдать присутствія гнѣзда, держится тихо, безпумно и обставляетъ свои посѣщенія возможною таинственностью. Птенцы вскармливаются преимущественно насѣкомыми.

Взятые изъ гнѣзда птенцами, синія сойки скоро дѣлаются ручными, но все-же ихъ слѣдуетъ держать въ отдѣльныхъ клѣткахъ, такъ какъ онѣ съ яростью нападаютъ на другихъ птицъ и умерщвляютъ ихъ. Одна плѣнница, жившая въ общей клѣткѣ съ другими птицами, мало-по-малу уничтожила всѣхъ своихъ сожителей. Старыя птицы этого вида также скоро свыкаются съ потерей свободы. Одюбонъ рассказываетъ, что однажды онъ приказалъ ноймать до 30 синихъ соекъ, съ намѣреніемъ взять ихъ съ собою въ Европу и тамъ выпустить на свободу. Птицъ приманивали маисомъ въ обыкновенныя ловушки и, поймавши, относили къ натуралисту. Одюбонъ сажалъ всѣхъ птицъ въ одну клѣтку. Новая плѣнница держалась всегда испуганно и робко, забивалась въ уголокъ, гдѣ оставалась въ продолженіи всего перваго дня своей неволи, сидя, тихонько притаившись, и съ такимъ глупымъ видомъ, который совершенно несвойственъ этимъ птицамъ; прочія плѣнницы сновали взадъ и впередъ около нея, но она не трогалась съ мѣста. На пищу, которую ей предлагали, она даже почти не смотрѣла. Если ее трогали рукой, то она только низко пригибалась и все-таки неподвижно оставалась въ своемъ углу. На слѣдующій день поведеніе ея совершенно измѣнилось; эта новая плѣнница опять становилась совершенною сойкою, ѣла маисовыя початки, прекрасно держала ихъ въ лапахъ, ловко разбивала клювомъ, очищала шелуху, выклеивала оттуда зерна и вела себя съ полною непринужденностью. Когда клѣтка наполнилась плѣнницами, то ихъ безпрестанное долбленіе представляло собою веселое развлеченіе. Казалось, какъ говоритъ Одюбонъ, что работаетъ цѣлое множество кузнецовъ. Кромѣ маиса, синія сойки ѣли всякіе другіе плоды и съ особеннымъ удовольствіемъ—свѣжее мясо. Между собою онѣ жили миролюбиво и представляли собою дружеское товарищество. Иногда кто-нибудь изъ нихъ поднималъ тревогу, тогда и всѣ прочія приходили въ такое-же смятеніе, какъ это бываетъ во время тревоги въ лѣсу.

Одюбону не удалось достигнуть своей цѣли и заселить наши европейскіе лѣса синими сойками. Его птицы прекрасно перенесли путешествіе, но подъ конецъ ихъ покрыла такая масса паразитовъ, что, несмотря на всѣ принятые мѣры, онѣ погибли отъ нихъ. Такимъ образомъ въ Лондонъ онъ привезъ всего одинъ экземпляръ. Въ повѣйшее время стали довольно часто привозить синихъ соекъ въ Европу и поэтому ихъ можно встрѣтить теперь почти въ каждомъ зоологическомъ саду. До сихъ поръ однако не нашлось никого, кто-бы привелъ въ исполненіе предпріятіе Одюбона—развести въ нашихъ лѣсахъ синихъ соекъ. Безъ сомнѣнія, эти птицы послужили-бы великолѣпнымъ украшеніемъ лѣсовъ, но пользы онѣ принесли-бы не больше своихъ европейскихъ родичей.

Злѣйшими врагами синихъ соекъ являются крупныя виды соколовъ и, вѣроятно, также многія совы, живущія въ Америкѣ. Съ маленькими соколами синія сойки, по словамъ Гергардта, часто заводятъ продолжительныя битвы; но драки съ этимъ ловкимъ хищникомъ, такъ-же какъ и съ перепелятникомъ, вовсе не имѣютъ кровопролитнаго характера, а скорѣе смахиваютъ на игры. По мнѣнію Гергардта, нападающей стороной бываетъ то соколъ, то сойка.

Въ гористой Мексикѣ синихъ соекъ заступать, можетъ быть, еще болѣе красивый видъ—**Чубатая голубая сойка** (*Cyanocitta diademata*, *Cyanogarrulus*, *Lophocorax* и *Cyanurus diadematus*, *Diademhäher*, *Rollier diadème*), которая отличается въ особенности своимъ высокимъ, торчащимъ хохломъ. Голова и хохолъ этой птицы ярко-синяго цвѣта ультрамарина; передняя часть головы серебристо-кобальтово-голубого; передняя часть хохла ярко-голубого; перья, покрывающія нозь, уздечку и стороны головы,—черныя; щеки и ушные перья тускло-голубоватыя; бровное пятно и другое—меньшее, кругленькое подѣ глазомъ—бѣлыя; общія окраска верхней стороны зеленовато-голубая; на подбородкѣ перья сѣровато-бѣлыя; остальные нижнія части свѣтлаго кобальтово-голубого цвѣта; горло и грудь пурпурово-синія; крылья синія, темнѣе спины; большія маховыя перья снаружи съ свѣтлыми, зеленовато-голубыми каемками; всѣ большія покровныя перья, малыя маховыя и темно-синія хвостовыя перья съ широкими черными каемками. Глаза бурые; клювъ и ноги черныя. Длина птицы 29 см., крылья и хвостъ имѣютъ въ длину по 14 см.

Относительно образа жизни чубатой сойки существуютъ разнообразныя свѣдѣнія. Такъ какъ американскіе орнитологи считаютъ пять существующихъ тамъ видовъ чубатыхъ соекъ лишь за разновидности, то нельзя съ увѣренностью сказать, которую изъ хохлатыхъ соекъ они имѣютъ въ виду. Общая характеристика ихъ сводится къ тому, что въ районѣ своего мѣстожителства эти птицы встрѣчаются довольно часто. Она вовсе не изъ робкихъ, отличается своею болтливостью и чрезмѣрнымъ любопытствомъ, чѣмъ въ значительной степени способствуетъ оживленію лѣсовъ, тѣмъ болѣе, что, подобно всѣмъ сойковымъ, удачно умѣетъ подражать голосамъ различныхъ птицъ и заимствуетъ отъ другихъ пернатыхъ своего округа отдѣльныя части ихъ пѣсенъ. Въ продолженіи лѣта онѣ вовсе не покидаютъ лѣса, зимою-же, напротивъ, посѣщаютъ населенныя мѣстности, держатся по близости жилья и съ воровскою похотливостью высматриваютъ себѣ что-нибудь съѣдобное. При своихъ воровскихъ набѣгахъ, онѣ соблюдаютъ совѣмъ несвойственную имъ въ обычное время молчаливость, какъ будто дѣйствительно сознаютъ всю опасность своего рискованнаго предпріятія. Зато въ лѣсу онѣ никогда не безмолвствуютъ и о всякомъ своемъ открытіи, на которое наталкиваетъ ихъ неизсякаемое любопытство, оповѣщаютъ весь міръ громкимъ крикомъ; онѣ любятъ также сопровождать путника, который появится въ ихъ, рѣдко посѣщаемыхъ людми, пустыряхъ, какъ будто интересуются его образомъ дѣйствій и желаютъ наблюдать его. Каусъ (*Coates*), который неоднократно наблюдалъ чубатыхъ соекъ, совершенно отрицаетъ въ нихъ всякую кротость и сдержанность, свойственныя маленькимъ птицамъ, и называетъ ихъ забіяками, которые всегда готовы сунуть нозь въ какое-нибудь приключеніе, все равно—безопасно оно для нихъ, или связано съ какимъ-нибудь рискомъ, принесетъ оно имъ добычу или только одно простое удовольствіе.

Иногда онѣ отправляются на свои воровскія предпріятія по-одиночн, но чаще въ обществѣ себѣ подобныхъ товарищей; при этомъ онѣ помогаютъ другъ другу и совмѣстными усилиями уносятъ то, что раздобудутъ. При такихъ обстоятельствахъ Каусу пришлось наблюдать группу чубатыхъ соекъ, воинственныхъ стремленія которыхъ были направлены на одинъ густой кустарникъ, возбудившій въ нихъ надежду найти тамъ гнѣздо съ яйцами, или что-либо еще болѣе соблазнительное для ихъ клювовъ, всегда готовыхъ къ работѣ, или, наконецъ, просто какое-нибудь развлеченіе. Къ великому удовольствію всего общества въ чащѣ кустарника оказалась маленькая сова, избравшая это скрытое убѣжище для того, чтобы съ закрытыми глазами спокойно предаться процессу пищеваренія. Поднялась несказанная суматоха: всѣ маленькія птички, испугнутыя нашествіемъ

соекъ, разлетѣлись, тогда какъ эти послѣднія съ крикомъ напустились на безпомощную, смущенную сову, мстя ей, можетъ быть, за какое-нибудь злодѣяніе, совершенное когда-либо ея хищными родичами надъ семействомъ соекъ. Сова, въ свою очередь, вздернула перья, заскрежетала клювомъ и, грозно помахивая головою, старалась напугать соекъ. Но смѣлыхъ и назойливыхъ птицъ не такъ-то легко было испугнуть, такъ что жертва ихъ нападенія должна была, въ концѣ концовъ, искать спасенія въ бѣгствѣ и поспѣшно направиться къ сосѣднему ку-

Чубатая голубая сойка. *Cyanocitta diademata*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

сту можжевельника, въ надеждѣ скрыться тамъ. Вся стая соекъ тотчасъ-же бросилась за нею и, по всей вѣроятности, эта борьба кончилась-бы не въ пользу совы, еслибъ наблюдатель не подстрѣлилъ сначала ее, а потомъ и четырехъ другихъ птицъ изъ стай назойливыхъ соекъ.

Чубатая сойка ѣсть все съѣдобное, начиная съ яицъ, итенцовъ и маленькихъ птичекъ и кончая наѣдомыми; главное-же ея пищею все-таки остаются различныя растительныя вещества, древесныя сѣмена, а также плоды и ягоды. Въ гористыхъ мѣстностяхъ сѣмена хвойныхъ деревьевъ составляютъ довольно существенную часть

питанія чубатыхъ соекъ, по крайней мѣрѣ Каусъ очень часто заставлялъ ихъ за душеніемъ еловыхъ шишекъ; точно также ихъ нерѣдко можно встрѣтить въ дубовыхъ лѣсахъ и въ кустарникахъ можжевельника, на кленовыхъ деревьяхъ и въ ягодныхъ кустахъ. Но гдѣ только она ни показывается, всюду возбуждаетъ ненависть и страхъ въ обществѣ мелкихъ пернатыхъ. Однако и у нея есть свои враги. Всѣ маленькіе тираны и мухоловки, даже дятель, нападаютъ на нее и обращаютъ въ бѣгство. Человѣкъ рѣдко преслѣдуетъ ее, да и то безъ всякой ярости и ненависти, потому-что внѣшняя красота этой птицы и ея рѣзвый характеръ располагаютъ въ ея пользу даже больше того, чѣмъ она того заслуживаетъ. Въ зоотонска-теляхъ и одиночныхъ рудокопахъ она встрѣчается по большей части только добрыхъ друзей. Ея суетливость забавляетъ ихъ, появленіе ея радуетъ этихъ, отчужденныхъ отъ свѣта людей, а ея любопытная навязчивость настолько располагаетъ въ ея пользу, что ее поневолѣ щадятъ; зачастую ее такъ приручаютъ, что она появляется передъ самыми дверями хижины рудокоповъ и подбираетъ разсыпанную для нея пищу. Ктому-же надо умѣть охотиться за нею. Преслѣдовать ее на-угадъ было-бы напрасно; вѣрнѣе всего ведетъ къ цѣли терпѣливое подстереганіе или возбужденіе ея безмѣрнаго любопытства.

Относительно ея размноженія у меня нѣтъ никакихъ свѣдѣній; описаны только ея яйца: они 34 мм. длиною, 23-хъ мм. толщиною и по блѣдному и тусклому голубовато-зеленому фону равномерно покрыты болѣе или менѣе частыми, мелкими оливковыми и свѣтло-бурыми пятнышками.

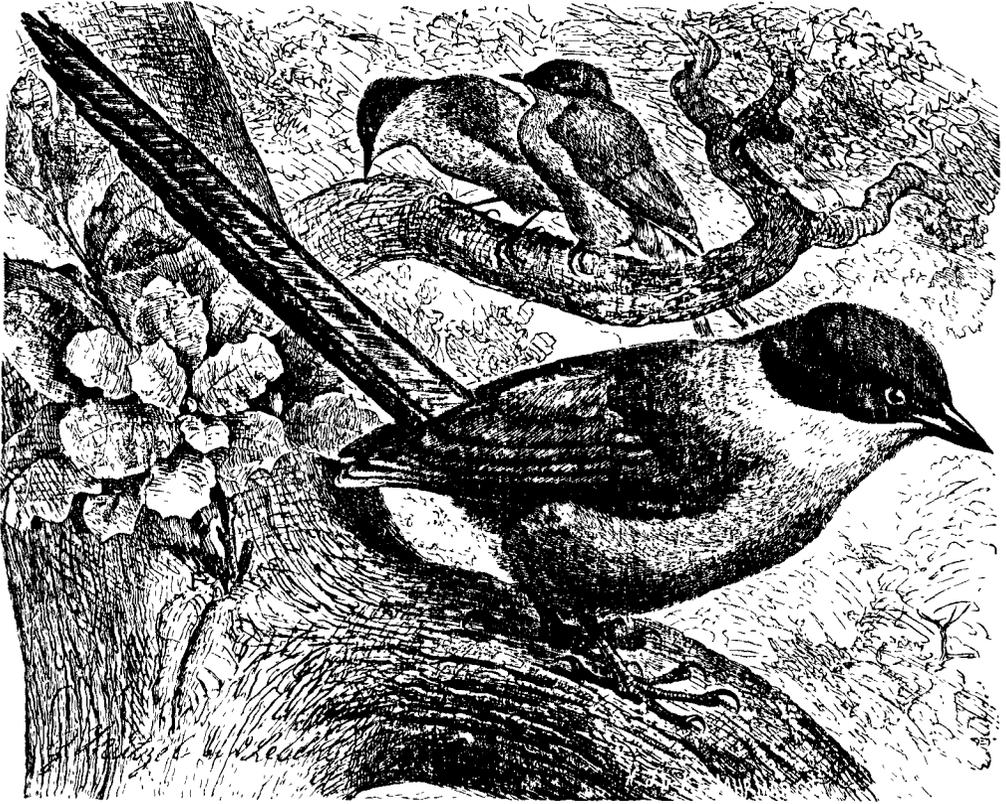
Плѣнные, которыхъ мнѣ случалось видѣть, ничѣмъ не отличались отъ своихъ ближайшихъ родичей.

* *
*

Въ южной и средней Испаніи встрѣчается одинъ видъ **Голубыхъ сорокъ** (*Cyanopolius*) **Испанская голубая сорока** (*Cyanopolius cookii*, *Pica*, *Cyanopica* и *Dolomesticookii*, *Spanische Blauelster*. *Pie bleue d'Espagne*), которую можно считать одною изъ красивѣйшихъ европейскихъ птицъ. Голова и верхняя часть затылка бархатисто-черныя; спина и плечи блѣдно-голубовато-сѣрыя; горло и щеки сѣровато-бѣлыя; нижняя сторона свѣтлая, чало-сѣрая; крылья и хвостъ свѣтлые голубовато-сѣрые; большія маховыя перья снаружи съ бѣлыми каемками. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Длина птицы 36 см., размахъ крыльевъ 42, длина крыльевъ 14, а хвоста 21 см. Самка на 3 см. короче и немного тоньше. У птенцовъ вся окраска тусклѣе; черныя цвѣтъ головы и синія маховыхъ и рулевыхъ перьевъ незамѣтны, сѣрый цвѣтъ нижней части головы неясенъ, а по крыльямъ проходятъ двѣ сѣрыя, не бросающіяся въ глаза, полосы.

Голубую сороку можно встрѣтить во всѣхъ мѣстностяхъ южной и средней Испаніи тамъ, гдѣ вѣчно зеленые дубы составляютъ сплошные лѣса. Она почти немислима безъ этого дерева, развѣсистая вершина котораго представляетъ для нея надежное убѣжище, а темная и густая зелень—хорошую защиту отъ постороннихъ глазъ, несмотря на яркій цвѣтъ оперенія этой птицы. Зато тамъ, гдѣ дубы растутъ отдѣльными деревьями, голубая сорока совсѣмъ не попадаетъ: въ восточныхъ, напримѣръ, провинціяхъ Испаніи ея вовсе нѣтъ, а на сѣверѣ она распространяется недалеко Кастили. Въ сѣверо-западной Африкѣ, именно въ Марокко, она водится повсюду. Въ восточной Сибири ее замѣняетъ другой близкій родственникъ ей видъ, **Сибирская голубая сорока** (*Cyanopolius cyanus*). Въ районѣ своего мѣстожителства эта птица вездѣ составляетъ самое обыкновенное явленіе. Она очень общительна и постоянно держится многочисленными стаями; присутствія человѣка, впрочемъ, она избѣгаетъ и потому только въ видѣ исключенія попадаетъ по близости жилыхъ строеній.

Зато очень часто посещает большія дороги, преимущественно ради лошадиного навоза. По своимъ привычкамъ, она чрезвычайно походитъ на обыкновенную сороку. Она ходитъ и летаетъ какъ та, столь же умна и осторожна и соответствуетъ ей въ величинѣ. Но голосомъ своимъ она существенно отличается отъ нашей сороки; онъ звучитъ, приблизительно какъ «ккри» или «прри», протяжно и отрывисто, а когда птица болтаетъ, то какъ «кликкликкликли», издали напоминающая звонкій крикъ зеленого дятла. Во время преслѣдованія, голубая сорока поступаетъ подобно сойкѣ: она не покидаетъ мѣстности, но всегда ловко увертывается отъ выстрѣла, и, перелетая съ дерева на дерево, хотя и показывается временами,

Испанская голубая сорока. *Cyanopollus cookii* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

но никогда достаточно близко не подходит. Поэтому охота на голубую сороку представляетъ извѣстныя трудности и онѣ возрастаютъ вмѣстѣ съ недоверіемъ птицы. Вообще, она проявляетъ необыкновенное непостоянство. Она ни одной минуты не посидитъ спокойно и постоянно находится въ движеніи. Стая этихъ симпатичныхъ птицъ обыскиваетъ и обшариваетъ всѣ уголки своего округа. Иныя изъ нихъ занимаютъ на землѣ, другія въ густыхъ вершинахъ дубовъ, тѣ въ низкихъ кустахъ, другія въ болѣе высокихъ кустарникахъ. На открытыхъ площадкахъ стая показывается только тогда, когда нѣтъ по близости человека; но малѣйшій шумъ колесъ заставляетъ ихъ снова скрываться въ кустахъ. Вслѣдствіе этого и случается часто, что, хотя голубыя сороки и мелькаютъ на глазахъ, но силовъ и рядомъ ни одной изъ нихъ не удается убить.

Время размноженія совпадаетъ съ серединою весны: въ окрестностяхъ Мадрида голубая сорока несется не раньше начала мая. Для устройства гнѣзда она предпочитаетъ выбирать высокія деревья. Случается, что на одномъ деревѣ можно найти нѣсколько гнѣздъ; вообще всѣ гнѣзда голубыхъ сорокъ скучиваются въ одномъ небольшомъ округѣ, потому-что даже въ періодъ размноженія эта птица не оставляетъ свою любовь къ обществу. Гнѣздо ея похоже на сойковое или скорѣе даже на гнѣздо сорокопута. Только нижняя часть его состоитъ изъ сухихъ прутьевъ, собственно-же гнѣздо покрыто зелеными нѣжными вѣтвями растений, стеблями вереска и разными травами, а внутри выстлано кромѣ того козьею шерстью и волосами. Кладка состоитъ изъ 5—9 яицъ приблизительно 27 m.m. длиною и 20 m.m. толщиною съ сѣро-желтоватою скорлупою, по которой разбѣяны неявные темныя пятнышки, а также оливково-бурыя крапинки и точки, которыя на толстомъ концѣ сливаются иногда въ вѣнчикъ. По наблюденіямъ Рея оказывается, что въ ихъ гнѣзда кладетъ также яйца мѣстная кукушка.

Плѣнные голубыя сороки представляютъ рѣдкое, хотя и желанное явленіе въ нашихъ клѣткахъ; онѣ держатся очень хорошо и, при ласковомъ обращеніи, становятся такими-же ручными, какъ и прочія вороны.

* * *

Орѣховка обыкновенная (*Nucifraga caryocatactes*, *Corvus caryocatactes*, *Caryocatactes nucifraga*. Nussknacker. Casse-noix ordinaire) является представителемъ пяти другихъ видовъ рода **Орѣховонъ** (*Nucifraga*), населяющихъ сѣверную Европу, сѣверную Азію и западную часть Сѣверной Америки. Туловище ея вытянутое, шея длинная, голова большая и плоская, клювъ длинный, тонкій и кругловатый съ прямою или чуть замѣтно выгнутою верхушкою и плоскимъ концомъ, образующимъ горизонтально-лежащій широкій клинъ. Ноги довольно длинныя и сильныя съ умѣренно длинными пальцами, вооруженными сильными и круто-выгнутыми ногтями. Крылья средней длины, тупыя, съ очень ступенчатыми маховыми перьями, въ которыхъ четвертое самое длинное; хвостъ средней длины и округленный. Опереніе густое и мягкое; преобладающая окраска его темно-бурая, на темени и затылкѣ безъ штепль, а на концѣ каждаго отдѣльнаго пера имѣется чисто бѣлое, продолговатое пятно. Маховыя и хвостовыя перья блестяще-черныя, остальные съ бѣлыми кончиками; такой-же окраски и нижнія кроющія перья хвоста. Глаза бурые; клювъ и ноги черныя. Длина птицы 36 см., размахъ крыльевъ 59, длина крыльевъ 19, а хвоста—12 см.

Орѣховка осѣдлая птица германскихъ горъ: Баварскихъ Альповъ, Гарца и Исполиновыхъ горъ. Въ восточной Пруссіи она также попадается. Но еще больше, чѣмъ въ Германіи она водится въ Швейцарскихъ и Австрійскихъ Альпахъ, также въ Скандинавіи и Прибалтійскихъ губерніяхъ. На сѣверѣ Россіи и въ Сибири ее замѣняетъ другой видъ, **Тонноклювая орѣховка** (*Nucifraga macrorhyncha*. *Dünnschnabeliger Tannenhäher*. Casse-noix à long bec), которая въ средней Европѣ появляется только въ видѣ случайнаго зимняго гостя. Слѣдуетъ-ли, впрочемъ, разсматривать тонноклювую орѣховку какъ особый видъ,—это остается подъ сомнѣніемъ. Поэтому въ дальнѣйшемъ описаніи мы не станемъ придерживаться этого дѣленія.

Мѣстопробываніемъ обыкновенной орѣховки служатъ заповѣдныя хвойныя лѣса высокихъ горъ средней Европы, равно какъ и обширныя лѣсистыя пространства всей сѣверной части Старога Свѣта; но постоянное ея жителство опредѣляется кедровыми лѣсами. Въ Германскихъ лѣсахъ она встрѣчается такъ-же по-

стоянно, какъ и на крайнемъ сѣверѣ, но всего чаще тамъ, гдѣ растутъ кедръ. Но она собственно принадлежитъ къ кочующимъ птицамъ, стави свое мѣстожителство въ зависимости отъ урожая кедровыхъ орѣховъ, вслѣдствіе чего въ нѣкоторыхъ участкахъ ее можно встрѣтить лѣтомъ во множествѣ, а въ другихъ, соедѣнныхъ, совсѣмъ не найти. Такимъ образомъ въ средней Швеции она очень обыкновенна, тогда какъ въ большей части Норвегии встрѣчается только во время перелета. Этотъ послѣдній у обыкновенной орѣховки столь-же непостояненъ, какъ и у свиристеля. Въ иные года ее, въ продолженіи зимы, можно встрѣтить въ Германіи повсемѣстно, но затѣмъ выпадаетъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ, когда не встрѣтишь ни одного экземпляра. На крайнемъ сѣверѣ она появляется постоянно, но не всегда залетаетъ одинаково далеко и не каждую осень въ одинаковомъ количествѣ, такъ какъ съ сѣвера на югъ и съ горъ въ равнины загоняетъ ее исключительно недостатокъ кедровыхъ орѣховъ. Перекочевка орѣховки совершается, какъ и у другихъ бродячихъ птицъ, въ одни года раньше, въ другіе—позже. Тщательныя наблюденія Фогеля дѣлаютъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ среднюю и сѣверную Германію залетаютъ лишь орѣховки крайняго сѣвера, а не тѣ, которыя родомъ съ Альповъ, тогда какъ послѣднія временно раннимъ лѣтомъ появляются въ глубокихъ долинахъ ихъ горныхъ мѣстожителствъ. Пока онѣ находятъ тутъ или тамъ достаточное количество пищи, онѣ держатся одного мѣста и если перелетаютъ, то въ очень ограниченномъ пространствѣ; если-же родина лишаетъ ихъ необходимой поддержки, то онѣ покидаютъ ее, чтобы снискивать себѣ пропитаніе гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Кронпринцъ эрцгерцога Рудольфа Австрійскій уже въ іюль 1878 г. видѣлъ ее въ громадномъ количествѣ въ глубокихъ горныхъ долинахъ въ Зальцбургскомъ округѣ. Мы наблюдали въ сѣверо-западной Сибири въ началѣ сентября 1876 г., именно 8-го числа этого мѣсяца, какъ безчисленное количество, цѣлая туча орѣховокъ тянулась на югъ по направленію къ Оби, очевидно съ намѣреніемъ утвердиться въ кедровыхъ лѣсахъ, расположенныхъ по верхнему теченію этой рѣки. Если тамъ не удастся найти кедровыхъ орѣховъ, то онѣ направляются дальше на югъ; при такихъ неудачахъ онѣ странствуютъ по всей южной Скандинавіи, Даніи, сѣверной Германіи, Бельгіи и сѣверной Франціи, по всей Россіи, Сибири и сѣверному Китаю и заканчиваютъ свои странствованія въ южной Германіи, въ южной Франціи и южной Россіи, въ областяхъ по нижнему теченію Дуная и въ самыхъ южныхъ лѣсныхъ областяхъ сѣверной Азіи. Перелетаютъ-ли такія странницы черезъ Альпы, остается нерѣшеннымъ, потому что тѣ орѣховки, которыя были наблюдаемы и убиваемы въ сѣверной Италіи, въ Сардиніи и въ юго-восточной Франціи, могли быть родомъ какъ съ Альповъ, такъ и съ сѣвера. Такая пара кочевниковъ крайне рѣдко остается въ средне-германскихъ горахъ или въ сѣверо-германскихъ лѣсахъ, чтобы вывести тамъ птенцовъ, тогда какъ соедѣнній съ Альпами Шварцвальдъ въ продолженіи всего лѣта оказываетъ пріютъ парочкамъ, выводящимъ птенцовъ.

Мой отецъ не ошибался, говоря, что орѣховка имѣетъ такое-же сходство съ дятломъ, какъ и съ кукушкой. Птица эта выглядитъ неловкою и даже неуклюжею, но на самомъ дѣлѣ она и ловка, и рѣзва; по землѣ она ходитъ очень хорошо, а также съ большою снарвкою прыгаетъ по сучьямъ и вѣткамъ или цѣпляется по стволу съ ловкостью синицы, такъ что про нее совершенно справедливо можно сказать, что она дѣйствительно лазаетъ по деревьямъ. Она виситъ на стволѣ или на вѣткѣ подобно дятлу и, какъ тотъ, долбитъ своимъ острымъ клювомъ кору до тѣхъ поръ, пока та не расщеплется и не обнаружитъ сидящую подъ нею добычу, присутствіе которой птица чуяла. Полетъ орѣховки легокъ, но немного медлительнъ; при полетѣ она сильно взмахиваетъ крыльями и широко распускаетъ ихъ. Положенія ея бываютъ весьма

различны: обыкновенно ноги она поджимаетъ, туловище держитъ горизонтально, голову вытягиваетъ и опускаетъ перья; въ такомъ видѣ она довольно невзрачна; но зато очень красива и граціозна, когда туловище приподнято, голова держится высоко и прямо, а перья лежатъ плотно. Несмотря на свой легкій полетъ, она, вѣдъ своихъ дальнихъ странствованій, неохотно перелетаетъ большія разстоянія и, если ничѣмъ не испугана, торопится снова опуститься на землю. Въ продолженіи цѣлаго дня птица вѣчно въ хлопотахъ, хотя все-таки она не такъ суетлива и безпокойна, какъ кукушка. Ея голосъ звучитъ крикливымъ, пронзительнымъ «крэкъ крэкъ крэкъ», къ которому весной она часто прибавляетъ повторные звуки «кѳрр кѳрр». Въ пору любви у этой птицы можно слышать, но и то лишь тогда, если подойти къ ней на близкое разстояніе, своеобразное, тихое, чуть слышное и какое-то таинственное гѳвнїе. Ея вѣвнїя чувства хорошо развиты. По понятливости она уступаетъ нѣкоторымъ членамъ своего семейства, но глупою, какою она слыветъ, ее назвать нельзя. Живя въ глуши, она такъ мало имѣетъ случая съ сталкиваться съ человѣкомъ, что когда ей приходится, во время своихъ перелетовъ, имѣть съ нимъ дѣло, то она проявляетъ большую опрочечивость; однако при преслѣдованіи и она умѣетъ показать свою сообразительность. Она улетаетъ тогда отъ человѣка съ такимъ же страхомъ, какъ и отъ другихъ хорошо знакомыхъ ей враговъ, каковы хищныя млекопитающія и хищныя птицы.

Въ холмистой мѣстности, по Чузи, который удачнымъ образомъ сгруппировать какъ свои, такъ и постороннія наблюденія объ этой птицѣ, орѳховки держатся преимущественно на орѳшникѣ, орѳхи котораго онѣ очень любятъ. Какъ только орѳхи созрѣютъ, орѳховки всего округа собираются въ стаи, чтобы летѣть на то мѣсто, гдѣ растеть орѳшникъ. Около этого времени онѣ тревожно и много летаютъ, и голосъ ихъ слышится почти всюду. Утро онѣ посвящаютъ добыванію пищи; около полудня всѣ до сихъ поръ усердно работавшія орѳховки исчезаютъ въ лѣсу; подъ вечеръ онѣ снова показывается на кустахъ орѳшника, хотя и не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ утромъ. Въ утренніе часы ихъ крики и ссоры слышатся безъ конца. Каждую минуту показываются то тѣ, которыя слетаются, приманенныя крикомъ, то другія, которыя, властвъ набивъ орѳхами свой растяжимый зѳбъ, грузно и съ видимымъ трудомъ направляются къ лѣсу, чтобы тамъ сложить въ кладовыя свои зимніе запасы. Въ полдень почти всѣ орѳховки предаются заслуженному покою въ густыхъ кустарникахъ лѣсной чащи. Позднимъ вечеромъ онѣ снова появляются, кричатъ такъ же какъ утромъ, но часто по полу-часу сидятъ на высочайшей верхушкѣ ели или сосны, и оттуда обозрѣваютъ окрестности. Въ горшомъ поясѣ или въ сѣверныхъ лѣсахъ излюбленнымъ деревомъ, приманивающимъ къ себѣ орѳховокъ, являются кедры. Уже въ половинѣ іюля, передъ созрѣваніемъ плодовъ, онѣ начинаютъ слетаться на покрытое шишками дерево, хотя и не въ такомъ большомъ количествѣ, какъ на орѳшникъ; но когда плоды совсѣмъ созрѣютъ, то онѣ появляются въ несмѣтномъ множествѣ и предпринимаютъ настоящіе походы съ горъ въ долины и обратно, нагружая себя кедровыми орѳхами такъ-же, какъ вышеописанныя—обыкновенными орѳхами. По наблюденіямъ Видемана, въ Тиролѣ орѳховки летаютъ, собирая орѳхи, въ продолженіи цѣлаго дня, при этомъ пользуются нѣкоторыми отдѣльными деревьями для минутнаго отдыха; жатву свою онѣ оканчиваютъ только тогда, когда первый вышавшій на горахъ снѣгъ загонитъ ихъ въ долины.

При собираніи запасовъ орѳховки дѣйствуютъ очень ловко. Если имъ приходится собирать съ одного орѳховаго куста большое количество орѳховъ, то онѣ просто садятся на тотъ сучекъ, на которомъ висятъ плоды, и рвутъ ихъ; если-же орѳшникъ уже обшпанъ, то, по словамъ Фогеля, онѣ держатся передъ кустомъ въ висичемъ на возду-

хѣ положеніи и, покачиваясь, обрываютъ такимъ образомъ орѣхи. На кедрахъ и другихъ хвойныхъ деревьяхъ онѣ работаютъ когтями, схватывая ими шишки и разбирая ихъ скорлупу своимъ крѣпкимъ клювомъ; добывъ такимъ образомъ орѣшки, онѣ щелкаютъ ихъ, какъ всякія зерна, нажимая клювомъ. Обыкновенные орѣхи онѣ раскалываютъ ловкимъ нажимомъ клюва въ определенное мѣсто. Кромѣ обыкновенныхъ и кедровыхъ орѣховъ орѣховка ѣстъ желуди, буквые орѣшки, сосныя и сосновыя сѣмена, хлѣбныя зерна, рябину, боярышникъ, крушину, землянику, чернику и бруснику, разныя сѣмена и плоды, всевозможныхъ насекомыхъ, червей, слизней и маленькихъ позвоночныхъ животныхъ.—однимъ словомъ не брезгаетъ рѣшительно ничѣмъ, благодаря чему даже зимою не испытываетъ голода. Нѣкоторое время она питается на счетъ своихъ запасовъ, а когда тѣ изсякнутъ, летитъ въ сосѣднія горныя деревни или совсѣмъ улетаетъ, чтобы сыскать кормъ въ другомъ мѣстѣ.

Относительно размноженія нестрой орѣховки за послѣднія два десятилѣтія, получились довольно обстоятельныя свѣдѣнія. Когда пара выводитъ птенцовъ въ горахъ средней Европы, гнѣздо ея найти очень трудно; но настоящія гнѣздовья этой птицы находятся въ лѣсахъ ихъ настоящей родины, въ такихъ чащахъ, которыя и лѣтомъ непроходимы, а еще менѣе въ то время, когда орѣховки приступаютъ къ размноженію. По наблюденіямъ Шютта и Фогеля, орѣховки начинаютъ строить гнѣзда въ началѣ марта, а во второй половинѣ этого мѣсяца уже несутъ яйца. Но въ это время вся горная растительность, равно какъ и сѣверные лѣса, еще погребены подъ глубокимъ снѣгомъ и почти непроходимы. Натуралисту такимъ образомъ приходится выжидать безсѣйной весны для того, чтобы имѣть надежду отыскать гнѣздо.

Мой отецъ сообщаетъ, что въ Фогтландѣ гнѣздо обыкновенной орѣховки было найдено въ дуплѣ дерева, и такое сообщеніе не имѣетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ его подтверждаютъ Дыбовскій и Парроцъ, которымъ въ Восточной Сибири даже показана была сосна, въ дуплѣ которой парочка орѣховокъ выводила птенцовъ. Между тѣмъ всѣ наблюдатели, разслѣдовавшіе гнѣзда этихъ птицъ въ Германіи, Австріи, Даніи, Скандинавіи и Швейцаріи, соглашаются между собою въ томъ, что они устраиваются въ густыхъ вѣтвяхъ различныхъ хвойныхъ деревьевъ, въ особенности сосенъ, а также на еляхъ, кедрахъ и лиственничкахъ, на высотѣ отъ 4 до 10 м. надъ землею. По Фогелю, парочка орѣховокъ всего охотнѣе избираетъ для своего гнѣзда вѣтви деревьевъ, растущихъ на обращенныхъ къ солнцу, т. е. на югъ или на юго-востокъ, горныхъ склонахъ, и притомъ гнѣздо строятъ на сукѣ у самаго ствола. Строительный матеріалъ она зачастую приноситъ издалека. Съ громкимъ трескомъ ломаетъ она сухіе, жесткіе, увѣшанные лишаями сучья хвойныхъ деревьевъ, а также ясени и бука; изъ нихъ она болѣе или менѣе плотно складываетъ основаніе гнѣзда, затѣмъ настилаетъ изъ перегнившей древесины собственно ложе и, когда совершенно окончитъ постройку внутренности, принимается за витѣ наружныхъ стѣнокъ, даже отчасти за украшеніе ихъ зелеными вѣтвями, а въ заключеніе выстилаетъ внутренность лишаями, мхомъ, сухими стебельками и лыкомъ. При правильныхъ условіяхъ кладка вполнѣ заканчивается въ половинѣ марта, а на сѣверѣ—въ началѣ апрѣля. Она состоитъ изъ 3—4 продолговатыхъ яицъ, приблизительно 34 м. м. длиною и 25 м. м. толщиною, съ блѣдно-голубовато-зеленою скорлупою, сплошь испещренною лиловыми, зелеными и желто-бурыми пятнышками, которыя на тупомъ концѣ яйца сливаются иногда въ вѣнчикъ. Самка сидитъ на яйцахъ въ ранніе весенніе мѣсяцы очень упорно и самоотверженно; самецъ въ это время за-

ботится и о пропитаніи своей подруги, которая принимаетъ принесенную ей пищу съ радостнымъ трепетаніемъ крылышекъ. Послѣ 17—19-ти дневнаго высиживания выдуливаются птенцы; оба родителя вскармливаютъ ихъ животвою и растительною пищею и ревностно охраняютъ; черезъ 25 дней послѣ появленія своего на свѣтъ они уже покидаютъ гнѣздо и улетаютъ въ лѣсъ, гдѣ за ними зорко слѣдитъ родительскіи глазъ до тѣхъ поръ, пока они сдѣлаются настолько самостоятельными, что будутъ въ состояніи вести образъ жизни родителей.

По наблюденіямъ Гиртаннера, «птенцы уже въ гнѣздѣ представляютъ собою совершенную копию старыхъ, только въ миниатюрѣ, при томъ съ сжатымъ, некрасивымъ сложеніемъ и неуклюжей осанкой. Своими неловкими, угловатыми движеніями и въ особенности свойственнымъ имъ подергиваніемъ верхней части туловища книзу они чрезвычайно напоминаютъ молодыхъ дятловъ. Хвостомъ они потрихиваютъ какъ сороконуты. Когда они хотятъ ѣсть, то издаютъ однотонный визгъ, къ которому примѣшивается пискливое щебетаніе старыхъ». Пока самка сидитъ на яйцахъ, она сохраняетъ возможное безмолвіе, чтобы не выдать присутствія гнѣзда; если испугнутая чѣмъ-нибудь, она должна покинуть гнѣздо, то вылетаетъ изъ него тоже безшумно и такъ-же возвращается въ него; даже при разграбленіи гнѣзда какимъ-нибудь хищникомъ она продолжаетъ оставаться только нѣмою свидѣтельницею и не соединяется съ самцомъ, образъ дѣйствія котораго и поступки исполнѣ соответствуютъ ея поведенію по своей таинственности, скрытности и безмолвію. Но когда птенцы подростутъ, у гнѣзда замѣчается большее оживленіе, такъ какъ алчность птенцовъ выражается далеко разносящимся крикомъ, да и сами родители, по крайней мѣрѣ при приближающейся опасности, выражаютъ свою заботливость пугливымъ карканьемъ и ревностнымъ преслѣдованіемъ всѣхъ пролетающихъ хищныхъ птицъ. Когда птенцы вылетятъ изъ гнѣзда, нѣсколько семей соединяются въ стаи и летаютъ по лѣсу всѣ вмѣстѣ. Это совершается почти всегда поспѣшно, безпокойно, но все-же съ извѣстною правильностью. Вся стая быстро разсыпается по лѣсу, пролетаетъ его по прямому направленію, время отъ времени собирается на высокихъ деревьяхъ, въ Сибири преимущественно на засохшей лиственницѣ, и затѣмъ летитъ дальше, то показываясь, то снова исчезая съ глазъ и вслѣдствіе этого обманывая зрѣніе своею численностью, которая кажется значительно больше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ.

Во время зимняго перелета орѣховокъ безъ особеннаго труда можно ловить на точку или въ сѣти на приманку. Онѣ скоро привыкаютъ къ клѣткѣ и къ содержанію въ неволѣ; изъ пищи предпочитаютъ мясо всякому другому корму, но довольствуются и всякою другою ѣдою. Къ пріятнымъ комнатнымъ птицамъ орѣховку причислить нельзя. Въ клѣткѣ она держится безтолково и необузданно, вѣчно долбитъ деревянныя перекладины клѣтки и неутомимо прыгаетъ съ сучка на сучекъ. Ее положительно невозможно держать въ одной клѣткѣ съ другими, болѣе слабыми птицами, такъ какъ кровожадность ея до того велика, что она не можетъ воздержаться отъ нападенія на своихъ сожителей. По наблюденіямъ Наумана, она схватываетъ свою жертву клювомъ, ущемляетъ за затылокъ, продалбливаетъ черепъ сильнымъ ударомъ клюва, съѣдаетъ прежде всего мозгъ и затѣмъ все остальное. Одна орѣховка ѣла даже бѣлокъ, не сдирая съ нихъ шкуры. Бойе и я лично убѣдились на одной плѣвнѣ орѣховкѣ въ такой кровожадности, которая свойственна скорѣе соколамъ, чѣмъ вороновымъ. Всего симпатичнѣе выглядитъ эта птица, когда она занята щелканіемъ орѣховъ. Она ловко захватываетъ орѣхъ между когтями, поворачиваютъ его такъ, что тупой его конецъ приходится сверху,

и быстро долбить его, чтобы достать ядро. Орѣховка требуетъ массу пищи и почти цѣлый день занята ѣдою.

У насъ эта птица могла-бы быть вредной; на своей-же лѣтней родинѣ она приноситъ пользу. Ей, главнымъ образомъ, обязаны распространениемъ кедровыхъ деревьевъ; она разсаживаетъ это дерево въ такихъ мѣстахъ, куда ни вѣтеръ, ни человекъ не могли-бы занести его сѣмена.

Вороновые съ относительно короткимъ, на верхушкѣ сильно загнутымъ клювомъ отдѣлены въ особое подсемейство, **Длиннохвостыхъ сорокъ** (*Dendrocittinae*). Виды этого подсемейства распространены по теплымъ странамъ Старого Свѣта, въ особенности по южной Азій; они обитаютъ въ лѣсахъ и ведутъ совершенно такой-же образъ жизни, какъ наши сороки и сойки.

* * *

Самыми известными членами группы являются **Лѣсные сороки** (*Dendrocitta*), довольно крупныя птицы съ короткимъ, сплюснутымъ, сильно выгнутымъ клювомъ, не очень длинными или короткими ногами, короткими, очень округленными крыльями, въ которыхъ четвертое или шестое маховыя перья самыя длинныя, и удлинненнымъ, клинообразнымъ хвостомъ, въ которомъ два среднихъ пера выдаются между другими.

Представителемъ этого рода можно считать **Странствующую** или **Индійскую сороку** (*Dendrocitta rufa, vagabunda* и *pallida, Pica rufa* и *vagabunda, Cypsiirhina rufa, vagabunda* и *pallida, Temnurus rufus* и *vagabundus, Lanius* и *Corvus rufus, Coracias vagabunda* и *Glaucopis rufa. Wanderelster. Pie vagabonde*), **Котри, Магалать, Хандъ** индѣйцевъ. Ея длина 41 см., длина крыльевъ 15, а хвоста—26 см. Голова, затылокъ и грудь бурога цвѣта сажии или черноовато-бурыя; всего темнѣе окраска на передней части головы, на подбородкѣ и на груди; отсюда она переходитъ въ болѣе сѣроватый; нижнія части, начиная отъ груди, красноватыя или желтовато-сѣрыя; плечевыя перья, синя и верхнія кроющія перья хвоста темно-красноватыя; кроющія перья крыльевъ и наружныя бородки маховыхъ перьевъ второго порядка свѣтло-сѣрыя, почти бѣлыя; прочія маховыя перья черныя; рулевыя перья пепельно-сѣрыя съ черными кончиками. Клювъ черный; ноги темнаго аспиднаго цвѣта; глаза кроваво-красныя.

Странствующая сорока распространена по всей Индїи и кромѣ того встрѣчается въ Ассамѣ, Тенассеримѣ, Китаѣ, а, по Адамсу, также въ Кашмирѣ, главнымъ образомъ на Гиммалайскихъ горахъ, какъ сообщаетъ Уайтсъ, на высотѣ до 2000 м. Она во всѣхъ этихъ областяхъ считается обыкновенною птицею, но преимущественно ее много въ лѣсистыхъ равнинахъ. Въ сѣверныхъ частяхъ Индїи ее можно видѣть на каждой группѣ деревьевъ, въ каждомъ саду, даже въ близкомъ соседствѣ съ деревнями. Онѣ рѣдко попадаются по-одиночкѣ, обыкновенно—парами, а по временамъ и маленькими обществами. Эта сорока летаетъ медленно, волнообразною линїею, отъ дерева къ дереву и пролетаетъ въ продолженїи дня довольно обширныя пространства, не выбирая никакого мѣста для опредѣленнаго пребыванія. На деревьяхъ она находитъ обыкновенно все, что ей нужно, такъ какъ иногда она долгое время питается исключительно древесными плодами или насекомыми, живущими на деревьяхъ. Туземцы увѣряютъ, что она также разоряетъ чужія гнѣзда и, подобно сорокопуту, похищаетъ молодыхъ птенцовъ.

Смитъ наблюдалъ, какъ эта птица летала въ тѣни одного дома, клевала тамъ молодыя растенія и наконецъ забралась въ клетку, гдѣ сидѣли маленькія птички, которыхъ она постепенно всѣхъ передушила и сожрала. Букландъ утверждаетъ, что другая странствующая сорока охотилась даже за летучими мышами.

Время размноженія приходится на апрѣль и продолжается до іюля, а, по мнѣнію Уайтса, даже до болѣе поздняго времени. Гнѣздо строится на вершинѣ какого-нибудь высокаго дерева съ иголистыми вѣтвями и набивается травою. Яйца, которыхъ бываетъ обыкновенно пять штукъ, имѣютъ весьма разнообразную окраску: они разрисованы розовато-коричневымъ, пурпурово-краснымъ или оливково-бурымъ цвѣтомъ.

Эта красивая птица часто содержится въ неволѣ и изъ Индіи нерѣдко попадаетъ живою въ Европу. При хорошемъ уходѣ она отлично выдерживаетъ продолжительную неволю и скоро дѣлается ручною.

Воровныя съ конусовиднымъ клювомъ названы мною **Австралійскими орѣховками** (*Brachyrrogus. Gimpelhäher*). Онѣ отличаются высокимъ, сплюснутымъ съ боковъ, у корня расширеннымъ, а на верхушкѣ сильно изогнутымъ клювомъ, выходящимъ прямо изъ лба и снабженнымъ большими, круглыми, наружу лежащими ноздрями; ноги очень сильныя, крылья средней длины, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя; хвостъ длинный, широкій, сильно округленный; опереніе относительно жесткое, короткое и гладко прилегающее.

Австралійская орѣховка (*Brachyrrogus cinereus, Struthidea* и *Brachystoma cinerea. Grauling. Brachystome gris*), почти одноцвѣтной буровато-пепельно-сѣрой

Странствующая сорока.
Dendrocitta rufa. 1/2, н. в.

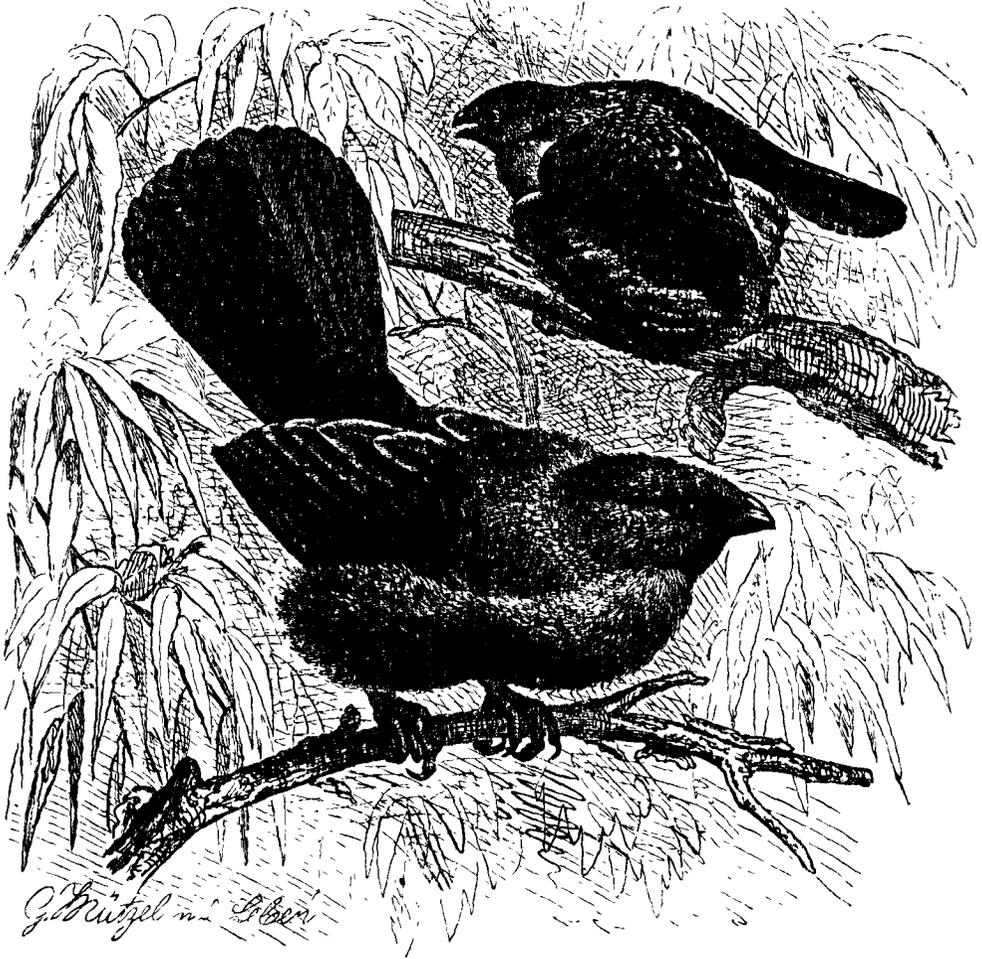
окраски; тонкія перья головы, шеи и груди имѣютъ немного болѣе свѣтлые кончики; маховыя и кроющія перья крыльевъ оливково-бурыя, заднія покровныя перья черно-бурыя, такъ-же какъ и внутреннія бородки маховыхъ перьевъ; хвостовыя перья дымчато-бурыя съ металлически-блестящими наружными каемками. Радужная оболочка глаза перлово-бѣлаго цвѣта; клювъ и ноги черныя. Длина птицы 30 см., длина крыльевъ 15, а хвоста—17 см.

О жизни на свободѣ австралійской орѣховки, которая съ недавняго времени стала нерѣдкимъ явленіемъ въ нашихъ клѣткахъ, гдѣ она отлично переноситъ неволю, имѣются весьма скудныя свѣдѣнія. Гульдъ, разсматривающій эту птицу, какъ выдающееся явленіе пернатого царства Австраліи, встрѣчалъ ее во внутреннихъ областяхъ южныхъ и восточныхъ частей Австраліи, а именно въ хвойныхъ лѣсахъ, большею частью группами въ 3—4 штуки; онѣ быстро и безпоякойно спускались по вѣтвямъ вершины, распускали по временамъ крылья и при этомъ издавали сильные, непріятные звуки. Въ общемъ, впрочемъ, онѣ ведутъ себя какъ всѣ вороновыя и питаются насѣкомыми. Жилбертъ нашелъ гнѣздо этой птицы въ маленькой кустарниковой рощѣ, на горизонтально росшихъ вѣтвяхъ дерева. Оно состоитъ изъ ила, внутри выстлано травой и заключаетъ въ себѣ 4 яйца 30 м.м. длиною и 22 м.м. толщиною съ бѣлою скорлупою, покрытою красновато-бурыми, пурпурово-бурыми и мелкими сѣрыми пятнышками, особенно на толстомъ концѣ.

Мнѣ долгое время пришлось ухаживать за илѣнною птицею этого вида, которая дала мнѣ случай сдѣлать обстоятельныя наблюденія. Даже среди вороновыхъ австралійскія орѣховки выдаются своею необыкновенною подвижностью и неутомимостью. Въ этомъ отношеніи онѣ напоминаютъ нѣкоторымъ образомъ соекъ, но онѣ прыгаютъ легче ихъ и сильнѣе взмахиваютъ крыльями. Онѣ принимаютъ весьма различныя положенія, но самая излюбленная ихъ поза та, которая такъ удачно схвачена художникомъ съ натуры и такъ вѣрно передана на нашемъ рисункѣ. Голосъ ея, который представляетъ собою приблизительно нѣчто среднее между крихтѣньемъ и вздыханьемъ и который легко можно наблюдать въ пору любви, имѣетъ множество разнообразныхъ интонацій. Будучи общительными, миролюбивыми и дружелюбными, австралійскія орѣховки не вмѣшиваются въ жизнь другихъ птицъ, которыя находятся съ ними въ одной клѣткѣ, до тѣхъ поръ, пока тѣ сами не затрогиваютъ ихъ; но въ щенцовую пору поведение ихъ измѣняется и онѣ немедленно прогоняютъ всякую птицу, которая вздумаетъ приблизиться къ ихъ гнѣзду. Въ такихъ случаяхъ онѣ выказываютъ себя храбрыми и воинственными противниками и пускаютъ въ ходъ не только клювъ, но и когти. Но чѣмъ придирчивѣе держатся онѣ внѣ гнѣзда по отношенію чужихъ, тѣмъ нѣжнѣе обходятся другъ съ другомъ. Когда самецъ любовно приближается къ своей самкѣ, то обыкновенно сильный голосъ его приобретаетъ такую нѣжность и предупредительность, какую трудно отъ него ожидать, и любовныя ухаживанія его въ сущности очень привлекательны; особенно мило выглядитъ, когда онъ граціозно обходитъ самку и, время отъ времени, буквально накрываетъ ее своимъ крыломъ.

Около этого времени начинается постройка гнѣзда, которая, какъ мнѣ кажется, выполняется одною самкою. Послѣ того, какъ эта послѣдняя остановилась на томъ или другомъ, растущемъ болѣе или менѣе горизонтально сучкѣ и избрала опредѣленное мѣсто, она начинаетъ наружную поверхность его обмазывать глиной, которую приноситъ маленькими комочками; смочивъ глину слюною, она тщательно мнетъ ее и наконецъ тихонько штукатуритъ, затѣмъ, какъ всѣ прочія птицы, обмазывающія

гнезда липкою слюною, австралийская орѣховка выжидаетъ, пока слой совершенно высохнетъ. Для того, чтобы утвердить основаніе гнѣзда, съ обѣихъ сторонъ сучка закладывается горизонтально продолговатый кружокъ, и затѣмъ уже на немъ постепенно строится внутренность гнѣзда, до тѣхъ поръ, пока все гнѣздо не получить форму чашки въ объемъ болѣе полушарія. Уже при закладкѣ кружка умная птица примѣшиваетъ въ строительный матеріалъ лошадиные волосы, а при укрѣплени стѣнъ она употребляетъ ихъ цѣлую массу, потому-что они служатъ

Австралийская орѣхъ вѣа. *Brachyrogus cinereus* $\frac{1}{2}$ наст. велич.

связующимъ матеріаломъ для глины и способствуютъ прочности всей постройки. Стѣнки гнѣзда внизу имѣютъ 25 м.м. толщины, а вверху у краевъ только 15 м.м. Внутренняя выстилка состоитъ изъ тонкаго слоя стеблей и волосъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ мною собраны эти наблюденія, австралийскія орѣховки размножились и подъ надзоромъ другого любителя.

Въ четвертое подсемейство вороновыхъ мы соединяемъ **Клушицъ** (*Pyrrhocasinae*)—птицъ съ вытянутымъ строеніемъ туловища, длинными крыльями и

короткимъ хвостомъ. Клювъ у нихъ слабый, заостренный, немного загнутый и большею частью яркаго цвѣта; ноги тонкія; опереніе блестящее.

* * *

Клушица или **Гріонъ** (*Pyrrhocorax graculus* и *rupestris*, *Fregilus graculus*, *europeus*, *erythropus* и *himalayanus*, *Corvus graculus*, *Gracula pyrrhocorax* и *eremita*, *Coracia gracula* и *erythrorhamphos*. *Alpenkrähe*. *Gripon*) отличается длиннымъ, вытянутымъ, тонкимъ и дугообразнымъ клювомъ, который, такъ-же, какъ и короткопалыя, средней высоты ноги, окрашенъ въ великолѣпный кораллово-красный цвѣтъ. Глаза у клушицы темно-каріе; опереніе черное, равномерно-блестящее съ зеленымъ или синимъ отливомъ. Длина птицы 40 см., размахъ крыльевъ 82, длина ихъ 27, а хвоста—15 см. Самка чуть-чуть меньше и по внѣшнему виду ничѣмъ не отличается отъ самца. Молодыхъ можно отличить по отсутствію металлическаго отлива въ опереніи и по тому, что клювъ и ноги у нихъ черноватые. Послѣ первой линьки, наступающей черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ихъ вылета изъ гнѣзда, они получаютъ такое-же опереніе, какъ у старыхъ.

Родиною этой красивой и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательной птицы служатъ наши европейскіе Альпы, на всемъ ихъ протяженіи, Карпаты, Балканы, Пиренеи и почти всѣ прочія горы Испаніи, также нѣкоторыя горы Англии и Шотландіи, весь Уралъ, Кавказскія горы, Гиммалайскія до Бутана; также Канарскіе острова, Атласскія горы и высочайшія вершины горъ Абиссиніи. Въ Швейцарскихъ Альпахъ клушица встрѣчается рѣдко, въ Испаніи-же, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ частяхъ ея, она чрезвычайно многочисленна. Она живетъ въ Швейцаріи только на высокихъ горахъ, въ суровомъ поясѣ, лежащемъ тотчасъ подъ свѣтлою линіею и зачастую поднимается до наиболѣе высочайшихъ вершинъ Альповъ; въ Испаніи-же ее встрѣчаютъ на скалахъ, возвышающихся всего на 200 или 300 м. надъ уровнемъ моря. На Гиммалайскихъ горахъ, по показаніямъ Блэнфорда и Столички, она живетъ на высотѣ 3000—5000 м. Въ Ретійскихъ Альпахъ она до 70-хъ годовъ гнѣздилась на колокольняхъ и въ стропилахъ стропеній почти всѣхъ высоколежащихъ горныхъ деревень; въ настоящее время, большею частью вслѣдствіе перестройки этихъ башенъ, она принуждена была снова возвратиться въ свою скалистую глушь. Въ высочайшемъ горномъ поясѣ клушица не остается на зиму, а уже въ октябрѣ перекочевываетъ на скалы, лежащія ниже, или въ болѣе южныя области. Въ такихъ случаяхъ онѣ собираются на вершинахъ въ стаи въ 400—600 штукъ, которые затѣмъ скоро разбѣиваются. Штѣлькеръ, впрочемъ, получилъ однажды среди зимы клушицу, убитую въ одной изъ высочайшихъ горныхъ долинъ Швейцаріи. Въ Испаніи и, по всей вѣроятности, также во всѣхъ южныхъ горныхъ странахъ, клушица—осѣдая птица и, если перекочевываетъ зимою, то разлѣ лишь съ вершинъ въ ближайшія долины, лежащія ниже. То же самое Вальтеръ наблюдалъ въ Туркменіи, гдѣ эта птица съ высотъ Копетъ-дага въ холодное время спускается въ долины. Низкія мѣстности или даже и холмистыя клушица посѣщаетъ только въ видѣ исключенія; но все-же я самъ видалъ ее однажды зимою въ виноградникахъ на Майнцѣ.

По моимъ личнымъ наблюденіямъ клушица живо напоминаетъ галку, только полетъ ея легче и красивѣе, чѣмъ у той, и она вообще умнѣе и осторожнѣе галки. Путешествуя по горамъ Мурціи или Андалузій, можно слышать иногда, съ откосовъ высокихъ скалъ, какъ бы тысячи птичьихъ голосовъ, и думается, что это кричатъ галки; но стоитъ только стаѣ придти въ движеніе, какъ по легкому, быстрому полету, а при благоприятномъ освѣщеніи, также и по видному издалека ко-

Замѣчательно, что клушицы живутъ только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, тогда какъ въ другихъ, повидимому столь-же благоприятныхъ, ихъ нѣтъ. Такъ, по Болле, изъ всѣхъ Канарскихъ острововъ онѣ водятся только на Пальмѣ. «Населяя многочисленными стаями жаркія, изобилующія пещерами береговья области, а равно и высочайшія, зимою покрытыя снѣгомъ вершины горъ, клушицы почему-то вовсе не привлекаютъ возвышающіеся надъ моремъ горныя хребты Тенерифа, Гомера и Ферро, несмотря на то, что они находятся отъ пальмы на разстояніи, видимо даже простымъ глазомъ. Робкія, но вмѣстѣ съ тѣмъ быстрыя и съ высшей степени общительныя клушицы пріятнымъ образомъ оживляютъ восхитительную мѣстность этихъ предестныхъ острововъ. Вся жизнь ихъ кажется безконечной веселой игрой, такъ какъ ихъ постоянно можно видѣть гоняющимися другъ за другомъ и поддразнивающими одна другую. Ихъ легкіи, красиво парящій полетъ исполненъ чрезвычайно изящныхъ, искусныхъ эволюцій. На свѣже-вспаханныя поля онѣ часто опускаются цѣлыми тысячами; мнѣ приходилось также видѣть цѣлыя стаи ихъ на водоноѣ у одинокихъ горныхъ источниковъ».

Наблюдая, какой родъ пищи употребляетъ клушица, можно убѣдиться, съ какою ловкостью орудуетъ она своимъ дугообразнымъ клювомъ. По моимъ наблюденіямъ, клушица почти исключительно насѣкомоядная птица, которая только случайно употребляетъ другую пищу. Главную составную часть ея корма въ Испаніи составляетъ саранча и пауки и между ними также скорпіоны, и птица эта умѣетъ съ замѣчательною ловкостью ловить ихъ. Она поднимаетъ своимъ длиннымъ клювомъ маленькіе камни и ищетъ скрывающихся подъ ними насѣкомыхъ, а также, подобно грачу, роется въ землѣ или засовываетъ клювъ между большими камнями, которыхъ не можетъ по тяжести одолѣть, и тамъ разыскиваетъ себѣ любимую пищу. Въ птенцовую пору клушицы грабятъ также гнѣзда маленькихъ птичекъ и таскаютъ безпомощныхъ птенцовъ на сѣденіе своимъ голоднымъ дѣтенятамъ. Въ крайнихъ случаяхъ клушица не брезгаетъ и падалью.

Размноженіе клушицъ бываетъ въ первые весенніе мѣсяцы. Въ Испаніи уже въ началѣ іюля можно видѣть летающихъ птенцовъ. Самого гнѣзда мы никогда не могли найти, потому что и на Иберійскомъ полуостровѣ клушица придерживается похвальной привычки выбирать для гнѣзда отверстія недоступныхъ скалъ. По изысканіямъ Гиртаннера, верхняя и нижняя части гнѣзда состоятъ изъ тонкихъ корешковъ какого-нибудь одного или очень немногихъ растений, при чемъ чѣмъ выше къ краямъ, тѣмъ корни берутся тоньше; самое же углубленіе гнѣзда выстлано очень толстымъ, крѣпкимъ, не меньше 6 см. толщиною, войлокомъ, для изготовленія котораго приносятъ дань своими волосами всѣ млекопитающія, живущія въ горахъ. Ключки овечьей шерсти тщательно перерабатываются вмѣстѣ съ волосами козъ и сернь, большіе пучки бѣлыхъ заячьихъ волосъ—съ волосами рогатаго скота. «Въ тѣхъ гнѣздахъ, которыя плотно примыкаютъ къ скалѣ, войлокъ имѣетъ большую толщину, для того, чтобы предохранить сидящую въ гнѣздѣ самку съ птенцами отъ вліянія сырости и холода, исходящихъ отъ скалы». Кладка, завершающаяся уже въ концѣ апрѣля, состоитъ изъ 4—5 яицъ, 44 м.м. длиною, 29 м.м. толщиною, съ бѣловатою или грязно-сѣро-желтою скорлупою, покрытою свѣтло-бурыми пятнышками и крапинками. Какъ долго продолжается высидиваніе—неизвѣстно. По всей вѣроятности самка насиживаетъ одна, тогда какъ заботы по вскармливанію птенцовъ оба родителя съ большимъ шумомъ и крикомъ дѣлать между собою. Птенцы покидаютъ гнѣздо въ концѣ іюня, но еще долгое время находятся подъ присмотромъ и попеченіемъ родителей.

Въ періодъ размноженія клушицы живутъ между собою въ такомъ-же тѣс-

номъ союзѣ, какъ и въ остальные мѣсяцы года. Это общительныя птицы въ самомъ широкомъ значеніи слова. Но, конечно, совсѣмъ безъ ссоръ дѣло не обходится, и весьма возможно, что товарищи по-дружески обкрадываютъ другъ друга; но это вообще воронья привычка, которая ни мало не нарушаетъ добрыхъ отношеній. При опасности вся стая усердно помогаетъ другъ другу и, при случаѣ, выказываетъ настоящее мужество. Такимъ образомъ намъ пришлось наблюдать, какъ здоровые съ громкимъ крикомъ толпились около раненыхъ, выказывая явное намѣреніе помочь несчастнымъ товарищамъ. Подстрѣливъ однажды клушницу въ крыло, мы потеряли ее изъ виду и нашли только восемь дней спустя; намъ указала ее присутствіе стая другихъ клушницъ, которые толпились у расщелины скалы, гдѣ спряталась раненая. Не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію, что онѣ прилетали съ цѣлью доставить больной пищу. Какъ на враговъ, могущихъ вредить этой ловкой, умной и осторожной птицѣ, Гиртаннеръ указываетъ на сапсановъ, тетеревятвиковъ и перепелятниковъ, а также на пустельгу; послѣдняя особенно любитъ захватывать гнѣзда клушницъ и часто по долгу и упорно спорить съ клушницами за любимое мѣсто, а также таскаетъ изъ гнѣзда малыхъ птенцовъ. Кромѣ того, взрослыхъ клушницъ часто душить филинъ, а молодыхъ—лисица и куница.

Всѣ вороновыя—привлекательныя птицы для содержанія въ клеткахъ; но, по моему мнѣнію, ни одна изъ птицъ этого семейства не можетъ сравниться съ клушницей. При соответствующемъ заботливомъ уходѣ онѣ скоро становятся чрезвычайно ручными и доверчивыми, дружески сходятся со своимъ воспитателемъ, отзываются на данную кличку, слѣдуютъ на зовъ, причаются вылетать изъ клетки и снова влетать въ нее и, при соответственномъ помѣщеніи, приступаютъ даже къ размноженію. Ихъ красивая внѣшность, яркая окраска клюва и ногъ, приятная осанка, ихъ оживленность и рѣзвость, любопытство и любознательность, ихъ способность къ выучкѣ и подражательности,—все это, взятое вмѣстѣ, представляетъ неизсякаемый источникъ для приятныхъ и поучительныхъ наблюденій. Со временемъ эта птица становится вполнѣ домашнимъ животнымъ въ лучшемъ значеніи слова, различаетъ знакомыхъ отъ чужихъ, взрослыхъ отъ малолѣтнихъ, принимаетъ участіе во всѣхъ происшествіяхъ, во всѣхъ семейныхъ печаляхъ и радостяхъ, дружески сходитя съ другими домашними животными, постепенно приобретаетъ массу опытности, становится все умнѣе и, конечно, все хитрѣе и въ концѣ концовъ дѣлается замѣчательнымъ членомъ домашняго общества.

Содержаніе клушницы въ высшей степени незамысловато. Хотя главнымъ образомъ она питается мясомъ, но также можетъ ѣсть и всякую пищу, употребляемую людьми. Вѣлый хлѣбъ клушницы считаютъ за лакомство, равно какъ и творогъ; онѣ не брезгаютъ также маленькими позвоночными, хотя для того, чтобы убить или раздробить мышъ или какую-нибудь птичку, она должна употребить массу труда и времени. На слабыхъ птицъ она нападаетъ съ большою яростью, а также сильно обижаетъ соекъ и галокъ. Привязанность клушницъ распространяется только на людей.

Ближайшимъ родичемъ клушницы является **Альпійская гална** (*Pyrrhocorax alpinus, montanus, planiceps* и *forsythi*, *Fregilus pyrrhocorax*, Alpendohle, Chocard des Alpes). Она отличается отъ клушницы своимъ относительно сильнымъ желтымъ клювомъ, одинаковой длины съ головою, а также скорѣе дроздовымъ, чѣмъ вороньимъ опереніемъ. У взрослыхъ птицъ опереніе бархатисто-черное, у птенцовъ матово-черное, ноги у первыхъ—красныя, у послѣднихъ—желтыя. Отно-

сительно величины между клушицею и альпійскою галкою почти нѣтъ разницы; образъ жизни и привычки также въ общемъ тѣ же самыя.

Альпійская галка также распространяется почти по всему сѣверу Старога Свѣта. Въ Альпахъ она всюду обыкновенна, въ Испаніи — довольно рѣдка, въ Греціи и Италіи встрѣчается чаще, чѣмъ клушица; кромѣ того попадаетъ въ Малой Азіи, на Кавказѣ, въ Персіи, южной Сибири и Туркеставѣ, живеть главнымъ образомъ на всѣхъ высокихъ горахъ Средней Азіи, и въ Гиммалайскихъ до Бутана встрѣчается не рѣже своего родича. Въ Алтаѣ она населяеть съ клушицею одни и тѣ же горныя отроги и, какъ я наблюдалъ, составляетъ съ ними даже общія стаи.

«Подобно тому, какъ жаворонокъ принадлежитъ засѣянному полю, чайка — морю, подорожникъ и горихвостка — ковышнѣ и лугу, голубь и воробей — хлѣбному амбару, крапивникъ — зеленой изгороди, синица и королекъ — молодому листовному лѣсу, трисогузка — ручью, зябликъ — буковому лѣсу, бѣлка — увѣшанной шишками соснѣ», говоритъ Чуди, «такъ альпійская галка принадлежитъ скалистымъ вершинамъ нашихъ Альповъ. Если путешественникъ или охотникъ не встрѣтитъ въ этихъ горахъ ни одного двуногаго или четвероногаго альпійскаго жителя, то можно поручиться, что онъ всегда найдетъ тамъ стаю альпійскихъ галокъ, кричащихъ и спорящихъ на обрывахъ скаль; то онъ вдругъ съ рѣзкимъ свистомъ, въ нѣсколько взмаховъ крыльевъ взлетаетъ вверхъ и поднимаются въ вышину по спиральному направленію, то, сдѣлавши нѣсколько широкихъ круговъ надъ скалами, снова спускаются на которую-нибудь изъ нихъ и разматриваютъ незнакомца. Ихъ можно встрѣтить здѣсь рѣшительно повсюду, какъ на лугахъ за границею произростанія лѣсовъ и на каменистыхъ отлогостяхъ высокихъ Альповъ, такъ и на совершенно голыхъ скалахъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ. Дюррлеръ нашель двухъ такихъ галокъ даже на ледяномъ морѣ, окружающемъ высочайшую вершину Теди, возвышающуюся болѣе, чѣмъ на 3500 м. надъ уровнемъ моря, а Мейеръ видѣлъ ихъ нѣсколько штукъ на высотѣ 4000 м., когда восходилъ на Финстераргорнь. Такимъ образомъ альпійскія галки поднимаются еще выше горнаго зяблика и бѣлой куропатки, и ихъ звонкіе однотонные крики замѣняютъ здѣсь трели горнаго жаворонка и зяблика, которыя такъ ласково привѣтствуютъ путника почти на 1000 м. ниже. Но на этихъ высотахъ, среди вѣчнаго льда и снѣга путешественника радуютъ и эти птицы, которыя оживленно хлопчутъ здѣсь и разыскиваютъ своимъ клювомъ погребенныхъ подъ льдомъ насѣкомыхъ.

«Какъ всѣ почти альпійскія животныя, эта галка считается также предвѣстницею погоды. Когда весною выпадаютъ суровые дни или осенью первый снѣгъ посеребрить горныя долины, клушицы цѣлыми стаями улетаютъ въ долины, оглашая воздухъ звонкимъ карканіемъ или громкимъ свистомъ, а когда погода совсѣмъ портится, то онѣ немедленно исчезаютъ. Но даже въ самыя суровыя зимы онѣ покидаютъ альпійскія области только на самое короткое время, — чтобы въ долинахъ обобратъ на кустахъ остатки ягодъ, а въ январѣ уже снова весело кружатся надъ высочайшими выступами скаль. Впрочемъ, подобно всѣмъ другимъ вороновымъ, онѣ ѣдятъ рѣшительно все съѣдобное; лѣтомъ зачастую обклеиваютъ высокіе вишневые кусты, растущіе на горахъ; земляныхъ и водяныхъ улитокъ онѣ глотаютъ вмѣстѣ съ раковинами (въ зобу подстрѣленной нами въ декабрѣ клушицы мы нашли 13 улитокъ, между которыми не было ни одной пустой раковины), а въ голодное время года довольствуются древесными почками и хвоеми. На остатки животныхъ онѣ набрасываются съ такою-же жадностью, какъ вороны, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ преслѣдуютъ даже живыхъ животныхъ, какъ настоящіе хищ-

ники. Охотясь въ декабрѣ 1853 г. въ такъ называемой Орлигрубе около Сентиса, мы съ удивленіемъ увидѣли, какъ цѣлая стая альпійскихъ галокъ слетѣлась на выстрѣль ружья, тогда какъ до этого ни одной изъ нихъ не было видно. Долго кружили онѣ съ громкимъ свистомъ надъ подстрѣленнымъ зайцемъ и преслѣдовали его до тѣхъ поръ, пока тотъ скрылся изъ виду. Цѣлая стая каркающихъ альпійскихъ галокъ кружила въ продолженіи цѣлаго мѣсяца надъ непроходимымъ обрывомъ той-же горы, въ которомъ валялась убитая еерна, и не разлеталась до тѣхъ поръ, пока трупъ не былъ объѣденъ до костей. Альпійскія галки съ большою наглостью набрасываются, въ виду самого охотника, на дѣлающую стойку такеу. Добычу свою онѣ дѣлятъ далеко не миролюбиво, а съ криками и ссорами выхватываютъ другъ у друга куски, причѣмъ постоянно кусаются и дерутся. И все-таки ихъ сильное взаимное расположеніе имѣетъ благородный характеръ: мы часто замѣчали, какъ вся стая, лишившись одного или нѣсколькихъ членовъ своихъ, съ пронзительно-жалобными криками носилась въ продолженіи нѣкотораго времени надъ убитыми.

«Ихъ, зачастую общія, гнѣзда строятся въ расщелинахъ и отверстіяхъ самыхъ неприступныхъ вершинъ. Одночное гнѣздо, плоское, большое, состоитъ изъ стеблей травы и содержитъ въ себѣ, въ періодъ размноженія, пять яицъ, величиною съ вороньи, а именно 38 m.m. длиною и 26 m.m. толщиною, со свѣтлою непельно-сѣрою скорлупою, покрытою темно-сѣрыми пятнышками. Альпійскія галки населяютъ нѣкоторые нещеры въ скалахъ цѣлыми поколѣніями и покрываютъ ихъ часто толстымъ слоемъ своего помета».

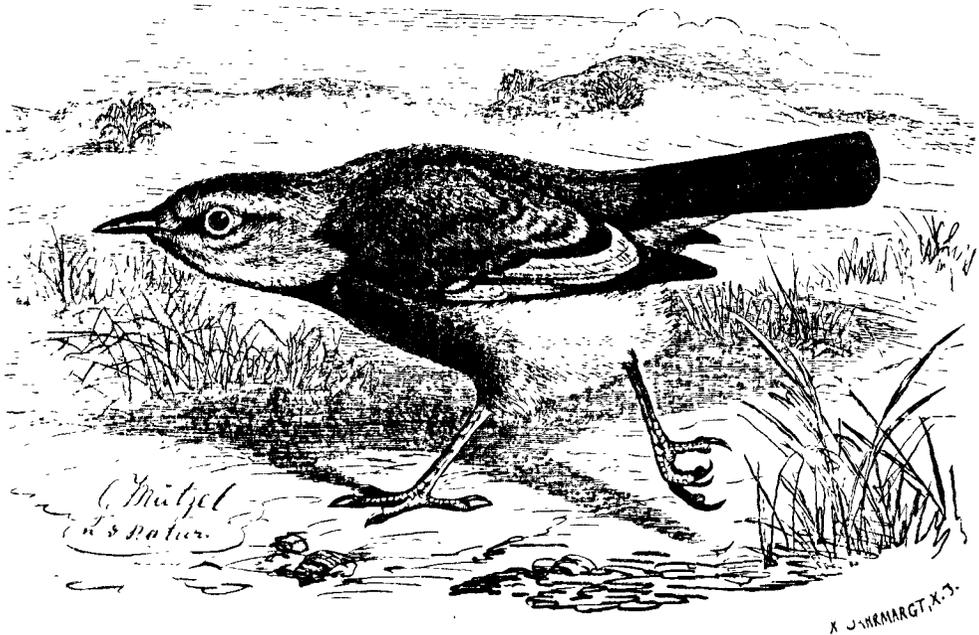
Относительно ихъ жизни въ неволѣ можно сказать то-же самое, что и про клушицъ; по крайней мѣрѣ я, за все время ухода за ними, не замѣчалъ никакой существенной разницы между ними. «Эта птица одна и тѣхъ», говоритъ Сави, «которыя приручаются очень легко и проявляютъ по отношенію своего воспитателя горячую привязанность. Ее можно держать въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, позволяя безпрепятственно летать на свободѣ. Она вспрыгиваетъ на столъ и ѣсть мясо, плоды, въ особенности виноградъ, фиги, вишни, червѣй хлѣбъ, сухой сыръ и яичный желтокъ. Она любитъ молоко, а вино предпочитаетъ водѣ. Подобно воронамъ, она, когда ѣсть, придерживаетъ пищу когтями, а остатки прячетъ, прикрывая ихъ бумагою, щепками и тому подобнымъ; сама часто садится тутъ-же подлѣ своихъ запасовъ и стережетъ ихъ отъ собакъ и людей. Она имѣетъ странное пристрастіе къ огню, зачастую вытаскиваетъ изъ лампы горящую свѣтильню и проглатываетъ ее; зимою таскаетъ также изъ печи угли и продѣлываетъ все это совершенно безнаказанно для себя. Ей доставляетъ большое удовольствіе слѣдить за поднимающимся дымомъ и потому, видя горящій уголь, она отыскиваетъ кусочекъ бумаги, тряпку или дучинку, бросаетъ ихъ въ огонь, а сама стоитъ и наслаждается дымомъ. Не слѣдуетъ-ли на этомъ основаніи предположить, что альпійская галка есть «птица-поджигатель» (*Avis incendiaria*) древнихъ.

«Замѣтивъ змѣю, рака или что-нибудь подобное, она машетъ крыльями и хвостомъ и каркаетъ совершенно такъ, какъ вороны. Если въ комнату войдетъ чужой, она кричитъ до того, что можно оглохнуть, а когда знакомый окликнетъ ее, она дружески гогочетъ ему въ отвѣтъ. Въ спокойномъ состояніи она иногда поетъ, а то свиститъ совсѣмъ какъ дроздъ и выучивается даже насвистывать маленькіе марши. Когда кто-нибудь изъ домашнихъ возвращается послѣ долгаго отсутствія домой, то галка съ распростертыми крыльями идетъ ему на встрѣчу, привѣтствуетъ его голосомъ, вспархиваетъ ему на руки и осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ. Если солнце взойдетъ, а дверь комнаты она найдетъ еще залертою,

то быстро бѣжить въ спальную, крикнуть тамъ нѣсколько разъ, неподвижно садится у изголовья спящаго и ожидаетъ, пока ея другъ проснется. Затѣмъ уже она теряетъ всякое спокойствіе, кричитъ изо всѣхъ силъ, бѣгаетъ съ одного мѣста на другое и всячески выказываетъ свое довольство по поводу пробужденія хозяина. Расположеніе ея къ человѣку въ самомъ дѣлѣ паразитально, но все-таки она никогда не дѣлается его рабомъ, неохотно позволяетъ брать себя въ руки, и у нея всегда есть кто-нибудь, кого она ненавидитъ, а потому при всякомъ удобномъ случаѣ клюетъ».

* * *

Въ пустыняхъ ввутренней Азіи, между Аральскимъ моремъ и Тибетомъ, живутъ своеобразныя вороновыя, которыхъ Шарпъ помѣстилъ въ подсемейство каменныхъ воронъ. У четырехъ извѣстныхъ видовъ, составляющихъ родъ Пустынь-

Саксаульная сойка *Podoces panderi*. 2/3 наст. вел.

ныхъ соекъ (*Podoces*) клювъ довольно длинный и вверху, начиная отъ основанія до конца, равномерный и слабый, а внизу чуть-чуть изогнутъ; верхняя челюсть его немного свѣшивается надъ нижней. Ноги стройныя; плоска ихъ вдвое больше длины средняго пальца; онѣ вооружены крѣпкими, сильно изогнутыми ногтями. Крылья средней длины, четвертое маховое перо въ нихъ самое длинное. Хвостъ умѣренной длины, на концѣ слегка округленъ. Опереніе густое и мягкое и мало различается въ окраскѣ у различныхъ половъ и возрастовъ.

Типичнымъ представителемъ рода можетъ считаться **Саксаульная сойка** или **Бѣгунъ** (*Podoces panderi*, *Corvus*, *Pica*, *Garrulus panderi*, *Saxaulhäger*, *Podocoe de Pander*). Ея длина приблизительно 25 см., длина крыльевъ 12 см., а хвоста 10 см. Всѣ верхнія части тѣла краснаго свѣтло-пепельнаго цвѣта; горло и передняя сторона шеи немного свѣтлѣе; нижнія части бѣловато-сѣрыя, съ легкимъ винно-краснымъ налетомъ; нижнія перья хвоста почти бѣлыя; широкая линия уздечки, доходящая до окаймленнаго бѣлымъ глаза, и трехугольное, внизу распространяю-

щеся пятно на нижней части шеи,—черныя; маховыя перья бѣлыя; два первыхъ на наружной сторонѣ и на концѣ, остальные только въ конечной трети черныя, но всѣ съ черными стержнями съ сине-стальнымъ блескомъ; малыя маховыя перья и большія кроющія перья крыльевъ при основаніи черныя, въ остальной части бѣлыя; послѣднія плечевыя перья, вплоть до конца все больше и больше суживающагося къ задѣ,—черныя, такъ что образуются двѣ бѣлыя и двѣ черныя полоски. Рулевыя перья черныя съ зеленоватымъ металлическимъ отблескомъ. Глаза коричневаго цвѣта, клювъ и ноги сѣро-синіе. Самецъ и самка не отличаются другъ отъ друга; птенцы имѣютъ преобладающимъ гризноватый свѣтло-сѣро-коричневый цвѣтъ; у нихъ нѣтъ черной линіи и пятна на шеѣ; маховыя перья не имѣютъ блеска, а рулевыя перья имѣютъ болѣе слабый отблескъ.

Хотя саксаульная сойка уже въ 1823 году была открыта Эверсманомъ, и несмотря на то, что отдѣльные путешественники ее нѣсколько разъ наблюдали мы все-таки должны быть благодарны Богданову за первое описаніе жизни этой птицы, напечатанное въ 1877 году. Ея родина—пустыня Кизиль-Кумъ, лежащая на востокъ отъ Аральскаго моря, между Сыръ-Дарьей и Аму-Дарьей, песчаная пустыня въ полномъ смыслѣ этого слова, «плоская и безграничная, какъ открытое море, но какъ-будто волнообразно застывшее во время бури». Въ этой пустынѣ, за исключеніемъ странныхъ животныхъ, лишь немногія удивительныя растенія, особенно заросли саксаули, влчатъ свое жалкое существованіе. Тутъ на песокъ живетъ эта птица; рѣдко доходитъ она до глинистаго грунта, и никогда до каменистыхъ мѣстностей этой пустыни. Такъ-же рѣдко встрѣчается она вблизи рѣкъ и озеръ. Положительно можно сказать, что она никогда не пьетъ и не нуждается въ водѣ (?). Въ пустынѣ она отыскиваетъ такія мѣста, въ которыхъ песчаныя возвышенности покрыты очень скудной растительностью, кусты разбросаны отдѣльно и на далекомъ разстояніи другъ отъ друга. Но вѣроятно она постепенно распространяется къ сѣверу, по крайней мѣрѣ она уже перешла Сыръ-Дарью. Далѣе въ новѣйшее время Вальтеръ сообщаетъ на счетъ ея мѣстопробыванія слѣдующее: «Самая западная мѣстность туркменскихъ степей, въ которой мы еще рѣдко встрѣчали эту птицу, находится на сѣверо-востокѣ отъ Асхабада при источникахъ Баль-Кую; тутъ 24 февраля 1886 г. убили парочку. Зарудный нащель ее въ маѣ того-же года восточнѣе, около Дортъ-Кую. Часто встрѣчается она въ песчаной пустынѣ, которая простирается между Мервомъ и Аму-Дарьей, а именно около Учъ-Аджи и Ренетекъ, въ глубокихъ пескахъ, покрытыхъ зарослями саксаула. Южнѣе, на Мургабѣ и въ пустынѣ на границѣ Афганистана эта птица безусловно исчезаетъ; но она, говорятъ, встрѣчается на Тедженѣ подъ Сараксомъ. Итакъ кажется, что южная граница ея распространенія проходитъ черезъ глинистую степную полосу, которая ограничиваетъ съ юга туркменскую пустыню въ видѣ оазисовъ Ахаль-Теке, Теджена и Мерва.

Саксаульная сойка живетъ большую часть года въ своей области одиноко и на зиму не улетаетъ. Въ теченіи всего дня она ходитъ большими шагами около кустовъ, и ищетъ пищу въ песокъ; она не прыгаетъ и не двигается скачками, но горопливо и необыкновенно скоро бѣгаетъ, на манеръ куриныхъ, не выходя изъ предѣловъ извѣстной области. Ни одна ворона не дѣлаетъ такихъ большихъ шаговъ, какъ она. При опасности она бѣжитъ отъ одного куста саксаула къ другому, причется за каждымъ кустомъ, и выглядываетъ то съ одной, то съ другой стороны его. Она рѣдко рѣшается взлетать. Такъ-же рѣдко садится она на верхушку куста, да и то только для того, чтобы съ возвышеннаго пункта имѣть болѣе обширный кругозоръ. Ея полетъ напоминаетъ полетъ сороки, сойки и со-

рокопуга. Обыкновенно она молчалива; но иногда слышится крикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ пронзительныхъ, высокихъ, отрывистыхъ тоновъ, похожихъ на вскрикиваніе дятла.

Спокойно и почти непрерывно занимается она собираніемъ своей пищи, которую она подбираетъ съ земли, или выкапываетъ между корнями кустарника. Весной и лѣтомъ Богдановъ нашелъ въ желудкахъ убитыхъ имъ экземпляровъ только личинокъ жуковъ, по всей вѣроятности тѣхъ разнообразныхъ жуковъ, которые массами живутъ въ пустынѣ; но рѣже находилъ остатки самихъ жуковъ. Уже въ августѣ птица должна отыскивать себѣ другую пищу и довольствоваться сѣменами саксаула и другихъ кустарниковъ пустыни, потому что жуки въ это время начинаютъ исчезать. Эти сѣмена, вѣроятно, составляютъ зимой ея исключительную пищу. Поздней осенью присоединяется она къ киргизскимъ стадамъ и раскапываетъ навозъ, чтобы тамъ найти себѣ какую-нибудь пищу. Въ этихъ случаяхъ она приближается не только къ караваннымъ дорогамъ, но даже и къ киргизскимъ юртамъ, нисколько не боясь при этомъ людей.

Уже зимой, по всей вѣроятности въ февралѣ, эти необщительныя птицы соединяются въ парочки, для размноженія. До того времени встрѣча двухъ саксаульныхъ соекъ всегда имѣетъ слѣдствіемъ драку, по окончаніи которой обѣ опять расходятся. Богдановъ не сообщаетъ о дальнѣйшихъ слѣдствіяхъ спариванія, потому что онъ не имѣлъ случая наблюдать его у этой птицы, и не могъ отыскать ея гнѣзда и яицъ. Последнія, съ которыми познакомилъ насъ Федченко, имѣютъ 30 м.м. длины, 20 м.м. ширины, и по сѣро-зеленоватому фону разрисованы вездѣ различными, большими, темно-сѣро-зелеными и мелкими свѣтло-красными пятнышками, расположенными вѣнчикомъ около толстаго конца яйца. Гнѣзда, которыя подробно не описываются, находятся на вышеупомянутыхъ кустахъ, на уровнѣ человеческого роста отъ земли. Федуринъ, сопровождавшій Богданова, нашелъ 23 апрѣля пару саксаульныхъ соекъ съ двумя вылетѣвшими птенцами, и Богдановъ изъ этого заключаетъ, что время кладки яицъ должно начинаться еще въ первыхъ числахъ марта.

Въ составъ послѣдняго подсемейства входятъ **Свистящія вороны** (*Streperinae*), которыхъ, можетъ быть, можно считать промежуточными формами между воронами и сороколугами. Онѣ отличаются вытянутымъ, конусовиднымъ, при основаніи широкимъ клювомъ, сжатымъ съ боковъ, котораго хребетъ образуетъ выступъ, вдающійся въ лобъ; клювъ этотъ до вершины почти прямой, а къ концу загнутъ крючкомъ. Кроме этого, эти птицы отличаются настоящими вороньими ногами, длинными, острыми крыльями, и хвостомъ средней длины, прямо обрѣзаннымъ или слабо округленнымъ.

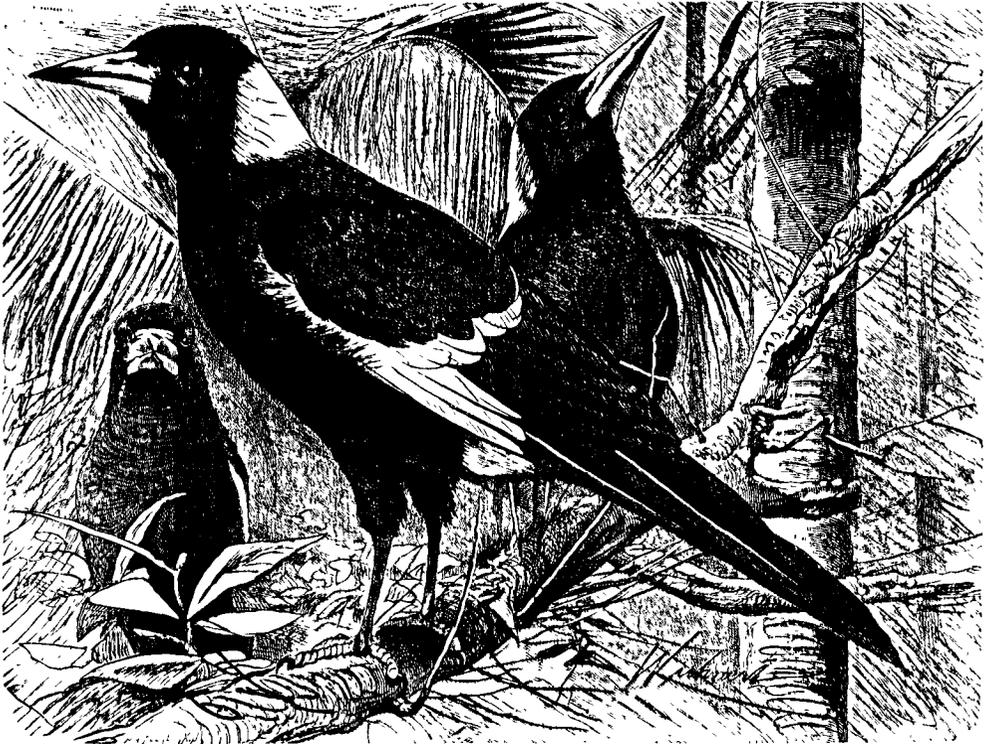
Австралійская область—родина свистящихъ воронъ. Тутъ онѣ живутъ въ подходящихъ мѣстахъ, необыкновенно проворно бѣгая по землѣ, не менѣе ловко двигаясь по вѣтвямъ, но не особенно легко и увѣренно летая. Маленькія животныя различныхъ классовъ, особенно кузнечики, мелкія позвоночныя, плоды, зерна и сѣмена составляютъ ихъ пищу. «Мало птицъ», говоритъ Гульдъ, «которыя были бы такъ изящны, и такъ мило оживляли-бы страну, гдѣ онѣ появляются, какъ эти вороны, или ловкостью своихъ движеній на землѣ и надъ нею, или своими громкими, звонкими, напоминающими флейту, криками, которые онѣ издають, сидя или летая». Большею частью онѣ летаютъ стаями отъ 4—6 штукъ, вѣроятно семействами, состоящими изъ родителей и птенцовъ. Гнѣзда ихъ дѣлаются изъ прутьевъ и наполняются травой и другими подходящими матерьялами.

Онѣ кладутъ 3—4 яйца. Итенцы, которые выкармливаются и очень храбро защищаются обоими родителями, уже послѣ первой линьки получаютъ цвѣтныя перья.

* * *

Флейщикъ (*Strepera tibicen*, *Coracias*, *Barita* и *Cracticus tibicen*. Flötenvogel. Flöteur), появившійся въ новѣйшее время во всѣхъ зоологическихъ садахъ, ближе всего подходитъ по величинѣ къ грачу. Его длина 43 см. длина крыла 27, длина хвоста 14 см. Перья главнымъ образомъ чернаго цвѣта; но затылокъ, спина, верхнія и нижнія покровныя перья хвоста и переднія покровныя перья крыла—бѣлыя. Глаза—красновато-орѣховаго цвѣта; клювъ коричнево-песельнаго, ноги чернаго цвѣта.

По Гульдѣ, эта птица особенно часто встрѣчается въ Новомъ Южномъ Вал-

Флейщикъ. *Strepera tibicen*. $\frac{3}{10}$ наст. вел.

лѣсъ, и въ высшей степени бросается въ глаза. Она очень украшаетъ равнины, въ которыхъ ее не преслѣдуютъ и не истребляютъ, залетаетъ въ сады колонистовъ, а при нѣкоторомъ снисхожденіи посѣщаетъ даже жилища, и за оказанное ей покровительство отвѣчаетъ величайшею довѣрчивостію. Ея пестрое опереніе радуетъ зрѣніе, а ея оригинальное утреннее пѣніе—слухъ. Любимыя ея мѣста пребыванія—открытыя мѣстности съ группами деревьевъ; поэтому она предпочитаетъ внутреннія страны береговымъ. Пища ея состоитъ главнымъ образомъ изъ саранчи, которой она истребляетъ страшное количество. Въ августѣ начинается періодъ размноженія и продолжается до января, такъ какъ каждая парочка два раза высидиваетъ итенцовъ. Круглое и открытое гнѣздо строится изъ прутьевъ

и листьевъ и выполняется мягкими веществами, какія только она находитъ. Гульдъ не могъ добыть яицъ, которыхъ бываетъ 3 или 4; но зато онъ описываетъ яйца другого вида, очень похожаго на этотъ. Они имѣютъ на тускло-голубовато-бѣломъ фонѣ, нерѣдко переходящемъ въ красный, большія буро-красныя или свѣтло-каштановыя пятна, испещряющія яйцо въ видѣ зигзаговъ.

Когда Гульдъ путешествовалъ по Австраліи, пойманный флейтцигъ былъ большою рѣдкостью; въ настоящее-же время мы часто получаемъ его живымъ. Онъ находитъ много поклонниковъ, и почти необходимъ въ зоологическихъ садахъ. Даже безмолвствуя, онъ обращаетъ на себя вниманіе, но особенно привлекателенъ онъ тогда, когда начинаетъ свои странныя пѣсни. Я слышалъ флейтциговъ, которые пѣли удивительно хорошо; но наблюдалъ многихъ другихъ, которые издавали только нѣсколько тоновъ, образующихъ подобіе фуги. Каждая отдѣльная нота ихъ пѣсни полная и чистая; только въ конечной строкѣ обыкновенно слышится скорѣе сопѣніе, чѣмъ флейта. Говоря другими словами, эти птицы хорошіе исполнители, но очень плохіе композиторы и кромѣ того часто портятъ свое пѣніе всевозможными причудами, приходящими имъ въ голову. Онѣ въ высшей степени перемчивы, и безъ труда заучиваютъ пѣсни, не обращая вниманія на то, кто ихъ исполняетъ, пѣвчая-ли птица, шарманка-ли, или какой-нибудь другой инструментъ. Многіе флейтциги, которыхъ я могъ наблюдать, примѣшивали къ своему пѣнію знакомые, особенно любимые народные мотивы, которые они слышали, по всей вѣроятности, отъ матросовъ, во время перѣзда по морю. Знакомыхъ своихъ они аккуратно встрѣчаютъ пѣніемъ, а друзей даже съ нѣкотораго рода пѣжностью. Но ихъ дружбу еще легче потерять, чѣмъ приобрести, потому что эти вороны, по моему собственному опыту, очень задорныя и вепильчивыя, даже метительныя существа, такъ что при самомъ незначительномъ поводѣ, они часто пускаютъ въ дѣло очень чувствительнымъ образомъ свой клювъ. Разъяренные, они поднимаютъ перья, распускаютъ крылья и хвостъ, и, подобно разсерженному вѣтуху, бросаются на нарушителя ихъ спокойствія. Съ подобными себѣ они тоже живутъ постоянно въ ссорѣ и дракѣ, а на другихъ птицъ налагаютъ съ кровожадностью.

Содержаніе ихъ въ клеткѣ не представляетъ затрудненій. Для нихъ во всякомъ случаѣ необходимо мясо, хотя они довольствуются и растительной пищей. Мясо, хлѣбъ и плоды составляютъ главныя части ихъ корма. Къ погодѣ они не очень чувствительны и могутъ безъ опасности зимой оставаться на свободѣ.

Сорокопутовые (Laniidae) составляютъ семейство, въ которомъ насчитываютъ почти до 300 видовъ, распространенныхъ по всей землѣ. Оно характеризуется сильнымъ, съ боковъ сжатымъ, ясно зубчатымъ, крючкообразно загнутымъ клювомъ, короткими, широкими, закругленными крыльями, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья обыкновенно длиннѣе всѣхъ прочихъ, и довольно длиннымъ или очень длиннымъ, ступенчатымъ, состоящимъ изъ двѣнадцати перьевъ хвостомъ. Опереніе обыкновенно густое, нѣсколько рыхлое и мягкое; окраска его красивая и разнообразная, у нѣкоторыхъ же видовъ очень однородная.

Мѣстопробыванія сорокопутовъ—маленькіе дѣса, окруженные полями и лугами, живыя изгороди и кусты на поляхъ, сады и отдѣльно стоящія деревья; а самыя высокія верхушки вѣтвей служатъ имъ обыкновенно для сидѣнія и для отдыха. Большинство сѣверныхъ видовъ—лѣтнія птицы, аккуратно странствующія и доходящія въ своихъ странствованіяхъ до средней Африки. Образъ жизни и привычки сорокопутовъ напоминаютъ настолько-же хищныхъ птицъ, насколько и нѣкоторыхъ

вороновыхъ. Сорокопуть, несмотря на свою незначительную величину, принадлежать къ самымъ смѣлымъ и кровожаднымъ хищнымъ птицамъ. Способности ихъ не особенно замѣчательны, но очень разнообразны. Голосъ ихъ монотонный, и собственно объ ихъ пѣннн не стоитъ говорить. Подеть ихъ плохой и неправильный, походка прыгающая; но несмотря на это, они захватываютъ и ловятъ птицъ болѣе ловкнхъ, чѣмъ они сами. Они значительно исправляютъ свое пѣнне, подслушивая, повидмому съ большимъ трудомъ и стараніемъ, пѣсни другихъ птицъ, или по крайней мѣрѣ отдѣльныя строфы и тоны, и все мало по мало выученное соединяють и сливають страннымъ, но довольно удачнымъ образомъ. Нѣкоторые виды, благодаря этой привычки, стали любимыми пѣвчими птицами, радостью и гордостью нѣкоторыхъ любителей.

Сорокопуть также преимущественно охотятся за насѣкомыми. Но большинство видовъ преслѣдуетъ также мелкихъ птичекъ, и они тѣмъ опаснѣе, что большая часть ихъ не обращаетъ на нихъ вниманія и удостоиваетъ ихъ незаслуженнаго довѣрія. Они сидятъ по нѣскольку минутъ спокойно между другими пѣвчими птицами, даже поютъ вмѣстѣ съ ними, такъ что тѣ дѣлаются совершенно довѣрчивыми: потомъ они вдругъ поднимаются, хватаютъ неожиданно одну изъ ближе сидящихъ птичекъ и дунуть ее, не хуже любого хищника. Сорокопуть имѣютъ странную привычку накалывать пойманную добычу на острые шипы. Тамъ, гдѣ живетъ парочка этихъ птицъ, часто можно увидать такимъ образомъ сохраненныхъ насѣкомыхъ, даже маленькихъ птичекъ или пресмыкающихся и гадовъ. Отъ этой привычки и произошло нѣмецкое названіе «Neuntöter», которымъ народъ окрестилъ этихъ разбойниковъ.

Гнѣздо, обыкновенно представляя собою довольно искусную постройку, помещается въ самомъ густомъ кустарникѣ или по крайней мѣрѣ въ самыхъ густыхъ вѣтвяхъ, и болшею частью украшено зелеными частями растений. Кладка состоитъ изъ 4—6 яицъ, которыя насиживаются одной самкой, между тѣмъ какъ самецъ принимаетъ на себя прокормленіе своей подруги. Вылупившіеся птенцы кормятся обоими родителями, которые ихъ необыкновенно любятъ, при опасности защищаютъ чрезвычайно храбро, и послѣ вылета изъ гнѣзда долгое время водятъ, провожаютъ и учатъ. Только поздней осенью, даже по всей вѣроятности на зимнихъ квартирахъ, молодые выходятъ изъ подъ родительской опеки.

Семейство это недавно было разбито на группы, на которыя нужно смотрѣть какъ на подсемейства. Между ними мы помещаемъ сначала **Настоящихъ сорокопуть** (*Laniinae*. Heckenwürger. Pies-grièches) потому что наши европейскіе виды принадлежать къ этому подсемейству. Ихъ примѣты: очень сильный, съ боковъ сжатый, снабженный однимъ зубцомъ клювъ; сильныя ноги съ высокой плюсной, покрытой крупными пластинками, и пальцами средней длины, вооруженными острыми когтями; наконецъ, округленные, умѣренной длины крылья, и довольно длинный приподнятый хвостъ.

Родъ того же названія, **Сорокопуть** (*Lanius*), который является типичнымъ представителемъ семейства, отличается средней длины клювомъ, очень сильнымъ, съ боковъ сжатымъ, на верхушкѣ почти прямымъ; ковецъ его загнутъ внизъ и снабженъ остроугольнымъ зубцомъ; ноги съ плюсной средней вышины и свободными пальцами; крылья умѣренной длины, острие которыхъ образовано четвертымъ маховымъ перомъ, хвостъ длинный, широкій, на концѣ сильно закругленный или клинообразный.

Самый достойный представитель этого рода **Сѣрый сорокопуть**, **Сѣрокопытка**, (*Lanius excubitor*, *cinereus* и *rapax*, Collyrio excubitor. Raubwürger. Pies-grièche

сommine). Его длина 26 см., размах крыльевъ 36 см., длина крыла 10 см., хвоста 12 см. Опереніе на верхнихъ частяхъ тѣла, за исключеніемъ длиннаго бѣлаго пятна на плечѣ, равномерно свѣтло-пепельнаго цвѣта, а на нижнихъ—чисто бѣлое; широкая черная полоса съ бѣлыми краями проходитъ черезъ глаза. На крылѣ большія маховыя перья отъ корня до половины, а также малыя маховыя перья у самаго корня, и верхнія малыя маховыя перья на концѣ и внутренней части опахала бѣлыя; но на остальномъ своемъ протяженіи маховыя, равно какъ и ихъ покровныя перья—черныя. Въ хвостѣ оба среднихъ пера черныя; но на прочихъ перьяхъ этотъ цвѣтъ болѣе и болѣе исчезаетъ и замѣняется господствующимъ чисто-бѣлымъ цвѣтомъ; пятое наружное перо, за исключеніемъ большого чернаго пятна на срединѣ внутренней части опахала, и крайнее перо, за исключеніемъ черной полоски ствола—совершенно бѣлыя. Глаза каріе, клювъ черный, ноги свинцово-сѣрыя. Самка отличается не столь чистыми цвѣтами, а птенцы слабымъ волнистымъ узоромъ, который особенно ясенъ на груди.

Кромѣ сѣраго сорокопута въ Европѣ живутъ родственныя формы, которыя, по крайней мѣрѣ отчасти, могутъ составить обособленные виды; но нѣкоторые изслѣдователи смотрятъ на нихъ только какъ на разновидности.

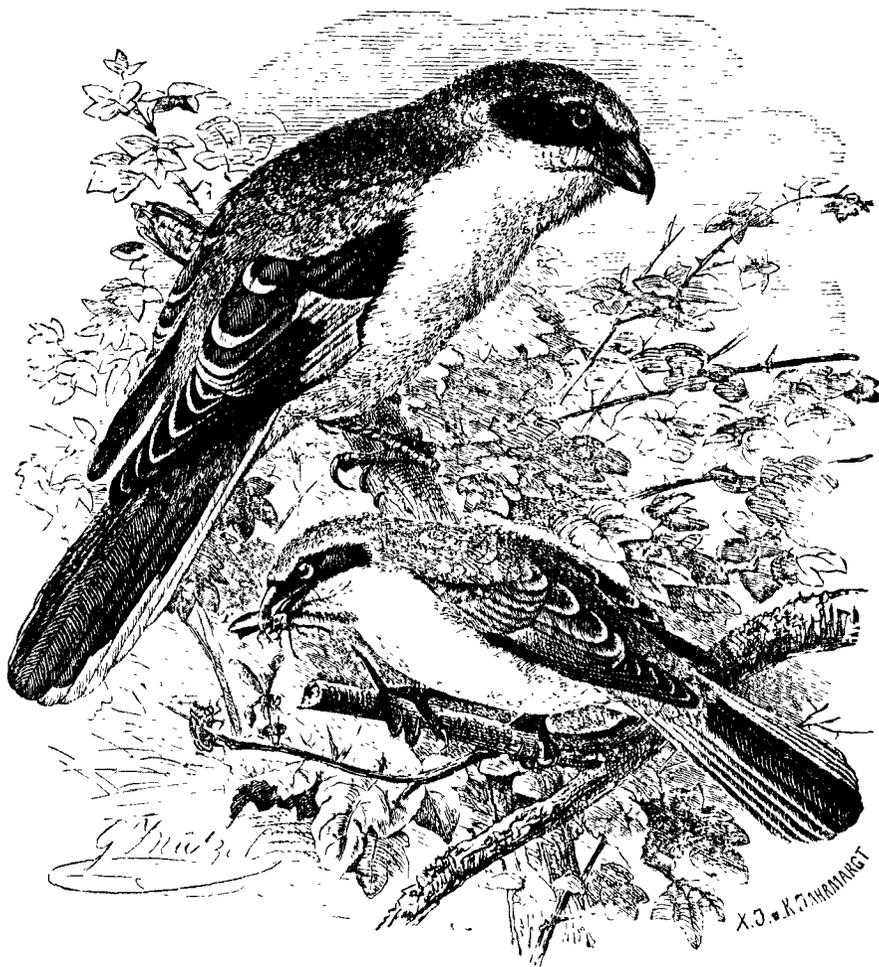
Сѣверный большой сорокопуть (*Lanius major, mollis, septentrionalis, и borealis. Grosswürger. Grande pie-grièche*), который происходитъ изъ Сибири, но котораго тоже неоднократно убивали въ Германіи, походитъ немного на сѣраго сорокопута, но отличается отъ него однако простымъ, бѣлымъ зеркальцемъ на большихъ маховыхъ перьяхъ, отъ второго до десятаго, отсутствіемъ бѣлаго цвѣта на малыхъ маховыхъ перьяхъ, болѣе широкимъ бѣлымъ рисункомъ на оконечности послѣднихъ и бѣлой наружной частью опахала крайнихъ рулевыхъ перьевъ, вообще большимъ распространеніемъ бѣлаго цвѣта на хвостѣ. Его длина 24,5 см., длина крыла 11,5 см., а хвоста 10,6 см.

Бѣлкрылый сорокопуть или **Сорокопуть Гомейера** (*Lanius homeyeri. Spiegelwürger. Pie-grièche de Homeyer*), который живетъ по теченію нижней Волги и въ Крыму, однако также залетаетъ въ Германію, отличается отъ сѣраго сорокопута гораздо большей величиной бѣлыхъ зеркалецъ на крыльяхъ, бѣлымъ лбомъ, бровями и надхвостьемъ, большимъ количествомъ бѣлаго цвѣта въ хвостѣ. Его длина 25,3 см., длина крыла 11,5 см., длина хвоста 11 см.

Южный большой сорокопуть (*Lanius meridionalis, Collyrio meridionalis, Nesperidenwürger. Pie-grièche d'Italie*), живущій на югѣ Европы, сверху темно-пепельнаго цвѣта, снизу свѣтло-красноватаго; боковыя части головы, подбородокъ и горло, а также нижнія кроющія перья хвоста—бѣлыя; уздечка-же, сверху окаймленная узкой бѣлой полосой—черная. Крылья черныя; отъ третьяго до пятаго малыя маховыя перья въ основаніи, заднія малыя маховыя перья на концѣ и самыя длинныя плечевыя перья—совсѣмъ бѣлыя; перья хвоста—черныя; наружное до половины, второе меньше, третье и четвертое только у конца бѣлыя. Длина его 24 см., размахъ крыльевъ 32 см., длина крыла и хвоста по 11 см.

Сѣрый сорокопуть живетъ, за исключеніемъ, можетъ быть, крайняго юга, во всѣхъ странахъ Европы, и въ большей части Азии, какъ осѣдая или кочевая птица, а въ сѣверной Африкѣ и южной Азии, какъ пролетная. Всего чаще его можно увидѣть отъ сентября до ноября и отъ февраля до апрѣля, потому что онъ тогда ко-

чувств. Зимой онъ охотно подлетаетъ къ деревьямъ, а лѣтомъ держится парами по опушкамъ лѣсовъ и на одиноко стоящихъ деревьяхъ открытыхъ полей. Полевые рощи и лѣсныя опушки, граничащія съ выгонами, составляютъ его любимыя мѣста; здѣсь онъ устраиваетъ обыкновенно и свое гнѣздо. Въ горахъ онъ понадеется, по-видимому, такъ-же часто, какъ и на равнинахъ, и отсутствуетъ только на высокихъ Альпахъ и въ болотистыхъ мѣстностяхъ. Кто однажды съ нимъ познакомился, тотъ не смѣ-

Сѣрый сорокопутъ. *Lanius excubitor*. Жуланъ. *Lanius collurio*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

шаетъ его ни съ какими его нѣмецкими родичами, такъ какъ онъ отличается отъ нихъ и нравомъ, и величиною. Обыкновенно его замѣчаютъ на самой высокой верхушкѣ дерева или куста, откуда можно видѣть далеко кругомъ; тутъ онъ сидитъ довольно неподвижно, то выпрямившись и прямо свѣсивши хвостъ, то расположивъ свое тѣло болѣе горизонтально. Взоръ его неутомимо бѣгаетъ кругомъ и отъ его вниманія не ускользаетъ ни пролетающій хищникъ, ни движущееся на землѣ насекомое, птичка или мышенокъ. Всякая большая птица, а именно всякая хищная, встрѣчается крикомъ, храбрымъ нападеніемъ и задорнымъ преслѣдованіемъ. Не безъ основанія нѣмцы называютъ его сторожемъ (*Wächter*), потому что его предупредительный крикъ указываетъ всѣмъ прочимъ птицамъ на приближеніе опасности.

Если онъ замѣтитъ какое-нибудь маленькое животное, то бросается на него сверху и старается схватить его, даже бѣжить нѣкоторое разстояніе по землѣ за убѣгающимъ мышенкомъ. Нерѣдко можно видѣть его парящимъ, причемъ онъ остается долгое время на одномъ мѣстѣ, и вдругъ, какъ соколъ, бросается на землю, чтобы поднять подмѣченную добычу. Зимой онъ часто садится среди воробьевъ, гребется съ ними на солнцѣ, высматриваетъ себѣ одного изъ нихъ на съѣденіе, набрасывается вдругъ стремительно на него, схватываетъ его сбоку, убиваетъ ударами клюва и душитъ когтями; затѣмъ тащитъ свою жертву, придерживая ее то клювомъ, то ногами, въ безопасное мѣсто и насаживаетъ ее, если не слишкомъ голоденъ, прежде всего на шипы или острые сучки, а также на кончикъ тонкаго пестика. Затѣмъ онъ, мало по малу, ее совершенно разрываетъ, отдирая небольшие куски и проглатывая ихъ одинъ за другимъ. Его храбрость такъ же велика, какъ и его дерзость. Когда его мучитъ голодъ, несмотря на свою обыкновенную осторожность, онъ хватается свою добычу въ присутствіи человѣка, а иногда при этомъ до того мало обращаетъ вниманія на свою безопасность, что его можно поймать рукой. Мой отецъ видѣлъ, какъ онъ напалъ на чернаго дрозда, Науманъ наблюдалъ, какъ онъ преслѣдовалъ рябинниковъ, и даже напалъ на пойманныхъ въ силки рябчиковъ. Молодня, только что вылетѣвшія изъ гнѣзда птицы, сильно отъ него страдаютъ. Будь у него столько же ловкости, сколько отваги и храбрости, онъ былъ бы однимъ изъ самыхъ страшныхъ разбойниковъ. На счастье ему очень часто не удается предпринятая охота на мелкихъ слабыхъ птичекъ; однако онъ все-таки остается въ своей области въ высшей степени опаснымъ противникомъ всѣхъ маленькихъ птицъ.

Полетъ сѣраго сороконута не особенно ловокъ. «Когда онъ перелетаетъ съ одного дерева на другое», говоритъ мой отецъ, «онъ бросается косо внизъ, летитъ обыкновенно на разстояніи только нѣсколькихъ метровъ надъ землею и затѣмъ вновь взлетаетъ на верхушку дерева или куста. Его полетъ сильно отличается отъ полета другихъ птицъ. Онъ описываетъ явственную волнообразную линію, ускоряя полетъ быстрыми ударами крыльевъ и расширеніемъ маховыхъ перьевъ, и летитъ довольно быстро; но заразъ пролетаетъ только небольшія разстоянія. Далѣе полукилометра онъ пролетаетъ рѣдко и никогда не перелетаетъ далѣе одного километра. Это случается съ нимъ только тогда, когда, перелетая съ одной горы на другую, онъ не находитъ себѣ на дорогѣ удобнаго мѣста для отдыха». Его органы чувствъ очень остры. Въ высшей степени развито, повидимому, зрѣніе; но слухъ тоже превосходенъ: малѣйшій шорохъ возбуждаетъ вниманіе этой чуткой птицы. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что сорокопуть уменъ; но въ еще большей степени отличается онъ своею страстностью. Онъ необыкновенно сварливъ, дерется охотно со всѣми другими птицами, старается прогнать изъ своей области всякую приближающуюся птицу; онъ выказываетъ сильную вражду къ хищникамъ, но особенно ненавистно относится къ филину. Со своими собратьями онъ такъ же мало живетъ въ ладу, какъ и съ другими существами. Только во время размноженія царствуетъ единеніе между супругами одной пары, а впоследствии въ семейномъ кружкѣ. Зимой сорокопуть живетъ только для себя, и заводитъ ссору съ каждой другой птицей, которая ему попадается.

Обыкновенный крикъ сороконута, часто повторяющееся «гэ, гэ, гэ, гэ», выражаетъ всякаго рода возбужденіе, радостное или неприятное. Кромѣ того слышится нѣжное «трую, трую», какъ призывной крикъ. Въ ясные же зимніе дни, особенно къ веснѣ, онъ поетъ настоящую пѣсню, состоящую изъ нѣсколькихъ тоновъ. Но она различная у каждаго сороконута, и часто звучитъ очень странно,

такъ какъ, повидимому, она ничто иное, какъ передача отдѣльныхъ звуковъ и тоновъ, подслушанныхъ у маленькыхъ пѣвчихъ птицъ, живущихъ въ данной области. Это составное пѣніе издается не только самцомъ, но и самкой. Иногда слышится звонко-пискливый звукъ, издаваемый мелкими птичками, когда онѣ находятся въ большой опасности. При этомъ сорокопуть сидитъ совсѣмъ спокойно, и даже кажется, будто онъ хочетъ своимъ жалобнымъ крикомъ приманить любопытныхъ птицъ, чтобы изъ нихъ выбрать себѣ одну на добычу.

Въ апрѣлѣ парочка приступаетъ къ размноженію. На опушкѣ, въ полевой рощѣ, въ саду или кустарникѣ она выбираетъ себѣ удобное дерево, лучше всего кустъ боярышника или дикое плодовое дерево, и сноситъ сюда сухіе стебельки, хвостинки, земляной и древесный мохъ для постройки довольно искуснаго и сравнительно большого гнѣзда, полукруглая чашка котораго плотно выстилается соломой, стебельками травы, шерстью и волосами. Сорокопуты кладутъ отъ 4—7 яицъ, длина которыхъ 28, ширина 20 мм., а цвѣтъ—зеленовато-сѣрый, съ оливково-буроватыми и пепельными пятнышками; они высидиваются въ теченіи 15 дней. Въ началѣ мая вылупляются птенцы, и тогда родители притаскиваютъ имъ жуковъ, кузнечиковъ и другихъ насѣкомыхъ, а позднѣе множество мелкихъ птицъ и мышей, и защищаютъ ихъ съ опасностью собственной жизни, забывая всякій страхъ при грозящей опасности. Они кормятъ ихъ еще долгое время послѣ вылета и водятъ вмѣстѣ съ собою до поздней осени. Мой отецъ наблюдалъ, какъ осторожно и умно ведутъ себя старые сѣрые сорокопуты, когда они замѣчаютъ, что ихъ неопытнымъ птенцамъ угрожаетъ опасность. «Въ листовномъ лѣсу», рассказываетъ онъ, «я преслѣдовалъ семейство этихъ птицъ, чтобы застрѣлить нѣсколькихъ. Однако это мнѣ не удавалось, потому что старые громкимъ крикомъ предостерегали молодыхъ каждый разъ, какъ я приближался къ нимъ. Наконецъ мнѣ удалось подкрасться къ одному изъ молодыхъ; но когда я сталъ прицѣливаться, самка начала громко кричать, и такъ какъ молодой за ней не послѣдовалъ, то она на-лету сильно столкнула его съ сучка, прежде нежели я успѣлъ выстрѣлить». То же наблюденіе мой отецъ повторилъ еще разъ, нѣсколько лѣтъ спустя, а въ промежуткѣ и другіе изслѣдователи подмѣтили то же самое.

Ястребъ и кобчикъ такіе-же свирѣпые, какъ и самъ сорокопуть, самые злѣйшіе враги этой птицы. Онъ ихъ хорошо знаетъ, по возможности остерегается но не всегда можетъ удержаться отъ желанія подразнить ихъ, и въ подобныхъ случаяхъ становится жертвою этихъ болѣе сильныхъ хищниковъ. Кромѣ того мучать сорокопута еще различные паразиты. Человѣкъ ловить его легко только съ воровьяго шалаша или на точекъ. Тамъ, гдѣ на большомъ разстояніи не встрѣчается деревьевъ, его можно легко поймать, привязавши къ палкѣ средней высоты кустикъ, усѣянный клейкими прутьями, или же высмотрѣвши его любимыя мѣста пребыванія и обставивъ ихъ клейкими прутьями.

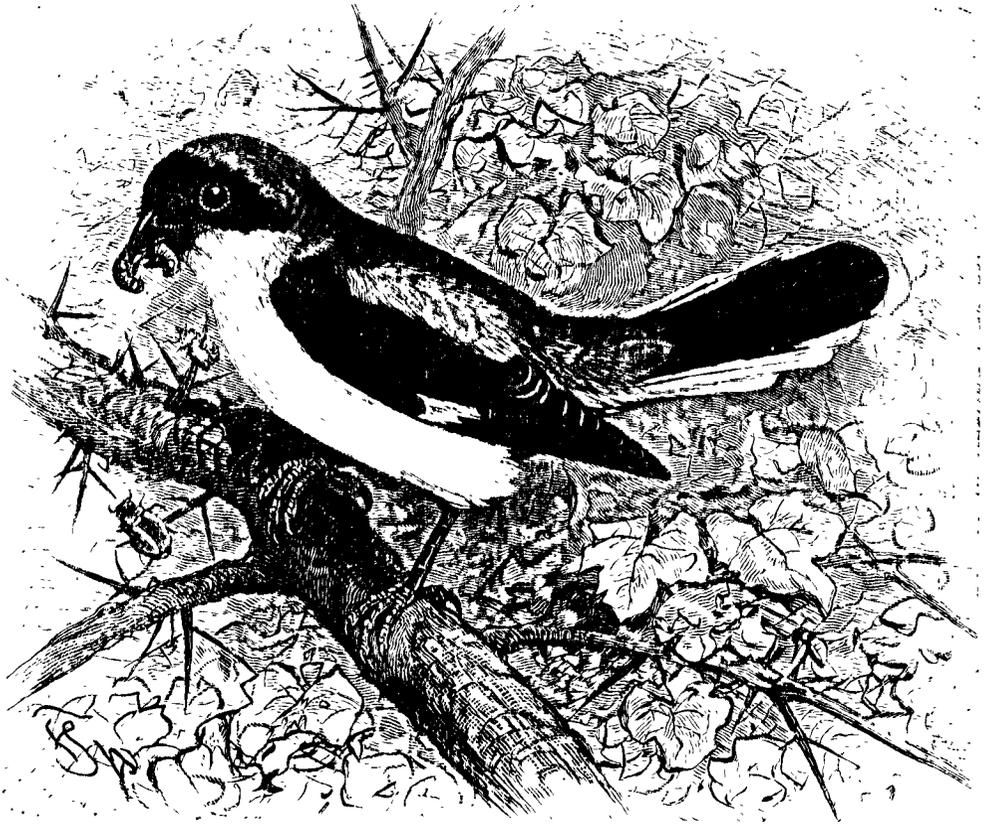
Въ неволѣ сорокопуть дѣлается скоро ручнымъ, научается узнавать своего хозяина, привѣтствуетъ его радостнымъ крикомъ и повторяетъ ему свои смѣшныя напѣвы съ довольно большой выдержкой, хотя и не такъ продолжительно, какъ другіе родственные ему виды. Въ прежнія времена его даже приучали подманивать другихъ птицъ; но еще чаще его употребляли при ловлѣ соколовъ.

* *

Во всѣ ровныя мѣстности Германіи, гдѣ преобладаетъ листовный лѣсъ, служатъ убѣжищемъ **Малому** или **Чернолобому сорокопугу** (*Lanius minor, italicus, longipennis, vigil, roseus, nigrifrons, eximius* и *graecus. Enneoctonus minor. Grauwürger*.

*

Petite pie-grèche). Это одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ семейства. Его опереніе на верхней сторонѣ — свѣтло-пепельнаго цвѣта, на нижней бѣлаго; грудь отгѣнена розоватымъ цвѣтомъ; лобъ и уздечка—черныя, равно какъ и крылья, за исключеніемъ бѣлаго пятна, которое распространяется по основной половинѣ девяти первыхъ большихъ маховыхъ перьевъ, и узкой бѣлой каемки на малыхъ маховыхъ перьяхъ; четыре среднихъ рулевыхъ пера такъ же окрашены, но слѣдующія за ними почти до половины бѣлыя; остальные-же, рядомъ съ темнымъ стволемъ, имѣютъ еще черныя пятна на внутренней части онахала, а самыя крайнія—чисто

Малый сорокопутъ. *Lanius minor* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

бѣлаго цвѣта. Глаза каріе, клювъ черный, ноги сѣроватыя. Молодые птенцы имѣютъ грязно-бѣлый лобъ, нижнія части тѣла желтовато-бѣлыя, съ сѣрыми поперечными полосками. Длина 23 см., размахъ крыльевъ 36, длина крыла 12, а хвоста 9 см.

Въ числѣ птицъ, возвращающихся весной, малый сорокопутъ является однимъ изъ послѣднихъ. Онъ прилетаетъ только въ началѣ мая, и точно также предпринимаетъ свое обратное путешествіе раньше другихъ, обыкновенно въ концѣ лѣта, въ августѣ. Уже въ сентябрѣ онъ встрѣчается въ лѣсахъ верхняго Пила, и также, вѣроятно, и во всей средней Африкѣ, потому что онъ зимуетъ только здѣсь. На сколько онъ обыкновененъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, настолько рѣдокъ въ другихъ. Въ Ангальтѣ, Бранденбургѣ, Франконіи, Баваріи, южной Фран-

цин, Италиі, Венгріи, Турціи и въ южной Россіи онъ весьма обыкновененъ; остальные страны Европы не видятъ его вовсе, или только во время пролета; сѣверную Европу онъ избѣгаетъ совершенно. Своимъ любимымъ мѣстопребываніемъ онъ выбираетъ деревья, посаженные вдоль дорогъ, фруктовые сады, а также маленькія полевые рощи, изгороди и тѣсно стоящіе кустарники; но онъ часто отсутствуетъ въ мѣстностяхъ, которыя должны были-бы, повидному, отвѣчать всемъ его жизненнымъ условіямъ, и, мало по малу, пропадаетъ изъ такихъ мѣстностей, въ которыхъ онъ раньше встрѣчался массами, и это не можетъ быть объяснено никакими видимыми причинами.

Всѣ наблюдатели сходятся со мной въ томъ, что малый сорокопутъ принадлежитъ къ самымъ милымъ и безвреднымъ видамъ своего семейства. Онъ самымъ пріятнымъ образомъ оживляетъ ту область, въ которой живетъ, потому что онъ подвиженъ, живъ и безпокойнъ всякаго другаго сорокута и своей стройной фигурой и болѣе острыми крыльями легко отличается отъ сѣраго сорокута, какъ на покоѣ, такъ и на лету. Затѣмъ онъ отличается еще отъ сѣраго сорокута, къ своей собственной выгодѣ, гораздо меньшимъ хитрничествомъ. Науманъ увѣряетъ, что онъ его никогда не видалъ преслѣдующимъ птицу, но что знаетъ его только за охотника на насѣкомыхъ. Бабочки, жуки, кузнечики и ихъ личинки и куколки составляютъ его добычу. Онъ сидитъ, подматривая, на верхушкѣ дерева, куста, на одиночно стоящихъ шестахъ, камняхъ и другихъ возвышенныхъ предметахъ; если вѣтъ подобныхъ сторожевыхъ пунктовъ, онъ, паря, держится на воздухѣ, и какъ только примѣчаетъ добычу, бросается вдругъ на землю, схватываетъ насѣкомое, убиваетъ его, и возвращается съ нимъ на верхушку ближайшаго дерева, чтобы тамъ съѣсть. Это совершается обыкновенно безъ всякихъ приготовленій, такъ какъ онъ рѣже своихъ родственниковъ накалываетъ передъ ждой пойманныхъ животныхъ на шпиль и оконечности вѣтвей.

«По цвѣту и фигурѣ», говоритъ Науманъ, «чернолобый сорокопутъ одинаково красивъ при сидѣніи, какъ и на полетѣ, и такъ какъ онъ всегда порхаетъ и издаетъ свой крикъ, то невольно бросается въ глаза каждому, и не мало способствуетъ прелести и оживленію страны. Полетъ его легкій и мягкій, и онъ часто въ некоторое время паритъ, не двигая крыльями, какъ хищная птица. Но если ему надо летѣть далеко, то онъ по временамъ складываетъ крылья и описываетъ большое число очень растянутыхъ дугъ. Его обыкновенный голосъ звучитъ какъ «кіек, кіек» или «тек»; его призывной крикъ какъ «квіе-квіель-квіель» и «перлеч-грозлеч», тоже «шоррек-шоррек». Я не могъ удостовѣриться совершенно въ его удивительной способности безъ запинки подражать пѣнію многихъ маленькихъ птичекъ, несмотря на то, что онъ на моей родинѣ очень обыкновененъ, и что лѣтомъ я могъ его наблюдать ежедневно. Я часто слышалъ, какъ онъ къ собственному призывному крику присоединяетъ крики зеленушки, воробья, ласточки, щегла и нѣсколькихъ другихъ птичекъ, а также цѣлыя строфы изъ ихъ напѣвовъ и составляетъ такимъ образомъ довольно пріятную пѣсенку; но я никогда не слышалъ отъ него длинной пѣсни какой-нибудь маленькой пѣвчей птички, которую онъ передавалъ-бы связно. Всегда примѣшивались тоны и короткія строфы собственнаго издѣлія къ заимствованнымъ звукамъ, и когда ему случилось обмануть ненадолго, то заблужденіе тотчасъ-же разсѣивалось вълѣдствіе этихъ примѣсей. Часто слышится въ его пѣснѣ строфы изъ пѣсни полевого жаворонка; онъ тоже тихо, по довольно обманчиво подражаетъ крику перепелки. Онъ тотчасъ подражаетъ всемъ звукамъ, которые только слышитъ, и кому-же онъ чрезвычайно прілежный пѣвецъ. Я еще не слышалъ, чтобы онъ пѣлъ пѣсню соловья, несмотря на то,

что въ моемъ собственномъ маленькомъ лѣсочкѣ соловьи и малые сорокопуть въ множествѣ живутъ другъ около друга».

Малый сорокопуть строить обыкновенно свое гнѣздо довольно высоко, въ густыхъ вѣтвяхъ излюбленныхъ деревьевъ. Оно довольно велико, и какъ гнѣздо всѣхъ сорокопутовъ, выстроено изъ сухихъ кореньевъ, хворостинокъ, сѣна и соломы, и внутри съ мягкой выстилкой изъ шерсти, волосъ и перьевъ. Въ концѣ мая въ немъ находятъ отъ 6—7 яицъ, приблизительно 24 м.м. длины и 18 м.м. ширины, покрытыхъ на зеленовато-бѣломъ фонѣ буроватыми и фіолетово-сѣрыми пятнами и точками. Яйца обыкновенно высидиваются обѣими птицами по-очередно въ теченіи 15 дней. Молодые получаютъ въ пищу только насѣкомыхъ. «Если ворона, сорока или какая-нибудь хищная птица приближается къ гнѣзду или даже появляется по близости», говоритъ Науманъ, «то оба сорокопута мужественно преслѣдуютъ ее, щиплютъ и кричатъ на нее, покуда она не удалится. Если человѣкъ подходитъ къ гнѣзду, то они непрерывно машутъ хвостомъ сверху внизъ, издавая при этомъ боязливые звуки «кіек кіек кіек» и нерѣдко летятъ, особенно самки, въ лицо тому, кто хочетъ вынуть изъ гнѣзда птенцовъ. Молодые растутъ очень быстро, но несмотря на это, еще долгое время родители кормятъ ихъ послѣ вылета. Они часто садятся всѣ, плотно прижавшись другъ къ другу, на одинъ сучекъ и получаютъ свою пищу съ громкими криками, причемъ очень скоро выдаютъ свое мѣстопребываніе жалостнымъ «гіэ-гіек-гек-гек-гек». Въ каждомъ выводкѣ одинъ изъ птенцовъ особенно малъ и слабъ. Такъ какъ они очень много ѣдятъ, то взрослымъ доставляетъ много труда ловить и таскать пищу, и они въ это время чрезвычайно заняты. При пасмурной или дождливой погодѣ, когда видно очень мало насѣкомыхъ, они ловятъ иногда тоже молодыхъ птицъ и кормятъ ими птенцовъ».

Ястреба и кобчики преслѣдуютъ взрослыхъ чернолобыхъ сорокопутовъ; вороны, вороны и сороки истребляютъ выводки, несмотря на храбрость, оказываемую родителями. Человѣкъ, познакомившійся съ этой птицей, не преслѣдуетъ ее и если ловить, то исключительно для содержанія въ неволѣ, и именно тѣмъ способомъ, который я описывалъ выше. Пойманные сорокопуть радуютъ красотой и способностью подражанія.

* * *

Самый извѣстный между нашими германскими сорокопутьми **Сорокопуть** — **Жуланъ** (*Lanius collurio, spinitorquus, colluris* и *dumetorum, Enneoctonus collurio. Dorndreher. Ecorcheur*). Голова, задняя часть шеи, надхвостье и кроющія перья хвоста имѣютъ свѣтло-пепельный, а остальные верхнія части тѣла красивый бурокрасный цвѣтъ; узкая полоска на лбу и на верху и внизу окаймленная бѣлымъ уздечка — черныя; нижнія части щекъ, подбородокъ, горло и нижнія кроющія перья хвоста бѣлыя; остальные же нижнія части тѣла—свѣтлаго розовато-краснаго цвѣта; большія маховыя и малыя маховыя перья — буровато-сѣро-черныя, окаймленные свѣтло-коричневой полоской; верхнія малыя маховыя перья почти совсѣмъ ржаво-бурныя; при основаніи каждого малаго махового пера находится маленькое, свѣтлое пятнышко, которое, если расправить крыло, образуетъ явственную полоску. Среднія перья хвоста—черно-бурныя; слѣдующія при основаніи, на три четверти длины—бѣлыя и только на концѣ—черныя. Глаза каріе, клювъ черный, ноги сѣро-черныя. Самка сверху ржаво-сѣраго цвѣта, а на нижней сторонѣ имѣетъ на бѣловатомъ фонѣ бурныя волнистыя полоски. Птенцы похожи на нее, но имѣютъ на верхней части узоръ изъ свѣтлыхъ пятнышекъ. Длина птицы 18 см., размахъ крыльевъ 18 см., длина крыла 9 см., хвоста 7 см.

Изъ всѣхъ нѣмецкихъ сорокопутовъ жуланъ самый распространенный. Онъ населяетъ почти всю Европу, отъ Финляндіи и Россіи до южной Франціи и Греціи, а также водится и въ умѣренныхъ частяхъ Сибири. Въ Испаніи онъ принадлежитъ къ большимъ рѣдкостямъ; но говорятъ, что онъ и тутъ встрѣчается въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ какъ гнѣздящая птица; въ Греціи онъ гнѣздуетъ только на самыхъ высокихъ горахъ. Во время своихъ зимнихъ перелетовъ онъ встрѣчается по всей Африкѣ, и въ наши зимніе мѣсяцы составляетъ очень обыкновенное явленіе во всѣхъ лѣсахъ внутренней Африки, а также въ береговыхъ странахъ и въ южной Африкѣ, даже на прилежащихъ къ матеріку островахъ. Здѣсь при очень обильной пищѣ, онъ пережидаетъ свою линьку, которая происходитъ въ декабрѣ и январѣ, и тогда мало-по-малу возвращается назадъ. У насъ онъ рѣдко является до начала мая и остается обыкновенно только до половины августа.

Всевозможные кусты, граничащіе съ лугами и выгонами, сады и плантаціи деревьевъ составляютъ его мѣстопробываніе. Густыя изгороди составляютъ, по-видимому, необходимую потребность для его комфорта. Стоить только уничтожить подобныя изгороди, и жуланъ оставляетъ ту мѣстность, въ которой онъ прежде водился во множествѣ. Но онъ неприхотливъ, такъ какъ даже одинъ густой кустъ въ полѣ удовлетворяетъ его совершенно. Въ такомъ случаѣ онъ строитъ свое гнѣздо много лѣтъ все на одномъ и томъ-же мѣстѣ и съ упрямствомъ отстаиваетъ его отъ посягательствъ каждой другой птицы, особенно отъ другой пары того-же вида. Такъ какъ онъ примиряется и съ другой обстановкой и въ случаѣ необходимости переселяется въ фруктовые сады этихъ мѣстностей, а также въ глубь лѣса, то онъ изъ году въ годъ размножается и причисляется уже теперь, къ великому вреду маленькихъ пѣвчихъ иташекъ, къ самымъ обыкновеннымъ птицамъ многихъ нѣмецкихъ странъ.

Жуланъ тоже смѣлая, храбрая, безпокойная птица. Даже когда онъ сидитъ, то постоянно повертываетъ голову во всѣ стороны, и при этомъ машетъ хвостомъ сверху внизъ. Самыя высокія верхушки кустовъ и деревьевъ составляютъ его сторожевой пунктъ, съ котораго онъ осматриваетъ свою охотничью область, и къ которому онъ возвращается послѣ каждой экскурсіи. Согнанный со своего мѣста, онъ бросается съ высоты и падаетъ почти до самой земли, летитъ низко надъ нею и тогда только опять взлетаетъ, когда хочетъ снова усѣсться. Онъ тоже неохотно летитъ далеко въ одинъ приемъ, часто отдыхаетъ по немногу на всякомъ удобномъ мѣстѣ, и только послѣ отдыха продолжаетъ свой путь. Его призывной крикъ довольно ясно издаваемое—«гек, гек, гек» или трудно передаваемое «зе» или «гре». Оба звука издаются съ различнымъ выраженіемъ и выражаютъ или радостныя или боязливыя чувства. Подобныя тоны служатъ ему для предостереженія неопытныхъ итенцовъ. Нѣкоторые самцы издають почти исключительно только эти звуки, а другіе причисляются къ превосходнѣйшимъ пѣвцамъ. Жуланъ тоже обладаетъ на самомъ дѣлѣ удивительною способностью подражать голосу другихъ птицъ. «Я однажды слышалъ», говоритъ мой отецъ, «превосходное пѣніе этой птицы. Самецъ, который не имѣлъ самки около себя, сидѣлъ на верхушкѣ одного куста и пѣлъ долгое время довольно громко и въ высшей степени приятно. Онъ передавалъ строфы изъ пѣсни полевого и лѣсного жаворонковъ, малиновки и другихъ пѣвцовъ. Тоны трехъ названныхъ видовъ часто повторялись, и такъ совершенно смѣшивались между собой, что они звучали удивительно мило».

Чѣмъ старше становится самецъ, тѣмъ совершеннѣе становится его дарованіе. «Если какой-нибудь пѣвецъ», сообщаетъ графъ Гурси моему отцу, «заслуживаетъ названіе пересмѣшника, то это именно жуланъ. По моему мнѣнію онъ не имѣетъ

собственного пѣнія, за исключеніемъ нѣсколькихъ грубыхъ строкъ, и поэтому, будучи воспитанъ въ неволѣ, онъ довольно плохо поетъ, потому что растетъ, не слыша другихъ хорошо поющихъ птицъ. Пойманные не легко дѣлаются ручными; но когда онъ разъ прирученъ и если былъ пойманъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ окруженъ только хорошо поющими птицами, то трудно имѣть къ комнатѣ болѣе пріятнаго пѣвца какъ этого сороконута, потому что онъ охотнѣе издастъ свои разнообразныя пѣсни, до обмана похожія на пѣсни своихъ учителей. Жалко только, что почти каждый примѣшиваетъ къ своему прекрасному пѣнію нѣсколько неблагозвучныхъ тоновъ! Въ особенности кваканье лягушки заучивается почти всѣми жуланамъ. Тотъ, который теперь у меня живетъ, превосходная птица, и подражаетъ обманчиво и прелестнымъ образомъ пѣснѣ соловья, полевого жаворонка, ласточки, славки пестрогрудки, черноголовки, овсянки, крику дрозда и рябчика, и до того превосходно сливается эти звуки, что между ними не замѣчаешь никакого перехода. Кромѣ этого, онъ еще лаетъ какъ собака. Иногда онъ еще поетъ въ сентябрѣ и начинаетъ уже онять 16 ноября».

Къ сожалѣнію, эта веселая и способная птица съ другой стороны навлекаетъ на себя въ сильной степени нерасположеніе человѣка. Жуланъ—одинъ изъ злѣйшихъ враговъ мелкихъ пѣвчихъ птицъ. Конечно, насѣкомыя составляютъ его главную пищу, онъ преслѣдуетъ эвергично жуковъ, кузнечиковъ, бабочекъ и, вѣроятно, гусеницъ, убивая ихъ даже тогда, когда онъ уже сытъ. Но онъ преслѣдуетъ также всѣхъ мелкихъ позвоночныхъ, которыхъ только можетъ одолѣть, ловить мышей, птицъ, ящерицъ и лягушекъ, живетъ среди пернатой пѣвчей компаніи нашихъ садовъ и кустарниковъ, нанося ей сильнѣйшій вредъ. Тамъ, гдѣ поселилась пара жулановъ, мало по малу исчезаютъ всѣ малиновки и разные, населяющіе сады и кусты—пѣвцы, даже тѣ, которые гнѣздятся въ углубленіяхъ почвы. Они покидаютъ страну, вслѣдствіе постоянной опасности, или же ловятся и поѣдаются жуланомъ. Онъ умѣетъ очень хорошо отыскивать гнѣзда и, если нашелъ одно изъ нихъ, то уже навѣрное утацитъ всѣхъ птенцовъ одинъ за другимъ. Пауманъ наблюдалъ, какъ онъ душилъ и уносилъ молодыхъ малиновокъ, желтыхъ триогозковъ, лѣсныхъ коньковъ, и жаворонковъ, какъ онъ нападалъ на пойманныхъ въ силокъ птицъ, какъ пробовалъ вытащить зябликовъ изъ кѣтки. Другіе наблюдатели замѣтили то же самое. «Я дѣлалъ уже нѣсколько разъ», говоритъ Левецъ, «слѣдующіе опыты: 1) Въ большомъ саду, окруженномъ прочнымъ плетнемъ, я въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, убивалъ каждаго сороконута, какъ только онъ тамъ поселялся. Такимъ образомъ полезныя птички могли спокойно размножаться въ прибитыхъ мною ящикахъ и выстроенныхъ собственныхъ гнѣздахъ; онѣ совершенно истребили насѣкомыхъ, и я получилъ множество превосходныхъ плодовъ. 2) Въ другомъ такомъ-же образомъ устроенномъ саду я оставилъ жулановъ хозяйничать, какъ они желали. Но при этомъ всѣ другія птички оставили садъ, даже тѣ, которыя гнѣздились въ ящикахъ; гусеницы совершенно на-голо обѣли мои деревья, и я вовсе не получилъ плодовъ. 3) Въ еще большемъ саду одного изъ моихъ сосѣдей я оставилъ жулановъ въ одномъ углу, гдѣ стоялъ большой кустъ шиповника, и уничтожилъ всѣ прочія гнѣзда ихъ въ этомъ саду, какъ только они были выстроены, убивая также старыхъ. Въ результатѣ скоро оказалось, что вокругъ извѣстнаго угла всѣ фруктовыя деревья стояли безъ листьевъ и безъ плодовъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ росли хорошо.

Еще въ большей степени, чѣмъ всѣ другіе виды этого семейства жуланъ имѣетъ привычку, прежде чѣмъ приниматься за ѣду, накалывать всю пойманную добычу на шипъ или на какую-нибудь острую вѣтку. «Онъ собираетъ», говоритъ Пауманъ,

«даже совершенно насытившись, большіе запасы, и заразъ поѣдаетъ эти запасы, какъ только опять проголодается. Такъ, въ хорошую погоду можно пайти наколотыми на шины только жуковъ, насѣкомыхъ и маленькихъ лягушекъ; а въ холодную и бурную погоду часто цѣлые ряды убитыхъ молодыхъ птицъ; мнѣ самому нѣсколько разъ случалось находить между ними даже уже оперившихся и вылетѣвшихъ изъ гнѣзда малиновокъ и ласточекъ. Мозгъ птичекъ составляетъ, повидимому, его лакомство, такъ какъ у большей части птицъ, которыхъ я находилъ наколотыми, былъ прежде всего выклеванъ мозгъ изъ головы. Если потревожить жулана во время ѣды, то онъ все оставляетъ засыхать. Маленькія лягушки, которыхъ находятъ здѣсь очень часто, насажены всегда страннымъ образомъ черезъ ротъ.

Если нѣтъ помѣхи, то пара жулановъ выводитъ дѣтенышей только одинъ разъ въ годъ. Гнѣздо всегда находится въ густомъ кустѣ, лучше всего въ кустѣ боярышника, и очень низко надъ землею. Оно большое, плотное, толстое и хорошей постройки, составленное снаружи изъ крѣпкихъ травяныхъ стеблей и былинки, пырейника, мха и подобныхъ веществъ, а внутри изъ болѣе тонкихъ матеріаловъ того-же рода, тщательно сложенныхъ и переплетенныхъ между собой; самая внутренность выложена мягкими травами и тонкими коренками. Жуланы кладутъ отъ 5—6 яицъ различной величины и цвѣта; они или длинноватыя или немного вздутыя, или даже кругловатыя. Длина ихъ—21 м.м., а ширина 15 м.м.; они покрыты на желтоватомъ, или зеленоватомъ сѣро-желтомъ или свѣтло-желтомъ и тѣсно-красно-желтомъ фонѣ, болѣе или менѣе частыми пепельно-сѣрыми, оливково-бурыми, ярко-красными и буро-красными пятнышками. Самка насиживаетъ одна, и такъ усердно сидитъ на яйцахъ, что ей можно наложить на спину клеиціе прутья и такимъ образомъ ее поймать. Птенцы выкармливаются обоими родителями, которые ихъ очень любятъ и храбро защищаютъ.

Въ неволѣ жуланъ выживаетъ нѣсколько лѣтъ только при хорошемъ уходѣ. Съ прочими птицами этотъ разбойникъ такъ-же плохо уживается, какъ и другія птицы этого семейства, а въ общихъ клѣткахъ нападаетъ даже на такихъ птицъ, которыя вдвое больше его; мало по малу замучиваетъ дроздовъ и скворцовъ до смерти, несмотря на то, что послѣдніе по мѣрѣ силъ пробуютъ защищаться. Отецъ Паумана держалъ по временамъ нѣсколькихъ жулановъ въ небольшой бесѣдкѣ, въ которой онъ устроилъ маленькую висѣлицу, т. е. жердочку, посаженную острыми иглами и гвоздями. Къ жуланамъ онъ пускалъ воробьевъ, и другихъ мелкихъ птичекъ, которыя очень скоро бывали пойманы, насажены на гвозди и разодраны. Наконецъ вся висѣлица была увѣшана остовами.

Четвертый видъ сорокопутовъ, который встрѣчается въ Германіи—**Красно-головой сорокопуть** (*Lanius senator, auricularis, pomeranus, rutilus, ruficeps, ruficollis, rutilans, badius* и *melanotus*, *Phoneus* и *Enneoctonus rufus*. *Rotkopfwürger*. *Pie-grièche sénateur*). Его длина 19 см., размахъ крыльевъ 29 см., длина крыла 9 см., хвоста 8 см. Лобъ и передняя часть головы, широкая ливія уздечки, продолжающаяся въ видѣ боковыхъ полосокъ шеи, магія, крылья и хвостъ—черныя; верхняя часть головы и затылокъ—ржаво-бурыя; пятна по сторонамъ лба, маленькое пятнышко позади глаза, плечи, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста, всѣ нижнія части тѣла, большія маховыя перья при основаніи, малыя маховыя перья и кроющія перья кисти на концѣ, четыре наружныхъ пары перьевъ хвоста въ основной трети и на концѣ—бѣлыя. У самки голова и затылокъ блѣднаго ржаво-буроватаго цвѣта, спина и надхвостье—сѣрыя, нижнія части тѣла желтоватыя, слабо оттѣнены поперечными волнами. Молодыя птицы имѣютъ на бу-

ро-сѣромъ фонѣ черноватыя полулунныя пятна; крылья и хвостъ бурые. Глаза темно-каріе, клювъ синеvато-черный, ноги темно-сѣрыя.

Въ Германіи—красноголовый сорокопуть встрѣчается въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, напримѣръ въ Тюрингіи, въ долинѣ Рейна, въ Бранденбургѣ, въ Мекленбургѣ, въ Гольштиніи—рѣдко; чаще замѣчается онъ въ юго-западной Германіи, но его совершенно нѣтъ въ другихъ мѣстностяхъ и провинціяхъ. Къ востоку его область распространенія почти не переходитъ границъ Германіи, и онъ тоже рѣдко находится на юго-востокѣ Австро-Венгріи; но въ южной Европѣ, а именно въ Испаніи и Греціи, также въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ онъ самый обыкновенный изъ всѣхъ сорокопутовъ. Относительно своего мѣста жительства онъ, повидимому, не такъ разборчивъ, какъ другіе виды семейства, и поэтому селится повсюду, какъ среди лѣса, такъ и непосредственно за домами деревень, въ садахъ и т. п. Онъ является къ намъ почти въ половинѣ мая и покидаетъ насъ опять въ первой половинѣ сентября; въ Испаніи и Греціи онъ прилетаетъ почти мѣсяцемъ раньше, и остается тоже нѣсколькими днями позже. Онъ простираетъ свои зимнія путешествія до большихъ лѣсовъ средней Африки; тутъ онъ встрѣчается очень часто во время дождливаго періода и короткое время послѣ него.

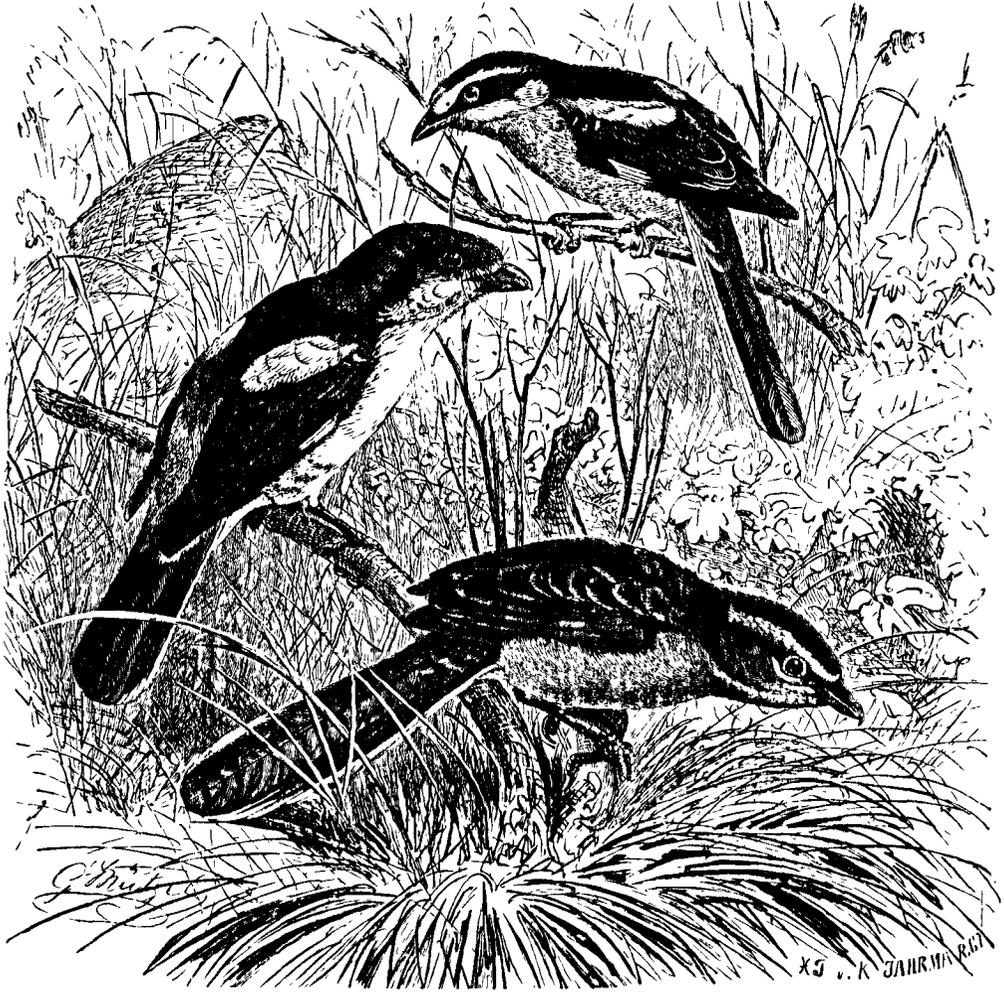
По своему поведенію и образу жизни онъ очень похожъ на жулана, но, повидимому, не такъ кровожаденъ, несмотря на то, что онъ не пренебрегаетъ маленькими позвоночными и не оставляетъ ихъ въ покоѣ. Главную пищу его составляютъ насѣкомыя; но все-таки онъ нисколько не падаетъ позвоночныхъ, если ему представляется удобный случай ихъ ловить, а гнѣзда онъ разрушаетъ не менѣе жестоко, чѣмъ его родичь. Онъ тоже причисляется къ пересмѣшникамъ, такъ какъ самымъ обманчивымъ образомъ подражаетъ голосамъ птицъ, живущихъ вокругъ него, странно ихъ комбинируетъ, составляя такимъ образомъ иѣсеню, которая приводитъ въ восторгъ нѣкоторыхъ любителей. Поэтому его часто держатъ въ неволѣ, при чемъ онъ цѣнится болѣе или менѣе, смотря по большей или меньшей способности къ подражанію.

Гнѣздо находится на деревьяхъ средней величины, снаружи составлено изъ сухихъ стеблей и зеленыхъ частей растений, тонкихъ корешковъ, древеснаго мха и лишаяевъ; внутри-же оно выложено отдѣльными перьями, щетинками, шерстью и волосами другихъ животныхъ. Въ немъ находятся въ маѣ 5—6 яицъ, приблизительно 23 м.м. длины и 17 ширины, покрытыхъ на зеленоvато-бѣломъ фонѣ, пепельно-сѣрыми или буроватыми, на тупомъ концѣ также оливково-бурыми пятнышками и точками.

Въ Греціи, но еще гораздо чаще въ Египтѣ и Нубіи, рядомъ съ вышеупомянутымъ видомъ, живетъ еще одинъ видъ семейства, **Нубійскій сорокопуть** (*Lanius nubicus*, *personatus* и *leucometoron*, *Enneostonus nubicus* и *personatus*, *Leucometoron nubicus*. *Maskenwürger*. *Pie-grèche masquée*). Верхнія части тѣла, уздечка, крылья и хвостъ—синеvато-черные; нижнія части тѣла—ржаво-желтоватыя, бока—ржаво-красноватыя, лобъ и брови, плечи, горло и надхвостье, большія маховыя перья при основаніи, малыя маховыя перья и маленькія покровныя перья кисти на концѣ—бѣлыя; шесть среднихъ перьевъ хвоста совѣтъ черныя, наружныя чисто-бѣлыя съ чернымъ стволomъ; остальныя бѣлыя и черныя. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. Длина 16 см., длина крыла 9 см., хвоста 8 см.

Нубійскій сорокопуть принадлежитъ къ самымъ рѣдкимъ птицамъ въ Греціи, но въ Малой Азіи и Палестинѣ такъ-же обыкновененъ, какъ и въ южномъ Египтѣ или средней Нубіи. Тутъ онъ живетъ, по моимъ наблюденіямъ, изъ году въ годъ. Въ ос-

тальныхъ странахъ, которыя должны считаться его родной, онъ показывается то раньше, то позже,—такъ, въ Палестину онъ прилетаетъ въ мартѣ, въ окрестности Смирны въ началѣ апрѣля, въ Грецію «съ розовымъ скворцомъ, какъ послѣдняя прелетная птица». Во время своего путешествія онъ посѣщаетъ Абиссинію и верховья Нила, и навѣрное даже залетаетъ по ту сторону экватора. Въ Греціи лѣтомъ онъ живетъ въ степныхъ мѣстностяхъ съ одиноко стоящими оливковыми деревьями,

Красноголовый сорокопутъ *Lanius senator*. Пубійскій сорокопутъ. *Lanius nubicus*. Чагра. *Malacnotos erythropterus* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

въ Малой Азіи въ плантаціяхъ оливковыхъ деревьевъ, въ долинахъ, а также и въ сосновыхъ лѣсахъ на горахъ. Въ Египтѣ и Пубіи онъ живетъ въ маленькихъ рощахъ мимозъ, между полями и лугами долины Нила, или же въ лѣсахъ, состоящихъ исключительно изъ финиковыхъ пальмъ.

Больше чѣмъ каждый другой европейскій сорокопутъ онъ предпочитаетъ высокія деревья, какъ сторожевые пункты. Тутъ онъ сидитъ и отсюда летаетъ за добычей, такъ-же какъ и его родичи. Съ верхушекъ такихъ деревьевъ онъ издаетъ свою пріятную пѣсенку. Послѣдняя, какъ и пѣніе другихъ сорокопутовъ,

большую частью заимствована у другихъ птицъ; поэтому его пѣснь разнообразная или монотонная, смотря по тому, живетъ-ли онъ въ мѣстности съ большимъ или меньшимъ количествомъ пѣвчихъ птицъ. По своимъ и другимъ наблюдѣнiямъ онъ не такъ кровожаденъ, какъ его родичи, и обыкновенно довольствуется разными насѣкомыми; но все-таки онъ, какъ и всякая другая птица родственнаго вида, не пощадитъ гнѣзда или маленькой безпомощной птички. Тристрамъ находить его пугливымъ; я и всѣ остальные наблюдатели считаютъ его, напротивъ, удивительно доверчивымъ.

Гнѣздо находится, по Линдермайеру, на верхушкѣ самаго высокаго, въ той области, гдѣ онъ размножается, оливковаго дерева; по Крюперу и Тристраму, напротивъ, или въ мѣстѣ раздвоенiя вѣтки, или на серединѣ вертикальнаго, полувывсохшаго сучка, такъ-что оно покрыто сверху или поднимающейся вѣткой, или внизъ висящими листьями; часто оно настолько отдалено отъ ствола, что его нельзя достать рукой. Оно состоитъ большую частью изъ свѣжихъ стебельковъ растений, но очень крѣпко выстроено, потому что на наружной поверхности вѣтвiи стѣнки вилетены въ нее нитки и тряпки—и потому оно не разрушается въ теченiи одного года или двухъ лѣтъ. Эти сорокопуть кладутъ въ первую кладку отъ 6—7, во вторую отъ 3—4 яицъ; въ первый разъ они кладутъ яйца въ маѣ, въ послѣднiй разъ въ концѣ iюня. Яйца замѣтно меньше яицъ красноглазого сорокопута, иногда такой-же величины, и покрыты на фонѣ глинистаго цвѣта съ бѣловатымъ оттѣнкомъ, большими или маленькими оливково-бурыми крапинками и пятнами, сливающимися вѣнчикомъ къ тупому концу яйца. Послѣ того какъ и птенцы второго выводка дѣлаются способными прокармливаться и путешествовать, нубийскiй сорокопуть покидаетъ свои сѣверныя области распространения, Грецію уже въ августѣ, Малую Азiю только въ сентябрѣ, перелетаетъ, вѣроятно, южный Египетъ и Нубiю, въ которыхъ находятся родственныя ему виды и такъ, мало по малу, долетаетъ до зимняго прiюта.

Молодой пойманнiй нубийскiй сорокопуть, котораго воспитывалъ Крюперъ, такъ же легко привыкъ къ клеткѣ и корму, какъ и другiе его родичи.

Для полноты нужно упомянуть, что еще одинъ видъ этого рода, а именно **Краснохвостый сорокопуть** (*Lanius phoenicurus, cristatus, fulvus, bengalensis, melanotis, superciliosus, ferrugiceps, rutilans* и *ruficaudus, Enneoctonus phoenicurus, Otomela phoenicura* и *cristata, Rotschwanzwürger. Pie-grièche phoenicure*), былъ пойманъ на Гельголандѣ, значить можетъ быть причисленъ къ европейскимъ и даже къ нѣмецкимъ птицамъ. Онъ живетъ какъ осѣдлая птица въ Туркестанѣ и южной Сибири, отъ Алакула до Приамурскаго края, а также и въ Китаѣ, Японiи, Индiи, на Цейлонѣ и Зондскихъ островахъ. Его оперенiе на верхней сторонѣ темнобуро-ржаво-краснаго цвѣта, а уздечка—черная; лобъ, передняя часть головы и широкая линiя бровей—бѣлыя; нижняя часть тѣла также бѣлая, а бока оттѣнены ржаво-красноватымъ цвѣтомъ; маховыя перья и покровныя—чернобурыя; малыя маховыя перья на наружной сторонѣ окаймлены ржаво-бурымъ цвѣтомъ; рулевыя перья свѣтло-ржаво-бурого цвѣта; оба среднихъ пера—бурыя, боковыя на концахъ узко окаймлены бѣловатымъ цвѣтомъ. Глаза карiе, клювъ чернiй, ноги чернаго роговаго цвѣта. Самка болѣе темнаго цвѣта и покрыта на груди и бокахъ блѣдными, узкими, полинялыми, темными поперечными линiями. Его длина приблизительно 20 см., длина крыла 9 см., а хвоста 8,5 см.

Въ Африкѣ, Индiи и Австралии живетъ богатое видами подсемейство **Лѣсныхъ сорокопутовъ** (*Malacotinae. Buschwürger*). Они отличаются вытянутымъ, въ видѣ

короткаго крючка, неясно зубчатымъ клювомъ, слабыми ногами, довольно длинными крыльями, короткимъ, почти не приподнятымъ хвостомъ и очень богатымъ, особенно развитымъ на падхвостьѣ, часто великолѣпномъ опереніемъ.

По образу жизни, лѣсные сорокопуть кажутся очень сходны между собой. Они живутъ парами или небольшими стаями въ лѣсахъ, держатся въ самыхъ густыхъ верхушкахъ деревьевъ или кустовъ, мало показываясь, но зато ихъ часто слышно; и поэтому они не мало способствуютъ оживленію лѣсовъ. Царькомья составляютъ исключительную нишу въѣхъ сюда принадлежащихъ видовъ; по крайней мѣрѣ не существуетъ еще наблюденій, указывающихъ, чтобы они ловили позвоночныхъ. Относительно ихъ размноженія мы не знаемъ почти ничего, потому что вообще жизнь этихъ птицъ еще очень нуждается въ изслѣдованіи.

* *
* *
* *

Часто говорили, что **Чагра** (*Malacocorypha erythroptera*, *Lanius erythropterus*, *senegalus*, *macullatus* и *tchagra*, *Tamnophilus* и *Pomatorhynchus erythropterus*, *Telephonus erythropterus*, *Tschagra erythropterus* и *orientalis*. *Tschagra*), въ самомъ точномъ смыслѣ представитель лѣсныхъ сорокопутовъ, встрѣчается также и въ Испаніи; но всѣ изслѣдованія, которыя я предпринималъ, доказали мнѣ невѣрность этого показанія. Чагра имѣетъ вытянутое туловище; ея клювъ стройный и слабо загнутый: ноги съ высокой плюсной и слабыя; крылья короткія и очень закругленные, такъ какъ пятое и шестое маховое перо образуютъ его конецъ; хвостъ длинный и круиво ступенчатый. Опереніе на затылкѣ буровато-сѣрое, на нижнихъ частяхъ тѣла свѣтло-пепельное; широкая полоса, простирающаяся по всей головѣ, и вторая болѣе узкая полоса, проходящая черезъ глаза—черныя; между полосами тянется линия, бѣлая спереди, бѣловато-свѣтло-желтая сзади, похожая на бровь; наружная часть опахала маховыхъ перьевъ—сѣрая, но широко окаймлена ржаво-бурымъ цвѣтомъ, такъ что этотъ цвѣтъ становится преобладающимъ, когда птица распускаетъ крылья; верхнія малыя маховыя перья окаймлены свѣтло-желто-сѣрымъ цвѣтомъ; два среднихъ пера хвоста—сѣрыя, съ болѣе темными полосками; всѣ остальные черныя, широко окаймленные къ вершинѣ бѣлымъ; крайнія же имѣютъ и на наружной сторонѣ опахала свѣтлую кайму. Глаза красно-бурые, клювъ черныя, ноги свинцово-сѣрыя съ зеленоватымъ отблѣскомъ. Длина 21 см., размахъ крыльевъ 26 см., длина крыла 8 см., хвоста 9 см.

Область распространенія чагры простирается на всю Африку, за исключеніемъ крайняго сѣверо-востока ея. Здѣсь, по сю сторону 18° сѣверной широты, эта, въ глаза бросающаяся птица не встрѣчается, но попадается въ Атласскихъ горахъ. Въ Абиссинскихъ горахъ она поднимается, по словамъ Гейглина, приблизительно до 2000 м. вышины. Ея образъ жизни существенно отличается отъ образа жизни ея родичей. Она живетъ только въ самыхъ густыхъ кустахъ и непосредственно надъ землею, а не на верхушкахъ деревьевъ, хотя она и взлетаетъ на нихъ при упорномъ преслѣдованіи. Излюбленное мѣсто ея охоты—ровная поверхность земли. По ней она бѣгаетъ съ такой ловкостью, какъ ни одинъ другой сорокопуть. Когда встрѣчаешь ее въ первый разъ, думаешь, что видишь дрозда, а не сорокопуть. Какъ можно долѣе прычетъ она между травой и низкимъ тернистымъ кустарникомъ, и когда наконецъ удастся заставить ее подняться, то она быстро летитъ, со свистомъ ударяя по воздуху крыльями, послѣ чего слѣдуетъ короткое пареніе близко надъ землею вплоть до другого куста. Она также живетъ парами или одиноко; маленькими же стаями, вѣроятно семействами встрѣчается она только послѣ періода размноженія. Гейгливъ передаетъ призывной крикъ чагры яснымъ, полными и благо-

звучными слогами, похожими на «дуй дуй дут дут», и сообщаетъ какъ странную особенность этой птицы то, что ея плохо смазанное саломъ опереніе жадно всасываетъ воду, и потому она послѣ сильнаго грозоваго дождя высоко поднимается въ воздухъ и скорыми дрожащими движеніями крыльевъ производитъ своеобразный шумъ, похожій на урчаніе дятла. Яйца, которыя Гейглингъ получилъ въ сентябрѣ, были 23 м.м. длины и 17 м.м. ширины, съ тонкой скорлупой, и покрыты на бѣломъ съ ржаво-буроватымъ оттѣнкомъ фонѣ, зеленоватыми и ярко-красно-бурыми черточками, болѣе тѣсно расположенными у тупого конца.

У **Пурпуроваго сорокопуга** (*Malaconotus erythrogaster, weroei, Laniarius erythrogaster, Lanius* и *Dryoscopus erythrogaster. Scharlachwürger. Pie-grèche à ventre rouge*), котораго я имѣлъ случай наблюдать на свободѣ, верхняя часть тѣла блестяще чернаго цвѣта; нижняя, за исключеніемъ желтой гузки, великолѣпнаго пурпурово-краснаго цвѣта; глаза желтые, клювъ черный, ноги свинцоваго цвѣта. Длина приблизительно 25 см., размахъ крыльевъ 34 см., длина крыла и хвоста по 10 см.

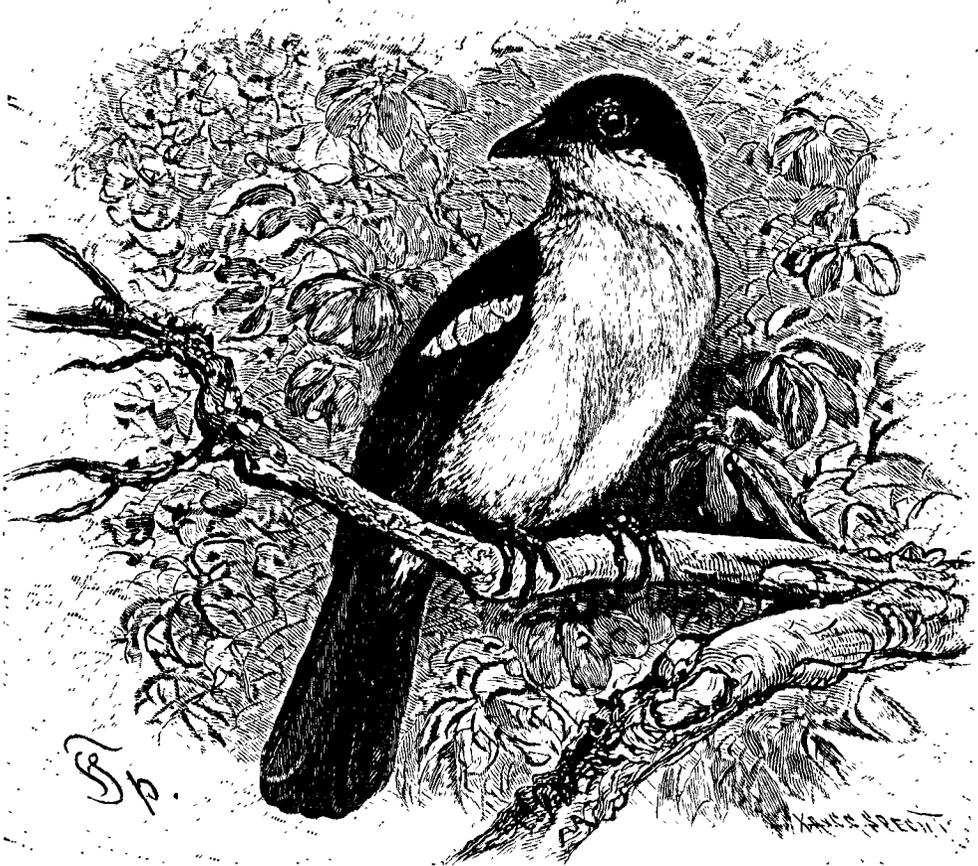
Пѣвчій сорокопугъ (*Malaconotus aethiopicus, Laniarius, Turdus, Lanius, Telephonus* и *Dryoscopus aethiopicus. Flötenwürger. Pie-grèche flûteur*) на всей верхней сторонѣ тѣла, за исключеніемъ бѣлой полоски на крыльяхъ—черный; на нижней-же сторонѣ—чисто-бѣлый съ красно-розовымъ оттѣнкомъ; глаза красно-бурые, клювъ черный, ноги сине-сѣрыя. Длина 35 см., размахъ крыльевъ 33, длина крыла 10, длина хвоста 9 см.

Пурпуровый сорокопугъ встрѣчается во всей восточной части средней Африки, однако чаще въ первобытныхъ лѣсахъ равнинъ, чѣмъ въ горахъ. Онъ настоящее украшеніе лѣсовъ. Его ярко-красная грудь просвѣчиваетъ уже издали сквозь самые густые сучья роскошно зеленѣющихъ деревьевъ; эта птица должна поразить даже неопытнаго наблюдателя, такъ какъ она не только красива, но и подвижна, и не только подвижна, но и очень голосиста. Въ горахъ, повидимому, ее замѣняетъ пѣвчій сорокопугъ, который встрѣчается здѣсь еще въ поляхъ между 2—3000 м. высоты, по крайней мѣрѣ замѣняетъ настолько, насколько дѣло касается голоса. Оба вида живутъ всегда по парно. Въ удобныхъ мѣстахъ ихъ бываетъ очень много: пара живетъ около другой пары, и звонкіе, походившіе на флейту звуки ихъ слышны, сначала восхищающіе, повторяются до того часто, что подъ конецъ почти надоедаютъ. Каждая пара присваиваетъ себѣ маленькую область, имѣющую въ діаметрѣ около 150 шаговъ, и упорно защищаетъ ее противъ всякаго пришельца. Она принуждена такъ поступать, потому что при множествѣ этихъ птицъ, всякое удобное мѣстечко уже занято, и отдѣльныя пары должны довольствоваться только своимъ. Обыкновенно пѣвчаго сорокопуга слышишь гораздо раньше, чѣмъ его видишь, такъ какъ самый густой кустарникъ составляетъ его любимое мѣстопробываніе; отсюда онъ только тогда взлетаетъ на высокія деревья, когда послѣднія имѣютъ достаточно густыя верхушки, чтобы онъ по возможности могъ скрыться. Пурпуровый сорокопугъ держится въ богатыхъ листьями вѣтвяхъ, конечно не скрываясь въ нихъ совершенно отъ глаза, потому что его яркіе цвѣта просвѣчиваютъ все-таки сквозь самую густую зелень; если-же въ самомъ дѣлѣ онъ скрывается отъ глазъ наблюдателя, то послѣдній тотчасъ находитъ его по голосу.

По своему образу жизни пѣвчій сорокопугъ имѣетъ безспорно большее сходства съ дроздами, чѣмъ съ сорокопугами. Я не помню случая, гдѣ-бы я его когда-нибудь видѣлъ на выдающейся вѣткѣ, высматривающимъ насѣкомыхъ, по обычаю сорокопуговъ. Онъ постоянно двигался внутри кустовъ и верхушекъ деревьевъ, и

здѣсь съ большимъ проворствомъ бѣгалъ вдоль вѣтокъ, обыскивая основательно листья и сучки и добывая себѣ пищу. На землѣ его видно рѣже, но иногда случается, что онъ и здѣсь прыгаетъ, но при малѣйшей помѣхѣ немедленно взлетаетъ опять на густыя верхушки деревьевъ. Полетъ пѣвчаго сороконута плохой и значительно отличается отъ полета сороконутовъ. Онъ состоитъ почти исключительно изъ быстро повторяемыхъ ударовъ крыльями, которые едва прерываются скользящимъ пареніемъ. Самая замѣчательная особенность въ жизни этихъ птицъ—несомнѣнно ихъ манера пѣть.

Тутъ собственно пѣтъ пѣсни, а есть только отдѣльные тоны, замѣчательные по

Пѣвчій сороконуть. *Talasnotus actiopicus*. $\frac{2}{5}$ насг. вел.

своей звучности и очень часто повторяющіеся. Они сообща издаются обоими полами. Призывной крикъ пурпуроваго сороконута похожъ на глухой свистъ нашей иволги. Крикъ пѣвчаго сороконута состоитъ изъ трехъ, рѣже изъ двухъ, чистыхъ какъ колокольный звонъ, звуковъ, которые простираются приблизительно въ предѣлахъ одной октавы. Оно начинается тономъ средней высоты, за которымъ слѣдуетъ болѣе низкій, затѣмъ опять значительно болѣе высокій тонъ. Два первыхъ образуютъ собою терцію, два послѣднихъ октаву. Эти три звучные тона, похожіе на колоколь, какъ и свистъ пурпуроваго сороконута, издаются только самцомъ; но непосредственно за ними слѣдуетъ отвѣтъ самки, неприятный пискъ или карканье, которому труд-

но подражать, и которое еще труднее описать. Самка пурпуроваго сороконута вставляет свое карканье только по окончании всего выкрика самца. Самка пѣвчаго же сороконута вставляет его обыкновенно уже при второмъ тонѣ; но и та и другая выказывают такое пониманіе такта, что можно придти въ изумленіе; онѣ никогда не заставляютъ ждать себя. Случается также, что самка начинаетъ пѣсню; тогда она каркаетъ обыкновенно три, четыре, шесть разъ сряду, прежде нежели начнетъ самецъ. Когда наконецъ онъ запоетъ, то свистъ начинается сначала, и продолжается со своей обыкновенной правильностью. Я убѣдился самыми различными опытами, что оба пола дѣйствуютъ вмѣстѣ; я убивалъ то самца, то самку, чтобы удостовѣриться въ этомъ. Если съ дерева убиваешь самку, то карканье, конечно, сейчасъ-же прекращается, и самецъ боизливно повторяетъ нѣсколько разъ сряду свой свистъ; если же убить самца, то самка продолжаетъ пищать или каркать. Наблюденіе и поделушивание за этими птицами доставляетъ сначала много удовольствія; но эти постоянно повторяющіеся звуки становятся наконецъ невыносимыми: правильность и вѣчная однообразность ихъ утомительны. Какъ ни восхищаешься сначала чистотою плавныхъ звуковъ, какъ ни удивляешься карканью, а также и самому способу пѣнія, однако наконецъ всѣмъ этимъ до того пресыщаешься, что проклинаешь все это, когда случается услышать.

Къ сожалѣнію, я не въ состояннн сказать съ увѣренностью, какихъ насѣкомыхъ предпочитаютъ пѣвчіе сороконуты. Уже Рюшель наблюдалъ, что они кормятся въ извѣстное время преимущественно муравьями; но рядомъ съ этимъ преслѣдуютъ различныхъ жуковъ, а также гусеницъ и личинокъ. Грабятъ-ли они тоже гнѣзда, еще неизвѣстно; мнѣ-же кажется это невѣроятнымъ. Способъ размноженія въ наше время еще совершенно неизвѣстенъ.

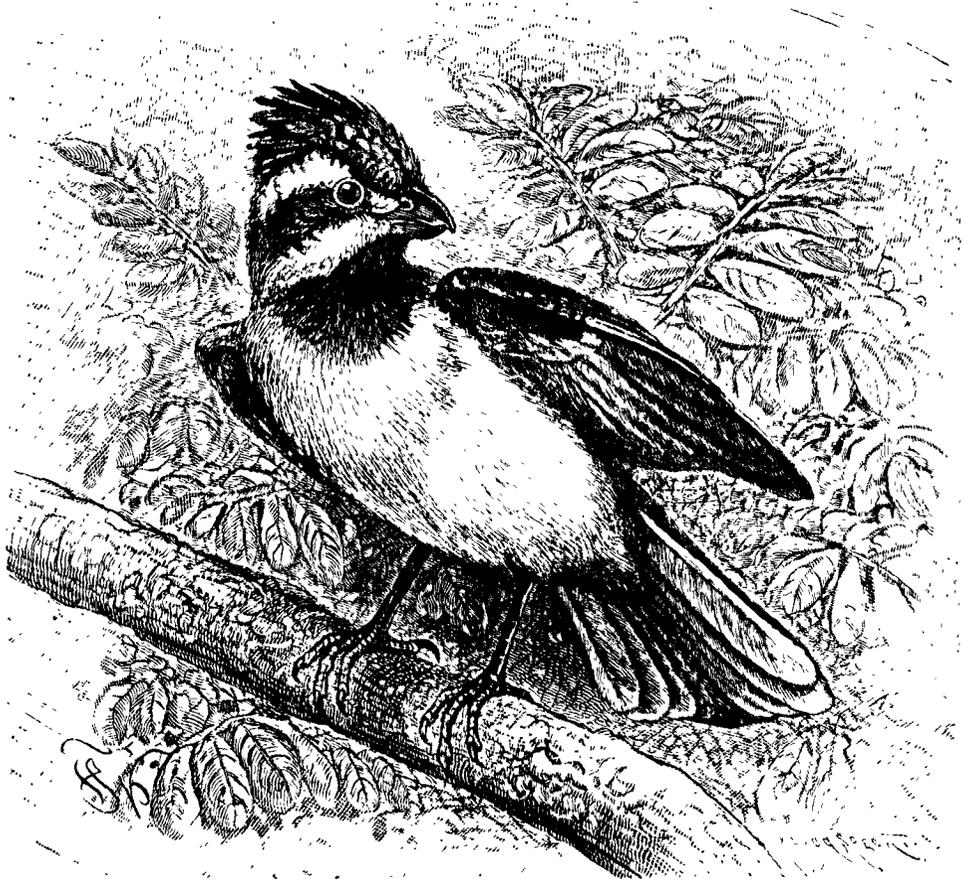
* *
*

Между австралійскими лѣсными сороконутами отличается **Соколиный сорокопуть** (*Falunculus frontatus*, *Lanius frontatus* Falkenwürger. Falconelle). Онъ крѣпко сложенъ и красиво окрашенъ, и имѣетъ 16 см. длины; онъ очень похожъ на нашу синицу, но сейчасъ-же отличается отъ послѣдней очень большимъ клювомъ. Клювь этотъ на самомъ дѣлѣ соколинннй, несмотря на то, что крючокъ надклювья и зубецъ не особенно развиты. Цвѣтъ оперенія у обоихъ половъ весьма сходенъ. Верхнія части тѣла—оливковыя, нижнія — ярко-желтыя. По лбу и бокамъ головы идетъ бѣлая полоска, по которой отъ глаза къ затылку проходитъ черная полоска. Хохоль, горло и часть предплечья—черныя; крайнія и малыя маховыя перья чернобурыя, съ широкой сѣрой каймой; рулевыя перья такъ-же окрашены, какъ и маховыя, за исключеніемъ крайнихъ перьевъ и концовъ остальныхъ, которыя чисто-бѣлыя. Глаза красновато-бурые, клювь черный, ноги сине-сѣрыя. Самка отличается отъ самца меньшей величиной и зеленоватымъ цвѣтомъ горла.

По словамъ Гульда, соколиный сорокопуть живетъ только въ южной Австраліи. Только что описанный видъ встрѣчается въ Новомъ Южномъ Валлисѣ, а другой, весьма сходный съ нимъ, въ западной Австраліи. Тамъ, гдѣ они встрѣчаются, они водятся всюду, какъ въ густомъ кустарникѣ, такъ и на деревьяхъ открытой равнины. Они такъ-же веселы и живы, какъ и столь на нихъ похожія синицы; они такъ-же лазаютъ вдоль вѣтокъ, отыскивая добычу, принимаютъ такія-же позы и часто вздергиваютъ свой хохолокъ. Ихъ главная пища состоитъ изъ ягодъ, а также насѣкомыхъ, которыхъ они собираютъ съ листьевъ или вытаскиваютъ изъ-подъ коры болѣе толстыхъ сучковъ. Они выказываютъ чрезвычайную ловкость при добываніи пиши и умѣютъ различными образомъ пускать въ дѣло свой острый клювь, обламывая имъ кору и разрушая гнилое дерево. Ни одна птица, равная имъ по величинѣ, не имѣетъ, по сло-

вамъ Гульда, подобной силы въ клювѣ, какъ этотъ сорокопуть; онъ также съ усиф-хонь пользуется имъ для защиты.

Относительно размноженія, по всей вѣроятности, можно сказать то-же самое, что наблюдали и относительно родственныхъ ему формъ. Гульдъ нашелъ гнѣздо его въ октябрѣ на самыхъ высокихъ и самыхъ тонкихъ вѣткахъ камеднаго дерева, на высотѣ 16 метровъ надъ землею. Оно было похоже на глубокую чашку и состояло изъ волокнистой коры камеднаго дерева, обтянутой паутиной и внутри выстланной

Соколиный сорокопуть. *Falcunculus frontatus*. $\frac{1}{6}$ наст. вел.

нѣжной травой. Яйца были покрыты на блестяще-бѣломъ фонѣ, особенно къ тупому концу, темными оливковыми пятнышками.

Семейство **Личинкоѣдовъ** (Camperphagidae. Raupenfresser), въ которомъ насчитываютъ приблизительно до 100 видовъ, встрѣчается въ Австралиі, на Малайскомъ архипелагѣ, въ южной Азіи и Африкѣ. Оно заключаетъ въ себѣ маленькихъ или средней величины птицъ, которыя имѣютъ умеренно длинный или короткій клювъ, расширенный при основаніи, съ выпуклой или загнутой спинкой, слабо согнутый крючкомъ и безъ зубцовъ, слабыя ноги съ короткой плюсной, средней длины крылья, въ которыхъ третье и четвертое, или четвертое и пятое перо — самыя длинныя, и до-

вольно длинный, круглый или ступенчатый хвостъ. Перья спины обыкновенно самымъ страннымъ образомъ лишены всякой гибкости; перья вокругъ клюва превращены въ слабыя щетинки. Цвѣтъ у большей части этихъ птицъ—сѣрый, разнообразно оттѣненный, но у нѣкоторыхъ очень ярко-красный или желтый.

Мы не имѣемъ подробныхъ описаній образа жизни этихъ птицъ. Мы знаемъ, что личинкоѣды живутъ въ лѣсахъ и садахъ, обыкновенно соединяются маленькими стаями, сидятъ почти исключительно на деревьяхъ и тутъ питаются разными видами насѣкомыхъ, которыхъ они собираютъ съ вѣтвей деревьевъ, или-же ловятъ на лету. Нѣкоторые изъ нихъ, говорятъ, ѣдятъ ягоды, какъ дѣлаютъ при случаѣ и родственныя имъ мухоловковыя.

* * *

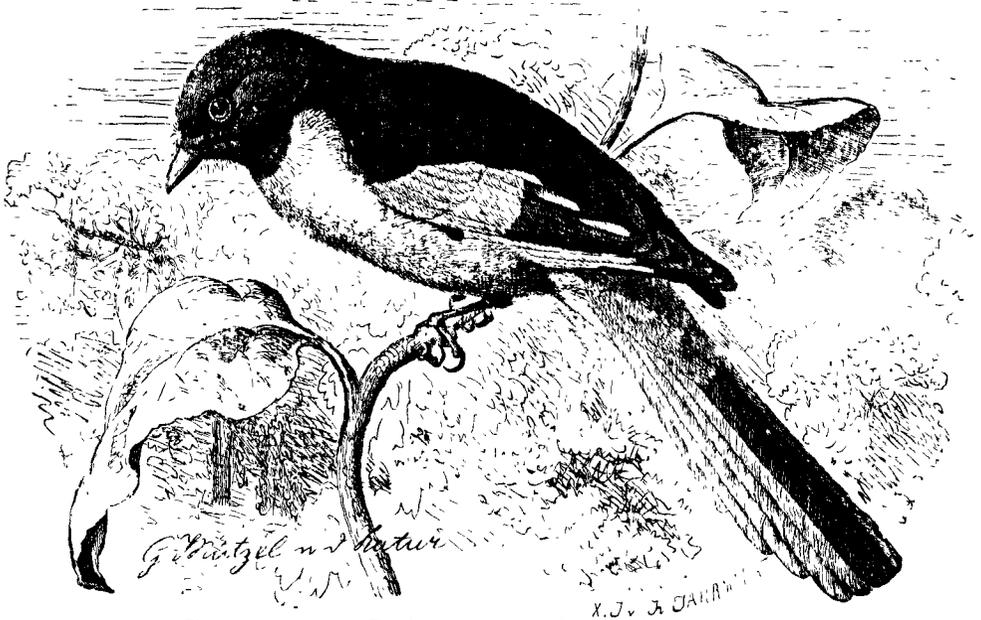
Представителемъ этого семейства можно назвать **Красную Птицу** (*Pericrocotus speciosus* и *princeps*, *Turdus speciosus*, *Muscipeta* и *Phoenicornis princeps*. *Mennig vogel*. *Meninge rouge*). Признаки рода, котораго она является представителемъ, слѣдующіе: короткій клювъ, широкій при основаніи, но не особенно низкій и съ легко согнутой спинкой; слабыя ноги съ короткой плюсной, пальцы средней величины, вооруженные сильно загнутыми когтями; крылья средней длины, въ которыхъ четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя, и хвостъ также средней длины, котораго среднія перья прямо обрѣзаны, между тѣмъ какъ три боковыхъ укорочены. Длина самца 23 см., размахъ крыльевъ 32, длина крыла и хвоста по 11 см. У самца верхнія части тѣла, маховыя перья и оба среднихъ хвостовыхъ пера блестящаго синевато-чернаго цвѣта; спина, широкая полоса на крыльяхъ, образованная пятнами на наружной сторонѣ опахаль маховыхъ перьевъ и нѣсколькихъ покровныхъ перьевъ, боковыя перья хвоста и вся нижняя часть тѣла, начиная съ груди—блестящаго пурпурово-краснаго цвѣта. У самки всѣ цвѣта болѣе сѣроваты, передняя часть головы, спина и верхнія покровныя перья хвоста—зеленовато-желтыя, маховыя перья совершенно черныя съ желтыми пятнами, среднія перья хвоста имѣютъ темно-желтый конецъ, остальные перья ярко-желтыя, съ болѣе темнымъ поперечнымъ узоромъ. Глаза каріе, клювъ и ноги—черныя.

Отечество этой великолѣпной птицы составляетъ большая часть сѣверной Индіи отъ Гиммалаевъ до Ассамы, сѣверо-западные и среднія провинціи Бенгаліи, Ассамы и сѣверная Бирма, а также и южный Китай. Главное мѣстопробываніе ея, по Уайтсу,—лѣса, расположенныя на высотѣ приблизительно 2000 м. Подобно другимъ видамъ этого семейства, красная птица соединяется въ небольшія стаи, которыя проводятъ день въ вѣтвяхъ, собирая насѣкомыхъ съ листьевъ и цвѣтговъ, или ловя ихъ, какъ синицы, на нижнихъ частяхъ сучьевъ; по временамъ, хотя и рѣдко, онѣ взбираются наверхъ, или-же спускаются на землю. Ея часто повторяющіеся крикъ рѣзкій, но приятный. Жердонъ, у котораго я заимствую вышесказанное, сообщаетъ о другихъ видахъ, которые сходны съ только что упомянутой птицей, какъ по образу жизни, такъ и по формѣ, и цвѣту. Изъ этихъ свѣдѣній мы узнаемъ, что красныя птицы преимущественно держатся въ не очень густыхъ верхушкахъ деревьевъ, болѣею частью стаями въ 5 или 6 штукъ, причемъ голы часто держатся раздѣльно, и что онѣ живо прыгаютъ и ловятъ насѣкомыхъ, или преслѣдуютъ ихъ, подобно настоящимъ мухоловкамъ, на лету. Нѣкоторые виды кормятся, повидимому, преимущественно, хотя и не исключительно, бабочками. Одно гнѣздо, принесенное Жердону, было выстроено довольно старательно изъ коряен, волоконъ и мха, и содержало три яйца, покрытыхъ по блѣлому фону небольшимъ количествомъ кирпично-красныхъ пятнышекъ. По Ходжсону время размноженія начинается въ апрѣлѣ; красивое, въ формѣ богала, гнѣздо выстроено изъ мха и тонкихъ корешковъ и убрано лишаями и

паутиной; оно помѣщается на какомъ-нибудь тонкомъ сучкѣ дерева. Яйца, найденныя Хуттономъ, были разрисованы по бѣло-сѣрому фону, желто-бурымъ и темнымъ пурпурово-краснымъ цвѣтомъ.

Несомно красныя птицы, повидимому, не переносятъ; по крайней мѣрѣ Гамильтонъ увѣряетъ, что въ клеткѣ онѣ скоро начинаютъ скучать и умираютъ.

Относительно образа жизни другой красной птицы, живущей на Филиппинскихъ островахъ, въ Китаѣ и Восточной Сибири и носящей очень скромный сѣрый нарядъ, сообщаетъ кое-что Радде. Онъ встрѣтилъ эту птицу въ лѣсахъ Малаго Хингана стаями отъ 15—20 штукъ, но полагаетъ, что эти общества во время размноженія распадаются на пары, которыя, не улетая изъ этой мѣстности, выводятъ семейства въ горахъ. Эти стаи находились преимущественно въ рѣдкихъ, высокихъ лѣсахъ изъ дубовъ и ясеней, и тутъ шумно жили въ верхушкахъ самыхъ высокихъ

Красная птица. *Pericrocotus speciosus* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

деревьевъ; въ этихъ обыкновенно столь безмолвныхъ лѣсахъ онѣ уже издали выдавали себя своимъ крикомъ. Несмотря на свою многочисленность, онѣ были до того пугливы и осторожны, что Радде удалось убить только одну пару. Согнанныя однажды, онѣ летали на довольно значительной высотѣ, отыскивали себѣ самыя высокія верхушки деревьевъ для общаго отдыха, и начинали опять издавать свои короткіе, отрывистые звуки.

Красныя птицы содержатся въ неволѣ индѣйцами и китайцами, но рѣдко переживаютъ потерю свободы, оказываются очень неживучими и поэтому не попадаютъ въ наши клеткі.

Тѣло **Мухоловковыхъ** (*Muscicapidae*, *Fliegenfänger*, *Gobe-Mouches*) вытянуто, шея короткая и голова до нѣкоторой степени широкая, клювъ сильный и короткій, шире при основаніи, сжатый сверху внизъ, спинка его выдается ребромъ, на вершинѣ верхней челюсти онъ согнутъ внизъ и имѣетъ выемку передъ вершиной; ноги короткія и слабыя, ихъ наружныя пальцы срослись съ средними; крылья довольно

длинныя, и въ нихъ третье маховое перо самое длинное; хвостъ средней длины или прямо обрѣзанный, или неглубоко выемчатый; опереніе рыхлое и мягкое, при основаніи клюва—щетинистое, а окраска обыкновенно различна, смотря по полу и возрасту.

Мухоловковыя, изъ которыхъ извѣстны болѣе 300 видовъ, населяютъ восточное полушаріе, но особенно многочисленны въ экваторіальныхъ странахъ; въ Америкѣ находятся только немногіе виды. Онѣ живутъ въ лѣсахъ и рощахъ, больше на деревьяхъ, чѣмъ въ кустахъ, и рѣдко спускаются на землю. Сидя на сучкѣ, по возможности свободномъ, и дающимъ далекій кругозоръ, онѣ высматриваютъ насѣкомыхъ, ловко гоняются за ними, ловятъ ихъ клювомъ, и затѣмъ обыкновенно возвращаются на свое мѣсто. При пасмурной погодѣ, а особенно когда онѣ должны заботиться о итенцахъ, онѣ срываютъ также и ягоды. Онѣ почти весь день въ постоянной дѣятельности, оживлены, беспокойны и проворны, мало пугаются при видѣ чловѣка, относительно-же хищниковъ—храбры и дерзки. Онѣ отличаются отъ родственныхъ формъ тѣмъ, что ихъ голосъ рѣдко слышится; чаще всего это, конечно, случается въ періодѣ размноженія, во время котораго самецъ такъ одушевляется, что онъ даже издаетъ простую и тихую пѣсенку. Гнѣздо бываетъ рыхлой, грубой постройки, но съ теплою выстилкой и находится или въ дуплахъ деревьевъ, или въ раздвоеніи вѣтки, обыкновенно близко къ стволу. Онѣ кладутъ 4—5 яицъ, которыя высиживаются обоими родителями. Послѣ того какъ итенцы вырастутъ, старики летаютъ съ ними нѣкоторое время. Потомъ онѣ предпринимаютъ очень рано свое зимнее путешествіе, доводящее ихъ до средней Африки и прекращающееся только позднею весною.

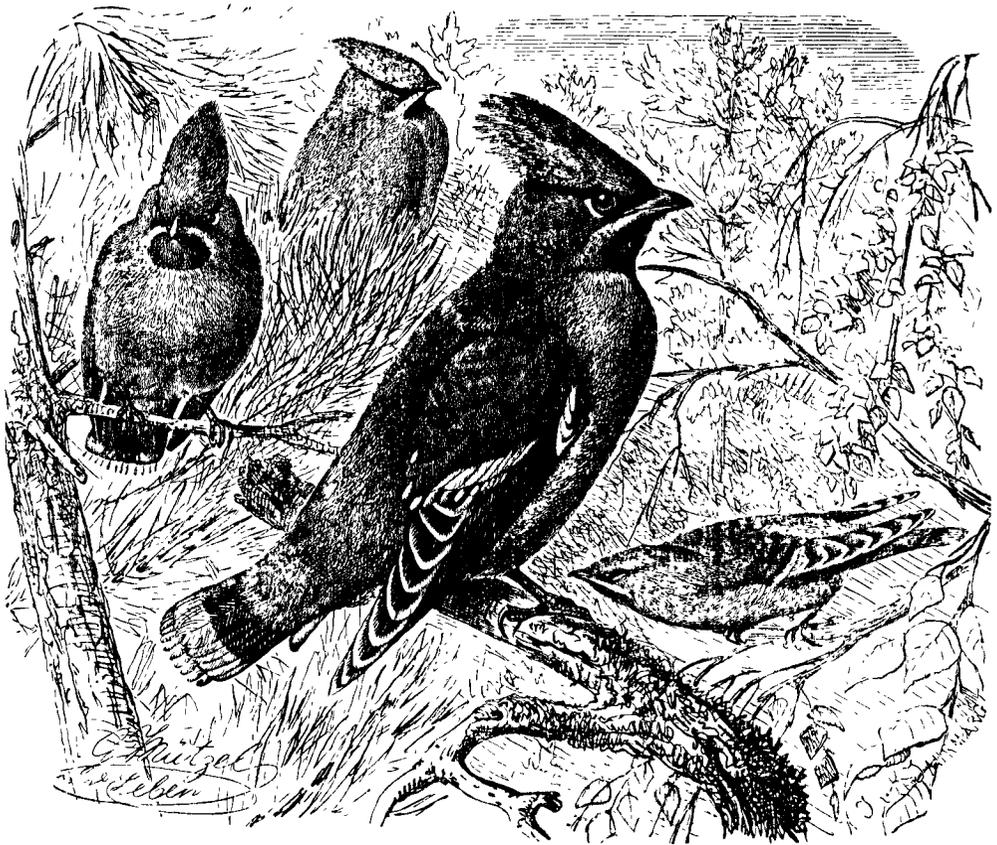
Кабанисъ причисляетъ къ семейству мухоловковыхъ еще одну и въ Германіи хорошо извѣстную птицу, нашего свиристея, дѣлая изъ него представителя особаго подсемейства **Свиристелей** (*Bombycillinae*. *Drosselschnäpper*. *Jaseurs*.), къ которому кромѣ этого причисляютъ очень немногіе виды. Свиристея отличаются слѣдующими признаками: тѣло плотное, шея короткая, голова довольно большая; клювъ короткій и прямой, при основаніи сжатый сверху внизъ и поэтому широкій, но при концѣ узкій и высокій; верхняя челюсть длиннѣе и шире нижней, съ мало вышуклой спинкой, на концѣ слабо согнута внизъ, съ небольшою выемкой передъ загибомъ; ноги довольно короткія и сильныя, наружный и средній палецъ соединены коротенькой перепонкой; крылья средней длины и остры, потому что первое и второе маховыя перья превосходятъ длиною всѣ остальные; двѣнадцатиперый хвостъ короткій; опереніе роскошное, мягкое какъ шелкъ и приподнимается на головѣ въ видѣ хохла.

* *
*

Свиристель, Свиристель, Пукша, Кардиналь, Красава (*Bombycilla garrula* и *bohemica*, *Ampelis garrulus*, *Lanius garrulus*, *Garullus bohemicus*, *Bombyciphora* или *Bombycivora garrula* и *poliocephala*, *Parus bombycilla*. *Seidenschwanz*. *Jaseur de Bohême*) имѣтъ опереніе довольно равномернаго красновато-сѣраго цвѣта, обыкновенно темнѣе на верхней части тѣла, чѣмъ на нижней, гдѣ оно переходитъ въ сѣровато-бѣлый цвѣтъ; лобъ и гузка красновато-бурые; подбородокъ, горло, уздечка и полоска надъ глазомъ—черныя; большія маховыя перья сѣровато-черныя, на концѣ наружной части опахала со свѣтлыми, золотисто-желтоватыми пятнышками, а на внутренней части опахала съ бѣлой каймой; малыя маховыя перья оканчиваются широкими роговыми или пергаментообразными кончиками краснаго цвѣта; рулевые перья черноватыя, на концѣ свѣтло-золотисто-желтыя; они оканчиваются также кончиками такого же сложения и цвѣта, какъ и малыя маховыя перья. У самки всѣ цвѣта не

такъ рѣзки, особенно роговыя пластинки менѣ развиты. Птенцы темно-сѣрые, многія изъ ихъ перьевъ со свѣтлой каймой; лобъ, полоса отъ глаза до затылка, полоска вдоль блѣдно-ржаваго-желтаго горла и нижняя часть надхвостья—бѣловатыя; нижнія покровныя перья хвоста—грязнаго ржаво-краснаго цвѣта. Длина 20 см., размахъ крыльевъ 35 см., длина крыла 12 см., длина хвоста 6 см.

Нашъ свиристель принадлежитъ сѣверу Европы, Азии и Америки. Обширныя лѣса на сѣверѣ нашего материка, состоящіе изъ однихъ сосенъ или изъ сосны и березы, можно считать настоящею его родиною. Онъ улетаетъ изъ нихъ только тогда, когда глубокой снѣгъ принуждаетъ его къ перекочевкѣ. Собственно говоря, его слѣ-

Свиристель. *Bombycilla garrula*. 1/2 наст. вел.

дуетъ считать кочевую птицею, которая зимою перелетаетъ съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ довольно ограниченной области; въ случаѣ крайней нужды онъ переступаетъ границы этой обыкновенно строго опредѣленной области и становится тогда перелетною птицею. Во всѣхъ странахъ, лежащихъ сѣвернѣе Германіи, эта птица появляется гораздо правильнѣе, чѣмъ въ Германіи, а уже въ русскихъ и польскихъ лѣсахъ, или въ лѣсахъ южной Скандинавіи она встрѣчается почти каждую зиму. Въ Германіи она появляется до того неправильно, что народъ примѣнилъ и къ ней свое любимое число 7, говоря что она показывается только разъ черезъ 7 лѣтъ. Обыкновенно свиристели, гонимые сѣвѣрною зимою, прилетаютъ въ среднія области Европы только въ послѣдней половинѣ ноября и остаются тутъ до первой половины мар-

та; въ исключительныхъ-же случаяхъ они появляются еще раньше, а также и дольше гостятъ. На этомъ-то основаніи нѣкоторые полагали, что отдѣльные пары гнѣздились въ Германіи, тогда какъ мы теперь хорошо знаемъ, что размноженіе свиристелей происходитъ только поздною весною.

Во время своей жизни на чужбинѣ въ болѣе южныхъ мѣстностяхъ, а слѣдовательно и въ Германіи, свиристели соединяются всегда въ болѣе или менѣе большія стаи, и держатся короткое или долгое время въ известной мѣстности, смотря по количеству доставляемой пищи. Случается, что въ какую-нибудь зиму ихъ встрѣчаютъ въ мѣстностяхъ, гдѣ они вообще очень рѣдки, въ продолженіи цѣлыхъ недѣль и мѣсяцевъ въ большомъ количествѣ, и это, вѣроятно, случалось бы гораздо чаще, если-бы ихъ не преслѣдовали такъ безжалостно. Красота ихъ до того мало понимается необразованными, грубыми людьми, что они только и умѣютъ убивать ихъ. Возможно также, что эти бѣдные птицы страдаютъ вслѣдствіе одного стараго повѣрья. Въ прежніе года не могли объяснить себѣ неправильнаго появленія свиристелей, и смотрѣли на нихъ какъ на предвѣстниковъ тяжкихъ войнъ, большой дороговизны, различныхъ заразительныхъ болѣзней и другихъ бѣдствій, и думали, что хорошо дѣлали, ненавидя и преслѣдуя ихъ.

Свиристель не принадлежитъ къ числу очень подвижныхъ животныхъ; это скорѣе лѣнивая, неповоротливая птица, способная только много ѣсть, и поэтому неохотно оставляющая однажды выбранное мѣсто. Поэтому всюду, гдѣ онъ находитъ пищу, свиристель бываетъ очень смѣлъ, или, лучше сказать, довѣрчивъ; такъ, напримеръ, онъ залетаетъ въ средину деревни, или даже въ городскія аллеи, ни мало не заботясь о человѣческой дѣятельности вокругъ него. Однако онъ далеко не такъ глупъ, какъ кажется сначала, такъ какъ продолжительныя преслѣдованія дѣлаютъ его осторожнымъ и робкимъ. Относительно другихъ птицъ онъ ведетъ себя мирно или равнодушно: онъ вовсе не обращаетъ на нихъ вниманія. Съ себѣ подобными онъ живетъ въ вѣрной дружбѣ, пока находится на зимней квартирѣ. Обыкновенно все общество сидитъ на одномъ деревѣ, какъ можно ближе другъ къ другу, по нѣскольку штукъ на одномъ и томъ-же сучкѣ, при чемъ самцы болѣе охотно садятся на верхушки и остаются здѣсь неподвижно на одномъ и томъ-же мѣстѣ. Въ утренніе и вечерніе часы эти птицы болѣе подвижны, летаютъ за добычей, и посѣщаютъ особенно всякія ягодныя деревья или кусты. На землю онъ спускается только тогда, когда хотять пить; здѣсь онъ прыгаетъ очень неловко и никогда не остается долгое время. По вѣтвямъ онъ лазаетъ свободно, то вверхъ, то внизъ, когда хотять ѣсть. Летаютъ онѣ, описывая большія дугообразныя линіи, легко, красиво и сравнительно скоро; крылья ихъ попеременно очень быстро двигаются и распрямляются.

Обыкновенный призывной крикъ есть странно шипящая трель, которая не можетъ быть передана буквами. Мой отецъ говоритъ, что призывной крикъ звучитъ какъ трескъ немазанной тачки, и это сравненіе кажется мнѣ удачно выбраннымъ. Кромѣ призывного крика, слышится по временамъ еще похожій на флейту свистъ, который, по словамъ Наумана, звучитъ точно такъ-же, какъ звукъ, происходящій изъ полога ключа, если тихо дуть въ него; звукъ этотъ, повидимому, выражаетъ нѣжныя чувства. Пѣніе тихое и неважное, но издается съ большимъ усердіемъ и, повидимому, съ большимъ напряженіемъ. Самки поютъ почти такъ-же хорошо или вѣрнѣе почти такъ-же дурно, хотя и не такъ постоянно, какъ самцы, которые привѣтствуютъ зимою каждый лучъ солнца своею пѣсней и распѣваютъ въ теченіи почти всего года.

На родинѣ въ теченіи лѣта, главную, если не исключительную, пищу свиристеля составляютъ безчисленныя стаи комаровъ; но зимою свиристель долженъ довольствоваться другою пищею, преимущественно ягодами. За насѣкомыми онъ охо-

тятся совершенно такъ-же, какъ и мухоловки, ягоды-же собирають съ кустовъ не тронясь, и поднимають ихъ иногда съ земли. Странно, что пойманные свиристели не обращаютъ вниманія на предлагаемыхъ имъ насѣкомыхъ. «Различнымъ дроздамъ», говоритъ Науманъ, «которые содержатся въ неволѣ, нельзя оказать большей услуги, какъ бросивши имъ иногда насѣкомое. Они жадно бросаются на него и ловить мухъ, которыя садятся близъ чашки съ ихъ кормомъ. Но ни одинъ свиристель не дѣлаетъ этого. Мухи очень часто садятся безнаказанно ему на клювъ. Изъ всѣхъ свиристелей, которыхъ я приручалъ, ни одинъ не трогалъ ни насѣкомыхъ, ни ихъ личинокъ, ни дождевыхъ червей». Но теперь мы знаемъ достоверно, что на волѣ свиристель держитъ себя совершенно иначе; на самомъ дѣлѣ онъ даже просто становится противнымъ вслѣдствіе своего чрезвычайнаго обжорства. Онъ съѣдаетъ ежедневно количество пищи такого-же вѣса, какъ и его тѣло. Птѣнники все время сидятъ около чашки съ кормомъ, ѣдятъ и отдыхаютъ по-очередно, чтобы переварить съѣденное, извергаютъ пищу еще полупереваренною и, если не постоянно и не усердно чистить ихъ клѣтку, то глотаютъ свой собственный пометъ.

До самаго новѣйшаго времени способъ размноженія свиристелей былъ совершенно неизвѣстенъ. Только въ 1857 году 16-го іюня Уоллею удалось найти гнѣздо и яйца; впрочемъ, это открытіе было сдѣлано еще въ предыдущемъ году его егеремъ. Уоллей далъ себѣ слово не возвращаться въ Англію безъ этого гнѣзда и не щадить ни трудовъ, ни издержекъ для достиженія своей цѣли. Послѣ того, какъ нашли первый гнѣзда, повидимому, половина населенія Лапландіи привилась за поноски, и уже лѣтомъ 1858 года собрано было болѣе 600 яицъ. Гнѣзда всегда находятся на соснахъ, не слишкомъ высоко надъ землею; они хорошо спрятаны въ вѣтвяхъ, и болѣею частью состоятъ изъ древесныхъ лишайевъ; въ ихъ наружную стѣнку вылетаются нѣсколько сухихъ вѣточекъ, а внутри они выложены стебельками травы и перьями. Свиристель кладетъ отъ 4—7 яицъ, обыкновенно 5, и кладка оканчивается на второй недѣлѣ іюня. Яйца имѣютъ приблизительно 24 м.м. длины и 18 м.м. ширины, и покрыты по голубоватому или красноватому синеватому фону рѣдкими темными или свѣтло-бурыми, черными и фіолетовыми пятнышками и точками, которыя расположены гуще на толстомъ концѣ, образуя здѣсь вѣнчикъ.

На току или при помощи волосяного силка можно безъ труда поймать свиристеля. «Если одна стая напала на силки», говоритъ Науманъ, «то немногія изъ этихъ безобидныхъ обжоръ улетаютъ невредимыми; онѣ летаютъ до тѣхъ поръ отъ одного силка къ другому, пока не попадутся, и вовсе нерѣдко случается, что въ одинъ силко попадаютъ двѣ птицы, такъ какъ въ то время, какъ одна съ петлею на шеѣ борется со смертью, другая продолжаетъ доставать ягоды, которыя остались отъ нея, и такимъ образомъ и эта попадаетъ въ другую петлю. Эти птицы такія-же неосторожныя и безпечныя на току, гдѣ онѣ въ большомъ количествѣ ловятся при помощи такъ называемыхъ кустарныхъ точекъ, которые разставляются для дроздовъ. Достаточно имѣть только одну птицу этого вида для приманки, чтобы онѣ налетѣли въ большомъ числѣ. Едва стая успѣваетъ прилетѣть, какъ вся она тотчасъ садится, и если тогда не проглядѣть удобнаго момента, то всѣхъ сразу можно поймать. Если-же медлить, пока нѣкоторыя изъ нихъ не найдутся до сыта, то всѣ, одна за другою, улетаютъ на ближайшее дерево и сидятъ на немъ, пока опять не проголодаются, что, впрочемъ, продолжается очень не долго. Потомъ онѣ слетаютъ уже по-одиночкѣ, и нужно захлопывать сѣть какъ только нѣсколько птицъ сядутъ на точку. Правда, что остальные улетаютъ, когда нѣкоторыя изъ нихъ пойманы, но никогда не отлетаютъ далеко, и какъ только птицеловъ опять разставитъ свои сѣти и спричется въ своемъ шалапѣ, онѣ прилетаютъ снова, и рѣдко хотя-бы одной изъ нихъ удастся спастись.

Но все-таки я нашелъ, что эти глупыя птицы осенью, когда много шищи, нѣсколько осторожнѣе, чѣмъ зимой, такъ что все сказанное выше относится преимущественно къ зимней ловлѣ».

Въ неволѣ свиристель сживаетъ со своей судьбой; не показывая особенной горести, онъ сейчасъ-же принимается за ѣду, и радуется красотой своего оперенія и своимъ тихимъ нравомъ; онъ многіе годы проживаетъ въ клеткѣ, поставленной въ прохладномъ мѣстѣ. Держать его въ неволѣ можно посоветовать каждому, но убивать его безъ пользы и только для удовлетворенія желудка, кажется совсѣмъ несправедливымъ, потому что онъ на свободѣ нисколько не вреденъ, скорѣе полезенъ истребленіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, а зимой становится превосходнымъ украшеніемъ голыхъ деревьевъ.

* *
*

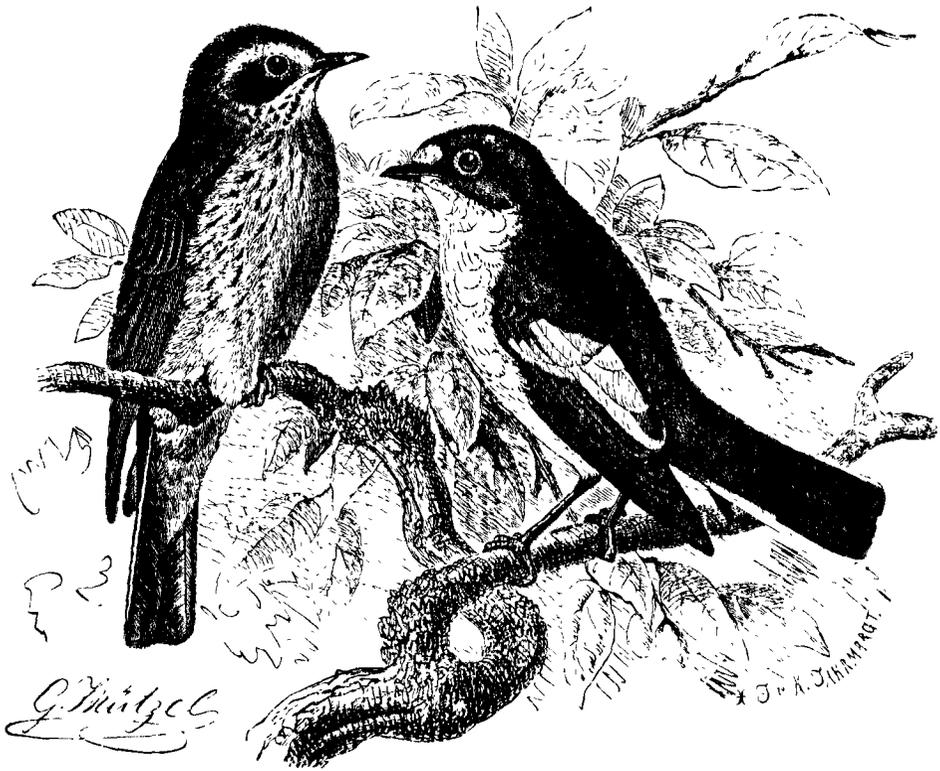
Мухоловка сѣрая (*Muscicapa grisola*, *Silvia pestilencialis*, *Butalis griso'a*, *africana*, *montana*, *alpestris*, *domestica*, и *pinetorum*. *Fliegenfänger*. *Gobe-mouche gris*) можетъ считаться типическою представительницею рода **Мухоловокъ** (*Muscicapa*) и отличается немного вытянутымъ клювомъ и одинаковымъ у обоихъ половъ пятнистымъ опереніемъ. Верхняя часть тѣла темно-сѣрая, стволъ каждого пера—черный, темя сѣровато-черное съ болѣе свѣтлыми пятнышками; каждое перо бѣлое или съ темно-сѣрой каймой, такъ что является легкій узоръ, составленный изъ ихъ пятнышекъ; вся нижняя часть тѣла грязно-бѣлая, на бокахъ груди отгѣнена ржаво-желтоватымъ цвѣтомъ, а по бокамъ горла и вдоль груди разрисована темно-сѣрыми поперечными, продольными пятнами; свѣтло-сѣрые кончики кроющихъ перьевъ крыльевъ образуютъ двѣ мало замѣтныхъ крыловыхъ полоски. Глаза каріе, клювъ и ноги черныя. У самки все цвѣта блѣднѣе; у птенца верхняя часть тѣла бѣловатая съ сѣрыми пятнышками и ржаво-желтыми крапинками; нижняя часть тѣла бѣловатая, въ области горла и на груди съ сѣрыми поперечными пятнами. Длина самца 14 см., размахъ крыльевъ 25, длина крыла 8, длина хвоста 6 см.

За исключеніемъ самыхъ сѣверныхъ странъ Европы, сѣрая мухоловка населяетъ все поясы широты и долготы нашего материка. Она очень обыкновенна на югѣ Европы, къ востоку она распространяется до Кавказа и Алтайскихъ горъ; во время своихъ зимнихъ перелетовъ она путешествуетъ въ лѣсахъ внутренней Африки: я ее еще очень часто видѣлъ въ лѣсахъ на Голубомъ Нилѣ. Эта птица вовсе не разборчива и довольствуется каждымъ кустомъ, сколько-нибудь отвѣчающимъ ея потребностямъ. Высокія деревья, а именно стоящія близъ воды, доставляютъ ей все нужное для жизни. Мухоловка не боится человѣка и селится вслѣдствіе этого часто среди деревень, даже на дворахъ, но живетъ, впрочемъ, также въ мѣстахъ, которые рѣдко посѣщаются человѣкомъ. Мѣстожителство одной пары ограничивается часто однимъ гектаромъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще меньшимъ пространствомъ. Смотря по благоприятной или неблагоприятной погодѣ, сѣрая мухоловка появляется въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая, обыкновенно парами, приступаетъ скоро послѣ своего прилета къ размноженію, а покидаетъ насъ опять въ концѣ августа или въ началѣ сентября. То же самое относится и къ южной Европѣ: въ Испаніи мы замѣчали ее не раньше и не позже, чѣмъ въ Германіи.

Мухоловка очень живая и безпokoйная птичка, которая цѣлый день высматриваетъ добычу. Сидя на верхушкѣ дерева или куста на сухой вѣткѣ или какомъ-нибудь выдающемся кончикѣ сучка, она осматривается по всемъ сторонамъ кругомъ, машетъ вверхъ и внизъ хвостомъ, и ждетъ, пока по близости пролетитъ какое-нибудь насѣкомое. Какъ только она его замѣтитъ, она летитъ за нимъ, ловитъ его съ большою ловкостью, причемъ совершенно ясно слышно щелканье ее клюва, и

возвращается на то самое мѣсто, съ котораго слетѣла. Полетъ ея красивъ, довольно быстръ, часто порхающій, причемъ крылья и хвостъ попеременно сильно расширяются, а потомъ опять складываются. Она не прыгаетъ въ вѣтвяхъ деревьевъ, и также рѣдко слетаетъ на землю. Ея голосъ весьма плохой. Призывной крикъ скучное «чи, чи», а выраженіе вѣжности—различно издаваемое «вистет»; въ случаѣ страха она издаетъ жалобное «чиректектек», сопровождаемое постояннымъ хлопаньемъ крыльевъ. Пѣніе ея—тихое чирикающее щебтанье, состоящее главнымъ образомъ изъ призывного крика, который измѣняется лишь различной интонаціей.

Пища мухоловки состоитъ изъ разныхъ летающихъ насекомыхъ, преимущественно изъ мухъ, комаровъ, бабочекъ, стрекозъ и т. п. Если пойманная добыча ма-

Сѣрая мухоловка. *Muscicapa grisola*. Пеструшка. *Muscicapa atricapilla*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

ленькая, то она ее разомъ проглатываетъ, если же она побольше, то она колотитъ ее о сучья передѣлѣмъ, какъ проглотить, пока не обобьетъ ей крылья и ноги. Въ хорошую погоду она добываетъ свою пищу съ легкостью, какъ бы играя; въ дождливую же погоду, она, какъ и ласточки, часто терпитъ нужду. Въ это время можно замѣтить, какъ она тревожно облетаетъ деревья, высматривая мухъ, и какъ она на лету схватываетъ удачно издали примѣчленную муху или комара, или даже, какъ она для своихъ птенцовъ рѣшается срывать ягоды. Птенцы, которые въ дождливые дни получаютъ скудную пищу, сидятъ голодные и жалобно пищатъ на сучкахъ; родители же облетаютъ дома, деревья, даже большіе, привлекая юныхъ мухъ млекопитающихъ, и затѣмъ прилетаютъ съ пустымъ клювомъ поближе къ ягоднымъ кустамъ, особенно смородиновымъ, бросаютъ дугою сверху внизъ, обрываютъ ягоду отъ кисти, и тотчасъ же несутъ ее птенцамъ. Это часто повторяется въ теченіи немногихъ минутъ;

но сначала они всегда ищут насѣкомыхъ, и легко замѣтить, что ягоды составляютъ для нихъ весьма плохую пищу.

Одинокихъ мухоловокъ видно очень рѣдко, а цѣлыя семейства только тогда, когда птенцы только что вылетѣли и кормятся еще родителями, потому что пара, а особенно самецъ, ревниво и упорно защищаетъ однажды избранную мѣстность отъ всякой другой птицы того-же вида. Относительно маленькихъ и безвредныхъ птичекъ, онѣ ведутъ себя чрезвычайно мирно; большихъ-же, могущихъ повредить имъ, а особенно ихъ гнѣзду, онѣ преслѣдуютъ съ храбростью и смѣлостью.

Если первая кладка была успѣшная, то мухоловка высидиваетъ только разъ въ годъ. Гнѣздо располагается на различныхъ мѣстахъ, наиболѣе соответствующихъ привычкамъ этихъ птицъ, лучше всего на подрѣзанныхъ невысокихъ деревьяхъ, въ особенности на верхушкахъ старыхъ ивъ, а также на небольшихъ вѣткахъ близъ самого ствола дерева, между шиалерами плодовыхъ деревьевъ, на балкахъ подъ крышами, въ просторныхъ дуплахъ, въ отверстіяхъ стѣнъ, а, также, какъ говоритъ Либс, онѣ пользуются и гнѣздами ласточекъ. Гнѣздо выстраивается изъ сухихъ, тонкихъ корешковъ, зеленого мха и тому подобнаго матерьяла, выстилается шерстью, отдѣльными лошадиными волосами и перьями, и имѣетъ всегда неопытный видъ. Въ началѣ іюня въ немъ находятъ 4—5 яицъ, которые имѣютъ 18 м.м. длины и 13 м.м. ширины; они покрыты по блѣло-зеленоватому фону свѣтло-ржавыми пятнышками, но часто бываютъ и другого цвѣта, и въ теченіи 14 дней по-очередно высидиваются самцомъ и самкой. Птенцы растутъ очень скоро, но проходятъ довольно долгое время, пока они сами научатся хорошо ловить добычу на лету.

О родительской любви мухоловки Науманъ рассказываетъ намъ интересную исторію. «Однажды шаловливый мальчикъ поймалъ старую самку у гнѣзда, въ которомъ сидѣли на половину оперившіеся четыре птенца, и унесъ всѣхъ вмѣстѣ въ комнату. Осмотрѣвши окна, и не найдши дороги для спасенія, мать тотчасъ-же примирилась со своей судьбою, стала ловить мухъ, чтобы кормить птенцовъ, и занялась этимъ такъ усердно, что въ очень короткое время совершенно очистила комнату отъ мухъ. Чтобы не оставить ее съ семейей умереть съ голоду, мальчикъ перенесъ ихъ къ сосѣду, но и здѣсь комната была вскорѣ очищена отъ мухъ. Затѣмъ онъ унесъ гнѣздо къ другому сосѣду, мухи котораго также были скоро съѣдены. Тогда мальчикъ перенесъ гнѣздо еще дальше, и такимъ образомъ семейство мухоловокъ путешествовало въ деревнѣ изъ комнаты въ комнату, и освобождало жителей отъ неприятнаго общества ненавистныхъ мухъ. Пришла и моя очередь, и изъ благодарности и внослѣдствіи исходатайствовалъ свободу всему семейству. Молодые птенцы хорошо росли при обильной пищѣ и очень скоро сами научились ловить мухъ».

Кошки, куницы, крысы, мыши и злые мальчишки часто разоряютъ гнѣзда мухоловокъ, выгаскиваютъ яйца и убиваютъ птенцовъ. Старые же птицы имѣютъ, повидимому, мало враговъ. Всякій разумный человѣкъ энергично ихъ защищаетъ, такъ какъ мухоловки, подобно всѣмъ своимъ родичамъ, принадлежатъ къ числу самыхъ полезныхъ животныхъ, доставляющихъ большія услуги уничтоженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ. Собственно вреда онѣ не причиняютъ никакого, хотя, пожалуй, иногда поймаютъ какую-нибудь пчелку. Въ неволѣ мухоловка очень занимательна, и поэтому, а еще болѣе потому, что ловить мухъ, очень любима.

Мухоловка-Пеструшка, Сорочка, Черноголовая мухоловка, (*Muscicapa atricapilla, nigra, ficedula, maculata, muscipeta, luctuosa, alticeps, fuscicapilla, atrogrisea* и *speculifera, Motacilla* и *Sylvia ficedula, Rubetra anglicana, Emberiza luctuosa, Nydemela* и *Ficedula atricapilla. Trauerfliegenfänger. Bee-figure)* въ брачномъ на-

рядъ на всѣхъ верхнихъ частяхъ тѣла одноцвѣтнаго темно-сѣраго цвѣта, или же покрыта болѣе или менѣе ясными черными пятнами; лобъ, вся нижняя часть тѣла и щитокъ на крыльяхъ, образованный тремя послѣдними большими маховыми перьями, наружная сторона опахала плечевыхъ перьевъ и покровныя перья предплечья—бѣлыя. Самка сверху буровато-сѣрая, снизу грязно-бѣлая; ея крайнія маховыя перья просто черно-бурья, три заднихъ окаймлены бѣлымъ, три наружныхъ пера хвоста, на наружной сторонѣ опахала — бѣлыя. Птенцы очень похожи на нее. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя. Длина 13 см., размахъ крыльяхъ 23, длина крыла 7,5, длина хвоста 5,5, см.

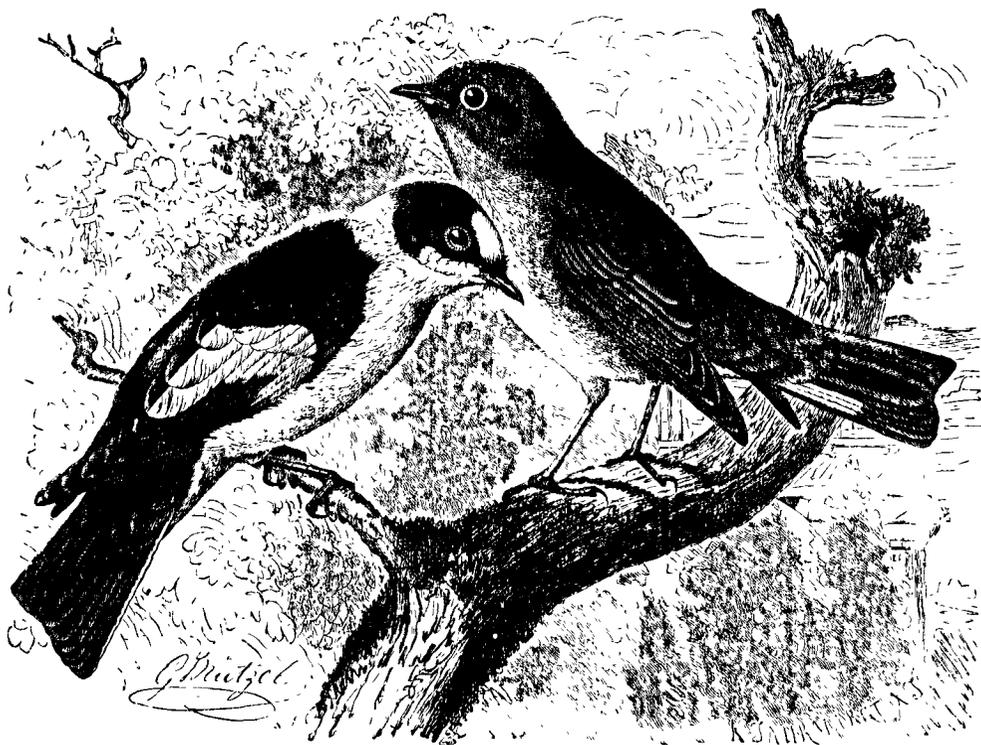
Замѣтно болѣе крупная **Мухоловка-Бѣлошейка** (*Muscicapa collaris, albicollis, albifrons, streptophora* и *melanoptera*. Halsbandfliegenfänger. Gobe-mouche à collier) часто смѣшивается съ пеструшкой, и на самомъ дѣлѣ очень трудно отличить самокъ обоихъ видовъ. Старога-же самца послѣдняго вида можно узнать по бѣлому ошейнику; у самки же нѣтъ свѣтлыхъ каемокъ на маховыхъ перьяхъ. Длина 15,6 см., размахъ крыльевъ 25,4, длина крыла 8,4, длина хвоста 5,5 см.

Пеструшка встрѣчается во всѣхъ странахъ Европы южнѣе Великобританіи и средней Скандинавіи, и зимой путешествуетъ черезъ Малую-Азію, Палестину и сѣверную Африку до лѣсныхъ мѣстностей по ту сторону пояса пустынь. Бѣлошейка-же, напротивъ, населяетъ особенно югъ нашего материка, а именно Италію и Грецію, распространяется отсюда до южной Германіи, но въ сѣверной принадлежитъ къ большимъ рѣдкостямъ, а странствуетъ почти такъ же далеко, какъ и ея родственница. Послѣднюю встрѣчаютъ въ Германіи во всѣхъ ровныхъ мѣстностяхъ, по крайней мѣрѣ во время ея перелета. Она появляется въ Германіи въ послѣдней половинѣ апрѣля, а улетаетъ опять въ концѣ августа или въ началѣ сентября. Самцы обыкновенно прилетаютъ раньше, чѣмъ самки, и покидаютъ насъ также раньше.

По своимъ повадкамъ эти столь близкіе виды, повидимому, вовсе не отличаются другъ отъ друга. Пеструшки—живыя, ловкія птички, которыя двигаются въ теченіи цѣлаго дня, и даже, отдыхая на вѣткѣ, подергиваютъ крыльями или машутъ хвостомъ вверхъ и внизъ. Только при очень дурной погодѣ онѣ сидятъ грустно и тихо на одномъ мѣстѣ; въ хорошую-же погоду, напротивъ, онѣ обнаруживаютъ чрезвычайно веселое расположеніе духа, живо порхаютъ съ вѣтки на вѣтку, игриво поднимаются на воздухъ, шути дразнятъ другъ друга, часто издаютъ свой мягкій, короткій и отрывистый призывной крикъ, пріятное «пит-пит» или «ветвет», и каждый звукъ сопровождаютъ соответствующимъ движеніемъ крыльевъ или хвоста. Весной самецъ прилежно поетъ и вовсе не плохо. Простое, меланхолическое пѣніе его напоминаетъ въ нѣкоторой степени пѣніе садовой горихвостки. Особенно характеристичны въ этой пѣснѣ одна звучная, свистящая строфа «вуги-вугиву». Пеструшка начинаетъ пѣть еще задолго до восхода солнца, когда большая часть другихъ лѣсныхъ пѣвцовъ еще безмолвствуетъ, и доставляетъ тѣмъ большее удовольствіе слушателю. Крикъ бѣлошейки—протяжное «ци», призывной крикъ простое «такъ»; пѣніе громкое и разнообразное, заимствованное у другихъ птичекъ, и похожее на пѣніе варакушки, а нѣкоторыми глубокими горловыми тонами—на пѣніе горихвостки. Бѣлошейка, которая принадлежала графу Гурей, начинала свою пѣсню со звуковъ «ци ци ци», за которыми слѣдовалъ жалобный свистъ; потомъ слышались тоны «ци ци ци», такъ рѣзко произносимые, что казалось, какъ-будто соловей начинаетъ свою пѣсню; послѣ этого пѣніе опять походило на пѣніе варакушки. Казалось, что «ци ци» составляло основной звукъ всего пѣнія; къ нему присоединялось нѣсколько глубокихъ тоновъ, изъ которыхъ нѣкоторые звучали какъ флейта, другіе-же какъ будто выдавливались

изъ горла, точно птичка ихъ издавала съ большимъ усиліемъ. Иногда издавался также звукъ «циците», похожій на крикъ синицы, и стрекотаніе, похожее на звукъ кузнечика. Только нѣкоторыя строфы отбиваются очень быстро, другія-же издаются медленно. Одинъ любитель, имѣвшій нѣсколько подобныхъ птицъ, говоритъ, что пѣніе ихъ очень сходно съ пѣніемъ горихвостокъ и смотря по тому, жили-ли онѣ въ поляхъ по сосѣдству съ хорошими или плохими пѣвунами, онѣ сами издають хорошія или плохія строфы, что совершенно согласуется съ моими собственными наблюденіями. Полетъ ихъ быстрый, ловкій и волнообразный, когда онѣ продолжается долго; походка на землѣ такая-же тяжелая, какъ и у всѣхъ этихъ, едва способныхъ къ хожденію птицъ.

Оба вида охотятся за тою-же добычею, какъ и сѣрая мухоловка; оба прелѣс-

Бѣлошейка *Muscicapa collaris* Лодманчикъ. *Muscicapa parva* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

дуютъ ее одинаковымъ образомъ и оба ѣдятъ въ случаѣ нужды ягоды. Въ дурную погоду онѣ перепархиваютъ въ верхушкахъ деревьевъ, и на лету снимають сидящихъ на листьяхъ насѣкомыхъ; въ хорошую погоду онѣ часто высоко поднимаются на воздухъ, чтобы поймать подмѣченную муху, комара, слѣбня, бабочку, кузнечика, и т. п. Онѣ даже иногда съ земли поднимають насѣкомое, и это дѣлается также на лету. Какъ и всѣ подвижныя птицы, онѣ очень прожорливы, и поэтому находятся почти въ непрерывной дѣятельности.

Лиственные лѣса, въ которыхъ стоятъ старыя, высокія и отчасти дуплистыя деревья, составляютъ любимыя мѣста размноженія пеструшекъ. Здѣсь онѣ отыскивають подходящія дупла и наполняютъ ихъ безпорядочно мхомъ и тонкими корешками, а затѣмъ выстилають весьма тщательно перышками, шерстью и волосами. За неимѣніемъ подобныхъ отверстій, онѣ строятъ гнѣзда также въ запутанныхъ сучьяхъ

близъ ствола, или на старыхъ пняхъ. Онѣ кладутъ 5—6 яицъ, 18 м.м. длины и 13 м.м. ширины, имѣющихъ тонкую скорлупу и блѣдно-зеленоватый цвѣтъ; высиживаются они по-очередно обоими родителями; черезъ 14 дней насиживаніе оканчивается, а черезъ слѣдующіи три недѣли птенцы вылетаютъ изъ гнѣзда; впрочемъ, они еще долго послѣ этого водятся и кормятся родителями. Въ мѣстностяхъ, гдѣ пеструшки обыкновенно выводятся, ихъ можно приучить къ извѣстнымъ садамъ или рощамъ посредствомъ нарочно для этого устроенныхъ ящичковъ, и тогда онѣ дѣлаются удивительно ручными. «Пеструшка», рассказываетъ Бальдамусъ, которая «гнѣздилась въ одномъ ящикѣ въ моемъ саду, до того привыкла къ нарушенію ея покоя вслѣдствіе моихъ постоянныхъ наблюденій надъ ея поведеніемъ во время періода размноженія, что она спокойно оставалась на яйцахъ, когда я переносилъ скворечницу въ комнату и снималъ крышку, чтобы показать своимъ гостямъ довѣрчивую птичку». Та-же самая птица, какъ сообщаетъ позже Бальдамусъ, подала поводъ къ веселой шуткѣ. Два знаменитые орнитолога, принцъ Луціанъ Бонапартъ и Шлегель, посѣтили Бальдамуса и спорили съ нимъ объ этой мухоловкѣ и родственныхъ ей формахъ. Знаменитые ученые придерживались взглядовъ, основанныхъ на изученіи однихъ чучелъ и никакъ не могли убѣдить Бальдамуса, чрезвычайно даровитого наблюдателя жизни животныхъ. Въ доказательство своихъ воззрѣній, послѣдній принесъ съ дерева въ комнату скворечницу съ сидящей на яйцахъ самкой пеструшки, открылъ крышку ящика, и рѣшилъ такимъ образомъ споръ въ свою пользу.

Пеструшекъ очень охотно держатъ въ клѣткахъ; онѣ принадлежатъ къ числу самыхъ пріятныхъ комнатныхъ птицъ, и радуютъ такъ же своей довѣрчивостью и милымъ поведеніемъ, какъ и своими пѣснями. Если пустить ихъ летать свободно по комнатѣ, то онѣ основательно очипцаютъ ее отъ мухъ и становятся до того ручными, что хватаютъ изъ рукъ хозяина предлагаемыхъ имъ мухъ.

Въ Германіи, къ счастью, никто не преслѣдуетъ этихъ полезныхъ птичекъ, но въ Италіи происходитъ обратное. Во время осенняго перелета, и богатые и блѣдные подстерегаютъ ихъ со всевозможными сѣтями и западнями, и, къ сожалѣнію, ловля эта слишкомъ обильна. На всякомъ рынкѣ можно встрѣтить во время перелета сотни этихъ птицъ, убитыхъ гнуснымъ образомъ, чтобы удовлетворить отвратительной прихоти итальянцевъ. Говорятъ, что во время оно на островѣ Кипрѣ пойманныя такимъ образомъ мухоловки и другія птицы приготавливались съ уксу-сомъ и кореньями и укладывались въ особенные горшки и кадунки; такіе сосуды сотнями отправлялись въ Италію. Въ наше время, кажется, не даютъ себѣ такого труда, но старое безчинство существуетъ еще въ полномъ размѣрѣ.

На востокѣ и юго-востокѣ нашего отечества живетъ еще видъ этого семейства, а именно **Малая Мухоловка, Лоцманчикъ** (*Muscicapa parva, rubecula, minuta. lais* и *leucura, Erythrosterna parva* и *leucura, Saxicola rubeculoides, Synornis jou-laimus, Rubecula tytleri, Thamnobia niveiventris. Zwergfliegenfänger. Petit gobe-mouche*) съ сравнительно сильнымъ клювомъ и высокими ногами; это одна изъ милѣйшихъ птичекъ, которыя вообще встрѣчаются въ Германіи. Старый самецъ похожъ весною, по распредѣленію красокъ, на нашу малиновку. Верхняя часть тѣла красновато-буро-сѣрая, немного темнѣе на темені, затылкѣ и верхнихъ покровныхъ перьяхъ хвоста, а большія покровныя перья крыла и заднія маховыя перья имѣютъ свѣтлую каемку; подбородокъ, горло, глотка, зобъ и верхняя часть груди—ржаво-краснаго цвѣта, остальные-же нижнія части тѣла гризно-бѣлыя; большія маховыя перья—черновато-буро-сѣрыя, съ болѣе свѣтлой каймой. У молодыхъ самцовъ красно-желтое горло болѣе блѣднаго цвѣта, чѣмъ у старыхъ. Самки отлича-

ются отъ самцовъ темнымъ, болѣе сѣроватымъ отъѣнкомъ. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя. Длина 12 см. размахъ крыльевъ 20, длина крыла 7, длина хвоста 5 см.

Несмотря на всѣ изслѣдованія, область распространенія малой мухоловки до сихъ поръ не опредѣлена съ точностью. Она рѣдко встрѣчается на западѣ, чаще на востокѣ Европы; она распространяется по всей Средней Азии до Камчатки и во время своихъ зимнихъ странствованій гоститъ въ южномъ Китаѣ, на Формозѣ и въ Индіи, можетъ быть также и въ сѣверной Африкѣ, но ея присутствіе во многихъ странахъ, гдѣ она должна-бы, по всей вѣроятности, жить, еще не доказано. Ее часто наблюдали отдѣльными особями вездѣ и во всѣхъ мѣстностяхъ Германіи, но описывали-же ее всегда какъ большую рѣдкость; впрочемъ, надо полагать, что она встрѣчается гораздо чаще, нежели обыкновенно думаютъ. Въ Мекленбургѣ она, повидимому, не такъ рѣдка; въ Бранденбургѣ и Помераніи она регулярно гнѣздится; въ Польшѣ, Галиціи и Венгріи она мѣстами даже обыкновенна. Дѣло въ томъ, что малая мухоловка вовсе не принадлежитъ къ числу птицъ, бросающихся въ глаза, и замѣтить ее можетъ только опытный наблюдатель. Любимымъ мѣстообитаніемъ ея служатъ лѣса съ высокими буковыми деревьями. «Тамъ, гдѣ пихты и красныя буки стоятъ, смѣшивая свои разныя цвѣта и перепутывая свои роскошныя вѣтки съ свѣтло и темно-зелеными листьями, однимъ словомъ тамъ, гдѣ солнце посылаетъ только рѣдкіе лучи на землю и гдѣ подъ этой зеленой крышей царствуетъ своеобразная, таинственная темнота, тамъ», говоритъ Гомейеръ, «наша птичка дома». Здѣсь она живетъ преимущественно въ верхушкахъ деревьевъ, и только случайно спускается внизъ. Любимыми жилищами ея бываютъ группы деревьевъ, окруженныя молодымъ подрастающимъ лѣсомъ, такъ какъ въ этихъ густыхъ поросляхъ она находитъ убѣжище въ дурную погоду, а именно при сильномъ вѣтрѣ. Вблизи населенныхъ строеній встрѣчается она только въ видѣ исключенія. Это настоящій житель тихаго лѣса.

Графъ Водзицкій увѣряетъ, что по своему образу жизни лоцманчикъ представляетъ собою переходную ступень между пѣвочками и мухоловками, и что онъ напоминаетъ столь-же однихъ, какъ и другихъ; другіе-же наблюдатели утверждаютъ, что въ этой птичкѣ никакъ нельзя не узнать мухоловки, такъ какъ ея поведеніе въ главныхъ чертахъ то-же самое. «Малая мухоловка», описываетъ Гомейеръ, «проводитъ свое время съ особеннымъ удовольствіемъ на сухихъ сучкахъ, близко подъ зеленой кровлей листьевъ, на высотѣ приблизительно 13—18 м. надъ землею. Она имѣетъ небольшую область распространенія, но въ ней она не знаетъ покоя, какъ можно было-бы ожидать отъ мухоловки. Наша птичка схватываетъ на лету насѣкомое, садится шаговъ на десять отъ этого мѣста на сучекъ, насытитъ свою пѣсенку, потомъ летитъ сейчасъ-же дальше, снимаетъ съ сосѣдняго дерева поззущее насѣкомое, при этомъ, можетъ-быть, спускается не много внизъ, и потомъ опять взлетаетъ подъ зеленую кровлю верхушекъ деревьевъ. Здѣсь она опять поетъ, а затѣмъ сейчасъ-же бросается съ высоты шести метровъ на землю, чтобы посѣтить высиживающую яйца самку, а послѣ этого опять взлетаетъ наверхъ. И такъ продолжается въ теченіи всего дня. Подвижныѣе и прилежныѣе въ пѣніи она бываетъ рано утромъ до 10 часовъ; въ полдень до 3 часовъ она отдыхаетъ; вечеромъ, до заката солнца, она опять начинаетъ ту-же веселую дѣятельность, какъ и утромъ». Призывной крикъ малой мухоловки—громкій свистъ, который похожъ на «фюит» нашей садовой горихвостки, и звукъ этотъ часто прилетаетъ къ пѣвию. Последнее состоитъ изъ одной строфы, которая отличается чистотой звуковъ. Бальдамусъ переводитъ ее слогами «тинк, тинк, тинк» «ей-да ей-да ей-да» и т. д. По Гомейеру, ея пѣніе—веселая, чистая, какъ колокольчикъ, пѣсенка, которая удивляетъ каждаго опытнаго слушателя, восхищаетъ и освѣ-

жаеть его; она больше всего напоминает щелканье пѣночки-трещотки, которую она все-таки превосходитъ разнообразіемъ и звучностью, такъ что, когда обѣ птички живутъ вмѣстѣ, послѣдняя совершенно остается на заднемъ планѣ». Предупредительный крикъ ея протяжное «цирр» или «цее». Птенцы кричатъ «зизир». Впрочемъ обѣ ихъ пѣніи, какъ и о пѣніи многихъ другихъ пѣвуновъ, нельзя сказать почти ничего общаго, потому что отдѣльныя птицы различаются въ этомъ отношеніи другъ отъ друга.

Такъ какъ малая мухоловка прилетаетъ къ намъ поздно и уже довольно рано опять улетаетъ, то время размноженія падаетъ на послѣдніе весенніе мѣсяцы. Гнѣздо находится или въ дуплахъ деревьевъ или въ раздвоеніи вѣтки, часто далеко отъ ствола. Тонкіе корешки, стебельки, зеленый мохъ или сѣрые лишай составляютъ наружную стѣнку; внутренность выложена шерстью и другими волосами животныхъ. Малая мухоловка кладетъ 4—5 яицъ, 16 м.м. длины, 12 м.м. ширины и похожихъ на яйца нашей горихвостки, т. е. покрытыхъ по блѣдно-зеленовато-голубому фону довольно правильными свѣтло-ржавыми пятнышками, болѣе или менѣе расплывшимися и полнившимися. Оба пола высидиваютъ яйца по-очередно, и оба необыкновенно любятъ своихъ дѣтенышей. Во время постройки гнѣзда, самка называется самой дѣятельной, и при высидиваніи—самой усердной; но самецъ все-таки, какъ вѣрный сторожъ, держится постоянно по близости гнѣзда, старается развлечь самку прилежнымъ пѣніемъ и предупреждаетъ какъ ее, такъ въ послѣдствіи и птенцовъ о приближеніи опасности. Скоро послѣ вылета изъ гнѣзда птенцовъ, послѣдніе уводятся родителями въ чащу, и съ того времени поведеніе стариковъ измѣняется: они становятся столь-же тихими и смиренными, какъ были раньше голосисты и жпы. Вѣроятно все семейство уже рано предпринимаетъ свое зимнее путешествіе.

Плѣнные лодманчики очень цѣнятся любителями изъ за своего наряднаго вида, живости и способности приручаться.

Тропическія мухоловки (*Myiagrinae*. *Fligenschnäpper*) составляютъ третье подсемейство, принадлежащее къ экваторіальнымъ странамъ Стараго Свѣта; онѣ отличаются красивымъ тѣлосложеніемъ, сравнительно очень длиннымъ и очень сплюснутымъ клювомъ, широкимъ при основаніи, и съ почти прямой спинкой; кончикъ согнутъ крючкомъ и съ зубцомъ; короткими и слабыми ногами, средней длины крыльями, въ которыхъ четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя; довольно длиннымъ хвостомъ, среднія перья котораго у самцовъ нѣкоторыхъ видовъ имѣютъ опахала значительно удлиненныя; роскошнымъ опереніемъ, которое блеститъ пріятными цвѣтами, и въ области клюва превращается въ щетинки.

Всея сюда принадлежащія птицы отличаются своею дѣятельностью и живостью; нѣкоторыя изъ нихъ оживляютъ лѣса самымъ пріятнымъ образомъ. Онѣ очень подвижны, сидятъ высоко на выдающихся вѣтвяхъ деревьевъ, отсюда высматриваютъ кругомъ насекомыхъ, также ловко летаютъ за ними, ловятъ ихъ, возвращаются тогда на свое мѣсто. Онѣ также лазаютъ по вѣтвямъ за добычей. Голосъ ихъ пріятенъ, несмотря на то, что о настоящемъ пѣніи не можетъ быть и рѣчи.

* *
*

Въ лѣсахъ восточной Африки я часто встрѣчалъ **Вѣрохвостку чернобрюхую** (*Rhipidura melanogastra*, *Terpsiphone melanogastra*, *Muscipeta melanogastra*, *melampyra*, *speciosa*, *ferreti* и *duchailii*. *Tschitrea melanogastra*, *melampyra*, *speciosa*, *senegalensis* и *ferreti*. *Schleppenfliegenschnäpper*. *Rhipidure à ventre noir*). Она столь же красивая, какъ и живыя птицы, въ брачномъ нарядѣ имѣетъ голову, тѣло и зобъ

чернаго цвѣта, съ блестящимъ зеленовато-стальнымъ оттѣнкомъ; верхняя часть тѣла, крылья, а также и хвостъ—бѣлыя; нижняя часть тѣла до бѣлыхъ нижнихъ покровныхъ перьевъ хвоста—сѣро-аспиднаго цвѣта; маховыя перья черныя, а перья предплечья снаружи—бѣлыя. Глаза каріе, клювъ—цвѣта морской воды, ноги—сѣро-голубыя. Въ зимнемъ нарядѣ верхняя часть тѣла съ обоими средними перьями хвоста—каштаново-коричневыя, а остальная часть оперенія такъ-же окрашена, какъ и въ брачномъ нарядѣ. Самка похожа на самца въ зимней одеждѣ, но нижняя часть тѣла темнѣе, чѣмъ у него. Длина 37 см., размахъ крыльевъ 22, длина крыла 9, длина двухъ среднихъ перьевъ хвоста—28, наружныхъ—9 см.

Вѣрохвостка живетъ во всѣхъ лѣсистыхъ тропическихъ странахъ Африки, въ горахъ поднимается до пояса между 2000 и 3000 м.; она не странствуетъ, но въ крайнемъ случаѣ перелетаетъ съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ небольшой области, никогда не покидаетъ лѣса и любитъ селиться по близости воды или въ глубокихъ ущельяхъ. Въ долину Менза мы ее ежедневно видѣли тамъ, гдѣ высокій лѣсъ былъ перемѣшанъ съ обильнымъ кустарникомъ. Здѣсь эта великолѣпная птица живетъ парами; но рядомъ съ бросающимся въ глаза самцомъ не особенно легко примѣтить болѣе скромную самку, потому что несмотря на ихъ великолѣпные цвѣта, каждая изъ этихъ птицъ очень хорошо умѣетъ прятаться въ разноцвѣтной зелени.

По своему образу жизни вѣрохвостка имѣетъ много общаго съ настоящими мухоловками, но также напоминаетъ и дронго. Когда она сидитъ, то играетъ своимъ хохломъ и хвостомъ, которымъ она медленно машетъ туда и сюда. Полетъ ея странный, быстрый и легкій, когда, подобно мухоловкамъ, она преслѣдуетъ насекомое, или прогоняетъ изъ своей области какого-нибудь пролазу того-же вида; напротивъ, медленный и плавный съ перерывами, и, повидимому, тяжелый, когда дѣло просто идетъ о перелетѣ большихъ разстояній. Когда она носитъ свою брачную одежду, то во всякомъ случаѣ представляетъ собою очаровательное явленіе. Въ это время она вполнѣ оживлена, недовѣрчиво оберегаетъ свою настоящую область распространенія, а вѣроятно и область размноженія, и храбро хватается каждую птицу, которая черезъ нея пролетаетъ, принуждая даже ворона покинуть ее. Самцы ревниво и съ необыкновенной жестокостью и упорствомъ преслѣдуютъ другъ друга, иногда цѣлыя четверть часа безъ перерыва. Они гонятся, быстро летая, по верхушкамъ деревьевъ и по самымъ густымъ кустамъ, и бѣлыя перья ихъ хвоста тянутся сзади, какъ великолѣпный шлейфъ, явственно поддерживаемый воздухомъ.

Я долженъ вполнѣ согласиться съ живымъ описаніемъ Свинхое на счетъ одного родственнаго вида, проживающаго въ Китаѣ. Летящая вѣрохвостка представляетъ на самомъ дѣлѣ величественное зрѣлище, когда оба длинныхъ пера, колыхаясь при самомъ тихомъ вѣтеркѣ, то приближаются другъ къ другу, то опять отдаляются, и вообще образуютъ тонкія волнообразныя линіи. Левальянъ, который впервые подробно описалъ жизнь этой птицы, пишетъ, не отдаляясь отъ истины, что видѣлъ иногда 5 или 6 штукъ вмѣстѣ, которыя злобно преслѣдовали другъ друга. Но зато мнѣ кажется невѣроятнымъ его объясненіе, что эти драчливыя птицы главнымъ образомъ цѣлятся въ длинныя перья хвоста своихъ противниковъ и стараются при случаѣ откусить или вырвать ихъ. Я могу увѣрить, что никогда не наблюдалъ ничего подобнаго. Во всякомъ случаѣ можно видѣть вѣрохвостку въ своемъ полномъ нарядѣ только немногіе мѣсяцы или даже недѣли. Нарядныя перья скоро изнашиваются въ вѣтвяхъ, выпадаютъ и замѣняются другими болѣе короткими, но въ теченіи извѣстнаго времени, по моимъ наблюденіямъ, всѣ старые самцы носить свое украшеніе неповрежденнымъ.

ЛИТ. ШТАДЕРЪ И ПАТРИНОТЪ С. В.

РАЙСКІЯ ВЪРОХВОСТКИ.

15

15

Голосъ чернобрюхой вѣрохвостки не имѣеть той грубости, которая слышится въ призывномъ крикѣ другихъ видовъ, но, напротивъ, очень благозвучное и довольно тихое «вют вют», которое сначала какъ-бы сдерживается и къ концу произносится быстрѣе. Я никогда не слышалъ настоящаго пѣнія; Гейглинъ и маркизъ Антинори говорятъ только объ «очень простомъ и слабомъ, но не лишенномъ мелодичности пѣніи», или-же о «незначительномъ голосѣ».

Къ сожалѣнію, я не могъ собрать наблюденій на счетъ размноженія этихъ птицъ. Левальянъ срисовалъ гнѣздо другого родственнаго вида—**Читрека**, но прямо замѣчаетъ, что онъ самъ не видалъ на немъ птицы, а опредѣлилъ ее по показаніямъ своего спутника. Только что упомянутое гнѣздо имѣеть фигуру рога и виситъ между раздвоеніемъ вѣтки мимозы. Его длина, смѣренная по изгибу, имѣеть 20 см., но углубленіе въ діаметрѣ только 6 см. Оно состоитъ изъ тонкихъ мочалистыхъ нитокъ, которыя очень аккуратно сплетены между собой, такъ что наружная сторона похожа на грубую ткань. Углубленіе, которое едва занимаетъ четверть всей постройки, не выложено никакими мягкими веществами. Гейглинъ наблюдалъ въ странѣ Бонго въ іюнѣ мѣсяцѣ оперившихся птенцовъ вѣрохвостки, которые долгое время порхали въ верхушкахъ высокихъ деревьевъ и выкармливались стариками.

Ласточковыя (Hirundinidae. Schwalben. Hirondelles) маленькія, красиво сложенныя, широкогрудыя птички, съ короткой шеей и плоской головой. Клювъ короткій, плоскій, гораздо шире при основаніи, чѣмъ на концѣ, и поэтому почти треугольный, съ немного согнутымъ концомъ надклювія; ротовое отверстіе простирается до глазъ; ноги короткія, слабыя и снабжены маленькими коготками; крылья длинныя, узкія и острыя, кистевая и локтевая части крыла имѣють каждая по девяти маховыхъ перьевъ, между которыми первое превосходитъ длиною все остальные и никогда не отсутствуетъ совершенно; хвостъ всегда раздвоенный, часто очень глубоко; перья короткія, плотно лежація, и на верхней сторонѣ большую часть съ металлическимъ блескомъ. Оба пола мало отличаются между собой въ окраскѣ; птенцы-же, напротивъ, одѣты въ теченіи короткаго времени нѣсколько различно отъ своихъ родителей.

Ласточковыя, изъ числа которыхъ извѣстно приблизительно 120 видовъ, распространены по всемъ странамъ свѣта и по всемъ поясамъ широты и высоты, хотя по ту сторону полярнаго круга встрѣчаются онѣ по одиночкѣ, и едва-ли выводить тамъ птенцовъ. Многія изъ нихъ ищутъ себѣ убожище въ жилищахъ человека, другія поселяются на отвѣсныхъ скалахъ и обрывахъ, нѣкоторыя выбираютъ деревья для постройки гнѣзда. Все виды, гнѣздящіяся въ странахъ, въ которыхъ зима по температурѣ очень разнится отъ лѣта, принадлежать къ перелетнымъ птицамъ, тѣ-же, которыя живутъ въ странахъ, гдѣ зима мало отличается отъ лѣта, въ крайнихъ случаяхъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто въ предѣлахъ извѣстной области. Часто утверждали, и даже основательные естествоиспытатели признавали возможнымъ, что нѣкоторыя ласточки зимуютъ въ холодныхъ странахъ, и притомъ зарывшись въ илъ и впадая въ зимнюю спячку; подобныя утвержденія не имѣють однако никакого основанія. Наши средне-европейскія ласточки улетаютъ во внутреннюю Африку, даже долетаютъ до самыхъ южныхъ ея странъ, и я самъ, въ теченіи моего пятилѣтняго пребыванія на этомъ материкѣ, видѣлъ ихъ летящими на югъ, или возвращающимися на сѣверъ. Я еще могу допустить, что при внезапно наступающемъ холодѣ весною или осенью, нѣкоторыя ласточки могутъ искать убожища въ порахъ, щеляхъ, и затѣмъ, благодаря своей живучести, вновь оживать подъ вліяніемъ тепла;

по о настоящей зимней спячкѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи, несмотря на всѣхъ «достоверныхъ свидѣтелей», отъ Аристотеля до нѣкоторыхъ современныхъ наблюдателей.

Ласточекъ справедливо считаютъ благородными птицами; какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи онѣ хорошо одарены. Полетъ составляетъ преимущественное движеніе ласточекъ; походка ихъ на землѣ очень неловкая, но все-таки гораздо лучше, чѣмъ неуклюжее ползаніе, повидимому, къ нимъ очень близкихъ стрижей. Для отдыха ласточки охотно садятся на деревья, и при этомъ выбираютъ тонкія безлиственные вѣтки и сучки, которые не представляютъ имъ препятствія для прилета и отлета. Всѣ настоящія ласточки причисляются къ пѣвчимъ птицамъ. Пѣніе ихъ—приятное щебетанье, радующее каждаго, и иногда такъ одушевляющее деревенскаго жителя, что онъ подбираетъ слова къ пѣснѣ ласточки, гнѣздящей въ его домѣ. Какъ поселанинъ, такъ чувствуютъ и всѣ остальные люди, которые знакомятся съ пѣсней этой птички, такъ какъ не одинъ звукъ ея голоса, но и ея характеръ и поведеніе приобрѣли ей расположеніе людей. Ласточки не только веселыя, общительныя, уживчивыя, но также умныя и понятливыя птицы; онѣ не только смѣлы, но даже храбры. Онѣ внимательно изучаютъ обитаемую мѣстность, приучаются различать своихъ друзей отъ враговъ, и доверяютъ только тѣмъ, кто достоинъ довѣрія. Ихъ жизнь и привычки плѣняютъ насъ; ихъ довѣрчивость сама обезпечиваетъ имъ защиту и гостепріимство даже у самыхъ грубыхъ людей.

Всѣ ласточки принадлежатъ къ насѣкомояднымъ птицамъ; онѣ преслѣдуютъ и ловятъ преимущественно двукрылыхъ, сѣтчатокрылыхъ и перепончатокрылыхъ, большею частію мухъ и комаровъ, но также маленькихъ жуковъ, и т. п. Охотятся онѣ только на лету и не въ состояніи собирать сидящихъ насѣкомыхъ. Онѣ глотаютъ пойманную добычу, не размельчая ее. Пьютъ онѣ на лету и купаются такъ же, при чемъ, рѣя непосредственно надъ самой поверхностью воды, внезапно опускаются, и, обмочивъ въ воду клювъ или часть тѣла, вновь обесшниваются, потряхивая или подергивая перышками.

Большинство видовъ строятъ искусныя гнѣзда, наружныя стѣнки которыхъ состоятъ изъ комковъ глины, слѣпленныхъ между собою клейкою слюною; другія съ большимъ трудомъ выкапываютъ себѣ отверстія въ твердой почвѣ земляныхъ обрывовъ, расширяютъ ихъ на концѣ въ видѣ пещки, и закладываютъ здѣсь настоящее гнѣздо, состоящее преимущественно изъ сложенныхъ въ безпорядочную кучу перьевъ. Онѣ кладутъ 4—6 яицъ, которые высиживаются одной самкой.

Благодаря своей ловкости на лету, ласточки избѣгаютъ многихъ враговъ, преслѣдующихъ мелкихъ птичекъ. Однако во всѣхъ странахъ свѣта существуютъ соколы, которые умѣютъ ловить самыхъ быстрыхъ ласточекъ, и кромѣ того кошки, куницы, ласки, крысы и мыши нападаютъ на итенцовъ въ гнѣздѣ и еще неловкихъ молодыхъ. Обыкновенно человекъ не причиняетъ вреда этимъ полезнымъ и во многихъ странахъ священнымъ птицамъ, напротивъ, скорѣй защищаетъ ихъ.

Ласточки вовсе не годятся для неволн; правда, что нѣкоторыхъ удастся приучить къ искусственному и имъ непривычному корму и тѣмъ поддержать нѣкоторое время ихъ жизнь, но подобныя исключенія очень рѣдки. Для жизни ласточекъ прежде всего необходима неограниченная свобода.

* *
*

Наша **Деревенская ласточка, Касатка** (*Hirundo rustica, domestica, gutturalis, panayana, javanica, stabulorum, pagorum, fretensis* и *riocourii*, *Cecropis rustica*, *Rauchschwalbe*, *Hirondelle de cheminée*), служить представительницею рода **Каса-**

токъ (*Hirundo*), который характеризуется очень вытянутымъ, но мускулистымъ тѣломъ, короткой шеей, плоской головой съ широкимъ, едва замѣтно загнутымъ клювомъ, довольно длинными ногами съ вполне раздѣленными пальцами, длинными крыльями, за концы которыхъ, когда они въ состояніи покоя, раздвоенный хвостъ сильно выдается. Опереніе рыхлое, на верхней части тѣла съ красивымъ металлическимъ блескомъ. Ея длина 18 см., размахъ крыльевъ 31, длина крыла 12, длина хвоста 9 см. Верхнія части и широкій поясъ на зобу—черно-синіе, съ металлическимъ отливомъ; лобъ и горло ярко-каштановаго цвѣта; остальные нижнія части тѣла свѣтло-ржаво-желтоватаго цвѣта. Пять наружныхъ рулевыхъ перьевъ имѣютъ на внутренней части опахала кругловатыя бѣлыя пятна. У самки всѣ цвѣта блѣднѣе, нежели у самца, а у молодыхъ птицъ съ сильно матовымъ оттѣнкомъ.

Область гнѣздованія деревенской ласточки обнимаетъ всю Европу по сю сторону полярнаго круга, а также западную и Среднюю Азію, а ея область странствованія—сверхъ того и Африку, южную Азію, а также большіе острова въ южномъ полушаріи. Она съ самой глубокой древности добровольно привязалась къ человѣку и пріютилась въ его домъ, и если только человѣкъ это ей дозволяетъ, она селится и во дворцѣ, и въ хижинѣ; только тамъ, гдѣ подлежащія помѣщенія отсутствуютъ, она довольствуется подходящими выступами на крутыхъ скалахъ, которые, впрочемъ, она во всякое время готова смѣнить на первый прочно стоящій домъ, даже построенный въ пустынь. Она пробуетъ даже пріютиться на подвижныхъ юртахъ кочевниковъ. Ея привязанность къ человѣческимъ жилищамъ приобрѣла ей нашу любовь, а ея ежегодныя странствования въ сѣверныхъ странахъ издревле пріучили народъ считать прилетъ ея предвѣстникомъ радостной весны, а отлетъ—началомъ скудной осени.

Деревенская ласточка прилетаетъ въ среднюю Германію среднимъ числомъ между 1-мъ и 15-мъ апрѣля, въ исключительныхъ случаяхъ раньше, рѣдко позже, и остается на своей родинѣ до конца сентября или начала октября, не считая, конечно, оставшихъ. Во время отлета ее можно видѣть по всей Африкѣ. Она долетаетъ до Мыса Добрая Надежды, и является зимнимъ гостемъ во всѣхъ долинахъ Индіи, на Цейлонѣ и на Зондскихъ островахъ. Во время ея путешествія она перелетаетъ, не останавливаясь для отдыха, мѣстности, въ которыхъ изъ году въ годъ живутъ родственныя ей ласточки и въ которыхъ, значить, она могла-бы найти все ей необходимое для пропитанія. Такъ, я видѣлъ ея появленіе уже 13-го сентября въ южной Пубин, и наблюдалъ ее также на возвратномъ пути, за нѣсколько дней до ея обычнаго появленія у насъ, въ Хартумѣ, при слияніи Бѣлаго и Голубого Нила, между 15 и 16 градусами сѣверной широты. Очень рѣдко случается видѣть деревенскую ласточку во внутренней Африкѣ въ разгарѣ лѣта, и также рѣдко встрѣчается она зимой въ Египтѣ или въ какомъ-либо сѣверномъ пунктѣ этой части свѣта. Тотчасъ послѣ своего возвращенія на родину, она появляется у своего стараго гнѣзда, или начинатъ строить новое. Такимъ образомъ начинается лѣтняя жизнь ласточки, со всѣми ея радостями и заботами. Слезообильный нѣмецкій поэтъ Гердесзонъ, говоря о далекой родинѣ этой птицы, доказываетъ только невѣрное пониманіе ея образа жизни, ибо ни одна ласточка не летитъ «домой», оставляя насъ; напротивъ, улетаетъ она въ безотрадную чужбину только по необходимости. Ни одна изъ нихъ не поетъ, не радуется, не любитъ и не выводитъ птенцовъ внѣ родины.

Деревенская ласточка, какъ прекрасно описываетъ Паумацъ, чрезвычайно живая, смѣлая, рѣзвая птичка, всегда очень нарядная и веселый характеръ которой нарушается только очень дурной погодой и наступающимъ вслѣдствіе этого не-

достаткомъ пищи. «Несмотря на кажущуюся нѣжность и миниатюрность, она выказываетъ все-таки въ нѣкоторыхъ своихъ дѣйствіяхъ много энергіи: ея полетъ и поведеніе во время его, подразниванія другихъ ласточекъ и храбрость, съ которой она преслѣдуетъ хищныхъ птицъ и звѣрей, доказываютъ это. Она летаетъ быстрее, разнообразнѣе и ловче всѣхъ нашихъ ласточекъ. Она паритъ и носится, устремляясь впередъ, или летитъ принахивая, бросается съ быстротой молніи то въ бокъ, то

Деревенская ласточка. *Hirundo rustica*. Городская ласточка. *Chelidonaria urbana*. 1/2 наст. вел.

вверхъ, то внизъ, вдругъ падаетъ, описывая короткую дугу, почти до земли или до зеркальной поверхности воды, и поднимается такимъ-же образомъ до значительной высоты; все это выдѣлываетъ она съ такою ловкостью, что приводитъ рѣшительно въ изумленіе. Она можетъ даже перевертываться на лету. Она съ большимъ искусствомъ пролетаетъ сквозь узкія отверстія, не задѣвая стѣнокъ, и умѣетъ на лету купаться, для чего и носится надъ самой поверхностью воды, быстро окунается, остается мгновеніе въ водѣ и, отряхиваясь, летитъ дальше. Такое купанье, прерывающее едва на нѣсколько мгновеній ея полетъ, она повторяетъ нѣсколько разъ, и ванна окончена».

Для отдыха она выбираетъ выдающіеся пункты, удобные для прилета и отлета. Здѣсь она грѣется на солнцѣ, приводитъ въ порядокъ свои перышки и поетъ. «Ея видъ при этомъ всегда стройный и веселый, почти хитрый. Тѣло она держитъ всегда въ горизонтальномъ положеніи, нерѣдко поворачиваетъ грудь то въ одну, то въ другую сторону, и въ веселомъ настроеніи, съ щебетаніемъ и пѣніемъ хлопаетъ крыльями, или-же вытягиваетъ и расправляетъ свои члены». На ровную землю она садится неохотно, и большею частью только затѣмъ, чтобы поднять матерьялъ для постройки гнѣзда, или во время ея первой молодости. Ея ножки вовсе не устроены для сидѣнія на землѣ, и еще меньше для хожденія по ней. Когда она дѣлаетъ то или другое, она кажется «больной и безпомощной, и вовсе не похожа на ту ловкую птичку, какой она намъ кажется во время ея безстрашнаго и неутомимаго полета».

Нѣжное «витт», которое нерѣдко продолжается въ «виде витт», выражаетъ довольное настроеніе ласточки, или употребляется какъ призывной крикъ; предостереженіе или боевой крикъ выражается звонкимъ и громкимъ «бивист»; приближеніе грозной опасности указывается словами «девилик». При смертельномъ-же страхѣ слышится издаваемый ею дрожащій звукъ «цет». Пѣніе, которымъ самецъ очень прилежно занимается, не отличается ни благозвучіемъ отдѣльныхъ тоновъ, ни разнообразіемъ, имѣетъ однако что-то пріятное и привлекательное, чему тоже способствуютъ время года, дѣя и другія обстоятельства. «Едва», продолжаетъ Науманъ, «на востокѣ появляется первая сѣрая полоска, предвѣщающая день, какъ уже слышны первые звуки пѣнія пробуждающагося отъ ночного отдыха самца деревенской ласточки. Все пернатое населеніе двора еще погружено въ глубокій сонъ, никто изъ нихъ не издаетъ ни малѣйшаго звука, всюду царствуетъ глубокая тишина, и всѣ предметы покрыты еще сѣроватымъ полумракомъ. Тогда самецъ ласточки начинаетъ то здѣсь, то тамъ щебетать свой «вирбъ вербъ» сначала нетвердо, какъ-бы заикаясь, прерывая себя частыми паузами, а потомъ мало-по-малу возникаетъ связная пѣсенка. Онъ ее повторяетъ нѣсколько разъ, сидя на одномъ мѣстѣ, пока онъ наконецъ не взойдется, и съ веселымъ пѣніемъ не полетитъ по двору. Но пока дѣло доходитъ до этого, проходитъ четверть часа, и тогда просыпаются и остальные спавшія птицы. Малиновка начинаетъ съ крыши щебетать свою утреннюю пѣсенку, слышны и воробьи, воркуютъ голуби, и всѣ птицы скоро просыпаются для новой жизни. Тотъ, кому приходилось часто любоваться прекраснымъ лѣтнимъ утромъ на деревенскомъ дворѣ, долженъ будетъ согласиться, что эта ласточка съ ея, хоть и незатѣйливой, но веселой и бодрящей пѣсенкой, много придаетъ прелести сельской природѣ». Самую пѣсню свою она начинаетъ звуками «вирбъ вербъ виде вит», потомъ переходитъ въ долгое чирканье и кончаетъ слогами «вид вейд вонде церр». Шародъ переложилъ эту пѣсню на слова, и одинъ изъ лучшихъ германскихъ поэтовъ прославилъ этотъ народный лепетъ въ прелестномъ стихотвореніи. Кто не знаетъ «Пѣсни Ласточки» Рюккерта? «Aus der Jugendzeit, aus der Jugendzeit, klingt ein Lied mir immerdar и т. д.», въ которой нижеслѣдующая строфа сочинена самимъ народомъ, какъ звукоподражаніе ласточкиной пѣсенки: «Als ich Abschied nahm, als ich Abschied nahm, war'n Kisten und Kasten schwer, als ich wieder kam, als ich wieder kam, war alles leer». (Отъ дней юности, отъ дней юности, звучитъ пѣсенка мнѣ всегда и т. д. Какъ прощался я, какъ прощался я, были ящики и лари полны, какъ вернулся я, какъ вернулся я, были всѣ пусты.)

Между чувствами ласточки первое мѣсто занимаетъ зрѣніе. На довольно большомъ разстояніи она видитъ маленькое насѣкомое, когда оно летитъ и преслѣдуетъ его, руководясь только зрѣніемъ. Слухъ у нея тоже хорошо развитъ, и ко-

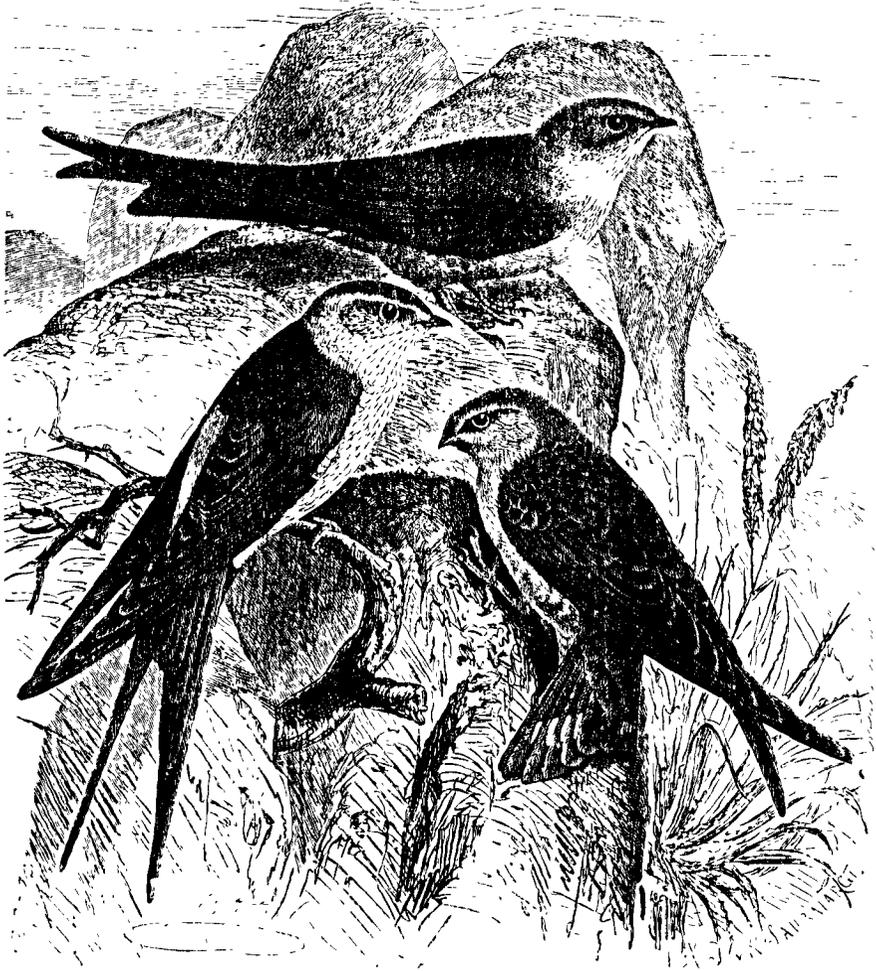
нечно ей нельзя отказать и въ осязаніи, въ смыслѣ способности ощущать. Относительно-же обонянія и вкуса мы не имѣемъ никакихъ данныхъ. Ея умственные способности, можетъ-быть, часто преувеличиваютъ. Это объясняется тѣмъ, что у нея на самомъ дѣлѣ наблюдается обдуманность и понятливость. Она вѣрно оцѣниваетъ обстоятельства и отношенія явленій, ясно отличаетъ друга отъ врага, миловидно дразнить опасныхъ для нея животныхъ, и дружелюбно живетъ съ тѣми, которыхъ по опыту признаетъ за безвредныхъ. Она съ усердіемъ старается помочь какому-бы то ни было образомъ другимъ смирнымъ животнымъ, предостерегая ихъ или смѣло разслѣдуя опасности, а равно представляетъ и другія доказательства своей понятливости.

Различные мелкіе виды насѣкомыхъ, преимущественно двукрылыя и сѣтчатокрылыя, а также бабочки и жуки составляютъ пищу этой ласточки. Пчель съ ядовитымъ жаломъ она не ѣсть. Она охотится только на лету и оказывается неспособной ловить сидячую добычу. Поэтому она находится въ большой нуждѣ въ случаѣ продолжительнаго и упорнаго ненастья, которое заставляетъ насѣкомыхъ скрываться въ свои убожища; она тогда робко старается, летая очень близко отъ крѣпко сидящихъ насѣкомыхъ, спугнуть ихъ и заставить полетѣть. Смотря по погодѣ и времени дня, она охотится или въ высшихъ или въ низшихъ слояхъ воздуха, вслѣдствіе чего она и сдѣлалась народнымъ предвѣстникомъ погоды. Хорошая погода доставляетъ ей богатую добычу и увеличиваетъ ея бодрость, дурная погода, напротивъ, заставляетъ ее голодать и дѣлаетъ ее тихой и грустной. Вслѣдствіе своей чрезвычайной подвижности она нуждается въ несоразмѣрно большомъ количествѣ пищи, и ѣсть все время, пока летаетъ. Все съѣденное она перевариваетъ быстро, а непереваримыя частицы съѣденнаго, напримѣръ, надкрылья, щитки и ноги насѣкомыхъ, выкидываетъ въ видѣ погадокъ.

По положенію и постройкѣ гнѣзда, деревенская ласточка отличается отъ другихъ родственныхъ видовъ. Когда это только возможно, она строитъ гнѣздо внутри зданія, такъ что оно сверху защищено далеко выдающеюся крышей. Перекладина на крышѣ скотнаго двора или сѣни крестьянской избы, чердакъ, куда не заходитъ метла служанки, или всякое другое мѣсто, удовлетворяющее скорѣе вкусу художника, нежели чувству чистоплотности хозяйки, однимъ словомъ обветшалые, развалившіеся, болѣе или менѣе грязные, защищенные отъ сквознаго вѣтра и непогоды углы—вотъ мѣста, выбираемыя ласточкой для постройки гнѣзда. Можетъ случиться, что въ подобныхъ мѣстахъ поселяются цѣлыя компаніи. Самое гнѣздо прикрѣпится на балкѣ или преимущественно на неровностяхъ стѣны или на мѣстахъ, задѣланныхъ выступающими планками и затычками. Гнѣздо походитъ на четвертушку пустого шара; стѣнки его утолщаются близъ мѣста прикрѣпленія, а въ общемъ горизонтальный край гнѣзда тоже у стѣны по большей части нѣсколько приподымается; его ширина приблизительно 20 см., глубина 10 см. Матерьялами для постройки служатъ глинистая или по крайней мѣрѣ жирная земля, собранная въ комочки, покрытые слюною и осторожно склеенные. Ласточки рѣдко употребляютъ другіе матерьялы; впрочемъ, я получилъ гнѣздо, которое исключительно состояло изъ размельченнаго костяного угля, склееннаго обычнымъ образомъ. Тонкіе стебельки и волоса, влетенные въ стѣнки гнѣзда, служатъ для упроченія постройки; главнымъ-же цементомъ является слюна. Въ хорошую погоду пара ласточекъ оканчиваетъ постройку стѣнъ гнѣзда въ теченіи 8 дней; затѣмъ внутренность его выстилается тонкими стебельками, волосами, перьями и т. п. мягкими веществами, и вотъ колыбель для птенцовъ готова. Гнѣздо ласточекъ, построенное въ защищенномъ мѣстѣ, служитъ долгіе и долгіе годы, и можетъ служить не только своимъ строителямъ, но даже и послѣдую-

щимъ поколѣніямъ. Кое-какіе недостатки тщательно исправляются парочкой до начала высиживанія; внутренняя выстилка аккуратно каждый разъ возобновляется, въ остальномъ-же постройка не измѣняется во все время ея существованія.

Въ маѣ самка кладетъ отъ 4—6 нѣжныхъ яичекъ, 20 м.м. длины и 14 м.м. ширины, съ тонкой скорлупкой, покрытыхъ по чисто-бѣлому фону пепельными и красно-бурыми пятнышками; высиживаетъ ихъ она безъ помощи самца, и

Греческая ласточка. *Hirundo rufula*. Каменная ласточка. *Clivicola rupestris*. $\frac{1}{2}$, наст. вел.

при хорошей погодѣ черезъ 12 дней выводить птенцовъ. При дурной, особенно холодной и дождливой погодѣ, она должна покидать яйца на нѣсколько часовъ, чтобы достать себѣ необходимую пищу, и тогда можетъ случиться, что птенцы выводятся только послѣ 17-ти дней. Вначалѣ уродливые, ширококрытые птенцы прилежно выкармливаются обоими родителями, растутъ быстро при благоприятныхъ условіяхъ, скоро начинаютъ выглядывать черезъ край гнѣзда, и если все идетъ удачно, уже на третьей недѣлѣ своей жизни виѣ яйца могутъ слѣдовать за родителями на свободу. Затѣмъ родители кормятъ ихъ еще нѣкоторое время, и вначалѣ, каждый вечеръ

приводятъ ихъ обратно въ гнѣздо; позже-же уютно пристраиваютъ ихъ для отдыха на открытомъ воздухѣ, и наконецъ предоставляютъ ихъ своей судьбѣ.

Потомъ, большею частью въ первыхъ дняхъ августа, старики гнѣздятся снова. Въ иные года этотъ второй выводокъ такъ запаздываетъ, что старые и молодые подвергаются опасности; въ сѣверныхъ странахъ родители иногда дѣйствительно покидаютъ своихъ птенцовъ. При болѣе же благоприятныхъ обстоятельствахъ дѣтеныши послѣдняго выводка уже давнымъ давно оперились, когда наступающая осень напоминаетъ о зимнемъ странствованіи. Тогда они собираются въ сопровожденіи своихъ родителей съ другими семьями того-же вида, а также съ трясогозками и скворцами, въ заросляхъ тростника около прудовъ и озеръ, и отдыхаютъ здѣсь, пока не придетъ та ночь, которая унесетъ отъ насъ нашихъ милыхъ гостей. Въ какой-нибудь вечеръ, вскорѣ послѣ заката солнца, безчисленная стая ласточекъ, которую въ послѣобѣденные часы мы, можетъ быть, видѣли на высокой крышѣ церкви, поднимается по сигналу, данному нѣсколькими стариками, улетаетъ, и нѣсколько минутъ спустя исчезаетъ изъ глазъ.

Несмотря на ея ловкость и привязанность къ человѣку, ласточкѣ угрожаютъ многія опасности; въ германской деревнѣ самымъ опаснымъ изъ естественныхъ враговъ ласточекъ является чеглокъ. Въ южной-же Азій и средней Африкѣ его роль исполняютъ другіе его родичи. Молодыхъ ласточекъ преслѣдуютъ всѣ животныя, живущія въ домахъ, а больше всего крысы и мыши. Къ этимъ врагамъ присоединяется иногда и человѣкъ. Въ Италіи и Испаніи ежегодно сотни тысячъ ласточекъ убиваются негодными охотниками, хотя испанская пословица и говоритъ, что кто убиваетъ ласточку, тотъ убиваетъ свою мать.

Очень рѣдко случается видѣть деревенскую ласточку въ неволѣ; конечно возможно выдержать ее нѣсколько лѣтъ въ клеткѣ, но она требуетъ чрезвычайныхъ заботъ относительно ухода за ней и очень слабо вознаграждаетъ за всѣ потраченные труды.

На юго-востокѣ Европы къ деревенской ласточкѣ присоединяется принадлежащая къ тому-же роду и одинаковой съ нею величины **Греческая ласточка** (*Hirundo rufula*, *alpestris*, *daurica* и *capensis*, *Cecropis rufula* и *capensis*, *Lillia rufula*. Rötelschwalbe. Hirondelle roussâtre). Верхняя часть головы, задняя часть шеи, передняя часть спины, плечи и самыя длинныя верхнее и нижнее покровныя перья хвоста—темнаго стального сине-чернаго цвѣта; узкая полоска бровей, виски, широкая полоса на затылкѣ и надхвостье—темно-буро-красныя; стороны головы и шеи, нижнія части тѣла, переднія верхнія покровныя перья хвоста—ржаво-красновато-желтыя; горло и зобъ имѣютъ въ длину узкія черныя полоски; крылья и хвостъ одноцвѣтно-блестяще-черныя. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги рогового бурого цвѣта.

Греція и Малая Азія служатъ, повидимому, предѣльнымъ пунктомъ области распространенія греческой ласточки. Въ Италіи, гдѣ она также аккуратно встрѣчается, появляется она гораздо рѣже, а въ остальной южной Европѣ только въ качествѣ гостя; въ Германію она также иногда залетаетъ. Кромѣ Греціи и Малой Азій она также живетъ въ Персіи и на Кавказѣ; въ своемъ зимнемъ путешествіи она пролетаетъ сѣверо-восточную Африку. Въ Средней Азій она замѣняется родственнымъ видомъ.

Образъ жизни, нравъ и поведеніе, обычаи и привычки, физическія и нравственныя способности греческой ласточки соответствуютъ почти во всѣхъ отношеніяхъ описанію деревенской ласточки. Но греческая ласточка до сихъ поръ только въ исклю-

чительныхъ случаяхъ рѣшается смѣнить свои избранныя для гнѣзда мѣста на человѣческія жилища, и большею частью строить свое гнѣздо по старому, въ отверстіяхъ скаль. Вълѣдствіе этого она исключительно населяетъ тѣ страны, гдѣ крутыя стѣны обрывовъ представляютъ ей удобное мѣсто для жительства, и притомъ населяетъ скорѣе нижніе, чѣмъ верхніе уступы горъ. Греческая ласточка также перелетная птица, которая появляется въ Греціи приблизительно въ то-же время, какъ и деревенская ласточка, а именно въ первыхъ числахъ апрѣля, или въ послѣднихъ числахъ марта, и покидаетъ эту страну въ августѣ и сентябрѣ. Непосредственно послѣ ея прилета, она отправляется въ мѣста своего гнѣздованія и въ первыхъ дняхъ мая кладетъ уже 4—6 толстыхъ, чисто бѣлыхъ яицъ, имѣющихъ 20 м.м. длины и 15 м.м. ширины. Гнѣздо виситъ на потолкѣ подходящихъ пещеръ, и выстраивается изъ тѣхъ-же матерьяловъ, какъ и гнѣздо домовой или городской ласточекъ, но замѣтно больше того и другого, почти шарообразное, совсѣмъ закрытое, снабженное длиннымъ, часто загнутымъ входнымъ каналомъ, и внутри густо-выложенное перьями. Когда это сколько-нибудь возможно, эта ласточка также образуетъ колоніи.

* *

Второй родъ ласточковыхъ, **Воронки** (*Chelidonaria*), характеризуются слѣдующими признаками: сравнительно короткій, и поэтому кажущійся очень широкимъ клювъ, съ круто согнутой спинкой; относительно сильныя ноги, наружныя и средніе пальцы которыхъ соединены между собой до перваго сустава и покрыты, какъ и плюсна, перьями; крылья съ сильными маховыми перьями; хвостъ короткій, слабо выемчатый; опереніе гладкое, плотно прилегающее. Къ этому роду принадлежить такъ часто всюду встрѣчаемая въ средней Германіи **Городская ласточка**, **Воронокъ**, **Огранокъ**, **Стрижекъ**, (*Chelidonaria urbica*, *Chelidon urbica*, *fenestrarum*, *rupestris* и *minor*, *Hirundo urbica*. *Mehlschwalbe*. *Hirondelle de fenêtre*). Ея длина 14 см., размахъ крыльевъ 27, длина крыла 10, длина хвоста 7 см. Опереніе на верхней части тѣла—сине-черное, на нижней и на надхвостьѣ—бѣлое. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги—тѣлеснаго цвѣта тамъ, гдѣ онѣ лишены перьевъ. У птенцовъ—черный цвѣтъ на верхней части тѣла—болѣе матовый, а бѣлый на горлѣ—не такъ чистъ, какъ у старыхъ.

Отечествомъ городской ласточки являются почти тѣ-же мѣста, какъ и деревенской, но первая распространяется нѣсколько дальше къ сѣверу. Въ Германіи она, повидимому, предпочитаетъ города и строить здѣсь свои гнѣзда на большихъ и старыхъ зданіяхъ. Кромѣ Европы она населяетъ еще въ томъ-же количествѣ бѣольшую часть Сибири. Изъ своей родины она улетаетъ съ одной стороны во внутреннюю Африку, съ другой-же въ южную Азію, чтобы тамъ провести зиму. Въ Европу, а именно на югъ, она прилетаетъ нѣсколькими днями позже деревенской ласточки, но зато остается дольше; мы видѣли ее еще 2 ноября, летавшею надъ Альгамброй. Все-таки-же ее замѣчаютъ во время перелета въ Африку въ обществѣ ея родичей. Весной она прилетаетъ въ одиночку: передъ осеннимъ путешествіемъ она собирается въ большія общества, которыя иногда вырастаютъ въ неисчислимыя стаи, толпящіяся на крышахъ высокихъ зданій, и пускающіяся въ путь обыкновенно послѣ заката солнца. Во время этого путешествія, она, вѣроятно, отдыхаетъ и въ лѣсу на деревьяхъ.

По своему нраву городская ласточка имѣетъ большое сходство съ деревенской, но при тщательномъ наблюденіи она все-таки очень легко отличается отъ послѣдней. «Она кажется серьезнѣе, разсудительнѣе и глупѣе деревенской ласточки», говоритъ Науманъ, «не такъ доврчива, но не пуглива, летаетъ не такъ

быстро, но все-таки довольно скоро, больше и чаще парить, чѣмъ деревенская, и большую часть летаетъ выше. Полетъ городской ласточки мягкій, не чрезмѣрно быстрый и перемѣнчивый, но все-таки съ очень разнообразными поворотами и изгибами то вверхъ, то внизъ». При пасмурной погодѣ она часто взлетаетъ на необыкновенную высоту и охотится, какъ и стрижи, въ этихъ слояхъ воздуха за добычей. Она общительнѣе своихъ родичей, но все-таки соединяется только съ другими ласточками своего вида. Она живетъ дружно съ деревенскими ласточками, и при общей опасности, или во время странствованія соединяется съ ними въ одну стаю; но обыкновенно каждый видъ живетъ отдѣльно для себя, не показывая особаго расположенія къ другому. Но внутри самого общества, миръ нарушается очень часто, и въ особенности около гнѣзда происходитъ много ссоръ и раздоровъ, не только съ другими, нуждающимися въ гнѣздахъ ласточками, но даже и съ воробьями, которые очень часто завладѣваютъ гнѣздами именно этой ласточки. Голосъ городской ласточки легко отличается отъ голоса деревенской. Призывной крикъ звучитъ какъ «шер» или «скрю», страхъ выражается двусложнымъ «скир». Пѣніе, какъ говоритъ Науманъ, состоитъ изъ «длинныхъ, монотонныхъ, постоянно повторяющихся переливовъ и совѣмъ не особенно пріятныхъ тоновъ. Оно принадлежитъ къ самымъ плохимъ птичьимъ напѣвамъ.»

Относительно пищи городской ласточки можно сказать почти то-же самое, что и про деревенскую; впрочемъ, намъ извѣстно только очень небольшое количество насѣкомыхъ, преслѣдуемыхъ ею; тѣ виды, которые она ловитъ, повидимому, въ значительномъ числѣ, охотясь въ высокихъ слояхъ воздуха, намъ совершенно неизвѣстны. Городская ласточка точно также не ловитъ насѣкомыхъ съ жаломъ, какъ и деревенская; ядовитое жало было бы для нея смертельнымъ. «Я поднесъ однажды», говоритъ Науманъ, «одной бодрой, уже летающей и очень голодной молодой ласточкѣ этого вида живую пчелу; но едва только ласточка успѣла схватить ее, какъ уже была ужалена въ горло, отбросила отъ себя пчелу, сдѣлалась печальною, и менѣе чѣмъ черезъ двѣ минуты испустила духъ».

Въ средней Германіи городская ласточка гнѣздится почти исключительно въ зданіяхъ городовъ и деревень; въ менѣе населенныхъ странахъ она поселяется на обрывахъ скалъ, что я самъ видѣлъ въ Испаніи и на мѣловыхъ скалахъ острова Рюгена, и что, по словамъ Шинца, часто случается на удобныхъ скалахъ Швейцарскихъ Альповъ. Она выбираетъ себѣ во всякомъ случаѣ мѣсто, защищенное сверху, такъ чтобы дождь не могъ попадать въ гнѣздо, и слѣдовательно чаще всего фризмы подъ карнизами и колоннами, углубленія оконъ и дверей, выступы крышъ, навѣсы, и т. п. мѣста. Иногда она поселяется въ углубленіи на стѣнѣ и залѣпляетъ входъ, оставляя одно летное отверстіе. Гнѣздо ея отличается отъ гнѣзда деревенской ласточки тѣмъ, что оно застраивается со всѣхъ сторонъ, кромѣ летнаго отверстія, а не открыто сверху, какъ у послѣдней. Форма полушара преобладаетъ; но гнѣздо очень измѣняется, смотря по мѣсту и обстоятельствамъ. Постройка гнѣзда совершается съ большимъ усердіемъ, но это длинная работа, и рѣдко кончается раньше 12—14 дней; обыкновенно гнѣзда строятся въ большомъ числѣ и близко другъ отъ друга.

Парочка употребляетъ однажды выстроенное гнѣздо не только для двухъ высиживаній, имѣющихъ мѣсто обыкновенно въ теченіи одного лѣта, но и въ послѣдующіе года, и каждый разъ вычищаетъ его отъ грязи и приноситъ въ него новую подстилку; поврежденные мѣста очень ловко починяются, и на дырявое дно кладутся даже заплаты. Самка кладетъ 4—6 совершенно бѣлыхъ яицъ, съ тонкой скорлупой, имѣющихъ 18 м.м. длины, 13 м.м. ширины, и высиживаемыхъ въ теченіи 12—13 дней одной самкой. Самецъ въ хорошую погоду обильно кормитъ свою самку; на-

противъ, при дурной погодѣ послѣдняя принуждена, время отъ времени, оставлять яйца, и тогда высиживаніе продолжается дольше. Ростъ птенцовъ также зависитъ въ значительной степени отъ погоды. Въ сухое лѣто родителямъ нетрудно доставлять нужное количество насѣкомыхъ для прокормленія, тогда какъ въ неблагоприятныя годы нерѣдко наступать тяжелая нужда и голоданье. Въ случаѣ рано наступающей холодной осени, случается, что родители оставляютъ своихъ птенцовъ умирать съ голоду, и должны безъ нихъ предпринимать свое зимнее путешествіе. Мальмъ находилъ въ Швеціи гнѣзда, въ которыхъ полувзрослые птенцы лежали мертвые въ томъ-же порядкѣ, какой они занимали тамъ при жизни. При благоприятныхъ обстоятельствахъ птенцы покидаютъ гнѣздо приблизительно послѣ 16 дней, и упражняютъ, подъ надзоромъ родителей, свои члены до тѣхъ поръ, пока не станутъ настолько сильны и ловки, чтобы самимъ заботиться о своемъ пропитаніи. Сначала они каждый вечеръ возвращаются еще назадъ въ гнѣздо, которое до этихъ поръ и родителямъ служило для ночного отдыха. «Отецъ, мать и птенцы», рассказываетъ Науманъ, «тѣсняются тамъ все вмѣстѣ, часто 7—8 штукъ въ одномъ гнѣздѣ, и тутъ каждый вечеръ происходитъ такая давка, что проходитъ долгое время, пока они не улягутся въ порядкѣ; часто приходится дивиться, какимъ образомъ гнѣздо выдерживаетъ всю эту возню, не ломаясь и не обрываясь со своего мѣста. Споры часто дѣлаются очень серьезными, когда молодыя птицы, какъ часто случается въ большихъ колоніяхъ, попадаютъ въ чужое гнѣздо, откуда ихъ выталкиваютъ и выкидываютъ высиживающіе родители или молодыя, храбро защищающіе свою законную собственность.

Злѣйшіе враги городской ласточки—дербникъ и чеглокъ. Гнѣзда разоряются совами и сычами, иногда также и ласками, крысами и мышами. Старыхъ и молодыхъ птицъ мучатъ разные паразиты; отъ другихъ-же враговъ онѣ спасаются своей ловкостью. Еще только съ одной птицей приходится имъ выдерживать упорныя битвы, а именно съ воробьемъ, и эти битвы часто ведутся на жизнь и смерть. «Обыкновенно», говоритъ Науманъ, «какъ только ласточки отстроятъ свое гнѣздо, воробьиный самецъ тотчасъ-же овладѣваетъ имъ, безъ церемоніи залѣзаетъ въ гнѣздо и затѣмъ дерзко выглядываетъ изъ летнаго отверстія, между тѣмъ какъ ласточки, соединившись со своими сосѣдками, ничего не могутъ сдѣлать противъ подобнаго насилія, только летаютъ съ боязливыми криками вокругъ гнѣзда и угрожаютъ клювомъ, но не смѣютъ на самомъ дѣлѣ задѣть пролазу. При такихъ обстоятельствахъ часто проходитъ нѣсколько дней; наконецъ ласточка покидаетъ гнѣздо, предоставляя его въ спокойное владѣніе воробью, который тогда скоро устраиваетъ его по своему, а именно выстилаетъ его многими мягкими веществами, такъ что всякій разъ изъ летнаго отверстія висятъ длинныя нитки и стебельки, указывающіе на окончательно совершившуюся перемѣну владѣльцевъ.

«Такъ какъ воробьи охотно селятся въ такихъ гнѣздахъ, то подобныя похищенія очень часто мѣшаютъ ласточкамъ выводить птенцовъ, и парочка, съ которою подобное несчастье случается даже два раза въ лѣто, должна вовсе воздержаться отъ высиживанія. Я видѣлъ даже одинъ разъ, какъ старый воробьиный самецъ забрался въ гнѣздо, гдѣ сидѣли уже молодые птенцы, напалъ на нихъ, пробилъ имъ, одному за другимъ, головы, повыкидалъ ихъ изъ гнѣзда, и затѣмъ вступилъ во владѣніе, причѣмъ этотъ разбойникъ сильно нахохлился и, какъ это обыкновенно случается, постарался заявить о своемъ подвигѣ продолжительнымъ и громкимъ чириканіемъ. Полные воробьи также охотно селятся въ гнѣздахъ ласточекъ, если это возможно. Разказы о томъ, будто ласточки изъ мести замуровываютъ воробья—глупая сказка. Онъ, конечно, безъ труда можетъ освободиться. Ихъ единственное средство защиты состоитъ въ томъ, что онѣ дѣлаютъ летное

отверстіе до того узкимъ, что сами едва могутъ протиснуться; тогда входъ уже совершенно невозможенъ для болѣе толстаго воробья, и гнѣзда, выстроенныя такимъ образомъ, защищены отъ его нападеній».

Въ Германіи городская ласточка также пользуется всеобщимъ уваженіемъ, но въ Италіи и Испаніи, напротивъ, мальчишкамъ доставляетъ удовольствіе ловить ее на тонкую удочку, нажививъ ее перышкомъ. Ласточка старается поднять это перо для своего гнѣзда, попадаетъ на крючокъ, и затѣмъ самымъ ужаснымъ образомъ замучивается негодными сорванцами.

* * *

Земляныя ласточки (*Clivicola. Erdschwalben*) отличаются сравнительно длиннымъ, очень тонкимъ, плоскимъ, сильно сжатымъ съ боковъ клювомъ, съ ноздрями, лежащими свободно внѣ оперенія лба, маленькими и тонкими ногами съ плюсной, сжатой съ боковъ, и слабыми пальцами, изъ которыхъ средній и наружный соединены между собой, длинными и острыми крыльями, не сильно раздвоеннымъ хвостомъ, и рыхлымъ, не бросающимся въ глаза по окраскѣ, опереніемъ.

Германія и вообще Европа имѣютъ два вида этого рода, на которыхъ по образу жизни походятъ всѣ остальные извѣстные виды.

Горный стрижекъ (*Clivicola rupestris, Cotyle rupestris, Hirundo rupestris, montana, rupicola* и *inornata, Chelidon* и *Biblis rupestris. Felsenschwalbe. Hirondelle de roche*) самый большой изъ всѣхъ видовъ, которые встрѣчаются въ средней Европѣ. Его длина 15 см., размахъ крыльевъ 35, длина крыла 14, длина хвоста 6 см. Всѣ верхнія части тѣла — матоваго землисто-коричневаго цвѣта; маховыя перья и покровныя перья хвоста—черноватыя; послѣднія, за исключеніемъ среднихъ и наружныхъ перьевъ, покрыты красивыми желтовато-бѣлыми овальными пятнышками; подбородокъ и горло, зобъ и верхняя часть груди—грязнаго буровато-бѣлаго цвѣта, съ тонкими, черными, продольными полосками; остальныя нижнія части тѣла землисто-бурого цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ черный, ноги красновато-роговаго цвѣта. Самецъ и самка едва отличаются величиной; птенцы-же еще болѣе однообразно оперены.

Хотя въ Германіи горный стрижекъ неоднократно наблюдался, и въ извѣстныхъ ущельяхъ Тирольскихъ и Штирійскихъ Альповъ онъ достоверно является гнѣздящейся птицей, его настоящая родина все-таки югъ нашего материка: Испанія, Греція и Италія. Кромѣ того онъ населяетъ сѣверо-западную Африку, Среднюю Азію на востокъ до Китая, Персіи и Индіи. Это удивительно выносливая птица, и показывается въ сѣверныхъ частяхъ своей области распространенія очень рано, уже въ февралѣ или же въ началѣ марта, и остается тутъ до поздней осени; изъ южной Европы онъ вовсе не улетаетъ. Въ Сіерра-Невадѣ я видѣлъ еще 18 ноября большую стаю ихъ, и охотники, которымъ я указывалъ на такое позднее пребываніе ласточки, рассказали мнѣ, что ежегодно болѣе или менѣе многочисленныя общества горныхъ стрижекъ у нихъ зимовали. То же самое наблюдали графъ фонъ-дербъ-Мюле, Линддермайеръ, Эргардъ, Шрадеръ и Крюперъ въ Греціи. Но часть гнѣздящихся птицъ въ Испаніи предпринимаетъ зимнее путешествіе, и именно уже въ началѣ сентября. Къ этому времени мы наблюдали пролетъ этихъ ласточекъ стаями въ 8—20 штукъ близъ Мурціи, гдѣ мы прежде ихъ не видали. Эти стайки, повидимому, вовсе не торопились, казалось, чувствовали здѣсь себя такъ же хорошо, какъ и въ окрестностяхъ своего гнѣздовья и оставались въ этой мѣстности по крайней мѣрѣ нѣсколько дней, даже недѣль.

Сколько-нибудь опытный человек не может не узнать горного стрижа. Онъ бросается въ глаза своимъ сѣрымъ цвѣтомъ и сравнительно медленнымъ, нѣжно парящимъ полетомъ. Обыкновенно онъ рѣшет по возможности близко къ скаламъ, то высоко, то низко, болѣе или менѣе равномерно. Но онъ также въ исключительныхъ случаяхъ подымается на значительную высоту, и тогда показываетъ почти такую-же ловкость, какъ и городская ласточка. Онъ рѣдко соединяется съ другими видами, хотя и случается, что тамъ, гдѣ городскія ласточки гнѣздятся на скалахъ, онъ летаетъ въ ихъ обществѣ и раздѣляетъ съ греческой и городской ласточками одни и тѣ-же мѣста гнѣздованія. Горный стрижекъ далеко не такъ общителенъ, какъ все остальные мнѣ знакомые виды ласточковыхъ и въ одномъ и томъ-же ущельѣ живетъ только въ небольшомъ числѣ паръ.

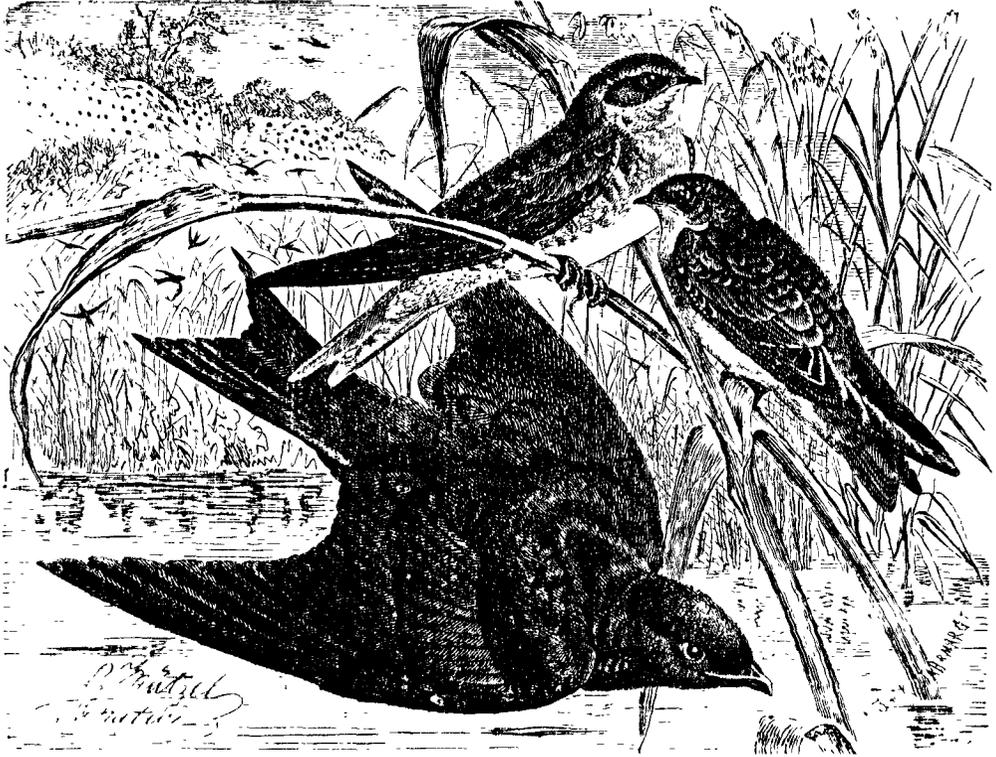
Въ Швейцаріи онъ летаетъ, говоритъ Шинцъ, послѣ своего прилета весной, еще долго, пока не займетъ своего старого гнѣзда, и также долго живетъ послѣ вывода семьи до осенняго отлета въ одиночку или съ птенцами, или-же обществами изъ одной или изъ двухъ семей; онъ кочуетъ отъ одной башни или скалы къ другой. Въ ненастье онъ держится близко надъ землею; во время сильнаго дождя ищетъ убѣжища подъ выдающимися камнями, въ отверстіяхъ скалъ и стѣнъ; но обыкновенно онъ рѣдко садится днемъ, развѣ тогда, когда долженъ спуститься на землю, чтобы собрать матерьялъ для постройки гнѣзда. Только въ свѣтлые лѣтніе дни онъ садится иногда на крыши зданій, но никогда не залетаетъ во внутренность ихъ. «При взлетаніи», говоритъ Шинцъ, «онъ бросается изъ своихъ убѣжищъ, и только во время паденія расправляетъ крылья; потомъ летаетъ онъ большею частью покойно, плавно, то туда, то сюда, вдоль скалъ, заворачиваетъ необыкновенно быстро около угловъ и во все ущелья, но рѣдко садится. Иногда онъ отдаляется отъ скалъ, но недалеко, и только изрѣдка отлетаетъ немного въ сторону отъ нихъ, и именно только тогда, когда птенцы уже оперились; тогда онъ летаетъ вокругъ верхушекъ елокъ, которыя здѣсь и тамъ растутъ у подножія скалъ, и кормитъ жадно летающихъ за нимъ птенцовъ. Онъ гораздо спокойнѣе и менѣе живъ, чѣмъ живущая рядомъ съ нимъ городская ласточка. Горные стрижки иногда играютъ, сяди на выступѣ скалы, причѣмъ двѣ птички быстро машутъ крыльями одна противъ другой, затѣмъ съ крикомъ «двн, двн, двн» быстро бросаются одна на другую, и потомъ вдругъ улетаютъ съ разнообразными поворотами. Призывной крикъ горнаго стрижа низкое и хриплое «дрю, дрю, дрю»; я никогда не слыхалъ его гнѣнія.

Его гнѣзда встрѣчаются тамъ-же, гдѣ живетъ онъ самъ, и висятъ на скалистыхъ стѣнахъ, часто не высоко надъ подножіемъ скалистой стѣны, но всегда въ пещерахъ или мѣстахъ, защищенныхъ сверху выдающимися камнями. Они большею частью похожи на гнѣзда нашей деревенской ласточки, но замѣтно меньше и выложены растительной и животной шерстью, а также немногими перышками. Во многихъ мѣстахъ эти гнѣзда встрѣчаются построенными по нѣсколько вмѣстѣ, но никогда не помѣщены такъ часто, какъ у городской ласточки, хотя число гнѣздъ въ колоніи горныхъ стрижковъ почти такое-же, какъ и въ колоніяхъ городскихъ ласточекъ. Кладка яицъ, происходящая не ранѣе середины апрѣля, обыкновенно оканчивается только къ концу мая; самка кладетъ 4—5 толстыхъ яицъ, имѣющихъ приблизительно 23 м.м. длины, 15 м.м. ширины и покрытыхъ неравномерно на бѣломъ фонѣ свѣтло-сѣро-бурыми пятнами, которыя расположены гуще къ толстому концу. Въ концѣ мая мы наблюдали на одной скалистой стѣнѣ Монсеррата молодыхъ горныхъ стрижковъ, какъ казалось такихъ, которые только нѣсколько дней тому назадъ вылетѣли изъ гнѣзда, такъ какъ они еще кормились родителями. Кормленіе совершается, какъ уже наблюдалъ Шинцъ, на лету, причѣмъ молодыя

и старыя птицы слетаются вмѣстѣ и, хлопая крыльями, удерживаются нѣкоторое время на одномъ мѣстѣ, пока птенцы не ухватятъ удачно подставляемыхъ имъ насѣкомыхъ.

О врагахъ этихъ птицъ я не имѣю никакихъ свѣдѣнй; онѣ также, вѣроятно, терпятъ отъ маленькихъ, ловкихъ соколовъ. Человѣкъ ихъ нигдѣ не преслѣдуетъ.

Гораздо точнѣ намъ извѣстна жизнь **Береговой ласточки, Земляной ласточки, Земляного стрижа, Стрижа, Щурика** (*Clivicola riparia*, *Cotyle riparia*, *fluviatilis*, *palustris*, *litoralis* и *microrhynchos*, *Hi undo riparia* и *cinerea*, *Chelidon microrhynchos*, *Uferschwalbe*, *Hirondelle de rivage*). Она была извѣстна уже древнимъ, которые

Береговая ласточка. *Clivicola riparia*. Пурпуровая ласточка. *Progne purpurea*. 1/2, наст. вел.

очень страннымъ образомъ объясняли себѣ ея дѣятельность. «На устьяхъ Нила, близъ Гераклинъ въ Египтѣ», говоритъ Плиній, «ласточки строятъ гнѣздо около гнѣзда и такимъ образомъ возводятъ противъ наводненій рѣки непреодолимый валъ, длиною почти въ цѣлую стадию, который едва могъ-бы быть воздвигнутъ человѣческой рукой. Въ этомъ самомъ Египтѣ лежитъ, около города Контоса, одинъ изъ острововъ, посвященныхъ Изидѣ, который съ большимъ трудомъ ежегодно укрѣпляется ласточками, для того, чтобы Нилъ не могъ подмыть его. Съ началомъ весны онѣ укрѣпляютъ переднюю сторону острова мякиною и селомомъ и продолжаютъ свою работу въ теченіи трехъ дней и ночей безпрерывно и такъ усердно, что многія изъ нихъ умираютъ отъ изнеможенія. Каждый годъ эта работа снова ими возобновляется». Легко заключить, что поводъ къ этой легендѣ подали гнѣзда береговой ласточки.

Береговая ласточка принадлежит къ самымъ малымъ видамъ своего семейства. Ея длина не болѣе 13 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 10, длина хвоста 5 см. Опереніе сверху землисто-бураго цвѣта; снизу — бѣлаго съ буро-пепельно-сѣрой поперечной полоской въ области груди; оба пола похожи другъ на друга; птенцы окрашены немного темнѣе.

Ни одинъ видъ ласточковыхъ не населяетъ такой большой области, какъ береговая ласточка; она гнѣздится по всей землѣ, исключая Австраліи, Полинезій и Южной Америки. Соответственно своему названію, она держится преимущественно тамъ, гдѣ находятъ крутые берега; впрочемъ, именно рѣчной берегъ не составляетъ для нея необходимости; она также часто довольствуется отвѣснымъ землянымъ обрывомъ. Тамъ, гдѣ она распространена, она обыкновенно часто встрѣчается; но ни въ какой странѣ, по которымъ я путешествовалъ, я не видалъ такого огромнаго количества береговыхъ ласточекъ, какъ по среднему и нижнему теченіямъ Оби, гдѣ онѣ образуютъ колоніи изъ нѣсколькихъ тысячъ паръ гнѣздящихся птичекъ. Въ Германіи тоже рѣдко встрѣчаешь меньше 5—10 паръ, живущихъ на одномъ обрывѣ, обыкновенно отъ 20 — 40, а въ исключительныхъ случаяхъ 100 и больше. Здѣсь она съ большимъ трудомъ и усиленіемъ выкапываетъ себѣ въ твердой землѣ глубокия норы для гнѣздъ, всегда на такой высотѣ, до которой не достаютъ самыя сильныя наводненія, всего охотнѣе непосредственно подъ верхнимъ краемъ обрыва.

«Дѣло почти невѣроятное», говоритъ Науманъ, «и могущее на самомъ дѣлѣ въ высшей степени возбудить наше удивленіе, что такая нѣжная птичка, съ такими слабыми орудіями, совершаетъ такую гигантскую работу, и притомъ еще въ столь короткое время, такъ какъ въ теченіи 2—3 дней пара оканчиваетъ горизонтальную или немного приподнимающуюся вверхъ нору, имѣющую отъ 4—6 см. ширины, и еще больше расширенную на заднемъ концѣ для помѣщенія собственно гнѣзда; эта нора проникаетъ прямо въ берегъ по крайней мѣрѣ на одинъ метръ глубины, часто на два. Ихъ усердіе и ловкость при такой утомительной работѣ доходитъ до смѣшнаго, особенно когда видишь, съ какимъ трудомъ онѣ выталкиваютъ и вытаскиваютъ ножками изъ внутренности гнѣзда всю разрытую землю, и какъ обѣ птицы одной пары помогаютъ другъ другу. Но для насъ остается загадкой, почему онѣ часто на половинѣ работы покидаютъ выкопанный каналъ, и хотя оканчиваютъ другой, но не поселяются въ немъ, и гнѣздятся, можетъ быть, только въ третьемъ каналѣ, такъ какъ для сна всей семьи служитъ обыкновенно одинъ каналъ, а именно тотъ, въ которомъ находится гнѣздо. Во время выкапыванія норъ, ласточки очень усердны, и все общество въ это время точно исчезаетъ изъ извѣстной мѣстности, потому что всѣ находятся въ норахъ, въ которыхъ работаютъ. Если топнуть ногой по травѣ надъ норами, всѣ бросаются изъ норъ, и воздухъ опять оживляется ими. Когда самки высиживаютъ яйца, онѣ сидятъ еще усерднѣе, и вылетаютъ только въ томъ случаѣ, если потревожить ихъ въ самой норѣ; вслѣдствіе этого ихъ нетрудно поймать. На заднемъ концѣ норы, приблизительно на разстояніи одного метра отъ входа, находится гнѣздо, помѣщенное въ расширеніи вродѣ хлѣбной печки. Оно состоитъ изъ гладкаго слоя тонкихъ стебельковъ, соломы, сѣна, и нѣжныхъ корешковъ, а его внутренность очень мягко и тепло выстлана перьями, волосами и даже шерстью. Въ отверстіяхъ, которыя находятся въ каменоломняхъ, скалистыхъ берегахъ или старыхъ стѣнахъ, гнѣзда находятся часто вовсе неглубоко, и тутъ ласточки не могутъ такъ густо селиться, если не находится случайно достаточнаго количества отверстій и щелей. Въ подобныхъ поселеніяхъ много, конечно, принимаетъ совсѣмъ другой видъ, потому что здѣсь значительная часть ихъ строительныхъ способностей подавляется или становится ненужными вслѣдствіе случайныхъ условій».

Береговая ласточка очень приятная, живая, подвижная птичка, которая по своему нраву очень напоминает городскую ласточку. Она на нее похожа главным образом своим мягким, плавным полетом. Обыкновенно она держится в низких слоях воздуха, преимущественно близко к поверхности воды, порхая туда и сюда; рѣдко подымается она на значительную высоту. При полетѣ она такъ покачивается изъ стороны въ сторону, что полетъ ея сравнивали съ полетомъ бабочки, однако она летаетъ ловко и способна къ быстрымъ поворотамъ. Голосъ—нѣжное, слабое «шерр» или «церр»; пѣніе-же состоитъ изъ повторенія этихъ звуковъ, связанныхъ между собой другими. Береговая ласточка неохотно отделяется отъ своей колоніи, охотится же скорѣе въ непосредственной близости отъ нея, и поэтому мило оживляетъ пустынные рѣчки, гдѣ нѣтъ другихъ птичекъ, а гнѣзда ихъ на монотонныхъ берегахъ привлекаютъ взглядъ каждаго путника. Въ большихъ поселеніяхъ съ утра до вечера летаютъ сверху внизъ почти непрерывно сотни и даже тысячи этихъ маленькихъ живыхъ птичекъ, исчезаютъ въ норахъ, опять показываются и продолжаютъ это почти весь день. Онѣ мало или вовсе не боятся человѣка; относительно-же другихъ птицъ или животныхъ онѣ держатъ себя мирно, но боязливо.

Береговая ласточка появляется на своихъ мѣстахъ размноженія только поздною весною, обыкновенно въ началѣ мая, и покидастъ ихъ опять уже въ началѣ сентября. Сейчасъ-же послѣ своего прилета она летитъ къ знакомому берегу, поправляетъ гнѣзда, выкапываетъ новыя, и въ концѣ мая или началѣ іюня находятъ въ нихъ 5—6 маленькихъ продолговато-овальныхъ, чисто-бѣлыхъ яичекъ, которыя имѣютъ 17 м.м. длины и 12 м.м. ширины, и очень тонкую скорлупку; двѣ недѣли спустя птенцы выдупляются, и еще черезъ двѣ недѣли уже такъ подрастаютъ, что могутъ слѣдовать за родителями на волю. Нѣкоторое время старыя и молодыя еще аккуратно возвращаются въ норы для ночного отдыха. Уже въ августѣ общество собирается въ дорогу и спитъ тогда въ тростникахъ прудовъ. Парочка приступаетъ ко второму размноженію только въ томъ случаѣ, если первый выводокъ погибъ.

* *
*

Древесная ласточка (*Progne Baumschwalben*) имѣютъ сжатое тѣло съ очень сильнымъ, при основаніи широкимъ, а въ передней части съ боковъ сжатымъ, высокимъ, выпуклымъ клювомъ, на концѣ согнутымъ крючкомъ. Ноги сильныя, съ голой плюсной и толстыми пальцами; крылья длинныя, сравнительно острыя, достигаютъ въ сложенномъ состояніи приблизительно конца сильно раздвоеннаго, довольно широкаго хвоста; опереніе жесткое.

Пурпуровая ласточка (*Progne purpurea* и *subis*, *Hirundo purpurea*, *subis*, *violacea*, *coerulea*, *versicolor*, *chalybaea* и *ludoviciana*. *Purpurschwalbe*, *Hirondelle pourpre*.), самый извѣстный видъ этого рода, также наблюдалась въ Европѣ. Ея длина 19, размахъ крыльевъ 40, длина крыла 14, длина хвоста 7 см. Опереніе равномерно густого сине-чернаго цвѣта, съ яркимъ пурпуровымъ отливомъ. Маховыя перья и перья хвоста черновато-бурыя. Глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый, ноги пурпурово-черныя. У самки голова буровато-сѣрая, съ черными пятнами, остальная верхняя часть тѣла окрашена какъ у самца, но нѣсколько сѣрѣе, съ черными продольными полосками.

Относительно образа жизни пурпуровой ласточки, американскіе изслѣдователи писали подробно, такъ какъ и тамъ эта птичка всеобщая любимица народа, ее не только оберегаютъ, но устраиваютъ разныя приспособленія, чтобы заставить ее по-

селиться по близости жилищъ. На югѣ материка, гдѣ пурпуровая ласточка также встрѣчается, этого не дѣлаютъ, но и не преслѣдуютъ ее.

По Одюбону, пурпуровая ласточка появляется въ окрестностяхъ города Поваго Орлеана между 1 и 9 февраля, иногда нѣсколькими днями раньше, но чѣмъ сѣвернѣе, тѣмъ позже, только къ началу мая. Въ Сѣверныхъ Американскихъ Штатахъ она обыкновенно остается приблизительно до середины августа, и тогда постепенно опять летитъ на югъ. Въ извѣстное время пурпуровыя ласточки собираются въ стаи отъ 50—100 и болѣе на колокольнѣ церкви или на вѣтвяхъ большого засохшаго дерева, и отсюда всѣ вмѣстѣ пускаются въ путь.

Въ общемъ по ея полету пурпуровая ласточка болѣе похожа на городскую, чѣмъ на какую-либо другую; по крайней мѣрѣ ея полетъ не можетъ равняться съ полетомъ американской деревенской ласточки. Но онъ все-таки довольно быстръ и красивъ; и много превосходитъ по быстротѣ полетъ всѣхъ другихъ птицъ, за исключеніемъ своихъ родичей. Хотя она также совершаетъ большую часть своихъ дѣлъ на лету: на лету охотится, охотясь, пьетъ и купается, но однако часто спускается на землю и здѣсь двигается довольно ловко, несмотря на свои короткія ножки, даже можетъ ловить на землѣ насѣкомыхъ; она выказываетъ даже нѣкоторую ловкость въ вѣтвяхъ деревьевъ, на выдающіяся вѣтки которыхъ она часто садится. Относительно хищниковъ она дѣлаетъ по крайней мѣрѣ то-же самое, что и деревенская ласточка, даже выказываетъ больше дерзости, а именно преслѣдуетъ кошекъ, собакъ, соколовъ, воронъ и коршуновъ съ большимъ усердіемъ, бросается злобно на пролетающихъ хищниковъ, и преслѣдуетъ ихъ, пока не выгонитъ изъ окрестностей гнѣзда. Пѣніе ея не особенно благозвучное, но пріятное. Щебетаніе самца, которое онъ издаетъ въ честь своей самки, занимаетъ и радуется еще потому, что оно слышится въ началѣ утра и въ нѣкоторой степени составляетъ привѣтствіе дня.

Въ большинствѣ штатовъ средней Америки пурпуровая ласточка строитъ свои гнѣзда въ дуплистыхъ деревьяхъ далеко отъ людей, но часто для нея устраиваютъ особыя жилища вродѣ нашихъ скворечницъ, или вѣшаютъ на деревья пустыя тыквы съ отверстіемъ для входа. Она охотно селится въ такихъ помѣщеніяхъ, но выгоняетъ, какъ и стрижи, также другихъ гнѣздящихся въ ящикахъ птицъ, и вообще не терпитъ по близости своего жилища другихъ птицъ, которыя гнѣздятся въ такихъ-же условіяхъ, какъ и она сама. Въ среднихъ штатахъ она несется въ первый разъ въ концѣ апрѣля. Гнѣздо состоитъ изъ различныхъ сухихъ вѣтокъ, изъ травы, зеленыхъ и сухихъ листьевъ, перьевъ и т. п. Она кладетъ 4—6 толстыхъ, чисто-бѣлыхъ яицъ, приблизительно 23 м.м. длины и 19 м.м. ширины. Въ концѣ мая первый выводокъ оперяется, а въ половинѣ іюня—второй; въ Луизианѣ и другихъ южныхъ штатахъ высиживается еще навѣрное третій выводокъ. Самецъ помогаетъ высиживать яйца, и вообще необыкновенно внимателенъ къ своей самкѣ, вылетаетъ и влетаетъ въ гнѣздо и сидитъ, щебеча и распѣвая, цѣлые часы передъ входомъ. Если представляется случай нѣсколькимъ парамъ гнѣздиться рядомъ, между ними царствуетъ полное согласіе.

Воробьиные, о которыхъ мы еще должны упомянуть, образуютъ отдѣлъ **Одноголосыхъ птицъ** (Clamatores. Schreivögel). Онѣ отличаются главнымъ образомъ строеніемъ нижней гортани, которая образуется или только трахеей, или-же имѣетъ лишь боковые мускулы. Между десятью маховыми нервьями первое укорочено только въ исключительныхъ случаяхъ. Плюсна на передней сторонѣ всегда одѣта поперечными пластинками; боковыхъ пластинокъ, какъ и у пѣвчихъ птицъ, никогда не бываетъ.

Мы называемъ **Питтами** (*Coloburis. Prachtdrosseln. Brèves*) родъ великолѣпно окрашенныхъ птицъ, состоящій приблизительно изъ 60 видовъ; эти птицы по своему сложению напоминаютъ оляпокъ и гилактивъ, но еще больше описанныхъ послѣ нихъ воробьиныхъ, съ которыми онѣ образуютъ семейство **Шерстоспинныхъ** (*Eriodoridae. Wollrücken*). Ихъ тѣло сжатое, клювъ средней длины, но удивительно сильный, у нѣкоторыхъ видовъ очень толстый, твердый, сжатый съ боковъ по всей своей длинѣ, съ высокой, согнутой спинкой; онъ слабо округленъ передъ вершиной; ноздри на половину закрыты влажной кожицей; ноги стройныя и съ высокой плюсной; внутреннй палецъ соединенъ съ наружнымъ до третьяго сустава. Крылья, въ которыхъ четвертое и пятое маховыя перья самыя длинныя, достигаютъ конца недоразвитаго, очень короткаго, прямо обрѣзаннаго хвоста. Густое опереніе въ большинствѣ видовъ блеститъ великолѣпными цвѣтами.

Питты встрѣчаются чаще всего въ Индѣйской области, особенно-же на Малайскихъ островахъ, и находятся кромѣ того еще въ западной Африкѣ, Австраліи и въ жаркомъ поясѣ Америки. Центральнымъ пунктомъ ихъ области распространенія Уоллесъ считаетъ Зондскіе острова, а именно Борнео и Суматру. Относительно ихъ образа жизни все еще не достаеъ подробныхъ свѣдѣній; поэтому я долженъ попробовать нарисовать совокупную картину ихъ жизни, причемъ я сопоставлю вмѣстѣ всѣ свѣдѣнія о различныхъ видахъ, которые намъ извѣстны.

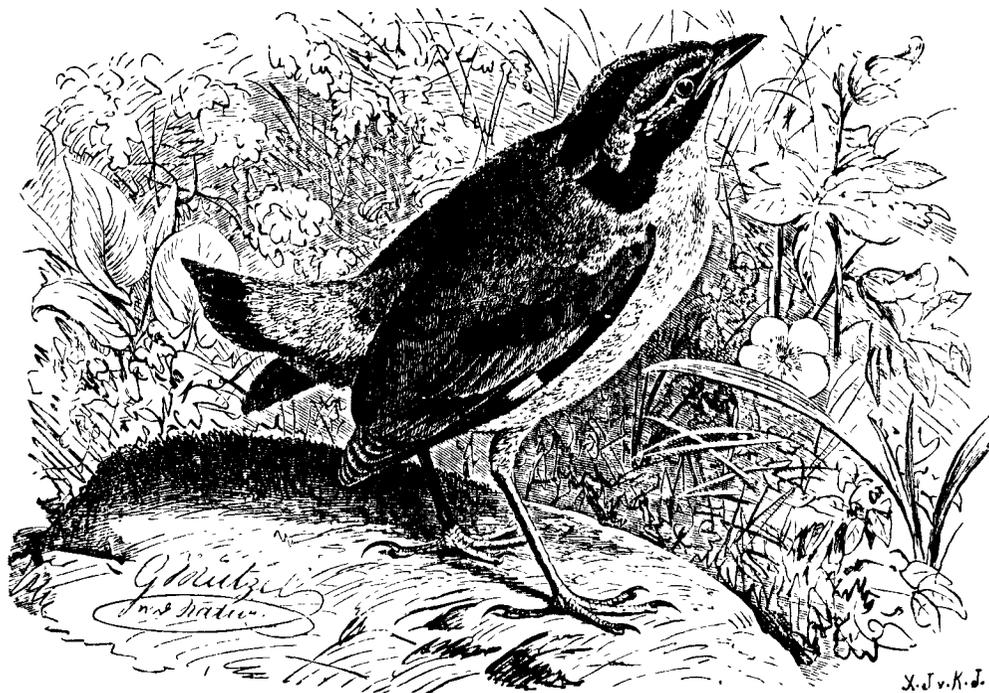
Представителемъ рода можно назвать **Бенгальскую Питту** (*Coloburis bengalensis, C. brachyura, Pitta bengalensis, malaccensis* и *brachyura, Corvus brachyurus, Citta abdominalis, Turdus triostegus* и *coronatus, Brachyurus bengalensis, maculatus* и *coronatus. Neunfarbenpitta. Brève du Bengate*). Спина, плечи и кроющія перья крыльевъ—сине-зеленыя, удлиненыя верхнія покровныя перья хвоста—свѣтлоголубыя; линія бровей, подбородокъ, грудь и бока шеи подъ ушами—бѣлыя; нижнія части тѣла, за исключеніемъ ярко-краснаго пятна на нижней части брюшка и порошницы—буровато-желтыя; средняя полоска, проходящая по головѣ, и линія уздечки, проходящая черезъ глаза—черныя; маховыя перья—черныя съ бѣловатымъ кончикомъ; первыя шесть большихъ маховыхъ перьевъ также съ бѣлыми пятнышками; малыя маховыя перья снаружи окаймлены сине-зеленымъ цвѣтомъ; рулевыя перья черныя, на концѣ темно-синія. Глаза орѣховаго цвѣта, клювъ черный, ноги красновато-желтыя. Длина 18 см., длина крыла 11, хвоста 4 см.

Бенгальская питта распространена по всей Индіи и Цейлону и всюду въ удобныхъ мѣстахъ встрѣчается часто.

Всѣ питты предпочитаютъ тѣ части лѣса, которыя, по возможности, густо заросли кустарникомъ; нѣкоторыя-же поселяются также и на каменистыхъ скалахъ горъ, скудно покрытыхъ низкимъ тернистымъ кустарникомъ. Большинство этихъ птицъ живетъ въ дѣвственныхъ лѣсахъ Зондскихъ острововъ, которые для европейца могутъ считаться недоступными. Эти мѣста дѣлаютъ въ высшей степени затруднительными не только охоту за ними, но и наблюденія. «Мой лучшій охотникъ», говоритъ Уоллесъ, «во время моего двухмѣсячнаго пребыванія на Буру, часто видѣлъ одну изъ встрѣчающихся тамъ питтъ, но никогда не былъ въ состояніи убить хоть одинъ экземпляръ. Только тогда, когда онъ провелъ ночь въ развалившемся шалашѣ, онъ получилъ возможность убить двухъ изъ нихъ; но этотъ подвигъ на долгое время лишилъ меня его услугъ, потому что онъ при своей охотѣ такъ изранилъ себя колючками, что не былъ способенъ охотиться въ теченіи 14 дней. Единственное мѣсто, гдѣ мнѣ удалось наблюдать и убить питтъ—было островъ Ломбокъ, гдѣ одинъ видъ очень часто встрѣчается на песчаной почвѣ, поросшей низкимъ терновникомъ. Здѣсь я пожертвовалъ охотѣ

большую часть моего времени, и ждалъ терпѣливо, пока не могъ успѣшно пустить выстрѣлъ въ чащу, гдѣ показывались эти птицы».

Ихъ движенія, говорятъ, очень изящны. Уоллесъ сообщаетъ, что питты, по-видимому, никогда не спѣшаютъ, но это, вѣроятно, обозначаетъ только то, что онѣ рѣдко летаютъ. Онѣ скачутъ большими прыжками по землѣ, при случаѣ садятся на пенъ или на кустъ, и только когда ихъ настойчиво преслѣдуютъ, онѣ перелетаютъ на большія разстоянія по прямому направленію и безшумно. Бернштейнъ замѣчаетъ, что въ своемъ поведеніи онѣ обнаруживаютъ отдаленное сходство съ каменнымъ дроздомъ, двигаются по землѣ большими прыжками и каждый разъ, когда на мгновение останавливаются, шевелятъ коротенькимъ приподнятымъ хвостикомъ. Онѣ охотно садятся на нѣкоторые выдающіеся пункты, камни и т. п., чтобы съ нихъ лучше кругомъ высматривать насѣкомыхъ, которыхъ онѣ рѣдко

Питта Бенгальская. *Coloburis bengalensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

преслѣдуютъ, дѣлая нѣсколько прыжковъ. Жердонъ называетъ ихъ плохими летунами, и считаетъ возможнымъ, что ураганы буквально ихъ относятъ и угоняютъ въ страны, въ которыхъ онѣ обыкновенно не встрѣчаются. Такимъ образомъ онѣ появляются въ Карнатикѣ въ началѣ жаровъ, когда наступаютъ сильные береговые вѣтры, и боязливо ищутъ тогда убѣжища, несмотря на свою робость, въ поселеніяхъ человѣка, въ стоящихъ отдѣльно казармахъ или другихъ зданіяхъ, въ которыхъ онѣ могутъ найти защиту. Первая питта, видѣнная Жердономъ, укрылась въ больницѣ Мадраса; впоследствии онъ добылъ при подобныхъ обстоятельствахъ многихъ живыхъ питтъ.

Обыкновенно питта встрѣчается въ одиночку, но случается, какъ исключеніе, что онѣ соединяются по нѣскольку штукъ. Жердонъ видѣлъ ихъ 34 штуки вмѣстѣ. Крикъ, который, впрочемъ, слышится рѣдко, такъ странный, что его легко можно

отличить отъ голоса каждой другой птицы. Онъ состоитъ, говоритъ Уоллесъ, изъ двухъ свистящихъ тоновъ, одного короткаго и другаго длиннаго, слѣдующаго непосредственно за первымъ. Когда эти птицы чувствуютъ себя въ полной безопасности, онѣ повторяютъ свой крикъ въ теченіи 1—2 минутъ. У отдѣльныхъ видовъ призывной крикъ состоитъ изъ трехъ нотъ: такъ, малайская питта издаетъ слоги «ейя, евич», а австралийская питта ясно выкрикиваетъ слова «want a watch» (нѣтъ часовъ). Какъ кажется, никто не слышалъ настоящаго пѣнія у индѣйскихъ видовъ; но Томсонъ, напротивъ, называетъ пѣсню Пули, одного изъ видовъ западной Африки, очень пріятной. «Эта птица», говоритъ онъ, «находится въ такой славѣ у туземцевъ Тимнейской области, что они поэтично удостоиваютъ краснорѣчиваго человѣка названіемъ пули».

Пищу питтъ составляютъ различные виды насѣкомыхъ, а именно жуки и сѣточкрылыя, черви и т. п. Часто предполагалось, что муравьи составляютъ главную пищу питтъ, но Уоллесъ говоритъ положительно, что онъ никогда не находилъ этихъ насѣкомыхъ въ желудкахъ убитыхъ имъ экземпляровъ, и также не видѣлъ этихъ птицъ охотящимися за муравьями. Гудльѣ находить возможнымъ, что австралийскіе виды, на ряду съ насѣкомыми, ѣдятъ также ягоды и плоды, но не могъ сдѣлать никакихъ точныхъ наблюденій на этотъ счетъ. Питты тѣмъ напоминаютъ дроздовъ, что онѣ собираютъ пищу только съ земли, а оляпокъ въ томъ, что онѣ часто, погруживъ ноги до пятокъ, ходятъ по водѣ, и здѣсь занимаются охотой.

Всѣ виды этого рода, про размноженіе которыхъ имѣются свѣдѣнія, строятъ свое незатѣйливое гнѣздо, состоящее изъ тонкихъ сучьевъ и слабо сплоченныхъ стебельковъ, на землѣ или непосредственно надъ ея поверхностью; Бернштейнъ находилъ гнѣзда довольно хорошо скрытыми за глыбой земли. Штранге рассказываетъ, что всѣ гнѣзда, которыя онъ видѣлъ въ Австраліи, находились на сучкахъ фиговыхъ пальмъ, довольно близко отъ земли и были выстроены спаружи изъ сучьевъ, а внутри выстланы мхомъ, тонкими листьями и корой. Гнѣздо, которое изслѣдовалъ Жердонъ, состояло преимущественно изъ корешковъ и гибкихъ стебельковъ, а внутри скудно было выложено волосами. Яйца, полученныя Бернштейномъ, имѣли продолговатую овальную форму и были блестяще-бѣлаго цвѣта; четыре яйца, описанныя Штрангомъ, были неравномерно покрыты по яично-желтому фону бурными и темно-красными пятнами; тѣ, которыя получилъ Жердонъ, были покрыты по зеленовато-бѣлому фону немногими красными и отдѣльными темными пятнами. Высиживаютъ-ли оба пола или предается этому занятію одна самка, въ наше время еще неизвѣстно; но мы хорошо знаемъ, что оба родителя необыкновенно любятъ своихъ птенцовъ, и при приближающейся опасности стараются отклонить вниманіе врага отъ нихъ общезвѣстнымъ притворствомъ.

Ходжсонъ говоритъ про видъ, встрѣчающійся въ Непалѣ, что ихъ очень легко поймать. Штранге увѣряетъ, что можно приманить австралийскій видъ до самаго ствола ружья передразниваніемъ его собственнаго крика. На островахъ Ару папуасскіе мальчики съ большимъ успѣхомъ занимаются охотою на живущихъ тамъ питтъ, живо проползая между кустовъ, и очень ловко пользуясь своими маленькими луками. Опытный охотникъ замѣчаетъ, говоритъ Уоллесъ, появленіе питты сначала по шороху листьевъ, потомъ видитъ какъ мелькнетъ птица, если она при своихъ легкихъ движеніяхъ освѣщена выгоднымъ образомъ. Если онъ неосторожно повернется, то блескъ, въ видѣ молніи, показываетъ ему, что его дичь улетѣла въ безопасное мѣсто.

Бернштейнъ поймалъ двухъ старыхъ питтъ въ силки, которые онъ располагалъ вокругъ гнѣзда, и долгое время держалъ обѣихъ птицъ въ клеткѣ. Въ пер-

вые дни онѣ, правда, были немного пугливы, но вскорѣ привыкли, и послѣ первой недѣли стали такими ручными, что брали пищу изъ рукъ. Охотнѣе всего онѣ ѣли маленькихъ кузнечиковъ, муравьиныя куколки, термитовъ и т. п. Онѣ старались удалить у первыхъ жесткія ноги и надкрылья, колотя ихъ о полъ, но послѣ все-таки сѣдали и эти части. Тѣло-же насѣкомыхъ онѣ долго поворачивали въ клювѣ, пока оно не ложилось такъ, чтобы его можно было проглотить головою впередъ. Во время дня онѣ исключительно держались на полу своей клѣтки и даже ночью садились на перекладины только въ исключительныхъ случаяхъ. Насколько намъ извѣстно, въ Европу удалось довести только два вида.

* *

«Однажды авангардъ нашего общества, подвигавшагося равномерными шагами. должно-быть встрѣтилъ неожиданное препятствіе: движеніе приостановилось. Полный страха, я побѣжалъ туда: шедшіе впереди люди стояли передъ бурой, отъ 4—5 м. широкой полосой: такой видъ имѣла плотно сомкнутая колонна странствующихъ муравьевъ, только что пересѣкающая намъ дорогу. Ждать, пока пройдетъ это полчище — задержало-бы насъ слишкомъ долго, и мы были принуждены идти на проломъ быстрыми шагами и сильными прыжками. Покрытые до колѣнъ разевирѣвшими насѣкомыми, мы перерѣзали ихъ густые ряды, и хотя давили ихъ руками и топтали ногами, но не могли совсѣмъ спастись отъ чувствительныхъ укусовъ раздраженныхъ животныхъ. Такое полчище, которое приходитъ неизвѣстно откуда и идетъ неизвѣстно куда, нападаетъ на все, что ему мѣшаетъ на дорогѣ, но оно также имѣетъ своихъ враговъ, именно между птицами, которыя его сопровождаютъ въ большомъ числѣ». Такъ рассказываетъ Шомбургкъ, и затѣмъ сообщаетъ кое-что объ образѣ жизни тѣхъ птицъ, которыхъ я намѣренъ теперь сначала описать съ внѣшней стороны.

Муравьеловки (*Formicivora*) образуютъ родъ, заключающій въ себѣ около 70 видовъ и населяютъ Южную Америку; онѣ напоминаютъ какъ нашихъ сѣрыхъ дроздовъ, такъ и славокъ и сорокопутовъ. Отличительнымъ признакомъ для всѣхъ видовъ вмѣстѣ взятыхъ составляетъ, по словамъ принца фонъ-Вида, то, «что ноги ихъ развиты въ ущербъ крыльевъ».

Главную пищу муравьеловокъ составляютъ насѣкомыя, но нѣкоторыя не пренебрегаютъ также и растительными веществами. Насѣкомыхъ онѣ собираютъ преимущественно съ земли, переворачивая клювомъ опавшіе листья; инныя же птицы для скорости разгребаютъ ихъ, подобно курамъ, ногами. Онѣ любятъ муравьевъ, хотя однако нельзя сказать, чтобы это была ихъ самая главная пища.

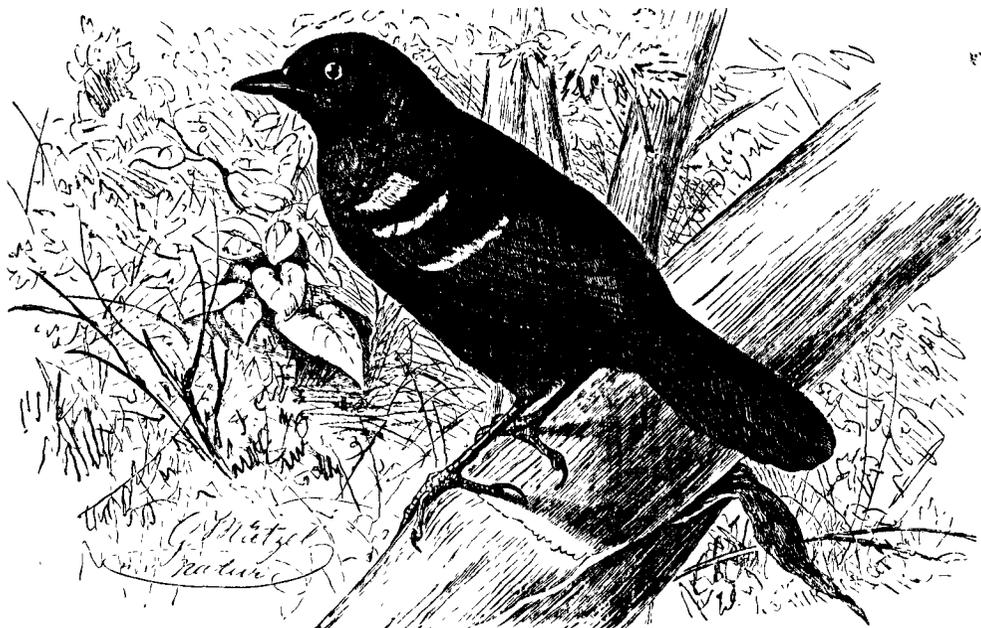
По показаніямъ Менетріе, муравьеловки вьютъ гнѣзда въ весенніе мѣсяцы ихъ родины и кладутъ свои два или три бѣленькіе съ красными крапинами яичка безъ особыхъ приготовленій въ неглубокую ямку на землѣ. Птенцы скоро покидаютъ гнѣздо и слѣдуютъ за матерью, на подобіе выводковыхъ птицъ.

Одна изъ самыхъ извѣстныхъ муравьеловокъ, **Муравьеловка огнеглазая** (*Formicivora domicella*, *Lanius*, *Myiothera* и *Pyriglena domicella*, *Drymophila trifasciata*, *Myrmeiza melanura*. *Feuereauge*. *Myothere domicelle*) съ прямымъ, довольно толстымъ, почти конусовиднымъ клювомъ, съ крючковатымъ концомъ, передъ которымъ находится неглубокая выемка, высокими, толстыми ногами, широкими, но не очень длинными пальцами, которые снабжены довольно короткими, тонкими, изогнутыми когтями, средней длины крыльями, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длин-

ное, и довольно длиннымъ закругленнымъ хвостомъ. У самцовъ огнеглазыхъ муравьеловокъ клювъ, ноги и большая часть оперенія черные, кроющія перья крыльевъ около прибавочнаго крыла бѣлыя, а большія кроющія перья окаймлены бѣлымъ. Глаза, соответственно названію птицы, темно-огненно-красные. Самка оливково-бурая, на горлѣ и на затылкѣ блѣдно-желтая. Длина птицы 18 см., размахъ крыльевъ 23, длина крыла 8, длина хвоста 7 см.

Огнеглазая муравьеловка часто встрѣчается во всѣхъ лѣсахъ Бразиліи и всегда прячется въ густыхъ и темныхъ кустарникахъ большихъ лѣсовъ. Ея огненно-красный глазъ такъ сильно отличается отъ черныхъ, какъ уголь, перьевъ, что уже по этому птицу легко замѣтить. Голосъ ея состоитъ изъ свистящаго щebetанія.

Отъ Киттлица мы узнаемъ, что эта птица большая охотница до муравьевъ. «Я встрѣтилъ,» рассказываетъ онъ, «въ чащѣ лѣса огромное количество большихъ чер-

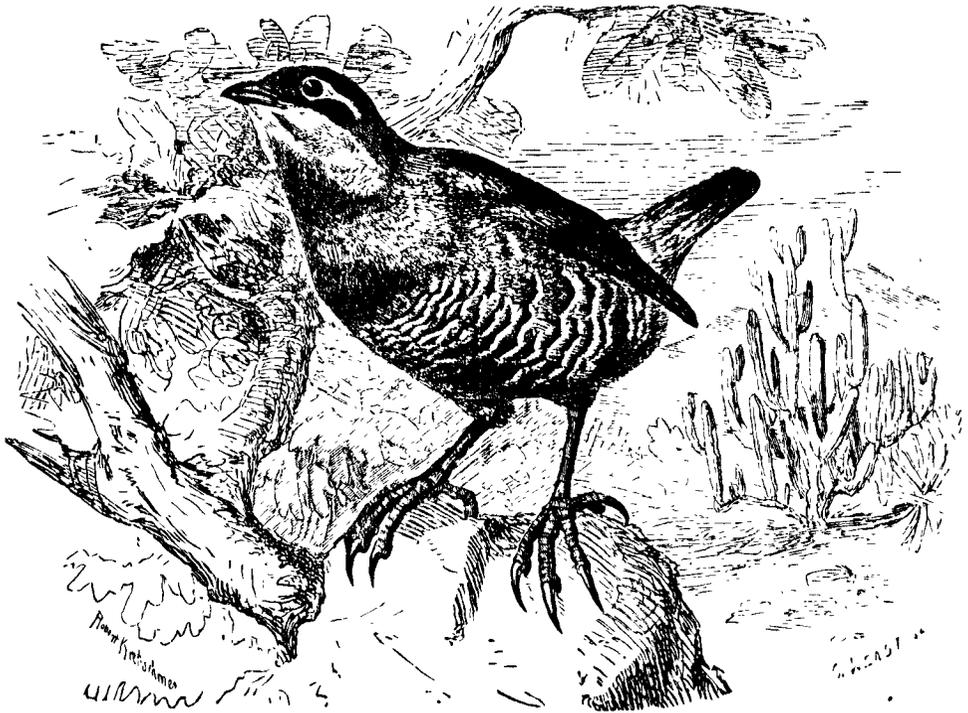

Муравьеловка огнеглазая. *Formicivora dominella*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ныхъ муравьевъ, которые какъ разъ въ это время трудились вокругъ обломка большого бамбуковаго ствола, между тѣмъ какъ самцы и самки огнеглазыхъ муравьеловокъ ловили ихъ съ большою жадностью и быстротою. Несмотря на пугливость, которую эти птицы обыкновенно выказываютъ, и быстроту, съ которою онѣ умѣютъ скрыться отъ выстрѣла, ихъ страсть къ муравьямъ была настолько велика, что даже выстрѣлы пугали ихъ только на мгновение. Карауля ихъ на землѣ и постоянно заряжая ружье, я могъ въ короткое время выстрѣлить шесть разъ подъ рядъ. Поразительно было то, что я нашелъ въ желудкѣ убитыхъ птицъ почти исключительно остатки кузнечиковъ и другихъ прямокрылыхъ. Поэтому муравьи, по всей вѣроятности, составляютъ для этихъ птицъ скорѣе лакомство, нежели настоящую пищу». Другіе натуралисты также утверждаютъ, что около странствующихъ муравьевъ, охота на этихъ, обыкновенно столь осторожныхъ, птицъ чрезвычайно легка. Гораздо труднѣе вытащить убитую птицу изъ середины этого странствующаго стада, не подвергая себя сотнямъ укусовъ озлобленныхъ насѣкомыхъ. Киттлицъ также говоритъ, что онъ былъ странно

искусанъ муравьями, хотя, къ счастью, они слишкомъ торопились, въ противномъ-же случаѣ бросились-бы на него цѣлыми массами.

Второе подсемейство шерстоспинныхъ. **Гилянты** (Hylactinae), имѣютъ представителей **Тупаколовъ** (Hylactes), изъ которыхъ мы приводимъ самый извѣстный изъ всѣхъ видовъ, **Тюрко**, **Тапаколо** чилийцевъ (Hylactes megarodius, Pteroptochus megarodius, Megalonyx rufus, Leptonyx macropus. Türkenvogel. Tapacole). Его опереніе на верхней сторонѣ темное оливково-бурое, на надхвостьѣ-же красно-бурое; полоса на вискахъ, подбородокъ и нижняя область щекъ—бѣлые, уздечка и ушная область темно-коричневая, остальные нижнія части оливково-ржаво-корич-

Тюрко. Hylactes megarodius. $\frac{2}{5}$ наст. вел.

левыя; стороны брюшка и бедеръ разрисованы узкими черноватыми и широкими бѣлыми поперечными полосами, нижнія покровныя перья хвоста блѣдно-бурыми, грудь и середина брюшка, по бѣловатому фону, узкими, темно-бурыми поперечными полосами. Маховыя перья снаружи имѣютъ ржаво-коричневая каемки, хвостовыя перья темно-коричневая. Глаза темно-каріе, клювъ черно-бурый, ноги также черно-бурого цвѣта. Длина тѣла приблизительно 27 см., длина крыла 10 см., а хвоста 9 см.

Образъ жизни этой птицы требуетъ еще тщательнаго разслѣдованія. «Хотя эта замѣчательная птица живетъ обыкновенно уединенно», говоритъ Киттлицъ про тюрко, найденнаго имъ вблизи Вальпарайзо, «однако она даетъ знать каждому естествоиспытателю о своемъ присутствіи на косогорахъ, покрытыхъ особымъ видомъ бамбуковъ, трескучими и шинящими криками, слѣдующими одинъ за другимъ, въ неравномѣрные промежутки времени; крики эти сначала очень громки и мало по малу постепенно дѣлаются тише. Тапаколо и его сородичи часто представляютъ край-

не удивительное зрѣлище, когда они внезапно выскакиваютъ изъ чащи, помогая быстрому бѣгу своими короткими, неспособными къ летанію крыльями, съ такою-же осанкою, которую мы привыкли видѣть у нашихъ крапивниковъ, и показываются на мгновение на какомъ-нибудь выдающемся предметѣ у опушки чащи, достигши его неожиданнымъ, очень большимъ скачкомъ. Такимъ-же скачкомъ они вдругъ снова исчезаютъ». Дарвинъ сообщаетъ о нихъ нѣсколько подробнѣе: «Между птицами Чили самыя замѣчательныя это двѣ трясогузки. Первая, называемая чилийцами «Турко», встрѣчается нерѣдко. Она живетъ на землѣ, защищенная кустами, которыми часто покрыты сухіе и голые холмы. Можно часто видѣть, какъ эта птица, съ ногами, похожими на ходули, и поднятымъ вверхъ хвостомъ, съ необыкновенной быстротою съ шумомъ пробѣгаетъ отъ одного куста въ другой. Въ самомъ дѣлѣ, не надо имѣть черезъ-чуръ много фантазіи, чтобы повѣрить, что птица стыдится самое себя и знаетъ о своемъ смѣшномъ видѣ. Когда ее видишь въ первый разъ, то хочется воскликнуть: худо набитое птичье чучело убѣжало изъ музея и снова ожило! Только при большомъ усилии можно заставить ее летѣть. Она даже не бѣгаетъ, а только прыгаетъ. Разнообразные, громкіе звуки, которые она издаетъ, когда прячется въ кустарникѣ, такъ-же странны, какъ и вся ея внѣшность. Она вьетъ свое гнѣздо въ глубокой норѣ подъ землею. Я разрылъ нѣсколько подобныхъ гнѣздъ. Очень мускулистый желудокъ содержалъ жуковъ, растительныя волокна и камешки. Эта птица по длинѣ ногъ, по скребущимъ лапамъ и по кожистому покрову ноздрей, повидимому, служить въ извѣстной мѣрѣ переходною формою между дроздами и куриными. Одинъ близко-родственный турко видъ, **Птица Лайна**, (*Hylactes tairii*) называется туземцами **Гидь-Гидь**. Это названіе очень къ птицѣ подходитъ, такъ какъ никто навѣрное не можетъ различить, не маленькая-ли собачка лаетъ въ дѣсу. Иногда лай слышенъ совсѣмъ близко, но напрасно стараешься открыть виновника, хотя однако при другихъ обстоятельствахъ гидь-гидь безъ страха близко подходитъ къ людямъ. Оба вида вьютъ свои гнѣзда очень близко къ землѣ, подъ гниющими вѣтвями. Такъ какъ почва тамъ чрезвычайно сыра, то это служить причиной, что они не вырываютъ ямъ».

Около 300 видовъ южно и средне-американскихъ птицъ соединяютъ въ семейство **Горшечниковъ** (*Anatidae*). Между ними **Печники** (*Furnarius*. *Töpfervogel*. *Fourniers*) напоминаютъ нѣкоторыхъ дроздовъ, но, какъ замѣчаетъ Дарвинъ, не могутъ быть приравнены ни къ одной европейской птицѣ. Клювъ у нихъ длиною почти съ голову, или немного короче, довольно толстый, прямой или немного загнутый, по сторонамъ сдавленный; ноги съ длинными плюсами и толстыми пальцами, вооруженными маленькими, слабо загнутыми когтями; крылья средней длины и тупыя, третье маховое перо у нихъ самое длинное, первое замѣтно укорочено, а второе лишь немного; хвостъ скорѣе короткій, чѣмъ длинный, и мягкоперый.

«Если перейти», говоритъ Бурмейстеръ, «высокія горныя цѣпи Бразиліи, отдѣляющія богатые лѣсомъ береговья области отъ внутреннихъ травяныхъ пампасовъ, и спуститься въ холмистую долину Рио-Велласъ, то по дорогѣ всюду встрѣчаешь на большихъ одинокостоящихъ деревьяхъ около жилищъ колонистовъ большіе, дынеобразные, глиняные комы, которые стоятъ на горизонтальныхъ вѣтвяхъ, толщиною въ руку и имѣютъ по сторонамъ и сверху правильные своды. На первый взглядъ эти глиняные комы кажутся въ высшей степени странными. Ихъ можно сначала принять за гнѣзда термитовъ, но только до тѣхъ поръ, пока не замѣтишь на одной изъ сторонъ открытый входъ. Однако величина и поразитель-

ная гладкость говорить противъ этого предположенія, такъ какъ гнѣзда термитовъ имѣютъ очень неровную поверхность, а также никогда не строятся на одной вѣтви, а, напротивъ того, осторожно прислонены къ развилинѣ, образованной вѣтвями. Но разъ только убѣдишься въ правильной формѣ этихъ глиняныхъ комовъ, то скоро можно опредѣлить и ихъ назначеніе. Нельзя не замѣтить большой яйцеобразный летокъ и, если достаточно внимательно всмотрѣться, то можно иногда разглядѣть влетающую и вылетающую маленькую красно-желтую птичку, вслѣдствіе чего легко узнать, что эта удивительная постройка — птичье гнѣздо. Это такъ и есть на самомъ дѣлѣ, и именно гнѣздо печника, котораго каждый минейро (рудокопъ) знаетъ подъ именемъ «глинянаго Ваньки» (Joao de barro), и на котораго онъ смотритъ съ особеннымъ доброжелательствомъ.

Печникъ рыжій (*Furnarius rufus*, *Merops rufus*, *Turdus badius*, *Figulus albogularis*, *Opetiorhynchus ruficaudus*. Töpfervogel. Fournier) окрашенъ сверху въ ржаво-буро-красный цвѣтъ, на головѣ и на нижнихъ шейныхъ перьяхъ тусклѣе; крылья сверху бурья, на нижней сторонѣ свѣтлѣе, середина горла чисто-бѣлая; отъ глазъ назадъ идетъ яркая ржаво-желтая полоса; маховыя перья сѣрыя, большія маховыя перья у основанія на нѣкоторомъ пространствѣ окаймлены блѣдно-желтымъ; рулевыя перья ржаво-желто-красныя; глаза желто-бурые, клювъ бурый, нижняя челюсть у основанія бѣловатая; ноги бурья. Длина 19 см., размахъ крыльевъ 27 длина крыла 10, а хвоста 7 см.

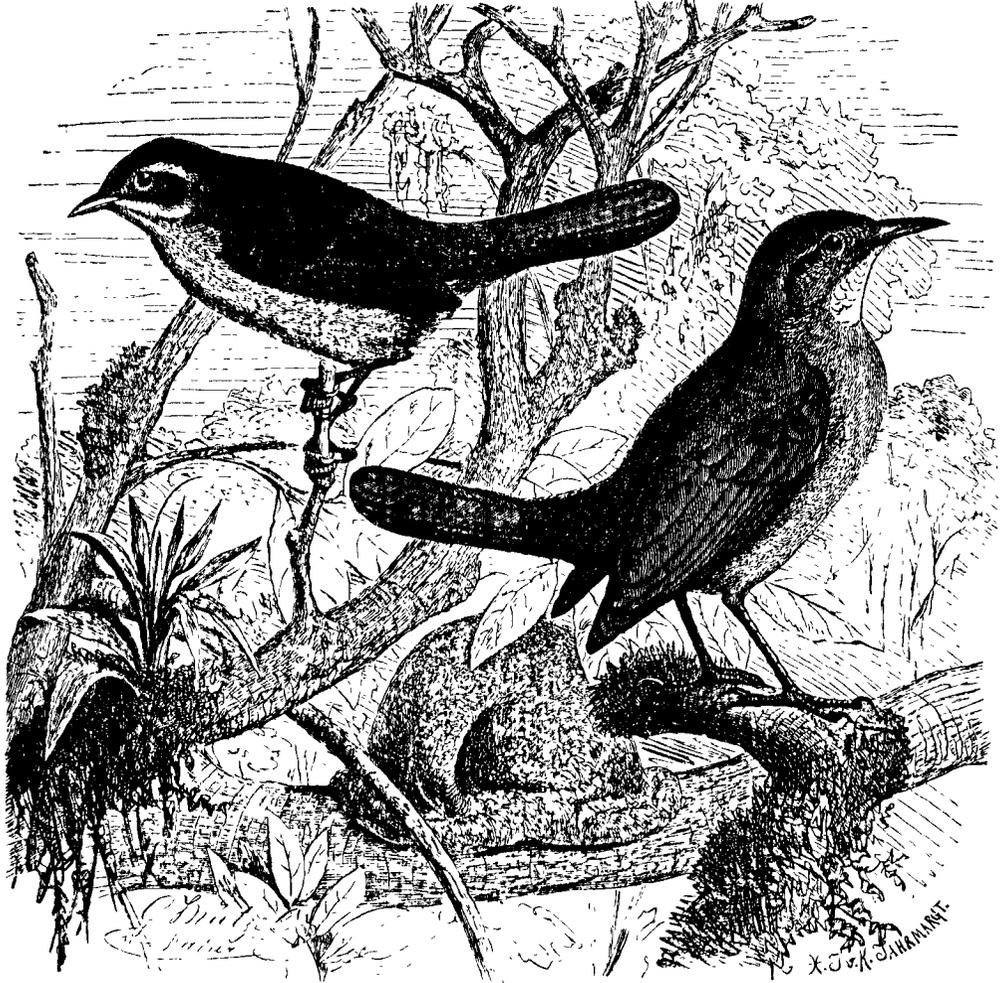
По показаніямъ д'Орбиньи рыжій печникъ живетъ приблизительно такъ, какъ наши дрозды, лазая по вѣтвямъ и прыгая по землѣ. На вѣтвяхъ онъ очень оживленъ и веселъ, и его удивительный голосъ раздается часто. Его встрѣчаютъ обыкновенно парами, которыя живутъ большею частью особнякомъ, но иногда случается, что самецъ или самка присоединяется на нѣкоторое время къ другимъ птицамъ; когда улетитъ самка, то, какъ говорить д'Орбиньи, очень смѣшно смотрѣтъ на самца, который осторожно приближается къ своимъ соперникамъ, но драться съ ними однако не осмѣливается. Пища печниковъ состоитъ изъ насѣкомыхъ и сѣмянъ, по словамъ же Бурмейстера, только изъ насѣкомыхъ, которыхъ они поднимаютъ съ земли, такъ какъ никогда не видали печника, гонящагося за ними по вѣткамъ и еще менѣе — преслѣдующаго летящихъ насѣкомыхъ. По землѣ двигается онъ очень проворно, прыгая большими скачками, полетъ же, вслѣдствіе короткости крыльевъ, не скорый и никогда не бываетъ продолжительнъ.

Голосъ, по всей вѣроятности, въ высшей степени замѣчательнъ, такъ какъ все писатели упоминаютъ о немъ, одни съ похвалою, другіе менѣе благосклонно. «Его громкій, далеко слышимый голосъ», говоритъ Бурмейстеръ, «звонокъ и рѣзокъ; обыкновенно кричатъ обѣ птицы вмѣстѣ, сидя гдѣ-нибудь на домѣ или деревѣ, но съ различной интонаціей: самецъ кричитъ скорѣе, самка значительно тише и терціей ниже. Этотъ способъ пѣнія крайне поразителенъ, когда его слышишь въ первый разъ, но во всякомъ случаѣ пріятнымъ его назвать нельзя, въ особенности, когда обѣ птицы перебиваютъ разговоръ вашъ, т. е. начинаютъ кричать, если остановившись гдѣ-нибудь, начинаешь громко говорить. Въ саду моего друга Лунда это случалось ежедневно со мной, и часто, когда птицы начинали свой крикъ, мой гостепріимный хозяинъ говорилъ мнѣ: «дайте сначала имъ накричаться, онѣ все равно не дадутъ намъ сказать слова».

Можно скоро замѣтить, что столь сильно поражающая вначалѣ смѣлость печника вполне понятна. Онъ считается у бразильцевъ священной, истинной христіанской птицей, такъ какъ утверждаютъ, что по воскресеньямъ онъ не работаетъ

надъ своимъ гнѣздомъ и постоянно обращаетъ вылетное отверстіе на востокъ. «Что послѣднее показаніе», говоритъ Бурмейстеръ, «невѣрно, я скоро замѣтилъ самъ и убѣдилъ въ этомъ многихъ туземцевъ, которыхъ вслѣдствіе этого созвалъ на совѣтъ. Повѣрье же, что птица не работаетъ по воскресеньямъ имѣть, конечно, основаніе вслѣдствіе той скорости, съ которой она оканчиваетъ свою трудную работу: если она начала гнѣздо не въ самое воскресенье, то оно бываетъ готово раньше, чѣмъ наступитъ слѣдующее.

«Самая постройка гнѣзда такою маленькою птичкою дѣйствительно работа,

Пучкогнѣздъ бразильскій. *Synallaxis frontalis*. Печникъ рыжій. *Furnarius rufus* $\frac{1}{2}$ наст. вел.

достойная удивленія. Мѣсто, куда она его прикрѣпляетъ, обыкновенно вполнѣ горизонтальная или иногда даже немного наклонная часть древесной вѣтки, толщиною въ 8 см. или болѣе. Очень рѣдко находятъ гнѣзда на другихъ мѣстахъ: крышахъ, высокихъ балкахъ, крестахъ церквей и т. д. Обѣ птицы строятъ его вмѣстѣ. Сначала онѣ кладутъ горизонтальное основаніе изъ глины, которая въ большомъ количествѣ находится въ деревьяхъ, на большихъ дорогахъ и превращается въ дорожную грязь послѣ первыхъ проливныхъ дождей, совпадающихъ со

временемъ постройки гнѣзда. Птицы дѣлаютъ изъ нея шаровидные комочки, величиною съ ружейную пулю, носить ихъ на дерево и тамъ расправляютъ клювомъ и ногами. Обыкновенно въ гнѣздѣ попадаютъ и растительныя вещества. Когда основаніе достигло 20—22 см. въ ширину, парочка начинаетъ выводить на каждомъ его концѣ прямостоящую, по сторонамъ немного наклонную кнаружи стѣнку, которая на концѣ достигаетъ наибольшей высоты (до 5 см.); къ серединѣ сторонъ она понижается, такъ что края образуютъ на обоихъ концахъ согнутую дугу. Когда стѣнка готова и достаточно просохла, на нее кладется другая, подобная-же, уже нѣсколько болѣе наклоняющаяся внутрь. Птицы и ей даютъ прежде всего высохнуть и продолжаютъ затѣмъ стройку тѣмъ же порядкомъ, соединяя обѣ стороны въ видѣ свода. Въ одной изъ боковыхъ стѣнокъ остается круглое отверстіе, которое сначала имѣетъ видъ круга, позднѣе-же замазывается съ одной стороны такъ, что превращается въ отвѣсно стоящій полукругъ. Это летокъ; я не видалъ летка другой формы, а постоянно въ видѣ продольнаго отверстія, 7—10 см. высоты и 5 см. ширины. Поэтому подобное-же показаніе Азары не есть ошибка переводчика, какъ предполагаетъ Тинеманъ, такъ какъ я никогда не видалъ готоваго гнѣзда съ поперечнымъ выходнымъ отверстіемъ, какъ описываетъ вышеозначенный натуралистъ».

«Отверстіе лежитъ, если стоять прямо передъ гнѣздомъ, постоянно на лѣвой половинѣ передней поверхности; правая сторона отверстія не имѣетъ. Внутренній край отверстія стоитъ такимъ образомъ прямо и отвѣсно, наружный дугообразно вырѣзанъ. Готовое гнѣздо похоже на маленькую русскую печь, 15—18 см. высоты, 20—22 длины и 10—12 см. глубины. Его глиняная стѣна бываетъ толщиною отъ 2,5—4 см., слѣдовательно внутреннее углубленіе заключаетъ въ себѣ пространство отъ 10—12 см. высоты, 12—15 длины и 7—10 см. ширины. Одно почти готовое гнѣздо, которое я взялъ съ собой, вѣсило 4,5 kg. Въ этомъ углубленіи птица устраиваетъ настоящее гнѣздо, вставляя внутрь отъ прямого края отверстія отвѣсную неполную перегородку, отъ которой поперекъ дна гнѣзда идетъ маленькій порогъ. Это — мѣсто для высиживания дѣтей; оно тщательно выкладывается вокругъ сухими стебельками травы, влѣтенными въ нихъ перьями, пучками хлопка и т. д. Тогда жилище рыжаго печника готово. Птичка кладетъ туда свои 2—4 бѣлыхъ яичка, и обѣ птицы высиживаютъ и кормятъ своихъ птенцовъ. Первое гнѣздо устраивается въ концѣ августа; высиживаніе совпадаетъ съ началомъ сентября. Вторая кладка происходитъ еще позднѣе въ томъ же году».

Азара держалъ въ неволѣ взрослога печника приблизительно около мѣсяца и кормилъ его рисомъ и сырымъ мясомъ; птица предпочитала послѣднее. Если кусокъ мяса былъ настолько великъ, что его нельзя было проглотить, то печникъ хваталъ его ногами и отрывалъ клювомъ маленькіе кусочки. Если онъ хотѣлъ ходить, то крѣпко опирался на одну ногу, поднималъ затѣмъ другую, держалъ ее нѣкоторое время, прямо протянувши на воздухъ, и опускалъ передъ собой, чтобы освободить первую. Только послѣ нѣсколькихъ такихъ упражненій въ церемониальномъ маршѣ, онъ начиналъ бѣгать какъ слѣдуетъ. Часто во время быстрого бѣга онъ вдругъ останавливался, а иногда употреблялъ попеременно оба рода ходьбы, подвигаясь то величественными, то очень быстрыми шагами. При этомъ онъ держалъ себя свободно и непринужденно, однако старался приподнимать какъ голову, такъ и хвостъ. Когда онъ пѣлъ или кричалъ, то принималъ гордую осанку, выпрямлялся, вытягивалъ шею и хлопалъ крыльями. Другихъ птицъ онъ прогонялъ съ большимъ озлобленіемъ, когда тѣ приближались къ его кормушкѣ.

Въ Южной Америкѣ нашихъ синицъ и пищухъ напоминаютъ **Древолазы** (*Anabatinae*). Большинство видовъ этого подсемейства тѣлосложенія стройнаго, короткокрылы и длиннохвосты; клювъ величиною почти съ голову, довольно толстый, прямой или согнутый; ноги средней высоты съ короткими пальцами, вооруженными также короткими, мало изогнутыми когтями. Четвертое маховое перо въ крылѣ самое длинное; хвостъ состоитъ изъ двѣнадцати сильно ступенчатыхъ перьевъ.

Всѣ древолазы принадлежатъ къ континентальнымъ птицамъ Южной Америки; они исключительно живутъ въ лѣсахъ и только отъ времени до времени выходятъ на открытыя мѣстности. Весьма живо и проворно, постоянно двигаясь, проползаютъ они черезъ темные низкіе кустарники, вспрыгиваютъ на вѣтки и ходятъ по нимъ, какъ наши синицы, или привѣшиваются снизу, но никогда не лазаютъ по стволамъ вверхъ и внизъ, подобно дятламъ и пищухамъ. У многихъ изъ этихъ видовъ странный громкій голосъ; другіе издають лишь короткій, довольно тихій, призывной звукъ. Всѣ безъ исключенія охотятся за насѣкомыми почти такимъ-же образомъ, какъ и наши синицы. Многие вьютъ удивительныя, часто висяція и преимущественно закрытыя сверху гнѣзда. * *

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ видовъ — **Пучкогнѣздъ Бразильскій** (*Synallaxis frontalis*, *Anumbius* и *Sphenura frontalis*, *Anabates* и *Phacellodomus rufifrons*, *Malurus garrulus*. Bündelnister. Sphenure), представитель **Пучкогнѣздовъ** (*Synallaxis*), отличительные признаки которыхъ заключаются въ короткомъ, сильно сжатомъ, довольно прямомъ, лишь на концѣ слабо загнутомъ клювѣ, въ высокихъ ногахъ съ толстою плюсною, округленныхъ крыльяхъ и хвостѣ, состоящемъ изъ узкихъ, мягкихъ, на концѣ широкихъ и закругленныхъ перьевъ. Опереніе верхней стороны свѣтлое коричнево-оливково-сѣрое, нижней — блѣдное коричневатое-сѣрое; лобъ темный, ржаво-бурый, полоса надъ глазами бѣлая, маховыя перья сѣро-бурыя съ блѣдно-краснымъ отгѣнкомъ на передней бороздкѣ пера. Глаза пепельно-сѣрые; клювъ сверху темнаго сѣро-бураго, снизу бѣловато-сѣраго рогового цвѣта; ноги голубоватаго рогового цвѣта. Длина птицы 17 см., длина крыла 6, хвоста 7 см.

«Эта милостивая птичка», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «никогда не встрѣчалась мнѣ въ обширныхъ приморскихъ провинціяхъ, и я ее находилъ лишь во внутреннихъ, возвышенныхъ, выжженныхъ солнечнымъ зноемъ мѣстностяхъ въ провинціяхъ Минасъ-Гераэсъ и Бахія, гдѣ она заселяетъ открытыя мѣстности, поросшія кустарникомъ, и проворно летаетъ и прыгаетъ отъ одного дерева или куста къ другому. По образу жизни она походитъ на родственные ей виды и, повидимому, наиболѣе приближается къ **Красноглазому Древолазу** (*Anabates erytrophthalmus*).

О послѣдней птицѣ этотъ писатель замѣчаетъ слѣдующее. «Она принадлежитъ къ тѣмъ птицамъ большихъ лѣсовъ, которыхъ издали можно узнать по ихъ странному, громкому голосу, состоящему изъ нѣсколько постоянно однообразно измѣняющихся звуковъ. Я нѣсколько дней жилъ въ одной заброшенной избушкѣ въ громадномъ лѣсу и постоянно слышалъ въ вершинахъ древесныхъ стволовъ, переплетенныхъ разнообразными вьющимися растеніями и окруженныхъ низкимъ кустарникомъ, странный, изъ шести тоновъ состоящій голосъ какой-то птицы, которую я никакъ не могъ увидѣть до тѣхъ поръ, пока наконецъ случай не помогъ мнѣ. Эта птица живетъ въ густомъ, высокомъ дремучемъ лѣсу, во время высиживанія птенцовъ по-парно, въ остальную-же часть года — семьями. Подобное семейство жило близко отъ насъ, и я прекрасно могъ его наблюдать. На небольшомъ пространствѣ, покрытомъ низкимъ кустарникомъ, стояло нѣсколько старыхъ

высокихъ деревьевъ съ вершиной, покрытой густой листвою; они уцѣляли при обработкѣ этого участка земли. Съ одного изъ этихъ деревьевъ на длинномъ, тонкомъ вьющемся растеніи спускался пучекъ хвороста, который и былъ гнѣздомъ этихъ птицъ. Мы видѣли, какъ онѣ ежедневно въ него прятались. Днемъ онѣ летали всѣ вмѣстѣ по сосѣднимъ лѣсамъ, при чемъ постоянно былъ слышенъ ихъ громкій особенный голосъ. Съ наступленіемъ вечера слышно было, какъ семейство приближалось, и я видѣлъ, какъ птицы, одна за другой, прыгали съ сучка на сучекъ, затѣмъ двѣ изъ нихъ, по всей вѣроятности молодыя, быстро подлетали къ висящему гнѣзду и влѣзали въ него. Несмотря на то, что онѣ были уже вполне взрослыя, онѣ имѣли обыкновеніе постоянно ночевать тамъ. Когда онѣ находились въ гнѣздѣ, то можно было нѣсколько разъ выстрѣлить въ него большою стрѣлою, прежде чѣмъ птицы его покидали. Съ наступленіемъ дня онѣ снова оставляли свое жилище; тотчасъ-же раздавался въ лѣсу ихъ голосъ и онѣ начинали перекликаться другъ съ другомъ. Онѣ, кажется, веселыя птицы и очень любятъ другъ друга, такъ какъ постоянно перекликаются и по вечерамъ собираются въ одномъ мѣстѣ. Онѣ скачутъ по вѣткамъ съ сильно поджатыми ногами, поднимаютъ при этомъ свой длинный, обыкновенно растрепанный, пучкообразный хвостъ, шевелятъ имъ и лазаютъ во всѣхъ направленіяхъ по вьющимся растеніямъ то туда, то сюда, причемъ обыкновенно прыгаютъ въ стороны, слѣдовательно не такъ, какъ дятлы. Желудокъ ихъ я нашелъ наполненнымъ насѣкомыми».

«Гнѣздо бразильскаго пучкогнѣзда я находилъ въ срединѣ февраля и постоянно на низкихъ, тонкихъ боковыхъ вѣткахъ деревьевъ средней высоты. Это гнѣздо образуетъ продолговатый большой вѣникъ изъ короткаго хвороста, большею частью толщиною въ полъ-пальца, который различнымъ образомъ переплетенъ между собою и наваленъ другъ на друга. Кончики прутьевъ неаккуратно торчатъ во всѣ стороны, такъ что къ гнѣзду, которое иногда бываетъ въ одинъ метръ и длиннѣе, очень трудно прикоснуться. Весь хворостъ скрѣпленъ разнообразными тонкими растеніями. Около дна или нижняго спускающагося конца сдѣланъ маленькій, круглый входъ; затѣмъ онъ прямо поднимается внутри и только въ наружномъ большомъ пучкѣ хвороста свито настоящее гнѣздо изъ мха, шерсти, нитокъ, лыка и сухихъ травъ. Если разорвать большой наружный пучекъ хвороста, то найдешь въ немъ только что описанное маленькое, сверху закрытое гнѣздышко, гдѣ птица очень мягко и она чувствуетъ себя въ теплѣ и безопасности. Она увеличиваетъ ежегодно свое гнѣздо, постоянно пристраивая во время гнѣздованія вокругъ прежнихъ гибкихъ вѣтвей новый пучекъ хвороста на прошлогоднемъ и вѣтъ въ немъ свое маленькое гнѣздышко изъ мха. Эта странная постройка большею частью такъ тяжела, что человѣкъ едва можетъ держать ее на вѣсу. Если раскрыть удивительную постройку, то сверху всегда найдешь новое гнѣздо, а подъ нимъ цѣлый рядъ старыхъ, въ которыхъ часто живутъ самцы».

Свайнсонъ, впервые описавшій это гнѣздо, увѣряетъ, что оно придаетъ пѣнзаку тѣхъ мѣстъ особенный характеръ. Кладка состоитъ изъ 4 кругловатыхъ, чисто-бѣлыхъ яицъ.

Тиранны (Tyrannidae) соединяютъ въ себѣ нравы и свойства какъ сорокопудовъ, такъ и мухоловокъ. Семейство, насколько до сихъ поръ извѣстно, состоитъ болѣе чѣмъ изъ 450 видовъ, которые живутъ въ Америкѣ и имѣютъ представителей на обѣихъ половинахъ этого материка.

Тиранны принадлежатъ къ числу такихъ птицъ, которыхъ каждый имѣетъ возможность знать и наблюдать, такъ какъ они отличаются какъ своимъ образомъ

жизни, такъ и голосомъ, и безобоязненно гнѣздятся вблизи человѣческихъ жилищъ.

На слѣдующихъ страницахъ описываются наиболѣе извѣстные виды этого многочисленнаго семейства, болѣе подробное описаніе котораго невозможно изъ-за недостатка мѣста.

* * *

Пипры (*Pipra. Schnurrenvoegel. Manakins*), числомъ около 60, называемыя также **Манакинами**, населяютъ Южную и среднюю Америку. Клювъ ихъ коротокъ и довольно высокъ, на хребтѣ болѣе или менѣе острый, начиная отъ середины сжатый съ боковъ, передъ крючкомъ верхней челюсти замѣчается небольшая вырѣзка; плюсны высоки и тонки, а пальцы коротки; наружныя и средніе пальцы до половины срослись. На крыльяхъ четвертое маховое перо самое длинное; когда крылья сложены, то кончики ихъ едва достигаютъ основанія хвоста; первыя большія маховыя перья ступенчато укорочены и на самомъ концѣ сильно сужены; короткій хвостъ или ровно обрубленъ или вслѣдствіе удлиненія среднихъ перьевъ, клинообразно заостренъ. Опереніе прилегаеть къ тѣлу довольно плотно и притомъ въ области лба очень коротко, однако покрываетъ собою носовыя отверстія и у края клюва превращается въ тонкія щетины. У самцовъ основная окраска черная, но на нѣкоторыхъ мѣстахъ тѣла къ ней присоединяются самыя яркіе цвѣта. Напротивъ того, самки почти всѣхъ видовъ имѣютъ одноцвѣтное сѣро-зеленое опереніе, и на нихъ болѣе или менѣе походятъ и птенцы обоихъ половъ.

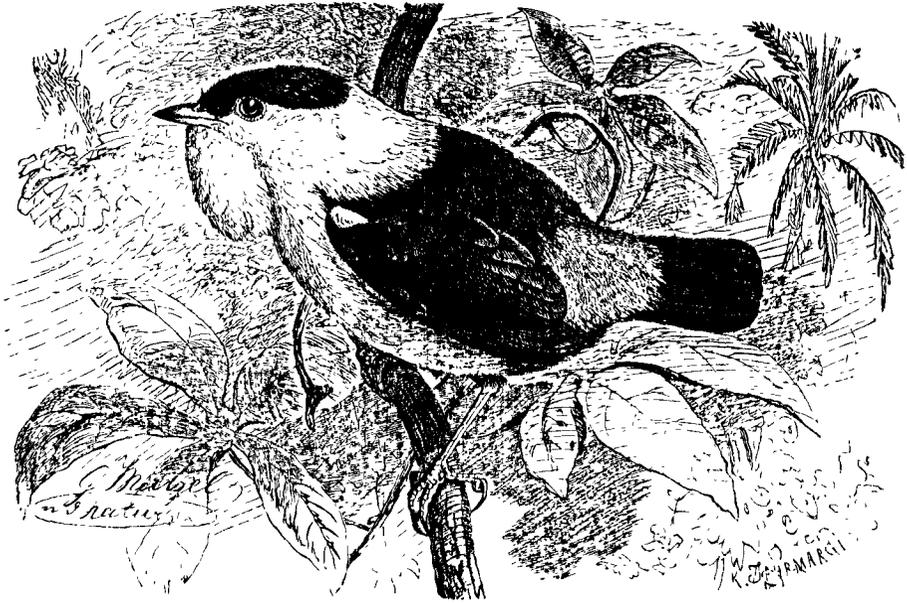
По своему образу жизни и нраву пипры больше всего напоминаютъ нашихъ синицъ. Онѣ живутъ парами или маленькими семействами и обществами, прыгаютъ съ вѣтки на вѣтку и, если ихъ вспугнуть, то улетаютъ, но недалеко и невысоко; онѣ веселы и беспокойны и поэтому, конечно, могутъ оживить лѣсъ своимъ присутствіемъ. Какъ и большинство птицъ дѣвственныхъ лѣсовъ, пипры предпочитаютъ сырые лѣса и почти со страхомъ избѣгаютъ безлѣсныхъ, равно какъ и открытыхъ мѣстностей рѣчныхъ береговъ. Въ утренніе часы ихъ встрѣчаешь небольшими обществами даже въ соединеніи съ другими птицами; къ полдню эти общества разъединяются, и каждая птица ищетъ уединенія въ самой густой тѣни деревьевъ.

Пѣніе ихъ незначительно, говоритъ Пеппигъ: это—тихое, однако довольно пріятное щебетанье; призывной голосъ похожъ на свистъ и часто повторяется. Онѣ ѣдятъ насѣкомыхъ и плоды; для нѣкоторыхъ главную пищу, повидимому, составляютъ ягоды, и изъ-за нихъ эти, обыкновенно осторожныя птицы, приближаются и къ человѣческимъ жилищамъ. «При устьи Паримы», говоритъ Шомбургкъ, «росло около нашей палатки фиговое дерево, покрытое спѣлыми плодами; впродолженіи цѣлаго дня оно посѣщалось этими, обыкновенно пугливыми птицами, которыя утоляли свой голодъ его маленькими сочными плодами». Довольно простое и безискусное гнѣздо сдѣлано изъ мха и внутри выложено растительною шерстью. Кладка состоитъ, какъ кажется, постоянно изъ двухъ, сильно продолговатыхъ яицъ, которыя покрыты по блѣдному фону мелкими крапинами; обыкновенно-же на тупомъ концѣ они имѣютъ цѣлый вѣничикъ изъ пятенъ.

Манакинъ (*Pipra manacus, gutturosa* и *edwardsi, Manacus niger* и *edwardsi, Chiro-machaeris manacus. Mönchsschmuckvoegel. Manakin d' Edwards*) съ длинными плюснами, серпообразно загнутымъ первымъ большимъ маховымъ перомъ и мягкимъ опереніемъ, которое на подбородкѣ сильно удлинено на подобіе борозды, представляетъ собою, хотя правда не одинъ изъ самыхъ красивыхъ, зато одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ видовъ этого рода. Темя, спина, крылья и хвостъ—черныя; надхвостье и гузка—сѣрыя; горло, шея, грудь и животъ—бѣлые. Глаза сѣрые, клювъ свинцо-

ваго цвѣта, на нижней челюсти бѣловатый, ноги блѣдно желтовато-мясного цвѣта. Длина его 12 см., размахъ крыльевъ 18, длина крыла 4,5, хвоста 2,8 см.

«Эта хорошенькая маленькая птичка», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «населяетъ большую часть Южной Америки. Ее встрѣчаютъ уже въ Гвианѣ, а въ южныхъ странахъ, по которымъ я путешествовалъ, она находится во множествѣ. Она живетъ въ густыхъ дѣственныхъ лѣсахъ и кустарникахъ, смѣняющихся открытыми полянами; за исключеніемъ времени спариванія, она странствуетъ маленькими, но часто и многочисленными обществами по кустарникамъ, какъ наши сеницы, живетъ по большей части близко отъ земли или на средней высотѣ, очень жива и постоянно въ движеніи; у нея короткій, но быстрый порывистый полетъ, во время котораго она издаетъ громкое странное жужжаніе, которое можно сравнить съ шумомъ веретена въ пряхлѣ. Это жужжаніе происходитъ отъ быстрого движенія кистевой части крыла и можетъ производиться даже послѣ смерти птицы, если быстро махать крыломъ.

Манакинъ. *Pipra manacus*. ♂ наст. вел.

Когда манакинъ движется, то часто слышенъ также его, упомянутый уже у Соини, голосъ—щелканье какъ-бы отъ расколотаго орѣха, за которымъ слѣдуетъ трещаніи, а затѣмъ низкій, жужжащій звукъ. «Сначала очень удивляешься такимъ страннымъ, внезапно и часто повторяемымъ въ чашѣ звукамъ и думаешь, что густыя басовыя ноты издаетъ большое животное, пока съ удивленіемъ не замѣтишь, что ихъ производитъ эта странная птичка. Я часто слыхалъ въ густомъ живописномъ сплетеніи темнаго лѣса, въ высшей степени удивительные звуки этого маленькаго манакина, въ то время, какъ онъ леталъ вокругъ насъ, щелкалъ и трещалъ, причѣмъ его нельзя было видѣть».

Вниманіе бразильцевъ было возбуждено одною особенностью манакина, именно, онъ обыкновенно надуваетъ свой зобъ, вслѣдствіе чего покрывающія его перья топорчатся впередъ на подобіе бороды. Этимъ объясняется употребляемое въ Бразиліи названіе этихъ птицъ, «Мопо», т. е. мовахъ. Пища этихъ птицъ, повидимому, смѣшанная и состоитъ какъ изъ ягодъ, такъ и изъ насекомыхъ. Гнѣзда ихъ такія-же,

какъ и у прочихъ видовъ. Вполнѣ достовѣрныя извѣстія о высиживаніи дѣтенышей мнѣ однако неизвѣстны.

* *
* *
* *

Вильсонъ, Одюбонъ, принцъ фонъ Видъ и другіе натуралисты дали намъ такія обстоятельныя свѣдѣнія о самомъ замѣчательномъ видѣ этого семейства, что мы позволимъ себѣ болѣе подробно остановиться на жизнеописаніи этой птицы. **Тираннъ Каролинскій** (*Tyrannus carolinensis, intrepidus, leucogaster* и *pipiri, Muscivora tyrannus, rex* и *animosa, Lanius tyrannus. Königsvogel. Tyran à ventre blanc.*) причисляется къ видамъ средней величины своего рода. Длина его 21 см., размахъ крыльевъ 36 см., длина крыла 12, длина хвоста 9 см. Мягкое и блестящее опереніе, удлинняющееся на головѣ на подобіе хохолка, на верхней сторонѣ темно голубовато-сѣрое, на сторонахъ головы темнѣе всего, между тѣмъ какъ узкія перышки хохолка великолѣпнаго огненно-краснаго цвѣта и окаймлены желтымъ; нижняя часть тѣла сѣровато-бѣлая, на груди съ пепельно-сѣрымъ налетомъ, шея и горло чисто-бѣлыя; маховыя и рулевыя перья буровато-черныя, послѣднія къ концу темнѣе и, какъ и кроющія перья крыльевъ, на концѣ бѣлыя. Глаза темно-бурые, клювъ черный, ноги сѣровато-голубыя. У самки все цвѣта тусклѣе и темнѣе.

«Каролинскій тираннъ», рассказываетъ Одюбонъ, «одинъ изъ самыхъ привлекательныхъ лѣтнихъ гостей Соединенныхъ Штатовъ. Онъ появляется въ Луизианѣ приблизительно въ серединѣ марта. Многіе остаются тамъ до середины сентября, но большее количество улетаетъ мало-по-малу къ сѣверу и распространяется по всемъ частямъ страны. Первые дни послѣ прилета птица кажется утомленной и скучной; по крайней мѣрѣ она бываетъ вполнѣ тиха, но какъ только къ ней возвращается ея обыкновенная живость, то въ каждомъ полѣ и вдоль опушекъ всѣхъ лѣсовъ слышишь ея пронзительный переливающійся голосъ. Она рѣдко живетъ внутри лѣса, предпочитаетъ болше фруктовые сады, поля, берега рѣкъ и сады, окружающіе дома плантаторовъ. Здѣсь ее легче всего наблюдать.

Когда приближается время высиживанія дѣтенышей, полетъ этихъ птицъ измѣняется. Супруги тогда летаютъ на высотѣ отъ 20—30 м. надъ землею, сильно трепеща крыльями, причемъ слышенъ почти безостановочно ихъ громкій крикъ. Самка слѣдуетъ за самцомъ и оба, повидимому, высматриваютъ мѣсто для гнѣзда. Между тѣмъ они обращаютъ также вниманіе и на насѣкомыхъ, сворачиваютъ за ними со своей дорожки въ одну сторону, то въ другую и искусно, съ размаха, схватываютъ высмотрѣнныхъ мухъ или бабочекъ. Это занятіе прерывается тѣмъ, что обѣ птицы садятся рядомъ на вѣткѣ, чтобы отдохнуть. Когда мѣсто гнѣздованія найдено, то счастливая парочка отыскиваетъ на землѣ сухія вѣтки, поднимается съ ними до горизонтальнаго сука и кладетъ на немъ основаніе колыбели для своихъ итенцовъ. Туда складываются клочки хлоска, пакля, шерсть и подобные матерьялы, которые придають гнѣзду значительную величину и подобающую прочность; внутреннія стѣны выкладываются довольно плотно тонкими корешками и конскими волосами.

Тогда самка кладетъ свои 4—6 яичекъ, имѣющихъ около 25 м.м. длины и 19 м.м. толщины, неправильно покрытыхъ коричневыми крапинками по красновато-бѣлому полю, и начинаетъ насиживать. Самецъ-же въ это время выказываетъ все свое мужество и рвеніе. Онъ сидитъ на вѣткѣ около своей любимой подружки и, повидимому, не имѣетъ другой мысли, какъ защищать и оберегать ее отъ всякой опасности. Приподнятыя и разставленныя перья на головѣ блестятъ подъ лучами солнца; бѣлая грудь свѣтится на далекое разстояніе. Такъ сидитъ онъ на своемъ посту и прилежно смотритъ по сторонамъ. Если онъ замѣтитъ ворону, коршуна, орла, вблизи

или вдали, то внезапно поднимается, приближается къ этому, безъ сомнѣнiя, довольно опасному противнику, и начинаетъ съ яростью на него нападать. Онъ бросается на него сверху, издаетъ свой воинственный крикъ, падаетъ нѣсколько разъ подъ рядъ на спину сильнѣйшаго противника и старается въ нее вцѣпиться. Такимъ образомъ слѣдуетъ онъ за менѣе ловкимъ врагомъ, постоянно оглушая его ударами клюва, на разстоянiи почти одного километра, до тѣхъ поръ, пока не считаетъ свою

Каролинскiй тиранъ. *Tyrannus carolinensis* и Бенгеви. *Tyrannus sulfuratus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

обязанность оконченною. Тогда онъ оставляетъ его и свѣнннть, но обыкновенно трепещетъ крыльями и издавая трели, обратно къ гнѣзду. Только немногiе сокола приближаются къ мѣсту гнѣздованiя каролинскаго тиранна. Даже кошка по возможности сидитъ у себя дома и, если она въ самомъ дѣлѣ появится, то маленькiй воитель, который такъ-же безстрашенъ, какъ и храбрѣйшiй орелъ, бросается на нее съ быстрымъ и сильнымъ движенiемъ и настолько ошеломляетъ ее постоянными нападенiями со всѣхъ сторонъ, что всякъ обращается въ бѣгство и со срамомъ отправляется во-своицъ.

Тираннъ этотъ не боится ни одного изъ своихъ воздушныхъ враговъ, за исключеніемъ пурпуровой ласточки. Хотя она часто помогаетъ ему въ защитѣ гнѣзда и потомства, однако иногда набрасывается на него съ такою яростью, что принуждаетъ тиранна къ отступленію. Безъ сомнѣнія, полетъ ласточки настолько превосходитъ полетъ тиранна по быстротѣ и силѣ, что помогаетъ ей безъ труда избѣгнуть удара сильнаго противника, который иначе могъ бы быть ей опасенъ. Одюбонъ приводитъ примѣръ, что пурпуровыя ласточки, которыя впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ были единственными обитателями одного двора, начали питать глубочайшее отвращеніе къ парѣ тиранновъ съ того дня, какъ тѣ осмѣлились свить гнѣздо на одномъ изъ деревьевъ, стоявшихъ близъ этого дома. Когда самка тиранна начала насидывать, ласточки нѣсколько дней подрядъ постоянно нападали на сторожащаго самца, сталкивали его на землю, несмотря на мужество и превосходящую силу, и мучили до тѣхъ поръ, пока тотъ не издохъ отъ изнеможенія. Тогда одинокая самка принуждена была отыскивать себѣ новаго защитника.

Тамъ, гдѣ много клеверныхъ полей, можно часто видѣть каролинскаго тиранна, который паритъ надъ ними, затѣмъ опускается между цвѣтами, снова поднимается и схватываетъ спугнутое насѣкомое. Иногда онъ измѣняетъ и этотъ способъ охоты, летая то туда, то сюда странными зигзагами, поворачивая то вверхъ, то внизъ, какъ будто намѣченная имъ добыча прилагаетъ все искусство летанія, чтобы отъ него избавиться. Къ августу птица становится молчаливою. Тогда она появляется на лежащихъ подъ паромъ поляхъ и лугахъ и высматриваетъ тамъ, сидя на высокомъ предметѣ, насѣкомыхъ, за которыми гоняется, какъ только ихъ примѣтитъ, уже безъ всякихъ предѣлокъ. Съ пойманной добычей птица возвращается на тотъ-же или подобный постъ, умерщвляетъ ее тамъ и пожираетъ. Въ это же время она часто пролетаетъ надъ большими потоками и озерами, подобно ласточкѣ, преслѣдуя насѣкомыхъ. Она, какъ и ласточка, скользитъ надъ водою, чтобы напиться; въ очень жаркую погоду она окунывается въ волны, чтобы выкупаться, но послѣ каждаго окуныванія садится на низкую прибрежную вѣтку и стряхиваетъ воду со своего оперенія.

Каролинскій тираннъ покидаетъ средніе штаты раньше другихъ лѣтнихъ гостей. Во время перелета онъ послѣшно стремится впередъ, быстро взмахивая крыльями 6 или 7 разъ подъ рядъ, а затѣмъ летитъ, не двигая крыльями, на протяженіи нѣсколькихъ метровъ. Въ началѣ сентября Одюбонъ видѣлъ стаи изъ 20—30 штукъ, летящихъ подобнымъ образомъ. Онѣ были вполнѣ безгласны и полетомъ своимъ живо напоминали дроздовъ. Птицы эти продолжаютъ перелетъ также и ночью, и къ 1-му октябрю въ Соединенныхъ Штатахъ не найдешь ни одного тиранна.

Каролинскій тираннъ заслуживаетъ полифійнаго доброжелательства и покровительства человека. Большое количество яицъ въ курятникѣ, которое онъ защищаетъ отъ грабительства воронъ, множество цыплятъ, сохранившихъ жизнь, благодаря его крику, отъ воровскихъ когтей сокола, и масса насѣкомыхъ, уничтожаемыхъ имъ, сильно перевѣшиваютъ вредъ отъ небольшого количества ягодъ и фигъ, которыя онъ съѣдаетъ. Мясо его нѣжно и вкусно, вслѣдствіе чего многихъ изъ этихъ полезныхъ животныхъ убиваютъ и не потому, какъ часто говорятъ, что эти птицы пожираютъ пчелъ, а потому, что жители Луизианы сами очень охотно ѣдятъ этихъ истребителей пчелъ.

Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ бразильскихъ тиранновъ—**Бентеви** (*Tyrannus sulfuratus, leucogaster* и *magnanimus, Saurophagus sulfuratus, Megarhynchus sulfuratus* и *flavus, Lanius* и *Pitangus sulfuratus. Bentevi. Tyran à ventre jaune*), на-

зывается такъ по своему очень отчетливому крику. Онъ отличается клювомъ, длиною съ голову, который болѣе высокъ, чѣмъ широкъ и почти конусовидной формы: на хребтѣ онъ закругленъ, на концѣ снабженъ большимъ крючкомъ и около него тонкимъ, но острымъ зубцомъ; сильныя ноги съ толстыми и высокими плюснами; крылья относительно длинныя, а хвостъ немного вырѣзанъ, пальцы длинныя, а когти серповидныя. Клювъ окруженъ щетинами, которыя идутъ около всего основанія клюва, а около угла его сильно утолщаются. Опереніе жесткое и мелкоперое. Длина бентеви 26 см., длина крыла 13, хвоста 8 см. Опереніе верхней стороны тѣла зеленовато-оливково-бурое, хохоль на темени, равно какъ и нижняя сторона тѣла, сѣрно-желтаго цвѣта. Лобъ и брови, горло и передняя часть шеи — бѣлыя; остальная часть темени, уздечка и нижняя часть щеки — черныя; кроющія перья крыльевъ, маховыя и хвостовыя перья окаймлены ржаво-красными каемками, маховыя перья и на внутренней сторонѣ широко окаймлены ржаво-желтыми каемками. У молодыхъ птицъ окраска оперенія блѣднѣе, темя совсѣмъ черное, опереніе крыльевъ и хвоста широко окаймлено ржаво-краснымъ.

Бентеви—одна изъ самыхъ извѣстныхъ птицъ Южной Америки, населяетъ въ большомъ количествѣ сѣверную Бразилію, Гвіану и Тринидадъ и встрѣчается повсемѣстно, именно же въ такихъ мѣстахъ, гдѣ открытыя поля смѣняются кустарникомъ. Его видишь, такъ сказать, на каждомъ деревѣ и повсюду слышишь его громкій, пронзительный голосъ. Онъ не боится близости жилищъ и поэтому встрѣчается также въ поселеніяхъ, по опушкамъ кустарниковъ и лѣса, а также на выгонахъ между пасущимся рогатымъ скотомъ. Одноко стоящее дерево, кустъ, высокій камень, земляная глыба, даже ровная поверхность земли или самыя густыя вѣтки древесной вершины служатъ ему мѣстомъ наблюденія, съ котораго онъ высматриваетъ добычу. Это неспокойная, живая, любопытная и задорная птица, съ громкимъ крикомъ ревниво преслѣдующая свою самку и часто изъ-за нея вступающая въ драку съ другими самцами. Шомбургкъ утверждаетъ даже, что бентеви находится въ непрерывныхъ ссорахъ со всеми птицами своего вида.

Его безпрестанный крикъ, который по-очередно издаетъ то самецъ, то самка, возбуждаетъ вниманіе каждаго чужеземца и уже давно переведенъ колонистами на разные языки: въ Бразиліи по португальски — какъ «ben-te-vii», въ Монтевидео и Буэнос-Айресѣ по испански—«bien-te-veo» (я тебя хорошо вижу), въ Гвіанѣ по французски—«qu'est ce qu'il dit?» (что онъ говоритъ?), и благодаря этому, птица стала очень популярна. Но вниманіе людей она привлекаетъ и инымъ способомъ, такъ какъ бентеви вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящій тираннъ, который не пропускаетъ ни одной хищной птицы безъ того, чтобы не потрепать ее: «Никогда онъ не пропуститъ случая», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «если можно подразнить или преслѣдовать хищную птицу». Но это не оканчивается однимъ лишь подразниваньемъ и окриками; бентеви приступаетъ и къ насилию, бросаясь на хищниковъ сверху или стараясь, насколько возможно, сильнѣе оглушить ихъ.

О бентеви говорятъ, что онъ не довольствуется насѣкомыми, а уносить также маленькихъ птичекъ изъ гнѣздъ, и это мнѣніе подтверждается наблюденіемъ Шомбургка, что этого тиранна преслѣдовали съ дикимъ крикомъ маленькія птички. Что онъ на самомъ дѣлѣ ѣстъ мясо, по увѣреніямъ Азары и д'Орбиньи, не подлежитъ никакому сомнѣнію, такъ какъ онъ часто приближается къ жилищамъ и лакомится мясомъ, повѣшеннымъ для сушки, появляется также около грифа, когда тотъ пожираетъ свою добычу и уже непременно тутъ какъ тутъ, когда послѣдній, жадно вырывая мясо изъ добычи, разбрасываетъ кусочки по сторонамъ. Однако главную его пищу составляютъ все-таки насѣкомыя: принцъ фонъ Видъ

нашелъ въ его желудкѣ лишь остатки жуковъ и кузнечиковъ. Охоту за этой добычей бентеви производить совѣмъ такъ же, какъ его родичи. Онъ глядитъ съ своего мѣста наблюденія по сторонамъ, летитъ за намѣченнымъ насѣкомымъ, съ поразительною увѣренностью ловитъ даже самое быстрое изъ нихъ, возвращается обратно на свое мѣсто и тамъ пожираетъ добычу. Съ большими насѣкомыми онъ, какъ кошка съ мышью, по нѣскольку минутъ играетъ, прежде, чѣмъ съѣсть ихъ. Какъ и другія насѣкомоядныя, онъ ѣстъ по временамъ и ягоды.

Передъ спариваніемъ самецъ постоянно летаетъ за избранной уже или избираемой самкой, выказываетъ все искусство летанія, играетъ хохолкомъ, постоянно кричитъ и инымъ образомъ старается быть любезнымъ. Когда птицы спарились, то онѣ приступаютъ къ постройкѣ гнѣзда, которое устраивается довольно искусно. Принцъ фонъ-Видъ нашелъ его весною, т. е. въ концѣ августа, или въ началѣ сентября, въ развилкѣ вѣтвей густого куста или довольно высокаго дерева. Оно имѣетъ видъ толстаго, большого, круглаго комка, изъ мха, листьевъ, стебельковъ и перьевъ, у котораго спереди находится маленькое круглое отверстіе. Кладка состоитъ изъ 3—4 яицъ, блѣдно-зеленоватаго цвѣта и покрытыхъ, къ тупому концу особенно сильно, разбросанными черными и сине-зелеными пятнышками. Само собою разумѣется, что бентеви во время насиживанія становится задорнѣе и храбрѣе, чѣмъ когда-либо: около своего гнѣзда онъ истинный тираннъ.

Пойманные бентеви встрѣчаются въ настоящее время нерѣдко въ Европѣ и пріобрѣтаютъ себѣ симпатію каждаго любителя своимъ гордымъ видомъ, удивительною ловкостью при полетѣ, соединенною съ острымъ зрѣніемъ, и выносливостью.

Уже Молина, первый естествоиспытатель, описавшій Чили, упоминаетъ объ одной, въ высшей степени замѣчательной южно-американской птицѣ и сообщаетъ объ ея образѣ жизни чрезвычайно странныя вещи. «Косецъ», говоритъ онъ, «питается травами, но имѣетъ дурное свойство съѣдать ихъ не раньше, какъ скосивши стебель около самаго корня. Иногда онъ срываетъ растение лишь для przeprowadенія времени, не съѣдая отъ него ни одного листочка. Вслѣдствіе этого туземцы преслѣдуютъ его безостановочно и даютъ хорошее вознагражденіе мальчишкамъ, которые вынимаютъ изъ гнѣздъ его яйца. Но такъ какъ это преслѣдованіе ему извѣстно, то онъ выѣтъ свое гнѣздо на самыхъ густыхъ деревьяхъ и въ тѣнистыхъ, мало-посѣщаемыхъ мѣстахъ. Несмотря на эту осторожность, число этихъ птицъ сильно уменьшилось, и по тому рвенію, съ которымъ туземцы стараются уничтожить ихъ, можно заключить, что онѣ долго не просуществуютъ, если ихъ потомство не постарается измѣнить своей дурной привычки.»

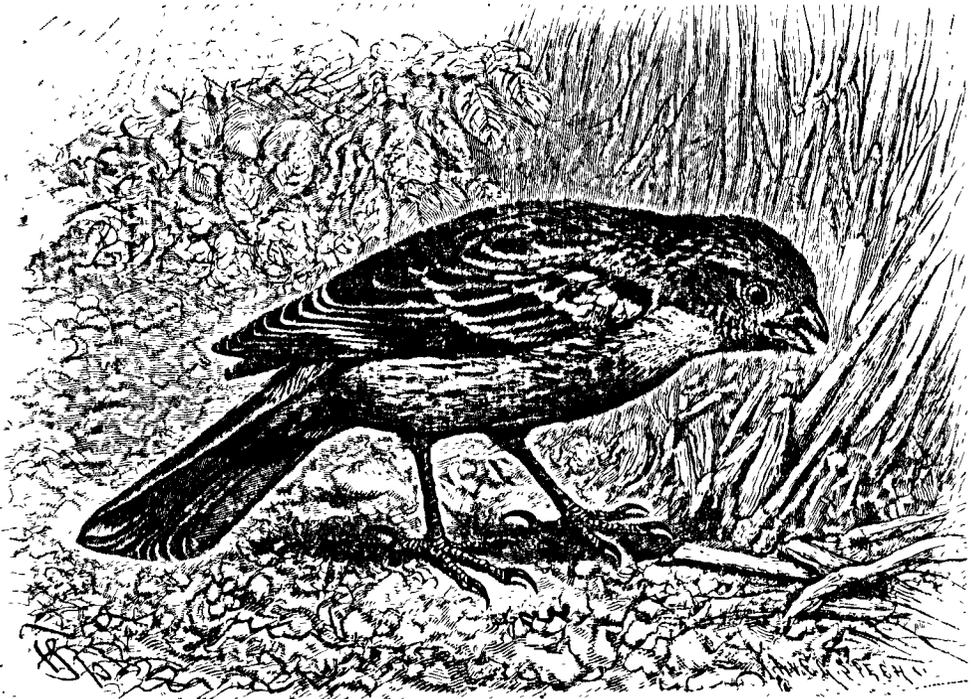
Долгое время считали вредъ, приносимый этой птицей, за выдумки, которыя рассказываются чужеземцамъ и доврчиво принимаются ими на вѣру. Новѣйшія же наблюденія показываютъ, что по крайней мѣрѣ часть этихъ рассказовъ близка къ правдѣ. Бэкъ, Киттлицъ, д'Орбigny и Ландбекъ подтверждаютъ въ нѣкоторой степени мнѣніе Молины.

Косцы (Phytotominae. Pflanzenmäher. Faucheurs) принадлежатъ къ семейству **Ампелидовыхъ** (Ampelidae) и рассматриваются какъ представители особаго подсемейства. Они отчасти похожи на нѣкоторыхъ кардиналовъ, но еще болѣе на нѣкоторыхъ тангаръ; отличаются же какъ отъ тѣхъ, такъ и отъ другихъ существенными признаками, въ особенности-же строеніемъ клюва. Этотъ послѣдній коротокъ, толстъ, одинаковой ширины и высоты, къ концу понемногу суживается, но хреб-

ту закругленъ; края клюва вогнуты и сзади имѣютъ замѣтныя зарубки, а на передней половинѣ край клюва усаженъ мелкими зубчиками, какъ у нилы. Широкая нижняя челюсть, валькообразно выпуклая у основаніи, спереди также снабжена зубчиками; ноги большія съ длинными пальцами, плюсна спереди покрыта щитками; пальцы длинные и вооружены большими когтями. Крылья, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя—закруглены; хвостъ широкъ и округленъ; опереніе, наконецъ, густое и мягкое.

* * *

Молина описываетъ **Рариту** или **Рару** чилийцевъ (*Phytotoma rara, sitens* и *bloxhami. Rarita*) и называетъ ее такъ по ея крику. Длина птицы 17 см., размахъ

Рарита. *Phytotoma rara*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

крыльевъ 29, длина крыла 9 см., а хвоста 6 см. Верхняя сторона темная, оливково-зеленая, каждое перо украшено на стволѣ черноватой полосой, а по краямъ широкою желтою каемкою. Нижняя часть желто-зеленая съ нѣскольکو болѣе темными полосами вдоль стволонвъ. Лобъ ржаво-красный, голова темнѣе, съ черными полосами на стержняхъ перьевъ; горло и животъ желтые; верхнія части груди ржаво-красная, хвостовыя перья также, но верхнія треть ихъ темнѣе; маховыя перья темно-сѣрыя, почти черныя, окаймлены свѣтлымъ съ двумя бѣлыми полосками, которыя образуются концами кроющихъ перьевъ. Перья хвоста на наружной части опахала и на концѣ темнѣе, на внутренней-же части опахала ржаво-красныя. У самки всѣ цвѣта блѣднѣе и сѣрѣе. Клювъ и ноги черновато-сѣрые; радужная оболочка глаза ярко-карминнаго цвѣта.

«Мы часто находили косцевъ», говорить д'Орбиньи, «на восточномъ склонѣ Боливіанскихъ Андонвъ, постоянно въ сухихъ, пустынныхъ мѣстностяхъ умѣрен-

наго пояса, на холмахъ и равнинахъ, но никогда не въ жаркихъ, сырыхъ долинахъ, покрытыхъ кустарниками, куда они, повидимому, не спускаются. Можно сказать, что рарита живетъ въ полосѣ злаковъ, такъ какъ мы никогда не видали ее ни сѣвернѣе, ни южнѣе этой границы. Она держится постоянно около населенныхъ и обработанныхъ мѣстностей и очень обыкновенна. Ее видишь въ продолженіи всего года по одиночкѣ, парами или маленькими обществами, которыя посѣщаютъ виноградники и сады и опустошаютъ плантаціи, обламывая молодые побѣги, закусывая плодъ и т. д., причемъ производятъ это безъ всякаго страха, потому что до сихъ поръ жители снисходительно позволяли этимъ маленькимъ обжорамъ грабить себя, не находя средствъ, чтобы ихъ прогнать. Ихъ полетъ коротокъ и не высокъ и никогда не бываетъ продолжительнымъ. Мы никогда не видали, чтобы рарита спускалась на землю. Ея часто повторяющійся крикъ неприятенъ. Онъ звучитъ какъ скрипящій шумъ пилы».

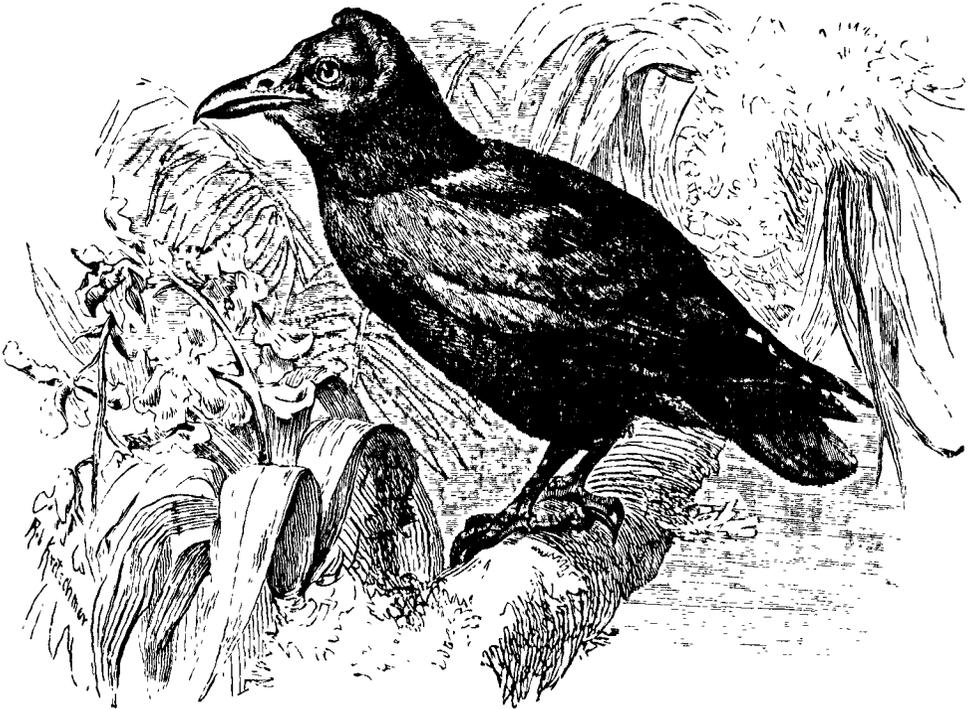
Бэкъ и Киттлицъ дополняютъ эти свѣдѣнія: «Только что началъ посѣщать виноградъ», говоритъ послѣдній, «какъ въ нашемъ саду появились многочисленныя птицы, которымъ эти ягоды служили пищей. Въ одномъ изъ этихъ садовъ, который, повидимому, былъ довольно запущенъ, я скоро поймалъ, одну за другою, не менѣе шести штукъ птицъ одного вида, которыя могли принадлежать лишь къ считавшемуся еще въ то время сомнительнымъ роду косцевъ. Желудокъ у всѣхъ былъ наполненъ виноградомъ и остатками зеленыхъ листьевъ, также и зубчатые края клюва были окрашены зеленымъ. Я никогда не видалъ эту птицу на землѣ, а по большей части въ вершинахъ довольно высокихъ плодовыхъ деревьевъ. Ея лѣтность и беззаботность чрезвычайно велики. Изъ двухъ, сидящихъ рядомъ, я убилъ одну; другая спокойно продолжала сидѣть до тѣхъ поръ, пока и съ нею не случилось то же самое». Бэкъ также говоритъ о вредѣ этихъ птицъ. «Ихъ зазубренный клювъ», говоритъ онъ, «ужасное орудіе для истребленія молодыхъ побѣговъ, которымъ онъ въ высшей степени пагубенъ, тѣмъ болѣе, что птица отправляется за добычей большею частью утромъ и вечеромъ въ сумерки. Добыча эта состоитъ преимущественно изъ молодыхъ растеній, которыя она скашиваетъ подъ самый корень, и сокомъ которыхъ ея клювъ часто бываетъ окрашенъ въ зеленое. Не удивительно, что эту птицу ненавидятъ, боятся и преслѣдуютъ. Ландбекъ истреблялъ всѣхъ тѣхъ, въ которыхъ только могъ попасть изъ своего ружья, такъ какъ нѣкоторые нѣжные растенія въ саду его были уже уничтожены этими косцами. Днемъ они чаще всего сидятъ на вершинахъ кустовъ и деревьевъ и на колыяхъ заборовъ, и къ нимъ нетрудно подкрасться и убить ихъ. На землѣ онъ охотно прячется въ бороздахъ. Если-бы эти птицы появлялись такими-же стаями, какъ другія воробьиныя, то въ деревнѣ не осталось-бы ни одного плодового растенія. Пища, которую онѣ употребляютъ, заставляетъ ихъ жить вблизи обработанныхъ мѣстъ. Зимой онѣ улетаютъ, куда—я еще не знаю».

Гай относится къ нему болѣе снисходительно, нежели упомянутые натуралисты. «Эта птица», говоритъ онъ, «причиняетъ нѣкоторые убытки садамъ, однако не настолько вредна, какъ о ней прокричали. На поселеніяхъ почти не слышно о какомъ-либо значительномъ вредѣ, причиненномъ ею».

О времени вывода дѣтенышей у этихъ птицъ новыя естественныя опыты ничего не упоминаютъ. Молина-же говоритъ вскользь, что яички ихъ бѣлага цвѣта съ красными крапинами.

Во второе подсемейство Ампелидовыхъ соединяютъ **Настоящихъ Ампелидъ** (*Ampelinae. Schmuckkraken. Ampelides*),—самыя крупныя формы семейства, величина ко-

торыхъ колеблется между величиною вороны и дрозда. Тѣло ихъ толсто, шея коротка, голова велика, крылья средней длины, немного остроконечны; у нихъ самое длинное третье маховое перо. Хвостъ, состоящій изъ двѣнадцати перьевъ, довольно коротокъ и на концѣ тупой. Клювъ бываетъ различной формы, но вообще у основанія онъ плоско сжатъ, хребетъ тупой, кончикъ также плоскій и загнутъ внизъ, а около него замѣчается маленькая вырѣзка, въ которую вкладывается зубецъ нижней челюсти. Челюстное сочлененіе обѣихъ половинъ расположено далеко назадъ, поэтому клювъ сильно расщепленъ и напоминаетъ клювъ сивоворонокъ. Ноги толсты и коротки, приспособлены лишь для сидѣнья, въ очень малой степени для ходьбы. Опереніе жесткое, не особенно длинноперое и плотно прилегающее къ тѣлу. При анатомированіи особенно поражаетъ нижняя гортань: ее покрываютъ или большія колоколо-

Калуцинь. *Spheniscus calvus*. $\frac{1}{4}$ наст. велич.

образныя мясистыя тѣльца или надъ нею дыхательное горло образуетъ большую полость, которая можетъ еще болѣе увеличиваться посредствомъ особыхъ мускуловъ. Это дѣлаетъ голосовыя связки способными производить громкіе звуки, которые свойственны видамъ этого семейства. Остальная часть, дыхательное горло, вездѣ одинаково широка, округленна, сплюснута и сопровождается по обѣимъ сторонамъ узкими тонкими связками мускуловъ.

Ампелиды населяютъ дѣвственные лѣса Южной Америки, питаются почти исключительно сочными плодами, живутъ обыкновенно одиноко и лишь изрѣдка обществами, лѣнны и глупы, но дики и пугливы. Нѣкоторые виды рѣдко издають какой-либо звукъ, но большая часть отличается поразительными голосами, вслѣдствіе чего они сдѣлались хорошо извѣстны туземцамъ.

Капуцинъ (*Cephalopterus calvus*, *Gimnocephalus calvus* и *capucinus*, *Corvus calvus*, *Ampelis calva*. *Kapuzinervogel*. *Cotinga chauve*.) есть представитель одного изъ родовъ, именно **Головачей** (*Cephalopterus*), на которыхъ распадается это подсемейство. Толстый, большой клювъ вполне походитъ-бы на клювъ вороны, если-бы не былъ болѣе плоскій. Ноги отличаются отъ ногъ вороны короткою и толстою плюсною и относительно длинными пальцами; довольно острыя крылья спускаются до половины короткаго хвоста. Плотное прилегающее опереніе оставляетъ голыми осно-

Хохлатый головачъ. *Cephalopterus ornatus*. $\frac{1}{4}$ наст. вел.

ваніе клюва, уздечку, лобъ, темя, область глазъ и горло. На краю уздечки замѣчаются съ каждой стороны по четыре щетинки. Окраска почти равномерно ржаво-бурая, на спинѣ немного отливаетъ оливково-зеленымъ; маховыя и хвостовыя перья темно-коричневые; верхнія махлы маховыя перья впадаютъ въ красноватый цвѣтъ; самыя верхнія кроющія перья крыльевъ оливково-зелено-коричневые, передняя часть головы, клювъ и ноги черные, глаза—темно-коричневые. У молодыхъ птицъ, годая передняя часть головы покрыта бѣловатымъ пухомъ, слѣдовательно во всякомъ случаѣ сильно отличается отъ остальнаго оперенія. У старыхъ птицъ видны

только отдѣльныя щетины на голыхъ мѣстахъ. Длина этой птицы 42 см., длина крыла 23, а хвоста 10 см.

Относительно образа жизни этой птицы нѣтъ еще подробныхъ свѣдѣній. Мы знаемъ лишь, что капуцинъ по-парно населяетъ уединенные лѣса сѣверной Бразиліи и Гвіаны и поднимается самое большее на 400 м. надъ поверхностью моря. Здѣсь можно встрѣтить птицъ одной парочки, сидящихъ рядомъ на высокихъ деревьяхъ. Крикъ, который издаетъ эта странная птица черезъ правильные промежутки времени, напоминаетъ мычаніе теленка и слышнѣт издалека. Исключительную пищу его составляютъ плоды. Характеръ птицы, кажется, не особенно привлекателенъ, по крайней мѣрѣ путешественники не сообщаютъ о ней ничего особеннаго.

Хохлатый головачъ (*Cephalopterus ornatus*, *Coracina cephaloptera* и *ornata*. Schirmvogel. *Cotinga orné*) отличается большимъ племовиднымъ пучкомъ перьевъ на головѣ, который можетъ приподниматься, и круглой, со всѣхъ сторонъ оперенной кожистой лопастью на нижней части шеи. Опереніе почти повсемѣстно черное, хохолокъ синевато-черный, нижнія шейныя перья окаймлены темными зеленовато-черными каймами; маховыя и рулевыя перья одноцвѣтно черныя. Всѣ болѣе мелкія перья имѣютъ у основанія бѣлые стволы. Глаза сѣрые, верхняя половина клюва черно-бурая, нижняя — сѣро-коричневая; ноги матово-черныя. Длина птицы 51 см., длина крыла 26, длина хвоста 18 см. Самка значительно меньше, ея хохолокъ не такъ великъ, горловая лопасть короче, а опереніе менѣе блестящее.

Хохлатый головачъ населяетъ восточный склонъ Перуанскихъ Кордильероу до 1000 м. высоты и распространяется тамъ по теченію верхней половины Амазонской рѣки до Ріо-Негро и южнѣе до границы Чили. Если ѣхать вверхъ по теченію рѣки, то его замѣчаешь сначала вблизи устья Мадейры, по словамъ Валласа всегда на островахъ, болышею частью маленькими обществами и обыкновенно на вершинахъ самыхъ высокихъ деревьевъ, но никогда не на землѣ. Его пища состоитъ, по словамъ Чуди, изъ плодовъ различныхъ деревьевъ, по Бэтеу, также изъ насѣкомыхъ, особенно изъ жуковъ и пауковъ. Плоды, величиною со сливу, проглатываются цѣликомъ и потомъ уже косточки вылевываются, насѣкомыя-же передъ проглатываніемъ сначала раздѣляются на части. При такомъ приготовленіи добычи, какъ и вообще во время ѣды, а также при летаніи хохлатый головачъ опускаетъ хохолокъ назадъ, а грудную лопасть прижимаетъ такъ близко къ тѣлу, что ее невозможно отличить отъ остальнаго оперенія. Напротивъ того, если онъ сидитъ спокойно на вѣткѣ, то выпрямляетъ хохолокъ до его настоящей высоты и оставляетъ лопасть висѣть. Если-же онъ присядетъ, чтобы заснуть, то загибаетъ назадъ голову до половины спины, сидитъ съ поджатыми ногами на сучкѣ, прячетъ такимъ образомъ вполнѣ голову, шею и ноги и оставляетъ на виду только лопасть и хохолокъ, отчетливо выступающіе изъ массы остальнаго оперенія.

Крикъ, который онъ издаетъ преимущественно раннимъ утромъ или передъ заходомъ солнца, и изъ за котораго онъ получилъ названіе «воловой цтицы» (*Stiervogel*) ужасенъ и похожъ на отдаленное мычаніе вола. При издаваніи этого мычанія, по увѣренію Бэтеа, принимаетъ участіе мясистая лопасть. Передъ тѣмъ, какъ закричать, птица расширяетъ свой головной хохолокъ, вытягиваетъ и болтаетъ пустою, висящею на груди лопастью, киваетъ головой и затѣмъ лишь издаетъ свой ревъ. Когда нѣсколько птицъ соединяются и начинаютъ одновременно ревать, то прежде всего предположишь, что это стадо коровъ, а не птицы. Не-

искусное гнѣздо, свитое изъ прутьевъ, находится на вершинѣ самыхъ высокихъ деревьевъ; кладка состоитъ изъ двухъ бѣлыхъ яицъ.

* *
*

Гораздо больше капуциновъ и хохлатыхъ головачей намъ извѣстны **Колокольчики** (*Chasmorhynchus*). Они принадлежатъ къ болѣе мелкимъ птицамъ подсемейства, и наибольший изъ нихъ величиною съ голубя. Клювъ едва достигаетъ половины длины головы, очень сильно сплюснутъ, гораздо болѣе широкъ, чѣмъ высокъ, на мало выдающемся хребтѣ слабо закругленъ, на концѣ незначительно загнутъ, снабженъ маленькимъ зубцомъ или нарѣзкою и поразительно сильно расщепленъ. Ноги съ короткими плюснами, но длинными пальцами, крылья, въ которыхъ третье и четвертое маховыя перья самыя длинныя, довольно длинны, и достигаютъ середины хвоста. Умѣренно длинный хвостъ, въ серединѣ немного вырѣзанъ, по сторонамъ чуть чуть закругленъ. Опереніе густое и мелкоперое, а около клюва не переходитъ въ щетинны. Окраска, смотря по полу, различна. Замѣчательны кожистые наросты въ области клюва, которые, какъ и у индюковъ, то удлиняются, то укорачиваются.

Птица **Колокольчикъ, Харрадоръ** (кузнецъ) по испански, (*Chasmorhynchus nudicollis*, *Ampelis nudicollis* и *alba*, *Proenias, nudicollis* и *alba*. *Glockenvogel*. *Avocapo*) бѣло-снѣжнаго цвѣта; голая уздечка и горло яркаго цвѣта мѣдной зелени, глаза серебристо-бѣлые, клювъ черный; ноги мясного цвѣта. Болѣе маленькая самка на темени и горлѣ черная, на верхней сторонѣ зеленого члжоваго цвѣта, на нижней—желтаго, покрыта въ длину черными пятнами, а на шеѣ бѣловатыми и желтоватыми полосками. Молодой самецъ въ первый годъ похожъ на самку, потомъ покрывается пятнами и на третій годъ получаетъ свое настоящее опереніе. Старые самцы, какъ мнѣ показали наблюденія надъ пойманными птицами, получаютъ послѣ каждаго линянія зеленое опереніе и приобрѣтаютъ бѣлое лишь отъ выцвѣтанія. Длина ихъ 26 см., размахъ крыльевъ 50, длина крыла 16, а хвоста 7 см.

Отъ только что описаннаго вида этого рода **Звонарь** (*Chasmorhynchus carunculatus*. *Glöckner*. *Casnar*) отличается тѣмъ, что такой же чисто-бѣлый самецъ имѣетъ у основанія клюва пустой, черный мускулистый наростъ, который покрытъ нѣсколькими бѣлыми перышками и можетъ произвольно вытягиваться и втягиваться; въ первомъ случаѣ онъ торчитъ въ видѣ рога, въ послѣднемъ-же, какъ и наростъ на клювѣ индюка, виситъ сбоку клюва.

У третьяго вида, которому оставимъ употребляемое въ Южной Америкѣ названіе **Арапонги**, (*Chasmorhynchus variegatus*, *Ampelis variegatus*. *Araponga*) голая горловая область покрыта пучками кожистыхъ трубочекъ: у **Молотобоя**, наконецъ, (*Chasmorhynchus tricarunculatus*. *Hammerling*. *Araponga carunculé*) середина лба и основаніе клюва украшены по обѣимъ сторонамъ кожистыми наростами въ 5—7 см. длины.

Всѣ вышеупомянутыя виды живутъ въ Южной Америкѣ; птица колокольчикъ населяетъ Бразилію и часто встрѣчается въ тамошнихъ лѣсахъ; звонарь живетъ въ Гвианѣ, арапонги—на сѣверѣ Южной Америки, молотобой—въ Коста-Рикѣ. Изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ сообщеній путешествующихъ натуралистовъ, кажется, можно вывести, что образъ жизни этихъ птицъ въ главныхъ чертахъ очень сходенъ. Однако до сихъ поръ мы получили, благодаря наблюде-

на самой высокой сухой вѣткѣ большого дерева и оттуда кричить своимъ звучнымъ, металлическимъ голосомъ; тогда видишь ослѣпительно-бѣлую птицу какъ-бы нарисованную на темно-голубомъ небѣ; но съ такой высоты ее нельзя добыть выстрѣломъ. Она обыкновенно тотчасъ-же слетаетъ, какъ только замѣтитъ какой-нибудь незнакомый предметъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣсъ не такъ высокъ, птицы эти сидятъ въ густой темной листвѣ, откуда раздается ихъ голосъ, но нельзя разглядѣть бѣло-снѣжное опереніе».

«Среди чащи лѣса», сообщает Уатертонъ, «обыкновенно на сухой вѣткѣ стараго дерева и почти всегда на высотѣ вѣн выстрѣла, можно замѣтить звонаря. Никакой крикъ или пѣніе крылатаго обитателя лѣса, ни даже ясно выговоренное «Whip poor will» американскаго козодоя не можетъ настолько поразить, какъ голосъ звонаря. Какъ весьма многія изъ класса пернатыхъ, онъ привѣтствуетъ утреннюю и вечернюю зарю пѣніемъ, но когда и полдневный зной распространяетъ повсюду безмолвіе и заставляетъ молчать всѣхъ тварей, онъ все еще выкрикиваетъ въ лѣсу свои веселые звуки. Сначала бываетъ слышенъ звонъ и наступаетъ минутная пауза, затѣмъ опять слѣдуетъ какъ-бы ударъ колокола и снова пауза, и такъ третій разъ. Послѣ этого 6 или 8 минутъ онъ молчитъ, а потомъ снова начинается. Актеонъ прервалъ бы свою самую горячую охоту, самъ Орфей прекратилъ бы свое пѣніе, чтобы послушать эту птицу: такъ сладокъ и очарователенъ звукъ ея голоса».

«Я услыхалъ», говоритъ Шомбургкъ, замѣтвша, конечно, свои свѣдѣнія у Уатертона, «изъ ближайшаго лѣса удивительные звуки, какихъ никогда не приходилось слышать. Казалось, ударили заразъ въ нѣсколько гармонически настроенныхъ стеклянныхъ колокольчиковъ. Я опять услыхалъ ихъ и послѣ минутной остановки снова и снова. Затѣмъ наступилъ болѣе длинный промежутокъ, около 6—8 минутъ, и опять раздались полные гармоническіе звуки. Я все время стоялъ прикованный отъ удивленія и прислушивался, не раздадутся ли еще разъ волшебные звуки: все молчало, и, стораю отъ любопытства, я обратился съ вопросами къ моему брату, отъ котораго узналъ, что это голосъ звонаря. Ни пѣніе, ни голосъ какого-нибудь пернатога обитателя гвианскихъ лѣсовъ, ни даже ясно выговоренныя слова козодоя настолько не поразили меня, какъ колокольные звуки молотобоя. Я уже зналъ, что въ Гвианѣ нѣкоторыя птицы обладаютъ даромъ слова, т. е. выговариваютъ довольно ясно отдѣльные слова, но такіе звуки были мнѣ вполне незнакомы, и вниманіе мое ничѣмъ не могло быть отвлечено отъ этого удивительнаго пѣвца».

«Вблизи морскаго берега звонарь принадлежитъ къ перелетнымъ птицамъ. Въ Демерарѣ и Бербице онъ появляется обыкновенно въ маѣ и іюнѣ; самый берегъ онъ никогда не посѣщаетъ. Повидимому онъ больше всего любитъ высокіе горные лѣса, однако поднимается не выше 400—500 м. Птица эта издаетъ свои волшебные, чистые какъ колокольчикъ звуки большею частью съ самой вершины гигантской горы, которую особенно охотно посѣщаетъ, если найдетъ на ней сухую вѣтку. Я никогда не замѣчалъ двухъ самцовъ на одномъ и томъ же деревѣ, но съ различныхъ деревьевъ они охотно перекликаются. Каждое утро они встрѣчаютъ восходящее солнце своими чистыми, какъ металлъ, звуками и самые послѣдніе изъ всѣхъ пѣвцовъ прощаются съ заходящимъ свѣтиломъ. Когда они спокойны, то наростъ надъ клювомъ свѣшивается на бокъ, но какъ только звонарь пачинаетъ издавать звуки, онъ надуваетъ этотъ наростъ, который при этомъ винтообразно поворачивается на своемъ основаніи. Если онъ издаетъ только одинъ звукъ, то наростъ мгновенно поднимается вверхъ и тотчасъ затѣмъ опускается, но при

слѣдующемъ крикѣ снова выпрямляется. Самки въ своемъ скромномъ опереніи зеленаго чижеваго цвѣта никогда не сидятъ такъ высоко, какъ самцы, и находятся большею частію на низкихъ вѣтвяхъ деревьевъ. Мы вообще пришлое видѣть лишь немногихъ изъ нихъ, по всей вѣроятности по той причинѣ, что самка вполне молчалива и, вслѣдствіе зеленаго оперенія, ее чрезвычайно трудно отыскать въ зеленой-же листвѣ деревьевъ. Замѣчательный видъ имѣютъ молодые самцы въ ихъ переходномъ опереніи изъ зеленаго въ бѣлое. На второй годъ оно совсѣмъ пѣгое, и только на третій годъ они приобрѣтаютъ такое-же опереніе, какъ у отца».

У меня былъ случай довольно продолжительное время наблюдать пойманную птицу-колокольчика, и я могу поэтому дополнить все вышеупомянутое. Несомнѣнно громкій, металлическій, однако вблизи очень хриплый, немного скрипящій и мало благозвучный, скорѣе неприятный крикъ ихъ напоминаетъ голосъ большихъ лягушекъ. Звукъ, который слышится чаще всего и послѣ многократнаго повторенія съ промежутками въ полъ-секунды отъ 7—25 разъ подъ рядъ, раздается вблизи, какъ «гаррен», причемъ первая гласная почти неслышна, двѣ-же остальные, напротивъ, ясны, отчетливы и подобны удару молота о наковальню. Иногда бываютъ слышны только пицацїе звуки, которые настолько слабы, что теряются уже на близкомъ разстояніи. Иногда птица выкрикиваетъ свой главный звукъ совсѣмъ необыкновеннымъ образомъ, издавая хриплый «гrr», и, какъ прибавку къ нему, присоединяетъ громкій, ясный, продолжительный «и и». Когда она кричитъ, то издаетъ главные звуки въ промежутокъ отъ 10—15 секундъ времени, иногда, однако, прерывая ихъ, чтобы переимѣнить на другіе. Она повторяетъ тогда нѣсколько разъ главный звукъ, затѣмъ немного помолчитъ, кричитъ безъ перерыва обыкновеннымъ образомъ полъ-минуты, снова немного замолкаетъ и наконецъ издаетъ звуки съ хриплой прибавкой. Пицацїе звуки слышны только тогда, когда, сжавшись, она сидитъ совсѣмъ спокойно на вѣткѣ; напротивъ того, громкіе звенящїе—когда она сидитъ выпрямившись или движется.

Чѣмъ дольше колокольчикъ кричитъ, тѣмъ кажется болѣе возбужденнымъ, такъ что нѣтъ сомнѣнія, что въ это время онъ находится въ любовномъ возбужденіи или, иначе говоря, токуетъ. Издавая звенящій крикъ, онъ высоко поднимаетъ голову и такъ широко раскрываетъ клювъ, что верхняя челюсть его стоитъ почти отвѣсно, нижняя-же почти горизонтально, выкрикиваетъ, не закрывая клюва, отдѣльные низкіе тоны, быстро прыгаетъ съ широко разставленными ногами то туда, то сюда по вѣткѣ; затѣмъ приподнимаетъ хвостъ надъ крыльями, потряхиваетъ имъ съ минуту и лишь съ послѣднимъ звукомъ захлопываетъ снова челюсть. При каждомъ звукѣ клювъ немного подергивается, шея-же, грудь и нижняя часть тѣла приподнимаются; горло надувается и голое его пространство видимо покачивается. Грудь внезапно опускается и подымается и сотрясеніе всего тѣла настолько велико, что можно подумать, что грудь должна лопнуть. Если возбужденіе увеличивается, то птица косо наклоняется внизъ, потряхиваетъ головой, особенно-же горломъ, приподнимаетъ хвостъ выше, чѣмъ когда-либо, вытягиваетъ одну ногу насколько возможно дальше, сжимаетъ ступню другой, выворачиваетъ обѣ, обращается попеременно то направо, то налево, отскакиваетъ назадъ при выкрикиваніи послѣдняго главнаго звука, отдѣленнаго отъ остальныхъ короткой паузой, или внезапно перепрыгиваетъ боковымъ скачкомъ на другое мѣсто или кружится около себя на одномъ мѣстѣ. По прошествіи 1—2 часовъ она наконецъ устаетъ и немного отдыхаетъ, сидя на вѣткѣ. Что птица эта иногда отъ сильнаго любовнаго возбужденія околѣваетъ, доказала наблюдаемая мною птица-колокольчикъ, которая во время крика упала съ вѣтки мертвою.

Ягоды и плоды составляют, повидимому, обычную пищу колокольчиковъ. Принцъ фонъ Видъ никогда не находилъ насѣкомыхъ въ желудкахъ многихъ, убитыхъ его спутниками, колокольчиковъ, которыхъ онъ изслѣдовалъ; Шомбургкъ-же, напротивъ того, утверждаетъ, что замѣтилъ въ желудкѣ звонари остатки жуковъ. Красныя ягоды и красныя-же плоды, похожіе на вишни, иногда также видъ мелкихъ бобовъ, короче, всегда древесныя плоды, составляли пищу тѣхъ, которыхъ изслѣдовалъ принцъ фонъ-Видъ, т.е. тѣ-же плоды, которые, по его наблюденіямъ, ѣдятъ почти всѣ ампелиды.

«Неизвѣстно», говоритъ Уатертонъ, «въ какой части Гвіаны колокольчики выюгъ свои гнѣзда». Шомбургкъ подтверждаетъ это сообщеніе. «Замѣчательно, что индѣйцы не знаютъ ни гнѣздъ, ни времени насиживанія этихъ птицъ, однако повсемѣсто утверждаютъ, что онѣ насиживаютъ не въ Гвіанѣ и только послѣ вывода птенцовъ появляются въ странѣ. Принцъ фонъ-Видъ также не могъ найти гнѣзда колокольчика и получить о немъ свѣдѣнія отъ бразильскихъ охотниковъ, но думаетъ, что оно находится между вѣтвями густолиственныхъ деревьевъ и не искусно свито. Пойманные колокольчики нерѣдко встрѣчаются въ настоящее время въ Европѣ, живутъ по нѣскольку лѣтъ при простомъ кормѣ, состоящемъ изъ варенаго риса, моркови и картофеля.

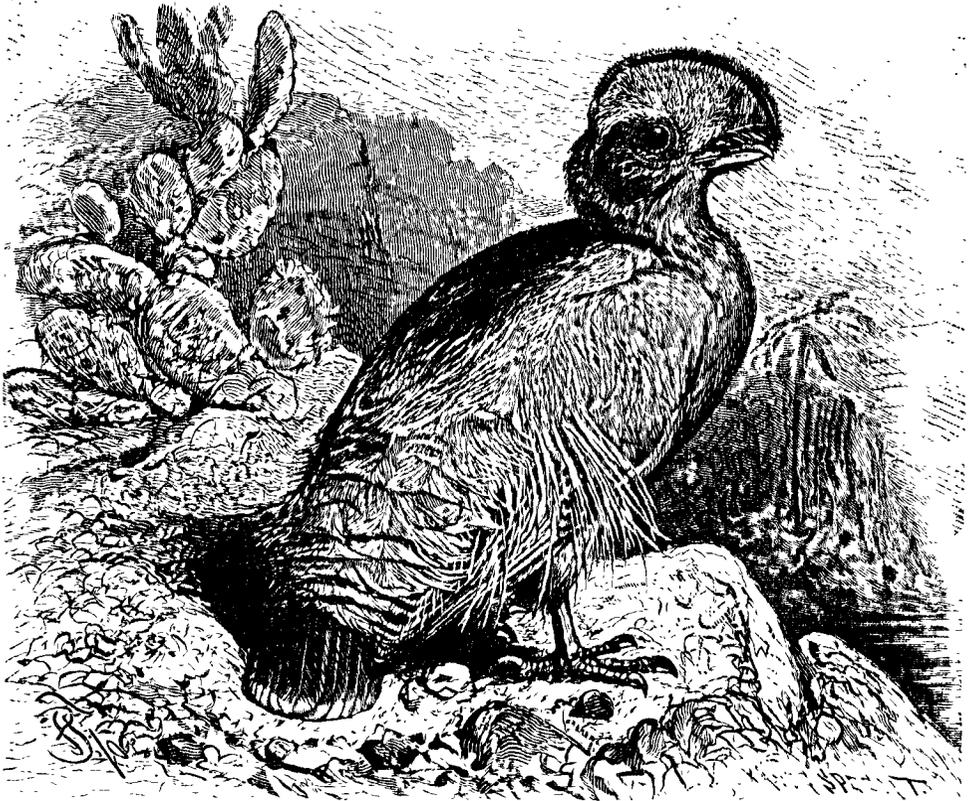
* *
*

Пѣтушки (*Rupicola*), которыхъ насчитываютъ только три вида, принадлежать къ болѣе крупнымъ видамъ семейства. Они отличаются высокимъ толстымъ клювомъ съ острымъ выдвигающимся хребтомъ, необыкновенно толстыми и короткими ногами съ широкими пальцами, изъ которыхъ наружный и средній срослись между собою до второго сустава, довольно длинными крыльями, въ которыхъ четвертое маховое перо самое длинное, а первое очень укорочено и съ узкимъ концомъ. Хвостъ короткій, широкій, прямо обрѣзанный на концѣ. Опереніе густое, особенно развитое на надхвостьѣ, а на головѣ образующее широкій, стоячій гребень; на спинѣ оно состоитъ изъ широкихъ, какъ-бы подстриженныхъ перьевъ, съ выступающими краями или длинными кончиками.

Наиболѣе извѣстный изъ этихъ видовъ **Каменный Пѣтушокъ** (*Rupicola crocea, aurantia, elegans* и *суана, Pipra rupicola. Klippenvogel. Coq de roche*). Богатое опереніе самца яркое оранжево-красное; перья темнаго гребня темно-пурпурово-красныя, большія покровныя перья крыльевъ, маховыя и хвостовыя перья, основной цвѣтъ которыхъ коричневый, на концѣ окаймлены бѣловатыми каймами; всѣ маховыя и хвостовыя перья кромѣ того у основанія покрыты большими пятнами. Самка и молодыя птицы одноцвѣтно-коричневыя; нижнія покровныя перья крыльевъ оранжево-красныя, перья надхвостья и хвоста ярко-оранжево-бурыя; гребень меньше, чѣмъ у самца. Глаза оранжево-красныя, клювъ блѣдно-желтаго роговаго цвѣта, ноги желтато-мясного. Длина самца 31 см., длина крыла 18 а хвоста 10 см.; самка значительно меньше.

Родину каменныхъ пѣтушковъ составляютъ горныя страны Гвіаны и самыхъ сѣверныхъ частей Бразиліи, прорѣзанныя рѣками; мѣстопребываніемъ ему служатъ горныя лѣса и нагорныя долины, богатая скалами. Въ равнинахъ онъ никогда не встрѣчается. Особенно охотно живетъ онъ около водопадовъ, и чѣмъ каменистѣе рѣчное русло, тѣмъ болѣе оно ему нравится. Въ іюнѣ и іюлѣ онъ спускается со своихъ скалистыхъ вершинъ внизъ въ лѣса, чтобы питаться поспѣвшими въ это время плодами извѣстныхъ лѣсныхъ деревьевъ.

Многіе путешественники сообщаютъ свѣдѣнія объ образѣ жизни этихъ странныхъ птицъ. А. фонъ Гумбольдтъ наблюдалъ ихъ на берегахъ Ориноко. Братья Шомбургкъ находили ихъ въ двухъ мѣстностяхъ британской Гвианы на большихъ скалистыхъ Канукскихъ горахъ и на песчаниковыхъ скалахъ Венаму, гдѣ онѣ часто встрѣчаются и живутъ обществами, но положительно избѣгаютъ близкаго сношенія съ другими птицами. «Взойдя снова на крутую возвышенность», говоритъ Шомбургкъ, «которая была почти непроходима, вслѣдствіе покрывавшихъ ее огромныхъ гранитныхъ утесовъ, поросшихъ мхомъ и папоротниками, мы вышли на маленькое, почти совсѣмъ ровное мѣсто безъ травы и кустовъ. По знаку од-

Каменный пѣтушокъ. *Rupicola scrofa*. $\frac{1}{10}$ наст. вел.

ного изъ индѣйцевъ, я долженъ былъ замолчать и спрятаться за ближайшій кустъ, куда и они скрылись безъ всякаго шума. Не успѣли мы спокойно пролежать тамъ нѣсколько минутъ, какъ я услышалъ вдалекѣ голосъ, походившій на крикъ молодой кошки, и рѣшилъ, что дѣло идетъ объ охотѣ на какое-нибудь млекопитающее. Только что прозвучалъ этотъ голосъ, какъ я услышалъ его около себя, очень похоже повтореннымъ однимъ изъ моихъ индѣйцевъ. Отвѣчающій издали все болѣе и болѣе приближался, пока наконецъ на этотъ зовъ начали отвѣчать со всѣхъ сторонъ. Хотя индѣйцы предупредили меня, что я долженъ былъ лежать съ ружьемъ на готовѣ, но первый каменный пѣтушокъ такъ поразилъ меня, что я совсѣмъ позабылъ выстрѣлить. Съ быстротою нашихъ вальдшнеповъ эти вос-

хитительныя птицы прилетѣли черезъ кусты, присѣли на мгновеніе, чтобы увидѣть призывающаго товарища и такъ-же быстро скрылись, какъ только убѣдились въ своемъ заблужденіи. Намъ посчастливилось убить семь штукъ, но, хотя я получилъ этихъ птицъ, все-же не былъ еще очевидцемъ ихъ танцевъ, о которыхъ мнѣ такъ много рассказывали, какъ братъ, такъ и сопровождавшіе меня индѣйцы».

«Послѣ нѣскольکو чрезвычайно утомительныхъ, но обильно вознагражденныхъ дневныхъ переѣздовъ, мы достигли наконецъ страны, гдѣ должны были увидѣть эту пляску. Въ теченіи небольшого отдыха, чтобы перевести духъ, мы ушлышали въ сторонѣ отъ насъ призывные голоса нѣсколькихъ каменныхъ пѣтушковъ, къ которымъ два вооруженныхъ индѣйца тотчасъ-же начали подкрадываться. Вскорѣ одинъ изъ нихъ возвратился и знаками далъ мнѣ понять, что я долженъ за нимъ слѣдовать. Мы проползли сквозь кустарникъ нѣскольکو тысячъ шаговъ съ величайшею осторожностью, а съ моей стороны и съ самымъ напряженнымъ любопытствомъ, и я увидѣлъ другого индѣйца, какъ пласть лежащаго на землѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и блестящее оранжевое опереніе пѣтушка, свѣтящееся сквозь кустарникъ. Я осторожно легъ около индѣйца и былъ свидѣтелемъ одного изъ самыхъ привлекательныхъ зрѣлищъ. Цѣлое общество этихъ великолѣпныхъ птицъ танцовало въ это время на гладкой, плоской поверхности огромной скалы. На кустарникѣ, окружающемъ ее, сидѣло около двадцати, очевидно очарованныхъ, зрителей, самцовъ и самокъ, въ то время, какъ по ровной поверхности этого утеса ходилъ по всеѣмъ направленіямъ самецъ, со странными движеніями и особенной поустыню. Эта смѣшная птица расширила на половину свои крылья, причемъ во все стороны закидывала свою голову, царапала ногами твердый камень, съ большимъ или меньшимъ проворствомъ подпрыгивала въ высоту постоянно съ одного мѣста, распускала хвостъ колесомъ, и съ гордой осанкой снова начинала прохаживаться кругомъ площадки, до тѣхъ поръ, пока, повидимому, не устала; она издала тогда звукъ, не похожій на обыкновенный ея крикъ, взлетѣла на ближайшую вѣтку, а ея мѣсто занялъ другой самецъ, который такъ-же выказывалъ свое танцевальное искусство и красоту оперенія, чтобы черезъ нѣскольکو времени, уставши, уступитъ мѣсто новому». Шомбургкъ кромѣ того упоминаетъ, что самки, которыя сидятъ между отдыхающими самцами, неутомимо смотрятъ на это зрѣлище и издаютъ, при возвращеніи уставшаго самца, одобряющій крикъ. «Увлеченный особымъ очарованіемъ», продолжаетъ Шомбургкъ, «я не замѣтилъ коварнаго намѣренія лежащаго около меня индѣйца, пока вдругъ два выстрѣла не испугали меня. Безпечное общество въ нестройномъ бѣгствѣ разсыпалось по всеѣмъ сторонамъ, оставляя на мѣстѣ веселой пляски четырехъ убитыхъ товарищей».

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ танецъ можетъ быть сравненъ съ токованьемъ нашихъ глухарей и исполняется въ честь самокъ. Высиживание птенцовъ, повидимому, не связано съ известнымъ временемъ года, такъ какъ Шомбургкъ видѣлъ какъ въ апрѣлѣ и маѣ, такъ и въ декабрѣ птенцовъ, которыхъ индѣйцы только что вынули изъ гнѣздъ; но вслѣдствіе того, что въ мартѣ мѣсяцѣ опереніе ихъ бываетъ самое красивое и самое полное, можно предположить, что большинство изъ нихъ насиживаютъ въ апрѣлѣ и маѣ. Гнѣздо находится на каменистыхъ утесахъ, по А. фонъ Гумбольдту обыкновенно въ небольшихъ пещерахъ гранитныхъ скалъ, которыя такъ часто встрѣчаются на берегахъ Ориноко и образуютъ столь многочисленныя водонады; по Шомбургку-же—въ расщелинахъ и углубленіяхъ камней, гдѣ оно прикрывается, какъ гнѣздо ласточки и прильвается къ камню смолою. Однимъ и тѣмъ-же гнѣздомъ, кажется, пользуются

нѣсколько лѣтъ подѣ рядѣ, дополняя его только послѣ каждаго высиживанья нѣсколькими корешками, волокнами и пухомъ и покрывая снаружи той-же смолистой массой. Въ нѣкоторыхъ разѣлинахъ находятъ по нѣскольку гнѣздъ, одно возлѣ другого, признакъ того, что эти птицы очень общительны. Кладка состоитъ изъ двухъ бѣлыхъ съ черными крапинками яицъ, величиною немного больше голубиныхъ. Птенцовъ, по всей вѣроятности, выкармливаютъ плодами, которые составляютъ также исключительную пищу взрослыхъ.

Индѣйцы, кажется, очень любятъ держать пѣтушковъ въ неволѣ и въ Парарумѣ предлагали ихъ Гумбольдту. Они сидѣли въ маленькихъ хорошенькихъ клѣткахъ изъ черешковъ пальмовыхъ листьевъ. Шомбургкъ часто встрѣчалъ ручныхъ птенцовъ, но не самцовъ съ полнымъ, великолѣпнымъ опереніемъ и вслѣдствіе этого предположилъ, что каменные пѣтушки не выносятъ продолжительнаго заключенія. Что это невѣрно, доказываютъ старыя птицы, которыхъ встрѣчаешь кое-гдѣ въ нашихъ зоологическихъ садахъ. Великолѣпныя шкурки цѣнятся повсемѣстно, индѣйцы готовятъ изъ нихъ фантастическія украшения. Бразильскій императоръ носилъ во время большихъ празднествъ плащъ, сдѣланный изъ шкурокъ каменныхъ пѣтушковъ. По увѣреніямъ Шомбургка, индѣйцы известной мѣстности обязуются ежедневно вносить, въ видѣ подати, известное количество шкурокъ, чѣмъ видимо способствуютъ къ уничтоженію этихъ красивыхъ птицъ. Оранжево-красное мясо ихъ очень вкусно.

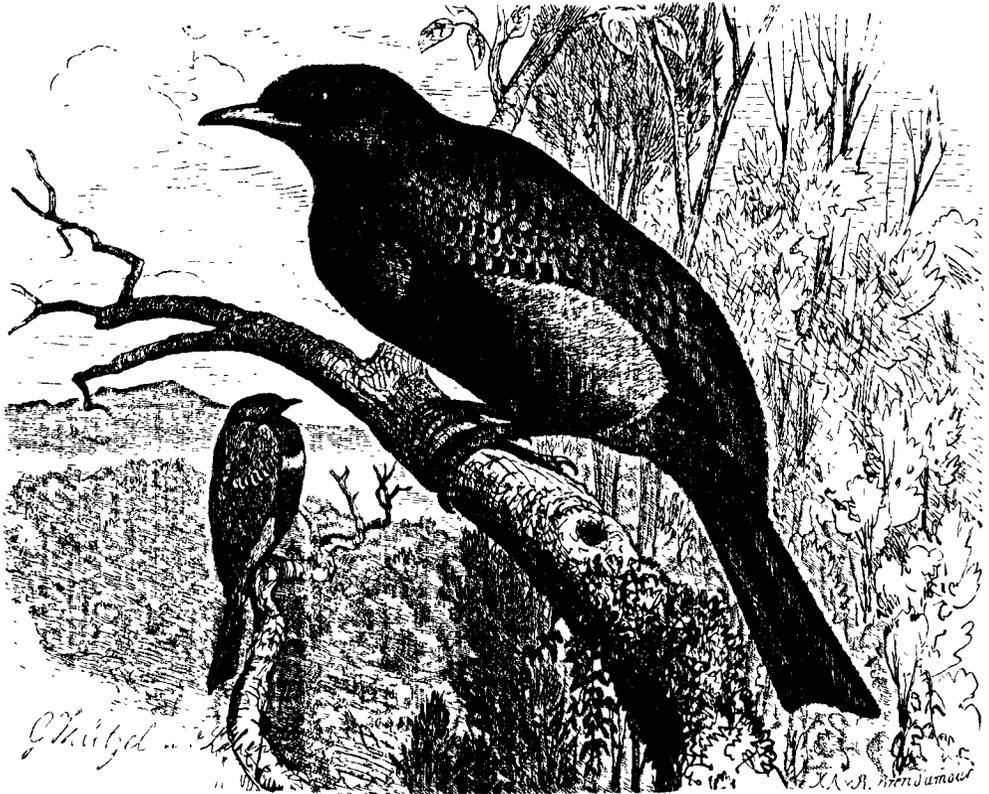
* *
* *
* *

Котинги (*Ampelis*) образуютъ родъ, насчитывающій около 20 видовъ. Это маленькія или средней величины птички съ довольно короткимъ, широкимъ, на верхнемъ краѣ слабо округленнымъ клювомъ, который передъ немного выступающимъ кончикомъ верхней челюсти имѣетъ маленькій зубецъ и до открытыхъ носовыхъ отверстій густо оперенъ. Ноги толстыя, съ короткими плюснами; крылья заострены; второе маховое перо у нихъ самое длинное. Хвостъ не очень длинный и ровно обрубленъ на концѣ. Опереніе различное, смотря по полу: у самца оно мелкоперое, жесткое и великолѣпно окрашено, у самокъ-же мягкое, длинноперое и окрашено тусклѣе.

Одинъ изъ самыхъ красивыхъ видовъ этого рода, **Синяя котинга**, называемая въ Бразиліи **Крейоа** и **Цируа** (*Ampelis cinctus, cotinga, superbus* и *coeruleus, Cotinga cincta* и *coerulea. Halsbandkotinga. Cordon bleu*). Господствующая окраска оперенія великолѣпная темно-ультрамариново-синяя, которая, вслѣдствіе мѣстами замѣтныхъ корневыхъ частей пера, то здѣсь, то тамъ имѣетъ темныя пятна. Нижняя часть тѣла, кромѣ темно-синей поперечной полосы на зобѣ, темная фіолетово-синяя. Маховыя и хвостовыя перья черныя, снаружи узко окаймлены зеленовато-голубымъ цвѣтомъ. Глаза каріе, клювъ темно-бурый, ноги темно-бурого цвѣта. У самки опереніе преимущественно бурое, перья на груди окаймлены бѣлымъ, а на животѣ желтымъ. Птенцы похожи на самокъ, молодые самцы однако очень скоро получаютъ синій налетъ, а затѣмъ и голубую каемку на перьяхъ. Длина птицы 21 см., длина крыла 15 см., а хвоста 7,5 см.

Синяя котинга населяетъ прибрежную часть Бразиліи и въ главныхъ чертахъ ведетъ такой-же образъ жизни, какъ и ея родичи. Прекрасныхъ этихъ птицъ принцъ фонъ Видъ разсматриваетъ какъ лучшее украшеніе южно-американскихъ дѣственныхъ лѣсовъ. Блескъ и великолѣпіе цвѣтовъ вполнѣ взрослого самца поражаютъ даже дикихъ пародонъ, которые употребляютъ эти перья на уборку и украшенія.

Всѣ котинги отличаются меланхолическимъ тихимъ нравомъ, подолгу сидятъ неподвижно, обладаютъ совсѣмъ немелодичнымъ голосомъ и питаются не насѣкомыми, а исключительно плодами и ягодами. Въ холодное время года, когда деревья наиболѣе оголены плодами, онѣ перелетаютъ, соединившись въ небольшія стаи, съ мѣста на мѣсто, приближаются къ морскому берегу и открытымъ мѣстностямъ и тогда убиваются въ большомъ количествѣ какъ изъ-за перьевъ, такъ и изъ-за жирнаго мяса. Синяя котинга постоянно живетъ въ срединѣ большихъ, дѣвственныхъ лѣсовъ, лежащихъ близко около экватора, но притомъ она настоящая бродячая птица. По своему нраву она очень похожа на нашего свиристеля; какъ и послед-

Синяя котинга. *Ampelis cinerea*. 2-я наст. вел.

ней, она глуха, лѣнива и ее такъ-же легко застрѣлить. Ея голосъ короткій простой призывной звукъ, но можетъ быть она иногда громко кричитъ. Ягоды и плоды, которыми она питается, окрашиваютъ также ее внутренности и жиръ. Этихъ птицъ убиваютъ въ огромномъ количествѣ для ѣды, а ихъ перья употребляютъ для нѣкоторыхъ изящныхъ работъ.

На югъ отъ Бахіи принцъ фонъ Видъ посетилъ нѣсколькихъ духовныхъ лицъ, у которыхъ были собраны 30—40 и болѣе шкурочекъ этихъ птицъ для того, чтобы отослать ихъ въ нѣкоторые женскіе монастыри въ Бахію для выдѣлки изящныхъ рукодѣлій. Нангъ уважасмый естествоиспытатель сообщаетъ еще, какъ о достойномъ вниманія фактѣ, что великолѣпная окраска ихъ превращается въ оранжево-желтую, если шкурку нагревать надъ угольной жаровней. Относительно размноженія этихъ птицъ я не имѣю никакихъ свѣдѣній.

Пойманныя котинги еще до сихъ поръ считаются рѣдкимъ явленіемъ въ Европѣ, хотя ихъ такъ же легко содержать, какъ и нашихъ свиристелей.

На несовершенство зоологической системы или, другими словами, на затрудненіе распредѣлить по отрядамъ нѣкоторыхъ птицъ указываетъ, между прочимъ, семейство **Рогоклювыхъ** (*Eurylaemidae*. Rachenvögel. *Eurylaimes*). Горсфильдъ, открывшій одинъ видъ, соединилъ ихъ съ ширококлювыми Америки, Свайнсонъ причисляетъ ихъ къ мухоловкамъ, Склатеръ—во всякомъ случаѣ къ воробьинымъ. Блайтъ, Валласъ и Сундеваль относятъ ихъ къ ампелидамъ; Фанъ деръ Хувентъ ставитъ ихъ рядомъ съ козодоями; Грэй, принцъ Люсьенъ Бонапартъ и Рейхенбахъ видятъ въ нихъ близкихъ родственниковъ сивоворонокъ, а Кабанисъ, слѣдуя этимъ натуралистамъ, разсматриваетъ ихъ какъ среднія формы между сивоворонками и ласточками; наконецъ, Фюрбрингеръ считаетъ ихъ за самыхъ низкостоящихъ воробьиныхъ птицъ. Который изъ названныхъ натуралистовъ ближе всѣхъ подходитъ къ истинѣ, трудно рѣшить. Строго говоря, рогоклювы такъ своеобразно сложены, что они едва-ли могутъ быть соединены съ другими птицами; такимъ образомъ предположеніе Фюрбрингера заслуживаетъ наибольшаго вниманія.

Извѣстные до сихъ поръ виды представляютъ собою плотно сложенныхъ птицъ, съ короткими широкими клювами, довольно толстыми ногами, средней длины крыльями и короткими или довольно длинными хвостами. Клювъ короче головы, толстый и низкій, у основанія очень широкій, къ концу быстро утончается, съ ясно замѣтнымъ ребромъ на хребтѣ и крючкообразно загнутымъ кончикомъ; края клюва загнуты внутрь, расщель доходитъ до глазъ и отверстіе рта почти столько-же велико, какъ и у ласточекъ. На довольно толстыхъ и короткихъ ногахъ плюсна только немного длиннѣе средняго пальца, и этотъ послѣдній сростается съ наружнымъ до втораго сустава, внутренней-же со среднимъ до перваго. Крылья короткія и закругленные, въ нихъ третье или четвертое маховыя перья самыя длинныя; хвостъ или закругленъ или ступенчатый, у нѣкоторыхъ видовъ даже неглубоко вырѣзанный. Опереніе окрашено очень яркими цвѣтами, распредѣленіе которыхъ и рисунковъ у обоихъ половъ, кажется, довольно одинаковы.

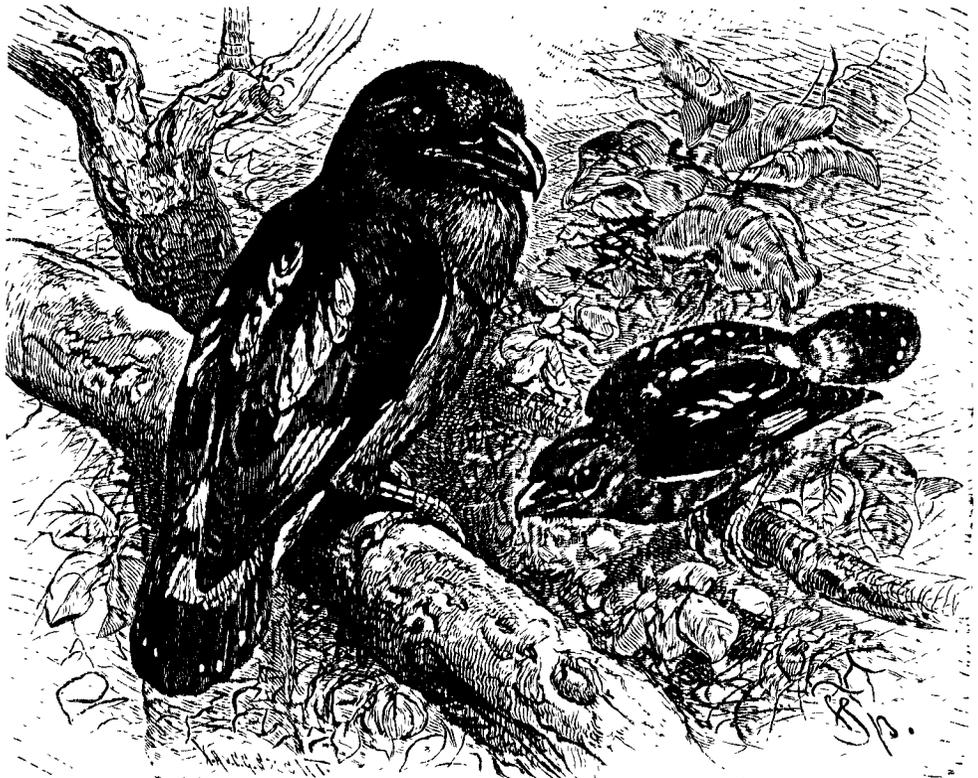
Родину рогоклювовъ составляютъ Индія и Малайскіе острова. Немногіе извѣстные намъ до сихъ поръ виды населяютъ густые лѣса и, какъ кажется, предпочитаютъ такіе, которые лежатъ вдали отъ людскихъ поселеній. Относительно ихъ образа жизни мы знаемъ еще очень немного.

* *

Яванскій рогоклювъ (*Eurylaemus javanicus* и *horsfieldii*. Hornracker. *Eurylaime javanais*) имѣетъ въ главныхъ частяхъ сѣровато-вишно-красное опереніе, переходящее на спинѣ въ черное, окаймленное желтымъ. Верхняя часть головы и область горла, вслѣдствіе нецельно-сѣрыхъ кончиковъ перьевъ,—красновато-сѣрыя, задняя часть шеи и затылокъ переходятъ болѣе въ красное, передняя часть шеи, грудь и остальные нижнія части въ вишно-красное. Узкая полоска на груди черная съ яснымъ красноватымъ отливомъ. Нижнія шейныя перья, плечи и середина надхвостья черныя; наружныя части опахала малыхъ маховыхъ перьевъ и внутреннія части опахала среднихъ спинныхъ до самаго корня, среднія перья на концѣ надхвостья, прибавочное крыло и края конечной части крыла, заднія и нижнія покровныя перья крыла, а также и узкія полулупныя пятна наружныхъ частей опахала малыхъ маховыхъ перьевъ—яркаго сѣрно-желтаго цвѣта. Остальныя части

*

маховыхъ перьевъ темно-буровато-сѣрые. Рулевые перья черныя, кромѣ узкаго бѣлаго поперечнаго пятна на внутреннемъ краѣ опахала всѣхъ перьевъ около кончика; оба среднихъ рулевыхъ пера не имѣютъ такихъ пятенъ, которыя на наружныхъ перьяхъ, напротивъ того, проходятъ по обѣимъ сторонамъ опахала. Клювъ черный и блестящій; верхній-же и боковые его края сѣровато-бѣлые; ноги желто-коричневые. Самцы отъ самокъ, кажется, не отличаются. Молодые птицы, напротивъ того, имѣютъ на нижней сторонѣ тѣла по сѣрому фону блѣдно-желтыя пятнышки въ видѣ капель, на верхней-же части концы перьевъ покрыты по черному полю неправильными пятнами и крапинами сѣрно-желтаго цвѣта. Длина птицы 22 см., длина крыла 12 см., а хвоста 7 см.

Яванскій рогоклювъ. *Eurylaemus javanicus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

По словамъ Раффлса, яванскій рогоклювъ живетъ преимущественно на берегахъ рѣкъ и прудовъ и ѣсть насѣкомыхъ и червей. Гнѣздо виситъ на вѣткѣ надъ водою. Горесфильдъ нашелъ его на Явѣ въ одной изъ непреступныхъ мѣстностей страны, въ большихъ лѣсахъ, обильныхъ рѣками и болотами. Объ одномъ его родичѣ Гельферъ сообщаетъ, что онъ живетъ обществами изъ 30—40 штукъ на самыхъ высокихъ лѣсныхъ деревьяхъ и до того безстрашенъ или до того глушь, что можно перестрѣлять, одну за другою, всѣхъ птицъ стаи.

Лировыя птицы (*Menura*. Leierschwänze. Meaures), образующія вмѣстѣ съ другимъ родомъ небольшихъ австралійскихъ птицъ единственное семейство (*Menuridae*) **Ложнопѣвчихъ птицъ** (*Pseudoscines*. Trugsänger), имѣютъ такое своеобразное

ЛИРОХВОСТЬ.

16

сложеніе, что ихъ можно развѣ только сравнить съ воробьиными, но едва-ли причислить къ нимъ. Эти очень большія птицы, сложениемъ похожія на фазановъ, съ высокими ногами, короткими крыльями и длинными хвостами, имѣютъ чрезвычайно странный видъ. Клювъ прямой, загнутый на концѣ, гдѣ онъ имѣетъ спереди маленькую выемку, у основанія онъ идетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ высоту; ноздри большія, яйцеобразныя и на половину закрытыя перепонкой, лежатъ въ серединѣ клюва. Ноги отличаются тонкими плюснами, средній палецъ по длинѣ равняется лишь половинѣ плюсны; онъ очень незначительно длиннѣе боковыхъ, съ которыми онъ до перваго сустава соединенъ перепонкой; всѣ пальцы вооружены равными имъ по длинѣ, кривыми, но тупыми когтями. Крылья очень выпуклы; первыя пять маховыхъ перьевъ расположены ступенчато, а слѣдующія—отъ шестого до девятаго—по длинѣ равны между собой и притомъ длиннѣе другихъ. Очень длинный хвостъ образованъ изъ различнаго рода перьевъ. Тѣ 12-ть перьевъ, которыя собственно соотвѣтствуютъ рулевымъ, едва ли можно назвать перьями, такъ какъ бородки ихъ лежатъ не плотно, а далеко другъ отъ друга, такъ что они напоминаютъ шелковистыя перья нѣкоторыхъ цапель; наоборотъ, два среднихъ и два наружныхъ рулевыхъ пера усажены плотно прилегающими другъ къ другу бородками, которыя у среднихъ очень узки; наружныя изогнуты въ видѣ латинской буквы S и имѣютъ узкое наружное и очень широкое внутреннее опахало. Такую форму хвоста, придающую птицѣ очень красивый видъ, имѣютъ однако только самцы; у самокъ же хвостъ состоитъ просто изъ 12 рулевыхъ перьевъ обыкновенной формы, расположенныхъ ступенчато. Опереніе густое и рыхлое; на туловищѣ и спинѣ перья очень похожи на волосы, на головѣ они удлиняются въ видѣ хохолка, а у основанія клюва превращаются въ щетинки.

* * *

Лирохвость (*Menura superba, vulgaris, paradisea, Iyra* и *novae-hollandiae, Megapodius menura, Parkinsonius mirabilis. Leierschwanz. Oiseau-Iyre*) имѣетъ основной цвѣтъ перьевъ темный коричнево-сѣрый съ красноватымъ отливомъ на надхвостьѣ. Подбородакъ и зобъ красные; нижняя часть тѣла буровато-пепельная, на брюшкѣ—свѣтлѣе; малыя маховыя перья и крайнія рулевыя — красно-коричневые. Хвостъ на верхней сторонѣ черновато-бурый, снизу — серебристо-сѣрый; крайнія рулевыя перья, имѣющія форму лиры, темно-сѣрыя, кончики ихъ бархатисто-черные съ бѣлой бахромкой. Внутреннія бородки имѣютъ попеременно черно-бурые и ржаво-красныя каемки; среднія хвостовыя перья сѣрыя, остальные—черныя. Длина самца 130 см., длина крыла 29 см., хвоста 70 см. Самка значительно меньше, цвѣтъ ея перьевъ грязно-коричневый, на брюшкѣ переходящій въ сѣрый. Молодые самцы до перваго линянія по окраскѣ бываютъ похожи на самку.

Мы обязаны Гульду наиболѣе подробными наблюденіями надъ жизнью лирохвоста, а, благодаря изслѣдованіямъ Бэкера и Рамза, мы имѣемъ свѣдѣнія и объ его размноженіи. Родина лирохвоста Новый Южный Валлисъ къ востоку до залива Моретонъ и къ юго-западу до порта Филиппа; живутъ эти птицы среди густыхъ зарослей кустарника, въ мѣстностяхъ холмистыхъ или скалистыхъ. «Лазаніе по этимъ горамъ», говоритъ одинъ охотникъ за лирохвостами, «не только трудно, но и въ высшей степени опасно. Разсѣлины и ущелья прикрыты цѣлыми массами полусгнившихъ растительныхъ веществъ, въ которыхъ нога уходитъ, какъ въ снѣгъ, по колѣно. Одинъ невѣрный шагъ—и человекъ исчезаетъ или какъ клинъ зацемяляется между трещинами скалы. Счастье, если онъ можетъ употребить въ дѣло свое оружіе и выстрѣломъ въ голову избавить себя такимъ образомъ отъ медлен-

ной смерти, такъ какъ о помощи нечего и думать». Въ подобныхъ мѣстахъ лирохвоста можно слышать повсюду, но только именно слышать. Гульдъ проводилъ цѣлые дни въ кустахъ, былъ окруженъ птицами, слышалъ ихъ звонкіе, чистые голоса, но никакъ не могъ увидѣть ни одной изъ нихъ, и только его неутомимая выносливость и крайняя осторожность вознаградили его впоследствии за труды.

Трудность приблизиться къ этой осторожной птицѣ и вступить съ нею, такъ сказать, въ сношеніе, объясняетъ, почему, несмотря на множество охотничьихъ разсказовъ, которые сообщали намъ путешественники, мы не могли еще составить себѣ яснаго взгляда на образъ жизни, поведеніе, привычки и нравы лирохвоста. Всѣ наблюдатели согласны между собой только въ томъ, что эта птица проводитъ большую часть жизни на землѣ и только чрезвычайно рѣдко прибѣгаетъ къ летанью. Бѣгомъ она проходитъ громадныя лѣсныя пространства, перебѣгаетъ по опрокинутымъ стволамъ деревьевъ или даже сквозь ихъ вѣтви, взбирается по голымъ, крупнымъ обрывамъ скалъ; прыгая, она поднимается вдругъ на 3 м. и болѣе противъ своего прежняго положенія, быстро спускается съ высоты утеса внизъ и только тогда употребляетъ въ дѣло крылья, когда хочетъ спуститься на дно какого-нибудь ущелья. Барлетъ, который воспитывалъ одного лирохвоста, называетъ его одной изъ самыхъ безпокойныхъ и подвижныхъ птицъ, а быстроту его—просто удивительной, такъ какъ онъ пробѣгаетъ очень большія разстоянія съ изумительной скоростью и ловкостью. При быстромъ бѣгѣ онъ напоминаетъ фазана: вытягиваетъ тѣло, нагибаетъ впередъ голову, складываетъ хвостъ и держитъ его горизонтально, такъ какъ только при такомъ положеніи ему возможно пробираться по густымъ зарослямъ, не повредивши своего великолѣпнаго наряда. Эти птицы бываютъ всего дѣятельнѣе утромъ и вечеромъ, но въ періодъ размноженія ихъ можно видѣть въ полуденное время на любимыхъ мѣстахъ. Самцы сгребаютъ себѣ небольшіе круглые холмики изъ земли и сидятъ на нихъ, подобно токующимъ тетеревамъ, топчутся, не переставая на этихъ холмикахъ, поднимая хвостъ къверху, чрезвычайно красиво распуская его, и выражаютъ свои чувства, кромѣ того, самыми разнообразными звуками. Голосъ ихъ, вполне соответствующій хорошо развитымъ пѣвчимъ мускуламъ, чрезвычайно гибкій; обыкновенный призывной голосъ—громкій, звучный и пронзительный. Пѣніе лирохвоста, смотря по мѣстности, очень различно, такъ какъ оно состоитъ изъ собственныхъ и заимствованныхъ или украденныхъ звуковъ. Это своеобразное пѣніе напоминаетъ какое-то странное червоуцаніе, которое можно слышать, подойдя лишь довольно близко къ пѣвцу. Только немногія строфы живы, но спутаны, часто прерываются и кончаются глубокимъ, глухимъ и щелкающимъ звукомъ. «Птица эта», говоритъ Бекеръ, вполне согласно съ другими наблюдателями, «обладаетъ въ высшей степени даромъ звукоподражанія. Чтобы дать понятіе о томъ, какъ велика эта способность, я передамъ слѣдующее. Въ Джинсландѣ, не далеко отъ южнаго склона Австралійскихъ Альповъ, расположенъ лѣсопильный заводъ. Тамъ въ праздничные дни, когда все тихо, можно часто слышать далеко въ лѣсу лай собаки, человѣческой смѣхъ, пѣніе и карканье разныхъ птицъ, крикъ дѣтей и между всѣмъ этимъ раздрающій душу звукъ, производимый при оттачиваніи пилы. Всѣ эти звуки и тоны издаются однимъ и тѣмъ-же лирохвостомъ, находящимся недалеко отъ лѣсопильной машины». Въ періодъ размноженія любовь къ подражанію усиливается; лирохвостъ замѣняетъ тогда, подобно пересмѣшникамъ Америки, цѣлую стаю поющихъ птицъ. Относительно другихъ животныхъ онъ ведетъ себя въ высшей степени осторожно, и человѣка, по видимому, избѣгаетъ больше всѣхъ. Съ себѣ подобными онъ никогда не соединяется; его встрѣчаютъ всегда парами и наблюдали, что какъ только два самца завпи-

дять другъ друга, то немедленно вступаютъ въ бой, ожесточенно преслѣдуя одинъ другаго.

Пища лирохвостовъ состоитъ большею частью изъ насѣкомыхъ и червей. Гульдъ находилъ преимущественно тысячножекъ, жуковъ и улитокъ въ желудкѣ птицъ, убитыхъ имъ или его товарищами по охотѣ. Значительную часть пищи птица добываетъ роясь. При этомъ она выказываетъ столько-же силы, сколько и ловкости, такъ какъ несмотря на то, что разбрасываетъ землю въ стороны, а не назадъ, она сдвигаетъ съ мѣста комья земли и камни вѣсомъ до 4-хъ kgr., чтобы оттуда добыть спрятавшихся насѣкомыхъ. Она питается также и сѣменами, впрочемъ, вѣроятно, только въ извѣстное время. Непереваримые остатки они извергаютъ въ видѣ погадокъ.

По наблюденіямъ Бэкера періодъ размноженія наступаетъ въ августѣ, по Рамзаю, напротивъ, лирохвость уже въ маѣ приступаетъ къ постройкѣ гнѣзда и кладетъ одно яйцо уже въ іюнѣ и самое позднее въ іюлѣ. Самымъ любимымъ мѣстомъ для постройки гнѣзда служатъ густые кусты на склонахъ глубокихъ и обрывистыхъ ущелій, которыми такъ богаты горы или небольшія равнины, расположенныя между изгибами рѣкъ у подошвъ горъ. Здѣсь птица отыскиваетъ стояція близко одно къ другому молодыя деревья, небольшіе стволы которыхъ образуютъ родъ воронки; между этими-то стволами, обыкновенно довольно низко, изрѣдка же и на болѣе значительной высотѣ, находится гнѣздо; иногда оно бываетъ устроено въ дуплѣ дерева, на невысокомъ кустѣ папоротника, въ углубленіи скалы или на какомъ-нибудь обгорѣломъ стволѣ дерева. Гнѣздо это строится изъ весьма различныхъ матеріаловъ, смотря по тому, какой изъ нихъ всего легче достать въ данной мѣстности; оно всегда велико, продолговато, такъ что напоминаетъ по формѣ яйцо, снабжено крышей и имѣетъ 60 см. въ длину и 30 см. въ ширину. Основаніе его состоитъ обыкновенно изъ слоя грубыхъ хворостинокъ, кусочковъ дерева и т. п.; собственно же гнѣздо—шаровидной формы—изъ тонкихъ гибкихъ корней, а внутренность его выложена самыми нѣжными перьями самки. Верхняя половина гнѣзда не слишкомъ плотно соединяется съ нижней и легко отъ нея отдѣляется; она образуетъ такимъ образомъ крышу всей постройки и состоитъ, подобно нижней части, изъ жесткихъ хворостинокъ, травы, мха, листьевъ папоротника и тому подобныхъ веществъ. Издалека гнѣздо имѣетъ видъ просто кучки сухого хвороста. Боковое отверстіе служитъ для входа во внутренность гнѣзда, на видъ очень небрежно построеннаго, въ дѣйствительности-же очень прочнаго и годнаго иногда на вѣскольکو лѣтъ. Лирохвость выводитъ птенцовъ только разъ въ годъ и кладетъ только одно яйцо, величиною съ утиное, длиною около 60 m.m., шириною около 40 m.m.; оно свѣтло-пепельнаго цвѣта съ слабо обозначенными темно-бурыми пятнышками. Самка высидиваетъ одна, самецъ не только не кормитъ ее, но, повидимому, даже не посѣщаетъ ее ни разу, поэтому она оставляетъ гнѣздо въ полуденное время довольно на долго и такимъ образомъ высидиваніе продолжается почти цѣлый мѣсяць. Возвратясь къ гнѣзду, самка вползаетъ внутрь черезъ отверстіе, пятясь назадъ, и этимъ такъ стираетъ свои хвостовыя перья, что по нимъ можно узнать, какъ давно она высидиваетъ.

Птенецъ оставляетъ гнѣздо не ранѣе 8—10 недѣль. Одинъ, котораго наблюдалъ Бэкеръ, былъ почти голый, и только кое-гдѣ были черныя зародыши перьевъ, похожіе на конскіе волоса. Всего гуще была покрыта середина головы и спинного хребта, а всего рѣже крылья и ноги. Кожа была желтовато-сѣраго цвѣта, клювъ черныи, ноги темныя желтовато-сѣрыя. Птенецъ вылунился изъ яйца съ закрытыми глазами, впрочемъ вѣки были уже вполне раздѣлены. Другой птенецъ, вы-

нутый позже изъ гнѣзда, былъ уже довольно великъ, и его голова и спина были покрыты пухомъ. Когда его схватили, онъ издалъ громкій крикъ, на который тотчасъ же явилась мать. Она приблизилась на нѣсколько шаговъ, совершенно забывъ свой прежній страхъ, хлопала крыльями и бросалась во все стороны, пытаясь освободить своего птенца. Выстрѣлъ изъ ружья положилъ ее на мѣстѣ, и тогда птенецъ замолчалъ. Онъ былъ необыкновенно безпомощенъ, хотя и довольно великъ; въ походкѣ его, несмотря на то, что ноги были уже хорошо развиты, было что-то чрезвычайно неуклюжее. Онъ поднимался тяжело и хотя могъ бѣгать, но при этомъ часто падалъ. Вѣроятно привлекаемый теплотой, онъ постоянно старался приблизиться къ костру и потому требовалъ непрерывнаго надзора. Крикъ его громкій «чинг чинг» раздавался очень часто; если хозяинъ отвѣчалъ ему звукомъ «булан-булан», призывнымъ крикомъ старыхъ птицъ, то онъ подбѣгалъ, и его положительно можно было вести за собой при помощи этого зова. Въ скоромъ времени онъ сдѣлался совсѣмъ ручнымъ, съ жадностью ѣлъ муравьиныя яйца, но не пренебрегалъ хлѣбными крошками и кусочками мяса. Иногда онъ самъ подбиралъ съ земли муравьиныя яйца, но при этомъ безуспѣшно старался проглотить ихъ. Воду онъ пилъ рѣдко. Для отдыха ему устроили гнѣздо изъ мха и выстлали его внутри мхомъ; повидимому, ему было очень удобно въ этомъ гнѣздѣ. Во время сна онъ пряталъ голову подъ крыло; если кричали «булан-булан», онъ просыпался и нѣкоторое время осматривался кругомъ, но вскорѣ принималъ прежнее положеніе и тогда уже не обращалъ вниманія ни на какіе призывы. Къ несчастію, онъ умеръ на 8-й день послѣ того, какъ былъ пойманъ. Другія попытки воспитывать птенцовъ лирохвоста были удачнѣе, но только въ 1867 г. первая изъ этихъ птицъ была доставлена живой въ Лондонскій зоологическій садъ.

Гульдъ и другіе наблюдатели называютъ лирохвоста самой пугливой птицей на всемъ земномъ шарѣ. Трескъ вѣтки, паденіе маленькаго камня, самый ничтожный шумъ заставляютъ его мгновенно обратиться въ бѣгство и дѣлаютъ тщетными все усилія охотника. Ему приходится не только перелѣзать черезъ скалы и опрокинутыя стволы деревьевъ, пробираться съ крайней осторожностью между вѣтвями или подъ ними, но вдобавокъ онъ можетъ подвигаться только тогда, когда птица занята, т. е. когда она роется въ опавшихъ листьяхъ или поетъ. Охотникъ долженъ внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ птицы и притомъ быть совсѣмъ неподвижнымъ, какъ только ему покажется, что лирохвость можетъ его увидѣть, такъ какъ малѣйшее замѣтное для птицы движеніе смущаетъ ее точно такъ-же, какъ и шорохъ. Только въ исключительныхъ случаяхъ попадаются лирохвосты менѣе пугливые, позволяющіе приблизиться къ себѣ. Весьма полезной при этомъ оказывается дрессированная собака; она дѣлаетъ стойку надъ птицей и отвлекаетъ этимъ ея вниманіе отъ охотника. Старые опытные жители лѣсовъ при охотѣ на лирохвоста пускаютъ въ ходъ слѣдующую хитрость: они прикрѣпляютъ къ иляпѣ весь хвостъ самца, прячутся въ кусты и двигаютъ особеннымъ образомъ головой и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнымъ головнымъ уборомъ до тѣхъ поръ, пока лирохвость не замѣтитъ его. Птица, думая, что другой самецъ забрался въ ея владѣнія, бросается на мнимаго соперника и попадаетъ такимъ образомъ подъ выстрѣлъ. Если окружающіе кусты или другіе предметы скрываютъ лирохвоста, то всякій необыкновенный звукъ, какъ напримѣръ свистъ, заставляютъ его показаться; онъ бѣжитъ тогда къ первому открытому мѣсту и старается узнать причину звука. Нѣкоторые охотники выучиваются призывному крику лирохвостовъ и, если хорошо подражаютъ ему, то такимъ способомъ могутъ приманить къ себѣ всякаго самца.

Фюрбрингеръ считаетъ **Дятловыхъ** (Pici) птицъ, къ которымъ онъ, кромѣ собственно дятловъ, причисляетъ также **Медовъдовъ**, **Туановъ** и **Бородачей**, за группу, родственную воробьинымъ и лирохвостамъ. Родство между этими четырьмя семействами небольшихъ птицъ проявляется главнымъ образомъ въ особенностяхъ ихъ внутренняго строенія. По образу жизни эти птицы значительно отличаются другъ отъ друга.

Настоящіе дятлы (Picidae. Spechte. Pies) отличаются слѣдующими признаками: тѣло вытянутое, клювъ крѣпкій, обыкновенно прямой, конусовидный или долотообразный съ острымъ ребромъ на хребтѣ и съ вертикально расположеннымъ остриемъ на концѣ. Ноги короткія, крѣпкія и загнутыя внутрь, длинныя пальцы расположены по парно, передняя пара срослась до половины перваго сустава. Къ настоящему заднему пальцу, самому меньшему, присоединяется наружный передній палецъ, длиннѣйшій изъ всѣхъ; случается, впрочемъ, что задній палецъ недоразвитъ или даже совершенно отсутствуетъ, такъ что на ногѣ бываетъ только три пальца. Всѣ пальцы вооружены большими, крѣпкими и острыми когтями полудлунной формы. Крылья средней длины и нѣсколько округлены; большія маховыя перья числомъ 10—узкія и острыя; малыхъ маховыхъ перьевъ отъ 9 до 12, они нѣсколько шире и обыкновенно незначительно короче большихъ. Особенно замѣчательнъ у дятловъ хвостъ. Онъ состоитъ изъ 10 большихъ и 2 малыхъ боковыхъ перьевъ, которыя лежатъ не подъ первыми, а надъ ними. Два среднихъ хвостовыхъ пера длиннѣе и крѣпче остальныхъ. Стволы ихъ утолщаются къ концу, чрезвычайно гибки и упруги. На основной части этихъ перьевъ бородки плотно прилегаютъ другъ къ другу и связаны между собою, къ концу-же пера они становятся свободными, утолщаются, измѣняютъ свое направленіе и обращаются съ обѣихъ сторонъ книзу, такъ что перо имѣетъ видъ крыши, верхушкой которой служить стержень. Подъ этой крышей лежитъ второе среднее перо, имѣющее точно такое же строеніе, а подъ этимъ перомъ третье. Четвертое перо каждой стороны похоже еще на третье; пятое, крайнее изъ большихъ перьевъ, имѣетъ обыкновенное строеніе, а шестое отличается не только своимъ положеніемъ, но еще и особенною твердостью. Въ опереніи почти совершенно отсутствуетъ пухъ и безусловно преобладаютъ кроющія перья. Они снабжены небольшими пушистыми прибавочными перьями; на головѣ перья малы, продолговаты, часто удлиняются въ видѣ большого или маленькаго хохолка, сидятъ густо и имѣютъ волосистое строеніе. На туловищѣ перья широки, коротки, менѣе густы и расположены нѣсколькими полосами; одна изъ нихъ—спинная идетъ до лопатокъ, обыкновенно не развѣтвляясь, а затѣмъ раздваивается и доходитъ до копчиковой железы. Эта полоса иногда соединяется съ другими; обыкновенно имѣется еще другая внутренняя плечевая полоса. Кромѣ того слѣдуетъ еще замѣтить, что отъ корня клюва до затылка тянется лишняя перьевъ полоска. Въ окраскѣ дятловъ, несмотря на все ея разнообразіе, есть въ то же время и много общаго; такъ, напр. голова украшена обыкновенно пятномъ краснаго цвѣта, и оба пола отличаются другъ отъ друга главнымъ образомъ величиной, или-же присутствіемъ или отсутствіемъ этого головного украшенія. Болѣе всякой другой группы птицъ дятлы допускаютъ подраздѣленіе по окраскѣ, и потому ихъ называютъ черными, зелеными, пестрыми и т. д.

Внутреннее строеніе дятловъ такъ-же своеобразно, какъ и наружное. Скелетъ чрезвычайно стросень, черепъ умѣренной величины, темя очень выпуклое и отличается валикомъ, тянущимся съ обѣихъ сторонъ отъ носовыхъ костей назадъ; съ

наружной стороны этого валика находится желобокъ, въ которомъ помѣщаются задніе рожки подъязычной кости. Въ межглазничной перегородкѣ одно отверстіе; сошникъ состоитъ изъ двухъ удлинненныхъ косточекъ, иногда не срастающихся другъ съ другомъ. Небная кость съ обѣихъ сторонъ суживается къ сочлененію съ крыло-видными костями, спереди-же она представляетъ тонкую костяную пластинку, сросшуюся съ верхней челюстью; квадратная кость необыкновенно коротка. Лопатка короткая, расширенная на концѣ въ видѣ лопасти; дужка слабая, ключицы очень толстыя. Грудная кость сзади обыкновенно шире, чѣмъ спереди и съ обѣихъ сторонъ имѣетъ по двѣ глубокихъ выемки; кромѣ того на заднемъ краю ея гребня находится слабо выраженная дугообразная выемка. Позвоночный столбъ состоитъ изъ 12 шейныхъ, 7—8 грудныхъ, 10 крестцовыхъ и 7 хвостовыхъ позвонковъ, изъ которыхъ послѣдній особенно великъ, толстъ, имѣетъ широкую заднюю поверхность и снабженъ длинными крѣпкими остистыми отростками. Черепъ, кости туловища, плечо и предплечье воздухопроводны. Изъ мягкихъ частей всего болѣе замѣчательнъ языкъ. Онъ небольшой, состоитъ изъ рогового вещества, очень вытянутъ въ длину и съ каждой стороны усаженъ 5 или 6 короткими, жесткими колючками или щетинками, напоминающими зазубрины у острія стрѣлы. «Этотъ маленькій языкъ», говоритъ Бурмейстеръ, «сидитъ на длинной, прямой стержнеобразной подъязычной кости, по длинѣ равняющейся клюву; отъ нея идутъ назадъ еще рожки, состояще изъ двухъ члениковъ, которые вдвое длиннѣе самой кости. Подъязычная кость заключена въ чрезвычайно эластичное бородавчатое влагалище, которое въ стянутаго состояніи похоже на пружину, лежитъ во рту и выпрямляется въ тотъ моментъ, какъ выдвигается языкъ. Во время покоя рожки подъязычной кости оггибаютъ затылокъ и направляются ко лбу, лежатъ здѣсь подъ кожей и кончики ихъ достигаютъ роговой оболочки клюва и заходятъ гораздо дальше носовыхъ отверстій; близъ правой ноздри находится особый каналъ для привятія ихъ. Когда дятель высовываетъ языкъ, рожки опускаются изъ этого канала въ эластическое влагалище тѣла подъязычной кости и при этомъ выдвигаютъ изъ клюва языкъ на нѣсколько дюймовъ». Съ этими особенностями строенія языка связано необыкновенное развитіе одной пары слизистыхъ железъ. Железы эти расположены вдоль сторонъ нижней челюсти и доходятъ до слухового отверстія; онѣ отдѣляютъ клейкую слизь, покрывающую длинную шейку языка точно такъ-же, какъ это бываетъ у муравьѣдовъ. Пищеводъ лишенъ зоба; передній желудокъ обыкновенно длинный, задній мускулистъ; слѣпыхъ кишокъ или совсѣмъ нѣтъ или они недоразвиты, зато есть желчный пузырь.

Очевидно, что своеобразное строеніе ногъ, клюва, языка и хвоста дятла чрезвычайно приспособлены къ особенностямъ его образа жизни. Своими цѣпкими когтями, которые могутъ обхватывать значительное пространство, онъ привѣшивается безъ малѣйшаго труда къ отвѣснымъ стволамъ дерева, а хвостъ предохраняетъ его отъ соскальзыванія внизъ. Когда дятель опирается на хвостъ, то къ стволу прижимаются не только кончики 8 главныхъ перьевъ, но почти всѣ отдѣльные концы перьевъ, ставшіе какъ бы самостоятельными, а также жесткія бородаки трехъ среднихъ перьевъ каждой стороны, которыя, благодаря своей многочисленности, находятъ прочную опору въ самой ничтожной неровности. Крѣпкій острый клювъ отлично приспособленъ къ долбленію, причемъ и хвостъ также является подспорьемъ, служа какъ бы пружиной. Наконецъ, языкъ, вслѣдствіе своей тонкости и нитевидной формы, проникаетъ въ любое отверстіе и, благодаря своей чрезвычайной подвижности, можетъ слѣдовать за всѣми изгибами проточеннаго насѣкомымъ хода.

За исключеніемъ Австраліи и Мадагаскара дятлы распространены по всемъ частямъ свѣта и даже въ сѣверныхъ странахъ представляютъ далеко не рѣдкое явленіе. «Число ихъ», говоритъ Глогеръ, «бываетъ тѣмъ больше, чѣмъ лѣсистѣе страна и чѣмъ богаче въ ней лѣсная растительность». Настоящимъ раемъ являются для нихъ обширные, непрерывно тянущіеся дѣственные лѣса тропическихъ странъ или точнѣе Южной Америки и Индіи, такъ какъ въ Африкѣ встрѣчаются лишь немногіе и притомъ исключительно мелкіе виды дятловъ. Въ бразильскихъ лѣсахъ они принадлежатъ, по словамъ принца фонъ Видъ, къ самымъ обыкновеннымъ и распространеннымъ птицамъ. «Повсюду находятся сгнившие старые стволы, повсюду есть богатый запасъ насѣкомыхъ для этихъ одинокихъ обитателей лѣсовъ». Въ обширныхъ дѣственныхъ лѣсахъ Бразиліи, гдѣ тишина не нарушается голосами другихъ живыхъ существъ, все-же навѣрно услышишь крикъ дятла. По въ этой чудной странѣ они населяютъ не только дѣственные лѣса, но также опушки, кустарники и даже открытыя пространства. Почему они не встрѣчаются на Мадагаскарѣ и въ Австраліи, трудно понять. Мнѣніе Глогера, что дятлы избѣгаютъ деревья въ съ жесткою корою и очень твердой древесиной, можетъ быть въ общемъ и основательно, но все-же такое объясненіе не устраняетъ нѣкоторыхъ возраженій, такъ какъ во первыхъ въ лѣсахъ этихъ странъ растутъ много деревьевъ, которые не отличаются вышеуказанными свойствами, а во вторыхъ въ этихъ лѣсахъ живутъ другія лазящія птицы, которые, повидимому, еще гораздо менѣе дятловъ приспособлены къ подобной растительности. Въ нашемъ отечествѣ они встрѣчаются въ лѣсахъ, древесныхъ питомникахъ и садахъ почти всегда въ одиночку, такъ какъ они весьма необщительны съ другими птицами своего вида и изрѣдка только присоединяются къ небольшимъ лѣснымъ кочевымъ птицамъ, которымъ они тогда служатъ проводниками и предводителями, но притомъ они только рѣдко встрѣчаются съ другими видами того отряда или семейства, къ которому принадлежатъ сами. Конечно удастся иногда увидѣть на одномъ и томъ-же деревѣ 2—3 различныхъ вида дятловъ; но въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ занимается своимъ дѣломъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на своихъ случайныхъ сотоварищей. Зато случается, что особенное обиліе корма собираетъ въ какой-нибудь мѣстности много дятловъ одного и того-же вида или даже различныхъ видовъ. Точно также и во время кочевокъ можно бываетъ видѣть очень многочисленныя общества дятловъ, а, по увѣренію нѣкоторыхъ наблюдателей, даже цѣлыя стаи ихъ.

Область распространенія отдѣльныхъ видовъ дятловъ бываетъ и весьма ограничена, и весьма обширна. Водящіеся въ Германіи виды—за исключеніемъ одного только средняго пестраго дятла—встрѣчаются во всей Европѣ, а также и въ сѣверной части Средней Азіи; нѣкоторые другіе виды водятся, наоборотъ, только въ очень узкихъ предѣлахъ. Каждая часть свѣта имѣетъ свои виды и, пожалуй, даже группы, которыя однако, въ виду значительнаго сходства между ними, врядъ ли можно признавать особыми родами, а тѣмъ болѣе подсемействами. При существованіи на большихъ протяженіяхъ приблизительно одинаковыхъ жизненныхъ условій, извѣстный видъ дятловъ, какъ и большинство другихъ птицъ, получаетъ широкое распространеніе; при разнообразіи-же деревьевъ въ лѣсахъ, обыкновенно въ одной и той-же мѣстности водятся нѣсколько видовъ дятловъ. Присутствіе въ данной мѣстности какого-нибудь вида дятловъ зависитъ отъ существованія въ ней извѣстнаго рода деревьевъ и при томъ по отношенію къ дятламъ такая зависимость выражена значительно болѣе рѣзко, чѣмъ для большинства другихъ птицъ. Нѣкоторые виды населяютъ правда и хвойныя, и лиственные лѣса, но они все-таки рѣшительно предпочитаютъ одинъ изъ этихъ родовъ лѣса и,

совершенно не встрѣчаются въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ лѣсъ другого рода, или-же залетаютъ въ нихъ развѣ только случайно во время перелета. Въ еще большей зависимости, чѣмъ отъ характера лѣса, находятся дятлы отъ свойствъ растущихъ въ немъ деревьевъ, такъ какъ имъ труднѣе, чѣмъ другимъ птицамъ отыскивать себѣ удобное жилище. Казалось-бы, что въ этомъ отношеніи изъ всѣхъ птицъ, живущихъ въ дуплахъ, они находятся въ самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ сами могутъ выдолбить себѣ дупло; однако на самомъ дѣлѣ это далеко не вѣрно. Даже въ обширномъ лѣсу не всякій дятель найдетъ для себя подходящее дерево, въ которомъ онъ могъ-бы устроить себѣ жилище, и въ такомъ случаѣ онъ избѣгаетъ залетать въ этотъ лѣсъ. Такъ какъ дупло нужно дятлу не только для птенцовъ, но и для того, чтобы самому проводить въ немъ ночь, то онъ не можетъ летать по обширному району; ему постоянно приходится возвращаться къ центру этого района, т. е. къ своему жилищу. Поэтому черезъ такой лѣсъ, въ которомъ онъ не можетъ найти для себя подходящаго убѣжища, дятель пролетаетъ только случайно, во время кочевокъ, въ другое-же время его тамъ не встрѣтишь. Если-же условія измѣнятся, и хоть одно дерево въ такомъ лѣсу окажется годнымъ для того, чтобы выдолбить въ немъ жилище, то дятель ужъ навѣрно замѣтитъ это и тогда, къ удовольствію наблюдателя, въ лѣсу снова появится такой видъ дятловъ, котораго здѣсь не приходилось видѣть, можетъ быть въ теченіи жизни цѣлаго поколѣнія. Только этимъ объясняется слѣдующее явленіе, замѣченное многими хорошими наблюдателями: случается, что въ известной мѣстности какой-нибудь видъ дятловъ становится все болѣе и болѣе рѣдкимъ и, наоборотъ, представители другихъ видовъ дѣлаются болѣе многочисленными.

Образъ жизни всѣхъ дятловъ въ главныхъ чертахъ весьма сходенъ. Большую часть жизни они проводятъ, лазая по деревьямъ, и даже во время сна привѣшиваются въ томъ-же положеніи, какъ и при лазаніи, къ внутреннимъ стѣнкамъ дупла, т. е. къ отвѣсной плоскости. На землю дятлы слетаютъ очень рѣдко и тогда прыгаютъ по ней въ высшей степени неловко. Они неохотно пролетаютъ большія разстоянія, но это происходитъ, вѣроятно, не столько отъ того, что имъ трудно долго летать, сколько вслѣдствіе ихъ безпокойнаго нрава, неутомности, которая заставляетъ ихъ изслѣдовать чуть не каждое дерево, попадающееся имъ на пути. Дятель летитъ по глубоко волнообразной линіи. Быстрыми ударами крыльевъ онъ, такъ сказать, взбирается по восходящей дугѣ одной изъ волнъ такой линіи, затѣмъ вдругъ плотно прижимаетъ крылья къ туловищу и быстро, крутыми дугами летитъ внизъ; затѣмъ снова слѣдуетъ поднятіе. Подлетѣвъ къ дереву, онъ спускается обыкновенно очень низко и подвѣшивается къ стволу на высотѣ нѣсколькихъ метровъ отъ земли; затѣмъ большими, быстро слѣдующими другъ за другомъ скачками онъ лѣзетъ вверхъ, иногда также въ сторону или по винтовой линіи впередъ и вверхъ. Изрѣдка онъ также пятится назадъ, но никогда не спускается головой внизъ; на горизонтальные сучья онъ забирается рѣдко, а если и дѣлаетъ это, то не бѣжитъ по нимъ, а всегда лазаетъ, подвѣсившись къ ихъ нижней поверхности. Подвѣсиваясь къ дереву, онъ загибаетъ далеко назадъ грудь, шею и голову и во время прыжковъ киваетъ головою.

Долбя своимъ клювомъ, дятель откалываетъ, смотря по своей силѣ, большіе или меньшіе куски коры, открываетъ такимъ образомъ убѣжище насѣкомыхъ, вытаскиваетъ ихъ своимъ языкомъ и проглатываетъ. Какимъ образомъ онъ дѣлаетъ это, мнѣ до сихъ поръ не удалось вполне уяснить себѣ, несмотря на старательныя наблюденія надъ ручными дятлами. Если держать пойманныхъ дятловъ въ клеткѣ съ крѣпкой крышкой, въ которой просверлено много дырокъ и насыпать на эту

крышку ихъ любимаго корма, то можно бываетъ отлично наблюдать на самомъ близкомъ разстояніи, какъ они пользуются своимъ языкомъ. Но сколько ни смотришь на нихъ—все-же нельзя вполне уяснить себѣ, что именно они имъ дѣлаютъ; всегда въ результатѣ кое-что остается сомнительнымъ. Совершенно естественно предположить, что зубрины на твердомъ роговидномъ кончикѣ языка играютъ извѣстную роль при захватываніи пищи, что благодаря имъ дятлу удастся вытаскивать изъ извилистыхъ ходовъ многихъ червячковъ; вмѣстѣ съ гѣмъ можно замѣтить, что кусочки пищи, напр. муравьиныя яйца, попадаютъ въ глотку дятла совершенно безъ помощи языка. Птица просовываетъ свой червеобразный язычекъ въ одну изъ дырокъ крышки, изгибаетъ его и двигаетъ имъ по всѣмъ направленіямъ съ удивительной гибкостью, ощупывая, не найдется-ли въ дыркѣ муравьиного яйца или мучного червя. При этомъ во многихъ случаяхъ добыча схватывается языкомъ, т. е., повидимому, прокалывается имъ; но иногда языкъ, какъ только появится, начинаетъ извиваться, а затѣмъ втягивается и вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ муравьиное яйцо или червь такъ быстро, что невозможно бываетъ рассмотреть, прилипли-ли они къ языку или были обхвачены имъ. Благодаря такой подвижности и гибкости своего языка, дятель имѣетъ возможность преслѣдовать насекомыхъ даже въ проточенныхъ ими поперечныхъ ходахъ, вытаскивать ихъ отсюда и съѣдать. Поэтому-то дятель и является однимъ изъ лучшихъ охранителей лѣса.

Любимую пищу большинства дятловъ составляютъ различныя насекомыя во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, преимущественно такія, которыя живутъ въ деревьяхъ, скрываясь подъ ихъ корою или въ самой древесинѣ; нѣкоторыя виды ѣдятъ также разныя ягоды и сѣмена и даже устраиваютъ кладовыя, въ которыя складываютъ ихъ. Наибольшій пестрый дятель, который очень любитъ лакомиться сосновыми сѣменами, обыкновенно стаскиваетъ шишки въ определенное мѣсто, гдѣ ему всего удобнѣе выклевать изъ нихъ сѣмена. Такія мѣста, часто покрытыя огромнымъ количествомъ шишекъ, называются въ Германіи «Spechtschmieden» (дятловыя кузницы). Дятель подыскиваетъ себѣ дерево, въ которомъ есть подходящая по величинѣ дыра или щель или бокаловидное углубленіе, а иногда и самъ выдалбливаетъ такое; въ это углубленіе онъ ущемляетъ за толстый конецъ принесенную имъ зрѣлую шишку и начинаетъ отщипывать отъ нея клювомъ чешую, чтобы достать изъ-подъ нея сѣмена. Обыкновенно, еще не совсемъ покончивъ съ одной шишкой, онъ вытаскиваетъ ее изъ углубленія и приноситъ другую. Около бывшей долго въ употребленіи «дятловой кузницы» накапливается иногда порядочная куча шишекъ, такъ что ихъ можно бываетъ собирать корзинами. О нѣкоторыхъ американскихъ видахъ дятловъ рассказываютъ, что они иногда грабятъ гнѣзда другихъ птицъ и поѣдаютъ ихъ яйца и птенчиковъ или относятъ ихъ своимъ птенцамъ. Въ этомъ же обвиняли и нѣкоторыхъ изъ нашихъ видовъ, о чемъ я еще буду имѣть случай поговорить подробнѣе; но всѣ подобныя рассказы далеко не достоверны и во всякомъ случаѣ нуждаются въ подтвержденіи болѣе точными наблюденіями.

Видъ у дятловъ серьезный, движенія разбѣренныя, но въ сущности у нихъ очень веселый характеръ. Въ этомъ можно убѣдиться на всѣхъ тѣхъ дятлахъ, которые содержатся въ неволѣ и настолько приручены, что относятся къ своему хозяину съ полной довѣрчивостью. Всякій, наблюдавшій ихъ, признаетъ, что это умныя птицы, а тотъ, кто держалъ ихъ долгое время въ неволѣ—въ комнатѣ или въ клеткѣ—скажетъ кромѣ того, что они бываютъ довольно забавны. «Особенно утонченныхъ манеръ», говоритъ Либс, «отъ нихъ, конечно, нельзя ожидать. У нихъ привычки лѣсныхъ жителей: угольничковъ, дровосѣковъ и тому подобныхъ лю-

дей, не отличающихся особенной свѣтскостью. Но своимъ обликомъ и поведеніемъ они производятъ въ общемъ очень привлекательное впечатлѣніе на всякаго непредубѣжденнаго наблюдателя». То же можно сказать и о дятлахъ, живущихъ на свободѣ. Кто могъ бы пожелать, чтобы ихъ не было, чтобы они исчезли изъ нашихъ лѣсовъ? Уже одинъ ихъ голосъ доставляетъ удовольствіе наблюдателю; въ особенности тотъ громкій, напоминающій хохотъ, крикъ, который далеко раздается по лѣсамъ и полямъ, звучитъ замѣчательно весело и потому немудрено, что дятлы принадлежатъ къ однимъ изъ наиболѣ любимыхъ человѣкомъ птицъ.

Дятлы оживляютъ лѣсъ не только своимъ крикомъ, они производятъ здѣсь еще музыку иного рода: они «барабанятъ, гремятъ, жужжатъ, дребезжатъ, трещатъ», какъ обыкновенно выражаются, когда, подвѣсившись къ сухому суку, они быстрыми ударами клюва приводятъ его въ колебательное движеніе. Этимъ вызывается громкій звукъ, который, смотря по толщинѣ вѣтви, бываетъ то выше, то ниже, а иногда слышенъ въ лѣсу на разстояніи 1—1,5 килом. Вотъ какъ изображаетъ намъ Альтумъ, какимъ образомъ барабанитъ, гремитъ и жужжитъ дятелъ: «при этихъ музыкальныхъ упражненіяхъ дятелъ часто по долгу сидитъ неподвижно на щепкѣ или сухомъ сучкѣ и затѣмъ вдругъ начинаетъ быстро долбить по своему инструменту, который дрожитъ, ударяетъ вслѣдствіе этого о клювъ дятла и производитъ дребезжащій звукъ въ родѣ «эrrrrrr» или «арrrrrr» или «орrrrrr», смотря по величинѣ птицы и толщинѣ и резонансу его инструмента. Иногда онъ вдругъ перелетаетъ съ одного сучка на другой, издающій иной звукъ и такимъ образомъ, по желанію, пользуется то однимъ, то другимъ изъ этихъ инструментовъ. Обыкновенно такое трещаніе прерывается длинными паузами. Визе полагаетъ, что эти странныя музыкальныя упражненія дятловъ находятся въ извѣстной связи съ измѣненіями погоды, такъ какъ онъ вообще считаетъ дятловъ самыми лучшими предсказателями погоды; онъ, впрочемъ, думаетъ, что дятлы иногда поднимаютъ такой стукъ еще для того, чтобы сильнымъ сотрясеніемъ выгнать изъ сучка находящихся въ немъ насѣкомыхъ. Но этотъ изслѣдователь несомнѣнно ошибается, такъ какъ всѣ остальные наблюденія указываютъ на то, что дятелъ-самецъ извлекаетъ такіе звуки для того, чтобы оказать этимъ удовольствіе самкѣ. Насколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ никому не случилось замѣтить, чтобы самка дятла выражала свои чувства такимъ-же образомъ, какъ это дѣлаетъ самецъ. Но во всякомъ случаѣ достоверно то, что послѣдніи, барабани по сучку, какъ это было только что описано, вызываетъ на бой другихъ самцовъ, которые, услышавъ этотъ звукъ, прилетаютъ издали, чтобы сразиться съ соперникомъ; подражая этому звуку, можно легко приманить къ себѣ много дятловъ.

Такимъ образомъ дятелъ и свои чувства до извѣстной степени выражаетъ употребленіемъ важнѣйшаго изъ своихъ органовъ. «Если дятлы-самцы», говоритъ В. Маршалъ, «не особенно хорошіе пѣвцы, то многіе изъ нихъ оказываются зато отличными виртуозами по части инструментальной музыки. Такъ какъ съ самаго рожденія жизнь ихъ вращается преимущественно около дерева, то понятно, что ксилофонъ является ихъ любимымъ инструментомъ, на которомъ они и играютъ успѣшно и съ большимъ терпѣніемъ весной, а иногда, въ хорошую погоду, и осенью. Народъ уже давно обратилъ вниманіе на эту музыку, но давалъ ей ложное объясненіе; уже во время Геснера ее считали не любовной серенадой, а думали, что она является предзнаменованіемъ дождя. Эта странная привычка пользоваться сучкомъ въ качествѣ музыкальнаго инструмента должно быть неконки вѣковъ составляла особенность дятловъ: они проявляютъ ее повсюду, отъ полярнаго круга до южной части Южной Америки и до Цейлона, но, впрочемъ,

не всегда совершенно одинаково, т. е. не всегда они заставляют дрожать сухой сукъ и затѣмъ прикасаются къ нему кончикомъ клюва; существуютъ и другіе способы. Нѣкоторые виды, наиримѣръ нашъ зеленый и сѣдой дятлы, быстро стучатъ по неплотно лежащей дощечкѣ или куску коры, не прикладывая при этомъ своего клюва къ такому инструменту, когда онъ придетъ въ колебательное движеніе, а у Либэ ручные пестрые дятлы усердно стучали клювомъ по жестяному полу клѣтки только для того, чтобы выразить этимъ свое удовольствіе. Когда Панъ, путешествуя по сѣверо-американскимъ лѣсамъ, прибылъ въ мѣстность, гдѣ производилась варка кленоваго сахара, онъ видалъ тамъ дятловъ, которые барабанили клювомъ не только по стволамъ дуплистыхъ деревьевъ, но продѣлывали то же самое и надъ повѣшенными просушиваться и провѣтриваться деревянными сосудами сахароваровъ. Птицы находили, что этими сосудами весьма удобно пользоваться въ качествѣ барабановъ; имъ хотѣлось для этой же цѣли употребить и жестяныя, изъ которыхъ, конечно, можно было бы извлечь отличный звукъ, но, къ сожалѣнію, птицы соскальзывали съ этихъ сосудовъ, такъ какъ когти ихъ не могли вонзаться въ металлъ. Чрезвычайно интересный фактъ удалось подмѣтить Макъ-Джилливрѣю, и его наблюденіе,—если бы оно подтвердилось дальнѣйшими изслѣдованіями,—могло бы бросить отчасти новый свѣтъ на описываемую нами привычку дятловъ, сблизивъ ее съ особаго рода «барабаннымъ языкомъ», который въ ходу у нѣкоторыхъ западно-африканскихъ народовъ. Названный нами изслѣдователь рассказываетъ слѣдующее: самка большого пестраго дятла, у которой отобрали яйца, взлетѣла на сухой сукъ и стала стучать по нему: на этотъ стукъ отвѣтилъ изъ другой части лѣса самецъ, который вскорѣ также подлетѣлъ, и тогда обѣ птицы стали перестукиваться, и соло смѣнилось дуетомъ. У насъ самцы начинаютъ такія серенады ранней весной, если погода стоитъ хорошая, уже въ началѣ января, такъ какъ наши дятлы принадлежать къ числу птицъ, очень рано принимающихся за высиживаніе яицъ».

Гнѣздо находится всегда въ древесномъ дуплѣ, выдолбленномъ самимъ дятломъ; въ сущности гнѣздомъ служитъ просто дно дупла, выстланное нѣсколькими щепочками. Кладка состоитъ изъ 3—8 очень блестящихъ, чисто-бѣлыхъ яицъ, которыя высиживаются обоими полами. Птенцы чрезвычайно уродливыя существа, вначалѣ не представляющіе почти никакого сходства со своими родителями; они начинаютъ ловко лазать по деревьямъ еще раньше, чѣмъ стануть похожи по оперенію на взрослыхъ птицъ. Когда они начнутъ вылетать изъ гнѣзда, родители нѣкоторое время летають вмѣстѣ съ ними, но потомъ безжалостно прогоняють ихъ прочь.

Надо настоятельно втолковывать и напоминать людямъ, что дятлы приносятъ намъ пользу и никогда не причиняють ни малѣйшаго вреда. Бехштейнъ былъ первымъ натуралистомъ, возставшимъ противъ ихъ истребленія и совершенно основательно утверждавшимъ, что послѣ многолѣтнихъ изслѣдованій и наблюденій ему не удалось замѣтить въ нашихъ дятлахъ рѣшительно ни одного вреднаго качества. Всѣ позднѣйшіе изслѣдователи, сами изучавшіе образъ жизни дятловъ, или, по крайней мѣрѣ, относившіеся съ довѣріемъ къ чужимъ наблюденіямъ, утверждали то-же самое. Однако и до сихъ поръ попадаются люди, думающіе, что дятель своимъ долбленіемъ можетъ приносить вредъ деревьямъ.

Альтумъ, хотя онъ и не принадлежитъ къ числу относившихся безусловно враждебно къ дятламъ, также однако смотритъ на нихъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ большинство изслѣдователей и находитъ ихъ вредными въ трехъ отношеніяхъ. По его мнѣнію, они вредятъ лѣсамъ, уничтожая полезныхъ муравьевъ и сѣ-

мена деревьевъ, затѣмъ долбленіемъ, вслѣдствіе котораго на нихъ заводятся разрушающіе ихъ грибы, и кромѣ того странной, еще не нашедшей себѣ объясненія привычкой на нѣкоторыхъ тонкихъ деревьяхъ просверливать въ корѣ горизонтальные ряды круглыхъ дырокъ. Я могу еще пополнить этотъ списокъ преступленій, совершаемыхъ дятлами. Они, или по крайней мѣрѣ нѣкоторые ихъ виды, портятъ строенія, долбя подгнившія бревна или разрушая не очень толстыя глиняныя стѣны. Зимой-же они посѣщаютъ иногда пчелиныя улья, продырявливаютъ ихъ стѣнки и истребляютъ изрядное количество сонныхъ пчелъ. Однако всѣ эти вредныя привычки дятловъ оказываются очень малозначущими въ сравненіи съ той пользой, которую они приносятъ нашимъ лѣсамъ и искусственнымъ насажденіямъ подѣлочнаго лѣса. Правда, нѣкоторые дятлы, особенно черные и зеленые, охотно ѣдятъ муравьевъ во всѣхъ стадіяхъ ихъ развитія, а иногда даже питаются исключительно ими; правда также, что другіе, особенно наши пестрые дятлы, а можетъ быть и нѣкоторые другіе изъ ихъ европейскихъ родичей, во время созрѣванія сѣмянъ на деревьяхъ, питаются преимущественно ими, а также орѣхами. Но въ тѣхъ нашихъ лѣсахъ, за которыми существуетъ уходъ и надзоръ, муравьи еще настолько многочисленны, а деревья приносятъ такое огромное количество сѣмянъ, что вредъ, причиняемый въ этихъ отношеніяхъ дятлами, не можетъ имѣть никакого значенія. Я далеко отъ того, чтобы недостаточно цѣнить полезныя качества муравьевъ, но, кажется, слѣдуетъ напомнить, что одновременно съ дятлами, и несмотря на нихъ, самые полезные изъ муравьевъ—большіе лѣсные, размножаются во всѣхъ лѣсахъ, въ которыхъ они находятъ для этого подходящія условія; нигдѣ еще не было замѣчено, чтобы дятлы задерживали размноженіе этихъ насѣкомыхъ. Я согласенъ далѣе съ тѣмъ, что въ мѣстностяхъ, гдѣ сосна не принадлежитъ къ числу наиболѣе распространенныхъ деревьевъ, пестрые дятлы, благодаря своему пристрастію къ ея сѣменамъ, могутъ уменьшить сборъ сосновыхъ шишекъ; но я утверждаю, что тамъ, гдѣ есть дѣйствительно большіе сосновые лѣса, всѣ пестрые дятлы, вмѣстѣ взятые, не въ состояніи существенно уменьшить неограниченную, если можно такъ выразиться, плодovitость сосны. Въ этомъ отношеніи гораздо болѣе вредными, какъ совершенно справедливо указываетъ Гомейеръ, оказываются бѣлки, которыя обязаны своей милovidности и рѣзвости тѣмъ, что люди склонны относиться черезчуръ снисходительно къ приносимому ими вреду, который не искупается никакими полезными качествами.

Еще менѣе значенія имѣеть тотъ вредъ, который причиняють дятлы, долбя деревья. Всѣ лѣсничіе и натуралисты, изслѣдовавшіе дупла, выдолбленныя дятлами, единогласно утверждаютъ, что дятлы, устраивая себѣ помѣщеніе для сна или высиживания яицъ, всегда выбираютъ для этого деревья съ гнилой сердцевиной, хотя бы съ виду они и казались совершенно здоровыми. Въ мѣстностяхъ, гдѣ мало подходящихъ деревьевъ, имъ, быть можетъ, и случается долбить совершенно здоровыя стволы деревьевъ съ мягкой сердцевиной, въ особенности осины, тополи и ивы; но всюду, гдѣ эти деревья растутъ въ большомъ количествѣ, какъ напримѣръ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи и Сибири, вредъ, приносимый дятлами очень незначителенъ. Дятель, какъ говоритъ Гомейеръ, своимъ долбленіемъ не вызываетъ гніенія деревьевъ, онъ только указываетъ на тѣ изъ нихъ, которые уже подгнили.

Надъ привычкой дятловъ дѣлать въ норѣ деревьевъ кольцообразно расположенныя дырки я лично не дѣлалъ никакихъ наблюденій, а потому здѣсь предоставляю слово Гомейеру. Вотъ что сообщаетъ намъ этотъ изслѣдователь: «Если-бы въ различныхъ лѣсныхъ округахъ поискать деревьевъ съ кольцообразно-расположенными дырками, то, вѣроятно, было-бы нетрудно найти извѣстное количество ихъ.

Для людей, интересующихся лѣсной наукой, было-бы не безынтересно имѣть коллекцію образчиковъ такихъ деревьевъ; но не слѣдуетъ ожидать, что эти деревья въ каждомъ лѣсу будутъ встрѣчаться дюжинами или сотнями. Въ большинствѣ лѣсовъ восточной Помераніи они чрезвычайно рѣдки, настолько, что въ моемъ лѣсу, занимающемъ пространство приблизительно въ 400 гектаровъ, я не нашелъ ни одного такого дерева, несмотря на поиски, продолжавшіеся цѣлый годъ. Можетъ быть въ другихъ мѣстностяхъ эти деревья попадаются чаще, и мнѣ кажется довольно вѣроятнымъ, что дятлы выбираютъ въ подобныхъ случаяхъ преимущественно незнакомые имъ сорта деревьевъ. Что касается такихъ значительныхъ поврежденій, какія, по указанію Альгума, дятлы причиняютъ въ питомникахъ, то они представляютъ столь рѣдкое явленіе, что не могутъ быть принимаемы въ расчетъ при общей оцѣнкѣ пользы или вреда, приносимыхъ дятлами. Если дятлы продѣлываютъ кольцеобразно расположенныя дырки въ корѣ и иногда цѣлыми днями занимаютъ этимъ на одномъ какомъ-нибудь деревѣ, не трогая при этомъ остальныхъ, то для этого должны-же существовать какія-нибудь особыя причины. Чтобы узнать ихъ, было бы цѣлесообразнѣе продолжать безпристрастно дѣлать наблюденія, чѣмъ изобрѣтать недостаточное объясненіе и такимъ образомъ ограничивать поле дальнѣйшихъ изслѣдованій. Во всякой наукѣ особенно вредно вещи сомнительныя считать уже окончательно разъясненными. Впрочемъ, какосбы въ данномъ случаѣ ни нашлось объясненіе, оно не можетъ поколебать того факта, что нигдѣ не наблюдалось, чтобы дятлы причиняли деревьямъ сколько-нибудь ощутительный вредъ. Въ среднемъ на тысячу деревьевъ приходится только одно дерево, истыканное дятлами; притомъ-же въ большинствѣ случаевъ порча, производимая дятломъ, бываетъ весьма незначительна, такъ что она не можетъ быть принимаема въ расчетъ». То же почти можно сказать и о вредѣ, причиняемомъ дятлами строевямъ. Только немногіе дятлы осмѣливаются залетать во дворы, и если посѣщенія ихъ оказываются нежелательными, то ихъ нетрудно бываетъ отвести. Точно также обстоитъ дѣло и съ тѣми опустошеніями, которыя изрѣдка производятъ дятлы въ пчелиныхъ ульяхъ. Внимательный пчеловодъ всегда во время замѣтитъ дятла и съумѣетъ, такъ или иначе, избавиться отъ непрошеннаго гостя.

Если добросовѣстно и безпристрастно оцѣнить всю пользу и весь вредъ, приносимый дятлами, то не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія относительно того, на чьей сторонѣ перевѣсъ. Иѣкоторые дятлы могутъ казаться несносными намъ, думающимъ только о себѣ, могутъ даже немного повредить намъ, но все это опять таки ничто въ сравненіи съ той громадной пользой, которую намъ оказываютъ эти птицы. Тотъ, кто думаетъ, что онѣ поѣдаютъ только такихъ насѣкомыхъ, которыя не особенно вредятъ лѣсу, убѣдится въ противномъ, если въ той мѣстности, гдѣ онѣ живутъ, чрезмерно размножится короѣдъ; тогда дятлы слетятся со всѣхъ сторонъ и станутъ уничтожать огромныя количества этого вреднаго жука. Не сравнительно безвредныхъ насѣкомыхъ, а самыхъ опасныхъ враговъ лѣса истребляетъ дятель. Въ этомъ отношеніи заслуги дятловъ неизмѣримы и неоцѣнимы. Притомъ они приносятъ пользу не только непосредственную, которую можно формулировать словами «истребленіе вредныхъ для лѣсовъ насѣкомыхъ», но, какъ указывалъ еще Глогеръ, мнѣніе котораго подтверждаетъ и лѣсничій Визе, они приносятъ еще и косвенную пользу, такъ какъ только они строятъ жилища нашимъ полезнымъ птицамъ, гнѣздящимся въ дуплахъ. Къ сожалѣнію, еще до сихъ поръ никакъ не хотятъ понять, что этимъ охранителямъ лѣса слѣдовало бы строить жилища, или, по крайней мѣрѣ, не уничтожать уже существующія; не хо-

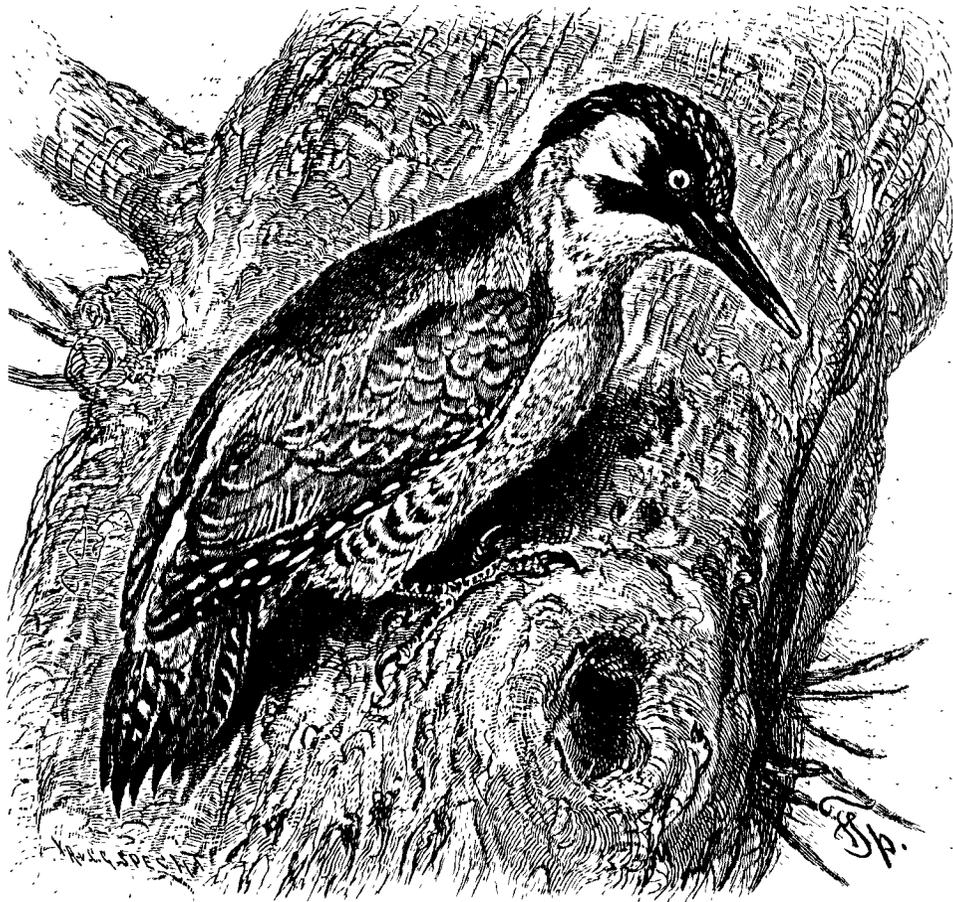
тять понять, что старое дуплистое дерево, представляющее удобное убежище для дятловъ, оставаясь въ лѣсу, приноситъ гораздо большій доходъ, чѣмъ срубленное и сложенное въ сажени. Потому слѣдовало бы не отнимать у дятловъ возможности жить въ нашихъ лѣсахъ, вырубая такія деревья. Глогеръ полагаетъ, что «каждый дятель въ теченіи одного года устраиваетъ въ среднемъ не менѣе дюжины, а часто и вдвое больше превосходныхъ отверстій, годныхъ для другихъ птицъ, гнѣздящихся въ дуплахъ». Эти отверстія дѣйствительно достаются такимъ птицамъ, такъ какъ сами дятлы, «эти природные плотники птичьяго міра, извлекаютъ только незначительную пользу изъ своей работы; каждою весною они выдалбливаютъ себѣ новое помѣщеніе и никогда не пользуются имъ на слѣдующій годъ». Это, впрочемъ, не вполне вѣрно, потому что какъ мой отецъ, такъ и я самъ и другіе изслѣдователи наблюдали совсѣмъ противоположное. Но зато совершенно основательно высказываемое далѣе Глогеромъ мнѣніе о томъ, что дятлы даже во время своихъ кочевокъ всюду, гдѣ они остаются не на слишкомъ короткое время, любятъ выдалбливать себѣ отверстія для сна, причѣмъ они выказываютъ большую прихотливость, бросая часто одно или два изъ начатыхъ и иногда уже на половину оконченныхъ отверстій, которыя другія живущія въ дуплахъ птицы находятъ обыкновенно вполне пригодными для себя. Такимъ образомъ дятлы по мѣрѣ силъ заботятся о благосостояніи этихъ полезныхъ обитателей лѣсовъ. Вслѣдствіе этого я повторяю здѣсь просьбу Визе щадить дятловъ, и всѣхъ ихъ—большинхъ и малыхъ, зеленыхъ, черныхъ и пестрыхъ—рекомендую моимъ читателямъ какъ лучшихъ друзей лѣса. Дятлы, несмотря даже на то, что они обнажаютъ пороченныя мѣста древесныхъ стволовъ, приносятъ во всякомъ случаѣ меньше вреда, чѣмъ косвенной и непосредственной пользы. Уже современная система лѣсного хозяйства достаточно стѣсняетъ ихъ размноженіе, и не слѣдовало бы поэтому еще истреблять ихъ, охотясь за ними съ ружьемъ. Во многихъ лѣсахъ все рѣже и рѣже становятся деревья, доставляющія имъ удобныя помѣщенія, и пора бы, кажется, наступить тому времени, когда нарочно станутъ оставлять въ лѣсахъ нѣкоторые изъ этихъ старыхъ деревьевъ, какъ жилища для дятловъ и другихъ птицъ, гнѣздящихся въ дуплахъ. Я убѣжденъ, что это не принесетъ вреда ни доходамъ лѣсовладѣльцевъ, ни репутаціи лѣсничаго.

Итакъ я считаю долгомъ просить о защитѣ и свободномъ житіи, охраненіи и пощадѣ этихъ полезнѣйшихъ и важнѣйшихъ изъ всѣхъ нашихъ лѣсныхъ сторожей. У нихъ и безъ того довольно враговъ. Ихъ преслѣдуютъ не только хищныя животныя и птицы, но и неразумные люди, особенно мальчишки, которымъ они часто служатъ мишенью. Съ ними приключается немало бѣдъ. У Альтума есть описаніе одной «гробницы дятловъ», въ которой погибли многіе изъ нихъ. Въ одномъ старомъ букѣ, когда онъ былъ срубленъ, оказалось дупло въ 3 м. длиной и 40 см. шириной, имѣвшее форму опрокинутой сахарной головы; оно сообщалось съ внѣшнимъ міромъ двумя отверстіями—однимъ въ неровной верхней стѣнкѣ и другимъ, продолженнымъ дятломъ. Черезъ первое отверстіе дупло послѣ каждаго ливня затоплялось водой на 2,—3 см. и вслѣдствіе этого здѣсь погибло много дятловъ, а также и нѣсколько скворцовъ, забиравшихся сюда на ночь. Лѣсничій Гохгейслеръ внимательно осмотрѣлъ это предательское дупло и нашелъ въ немъ 105 птичьихъ череповъ. По его мнѣнію въ этомъ букѣ ежегодно погибало не менѣе 12 зеленыхъ дятловъ; каждый дятель, которому приходилось пролетать по близости, посѣщавъ это роковое дупло и часто оставаясь въ немъ навсегда. Нѣкоторымъ, вѣроятно, удалось спастись изъ воды, но остальные не могли вырваться изъ враждебной имъ стихіи.

Семейство дятловъ распадается на 5 подсемействъ, къ которымъ принадлежатъ болѣе 350 видовъ. Первые четыре подсемейства соединяются нѣкоторыми учеными въ одно; сходство между ними настолько велико, что, строго говоря, слѣдовало бы дѣйствительно признавать только два подсемейства. При дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ однако сообразоваться съ общепринятой классификаціей и опишемъ пять различныхъ подсемействъ.

* * *

Наиболѣе извѣстнымъ представителемъ подсемейства **Зеленыхъ дятловъ** (Pi-

Зеленый дятель. *Picus viridis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел

cinæ. Grünspechte. *Pics vertis*) можно считать распространеннаго по всей Германіи **Зеленаго дятла** (*Picus viridis*, *Gecinus viridis*, *pinetorum*, *frondium* и *virescens*, *Brachylophus* и *Chloropicus viridis*. Grünspecht. Pivert). Верхняя часть головы, затылокъ и широкое, съ узенькой черной каемкой пятно у угловъ рта окрашены у него въ ярко-красный цвѣтъ, который на темени имѣетъ сѣрый оттѣнокъ, такъ какъ здѣсь ясно видны сѣрые корни перьевъ; перышки, прикрывающія поздри, и уздечка—дымчато-черныя; верхняя сторона туловища оливково-зеленаго, травяного цвѣта, у крыльевъ же нѣсколько болѣе коричневатый оттѣнокъ; надхвостье и верхнія покровныя хвостовыя перья блестящія оливково-жел-

тыя. Ушная область, подбородокъ и горло бѣлые съ грязновато-зеленымъ оттѣнкомъ; бока шеи и нижняя часть туловища желтовато-зеленовато-бѣлыя; сбоку на бедрахъ, а также на нижнихъ покровныхъ перьяхъ хвоста темныя поперечныя полосы. На большихъ маховыхъ перьяхъ находятся снаружи 6—7 ржаво-бѣлыхъ поперечныхъ пятенъ; на внутренней сторонѣ всѣхъ маховыхъ перьевъ по краямъ есть широкія бѣловатыя пятна. Черныя хвостовыя перья украшены 5—7 оливково-бурыми неясными поперечными полосами. Самка отличается широкими черными пятнами близъ угловъ рта; у молодыхъ птицъ на нижней сторонѣ черныя поперечныя полосы; верхняя и задняя части головы—темно-сѣрыя съ красными крапинками, пятно около угловъ рта обозначено только черными кончиками перьевъ, а по бокамъ шеи у нихъ проходятъ желтыя продольныя полосы. Глаза у старыхъ голубовато-бѣлые, у молодыхъ—темно-сѣрые. Клювъ грязнаго свинцово-сѣраго цвѣта съ чернымъ кончикомъ; ноги—зеленовато-свинцово-сѣрыя. Длина птицы 31 см., размахъ крыльевъ 52, длина крыла 18 см., а хвоста 12 см.

Зеленый дятель принадлежитъ къ наиболѣе распространеннымъ видамъ. Онъ водится въ большемъ или меньшемъ количествѣ повсемѣстно въ Европѣ, развѣ только за исключеніемъ Испаніи и сѣверной окраины, занятой тундрами. Блакфордъ встрѣтилъ этого дятла въ Персіи; въ Египтѣ-же онъ не водится, хотя мой отецъ, Науманъ, Глогеръ и другіе утверждаютъ противное. На сѣверѣ онъ распространенъ до Лапландіи. Въ Испаніи его замѣщаетъ близкій его родичъ **Дятель Шарпа** (*Picus, Gecinus sharpei*), отличающійся отъ зеленого дятла только тѣмъ, что у него уздечка и кольца вокругъ глазъ не черныя, а аспидно-сѣрыя, а у красныхъ пятенъ около угловъ рта нѣтъ черной каемки; поэтому еще сомнительно, самостоятельный это видъ или нѣтъ.

Во многихъ мѣстностяхъ Германіи зеленый дятель общеизвѣстная птица, въ другихъ-же, напротивъ, онъ или совсѣмъ не водится или попадаетъ только изрѣдка во время своихъ зимнихъ кочевокъ. Далѣе на востокъ онъ встрѣчается рѣже и, напримѣръ въ Россіи, распространенъ гораздо менѣе, чѣмъ сѣрый дятель. Въ горахъ онъ встрѣчается повсюду на высотахъ до 1500 м. надъ уровнемъ моря; Бальдамусъ убѣдился, что онъ гнѣздится и въ высокихъ долинахъ Енгадина. Во время высиживанія дятлы держатся въ какомъ-нибудь одномъ болѣе или менѣе обширномъ районѣ, не залетая обыкновенно особенно далеко. Осенью эту мѣстность покидаютъ сначала высиженные ими птенцы, а при сильныхъ холодахъ и обилии снѣга также и взрослые дятлы. Кочевки начинаются какъ только птенцы станутъ самостоятельными и прекращаются только слѣдующей весной при приближеніи періода размноженія; въ нихъ не замѣчается никакой правильности и онѣ не ограничиваются опредѣленными полосами. Въ нѣкоторыя зимы птенцы не кочуютъ вовсе, въ другія-же залетаютъ очень далеко, поворачиваютъ на югъ и, вѣроятно, иногда достигаютъ даже южныхъ границъ нашей части свѣта, такъ какъ существуютъ указанія на то, будто-бы, напр. въ Македоніи, зимой бываетъ больше дятловъ, чѣмъ лѣтомъ. Подобно всѣмъ своимъ родичамъ, и наши дятлы кочуютъ обыкновенно по-одиночкѣ, но иногда собираются болѣе или менѣе значительными обществами. Такъ, Шахту случилось однажды подъ Рождество увидать на одномъ лугу дятловъ; они большими прыжками скакали по лугу, отыскивая себѣ пищу, но, замѣтивъ приближавшагося къ нимъ человѣка, разлетѣлись во всѣ стороны. Оберндерферъ, большой знатокъ живущихъ въ Германіи птицъ, какъ сообщаетъ Мартинъ, будто-бы видалъ даже стая больше, чѣмъ въ 100 штукъ, состоявшую на три четверти изъ зеленыхъ дятловъ и на четверть изъ сѣдыхъ; стая эта расположилась среди луговой долины на пространствѣ одного моргена.

Нельзя сказать, чтобы зеленый дятель былъ лѣсной птицей. Въ чистомъ хвойномъ лѣсу онъ попадается очень рѣдко, въ лиственномъ-же встрѣчается уже чаще; но всего охотнѣе онъ живетъ въ мѣстностяхъ, гдѣ лѣсныя насажденія чередуются съ открытыми полянами. Въ періодъ размноженія онъ держится по близости гнѣздовья, зимой-же, если онъ не покидаетъ совѣмъ избранную имъ лѣтомъ мѣстность, облетаетъ гораздо большій районъ, нежели лѣтомъ и при этомъ обыкновенно каждый вечеръ отыскиваетъ себѣ дупло для ночевки. Затѣмъ онъ показывается по цѣлымъ мѣсяцамъ въ садахъ, въ непосредственной близости жилищъ и даже въ самыхъ строеніяхъ; одинъ, за которымъ я наблюдалъ много лѣтъ, спалъ постоянно между балками церкви моей родной деревни, другой въ скворечницѣ, повѣшенной въ нашемъ саду.

Зеленый дятель выказываетъ ту-же неугомонность и неутомимость, какъ и его родичи; онъ лазаетъ такъ-же хорошо, какъ и они, а своимъ умѣньемъ ходить по землѣ превосходить другихъ нашихъ дятловъ: онъ много движется по землѣ и прыгаетъ здѣсь очень ловко. Полетъ его тяжелый, шумящій и отличается отъ полета другихъ дятловъ тѣмъ, что представляетъ очень глубокія волнообразныя линіи. Крикъ ихъ—звонкое, далеко слышное «глюк»,—при частомъ повтореніи бываетъ похожъ на громкій хохотъ; нѣжность они выражаютъ звучнымъ «гюк», «гэк» или «кип», а страхъ—въ высшей степени неприятнымъ рѣзкимъ крикомъ. Зеленый дятель, по видимому, никогда не барабанитъ, какъ это дѣлаютъ другіе дятлы; по крайней мѣрѣ мнѣ никогда не приходилось слышать этого. Но Пехуэль-Ленне уже нѣсколько лѣтъ наблюдаетъ въ Іенѣ за однимъ, живущемъ въ соседнемъ саду дятломъ, который часто, пролетая мимо виллы Росбахъ, находящейся напротивъ, садился на кирпичъ верхняго этажа виллы и нѣсколько разъ сильно ударялъ клювомъ по полному цинковому листу; птицѣ, по видимому, нравился производимый этимъ звукъ, потому что она постоянно прилетала на одно и то же мѣсто только для того, чтобы постучать.

Жизнь этой птицы протекаетъ приблизительно слѣдующимъ образомъ. Какъ только утренняя роса нѣсколько высохнетъ, дятель оставляетъ свое ночное убѣжище, весело кричитъ и пускается странствовать по своей области. Если его не подстрекаетъ любовь, онъ очень мало заботится о своей супругѣ, летаетъ большею частью одинъ и только случайно встрѣчается съ нею. Онъ перелетаетъ съ одного дерева на другое съ извѣстною послѣдовательностью, но не настолько строгой, чтобы можно было заранѣе съ точностью опредѣлить мѣсто, гдѣ онъ появится въ извѣстное время. Деревья онъ обыскиваетъ всегда снизу вверхъ и при этомъ рѣдко поднимается по сучьямъ. Если приблизиться къ дереву, на которомъ онъ занятъ своимъ дѣломъ, то онъ быстро перебѣгаетъ на сторону, противоположную наблюдателю, выглядываетъ по временамъ, высовывая голову изъ-за ствола, лѣзетъ выше и вдругъ незамѣтно покидаетъ дерево, обыкновенно выражая свою радость по поводу удавшегося бѣгства громкимъ, ликующимъ крикомъ. До полудня онъ находится въ непрерывной дѣятельности и успѣваетъ осмотрѣть въ предобѣденные часы не менѣе 100 деревьевъ, не пропуская притомъ ни одной изъ попадающихся ему на пути муравьиныхъ кучъ. Деревья съ твердой сердцевиной онъ долбитъ гораздо менѣе другихъ дятловъ, зато онъ нерѣдко выдалбливаетъ глубокія отверстія въ балкахъ деревянныхъ строеній и въ глиняныхъ стѣнахъ. Лѣтомъ, когда трава на лугахъ уже скошена, онъ много бѣгаетъ по землѣ, ища червей и гусеницъ; зимой онъ посѣщаетъ склоны, съ которыхъ стаялъ снѣгъ, и выискиваетъ здѣсь запрятавшихся насѣкомыхъ. Дятель этотъ неприхотливъ, однако предпочитаетъ всякой другой птицѣ красныхъ муравьевъ и, чтобы добыть ихъ, летаетъ далеко по полямъ.

Муравьевъ онъ ловить съ большою ловкостью, чѣмъ всѣ другіе дятлы, такъ какъ языкъ его сравнительно длиннѣе и, благодаря его клейкости, зеленый дятель можетъ пользоваться имъ точно такимъ же образомъ, какъ муравьѣдъ. «Насколько зеленые дятлы лакомы до муравьевъ и муравьиныхъ куколокъ», пишетъ мнѣ Рейхеновъ, «я могъ убѣдиться, гуляя по изобилующимъ муравьиными кучами лѣсамъ, находящимся близъ Вецлара. Мягкія кучи,—вслѣдствіе собственной тяжести и гніенія деревянныхъ частицъ, входящихъ въ ихъ составъ, а также вслѣдствіе вліянія дождя,—становятся мало по малу настолько плотными, что зеленому дятлу приходится своимъ острымъ клювомъ продѣлывать отверстие, чтобы добраться до своей любимой пищи. Зимой муравьи находятся глубоко подъ землей, и тогда голодный дятель, чтобы добраться до полусонныхъ насѣкомыхъ, бываетъ принужденъ выдалбливать въ кучѣ отверстие, глубиной до 30 см., подобное тѣмъ дупламъ, которыя онъ продѣлываетъ въ гнилыхъ стволахъ и сучьяхъ. Во время такого занятія онъ, конечно, не можетъ особенно хорошо слѣдить за тѣмъ, что дѣлается вокругъ; голодь заставляетъ его забыть свойственную ему въ другое время осторожность, и тогда какому-нибудь хищнику, вѣроятно, не трудно бываетъ завладѣть имъ. Веберу, съ которымъ мнѣ приходилось прежде охотиться, удалось однажды поймать руками совершенно здороваго зеленого дятла, котораго онъ засталъ трудящимся надъ муравьиной кучей. Подобные факты сообщаются и нѣкоторыми другими наблюдателями, хотя кажется очень страннымъ, что такая осторожная при другихъ условіяхъ птица, въ этихъ случаяхъ такъ легко попадаетъ въ просякъ. Кромѣ муравьевъ зеленый дятель ѣстъ также гусеницъ, многихъ бабочекъ и жуковъ, особенно личинокъ дровосѣковъ и гусеницъ ивоваго бражника». По заслуживающему вниманія сообщенію Галлера, онъ ѣстъ также и медвѣдокъ, которыхъ онъ точно такъ-же, какъ и гусеницъ, пронзаетъ своимъ языкомъ и вытаскиваетъ ихъ изъ норъ и зимнихъ убѣжищъ. Такъ какъ онъ имѣетъ привычку посѣщать зимой деревни и усадьбы, то очень возможно, что иногда ему случается причинить здѣсь какой-нибудь вредъ. Помимо того, что, ища насѣкомыхъ, онъ портитъ глиняныя стѣны и соломенные крыши, онъ еще иногда разрушаетъ стѣнку улья и производитъ жестокое опустошеніе среди сонныхъ пчелъ. Онъ не брезгаетъ и растительной пищей. Шахтъ утверждаетъ, что онъ ѣстъ рябину, а Галлеръ рассказываетъ о зеленомъ дятлѣ, который каждую зиму прилеталъ къ бесѣдкѣ, увитой виноградными лозами, и лакомился здѣсь ягодами.

Въ концѣ февраля онъ поселяется въ томъ мѣстѣ, гдѣ намѣренъ закладывать гнѣздо; но только въ апрѣлѣ самка принимается за устройство его. Въ мартѣ можно видѣть обоихъ супруговъ постоянно летающими вмѣстѣ, причемъ самецъ бываетъ сильно возбужденъ. Онъ садится на верхушку высокаго дерева, сильно и часто кричитъ и, играя, гоняется за самкой, перелетающей съ дерева на дерево. Съ другими зелеными дятлами пара ведетъ себя крайне недружелюбно и упорно защищаетъ однажды выбранное ею мѣсто отъ ихъ вторженія, а если въ той мѣстности мало пригодныхъ деревьевъ, то такая парочка прогоняетъ изъ нея и сѣдыхъ дятловъ. Для устройства гнѣзда зеленый дятель обыкновенно выбираетъ себѣ дерево или съ совершенно прогнившей сердцевиной или уже съ готовымъ дупломъ, отыскиваетъ мѣсто, гдѣ выгнилъ боковой сукъ, и расширяетъ это мѣсто. Оба супруга работаютъ вмѣстѣ и весьма прилежно, такъ что черезъ двѣ недѣли дупло бываетъ уже окончено. Круглый входъ такъ малъ, что птица едва можетъ проскользнуть въ него. Самое дупло достигаетъ 25—30 см. глубины и приблизительно 15—20 см. ширины. Если зеленый дятель натолкнется внутри на очень твердое дерево, то онъ бросаетъ начатую работу и, вмѣсто того, чтобы дѣлать

себѣ новое жилище, очень охотно пользуется тогда старымъ, выдолбленнымъ другой птицей того же вида и, если ему не помѣшали, возвращается сюда же и на слѣдующій годъ. Кладка состоитъ изъ 6—8 продолговатыхъ, гладкихъ яицъ, блестящаго бѣлаго цвѣта. Оба супруга высидиваютъ попеременно въ теченіи 16—18 дней. Самецъ сидитъ на яйцахъ отъ 10-ти часовъ утра до 3-хъ или 4-хъ пополудни, а самка—въ остальное время дня; оба также попеременно согрѣваютъ нѣжныхъ птенцовъ и дѣятельно добываютъ имъ пищу. Птенцы, такіе же безобразные, какъ и у другихъ дятловъ, развиваются такъ-же быстро и на третьей недѣлѣ уже выглядываютъ изъ отверстия дупла. Нѣсколько позже они принимаются лазать по всему дереву, а потомъ облетаютъ вмѣстѣ со своими родителями мѣстность, въ которой они живутъ, но въ теченіи извѣстнаго времени еще возвращаются каждый вечеръ въ родное гнѣздо. Съ каждымъ разомъ они отлетаютъ все дальше и дальше и подконецъ семейство, которое все еще держится вмѣстѣ, уже не возвращается домой, а ночуетъ гдѣ-нибудь въ другомъ дуплѣ. Съ октября общество дробится: птенцы становятся самостоятельными и каждый самъ по себѣ, не заботясь уже о другихъ, добываетъ себѣ пропитаніе.

Зеленаго дятла трудно поймать; случайно онъ еще попадаетъ въ силки или въ чюпкы; его удается поймать скорѣе, отыскавши мѣсто его ночлега и прикрѣпивъ передъ его входомъ нѣсколько петель. «Въ моей рошѣ», рассказываетъ Науманъ, «зеленый дятель устроилъ себѣ для ночлега дупло въ старой, высокой осинѣ. Я взлѣзъ на дерево при помощи большой лѣстницы, прибилъ гвоздикъ надъ круглымъ отверстиемъ и привѣсилъ къ нему тонкую дужку съ петлями, такъ что онѣ приходились какъ разъ противъ отверстия. Спрятавшись въ старую бесѣдку, я наблюдалъ незамѣтно за хитрымъ дятломъ, который прилетѣлъ только въ сумерки, боязливо осматрѣлъ приготовленную для него западню и нѣсколько разъ улеталъ прочь отъ дерева, прежде чѣмъ рѣшился приблизиться къ предательскому отверстию. Наконецъ онъ подвѣсился передъ нимъ, заглянулъ внутрь разъ, другой, почувствовалъ петлю вокругъ своей шеи, хотѣлъ улетѣть, но вдругъ съ громкимъ крикомъ слетѣлъ вмѣстѣ съ дужкой на землю и былъ пойманъ. Я продержалъ его всего одинъ день, а затѣмъ опять выпустилъ на волю. Онъ долго боялся потомъ приблизиться къ предательскому дереву, но по прошествіи нѣсколькихъ недѣль все-таки сталъ ежедневно возвращаться туда на ночлегъ». Далѣе Науманъ говоритъ еще слѣдующее. «Зеленый дятель до того буйная, непокорная птица, что о прирученіи старыхъ дятловъ нечего и думать; пробовали дѣлать это, держа птицу на цѣпочкѣ, но результатомъ всегда была скорая смерть неукротимаго плѣнника. Изъ деревянной клѣтки онъ очень скоро освобождается при помощи своего крѣпкаго клюва, а если пустить его въ комнату, то онъ прицѣпляется ко всему и портитъ деревянную мебель. Возможно, что, будучи пойманы въ молодости, они приручаются легче, но мнѣ неизвѣстно ни одного подобнаго случая».

Ободренный успѣхомъ, съ которымъ я воспитывалъ черныхъ дятловъ, я нѣсколько разъ пробовалъ приручить и зеленыхъ, но не могу сказать, чтобы они доставляли мнѣ много удовольствія. Своимъ поведеніемъ они похожи на черныхъ дятловъ и отличаются точно такой же склонностью разрушать клѣтки. Никогда мои питомцы не были вполне веселы, хотя я и давалъ имъ столько муравьиныхъ яицъ, сколько они желали. Либе также имѣлъ не больше успѣха, чѣмъ я: заботливо воспитанные имъ зеленые дятлы не доживали до старости.

Изъ нашихъ хищныхъ птицъ зеленому дятлу бываетъ дѣйствительно опасенъ развѣ только одинъ ястребъ-тетеревятникъ. Отъ соколовъ, нападающихъ, какъ извѣстно, только на летающихъ птицъ, ихъ защищаютъ стволы деревьевъ, за ко-

торые они тотчас-же прячутся и по которымъ лазаютъ такъ быстро, что птицѣ, менѣе ловкой, чѣмъ ястребѣ, здѣсь до нихъ не добраться; ястребѣ же можетъ дѣлать на лету такіе крутые повороты, что онъ и тутъ можетъ схватить зеленого дятла. На это указываетъ по крайней мѣрѣ то, что при видѣ этого опаснаго хищника точно такъ-же, какъ и при видѣ кобчика, зеленый дятель всегда кричитъ отъ страха. Другія большія лѣсныя птицы иногда также нападаютъ на него, но съ ними у этого дятла дѣло никогда не доходитъ до серьезной драки. Зато, вслѣдствіе его привычки рыться въ муравьиныхъ кучахъ, у него иногда завязываются ссоры съ такими птицами, съ которыми въ другое время у него никогда не бываетъ столкновений. Такъ, Адольфъ Мюллеръ видалъ однажды, какъ орѣховка, наблюдавшая съ любопытствомъ за трудившимся надъ муравьиной кучей зеленымъ дятломъ, мало по малу начала приближаться къ нему и вдругъ завязала съ нимъ драку. Обѣ птицы напали другъ на друга и защищались съ одинаковой ловкостью, пока орѣховка не дождалась подкрѣпленія и въ союзѣ съ пятью другими птицами того-же вида не прогнала дятла.

Со стороны человѣка зеленому дятлу приходится терпѣть не больше преслѣдованій, чѣмъ другимъ птицамъ того-же семейства, хотя иногда ему и случается навлечь на себя месть какого-нибудь ичеловеда, у котораго онъ испортилъ улья. По хуже всякихъ враговъ бываетъ для этихъ дятловъ—зима. Когда глубокой снѣгъ покроетъ землю, для нихъ скоро наступаетъ голодъ, и тогда только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они могутъ въ изобиліи доставать насѣкомыхъ, прячущихся въ гнилой сердцевинѣ большихъ деревьевъ, они въ состояніи благополучно прожить зиму. Когда холода наступаютъ внезапно и выпадетъ глубокой снѣгъ, ихъ часто можно бываетъ встрѣтить въ старыхъ высокоствольныхъ лѣсахъ, гдѣ ихъ иногда собирается огромное количество. Такъ, Снэлъ сообщаетъ, что въ зиму 1860—61 годовъ въ одинъ старый дубовый лѣсъ слетѣлись почти все дятлы, жившіе по соседству. «Каждый день», говоритъ онъ, «съ утра до вечера здѣсь слышался такой стукъ и шумъ, такой свистъ и крикъ, что даже самые равнодушные крестьяне, проходя мимо, обращали на это вниманіе и останавливались». Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ подобныхъ лѣсовъ, послѣ суровыхъ зимъ замѣчается значительное уменьшеніе количества дятловъ. «Я самъ», говоритъ Либе, «въ такія зимы находилъ въ лѣсу околѣвшихъ отъ голода зеленыхъ и сѣдыхъ дятловъ; иногда и другіе приносили мнѣ ихъ трупы. Когда во время весеннихъ морозовъ муравьи удаляются глубоко въ свои постройки, а луга и поляны покрываются снѣгомъ, зеленымъ дятламъ приходится довольствоваться живущими въ деревьяхъ червячками или другой пищей подобнаго-же рода. Но, благодаря нашей системѣ лѣснаго хозяйства, превращающей лѣса въ нѣчто, напоминающее по чистотѣ цвѣточную клумбу, въ нихъ нелегко бываетъ найти дерево, въ которомъ голодные птицы могли бы сыскать себѣ пищу. Зеленые и сѣдоголовые дятлы, такъ-же, какъ и менѣе крупныя пестрые и черныя, вымрутъ у насъ подобно индѣйцамъ, вслѣдствіе успѣховъ культуры».

Близкимъ родственникомъ зеленого дятла оказывается **Сѣдоголовый** или **Сѣдой дятель** (*Picus viridicanus, canus, norvegicus, chloris* и *caniceps, Gecinus* и *Chloropicus canus. Grauspecht. Pic jaune*). По величинѣ онъ мало уступаетъ зеленому дятлу: онъ имѣетъ 30 см. въ длину, размахъ крыльевъ не болѣе 50, длина крыла 15, а хвоста 11 см. Передняя часть головы и середина темени ярко-красныя; край лба и узкая полоса надъ черной уздечкой—темно-сѣрые, бока головы нѣсколько свѣтлѣе, а задняя часть головы и затылокъ имѣютъ зеленоватый оттѣнокъ. Верхняя часть туловища и шеи оливково-травяно-зеленая, надхвостье

и верхнія покровныя перья хвоста блестящаго оливково-желтаго цвѣта, подбородокъ и горло грязно-сѣроватые; отъ сѣрыхъ щекъ они отдѣляются узенькой черной полоской, начинающейся у нижней части корня клюва и доходящей до уха; остальные нижнія части окрашены въ грязный зеленовато-сѣрый цвѣтъ. На большихъ маховыхъ перьяхъ снаружи находится 6—7 узкихъ бѣловатыхъ поперечныхъ пятенъ, а на остальныхъ маховыхъ перьяхъ есть такія-же широкія пятна съ внутренней стороны. Хвостовыя перья черно-бурыя; пзъ нихъ у двухъ среднихъ середина створа имѣетъ буровато-сѣрый оттѣнокъ. Радужная оболочка глаза красновато-бурая, а у старыхъ птицъ розово-красная, клювъ рогового сѣровато-чернаго цвѣта, ноги—аспидно-черныя. Самка совершенно похожа на самца, но у нея нѣтъ краснаго пятна на темени.

Область распространенія сѣдоголоваго дятла значительно обширнѣе, чѣмъ зеленаго, пользующагося у насъ большою извѣстностью; эта область обнимаетъ большую часть Европы, за исключеніемъ Великобританіи, и всю Сибирь, гранича на востокъ съ Японіей, а на югъ съ Персіей. Въ Германіи сѣдоголовые дятлы встрѣчаются вообще рѣже зеленыхъ, но приблизительно въ тѣхъ-же мѣстностяхъ, какъ и послѣдніе. Мѣстами они совершенно не водятся, мѣстами-же попадаются только по-одиночкѣ, по крайней мѣрѣ тамъ, гдѣ имѣются подходящія условія. Однако и они раздѣляютъ участь черныхъ и зеленыхъ дятловъ: съ каждымъ годомъ количество ихъ все уменьшается въ той-же мѣрѣ, въ какой распространяется наиболѣе выгодная система лѣсного хозяйства. Еще когда я былъ маленькимъ мальчикомъ сѣдоголовые дятлы встрѣчались въ восточной Тюрингіи такъ-же часто, какъ и въ 20-хъ годахъ нашего столѣтія, когда мой отецъ имѣлъ возможность производить надъ ними свои въ высшей степени интересныя наблюденія; и теперь еще случается иногда увидѣть тамъ этихъ дятловъ, но только очень рѣдко. Притомъ нельзя точно опредѣлить причины, вызвавшей такое сильное уменьшеніе количества ихъ. Какъ указываетъ мой отецъ, они любятъ лѣсныя опушки и рощи, или долины, заросшія листовными деревьями, и въ большихъ хвойныхъ лѣсахъ поселяются только въ томъ случаѣ, если они граничатъ съ полянами. Поэтому въ тюрингенскихъ лѣсахъ они должны-бы находить всѣ условія, благопріятствующія ихъ существованію и обильному размноженію; между тѣмъ они становятся здѣсь все болѣе и болѣе рѣдкими. Можетъ быть въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ Германіи дѣло обстоитъ иначе; но въ общемъ мнѣніе, только что высказанное мною, повсюду оправдывается дѣйствительностью. Боргрреве причисляетъ сѣдоголоваго дятла къ осѣдымъ птицамъ пояса бука, живущихъ на высотѣ отъ 300 до 800 м. надъ уровнемъ моря, а Глогеръ утверждаетъ, что лѣтомъ нѣкоторые изъ нихъ залетаютъ даже въ самыя высокія окранны альпійскихъ лѣсовъ. Я долженъ однако замѣтить, что никогда не встрѣчалъ сѣдоголовыхъ дятловъ на высокіхъ горахъ и только чрезвычайно рѣдко на высотѣ, указанной Боргрреве. Они знакомы мнѣ гораздо болѣе въ качествѣ жителей низменныхъ и холмистыхъ мѣстностей, возвышающихся метровъ на 150 надъ уровнемъ моря. Впрочемъ, Бальдамусъ встрѣчалъ ихъ и въ высоколежащихъ альпійскихъ долинахъ. Основываясь на своихъ наблюденіяхъ, я сказалъ-бы, что эти птицы, наиболѣе характерныя для фруктовыхъ садовъ; здѣсь, по крайней мѣрѣ, ихъ можно встрѣтить чаще, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, если только въ саду есть старыя дулистые деревья; эти деревья они обязательно посѣщаютъ во время своихъ кочевокъ.

Если зимы стоятъ теплыя, то парочка сѣдоголовыхъ дятловъ, облюбовавши себѣ какую-нибудь мѣстность, окончательно поселяется въ ней, и изъ году въ годъ выводитъ здѣсь птенцовъ; впрочемъ, иногда ей случается предпринимать небольшія

экскурсии и за границы этой местности. Суровые-же зимы, напротив, заставляют этих дятлов, по тем-же причинам, что и зеленых, пускаться в дальние путешествия, во время которых они залетают не только в южную Германию, но и за Альпы, Пиренеи и Балканы. Однако, повидимому, они стараются, насколько возможно, сокращать такие странствования. Съедоголовый дятель пускается в путь только в октябрь, а в первых числах марта он уже непременно появляется в той местности, где собирается гнездовать, как-бы трудно ни было ему до-

Съедоголовый дятель. *Picus viridicanus* и Бѣлосинный дятель. *Dendrocopus euconotus*.
 $\frac{1}{2}$ наст. вел.

бывать себѣ здѣсь пропитаніе въ это время года. Глогеръ утверждаетъ, что онъ живетъ въ открытой враждѣ съ зеленымъ дятломъ, который совершенно не терпитъ его въ предѣлахъ своихъ владѣній; но это мнѣніе его вѣрно только въ томъ отношеніи, что болѣе сильный зеленый дятель прогоняетъ съедоголоваго изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ достаточнаго количества удобныхъ деревьевъ. Вообще-же оба эти вида уживаются другъ съ другомъ точно такъ-же, какъ и другіе виды дятловъ; я самъ знаю нѣсколько не особенно обширныхъ областей, въ которыхъ какъ тотъ, такъ и другой видъ каждое лѣто выводитъ птенцовъ. Сназь сообщать

что сѣдоголовые и зеленые дятлы нерѣдко вмѣстѣ отправляются на кочевки и совершенно мирно ищутъ себѣ кормъ на одномъ и томъ-же мѣстѣ, а если ихъ спугнуть, то вмѣстѣ отлетаютъ на нѣкоторое разстояніе.

Характеромъ и поведеніемъ сѣдоголовый дятель настолько напоминаетъ своего ближайшаго родича, что нужна значительная опытность, чтобы сѣмъ отличить ихъ другъ отъ друга. «Онъ обладаетъ», говоритъ мой отецъ, «живостью и веселостью зеленого дятла, его ловкостью въ лазаніи по деревьямъ, манерой добывать себѣ пищу, какъ можно менѣе долбя деревья; онъ точно также подскакиваетъ, ходя по землѣ, и полетъ у нихъ весьма сходный; впрочемъ, у сѣдоголоваго дятла онъ не такой шумный, а поднятія и опусканія чередуются у него еще чаще. Онъ любитъ лазать по нижней части деревьевъ, если-же его спугнуть отсюда, то взлетаетъ на верхушку высокаго дерева или на одинъ изъ верхнихъ суковъ и почти всегда подвѣшивается такимъ образомъ, чтобы они могли защищать его отъ выстрѣла. Если его преслѣдуютъ, то онъ улетаетъ и прицѣпляется къ какому-нибудь дереву непременно съ той стороны ствола, которая не видна охотнику и затѣмъ только изрѣдка высовываетъ голову, чтобы справиться, угрожаетъ-ли еще опасность. Поэтому за нимъ слѣдится очень долго, все не имѣя возможности подстрѣлить его. Я замѣтилъ, что у него есть одна особенность, свойственная также и зеленому дятлу: осенью и въ самомъ началѣ зимы онъ имѣетъ привычку ежедневно прилетать въ какую-либо намѣченную имъ мѣстность». Онъ появляется тогда, какъ рассказываетъ далѣе мой отецъ, и какъ мнѣ самому приходилось наблюдать въ юности, почти каждое утро въ опредѣленный часъ въ какомъ-нибудь саду, прицѣпляется къ извѣстному дереву, затѣмъ перелетаетъ съ него на другое и т. д., причемъ ежедневно продѣлываетъ точъ въ точъ одну и ту-же процедуру, прилетая каждый разъ изъ одного и того-же мѣста и каждый разъ возвращаясь туда-же. Онъ часто слетаетъ на землю, какъ и зеленый дятель, а осенью его можно постоянно видѣть на скошенныхъ лугахъ. Голосъ его напоминаетъ голосъ зеленого дятла, но нѣсколько выше и гораздо чище его. Призывной крикъ можетъ быть переданъ приблизительно слогами «гек гек гик гик». Иногда, впрочемъ, оба пола громко кричатъ «лик», а во время спариванія и сидѣнія на яйцахъ и самецъ и самка издаютъ красивый, полный, сильный свистящій звукъ «клин клин клин клю клю», постепенно понижающійся. Науманъ утверждаетъ, что кричащій такимъ образомъ сѣдоголовый дятель всегда садится на верхушку высокаго дерева и что поэтому-то звонкій крикъ его и раздается такъ далеко по лѣсу. Звуки, издаваемые имъ при этомъ, бываютъ нѣсколько похожи на крикъ зеленого дятла, но они гораздо болѣе округлены, не такъ рѣзки и постепенно понижаются, благодаря чему они настолько характерны, что внимательное ухо тотчасъ отличить ихъ отъ всякаго другого крика. Несомнѣнно, что этими звуками дятлы манятъ другъ друга и когда перекликавшіеся такимъ образомъ самецъ и самка встрѣтятся, то они начинаютъ играть и гоняться другъ за другомъ безъ конца. Самецъ, движимый половымъ возбужденіемъ, иногда безъ передышки летаетъ вслѣдъ за самкой въ теченіи цѣлой четверти часа, причемъ время отъ времени кричитъ такъ, какъ это было описано выше; заигрывая съ своей подругой, онъ гоняется за ней и на лету, и лазая по деревьямъ, и иногда долго бѣжитъ по древесному стволу, взбираясь вслѣдъ за ней все выше и выше по винтовой линіи и въ это время нѣжно кричитъ ей «гек гек гик гик». Иногда онъ приходитъ въ такое возбужденіе, что подвѣшивается къ засохшему стволу или суку и начинаетъ барабанить по нему подобно черному и пестрому дятламъ, чего, повидимому, никогда не дѣлаетъ зеленый дятель, какъ было упомянуто выше или, если и дѣлаетъ, то очень рѣдко.

Съдоголовый дятель также питается преимущественно муравьями и особенно любит лакомиться нѣкоторыми ихъ видами; тамъ, гдѣ эти виды муравьевъ встрѣчаются рѣдко, навѣрное ужъ не поселится на лѣто ни одинъ съдоголовый дятель. И зимой онъ также старается добыть себѣ этихъ муравьевъ. Поэтому неудивительно, что ему приходится переселяться, когда земля покрывается такимъ глубокимъ снѣгомъ, что ему бываетъ трудно или совсѣмъ невозможно добраться до своей любимой пищи. Долбя деревья, онъ, понятно, вытаскиваетъ изъ нихъ всѣхъ насѣкомыхъ и личинокъ, которыя ему попадаютъ, а если лѣтомъ ему случится наткнуться на голыхъ гусеницъ, то поѣдаетъ и ихъ. Поздней осенью и зимой онъ питается кромѣ того и растительной пищей. Мой отецъ находилъ иногда въ желудкѣ съдоголоваго дятла бузиныя ягоды, а Снѣль—рябину.

Періодъ размноженія наступаетъ для съдоголовыхъ дятловъ нѣсколько позже, чѣмъ для зеленыхъ, но гнѣзда тѣ и другіе вьютъ совершенно одинаково. Съдоголовый дятель самъ выдалбливаетъ себѣ дупло и выкапываетъ при этомъ замѣчательную неутомимость. Входное отверстіе настолько узко, что зеленый дятель только съ трудомъ можетъ проскользнуть въ него; самое же дупло имѣетъ часто 30 и по меньшей мѣрѣ 25 см. въ глубину, 15—20 см. въ ширину и выдолблено очень гладко. Отецъ мой видалъ гнѣзда этихъ дятловъ въ соснахъ, липахъ, букахъ и осинахъ, Науманъ, кромѣ того, еще на еляхъ и дубахъ, а мнѣ случилось разъ найти такое гнѣздо въ яблонѣ. Яицъ съдоголовые дятлы кладутъ 5—6, рѣже 7 или 8; яица эти чисто-бѣлыя, блестящія, значительно заостренныя съ одного конца и коротко закругленныя съ другого, съ тонкой, нѣжной скорлупкой; они совершенно похожи на яица зеленого дятла, только не такъ велики. Съдоголовый дятель кладетъ ихъ точно такъ-же, какъ зеленый и другіе виды этого семейства, на маленькія щепки на днѣ дупла. Самецъ и самка сидятъ на нихъ по-переменно, птенчиковъ они кормятъ почти исключительно куколками муравьевъ. Въ гнѣздѣ птенцы остаются безвыходно до тѣхъ поръ, пока не станутъ способны летать, но еще до того они научаются лазать по стѣнкамъ дупла, часто выглядываютъ изъ его отверстія и привѣтствуютъ прилетающихъ родителей совершенно особеннымъ чирканьемъ. Оба, и самецъ и самка, кормятъ ихъ еще долго послѣ того, какъ они научатся летать и проявляютъ по отношенію къ нимъ величайшую нѣжность и привязанность. На яицахъ эти дятлы сидятъ съ такимъ упорствомъ, что нерѣдко, благодаря этому, удается поймать ихъ въ самомъ гнѣздѣ. Они никогда не бросаютъ птенцовъ и если подстрѣлятъ одного изъ взрослыхъ, то оставшійся въ живыхъ беретъ на себя всѣ заботы о птенцахъ и терпѣливо переноситъ всѣ хлопоты, которыя ему доставляетъ ихъ крайняя прожорливость.

Кромѣ человека, съдоголоваго дятла преслѣдуютъ еще только самые крупныя изъ представителей семейства соколиныхъ, особенно тетеревиныи и перепелятныи; послѣдній, впрочемъ, хотя и нападаетъ на этого дятла, но врядъ-ли можетъ одолѣть его, между тѣмъ какъ тетеревиныи справляется съ нимъ такъ быстро, что онъ не успѣваетъ даже проявить ни малѣйшаго сопротивленія. «Еще недавно», пишетъ Снѣль, «отчаянный крикъ съдоголоваго дятла обратилъ мое вниманіе на сцену такого рода. Ястребъ голубятныи согналъ дятла съ дерева и яростно преслѣдовалъ его; онъ гонялъ его по всѣмъ направленіямъ между сливовыми деревьями, росшими вдоль берега ручья; по мѣрѣ того, какъ дятель уставалъ, крикъ его становился все слабѣе и наконецъ совсѣмъ замолкъ; тогда хищныи уже живо схватилъ свою добычу. Пожалуй еще опаснѣе ястреба бываетъ для дятловъ суровая зима; хотя обыкновенно онъ и избѣгаетъ этой опасности, перекочевывая въ болѣе теплые края, однако изрѣдка случается, что снѣгъ, внезапно

вынавши въ большомъ количествѣ, отнимаетъ у него возможность своевременно укрыться отъ опасности. Въ такихъ случаяхъ трупы сѣдоголовыхъ дятловъ попадаютъ такъ-же часто, какъ и зеленыхъ, особенно около деревень, въ фруктовыхъ садахъ которыхъ голодные птицы въ послѣдней крайности ищутъ себѣ утѣхища

* *
*

Въ Америкѣ существуетъ родъ зеленыхъ дятловъ, называемый **Шилоклювыми дятлами** (*Colaptes*), къ которому принадлежитъ около 40 видовъ; всѣ они отличаются тонкимъ, обыкновенно замѣтно изогнутымъ плоскимъ клювомъ.

Золотистый дятель. *Colaptes auratus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

Изъ этихъ видовъ наибольшей извѣстностью пользуется **Золотистый дятель** (*Colaptes auratus*, *Cuculus* и *Picus auratus*. Goldspecht. Flicker или High—holer американцевъ. *Pic doré*), птица немного уступающая по величинѣ нашему сѣдоголовому дятлу. Верхняя часть головы и задняя половина шеи у него пепельно-сѣрыя; уздечка, полоска около глаза, виски, боковыя части головы и шеи, подбородокъ и горло окрашены въ желтовато-вишно-красный цвѣтъ; большая полоса около

угловъ рта и широкое, имѣющее форму полумѣсяца, пятно на нижней части шеи— черныя. Все опереніе верхнихъ частей, за исключеніемъ бѣлаго надхвостья, чало-коричневое съ черными поперечными полосами; на верхнихъ кроющихъ перьяхъ хвоста также широкія черныя поперечныя полосы. Нижнія части, начиная отъ чернаго пятна на шеѣ,—бѣлыя; грудь и бока желтовато-винно-красноватые съ большими, круглыми черными крапинками, напоминающими капли; на затылкѣ ярко-красное подковообразное пятно. На вѣшной части опахала черныхъ маховыхъ перьевъ находится 4—5 чало-коричневыхъ пятенъ, имѣющихъ видъ поперечныхъ полосъ, а внутренняя половина опахала въ нижней части представляетъ широкую желтовато-бѣлую кайму. Стволы у маховыхъ перьевъ оранжево-желтые, а у хвостовыхъ перьевъ только нижняя ихъ половина окрашена въ этотъ цвѣтъ, верхняя-же— черная. Кончики двухъ крайнихъ рулевыхъ перьевъ каждой стороны бѣлыя; кромѣ того крайнее перо обѣихъ сторонъ украшено тремя свѣтлыми краевыми пятнами; нижняя сторона маховыхъ и рулевыхъ перьевъ блестящаго темнаго оливково-желтаго цвѣта, въ послѣдней-же трети— черная. Глаза свѣтло-коричневые; клювъ сверху коричневый, снизу синеватый; ноги сѣро-синія. У самки нѣтъ черной уздечки. У молодыхъ птицъ окраска болѣе грязная; кромѣ того онѣ отличаются отъ старыхъ еще тѣмъ, что затылочное пятно у нихъ свѣтло-красное и болѣе узкое, чѣмъ у послѣднихъ. Длина равняется 32 см., размахъ крыльевъ 42, длина крыла 16, а хвоста 12 см.

Золотистый дятель распространенъ по всей восточной части Соединенныхъ Штатовъ отъ Техаса до крайняго сѣвера Новой Шотландіи; его, какъ говорятъ, встрѣчали даже въ Гренландіи. Въ южныхъ штатахъ онъ является осѣдой или кочевой птицей, въ сѣверныхъ-же эта птица перелетная, являющаяся въ свое лѣтнее мѣстопробываніе очень многочисленными обществами и остающаяся здѣсь отъ марта или апрѣля до сентября или октября, смотря по географическому положенію избранной ими мѣстности. Одюбонъ утверждаетъ, что дятлы эти совершаютъ свои странствованія ночью, о чемъ можно довольно достоверно заключить по ихъ своеобразному крику, слышному время отъ времени, а также по весьма характерному шуму, который они производятъ на лету своими крыльями. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ водится золотистый дятель, онъ встрѣчается всегда въ огромномъ количествѣ, а потому его можно считать, если не самымъ распространеннымъ, то во всякомъ случаѣ однимъ изъ наиболѣе обыкновенныхъ видовъ дятловъ, живущихъ въ Сѣверной Америкѣ.

Образъ жизни золотистаго дятла описанъ Вильсономъ, Одюбономъ и другими изслѣдователями. «Едва только начинающаяся весна», говоритъ Одюбонъ, «призываетъ птицъ къ супружескимъ обязанностямъ, какъ съ вершинъ высокихъ деревьевъ раздаются голоса золотистыхъ дятловъ, привѣтствующіе наступленіе этого благодатнаго времени года. Голосъ этого дятла чрезвычайно радостенъ; онъ нѣсколько напоминаетъ продолжительный, веселый, звонкій смѣхъ. Нѣсколько самцовъ преслѣдуютъ одну и ту же самку; приближаясь къ ней, они наклоняютъ голову, расширяютъ хвостъ и двигаются то бокомъ, то назадъ и впередъ, принимаютъ всевозможныя позы и вообще всячески стараются показать избранницѣ сердца всю силу и искренность своей любви. Самка перелетаетъ на другое дерево, постоянно преслѣдуемая однимъ, двумя, а иногда даже цѣлой полудюжиной влюбленныхъ самцовъ, которые возобновляютъ тамъ свои любовныя объясненія. Они совсѣмъ не дерутся другъ съ другомъ, повидимому даже нисколько не ревнивы, и какъ только самка выберетъ кого-нибудь изъ нихъ, остальные совершенно спокойно покидаютъ счастливую пару и отправляются отыскивать другую

самку. Такимъ образомъ происходитъ, что всѣ золотистые дятлы въ скоромъ времени сочетаются счастливымъ бракомъ. Каждая пара тотчасъ-же начинаетъ долбить какое-нибудь дерево, чтобы построить жилище для себя и своего будущаго потомства. Оба они работаютъ чрезвычайно усердно и, повидимому, съ большимъ удовольствіемъ. Когда работой занятъ самецъ, самка садится рядомъ съ нимъ и посылаетъ ему привѣтъ за каждую щепку, которую тотъ выброситъ клювомъ. Во время отдыха самецъ, повидимому, чрезвычайно нѣжно разговариваетъ со своей подругой, а когда онъ устанетъ, то самка начинаетъ помогать ему. Такимъ-то образомъ, благодаря ихъ обоюднымъ стараніямъ, дупло въ скоромъ времени бываетъ выдолблено и закончено. Тогда они начинаютъ любезничать другъ съ другомъ на вѣтвяхъ, съ наслажденіемъ лазаютъ вдоль стволовъ деревьевъ или вокругъ ихъ, барабанятъ клювомъ по засохшимъ сучьямъ, отгоняютъ своихъ родственниковъ—красноголовыхъ дятловъ, защищаютъ гнѣздо противъ пурпуровыхъ скворцовъ, кричатъ, пересмѣиваются. Не успѣетъ пройти и двухъ недѣль, какъ самка положитъ уже свои 4 или 6 блестящихъ бѣлыхъ яицъ и, вѣроятно, радуется ихъ бѣлизнѣ и прозрачности. Яйца эти имѣютъ около 26—28 м.м въ длину и около 22—25 м.м. въ ширину. Если многочисленное потомство доставляетъ счастье, то золотой дятель, должно быть, очень счастливъ, потому что онъ выводитъ птенцовъ два раза въ годъ». Последнее утвержденіе, если только вообще оно вѣрно, относится вѣроятно исключительно къ южнымъ штатамъ.

Панъ никогда не встрѣчалъ сидящихъ на яйцахъ дятловъ въ глубинѣ лѣсовъ, а всегда близъ опушекъ ихъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ никогда не замѣчалъ, чтобы парочка пользовалась старымъ дупломъ, что однако можно-бы предположить съ полной вѣроятностью. Въ отличіе отъ большинства своихъ родичей золотистый дятель, хотя очень часто встрѣчается съ человѣкомъ, бываетъ очень пугливъ по близости своего гнѣзда, или, вѣрнѣе, онъ принимаетъ такія предосторожности, подлетая къ гнѣзду, что послѣднее нелегко бываетъ открытъ. Если потревожить находящуюся въ немъ парочку дятловъ, то оба они начинаютъ летать вокругъ дерева, издавая при этомъ пронзительные и тоскливые звуки, иногда смѣняющіеся другими, напоминающими воркованіе. Тѣ птенцы, которыхъ наблюдалъ Панъ, научились летать далеко не одновременно; младшій изъ нихъ впервые вылетѣлъ изъ гнѣзда приблизительно на двѣ недѣли позже старшаго. Прежде чѣмъ совсѣмъ вылетѣтъ изъ гнѣзда, каждый изъ нихъ появлялся въ верхней части дупла, которую онъ совершенно наполнял собой, и всякому, приближавшемуся къ дереву, выдавалъ себя громкимъ шипящимъ крикомъ. Какъ только онъ научается хотя немного пользоваться своими крыльями, онъ принимается лазать и порхать на свободѣ; родители направляютъ его въ чащу лѣса и здѣсь нѣкоторое время кормятъ его и учатъ добывать себѣ пищу. «Полетъ этого дятла», говоритъ далѣе Одюбонъ, «быстрый и выносливый, а въ сравненіи съ полетомъ другихъ птицъ того-же семейства—порывистый, съ короткими дугами. Перелетая съ одного дерева на другое, онъ летитъ по прямой линіи и только передъ избраннымъ имъ деревомъ спускается на нѣсколько метровъ, привѣшивается внизу и затѣмъ, подобно другимъ дятламъ, быстро взбирается наверхъ. Если, какъ это часто случается, онъ садеться на вѣтку, то нагибаетъ голову и издаетъ знакомый звукъ «фликер», но только въ томъ случаѣ, если увѣренъ въ совершенной безопасности. Онъ превосходно лазаешь во всѣхъ положеніяхъ, какія только могутъ принимать дятлы. На землѣ, куда онъ часто опускается, онъ прыгаетъ очень ловко; обыкновенно онъ спускается сюда только для того, чтобы схватить ягоду, кузнечика или зернышко, или чтобы поискать въ засохшихъ корняхъ дерева муравьевъ и другихъ насѣко-

мыхъ. Онъ любитъ плоды и ягоды разнаго рода; особенное пристрастіе онъ питаетъ, повидимому, къ яблокамъ, грушамъ, персикамъ и разнымъ дѣснымъ ягодамъ. Не пренебрегаетъ онъ и молодымъ хлѣбомъ на поляхъ и зимою часто поѣщаетъ скирды».

«Опаснѣйшіе враги золотистаго дятла—еноты и черныя змѣи. Первый нерѣдко просовываетъ свою переднюю лапу въ дупло и, если оно не слишкомъ глубоко, вытаскиваетъ яйца и выпиваетъ ихъ; при этомъ зачастую онъ завладѣваетъ и самой высиживающей птицей. Черныя змѣи довольствуются яйцами или птенцами. Разные виды соколовъ преслѣдуютъ золотого дятла на лету, но въ большинствѣ случаевъ ему удается спастись отъ нихъ, укрывшись въ какое-нибудь дупло. Чрезвычайно забавно бываетъ удивленіе сокола, когда птица, которую онъ только что собирався схватить, вдругъ исчезаетъ на его глазахъ. Если-же дятель не можетъ отыскать такого убѣжища, то онъ подвѣшивается къ дереву и бѣгаетъ вокругъ его ствола по винтообразной линіи съ такой быстротой, что обыкновенно принуждаетъ хищника отказаться отъ его преслѣдованія. Мясо золотистаго дятла высоко цѣнится многими охотниками и очень часто подается къ столу, особенно въ среднихъ штатахъ. Иногда его можно найти и на рынкахъ Нью-Йорка и Филадельфіи, но, съ своей стороны, я долженъ признаться, что мясо его всегда казалось мнѣ противнымъ, такъ какъ отзывалось муравьями. Даже въ неволѣ эта птица не теряетъ своей природной живости и рѣзвости. Она легко привыкаетъ къ корму, но зато въ теченіи одного дня, забавляясь, напортитъ и наломаетъ больше, чѣмъ могутъ поправить два рабочихъ въ два дня. Во всякомъ случаѣ дятлы вовсе не такія глупыя, никуда негодныя, бездарныя птицы, какъ многіе думаютъ».

Ни одинъ изъ извѣстныхъ мнѣ дятловъ не переноситъ такъ легко неволи, какъ золотистый, которыхъ и у насъ можно встрѣтить довольно часто въ клѣткахъ. Они совсѣмъ неприхотливы въ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ несколько не болѣе всякой другой насѣкомоядной птицы; они довольствуются простымъ дроздовымъ кормомъ, къ которому нужно только подмѣшивать побольше муравьиныхъ яицъ. Золотистые дятлы, которыхъ я воспитывалъ, отличались съ самаго начала доврчивостью. Они вскорѣ стали узнавать своего сторожа, прилетали на его зовъ и брали прямо изъ руки предлагаемую имъ пищу, особенно, если она состояла изъ живыхъ червей. Для орнитолога клѣтка, обитаемая ими, представляетъ весьма привлекательное зрѣлище. Здѣсь можно вдоволь насмотрѣться на самыя странныя движенія дятловъ, можно видѣть, какъ быстро и ловко они лазаютъ по деревьямъ, и жердямъ, находящимся въ клѣткѣ, до чего глубоко они вонзаютъ свои когти въ кору, крѣпко на крѣпко прицѣпляясь къ ней и какъ хорошо они умѣютъ пользоваться своимъ клювомъ; можно даже изучать ихъ полетъ, такъ какъ нерѣдко они дѣлаютъ по крайней мѣрѣ попытки передвигаться такимъ образомъ. Я замѣтилъ, что мои воспитанники даже во время сна принимали свою любимую позу. Уже изъ наблюденій надъ нашими туземными видами я зналъ, что дятлы ночуютъ въ дуплахъ деревьевъ; тѣмъ не менѣе меня очень удивило, что они не садятся, какъ другія птицы, просто на дно дупла, а привѣшиваются въ своей обыкновенной позѣ къ стѣнкѣ его. Изъ этого можно заключить, что такое вертикальное положеніе для нихъ удобнѣе всякаго другого. Всего болѣе меня поразило, что плѣнники мои стали дѣлать приготовленія къ размноженію. Этимъ они доказали, что чувствуютъ себя въ своей клѣткѣ такъ хорошо, какъ это возможно для птицы, которая лишена свободы. Наступившая весна произвела и на нихъ свое дѣйствіе. Самецъ выражалъ свое удовольствіе, радостно крича и часто барабани. Онъ манилъ самку такъ, какъ это описано Оубономъ, любезничалъ съ нею, загрызавъ такъ, какъ они это дѣлаютъ обыкновенно передъ сна-

риваніемъ. Однажды утромъ сторожъ нашелъ на днѣ клѣтки яйцо, а черезъ нѣсколько дней и другое. Однако надежда моя вырастить птенцовъ, къ сожалѣнію, не исполнилась. Самка стала хворать, и однажды утромъ ее нашли мертвою въ клѣткѣ; повидимому, она умерла отъ истощенія, вслѣдствіе слишкомъ быстрой кладки яицъ. Положительно трогательно было смотрѣть, какимъ печальнымъ сталъ послѣ этого самецъ. Цѣлыми днями, почти непрерывно онъ звалъ самку, барабана отъ избытка горя, какъ раньше отъ избытка любви, и не успокаивался даже ночью. Черезъ нѣсколько времени онъ сталъ меньше горевать и наконецъ пересталъ громко выражать свою печаль; но никогда уже онъ не былъ такимъ рѣзвымъ, какъ прежде, а когда перемерли всѣ его товарищи, онъ сталъ очень молчаливъ.

Впослѣдствіи мнѣ еще приходилось самому воспитывать другихъ золотистыхъ дятловъ и видѣть ихъ въ нѣсколькихъ зоологическихъ садахъ, но не было случая, чтобы они спаривались и принимались за гнѣздованіе.

* *
*

Въ южныхъ и западныхъ штатахъ Сѣверной Америки кромѣ золотистаго дятла встрѣчается еще другой, весьма сходный съ нимъ видъ, называемый **Мѣднымъ дятломъ** (*Colaptes mexicanus*, *Picus rubricatus* и *lathamii*. Kupferspecht. Pic du Mexique). Онъ похожъ на золотистаго дятла и величиной, и окраской, и узоромъ, но всѣ краски у него темнѣе и стволы маховыхъ перьевъ не золотисто-желтые, а оранжево-красные. Лобъ и верхняя часть головы чало-красновато-сѣро-бурые, а остальная верхняя сторона, за исключеніемъ нижней части спины, покрыта черными поперечными волнами на сѣро-буromъ фонѣ; хвостовыя перья сѣро-бурыя съ оранжево-красными стволами. Подбородокъ, горло и нижняя часть шеи свѣтлаго красновато-сѣраго цвѣта; грудь и брюшко покрыты черными, круглыми крапинами на красновато-сѣро-бѣломъ фонѣ. Затылокъ украшенъ воротникомъ цвѣта киновари, а верхняя часть груди—черной поперечной полосой; есть у него киноварнаго цвѣта пятно и около угловъ рта. Область распространенія мѣднаго дятла граничитъ съ тою частью Сѣверной Америки, въ которой обитаетъ его родичъ—золотистый дятель; она простирается на весь западъ Соединенныхъ Штатовъ отъ Скалистыхъ горъ вплоть до самаго Тихаго Океана и отъ пролива Фука до южной Мексики. На границѣ областей распространенія мѣднаго и золотистаго дятловъ оба эти вида встрѣчаются вмѣстѣ. Вотъ что говоритъ по этому поводу принцъ фонъ Видъ. «Наблюдатель, который еще недавно убилъ обыкновеннаго золотистаго дятла, бываетъ чрезвычайно удивленъ, увидѣвъ очень похожую на него птицу, у которой красивая желтая окраска нѣкоторыхъ частей замѣнена превосходной оранжево-красной. Только мало-по-малу онъ догадывается, что имѣетъ дѣло съ весьма сходнымъ, но все-же самостоятельнымъ видомъ».

Всѣ сѣверо-американскіе авторы, наблюдавшіе мѣднаго дятла на свободѣ, утверждаютъ, что своими привычками, характеромъ, образомъ жизни и голосомъ онъ нисколько не отличается отъ золотистаго дятла: питается онъ тѣмъ-же, чѣмъ и его родичъ и совершенно напоминаетъ его своимъ поведеніемъ въ періодъ размноженія.

* *
*

Между тѣмъ какъ большинство дятловъ исключительно или, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ отыскиваетъ себѣ пищу на деревьяхъ, существуютъ такіе виды, которые охотятся на землѣ. Къ нимъ принадлежитъ **Полевой дятель** (*Colaptes campestris*, *Picus campestris* и *chrysosternus*, *Soroplex*, *Theiopicus*, *Malherbipicus*, *Pediopipo* и *Geocolaptes campestris*. Feldspecht. Pic des champs), населя-

ющій безлѣсныхъ поляны Южной Америки. Темя и горло у него черныя; щеки, шея и верхняя часть груди золотисто-желтыя, спина и крылья блѣдно-желтыя съ черно-бурыми полосками; нижняя часть спины, грудь и брюшко блѣднаго бѣловато-желтаго цвѣта. На каждомъ перѣ имѣется по нѣсколько черныхъ поперечныхъ полосъ. Маховыя перья сѣро-бурыя съ золотисто-желтыми стволами; на вѣшной половинѣ опахала большихъ маховыхъ перьевъ и на всемъ опахалѣ малыхъ маховыхъ перьевъ имѣются бѣловатыя полоски. Оба пола мало отличаются другъ отъ друга; впрочемъ, самка не такъ ярко окрашена, какъ самецъ. У молодыхъ птицъ полосы шире. Глаза темно-вишневые; клювъ черновато-сѣрый; ноги грязно-сѣрыя. Въ длину эти птицы имѣютъ 32 см., размахъ крыльевъ 47, длина крыла 14,5, а хвоста 11 см.

«Полевой дятель», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ видовъ своимъ мѣстожителемъ. Онъ встрѣчается только въ открытыхъ безлѣсныхъ степяхъ и развѣ только изрѣдка въ мѣстностяхъ, поросшихъ низкимъ кустарникомъ. Я никогда не видалъ его въ большихъ прибрежныхъ лѣсахъ, а только на высокихъ, сухихъ, раскаленныхъ полянахъ внутреннихъ пампасовъ въ провинціяхъ Бахія и Минасъ-Геразсъ. Азара встрѣтилъ его въ Парагваѣ. Словомъ, онъ водится, повидимому, въ большей части внутренней Южной Америки». — «На муравьиныхъ кучахъ открытыхъ полянъ», говоритъ Бурмейстеръ, «часто можно бываетъ встрѣтить полевого дятла—птицу весьма интересную. Перваго такого дятла мы увидали на склонѣ плоской возвышенности, гдѣ цѣлое общество ихъ—вѣроятно штукъ восемь—долбили большое низкое дерево, причемъ по временамъ то одинъ, то другой изъ нихъ; слетать на землю, разгуливалъ по ней, точно ворона, и затѣмъ снова возвращался на дерево. Повидимому, они были заняты собираніемъ какой-то вкусной пищи, вѣроятно, они напали на перекочевывающее общество термитовъ. Особенность этого дятла скоро обратила на себя мое вниманіе. Дятель, шагая, разгуливаетъ по землѣ, что за чудо! подумалъ я, и сказалъ моему сыну, чтобы онъ стрѣлялъ въ него. Выстрѣлъ оказался удачнымъ. Дятель съ крикомъ упалъ, остальные же улетѣли прочь, но на недалекомъ разстояніи опять усѣлись на дерево. Теперь только я могъ рассмотреть новаго знакомаго и узналъ въ немъ полевого дятла. Разглядывая его трупъ, я убѣдился, что вступилъ уже въ область пампасовъ, такъ какъ только въ этихъ мѣстностяхъ водится этотъ оригинальный земляной дятель».

«Полевой дятель», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «питается преимущественно термитами и муравьями, чрезвычайно многочисленными въ этихъ равнинахъ. Въ лѣсахъ и на полянахъ здѣсь встрѣчаются большіе конусовидные холмы изъ желтой глины, построенные термитами и часто имѣющіе до 2 м. въ вышину; въ открытыхъ мѣстностяхъ холмики эти бываютъ обыкновенно болѣе плоски. Подобныя же гнѣзда кругловатой формы и черно-бураго цвѣта висятъ на толстыхъ сучьяхъ деревьевъ, и каждый кактусовый стволъ служитъ поддержкой одному или нѣсколькимъ такимъ гнѣздамъ. На нихъ-то обыкновенно садятся и долбятъ полевые дятлы. Такимъ образомъ они приносятъ значительную пользу уничтоженіемъ вредныхъ насѣкомыхъ, являющихся въ Бразиліи главными врагами земледѣлія. Несмотря на то, что эти прожорливыя насѣкомыя устраиваютъ свои ходы и надъ и подъ землей и прокладываютъ ихъ даже внутри стѣнъ человеческихъ жилищъ, все-таки ихъ всюду преслѣдуютъ многочисленные враги. Муравьи, дятлы, муравьиные дрозды и многія другія животныя мстятъ за плачаторовъ, весь урожай которыхъ зачастую поѣдается этими мелкими прожорливыми врагами».

Изъ дальнѣйшихъ наблюденій того-же изслѣдователя оказывается, что Азара и Сликсъ ошибались, утверждая, что полевой дятель не лазаетъ по деревьямъ;

хотя онъ и дѣлаетъ это рѣже, чѣмъ другіе виды, такъ какъ длинныя плюсны позволяютъ ему хорошо прыгать, однако часто его можно видѣть лазающимъ, подобно другимъ дятламъ. Онъ взбирается на кактусовыя стволы, или скачетъ съ высоко-приподнятымъ туловищемъ по ихъ горизонтальнымъ вѣтвямъ, но большую часть времени во всякомъ случаѣ проводитъ на землѣ.

Гудзонъ, который совсѣмъ неосновательно оспариваетъ одно замѣчаніе Дарвина, касающееся полевого дятла, въ общемъ говоритъ объ этой птицѣ то-же, что только что было изложено нами; онъ вполне опредѣленно утверждаетъ, что дятель этотъ лазаетъ по деревьямъ точно такимъ же образомъ, какъ и другіе дятлы, точно такъ-же, какъ они, пользуется своимъ слабымъ хвостомъ и долбитъ кору и гнилое дерево. Онъ часто спускается на землю и иногда его можно встрѣтить на разстояніи нѣсколькихъ километровъ отъ ближайшихъ деревьевъ охотящимся за муравьями и разными гусеницами. Впрочемъ, это случается съ нимъ рѣдко, только когда онъ перелетаетъ отъ одной группы деревьевъ къ другой. Въ такихъ случаяхъ онъ почти всегда нѣсколько разъ отдыхаетъ на пути и только очень рѣдко рѣшается пролетать сразу большія разстоянія. Обыкновенно его встрѣчаютъ парами, и, по всей вѣроятности, то общество, о которомъ говоритъ Бурмейстеръ, составляло одно семейство, т. е. тутъ были старые дятлы вмѣстѣ съ птенцами. Во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ полевой дятель похожъ на своихъ родичей. Онъ летаетъ и кричитъ точно такъ-же, какъ европейскій зеленый дятель.

«Гнѣздо этой птицы», говоритъ въ заключеніе Бурмейстеръ, «повидимому бываетъ очень искусно скрыто, такъ какъ до сихъ поръ еще ни разу не удалось увидѣть его. Едва-ли можно предположить, чтобы оно находилось на землѣ». Это мнѣніе Бурмейстера оказывается вполне справедливымъ, такъ какъ Гудзонъ сообщаетъ, что тѣ полевые дятлы, которыхъ ему удалось наблюдать въ Буэносъ-Айресѣ, гнѣздятся всего охотнѣе въ деревьяхъ омбу и, подобно другимъ дятламъ, сами выдалбливаютъ себѣ дупла. Древесина омбу очень мягка, а потому-то полевой дятель и можетъ долбить ее, когда дерево еще зелено и здорово. Входное отверстіе, направляющееся слегка вверхъ, углубляется приблизительно на 20 см. внутрь ствола и затѣмъ только расширяется въ настоящее дупло.

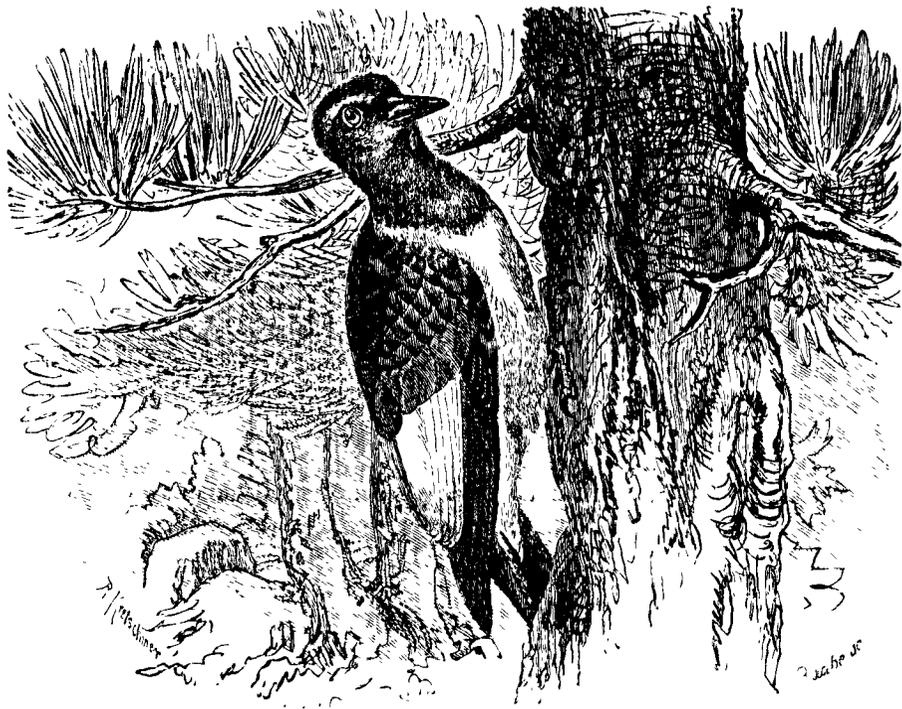
* *
*

Очень мало изогнутымъ клювомъ обладаетъ **Красноголовый дятель** (*Colaptes erythrocephalus*, *Picus erythrocephalus* и *obscurus*, *Melanerpes erythrocephalus*. *Rotkopfspecht*. *Ereiche à caré rouge*). Голова и шея у него ярко-красныя, верхняя часть спины, маховыя и хвостовыя перья совершенно черныя, заднія маховыя перья, надхвостье и вся нижняя сторона чисто-бѣлыя; у двухъ крайнихъ паръ хвостовыхъ перьевъ на концѣ есть узенькая бѣлая каемка. Глаза орѣхово-бурого цвѣта; клювъ и ноги снѣгато-черныя. Самка немного меньше самца и не такъ ярко окрашена, какъ онъ. У молодыхъ голова, шея, верхняя часть спины и грудь землисто-бурья съ черно-бурыми полудлунными пятнами; крайнія маховыя перья—черно-бурья, заднія—красновато-бѣлыя съ черно-бурыми полосками на концахъ; рулевыя перья темнаго, черно-бурого цвѣта. Въ длину этотъ дятель достигаетъ 24 см., размахъ крыльевъ—44, длина крыла 12, хвоста—6 см.

«Едва-ли существуетъ въ Америкѣ какая-либо птица, болѣе извѣстная, чѣмъ красноголовый дятель», говоритъ Вильсонъ. «Онъ встрѣчается до того часто, его трехцвѣтное опереніе такъ бросается въ глаза, а воровскія привычки такъ общеизвѣстны, что каждый ребенокъ можетъ рассказать о немъ». Красноголовый дятель распространенъ по всему сѣверу Америки. По словамъ принца фонъ-Видъ,

*

его можно видѣть чуть не на каждомъ заборѣ, на стволахъ деревьевъ или на корняхъ ихъ, гдѣ онъ часто ищетъ насѣкомыхъ. «Его можно считать», говоритъ Одюбонъ, «осѣдой птицей Соединенныхъ Штатовъ, такъ какъ въ южной части ихъ онъ попадается сплошь всю зиму, а лѣтомъ выводитъ здѣсь птенцовъ. Большинство этихъ птицъ, однако, улетаетъ отъ насъ въ сентябрѣ и притомъ въ ночную пору. Эти дятлы летятъ тогда обществами, но не соблюдая опредѣленнаго порядка, такъ что напоминаютъ бѣгущее въ разсыпную войско; при этомъ они, точно для того, чтобы ободрить другъ друга, издають особый рѣзкій крикъ, котораго въ другое время не слышно. На разсвѣтѣ все общество опускается на верхушки засохшихъ деревьевъ вблизи плантацій и остается здѣсь, отыскивая себѣ пищу до

Красноголовый дятель. *Colaptes erythrocephalus*. $\frac{1}{3}$ наст. велич.

заката солнца. Тогда они опять, одинъ за другимъ, снимаются съ деревьевъ, и вся стая продолжаетъ свой перелетъ».

«За исключеніемъ дрозда пересмѣшника я не знаю ни одной птицы, которая была бы такъ рѣзва и весела, какъ этотъ дятель: вся жизнь его—одно сплошное веселье. Онъ повсюду находитъ въ изобиліи пищу и удобныя гнѣздовья. Ничтожная работа, достающаяся на его долю, является для него источникомъ новыхъ наслажденій, такъ какъ онъ работаетъ только для того, чтобы добыть себѣ что-нибудь особенно лакомое, или-же, чтобы устроить помѣщеніе для себя, своихъ яицъ или своего семейства. Повидимому онъ нисколько не боится человѣка, хотя это его злѣйшій врагъ. Если, сяди на столбъ забора близъ дороги или поля, онъ замѣтитъ идущаго въ его сторону человѣка, то медленно перебирается на противоположную сторону столба, причется здѣсь и по временамъ осторожно выглядываетъ, какъ бы желая узнать намѣренія приближающагося. Если человѣкъ спокойно про-

ходить мимо, то онъ вспрыгиваетъ на верхушку столба и начинаетъ барабанить по ней, какъ-бы поздравляя себя съ успѣшнымъ результатомъ своей хитрости. Если снова приблизиться къ нему, то онъ перелетаетъ на ближайшій или другой со-сѣдній съ нимъ столбъ, подвѣшивается къ нему и снова барабанить, какъ-бы броса-ая вызовъ своему противнику. Нерѣдко его можно видѣть у насъ на домахъ; онъ лазаешь по нимъ, долбитъ по крытой гонтомъ крышѣ и затѣмъ слетаетъ въ садъ, чтобы поворовать здѣсь лучшія ягоды, какія только найдутся».

«Я никому не посоветывалъ-бы терпѣть въ своемъ фруктовомъ саду красно-головатаго дятла, потому что онъ не только питается всякаго рода плодами, но при этомъ еще портитъ ихъ въ огромномъ количествѣ. Едва только начнутъ краснѣть вишни, какъ уже появляются эти птицы: онѣ слетаютъ со всѣхъ сторонъ изъ окрестностей и самымъ основательнымъ образомъ опустошаютъ деревья. Какъ только появляется одна изъ нихъ и замѣтитъ первую вишню, она издаетъ свой призывной крикъ, машетъ хвостомъ, киваетъ головой и немедленно завладѣваетъ ягодой. Насытившись, она забираетъ въ клювъ еще одну или двѣ вишни и летитъ къ гнѣзду, чтобы полакомить своихъ птенцовъ. Совершенно невозможно, хотя приблизительно, опредѣлить число красноголовыхъ дятловъ, появляющихся лѣтомъ въ какой-либо мѣстности; я могу только съ достовѣрностью сказать, что на одномъ и томъ-же вишневомъ деревѣ въ теченіи одного только дня ихъ убивали иногда до сотни. Послѣ вишенъ они нападаютъ на груши, персики, яблоки, фиги, туговья ягоды и даже на горохъ; о тѣхъ-же опустошеніяхъ, которыя производятъ красноголовые дятлы въ маисовыхъ поляхъ, я не хочу даже и упоминать, чтобы не испортить еще болѣе репутацію этихъ птицъ, которыя хотя и повинны въ этомъ отношеніи, но зато имѣютъ и много безусловно хорошихъ качествъ. Чрезвычайно оригинальнымъ образомъ эти дятлы уносятъ поѣдаемые ими яблоки: они изъ всѣхъ силъ втыкаютъ открытый клювъ въ яблоко и отрываютъ его отъ вѣтки, а затѣмъ уносятъ его на столбъ забора или на дерево, гдѣ съ удобствомъ могутъ разбивать его на куски. Есть у нихъ и еще одно дурное качество: они выпиваютъ яйца маленькихъ птицъ. Съ этой цѣлью они весьма усердно посѣщаютъ помѣщенія, вродѣ скворечницъ, устраиваемыя для пурпуровыхъ ласточекъ и синихъ дроздовъ, а также и голубятни, и эти посѣщенія обыкновенно бывають удачны.

«Но что бы они ни дѣлали, они всегда бывають веселы. Только что они успѣютъ утолить голодъ, какъ собираются небольшими обществами на верхушкахъ и вѣтвяхъ засохшихъ деревьевъ и отсюда очень своеобразно охотятся за пролетающими мимо насѣкомыми, бросаясь на нихъ съ разстоянія 8—12 м. и дѣлая при этомъ иногда удивительно смѣлые повороты; схвативши добычу, они снова возвращаются на дерево, издавая радостный крикъ. По временамъ, играя, они чрезвычайно граціозно гоняются другъ за другомъ; при этомъ, описывая на лету изящныя дуги, они выказываютъ всю красоту своего оперенія и представляютъ тогда чрезвычайно привлекательное зрѣлище. Когда они перелетаютъ съ одного дерева на другое, полетъ ихъ представляетъ всего одну дугообразную линію. Они раскрываютъ крылья, опускаются внизъ и, подлетая къ дереву, снова медленно поднимаются. Лазаая по стволу, они двигаются, повидимому, съ одинаковою легкостью вверхъ, вбокъ и назадъ, но весьма рѣдко головою внизъ, какъ это дѣлають поползни и нѣкоторые другіе дятлы (?) Перелетая съ одного дерева на другое, красноголовый дятель, повидимому, часто дѣлаетъ это съ цѣлью напасть на другого такого же дятла; но тотъ, благодаря своей необычайной ловкости, всегда умѣетъ избѣгнуть нападенія своего противника, съ удивительной быстротой перебѣгая съ одной стороны древеснаго ствола на другую.

«Рѣдко случается найти вновь построенное гнѣздо; обыкновенно парочка, приступая къ кладкѣ и высиживанію яицъ, довольствуется старымъ, починивши его и продолбивъ нѣсколько глубже. Ихъ гнѣздовья можно встрѣтить въ каждомъ засохшемъ деревѣ; часто ихъ бываетъ штукъ по 10 или 12 въ одномъ и томъ-же стволѣ, причѣмъ одни изъ нихъ только начаты, другія выдолблены поглубже, а нѣкоторыя уже совсѣмъ закончены. Эти птицы такъ рѣдко строятъ себѣ жилища въ зеленыхъ или еще живущихъ деревьяхъ, что мнѣ ни разу не случилось найти ихъ гнѣзда въ подобномъ деревѣ. Въ Луизианѣ и Кентукки красноголовый дятель выводитъ птенцовъ два раза въ годъ, въ среднихъ-же штатахъ обыкновенно только одинъ разъ. Самка кладетъ отъ 2 до 6 бѣлыхъ прозрачныхъ яицъ иногда въ дуллѣ, выдолбленномъ всего на высотѣ двухъ м. надъ землей, иногда-же находящемся очень высоко». По словамъ Вильсона, самымъ страшнымъ врагомъ птенцовъ красноголового дятла является черная ехидна (*Choryphodon constrictor*). Змѣя эта часто взбирается на самыя высокія деревья, проникаетъ въ мирное жилище дятловъ, поѣдаетъ здѣсь яйца или безпомощныхъ птенцовъ на глазахъ ихъ родителей, которые жалобно кричатъ и летаютъ кругомъ хищника; если гнѣздо достаточно велико, то, наѣвшись, змѣя свертывается въ немъ и отдыхаетъ, пока совершается пищевареніе. Школьникъ, забравшись на дерево, часто чуть не съ опасностью жизни, испытываетъ горькое разочарованіе, когда, просунувъ руку въ дупло, вмѣсто ожидаемыхъ птенцовъ, схватываетъ отвратительную змѣю. Въ этомъ случаѣ ему остается только, уже нисколько не заботясь о цѣлости своихъ членовъ и штановъ, соскользнуть внизъ по стволу и съ ужасомъ бѣжать прочь отъ дерева.

Чтобы пополнить наши свѣдѣнія о шилоклювыхъ дятлахъ, не мѣшаетъ упомянуть здѣсь еще объ одномъ видѣ этой группы. Въ Калифорніи и Мексикѣ красноголового дятла замѣняетъ одинъ его родичъ, котораго мы назовемъ **Калифорнскимъ дятломъ** (*Colaptes formicivorus*, *Picus formicivorus* и *melanopogon*, *Melanerpes formicivorus* и *angustifrons*. *Sammelspecht*. *Pic fourmilier*). По величинѣ онъ равняется нашему пестрому дятлу: въ длину имѣетъ 25 см., длина крыла 16, хвоста 10 см. Край лба, уздечка, подбородокъ, верхняя часть головы, узенькое кольцо вокругъ глазъ, виски, область уха, широкая полоса по бокамъ шеи, а также и вся верхняя сторона у него — черныя. Передняя часть головы бѣлая съ желтоватымъ оттѣнкомъ; темя и затылокъ обыкновенно ярко-красныя; нижняя часть щекъ вплоть до ушной области, бока шеи и нижняя часть горла — бѣлыя, послѣдняя съ соломенно-желтымъ оттѣнкомъ. Зобъ и грудь черныя съ бѣлыми продольными пятнами; прочія нижнія части бѣлыя, а на бокахъ и на нижнихъ покровныхъ перьяхъ хвоста вдоль стволонъ перьевъ тянутся еще узенькія черныя полоски. Надхвостье, верхнія покровныя перья хвоста и большія маховыя перья, начиная со втораго, у основанія также бѣлыя. Глаза коричневыя, клювъ черный, ноги желтовато-сѣрыя. У самки только на затылкѣ широкая поперечная ярко-красная полоса.

Родина калифорнскаго дятла находится въ прибрежныхъ земляхъ Тихаго океана, начиная отъ Калифорніи къ югу до центральной Америки. «Калифорнскій дятель», говоритъ Германъ, «наиболѣе обыкновенный и крикливый изъ всѣхъ дятловъ Калифорніи. Съ самой верхушки дерева, гдѣ онъ имѣетъ обыкновеніе сидѣть, онъ вдругъ устремляется внизъ вслѣдъ за какимъ-нибудь насѣкомымъ и, поймавъ его, возвращается на свое прежнее мѣсто, а черезъ нѣсколько минутъ уже снова охотится точно такимъ-же образомъ. Осенью-же онъ весьма усердно занимается выдалбливаньемъ въ корѣ дубовъ и сосенъ небольшихъ дырочекъ, въ которыя онъ вкладываетъ желуди. Въ каждой такой дыркѣ помѣщается одинъ желудь, который

бивается такъ плотно, что его только съ трудомъ можно вытащить оттуда. Иногда кора какого-нибудь хвойнаго дерева выглядит такъ, точно она густо усажена бронзовыми гвоздями. Желуди эти собираются въ огромныхъ количествахъ, и ими питаются во время зимы не только дятлы, но также и бѣлки, мыши, сивоворонки и пр., которыя сильно грабятъ эти запасы».

Келли пополняетъ еще эти свѣдѣнія. «Сдирая однажды кору съ дерева», говоритъ онъ, «я замѣтилъ, что она была вся продырявлена. Дырки были больше тѣхъ, которыя получаютъ отъ обыкновенной винтовочной пули и такія правильныя, какъ будто ихъ дѣлали при помощи линейки и циркуля. Многія изъ нихъ были весьма тщательно наполнены желудями. Я и прежде замѣчалъ подобныя дырки на большинствѣ мягкихъ деревьевъ, но думалъ, что ихъ продѣлываетъ какое-нибудь насѣкомое и не давалъ себѣ труда разсмотрѣть ихъ повнимательнѣе. Но увидѣвши, что въ нихъ сидятъ какъ бы плотно вколоченные желуди, которыхъ не могъ занести туда вѣтеръ, я сталъ искать причину этого. Одинъ изъ моихъ пріятелей объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло, указавъ мнѣ на цѣлую стаю дятловъ, дѣятельно занимавшихся собираніемъ своихъ зимнихъ запасовъ. Я заключилъ отсюда, что эта умная птица не всегда долбитъ безъ толку, но проводитъ лѣто въ выдалбливаніи отверстій, въ которыя она вкладываетъ свои зимніе запасы; здѣсь дурная погода не можетъ ни попортить ихъ, ни сдѣлать недоступными для дятловъ. Я часто вблизи наблюдалъ этихъ птицъ, какъ онѣ, держа въ клювѣ желудь, кружились около дерева, то прицѣпляясь къ нему, то летая, и удивлялся той ловкости, съ которой онѣ пытались воткнуть свой желудь то въ одно, то въ другое отверстіе, пока не находили наиболѣе подходящее. Дятлы втыкали желудь острымъ концомъ и затѣмъ очень искусно вколачивали его клювомъ; потомъ они снова улетали за другимъ желудемъ. Дѣятельность этихъ дятловъ покажется еще замѣчательнѣе, если принять въ соображеніе, что они выбираютъ только совершенно здоровыя и полныя желуди. Человѣкъ, собирающій желуди для того, чтобы жарить ихъ, всегда набираетъ при этомъ массу пустыхъ и негодныхъ, такъ какъ часто самыя гладкіе и красивые желуди содержатъ внутри большого червяка; даже самый проныцательный индѣецъ, несмотря на всю свою хитрость и опытность, часто ошибается при выборѣ желудей; между тѣмъ въ числѣ тѣхъ, которые мы вытаскивали изъ коры дерева, не оказалось ни одного хоть сколько-нибудь испорченнаго. Когда дятлы начинаютъ заниматься собираніемъ желудей, то это считается признакомъ того, что скоро выпадетъ снѣгъ. Пока нѣтъ снѣга, они не трогаютъ приготовленныхъ запасовъ; они принимаютъ за нихъ только тогда, когда валяющіеся на землѣ желуди покроются снѣгомъ; тогда они направляются къ своимъ кладовымъ и выклеиваютъ ядра желудей, не вытаскивая скорлупы изъ отверстія. Для устройства подобныхъ кладовыхъ дятлы всего охотнѣе выбираютъ кору сосенъ, вслѣдствіе ея толщины и мягкости».

Оригинальной привычкѣ калифорнскаго дятла устраивать себѣ запасы давали конечно весьма различныя толкованія, тѣмъ болѣе, что не всюду, гдѣ водится эта птица, ей приходится заботиться объ обезпеченіи себя пищей на голодное зимнее время. Я не буду останавливаться здѣсь надъ разными объясненіями,мышленными по этому поводу, и замѣчу только, что твердо установленъ тотъ фактъ, что этотъ дятель возвращается зимой къ своимъ кладовымъ и поѣдаетъ находящіяся въ нихъ запасы. Изъ всѣхъ, доказывающихъ это, наблюденій наиболѣе замѣчательны и интересны тѣ, которыя сдѣлалъ въ Мексикѣ Соссюръ и которыя были вполнѣ подтверждены Сумихрастомъ. Соссюръ ошибался только, думая что онъ наблюдалъ мѣднаго дятла, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ онъ имѣлъ пе-

редь собой калифорнского дятла. Поэтому читатель долженъ имѣть въ виду, что все нижеслѣдующее относится къ этому послѣднему дятлу, такъ какъ мы помѣщаемъ здѣсь сообщеніе Соссюра безъ всякихъ измѣненій.

«Спустившись съ Кофрѣ-де-Перотѣ», рассказываетъ этотъ изслѣдователь, «я отправился на одинъ потухшій вулканъ, носящій имя Пизарро. Эта оригинальная конусовидная гора, возвышающаяся надъ равниной Перотѣ, словно островъ, выступающій со дна моря, возбуждаетъ удивленіе всѣхъ путешественниковъ правильностью и красотой своихъ очертаній. Когда-же приблизился къ ней и пытаешься взлѣзть наверхъ по крутымъ склонамъ этого конуса изъ лавы, то бываешь чрезвычайно пораженъ видомъ своеобразной растительности, покрывающей шлаковую почву горы. Влѣдная зелень, казавшаяся издали лѣсомъ, на самомъ дѣлѣ состоитъ изъ множества маленькихъ агавъ, у которыхъ ширина пучковъ листьевъ равняется приблизительно 1 м., а поперечникъ цвѣточныхъ стеблей достигаетъ 5—8 см. Мѣстами среди различныхъ видовъ артишоковъ, также пробивающихся сквозь бѣлый песокъ, большая юкка бросаетъ свою жалкую тѣнь на сѣро-голубыя массы трахита и одна замѣняетъ деревья, представляющія здѣсь рѣдкое явленіе.

«Эта безводная пустыня, не оживляемая, повидимому, ни однимъ живымъ созданіемъ, производила на меня глубокое впечатлѣніе; но вдругъ вниманіе мое было привлечено множествомъ дятловъ, единственныхъ обитателей этой пустынной мѣстности. Всякій странствующій по мертвой пустынѣ всегда ощущаетъ особую радость, снова увидавъ жизнь, и я давно уже не испытывалъ подобнаго удовольствія. Вскорѣ я убѣдился, что въ этихъ мѣстностяхъ царитъ мѣдный дятель, такъ какъ, хотя встрѣчались и другіе виды, но онъ былъ безусловно преобладающимъ. Всѣ эти птицы, какъ большія, такъ и малыя, находились въ постоянномъ движеніи, и во всемъ лѣсу агавъ царствовали оживленіе и дѣятельность, совершенно необычныя. Уже одно такое скопленіе дятловъ на одномъ мѣстѣ казалось страннымъ, такъ какъ природа одарила этихъ птицъ любовью къ одиночеству и приучила ихъ къ такому образу жизни, который подъ угрозой голода не допускаетъ совмѣстной жизни. Заинтересованный открывшимся передо мной зрѣлищемъ, я спрятался въ неособенно гостеприимной тѣни юкки, чтобы наблюдать за всѣмъ тѣмъ, что здѣсь происходитъ.

«Въ скоромъ времени загадка разрѣшилась. Дятлы летали съ одного мѣста на другое, прицѣплялись къ каждому растенію и затѣмъ почти моментально удалялись. Всего чаще ихъ можно было видѣть на цвѣточныхъ стебляхъ агавъ; они долбили здѣсь одну минуту, стуча по нимъ своимъ острымъ клювомъ, а затѣмъ тотчасъ-же перелетали на стволъ юкки, гдѣ снова принимались за ту же работу, потомъ опять они возвращались къ агавамъ и т. д. Вслѣдствіе этого я приблизился къ агавамъ, рассмотрѣлъ ихъ стебли и нашель, что они были продырявлены какъ рѣшето и притомъ такъ, что отверстія были расположены неправильно одно надъ другимъ. Отверстія эти очевидно находились въ связи съ внутренними пустотами; поэтому я тотчасъ-же срубилъ такой цвѣточный стебель, чтобы разрѣзать его и осмотрѣть внутри, но каково было мое удивленіе, когда я нашель въ немъ настоящую кладовую, наполненную питательными веществами! Мудрая предусмотрительность, заставляющая искусную птицу выбирать именно это растеніе, и ловкость, съ которою она наполняетъ эту кладовую, вполне заслуживаютъ подробнаго описанія.

«Отцвѣтшая агава умираетъ и высыхаетъ, но стебель ея еще долгое время продолжаетъ стоять, представляя вертикальный столбъ, наружный слой котораго

твердѣть при высыханіи, тогда какъ сердцевина мало-по-малу исчезаетъ, оставляя внутри стебля трубку, идущую по всей длинѣ его. Этой то трубкой и пользуется дятель для храненія въ ней запасенной имъ пищи. Припасы состоятъ изъ желудей, которые птица складываетъ на зиму въ эти естественныя кладовыя. Срединная трубка стебля агавы какъ разъ достаточно широка, чтобы пропускать желуди по одиночкѣ, такъ что они укладываются все въ рядъ одинъ на другой, точно шарики четокъ. Если расколоть такую трубку вдоль, то оказывается, что она содержитъ внутри какъ бы столбикъ изъ желудей; впрочемъ, они не всегда складываются здѣсь такъ правильно, такъ какъ у больниихъ агавъ срединная трубка бываетъ сравнительно широка, и тогда желуди лежатъ въ ней уже не въ такомъ порядкѣ. Но какимъ же образомъ ухитряется птица наполнить свою кладовую, отъ природы замкнутую со всеѣхъ сторонъ?

«Ударами клюва дятель продалбливаетъ въ нижней части ствола небольшое круглое отверстіе, доходящее до срединной трубки. Онъ пользуется этой дыркой, чтобы просовывать черезъ нее желуди, покуда они не наполнятъ находящейся ниже ея части трубки. Затѣмъ онъ продалбливаетъ второе отверстіе нѣсколько выше и наполняетъ черезъ него ту часть трубки, которая расположена между обоими продѣланными имъ отверстіями. Потомъ онъ принимается за третью дырку еще выше и продолжаетъ такимъ образомъ до тѣхъ поръ, пока не влѣзетъ по стволу на такую высоту, гдѣ срединная трубка становится уже настолько узкой, что въ ней болѣе не можетъ уместиться желудь. Нужно имѣть въ виду, что трубка эта не настолько широка и чиста внутри, чтобы желуди могли падать внизъ, благодаря своей собственной тяжести; птица принуждена вталкивать ихъ туда и, несмотря на всю свою ловкость при этой работѣ, ей удается вдвинуть ихъ туда обыкновенно не болѣе, какъ на глубину 2—5 см. Поэтому, желая наполнить весь стволъ отъ основанія до верхушки, она вынуждена продалбливать въ немъ дырки на очень близкихъ разстояніяхъ другъ отъ друга. Работу эту дятель, впрочемъ, не всегда исполняетъ съ одинаковой правильностью. Есть много агавовыхъ стволовъ, сердцевина которыхъ еще настолько цѣла, что въ нихъ почти нѣтъ срединной трубки. Въ такихъ случаяхъ дятлу приходится прибѣгать къ другому способу, чтобы сохранить свои запасы желудей. Не находя готового вмѣстилища, ему самому приходится сдѣлать его. Съ этой цѣлью онъ продѣлываетъ для каждаго желудя, который хочетъ спрятать, отдѣльную дырку и вкладываетъ его въ сердцевину, выдалбливая здѣсь для этого достаточно широкое отверстіе. Вслѣдствіе этого встрѣчается много стволовъ, въ которыхъ все желуди все сложены въ одну общую трубку, а каждый изъ нихъ лежитъ въ отдѣльной дыркѣ, которыми усыяна вся поверхность ствола. Такая работа очень тяжела и она сильно утомляетъ птицу; ей приходится усердно работать, чтобы устроить подобную кладовую. Зато тѣмъ легче она можетъ пользоваться ею впоследствии. Ей уже нѣтъ надобности въ такомъ случаѣ отыскивать свою пищу, разламывая предварительно съ большимъ трудомъ цѣлый слой древесины; стоитъ только всунуть острый клювъ въ одно изъ отверстій, чтобы вытащить оттуда готовый обѣдъ.

«Замѣчательно не одно только терпѣніе, выдаваемое дятлами при наполненіи кладовыхъ; еще большаго удивленія заслуживаетъ та неутомимость, которую они обнаруживаютъ при добываніи себѣ желудей. Гора Пизарро возвышается среди пустыни, покрытой пескомъ и лавой, на которыхъ не могутъ произростать дубы, и для меня было совершенно непонятно, откуда птицы эти добываютъ свои запасы желудей; имъ, вѣроятно, приходится летать для этого за нѣсколько миль, можетъ быть до склоновъ Кордильеро́въ.

«Такимъ сложнымъ и чуднымъ способомъ природа защищаетъ этихъ дятловъ отъ всѣхъ ужасовъ голода въ пустынной странѣ въ теченіи 6-ти мѣсячной зимы, когда небо постоянно ясно, и солнце иссушиваетъ всѣ растенія. Засуха, подобно нашему холоду, ведетъ за собой вымираніе всякой растительности, и единственные, противищіяся ей, совершенно сухія, кожистыя растенія саванны не доставляютъ пищи ни одному изъ тѣхъ насѣкомыхъ, которыми можетъ питаться дятель. Не будь описанныхъ нами кладовыхъ, нашей птицѣ пришлось-бы или улѣтѣть или умереть съ голоду.

«Дѣло происходило въ апрѣлѣ, т. е. на пятомъ или шестомъ мѣсяцѣ суроваго времени года, и дятлы были заняты вытаскиваніемъ желудей изъ своихъ кладовыхъ. Все заставляетъ думать, что пищей имъ служатъ самые желуди, а не маленькіе червячки, которые иногда могутъ попадаться въ нихъ. Самый способъ ихъ ѣды не менѣ замѣчательнъ, чѣмъ все то, что мы описывали до сихъ поръ. Дятлу трудно схватить своими большими ногами гладкій, кругловатый желудь; чтобы укрѣпить его на чемъ-нибудь и затѣмъ разбить его клювомъ, птица опять прибѣгаетъ къ очень искусной уловкѣ. Она продалбливаетъ въ корнѣ сухихъ стволовъ юкки дырку, какъ разъ такой величины, чтобы туда можно было всунуть тонкій конецъ желудя, но чтобы толстая его часть не проходила въ нее; птица втыкаетъ желудь въ эту дырку и затѣмъ вгоняетъ его глубже своимъ клювомъ, словно втулку. По укрѣпленному такимъ образомъ плоду дятель колотитъ клювомъ и чрезвычайно легко разбиваетъ его, такъ какъ съ каждымъ ударомъ онъ вгоняетъ этотъ желудь все глубже и плотнѣе. Поэтому то стволы многихъ юккъ продырявлены точно такъ же, какъ и стебли агавъ. Когда дерево засыхаетъ, то кора нѣсколько отстаетъ отъ ствола, такъ что между ней и древесиной остается довольно большое пространство, которое, подобно пустотамъ стволовъ агавы, также можетъ служить кладовой. Наши птицы сейчасъ-же пользуются этимъ, продалбливаютъ отверстія въ засохшей корѣ и вталкиваютъ желуди между ней и древесиной. Впрочемъ такой способъ сохраненія запасовъ, повидимому, не особенно нравится имъ, что объясняется довольно легко: пространство между корой и древесиной бываетъ обыкновенно чрезчуръ велико и вслѣдствіе этого желуди часто падаютъ на дно такой естественной кладовой, откуда дятлу бываетъ потомъ невозможно достать ихъ. Приподнимая продырявленные куски коры, я обыкновенно находилъ подъ ними только соскользнувшіе внизъ остатки тѣхъ желудей, которые дятлы расклеивали черезъ продѣланные ими въ корѣ дырки; цѣлые же желуди попадались здѣсь очень рѣдко.

«Все описанное нами выше вполне заслуживаетъ вниманія. Передъ нами птица, собирающая запасы на зиму. Она издалека добываетъ пищу, вообще непривычную для птицъ ея породы и переноситъ ее въ другія мѣстности, туда, гдѣ находится растеніе, служащее ей кладовой. Она прячетъ эту пищу не въ дуплистыя деревья, не въ расщелины скаль или углубленія въ землѣ,—словомъ не въ тѣ мѣста, которыми ей было бы, повидимому, всего натуральнѣе воспользоваться, а въ узкія трубки, которыя скрыты внутри стеблей растеній, что оказывается ей извѣстнымъ. Птица открываетъ себѣ доступъ къ этимъ трубкамъ, пробивая окружающую ихъ древесину, накладываетъ въ нихъ въ строжайшемъ порядкѣ свои припасы и предохраняетъ ихъ, такимъ образомъ, отъ порчи, такъ какъ желуди не гниютъ здѣсь отъ сырости и въ то же время находятся въ полной безопасности отъ крысъ и зерноядныхъ птицъ, неспособныхъ разрушить защищающій ихъ толстый слой древесины.

«Многіе меньшіе виды дятловъ также населяютъ саванну Пизарро, но мнѣ не удалось узнать, занимаются ли они тѣмъ-же. Въ извѣстной мѣстности на

горѣ можно было встрѣтить безчисленное множество сухихъ стеблей агавы, превращенныхъ въ кладовыя. Это былъ главный складъ съѣстныхъ припасовъ, устроенный здѣсь благодаря скопленію множества дятловъ въ этой мѣстности. Весьма вѣроятно, что эти птицы собираются во время сухого времени года въ мѣстностяхъ, густо поросшихъ агавами, гдѣ ими запасена нища на это время; съ началомъ-же дождливаго времени разлетаются по равнинамъ, охотясь за насѣкомыми, которыхъ онѣ могутъ находить тогда вдоволь».

По поводу этого прекраснаго описанія, взятаго у Соссюра, Маршалъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія. «При ознакомленіи съ этими удивительными наблюденіями неизбѣжно возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ у всякаго мыслящаго чело-вѣка, недовольствующагося одними голыми фактами. Какимъ образомъ приобрѣла эта птица свои познанія относительно свойствъ стволонъ засохшихъ агавъ,—познанія, казалось-бы, совершенно недоступныя уму животнаго? Что заставляетъ ее устраивать свои кладовыя такъ далеко отъ своего первоначальнаго мѣстожительства? Я попытаюсь отвѣтить на эти, еще не разрѣшенные вопросы, хотя и знаю, что отвѣты мои могутъ оказаться совершенно невѣрными. Мы знаемъ, что калифорнскій дятель всюду, гдѣ бы онъ ни встрѣчался, обнаруживаетъ наклонность собирать на зиму запасы. Наклонность эта не могла, конечно, исчезнуть у него и въ Мексикѣ, одной изъ наиболѣе богатыхъ дубами странъ. Но чрезвычайное обиліе дубовъ въ этой странѣ вызвало здѣсь—вѣдь въ природѣ между всѣми явленіями существуетъ чудесное взаимодействіе—такое быстрое размноженіе бѣлокъ, что Мексика должна быть отнесена къ числу мѣстъ земнаго шара, наиболѣе изобилующихъ этими милovidными грызунами. Вслѣдствіе своей многочисленности, эти животныя, питающіяся почти исключительно желудями, явились для дятловъ весьма опасными и къ тому же довольно безсовѣстными конкуррентами, очень плохо умѣющими отличать «свое» отъ «чужого». Они при всякой возможности воровали у дятловъ собранные ими съ величайшимъ трудомъ припасы, точно такъ-же, какъ наши бѣлки грабятъ зимніе запасы поползней. Это заставило дятловъ, для которыхъ при ихъ способности летать, небольшое путешествіе не могло представить особенныхъ неудобствъ, поискать мѣсть, удобныхъ для устройства ихъ кладовыхъ, въ тѣхъ болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ, которыя были застрахованы отъ посященій этихъ безсовѣстныхъ воровъ. При своихъ поискахъ они, вѣроятно, залетали и на негостеприимные склоны и здѣсь обратили вниманіе на юкку, которая оказалась какъ разъ пригодной для ихъ цѣлей, по крайней мѣрѣ, какъ сообщаетъ Соссюръ, они и теперь пользуются изрѣдка для складыванія своихъ запасовъ промежуткомъ, существующимъ иногда между корой и сердцевинной этого растенія. Однако, повидимому, они дѣлаютъ это не особенно охотно, такъ какъ часто желуди при этомъ опускаются внизъ по щели, проскальзываютъ на самое дно ея и такимъ образомъ пропадаютъ для дятловъ. Вѣроятно, пробуя разбивать желудь, какой-нибудь дятель—вѣдь они лазаютъ рѣшительно всюду, гдѣ только возможно—избралъ вмѣсто коры южки стѣбель агавы, чтобы выдолбить отверстіе для защемленія въ немъ желудя. При вталкиваніи въ это отверстіе желудь проникъ въ срединную трубку стебля агавы и исчезъ въ ней и такимъ образомъ секретъ этого растенія былъ открытъ дятлами, а такъ какъ они издавна умѣли пользоваться разными пустотами для сохранения въ нихъ своихъ запасовъ,—къ чему они приспособлялись въ теченіи многихъ поколѣній,—то они, конечно, не преминули впредь пользоваться съ той же цѣлью узнанной ими особенностью агавы; влослѣдствіи же эта привычка, приобрѣтенная калифорнскими дятлами извѣстной мѣстности, стала передаваться по наслѣдству и превратилась у нихъ въ инстинктъ».

Не останавливаясь надъ незначительнымъ подсемействомъ гладкоклювыхъ дятловъ, мы прямо перейдемъ къ подсемейству **Пестрыхъ дятловъ** (*Dendrocopinae. Buntspechte. Pica multicolors*), заключающему 150 видовъ и отличающемуся наиболѣе типичной для дятловыхъ птицъ формой клюва.

* ^

Первымъ родомъ этого семейства считаются **Черные дятлы** (*Dryocopus, Schwarzspechte. Pica noirs*); къ нимъ принадлежатъ самые крупные и сильные виды, отличающіеся черной окраской и опереніемъ головы, часто образующимъ хохолъ. Большинство видовъ живетъ въ Америкѣ. Здѣсь они встрѣчаются во всѣхъ частяхъ; въ Старомъ-же Свѣтѣ представителями ихъ являются только одинъ европейскій видъ и нѣсколько индійскихъ, впрочемъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ уже значительно уклоняющихся отъ остальныхъ.

Наша **Желна, Черный дятель**, (*Dryocopus martius, pinetorum* и *alpinus, Pica-martius, Dendrocopus martius* и *niger, Dryopicus, Dryotomus* и *Carbonarius martius. Schwarzspecht. Grand pic noir*) имѣетъ однородную матово-черную окраску; только верхняя часть головы яркая кармино-красная. Этотъ цвѣтъ занимаетъ у самца верхнюю часть головы, у самки-же онъ ограничивается однимъ мѣстомъ на затылкѣ. Глаза матоваго сѣрно-желтаго цвѣта съ блѣдно-аспидно-синимъ кончикомъ; ноги — свинцово-сѣрыя; клювъ жемчужно-сѣрый. Молодые птицы очень мало отличаются отъ старыхъ. Въ длину онѣ имѣютъ 47—50 см., размахъ крыльевъ 72—75 и длина хвоста 18 см.

Вся Европа, насколько она покрыта лѣсами, и Азія до сѣверныхъ склоновъ Гиммалайскихъ горъ могутъ считаться родиной желны. Въ Германіи въ настоящее время она встрѣчается въ Альпахъ и средне-германскихъ горахъ какъ-то: въ Богемскихъ, Исполиновыхъ и Рудныхъ, въ Фихтельгебирге, въ Франконскомъ и Тюрингенскомъ лѣсу, въ Рейнскихъ горахъ, на Гарцѣ, Спессартѣ, Таунусѣ, Шварцвальдѣ и Вогезахъ, а также въ обширныхъ лѣсахъ Сѣверогерманской равнины. Боргрреве считаетъ Эльбу западной границей области распространенія чернаго дятла въ Германіи; но это невѣрно. У меня самого были живые птенцы изъ окрестностей Целле, и я имѣю достовѣрныя свѣдѣнія, что птица эта водится въ южномъ Ольденбургѣ т. е. по ту сторону Везера. Этотъ изслѣдователь упоминаетъ только мелькомъ о Тюрингіи, которую онъ однако вполне опредѣленно отнесъ къ числу изученныхъ имъ областей; такимъ образомъ онъ, повидимому, совсѣмъ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что именно здѣсь и были произведены наиболѣе подробныя наблюденія надъ образомъ жизни черныхъ дятловъ, и что эти дятлы и до сихъ поръ не вымерли еще здѣсь. Если же мы и обратимъ вниманіе не на одну только небольшую область, на которую указываетъ Боргрреве, то убѣдимся, что дѣйствительность далеко не соответствуетъ тому, что утверждаетъ этотъ изслѣдователь. На юго-западѣ, а также и на востокѣ Германіи желна встрѣчается рѣшительно во всякомъ значительномъ лѣсу. Для большей опредѣленности я упомяну, что по сообщенію Шалова, она еще и теперь въ одиночку попадаетъ въ большихъ лѣсахъ Бранденбурга, даже по близости Берлина. По сообщенію Мейеринка, желна встрѣчается въ лѣсахъ Летцлингеръ, Рейнгардтъ и во всѣхъ сосновыхъ лѣсахъ восточной Помераніи; Пехуаль-Леше встрѣчалъ ее въ Ангальтѣ особенно въ окрестностяхъ Цербста, Гомейеръ въ лѣсахъ западной и восточной Пруссіи, другой Гомейеръ въ лѣсу, принадлежащемъ городу Герлицъ, а Либс въ большихъ лѣсахъ

восточнаго Альтенбургскаго округа; я самъ видалъ черныхъ дятловъ во владѣльческихъ лѣсахъ западнаго Альтенбургскаго округа и по-одиночно встрѣчалъ ихъ во всѣхъ такихъ же лѣсахъ Помераніи. Въ Голландіи относительно этихъ птицъ до сихъ поръ нѣтъ никакихъ наблюденій, а въ Великобританіи онѣ несомнѣнно нигдѣ не встрѣчаются; въ сѣверной Франціи также врядъ-ли найдутся мѣстности, представляющія подходящія условия для ихъ существованія. Зато на югѣ и востокѣ Франціи желны встрѣчаются, точно также и на трехъ южныхъ полуостровахъ Европы. На югѣ онѣ, правда, становятся уже болѣе рѣдкими, однако ихъ можно еще увидать вездѣ по южному склону Альпъ; какъ сообщаетъ Лессонъ и графъ Сальвадори, онѣ попадаютъ здѣсь преимущественно на горныхъ кряжахъ направляющихся изъ Швейцаріи и Тироля къ Италіи, т. е. въ южныхъ частяхъ Тироля и Швейцаріи. Эти дятлы живутъ на Пиренеяхъ, на Иберійскомъ полуостровѣ, по крайней мѣрѣ до Сиерры Гвадираны, находящейся въ сѣверной части Мадридской провинціи, а также и въ Греціи, а по словамъ Крюпера встрѣчаются даже часто въ лѣсахъ, растущихъ на довольно значительныхъ высотахъ по склонамъ Парнаса, Велухи и Олимпа. Кромѣ того они населяютъ всѣ лѣса Балкановъ, Карпатовъ и Трансильванскихъ Альпъ и распространяются отсюда къ востоку по всей Россіи, Сибири и Сѣверному Китаю, а иногда попадаютъ даже на Сахалинъ и въ Японію. Сѣверную границу ихъ области распространенія въ Европѣ составляетъ полярный кругъ, а въ Азіи 62° с. ш.; южнѣе же поименованныхъ нами выше мѣстностей южной Европы они врядъ ли встрѣчаются. Мнѣ неизвѣстно, водятся ли черные дятлы на Кавказѣ. Наконецъ утвержденіе прежнихъ орнитологовъ, что будто эти дятлы живутъ также и въ Персіи, послѣ изслѣдованій Блэнфорда и Сень-Джонса, повидимому, должно быть сочтено невѣрнымъ.

Желна поселяется въ большихъ, непрерывно тянущихся лѣсахъ, по возможности въ такихъ, гдѣ ее не беспокоятъ люди и гдѣ хоть изрѣдка попадаютъ высокія и толстыя деревья. Такъ какъ любимая ея пища рыжіе муравьи, то она предпочитаетъ хвойные лѣса лиственнымъ, хотя попадаетъ и въ послѣднихъ, особенно въ буковыхъ лѣсахъ. Чѣмъ болѣе дикъ и непроходимъ лѣсъ, тѣмъ пріятнѣе это для желны и, наоборотъ, чѣмъ лучше онъ расчищенъ, тѣмъ неохотнѣе поселяется она въ немъ, хотя и тутъ, конечно, могутъ быть исключенія. Горные лѣса Альпъ, въ которыхъ если не невозможно, то по крайней мѣрѣ очень трудно вести правильное лѣсное хозяйство, и обширные, непрерывно тянущіеся на огромныя разстоянія лѣса Скандинавскаго полуострова, Россіи и Сибири, въ которыхъ бури и пожары производятъ большія опустошенія, чѣмъ топоръ дровосѣка, представляютъ собою любимое мѣстопробываніе этихъ дятловъ.

Какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ нашей части свѣта они избѣгаютъ человѣка и потому только въ исключительныхъ случаяхъ показываются вблизи населенныхъ мѣстностей; но и они, гдѣ это возможно, съ благодарностью пользуются оказываемымъ имъ покровительствомъ и иногда даже живутъ въ удивительно дружескихъ отношеніяхъ съ особенно благосклонными къ нимъ людьми. Какъ сообщаетъ мнѣ Либе, въ Франконскомъ лѣсу герцогства Рейсъ, по приказанію владѣтельнаго князя, не только щадятъ этихъ дятловъ, но даже до извѣстной степени заботятся о нихъ, оставляя кое-гдѣ въ лѣсахъ старыя негодныя деревья, особенно клены и ели. «Здѣсь жилъ, среди роскошнаго стараго лѣса, въ уединенномъ охотничьемъ замкѣ Егереру, одинъ лѣсникъ, умѣвшій замѣчательно подражать крику черныхъ дятловъ и такимъ образомъ подманивать ихъ къ себѣ; онъ разсыпалъ по досчатой крышѣ одного сарая мучныхъ червей, личинокъ, точащихъ дерево и т. п. насѣкомыхъ и кормилъ ими этихъ птицъ». Тотъ, кто знакомъ съ чернымъ дятломъ

пойметъ, что значить такая довѣрчивость съ его стороны. Та самая птица, которая повсюду обыкновенно со страхомъ улетаетъ, завидѣвъ человѣка,—сознавши, что ей оказываютъ покровительство, не боится летать въ непосредственной близости людскихъ жилищъ.

Желна больше всякой другой птицы приходится страдать отъ недостатка удобныхъ жилищъ. Въ наше время уже мало встрѣчается такихъ толстыхъ деревьевъ, какія нужны ей для устройства помѣщенія, въ которомъ она могла бы почевать и высиживать яйца, и потому эта птица совершенно исчезла изъ многихъ мѣстностей, гдѣ прежде ее можно было видѣть очень часто. Еще съ полвѣка тому назадъ, какъ говоритъ Либс, дятлы эти выводили птенцовъ въ большихъ лѣсахъ близъ Геры; въ настоящее-же время они покинули эту мѣстность. Одно хорошее дуплистое дерево можетъ привязать дятла къ извѣстной мѣстности, но онъ переселяется изъ нея, какъ только это дерево срубить; впрочемъ, онъ снова появится въ этой мѣстности, какъ только деревья, растущія въ ней, достигнутъ такой толщины, что ему станетъ возможнымъ снова устроить себѣ здѣсь удобное жилище. Изъ одного хорошо извѣстнаго мѣста еще съ дѣтства лѣса, находящагося вблизи Рентендорфа, откуда я родомъ, черный дятель совершенно исчезъ еще въ 30-хъ годахъ и въ теченіи почти 40 лѣтъ ни одного изъ нихъ не приходилось видѣть, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они залетали въ эту мѣстность во время своихъ кочевокъ. Но къ великому моему удовольствію, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ они снова поселились здѣсь въ томъ самомъ лѣсу, въ которомъ мой отецъ производилъ надъ ними свои наблюденія, которыя еще и до сихъ поръ считаются наиболѣе обстоятельными: въ этомъ лѣсу велось правильное лѣсное хозяйство, и къ тому времени, о которомъ я говорю, въ немъ многія деревья достигли уже того возраста, когда дятель съ удобствомъ можетъ устроить въ нихъ свое жилье.

Во всѣхъ тѣхъ лѣсахъ, гдѣ желна выводитъ птенцовъ, она живетъ изъ году въ годъ въ одномъ и томъ-же очень небольшомъ районѣ: пространство гектаровъ въ 600 для нея вполне достаточно. Парочка желнъ ни за что не потерпитъ, чтобы въ предѣлахъ ея района поселилась другая такая-же пара и, подобно другимъ дятламъ, изгоняетъ изъ него даже своихъ собственныхъ птенцовъ, когда они подрастутъ. Эти то молодые птенцы и бывають вынуждены отправляться въ дальнія странствованія или по-крайней мѣрѣ перекочевывать съ мѣста на мѣсто, и они то иногда заселяютъ снова такіе лѣса, которые прежде были совершенно покинуты этимъ видомъ дятловъ. Если парочка ихъ поселится въ такомъ лѣсу, то сначала они кочуютъ въ немъ, перелетая на значительныя разстоянія, но мало по малу районъ этихъ кочевокъ все суживается и наконецъ они довольствуются пространствомъ лѣса въ 100—150 гектаровъ.

Поведеніе желны, которую народное преданіе ставитъ въ связь съ чудодѣйственною разрывъ травой, впервые было подробно описано моимъ отцомъ, и съ тѣхъ поръ мы не приобрѣли въ этомъ отношеніи почти никакихъ новыхъ свѣдѣній. Поэтому въ дальнѣйшемъ я и буду придерживаться даннаго моимъ отцомъ описанія. Наша желна чрезвычайно рѣзвая, быстрая на лету, пугливая, ловкая и сильная птица. Ее видишь то въ одномъ мѣстѣ лѣса, то въ другомъ, и, перелетая такимъ образомъ съ мѣста на мѣсто, она успѣваетъ облетѣть весь свой районъ часто въ очень короткое время. Объ этомъ можно съ достовѣрностью судить по ея крику, который, въ теченіи нѣсколькихъ минутъ, раздастся изъ весьма различныхъ мѣстъ. Обыкновенно она издаетъ три звука, два на лету и одинъ, сидя; первые звучатъ вродѣ «кирр кирр», второй-же какъ односложное, протяжное «кляю» или «кля, кля кля». Близъ гнѣзда она издаетъ еще и другіе звуки. По-

леть этого дятла значительно отличается отъ полета другихъ его родичей; онъ летитъ не до такой степени толчками или по восходящимъ и нисходящимъ линиямъ, какъ другіе дятлы, а по слегка волнообразной линіи, почти прямо впередъ, причемъ широко раскрываетъ крылья и сильно машетъ ими, такъ что кажется, будто кончики маховыхъ перьевъ загибаются, вродѣ того, какъ у орѣховки. Вообще полетъ желны спокойнѣе и, повидимому, утомляетъ ее менѣе, чѣмъ другихъ дятловъ; поэтому, когда она летитъ, то слышится не похожій на жужжаніе звукъ, а какое-то особенное гудѣніе, которое, по словамъ Наумана, особенно ясно бываетъ слышно при пасмурной, сырой погодѣ. Хотя желна и неохотно летитъ далеко, но иногда она все-же пролетаетъ, не отдыхая по пути, разстоянія километра въ два и болѣе. Летящая желна выглядитъ чрезвычайно красиво, особенно когда слетаетъ съ горы въ глубокую долину. Тогда она выказываетъ всю быстроту своего полета; она устремляется внизъ словно стрѣла и только изрѣдка взмахиваетъ крыльями и то, повидимому, скорѣе для того, чтобы избѣжать попадающихъ ей на пути верхушекъ деревьевъ, чѣмъ для того, чтобы подняться на верхушку одной изъ тѣхъ дугъ, которыя и этотъ дятель описываетъ при полетѣ. Однажды, когда я въ сопровожденіи своихъ кариѣтійскихъ друзей находился въ Караванскихъ горахъ, и всѣ мы любовались разстилавшимся передъ нами роскошнымъ пейзажемъ изъ оконъ охотничьяго домика, расположеннаго на высокой горѣ, мы увидали двухъ летящихъ черныхъ дятловъ; съ очевидно радостными криками они то взлетали наверхъ, то снова спускались и проявляли при этомъ такую удивительную ловкость, которой я никакъ не могъ ожидать отъ этихъ птицъ. По землѣ этотъ дятель прыгаетъ довольно неловко, тѣмъ не менѣе онъ очень часто спускается туда, въ особенности съ цѣлю посѣщенія муравьиныхъ кучъ. Въ лазаніи и долбленіи онъ самый искусный изъ всѣхъ европейскихъ дятловъ. Лазая, онъ всегда, какъ и всѣ его родичи, сразу переставляетъ обѣ ноги, такъ что, собственно говоря, онъ передвигается вверхъ по дереву прыжками и притомъ дѣлаетъ это съ такой силой, что бываетъ ясно слышно, какъ когти его вонзаются въ кору. Иногда, хотя и рѣдко, онъ лазаетъ также по кустарникамъ, но никогда не занимается здѣсь долбленіемъ, какъ онъ это дѣлаетъ на подгнившихъ деревьяхъ, въ которыхъ онъ чуетъ большихъ муравьевъ или личинокъ большой осы. Во время лазанія онъ далеко отставляетъ грудь отъ дерева и отгибаетъ назадъ шею.

Большіе муравьи и ихъ куколки, а также всевозможныя древесныя личинки, особенно личинки вредныхъ жучковъ, живущія въ хвойныхъ деревьяхъ, и самыя эти жучки составляютъ пищу этого дятла. «Мнѣ приходилось вскрывать многихъ», говоритъ мой отецъ, «желудки которыхъ были наполнены большими муравьями». Но особенно любитъ онъ личинки большихъ древесныхъ осъ. Мнѣ случалось находить въ желудкѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ исключительно этихъ личинокъ и еще непереваренные твердыя головки ихъ; кромѣ того, я находилъ еще въ огромныхъ количествахъ мучныхъ червей, короѣдовъ, сосенныхъ жуковъ и рыжихъ муравьевъ съ ихъ куколками. Башкиры, говорятъ, не любятъ этого дятла, потому что онъ, подобно имъ самимъ, отыскиваетъ дикихъ пчелъ и, продалбливая деревья, портитъ дупла, въ которыхъ онѣ живутъ. Бехштейнъ утверждаетъ, что онъ ѣстъ также сѣмена хвойныхъ деревьевъ, орѣхи и ягоды, но позднѣйшія наблюденія не подтверждаютъ этого. Чтобы добраться до древесныхъ осъ или ихъ личинокъ и до точащихъ дерево жучковъ, онъ отщипываетъ большіе куски отъ деревьевъ или отъ иней, а муравьевъ онъ ловитъ точно такъ-же, какъ и муравьѣдъ. Т. е. приклеивая ихъ къ своему липкому языку.

Спариваніе происходитъ, смотря по болѣе или менѣе благоприятной погодѣ, въ первой или второй половинѣ марта. Воспользуясь здѣсь описаніемъ, принадлежашимъ перу моего отца. «Самецъ летаетъ въ это время за самкой съ громкими криками продолженія цѣлой четверти часа и даже дольше и, догнавъ ее или уставъ отъ преслѣдованія, садится на верхушку сухого дерева и начинаетъ тамъ барабанить. Онъ выбираетъ на деревѣ такое мѣсто, удары по которому раздаются наиболѣе звонко; усаживаясь здѣсь, онъ опирается на хвостъ и начинаетъ такъ быстро стучать клювомъ, что отъ этого происходитъ какъ-бы одинъ непрерывный звукъ въ родѣ «эrrrr»; при этомъ быстрыя движенія его красной головы производятъ впечатлѣніе, довольно сходное съ тѣмъ, которое получается, когда быстро машутъ лучинкой съ тѣющимъ на концѣ ея уголькомъ. Во время этого занятія желна бываетъ гораздо менѣе боязлива, чѣмъ обыкновенно, и, чтобы ближе рассмотреть ее, я не разъ подкрадывался подъ дерево, съ котораго раздавались эти звуки. Самка прилетаетъ на этотъ звукъ, который я самъ слышалъ на разстояніи четверти часа ходьбы и отвѣчаетъ иногда крикомъ «клюк-клюк-клюк». Самецъ продолжаетъ барабанить еще и тогда, когда самка сидитъ на яйцахъ».

Въ началѣ апрѣля желны начинаютъ дѣлать приготовленія къ постройкѣ гнѣзда. «Онѣ закладываютъ его въ деревѣ съ выгнувшейся сердцевинной, тамъ, гдѣ есть отверстіе отъ сучка или обломанныя и сгнившія въ серединѣ вѣтви. Здѣсь то самка приступаетъ къ работѣ. Сначала она придѣлываетъ или расширяетъ извнѣ входное отверстіе до тѣхъ поръ, пока станетъ удобно влѣзть и вылѣзть черезъ него. Вслѣдъ за этимъ начинается выдалбливаніе самаго дупла, причѣмъ дятлы проявляютъ немало ловкости и усердія. Это выдалбливаніе весьма затруднительно уже потому, что дятель не имѣетъ достаточно мѣста для того, чтобы размахнуться при ударѣ клювомъ. Мнѣ часто приходилось наблюдать за нимъ во время этой работы. Иногда мѣста такъ мало, что онъ можетъ двигаться всего на какихъ-нибудь 2 см. Тогда удары звучатъ глухо, и выбрасываемыя щепки бываютъ очень малы; но когда дятель расширитъ нѣсколько дупло, то начинаетъ отщеплять гораздо ббльшіе куски. Наибольшія изъ щепокъ, валявшихся около одной слегка подгнившей сосны, въ которой устраивала себѣ жилище желна, достигали 15 см. въ длину, при ширинѣ въ 3 см., но не было такихъ, о какихъ говоритъ Бехштейнъ, т. е. въ 30 см. длиной и 2 см. шириной. Уже для того, чтобы откалывать такія щепки, которыя пришлось видѣть мнѣ, нужна необычайная сила,—какъ-же великъ и силенъ долженъ-бы быть этотъ дятель, если бы онъ откалывалъ такія щепки, о которыхъ говоритъ Бехштейнъ!

«Самка работаетъ надъ гнѣздомъ только въ предобѣденные часы, а послѣ отправляется за пищей. Когда, наконецъ, послѣ 10—14 дневной усиленной работы дупло бываетъ окончено, то обыкновенно оно имѣетъ, считая отъ нижняго края входнаго отверстія, около 40 см. въ глубину и около 15 см. въ поперечникъ, иногда на нѣсколько сантиметровъ больше или меньше. Внутри оно отдѣлано такъ гладко, что нигдѣ не торчитъ ни одной щепки. Дно имѣетъ форму сегмента шара, а не полушарія и все бываетъ покрыто мелкими щепочками. На нихъ, обыкновенно уже въ серединѣ апрѣля, можно видѣть 3—4, рѣже 5 и только очень рѣдко 6 штукъ сравнительно маленькихъ яицъ. Въ длину эти яйца имѣютъ 36—40 м.м., въ ширину 30—32 м.м.; они очень продолговаты, сильно закруглены наверху, вздуты посрединѣ, тупы внизу; скорлупа очень гладкая, блестящаго бѣлаго цвѣта, точно эмалевая».

«Желна старается устроить свое жилище какъ можно выше. Я видѣлъ ея гнѣзда на высотѣ 15—25 м. и только разъ на высотѣ всего 7 м. Въ тѣ

ЧЕРНЫЙ ДЯТЕЛЬ.

1

12

гнѣзда, которыя мнѣ приходилось видѣть, были устроены въ гладкоствольныхъ бухахъ или соснахъ, никогда въ деревьяхъ другихъ породъ. Подобными гнѣздами черныя дятлы пользуются нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ, хотя бы истребили ихъ итенцовъ, и даже подстрѣлили одну изъ взрослыхъ птицъ. Каждый годъ гнѣздо нѣсколько исправляется, т. е. изъ него выбрасывается пометъ, оставшіеся послѣ итенцовъ, и откалывается нѣсколько щепокъ. Этому дятлу черезчуръ утомительно строить новое помѣщеніе; кромѣ того часто не находится и достаточнаго количества удобныхъ деревьевъ, чтобы каждый годъ онъ могъ класть яйца въ новомъ дуплѣ. Вновь выстроенное гнѣздо уже издали можно узнать по множеству щепокъ, валяющихся подъ нимъ на землѣ, часто на пространствѣ около 4 квадр. м.; даже подъ возобновленнымъ гнѣздомъ также валяется обыкновенно нѣсколько щепокъ. Это приложимо ко всемъ дятламъ, и потому, если кто желаетъ найти ихъ гнѣздо, то ему стоитъ только смотрѣть на землю и искать на ней щепки. Бехштейнъ говоритъ, что всего легче открыть гнѣздо, осматривая дуилистыя деревья въ томъ мѣстѣ, гдѣ парочка сильно кричитъ въ мартѣ мѣсяцѣ. Но по моему, поиски эти часто могутъ оказаться безплодными, потому что, какъ я знаю изъ личнаго опыта, дятлы при спариваніи кричатъ часто на разстояніи получаса ходьбы отъ своего гнѣзда, и мнѣ никогда не удавалось найти гнѣздо до тѣхъ поръ, пока щепки, валяющіяся подъ деревомъ, не обращали на себя моего вниманія». Чузи, производившія наблюденія надъ желной въ Нижней Австріи, въ общемъ подтверждаетъ все, сообщенное выше, но замѣчаетъ, что онъ видалъ гнѣзда этого дятла на высотѣ едва 2 м. надъ землей, и что высота въ 4—5 м. можетъ считаться нормальной. Такъ какъ этому изслѣдователю пришлось встрѣтить нѣсколько деревьевъ съ пятью и болѣе дуплами, то онъ заключилъ изъ этого, что желна, въ избранномъ ею деревѣ, почти каждой весной продѣлываетъ по новому дуплу, съ чѣмъ врядъ-ли можно согласиться. Съ своей стороны я прибавлю, что хотя этотъ дятелъ въ Германіи повсюду чаще всего выбираетъ для устройства своего жилища букъ и сосну, однако ему случается поселяться иногда и въ другихъ деревьяхъ. Такъ, Мейерникъ нашелъ гнѣздо въ одномъ дубѣ, а Дыбовскій упоминаетъ, что въ Сибири этотъ дятелъ поселяется въ лиственницахъ. Отверстіе дупла бываетъ чрезвычайно мало сравнительно съ размѣрами самого дятла, такъ что удивительно, какъ онъ можетъ проползать черезъ него, не портя своего оперенія.

Самецъ и самка правильно смѣняются другъ друга во время насидиванія, но самое время этой смѣны нельзя опредѣлить съ точностью. Мой отецъ въ 8 часовъ утра находилъ въ гнѣздѣ самца, сидѣщаго на яйцахъ; но иногда еще и въ 9 часовъ утра онъ видалъ тамъ самку. Несомнѣнно только то, что самецъ насидивается въ обѣденные и послѣобѣденные часы, а самка въ теченіи всей ночи, въ утренніе и вечерніе часы. До чего усердно она занимается тогда своимъ дѣломъ, видно изъ слѣдующаго интереснаго сообщенія Чузи. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одномъ изъ лѣсовъ Нижней Австріи стали рубить старый букъ, въ которомъ сидѣла на яйцахъ желна. Дровосѣки не могли согнать ее, несмотря на стукъ, который они производили своими топорами; только тогда, когда дерево свалилось, птица вылетѣла изъ него цѣлой и невредимой». Вѣроятно многимъ извѣстно, что этого дятла нетрудно поймать, когда онъ сидитъ на яйцахъ. Если у него украдутъ первую его кладку, то онъ,—если только не расширили его входнаго отверстія,—продолжаетъ пользоваться тѣмъ же дупломъ и, по словамъ Несслера, въ немъ, всего двѣ недѣли спустя, уже снова можно бываетъ найти яйца. Только что вылупившіеся итенцы бываютъ весьма непривлекательны. Только верхняя часть тѣла ихъ покрыта очень рѣдкимъ черно-сѣрымъ пухомъ,

голова у нихъ очень велика, а клювъ несообразно толстъ. «Если согнать согрѣвающую ихъ взрослую самку или самца, то они издають совершенно особенное, не похожее ни на какой другой птичій крикъ, чириканье, которое нельзя точно описать; когда-же они нѣсколько подростутъ, то перестаютъ издавать этотъ звукъ.» Оба старыхъ дятла бывають очень встревожены, если кто-нибудь приблизится къ ихъ птенцамъ, и издають тогда своеобразные жалобные звуки. Подобно большинству другихъ птицъ, черные дятлы вблизи гнѣзда становятся гораздо смѣлѣе, чѣмъ обыкновенно и изъ любви къ птенцамъ подвергаютъ себя опасности, чего никогда не дѣлають въ другихъ случаяхъ. По наблюденіямъ моего отца, птенцы выкармливаются куколками большихъ и темно-рыжихъ муравьевъ; ихъ кормятъ какъ самка, такъ и самецъ и притомъ изъ зоба. «Я изслѣдовалъ старыхъ дятловъ, убитыхъ мною близъ гнѣзда, у которыхъ вся глотка до самаго клюва была наполнена муравьиными яйцами. Если птенцовъ не тревожатъ, то они остаются въ гнѣздѣ до тѣхъ поръ, пока не научатся какъ слѣдуетъ летать; они лазаютъ по стѣнкамъ дупла и часто выглядываютъ изъ него, высовывая голову въ отверстіе. Самка ночуетъ вмѣстѣ съ птенцами, а самецъ проводитъ ночь въ дуплѣ, выдолбленномъ имъ въ предшествующемъ году».

При хорошемъ уходѣ можно бываетъ довольно долго держать въ неволѣ молодыхъ черныхъ дятловъ и даже до известной степени приручить ихъ. Однажды я получилъ три экземпляра этихъ, становящихся все болѣе и болѣе рѣдкими, дятловъ, уже вполне оперившихся. Одинъ изъ нихъ умеръ въ скоромъ времени, не научившись еще самостоятельно ѣсть. Двухъ другихъ я кормилъ сначала изъ рукъ, вталкивая имъ пищу въ горло, но вскорѣ они сами стали подбирать кормъ. Чтобы приучить ихъ къ этому, я раскладывалъ муравьиныя куколки на тонкой проволочной сѣткѣ, составлявшей потолокъ клѣтки, въ которой они временно помѣщались. Вскорѣ они выучились прокалывать этихъ куколокъ, благодаря чему я имѣлъ случай убѣдиться въ изумительной подвижности ихъ языка. Очитивши отъ корма одно мѣсто, они ощупывали этимъ гибкимъ органомъ сѣтку, двигая имъ при этомъ во все стороны съ такой быстротой и такъ изгибая его, что онъ совершенно напоминалъ извищающагося червяка. Отыскавши муравьиную куколку, они сгибали языкъ, направляли кончикъ его къ куколкѣ, выдвигали его и при этомъ пронзали имъ свою добычу.

Когда мои пѣвники научились какъ слѣдуетъ ѣсть, я перевелъ ихъ въ большую клѣтку, предназначенную специально для дятловъ. Въ этой клѣткѣ уже жили золотистые и быстрые дятлы, и я нѣсколько опасался за нихъ. Но мои питомцы оказались весьма уживчивыми; хотя они и не старались завести дружбу со своими родичами, но по крайней мѣрѣ не обижали ихъ и не надѣдали, а относились къ нимъ равнодушно. Каждая изъ птицъ занималась своимъ дѣломъ и, повидимому, нисколько не заботилась объ остальныхъ. Одно только злоупотребленіе позволили себѣ черные дятлы: они заняли и оковчательно удержали за собой ящикъ для сна, которымъ до тѣхъ поръ безспорно владѣли золотистые дятлы. Входъ въ этотъ ящикъ былъ слишкомъ узокъ, но это нисколько не смутило ихъ; въ теченіи нѣсколькихъ дней они расширили отверстіе, какъ разъ настолько, насколько имъ это было нужно. Къ вечеру они всегда проскальзывали внутрь ящика, какъ это дѣлали до нихъ золотистые дятлы, и каждый изъ нихъ прицѣплялся для сна къ одной изъ отвѣсныхъ стѣнъ ящика. Я уже прежде замѣтилъ, что дятлы никогда не спятъ въ другомъ положеніи и поэтому велѣлъ обить стѣнки ящика корой; такимъ образомъ имъ было въ немъ чрезвычайно удобно, и, повидимому, они приняли это съ благодарностью. Разрушая все прочія деревянныя части клѣтки, бессо-

вѣстно обдирая кору, которой были обиты ея наружныя стѣнки и постоянно долбя положенныя для нихъ въ кѣтку ивовыя стволы, порти даже черекладины кѣтки, такъ что ихъ приходилось охранять,—они никогда не трогали коры, выстилавшей ящичь, въ которомъ проводили ночь.

Сначала эти дятлы воли себя очень тихо, къ осени-же можно было часто слышать ихъ пріятный, звонкій крикъ. Къ сожалѣнію, кѣтка не волювѣ удовлетворяла ихъ требованіямъ: она помѣщалась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ птицы часто подвергались свозному вѣтру. Онѣ простудились, съ ними сдѣлались судороги, такъ что онѣ падали со ствола на полъ кѣтки, но цѣлымъ минутамъ лежали неподвижно, какъ-бы въ оцѣпененіи, и наконецъ умерли отъ этихъ припадковъ. Последній умершій дятель прожилъ въ неволѣ 7 мѣсяцевъ.

Сѣверо-американскій **Бѣлоклювый дятель** (*Dryocopus principalis*, *Picus principalis*, *Campephilus*, *Dendroscopus*, *Dryotomus* и *Megapicus principalis*, *Picus* и *Campephilus bairdi*, Herrenspecht, Pic luppé) величиной превосходитъ нашу желпу. Длина его равняется 55 см., размахъ крыльевъ 80, длина крыла 28, а хвоста 19 см. Преобладающая окраска оперенія блестяще-черная; нѣсколько перышекъ надъ носовыми отверстиями и узкая полоса, начинающаяся отъ середины щекъ и тянущаяся, замѣтно расширяясь, вдоль боковъ шеи и плечъ, а также заднія большія и малыя маховыя перья—бѣлыя; виски и острый затылочный хохоль, равно какъ и самый затылокъ ярко-красныя. Радужная оболочка желтая; клювъ бѣлый; ноги темнаго свинцово-сѣраго цвѣта. Самка отличается отъ самца тѣмъ, что хохоль у нея черный.

Область распространенія бѣлоклюваго дятла обнимаетъ южную часть Соединенныхъ Штатовъ и островъ Кубу. Живущаго на этомъ островѣ дятла нѣкоторые орнитологи описываютъ подъ именемъ *Picus bairdi* и считаютъ его отдѣльнымъ видомъ, но это, повидному, неосновательно. Въ Сѣверной Америкѣ этотъ дятель встрѣчается: въ сѣверной и южной Каролинѣ, Георгіи, сѣверной Флоридѣ, Алабамѣ, Луизианѣ и Миссисипи, а также въ восточномъ Техасѣ и лѣсахъ, растущихъ по берегамъ Арканзаса; на Кубѣ они живутъ, по словамъ Гундлаха, въ ея южной, западной и восточной частяхъ, особенно въ большихъ лѣсахъ; но какъ на материкѣ, такъ и здѣсь эта птица съ каждымъ годомъ становится все болѣе рѣдкой, такъ какъ ее вытѣбняютъ отсюда и вырубка лѣсовъ и нѣсколько не заслуженныя ею преслѣдованія со стороны охотниковъ.

Благодаря изслѣдованіямъ американскихъ орнитологовъ, въ особенности Одюбона, мы имѣемъ подробныя свѣдѣнія о жизни бѣлоклюваго дятла на свободѣ, а Вильсонъ познакомилъ насъ и съ жизнью его въ неволѣ. «Мнѣ всегда казалось», говоритъ первый изъ поименованныхъ изслѣдователей, «что въ роскошномъ опереніи бѣлоклюваго дятла есть что-то напоминающее стиль и колоритъ Ванъ-Дика. Густой черный цвѣтъ туловища, большія рѣзко очерченныя бѣлыя пятна на крыльяхъ и затылкѣ, бѣлый, какъ слоновою костью, клювъ, ярко-красный цвѣтъ хохла и блестящіе желтые глаза всегда напоминали мнѣ какое-нибудь изъ твореній этого неподражаемаго художника, и впечатлѣніе это до такой степени закрѣпилось въ моей памяти, что, замѣчая бѣлоклюваго дятла, перелетающаго съ одного дерева на другое, я всегда говорилъ «вотъ летитъ Ванъ-Дикъ».

«Я очень желалъ-бы дать хорошее описаніе любимаго мѣстопробыванія бѣлоклюваго дятла; мнѣ хотѣлось-бы описать размѣры этихъ огромныхъ болотъ, освѣщенныхъ милліонами исполинскихъ темныхъ кипарисовъ, простирающихся свои поросшія мохомъ вѣтви, какъ будто желая дать понять приближающемуся путнику, съ какими препятствіями ему предстоитъ бороться, если онъ вздумаетъ про-

никнуть глубже въ эти, часто совершенно недоступныя, мѣстности. Такія болота тянутся на цѣлыя мили, и путь черезъ нихъ преграждается громаднымъ торчащимъ валенникомъ, свалившимися стволами деревьевъ и множествомъ всевозможныхъ ползучихъ растений, переплетающихся между собой. Я желалъ-бы разъяснить свойства этой опасной почвы, ея топкость и мягкость, красоту покрывающаго ее пре-

Бѣлоклювый дятель. *Dryocopus principalis* $\frac{1}{3}$ наст. вел.

дательскаго ковра, сотканнаго изъ предствѣншихъ мховъ, шпажника и водяныхъ лилій; коверъ этотъ разстунается подъ ногой путника и грозитъ поглотить его; мѣстами въ немъ есть просвѣты, наполненные темной, грязной водой. Я хотѣлъ-бы дать моимъ читателямъ понятіе о томъ тяжеломъ, наполненномъ миазмами воздухѣ, который, особенно въ лѣтнее время, какъ будто желаетъ задунить проникающаго сюда путешественника. Но всякая попытка нарисовать картину этихъ грандіозныхъ и въ то-же время ужасныхъ болотъ будетъ неудачна; только путемъ

личныхъ наблюдений можно познакомиться съ ними. Я возвращусь поэтому къ описанію знаменитаго дятла съ клювомъ изъ слоновой кости.

«Полетъ этой птицы чрезвычайно красивъ, хотя она рѣдко пролетаетъ въ одинъ приемъ разстояніе больше, чѣмъ въ нѣсколько сотъ метровъ, развѣ, когда ей приходится перелетѣть черезъ широкую рѣку. Тогда бѣлоклювый дятель несется по рѣзко волнообразной линіи, то широко раскрывая крылья, то быстро махая, чтобы ускорить замедляющійся полетъ. Перелетъ съ одного дерева на другое—хотя-бы разстояніе между ними достигло нѣсколькихъ сотъ метровъ—онъ совершаетъ однимъ изгибомъ, причѣмъ, спускаясь съ самой верхушки дерева, описываетъ на лету красивую дугу. Въ этотъ моментъ птица выказываетъ всю красоту своего оперенія, и видъ ея бываетъ восхитителенъ. Дятель этотъ никогда не кричитъ на лету, развѣ только въ пору любви; но какъ только онъ привѣсится къ нижней части древеснаго ствола и начинаетъ взбираться вверхъ по нему, раздается его замѣчательно чистый, звонкій и пріятный голосъ, слышимый очень далеко, приблизительно на разстояніи англійской полумили. Крикъ его или призывной звукъ, который можно передать слогомъ «пэт», повторяется обыкновенно три раза, но птица эта кричитъ такъ часто, что въ теченіи дня она молчитъ, можно сказать, всего нѣсколько минутъ. Къ сожалѣнію, эта привычка чрезвычайно облегчаетъ ея выслѣживаніе; между тѣмъ она и безъ того слишкомъ часто подвергается преслѣдованіямъ, благодаря существованію совершенно ложнаго мнѣнія, будто она вредитъ лѣсу. Кромѣ того, красивыя перья хохла этой птицы представляютъ любимое воинское украшеніе индѣйцевъ, такъ что и краснокожіе тоже ревностно охотятся за ней. Всевозможные путешественники также большіе любители этого украшенія и скупаютъ у охотниковъ, на память, головы этихъ великолѣпныхъ птицъ. Мнѣ случалось видѣть индѣйскихъ старшинъ, у которыхъ весь поясъ былъ сплошь увѣшанъ клювами и хохлками бѣлоклювыхъ дятловъ.

«Дятлы эти, подобно другимъ представителямъ того-же семейства, живутъ обыкновенно парами и, по всей вѣроятности, супружескій союзъ заключается у нихъ на всю жизнь. Оба супруга всегда держатся вмѣстѣ; самку можно узнать по тому, что она крикливѣе и осторожнѣе самца. Размноженіе начинается раньше, чѣмъ у другихъ дятловъ, уже въ мартѣ. Гнѣздо, какъ мнѣ кажется, всегда устраивается въ стволѣ еще живого дерева, чаще всего въ ясени, обыкновенно на значительной высотѣ. Птицы эти чрезвычайно осторожны въ выборѣ дерева и мѣста для закладки дупла; онѣ любятъ уединеніе и стараются, чтобы гнѣздо ихъ было защищено отъ дождя. Поэтому входное отверстіе онѣ продавливаютъ обыкновенно непосредственно подъ мѣстомъ соединенія толстаго сука со стволомъ; дупло, смотря по обстоятельствамъ, бываетъ болѣе или менѣе глубоко иногда не глубже 25 см., иногда достигаетъ даже одного метра. Поперечникъ дупла, которое я осматривалъ, равнялось приблизительно 15 см.; ширина входнаго отверстія бываетъ какъ разъ такая, чтобы птица могла проскользнуть черезъ него. Оба супруга работаютъ надъ дупломъ и поочередно смѣняютъ другъ друга; пока одинъ долбитъ, другой ждетъ снаружи и воодушевляетъ его. Я подкрадывался къ деревьямъ, на которыхъ дятлы были заняты постройкой своего гнѣзда и, прикладывая ухо къ корѣ, могъ ясно слышать каждый ударъ. Два раза я замѣтилъ, что бѣлоклювые дятлы, увидавъ меня подъ деревомъ, бросали постройку гнѣзда. Въ Кентукки и Индіанѣ они рѣдко выводятъ птенцовъ болѣе одного раза въ годъ, въ южныхъ-же штатахъ—по два раза. Первая кладка состоитъ обыкновенно изъ 6-ти чисто-бѣлыхъ яицъ, которыя кладутся на нѣсколько щепочекъ, лежащихъ на днѣ дупла. Птенцы еще задвѣ недѣли до перваго вылета начинаютъ выглядывать черезъ входное отверстіе. Опереніе

нѣмъ они похожи на самку, но у нихъ нѣтъ хохла; впрочемъ, онъ скоро вырастаетъ, и къ осени они становятся уже очень похожими на мать. Самцы приобряютъ свое красивое опереніе только слѣдующей весной.

«Пица бѣлоклювыхъ дятловъ состоитъ преимущественно изъ жуковъ, личинокъ и большихъ червей, но какъ только въ лѣсахъ созрѣютъ ягоды, то они съ жадностью поѣдаютъ и ихъ. Мнѣ случалось видѣть, что они подвѣшиваются къ винограднымъ лозамъ въ томъ-же положеніи, какъ наши синицы. Дятель этотъ отыскиваетъ также сливы персиммона (*Persimmonflaumen*), какъ только онѣ поспѣютъ, но онъ никогда не ѣстъ ни хлѣбныхъ зеренъ, ни садовыхъ плодовъ, хотя его и видятъ часто долбящимъ на деревьяхъ, растущихъ среди полей. Сила его такъ велика, что однимъ ударомъ своего крѣпкаго клюва онъ иногда откалываетъ куски коры длиной въ 15—18 см. и, принявшись за работу на какомъ-нибудь сухомъ деревѣ, онъ въ теченіи нѣсколькихъ часовъ очищаетъ отъ коры пространство въ 6—10 м.

«Раненая птица, упавши на землю, старается какъ можно скорѣе добраться до ближайшаго дерева, съ величайшею быстротой взбирается до самой верхушки и здѣсь пригибается и прячется. Взбираясь на дерево, она лѣзетъ обыкновенно по спирали и почти при каждомъ прыжкѣ издаетъ свой крикъ «пэт пэт пэт», но тотчасъ-же замолкаетъ, какъ только найдетъ хорошее убѣжище. Будучи ранена смертельно, она часто такъ крѣпко прицѣпляется къ корѣ, что сваливается съ дерева только черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти. Если ее схватить руками, пока она еще жива, она наноситъ жестокіе удары клювомъ и когтями, издавая при этомъ печальные и жалобные крики».

Вильсонъ пробовалъ держать бѣлоклюваго дятла въ неволѣ, но оказалось, что это дѣло не легкое. Дятель, о которомъ идетъ рѣчь, былъ уже старый, пойманный только послѣ того, какъ его подстрѣлили. Онъ кричалъ, какъ уже сказано выше, совершенно подобно маленькому ребенку, и своимъ крикомъ до того испугалъ лошадей Вильсона, что она едва не убила сѣдока. Когда изслѣдователь ѣхалъ съ этой кричащей птицей по улицамъ Уильмингтона, то всѣ женщины, испуганныя, выбѣжали на улицу или выглядывали изъ оконъ, чтобы узнать причину этого страннаго шума, а передъ гостиницей на изслѣдователя посыпался цѣлый градъ вопросовъ. Въ концѣ концовъ онъ снесъ дятла въ свою комнату и оставилъ его тамъ, чтобы пойти позаботиться о лошади. Вернувшись приблизительно черезъ часъ, онъ увидалъ, что сильная птица уже успѣла почти освободиться. Она забралась по перелету рамы наверхъ и почти продолбила стѣну. Такъ какъ Вильсонъ хотѣлъ ее срисовать, то онъ простилъ ей попытку къ бѣгству и, чтобы предупредить повтореніе ея, привязалъ дятла цѣпочкой къ толстой ножкѣ стола изъ краснаго дерева. Затѣмъ онъ снова ушелъ изъ комнаты, чтобы поискать для него корма. Возвращаясь, онъ еще на лѣстницѣ услышалъ, что дятелъ снова работаетъ, а войдя въ комнату, съ ужасомъ увидѣлъ, что столъ стоитъ уже не на четырехъ, а на трехъ ногахъ. Пока онъ срисовывалъ эту непокорную птицу, она нанесла ему нѣсколько ранъ и вообще проявила такой благородный и свободолюбивый нравъ, что этотъ изслѣдователь не раздумалъ о томъ, чтобы выпустить ее на волю. Отъ предлагаемой ей пищи птица упорно отказывалась, такъ что уже на третій день умерла, не вынеся неволи.

* * *

Совершенно своеобразнымъ родомъ, населяющимъ сѣверныя страны, являются **Трехпалые дятлы** (*Picoides Dreizehenspechte*. *Pics tridactyl'es*)—пестрые дятлы съ

трехпальными ногами, оба переднихъ пальца которыхъ почти одинаковой длины, по немного короче задняго пальца.

Въ Германіи родъ этотъ имѣетъ представителемъ **Трехпалаго дятла** (*Picoides tridactylus, variegatus, europaeus, alpinus, montanus* и *crissoleucus, Apternus tridactylus, kamtschatkensis, longirostris, montanus* и *septentrionalis, Picus tridactylus, hirsutus, crissoleucus* и *leucopygus, Tridactylia hirsuta* и *kamtchatkensis, Dendrocopus tridactylus, Dreizehenspecht, Pic tridactyle*). Птица эта почти одинаковой величины съ нашимъ пестрымъ дятломъ и имѣетъ не столь яркое, но такое-же пестрое опереніе, какъ онъ. Перышки, покрывающія переднюю часть головы около клюва, бѣлыя съ черными кончиками; на остальной части головы перья бѣлыя, съ черными стволами, на темени—яркаго лимонно-желтаго цвѣта. Затылокъ и широкая полоса, проходящая надъ глазомъ, черезъ область уха, и спускающаяся вдоль боковъ шеи—черныя; сверху черная полоса ограничена узенькой, а снизу широкой бѣлой полосой; подъ послѣдней находится вторая черная полоса, мѣстами образованная одними только стволами перьевъ, которая начинается у корня нижней части клюва и направляется къ задней части шеи. Подбородокъ, горло и середина нижней стороны туловища—бѣлыя; на зобу и бокахъ груди перья съ черными стволами. Перья брюшка, боковъ бедеръ, области задняго прохода и нижнія покровныя перья хвоста съ черными поперечными полосами. Вся верхняя сторона, включая сюда и крылья, черная, за исключеніемъ широкой бѣлой полосы, тянущейся отъ бѣлой задней части шеи вплоть до верхнихъ покровныхъ перьевъ хвоста; крылья и плечи украшены бѣлыми продольными перьями. На наружной половинѣ опахала большихъ маховыхъ перьевъ—по пяти, а на малыхъ по три бѣлыхъ, поперечныхъ пятна, а на внутренней половинѣ находятся большія, бѣлыя, краевыя пятна, которыя, когда крыло сложено, образуютъ шесть узкихъ бѣлыхъ полосъ. Два крайнихъ, хвостовыхъ пера снабжены бѣлыми поперечными полосами и такимъ-же кончикомъ, а на третьемъ перѣ только одна поперечная полоса. Глаза бѣлые; клювъ свинцово-голубой, на концѣ черныи; ноги свинцово-сѣраго цвѣта. У самки темя не желтое, а такое-же, какъ передняя часть головы, т. е. бѣлое, съ черными продольными полосками.

Область распространенія трехпалаго дятла заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія, такъ какъ въ средней и южной Европѣ онъ встрѣчается исключительно на самыхъ высокихъ вершинахъ и на горахъ средней высоты, на сѣверѣ-же этой части свѣта его можно встрѣтить повсемѣстно, точно такъ-же, какъ и въ Средней Азій, гдѣ они живутъ къ востоку, вплоть до Камчатки и Сахалина, къ сѣверу до границы лѣсовъ и къ югу до Тянь-Шани. Какъ настоящая горная птица, этотъ дятель спускается въ низменности и равнины только въ томъ случаѣ, если климатическія условія и флора имѣютъ въ нихъ такой-же характеръ, какъ въ высокихъ гористыхъ мѣстностяхъ, какъ это бываетъ, напримѣръ, въ сѣверныхъ лѣсныхъ областяхъ, на границѣ тундры. Въ предѣлахъ Германіи онъ выводитъ птенцовъ только въ Баварскихъ Альпахъ; впрочемъ, многія наблюденія заставляютъ думать, что онъ или временами появляется въ горахъ Силезіи и Богемскомъ лѣсу, или постоянно живетъ и размножается тамъ, хотя и встрѣчается лишь очень рѣдко. Впрочемъ, гнѣзда его не удалось найти ни одному изъ тѣхъ изслѣдователей, которые причисляютъ его къ постояннымъ жителямъ средне-германскихъ горъ. Зато достоверно извѣстно, что трехпалый дятель живетъ постоянно въ Альпійскихъ горахъ, начиная съ приморскихъ Альпъ и до восточныхъ ихъ отроговъ, въ Карпатахъ, гдѣ, по словамъ графа Водницкаго, онъ, точно такъ-же, какъ и въ Камчаткѣ, является самымъ распространеннымъ изъ дятловъ, въ Трансильванскихъ Альпахъ,

на Кавказѣ и на всѣхъ Скандинавскихъ горахъ, начиная отъ южной оконечности полуострова и до 70° с. ш.; точно также онъ водится въ сѣверной Россіи, на Уралѣ и на всѣхъ горахъ, а также въ лѣсахъ сѣверной и Средней Азій, въ вышеуказанныхъ предѣлахъ. Повидимому, онъ нигдѣ не встрѣчается въ большомъ количествѣ, и каждая пара занимаетъ довольно обширную область; впрочемъ, нужно замѣтить, что тѣ лѣса, въ которыхъ онъ поселяется, очень трудно подвергнуть подробному изслѣдованію. На нашихъ Альпахъ онъ держится исключительно въ хвойныхъ лѣсахъ, на сѣверѣ-же, повидимому, не менѣе охотно селится и въ березовыхъ. Если пожаръ истребитъ хвойный лѣсъ на большомъ простран-

Трехпалый дятель. *Picoides tridactylus*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

ствѣ и, такимъ образомъ, создать тамъ благоприятныя условія для сильнаго размноженія портищихся деревья насѣкомыхъ, то трехпалый дятель не упускаетъ такого удобнаго случая собрать богатую добычу, и изслѣдователю иногда приходится въ такихъ случаяхъ встрѣчать неожиданно очень большое количество этихъ дятловъ. Но обыкновенно на сѣверѣ онъ, какъ кажется, отдаетъ предпочтеніе березовымъ лѣсамъ, можетъ быть уже потому, что его опереніе совершенно напоминаетъ по цвѣту кору старыхъ подгнившихъ стволовъ сѣверныхъ березъ. По окончаніи періода высиживания и этотъ дятель кочуетъ съ мѣста на мѣсто и при этомъ охотно присоединяется къ дроздамъ, вмѣстѣ съ которыми онъ тогда часто попадаетъ въ силки. Во время этихъ кочевокъ онъ иногда залетаетъ даже границы своего обыкновеннаго мѣстожителства и, напримѣръ, въ Германіи, попадаетъ даже въ мѣстно-

стяхъ, казалось-бы, совсѣмъ не подходящихъ для него. Такъ, по словамъ Наумана, въ Ангальтѣ подстрѣлили однажды такого дятла на одномъ дубѣ; точно также много разъ онъ попадался подъ выстрѣлы охотниковъ и въ предгоріи Баварскихъ Альпъ. Можетъ быть онъ, не привлекая до сихъ поръ вниманія орнитологовъ, странствуетъ по Германіи гораздо чаще, чѣмъ мы думаемъ, основываясь на имѣющихся наблюденіяхъ.

Своимъ поведеніемъ и характеромъ трехпалый дятель напоминаетъ пестраго; по крайней мѣрѣ, между тѣми представителями этихъ видовъ, которыхъ я наблюдалъ въ Ланландіи и Сибири, мнѣ не удалось найти въ этомъ отношеніи никакой разницы. Трехпалый дятель такой же рѣзвый, ловкій, смѣлый и неутомимый, и своимъ полетомъ также напоминаетъ пестраго дятла; голоса ихъ очень сходны, но, по словамъ Гиртаннера, у трехпалаго дятла тонъ голоса болѣе низокъ. Онъ барабанитъ подобно пестрому дятлу, такъ-же жаденъ, какъ тотъ, и потому его также можно подманить, подражая его постукиванію по дереву; словомъ, эти оба дятла сходны во всѣхъ отношеніяхъ. Пища, какъ у того, такъ и у другого, состоитъ изъ насѣкомыхъ и растительныхъ веществъ. Въ Альпійскихъ лѣсахъ, какъ сообщаетъ Гиртаннеръ, онъ питается преимущественно яйцами и личинками сосноваго шелкопряда и кромѣ того разными насѣкомыми, а можетъ быть, отчасти, и растительными веществами, напримѣръ, кедровыми орѣхами; въ лѣсахъ средне-германскихъ горъ онъ питается тѣмъ-же, чѣмъ и пестрые дятлы, а на сѣверѣ онъ собираетъ съ деревьевъ всевозможныхъ насѣкомыхъ, для чего отрываетъ большіе куски коры и продалбливаетъ глубокія отверстія въ подгнившихъ стволахъ. Коллеттъ изслѣдовалъ желудки трехъ такихъ дятловъ, и оказалось, что они были наполнены личинками мухъ, орѣхотворокъ и дровосѣковъ, которыя принадлежатъ къ числу злѣйшихъ враговъ лѣса, а также нѣкоторыхъ другихъ насѣкомыхъ, особенно бабочекъ. Осенью онъ навѣрно питается и растительными веществами, особенно ягодами, потому что въ противномъ случаѣ было-бы необъяснимо, почему онъ нападаетъ въ сѣлки. Относительно того, какъ онъ ведетъ себя въ птенцовую пору, имѣется еще очень мало данныхъ. Гнѣздо, которое изслѣдовалъ Гиртаннеръ, находилось на большой высокой ели, росшей въ одномъ горномъ лѣсу въ кантонѣ Граубюнденъ, на высотѣ приблизительно 1600 м. надъ уровнемъ моря; дупло это находилось настолько высоко, что пришлось срубить дерево, чтобы достать изъ него птенцовъ. Такія дупла выдалбливаются самой птицей и мало отличаются отъ жилища нашихъ пестрыхъ дятловъ. Въ началѣ іюня самка кладетъ 4—5 блестящихъ бѣлыхъ яицъ, имѣющихъ 24—26 м.м. въ длину и 18—19 въ поперечникѣ; они высидиваются, вѣроятно, обоими супругами, которые сообща заботятся и о птенцахъ.

Молодые трехпалые дятлы, вынутые изъ гнѣзда, которыхъ воспитывалъ Гиртаннеръ, охотно брали изъ рукъ муравьиныя куколки, причемъ они всегда дрались другъ съ другомъ и постоянно испускали крикъ, похожій на голосъ малаго пестраго дятла, но нѣсколько болѣе низкій и звучащій вродѣ «гиги». Птенцы эти прекрасно развивались и уже достигли почти того возраста, когда они начинаютъ летать, но однажды утромъ ихъ нашли мертвыми. Причина ихъ смерти осталась неразъясненной; повидимому, неволя вообще переносится ими велегко.

* *
*

Самыми совершенными представителями отряда будутъ **Настоящіе пестрые дятлы** (*Dendrocopus Buntspecht*), такъ какъ они почти исключительно держатся на стволахъ деревьевъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ спускаются на землю. Они принадлежатъ къ числу птицъ средней и малой величины и сложены сравнительно

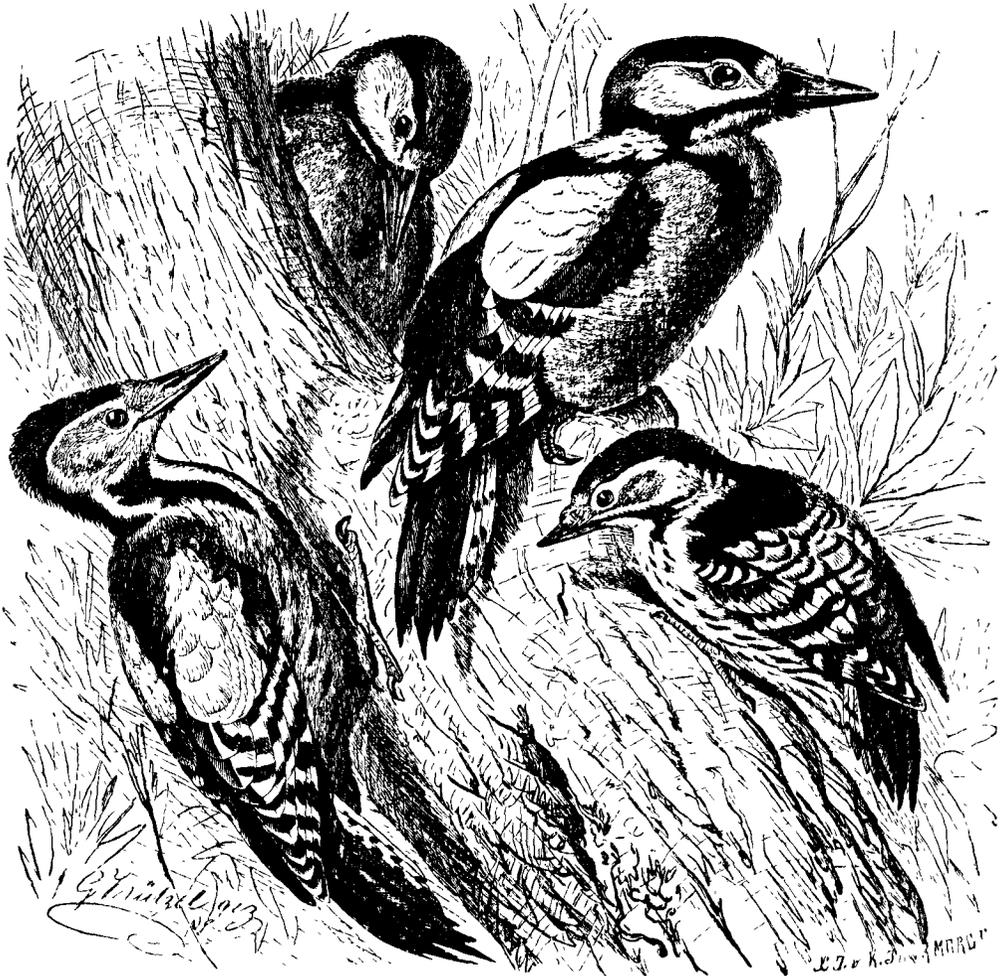
плотно. Хвостъ ихъ длинный и клинообразный, опереніе равномернаго чернаго цвѣта съ бѣлымъ рисункомъ. Принадлежащіе сюда виды живутъ почти по всѣхъ областяхъ распространенія дятловъ вообще, за исключеніемъ афіонской.

Самымъ извѣстнымъ долженъ считаться нашъ **Обыкновенный** или **Большой пестрый дятель** (*Dendrocopus major*, *Picus major*, *cissa*, *pinetorum*, *pitiopticus*, *frontium*, *montanus*, *pirra*, *alpestris*, *mesospilus*, *brevirostris*, *sordidus*, *lucorum*, *baskirensis*, *Dryobates major*, *Buntspecht*, *Epeiche varié*). Онъ вполне заслуживаетъ свое названіе, такъ какъ опереніе его дѣйствительно необыкновенно пестро. Верхняя часть головы и верхняя часть тѣла вообще черныя, точно такъ-же, какъ и узкая полоска, которая тянется въ видѣ уздечки возлѣ расщела клюва, идетъ по боковой сторонѣ шеи, приближается къ груди, но не сливается съ такой-же полоской другой стороны. Бока уздечки и головы вплоть до висковъ, продолговатыя поперечныя пятна по сторонамъ шеи, позади только что упомянутыхъ частей, а также и широкое продольное плечевое зеркальце—бѣлыя, такого-же цвѣта и нижнія части птицы, хотя онѣ большею частью грязнѣе. Широкое затылочное пятно, задъ и нижнія кроющія перья хвоста—ярко-пурпуровыя. На большихъ маховыхъ—пять, а на малыхъ—три бѣлыхъ поперечныхъ пятна, которыя, при сложенныхъ крыльяхъ, образуютъ пять поперечныхъ полосокъ. Первые два наружныя пера хвоста въ своей конечной половинѣ бѣлаго цвѣта, снабжены двумя черными перехватами, тогда какъ на третьихъ перьяхъ съ каждой стороны имѣется только одинъ такой перехватъ. У самокъ пурпуроваго пятна на затылкѣ нѣтъ. У молодыхъ верхъ головы карминово-красный. Глаза буро-красныя; клювъ свѣтло-свинцоваго цвѣта; ноги зеленовато-сѣрыя. Длина этихъ дятловъ достигаетъ 23—25 см., размахъ крыльевъ 46—48, длина крыла 16, а хвоста 8,5 см.

Мѣсто нашего обыкновеннаго дятла въ сѣверной Африкѣ заступаетъ мавританскій дятель, а въ Сиріи, Палестинѣ, Персіи, Китаѣ и на Гиммалаяхъ—другія родственныя формы, которыхъ одни считаютъ за самостоятельные виды, другіе за разновидности. Особенно слѣдуетъ упомянуть **Мавританскаго дятла** (*Dendrocopus numidicus*, *Picus numidicus*, *numidus*, *mauritanicus*, *lunatus*, *jugurtha*, *jaballa*, *Leucopoticus numidicus*, *Maurenspecht*, *Epeiche de Numidie*), такъ какъ онъ одинъ разъ былъ найденъ въ Испаніи, а одинъ по крайней мѣрѣ очень близкій къ нему видъ, по Альтому, былъ встрѣченъ однажды около Мюнстера. Мавританскій видъ отличается отъ обыкновеннаго дятла значительно меньшей величиной и въ особенности тѣмъ, что черныя полоски боковъ шеи у него меньше развиты, но при этомъ обѣ онѣ соединяются полосой роскошнаго ярко-краснаго цвѣта, идущей поперекъ нижней части горла. Полоска эта у старыхъ птицъ окаймлена чернымъ, а у болѣе молодыхъ поперечныя крапчатая полоса соединяются между собой.

Отечествомъ всѣмъ извѣстнаго обыкновеннаго дятла служатъ—вся Европа, Сибирь вплоть до Камчатки и Японія. Его нужно отмѣтить, какъ самаго обыкновеннаго изъ нашихъ европейскихъ дятловъ и самаго многочисленнаго среди азиатскихъ видовъ. Я нахождю его во всѣхъ тѣхъ странахъ нашего полушарія, гдѣ только я путешествовалъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ много лѣсовъ, за единственнымъ исключеніемъ Альпійскихъ горъ. Онъ малочиселенъ въ Лапландіи, уже довольно обыкновененъ въ южной Скандинавіи и Финляндіи, а во всей остальной Европѣ, по крайней мѣрѣ, не рѣдокъ, хотя въ Испаніи, благодаря скудности лѣсовъ этой страны, эти дятлы живутъ болѣе разсѣяннѣе, чѣмъ у насъ. То же самое относится и къ Греціи, но не къ Италиі, въ которой большіе пестрые дятлы встрѣчаются столь-же часто, какъ и

въ Германіи—въ самыхъ разнообразныхъ рощахъ. Онъ очень обыкновененъ въ Турціи и по всей Россіи, за исключеніемъ Кавказа; въ Сибири его встрѣтишь, по крайней мѣрѣ, во всѣхъ лѣсистыхъ мѣстахъ и даже нерѣдко въ безлѣсныхъ степяхъ, хотя тамъ для лазанія ему остаются только заборы, да деревянныя постройки. Стоитъ только развести гдѣ-нибудь въ степи какую-либо рощицу, дятлы, по словамъ Раде, первыми поселяются въ этой области, которую они прежде облетали. Съ достовѣрностью еще неизвѣстно, насколько эти птицы распространяются къ югу

Большой пестрый дятель. *Dendrocopos major*. Средній пестрый дятель. *D. medius*. Малый пестрый дятель. *D. minor*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

въ Азіи; напротивъ, мы знаемъ, что онѣ на югѣ-востокѣ и югѣ переходятъ за границы Европы, напримѣръ въ Малую Азію и, вѣроятно, также водятся въ противуположныхъ Испаніи частяхъ Марокко. Образъ жизни большого пестраго дятла впервые былъ описанъ моимъ отцомъ и затѣмъ Шауманомъ. Описанія эти настолько хороши, что съ тѣхъ поръ они только отчасти дополнялись. Вѣрный моему правилу всегда сохранять за изслѣдователями право первенства, въ основаніе нижеслѣдующаго описанія я беру наблюденія двухъ вышеупомянутыхъ авторовъ.

Большой пестрый дятель одинаково любит как лѣсные опушки, такъ и дремучій лѣсъ, но попадаетъ и въ полевыхъ рощицахъ, а осенью и зимой появляется и въ садахъ. Онъ предпочитаетъ сосновые лѣса, тополевыя и ивовыя заросли. Лѣтній районъ его мѣстожителства не слишкомъ обширенъ; осенью же и зимой большіе пестрые дятлы кочуютъ уже на большомъ пространствѣ и живутъ тогда въ сообществѣ поползней, шишухъ, синицъ и корольковъ. Лѣтомъ дятель не терпитъ другихъ дятловъ, залѣтѣвшихъ въ районъ его мѣстожителства. Во время своей кочевки эти птицы держатся деревьевъ и рѣдко пролетаютъ поля. На свободѣ онѣ преслѣдуютъ только одну цѣль во время своихъ странствованій и, попадаясь на этихъ, свойственныхъ ихъ образу жизни, мѣстахъ, онѣ, конечно, заботятся только о томъ, чтобы отыскать себѣ побольше шищи и при этомъ немножко посмотреть на окружающій ихъ міръ.

По описанію Наумана, большой пестрый дятель—сильная, веселая, проворная, смѣлая и притомъ красивая птица, бросающаяся въ глаза окраска которой, благодаря своей пестротѣ, уже издали отличаетъ ее, въ особенности, когда она летитъ. «Красное зрѣлище представляютъ собой эти дятлы, когда въ ясную погоду они перелетаютъ съ дерева на дерево, быстро бѣгаютъ по сучьямъ въ солнечный день, гребются на верхушкахъ высокихъ деревьевъ или, наконецъ, сидя на засохшемъ суку, залитомъ лучами солнца, издаютъ свое своеобразное ворчаніе. Они почти всегда находятся въ движеніи, при этомъ очень проворны и весьма пріятно оживляютъ собою лѣсъ, въ особенности темный хвойный боръ». Ихъ полетъ отрывистый, довольно быстрый и шумящій, однако обыкновенно непродолжительный. По землѣ дятлы прыгаютъ довольно ловко, однако на землю они спускаются рѣдко. Весьма охотно они садятся на самыя вышки деревьевъ и издаютъ тогда свое «пик пик» или «клик клик», повторяя его нѣсколько разъ. Почь, какъ и остальные дятлы, они проводятъ въ дуплахъ деревьевъ; будучи ранены, они ищутъ такихъ-же убѣжищъ. Къ своимъ братьямъ большой пестрый дятель ни въ какомъ случаѣ не относится дружелюбно, точно также его нельзя назвать общительнымъ, несмотря на его кочевки въ сообществѣ стаякъ мелкихъ птичекъ. Къ синицамъ, королькамъ, шишухамъ и поползнямъ онъ также не выказываетъ особой пріязни. Повидимому, онъ играетъ роль старшаго, но совершенно не заботится о своихъ маленькихъ спутникахъ, предоставивъ имъ слѣдовать за собой. Однако въ Сибири эти дятлы встрѣчаются въ сообществѣ странствующихъ дроздовъ и, такъ какъ очевидно шмыганье послѣднихъ по лѣсу не можетъ доставить имъ особеннаго удовольствія, то нужно предположить, что подобные сожители все-таки пришли имъ по праву, несмотря на кажущееся ихъ равнодушіе. Наоборотъ, дятель враждебно относится къ другому дятлу; происходитъ-ли это подъ влияніемъ ревности ихъ, или изъ боязни за свой кормъ—я не предпріимаю. Большой пестрый дятель—одинъ изъ тѣхъ дятловъ, которыхъ можно подманить подражательнымъ равномѣрнымъ постукиваніемъ. Весною онъ не преминетъ прилетѣть, лишь только услышитъ удары, похожіе на его постукиваніе или долбленіе, такъ какъ въ это время на сцену является и ревность. Однако лѣтомъ и осенью онъ также подлетаетъ вплоть къ подманившему его охотнику и начинаетъ лазать по всѣмъ сучьямъ, отыскивая предполагаемаго соперника или злоумышленника. На такой стукъ прилетаютъ не только самцы, но и самки: ясное подтвержденіе, что причиной такого поведенія птицы служитъ не одна ревность, но и боязнь за похищеніе корма. Къ дятламъ другихъ породъ, большой пестрый дятель также не относится дружелюбно. Однако Шахтъ видѣлъ однажды всѣ три родственныхъ вида пестрыхъ дятловъ, большого, средняго и малаго, сидѣвшихъ одновременно на одномъ и томъ-же деревѣ.

Пищу большого пестраго дятла составляютъ различные насѣкомыя, ихъ яйца, личинки, куколки, а также орѣхи и ягоды. Мой отецъ, а послѣ него и Науманъ, основываясь на своихъ наблюденіяхъ, увѣряють, что эти дятлы не ѣдятъ муравьевъ и не кормятъ птенцовъ куколками этихъ насѣкомыхъ. Напротивъ, Глогеръ говоритъ, что желудокъ одного пестраго дятла, убитаго имъ въ сильный морозъ, былъ «исключительно и почти совершенно наполненъ» крупными лѣсными муравьями. По наблюденіямъ моего отца, этотъ дятель—главный врагъ короѣдовъ, ихъ личинокъ и яицъ. Добывая ихъ, онъ аккуратно откалываетъ куски сосновой коры. «Я часто съ удовольствіемъ наблюдалъ за этимъ. Птица бѣгаетъ по стволамъ съ отставшею корою и трещинами, всовываетъ клювъ и изыскъ подъ кору и отщепляетъ ее прочь, если не можетъ добраться до насѣкомыхъ. Я осматривалъ падашіе куски коры и всегда находилъ ихъ источенными короѣдами. Пестрый дятель ѣсть также всякаго рода гусеницъ, вредныхъ для лѣсныхъ деревьевъ, и выкармливаетъ ими своихъ птенцовъ. Это—настоящій охранитель лѣсовъ и его должно всякими способами щадить». Въ этомъ мнѣніи сходятся почти всѣ наблюдаатели. «Когда дятель долбитъ тонкіе сучки», добавляетъ Науманъ, «можно замѣтить, какъ онъ часто внезапно шмыгаетъ на другую сторону, чтобы не упустить насѣкомыхъ, вслѣдствіе его долбленіемъ и убѣгающихъ туда, такъ какъ эти послѣдніе поступаютъ точно такъ-же, какъ и дождевые черви при приближеніи крота. Какъ тѣ, такъ и другіе хорошо узнають близость своего смертельнаго врага».

Въ исключительныхъ случаяхъ, впрочемъ, бываетъ, что и за этими полезными птицами водятся маленькіе грѣшки. Такъ, по словамъ Визе, въ 1844 году былъ убитъ одинъ пестрый дятель специально для того, чтобы узнать, что онъ несъ въ клювъ для своихъ птенцовъ. Оказалось, что это былъ еще голый птенецъ синицы, котораго онъ, вѣроятно, заклевалъ во время своей охоты за насѣкомыми. Но подобныя проступки случаются, конечно, очень рѣдко. Гораздо чаще пестрый дятель питается сѣменами, особенно орѣхами и сѣменами сосновыхъ шишекъ. Первые онъ отрываетъ, уноситъ въ какую-нибудь выбранную расщелину въ деревѣ и тамъ ихъ разбиваетъ. Часто видишь его прищипившимся и работающимъ надъ сосновой шишкой; еще чаще онъ ее отрываетъ, притаскиваетъ на какой-нибудь сучекъ и выклеываетъ изъ нея сѣмена. Въ то время, когда вызрѣвають сѣмена хвойныхъ деревьевъ онъ предпочтительно питается ими, хотя добывать ихъ для него дѣло не особенно легкое. «Когда онъ захочетъ полакомиться сосновыми сѣмечками,» сообщаетъ мой отецъ, «онъ предварительно выдалбливаетъ углубленіе на верхней сторонѣ расколотаго или сухаго сучка, такъ, чтобы въ него могла помѣститься половина сосновой шишки. Разъ я видѣлъ подобное-же углубленіе въ твердой корѣ одной сосны у самой земли, но оно мало употреблялось въ дѣло. Когда углубленіе готово, пестрый дятель летитъ на вершину дерева и карабкается съ сучка на сучекъ по какой-нибудь вѣткѣ, чтобы удобнѣе заполучить шишку, схватываетъ ее за стебелекъ и откусываетъ, но такъ, чтобы онъ могъ еще задержать ее въ клювъ, затѣмъ тащитъ ее къ вышеописанному углубленію и помѣщаетъ такъ, чтобы конецъ ее торчалъ кверху. Тогда онъ придерживаетъ ее внутренними передними пальцами и долбитъ по верхушкѣ шишки до тѣхъ поръ, пока покрывечки не расщеплятся и сѣмечки могутъ быть вынелушены. Закончивъ съ одной шишкой, на что онъ тратитъ отъ 3 до 4 минутъ, онъ добываетъ вторую такимъ-же образомъ, но до тѣхъ поръ не выкидываетъ прежней шишки, пока не понадобится вставить въ углубленіе новую. Мнѣ кажется, что онъ дѣлаетъ это для того, чтобы имѣть возможность еще разъ обыскать прежнюю шишку, если онъ не найдетъ новой, такъ

как до-чиста шишку онъ не выѣдаетъ, какъ это дѣлаютъ клесты. Въ такомъ занятіи онъ часто проводитъ большую часть дня и почти все на одномъ и томъ-же деревѣ. Въ моемъ лѣсу есть сосна, на которой одинъ и тотъ-же дятель занимался этимъ нѣсколько недѣль. Питаться шишками дятлы начинаютъ уже съ середины августа, хотя они въ это время еще и не вполне наполнены зернами, не говоря уже о ихъ незрѣлости, а зимой они питаются почти исключительно ими. Благодаря этимъ сосновымъ шишкамъ клювъ ихъ бываетъ отчасти покрытъ смолой, между тѣмъ какъ клювы другихъ дятловъ часто бываютъ покрыты землей». Сколь искусенъ пестрый дятель въ этихъ занятіяхъ съ шишками, столь-же нетерпѣливъ онъ при постройкѣ своего гнѣзда. Прежде чѣмъ закончить одно дупло, онъ начинаетъ, не кончая, много другихъ и, если возможно, отыскиваетъ такое, въ которомъ онъ или какой-нибудь его сородичъ уже гнѣздили. Если онъ можетъ выбрать болѣе мягкую породу деревьевъ, какъ это, на примѣръ, имѣетъ мѣсто почти всюду въ русскихъ и сибирскихъ лѣсахъ, то предпочитаетъ ее всѣмъ твердымъ породамъ, такъ что можно сказать почти съ опредѣленностью, что вы замѣтите его углубленіе для гнѣзда на каждой изъ растущихъ между елями и соснами осинѣ, тополь или ветлѣ. Такое дупло съ гнѣздомъ почти всегда находится на значительной высотѣ, обыкновенно на 10 м. и выше, рѣже ниже надъ землей. Входное отверстіе гнѣзда такъ мало, что птицѣ только впору влѣзть и вылѣзть; внутреннее помѣщеніе внизу отъ входа обыкновенно почти 30 см. глубиной и около 15 см. въ поперечникѣ; внутри это помѣщеніе такъ-же гладко выработано, какъ и въ гнѣздахъ другихъ дятловъ и внизу выложено мелкими щепочками. Передъ спариваніемъ дятлы бываютъ очень оживлены, такъ какъ за одной самкой ухаживаютъ обыкновенно два или нѣсколько самцовъ. «Они весело шмыгаютъ надъ деревьями», рассказываетъ мой отецъ, «и часто летаютъ кругами. Если кто-нибудь изъ нихъ налетаетъ вдоволь, то садится на какой-нибудь сухой сукъ и сердито ворчитъ на другихъ дятловъ. Это въ особенности замѣтно по тому, что, лишь только перестанетъ летать одинъ, другіе начинаютъ. Такая игра продолжается цѣлыми часами. Если въ это время пестрый дятель замѣтитъ самку, которая всегда находится гдѣ-нибудь по близости, онъ тотчасъ-же оставляетъ свое мѣсто и летитъ къ ней. Оба начинаютъ тогда носиться вокругъ и очень громко кричать «кэк кэк кэк» и «вйк вйк». Если это услышитъ другой дятель, онъ также прилетаетъ, и крики становятся еще ревностнѣе: оба преслѣдуютъ самку и щиплютъ другъ друга. Эта игра длится до 7, самое большее до 8 часовъ утра и продолжается до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ самцовъ не одержитъ побѣды и совершенно не прогонитъ другого. Кладка состоитъ изъ 4—5, рѣдко 6, маленькихъ, продолговатыхъ яицъ съ очень нѣжною мелкозернистой скорлупою блестящаго бѣлаго цвѣта. Самецъ и самка сидятъ на яйцахъ по-переменно, высидываютъ птенцовъ черезъ 14—16 дней и съ самоотверженіемъ выкармливаютъ своихъ птенцовъ, вначалѣ весьма безпомощныхъ и уродливыхъ, благодаря непропорціональности величины частей тѣла. Они очень любятъ свое потомство, сердито кричатъ, если что-либо ему угрожаетъ и не удаляются отъ своего гнѣзда. Но и послѣ того, какъ птенцы вылетятъ изъ гнѣзда, старики продолжаютъ руководить ими и кормить ихъ еще долгое время, пока послѣдніе не станутъ въ дѣйствительности самостоятельными, и родители увѣрены, что птенцы въ состояніи промышлять себѣ пищу безъ посторонней помощи.

Пойманные пестрые дятлы въ высшей степени занимательны. Ихъ нетрудно приучить къ любой пищѣ. Я мѣсяцами держалъ ихъ на обыкновенномъ кормѣ для дроздовъ. Они очень хорошо уживаются со всевозможными мелкими пичужками,

которыхъ сажаютъ къ нимъ, но не терять никого изъ своей породы. Ихъ не терпимость, склонность къ дракамъ и буйству проявляются въ самой ранней молодости. «Птенцы», такъ пишутъ Либе, «вынутые за день изъ одного и того-же гнѣзда, неумѣвнѣе еще какъ слѣдуетъ летать, если ихъ сажали вмѣстѣ на платъе ихъ воспитатели, съ такимъ ожесточеніемъ бросались другъ на друга, что ихъ едва успѣвали разлучать, чтобы предотвратить серьезныя пораненія, въ особенности въ голову и языкъ. Не считая этихъ драчливыхъ наклонностей, они радовали каждаго благосклоннаго воспитателя пріятностью и неутомимостью своихъ движеній, веселымъ, звонкимъ голосомъ и миловидностью».

Въ свое время Либе для моей книги «Пойманныя птицы», передалъ мнѣ такое драгоценное описаніе жизни нашихъ дятловъ въ плѣну, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи повторить его здѣсь. «Большой пестрый дятель—красивое созданіе, которое такъ-же привязывается къ человѣку, какъ вышеописанныя пѣвчія птицы. Мой дѣдъ при помощи корма для синицъ постепенно приручилъ одного свободно живущаго дятла къ своему окну настолько, что онъ прилеталъ всякій разъ, когда оно отворялось, чтобы кормиться орѣхами и тому подобнымъ, причемъ бралъ это если не прямо изъ рукъ, то изъ протянутой ему ложки. Смолоду воспитываемый дятель скоро приучается узнавать своего хозяина и даже узнаетъ его по его шагамъ: уже, когда я вхожу по лѣстницѣ въ свою комнату, дятель, который живетъ у меня какъ разъ въ настоящее время, окликаетъ меня своимъ повторяющимся радостнымъ «кикъ»; передъ моимъ входомъ, насколько позволяетъ это его клѣтка, онъ идетъ мнѣ на встрѣчу, прижимая къ рѣшеткѣ свои красиво оперенныя части и испускаетъ тихій, лукавый звукъ, лишь только я подхожу ближе. Велика бываетъ его радость, когда я приношу ему орѣхъ, слегка надрѣзанный ножомъ на кончикѣ. Я держу этотъ орѣхъ крѣпко въ пальцахъ, а дятель въ нѣсколько ударовъ, не задѣвая моихъ пальцевъ, раскалываетъ скорлупу и вычищаетъ все ядрышко вплоть до шелухи. Если-же я приду ему на помощь и разгрызу орѣхъ, онъ частенько выражаетъ мнѣ свою благодарность, выбивая по жестяному ящику внизу клѣтки дробью нѣсколько строкъ. Такое его поведеніе должно означать, что онъ въ особенности желаетъ мнѣ поправиться. Пестрые дятлы вообще умныя птицы и въ особенности характерны у нихъ блестящіе глаза, обдумываніе каждаго шага, добродушіе и страсть къ лакомству. Въ ихъ образѣ жизни ктому-же есть нѣчто привлекательное по своей забавности.

«Прыгаютъ они правда довольно неловко, но отнюдь не такъ грузно, какъ воробьи; скорѣе они напоминаютъ изящную знатную дѣвушку, надѣвшую деревянныя башмаки, благодаря чему ея походка становится неловкой и вызываетъ улыбку. Все въ движеніяхъ дятловъ изящно: и своеобразная подергивающая походка, и сановитость, и смѣлость, и минутное любопытство, и нугливая осторожность въ движеніяхъ его головы. Даже въ томъ случаѣ, когда осторожно нарушить ихъ сонъ, они не выказываютъ особеннаго недовольства и караются по направленію къ ламповому свѣту, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Они считаютъ необходимымъ все разслѣдовать досконально, сначала пуская въ дѣло свой языкъ, а затѣмъ уже успеленно долбя своимъ клювомъ. Это свойство ихъ становится особенно пріятнымъ, когда они замѣчаютъ, что ихъ способъ изслѣдованія въ концѣ концовъ причиняетъ боль, если лицо или руку совсѣмъ приблизить къ ихъ клѣткѣ; они тогда дѣйствуютъ клювомъ осторожно. Если-же и то и другое держать на нѣкоторомъ разстояніи, то становится забавнымъ наблюдать, какъ дятель своимъ языкомъ ощупываетъ вашъ кончикъ носа или обыскиваетъ бороду. Пущенные свободно въ комнату, они, благодаря своему любопытству, въ нѣсколько мгновеній становятся невыносимыми, но

зато их продвиги способны доставить много удовольствия. Курьезно смотрѣть, когда они разыщутъ открытую книгу; сначала они осторожно перевертываютъ своимъ языкомъ нѣсколько страницъ и, найдя содержаніе книги не по своему вкусу, нѣсколькими ударами клюва отбрасываютъ ее въ сторону. Пасколько умны эти птицы, несмотря на сильныя сотрясенія мозга при долбленіи дерева, видно изъ слѣдующаго наблюденія. Случается иногда, хотя нечасто, что они запутываются однимъ изъ пальцевъ въ петляхъ тонкой проволоки, которою переплетены толстые прутья ихъ кѣтки. Въ такихъ случаяхъ они не бьются отчаянно, потерявъ голову въ безумномъ страхѣ, но внимательно разсматриваютъ злополучное мѣсто и съ помощью клюва осторожно вытаскиваютъ коготь.

«Несмотря на всѣ привлекательныя качества большого пестраго дятла, у него есть и непріятныя стороны, о которыхъ я не могу умолчать. Если его выпустить изъ кѣтки, чтобы вполне насладиться его любознательностью и бойкостью, онъ очень часто садится кому-нибудь на ногу и карабкается по ней, не заботясь о томъ, что его когти причиняютъ боль. Когда-же съ нимъ играютъ, нужно быть всегда осторожнымъ, такъ какъ птица тогда забываетъ, что удары ея клюва могутъ причинить сильную боль. Когда дятель награждаетъ ими своего хозяина, онъ это дѣлаетъ, конечно, шути, отчасти подобно тому, какъ это дѣлаютъ ручныя хищныя птицы; особенную забаву онъ находитъ въ клеваніи пальцевъ, но дѣлаетъ это отнюдь не съ гнѣвомъ или злобою. Эти два качества чужды добродушію моего друга дятла. Если на его кѣтку сидеть другая птица, онъ выказываетъ только радость, что можетъ минутку побывать въ обществѣ, но опять таки не зависть и не злобу.

Дятель очень любитъ общество, хотя съ перваго взгляда этого не предполагаешь, глядя на одиноко летающихъ по лѣсу и саду свободныхъ птицъ. Онъ бываетъ очень благодаренъ, если кто-нибудь займется съ нимъ, и всегда очень определенно выказываетъ хозяину свою любовь къ обществу».

Насколько большіе пестрые дятлы могутъ привязаться къ человѣку, станеть яснымъ изъ нижесприведеннаго сообщенія Гиртанера, которое было уже мною опубликовано почти въ томъ же видѣ, но я не выпускаю его и здѣсь, чтобы отмѣтить вышеупомянутое качество дятловъ. «Одному изъ моихъ питомцевъ, ставшему вполне самостоятельнымъ и научившемуся отыскивать червей, оводовъ, пчель и тому подобное, я хотѣлъ возратить свободу и отнесъ его въ лѣсъ, гдѣ и выпустилъ летать. Онъ тотчасъ-же отъ удовольствія порхнулъ вверхъ на елку и, казалось, чувствовалъ себя вполне хорошо, но все время слѣдилъ за мной. Когда я рѣшилъ было удалиться, онъ началъ испускать призывные крики, полетѣлъ за мной и сѣлъ на меня. Какъ часто и по возможности далеко я ни отходилъ отъ него, онъ всегда умѣлъ найти меня и мнѣ, въ концѣ концовъ, ничего не оставалось болѣе, какъ взять его обратно домой. Другой питомецъ былъ настолько ручнымъ, что пользовался правомъ по желанію улетать и прилетать и, такъ какъ онъ никогда не помышлялъ о бѣгствѣ, то его можно было частенько встрѣтить лазающимъ, какъ дома, по деревьямъ городскихъ бульваровъ. Онъ всегда откликался на мой свистъ, прилеталъ и въ награду получалъ личинокъ майскаго жука. Если-же онъ зналъ, что въ принесенной мною жестянкѣ оставался запасъ ихъ, то его невозможно было отогнать отъ себя. Онъ всегда умѣлъ также находить меня въ публичномъ садикѣ, неподалеку отъ моего дома; здѣсь онъ аккуратно меня обыскивалъ, вымапывалъ какое-либо лакомство: жуковъ, орѣховъ, плодовъ и тому подобное, летѣлъ съ ними на ближайшее дерево, ущемлялъ ихъ въ какую-нибудь выбранную имъ трещину и, разбивъ, возвращался обратно».

Большіе пестрые дятлы иногда дѣлаются добычей голубятниковъ и пернатитниковъ, однако въ лѣсу они умѣютъ спасаться отъ этихъ страшныхъ враговъ, благо-

даря ловкости, съ которой они карабкаются вокругъ стволовъ и укрываются въ расщелины. Ихъ птенцовъ истребляютъ ласки и бѣлки. Къ послѣднимъ, по словамъ Наумана, они питаютъ особенную ненависть и преслѣдуютъ ихъ пугливыми криками, когда замѣтятъ ихъ вблизи гнѣзда.

* *
*

Въ лиственныхъ лѣсахъ долинь вмѣстѣ съ пестрымъ дятломъ водится нѣсколько меньшихъ размѣровъ и болѣе красивый **Средній** или **Верглевый дятель** (*Dendrocopus medius*, *Picus medius*, *cupaedus*, *quercorum*, *roseiventris*, *meridionalis*, *Pipripicus medius*, *Mittelspecht*, *Ereiche moyen*). Длина его 21 см., размахъ крыльевъ 40, длина крыла 13, а хвоста 8; окраска и рисунокъ оперенія весьма красивые. Лобъ и передняя часть головы блѣднаго ржаво-бѣловатаго цвѣта, темя и затылокъ пурпурово-красные, задняя часть шеи и остальные верхнія части черныя. Бока головы и шея, виски и нижнія части до брюшка бѣлые; средняя часть груди блѣдно-ржаво-желтая. Брюхо, задъ и нижнія кроющія перья хвоста свѣтло-пурпурово-красныя. Бока брюха и бедеръ розово-красныя съ черными продольными штрихами. Подъ ушами находятся продолговатыя черныя пятнышки, соединяющіяся узкой полоской и спускающіяся до груди. Бѣлыя пятна плечъ образуютъ одно большое поле. Черныя большія маховыя перья съ пятью, — малыя маховыя съ тремя широкими поперечными пятнами. Малыя кроющія перья крыльевъ съ бѣлыми кончиками. Все вмѣстѣ взятое образуетъ на сложенномъ крылѣ шесть бѣлыхъ поперечныхъ перевязей. Обѣ пары наружныхъ хвостовыхъ перьевъ на концѣ бѣлыя съ двумя темными поперечными полосами, которыя соединяются въ одну на внутреннемъ опахалѣ вторыхъ рулевыхъ перьевъ. Глаза красныя, клювъ синеваато-чернаго рогового цвѣта; ноги сѣровато-черныя. Самки сходны съ самцами, но красный цвѣтъ верхней части головы и нижнія части тѣла у первыхъ свѣтлѣе, а голова и грудь блѣднаго ржаво-желтаго цвѣта. Молодыхъ можно узнать по блѣдному грязно-красному цвѣту верха головы и блѣдно-краснымъ нижнимъ кроющимъ перьямъ хвоста.

Среднiе дятлы принадлежатъ къ числу немногихъ птицъ, которыя только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переходятъ за границы Европы. Область ихъ распространенiя на сѣверѣ простирается до средней Швеции, на юго-востокѣ до Малой Азии, на востокѣ до Бессарабии, на югѣ до Греции, Италii и Испанii, на западѣ до береговъ Атлантическаго океана. Въ Германii и Франциi среднii дятель водится отнюдь не повсемѣстно, но всегда въ опредѣленныхъ районахъ, — и преимущественно въ лиственныхъ лѣсахъ. По наблюденiямъ Шалова, онъ довольно обыкновенный житель Бранденбурга, гнѣздится, напримѣръ, въ ближайшихъ окрестностяхъ Берлина въ Тиргартенѣ, а во время перелета кочуетъ по одиночкѣ въ берлинскихъ садахъ. По Науману, онъ держится въ такихъ-же мѣстахъ, какъ обыкновенный или пестрый дятель, въ лиственныхъ лѣсахъ часто еще обыкновеннѣе, чѣмъ послѣднii. По сообщенiямъ другихъ наблюдателей, напримѣръ Борггреве, онъ по одиночкѣ встрѣчается повсюду въ сѣверной Германii, что, впрочемъ, по моимъ изслѣдованiямъ вѣрно лишь въ томъ смыслѣ, что этотъ дятель бываетъ залетомъ довольно далеко и посѣщаетъ при этомъ такiя области, въ которыхъ онъ прежде не жилъ. Альтумъ нашелъ его въ дубовыхъ лѣсахъ всей Германii, и это показанiе всего ближе къ дѣйствительности, предположивъ, что имѣются въ виду большiе лѣса. Въ Тюрингии его во многихъ мѣстахъ не встрѣчаютъ, такъ что, повидимому, онъ избѣгаетъ чистаго краснолѣся. Въ лиственныхъ лѣсахъ Дании онъ очень обыкновененъ, напротивъ, въ Великобританii онъ совершенно от-

существуетъ. Въ Голландіи его встрѣчаютъ тамъ и сямъ вблизи германской границы, въ Бельгіи только въ Арденскихъ дубовыхъ лѣсахъ. Во Франціи онъ попадаетъ больше на югъ, чѣмъ на сѣверъ, но прилетаетъ сюда на нѣкоторыя мѣста въ большомъ количествѣ, въ другихъ - же совершенно отсутствуетъ. Въ Испаніи, по показаніямъ тамошнихъ орнитологовъ, онъ попадаетъ въ иныхъ мѣстахъ чаще, чѣмъ пестрый дятель. Въ Португаліи онъ принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ, въ Италиіи-же, наоборотъ, столь же рѣдокъ, какъ и въ Греціи, гдѣ Крюперъ наблюдалъ его на Тайгетѣ въ Велухскихъ горахъ, а зимою въ оливковыхъ рощахъ Акарнаниіи. Въ Македоніи и Болгаріи онъ опять обыкновененъ и рѣдокъ въ Бессарабіи и Крыму. Наконецъ въ Россіи, по Палласу, онъ водится только въ западныхъ губерніяхъ.

Благодаря Науману, имѣвшему много случаевъ наблюдать этого дятла, мы имѣемъ прекрасное описаніе образа жизни и поведенія этой птицы. Какъ большинство другихъ осѣдлыхъ и кочующихъ птицъ, средній дятель покидаетъ мѣсто своего жительства уже въ августѣ или въ сентябрѣ, перекочевываетъ изъ одной рощи въ другую, а въ мартѣ снова возвращается обратно. Въ промежутокъ между этими мѣсяцами, въ особенности въ октябрѣ, его встрѣчаютъ повсюду въ рощахъ, въ которыхъ онъ однако не гнѣздится. Многіе остаются въ продолженіи всей зимы въ Германіи, многіе даже въ непосредственной близости района ихъ гнѣздованія, другіе-же избираютъ мѣстомъ своего зимняго пребыванія южныя области. Средніе дятлы странствуютъ по-одиночкѣ, молодые, быть можетъ, вначалѣ вмѣстѣ съ родителями, но никогда не болѣе трехъ птицъ одновременно. Само собою понятно, что они путешествуютъ только днемъ и преимущественно на разсвѣтѣ, при этомъ обыкновенно слѣдуютъ по направленію лѣсовъ и даже отдѣльно сучениныхъ рядовъ деревьевъ и избѣгаютъ далекихъ перелетовъ черезъ поля. Если имъ на пути ихъ пролета долгое время не попадаются лиственные лѣса, то они нѣкоторое время держатся въ хвойныхъ, но во всякомъ случаѣ предпочитаютъ чистый лиственный лѣсъ или по меньшей мѣрѣ избираютъ смѣшанныя рощи, если онѣ имъ придется по нраву. Лѣса по Эльбѣ, состоящіе преимущественно изъ дуба, хотя содержащіе въ себѣ также много вязовъ, осины, серебристыхъ тополей, ольхи и другихъ видовъ деревьевъ въ перемежку съ дугами и пастбищами, служатъ пристанищемъ многимъ изъ нихъ лѣтомъ и зимою. Отсюда, особенно осенью, средніе дятлы перекочевываютъ въ маленькія рощи и на толстоствольныя ивы, посѣщаютъ также плодовые сады и огороды и, смотря по обстоятельствамъ, остаются въ нихъ по недѣлямъ. Ихъ видныя лазаящими по стволамъ то низко надъ землею, то высоко на сучкахъ и даже на самыхъ верхушкахъ, и притомъ одинаково какъ на старыхъ, такъ и на молодыхъ деревьяхъ; точно также они лазаютъ по самымъ тонкимъ вѣтвямъ. На землю, подобно всѣмъ вообще пестрымъ дятламъ, они спускаются только въ исключительныхъ случаяхъ и остаются на ней всегда очень короткое время. Если зимою въ какой-нибудь области они остаются подольше и не находятъ въ ней душла, въ которомъ они могли бы провести ночь, они выдалбливаютъ для этой цѣли новыя, и можно видѣть дятла, часто порядкомъ трудящагося надъ устройствомъ такого помѣщенія, большею частью съ нижней стороны горизонтальнаго гнилого сука.

Даже среди своихъ родичей, средній дятель красиво выдѣляется пестрой красотой своего наряда и сочетаніемъ рѣзкихъ цвѣтовъ чернаго и бѣлаго съ яркимъ краснымъ. Веселостью онъ превосходитъ всѣ другіе виды. Его движенія проворнѣе и быстрѣ движеній большаго пестраго дятла. Если ему случится вступить въ борьбу съ послѣднимъ, онъ умѣетъ оградить себя, ловко увертываясь.

Средніе дятлы мало общественны и неуживчивы; какъ и всѣ дятлы, они постоянно ссорятся между собой и нерѣдко можно видѣть, какъ пара ихъ дерется и съ громкимъ крикомъ комомъ летитъ внизъ, иногда даже на землю. Для причины такихъ дракъ достаточно, чтобы два дятла одновременно полѣзли по одному дереву. Несмотря на такую склонность къ ссорамъ, часто по одной и той же рошѣ косятся компанія изъ нѣсколькихъ дятловъ. Подобно большому пестрому, средній дятель живетъ въ сообществѣ съ синицами, корольками, поползнями и пицухами, и притомъ это сообщество такъ обыкновенно, что только въ исключительныхъ случаяхъ встрѣчаешь средняго дятла безъ свиты изъ этихъ мелкихъ птишекъ. Какъ и его родичи, онъ вѣчно безпокоенъ и подвиженъ; только въ томъ случаѣ онъ на короткое время засиживается на мѣстѣ, когда занятъ на деревѣ вытаскиваніемъ найденной добычи. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, онъ находится въ непрерывномъ движеніи.

Ловкость свою средній дятель проявляетъ только при лазаніи и летаніи. По землѣ онъ скачетъ, если и не совсемъ грузно, то съ сильно-подогнутыми пятками; зато въ лазаніи онъ оказывается настолько искусенъ, что въ этомъ его не можетъ превзойти ни одинъ изъ соотечественныхъ дятловъ. Полетъ его, образующій большую дугообразную линію, легче и быстрѣ полета большого пестраго дятла. На него онъ похожъ своимъ крикомъ, но его «кик» или «кык» звучитъ выше и повторяется быстрѣ и поснѣннѣ, чѣмъ у вышеупомянутаго. Много кричатъ средніе дятлы весною, когда самцы разыскиваютъ самокъ; они притомъ часто садятся на верхушку какого-нибудь высокаго дерева, безчисленное число разъ повторяютъ словъ «кык» и въ заключеніе обыкновенно такъ быстро выкрикиваютъ его, что звукъ этотъ можно назвать трескотней. Этотъ призывъ предназначенъ для самокъ, но привлекаетъ собой и другихъ самцовъ: что служить поводомъ къ дракамъ. Такъ, нерѣдко вскорѣ велѣдъ за этимъ видишь другого самца, съ ожесточеніемъ преслѣдующаго перваго, съ дерева на дерево и съ сучка на сучекъ. Дѣло доходитъ часто до драки, и только, когда оба устанутъ отъ этой гоньбы, они садятся другъ противъ друга и отчаянно кричатъ, но въ это время ихъ пискъ и крикъ совершенно иной, чѣмъ обыкновенно. При этомъ они нахлываютъ свои красивыя, красныя головныя перышки, нѣкоторое время пребываютъ въ угрожающей позѣ, внезапно бросаются вновь другъ на друга и нерѣдко схватываются также, какъ было выше упомянуто. Въ пору спариванія, влюбленный самецъ такимъ же образомъ гоняется за самкой, пока она не покорится ему. Кромѣ того въ пору любви самцы забавляются, барабана по твердымъ сучкамъ, подобно большимъ пестрымъ дятламъ.

Пища средняго дятла почти та-же, какъ у большого пестраго дятла; однако онъ больше, чѣмъ послѣдній любитъ насѣкомыхъ и ѣсть сѣмена деревьевъ только изрѣдка. Чтобы промыслить свое насущное пропитаніе, онъ также влѣзаетъ по стволамъ на деревья, не переставая стучать и долбить по нимъ и вылавливать всѣхъ насѣкомыхъ, которые сидятъ въ трещинахъ коры, подъ нею или въ гнильѣ. Кормомъ ему служатъ корофды, пилыльчики, долгоносики всѣхъ возрастовъ, личинки корофдовъ, древесницы, науки, яйца насѣкомыхъ и гусеницы, — и, такъ какъ его вѣчная дѣятельность обуславливаетъ сильный обменъ вещества, то средняго дятла видишь за работой съ ранняго утра до поздняго вечера. Когда поснѣютъ орѣхи, онъ поснѣщаетъ орѣшники, срываетъ орѣхъ, помещаетъ его, подобно большому пестрому дятлу, въ удобную, выбранную для этого трещину или развилину сучка, раскалываетъ и съѣдаетъ ядро. Точно также поступаетъ онъ съ дубовыми и буковыми желудями, которыхъ ѣсть столь-же

охотно. Подобно большому пестрому дятлу и нередко в сообществѣ съ ним онъ посѣщаетъ вишневые деревья, чтобы сорвать тамъ поспѣвшія ягоды, вынуть косточки и съѣсть ихъ ядро. Онъ ѣсть также сѣмена хвойныхъ деревьевъ, вскрываетъ, подобно большому пестрому дятлу, сосновые шишки, но, повидимому, дѣлаетъ это только тогда, когда онъ не находитъ своей излюбленной пищи.

Пора спариванія начинается уже въ концѣ марта или апрѣля. Въ это время дѣлается вновь оглашается криками нашего дятла. Въ непрестанныхъ стычкахъ съ соперниками, онъ завладѣваетъ наконецъ самкой и начинаетъ отыскивать мѣсто для гнѣзда, если только такого еще не имѣется въ обитаемой имъ мѣстности. Углубленіе для гнѣзда помѣщается рѣдко ниже 6 часто до 20 м. надъ землей, то въ стволѣ дерева, то внутри толстаго сука. Круглое входное отверстіе настолько узко, что оно едва пропускаетъ птицу. Внутренность гнѣзда имѣетъ котловидную удлинненную форму отъ 18 до 25 см. глубиной, рѣдко глубже. Отъ 5 до 7 короткихъ продолговатыхъ, чисто-бѣлыхъ, блестящихъ, гладкихъ янчекъ лежатъ на нѣсколькихъ тонкихъ щепочкахъ на днѣ углубленія, гладко обдѣланнаго по стѣнкамъ, и высиживаются родителями попеременно въ продолженіи 15 дней. Молодые, пока ихъ опереніе еще не достаточно сформировалось, выглядятъ такими-же безобразными, безпомощными, большоголовыми созданиями, какъ птенцы дятловъ другихъ видовъ; растутъ они сравнительно медленно и оставляютъ гнѣздо только тогда, когда совершенно научатся летать. Оба родителя горячо любятъ свое потомство, допускаютъ возможность поймать ихъ на яйцахъ и безразсудно пренебрегаютъ опасностями, которыхъ они въ другое время избѣгали.

Куницы, ласки, ястреба и перепелятники также преслѣдуютъ и ловятъ среднихъ дятловъ. Ласки и другіе маленькіе хищники наносятъ вредъ птенцамъ, наконецъ безтолковые люди уничтожаютъ и стариковъ, и молодыхъ, и яйца. Такъ какъ средній дятель не пугливъ, то его легко обмануть и приманить его подражательными постукиваніями; онъ также ловится на точекъ, въ сѣти, на прутья, намазанные птичьимъ клеемъ и т. д. При извѣстномъ уходѣ онъ въ неволѣ будетъ себя чувствовать, по всей вѣроятности, такъ же хорошо, какъ и большой пестрый дятель. Лично я, къ сожалѣнію, еще ни разу не воспитывалъ среднихъ дятловъ и даже не видѣлъ ихъ въ клѣткахъ, однако нѣтъ сомнѣній, что содержаніе ихъ не представляетъ большей трудности, чѣмъ содержаніе большого пестраго или малаго дятловъ.

* * *

Третій, встрѣчающійся по всей Германіи, хотя не повсемѣстно, пестрый дятель будетъ **Малый пестрый дятель** (*Dendrocopus minor*, *Picus minor*, *hortorum*, *striolatus*, *herbarum*, *ledonci*, *Pipripicus minor*, *Piculus minor*, *hortorum*, *crassirostris*, *pumilus*, *borealis*, *Xylocopus minor*, *Kleinspecht*, *Petit perciche*). Это карликъ изъ нашихъ европейскихъ дятловъ и одинъ изъ самыхъ маленькихъ сочленовъ своего семейства вообще. Передняя часть головы его ржаво-бѣловатая, темя ярко-пурпурово-красное. Затылокъ, узкая продолговатая полоска на задней части шеи, полоска, идущая отъ клюва до ушной области и ниже ея и расширяющаяся къзади, а также всѣ остальные верхнія части имѣютъ основное черное опереніе. Основной цвѣтъ нижней части маути, плечъ и верхней части надхвостья—бѣлый. Но все пересѣкается 3—4 черными поперечными перехватами. Уздечка, виски, зобъ и бока шеи, какъ и нижняя часть—нечисто-бѣлые. Перья зоба украшены довольно большими, бока груди очень узкими продольными штрихами; нижнія кроющія перья хвоста съ черными поперечными перехватами. Черныя большія маховыя перья снабжены снаружи 4—5 маленькими, малыя маховыя двумя широкими бѣлыми поперечными пятнами.

Наиболѣе длинныя, верхнія кроющія перья крыльевъ и малыя маховыя имѣють бѣлыя кончики, что образуетъ на сложенномъ крылѣ 5 бѣлыхъ поперечныхъ полосъ. Крайнія наружныя хвостовыя перья имѣють по бѣлому фону три черныя поперечныя полосы, напротивъ, вторыя бѣлаго цвѣта только на наружномъ опахалѣ и въ конечной половинѣ внутренняго, но черная поперечная полоса еще замѣтна, а на третьихъ перьяхъ бѣлый цвѣтъ встрѣчается только на кончикахъ. Глаза красныя; клювъ голубовато-чернаго роговаго цвѣта; ноги свинцово-сѣрыя. У самокъ нѣтъ краснаго цвѣта на темени, которое, какъ и передняя часть головы, у нихъ буровато-бѣлое. Молодые отличаются отъ матери грязною ржаво-буровато-бѣлою нижнею частью тѣла и особенно еще тѣмъ, что у нихъ красное пятно головы имѣется не только у самцовъ, но и у самокъ. У молодого самца, карминово-красное пятно больше, чѣмъ у молодой самки, у послѣдней оно ктому-же менѣе ярко. Съ недѣлю на недѣлю это красное пятно самки становится меньше и приблизительно черезъ 4 недѣли оно исчезаетъ совершенно; наоборотъ, у юныхъ самцовъ оно остается неизмѣннымъ. Длина малаго пестраго дятла достигаетъ 16 ст., размахъ крыльевъ 30, длина крыла 7, а хвоста 6 ст.

Область распространенія малаго пестраго дятла по крайней мѣрѣ стольже обширна, какъ и большаго. Онъ живетъ по всей Европѣ, отъ Лапланди до крайняго юга, а также въ средней Азiи до Приамурскихъ областей включительно, кромѣ того, въ отличіе отъ большаго пестраго дятла, онъ встрѣчается въ лѣсахъ сѣверной части западной Африки. Нѣкоторые натуралисты считаютъ за отдѣльный видъ малаго пестраго дятла, живущаго въ Восточной Сибири, такъ какъ у него обыкновенно бѣлый цвѣтъ на спинѣ распространень болѣе, чѣмъ у дятловъ, живущихъ у насъ; однако этотъ признакъ присущъ вообще всѣмъ сибирскимъ птицамъ и едва-ли оправдываетъ отдѣленіе одного малаго пестраго дятла отъ другаго. Любимое дерево для гнѣздовья этого дятла—ива. Соотвѣтственно этому онъ живетъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ встрѣчается это дерево, въ особенности онъ обыкновененъ на рѣчныхъ островахъ, покрытыхъ ивами. Уже Радде замѣтилъ въ Восточной Сибири, что малый пестрый дятель избѣгаетъ высокыхъ лѣсовъ и предпочитаетъ имъ молодой ивнякъ, ясеня и тополевыя роши любить въ особенности, однако не менѣе того населяетъ рѣчные острова, заросшіе ивнякомъ. Эльфсъ совершенно согласенъ съ этимъ мнѣніемъ и говоритъ, что малый дятель есть самый обыкновенный изъ дятловъ Македоніи и живетъ въ болотистыхъ ольховыхъ и ивовыхъ лѣсахъ чаще, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Эти данныя вполне подтвердились во время нашего путешествія въ Западную Сибирь. Тамъ, гдѣ мощная Обь разбивается на безчисленные рукава, образуя болѣе или менѣе большіе острова, покрытые старыми и молодыми ивами, малый дятель встрѣчался чаще, чѣмъ всякій другой и мѣстами дѣйствительно долженъ быть причисленъ къ числу обыкновенныхъ птицъ. Въ самомъ дѣлѣ ивы и другія мягкія древесныя породы деревьевъ всего лучше соотвѣтствуютъ его слабымъ силамъ, и если онъ также точно устраиваетъ свое углубленіе для гнѣзда и въ другихъ деревьяхъ, напримѣръ буквыхъ, то это случается только тогда, когда сильно сгнившіе стволы или сучья замѣщаютъ ему слабую древесину ивъ. Благодаря этому, становится понятнымъ его разбросанное мѣстожителство по Европѣ. Въ Германіи онъ представляетъ обыкновенное явленіе въ низменныхъ мѣстностяхъ, богатыхъ ивнякомъ и букомъ, но болышею частью ускользаетъ отъ взора наблюдателя. Одинъ изъ прітелей главнаго лѣсничаго Селинга просилъ его, какъ мнѣ рассказывалъ Гомейеръ, прислать ему малыхъ нестрыхъ дятловъ. Лѣсничій до той поры видѣлъ этого дятла лишь изрѣдка въ своемъ лѣсу, состоявшемъ изъ смѣшанныхъ породъ деревьевъ бука, дуба и ели, поэтому и считалъ его очень рѣдкимъ. Но тѣмъ не менѣе, чтобы удовлетворить желаніе своего прітеля, онъ поручилъ подчиненнымъ ему лѣсникамъ позаботиться о доставкѣ ему дятловъ и ихъ

гнѣздъ. Вслѣдъ за этимъ ему было доставлено въ теченіи двухъ дней 20 малыхъ дятловъ. То-же могло быть и въ другихъ лѣсахъ, растянувшихся по сѣверо-германской низменности. Въ горахъ, напротивъ, малый пестрый дятель попадается всегда очень рѣдко. Точно также онъ представляетъ собой скорѣе осѣдлую, чѣмъ кочевую птицу. Тамъ, гдѣ главнымъ образомъ его находятъ гнѣздящимъ, онъ встрѣчается въ теченіи круглаго года. Однако случается, что изъ долинъ онъ временами посѣщаетъ склоны горъ средней высоты, слѣдовательно и онъ кочуетъ. Это бываетъ регулярно въ осеніе и весеніе мѣсяцы, отъ сентября и октября до апрѣля. Чистый хвойный лѣсъ онъ совершенно избѣгаетъ и даже во время своихъ перелетовъ всегда ищетъ лиственные деревья. Онъ выбираетъ опредѣленную область и облетаетъ ее нѣсколько разъ въ день; въ особенности это замѣтно зимой, когда листва не скрываетъ, какъ въ другое время, его присутствія; центральнымъ пунктомъ его мѣстожителства служить подходящее дупло, такъ какъ въ одномъ изъ такихъ дупловъ онъ и проводитъ ночь. Поэтому-то на своемъ пролетномъ пути онъ и избѣгаетъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ отсутствуютъ такіе благоприятные для него укромные уголки. По словамъ Наумана, ему часто приходится силой выгонять изъ такихъ ночныхъ убѣжищъ синицъ и полевыхъ воробьевъ, которые столько-же, сколько и онъ, любятъ подобные ночлеги, а такъ какъ онъ отправляется на покой поздно въ ихъ, то онъ находитъ ночлегъ уже занятымъ и доступъ въ него никогда не обходится безъ насилія. Кажется, что иногда, благодаря этимъ спорамъ изъ за помѣщенія, онъ бываетъ вынужденъ отказаться отъ своихъ притязаній на мѣсто и устраивать новое.

Этотъ милостивый дятель, какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Науманъ, принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзвыхъ и проворныхъ птицъ своего рода. Съ большою ловкостью онъ скачетъ вверхъ по стволамъ деревьевъ, обѣгаетъ вокругъ, лазаетъ всегда головой кверху, изрѣдка пятясь назадъ, и карабкается по сучьямъ до концовъ вѣтвей, въ человѣческой палецъ толщиной. Онъ много долбитъ и стучитъ по деревьямъ и столь-же искусенъ въ выдалбливаніи помѣщеній для ночлеговъ или гнѣзда, какъ и крупные виды дятловъ, только всегда выскиваетъ наиболѣе мягкія мѣста деревьевъ. Въ старыхъ дубахъ онъ нерѣдко устраиваетъ такія помѣщенія на нижней сторонѣ наклонныхъ или почти горизонтальныхъ кривыхъ вѣтвей. Иногда онъ садится на тонкія вѣтви поперекъ, какъ другія птицы, но при этомъ не держится такъ прямо и прижимаетъ ноги къ тѣлу. По отношенію къ своимъ собратьямъ онъ столь-же завистливъ и драчливъ, какъ и остальные дятлы, почему, за исключеніемъ поры размноженія, онъ встрѣчается въ одиночку. Точно также и въ его свитѣ видишь поползней, синицъ, пищухъ и королекъ, которые носятся вмѣстѣ съ нимъ, но этимъ его общеніе съ ними и ограничивается. По отношенію къ человѣку онъ выказываетъ себя довѣрчивымъ, по крайней мѣрѣ, прежде чѣмъ ускакать или улетѣть, допускаетъ его подойти къ себѣ довольно близко. Голосъ его можно передать слогомъ «кик» или «кхик». Онъ высокаго тона, слабый, нѣжный и протяжный. Иногда онъ повторяетъ одинъ звукъ нѣсколько разъ кряду; въ особенности это бываетъ, когда онъ садится на дерево, пролетѣвъ передъ тѣмъ нѣкоторое пространство. Малый пестрый дятель кричитъ много, въ особенности въ ясную погоду и больше всего конечно весной, въ пору любви. Самецъ дребезжитъ такъ-же, какъ и другіе дятлы, но гораздо слабѣе и въ болѣе высокомъ тонѣ, чѣмъ другіе сородичи.

Въ пору любви, которая начинается въ началѣ мая, малый пестрый дятель особенно примѣтенъ, благодаря своему беспокойству, безпрестанному призывному крику и ворчанію, и тамъ, гдѣ онъ обыкновененъ, случаются жестокие бои между соперниками за обладаніе самкой или между двухъ паръ изъ-за помѣщенія для гнѣзда. Последнее всегда устраивается на значительной высотѣ отъ земли, болѣе всего на

старыхъ высокихъ ивахъ, осинахъ, тополяхъ, букахъ, въ случаѣ необходимости на дубахъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ на садовыхъ или огородныхъ деревьяхъ. Въ Помераніи, по словамъ Гомейера, онъ устраиваетъ гнѣздо всегда на букахъ, стоящихъ на опушкахъ и, по меньшей мѣрѣ, хотя частью загнившихъ и разрыхлѣвшихъ, а не сплошь твердыхъ. Постройка гнѣзда требуетъ большаготруда со стороны этихъ маленькихъ, слабыхъ созданій, поэтому они преимущественно выбираютъ такія мѣста, гдѣ есть обломленный сукъ, внутренность котораго сгнила благодаря доступу сырости. Входъ большею частью находится на высотѣ отъ 15 до 20 м. отъ земли и только въ исключительныхъ случаяхъ на 1,5—10 м. отъ нея. Форма его правильно круглая, какъ будто оно было пробуровлено буровомъ; въ поперечникѣ отверстіе имѣетъ самое большее 4 см. и ведетъ въ помѣщеніе для гнѣзда отъ 10 до 12 см. шириной и отъ 15 до 18 глубиной. Малый пестрый дятель также начинаетъ и не оканчиваетъ много такихъ помѣщеній и тѣмъ самымъ затрудняетъ отысканіе такихъ, которыя дѣйствительно содержатъ въ себѣ гнѣздо. Чтобы научиться отыскивать послѣднія, нужно, по изслѣдованіямъ Пэслера, наблюдать, куда летитъ заботливый самецъ съ кормомъ для самки, сидящей на яйцахъ. Кладка состоитъ изъ 5—7 маленькихъ, блестящихъ, бѣлыхъ яичекъ, иногда скудно покрытыхъ чрезвычайно нѣжными, красными точками. И самецъ, и самка сидятъ на яйцахъ попеременно. Яйца высиживаются въ теченіи 14 дней и молодые воспитываются родителями сообща.

Пища малаго пестраго дятла, повидному, состоитъ изъ однихъ насѣкомыхъ, и въ желудкахъ этихъ птицъ не находятъ ничего другаго ни осенью, ни даже зимою. По соответствующимъ наблюденіямъ Вальтера, они ѣдятъ на свободѣ только личинокъ насѣкомыхъ, червячковъ и другую мягкую животную пищу, наоборотъ, пренебрегаютъ мухами и жуками и даже тѣми муравьиными куколками, которыми были вскормлены птенцы. Поэтому-то они и являются необыкновенно полезными птицами. «Не только для лѣсныхъ деревьевъ», говоритъ Науманъ, «но и для плодовыхъ присутствіе этихъ птицъ по истинѣ благотвительно. Ихъ видишь постоянно клюющими на деревьяхъ и сучкахъ и почти всегда занятыхъ ѣдой, а при послѣдующемъ изслѣдованіи, ихъ желудки бываютъ настолько переполненными всякаго рода часто крошечными губителями деревьевъ, что невольно приходишь въ изумленіе».

Къ счастью, малый пестрый дятель менѣе другихъ дятловъ подвергается преслѣдованію, такъ какъ онъ не такъ замѣтенъ для невѣжественнаго человѣка или быстро скрывается отъ его взора, а тѣ, кто его знаютъ, и безъ того считаютъ его за друга. Конечно, съ другой стороны, его довѣрчивость подвергаетъ его различнымъ опасностямъ. Точно также его можно подманить подражательными постукиваніями или долбленіемъ. Однако, чтобы рассчитывать на успѣхъ, нужно умѣть подражать его долбленію, такъ какъ онъ прилетаетъ только въ томъ случаѣ, если его постукиваніе перенимается искусно.

Пойманные малые пестрые дятлы—всѣми любимыя птички. Беззаботные и довѣрчивые, веселые, бодрые, проворные и рѣзвые, они отличнo уживаются во всякомъ помѣщеніи, но требуютъ, если хотять, чтобы они выказали всѣ свои особенности, такого пространства, въ которомъ они могли-бы стучать и долбить въ свое удовольствіе. Ихъ можно свободно держать вмѣстѣ съ синицами и королями, такъ какъ маленькіе буяны не изъ тѣхъ, которые вносятъ раздоръ въ столь смѣшанное общество. При бѣгломъ взглядѣ такая клетка являетъ собою въ миниатюрѣ извѣстную картину свободной жизни нашихъ лѣсныхъ птицъ. Здѣсь, какъ и тамъ, этимъ милovidнымъ созданіямъ все общество клетке скоро поручаетъ бразды правленія и руководства. Въ похвалахъ этимъ карликовымъ лазунамъ Вальтеръ совершенно согласенъ со мной. «Малый дятель», пишетъ онъ мнѣ, «умная,

вѣчно веселая, довѣрчивая, всегда склонная къ забавамъ птичка, и большой нестрый дятель, въ сравненіи съ нимъ, настоящій глупецъ. Свои шутки онъ учиняетъ самымъ забавнѣйшимъ образомъ и не только ради самого себя, но и приобщаетъ къ своимъ играмъ часто и своего хозяина. Стоитъ махнуть рукой или платкомъ, какъ все общество приходитъ въ самое радостное смятеніе, такъ что около пяти минутъ всѣ находятся въ самомъ веселомъ движеніи и гоняются, лазая, подобно обезьянамъ вокругъ столба. Затѣмъ одинъ изъ нихъ прячется за столбъ, поднявъ перпендикулярно свои крылышки, другой находитъ его, и оба начинаютъ бѣгать, словно танцуя, вокругъ ствола съ поднятыми отвѣсно и почти прикасающимися своими концами крыльями, все время дразня и преслѣдуя другъ друга. Часто я долженъ былъ подходить, чтобы уговорить птицъ; тогда все семейство тотчасъ подлетало къ рѣшеткѣ и высунутыми языками осторожно все время ощущивало приложенныя къ клеткѣ ладони».

Въ дополненіе къ предыдущему, тотъ-же наблюдатель разсказалъ мнѣ еще одну пріятную исторію. «Чтобы имѣть возможность изучить какъ внѣшнія особенности, такъ и внутренній міръ этихъ птичекъ, я вынулъ изъ дупла пять, уже слегка оперенныхъ птенцовъ и посадилъ ихъ вмѣстѣ съ птенцомъ большого нестраго дятла ихъ-же возраста. Всѣхъ шестерыхъ я кормилъ муравьиными яйцами, которыхъ они еще не умѣли какъ слѣдуетъ брать съ земли, хотя послѣ нѣкоторыхъ попытокъ доставали ихъ изъ бумажной трубки, которую я держалъ передъ клювомъ. Почти черезъ четыре дня вскармливанія, малые нестрые дятлы, одинъ за другимъ, оставили устроенное для нихъ гнѣздо, начали лазать вокругъ стволовъ деревьевъ, которые я поставилъ имъ въ клетку, и стали брать кормъ даже съ земли. Едва они приспособились кормиться самостоятельно, какъ, одинъ за другимъ, стали брать клювомъ по одному муравьиному яйцу, бѣгать къ сидѣвшему въ гнѣздѣ птенцу большого нестраго дятла и снабжать его ими. Прежде, чѣмъ пятый успѣвалъ отдать свое яйцо, первый уже былъ на мѣстѣ съ новымъ яйцомъ, и въ такомъ въ порядкѣ это продолжалось до тѣхъ поръ, пока птенецъ большого нестраго дятла переставалъ брать кормъ. Лишь только онъ снова чувствовалъ голодъ, кормленіе повторялось въ томъ-же послѣдовательномъ порядкѣ. Каждый изъ малыхъ дятловъ отдавалъ свою куколку и приносилъ новую, пока, по прошествіи нѣсколькихъ дней, большой нестрый дятель не оказался въ состояніи кормиться самостоятельно.

«Такъ какъ, въ виду одного предстоящаго продолжительнаго путешествія, я не могъ содержать этихъ милыхъ птичекъ, то рѣшилъ, послѣ двухъ-мѣсячнаго содержанія въ клеткѣ, предоставить имъ свободу. Я отнесъ ихъ въ маленькой клеткѣ въ Берлинскій зоологическій садъ и посадилъ ихъ на крѣпкой стволъ въ сторонѣ стоящаго дуба, который тотчасъ-же всѣмъ нитеро и привились долбитъ. Вскорѣ они, казалось, совершенно углубились въ свое занятіе. Но лишь только я дѣлалъ видъ, что хочу удалиться, нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ-же оказывались на моей груди или плечахъ. Тогда мнѣ не оставалось ничего другого, какъ отломить густую, крѣпкую вѣтку и, махая и ударяя ею по стволу, до тѣхъ поръ пугать моихъ довѣрчивыхъ птичекъ, пока онѣ не стали боязливыми. Если-бы я это не сдѣлалъ, онѣ попали-бы въ руки другихъ людей и, можетъ быть, въ короткое время ихъ постигла-бы печальная участь». Два воспитывавшихся у меня малыхъ нестрыхъ дятла были добыты для меня пріятелями и приучены къ корму изъ муравьиныхъ яицъ; они чувствовали себя превосходно, пока я могъ снабжать ихъ свѣжими муравьиными яйцами. Но затѣмъ они, одинъ вслѣдъ за другимъ, околѣли, и я не могъ объяснить себѣ причину этого. Вальтеръ объяснилъ мнѣ ее. Птицы эти имѣютъ настолько слабые органы пищеваренія, что не могутъ переносить плохопереваримыя вещества, какъ крылья насѣко-

мыхъ, лапки и тому подобное, поэтому портятъ свои желудки и умираютъ отъ изнуренія. Въ этомъ должно заключаться затрудненіе держать ихъ въ клѣткѣ долгое время.

Само собою разумѣется, что тѣ-же враги, которые опасны для остальныхъ видовъ дятловъ, преслѣдуютъ и малыхъ пестрыхъ дятловъ. Одни изъ нихъ дѣлаются добычей враговъ, другіе же укрываются отъ нихъ, благодаря своей замѣчательной ловкости. Ихъ беззаботная довѣрчивость часто служитъ причиною, что они дѣлаются жертвами неопытныхъ, но жестокихъ стрѣлковъ. Однако нельзя сказать, чтобы количество ихъ уменьшалось, такъ какъ, къ счастью, зима рѣже доводитъ ихъ до большой нужды, чѣмъ другихъ дятловъ, а гнѣзда ихъ въ большинствѣ случаевъ ускользаютъ отъ взора собрателей птичьихъ яицъ.

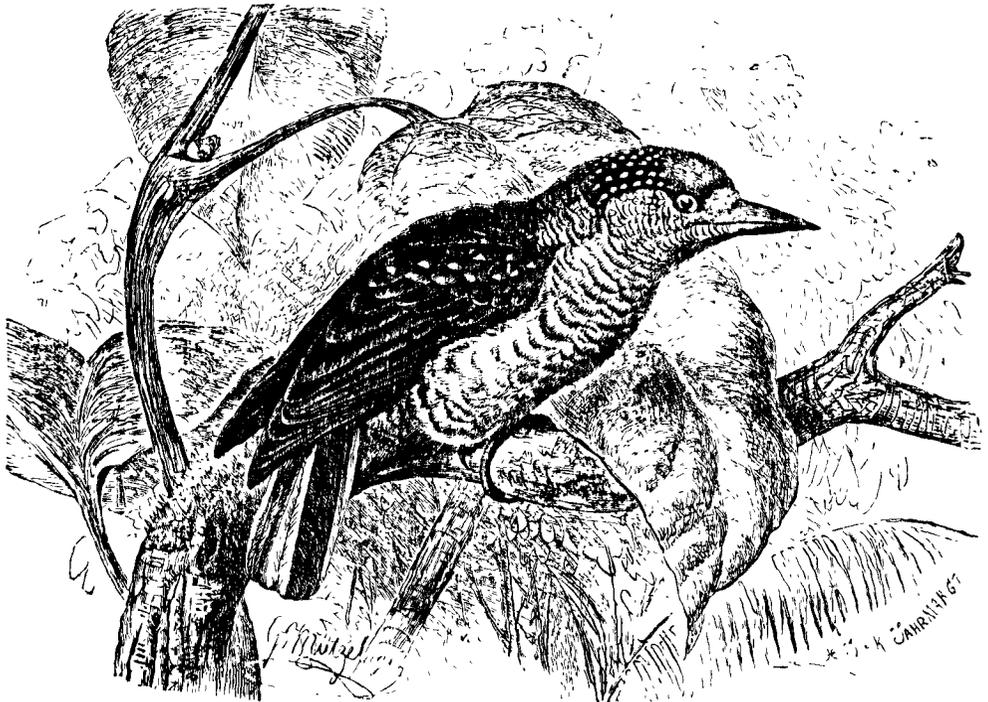
Самый рѣдкій изъ нашихъ дятловъ—**Бѣлоспинный дятель** (*Dendrocopus leucopotus*, *Picus leucopotus*, *leucotis*, *polonicus*, *cirris*, *Pipripicus leucopotus*, *uralensis*, *Pipricus* и *Dendrodromas leucopotus*. Weissspecht. Pic pie). Онъ значительно превосходитъ большого пестраго дятла величиной и только немного меньше сѣдоловаго дятла,—такъ какъ длина его достигаетъ 26—28 см., размахъ крыльевъ между 47 и 50 см., длина крыла 16, а хвоста 10 см. Лобъ и передняя часть головы его—бѣлые съ блѣдно-ржавымъ отблескомъ; темя и затылокъ пурпурово-красные, причѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что сѣрый цвѣтъ основаній перьевъ просвѣчиваетъ. Занескъ, вся задняя часть шеи и верхъ тѣла черные; такого-же цвѣта полоска, начинающаяся отъ угловъ рта, и идущая ввысь съ боковъ шеи, соединяясь здѣсь съ другими широкими полосами, отходящими отъ области уха и простирающимися по сторонамъ зоба. Передняя часть спины и плечевая область—бѣлыя съ немногими узкими черными поперечными полосками. Уздечка, виски, бока головы и шеи, а равно и нижнія части бѣлыя. Бока бедеръ, брюхо и гузка черныя. Нижнія кроющія перья хвоста яркаго пурпурово-краснаго цвѣта. Бока груди и брюха покрыты узкими продольными штрихами. Большія маховыя перья снаружн имѣютъ 4, малыя маховыя 2 широкія поперечныя полосы. Малыя кроющія перья крыла и самыя длинныя изъ верхнихъ кроющихъ съ широкими бѣлыми концевыми ободками. Такимъ образомъ на сложенномъ крылѣ образуются 6 широкихъ бѣлыхъ поперечныхъ полосъ. Оба самыхъ крайнихъ хвостовыхъ пера у основанія черныя, все остальное у нихъ бѣлаго цвѣта и украшено двумя темными поперечными полосами, которыя на вторыхъ перьяхъ остаются замѣтными только на внутреннемъ опахалѣ, а на третьихъ, на концѣ бѣлыхъ рулевыхъ перьевъ, эти полосы сливаются въ одну. Радужная оболочка отъ желто-краснаго до бѣлаго цвѣта. Клювъ темнаго синеватаго роговаго цвѣта, на концѣ черный; ноги свинцово-сѣрыя. Самка отличается отъ самца чернымъ цвѣтомъ темени; молодой, по Альтуму,—недостаточною ясностью въ окраскѣ оперенія. Черныя затылочные перья ихъ имѣютъ тускло-красныя кончики почти до половины темени, такъ что передняя часть верха головы кажется черной, усѣянной тускло-красными точками. Нижняя часть тѣла у молодыхъ грязно-бѣлая и только самыя послѣднія перья брюха и нижнія кроющія перья хвоста съ пурпурово-красноватымъ налетомъ. Впрочемъ, нижняя часть, какъ и у старыхъ птицъ, покрыта продольными штрихами, постепенно исчезающими по направленію къ хвосту.

Въ Греціи и Малой Азіи вмѣсто бѣлоспиннаго дятла водится близко стоящій къ нему, въ послѣднее время отдѣленный въ особый видъ другой дятель, котораго мы назовемъ **Греческимъ дятломъ** (*Picus lilfordi*. Hellenenspecht. Pic grec.). Онъ отличается отъ бѣлоспиннаго темнымъ пурпурово-краснымъ цвѣтомъ темени и затылка, широкими черными и бѣлыми поперечными полосами на плечахъ и верхней части спины и наконецъ нѣсколько ярче окрашенной нижнею частью тѣла.

Область распространения бѣлоспиннаго дятла охватываетъ сѣверную и сѣверо-восточную Европу, а также всю южную Сибирь до Приамурскихъ областей. Въ Германіи онъ встрѣчается только изрѣдка и мнѣ кажется его правильнѣе принять за бродячую, чѣмъ за осѣдлую и у насъ гнѣздящую птицу. Въ Испаніи, Италіи, Франціи, Бельгіи, Голландіи, Даніи и Англии, онъ, насколько извѣстно, до сихъ поръ еще не наблюдался; напротивъ, въ южной Скандинавіи онъ встрѣчается нерѣдко. По словамъ Коллетта, онъ въ большомъ количествѣ гнѣздуетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ низменностей въ провинціяхъ Христіанія и Гамаръ, но къ сѣверу еще обыкновеннѣе и особенно въ Эркедалѣ и Сюрендалѣ принадлежитъ къ числу наиболѣе обыкновенныхъ изъ живущихъ тамъ дятловъ. Въ Швеціи, по словамъ Нильсона, мѣсто-нахожденіе его разбросано то тамъ, то сямъ, и на сѣверѣ онъ встрѣчается чаще, чѣмъ на югѣ; однако, повидимому, область его распространения не простирается до наиболѣе сѣверныхъ частей Скандинавіи. Финляндія связываетъ эту область съ Россіей, включая Остзейскія провинціи и Польшу, каковыя области, быть можетъ, и нужно разсматривать въ Европѣ, какъ его настоящую родину. Въ Сибири, по словамъ Раде, онъ, безъ сомнѣнія, населяетъ всѣ лѣсныя области южной части. Я думаю, что всѣ бѣлоспинные дятлы, находимые въ Германіи, а именно въ восточной и западной Пруссіи, Силезіи, въ Бранденбургѣ, Мекленбургѣ, а также въ Баваріи, Богеміи, сѣверной Австріи и на Пиринейхъ, должны быть разсматриваемы, какъ залетныя птицы, которыя, перейдя однажды границу ихъ настоящей области распространения, дѣлаются, при случаѣ, осѣдлыми и выводятъ птенцовъ.

О свободной жизни бѣлоспинныхъ дятловъ обстоятельно говоритъ только Тачановскій. «Бѣлоспинный дятелъ водится въ Польшѣ повсюду, но немногочисленъ, напротивъ, онъ попадается всегда рѣже, напримѣръ, большого пестраго дятла. Онъ живетъ въ лиственныхъ лѣсахъ, въ особенности если они состоятъ изъ дуба, березы и вяза; въ хвойныхъ лѣсахъ, напротивъ, онъ не встрѣчается. Отъ стальныхъ дятловъ онъ отличается спокойнымъ характеромъ. Онъ не такъ громко кричитъ, осторожнѣе въ своихъ движеніяхъ и даже призывной крикъ его слышится рѣже, чѣмъ другихъ дятловъ. Часто онъ засиживается по часу на одномъ деревѣ, обыскиваетъ его по всѣмъ направленіямъ и довольно проворно и тихо добываетъ свой кормъ. Несмотря на свой болѣе крѣпкій клювъ, онъ производитъ своимъ стукомъ менѣе шума, чѣмъ другіе пестрые дятлы; напротивъ, онъ трудится спокойно и для этого выбираетъ, насколько возможно, сильно сгнившія деревья, отдѣляя отъ нихъ только кору. Зимой его нерѣдко встрѣчаютъ въ садахъ и мѣстечкахъ. Здѣсь онъ остается, при случаѣ, на цѣлый день и довольствуется, не обращая вниманія на людей, обыскиваніемъ немногихъ деревьевъ или терновыхъ кустовъ. Въ пору размноженія онъ барабанитъ такимъ же образомъ, какъ и другіе пестрые дятлы, но производимый имъ шумъ не бываетъ громкимъ и слышенъ не такъ далеко. Его пища состоитъ исключительно изъ насѣкомыхъ. Нѣсколькими днями ранѣ чернаго дятла, большею частью уже въ началѣ апрѣля, онъ приступаетъ къ устройству гнѣзда, а въ срединѣ мая молодые его уже оставляютъ. Гнѣздо помѣщается внутри сильно выгнивашаго дерева, преимущественно на березѣ, ясени, вязѣ, рѣдко на дубѣ, въ большинствѣ случаевъ въ стволѣ, приблизительно на высотѣ 4—6 м. отъ земли. Его особенная любовь къ сгнившимъ деревьямъ настолько велика, что онъ изъ нихъ выбираетъ такія, которыя держатся только корой. Со мной лично былъ случай, что одно изъ такихъ деревьевъ, въ которомъ было гнѣздо съ птенцами, и которое служило для гнѣзда уже нѣсколько лѣтъ, въ полномъ смыслѣ слова разлетѣлось на куски, когда я его сталъ тряссти. Опытный наблюдатель можетъ узнать о гнѣздѣ бѣлоспиннаго дятла не только по лежащимъ внизу сравнительно большимъ щепкамъ,

но и по совершенно круглому входному отверстию, тогда какъ у другихъ видовъ, какъ извѣстно, оно обыкновенно бываетъ нѣсколько продолговатымъ. Помѣщеніе для гнѣзда у бѣлоспиннаго дятла просторнѣе, чѣмъ у большого пестраго, иногда такъ же широко и глубоко, какъ у зеленого дятла. Обычная кладка составляетъ три яйца; я знаю только единственный случай, когда въ одномъ гнѣздѣ было найдено 4. Яйца бѣлоспиннаго дятла можно смѣшать съ яйцами большого пестраго, но они варьируютъ формой; одни изъ нихъ продолговаты, другія, наоборотъ, имѣютъ очень круглую форму». Изъ другихъ, опубликованныхъ наблюденій надъ бѣлоспиннымъ дятломъ, можно упомянуть еще слѣдующія. Нильсонъ, соглашаясь съ Тачановскимъ, что бѣлоспинный дятель предпочитаетъ лѣса съ выгнившими деревьями всякимъ другимъ, утверждаетъ, что онъ живетъ и въ хвойныхъ лѣсахъ, и замѣчаетъ, что онъ не

Карликовый дятель. *Picumnus minutus*. Наст. вел.

особенно пугливъ, всегда ищетъ кормъ на верхушкахъ деревьевъ, лѣтомъ обыкновенно встрѣчается парами, зимою, напротивъ, часто наблюдается и семьями. Коллетъ сообщаетъ, что онъ ловилъ этихъ дятловъ силками каждую осень, чѣмъ подтверждается, что они не совсемъ пренебрегаютъ и растительной пищей. Наконецъ, Альтумъ сообщаетъ въ высшей степени интересныя данныя объ ихъ гнѣздованіи въ Германіи. До того времени было извѣстно только два случая, когда бѣлоспинный дятель выводилъ птенцовъ въ нашемъ отечествѣ, именно въ окрестностяхъ Мюнхена и въ Силезіи; не безъ нѣкотораго удивленія было дознано, что подобные случаи, по крайней мѣрѣ по мнѣнію Альтума, вовсе не были такой рѣдкостью. Какъ полагаетъ вышеупомянутый изслѣдователь, бѣлоспинный дятель, можетъ быть, уже много лѣтъ гнѣздится въ Бранденбургѣ. Одна самка въ коллекціи школы лѣсничихъ въ Эберсвальдѣ, была убитая въ птенцовую пору въ Лисскомъ лѣсу, одинъ самецъ былъ убитъ тамъ-же въ юнѣ 1847 года. Однако несомнѣнное гнѣздованіе дятла

было подтверждено Альтумомъ только 29 мая 1872 года и благодаря тому, что кандидатъ-лѣсоводъ Гессе принесъ одного стараго самца въ влиявшемъ опереніи, котораго онъ убилъ за день до этого въ Липскомъ лѣсу, въ то время какъ птица была занята кормленіемъ своихъ птенцовъ. Послѣ настоятельной просьбы добыть молодого птенца, таковой былъ убитъ 1 июня. Итакъ, право германскаго гражданства бѣлоспиннаго дятла, благодаря этому, не можетъ болѣе быть оспариваемо.

Къ четвертому подсемейству дятловыхъ мы присоединимъ **Мягкохвостыхъ дятловъ** (*Picumninae. Weichschwanzspechte*), изъ которыхъ стало извѣстнымъ около 30 видовъ. Кабанисъ совершенно справедливо считаетъ ихъ переходной формой между вышеописанными дятлами и вертиголовками. Въ общемъ они имѣютъ видъ нашихъ дятловъ, но не обладаютъ жесткимъ хвостомъ и необыкновенно малы, не больше нашихъ корольковъ. Клювъ ихъ продолговатый, конусовидный, прямой, заостренный и безъ ясныхъ граней. Ноги устроены на подобіе ногъ дятловъ, сравнительно съ величиной птицы не слабы и не малы. Когти имѣютъ серповидную форму когтей дятловъ. Четвертое и пятое маховыя перья короткихъ, очень мягкихъ и округленныхъ крыльевъ длиннѣе другихъ. Хвостъ состоитъ изъ 12 укороченныхъ съ боковъ, мягкихъ и округленныхъ перьевъ, изъ которыхъ, самыя крайнія такъ-же коротки, какъ и у настоящихъ дятловъ. Опереніе чрезвычайно мягкое и состоитъ изъ немногихъ, сравнительно съ величиной тѣла очень большихъ перьевъ.

Это подсемейство живетъ преимущественно въ Южной Америкѣ, однако въ Африкѣ былъ найденъ одинъ, а въ Индіи три сюда принадлежащихъ вида. Обстоятельныхъ свѣдѣній объ образѣ жизни этихъ птицъ еще нѣтъ, а различныя сообщенія въ общемъ мало согласуются другъ съ другомъ.

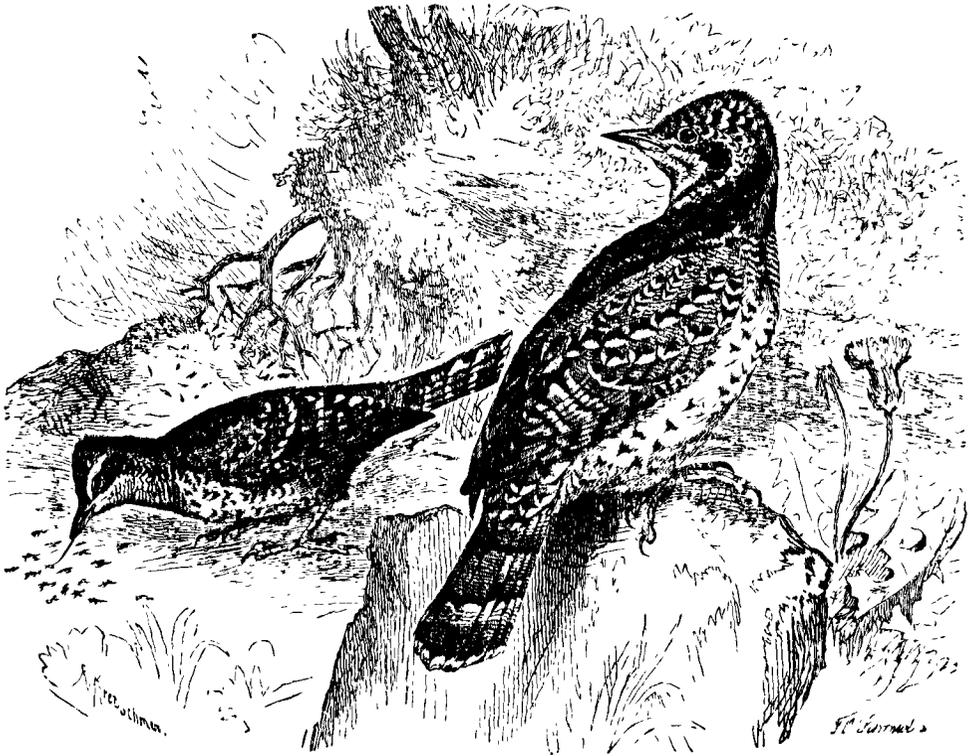
* * *

Карликовый дятель (*Picumnus minutus, cirratus, minutissimus, cayanensis, Picus minutus, minutissimus, Pipra minuta, Yunx minutissima. Zwergspecht. Picucule*) имѣетъ верхнюю часть головы черную, съ нѣжными бѣлыми крапинками; всѣ остальныя верхнія части его сѣро-бурыя. Нижнія части съ поперечными полосами бѣлаго и чернаго цвѣта. Лобъ и передняя часть темени у самцовъ красныя, у самокъ съ бѣлыми пятнышками, какъ и остальная часть темени. Черно-бурыя маховыя перья оторочены желтоватымъ цвѣтомъ, кроющія перья—свѣтлою каймою. Рулевые перья хвоста черныя, боковыя имѣютъ широкія бѣлыя полосы на наружныхъ опахалахъ, оба среднихъ имѣютъ такія-же полосы на внутреннихъ опахалахъ. Глаза сѣро-бурые; клювъ у основанія свинцово-го цвѣта, на спинкѣ и концѣ черноватый. Ноги свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 9 см., размахъ крыльевъ 15, длина крыла 4,8, а хвоста 2,5.

Карликовый дятель встрѣчается нерѣдко во всѣхъ береговыхъ лѣсахъ Гвианы и Парагвая и часто появляется вблизи селеній. Лѣтомъ онъ живетъ парочками, въ холодную пору небольшими обществами, кочующими на довольно далекія разстоянія. По образу жизни карликовый дятель, по словамъ принца фонъ Видъ, сходенъ съ другими дятлами и въ поискахъ за насѣкомыми и ихъ личинками бѣгаетъ вокругъ стволовъ. Бурмейстеръ, напротивъ, утверждаетъ, что ихъ образъ жизни совершенно похожъ на образъ жизни корольковъ. Вместе съ тѣмъ оба наблюдателя подтверждаютъ сообщеніе Азары, что птичка эта карабкается по стволамъ деревьевъ, а иногда прыгаетъ съ вѣтки на вѣтку. Шомбургъ встрѣчалъ карликовыхъ дятловъ въ стаяхъ

различныхъ летавшихъ по лѣсу птицъ, но находилъ ихъ нерѣдко въ садахъ и на плантаціяхъ. Въ одномъ саду онъ ежедневно видѣлъ парочку этихъ птицъ, шмыгавшихъ то туда, то назадъ въ дуплѣ сука, но, повидимому, самъ онъ гнѣзда не находилъ. Отъ Чуди мы узнаемъ объ одномъ родственномъ видѣ, который живетъ въ Перу и выводитъ четырехъ птенцовъ. Это все, что мы нашли относительно образа жизни этой миловидной птички.

Вертиголовки (Yunginae. Wendehäse. Torcols), которыхъ можно разсматривать какъ наиболѣе низко стоящихъ дятловъ, принадлежатъ исключительно къ птицамъ Стараго Свѣта. Тѣло ихъ вытянутое, шея длинная, голова довольно маленькая, крылья короткія и мягкія, третье маховое перо ихъ самое длинное. Хвостъ корот-

Вертиголовка. *Yungix torquilla*. $\frac{3}{5}$ наст. велич.

кій, широкій и мягкоперый; клювъ короткій, прямой, совершенно коническій, заостренный и только съ боковъ слегка сжатый. Ноги довольно сильныя съ четырьмя попарно расположенными пальцами. Опереніе рыхлое и мягкое. Сильно вытянутый языкъ имѣетъ форму шнура, безъ зазубринъ на концѣ.

* * *

Наша **Вертиголовка**, **Тикунъ**, **Вертишейка**, (*Yungix torquilla*, *japonica*, *major*, *arboorea*, *punctata*, *septentrionalis*, *meridionalis*, *Cuculus subgriseus*, *Torquilla striata*. *Wendehals*. *Torcol ordinaire*), сверху пестро-сѣрая съ темными волнистыми пятнами и крапинками; нижняя часть ея бѣлая и скудно покрыта темными трехугольными пятнышками; горло и нижняя часть шеи въ поперечныхъ волнистыхъ поло-

сахъ по желтому фону; отъ темени до нижней части спины тянется черноватая продольная полоска. Остальной рисунокъ верхней части тѣла состоитъ изъ черноватыхъ, ржаво и свѣтло-бурыхъ пятенъ. Маховыя перья—съ красно-бурыми и черво-бурыми полосками. Хвостовыя перья съ нѣжными черными крапинками и имѣютъ на себѣ пять узкихъ изогнутыхъ полосокъ. Глаза желтобурые; клювъ и ноги зеленовато-желтыя. У молодыхъ окраска блѣднѣе, рисунокъ грубѣе и глаза сѣро-бурые. Длина достигаетъ 18 см., размахъ крыльевъ 29—30, длина крыла 9, хвоста 6,5 см.

Вертиголовки населяютъ половину земного шара, но родина ихъ лежитъ на сѣверѣ, т. е. въ средней Европѣ и въ средней Азш. Въ Германш она водится повсюду, если не считать высокихъ горъ и глухихъ лѣсовъ. Къ сѣверу область ея распространѣнш тянется до средней Скандинавш и заходитъ въ Финляндш, къ востоку-же до Приамурскихъ областей включительно. Въ средней и южной Россш она повсюду обыкновенна и даже въ степяхъ представляетъ собою обычное явленше; въ Даурш она не рѣже, чѣмъ въ Европѣ. Какъ далеко на югъ тянется область ея распространѣнш, съ опредѣленностью сказать нельзя; могу сказать только одно, что тамъ ее встрѣчаютъ гораздо рѣже, чѣмъ у насъ. Напримѣръ, на низменностяхъ Испанш, по моимъ наблюдешамъ, она болѣе не является гнѣздящейся птицей; то же самое, повидимому, и въ Грецш. Причины этого, я думаю, нужно искать въ обѣдненш древесной растительности въ равнинахъ Испанш и Грецш, хотя этому рѣшительно противорѣчитъ пребыванше вертиголовки въ степяхъ. Но послѣднш, благодаря рѣдкому заселешю и среди немногихъ деревьевъ, зеленѣющихъ по долинамъ рѣкъ, являются для нея мѣстами, настолько гарантирующими существованше, что она можетъ прекрасно жить при тѣхъ же условшяхъ, которыя затрудняютъ или дѣлаютъ невозможнымъ ея пребыванше въ Испанш и Грецш. Въ Итали, по словамъ Лессона и графа Сальвадори, она принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ птицъ страны, появляется регулярно весной, гнѣздится, и осенью снова улетаетъ. На пути ея перелета ее видятъ по всему Египту, Нубш и въ Восточномъ Суданѣ, который, повидимому, долженъ считаться ея конечнымъ зимнимъ пристанищемъ. То же самое, по Жердону, относится и къ Индш, гдѣ вертиголовка наблюдалась во всѣхъ изслѣдованныхъ мѣстностяхъ, но исключительно зимою. Сообщенше Линдермайера, что вертиголовка «перезимовываетъ въ Грецш и въ октябрѣ до марта мѣсяца рѣдко наблюдается въ оливковыхъ рощахъ», подтверждено наблюдешями Брюнера. Такъ, одна вертиголовка, находящаяся теперь въ музеѣ въ Афинахъ, была убита 3 января 1868 г. въ Атикѣ, другая 5 февраля 1874 г. въ свѣжнюю погоду, и даже зимою 1870 г. одна мертвая птица была найдена въ свѣгу на Олимпѣ. Лессона и Сальвадори также замѣчаютъ въ своемъ прекрасномъ переводѣ на итальянскш языкъ перваго изданш «Жизни жгготныхъ», что вертиголовка вовсе рѣдко наблюдалась зимою въ средней и южной Итали.

Въ Германш вертиголовка появляется только тогда, когда наступитъ полная весна, и снова покидаетъ насъ ранѣе, чѣмъ пройдетъ лѣто. При хорошей весенней погодѣ она прилетаетъ къ намъ уже между 10 и 15, но обыкновенно только между 20 и 30 апрѣля, иногда даже въ первыхъ числахъ мая, остается на своихъ мѣстахъ гнѣздованш до начала августа, рѣдко дольше. Послеъ этого начинается ея перелетъ и если позже этого, до сентября, случается видѣть еще нѣкоторыхъ изъ нихъ, нужно считать ихъ за такіе экземпляры, которые вывели птенцовъ на сѣверѣ и находятся въ нашей странѣ проездомъ. Перелетъ ихъ совершается ночью; онѣ даже собираются осенью маленькими стайками, отправляясь сообща въ свой дальнш путь, тогда какъ, возвращаясь къ намъ, онѣ летятъ разбившись. Однако и

весной еще въ Египтѣ или Суданѣ видинь сборища этихъ столь необщительныхъ въ другое время птицъ.

Въ мѣстахъ своего гнѣздовья вертиголовка выбираетъ области, богатые старыми деревьями, однако не сплошь заросшія ими. Любимымъ мѣстопребываніемъ ея служатъ полевыя рощи, сплетающіеся кустарники или плодовые деревья. Она не боится человека и охотно поселяется въ непосредственной близости домовъ, на примѣръ въ садахъ, если только въ одномъ изъ деревьевъ найдется подходящее дупло, которое могло-бы служить ей помѣщеніемъ для гнѣзда.

Тамъ, гдѣ живетъ вертиголовка, ее очень легко замѣтить, по крайней мѣрѣ весной, такъ какъ ея голосъ нетрудно слышать, тѣмъ болѣе, что самка всегда аккуратно отвѣчаетъ на зовъ самца. Стоитъ только пойти на повторяемое часто разъ 20 «віи ид віи ид», и вскорѣ замѣтишь эту удивительную птичку. Она сидитъ или на вѣткѣ какого-нибудь дерева, или прищипившись къ стволу его, или на землѣ, какъ тамъ, такъ и здѣсь довольно спокойно, не отнюдь не неподвижно. Лишь только она увидитъ, что за ней наблюдаютъ, она тотчасъ же въ полной мѣрѣ оправдываетъ свое названіе. Нельзя сказать, чтобы она была неуклюжа или неловка, но она лѣзлива и двигается только тогда, когда это необходимо нужно. Въ ней вовсе не замѣчается неутомимости и рѣзвости дятловъ и другихъ лазающихъ птицъ. Ея лазающія ноги служатъ ей для того, чтобы прищипляться, но, повидимому, совсѣмъ не пригодны для лазанія. По землѣ она скачетъ грузными прыжками и, полетѣвъ, вскорѣ опять направляется къ какому-нибудь дереву. Съ высоты она долетаетъ, стремглавъ, почти вилотвную къ самой землѣ, пролетаетъ здѣсь быстрыми взмахами крыльевъ нѣкоторое разстояніе по прямой линіи и снова большой правильной дугой поднимается къверху. Только въ случаѣ нужды она пролетаетъ большія разстоянія, и движется плавной волнообразной линіей.

Птичка эта выказываетъ изумительную способность вертѣть шею, благодаря которой она приобрѣла одно и то же названіе почти на всѣхъ языкахъ. Все необыкновенное раздражаетъ ее, заставляетъ строить гримасы, которыя становятся тѣмъ страннѣе, чѣмъ больше она бываетъ испугана какъ-нибудь явленіемъ. «Она вытягиваетъ шею», говоритъ Науманъ, «нахохливаетъ головныя перья и распускаетъ хвостъ вѣромъ, и все это сопровождается медленными повторяющимися киваніями, или же она вытягиваетъ все туловище, наклоняется, въ особенности когда она сердится, впередъ, закрываетъ глаза и двигаетъ горломъ на подобіе древесной лягушки, испуская странное глухое воркотаніе. Подъ вліяніемъ страха, на примѣръ, когда она поймана и ее хотятъ взять въ руки, она дѣлаетъ такія удивительныя гримасы, что незнакомый съ ними долженъ, если не испугаться, то все-таки удивиться. Съ нахохленными перьями головы и на половину закрытыми глазами, она особенно вытягиваетъ шею и очень медленно двигаетъ ею подобно змѣѣ, такъ что голова двигается волнообразно, а клювъ то назадъ, то впередъ». Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этимъ вертиголовка хочетъ напугать своего врага или нападающаго на нее. Какъ удадь, при видѣ хищной птицы, прижимается къ землѣ и старается свойственными ему движеніями спрятаться отъ врага, такъ точно вертиголовка пытается обмануть и испугать непріятеля; она полагается на свое незамѣтное опереніе, которое похоже на древесную кору или почву и кромѣ того перенимаетъ движенія змѣи, которая наводитъ страхъ на большинство животныхъ. Когда Гриль въ сопровожденіи молодой собаки, прогуливался въ одно прекрасное утро по парку, его собака внезапно встрѣтила что-то и сдѣлала стойку у одного маленькаго куста. Гриль подошелъ и увидѣлъ, что она лаяла на вертиголовку, летавшую на землѣ и продѣлывавшую свою удивительную мимику,

распустив хвостъ и крылья, вытянувъ шею, двигая головой подобно змѣѣ, закрывъ глаза, нахохливъ головныя перья, и такъ далѣе. Онъ принесъ птицу домой и посадилъ ее въ клетку. Здѣсь она приняла свое натуральное положеніе и, когда потомъ была снова выпущена на свободу, то улетѣла безъ всякой помѣхи, изъ чего можно было заключить, что птица была вполне невредима. Пойманныя вертиголовки при всякомъ случаѣ доказываютъ, что онѣ продѣлываютъ свою удивительную мимику только для того, чтобы испугать враждебныхъ или кажущихся имъ подозрительными животныхъ.

Кромѣ вышеупомянутаго «віи ид віи», вертиголовки испускаютъ и другіе крики. Въ гнѣзвѣ самецъ кричитъ «вэд вэд», въ страхѣ оба пола испускаютъ отрывистый слогъ «шэк», въ возбужденіи, по крайней мѣрѣ самки, шипятъ по змѣиному. Молодые, все время пока они находятся въ гнѣздѣ, трещатъ подобно сверчкамъ.

Испанцы вполне правы, называя вертиголовку «Forminguero», что по-русски означаетъ «муравьѣдка», такъ какъ муравьи, которыхъ онѣ одинаково добываютъ какъ на землѣ, такъ и на деревьяхъ, въ дѣйствительности представляютъ ихъ главную пищу. Онѣ уничтожаютъ все мелкія породы ихъ, но охотнѣе ѣдятъ куколки, чѣмъ самихъ насѣкомыхъ. При случаѣ онѣ питаются гусеницами и другими личинками или куколками; но муравьевъ онѣ предпочитаютъ всему. Ихъ языкъ, который можетъ вытягиваться въ длину, какъ ни у одного изъ дятловъ, оказываетъ имъ большую услугу при добываніи пищи. Подобно муравьѣдамъ, онѣ просовываютъ ихъ въ трещины и отверстія въ глубь муравьиной кучи, ждуть, пока разсерженный насѣкомый не вопьется въ мнимаго червяка или не пристанутъ къ клейкой слизи, и затѣмъ однимъ движеніемъ втягиваютъ языкъ въ клювъ. Уже старшій Геснеръ говоритъ: «Муравьевъ вертиголовка быстро прокалываетъ своимъ вытянутымъ языкомъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ наши мальчики съ лягушками при помощи желѣзныхъ стрѣлъ, такъ что они остаются пригвожденными къ землѣ, и затѣмъ проглатываетъ ихъ; но она никогда не беретъ ихъ непосредственно клювомъ, какъ это дѣлаютъ съ своей пищей другія птицы». Но къ этому нужно кое-что прибавить. Я нѣсколько разъ, но тщетно, старался рассмотреть у пойманныхъ вертиголовокъ, которыхъ я всегда воспитывалъ съ большой любовью, какимъ образомъ онѣ схватываютъ пищу. Лишь только клювъ немного раскроется, язычекъ высовывается наружу, ощущиваетъ на секунду кругомъ куколку или молодого червяка и, какъ молнія, втягивается назадъ со схваченной добычей. Какимъ образомъ однако пристаеетъ послѣдній къ языку, узнать нельзя даже при внимательномъ осмотрѣ, приблизивъ глазъ къ птицѣ на нѣсколько сантиметровъ.

Относительно помѣщенія для гнѣзда, вертиголовка очень неприхотлива. Она требуетъ лишь очень узкаго входнаго отверстія, чтобы всякій хищникъ не могъ быть опасенъ ей или ея потомству. На значительной-ли или небольшой высотѣ находится отверстіе, ей, повидимому, все равно. Если на одномъ и томъ же деревѣ имѣются нѣсколько дупловъ, то она предоставляетъ, какъ замѣчаетъ Науманъ, обыкновенно верхніе, другимъ птицамъ, — полевымъ воробьямъ, горихвосткамъ и синицамъ, вступитъ въ ссору съ которыми она не всегда можетъ; сама же помѣщается въ одномъ изъ самыхъ нижнихъ и живетъ въ полномъ мирѣ со всеми сожителями. Не такой миролюбивой, какъ писалъ Науманъ, оказывается она, когда терпитъ нужду въ помѣщеніяхъ для гнѣзда. Въ восточной Тюрингіи, по словамъ Либс, она выбираетъ для своего помѣщенія скворечницы, такъ какъ старыя деревья исчезаютъ все больше и больше, и дятлы, которые обыкновенно оставляютъ ей свои помѣщенія, становятся все рѣже и рѣже. Безъ дальнѣйшихъ проволочекъ она кладетъ яйца на старое, загрязненное гнѣздовое

ложе, устроенное въ предыдущемъ году воробьемъ или скворцомъ. Если она найдетъ скворечницу и другія помѣщенія занятыми, то пытается, вынужденная необходимостью, все-таки проникнуть въ нихъ и можетъ сдѣлаться неприятной посетительницей и даже разорительницей гнѣздъ въ благоустроенномъ и снабженномъ помѣщеніями для гнѣздъ саду. Въ случаѣ крайней необходимости она строитъ свое гнѣздо снаружи, въ какомъ-нибудь углубленіи старой верхушки ивы. Обыкновенно помѣщеніе для гнѣзда освобождается отъ всякаго сора, вычищается и на разрыхленномъ мѣстѣ устраивается довольно плоское гнѣздовое ложе. Затѣмъ въ серединѣ мая самка кладетъ свои 7—12 маленькихъ, притупленныхъ личекъ, чисто-бѣлаго цвѣта. На выводку птенцовъ она тратитъ около 14 дней и большую часть времени насиживаетъ одна, такъ какъ самецъ смѣняетъ ее только въ полуденныя часы, зато онъ высиживаетъ ихъ съ чрезвычайнымъ рвеніемъ. По моимъ наблюденіямъ, рѣдко удается прогнать сидящую на яйцахъ самку. Стуканіемъ по стволу, которое пугаетъ всѣхъ остальныхъ гнѣздящихся въ дуплахъ птицъ, она не смущается и все еще остается на яйцахъ даже тогда, когда на нее смотрятъ сверху въ отверстіе гнѣзда. Но она шипитъ по змѣиному, опять таки съ цѣлю нагнать страхъ. Вылупившіеся изъ яицъ птенцы почти голые или покрыты рѣдкимъ сѣрымъ пушкомъ, однако вырастаютъ довольно быстро, такъ какъ оба родителя прилагаютъ всѣ свои старанія, чтобы доставить имъ побольше корма. Но гнѣздо птенцы оставляютъ только тогда, когда вполне научатся летать. Какъ ни заботливы старики по отношенію къ своему потомству, объ одномъ они не радуютъ: о чистотѣ гнѣзда. Всѣ порицаютъ неряшливость удода, — вертиголовка ни на волосъ не лучше его, такъ какъ въ концѣ концовъ становится настоящей помойной ямой. Вылетѣвши изъ гнѣзда, молодые еще долгое время руководятся и обучаются родителями. Только въ серединѣ іюля согласно жившая до сихъ поръ семья разбивается, и каждый начинаетъ жить въ одиночку до того дня, когда начинается зимній отлетъ.

Пойманныя вертиголовки—самыя занимательныя комнатныя птички въ мірѣ. Ихъ нетрудно приучить къ подходящему клеточному корму и держать долгое время. Впрочемъ, нѣкоторые, такъ сказать, упрямцы, желаютъ непременно питаться одними муравьиными куколками. Одна жившая у Наумана вертиголовка перенесла самый сильный голодъ, несмотря на положенныхъ передъ ней бабочекъ, гусеницъ, жуковъ и ихъ личинокъ, коромыселъ, мухъ, пауковъ и даже муравьевъ; но какъ скоро приносились муравьиныя куколки, она тотчасъ бросалась къ нимъ, словно вилкой схватывала своимъ языкомъ все, что онъ могъ достать вѣтъ клетки, и проворно втягивала въ себя. О поведеніи вертиголовки сообщаетъ уже Геснеръ. «Та, которую я держалъ нѣкоторое время, не улетала при приближеніи человѣка, но становилась злою; она вытягиваетъ свою шею и ударяетъ клювомъ, но не щиплетъ, отклоняетъ его часто назадъ и вновь ударяетъ, выражая этимъ свой гнѣвъ. При этомъ ея перья, особенно шейныя, тонорщатся, а хвостъ то распускается, то складывается». Вертиголовки и два пестрыхъ дятла, пойманные и жившіе у Фрауенфельда, каждое утро пользовались позволеніемъ летать свободно по комнатѣ. Когда одинъ изъ дятловъ подходилъ близко къ вертиголовкѣ, послѣдняя, чтобы напугать его, прибѣгала уже къ извѣстной мимикѣ, и это ей всегда удавалось, такъ какъ дятель улеталъ прочь всякій разъ, когда вертиголовка подражала змѣѣ. Вначалѣ она продѣлывала тоже самое передъ своимъ хозяиномъ; но позже она настолько подружилась съ нимъ, что болѣе уже никогда не прибѣгала къ такимъ угрожающимъ позамъ. «Впрочемъ», говоритъ Фрауенфельдъ, «вертиголовка совершенно регулярно повторяла свои маневры. Плотно прижавшись тѣломъ къ землѣ, она вы-

тягивала шею насколько можно длиннѣе, распускала хвостъ, нахохливала головныя перья и, вытянувшись медленнымъ движеніемъ, насколько была въ состояніи, вдругъ снова откидывала голову назадъ. Эти вытягиванія и быстрыя откидыванія она повторяла отъ четырехъ до пяти разъ, пока противникъ ея не удалялся. Еще страннѣе ея поведеніе внѣ клѣтки, которую, впрочемъ, она покидала неохотно. Она высккиваетъ обыкновенно какой-нибудь укромный уголокъ и умѣсть такъ ловко спрятаться, что иногда ее тщетно приходится искать долгое время. Пока она чувствуетъ себя незамѣченной, она, сохраняя полное спокойствіе, не двигается и глазами слѣдитъ за ищущимъ. Только, когда ее найдутъ, она снова начинаетъ свои комическія, бурныя движенія, чтобы нагнать страху и напугать своего противника. Если оставить ее безъ вниманія, по прошествіи нѣкотораго времени она поднимается и начинаетъ снова летать по комнатѣ. Стоитъ однако подойти къ ней, какъ она опять повторяетъ свой прежній маневръ. И только когда нѣсколько человѣкъ въ одно и то-же время войдутъ въ комнату, она въ страхѣ летитъ на какое-нибудь высокое мѣсто».

Воспитаніе цѣлой семьи молодыхъ птенцовъ вертиголовки, быть можетъ, доставитъ еще больше удовольствія, чѣмъ содержаніе взрослыхъ птицъ. «Голодный крикъ такой молодой компаніи», рассказываетъ Гиртаннеръ, «представляетъ собою курьезнѣйшій звукъ, и въ особенности поражаетъ всякаго, если, какъ у меня, онъ таинственно раздается изнутри закрытаго ящика, содержимое котораго нельзя разглядѣть снаружы. Самое легкое прикосновеніе къ такому ящику съ гнѣздомъ вызываетъ въ высшей степени странный, жужжащій и ворчливый шумъ, который можно отчасти сравнить съ гудѣніемъ губами сквозь гребень, и ящикъ превращается въ нѣчто, вродѣ музыкальнаго ящичка. Каково-же удивленіе незнающихъ этого слушателей, когда откроешь этотъ музыкальный ящикъ и покажешь вдругъ это маленькое музыкальное общество, начинающее уже теперь разучивать свое мурлыканіе. Наиболѣе подростшіе птенцы уже пробуютъ свои подвижныя язычки, какъ молнія оцупываютъ ими муравьиныя куколки, чтобы столь-же быстро исчезнуть вмѣстѣ съ приставшимъ къ упомянутымъ хватательнымъ органамъ кормомъ». Воспитанные такимъ образомъ птенцы становятся такими-же ручными, какъ домашнія животныя и безпрестанно приводятъ своего воспитателя въ самое веселое настроеніе.

Къ другимъ птицамъ, въ обществѣ которыхъ ихъ помѣщаютъ, они относятся очень миролюбиво и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ полной похвалы.

Безвредныя вертиголовки имѣютъ опасныхъ враговъ въ лицѣ перепелятниковъ, сорокъ, соекъ, кошекъ, куницъ и ласокъ и очень многія дѣлаются жертвами этихъ хитрыхъ хищниковъ. Къ сожалѣнію, онѣ также слишкомъ часто дѣлаются легкой добычей неопытныхъ охотниковъ и съ тѣхъ поръ, какъ на нихъ открылось гоненіе, никто уже не защищаетъ установленнаго учеными взгляда о полезности этой птицы. Съ своей стороны я горячо и настойчиво отстаиваю этотъ взглядъ. Я прекрасно знаю, что онѣ питаются преимущественно муравьями, и что послѣдніе въ общемъ приносятъ намъ пользу, но вредъ, причиняемый вертиголовками муравьинымъ постройкамъ, настолько незначителенъ въ сравненіи съ массовыми появленіями вышеупомянутыхъ насѣкомыхъ, что птицъ этихъ, говоря серьезно, никто не можетъ причислить къ числу вредныхъ. Точно также мнѣ извѣстно, что въ поискахъ за помѣщеніемъ для гнѣзда, вертиголовка мѣшаетъ тѣмъ или другимъ живущимъ въ дуплахъ птицамъ, можетъ быть даже выгоняетъ ихъ изъ гнѣздъ, но было-бы безуміемъ помѣщать ихъ за это въ списокъ вредныхъ птицъ. Кому вертиголовки становятся въ тягость, тому стоитъ только повѣсить на излюбленное ими дерево глубокой и широкой, но снабженный маленькимъ входнымъ отверстіемъ ящикъ, положить

въ него какое-нибудь гнѣздо или хотя-бы матеріаль для гнѣзда, и онъ предотвратитъ всё подобныя неприятности. Убивать-же за это птичку—грѣхъ, считать ея «странныя и неприятныя подергиванія и гримасы, ворочаніе головой и закрываніе глазъ» за признаки и несомнѣныя доказательства нечистой совѣсти, какъ это сдѣлалъ Греддеръ, есть шутка, которая очень легко можетъ повести къ недоразумѣнію. Право, если разобрать мнѣнія всѣхъ тѣхъ, которые такъ некутся о животныя нашего отечества, то въ каждомъ животномъ увидишь вреднаго для насъ врага или возведешь маловажный проступокъ того или другого животнаго въ степень чрезвычайнаго злодѣянія! А такъ какъ въ настоящее время невѣжественный чловѣкъ въ большинствѣ случаевъ находитъ удовольствіе больше въ разрушеніи, чѣмъ въ созиданіи, такія подозрѣнія могутъ имѣть пагубное вліяніе. Поэтому то я считаю своимъ долгомъ вступиться и за вертиголовокъ и низвести вводимыя на нихъ обвиненія до ихъ настоящаго значенія, т. е. признать послѣднія безсмысленными.

Послѣ дятловъ наиболѣе многочисленнымъ семействомъ дятловыхъ птицъ будутъ **Перцеяды** или **Туканы** (*Rhamphastidae*, Pfefferesser. Toucans), птицы съ довольно легкимъ, но несоразмѣрно большимъ клювомъ, пилообразно зубчатымъ по краямъ расщепу. Они имѣютъ всего десять рулевыхъ перьевъ. Уздечка и глазная область ихъ голыя. Туканы, въ количествѣ около 60 видовъ, распространены въ тропическихъ странахъ Америки.

Образъ жизни тукановъ, по утверженію Бурмейстера, лучше всего описанъ принцемъ фонъ Видъ, поэтому проще всего привести здѣсь слова этого выдающагося изслѣдователя. «Соняини или Азара дали намъ вѣрныя описанія этихъ удивительныхъ птицъ, которыя въ южно-американскихъ дѣвственныхъ лѣсахъ извѣстны подъ именемъ «тукановъ». Свѣдѣнія обоихъ авторовъ объ образѣ жизни этихъ странныхъ созданій вполне сходятся между собой. У каждаго изъ нихъ однако есть маленькія разногласія, которыя, впрочемъ, какъ мнѣ кажется, довольно легко согласовать, не затрогивая достоинствъ описаній какъ одного, такъ и другого.

«Въ дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи туканы, на-ряду съ попугаями, принадлежатъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ птицъ. Въ холодное время года ихъ всюду бьютъ массами на фду. Для чужестраннаго путешественника они представляютъ еще большій интересъ, нежели для мѣстнаго жителя, который приглядѣлся, какъ къ чрезвычайно странной формѣ, такъ и къ блестящему оперенію этихъ птицъ, потому что опереніе тукановъ отличается яркими, ослѣпительными цвѣтами по угольно-черному фону. Даже радужная оболочка глаза, ноги и колоссальный клювъ ихъ окрашены въ яркіе цвѣта. Извѣстно, что эти красивыя птицы очень многочисленны въ бразильскихъ лѣсахъ, но столь-же извѣстно, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Соняини, что точныя свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни, нравахъ и въ особенности о размноженіи, собираются съ большимъ трудомъ. Я никогда не находилъ гнѣзда тукана. Между тѣмъ бразильцы меня увѣрили, что онъ кладетъ два яйца въ дуплѣ дерева или сука, и это мнѣ кажется вѣроятнымъ, такъ какъ большинство тамошнихъ птицъ кладутъ по два яйца. Пища тукановъ также долгое время была неразрѣшеннымъ вопросомъ. Азара приписываетъ имъ грабежи птичьихъ гнѣздъ; я не могу опровергнуть этого, но долженъ замѣтить, что въ ихъ желудкахъ я находилъ только плоды, зерна и тому подобныя растительныя вещества. Уатертофтъ также подтверждаетъ сказанное, говоря, что туканы не плотоядныя птицы. Они очень опасны для банановыхъ и гуаявовыхъ плантацій, такъ какъ они уничтожаютъ ихъ плоды. Въ неволѣ они ѣдятъ все, въ чемъ я имѣлъ случай убѣдиться лично, такъ—

я видѣлъ одну такую птицу, которая жадно глотала мясо, кашу изъ маньковой муки и мясного сока и различнаго рода плоды. Здѣсь нужно упомянуть о замѣчаніи А. фонъ-Гумбольдта, что туканъ ѣсть рыбу, въ чемъ ручные туканы весьма сходятся съ воронами, только оказываются еще прожорливѣ послѣднихъ. Я не замѣчалъ, чтобы туканы передъ тѣмъ, какъ съѣсть, подкидывали свой кормъ кверху. По увѣреніямъ дикарей, на свободѣ туканы питаются одними плодами. Въ общемъ они, по видимому, имѣютъ много сходнаго съ воронами; можетъ быть и на свободѣ они ѣдятъ все, но крайней мѣрѣ то, что достаточно мягко, чтобы быть проглоченнымъ ими съ помощью ихъ слабого клюва. Они любопытны, какъ вороны, сообщая преслѣдуютъ хищныхъ птицъ и собираются въ большихъ количествахъ, чтобы дразнить врага. Ихъ полетъ я бы не назвалъ тяжелымъ, какъ это дѣлаетъ Соннини, но это, можетъ быть, относится лишь къ самому большеклювому изъ всѣхъ тукановъ, токо, котораго я никогда не видѣлъ летающимъ. Туканы летаютъ высоко и далеко, описывая плавныя дуги, при чемъ не замѣчается никакого особеннаго напряженія, ни такого положенія, которое отличало-бы ихъ отъ другихъ птицъ. Они во время полета держатъ голову и клювъ вытянутыми горизонтально, а не летятъ съ подтянутой шеей, какъ говоритъ Левальянъ. Уатертонъ ошибается, утверждая, что большой клювъ служитъ имъ помѣхой, и они его опускаютъ внизъ, такъ какъ мнѣ очень часто случалось видѣть, какъ легко и быстро эти птицы помахивали своимъ клювомъ на верхушкахъ лѣсныхъ деревьевъ и затѣмъ снова сѣли въ густую тѣнь. Является-ли токо въ этомъ случаѣ исключеніемъ? Я сомнѣваюсь въ этомъ, такъ какъ клювъ его настолько легокъ, что онъ, по видимому, для него не тяжелѣе, чѣмъ маленькій клювъ для дятла. Голоса различныхъ тукановъ нѣсколько различны для каждаго вида. Азара говоритъ, что у наблюдавшихся имъ видовъ онъ звучалъ какъ слогъ «ракъ». Это могло относиться къ токо; у тѣхъ видовъ, которыхъ я наблюдалъ, крикъ звучалъ совсѣмъ иначе.

«Американскіе дикари часто употребляютъ красивыя, нестрыя перья этихъ птицъ для украшенія, въ особенности оранжевую грудь, которую они снимаютъ и прикрѣпляютъ цѣпкомъ къ своей одеждѣ».

Нижеслѣдующее будетъ содержать новѣйшія наблюденія, насколько они мнѣ извѣстны.

* *

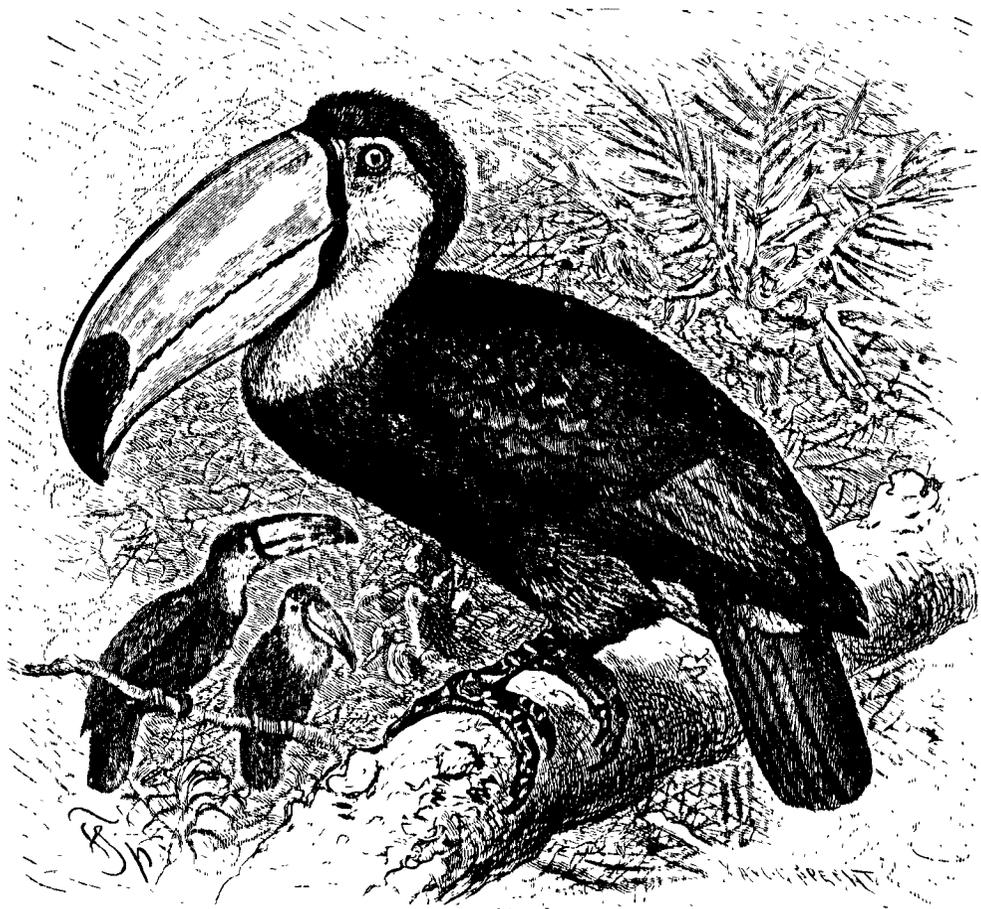
Перцеяды (*Rhamphastos Pfefferfresser. Toucan*) характеризуются огромной величиной клювомъ, весьма толстымъ у основанія, значительно сжатымъ къ концу и съ острымъ хребтомъ на спинкѣ. Ноги сильныя, высокія, длиннопальныя и покрыты большими, плоскими табличками. Хвостъ короткій, широкій, тупо закругленный и равноперыи. Крылья короткія, четвертое и пятое маховыя перья ихъ самыя длинныя. Окраска различныхъ извѣстныхъ видовъ очень однообразна. Блестящій черный цвѣтъ является основнымъ цвѣтомъ; на немъ выступаютъ красныя, бѣлыя или желтыя пятна на горлѣ, спинѣ и надхвостьѣ.

Самый большой видъ этого рода—**Большой туканъ** или **Токо** (*Rhamphastos magnirostris, toco, albicularis, indicus, Riesentukan. Toucan toco*). Опереніе его равномерно-черное, надхвостье свѣтло-красно-красное; щеки, горло, защитная и передняя часть шеи, а также верхнія кроющія перья хвоста—бѣлыя, на животѣ птицы слегка желтоватаго оттѣнка. Весьма крупный, высокій клювъ ярко-оранжеваго цвѣта, края его имѣютъ нѣсколько зазубричь; къ спинкѣ и на концѣ нижней половинки—огненно-красный; конецъ верхней половинки и края расщеплены передъ головными перышками—черныя. Передъ глазомъ треугольное пятно желто-желтаго цвѣта. Глазной ободокъ кобальтово-синій, радужная оболочка буты-

лочно-зеленаго цвѣта; ноги свѣтло-голубыя. Длина достигаетъ 57 см., длина крыла 23, а хвоста 14 см.

Токо живетъ въ возвышенныхъ частяхъ Южной Америки отъ Гвианы до Парагвая включительно, но попадается и въ средней Америкѣ.

Въ Сѣверной Америкѣ его замѣщаетъ нѣсколько меньшихъ размѣровъ, стройно сложенный, но очень схожій съ нимъ **Красноклювый перцеядъ, Кирима туземцевъ.** (*Rhamphastos erythrorhynchus, tucanus, monilis, citreopygius, levillantii*. Rot-

Токо. *Rhamphastos magnirostris*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

schnabeltukan. Toucan kirima). Онъ отличается главнымъ образомъ своимъ низкимъ, большею частью пурпурово-краснымъ, но синимъ и у основанія окрашеннымъ въ желтый цвѣтъ клювомъ, широкой красной канной на нижнемъ краю бѣлаго горла и желтымъ надхвостьемъ.

Въ береговыхъ-же лѣсахъ Бразиліи живетъ **Оранжевый перцеядъ, Тукана туземцевъ.** (*Rhamphastos temminckii, ariel, Rhamphodryas temminckii*. Orangetukan. Toucan ariel). Передняя часть шеи, область уха, бока шеи, подбородокъ и горло его ярко-оранжевыя, снизу съ болѣе свѣтлыми каемками; грудь.

надхвостье и гузка пурпурово-красныя. Клювъ блестящаго чернаго цвѣта, у основанія передъ краемъ съ широкой блѣдно-желтой каемкой. Глаза голубоватыя, голый глазной ободокъ темно-краснаго цвѣта, ноги свинцово-сѣрыя. Длина достигаетъ 48 см., размахъ крыльевъ 55, длина крыла 18, а хвоста 16 см. Молодые птицы отличаются менѣе изогнутымъ клювомъ и болѣе блѣдной окраской.

Изъ извѣстныхъ мнѣ описаній всѣхъ изслѣдователей, наблюдавшихъ перцеядовъ на ихъ родинѣ, явствуетъ, что образъ жизни различныхъ видовъ въ существенныхъ чертахъ одинъ и тотъ-же, такъ что все извѣстное объ одномъ, одинаково можетъ быть отнесено и къ другимъ. Токо живетъ въ возвышенныхъ мѣстностяхъ страны, по словамъ Шомбургка, исключительно въ саваннахъ и въ нихъ—то парочками по рощамъ и лѣсистымъ берегамъ, то небольшими стайками, кочующими по открытымъ саваннамъ, въ поискахъ за плодами. Кирима принадлежитъ къ числу самыхъ обыкновенныхъ лѣсныхъ птицъ, только изрѣдка попадаетъ непосредственно на берегахъ и тѣмъ чаще, наоборотъ, встрѣчается въ густыхъ лѣсахъ. Наконецъ туканъ въ тѣхъ мѣстахъ, по которымъ путешествовалъ принцъ фонъ Видъ, является самымъ извѣстнымъ видомъ своего рода и попадаетъ повсюду, гдѣ есть большіе сплошные лѣса. Красноклювый и оранжевый перцеяды, по согласнымъ свѣдѣніямъ изслѣдователей, живутъ парочками, начиная съ птенцовой поры и до времени линянія.

Перцеяды держатся обыкновенно высоко на верхушкахъ лѣсныхъ деревьевъ. Тамъ они скачутъ по вершинамъ въ поискахъ за пищей съ большою ловкостью, чѣмъ то можно было-бы предположить, или отдыхая сидятъ на самыхъ верхушкахъ высокихъ деревьевъ и выпускаютъ оттуда свои трещанціи и свистящіе звуки. Въ дневной жаръ они прячутся въ листьѣ, а въ особенно жаркихъ лѣсныхъ долинахъ они показываются, по словамъ Чуди, только къ закату солнца и по крайней мѣрѣ только тогда становятся оживленными, дѣятельными и шумливыми. На землю они спускаются рѣдко, по всей вѣроятности только наняться или собрать упавшіе древесные плоды или сѣмена. Они двигаются по ней довольно своеобразно, прыгая широкими скачками, причемъ плюсна сильно наклонена впередъ и пальцы широко разставлены. Только вначалѣ они дѣлаютъ нѣсколько короткихъ шаговъ, обыкновенно-же держать обѣ ноги вмѣстѣ, прыгаютъ обѣими сразу и двигаются впередъ сильными и быстрыми скачками. При этомъ хвостъ ихъ то поднимается надъ крыльями, то опускается горизонтально, то слегка растопыривается. Только что описанное положеніе и движеніе тукановъ кажутся настолько неестественными, что сразу даютъ понять, что на землѣ они не въ своей сферѣ, и разница между ихъ подвижностью въ вѣтвяхъ и неровной походкой по землѣ становится еще рѣзче, когда наблюдаешь за ихъ прыжками по верхушкамъ деревьевъ. Здѣсь только они выказываютъ свой выдающійся талантъ. Гораздо болѣе крупными скачками прыгаютъ они вдоль по сучкамъ, то по прямому направленію, то зигзагами, поворачиваясь перѣдко во время самыхъ скачковъ, лазаютъ съ большою ловкостью то вверхъ, то внизъ и употребляютъ въ дѣло слегка приподнимающіяся при каждомъ скачкѣ крылья только тогда, когда хотятъ попасть съ одного сучка на другой, довольно отдаленный. Въ этомъ случаѣ они даютъ толчокъ тѣлу скачкомъ, равномерно хлопаютъ крыльями и пролетаютъ быстро раздѣляющее ихъ разстояніе; иногда они измѣняютъ предназначенное направленіе, описывая дугу; приближаясь къ цѣли, птицы расширяютъ насколько можно хвостъ, очевидно для того, чтобы остановить движеніе, садятся на сукъ и скачутъ по немъ дальше. Полетъ ихъ

сравнительно недурной. Они плавно несутся съ одной верхушки дерева на другую, напротивъ, если они перелетаютъ большія разстоянія, то подвигаются короткими отрывистыми толчками, причемъ держать голову нѣсколько согнутой книзу, вѣроятно вслѣдствіе несоразмѣрной величины клюва. По словамъ Азара, туканы летаютъ по прямой горизонтальной линіи и крылья ихъ въ промежуткахъ хлопаютъ съ явственнымъ шумомъ, но двигаются они быстрѣе, чѣмъ то можно было-бы предположить. Такимъ образомъ они облетаютъ съ утра до вечера значительное пространство лѣса, летая съ дерева на дерево и въ поискахъ за добычей, обскакавъ и осмотрѣвъ повсюду верхушки деревьевъ. Во многихъ случаяхъ, повидимому, они не особенно заботятся о пищѣ: нужно, слѣдовательно, предположить, что они прыгаютъ и скачутъ исключительно ради прирожденной страсти къ движенію. «Иногда», замѣчаетъ Бэтсъ, «ихъ видишь сидящими по цѣлымъ часамъ маленькими стайками изъ 4—5 штукъ на верхнихъ вѣтвяхъ какого-нибудь высочайшаго дерева и слышишь странный концертъ, даваемый ими. Одинъ изъ нихъ, сидящій выше другихъ, является какъ-бы дирижеромъ всѣхъ этихъ дисгармоническихъ звуковъ; двое изъ остальной компаніи, чередуясь, кричатъ на разные лады». Даже и тогда, когда они прячутся въ густыхъ сплетеніяхъ вѣтвей, часто слышатся ихъ призывные крики. По увѣренію индѣйцевъ, они особенно крикливы передъ предстоящимъ дождемъ и поэтому служатъ хорошими предсказателями погоды.

Всѣ виды, безъ исключенія, могутъ считаться подвижными, веселыми, пугливыми, но и любопытными птицами. Съ чрезвычайной осторожностью они избѣгаютъ людей и подкрасться къ нимъ могутъ только очень опытные охотники; они дразнятъ также послѣднихъ тѣмъ, что, подобно нашимъ сойкамъ, не отлетаютъ отъ нихъ далеко, но въ извѣстный моментъ слетаютъ и всегда снова выбираютъ такія мѣста, приближеніе къ которымъ затруднительно. Но когда нужно подразнить какую-нибудь хищную птицу, напримѣръ сову, туканы мгновенно появляются тутъ какъ тутъ. Ихъ внимательность распространяется на все, что происходитъ вокругъ нихъ, поэтому они обыкновенно и открываютъ первыми враговъ и оповѣщаютъ о нихъ весь пернатый міръ. Будучи сильными и храбрыми птицами, слабыхъ пернатыхъ хищниковъ они бьютъ обыкновенно на лету, большею частью вслѣдствіе ненависти, питаемой ими къ послѣднимъ. По словамъ Бэтса, они пугливы и недовѣрчивы, пока держатся небольшими обществами, напротивъ того чрезвычайно неосторожны, когда они, соединившись большими стаями, посѣщаютъ лѣса, которыхъ раньше избѣгали. И то и другое случается послѣ окончанія линіянія, которое падаетъ на время отъ марта до іюня.

Относительно пищи тукановъ по сіе время еще господствуютъ различныя мнѣнія. Шомбургкъ настойчиво утверждаетъ, что они питаются только плодами, Бэтсъ также говоритъ, что плоды, безъ сомнѣнія, служатъ ихъ главной пищей, и что длинный клювъ облегчаетъ срываніе плодовъ, такъ какъ онъ позволяетъ хватать пищу на большомъ разстояніи. Напротивъ, Азара утверждаетъ, что туканы ни въ какомъ случаѣ не ограничиваются растительной пищей, но истребляютъ также много птицъ, что, внушая сильный страхъ своимъ огромнымъ клювомъ, прогоняютъ съ гнѣздъ маленькихъ птицъ и уничтожаютъ яйца, молодыхъ, даже птенцовъ араара, и что въ дождливую пору, когда твердыя гнѣзда печника становятся мягкими, они нападаютъ и на нихъ, разбиваютъ ихъ и вытаскиваютъ птенцовъ. А. фонъ Гумбольдтъ сообщаетъ, что они ѣдятъ рыбу. Въ вѣрности этихъ сообщеній я совершенно убѣжденъ, такъ какъ всѣ туканы, которые до сихъ поръ наблюдались въ неволѣ, не только не задумываясь брали животную пищу, но даже преслѣдовали мелкихъ по-

звоночныхъ съ сильнымъ рвениемъ: видно было, что они совершаютъ нѣчто вполне свойственное имъ. Маленькая птичка, заключенная въ одномъ помѣщеніи съ ними, дѣлается, рано или поздно, ихъ добычею, какъ бы велика ни была клетка, и сколь лакома ни была бы предлагаемая имъ пища. Они выжидаютъ удобнаго случая, внезапно протягиваютъ свой огромный клювъ, съ необыкновенной ловкостью схватываютъ даже на лету приблизившуюся къ нимъ маленькую птичку, убиваютъ ее на мѣстѣ и сѣдаютъ съ очевиднымъ удовольствіемъ. Азара замѣчаетъ еще, что они подкидываютъ на воздухъ плоды, куски мяса и птичекъ, подобно тому, какъ жонглеры шары, и ловятъ все это до тѣхъ поръ, пока оно не приметъ положенія, удобнаго для проглатыванія. Пехуэль-Леше также наблюдалъ, что они частенько, если не постоянно, продѣлывали это съ своей пищей; остальные наблюдатели такого способа ѣды не видѣли. Шомбургкъ говоритъ положительно, что онъ не замѣчалъ этого ни у свободно живущихъ, ни у пойманныхъ тукановъ. «Братъ свой кормъ съ земли—вещь во всякомъ случаѣ трудная для этой, оригинально сложенной птицы; разъ она ее схватила, она поднимаетъ свой клювъ перпендикулярно кверху и проглатываетъ ее безъ всякаго предварительнаго подкидыванія».

Послѣ долгихъ и многихъ наблюденій я долженъ согласиться съ Шомбургкомъ. И я никогда не могъ замѣтить, чтобы перцеядъ игралъ со своей добычей описаннымъ Азарой способомъ; впрочемъ, онъ очень искусно умѣетъ ловить бросаемые ему куски пищи. Достойной упоминанія кажется мнѣ и та ловкость, которую проявляетъ птица, когда она своимъ столь крупнымъ, неуклюжимъ клювомъ беретъ съ земли какой-нибудь маленький предметъ, напримѣръ конопляное сѣмечко. Она положительно вѣжно беретъ найденное зернышко концами своего клюва, поднимаетъ послѣдній перпендикулярно и даетъ зерну упасть въ глотку. То же въ сущности продѣлываетъ она, когда хочетъ напиться». При этомъ, говоритъ А. фонъ Гумбольдтъ, «птица ведетъ себя весьма странно. Монахи утверждаютъ, что она надъ водой дѣлаетъ крестное знаменіе и этому мнѣнію народъ настолько вѣритъ, что креолы надѣлили тукана страннымъ именемъ «dios te de», (Богъ воздастъ тебѣ). Но Чуди, вышеупомянутое названіе есть ничто иное, какъ фраза, передающая крикъ тукана, который дѣйствительно похожъ на вышеприведенные слоги. Кастельно описываетъ процедуру питья тукана. Туканъ погружаетъ въ воду кончикъ своего большого клюва, наполняетъ его, сильно втягивая въ себя воздухъ, и затѣмъ приподнимаетъ клювъ кверху нѣсколькими порывистыми движеніями. Я долженъ прибавить къ этому безусловно вѣрному описанію, что я никогда не замѣчалъ этихъ порывистыхъ движеній. Птица наполняетъ водою клювъ, какъ совершенно вѣрно передаетъ Кастельно, но затѣмъ медленно поднимаетъ голову кверху, подобно пьющей курицѣ, и даетъ водѣ стечь въ горло.

О размноженіи перцеядовъ нѣтъ еще надлежащихъ свѣдѣній. Туканы гнѣздятся въ дуплахъ деревьевъ и кладутъ по два яйца. Итенцы скоро приобрѣтаютъ красивое опереніе стариковъ, но клювъ принимаетъ свойственную ему красивую окраску только на 2-мъ или 3-мъ году. Этимъ ограничиваются всѣ свѣдѣнія объ этомъ важномъ пунктѣ въ образѣ жизни тукановъ.

Всѣхъ перцеядовъ въ Бразиліи преслѣдуютъ очень усердно, какъ изъ за ихъ мяса и красивыхъ перьевъ, такъ и для прирученія этихъ странныхъ птицъ. «Въ одинъ день», замѣчаетъ принцъ фонъ Видъ, «мы убивали ихъ большое количество, и ѣли ихъ мясо, напоминавшее воронье». Бурмейстеръ увѣряетъ, что мясо тукановъ—прекрасное кушанье, что приготовленное съ рисомъ, оно было превкусно и напоминало хорошій супъ изъ голубей. Шомбургкъ называетъ мясо ихъ попросту сѣдобнымъ. По словамъ Бэтса, жители Эга, мѣстечка на берегу Амазонки, устраиваютъ

большія охоты на тукановъ, когда послѣдніе, соединяясь въ большія стаи, появляются въ окрестныхъ рощахъ. «Каждый агасецъ, который можетъ раздобыть къ этому времени какое-нибудь оружіе или просто сарбакавъ, идетъ съ нимъ въ лѣсъ и убиваетъ нѣсколькихъ такихъ птицъ для улучшения своего стола, такъ что въ іюнѣ и іюль мѣсяцахъ почти вся Эга кормится одними туканами. Цѣлую недѣлю какая-нибудь семья ежедневно имѣетъ за столомъ вареныхъ или жареныхъ тукановъ. Въ это время они чрезвычайно жирны и мясо ихъ необыкновенно нѣжно и вкусно».

Шомбургкъ даетъ интересныя свѣдѣнія объ употребленіи цвѣтныхъ перьевъ тукановъ. Онъ описываетъ встрѣчу съ племенемъ майонконговъ и говоритъ: «Ихъ изящнѣйшее украшеніе большею частью состояло въ широкихъ головныхъ повязкахъ изъ красныхъ и желтыхъ перьевъ, которые находятся на надхвостьѣ перцеядовъ. Такъ какъ въ настоящее время не только майонконги, но и другія племена приготавливаютъ какъ свои головныя покрывала, такъ даже полныя плащи изъ этихъ перьевъ, то оба вида перцеядовъ, которые преимущественно преслѣдуются, будутъ вскорѣ совершенно уничтожены. Чтобы избѣжать совершеннаго истребленія этихъ птицъ, доставляющихъ имъ украшенія на одежду, дикари прибѣгаютъ къ весьма остроумному способу, стрѣляя для этой цѣли въ птицъ очень маленькими и весьма слабоотравленными стрѣлами; рана, причиняемая такой стрѣлой, слишкомъ незначительна, чтобы убить, и слабый ядъ лишь ошеломляетъ раненую птицу. Она падаетъ внизъ, желаемыя перья выдергиваются, и черезъ нѣкоторое время птица снова приходитъ въ себя, быть можетъ для того, чтобы еще нѣсколько разъ быть подстрѣленной и ограбленной».

Воспитанные смолоду тулканы принадлежатъ къ числу привлекательныхъ илбниковъ. «По образу жизни и по душевнымъ качествамъ», говоритъ А. фонъ Гумбольдтъ, «они похожи на воронъ. Это смѣлыя, легко приручаемыя птицы. Ихъ длинный клювъ служитъ имъ оборонительнымъ оружіемъ, они обживаютъ въ домѣ, крадутъ все, что могутъ захватить, часто купаются и охотно ловятъ рыбу на берегу рѣки. Туканъ, котораго мы купили, былъ очень молодъ; несмотря на это онъ всю дорогу съ явнымъ удовольствіемъ дразнилъ угрюмыхъ, раздражительныхъ ночныхъ обезьянъ». Премилую исторію рассказываетъ Шомбургкъ. «Между многими ручными животными, которыхъ я встрѣтилъ въ Вату-Тикаба, особенное удовольствіе доставлялъ мнѣ одинъ перцеядъ, сдѣлавшійся неограниченнымъ властелиномъ не только жившихъ съ нимъ пернатыхъ, но даже и крупныхъ четвероногихъ, которыя, большія и малыя, склонялись подъ его желѣзнымъ скипетромъ. Затѣвалася ли ссора между ручными трубочами, гокко, шаку и другими куриными, всѣ разбѣгались безъ замедленія лишь только показывался могучій властелинъ. Если въ пылу сраженія его не замѣчали, нѣсколько чувствительныхъ ударовъ неуклюжаго клюва проучали разгоряченныхъ, доказывая имъ, что повелитель не терпитъ никакихъ раздоровъ среди своего народа. Бросали ли мы хлѣбъ или кости въ тѣсную толпу животныхъ, никто изъ птицъ и четвероногихъ подданныхъ не осмѣливался поднять даже маленькаго кусочка, пока туканъ не съѣдалъ столько, сколько находилъ нужнымъ. Его господство и тиранія простирались такъ далеко, что онъ не обращалъ вниманія ни на какое международное право и каждую чужую собаку, прибѣжавшую, можетъ быть, съ пришедшими сосѣдними индѣйцами, немилосердно прогонялъ, кусая и гоняя ее по всей деревнѣ. Несчастные подданные были освобождены отъ этого тукана еще въ день моего отъѣзда. Большой несъ, пришедшій поутру съ своимъ хозяиномъ и рѣшившій, что онъ имѣлъ столько же права на многія выброшенныя кости, какъ и алчный и властолюбивый перцеядъ, спокойно

принялся за нихъ, нисколько не думая, могутъ-ли онѣ прійтись по вкусу сидѣвшей вблизи птицѣ. Но, едва онъ былъ замѣченъ послѣдней, какъ она съ гнѣвомъ бросилась на дерзкаго и нѣсколько разъ ударила его клювомъ въ голову. Наказанный пестъ началъ ворчать; птица нисколько этимъ не смутилась и безжалостно начала колотить дерзкаго своимъ неуклюжимъ клювомъ, пока тотъ внезапно не обернулся, схватилъ раздраженную птицу и укусилъ ее за голову такъ сильно, что она черезъ короткое время околѣла. Намъ всѣмъ было жаль этого тукана, такъ какъ было болѣе чѣмъ смѣшно смотрѣть, какъ онъ не выказывалъ никакого страха даже передъ огромными собаками или настойчиво умирять какого-нибудь маленькаго непослушнаго подданнаго. Къ числу этихъ послѣднихъ принадлежала даже одна но-суха».

Бэтсъ сообщаетъ о другомъ туканѣ. Гуляя однажды по лѣсу, онъ увидѣлъ сидящаго на низкой вѣткѣ перцеяда и безъ большого труда поймалъ его рукой. Птица была обезсилена, до полусмерти голодна, но на хорошемъ кормѣ быстро поправилась и сдѣлалась самымъ занимательнымъ созданіемъ, которое только можно себѣ представить. Ея понятливость равнялась понятности попугая. Вопреки всѣмъ обычаямъ, тукану позволено было свободно летать по дому. Строгаго приказанія было достаточно, чтобы держать его вдали отъ рабочаго стола. Онъ ѣлъ все, что подавалось къ столу его владѣльца: мясо, черенахъ, рыбу, кашу, плоды и т. п., и былъ постояннымъ сотрапезникомъ во время обѣда. Его обжорство было необыкновенно, пищевареніе—достойно удивленія. Онъ точно зналъ обѣденные часы и черезъ нѣсколько недѣль удалить его изъ столовой стало дѣломъ нелегкимъ. Его запирали въ огороженномъ высокимъ заборомъ дворѣ, но онъ перелѣзалъ черезъ отдѣляющую его стѣну, прыгалъ взадъ и впередъ по близости столовой и съ первымъ же блюдомъ появлялся на столѣ. Позднѣе ему понравилось прогуливаться по улицѣ передъ домомъ. Въ одинъ прекрасный день онъ былъ украденъ, и Бэтсъ считалъ его, конечно, потеряннымъ. Однако два дня спустя онъ по старой привычкѣ появился въ столовой: ему удалось счастливо убѣжать отъ своего похитителя.

Другой плѣнникъ, принадлежавшій Бродерину и Вигорсу, почти исключительно кормился растительной пищей и иногда яйцами, смѣшанными съ обыкновеннымъ кормомъ—хлѣбомъ, рисомъ, картофелемъ и т. п. Плоды онъ очень любилъ и когда ему давали кусочекъ яблока, апельсина или что-нибудь въ этомъ родѣ, онъ каждый разъ выражалъ свое удовольствіе. Онъ бралъ кусокъ кончикомъ своего клюва, съ замѣтнымъ удовольствіемъ потрогивалъ его своимъ языкомъ и быстрымъ поднятіемъ головы отправлялъ его въ горло. Несмотря на предпочтеніе къ растительной пищѣ, онъ заставлялъ подозрѣвать себя въ извѣстныхъ хищническихъ наклонностяхъ по отношенію къ живымъ животнымъ. Они казались возбужденнымъ, когда къ его клѣткѣ подносили какую-нибудь птицу или даже набитое чучело, волновался, топорицилъ перья и испускалъ глухой, щелкающій крикъ, который, повидимому, выражалъ собой удовольствіе или торжество. Въ то-же время зрачки его расширялись и онъ, казалось, былъ готовъ броситься на свою добычу. Когда передъ нимъ держали зеркало, онъ выказывалъ подобное-же возбужденіе. Щегленокъ, котораго Бродеринъ принесть своему плѣннику, былъ мгновенно имъ схваченъ и задушенъ, такъ что бѣдная маленькая птишка имѣла лишь время испустить короткій, слабый крикъ. Она была мертва черезъ секунду и такъ раздана, что внутренности показывались наружу. Вслѣдъ за умерщвленіемъ убійца принимался ошипывать свою жертву и когда большая часть перьевъ была ошипана, переделывалъ кости, крылья и ноги и разжевывалъ маленькій трупъ, пока онъ не превращался въ безформенную массу. При этомъ онъ прыгалъ съ вѣтки

на вѣтку, безпрестанно испускалъ свое своеобразное воркотаніе и трясъ своимъ клювомъ и крыльями. Внутренности съѣдалъ онъ первыми и затѣмъ, кусокъ за кускомъ, всю птицу вмѣстѣ съ клювомъ и ногами, выражая при каждомъ глоткѣ чрезвычайное наслажденіе. По окончаніи трапезы онъ весьма заботливо очищалъ свой клювъ отъ прилипшихъ перьевъ. Бродерипъ прибавляетъ къ этому, что онъ не одинъ разъ наблюдалъ, какъ его туканъ отрыгалъ назадъ свою пищу, но, подобно собакамъ, снова поѣдалъ ее. Одинъ разъ онъ отрыгнулъ такимъ-же образомъ кусокъ мяса, частью уже переварившійся въ зобу. Во время процесса отрыжки онъ испускалъ особый щелкающій звукъ. Прежде чѣмъ отрыгнуть мясо, онъ осматрѣлъ свой кормъ и увидѣлъ, что онъ состоитъ изъ хлѣба; это не пришлось ему по вкусу, и казалось, онъ захотѣлъ, еще разъ приобъгнувъ къ отрыжкѣ, доставить себѣ наслажденіе вкусить животной пищи. Этотъ туканъ, повидимому, предпочиталъ послѣднюю растительнымъ веществамъ: въ своемъ корытцѣ съ кормомъ онъ всегда прежде всего выскивалъ мясо.

Пойманный туканъ, котораго держалъ Вигорсъ, былъ чрезвычайно милъ и обходителенъ. Онъ позволялъ съ собою играть, ѣлъ изъ рукъ, былъ веселъ, приятенъ и миловиденъ, несмотря на свой неуклюжій клювъ, легко въ своихъ движеніяхъ, содержалъ свои перья всегда въ чистотѣ и порядкѣ и ежедневно купался одинъ разъ.

Если ему ничто не мѣшало, то онъ проводилъ день за днемъ одинаково. Съ наступленіемъ ночи онъ кончаетъ свою послѣднюю трапезу, повертится немного по клѣткѣ и садится на самую верхнюю жердочку. Въ ту-же минуту поджимаетъ голову къ плечамъ и поднимаетъ хвостъ вертикально надъ спиной. Въ такомъ положеніи онъ проводитъ около двухъ часовъ въ полудремотѣ и обыкновенно съ закрытыми глазами. Въ это время онъ позволялъ себя трогать, бралъ даже любимое кушанье, но не измѣнялъ своего положенія. Точно также онъ позволялъ отгибать ему хвостъ книзу, но всегда приводилъ его въ прежнее положеніе. Къ концу вышеуказаннаго времени онъ медленно заворачивалъ на спицу свой клювъ, засовывалъ его между перьями и опускалъ крылья и казался такимъ образомъ шаромъ изъ перьевъ. Зимой онъ измѣнялъ свое поведеніе: въ это время горящій камінь способствовалъ его болѣе продолжительному бодрствованію.

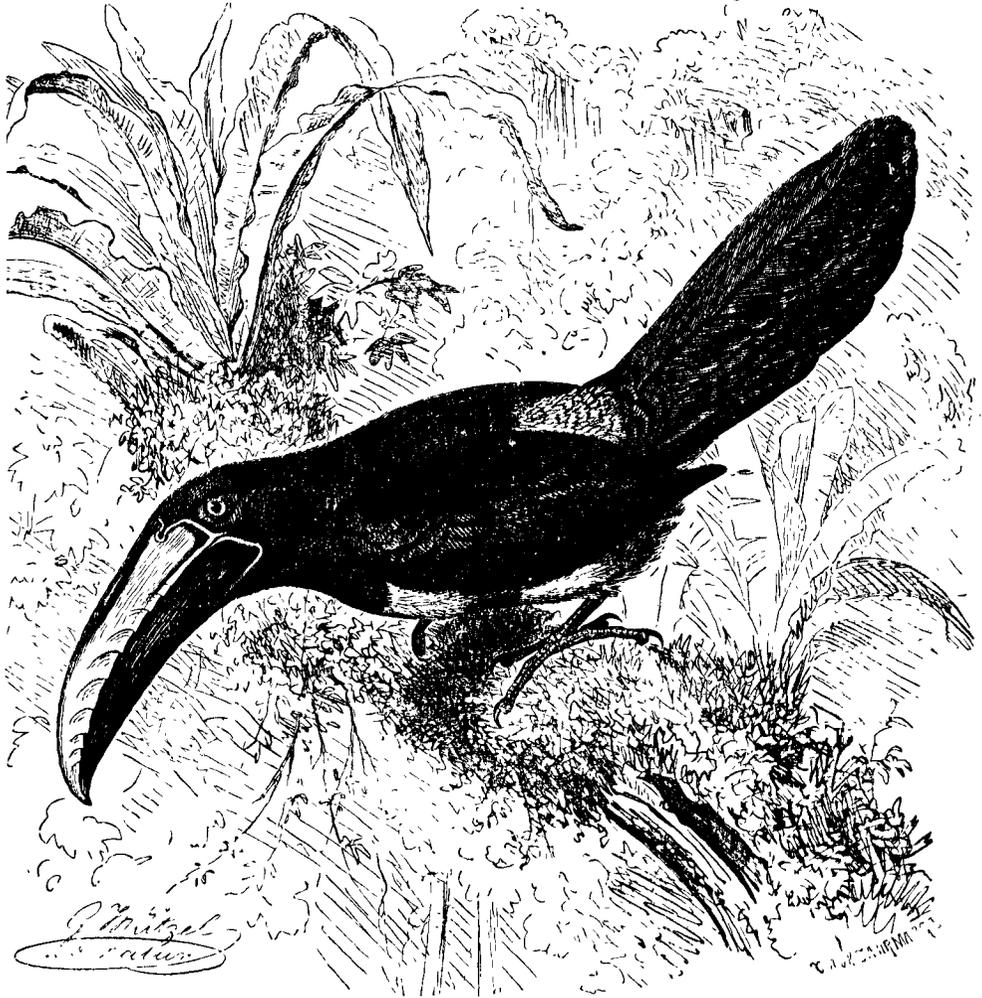
«Мои тулканы», пишетъ мнѣ Бодинусъ, «премилыя птицы. Ихъ роскошное опереніе восхищаетъ всякаго, а огромный клювъ всѣ находятъ въ высшей степени оригинальнымъ и вовсе не неуклюжимъ. Они нисколько не боятся приближенія человѣка, всегда веселы и оживленны, вѣчно неасытны; чистоплотность ихъ такъ велика, что они постоянно находятъ на себѣ что-нибудь почистить или поправить, ихъ ловкость изумительна, короче—они занимательны въ лучшемъ смыслѣ этого слова». Соглашаясь вполнѣ съ этимъ опытнымъ любителемъ животныхъ, я имѣлъ бы кой-что прибавить о жизни этихъ птицъ въ неволѣ. Перцеяды, если желаютъ видѣть въ полномъ блескѣ ихъ красоту, подвижность и оживленіе, требуютъ очень большой и высокой клѣтки, которая представляла-бы полную возможность ихъ забавамъ. Въ такой клѣткѣ, если изолировать ихъ отъ вліянія суровой погоды, они выживаютъ много лѣтъ, становятся совершенно ручными, узнаютъ своего воспитателя, отличая его среди другихъ людей, позволяютъ ему трогать себя и, подобно попугаямъ, ворошить ихъ перья и располагаютъ къ себѣ черезъ это, болше благодаря своему добродушію и вѣчнымъ милымъ забавамъ, чѣмъ красивой, своеобразной окраской. Но у нихъ есть особенности, которыя, на нашъ взглядъ, могутъ быть причислены къ настоящимъ шалостямъ. Не говоря уже объ ихъ хищническихъ и губительныхъ наклонностяхъ, которыя способствуютъ удаленію отъ ихъ сосѣдства всѣхъ болше слабыхъ твореній, они не всегда переносятъ другъ друга и,

нерѣдко затѣваютъ ссоры между собою, образуютъ партіи и ожесточенно преслѣдуютъ и мучатъ какого-нибудь сородича, возбудившаго ихъ нерасположеніе. Тѣ еще, которые одновременно приносятся въ пустую клѣтку, обыкновенно ведутъ себя хорошо. Одинъ изъ нихъ завладѣваетъ господствомъ, другіе подчиняются, и все живутъ въ добромъ согласіи. Но, какъ скоро въ такую компанію внесутъ новаго пришельца, отношенія ихъ часто измѣняются самымъ безотраднѣмъ образомъ. Вначалѣ новичекъ осматривается съ явнымъ любопытствомъ и внимательностью. Старые, одинъ за другимъ, прискакиваютъ къ нему и внимательно оглядываютъ, какъ будто они никогда не видѣли другихъ подобныхъ имъ птицъ. Подсѣвъ вплотную къ нему, старикъ медленно вытягиваетъ свою голову съ неуклюжимъ клювомъ и осматриваетъ новичка спереди и сзади, сверху до низу. Послѣдній все болѣе и болѣе приходитъ въ явное замѣшательство отъ подобнаго осмотра; сначала онъ сидитъ спокойно и часто не оставляетъ своего мѣста даже тогда, когда осматривавшій его туканъ снова удаляется. За первымъ любопытнымъ слѣдуютъ другіе. Новоприбывшій форменно проходитъ сквозь строй. Нѣкоторое время все идетъ благополучно, но какое-нибудь противоѣйствіе со стороны пришельца возбуждаетъ общій гнѣвъ. Наполненное кормомъ корытце, къ которому онъ приближается, опорожняется и пустѣетъ на глазахъ завистливыхъ сотоварищей; все подсакиваютъ къ нему, чтобы въ полномъ смыслѣ слова вырывать куски у самаго его рта; все полны очевидной готовности броситься на него сообща, если онъ продолжаетъ ѣсть, а тѣмъ болѣе, если онъ побѣжитъ при видѣ угрожающихъ минъ остальныхъ тукановъ. Если онъ не будетъ въ состояніи завоевать себѣ мѣсто въ этомъ обществѣ, другими словами, если онъ слишкомъ слабъ, чтобы противоѣйствовать, то ему приходится плохо. Все нападаютъ на него и стараются клювами нанести удары въ спину. Если ему удастся отвоевать, храбро сопротивляясь, свое мѣсто, то онъ добьется, по крайней мѣрѣ, терпимости къ себѣ. Если же побѣжитъ, то все остальные несутся вслѣдъ за нимъ, повторяютъ, если онъ пошевелится или вообще что-нибудь сдѣлаетъ, свое нападеніе и доводятъ со временемъ свою злобу до того, что бѣдняга только пытается прижаться покрѣпче къ землѣ и тщетно избѣгаетъ приблизиться къ другому товарищу. Весьма нерѣдко случается, что загнанный такимъ образомъ перцеядъ, благодаря вѣчнымъ преслѣдованіямъ, околѣваетъ или теряетъ всякое желаніе жить. Только въ томъ случаѣ, если ему удастся приобрѣсти среди своихъ коллегъ друга или, можетъ быть, даже возлюбленнаго, раздоры приходятъ къ концу. Въ подобныхъ случаяхъ самки—перцеяды обыкновенно находятся въ несравненно лучшихъ условіяхъ, чѣмъ самцы, которые терпятъ преслѣдованія отъ остальныхъ не только отъ зависти, но и отъ ревности.

* *
*

Подъ именемъ **Арасари** (*Pteroglossus. Arassari. Aracaris*) извѣстны тѣ виды семейства, у которыхъ клювъ сравнительно меньше, тонокъ, круглъ, менѣе сжатъ къ концу, у основанія не выше головы, имѣетъ иногда болѣе или менѣе острые, поднятые края и болѣе или менѣе выгнутъ по расщепу. Носовыя отверстія помѣщаются или у самаго задняго края клюва или на выемкѣ его, по обѣимъ сторонамъ приплюсненнаго лба. Крылья короткія, но сравнительно заостренные, третье маховое перо ихъ самое длинное. Хвостъ длинный и клиновидно заостренный, такъ какъ боковыя перья его укорачиваются ступенчато. Опереніе характерно разнообразіемъ окраски. Господствующіе цвѣта зеленый и желтый. У многихъ видовъ самки носятъ опереніе, отличное отъ наряда самцовъ.

Самый распространенный изъ видовъ этого рода—**Арасари** бразильцевъ (*Pteroglossus atricollis, formosus, aracari, Arassari, Aracari*). Основной цвѣтъ его оперенія —темно-зеленый съ металлическимъ отливомъ. Голова и шея черныя съ темнымъ буро-фиолетовымъ налетомъ на щекахъ. Нижняя часть груди и брюхо блѣдно зелено-желтыя; полоса, идущая по срединѣ брюха, и надхвостье вплоть до спины—красныя. Хвостъ черно-зеленый, если смотрѣть сверху и сѣро-зеленаго цвѣта, если смотрѣть снизу. Глаза бурые; голыя части около глазъ—аспидно-черныя. Верхняя половина клюва

Арасари. *Pteroglossus atricollis*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

желтовато-бѣлаго цвѣта и только ротовой уголь у приподнятаго края и округлая спинка — черныя; напротивъ, нижняя половина совершенно черная съ бѣлыми краями у основанія. Ноги зеленовато-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 44 см., длина крыла 16 см., а хвоста 17 см.

«Арасари», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «въ большомъ количествѣ живутъ во всѣхъ посѣщенныхъ мною дѣвственныхъ лѣсахъ Бразиліи и въ главныхъ чертахъ ведутъ тотъ-же образъ жизни, что и тукааны. Ихъ виднѣть часто сидящими на самыхъ верхнихъ крѣпкихъ вѣтвяхъ высокаго дерева лѣса, откуда они испускаютъ

свой короткій, двутонный призывной крикъ, отчасти похожій на «кулик, кулик». Въ брачную пору они живутъ парами, въ остальное время летаютъ небольшими обществами въ поискахъ за плодами. Въ особенности въ холодное время, періодъ созрѣванія большинства плодовъ, они покидаютъ лѣса и приближаются къ берегамъ и плантаціямъ, гдѣ въ это время ихъ бьютъ въ большомъ количествѣ. Мясо арасари вкусно, а въ холодное время года и жирно. Птицы эти летаютъ волнообразно и толчками, подобно вѣтмъ туканамъ, и во время полета мало машутъ крыльями. Сидя на мѣстѣ, онѣ подергиваютъ хвостомъ подобно нашимъ сорокамъ. Гнѣздо ихъ съ двумя яйцами или птенцами находится въ дуплѣ дерева или сука. Завидя хищную птицу, въ особенности сову, онѣ собираются сталями, чтобы преслѣдовать ее».

«Видь этотъ», добавляетъ Шомбургкъ, «довольно обыкновененъ въ Британской Гвіанѣ. Въ лѣсу арасари встрѣчаютъ то парами, то обществами, сидящими на деревьяхъ съ поспѣвшими плодами. Такія деревья, повидимому, и являются причиной ихъ собранія, такъ какъ они улетаютъ съ нихъ такими-же парами, какъ и прилетѣли. Они питаются только плодами». Бурмейстеръ утверждаетъ обратное: «они ѣдятъ не только плоды, но и насѣкомыхъ и даже глотаютъ крупныхъ жуковъ». Последнее мнѣніе мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ. Относительно ихъ поведенія послѣдній естествоиспытатель даетъ хотя короткое, но наглядное сообщеніе въ описаніи своего путешествія. «Семья этихъ птицъ сидѣла на верхушкѣ одного изъ самыхъ крупныхъ деревьевъ, срывая съ отягощенныхъ вѣтвей плоды и выражая криками свое очевидное удовольствіе. Я принялъ ихъ за попугаевъ и удивился, что они не улетали съ громкими криками. Своимъ поведеніемъ они положительно напоминали попугаевъ, только не были такими осторожными. Они спокойно были заняты работой, время отъ времени перекликались и безъ помѣхи позволяли наблюдать за собой. Въ ихъ сходствѣ съ попугаями нѣтъ никакого сомнѣнія. Какъ и тѣ, они живутъ парочками или небольшими стайками, также кучами садятся на деревья, срываютъ плоды и разлетаются парами, когда ихъ спугнуть». Батсъ утверждаетъ, что онъ никогда не видѣлъ стаекъ другого вида этихъ птицъ, собравшимися на плодовыхъ деревьяхъ, но всегда замѣчалъ ихъ во время ихъ кочевокъ прыгающими съ вѣтки на вѣтку по низкимъ деревьямъ и прычущимися въ листь. «Насколько я знаю, ни одинъ арасари не издаетъ тьяв-кающего крика, какъ это дѣлаютъ большіе туканы; крикъ одного вида напоминаетъ кваканье лягушекъ».

Тотъ-же изслѣдователь рассказываетъ, какъ онъ однажды имѣлъ интересное столкновеніе съ этими птицами. «Съ высочайшаго дерева одного темнаго ущелья, я подстрѣлилъ одного арасари. Онъ былъ только раненъ и громко закричалъ, когда я хотѣлъ его взять. Въ то же мгновеніе тѣнистое ущелье какъ-бы по мановенію волшебства оживилось массою появившихся товарищей, ни одного изъ которыхъ до этого я не замѣчалъ. Прыгая съ сучка на сучекъ, они спустились ко мнѣ, подвѣсились къ стеблямъ ползучихъ растеній и всѣ каркали и хлопали своими крыльями словно фурія. Будь у меня въ рукахъ длинная палка, я могъ-бы сбить съ вѣтвей многихъ изъ нихъ. Добивъ раненаго, я приготовился наказать дерзкихъ птицъ, но послѣднія убрались обратно на безопасную верхушку дерева, лишь только смолкъ крикъ ихъ товарища, и поголовно всѣ скрылись прежде, чѣмъ я успѣлъ зарядить свое ружье».

Лайярдъ встрѣтилъ одну пару арасари въ компаніи различныхъ дятловъ и, быть можетъ, даже гнѣздившюся въ одномъ изъ устроенныхъ дятлами дупловъ, но онъ не имѣлъ возможности залѣзть на дерево, чтобы добыть яйца. О присутствіи арасари онъ убѣдился, убивъ съ дерева одного изъ дятловъ. Немедленно вслѣдъ

за выстрѣломъ, арасари осторожно высунуль изъ дупла свою голову посмотреть, что случилось, оглянулся вокругъ, замѣтилъ нашего натуралиста и быстро спряталъ голову обратно въ дупло. Это продѣлывалъ онъ послѣ каждаго новаго выстрѣла.

Отъ Шомбургка, кромѣ того, узнаемъ, что арасари очень часто ловятся и приручаются индѣйцами и обыкновенно скоро становятся довѣрчивыми. По словамъ Пенпига, туземцы считаютъ массу, соскобленную съ клюва, и бахромчатый языкъ птицы вѣрнымъ средствомъ противъ одышки и судорогъ.

Къ перцеѣдамъ по естественной классификаціи примыкаетъ группа **Бородачей** (Capitonidae. Bartvögel. Barbicans). Они характеризуются слѣдующими признаками. Тѣло немного тяжеловатое, сжатое. Клювъ средней длины, почти конусовидный, округленный съ боковъ, широкій у основанія, сжатый къ концу, съ прямыми или выемчатыми снизу вверхъ краями расщепя, и зазубренный или выемчатый къ концу на подобіе зубцовъ. Ноги короткія, но сильныя, парнопалыя; большой и наружный пальцы ихъ обращены назадъ. Крылья средней длины или короткія, округленные, съ короткими кроющими перьями. Хвостъ короткій, большею частью ровно обрубленный, иногда, впрочемъ, слегка округленный и тогда сравнительно длинный и состоитъ изъ десяти перьевъ. Наконецъ, опереніе мягкое, но плотное, съ роскошной блестящей окраской и въ области клюва переходящее въ многочисленныя щетинки.

Семейство это, изъ котораго извѣстно около 80 видовъ, имѣетъ родиной жаркіе пояса Стараго и Новаго Свѣта и въ различныхъ частяхъ свѣта имѣетъ разныхъ представителей. Особенно многочисленны они въ Африкѣ и Азіи, напротивъ, въ Австраліи не было найдено ни одного вида. Большинство бородачей могутъ считаться оживленными, веселыми и дѣятельными птицами. Они любятъ общество и поэтому часто соединяются въ небольшой стаи, которыя довольно долгое время собща занимаются своимъ дѣломъ. Въ поискахъ за кормомъ они обыскиваютъ по всѣмъ направленіямъ верхушки деревьевъ и кустарники, собирая здѣсь все, что находятъ. Во время такихъ поисковъ они облетаютъ въ теченіи дня большую или меньшую площадь. Ихъ нища состоитъ какъ изъ насѣкомыхъ, такъ и изъ различныхъ ягодъ и плодовъ. Большіе виды не довольствуются одними насѣкомыми, но, при случаѣ, добираются и до мелкихъ позвоночныхъ, по крайней мѣрѣ, поступаютъ такъ въ неволѣ. Одинъ бородачъ, котораго Лайярдъ держалъ въ общей клѣткѣ, уничтожилъ, мало по малу, всѣхъ живущихъ съ нимъ въ клѣткѣ вьюрковъ. Вначалѣ ему въ жертву попадали только тѣ, которые неосторожно приближались къ нему; въ концѣ-же онъ устраивалъ настоящія засады, прятался въ какой-нибудь густой кустъ или въ корыто изъ подъ корму и стремительно схватывалъ подошедшую близко къ его клюву маленькую неосторожную птичку. Онъ ударялъ ее о землю или какую-нибудь вѣтку и затѣмъ проглатывалъ. Несмотря на это, нужно думать, что главную пищу его составляютъ все-таки плоды. Этимъ объясняется и внѣшній видъ свободно живущихъ птицъ. Рѣдко опереніе бываетъ въ порядкѣ: болѣе или менѣе выдающіяся части тѣла, въ особенности клювъ, бываютъ почти всегда обмазаны липкимъ сокомъ плодовъ, благодаря чему становятся неузнаваемыми. Изъ любви къ плодамъ, бородачи прилетаютъ изъ лѣса въ сады и часто носятся по цѣлымъ днямъ, перелетая съ одной отягощенной плодами верхушки дерева къ другой.

На землѣ они, повидимому, не въ своей сферѣ, зато имъ нельзя отказать въ искусствѣ лезать. Ихъ полетъ короткій, но быстрый. Они очень часто машутъ крыльями, чтобы лучше поддержать сравнительно тяжелое тѣло. Почти всѣ имѣютъ одинъ громкій, далеко слышимый голосъ и многіе виды безпрестанно задаютъ кон-

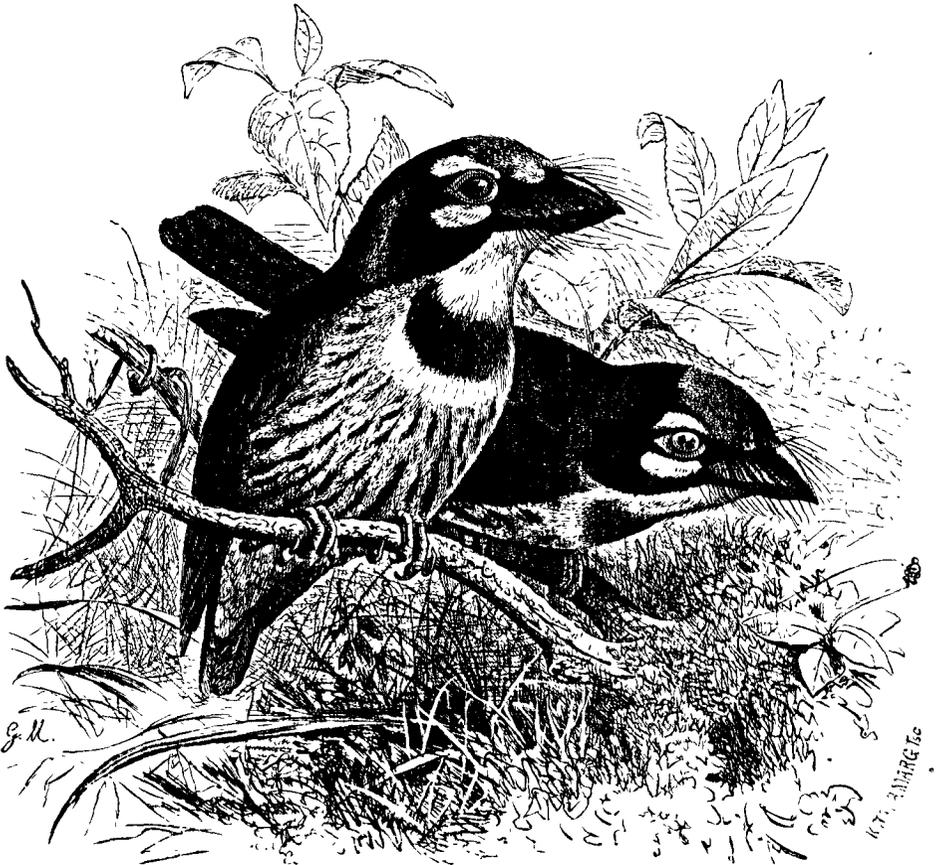
церы, къ которымъ присоединяются все члены общества. По отношенію къ человеку они выказываютъ болышею частью мало страха. Повидимому, они полагаются на защиту, доставляемую имъ густыми вершинами деревьевъ, ихъ любимымъ мѣстопробываніемъ и, дѣйствительно, тамъ ихъ отыскать очень трудно. Тѣ-же, которые любятъ показываться на открытыхъ мѣстахъ и оттуда расиѣвать свои странныя пѣсни, обыкновенно бываютъ осторожны и недоувѣрчивы. Гнѣзда бородачей находятъ какъ въ дуплистыхъ деревьяхъ, такъ и въ земляныхъ норахъ. Найденныя до сихъ норъ яйца—бѣлаго цвѣта. Другихъ свѣдѣній объ ихъ гнѣздованіи не имѣется.

Представителемъ азиатскихъ видовъ я избралъ **Желтозобаго бородача** (*Megalaema flavigula*, *Bucco flavigulus*, *haematocephalus*, *nanus*, *philippensis*, *parvus*, *indicus*, *lutens*, *rubrifrons*, *lathamii*, *rafflesii*, *Xantholaema flavigula*, *indica*, *Capito indicus*, *Goldbartvogel*, *Petit barbu*), такъ какъ его образъ жизни до нѣкоторой степени изученъ. Родъ **Зеленыхъ бородачей** (*Megalaema Grünbärtlinge*), къ которому онъ принадлежитъ, характеризуется короткимъ, съ боковъ выемчатымъ клювомъ, довольно заостренными крыльями, третье, четвертое и пятое маховыя перья которыхъ самыя длинныя, и короткимъ, почти ровно срезаннымъ хвостомъ. Опереніе желтозобаго бородача сверху темно-оливково-зеленое; эта окраска на наружныхъ каймахъ черныхъ маховыхъ перьевъ переходитъ въ темный зелено-сизый цвѣтъ. Передняя и верхняя части головы—пурпурово-красныя. Затылокъ и бока головы—черныя. Узкая полоска надъ глазомъ и широкая полоса подъ нимъ, подбородокъ и горло—желтаго цвѣта сѣры; поперечная полоска, оторачивающая горло снизу—темно-пурпурово-краснаго цвѣта; полоса, въ свою очередь огнивающая эту послѣднюю—оранжево-желтая. Все остальные нижнія части—желтовато-бѣлыя, покрытыя широкими яблочко-зелеными продольными пятнами по стержнямъ. Нерѣдко встрѣчается желтая разновидность, которую прежде разсматривали какъ отдѣльный видъ. Глаза темно-бурые; клювъ черный; ноги краснаго коралловаго цвѣта. Длина достигаетъ 17 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 8,5, а хвоста 4 см.

Желтозобый бородачь распространенъ, по словамъ Жердона, повсей Индіи, Кохинхинѣ, Цейлону, на Малайскихъ островахъ, особенно на Суматрѣ и на Филиппинскихъ, но отсутствуетъ въ Гиммалайскихъ горахъ и въ Пенджабѣ. Онъ обыкновененъ всюду, гдѣ есть деревья, живетъ въ высокоствольныхъ лѣсахъ, рощахъ, на бульварахъ и въ садахъ и безъ всякаго страха прилетаетъ къ домамъ и нерѣдко даже садится на нихъ. Нѣкоторые натуралисты говорятъ, что онъ лазаетъ по деревьямъ подобно дятлу, но Жердонъ утверждаетъ, что онъ никогда этого не замѣчалъ и сомнѣвается, чтобы какой-нибудь бородачь вообще двигался такимъ образомъ. Голосъ этого бородача громкій, похожій на слогъ «дук, дук». Этотъ крикъ птица обыкновенно издастъ, сяди на вершинкѣ дерева и сопровождая каждый звукъ кивкомъ головы то въ одну, то въ другую стороны. Голосъ и движенія его головы доставили этой птицѣ названіе «кузнеца», которое очень въ ходу какъ у европейцевъ, такъ и у индусовъ. Сундеваль замѣчаетъ, что одинъ и тотъ-же желтозобый бородачь всегда поетъ одинаково, но рѣдко можно встрѣтить двухъ, которыхъ пѣніе было-бы тождественно, такъ что, когда двѣ или нѣсколько такихъ птицъ сидятъ другъ возлѣ друга и поютъ одновременно, въ общемъ получается довольно пріятное созвучіе.

Яицу этой птицы составляютъ различнаго рода плоды, а иногда, быть можетъ, и пасѣкомыя. Однако одинъ пойманный желтозобый бородачь, котораго наблюдалъ Блайтъ, не трогалъ животной пищи, когда его снабжали плодами. Другой,

котораго воспитывалъ я, поступалъ совершенно обратно и предпочиталъ мучныхъ червяковъ всѣмъ остальнымъ лакомымъ кусочкамъ, не пренебрегая однако плодами. Мой плѣвникъ жилъ въ полномъ согласіи со своими товарищами по клеткѣ или, вѣрнѣе, не обращалъ на нихъ никакого вниманія, сидѣлъ всегда въ сторонѣ отъ нихъ на одномъ избранномъ имъ въ первый-же день мѣстечкѣ и часто просиживалъ здѣсь часами неподвижно или изрѣдка испуская свой громкій, звонкій крикъ. На землю онъ спускался только тогда, когда его принуждалъ голодъ, но и здѣсь, если могъ, садился на вѣтку или край посуды съ кормомъ и только въ исключительныхъ случаяхъ

Желтозобый бородачъ. *Megalaema flavigula*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

слѣзая на землю, прыгать по ней не такъ тяжело, какъ можно бы было ожидать.

О размноженіи желтозобыхъ бородачей я могу сказать очень мало. Гнѣзда устраиваются въ дуплахъ деревьевъ и одно и то же дупло, вѣроятно, служитъ для этого нѣсколько лѣтъ подрядъ. Кладка состоитъ изъ двухъ, а можетъ быть и больше, яицъ бѣлаго цвѣта.

* * *

Изъ африканскихъ бородачей больше всего понравился мнѣ **Жемчужный бородачъ** (*Trachyrhynchus margaritatus*, *Bucco*, *Micropogon*, *Capito margaritatus*, *Tamania*, *Lypornix erythropygia*, *Polysticte margaritata*, *Perlvoegel*, *Chacuru perlé*). Онъ принадлежитъ къ роду **Украшенныхъ бородачей** (*Trachyrhynchus*). Характерные признаки этого рода слѣдующіе. Клювъ тонкій, средней длины, слегка волнистый по спинкѣ,

сжатый къ концу, но не выемчатый. Ноги сравнительно высокія; средній палецъ — короче плюсны. Крылья довольно длинныя, четвертое маховое перо ихъ длиннѣе прочихъ. Хвостъ довольно длинный и округленный.

Опереніе верхнихъ частей умбро-бурого цвѣта съ бѣлыми крапинками и полосками. Затылокъ, зашеекъ, бока шеи и нижнія части тѣла блестящаго сѣрно-желтаго цвѣта, на груди съ красноватымъ налетомъ. Лобъ и темя, а у самцовъ кромѣ того пятно на горлѣ и грудная полоска, составленная изъ крапинокъ, — черныя. Гузка и надхвостье темно-пурпурово-красныя. Глаза темно-красныя; клювъ свѣтло-крас-

Жемчужный бородачъ. *Trachyrhynchus margaritatus*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

ный; ноги свинцово-сѣрыя. Длина тѣла достигаетъ 19 см., длина крыла 9 см.

Къ югу отъ 17 градуса сѣверной широты жемчужный бородачъ не былъ рѣдкостью во всѣхъ посѣщенныхъ мною областяхъ сѣверной Африки, а въ лѣсахъ и садахъ Сеннаара и Кордофана по крайней мѣрѣ кое-гдѣ былъ довольно обыкновеннымъ явленіемъ. Слѣдуетъ упомянуть, что птица дѣлаетъ все зависящее отъ нея, чтобы быть замѣченной. Она заявляетъ о своемъ присутствіи сама и умѣетъ оживить сады степныхъ и лѣсныхъ деревень африканскихъ низменностей. Они встрѣчаются обыкновенно парочками, но въ птенцовую пору и маленькими обществами. Жемчужные бородачи никогда не причутся, подобно другимъ африканскимъ бородачамъ, но живутъ открыто, въ особенности въ извѣстную пору. Особенно въ утренніе или вечерніе часы, они взлетаютъ на самую верхушку нѣкоторыхъ деревьевъ и

весело и радостно покрикиваютъ оттуда. Лишь только двѣ птицы разнаго пола встрѣтятся на одномъ деревѣ, обѣ начинаютъ свою оригинальную пѣсенку, которая, по моему мнѣнію, состоитъ изъ слоговъ «гукгук гирре гирре гукгук», по Гартману «тіур тіур», по словамъ маркиза Антинори «чіой чіой—и», и, наконецъ, по Гейглину «ду ду дуй дуй дуй ду». Голоса обоихъ пѣвцовъ настолько смѣшиваются другъ съ другомъ, что получается настоящій сумбуръ, и пѣсня становится такой путанной и неясной, что отдѣльныхъ звуковъ уже различить нельзя. Получается какое-то «гудѣніе», какъ совершенно справедливо замѣтилъ Гартманъ. «Во всякомъ случаѣ», говоритъ этотъ натуралистъ, «пѣснь жемчужнаго бородача является однимъ изъ самыхъ странныхъ и характерныхъ звуковъ этой мѣстности». Но поэтому-то, а можетъ быть и благодаря одушевленію, влагаемому въ эту пѣсню, невольно раздѣляешь съ пѣвцомъ его наслажденіе. Впрочемъ онъ совсѣмъ не любитъ, чтобы его подслушивали любознательные бѣлые люди, по крайней мѣрѣ онъ мгновенно умолкаетъ лишь только увидить приближающагося къ его мѣсту европейца и обыкновенно во время улетаетъ прочь, такъ что наблюдать жемчужнаго бородача на достаточно близкомъ разстояніи—дѣло не такое легкое.

Во всемъ остальномъ птица живетъ подобно другимъ видамъ его семейства. Бородачъ, не спѣша, порхаетъ по вершинкамъ деревьевъ, ѣсть насѣкомыхъ, добирается до плодовъ и собираетъ сѣмена. Онъ лазаетъ плохо, летаетъ, то махая крыльями, то паря, далеко летать не любитъ, а предпочитаетъ больше покой и упорно держится разъ избраннаго мѣста. Но, повидимому, границы его распространенія простираются шире, чѣмъ у другихъ бородачей. Объ его гнѣздѣ намъ сообщаетъ Гейглинъ. «Въ руслѣ одного дождевого потока», говоритъ онъ, «я нашелъ 26 сентября гнѣздо этой птицы: въ одной изъ отвѣсныхъ стѣнъ. Оно помѣщалось приблизительно на 3 метрахъ отъ дна русла. Совершенно круглое, 5 см. въ поперечникѣ, отверстіе въ косомъ направленіи шло центиметровъ на пятьдесятъ въ глубь стѣны и вело въ довольно большое кругловатое, спускавшееся книзу помѣщеніе, защищенное отъ педнаго къ нему входа чѣмъ то вроде маленькой стѣнки. Внутри его лежало свѣжее яйцо безъ всякой подстилки прямо на разрыхленной землѣ. Сравнительно съ птицей оно было средней величины, имѣло продолговатую форму, довольно притуплено съ обоихъ концовъ, было чисто бѣлаго цвѣта, съ розово-краснымъ отливомъ, очень нѣжно и блестяще. 8 октября на подобномъ-же мѣстѣ я нашелъ гнѣздо съ четырьмя насиженными яйцами. Гнѣздо совершенно походило на только что описанное, только ложе для яицъ состояло изъ сѣмянъ мальвы. Роетъ-ли жемчужный бородачъ свои норки самъ, я сказать не могу». Въ своемъ позднѣйшемъ сочиненіи Гейглинъ прибавляетъ къ вышесказанному, что онъ никогда не находилъ болѣе 4 яицъ въ кладкѣ, но встрѣчалъ 5—6 молодыхъ птенцовъ, несомнѣнно принадлежавшихъ къ одному и тому-же гнѣзду. Онъ предполагаетъ также, что птицы эти выводятъ птенцовъ болѣе одного раза въ годъ.

Согласно съ Фюрбрингеромъ, какъ заключительное семейство дятловыхъ птицъ вслѣдъ за бородачами мы помѣщаемъ **Медоуказчиковъ** или **Медовѣдовъ** (*Indicatoridae. Spähvögel. Indicateurs*). Это сравнительно плотно сложенные, длиннокрылыя, короткохвостыя, крѣпкоклювыя и коротконогія птицы. Клювъ ихъ короче головы, сильный, почти прямой, у конца согнутый сверху и снизу, сжатый съ боковъ и крючковатый. Ноги короткія и сильныя; наружный палецъ длиннѣе плюсны, пальцы длинныя, но не слабыя. Крылья длинныя и заостренныя, однако довольно широкія; изъ девяти маховыхъ перьевъ, третье — самое длинное, но четвертое и пятое лишь немного короче. Хвостъ средней величины, состоитъ изъ двѣнадцати руле-

выхъ перьевъ, округленъ и слегка выемчатый посрединѣ, такъ какъ оба рулевыхъ пера немного короче смежныхъ съ ними; оба наружныхъ пера однако значительно укорочены. Опереніе густое, гладкое и плотное; отдѣльные перья сидятъ крѣпко въ толстой кожѣ. Медоуказчики, которыхъ извѣстно около двѣнадцати видовъ, принадлежатъ главнымъ образомъ къ птицамъ Африки, только два вида семейства наблюдались внѣ этой части свѣта, въ Сиккимѣ и на Борнео. Они живутъ въ лѣсистыхъ областяхъ, обыкновенно парочками, весьма рѣдко маленькими стайками и, перепархивая съ дерева на дерево, издаютъ при этомъ звучный, пріятный крикъ. «Несмотря на ихъ незначительную величину и незамѣтную окраску», говоритъ Гейгливъ, «ихъ легко замѣтить и увидѣть издалека, благодаря особенному полету ихъ и бѣлому цвѣту наружныхъ рулевыхъ перьевъ». Они принадлежатъ къ самымъ популярнымъ птицамъ Африки, такъ какъ въ мѣстахъ ихъ жительства они извѣстны рѣшительно всякому. Уже первые путешественники упоминаютъ объ особенно странномъ качествѣ медоуказчиковъ, которыми они, повидимому, обладаютъ все поголовно. Обо всемъ необыкновенномъ, что остановить ихъ вниманіе, они оповѣщаютъ другихъ животныхъ, въ особенности человѣка, смѣло и дерзко лети къ нему навстрѣчу и приглашая криками и мимикой слѣдовать за собой. «О томъ, что они зовомъ своимъ часто приводятъ къ пчелинымъ роямъ, знаетъ каждый туземецъ Африки, отъ Банской земли до Сенегала и отъ западныхъ береговъ до Абиссиніи. Но столь-же часто медовѣды приводятъ слѣдующаго за нимъ человѣка къ павшимъ животнымъ, наполненнымъ личинками насѣкомыхъ, и преслѣдуетъ своимъ крикомъ львовъ или леопардовъ, короче—указываетъ все, что привлечетъ его вниманіе». Последнее мнѣніе, на основаніи своихъ многолѣтнихъ наблюденій, Барберъ принимаетъ съ оговоркою. Онъ, какъ и его выросшіе въ южной Африкѣ сыновья, всегда убѣждались, что медовѣды въ то время, когда вели ихъ къ пчелинымъ ульямъ, дорогою ни на что вниманія не обращали.

Объ ихъ размноженіи мы получили достовѣрныя свѣдѣнія только въ недавнее время; старыя сообщенія оказались ложными. Мы знаемъ теперь, что медоуказчики принадлежатъ къ числу такихъ птицъ, которыя не заботятся о выводѣ своихъ цтенцовъ, предоставляя это надзору и заботамъ другихъ птицъ.

Изъ извѣстныхъ до сихъ поръ наблюденій путешественниковъ явствуетъ, что все виды медоуказчиковъ въ общемъ ведутъ одинъ образъ жизни. Поэтому будетъ вполне достаточно, если я опишу только одинъ видъ семейства и рода и приведу свѣдѣнія объ ихъ образѣ жизни, сообщенныя путешествовавшими по Африкѣ натуралистами.

* *
* *
* *

Африканскій или Блѣдноклювый медовѣдъ (*Indicator parrmanni, albirostris leucotis, archipelagus, flaviscapulatus, pallidirostris, Cuculus indicator, capensis*. Нониганзейгер. *Indicateur africain*) имѣетъ сверху сѣро-бурюю окраску, снизу сѣровато-бѣлую; горло черное, пятно въ области уха сѣровато-бѣлое. На плечахъ замѣчаются желтыя пятна; нѣкоторыя перышки бедеръ имѣютъ продольныя черныя полоски. Маховыя перья сѣро-буроватыя; кроющія перья крыльевъ оторочены широкими бѣлыми полосами; среднія хвостовыя перья бурья, оба смежныхъ съ каждой стороны имѣютъ бурое наружное опахало и бѣлое внутреннее; три самыхъ наружныхъ пера—совершенно бѣлыя съ бурыми кончиками. Радужная оболочка бурая, глазной ободокъ свинцоваго цвѣта; клювъ желтовато-бѣлый; ноги буровато-сѣрыя. Длина птицы достигаетъ 18 см., длина крыла 11,5, а хвоста 7 см.

Начиная отъ юга, этотъ видъ распространенъ по наибольшей части Африки до 16 градуса сѣверной широты, но, повидимому, онъ, какъ и его сородичи, въ извѣстныхъ областяхъ, напримѣръ въ Восточномъ Суданѣ или въ Абиссиніи.

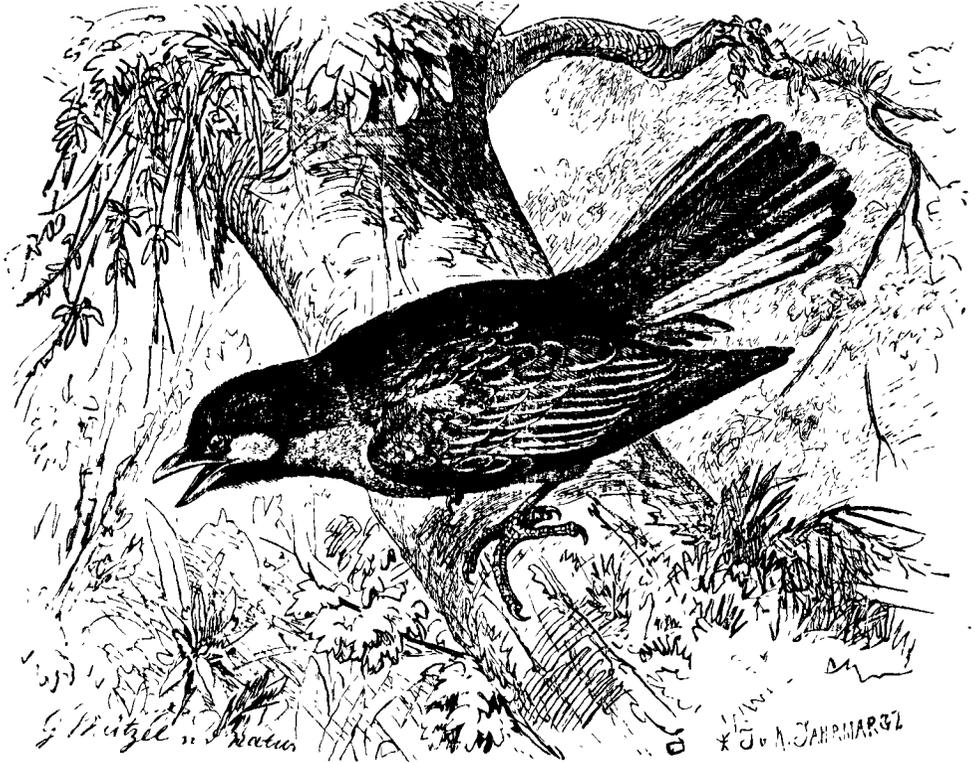
бываетъ временно, слѣдовательно является здѣсь перелетной птицей. Гейглинъ и маркизь Антипори наблюдали его въ совершенно различное время года. Относительно того, что эти птицы встрѣчаются не очень часто, существуютъ наблюденія Гейглина. Ихъ незначительная величина, однообразное опереніе и ихъ обыкновеніе держаться въ густолиственныхъ деревьяхъ, являются достаточнымъ объясненіемъ, почему онѣ мало попадаются на глаза натуралистамъ, хотя эти птицы, въ особенности на лету, легко замѣтны по свойственной имъ окраскѣ хвоста и обнаруживаютъ свое присутствіе своимъ извѣстнымъ призывнымъ крикомъ. Передавая кричать, медовѣды становятся тихими, простыми птахами, не торопясь лазить, подобно вертиголовкамъ, по вѣтвямъ и только тогда вновь становятся шумливыми, когда замѣтить какой-нибудь особенно странный для нихъ предметъ, въ особенности осинное гнѣздо или пчелиный улей.

Первыя свѣдѣнія о медоуказчикахъ были сообщены Лудольфи въ 1681 году. Онъ уже зналъ, можетъ быть, и не на основаніи личныхъ наблюденій, что птица обо всемъ, что останавливаетъ ея вниманіе, оповѣщаетъ человѣка и не только объ однихъ пчелиныхъ ульяхъ, но и о дикихъ буйволахъ, слонахъ, тиграхъ и змѣяхъ, что она буквально приводитъ доврившагося ей охотника къ открытому ею животному или предмету. Лобо, описаніе путешествія котораго было издано въ 1728 году, снова говоритъ объ интересующей насъ птицѣ. «Морокъ или медовѣдъ», пишетъ онъ, «обладаетъ особеннымъ талантомъ находить медъ и пчель всевозможныхъ породъ, которыя въ огромномъ количествѣ водятся въ Эфіопіи. Одни изъ нихъ живутъ какъ ручныя—въ особыхъ корзинахъ, другіе держатся въ дуплахъ деревьевъ, третьи—въ ямахъ и норахъ подь землей, которыя они заботливо содержатъ въ чистотѣ и такъ искусно скрываютъ, что ихъ трудно отыскать даже и тогда, когда они устроены по близости проселочной дороги. Медъ, который они собираютъ туда, столь же превосходенъ, какъ медъ домашнихъ пчель, онъ только немного чернѣе послѣдняго. Я могъ бы даже подумать, что это тотъ самый медъ, которымъ питался Іоаннъ Креститель въ пустынѣ. Когда морокъ выслѣдитъ какое-нибудь гнѣздо пчель, онъ садится на проселочной дорогѣ, хлопаетъ крылышками, поетъ, если онъ кого-нибудь увидитъ, стараясь быть понятнымъ и убѣдить послѣдняго слѣдовать за собой и ждать, пока онъ укажетъ ему пчелиное жилище. Если онъ замѣтитъ, что за нимъ слѣдуютъ, онъ перелетаетъ съ дерева на дерево, пока не приведетъ къ тому мѣсту, гдѣ найденъ медъ. Абиссинецъ выбираетъ медъ, но никогда не преминетъ оставить добрую часть его птицѣ.»

Послѣ вышеупомянутаго путешественника, въ концѣ прошлаго столѣтія, Шаррманъ далъ полное описаніе этого свойства и страннаго поведенія медоуказчиковъ. и его данныя были только подтверждены всѣми слѣдующими натуралистами. Левальянъ однако высказалъ предположеніе, что Шаррманъ, вѣроятно, никогда не видѣлъ медоуказчика и передаетъ только рассказы готентотовъ. Но Левальянъ не исправилъ свѣдѣній, данныхъ Шаррманомъ, и притомъ далъ совершенно ложное описаніе размноженія этихъ птицъ: его мнѣніе, слѣдовательно, едва ли можетъ быть принято въ расчетъ.

«Медоуказчикъ», говоритъ Шаррманъ, «заслуживаетъ, чтобы я здѣсь описалъ подробнѣе его оригинальную жизнь. Благодаря своимъ размѢрамъ и величинѣ, онъ почти непримѣтенъ, такъ какъ, при бѣгломъ взглядѣ, онъ совершенно напоминаетъ обыкновеннаго сѣраго воробья, хотя онъ немного больше и блѣднѣе послѣдняго, имѣетъ по маленькому желтому пятнышку на каждомъ плечѣ и въ окраскѣ его гузки очень замѣтенъ бѣлый цвѣтъ. Если онъ открываетъ человѣку или капскому рателю (*Mellivora*) мѣсто, гдѣ находится гнѣздо пчель, то дѣлаетъ это

изъ эгоистическихъ цѣлей: медъ и личинки пчель составляютъ его любимое кушанье и онъ знаетъ, что, при разореніи пчелинаго гнѣзда, всегда кой-что теряется и перепадаетъ слѣдовательно ему или будетъ заботливо оставлено ему въ награду за оказанную услугу». На это Левальянъ совершенно справедливо возражаетъ, что тѣ медовѣды, которые живутъ въ лѣсахъ, гдѣ нѣтъ людей, не могутъ рассчитывать на такое вознагражденіе за услугу, а все-таки живутъ, что такимъ образомъ птица вовсе не умышленно услуживаетъ человѣку, но просто онъ пользуется ея способностью находить медъ. «Ко всему этому», продолжаетъ Шпэррманъ, «слѣдуетъ добавить, что въ способъ, которымъ эта птица совершаетъ свои предательскія продѣлки, она влагаетъ много соображенія и дѣлаетъ это положительно уди-

Медоуказчикъ. *Indicator spangani*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

вительнымъ образомъ. Утро и вечеръ—время, повидимому, особенно подходящее для ея дѣятельности; по крайней мѣрѣ въ это время она проявляетъ больше рвенія, привлекая вниманіе рателей и готтентотовъ своимъ чирикающимъ «ехерр херр». Тогда идутъ къ птицѣ, которая летитъ не торопясь по пути къ ближайшему пчелиному рою, не переставая издавать свой призывной крикъ. За ней слѣдуютъ, избѣгая шума и большой компаніи, чтобы не испугать своего проводника; лучше въ этомъ случаѣ изрѣдка отвѣчать птичкѣ, какъ это дѣлалъ одинъ изъ моихъ хитрыхъ бушмановъ, тихимъ, слабымъ свистомъ, въ знакъ того, что за ней слѣдуютъ. Я замѣтилъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда пчелы были далеко, птичка дѣлала остановки, но послѣ продолжительнаго полета, чтобы тѣмъ самымъ подождать охотника за медомъ и затѣмъ снова манить его за собой; но когда они подходили уже близко къ улью, разстоянія, пролетаемаго ею, становились все короче, а крикъ

ревностиѣ и чаще. Когда-же наконецъ она подлетала къ самому пчелиному гнѣзду, которое могло помѣщаться или въ разсѣлинѣ какого-нибудь холма, или въ дуплестомъ деревѣ, или въ подземныхъ ходахъ, то на секунду вилась надъ нимъ и безмолвно садилась обыкновенно въ сосѣднемъ кусту такъ, чтобы ее не было видно и высматривала, что будетъ дальше и не перепадетъ-ли ей кой-что изъ добычи. Возможно, что она, прежде чѣмъ спрятаться, вѣтся такимъ образомъ надъ гнѣздомъ каждый разъ болѣе или менѣе продолжительное время, хотя это не всегда можно замѣтить. Но, что бы тамъ ни было, разъ птичка замолкла, можно быть всегда увѣреннымъ, что пчелиное гнѣздо находится гдѣ-нибудь очень близко. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ мы провели нѣсколько дней, мои готтентоты много разъ слѣдовали приглашенію одного нѣсколько боязливаго медуказчика, прежде чѣмъ съумѣли выслѣдить пчелиное гнѣздо, къ которому онъ ихъ приводилъ. Когда такимъ образомъ, по указанію птички, найдутъ гнѣздо и выберутъ изъ него медъ, ей обыкновенно изъ признательности оставляютъ значительную часть наиболѣе плохихъ сотовъ съ сидящими въ нихъ личинками. Такіе соты какъ разъ являются наиболѣе лакомыми для птицы, но и готтентоты въ свою очередь вовсе не считаютъ ихъ самыми плохими. Мой спутникъ, какъ и колонисты, говорилъ мнѣ, что, если идти специально за добываніемъ меда, въ первый разъ не слѣдуетъ быть слишкомъ щедрымъ по отношенію къ этой услужливой птичкѣ, но оставить ей ровно столько, сколько требуется для удовлетворенія ея аппетита, такъ какъ благодаря этому, въ ожиданіи еще большей награды, птичка приведетъ васъ еще къ одному улью, если таковой находится гдѣ-нибудь по сосѣдству».

По словамъ Гордона Кюмминга, чтобы добыть пчелиные соты, у входа въ улей зажигаютъ массу сухой травы, собираютъ медъ и даютъ должную долю птичѣ. Послѣ этого, если свистѣть, то она возобновитъ свое щebetаніе и часто приводитъ васъ еще ко второму и третьему гнѣзду пчелъ. Гюрней увѣряетъ, что въ желудкѣ убитаго имъ медуказчика онъ нашель гусеницъ, однако видѣлъ, какъ птица, сидя на пчелиномъ ульѣ, подстерегала прилетавшихъ и вылетающихъ пчелъ. Онъ утверждаетъ, что кафры всегда вознаграждаютъ эту птицу за ея услуги, и что по уходѣ людей она тотчасъ-же является за оставленными ей сотами Сэръ Джонъ Киркъ весьма подробно рассказываетъ о поведеніи медуказчика при видѣ туземца области Замбези. Прыгая съ вѣтки на вѣтку сосѣднихъ деревьевъ и постоянно повторяя свой призывной крикъ, птица старается обратить на себя вниманіе. Если ей отвѣтятъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ туземцы, посвистывая и смотря на землю, какъ будто чего то ищутъ, то она отлетаетъ по извѣстному направленію, садится въ небольшомъ отдаленіи и скачетъ съ дерева на дерево. Если за ней слѣдуютъ, она двигается дальше и приводитъ человѣка къ самому пчелиному гнѣзду. Когда оно достигнуто, птичка отлетаетъ и дальше не ведетъ. Чтобы разыскать теперь пчелъ, требуется извѣстная снаровка, даже и тогда, когда пернатый проводникъ ясно указалъ на нѣсколько деревьевъ. Киркъ узналъ также, что если слѣдовавшій за птицею человѣкъ, пройдя нѣкоторое время въ данномъ направленіи, поворачиваетъ обратно, то медуказчикъ возвращается, чтобы указать другое гнѣздо пчелъ и на другомъ мѣстѣ. Неприятно то, что птица очень часто приводитъ къ улью съ домашними пчелами, на томъ простомъ основаніи, что эти пчелы той-же породы, какъ и лѣсныя, и «муссинга», какъ называютъ тамъ ульи, помѣщаются неподалеку отъ деревьевъ, имѣя въ виду пріохотить пчелъ поселиться въ нихъ. Очевидно, что медуказчику важнѣе всего личинки пчелъ: онъ часто приводитъ къ гнѣздамъ, не содержащимъ меда и, повидимому, одинаково радуется, когда изъ гнѣзда вмѣсто меда вынимаютъ соты съ личинками.

Для этихъ походовъ противъ пчелъ, плотное крѣпкое опереніе и толстая кожа медоуказчиковъ пришлись весьма кстати, т. е. прекрасно защищаютъ ихъ отъ жаленія пчелъ. Повятно, что послѣднія не позволяютъ себя грабить добровольно, но о смертельномъ исходѣ борьбы между медоуказчикомъ и пчелами, о которомъ сообщаетъ Левальянъ, никто изъ новѣйшихъ наблюдателей ничего не говоритъ. Кромѣ личинокъ пчелъ, осъ, имелей и вышеупомянутыхъ гусеницъ, медоуказчики, безъ сомнѣнія, преслѣдуютъ столь-же усердно и другихъ насѣкомыхъ.

Атморъ, отвѣчая на нѣкоторые вопросы Лайярда, даже говоритъ, что виды медоуказчиковъ, открытые уже Киркомъ, бросаются даже на мелкихъ птишекъ, хищнически, какъ сорокопутъ, ловить ихъ и уничтожаютъ, и что онъ лично убилъ одного, который былъ занятъ такимъ занятіемъ: въ воробья, пойманнаго имъ изъ стаи на глазахъ наблюдателя.

Левальянъ увѣряетъ, что самка медоуказчика кладетъ 3—4 бѣлыхъ яйца на рыхлое дно въ дуплѣ дерева и высиживаетъ яйца вмѣстѣ съ самцомъ. Это сообщеніе съ достаточной убѣдительностью было признано ложнымъ по наблюдениямъ братьевъ Верро. Эти натуралисты находили, съ чѣмъ соглашается и Гартлаубъ, яйца и птенцовъ различныхъ медоуказчиковъ, живущихъ въ южной Африкѣ, въ гнѣздахъ сорокопутовъ, дятловъ, иволгоу и тому подобныхъ птицъ. Самка сноситъ свое блестящее бѣлое яйцо на землю и несетъ его въ клювъ въ выбранное заранее чужое гнѣздо, выбросивъ предварительно оттуда одно яйцо. Когда молодой медовѣдъ немного подрастетъ, по наблюдениямъ Верро приблизительно черезъ мѣсяцъ, старики начинаютъ его кормить сами и приглашаютъ его оставить гнѣздо его пріемныхъ родителей. Верро наблюдалъ, какъ одна самка положила свои три яйца въ гнѣзда трехъ различныхъ маленькихъ птицъ. Атморъ также описываетъ одного медовѣда, за которымъ онъ наблюдалъ, какъ чужезядную птицу, которая положила свои яйца, между прочимъ, одному дятлу и одному бородачу, возлагая на нихъ дальнѣйшее высиживаніе.

Къ отличающимся маленькимъ ростомъ **Порхающимъ птицамъ** (*Macrochires*) относятся два между собою мало похожихъ семейства, стрижи и колибри, между которыми болѣе совершенное развитіе замѣчается у вторыхъ. Немногіе общіе признаки этихъ семействъ укажутся при отдѣльномъ описаніи ихъ.

«Между всѣми другими существами колибри несомнѣнно самая красивая по строенію тѣла и по великолѣпному оперенію. Драгоценныя камни и металлы, которыми человекъ придаетъ особый блескъ своимъ искусствомъ, нельзя и сравнивать съ этими живыми самоцвѣтными камнями. Этихъ маленькихъ птичекъ слѣдуетъ рѣшительно считать образцовыми произведениями природы. Она наградила ихъ всѣми своими дарами, между тѣмъ, какъ раздала ихъ только по одиночкѣ прочимъ птицамъ. На долю этой крошечной любимицы досталось все: легкость, быстрота, ловкость, прелесть движеній и богатый нарядъ. Опереніе ея блеститъ изумрудами, яхонтами, топазами, и она никогда не начкаетъ его земною пылью, такъ какъ въ теченіи всей своей внолѣ эфирной жизни развѣ только случайно касается земли. Она постоянно носится по воздуху, передвигается отъ цвѣтка къ цвѣтку и, питаясь ихъ соками, соперничаетъ съ ними въ блескѣ и свѣжести красокъ. Колибри живутъ только въ тѣхъ странахъ, гдѣ растенія цвѣтутъ весь годъ, и тѣ виды этого семейства, которые лѣтомъ залетаютъ въ умеренный поясъ, остаются тамъ очень

недолго. Они, повидимому, летятъ за солнцемъ, подвигаясь съ нимъ на сѣверъ и на югъ, и на крыльяхъ зефира слѣдя за вѣчно возобновляющейся весной».

Такъ пишетъ Бюффонъ со свойственнымъ ему краснорѣчиемъ; однако и всѣ послѣдующіе натуралисты, даже самые серьезные, вмѣстѣ съ нимъ восхищаются этими прелестными птицами. «Каждый остановится», говоритъ Одювань, «пораженный восхищеніемъ, когда увидитъ одно изъ этихъ маленькихъ чудныхъ созданій, когда оно, шурша крыльями, прорѣзываетъ воздухъ, поддерживается на немъ какъ-бы съ помощью магической силы или перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, сверкая, какъ кусокъ радуги, столь-же прелестное, какъ и это свѣтовое явленіе».—«Колибри», сообщаетъ Уатертонъ, «можетъ быть названъ настоящей райской птицей: онъ носится по воздуху съ быстротою мысли, то онъ на разстояніи руки отъ человѣческаго лица, то черезъ мгновеніе исчезаетъ и вдругъ снова появляется и порхаетъ отъ одного цвѣтка къ другому. Иногда онъ похожъ на рубинъ, иногда на топазъ, затѣмъ блещетъ изумрудомъ или сверкаетъ какъ полированное золото».—«На всемъ земномъ шарѣ», говоритъ Бурмейстеръ, «нѣтъ семейства птицъ, которое по красотѣ оперенія, стройности тѣлосложенія и разнообразію видовъ могло-бы сравниться хотя въ нѣкоторомъ отношеніи съ этой замѣчательной и разнообразной группой американскихъ птицъ. Нужно наблюдать эти чудныя существа живыми въ ихъ отечествѣ, чтобы вполне понять всю прелесть этихъ созданій».

Величина **Колибри** (Trochilidae. Kolibri. Oiseaux-mouches) колеблется въ довольно большихъ границахъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ ростомъ съ маленькую мухоловку, а другіе не больше шмеля. Туловище по большей части вытянутое или, по крайней мѣрѣ, кажется таковымъ, такъ какъ хвостъ почти всегда длинный; у тѣхъ же видовъ, которые имѣютъ мало развитой хвостъ, тотчасъ же бросается въ глаза, что тѣлосложеніе ихъ плотное и сильное. Клювъ у нихъ шиловидный, тонкій, длинный, на концѣ заостренный, прямой или слегка согнутый, иногда такой же длины какъ голова, иногда же длиннѣе, иногда онъ по длинѣ равняется туловищу, а изрѣдка еще длиннѣе его. Клювъ этотъ покрытъ тонкой кожистой роговой оболочкой. Кончикъ его почти всегда прямой, но иногда съ небольшимъ крючкомъ, края клюва гладкіе и только у иныхъ птицъ спереди пилообразно зазубрены. Внутри обѣ половинки клюва имѣютъ глубокія выемки, верхняя половинка обхватываетъ нижнюю и образуетъ трубочку, въ которой находится языкъ. Сзади верхній край клюва образуетъ тупое ребро и рядомъ съ нимъ расположена мелкая бороздка, которая можетъ казаться ноздревой ямкой, но не заключаетъ въ себѣ ноздрей, такъ какъ эти послѣднія, въ видѣ тонкихъ длинныхъ щелей, лежатъ не въ этой бороздкѣ, а гораздо дальше наружу, около края клюва. Узкій длинный подчелюстный уголъ покрытъ голой кожей и простирается довольно далеко подъ клювомъ; у короткихъ клювовъ почти до половины. Ножки колибри необыкновенно малы и пѣжны. Плюсна иногда оперена, но опереніе это мало замѣтно, такъ плотно прилегаешь оно къ тѣлу. Пальцы или совершенно раздѣльные или у основанія соединены перепонками; они покрыты короткими щитками; когти чрезвычайно остры, тонки и почти такой же длины, а иногда длиннѣе самихъ пальцевъ. Крылья очень длинны, большею частью узкія и слегка согнуты въ видѣ серпа. Первое маховое перо всегда длиннѣе другихъ, стволъ его толще, чѣмъ у другихъ перьевъ и еще замѣчательнѣе тѣмъ, что нижняя часть его, по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ, очень расширена. Въ кистевой части крыла бываетъ 9 или чаще 10 маховыхъ перьевъ, а на локтевой всего 6; изъ этихъ послѣднихъ 4 имѣютъ одинаковую длину, а 2 заднихъ ступенчато укорочены, однако переднія 4 пера все-таки

не достигают длины послѣднихъ большихъ маховыхъ перьевъ. Хвостъ состоитъ всегда изъ 10 перьевъ, но форма его очень разнообразна. Многіе виды имѣютъ вилообразный хвостъ и наружныя перья гораздо длиннѣе среднихъ, у нѣкоторыхъ видовъ такъ, что превосходить ихъ въ шесть разъ или еще болѣе; у другихъ наружныя перья только немного длиннѣе среднихъ. Бородки хвостовыхъ перьевъ по всей длинѣ почти одинаковы или къ концу почти уничтожаются, превращаясь въ едва замѣтную каемку, но на оконечности пера бородка снова появляется въ видѣ круглаго диска, такъ что хвостъ снабженъ придаткомъ, какъ напримѣръ у венедуэльскаяго знаменщика (*Steganopus*). У другихъ видовъ бородки очень узенькія, такъ что хвостовыя перья кажутся состоящими изъ однихъ стержней, у которыхъ замѣтна незначительная каемка. Нерѣдко случается, что рулевые перья совсѣмъ плохо развиты, такъ что скорѣе могутъ быть названы иглами, а не перьями. Нерѣдко замѣчается, что хвостъ хотя вилообразный, но наружныя перья закруглены, и кончики ихъ образуютъ дуги. У нѣкоторыхъ, наконецъ, хвостъ просто закругленъ, и тогда среднія перья самыя длинныя. Опереніе довольно твердое и въ сравненіи съ величиною птицы очень густое; въ немъ почти не замѣчается пушистыхъ перьевъ, и оно не прикрываетъ все тѣло равномерно, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перья удлинены. Такъ напримѣръ, у нѣкоторыхъ колибри бываютъ на головѣ большіе или маленькіе хохолки, у другихъ перья на шеѣ образуютъ воротничъ или подъ нижнюю челюстью нѣчто вродѣ бороды. Глаза всегда окружены довольно широкимъ голымъ колечкомъ. На краяхъ вѣкъ вмѣсто рѣсницъ растутъ маленькія чешуевидныя перышки. Опереніе бываетъ различное по возрастамъ и поламъ, причемъ различіе это замѣчается не только въ окраскѣ, но также и относительно особыхъ украшающихъ перьевъ. Линяютъ-ли колибри одинъ разъ въ году или два раза, до сихъ поръ еще неизвѣстно въ точности.

«Внутреннее строеніе тѣла колибри», говоритъ Бурмейстеръ, отъ котораго я заимствовалъ и предыдущее описаніе, «теперь въ главныхъ чертахъ извѣстно. Скелеть у нихъ состоитъ изъ чрезвычайно нѣжныхъ косточекъ, и почти всѣ кости туловища наполнены воздухомъ. На черепѣ замѣтны очень большія глазныя впадины, перегородка между которыми, повидимому, всегда имѣетъ отверстіе. Шея состоитъ изъ 12—13 позвонковъ, а спинныхъ позвонковъ съ ребрами—8. Дужка короткая, тонкая, конецъ ея не удлинень въ видѣ острія и не соединень съ грудною костью. Эта кость на нижнемъ краѣ замѣтно дѣлается шире, внизу округлена и не имѣетъ ни отверстій, ни выемокъ; очень высокій гребень сильно выдается впередъ. Тазъ своею широкою формою болѣе похожъ на тазъ дятловъ и кукушекъ, чѣмъ на тазъ пѣвчихъ птицъ. Хвостовыхъ позвонковъ бываетъ отъ 5—7, смотря по тому, срослись ли передніе съ тазомъ или нѣтъ. Кости крыла отличаются очень длинной лопаткой и чрезвычайно короткими костями плеча и предплечья, кистевая же часть крыла, напротивъ, очень длинная. Всѣ кости ногъ тонки и довольно коротки, пальцы имѣютъ обыкновенное число суставовъ.

«Подъязычная кость болѣе всего похожа на ту же кость у дятловъ, такъ какъ очень длинные отростки ея обгибаютъ заднюю часть головы и переходятъ на лобъ, такъ что когда языкъ въ спокойномъ состояніи, то кончики отростковъ доходятъ до края клюва. Самый языкъ состоитъ изъ двухъ, у основанія сросшихся нитей, которыя однако на концѣ не расщеплены, а образуютъ плоскую кожистую пластинку, которая по краямъ имѣетъ мелкія зазубрены. Обѣ ниточки внутри полости, но бываютъ наполнены только воздухомъ, по крайней мѣрѣ я находилъ ихъ всегда пустыми. Сзади обѣ полости соединяются вмѣстѣ, и это пространство наполнено рыхлою ячеистою тканью. Основаніе языка нѣсколько толще и оканчи-

вается двумя немного расходящимися гладкими уголками; эта часть языка имѣет длину клюва. За задними уголками языкъ дѣлается мясистымъ и походитъ на короткій стволъ, поверхность котораго покрыта складками. Задняя часть языка постепенно утолщается до самой гортани и въ ней помѣщается тѣло язычной кости; далѣе онъ раздѣляется на двѣ вѣтви, которыя огибають гортань и направляются къ задней части головы мимо половинокъ нижней челюсти; въ нихъ заключаются отростки язычной кости и они снабжены парюю лентообразныхъ мускуловъ, которые служатъ для движенія языка. Одинъ изъ мускуловъ болѣе сильный, расположенъ за язычною костью, спереди доходить до языка и служитъ для выдвиганія язычныхъ ниточекъ, причемъ расщепленная оболочка основанія языка сильно растягивается и дѣлается въ 4 или 6 разъ длиннѣе, чѣмъ въ состояніи покоя. Другая пара мускуловъ расположена на отросткахъ язычной кости, въ серединѣ отъ ихъ сочлененія, проходитъ по темени до лба и прикрѣпляется у основанія клюва къ лобной кости. Эти мускулы тянутъ языкъ назадъ и сокращають оболочку основанія его между корнемъ языка и гортанью.

«Я изслѣдовалъ внутренности многихъ колибри, но не нашелъ въ нихъ ничего особенно замѣчательнаго. Глотка расширяется въ шеѣ въ длинную трубку, совершенно такъ-же, какъ у дятловъ и кукушекъ, а затѣмъ доходитъ до дужки. Тамъ пищеводъ дѣлается уже и открывається въ небольшой короткій первый желудокъ очень небольшимъ отверстіемъ; за этимъ слѣдуетъ замѣчательно маленькій, круглый и не очень мясистый второй желудокъ. Первый на внутренней сторонѣ покрытъ сѣтчатообразными выступами, покрытыми железками, а второй внутри гладкій и безъ роговой оболочки. Слѣпыхъ отростковъ на кишкахъ и желчнаго пузыря нѣтъ; печень же очень велика, имѣетъ двѣ лопасти, причемъ правая лопасть гораздо больше лѣвой. Дыхательное горло дѣлится уже внутри шеи высоко надъ дужкою на двѣ вѣтви, и на этомъ мѣстѣ образуется замѣтная нижняя гортань почти шарообразной формы, нижняя сторона которой съ обѣихъ сторонъ покрыта тонкимъ мускуломъ, къ которому присоединяется другой, еще болѣе тонкій. Легкія очень невелики, а сердце, наоборотъ, очень большое, болѣе чѣмъ въ три раза крупнѣе желудка. Замѣчательно длиненъ и широкъ также яйцеводъ, расположенный на лѣвой сторонѣ брюшной полости, что соответствуетъ необыкновенно большому яйцамъ, которыя кладутъ эти маленькія птички; яичникъ, напротивъ того, и сѣменные железки очень малы и ихъ даже трудно найти. Самымъ крупнымъ органомъ туловища колибри оказываются чрезвычайно сильные большіе грудные мускулы».

Мы въ настоящее время еще слишкомъ мало знакомы съ образомъ жизни различныхъ колибри, чтобы указать на различія, существующія въ этомъ отношеніи между отдѣльными видами этихъ птицъ. Всѣ составленные до сихъ поръ жизнеописанія относятся болѣе или менѣе ко всѣмъ колибри вообще. Я постараюсь здѣсь вкратцѣ изложить все извѣстное мнѣ объ этихъ птицахъ, но считаю нужнымъ сначала нѣсколько подробнѣе описать главные виды. Напрасно было-бы стараться дать читателямъ достаточно полное понятіе о богатствѣ формъ этого семейства птицъ. Недостатокъ мѣста поневолѣ принуждаетъ меня къ извѣстной краткости, и поэтому совершенно все равно, опишу-ли я много или мало отдѣльныхъ колибри, которыхъ дѣлать теперь на 70 родовъ и около 400 видовъ. Кто желаетъ болѣе подробно познакомиться съ колибри, тотъ долженъ взяться за изученіе спеціальнаго сочиненія о нихъ Гульда или подробной нѣмецкой зоологіи Рейхенбаха. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій всѣ виды не только изображены, но и описаны, а во второмъ можно найти по крайней мѣрѣ изображенія большинства этихъ красивыхъ птичекъ.

Общепонятное раздѣленіе колибри на группы и роды довольно затруднительно. Затрудненія эти происходят не только вслѣдствіе огромнаго количества видовъ и недостаточнаго знакомства съ ними, но также и вслѣдствіе малаго роста этихъ птицъ, который препятствуетъ точному опредѣленію различій, зависящихъ отъ возраста и пола. Отличія по полу такъ значительны, что многіе натуралисты причисляли самца и самку къ различнымъ родамъ и даже группамъ; поэтому неудивительно, что и нынѣ еще въ учебникахъ зоологій мы находимъ очень различныя мнѣ-

Орлиный клювъ. *Eutoxeres aquila*. $\frac{1}{4}$ наст. велич.

нія о раздѣленіи этихъ птицъ на роды. Въ послѣдующемъ описаніи мы будемъ придерживаться классификаціи Кабаниса.

Виды, относящіяся къ подсемейству **Гномовъ** (*Polytminae*), ростомъ довольно велики и имѣютъ довольно плотное тѣлосложеніе. Клювъ средней величины, не очень тонкій, очень сильно или слабо загнутый, края обѣихъ челюстей его около кончика пилообразно зазубрены; ноги имѣютъ короткіе пальцы и длинныя когти, крылья широкія, не очень вогнутыя, хвостъ широкій, немного лишь выдается изъ за сложенныхъ крыльевъ и на концѣ имѣетъ округленную форму, такъ какъ наружныя перья короче другихъ. Опереніе не отличается особенно яркими цвѣтами; верхняя сторона тѣла обыкновенно зеленоватаго или бронзоваго цвѣта, а нижняя

сторона чаще всего коричневая и иногда покрыта продольными пятнышками; крайняя рулевая перья имѣютъ свѣтлые кончики. Самецъ и самка мало отличаются другъ отъ друга.

* *
* *
*

Орлиный клювъ (*Eutoxeres aquila*, *Trochilus*, *Polytmus*, *Glaucis* и *Myiastina aquila*. Adlerschnabel. Colibri bec d'aigle) и его родичи отличаются главнымъ образомъ серпообразно изогнутымъ, довольно толстымъ клювомъ и клинообразнымъ хвостомъ. Описываемый видъ на верхней части тѣла имѣетъ зеленую окраску, а снизу буровато-черную. На горлѣ замѣчаются темныя сѣровато-желтыя продольныя пятнышки, а на груди бѣловатая; верхняя часть головы и маленькій хохолокъ буровато-черные, а на задней части головы и на надхвостьѣ перья имѣютъ коричневую каемку; маховыя перья пурпурово-бурого цвѣта; послѣднія малыя маховыя перья имѣютъ на концѣ бѣлыя пятна, рулевыя перья блестяще-темно-зеленаго цвѣта, концы ихъ бѣлыя, а самыя кончики черноватые. Бѣлая каемка хвоста къ сторонамъ дѣлается шире. Верхняя часть клюва черная, а нижняя почти до конца желтоватая. Птица эта живетъ въ Боготѣ.

* *
* *
*

Отшельники (*Phaethorninae*. Einsidlerkolibri) имѣютъ длинный, высокій, съ боковъ сжатый клювъ, края котораго на кончикахъ не зазубрены; крылья широкія и отличаются особенно тѣмъ, что первое маховое перо изогнуто и имѣетъ необыкновенно толстый стержень; хвостъ длинный съ прямымъ, округленнымъ или виллообразнымъ концомъ, среднія рулевыя перья иногда удлинены.

Солнечные колибри (*Phaethornis*. Sonnenkolibri) принадлежатъ къ числу самыхъ богатыхъ видами родовъ этого подсемейства и отличаются тонкимъ, слабо изогнутымъ, длиннымъ и не зубчатымъ клювомъ, маленькими и тонкими ножками, плюсна которыхъ слегка оперена, а пальцы снабжены очень длинными когтями. Хвостъ длинный, клинообразный; среднія рулевыя перья гораздо длиннѣе прочихъ; опереніе все еще отличается довольно тусклыми цвѣтами; полы между собой мало отличаются по оперенію, но имѣютъ различное устройство хвоста.

Бразильскій отшельникъ (*Phaethornis superciliosus*, *P. pretrei* и *affinis*, *Trochilus superciliosus*, *brasiliensis*, *pretrei* и *affinis*. Einsiedler. Colibri éremite) принадлежитъ къ числу крупныхъ колибри. Длина его равняется 18 см., крылья—6 см., хвостъ 7 см. Опереніе съ верхней стороны имѣетъ матовый металлическій зеленый цвѣтъ, а снизу красновато-сѣрый; кроющія перья на спинѣ имѣютъ желтовато-красныя каемки, на нижней части тѣла перья одноцвѣтныя; надъ глазами и подъ ними замѣтна блѣдная ржаво-желтая полоска; маховыя перья коричневыя съ фиолетовымъ отливомъ, рулевыя перья имѣютъ сверху блеклый, бронзово-зеленый цвѣтъ, а снизу сѣроватый; концы перьевъ бѣлыя, кончики черные съ желтой каемкой; среднія рулевыя перья вдвое длиннѣе наружныхъ. Верхняя челюсть клюва черная, нижняя до середины блѣдно-желтая, ноги мясного краснаго цвѣта. Самка отличается болѣе короткимъ хвостомъ и блеклымъ цвѣтомъ оперенія; хвостъ ея почти не имѣетъ видъ клина, среднія перья мало удлинены и потому общая длина тѣла самки на 5 см. меньше самца. Отчествомъ этого колибри служитъ сѣверная Бразилія и Гвѣана; онъ живетъ чаще всего на открытыхъ мѣстахъ, поросшихъ тростникомъ.

* *
* *
*

Лѣсные колибри (*Lampornithinae. Waldnymphen*) принадлежатъ также къ крупнымъ видамъ; клювъ у нихъ нѣсколько длиннѣе головы, прямой или слабо согнутый, у основанія широкій, а около конца съ выемкой; ноги снабжены длинными пальцами съ короткими, высокими, острыми и сильно изогнутыми когтями; крылья длинные и довольно широкія, хвостъ на концѣ округленъ или немного вырѣзанъ. Опереніе обоихъ половъ очень различно.

Типическимъ представителемъ этого подсемейства можно считать **Манго** (*Lampornis mango, Trochilus mango, albus, nitidus, violicaudus, punctulatus, fasciatus, nigricollis, quadricolor* и *atricapillus, Polytmus* и *Anthracothorax mango. Mango. Colibri mango*), одного изъ болѣе распространенныхъ и часто встрѣчающихся видовъ этого семейства. Отличительными признаками его служатъ: довольно длинный, широкій по всей длинѣ плоскій и замѣтно согнутый клювъ, а также короткій, округленный хвостъ. Опереніе въ большинствѣ мѣстъ бронзово-зеленаго цвѣта съ мѣднымъ отливомъ; по нижней части тѣла отъ подбородка до перьевъ подхвостья проходитъ широкая черная полоса, которая спереди окаймлена двумя ярко-голубыми полосками, идущими отъ угловъ рта до основанія крыльевъ; гузка бѣлая. Черво-бурья маховья перья имѣютъ слабый бронзовый оттѣнокъ. Два среднихъ рулевыхъ пера—зеленые, а боковыя мѣдно-красныя съ пурпуровымъ отливомъ и синева-черной каемкой на концѣ и вѣншемъ краѣ опахала. Клювъ черный, у дѣтенышей бурый, ножки также черныя. Самочка на верхней сторонѣ имѣетъ болѣе свѣтлое опереніе, а нижняя сторона бѣлая съ черными продольными полосками. Длина тѣла 10, 5 см., размахъ крыльевъ 20 см., длина каждого крыла 7 см., а хвоста 4 см. Манго живетъ почти вездѣ въ Бразиліи, но встрѣчается и въ Парагваѣ, Гвианѣ и на Антильскихъ островахъ. Его даже видали въ Сѣверной Америкѣ, именно во Флоридѣ.

* *

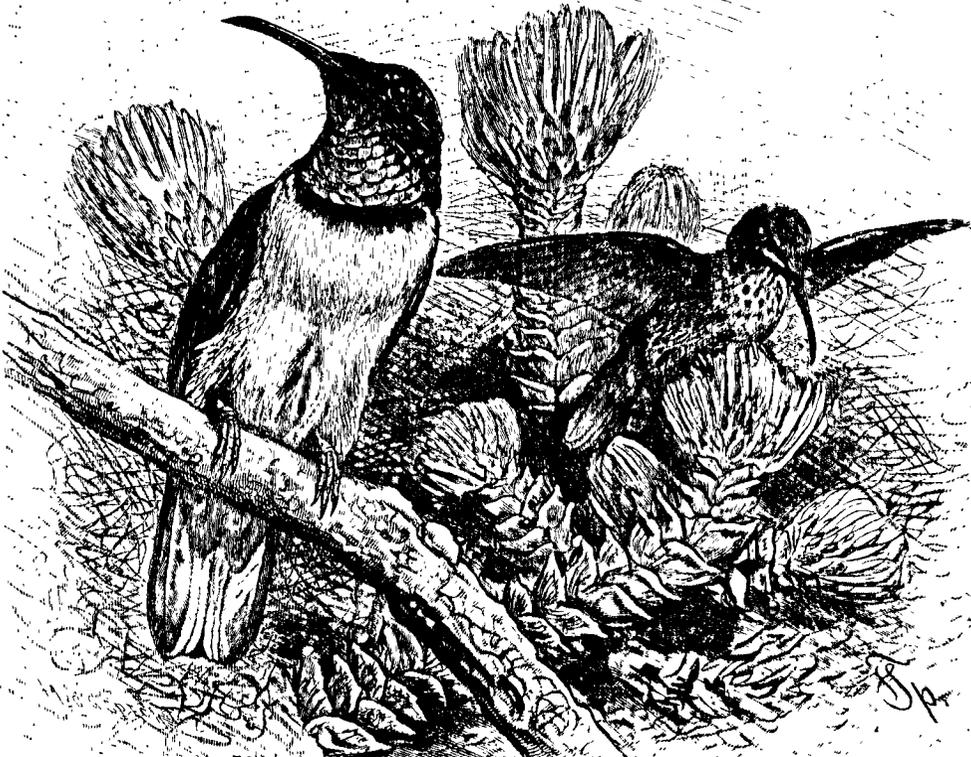
Горные колибри (*Oreotrochilus. Bergnymphen*) составляютъ самый обыкновенный родъ **Меченкрылыхъ колибри** (*Campylopterinae. Säbelflugler*). Клювъ у нихъ средней длины, толстый и высокій, безъ краевыхъ выемокъ около конца, хвостъ короткій и на концѣ какъ-бы обрубленъ. Опереніе блестящее, съ верхней стороны синее или зеленое, на нижней сторонѣ тѣла свѣтлѣе; горло отличается очень яркимъ металлическимъ цвѣтомъ перьевъ. Оба пола обыкновенно замѣтно различаются по своей окраскѣ.

Одинъ изъ самыхъ великолѣпныхъ видовъ этого рода—**Чимборасовый колибри** (*Oreotrochilus chimborazo, Oreotrochilus* и *Oriotrochilus chimborazo. Chimborazovogel. Oreotrochile du Chimborazo*). У самца голова и горло блестяще-фіолетово-голубого цвѣта, спина сѣровато-оливково-бурая, брюшко бѣлое, а по сторонамъ свѣтло-бурое. По серединѣ горлового щитка находится удлиненное, треугольное пятно металлически-зеленаго цвѣта, которое отдѣляется отъ бѣлаго брюшка бархатистой черной полосой. Маховья перья пурпурово-бурья, среднія рулевья темно-зеленые, у прочихъ рулевыхъ перьевъ наружная часть опахала зеленовато-черная, а внутренняя часть бѣлая; клювъ и ноги черныя. Самка сверху оливково-зеленаго цвѣта, внизу оливково-бурого, перья здѣсь имѣютъ свѣтлыя каемки и потому опереніе брюшка кажется волнисто испепреннымъ. Грудь у самки бѣлая, но кончикъ каждого пера свѣтло-бурый. Среднія рулевья перья блестящаго темно-зеленаго цвѣта, прочія свѣтло-зеленовато-бурья, а у основанія бѣлыя. Три наружныхъ рулевыхъ пера съ каждой стороны имѣютъ по бѣлому пятну на концѣ внутрен-

няго опахала. Длина тѣла 12,5 см., а хвоста 6 см. Птица эта носить вполне справедливо свое названіе, такъ какъ ее встрѣчали только на Чимборасо, на высотѣ отъ 4000—5000 метровъ. Родственные виды живутъ на другихъ вершинахъ Андовъ.

* *
*

Яхонтовые колибри (*Topaza. Edelsteinvogel. Oiseaux-mouches topaze*) по строенію крыльевъ похожи на горныхъ колибри, хотя переднія маховыя перья не такъ расширены. Клювъ относительно короткій, толстый и слабо загнутъ; ножки короткія, крылья такъ длинны, что кончики ихъ достигаютъ конца хвоста, когда они

Чимборасовый колибри. *Oreotrochilus chimborazo*. $\frac{4}{5}$ наст. вел.

сложены; хвостъ округленный, среднія рулевыя перья очень длинныя, узкія, выгнутыя дугой, такъ что перекрещиваются между собой.

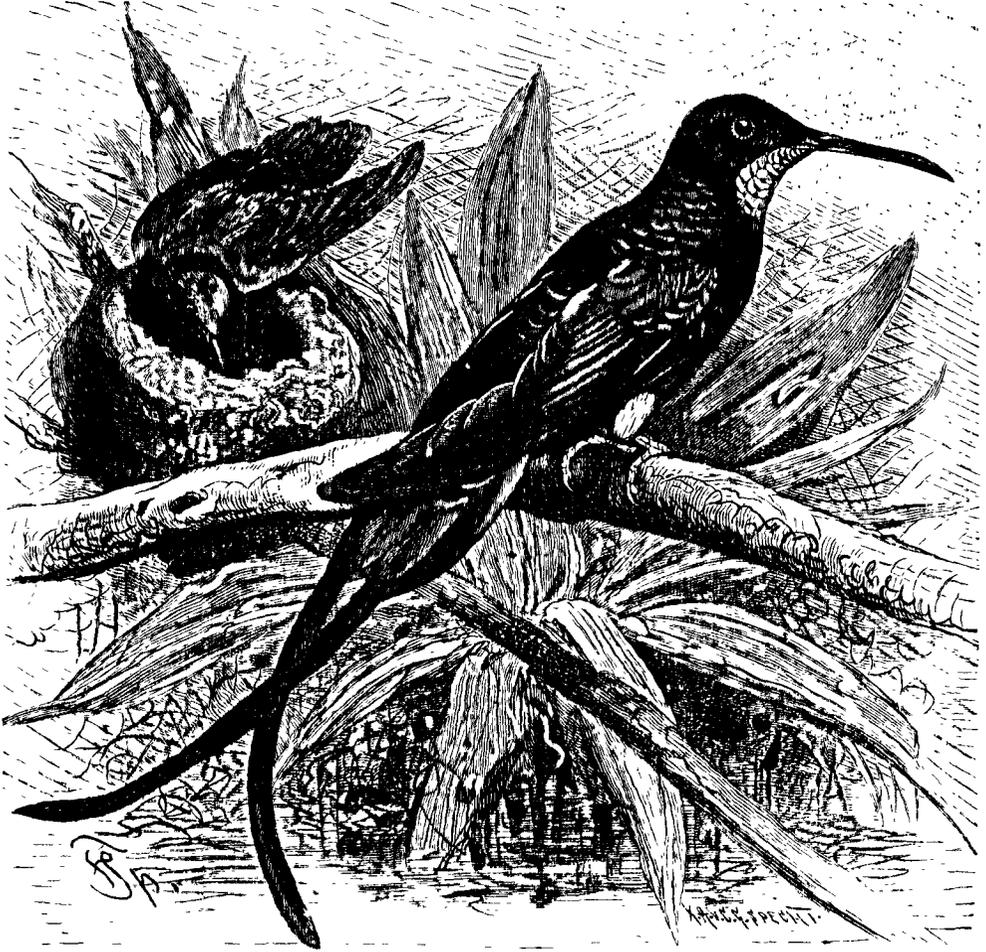
Топазовый колибри (*Topaza pella, Trochilus и Lampornis pella, Topaskolibri. Oiseau-mouche topaze*) по великолѣпію своего оперенія можетъ соперничать со всѣми другими колибри. Темя и полоса, окружающая горло, бархатисто-черныя, туловище мѣдно-красное, переходящее въ гранатово-красный съ золотистымъ отливомъ; горло золотистое, при одномъ освѣщеніи отливающее смарагдово-зеленымъ, при другомъ—топазово-желтымъ цвѣтомъ. Хвостовыя покрывныя перья зеленыя, маховыя перья красновато-коричневыя, внутреннія ржаваго цвѣта, среднія рулевыя перья зеленыя, слѣдующія за ними, которыя на 8 см. длиннѣе ихъ, каштановыя, а на-

ружаныя красновато-коричневые. Самка въ главныхъ частяхъ зеленая съ красноватымъ горломъ, ея окраска менѣе блестяща, чѣмъ окраска самца. Длина этого колибри, вълѣдствіе выступающихъ хвостовыхъ перьевъ, больше 20 см.

Топазовый колибри кажется, населять одну только Гвиану. Онъ живетъ на тѣнистыхъ берегахъ рѣкъ. Второй очень похожій видъ живетъ въ верховьяхъ Амазонской рѣки.

* *

Цвѣточные колибри (Heliothrichinae. Blumennymphen) отличаются довольно

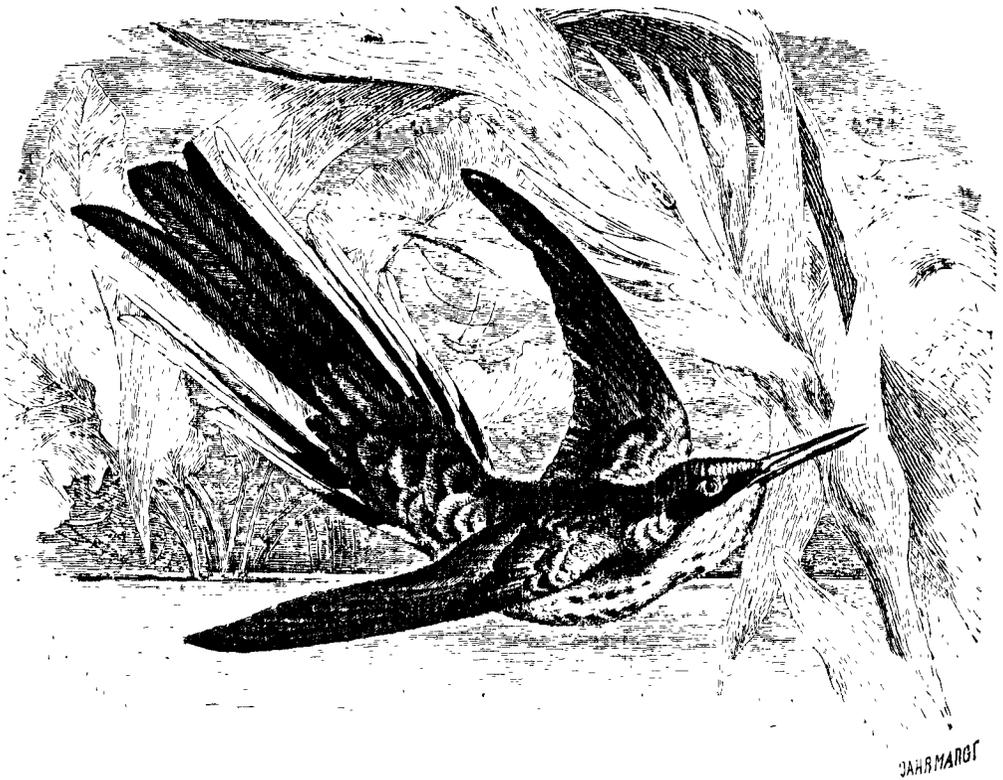

Топазовый колибри. *Toucan pella* ♂, наст. вел.

плотнымъ тѣлосложеніемъ и большимъ ростомъ; туловище у нихъ довольно толстое и кончики сложенныхъ крыльевъ приходится наравнѣ съ окончаніемъ рулевыхъ перьевъ. Клювъ также толстый, безъ крючечка на концѣ. Оба пола болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга по оперенію. Относящійся сюда родъ **Цвѣтковыхъ колибри** (*Heliothrix*. *Blumenküsser*) отличается нижеслѣдующими признаками: клювъ прямой, ясно шиловидный, у основанія широкій и плоскій, а на концѣ тонкій и острый; ноги очень слабыя съ нѣсколькими сросшимися у основанія пальцами, когти короткіе, низкіе и немного согнутые; крылья длинныя и узкія; хвостъ у самца

длинный, клиновидный и состоит из узких перьев, а у самок на концѣ округленный и состоит из широких перьев.

Самый известный, относящийся сюда видъ—**Ушастый колибри** (*Heliothrix aurita*, *Trochilus auritus*, *auriculatus* и *nigrotis*. Blumenküsser. *Colibri vert*). Спина и бока у него ярко-зеленаго цвѣта, у взрослыхъ птицъ съ золотымъ отливомъ, маховыя перья черновато-сѣрыя съ фіолетовымъ отливомъ; нижняя часть тѣла чисто-бѣлаго цвѣта, три наружныхъ рулевыхъ пера съ каждой стороны также бѣлыя, среднія же рулевыя перья блестящаго синеваго-стального цвѣта. Подъ глазами начинается бархатисто-черная полоса, которая, направляясь назадъ, расширяется

Ушастый колибри. *Heliothrix aurita*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

и на концѣ образуетъ каемку синеваго-стального цвѣта. У самца хвостъ очень длинный и наружныя перья его значительно короче другихъ. Самка отличается короткимъ, широкимъ и на концѣ округленнымъ хвостомъ, всѣ перья котораго одинаковой длины. Длина тѣла у самца 15 см., у самки 11 см., длина хвоста у первого 6,5 см., у самки-же 2,8 см.

По словамъ принца фонъ Видъ, ушастый колибри въ Бразиліи довольно рѣдокъ, а, по Бурмейстеру, онъ встрѣчается по всей лѣсной береговой полосѣ восточной части Южной Америки на югъ до Рио-де-Жанейро. Въ Гвианѣ онъ замѣняется очень сходнымъ видомъ; прочіе виды этого рода живутъ на западѣ Южной Америки.

* * *

Последнее подсемейство, о которомъ мы здѣсь будемъ говорить, составляютъ „жизнь животн.“ ВРЕМЯ. Т. IV

Настоящие колибри (Trochilinae. Feenkolibris), типическіе представители всего семейства. Общiе признаки этой группы очень трудно изложить вкратцѣ, такъ какъ сюда относятся чрезвычайно разнообразныя по внѣшнимъ признакамъ птички. Главными признаками родства служатъ: тонкій, круглый и острый клювъ, обѣ половины котораго плотно сходятся только у основанiя; передъ концомъ клювъ этотъ нѣсколько сплюсненъ и края его не имѣютъ никакихъ зубринъ. Кромѣ того, всѣ относящiяся сюда птицы отличаются необыкновенною красотою и яркостью оперенiя и различными украшенiями его, напримѣръ: хохолками, удлинненными перьями на хвостѣ и ухахъ, пушистыми каемками на ланкахъ и горловымъ пятномъ, состоящимъ изъ яркихъ металлическихъ чешуевидныхъ перышекъ. По красотѣ своей птички эти превосходятъ всѣхъ другихъ колибри.

* *
*

Чаще всего изображаемый **Рубиновый колибри** (Trochilus colubris. Rubinkolibri. Colibri grenat.) принадлежитъ къ этой группѣ и образуетъ собою особый родъ. Признаками его служатъ: клювъ немного длиннѣе головы, гладкій хвостъ съ глубокой вырѣзкой, но съ нѣсколько укороченными наружными перьями; конецъ крыльевъ узкій, ножки слабыя съ тонкими плюснами. Оперенiе верхней части тѣла бронзово-зеленаго цвѣта, подбородокъ, горло до боковыхъ частей шеи огненно-мѣдно-краснаго цвѣта, который при извѣстномъ освѣщенiи принимаетъ зеленоватый оттѣнокъ; нижняя часть тѣла грязновато-бѣлаго цвѣта, бока имѣютъ цвѣтъ мѣдной зелени, маховыя и наружныя рулевыя перья темно-коричневая съ металлическимъ блескомъ; глаза коричневые, ноги также, клювъ черный. Рубиновые колибри живутъ главнымъ образомъ въ восточной части сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ 57° с. ш. до Мексиканскаго залива, по берегамъ котораго распространяются до Панамскаго перешейка и Тихаго океана; зимою они посѣщаютъ также среднюю Америку и Антильскіе острова.

* *
*

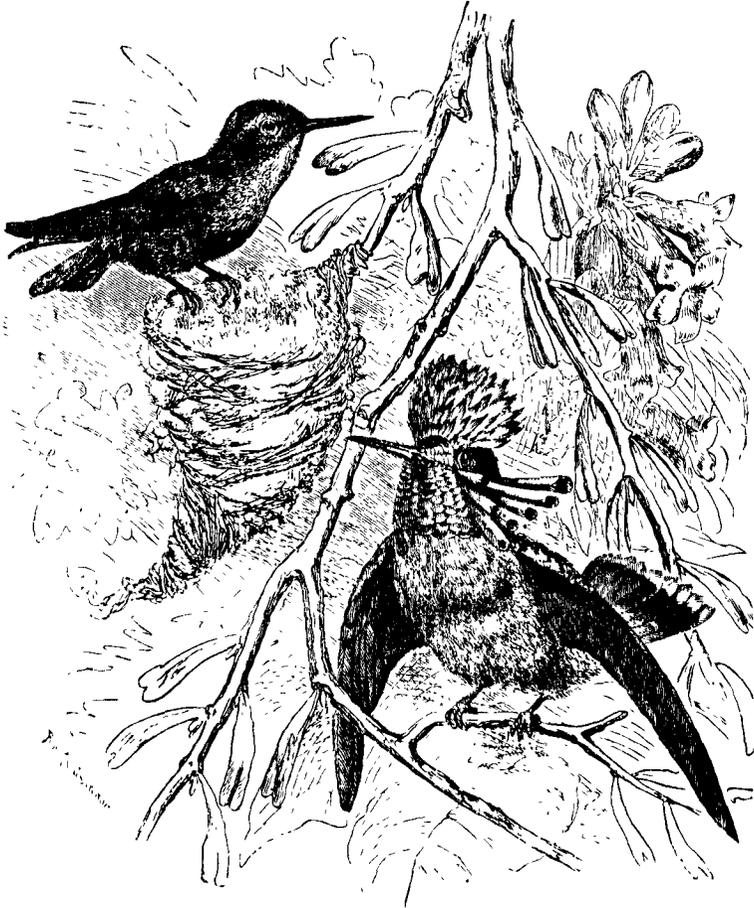
Колибри, получившіе названiе **Эльфовъ** (Lophornis. Prachtelfen) могутъ считаться одними изъ самыхъ красивыхъ птичекъ. У самца перья на шеѣ очень сильно развиты и образуютъ великолѣпный воротникъ, состоящiй изъ болѣе или менѣе узкихъ, длинныхъ и удивительно красивыхъ перьевъ; птичка можетъ плотно прижимать этотъ воротникъ къ тѣлу или оттопыривать его; перья на темени обыкновенно также удлиннены; клювъ имѣетъ примѣрно длину головы и видъ тонкаго шила, около кончика онъ немножко утолщенъ. Крылья короткія и узкія и не достигаютъ конца хвоста, когда сложены; хвостъ состоитъ изъ широкихъ перьевъ почти одинаковой длины между собой.

Который изъ видовъ этого рода самый красивый—трудно сказать: они всѣ прелестны. Для описанiя я выберу **Великолѣпнаго эльфа** (Lophornis ornata и aurata, Trochilus ornatus, Ornismya и Mellisuga ornata. Schmuckelfe. Oiseau—mouche orné). Туловище покрыто бронзово-зелеными перьями, удлинненныя перышки хохолка красновато-коричневая; по задней части спины проходитъ узкая бѣлая полоса; передняя часть головы около клюва зеленая съ сильнымъ металлическимъ блескомъ. Перья воротника, которыя постепенно увеличиваются вверхъ, свѣтло-красно-бураго цвѣта съ блестящими зелеными кончиками. Маховыя перья имѣютъ темно-пурпурово-коричневую окраску, рулевыя перья—темно-красно-бурую. Клювъ

мясного красного цвѣта съ бурнымъ кончикомъ. У самки всѣ цвѣта болѣе тусклые и вовсе нѣтъ хохолка, воротника и блестящаго пятна около клюва.

* *
*

Хвостатые эльфы (*Heliactinus*. Schweifelfen) отличаются отъ предъидущихъ главнымъ образомъ удлинненнымъ хвостомъ. Клювъ длиннѣе головы, передъ тонкимъ кончикомъ сверху и снизу немного утолщенъ; ноги маленькія съ короткими пальцами, вооруженными довольно большими и толстыми когтями. Головное опереніе

Г. Шенкеръ.

Великоклювный эльфъ. *Lophornis ornata*. 2/3 наст. вел.

самца также удлинено и образуетъ лопасть надъ каждымъ глазомъ; крылья длинныя и узкія, хвостъ клинообразный; отдѣльныя перья ясно-ступенчатая, узкія и на концѣ сильно заостренныя.

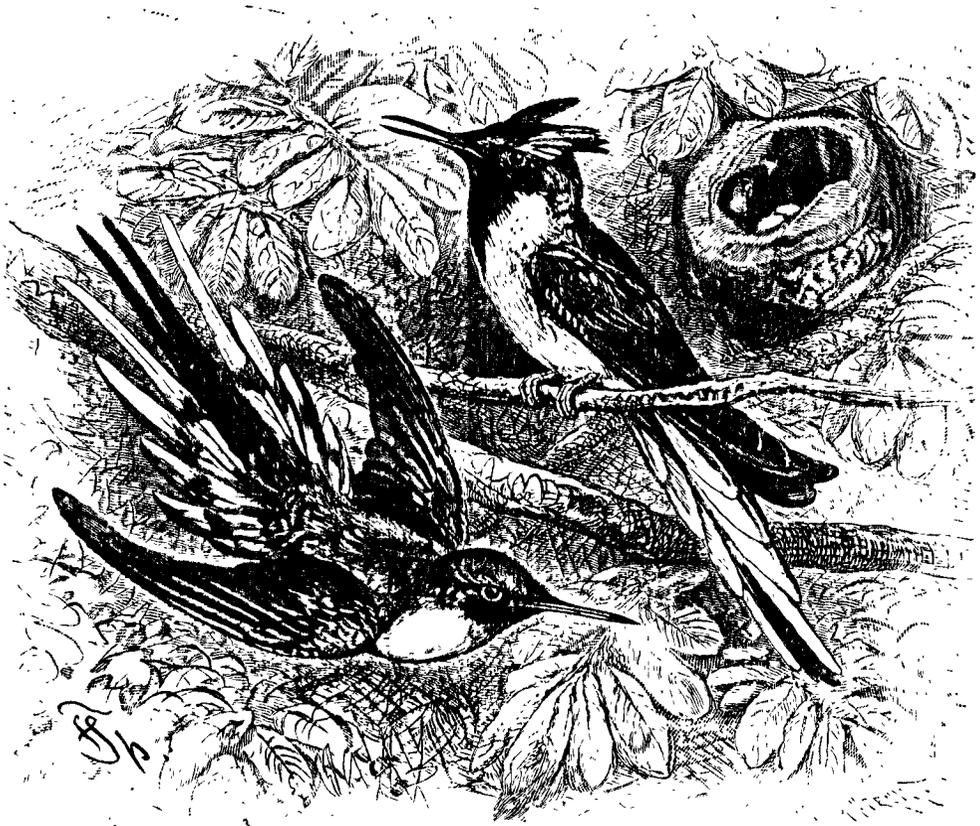
Рогатый колибри (*Heliactinus cornutus*, *Trochilus cornutus*, *bilophus* и *dilophus*. *Ornismya chrysolopha*. Schweifelfe. Oiseau—mouche cornu) мѣдно-зеленаго не очень блестящаго цвѣта; верхняя часть головы синевато-стального; надглазныя лопасти многоцвѣтныя и переходятъ снаружки внутрь отъ фіолетоваго въ зеленый, желтый, оранжевый и красный цвѣтъ. Горло и передняя часть шеи и щеки бар-

*

хатисто-чернаго цвѣта; нижняя часть шеи, брюшко, гузка и боковыя рулевья перья бѣлыя; маховыя перья сѣрыя. У самки нѣтъ надглазныхъ лопастей и шейнаго щитка. Горло у нея ржаво-желтое; на наружныхъ бѣлыхъ рулевыхъ перьяхъ проходитъ около середины черная полоса. Клювъ черный. Длина тѣла 12 см., длина крыла 5,3 см., а хвоста 5—6 см. По словамъ Бурмейстера, этотъ красивый колибри очень обыкновененъ въ травянистыхъ степяхъ внутреннихъ частей провинціи Минасъ-Гераэсъ.

* * *

У Знаменщиковъ (*Steganurus. Flaggensylphen*) оба наружныхъ рулевыхъ пера

Рогатый колибри. *Heliactinus cornutus*. $\frac{3}{4}$ наст. вел.

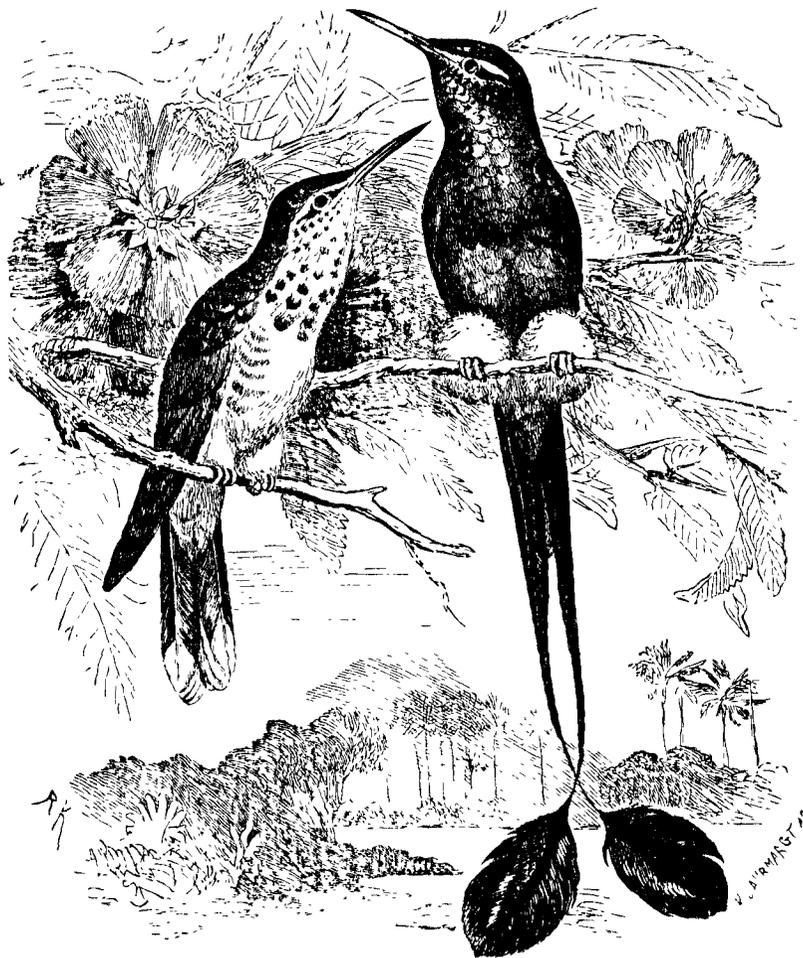
очень удлинены, передъ концомъ не имѣютъ опахала, а на самомъ концѣ довольно широкую округленную пластинку. Клювъ короткій, почти прямой; плюсны маленькихъ ножекъ густо покрыты пушистымъ опереніемъ.

Знаменщикъ Венецуэльскій (*Steganurus underwoodi* и *spatuligera*, *Trochilus*, *Spathura*, *Cynanthus* и *Mellisuga underwoodi*, *Ornismya underwoodi* и *kieneri*. *Flaggensylphe*. *Spathure botté*) имѣетъ верхнюю часть тѣла, брюшко, бока и нижнія кроющія перья мѣдно-зеленаго цвѣта, горло и верхнюю часть шеи—ярко-золотисто-изумруднаго цвѣта, маховыя перья пурпурово-коричневыя, рулевья бурья, пластинки на концахъ наружныхъ рулевыхъ перьяхъ черныя съ зеленоватымъ от-

ливомъ. Длина тѣла 15 см., крыльевъ 4,5 см.; длина хвоста 9 см. Самка сверху мѣдно-зеленаго цвѣта, снизу бѣлаго съ зелеными пятнами. Нижнія кроющія перья хвоста буроватая, рулевая перья почти одинаковой длины и имѣютъ на концѣ бѣлыя пятна. Эта красивая птица встрѣчается въ сѣверной части Южной Америки отъ Бразиліи до Венецуэлы и живетъ здѣсь какъ на берегахъ моря, такъ и на горахъ до 2000 метровъ высоты.

* * *

Вилохвостые колибри (*Sparganura*, *Schleppensylphen*) отличаются главнымъ

Знаменщикъ Венецуэльскій. *Steganurus underwoodi* $\frac{2}{3}$ наст. вел.

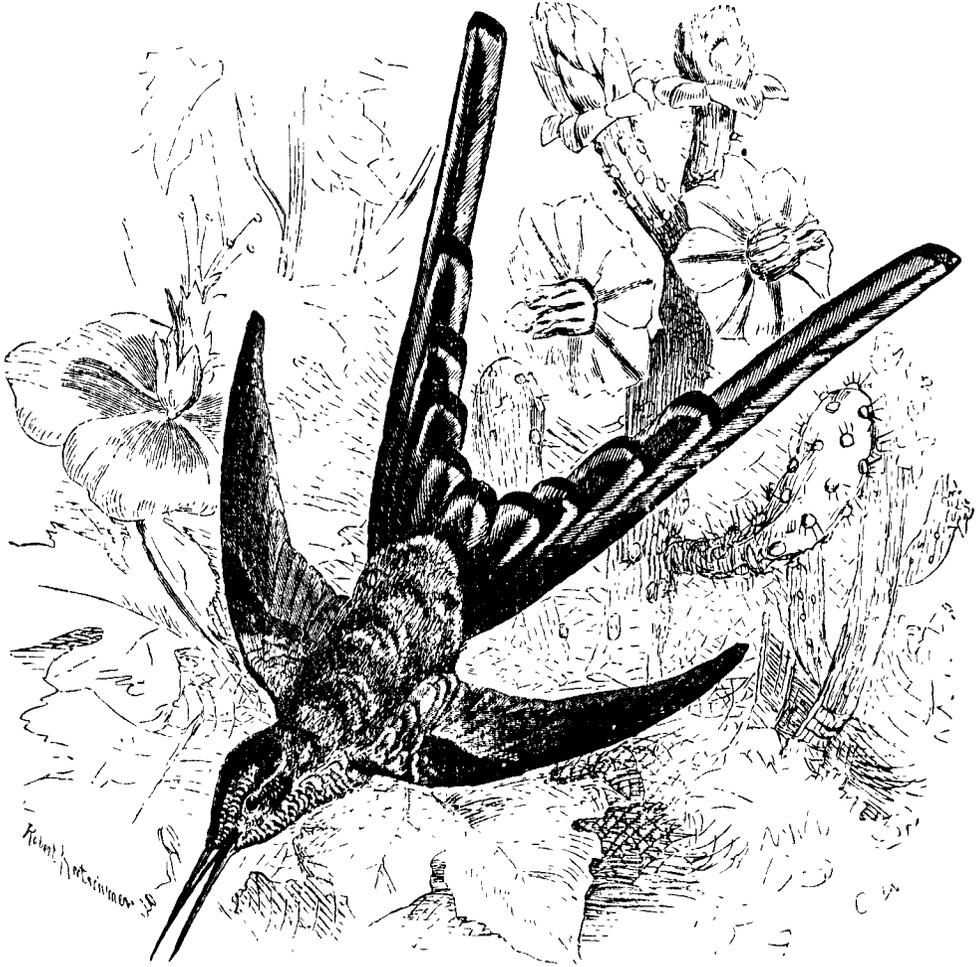
образомъ строеніемъ своего хвоста. Рулевая перья отъ середины кнаружи ступенчато увеличиваются, такъ что наружныя въ пять разъ длиннѣе среднихъ, причѣмъ онахала ихъ по всей длинѣ почти одинаково широкія.

Сафо (*Sparganura sappho*, *Trochilus sappho*, *chrysurus* и *radiosus*, *Ornismya* и *Cometes sappho*, *Cynanthus* и *Cometes sparganurus*, *Mellisuga*, *Lesbia* и *Sappho sparganura*, *Orthorhynchus* и *Cynanthus chrysurus*. *Sapphokolibri*. *Oiseau-mouche sappho*) на верхней сторонѣ тѣла карминово-краснаго цвѣта, голова и нижняя часть

тѣла зеленая съ металлическимъ отливомъ, горло свѣтло-зеленое, очень яркое, задняя часть брюшка свѣтло-бурая. Маховыя перья пурпурово-коричневые, рулевые коричневые, у основанія ярко оранжево-красныя, а кончики темно черно-бурые. Самка сверху зеленая, снизу также зеленая съ сѣрыми пятнами; хвостъ у нея короче и перья его блѣдно-красныя. Колибри этотъ живетъ въ Боливіи.

* *

Исполинскіе колибри (*Hypermetra. Riesengnomen*) имѣютъ длинный или да-

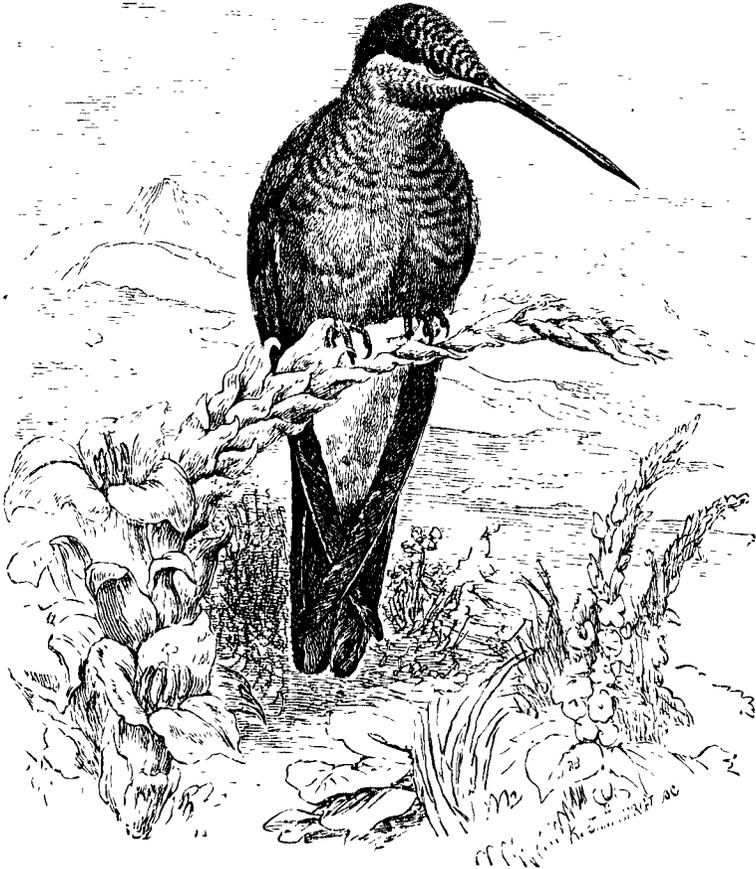

Сафо. *Sparganura sappho*. $\frac{1}{3}$ наст. вел.

же очень длинный клювъ, который бываетъ или совсѣмъ прямой или слабо загнутъ кверху или книзу; онъ постепенно заостряется къ концу или передъ концомъ утолщенъ. Ноги относительно довольно длинныя, маховыя перья у нѣкоторыхъ очень длинныя и узкія, у другихъ короче и шире. Хвостъ имѣетъ среднюю длину и на серединѣ выемку. Опереніе у этихъ колибри не очень яркое.

Исполинскій колибри (*Hypermetra gigas. Trochilus, Cynanthus, Nyloch'aris* и *Patagona gigas, Ornismya tristis* и *gigantea. Riesenkolibri. Colibri géant*) по вели-

чинѣ равняется примѣрно нашему стрижу. Верхняя часть тѣла блѣдно-бурая съ зеленымъ отливомъ, нижняя часть тѣла красновато-бурая, надхвостье сѣровато-желтое; голова, передняя часть груди и спина покрыты темными, тонкими, волнистыми полосками. Маховыя перья темно-бурыя, рулевыя имѣютъ ту же окраску, но съ зеленымъ отливомъ; длина тѣла 21 см. Этотъ довольно замѣтный колибри живетъ въ большей части западныхъ странъ Южной Америки; на крайнемъ югѣ этой части свѣта онъ представляетъ собою перелетную птицу, которая въ извѣстное вре-

Исполинскій колибри. *Purpuremetra gigas*. $\frac{2}{3}$ наст. вел.

мя года появляется, а затѣмъ улетаетъ. Его встрѣчали на высотахъ 4000—5000 м. надъ поверхностью моря.

* * *

Мечеклювъ (*Docimastes ensifer*, *Ornismya* и *Mellisuga ensifera*, *Trochilus* и *Docimastes derbianus*. Schwertschnabel.) имѣетъ самый большой клювъ между всеми колибри и потому его трудно смѣшать съ другими птичками этого семейства. Длина клюва равняется длинѣ туловища, онъ слегка загнутъ вверхъ, передъ концомъ нѣсколько утолщенъ, крылья относительно короткія и широкія, хвостъ средней длины и съ вырѣзкой сзади. Опереніе на верхней сторонѣ зеленого цвѣта, голова мѣдно-красная, нижняя сторона тѣла, горло и середина спины бронзово-зеленаго цвѣта, бока ярко свѣтло-зеленые, за каждымъ глазомъ замѣчается маленькое бѣлое пятно. Маховыя перья пурпурово-коричневого цвѣта, рулевыя темно-

бурья съ металлическимъ блескомъ. Клювъ черно-бурого цвѣта, а ноги желтовато-бурья. Длина тѣла 22 см., изъ которыхъ на клювъ приходится 10 см., длина крыльевъ 8 см., хвоста 6 см. Самка на верхней сторонѣ болѣе блѣднаго цвѣта, на нижней сторонѣ бѣлаго съ бурими пятнами. Слабый металлическій блескъ замѣчается только на бокахъ; длина ся равняется 17 см., а клювъ имѣеть 8 см. длины. Мечеклювъ водится въ горныхъ странахъ Венецуэлы и Квито. Герингъ

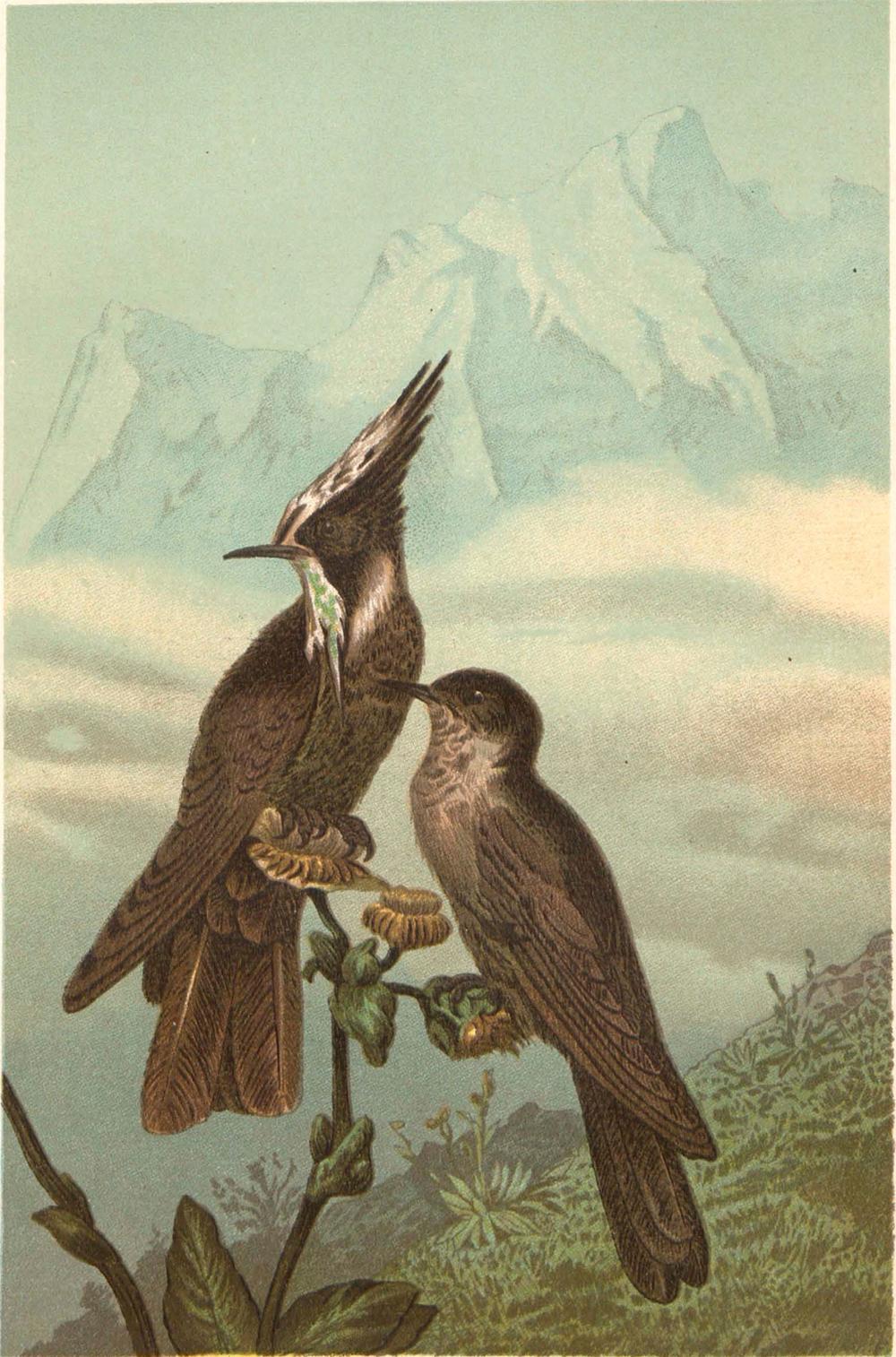

Мечеклювъ. *Docimastes ensifer*. ³/₄, наст. вел.

находилъ эту птицу въ Венецуэлѣ на высотахъ отъ 2000 — 3000 метровъ надъ поверхностью моря, на кустахъ, растущихъ подъ деревьями большихъ лѣсовъ.

* *

Шлемовые колибри (*Oxurogon. Helmkolibris*) отличаются очень короткимъ клювомъ, шлемовиднымъ хохламъ на головѣ, широкими крыльями, тупымъ хвостомъ и неблестящимъ оперениемъ.

ЛИТ. ШТАДЛЕРЪ И ПАТТНОУЪ, С. П. Б.

ШЛЕМОВЫЕ КОЛИБРИ.

Отвсѣдѣющійся сюда **Парамскій колибри** получилъ латинское видовое названіе въ честь Линдена (*Oxyrhopus lindeni*, *Trochilus* и *Ornismya lindeni*, *Paramosböckchen*, *Oiseau-mouche de Linden*); туземцы называютъ его **Чивито-де-ла Парамось**. Какъ на верхней части, такъ и на нижней онъ довольно равномерно матово-коричневато-мѣдно-зеленаго цвѣта, съ слабымъ металлическимъ отблескомъ, голова до среднихъ бѣлыхъ перьевъ хохолка черная, подъ хохолкомъ зеленоватая. Перья на горлѣ, удлиненныя на подобіе бороды, бѣлыя, на концахъ покрытыя мелкими черными точками; маховыя перья коричневыя съ красновато-фіолетовымъ отливомъ; рулевыя перья буровато-фіолетоваго цвѣта со стальнымъ блескомъ, а стержни у нихъ бѣлые; самка меньше ростомъ и не имѣетъ ни хохолка, ни бороды. Длина этого колибри 14 см., длина крыльевъ 8 см., длина хвоста 7 см.

Линденъ нашелъ эту замѣчательную птицу сначала въ Сіерѣ Невадѣ де Мерида въ Венецуэлѣ; Герингъ, которому мы обязаны ея изображеніемъ, наблюдалъ ее на тѣхъ-же горахъ въ великолѣпномъ пейзажѣ, переданномъ его искусной кистью. Она тамъ живетъ на высотахъ отъ 3000—4000 метровъ и въ значительной степени оживляетъ эти пустынные горы.

Колибри живутъ только въ одной Америкѣ и болѣе другихъ птицъ характерны для этой части свѣта. Они встрѣчаются здѣсь вездѣ, гдѣ только могутъ расти цвѣты, отъ Ситки до мыса Горна. Сѣверо-американскій видъ колибри встрѣчается на востокъ даже на Лабрадорѣ; западный сѣверо-американскій видъ (*Selasphorus rufus*) правильно появляется на берегахъ рѣки Колумбіи и проникаетъ даже до рѣки Фразеръ и пролива Хуанъ-де-Фука. Эта же птица, по словамъ Эллиота, встрѣчается въ одной мѣстности, лежащей на 8° сѣвернѣе, именно на островѣ Баранова, немного южнѣе Ситки, гдѣ горячіе ключи служатъ причиною очень роскошной растительности. Эти повидимому слабыя птички встрѣчаются даже на Огненной Землѣ. Колибри распространяются въ Америкѣ не только по вѣсѣмъ широтамъ, но поднимаются и на высокія горы: на Андахъ они порхаютъ еще около самой границы вѣчныхъ снѣговъ, въ поясѣ, расположенномъ между 4000 и 5000 метровъ надъ поверхностью моря; они посѣщаютъ кратеры дѣйствующихъ и потухшихъ вулкановъ, куда едва-ли проникаетъ другое позвоночное животное. Смѣлые натуралисты, поднимавшіеся на высокія горы для научныхъ изслѣдованій, находили колибри, высиживающихъ яйца на такихъ высотахъ, гдѣ снѣжныя бури сильно затрудняли восхождение и гдѣ, по мнѣнію натуралиста, могли встрѣчаться только одни кондоры.

Вообще слѣдуетъ предположить, что каждая страна и каждая мѣстность имѣетъ свои особые виды колибри. Горные колибри, которые живутъ на высотахъ, почти никогда ихъ не покидаютъ и только въ случаѣ очень дурной погоды спускаются до высоты 3000—4000 футовъ; тѣ же виды, которые обыкновенно встрѣчаются въ жаркихъ долинахъ, гдѣ почти никогда вѣтеръ не охлаждаетъ воздуха, ни въ какомъ случаѣ не поднимаются на высоты. Однако не только отдѣльныя горы и долины, но многіе лѣса и степи, а иногда даже еще болѣе ограниченныя мѣстности имѣютъ свои особые виды колибри. Эти прекрасныя птички болѣе, чѣмъ всякія другія, зависятъ отъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ, и потому онѣ находятся въ тѣсной связи съ растительнымъ міромъ. Нѣкоторые сорта цвѣтовъ посѣщаются только извѣстнымъ видомъ колибри, и другія птички этого семейства въ нихъ никогда не ищутъ добычи. Шлемовый колибри, о которомъ мы упоминали въ концѣ нашего описанія, по сообщенію Геринга, появляется въ лѣсахъ Сіера Невады только тогда, когда распускаются альпійскіе цвѣты, изображенные на нашемъ рисункѣ и на-

зываются народомъ «большими монахами»; какъ только они увидаютъ, то и птички исчезаютъ. Другіе виды точно также появляются во время цвѣтенія извѣстныхъ растеній.

Уже изъ различнаго строенія клюва колибри можно заключить, что почти каждый видъ колибри обыскиваетъ только извѣстные цвѣты и изъ другихъ себѣ добычи достать не можетъ. Впрочемъ, нѣкоторые виды не очень разборчивы: Вильсонъ, напримѣръ, полагаетъ, что сѣверо-американскій колибри разыскиваетъ добычу въ половинѣ цвѣтовъ своего отечества; другіе виды, напротивъ того, ограничиваются не только извѣстными деревьями, но даже однѣми верхушками ихъ. Одни ищутъ добычу въ цвѣтахъ на верхнихъ вѣтвяхъ дерева, другіе на среднихъ, иные посѣщаютъ только кусты, иные же постоянно встрѣчаются на стволахъ деревьевъ, изъ которыхъ вытекаетъ сокъ. Самый маленькій видъ колибри, по словамъ Госсе, встрѣчается только на цвѣтахъ самыхъ низкихъ, растущихъ на землѣ растеній. Солнечные колибри, по сообщенію Батса, лишь изрѣдка посѣщаютъ цвѣты, которыхъ, впрочемъ, немного въ тѣнистыхъ лѣсахъ, гдѣ живутъ эти птицы; они ищутъ мелкихъ насѣкомыхъ на листьяхъ и съ удивительнымъ проворствомъ двигаются въ зелени деревьевъ, обыскивая каждый листокъ сверху и снизу. Поэтому неудивительно, что нѣкоторые острова имѣютъ свои особые виды колибри; напримѣръ, на островѣ Хуанъ Фернандецъ встрѣчается видъ, который не замѣчается на соседнихъ островахъ, а ямайскій колибри-карликъ никогда не залетаетъ на Кубу. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что колибри вовсе не лишены возможности предпринимать далекія странствованія: многіе виды очень хорошо это доказываютъ, и нѣкоторые колибри встрѣчаются почти на цѣлой половинѣ материка Америки.

Велѣдствіе зависимости колибри отъ флоры оказывается, что тропическія страны Америки особенно богаты ими. Изъ 390 видовъ этихъ птицъ, по счету Валласа, 275 живутъ въ экваторіальныхъ странахъ Южной Америки, 100 (отчасти тѣ-же виды) въ тропическихъ странахъ Сѣверной Америки, 15—въ умѣренномъ поясѣ южной половины материка, 12—въ сѣверной половинѣ и 15 на Антильскихъ островахъ. Однако ошибочно было-бы предполагать, что колибри предпочитаютъ лѣса низменностей, гдѣ растительная жизнь достигаетъ своего высшаго развитія. Удивительно великолѣпные цвѣты этихъ лѣсовъ, безъ сомнѣнія, не пренебрегаются ими, напротивъ того, по крайней мѣрѣ въ извѣстное время года колибри порхаютъ надъ ними и тщательно обыскиваютъ ихъ; но разнообразіе видовъ этихъ птичекъ зависитъ не отъ количества цвѣтовъ, а отъ ихъ разнообразія. Согласно послѣднимъ изслѣдованіямъ, слѣдуетъ принять, что самое большое число видовъ колибри встрѣчается въ гористыхъ странахъ южной и средней Америки: тамъ лучше всего видно удивительное разнообразіе формъ этихъ чудныхъ птичекъ. Герингъ мнѣ пишетъ о племени колибри слѣдующее: «Въ высшей степени пріятно видѣть веселую игру этого красиваго существа, когда оно на безлюдныхъ высотахъ огромныхъ горъ порхаетъ около большихъ желтыхъ цвѣтовъ, засовывая свой длинный клювъ то въ одинъ цвѣтокъ, то въ другой и иногда на секунду отдыхая. Глазъ едва успѣваетъ слѣдить за ихъ быстрыми движеніями между стволами своеобразныхъ цвѣтущихъ растеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя оторваться отъ этого восхитительнаго зрѣлища. На этихъ высотахъ единственнымъ представителемъ этихъ птицъ является племени колибри, между тѣмъ какъ другіе виды только постепенно появляются, если спускаться съ вершины горъ въ долины».

Особенно благоприятной страной для колибри, повидимому, является Мексика: она служитъ отечествомъ болѣе чѣмъ одной пятой всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ видовъ этихъ птицъ и можно впередь предсказать, что когда эта малоиз-

слѣдованная страна будетъ лучше извѣстна, то тамъ будетъ найдено еще нѣсколько новыхъ видовъ колибри. Мексика соединяетъ въ себѣ всѣ благоприятныя условія для такого разнообразія формъ; она заключаетъ въ себѣ всевозможныя климатическія условія, такъ какъ въ ней находится высокія горы, на различныхъ высотахъ которыхъ можно постоянно найти климатъ, всегда соответствующій всѣмъ временамъ года и всѣмъ поясамъ. Наблюдатель, посѣщающій эту чудную страну, постоянно окруженъ порхающими блестящими колибри. Онъ находитъ ихъ какъ въ жаркихъ равнинахъ, такъ и на снѣжныхъ высотахъ, тамъ, гдѣ большое обиліе влаги обуславливаетъ появленіе роскошной тропической растительности, точно такъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выжженная солнцемъ пустыня производитъ лишь одинъ кактусъ и даже тамъ, гдѣ еще лежитъ не вполне остывшая лава, вытекающая изъ кратера вулкана. «Они украшаютъ», говоритъ Гульть, «свою неподражаемую роскошью оперенія трещины вулканическихъ породъ, оживляютъ страны, куда люди никогда не заглядываютъ, они придаютъ нѣкоторую жизнь холодной пустынѣ». Однако любимымъ мѣстообитаніемъ колибри во всякомъ случаѣ остаются дуга со множествомъ цвѣтовъ, цвѣтушіе кусты прерій и сады. Здѣсь можно видѣть, какъ они носятся надъ растеніями, порхая съ цвѣтка на цвѣтокъ и ищутъ въ нихъ добычу съ пчелами и бабочками, высасывающими сладкій сокъ изъ цвѣтовъ.

Еще съ точностью неизвѣстно, можно-ли считать вполне обѣдными птицами тѣхъ колибри, которые не предпринимаютъ дальнихъ перелетовъ. Можно предположить, что ни одинъ видъ не живетъ постоянно весь годъ въ одной мѣстности; всѣ они перелетаютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по времени года, а главнымъ образомъ по времени цвѣтенія различныхъ растеній, такъ что, кромѣ времени гнѣздованія, они постоянно странствуютъ. Всѣ наблюдатели, которые долго жили въ одномъ мѣстѣ, единогласно подтверждаютъ, что они отдѣльные виды колибри видали лишь въ извѣстные времена года. Буллокъ, на примѣръ, говоритъ, что многіе колибри, живущіе въ Мексикѣ, замѣчаются тамъ только въ началѣ лѣта. Нѣкоторые изъ нихъ въ большомъ числѣ появлялись въ ботаническомъ саду города Мексико и тогда было очень легко ихъ ловить, между тѣмъ какъ въ другое время года очень трудно было найти тѣ-же самые виды. То-же самое замѣчалъ Ривесъ около Рио-де-Жанейро и Бэтсъ во время своего одиннадцати-лѣтняго изслѣдованія Амазонской рѣки; то-же самое наблюдали и всѣ прочіе натуралисты, которые имѣли возможность слѣдить за образомъ жизни этихъ удивительныхъ птичекъ. По всей вѣроятности всѣ виды колибри болѣе или менѣе странствуютъ съ мѣста на мѣсто. Птицы этого семейства, живущія на высотахъ, бывають въ извѣстное время года принуждены спускаться въ долины для пріисканія добычи, а тѣ, которые живутъ въ мѣстахъ, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, т. е. растительность постоянно обновляется и весь годъ можно найти цвѣты, все-таки кочуютъ съ мѣста на мѣсто, смотря по тому, гдѣ болѣе цвѣтущихъ растеній.

Извѣстно, что колибри въ огромномъ количествѣ появляются около нѣкоторыхъ деревьевъ, когда на нихъ покажутся цвѣты; въ другое-же время о нихъ мало заботятся; наблюдали также, что какъ только дерево начинаетъ цвѣсти, колибри налетаютъ на него въ несмѣтномъ количествѣ, точно такъ, какъ это дѣлають насѣкомыя, питающіяся медомъ. Тогда они слетаются со всѣхъ сторонъ, такъ что трудно объяснить, откуда они явились, и ежедневно посѣщаютъ его, пока оно цвѣтетъ. Эти перемѣненія однако не могутъ назваться настоящими перелетами. Правильно перелетаютъ только тѣ виды, которые живутъ въ сѣверномъ и южномъ умѣренномъ поясѣ. Они появляются тамъ почти такъ-же правильно, какъ у насъ ласточки, остаются все лѣто, устраивають гнѣзда, высидываютъ дѣтенышей и при

наступленіи холоднаго времени года улетают снова въ теплыя страны. Сѣвероамериканскій колибри (*Trochilus colubris*), по словамъ Одюбона, въ Луизианѣ появляется рѣдко раньше 10 марта, а въ среднихъ штатахъ Сѣверной Америки рѣдко раньше 15 апрѣля, а обыкновенно въ началѣ мая и остается тамъ до конца сентября, а во Флоридѣ до ноября. На островѣ Кубѣ эта птица появляется только на короткое время при перелетѣ. Гундлахъ видалъ ее тамъ только въ первыхъ числахъ апрѣля и исключительно на западной части острова, въ другихъ-же частяхъ его, несмотря на тщательные розыски, онъ эту птицу нигдѣ не находилъ и ни отъ кого не могъ ничего узнать. «Для меня остается загадкой», говоритъ онъ, «по какой дорогѣ летятъ эти птицы осенью, чтобы попасть въ страны, лежащія на югъ отъ Кубы. Въ апрѣлѣ-же, при перелетѣ съ юга на сѣверъ, ихъ можно видѣть довольно часто около Гаванны и Карденаса. Около Мотанцаъ я ихъ никогда не видалъ и на островѣ онѣ никогда не гнѣздятся».

Одинъ видъ, встрѣчающійся на западѣ Сѣверной Америки (*Pelasphorus rufus*) появляется тамъ, по наблюденіямъ Нутталля, въ началѣ апрѣля и исчезаетъ въ концѣ сентября, зиму-же проводитъ въ болѣе южныхъ странахъ, именно въ Мексикѣ. **Колибри Кингса** (*Eustephanus galeritus*) былъ найденъ на Огненной Землѣ, но распространенъ на 3000 километровъ вдоль западнаго берега Америки; въ Чили онъ появляется только во время весны южнаго полушарія. Два другихъ вида, которые здѣсь живутъ, представляютъ собою также перелетныхъ птицъ; они появляются здѣсь въ октябрѣ, а въ мартѣ перелетаютъ ближе къ экватору. Впрочемъ, случается, что отдѣльные виды весь годъ живутъ на дальнемъ югѣ и про сѣверные виды говорятъ то-же самое. Одюбонъ полагаетъ, что перелетъ совершается ночью, но само собою разумѣется вполне этого утверждать не можетъ. Я здѣсь употреблю выраженіе «само собою разумѣется» потому, что наблюденія надъ колибри представляютъ много затрудненій. Другихъ перелетныхъ птицъ можно видѣть и слышать, но колибри посредствомъ этихъ внѣшнихъ чувствъ почти нельзя замѣтить. Самый зоркій глазъ скоро теряетъ изъ вида летящую птичку и не бываетъ въ состояніи ее замѣтить; посредствомъ слуха также нѣтъ никакой возможности узнать направленіе ихъ полета и разстоянія, на которомъ они находятся. Колибри всегда появляется внезапно и потому производитъ впечатлѣніе какого-то волшебнаго существа; его замѣчаешь совершенно неожиданно, не зная, откуда онъ прилетѣлъ, и онъ вдругъ исчезаетъ неизвѣстно куда. Когда въ Сѣверной Америкѣ увидишь хоть одного колибри, то скоро начинаешь ихъ вездѣ замѣчать. Одинъ наблюдатель, который написалъ интересный рассказъ о появленіи ихъ, говоритъ, что однажды утромъ его разбудили возгласомъ: «Колибри прилетѣли!» Онъ ихъ впервые увидалъ на цвѣтущей магноліи, но скоро сталъ замѣчать ихъ въ большемъ числѣ въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Онъ замѣтилъ однако, что число ихъ стало быстро уменьшаться. «Нѣсколько дней спустя», говоритъ онъ, «они стали появляться только изрѣдка, и въ городѣ говорили, что видѣли этихъ птичекъ только въ видѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Ихъ этого мнѣ стало ясно, что перелетъ колибри и ихъ появленіе въ городахъ и садахъ происходитъ сначала многочисленными стаями: они появляются какъ приливъ или какъ особенно большая волна. Эти стаи летятъ съ юга черезъ всю страну, вездѣ оставляютъ нѣкоторыхъ поселенцевъ и летятъ дальше къ сѣверу. Могло случиться однако, что магнолія, гдѣ я ихъ первоначально наблюдалъ, привлекла ихъ вслѣдствіе того, что она изъ за очень удобнаго положенія особенно рано цвѣла и что птички затѣмъ разлетались по другимъ садамъ города по мѣрѣ того, какъ тамъ начинали цвѣсти деревья».

Если хочешь изучить жизнь этихъ птичекъ, то прежде всего надо познако-

миться съ ихъ полетомъ: онъ, такъ сказать, опредѣляетъ всю жизнь ихъ и вполне характеризуетъ колибри. Ни одна птица не летаетъ такъ, какъ они и, слѣдовательно, ихъ по полету нельзя и сравнивать съ другими птицами. «Пока я ихъ самъ не видалъ», говоритъ Соссюръ, «я не могъ себѣ представить, чтобы птица могла такъ быстро двигать крыльями, какъ это дѣлаютъ колибри. Они носятся по воздуху то подвигаясь впередъ съ быстротою молніи, то держась на одномъ мѣстѣ. Полетъ ихъ двоякаго рода: во первыхъ движеніе впередъ съ быстротою стрѣлы, а во вторыхъ пареніе на одномъ мѣстѣ. Понятно, что послѣднее движеніе требуетъ наибольшаго напряженія силъ, потому что колибри, чтобы удержаться въ равновѣсіи, должны съ одинаковою силою двигать крыльями какъ вверхъ, такъ и внизъ. Движеніе это такъ быстро, что крылья, наконецъ, дѣлаются совсѣмъ незамѣтными». Впрочемъ, говоритъ Соссюръ, всѣ движенія этихъ птичекъ въ высшей степени порывисты, какъ-бы лихорадочны. «Жизнедѣятельность у нихъ въ значительной степени усилена, и онѣ живутъ болѣе полною жизнью, чѣмъ всѣ другія существа земнаго шара. Съ ранняго утра до поздняго вечера носятся онѣ по воздуху, отыскивая медоносныя цвѣты. Онѣ появляются внезапно около цвѣтка, наклоняются надъ нимъ съ быстротою молніи, держатся на воздухѣ безъ всякой опоры, распускаютъ вѣерообразно хвостъ и въ это время нѣсколько разъ сряду просовываютъ языкъ во внутренность чашечки цвѣтка. Никогда онѣ не садятся на растеніе и кажется, что онѣ вѣчно торопятся, вѣчно снѣшатъ, и что имъ недостаетъ времени, чтобы исполнить все задуманное. Онѣ появляются передъ вами совершенно неожиданно, останавливаются только на секунду, самое короткое время отдыхаютъ на какой-нибудь маленькой вѣткѣ и исчезаютъ съ такою быстротою, что не замѣчаешь ихъ отлета». Всѣ другіе наблюдатели описываютъ полетъ колибри подобнымъ-же образомъ. «Какъ удивительна», говоритъ Гульдъ, «должна быть организація этихъ птичекъ, дающая имъ возможность производить и такъ долго продолжать дрожательное движеніе ихъ крылышекъ! Пологаю, что нельзя сравнивать это движеніе ни съ чѣмъ другимъ, что я до сихъ поръ видалъ, и оно мнѣ казалось скорѣй всего похожимъ на физическій аппаратъ, съ заведенной пружинной. Эта особенность полета произвела на меня особенно сильное впечатлѣніе, такъ какъ я ожидалъ совершенно другого. Птица эта не махаетъ плавно крыльями, какъ ласточка или стрижь, но постоянно трепещетъ ими съ удивительной быстротою, когда перелетаетъ съ цвѣтка на цвѣтокъ или проносится по воздуху на большое разстояніе надъ деревьями или надъ рѣкой. Когда колибри останавливается около какого-нибудь предмета, то движенія крыльевъ его такъ быстры, что глазъ не можетъ услѣдить за ихъ движеніями, и по сторонамъ тѣла птички видишь только туманный полукругъ».

Китлицъ выражается почти точно также. «Полетъ этихъ маленькихъ птичекъ въ высшей степени своеобразенъ; ихъ легко можно принять за насѣкомыхъ. Отъ одного дерева къ другому пролетаютъ онѣ такъ быстро, что, вслѣдствіе малой величины, ихъ почти вовсе не замѣчаешь; но передъ предметомъ, обратившимъ ихъ вниманіе, онѣ останавливаются, держа туловище почти въ отвѣсномъ положеніи, причемъ такъ быстро машутъ крыльями, что едва замѣчаешь ихъ мельканіе». Еще подробнѣе и обстоятельнѣе описываетъ Пьютонъ появленіе и исчезновеніе колибри. «Появленіе колибри», говоритъ онъ, «такъ рѣзко отличается отъ всего того, что мы привыкли видѣть у себя, что тотъ, кто не побывалъ на той сторонѣ Атлантическаго океана, не можетъ составить себѣ яснаго представленія о полетѣ колибри; даже сравненіе съ порхающимъ сфинксомъ не даетъ яснаго понятія объ этомъ по-

летѣ. Стоишь и любуешься цвѣткомъ; вдругъ между нимъ и глазомъ появляется небольшой темный предметъ, который кажется прикрѣпленнымъ къ двумъ перекрещивающимся проволокамъ. Одно мгновеніе видишь его передъ цвѣткомъ, затѣмъ онъ къ нему еще болѣе приближается и около него замѣчаешь какъ бы сѣрый туманъ, происходящій отъ быстро трепещущихъ крыльевъ; еще секунда, и онъ блеснувъ салфировымъ или изумруднымъ блескомъ, улетаетъ такъ быстро, что глазъ за нимъ слѣдить не можетъ, крикъ восхищенія остается не оконченнымъ, и мысль не успѣетъ мелькнуть у наблюдателя. Только очень смѣлый или совершенно невѣжественный человѣкъ можетъ попытаться изобразить летящаго колибри, такъ какъ никакая кисть, никакой карандашъ не можетъ передать этой картины: замѣчаешь лишь, что птица держитъ туловище отвѣсно и что быстро двигающіяся крылья образуютъ около него полукругъ».

Подобными словами описываютъ полетъ колибри всѣ точные наблюдатели, но мы теперь знаемъ, что полетъ колибри и порханіе надъ цвѣтами не у всѣхъ видовъ этого семейства происходятъ одинаково. Такъ, по словамъ Гундлаха, одинъ колибри, живущій на островѣ Кубѣ, по полету замѣтно отличается отъ своихъ родичей. Когда этотъ колибри изслѣдуетъ какой-нибудь цвѣтокъ, то близко къ нему подлетаетъ, въ теченіи одной секунды останавливается, трепеща крыльями, вываиваетъ языкъ въ вѣничикъ, быстро отодвигается назадъ, еще секунду паритъ около цвѣтка, а затѣмъ, какъ-бы тайкомъ, придвигается къ другому цвѣтку. Вслѣдствіе этого полетъ колибри кажется неравномѣрнымъ и порывистымъ, и впечатлѣніе это усиливается еще тѣмъ, что птица при своихъ движеніяхъ то выпускаетъ, то сжимаетъ свой довольно длинный хвостъ. Сѣверо-американскій колибри, напротивъ того, летаетъ всегда равномѣрно. «Мы смотрѣли», рассказываетъ другой наблюдатель, «на прекрасное тюльпанное дерево, находящееся въ полномъ цвѣту, и скоро замѣтили маленькихъ жужжащихъ и порхающихъ птичекъ, которые оживляли всѣ вѣтви этого дерева. Онѣ носились надъ верхушкою дерева и летали также около его нижнихъ вѣтвей, то исчезая въ тѣни, то блестя своимъ яркимъ опереніемъ на солнцѣ. Сначала, пока глазъ не освоился съ этимъ зрѣлищемъ, легко можно было себя вообразить, что передъ нами мелькаютъ стаи пчелъ, осъ или майскихъ жуковъ, потому что эти птички такъ-же быстро трепещутъ крыльями, какъ крупныя мясныя мухи, такъ что этихъ крыльевъ не замѣчаешь, и видишь около туловища только какую-то дымку. Это особенно замѣтно, когда онѣ порхаютъ надъ цвѣткомъ, чтобы изслѣдовать его вѣничикъ. Пока колибри держится на одномъ мѣстѣ, крылья его не производятъ никакого шума, но когда онъ быстро подвигается впередъ, то слышится довольно рѣзкое жужжаніе, такъ что этихъ птичекъ справедливо называютъ жужжащими птицами». Звукъ этотъ различенъ у разныхъ видовъ; у большихъ онъ болѣе глухой, а у маленькихъ рѣзче; у нѣкоторыхъ звукъ этотъ такъ своеобразенъ, что ихъ безошибочно можно узнать по жужжанію. До сихъ поръ еще хорошенько не изслѣдовано, какого рода движенія производятъ этотъ шумъ, такъ какъ трудно наблюдать самыя движенія. Можно съ нѣкоторою достовѣрностью предположить, что когда птица передлетаетъ большія пространства, то она двигаетъ еще быстрѣе крыльями, чѣмъ когда держится на мѣстѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ шума отъ движенія крыльевъ не слышно. Колебаніе воздуха, производимое колибри при движеніи крыльевъ, очень значительно. «Я замѣтилъ», говоритъ Сальвинъ, «что колибри, прилетѣвшій въ комнату и парившій надъ кускомъ ваты, приводилъ въ движеніе всю верхнюю поверхность ея». Рошфоръ даже утверждаетъ, что когда колибри летитъ мимо, то въ ушахъ свиститъ, какъ отъ вѣтра.

О направленіи полета колибри и о тѣхъ фигурахъ, которыя онѣ описываетъ въ воздухѣ, по существующимъ описаніямъ нельзя себѣ составить яснаго понятія. Быстрота движеній такъ значительна, и тѣловище колибри такъ мало, что наблюденія дѣлаются почти невозможными. Одобонъ утверждаетъ, что сѣверо-американскіе колибри прорѣзаютъ воздухъ волнообразною линіею, иногда поднимаются вверхъ, образуя уголъ около 40 градусовъ, а затѣмъ спускаются снова по дугѣ; но при этомъ онѣ добавляетъ, что совершенно невозможно слѣдить за летящей птицею болѣе 50—60 м., даже вооружившись хорошимъ биноклемъ. Пеннигъ полагаетъ, что серповидная форма крыльевъ даетъ возможность быстро подвигаться впередъ, но она неудобна для поднятія на значительную высоту и для измѣненія направленія полета, почему колибри, по его мнѣнію, почти всегда летаютъ по горизонтальной линіи. Это мнѣніе однако въ значительной степени противорѣчитъ наблюденіямъ другихъ натуралистовъ, которымъ мы не имѣемъ причины не довѣрять. Гульдъ говоритъ, что колибри можетъ производить крыльями всевозможныя движенія съ большою увѣренностью, что онѣ часто подымается перпендикулярно наверхъ, можетъ летать задомъ, кружиться на одномъ мѣстѣ и съ такою легкостью двигается съ одной вѣтки на другую, что кажется, будто онѣ танцуетъ, причѣмъ онѣ то подымается вверхъ, то спускается внизъ, то летаетъ надъ вершиною самыхъ высокихъ деревьевъ, а затѣмъ внезапно падаетъ внизъ со скоростью метеора. Часто видишь, какъ онѣ спокойно и съ жужжаніемъ летаетъ около низкихъ цвѣтовъ на землѣ, затѣмъ онѣ на мгновеніе держится въ воздухѣ надъ мало замѣтной былинкой, и вдругъ его видишь на разстояніи 40 шаговъ, куда онѣ перенесся съ быстротою мысли. «Птицы эти необыкновенно быстры и порывисты въ своихъ движеніяхъ», говоритъ Гульдъ о сѣверо-американскомъ колибри, «и въ этомъ отношеніи очень похожи на ося. Иногда онѣ нѣсколько секундъ парятъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто онѣ къ чему-нибудь прикрѣплены на воздухѣ, вдругъ летятъ съ быстротою стрѣлы въ сторону, а потомъ описываютъ половину круга около дерева, такъ-же скоро, какъ это дѣлаютъ катающіеся на конькахъ по льду, и все это для того, чтобы обыскать цвѣтокъ на другой сторонѣ дерева. Иногда эта маленькая птичка съ такою быстротою несется къ небу съ верхушки дерева, точно брошенный сверху камень.»

Глядя на нихъ, безпрестанно приходитъ на мысль разсматривать колибри какъ оперенную бабочку, и это слѣдуетъ понимать не въ переносномъ, а въ прямомъ смыслѣ. «При первыхъ моихъ шагахъ на равнинахъ острова Ямайки», говоритъ Соссюръ, «я замѣтилъ земное насѣкомое, которое быстро подетѣло къ кусту и стало летать съ одной вѣтви на другую. Я былъ пораженъ тою необыкновенною ловкостью, съ которой это животное увертывалось отъ моей сѣтки, но удивленіе мое еще увеличилось, когда, поймавши его, я замѣтилъ, что это вовсе не насѣкомое, а птица. На самомъ дѣлѣ, какъ внѣшній видъ, такъ и движенія и образъ жизни колибри совершенно такіе-же, какъ у насѣкомыхъ». Другіе наблюдатели точно такъ-же ошибались, какъ и Соссюръ. Гульдъ долго убѣждалъ одного господина, побывавшаго въ Америкѣ, что онѣ въ Англіи видитъ передъ собою бабочку, а не колибри, а Батсъ увѣряетъ, что ему только послѣ продолжительнаго разсматриванія удалось отличить отъ колибри бабочку Титана, которая водится около Амазонской рѣки; онѣ-же говоритъ, что ему нѣсколько разъ случалось стрѣлять въ бабочку, вмѣсто колибри, такъ какъ полетъ и остановка на воздухѣ надъ цвѣтами у бабочекъ совершенно такіе-же, какъ и у колибри. Индѣйцы и негры, и даже нѣкоторые бѣлые считаютъ Титана и колибри за одно и то-же животное: они видѣли превращеніе гусеницы въ бабочку и изъ этого выводятъ, что и бабочка

можетъ легко превратиться въ птичку. Но удивительнѣе всего то, что сами колибри въ нѣкоторыхъ бабочкахъ видятъ себѣ соперниковъ. По наблюденіямъ Сосюра, колибри устраиваютъ настоящіе бои съ бабочками, преслѣдуютъ ихъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, бросаются на нихъ, чтобы ихъ прогнать и часто разрываютъ имъ крылья. Пападенія эти происходятъ очевидно изъ зависти, изъ за жадности надъ кормомъ, но очень характерны какъ для преслѣдователей, такъ и для преслѣдуемыхъ. Нѣкоторые наблюдатели полагаютъ, что внѣшнія чувства и душевныя способности колибри почти такія-же, какъ у бабочекъ, но при этомъ несомнѣнно ихъ обманываетъ невинное выраженіе глазъ колибри и довѣрчивость этихъ птицъ. Необыкновенная ловкость и быстрота движеній придаютъ колибри такую увѣренность, которая въ высшей степени поражаетъ наблюдателя. «Пока наблюдатель остается спокойнымъ», говоритъ Бурмейстеръ, «до тѣхъ поръ и колибри смотритъ на него свѣтлыми глазками и выказываетъ большое спокойствіе, но какъ только пошевелинешься, птичка тотчасъ-же исчезаетъ».

Нѣкоторые путешественники упоминаютъ о великолѣпной игрѣ цвѣтовъ, которая замѣчается у летающихъ колибри, но описаніе ихъ вѣрно только отчасти. Во время полета прекрасный цвѣтъ оперенія колибри вовсе незамѣтенъ; блестящіе цвѣта видны только тогда, когда птички держатся на мѣстѣ, именно, когда онѣ, трепеща крыльями и двигая только ими, парятъ около цвѣтовъ или садятся на отдыхъ на какую-нибудь вѣтку. Шомбургкъ слѣдующими словами описываетъ это явленіе. «Я стоялъ передъ растеніемъ и любовался великолѣпнымъ цвѣткомъ, когда совершенно внезапно передъ нимъ на воздухѣ показался топазовый колибри; я вовсе не замѣтилъ, откуда онъ появился и точно также быстро онъ перемѣнилъ мѣсто и остановился передъ другимъ цвѣткомъ. Когда я обращалъ свой восхищенный взоръ въ другую сторону и направлялъ на другое дерево, то замѣчалъ ту-же прелестную игру цвѣтовъ: тамъ горѣлъ очаровательный рубинъ, здѣсь жгучій топазъ, а въ другомъ мѣстѣ сафиръ, горящій тысячею огнями, и всѣ эти летающія и мелькающія искры соединялись въ прелестные вѣнки, которые внезапно исчезали, чтобы снова появиться въ другомъ видѣ на новомъ мѣстѣ». Однако у нѣкоторыхъ колибри яркое опереніе замѣтно и тогда, когда они летятъ. «Колибри сафо», пишетъ Герингъ, «когда освѣщенъ солнцемъ, похожъ на ярко-глубокой уголекъ и поражаетъ даже того, кто привыкъ къ блестящему оперенію этихъ птицъ. Когда подобная живая искра въ первый разъ летала передо мной взадъ и впередъ, то явленіе это меня такъ очаровало, что я забылъ прицѣлиться въ него изъ своего ружья».

Когда эти птички устанутъ отъ продолжительнаго полета, то отыскиваютъ себѣ на деревьяхъ подходящее мѣсто для отдохновенія. Онѣ для этого предпочитаютъ тонкія сухія вѣточки или такія, на которыхъ нѣтъ листьевъ на протяженіи нѣсколькихъ сантиметровъ; къ подобнымъ вѣткамъ онѣ постоянно возвращаются и такъ правильно ихъ посѣщаютъ, что, по словамъ Гундлаха, удобнѣе всего остановиться вблизи подобнаго мѣста отдохновенія колибри, чтобы ихъ наблюдать. Они пользуются временемъ отдохновенія, чтобы привести въ порядокъ свое опереніе и вычистить клювъ, такъ что и тогда они не находятся въ бездѣйствіи, а все время двигаютъ крыльями и хвостомъ. Какъ только перышки ихъ приведены въ порядокъ, такъ они тотчасъ улетаютъ, чтобы снова порхать съ цвѣтка на цвѣтокъ.

Земля для нихъ точно такъ-же чужда, какъ и для ласточекъ: здѣсь они совершенно безпомощны, такъ какъ ходить они не могутъ. «Одинъ колибри», рассказываетъ Китлицъ, «былъ мною легко раненъ въ крыло, однако летать уже не могъ. Онъ упалъ на землю, но двигаться вовсе не могъ, такъ какъ его ножки совершенно не пригодны для бѣганья и для прыганья». Несмотря на это, колибри однако

салятся на землю: это видно, напимѣрь, тогда, когда они слетаютъ на землю напиться.

По давно сложившемуся мнѣнію ни одинъ колибри не можетъ пѣть. Вообще говоря, это, повидимому, вѣрно, однако существуетъ цѣлый рядъ наблюденій, которыя утверждаютъ противное. Принцъ фонъ Видъ говоритъ, что голосъ колибри состоитъ изъ едва замѣтныхъ тихихъ звуковъ, а въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ, что онъ слышалъ громкій, но короткій призывной звукъ у колибри. Бурмейстеръ съ своей стороны замѣчаетъ: «колибри нельзя назвать пѣмыми птицами; когда они садятся на какую-нибудь сухую вѣтку и тамъ нѣкоторое время отдыхаютъ, то иногда бываетъ слышенъ ихъ слабый чирикающій голосъ. Я часто слышалъ ихъ и наблюдалъ птичекъ, сидящихъ надо мною въ тѣни между листьями: при издаваніи звука они на мгновеніе раскрывали клювъ и высовывали тонкій расщепленный языкъ на три сантиметра изо рта». Большинство другихъ наблюдателей говорятъ только о грубыхъ и рѣзкихъ звукахъ, которые могутъ быть переданы словами «тир-тир-тир» или «цок-цок-цок». По мнѣнію Сальвина, первый изъ вышеупомянутыхъ, высокій и жужжащій звукъ, который онъ передаетъ слогами «ширикъ», служить общимъ призывнымъ звукомъ для всѣхъ колибри и бываетъ слышенъ тогда, когда они гоняются на лету другъ за другомъ или вообще находятся въ возбужденномъ состояніи. Нѣкоторые наблюдатели, напимѣрь Лессонъ, полагаютъ, что колибри обыкновенно безмолвны и что можно по цѣлымъ часамъ сидѣть подѣ деревомъ, гдѣ они летаютъ, не слыша отъ нихъ никакого звука. Другіе, напротивъ того, согласны между собою въ томъ, что у нѣкоторыхъ видовъ замѣчается пѣніе, состоящее изъ нѣсколькихъ строкъ. «Карликовый колибри», говоритъ Госсе, «есть единственный видъ, у котораго слышится настоящее пѣніе. Весною, тотчасъ послѣ восхода солнца, часто видишь его сидящимъ на самыхъ высокихъ вѣткахъ манговыхъ и апельсинныхъ деревьевъ и слышишь его хотя тихую, но очень пріятную пѣсенку, что продолжается иногда минутъ десять безъ перерыва и, по правдѣ сказать, безъ большого разнообразія».

Гундлахъ упоминаетъ о другомъ видѣ колибри (*Orthorhynchus boothi*) въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Я могъ приблизиться къ птичкѣ на разстояніе полутора метровъ, чтобы наблюдать за нею и послушать ея нѣжное и благозвучное пѣніе, причемъ самецъ иногда поднимался отвѣсно на довольно большую высоту и оттуда издавалъ свою тихую однообразную трель». При пѣніи, какъ замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ Гундлахъ, приподнимаются длинныя перышки на горлѣ и тогда великолѣпно блестятъ. «Золотистый колибри», рассказываетъ Киттлицъ, «сидя на вѣткѣ съ полупущенными крылышками, пѣлъ довольно громкимъ и благозвучнымъ голосомъ, что меня тѣмъ болѣе удивило, что обыкновенный голосъ этихъ птицъ состоитъ лишь изъ рѣзкихъ чирикающихъ звуковъ». Натуралистъ этотъ не могъ отыскать убитой птицы и такимъ образомъ нельзя было опредѣлить вида, къ которому онъ относился. Вышесказаннаго, по моему мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы опровергнуть мнѣніе о безмолвности колибри. Несомнѣнно, что о другихъ видахъ колибри были сдѣланы и нынѣ еще дѣлаются подобныя-же наблюденія, особенно тогда, когда мы ближе познакомимся съ образомъ жизни каждаго отдѣльнаго вида. Пока мы находимся въ томъ-же положеніи, какъ всякій наблюдатель, который жилъ въ Америкѣ лишь короткое время. «При моемъ первомъ прибытіи въ Гватемалу», пишетъ Сальвинъ, «всѣ колибри казались мнѣ вполне сходными между собою, какъ по своимъ нравамъ и привычкамъ, такъ и по голосу и жужжанію; со временемъ опытъ и постоянное внимательное наблюденіе указали мнѣ, что каждый видъ имѣетъ свои особенности и по прошествіи довольно короткаго времени я могъ различать виды про-

летающих колибри по ихъ блеску, а когда я ихъ не видалъ, то довольно вѣрно различалъ ихъ по жужжанью и звуку голоса. Очень трудно словами передать эти различія, однако они очень замѣтны».

Вышнія чувства колибри развиты хорошо и довольно равномерно. Всѣ наблюдатели согласны въ томъ, что зрѣніе у колибри очень острое. Это можно замѣтить по ихъ движеніямъ во время полета, особенно когда видишь, какъ они хватаютъ на лету совсѣмъ маленькихъ, для нашего глаза невидимыхъ насѣкомыхъ. Точно также можно предположить, что слухъ у нихъ развитъ не хуже другихъ птицъ, хотя точныхъ наблюденій объ этомъ пока не существуетъ. Чувство осязанія навѣрно развито очень хорошо, такъ какъ безъ него этимъ птицамъ невозможно-бы было доставать себѣ пищу изъ глубокихъ вѣнчиковъ цвѣтовъ. «Колибри не знаютъ», говоритъ очень вѣрно Бурмейстеръ, «заклочаетъ-ли цвѣтокъ что-либо годное для нихъ; поэтому они, порхая, паря въ надъ нимъ, всовываютъ свой язычекъ въ глубину вѣнчика и постояннымъ движеніемъ крыльевъ удерживаются въ этомъ положеніи, пока основательно не изслѣдуютъ одинъ цвѣтокъ за другимъ». Языкъ при этомъ производитъ почти такую-же работу, какъ у дятловъ: онъ изслѣдуетъ всѣ скрытые уголки, недоступные для другихъ вышнихъ чувствъ. Тонкое осязаніе тотчасъ-же замѣчаетъ добычу и указываетъ языку, что слѣдуетъ схватить. Развитие вкуса доказывається тѣмъ, что всѣ колибри любятъ сладкое. Объ обоняніи нельзя сказать ничего опредѣленнаго, но мы имѣемъ право предположить, что и это чувство не очень слабое. Хорошо развитый и вышуклый черепъ указываетъ на сильное развитіе головного мозга и заставляетъ предполагать, что и душевныя качества колибри достигаютъ довольно высокой степени развитія. Наблюденія надъ этими маленькими птичками труднѣе, чѣмъ надъ другими и потому мнѣнія натуралистовъ довольно разнорѣчивы. Пока колибри двигаются на свободѣ, познакомиться съ ними можно лишь поверхностно. Порывистость и быстрота ихъ движеній, ихъ безпокойный живой нравъ, незначительная величина и большое число экземпляровъ значительно затрудняютъ наблюденія надъ ними; однако можно легко убѣдиться, что колибри очень хорошо умѣютъ отличать друзей отъ враговъ, полезное отъ вреднаго, а также, что они дѣлаются болѣе довѣрчивыми, когда ихъ не беспокоятъ и, напротивъ того, пугливыми и осторожными при преслѣдованіи. Въ большинствѣ случаевъ они выказываютъ довѣрчивость, которая часто имъ приноситъ вредъ, но это происходитъ въслѣдствіе ихъ необыкновенной ловкости и увѣренности во всѣхъ ихъ движеніяхъ. Они, если можно такъ выразиться, убѣждены въ томъ, что могутъ во время избѣгнуть всякой опасности и, если дѣло касается ихъ естественныхъ враговъ, то эта увѣренность вполне основательна. Слишкомъ большое довѣріе къ человѣку, конечно, часто ихъ обманываетъ, а потому они и дѣлаются нерѣдко жертвами своей излишней смѣлости.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію ихъ образа жизни, необходимо разъяснить вопросъ о пищѣ колибри, потому что она, какъ уже нѣсколько разъ было сказано, въ значительной степени вліяетъ на образъ жизни животнаго. Прежде думали, что колибри питается сладкимъ сокомъ цвѣтовъ или, по крайней мѣрѣ, что этотъ сокъ составляетъ главную часть ихъ пищи. «Совершенно естественно», говоритъ принцъ фонъ Видъ, «что при описаніи путешествій мы часто находимъ извѣстія объ этихъ маленькихъ птичкахъ, отличающихся столь привлекательными свойствами, но странно, что до сихъ поръ многія важныя свѣдѣнія о жизни колибри погружены были для насъ въ какой-то полумракъ. Къ этимъ неразъясненнымъ вопросамъ относится и питаніе ихъ. Понятно, что этимъ милымъ созданіямъ, которыя опускаютъ свой длинный тонкій клювъ въ глубокіе вѣнчики цвѣтовъ, приписывали и

пищу, состоящую из сладкаго цвѣточнаго меда. Такъ какъ считали, что ихъ длинный языкъ имѣеть видъ трубочки, то предполагали, что они имъ высасываютъ сладкій сокъ изъ цвѣтовъ, о чемъ и до сихъ поръ читаешь во многихъ сочиненіяхъ. Азара, въ другихъ случаяхъ очень добросовѣтнѣйшій натуралистъ, самъ не наблюдалъ этой важной части ихъ образа жизни и потому остался при прежнемъ ошибочномъ мнѣніи о питаніи колибри. Онъ имѣлъ полную возможность дѣлать точныя наблюденія по этому вопросу, но его можно упрекнуть въ томъ, что онъ довольствовался изученіемъ внѣшняго вида этихъ птичекъ; въ противномъ-же случаѣ онъ, безъ сомнѣнія, вѣрнѣе-бы обсудилъ вопросъ объ ихъ пищѣ. Нѣкоторые другіе писатели замѣтили ошибку, допущенную старыми натуралистами, и между ними прежде всего слѣдуетъ назвать Бадье, который первый указалъ на то, что колибри питаются насѣкомыми.

Этотъ натуралистъ еще въ 1778 году писалъ, что для него совершенно понятно, почему всѣ колибри, которыхъ кормили сахарной водой и сиропомъ, въ скоромъ времени околѣвали, такъ какъ они только случайно проглатываютъ медовый сокъ изъ цвѣтовъ, а въ дѣйствительности питаются очень маленькими жучками, которые держатся на днѣ вѣнчика и ѣдятъ находящійся тамъ медъ. Онъ убивалъ и анатомировалъ различныхъ колибри и у всѣхъ находилъ въ желудкѣ остатки жуковъ и пауковъ. Двухъ колибри онъ содержалъ въ неволѣ и въ теченіи шести недѣль кормилъ патокой и мелкотолченными сухарями; но они дѣлались все слабѣе и слабѣе и скоро умерли, а при изслѣдованіи оказалось, что въ ихъ пустыхъ кишкахъ находился кристаллическій сахаръ. Брандесъ около того-же времени переводилъ естественно-историческое описаніе Чили, составленное Молиною, и припелъ къ тому-же убѣжденію, какъ и Бадье. Болѣе подробныя свѣдѣнія сообщилъ Вильсонъ въ 1810 году. «До сихъ поръ предполагали», говоритъ онъ, «что колибри питаются сладкимъ сокомъ растеній, и только одинъ или два наблюдателя замѣтили, что они находили кусочки насѣкомыхъ въ желудкѣ этихъ птицъ, при чемъ появленіе ихъ объясняли случайностью. Вслѣдствіе трудности наблюденія и анатомированія колибри для еврейцевъ, мнѣніе это сдѣлалось всеобщимъ. Я со своей стороны могу говорить объ этомъ вопросѣ съ нѣкоторою увѣренностью. Въ прекрасные лѣтніе вечера мнѣ случалось видѣть, какъ колибри по получасу гонялись за мелкими, носящимися въ воздухѣ насѣкомыми, какъ это дѣлаютъ у насъ мухоловки, но съ такою ловкостью въ полетѣ, которая далеко превосходитъ нашихъ отечественныхъ птицъ. Я анатомировалъ большое количество этихъ птичекъ и разсматривалъ содержимое ихъ желудка въ увеличительное стекло, и въ трехъ случаяхъ изъ четырехъ находилъ, что это содержимое состояло изъ мелкихъ кусочковъ насѣкомыхъ, причѣмъ часто случалось находить, правда, очень маленькихъ жучковъ цѣликомъ. Наблюденія моихъ друзей вполне согласуются съ моими. Всѣ знаютъ очень хорошо, что колибри особенно любятъ большіе цвѣты, похожіе на колокольчики, но именно эти цвѣты и служатъ мѣстопробываніемъ мелкихъ насѣкомыхъ».

Буллокъ (1825) вполне согласенъ съ мнѣніемъ Вильсона. «Очень возможно», говоритъ онъ, «что всѣ виды колибри ѣдятъ насѣкомыхъ, но что нѣкоторые изъ нихъ такъ питаются, это я навѣрно знаю. Я внимательно слѣдилъ за тѣмъ, какъ они гоняются за своей маленькой добычей, и видѣлъ это какъ въ ботаническомъ саду въ Мексикѣ, такъ и въ палисадникѣ одного дома въ Тагуанъ Тэнэксъ; здѣсь одинъ изъ колибри совершенно завладевалъ цвѣтущимъ померанцевымъ деревомъ, сидѣлъ на вѣткахъ его по цѣлымъ днямъ и съ удивительною ловкостью хваталъ мелкихъ мошекъ, которыя подлетали къ цвѣтамъ. Мнѣ также очень часто случалось видѣть, какъ эти птицы ловили на лету мухъ и другихъ насѣкомыхъ и при ана-

томированіи находилъ остатки ихъ въ желудкахъ колибри. Въ одномъ домѣ въ Ялап-пѣ, дворъ котораго былъ похожъ на цвѣтущій садъ, я часто съ удовольствіемъ наблюдалъ колибри, какъ они занимались своей охотой между многочисленными, находящимися тамъ паутинами. Они осторожно направлялись въ лабиринтъ сѣтей и отдѣльных нитокъ паутины, чтобы тамъ схватывать пойманныхъ мухъ; но такъ какъ крупныя пауки не были склонны добровольно отдавать свою добычу, то пришельцы часто принуждены бывали отступать. Ловкія маленькія птички при появленіи своемъ сначала разъ или два раза облетали дворъ кругомъ, какъ бы желая ознакомиться со своимъ охотничьимъ райономъ; послѣ этого они начинали свое нападеніе, осторожно летая между сѣтями хитрыхъ пауковъ, а затѣмъ внезапно бросались на маленькихъ, попавшихъ въ паутину мухъ. Каждое движеніе ихъ требовало большой осторожности, такъ какъ часто у нихъ едва хватало мѣста, чтобы развернуть крылья, и каждое неловкое движеніе заставляло бы и ихъ запутаться въ паутину. Впрочемъ они могли заняться только изслѣдованіемъ сѣтей маленькихъ пауковъ, такъ какъ крупныя виды тотчасъ прибѣгали, чтобы защитить свою паутину. Въ такихъ случаяхъ видно было, какъ птица улетала съ быстротой стрѣлы. Обыкновенно колибри достаточно было около 10 минутъ, чтобы изслѣдовать паутины всего двора».

Изъ нѣмцевъ принцъ фонъ Видъ первый коснулся вопроса о питаніи колибри. «Не ознакомившись еще съ вышеупомянутыми извѣстіями о томъ, что колибри питаются насѣкомыми, я уже высказался объ этомъ вопросѣ при описаніи моего путешествія по Бразиліи (1821), а затѣмъ въ журналѣ Изисъ (1822). Я вполне убѣжденъ въ справедливости мнѣній Вильсона и Буллока, такъ какъ желудокъ даже самыхъ маленькихъ колибри оказывался наполненнымъ остатками насѣкомыхъ, а цвѣточного сока я въ немъ никогда не находилъ. Пища ихъ состоитъ, по моему мнѣнію, изъ маленькихъ жучковъ, пауковъ и разныхъ насѣкомыхъ, а языкъ ихъ не представляетъ собою трубочки, способной для сосанія. Два кожистыхъ кончика этого языка очень хорошо приспособлены для ошуныванія крошечныхъ насѣкомыхъ на днѣ цвѣтовъ, а также для того, чтобы схватывать ихъ и доставлять въ клювъ. При изслѣдованіи желудка этихъ маленькихъ птичекъ скоро убѣждаешься въ справедливости только что сказаннаго, такъ какъ обыкновенно онъ бываетъ полонъ остатками маленькихъ жучковъ. Въ сочиненіи Лессона сказано, что колибри, содержимыхъ въ клѣткахъ, кормили медомъ и растительными соками, но это не служитъ доказательствомъ того, что они и на свободѣ питаются этою пищею. Впрочемъ вышеназванный ученый путешественникъ, повидимому, въ послѣдствіи также присоединился къ моему мнѣнію. Англичанинъ Ревни недавно высказался также согласно съ моими наблюденіями, и то, что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, совершенно вѣрно».

Почти одновременно съ книгой принца фонъ-Видъ (1831) появилось превосходное сочиненіе Одубона. Тамъ мы находимъ слѣдующія слова: «пища колибри состоитъ преимущественно изъ насѣкомыхъ, главнымъ образомъ изъ жуковъ; ихъ, вмѣстѣ съ маленькими двукрылыми, обыкновенно находятъ въ желудкѣ колибри. Жуковъ они хватаютъ съ цвѣтовъ, а мухъ ловятъ на лету. Колибри можно считать птицей, которая очень ловко ловитъ насѣкомыхъ на лету. Сладкій сокъ и медъ, который они высасываютъ изъ различныхъ растений, безъ сомнѣнія, недостаточенъ для ихъ питанія, и, можетъ быть, служитъ только для утоленія жажды. Я узналъ, что тѣ колибри, которые содержались въ неволѣ и которыхъ кормили медомъ и сахаромъ, рѣдко выживали болѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ и, когда ихъ анатомировали послѣ смерти, то находили въ высшей степени исто-

щенными. Другіе же колибри, которымъ два раза въ день приносили свѣжіе цвѣты изъ лѣсовъ и садовъ, и клѣтки которыхъ были покрыты мелкою сѣтью, куда могли проникать мелкія насѣкомыя, жили въ неволѣ двѣнадцать мѣсяцевъ и болѣе и были затѣмъ въ здоровомъ состояніи выпущены на свободу».

Изъ новѣйшихъ наблюдателей объ этомъ предметѣ подробно говорятъ Гессе и Бурмейстеръ. «Колибри питаются», говоритъ первый изъ нихъ (1847), «какъ я убѣдился изъ собственныхъ наблюденій, почти исключительно насѣкомыми. Я допускаю, что они вмѣстѣ съ тѣмъ пьютъ и сладкій сокъ цвѣтовъ и знаю, что въ неволѣ ихъ можно нѣкоторое время продержатъ, кормя медомъ и сахаромъ; но что они могутъ довольствоваться исключительно этой пищей и сохранять при этомъ свою силу, я рѣшительно сомнѣваюсь. Я анатомировалъ многіе виды колибри, живущіе на Ямайкѣ, и постоянно находилъ маленькій желудокъ, наполненнымъ черной массой, которая была очень похожа на содержимое желудка нашихъ мелкихъ славокъ; при ближайшемъ изслѣдованіи оказывалось, что эта масса состоитъ изъ остатковъ мелкихъ насѣкомыхъ. Наблюденіе Вильсона, что обыкновенный колибри ловитъ насѣкомыхъ на лету, я подтвердилъ на тѣхъ видахъ, которые живутъ на Ямайкѣ. Я видѣлъ, какъ колибри манго поздно вечеромъ леталъ надъ вершинами деревьевъ, на которыхъ цвѣтовъ не было, и изъ направленія его полета я могъ заключить, что онъ ловитъ мелкихъ насѣкомыхъ. Быстрые повороты во время полета хохлатого колибри слѣдуетъ объяснить также ловлею насѣкомыхъ. Одного изъ этихъ колибри, который былъ занятъ охотой, я имѣлъ случай наблюдать очень близко, замѣчалъ даже маленькихъ мухъ, за которыми онъ гонялся, и нѣсколько разъ слышалъ хлопанье челюстей его клюва». Лордъ наблюдалъ вблизи Кордильерскаго хребта одного колибри, который въ обществѣ съ другими былъ занятъ тѣмъ, что хваталъ мелкихъ насѣкомыхъ, прилипшихъ къ клейкому соку, вытекавшему изъ ствола дерева. Различныя мелкія насѣкомыя, которыя думали полакомиться этимъ сокомъ, застряли въ немъ и не могли освободиться; колибри очень скоро замѣтили и прилетѣли въ большомъ количествѣ, чтобы воспользоваться этой легкой добычей.»

Я на предыдущихъ страницахъ намѣренно сообщилъ выписки изъ сочиненій хорошихъ натуралистовъ по вопросу о пищѣ колибри, но долженъ замѣтить, что одно сообщеніе изъ вышесказаннаго требуетъ еще подтвержденія. Теперь едва ли кто можетъ повѣрить, что колибри высасываютъ сокъ изъ цвѣтовъ, но нижеслѣдующее свѣдѣніе, приводимое Бурмейстеромъ, еще возбуждаетъ новый вопросъ. Этотъ натуралистъ, какъ при описаніи своего путешествія, такъ и въ своемъ систематическомъ изображеніи фауны Бразиліи, положительно утверждаетъ, что колибри никогда не ловятъ насѣкомыхъ на лету. Онъ соглашается съ Буллокомъ относительно того, что колибри хватаютъ пауковъ, но съ большою увѣренностью отрицаетъ справедливость согласныхъ между собою мнѣній вышеназванныхъ натуралистовъ, съ сочиненіями которыхъ онъ, безъ сомнѣнія, знакомъ. «Я самъ видалъ», говоритъ онъ, «какъ колибри схватываютъ маленькихъ мухъ съ паутинъ, нарядъ надъ ними точно такъ, какъ и надъ цвѣтами, и могъ ясно рассмотреть, какъ птичка, то подвигаясь къ паутинѣ, то отдаляясь отъ нея, выклеивала изъ паутинны одну муху за другой. Пауки рѣдко мѣшаютъ птицамъ въ этомъ занятіи и даже причутся, такъ какъ, если они неосторожно покажутся, то колибри не задумается и ихъ схватить, особенно маленькихъ. Питаніе колибри насѣкомыми такимъ образомъ вполне доказано, и въ этомъ теперь никто не можетъ сомнѣваться. Но колибри никогда не ловятъ насѣкомыхъ на лету, а именно вслѣдствіе того, что они не могутъ этого дѣлать, они принуждены вытаскивать ихъ изъ вѣнчиковъ цвѣтовъ. При этомъ

попадаетъ къ нимъ на языкъ и медь, но это, безъ сомнѣнія, только приправа, а не главная цѣль ихъ поисковъ языкомъ на днѣ цвѣтковь. Слѣдовательно поэтическое выраженіе, что колибри цѣлуетъ цвѣты, не вполне справедливо. Колибри не довольствуется поцѣлуемъ, а въ цвѣтахъ ищетъ и пропитанія. Почему эти маленькія птички не ловятъ свою добычу на лету, какъ это дѣлаютъ многіе наши пташки, легко объяснить себѣ, если сравнить тонкій, длинный, съ узкимъ отверстиемъ клювъ колибри съ широкимъ короткимъ клювомъ ласточки. Всѣ птицы, которыя ловятъ насѣкомыхъ на лету, имѣютъ короткій, плоскій клювъ, широкій зѣвъ и длинныя щетинки у угловъ рта. Мы замѣчаемъ, что признаки эти находятся въ прямомъ отношеніи съ величиною добычи и ловкостью, съ которой птицы хватаютъ ее. Поэтому птица, у которой, какъ у колибри, клювъ имѣетъ признаки совершенно противоположные тремъ вышепозваннымъ, не можетъ ловить насѣкомыхъ на лету: она должна ихъ вытаскивать изъ щелей древесныхъ стволовъ, какъ это дѣлаютъ дятлы, или хватать со дна цвѣтвъ, какъ это мы замѣчаемъ у колибри. Въ обоихъ случаяхъ необходимъ длинный языкъ, который у дятловъ прикрѣпленъ къ длиннымъ нитевиднымъ отросткамъ язычной кости, и у колибри имѣетъ почти такое же строеніе». Изъ этихъ словъ Бурмейстера ясно видно, что онъ не наблюдаетъ, какъ колибри ловитъ насѣкомыхъ на лету, но ничего другого изъ его сообщенія вывести нельзя. Вильсонъ, Одюбонъ и Госсэ слишкомъ хорошіе наблюдатели, чтобы можно было сомнѣваться въ достоверности сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

Страна и мѣстность, гдѣ живутъ колибри, растущіе тамъ и доставляющіе имъ пищу цвѣты и другія вышнія условія имѣютъ, конечно, большое вліяніе на образъ жизни различныхъ колибри, но и привычки отдѣльныхъ видовъ между собою довольно значительно отличаются. Почти всѣ колибри настоящіе дневныя птицы: они любятъ жару, не прячутся въ тѣни и потому сильно страдаютъ во время холода. Нѣкоторые путешественники замѣтили противоположное, но Соссюръ увѣряетъ, что по крайней мѣрѣ въ Мексикѣ онъ никогда не видѣлъ, чтобы колибри летали въ большихъ темныхъ и тѣнистыхъ лѣсахъ, а всегда замѣчалъ ихъ, даже въ жаркое полуденное время, на открытыхъ мѣстностяхъ, не густо усѣянныхъ кустами и цвѣтущими растеніями; здѣсь они летали больше всего, когда солнце ярко свѣтило. Когда агавы находятся въ полномъ цвѣту, то вѣтви этихъ крупныхъ растеній, которыя высоко надъ поверхностью земли покрыты яркими цвѣтами, всегда окружены даже въ жаркое полуденное время цѣлыми роями колибри. То же самое мы замѣчаемъ на поляхъ кукурузы, когда это растеніе цвѣтетъ; въ извѣстные часы дня все поле кишитъ колибри и вездѣ слышно ихъ жужжаніе и слабое чириканье, а также видно трепетаніе ихъ крыльевъ. Несмотря на это, многіхъ изъ колибри слѣдуетъ считать сумеречными птицами, которыя вылетаютъ на добычу только въ утренніе и вечерніе часы, а во время полудня отдыхаютъ въ тѣни большихъ деревьевъ. Уатертонъ и Шомбургкъ говорятъ о топазовомъ колибри, что онъ дѣятеленъ только въ прохладныя часы дня и боязливо избѣгаетъ солнечныхъ лучей. Принцъ фонъ-Видъ рассказываетъ о другомъ колибри, что онъ выдалъ его по преимуществу по утрамъ, какъ онъ на солнцѣ сушилъ свои перышки. Ямайскій карликовый колибри, какъ шмель порхаетъ надъ низкими растеніями у самой земли и только въ рѣдкихъ случаяхъ поднимается на значительную вышину, между тѣмъ какъ исполинскій колибри, напротивъ того, очень часто летаетъ высоко надъ землею. Цвѣтущее дерево привлекаетъ различные виды колибри, и если нѣкоторое время побыть подъ такимъ деревомъ, то можно въ теченіи одного часа увидѣть большую часть встрѣчающихся въ этой мѣстности колибри.

Нѣкоторые путешественники, между ними Спиксъ и Мартусъ, говорятъ о цѣлыхъ рояхъ колибри, другіе-же утверждаютъ, что колибри появляются лишь по

одиночекъ. «Я могу изъ собственнаго опыта сказать», говоритъ принцъ фонъ-Видъ, «что оба эти мнѣнія вѣрны, такъ какъ часто мы въ теченіи нѣсколькихъ минутъ убивали очень много колибри одного и того-же вида около цвѣтущаго дерева, хотя обыкновенно они показываются только по-одиночекъ». Штедманъ рассказываетъ, что около нѣкоторыхъ деревьевъ онъ видѣлъ разомъ такую массу колибри, что слышно было общее жужжаніе, какъ отъ цѣлаго роя осъ. То-же самое рассказывалъ мнѣ Рэлы, который болѣе двадцати лѣтъ жилъ въ Венецуэлѣ; онъ, впрочемъ, замѣчалъ, что такое появленіе колибри цѣлыми роями происходитъ только тогда, когда дерево въ началѣ эпохи цвѣтенія внезапно покрывается большимъ количествомъ цвѣтовъ. Обыкновенно-же колибри появляются лишь одинъ за другимъ, причемъ каждый экземпляръ остается на одномъ мѣстѣ только очень короткое время. «Нетерпѣніе ихъ», говоритъ Азара, «слишкомъ велико, чтобы оставаться долго на одномъ мѣстѣ и обыскивать цѣлое дерево». Они напоминаютъ, по мнѣнію Рэля, пчелу, однако между этими послѣдними и колибри замѣтно довольно большое различіе. «Пчела есть олицетвореніе прилежанія и обдуманнаго трудолюбія. Даже и безъ тяжелой ноши она тихо летаетъ между цвѣтами и осторожно ихъ изслѣдуетъ, пролѣзаетъ съ нѣкоторымъ трудомъ въ чашечки цвѣтовъ и выходитъ оттуда вел осыпанная пылью, какъ мельникъ мукою: тотчасъ видно, что она работница и художникъ. Колибри, напротивъ того, выказываетъ себя какъ беззаботный гуляка и лакомка». Почти то-же самое говоритъ и Бэтсъ.

«Въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ», пишетъ намъ Гессе, «хохлатый колибри встрѣчается необыкновенно часто. Я полагаю, что не ошибусь, если стану утверждать, что видалъ ихъ болѣе ста на небольшомъ пространствѣ въ теченіи одного утра. Изъ этого однако не слѣдуетъ заключать, что они живутъ обществами; хотя видишь, что три или четыре птички въ одно и то же время кружатся около одного и того-же куста, но какого-либо общенія между ними не замѣчаешь. Каждая изъ нихъ дѣйствуетъ по своей собственной волѣ и исключительно занята личнымъ своимъ дѣломъ. Иногда видишь почти однихъ только самцовъ, иногда-же оба пола появляются вмѣстѣ, но настоящее сообщество обонхъ половъ можно замѣтить лишь около гнѣзда. Два самца одного и того-же вида никогда не могутъ мирно встрѣтиться, но тотчасъ начинаютъ между собой ссору и драку; нѣкоторые даже ссорятся со всякимъ появившимся вблизи колибри, а также и со многими другими птицами. Объ ихъ любви къ дракамъ часто уже говорили; и на самомъ дѣлѣ нельзя себѣ представить, чтобы два колибри одного и того-же вида мирно обыскивали одновременно цвѣты одного и того-же дерева. Колибри манго гоняется за всѣми другими птицами этого вида, которыя появляются вблизи него. Однажды я былъ свидѣтелемъ поединка между двумя такими птицами, причемъ бой велся съ большимъ ожесточеніемъ и продолжался долѣе, чѣмъ обыкновенно. Это случилось въ саду, гдѣ было два цвѣтущихъ дерева: одинъ манго посѣщала одно изъ нихъ правильно въ теченіи нѣсколькихъ дней. Въ то утро, когда происходилъ бой, явился другой манго и тогда началось зрѣлище, которое привлекло все мое вниманіе. Обѣ птицы гонялись другъ за другомъ въ лабиринтѣ между вѣтками и цвѣтами и одна изъ нихъ съ видимою яростью нападала по временамъ на другую. Тогда слышенъ былъ громкій шумъ отъ дрожанія ихъ крыльевъ и обѣ птицы кружились другъ около друга, пока, наконецъ, не спускались почти до земли. Это дѣлалось такъ скоро, что трудно было слѣдить за движеніями противниковъ. Наконецъ очень близко отъ меня одинъ колибри схватилъ другого около клюва и оба, кружась, упали почти отвѣсно внизъ. Здѣсь они оставили другъ друга и одинъ прогналъ противника шаговъ на сто въ сторону, съ очевидною радостью по поводу своей побѣды вернулся на старое мѣсто,

сбѣлъ на выдающуюся вѣтку и по своему громко зашѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ побѣжденный вернулся назадъ, сталъ вызывающимъ образомъ кричать и бой начался снова. Замѣтно было, что этотъ поединокъ былъ вполне серьезный, такъ какъ одна изъ птицъ очевидно боялась другой и спасалась, когда та ее преслѣдовала, но все-же черезъ нѣкоторое время не могла противостоять искушенію снова начать драку. Во время отдыха среди боя, когда одинъ изъ противниковъ отдыхалъ, я видѣлъ, что онъ открывалъ клювъ, какъ-бы усиленно дыша. Иногда драка прекращалась на нѣкоторое время, и обѣ птицы занимались обыскиваніемъ нѣсколькихъ цвѣтовъ, но какъ только онѣ другъ къ другу приближались, такъ ссора снова возобновлялась. Маленькая птичка питниль (*Certhiola flavicola*), которая прыгала среди цвѣтовъ, иногда съ удивленіемъ поглядывала на обонхъ противниковъ, но когда одинъ колибри прогналъ другого, то питниль бросился на побѣдителя и тотъ долженъ былъ самъ обратиться въ бѣгство. Этотъ поединокъ, который состоялъ изъ цѣлага ряда отдѣльныхъ боевъ, продолжался цѣлый часъ».

Сальвинъ увѣряетъ, что нѣкоторые колибри мѣшаютъ охотнику своею драчливостью, такъ какъ прогоняютъ всѣхъ родичей, которые приближаются къ дереву, гдѣ они поселились. «Мнѣ казалось», говоритъ онъ, «что споры и драки составляютъ ихъ главное занятіе. Какъ только одинъ колибри свывалъ свой длинный клювъ въ цвѣтокъ, то другой колибри выказывалъ къ этому-же цвѣтку свое расположеніе и тотчасъ начиналась драка. Иногда они летали другъ около друга и высоко поднимались на воздухъ, блестя своимъ металлическимъ опереніемъ, точно двѣ искры изъ одной головешки». Въ сравненіи со своей крошечной величиной, это въ высшей степени раздражительныя и гнѣвныя созданія. Они вовсе не признаютъ своей слабости, но такъ самоувѣренны, смѣлы и дерзки, что даже, когда имъ это кажется необходимымъ, нападаютъ и на другихъ животныхъ. Они бросаются съ яростью на маленькихъ совъ, довольно большихъ соколовъ и даже съ очевидною дерзостью приближаются къ человѣку. Вблизи своего гнѣзда они поднимаются на воздухъ на значительную высоту и оттуда стремительно падаютъ внизъ съ своеобразнымъ свистомъ, происходящимъ отъ быстрого движенія ихъ крыльевъ. При этомъ они стараются упасть какъ можно ближе къ предмету, возбудившему ихъ гнѣвъ, очевидно желая его напугать; впрочемъ, иногда они прямо вступаютъ въ драку и стараются употребить въ дѣло, какъ только могутъ, свой длинный и тонкій клювъ. Вудлокъ, который также рассказываетъ объ ихъ нападеніяхъ на соколовъ, полагаетъ, что они направляютъ свой острый какъ игла клювъ на глаза другихъ птицъ и этимъ заставляютъ тѣхъ обратиться въ бѣгство. На самомъ дѣлѣ это происходитъ, вѣроятно, такъ: соколъ въ борьбѣ съ ними теряетъ мужество, потому что, вслѣдствіе ихъ быстрыхъ движеній, не можетъ ихъ разсмотрѣть и, несмотря на свое сильное оружіе, чувствуетъ и относительно ихъ свою безпомощность. Въ высшей степени интересно, должно быть, видѣть, какъ столь большія птицы обращаются въ бѣгство малозамѣтными карликами.

Кромѣ времени гнѣздованія, когда колибри храбро нападаютъ на каждое живое существо, приближающееся къ ихъ гнѣзду, птицы эти относятся въ высшей степени доврчиво къ человѣку. Онѣ вовсе не пугливы, дозволяютъ разсмотрѣть себя вблизи, спокойно летаютъ туда и сюда передъ самымъ лицомъ наблюдателя и совершенно беззаботны, пока человѣкъ стоитъ спокойно. Госсе говоритъ, что онѣ очень любопытны и тотчасъ приближаются къ предмету, который привлекаетъ ихъ вниманіе; Гундлахъ рассказываетъ, что онѣ часто обыскиваютъ цвѣты букета, который дамы держатъ въ рукахъ; Одюбонъ и послѣ него Вурмейстеръ сообщаютъ, что колибри часто прилетаютъ въ комнаты, привлеченные поставленными тамъ букетами.

Сальвинъ видѣлъ, какъ самецъ одной пары, которая собиралась строить гнѣздо, хватать вату почти изъ рукъ человѣка; принцъ фонъ-Видъ наблюдалъ, что колибри выстроили гнѣздо въ комнатѣ, куда имѣли свободный доступъ.

Нынѣ еще не вполне извѣстно, остаются-ли пары соединенными въ теченіи всего года или оба пола сходятся только во время гнѣздованія. Выводятъ они дѣтенышей въ различное время, смотря по мѣстности. Тѣ виды, которые перелетны, строятъ гнѣзда весною, а тѣ виды, которые живутъ въ средней Америкѣ, дѣлаютъ это тогда, когда наибольшее число растеній находятся въ цвѣту. У нѣкоторыхъ видовъ, повидимому, гнѣздованіе вовсе не связано съ извѣстнымъ временемъ года: Госсе положительно утверждаетъ, что онъ во все мѣсяцы находилъ гнѣзда съ яйцами хохлатого колибри. «По моимъ наблюденіямъ», говоритъ онъ, «большинство колибри выводятъ дѣтенышей въ іюнѣ, между тѣмъ какъ Гиль говоритъ, что это чаще всего происходитъ въ январѣ. По всей вѣроятности, большинство видовъ кладутъ яйца два раза въ годъ».

Любовь возбуждаетъ и колибри. Во время спариванія они еще живѣе и еще драчливѣе, чѣмъ обыкновенно. «Ничто не можетъ дать понять объ ярости», говоритъ Буллокъ, «которую выказываетъ колибри, когда другой самецъ приближается къ гнѣзду въ то время, когда пара занята устройствомъ его или высиживаньемъ дѣтенышей. Подъ влияніемъ ревности они приходятъ въ состояніе бѣшенства и такъ дерутся между собой, что одинъ изъ противниковъ падаетъ мертвымъ на землю. Разъ я видѣлъ такой бой, который происходилъ во время очень сильнаго дождя, каждая капля котораго, по моему мнѣнію, была достаточна, чтобы пришибить одного изъ бойцовъ». Одюбонъ очень краснорѣчиво описываетъ ухаживаніе колибри за самкою. «Я бы отъ души желалъ», говоритъ онъ, «раздѣлить съ другими лицами наслажденіе, которое я испытывалъ, наблюдая за тѣмъ, какъ эти милыя птички во время спариванья объяснялись въ любви и выказывали другъ другу свое расположеніе. Самецъ нахохливаетъ перышки и выпячиваетъ зобъ, опускаетъ маховыя перья, танцуетъ и кружится около самочки; вдругъ онъ быстро наклонится къ цвѣтамъ, наберетъ въ клювъ какъ можно больше пицци и подчуетъ ея свою подругу. Какъ онъ счастливъ, когда она благосклонно относится къ его нѣжностямъ! Какъ мило онъ помахиваетъ надъ нею крылышками, какъ будто она представляетъ изъ себя цвѣтокъ! Какъ усердно онъ ее кормитъ насѣкомыми, которыхъ нарочно ловитъ для нея! Все эти знаки вниманія очевидно съ удовольствіемъ принимаются самкою и ухаживаніе оканчивается спариваніемъ. Послѣ этого заботливость и мужество самца еще увеличиваются. Онъ тогда вступаетъ въ бой даже съ тиранномъ, преслѣдуетъ до самыхъ гнѣздъ синяго дрозда и пурпуровую ласточку, и затѣмъ, радостно трепеща крыльями, съ видомъ побѣдителя возвращается къ своей подругѣ. Впрочемъ, гораздо легче наблюдать, чѣмъ описывать, какъ самецъ колибри выказываетъ самкѣ свою привязанность, какъ онъ въ это время внимателенъ и храбръ, какъ онъ ухаживаетъ за ней, когда она уже сидитъ на яйцахъ!»

Все виды колибри вьютъ сходныя гнѣзда и кладутъ лишь по два бѣловатыхъ, длинныхъ и, относительно говоря, большихъ яйца. «Сходство этихъ маленькихъ и красивыхъ гнѣздъ такъ велико», говоритъ Бурмейстеръ, «что я нахожу излишнимъ описывать ихъ въ отдѣльности, хотя каждый видъ, относительно матеріала для постройки гнѣздъ, имѣетъ свои особенности. Однако различіе это слѣдуетъ скорѣе приписать мѣстнымъ условіямъ, именно находящимся въ данной мѣстности вещамъ, изъ которыхъ можно строить гнѣздо».

«Общіе признаки всехъ этихъ гнѣздъ примѣрно слѣдующіе: главнымъ матеріаломъ для постройки служить растительный хлопокъ, но далеко не всегда на-

стоящая вата; къ этому хлопку примѣшиваются другія твердыя растительныя вещества, на примѣръ древесныя лишай, сухія нѣжныя травы и бурья чешуйки папоротниковыхъ вай. У нѣкоторыхъ гнѣздъ мы встрѣчаемъ все эти матерьялы вмѣстѣ, а у другихъ только нѣкоторые изъ нихъ. Лишай, которые употребляются въ дѣло, бываютъ очень различны, но каждый видъ колибри, повидному, предпочитаетъ извѣстный сортъ лишая другимъ и только его и употребляетъ при постройкѣ гнѣзда. Самымъ удивительнымъ гнѣздомъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ считать постройку одного солнечнаго колибри (*Phaetornis eurynome*), гнѣздо котораго свито изъ нѣжныхъ стебельковъ мха и листьевъ безъ всякаго хлопка; гнѣздо это снизу оканчивается очень вытянутымъ остриемъ и для его постройки между прочимъ употребляется красный бразилскій лишай; гнѣздо это получаетъ поэтому снаружи очень красивый видъ, но что еще страннѣе — красящее вещество, заключающееся въ лишай, выдѣляется вслѣдствіе теплоты насаживающей птицы и окрашиваетъ даже яички въ ярко-пунцовый цвѣтъ, что въ высшей степени поражаетъ натуралиста, который находитъ подобное гнѣздо. Особенно удивительна равномерность и яркость окрашиванья этихъ яичекъ: на нихъ незамѣтно ни свѣтлыхъ, ни темныхъ пятенъ, несмотря на то, что лишай не служитъ равномерной подстилкой для всей внутренней подстилки гнѣзда; онъ, какъ и у другихъ видовъ, только примѣшенъ ко мху и вилетенъ такъ, что только одинъ конецъ входитъ внутрь, а другой виситъ снаружи гнѣзда въ видѣ мягкой лопасти. Замѣчательно также по постройкѣ гнѣздо **Бѣлошейнаго колибри** (*Argytria albicolis*). Поверхность его покрыта свѣтло-зеленовато-сѣрымъ лишаемъ, который расположенъ такъ, что образуетъ собой точно черенцы кровли. Бурья чешуйки папоротниковъ обыкновенно также влетаются въ гнѣздо лишь до половины, другая-же половина чешуйки виситъ снаружи и придаетъ ему буро-мохнатый видъ, но густо покрываютъ гнѣздо лишь на верхнемъ краю около отверстія, между тѣмъ, какъ лишай покрываютъ снаружи все гнѣздо. Кромѣ того я находилъ въ гнѣздѣ тонкіе и вывѣтрившіеся ростки различныхъ растений и маленькіе стебельки, которые были смѣшаны съ хлопкомъ, но въ большинствѣ случаевъ этихъ веществъ было меньше и они встрѣчались не такъ часто, какъ древесныя лишай и сухія чешуйки папоротниковъ».

«Гнѣзда колибри отличаются не только по постройкѣ своей, но и по мѣсту, гдѣ они устраиваются, и по расположенію, при чемъ нѣкоторые виды постоянно строятъ гнѣзда на одинаковыхъ мѣстахъ. На примѣръ, гнѣздо бѣлошейнаго колибри, которое можно видѣть даже въ садахъ предмѣстья города Рио-де-Жанейро, устраивается всегда на горизонтальной раздваивающейся вѣткѣ. Оно какъ-бы вдвинуто сверху въ развилину, такъ что вѣтки отъ него продолжаютъ въ горизонтальномъ или немного наклонномъ кверху направленіи. Я находилъ много такихъ гнѣздъ и, какъ мяѣ кажется, замѣтилъ, что птица выбираетъ дерево съ нѣкоторою обдуманностью, при чемъ она предпочитаетъ извѣстнаго рода деревья и на другихъ гнѣздѣ не строить. Другой видъ прикрѣпляетъ гнѣзда только на огромныхъ ваяхъ древесныхъ папоротниковъ, образующихъ большія дуги; папоротники эти растутъ въ большомъ количествѣ на топчей почвѣ въ горахъ, но преимуществу на заброшенныхъ пахатныхъ поляхъ. Птичка строитъ свое гнѣздо подъ вайей томъ мѣстѣ, гдѣ кончики загибается внизъ, крѣпко связывая своей постройкой расходящіяся части вай, такъ что гнѣздышко помѣщено въ зеленой сумочкѣ. Большинство видовъ однако втискиваютъ свое гнѣздо между отвѣсно торчачими содоминнами или тонкими вѣтвями. Я собралъ нѣсколько такихъ гнѣздъ, которые расположены между крѣпкими стеблями различныхъ дикихъ злаковъ, такъ что нѣ-

колько соломинокъ служить для нихъ подставками. Нѣкоторыя, напротивъ того, свиты очень некрѣпко и нетвердо прикрѣплены къ вѣтвямъ, такъ что мнѣ было очень трудно ихъ сохранить въ естественномъ видѣ, не испортивши самое гнѣздышко. Одинъ видъ колибри вьетъ гнѣздо изъ тонкихъ корневыхъ волоконъ и далеко не такъ плотно, какъ прочіе виды».

Шомбургкъ говоритъ, что гнѣздо топазоваго колибри обыкновенно расположено на вилобразномъ развѣтвленіи деревцевъ, которыя наклоняются надъ рѣкой, или на висящихъ стволахъ вьющихся растеній. «Снаружи гнѣздо имѣетъ цвѣтъ дубленой кожи и построено изъ массы, похожей на трутъ. Чтобы яички или птенцы не вывалились изъ этого гнѣзда, когда вѣтеръ качаетъ тонкія вѣтви, осторожные родители снабдили гнѣздо широкой каймой, край которой загнуть внутрь». Изъ наблюденій Сальвина оказывается, что по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ видовъ колибри самецъ участвуетъ въ устройствѣ гнѣзда, такъ какъ тотъ колибри, который на его глазахъ схватилъ комокъ ваты почти изъ подъ-рукъ, былъ самецъ. Въ большинствѣ-же случаевъ главную часть работы, повидимому, исполняетъ самка; объ этомъ намъ повѣствуетъ Госсе по собственнымъ наблюденіямъ. Онъ разсказываетъ, что при отыскиваніи гнѣздъ и яицъ онъ вдругъ услышалъ шумъ отъ полета колибри и увидалъ самку, которая несла въ клювъ большое количество растительнаго хлопка. «Испугавшись моего появленія, она отлетѣла на нѣсколько шаговъ и сѣла на вѣтку дерева. Я ушелъ между камнями на землю и не двигался съ мѣста. Черезъ нѣсколько мгновеній колибри опять прилетѣла, побывъ короткое время за однимъ изъ камней, а затѣмъ поднялась и опять исчезъ. Я изслѣдовалъ мѣсто, куда онъ спустился, и замѣтилъ, къ великой моей радости, еще не вполне готовое гнѣздо, которое я могъ видѣть изъ своего убѣжища. Тогда я сталъ, не двигаясь, ждать возвращенія птички, и мнѣ пришлось ждать недолго. Громкое «виррр» указало мнѣ, что самка прилетѣла, и я увидалъ ее, парящую на воздухѣ надъ гнѣздомъ. Она меня замѣтила и въ то-же мгновеніе подлетѣла ко мнѣ на разстояніе полъ-метра отъ лица, но я продолжалъ сидѣть очень смирно. Птичка ушлась на вѣтку, стала приводить въ порядокъ свои перышки, очистила клювъ отъ волоконъ хлопка, наконецъ поднялась и полетѣла къ скалѣ, на которой была густо покрыта нѣжнымъ сухимъ мхомъ. Здѣсь она держалась на воздухѣ посредствомъ крыльевъ, какъ передъ цвѣткомъ, и начала выщипывать мохъ, пока не набрала себѣ въ клювъ порядочный пучекъ его. Затѣмъ она подлетѣла къ гнѣзду, ушлась на край его и стала старательно вилетать новый матеріалъ въ недокояченое гнѣздо: она прижимала мохъ своимъ клювомъ, вивхивала стебельки въ стѣнку гнѣзда, приводила въ порядокъ кончики стебельковъ и одновременно съ этимъ округляла углубленіе, прижималась грудью и кружась въ гнѣздѣ. Присутствіе мое, повидимому, ей не служило препятствіемъ, хотя я сидѣлъ на разстояніи только нѣсколькихъ метровъ. Наконецъ птичка улетѣла и я также оставилъ мѣсто наблюденія. 8-го апрѣля я снова посѣтилъ это мѣсто и нашелъ гнѣздо готовымъ и въ немъ два яичка. 1-го мая я послалъ туда своего слугу, приказавъ ему принести мнѣ какъ гнѣздо, такъ и сидящую на немъ птицу. Онъ нашелъ ее еще сидящею на невысиженныхъ яичкахъ, безъ труда поймалъ ее и принесть мнѣ птицу вмѣстѣ съ гнѣздомъ. Я помѣстилъ гнѣздо вмѣстѣ съ самкой въ клетку, но птичка была очень неспокойна, безпрестанно слетала съ гнѣзда и грустно сидѣла на жердочкѣ. На слѣдующее утро она околѣла».

Одубонъ говоритъ, что изъ яичекъ колибри птенцы вылуплиются черезъ десять дней, черезъ недѣлю становятся довольно большими, но выкармливаются родителями еще въ теченіи одной недѣли. Свѣдѣніе это, кажется, не совсѣмъ вѣрно:

мы знаемъ отъ другихъ натуралистовъ, что дѣтеныши колибри при вылупленіи изъ гнѣзда бывають голы и слѣпы и такъ безпомощны, что едва умѣють открывать клювъ, чтобы принимать приносимую родителями пищу. Черезъ нѣсколько дней они покрываются сѣрымъ пушкомъ, а позднѣе вырастають перышки на верхней части тѣла. По Бурмейстеру, они вылупляются только послѣ шестнадцатидневнаго насиживания, открываютъ глаза только черезъ 14 дней и могутъ летать черезъ 4 недѣли, а до тѣхъ поръ остаются въ гнѣздѣ, которое расширяется матерью по мѣрѣ того, какъ дѣтеныши растутъ. Сальвинъ сообщаетъ намъ слѣдующія свои наблюденія.

«Повидимому, всѣ заботы о воспитаніи дѣтенышей предоставлены одной самкѣ; я по крайней мѣрѣ никогда не видалъ самца около гнѣзда, его не было даже въ саду, гдѣ находилось гнѣздо. Когда самочка сидѣла на гнѣздѣ, то она дозволила мнѣ очень близко подходить, даже держать колеблющую вѣтромъ вѣтку, гдѣ находилось гнѣздо. Однако довѣрчивость эта замѣчалась только тогда, когда сіяло солнце, а при облачномъ небѣ и дождѣ я могъ подойти только метровъ на пять. Когда я спугивалъ птицу, то часто оставался около гнѣзда, чтобы выждать ея возвращеніе. При этомъ я замѣтилъ, что всякій разъ, какъ она прилетала къ гнѣзду, то приносила съ собою небольшой кусочекъ лишая и, удобно усѣвшись, прикрѣпляла его къ наружной сторонѣ гнѣзда. Это совершалось такъ довѣрчиво и безбоязненно, что, казалось, птичка хотѣла убѣдить наблюдателя, что она улетала вовсе не отъ испуга, а только затѣмъ, чтобы отыскать этотъ кусочекъ лишая. Только что вылупившіеся птенцы были маленькія, безформенныя черныя существа съ длинной шеей и совершенно зачаточнымъ клювомъ; они однако быстро росли и скоро наполнили собою все гнѣздо. Я никогда не видалъ, чтобы мать покрывала собою вылупившихся птенцовъ, какъ это бываетъ у другихъ птицъ, а дѣтеныши, повидимому, оставались безъ защиты, когда ихъ некло солнцемъ или шелъ дождь. При кормленіи самка стояла на краю гнѣзда, высоко поднявшись на ножкахъ. Первый дѣтенышъ вылетѣлъ изъ гнѣзда 15 октября, но тотчасъ-же упалъ между ближайшими цвѣтами. Я его снова положилъ въ гнѣздо, но онъ опять вылетѣлъ и вторичная попытка была усѣшнѣе. Въ тотъ-же вечеръ я видалъ, что мать приносила ему кормъ, въ тотъ-же день позже птенецъ улетѣлъ на другое дерево, и я его болѣе не видалъ. Второй дѣтенышъ вылетѣлъ тремя днями позже».

Очень странное наблюденіе сдѣлалъ принцъ фонъ-Видъ. Онъ нашелъ въ одномъ гнѣздѣ двухъ совершенно голыхъ птенцовъ, по которымъ ползали толстыя, большія личинки наскѣкомыхъ, такъ что иногда совершенно прикрывали собою птичекъ. «Откуда явились эти личинки, я рѣшить не могу, но, говорятъ, что онѣ часто встрѣчаются на птенцахъ колибри». Бурмейстеръ полагаетъ, что личинки эти едва ли вредятъ птенцамъ, а, вѣроятно, съѣдаютъ ихъ пометъ, такъ что присутствіе ихъ даже необходимо для содержанія гнѣзда въ чистотѣ; дѣло этимъ однако вовсе не разъясняется, если не предположить, что нѣкоторые колибри заботятся объ опрятности въ гнѣздѣ, другіе-же дозволяютъ своимъ дѣтенышамъ лежать въ сильной грязи, какъ это дѣлають у насъ удоу и сивоворонка. Личинки эти, впрочемъ, вѣроятно не такъ часто встрѣчаются, какъ говорятъ бразильцы, потому что позднѣйшіе путешественники о нихъ вовсе не упоминають.

Одубонъ полагаетъ, что птенцы скоро послѣ вылета изъ гнѣзда соединяются съ другими молодыми колибри и странствуютъ отдѣльно отъ старыхъ; онъ основываетъ свое мнѣніе на томъ, что видѣлъ какъ 20 или 30 молодыхъ колибри, между которыми находился только одинъ взрослый, летали цѣлой стаей около извѣстныхъ деревьевъ. Вѣрно это наблюденіе или нѣтъ, я не берусь рѣшать.

О жизни колибри въ неволѣ у насъ есть нѣсколько наблюденій. Такъ какъ вопросъ этотъ очень интересенъ, то я передамъ здѣсь по крайней мѣрѣ главнѣйшія изъ этихъ сообщеній: «Нѣкоторыя лица», рассказываетъ Азара, «держали колибри въ неволѣ. Донъ Педро Мело, губернаторъ Парагвая, около 4 мѣсяцевъ держалъ этихъ птицъ, дозволяя имъ свободно летать по комнатѣ. Онѣ скоро стали узнавать своего господина, цѣловали его и кружились около, когда требовали себѣ корма. Мело принесъ тогда сосудъ съ патокой и колибри стали туда совать свой клювъ. Отъ времени до времени онѣ имъ приносили цвѣты и при этихъ условіяхъ милыя птички жили почти такъ-же весело, какъ и на свободѣ. Онѣ погибли только вслѣдствіе небрежности слуги».

О другихъ опытахъ подобнаго рода рассказываетъ Вильсонъ. «Привлекательность этихъ маленькихъ птичекъ побудила многихъ лицъ выкармливать дѣтенышей ихъ и приучать ихъ къ неволѣ. Кофферъ, который очень внимательно изучилъ нравы и привычки нашихъ отечественныхъ птицъ, говоритъ мнѣ, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ держалъ колибри въ клѣткѣ и кормилъ разведеннымъ въ водѣ медомъ. Сладкая жидкость привлекала мелкихъ мухъ и мошекъ и птички съ удовольствіемъ хватали ихъ; онѣ ѣли ихъ съ такою жадностью, что насѣкомыя очевидно составляли значительную часть ихъ пищи. Пилъ воспиталъ двухъ молодыхъ колибри: они свободно летали по комнатѣ и садились на плечо своего хозяина, когда были голодны. Этотъ господинъ наблюдалъ, что когда солнце свѣтило въ комнату, то птички, на манеръ мухоловокъ, хватали маленькихъ мошекъ. Лѣтомъ 1803 года мнѣ принесли гнѣздо съ молодыми, но уже оперившимися колибри. Одинъ изъ нихъ ударился о стекло окна и убился, другой отказывался отъ пищи и въ слѣдующее утро казался полумертвымъ. Одна дама согрѣла его на своей груди, и когда онъ поправился, то взяла сахару въ ротъ и начала его этимъ кормить; такимъ образомъ онъ былъ выкормленъ и потомъ посаженъ въ клѣтку. Я держалъ его болѣе трехъ мѣсяцевъ, кормилъ сахарной водой и кромѣ того давалъ каждый день свѣжихъ цвѣтговъ; онъ казался веселымъ и здоровымъ, леталъ отъ цвѣтка къ цвѣтку, какъ на свободѣ, и своими движеніями и чириканьемъ выказывалъ большую радость, когда ему приносили свѣжіе цвѣты. Я принялъ всѣ предосторожности, чтобы его продержатъ здоровымъ въ теченіи зимы, но, къ сожалѣнію, онъ вылетѣлъ изъ своей клѣтки, сталъ летать по комнатѣ, ушибся и отъ этого умеръ».

«У меня однажды жили», рассказываетъ Буллокъ, «до 70 колибри въ неволѣ и при нѣкоторой внимательности и заботливости они оставались здоровыми въ теченіи нѣсколькихъ недѣль. Если-бы я могъ имъ посвятить все свое время, то по всей вѣроятности перевезъ-бы ихъ живыми въ Европу. Совершенно невѣрны свѣдѣнія о томъ, что колибри слишкомъ дики и не могутъ быть приручены, а также, что они сами себя убиваютъ въ неволѣ. Напротивъ того, ни одна птица не привыкаетъ такъ легко къ новой обстановкѣ. Они, правда, рѣдко летаютъ по комнатѣ, но никогда не бьются о стѣнки клѣтки и не ударяются о стекла оконъ. Они часто парятъ въ воздухъ на такомъ небольшомъ мѣстѣ, которое едва достаточно для того, чтобы вполнѣ расправить ихъ крылья. Въ подобномъ положеніи они иногда остаются по цѣлымъ часамъ, повидимому безъ всякаго движенія. Въ каждую клѣтку я ставилъ небольшой сосудъ, до половины наполненный густымъ сахарнымъ сиропомъ, а въ него я втыкалъ отрѣзанные цвѣты, которые безпрестанно излѣдовались моими плѣнниками. Хотя на свободѣ колибри въ высшей степени зазорны, но въ неволѣ я у нихъ вовсе не замѣчалъ склонности къ спорамъ. Напротивъ того, я видѣлъ, что маленькіе позволяли себѣ различныя вольности относительно большихъ, напримѣръ, одинъ изъ маленькихъ колибри садился на клювъ другого и оставался въ такомъ по-

ложеиіи нѣсколько минутъ, причеиъ большая птица не дѣлала никакихъ попытокъ, чтобы прогнать маленькую».

«25-го февраля», рассказываетъ Бурмейстеръ, «Беркесте прислалъ мнѣ одного колибри (*Argyria albicollis*). Онъ былъ очень веселый и леталъ по моей комнатѣ, гдѣ движенія его были столь-же быстры, какъ и на свободѣ. Онъ сильно ударялся о стѣны и окна и послѣ каждаго удара падалъ, обезсиленный, на полъ. Чтобы дать ему отдыхъ, я подставилъ вѣтку цвѣтущаго дерева: онъ мгновенно подлетѣлъ къ ней, порхалъ около цвѣтовъ совершенно беззаботно, какъ на свободѣ, и не забывалъ при этомъ опускать свой клювъ въ каждый цвѣтокъ. Я стоялъ лишь въ двухъ шагахъ, но это его, казалось, вовсе не беспокоило, пока я не шевелился, но малѣйшее мое движеніе прогоняло его отъ меня. Впрочемъ, птичка эта жила у меня недолго. Когда стало темно, то движенія ея прекратились, она упала въ изнеможеніи на полъ и болѣе не шевелилась; я взялъ колибри въ руку и замѣтилъ, что глаза его еще были открыты и что биеніе сердца продолжалось. Я положилъ птичку съ полуопущенными крыльями, на которыя она упиралась, на мягкую подстилку и на слѣдующее утро нашелъ ее въ этомъ положеніи мертвой: она тихо заснула, чтобы болѣе не просыпаться».

«Когда я выѣхалъ изъ Англіи», говоритъ Госсе, «то рѣшился привести въ Европу, если это окажется только возможнымъ, нѣсколько живыхъ колибри, и когда я приобрѣлъ нѣкоторую опытность, то мнѣ показалось, что хохлатый колибри болѣе другихъ удобенъ для перевозки. Мои ожиданія не оправдались, но хлопоты о содержаніи этой птички меня хорошо ознакомили съ ея нравомъ и привычками. Я вмѣстѣ со своими слугами наловилъ много такихъ колибри съ помощью обыкновенной сѣтки для бабочекъ, такъ какъ восхваляемыми нѣкоторыми писателями ловушки, по моему мнѣнію, хороши только въ кабинетѣ, а не въ лѣсу. Я часто замѣчалъ, что любопытство у этихъ птичекъ пересиливаетъ ихъ пугливость. Когда мы приготовляли сѣти къ ловлѣ, то птицы не улетали, но, напротивъ того, приближались къ намъ и вытягивали шейки, чтобы рассмотреть новый для нихъ предметъ, такъ что намъ было легко ихъ ловить. Нерѣдко случалось, что птичка, за которой мы напрасно гонялись, возвращалась обратно, парила надъ нашими головами и съ невозмутимой довѣрчивостью смотрѣла намъ въ глаза. Хотя этихъ птичекъ и легко было ловить, но очень трудно было донести до дому: обыкновенно онѣ околѣвали раньше, чѣмъ мы достигали нашего жилища, хотя при поимкѣ вовсе не были ранены, а тѣ, которыхъ мы приносили живыми домой, постоянно умирали на слѣдующій день. Сначала я только что словленныхъ птичекъ сажалъ какъ можно скорѣе въ клѣтки, но хотя онѣ тамъ и не ушибались, но скоро околѣвали. Онѣ внезапно падали на полъ клѣтки и лежали здѣсь безъ движенія съ закрытыми глазами. Если ихъ брали въ руки, то жизнь у нихъ на нѣсколько минутъ какъ будто возвращалась; онѣ откидывали назадъ свою хорошенькую головку и трясли ею, какъ будто отъ сильной боли, расправляли крылья, открывали глаза, приподнимали перышки на груди и постоянно околѣвали безъ всякихъ судорожныхъ движеній. Таковъ былъ результатъ всѣхъ моихъ первыхъ опытовъ.

«Осенью я поймалъ двухъ молодыхъ самцовъ и не посадилъ ихъ въ клѣтку, а держалъ въ моей рабочей комнатѣ, двери и окна которой были старательно заперты. Они были очень живы, но испугливы, весело играли и были относительно меня очень довѣрчивы, напимѣръ, безъ всякаго колебанія сажались на мой палецъ. Они тотчасъ-же обыскивали цвѣты, которые я имъ приносилъ, но я замѣтилъ, что на нѣкоторые они обращали большое вниманіе, другими-же пренебрегали. Поэтому я въ большемъ количествѣ сталъ приносить любимые ими цвѣты, и когда я вошелъ

въ комнату съ букетомъ этихъ цвѣтовъ, то съ радостью увидалъ, что они обыскивали цвѣты, пока я держалъ еще букетъ въ рукахъ. Милыя птички порхали на разстояніи двухъ центиметровъ отъ моего лица и самымъ старательнымъ образомъ изслѣдовали вѣячки этихъ цвѣтовъ. Когда я поставилъ цвѣты въ два сосуда съ водою, то онѣ сѣли то на одинъ букетъ, то на другой, а въ промежутки весело играли въ комнатѣ и отдыхали на разныхъ предметахъ. Хотя онѣ и приближались къ окнамъ, но никогда не бились о стекла. Во время полета я часто слыхалъ, какъ онѣ хлопали клювомъ: это означало, что онѣ поймали маленькое насекомое. Черезъ нѣсколько времени одна изъ птичекъ совершенно внезапно упала на полъ въ углу комнаты и околѣла; другая-же оставалась здоровою. Такъ какъ я опасался, что въ цвѣтахъ уже болѣе нѣтъ корму, то наполнилъ маленькую стеклянку сахарнымъ сиропомъ, заткнулъ ее пробкой, продѣлъ черезъ нее трубочку изъ гусиного пера и вставилъ въ нее большой, внизу обрѣзанный цвѣтокъ. Птичка тотчасъ-же подлетѣла, повисла надъ краемъ стеклянки и всунула клювъ въ трубочку. Сладкій сокъ ей очевидно понравился и, когда она улетѣла, то я замѣтилъ, что въ трубкѣ сиропъ сильно опустился. Скоро она стала прилетать къ банкѣ, не украшенной цвѣткомъ, и еще въ теченіи дня очень хорошо узнала, гдѣ ей слѣдуетъ искать пищи. При закатѣ солнца птичка усѣлась для сна въ протяннутую веревочку, а на слѣдующій день еще до восхода солнца снова весело летала и уже успѣла выпить весь сиропъ изъ баночки. Нѣсколько часовъ спустя она вылетѣла черезъ дверь, которую я по неосторожности оставилъ открытой, и скрылась въ лѣсу, къ моей великой досадѣ.

«Три самца, которые были пойманы въ апрѣлѣ, тотчасъ же привыкли къ своему новому помѣщенію. Одинъ изъ нихъ очень скоро отыскалъ стаканъ съ сахарной водою и нѣсколько разъ пилъ изъ него. Одинъ изъ нихъ околѣлъ, а другіе стали такими ручными, что одинъ изъ нихъ въ первый-же день подлеталъ къ моему лицу, сѣдился на губы или подбородокъ, совалъ клювъ мнѣ въ ротъ и лизалъ слюну. Онъ сдѣлался такимъ смѣлымъ и такъ часто повторялъ свои посѣщенія, что наконецъ сталъ надоѣдать, такъ какъ былъ очень докучливъ и совалъ свой подвижной языкъ во все части рта, напримѣръ, между десной и щекой и подъ языкъ. Когда я хотѣлъ его побаловать, то бралъ немного сиропа въ ротъ и подзывалъ его слабымъ свистомъ, который онъ очень скоро привыкъ понимать. Онъ не особенно любилъ свѣжіе цвѣты, и когда я принесъ въ комнату цвѣты моринга, которые онъ на свободѣ очень часто посѣщаетъ, то я замѣтилъ, что послѣ краткаго осмотра онъ пересталъ на нихъ обращать вниманіе. Каждая изъ птицъ выбрала себѣ для отдыха особое мѣсто на веревкѣ, которая была протянута черезъ комнату, и постоянно садилась туда; кромѣ того каждая изъ птицъ имѣла въ комнатѣ два или три мѣста, куда садилась во время отдыха, не стѣняя другого колибри. Даже, если ее прогоняли съ этого мѣста, то она опять къ нему возвращалась, какъ онѣ дѣлаютъ это, живя на свободѣ. Зная эту привычку колибри, мы легко ловили ихъ: узнавши ихъ любимое мѣсто отдохновенія, мы намазывали вѣтку ичимъ клеемъ, и колибри былъ скоро пойманъ.

«Самый смѣлый изъ моихъ плѣнниковъ былъ очень задоренъ и при случаѣ нападалъ на своего мирнаго сожителя, который его постоянно избѣгалъ. Прогнавши соперника, побѣдитель сѣдился на мѣсто и издавалъ звукъ «скрин», что показывало его довольство. Но черезъ два дня преслѣдуемый набрался храбрости и съ своей стороны сдѣлался столь смѣлымъ, что отгонялъ товарища отъ баночки съ сиропомъ. Каждая птичка разъ двадцать сряду пробовала подлетать къ банкѣ, но когда уже она порхала надъ пей и высовывала языкъ, подлеталъ другой ко-

либри съ необыкновенной быстротой и прогонялъ перваго. Ему дозволялось летать во всѣхъ другихъ мѣстахъ комнаты, но какъ только онъ подлеталъ къ сосуду съ сиропомъ, то драка тотчасъ начиналась. Другая птичка, напротивъ того, очень часто пила. Смѣлость возвратила ей и голосъ, и обѣ птицы почти безъ перерыва издавали свой «скрин».

«Какъ только плѣнники привыкли къ своей комнатѣ, они стали выказывать большую живость. Они принимали всевозможныя положенія, даже при сидѣннн вертѣлись туда и сюда, такъ что ихъ роскошное опереніе удивительно блестяло при различномъ освѣщеннн. Они часто летали, выдѣлывали на воздухѣ различныя упражненія, и все это совершалось такъ быстро, что глазъ часто не могъ слѣдить за ихъ движеніями. Блестящую птичку видишь въ одномъ углу, а одно мгновеніе спустя ужъ слышишь порханіе ея невидимыхъ крылышекъ въ другомъ углу; вдругъ она оказывается передъ самымъ лицомъ, причеиъ совершенно не было замѣтно ея приближенія.

«Отъ апрѣля до конца мая я получилъ около 25 колибри и почти все самоповъ; нѣкоторые изъ нихъ были пойманы сѣткою, а другіе птичьимъ клееиъ; но нѣкоторые изъ нихъ тотчасъ околѣвали, хотя немедленно послѣ поимки были посажены въ корзину. Я никакъ не могъ себѣ объяснить вполнѣ эту внезапную смерть. Словленная птичка не ушибалась о стѣнки корзинки, хотя часто къ нимъ прицѣплялась; мнѣ скорѣе казалось, что на нихъ имѣлъ большое вліяніе ужасъ, который онѣ испытывали при поимкѣ; многія изъ тѣхъ, которыя приносились домой живыми, были такъ слабы, что скоро умирали, а изъ здоровыхъ большинство околѣвало въ первые двадцать четыре часа, вслѣдствіе того, что онѣ не обращали вниманія на веревки, на которыхъ сидѣли привычныя къ комнатѣ колибри, а бились о стѣны. Онѣ долго порхали около нихъ, затѣиъ тихо спускались, шевеля крыльями и, замѣтно ослабѣвъ, падали внизъ. Когда онѣ падали на полъ, то снова приподнимались, но для того, чтобы опять порхать около стѣнъ. Часто случалось, что онѣ падали за различныя ящики, которые стояли въ комнатѣ; тогда имъ не хватало мѣста, чтобы распуścić крылья, и онѣ тутъ околѣвали. Такова была судьба очень многихъ колибри и изъ 25 штукъ остались въ живыхъ только семь; зато эти совсѣиъ привыкли въ комнатѣ.

«Я долженъ замѣтить, что нравъ ихъ былъ очень различенъ. Нѣкоторые изъ нихъ были скучны и упрямы, другіе очень пугливы, третьи, наконецъ, съ самаго начала очень любезны, доверчивы и ручны. Я приучалъ ихъ къ отведенному имъ помѣщенію и къ баночкѣ съ сахарной водой очень простымъ способомъ. Когда открывали корзиночку, въ которой приносили новыхъ колибри, то они вылетали и устремлялись обыкновенно къ потолку, рѣже къ окнамъ. Черезъ нѣсколько времени они летали вышеописанныиъ образомъ около стѣнъ вверхъ и внизъ, касаясь стѣны концомъ своего клюва или грудью. При внимательномъ наблюденнн легко было замѣтить, когда они начинали сильно утомляться и падать внизъ. Тогда обыкновенно можно было взять ихъ въ руки и посадить на палецъ. Въ такомъ случаѣ я бралъ немного сахара въ ротъ и всовывалъ ихъ клювъ между моими губами; иногда они тотчасъ же начинали сосать, иногда-же нужно было нѣсколько разъ повторить этотъ приеиъ, чтобы побудить ихъ къ сосанію, но въ концѣ концовъ всѣ птички къ этому приучались и какъ только птица разъ сосала изъ моего рта, то всегда готова была повторить это. Послѣ этого перваго урока я сажалъ плѣнника на протянутую въ комнатѣ веревочку, и если птичка была кроткаго нрава, то она тутъ и оставалась сидѣть. Позже я ей предлагалъ, вмѣсто губъ, баночку съ сиропомъ, и когда колибри одинъ или два раза пососалъ изъ этого сосуда, то легко

находилъ свои на столѣ, куда баночку обыкновенно ставили: тогда можно было считать птичку прирученной. Съ этого времени колибри попеременно то летать по комнатѣ, то отдыхать на веревочкѣ, причемъ часто случалось, что одинъ преслѣдовалъ другого во время полета; но мнѣ казалось, что это преслѣдованіе не имѣло враждебнаго характера, а скорѣе видъ игры. Тщательное наблюденіе убѣдило меня, что летаніе по комнатѣ имѣло цѣлью уловить маленькихъ, для человѣческаго глаза едва замѣтныхъ насѣкомыхъ. Я очень часто слышалъ, какъ они хлопали клювомъ и разъ или два даже замѣтилъ, какъ мошка была поймана; послѣднее было замѣтно тогда, когда насѣкомое было настолько велико, что можно было его видѣть. Обыкновенно полеты эти были непродолжительны: птичка пролетала большею частью полъ метра или цѣлый метръ, а затѣмъ возвращалась на веревочку, какъ это дѣлаютъ обыкновенно настоящія мухоловки, что доказываетъ, что и колибри ловить насѣкомыхъ на лету. По приблизительному, но скорѣе минимальному расчету можно предположить, что колибри съ ранняго утра до поздняго вечера занимается охотой съ небольшими отдыхами и ловить по крайней мѣрѣ трехъ насѣкомыхъ въ минуту. На свободѣ они, вѣроятно, не такъ много ловятъ мошекъ на лету, такъ какъ они ѣдятъ больше тѣхъ насѣкомыхъ, которыхъ находятъ во внутренности цвѣтовъ, но и здѣсь замѣчалось, что они совершаютъ короткіе полеты съ подобною же цѣлью. При случаѣ мои плѣнники летали къ стѣнамъ и хватали мошекъ изъ паутины.

«Они спускались къ сосуду съ сиропомъ совершенно своеобразнымъ способомъ: они не летѣли прямо къ сосуду, но кружились надъ нимъ въ воздухѣ винтообразно, такъ что при каждомъ поворотѣ спускались все ниже и ниже. Они часто прилетали пить, но разомъ пили немного, однако пять колибри въ день опоражнивали рюмку сиропа. Пометь ихъ жидкій и похожъ на сиропъ, которымъ они питаются. Вечеромъ они поздно успокаивались и часто видно было, какъ они летали еще въ поздніи сумерки; они были очень неспокойны и ночью и ихъ легко можно было разбудить. Если входили въ ихъ комнату со свѣчей, то одинъ или два колибри непременно начинали летать и испытывали при этомъ такой же страхъ, какъ вначалѣ своей неволи, снова порхали около стѣнъ и нѣкоторые даже умирали отъ страха, если ихъ скоро не успокаивали.

«Когда мои плѣнные колибри прожили нѣкоторое время въ комнатѣ и къ ней уже привыкли, я посадилъ пять изъ нихъ въ большую клетку, одна сторона которой была закрыта проволочной сѣткой. Я очень боялся этого перемѣщенія и потому посадилъ ихъ въ клетку вечеромъ, въ надеждѣ, что ночью они успокоятся. Они были уже приучены къ клеткѣ тѣмъ, что нѣсколько дней сряду я ставилъ туда сосудъ съ сиропомъ. Когда дверцы клетки затворились, то птички немного полетали въ ней, но на слѣдующій день я, къ своему удовольствію, замѣтилъ, что всѣ онѣ спокойно сидѣли на жердочкахъ и пили сиропъ. Скоро послѣ этого я присоединилъ къ нимъ еще двухъ самцовъ, а позже еще самку. Послѣдняя уже на слѣдующій день подружилась съ длиннохвостымъ самцомъ, который до тѣхъ поръ сидѣлъ въ одиночествѣ и, повидимому, старалась спискать его расположеніе. Она прыгала около него на жердочкѣ, нѣжно смотрѣла въ глаза, хлопала крылышками, летала надъ самцомъ, какъ будто хотѣла сѣсть ему на спину и т. д. Но я, къ сожалѣнію однако замѣтилъ, что самецъ былъ очень невѣжливъ и равнодушенъ къ подобнымъ ласкамъ.

«Я питалъ сильную надежду, что могу перевезти колибри живыми въ Англию, такъ какъ я полагалъ, что самыя большія затрудненія уже преодолены; однако надежда эта скоро была уничтожена. Уже недѣлю спустя послѣ того, какъ я посадилъ

колибри въ клетку, они начали умирать одинъ за другимъ; иногда окольвало по два колибри въ день. На слѣдующей недѣлѣ остался въ живыхъ только одинъ, но и тотъ скоро послѣдовалъ примѣру прочихъ. Я напрасно старался замѣнить ихъ другими; самыя лучшія мѣста для охоты были тогда пусты. Причиной смерти, безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ считать недостатокъ насѣкомыхъ, которыми птички могли бы питаться, такъ какъ сиронъ, который онѣ постоянно пили, не былъ достаточенъ для ихъ питанія. Всѣ окольвіи птички были очень худы и желудокъ ихъ былъ такъ съезенъ, что его едва можно было отыскать. Въ большой комнатѣ онѣ еще могли ловить насѣкомыхъ, но въ клеткѣ это оказалось невозможнымъ».

Зрель полагаетъ, что можно было-бы приучить итенцовъ колибри къ питанію патокой, но этимъ доказываетъ, что онѣ никогда не держалъ этихъ птицъ живыми. Безъ сомнѣнія и собакъ можно нѣкоторое время кормить сахаромъ, но такое питаніе непременно ведетъ наконецъ къ голодной смерти. Я не сомнѣваюсь въ томъ, что колибри невозможно долго сохранить въ неволѣ, кормя ихъ однимъ сахарнымъ сиропомъ или медомъ, но убѣжденъ, что возможно будетъ для этихъ милыхъ птичекъ найти какой-нибудь подходящій кормъ. Вначалѣ придется при этомъ довольствоваться куколками мелкихъ муравьевъ; позднѣе-же можно будетъ замѣнить ихъ толчеными сухарями, яичнымъ желткомъ и творогомъ. Чтобы приучить птицъ къ корму придется сначала прибѣгнуть къ тому-же способу, къ которому прибѣгали и Гессе, а лѣтомъ слѣдуетъ позаботиться о доставленіи имъ какъ можно больше свѣжихъ цвѣтвъ. Такимъ образомъ, по моему мнѣнію, было-бы возможно привезти живыхъ колибри въ Европу и здѣсь ихъ сохранить нѣкоторое время въ неволѣ. Доказательствомъ возможности этого можетъ служить опытъ Гульда. «Американскіе колибри», говоритъ онъ, «которые я живыми везъ въ Европу, были такъ-же понятливы и не пугливы, какъ большія бабочки или другія насѣкомыя при тѣхъ же условіяхъ. Они помещены были въ клетку 30 см. длины, 15 см. ширины и 20 см. вышины. Въ ней была прикрѣплена вѣтка, на которую они могли садиться и къ ней-же была привѣшена стекляночка, которая ежедневно наполнялась патокой, смѣшанной съ сырмъ яичнымъ желткомъ. Они казались здоровыми при этомъ питаніи и чувствовали себя вполне хорошо, пока мы ѣхали вдоль береговъ Америки и черезъ Атлантическій океанъ; но вредное вліяніе европейскаго климата скоро стало замѣтно. При приближеніи къ западной части Ирландіи колибри стали замѣтно слабѣть и уже не могли поправиться. Несмотря на это, мнѣ удалось привезти одного изъ нихъ живымъ въ Лондонъ, но онъ окольлъ на второй день послѣ моего пріѣзда».

Всѣ американцы очень любятъ колибри вслѣдствіе его красоты и миловидности и потому за ними охотятся только тогда, когда объ этомъ просить европеецъ, собирающій коллекціи. Въ прежнихъ описаніяхъ путешествій и естественно-историческихъ сочиненіяхъ говорится, что въ нихъ стрѣлять можно песткомъ или водоп. Одубонъ пробовалъ это и нашель, что зарядъ изъ воды только грязнитъ ружье, а колибри не убиваетъ. Мельчайшая дробь совершенно пригодна для охоты на колибри, но при этомъ необходимо точно измѣрить зарядъ и стрѣлять на должномъ разстояніи. Въ другихъ отношеніяхъ охота эта вовсе не трудна и не требуетъ особаго искусства. Слѣдуетъ встать подъ цвѣтущее дерево и въ соответствующій моментъ выстрѣлить въ колибри, который порхаетъ надъ цвѣткомъ. Подобнымъ способомъ можно въ теченіи утра убить ихъ сколько хочешь. Мертвыя птички, впрочемъ, имѣютъ значеніе только для однихъ натуралистовъ, такъ какъ пропала уже тѣ времена, когда знатные мексиканцы украшали свои платья перьями колибри. Впрочемъ, и теперь въ модѣ украшать дамскія шляпы чучелами этихъ прелестныхъ

птичекъ, а на всемірной выставкѣ въ Парижѣ въ 1878 году можно было видѣть корсажъ дамскаго бальнаго платья, сшитый изъ блестящихъ грудокъ колибри.

Кромѣ человека колибри, кажется, не имѣетъ другихъ враговъ. Едва-ли можно предположить, что они часто дѣлаются жертвами хищныхъ птицъ или хищныхъ звѣрей, такъ какъ они превосходятъ ихъ въ быстротѣ движеній. Итенцы колибри однако могутъ служить добычей лазающихъ хищниковъ и птицъ, которыя разоряютъ гнѣзда: это уже видно изъ того, что взрослые колибри съ яростью нападаютъ на этихъ разорителей гнѣздъ. Вообще-же слѣдуетъ предположить, что эти живые яхонты чаще всего околѣваютъ естественною смертію, что можно заключить уже изъ большого числа ихъ, хотя они размножаются не особенно сильно. Прежде много занималась баснословными врагами колибри; рассказывали, напримеръ, что большой паукъ, такъ называемый птицеядъ, ловитъ колибри въ свою паутину и высасываетъ изъ нихъ кровь точно такъ, какъ у насъ крестовикъ умерщвляетъ мухъ. Но настоящія наши свѣдѣнія о жизни колибри заставляютъ насъ сомнѣваться въ правдоподобіи этихъ рассказовъ, сообщаемыхъ Сибиллою Меріанъ и Пализо де Вовуа, хотя нельзя отрицать возможности того, что маленькій колибри можетъ запутаться въ толстую паутину и быть убитымъ большимъ паукомъ. Однако колибри не такъ глупы, какъ мелкіе виды воробьиныхъ, пару которыхъ однажды Бэтсъ нашелъ запутавшимися въ паутину: колибри очень хорошо знаютъ опасность подобныхъ сѣтей и не только умѣютъ избѣгать ихъ, но даже пользуются паутиной для своего питанія, какъ это выше описано Буллокомъ.

Ближайшими родичами колибри слѣдуетъ считать **Стрижей** (Cypselidae. Seeger. Martinets). Это также маленькія птицы, но съ плотнымъ, сильнымъ и вытянутымъ туловищемъ, короткою шею и широкою, довольно плоскою головою, которая оканчивается маленькимъ, очень короткимъ, слабымъ, треугольнымъ, на концѣ сплюсненнымъ и нѣсколько согнутымъ клювомъ; челюсти клюва такъ глубоко расщеплены, что ротъ можетъ раскрываться чрезвычайно широко. Крылья узкія и изогнуты въ видѣ сабли, вслѣдствіе того, что маховыя перья имѣютъ кривизну; большихъ маховыхъ перьевъ 10, изъ которыхъ первое обыкновенно самое длинное и только у нѣкоторыхъ видовъ нѣсколько короче второго. Малыхъ маховыхъ перьевъ бываетъ только 7 или 8, у которыхъ концы округлены и съ небольшими выемками, между тѣмъ, какъ большія маховыя перья имѣютъ острые концы. Хвостъ состоитъ постоянно изъ десяти рулевыхъ перьевъ, но имѣетъ различную форму: иногда длиннѣе, иногда короче; вырѣзка на концѣ бываетъ или глубокая или небольшая. Ноги короткія, но довольно сильныя; короткіе пальцы оканчиваются сжатыми съ боковъ, сильно изогнутыми и очень острыми когтями. Опереніе въ большинствѣ случаевъ состоитъ изъ мелкихъ и довольно жесткихъ перьевъ; оно обыкновенно одноцвѣтное и темное, но въ исключительныхъ случаяхъ имѣетъ блестящій металлическій цвѣтъ, какъ у колибри.

По мнѣнію Нича, стрижи хотя и похожи по внѣшнему виду, а также и по нѣкоторымъ особенностямъ внутренняго строенія на ласточекъ, но во многомъ отличаются не только отъ нихъ, но даже отъ всѣхъ другихъ птицъ. Грудная кость очень велика, болѣе длинная, чѣмъ широкая и къ заднему концу расширяющаяся. На заднемъ краѣ вѣтъ и слѣда вырѣзки или отверстія, затянутого кожей, и на немъ замѣчается большой высокій гребень. Переднія конечности еще болѣе, чѣмъ у ласточекъ отличаются короткими плечевыми костями и длинными костями кисти; плечевая кость, внутри пустая, имѣетъ три странныхъ, почти крючковатыхъ от-

ростка, а по длинѣ равняется лишь второму суставу длиннаго пальца, такъ что кисть гораздо длиннѣе прочихъ частей передней конечности. Кромѣ колибри ни одно семейство птицъ не имѣетъ такую необыкновенно длинную кисть руки и столь короткое плечо. Число суставовъ на пальцахъ ногъ совершенно своеобразно; обыкновенно у птицъ мы замѣчаемъ постепенное возрастаніе числа суставовъ, именно большой палецъ имѣетъ лишь 2 сустава, внутренній передній палецъ—3, средній—4, а наружный 5; здѣсь-же число суставовъ слѣдующее: 2, 3, 3, 3, такъ что наружный палецъ укороченъ на два сустава, а средній на одинъ. Бурмейстеръ, впрочемъ, при этомъ замѣчаетъ, что числа эти относятся лишь къ настоящимъ стригамъ, и что у нѣкоторыхъ видовъ встрѣчается обыкновенное число суставовъ. Нижняя гортань имѣетъ лишь одну пару слабыхъ мускуловъ; языкъ почти такой-же плоскій, широкій и на концѣ заостренный, какъ у ласточекъ; пищевода не имѣетъ ни расширенія, ни зоба, первый желудокъ маленькій, у второго стѣнки снабжены слабыми мускулами, кишки короткія и безъ всякаго слѣда слѣпыхъ отростковъ. Въ высшей степени замѣчательны необыкновенно сильно развитыя слюнные железки стрижей, которыя даютъ имъ возможность строить совершенно своеобразныя гнѣзда. По изслѣдованіямъ Гиртаннера, по обѣимъ сторонамъ уздечки языка расположены въ слизистой оболочкѣ полости рта два скопленія слюнныхъ железъ. Онѣ распространяются отъ кончика нижней челюсти клюва вдоль костей нижней челюсти до самой голосовой щели, и каждая изъ нихъ раздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ группъ железокъ. Во время гнѣздованія железки эти сильно набухаютъ и выделяютъ такое значительное количество слизи, что стрижи могутъ пользоваться ею, чтобы склеивать свои гнѣзда.

Стрижи распространены по всѣмъ частямъ свѣта и живутъ во всѣхъ климатическихъ полосахъ, исключая холоднаго; они встрѣчаются также на различныхъ высотахъ отъ морскаго берега до свѣжной линіи. Они поселяются какъ въ лѣсахъ, такъ и въ безлѣсныхъ странахъ преимущественно-же въ горахъ и городахъ, такъ какъ скалы и стѣны доставляютъ имъ самыя удобныя мѣста для устройства гнѣздъ.

Стрижи болѣе всѣхъ другихъ птицъ живутъ въ воздухѣ и дѣятельны съ ранняго утра до поздней ночи; силы ихъ, повидимому, никогда не ослабѣваютъ и ночной покой ограничивается лишь немногими часами. Прекрасный летательный аппаратъ даетъ имъ возможность безъ затрудненія пролетать такія пространства, что если ихъ сложить вмѣстѣ, то окажутся сотни километровъ. Они отличаются по полету отъ ласточекъ тѣмъ, что летаютъ въ высокихъ слояхъ атмосферы, а нѣкоторые виды поднимаются до такой высоты, что совершенно ускользаютъ отъ нашего взора. Ихъ издали можно узнать по полету: когда крылья распуцены, то они похожи на серпъ луны и двигаются такъ быстро и сильно, что болѣе напоминаютъ порханіе насѣкомыхъ и колибри, чѣмъ полетъ другихъ птицъ. Иногда они нѣсколько минутъ сряду двигаются въ воздухѣ, лишь слегка поворачивая крылья и хвостъ и такъ мало измѣняя положеніе этихъ летательныхъ органовъ, что мы ихъ едва замѣчаемъ; несмотря на это, они однако съ быстротой стрѣлы несутся въ воздухѣ. Они мастерски умѣютъ поворачиваться и кружиться на лету, но по красотѣ движеній стоятъ далеко ниже настоящихъ ласточекъ. На землѣ—это самыя безпомощныя существа: они неспособны ни ходить, ни даже ползать. Зато они лазаютъ, если не очень искусно, то по крайней мѣрѣ сносно по стѣнамъ и скаламъ, пролѣзая вверхъ и внизъ въ щели и трещины.

Ихъ усиленная дѣятельность обуславливаетъ большую потерю и соответственно этому и необыкновенно сильный обмѣнъ веществъ. Стрижи гораздо прожорливѣе ласточекъ и уничтожаютъ въ одинъ день сотни тысячъ насѣкомыхъ, со-

ставляющих их исключительную пищу. Даже самые крупные виды этого семейства, туловище которых достигает величины тела дрозда, питаются главным образом мелкими насекомыми, которые носятся высоко в воздухе и, впрочем, нам еще очень мало знакомы. Сколько нужно съесть стрижу насекомых в один день, чтобы насытиться, мы указать не можем, но смело можем предположить, что количество пищи должно быть значительное, так как привычки этих птиц ясно доказывают, что стрижи летают только для того, чтобы ловить себя добычу.

По большим глазам, лишенным ресниц, можно догадаться, что зрение у стрижей развито лучше других птиц чувств; за ним, по всей вероятности, слух, а о других чувствах мы сказать ничего не можем. Душевные способности, кажется, мало развиты. Стрижи живут обществами, но вовсе не миролюбивы; напротив того, это зазорные и драчливые создания, которые часто ссорятся не только с себе подобными, но и с другими птицами. Их нельзя назвать ни умными, ни хитрыми: в характере их преобладает необыкновенная вспыльчивость, которая даже иногда заставляет забыть собственную безопасность.

Все стрижи, которые живут в умеренном поясе, принадлежат к перелетным птицам, а те, которые водятся в тропических странах, могут быть названы бродячими. Перелет их, по крайней мере у некоторых видов, совершается с большою правильностью. Они появляются в своем отечестве почти всегда в известный, определенный день и покидают родину также в известное время; однако срок пребывания их очень различен, смотря по видам. Собственные наблюдения меня убедили, что виды, живущие во внутренних частях Африки, принадлежат к числу бродячих птиц, т. е., что они на время оставляют те места, где гнездятся, а затем снова к ним возвращаются; то же самое замечали у южно-азиатских и южно-американских видов.

Перелетные стрижи начинают строить гнезда тотчас по возвращении на родину, так как пребывание их у нас продолжается так недолго, что гнездование, высиживание и воспитание птенцов занимают значительную часть этого времени. Раздраженные самцы преследуют друг друга в воздухе с страшным криком, при чем выказывают все свое искусство в полете; они обычно дерутся высоко на воздухе, сердито ссорятся около гнезд и безжалостно прогоняют других обитателей расщелин скалы, если эти места им кажутся удобными для их гнезд. Гнезда же их отличаются от всех других птичьих построек; только немногие виды строят аккуратные гнезда, похожие на гнезда ласточек; многие лишь сносят в углублении кучу всякого матерьяла, нужного для постройки гнезда, который располагается совершенно неправильными слоями. Но все гнезда стрижей отличаются тем, что матерьялы скрываются и покрываются клейкою, скоро твердеющею слюною. У некоторых видов гнездо почти исключительно состоит именно из этого последнего матерьяла. Кладка состоит из одного или немногих светло окрашенных яиц несколько цилиндрической формы. Насиживает одна самка, но оба родителя выкармливают дѣтенышей. Каждая пара выводит дѣтенышей только раз и изредка лишь два раза в году.

И у стрижей есть враги, но число их незначительно; необыкновенно быстрый и легкий полет спасает их от многих нападений и лишь самые быстрые сокола в состоянии поймать стрижа на лету. Пока птенцы еще беспомощно лежат в гнезде, то бывают жертвою небольших лазящих хищников; человек также иногда захватывает гнезда и птенцов некоторых видов этих птиц.

Для неволи стрижи не годятся; несмотря на это, можно вырастить молодых стрижей, взятых из гнѣзда. Пойманные взрослыми, они не привыкаютъ къ клеткѣ; или безпомощно лежатъ на днѣ ея, или безъ отдыха лазаютъ по стѣнамъ, отказываются отъ корма и скоро околѣваютъ отъ полного изнеможенія. Итенцамъ, вынутымъ изъ гнѣзда, приходится сначала сплюю влихивать пищу въ ротъ, пока мало-помалу ихъ не приучишь къ самостоятельной ѣдѣ. Впрочемъ, птицы эти никогда не доставляютъ любителю настоящей радости; невозможно имъ доставить надлежащаго простора для свойственныхъ имъ летательныхъ упражненій, и потому онѣ всегда кажутся очень безпомощными въ клеткахъ. Своеобразность ихъ вѣшняго вида и движеній поражаетъ наблюдателя, но все-же эти птички не могутъ быть названы приятными.

Настоящіе стрижи (*Micropus*) служатъ типическими представителями этого семейства и отличаются отъ другихъ стрижей тѣмъ, что первое маховое перо одинаковой длины со вторымъ, или-же второе незначительно длиннѣе перваго; хвостъ съ небольшою вырѣзкой или слабо виллообразный, ноги крѣпкія и покрыты перьями только спереди, а сзади голыя. Въ Европѣ живутъ два вида этого рода, которые оба встрѣчаются также въ Германіи, одинъ повсюду, а другой только въ южныхъ горныхъ странахъ. Послѣдній видъ принадлежитъ къ числу крупныхъ представителей этого семейства, и потому мы сначала его и опишемъ.

* *
* *
* *

Бѣлобрюхій стрижъ, просто **Стрижъ**, **Стригъ**, **Черный стрижъ**, **Косырь** (*Micropus melba*, *Cypselus melba*, *alpinus*, *gutturalis*, *gularis* и *Jayardi*, *Hirundo melba* и *alpina*, *Apus melba*. *Alpensegler*. *Martinet des Alpes*) достигаетъ длины 22 см., размахъ крыльевъ 55—56 см., длина крыла 20 см., а хвоста—8,5 см. Вся верхняя часть тѣла, стороны головы и нижнія кроющія перья хвоста темнаго дымчато-бурого цвѣта, каждое перо имѣетъ тонкую бурую каемку на кончикѣ. Подбородокъ, горло, грудь и окружность задняго прохода—бѣлаго цвѣта, но на верхней части груди замѣтна бурая полоска, которая начинается между основаніемъ клюва и плечомъ и на серединѣ груди замѣтно утончается. Маховыя перья болѣе темно-бурого цвѣта, чѣмъ кроющія перья верхней стороны тѣла и имѣютъ замѣтный мѣдно-зеленый отбѣнокъ; нижняя сторона крыльевъ и хвоста блестящаго сѣро-бурого цвѣта. Глаза темно-каріе, клювъ черный, голыя части ногъ также черныя.

Центромъ области распространенія этой птицы слѣдуетъ считать бассейнъ Средиземнаго моря. Отсюда она простирается съ одной стороны до береговъ Португаліи, Пиринейскихъ и Альпійскихъ горъ, а съ другой стороны до Атласа и горныхъ странъ Малой Азіи, на востокъ она распространяется черезъ Каспійское и Аральское моря до сѣверныхъ Гиммалаевъ. Слѣдовательно птица эта живетъ на всѣхъ удобныхъ для нея мѣстахъ испанскихъ горъ, особенно на берегахъ Средиземнаго моря, во многихъ мѣстахъ на Альпахъ, на высокихъ горахъ Италіи и на всѣхъ островахъ Средиземнаго моря и гнѣздится также на многихъ горахъ Балканскаго полуострова, въ Трансильванскихъ Альпахъ, на крутыхъ скалахъ южнаго берега Крыма, на южномъ Уралѣ, въ горахъ Туркестана до Кашемира, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Персіи, въ большинствѣ мѣстностей Малой Азіи, Сиріи и Палестины и, наконецъ, на Атласскихъ горахъ. При случаѣ однако бѣлобрюхій стрижъ гнѣздится и довольно далеко отъ границъ этой обширной области распространенія: напримѣръ, по наблюденіямъ Гейгелина, онъ

встрѣчается на высокихъ горахъ Абиссиніи, именно на недоступныхъ, отвѣсныхъ базальтовыхъ скалахъ около Тента въ Воро-Геймано; точно также, по словамъ Жердона, онъ селится и кое-гдѣ въ Индіи на скалахъ, отвѣчающихъ его требованіямъ. Но нигдѣ въ вышеозначенныхъ странахъ бѣлобрюхій стрижь не можетъ считаться осѣдой птицей; въ сѣверныхъ частяхъ—это перелетная птица, а въ болѣе южныхъ—по крайней мѣрѣ, бродячая.

Весною онъ появляется на южныхъ берегахъ Европы гораздо раньше своего

Бѣлобрюхій стрижь. *Micropus melba*. Башенный стрижь. *Micropus arvensis*. $\frac{1}{2}$ наст. вел.

родича, башеннаго стрижа; въ Сирію онъ, по наблюденіямъ Тристрама, прилетаетъ уже въ срединѣ февраля; въ Грецію, по Крюперу, въ концѣ марта и развѣ только немного позднѣе въ Швейцарію. Время прилета его въ эту послѣднюю страну колеблется, смотря по погодѣ, между концомъ марта и серединою апрѣля. По наблюденіямъ очень обстоятельнаго и толковаго человѣка, именно Рейнгарда, главнаго сторожа соборной башни въ Бернѣ, сначала весною прилетаютъ два или три стрижа, которые съ громкимъ крикомъ кружатся около мѣста, гдѣ въ прошломъ году они устраивали гнѣзда, и, убѣдившись въ томъ, что все еще цѣло и готово къ ихъ возвращенію, птицы эти снова исчезаютъ, но скоро возвращаются въ боль-

шомъ обществѣ, а примѣрно черезъ 8 дней прилетаетъ вся стая, гнѣздящаяся въ Бернѣ и состоящая примѣрно изъ 150 штукъ. Если-же, что случается нерѣдко, послѣ ихъ возвращенія становится снова холодно и нѣсколько дней сряду бываетъ морозъ или снѣгъ, то многіе стрижи погибаютъ. Рейнгартъ сообщаетъ, на примѣръ, что въ 1860 году въ концѣ апрѣля, послѣ сильной снѣжной вьюги, онъ нашелъ 23 мертвыхъ стрижа въ проходахъ и на балкахъ башни Бернскаго собора, но конечно, не могъ опредѣлить точно числа всѣхъ погибшихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Гиртаннеръ нашелъ на Розенбергѣ около Сентъ-Галена въ началѣ лѣта совершенно обезсильнаго и крайне исхудалаго стрижа, который лежалъ на землѣ; птица эта, вѣроятно, спустилась внизъ для отысканія пищи съ высокихъ Апенцельскихъ Альпъ, на которыхъ только что вышло много снѣга. Отлетъ этихъ птицъ осенью на югъ также зависитъ отъ погоды и возможности добыть себѣ пищу, такъ что время его колеблется отъ середины сентября до начала октября. Съ Бернскаго собора стрижи въ 1866 году улетѣли въ началѣ октября, въ 1867 году—7 октября, а въ 1868 году они были еще тамъ 12 октября, хотя сильно страдали отъ холода и снѣжной вьюги, и многіе изъ нихъ были найдены мертвыми отъ голода. Въ сообщенномъ мнѣ Гиртаннеромъ письмѣ Рейнгарда отъ 13 октября 1869 года нахожу слѣдующія свѣдѣнія. «Стрижи въ нынѣшнемъ году улетѣли въ Африку 7 октября въ 7 часовъ утра. Нѣсколько дней до своего отлета они каждое утро почти въ одинъ и тотъ-же часъ улетали съ башни, кружились въ воздухѣ на такой высотѣ, что ихъ можно было видѣть только въ зрительную трубу; вечеромъ-же при закатѣ солнца они снова возвращались на башню, чтобы выпастись и отдохнуть. Въ это время они ночью, противъ своего обыкновенія, вели себя очень спокойно, вѣроятно вслѣдствіе большой усталости послѣ долгаго полета. Въ другіе годы послѣ отпавленія ихъ въ дальній путь видно было нѣсколько стрижей, которые летали около башни въ теченіи 3—4 дней, но въ нынѣшнемъ году этого не было замѣтно: съ 7 октября они пропали всѣ, и послѣ этого дня я не видалъ ни одного изъ нихъ».

Во время своихъ перелетовъ бѣлобрюхій стрижь переходитъ сѣверныя границы своей области распространенія и былъ нѣсколько разъ замѣченъ на сѣверѣ Германіи, а также въ Даніи и Великобританіи. 8 іюня 1791 года его видѣлъ Бехштейнъ въ горахъ Тюрингіи; 22 марта 1841 года старшій учитель Бромирскій поймалъ стрижа на башнѣ въ Виттокъ, а 15 сентября 1849 года стрижа убили около города Кобурга; однажды около города Целла, въ Тюрингіи, нашли стрижа въ когтяхъ убитаго сокола. Чучело другого стрижа, который былъ убитъ въ Мекленбургѣ, находилось, какъ мнѣ сообщалъ Гомейеръ, въ Ронтокскомъ музеѣ, но было съѣдено молью. Боргреве безъ всякаго основанія сомнѣвается въ томъ, что стрижи встрѣчаются въ вышеозначенныхъ мѣстахъ, и упоминаетъ лишь объ одномъ случаѣ, но очевидно не справился въ сочиненіяхъ этихъ писателей. Между тѣмъ указаніе Бехштейна такъ опредѣленно, что нельзя не вѣрить словамъ этого прекраснаго наблюдателя: «Три птицы, о которыхъ идетъ рѣчь, такъ долго и близко летали около меня, что я могъ совершенно ясно разсмотрѣть ихъ величину и цвѣтъ и поэтому никакъ не могъ ихъ смѣшать съ башеннымъ стрижемъ. Жаль, что со мной не было ружья. Голосъ ихъ состоялъ изъ чистаго звучаго подобнаго звуку флейты «скри, скри». Потомъ я этихъ птицъ болѣе не видалъ». Прочія свѣдѣнія не менѣе опредѣленны; одно лишь указаніе Глогера, что бѣлобрюхій стрижь встрѣчается въ Исполиновыхъ горахъ, вѣроятно, происходитъ отъ ошибки: наблюдатель этотъ смѣшалъ его съ башенныхъ стрижемъ, который, какъ я самъ въ этомъ убѣдился, гнѣздится тамъ въ расщелинахъ скалъ. И на островѣ Гель-

голандѣ случалось убивать бѣлобрюхаго стрижа; вѣроятно, онъ гораздо чаще незамѣтно пролетаетъ черезъ Германію, чѣмъ знатоки птицъ это полагаютъ. Во время своихъ зимнихъ странствованій онъ еще далѣе залетаетъ, чѣмъ лѣтомъ по направленію къ сѣверу. Онъ точно такъ, какъ и башенный стрижъ, пролетаетъ, въ буквальному смыслѣ этого слова, всю Африку, правильно появляется на югѣ и юго-западѣ этой части свѣта, на мысѣ Доброй Надежды и въ странѣ Намаква и точно также весело кружится около Столовой горы, какъ около высочайшихъ зубцовъ Сѣнтисъ въ Швейцаріи. Жердонъ видѣлъ эту птицу также на великолѣпныхъ крутыхъ скалахъ, окружающихъ водонады около Гайерзона, и видѣлъ, какъ они здѣсь на югѣ Индіи каждый вечеръ собираются большими обществами и неустанно кружатся около скалъ на 300 м. вышины.

«Никто не можетъ уничтожить у жителей Канри», говоритъ Болле, «издавна существующаго убѣжденія, что бѣлобрюхіе стрижи не улетаютъ, какъ прочія птицы, зимой за море, а зимуютъ въ ущельяхъ самого острова. Добрые люди эти держатся еще зоологическихъ свѣдѣній Аристотеля. Отчего, не безъ хитрости спрашиваютъ они, стрижи по цѣлымъ днямъ ловятъ мухъ и сносятъ ихъ въ расщелины скалъ даже тогда, когда у нихъ нѣтъ дѣтенышей»? Подобнаго же мнѣнія держатся и жители Монсеррата, которые очень хорошо отличаютъ бѣлобрюхихъ стрижей, называемыхъ ими «Falsia blanca», отъ башенныхъ стрижей, извѣстныхъ подъ названіемъ «Falsia negra». Они утверждаютъ, что первый проводитъ всю зиму въ скалахъ Монсеррата, между тѣмъ какъ второй правильно улетаетъ каждую зиму. Жители этихъ горъ съ такою точностью мнѣ указали время прилета и отлета башеннаго стрижа, что ихъ свѣдѣнія относительно бѣлобрюхаго стрижа заслуживаютъ по крайней мѣрѣ внимательнаго разсмотрѣнія. Предположеніе о томъ, что бѣлобрюхій стрижъ зимуетъ въ Испаніи, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго, такъ какъ живущая въ тѣхъ-же мѣстахъ скалистая ласточка (*Clivicola rupestris*) безъ сомнѣнія зимуетъ тамъ, и я самъ замѣчалъ, о чемъ упомяну впоследствии, бѣлобрюхаго стрижа на югѣ Испаніи еще въ ноябрѣ. Если указаніе жителей Монсеррата справедливо, то можетъ быть зимою тамъ встрѣчаются не тѣ стрижи, которые жили лѣтомъ, а другіе, прилетѣвшіе съ сѣвера, между тѣмъ, какъ лѣтніе жители, чтобы, такъ сказать, освободить имъ мѣста, зимою странствуютъ по Африкѣ.

Бѣлобрюхаго стрижа совершенно справедливо называютъ альпійскимъ стрижемъ, хотя въ средне-европейскихъ Альпахъ онъ никогда не встрѣчается въ такомъ большомъ количествѣ, какъ на югѣ, гдѣ иногда собирается несметными стаями. На Альпахъ-же его можно видѣть лишь въ небольшомъ числѣ. Гиртанеръ перечисляетъ цѣлый рядъ скалъ, гдѣ эти птицы гнѣздятся и куда ежегодно возвращаются. На всѣхъ высокихъ горахъ Швейцаріи находятся такія мѣста, гдѣ онъ селится, но чаще всего птицы эти встрѣчаются въ южныхъ частяхъ Альпъ, особенно въ Валлисѣ. Извѣстныя мѣста гнѣздованія стрижей находятся въ Обергасли, на Гемми, Плецбергѣ, на скалахъ Энтлибуха, на исполянскихъ стѣнахъ Урбахтали въ Бернскомъ кантонѣ и на нѣкоторыхъ пустынныхъ скалахъ долины Геремансъ. Въ восточной Швейцаріи стрижъ встрѣчается рѣже, чѣмъ въ западной и средней, однако они живутъ на нѣкоторыхъ горахъ Граубюндена и Апенцеля. Далѣе на востокъ птица эта дѣлается все рѣже; въ Тиролѣ и Каринтіи она гнѣздится только въ немногихъ мѣстахъ, въ Баварскихъ высокихъ горахъ, насколько мнѣ извѣстно, теперь нигдѣ не встрѣчается, такъ что указаніе на то, что бѣлобрюхій стрижъ гнѣздится иногда въ Германіи, слѣдуетъ считать мало правдоподобнымъ. Хотя этотъ стрижъ предпочитаетъ всѣмъ другимъ мѣстностямъ высокія скалы, находящіяся у самаго моря или въблизи его, однако онъ селится иногда на

нѣкоторыхъ высокихъ постройкахъ, развѣ освоившись съ ними, и постоянно возвращается туда съ настойчивостью, свойственной вѣснмъ стрижаиъ. Подобное гнѣздовнище находится, между прочимъ, на нѣкоторыхъ высокихъ церковныхъ башняхъ въ Бернѣ, Фрибургѣ и Бургдорфѣ, а также на башняхъ въ Португаліи, особенно въ Альгарви, на мечетяхъ Константинополя и нѣкоторыхъ крымскихъ монастыряхъ, расположенныхъ высоко на горахъ.

Хотя нравы и привычки бѣлобрюхаго стрижа въ главныхъ чертахъ сходны съ нравами и привычками болѣе знакомаго намъ башеннаго стрижа, однако образъ жизни перваго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличается отъ образа жизни послѣдняго. Существуетъ нѣсколько хорошихъ описаній образа жизни бѣлобрюхаго стрижа, и въ послѣднее время они значительно пополнены наблюденіями нѣмецкихъ, англійскихъ и итальянскихъ натуралистовъ. Однако все необходимыя свѣдѣнія объ этомъ стрижѣ можно найти въ двухъ очень хорошихъ описаніяхъ Болле и Гиртаннера, у которыхъ мы и заимствуемъ нижеслѣдующее.

«Скоро послѣ возвращенія на старое гнѣздовнище», говоритъ Гиртаннеръ, «стрижъ начинаетъ исправлять старыя гнѣзда и строить новыя. Матерьялъ для гнѣзда стрижи собираютъ на воздухѣ, такъ какъ они на землю почти никогда не садятся, вслѣдствіе трудности снова подняться. Матерьялъ этотъ состоитъ изъ былиннокъ, сѣна, соломы, листиковъ и другихъ предметовъ, которые вѣтеръ поднимаетъ съ земли, а стрижи схватываютъ на-лету. Кое-что они схватываютъ, стремительно пролетая надъ поверхностью воды или земли и схватывая оттуда, что попадется; они также прицѣпляются къ стѣнамъ и скаламъ и оттуда собираютъ мохъ и траву. Цементъ, которымъ скрѣпляются матерьялы гнѣзда, стрижи не берутъ съ земли, какъ родственный имъ ласточки, а имѣютъ его всегда при себѣ: онъ состоитъ изъ выдѣленія очень крупныхъ слюнныхъ железъ, состоящаго изъ полужидкой массы, по густотѣ похожей на насыщенный растворъ гумми-арабика. Несмотря на все мои старанія, я не могъ достать гнѣзда стрижа, взятаго со скалы. Все мои свѣдѣнія о способѣ постройки гнѣзда этихъ птицъ основываются на сравненіи 6 гнѣздъ, взятыхъ съ соборной башни въ Бернѣ и находящихся въ собраніи Штелькера. Прежде всего бросается въ глаза необыкновенно малая величина гнѣздъ въ сравненіи съ ростомъ птицы. Гнѣздо имѣетъ видъ круглой, неглубокой чашки, шириною сверху отъ 10—12 см., при 4—6 см. вышины и около 3 см. глубины во всехъ 6 гнѣздахъ. Если эта птица помещается въ такомъ маленькомъ гнѣздѣ, то оно и не можетъ быть болѣе глубокимъ, такъ какъ стрижу, при его короткихъ ногахъ и длинныхъ крыльяхъ, было бы очень неудобно сидѣть; при малой глубинѣ птица можетъ, несмотря на свои длинные крылья, доставать ногами до дна гнѣзда. Если на гнѣздѣ сидятъ оба родителя или выводокъ даже не очень взрослыхъ птенцовъ, то гнѣздо подъ ними дѣлается совсѣмъ незамѣтнымъ. Но маленькое туловище стрижа и не требуетъ очень большого гнѣзда, а, чтобы не вывалиться изъ него, какъ молодые, такъ и взрослые, крѣпко прицѣпляются когтями въ войлокообразное дно.

«Тщательное изслѣдованіе подобнаго гнѣзда показываетъ, что оно строится слѣдующимъ образомъ. На выбранное мѣсто, напримѣръ на балкѣ башни, углубленіи стѣны или скалы, наносится различный матерьялъ, состоящій изъ соломы, сухой травы, листьевъ и т. д., располагается въ видѣ круга или въ безпорядкѣ и такъ крѣпко приклеивается слюною къ основанію, что при снятіи гнѣзда приходится нерѣдко отрывать щепки отъ гнилой балки. Нижній край гнѣзда сплетается плотнѣе и изъ болѣе крупныхъ соломинокъ и крѣпко приклеивается къ нижнему слою; при этомъ птицѣ часто приходится, приспособляясь къ формѣ

углубленія, отказаться отъ постройки совершенно круглаго гнѣзда. Если стѣнка гнѣзда сойдется со стѣной углубленія или расщелины, то она и къ ней крѣпко приклеивается. Видѣнные мною гнѣзда построены почти исключительно изъ очень плотной войлокообразной массы, состоящей изъ травы, оболочекъ отъ почекъ различныхъ растеній и перьевъ самихъ стрижей; кусочки бумаги и корешки ветрѣчаются здѣсь очень рѣдко. Верхній край сплетается очень плотно изъ стебельковъ травы и перьевъ, и ему придается по возможности округленная форма и только въ крайнемъ случаѣ полукруглая или угловатая. Внутренность гнѣзда не заключаетъ въ себѣ никакой особой подстилки. Тамъ, гдѣ въ матерьялѣ гнѣзда остаются промежутки, птица всовываетъ согнутое перо и крѣпко его приклеиваетъ слюной. Слюна употребляется главнымъ образомъ при прикрѣпленіи гнѣзда къ основанію. при постройки верхняго края и нижняго слоя, а также для смазки всего углубленія. Такимъ образомъ верхній край приобруствается, какъ впрочемъ и все гнѣздо, большую твердость и дѣлается даже глянцевитымъ, такъ какъ слюна на воздухѣ очень быстро твердѣетъ. Въ одномъ изъ гнѣздъ у основанія вмазаны цѣлыи трутъ молодого стрижа, у котораго не достаеъ лишь одного крыла. Изъ того, что онъ находится у основанія гнѣзда, можно предположить, что это былъ проплогодній птенецъ, случайно вынашій изъ гнѣзда и тутъ околѣвшій и засохшій; птица, вздумавшая строить гнѣздо на этомъ мѣстѣ, и воспользовалась этимъ труномъ для своей постройки. Этотъ трутъ такъ тщательно соединенъ съ прочими частями гнѣзда, что широко раскрытый ротъ набитъ сѣномъ и другимъ матерьяломъ. Фаціо обращаетъ вниманіе на другую особенность, наблюдаемую у гнѣздъ стрижей, именно, что птица часто пользуется для постройки яйцами воробьевъ, которые гнѣздятся не далеко отъ него. Гнѣздо внутри иногда мѣстами покрыто желтымъ слоемъ, который очевидно происходитъ отъ разбитыхъ яицъ. Еще лучшимъ доказательствомъ служатъ большіе куски скорлупы отъ воробьиныхъ яицъ, которые приклеены къ внутреннимъ стѣнкамъ готоваго гнѣзда стрижа». Со своей стороны я позволю себѣ здѣсь замѣтить, что башенный стрижъ точно также безцеремонно пользуется гнѣздами другихъ птицъ, и поэтому думаю, что бѣлобрюхій стрижъ поступать точно такъ, какъ и башенный, т. е. просто овладѣваетъ уже выстроеннымъ гнѣздомъ воробья, съ положенными туда яйцами, проклеиваетъ его своей слюной и разбиваетъ яйца, а не приноситъ эти яйца изъ другого гнѣзда, какъ думаетъ Гиртаннеръ.

Кладка начинается обыкновенно въ началѣ іюня, часто ранѣе, чѣмъ гнѣздо вполне заключено; яйца кладутся черезъ два дня по одному, пока ихъ не наберется отъ 3—4. Яйца, по словамъ Гиртаннера, молочно-бѣлаго цвѣта безъ глянца и похожи на гипсовые, даже на ощупь; скорлупа состоитъ изъ не очень мелко зернистой массы. На толстомъ концѣ яйца замѣтны довольно большіе известковые желваки, а вся поверхность покрыта видимыми простыми глазами порами. Форма яйца бываетъ различна, отъ вытянутой и постепенно съ уживающейся къ концу, до довольно широко овальной. Длина 10 яицъ, которые Гиртаннеръ выбралъ изъ 40 штукъ, колеблется между 29 и 33 m.m., а ширина между 19 и 22 m.m. При этомъ замѣтно, что продольный діаметръ всегда уменьшенъ пропорціонально увеличенію поперечнаго, и потому объемъ и вѣсъ яйца почти всегда одинаковы. Бѣлобрюхій стрижъ точно такъ, какъ и башенный, выводитъ птенцовъ лишь одинъ разъ въ году.

Вѣроятно ни одинъ наблюдатель, который знакомился съ альпійскимъ стрижемъ, живущимъ на свободѣ, не можетъ отрицать глубокаго впечатлѣнія, которое эта птица производитъ на всякаго новаго человека. Впечатлѣніе это еще въ силь-

ной степени увеличивается великолѣпіемъ и красотою природы тѣхъ мѣсть, гдѣ живутъ эти гордые и сильные обитатели воздуха. Болле, какъ всегда, въ высшей степени картинно и интересно описываетъ свое первое знакомство съ бѣлобрюхимъ стрижемъ. Это было на островѣ Исхія, 8 іюня послѣ обѣда. «Три-те-тиррр» зазвучало въ лѣтнемъ воздухѣ, и парочка, обгоняя другъ друга, пролетѣла надо мной. Развѣ я могъ, хотя минуту, сомнѣваться! Мѣстность, въ которой я находился, величина птицы и ослѣпительно бѣлое брюшко ея тотчасъ указали мнѣ, что это бѣлобрюхій стрижъ. Скоро, не вставая съ своего мѣста на дюнѣ, я увидалъ много такихъ птицъ. Онѣ живутъ въ необыкновенно большомъ числѣ на высокой скалѣ, которая поднимается среди водъ около замка города Исхія и соединена съ островомъ только узкой дамбой; но, безъ всякаго сомнѣнія, онѣ населяютъ и другія выдвинувшіяся надъ моремъ скалы этого острова. Пунта-дель-Императоре, образующая западную скалу Исхія, представляетъ изъ себя величественное мѣсто, покрытое обломками лавы, далеко выдающееся въ лазурное море противъ мыса Цирцеи и острововъ Понза и окруженное пѣнящимся прибоемъ волнъ. Съ высоты этой скалы видно чудное зрѣлище, именно: множество бѣлобрюхихъ стрижей, кружащихся очень низко надъ моремъ. Выдѣляясь на темно-голубомъ фонѣ волнъ, стрижи эти кажутся серебристо-бѣлыми, хотя верхняя часть ихъ тѣла темная; происходитъ-ли это явленіе отъ оптического обмана или отъ своеобразнаго отраженія лучей свѣта, отъ ихъ, впрочемъ, вовсе не металлически-блестящаго оперенія, или-же ихъ бѣлое брюшко дѣлается замѣтнымъ влѣдствіе нѣскольکو косою полета, но фактъ тотъ, что стрижи эти постоянно кажутся бѣлыми. По этимъ чуднымъ обитателямъ воздуха я нашелъ также на островѣ Капри и встрѣтился тамъ съ ними, какъ со старыми друзьями. Во многіе часы одиночества они составляли единственное мое общество! Гуляя по высокимъ скаламъ, образующимъ морскую берегъ, или плывя по морю у подошвы этихъ скалъ, вездѣ видишь себя окруженнымъ крикливыми стаями этихъ птицъ. Одно гнѣздовище находится рядомъ съ другимъ, и все они образуютъ непрерывный поясъ, окружающій весь островъ. Часто мнѣ случалось по цѣлымъ часамъ сидѣть на восточной скалѣ этого острова, которая развалинами своего дворца напоминаетъ мрачнаго отшельника, императора Тиверія. Взоръ мой въ свѣтлой дали повсюду видѣлъ великолѣпные ландшафты: Везувій и его Сомму, мысъ Минервы, а съ другой стороны Сирены и далеко на горизонтѣ Салернскій заливъ. Наклонившись надъ перилами, я съ замираніемъ сердца смотрѣлъ на странную глубину и измѣрялъ еелишь по мерцанію поверхности моря; по небесно-голубому фону съ мраморнымъ рисункомъ тихо плыла по воздуху чайка, а надо мной воздухъ оживляли огромныя стаи стрижей. Около высокой скалы, Сальто-ди-Тиберио, имѣющей до 400 м. вышины, птицы эти носились такъ свободно, что, казалось, будто онѣ не подвержены закону тяжести».

Мнѣ также случалось видѣть альпійскихъ стрижей въ такой величественной мѣстности, каковую себѣ можно представить: на вершинѣ горы Монсерратъ въ Каталоніи. Эта отдѣльно стоящая гора возвышается на 1500 м. надъ окружающею равниною. Она состоитъ изъ многихъ тысячъ скалистыхъ конусовъ, которые нагромождены другъ на друга и оканчиваются стоящими одинъ подлѣ другого огромными обелисками. Между ними находятся глубокія ущелья, образующія страшныя пропасти, а вокругъ простирается широкая и богатая равнина. На сѣверѣ виднѣются снѣжныя вершины Пиренеевъ, которыя блестятъ и сверкаютъ при вечернемъ освѣщеніи; на востокъ взоръ простирается до темно-голубого Средиземнаго моря, на которомъ вдали поднимаются Балеарскіе острова, полузакрытые легкимъ туманомъ; во все другія стороны глазамъ представляются лишь разорванныя горныя ущелья и цѣпи воз-

вышенностей. На одномъ изъ только-что названныхъ обелисковъ альпійскіе стрижи устроили себѣ гнѣздовище и дозволили родственнымъ башеннымъ стрижамъ устроиться тутъ-же по близости. Никто изъ нашего маленькаго общества охотниковъ, которые отправились въ горы для наблюденія за птицами и собиранія коллекцій, не могъ противостоятъ искушенію пострѣлять по этимъ стрижамъ, которые поселились на «конѣ Святого Фердинанда», какъ называется народъ эту столпообразную скалу. Гнѣзда стрижей находятся на верхушкѣ скалы, высоко надъ отвѣсно спускающейся стѣною ущелья. Я приблизился къ этому мѣсту по узкой, выдающейся скалѣ, которая была соединена съ другими горами, какъ полуостровъ на морѣ или угловая башня гигантскаго замка, чтобы отсюда удобнѣе приблизиться къ осторожнымъ птицамъ; когда я взглянулъ на страшную пропасть, зияющую подъ моими ногами, то увидаль, что она простирается далеко внизъ, до самой подошвы скалы, гдѣ въ долинѣ шумитъ быстрая рѣчка Льобрегать. Несмотря на то, что я не подверженъ головокруженіямъ, все-же я не осмѣлился взглянуть по другую сторону узкой тропинки, на которой находился: мнѣ стало страшно. Брошенный камень очень долго летѣлъ до дна пропасти; звукъ отъ удара о скалы долеталъ до насъ лишь по прошествіи девяти секундъ. Очень много стрижей цѣлыми рядами носились въ узкомъ ущельи, отдѣляющемъ нашу скалу отъ прочей массы горъ, и только на глубинѣ этого ущелья мы могли находить убитую нами добычу. Но мнѣ не удалось застрѣлить ни одной изъ этихъ птицъ: огромныя массы расположенныхъ кругомъ меня скалъ такъ обманывали глазъ, что онъ терялъ всякое понятіе о разстояніи. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ выстрѣловъ я усѣлся на камень, положилъ ружье у своихъ ногъ и довольствовался тѣмъ, что слѣдилъ глазами за чудными птицами, пока во мнѣ снова возбудились давно забытыя мечтанія о возможности летать по воздуху и уста мои невольно стали шептать слова поэта:

«Ach, zu des Geistes Flügeln wird so leicht
Kein korpelicher Flügel sich gesellen» *).

Стрижи никогда не летаютъ далеко надъ моремъ, кромѣ времени перелета. Болле утверждаетъ, что онъ нѣсколько разъ проѣзжалъ на кораблѣ мимо большого скалистаго полуострова Монте-Аргентаріо, въ южной Тосканѣ, гдѣ гнѣздится множество стрижей, и никогда не видалъ, чтобы они кружились надъ судномъ. «Все-таки эта птица заслуживаетъ названія Rondone Marino (морской стрижъ), которое она носитъ въ Тосканѣ, такъ какъ она предпочитаетъ морскіе берега всѣмъ другимъ мѣстностямъ и въ Италіи никогда не живетъ въ городахъ, какъ въ Швейцаріи и въ Португаліи. Здѣсь въ Италіи часто видишь, какъ стрижъ влѣзаетъ въ пещеры, расположенныя надъ самымъ моремъ, такъ что ему приходится пролетать сквозь пѣну и брызги волнъ.

Когда видишь высоко летающаго надъ собою стрижа, то полетъ его невольно сравниваешь съ полетомъ сокола: онъ долго паритъ, не двигая крыльями. Затѣмъ слѣдуетъ нѣсколько быстрыхъ ударовъ крыльями, между которыми онъ внезапно падаетъ внизъ, отвѣсно или спускаясь дугой. Часто отъ большого общества, которое то разсѣивается, то снова собирается—отдѣляется парочка и, играя, высоко подымается въ воздухъ. Стрижи находятся въ постоянномъ движеніи до вечернихъ сумерекъ, а затѣмъ мѣняютъ свое мѣстопробываніе и занятіе. Вечеромъ надъ всѣми обработанными мѣстностями, которыя расположены не очень далеко отъ

*) Увы, за крылатой мечтой не такъ-то легко слѣдуютъ обыкновенныя крылья!

моря, особенно надъ виноградниками и плодовыми садами, стрижи летаютъ тихо, плавно и низко, точно ласточки; каждая птица держится отдѣльно и не заигрываетъ съ товарищами, а усердно занимается ловлею насѣкомыхъ. Особенно усердно занимаются онѣ этимъ дѣломъ при закатѣ солнца, что доказываетъ предпочтеніе къ ночнымъ насѣкомымъ. Въ этомъ отношеніи бѣлобрюхія стрижь рѣзко отличается отъ башеннаго, который именно вечеромъ чаще всего собирается большими и крикливыми стаями. Въ это время, глядя на замѣтное бѣлое брюшко, можно было-бы принять стрижа за ласточку, еслибы онъ не отличался отъ нея большей величиной и длинными, острыми крыльями. Онъ удивительно легко носится по воздуху и часто замѣчаснь, какъ онъ останавливается, чтобы схватить добычу; иногда онъ какъ-бы качается на воздухѣ. Какой жалкой кажется рядомъ съ нимъ порхающая маленькая летучая мышь, которую такъ часто видишь на улицахъ Неаполи, гдѣ она начинаетъ летать еще до заката солнца!

Насколько стрижь кажется величественнымъ въ воздухѣ, настолько онъ безпомощенъ, когда случайно упадетъ на землю. Гиртаннеръ дѣлалъ опыты надъ способностью стрижей подыматься съ земли,—такъ какъ вопросъ этотъ былъ не совсѣмъ разъясненъ; изъ его опытовъ видно слѣдующее. Когда ихъ приносили въ большую комнату и выпускали около потолка, то они широко распускали крылья и медленно опускались внизъ, описывая большую дугу; подлетѣвъ почти къ самому полу, они снова подымались и нѣсколько разъ пролетали по комнатѣ, но скоро гдѣ-нибудь прицѣплялись, такъ какъ недостатокъ мѣста не позволялъ имъ, свойственныхъ имъ на открытомъ воздухѣ, летательныхъ упражненій. Когда этотъ опытъ повторяли въ маленькой комнатѣ, то они ударялись въ противоположную стѣну, раньше чѣмъ могли подняться наверхъ, причемъ всегда падали на полъ. Оттуда они никогда не могли подняться: хлопая о полъ распушенными крыльями и прижимая ноги къ туловищу, они двигались впередъ, пока не достигали стѣны; но и по ней они не могли влѣзть, даже если стѣна была негладкая и шершавая. «Несомнѣнно», говоритъ Гиртаннеръ, «что когда они и на свободѣ упадутъ на землю, то производятъ тѣ-же движенія. Если птица была настолько счастлива, что попала на крышу или вершину скалы, то она вышеописаннымъ способомъ допознала до края и оттуда бросалась внизъ, чтобы на лету расправить крылья. На плоской-же обширной мѣстности, до края которой стрижу допознати нельзя, или въ пространствѣ, окруженномъ отвѣсными стѣнами, онъ неминуемо обреченъ на гибель. Увѣряютъ однако, что другіе стрижи помогаютъ товарищу, попавшему въ такую бѣду, быстро пролетая надъ нимъ и стараясь приподнять его съ земли, чтобы дать ему возможность взлетѣть; говорятъ, что это дѣлаютъ и башенные стрижи. Я не отрицаю возможности подобной помощи, тѣмъ болѣе, что вспоминаю случай, бывший съ одной галкой, у которой были сильно подрѣзаны крылья; галка эта была на свободѣ и крики ея замѣтила стая галокъ, собравшихся въ дальнее странствованіе: здоровыя птицы на моихъ глазахъ съ большою настойчивостью старались приподнять калѣку, схватывали ее клювомъ за крылья и довольно высоко приподымали на воздухъ; улетающія только тогда прекратили свои великодушныя попытки, когда убѣдились въ безполезности своихъ стараній.» Я съ своей стороны не желаю сомнѣваться въ справедливости вышесказаннаго, но не могу согласиться съ Гиртаннеромъ въ томъ, что альпійскій стрижь, попавшій на землю, непременно погибаетъ. Онъ, безъ сомнѣнія, помогаетъ себѣ въ этомъ случаѣ такъ, какъ и башенный стрижь. Но, чтобы произвести этотъ опытъ, не слѣдуетъ класть стрижа въ узкой комнатѣ, а на открытомъ мѣстѣ, гдѣ испуганная птица видитъ около себя просторъ, что придастъ ей больше смѣлости.

«Когда бѣлобрюхихъ стрижей много», замѣчаетъ Болле, «то голоса ихъ сливаются въ продолжительную трель, въ которой ясно преобладаетъ звукъ «р», а въ началѣ и концѣ примѣшивается легкое «и». Голосъ этотъ очень хорошо подходитъ къ дикой, но залитой солнечнымъ свѣтомъ береговой мѣстности, гдѣ живутъ стрижи; онъ усиливается и слабѣетъ по мѣрѣ приближенія или удаленія птицъ, но постоянно раздается въ ухѣ наблюдателя. Вслѣдствіе своей продолжительности и, если можно такъ выразиться, однообразной непрерывности, голосъ этотъ подъ конецъ дѣлается очень яснымъ. «Отдѣльно летающіе стрижи издають звукъ, похожій на «цип-цип»; это и есть, вѣроятно, призывной голосъ, чтобы позвать товарищей, которыхъ всегда много въ виду.

Въ высшей степени интересно не только первое впечатлѣніе, но и наблюденіе надъ ежедневною жизнью и движеніями бѣлобрюхаго стрижа. «Окрестности старой башни», такъ описываетъ Гиртаннеръ, «или горной цѣпи необыкновенно оживляются этими птицами, которыя хотя живутъ обществами, но очень дики, любятъ ссориться и находятся въ постоянномъ движеніи. Даже въ теченіи цѣлой ночи въ углубленіяхъ, служащихъ для помѣщенія гнѣздъ стрижей, постоянно слышится шумъ и ссоры, такъ что трудно представить себѣ, когда эти птицы пользуются ночнымъ покоемъ для сна; утромъ-же, когда взойдетъ солнце, шумъ этотъ въ значительной степени еще усиливается. Лишь только сумерки слабо освѣтятъ темныя щели скалъ, какъ уже жители ихъ просыпаются и готовятся къ отлету. Они съ трудомъ ползутъ къ отверстію щелеры или щели, прижимая грудь къ землѣ и усердно помогая себѣ крыльями, но какъ только добредутъ до выхода, то всѣ трудности преодолены. Распустивши свои неутомимыя крылья, они бросаются въ глубину съ рѣзкимъ крикомъ, который отъ времени до времени переходитъ въ громкую трель, и цѣлыя стаи этихъ таинственныхъ созданій носятся надъ спящимъ еще городомъ или темнымъ, безмолвнымъ ущельемъ. Стая стрижей поднимается въ воздухъ до такой высоты, что дѣлается незамѣтной для невооруженнаго глаза и такимъ образомъ внезапно исчезаетъ изъ той мѣстности, гдѣ находится гнѣзда. Но вотъ птицы стали снова замѣтны: высоко надъ нашими головами бѣлѣютъ ихъ свѣжно-бѣлыя брюшки и блестящія крылья, точно свѣжные хлопья при солнечномъ свѣтѣ. Вдругъ они снова появляются около своихъ гнѣздовицъ на скалѣ и кружатся тамъ, играя и перегоняя другъ друга. Такимъ образомъ проводятъ стрижи все утро, если только погода хороша, и главная цѣль ихъ полета, конечно, состоитъ въ ловлѣ насѣкомыхъ. Когда наступаетъ полуденный жаръ, то стаи стрижей снова прячутся въ свои щели и предаются покою, такъ какъ сильную жару они плохо переносятъ и это время охотѣе всего проводятъ въ своихъ прохладныхъ убѣжищахъ. Стрижи очевидно тогда спятъ, по крайней мѣрѣ они не издають никакого звука и оживляются снова только вечеромъ.

«Вечеромъ стаи стрижей любятъ летать большими кругами, наслаждаясь безграничной свободой. Отъ начала вечернихъ сумерекъ до заката солнца у нихъ господствуетъ усиленное веселье, и стаи стрижей носятся еще по воздуху, когда на улицахъ города наступила полная тишина и всѣ жители альпійскихъ долинъ уже предалися покою. Въ пасмурную и дождливую погоду шумливые стрижи охотѣе всего сидѣли-бы дома, но добываніе пищи заставляетъ ихъ совершать полеты. Въ этомъ случаѣ стрижи летаютъ молча по-одиночкѣ, усердно преслѣдуя насѣкомыхъ надъ лугами или пролетая надъ ручьемъ, гдѣ легко схватить стрекозу; тогда гордаго жителя горныхъ ущелій почти нельзя узнать, такъ молчаливо летаетъ онъ по долинамъ, чтобы наскоро утолить свой голодь. Когда на Альпахъ наступаетъ холодная погода или разражается величественная гроза, то и тогда стрижи

показывается въ долинѣ. Послѣ долгой засухи стрижи очень рады теплему дождю; они тогда пьютъ и купаются на лету, кружатся надъ своими гнѣздовищами и всячески поворачиваются на воздухѣ, чтобы дождь смылъ съ нихъ докучливыхъ паразитовъ; даже сидящіе на ящикахъ стрижи не могутъ отказать себѣ въ этомъ удовольствіи.

«Подобная беззаботная жизнь продолжается до тѣхъ поръ, пока не кончилась кладка яицъ, насиживание которыхъ уничтожаетъ безграничную свободу стрижей. Но когда птенцы вылупились, то вся дѣятельность родителей направлена на добываніе для нихъ необходимой пищи. Птицы тогда неутомимо носятся по воздуху, широко раскрывъ свою пасть, и бросаются на всякое насѣкомое, которое имъ попадается на пути. Скоро много мелкихъ насѣкомыхъ прильпляютъ къ лилому небу птицы, такъ что во рту образуется большой комокъ. Тогда стрижъ летитъ къ гнѣзду и глубоко запихиваетъ пищу въ пасти голодныхъ птенцовъ. Кормленіе дѣтенышей продолжается отъ 7 до 8 недѣль, такъ какъ птенцы только тогда вылетаютъ, когда могутъ безъ предварительныхъ летательныхъ упражненій прямо броситься въ глубину и сразу носиться по воздуху. Яйца насиживаются попеременно обоими родителями и птенцы вылупляются черезъ три недѣли послѣ того, какъ положено послѣднее яйцо. Они при рожденіи уже вполнѣ покрыты сѣрымъ пухомъ, какъ молодые хищныя птицы. Перья, украшенныя широкими бѣлыми каймами, появляются сначала на головѣ, крыльяхъ и хвостѣ. Ноги совсѣмъ голыя и розовато-красныя. Если кладка первоначально и состояла изъ четырехъ яицъ, то вполнѣдствіи часто все-таки находишь лишь трехъ птенцовъ, что случается или потому, что, вслѣдствіе постоянно порывистыхъ движеній родителей, одно изъ яицъ разбивается, или одинъ птенецъ выталкивается своими братьями изъ узкаго гнѣзда и вываливается внизъ. Дальнѣйшее выростаніе птенцовъ подвигается довольно медленно, вѣроятно вслѣдствіе трудности доставленія имъ достаточнаго количества пищи. Птенцы оставляютъ гнѣздо гораздо ранѣе перваго вылета; они привѣшиваются къ стѣнамъ углубленія или пещеры, гдѣ расположено гнѣздо, остаются въ этомъ положеніи по цѣлымъ часамъ и здѣсь кормятся родителями. Вылетаютъ они изъ гнѣзда лишь въ концѣ и рѣдко въ серединѣ мая и очень скоро достигаютъ такой же ловкости полета, какъ и взрослыя. Это имъ и необходимо, такъ какъ приближается время отлета на югъ».

Альпійскій стрижъ подъ защитою недосыгаемости своихъ гнѣздовищъ и вслѣдствіе очень высокаго и быстраго полета, живетъ обыкновенно въ полной безопасности. Стаи ихъ страдаютъ лишь отъ холода и голода. Точно такъ, какъ и башенныя стрижи, альпійскіе сильно дерутся между собою, и одинъ противникъ такъ сильно вибрируетъ когтями въ другого, что оба часто падаютъ на землю, гдѣ обыкновенно и погибаютъ. Въ Швейцаріи никто не преслѣдуетъ стрижей, если только они не нужны для естественно-историческихъ цѣлей; въ Италіи же и Греціи еще до сихъ поръ, какъ во времена Геснера, стрижей ловятъ на удочку на лету. «Мальчикъ лежитъ на верхушкѣ крутой скалы или на высокой крышѣ», рассказываетъ Болле, «и по возможности прячется. Онъ держитъ въ рукахъ длинный пруть, къ концу котораго привязана длинная голубая нитка, а на концѣ ея между перышками и ватой спрятавъ небольшой крючечекъ; онъ качается на воздухѣ между другими нарочно бросаемыми перышками. Хватая перо для постройки гнѣзда, стрижъ попадаетъ на удочку и такимъ образомъ ловится». Въ Португаліи поступаютъ, какъ мнѣ сообщаетъ Рей, совершенно такимъ же образомъ. Въ Греціи, по словамъ фонъ-деръ-Мюле, протягиваютъ бичевку между двумя высокими предметами и къ ней привязываютъ лошадиныя волосы и пухъ съ маленькими крюч-

ками; птицы, собирающія матерьялъ для гнѣзда, такимъ образомъ попадаютъ на крючки. Охотники становятся также на верхушкѣ скалы, гдѣ сильно дуетъ вѣтеръ, и стрѣляютъ въ мимо летающихъ стрижей, чтобы продавать ихъ на рынкѣ. Кромѣ подобной, если можно такъ выразиться, мальчишеской охоты, бѣлобрюхій стрижь погибаетъ иногда въ когтяхъ нѣкоторыхъ соколовъ. На островѣ Капри сапанъ (*Falco peregrinus*) живетъ въ ближайшемъ сосѣдствѣ со стрижемъ, и Болле думаетъ, что едва ли онъ преслѣдуетъ ихъ; однако быстро летающій хищникъ навѣрно ихъ ловить, что несомнѣнно подтверждается многими наблюдениями. Кромѣ того стрижа беспокоятъ еще всевозможные паразиты, отъ которыхъ онъ страдаетъ главнымъ образомъ во время насиживания яицъ.

«Бѣлобрюхому стрижу», говоритъ Гиртаннеръ, «нельзя приписать большой пользы въ хозяйствѣ природы, но онъ не приноситъ и никакого вреда. Его не любятъ изъ-за его крика, но охотиться за нимъ изъ-за мяса въ Швейцаріи не стоитъ. Онъ все-таки приноситъ нѣкоторую пользу истребленіемъ многихъ насѣкомыхъ и производитъ на наблюдателя приятное впечатлѣніе. Его веселое щебетаніе высоко надъ пустынными ущельями и суровыми скалами оживляетъ эти дикія мѣстности; и, безъ сомнѣнія, стоитъ въ горахъ провести нѣкоторое время, наблюдая стаю свержающихъ на солнцѣ стрижей и любясь ихъ быстрыми движениями, играми и даже ссорами».

Хотя можно было впередъ предвидѣть, что жизнь этихъ птицъ въ неволѣ должна быть очень незавидная, Гиртаннеръ однако счелъ возможнымъ сдѣлать опытъ содержанія бѣлобрюхаго стрижа въ клѣткѣ. Взрослыя птицы были очень пугливы и дики, кричали при приближеніи челоѣка, прятались въ самые темные углы комнаты и тамъ лежали безъ движенія, пока ихъ не поднимали. Такъ какъ стрижи нѣсколько разъ жестоко поранивали руку Гиртаннера, выцѣпляясь въ нее своими страшными когтями, онъ сталъ надѣвать перчатки изъ толстой кожи, когда ихъ бралъ въ руки для кормленія. Одна изъ птицъ, самка, околѣла уже черезъ пять дней, вслѣдствіе того, что настойчиво отказывалась отъ всякой пищи и даже выплевывала то, что ей вливали въ пасть; самца удалось кое-какъ искусственно прокормить, но онъ постепенно все худѣлъ и околѣлъ черезъ три недѣли. О птенцахъ, которые были взяты вмѣстѣ съ взрослыми, оба родителя нѣсколько не заботились, такъ какъ они не имѣли возможности ихъ прокормить обыкновеннымъ способомъ. Гиртаннеръ могъ подтвердить наблюденіе, сдѣланное еще Фаціо, именно, что стрижи не проглатываютъ маленькихъ кусковъ, но ждутъ, пока во рту соберется довольно большой комокъ, который они тогда всагдѣтъ въ пицеводъ сильнымъ глотательнымъ движеніемъ. Четыре дѣтеныша, которые, вѣроятно, имѣли отъ 5—6 недѣль отъ роду, были очень похожи на родителей, и широкія бѣлыя каймы на перьяхъ у нихъ исчезли къ февралю слѣдующаго года, послѣ чего началось линяніе мелкихъ покровныхъ перьевъ. Жизнь ихъ въ неволѣ была очень однообразна. Гнѣздо ихъ состояло изъ маленькой корзинки, наполненной мхомъ, и это было единственный предметъ, къ которому они чувствовали нѣкоторое расположеніе. Они стали пробовать летать уже въ концѣ августа, но настоящимъ полетомъ это назвать было нельзя, хотя они были хорошо унитаны и очень подвижны. Когда они попадали на полъ, то, точно маленькія тачки, скользили до ближайшаго угла, одинъ за другимъ и тамъ оставались довольно долго, сдвинувшись другъ къ другу головами, такъ что образовывали звѣзду. Если ихъ подносили къ стѣнѣ, то они крѣико въ нее выцѣплялись и не думали улетать оттуда, а черезъ нѣсколько времени падали на полъ. Пить научились они только черезъ три мѣсяца и тогда пили часто и тѣмъ же способомъ, какъ и другія птицы. По

Гиртаннеръ не могъ ихъ приучить самихъ схватывать пищу, а приходилось ее вталкивать имъ въ ротъ большими комками, а то они оставались съ открытою пастью и близъ лежащій кормъ сами не трогали. При увеличивающемся холодѣ воспитателю пришлось ихъ запереть въ большую клетку, по стѣнамъ которой они усердно лазали и при этомъ сильно шумѣли. Если одна птица нечаянно задѣвала другую, то начиналась всеобщая драка и сильный крикъ. Такъ какъ съ конца ноября уже нельзя было ждать физическаго или душевнаго развитія этихъ птицъ, то Гиртаннеръ убилъ перваго птенца черезъ 4 мѣсяца послѣ поимки, втораго черезъ 5 мѣсяцевъ, третьяго черезъ 6 мѣсяцевъ и сохранилъ четвертаго только живымъ до начала мая. Возвратить имъ свободу въ это время значило бы намѣренно предназначить ихъ къ вѣрной смерти. «Такимъ образомъ оказывается, что альпійскаго стрижа», говоритъ въ заключеніе Гиртаннеръ, «можно держать въ неволѣ и даже въ клеткѣ, однако я долженъ по совѣсти сказать, что никому нельзя ихъ рекомендовать какъ комнатныхъ птицъ; только на полной свободѣ стрижь можетъ доставить человѣку удовольствіе».

* * *

Въ предыдущей статьѣ намъ часто уже приходилось упоминать о ближайшемъ родичѣ бѣлобрюхаго стрижа, **Башенномъ стрижѣ** (*Micropus apus*, *Cypselus apus*, *murarius*, *barbatus*, *vulgaris*, *dubius*, *turrium*, *Hirundo apus*, *Brachypus murarius*. *Mauersegler*. *Martinet noir.*), который достигаетъ 18 см. длины при 40 см. размаха крыльевъ; длина крыла 17 см., а хвоста 8 см. Опереніе у него однообразнаго дымчато-темно-бураго цвѣта съ зеленоватымъ металлическимъ отливомъ, который всего замѣтнѣе на нижнихъ кроющихъ перьяхъ шеи и на плечахъ. Подбородокъ и горло украшены округленнымъ бѣлымъ пятномъ; глаза темно-бураго цвѣта; клювъ черный, ноги свѣтло-бурыя. Оба пола по оперенію другъ отъ друга не отличаются, а птенцы нѣсколько свѣтлѣе и перья у нихъ имѣютъ очень узкія грязно-бѣлыя каемки на концахъ.

Въ Египтѣ башенный стрижь замѣняется **Сѣрымъ стрижемъ** (*Micropus murinus*, *pallidus*. *Maussegler*. *Martinet gris*), который отличается сѣрымъ, мышинаго цвѣта опереніемъ съ бѣлымъ пятномъ на горлѣ. Въ Китаѣ живетъ другой видъ стрижа, очень похожій на сѣраго—*Micropus pacificus*.

Башенный стрижь съ перваго мая до августа мѣсяца летаетъ съ громкимъ крикомъ по улицамъ всѣхъ городовъ средней Европы, и кружится тамъ около верхушекъ старыхъ колоколенъ. Птица эта имѣетъ большую область распространенія: я находилъ ее во всѣхъ странахъ Европы, которая мнѣ случилось посѣтить, начиная отъ бани Дронтгеймскаго собора до башенъ зданій въ городѣ Малагѣ. Другіе наблюдатели видали ее въ большей части сѣверной и средней Азіи. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Персіи этотъ стрижь встрѣчается какъ обыкновенная лѣтняя птица и въ большомъ количествѣ гнѣздится въ извѣстныхъ мѣстахъ, напримѣръ въ окрестностяхъ Шираза. Зимую онъ живетъ въ Африкѣ и южной Индіи, при чемъ пролетаетъ черезъ всю Африку съ сѣвера до юга. Въ Германіи онъ появляется съ удивительною правильностью обыкновенно 1-го или 2-го мая и остается до 1-го августа. Въ очень теплыя весны случается, что нѣкоторые стрижи появляются уже въ послѣднюю недѣлю апрѣля мѣсяца, а при очень хорошей погодѣ они остаются здѣсь еще въ первой половинѣ августа, но какъ то, такъ и другое слѣдуетъ считать исключеніемъ. Тѣ стрижи, которыхъ видишь позже перваго августа, гнѣзди-

лись на сѣверѣ и были задержаны тамъ худою погодою, такъ что воспитаніе дѣтенышей не было вполне окончено ко времени отлета большинства птицъ, почему они и должны были остаться на родинѣ нѣсколько лишнихъ дней. Такихъ оставшихъ стрижей я видѣлъ въ Германіи и на Доврефіельдѣ еще въ концѣ августа.

Тамъ, гдѣ гнѣздится много башенныхъ стрижей, труднѣе наблюдать ихъ привычки, но тамъ, гдѣ ихъ мало, гораздо легче это сдѣлать. Такъ, въ 1877 году я могъ съ достовѣрностью узнать, что единственная парочка, которая жила на колокольнѣ моей родной деревни, исчезла 26 іюля. Отъ этого времени до половины августа пролетало много стрижей по-одиночкѣ, парами и цѣлыми семьями; они кружились около нашей колокольни и затѣмъ снова исчезали, а послѣ 13 августа уже не было видно ни одной изъ этихъ птицъ. Гомейеръ наблюдалъ очень запоздавшія стаи 8 и 10 сентября. Въ Испанію башенный стрижъ прилетаетъ въ такое-же время, какъ и въ Германію, и улетаетъ также не позже; въ Греціи-же, повидимому, бываетъ иначе. Сюда стрижи прилетаютъ равнѣе и улетаютъ оттуда позже. По наблюденіямъ Линдермайера, въ вѣрности которыхъ можно однако сомнѣваться, башенный стрижъ прилетаетъ въ Грецію въ концѣ марта, еще ранѣе, чѣмъ бѣлобрюхій стрижъ, по наблюденіямъ-же Крюпера, только въ серединѣ марта, а въ исключительныхъ случаяхъ и въ началѣ апрѣля въ одно время со своимъ родичемъ и улетаетъ вмѣстѣ съ нимъ довольно рано. Въ средней Персіи, по словамъ Сентъ-Джона, онъ появляется въ то-же время, какъ и въ Греціи, но остается тамъ до конца октября, а въ южной Персіи онъ показывается уже въ февралѣ. Во внутреннюю Африку онъ прилетаетъ черезъ нѣсколько дней послѣ своего отлета изъ Германіи; я уже 3 августа видѣлъ стрижей, кружащихся надъ минаретомъ мечети въ Хартумѣ. Перелетъ ихъ совершается очень разнообразно. Въ Верхнемъ Египтѣ эта удивительная птица, которая зимуетъ часто только на югѣ Африки, встрѣчается въ иные годы въ большомъ числѣ уже въ февралѣ и въ мартѣ, и весьма возможно, что иногда нѣкоторые стрижи здѣсь и зимуютъ. Къ моему великому удивленію во время нашего пребыванія въ Малагѣ, я видѣлъ башенныхъ стрижей, летающихъ около колоколенъ этого города еще 13 и 28 октября. Это были, какъ я имѣю право предполагать, стрижи, вернувшіеся изъ Африки, такъ какъ, по наведеннымъ справкамъ, башенный стрижъ и на югѣ Испаніи улетаетъ въ то-же время, какъ въ среднихъ и сѣверныхъ частяхъ этой страны, именно около 1 августа, и послѣ этого времени тамъ остаются лишь немногія запоздавшія птицы. При нѣкоторыхъ условіяхъ, до сихъ поръ еще мало разъясненныхъ, стрижи встрѣчаются и сѣвернѣе въ довольно позднее время года. Доуэль, напримѣръ, напоминаетъ объ одномъ стрижѣ, который, вмѣстѣ съ ласточками, былъ замѣченъ въ Англии еще въ октябрѣ, а Коллеттъ говорить о другомъ стрижѣ, который леталъ въ ноябрѣ въ окрестностяхъ Варангерфіорда и былъ найденъ мертвымъ пятнадцатаго числа этого мѣсяца: очевидно онъ околѣлъ отъ голода.

Башенные стрижи, какъ кажется, летаютъ всегда большими обществами. Они прилетаютъ цѣлыми стаями и тамъ, гдѣ за день до этого не замѣчали ни одного изъ нихъ, внезапно появляются они десятками и даже сотнями; точно также они покидаютъ городъ обыкновенно всѣ въ одну ночь. По наблюденіямъ Наумана, отлетъ ихъ происходитъ всегда незадолго до полуночи.

Башенный стрижъ первоначально былъ, вѣроятно, исключительно обитателемъ скалъ, но съ теченіемъ времени онъ привыкъ къ постройкамъ человека и теперь живетъ повсюду, въ городахъ и деревняхъ. Сначала онъ селился только въ высокихъ старыхъ постройкахъ, особенно на башняхъ, но когда уже въ этихъ мѣстахъ не стало хватать больше углубленій и щелей, то птица была принуждена

искать себѣ для гнѣздъ естественныя и искусственныя углубленія въ деревьяхъ и такимъ образомъ сдѣлалась обитательницей лѣсовъ. Стрижъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, вовсе не малочисленныхъ птицъ, количество которыхъ въ средней Европѣ постоянно увеличивается, и потому во многихъ мѣстахъ и даже въ цѣлыхъ странахъ Германіи онъ теперь страдаетъ отъ недостатка мѣстъ для гнѣздованья. Тамъ, гдѣ онъ можетъ найти удобныя для жительства скалы, гнѣздится онъ охотно и поднимается на горахъ до высоты около 2000 м. надъ поверхностью моря.

Нашего башеннаго стрижа узнать даже человѣкъ, мало знакомый съ естественными науками. Его движенія, полетъ и привычки рѣзко отличаются отъ полета ласточекъ. Онъ точно такъ, какъ и его родича, въ высшей степени живая, беспокойная птица, которая постоянно находится въ движеніи. Воздухъ слѣдуетъ считать его царствомъ, тамъ проводитъ онъ, можно сказать, всю свою жизнь. Съ самаго начала утренней зари до вечернихъ сумерекъ онъ летаетъ по воздуху большими кругами, большою частью очень высоко и спускается ближе къ землѣ только вечеромъ и въ дождливую погоду. Какъ высоко онъ поднимается надъ равнинами, трудно вычислить, но въ горахъ сдѣлать это легче. Съ вершины Монсеррата и съ гребня Исполиновыхъ горъ я самъ видѣлъ, что онъ поднимался такъ высоко, какъ только можно было слѣдить за нимъ невооруженнымъ глазомъ. Слѣдовательно, какъ въ Испаніи, такъ и въ Германіи, онъ долетаетъ до слоевъ атмосферы, находящихся болѣе, чѣмъ на 1000 м. высоты. Время его полета зависитъ отъ продолжительности дня; самые длинныя лѣтніе дни онъ, повидимому, безъ отдыха летаетъ съ 3 часовъ 10 минутъ утра до 8 часовъ 50 минутъ вечера. Во всякомъ случаѣ въ Германіи онъ бываетъ дѣятеленъ и въ полдень, но въ южныхъ странахъ онъ, говорятъ, среди дня прячется въ свои щели. Это замѣтилъ, на примѣръ, Болле на Канарскихъ островахъ, гдѣ башенные стрижи исчезаютъ уже въ 10 часовъ утра и остаются въ своихъ гнѣздахъ до послѣобѣденнаго времени.

Никакая другая, живущая въ Германіи птица не превосходитъ въ полетѣ башеннаго стрижа. Птица эта замѣчательна какъ по силѣ и ловкости своего полета, такъ и по неутомимости. Хотя стрижъ не можетъ такъ красиво и быстро поворачиваться на лету, какъ ласточки, но зато онъ носится по воздуху съ удивительною быстротою. Его узкія серпообразныя крылья двигаются такъ сильно и скоро, что очертаніе летающей птицы дѣлается не очень яснымъ. Но стрижъ иногда внезапно распускаетъ крылья и паритъ тогда, почти не двигая ими. Полетъ этотъ кажется столь величественнымъ и удивительнымъ, что при этомъ забываешь все несовершенство пріятныя качества этой птицы и все болѣе и болѣе увлекаешься этимъ неутомимымъ летуномъ. Онъ принимаетъ во время полета всевозможныя положенія: одинаково ловко поднимается онъ вверхъ и внизъ, поворачивается, легко описываетъ крутыя и очень пологія дуги, то почти касается воды своими перьями, то въ одно мгновеніе исчезаетъ на невообразимой высотѣ. Однако ловкость его замѣтна только въ воздухѣ, а на землѣ онъ какъ-бы чужой. Трудно себѣ представить болѣе беспомощное существо, чѣмъ стрижъ, который не можетъ летать и долженъ двигаться по землѣ. О ходьбѣ не можетъ быть и рѣчи, онъ даже не можетъ ползать. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ не въ состояніи подняться съ земли, но я убѣдился собственными наблюденіями, что это не вѣрно. Если положить только что пойманнаго стрижа на землю, то онъ сейчасъ-же распластываетъ крылья, сильно ими ударяетъ внизъ и такимъ образомъ поднимается на такую высоту, что можетъ улетѣть. Впрочемъ башенный стрижъ умѣетъ хорошо пользоваться и своими ногами: онъ ловко лазаетъ, посредствомъ ихъ, по отвѣснымъ стѣнамъ и дочатымъ заборамъ и хорошо защищается своими острыми когтиами.

Стрижь пѣть не умѣеть, а только кричитъ; голосъ у него рѣзкій и громкій и можетъ быть переданъ слогами «спи спи» или «кри кри». При какомъ-либо возбужденіи крикъ его раздается такъ часто и громко, что можетъ надоесть, а когда многочисленная стая носится по улицамъ, то они иной разъ шумятъ самымъ немилосерднымъ образомъ. Во время сна въ своихъ гнѣздовницахъ, щебечутъ какъ взрослые, такъ и птенцы.

О душевныхъ способностяхъ башеннаго стрижа нельзя сказать много хорошаго. Изъ органовъ внѣшнихъ чувствъ лучше всего развиты, безъ сомнѣнія, большіе глаза; слухъ, повидимому, также хорошо развитъ, но прочія внѣшнія чувства, кажется, слабо. Нравъ стрижа нельзя считать приятнымъ: это властолюбивая, драчливая, вспыльчивая и капризная птица, которая, строго говоря, ни съ кѣмъ въ мирѣ не живетъ, не исключая и себѣ подобныхъ, а при случаѣ безъ всякой причины можетъ вредить и другимъ животнымъ. Стрижи ссорятся между собой по цѣлымъ днямъ около своихъ гнѣздовницъ. Подъ вліяніемъ ревности, два самца яростно выплиются другъ въ друга на воздухъ, и затѣмъ, кружась, падаютъ на землю. Возбужденіе ихъ такъ сильно, что они и здѣсь продолжаютъ часто драться и тогда позволяютъ себѣ схватить руками. Моему отцу разъ принесли стрижей, которые мертвыми упали съ воздуха. При изслѣдованіи оказалось, что во время своихъ дракъ изъ-за ревности у нихъ была изодрана вся грудь. Стрижь нападаетъ иногда и на другихъ птицъ. Науманъ видѣлъ, напримѣръ, какъ одинъ стрижь преслѣдовалъ воробья, который отыскалъ личинокъ майскаго жука на пашнѣ. Онъ набрасывался на воробья, какъ это дѣлаютъ маленькіе сокола, и такъ пугалъ бѣдную птичку, что она искала защиты у ногъ работниковъ, которые были заняты на полѣ. Стрижь выказываетъ нѣжность только къ своимъ птенцамъ.

Мѣсто для гнѣзда выбирается согласно мѣстнымъ условіямъ. Въ Германіи онъ гнѣздится обыкновенно въ отверстіяхъ стѣнъ, на колокольняхъ и другихъ высокихъ постройкахъ, а также и въ дуплахъ деревьевъ, рѣже въ ямахъ, вырытыхъ въ землѣ на высокихъ откосахъ береговъ. Онъ часто прогоняетъ скворцовъ и воробьевъ изъ ящичковъ, привѣшенныхъ къ деревьямъ, и скворечницъ, и при этомъ поступаетъ такъ безсовѣстно, что не останавливается передъ сидящей на яйцахъ самкою скворца или воробья, а прямо кладетъ яйца имъ на спину или на птенцовъ ихъ, и до тѣхъ поръ ихъ мучитъ, пока они не оставятъ гнѣзда. Если онъ встрѣтитъ серьезное сопротивленіе, то употребляетъ въ дѣло свое естественное оружіе и отчаянно дерется за свое гнѣздо и потомство. «Одинъ скворецъ», пишетъ мнѣ Либс, «который при защитѣ своего гнѣзда былъ сильно израненъ стрижемъ и найденъ мертвымъ въ своей скворечницѣ хозяиномъ сада, имѣлъ глубокія раны на мѣстѣ прикрѣпленія крыльевъ, на спинѣ, а также и на головѣ, гдѣ даже кожа была мѣстами оторвана. Подобныя раны стрижь никакъ не могъ нанести своимъ мягкимъ, упругимъ клювомъ; онѣ объясняются лишь тѣмъ, что стрижь пользуется своими хотя небольшими, но снабженными острыми когтистыми лапками, если клювъ и крылья оказываются въ борьбѣ недостаточными». Неудивительно поэтому, что передъ столь задорнымъ и опаснымъ противникомъ даже сильный скворецъ пасуетъ, бросаетъ своихъ птенцовъ и предоставляетъ свое гнѣздо стрижу. Послѣдній вовсе не обращаетъ вниманія на жалобные крики несчастныхъ родителей, закрываетъ яйца или живыхъ птенцовъ пойманными въ воздухъ перышками, трипочками и разными другими предметами, разбиваетъ яйца, душитъ дѣтенышей и покрываетъ все своею липкою слюною.

Даумерлангъ въ слѣдующихъ словахъ описываетъ въ письмѣ ко мнѣ борьбу между стрижемъ и скворцомъ. «Около окна на чердакѣ надъ моимъ кабинетомъ

висить скворечница, въ которой, вслѣдствіе ея удобнаго положенія, ежегодно живутъ птицы, если не скворцы, то воробьи, а лѣтомъ также и стрижи. Въ борьбѣ съ воробьями скворцы всегда остаются побѣдителями, но часто бываютъ побѣждаемы стрижами. Послѣднихъ ничѣмъ не устрашишь, и они смѣло проникаютъ въ ящикъ, гдѣ при ихъ прилетѣ уже сидитъ самка скворца на яйцахъ, при чемъ дерутся такъ сильно, что безъ моего вмѣшательства они всегда прогоняютъ скворцовъ послѣ жаркаго боя. Смѣлая самка стрижа, несмотря на удары клювовъ скворцовъ, проникаетъ до самаго гнѣзда и тамъ спокойно усаживается. Тогда они прогоняютъ скворцовъ, разбиваютъ ихъ яйца и убиваютъ дѣтенышей своими острыми когтями.

«Такъ какъ я очень люблю стрижей, вслѣдствіе ихъ живости и постоянной дѣятельности, то я специально для нихъ повѣсилъ другой ящикъ рядомъ со скворечницей, но они никогда въ немъ не селились, безъ всякаго сомнѣнія потому, что тамъ не было готоваго гнѣзда. Очевидно, что стрижи проникаютъ въ скворечницы именно потому, что тамъ находятъ готовую постройку. Чтобы избавиться отъ стрижей, я ихъ ловилъ около скворечницы. Я открыто становился у окошка и просто бралъ ихъ руками, когда они садились на край отверстія ящика; птицы эти вовсе не боятся опасности, и присутствіе человѣка ихъ совсѣмъ не пугаетъ. Случалось, что я въ теченіи нѣсколькихъ часовъ ловилъ отъ четырехъ до шести стрижей, но почти столько-же ихъ улетало, прежде чѣмъ я успѣвалъ ихъ схватить. Чтобы узнать, послужить-ли имъ илѣнъ предостереженіемъ, я ихъ запиралъ на нѣкоторое время и мазалъ имъ голову или крылья бѣлой масляной краской. Оказалось, что они вовсе не обращали вниманія на это: пока молодые скворцы не выросли, они повторяли свои попытки захватить гнѣздо. Настойчивость ихъ очень мнѣ надоѣла; я приготовилъ воротникъ изъ тонкой папки и надѣлъ его на шею упрямо возвращавшейся самки стрижа. Но самка скоро освободилась отъ этого воротника и стала снова заглядывать въ скворечницу, несмотря на то, что скворецъ очень храбро защищалъ свое гнѣздо. Онъ два раза съ такою яростью набрасывался на стрижа, что обѣ птицы вцѣплялись другъ въ друга и, кружась, падали на землю. Я приходилъ на помощь храброму защитнику своего семейства, бросая пескомъ въ подлетающаго стрижа, но всѣ наши старанія оставались безуспѣшными. Скворецъ скоро появлялъ мое доброе намѣреніе и болѣе не пугался бросаемого песка: стрижъ обращалъ на это такъ же мало вниманія, какъ и на нападенія собственника гнѣзда. Все тотъ-же стрижъ, мною отмѣченный, проникалъ во внутрь гнѣзда, какъ только я или скворецъ не были на сторожѣ, между тѣмъ, какъ другіе стрижи довольствовались тѣмъ, что подлетали, цѣплялись за край отверстія скворечницы и, замѣтивъ тамъ птенцовъ, удерживались отъ дальнѣйшихъ нападеній. Такъ какъ молодые скворцы были почти взрослые, то настойчивая самка стрижа не убивала ихъ, но старалась вытѣснить ихъ изъ гнѣзда; когда-же возвращались родители, то завязывалась новая борьба. Наконецъ я рѣшился на крайнія мѣры, приготовилъ другой, еще большій воротникъ и во второй разъ надѣлъ его на голову навязчивой птицы. Случилось именно то, что я могъ предвидѣть: тяжесть оказалась слишкомъ большой и стрижъ упалъ въ рѣку Пегницъ, протекающую у моего дома. Я вытащилъ какъ можно скорѣе изъ воды утопавшую птицу, которая быстро оправилась и, отпущенная на свободу, больше не возвращалась.

«Я объясняю себѣ это необыкновенное упорство стрижа тѣмъ, что онъ считалъ, что имѣетъ нѣкоторое право на это помѣщеніе, такъ какъ въ прежніе годы я ему не мѣшалъ прогонять скворцовъ изъ гнѣзда и выводить тамъ свое потомство. Другихъ я прогонялъ легко, но съ этимъ мнѣ пришлось бороться въ теченіи многихъ

дней. По всей вѣроятности онъ также былъ причиною того, что уже 11 лѣтъ въ этой скворечницѣ ни одна пара не выводила птенцовъ второй разъ въ лѣто».

Въ дополненіе къ вышеизложеннымъ наблюденіямъ, Даумерлангъ сообщаетъ мнѣ теперь слѣдующее. «Когда самка башеннаго стрижа собирается нестись, то она старается проникнуть въ скворечницу только что описаннымъ способомъ. По большей части это ей удается, особенно, если птенцы у скворцовъ еще слѣпые. Если самкѣ стрижа удалось прогнать взрослыхъ скворцовъ, то она кормитъ ихъ голодныхъ слѣпыхъ птенцовъ своей липкой слюною, отчего дѣтеныши скоро околѣваютъ. Если-же у молодыхъ скворцовъ глаза открыты, то ихъ нельзя уже уничтожить этимъ способомъ, такъ какъ они не хотятъ принимать этой вредной пищи, но въ концѣ концовъ они все-таки околѣваютъ почти всегда отъ голода. Взрослые самцы скоро научаются бояться стрижей, такъ какъ во время сильныхъ дракъ они успѣли познакомиться съ острыми когтями этихъ птицъ и потому почти всегда бросаютъ свое потомство, чтобы не подвергаться новымъ опасностямъ».

На высокихъ горахъ, гдѣ стрижь поднимается выше лѣсной полосы, а въ теплые лѣтніе дни летаетъ даже около высочайшихъ вершинъ, башенный стрижь не ищетъ ни высокихъ построекъ, ни пустыхъ деревьевъ, такъ какъ тамъ онъ находитъ на высокихъ скалахъ множество щелей и углубленій, которыя представляютъ для него удобныя мѣста для устройства гнѣзда; онъ предпочитаетъ большія сухія пещеры другимъ мѣстамъ для гнѣздованія, и въ подобныхъ пещерахъ селится ихъ иногда по нѣскольку сотенъ. Такъ какъ онъ не обращаетъ вниманія на другихъ птицъ и не боится ихъ, то безъ всякаго колебанія селится среди нихъ. Въ Испаніи мы находили его гнѣзда по близости гнѣздъ сокола, каменнаго воробья и горихвостокъ; Гомейеръ на Балеарскихъ островахъ наблюдалъ, что стрижи жили вмѣстѣ съ каменными горлицами и мухоловками. Гебель на югѣ Россіи встрѣчалъ ихъ вмѣстѣ съ щурками и съ сивоворонками, а другой Гомейеръ видѣлъ въ Помераніи, что башенные стрижи поселились вмѣстѣ съ береговыми ласточками, отъ которыхъ отняли нѣсколько ямокъ, вырытыхъ ими на высокомъ берегу въ песокъ. Тамъ, гдѣ оба европейскіе вида стрижей встрѣчаются вмѣстѣ, напримѣръ въ Швейцаріи и Испаніи, они живутъ другъ около друга. Когда парочка выбрала себѣ углубленіе для гнѣзда, то она ежегодно возвращается туда и упорно защищаетъ его отъ другихъ птицъ, желающихъ завладѣть тою-же целью. Гнѣздо выстилается соломянками, сухими травами и листьями, тряпочками, волосами и перьями, которыя или вытаскиваются изъ гнѣздъ воробьевъ или вылавливаются изъ воздуха при сильномъ вѣтрѣ; рѣже стрижи собираютъ этотъ матерьялъ на землѣ или на лѣсахъ строящихся зданій. Все это въ большомъ безпорядкѣ складывается вмѣстѣ и покрывается липкою слюною, которая, какъ и у другихъ стрижей, скоро отвердѣваетъ на воздухѣ. Кладка состоитъ изъ 2, рѣдко 3 удлинненныхъ, почти цилиндрическихъ бѣлыхъ яичекъ, у которыхъ оба конца почти одинаково закруглены. Яйца насиживаетъ одна самка, а самецъ въ это время приноситъ ей пищу, однако только при хорошей погодѣ, такъ какъ во время дождя самецъ не въ состояніи добыть достаточнаго количества пищи, чтобы прокормить и себя, и подругу, и послѣдняя поневолѣ должна сама вылетать за кормомъ. Дѣтеныши выкармливаются обоими родителями, но растутъ очень медленно, и проходитъ много недѣль, пока они въ состояніи летать. Яйца можно найти не раньше конца мая; въ серединѣ іюня или въ началѣ іюля въ гнѣздахъ можно найти вылупившихся птенцовъ, а готовыхъ къ отлету птичекъ—только въ концѣ іюля.

Башенный стрижь питается очень мелкими насѣкомыми, которыхъ трудно узнать, такъ какъ у убитой птицы можно найти лишь полупереваренную или по крайней мѣрѣ сильно раздавленную пищу. Во всякомъ случаѣ можно смѣло утверждать, что виды насѣкомыхъ, которыми питаются стрижи, по большей части летаютъ очень высоко и только въ совершенно ясную погоду. Этимъ только и можно объяснить поздній прилетъ стрижей и то, что они появляются и проживаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ въ различное время. Намъ извѣстно, что онъ точно такъ, какъ и его родичи, ловитъ всякаго рода летающихъ насѣкомыхъ, напримѣръ слѣпней, жуковъ, маленькихъ бабочекъ, комаровъ, мушекъ и стрекозъ, что видно изъ того, что остатки этихъ насѣкомыхъ находятъ въ выплевываемыхъ ими погадкахъ. Однако насѣкомыя эти навѣрно не составляютъ главную составную часть корма стрижей, такъ какъ имъ въ такомъ случаѣ не зачѣмъ-бы было оставаться на чужбинѣ до мая и улетать отъ насъ уже въ августъ. На югѣ области распространения стрижа мелкія насѣкомыя, за которыми онъ гоняется, понятно начинаютъ летать раньше, чѣмъ на сѣверѣ и въ концѣ лѣта они летаютъ дольше и только этимъ и можно объяснить, что на югѣ стрижь остается дольше, чѣмъ въ Германіи. Онъ требуетъ, какъ и всѣ виды этого семейства, очень большого количества корма, чтобы вознаградить значительную потерю силъ отъ постоянного движенія. Нѣкоторые наблюдатели предполагали, что онъ никогда не пьетъ, но изъ собственныхъ наблюденій я могу сказать, что это предположеніе невѣрно. Купается онъ, по всей вѣроятности, только на воздухѣ, во время дождя, такъ какъ никогда не окунается въ воду, какъ это дѣлаютъ ласточки. Его неутомимую дѣятельность слѣдуетъ исключительно приписать постоянному голоду, однако въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ удивительно долго поститься: пойманные стрижи, говорятъ, умирали отъ голоду лишь по прошествіи шести недѣль.

Всѣ виды стрижей имѣютъ мало враговъ. Въ Германіи за нимъ гоняется развѣ только чеглокъ (*Falco subbuteo*), такъ какъ другимъ хищнымъ птицамъ трудно поймать столь быстрокрылую и никогда не садящуюся на открытыхъ мѣстахъ птицу. Во время его зимнихъ странствованій ему угрожаютъ другіе виды соколовъ. Къ дѣтеннышамъ иногда забираются совы и другіе лазящіе грызуны, но, вѣроятно, только въ томъ случаѣ, когда гнѣздо находится въ скворечницахъ или дуплахъ деревьевъ. Въ Германіи люди стрижей не преслѣдуютъ и дѣлаютъ это развѣ только въ томъ случаѣ, когда эти птицы обижаютъ скворцовъ; но можно посоветовать всѣмъ благоразумнымъ людямъ устраивать, какъ это предлагаетъ Либс, для стрижей особыя помѣщенія, состоящія изъ плоскихъ ящичковъ, около 50 см. длины, 15 ширины и столько-же высоты, съ круглыми отверстіями, около 5 см. въ діаметрѣ на наружной сторонѣ; въ эти ящички слѣдуетъ положить матерьялъ для гнѣзда и такимъ образомъ облегчать ему гнѣздованіе, а косвенно оказать пользу и скворцамъ. На югѣ Европы эта полезная птица подвергается самымъ незаслуженнымъ преслѣдованіямъ. Сави говоритъ, что мясо молодыхъ стрижей тамъ считается очень вкуснымъ и потому гнѣзда во многихъ мѣстахъ разыскиваются. Чтобы добыть себѣ это лакомство, жители юга часто устраиваютъ для стрижей мѣста гнѣздованія на высокихъ башняхъ и стѣнахъ и притомъ такъ, чтобы люди могли легко добираться до гнѣздъ изнутри. Передъ тѣмъ, какъ птицы вылетятъ, ихъ вынимаютъ изъ гнѣздъ, оставляя въ каждомъ только по одному, а затѣмъ жарятъ и сѣдаютъ. Около Барарры для гнѣздъ стрижей выстроили даже особую башенку на выдающейся скалѣ.

Малый стрижь, котораго въ Индіи называютъ **Путта Деули** и **Батассія** (вѣ-

тренная птица) (*Micropus parvus*, *Cypselus parvus*, *ambrosiacus*, *palmarum* и *battasiensis*, *Cypsiurus* и *Macropteryx ambrosiacus*, *Dendrochelidon* и *Atticora ambrosiaca*. *Zwergsegler*. *Petit martinet*), ростомъ гораздо меньше башеннаго: длина его только 15 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 12, а длина сильно раздвоеннаго хвоста 8 см. Опереніе одноцвѣтно дымчато-бурое съ слабымъ металлическимъ отливомъ; на горлѣ нѣсколько свѣтлѣе, потому что перышки здѣсь имѣютъ неясныя, грязно-бѣлыя каемки по сторонамъ. Глаза темно-каріе, клювъ и ноги черныя.

Малаго стрижа можно встрѣтить, да и то не вездѣ, только во внутренности Африки, тамъ, гдѣ есть первобытные лѣса. Указанія Гейглина, что онъ встрѣчается, какъ осѣдая птица, уже въ южномъ Египтѣ не подтверждается моими собственными наблюденіями, хотя возможно, что отдѣльные экземпляры залетаютъ въ эти относительно сѣверныя страны. Какъ постоянно встрѣчающуюся птицу, его можно найти только въ южной Нубіи, а еще чаще на Бѣломъ и Голубомъ Нилѣ, тамъ, гдѣ растетъ оиванская пальма (*Cucifera thebaica*). Кромѣ береговъ Нила птица эта живетъ во всей средней Африкѣ отъ западнаго берега до восточнаго. Принадлежитъ ли живущій на Мадагаскарѣ маленькій стрижь къ тому-же виду, какъ и нами описываемый, или составляетъ особый видъ, до сихъ поръ съ увѣренностью сказать нельзя, такъ какъ Гартлаубъ, описавшій недавно птицъ этого острова, не разрѣшаетъ этого вопроса. Но такъ какъ малый стрижь, кромѣ Африки живетъ и въ большинствѣ странъ южной Азіи, то слѣдуетъ предположить, что онъ встрѣчается и на Мадагаскарѣ. Почти во всѣхъ странахъ малый стрижь живетъ какъ бродячая птица, которая перелетаетъ туда и сюда, пока не занята воспитаніемъ дѣтенышей; во время-же гнѣздованія она никогда далеко не улетаетъ.

По моему мнѣнію этотъ стрижь по своему полету не уступаетъ другимъ своимъ родичамъ; я даже полагаю, что это самая быстрая изъ извѣстныхъ мнѣ птицъ. Однако, кромѣ необыкновенной быстроты, полетъ его не отличается какими-либо особыми качествами: удивителенъ только его способъ постройки гнѣзда.

Во время одного изъ путешествій по Голубому Нилу, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, я замѣтилъ отдѣльно стоящую оиванскую пальму, окруженную кустами, которая должна была имѣть особую притягательную силу для малыхъ стрижей, такъ какъ около нея постоянно кружились до пятидесяти паръ этихъ птицъ. Стрижи летали около нея съ сильнымъ крикомъ, но, удалившись на нѣкоторое разстояніе, постоянно возвращались къ ней. Обративъ на это вниманіе, я подошелъ къ дереву и замѣтилъ, что стрижи иногда исчезали между вѣрообразными листьями дерева и тамъ садились. Увидавъ на темной зелени листьевъ бѣлыя пятна, я захотѣлъ разсмотрѣть ихъ поближе, влѣзъ на дерево и къ моему удивленію узналъ, что эти бѣлыя пятна—гнѣзда малыхъ стрижей, расположенныя на листьяхъ. Способъ постройки этихъ гнѣздъ въ высшей степени удивительный. Большая поверхность листа такъ тяжела, что она наклоняетъ черешокъ его и потому нижняя часть пластинки виситъ отвѣсно къ землѣ. Пластинки листа образуютъ съ черешкомъ острый уголъ и вслѣдствіе этого въ серединѣ листа получается желобъ или, вѣрнѣе, уголъ, какъ въ комнатѣ, гдѣ находятся двѣ стѣны. Малый стрижь и прикрѣпляетъ въ этомъ углу свое гнѣздышко. Оно состоитъ главнымъ образомъ изъ волоконъ хлопчатой бумаги, но покрыто клейкой слюной и ею-же прикрѣплено къ листу. По формѣ своей оно похоже на довольно глубокую круглую ложку, къ краю которой отвѣсно прикрѣплена широкая ручка. Послѣдняя прикрѣплена къ листу и поддерживаетъ все гнѣздо. Въ углубленіи гнѣзда, имѣющаго около 5 см. въ поперечникѣ,

приклеены мягкія перья, а на нихъ лежатъ два яйца или птенца. Малый стрижь принимаетъ особыя предосторожности, чтобы яйца или дѣтеныши не вывалились изъ гнѣзда. При сильномъ вѣтрѣ большія листья пальмы, конечно, сильно качаются, при чемъ безпомощные дѣтеныши или яйца навѣрно должны были-бы выпасть изъ гнѣзда; но умная птица предохраняетъ ихъ отъ паденія тѣмъ, что приклеиваетъ къ гнѣзду какъ яйца, такъ и дѣтенышей. Особенно странно мнѣ показалось, что цилиндрическія бѣлыя яйца, имѣющія 17 м.м. длины, не лежали въ гнѣздѣ вдоль, а были прикрѣплены ко дну гнѣзда однимъ изъ кончиковъ. Я нашелъ довольно большихъ дѣтенышей, которые были еще прилѣплены къ гнѣзду, но полагаю, что эта предосторожность дѣлается излишней, когда птенцы покрыты уже пухомъ и сами въ состояніи держатся за гнѣздо своими когтями. Гейглингъ вполне подтверждаетъ мои наблюденія и мое предположеніе относительно полувзрослыхъ птенцовъ, говоря, что они судорожно вцѣпляются въ дно гнѣзда. Въ Верхней и Нижней Гвинее Пехуэль-Леше нашелъ гнѣзда малаго стрижа на большихъ вѣерообразныхъ листьяхъ пальмы *Nurhaene guineensis*, причѣмъ замѣтилъ, что въ довольно большихъ рощахъ, состоящихъ изъ этой пальмы, только нѣкоторыя группы деревьевъ служили мѣстомъ гнѣздованія для стрижей, а другія сосѣднія были совсѣмъ свободны отъ гнѣздъ. Большое количество гнѣздъ малаго стрижа находится на вѣрныхъ пальмахъ, растущихъ около построекъ факторіи Банана, у устья въ Конго.

Въ Индіи малый стрижь вмѣсто оиванской пальмы селится на кокосовой и пальмирской пальмѣ, а вмѣсто хлопчатой бумажки строятъ гнѣздо изъ травы, перьевъ и другихъ подобныхъ матерьяловъ, не пренебрегая однако и другими растительными волокнами.

* * *

Въ Восточной Индіи и на расположенныхъ около нея островахъ, въ Австраліи и въ Африкѣ живетъ отдѣльный родъ этого семейства, **Древесные стрижи** (*Dendrochelidon. Baumsegler.*). Они отличаются удлиненнымъ туловищемъ, короткимъ клювомъ, очень длинными крыльями, въ которыхъ два первыхъ маховыхъ пера одинаковой длины, вилкообразнымъ хвостомъ, ногами, устроенными такъ, какъ ноги ласточки и, наконецъ, хохломъ на головѣ. Скелетъ этихъ птицъ представляетъ нѣкоторыя замѣчательныя особенности; у этихъ стрижей есть желчный пузырь, котораго нѣтъ у настоящихъ стрижей.

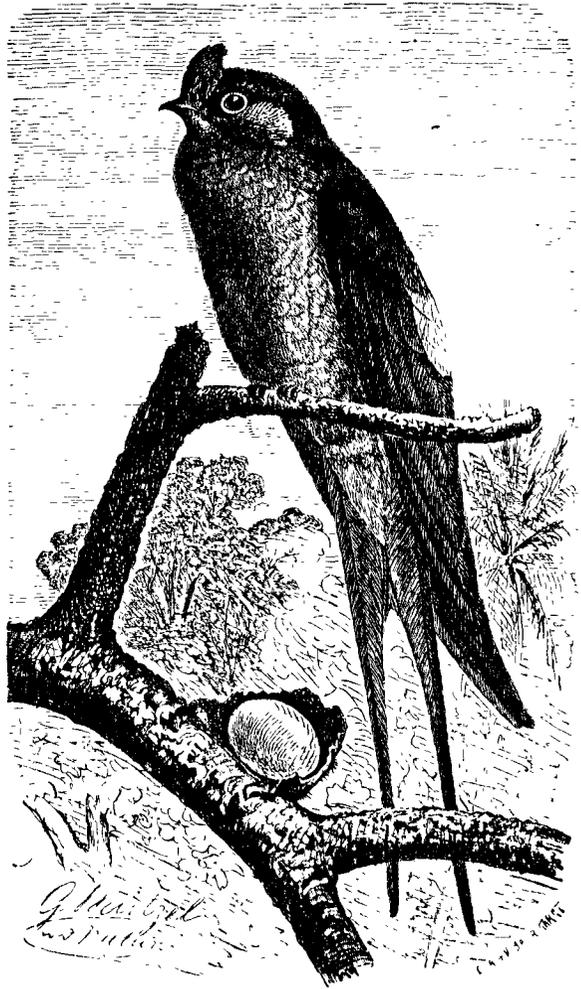
Одинъ изъ видовъ этого рода называется по его крику **Клѣхо** или **Длинноперымъ стрижемъ** (*Dendrochelidon longipennis, Hirundo, Cypselus, Macropteryx* и *Pallestre klecho. Klecho. Martinet longipenne*); длина его 18 см., длина крыла 15, а хвоста 8 см. Образованный изъ широкихъ перьевъ и приподнятый хохолокъ на передней части головы, темя, нижнія покровныя перья шеи, плечи и покровныя перья крыльевъ темно-черновато-зеленыя со слабымъ металлическимъ отливомъ; концы покровныхъ перьевъ крыла имѣютъ стальной отливъ; уздечка и округлость глазъ черныя, надхвостье и верхнія кроющія перья хвоста свѣтло-сѣрыя, маховыя и кроющія перья большихъ маховыхъ перьевъ черныя съ синеватымъ отливомъ, а заднія маховыя и кроющія перья крыла имѣютъ зеленый металлическій блескъ. Ближайшія къ туловищу маховыя перья сѣрыя, а перья, прикрѣпленные къ плечевой кости, бѣлыя. Ушная область украшена темнымъ ржаво-краснымъ пятномъ; подбородокъ, горло, зобъ, шея и стороны туловища сѣраго цвѣта; нижнія кроющія перья крыла черновато-зеленыя; рулевые перья, образующія глубокую развилку, чернаго цвѣта у основанія съ зеленымъ, а у конца съ синеватымъ отливомъ. Гла-

за темно-карие, клювъ черный, ноги сѣрыя. У самки нѣтъ краснаго пятна около уха.

Область распространенія этого вида простирается на Зондскіе острова: Яву, Суматру, Борнео, Банка, а также и на Малаккскій полуостровъ.

Все древесныя стрижи по образу жизни отличаются отъ своихъ родичей, особенно устройствомъ гнѣздъ. Они живутъ въ джунгляхъ и подобныхъ лѣсныхъ чащахъ, особенно такихъ, которыя расположены на равнинахъ. Они охотно садятся на деревьяхъ, но не особенно искусны въ лазаньи. Одинъ изъ индійскихъ видовъ древесныхъ стрижей встрѣчается, по словамъ Жердона, иногда очень многочисленными стаями, но обыкновенно маленькими обществами, причѣмъ птицы или сидятъ на сухихъ и безлистныхъ деревьяхъ, то приподнимая, то опуская свой хохолокъ, или быстро летаютъ охотнѣе всего по близости воды; во время полета они громко кричатъ, вродѣ попугаевъ, такъ что выдаютъ себя этимъ крикомъ наблюдателю еще раньше, чѣмъ онъ ихъ увидитъ. Голосъ индійскаго вида передаютъ слогами «кякя-кя», но его можно слышать только тогда, когда птица летаетъ; во время же сидѣнія она издаетъ короткую пѣсенку, которую старались передать слогами «чифель - чафель - клэхо-клэхо».

О способѣ гнѣздованія клэхо, котораго малайцы называютъ **Манукъ Педангъ** (меченосная птица), подробно говоритъ Бехштейнъ. «Эта птица строитъ гнѣздо столь своеобразнымъ и удивительнымъ способомъ, что другаго подобнаго гнѣзда едва-ли можно найти. Между тѣмъ, какъ другіе стрижи гнѣздятся въ углубленіяхъ и щеляхъ каменныхъ стѣнъ скаль, эта птица избираетъ мѣстомъ для устройства гнѣзда отдѣльно стоящія вѣтки на высокихъ деревьяхъ. Если выборъ мѣста удивителенъ для птицы изъ семейства стрижей, что еще болѣе удивительно отношеніе между величиной самой птицы и ея гнѣзда и яйца. Гнѣздо своею болѣе или менѣе полукруглою формой и веществомъ, изъ котораго сдѣлано, нѣсколько напоминаетъ гнѣздо саланганы, но гораздо меньше и болѣе плоско, чѣмъ гнѣзда этихъ послѣднихъ птицъ. Измѣренныя мною гнѣзда были не болѣе 3—4 см. ширины, при 1 см. глубины.

Клэхо. *Dendrochelidon longipennis*. 1/2 наст. вел.

«Гнѣздо всегда бываетъ прикрѣплено къ горизонтальной вѣткѣ, имѣющей около 2 см. толщины, которая образуетъ заднюю стѣнку гнѣзда; оно прикрѣплено сбоку и имѣетъ видъ плоской, удлинненно-полукруглой чашки, ровно такой величины, чтобы тамъ могло помѣститься единственное яйцо. Стѣнки гнѣзда очень тонки и нѣжны, не толще пергамента. Онѣ состоятъ изъ перьевъ, отдѣльныхъ кусочковъ древесныхъ лишаевъ и древесной коры; все это слѣплено клейкимъ веществомъ, безъ сомнѣнія, какъ и у салаганъ, слюною птицы, при чемъ слѣдуетъ замѣтить, что и у древесныхъ стрижей во время постройки гнѣздъ слюнные железы сильно распухаютъ. Малая величина и хрупкость гнѣзда не позволяютъ клѣхо сидѣть на немъ: птица сидитъ на сучкѣ и своимъ животомъ прикрываетъ гнѣздо и находящееся въ немъ яйцо. Величина яйца соответствуетъ росту птицы, такъ какъ оно имѣетъ около 25 м.м. длины и 19 м.м. толщины. Оно имѣетъ правильную овальную форму, такъ что нѣтъ возможности отличить тонкаго конца отъ толстаго. Цвѣтъ его блѣдно-зеленовато-голубой, который впоследствии дѣлается еще блѣднѣе, такъ что подъ-конецъ яйцо кажется бѣлымъ, со слабымъ голубоватымъ отливомъ. По моимъ наблюденіямъ, клѣхо выводитъ два раза дѣтенышей, при чемъ насиживаніе происходитъ скоро одно послѣ другого, въ маѣ и июнѣ мѣсяцѣ, но птица не пользуется два раза однимъ и тѣмъ же гнѣздомъ.

«Вслѣдствіе очевиднаго несоотвѣствія величины птицы и гнѣзда мнѣ любопытно было увидѣть птенца, который нѣсколько дней послѣ вылупленія, вѣроятно, не могъ уже помѣщаться въ маленькомъ и хрупкомъ гнѣздѣ. Для этого я далъ возможность одной парочкѣ спокойно высидѣть яйцо. Какъ я и ожидалъ, дѣтенышъ черезъ нѣсколько дней едва помѣщался въ гнѣздѣ и скоро ему тамъ стало совсѣмъ тѣсно. Онъ тогда вылѣзъ оттуда и всталъ въ то-же положеніе, какое имѣла насиживающая самка, т. е. сидѣлъ на сучкѣ и только животомъ опирался на гнѣздо. Сидя въ такомъ беспомощномъ положеніи на вѣткѣ, птенецъ легко-бы сдѣлался жертвою каждой хищной птицы, напримѣръ вороны и другихъ, если-бы не скрывался отъ ихъ глазъ очень страннымъ способомъ, напоминающимъ въ нѣкоторомъ отношеніи положеніе испуганной выи, именно птенецъ не только не покидаетъ своего мѣста на сучкѣ до тѣхъ поръ, пока вполнѣ не выростетъ, но лишь только увидитъ что-либо подозрительное, инстинктивно поднимаетъ шею кверху, прижимается къ сучку такъ, что ногу его не видишь, нахохлаивается и въ этомъ положеніи сидитъ вполнѣ неподвижно: тогда очень легко не замѣтить птенца и принять его за сучекъ, покрытый лишаями, такъ какъ его опереніе, состоящее изъ смѣси темно-зеленыхъ, бѣлыхъ и бурыхъ перьевъ, удивительно способствуетъ подобному обману зрѣнія. Даже, когда птенецъ былъ почти взрослый и я приказалъ отнестъ сучекъ вмѣстѣ съ гнѣздомъ, то онъ принялъ вышеописанное положеніе и сидѣлъ смирно, не выказывая никакихъ признаковъ жизни, между тѣмъ какъ другіе птенцы въ подобномъ случаѣ широко раскрываютъ пасть и громко кричать».

* *
*

Саланганамы (*Collocalia. Salanganen*) называютъ стрижей, которые уже нѣсколько столѣтій тому назадъ были извѣстны своими съѣдобными гнѣздами, но съ которыми и нынѣ натуралисты еще очень мало знакомы. Признаками этого рода можно считать очень малую величину, короткій, сильно крючковатый клювъ и слабыя ноги, четвертый палецъ которыхъ обращенъ назадъ; крылья довольно длинныя и второе маховое перо самое большое, хвостъ средней величины, на концѣ тупой или только слегка вырѣзанъ. Опереніе довольно жесткое и окрашено очень

просто. Изъ внутреннихъ частей заслуживаютъ особеннаго вниманія сильно развитыя слюнные железы.

Наиболѣе извѣстнымъ видомъ этого рода слѣдуетъ считать **Салангану съѣдобную**, которую малайцы называютъ **Саронгъ**, **Буронгъ** и **Лайонгъ**, яванцы **Лаветь**, а японцы **Енва** и **Енику** (*Collocalia nidifica, unicolor, concolor* и *brevirostris, Hirundo esculenta* и *maritima, Cypselus esculentus. Salangane*). По росту эта птица не больше нашей береговой ласточки: длина ея 13 см., размахъ крыльевъ 30, длина крыла 12, а хвоста 6 см. Верхняя часть тѣла имѣетъ дымчато-черно-бурый цвѣтъ съ металлическимъ отливомъ, а нижняя часть дымчато-сѣро-бураго цвѣта. Рулевые перья сверху нѣсколько темнѣе и однообразно черныя, хвостъ на концѣ слабо вырѣзанъ; глаза темно-бурые, клювъ и ноги черныя.

Прежде думали, что салангана живетъ только на Зондскихъ островахъ, потомъ узнали, что она встрѣчается и на горахъ въ Ассамѣ, въ Нильгирійскихъ горахъ, въ восточной части полуострова Индіи, въ Сиккимѣ, Арраканѣ, вдоль восточнаго берега Бенгальскаго залива, въ Сіамѣ, Кохинхинѣ, на Цейлонѣ, Никобарскихъ и Андаманскихъ островахъ. Объ этомъ видѣ много писали и сочиняли. «На берегахъ Китая», пишетъ старый писатель Бонциусъ, «ко времени высихиванія яицъ прилетаютъ изъ внутренности страны къ приморскимъ скаламъ маленькія птички изъ породы ласточекъ и собираютъ въ морскомъ илѣ у подошвы скалъ липкое вещество, можетъ быть, китовую амбру или рыбу икру и изъ этого вещества строятъ свои гнѣзда. Китайцы отрываютъ эти гнѣзда отъ скалъ и въ большомъ количествѣ привозятъ въ Индію, гдѣ за нихъ платятъ большія деньги, варятъ въ куриномъ или бараньемъ бульонѣ и въ такомъ видѣ гастрономы считаютъ это кушанье лучше всѣхъ другихъ». Это мнѣніе почти безъ измѣненія сохранилось и до нашего времени: почти всѣ путешественники полагаютъ, что матерьялъ для этихъ съѣдобныхъ гнѣздъ получается изъ моря или его произведеній. Кемпферъ утверждаетъ, со словъ китайскихъ рыбаковъ, что съѣдобныя гнѣзда ничто иное, какъ особо приготовленное ласточками мясо большой каракатицы. Румфъ описываетъ маленькое, полупрозрачное, мягкое, хрящеватое растеніе, которое очень гладко и слизисто, окрашено въ бѣлый и красный цвѣтъ и липкое, какъ клей; оно растетъ на берегу моря на небольшихъ камняхъ и пустыхъ раковинахъ; ему говорили, что это растеніе и служитъ матерьяломъ для постройки гнѣздъ саланганы, но онъ сомнѣвается въ справедливости этого и считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что салангана выдѣляетъ матерьялъ для гнѣзда изъ своего собственнаго тѣла. Пузвръ увѣрилъ въ свое время Бюффона, что между Явой и Кохинхиной, а также между Суматрой и Новой Гвинеей поверхность моря бываетъ покрыта веществомъ, похожимъ на размяченный клей, и что вышеупомянутыя ласточки собираютъ этотъ матерьялъ для своихъ гнѣздъ. Рэффлсъ подтверждаетъ мнѣніе Румфа и считаетъ матерьялъ для гнѣздъ выдѣленіемъ птицы, которое выплевывается съ такимъ усиліемъ, что къ нему иногда примѣшивается кровь. Юмъ изслѣдовалъ желудокъ саланганы и нашель, что выходные каналы желудочныхъ железокъ устроены совѣмъ своеобразно: отверстія ихъ удлинены, имѣютъ форму трубочекъ и на концѣ раздѣлены на нѣсколько лопастей, имѣющихъ видъ лепестковъ цвѣтка. Эти лопасти, по мнѣнію Юма, и выдѣляютъ слизь для постройки гнѣзда. Марсденъ изслѣдовалъ матерьялъ, изъ котораго состоятъ гнѣзда саланганы, и нашель, что онъ представляетъ нѣчто среднее между желатиномъ и бѣлкомъ. Онъ долго не распускается въ горячей водѣ и разбухаетъ въ ней только черезъ нѣсколько часовъ, а при высыханіи снова дѣлается твердымъ, но хрупкимъ, такъ какъ нѣкоторое количество студенистаго

вещества остается въ водѣ. О другихъ мнѣніяхъ не стоитъ распространяться, такъ какъ они основаны большею частью на предположеніяхъ, не имѣющихъ большого значенія. Подробныя изслѣдованія Бехштейна объяснили намъ въ точности, изъ какого вещества состоятъ сѣдобныя гнѣзда саланганы.

«Не слѣдуетъ удивляться», говоритъ этотъ замѣчательный изслѣдователь, «что у насъ образовалось такъ много различныхъ взглядовъ на вещество, изъ котораго состоятъ сѣдобныя гнѣзда саланганы, потому что врядь-ли можно было надѣяться напасть на путь истины, пока относились съ полнымъ довѣріемъ къ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ невѣжественными и суевѣрными туземцами или пока дѣлали слишкомъ поспѣшныя заключенія изъ внѣшняго сходства этихъ гнѣздъ съ совершенно другими веществами. Достигнуть цѣли можно было только путемъ собственныхъ безпристрастныхъ наблюденій надъ птицами на мѣстахъ гнѣздованія. Однако это сопряжено со значительными затрудненіями, такъ какъ эти животныя гнѣздятся въ темныхъ, мало доступныхъ пещерахъ, въ которыхъ часто съ трудомъ можно различить ближайшіе предметы, а тѣмъ болѣе трудно наблюдать чрезвычайно подвижныхъ птицъ. Впрочемъ это относится къ саланганѣ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Гораздо легче наблюдать другой видъ, который водится на Явѣ и называется **Кузаппи**. Эти птицы вьютъ гнѣзда на болѣе доступныхъ мѣстахъ или въ переднихъ, свѣтлыхъ частяхъ пещеръ, обитаемыхъ также саланганями, или даже на совѣмъ открытыхъ мѣстахъ, нависшихъ скалахъ и т. п. Мнѣ посчастливилось наблюдать этотъ родъ птицъ нѣсколько разъ во время устройства гнѣзда, между тѣмъ, какъ съ саланганями, по вышеприведеннымъ причинамъ, это удавалось гораздо рѣже и не такъ основательно.

«Сѣдобныя гнѣзда давно извѣстны по внѣшнему виду, и многіе древнѣйшіе писатели давали намъ ихъ точное описаніе. Въ общемъ они имѣютъ видъ четверти личной скорлупы, если представить себѣ ее разрѣзанною на четыре равныя части по длинѣ. Сверху они открыты, а скала, на которой они прикрѣплены, образуетъ заднюю стѣнку гнѣзда. Само гнѣздо чрезвычайно тонко, но его верхній, свободный край расширяется сзади, тамъ, гдѣ прикасается къ скалѣ, и образуетъ съ обѣихъ сторонъ крылообразныя придатки различной толщины, которые, соединяясь съ камнемъ, посредствомъ своего широкаго плоскаго основанія, образуютъ главную опору для гнѣзда. Последнее, при тонкости своихъ стѣнокъ, состоитъ изъ прозрачнаго, бѣловатаго или коричневатаго клеобразнаго вещества, въ которомъ можно ясно различить поперечную штриховку даже послѣ поверхностнаго наблюденія. Поперечныя полоски идутъ волнообразно, болѣе или менѣе въ одномъ направленіи и явно образовались отъ постепеннаго наслоенія вещества гнѣзда. Только по нимъ можно судить о постепенномъ нарастаніи гнѣзда. Темныя, коричневатыя, болѣе дешевыя въ торговлѣ гнѣзда я считаю старыми, въ которыхъ были высижены и выращены итенцы, а бѣлыя, болѣе дорогія—вновь устроенными. Нѣкоторые приписываютъ ихъ двумъ различнымъ породамъ птицъ; я-же не берусь рѣшить этого вопроса, потому что не могъ достать птицы, пойманной на коричневомъ гнѣздѣ. Однако многочисленные переходы отъ совѣмъ коричневыхъ къ совершенно бѣлымъ гнѣздамъ, а также ихъ вполне одинаковое строеніе говорятъ въ пользу того мнѣнія, что это гнѣздо одного и того-же вида. У нѣкоторыхъ гнѣздъ можно замѣтить на внутренней сторонѣ ячеистое или сѣтчатое строеніе, что, по всей вѣроятности, происходитъ отъ утолщенія и стягиванія первоначально влажнаго вещества гнѣзда при высыханіи его. Наконецъ кое-гдѣ попадаются отдѣльныя маленькія перышки, какъ случайная примѣсь къ веществу гнѣзда.

«Въ это гнѣздо безъ всякой подстилки птица кладетъ два бѣлыхъ, блестя-

щихъ, продолговатыхъ, заостренныхъ яйца. Иногда ихъ число простирается до трехъ, но обыкновенно ихъ бываетъ два. Въ длину они достигаютъ 20 m.m., а въ ширину 14 m.m.

«Гнѣздо Кузаппи (*Collocalia fuciphaga*) по внѣшнему виду совершенно походить на гнѣздо саланганы. Существенно оно отличается тѣмъ, что состоитъ преимущественно изъ стебельковъ растений и подобныхъ предметовъ, а упомянутая своеобразная клееподобная или роговидная масса служить только для того, чтобы соединять и прикрѣплять гнѣздо къ скалѣ. Наибольшее количество этого вещества находится въ задней части гнѣзда, особенно на тѣхъ боковыхъ его выступахъ, о которыхъ было сказано выше. Впрочемъ, эти послѣдніе встрѣчаются менѣе правильно, чѣмъ у гнѣздъ другого явайскаго вида, а иногда совершенно отсутствуютъ, особенно если остальной строительный матеріалъ настолько крѣпокъ, что не особенно нуждается въ поддержкѣ. У меня есть значительное число такихъ гнѣздъ, которыя были найдены на чердакѣ подъ самой крышей одного изъ публичныхъ зданій въ Батавіи. Они всѣ сдѣланы изъ тоненькихъ, очень гибкихъ цвѣточныхъ стебельковъ, лошадиныхъ волосъ и отдѣльныхъ травинокъ, которыя лежатъ другъ на другѣ почти въ одномъ направленіи, не переплетаясь между собою, какъ въ гнѣздахъ другихъ птицъ. Для того, чтобы скрѣпить всѣ эти матеріалы, птица понадобилась все та-же клеобразная или роговидная масса, которой и покрыто все гнѣздо, особенно у задней своей части. Три другихъ гнѣзда я нашелъ подъ нависшею скалою. Они были сдѣланы изъ другихъ растительныхъ веществъ, которыя легко скрѣплялись и переплетались между собою. Поэтому здѣсь птица употребила малое количество клейкаго вещества; я нашелъ его главнымъ образомъ у задней части гнѣзда: имъ было прикрѣплено гнѣздо къ скалѣ, и растительные матеріалы были также покрыты тонкимъ слоемъ клея».

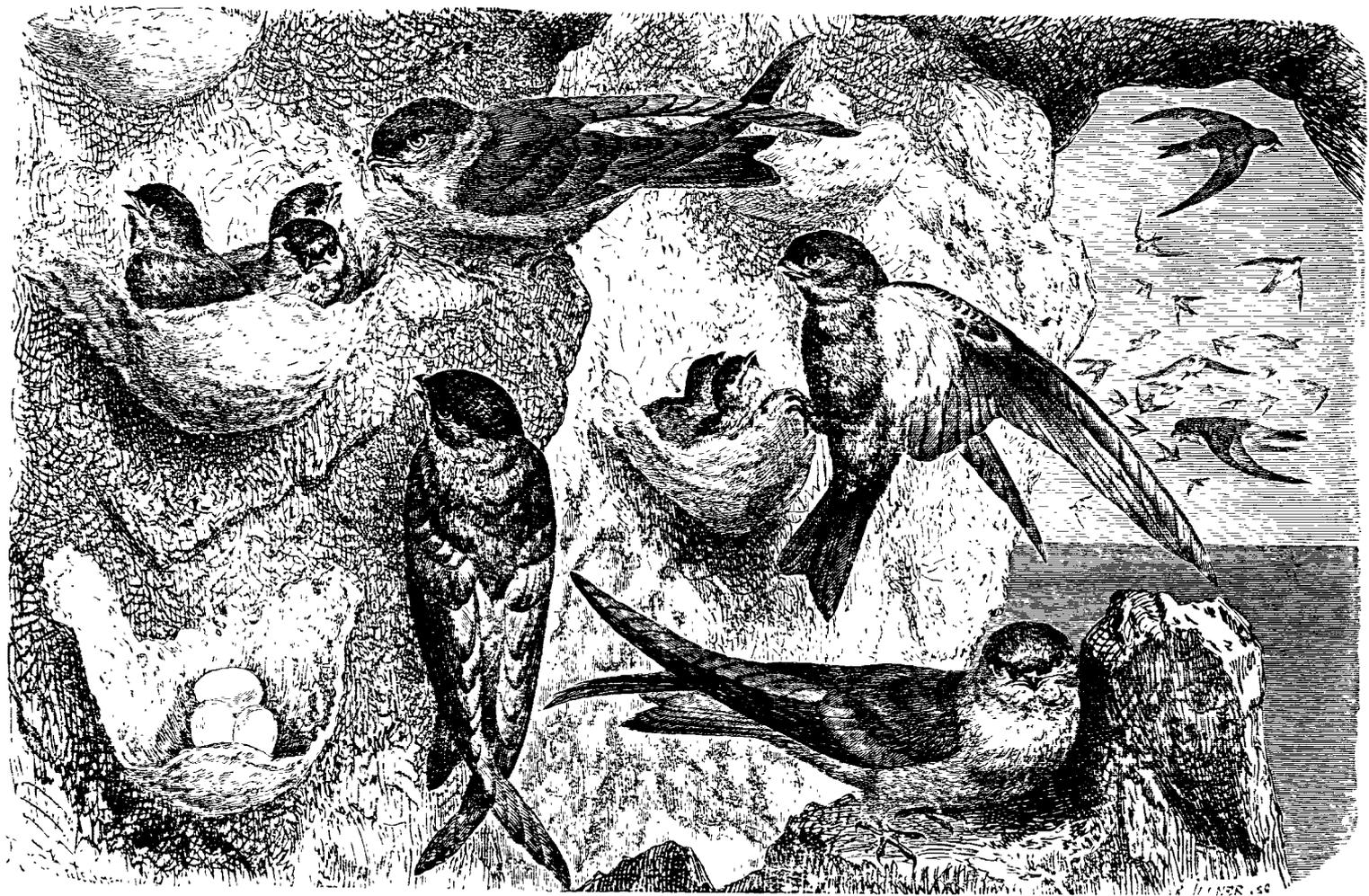
Бернштейнъ обращается затѣмъ къ старымъ преданіямъ и рассказываетъ, что онъ нѣсколько разъ наблюдалъ кузаппи, въ то время, какъ онѣ были заняты устройствомъ гнѣзда, держалъ ихъ у себя живыми, нѣкоторыхъ-же вскрывалъ и пришелъ къ тому заключенію, что клеобразное вещество выдѣляется самой птицей. Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ сообщеній онъ обращаетъ вниманіе на паразитическое развитіе слюнныхъ железъ, именно подъязычныхъ, и высказываетъ предположеніе, что это онѣ выдѣляютъ цементъ гнѣзда. Кромѣ того онъ убѣдился въ томъ, что эти железы только во время вывода дѣтенышей разбухаютъ и образуютъ два большихъ желвака, а во время кладки яицъ опять опадаютъ и дѣлаются меньше, чѣмъ железы у другихъ птицъ. «Эти железы отдѣляютъ въ изобиліи густую, тягучую жидкость, которая скопляется въ передней части рта, вблизи выводныхъ протоковъ железъ, подъ языкомъ. Эта жидкость, собственно слюна, очень походитъ на насыщенный растворъ аравійской камеди и, подобно ему, такъ тягуча, что ее можно вытягивать изо рта довольно длинными нитями. Если прикрѣпить конецъ такой нити къ палочкѣ и медленно вращать эту послѣднюю вокругъ своей оси, то такимъ образомъ можно вытащить изо рта и даже изъ выходныхъ протоковъ железъ всю накопившуюся тамъ слюну. Она очень скоро сохнетъ на воздухѣ и тогда ничѣмъ не отличается отъ того своеобразнаго вещества, изъ котораго состоитъ гнѣздо. Совершенно сходною съ нимъ является эта слюна и подъ увеличительнымъ стекломъ. Листы бумаги она склеиваетъ, какъ аравійская камедь. Травинки тоже можно намазать ею и склеить».

«Я часто наблюдалъ, какъ птицы, приступая къ постройкѣ гнѣзда, летаютъ нѣсколько разъ на выбранное для этого мѣсто и кончикомъ языка прикрѣпляютъ

слюну къ камню. Онѣ это повторяють 10—20 разъ сряду, и въ промежуткахъ не улетаютъ дальше нѣсколькихъ метровъ. Изъ этого слѣдуетъ, что онѣ имѣють при себѣ заранѣ собранный матерьялъ для постройки, а не приносятъ его каждый разъ. Такимъ образомъ онѣ описываютъ на избранномъ мѣстѣ полукругъ въ формѣ подковы. Густая масса быстро сохнетъ и образуетъ прочное основаніе для строящагося гнѣзда. Затѣмъ кузани пользуется, какъ было сказано выше, различными растительными веществами, которыя она покрываетъ и скрѣпляетъ своею слюною, а салангана продолжаетъ постройку только изъ одной слюны. По мѣрѣ того, какъ постройка гнѣзда подвигается впередъ, птица прицѣпляется къ нему и ворочаетъ головку то въ ту, то въ другую сторону, чтобы прикрѣпить слюну на край отвердѣвшей части гнѣзда; отсюда и происходятъ вышеупомянутыя волнообразныя полоски. При этомъ легко можетъ случиться, что къ слюнкѣ, неусыхнувшей высухнутъ, прилипають отдѣльныя перышки, и являются случайною примѣсью къ строительному матерьялу гнѣзда. Вѣроятно, раздраженіе, причиняемое распухшими железами, заставляетъ птицъ нажимать ихъ, чтобы выдавить оттуда содержимое. При этомъ треніи птица легко можетъ поранить себя и вызвать нѣсколько капель крови: этому обстоятельству обязаны своимъ происхожденіемъ незначительныя слѣды крови, замѣчаемые иногда на гнѣздахъ. Впрочемъ, я долженъ еще замѣтить, что выдѣленіе слюны, какъ и во многихъ другихъ железахъ, стоитъ въ прямомъ отношеніи къ количеству принимаемой пищи. Когда я нѣсколько дней подъ рядъ хорошо кормилъ своихъ птицъ, онѣ выдѣляли слюну въ большомъ количествѣ, и, наоборотъ, это выдѣленіе дѣлалось ничтожнымъ, если онѣ голодали нѣсколько часовъ. Это подтверждаютъ всѣ другія наблюденія, особенно-же то обстоятельство, что иногда птицы строятъ свои гнѣзда скорѣе и лучше, чѣмъ въ другое время. Въ первомъ случаѣ животныя имѣли, по всей вѣроятности, избытокъ въ пищѣ, во второмъ—недостатокъ».

Къ такимъ наблюденіямъ добавленій не требуется. Теперь мы въ точности знаемъ, какое вещество ѣдятъ гастрономы, лакомясь знаменитыми индѣйскими гнѣздами.

О жизни самой саланганы мы не имѣемъ столькокихъ подробностей. Самымъ обстоятельнымъ описаніемъ мы обязаны Юнгхуну; но онъ изображаетъ намъ не птицу собственно, а скорѣе мѣста ея пребыванія. «Отвѣсно спускающіяся скалы южнаго берега Явы», говоритъ онъ, «представляютъ очень живописный видъ. Роскопнѣйшая лѣсная чаща тѣснится къ самому берегу моря; панданусы растутъ даже на самыхъ крутыхъ стѣнахъ или тысячами свѣшиваются съ края отвѣсныхъ скалъ. Внизу у подножія скалъ море не прекращаетъ своей разрушительной работы и въ теченіи тысячелѣтій образовало въ известковыхъ стѣнахъ глубокія пещеры. Тутъ то и водится салангана. Цѣлыя стаи этихъ маленькихъ птичекъ порхаютъ взадъ и впередъ подлѣ углубленій, промытыхъ моремъ тамъ, гдѣ прибой свирѣпствуетъ съ наибольшей силой. Онѣ нарочно пролетаютъ черезъ густую лѣну волнъ, разбивающихся о скалы, и очевидно находятъ себѣ тамъ остатки крошечныхъ морскихъ животныхъ, которыхъ прибой волнъ разбилъ о скалы и выбросилъ изъ воды. Если отправиться на выдающееся скалистое предгоріе, на востокъ отъ мыса Ронгъ и сѣсть на самомъ краю каменной стѣны, то по эту сторону стѣны, у ея подножія, можно замѣтить входъ въ пещеру. Если слѣдить взглядомъ за игрою моря, постоянно волнующагося, то увидишь, какъ отверстіе пещеры то скрывается подъ водою, то снова стоитъ открытымъ, и какъ въ послѣднемъ случаѣ саланганы съ быстротою молніи влетаютъ туда и снова вылетаютъ. Ихъ гнѣзда лѣнятся въ глубинѣ пещеры по высокому, темному своду. Онѣ ловко умѣють пользоваться минутой, когда входъ въ пещеру открытъ, пока новый валъ не закрылъ его. Какъ

САЛАНГАНЫ.

19

только набѣгаетъ большая волна, море съ глухимъ ревомъ входитъ въ пещеру. Тогда отверстіе въ нее совсѣмъ закрыто; воздухъ внутри пещеры, сжатый вошедшею въ нее водою, занимаетъ теперь меньшее пространство и оказываетъ сопротивленіе. Какъ только волна входитъ въ пещеру, а поверхность моря у подошвы скалы опускается и образуетъ долину, обнаруживается упругость замкнутаго воздуха; онъ выбрасывается назадъ вошедшую воду въ видѣ столба водяной пыли съ такою силою, что можетъ пробить не вполнѣ еще удалившейся прибой на разстояніи 100 м.; и какъ при выстрѣлѣ изъ орудія вырываются газы, такъ этотъ столбъ съ шумомъ и свистомъ выбрасывается изъ пещеры, которая черезъ минуту закрывается вновь набѣжавшей волной. На нѣкоторомъ разстояніи отъ берега темно-синее море лежитъ спокойное и блестящее, точно зеркало, а тутъ у подножія скалъ оно вѣчно кипитъ и бунцуетъ. Съ поразительнымъ блескомъ преломляются лучи солнца въ каждой волнѣ, разлетающейся въ пыль; каждый водяной столбъ, выбрасываемый изъ пещеры, блеститъ яркими радугами.

«Такая величественная природа, которая даетъ намъ возможность наблюдать замѣчательнѣйшія явленія, какъ напримѣръ эти пещеры, извергающія воду, эти разноцвѣтныя, то исчезающія, то снова появляющіяся радуги надъ прибоемъ, такая природа необходимо должна быть населена неземными существами. Навѣрно здѣсь живутъ невидимые духи. Если спросить жителей Явы, то они расскажутъ, что въ этой пещерѣ живетъ богиня «Лоро», которая повелѣваетъ морскимъ прибоемъ и господствуетъ надъ всѣмъ берегомъ; эта богиня пользуется у мѣстнаго населенія большимъ почетомъ. На мысѣ Ронгъ, въ пальмовой роцѣ, на одной изъ береговыхъ скалъ стоитъ прекрасный, построенный изъ пальмоваго дерева домъ, въ которомъ не живетъ ни одинъ смертный, а между тѣмъ, проходя мимо него, всѣ благоговѣнно склоняютъ голову. Не минуетъ смерти тотъ, кто осмѣлится переступить порогъ этого дома. Онъ принадлежитъ богинѣ «Лоро», которая иногда покидаетъ лоно водъ и свои скалистые пещеры, чтобы невидимо войти въ этотъ домъ, гдѣ набожный народъ приготовилъ ей всю утварь, постель и прекрасныя одежды, которыми она можетъ располагать по своему усмотрѣнію. Временами туда отправляется начальникъ собирателей гнѣздъ, родъ жреца, чтобы очистить отъ пыли жилище духа, и все это время у двери дома курится онімѣмъ. Ни одного звука не должны произнести уста жреца; въ такомъ-же безмолвномъ благоговѣніи стоитъ толпа яванцевъ на колѣняхъ передъ жилищемъ богини. Во время сбора гнѣздъ устраивается пиръ: передъ храмомъ между деревьями разстилаютъ на травѣ чистыя циновки, уставленныя явствами, и богиню приглашаютъ занять мѣсто за столомъ. Когда произнесутъ молитву, всѣ присутствующіе падаютъ ницъ, чтобы дать время богинѣ отвѣдать кушанья, если ей это угодно, или, по крайней мѣрѣ незамѣтно воспринять отъ нихъ питательную силу. Но послѣ этого яванцы съ жадностью набрасываются на оставшіяся въ большомъ количествѣ явства, а издали несутся гармоничныя звуки гамеллана и добродушное веселье оживляетъ пиръ».

Кромѣ этихъ мѣстъ, отличающихся величественной природой и богатымъ сборомъ гнѣздъ, салангана водится еще во многихъ другихъ мѣстностяхъ Явы, внутри острова. Вышеупомянутая пещера расположена въ колоніи Богалентъ; поселенія-же птицъ во внутреннихъ областяхъ острова находятся въ известковыхъ горахъ Преангскаго регенства, на высотѣ 600—800 м., приблизительно въ одинаковомъ разстояніи отъ сѣвернаго южнаго береговъ. Здѣсь населены саланганями шесть пещеръ, а около Карангъ-Болонгъ девять. У пещеры Геда высота обрывистаго берега достигаетъ 25 м. отъ уровня моря во время отлива; береговые скалы образуютъ небольшую бухту, а на высотѣ 8 м. надъ моремъ находится выступъ, до котораго

съ края берега отвѣсно спускается лѣстница изъ ротанга (испанскаго тростника). Эта лѣстница состоитъ изъ двухъ боковыхъ тростниковыхъ канатовъ, связанныхъ другъ съ другомъ на разстояніи 50 см. поперечными деревянными перекладинами. Верхняя стѣнка входа въ пещеру лежитъ однако только на 3 м. выше уровня моря; вода, даже во время отлива, совершенно покрываетъ полъ пещеры, во время-же прилива, какъ было описано выше, отверстіе вплоть закрывается каждой набѣгающей волною. Собиратели гнѣздъ поэтому могутъ проникать во внутренность пещеры только во время отлива и то при очень спокойной и низкой водѣ. Но и тогда это было-бы невозможно, если бы скала, образующая сводъ пещеры, не была бы пробурована и пробита множествомъ отверстій. Въ этихъ выбоинахъ на выдающихся уступахъ укрѣпляется самый сильный и отважный собиратель гнѣздъ, который первый спускается въ пещеру; онъ привязываетъ къ этимъ уступамъ канаты, которые спускаются съ потолка на 1,5—2 м. Къ ихъ концамъ прикрѣпляются другіе, длинныя тростниковыя канаты, которые висятъ подъ потолкомъ почти въ горизонтальномъ положеніи, и то поднимаясь, то спускаясь, образуютъ фестоны, тянущіеся черезъ всю пещеру, шириною въ 50 м., точно висячія мости. Пещера Дахаръ имѣетъ въ ширину 15 м., а въ длину 150 м. Ея входъ лежитъ только на 4 м. надъ поверхностью моря, которое покрываетъ ея полъ и стоитъ внутри пещеры на 20 м.

Прежде, чѣмъ вывѣсить лѣстницы для собиранія гнѣздъ и спуститься въ ужасное соседство пѣнящагося моря, возносятъ торжественную молитву вышеупомянутой богинѣ, которая носитъ различныя названія въ различныхъ частяхъ острова; однако это все та-же богиня «Дурга», супруга бога «Шивы», служащая въ глазахъ нынѣшнихъ яванцевъ символомъ производительной силы, плодородія и неисчерпаемаго изобилія природы. Почитаніе этой богини и обращеніе къ ней остались еще у нынѣшнихъ яванцевъ, хоть они исповѣдуютъ исламъ.

Изъ показаній старѣйшихъ и опытѣйшихъ собирателей гнѣздъ и изъ собственныхъ наблюденій Юнгхунъ выводитъ слѣдующее заключеніе о жизни салаганъ: птицы эти живутъ въ описанныхъ выше пещерахъ, даже и не во время вывода птенцовъ; когда забота о выводкѣ не удерживаетъ ихъ, онѣ вылетаютъ изъ пещеры тѣсною стаей и исчезаютъ, такъ что въ продолженіи дня ни одной изъ нихъ не видно ни въ кустахъ, ни надъ ручьями, ни у прудовъ. Только поздно вечеромъ, когда солнце заходитъ и летучія мыши собираются вылетать, вся стая возвращается заразъ въ пещеру, чтобы провести тамъ ночь. Онѣ летятъ съ быстротою стрѣлы черезъ самыя узкія ущелья, не натываясь ни на что, даже при абсолютной темнотѣ. Въ болѣе высоколежащихъ пещерахъ салаганы живутъ вмѣстѣ съ летучими мышами, не стѣняя другъ друга. Послѣднія сняты днемъ, когда салаганы покидаютъ пещеру, чтобы искать себѣ пищу, и, наоборотъ, вечеромъ, когда ихъ пернатые сожителы возвращаются домой, улетаютъ вплоть до утра; утромъ-же салаганы опять улетаютъ. Такимъ образомъ эти совѣмъ различныя существа не бываютъ одновременно въ пещерѣ и не мѣшаютъ другъ другу. Одна половина вылетаетъ въ то время, какъ другая прилетаетъ, и возвращается въ пещеру, когда другая стая уже покинула ее. Лишь немногіе собиратели гнѣздъ узнали, что салаганы, подобно среднимъ имъ птицамъ, питаются насѣкомыми, преимущественно комарами; большая-же часть считаетъ различныхъ морскихъ животныхъ и ихъ части той добычей, за которой гоняется салагана. Поэтому они думаютъ, что птицы, живущія во внутреннихъ частяхъ острова, принуждены пролетать ежедневно по меньшей мѣрѣ два раза разстояніе въ 70 килом., чтобы изъ своего гнѣзда долетѣть до моря и обратно. Юнгхунъ, кажется, принимаетъ на вѣру мнѣніе туземцевъ, по крайней мѣрѣ, передаетъ ихъ показанія безъ всякихъ примѣчаній отъ себя, хотя онъ могъ бы заранѣе убѣдиться

въ нѣкоторой неточности этихъ свѣдѣній. По увѣреніямъ собирателей гнѣздъ, въ Бандонгскихъ пещерахъ птицы выводятъ птенцовъ четыре раза въ годъ, и во время вывода половина ихъ остается постоянно въ пещерѣ. Самецъ и самка высидиваютъ яйца сообща, смѣнивая другъ друга черезъ каждые шесть часовъ, и все пары занимаются этимъ одновременно, такъ что разница между временемъ высидиванія яицъ различными парами не бываетъ болѣе 10 дней. Саланганы никогда не пользуются два раза однимъ и тѣмъ-же гнѣздомъ, а для каждой кладки яицъ строятъ себѣ новое гнѣздо, хотя онѣ должны работать надъ нимъ цѣлый мѣсяцъ. Старое гнѣздо дѣлается вонючимъ и отпадаетъ.

Собираютъ гнѣзда три или четыре раза въ году; въ Бандонгскихъ пещерахъ первый разъ въ апрѣлѣ или маѣ, второй разъ въ юлѣ или августѣ, третій разъ въ ноябрѣ или декабрѣ. При началѣ сбора птенцы вылетѣли только изъ половины гнѣздъ. Въ другой половинѣ находятъ частью неоперившихся птенцовъ, частью яйца. Первыхъ ѣдятъ, вторыя выбрасываютъ; такимъ образомъ половина вывода погибаетъ при каждомъ сборѣ гнѣздъ; несмотря на это число саланганъ не уменьшается, но также и не увеличивается тамъ, гдѣ собираютъ гнѣзда только три раза въ году и такимъ образомъ оставляютъ лишь одинъ выводокъ. Въ Бандонгскихъ пещерахъ первый сборъ считается худшимъ, второй—самымъ лучшимъ, а третій—довольно хорошимъ. Сборъ начинается, когда въ большинствѣ гнѣздъ у птенцовъ появились уже стержни перьевъ. До этого времени, которое называется временемъ созрѣванія гнѣздъ, нѣсколько собирателей гнѣздъ отправляются въ пещеры каждый день, чтобы узнать, въ какомъ состояніи находятся гнѣзда и ихъ содержимое. Тѣ гнѣзда, въ которыхъ сидятъ птенцы съ едва пробивающимися перьями, считаются лучшими и составляютъ товаръ перваго сорта, гнѣзда съ совсемъ голыми птенцами составляютъ второй сортъ, и наконецъ гнѣзда съ яйцами— третій сортъ. Гнѣзда съ оперившимися птенцами черны и не годятся къ употребленію.

Шесть Бандонгскихъ пещеръ доставляютъ ежегодно среднимъ числомъ 13,520 или каждый разъ 3380 гнѣздъ, такъ что въ нихъ живетъ по крайней мѣрѣ 6760 птицъ. Число гнѣздъ, собираемыхъ въ Карангъ-Болонгъ, простирается до 500,000, а если раздѣлить это на три сбора, то окажется, что въ пещерѣ Карангъ-Болонгъ должно жить больше, чѣмъ 33,000 саланганъ. 100 гнѣздъ доставляютъ среднимъ числомъ одинъ «катти», 100 катти составляютъ одинъ «пикуль». Такихъ пикулей собираютъ ежегодно отъ 49 до 50. Китайцы платятъ за одинъ пикуль гнѣздъ отъ 4—5000 голландскихъ гульденовъ или одинъ гульденъ за 2—2,5 гнѣзда, такъ что, за вычетомъ 10,000 гульденовъ на расходы, ежегодный доходъ составляетъ приблизительно 24,000 гульденовъ. Эти свѣдѣнія Юнгхунъ почерпнулъ въ 1847 году изъ сообщеній различныхъ собирателей гнѣздъ, особенно-же изъ отчетовъ надзирателя пещеръ Карангъ-Болонгъ. Собиратели гнѣздъ образуютъ здѣсь какъ-бы касту, занятіе которой передается по наслѣдству отъ отца къ сыну.

Все остальные извѣстные мнѣ сообщенія новыхъ изслѣдователей даютъ не болѣе ясную картину жизни саланганы, чѣмъ та, которую намъ рисуетъ Юнгхунъ. «Въ 1846 году, въ концѣ декабря», рассказываетъ Жердонъ, «я посѣтилъ одну изъ пещеръ на берегу Голубинаго острова около Гоноры и узналъ отъ одного туземца, который провожалъ насъ къ пещерѣ, что птицы, не занятыя выводомъ птенцовъ, прилетятъ между 8 и 9 часами вечера. Мы поручили ему подождать до этого времени и поймать для насъ нѣсколько птицъ. Онъ вернулся на другое утро и принесъ нѣсколько живыхъ саланганъ, пойманныхъ имъ въ гнѣздѣ,

как онъ говорилъ, въ 9 часовъ вечера. Итакъ птицы, должно быть, прилетѣли очень издалека, если онѣ были въ дорогѣ три часа послѣ заката солнца. Въ другой пещерѣ, которую я посѣтилъ позже, въ мартѣ, я нашелъ около 50—100 гнѣздъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ были яйца. Между этими гнѣздами мало было старыхъ, большая часть недавно выстроены. Я нашелъ въ этой пещерѣ около 20 паръ птицъ. По показаніямъ Тиккеля, салангана показывается иногда въ августѣ у Дардшилинга большими стаями, какъ перелетная птица, направляющаяся на юго-востокъ. Но я видѣлъ ее также въ октябрѣ и еще въ другое время, всегда огромными стаями, которыя разлетались на большомъ пространствѣ и носились взадъ и впередъ съ большою быстротой».

Гнѣзда саланганы собираютъ кромѣ Явы и въ другихъ мѣстахъ, собственно на всемъ Индійскомъ архипелагѣ, такъ что, по вычисленію путешественниковъ, милліоны этихъ гнѣздъ вывозятся ежегодно въ Китай, и общая сумма барыша отъ нихъ простирается до 6 милліоновъ марокъ.

Все вышеизложенное дополняется въ нѣкоторомъ отношеніи сообщеніями Аберкромби, который въ 1885 году посѣтилъ пещеры на холмѣ Гомантонъ, на островѣ Борнео. На Гомантонѣ саланганы, вмѣстѣ съ летучими мышами живутъ въ двухъ пещерахъ, лежащихъ одна надъ другой, изъ которыхъ нижняя образуетъ помѣщеніе въ 130 м., а верхняя—отъ 200—300 м. вышиною. Здѣсь гнѣзда собираются тѣмъ-же вышеописаннымъ способомъ, даже на самой головокружительной высотѣ потолка. Поселившіеся въ пещерахъ собиратели гнѣздъ увѣрили Аберкромби, что два рода птицъ строятъ бѣлыя или свѣтлыя гнѣзда, а третій родъ—черныя гнѣзда; они приносили ему также три сорта яицъ, ясно различавшихся величиною и положенныхъ очевидно тремя различными видами саланганъ. «Если свѣдѣніе это вѣрно», говоритъ нашъ наблюдатель, «то надо полагать, что видъ, который кладетъ большія яйца, строитъ бѣлыя гнѣзда, птицы съ яйцами средней величины строятъ красноватыя гнѣзда, и наконецъ маленькія яйца принадлежатъ птицамъ съ темными гнѣздами». Но онъ сейчасъ-же упоминаетъ о томъ, что на Филиппинскихъ островахъ онъ говорилъ съ однимъ нѣмецкимъ ботаникомъ, Робеллиномъ, который зналъ изъ собственныхъ наблюденій пещеры на островѣ Палаванѣ, и сообщалъ ему показанія тамошнихъ собирателей гнѣздъ. Судя по этимъ показаніямъ, бѣлыми бываютъ тѣ гнѣзда, которыя берутъ, пока въ нихъ не положены еще яйца; построенныя потомъ гнѣзда—краснаго цвѣта, и наконецъ въ третій разъ построенныя—чернаго цвѣта. Какъ подтвержденіе этихъ сообщеній могутъ служить показанія Бамфильда въ его отчетѣ о пещерахъ въ Гомантонѣ: онъ говоритъ, что большее количество прекрасныхъ бѣлыхъ гнѣздъ получается въ томъ случаѣ, если ихъ собираютъ вмѣсто двухъ четыре раза въ годъ. Кажется теперь считается уже рѣшеннымъ, что въ Гомантонѣ изъ верхней пещеры получаютъ гнѣзда чище цвѣтомъ и потому болѣе цѣнныя, чѣмъ изъ нижней пещеры, и что даже въ одномъ и томъ-же помѣщеніи гнѣзда, снятыя съ самыхъ высокихъ сводовъ, оказываются лучшаго качества, чѣмъ тѣ, которыя добыты на нижнихъ частяхъ стѣнъ.

По Аберкромби (1885) одинъ англійскій фунтъ лучшихъ бѣлыхъ гнѣздъ цѣнится на сѣверномъ берегу Борнео по меньшей мѣрѣ въ 50 марокъ, а въ Гонконгѣ уже въ 200 марокъ. Приблизительно 70 гнѣздъ вѣсятъ 1 фунтъ, а чтобы сварить супъ для одного человѣка—надо три гнѣзда. За фунтъ запачканныхъ черныхъ гнѣздъ платятъ 2—3 марки. За красныя гнѣзда, смотря по ихъ качествамъ, платятъ половину или треть стоимости бѣлыхъ гнѣздъ.

Самымъ послѣднимъ семействомъ дятло-воробьиныхъ птицъ мы считаемъ семейство **Мышанокъ** или **Колій** (Coliidae. Mäusevögel), которое состоитъ изъ 10 извѣстныхъ видовъ, живущихъ въ Африкѣ. Онѣ сильно отличаются отъ прочихъ птицъ и потому натуралисты ихъ причисляли то къ одному, то къ другому отряду. Линней относилъ ихъ къ воробьинымъ, между тѣмъ какъ другіе орнитологи не могли найти для нихъ опредѣленнаго мѣста въ системѣ. Свэйнсонъ ставилъ ихъ рядомъ съ бананоѣдами, но мы слѣдуемъ указаніямъ Фюрбрингера, который считаетъ ихъ подотрядомъ дятло-воробьиныхъ птицъ.

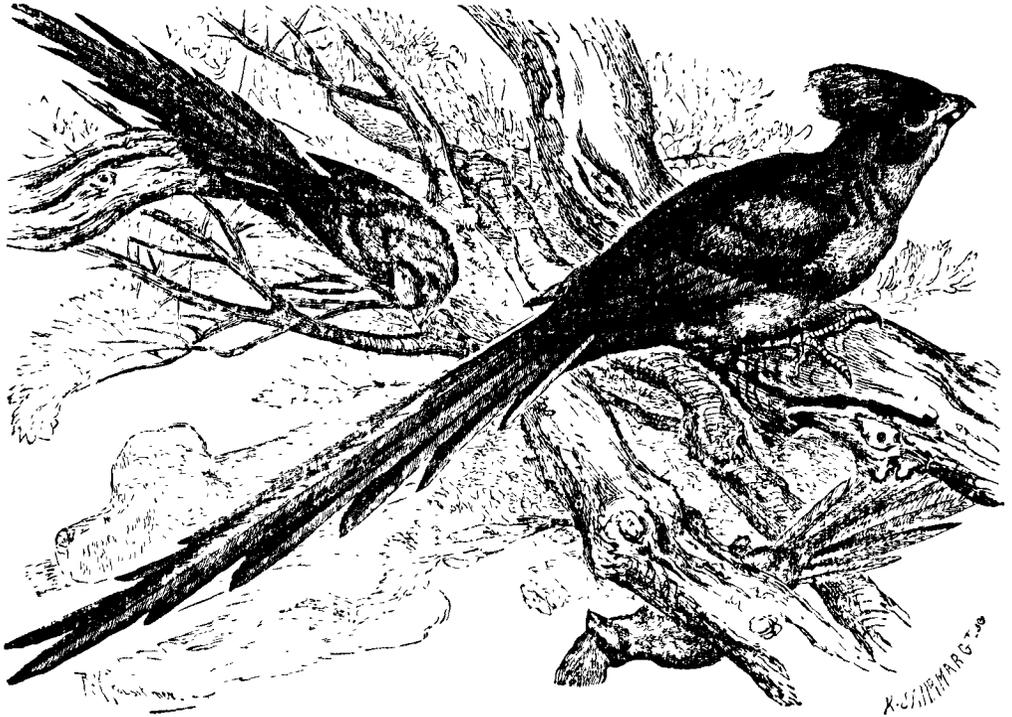
Всѣ мышанки такъ похожи между собой, что слѣдуетъ считать семейство состоящимъ изъ одного рода, который невозможно подраздѣлить на нѣсколько родовъ. Туловище у нихъ удлиненное, почти цилиндрическое, мускулистое, клювъ короткій, толстый, у основанія загнутый крючкомъ, а на концѣ нѣсколько сплюснутый съ боковъ. Верхняя челюсть образуетъ небольшой крючекъ надъ нижней. Ноги имѣютъ короткія плюсны, но длинныя пальцы; крылья коротки и сильно закруглены, 4-ое, 5-ое и 6-ое маховыя перья длиннѣе прочихъ; хвостъ болѣе, чѣмъ вдвое длиннѣе туловища. Къ особенностямъ этихъ птицъ относится устройство ногъ и особое строеніе оперенія. Всѣ четыре пальца на ногахъ могутъ быть обращены впередъ, но оба крайнихъ пальца иногда обращены и назадъ; опереніе, покрывающее тѣло, необыкновенно вѣжно и отдѣльныя бородки перышекъ похожи на волосы млекопитающихъ. Двѣнадцать длинныхъ рулевыхъ перьевъ, напротивъ того, поражаютъ своею удивительною твердостью. Каждое изъ этихъ перьевъ состоитъ изъ очень крѣпкаго стержня, по сторонамъ котораго расположены узкія и твердыя бородки. Среднія рулевыя перья по крайней мѣрѣ въ четыре раза длиннѣе наружныхъ, такъ что хвостъ принимаетъ ступенчатый видъ, едва-ли встрѣчающійся у другихъ птицъ. Преобладающимъ цвѣтомъ оперенія является трудно опредѣляемый изжелта сѣрый, который переходитъ болѣе или менѣе въ красноватый или пепельно-сѣрый. Цвѣтъ и строеніе оперенія и послужили главнымъ образомъ причиной, что птицъ этихъ назвали мышанками. Во время моего путешествія въ Африку я познакомился съ двумя видами этихъ странныхъ птицъ, но нашелъ, что онѣ настолько похожи между собой по привычкамъ и образу жизни, что достаточно описать одинъ изъ нихъ, чтобы познакомиться со свойствами всего рода.

Мышанка длиннохвостая (*Colius macrourus* или *senegalensis*, *Lanius* и *Urocolius macrourus*, Mäusevogel. Colioides) достигаетъ длины 34 см., размахъ крыльевъ 29, длина крыла 10, а хвоста 24 см. Преобладающимъ цвѣтомъ является нѣжный рыжевато-сѣрый, который на темени принимаетъ болѣе желтый оттѣнокъ, а на подбородкѣ и срединѣ горла грязновато-бѣлый; нижняя часть груди рыжевато-сѣрая; на срединѣ затылка замѣчается ярко-голубое пятно. Плечи и покровныя перья крыльевъ пепельно-сѣрыя. Маховыя и рулевыя перья у основанія окрашены въ коричнево-красный цвѣтъ, а на концѣ въ землистый бурый. Глаза красно-бурые и окружены блестящимъ малиново-краснымъ голымъ мѣстомъ, которое доходитъ до основанія клюва и образуетъ родъ уздечки; клювъ на концѣ черный, ноги кораллово-красныя. Самка и самецъ по окраскѣ другъ отъ друга не отличаются.

Область распространенія мышанокъ занимаетъ большую часть Африки: на сѣверо-востокъ отъ южной Суданъ и страны Богосовъ до области истоковъ Нила, а на западъ отъ Сенегамбій до области Дамара. Я прежде всего нашелъ ее въ юж-

ной части степи Баюда, а затѣмъ во всѣхъ частяхъ Восточнаго Судана, гдѣ мнѣ пришлось побывать; Рейглингъ находилъ эту птицу какъ въ равнинахъ, такъ и на горахъ Абиссиніи до 2000 м. высоты, но въ верхнихъ частяхъ Бѣлаго Нила ее уже не встрѣчалъ, почему полагаетъ, что мышанки далеко на югъ не залетаютъ.

Мышанки, повидимому, живутъ только въ Африкѣ, такъ какъ предположеніе старыхъ писателей, что ихъ находили также и въ Индіи, до сихъ поръ еще не подтвердилось. Онѣ живутъ въ средней и южной Африкѣ, а на сѣверѣ ихъ совсѣмъ нѣтъ, хотя любимыя ихъ деревья хорошо произрастаютъ и тамъ; ихъ стаи можно только встрѣтить на лѣсистыхъ равнинахъ средней Африки. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ первобытнаго лѣса онѣ довольно обыкновенны и часто встрѣчаются въ городахъ восточней Африки и на фермахъ Капской колоніи. Нѣкоторые виды можно встрѣ-

Мышанка длиннохвостая. *Colius macrourus*. 1/2 наст. вел.

тить только въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, другіе-же распространены отъ западнаго до восточнаго берега Африки и отъ 16° с. ш. до Капской земли. Всѣ виды однако встрѣчаются только тамъ, гдѣ растутъ такія деревья и кусты, которые буквально непроницаемы для другихъ птицъ.

Левальянъ былъ первымъ натуралистомъ, который подробно описалъ этихъ удивительныхъ птицъ. Онъ рассказывалъ о нихъ много страннаго, такъ что всѣ относились къ его показаніямъ недоверчиво и до сихъ поръ еще не вѣрятъ его рассказамъ, а между тѣмъ едва-ли сообщенія его ложны. Я самъ думалъ, послѣ своихъ наблюденій надъ мышанками, что могу возражать Левальяну, но повѣншіе наблюдатели настолько подтвердили его показанія, что я теперь не считаю себя въ правѣ ему противорѣчить.

Всѣ мышанки живутъ семействами или маленькими обществами обыкновенно по шести вмѣстѣ. Онѣ селятся въ садахъ или въ частяхъ лѣса и ежедневно обле-

таютъ съ извѣстной правильностью довольно большое пространство. Для жилища во всякомъ случаѣ онѣ избираютъ ту часть своего участка, гдѣ больше всего густыхъ кустарниковъ. Тому, кто не познакомился по личнымъ наблюденіямъ съ растительнымъ царствомъ тропическихъ странъ, трудно составить себѣ понятіе о тѣхъ деревьяхъ и кустарникахъ, которыя наиболѣе удобны для жительства мышанокъ. Самъ по себѣ уже довольно густой кустъ или вѣтвистое дерево, въ большинствѣ случаевъ кромѣ того еще покрытое шипами, настолько обростаетъ чужеродными растеніями, что вѣтви совершенно перебиты ими и отъ настоящаго дерева развѣ кое-гдѣ замѣчается вѣтвь, проникающая сквозь постороннія растенія. Сѣть, образованная этими ползучими растеніями, такъ густа, что не только непроницаема для человѣка и другихъ млекопитающихъ, но въ ней даже трудно прорѣзать отверстіе большимъ охотничьимъ ножомъ. Птица, которая прячется въ такой кустъ, найдетъ здѣсь полную защиту отъ выстрѣла охотника, который ни въ какомъ случаѣ не могъ-бы найти въ этой чащѣ убитое животное, даже если-бы употребилъ на это всѣ свои старанія. Лианы и другія чужеродныя растенія закрываютъ собою значительныя части тропическаго лѣса, такъ что туда никто проникнуть не можетъ, и внутренность этихъ скрытыхъ убѣжищъ остается всегда тайной для человѣка. Описываемыя нами странныя птицы селятся и двигаются въ самыхъ густыхъ кустарникахъ подобнаго рода. Ни одна птица не въ состояніи проникнуть туда, куда свободно пролѣзаетъ мышанка, причемъ движенія ея очень напоминаютъ то животное, отъ котораго она заимствовала свое названіе. Она, какъ мышь, шмыгаетъ черезъ самыя незначительныя отверстія и пролѣзаетъ между вѣтвями, разстояніе которыхъ такъ незначительно, что туловище птицы едва-едва между ними помѣщается. Общество мышанокъ появляется на поверхности такого куста и на короткое время здѣсь прицѣпляется; затѣмъ сейчасъ-же птицы находятъ отверстіе и въ одно мгновеніе исчезаютъ во внутренности чащи. Если есть возможность обойти этотъ кустъ, то черезъ нѣкоторое время можно замѣтить на противоположной сторонѣ высунувшуюся головку птицы, затѣмъ туловище ея и наконецъ появляется и вся птица. Раздается громкій крикъ и стая быстро перелетаетъ ко второму кусту, гдѣ исчезаетъ точно такимъ-же образомъ. Наблюдателю трудно понять, какъ птицы могли проникнуть во внутренность куста: для этого нужна истинно мышиная ловкость. Полетъ мышанокъ походить то на порханіе, то на пареніе съ распущенными крыльями и нѣсколько расширеннымъ хвостомъ, который похожъ на шлейфъ. Левальянъ очень удачно сравниваетъ стаю этихъ птицъ съ летищими стрѣлами, и дѣйствительно, летящая по воздуху мышанка очень похожа на пущенную стрѣлу. Птицы эти никогда не поднимаются на значительную высоту и точно также никогда не садятся на землю. Вся стая во время полета кричитъ сообща, а каждая отдѣльная птица издаетъ трескучій звукъ, похожій на слоги «кирр-кирр» или «три-три», но такъ какъ всѣ кричатъ вмѣстѣ, то все смѣшивается въ непередаваемый словами шумъ.

Левальянъ рассказываетъ, что мышанки для отдыха привѣшиваются по нѣскольку вмѣстѣ гроздеобразно къ вѣтвямъ, при чемъ одна птица прицѣпляется къ другой на подобіе роящихся пчелъ и свѣшиваются головами внизъ. Я самъ этого никогда не видалъ, но Верро утверждаетъ, что наблюдалъ, какъ одна птица привѣшивается одной лапой, другая прицѣпляется къ первой, третья схватываетъ свободную ногу второй и такимъ способомъ образуются цѣпи въ 6—7 штукъ птицъ, которыя висятъ на одной вѣтви; такимъ образомъ Верро исполнѣ подтверждаетъ слова Левальяна. По моимъ наблюденіямъ, мышанки во время сна принимаютъ совершенно своеобразное положеніе, именно не захватываютъ только

сучек пальцами, но ложатся на него всею грудью. Так какъ въ подобномъ положеніи пяточные суставы ногъ сильно согнуты и основанія пальцевъ плотно прилегаютъ къ туловищу, то можно дѣйствительно подуматъ, что птица виситъ на вѣткѣ, а на самомъ дѣлѣ она только лежитъ на ней. Двигаясь по вѣтвямъ, мышанки часто принимаютъ такое-же положеніе, какъ наши синицы, т. е. привѣшиваются къ вѣтвямъ снизу, но остаются въ такомъ положеніи лишь короткое время.

Пехуэль-Леше рассказываетъ слѣдующее объ одномъ видѣ мышанокъ, которыхъ онъ наблюдалъ въ Нижней Гвинее. «Эти веселыя птички летаютъ маленькими стаями, издавая негромкое, но очень рѣзкое щебетанье и всегда перелетаютъ въ прямомъ направленіи отъ одной чаши къ другой. Полетъ ихъ настолько быстръ, что не успѣешь замѣтить быстро несущуюся птицу и удивленно оглядываешься, услыхавъ странный шумъ, издаваемый ими. Онѣ причутся въ колючемъ кустарникѣ степей, быстро исчезаютъ въ непроницаемой чащѣ растений и совершенно неожиданно вылетаютъ оттуда, чтобы летѣть дальше. Въ довольно обширномъ пространствѣ, покрытомъ кустами, ихъ никогда нельзя увидать, такъ какъ пока наблюдаешь ихъ съ одной стороны, онѣ уже давно вылетѣли съ другой. Въ менѣе густыхъ частяхъ куста ихъ кое-гдѣ можно увидать, но онѣ шмыгаютъ такъ быстро, что трудно ихъ рассмотреть и остаешься въ сомнѣніи, была-ли это птица, какое-либо другое животное, или тѣнь. Все это въ высшей степени затрудняетъ наблюденія надъ мышанками, живущими на свободѣ. Мы ихъ часто держали въ довольно большомъ числѣ, въ клеткахъ, въ факторіи Чинчочо. Онѣ лазали по вѣтвямъ деревьевъ, поставленныхъ въ клеткахъ, а для сна въя привѣшивались тѣсною толпой къ жердочкамъ, изъ которыхъ состояли стѣнки клетокъ; при этомъ онѣ образовывали такіе грозды, что даже мертвыя птицы не вываливались изъ нихъ и были удерживаемы живыми птицами до тѣхъ поръ, пока весь клубокъ не разлетался».

Левальянъ дальше рассказываетъ, что мышанокъ очень нетрудно словить, если только узнаешь, гдѣ онѣ ночуютъ: стоитъ только ночью или рано утромъ подойти къ кусту и захватить весь клубокъ спящихъ птицъ. Онѣ находятся въ такомъ оцѣпенѣніи, что ни одна изъ нихъ не улетаетъ. Считаю почти излишнимъ сказать, что я не вѣрю въ возможность подобнаго оцѣпенѣнія птицъ и мои собственные наблюденія ни въ чемъ не подтверждаютъ подобнаго страннаго поведения птицъ. Мышанки дѣйствительно не очень пугливы и охотнику нетрудно перестрѣлять всю стаю, такъ какъ раньше, чѣмъ послѣдняя птица подумаетъ о спасеніи, охотникъ успѣетъ уже ихъ всѣхъ убить. Ихъ можно назвать очень доверчивыми, но онѣ все-таки не такъ глупы, чтобы дозволить себя схватить руками. Ихъ пребываніе въ густыхъ кустарникахъ, которые недоступны врагамъ, дѣлаетъ ихъ очень неосторожными, но однако онѣ умѣютъ хорошо отличить опасное животное отъ неопаснаго, а залетѣвши въ сады, онѣ дѣлаются даже довольно пугливыми.

Пища мышанокъ состоитъ, повидимому, только изъ растительныхъ веществъ. Я прежде думалъ, что онѣ ѣдятъ и насѣкомыхъ, но во время моего послѣдняго путешествія въ Абиссинію, я изслѣдовалъ желудки всѣхъ убитыхъ мною мышанокъ и находилъ въ нихъ только листья, почки, кусочки плодовъ и мягкія сѣмена. Въ средней Африкѣ главная пища ихъ состоитъ изъ плодовъ падуба (*Plexa aquifolium*). Въ садахъ онѣ нападаютъ на винныя ягоды и виноградъ, а, по наблюденіямъ Гармана, ѣдятъ также сладкіе лимоны. При ѣдѣ онѣ принимаютъ различныя положенія, какъ наши синицы привѣшиваются къ вѣтвямъ снизу или къ са-

мымъ плодамъ. Въ средней Африкѣ на нихъ никто не жалуется, а въ южной, говорятъ, онѣ иногда приносятъ вредъ садамъ, такъ какъ тамъ птицы эти встрѣчаются въ большомъ количествѣ. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что ихъ никакими средствами не удержишь, если онѣ пожелаютъ проникнуть въ садъ: онѣ найдутъ лазейки, чтобы проникнуть даже въ закрытыя помѣщенія.

Гнѣзда мышанокъ были описаны прежде всего Левальномъ, а позднѣе Гюрнеемъ, Гартманомъ, Андерсономъ и Гейглиномъ. Первый изъ нихъ говоритъ, что гнѣздо имѣетъ форму конуса, свито изъ разныхъ кореньевъ, или-же выложено внутри и привѣшено въ самомъ густомъ кустарникѣ, причемъ одно гнѣздо виситъ около другого, такъ что общественность птицъ не прекращается даже во время размноженія. По Гартману, гнѣздо свито изъ степной травы, волоконъ луба, шерстистыхъ листьевъ и цвѣточныхъ стеблей, а внутри выстлано растительнымъ пухомъ; Гюрней же говоритъ, что гнѣздо снаружи покрыто зелеными свѣжими листьями и полагаетъ, что такимъ образомъ получается извѣстная степень сырости, которая необходима при высиживаніи яицъ. Гейглинъ нашелъ гнѣзда мышанокъ въ дождливое время года въ садахъ Хартума; они были привѣшаны къ гранатнымъ кустамъ и винограднымъ лозамъ, были очень малы, плоски, неплотно сплетены и состояли изъ сухой травы, соломы, луба и корней. Въ гнѣздахъ этихъ находятъ отъ 2—3 довольно тупыхъ яицъ съ тонкой бѣлой скорлупой, покрытой немногими, но очень ясными бурыми пятнышками и полосками; длина ихъ 17 м.м., а ширина 14 м.м. Андерсонъ также утверждаетъ, что мышанки всегда несутъ по три яйца. Другихъ наблюденій о размноженіи этихъ птицъ привести нельзя.

Въ Канской колоніи усердно ловятъ мышанокъ во-первыхъ потому, что онѣ вредны для садовъ, а во-вторыхъ потому, что онѣ доставляютъ вкусное мясо. Ихъ часто ловятъ и живыми, но Левальнъ говоритъ, что мышанки въ клеткахъ не особенно привлекательны. Онѣ ложатся грудью на полъ клетки и здѣсь тяжело ползутъ, прижимаясь къ полу животомъ, или привѣшиваются къ жердочкамъ и висятъ внизъ головою по цѣлымъ часамъ. Другіе наблюдатели однако высказываютъ иное мнѣніе и утверждаютъ, что въ неволѣ эти птицы довольно живы и занимательны.
